

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮЛЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ (Картинки провинціальной жизни). . . . . . О. Н. Ольнемъ.
2. *** Стихотвореніе . . . . Леонида Б.
3. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВЪ. Рылѣевъ. . . . Н. А. Котляревскаго.
4. МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ, КАКЪ ФАКТОРЪ ВЪ БОРЬБѢ. . . . . Вл. Вагнера.
5. У ЗЫРЯНЪ. Очерки. . . . . П. Щукина.
6. ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ. Повѣсть. Перев. съ испанскаго. М. В. Ватсонъ. . В. Б. Ибаньеса.
7. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. . . . . С. Н. Южакова.
8. «БЕЗЪ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАГО ЦЕНЗА» (Изъ путевыхъ впечатлѣній). С. Я. Елпатьевскаго.
9. ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА. Романъ (продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго Р. Б. (Въ приложеніи). . . . . Конрада Тельмана.
10. НАШЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ съ соціально-экономической точки зрѣнія. Окончаніе. . . . Николая—она.
11. КОСИЛКИ (Картинки сельско-хозяйственной жизни). . . . . . . Л. Ефимовича.
12. БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ О ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ . . . . Д. А. Клеменца.
13. НОВЫЯ КНИГИ:
И. Ѳ. Генигинъ. Прибалтійскіе напѣвы. — Робкіе звуки. Стихотворенія Ольги Лье. — Нижегородскій сборникъ.—С. А. Ан—скій.

(См. 2-ую стр. обложки).

Разсказы.—Ю. Л. Елецъ. Изъ моихъ скитаній.—Л. Волковъ. Что нужно? Война и наша полуинтеллигенція.—Библіотека Горбунова-Посадова: Павлиній Глазъ, Капитанъ Январь.—Библіотека нашихъ дѣтей: сестра Вѣрочка.—Библіотека для семьи и школы: Весенніе гости, Сударь Пантелей, Княжой отрокъ.—Русскія былины въ изданіи Жиркова, съ рисунками.—Келеръ. Правдивое слово.—Фр. Іодль. Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. — Иммануилъ Кантъ. Рѣчи Риля и Виндельбанда. — С. Р. Минцловъ. Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. — С. А. Поспѣловъ. Въ снѣгахъ восточной Сибири.—Д. А. Пахомовъ. Два старика.—Е. К. Сомова. Басни въ лицахъ.—Александръ Бычковъ. Систематическій указатель статей и книгъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

14. ПОЛИТИКА: Около войны.—Около мира. — Франко-германскій конфликтъ. — Австро-Венгерскій конфликтъ. — Шведо-норвежскій конфликтъ.—Текущія событія.—Некрологъ Элизе Реклю . . . . **С. Н. Южакова.**

15. ИЗЪ АНГЛІИ. . . . . **Діонео.**

16. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: XVII. Точки и многоточія.—XVIII—XIX. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.—XX. Сущность аграрной проблемы.—XXI. Лебедь, щука и волъ (по поводу статьи г. Николая—она) **А. В. Пѣшехонова.**

17. СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ: Красный Крестъ въ борьбѣ съ „дурнымъ поведеніемъ". **Н. Беккаревича.**—Изъ исторіи крестьянскаго представительства. **С. Ефремова.**—Изъ разсужденій о всеобщемъ избирательномъ правѣ. **М. Камнева.** — Страница изъ Гоголя. **С. Ю.**—Новые опыты упрощеннаго міровоззрѣнія. **Эль-Эмъ.**

18. ДЕМОКРАТИЗМЪ и ВТОРАЯ ПАЛАТА. . . . . **П. Н. Милюкова.**

19. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ІЮЛЬ 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Д волено цензурою. С.-Петербургъ, 27 іюля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Передъ разсвѣтомъ** (Картинки провинціальной жизни). *О. Н. Ольнемъ*	3— 43
2.	*** Стихотвореніе *Леонида Б.*	43
3.	**Литературная дѣятельность декабристовъ.** Рылѣевъ. *Н. А. Котляревскаго*	44— 82
4.	**Материнская любовь, какъ факторъ въ борьбѣ.** *Вл. Вагнера*	83—112
5.	**У зырянъ.** Очерки *П. Щукина.*	113—142
6.	**Проклятое поле.** Повѣсть. *В. Б. Ибаньеса.* Перев. съ испанскаго М. В. Ватсонъ.	143—190
7.	**Изъ переписки Глѣба Успенскаго.** *С. Н. Южакова*	191—196
8.	**«Безъ образовательнаго ценза».** *С. Я. Елпатьевскаго*	197—204
9.	**Что есть истина.** Романъ (продолженіе). *Конрада Тельмана.* Переводъ съ нѣмецкаго Р. Б. (Въ приложеніи).	33— 80
10.	**Наше общественное пробужденіе** съ соціально-экономической точки зрѣнія. *Николая —она* .	1— 22
11.	**Косилки** (Картинки сельско - хозяйственной жизни). *Л. Ефимовича.*	22— 36
12.	**Бѣглыя замѣтки о желтой опасности.** *Д. А. Клеменца.*	36— 56
13.	**Новыя книги:** И. Ѳ. Генигинъ. Прибалтійскіе напѣвы.—Робкіе звуки. Стихотворенія Ольги Лье.—Нижегородскій сборникъ.—С. А. Ан—скій. Разсказы.—Ю. Л. Елецъ. Изъ моихъ скитаній.—Л. Волковъ. Что нужно? Война и наша полуинтеллигенція.—Библіотека Горбунова-Посадова: Павлиній глазъ, Капитанъ Январь. — Библіотека нашихъ дѣтей: сестра Вѣрочка.—Библіотека для семьи и школы: Весенніе гости, Сударь Пантелей, Княжой отрокъ.—Рус-	

(*См. на оборотѣ*).

скія былины въ изданіи Жиркова, съ рисунками.—Келеръ. Правдивое слово.—Фр. Іодль. Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе.—Иммануилъ Контъ. Рѣчи Риля и Виндельбанда.—С. Р. Минцловъ. Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ.—С. А. Поспѣловъ. Въ снѣгахъ восточной Сибири.—Д. А. Пахомовъ. Два старика.—Е. К. Сомова. Басни въ лицахъ.—Александръ Бычковъ. Систематическій указатель статей и книгъ. — Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . 57— 78

14. **Политика**: Около войны.—Около мира.—Франко-германскій конфликтъ. — Австро-венгерскій конфликтъ.—Шведо-норвежскій конфликтъ.—Текущія событія.—Некрологъ Элизэ Реклю. *С. Н. Южакова* . . . . 79—114

15. **Изъ Англіи**. *Діонео* . . . . 114—140

16. **Хроника внутренней жизни**: XVII. Точки и многоточія.—XVIII — XIX. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.—XX. Сущность аграрной проблеммы.—XXI. Лебедь, щука и волъ (по поводу статьи г. Николая—она). *А. В. Пѣшехонова* . . . . . . 140—177

17. **Случайныя замѣтки**: Красный Крестъ въ борьбѣ съ «дурнымъ поведеніемъ». *Н. Беккаревича*.—Изъ исторіи крестьянскаго представительства. *С. Ефремова*. — Изъ разсужденій о всеобщемъ избирательномъ правѣ. *М. Камнева*. — Страница изъ Гоголя. *С. Ю*.—Новые опыты упрощеннаго міровоззрѣнія. *Эль-Эмъ* . . . . 178—193

18. **Демократизмъ и вторая палата**. *П. Милюкова* . . . 193—210

19. **Отчетъ конторы редакціи** 211

20. **Объявленія**.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Отъ автора. — I. Народъ и его характеръ. Психологія француза. Французское краснорѣчіе. Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX в. Ренегаты и герои убѣжденія. — II. Общественные классы. Французское крестьянство. Несчастный богачъ и счастливые бѣдняки. Безработные. Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи. — III. Наука, литература и печать. Соціологія человѣка-звѣря. О марксизмѣ вообще, по поводу франц. марксизма въ частности. Натурализмъ на службѣ у утопіи. Французская пресса.—IV. Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ. Современное „чертобѣсіе". Шовинистская и клерикальная реакція. Дѣло Дрейфуса (Торжество военщины. Идейное пробужденіе. Реннскій процессъ и его міровой характеръ). Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи. Французскій парламентаризмъ и его критики. Эволюція политическихъ партій. Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ I. *Второе* изд. 1903 г.— 311 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Томъ III. Изд. 1903 г.— 316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Томъ I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Томъ II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Post-scriptum (отъ автора).

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).— Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ). — Современныя миніатюры (Гг. Минскій, Андреевскій, Фругъ, Льдовъ, Фофановъ, Коринфскій, Чюмина, Облеуховъ, Бальмонтъ, Брюсовъ, Танъ, Соловьевъ, Allegro, Ѳедоровъ, Бунинъ, Лохвицкая, Щепкина-Куперникъ, Галина). О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Томъ II. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ

7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Томъ III. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Томъ IV. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

Томъ V. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

Томъ VI. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". Братья Курочкины, Ножинъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, Демертъ, Минаевъ. — „Гласный судъ", „Современ. обозрѣніе", „Отеч. Записки". — Некрасовъ.—Романъ „Борьба" и статья „Что такое прогрессъ". Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Некрасовъ, какъ человѣкъ.— Фетъ о Салтыковѣ. Изъ переписки и дневника Шелгунова. Шелгуновъ и Позднышевъ. „Исторія новѣйшей русской литературы" А. М. Скабичевскаго. — П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ". — Въ одной изъ толстовскихъ колоній. Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ. Толстой и г. Мечниковъ, какъ гигіенисты. О естественномъ и неестественномъ. О задачахъ науки. О будущемъ женщинъ и женскаго вопроса. Люди, владѣющіе перомъ и перомъ владѣемые. Двоякаго рода эпигоны. Г. Сементковскій о нашемъ недавнемъ прошломъ.—„Книга о книгахъ". Воспоминаніе объ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. Ошибки исторической перспективы. „Черезъ сто лѣтъ", Беллами и „Крушеніе цивилизаціи" Буажильбера".—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства. О мозаичности культуры. Славянофилы, „Моск. Вѣдомости", „Гражданинъ" и благонамѣренность. Изъ поѣздки по Волгѣ и изъ исторіи русской цензуры.— Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Оптимистическій и пессимистическій тонъ. Марксъ Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч. Русское отраженіе франц. символизма. О разныхъ типахъ празднословія. Объ исторической критикѣ. Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". Основы народничества г. Юзова. — Памяти Тургенева. О народничествѣ г. В. В. Братство народовъ.—О молодости. О гг. П. Ковалевскомъ и Сениговѣ.

Смерть Гайдебурова. Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. Гегелизмъ и гальванизмъ. О діалектическомъ развитіи и тройственныхъ формулахъ прогресса. О разсказахъ гг. Григоровича и Мамина-Сибиряка. О силѣ привычки вообще, у писателей въ частности. О гр. Л. Н. Толстомъ.—Нѣчто о бѣдствіяхъ существенныхъ и красныхъ вымыслахъ. Фламмаріонъ, Мечниковъ и Бертело о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Будущія бородатыя женщины г. Брандта. „Выдающаяся женщина" г. Ардова и Раскольниковъ Достоевскаго.—О „Литературномъ обществѣ" и нашихъ литературныхъ нравахъ. О системахъ морали. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Томъ I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.
— ОТКЛИКИ. Томъ II. Изд. 1904 г.—432 стр. Ц. 1 р. 50 к.
— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к.
— " " Томъ II. Ц. 1 р. 50 к.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. МЫТАРСТВА.—Т. I. Ц. 75 к.
— СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Т. II. Ц. 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Недодѣланное дѣло. — Изъ хроники голодныхъ лѣтъ. — Современные аргонавты. — Торгово-промышленныя дѣла и дѣятели.—По поводу одного аграрнаго закона.—Централизація экономической власти.—Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ.—Неудавшійся праздникъ.—Пора рѣшить. — Уединенная реформа.—Изъ земской жизни: 1) Земцы новой формаціи.—2) Кризисъ въ земской статистикѣ.—Господа ремесленники и ихъ комментаторы.—Самарскій мужикъ въ новомъ освѣщеніи. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти.—Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ провинціи. *Н. К. Михайловскаго.*—У святыхъ могилокъ. Эскизъ. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*—На службѣ обществу. *Л. Мельшина.*—Современная Миньона. *Н. Сѣверова.*—Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. *В. I. Дмитріевой.*—Маруся. Разсказъ. *В. Г. Короленко.* — Стихотворенія. *В. Г.* Послѣдній выборъ. Романъ. *Р. Штратцъ* (съ нѣмецкаго).

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

А. С. Пушкинъ. *П. Ф. Гриневича.*—Муки слова. *А. Г. Горнфельда.*—А. С. Пушкинъ и его письма. *Е. А. Ляцкаго.*—Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. Мякотина.*—Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. *П. Н. Милюкова.*—Покупательныя силы крестьянства. *А. В. Пѣшехонова.*—О классицизмѣ филологическомъ и идейномъ. *Н. Е. Кудрина.*—Людвигъ Бюхнеръ. *В. В. Лункевича.* — Неудавшійся праздникъ. *Л. В. Пѣшехонова.*—Правители и властители современной Европы. *С. Н. Южакова.*

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.
— СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II (1898—1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.
— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Съ приложеніемъ образцовъ юмористической поэзіи. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ. Произведеніямъ почти каждаго поэта предпослана краткая характеристика.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—276 стр. Ц. 1 руб.

Продолжается подписка на 1905 годъ

(XIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Вл. Г. КОРОЛЕНКО**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Реуса, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., на 1/2 года **5** р.; безъ доставки въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ **8** р., на 1/2 года **4** р.; за границу **12** р., на 1/2 года **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Гагарина.*
Въ Кіевѣ — въ отдѣленіи конторы — *Крещатикъ, 14, кв. 11, у А. А. Соколовскаго.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

ПОДПИСКА ВЪ КРЕДИТЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

(Картинки провинціальной жизни).

IX.

Съ пріѣздомъ Палладія Ильича въ домѣ у отца Ильи водворилось скучное настроеніе, которое рѣзче всего отразилось на Петрѣ Ильичѣ. Скука эта не походила на благодушную сельскую истому, вытекающую изъ однообразія деревенскихъ впечатлѣній. Въ настроеніи, привезенномъ Палладіемъ, было что-то педантическое, строгое, преднамѣренно-обременительное. Палладій Ильичъ много работалъ. Не разгибаясь часами просиживалъ онъ надъ священными и миссіонерскими книгами, и, глядя на него, каждый сознавалъ обязанность поусерднѣй заниматься своей работой. За обѣденнымъ столомъ или молчали, или разговаривали о сектантахъ, о миссіонерахъ, о дѣлахъ духовнаго вѣдомства. Петръ Ильичъ началъ убѣгать изъ дому къ Ксеніи Адріановнѣ. Также, какъ ея отцу, онъ читалъ вслухъ Ксеніи Адріановнѣ газеты и книги, ходилъ съ нею на прогулки въ петельковскій лѣсъ—за четыре версты отъ деревни—и дальше. Ксенія Адріановна была въ его глазахъ какъ бы продолженіемъ Адріана Павловича, и такъ какъ продолженіе это воплощалось въ лицѣ не совсѣмъ старой и еще привлекательной женщины, а Петръ Ильичъ вообще любилъ женское общество, то красный флигель притягивалъ его, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ при Адріанѣ Павловичѣ. Временами,—особенно, когда Ксенія Адріановна улыбалась,—она нравилась Петру Ильичу, какъ женщина. Но тогда онъ напоминалъ себѣ о своемъ намѣреніи обуздывать присущее ему легкое отношеніе къ женщинамъ и вспоминалъ также, что Ксенія Адріановна года на три старше Палладія. Слѣдовательно, ей тридцать три, а то и тридцать четыре года. При этомъ вычисленіи Петръ Ильичъ ощущалъ вчужѣ нѣкоторую неловкость при мысли, что такой—всетаки еще интересной—дамѣ и уже такъ много лѣтъ... Чаще же

всего онъ не замѣчалъ въ ней женщины, а тѣмъ болѣе дамы, и искалъ у нея убѣжища отъ домашней скуки.

Ксенія Адріановна въ китайскомъ капотѣ сидѣла на верхней ступени крыльца. Не успѣлъ Петръ Ильичъ поздороваться съ нею, какъ за деревьями, заслоняющими ворота, замелькали лошади и экипажи. Катили три фаэтона съ желѣзнодорожной станціи, въ которыхъ сидѣли мужчины и дамы, всѣ нарядно, по городскому одѣтые.

По тихому парку зазвучало:

— Стой, стой!

— Здѣсь! Сюда!

— Тпрру! Стой!

— А вотъ и она сама... отшельница!

— Въ своемъ горделивомъ одиночествѣ!

— Ага? Нашли васъ, не спрятались?

— Ксенія Адріановна, дорогая... Не ждали?

Кричали одновременно въ нѣсколько голосовъ, но одинъ раскатисто-низкій басовой голосъ заглушалъ остальные.

— Кариссима! Сестричка! Мое почтеніе!—повторялъ онъ изъ фаэтона, подъѣхавшаго вторымъ по счету.—„Сальве дги мора, каста э пура!"—тянулъ басовой голосъ нарочито русскимъ произношеніемъ.

Смѣшанные голоса продолжали:

— Эка прелесть у васъ какая!

— Дорогая, мы къ вамъ на цѣлую недѣлю...

— Закончили турнэ въ Харьковѣ,—и къ вамъ на отдыхъ...

— Рада—не рада, принимайте!

— Друзьямъ-то да не рада!?—только и успѣла прокричать Ксенія Адріановна, впадая въ общій повышенно-громкій, веселый и нѣсколько вульгарный тонъ.—Прошу... прошу, пожалуйте!

Изъ перваго фаэтона вышелъ молодой шатенъ съ бритымъ лицомъ и полузакрытыми глазами. Онъ помогъ сойти на землю разряженной полной дамѣ, повторявшей слово: дорогая.

— Да у васъ найдется ли, гдѣ размѣстить нашу ораву?—спросилъ онъ.

— Ну, вотъ еще! Размѣстимся.

— Мужской персоналъ гдѣ-нибудь на сѣновалѣ водворяйте!—затрубилъ басъ сзади.

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите!—остановила его полная дама.

— Обойдемся и безъ сѣновала, — говорила Ксенія Адріановна.—У меня есть еще одинъ домъ... Пустой... Я васъ тамъ размѣщу, если здѣсь будетъ тѣсно.

— Въ жилищѣ предковъ?—спросилъ басъ.—Бене! „У-сну о-динъ подъ сво-домъ ко-аро-алей“!

— Замѣчаете, господа, какъ это у нея великолѣпно выходитъ: „я“, „у меня“? Ахъ, феодалка!

— Феода-алка!

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите!

— Дорогая! Мы уже были возлѣ пустого дома. Видимъ, въѣздъ, каменные столбы.. и поѣхали... Какая прелесть: дворянское гнѣздо, забытая усадьба...

— „А-аадно-о за-абве-э-энье“:

— Олимпъ Ивановичъ! уймитесь...

— О, бурнопламенный... гдѣ онъ, тамъ и ярмарка.

— Здравствуйте же, здравствуйте... Вотъ не ждала! Ксенія Адріановна цѣловалась и съ мужчинами, и съ женщинами. Всѣ столпились вокругъ нея, и лишь одинъ изъ пріѣхавшихъ, — тотъ, который вышелъ изъ третьяго фаэтона,— молчаливо стоялъ поодаль въ театрально-почтительной позѣ. Снявъ шляпу, онъ ожидалъ своей очереди поздороваться съ хозяйкой. Это былъ оригинально-красивый человѣкъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ цвѣта резеды, съ густыми завитками орѣхово-пепельныхъ волосъ, съ классическимъ изгибомъ рта и смягченно-классическимъ профилемъ. Въ его манерѣ держаться, въ выраженіи глазъ, во всей фигурѣ,— стройной и гибкой,—сказывалось что-то женственно-кокетливое, изнѣженное, избалованное и немного надменное.

Его появленіе особенно изумило Ксенію Адріановну.

— И вы? — удивленно, хотя радушно, спросила она, подходя къ молчаливому гостю.

Онъ шутливо поникъ головой, вздохнулъ съ виноватымъ видомъ и подтвердилъ:

— И я!

Ксенія Адріановна съ нимъ не поцѣловалась, и онъ лишь поцѣловалъ у нея руку, низко склоняя свою курчавую голову.

Извозчики сносили чемоданы, пріѣзжіе толклись на террасѣ, продолжая шумѣть.

— Марфуша! Марфуша! — кричала Ксенія Адріановна.— Самоваръ, Марфуша! Поскорѣе... Сдѣлайте яичницу и... что еще у насъ есть?

— Два самовара, Марфуша! Два! если найдется у феодалки.

— Олимпъ Ивановичъ, помолчите...

— И гроссъ-яичницу, Марфуша! — не унимался Олимпъ Ивановичъ,—колоссально-рослый басъ-яичницу, монстръ-яичницу,—съ это дерево! Я одинъ съѣмъ столько!

— Олимпъ Ивановичъ!

— Ахъ, дорогая...

Дамы не умолкали, не затихалъ и Олимпъ Ивановичъ. У него было открытое симпатичное лицо, на которомъ темно-русая французская бородка никакъ не гармонировала съ расплывчатымъ носомъ и остальными—чисто великорусскими чертами. Олимпъ Ивановичъ, осматриваясь, гудѣлъ:

— Вонъ, гдѣ укрылась отъ свѣта! „Въ горы отъ васъ ухожу я!"—пустилъ онъ могучей октавой.—„Въ горы! оттуда взгляну я весело въ ваши долины!" Вѣрно, кариссима, одобряю... Въ горы!

Красивый пѣвецъ въ зеленоватомъ костюмѣ остановилъ на Петрѣ Ильичѣ пристально-подозрительный взглядъ. Ксенія Адріановна перехватила этотъ взглядъ и вспомнила о Петрѣ Ильичѣ.

— Знакомьтесь, господа, — сказала она гостямъ.—Петръ Ильичъ, молодой другъ моего отца... И мой... Сынъ здѣшняго батюшки.

У всѣхъ пріѣзжихъ были разныя фамиліи, но Петръ Ильичъ не запомнилъ ни одной. Перешли въ комнаты.

Дамы, умываясь, расплескивали воду въ спальной у Ксеніи Адріановны, мужчины выбирали вещи изъ чемодановъ въ кабинетѣ. Олимпъ Ивановичъ кричалъ изъ кабинета:

— Кариссима! Сестричка! Выкупаться бы намъ? У васъ есть купанье? Хоть плохонькое? Далече?

Петръ Ильичъ вызвался проводить мужской персоналъ къ Рѣчищу. Одна изъ пріѣзжихъ дамъ (ихъ было двѣ), не открывая дверей спальной, безпокойно заговорила:

— Алексѣй Алексѣичъ! Поостыньте же, не бросайтесь сгоряча въ воду... Олимпъ Ивановичъ, родимый, присмотрите за нимъ!

— Олимпъ Ивановичъ и за собой не присмотритъ,—возразила другая дама болѣе юнымъ голосомъ.—Лучше Максима Николаевича попросить. Максимъ Николаевичъ!

— Максикъ!—просительно позвала первая.—Присмотрите,родненькій!

Красивый Максикъ съ пепельно-орѣховыми волосами иронически усмѣхнулся и сказалъ дамамъ:

— Слушаю-съ!

По дорогѣ къ Рѣчищу Петръ Ильичъ примѣтилъ Марфушу, опрометью бѣжавшую въ село, вѣроятно—пополнять запасы яицъ и прочихъ продуктовъ. Она бѣжала не улицей, а напрямикъ, черезъ мужицкіе огороды, искусно лавируя среди наклонившихся подсолнечниковъ. Босыя ноги ея,—коричневыя отъ загара,—все стремительнѣй и стремительнѣй ускоряли шаги.

— Не студентъ ли будете?—заговорилъ съ Петромъ Ильи-

чемъ Олимпъ Ивановичъ, который шагалъ такъ широко, что то и дѣло опережалъ остальныхъ спутниковъ. Онъ шелъ впереди своеобразной походкой, въ прискочку, чуть-чуть пріостанавливаясь на каждой ногѣ.—Студентъ? Университетскій?

— Нѣтъ, семинаристъ,—сказалъ Петръ Ильичъ.

— Семинаристъ!? Коллега, вашу руку! Азъ тоже... Хотя некончившій. По проискамъ враговъ и по резолюціи ректора...

При помощи правой руки и колѣна, Олимпъ Ивановичъ сдѣлалъ краснорѣчивый жестъ, наглядно иллюстрировавшій насильственное удаленіе. Потомъ добавилъ, какъ бы рекомендуясь:

— Дьяконскій сынъ, питомецъ воронежскія бурсы и семинаріи... А нынче пою: „У Ка-арла есть вра-аги! Въ гла-авѣ ихъ Генрихъ са-амъ!" И чортъ... сколько пою, а все словъ не помню...

Максимъ Николаевичъ не переставалъ присматриваться къ Петру Ильичу. Петръ Ильичъ раза три встрѣтился глазами съ его упорно разсматривающимъ взоромъ, и каждый разъ Максимъ Николаевичъ поспѣшно отводилъ глаза, въ доказательство, что пристальность его взгляда не умышленная, а случайная.

Петръ Ильичъ привелъ артистовъ къ самому глубокому мѣсту на Рѣчищѣ, гдѣ открывалась порядочная водная поверхность съ рѣчными камышами по краямъ. Максимъ Николаевичъ испугался прибрежнаго ила и не пожелалъ купаться.

— Это все же не рѣка, а болото,—замѣтилъ онъ.—Я погуляю на берегу... Красивое мѣсто.

Отказался купаться и Петръ Ильичъ. Отчего-то ему не хотѣлось раздѣваться передъ этимъ элегантнымъ „Максикомъ", у котораго были такіе любопытные и надменно-печальные глаза. Худощавый, юношески-мускулистый, Алексѣй Алексѣевичъ долго остывалъ на пескѣ. Онъ раздѣвался медленно, съ комической неловкостью горожанина, лишеннаго на лонѣ природы городскихъ удобствъ. За то Олимпъ Ивановичъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Онъ, не остывая, бросился въ Рѣчище, нырялъ, плавалъ, отфыркивался, брызгалъ водою, кричалъ густымъ басомъ Максиму Николаевичу:

— Эхъ вы,—атласистый! Въ энтакой водицѣ, да не купаться? Болото! Вамъ чего же? Мраморными плитами берегъ выстлать прикажете? Ванну съ одеколонами? Съ отрубями? Небось, съ миндальными? И куда вы годитесь послѣ этого? Одно слово: теноръ.

— А вы поделикатнѣе съ тенорами!—напомнилъ съ берега все еще не остывшій Алексѣй Алексѣевичъ.

— А васъ это не касается: вы теноръ другого сорта.

— Второго, вы хотѣли сказать?—обидчиво переспросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Я сказалъ, caro mio, другого, а не второго. Другой не значитъ второй. Другой можетъ быть и первѣйшимъ...

Олимпъ Ивановичъ опять брызгался, нырялъ и выплывалъ на новомъ мѣстѣ, вдали подъ камышами. Его едва уговорили вылѣзть, наконецъ, изъ воды.

X.

Когда шли обратно, возлѣ Рѣтища посырѣло, въ воздухѣ запахло коноплянниками. Олимпъ Ивановичъ шагалъ впереди всѣхъ и говорилъ умиленно:

— Ухъ, славно!.. Деревней пахнетъ, конопелькой, люблю! А еще лучше теперь у насъ, въ Бобровскомъ уѣздѣ. Здѣсь суша, степь, пыльно, зелени мало, а у насъ... Выйдешь это за городъ, на бугоръ, гдѣ мельницы; Битюгъ-батюшка передъ тобою... Зелененькій весь! Дали какія! Хрѣновое видно, церкви кругомъ блестятъ... Городокъ тихонькій, благочестивый... Дома—бревенчатые, люди добрые, сердечные. Безъ подвоха, безъ пакости: каковъ есмь, такимъ и бери меня, а не нравлюсь, не цѣлуй, сдѣлай милость! По девяносто лѣтъ живутъ—и нервы цѣлы. Мостовыхъ нѣтъ: въ дожди на улицахъ не грязь, а сметана... Маслянистая, черненькая... Черноземная.

— Экая красота!—насмѣшливо подтвердилъ Максимъ Николаевичъ.

— Молчите вы... атласистый. Вамъ не понять этого. Поѣхать бы мнѣ въ орѣшники, къ святому колодцу; а не то—отпросить у родителя лошаденку, да катнуть подальше—до самаго Дона. Эхъ, Донъ! Дѣдушка-Донъ... Куда ни глянь, луга свѣжіе... Лѣсокъ шумитъ, горки мѣловыя... Тихо! У парома только: „Да по-да-ай пере-во-озу!" Съ вечера это люди въ поле уходятъ... Мужики, бабы — въ красномъ, картина! Взжж! аа! Взжж! а! Коси коса, пока роса... а пшеница рядками, рядками такъ и ложится. Глазу—просторъ! А какъ ржи зацвѣтутъ! Десятинъ по шестьсотъ въ одномъ кускѣ... Пойдешь за городъ,—колосится она, голубушка... Духъ отъ нея! Васильки синіе...

— Да онъ поэтъ, нашъ Олимпъ Ивановичъ?.. И сколько я не зналъ басовъ, всѣ сентиментальны.

— Эхъ вы... тенора! А мнѣ и зимою часто сонъ снится. Будто иду тропочкой, и мальчишка еще я: босой, рубашенка на выпускъ, такъ... только слава, что одѣтъ. А по сторонамъ

тропочки рожь дозрѣваетъ: зеленая, не пожелтѣла, какъ слѣдуетъ. И впереди курганъ передо мною, и вѣтеръ на дворѣ: нива колышется вся... То она желтая, то серебряная, то зазеленѣетъ... Волна волной! И катитъ волна по кургану, да не сверху, а снизу, на гору взбирается... Я стою и смотрю, и радостно мнѣ! Просыпаться не хочется!..

Алексѣй Алексѣевичъ, прищуривъ свои—и безъ того полузакрытые—глаза, перебилъ разсказчика:

— Ну, въ чемъ же препятствіе? Ѣзжайте туда, въ Бобровскій уѣздъ. До сезона безъ малаго два мѣсяца, нагуляетесь. И экспедиція недорогая, во второмъ классѣ рублей десять...

— Что ужъ! Къ чему я тамъ? Смѣхъ одинъ... Всѣ люди, какъ люди, всякъ на своемъ мѣстѣ, при своемъ дѣлѣ... а я пріѣхалъ—недопеченный. „У Ка-арла есть враги-и!" Проѣздъ—дѣло грошевое, ѣхать зазорно...

Пока мужчины купались, на террасѣ въ красномъ флигелѣ успѣли приготовиться къ чаю.

Вдоль террасы стоялъ длинный столъ съ блюдами творогу и сметаны; кипѣлъ на табуретѣ большой самоваръ, изъ кухни доносился запахъ чего-то вкуснаго. Дамы пили чай. Старшая изъ нихъ разсказывала Ксеніи Адріановнѣ:

— Примадонной у насъ Кованько была. Пѣвица—слабенькая, а капризовъ, фырканья — на три знаменитости съ походцемъ. Не проходило дня, чтобы васъ не вспомнили, дорогая! Эта Кованько — невыносимая; рѣзкая, грубіянка, съ мужчинами — навязчива до неприличія. Предпріимчивость необыкновенная... Даже Алексѣй Алексѣевича не оставила въ покоѣ. Вы его знаете: Алексѣй Алексѣевичъ не любитъ этого, никакого повода съ его стороны... А Кованько — такъ и скачетъ въ глаза!

Говорившая дама была пожилая, но очень занятая своею внѣшностью. Звали ее Христиной Львовной. Завитая, съ подрисованнымъ лицомъ, съ густо-перепломбированными передними зубами, она выглядѣла еще эффектной, не смотря на излишнюю полноту. Некрасивъ былъ у нея лишь ротъ, вдавленный, съ тонкими губами, съ двумя полупрозрачными бородавками надъ плоской верхней губой. На Христинѣ Львовнѣ было легкое платье изъ нѣжно-свѣтлой матеріи одного изъ тѣхъ хорошенькихъ рисунковъ, которые называются „дѣтскими". Она носила много сверкающихъ украшеній: кушакъ съ блестящими пряжками, нѣсколько цѣпочекъ на шеѣ съ часами, брелоками и амулетами, много колецъ и гребенокъ съ искусственными камнями. Говорила Христина Львовна охотно, громко и авторитетно... Другая пѣвица, Анна Модестовна, была помоложе и потише, брюнетка, невысокая,

непритязательно-одѣтая и, безспорно, миловидная. Впрочемъ, при всей миловидности Анны Модестовны, въ ея наружности чего-то недоставало, вѣроятно—умѣнья пользоваться своими природными данными. Этотъ недостатокъ дѣлалъ ее малозамѣтной, убивалъ наповалъ ея миловидность и свѣжесть.

Посидѣвъ немного на террасѣ, Петръ Ильчъ догадался, что Христина Львовна приходится какъ бы женою юному Алексѣю Алексѣевичу, а Анна Модестовна близка съ Олимпомъ Ивановичемъ. Это обнаруживалось само собою, хотя всѣ присутствующіе были на вы другъ съ другомъ и носили разныя фамиліи. Олимпъ Ивановичъ и Анна Модестовна нѣжно переглядывались, а Христина Львовна не спускала глазъ съ Алексѣя Алексѣевича, и, о чемъ бы кто ни заговаривалъ, она фатальнымъ образомъ сводила всякій разговоръ на рѣчь объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ. Кстати и некстати, она произносила его имя, и—произносимое привычной скороговоркой—имя это звучало слитно, какъ: „Асѣй-асѣичъ"...

Красивый теноръ, Максимъ Николаевичъ, держалъ себя и теперь съ полузагадочной молчаливостью. За чаемъ подшучивали надъ Олимпомъ Ивановичемъ.

— И вѣдь какъ размечтался послѣ купанья!—разсказывалъ Алексѣй Алексѣевичъ.—До идилліи дошелъ. Ходить бы, говоритъ, мнѣ во ржи, чтобы босой я былъ, да только слава, что одѣтъ... а кругомъ—васильки, васильки...

— О, бурнопламенный!

— Уѣду, говоритъ, на родину, въ причетники пойду. Можетъ, еще и въ дьяконы выскочу.

— Тогда на Аннѣ Модестовнѣ жениться нельзя: вдовица...

— А какъ же съ оперой, бурнопламенный?—спросила Ксенія Адріановна съ улыбкой.

— Охладѣлъ, сестричка,—сказалъ Олимпъ Ивановичъ полусерьезно.—Насытился... Не въ причетники... а ушелъ бы, карисcима, будетъ съ меня, достаточно. На кой лядъ она мнѣ,—опера ваша,—если у меня игры нѣтъ? Внутри чувствую, а передать не въ силахъ?

— За то голосъ...

— Голосъ, голосъ... А что изъ него? О голосѣ-то рара-Іозефъ вѣрно мнѣ предсказалъ: Сѣтовъ покойникъ, Іосифъ Яковлевичъ. Съ первой ноты, какъ послушалъ, такъ и говоритъ: у тебя, mon ânge, не голосъ, а голосина... голосинище! Но пѣвцомъ, mon ânge, никогда не будешь. Дубинорумъ ты, вотъ что. И останешься дубиной: такіе не прогрессируютъ. Сила звука сверхъестественная, а что изъ того? Сила звука, mon ânge, есть и у барабана. Прозорливый былъ маэстро Іо-

сифъ Яковлевичъ! Глянетъ на новичка, и всю судьбу его выложитъ, какъ на подносѣ...

Петръ Ильичъ сталъ прощаться, и Ксенія Адріановна пригласила его на завтра къ обѣду. Подражая ея любезной интонаціи, Олимпъ Ивановичъ затрубилъ на весь паркъ наподобіе военной зори:

— При-хо-ди-те, Петръ Иль-и-чъ!

А Петру Ильичу долго мерещился въ темнотѣ ночи наблюдательно-подозрительный взглядъ молчаливаго тенора.

На другой день Петръ Ильичъ явился къ обѣду въ назначенный часъ и узналъ, что обѣдать будутъ позже, потому что пріѣзжіе гости поздно встали и поздно завтракали. Дамы сидѣли съ Ксеніей Адріановной на террасѣ, въ тѣни, за зеленью хмѣля, мужчины отсутствовали: ушли поваляться на травѣ.

— Не стѣсняйтесь, Петръ Ильичъ, — предложила Ксенія Адріановна,—берите газеты, читайте. У насъ республика: кто что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Онъ взялъ газеты. Дамы продолжали прежній разговоръ. Христина Львовна, подрисованная щедрѣе вчерашняго, въ новомъ желтовато-бѣломъ платьицѣ, фасона bebé, съ зелеными бархатками, лежала въ креслѣ, обмахиваясь кружевнымъ вѣеромъ, на которомъ были изображены нарядныя пары въ бѣлыхъ парикахъ, танцующія менуэтъ. Анна Модестовна, одѣтая по будничному, вышивала по канвѣ манишку для мужской рубахи затѣйливымъ узоромъ въ строчку и въ гладь. Она говорила Ксеніи Адріановнѣ:

— Вы счастливая теперь... Свой кровъ надъ головою, сама себѣ хозяйка. Ни вагоновъ, ни гостиницъ, ни репетиціи... Штрафовъ, выговоровъ—ничего не знаете! Никуда ѣхать не надо, ни торопиться,—у себя, дома... Хотѣла бы я такъ пожить, хоть передъ смертью...

Ксенія Адріановна съ насмѣшливой печалью покачала головой. Она хотѣла возразить что-то, можетъ быть, сообщить, какъ много долговъ получено ею въ наслѣдство и какъ непрочно ея феодальное могущество. Но, раздумавъ, промолчала, а послѣ, шутя, замѣтила Анна Модестовнѣ:

— Единодушіе у васъ съ Олимпомъ Ивановичемъ! Онъ о Бобровскомъ уѣздѣ, вы о собственнымъ кровѣ. . Бросайте оперу, обзаводитесь кровомъ. Будете Олимпу Ивановичу огурчики солить, квасъ дѣлать...

— Куда ужъ! Легко сказать... На что мы съ нимъ теперь пригодны? Максимъ Николаевичъ—артистъ не чета намъ, а и тому негдѣ пристроиться...

— Ахъ, дорогая!—подхватила Христина Львовна:—что сдѣлалось съ Максомъ!

— Слышала я, еще зимою... Пошатнулся голосъ?

— Если бы только пошатнулся! Я не узнаю Макса, ну, просто не узнаю! Какъ характеръ у него испортился, злобный сталъ, завистливый...

— Максъ? Завистливый? Онъ—такой доброжелательный, это и враги его признавали...

— Всѣ мы доброжелательны, пока хорошо намъ самимъ! И къ тѣмъ, кого считаемъ ниже себя. А не дай Богъ—перемѣнятся роли, тогда и мы дѣлаемся иными. Ничего отъ прежняго Макса не осталось, дорогая: въ конецъ сорвался! скушала Москва бѣлокаменная. Вотъ тебѣ и императорскіе театры! А какъ рвался, какъ желалъ... было ради чего... На императорскую хорошо идти съ именемъ, и съ такимъ именемъ, чтобы тебя стерегли, оберегали. Не то—хуже капкана, да еще въ Москвѣ: театръ-махинище, а тебя и въ хвостъ, и въ гриву, во всѣ стороны!.. По четыре раза въ мѣсяцъ Пророка пѣлъ! Не считая другихъ партій. А сейчасъ... вотъ постойте, заставлю его пропѣть, увидите.

Ксенія Адріановна поморщилась.

— Не надо!—отказалась она съ соболѣзнующимъ испугомъ.—Пожалуйста, не заставляйте, не надо.

— На зиму до сихъ поръ у него ангажемента нѣтъ. Были, да капризничаетъ, все неподходящіе! Что съ нимъ будетъ, ума не приложу. Самолюбивый, балованный, съ норовомъ... привыкъ къ оваціямъ! Пока еще туда-сюда... Всетаки марка, артистъ императорскихъ. У Каракатова зимній сезонъ пѣлъ, условія—чудныя; а послѣ Каракатовъ, какъ раскусилъ, чуть волосы на себѣ не рвалъ! И мы въ сосьетэ наплакались... Носимся съ нимъ, понятно. На афишахъ въ красную строку: артистъ императорскихъ, артистъ императорскихъ... А этотъ императорскій—такимъ козломъ деретъ! Послѣдній спектакль, въ Тангейзерѣ... за него, дорогая, было стыдно. Въ публикѣ—только переглядываются... Въ Ростовѣ на Дону шикали! Въ Самсонѣ мы ужъ замяли, будто не замѣтилъ никто, а онъ дрожитъ весь... самъ, какъ безумный... Глаза... ну, совершенно дикіе! Но и пѣлъ же... „Далила! Я тебя люблю! О-божа-ю!“ А у самого: ку-ка-ре-е-ку!

— Несчастный!

— Алексѣя Алексѣевича—прямо возненавидѣлъ. А чѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ виноватъ? У Алексѣя Алексѣевича голосъ нетронутый... Ну, апплодируютъ, конечно... Въ Паяцахъ на bis... а Максъ изъ себя выскакиваетъ! За серенаду.

Христина Львовна разсказывала о порванномъ голосѣ Макса, смакуя каждое слово, съ злорадствомъ заурядности, радующейся тому, что кто-то, стоявшій несравнимо выше и ея самой, и ея Алексѣя Алексѣевича, вдругъ спустился съ вы-

соты, и спустился, можетъ быть, ниже Христины Львовны съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ.

— Несчастный-то онъ несчастный,—продолжала она, сжимая губы,—мнѣ тоже жаль его, дорогая! Сердечно жаль, какъ не жалѣть... Но надо же и честь знать. Не берись, если не можешь, не отнимай у другихъ... Алексѣй Алексѣевичъ—при его данныхъ—и на второмъ планѣ? Это уже какъ кому повезетъ... А Максъ... нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, лѣзть напроломъ, надо примириться. Вотъ—вы. Добровольно ушли, сейчасъ же, а развѣ вамъ легко было?

— Да, это очень тяжело.

Христина Львовна безцеремонно касалась самого больного мѣста Ксеніи Адріановны. Но Ксенія Адріановна выдерживала испытаніе съ самообладаніемъ. Она произнесла: „да, это тяжело!" почти безстрастно, констатируя наличность боли объективно, словно вопросъ касался хотя и ея личнаго горя, но такого, которое уже сдано въ архивъ воспоминаній. А Христина Львовна глядѣла на Ксенію Адріановну съ проникновенностью опытнаго натуралиста, пытливо наблюдающаго цѣнное явленіе. Безцеремонность Христины Львовны вовсе не исключала съ ея стороны даже симпатіи къ хозяйкѣ дома. Христина Львовна лишь не могла отказать себѣ въ удовольствіи побольнѣе кольнуть ближняго именно въ наболѣвшее мѣсто, взглянуть, какъ переноситъ ближній свою боль, а потомъ ужъ готова была посочувствовать и утѣшить добрымъ словомъ...

Самообладаніе Ксеніи Адріановны подзадоривало Христину Львовну, и она подбиралась все глубже и глубже къ слабымъ стрункамъ пріятельницы:

— Говорите „тяжело", дорогая? Ну, какъ не тяжело! Да что дѣлать?.. Когда надо спасовать, пасуешь... А Максъ не признаетъ необходимости... не хочетъ взглянуть въ глаза своему положенію. Хотя... только это между нами, дорогая,—мнѣ кажется, у него есть какіе-то виды. Не думаетъ ли онъ насчетъ антрепризы, вмѣстѣ съ вами, дорогая? Ужасно настаивалъ ѣхать къ вамъ, больше всѣхъ... во что бы ни стало! И все разспрашивалъ о васъ, о вашемъ наслѣдствѣ. Онъ, какъ будто, надѣется на что-то... То есть, это мое предположеніе, мое впечатлѣніе, но...

Ксенія Адріановна сухо возразила:

— Не знаю, на что можетъ надѣяться Максимъ Николаевичъ? Что прошло, того не будетъ. И—сколько помнится — Максъ никогда не былъ разсчетливымъ.

— Ну, не одинъ же разсчетъ, дорогая! Прежняя... какъ это?—не ржавѣетъ? Но я поняла васъ, дорогая! О, я тоже... могу боготворить человѣка, но если онъ, хоть на минуту,

предпочелъ другую—онъ умираетъ для меня! Или я и никто, или всѣ, но не я... У меня тоже...

Ксенія Адріановна нахмурилась, холодно повела плечами и, не отвѣтивъ, заговорила съ Анной Модестовной о примадоннѣ Кованько.

XI.

За обѣдомъ отъ перекрестныхъ шутокъ и восклицаній у Петра Ильича шумѣло въ головѣ.

Это былъ не разговоръ, а несмолкаемый гомонъ, часто заглушаемый раскатистымъ басомъ Олимпа Ивановича.

Максимъ Николаевичъ и сегодня держался молчаливѣе другихъ. Когда же онъ говорилъ, въ его полутомной, полукокетливой минѣ сквозила большая избалованность общаго любимца, привыкшаго возбуждать вниманіе къ каждому, произносимому имъ, слову. Христина Львовна называла его Максикомъ и безбожно льстила ему тономъ любящей старшей сестры, которая хотя и постарше брата, но еще и сама молода. Теноръ принималъ ея комплименты за чистую монету, смотрѣлъ на ея лесть, какъ на приношеніе слѣдуемой ему дани. Самолюбивый, неумный, равнодушный рѣшительно ко всему, что не касалось его лично,—онъ казался Петру Ильичу ничтожнымъ. Въ этомъ «Максикѣ» не отыскивалось ничего цѣннаго, кромѣ его, дѣйствительно, рѣдкой красоты. И только, когда теноръ задумывался, полагая, что на него не смотрятъ, лицо его становилось болѣе одухотвореннымъ, благодаря отраженію ребяческой доброты и какой-то глубоко затаенной печали.

Припоминая ясный намекъ Христины Львовны, Петръ Ильичъ не могъ простить Ксеніи Адріановнѣ ея выбора. Хотя Ксенія Адріановна съ появленіемъ бравурно-шумной компаніи пѣвцовъ сама немедленно впала въ общій развязно-веселый тонъ, заговорила повышенно-громко, называя посторонних мужчинъ „голубчиками", но все же въ ней было что-то свое, выдѣлявшее ее изъ этого близкаго ей общества.

Передъ вечеромъ Христина Львовна пристала къ тенору:

— Максикъ! Вы должны спѣть. Для Ксеніи Адріановны. У нея чудесный рояль, я аккомпанирую... „Смѣйся, паяцъ", Максикъ? Или арію Германа... Германа, Германа! Ксенія Адріановна, дорогая, какіе у него оттѣнки въ Германѣ! Отдай все, и мало... Это: „Сегодня—ты! а завтра—я!"—неподражаемо. А что за безшабашность! „Что наша жизнь? Иг-ра! Такъ бросьте же борьбу! ловите"... Максикъ! милый? Для Ксеніи Адріановны?

Ксенія Адріановна, однако, не поддержала просьбы. Она даже попыталась облегчить Максику отступленіе:

— Тѣсно у меня... мягкой мебели много, потолокъ низкій. Какое пѣніе при такомъ резонансѣ?

Но Христина Львовна настаивала на своемъ; Максимъ Николаевичъ, подъ конецъ, согласился:

— Для Ксеніи Адріановны?—повторилъ онъ загадочно.— Тогда я спою „Минула страсть"...

— Максикъ, Максикъ! милый...

Олимпъ Ивановичъ неожиданно выступилъ союзникомъ Ксеніи Адріановны и поддержалъ ея намѣреніе сорвать предстоящій концертъ.

— Ми-ну-ла стра-а-асть!—задурачился онъ, комически-высоко выводя ноты.

И пылъ ея тревожный...

— Олимпъ Ивановичъ! помолчите.

— Уже не мучитъ сердца моего!

— Олимпъ Ивановичъ!!

Онъ бросился на полъ, къ ногамъ Христины Львовны и потрясъ кулаками:

— Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я...
Осталась та же... прежняя любовь!

— Старая пѣсня!—смѣясь, сказала Ксенія Адріановна.— Ужъ если пѣть старину, то съ сохраненіемъ стиля. Есть престаринный романсъ, мотивъ восемнадцатаго вѣка... „Oublions nous... oublions nous!" Не поете, Максимъ Николаевичъ?

Теперь и у нея былъ многозначительно-загадочный тонъ.

— Такого не знаю!

Максимъ Николаевичъ сердился. Видно было, что Ксенія Адріановна обинякомъ сказала тенору нѣчто обидно-досадное, и теноръ понялъ ее, и не могъ скрыть непривычное огорченіе.

Пѣніе не состоялось.

Вмѣсто недѣли артисты прожили въ Высокихъ Дубахъ двѣнадцать дней. Ксенія Адріановна была радушной хозяйкой, но минутами Петръ Ильичъ замѣчалъ, что ей, съ ея утомленными нервами, не подъ силу роль гостепріимной помѣщицы. Она невольно тяготилась шумными друзьями, необходимостью глядѣть на нихъ, угощать ихъ, разговаривать съ ними. Въ такія минуты она, вѣрно, мечтала о своемъ нарушенномъ одиночествѣ...

Подоспѣлъ день отъѣзда.

Пѣвцы размѣщались въ прежнемъ порядкѣ въ фаэтонахъ, выписанныхъ со станціи. Звучали поцѣлуи, восклицанія, сожалѣнія. Ксенія Адріановна стояла на травѣ возлѣ экипажей, цѣлуясь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей. Приблизился къ ней и Максимъ Николаевичъ, опять безъ шляпы, съ глубоко-почтительной миной.

— Прощайте!—укоризненно произнесъ онъ. Глаза его взглянули съ печалью.—Можетъ, не увидимся... не поминайте лихомъ!

— Прощайте, голубчикъ!—по-товарищески отвѣтила Ксенія Адріановна и поцѣловалась съ нимъ, какъ со всѣми.

Передъ Ильинымъ днемъ къ отцу Ильѣ пріѣхалъ братъ матушки, Семенъ Степановичъ Москитскій.

Послѣдній разъ онъ гостилъ въ Высокихъ Дубахъ лѣтъ двѣнадцать назадъ съ женою, Марьей Николаевной, молчаливой, холодно-сдержанной и бездѣтной женщиной, которая казалась не то заносчивой, не то недовольной, но скрывающей свое недовольство. Въ прошломъ году Семенъ Степановичъ овдовѣлъ, и теперь явился изъ Кисловодска послѣ Нарзана. Москитскій выглядѣлъ моложе и бодрѣе, чѣмъ въ предыдущій пріѣздъ. Онъ, сравнительно, похудѣлъ, какъ-то выпрямился, подтянулся, началъ обращать больше вниманія на свои костюмы и наружность, сѣдѣющую каштановую бороду носилъ не прямоугольникомъ, какъ прежде, а по-модному, клинообразную, коротко-пристриженную на полноватыхъ щекахъ. Даже походка у него видоизмѣнилась. Тогда онъ ходилъ словно нехотя, грузно, немного въ развалку, теперь же ступалъ легко и молодцевато.

По случаю пріѣзда гостя, пили чай не въ комнатѣ, а въ палисадникѣ, въ бесѣдкѣ. У Палладія наканунѣ опять былъ сердечный припадокъ, и возлѣ него дежурила Полюся. Петръ Ильичъ съ отцомъ Ильею разговаривали съ Москитскимъ. Отецъ Илья не любилъ шурина. И отъ того, что это былъ именно нелюбимый родственникъ, — отецъ Илья изъ гостепріимства относился къ нему съ чрезвычайной вѣжливостью, говорилъ Москитскому „вы“ и „Семенъ Степановичъ“.

— Зажились, Семенъ Степановичъ, на Кавказѣ, мы васъ ждали, ждали!—сѣтовалъ отецъ Илья.

— Закалялся... Нервы подготовлялъ. Зимой выборы, горячая предстоитъ кампанія.

— Опять васъ выбирать будутъ?

— И меня, и гласныхъ... И членовъ управы. Я и въ Кисловодскѣ по Высокимъ Дубамъ вздыхалъ; нѣтъ лучше

отдыха, какъ въ деревнѣ. Но лѣченье! Пришлось выдерживать курсъ, а теперь ужъ и отпуску моему скоро конецъ. Всего съ мѣсяцъ осталось...

— Надѣетесь быть избраннымъ?

— Возможно, что выберутъ. Но предрѣшать заранѣе не берусь. Противъ меня значительная партія.

— Отчего такъ?

— Хотятъ провести своего ставленника. Синицына нѣкоего. Ну, да цыплятъ по осени считаютъ... хотя за Синицына губернаторъ. Диворадовичъ.

— Это нашъ Диворадовичъ, изъ Высокихъ Дубовъ. Михаилъ Львовичъ, покойнаго Льва Павловича сынъ. Читалъ я въ „Биржевыхъ", когда назначили... Скажите! Кто бы могъ думать... Въ губернаторы прошелъ?..

— И дальше пойдетъ, человѣкъ съ будущимъ. Не знаю, есть ли ему сорокъ, а уже гофмейстеръ.

— Не въ отца, значитъ. Мм-дда. Кто бы подумалъ? Мальчишкой лядащій былъ. Я этого гофмейстера разъ чуть за уши не выдралъ. У дядюшки жилъ на каникулахъ, у Адріана Павловича... еще лицеистомъ. И выдумалъ себѣ забаву. Какъ вечеръ, подбѣжитъ съ дружками къ пустой церкви и оретъ, что есть мочи: „Кто соблазнилъ Адама?" Чтобы, значитъ, эхо отвѣчало ему изъ церкви: дама! Я его и прослѣди! Насилу удралъ тогда,—а нынче поди-ты?..

По самоувѣренно-спокойному лицу Семена Степановича скользнула снисходительная улыбка.

— Нынче не закричалъ бы... Правовѣрный, набожный, возлѣ кабинета молельня устроена. Съ аналоемъ. Теперь среди нихъ православіе въ модѣ.

Отецъ Илья сурово взглянулъ на шурина. Но тотъ — и безъ этого предостерегающаго взгляда — не продолжалъ дальше.

— Стало быть, онъ противъ васъ? — возобновилъ рѣчь о губернаторѣ отецъ Илья.—Недоволенъ чѣмъ?

— Не противъ меня лично, но... Синицынъ ближе ему, чѣмъ я; онъ и оказываетъ давленіе въ пользу Синицына. Синицынъ для него — свой человѣкъ, женатъ на княжнѣ Коромысловой, губернаторъ чай пьетъ у него запросто...

— Это ужъ та-акъ! Свой своему—поневолѣ другъ. Губернаторамъ нынче власть дана крѣпкая... Полномочія у нихъ...

— Ну, мы еще поборемся. До Новаго года много времени. Что онъ подѣлаетъ со своими полномочіями, если за меня большинство? А не утвердить — нѣтъ повода... И не беззащитный я, хотя бы и въ Петербургѣ. Еще поборемся.

Позже вечеромъ Петръ Ильичъ навѣдался къ Палладію.

Палладій лежалъ на кровати, закрывъ глаза, въ сторонѣ отъ него дремала въ креслѣ, не спавшая ночью, Полюся. Пахло лѣкарствомъ, было жарко при открытомъ окнѣ. Лампа, заслоненная тонкой тетрадью въ переплетѣ, оставляла комнату въ полусвѣтѣ, на подушкѣ вырисовывался рѣзкій профиль Палладія съ впалыми щеками.

— Кто тутъ?—тревожно приподымаясь, спросилъ Палладій Ильичъ, услыхавшій шаги брата.

— Я, я...—сказалъ Петръ Ильичъ успокоительно.—Какъ тебѣ теперь? Можетъ, отпустить Полюсю? Она спитъ, кажется... Не посидѣть ли съ тобою?

Полюся встала съ кресла, услышавъ голоса.

— И совсѣмъ я не сплю!

— Нѣтъ, не нужно, спасибо,—поблагодарилъ Палладій.—Послѣ дигиталиса мнѣ легче, ни удушья, ни боли, я и одинъ полежу, ничего. Слабѣю... самъ чувствую, какъ сила изъ меня выходитъ. Послѣдняя... Днемъ—будто дремлется, но не засну при солнцѣ, а ночью и вовсе не спится. Чуть забудусь,—такъ меня и подкинетъ всего! Толчокъ, внутри гдѣ-то, сердце забьется, и нѣтъ сна...

Палладій Ильичъ привсталъ и сѣлъ на кровати, спустивъ ноги на полъ.

— Сколько работалъ, готовился, сколько времени затратилъ, и все ни къ чему!—протянулъ онъ съ безнадежностью.—Не надолго... Слабѣю, не хватитъ силы... Взялся бы ты, братъ, вмѣсто меня? а? Попытайся. Я тебѣ и книжки мои, и выписки, и сноровку—все передамъ... Брось глупости, возьмись, поработай .. Потомъ само пойдетъ.

— За сектантовъ взяться?

— Зубоскалить надо всѣмъ можно!—разсердился Палладій изъ-за тона Петра Ильича.—Дѣло вѣдь говорю ему, зубоскалу, а онъ...

— Да какъ же взяться за чужое дѣло?

— Чу-жо-ое? Такъ у тебя это *чужое*?

— Конечно. Ты, допустимъ, преданъ миссіонерству, считаешь его важнымъ, справедливымъ дѣломъ... А для меня оно—Талмудъ, схоластика... „Сколько ангеловъ на булавочной головкѣ"...

Палладій Ильичъ раздраженно и съ презрѣніемъ махнулъ рукой.

— Будетъ, будетъ! Прекрасно! Пусть и Талмудъ, и „сколько ангеловъ"... И я то: нашелъ съ кѣмъ!

Петръ Ильичъ и Полюся вышли на крыльцо.

На дворѣ не было ночной свѣжести, полный мѣсяцъ мед-

ленно плылъ вверху, бросая бѣловатый свѣтъ на истоптанный тропинками дворъ, на цвѣтники и амбары.

— Какъ ты поблѣднѣла, Полюся!—сказалъ Петръ Ильичъ.— Устала съ нимъ?

Онъ кивнулъ головой на окна Палладія.

— Нѣтъ... я не устала.

Полюся оживилась и весело сообщила:

— Знаешь, мы съ матушкой пойдемъ завтра къ Ксеніи Адріановнѣ. Приглашать на имянины... батюшка хочетъ, чтобы она тоже была... И Адріанъ Павловичъ каждый годъ бывалъ. Она пойдетъ? Какъ тебѣ кажется? Если бы пришла...

— Можетъ, и придетъ, не знаю. Зачѣмъ она тебѣ?

— Такъ... интересно. А меня она не звала больше? Не говорила, чтобы я пришла?

— Не звала. Догадалась, что тебя не пускаютъ.

Полюся помолчала.

— А тѣ актеры, которые у нея жили... они веселые? Тебѣ весело съ ними было?

Вопросъ былъ предложенъ съ отзвукомъ упрека, но Петръ Ильичъ не уловилъ этого.

— Ничего... веселые,—нехотя подтвердилъ онъ.

— И докторъ будетъ на именинахъ!—съ задоромъ произнесла Полюся, надѣясь поддразнить Петра Ильича.

Петръ Ильичъ сладко зѣвнулъ и послѣ паузы отвѣтилъ:

— Иди спать, Полюся... Поздно уже!

Именины отца Ильи были, по обыкновенію, многолюдные. Съѣхалось съ разныхъ концовъ уѣзда духовенство съ дѣтьми и женами. Нѣкоторые священники прибыли наканунѣ съ вечера и служили съ отцомъ Ильею вечерню, а на утро торжественнную обѣдню. Въ домѣ былъ открытъ парадный подъѣздъ съ улицы, всегда запертый и запыленный; всюду было тѣсно и жарко, въ прихожей не хватало мѣста для верхнихъ одеждъ. Обѣденные столы густо разставили въ залѣ и столовой; для молодежи былъ отведенъ отдѣльный столъ въ сосѣдней со столовой проходной комнаткѣ. Петръ Ильичъ съ Полюсей развлекали и угощали молодежь: барышенъ въ голубыхъ, красныхъ и розовыхъ кофточкахъ и молодыхъ, не женатыхъ семинаристовъ, окончившихъ и еще учащихся. Присоединился къ молодежи и земскій врачъ, Наважинскій, не старый, но обросшій бородой, съ закругленными глазами и профилемъ, напоминающимъ сову.

Съ утра до вечера много ѣли и еще больше пили за здоровье именинника. Смуглая Варвара Евграфовна, — дочь

зажиточнаго отца Евграфа,—была особенно любезна съ Петромъ Ильичемъ, а Полюся, какъ бы въ пику Петру Ильичу, выказывала предпочтеніе бородатому доктору, и докторъ замѣтно таялъ отъ ея любезности. Влюбленная въ доктора фельдшерица не пришла совсѣмъ, но Ксенія Адріановна явилась. Она занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ: за главнымъ столомъ между отцомъ Ильею и Москитскимъ. Москитскій, не переставая, разговаривалъ съ нею оживленно и съ интересомъ. Ксенія Адріановна—въ модномъ платьѣ изъ сѣраго съ чернымъ газа—была не такая простая, какъ всегда, а величественно-привѣтливая, немного важная. Она — точно чувствовала себя въ чужомъ, не совсѣмъ дружественномъ по отношенію къ ней кругу,—и была насторожѣ. Глядя на нее издали, Петръ Ильичъ подумалъ: должно быть, она принимала такую же мину и поступь, когда изображала оперныхъ королевъ...

Вечеромъ именинные гости, разбившись на группы, пили чай съ постилами, вареньемъ и конфектами. Москитскій былъ и теперь подлѣ Ксеніи Адріановны. Разговаривая съ нимъ, Ксенія Адріановна подозвала движеніемъ руки Петра Ильича. Петръ Ильичъ подошелъ, но Москитскій еще продолжалъ говорить о Z-мъ губернаторѣ, Диворадовичѣ.

— Непремѣнно кланяйтесь ему отъ меня, — сказала Ксенія Адріановна. — Мы съ нимъ не только кузены, но и старинные пріятели. Скажите, чтобы пріѣзжалъ въ Высокіе Дубы, когда впадетъ въ меланхолію. Когда-то я одна лишь имѣла даръ развлекать его въ грусти, какъ Давидъ Саула... Пусть пріѣдетъ, если загруститъ. И съ чего бы ему?.. Впрочемъ, меланхолія, какъ подагра. Чаще отъ избытка, чѣмъ отъ другихъ причинъ.

— А по внѣшности Михаилъ Львовичъ не похожъ на меланхолика,—возразилъ Москитскій.—Дѣятельный, добрый... хорошій администраторъ.

— Мишель? Администраторъ?

По удивленной интонаціи и по скептической улыбкѣ Ксеніи Адріановны можно было заключить, что у нея совсѣмъ иное мнѣніе объ этомъ хорошемъ администраторѣ.

— А жена его?—спросила она:—все не съ нимъ?

— Онъ одинъ въ Z. По слухамъ, не живетъ съ женою, она гдѣ-то въ имѣніи своемъ, подъ Тамбовомъ.

— Да, она богатая женщина. И кажется, говоря по просту, не хочетъ жить съ Мишелемъ. Ея я не знаю... а ему— передайте привѣтъ.

— При первомъ удобномъ случаѣ.

Ксенія Адріановна повернулась къ Петру Ильичу:

— Разыщите мнѣ мой шарфъ и зонтикъ: устала такъ...

еле на ногахъ держусь. Шарфъ гдѣ-то тамъ въ комнатѣ у Полины Васильевны, принесите, пожалуйста.

Москитскій пошелъ провожать Ксенію Адріановну, а на слѣдующій день побывалъ въ красномъ флигелѣ съ визитомъ.

XII.

Петръ Ильичъ цѣлый день бродилъ съ ружьемъ по лѣсу, и передъ вечеромъ шелъ домой. Въ полѣ за Высокими Дубами онъ встрѣтился съ Москитскимъ, который часто гулялъ здѣсь ради моціона.

— Охотился? — спросилъ Москитскій, останавливая племянника.—И ничего не убилъ?

— Д-да, — отвѣтилъ Петръ Ильичъ неохотно. Москитскій пошелъ рядомъ съ нимъ по направленію къ деревнѣ.

Солнце садилось, становилось не такъ жарко, какъ днемъ, но знойную духоту не смѣнялъ росистый вечеръ. Давно уже не было росы, выгорѣвшіе луга и сжатое поле лежали, запыленные, сѣрые. Гдѣ-то далеко горѣли лѣса, и вѣтеръ разносилъ пожарный дымъ по нѣсколькимъ губерніямъ. Отъ засухи и отъ этого издалека прилетающаго дыма въ воздухѣ стояла мгла. Даль заволакивало туманомъ, солнечный дискъ выступалъ на западѣ тускло-огненнымъ шаромъ безъ лучей, такъ что на него можно было глядѣть безпрепятственно.

— Ксенія Адріановна пеняетъ, отчего не заходишь?—сказалъ Москитскій.

— На охотѣ я...

Семенъ Степановичъ остановилъ на племянникѣ испытующе вопросительный взглядъ. На самомъ дѣлѣ, Петръ Ильичъ почти пересталъ ходить къ Ксеніи Адріановнѣ оттого, что, — когда бы онъ теперь ни заходилъ въ красный флигель,—постоянно заставалъ тамъ Москитскаго, щегольски одѣтаго и весело настроеннаго, — а Москитскій не нравился Петру Ильичу. Семенъ Степановичъ,—что называется,—молодился; особенно старался онъ подчеркнуть свою молодцеватость въ присутствіи Ксеніи Адріановны, и эта смѣшная черточка заслоняла въ глазахъ Петра Ильича остальныя качества Москитскаго.

— Она все вспоминаетъ, отчего не заходишь,—повторилъ Москитскій и добавилъ:—Хорошая женщина. Правдивая, прямая, но безъ прямолинейности.

— А прямолинейность, это—нехорошо?

Петръ Ильичъ не улыбался, но испытывалъ желаніе улыбнуться.

— Мало хорошаго.

— А мнѣ нравится прямолинейность. Больше, чѣмъ...

— Нѣтъ, ты не испыталъ вблизи. Попробовалъ бы... А я знаю. Марья Николаевна, жена моя, — умная была, добрая, но прямолинейность все портила. Не умѣла прощать... такой человѣкъ для всѣхъ тягостенъ: вѣдь каждому что-нибудь да приходится прощать? И какъ претендовать, что я, напримѣръ, до сѣдыхъ волосъ не остался студентомъ? Ежеминутно передъ тобой не жена, а праведный судія, не вѣдающій снисхожденія. Этакъ до ненависти дойдешь. Цѣльность натуры, конечно, прекрасно. Но могій вмѣстити да вмѣститъ. Не могій—не можетъ. Героевъ немного. Люди созрѣваютъ, примѣняются къ жизни, становятся практичнѣе.. Благородство юношескихъ мечтаній не всегда...

— А мнѣ кажется,—строптиво возразилъ Петръ Ильичъ,—что̀ и за прокъ въ благородствѣ мечтаній, если ихъ не примѣнять на практикѣ? Потому, можетъ быть, мечтанія такъ туго и проходятъ въ жизнь, что съ ними обращаются, какъ съ чѣмъ-то ненужнымъ! Отбываютъ, какъ симптомъ юности... Отдалъ дань мечтамъ, созрѣлъ, сталъ практичнѣй, и поскорѣе за дѣло: лѣзть въ чины, наживать деньгу... примѣняться.

— Молодъ ты еще, — улыбнулся Москитскій, проводя по усамъ рукою.—Я тебѣ протежировать собираюсь, а ты откровенничаешь со мною.

— Протежировать?

Въ голосѣ Петра Ильича слышалась досада.

— Сестра говорила, ты думаешь о службѣ въ Z?

— Мамаша поторопилась... я не рѣшилъ еще.

Въ дѣйствительности же, Петръ Ильичъ рѣшилъ не обращаться къ Москитскому съ просьбой о какой-нибудь должности въ Z. Есть люди—и часто даже не злые, а лишь откровенно-эгоистическіе, — у которыхъ тяжело просить чего бы то ни было. Такимъ человѣкомъ казался Петру Ильичу Москитскій при болѣе близкомъ знакомствѣ. Раньше Петръ Ильичъ зналъ Москитскаго больше по разсказамъ и отчасти идеализировалъ его, теперь идеализаціи не оставалось.

— Рѣшай, время терпитъ, — спокойно произнесъ Семенъ Степановичъ. — У меня въ управѣ будетъ мѣсто, только не сейчасъ. Не свободно еще. А мѣсто — приличное, управскаго секретаря... Теперешній секретарь въ чахоткѣ; послѣдній градусъ, не протянетъ долго, никакъ не дальше осени. Если хочешь, напиши докладную. И въ случаѣ чего,—я дамъ ей ходъ.

— Благодарю васъ,—холодновато отвѣтилъ Петръ Ильичъ.

— Аллилуія пѣть, значитъ, не имѣешь призванія? Огорчается отецъ Илья? А мать—за тебя. Она до смерти боится:

тутъ у васъ семинаристъ какой-то пустилъ себѣ пулю въ лобъ наканунѣ постриженія? Сестра этого забыть не можетъ... До того напугана,—сама за тебя ходатайствуетъ. Но почему ты не въ университетъ?

— Такъ...

— Находишь, что служба лучше?

— Не лучше, а...

Петръ Ильичъ замялся. Онъ видѣлъ, что Москитскій вызываетъ его на разговоръ, какъ на экзаменъ, заставляя высказаться безъ остатка и полагая, что достигнуть этого можно легко и быстро. Петру Ильичу не хотѣлось экзамена: символъ его вѣрованій во многомъ былъ неясенъ еще и для него самого, да и обижала его та незамаскированность, съ какою Семенъ Степановичъ хотѣлъ хозяйничать въ душѣ племянника, считая эту душу несложной и, можетъ быть, мелкой.

— Такъ ты за примѣненіе мечтаній къ жизни?—спросилъ Москитскій, не дождавшись отвѣта.—А-а... зна-аешь Гете?

— Мало...

— Напрасно. Величайшій поэтъ! Міровой. Какой умъ: ясный, трезвый, глубокій. Равновѣсіе души, знаніе человѣческаго сердца—изумительныя... И этотъ Гете говоритъ...

Семенъ Степановичъ выговорилъ нѣсколько словъ по-нѣмецки, но, вспомнивъ, что Петръ Ильичъ врядъ ли свѣдущъ въ нѣмецкомъ языкѣ, перебилъ самого себя:

— По русски это такъ будетъ: „Подъ тридцать лѣтъ распинать бы мечтателя каждаго надо: свѣтомъ и жизнью обманутый, станетъ, навѣрно, онъ плутъ“...

— Не каждый,—сказалъ Петръ Ильичъ.

— И еще есть у Гете: „Надо выситься иль падать, быть могучимъ или слабымъ, молотомъ иль наковальней...“ Или то, или другое: середины нѣтъ.

Петръ Ильичъ чуть усмѣхнулся.

Они вошли въ деревню. Высокіе Дубы были красиво освѣщены малиново-розовымъ отсвѣтомъ заката. На западѣ сіяла сплошная полоса краснаго и розоваго оттѣнковъ, отблескъ отъ нея падалъ на село, превращая всѣ предметы въ розовые. Только далеко на востокѣ оставалось не порозовѣвшимъ сине-сѣрое небо съ разбросанными по немъ бѣлыми облаками.

— А докладную записку ты, если хочешь, составь до моего отъѣзда,—напомнилъ Семенъ Степановичъ, миновавъ кладбище.—Я возьму съ собою.

— Хорошо,—согласился Петръ Ильичъ все еще неувѣренно.

Во второй половинѣ августа,—послѣ того, какъ уѣхалъ Москитскій,—пошли проливные дожди. Высокіе Дубы зазеленѣли наново. Покоробленные, сожженные засухой, листья облетѣли съ деревьевъ подъ первыми дождями. За то все, что уцѣлѣло отъ зноя, приняло яркій, сочный видъ поздняго расцвѣта. Позеленѣли дубы, ольхи, тополи, изъ земли поднялась бархатистая трава, зажелтѣли заросли по осеннему низкорослой львиной пасти, зацвѣлъ плоскій и круглый цвѣтокъ голубого цикорія.

Палладій Ильичъ хворалъ.

Припадки то проходили, то возобновлялись; докторъ навѣщалъ его всякій день и предписывалъ покой, какъ можно больше покоя. Палладій согласился не уѣзжать изъ дому до тѣхъ поръ, пока не возстановится его здоровье. Но здоровье не возстановлялось, и отецъ Илья послалъ Петра Ильича въ N—привезти домой библіотеку и вещи брата.

Петръ Ильичъ опять зачастилъ въ красный флигель читать газеты и книги Ксеніи Адріановнѣ. Для него время текло медленно: онъ жилъ въ ожиданіи дня, когда Москитскій позоветъ его въ Z.—на службу. Въ началѣ сентября пригрѣло солнце; холодные дожди стали потеплѣй, появилось много грибовъ, особенно груздей. Влажные и скользкіе, они хрупко ломались подъ ногами, прикрытые сверху размокшими прошлогодними листьями. Облака на ясномъ небѣ часто расцвѣчивались темнымъ узоромъ набѣгавшихъ тучъ, проносился студеный вѣтеръ, но сквозь тучи проглядывало солнце, и опять дѣлалось тепло.

Съ утра Ксенія Адріановна прислала Петру Ильичу записку, прося его понавѣдаться. Петръ Ильичъ пошелъ и встрѣтилъ Ксенію Адріановну въ паркѣ, недалеко отъ дома. Она была чѣмъ-то озабочена, молча поздоровалась съ Петромъ Ильичемъ и молча пошла рядомъ съ нимъ, удаляясь вглубь парка. Потомъ засмѣялась, изумленно пожала плечами и сообщила, со своей обычной простотой, безъ предисловій:

— У меня головоломная новость! Думаю, думаю... Не знаю, что дѣлать. Вашъ дядя предложилъ мнѣ стать вашей тетенькой! Что вы на это скажете? Хотите быть моимъ племянникомъ?

Петръ Ильичъ разсмѣялся отъ неожиданности. Предложеніе пожилого Москитскаго показалось ему, прежде всего, комическимъ.

— Нѣтъ, серьезно... какъ по вашему? Что за человѣкъ вашъ дядя?

Тонъ этого вопроса и какое-то,—не вполнѣ ясное, но кажущееся основательнымъ,—соображеніе подсказывало Петру

Ильичу, что Ксенія Адріановна относится къ своему вопросу серьезно. И хотя Петру Ильичу предложеніе Москитскаго продолжало казаться смѣшнымъ, но онъ уже не смѣялся и неопредѣленно отвѣтилъ:

— Я Семена Степановича почти не знаю... Прежде мало встрѣчался съ нимъ, и самъ былъ малъ. А теперь... тоже онъ не выяснился для меня. Какъ будто, дѣловой. Вѣрно, умный.

— Дѣловой—еще не умный,—возразила Ксенія Адріановна задумчиво.—Дѣловой—скорѣе настойчивый, энергичный... уравновѣшенный, если хотите. А умный—не то. Можно быть умнымъ и не дѣловымъ; даже такъ чаще бываетъ. Онъ же... его умъ... не знаю... Ужъ очень по-житейски уменъ! Невеселый, должно быть, умъ, разсудочный, логичность въ поступкахъ, ходячее самосознаніе. Не могу представить его влюбленнымъ!

Ксенія Адріановна засмѣялась.

— Не привыкла я такъ смотрѣть на этотъ вопросъ...— сказала она и безпомощно развела руками:—съ точки зрѣнія благоразумія, какъ онъ говоритъ.

Петръ Ильичъ осторожно отозвался:

— Я и привыкать не пытался бы.

— Хорошо вамъ говорить!

Ксенія Адріановна озадаченно задумалась.

— И пишетъ такъ... основательно! — протянула она съ насмѣшливыми искорками въ глазахъ.—Такъ у него все это по пунктамъ выяснено, любо-дорого... Все: я, я, я!.. И о финансахъ моихъ плохихъ напоминаетъ, и пылкихъ чувствъ не требуетъ... Даже прошлое мое прощаетъ великодушно! У него это: „бракъ по благоразумію", да мнѣ-то странно! Не привыкла я быть благоразумной.

Она опять помолчала въ раздумьи и начала:

— Хотя... съ другой стороны, мнѣ и въ самомъ дѣлѣ скоро некуда будетъ дѣться! Тутъ-то онъ правъ, безъ сомнѣнія. Для меня это выгоднѣе, чѣмъ для него. А что ему за корысть—непостижимо! Не находка. Но... Tu l'as voulu, George Dandin! Для увлеченій—мы оба стары, это тоже такъ, безъ сомнѣнія. И тутъ онъ правъ. Я эту свою старость постоянно чувствую. Только поэты разсказываютъ: „на склонѣ нашихъ дней нѣжнѣй мы любимъ, суевѣрнѣй..."—на склонѣ дней не остается умѣнья воображать. Не идеализируешь, все видишь въ истинномъ свѣтѣ... Ну, и смѣшно!

Петръ Ильичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы не разсмѣяться снова. То, что Ксенія Адріановна колебалась, и колебалась серьезно, болѣе склоняясь къ утвердительному отвѣту, каза-

лось ему непростительнымъ малодушіемъ. По мнѣнію Петра Ильича, надо было отказать, и отказать безъ раздумья.

— Вамъ не нравится онъ? Дядюшка вашъ?—заподозрила Ксенія Адріановна.—Вѣдь не нравится?

— Не то, что не нравится, а... есть въ немъ что-то непріятное. Цинизмъ какой-то!

Ксенія Адріановна помолчала.

— Цинизмъ? — повторила она, подумавъ. — А что такое цинизмъ? Растяжимо. Такъ все перепутано кругомъ... и такъ нелегко иногда рѣшить, гдѣ кончается искренность, а гдѣ начинается цинизмъ. Да и когда поживешь уже на свѣтѣ... тогда трудно быть нециничнымъ... Семенъ Степановичъ хоть откровенный, не драпируется ни во что.

XIII.

На опушкѣ парка потемнѣло. Солнце исчезло съ нахмурившагося неба; подняли карканье вороны, предвѣщая близкій дождь. За полемъ, въ той сторонѣ, гдѣ текла рѣчка, нависъ туманъ, тамъ уже все было охвачено полосой дождя. Вскорѣ и на Петра Ильича упало нѣсколько капель. Сорвался вѣтеръ, закачалъ деревья, они зашумѣли тревожнымъ осеннимъ шумомъ, начался дождь, густой и мелкій. Отъ дождя и въ красномъ флигелѣ было полутемно, по-осеннему непривѣтливо. Ксенія Адріановна предложила Петру Ильичу прочитать вслухъ письмо Москитскаго. Петръ Ильичъ, немного смущаясь, взялъ письмо и началъ читать сперва съ запинкой, затѣмъ спокойнѣе:

„Уважаемая Ксенія Адріановна. Я поставилъ вопросъ прямо, вы отвѣтили уклончиво, какъ бы шутя, вскользь упоминая что-то о вашемъ прошломъ. Готовъ повторить еще разъ, что прошлое ваше, каково бы оно ни было (о немъ я даже и узнавать не имѣю намѣренія),—для меня безразлично. По моему, въ настоящемъ случаѣ важно не прошлое, а будущее; но за будущее, выражаясь въ вашемъ смыслѣ, я былъ бы вполнѣ покоенъ: вы принадлежите къ числу тѣхъ женщинъ, которымъ можно довѣриться безъ страха и оглядки. Но осуществимо ли мое предложеніе съ вашей точки зрѣнія? Это безпокоитъ меня больше всего остального. Если я не внушаю вамъ особо-непріятнаго впечатлѣнія, другими словами, если я не противенъ вамъ, то мое намѣреніе кажется мнѣ осуществимымъ. Мы оба не юноши и можемъ взглянуть на все это безъ юношескихъ иллюзій. Мы могли бы дополнить и, насколько возможно, скрасить жизнь другъ другу, не предъявляя одинъ другому невыполнимыхъ тре-

бованій: вы,—надѣюсь,—не потребовали бы отъ меня никакого героизма, я, въ свою очередь, не сталъ бы ждать отъ васъ ни пламенныхъ чувствъ, ни обожанія. Не вижу причинъ, мѣшающихъ намъ вступить въ такой благоразумно-дружественный союзъ. Вамъ угодно было спросить моего совѣта относительно имущественныхъ дѣлъ вашего отца. Ознакомившись съ документами, я сказалъ вамъ то, что есть: дѣла запутаны непоправимо. Отецъ вашъ относился къ своимъ интересамъ болѣе, чѣмъ безпечно, и если бы онъ прожилъ еще немного, его постигло бы то же, что вскорѣ постигнетъ васъ: крахъ окончательный. Не считайте черствой неделикатностью, что именно въ этомъ письмѣ я говорю о столь прозаическихъ вещахъ, какъ имущественные интересы. Но опять-таки мы съ вами не юноши, при томъ же вы вовсе не изъ числа женщинъ, которыхъ можно прельстить матеріальными выгодами, и я это понимаю. Указываю лишь на фактъ и позволяю себѣ напомнить, что при нѣкоторой долѣ благоразумія съ вашей стороны (если оно не претитъ вашимъ вкусамъ и чувствамъ),—вы можете уклониться отъ цѣлаго ряда меркантильныхъ заботъ. Можетъ быть, у васъ возникнетъ подозрѣніе, не желаю ли я породниться черезъ васъ съ губернаторомъ Д.? Не останавливайтесь на этой мелочной мысли. Не скрою, въ данный моментъ для меня, пожалуй, это было бы удобно, но ради одного этого не стоило бы предпринимать столь серьезный шагъ, какъ женитьба. Губернаторовъ много, сегодня — одинъ, завтра—другой, со всѣми не породнишься, и если бы вы не казались мнѣ подходящей для меня женою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, я и не подумалъ бы о родствѣ съ Диворадовичемъ. Не торопитесь отвѣтомъ, обдумайте и отвѣчайте категорически. Поручаю себя вашей снисходительности. Сердечно вашъ С. Москитскій".

Дочитавъ, Петръ Ильичъ обернулся къ Ксеніи Адріановнѣ: она сидѣла, глубоко задумавшись, и ничего не сказала о письмѣ. Петръ Ильичъ остался у нея обѣдать; за обѣдомъ снова заговорили о предложеніи Москитскаго, и снова Ксенія Адріановна то задумывалась, то шутила, напѣвая Петру Ильичу: „И встрѣтимся мы снова въ невѣдомой странѣ!"

Петръ Ильичъ вернулся домой, когда надъ намокшими Высокими Дубами надвигался вечеръ. Въ душѣ у Петра Ильича остался непріятный осадокъ отъ всего сегодняшняго дня. Петръ Ильичъ прошелъ въ свою комнату и прилегъ на кровати, надѣясь уснуть. На дворѣ опять моросилъ дождь, и шумѣлъ вѣтеръ, раскачивая въ палисадникѣ еще не осыпавшіеся топольки. Топольки все шевелились передъ

окномъ, то покачиваясь, то нагибаясь. Когда сумерки сгустились, стало казаться, будто въ движеніи тополевыхъ вѣтокъ есть нѣчто ритмическое, повторяющееся: не то онѣ танецъ какой-то танцуютъ, не то ведутъ разговоръ, наклоняясь другъ къ другу. Деревца принимали все болѣе и болѣе странныя очертанія и, наконецъ, слились съ темнотою ночи; а Петръ Ильичъ не переставалъ глядѣть въ потемнѣвшее окно и спрашивать у себя: почему же цинизмъ и жизнь, надо понимать, какъ одно и то же? И неужели это такъ?

Наступилъ сентябрь.

По ночамъ стояли легкіе морозы, днемъ сіяло бабье лѣто яркимъ солнцемъ и хрустально-прозрачнымъ воздухомъ. Тонкая паутина, сверкая, носилась всюду, опутывала кустарники и траву. Позолоченныя осенью, деревья наполовину оголились, дикій виноградъ давно сталъ красный, точно коралловый.

Петръ Ильичъ сидѣлъ у постели больного Палладія, когда отецъ Илья принесъ письмо, только что полученное отъ Москитскаго. Семенъ Степановичъ сообщалъ, что ѣдетъ въ Высокіе Дубы вѣнчаться, просилъ отца Илью позаботиться о документахъ Ксеніи Адріановны, а свои бумаги обѣщалъ привезти въ полной исправности. Событіе обсуждали на разные лады. Одинъ Палладій отнесся къ нему безучастно. Матушка была недовольна, отецъ Илья высказывалъ изумленіе, но самъ лично отправился въ красный флигель поздравить и переговорить о документахъ. Полюся,— недавно назначенная учительницей въ церковную школу къ отцу Ильѣ, — весь день, улыбаясь, поглядывала на Петра Ильича.

— Что же не идешь поздравлять? — спросила она вечеромъ.—Не ожидалъ?

— Чего? Что они женятся? Да я давно знаю.

— Зналъ? И не сказалъ намъ?

— Нужно было... Пришло время—и безъ меня узнали.

— Повлюблялися старцы!—комически произнесла Полюся съ язвительностью, которой трудно было отъ нея ожидать.— А я думала... ты все лѣто ходилъ, прогуливались вмѣстѣ... И вдругъ...

— Глупости ты думала! Кому что, а курицѣ просо. Поменьше бы ерунды всякой читала, какъ „онъ взглянулъ, а она поблѣднѣла, и уста ихъ слились въ роковомъ“...

— Совсѣмъ я не читаю такого! Ничего подобнаго...

— „На башнѣ святого Марка ударила полночь, а уста ихъ“...

— Оставь, оставь! не сочиняй!

— Начитаешься, тебѣ и мерещатся вездѣ романы. Вонъ ты третьяго дня съ докторомъ въ левадѣ гуляла? Такъ это—тоже не спроста?

— А можетъ и не спроста? Вольно же тебѣ считать меня уродомъ... Ты думаешь, что я никому ужъ не интересна?

— Напротивъ. Если такъ, то у доктора есть вкусъ.

— Тебѣ все только бы смѣяться! Правду говоритъ Палладій Ильичъ. Зубоскалъ...

— Погоди; уѣду—и зубоскала вспомните.

— Мы-то вспомнимъ, а ты перезабудешь. Всѣхъ насъ забудешь.

— Не забуду и я.

— Гдѣ ужъ!?

Полюся подождала, не возразитъ ли Петръ Ильичъ еще чего-нибудь, но онъ молчалъ, и Полюся печально сказала:

— Какой ты, право... ничего тебѣ не жаль! Вѣрно говорилъ батюшка: бросаешь живое, идешь искать мертваго. Птица—и та своего гнѣзда держится...

— И пусть держится... а я—не птица.

Черезъ недѣлю вѣнчали Ксенію Адріановну.

Петръ Ильичъ былъ шаферомъ у невѣсты, земскій докторъ—у жениха. Все обошлось по будничному, просто, даже невѣста была въ темномъ дорожномъ платьѣ. Послѣ вѣнчанья обѣдали у отца Ильи, обѣдали наскоро, съ опаской поглядывая на часы, какъ бы не опоздать къ поѣзду. Москитскій разсказывалъ, что они съ Ксеніей Адріановной намѣрены обновить старый домъ въ паркѣ, расчистить паркъ съ весны и пріѣзжать потомъ въ Высокіе Дубы на дачу.

— На тотъ годъ, въ эту пору, не узнаете ни дома, ни парка!—пообѣщалъ онъ.

— Дѣло хорошее! — любезно согласился отецъ Илья. — Домъ столѣтній, но стариннаго матеріалу... золото — не матеріалъ! На этотъ домъ положить тысченку-другую... то еще сто лѣтъ выстоитъ.

Ксенія Адріановна сидѣла за столомъ молчаливо и равнодушно, точно не объ ея домѣ шла рѣчь.

Петръ Ильичъ поѣхалъ провожать новобрачныхъ до станціи. Обратно въ Высокіе Дубы попалъ онъ лишь вечеромъ; звѣзды уже свѣтились на небѣ, холодный ночной вѣтеръ обвѣвалъ деревенскія улицы со стороны Рѣчища. Темной стѣной стоялъ у выгона паркъ Диворадовичей; сквозь деревья изъ краснаго флигеля не просвѣчивали комнатные огни, только въ кухнѣ у сторожа былъ свѣтъ въ окнѣ. Сла-

бый огонекъ то мерцалъ, то прятался за обнаженными деревьями. Глядя съ улицы на этотъ одинокій свѣтъ, Петръ Ильичъ ставилъ себя на мѣсто Ксеніи Адріановны съ ея привычкой къ иной жизни, къ инымъ, болѣе яркимъ огнямъ. Онъ подыскивалъ мотивы для оправданія, но не находилъ и повторялъ свой приговоръ:

— А всетаки—малодушно!

Позвали Петра Ильича въ Z. спустя еще около мѣсяца, лишь въ первыхъ числахъ октября, послѣ того, какъ въ Высокихъ Дубахъ отпраздновали храмовой праздникъ.

Проводы были грустные.

Служили напутственный молебенъ парадно, въ залѣ, но голосъ отца Ильи взволнованно дрожалъ, словно онъ не напутствовалъ, а отпѣвалъ кого-то...

— „Просите, и дастся вамъ,—торжественно читалъ отецъ Илья надъ головой сына, — ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вамъ: всякъ бо просяй пріем...“

Чтеніе внезапно прервалось: отецъ Илья плакалъ надъ Евангеліемъ.

Прощались всѣ съ Петромъ Ильичемъ ласково и сердечно, но онъ безъ труда угадывалъ за участливой сердечностью печаль и недовольство домашнихъ, общее осужденіе, сдержанное, но глубокое.

День былъ облачный, передъ тѣмъ выпалъ первый снѣгъ и уже растаялъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за облаковъ. Выглянетъ, освѣтитъ дорогу, блеснетъ въ чернѣющемъ полѣ остатками снѣговыхъ пятенъ и лужами—и спрячется. Зеленѣли озими, кое гдѣ еще пахали; Петръ Ильичъ ѣхалъ медленно по размякшей топкой дорогѣ. Ему было такъ грустно, какъ будто и онъ хоронилъ свои мечты... Послѣ ранняго золотистаго заката похолодало, морозъ сталъ стягивать дорожныя колеи ледянымъ налетомъ. Сумерками проѣзжали знакомое село: скрипѣли колодезные журавли передъ водопоемъ; надъ посѣрѣвшими отъ вечерняго свѣта хатами прямымъ столбомъ подымался изъ трубъ сѣрый дымъ; лаяли озябшія собаки, отвыкшія отъ зимняго холода, и далеко разносился ихъ лай въ холодѣющемъ воздухѣ. Грязь въ селѣ была непролазная, хуже, чѣмъ въ полѣ. Изъ земской школы выходили запоздалые ученики въ сѣрыхъ свиткахъ, съ торбами за плечами, съ усталыми лицами. Они остановились у дороги и по очереди усиленно кланялись Петру Ильичу, уже усвоивъ науку о почтеніи къ проѣзжающимъ. За деревней опять тянулось поле, и по краямъ его синѣла мгла. Передъ станціей, по полотну желѣзнодорожной насыпи

шелъ поѣздъ,—слышались свистки, равномѣрное: трахъ-та-та!—но самого поѣзда не было видно. Его закрывали густые клубы дыма, рисуя въ воздухѣ сказочно-красивый, серебристый лѣсъ. И съ противоположной стороны мерещился въ морозной мглѣ другой лѣсъ, тоже полупрозрачный и какъ бы висящій въ воздухѣ, но не бѣлый, а дымчато-синій. Замелькали вокзальные огни, запахло каменноугольнымъ дымомъ, откуда-то потянуло махоркой, заблестѣла еще незамерзшая грязь на вымощенномъ камнемъ станціонномъ подъѣздѣ.

Петра Ильича охватило лихорадочное волненіе.

Леденящей струйкой прокрадывался въ душу страхъ передъ неизвѣстностью, боязнь ошибиться въ чемъ то, очень важномъ и существенномъ... Сейчасъ ему было болѣзненно жаль Высокихъ Дубовъ, плачущей матушки, отца Ильи съ его горестно сжатымъ ртомъ, укоризненно глядящей Полюси, всего, что оставалось тамъ, позади... Жаль было и сѣраго неба, и золотистыхъ закатовъ, грязнаго села со скрипучими колодцами, наивныхъ школьниковъ съ ихъ поклонами и тихихъ, повитыхъ туманами, деревень... Точно все это теперь уходило отъ Петра Ильича, чтобы никогда уже не вернуться.

Путь до станціи былъ конченъ.

А впереди лежалъ другой, казалось, безконечно-долгій, тревожный и страшный...

XIV.

Первымъ впечатлѣніемъ Петра Ильича въ Z. было впечатлѣніе удивленности: и самый городъ оказался гораздо обширнѣе, шумнѣе, многолюднѣе, чѣмъ предполагалъ Петръ Ильичъ, и еще изумила его показная роскошь обстановки, среди которой жилъ Москитскій. Петръ Ильичъ зналъ, что Москитскій человѣкъ состоятельный, даже богатый; но зналъ объ этомъ не точно, въ общихъ чертахъ. Теперь же Петра Ильича удивляло то, что онъ увидѣлъ. Семенъ Степановичъ занималъ особнякъ съ небольшимъ садикомъ. Кромѣ того, ему принадлежала огромная усадьба рядомъ, застроенная многоэтажными домами съ десятками квартиръ въ каждомъ домѣ. Внутри особнякъ Москитскаго былъ тщательно разукрашенъ и походилъ больше на музей, чѣмъ на жилое помѣщеніе. Все было дорогое, красивое, но крикливо напоминающее о своей дороговизнѣ. Золоченый залъ, просторная гостиная въ стилѣ ампиръ, съ рояломъ изъ краснаго дерева съ бронзой, другая гостиная, съ модной мебелью бѣлаго

цвѣта, съ бѣлыми коврами и бѣлымъ піанино, солидный кабинетъ Москитскаго съ диваномъ, къ которому, какъ на катафалкъ, надо было идти вверхъ по ступенямъ, дальше гостиныя поменьше, разныхъ цвѣтовъ и стилей, съ вещами изъ розоваго, чернаго и краснаго дерева, — все говорило о томъ, что хозяинъ не жалѣлъ расходовъ на убранство своего жилища. Преобладали парадные покои; а комнатъ, предназначенныхъ для домашняго обихода, было совсѣмъ немного: двѣ, нарядно отдѣланныя, но небольшія спальни и крошечная комнатка возлѣ ванной, заставленная платяными шкафами, въ которой помѣстили Петра Ильича.

Когда Петръ Ильичъ пріѣхалъ, было часовъ одиннадцать утра. Москитскій и Ксенія Адріановна допивали чай. Москитскій,—въ сюртукѣ и темномъ галстухѣ,—собирался на службу. Въ немъ исчезли бравость и желаніе молодиться; наоборотъ, теперь Семенъ Степановичъ глядѣлъ дѣловито и серьезно. Петру Ильичу онъ привѣтливо сообщилъ, что — еще нѣсколько дней — и Петръ Ильичъ можетъ идти въ управу на службу; осталось выполнить незначительныя формальности, подождать, пока состоится управское утвержденіе. Ксенія Адріановна обрадовалась Петру Ильичу, забросала его вопросами о Высокихъ Дубахъ, словно она не вѣсть какъ давно уѣхала оттуда и успѣла соскучиться по деревнѣ. Видъ у нея былъ странный: не то угнетенно-растерянный, не то полусмущенный, будто она сознавала себя не на своемъ мѣстѣ. Ея фигура, въ черной юбкѣ и простой англійской кофточкѣ изъ пестрой фланели, терялась на фонѣ кричаще-цѣнной обстановки Москитскаго. Ксенія Адріановна была похожа не на хозяйку этого по-купечески роскошнаго дома, а на экономку или компаньонку изъ благородныхъ.

Къ подъѣзду подали гнѣдого рысака съ игрушечно-хорошенькой пролеткой, и Семенъ Степановичъ уѣхалъ.

Ксенія Адріановна и Петръ Ильичъ сперва помолчали въ столовой, сидя за массивнымъ столомъ, который сверкалъ серебромъ и посудой. Потомъ у Ксеніи Адріановны измѣнилось ея растерянное выраженіе лица, она опять стала прежней пѣвицей не у дѣлъ, какою зналъ ее Петръ Ильичъ въ Высокихъ Дубахъ. Добродушно засмѣявшись, она спросила:

— Удивлены? Не думали застать здѣсь этакое великолѣпіе?

Ксенія Адріановна повела глазами вдоль стѣнъ съ рѣзными буфетами.

— Не думалъ.

— И я не думала... До сихъ поръ не могу свыкнуться... Никакъ не предполагала, что дѣлаю столь блестящую пар-

тію! Что здѣсь все такъ en grand, съ такой помпой... Оказывается, у меня есть общественное положеніе, я должна помнить о представительствѣ... Но это вовсе не мое амплуа. И я себя—прескверно чувствую. Визиты, знакомства — все не по мнѣ. Лишь теперь понимаю, до какой степени я превратилась въ богему. По четвергамъ, когда у Семена Степановича журфиксы,—я просто мученица. Завтра четвергъ, вотъ увидите, пытка — пыткой... Оно, мятежное, — Ксенія Адріановна постучала рукой противъ сердца,—искало тихой пристани, покоя... а попало въ кипучую струю съ представительствомъ. Вотъ тебѣ и благоразуміе!

Петру Ильичу сдѣлалось такъ же легко съ Ксеніей Адріановной, какъ бывало въ Высокихъ Дубахъ.

— А Семенъ Степановичъ?—спросилъ онъ, не договаривая. Ксенія Адріановна поняла вопросъ, но отвѣтила не такъ, какъ ждалъ Петръ Ильичъ.

— Самъ-то? Самъ — еще ничего; выдержанный, деликатный, съ нимъ можно ужиться, но это представительство! Тяжело... И какъ я не сообразила? Пренеловкое положеніе! Семенъ Степановичъ такъ отъ души старается, чтобы мнѣ было хорошо. Я же при немъ, какъ связанная... Боюсь прорваться, боюсь показать недовольство... За что же его обижать? Чѣмъ онъ виноватъ, что я не въ свои сани полѣзла? И, конечно, не могу быть довольной... Все время насторожѣ, на политикѣ. И политика моя, кажется, ни къ чему не ведетъ. Она была бы хороша, но при одномъ условіи: если бы Семенъ Степановичъ не понималъ ея. А онъ—понимаетъ... Мнѣ ужъ и отпускъ обѣщанъ. Сбѣгу весной въ Высокіе Дубы, до самой осени; буду наблюдать за ремонтомъ и постройками... Ужъ то, что онъ самъ заговорилъ объ отпускѣ, и, такъ сказать, въ медовый мѣсяцъ?.. Правда, это показываетъ, что моя политика ни къ чему?

— Да... но, можетъ, вы еще привыкнете?

— Привыкнуть-то привыкну. Ко всему привыкаешь... Но трудно ужасно! Съ моими нервами что-то неладное; не хотятъ воспринимать новыхъ впечатлѣній, устали, что ли... Еще что-нибудь старое, прежнее: воспоминаніе или знакомство,—ну, ничего, оживешь на минуту, а все новое—какъ-то мимо! Такое отношеніе ко всему, какъ будто... будто я искусный шахматистъ: остановился этотъ шахматистъ возлѣ другихъ игроковъ и думаетъ: а погляжу-ка я, какъ вы ваши партіи разыгрываете? Стоитъ и отмѣчаетъ: вонъ тотъ недурной игрокъ, а этотъ — плохо... Самому же ему играть совсѣмъ не охота. Спѣлъ свою пѣсенку... Такъ и я... Я теперь о своемъ красномъ флигелѣ, какъ о потерянномъ раѣ, думаю...

Они ушли въ кабинетъ Ксеніи Адріановны и проговорили здѣсь вплоть до возвращенія Семена Степановича.

За обѣдомъ ѣли съ большей пышностью, чѣмъ за чаемъ. Кушанья подавалъ лакей въ перчаткахъ и съ образцово неподвижной физіономіей.

— Вечеромъ Мишель сегодня будетъ? — скороговоркой спросилъ Семенъ Степановичъ въ концѣ обѣда у Ксеніи Адріановны.

— Кажется, будетъ... обѣщалъ.

По лицу Ксеніи Адріановны пробѣжала насмѣшливая улыбка.

Москитскій обратился къ Петру Ильичу:

— Въ такомъ случаѣ, мы тебя сегодня еще не выпустимъ въ свѣтъ. Отдохни пока... до завтра. Мишель, — ея кузенъ, губернаторъ... избѣгаетъ смѣшиваться съ смертными. Я и самъ не всегда предстаю предъ его ясныя очи... Что дѣлать? Человѣческія отношенія не терпятъ равенства, какъ природа пустоты.

— Да, можетъ, и у меня нѣтъ желанія съ нимъ знакомиться?—возразилъ Петръ Ильичъ.

Москитскій усмѣхнулся иронически, и Петръ Ильичъ не могъ опредѣлить, смѣется ли Москитскій надъ разборчивымъ Мишелемъ, избѣгающимъ смѣшенія съ толпой, или надъ Петромъ Ильичемъ и его нежеланіемъ знакомиться съ губернаторомъ...

На слѣдующій вечеръ у Москитскихъ былъ журфиксъ.

Гости собирались поздно, послѣ десяти часовъ вечера. Ксенія Адріановна силилась быть привѣтливой, внимательной, и оттого, что она заботилась объ этомъ, ей,—всегда простой и привѣтливой,—теперь не удавалась ни любезность, ни привѣтливость обращенія. На лицѣ ея отражалась принужденность, улыбка выходила насильственной. Большинство гостей составляли мужчины, но и дамъ было достаточно. Судя по разговорамъ о приближеніи выборовъ, о думскихъ дѣлахъ и о предстоящей закладкѣ канализаціи, Петръ Ильичъ понялъ, что гости Москитскаго, главнымъ образомъ, домовладѣльцы, гласные думы, городскіе дѣятели.

Появился коренастый человѣкъ съ бѣлыми, пухлыми руками, лѣтъ за пятьдесятъ, съ просѣдью въ бородѣ, съ серьезно-задумчивымъ взглядомъ небольшихъ глазъ, съ порѣдѣвшими надъ лбомъ волосами и съ некрасивымъ лицомъ. Мужчины сгруппировались вокругъ него, заградивъ ему путь въ гостиную, къ хозяйкѣ дома. Къ нему видимо относились съ особымъ почтеніемъ.

— Николай Евгеньевичъ!

— Николаю Евгеньевичу!

Николай Евгеньевичъ пожималъ руки окружившимъ его и все посматривалъ на двери гостиной. Оттуда вышла Ксенія Адріановна.

— Николай Евгеньевичъ!—сказала и она, здороваясь, и сейчасъ же добавила: — вы—одинъ? А Лидія Григорьевна?

— Она попозже. Заѣдетъ съ концерта.

— Рейзенауэра слушаетъ?

— А концертъ развѣ Рейзенауэра? — спросилъ Николай Евгеньевичъ.—Кто онъ: пѣвецъ или музыкантъ?

Ксенія Адріановна засмѣялась.

Москитскій представилъ Петра Ильича Николаю Евгеньевичу, фамилія котораго была Рыбальцевъ.

— Племянникъ мой, Петръ Ильичъ... Принятъ управой въ секретари. Помните, я говорилъ?

— А! Очень радъ... Очень радъ, Петръ Ильичъ. Послужить желаете? Нужны, нужны молодые работники...

Рыбальцевъ съ большой простотой, почти по-родственному, немного поговорилъ съ Петромъ Ильичемъ. Къ словамъ Рыбальцева прислушивались: очевидно, онъ пользовался авторитетомъ, хотя держался весьма скромно. Съ его появленіемъ разговоръ мужчинъ окончательно сосредоточился на думскихъ выборахъ. Рыбальцевъ больше слушалъ другихъ, чѣмъ говорилъ самъ, но когда начиналъ говорить, рѣчь его лилась легко и непринужденно, какъ у оратора, привыкшаго выступать публично. Толковали о широкой агитаціи, организованной Синицынской партіей.

— У нихъ, что ни день, то подготовительныя собранія,— замѣтилъ кто-то изъ гостей.—Многолюдно у нихъ... Не пора ли и намъ, Николай Евгеньевичъ?

— А что-жъ, пора—такъ пора!—покорно согласился Рыбальцевъ, словно уступая чужому внушенію.—Милости просимъ ко мнѣ въ субботу. Я разошлю приглашенія... Поговоримъ, подготовимся и мы... Обсудимъ заблаговременно задачи новой думы, намѣтимъ людей... И голову себѣ намѣтимъ. А то и впрямь, какъ бы не приставили на плечи чужую? Съ чужой головой легко ли?..

Раздался смѣхъ, лицо Рыбальцева оставалось серьезнымъ.

— Несподручно, Николай Евгеньевичъ,—раздалось возлѣ него,—съ чужой головой несподручно жить!

— Я полагаю,—согласился Рыбальцевъ безъ улыбки.

Вокругъ него заговорили:

— У Синицына дѣятельная агитація! Притягиваетъ на свою сторону всѣ окраины...

— Пользуется антагонизмомъ между центромъ и захудалыми улицами...

— Клянется вымостить всѣ предмѣстья и слободки чуть не торцовыми мостовыми...

— А за одно ужъ и освѣтить ихъ электричествомъ,— лишь бы его избрали. Говорить: Центральная улица—любимое, но незаконное дѣтище старой думы...

— Ужъ этотъ партикулярный патріотизмъ окраинцевъ! Локальные патріоты...

— Какой у нихъ курьезъ вышелъ! Третьяго дня... Ивицкій, воротила синицынскій, назначилъ собраніе въ домѣ Ниченка, а самого Ниченка забылъ предупредить. Восемь часовъ вечера, пьетъ Ниченко чай съ семействомъ,—звонокъ! Входитъ неизвѣстный господинъ, представился хозяину, говоритъ о погодѣ, садится... Ниченко ежится, онъ – нелюдимъ, конфузливъ, застѣнчивъ, какъ институтка... Опять звонокъ, еще гость, и опять незнакомый... Звонки—третій, четвертый, домъ наполняется людьми, и, какъ на грѣхъ, никого знакомаго съ хозяиномъ. Жена уже говоритъ Ниченкѣ по секрету: „ты бы, душечка, послалъ за городовыми. Богъ ихъ знаетъ, что у этого собранія на умѣ, не разбойники ли?..“

— Ха-ха!—раздался смѣхъ.

— Тутъ, къ счастью, пріѣхалъ забывчивый агитаторъ, и все выяснилось...

Рыбальцевъ выслушалъ разсказъ, слабо улыбаясь.

— Итакъ... слѣдовательно, до субботы? — сказалъ онъ, когда смѣхъ затихъ.—Я предложилъ бы избрать коммиссію для счета предварительныхъ предложеній въ гласные? И тогда пусть каждый предлагаетъ, кого хочетъ. По запискамъ... Во избѣжаніе навязыванья чужихъ мнѣній или кандидатовъ. А коммиссія подведетъ итоги предложеній. Записки же, въ присутствіи собранія, прошнуруемъ и опечатаемъ — чьей угодно печатью... Не такъ ли?

— Отлично!

— Затѣмъ, если вторичное собраніе одобритъ намѣченныхъ кандидатовъ, всѣ мы станемъ поддерживать ихъ на выборахъ. Согласны?

— Вполнѣ!

— Такъ милости прошу въ субботу; извѣщу всѣхъ, въ которомъ часу... И надѣюсь, мы будемъ солидарны въ главномъ? Потому что безъ солидарности—что же? Двѣ головни и въ полѣ дымятся, а одна и въ печи гаснетъ...

— Николай Евгеньевичъ! – добродушно взмолился Москитскій.—У меня журфиксъ, а не предвыборное собраніе. Собрались люди на чашку чаю, въ винтъ поиграть... а онъ—съ проектами... И какъ человѣку не надоѣстъ каждую минуту о городскихъ дѣлахъ думать? Когда вы успѣваете при этомъ еще и своей криминальной практикой заниматься?

— А и правда,—потвердилъ Николай Евгеньевичъ,—поиграть въ винтъ теперь благоразумнѣе.

Часть мужчинъ, въ томъ числѣ и Рыбальцевъ, сѣли за карты въ угловой гостиной, къ нимъ присоединились нѣкоторыя изъ дамъ. Послѣ чаю кто-то игралъ на піанино, кто-то пѣлъ, но въ общемъ было невесело. Москитскій занималъ разговоромъ не игравшихъ въ карты мужчинъ. Ксенія Адріановна сидѣла среди болѣе солидныхъ дамъ. Она прислушивалась къ тому, что говорили, подавала реплики, если дамская бесѣда замирала, и растерянно улыбалась.

XV.

Послѣ полуночи пріѣхала съ концерта жена Рыбальцева, Лидія Григорьевна; ее сопровождалъ молодой блондинъ во фракѣ, Демидовъ.

Рыбальцева,—хорошенькая женщина, лѣтъ двадцати семи, темная шатенка, почти брюнетка съ вьющимися волосами,—была одѣта по вечернему, съ открытой шеей и руками, въ ажурное бѣлое платье на зеленоватомъ чехлѣ съ художественно-разрисованными ирисами на зеленой ткани, вставленной медальонами среди бѣлаго ажура. На Лидіи Григорьевнѣ сіяли драгоцѣнности; браслеты звенѣли на ея рукахъ, какъ цѣпи, дрожащая брилліантовая эгретка ослѣпительно колыхалась въ темныхъ волосахъ, при каждомъ движеніи Рыбальцевой. Ея гибкая фигура двигалась, точно извиваясь, и это придавало ей сходство съ красивой змѣйкой. Изсине-сѣрые и очень выразительные глаза Лидіи Григорьевны, съ синевой вокругъ вѣкъ, смотрѣли плутовато и чуть-чуть пресыщенно; тонковатыя розовыя губы также выражали затаенную пресыщенность.

Рыбальцева внесла за собой струйку шума и оживленія въ скучно настроеную гостиную Москитскихъ.

Лидія Григорьевна развязно говорила вслухъ, повидимому, все, что приходило ей на умъ. Ее не стѣсняло опасеніе уколоть, обидѣть или задѣть кого-нибудь намекомъ, и она не церемонилась ни съ кѣмъ, не щадила иногда и самой себя. И какія бы рискованныя вещи ни говорила она, ей все прощалось и дозволялось, какъ избалованному, не знающему удержу, но всѣми любимому ребенку. Ее такъ и называли среди знакомыхъ: l'enfant terrible. Она уже отлично усвоила свой тонъ развязнаго ребенка и сумѣла заставить другихъ признать за нею право на безцеремонность. Семенъ Степановичъ обращался съ Рыбальцевой со свободной фамильярностью старшаго по возрасту; онъ говорилъ ей: „мой дружокъ“ и слегка

поддразнивалъ ее въ разговорѣ, какъ капризнаго ребенка. Рыбальцеву познакомили съ Петромъ Ильичемъ, и она звонко крикнула Москитскому:

— Вашъ племянникъ? Какой онъ у васъ красивый!

Петръ Ильичъ сконфузился.

— Только провинціалъ еще, — продолжала Рыбальцева, наивничая.—Семенъ Степановичъ, отдайте мнѣ племяшу въ науку? Отдадите? Я его въ свѣтъ вывозить буду.

— Берите, если пойдетъ,—съ скрытымъ значеніемъ словъ отвѣтилъ Москитскій.

— А онъ можетъ и не пойти? Упрямый?

— Кажется,—лукаво и все поддразнивая Рыбальцеву, сказалъ Москитскій.

— Тѣмъ лучше. То и цѣнно, что не дается въ руки...

Ксенія Адріановна, видя смущеніе Петра Ильича, измѣнила разговоръ.

— Какъ Рейзенауэръ? — спросила она у Рыбальцевой. — Хорошо игралъ?

— Спросите у Аркадія Павловича. Я вѣдь въ музыкѣ ничего не смыслю, ровнехонько ничего. Ударится звукъ объ ухо и отскочитъ, не проникаетъ дальше! Люди ѣздятъ по концертамъ, и я за людьми, что же мнѣ отставать отъ другихъ? Но сама, кромѣ цыганскихъ пѣсенокъ, никакой иной музыки не понимаю.

— А изъ вашихъ цыганскихъ пѣсенокъ споете намъ что-нибудь?—предложила Рыбальцевой Ксенія Адріановна ласково, какъ неправоспособному ребенку.

— Спою... но послѣ, теперь — чайку! Промочить горло хочется. И жара же въ дворянской залѣ!..

Ей подали чай съ сандвичами и фруктами. Она съ ребяческимъ аппетитомъ истребляла фрукты, выбирая, что посочнѣе, и не прекращала звонкой болтовни.

— Такая жарища тамъ! Не концертъ—мученье... А тутъ еще Аркадій Павловичъ со своими сентенціями. У Рейзенауэра, говоритъ, самое патетическое мѣсто, а вы зѣваете. А если мнѣ скучно и зѣвается? Говоритъ: должно остерегаться людей, которые не понимаютъ музыки...

— Ахъ, дерзкій!—шутя возмутился Москитскій.

— Дерзитъ, на каждомъ шагу дерзитъ. Подозрѣваю, не хочетъ ли онъ плѣнить меня системой дерзостей? Вы мнѣ надоѣли, Аркадій Павловичъ! Послѣдній разъ выѣзжаю съ вами.

Демидовъ, опустивъ глаза, не возражалъ и не оправдывался, только на губахъ его скользнуло выраженіе, напоминающее саркастическую усмѣшку.

— У мужа столько помощниковъ, столько этихъ... будущихъ криминалистовъ. И ни одинъ...

— Не годится въ рыцари къ патроншѣ?—весело подсказалъ Москитскій.

— Ни одинъ! Вотъ племяшу вашего брать съ собою буду... если поѣдетъ со мной. Поѣдете? Хотите провожать меня вмѣсто того господина?

Рыбальцева эксцентрично и упорно глядѣла въ глаза Петру Ильичу.

— Съ удовольствіемъ,—спокойно отвѣтилъ Петръ Ильичъ.

Онъ уже оправился отъ смущенія и упрямо сохранялъ самообладаніе подъ пристальнымъ взоромъ Лидіи Григорьевны, такъ что ей пришлось отвести глаза первой.

— Ксенія Адріановна, милая!—защебетала она,—скажите, если не секретъ... въ чемъ вы будете на закладкѣ канализаціи? Какой цвѣтъ?

— А я не рѣшила еще...

— Рѣшайте же. Чего раздумывать? Вашъ первый оффиціальный выходъ, надѣвайте бѣлое! И я — въ бѣломъ, чуточку съ желтизной, прелестный оттѣнокъ; тоненькое, тонюсенькое сукно, и шляпа подъ кокошникъ... Бѣлая, съ султаномъ. Вице-губернаторша всегда въ лиловомъ, но это мрачно. Надѣньте и вы бѣлое, чтобы мнѣ не быть одинокимъ пятномъ! Хорошо?

— Хорошо, извольте.

— Благодарю. Вы — прелесть, Ксенія Адріановна... Значитъ, мы въ бѣломъ? Только бы погода продержалась хорошая. Какъ размокропогодится къ тому времени! Ужъ подождали бы до весны, если не успѣли лѣтомъ. Какой смыслъ теперь закладывать? Черезъ мѣсяцъ земля замерзнетъ, все равно прекратятъ работы... Старая дума торопится, все хочетъ показать себя передъ выборами: а мы вамъ канализацію устроили!

Лидія Григорьевна сдѣлала вызывающе-коварную гримаску въ сторону Москитскаго.

— Надо имъ, чтобы на дощечкѣ зарыли въ землю на память потомству: при градскомъ головѣ такомъ-то, при такихъ-то и такихъ-то столпахъ общества, заложили канализацію...

Москитскій не смутился отъ укола.

— А хоть бы и такъ, дружокъ мой?—сказалъ онъ Рыбальцевой.—Нашъ посѣвъ, наша и жатва. И не только градского голову, и Николая Евгеньевича на первомъ мѣстѣ на память потомству выпишемъ. Канализація—прежде всего его дѣтище. Онъ предсѣдатель правленія канализаціи. Онъ один-

надцать лѣтъ руководилъ подготовительными работами, какъ гласный думы... Торжество не столько наше, сколько его.

— А о женѣ его не подумали? У васъ—торжество, а намъ, женамъ вашимъ, пачкай въ грязи платья.

— Грязи еще нѣтъ, дружокъ мой.

— Но можетъ быть къ тому времени? Осень на дворѣ. А знаете? Канализаціонныя акціи подымаются! Хотя всетаки еще не въ цѣнѣ. Но у нихъ есть будущее: онѣ пойдутъ въ гору, не смотря ни на какіе глупые слухи! Когда конку открывали, также были всякіе толки. И толковали сдуру! А сейчасъ къ акціямъ конки приступу нѣтъ! Не докупишься.

— Откуда у васъ, дружокъ мой, такія биржевыя познанія?

— А вѣдь я—одесситка. Вы забыли? А въ Одессѣ у насъ всѣ съ биржей знакомы. Всѣ спекулируютъ понемножку.— Лидія Григорьевна сдѣлала паузу, призадумалась, глаза у нея засмѣялись, и она докончила съ дѣтской наивностью:— И не въ одной Одессѣ. Спекуляція—вездѣ. Всякъ на что-нибудь да спекулируетъ.

— Понемножку?—засмѣялся Москитскій.—А пожалуй, и такъ, дружокъ мой.

— А вы? На что вы спекулируете, Семенъ Степановичъ?

— Я?—Москитскій приподнялъ вверхъ брови и наморщилъ лобъ, соображая, какая именно у него спекуляція.— Я?—повторилъ онъ и, наконецъ, нашелся:—На честность, дружокъ мой. Мы съ Николаемъ Евгеньевичемъ спекулируемъ на честность. Только на честность.

Лидія Григорьевна засмѣялась громко, звонко и весело.

— Вы—хорошіе спекулянты,—замѣтила она.—Дѣло прочное... хотя медлительное: выжидать долго приходится.

— Спѣшить некуда. И мы терпѣливы.

— А я—нѣтъ. Мнѣ—чтобы сію минуту было то, чего хочу. Подать немедленно!

— А коли не подадутъ?—поддразнилъ Москитскій.

— Сама возьму, отниму!

— Ого! Это уже не спекуляція, а разбой? Отнимаютъ только разбойники, мой дружокъ.

— Пусть разбой... пусть, что угодно. Но чтобы было то, чего я желаю!

— Вы, кажется, и спѣть намъ выразили желаніе?—любезно напомнила Рыбальцевой Ксенія Адріановна.

— Я помню.

Плутовскіе глазки Рыбальцевой остановились на Петрѣ Ильичѣ. Она улыбнулась, точно приласкавши Петра Ильича на разстояніи, и пошла къ піанино. Аккомпанировать сѣла

смуглая барышня въ черномъ платьѣ, высокая и тонкая, какъ тростинка. Голосокъ у Лидіи Григорьевны былъ мизерный, но пѣла она чрезвычайно выразительно, съ такимъ явнымъ оттѣнкомъ чувственности, что выразительность ея пѣнія не подлежала двоякому толкованію.

Чаръ твоихъ мнѣ не сбросить оковы,
Я во власти твоей красоты!—

пѣла она и въ упоръ глядѣла на Петра Ильича, какъ бы обращаясь къ нему. За этимъ романсомъ Рыбальцева исполнила другой, третій, еще нѣсколько,—всѣ одинаковаго пошиба. Ея пѣніе наэлектризовало гостиную. Даже у Семена Степановича заблестѣли его холодно-безучастные глаза; у дверей показались игроки, оставившіе карты—ради пѣнія. Польщенный и взволнованный, Петръ Ильичъ не могъ отдѣлаться отъ чувства неловкости за Рыбальцеву: ему было почти стыдно и за эту хорошенькую женщину, и за ея пѣсни...

Послѣ Лидіи Григорьевны упросили пѣть Демидова. У него оказался несильный, но пригодный для салоннаго пѣнія тенорокъ. Демидовъ выбралъ для исполненія: „Кто ты, плутовка, я не знаю"... Наивно-чистый мотивъ гармонировалъ со словами: „Но пѣснямъ я твоимъ внимаю въ моемъ убогомъ челнокѣ"...

Пропѣтая непосредственно вслѣдъ за репертуаромъ Рыбальцевой, вещица эта показалась Петру Ильичу чуть ли не идеаломъ чистоты.

„Про-сти до но-ва го сви-дань-я и но-выхъ пѣ-сенъ на-за-рѣ!"—слушалъ Петръ Ильичъ, и ему вспоминалось раннее утро въ Высокихъ Дубахъ надъ Рѣчищемъ и розовая Полюся съ ея ясными глазами, и еще что-то, не имѣющее названія, но полное свѣжести, радостнаго настроенія, поэзіи и чистоты... И Петру Ильичу казалось страннымъ, какъ это о такихъ, почти наивныхъ картинахъ, поетъ хотя и молодой, но, вѣроятно, успѣвшій шибко пожить мужчина съ преждевременными складками утомленія по сторонамъ полнаго, чувственно-очерченнаго рта, тогда какъ только что передъ нимъ молодая женщина изъ круга приличнаго общества безцеремонно распѣвала Богъ знаетъ о чемъ...

Гости начали разъѣзжаться къ тремъ часамъ ночи, послѣ обильнаго, поздняго ужина. За ужиномъ Рыбальцева очутилась возлѣ Петра Ильича. Не пытаясь больше его смутить, она задорно болтала, и ужинъ пролетѣлъ для него незамѣтно.

Къ концу вечера Ксенія Адріановна отъ усталости поблѣднѣла до синевы.

— Не по сердцу ей мои знакомые,—указалъ на нее Петру

Ильичу Москитскій, проводивши послѣдняго гостя.—Еле жива каждый разъ...

Онъ шутилъ, но что-то похожее на желчную укоризну было въ его шуткѣ.

Ксенія Адріановна поспѣшно превозмогла свое утомленіе.

— И всегда я такъ!—встрепенувшись, сказала она.—Помните, Петръ Ильичъ, какъ измучилась я лѣтомъ? Пріѣзжали мои же товарищи, артисты... до чего рада имъ была! А истомилась—не приведи Богъ.

— Я тогда думалъ, что вы сляжете! — смѣясь, добавилъ Петръ Ильичъ.

Москитскій повѣрилъ и сталъ веселѣе.

Ксенія Адріановна начала говорить съ умышленной оживленностью:

— Какой симпатичный Рыбальцевъ, мнѣ онъ нравится! И она, Лидія Григорьевна, мила. Много болтаетъ, правда, лишняго. Но, должно быть, только на словахъ такая экстравагантная...

Семенъ Степановичъ улыбнулся.

— Кажется, и на дѣлѣ разнузданная бабенка,—замѣтилъ онъ.—Не только на словахъ. Мужъ предоставляетъ дѣлать, что угодно, и ей все сходитъ съ рукъ. Рыбальцевъ относится къ ея поведенію по-философски.

— По-философски?—повторила Ксенія Адріановна, дѣлая видъ, будто ее интересуетъ это.—Какой онъ деликатный!

— Не большая еще деликатность не навязывать себя женщинѣ, которой ты въ тягость.

Въ словахъ Москитскаго слышался скрытый смыслъ, но Ксенія Адріановна разсѣянно не замѣтила этого. Москитскій договорилъ:

— Поскольку я его понимаю, онъ смотритъ на свой бракъ такъ: содѣялъ глупость и молчаливо переношу послѣдствія.

— Какъ? Какъ?—чистосердечно разсмѣялась Ксенія Адріановна.—Содѣялъ глупость и...?

Москитскій внимательно поглядѣлъ на нее, и ея смѣхъ оборвался. Насторожившись больше прежняго, она точно пыталась загладить какой-то свой промахъ и говорила о Рыбальцевыхъ:

— Они — не пара. Изъ разныхъ оперъ... И какъ его попутало жениться?

— Не онъ женился, его женили,—отвѣтилъ Москитскій безъ прежнихъ веселыхъ оттѣнковъ въ голосѣ.—Лидія Григорьевна гостила у тетки, а тетка жила на дачѣ у Николая Евгеньевича... Тамъ его изловили и окрутили. Рыбка крупная, стоило поймать...

— А онъ—что? Увлекся?

— Врядъ ли... не изъ увлекающихся, какъ будто, и не гимназистъ: отъ перваго брака дѣти взрослыя. Вѣрнѣе, просто не сумѣлъ отказать. А впрочемъ... можетъ, и увлекся. Его не разгадаешь. Необыкновенно скрытенъ. Со всѣми хорошъ, но ни съ кѣмъ не близокъ, въ душу къ себѣ никого не пуститъ. Можетъ, и увлекся.

Остатокъ ночи Петръ Ильичъ не спалъ, раздумывая о красивой, разнузданной Рыбальцевой, которая открыто высказывала, что онъ ей понравился...

О. Н. Ольнемъ.

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

---

* * *

Не звонъ цѣпей меня пугаетъ,
Не своды каменной тюрьмы,
Не сила всегубящей тьмы
Мой умъ безсильемъ поражаетъ.

Разрушить можно тюремъ своды
И звенья цѣпи можно сбить,
Но тѣхъ нельзя освободить,
Кого пугаетъ видъ свободы!

Леонидъ Б.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

V. Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ. Послѣдніе годы.

I.

Первое тайное общество, въ которое вступилъ Рылѣевъ была масонская ложа. Попалъ онъ въ нее еще въ 1820 году, когда, только что женившись, на короткій срокъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ вступилъ въ это общество, какъ вступали тогда весьма многіе молодые люди, побуждаемый какими угодно мотивами, но едва ли политическими. Ложа называлась „Пламенѣющей Звѣздой", и дѣла, и пренія велись въ ней на нѣмецкомъ языкѣ. Рылѣевъ числился „братомъ первой степени". Какое участіе принималъ онъ въ масонской „работѣ" и часто ли онъ посѣщалъ свою ложу, мы не знаемъ, но есть основаніе думать, что эта работа была очень скромная и о личности Рылѣева сами „братья" имѣли представленіе довольно смутное *).

Со вступленіемъ въ тайное политическое общество, Рылѣеву, конечно, уже не оставалось времени для другой тайной работы.

Рылѣевъ былъ принятъ въ Петербургское или Сѣверное тайное общество въ началѣ 1823 года, когда общество состояло изъ немногихъ членовъ и готово было распасться. Начальникомъ общества сначала состоялъ Никита Муравьевъ, затѣмъ въ концѣ

---

*) Такъ, въ спискѣ членовъ онъ названъ „офицеромъ гвардіи" [*А. Пыпинъ* „Общественное движеніе при Александрѣ I, 1895, 318—9], тогда какъ онъ въ 1820 году офицеромъ уже не былъ и въ гвардіи никогда не служилъ. Д. Кропотовъ [„Нѣсколько свѣденій о Рылѣевѣ, 236] держится противнаго мнѣнія и говоритъ о *дѣятельномъ* участіи Рылѣева въ масонскихъ дѣлахъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ минуту ареста Рылѣевъ просилъ свою жену озаботиться истребленіемъ однѣхъ только масонскихъ бумагъ, лежавшихъ особо въ его кабинетѣ, которыя къ утру и были сожжены. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на масонскую дѣятельность Рылѣева и потому не можемъ даже утверждать, что, числясь въ нѣмецкой ложѣ, онъ тѣмъ самымъ былъ обязанъ знать хорошо нѣмецкій языкъ.

1823 года къ нему были присоединены князья Трубецкой и Оболенскій. Когда черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ Кіевъ, на его мѣсто членомъ директоріи или думы былъ назначенъ Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи директоры или правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ *).

Со времени вступленія Рылѣева въ думу, общество стало обнаруживать бо́льшую и болѣе безпокойную дѣятельность. Принимая во вниманіе характеръ Рылѣева, этому легко повѣрить, но въ чемъ именно заключалась дѣятельность Рылѣева 1823—1824 годовъ—объ этомъ свѣдѣній очень мало. Настоящая его дѣятельность началась только въ 1825 году, а до этого года время уходило, кажется, главнымъ образомъ на организацію совѣщаній и на споры о политическихъ программахъ. Рылѣевъ принималъ въ этихъ совѣщаніяхъ и спорахъ близкое участіе, образъ мыслей его становился все радикальнѣе и радикальнѣе, но дѣйствій пока не было, а были слова и, какъ увидимъ, достаточно неустойчивыя.

Общество расширялось, но очень медленно и даже ближайшее дѣло, которое само собой напрашивалось, т. е. объединеніе существующихъ тайныхъ обществъ сѣвернаго и южнаго, согласованіе ихъ дѣйствій—такъ и не двинулось впередъ до самаго критическаго момента, когда обѣ группы, вступивъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, стали дѣйствовать безъ всякаго соглашенія и выработаннаго сообща плана.

Рылѣевъ былъ однимъ изъ главныхъ, отстаивавшихъ такую независимость сѣвернаго общества по отношенію къ южному. Когда въ 1824 году П. И. Пестель — глава южнаго общества — пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ о взаимномъ соглашеніи, Рылѣевъ встрѣтилъ его недружелюбно. Причины ихъ несогласія, даже, кажется, ссоры, лежали частью въ несходствѣ ихъ политическихъ программъ, частью въ ихъ психической организаціи—въ паѳосѣ Рылѣева и въ разсчетливости Пестеля. „Пестель,—говорилъ самъ Рылѣевъ,—пріѣзжалъ въ Петербургъ съ разными предложеніями, но они всѣ были отвергнуты, ибо правила, принятыя здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) не сходствовали съ тѣми, кои служили основаніемъ предложеній Пестеля: онъ былъ совершенно противъ конституціи, написанной Никитою Муравьевымъ. Я видѣлся съ Пестелемъ одинъ разъ. Онъ говорилъ о необходимости соединенія здѣшняго общества съ южнымъ и о недостаткахъ конституціи Никиты Муравьева. Замѣтивъ въ немъ хитраго честолюбца, я уже больше не хотѣлъ съ нимъ видѣться“. Не-

---

*) Основныя свѣдѣнія о роли Рылѣева въ тайномъ обществѣ взяты изъ „Донесенія слѣдственной коммиссіи“ Спб. 1826, и изъ „Записки объ отставномъ подпоручикѣ Рылѣевѣ“, напечатанной у *Н. К. Шильдера*. „Императоръ Николай I“.

пріятное впечатлѣніе произвелъ Пестель не на одного только Рылѣева. Когда Рылѣевъ высказалъ свои подозрѣнія, что Пестель человѣкъ опасный и для Россіи, и для видовъ общества, и когда Рылѣевъ предлагалъ даже соединеніе обществъ, но съ опредѣленной цѣлью—чтобы не выпускать Пестеля изъ виду и наблюдать за нимъ—всѣ члены сѣвернаго общества съ этимъ согласились, хотя честолюбивые замыслы Пестеля такъ ихъ напугали, что отъ мысли объединиться съ южнымъ обществомъ они въ концѣ концовъ всетаки отказались *). Такимъ образомъ, была упущена возможность болѣе согласованнаго и рѣшительнаго дѣйствія, которымъ Пестель по природѣ своей способенъ былъ руководить, и которое должно было затормазиться и запутаться подъ руководствомъ такихъ совершенно не политическихъ и не организаторскихъ головъ, какими были Рылѣевъ и его сѣверные товарищи. Сами главари сѣвернаго общества признавали впослѣдствіи, что „общество находилось подъ вліяніемъ правителей ревностныхъ и дѣятельныхъ, но не успѣвшихъ еще пріобрѣсти опытность въ дѣлахъ“ **). Этой опытностью менѣе всего обладалъ Рылѣевъ, хотя въ минуты болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу и онъ понималъ всю слабость

---

*) Пестель,—говорилъ Рылѣевъ,—вѣроятно, желая вывѣдать меня, въ два часа разговора со мной былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской. Напримѣръ, онъ соглашался со мной, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть самый приличный и удобный для Россіи. Когда же я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, т. е. къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя нѣсколько времени онъ согласился со мной, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, что англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь, лордовъ, купцовъ, „да близорукихъ англикановъ“—подхватилъ Пестель. Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу испанскаго государственнаго устава и, наконецъ, зашла рѣчь и о Наполеонѣ. Пестель воскликнулъ: „вотъ истинно великій человѣкъ, по моему мнѣнію; ужъ если имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію! сколько создалъ новыхъ фортунъ! онъ отличалъ незнатность и дарованія“. Понявъ, куда все это клонится, я сказалъ: „сохрани насъ Богъ отъ Наполеона. Да, впрочемъ, этого и опасаться нечего,—въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ“. „Разумѣется—отвѣчалъ Пестель.—Я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему должно быть вторымъ Наполеономъ, а въ такомъ случаѣ всѣ мы останемся не въ проигрышѣ“ (См. „Донесеніе“ стр. 42). Въ Пестелѣ тогда многіе хотѣли видѣть будущаго Наполеона (Выраженіе Н. И. Тургенева—„Вашингтонъ—Рылѣевъ и Бонапарте—Пестель“ въ письмѣ къ братьямъ отъ 25 окт. 1826. „Русская Старина“ 1901. V, 258).

**) „Разборъ донесенія слѣдственной коммиссіи Н. Муравьева и Лунина“ „Записки Декабристовъ“ III. Лондонъ 1863, 115.

наличныхъ силъ, съ которыми приходилось дѣйствовать. Если въ частныхъ бесѣдахъ онъ стремился — какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ—„представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, чѣмъ они были, и въ подлинныхъ разговорахъ говорилъ о распространеніи числа членовъ“ *), то, какъ видно изъ его показаній, онъ все-таки не самообольщался насчетъ силы, какой всѣ они располагали. Тотъ же Н. Бестужевъ заставляетъ Рылѣева признать всю слабость ихъ организаціи **), а самъ Рылѣевъ въ бесѣдѣ съ Трубецкимъ признавался, что сѣверное общество „совершенно ничего не можетъ сдѣлать, если прочіе члены думы будутъ дѣйствовать по прежнему“. О себѣ же самомъ онъ говорилъ, что онъ будетъ „безполезная жертва“.

Не смотря на такой печальный взглядъ, энергія Рылѣева не ослабѣвала, и всѣ, кто помнитъ его на собраніяхъ,—сохранили въ своей памяти его восторженный обликъ и нервно напряженную рѣчь. Судьи отмѣтили въ своемъ обвиненіи эту его восторженность и суетливость, которыя дали имъ поводъ думать, что онъ былъ душой всего заговора. Рылѣевъ самъ укрѣпилъ ихъ въ этомъ мнѣніи, признавая себя главнымъ виновникомъ происшествій 14 декабря. „Я могъ все остановить,—говорилъ онъ своимъ судьямъ, и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности“ ***). Въ этомъ признаніи было, однако, гораздо больше желанія спасти другихъ, чѣмъ желанія сказать истину.

Если Рылѣевъ и кипятился, то само дѣло двигалось очень медленно, и Рылѣевъ не могъ ни поторопить, ни затормазить его.

Дѣятельность Рылѣева состояла, главнымъ образомъ, въ привлеченіи новыхъ членовъ и въ устройствѣ собраній. Онъ принялъ въ общество многихъ: А. Бестужева и Каховскаго (которые составляли его „отрасль“), Сутгофа, Кожевникова, князя Одоевскаго, Николая, Петра и Михаила Бестужевыхъ, Торсона, Батенкова, Панова, В. Кюхельбекера, Завалишина, Арбузова и другихъ ****).

*) „Воспоминаніе о Рылѣевѣ“ Н. Бестужева. Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 30.

**) Тамъ же, стр. 31.

***) Донесеніе, 62.

****) У Рылѣева была, кажется, мысль пристегнуть къ обществу Грибоѣдова и Хомякова. Трубецкой утверждалъ, что онъ слышалъ, будто Рылѣевъ принялъ Грибоѣдова въ члены. Рылѣевъ на судѣ отвергъ это, говоря, что Грибоѣдовъ „полагалъ Россію къ конституціонному правленію не готовою и съ неохотой входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ. Грибоѣдовъ же показалъ, что Рылѣевъ ему о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывалъ (Объ участи Грибоѣдова въ дѣлѣ декабристовъ смтр. *П. Е. Щеголевъ* „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“ Спб. 1904).

Что касается Хомякова, то „встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, Хомяковъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изо всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему

Будучи менѣе образованъ въ политическомъ смыслѣ, чѣмъ, напр., Никита Муравьевъ, Лунинъ, Батенковъ, Николай Тургеневъ (который, впрочемъ, тогда жилъ за границей), Рылѣевъ былъ среди нихъ наибольшій сангвиникъ и человѣкъ наиболѣе рѣзкаго слова. Уступалъ онъ въ этомъ отношеніи одному лишь Якубовичу, про котораго и слѣдственная коммиссія говорила, что онъ „сильно дѣйствовалъ на Рылѣева“ *). Но такой сангвиническій темпераментъ въ спорахъ и рѣчахъ еще не указывалъ на такую же сангвиническую способность къ дѣйствію.

Кромѣ дѣятельной вербовки членовъ, Рылѣевъ былъ тогда занятъ и устройствомъ собраній и совѣщаній. Въ особенности част и многолюдны стали они въ ноябрѣ 1825 г. „Квартира ваша — гласило обвиненіе—сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній и сборища заговорщиковъ, откуда и исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію, которыя хотя дѣлались отъ имени Трубецкаго, но были непосредственно слѣдствія вашей воли“. Рылѣевъ призналъ правильность обвиненія, согласился, что дѣйствительно его квартира сдѣлалась мѣстомъ совѣщанія, но говорилъ, что произошло это случайно, по причинѣ его болѣзни, которая не дозволяла ему выѣзжать **). Иначе, конечно, добавлялъ онъ, онъ не допустилъ бы у себя такихъ собраній, какъ ради собственной безопасности, такъ и безопасности самого общества.

Если на эти собранія заговорщики и не стекались „сотнями“, какъ утверждалъ Пржецлавскій ***), то собранія были всетаки многолюдны. Послѣ смерти императора Александра члены собирались ежедневно и разговоры принимали все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Самыя бурныя собранія происходили 12 и 13 декабря, первое у Оболенскаго, второе и послѣднее у Рылѣева. На этомъ собраніи и былъ выработанъ планъ вывести войска на площадь и, въ случаѣ неудачи, отступить съ ними къ Новгороду и поднять военныя поселенія ****).

Кромѣ этой роли хозяина и оратора на столичныхъ собра-

что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу“. *В. Лясковскій*. А. С. Хомяковъ. М. 1897, 12. „Хомяковъ,—говоритъ П. Бартеневъ,—бывалъ у Рылѣева въ 1825 г. и однажды до того раздразнилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру. „*П. Б.*“ „Русскій Архивъ“ 1893. II, 119.

*) „Донесеніе“ 58.

**) Съ 26 ноября 1825 онъ двѣ недѣли не выѣзжалъ изъ дома. У него была жаба.

***) „Русская Старина“ 1874. Декабрь 677.

****) „14-ое декабря“ И Пущина. „Всемірный Вѣстникъ“ 1903. VI—VII, 228, 231 срв. „А. М. Булатовъ“ „Русская Старина“ 1887. Январь, 213. Объ этихъ собраніяхъ зналъ генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, но не обратилъ на нихъ вниманіе, полагая, что это собранія „редакціонныя“ при „Полярной Звѣздѣ“.

ніяхъ, Рылѣевъ исполялъ также иногородныя порученія. Лѣтомъ 1825 года онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ съ цѣлью устроить тамъ филіальное отдѣленіе общества.

Былъ онъ въ этомъ же году и въ Москвѣ, гдѣ вращался въ кружкѣ архивныхъ юношей, кажется, тоже съ цѣлью пропаганды. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что на вечерѣ у М. М. Нарышкина онъ слушалъ, какъ Рылѣевъ читалъ свои „Думы“ и „рѣзко выражался“. Впечатлѣніе отъ рѣчей и стиховъ Рылѣева было очень сильное. Кошелевъ подѣлился этимъ впечатлѣніемъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновымъ и Рожалинымъ, и молодые московскіе философы стали итересоваться русской политикой *), къ которой раньше были равнодушны.

О какой-либо другой работѣ Рылѣева въ обществѣ—у насъ нѣтъ свѣдѣній. Если не считать его стихотвореній, „Думъ“ и вышеупомянутыхъ революціонныхъ пѣсенъ,—то Рылѣевъ, кажется, не принималъ участія въ какихъ-либо письменныхъ трудахъ общества. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ Александромъ и Николаемъ Бестужевыми занимался составленіемъ прокламацій къ войску; они хотѣли тайно разбросать ихъ по казармамъ, но признали это неудобнымъ и прокламаціи изорвали **).

Отъ сочиненія конституціоннаго манифеста—на случай удачи—Рылѣевъ также отказался и поручилъ это дѣло бар. Штейнгелю.

Наконецъ, обвиненіе ставило Рылѣеву въ вину сочиненіе „Катехизиса вольнаго человѣка“, начатаго Н. Муравьевымъ. Рылѣевъ, однако, показывалъ, что онъ только обѣщалъ продолжать этотъ катехизисъ, но за разными обстоятельствами исполнить этого не успѣлъ и возвратилъ Муравьеву катехизисъ неоконченнымъ.

Изъ всѣхъ этихъ краткихъ свѣдѣній видно, что роль Рылѣева до 14 декабря ограничивалась, главнымъ образомъ, тѣмъ экзальтирующимъ вліяніемъ, какое онъ оказывалъ на товарищей. Онъ былъ „душой“ заговора въ этомъ именно смыслѣ. Мы увидимъ дальше, что и въ выработкѣ политической программы онъ участвовалъ больше своимъ темпераментомъ, тѣмъ политическимъ глубокомысліемъ.

Этотъ темпераментъ поддерживалъ въ немъ энергію въ самыя критическія минуты: казалось, ничто не могло его обезкуражить. Когда, наканунѣ 14 декабря, членамъ общества стало извѣстно, что в. к. Николай Павловичъ знаетъ объ ихъ заговорѣ изъ доклада І. И. Ростовцева, Рылѣевъ, при встрѣчѣ съ Ростовцевымъ, велъ себя

---

*) *М. Веневитиновъ.* „Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова“, „Русскій Архивъ“ 1885 I, 115. *А. И. Кошелевъ* „Записки“ Берлинъ, 13.

**) *Н. Бестужевъ.* „Воспоминаніе о Рылѣевѣ“. Сочиненія Рылѣева, Берлинъ 1861, 32.

совсѣмъ какъ сентиментальный герой любой романтической драмы и не хотѣлъ понять всей важности совершившагося факта *). Такую же политическую слѣпоту обнаружилъ онъ и при конечной оцѣнкѣ силъ, съ какими намѣревался дѣйствовать на площади. Когда Трубецкой съ наивностью говорилъ ему, что для совершенія ихъ намѣреній вполнѣ довольно одного полка, Рылѣевъ успокоился и отвѣчалъ, что тогда и хлопотать нечего, потому что ужъ два полка выйдутъ навѣрное. А когда тотъ же Трубецкой, уступая законнымъ сомнѣніямъ, сказалъ: „что, если выйдетъ мало войска? рота или двѣ? зачѣмъ идти и другихъ вести на гибель"?— Рылѣевъ, какъ будто соглашался съ нимъ, но потомъ замѣтилъ: „если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними" **).

Странно, однако, что при такой бѣшеной храбрости и рѣшимости, Рылѣевъ отклонилъ отъ себя руководящую роль въ самомъ возмущеніи. Диктаторомъ былъ назначенъ, какъ извѣстно, князь Трубецкой, и при томъ по предложенію Рылѣева. Одинъ современникъ утверждаетъ, что Рылѣевъ имѣлъ нужду въ имени Трубецкаго, за которымъ онъ намѣревался скрыть собственный авторитетъ — что́ будто бы и призналъ Трубецкой при допросѣ ***). Но зачѣмъ было скрывать авторитетъ въ самый рѣшительный моментъ, это — непонятно. Вѣрнѣе предположить, что выборъ палъ на Трубецкого потому, что сѣверное общество въ эту критическую минуту разсчитывало дѣйствовать сообща съ южнымъ, гдѣ у Трубецкого было больше связей, чѣмъ у Рылѣева. Но во всякомъ случаѣ поведеніе Рылѣева въ этотъ самый опасный моментъ не соотвѣтствуетъ той энергіи и рѣшимости, съ какой онъ выступалъ на собраніяхъ. Тотъ аргументъ, что онъ былъ статскій, а Трубецкой — гвардейскій офицеръ, едва ли можетъ быть принятъ во вниманіе, такъ какъ диктаторъ могъ руководить своими ближайшими помощниками и не обязанъ былъ вступать въ непосредственное сношеніе съ войсками. Кромѣ того, выборъ Трубецкого, котораго Рылѣевъ зналъ довольно

*) 13 декабря 1825 въ 5 часовъ вечера Ростовцевъ отдалъ Оболенскому въ присутствіи Рылѣева переписанное имъ самимъ письмо къ Великому Князю и записанный ихъ разговоръ [„Русская Старина", 1889, сентябрь 618, 636. „Письмо Я. И. Ростовцова къ Е. И. Оболенскому 1858 г."]. Рылѣевъ сказалъ при этомъ Оболенскому: „нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности, но какое имѣлъ ты основаніе быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью идя къ Великому Князю [какъ извѣстно, Ростовцовъ при докладѣ не назвалъ ни одного изъ участниковъ заговора по имени], вновь жертвуетъ жизнью, придя къ намъ: ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка". Оболенскій сказалъ на это: „я бы желалъ задушить его въ моихъ объятіяхъ". „Изъ бумагъ. I. И. Ростовцова" „Русскій Архивъ" 1873, 473.

**) Schnitzcer „Histoire intime de la Russie" 1854 I, 213.

***) „Донесеніе", 73.

близко, указываетъ лишній разъ на политическую недальновидность нашего поэта.

И въ поэтической натурѣ Рылѣева, пожалуй, и кроется разгадка всѣхъ этихъ вопросовъ.

Въ мечтахъ и планахъ смѣлый, онъ для дѣла былъ мало пригоденъ. Нервный человѣкъ, онъ рисковалъ ослабѣть въ самую нужную минуту, и онъ, дѣйствительно, палъ духомъ тотчасъ же, какъ очутился на площади.

Съ какими же планами шелъ онъ на сенатскую площадь и каковы были тѣ политическія убѣжденія или просто мысли, на которыхъ онъ остановился послѣ трехлѣтнихъ жаркихъ споровъ?

II.

Рылѣевъ не оставилъ намъ письменнаго изложенія своей политической проповѣди; онъ высказывался лишь при случаѣ, несистематично, иногда сбивчиво, и потому категорическая оцѣнка его политическаго ученія при наличномъ матеріалѣ невозможна.

Съ увѣренностью можно намѣтить лишь самыя общія положенія. Они изложены связно и документально въ біографическомъ очеркѣ Рылѣева, написанномъ А. Сиротининымъ, и намъ остается только повторить ихъ *). Программа Рылѣева была „та же самая программа, что и у другихъ членовъ общества: онъ также желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостнаго права, свободы въ выборѣ занятій, равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ; но онъ подходилъ къ этимъ вопросамъ съ своей особенной, демократической точки зрѣнія, и эта демократичность его убѣжденій всего рѣзче и яснѣе выступала въ сравненіи съ мнѣніями его сотоварищей. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія на преобразовательный проектъ Никиты Муравьева гораздо болѣе склоннаго къ аристократическимъ началамъ. Оба, напримѣръ, одинаково желали, чтобы народъ самъ избиралъ себѣ представителей; но Муравьевъ думалъ ограничить какъ самое право быть избираемымъ, такъ и право избирать установленіемъ особаго имущественнаго ценза: избираемые должны были имѣть или недвижимое имѣніе въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое въ 3000 фунтовъ, а избиратели—недвижимое въ 250 фунтовъ, а движимое въ 500 фунтовъ. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, заявляя, что „это не согласно съ за-

*) *А. Сиротининъ.* „К. Ѳ. Рылѣевъ“ „Русскій Архивъ“ 1890, Іюнь 165—6.

конами нравственными". Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ *) опять проглядываетъ его демократическая жилка, и въ то время, какъ иные стояли лишь за личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, а Муравьевъ за оставленіе имъ въ собственность только домовъ и огородовъ, Рылѣевъ желалъ полнаго освобожденія съ землей, не только огородной, но и полевой. Даже самыя мелкія обстоятельства политической его дѣятельности носятъ на себѣ эту своеобразную демократическую печать. Такъ, поступивъ въ члены тайнаго общества, онъ уже предлагаетъ принимать въ него и купцовъ, и мѣщанъ. Правда, это предложеніе не удалось, такъ какъ рѣшили, что „это невозможно, что наши купцы — невѣжды"; но для насъ важно уже то обстоятельство, что вездѣ и всюду Рылѣевъ являлся истиннымъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ аристократическихъ замашекъ своихъ товарищей".

Къ этому общему обзору мнѣній Рылѣева нужно добавить еще его патріотическую тенденцію. Онъ не раздѣлялъ политическихъ польскихъ симпатій своихъ товарищей и о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года не думалъ **).

На допросѣ онъ по этому поводу показывалъ: „О существованіи тайныхъ обществъ въ Польшѣ слышалъ я отъ Трубецкого, при чемъ онъ говорилъ, что южное общество чрезъ одного изъ своихъ членовъ имѣетъ съ оными постоянныя сношенія; что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей отъ Россіи завоеванныя провинціи: Литву, Подолію и Волынь. Я сильно возставалъ противъ сего, утверждая, что никакое общество не въ правѣ сдѣлать подобнаго условія, что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ. Говорилъ, что и настоящее правительство наше дѣлаетъ великую погрѣшность, называя упомянутыя провинціи въ актахъ своихъ „польскими" или вновь присоединенными отъ Польши, и впродолженіе 30 лѣтъ ничего не сдѣлавъ—даже нравственно присоединить оныя къ Россіи; что границы Польши собственно начинаются тамъ, гдѣ кончается нарѣчіе малороссійское и русское или по-польски хлопское; гдѣ же большая часть народа говоритъ упомянутыми нарѣчіями и исповѣдуетъ греко-россійскую или уніатскую религію, тамъ Русь, древнее достояніе наше".

Таковы общія политическія и общественные взгляды Рылѣева. Въ нихъ противорѣчій и колебаній нѣтъ, но противорѣчія оказались, когда ему пришлось задуматься о частностяхъ, и при томъ самыхъ важныхъ.

Приступая къ обзору этихъ частностей, не будемъ, однако, упу-

---

*) „При вступленіи моемъ въ общество, показывалъ Рылѣевъ, мнѣ сказано было, что свобода крестьянъ есть одно изъ первѣйшихъ условій общества и что въ обязанности каждаго члена склонять умы въ пользу оной".

**) *Д. Кропотовъ.* „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 237.

скать изъ виду всей скудости свѣдѣній, какими мы располагаемъ.

На сторонѣ какой формы правленія стоялъ Рылѣевъ?

Цѣль общества—говорилъ онъ въ своихъ показаніяхъ—было установленіе конституціонной монархіи. На вопросъ генералъ-адъютанта барона Толя (при первомъ допросѣ 14 декабря): „не вздоръ ли затѣваетъ молодость? не достаточны ли для нихъ примѣры новѣйшихъ временъ, гдѣ революціи затѣваютъ для собственныхъ разсчетовъ?"—Рылѣевъ холодно отвѣчалъ: „Не взирая на то, что я вамъ всѣхъ виновныхъ выдалъ (?), я вамъ скажу, что я для счастія Россіи полагаю конституціонное правленіе самымъ выгоднѣйшимъ и остаюсь при семъ мнѣніи". Въ письмѣ къ Государю отъ 16 декабря 1826 г. онъ говоритъ тоже самое, только, конечно, въ другихъ выраженіяхъ: „Мы надѣялись, пишетъ онъ, что дѣло кончится безъ кровопролитія, что другіе полки пристанутъ къ намъ, и что мы въ состояніи будемъ посредствомъ сената предложить Вашему Величеству или Государю Цесаревичу о собраніи великаго собора, на который должны были съѣхаться выборные изъ каждой губерніи, съ каждаго сословія по два. Они должны были рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Приговору великаго собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасностьо Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно б ыл представить народному собору, какъ проектъ".

Рѣчь идетъ, очевидно, о конституціонной монархіи, которую Рылѣевъ и въ частныхъ бесѣдахъ признавалъ наиболѣе желательной формой правленія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что „во второй арміи въ южномъ обществѣ хотятъ демократіи: „это вздоръ, говорилъ онъ, невозможное дѣло: мы желаемъ монархіи ограниченной". Но почти въ тоже время онъ при Батеньковѣ восклицалъ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ; что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся, и самая Англія, въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія: „южные отвергаютъ монархію, ихъ мнѣніе принято и здѣсь" *).

Если и предположить, что Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ имѣлъ нѣкоторое основаніе затемнять свой „республиканскій" образъ мыслей, то такія слова, сказанныя въ частной бесѣдѣ, всетаки показываютъ, что главнаго вопроса о формѣ правленія Рылѣевъ себѣ какъ будто не выяснилъ. Рылѣевъ самъ чувствовалъ это и выдвигалъ въ свою защиту аргументъ очень вѣскій: онъ утверждалъ, что установленіе новаго порядка не должно было быть дѣломъ

*) „Донесеніе", 59.

частныхъ лицъ, а могло принадлежать лишь волѣ народа *). Но дѣло идетъ не объ установленіи правленія, а о взглядахъ самого Рылѣева, и эти взгляды, насколько они намъ извѣстны, были очень неустойчивы. По его словамъ, онъ въ частныхъ бесѣдахъ всегда придерживался того мнѣнія, что Россія еще *не созрѣла для республиканскаго правленія*, онъ всегда защищалъ ограниченную монархію, хотя *душевно* и предпочиталъ ей образъ правленія Сѣверо-АмериканскихъСоединенныхъ Штатовъ, предполагая, что образъ правленія сей республики есть самый удобный для Россіи по обширности ея и разноплеменности населяющихъ ее народовъ. Онъ склонялъ даже Никиту Муравьева сдѣлать въ написанной имъ конституціи нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь устава Соединенныхъ Штатовъ, *оставивъ, однако жъ формы монархіи.*

Объ англійской конституціи онъ говорилъ, что она устарѣла и имѣетъ множество пороковъ. Введеніе въ Россіи устава Штатовъ онъ также признавалъ возможнымъ лишь при условіи, если вмѣсто президента будетъ императоръ, такъ какъ онъ для Россіи нуженъ.

Но въ концѣ концовъ, съ самаго своего вступленія въ общество до 14 декабря, онъ всегда говорилъ одно, что никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выбраннымъ отъ народа представителямъ, рѣшенію коихъ повиноваться безпрекословно есть обязанность каждаго **).

Изъ этихъ словъ видно, что Рылѣевъ позволялъ себѣ иногда помечтать о республикѣ, и что эти мечты запутывали и туманили его понятіе о монархіи конституціонной, въ возможности осуществить которую онъ не сомнѣвался.

Такое же колебаніе, въ данномъ случаѣ вполнѣ законное и понятное, замѣтно и въ его мысляхъ о способѣ осуществленія переворота.

Степень участія Рылѣева въ выработкѣ самого плана возмущенія установить почти невозможно. Планъ выработывался сообща, подвергался многимъ измѣненіямъ и до самаго 14 декабря, кажется, не былъ установленъ, за исключеніемъ лишь одного пункта, именно—рѣшенія воспользоваться военной силой для его проведенія.

При совѣщаніи о средствахъ возмущенія солдатъ, какъ говоритъ обвиненіе, Рылѣевъ полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами; что цесаревичъ отъ престола не отказывается, что,

---

*) „Донесеніе", 60.
**) „Донесеніе", 60.

присягнувъ одному государю, присягать другому черезъ нѣсколько дней—грѣхъ. Мнѣніе сіе было принято единодушно и поручено было офицерамъ, принадлежавшимъ къ обществу, привести оное въ исполненіе. Рылѣевъ думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ по причинѣ негодованія ихъ противъ взыскательности начальства.

Но тотъ же Рылѣевъ, какъ мы знаемъ, минутами смотрѣлъ очень скептически на силу такихъ рѣшительныхъ капитановъ. Онъ предполагалъ возможность неудачи и въ этомъ случаѣ предлагалъ отступить съ войсками къ военнымъ новгородскимъ поселеніямъ, а если бы и тамъ не удалось, то стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ „вольности" *).

Все это казалось Рылѣеву, очевидно, весьма легко достижимымъ, и въ особую тревогу его не повергало **). Онъ всетаки надѣялся, что дѣло обойдется какъ-нибудь само собой, и, вѣроятно, какъ Трубецкой, думалъ: „Только бы удалось, а тамъ явятся люди".

Но былъ одинъ вопросъ, стоявшій на первой очереди, въ рѣшеніи котораго ему не помогало ни его легковѣріе, ни его возбужденность; этотъ вопросъ его мучилъ, потому что требовалъ отъ него жестокаго поступка ***).

Это былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ царемъ и его семействомъ? Различныя мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами общества, послужили главнѣйшимъ пунктомъ, на которомъ „Донесеніе" слѣдственной коммиссіи строило свое обвиненіе. Составитель донесенія при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ „злодѣйскій" умыселъ заговорщиковъ—истребить царя и всю его фамилію.

Такой умыселъ былъ, но, какъ вѣрно замѣчаютъ Н. Муравьевъ и Лунинъ, онъ не входилъ въ программу „тайнаго

---

*) Приложеніе къ докладу слѣдственной коммиссіи. „Русскій Архивъ", 1875, III, 437 (Имѣя этотъ планъ въ виду, Рылѣевъ совѣтывалъ Каховскому идти служить въ военныхъ поселеніяхъ).

**) Нѣкоторые его планы поражаютъ своей наивностью. „Созвать великій соборъ — признавался онъ—мы надѣялись посредствомъ сената, а сенатъ принудить къ тому силою. Зная то высокое уваженіе, какое имѣетъ народъ лишь къ сенату, мы увѣрены были, что достаточно одного сенатскаго указа, чтобы созвать соборъ".

***) Рылѣевъ былъ вообще противъ мѣръ отчаянныхъ и такихъ, которыя могли бы бросить неблаговидную тѣнь на начинаніе общества. „Когда Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынесть изъ какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу, Оболенскій и другіе согласились съ этимъ предложеніемъ, основаннымъ на опытѣ Якубовича о русскомъ солдатѣ, которому нужны средства для возбужденія къ дѣйствію. Но Рылѣевъ первый возсталъ противъ сей мысли, говоря, что мы „подвизаемся за дѣло великое и не должны употреблять такія средства" [„Донесеніе" 62].

союза“ „Тайный союзъ, — писали они, — имѣлъ особенно въ виду охранить Россію отъ междуусобныхъ браней и отъ судебныхъ убійствъ, ознаменовавшихъ лѣтописи двухъ великихъ народовъ Англіи и Франціи. При обсужденіи таковыхъ вопросовъ, въ частныхъ разговорахъ или въ настоящихъ совѣщаніяхъ, нѣкоторые члены могли излагать неправильныя мнѣнія или даже предаваться порыву страстей. На этихъ-то изъявленіяхъ коммиссія и основывается, чтобы приписать тайному союзу предположенія о цареубійствѣ. Надлежитъ, однако-жь, взять въ уваженіе, что союзъ, не имѣя понудительной власти, не могъ подлежать отвѣтственности за временныя отклоненія нѣкоторыхъ его членовъ. При томъ главные дѣйствователи принуждены были иногда для виду уступать страстямъ, возникавшимъ въ союзѣ, чтобы направить его къ высокой цѣли своей... Тайный союзъ не могъ ни одобрять, ни желать покушеній на царствующія лица, ибо таковыя предпріятія даже подъ руководствомъ .. не приносятъ у насъ никакой пользы и несовмѣстны съ началами, которыя союзъ огласилъ и въ которыхъ заключалось все его могущество. Союзъ стремился водворить въ отечество владычество законовъ, дабы навсегда отстранить необходимость прибѣгать къ средству противному и справедливости, и разуму. Обвиненіе въ помыслѣ на цареубійство основано лишь на отдѣльныхъ изреченіяхъ, случайныхъ разговорахъ и на мечтаніяхъ разстроенныхъ умовъ“ *).

Насколько Рылѣевъ предавался порыву своихъ страстей въ обсужденіи этихъ плановъ, — можно установить съ достаточной ясностью по его показаніямъ на судѣ **).

Мысль о цареубійствѣ возникла еще въ концѣ царствованія Александра Павловича и затѣмъ, послѣ его смерти, мѣтила въ его брата. Зародилась она, кажется, въ южномъ обществѣ и была сообщена членамъ сѣвернаго, большинство которыхъ съ ней согласилось. Согласившіеся находили удобнѣе привести эту мысль въ исполненіе отдѣльнымъ заговоромъ, какъ бы внѣ общества, и для сего хотѣли составить отдѣльную партію, подъ названіемъ „une cohorte perdue“, и поручить оную подполковнику Лунину. Среди согласныхъ на эту мѣру былъ и Рылѣевъ. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, его обвиняли. Онъ самъ отвергъ это обвиненіе, сказавъ, „что обо всемъ этомъ, можетъ быть, говорено было до его вступленія въ общество или на тѣхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ онъ не участвовалъ. О cohorte perdue онъ никогда ни отъ кого ничего не слышалъ“. Едва ли, однако, Рылѣевъ въ данномъ случаѣ говорилъ правду,—не слышать о безспорно

*) Разборъ донесенія тайной слѣдственной коммиссіи Никиты Муравьева и Лунина. „Записки Декабристовъ“ II, III, Лондонъ 1863, 110—111.

**) Сущность ихъ изложена въ „Донесеніи“, стр. 59, 60, 66, 68 и въ „Запискѣ“ у *Шильдера*.

существовавшемъ проектѣ онъ не могъ, но что онъ не одобрялъ его вначалѣ, на это есть прямыя доказательства.

Въ одномъ изъ собраній еще при жизни императора Александра Павловича, Якубовичъ высказалъ рѣшительно и возбужденно свое намѣреніе убить императора Александра. „Тогда пользуйтесь случаемъ, сказалъ онъ товарищамъ, дѣлайте, что хотите; созывайте вашъ великій соборъ и дурачьтесь досыта". „Слова его, голосъ, движенья, говоритъ Рылѣевъ, произвели сильное на меня впечатлѣніе, которое я, однако-жъ, старался сокрыть отъ него и представлялъ ему, что подобный поступокъ можетъ его обезславить, что съ его дарованіями и сдѣлавъ себѣ уже имя въ арміи, онъ можетъ для отечества своего быть полезнѣе и удовлетворить другія страсти свои. На это Якубовичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ только двѣ страсти, которыя движутъ міръ: это благодарность и мщеніе; что всѣ другія не страсти, а страстишки, что онъ словъ на вѣтеръ не пускаетъ, что онъ дѣло свое совершитъ непремѣнно и что у него для сего назначено два срока: маневры или праздникъ Петергофскій. Въ это время кто-то вошелъ и прервалъ разговоръ нашъ. Я ушелъ съ А. Бестужевымъ и на дорогѣ говорилъ ему, что надо будетъ стараться всячески остановить Якубовича. Бестужевъ былъ согласенъ, и мы уговорились на другой же день увидѣться съ нимъ опять. Въ тотъ же день я увѣдомилъ о намѣреніи Якубовича: Оболенскаго, Н. Муравьева и Бригена. Всѣ были того мнѣнія, что надо всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, что и возложено было на меня. Увидѣвшись съ Якубовичемъ, я опять представлялъ ему, сколь обезславитъ его цареубійство, но онъ повторялъ всегда одно и то же, что онъ рѣшился на это и что никто и ничто не отклонитъ его отъ сего намѣренія, что онъ восемь лѣтъ носитъ и лелѣетъ оное въ своей груди. Пробившись съ нимъ около двухъ часовъ, я вышелъ въ чрезвычайномъ волненіи и негодованіи. При этомъ были: А. Бестужевъ и Одоевскій; сей послѣдній почелъ Якубовича сумасшедшимъ, и пустымъ говоруномъ. Я утверждалъ противное и почиталъ Якубовича самымъ опаснымъ человѣкомъ и для общества нашего, и для видовъ онаго. Мы долго объ этомъ говорили и разсуждали, какія бы взять мѣры, дабы не допустить Якубовича къ совершенію своего намѣренія, и помню, что я сказалъ, прощаясь съ Одоевскимъ и Бестужевымъ: „я рѣшился на все: его (т. е. Якубовича) завтра же вышлютъ. Прощайте, господа!" На другой день рано и Бестужевъ, и Одоевскій приходятъ ко мнѣ и первый говоритъ: „Рылѣевъ, на что ты рѣшаешься? Подумай, любезный, ты обезславишь себя. Чѣмъ доносить, не лучше ли взять какія-нибудь другія мѣры? Лучше драться съ Якубовичемъ". Я отвѣчалъ, что Якубовича я избить не хочу, что я еще испытаю средство остановить его, но, въ случаѣ неудачи, прибавилъ я, повторяю—

я готовъ на все. Потомъ предложилъ я стараться, по крайней мѣрѣ, уговорить Якубовича отложить свое намѣреніе на нѣкоторое время, поставивъ ему причиною, будто общество рѣшилось воспользоваться убійствомъ государя, но что оно еще теперь не готово. Всѣ согласились на это и въ то же время отправились къ Якубовичу, и послѣ продолжительныхъ убѣжденій, наконецъ, склонили его отложить свое намѣреніе на годъ, а впослѣдствіи я успѣлъ его уговорить отложить оное на неопредѣленное время".

Такъ потерпѣлъ неудачу первый проектъ цареубійства. Приблизительно та же сцена, которая произошла между Рылѣевымъ и Якубовичемъ повторилась у Рылѣева и съ Каховскимъ." Каховскій—показывалъ Рылѣевъ—пріѣзжалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно случайно познакомился со мною. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего, ни силы, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими несромными вопросами, но это самое было причиной, что я рѣшился навсегда оставить его въ невѣдѣніи. Въ началѣ 1824 года, Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ: „Послушай, Рылѣевъ, я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшился убить царя. Объяви объ этомъ Думѣ, пусть она назначитъ мнѣ срокъ". Я въ смятеніи вскочилъ съ софы, на которой лежалъ, сказалъ ему: „что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество. И кто тебѣ сказалъ, что Дума одобритъ такое злодѣяніе"? За симъ старался я отклонить его отъ сего намѣренія, доказывая, сколь оно можетъ быть пагубно для цѣли общества, но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я насчетъ общества не безпокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы онъ на самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему: „любезный Каховскій, подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня бывалъ часто. Я общества не открою, но вспомни, что я—отецъ семейства. За что ты хочешь погубить мою бѣдную жену и дочь?" Каховскій прослезился и сказалъ: „Ну дѣлать нечего, ты убѣдилъ меня". „Дай же мнѣ честное слово—продолжалъ я,—что ты не исполнишь своего намѣренія!" Онъ далъ мнѣ оное. Но послѣ сего разговора онъ

часто сталъ задумываться. Я охладѣлъ къ нему, мы часто стали спорить другъ съ другомъ, и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и настоятельно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ Думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга... Между тѣмъ, при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу Думу о его намѣреніи, и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого кромѣ него не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго государя императора".

Изъ показаній Рылѣева видно, что дня за два до 14 декабря Каховскій опять возобновилъ свое предложеніе, но что Рылѣевъ и на этотъ разъ его успокоилъ.

Члены общества долго и подробно дебатировали также вопросъ о томъ, какъ поступить съ царской семьей въ случаѣ удачи возмущенія, и взгляды Рылѣева въ этихъ дебатахъ мѣнялись, сообразно степени его возбужденности. „Въ рѣшительномъ совѣщаніи,— признавался Рылѣевъ, — никогда не полагали истребить императорскую фамилію и провозгласить республику. Равно и того, что если на нашей сторонѣ будетъ только перевѣсъ, то чтобы послать депутацію къ государю цесаревичу съ просьбою царствовать съ нѣкоторыми ограниченіями. Положено же было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора, который долженствовалъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ".

„А что дѣлать съ императоромъ,—спрашивалъ Рылѣевъ своихъ товарищей, — если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?" Всѣ были озадачены этимъ вопросомъ и Рылѣевъ, воспользовавшись мнѣніемъ Пестеля, сказалъ: „не вывезти-ли за границу?" Проектъ этотъ всѣмъ понравился, и отъ членовъ Думы возложено было на Рылѣева порученіе стараться приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько морскихъ надежныхъ офицеровъ. Къ выполненію этого порученія Рылѣевъ и приступилъ. „При свиданіи съ Торсономъ, говоритъ онъ, я спрашивалъ его: „можно ли имѣть фрегатъ съ надежнымъ капитаномъ и офицерами"? На вопросъ же его: „Для чего это?" я отвѣтилъ: „Чтобы отправить въ случаѣ надобности царствующую фамилію за границу". Торсонъ находилъ это опаснымъ и полагалъ, что даже лучше оставить императорскую фамилію во дворцѣ. Тутъ она подъ надзоромъ. Я же точно сказалъ на это: „Нѣтъ! въ Петербургѣ нельзя; развѣ въ Шлиссельбургѣ.

Тамъ можно приставить старый Семеновскій полкъ. Въ случаѣ же возмущенія, примѣръ Мировича" *).

До сихъ поръ теченіе мыслей Рылѣева по данному вопросу представляется выдержаннымъ и спокойнымъ.

Но вдругъ, 13 декабря, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій, происходитъ совсѣмъ неожиданная сцена. По показанію Оболенскаго **)—который, правда, утверждаетъ, что Рылѣевъ находился въ изступленіи—„Рылѣевъ 13 декабря ввечеру обнимаетъ Каховскаго и говоритъ ему: „любезный другъ! Ты сиръ на сей землѣ, я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби царя!" На вопросъ Каховскаго, какія можетъ онъ найти къ тому средства, Рылѣевъ предлагаетъ ему надѣть офицерскій мундиръ и рано поутру, прежде возмущенія, идти во дворецъ и тамъ убить государя или на площади, когда выйдетъ его величество" ***). Спрошенный по этому поводу, Рылѣевъ показываетъ: „13 декабря ввечеру я дѣйствительно предлагалъ Каховскому убить нынѣ царствующаго государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади. Поутру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился я, если нынѣ царствующій государь императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно принести его на жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія".

Въ заключеніе—кончаетъ свое показаніе Рылѣевъ—„дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Полагалъ я, что убіеніе одного императора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи и взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ, да и самъ, наконецъ, рѣшительно

---

*) „Донесеніе" стр. 60, 66.

**) „Донесеніе" 66.

***) Есть указаніе, что Рылѣевъ питалъ „сильную ненависть" къ великому князю Николаю Павловичу. „Изъ бумагъ І. И. Ростовцова", „Русскій Архивъ 1873, 473". Объ этой ненависти, однако, ни изъ словъ самого Рылѣева, ни изъ того, что о немъ другіе говорили, ничего не извѣстно.

обратился къ прежней мысли своей, что участь царствующаго дома, а равно и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи, въ правѣ только рѣшить великій соборъ, что постоянно и старался внушать всѣмъ извѣстнымъ мнѣ членамъ".

Показаніе это—во всякомъ случаѣ вполнѣ искреннее, такъ какъ никто его не требовалъ—свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль объ убійствѣ, впервые высказанная товарищами, хоть и мелькала въ головѣ Рылѣева, но не переходила въ рѣшеніе; онъ всегда былъ противъ нея и, только въ самый разгаръ своей революціонной изступленности, онъ ухватился за эту мысль и, дѣйствительно, какъ изступленный, бросался на шею тому человѣку, котораго самъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ считалъ сумасшедшимъ *).

Во всякомъ случаѣ никакого опредѣленнаго и выработаннаго плана цареубійства у Рылѣева не было, и на площадь онъ пошелъ, вѣроятно, съ тою же мыслію, на которой часто останавливался, когда сталкивался съ какимъ-нибудь необычайно сложнымъ вопросомъ: „обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно" **).

III.

„Всѣ изъ присутствовавшихъ (на послѣднемъ собраніи),—разсказываетъ баронъ Розенъ,—были готовы дѣйствовать, всѣ были восторжены, всѣ надѣялись на успѣхъ и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: „можно ли положиться навѣрное на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка?" и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: „да, мало видовъ на успѣхъ, но всетаки надо, всетаки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды". Еще теперь слышу звуки, интонацію: „всетаки надо". То сказалъ мнѣ Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ" ***).

---

*) Показанія Рылѣева до того разсердили Каховскаго, что онъ самъ на допросѣ сталъ безъ стѣсненія оговаривать Рылѣева; онъ приписывалъ ему планъ убіенія цесаревича Константина, планъ заключить въ крѣпость царскую фамилію съ цѣлью тамъ умертвить ее, или умертвить ее въ Москвѣ при коронаціи; онъ говорилъ, что Рылѣевъ думалъ послѣ убіенія цесаревича Константина распустить слухъ, что это убійство совершено по приказанію императора Николая Павловича; онъ приписывалъ ему планъ поджечь городъ, чтобы и праха нѣмецкаго не было; говорилъ, что онъ, Рылѣевъ, снабдилъ его, Каховскаго, кинжаломъ...

Рылѣевъ, отвѣчая на эти пункты обвиненія, утверждалъ, что все, показанное Каховскимъ, преисполнено несправедливости и клеветы, и во всемъ видно явное намѣреніе мстить ему, Рылѣеву, за сдѣланныя на него, Каховскаго, показанія.

**) „Донесеніе", 68.

***) *Б. Розенъ*. „Записки декабристовъ". Лейпцигъ, стр. 86—87.

Это смутное состояніе духа Рылѣева, наканунѣ рѣшительнаго шага—состояніе, идущее въ разрѣзъ съ общимъ приподнятымъ, экзальтированнымъ настроеніемъ, въ какомъ онъ находился на совѣщаніяхъ, отмѣтилъ и Н. Бестужевъ: „лучше быть взятымъ на площади, — говорилъ Рылѣевъ, — нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали". „Судьба наша рѣшена, къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется" *).

14 декабря Рылѣевъ вышелъ изъ дому очень рано **).

Опасенія его оправдались, и на площади его ожидало полное разочарованіе; впрочемъ, онъ на самой площади оставался очень недолго. „14 декабря, прежде присяги, показываетъ онъ, былъ я у воротъ Московскаго полка вмѣстѣ съ Пущинымъ, но въ роты не входили мы и ни одного офицера, ни солдата не видѣли; пріѣзжали же узнать, что дѣлается. Потомъ проѣзжали мы мимо Измайловскаго полка къ казармамъ экипажа, но послѣ возвратились на мою квартиру. Послѣ сего я еще ѣздилъ къ лейбъ-гренадерскимъ казармамъ, но, не доѣхавъ до нихъ, встрѣтился я съ Корниловичемъ и, узнавъ отъ него, что Сутгофъ со своей ротой уже пошелъ на площадь, воротился. На площади же увидѣвъ безначаліе и неустройство, отправился искать Трубецкого и болѣе уже не возвращался". Съ этимъ показаніемъ согласно и то, что разсказываетъ И. Пущинъ. Онъ говоритъ, что онъ и Рылѣевъ пріѣхали утромъ на сборное мѣсто, но, не нашедши тамъ никакихъ войскъ, отправились въ казармы Измайловскаго полка. Встрѣтили они по дорогѣ мичмана Чижова, который ихъ увѣрилъ, что никакая попытка поднять Измайловскій полкъ не можетъ быть удачна. Они возвратились тогда вспять, и на этотъ разъ нашли на сборномъ мѣстѣ двухъ Бестужевыхъ и Щепина впереди солдатъ. Пущинъ примкнулъ къ нимъ, а Рылѣевъ сказалъ, что онъ отправится въ Финляндскій полкъ, и потомъ никто его уже болѣе не видалъ. „Рылѣевъ,—говоритъ Пущинъ,—былъ всегда готовъ служить тайному обществу и словомъ, и дѣломъ, но въ рѣшительную минуту онъ потерялся, конечно, не изъ опасенія за свою жизнь" ***).

Баронъ Розенъ толкуетъ, впрочемъ, нѣсколько иначе эту суетливость Рылѣева. „Рылѣевъ, какъ угорѣлый,—говоритъ, онъ,—бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать

*) Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ", Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 36.

**) Н. Бестужевъ описываетъ раздирающую сцену прощанія Рылѣева съ женой и дочерью, но сцена эта могла быть присочинена Н. Бестужевымъ.

***) 14 декабря, И. Пущина „Всемірный Вѣстникъ", 1903, VI—VII, 233.

больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками". „Ему незачѣмъ было долго оставаться на сенатской площади, потому что онъ дѣятельнѣе всѣхъ другихъ собиралъ силы со всѣхъ сторонъ, искалъ отдѣльныхъ лицъ, не явившихся къ сборному мѣсту. Онъ только не могъ принять начальства надъ войскомъ, не полагаясь на свое умѣнье распорядиться, и еще наканунѣ избралъ для себя обязанность рядового [1]). Быть можетъ, Рылѣевъ дѣйствительно старался собирать, если не силы, которыми онъ не располагалъ, то отдѣльныхъ лицъ [2]), но во всякомъ случаѣ онъ на площади не игралъ никакой видной роли. Сталъ ли онъ на нѣкоторое время въ ряды солдатъ, съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ, какъ онъ хотѣлъ [3]) — неизвѣстно; отходилъ ли онъ въ сторону, чтобы привѣтствовать Н. Бестужева первымъ цѣлованіемъ свободы и сказать ему, что послѣднія ихъ минуты близки [4]); старался ли онъ оградить какого-то „почетнаго чиновника" отъ насильственнаго завлеченія въ каре бунтующихъ [5]); говорилъ ли онъ Ѳ. Глинкѣ, иронизируя надъ самимъ собой, „посмотрите, что затѣяли" [6])—все это провѣрить теперь невозможно. Но во всякомъ случаѣ, Рылѣевъ не „стрѣлялъ, не билъ прикладомъ и не кололъ штыкомъ генераловъ, офицеровъ и другихъ, посланныхъ отъ государя для увѣщанія солдатъ",—какъ это утверждалъ во всемъ безцеремонный А. Ѳ. Воейковъ [7]), Совсѣмъ вѣроятно также, что, встрѣтивъ командира Семеновскаго

---

[1]) *Б. Розенъ.* „Записки декабристовъ", Лейпцигъ 1870, 97, 147.

[2]) Какъ, напр., кн. Трубецкого, который на площадь не явился.

[3]) Рылѣевъ предполагалъ даже надѣть русскій кафтанъ, „чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы"— какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ (Воспоминаніе, 40). Намѣренія своего онъ, впрочемъ, не исполнилъ, хотя его костюмъ, кажется, бросался въ глаза. „Со словъ одного очевидца, случайно зашедшаго на площадь во время своей утренней прогулки,—площадь представляла зрѣлище совершенно своеобразное. Тутъ были лица, какихъ никогда не видать въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ массами: старинныя фризовыя шинели со множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полушубки при круглыхъ шляпахъ. Алыя полотенца, вмѣсто кушаковъ, и тому подобное,—цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Въ рядахъ мелькали по временамъ А. Бестужевъ, Рылѣевъ и другіе (*М. Корфъ.* Восшествіе на престолъ императора Николая I, Спб. 1857, 147, 148). Участники возмущенія произвели, во всякомъ случаѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ, извѣстную сенсацію. „Ротами начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ,—сказано было въ прибавленіи къ № 100, „Спб. Вѣдомостей" 1825 г.—къ нимъ присоединились нѣсколько человѣкъ „гнуснаго" вида во фракахъ" („Русскій Ахивъ" 1881, II. 337).

[4]) „Памяти братьевъ Бестужевыхъ", Лейпцигъ, 38.

[5]) „Записки протоіерея Іоанна Виноградова". „Русская Старина", 1878, VIII, 575.

[6]) *Сиротининъ*, 178.

[7]) „Письмо Воейкова къ кн. Е. А. Волконской, отъ 14 декабря". „Русскій Архивъ", 1894, II, 294.

полка Шипова на площади, Рылѣевъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Видите, Сергѣй Павловичъ, я отъ нихъ отсталъ"—хоть это и разсказывалъ самъ Шиповъ П. Бартеневу *).

Въ ту минуту, когда „выстрѣлы разсѣяли безумцевъ съ полярною звѣздою" **)—Рылѣева на площади не было.

„Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ,—пишетъ Гречъ,—но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько героевъ того дня, между прочимъ баронъ Штейнгель: они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ Рылѣеву часовъ въ восемь и нашелъ честную компанію преспокойно сидящею за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, преспокойно отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой. Я погибъ, прости! Не оставляй жены моей и ребенка". Поцѣловалъ онъ его и выпроводилъ изъ дому" ***). Ничего подобнаго, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ не было; Булгаринъ послѣднее время, надо думать, обѣгалъ за версту квартиру Рылѣева, но, послѣ смерти Рылѣева, могъ всю эту трогательную сцену выдумать и разсказать ее Гречу, если самъ Гречъ ее не выдумалъ. Въ разсказѣ вѣренъ только одинъ фактъ, подтвержденный и показаніемъ Рылѣева: вечеромъ, 14 декабря, нѣкоторые члены общества дѣйствительно собрались у Рылѣева, съ какой цѣлью—неизвѣстно. Д. Кропотовъ ****), разсказываетъ объ этомъ послѣднемъ вечерѣ иначе, и хоть разсказъ его и нельзя провѣрить, но онъ, по крайней мѣрѣ, правдоподобенъ. „Вечеромъ, 14 декабря,—разсказываетъ онъ,—Рылѣевъ явился домой пасмурнымъ и печальномъ. Напившись чаю, сказалъ женѣ: „Худо, мой другъ, всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу, вѣроятно не избѣгнуть и мнѣ общей участи". Отправившись въ свой кабинетъ, онъ улегся на диванѣ. Послѣ полуночи, пріѣхалъ оберъ-полицій-мейстеръ и объявилъ ему повелѣніе объ арестованіи его. Рылѣевъ одѣлся наскоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и, поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился къ двери".

Рылѣевъ былъ отвезенъ прямо во дворецъ, откуда послѣ допроса у царя,—былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость и помѣщенъ въ 17 № Алексѣевскаго равелина.

„Присылаемаго Рылѣева,—писалъ Государь,—посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывать рукъ; дать ему бумагу

---

*) „Русскій Архивъ", 1890 VI, 178.

**) „Письма Карамзина къ Дмитріеву", Спб. 1866, 411.

***) *Гречъ.* „Записки о моей жизни", Спб. 1886, 376—7.

****) „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 242.

для письма и что будетъ писать ко мнѣ, собственноручно мнѣ приносить ежедневно" *).

IV.

Для Рылѣева началась томительная и грустная жизнь въ заключеніи. Послѣ пережитыхъ волненій, такая беззвучная жизнь должна была ускорить тотъ нервный кризисъ, который былъ неизбѣженъ при его впечатлительной натурѣ; слишкомъ сентиментальна была въ основѣ своей эта натура, слишкомъ въ ней было много мечтательнаго элемента, чтобы она на долгій срокъ могла выдержать такое напряженіе, въ какомъ она находилась въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ. При всей своей воспламеняемости и рѣзкости въ сужденіяхъ, Рылѣевъ не былъ настоящимъ боевымъ человѣкомъ,—человѣкомъ сильной воли, выдержанныхъ рѣшеній ума и стойкой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Онъ въ рѣчахъ и стихахъ былъ смѣлѣе, чѣмъ на дѣлѣ, и когда онъ созналъ, что дѣло проиграно, онъ могъ разрѣшить себѣ тотъ душевный покой, который онъ всегда любилъ, какъ поэтъ и мечтатель. Конечно, говорить о „покоѣ" заключеннаго, не знающаго, какая участь его ожидаетъ, человѣка, озабоченнаго судьбой друзей и семьи—нельзя. Но есть покой высшаго порядка, который возможенъ и при большихъ волненіяхъ сердца; это покой въ сознаніи того, что то, что считалъ нужнымъ — сдѣлано, сдѣлано съ напряженіемъ всѣхъ силъ, которыя были въ распоряженіи, и что печальная развязка этого дѣла уже не въ моей власти.

Рылѣевъ пришелъ къ этому сознанію необычайно быстро и очень покорно примирился съ развязкой. Этимъ примиреніемъ объясняется его поведеніе на допросахъ, его показанія и та очень искренняя религіозность, которая во все продолженіе его тюремной жизни служила для него источникомъ утѣшенія.

Дальнѣйшая борьба стала невозможной, оставалось только спасать пострадавшихъ. Этимъ Рылѣевъ и руководствовался при своихъ отвѣтахъ и показаніяхъ. Существуетъ мнѣніе, что признанія осужденныхъ были не всегда добровольны; что власть употребляла всевозможныя средства къ тому, чтобы вынудить признаніе, какое ей было нужно, что заключенныхъ лишали спокойствія тѣла и духа, и разными средствами, даже очень крайними, заставляли оговаривать другихъ товарищей **). Сколько въ этомъ утвержденіи

*) „Нѣсколько словъ въ память императора Николая I". „Русская Старина", 1896, VI, 459.

**) Такъ утверждаютъ Н. Муравьевъ и Лунинъ. „Разборъ Донесенія" „Записки Декабристовъ", II, III, Лондонъ 1863, 104. Подтверждаетъ это и Тургеневъ, „La Russie et les Russes" I, 236—7.

истины, сколько вымысла — провѣрить трудно, но можно съ увѣренностью сказать, что къ Рылѣеву мѣры принужденія не примѣнялись, и его откровенность на допросѣ была не вынужденная, а добровольная. Что онъ говорилъ царю въ ночь на 15 декабря, мы не знаемъ, но, вѣроятно, говорилъ откровенно, потому что царь пожелалъ имѣть ежедневныя свѣдѣнія отъ него. На первомъ допросѣ передъ комитетомъ, показанія его были „отрывисты" *), а затѣмъ очень подробны и обстоятельны. Товарищъ его, Н. Бестужевъ, говоритъ такъ объ его поведеніи на допросахъ **):

„Вотъ поведеніе Рылѣева по комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе—то, что мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ, и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ своею мыслью, чтобы знали, чего хотѣло наше общество, онъ открылъ многія вещи, которыя открывать бы не надлежало. Со всѣмъ тѣмъ это не были ни ложныя показанія на лица, ни какія-нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе; впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже страшали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены. Я зналъ черезъ стараго солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ государя прощеніе, ежели онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его было сказано то же; позволены были свиданія, переписка, все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысль не приходило. Я, признаюсь, обманутый самъ обѣщаніемъ царскимъ, зная за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву, и зная его намѣреніе представить въ важнѣйшемъ видѣ вещи, думалъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній, сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно

---

*) *А. Д. Боровковъ*. „Автобіографическія записки". „Русская Старина" 1898, XI, 336.

**) „Изъ записокъ Н. А. Бестужева". „Памяти братьевъ Бестужевыхъ", Лейпцигъ 1880, 39—41.

въ началѣ дѣла, когда я еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это, и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева, онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно. Это было видно изъ его записки, посланной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда; она начиналась слѣдующими словами: „красные кафтаны (т. е. сенаторы) горячатся и присудили намъ смертную казнь, но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди"—окончанія не помню".

Что Рылѣевъ надѣялся на „благополучный" исходъ дѣла,—на это есть намеки и въ его письмахъ изъ каземата; непонятно только, какъ, надѣясь на это, онъ могъ представлять все дѣло болѣе серьезнымъ и сложнымъ, чѣмъ оно было. Онъ этого, вѣроятно, и не дѣлалъ, но что́ онъ безспорно преувеличивалъ—такъ это свою собственную роль во всемъ заговорѣ. Возвеличивалъ же онъ себя на счетъ другихъ съ очень опредѣленной цѣлью: онъ хотѣлъ взять на себя наибольшую часть вины, чтобы она не такой тяжестью легла на плечи товарищей.

Баронъ Розенъ разсказываетъ, что Рылѣевъ на допросахъ излагалъ очень смѣло свои взгляды на положеніе Россіи и былъ очень откровененъ въ обличеніи ея недостатковъ. Кн. Трубецкой утверждаетъ, что онъ велъ даже „развязный" разговоръ (правда, до допроса) о „временномъ правленіи" съ однимъ изъ своихъ судей, княземъ А. Н. Голицынымъ *). Эти смѣлыя и обличительныя рѣчи Рылѣева остались не записанными **), но что онъ могъ произносить ихъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно: подавали же А. Бестужевъ и Штейнгель длинныя донесенія самому царю, въ которыхъ не щадили русскіе порядки.

Если Ник. Муравьевъ и Н. Тургеневъ могутъ быть заподозрены въ стремленіи представить движеніе отнюдь не серьезнымъ ***), то показанія Рылѣева писаны съ полнымъ сознаніемъ важности того дѣла, которому онъ служилъ.

Быть можетъ, ему и не слѣдовало бы говорить такъ увѣренно и открыто о силахъ южнаго общества, о руководящей роли, которую въ немъ игралъ Пестель; быть можетъ, онъ напрасно просилъ своихъ судей „принять всевозможныя предосторожности и какъ можно скорѣе, чтобы опять не пролилась кровь и не погибли люди, достойные, можетъ быть, лучшей участи". Такія слова могли исказить заранѣе точку зрѣнія судьи на того или другого подсудимаго и заставить судью предполагать очень важное и значитель-

*) Записки кн. Трубецкого. Лейпцигъ, 1874, 67.

**) Въ „Донесеніе" эти обличительныя рѣчи не попали. Срв. Schnitzler Histoire intime de la Russie II, 135.

***) М. Муравьевъ въ разборѣ „Донесенія" и Н. Тургеневъ въ Mémoires d'un proscript.

ное тамъ, гдѣ этого, можетъ быть, и не было *),—но излишняя откровенность Рылѣева вытекала опять-таки не изъ чувства самообороны, а изъ сентиментальнаго міросозерцанія, которое допускало, что побѣдитель можетъ стать нѣжнымъ опекуномъ, а грозный судья превратиться въ милостиваго родителя.

Къ этой милости Рылѣевъ и взывалъ съ самыхъ первыхъ дней заключенія. Сначала онъ подыскивалъ оправданіе для такой возможной милости и писалъ: „открывъ откровенно и рѣшительно, что мнѣ извѣстно, я прошу одной милости: пощадить молодыхъ людей, вовлеченныхъ въ общество, и вспомнить, *что духъ времени—такая сила, передъ которою они не въ состояніи были устоять*". Затѣмъ онъ обращается уже прямо къ царю, безъ всякой попытки самозащиты. „Что повелѣвала совѣсть, я сказалъ все,—пишетъ онъ ему.—Прошу объ одной милости: будь милосердъ къ моимъ товарищамъ; они всѣ люди съ отличными дарованіями и съ прекрасными чувствами. Твое милосердіе содѣлаетъ изъ нихъ самыхъ ревностныхъ вѣрноподданныхъ твоихъ и обезоружитъ тѣхъ, кои пожелаютъ идти по слѣдамъ нашимъ. Государь! Ты началъ царствованіе свое великодушнымъ подвигомъ: ты отрекся отъ престола въ пользу старшаго брата своего. Совокупивъ же съ великодушіемъ милосердіе, кого, государь, не привлечешь къ себѣ ты навсегда?" О себѣ онъ говорилъ царю только одно, что онъ—отецъ семейства.

Скромный, когда дѣло шло о просьбѣ, онъ не щадилъ себя, когда оно касалось обвиненія **). Судьи, главнымъ образомъ, по его же собственнымъ признаніямъ, хотѣли видѣть въ немъ главаря и организатора сѣвернаго общества. „Комитету извѣстно,—говорили они,—что до 1823 года сѣверное тайное общество, состоявшее изъ немногихъ людей и безъ всякаго дѣйствія, готово было само собой уничтожиться, но вы, вступивъ въ оное и какъ одинъ изъ пламенныхъ и рѣшительныхъ членовъ, возстановили общество и при посредствѣ южныхъ членовъ, возбуждавшихъ здѣсь взаимное рвеніе, быстро умножали число членовъ, управляя ихъ волею и одушевляя ихъ либеральными понятіями и слѣпою готовностью къ преобразованію, распространили и утвердили преступный кругъ дѣятельности тайнаго общества и, наконецъ,

*) Кажется, что это иногда и случалось. Трубецкой пишетъ въ своихъ „Запискахъ" (стр. 66—67): „Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ. Его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего бы не долженъ былъ, а именно, я по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ, и что, можетъ быть, подвергло строжайшему осужденію этихъ лицъ".

**) За исключеніемъ вопроса о цареубійствѣ, иниціативу котораго онъ съ полнымъ правомъ не хотѣлъ признать за собой.

вы первые предприняли намѣреніе воспользоваться переприсягою государю императору Николаю Павловичу, преклонили къ тому и другихъ и содѣлались главною причиною происшествія 14 декабря". На это обвиненіе—съ дѣйствительностью не вполнѣ согласное (такъ какъ Рылѣевъ не возстановлялъ общества, съ южными членами не дружилъ и главной причиной происшествія не былъ) — Рылѣевъ отвѣтилъ полнымъ признаніемъ. „Признаюсь чистосердечно, — писалъ онъ, — что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо я могъ остановить оное, — и не только того не подумалъ сдѣлать, а, напротивъ, еще преступною ревностью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ее заслуживаю, и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, отечеству и доброму государю Его великодушіемъ и милосердіемъ". Это онъ говорилъ 24 апрѣля 1826 г., когда слѣдствіе по его дѣлу приходило къ концу и когда ему самому нужно было произнести окончательную самооцѣнку его собственной роли. Какіе бы мы ни подыскивали мотивы такой готовности взять все на себя,—желаніе ли спасти другихъ или, какъ думаютъ, потребность искупить свою вину передъ тѣми, которые изъ-за него пострадали,—но, во всякомъ случаѣ, съ момента своего заключенія въ крѣпость, въ Рылѣевѣ не осталось и тѣни „революціоннаго" духа, о которомъ такъ часто говорили его позднѣйшіе судьи. Врожденный ему сентиментализмъ взялъ верхъ надъ всѣми другими душевными склонностями.

Этотъ сентиментализмъ въ особенности замѣтенъ въ письмахъ, которыя Рылѣевъ писалъ женѣ изъ крѣпости. Рылѣевъ бесѣдуетъ съ женой какъ бы безъ свидѣтелей (а письма эти шли, конечно, черезъ чужія руки), вникая въ разныя хозяйственныя мелочи *), довѣряя ей свои очень интимныя мысли,—мысли, преимущественно покаянныя и религіозныя, и ободряя ее видами на благополучный исходъ дѣла. Любопытно, что во всѣхъ этихъ письмахъ нельзя совсѣмъ уловить ни одной фальшивой, разсчитанной на извѣстное впечатлѣніе фразы. Все очень просто и необычайно сердечно и искренно. Приходится признать, что Рылѣевъ, дѣйствительно, съ необычайной довѣрчивостью относился къ тѣмъ людямъ или, вѣрнѣе, къ тому лицу, отъ котораго зависѣла его участь. Впрочемъ, императоръ самъ позаботился о томъ, чтобы укрѣпить въ Рылѣевъ это довѣріе; Рылѣевъ не испытывалъ, напр., никакихъ чрезвычайныхъ стѣсненій въ своемъ заключеніи, если не считать слишкомъ рѣдкихъ свиданій съ женой; а главное царь облегчилъ ему сразу его за-

*) Финансовыя дѣла его очень заботили, такъ какъ они были крайне запутаны. Долговъ было много и имѣні нужно было продавать спѣшно.

боту о матеріальномъ положеніи его семьи. На другой день арестованія Рылѣева, императоръ приказалъ кн. А. Голицыну навести справку о положеніи его семейства. Голицынъ писалъ государю, что на вопросъ, не имѣетъ ли жена Рылѣева въ чемъ нибудь нужды, она отвѣчала, что у нея осталось еще 1000 руб. и „она ни о чемъ не заботится, имѣя одно желаніе увидѣться съ мужемъ". Это желаніе было удовлетворено не сразу, но 19 декабря 1825 г. царь прислалъ женѣ Рылѣева въ подарокъ 2000 руб. и затѣмъ 22 декабря въ день именинъ дочери она получила отъ императрицы Александры Θеодоровны—1000 руб. *). Очень тактично и искренне, безъ лишнихъ словъ, писалъ Рылѣевъ женѣ, когда узналъ объ этомъ подаркѣ. „Милосердіе государя и поступокъ его съ тобой потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ, молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впредь, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ государемъ и императрицею, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ" **).

Большой поддержкой въ тюрьмѣ было для Рылѣева его религіозное чувство, которое охватило его необычайно быстро и сильно почти съ перваго же дня его заключенія. Особенно религіозенъ Рылѣевъ не былъ ***), и этотъ подъемъ религіознаго настроенія должно, конечно, приписать обстановкѣ. Ошибочно было бы видѣть въ этой религіозности страхъ передъ судьбой, такъ какъ Рылѣеву до послѣднихъ дней его участь рисовалась не въ очень мрачныхъ краскахъ; нельзя также приписать эту религіозность какимъ-либо разсчетамъ, такъ какъ она за все продолженіе тюремной жизни Рылѣева не заставила его написать ни одной фальшивой, неискренней, или шаблонной фразы.

Религія была единственнымъ исходомъ, къ которому должна была придти эта сентиментальная натура, когда всякій способъ и предлогъ къ проявленію энергіи былъ у нея отнятъ, и когда она, истомленная, сама на себѣ сосредоточилась. Почти съ первыхъ же дней своего заключенія, Рылѣевъ почувствовалъ по-

---

*) Нѣсколько словъ въ память Николая Павловича. „Русская Старина", 1896, VI, 461.

**) *Мазаевъ*, 164, 165. Существовало мнѣніе, что эти подарки были не вполнѣ безкорыстны; что они были разсчитаны на то, чтобы сдѣлать Рылѣева болѣе откровеннымъ. Но онъ и безъ нихъ былъ откровененъ, а главное, эти подарки не изсякли и послѣ смерти Рылѣева. Съ 1826 по 1831 годъ вдова Рылѣева получала ежегодно 3000 рублей, а когда она вышла замужъ за отставного поручика Куколевскаго, то эти же 3000 руб. отдавались ей до совершеннолѣтія ея дочери, которой при выходѣ замужъ было также оказано пособіе. „Русская Старина", 1896, VI, 461—2.

***) На это, по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній въ его стихахъ и письмахъ

требность въ мирномъ настроеніи и просилъ жену вмѣстѣ съ 11-ю томами исторіи Карамзина прислать ему книгу „О подражаніи Христу“, переводъ М. М. Сперанскаго. Онъ углубился въ эту книгу, и она стала „питать его“; „въ часы скорби она научаетъ внятнѣе и высокія истины ея тогда доступнѣе“—пишетъ онъ, и письма его мало-по-малу переполняются религіозными размышленіями. Рылѣевъ молится, выписываетъ себѣ въ тюрьму образъ, которымъ его благословила мать на смертномъ одрѣ, заботится объ образахъ, которые имъ обѣщаны въ деревенскую церковь, пріобщается, хочетъ жертвовать деньги въ церковь съ тѣмъ, чтобы священникъ ежегодно служилъ панихиды у гроба его матери... онъ въ полной власти всевозможныхъ религіозныхъ ощущеній. Иногда это настроеніе выливается въ формѣ цѣлаго богословскаго разсужденія и онъ пишетъ женѣ: „О милая душой подруга! О милый другъ, твой духъ скорбитъ и мнѣ скорбнѣе стало. Я... *) не нашелъ душѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремились къ нравственному, духовному міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ Единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же Онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотію своей, онъ пріобщилъ тебя духовной, безпредѣльной сущности своей—міру духовному; нетлѣнной кровію своей, онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истина, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и къ лучшему концу приводитъ, всему учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она явилась міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца, и она неизъяснимо тебя утѣшитъ... Ты любовью соединился съ миромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ, и соединивъ въ себѣ два міра, всей душою подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, милый другъ, предназначеніе наше. Мы должны любовью подчинить Христу физическій міръ и въ Немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу ради Бога, по любви Христа. **).

Во всѣхъ письмахъ звучитъ одинъ призывъ—къ покорности воли Божіей, одно желаніе—самому и одному испить свою чашу. „Я пишу тебѣ то, говоритъ онъ женѣ, что мнѣ внушаютъ чувства, и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты—мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божію и милосердіе государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по сію

*) Не разобрано.

**) *Мазаевъ*, 178.

пору обращаются со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно, и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и, чтобы ни постигло меня, прими все съ твердостью и покорностью Его святой волѣ“.

Хоть надежда, какъ видимъ, и не покидала Рылѣева, но заставить его любить жизнь она была минутами безсильна. И въ эти грустные часы онъ свыкался съ мыслью о смерти. Это была не страшная, не тревожная, а очень умиротворенная религіозная мысль, хотя источникъ ея и коренился не столько въ любви къ небесному, сколько въ усталости отъ жизни земной. Эта тоска по иной жизни и продиктовала Рылѣеву два послѣднихъ его стихотворенія. „Передъ окнами его равелина,—разсказываетъ бар. Розенъ,—въ близкомъ разстояніи отъ нихъ стояла высокая каменная стѣна, а внутри равелина, гдѣ не было ни одного окна въ зданіи, стояло нѣсколько деревьевъ кленовыхъ въ тѣсномъ треугольномъ пространствѣ, куда изрѣдка поочереди приводили заключенныхъ поодиночкѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тутъ Рылѣевъ сорвалъ кленовые листья и за неимѣніемъ бумаги написалъ на нихъ стихотвореніе:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ, какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ:
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Стихотвореніе было передано его товарищу по заключенію кн. Оболенскому, который не замедлилъ отвѣтить Рылѣеву письмомъ, въ которомъ также излилъ свои религіозныя чувства. „Любезный другъ, —писалъ ему въ отвѣтъ Рылѣевъ,—какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я Ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ, за весь міръ. Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь, скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, такъ

какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества".

На тѣхъ же кленовыхъ листахъ написалъ Рылѣевъ Оболенскому второе посланіе, какъ бы поясняя стихами свое туманное письмо:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая,
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
„Васъ будутъ гнать и предавать,
„Осмѣивать и дерзостно безславить,
„Торжественно васъ будутъ убивать;
„Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить;
„И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
„Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
„Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
„Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ".
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орелъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный *).

Этотъ обѣтованный край Рылѣеву пришлось увидать очень скоро.

---

*) Въ тюрьмѣ кромѣ этихъ стихотвореній Рылѣевъ другихъ не писалъ, и тѣ, которыя ходили потомъ по рукамъ, какъ бы написанныя имъ въ крѣпости—ему не принадлежатъ (ср. *Д. Кропотовъ*. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 244).

IV.

Въ маѣ 1826 года слѣдствіе по дѣлу 14 декабря было закончено и коммиссія, избранная для основаній разрядовъ, на которые, по степени ихъ виновности, должны были быть раздѣлены осужденные, представила въ іюнѣ мѣсяцѣ свой докладъ верховному уголовному суду.

„Сколь ни тяжки вины—говорилось въ этомъ докладѣ—въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, которыя по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ, силой примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Коммиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ“.

Къ числу этихъ лицъ былъ причисленъ и Рылѣевъ. Виновность его опредѣлялась слѣдующимъ образомъ *): „Отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ 32 лѣтъ. По собственному признанію:

1. По первому пункту (цареубійства). Умышлялъ на цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства.

2. По второму пункту (бунтъ). Усилилъ дѣятельность сѣвернаго общества: управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинять манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ.

3. По мятежу (воинскому). Пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

> *Примѣчаніе.* Воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію: разбить питейные дома, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ.

Верховный судъ приговорилъ Рылѣева вмѣстѣ съ Каховскимъ, Пестелемъ, С. И. Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ къ четвертованію, которое потомъ было замѣнено казнью черезъ повѣшеніе.

Рылѣевъ, если вѣрить одному свидѣтелю, не обнаружилъ ни

---

*) «Донесеніе коммиссіи разрядовъ» стр. 11—12.

малѣйшаго признака смущенія на своемъ лицѣ, при выслушаніи приговора *). Хоть онъ и надѣялся на относительно благополучный исходъ дѣла и долго не терялъ надежды, но, вѣроятно, ко дню рѣшенія успѣлъ помириться съ ужасной мыслью **). Всѣ, кто его видѣлъ въ эти послѣдніе дни, отмѣчали его покорное примиреніе съ судьбою. Отецъ Мысловскій, который часто посѣщалъ его въ тюрьмѣ, говорилъ, что призналъ въ немъ истиннаго христіанина, готоваго положить душу свою за други своя ***). Боясь поколебать этотъ душевный миръ, столь облегчавшій ему послѣдніе часы страшнаго испытанія, Рылѣевъ отказался отъ послѣдняго свиданія съ женой, щадя и ее, и себя. Передъ самой казнью онъ написалъ ей письмо,—свое прощальное благословеніе и послѣднее признаніе.

13 іюля, 1826.

Богъ и государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроталъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святой давно утѣшалъ меня. Подивясь, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять прича-

*) Дневникъ П. Г. Дивова. «Русская Старина» 1897, III, 485.

*) Есть извѣстіе, что жена Рылѣева обратилась къ царю съ прошеніемъ о помилованіи и получила отвѣтъ «никто не будетъ обиженъ». «Записки кн. Трубецкого» Лейпцигъ, 1874, 68. Но это извѣстіе едва ли достовѣрно.

***) „Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго", 32—33.

ститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства — и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля.

Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

У меня осталось здѣсь 530 р.; можетъ быть, отдадутъ тебѣ.

Такая же покорность судьбѣ видна и въ томъ письмѣ, которое Рылѣевъ послалъ или собирался послать царю, когда исходъ дѣла сталъ ему вполнѣ ясенъ. Онъ писалъ государю:

Около 21 іюня, 1826 г.

Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно, но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія моего въ думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной.

Подлинность этого письма стояла одно время подъ вопросомъ *), но если сравнить его съ показаніями Рылѣева на судѣ,

*) Розенъ „Записки", 143.

Д. Кропотовъ утверждаетъ положительно, что оно было написано Рылѣевымъ и говоритъ, что въ его присутствіи оно было вручено женѣ Рылѣева лицомъ, завѣдывавшимъ перепиской съ заключенными. („Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 243).

то видишь, что оно въ сущности есть простое повтореніе всего, что Рылѣевъ говорилъ передъ судьями, и что писалъ въ своемъ первомъ донесеніи государю. Что же касается отреченія отъ „заблужденій и политическихъ правилъ", то въ этомъ признаніи нѣтъ отказа отъ идеаловъ, какими жилъ человѣкъ, или отъ политическихъ ученій, которыхъ онъ держался теоретически. Слова Рылѣева должно понимать, какъ добровольное отреченіе лишь отъ того способа проведенія ихъ въ жизнь, какой былъ избранъ этими горячими головами.

Во всякомъ случаѣ, черновое письмо Рылѣева къ царю не имѣло за собой никакихъ иныхъ побужденій, кромѣ искренняго выраженія пылкой мысли, примиренной съ несчастіемъ.

V.

Спокойно и твердо взошелъ Рылѣевъ и на эшафотъ. „Положите мнѣ руку на сердце,—сказалъ онъ будто бы священнику—и посмотрите, скорѣе ли оно бьется" *). Если оно и билось сильнѣе, то во всякомъ случаѣ не отъ страху.

О послѣднихъ минутахъ Рылѣева существуетъ много разсказовъ. Расходясь въ мелочахъ, всѣ эти показанія единогласно говорятъ о стойкости, съ какой Рылѣевъ встрѣтилъ кончину **).

---

*) Изъ записокъ Н. А. Бестужева, Лейпцигъ, 42.

**) Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ описаній.

„Приведеніе приговоровъ въ исполненіе на обширномъ полѣ, простиравшемся позади Петропавловской крѣпости, назначено было на 13 іюля 1826 года, на разсвѣтѣ. При этомъ должны были присутствовать отряды изъ всѣхъ войскъ гвардіи. Въ городѣ никто, или почти никто, не зналъ ни о времени, ни о мѣстѣ экзекуціи. Я узналъ объ этомъ случайно, и съ товарищемъ моимъ отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкаго моста, далѣе стража насъ не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска были уже на своихъ мѣстахъ; постороннихъ зрителей было очень немного: не болѣе 150—200 человѣкъ...

Былъ уже пятый часъ утра, когда приступили къ казни главныхъ преступниковъ. Ихъ поставили на скамейку въ рядъ, въ разстояніи другъ отъ друга на какіе-нибудь полъ-аршина. На голову надѣли колпаки, которые насунули на лица, закрывъ ихъ совсѣмъ, начиная съ шеи, и во всю длину ногъ надѣли бѣлые фартуки и сзади завязали ихъ вверху и внизу такъ, что руки и ноги были фартукомъ спеленуты. Наконецъ, наложили на шеи петли, которыя должны были затянуться и удержать казненныхъ на воздухѣ, когда изъ-подъ ихъ ногъ отнята будетъ скамейка. Но тутъ и послѣдовалъ извѣстный потрясающій эпизодъ. Веревки были новы и туги; когда оттолкнули скамейку, то головы двухъ среднихъ въ ряду осужденныхъ просунулись внизъ сквозь незатянувшіяся петли, и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Паденіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣ приготовились видѣть пять человѣкъ, заслужившихъ смертную казнь повѣшенными, но никто не предвидѣлъ случившагося такъ неожиданно и продолжившаго предсмертную агонію двухъ несчастныхъ. Это были Рылѣевъ и

Судя по этой стойкости и вообще по настроенію Рылѣева, какъ оно намъ открывается въ его послѣднихъ письмахъ, труд-

---

Бестужевъ. Говорятъ, что упавши, Рылѣевъ воскликнулъ: „намъ во всемъ неудача"! Прошло около четверти часа, пока ихъ снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тѣмъ повисшіе до того вертѣлись на веревкахъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Стража окружала висѣлицу, но по прошествіи получаса, стали всѣхъ пускать, и толпа любопытныхъ нахлынула. Казненные висѣли уже неподвижно. Прошло еще полчаса—мертвецовъ сняли и отнесли въ крѣпость.

„Воспоминаніе О. А. Пржецлавскаго". „Русская Старина" 1874. XII, 681—682.

„Всѣ они были очень покойны, отказались имѣть послѣдніе свиданіе съ родными (Рылѣевъ съ женой), чтобы не разстроить ихъ и себя. Говорили не много между собой и ожидали послѣдняго часа съ твердостью. Ихъ вывели рано до свѣту заковавъ прежде въ желѣзо. Выходя въ корридоръ, они обнялись другъ съ другомъ и пошли, сопровождаемые священникомъ и окруженные карауломъ къ тому мѣсту, гдѣ мы видѣли столбы. Тутъ ихъ помѣстили на время въ какомъ-то пороховомъ зданіи, гдѣ были уже приготовлены шесть гробовъ. Протоіерей Мысловскій былъ при нихъ до послѣдней минуты. У двоихъ изъ нихъ, кажется, Пестеля и Каховскаго, оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали, что дѣлать, но по знаку Чернышева ихъ подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафотъ. Потомъ, когда увѣрились, что всѣ пятеро уже не существуютъ, сняли ихъ и отнесли туда, гдѣ находились гробы, и, положивши въ нихъ тѣла, оставили ихъ до слѣдующей ночи. Потомъ свезли въ ночное время на устроенное для животныхъ кладбище (называемое Голода·), и тамъ неизвѣстно гдѣ закопали. Говорятъ, что будто бы протоіерей Мысловскій хотѣлъ было воспротивиться второй казни двухъ упавшихъ, но что Чернышевъ настоялъ на этомъ".

„Записки Н. В. Басаргина" 55. Изданіе „Русскаго Архива".

„Руки и ноги были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе только шаги. Кандаловъ не было, только ремни. Ремнями были связаны и руки, и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо... Они были совершенно спокойны, точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку...

Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается (на мѣстѣ казни), подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Они пятеро сидѣли все время на травѣ и тихо между собой разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они, на колѣняхъ, молча помолились Богу, смотря на небо. Потомъ на нихъ надѣли мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса; на шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски, съ именами и виной ихъ... Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Мѣшки имъ очень не понравились, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: „Господи! къ чему это!" Палачи имъ стянули руки покрѣпче, одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрагивались палачи. Схоронили ихъ на Смоленскомъ кладбищѣ за нѣмецкимъ и армянскимъ, въ концѣ переулка на взморьѣ".

„Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго" (будто бы очевидецъ), 37, 38, 40—47.

но предположить, чтобы въ послѣднія минуты жизни онъ рѣшился бросить запоздалый вызовъ тому порядку или тѣмъ лицамъ, въ борьбѣ съ которыми онъ погибъ. „Рылѣевъ не сказалъ ни слова при казни", утверждаетъ Якушкинъ, и можно предположить, что дѣло дѣйствительно такъ и происходило *).

VI.

Такова была трагическая участь поэта. Никто по началу его дѣятельности не могъ ожидать, что онъ такъ кончитъ. Что-то роковое было въ его жизни; и тѣ, кому пришлось вспомнить о немъ, естественно останавливались надъ вопросомъ, что это была за личность—дѣйствительно ли самой природой подготовленная для революціонной агитаціи или случайно попавшая въ ряды революціонеровъ? О случайности въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. Рылѣевъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и подготовлялъ себя къ дѣйствію — гораздо болѣе сознательно, чѣмъ весьма многіе изъ участниковъ заговора. Но была ли это, въ самомъ дѣлѣ, революціонная натура? Обладала ли она всѣми каче-

---

„Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ сказалъ, сохраняя все присутствіе духа: „Господа, надо отдать послѣдній долгъ", и съ этимъ они стали всѣ на колѣни, глядя на небо, крестились. Рылѣевъ одинъ—желаль благоденствія Россіи. Потомъ встали, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цѣлуя крестъ и руку его, при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику: „Батюшка! помолитесь за наши грѣшныя души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь"; перекрестясь, взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочіе...

„Казнь" 14—XII 1825 со словъ присутствующаго по службѣ при казни".

„До произнесенія смертнаго приговора они не были скованы, но потомъ были обременены самыми тяжелыми кандалами. Кандалы и были причиною паденія съ висѣлицы троихъ.

Трупы сложили въ большую телѣгу, но хоронить не повезли, ибо было уже совершенно свѣтло, и народу собралось вокругъ тьма-тьмущая. Поэтому телѣга была отвезена въ запустѣлое зданіе училища торговаго мореплаванія, лошадь отпряжена и извозчику наказано прибыть съ лошадью въ слѣдующую ночь. Въ слѣдующую ночь извозчикъ явился съ лошадью въ крѣпость и оттуда повезъ трупы по направленію къ Васильевскому острову, но когда онъ довезъ ихъ до Тучкова моста, изъ будки вышли вооруженные солдаты и, овладѣвъ возжами, посадили извозчика въ будку. Черезъ нѣсколько часовъ спустя, телѣга возвратилась къ тому же мѣсту; извозчикъ былъ заплоченъ и поѣхалъ домой. О мѣстѣ, которое приняло въ себя трупы казненныхъ, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что ихъ зарыли на островѣ Голодаѣ, другіе увѣряли, что тѣла были отвезены на взморье и тамъ брошены, съ привязанными къ нимъ камнями, въ глубину водъ".

Н. Рамазановъ. „Казнь декабристовъ. Разсказы современниковъ" „Русскій Архивъ" 1881, II, 344—346. Этотъ разсказъ принадлежитъ В. И. Беркопфу начальнику кронверка въ Петропавловской крѣпости.

*) «Записки Якушкина», Лейпцигъ, 147.

ствами, необходимыми для осторожной, послѣдовательной, обдуманной и смѣлой агитаціи? Смѣлость, положимъ, была, но всѣ остальныя необходимыя качества—мы могли въ этомъ убѣдиться—отсутствовали.

Нѣкоторымъ современникамъ Рылѣевъ могъ казаться воплощеннымъ революціонеромъ, такъ какъ они судили о немъ только по его рѣчамъ и по тому возбужденному состоянію, въ какомъ онъ произносилъ свои рѣчи. А всѣ до одного, кто зналъ его, замѣчали за нимъ эту способность быстро воспламеняться и говорить съ крайнимъ возбужденіемъ *). Его выразительные глаза остались у всѣхъ въ памяти. Но едва ли эта внѣшность соотвѣтствовала вполнѣ внутреннему содержанію.

Если одинъ изъ товарищей обозвалъ его на судѣ „коварнымъ злодѣемъ“ **), другой обвинялъ въ большомъ властолюбіи, въ умышленномъ желаніи окружать себя бездарностями, чтобы первенствовать ***); если другой современникъ говорилъ, что онъ въ душѣ революціонеръ, сильный характеръ, безкорыстный, честолюбивый, ловкій, ревностный, рѣзкій на словахъ и на письмѣ, если онъ его считалъ пружиной возмущенія, человѣкомъ, воспламенявшимъ своею настойчивостью и своимъ воображеніемъ ****); если, наконецъ, Гречъ называлъ его не формальнымъ революціонеромъ, а фанатикомъ, слабоумнымъ человѣкомъ, одурѣвшимъ отъ либеральныхъ мечтаній *****)—то всѣ эти отзывы либо от-

*) „Росту онъ былъ средняго; черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другой; волоса у него были черные, слегка завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята той внутренней жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась во вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности“ (слова кн. Оболенскаго). „Въ его взглядѣ, въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣжденна“ (слова бар. Розена). „Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою (слова Н. Бестужева)“.

**) „Донесеніе“, 53.

***) *Завалишинъ*. „Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ“, „Древняя и Новая Россія“ 1879, I, 319.

****) *Л. Д. Боровковъ*. „Автобіографическія Записки“, „Русская Старина“ 1898, XI, 337—338.

*****) *Гречъ*. „Записки о моей жизни“, 369, 366.

клики собственныхъ преувеличенныхъ признаній Рылѣева, либо голосъ вражды, либо, наконецъ, голословная брань, съ несовсѣмъ чистыми намѣреніями.

Вся жизнь Рылѣева показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ фанатикомъ, не съ принципіальнымъ революціонеромъ, не съ коварнымъ, не съ властолюбивымъ человѣкомъ, не съ вождемъ возстанія, а именно съ „пѣвцомъ" его, съ Тиртеемъ, съ сентиментальной натурой, легко воспламенимой, но крайне невыдержанной и нервной, которая вскипала и выкипала очень быстро *).

Но каковы бы ни были недостатки Рылѣева, какъ политическаго мыслителя и практика, какъ судьи своего времени, какъ вождя и оратора, наконецъ, какъ сентиментальнаго мечтателя въ минуту пораженія, — общій рыцарскій характеръ его, какъ дѣятеля и человѣка, стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній и признанъ даже строгими судьями **). Въ этомъ характерѣ было, безспорно, много донкихотства, но въ самомъ возвышенномъ, трагическомъ и гуманномъ смыслѣ.

Какъ человѣкъ, Рылѣевъ былъ, говорятъ, рѣдкой доброты и отзывчивости ***).

„Ко всѣмъ качествамъ сердечнаго человѣка,—говоритъ одинъ

---

*) Изъ всѣхъ качествъ настоящаго заговорщика онъ обладалъ и то слегка только однимъ. Онъ умѣлъ скрывать тайну своего общества. Это отмѣчаетъ Д. Кропотовъ („Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 230). Н. Бестужевъ также говоритъ, что онъ былъ „осторожнымъ", скрытнымъ и предпріимчивымъ заговорщикомъ („Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ—Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ 1861, 10. Но онъ же говоритъ (стр. 23), что важнѣйшимъ недостаткомъ Рылѣева было его слишкомъ открытое и довѣрчивое сердце, что онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и, обманутый, не переставалъ вѣрить, что опытность ни къ чему для него не служила"). Кажется, что многое въ этой скрытности Рылѣева зависѣло отъ минутнаго настроенія. Тайну общества онъ довѣрялъ, напр., Кюхельбекеру и скрывалъ ее отъ гораздо болѣе трезваго Муханова (см. „Русская Старина" 1872, II, 336).

**) См. *Богдановичъ*. „Исторія царствованія императора Александра I", Спб., 1871, VI, 432—433.

***) А. В. Никитенко, который былъ ему обязанъ своимъ выкупомъ изъ крѣпостной зависимости, такъ вспоминалъ о немъ: „Я не зналъ другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ-бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться при болѣе близкомъ знакомствѣ. Стоило улыбкѣ озарить его лицо, а вамъ самимъ поглубже заглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ, безвозвратно отдаться ему. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія, глаза эти горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ сосредоточенной силы и огня. Но такимъ я узналъ его позже. Въ мое первое посѣщеніе, я, главнымъ образомъ, испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты и, вызванный на откровенность, повѣдалъ ему всю печальную исторію моихъ стремленій.

современникъ,—Рылѣевъ присоединялъ большое дарованіе ума. Обладая скорѣе принципами, чѣмъ страстями, онъ дѣйствовалъ разсудительно—по теоріи и по отвлеченнымъ формуламъ, если хотите, но безкорыстно и какъ бы исполняя долгъ... Мягкій, человѣчный, врагъ раздора и пролитія крови, онъ умѣлъ быть твердымъ и повелительнымъ, когда обстоятельства этого требовали... онъ любилъ прямую дорогу и его честность презирала другія" *).

„Въ то время,—пишетъ Д. Кропотовъ,—носился въ городѣ слухъ, очень похожій на истину, будто по разсмотрѣніи доклада, представленнаго верховнымъ судомъ императору, Николай Павловичъ выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: „Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же—всѣхъ добродѣтелей" **).

Императоръ могъ имѣть свое особое мѣрило для оцѣнки своихъ враговъ, и, конечно, Рылѣевъ былъ для него врагъ менѣе непріятный, чѣмъ Пестель, но характерно, что императоръ заговорилъ о „добродѣтеляхъ" тѣхъ лицъ, которымъ таковыхъ, въ его, по крайней мѣрѣ, глазахъ, имѣть не надлежало.

А для насъ—если этотъ разсказъ не вымышленъ—цѣнно то, что именно Рылѣевъ заставилъ царя вспомнить о такихъ, заговорщику присущихъ, добродѣтеляхъ.

Н. Котляревскій.

---

*) „Schnitzler. Histoire intime de la Russie". 1854, I, 206, 207, 214.

**) *Д. Кропотовъ*. „Изъ жизни гр. М. Н. Муравьева", „Русскій Вѣстникъ" 1874, I, 64.

Материнская любовь,

какъ факторъ въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью.

Въ основѣ ошибки, по которой общество и государство имѣютъ своимъ исходнымъ моментомъ семью, лежатъ двѣ идеи, высказанныя передовыми мыслителями XIX вѣка: Дарвиномъ и Контомъ. Доктрина перваго изъ нихъ обыкновенно формулируется такимъ образомъ: „Материнская любовь женщинъ всѣхъ націй, какъ и самокъ всѣхъ животныхъ, въ своей основѣ представляютъ явленія тождественныя“; а идея Конта, формулированная Литре, заключается въ томъ, что—*альтруистическія чувства*, обусловливающія нравственность и служащія цементомъ, объединяющимъ членовъ даннаго общества въ одно цѣлое, „*координированы вокругъ различія половъ*“.

Въ связи съ этими доктринами стоитъ, несомнѣнно, и извѣстная гипотеза Бланшара, по которой материнская любовь у животныхъ развита тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сложнѣе и выше психика данной группы животныхъ; гипотезу эту авторъ подтверждаетъ примѣрами изъ класса птицъ, утверждая, что психика выводковыхъ, которыхъ птенцы съ первыхъ же дней способны добывать себѣ пищу (куриныя, плавающія), ниже психики птенцовыхъ, которыхъ птенцы болѣе или менѣе продолжительное время требуютъ тщательнаго за собой ухода родителей.

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что доктрины эти нуждаются въ очень существенныхъ оговоркахъ и поправкахъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію относящагося сюда матеріала, скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ представляютъ авторы самый процессъ закладки семьи на почвѣ материнскаго чувства и тѣхъ біологическихъ данныхъ, которыя получили свои формулы въ приведенныхъ выше доктринахъ Дарвина, Конта—Литре.

Вотъ какъ разсуждаетъ по поводу первыхъ моментовъ зарождающагося материнскаго чувства Рибо *).

---

*) *Рибо.* Психологія чувства. Переводъ съ французскаго. Изд. Ф. А. Іогансона, стр. 245.

Ссылаясь на книжку Эспинаса (Les sociétés animals), авторъ пишетъ:

самкѣ въ моментъ, когда она производитъ на свѣтъ себѣ подобныхъ малютокъ, не стоитъ никакого труда распознавать въ нихъ плоть отъ плоти своей; чувство, которое она испытываетъ къ нимъ, полно симпатіи и состраданія, но отсюда нельзя исключить идеи собственности, какъ одну изъ прочныхъ основъ симпатіи. Она чувствуетъ и понимаетъ до извѣстной степени, что эти крошки, являющіяся частью ея самой, принадлежатъ въ то же время ей; любовь къ самой себѣ, распространенная на тѣхъ, которые происходятъ отъ нея, мѣняетъ эгоизмъ въ симпатію и инстинктъ собственности въ нѣжный импульсъ. Подобно тому, какъ половая любовь предполагаетъ идею о взаимной собственности, материнская любовь предполагаетъ идею о подчиненной собственности, что происходитъ вслѣдствіе того, что другое „я“ является такимъ слабымъ, что участіе, которое ему оказываешь, носитъ характеръ состраданія.

Далѣе, дѣло, по словамъ проф. Жиро, котораго книжка „Общества у животныхъ“ была встрѣчена съ сочувствіемъ иностранными учеными, и появилась въ русскомъ переводѣ,—идетъ такимъ образомъ:

Дѣтенышъ растетъ; мало по малу, между матерью и имъ устанавливается обмѣнъ впечатлѣній, совмѣстная жизнь и общіе интересы порождаютъ между обоими существами близкія семейныя отношенія.

Материнская любовь и дѣтскія привязанности,—продолжаетъ Жиро,—создаются совокупностью особыхъ условій. Имѣютъ ли эти условія психологическую основу?—спрашиваетъ авторъ далѣе, и отвѣчаетъ:

Мать испытываетъ пріятное чувство удовлетворенія, видя, какъ, при ея помощи, крѣпнутъ слабыя новорожденныя существа; она шагъ за шагомъ слѣдитъ за послѣдовательными стадіями ихъ физическаго и духовнаго развитія; во время этихъ наблюденій зарождается симпатія, которая переходитъ въ любовь предѣльной интенсивности, въ непобѣдимое чувство, заставляющее мать жертвовать жизнью для спасенія дѣтенышей *).

Выяснивъ генезисъ чувства родителей къ дѣтямъ, авторъ переходитъ къ выясненію источника симпатіи дѣтей къ родителямъ и дѣтей другъ къ другу...

Что касается перваго, то оно, по мнѣнію автора, вытекаетъ изъ:

признательности молодого поколѣнія къ тѣмъ, которые о немъ заботятся и доставляютъ ему пищу; у дѣтенышей сначала зарождается симпатія, которая растетъ отъ привычки и количества оказанныхъ матерью услугъ **).

Затѣмъ, что касается любви молодыхъ особей другъ къ другу, то источникъ этой любви, по мнѣнію автора, заключается въ слѣдующемъ:

Дѣти не рождаются одинаково одаренными физически и духовно; это неравенство обусловливаетъ постепенно возрастающее превосходство болѣе

---

*) Стр. 61 и 62,.

**) Стр. 62.

приспособленныхъ индивидовъ. Болѣе сильные, подчиняясь отцу, покровительствуютъ своимъ братьямъ и начинаютъ къ нимъ относиться, какъ родители къ дѣтямъ. Болѣе слабые индивиды цѣнятъ эти услуги и выражаютъ свою признательность; взаимная симпатія, развиваясь подъ вліяніемъ привычки, превращается въ настоящую братскую любовь *)

Когда возникшая, такимъ образомъ, семья увеличивается въ числѣ своихъ членовъ, то альтруистическое чувство, сначала элементарное, становится все болѣе и болѣе сложнымъ и разносторониимъ; въ концѣ концовъ, оно даетъ начало *нравственности*, которая, по увѣренію многихъ авторовъ, у общественныхъ насѣкомыхъ достигаетъ поразительно высшей степени развитія. Такъ у муравьевъ и пчелъ, по утвержденію Летурно, **) складываются такія *воззрѣнія на собственность*, которыя не только затмѣваютъ всѣхъ другихъ животныхъ, но превосходятъ, и даже очень значительно, низшія расы человѣчества.

Геккель идетъ еще дальше и утверждаетъ, что „соціальные инстинкты животныхъ, *на которыхъ мы основываемъ ученіе о нравственности* (напримѣръ, удивленію достойное *чувство долга* у муравьевъ), могутъ быть названы вполнѣ христіанскими въ лучшемъ смыслѣ этого слова“.

Такимъ представляется авторамъ генезисъ и развитіе общества: материнская любовь, тождественная для всѣхъ животныхъ— созидаетъ семью, семья, разрастаясь и развивая въ себѣ элементы альтруизма, ведетъ къ образованію общества и государства.

Посмотримъ теперь, насколько сказанная гипотеза находитъ себѣ основаніе и подкрѣпленіе въ явленіяхъ жизни сначала *безпозвоночныхъ*, а потомъ позвоночныхъ *животныхъ* и человѣка.

Мы увидимъ сейчасъ, что противъ этой гипотезы прежде всего говорятъ:

I) *критика общихъ соображеній*, которыми ее старается обосновать Эспинасъ и его послѣдователи; II) *детальное изученіе жизни одиночныхъ животныхъ* съ ясно выраженнымъ „материнскимъ чувствомъ“ и III) *таковое же изученіе жизни такъ называемыхъ общественныхъ насѣкомыхъ*, которыя, какъ извѣстно, принимаются за лучшій примѣръ, подтверждающій гипотезу развитія общества изъ семьи указаннымъ выше путемъ.

*) Стр. 63 и 64, курсивъ нашъ.
**) L'èvolution de la propieté.

II.

Я уже упомянулъ о томъ, что Дарвинъ (словами Вьюэлля) говоритъ слѣдующее: „Можетъ ли тотъ, кто читалъ трогательные примѣры материнской любви, разсказываемые такъ часто про женщинъ всѣхъ націй и про самокъ всѣхъ животныхъ, сомнѣваться, что основанія этихъ поступковъ тождественны въ обоихъ случаяхъ? *).

Эта идея, вовсе не доказанная даже въ такихъ условныхъ предѣлахъ, въ какихъ она высказывалась Дарвиномъ, послужила исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда трактатовъ, въ которыхъ ей придается уже гораздо болѣе широкій смыслъ, и болѣе общее значеніе.

Эспинасъ **), особенно тщательно разработавшій вопросъ о материнскомъ чувствѣ, является однимъ изъ представителей такой точки зрѣнія на предметъ,—съ него поэтому мы и начнемъ.

„Мы *должны*, пишетъ авторъ, *начинать* изученіе материнскаго чувства съ *низшихъ ступеней зоологической лѣстницы, т. е. съ существъ, лишенныхъ мыслительной способности, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, у которыхъ присутствіе ея весьма сомнительно—съ безпозвоночныхъ, самыхъ несовершенныхъ въ „смыслѣ организаціи“*; только одинъ этотъ путь рѣшенія вопроса читаемъ мы далѣе и можетъ быть признанъ научнымъ“. Такая задача Эспинаса: во что бы то ни стало *вывести* материнское чувство человѣка путемъ эволюціи этого чувства отъ низшихъ животныхъ, ставитъ автора въ необходимость разыскивать такія причины его у этихъ послѣднихъ, которыя могли бы служить хотя бы намекомъ на лежащія въ основѣ материнской любви высшихъ млекопитающихъ животныхъ. Но какими нитями связать, напримѣръ, материнскую любовь насѣкомыхъ съ тѣмъ же чувствомъ человѣка, когда яйцо у нихъ переживаетъ мать, которая сама вышла изъ яйца, пережившаго ея родителей? Какъ объяснить себѣ, что насѣкомое можетъ предвидѣть будущее по неизвѣстному прошедшему? или что оно можетъ узнавать самого себя въ существахъ, имѣющихъ совершенно отличную отъ него форму и даже при отсутствіи въ немъ всякой живой формы (когда любовь направлена на яйца)? или, наконецъ, какъ объяснить заботы матери о такихъ нуждахъ дѣтенышей, о которыхъ она не имѣетъ никакого понятія, такъ какъ этихъ нуждъ не знаетъ. Очевиднымъ казалось бы, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями въ значитель-

*) Происхожденіе человѣка. Переводъ подъ редакц. Сѣченова. 1871 г. Стр. 38 и 39.

**) Эспинасъ. Les sociétés animals.

ной степени отличающимися отъ тѣхъ, которыя видимъ у человѣка и высшихъ животныхъ,—отличающимися и по своему происхожденію, и по своему характеру; что задача на той почвѣ, на которой она дебатируется, не разрѣшима. „Но,—говоритъ Эспинасъ,—*задача требуетъ настоятельнаго рѣшенія въ указанномъ смыслѣ*, безъ чего „соціологія лишается своей основы"... и онъ приступаетъ къ ея рѣшенію попытками—устранить противорѣчія неустранимыя.

Условія существованія видовъ, — говоритъ Эспинасъ,—могли появиться позднѣе, чѣмъ появилась материнская любовь. Такъ насѣкомыя, напримѣръ, не всегда могли проходить всѣ фазы превращеній (гусеница, куколка и взрослое животное), какія проходятъ теперь, и, такимъ образомъ, могли сначала заготовлять своему потомству ту самую пищу, которой питаются сами, а потомъ сохранили привычку, не смотря на измѣненіе образа жизни.

Предположеніе это, однако, не объясняетъ того, какимъ же образомъ насѣкомое выработало въ себѣ способность заботиться о яйцахъ, какъ о живыхъ существахъ. Для этого оказалось необходимымъ новое предположеніе о томъ, что насѣкомыя сначала были живородящими. Эта новая гипотеза рѣшила бы дѣло; на бѣду, однако, по заключенію самого автора ея, она встрѣчаетъ возраженіе въ самой эволюціонной теоріи. „Насѣкомыя,—говоритъ онъ,—произошли отъ червей, а нѣкоторые кольчатые черви проявляютъ уже заботливость о яйцахъ". Словомъ, никакъ не выходитъ того, что нужно, и создать гипотезу, согласную съ фактами самыми пестрыми и разнохарактерными, оказывается совершенно невозможнымъ. И вотъ, въ результатѣ многочисленныхъ предположеній и болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, Эспинасъ,—и не одинъ онъ,—приходитъ къ слѣдующему неутѣшительному для него, но совершенно естественному заключенію: „мы пытались,—говоритъ онъ (на стр. 337),—отыскать причину материнской любви у безпозвоночныхъ (аналогичныя таковымъ у животныхъ высшихъ) и *должны были въ концѣ концовъ отказаться отъ своего намѣренія*". Только напрасно онъ надѣется, что „другіе психологи будутъ счастливѣе" относительно его изслѣдованія „въ томъ же духѣ"; можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ духѣ задача будетъ неразрѣшимой, кто бы за нее ни брался. Ключъ къ рѣшенію ея лежитъ въ другомъ мѣстѣ.

Покончивъ такъ неудачно съ первой половиной задачи и не отыскавъ требуемыхъ причинъ, авторъ переходитъ къ другой: къ вопросу о такомъ развитіи и постоянномъ осложненіи материнскаго чувства въ животномъ царствѣ, которое въ концѣ концовъ могло бы насъ привести къ материнскому чувству высшихъ животныхъ.

Само собою разумѣется, что по смыслу задачи необходимо

представить развитіе этого чувства такъ, чтобы оно шло параллельно съ усложненіемъ организаціи животныхъ существъ, чтобы по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся съ одной низшей зоологической ступени на слѣдующую, высшую, материнская любовь становилась бы все болѣе и болѣе сложной и сильной.

Къ несчастію, и здѣсь факты никакъ не хотятъ укладываться въ требуемую рамку; этого мало: и здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются непреодолимыя затрудненія.

Тогда остается одинъ выходъ: минуя факты, детальное выясненіе которыхъ предоставляется будущему, взять различныя формы *проявленія материнской любви* въ животномъ царствѣ и расположить ихъ въ раціональномъ порядкѣ, то есть въ порядкѣ, вытекающемъ изъ возрастающей сложности этого чувства *). Сначала, поэтому, разсматриваются группы животныхъ, у которыхъ „мать относится безразлично къ откладываемымъ ею яйцамъ"; затѣмъ разсматриваются „различныя степени особенностей, вытекающихъ изъ болѣе и болѣе активной роли самки, которая, во-первыхъ, дѣлаетъ выборъ мѣста, благопріятствующаго вылупленію дѣтенышей изъ яицъ, во вторыхъ, выбираетъ помѣщеніе, удобное для ихъ сохраненія, въ третьихъ, находитъ цѣлесообразныя средства для ихъ прикрѣпленія или зарыванія, въ-четвертыхъ, строитъ для нихъ особую защиту, въ пятыхъ, кладетъ яйца возлѣ веществъ, способныхъ служить пищей для личинокъ или вылупившихся дѣтенышей, доставляя имъ кормъ или въ обыкновенномъ видѣ, или же въ видоизмѣненной формѣ", и т. д. **)

Поднимаясь все выше и выше, мы доходимъ, наконецъ, до появленія „обществъ" (у насѣкомыхъ), у которыхъ животная техника дѣлаетъ быстрые успѣхи и производитъ „неожиданныя чудеса". „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ авторъ,—до сихъ поръ матеріалъ и орудія для своей защиты большинство низшихъ животныхъ заимствовало изъ веществъ своего собственнаго тѣла. Защита (напримѣръ, коконовъ) была лишь продолженіемъ организма, изъ котораго она исходила, точно также и орудія: напримѣръ, тенета паука—являлись какъ бы распространеніемъ животнаго, занимающаго его центръ. Напротивъ, если мы взглянемъ на продукты общественной техники, то увидимъ, что они построены изъ матеріаловъ, такъ сказать, постороннихъ составнымъ веществамъ рабочаго, и обработываемыхъ съ внѣшней стороны исключительно механическими средствами" (Стр. 298, 299).

Такимъ образомъ, получается требуемый рядъ ступеней постепеннаго усложненія и развитія материнскаго чувства, какъ будто бы дѣйствительно существующаго въ природѣ. Правда, фактовъ, подтверждающихъ такой восходящій порядокъ его развитія, не

*) Эспинасъ. Ibid. стр. 228.
**) Стр. 298.

существуетъ. Мало этого: часто они и по заявленію самого Эспинаса стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ этой лѣстницей,— но... говорятъ намъ, съ одной стороны факты эти еще очень не полно изучены, а съ другой — „трудно допустить, чтобы логика вещей, столь согласная во многомъ съ логикой ума, отходила слишкомъ далеко отъ такого разумнаго плана и такой теоретически установленной послѣдовательности“ (стр. 288).

Факты, дѣйствительно, изучены недостаточно полно и недостаточно хорошо, и логика теоретическихъ разсужденій, поэтому, является тѣмъ болѣе заманчивой, что, какъ мы видѣли выше, сдѣлать желательные выводы изъ систематическаго изученія фактовъ оказалось безусловно невозможнымъ. За то, миновавъ препятствія въ систематическомъ матеріалѣ „и ограничившись главными проявленіями материнской любви“, мы съ большею легкостью получаемъ возможность не только установить теоретически послѣдовательный рядъ усложненія и развитія материнскаго чувства, но даже подобрать для каждаго проявленія и соотвѣтствующіе примѣры. Случилось, однако, что и на этотъ разъ, какъ это, по свидѣтельству исторіи нашей науки, случалось много разъ прежде, логика фактовъ разошлась съ логикой ума; ближайшее изученіе дѣла тотчасъ же доказываетъ, что „разумный планъ“ вовсе не совпадаетъ съ дѣйствительностью.

Факты эти, какъ мы сейчасъ увидимъ, подтверждаютъ, что материнская любовь, въ предѣлахъ даннаго класса животныхъ безпозвоночныхъ, иногда не только можетъ не усложняться и не увеличиваться параллельно съ генетической эволюціей составляющихъ его группъ и семействъ, но можетъ систематически падать и, наконецъ, вовсе исчезать. Факты доказываютъ затѣмъ, что не только въ предѣлахъ семейства, но даже и одного рода, могутъ быть весьма различно развитыя степени материнскаго чувства; наконецъ, что постройки гнѣздъ изъ сторонняго матеріала вовсе не составляютъ признака животныхъ общественныхъ, а встрѣчаются и у тѣхъ самыхъ пауковъ, между прочимъ, которые выставляются примѣрами животныхъ, не обладающихъ способностями къ такимъ постройкамъ, и т. д., и т. д. Словомъ, оказывается, что проявленія материнскаго чувства не представляютъ никакой восходящей лѣстницы усложненія, и что эта лѣстница рушится при первомъ прикосновеніи ея съ фактами.

III.

По свидѣтельству всѣхъ авторовъ,—среди низшихъ (безпозвоночныхъ) животныхъ — пауки (Araneina) представляютъ классъ, въ которомъ материнская любовь достигаетъ высшихъ предѣловъ. Этотъ классъ животныхъ поэтому мы и возьмемъ для рѣшенія

вопроса о тождествѣ основъ материнскаго чувства у животныхъ всѣхъ ступеней зоологической лѣстницы, и на возможность, вслѣдствіе этого, *„вывести“* сложное чувство материнской любви у высшихъ животныхъ изъ простѣйшей формы этого чувства у низшихъ животныхъ.

Наблюденій, которыми доказывается существованіе „материнской любви“, у пауковъ — очень много, и, оставляя въ сторонѣ психологическую оцѣнку, дѣлаемую авторами этому чувству, не можетъ подлежать сомнѣнію. По свидѣтельству англійскихъ энтомологовъ Кэрби и Спенсъ, часто цитируемыхъ Дарвиномъ,—способность этихъ животныхъ питать нѣжнѣйшія чувства любви къ своимъ дѣтямъ поистинѣ изумительна *).

Подтверждая сказанное, авторы разсказываютъ, между прочимъ, объ извѣстномъ опытѣ Боннета, который, чтобы испытать силу привязанности одного паука (Lycosa), бросилъ его вмѣстѣ съ кокономъ въ логово „муравьинаго льва“. Животное это схватило коконъ, а вслѣдъ затѣмъ и самку паука, которая не хотѣла оставить свою драгоцѣнную ношу и предпочла погибнуть вмѣстѣ съ нею, чѣмъ спасти свою жизнь бѣгствомъ. Профессоръ Heintz, говоря о материнскомъ инстинктѣ Lycosidae вообще, отмѣчаетъ, что „мать защищаетъ свое потомство до послѣдней крайности“, и что „можно отрывать у нея ногу за ногой прежде, чѣмъ она оставитъ свое сокровище; такъ велика можетъ быть материнская любовь въ существахъ, безпощадныхъ къ своему собственному виду и даже къ полу, который даетъ жизнь ея потомству“, заключаетъ авторъ.

Про Dolomedes Albineus разсказываютъ слѣдующій случай: самка была проткнута булавкой, потомъ посажена въ стеклянный сосудъ, гдѣ рана скоро зажила. Черезъ три дня она сдѣлала коконъ и снесла яйца; она держала его постоянно въ челюстяхъ, но силы ея ослабли; рана открылась, кровь потекла свободно и самка постепенно теряла свои силы, но при всемъ этомъ она до послѣдней минуты жизни не выпускала кокона.

Я могу присоединить къ разсказамъ авторовъ еще одинъ интересный фактъ. Молодые паучки Theridium pictum въ неволѣ, при недостаткѣ корма, иногда открыто нападаютъ на свою мать и съѣдаютъ ее, хоть этой жертвѣ ничего не стоило бы самой полакомиться крохотными созданіями, трусливыми и не осмѣливающимися нападать даже на мухъ, которыхъ мать умерщвляетъ прежде, чѣмъ дѣти примутся за эту добычу; а тутъ они смѣло взбираются на тѣло своей матери, не отступающей въ обычное время отъ борьбы съ пчелою и всегда остающейся побѣдительницей, и вонзаютъ свои челюсти обреченной на смерть добровольной жертвѣ; милыя ея сердцу дѣти скоро обсыпаютъ ее,

---

*) Керби и Спенсъ, перев. А. Мина, стр. 328—329.

какъ бисеромъ, и высасываютъ безъ остатка. Дальше этого чувство материнской любви идти уже, разумѣется, не можетъ.

Какова же природа этого чувства, и соотвѣтствуетъ ли оно материнскому чувству высшихъ позвоночныхъ, какъ это утверждаютъ весьма многіе арахнологи и натуралисты вообще?

Ближайшее изученіе явленій устанавливаетъ, прежде всего, что *сила материнской любви у пауковъ далеко не одинакова за весь періодъ времени* выхаживанія молоди. Вездѣ мы видимъ, что сначала эта любовь бываетъ, относительно говоря, очень слабою, по мѣрѣ же того, какъ приближается время выхода молодыхъ изъ яичекъ, сила материнской любви, направленная *не на одушевленный предметъ, а на коконъ*, становится все большею и большею. Ко времени выхода молоди, чувство это достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, но съ этого же момента начинается и его пониженіе.

Чѣмъ болѣе подрастаетъ молодь, тѣмъ индифферентнѣе относится къ нимъ самка, а къ тому времени, когда молодые достигаютъ возраста, въ который могутъ производить самостоятельную охоту,—материнская любовь исчезаетъ совсѣмъ.

Изучая внимательно всѣ градаціи этого чувства и его постепеннаго исчезновенія, не знаешь иногда, чему удивляться,—біологической ли цѣлесообразности самаго факта, или изумительной точности соотвѣтствія между силою, такъ называемаго, материнскаго чувства, съ одной стороны, и потребностью въ этомъ чувствѣ для сохраненія вида—съ другой, въ каждый данный періодъ времени.

Это строгое соотвѣтствіе можетъ быть формулировано такъ: *паукъ особь проявляетъ свою любовь тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значеніе кокона въ интересахъ вида больше*; а значеніе это становится большимъ съ каждымъ днемъ развитія молоди, ибо съ каждымъ днемъ шансы на успѣшное развитіе потомства увеличиваются. *)

Я, не боясь преувеличенія, считаю возможнымъ признать значеніе этого факта, въ вопросѣ объ оцѣнкѣ истинной природы разсматриваемыхъ явленій,—огромнымъ.

Другая, не менѣе характерная и не менѣе важная черта материнской любви у пауковъ заключается въ томъ, что она продолжается въ теченіе только опредѣленнаго періода времени, съ истеченіемъ котораго, исчезаетъ, безъ всякой связи и зависимости отъ состоянія объекта любви.

---

*) Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ (конечно, приблизительно), что число ежедневныхъ опасностей отъ враговъ (у кокона—своихъ спеціальныхъ) равняется 10, и что, такимъ образомъ, заключенныя въ коконѣ яйца рискуютъ въ теченіе пятнадцати дней, необходимыхъ для ихъ развитія, подвергнуться опасности 150 разъ.

Ясно, что цѣнность только что сдѣланнаго кокона для интересовъ вида почти въ 150 разъ меньше, чѣмъ та, которую будетъ имѣть коконъ, счастливо избѣжавшій опасности до пятнадцатаго дня развитія.

Вотъ фактъ, доказывающій справедливость сказаннаго.

Отнимемъ коконъ, напримѣръ, у тарантула на 7-й и 8-й день послѣ того, какъ онъ имъ былъ сдѣланъ, и будемъ наблюдать. Тарантулъ,—этотъ образецъ чадолюбія,—повергается въ страшное безпокойство; съ необыкновенною тщательностью и энергіей начинаетъ обыскивать свое помѣщеніе, перерываетъ всю землю около своей норы, и успокоивается, т. е. оставляетъ поиски, лишь окончательно потерявъ силы. Дотрогивайтесь до него въ это время пальцемъ, толкайте съ мѣста,—онъ или остается безъ движенія, или, еле ступая, сдѣлаетъ два-три шага, чтобы снова остановиться. Возвратите коконъ, и онъ бросится на него съ горячностью, которая не оставляетъ сомнѣнія въ интенсивности руководящаго имъ чувства. Этого мало. Потребность носить въ это время коконъ такъ велика, что пауки легко поддаются обману, и тѣмъ легче, чѣмъ ближе къ моменту наивысшаго развитія материнскаго чувства совершаются эксперименты. Дайте самкѣ Theridium pictum втрое большій коконъ Theridium lineatum, какъ я это много разъ дѣлалъ,—и паукъ помѣщаетъ его къ себѣ въ гнѣздо; дайте два такихъ кокона и онъ сдѣлаетъ то же: онъ соберетъ ихъ цѣлую кучу и будетъ охранять съ одинаковою заботливостью опредѣленный періодъ времени.

Вложите въ коконъ Sycosae вмѣсто яицъ дробинку, какъ это дѣлали г-нъ и г-жа Pekham, при чемъ вѣсъ кокона сдѣлается втрое большимъ, и дайте его пауку, — онъ тотчасъ же схватываетъ коконъ и, послѣ большихъ трудовъ, прикрѣпляетъ его къ прядильнымъ органамъ.

Подложите вмѣсто коконовъ похожіе на нихъ предметы, и пауки семейства Lycosidae легко вводятся въ обманъ.

Но время идетъ; изъ кокона выходятъ молодые паучки. Казалось бы, тутъ-то и сказаться материнскому чувству, а на дѣлѣ выходитъ, что оно быстро идетъ на убыль и скоро исчезаетъ совсѣмъ. И вотъ что изумительно и характерно: періодъ времени, обнимающій всю гамму сначала восходящаго, а потомъ нисходящаго чувства материнской любви у паука, стоитъ. какъ было сказано, внѣ зависимости и связи съ дѣйствительными измѣненіями, которыя претерпѣваетъ развивающееся молодое поколѣніе.

Объясню это фактами, много разъ мною провѣренными. Возьмемъ паука рода Lycosa, который носитъ свой коконъ, положимъ, отъ 12 до 15 дней. Къ концу этого срока материнское чувство достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта; къ этому же времени, при нормальныхъ условіяхъ развитія, изъ кокона выходятъ молодые; самка бросаетъ пустой коконъ и переноситъ свои чувства на молодыхъ паучковъ.

Далеко не всѣ коконы, однако, достигаютъ благополучнаго развитія; содержимое многихъ изъ нихъ уничтожается паразитами. Какъ же поступаютъ пауки въ такомъ случаѣ? *Они носятъ опу-*

ствшій коконъ до истеченія опредѣленнаго времени (до 15—20 дней) и затѣмъ бросаютъ его, никогда не изслѣдуя его содержимаго.

Авторамъ, дѣлающимъ оцѣнку явленій психологіи животныхъ по аналогіи съ человѣкомъ, все въ описанныхъ фактахъ совершенно ясно: паукъ носитъ коконъ, „ожидая выхода молоди", онъ *знаетъ* приблизительно *срокъ* ихъ выхода, *знаетъ*, что иногда могутъ быть *несчастныя случайности*, вслѣдствіе которыхъ молодые паучки не развиваются, и потому, проносивши коконъ соотвѣтствующій періодъ времени, бросаетъ его, *увѣренный*, что изъ такого кокона ничего уже не выйдетъ.

При такомъ разсужденіи, — явленія эти, конечно, совершенно ясны. Болѣе тщательное изученіе ихъ, однако, тотчасъ же выдвигаетъ на очередь факты, которые дѣлаютъ такую ясность все меньшею и меньшею, пока, наконецъ, „истина" не окажется сплошною ошибкою.

Въ самомъ дѣлѣ, случается иногда, что (вслѣдствіе какихъ-либо патологическихъ причинъ, разумѣется),—паукъ, приготовивъ часть кокона, которая необходима къ моменту кладки яицъ, таковыхъ не откладываетъ, а, посидѣвъ въ той позѣ, въ которой они откладываются, столько времени, сколько, согласно инстинкту, это требуется, продолжаетъ слѣдующую по очереди работу, т. е. завершаетъ, задѣлываетъ этотъ коконъ до конца. Я наблюдалъ такія явленія у тарантуловъ: самка относилась къ пустому кокону совершенно такъ же, какъ къ нормальному: носила его, берегла, не разставалась съ нимъ, и сила ея материнской любви текла, развиваясь и понижаясь, какъ всегда течетъ въ періодъ гнѣздовья.

Фактъ поразительный, если его оцѣнить по достоинству.

Такимъ образомъ, пониженіе и повышеніе материнскаго чувства паука совершается безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному состоянію того объекта, на который это чувство направлено; оно происходитъ исключительно въ зависимости отъ того значенія, которое эта „любовь" имѣетъ для интересовъ „вида", при чемъ допустить сознательное представленіе о такомъ значеніи у животнаго, которое производитъ свои дѣйствія одинаково совершенно какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе раза, — независимо отъ наученія и опыта,—разумѣется, невозможно.

Самка паука совершаетъ свои процессы сама по себѣ, ея поколѣніе — само по себѣ. Они связаны чисто формально и лишь въ теченіе опредѣленнаго періода времени.

Нормально совершаются тѣ физіологическіе и біологическіе процессы, изъ которыхъ часть предшествуетъ, а другая сопровождаетъ развитіе молоди,—и дѣятельность самки представляется изумительно цѣлесообразной, и до извѣстной степени аналогичной дѣятельности человѣка и высшихъ животныхъ; не нормально — и

всѣ эти дѣйствія представляютъ рядъ „безсмысленнѣйшихъ актовъ“, которые неукоснительно продѣлываются самкой въ однажды установленномъ порядкѣ и послѣдовательности, и которые, въ сущности, совершенно такъ же „осмыслены“, какъ и тѣ, которые намъ таковыми кажутся.

Отъ сдѣланной характеристики *материнскаго чувства особи*, перейдемъ къ *характеристикѣ этого чувства у класса пауковъ въ его цѣломъ*.

Первое, что мы узнаемъ здѣсь, и что нѣсколько расходится съ представленіемъ о материнскомъ инстинктѣ, какъ о чувствѣ общераспространенномъ у этихъ животныхъ, это то, что у нѣкоторыхъ пауковъ такого чувства не наблюдается вовсе, или по крайней мѣрѣ не больше, чѣмъ у червей.

Далѣе: изученіе гнѣздъ пауковъ *), въ связи съ материнскимъ чувствомъ развертываетъ передъ нами нижеслѣдующую картину.

Входящія въ составъ этого класса, животныя составляютъ генетически связанные другъ съ другомъ ряды формъ, въ которыхъ могутъ быть указаны, какъ исходныя, такъ и конечныя звенья. Строительный инстинктъ представителей каждаго изъ этихъ звеньевъ цѣпи Araneina далеко не одинаковъ. Формы первичныя (Scytodidae, Pholcidae) надѣлены очень несовершеннымъ строительнымъ инстинктомъ. Чѣмъ дальше отстоитъ данное звено цѣпи отъ ея исходнаго пункта, тѣмъ индустрія ея выше. Другими словами, пауки, по мѣрѣ своего генетическаго развитія, вырабатываютъ все болѣе и болѣе совершенные строительные инстинкты. Эволюція этихъ послѣднихъ совершается въ двухъ направленіяхъ: одна группа пауковъ совершенствуетъ гнѣздо, т. е. такую постройку, которая служитъ для помѣщенія кокона и паука вмѣстѣ; другая — совершенствуетъ одинъ коконъ, т. е. постройку, предназначаемую спеціально для охраны только будущаго потомства; эта послѣдняя группа пауковъ не устроиваетъ гнѣзда вовсе.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоитъ чувство, такъ называемой, материнской любви пауковъ къ только что указанному прогрессу индустріи: остается ли оно неизмѣннымъ, какъ нѣчто самостоятельное и всѣмъ этимъ животнымъ одинаково присущее чувство, или оно подвергается колебаніямъ и ничего самостоятельнаго не представляетъ? Факты насъ учатъ, что эта любовь является наиболѣе развитою тамъ, гдѣ уходъ матери за ея потомствомъ необходимъ, т. е. тамъ, гдѣ постройка кокона несовершенна, гдѣ отсутствіе гнѣзда, или иныхъ способовъ защиты потомства, влечетъ за собою почти неизбѣжную его гибель, если

---

*) W. Wagner. L'industrie des Araneina. Mém. d. l'Acad. Imp. de St.-Petersburg. T. LXII. № 11.

самка, хотя бы на самый короткій срокъ, оставила его на произволъ судьбы. Таковы, напримѣръ, Pholcidae, пауки, таскающіе за собою свои жалкіе коконы, нити которыхъ даже не прикрываютъ яицъ; таковы Licosidae, вслѣдствіе своего бродячаго образа жизни, таскающіе съ собою свои коконы, хотя и очень хорошо устроенные, но которые, вслѣдствіе особенностей ихъ архитектуры, дѣлаютъ непрерывныя заботы и уходъ за ними неизбѣжными и т. д. Здѣсь именно, въ этихъ группахъ пауковъ и ихъ ближайшихъ родичей, черпаются авторами тѣ факты, которые служатъ имъ основаніемъ для разсказовъ о поразительной материнской любви пауковъ.

И факты эти, какъ мы видѣли, дѣйствительно, поразительны.

Сила „материнской любви", такимъ образомъ, достигаетъ наибольшаго развитія у исходныхъ пунктовъ генетическихъ рядовъ класса, т. е. у пауковъ, носящихъ съ собою свои коконы и не разстающихся съ ними ни на минуту.

Чѣмъ дальше отъ этихъ исходныхъ пунктовъ стоитъ данная форма, чѣмъ совершеннѣе становится архитектура ихъ построекъ, тѣмъ слабѣе и слабѣе становятся заботы матери о потомствѣ и любовь ея къ дѣтямъ. Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда совершенство строительныхъ инстинктовъ достигаетъ такой высоты, при которой цѣлость потомства гарантируется защищающимъ его гнѣздомъ или кокономъ, безъ особенныхъ о немъ хлопотъ самки, во время развитія въ яйцѣ и въ первое время по выходѣ изъ яйца.

Что же дѣлается съ „материнскою любовью" въ такомъ случаѣ?

Она уже не понижается, а *вовсе исчезаетъ, если образъ жизни паука можетъ стѣсняться какими-нибудь, хотя бы минимальными, заботами о потомствѣ.* Таковы, напримѣръ, пауки рода Agraeca (сем. Agelenidae), у которыхъ проявленіе материнскаго чувства ограничивается только устройствомъ гнѣзда для яицъ, и которые, закончивъ эту постройку, удивительную по своему совершенству,—покидаютъ ее навсегда.

Такимъ образомъ, *развитіе строительныхъ инстинктовъ у пауковъ, при равенствѣ остальныхъ условій, стоитъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ силѣ материнской любви: чѣмъ выше и сложнѣе эти инстинкты, тѣмъ слабѣе и проще заботы матери о потомствѣ.*

Материнская любовь всегда на лицо, когда архитектура построекъ и другія біологическія условія одни, безъ ея содѣйствія, не гарантируютъ цѣлости вида; но лишь только самка получаетъ возможность сложить съ себя эти заботы, она оставляетъ свое потомство въ тотъ же часъ, какъ отстроила для нихъ помѣщеніе. Другими словами, *материнская любовь, разсматриваемая у класса Araneina въ его цѣломъ, представляетъ признакъ, совер-*

шенно аналогичный многимъ морфологическимъ признакамъ, которые, по мѣрѣ надобности, то находятся въ наличности, то исчезаютъ. Какъ нѣкоторые черви, напримѣръ, въ извѣстный періодъ жизни, получаютъ особенно развитые глаза, олени—рога, которые потомъ отпадаютъ и т. д., и т. д., точно такъ же материнская любовь пауковъ, представляя простой видовой признакъ, закрѣпляется подборомъ за каждою данною формою лишь въ такой мѣрѣ, и въ такомъ случаѣ, гдѣ и сколько онъ можетъ быть полезенъ виду въ его борьбѣ за существованіе. Этого мало: материнская любовь не только исчезаетъ тогда, когда особь найдетъ возможнымъ сложить свои заботы на усовершенствованную архитектуру кокона, но *къ этому усовершенствованію, съ цѣлью освободить себя отъ заботъ о потомствѣ (если онѣ сколько-нибудь стѣснительны) направлена вся совокупность эволюціоннаго процесса строительныхъ инстинктовъ.*

Нужно ли доказывать, послѣ сказаннаго о материнскомъ чувствѣ у пауковъ, что оно вовсе не тождественно тѣмъ чувствамъ, которыя подъ этимъ терминомъ разумѣются у высшихъ животныхъ и человѣка? и что изъ психологіи материнскаго чувства пауковъ нельзя „*вывести*“ сложнаго материнскаго чувства высшихъ животныхъ?

Ничего не даютъ факты изъ жизни пауковъ и для того, чтобы утверждать, будто материнская любовь на первыхъ же ступеняхъ жизни животныхъ порождаетъ альтруистическія чувства членовъ семьи другъ къ другу: молодые вышедшіе изъ яйца паучки не нападаютъ другъ на друга только въ томъ уголкѣ, въ которомъ вышли на свѣтъ. Стоитъ имъ, однако, немного разойтись въ стороны (хотя бы временно), какъ сильнѣйшіе открыто нападаютъ на слабыхъ и ихъ поѣдаютъ. Позднѣе, когда они расходятся совсѣмъ и начинаютъ вести самостоятельный образъ жизни—они уже неизмѣнно нападаютъ другъ на друга, со всѣми пріемами этихъ хищниковъ, какъ они нападаютъ на всякую другую добычу.

IV.

О „любви“ и высоко развитомъ чувствѣ альтруизма у членовъ одного „государства“ или одной „общины“, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ писали тѣмъ больше и тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ меньше знали ихъ біологію *), а такъ какъ она и до сихъ поръ очень многимъ продолжаетъ быть мало извѣстной, то разсужденія на эту тему продолжаютъ писаться до нашихъ дней и будутъ писаться, вѣроятно, еще долгіе годы, хотя число принципіальныхъ противниковъ такого воззрѣнія на пред-

*) Пальма первенства въ этомъ отношеніи остается за Метерлинкомъ.

метъ съ каждымъ годомъ растетъ. Посмотримъ, что говорятъ факты.

Я приведу ихъ изъ моего изслѣдованія біологіи шмелей и на ихъ основаніи постараюсь выяснить тѣ же вопросы, которые подлежали нашему изслѣдованію по матеріалу, доставленному намъ жизнью одиночныхъ суставчатоногихъ животныхъ, а именно:

1) *Можетъ ли материнское чувство, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ признаваться тождественнымъ такововому животныхъ высшихъ?*

2) *Чувство, которое принимается за материнское у, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ*, порождаетъ ли оно у нихъ широкій альтруизмъ между членами семьи, какъ объ этомъ говорятъ авторы, усматривающіе въ муравейникѣ и пчелиномъ роѣ—сложную общину.

Когда рѣчь идетъ о материнской любви у высшихъ животныхъ, то обладателями такихъ чувствъ предполагаются только самки, а самое чувство направлено только на дѣтей. У, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ этими инстинктами либо неодинаково, а существенно различно надѣлены двѣ стазы изъ трехъ, либо только одна изъ нихъ, при чемъ надѣлена этимъ чувствомъ не столько самка-мать, сколько особи, никогда не бывшія матерями, то есть рабочіе. Но и это еще не все: надѣлены эти особи не то материнской, не то братской любовью такъ, что не знаешь, какой изъ инстинктовъ здѣсь выраженъ сильнѣе и опредѣленнѣе: тотъ ли, который характеризуется внѣшними признаками альтруизма, при вязанности и расположенія, или какъ разъ противоположный инстинктъ: „жестокости каннибализма" или „преступнаго равнодушія", не мѣшающаго при извѣстныхъ условіяхъ „любовно воспитывающимъ" рабочимъ покойно бросать на произволъ судьбы горячо любимыхъ питомцевъ. Разберемъ поближе явленія, подлежащія нашей оцѣнкѣ.

Проявленіе *материнской любви* у шмелей начинается съ постройки гнѣздъ для будущей семьи, къ которому она приступаетъ послѣ зимовки.

Окончивъ постройку, самка строитъ восковыя ячейки для запасовъ меда и собираетъ пищевой матеріалъ для личинокъ.

На подробныхъ описаніяхъ этой дѣятельности я останавливаться не буду, такъ какъ она по своему характеру представляетъ дѣятельность не общественнаго, а одиночнаго насѣкомаго,—ибо вся „община" въ это время представлена одной только самкой.

Скажу потому лишь, что, сравнивая эту одиночную дѣятельность самки шмелей, съ соотвѣтствующей дѣятельностью одиночныхъ Hymenoptera, вообще мы должны будемъ признать инстинкты послѣднихъ не менѣе сложными и не менѣе совершенными, чѣмъ инстинкты, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ.

Переходя отъ постройки гнѣзда къ *уходу за молодью*, мы видимъ, что этотъ уходъ позднѣе составляетъ дѣло не столько самки, сколько рабочихъ. Такимъ образомъ, для выясненія вопроса о существованіи материнской любви у общественныхъ насѣкомыхъ, намъ приходится говорить не столько о явленіяхъ въ жизни самки-матери, сколько о явленіяхъ, наблюдаемыхъ у рабочихъ особей. На эту характерную особенность въ проявленіяхъ заботы взрослыхъ о подрастающемъ поколѣніи я обращаю особенное вниманіе читателя. Далѣе, рабочіе шмели, которые, какъ извѣстно, яичекъ не откладываютъ, тщательно ухаживаютъ не только за молодью, но и за помѣщеніемъ, въ которомъ она развивается, ни разу, однако, не имѣя возможности видѣть личинокъ; другими словами, рабочіе шмели кормятъ и ухаживаютъ за чѣмъ-то, о чемъ не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого понятія, такъ какъ восковая оболочка съ перваго и до послѣдняго момента *сплошь* облекаетъ личиночникъ. Еще интереснѣе то обстоятельство, что заботы о подрастающемъ поколѣніи бываютъ неустанными, непрерывными день и ночь,—но продолжаются онѣ лишь до того момента, какъ развившійся изъ личинки шмель появляется изъ своего кокона.

Какъ только это случилось, и представитель молодого поколѣнія показывается изъ коконовъ, то есть какъ разъ въ тотъ моментъ, начиная съ котораго шмели получаютъ возможность „узнавать въ нихъ себѣ подобныхъ",—такъ тотчасъ же всякія заботы о немъ прекращаются, и прекращаются *сполна*. Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить истинный характеръ той любви особей семьи къ молодому поколѣнію, которую мы имѣемъ здѣсь передъ собою.

Но еще точнѣе, еще очевиднѣе опредѣляется этотъ характеръ материнской любви у „общественныхъ" насѣкомыхъ фактомъ истребленія личинокъ шмелями въ теченіе лѣта. Фактъ этотъ въ такой степени расходится съ точкой зрѣнія на психику общественныхъ насѣкомыхъ, какъ на животныхъ, преисполненныхъ взаимной симпатіей и „самоотверженною любовью" къ „дѣтямъ", что остается либо безъ всякаго объясненія и авторы заносятъ его въ число „таинственностей", либо отмѣчается въ такихъ выраженіяхъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Роменсъ *): „съ приближеніемъ зимы у осъ *внезапно вспыхиваетъ негодованіе* **) противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ, вслѣдствіе чего онѣ поголовно и уничтожаются",—въ выраженіяхъ, которыя, очевидно, не только ничего не объясняютъ, но еще болѣе запутываютъ дѣло.

---

*) *Роменсъ.* „Умъ животныхъ", перев. подъ редакціей Холодковскаго.
**) Мой курсивъ.

Факты доказываютъ, что истребленіе личинокъ всегда является слѣдствіемъ безкормицы.

Необходимо имѣть въ виду, впрочемъ, что безкормица для личинокъ у шмелей не всегда представляетъ собою безкормицу для нихъ самихъ.

Гнѣздо шмелей, принесенное сегодня и получившее въ подкормокъ пчелиный медъ, который тотчасъ же перетаскивается шмелями въ свои ячейки, лишенное возможности вылетать за кормомъ для дѣтвы, принимается истреблять личиночники, иногда почти закончившія свое развитіе: сами шмели имѣютъ корму болѣе чѣмъ достаточно, но это не кормъ для всѣхъ личинокъ вообще.

Можетъ случиться, что шмели, сегодня вечеромъ принесенные въ комнату и завтра утромъ получившіе свободу вылетать за взяткомъ,—все же уничтожаютъ личинокъ.

Причиной явленія—та же безкормица, но вытекаетъ она изъ другого источника и потому не такъ очевидна, а именно, *она является слѣдствіемъ нарушенія нормальнаго отношенія между количествомъ приплода, или, говоря иначе, количествомъ ртовъ и рабочей силой семьи.* Какъ только эти отношенія нарушаются—и корму становится недостаточно, по той ли причинѣ, что шмелямъ возбраняется полетъ за взяткомъ, или, вслѣдствіе того, что шмели, будучи перенесены въ новое мѣсто безъ выдержки въ гнѣздѣ, вылетая за взяткомъ, не возвращаются болѣе въ новое мѣсто, а либо улетаютъ въ прежнее, либо теряются, не находя дороги въ новое жилище. Происходящее, вслѣдствіе этого, ослабленіе семьи немедленно сказывается на установившемся отношеніи между спросомъ на работу и ея предложеніемъ и ведетъ за собою излишнее сокращеніе ртовъ.

Необходимо имѣть въ виду также, что *истребленіе личинокъ* у шмелей отнюдь не представляетъ собою ихъ убиванія; дѣло ограничивается только тѣмъ, что при безкормицѣ личинки и яички осторожно берутся рабочими въ челюсти и выносятся прочь изъ гнѣзда. Случается иногда, что тонкая и нѣжная оболочка яйца лопается, содержимое попадаетъ въ ротъ и шмели его начинаютъ сосать, такъ какъ содержимое, очевидно, имъ кажется вкуснымъ. Но это бываетъ рѣдко и является *всегда* дѣломъ случайнымъ, о чемъ я считаю въ правѣ заключить потому, что шмели—прежде всего, взявши яйцо—тащатъ его прочь изъ гнѣзда, и принимаются сосать его содержимое тамъ и лишь тогда, гдѣ и когда оболочка яйца почему-нибудь прорвется. Если бы истребленіе яицъ дѣлалось для того, чтобы воспользоваться „лакомымъ кусочкомъ“, то оно производилось бы *тотчасъ же*, какъ только шмель получилъ возможность завладѣть яйцомъ, чего никогда не бываетъ.

Такъ же рѣдко удавалось мнѣ наблюдать случаи уничтоже-

нія шмелями личинокъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Одинъ изъ такихъ случаевъ я наблюдалъ у Bombus terrestres. Рабочій шмель сначала тащилъ личинку изъ гнѣзда, а потомъ началъ ее высасывать. Явленіе это, принимая во вниманіе исключительную его рѣдкость, совершенно случайное, и вполнѣ аналогичное тому, что было сказано о высасываніи яйца рабочимъ шмелемъ. Личинка, очевидно, была ранена шмелемъ, и когда сладковатый ея сокъ попалъ ему въ ротъ, то онъ нашелъ его годнымъ для пищи.

Къ сказанному мнѣ остается присоединить, что я однажды имѣлъ случай наблюдать такое истребленіе *личинокъ*, *производящееся самою самкой Bombus terrestris*. Фактъ, съ несомнѣнностью удостовѣряющій, *что материнскій инстинктъ* у самокъ по своей психологической природѣ ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видимъ и у рабочихъ. Вся серія фактовъ этого рода прекрасно освѣщаетъ психологію „материнской любви" у шмелей и психологію ихъ альтруизма, выражающагося въ ихъ заботахъ о молодыхъ поколѣніяхъ.

Другой вопросъ: существуетъ ли психологическая связь между причиной, порождающей дѣтоубійство и ея слѣдствіемъ?—факты отвѣчаютъ, что такой связи нѣтъ и что мы имѣемъ дѣло съ двумя независимыми инстинктами, всегда слѣдующими другъ за другомъ только потому, что причины, ихъ обусловливающія, всегда слѣдуютъ другъ за другомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы будемъ искать объясненія явленія въ логикѣ общественныхъ насѣкомыхъ *), то мы тотчасъ же очутимся передъ цѣлымъ рядомъ несообразностей.

Въ такомъ именно положеніи оказывается Роменсъ, недоумѣвающій надъ тѣмъ, съ какой стати осы истребляютъ личинокъ передъ зимой, когда онѣ и сами погибнутъ вслѣдъ за ними, ибо осы, подобно шмелямъ, не перезимовываютъ?

„Если бы все человѣчество,—глубокомысленно разсуждаетъ почтенный натуралистъ,—за исключеніемъ немногихъ женщинъ, было обречено на періодическую гибель, напримѣръ, въ тысячу лѣтъ разъ, то что бы выиграло оно, уничтожая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ концомъ каждаго тысячелѣтія всѣхъ больныхъ, сумасшедшихъ и другіе „безполезные рты"?

Вопросъ и соображенія совершенно безплодные, какъ согласится читатель.

Оцѣнивая же явленія не ad hominem, они получаютъ весьма простое объясненіе: наличность корма и другихъ соотвѣтствующихъ факторовъ вызываетъ у шмелей опредѣленную работу:

*) Допустивъ у нихъ способность къ такому, напримѣръ, разсужденію: личинокъ нечѣмъ кормить, онѣ могутъ умереть, а разложенія ихъ труповъ повлечь вредныя послѣдствія для другихъ личинокъ, вслѣдствіе чего выгоднѣе ожертвовать частью приплода, чѣмъ рисковать всей общиной.

доставка корма въ извѣстное мѣсто, сотовъ и пр.; отсутствіе корма или невозможность по тѣмъ или другимъ причинамъ *поставить личинки (и яйца)* въ требуемыя условія вызываетъ къ дѣятельности другую,—такъ же точно наслѣдственно опредѣленную,—работу.

Съ этой точки зрѣнія (а ея справедливость устанавливаетъ множество фактовъ самыхъ разнородныхъ формъ дѣятельность шмелей), въ истребленіи личинокъ нѣтъ ничего непостижимаго. Осы принимаются истреблять личинки вовсе не потому, что не вѣсть съ чего у нихъ *„внезапно вспыхиваетъ негодованіе противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ“*, а просто потому, что причина явленія—„голодовка“—наступаетъ съ „внезапною“ силою и ощутительностью, именно въ это время, а съ этимъ вмѣстѣ, какъ и у шмелей, внезапно замѣняются и одни инстинкты другими.

Таковы факты, выясняющіе намъ психическую природу дѣятельности шмелей (и другихъ общественныхъ насѣкомыхъ), которая выражается въ ихъ заботахъ и уходѣ за молодью; они даютъ намъ основаніе полагать, что материнскія чувства эти такъ же существенно отличаются отъ аналогичныхъ чувствъ у высшихъ животныхъ, какъ они отличаются и у одиночныхъ животныхъ.

V.

Переходя отъ безпозвоночныхъ животныхъ къ позвоночнымъ, мы были бы въ правѣ ожидать хоть здѣсь подтвержденія дарвиновой доктрины, по которой материнское чувство животныхъ и человѣка тождественны въ своихъ основныхъ свойствахъ, и здѣсь искать основаній, чтобы „вывести“ чувство человѣка изъ материнской любви у животныхъ. Факты доказываютъ, однако, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, качественно различными.

Начать съ того, что у низшихъ позвоночныхъ, какъ у безпозвоночныхъ животныхъ, чувство это направлено не на живой предметъ, а на яйцо.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Эспинасъ:

„Въ жизни каждаго животнаго, обладающаго сколько-нибудь сложной организаціей, существуютъ два періода: одинъ, когда его сохраненіе обезпечивается процессомъ явленій, почти исключительно механическаго (безсознательнаго), порядка, и другой—когда его развитіе совершается подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ интеллекта или представленій“ (стр. 340). „Возможность вліянія психическихъ явленій, читаемъ мы далѣе, возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія лѣстницы организмовъ, и въ концѣ концовъ, это вліяніе дѣлается такимъ значительнымъ, что, если, напримѣръ, выдѣленіе питательной жидкости зобными железами голубей, ко

торою они кормятъ своихъ птенцовъ, первоначально было автоматическимъ, то позднѣе это отдѣленіе саморазвивалось, вслѣдствіе психическихъ причинъ, т.-е. материнской любви".

Допустимъ на минуту, что эта, болѣе чѣмъ сомнительная, догадка справедлива, и посмотримъ, что говорятъ и какъ согласуются съ нею факты.

Оказывается, что въ огромномъ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рыбы вовсе лишены материнскаго чувства, которое составляетъ здѣсь крайне рѣдкое исключеніе. Оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни по сложности своего образа жизни, ни по разнообразію инстинктовъ, тѣ рыбы, которыя не проявляютъ материнскаго чувства, не только не стоятъ ниже тѣхъ, которыя имъ надѣлены, но часто безусловно превосходятъ послѣднихъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, стало быть, что, если материнская любовь есть дѣло сознанія, то ея отсутствіе есть тоже актъ сознанія.

Гдѣ же и въ чемъ искать причину такого явленія съ точки зрѣнія эволюціи материнскаго чувства? Этотъ вопросъ оставляется авторомъ безъ отвѣта.

Далѣе, оказывается, что, поскольку мы знаемъ, развитіе этого чувства стоитъ внѣ всякаго отношенія къ генезису рыбъ и, представляясь исключительнымъ видовымъ признакомъ, не даетъ возможности построить никакой восходящей лѣстницы. Наконецъ, оказывается—и это пунктъ, особенно затруднительный,—что тамъ, гдѣ заботы о потомствѣ существуютъ, „роли родителей перемѣшаны", и материнское чувство проявляется не самкою, а самцомъ. Самцы, такъ называемыхъ, морскихъ иголъ и морскихъ коньковъ носятъ янчки, отложенныя самками, въ особомъ выводковомъ мѣшкѣ; гнѣздо „прѣсноводнаго бычка" (Cottus gobio) устраивается самцомъ; самцы пинагора или круглопера охраняютъ яйца, снесенныя самками, и выводятъ на своей спинѣ дѣтенышей въ открытое море; самцы колюшекъ (gasterosteus) не только строятъ гнѣзда, но вталкиваютъ въ нихъ беременныхъ самокъ и загоняютъ молодыхъ рыбокъ въ случаѣ опасности; по наблюденіямъ Карбонье, самецъ гуарама (одна изъ лабиринтовыхъ рыбъ), подобно морскимъ конькамъ, помогаетъ своимъ самкамъ метать икру и помѣщаетъ ее на гнѣздѣ плавающихъ пузырьковъ, которые онъ сопровождаетъ и поддерживаетъ вплоть до вылупленія молоди.

Мы знаемъ, наконецъ, даже такія оригинальныя формы „материнской заботливости" самца: въ Тиверіадскомъ озерѣ существуютъ рыбы gromis paterfamillias, самцы которыхъ сохраняютъ и выхаживаютъ до двухсотъ молодыхъ рыбокъ въ своей глоткѣ и жаберной полости; по изслѣдованіямъ Лорте, когда самка снесетъ яйца въ тростникѣ, самецъ приближается къ этому мѣсту и посредствомъ всасыванія заставляетъ ихъ войти къ себѣ въ ротъ,

а затѣмъ—въ промежутокъ между жаберными лепестками; почти то же наблюдается у цейлонской Arias Bookei и у одной амазонской рыбы.

Какъ же быть съ этими фактами? Какъ уложить хотя бы (по мнѣнію автора) и сознательную материнскую любовь рыбъ въ основу материнской любви высшихъ позвоночныхъ животныхъ? Вотъ какъ это дѣлаетъ Эспинасъ.

„Родители животныхъ, стоящихъ ниже млекопитающихъ и птицъ,—говоритъ авторъ,—знаютъ нѣчто о томъ, что содержитъ въ себѣ яйцо, и это нѣчто служитъ опредѣленнымъ импульсомъ сложныхъ актовъ, которыми проявляется любовь“ (стр. 344). „Руководясь смутной идеей,—продолжаетъ авторъ,—рыбы считаютъ яйца такими же живыми существами, какъ онѣ сами, и, слѣдовательно, нуждающимися, какъ онѣ сами, въ извѣстной охранѣ и уходѣ“.

На очередь, однако, выступаютъ новыя затрудненія: во первыхъ, почему же, допустивъ у рыбъ наличность такихъ познаній о содержимомъ яйца, авторъ категорически отрицаетъ ее у животныхъ безпозвоночныхъ? „У низшихъ животныхъ,—говоритъ онъ,—напримѣръ, у асцидій, сохраняющихъ яйца подъ своимъ мѣшкомъ, и у морскихъ звѣздъ, отводящихъ имъ мѣста подъ центральной частью своего тѣла, *просто немыслимо* объяснить данное явленіе какимъ-либо опредѣленнымъ представленіемъ, а тѣмъ менѣе предусмотрѣніемъ“.—Авторъ, разумѣется, не даетъ отвѣта на вопросъ:—почему же такое допущеніе представляется по отношенію къ асцидіямъ немыслимымъ, а по отношенію къ рыбамъ не только мыслимымъ, но и необходимымъ; да такого отвѣта и нельзя дать вовсе!

Другой пунктъ затрудненія еще существеннѣе. Если рыбы знаютъ нѣчто о содержаніи яицъ, то почему же не самки, которыя ихъ откладываютъ, проявляютъ по отношенію къ нимъ материнскую любовь, какъ это слѣдовало бы заключить изъ такого знанія, а самцы?

Недоразумѣніе это такъ существенно, что для того, чтобы изъ него выйти, автору понадобилось къ предположенію объ эмбріологическихъ познаніяхъ у рыбъ присоединить еще одно предположеніе, не менѣе рискованное и еще болѣе голословное.

Извѣстно, что оплодотвореніе у рыбъ происходитъ не внутри тѣла самки, а внѣ его: самцы приплываютъ къ отложеннымъ самкою яичкамъ и обливаютъ ихъ оплодотворяющею жидкостью. Такъ вотъ, въ этихъ-то оплодотворяющихъ тѣльцахъ, по мнѣнію Эспинаса, а за нимъ и Жиро, самцы тоже видятъ части самихъ себя, какъ самки видятъ эти части въ откладываемыхъ ими яйцахъ, и, вслѣдствіе этого, стараются объ ихъ охраненіи, ибо считаютъ ихъ живыми.

Но, спрашивается, почему же именно на самца, а не на самку

падаютъ материнскія заботы, если самка тоже считаетъ живыми отложенныя ею яйца и тоже видитъ въ нихъ часть самой себя?

„А потому,—отвѣчаетъ Эспинасъ,—что самецъ послѣднимъ извергаетъ воспроизводящую жидкость на яйца, а самка, которую этотъ процессъ нѣсколько удаляетъ отъ нихъ, не можетъ болѣе распознать своей икры въ неустойчивой средѣ, гдѣ она ее метала“ (стр. 346, 347).

Но если такъ, то, во всѣхъ случаяхъ, когда самка видитъ отложенныя ею яички, и когда ничто не мѣшаетъ проявленію ея материнской любви, она должна будетъ таковую имѣть и проявлять.

Выводъ этотъ, очевидно, неизбѣженъ; оказывается, однако, что и здѣсь факты рѣшительно не укладываются съ гипотезой.

Одни изъ этихъ фактовъ доказываютъ намъ, что, при внутреннемъ оплодотвореніи, самецъ, хоть и не видитъ оплодотворяющей жидкости, однако заботится о потомствѣ, а съ другой стороны, многіе примѣры доказываютъ намъ, что самки, при томъ же внутреннемъ оплодотвореніи, хотя и видятъ откладываемыя яички, и хотя никто не мѣшаетъ имъ оставаться при нихъ безотлучно, однако не обнаруживаютъ по отношенію къ нимъ никакого материнскаго чувства.

Такимъ образомъ, всѣ разсужденія авторовъ о томъ, что яйца охраняются рыбами, земноводными, пресмыкающимися и птицами потому, что животныя эти имѣютъ „смутную идею о ихъ содержаніи“ и заботятся о нихъ потому, что видятъ въ нихъ части самого себя — безусловно расходятся съ фактами. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что общая идея авторовъ о томъ, что будто бы причиною материнской любви позвоночныхъ является интересъ, который всякое живое существо питаетъ къ самому себѣ и своимъ частямъ, а, стало быть, къ выдѣляемымъ ими половымъ продуктамъ,—не выдерживаетъ критики.

Мы полагаемъ, вслѣдствіе этого, что по отношенію къ указанной группѣ позвоночныхъ животныхъ возможно только одно толкованіе причины материнскаго чувства, а именно чувство это у низшихъ (мы увидимъ потомъ, что и у высшихъ) позвоночныхъ, какъ и у всѣхъ безпозвоночныхъ есть чувство исключительно инстинктивное; что въ основѣ его лежатъ органическіе импульсы, далеко не всегда и во всѣхъ группахъ тождественные; что эти основы, какъ и многообразныя формы проявленія материнскаго чувства, представляютъ не болѣе, какъ одинъ изъ видовыхъ признаковъ, въ которомъ ни сознаніе, ни воля не играютъ никакой роли. И, быть можетъ, только у птицъ, уже послѣ того, какъ вылупились молодые птенцы, къ дѣятельности инстинктивной присоединяются немногіе моменты сознанія и воли не столько въ самомъ чувствѣ любви, сколько въ пріемахъ охраненія молодыхъ отъ опасности.

Намъ остается, такимъ образомъ, для выясненія причины материнской любви и ея природы у человѣка, разсматривать одинъ только классъ, — млекопитающихъ, составляющій каплю въ морѣ животныхъ существъ, навсегда отказавшись отъ выведенія этого чувства отъ низшихъ, не только безпозвоночныхъ, но и позвоночныхъ животныхъ.

Обращаясь къ классу млекопитающихъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, что у всѣхъ нихъ материнская любовь существуетъ всегда; у всѣхъ самка, кромѣ monotremata, рождаетъ живыхъ дѣтенышей и, наконецъ, всѣ онѣ кормятъ ихъ выдѣленіемъ млекоотдѣлительныхъ железъ.

Что же можетъ быть признано основою ихъ материнской любви, ея причиною?

Эспинасъ, разумѣется, утверждаетъ, что эта причина лежитъ въ томъ, что дѣти, будучи похожими на мать (утвержденіе — не совсѣмъ точное: у ехидны и утконоса его нѣтъ вовсе, ибо это животныя не живородящія, а яйцекладущія; у сумчатыхъ такое сходство безконечно далекое) здѣсь уже безъ труда узнаются ею, и что самка, такимъ образомъ, любитъ въ нихъ часть самой себя. Этимъ способомъ разсужденія получается требуемая связь материнскаго чувства высшихъ позвоночныхъ съ низшими; получается даже желаемая лѣстница въ связи съ эволюціей животнаго царства. Сначала сознаніе и идея о томъ, что икринка есть существо живое и составляетъ часть самки, смутны и неясны, потомъ они становятся все яснѣе и опредѣленнѣе. Материнское чувство вытекаетъ, по мнѣнію Эспинаса, изъ *симпатіи* и *сознательнаго состраданія* или участія къ тому, что составляетъ „плоть отъ плоти“ матери-самки. Въ семьѣ эти чувства порождаютъ привязанность и любовь другъ къ другу. Факты свидѣтельствуютъ намъ, однако, что чувство материнской любви у млекопитающихъ животныхъ является такимъ же инстинктивнымъ, какъ и у другихъ животныхъ; они свидѣтельствуютъ, далѣе, о томъ, что причины этого послѣдняго чувства, какъ и у всѣхъ остальныхъ животныхъ, лежатъ въ органическихъ импульсахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе здѣсь, — въ предѣлахъ класса млекопитающихъ, представляются тождественными, а потому и самый инстинктъ общераспространеннымъ и сходнымъ. Однимъ изъ такихъ органическихъ импульсовъ должно считать, вѣроятно, кормленіе дѣтенышей молокомъ матери.

VI.

Къ какимъ же конечнымъ выводамъ приводятъ насъ изложенные въ настоящей статьѣ факты и соображенія, сверхъ тѣхъ, которые уже были сдѣланы выше?

Выводы эти можно формулировать въ рядѣ нижеслѣдующихъ положеній.

1) Материнское чувство, разумѣя подъ этимъ терминомъ разнородныя формы отношеній матери къ потомству, не можетъ считаться чувствомъ общераспространеннымъ. Болѣе того: принимая во вниманіе, что во многихъ отдѣлахъ животныхъ съ огромнымъ числомъ представителей материнское чувство составляетъ видовой признакъ далеко не всѣхъ, а иногда очень немногихъ, мы получаемъ основаніе полагать, что для большинства группъ оно является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

2) Генезисъ и развитіе материнскаго чувства въ разныхъ группахъ животнаго царства различны, и потому задача „вывести" эволюціоннымъ путемъ причины материнскаго чувства одной группы животнаго царства изъ другой представляется въ такой же степени плодотворной и научной, какъ если бы кто-нибудь на основаніи общности біологическихъ задачъ и условій возникновенія половыхъ признаковъ, какими являются, напримѣръ—рога самцовъ, ихъ голосъ, ихъ блестящее опереніе, съ цѣлью овладѣть самкой, пожелалъ бы вывести ихъ генетически другъ отъ друга. Явленіе того, что называется материнскимъ чувствомъ *въ области психологіи*, представляется почти въ такой же степени различнымъ, какъ указанные половые признаки въ области морфологіи.

3) Даже тамъ, гдѣ эти генезисы и развитіе могутъ считаться сходными (въ предѣлахъ одного класса, напримѣръ), степень развитія материнскаго чувства далеко не всегда имѣетъ такую связь съ восходящей въ эволюціонномъ порядкѣ цѣпью органическихъ существъ данной группы, какую за ней предполагаютъ авторы, желающіе вывести материнскую любовь человѣка изъ этого чувства у низшихъ животныхъ. Мало того, мы располагаемъ фактами, которые доказываютъ, что, по мѣрѣ развитія группъ класса, у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ материнское чувство можетъ не усложняться и усиливаться, а шагъ за шагомъ слабѣть и, наконецъ, исчезнуть вовсе, какъ мы это видимъ у пауковъ.

4) Тотъ фактъ, что, рядомъ съ классами животныхъ, въ которыхъ материнская любовь, по мѣрѣ генетической эволюціи, систематически слабѣетъ, существуютъ другіе классы, изъ которыхъ одни представляютъ примѣры съ развитымъ чувствомъ материнской любви, или его полнымъ отсутствіемъ, безъ всякаго отно-

шенія къ генезису класса (какъ это мы видимъ, напримѣръ, у насѣкомыхъ), а другіе—примѣры всегда наличнаго и неизмѣнно усиливающагося чувства материнской любви по мѣрѣ генетическаго развитія класса (какъ мы это видимъ у млекопитающихъ),—фактъ этотъ, въ свою очередь, служитъ доказательствомъ того, что генезисъ и развитіе материнской любви, въ разныхъ группахъ животнаго царства, различны: въ то время, какъ у однихъ, благодаря этимъ причинамъ, возможны однѣ формы и одинъ путь развитія этого чувства, у другихъ должны были явиться другія формы и другіе пути.

5) У млекопитающихъ животныхъ одною изъ причинъ материнскаго чувства является кормленіе дѣтенышей отдѣленіемъ млечныхъ железъ; и такъ какъ этотъ стимулъ является у всѣхъ нихъ, безъ исключенія, однимъ и тѣмъ же, то и причина материнской любви млекопитающихъ животныхъ можетъ считаться однородной.

6) Природа материнскаго чувства млекопитающихъ животныхъ (какъ и всѣхъ другихъ) безспорно инстинктивная, и только у высшихъ представителей класса къ инстинктамъ, составляющимъ ея основу и сущность, присоединяются элементы разума.

7) Материнская любовь человѣка—чувство сложное: поскольку она является инстинктивною, она не только сходна, но и тождественна съ тѣмъ, что мы видимъ у родственныхъ человѣку группъ животныхъ. Она отличается отъ материнскаго чувства этихъ послѣднихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число инстинктивныхъ актовъ въ ея проявленіи замѣняется актами разумными.

Вотъ въ этомъ то моментѣ и лежитъ одинъ изъ мощныхъ источниковъ борьбы элементовъ антисоціальныхъ съ элементами общественности въ человѣчествѣ. Доктрины ученыхъ мыслителей *), которыхъ мы имѣли въ виду при изложеніи предмета и которыя лежатъ въ основѣ воззрѣній на природу материнскаго чувства и на ея роль въ созиданіи семьи и общественности, рисуютъ передъ нами картину эволюціи, далеко не соотвѣтствующую дѣйствительности. Судя о явленіяхъ съ ихъ точки зрѣнія, мы, среди безчисленнаго числа тяжелыхъ вопросовъ цивилизаціи, можемъ себя чувствовать покойными, хотя бы въ сферѣ тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ въ связи и обусловливаются указанными доктринами.

Материнская любовь—это великое, обнимающее весь животный міръ чувство, таящее въ себѣ залогъ общественности; вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства, она одинаково прекрасна и, развиваясь всегда въ одномъ направленіи, въ концѣ концовъ, приводитъ къ прекраснѣйшему изъ того, чѣмъ обладаетъ общество людей: братской любви ихъ другъ къ другу, взаимопомощи и ши-

*) Дарвина, Конта-Литре.

рокому альтруизму, которое является надежнѣйшимъ цементомъ высшей ф)рмы общественности—государства.

Для своего времени и самыя эти идеи, и резюме, къ которому онѣ приводятъ, и задачи, которыя ими намѣчаются, все это было ново, все было несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ господствовавшіе до этого теологическія и метафизическія воззрѣнія писателей того времени. По мѣрѣ накопленія научнаго матеріала, становилось, однако, все болѣе очевиднымъ, что многое, казавшееся истиной гуще и гуще поддергивается дымкой сомнѣнія, а тамъ, гдѣ стояла непреложная доктрина возникаетъ вопросъ. Тщательный и подробный анализъ материнскаго чувства въ царствѣ животныхъ, а не простая аналогія этого чувства съ тѣмъ, что мы привыкли связывать съ нимъ въ человѣческой жизни (вѣрнѣе, навязывать ему по причинамъ и соображеніямъ, лежащимъ внѣ самого явленія),—приводитъ насъ къ заключенію, что картина генезиса и эволюціи этого чувства, нарисованная на фонѣ данномъ такими мыслителями, какими были Дарвинъ и Контъ, грѣшитъ и въ рисункѣ, и въ композиціи, по исправленіи которыхъ совершенно и радикально измѣняетъ свой смыслъ.

Не душевное спокойствіе порождаетъ она, послѣ такихъ поправокъ; не базисъ, на которомъ съ увѣренностью и надеждой можно было бы строить „основы жизни", обращаясь къ которымъ, мы всегда можемъ получить твердую гарантію въ справедликомъ рѣшеніи спорного и больнаго вопроса; не благодушіе, а тревогу возбуждаетъ истина, не успокоеніе, а борьбу ведетъ она за собою, борьбу тяжелую, ибо, въ концѣ концовъ, она сводится къ космическому принципу борьбы центробѣжнаго начала съ центростремительнымъ. Материнское чувство,—въ своей основѣ, у всѣхъ животныхъ, глубоко различаясь по своему генезису и развитію, по своей психологической природѣ и своему біологическому значенію, имѣетъ одну очень важную черту сходства, о которой я умышленно еще ни разу не говорилъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда чувство это можетъ быть констатировано, — оно сопровождается чѣмъ-то, что авторы называютъ *чувствомъ собственности*: „мать смутно чувствуетъ (въ яичкахъ) часть самой себя"; „въ чувствѣ матери нельзя исключать *идеи собственности*, какъ одну изъ прочныхъ основъ симпатіи. „Материнское чувство предполагаетъ идею о подчиненной собственности" и т. д., и т. д.

Правда, чувство это отмѣчается авторами попутно, и для того, главнымъ образомъ, чтобы, при его помощи, объяснить предполагаемое съ этимъ вмѣстѣ чувство „состраданія къ слабымъ существамъ", „чувство симпатіи любви" и пр.

Мы видѣли, однако, что у безпозвоночныхъ животныхъ о состраданія, о симпатіи и любви говорить серьезно нѣтъ ни малѣйшаго основанія: такихъ чувствъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и потому не мудрено, что писатели, особенно тщательно ихъ разы-

скивающіе, видятъ эти чувства въ явленіяхъ совершенно различныхъ, и толкуютъ о нихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ. Одно у всѣхъ остается неизмѣннымъ—это элементъ материнскаго чувства, который они называютъ то *идеей* собственности, то *чувствомъ* собственности, то какимъ-нибудь аналогичнымъ терминомъ.

И факты свидѣтельствуютъ намъ, что явленія, о которыхъ говорятъ авторы, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто. Я не могу только назвать этого чувства идеей собственности. Объ „идеяхъ" у червей, у таракановъ, у слизняковъ я, по крайней мѣрѣ, не считаю возможнымъ говорить вовсе.

На самомъ дѣлѣ, эта „идея" животныхъ представляетъ собою элементъ того же космическаго начала, которое одни изъ авторовъ называютъ началомъ центростремительнымъ, въ противоположность центробѣжному, другіе—закономъ „*аггрегаціи*" въ противоположность „разсѣянію" (*dispersion*).

Вотъ нѣкоторые примѣры, разъясняющіе сказанное.

Вещество, составляющее солнце и планеты, какъ извѣстно, находилось первоначально въ разсѣянномъ состояніи; затѣмъ, вслѣдствіе *тяготѣнія атомовъ*, ихъ стремленія *другъ къ другу*, произошло ихъ центростремительное движеніе, ихъ *интеграція*. Съ первыхъ же шаговъ на пути этого центростремительнаго движенія явились и элементы, въ которыхъ позднѣе найдетъ свое выраженіе начало центробѣжное, и котораго послѣдствіемъ будетъ отдѣленіе отъ центральной массы—частей, образующихъ въ нашей солнечной системѣ планеты и ихъ спутниковъ. Разъединившись, тѣла, однако, продолжаютъ „стремиться" другъ къ другу, по установленному еще Ньютономъ закону притяженія.

Тѣ же принципы, которые мы видимъ въ космическихъ явленіяхъ, находятъ свое мѣсто и въ явленіяхъ біологическихъ.

Прогрессъ въ сферѣ этихъ послѣднихъ, какъ это впервые, сколько я знаю, отмѣтилъ Спенсеръ *), не исчерпывается однѣми только послѣдовательными дифференціаціями (началомъ центробѣжнымъ): онѣ въ извѣстныхъ моментахъ сопровождаются явленіями интеграціи (началомъ центростремительнымъ).

Вотъ нѣкоторые примѣры изъ числа указываемыхъ Спенсеромъ. Низшіе суставчатые (черви) характеризуются большимъ числомъ составляющихъ ихъ сегментовъ, доходящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до нѣсколькихъ сотъ; но по мѣрѣ того, какъ станемъ передвигаться къ высшимъ суставчатымъ,—стоножкамъ, ракамъ, насѣкомымъ, паукамъ,—мы найдемъ число это значительно уменьшившимся, до двадцати двухъ, тринадцати и даже еще менѣе; и уменьшеніе это сопровождается укорачиваніемъ

---

*) Трансцендентальная физіологія. Научные, политическіе и философскіе опыты. Перев. подъ редакцію Н. Л. Тиблена. Спб. 1866 г., стр. 97 и слѣд.

всѣ эти дѣйствія представляютъ рядъ „безсмысленнѣйшихъ актовъ“, которые неукоснительно продѣлываются самкой въ однажды установленномъ порядкѣ и послѣдовательности, и которые, въ сущности, совершенно такъ же „осмыслены“, какъ и тѣ, которые намъ таковыми кажутся.

Отъ сдѣланной характеристики *материнскаго чувства особи*, перейдемъ къ *характеристикѣ этого чувства у класса пауковъ въ его цѣломъ*.

Первое, что мы узнаемъ здѣсь, и что нѣсколько расходится съ представленіемъ о материнскомъ инстинктѣ, какъ о чувствѣ общераспространенномъ у этихъ животныхъ, это то, что у нѣкоторыхъ пауковъ такого чувства не наблюдается вовсе, или по крайней мѣрѣ не больше, чѣмъ у червей.

Далѣе: изученіе гнѣздъ пауковъ *), въ связи съ материнскимъ чувствомъ развертываетъ передъ нами нижеслѣдующую картину.

Входящія въ составъ этого класса, животныя составляютъ генетически связанные другъ съ другомъ ряды формъ, въ которыхъ могутъ быть указаны, какъ исходныя, такъ и конечныя звенья. Строительный инстинктъ представителей каждаго изъ этихъ звеньевъ цѣпи Araneina далеко не одинаковъ. Формы первичныя (Scytodidae, Pholcidae) надѣлены очень несовершеннымъ строительнымъ инстинктомъ. Чѣмъ дальше отстоитъ данное звено цѣпи отъ ея исходнаго пункта, тѣмъ индустрія ея выше. Другими словами, пауки, по мѣрѣ своего генетическаго развитія, вырабатываютъ все болѣе и болѣе совершенные строительные инстинкты. Эволюція этихъ послѣднихъ совершается въ двухъ направленіяхъ: одна группа пауковъ совершенствуетъ гнѣздо, т. е. такую постройку, которая служитъ для помѣщенія кокона и паука вмѣстѣ; другая — совершенствуетъ одинъ коконъ, т. е. постройку, предназначаемую спеціально для охраны только будущаго потомства; эта послѣдняя группа пауковъ не устроиваетъ гнѣзда вовсе.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоитъ чувство, такъ называемой, материнской любви пауковъ къ только что указанному прогрессу индустріи: остается ли оно неизмѣннымъ, какъ нѣчто самостоятельное и всѣмъ этимъ животнымъ одинаково присущее чувство, или оно подвергается колебаніямъ и ничего самостоятельнаго не представляетъ? Факты насъ учатъ, что эта любовь является наиболѣе развитою тамъ, гдѣ уходъ матери за ея потомствомъ необходимъ, т. е. тамъ, гдѣ постройка кокона несовершенна, гдѣ отсутствіе гнѣзда, или иныхъ способовъ защиты потомства, влечетъ за собою почти неизбѣжную его гибель, если

---

*) W. Wagner. L'industrie des Araneina. Mém. d. l'Acad. Imp. de St.-Petersburg. T. LXII. № 11.

самка, хотя бы на самый короткій срокъ, оставила его на произволъ судьбы. Таковы, напримѣръ, Pholcidae, пауки, таскающіе за собою свои жалкіе коконы, нити которыхъ даже не прикрываютъ яицъ; таковы Licosidae, вслѣдствіе своего бродячаго образа жизни, таскающіе съ собою свои коконы, хотя и очень хорошо устроенные, но которые, вслѣдствіе особенностей ихъ архитектуры, дѣлаютъ непрерывныя заботы и уходъ за ними неизбѣжными и т. д. Здѣсь именно, въ этихъ группахъ пауковъ и ихъ ближайшихъ родичей, черпаются авторами тѣ факты, которые служатъ имъ основаніемъ для разсказовъ о поразительной материнской любви пауковъ.

И факты эти, какъ мы видѣли, дѣйствительно, поразительны.

Сила „материнской любви", такимъ образомъ, достигаетъ наибольшаго развитія у исходныхъ пунктовъ генетическихъ рядовъ класса, т. е. у пауковъ, носящихъ съ собою свои коконы и не разстающихся съ ними ни на минуту.

Чѣмъ дальше отъ этихъ исходныхъ пунктовъ стоитъ данная форма, чѣмъ совершеннѣе становится архитектура ихъ построекъ, тѣмъ слабѣе и слабѣе становятся заботы матери о потомствѣ и любовь ея къ дѣтямъ. Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда совершенство строительныхъ инстинктовъ достигаетъ такой высоты, при которой цѣлость потомства гарантируется защищающимъ его гнѣздомъ или вокономъ, безъ особенныхъ о немъ хлопотъ самки, во время развитія въ яйцѣ и въ первое время по выходѣ изъ яйца.

Что же дѣлается съ „материнскою любовью" въ такомъ случаѣ?

Она уже не понижается, а *вовсе исчезаетъ, если образъ жизни паука можетъ стѣсняться какими-нибудь, хотя бы минимальными, заботами о потомствѣ.* Таковы, напримѣръ, пауки рода Agraeca (сем. Agelenidae), у которыхъ проявленіе материнскаго чувства ограничивается только устройствомъ гнѣзда для яицъ, и которые, закончивъ эту постройку, удивительную по своему совершенству,—покидаютъ ее навсегда.

Такимъ образомъ, *развитіе строительныхъ инстинктовъ у пауковъ, при равенствѣ остальныхъ условій, стоитъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ силѣ материнской любви: чѣмъ выше и сложнѣе эти инстинкты, тѣмъ слабѣе и проще заботы матери о потомствѣ.*

Материнская любовь всегда на лицо, когда архитектура построекъ и другія біологическія условія одни, безъ ея содѣйствія, не гарантируютъ цѣлости вида; но лишь только самка получаетъ возможность сложить съ себя эти заботы, она оставляетъ свое потомство въ тотъ же часъ, какъ отстроила для нихъ помѣщеніе. Другими словами, *материнская любовь, разсматриваемая у класса Araneina въ его цѣломъ, представляетъ признакъ, совер-*

шенно аналогичный многимъ морфологическимъ признакамъ, которые, по мѣрѣ надобности, то находятся въ наличности, то исчезаютъ. Какъ нѣкоторые черви, напримѣръ, въ извѣстный періодъ жизни, получаютъ особенно развитые глаза, олени—рога, которые потомъ отпадаютъ и т. д., и т. д., точно такъ же материнская любовь пауковъ, представляя простой видовой признакъ, закрѣпляется подборомъ за каждою данною формою лишь въ такой мѣрѣ, и въ такомъ случаѣ, гдѣ и сколько онъ можетъ быть полезенъ виду въ его борьбѣ за существованіе. Этого мало: материнская любовь не только исчезаетъ тогда, когда особь найдетъ возможнымъ сложить свои заботы на усовершенствованную архитектуру кокона, но *къ этому усовершенствованію, съ цѣлью освободить себя отъ заботъ о потомствѣ (если онѣ сколько-нибудь стѣснительны) направлена вся совокупность эволюціоннаго процесса строительныхъ инстинктовъ.*

Нужно ли доказывать, послѣ сказаннаго о материнскомъ чувствѣ у пауковъ, что оно вовсе не тождественно тѣмъ чувствамъ, которыя подъ этимъ терминомъ разумѣются у высшихъ животныхъ и человѣка? и что изъ психологіи материнскаго чувства пауковъ нельзя „*вывести*“ сложнаго материнскаго чувства высшихъ животныхъ?

Ничего не даютъ факты изъ жизни пауковъ и для того, чтобы утверждать, будто материнская любовь на первыхъ же ступеняхъ жизни животныхъ порождаетъ альтруистическія чувства членовъ семьи другъ къ другу: молодые вышедшіе изъ яйца паучки не нападаютъ другъ на друга только въ томъ уголкѣ, въ которомъ вышли на свѣтъ. Стоитъ имъ, однако, немного разойтись въ стороны (хотя бы временно), какъ сильнѣйшіе открыто нападаютъ на слабыхъ и ихъ поѣдаютъ. Позднѣе, когда они расходятся совсѣмъ и начинаютъ вести самостоятельный образъ жизни—они уже неизмѣнно нападаютъ другъ на друга, со всѣми пріемами этихъ хищниковъ, какъ они нападаютъ на всякую другую добычу.

IV.

О „любви“ и высоко развитомъ чувствѣ альтруизма у членовъ одного „государства“ или одной „общины“, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ писали тѣмъ больше и тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ меньше знали ихъ біологію *), а такъ какъ она и до сихъ поръ очень многимъ продолжаетъ быть мало извѣстной, то разсужденія на эту тему продолжаютъ писаться до нашихъ дней и будутъ писаться, вѣроятно, еще долгіе годы, хотя число принципіальныхъ противниковъ такого воззрѣнія на пред-

*) Пальма первенства въ этомъ отношеніи остается за Метерлинкомъ.

метъ съ каждымъ годомъ растетъ. Посмотримъ, что говорятъ факты.

Я приведу ихъ изъ моего изслѣдованія біологіи шмелей и на ихъ основаніи постараюсь выяснить тѣ же вопросы, которые подлежали нашему изслѣдованію по матеріалу, доставленному намъ жизнью одиночныхъ суставчатоногихъ животныхъ, а именно:

1) *Можетъ ли материнское чувство, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ признаваться тождественнымъ таковому животныхъ высшихъ?*

2) *Чувство, которое принимается за материнское у, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ*, порождаетъ ли оно у нихъ широкій альтруизмъ между членами семьи, какъ объ этомъ говорятъ авторы, усматривающіе въ муравейникѣ и пчелиномъ роѣ—сложную общину.

Когда рѣчь идетъ о материнской любви у высшихъ животныхъ, то обладателями такихъ чувствъ предполагаются только самки, а самое чувство направлено только на дѣтей. У, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ этими инстинктами либо неодинаково, а существенно различно надѣлены двѣ стазы изъ трехъ, либо только одна изъ нихъ, при чемъ надѣлена этимъ чувствомъ не столько самка-мать, сколько особи, никогда не бывшія матерями, то есть рабочіе. Но и это еще не все: надѣлены эти особи не то материнской, не то братской любовью такъ, что не знаешь, какой изъ инстинктовъ здѣсь выраженъ сильнѣе и опредѣленнѣе: тотъ ли, который характеризуется внѣшними признаками альтруизма, привязанности и расположенія, или какъ разъ противоположный инстинктъ: „жестокости каннибализма" или „преступнаго равнодушія", не мѣшающаго при извѣстныхъ условіяхъ „любовно воспитывающимъ" рабочимъ покойно бросать на произволъ судьбы горячо любимыхъ питомцевъ. Разберемъ поближе явленія, подлежащія нашей оцѣнкѣ.

Проявленіе *материнской любви* у шмелей начинается съ постройки гнѣздъ для будущей семьи, къ которому она приступаетъ послѣ зимовки.

Окончивъ постройку, самка строитъ восковыя ячейки для запасовъ меда и собираетъ пищевой матеріалъ для личинокъ.

На подробныхъ описаніяхъ этой дѣятельности я останавливаться не буду, такъ какъ она по своему характеру представляетъ дѣятельность не общественнаго, а одиночнаго насѣкомаго,—ибо вся „община" въ это время представлена одной только самкой.

Скажу потому лишь, что, сравнивая эту одиночную дѣятельность самки шмелей, съ соотвѣтствующей дѣятельностью одиночныхъ Hymenoptera, вообще мы должны будемъ признать инстинкты послѣднихъ не менѣе сложными и не менѣе совершенными, чѣмъ инстинкты, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ.

Переходя отъ постройки гнѣзда къ *уходу за молодью*, мы видимъ, что этотъ уходъ позднѣе составляетъ дѣло не столько самки, сколько рабочихъ. Такимъ образомъ, для выясненія вопроса о существованіи материнской любви у общественныхъ насѣкомыхъ, намъ приходится говорить не столько о явленіяхъ въ жизни самки-матери, сколько о явленіяхъ, наблюдаемыхъ у рабочихъ особей. На эту характерную особенность въ проявленіяхъ заботы взрослыхъ о подрастающемъ поколѣніи я обращаю особенное вниманіе читателя. Далѣе, рабочіе шмели, которые, какъ извѣстно, яичекъ не откладываютъ, тщательно ухаживаютъ не только за молодью, но и за помѣщеніемъ, въ которомъ она развивается, ни разу, однако, не имѣя возможности видѣть личинокъ; другими словами, рабочіе шмели кормятъ и ухаживаютъ за чѣмъ-то, о чемъ не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого понятія, такъ какъ восковая оболочка съ перваго и до послѣдняго момента *сплошь* облекаетъ личиночникъ. Еще интереснѣе то обстоятельство, что заботы о подрастающемъ поколѣніи бываютъ неустанными, непрерывными день и ночь,—но продолжаются онѣ лишь до того момента, какъ развившійся изъ личинки шмель появляется изъ своего кокона.

Какъ только это случилось, и представитель молодого поколѣнія показывается изъ коконовъ, то есть какъ разъ въ тотъ моментъ, начиная съ котораго шмели получаютъ возможность „узнавать въ нихъ себѣ подобныхъ“,—такъ тотчасъ же всякія заботы о немъ прекращаются, и прекращаются *сполна*. Этихъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить истинный характеръ той любви особей семьи къ молодому поколѣнію, которую мы имѣемъ здѣсь передъ собою.

Но еще точнѣе, еще очевиднѣе опредѣляется этотъ характеръ материнской любви у „общественныхъ“ насѣкомыхъ фактомъ истребленія личинокъ шмелями въ теченіе лѣта. Фактъ этотъ въ такой степени расходится съ точкой зрѣнія на психику общественныхъ насѣкомыхъ, какъ на животныхъ, преисполненныхъ взаимной симпатіей и „самоотверженною любовью“ къ „дѣтямъ“, что остается либо безъ всякаго объясненія и авторы заносятъ его въ число „таинственностей“, либо отмѣчается въ такихъ выраженіяхъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Роменсъ *): „съ приближеніемъ зимы у осъ *внезапно вспыхиваетъ негодованіе* **) противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ, вслѣдствіе чего онѣ поголовно и уничтожаются“,—въ выраженіяхъ, которыя, очевидно, не только ничего не объясняютъ, но еще болѣе запутываютъ дѣло.

---

*) *Роменсъ*. „Умъ животныхъ“, перев. подъ редакціей Холодковскаго.
**) Мой курсивъ.

Факты доказываютъ, что истребленіе личинокъ всегда является слѣдствіемъ безкормицы.

Необходимо имѣть въ виду, впрочемъ, что безкормица для личинокъ у шмелей не всегда представляетъ собою безкормицу для нихъ самихъ.

Гнѣздо шмелей, принесенное сегодня и получившее въ подкормокъ пчелиный медъ, который тотчасъ же перетаскивается шмелями въ свои ячейки, лишенное возможности вылетать за кормомъ для дѣтвы, принимается истреблять личиночники, иногда почти закончившія свое развитіе: сами шмели имѣютъ корму болѣе чѣмъ достаточно, но это не кормъ для всѣхъ личинокъ вообще.

Можетъ случиться, что шмели, сегодня вечеромъ принесенные въ комнату и завтра утромъ получившіе свободу вылетать за взяткомъ,—все же уничтожаютъ личинокъ.

Причиной явленія—та же безкормица, но вытекаетъ она изъ другого источника и потому не такъ очевидна, а именно, *она является слѣдствіемъ нарушенія нормальнаго отношенія между количествомъ приплода, или, говоря иначе, количествомъ ртовъ и рабочей силой семьи.* Какъ только эти отношенія нарушаются—и корму становится недостаточно, по той ли причинѣ, что шмелямъ возбраняется полетъ за взяткомъ, или, вслѣдствіе того, что шмели, будучи перенесены въ новое мѣсто безъ выдержки въ гнѣздѣ, вылетая за взяткомъ, не возвращаются болѣе въ новое мѣсто, а либо улетаютъ въ прежнее, либо теряются, не находя дороги въ новое жилище. Происходящее, вслѣдствіе этого, ослабленіе семьи немедленно сказывается на установившемся отношеніи между спросомъ на работу и ея предложеніемъ и ведетъ за собою излишнее сокращеніе ртовъ.

Необходимо имѣть въ виду также, что *истребленіе личинокъ* у шмелей отнюдь не представляетъ собою ихъ убиванія; дѣло ограничивается только тѣмъ, что при безкормицѣ личинки и яички осторожно берутся рабочими въ челюсти и выносятся прочь изъ гнѣзда. Случается иногда, что тонкая и нѣжная оболочка яйца лопается, содержимое попадаетъ въ ротъ и шмели его начинаютъ сосать, такъ какъ содержимое, очевидно, имъ кажется вкуснымъ. Но это бываетъ рѣдко и является *всегда* дѣломъ случайнымъ, о чемъ я считаю въ правѣ заключить потому, что шмели—прежде всего, взявши яйцо—тащатъ его прочь изъ гнѣзда, и принимаются сосать его содержимое тамъ и лишь тогда, гдѣ и когда оболочка яйца почему-нибудь прорвется. Если бы истребленіе яицъ дѣлалось для того, чтобы воспользоваться „лакомымъ кусочкомъ“, то оно производилось бы *тотчасъ же*, какъ только шмель получилъ возможность завладѣть яйцомъ, чего никогда не бываетъ.

Такъ же рѣдко удавалось мнѣ наблюдать случаи уничтоже-

нія шмелями личинокъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Одинъ изъ такихъ случаевъ я наблюдалъ у Bombus terrestres. Рабочій шмель сначала тащилъ личинку изъ гнѣзда, а потомъ началъ ее высасывать. Явленіе это, принимая во вниманіе исключительную его рѣдкость, совершенно случайное, и вполнѣ аналогичное тому, что было сказано о высасываніи яйца рабочимъ шмелемъ. Личинка, очевидно, была ранена шмелемъ, и когда сладковатый ея сокъ попалъ ему въ ротъ, то онъ нашелъ его годнымъ для пищи.

Къ сказанному мнѣ остается присоединить, что я однажды имѣлъ случай наблюдать такое истребленіе *личинокъ*, *производящееся самою самкой Bombus terrestris*. Фактъ, съ несомнѣнностью удостовѣряющій, *что материнскій инстинктъ* у самокъ по своей психологической природѣ ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видимъ и у рабочихъ. Вся серія фактовъ этого рода прекрасно освѣщаетъ психологію „материнской любви“ у шмелей и психологію ихъ альтруизма, выражающагося въ ихъ заботахъ о молодыхъ поколѣніяхъ.

Другой вопросъ: существуетъ ли психологическая связь между причиной, порождающей дѣтоубійство и ея слѣдствіемъ?—факты отвѣчаютъ, что такой связи нѣтъ и что мы имѣемъ дѣло съ двумя независимыми инстинктами, всегда слѣдующими другъ за другомъ только потому, что причины, ихъ обусловливающія, всегда слѣдуютъ другъ за другомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы будемъ искать объясненія явленія въ логикѣ общественныхъ насѣкомыхъ *), то мы тотчасъ же очутимся передъ цѣлымъ рядомъ несообразностей.

Въ такомъ именно положеніи оказывается Роменсъ, недоумѣвающій надъ тѣмъ, съ какой стати осы истребляютъ личинокъ передъ зимой, когда онѣ и сами погибнутъ вслѣдъ за ними, ибо осы, подобно шмелямъ, не перезимовываютъ?

„Если бы все человѣчество,—глубокомысленно разсуждаетъ почтенный натуралистъ,—за исключеніемъ немногихъ женщинъ, было обречено на періодическую гибель, напримѣръ, въ тысячу лѣтъ разъ, то что бы выиграло оно, уничтожая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ концомъ каждаго тысячелѣтія всѣхъ больныхъ, сумасшедшихъ и другіе „безполезные рты“?

Вопросъ и соображенія совершенно безплодные, какъ согласится читатель.

Оцѣнивая же явленія не ad hominem, они получаютъ весьма простое объясненіе: наличность корма и другихъ соотвѣтствующихъ факторовъ вызываетъ у шмелей опредѣленную работу:

*) Допустивъ у нихъ способность къ такому, напримѣръ, разсужденію: личинокъ нечѣмъ кормить, онѣ могутъ умереть, а разложенія ихъ труповъ повлечь вредныя послѣдствія для другихъ личинокъ, вслѣдствіе чего выгоднѣе ожертвовать частью приплода, чѣмъ рисковать всей общиной.

доставка корма въ извѣстное мѣсто, сотовъ и пр.; отсутствіе корма или невозможность по тѣмъ или другимъ причинамъ *поставить личинки (и яйца)* въ требуемыя условія вызываетъ къ дѣятельности другую,—такъ же точно наслѣдственно опредѣленную,—работу.

Съ этой точки зрѣнія (а ея справедливость устанавливаетъ множество фактовъ самыхъ разнородныхъ формъ дѣятельность шмелей), въ истребленіи личинокъ нѣтъ ничего непостижимаго. Осы принимаются истреблять личинки вовсе не потому, что не вѣсть съ чего у нихъ *„внезапно вспыхиваетъ негодованіе противъ неразвившихся еще личинокъ и куколокъ"*, а просто потому, что причина явленія—„голодовка"—наступаетъ съ „внезапною" силою и ощутительностью, именно въ это время, а съ этимъ вмѣстѣ, какъ и у шмелей, внезапно замѣняются и одни инстинкты другими.

Таковы факты, выясняющіе намъ психическую природу дѣятельности шмелей (и другихъ общественныхъ насѣкомыхъ), которая выражается въ ихъ заботахъ и уходѣ за молодью; они даютъ намъ основаніе полагать, что материнскія чувства эти такъ же существенно отличаются отъ аналогичныхъ чувствъ у высшихъ животныхъ, какъ они отличаются и у одиночныхъ животныхъ.

V.

Переходя отъ безпозвоночныхъ животныхъ къ позвоночнымъ, мы были бы въ правѣ ожидать хоть здѣсь подтвержденія дарвиновой доктрины, по которой материнское чувство животныхъ и человѣка тождественны въ своихъ основныхъ свойствахъ, и здѣсь искать основаній, чтобы „вывести" чувство человѣка изъ материнской любви у животныхъ. Факты доказываютъ, однако, что и тутъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, качественно различными.

Начать съ того, что у низшихъ позвоночныхъ, какъ у безпозвоночныхъ животныхъ, чувство это направлено не на живой предметъ, а на яйцо.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Эспинасъ:

„Въ жизни каждаго животнаго, обладающаго сколько-нибудь сложной организаціей, существуютъ два періода: одинъ, когда его сохраненіе обезпечивается процессомъ явленій, почти исключительно механическаго (безсознательнаго), порядка, и другой—когда его развитіе совершается подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ интеллекта или представленій" (стр. 340). „Возможность вліянія психическихъ явленій, читаемъ мы далѣе, возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія лѣстницы организмовъ, и въ концѣ концовъ, это вліяніе дѣлается такимъ значительнымъ, что, если, напримѣръ, выдѣленіе питательной жидкости зобными железами голубей, ко

торою они кормятъ своихъ птенцовъ, первоначально было автоматическимъ, то позднѣе это отдѣленіе саморазвивалось, вслѣдствіе психическихъ причинъ, т.-е. материнской любви".

Допустимъ на минуту, что эта, болѣе чѣмъ сомнительная, догадка справедлива, и посмотримъ, что говорятъ и какъ согласуются съ нею факты.

Оказывается, что въ огромномъ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рыбы вовсе лишены материнскаго чувства, которое составляетъ здѣсь крайне рѣдкое исключеніе. Оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни по сложности своего образа жизни, ни по разнообразію инстинктовъ, тѣ рыбы, которыя не проявляютъ материнскаго чувства, не только не стоятъ ниже тѣхъ, которыя имъ надѣлены, но часто безусловно превосходятъ послѣднихъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, стало быть, что, если материнская любовь есть дѣло сознанія, то ея отсутствіе есть тоже актъ сознанія.

Гдѣ же и въ чемъ искать причину такого явленія съ точки зрѣнія эволюціи материнскаго чувства? Этотъ вопросъ оставляется авторомъ безъ отвѣта.

Далѣе, оказывается, что, поскольку мы знаемъ, развитіе этого чувства стоитъ внѣ всякаго отношенія къ генезису рыбъ и, представляясь исключительнымъ видовымъ признакомъ, не даетъ возможности построить никакой восходящей лѣстницы. Наконецъ, оказывается—и это пунктъ, особенно затруднительный,—что тамъ, гдѣ заботы о потомствѣ существуютъ, „роли родителей перемѣшаны", и материнское чувство проявляется не самкою, а самцомъ. Самцы, такъ называемыхъ, морскихъ иголъ и морскихъ коньковъ носятъ яички, отложенныя самками, въ особомъ выводковомъ мѣшкѣ; гнѣздо „прѣсноводнаго бычка" (Cottus gobio) устраивается самцомъ; самцы пинагора или круглопера охраняютъ яйца, снесенныя самками, и выводятъ на своей спинѣ дѣтенышей въ открытое море; самцы колюшекъ (gasterosteus) не только строятъ гнѣзда, но вталкиваютъ въ нихъ беременныхъ самокъ и загоняютъ молодыхъ рыбокъ въ случаѣ опасности; по наблюденіямъ Карбонье, самецъ гуарама (одна изъ лабиринтовыхъ рыбъ), подобно морскимъ конькамъ, помогаетъ своимъ самкамъ метать икру и помѣщаетъ ее на гнѣздѣ плавающихъ пузырьковъ, которые онъ сопровождаетъ и поддерживаетъ вплоть до вылупленія молоди.

Мы знаемъ, наконецъ, даже такія оригинальныя формы „материнской заботливости" самца: въ Тиверіадскомъ озерѣ существуютъ рыбы gromis paterfamillias, самцы которыхъ сохраняютъ и выхаживаютъ до двухсотъ молодыхъ рыбокъ въ своей глоткѣ и жаберной полости; по изслѣдованіямъ Лорте, когда самка снесетъ яйца въ тростникѣ, самецъ приближается къ этому мѣсту и посредствомъ всасыванія заставляетъ ихъ войти къ себѣ въ ротъ,

а затѣмъ—въ промежутокъ между жаберными лепестками; почти тоже наблюдается у цейлонской Arias Bookei и у одной амазонской рыбы.

Какъ же быть съ этими фактами? Какъ уложить хотя бы (по мнѣнію автора) и сознательную материнскую любовь рыбъ въ основу материнской любви высшихъ позвоночныхъ животныхъ? Вотъ какъ это дѣлаетъ Эспинасъ.

„Родители животныхъ, стоящихъ ниже млекопитающихъ и птицъ,—говоритъ авторъ,—знаютъ нѣчто о томъ, что содержитъ въ себѣ яйцо, и это нѣчто служитъ опредѣленнымъ импульсомъ сложныхъ актовъ, которыми проявляется любовь" (стр. 344). „Руководясь смутной идеей,—продолжаетъ авторъ,—рыбы считаютъ яйца такими же живыми существами, какъ онѣ сами, и, слѣдовательно, нуждающимися, какъ онѣ сами, въ извѣстной охранѣ и уходѣ".

На очередь, однако, выступаютъ новыя затрудненія: во первыхъ, почему же, допустивъ у рыбъ наличность такихъ познаній о содержимомъ яйца, авторъ категорически отрицаетъ ее у животныхъ безпозвоночныхъ? „У низшихъ животныхъ,—говоритъ онъ,—напримѣръ, у асцидій, сохраняющихъ яйца подъ своимъ мѣшкомъ, и у морскихъ звѣздъ, отводящихъ имъ мѣста подъ центральной частью своего тѣла, *просто немыслимо* объяснить данное явленіе какимъ-либо опредѣленнымъ представленіемъ, а тѣмъ менѣе предусмотрѣніемъ".—Авторъ, разумѣется, не даетъ отвѣта на вопросъ:—почему же такое допущеніе представляется по отношенію къ асцидіямъ немыслимымъ, а по отношенію къ рыбамъ не только мыслимымъ, но и необходимымъ; да такого отвѣта и нельзя дать вовсе!

Другой пунктъ затрудненія еще существеннѣе. Если рыбы знаютъ нѣчто о содержаніи яицъ, то почему же не самки, которыя ихъ откладываютъ, проявляютъ по отношенію къ нимъ материнскую любовь, какъ это слѣдовало бы заключить изъ такого знанія, а самцы?

Недоразумѣніе это такъ существенно, что для того, чтобы изъ него выйти, автору понадобилось къ предположенію объ эмбріологическихъ познаніяхъ у рыбъ присоединить еще одно предположеніе, не менѣе рискованное и еще болѣе голословное.

Извѣстно, что оплодотвореніе у рыбъ происходитъ не внутри тѣла самки, а внѣ его: самцы приплываютъ къ отложеннымъ самкою яичкамъ и обливаютъ ихъ оплодотворяющею жидкостью. Такъ вотъ, въ этихъ-то оплодотворяющихъ тѣльцахъ, по мнѣнію Эспинаса, а за нимъ и Жиро, самцы тоже видятъ части самихъ себя, какъ самки видятъ эти части въ откладываемыхъ ими яйцахъ, и, вслѣдствіе этого, стараются объ ихъ охраненіи, ибо считаютъ ихъ живыми.

Но, спрашивается, почему же именно на самца, а не на самку

падаютъ материнскія заботы, если самка тоже считаетъ живыми отложенныя ею яйца и тоже видитъ въ нихъ часть самой себя?

„А потому,—отвѣчаетъ Эспинасъ,—что самецъ послѣднимъ извергаетъ воспроизводящую жидкость на яйца, а самка, которую этотъ процессъ нѣсколько удаляетъ отъ нихъ, не можетъ болѣе распознать своей икры въ неустойчивой средѣ, гдѣ она ее метала“ (стр. 346, 347).

Но если такъ, то, во всѣхъ случаяхъ, когда самка видитъ отложенныя ею яички, и когда ничто не мѣшаетъ проявленію ея материнской любви, она должна будетъ таковую имѣть и проявлять.

Выводъ этотъ, очевидно, неизбѣженъ; оказывается, однако, что и здѣсь факты рѣшительно не укладываются съ гипотезой.

Одни изъ этихъ фактовъ доказываютъ намъ, что, при внутреннемъ оплодотвореніи, самецъ, хоть и не видитъ оплодотворяющей жидкости, однако заботится о потомствѣ, а съ другой стороны, многіе примѣры доказываютъ намъ, что самки, при томъ же внутреннемъ оплодотвореніи, хотя и видятъ откладываемыя яички, и хотя никто не мѣшаетъ имъ оставаться при нихъ безотлучно, однако не обнаруживаютъ по отношенію къ нимъ никакого материнскаго чувства.

Такимъ образомъ, всѣ разсужденія авторовъ о томъ, что яйца охраняются рыбами, земноводными, пресмыкающимися и птицами потому, что животныя эти имѣютъ „смутную идею о ихъ содержаніи“ и заботятся о нихъ потому, что видятъ въ нихъ части самого себя — безусловно расходятся съ фактами. А отсюда уже само собою слѣдуетъ, что общая идея авторовъ о томъ, что будто бы причиною материнской любви позвоночныхъ является интересъ, который всякое живое существо питаетъ къ самому себѣ и своимъ частямъ, а, стало быть, къ выдѣляемымъ ими половымъ продуктамъ,—не выдерживаетъ критики.

Мы полагаемъ, вслѣдствіе этого, что по отношенію къ указанной группѣ позвоночныхъ животныхъ возможно только одно толкованіе причины материнскаго чувства, а именно чувство это у низшихъ (мы увидимъ потомъ, что и у высшихъ) позвоночныхъ, какъ и у всѣхъ безпозвоночныхъ есть чувство исключительно инстинктивное; что въ основѣ его лежатъ органическіе импульсы, далеко не всегда и во всѣхъ группахъ тождественные; что эти основы, какъ и многообразныя формы проявленія материнскаго чувства, представляютъ не болѣе, какъ одинъ изъ видовыхъ признаковъ, въ которомъ ни сознаніе, ни воля не играютъ никакой роли. И, быть можетъ, только у птицъ, уже послѣ того, какъ вылупились молодые птенцы, къ дѣятельности инстинктивной присоединяются немногіе моменты сознанія и воли не столько въ самомъ чувствѣ любви, сколько въ пріемахъ охраненія молодыхъ отъ опасности.

Намъ остается, такимъ образомъ, для выясненія причины материнской любви и ея природы у человѣка, разсматривать одинъ только классъ, — млекопитающихъ, составляющій каплю въ морѣ животныхъ существъ, навсегда отказавшись отъ выведенія этого чувства отъ низшихъ, не только безпозвоночныхъ, но и позвоночныхъ животныхъ.

Обращаясь къ классу млекопитающихъ, мы замѣчаемъ, прежде всего, что у всѣхъ нихъ материнская любовь существуетъ всегда; у всѣхъ самка, кромѣ monotremata, рождаетъ живыхъ дѣтенышей и, наконецъ, всѣ онѣ кормятъ ихъ выдѣленіемъ млекоотдѣлительныхъ железъ.

Что же можетъ быть признано основою ихъ материнской любви, ея причиною?

Эспинасъ, разумѣется, утверждаетъ, что эта причина лежитъ въ томъ, что дѣти, будучи похожими на мать (утвержденіе — не совсѣмъ точное: у ехидны и утконоса его нѣтъ вовсе, ибо это животныя не живородящія, а яйцекладущія; у сумчатыхъ такое сходство безконечно далекое) здѣсь уже безъ труда узнаются ею, и что самка, такимъ образомъ, любитъ въ нихъ часть самой себя. Этимъ способомъ разсужденія получается требуемая связь материнскаго чувства высшихъ позвоночныхъ съ низшими; получается даже желаемая лѣстница въ связи съ эволюціей животнаго царства. Сначала сознаніе и идея о томъ, что икринка есть существо живое и составляетъ часть самки, смутны и неясны, потомъ они становятся все яснѣе и опредѣленнѣе. Материнское чувство вытекаетъ, по мнѣнію Эспинаса, изъ *симпатіи* и *сознательнаго состраданія* или участія къ тому, что составляетъ „плоть отъ плоти" матери-самки. Въ семьѣ эти чувства порождаютъ привязанность и любовь другъ къ другу. Факты свидѣтельствуютъ намъ, однако, что чувство материнской любви у млекопитающихъ животныхъ является такимъ же инстинктивнымъ, какъ и у другихъ животныхъ; они свидѣтельствуютъ, далѣе, о томъ, что причины этого послѣдняго чувства, какъ и у всѣхъ остальныхъ животныхъ, лежатъ въ органическихъ импульсахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе здѣсь, — въ предѣлахъ класса млекопитающихъ, представляются тождественными, а потому и самый инстинктъ общераспространеннымъ и сходнымъ. Однимъ изъ такихъ органическихъ импульсовъ должно считать, вѣроятно, кормленіе дѣтенышей молокомъ матери.

VI.

Къ какимъ же конечнымъ выводамъ приводятъ насъ изложенные въ настоящей статьѣ факты и соображенія, сверхъ тѣхъ, которые уже были сдѣланы выше?

Выводы эти можно формулировать въ рядѣ нижеслѣдующихъ положеній.

1) Материнское чувство, разумѣя подъ этимъ терминомъ разнородныя формы отношеній матери къ потомству, не можетъ считаться чувствомъ общераспространеннымъ. Болѣе того: принимая во вниманіе, что во многихъ отдѣлахъ животныхъ съ огромнымъ числомъ представителей материнское чувство составляетъ видовой признакъ далеко не всѣхъ, а иногда очень немногихъ, мы получаемъ основаніе полагать, что для большинства группъ оно является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

2) Генезисъ и развитіе материнскаго чувства въ разныхъ группахъ животнаго царства различны, и потому задача „вывести" эволюціоннымъ путемъ причины материнскаго чувства одной группы животнаго царства изъ другой представляется въ такой же степени плодотворной и научной, какъ если бы кто-нибудь на основаніи общности біологическихъ задачъ и условій возникновенія половыхъ признаковъ, какими являются, напримѣръ— рога самцовъ, ихъ голосъ, ихъ блестящее опереніе, съ цѣлью овладѣть самкой, пожелалъ бы вывести ихъ генетически другъ отъ друга. Явленіе того, что называется материнскимъ чувствомъ *въ области психологіи*, представляется почти въ такой же степени различнымъ, какъ указанные половые признаки въ области морфологіи.

3) Даже тамъ, гдѣ эти генезисы и развитіе могутъ считаться сходными (въ предѣлахъ одного класса, напримѣръ), степень развитія материнскаго чувства далеко не всегда имѣетъ такую связь съ восходящей въ эволюціонномъ порядкѣ цѣпью органическихъ существъ данной группы, какую за ней предполагаютъ авторы, желающіе вывести материнскую любовь человѣка изъ этого чувства у низшихъ животныхъ. Мало того, мы располагаемъ фактами, которые доказываютъ, что, по мѣрѣ развитія группъ класса, у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ материнское чувство можетъ не усложняться и усиливаться, а шагъ за шагомъ слабѣть и, наконецъ, исчезнуть вовсе, какъ мы это видимъ у пауковъ.

4) Тотъ фактъ, что, рядомъ съ классами животныхъ, въ которыхъ материнская любовь, по мѣрѣ генетической эволюціи, систематически слабѣетъ, существуютъ другіе классы, изъ которыхъ одни представляютъ примѣры съ развитымъ чувствомъ материнской любви, или его полнымъ отсутствіемъ, безъ всякаго отно-

шенія къ генезису класса (какъ это мы видимъ, напримѣръ, у насѣкомыхъ), а другіе—примѣры всегда наличнаго и неизмѣнно усиливающагося чувства материнской любви по мѣрѣ генетическаго развитія класса (какъ мы это видимъ у млекопитающихъ),—фактъ этотъ, въ свою очередь, служитъ доказательствомъ того, что генезисъ и развитіе материнской любви, въ разныхъ группахъ животнаго царства, различны: въ то время, какъ у однихъ, благодаря этимъ причинамъ, возможны однѣ формы и одинъ путь развитія этого чувства, у другихъ должны были явиться другія формы и другіе пути.

5) У млекопитающихъ животныхъ одною изъ причинъ материнскаго чувства является кормленіе дѣтенышей отдѣленіемъ млечныхъ железъ; и такъ какъ этотъ стимулъ является у всѣхъ нихъ, безъ исключенія, однимъ и тѣмъ же, то и причина материнской любви млекопитающихъ животныхъ можетъ считаться однородной.

6) Природа материнскаго чувства млекопитающихъ животныхъ (какъ и всѣхъ другихъ) безспорно инстинктивная, и только у высшихъ представителей класса къ инстинктамъ, составляющимъ ея основу и сущность, присоединяются элементы разума.

7) Материнская любовь человѣка—чувство сложное: поскольку она является инстинктивною, она не только сходна, но и тождественна съ тѣмъ, что мы видимъ у родственныхъ человѣку группъ животныхъ. Она отличается отъ материнскаго чувства этихъ послѣднихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число инстинктивныхъ актовъ въ ея проявленіи замѣняется актами разумными.

Вотъ въ этомъ то моментѣ и лежитъ одинъ изъ мощныхъ источниковъ борьбы элементовъ антисоціальныхъ съ элементами общественности въ человѣчествѣ. Доктрины ученыхъ мыслителей *), которыхъ мы имѣли въ виду при изложеніи предмета и которыя лежатъ въ основѣ воззрѣній на природу материнскаго чувства и на ея роль въ созиданіи семьи и общественности, рисуютъ передъ нами картину эволюціи, далеко не соотвѣтствующую дѣйствительности. Судя о явленіяхъ съ ихъ точки зрѣнія, мы, среди безчисленнаго числа тяжелыхъ вопросовъ цивилизаціи, можемъ себя чувствовать покойными, хотя бы въ сферѣ тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ въ связи и обусловливаются указанными доктринами.

Материнская любовь—это великое, обнимающее весь животный міръ чувство, таящее въ себѣ залогъ общественности; вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства, она одинаково прекрасна и, развиваясь всегда въ одномъ направленіи, въ концѣ концовъ, приводитъ къ прекраснѣйшему изъ того, чѣмъ обладаетъ общество людей: братской любви ихъ другъ къ другу, взаимопомощи и ши-

*) Дарвина, Конта-Литре.

рокому альтруизму, которое является надежнѣйшимъ цементомъ высшей формы общественности—государства.

Для своего времени и самыя эти идеи, и резюме, къ которому онѣ приводятъ, и задачи, которыя ими намѣчаются, все это было ново, все было несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ господствовавшіе до этого теологическія и метафизическія воззрѣнія писателей того времени. По мѣрѣ накопленія научнаго матеріала, становилось, однако, все болѣе очевиднымъ, что многое, казавшееся истиной гуще и гуще поддергивается дымкой сомнѣнія, а тамъ, гдѣ стояла непреложная доктрина возникаетъ вопросъ. Тщательный и подробный анализъ материнскаго чувства въ царствѣ животныхъ, а не простая аналогія этого чувства съ тѣмъ, что мы привыкли связывать съ нимъ въ человѣческой жизни (вѣрнѣе, навязывать ему по причинамъ и соображеніямъ, лежащимъ внѣ самого явленія),—приводитъ насъ къ заключенію, что картина генезиса и эволюціи этого чувства, нарисованная на фонѣ данномъ такими мыслителями, какими были Дарвинъ и Контъ, грѣшитъ и въ рисункѣ, и въ композиціи, по исправленіи которыхъ совершенно и радикально измѣняетъ свой смыслъ.

Не душевное спокойствіе порождаетъ она, послѣ такихъ поправокъ; не базисъ, на которомъ съ увѣренностью и надеждой можно было бы строить „основы жизни", обращаясь къ которымъ, мы всегда можемъ получить твердую гарантію въ справедликомъ рѣшеніи спорного и больнаго вопроса; не благодушіе, а тревогу возбуждаетъ истина, не успокоеніе, а борьбу ведетъ она за собою, борьбу тяжелую, ибо, въ концѣ концовъ, она сводится къ космическому принципу борьбы центробѣжнаго начала съ центростремительнымъ. Материнское чувство,—въ своей основѣ, у всѣхъ животныхъ, глубоко различаясь по своему генезису и развитію, по своей психологической природѣ и своему біологическому значенію, имѣетъ одну очень важную черту сходства, о которой я умышленно еще ни разу не говорилъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда чувство это можетъ быть констатировано, — оно сопровождается чѣмъ-то, что авторы называютъ *чувствомъ собственности*: „мать смутно чувствуетъ (въ яичкахъ) часть самой себя"; „въ чувствѣ матери нельзя исключать *идеи собственности*, какъ одну изъ прочныхъ основъ симпатіи. „Материнское чувство предполагаетъ идею о подчиненной собственности" и т. д., и т. д.

Правда, чувство это отмѣчается авторами попутно, и для того, главнымъ образомъ, чтобы, при его помощи, объяснить предполагаемое съ этимъ вмѣстѣ чувство „состраданія къ слабымъ существамъ", „чувство симпатіи любви" и пр.

Мы видѣли, однако, что у безпозвоночныхъ животныхъ о состраданія, о симпатіи и любви говорить серьезно нѣтъ ни малѣйшаго основанія: такихъ чувствъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и потому не мудрено, что писатели, особенно тщательно ихъ разы-

скивающіе, видятъ эти чувства въ явленіяхъ совершенно различныхъ, и толкуютъ о нихъ съ безконечнымъ разнообразіемъ. Одно у всѣхъ остается неизмѣннымъ—это элементъ материнскаго чувства, который они называютъ то *идеей* собственности, то *чувствомъ* собственности, то какимъ-нибудь аналогичнымъ терминомъ.

И факты свидѣтельствуютъ намъ, что явленія, о которыхъ говорятъ авторы, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто. Я не могу только назвать этого чувства идеей собственности. Объ „идеяхъ" у червей, у таракановъ, у слизняковъ я, по крайней мѣрѣ, не считаю возможнымъ говорить вовсе.

На самомъ дѣлѣ, эта „идея" животныхъ представляетъ собою элементъ того же космическаго начала, которое одни изъ авторовъ называютъ началомъ центростремительнымъ, въ противоположность центробѣжному, другіе—закономъ „*аггрегаціи*" въ противоположность „разсѣянію" (*dispersion*).

Вотъ нѣкоторые примѣры, разъясняющіе сказанное.

Вещество, составляющее солнце и планеты, какъ извѣстно, находилось первоначально въ разсѣянномъ состояніи; затѣмъ, вслѣдствіе *тяготѣнія атомовъ*, ихъ стремленія *другъ къ другу*, произошло ихъ центростремительное движеніе, ихъ *интеграція*. Съ первыхъ же шаговъ на пути этого центростремительнаго движенія явились и элементы, въ которыхъ позднѣе найдетъ свое выраженіе начало центробѣжное, и котораго послѣдствіемъ будетъ отдѣленіе отъ центральной массы—частей, образующихъ въ нашей солнечной системѣ планеты и ихъ спутниковъ. Разъединившись, тѣла, однако, продолжаютъ „стремиться" другъ къ другу, по установленному еще Ньютономъ закону притяженія.

Тѣ же принципы, которые мы видимъ въ космическихъ явленіяхъ, находятъ свое мѣсто и въ явленіяхъ біологическихъ.

Прогрессъ въ сферѣ этихъ послѣднихъ, какъ это впервые, сколько я знаю, отмѣтилъ Спенсеръ *), не исчерпывается однѣми только послѣдовательными дифференціаціями (началомъ центробѣжнымъ): онѣ въ извѣстныхъ моментахъ сопровождаются явленіями интеграціи (началомъ центростремительнымъ).

Вотъ нѣкоторые примѣры изъ числа указываемыхъ Спенсеромъ. Низшіе суставчатые (черви) характеризуются большимъ числомъ составляющихъ ихъ сегментовъ, доходящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до нѣсколькихъ сотъ; но по мѣрѣ того, какъ станемъ передвигаться къ высшимъ суставчатымъ,—стоножкамъ, ракамъ, насѣкомымъ, паукамъ,—мы найдемъ число это значительно уменьшившимся, до двадцати двухъ, тринадцати и даже еще менѣе; и уменьшеніе это сопровождается укорачиваніемъ

*) Трансцендентальная физіологія. Научные, политическіе и философскіе опыты. Перев. подъ редакцію Н. Л. Тиблена. Спб. 1866 г., стр. 97 и слѣд.

или интеграціей цѣлаго тѣла, достигающимъ у крабовъ и пауковъ крайняго предѣла.

Въ развитіи позвоночныхъ мы встрѣчаемъ разные примѣры такой же интеграціи. Соединеніе нѣсколькихъ позвонковъ для образованія черепа—одинъ изъ такихъ примѣровъ. То же встрѣчается и въ копчиковой кости, происшедшей отъ сліянія нѣсколькихъ хвостовыхъ позвонковъ; хорошій примѣръ представляетъ также сліяніе крестцовыхъ позвонковъ птицы. Приведенные примѣры являются случаями, такъ называемой, продольной интеграціи.

А вотъ нѣсколько примѣровъ интеграціи поперечной, въ развитіи нервной системы суставчатоногихъ животныхъ. Замѣчено, что характеристическую особенность эта система у низшихъ представителей этого класса и у личинокъ высшихъ, — за исключеніемъ тѣхъ, по большей части несовершенныхъ, формъ, у которыхъ нѣтъ явственныхъ узелковъ, — составляетъ *двойную* цѣпь нервныхъ узелковъ, идущихъ отъ одного конца тѣла къ другому; между тѣмъ, какъ у болѣе совершенно сформированныхъ суставчатыхъ эта двойная цѣпь сливается въ большей или меньшей степени въ одну. Ньюпортъ описалъ ходъ этой концентраціи у насѣкомыхъ, а Ratke прослѣдилъ ее у ракообразныхъ. Въ ранней стадіи развитія у Astacus fluriatilis или обыкновеннаго (рѣчного) рака встрѣчается пара отдѣльныхъ узелковъ въ каждомъ кольцѣ тѣла. Изъ четырнадцати паръ, принадлежащихъ головѣ и груди, три пары сливаются впереди рта въ одну массу, образуя головной мозгъ. Между тѣмъ изъ остальныхъ первыя шесть паръ соединяются особо по средней линіи, прочія же остаются болѣе или менѣе раздѣльными. Изъ шести парныхъ узелковъ, формирующихся такимъ образомъ, передніе четыре сливаются въ одну массу, остальные два въ другую, а затѣмъ эти двѣ массы соединяются уже въ одну. Здѣсь мы видимъ поперечную и продольную интеграцію, совершающіяся одновременно; у высшихъ раковъ обѣ онѣ идутъ еще далѣе.

Число примѣровъ, выясняющихъ и подтверждающихъ, что въ процессѣ біологической эволюціи начало центробѣжное (дифференціація) смѣнится (а въ сложныхъ процессахъ совершается и параллельно) съ началомъ центростремительнымъ (интерціаціей),—могло бы быть увеличено по желанію. Приведенныхъ для нашей цѣли, однако, совершенно достаточно.

Тѣмъ же принципомъ, наконецъ, объясняется и стремленіе къ соединенію однородныхъ органовъ другъ съ другомъ. Такъ, у зародыша человѣка, какъ у низшихъ позвоночныхъ, глаза размѣщены по одному на каждой сторонѣ головы. Съ теченіемъ развитія они сближаются и при рожденіи находятся уже на передней части лица, хотя у ребенка европейца, какъ и у взрослаго

дикаря, расходятся въ стороны сравнительно болѣе, нежели впослѣдствіи.

Это сближеніе въ нормальныхъ случаяхъ не идетъ дальше, вслѣдствіе того, что промежуточное строеніе не допускаетъ полнаго слитія этихъ органовъ. Если же это препятствіе отсутствуетъ, или сильно ослабляется, какъ это бываетъ въ случаяхъ уродливости,—то два глаза сливаются въ одинъ, образуя, такъ называемую, циклопію.

Наконецъ, въ томъ же принципѣ (центростремительнаго начала) находимъ мы объясненіе и для тѣхъ случаевъ двойного уродства, на которые впервые указалъ Жофруа Сентъ-Илеръ въ его извѣстной статьѣ „Loi de soi pour soi“ *).

Въ немногихъ словахъ законъ этотъ заключается въ томъ, что „les deux sugets, qui composent un monstre, complétement ou partiellement double, sont *toujour unis* par les foces homologiques de leurs corps; c'est-á-dire opposés côté à côté, se regardont mutuellement, ou bien adossés d'un à l'autre.

Причину этого явленія знаменитый противникъ Г. Кювье видитъ въ законѣ, который опредѣляетъ формулой: l'attraction de soi pour soi, и который ученый натуралистъ ставитъ въ связь съ ньютоновскимъ закономъ притяженія.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, конечно, что въ основѣ всѣхъ этихъ, только что мною указанныхъ, космическихъ и біологическихъ явленій интеграціи, явленій центростремительнаго начала, *идея собственности*, какую бы степень элементарности мы въ ней ни допустили, мѣста имѣть не можетъ.

Въ основѣ материнскаго чувства лежитъ то же начало, тотъ же законъ attraction de soi pour soi, и потому видѣть въ немъ проявленіе „идеи“ собственности, какъ его называютъ авторы,—такъ же основательно, какъ видѣть ее въ біологическихъ процессахъ вообще.

Источникъ центростремительнаго начала въ материнскомъ чувствѣ, это—„чувство *своего въ другомъ*“, „чувство принадлежности“; оно составляетъ основаніе и въ то же время единственный признакъ, общій животному чувству материнской любви, если этимъ терминомъ могутъ быть названы безконечно разнообразныя по формѣ и по смыслу отношенія самокъ къ потомству на всѣхъ ступеняхъ зоологической классификаціи, до человѣка включительно.

Но это центробѣжное начало стоитъ въ антагонизмѣ съ началомъ центробѣжнымъ, которое лежитъ въ основѣ общественности...

Отсюда глубокая, вѣковѣчная борьба между материнскимъ

*) См. его книгу: „Etudes progressives d'un naturaliste“ etc. Geoffroy Saint-Hilaire. Paris. 1835.

чувствомъ (которое на вершинѣ зоологической лѣстницы обосновываетъ появленіе семьи), съ одной стороны, и явленіями общественности—съ другой: онѣ тѣмъ рѣзче расходятся между собою, чѣмъ *больше въ этомъ чувствѣ унаслѣдованнаго, животнаго инстинкта „собственности"*, и *чѣмъ меньшую активность проявляютъ элементы разумные, благопріобрѣтенные, общественные.*

Тысячи преступленій, тысячи несчастныхъ и разбитыхъ жизней имѣютъ своимъ источникомъ ошибки не контролируемой разумомъ материнской любви, руководимой тѣми противообщественными инстинктами, которые создаютъ кадры поколѣній, разслабленныхъ тѣломъ, слабыхъ духомъ и волей.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью, въ борьбѣ, возникающей на почвѣ материнскаго чувства,—истина стоитъ не на сторонѣ индивидуальности,—выводъ весьма поучительный для тѣхъ, кто полагаетъ, что въ борьбѣ индивидуальности съ общественностью мы *всегда*, и во всѣхъ случаяхъ, должны быть или только на одной, или только на другой сторонѣ.

Представляетъ ли собою, однако, борьба эта нѣчто роковое, неизбѣжное, неотвратимое?

Современная культура даетъ намъ на этотъ вопросъ не только опредѣленный отвѣтъ, но указываетъ и на средство, и на путь, которымъ нужно идти впередъ, чтобы справиться со зломъ: надо не отнять у дѣтей ихъ мать, какъ это предлагаютъ французскіе авторы, сторонники „соціальнаго воспитанія", а надо перевоспитать мать, поднявъ ея умственное развитіе на ту высоту, съ которой ей были бы видны послѣдствія инстинктивнаго чувства, унаслѣдованнаго ею отъ того прошлаго, когда рубежъ, отдѣляющій человѣка отъ животнаго, былъ еще очень смутнымъ.

Этотъ путь въ рѣшеніи задачи не только смягчитъ антисоціальную роль наслѣдственнаго чувства, но—что еще важнѣе,—онъ дастъ намъ возможность воспользоваться могучей силой материнской любви, направивъ ее въ сторону общечеловѣческаго прогресса, который, такимъ образомъ, пріобрѣтетъ въ своемъ противникѣ величайшаго союзника.

Владиміръ Вагнеръ.

У ЗЫРЯНЪ.

(Очерки).

1. Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.

— Ва-ла... Ва-ла... Ва-ла...

Кто-то кричалъ протяжно, монотонно... Словно мулла забрался на вышку своего минарета и сзываетъ оттуда правовѣрныхъ на молитву...

Я устало раскрываю глаза. Надо мной высокая крыша на деревянныхъ стропилахъ, съ которыхъ несется веселое чириканье воробьевъ и гуканье голубей. Откуда-то сбоку падаетъ узкая полоска яркаго солнечнаго свѣта, переливается всѣми цвѣтами радуги въ спустившейся сверху длинной паутинѣ и бѣжитъ по крышѣ, ломаясь при встрѣчѣ со стропилами...

Подо мною шурршитъ ароматное сѣно... Чтобы дѣлать дальнѣйшія наблюденія, нужно повернуться, но во всемъ организмѣ чувствуется усталость и истома, и нѣтъ силъ шевельнуться... Глаза невольно снова закрываются.

— Ва-ла, ва-ла, ва-ла *)! — неумолчно звучитъ въ моихъ ушахъ, прогоняя послѣднія грезы. Я быстро вскакиваю съ сѣна, спѣшу одѣться и узнать, — откуда несутся эти странные звуки? Открываю скрипящія ворота сѣновала, и въ лицо мнѣ кидается снопъ мягкихъ, ласкающихъ солнечныхъ лучей. Солнце еще мало поднялось надъ горизонтомъ. На травѣ блеститъ крупная роса. Воздухъ дышетъ утренней прохладой. Передо мною обширныя поля съ чахлой растительностью. За полями виднѣется лѣсъ, весь затканный синею дымкой. Среди лѣса, на высокомъ холмѣ, бѣлѣетъ нѣсколько большихъ церквей.

Воздухъ чистъ и прозраченъ,—церкви ясно и красиво вырисовываются среди сосноваго бора, хотя до нихъ далеко.

*) За водой, за водой, за водой!

Это Усть-Вымъ—древняя каѳедра велико-пермскихъ епископовъ, центръ религіозной жизни зырянскаго края...

Выхожу изъ сѣновала.

Странные звуки, которые меня разбудили, издаютъ зырянскія женщины. На задворкахъ домовъ, недалеко отъ сѣноваловъ, расположенъ рядъ колодцевъ. Около нихъ стоятъ зырянки, черпаютъ воду, сливаютъ ее въ колоды и криками приглашаютъ своихъ коровъ на водопой. Изъ хлѣвовъ высовываютъ морды и важно выступаютъ къ колодамъ маленькія безрогія коровки.

Главная деревенская улица по одной сторонѣ застроена банями, по другой—хорошими бревенчатыми домами; часто три и даже четыре дома соединены вмѣстѣ: это постройки многочисленныхъ, еще не раздѣлившихся семей. Начавшись двумя большими каменными церквями, село протягивается длиннымъ порядкомъ, спускается подъ гору и заканчивается часовнею, на низенькой колокольнѣ которой виситъ цѣлое множество колоколовъ, такихъ маленькихъ, что загулявшіе рекруты иногда снимаютъ ихъ съ колокольни и привязываютъ къ дугамъ своихъ лошадей, къ великому соблазну степенныхъ зырянъ. За часовнею начинается болото съ густо поросшимъ ельникомъ.

Теперь вдоль всей улицы скрипитъ и движется масса телѣгъ. Много лошадей съ телѣгами привязаны къ церковной оградѣ и изгородямъ. Около телѣгъ толпятся зыряне и о чемъ-то возбуждебно толкуютъ. Выраженіе лицъ озабоченное, серьезное...

На крытомъ крыльцѣ большого и высокаго, раздѣляющагося на двѣ половины, дома, принадлежащаго зажиточному мужику, церковному старостѣ Дань-Сеню *), я вижу самого хозяина, съ которымъ уже видѣлся мелькомъ, по пріѣздѣ. Онъ стоитъ, прислонившись къ дверному косяку, лѣвой рукой чешетъ затылокъ, правой креститъ ротъ и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивается къ разговору мужиковъ.

— Кыче мунанъ **)?—кричитъ онъ мнѣ обычный первый зырянскій вопросъ, соотвѣтствующій русскому привѣтствію.

— Гуляйтны,—отвѣчаю я.—А зачѣмъ, Дань-Сень, сегодня такъ много народу сюда понаѣхало?

— За хлѣбомъ,—говоритъ онъ, сходя ко мнѣ съ крыльца.— Парохода недѣли двѣ уже ждемъ. Говорятъ, сегодня пріѣдетъ... Ѣсть совсѣмъ нечего. У меня хлѣба всѣхъ больше на селѣ, и то уже на исходѣ.

— Неурожай у васъ?

---

*) Дань-Сень—Семенъ Даниловичъ.

**) Куда идешь?

— Особеннаго неурожая нѣтъ. У насъ такъ каждый, почитай, годъ. Никогда хлѣба не хватаетъ. Передъ новымъ все съ корой пополамъ ѣдимъ. Мука давно уже два рубля за пудъ. А теперь и за эти деньги не достанешь... Народъ, видѣлъ ты,—кучами по селу шатается,— работы ищутъ изъ одного хлѣба... Сѣмена, у кого были, всѣ ужъ съѣли...

Распрощавшись съ Дань-Сенемъ, я направился къ рѣкѣ и скоро погрузился въ холодную прозрачную воду Вычегды.

— Ой, ножку укололъ!—услышалъ я позади себя довольно пріятный тенорокъ, когда, выкупавшись, поднимался отъ рѣки по косогору къ деревнѣ.

Я сразу же понялъ, что это крикъ до нѣкоторой степени тенденціозный, имѣющій цѣлью обратить на себя мое вниманіе, и потому тотчасъ же обернулся. Шагахъ въ пятнадцати прыгалъ на одной ногѣ, схвативши другую въ руку, худощавый, низкорослый человѣчекъ съ черноволосой, остриженной и ничѣмъ не прикрытой головой, босой, одѣтый въ старыя брюки, изъ-подъ которыхъ виднѣлись синіе порты, и въ изорванный, черезчуръ короткій пиджакъ. Увидѣвъ, что я повернулся къ нему, человѣчекъ быстро заскакалъ ко мнѣ, и я уже могъ хорошо разсмотрѣть его загорѣвшую физіономію, съ слѣдами синяковъ, съ маленькими, нѣсколько насмѣшливыми и вмѣстѣ заискивающими черными, воспаленными, узкими глазками...

— Купаться изволили, ваша милость? — заговорилъ онъ, поровнявшись со мной.

— Да.

— А по какому случаю къ намъ пожаловали, ваше благородіе?

— Въ гости къ учителю, да и сторону здѣшнюю посмотрѣть.

— А?! Къ Ивану Николаевичу? Какъ же, ваше высокородіе, знаю, знаю. Добрѣйшей души человѣкъ, первый мой пріятель; только съ нимъ съ однимъ и разговариваю. Умственному человѣку здѣсь очень, можно сказать, прискорбно. А смотрѣть здѣсь, позвольте вамъ объяснить,—совсѣмъ не на что, развѣ на дикость здѣшнюю? Народъ необразованный, понятій никакихъ не имѣетъ и, кромѣ кулака, ничего, можно сказать, даже и не признаетъ, то есть никакой политики...

Я еще разъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ своего собесѣдника, и у меня явилось невольное предположеніе, что упоминаніе насчетъ политики кулака имѣетъ, пожалуй, автобіографическій характеръ.

Мы уже шли вдоль деревни. Народъ спѣшилъ на работы, отъ села то и дѣло отплывали челноки съ мужиками и бабами на противоположный берегъ. Въ домахъ виднѣлись одни

ребята, которые усиленно кричали намъ въ догонку изъ окошекъ: „кыче мунанъ"?

— Вотъ видите здѣшнюю необразованную глупость!—возмутился мой новый знакомый.—И чего, спрашивается, кричать? Я ихъ, положимъ, отучилъ, а къ вашей милости вотъ и пристаютъ. И все здѣсь одна, можно сказать, дичь. Возьмемъ, напримѣръ, дьякона: повѣрите, мужикомъ на плотахъ ходилъ! Богъ его знаетъ, какъ и въ дьякона, то попалъ. Насчетъ умственности и не спрашивай. Какъ встрѣтится съ образованнымъ человѣкомъ, такъ и начнетъ къ каждому слову прибавлять: „такимъ образомъ"... Думаетъ, вотъ удивилъ!..

Мой спутникъ сѣменилъ ногами, забѣгалъ впередъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Пономарь нашъ,—послѣ небольшой передышки снова началъ онъ, вдругъ какъ-то печально поникнувъ головой,— драться очень любитъ.

При этихъ словахъ онъ такъ трусливо сталъ озираться по сторонамъ, точно боялся, что пономарь вотъ-вотъ выскочитъ откуда-нибудь изъ-за угла и начнетъ насъ тузить.

— Позавчера у насъ одна статья вышла. Захотѣлъ пономарь сапоги себѣ шить; поймалъ сапожника изъ Оквада, да и учителя сманилъ: закажемъ, говоритъ, вмѣстѣ,— дешевле возьметъ. Сапожникъ взялъ съ нихъ по рублю на товаръ. А потомъ пономарь съ сапожникомъ послали за водкой, я тутъ случился—и меня въ компанію приняли, и начали мы въ карты, въ три листика играть. Думаю: отчего не поиграть? Игра почтенная, благородные люди въ нее играютъ. Только пономарь выпилъ, сейчасъ и въ азартъ, а сапожнику это на руку. Дошло до драки. Сапожникъ его знатно отвалялъ, да еще въ барышѣ остался.

— Какой же тутъ барышъ?—засмѣялся я.

— А какъ же?.. А два-то рубля задатка? Вѣдь ужъ теперь, какъ они въ ссорѣ,—сапожникъ ни за что шить не станетъ... Два рубля въ карманѣ... Ну, хорошо,—сказалъ онъ, вдругъ оживившись: — ну, побилъ онъ его. Теперь спрашивается: виноватъ я въ этомъ? А? Какъ вы думаете?

Я рѣшительно не зналъ, что отвѣтить, но мой спутникъ и не ждалъ отвѣта.

— Всякій умственный человѣкъ скажетъ, что не виноватъ— рѣшилъ онъ самъ.—А по его выходитъ, что виноватъ. Какъ сапожникъ ушелъ, онъ вдругъ на меня: „Ты, говоритъ, зачѣмъ смалодушествовалъ?.." Это значитъ: не защищалъ его. А какъ мнѣ защищать, коли я, изволите видѣть, тщедушенъ, а сапожникъ человѣкъ силы необыкновенной. Я туда, сюда... Помилуйте, говорю, пономарю то есть,—даже пословица

говорится: „Двѣ собаки дерутся, третья не приставай“.—„А, такъ ты, говоритъ, меня въ моемъ священномъ чинѣ къ собакѣ приравнялъ?..“ Ну, и... выволокъ меня изъ избы на улицу. Ладно еще, урядникъ случился, отбилъ. Такъ вѣдь тотъ, скотина необразованная, тоже противъ меня: „Опять, говоритъ, напился, орешь на всю улицу.“—Видишь, говорю, какъ меня пономарь обезпокоилъ...—Слушать не хочетъ... Да меня же въ холодную при правленіи засадили на три дня; положимъ, я убѣжалъ черезъ сутки, а всетаки въ работѣ застой... Да-съ, вотъ какіе у насъ люди, ваше благородіе! Нелегко въ здѣшнихъ мѣстахъ жить... Къ тому же, надо сказать, пономарь этотъ еще и большой язычникъ: ты ему слово,—а онъ тебѣ двадцать, да и то самыхъ язвительныхъ... Ваше благородіе,— вдругъ снова возвысилъ голосъ мой спутникъ, — можетъ рабочій человѣкъ выпить? Можетъ!—немедленно же отвѣтилъ онъ самъ себѣ.—Конечно, выпить благородно, не какъ какой-нибудь зырякъ. Вонъ, изволите слышать, какъ подобная скотина реветъ...

До моего слуха, дѣйствительно, донеслись невообразимо дикіе звуки: кто-то „благимъ матомъ“ выводилъ самыя невозможныя варіаціи.

— Это, ваше благородіе, одинъ зырякъ загулялъ. Вотъ ужъ третью недѣлю сряду. Онъ, видите ли, второй жены лишился, и хоть ему ужъ 60 лѣтъ, а и въ третій разъ хочетъ жениться. Теперь ходитъ пьяный по селу и кричитъ: „Кто за меня замужъ хочетъ“. Сватался къ поповой кухаркѣ, та кочевряжится... Вотъ и запилъ. Сначала корову пропилъ,—все равно, говоритъ, доить некому; потомъ всѣ рыболовныя снасти спустилъ, а теперь домъ началъ пропивать. Значитъ, на зло поповой кухаркѣ: „выходи скорѣе за меня замужъ,—а то все пропью“. А мы нечто такъ пьемъ?— добавилъ онъ съ сознаніемъ своего превосходства.

— Гдѣ вы живете?—спросилъ я, такъ какъ мы прошли всю деревню, а новый знакомый не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія оставить меня.

— Да я портной Леонтій... Можетъ изволили уже слышать?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Но вѣдь и портному надо гдѣнибудь жить?—сказалъ я.

— Да сегодня шилъ у Иво-Вася *), теперь надо къ писарю перебираться,—у него работа есть, давно проходу не даетъ; деньги впередъ забраны... А здѣсь ужъ такой народъ необразованный: чуть задолжаешь, — пристаютъ съ ножомъ къ горлу. Вчера три бабы пристали,—едва отдѣлался. Глупый народъ, никакъ не пойметъ, что ихъ много, а я одинъ..

*) Василій Ивановичъ.

Надо теперь имѣнье переносить,—закончилъ онъ, немного помолчавъ, и быстро побѣжалъ къ крайнему дому. Я повернулъ назадъ.

Но я ошибся, думая, что разстался съ словоохотливымъ портнымъ.

— А вотъ я и готовъ! — послышался черезъ минуту его голосъ.

— А гдѣ же ваше имѣніе?

— А вотъ оно,—и портной Леонтій протянулъ обѣ руки: въ одной былъ желѣзный аршинъ, въ другой—утюгъ.

Я невольно разсмѣялся.

— Значитъ, у васъ и квартиры нѣтъ?

— Зачѣмъ, ваше благородіе, портному квартира? Зимой, гдѣ шью, тамъ и ночую, а лѣтомъ на бережку ночки коротаю, потому не могу я въ погожую пору въ душной зырянской избѣ спать: душа у меня, ваше благородіе, не такая. Какъ настанетъ вечеръ, такъ у меня подъ сердцемъ что-то и засосетъ: тянетъ на вольный воздухъ... Уйду на бережокъ, огонекъ разложу, удочки закину, стану купаться и той порой рачковъ наловлю. Потомъ вздремнешь немного, глядь—уже и зорька начинается. Любите вы, ваше благородіе, рыбку ловить?—спросилъ онъ вдругъ.

— Да, люблю.

— Такъ вотъ какъ-нибудь соберемся на ночку? Хорошее я мѣсто знаю, — верстъ за пять. Достану по лодочкѣ, чайничкомъ запасемся... ну, и еще можно кое-что взять... Чудесно время проведемъ... Тэ... тэ... тэ...—вдругъ издалъ онъ странный звукъ и со всѣхъ ногъ бросился въ сторону.

Я посмотрѣлъ по тому направленію, куда побѣжалъ Леонтій. На задворкахъ большого дома, около колодца, собралась большая толпа зырянъ, преимущественно бабъ. Всѣ о чемъ-то очень энергично разсуждали. По срединѣ толпы вертѣлся громадный рыжій мужикъ, который никого не слушалъ и, казалось, ничего не понималъ. Онъ только дико поводилъ глазами и что-то кричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ, всплескивая руками.

Леонтій тотчасъ же врѣзался въ средину толпы, и бабы, перебивая другъ друга, начали что-то ему разсказывать. Леонтій дѣятельно разспрашивалъ и сосредоточенно выслушивалъ отвѣты. Потомъ глубокомысленно приставилъ палецъ ко лбу и задумался. Бабы глядѣли на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Йокышъ! *)—вдругъ произнесъ онъ громко и увѣренно.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я, подходя.

*) Иокышъ—собственно, значитъ окунь.

— Да вотъ, видите, ваше благородіе,—украли двои гачи *). Вотъ та рыжая тетеря — Леонтій указалъ на бѣснующагося мужика — развѣсилъ на огородѣ, а они и пропали. Безпремѣнно Йокышъ стянулъ, — больше некому... А! вонъ ведутъ голубчика! - радостно закончилъ онъ.

Два зырянина, дѣйствительно, вели подъ руки упиравшагося, оборваннаго и тщедушнаго мужиченка. Скоро обвиняемый стоялъ въ срединѣ толпы и клялся самыми ужасными клятвами, что никакихъ гачей не видалъ, и его невинно оклеветали. Со стороны становилось жаль бѣднягу... Бабы, какъ будто, начинали сдаваться; мужики, кромѣ потерпѣвшаго, относились къ факту пропажи гачей болѣе или менѣе спокойно. Но Леонтій, принимавшій въ событіи живѣйшее участіе, подбѣжалъ внезапно къ мужиченкѣ, схватилъ его за руку и потащилъ за колодецъ, къ тому мѣсту, гдѣ прежде висѣли похищенные гачи. Тутъ на влажной глинѣ виднѣлся довольно ясный слѣдъ человѣческой ноги. Леонтій сталъ на колѣни и водрузилъ ногу Йокыша въ одинъ изъ этихъ отпечатковъ.

— Вѣрно,—его дѣло!—коротко отрѣзалъ онъ. — Смотрите сами.

Толпа заревѣла отъ удовольствія. Йокышъ вдругъ присмирѣлъ и совершенно неожиданно согласился принести похищенные гачи.

Минутъ черезъ пять гачи были, дѣйствительно, принесены и вручены рыжему мужику, который теперь сіялъ отъ удовольствія и дружески хлопалъ по плечу и Леонтія, и Йокыша. Йокышъ тоже добродушно улыбался и тоже хлопалъ Леонтія по плечу. Удовлетворенныя бабы тотчасъ же разошлись.

— Дуракъ ты Йокышъ, — поучалъ дружескимъ тономъ Леонтій. — Коли бы и не поймали теперь, куда бы ты гачи дѣвалъ?

— Трудно, ваше благородіе, воровать въ этой сторонѣ,— пояснилъ онъ мнѣ,—все на виду...

Долгъ правдиваго бытописателя заставляетъ меня добавить, забѣгая нѣсколько впередъ, что уличенный въ воровствѣ Йокышъ на другой же день сидѣлъ вмѣстѣ съ другими въ избѣ рыжаго мужика и, какъ ни въ чемъ не бывало, разсуждалъ о разныхъ крестьянскихъ дѣлахъ.

Теперь Леонтій съ нѣкоторою гордостью смотрѣлъ на меня.

— Да, ваше благородіе, Леонтій здѣсь сила!—съ достоинствомъ проговорилъ онъ.

---

*) Гачи — порты.

Однако, торжество моего новаго знакомаго было непродолжительно. Гордый взглядъ его вдругъ омрачился, и глаза тревожно забѣгали, — словно искали защиты отъ нападающаго врага. По деревнѣ быстро бѣжали двѣ бабы: одна старая, но достаточно бодрая, другая молодая.

Увидѣвъ Леонтія, онѣ бросились прямо къ намъ, и бѣдняга, не успѣвъ моргнуть глазомъ, уже былъ буквально атакованъ ими. Бабы стремились поймать его за руки и осыпали цѣлымъ градомъ упрековъ и ругательствъ: „пьяница, лѣшакасъ, дьяволасъ, шкареда, обманщикъ" и т. д. Леонтій сначала пытался сохранить достоинство и съ величавымъ спокойствіемъ объяснялъ бабамъ, что не онѣ однѣ у него заказчицы, и что не у нихъ только онъ взялъ деньги впередъ... Поэтому каждый долженъ соблюдать свой чередъ. Но бабы не были доступны убѣжденіямъ, и только усилили нападеніе. Леонтій шмыгнулъ было за колодецъ, но и съ этой позиціи былъ скоро выбитъ. Теперь ему оставалось лишь прижаться къ огороду и усиленно дѣйствовать руками и ногами, отбиваясь отъ нападеній непріятеля. Но вдругъ энергія его ослабѣла, и онъ безпомощно опустилъ руки... Послѣдняя отчаянная попытка — прыгнуть чрезъ городьбу — не удалась, — бабы крѣпко вцѣпились въ его руки и оттащили отъ огорода. Тогда онъ покорно послѣдовалъ за ними, бросая робкіе взгляды по направленію къ церкви. Тамъ, въ перспективѣ улицы, виднѣлась фигура пономаря. Онъ шелъ, правда, не совсѣмъ твердыми шагами, но все же самое появленіе этого человѣка, повидимому, лишало портного всякой энергіи...

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ уже издали,—я къ вамъ зайду! Освобожусь вотъ отъ этихъ вѣдьмъ, развѣ онѣ понимаютъ настоящее обращеніе... Дичь!.. Ивану Николаевичу почтеніе!

II. Зырянскій учитель.

Прошла уже цѣлая недѣля съ моего пріѣзда въ N. Народъ все прибывалъ въ село, въ ожиданіи парохода. Были люди изъ отдаленныхъ деревень, которые, не дождавшись парохода, возвращались домой и опять пріѣзжали. Многіе уже нѣсколько дней совсѣмъ не ѣли хлѣба, лица у всѣхъ вытянулись. Съ утра до вечера, въ ту сторону рѣки, откуда долженъ былъ появиться пароходъ, были обращены сотни глазъ.

Настроеніе у всѣхъ было крайне тяжелое. А парохода все

не было. У учителя, у котораго я гостилъ, мука тоже была на исходѣ, приходилось соблюдать экономію.

Между тѣмъ, каждодневно насъ осаждали цѣлыя толпы нищихъ, и не хватало духу отказывать въ кускѣ хлѣба этимъ голоднымъ, страдающимъ людямъ.

Былъ прекрасный, теплый іюльскій вечеръ.

Мы сидѣли, въ грустномъ настроеніи, на балконѣ школы и пили чай. Зданіе школы было большое двухэтажное, съ прекраснымъ видомъ на рѣку, но въ сущности очень плохо приспособленное не только для школы, но и вообще для человѣческаго жилья. Жить здѣсь можно было только лѣтомъ, а во время занятій учителю приходилось нанимать квартиру на свои собственныя скудныя средства.

Этотъ учитель былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, по виду почти мальчикъ, изъ студентовъ духовной семинаріи. Теперь онъ повѣствовалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Оно было не изъ веселыхъ; впрочемъ, довольно было посмотрѣть на измученный видъ учителя, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— По окончаніи семинаріи я могъ бы поѣхать въ академію, — тихо разсказывалъ онъ, — но мнѣ захотѣлось послужить народу. Кончилъ я семинарію и подалъ прошеніе объ опредѣленіи въ какую-нибудь церковно-приходскую школу на жалованье рублей 20 въ мѣсяцъ. Школы съ такимъ большимъ жалованьемъ нашлись только въ зырянскомъ краѣ, потому что здѣсь земство передало свои школы въ духовное вѣдомство, сохранивши за ними свои субсидіи. Меня опредѣлили, но денегъ на дорогу не дали. Была дождливая, поздняя осень и ужасная бездорожица, когда я получилъ извѣщеніе, что опредѣленъ въ здѣшнюю школу и обязанъ немедленно же явиться на мѣсто назначенія. Цѣлую недѣлю я искалъ денегъ на дорогу,—наконецъ, нашлись добрые люди, дали взаймы; не безъ труда удалось выхлопотать и „подорожную“ на пару лошадей. Поѣхалъ я вмѣстѣ со старухой матерью. Дорога была невозможная: дождь и днемъ, и ночью лилъ непрестанно... Нѣсколько разъ насъ вываливало изъ тарантаса, все время пронизывалъ до костей холодный вѣтеръ... Жилье, гдѣ бы можно было обогрѣться, встрѣчалось очень рѣдко. Въ деревняхъ насъ встрѣчали, какъ невиданныхъ звѣрей. По зимней дорогѣ здѣсь никто не ѣздитъ; у кого есть нужда посѣтить этотъ непривѣтливый край, тотъ старается поѣхать лѣтомъ, воспользовавшись пароходомъ. Въ избу, гдѣ я останавливался, вваливалась масса народу, щупали мой чемоданъ, смотрѣли, что я ѣмъ. Въ одной деревнѣ, когда я досталъ колбасу, мужикъ попросилъ отрѣзать и ему и, попробовавъ, спросилъ: „что

же,—это растетъ?“—Нѣтъ, не растетъ,—поправилъ другой,—а вотъ огурцы, говорятъ, растутъ.

— Черезъ недѣлю всевозможныхъ мытарствъ и мученій я, совершенно истомленный, съ больной матерью подъѣхалъ къ рѣкѣ Вычегдѣ. Оставалось только переправиться черезъ нее, и я былъ на мѣстѣ назначенія. Рѣка уже начинала замерзать. Ямщикъ сталъ кричать, чтобы подавали перевозъ, но въ отвѣтъ слышались только стоны вѣтра. Долго кричалъ ямщикъ, пока не охрипъ, потомъ принялся кричать и я,—какъ можетъ только кричать погибающій,—потому что я, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ себя погибающимъ: грудь моя надрывалась отъ кашля, отъ рѣзкаго вѣтра окоченѣли всѣ члены. Одѣяло, которымъ я закрывался въ дорогѣ, пришлось отдать матери, чтобы она не замерзла... Порой мнѣ казалось, что на темной рѣкѣ скрипятъ весла, но всякій разъ приходилось убѣждаться, что нѣтъ ничего, кромѣ воя вѣтра и всплеска волнъ. Такъ прошла вся ночь. Я дрожалъ самъ и боялся за мать... Никогда въ жизни я такъ не радовался, какъ услыхавъ, наконецъ, дѣйствительно всплескъ на рѣкѣ и потомъ различивъ движущійся паромъ... Ровно двѣнадцать часовъ стояли мы на берегу рѣки...

Учитель замолчалъ, и его блѣдное, печальное лицо было грустнѣе обыкновеннаго. Передъ нами разстилалась восхитительная картина. Вычегда казалась гигантскою синею лентой; правый ея берегъ, высокій и голый, состоящій изъ разноцвѣтныхъ пластовъ, съ исполинскою щетиной елей наверху, теперь весь горѣлъ, озаренный лучами заходящаго солнца; тогда какъ лѣвый, луговой берегъ облекся уже въ мягкія полутѣни. Широкая, могучая рѣка словно заснула. Въ воздухѣ стояла удивительная тишь, нарушаемая лишь отдаленною зырянскою пѣсней, похожей на русскую дубинушку. Это плоты сѣли на мель, и теперь ихъ стаскивали. Отъ села то и дѣло бѣжали къ рѣкѣ мужики; туда уже пронесли нѣсколько четвертей водки, и послѣ каждой четверти суетня увеличивалась, пѣсня становилась громче и нескладнѣе. Вся эта картина была намъ довольно отчетливо видна съ балкона школы...

— Да, — продолжалъ учитель свою грустную повѣсть, — невесело было начало, да мало хорошаго ждало меня и на мѣстѣ. Вы, вотъ, осмотрѣли уже нашу школу. Постройка ея задумана еще земствомъ, но достраивалась она уже послѣ передачи въ церковное вѣдомство и на церковныя средства. Средствъ не хватило, поэтому мезонинъ остался безъ пола, нижній этажъ не достроенъ, и тамъ теперь находятъ пріятное отдохновеніе деревенскія свиньи. Въ то время, когда я пріѣхалъ, эта послѣдняя квартира, которую мнѣ и

предложили, была до потолка занесена снѣгомъ, а единственными двумя удобными для жилья комнатами завладѣлъ пономарь. Для классовъ остались, какъ видите, двѣ маленькія комнатки, въ которыхъ я и долженъ былъ заниматься съ сотнею слишкомъ учениковъ и ученицъ. За постройкой школы долженъ былъ наблюдать священникъ, но въ то время священники часто смѣнялись, между уходомъ одного и назначеніемъ другого были большіе промежутки, и наблюденія за работами никакого не было. Немудрено, что зимой у насъ бывало частенько два градуса мороза даже во время занятій... Отопленіе возложено на обязанность сторожа, который получаетъ за это 20 рублей. Результаты понятны: сторожъ старался экономить...

— Нужно писать—чернила замерзли... По школѣ прогуливается вѣтеръ, свиститъ въ не проконопаченныя стѣны... Руки у учениковъ посинѣли отъ холода, и кожа на рукахъ растрескалась до крови. Повѣрите, иной разъ я самъ плакалъ, какъ мальчикъ... Добавьте къ этому, что ни одинъ изъ младшихъ моихъ учениковъ ни слова не понималъ по-русски, а я ни слова не зналъ по-зырянски. Затѣмъ, учить было рѣшительно не по чему. Я осмотрѣлъ школьную библіотеку и пришелъ въ отчаяніе: не было ни одного учебника, одобреннаго для церковно-приходскихъ школъ. Было, правда, нѣсколько хорошихъ руководствъ и пособій, предназначенныхъ для земскихъ школъ, но вы знаете: для церковно-приходскихъ школъ они запрещены; нашлись еще два сломанныхъ пера и кусокъ грифеля,—больше ничего. Съ горя я написалъ бумагу въ училищный совѣтъ, гдѣ изобразилъ всю эту горькую правду. Моя бумага, слава Богу, произвела впечатлѣніе, и, хотя не очень скоро и не въ желаемомъ количествѣ, я получилъ всетаки книги и письменныя принадлежности Только подъ Рождество можно было, наконецъ, приступить къ занятіямъ. Программа зырянскихъ школъ не меньше, чѣмъ въ русскихъ, курсъ былъ тоже двухгодичный (теперь увеличенъ до трехъ лѣтъ), а мнѣ приходилось еще учить дѣтей русскому языку... Дѣло это очень трудное: зырянскій языкъ не знаетъ родовъ, поэтому мои первые ученики не перестаютъ еще писать, что „мальчикъ гуляла, писала“, что онъ „сучкой уколола ногу“ и т. п... А тутъ еще и самому мнѣ приходилось учиться по зырянски. Черезъ полтора мѣсяца я сталъ понимать немного зырянскую рѣчь; съ учениками занимался утромъ и вечеромъ; для взрослыхъ устроилъ праздничныя чтенія... Въ концѣ концовъ, мнѣ удалось все таки выпустить въ первый же годъ восемъ человѣкъ со свидѣтельствомъ на льготу; большинство зырянъ стало послѣ этого относиться ко мнѣ съ радушіемъ... Но за то къ Пасхѣ

у меня показалась изъ горла кровь, и теперь при малѣйшемъ напряженіи грудь жжетъ точно огнемъ.

Юноша замолчалъ и поникъ головой.

— Жизнь здѣсь, должно быть, недорога, и теперь вамъ хватаетъ на все?—спросилъ я...

— Да, а всетаки я кругомъ въ долгу: пришлось выплачивать заемъ, сдѣланный на поѣздку сюда... А затѣмъ... Знаете, кому я больше всего переплатилъ здѣсь денегъ? Вы, пожалуй, не повѣрите: кабатчику!..

— Какъ? Да вѣдь вы, кажется, совсѣмъ не пьете?

— Да, не пью, а кабацкую повинность, тѣмъ не менѣе, долженъ нести исправно. Теперь, положимъ, энергично отъ нея освобождаюсь, но сначала не хватало духу. Неопытенъ былъ... Съ перваго же дня пріѣзда ко мнѣ появилась масса визитеровъ... Прежде всего — хозяинъ квартиры. „Вотъ, говоритъ, прежній учитель, ахъ, хорошій человѣкъ была, знала, чѣмъ нашего брата уважить: завсегда водка была...“ За нимъ—дьяконъ: „Иду это я мимо и думаю: дай посмотрѣть на новаго учителя... Фу, какъ холодно на дворѣ!..“—Не хотите ли, говорю, чаю?—„Чаю?!.. Чаемъ развѣ согрѣешься? Вотъ и видно, что неопытный человѣкъ, опытный не то бы предложилъ...“ — А тамъ писарь, фельдшеръ, пономарь... И всѣ изо дня въ день, болѣе или менѣе откровенно, высказываютъ одно неизмѣнное желаніе... Теперь, впрочемъ, начинаютъ убѣждаться, что „учитель нелюдимъ, веселой компаніи не уважаетъ; ходить къ нему не стоитъ, развѣ ужъ совсѣмъ некуда больше дѣваться.“ Я, конечно, этому отъ души радъ... Да вотъ одинъ изъ постоянныхъ моихъ посѣтителей,—легокъ на поминѣ...

Дверь на балконъ быстро растворилась, и въ ней показался Леонтій. Видъ у него былъ не совсѣмъ нормальный: онъ растерянно поводилъ глазами и виновато улыбался. Въ костюмѣ еще произошла перемѣна: брюкъ не было вовсе, ихъ замѣняли зырянскія „гачи“.

— Что съ тобой? Гдѣ же брюки, которыя я тебѣ далъ?—спросилъ учитель.

— Какія брюки?...—спросилъ Леонтій съ притворнымъ удивленіемъ...—Ахъ, да!... Такъ вѣдь онѣ, Иванъ Николаевичъ, совсѣмъ старыя... Да, притомъ, въ брюкахъ теперь и ходить неудобно...

— Это еще почему?

— Потому жарко... По нынѣшнему сезонту, можно сказать, совершенно лишняя одежа... Я ихъ и уступилъ Федору Федосѣичу.

— Кто такой Федоръ Федосѣичъ?—полюбопытствовалъ я.

— Одинъ тутъ у насъ... человѣкъ такой есть... При всемъ

прочемъ, большой скаредъ, — заминаясь, объяснилъ Леонтій.

— Кабатчикъ, говорилъ бы прямо!—пояснилъ учитель.— И какъ тебѣ не стыдно Леонтій? Портной безъ брюкъ! Ну, чѣмъ ты теперь отличаешься отъ зырянина?

Учитель попалъ, очевидно, въ больное мѣсто Леонтія.

— Ахъ, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ онъ не безъ нѣкотораго смущенія,—попа и въ рогожѣ узнаютъ... Меня здѣсь, я тебѣ скажу, обязаны почитать во всякомъ видѣ: уйди я отсюда, такъ вѣдь всѣ въ звѣриныхъ шкурахъ останутся. А мнѣ развѣ легко жить тутъ, среди необразованности?.. Это вѣдь тоже нужно понимать и цѣнить... Иванъ Николаевичъ, дайте гривенничекъ!—неожиданно закончилъ Леонтій свою защитительную рѣчь.

— Денегъ нѣтъ,—отвѣтилъ учитель.

— Записку напишите Ироду, чтобъ въ долгъ шкаликъ отпустилъ... Мнѣ—это все равно...

— И писать не стану... И то ужъ три записки далъ.

— Иванъ Николаевичъ! Я вѣдь умру, ей-Богу!.. — И Леонтій легъ на полъ къ ногамъ учителя.—Не сойду съ этого мѣста, пока не дадите!—рѣшительно заявилъ онъ.

— Ну, что же, лежи, если хочется...

— Дай!... Утроба горитъ, ой, ой, ой!..—вдругъ, закативъ глаза, дикимъ голосомъ заревѣлъ Леонтій.—Помираю!..

— Вотъ вѣдь люди нонче какіе,—обратился онъ ко мнѣ тономъ глубокой горечи и тотчасъ же опять заревѣлъ неистовымъ голосомъ:—ой-ой-ой!..

— Погоди, я вотъ сейчасъ пономаря позову,— погрозилъ учитель.

— А что мнѣ пономарь?—сказалъ Леонтій, приподнимая голову..—Пономарь купаться ушелъ. Ой, ой, ой!!.. Смерть моя приходитъ.

— Ну, что мнѣ съ нимъ дѣлать?—съ отчаяніемъ сказалъ учитель.

— Напиши, Иванъ Николаевичъ, записку къ Федосѣичу, сейчасъ уйду,—подсказалъ Леонтій, опять приподнимая голову. — А я вотъ тебѣ фокусъ покажу...

И вдругъ, присѣвъ на полу, загнулъ самымъ невѣроятнымъ образомъ ногу и почесалъ ею за ухомъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что учитель взялъ клочекъ бумажки и написалъ записку. Но тутъ у Леонтія возникли нѣкоторыя сомнѣнія...

— Иванъ Николаевичъ, а вѣдь Иродъ не повѣритъ.

— Чему не повѣритъ?

— Да что вы записку написали... Человѣкъ-то очень ужъ невѣроятный... Давеча долго не хотѣлъ вѣрить: гдѣ это

ты, говоритъ, дураковъ нашелъ, что станутъ тебя на свои деньги поить? Подделалъ, говоритъ, записку. Извѣстное дѣло, — необразованный грубіянъ... Такъ ужъ вы бы того... сказали бы ему, что записка ваша.

— Ну, нѣтъ! Въ кабакъ я не пойду.

— Такъ я его вонъ къ тому углу приведу... у Дань-Сенина дома. Вы ему только головой съ балкона кивнете, онъ и пойметъ.

Леонтій уже отворилъ дверь, чтобы выйти съ балкона, какъ вдругъ съ противоположной стороны за ручку двери взялась тоже чья то рука. Дверь отворилась, и на порогѣ показался пономарь. Леонтій моментально какъ-то съежился и даже испустилъ легкій стонъ.

Пономарь былъ здоровенный дѣтина съ окладистой рыжей бородой, съ плечами въ косую сажень и злыми глазами. Замызганный коричневый кафтанъ его изъ „чортовой кожи" намѣревался лопнуть по всѣмъ швамъ, такъ какъ былъ необычайно для него узокъ. Видъ пономаря былъ мраченъ, и онъ тотчасъ же впился глазами въ Леонтія, который, подъ вліяніемъ этого взгляда, сразу какъ-то потускнѣлъ и стушевался.

— Ты, скотина, зачѣмъ здѣсь?—внушительно спросилъ пономарь.

— Я вамъ, Василій Васильичъ, удочки приготовилъ, завтра преподнесу,—стараясь увильнуть отъ прямого отвѣта, сказалъ Леонтій.

— Не нужно мнѣ твоихъ удочекъ, у меня свои есть. Ты отвѣчай, что спрашиваютъ: зачѣмъ ты опять сюда пришелъ? Вѣдь я тебѣ воспретилъ? Говори: воспретилъ?

— Это точно, что воспретили,—покорно согласился Леонтій и попятился къ двери, съ явнымъ намѣреніемъ выскользнуть изъ комнаты.

— Стой, стой!—окликнулъ его пономарь:—Что это у тебя въ рукахъ?

Леонтій проворно засунулъ записку за воротъ рубахи.

— Опять записку къ Федосѣичу? Опять выманилъ, разбойникъ? Зайди ты еще сюда разъ,—я тебѣ покажу кузькину мать. И какъ это хочется вамъ, Иванъ Николаевичъ, съ такою швалью связываться?—обратился пономарь къ учителю.—Угостить, такъ ужъ угостить человѣка хорошаго... Это я понимаю!—скромно добавилъ онъ.

— А ты, Левоха, когда мнѣ сорокъ копѣекъ отдашь?—грозно приступилъ онъ опять къ Леонтію.

— Скоро, Василій Васильевичъ, ей-ей, скоро. На дняхъ ужъ совсѣмъ приготовился отдавать, да Иво-Васиху встрѣтилъ. Такая взбалмошная баба,—отдай да отдай ей долгъ.

Ну, я и отдалъ. Думаю, чтó съ темной бабой связываться. Василій Васильичъ, думаю,—человѣкъ образованный, подождетъ: два класса семинаріи, какъ бы то ни было, прошелъ!—сказалъ Леонтій, обращаясь ко мнѣ.

Но пономарь не поддался на эту лесть...

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай... Лучше подай-ка сюда записку!—сказалъ онъ рѣшительно, направляясь къ Леонтію.

Но тотъ, по мѣрѣ приближенія пономаря, пятился къ двери и, наконецъ, ощупавъ скобу, моментально вылетѣлъ изъ комнаты и кубаремъ скатился по лѣстницѣ. Черезъ минуту онъ уже бѣжалъ вдоль деревни, къ кабаку.

Пономарь тяжело опустился на стулъ и мрачно уставился въ полъ.

— Тяжело мнѣ, учитель!—пробурчалъ онъ.

— Почему же, Василій Васильичъ?—участливо спросилъ учитель.

— Вчера попову кухарку съ просвирней побилъ,—мрачно пояснилъ пономарь.

— Гмъ! Такъ вѣдь тяжело-то въ такихъ случаяхъ бываетъ побитому?—усомнился учитель.

— Ну, что имъ!.. Попова кухарка съ утра къ благочинному побѣжала и рубаху, подлая, захватила... Изорвалъ я на ней рубаху вчера... А все вѣдь изъ-за попа...

— Какъ? Развѣ отецъ Иванъ уже пріѣхалъ?

— Нѣтъ, сегодня пріѣдетъ...

— Такъ какъ же вы, говорите, изъ-за него съ кухаркой и просвирней... разсорились?

— Какое разсорился? И не думалъ ссориться... Что я—звѣрь, въ самомъ дѣлѣ, какой, чтобы со всѣми ссориться?—вдругъ обидѣлся пономарь.

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, что отецъ Иванъ поручилъ мнѣ приглядывать за домомъ... Поняли? Ну, вотъ, иду... Иду это я вчера мимо его дома, а тамъ этотъ аспидъ — просвирня сидитъ. Ну, я немного, признаться, выпивши былъ; мнѣ и покажись, что кухарка койташъ *) устроила на батюшкино добро... Ну, я и того... поучилъ немного кухарку... А тутъ и просвирня, чортъ ее знаетъ какъ, подвернулась,—добавилъ онъ со вздохомъ...—Должно быть, и ту задѣлъ. Такъ, не очень... Одна только бѣда: пригрозилъ ей съ пьяну: „не попадайся, говорю, во второй разъ, а то и совсѣмъ убью!"—А она, язва, собрала народъ, встала на колѣни и кричитъ: „Слушайте, говоритъ, православные,—если найдете, говоритъ, мое мертвое

*) Койташъ—пирушка.

тѣло, то такъ и знайте, что меня пономарь порѣшилъ“... Вотъ вѣдь стерва! А вдругъ, чортъ ее возьми, она и впрямь окачурится: вѣдь ей ужъ за 60 перевалило... Я долженъ тогда отвѣтить... Учитель, будь другъ, посовѣтуй, что дѣлать?— хриплымъ басомъ закончилъ пономарь.

— Не знаю, право...—сказалъ учитель.—Нужно бы водку перестать пить,—это главное. Да нужно, конечно, купить новую рубаху кухаркѣ.

— Ну, что же, чортъ съ ней, пожалуй, куплю,—рѣшилъ пономарь.

— Потомъ успокоить просвирню и у обѣихъ попросить прощенія...

— Этого не могу!—отвѣтилъ пономарь съ мрачной рѣшительностью.

— Почему же? Вѣдь вы признаете себя виноватымъ?

— Виноватъ-то, пожалуй, попъ, а не я...

— Дрался-то кто?

— Да развѣ это драка? Думаете, я ихъ билъ, какъ слѣдуетъ?..

Пономарь вдругъ воодушевился, вскочилъ со стула и засучилъ рукавъ.

— Да если бы я разъ далъ, какъ слѣдуетъ, то однимъ бы взмахомъ...—при этомъ онъ потрясъ своимъ громаднымъ кулачищемъ передъ носомъ учителя,—тутъ бы и конецъ... А я... я... деликатно!—скромно докончилъ онъ, опуская кулакъ.

— Ну, какъ знаете. По моему, разъ оскорбилъ человѣка и хочешь съ нимъ помириться, такъ нужно просить прощенія.

— Гмъ!..—пробурчалъ пономарь: — это у бабъ прощенія просить?.. Пожалуй, послѣ укорятъ... А не помирись, — отъ благочиннаго достанется. Иванъ Николаевичъ, — закончилъ онъ неожиданно:—сходи ужъ ты, попроси прощенія.

— Да вѣдь дрался-то не я, а вы.

— Ну, это все равно. Скажи, дескать, и я то же самое думаю... Понялъ? Что ты говоришь, я это самое думаю...

— Нѣтъ, не годится... Развѣ ужъ вмѣстѣ?—сказалъ учитель.

Пономарь опять уставился глазами въ полъ, подперся руками и сталъ издавать какіе-то звуки, похожіе на рычаніе.

— Э-эхъ!—крякнулъ онъ съ досадой...—Ну, сходимъ, когда такъ, завтра... сегодня не хочется, нездоровъ.

— Нѣтъ, ужъ идти, такъ сейчасъ.

— Не могу, ноги не несутъ... Вотъ что: сходи ты, учитель, напередъ, поговори и узнай, какъ онѣ примутъ. А то вѣдь, въ случаѣ чего, — я прямо тебѣ говорю: конфузу не вынесу... опять побью!— фаталистически заключилъ пономарь.—Сдѣлайте милость, Иванъ Николаевичъ, ужъ сходите!

— Ну, хорошо,—согласился учитель,—будетъ свободное время,—схожу.

Пономарь просіялъ, а учитель посмотрѣлъ на меня и глубоко вздохнулъ.

III. На рѣкѣ.

На рѣкѣ все шла работа съ плотами, которые стали на мель. Солнце уже садилось, было тихо, и только съ рѣки отчетливо доносилась нескладная зырянская пѣсня. Но вотъ, она вдругъ затихла. Плоты, видимо, снялись съ мели. Но суетня на нихъ не только не прекратилась, а, стала, какъ будто, еще сильнѣе. Мужики, сдвинувшіе плоты, одинъ за другимъ вползали на нихъ изъ воды, и дремавшіе берега огласились взрывомъ ругательствъ и криковъ, которые гулко понеслись по рѣкѣ.

— Спорятъ о чемъ-то?—спросилъ я у пономаря.

— А это, должно полагать, еще водки просятъ... — отвѣтилъ тотъ.—Вонъ подрядчикъ, въ кумачной рубахѣ и поддѣвкѣ, стоитъ, руками размахиваетъ,—вѣрно больше давать не хочетъ.

Крики и ругательства усиливались. Вдругъ на плотахъ все зашевелилось и слилось въ общую кучу... Въ воздухѣ, надъ головами галдящей толпы, показались чьи-то ноги, потомъ мелькнула человѣческая фигура и грузно полетѣла въ воду, за ней другая, третья... Въ одно мгновеніе рѣка вспѣнилась отъ летящихъ въ воду человѣческихъ тѣлъ, выплывавшихъ, снова лѣзшихъ на плоты и опять сбрасываемыхъ оттуда. На рѣкѣ происходила настоящая битва. Противники бросали и толкали другъ друга въ воду. Смѣшанный гулъ ругательствъ стоялъ надъ мѣстомъ битвы...

— Вонъ, въ бѣлыхъ гачахъ—это наши, а въ синихъ—плотовщики!—объяснилъ мнѣ пономарь.

Синіе усиленно толкали бѣлыхъ въ воду, но и бѣлые не унывали: чрезъ минуту они выплывали опять на поверхность рѣки и, отфыркиваясь, лѣзли на абардажъ. Синіе тоже нерѣдко описывали параболы въ воздухѣ и шлепались въ воду. Подрядчикъ дѣятельно управлялъ плотовщиками и самъ участвовалъ въ битвѣ. Онъ сбросилъ съ себя поддѣвку, и видно было, какъ отъ его мощныхъ рукъ направо и налѣво ныряли бѣлыя гачи.

— Здорово дерутся... Ловко... Вотъ какъ наши, вотъ какъ наши... Молодцы.. Не выдавай, не выдавай... Жарь!.. Ха, ха, ха...—все болѣе и болѣе воодушевлялся пономарь, слѣдя за

ходомъ битвы. Онъ сжималъ кулаки, топтался на мѣстѣ и вообще выказывалъ знаки величайшаго волненія, словно находился на самомъ мѣстѣ битвы, которая, между тѣмъ, продолжалась съ перемѣнньмъ успѣхомъ.

Вдругъ бѣлыя гачи придумали новый маневръ: онѣ не ползли уже на плоты, а, дружно схватившись за края плотовъ и за веревки, которыми недавно стаскивали плоты съ мели, теперь потянули ихъ обратно... Опять послышалась нескладная пѣсня...

На плотахъ скоро поняли маневръ враговъ, но сопротивленіе было напрасно. Бѣлыя гачи, какъ муравьи, копошились около плотовъ, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ караванъ, видимо, тронулся опять въ сторону мели.

— Батюшки! — вскричалъ пономарь, — опять на мель тащутъ... Вотъ это ловко!

Было очевидно, что маневръ удастся. Разгоряченные выпитой уже водкой и дракой, зыряне озвѣрѣли и, издавая дикіе крики, похожіе на вой голодныхъ волковъ, съ удивительною быстротой уничтожали все, что было достигнуто такими продолжительными трудами; плоты все приближались къ берегу, гдѣ выдавалась большая песчаная коса. Видно было, какъ на плотахъ, въ отчаяніи, метался приказчикъ: онъ уже не кричалъ, а только безсмысленно топтался на одномъ мѣстѣ... Прошло минуты три, и передовые плоты уткнулись въ песокъ. Приказчикъ соскочилъ съ плотовъ въ воду, за нимъ выскочили плотовщики. Завязалась отчаянная свалка, въ которой уже ничего нельзя было разобрать.

Скоро изъ деревни къ берегу примчался на лошади урядникъ.

Въ это время въ противоположной сторонѣ рѣки, далеко, почти на самомъ горизонтѣ, показался дымокъ. Изъ церковной ограды выбѣжалъ сторожъ, все время, съ ранняго утра, сидѣвшій на колокольнѣ и смотрѣвшій на рѣку. Онъ направился къ телѣгамъ, стоявшимъ близъ церкви и огородовъ, и звонко кричалъ на всю деревню: „Пароходъ идетъ!"

Деревня вдругъ ожила. По улицѣ забѣгали бабы, ребята, оставшіеся дома мужики; пріѣхавшіе изъ другихъ деревень быстро запрягали лошадей. Скоро вся деревня огласилась скрипомъ телѣгъ, ржаньемъ застоявшихся лошадей и веселымъ говоромъ народа. Телѣги начали спускаться къ берегу рѣки, за ними валилъ народъ. Впереди всѣхъ, обгоняя лошадей, мчалась босая, бѣлоголовая и всегда веселая зырянская „челядь" *). Большая толпа зырянъ двигалась отъ плотовъ; очевидно, и тамъ замѣтили приближеніе парохода...

*) Челядь—ребята до 18 лѣтъ.

Весь берегъ оживился, точно наступилъ великій праздникъ. Общее настроеніе невольно сообщилось и намъ, непосредственнымъ зрителямъ страданій сидѣвшаго безъ хлѣба народа. Мы одѣлись и тоже пошли на рѣку.

Берегъ уже весь былъ уставленъ телѣгами и усыпанъ толпой. Нѣкоторыя домовитыя зырянки успѣли запастись молокомъ, сметаною, яйцами и, въ надеждѣ выгодной продажи, энергично пробирались черезъ густую стѣну народа. Челядь лежала на пескѣ или сидѣла на берегу, свѣсивши ноги въ воду. Сотни глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ были устремлены въ ту сторону, откуда виднѣлся дымокъ. Шли оживленные, но негромкіе разговоры.

— Ну, а что, какъ пароходъ муки не везетъ?— говоритъ по-зырянски истощенный голодомъ, желтый, скуластый зырянинъ въ бѣломъ азямѣ, пріѣхавшій изъ дальней деревни.

— Какъ такъ не везетъ?—протестуетъ другой:—говорили, пароходъ будетъ съ хлѣбомъ, недѣлю назадъ самъ въ Усть-Вымѣ слышалъ.

— Отчего же, если такъ, за пароходомъ баржи не видно?— продолжаетъ сомнѣваться желтый мужикъ.—Одинъ пароходъ много ли привезетъ?.. Эй, Тимо-Вась *),—обращается онъ къ сторожу,—видѣлъ ты съ колокольни: ведетъ за собой пароходъ, или нѣтъ?

— Вотъ ужъ, господа честные, не могу этого вамъ доподлинно сказать, — отвѣчаетъ по-русски сторожъ, бывшій солдатъ, — не видно этого... Только слышалъ, что будетъ пароходъ Ельцова, и безпремѣнно съ мукой. Вотъ теперь, значитъ, надо смотрѣть по трубѣ: ежели есть на трубѣ бѣлая полоса, значитъ — пароходъ Ельцова, стало-быть, съ мукой.

Зыряне молчаливо смотрятъ вдаль... Пароходъ, сначала казавшійся точкой, постепенно растетъ.

— Бѣлая полоса!—радостно вскрикиваетъ желтый зырянинъ.

Минуты черезъ три пароходъ медленно выплываетъ на середину рѣки. Теперь его уже совсѣмъ видно; онъ ведетъ за собой небольшой паузокъ **). Паузокъ сильно загруженъ,—бока его чуть-чуть возвышаются надъ водой. На берегу оживленіе растетъ. Сомнѣнія исчезли... Челядь начинаетъ громко визжать, прыгать, кататься по землѣ.

— А вѣдь павузокъ-то малъ, — скептически замѣчаетъ опять желтый мужиченко,—хлѣба, пожалуй, на всѣхъ и не хватитъ?

---

*) Василій Тимоѳеевичъ.

**) „Паузокъ"—родъ баржи.

— И что это, братцы, за чирей такой, — вдругъ возмущается сторожъ,—такъ и свербитъ, такъ и колетъ. Что ты народъ обезкураживаешь раньше время? Ежели бы и зналъ, что муки нѣтъ, такъ говорить долженъ, что есть, для поддержанія духу! Понимаешь? Злобный ты человѣкъ!

Злобный человѣкъ съ виноватымъ видомъ скребетъ у себя подъ шапкой и еще болѣе сосредоточенно вглядывается въ приближающійся пароходъ. Пароходъ, описывая по рѣкѣ большой полукругъ, идетъ къ нашему берегу. На носу приготовляютъ якорь и чалку. Немногочисленные пассажиры скучились около капитанской будки, на мостикѣ; впереди всѣхъ стоитъ духовное лицо въ широкополой шляпѣ. „Попасъ пріѣхалъ",—объясняетъ мнѣ сосѣдъ. Палуба парохода и паузокъ загружены кулями муки. Мужики радостно переминаются, пробираются впередъ. Повеселѣлъ и желтый мужикъ: онъ самодовольно потираетъ руки и расталкиваетъ сосѣдей, стараясь выбраться поближе къ пароходу. Раздается свистокъ, и пароходъ медленно пристаетъ къ берегу. Громко визжитъ цѣпь спускаемаго въ воду якоря; на берегъ летитъ чалка, которую быстро подхватываетъ зырянская челядь и съ крикомъ и смѣхомъ тащитъ вверхъ по косогору къ развѣсистой березѣ. Подается трапъ. Паузокъ тоже пристаетъ къ берегу.

Зыряне быстро кинулись по трапу, едва онъ былъ перекинутъ на берегъ.

— Постой, не лѣзь, куда прешь, зырье проклятое? — кричитъ изъ своей будки капитанъ, высокій, рыжебородый мѣщанинъ, въ кожаномъ пиджакѣ.—Дай пассажиру пройти... Не пускать! Бей ихъ въ морду!—обращается онъ къ матросамъ, стоящимъ у борта.

Капитанская команда немедленно приводится въ исполненіе, и первые изъ достигшихъ уже борта парохода, оторопѣло, почесывая въ затылкахъ, пятятся назадъ подъ ударами матросовъ.

По трапу сходятъ на берегъ пассажиры: студентъ, два солдата и еще нѣсколько неопредѣленныхъ личностей. Всѣ устремляются къ зырянкамъ, стоящимъ съ молокомъ и яйцами; завязывается оживленный торгъ.

Въ заключеніе, появляется мѣстный батюшка, нагруженный всевозможными свертками. Пассажиры вышли уже всѣ; трапъ свободенъ. Зыряне опять одинъ за другимъ тѣснятся къ пароходу; передовые осторожно начинаютъ подниматься по трапу.

— Сказано вамъ: не ходить сюда!—опять грозно кричитъ капитанъ.—Жарь ихъ, во что попало!—говоритъ онъ матросамъ.

Но на этотъ разъ зыряне уже держатъ себя осторожнѣе: на самый пароходъ они уже не всходятъ, а лишь жмутся на трапѣ,—поэтому „жарить“ не приходится.

— Мучки бы намъ, ваше степенство! — тоскливо говорятъ они.

— Погодите, чего торопитесь?—отвѣчаетъ капитанъ.—Небось, давно голодаете, да не поколѣли, а теперь полчаса подождать не можете. Идите на павузокъ, оттуда вамъ отпустимъ. Эта мука въ городъ.—Зыряне сходятъ съ трапа и объясняютъ заднимъ, въ чемъ дѣло. Всѣ направляются теперь къ паузку.

Оставивъ Ивана Николаевича разговаривать съ пріѣхавшимъ священникомъ, я пошелъ вслѣдъ за мужиками.

По паузку важно расхаживалъ „довѣренный“ купца, отправившаго хлѣбъ, съ засаленною книжкою въ рукахъ, и повѣрялъ кули съ мукой.

— Ну, что, комьясъ, за мукой?—говоритъ онъ зырянамъ:— Не лѣзьте, не лѣзьте, погодите, дайте срокъ... Смотри у меня,— я те покажу! Дай вотъ этому по шапкѣ!—приказываетъ онъ рулевому...

— Господи, Боже мой,—слышу я унылую зырянскую рѣчь,— когда же намъ хлѣбушка дадутъ? Лошади совсѣмъ изморились, у самихъ кишки подводитъ; хоть бы за-свѣтло привелъ Господь домой пріѣхать.

— Ну, комьясъ,—кричитъ, наконецъ, съ паузка „довѣренный“, пряча книжку въ карманъ,—теперь можете покупать муку. Проголодались, небось, сукины дѣти? Молите Бога за нашего хозяина. Совсѣмъ было отдумали муку къ вамъ везти, да случайно прослышали, что скоро съ голоду подохнете. Мука дешевая: по рублю семи гривенъ съ пудика.

— Дороговато, ваша милость,—осмѣливается замѣтить все тотъ же желтый зырянинъ (на этотъ разъ онъ говоритъ порусски).—Я слышала, хлѣбъ въ У. много дешевле.

„Довѣренный“ принимаетъ обиженный видъ.

— Ты слышала?—кричитъ онъ.—Эхъ, ты, зырье! „Слышала“,—ну, такъ и отправляйся въ У., покупай тамъ. Развѣ тебѣ кто насильно муку навязываетъ? Хошь,—я тебѣ муки не дамъ? Хошь, али нѣтъ?—подскакиваетъ „довѣренный“ къ протестанту.

— Воля ваша... Я такъ только сказала...—говоритъ желтый мужикъ упавшимъ голосомъ.

— Слышала... сказала...—передразниваетъ „довѣренный“:— Вамъ добро дѣлаютъ, а вы не понимаете... А ты, вотъ, еще и народъ мутишь.. Смотри у меня... Ну, комьясъ, комьясъ, берите муку, вынимайте деньги,—въ каждомъ кулѣ по восьми пудовъ.

Начинается продажа муки. Зыряне достаютъ изъ кармановъ, отвязываютъ съ ворота кошели и тряпицы съ деньгами и бережно пересчитываютъ свои капиталы; взваливаютъ другъ другу кули на спину и торжественно сходятъ съ ними по трапу на берегъ. Иногда кули покупаются компаніей человѣка въ два, три. На берегу и на паузкѣ идутъ оживленные переговоры между компаньонами по покупкѣ. Около перенесенныхъ на берегъ кулей стоятъ кучки мужиковъ съ чадами и домочадцами. Весь берегъ покрывается мучною пылью. Она же покрыла спины зырянскихъ азямовъ и легла замѣтнымъ слоемъ на многія лица.

— Да ты пощупай, ткни ты рукой въ середку: вѣдь вся-то она, какъ есть, сырая,—услышалъ я знакомый голосъ. Говорилъ опять неугомонный желтый зырянинъ. Онъ по локоть опустилъ свою руку въ раскупоренный куль муки и увѣщевалъ сдѣлать то же своего компаньона по покупкѣ—сѣдого старика.

— Ужъ если раскупорили, то не возьмутъ назадъ,—флегматично замѣтилъ старикъ. — Надо ѣсть, какую дали. И то слава Богу... Недѣлю безъ хлѣба питались рыбой да ягодами. А мука вѣрно, что сровата...

Старикъ досталъ горсть муки и глубокомысленно сталъ жевать.

— Если намъ не дадутъ, то пусть другіе настоящую муку получатъ,—не унимался протестантъ.—Комьясъ,—закричалъ онъ четыремъ запоздавшимъ зырянамъ, которые быстро бѣжали къ паузку, отирая на ходу струившійся потъ:—Комьясъ! Хорошая мука на пароходѣ, просите тамъ. Здѣсь сырая.

Спѣшившіе остановились, затоптались на мѣстѣ и не знали, что предпринять.

— Идите, идите туда. Пойдемъ вмѣстѣ. Комьясъ! — громко обратился онъ уже ко всѣмъ, суетившимся вокругъ него зырянамъ,—пойдемъ просить капитана, чтобы намъ обмѣнили муку. Что же это такое? Ждали, ждали, заплатили хорошія деньги, а намъ, вонъ, что дали!

— Вѣрно, вѣрно, сырая мука,—согласились кругомъ.

Вскорѣ слова „сырая“ и „подмоченная“ облетѣли весь берегъ. По адресу желтаго зырянина со всѣхъ сторонъ послышались одобрительныя восклицанія...

— Вѣрно говоритъ Иво-Вась-зять *), молодецъ Иво-Вась-зять... Надо просить другой муки... Мы деньги платимъ!— слышалось всюду.

Скоро желтаго зырянина окружили тѣсною толпой; всѣ двинулись къ пароходу. Тамъ сейчасъ же замѣтили прибли-

*) Иво-Васъ-зять—зять Василія Ивановича.

женіе зырянъ и, очевидно, хорошо поняли, въ чемъ дѣло. Капитанъ спустился внизъ и остановился у трапа, принявши грозный, боевой видъ. Около него собралась кучка служащихъ на пароходѣ; видны были даже колпакъ повара и жирная фигура буфетчика.

Желтый мужикъ выдѣлился изъ толпы и взошелъ на трапъ; за нимъ потянулись мужики, не успѣвшіе купить муки.

— Ваше степенство,—робко началъ желтый мужикъ,—вотъ эти мужики хотятъ муки купить.

— Идите на паузокъ, сказано вамъ?—сердито крикнулъ капитанъ.

— Тамъ, ваше степенство, мука сырая, никуда не годится.

Лицо капитана мгновенно багровѣетъ.

— Что? Что ты сказалъ? Мука не годится? Ты народъ смутьянить?—Капитанъ схватилъ за воротъ желтаго зырянина и сталъ трясти его изо всѣхъ силъ.—Вы, собаки, съ голоду поколѣвали, мы вамъ помогли, а вы вонъ что?! Мука—вамъ не мука. Круглый годъ кору съ деревьевъ лопаютъ, а тутъ и прихоти пошли... Чортъ ты этакой! Что ты, говорю, народъ смутьянишь? Въ Сибирь захотѣлъ? Я те покажу... Я тебя упеку...—И капитанъ съ каждымъ словомъ энергично потрясалъ воротомъ Иво-Вась-зятя, вдругъ принявшаго видъ человѣка, ко всему равнодушнаго и покорнаго судьбѣ.

— Сходите за урядникомъ!—обратился капитанъ къ матросамъ, все не выпуская изъ рукъ бѣднаго зырянина.

— Я ничего худого не говорила, ваше степенство,—обратился желтый зырянинъ къ капитану, съ трудомъ выговаривая слова (такъ крѣпко сжала его шею капитанская рука).— Я только сказала, мука сырая, и она вѣрно, что сырая... Освободите, ваше степенство!

Зырянинъ казался въ эту минуту безконечно жалкимъ. Но капитанъ былъ неумолимъ и еще сильнѣе затрясъ его воротомъ.

Зыряне, шедшіе вмѣстѣ съ Иво-Вась-зятемъ къ пароходу, теперь въ испугѣ жались на берегу. Не успѣвшіе купить муки съ понурыми головами направились къ паузку. Всѣмъ было не по себѣ, а при упоминаніи объ урядникѣ у многихъ зачесалось въ затылкѣ... Послышались даже ругательства по адресу Иво-Вась-зятя, который вѣчно-де впутаетъ въ какую-нибудь исторію.

— Не пускай его, ребята, за урядникомъ!—крикнулъ пьяный голосъ, принадлежавшій, очевидно, одному изъ сражавшихся на плотахъ.—Слова эти относились къ матросу,

который, по приказанію капитана, отправился по направленію къ селу.

Нѣсколько человѣкъ загородили дорогу матросу; но немедленно же раздались голоса, порицавшіе такой образъ дѣйствій: матросъ свободно прошелъ между зырянами и побѣжалъ къ деревнѣ.

Вскорѣ на пароходѣ показался „довѣренный“.

— Чего они тутъ галдятъ?—обратился онъ къ капитану, грозно осматривая мужиковъ.

— Да вотъ, говорятъ, хлѣбъ не хорошъ...

— Сволочи!—искренно вознегодовалъ довѣренный.—Ихъ отъ голодной смерти спасаютъ, а они вонъ что выдумали...

— Лѣзутъ, галдятъ... Бунтъ настоящій... Вотъ самый первый смутьянъ,—онъ ихъ настроилъ: самъ своими ушами слышалъ!—говорилъ капитанъ, тыкая свободною рукой въ желтаго зырянина.

— Ты знаешь, что за бунтъ полагается?—приступилъ „довѣренный“ къ зырянину.—Мы тебѣ покажемъ, что значитъ народъ смущать!

Иво-Вась-зять теперь принялъ окончательно жалкій видъ и тоскливо бормоталъ что-то въ свое оправданіе.

— Смотрите вы у меня! Я васъ всѣхъ упеку!—кричалъ „довѣренный“ уже всѣмъ мужикамъ, собравшимся около парохода.

— Мы что... мы ничего не дѣлали,—послышались робкіе голоса.—А что мука подмочена, такъ вѣдь это видно сейчасъ...

— А? Такъ вы все свое?—закричалъ, выходя изъ себя, „довѣренный“.—Ну, хорошо. Вы за это отвѣтите. Всходили они на пароходъ? Можетъ, сломали что-нибудь? Ничего не сломали? Жалко. А вотъ у трапа перила шатаются... Хорошо-съ... Послали за урядникомъ?

— Послано,—сказалъ капитанъ.

— Отлично!—одобрилъ „довѣренный“. Мы сдадимъ этого голубчика уряднику и составимъ протоколъ. Завтра я напишу приставу... Бунтовать? Трапы портить? Мы вамъ покажемъ кузькину мать... Маршъ отъ парохода. Десятскіе здѣсь?

— Вотъ десятскій, ваше степенство,—отвѣчало нѣсколько голосовъ, указывая на желтаго зырянина.

— А, такъ ты еще и десятскій? Ты, значитъ, другихъ долженъ порядку да покорности учить, а ты самъ бунтуешь? Ну, попадетъ тебѣ за это!—злобно говорилъ „довѣренный“.

— Я сотскій, ваше степенство,—сказалъ, вылѣзая изъ толпы тучный, рыжій зырянинъ.

— Держи его пока, а потомъ мы его уряднику сдадимъ.—Капитанъ передалъ сотскому желтаго зырянина, который теперь едва держался на ногахъ отъ страха и голода.

— Эхъ, Иво-Вась-зять,—говорилъ сотскій, сводя желтаго зырянина по трапу, — напрасно ты всегда лишка говоришь.

Въ это время раздался женскій визгъ. Всѣ, не исключая сердитаго капитана и „довѣреннаго", невольно обратили свои взоры въ ту сторону, откуда несся визгъ.

Бабы казались чѣмъ-то крайне обезкураженными; онѣ съ неистовствомъ махали руками и прятали за спины своихъ дочерей, посылая по чьему-то адресу самые нелестные эпитеты. Слышались слова „пропойца", „безстыдникъ" и многія другія, еще болѣе крѣпкія. Я также оглянулся, и обомлѣлъ.

Мой знакомый „умственный" портной Леонтій, въ костюмѣ Адама до грѣхопаденія, несся во весь духъ чрезъ толпу зырянъ, нарочно выбирая мѣста наибольшого скопленія бабъ и дѣвокъ. Онъ былъ мокръ, на немъ еще блестѣла вода; очевидно, онъ купался и только что выскочилъ изъ воды. Завидѣвъ меня, Леонтій немедленно же устремился въ мою сторону, издавая торжествующіе клики: видно было, что онъ былъ очень доволенъ своей оригинальной идеей,—и даже ждалъ сочувствія.

Мое положеніе было незавидное. Напрасно я оглядывался кругомъ, въ надеждѣ какъ-нибудь ускользнуть отъ взоровъ своего оригинальнаго знакомаго; чрезъ нѣсколько мгновеній я рисковалъ попасть въ его мокрыя объятія, но на этотъ разъ судьба сжалилась надо мной. Нѣсколько бурлаковъ выскочило изъ толпы и преградило дорогу Леонтію. Его немедленно подвели къ мѣсту, гдѣ лежали гачи и рубаха, натянули эти статьи туалета на надлежащія части тѣла и сдали Леонтія подоспѣвшему сотскому.

Вдали показался на взмыленной лошади урядникъ. Навстрѣчу ему сотскій потащилъ Леонтія.

— Что надѣлалъ?—коротко и грозно спросилъ урядникъ десятскаго, утирая рукавомъ обильно струившійся потъ съ багрово-мѣднаго лица. Урядникъ былъ сильно взволнованъ, лицо его передергивало; было очевидно, что онъ поработалъ уже довольно.

— Нагишомъ, ваше благородіе, при народѣ бѣгала!— отрапортовалъ десятскій.

— Въ холодную при волостномъ... на трое сутокъ!—отрѣзалъ урядникъ.

Леонтію этотъ приговоръ не понравился. Онъ гордо поднялъ голову и заявилъ:

— Трои сутки—много... Разсержусь!

Къ моему удивленію, заявленіе Леонтія произвело впечатлѣніе на урядника, онъ задумался и уже значительно мягче произнесъ:

— Вѣдь накуралесилъ, значитъ—и отсиживай. Какъ же иначе?

— Разсержусь,—упрямо настаивалъ Леонтій.—Не люблю на одномъ мѣстѣ сидѣть: характеръ у меня не такой... Много трои сутки... Что я такое сдѣлалъ? Эка бѣда: нагишомъ пробѣжалъ! Кого стыдиться-то? Зырья? Такъ они сами ходили бы, можетъ, голыми, кабы не я. Нѣтъ, не серди ты меня, Иванъ Семенычъ. Разсердишь,—ни за какія деньги шить не зазовешь...

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это объясненіе, но прибѣжавшій съ парохода матросъ пригласилъ урядника для разбирательства дѣла съ желтымъ зыряниномъ и прочими бунтовщиками.

Урядникъ, очевидно, радъ былъ поскорѣе развязаться съ Леонтіемъ. Оставивъ Леонтія съ сотскимъ, онъ поворотилъ свою лошадь къ пароходу. Леонтій былъ крайне недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Долго слышались его ругань и угрозы по адресу урядника, когда онъ поднимался въ гору вмѣстѣ съ мужикомъ, крѣпко державшимъ его за руку.

— Вотъ какова наша служба,—обратился ко мнѣ урядникъ.—Это не то, что ваше дѣло—въ книжкѣ читать. Сейчасъ только съ плотовъ возвратился: цѣлый часъ воевалъ, а тутъ вотъ опять дѣла... Видѣли, что на плотахъ-то творилось?

Я сказалъ, что видѣлъ драку, и что плоты снова посажены на мель.

— Только и видѣли? Ну, такъ это, скажу вамъ, далеко не все...

Урядникъ остановилъ лошадь:

— Какъ только наши черти плоты на мель натащили, такъ плотовщики съ нихъ и сбѣжали въ лѣсъ. Ищи вѣтра въ полѣ. Подрядчикъ хлѣба не давалъ,—негдѣ было взять... А плоты стали ужъ три дня назадъ; сначала подрядчикъ думалъ своими средствами обойтись, да не тутъ-то было: у голоднаго какая сила? Да и въ песокъ очень ужъ засѣли. Вотъ теперь, значитъ, какъ плоты опять на мели очутились, плотовщики и рѣшили, что лучше бѣжать, чѣмъ сидѣть тутъ, Богъ знаетъ—сколько время, да еще на голодное брюхо.

— Что же вы теперь станете дѣлать?—спросилъ я.

— Что же дѣлать? Вотъ протоколъ состановлю... а больше дѣлать нечего... Подрядчика дѣло плохое. Онъ имъ впередъ больше половины денегъ отдалъ, а плоты взялся доставить на срокъ. Теперь неустойку придется заплатить! Раззоръ форменный. Очумѣлъ вовсе: бросился было бѣжать вдогонку, а потомъ подперъ голову руками, да такъ и замеръ: сидитъ себѣ на плотахъ, какъ статуй какой... Правда, паспорты у него, да скоро ли взыщешь по нимъ, а вѣрнѣе, что и пла-

тить-то многимъ нечѣмъ... Одначе, до свиданья! Вотъ тутъ, говорятъ, опять этотъ Иво-Вась-зять бѣдъ натворилъ. — И урядникъ вдругъ принялъ мрачный и угрожающій должностной видъ.

Я, воспользовавшись случаемъ, остановилъ урядника еще на нѣсколько минутъ и разсказалъ ему все, чему былъ свидѣтелемъ.

— Такъ, говорите, Иво-Вась-зять ничего особеннаго не сдѣлалъ? — спросилъ урядникъ, замѣтно остывая. Я еще разъ подтвердилъ полную невинность желтаго зырянина.

— Ну, хорошо! Такъ я его только попугаю... Ужъ безъ энтого нельзя... уваженія никакого не будетъ... Ладно, что вотъ вы попали, а то пришлось бы опять протоколъ составлять... Оно и то правда: оченно этотъ народъ пароходскій фордыбачитъ... Боюсь, чтобы и на меня не нажалобились: приставъ имъ первый другъ-пріятель.—И урядникъ поѣхалъ къ пароходу.

Я отправился домой, полный тяжелыхъ впечатлѣній, но довольный тѣмъ, что избавилъ ни въ чемъ неповиннаго Иво-Вась-зятя отъ протокола и сидѣнія въ холодной послѣ такого продолжительнаго голоданія.

Священника и учителя уже не было на берегу; они ушли домой. Было поздно. Солнце уже давно закатилось. Надъ рѣкой поднялся легкій туманъ, несло сыростью... Съ парохода раздался послѣдній свистокъ.

— Купи ягоды!—услыхалъ я сзади и, обернувшись, увидѣлъ догонявшую меня босую бѣлобрысую дѣвчонку, лѣтъ тринадцати.

— Что стоитъ?

— Дасъ уръ *) — отвѣтила дѣвчонка, подсовывая мнѣ чашку съ земляникой.

Я сталъ втупикъ.

— Десять копѣекъ?

— Нѣтъ, дасъ уръ,—твердила она.

Я вынулъ изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ монетъ и, разложивъ ихъ на рукѣ, предложилъ продавщицѣ:

— Возьми, сколько тебѣ нужно.

Та посмотрѣла на деньги и отрицательно замотала головой.

— Дасъ уръ, — настойчиво повторяла она. Въ это время къ намъ подбѣжалъ мальчишка, тоже босоногій, съ живыми синими глазами.

— Ивъ, Ивъ, — радостно закричала дѣвчонка, — локъ тяче **)!

*) Дасъ уръ—десять бѣлокъ.

**) Иванъ! Иди сюда.

Мальчишка снялъ передо мной шапку и бойко спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Эхъ ты, живая душа, денегъ считать не умѣешь,—съ пренебреженіемъ сказалъ онъ дѣвчонкѣ.—А почто въ училище перестала ходить?

— Проситъ три копейки,—обратился ко мнѣ мальчуганъ.— Она изъ Тырмаса; тамъ деньги еще на бѣлки считаютъ. И у насъ старики тоже на бѣлки считаютъ.

— А дѣдушка говоритъ, что въ прежнее время всѣ такъ считали.

Я далъ дѣвчонкѣ, къ нескрываемому ея удовольствію, пятакъ и, забравши ягоды, продолжалъ путь. Мальчуганъ съ достоинствомъ зашагалъ рядомъ со мной.

— Видали, какой дуракъ Леонтій? — началъ онъ разговоръ.—Вишь, какую срамоту выдумалъ: нагимъ бѣгать. Ладно, пономаря не было, — онъ бы ему показалъ. Пономарь больно Леонтія не любитъ... Его да еще просвирню.

— А просвирню за что? — полюбопытствовалъ я.

— Штука одна Рождествомъ у насъ случилась,—серьезно разсказывалъ мой маленькій спутникъ, довольно правильно говоря по-русски.—Поѣхали мы славить,—я при попѣ всегда состою. Когда славить ѣздятъ, такъ у каждой подводы по двое ребятъ. чтобы наславленное въ мѣшки убирать, а подводъ много; въѣдемъ въ деревню, по всей улицѣ растянемся, будто обозъ въ Питеръ съ рябками *) идетъ. Первая подвода — попа, вторая — дьяконова, третья — пономаря, четвертая—просвирни, пятая—сторожа, шестая — другого сторожа, седьмая — старой попадьи, восьмая — стараго пономаря. У всѣхъ ребята на подмогу. У хозяевъ и столъ такъ накрывается. На каждомъ столѣ восемь кучъ: первая самая большая попу, а другимъ все меньше. Ежели попу положатъ пять ярушниковъ, пять шанегъ, пять яицъ, то старому пономарю полъ-ярушника, шаньгу, одно яичко да и только. И водкой вездѣ тоже по порядку угощаютъ. Просвирня водки не пьетъ, такъ съ собой посудинку возитъ и туда сливаетъ. Вотъ, въ одномъ домѣ прославили, и каждый за своей кучей потянулся. Вдругъ пономарь какъ дернетъ кулакомъ просвирню по рукѣ... „Что ты, говоритъ, воровка этакая, дѣлаешь? Развѣ, говоритъ, не вижу я, какъ ты изъ моей кучи яйцо заграбастала?“ Просвирня реветъ: „Это, говоритъ, пономарь нарочно меня осрамить захотѣлъ“. Ладно, тутъ попъ на нихъ прикрикнулъ, они и унялись. А какъ изъ дому вышли, и давай ругаться. Пономарь, правда, не больно умѣетъ ругаться, онъ все рукой больше норовитъ...

*) Съ рябчиками.

А за то ужъ просвирня, — та умѣетъ: часа два безъ передышки, почитай, ругалась, и ничего, даже не охрипла. Сторожъ Тимо-Вась говоритъ ей: „Какъ тебѣ тяжко отъ этакой ругани не дѣлается?“ А она ему: „Мнѣ, говоритъ, совсѣмъ напротивъ: легче, когда я этого пса смердячаго отчитаю“. Такъ послѣ той поры и воюютъ. Самъ благочинный мирилъ... Говоритъ имъ: „Поцѣлуйтесь!“—а пономарь отвѣчаетъ: „Боюсь, ваше высокоблагословеніе, какъ бы она мнѣ носъ не откусила, лучше я три мѣсяца въ монастырѣ отсижу“. Такъ ничего и не вышло. Не помирились...

— Въ школѣ учишься?—спросилъ я мальчика, когда онъ замолчалъ.

— Окончилъ уже, — не безъ гордости отвѣтилъ мальчуганъ.—Скоро, вотъ, свидѣтельство на льготу получимъ... Вторымъ кончилъ!—добавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я похвалилъ. Мальчуганъ стыдливо засмѣялся.

— Первымъ бы кончилъ, да въ ариѳметикѣ слабѣе Сандра оказался; его первымъ и поставили, а по-русски — самъ учитель сказалъ, что я могу лучше Сандра говорить.

— А не надоѣло тебѣ учиться?—спросилъ я.

— Какое надоѣло,—еще бы поучился. Всѣ ребята у насъ училище любятъ, — бойко отвѣтилъ мальчуганъ, шагая рядомъ со мной.—Въ этомъ году у насъ случай вышелъ. Сторожъ возьми ключь да и унеси. Пришли мы утромъ къ училищу, а оно заперто. Посмотрѣли на солнышко, видимъ, — скоро пора ученье начать. Вотъ и начали мы думать, какъ въ училище попасть. Думали, думали, да и вздумали. Одинъ за другимъ поползли по углу на балконъ, а съ балкона въ училище. Усѣлись и сидимъ. А учитель прибѣжалъ, видитъ—училище заперто; подумалъ, что, значитъ, ребята разбѣжались, пошелъ сторожа разыскивать. Отыскалъ сторожа, пришелъ съ ключемъ, отперъ, входитъ, а мы всѣ на своихъ мѣстахъ сидимъ. Учитель просто даже диву дался. „Да какъ вы, говоритъ, попали?“ Мы ему и разсказали, какъ попали. Учитель радъ былъ, долго смѣялся.

— Мы всѣ грамоту любимъ,—началъ снова мальчуганъ.—Грамоту какъ не любить? Вотъ возьмемъ хоть, къ примѣру, пароходъ, паромъ двигается... Заберешься иной разъ на пароходъ .. Матросы не пускаютъ... Ну, украдкой посмотришь: точно, въ машинѣ паръ. Вотъ и про желѣзную дорогу читалъ,—тамъ тоже паръ. А бабушка у насъ, старый человѣкъ, сердится. Какой тутъ паръ, говоритъ; сама своими глазами видѣла, какъ въ Кіевъ ходила: запряженъ, говоритъ, дьяволъ, глазищи у него красные, кровью налились, а къ хвосту привязаны телѣжки. Я говорю: это никакъ не можетъ быть,

а она: „молоденекъ ты, говоритъ, со мною спорить, и учитель вашъ мальчишка. Какъ стали ребята учиться, и хлѣбъ родиться пересталъ. Голода пошли“...

Мы незамѣтно подошли уже къ самой деревнѣ.

— А на Иво-Вась-зятя составили таки протоколъ,—внезапно перешелъ онъ къ деревенской злобѣ дня.—Сначала урядникъ велѣлъ освободить. А капитанъ съ приказчикомъ и говорятъ: намъ становой знакомъ, мы и самого тебя отъ мѣста уволить можемъ. Урядникъ испугался и составилъ протоколъ...

Умный мальчуганъ быстро исчезъ изъ моихъ глазъ, поворотивши за уголъ дома, къ которому мы подошли. Это былъ домъ священника. Окна были освѣщены,—очевидно, въ домѣ еще не спали. На крыльцѣ я разсмотрѣлъ сидѣвшую фигуру. Это былъ самъ батюшка. Онъ подперся рукой и задумчиво смотрѣлъ на рѣку.

— А, вотъ и вы!—радостно заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.—Я васъ поджидаю. Пожалуйте чайку напиться; Иванъ Николаевичъ тоже у меня сидитъ.

Я съ удовольствіемъ принялъ любезное приглашеніе, и черезъ минуту пилъ чай съ ромомъ и прекраснымъ поляничнымъ вареньемъ. Батюшка пространно повѣствовалъ намъ о городскихъ новостяхъ и о своемъ путешествіи.

— Съ нашимъ пароходомъ маленькое несчастье приключилось, — говорилъ онъ пріятнымъ бархатнымъ баритономъ.—Доѣхали мы до Усть-Выма,—тутъ крутой такой поворотъ рѣка дѣлаетъ, а пароходъ на всѣхъ парахъ шолъ. Паузокъ, какъ сами изволили видѣть, маленькій; какъ пароходъ завернулъ за мысъ, такъ паузокъ на одинъ бокъ и повалило; думали—совсѣмъ затонетъ. Однако, ничего, только дюже воды зачерпнулъ. Ну, мука-то ужъ не знаю во что обратилась... Довѣренный вмѣстѣ съ нами на пароходѣ ѣхалъ. Я и говорю ему: „вотъ вѣдь вамъ изъянъ большой“... А онъ мнѣ: „ничего, говоритъ, мы этотъ изъянъ разложимъ на зырянъ“. Каково? Остроумецъ, право остроумецъ...

П. Щукинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ.

Повѣсть *Висенте Бласко Ибаньеса.*

Пер. съ испанскаго **М. В. Ватсонъ**.

Необъятная долина разстилалась подъ голубоватымъ сіяніемъ дня, занимавшагося широкой полосой со стороны моря.

Медленно глохли звуки, наполнявшіе ночь: журчаніе канавъ для орошенія полей, шопотъ камыша, лай бдительныхъ дворнягъ.

Деревня просыпалась. Крикъ пѣтуха передавался изъ дома въ домъ, съ колоколенъ громко раздавался звонъ къ ранней обѣднѣ, вторившій далекому звону церквей въ Валенсіи; изъ крестьянскихъ задворковъ несся нестройный концертъ: ржаніе лошадей, мычаніе благодушныхъ коровъ, блеяніе овецъ, хрюканіе свиней—шумное пробужденіе скотины, почуявшей ѣдкій запахъ растительности и потому рвавшейся поскорѣй на просторъ.

Воздухъ былъ наполненъ свѣтомъ—тѣни исчезали, а въ легкомъ предразсвѣтномъ туманѣ вырисовывались очертанія блестящей бѣлой шелковицы и плодовыхъ деревьевъ, волнистыя заросли тростника, заботливо вспаханныя красноватыя поля.

По дорогамъ, будто вереницы муравьевъ, двигались къ городу ряды черныхъ точекъ. Тутъ и тамъ, въ разныхъ концахъ долины раздавался скрипъ колесъ, звукъ лѣнивой пѣсни, прерываемой окрикомъ, понукающимъ животныхъ, и время отъ времени, словно трубный звукъ зари, разсѣкая воздухъ, несся отчаяннный ослиный ревъ, — протестъ четвероногаго парія противъ чрезмѣрныхъ требованій, обрушивающихся на него, лишь только зарождается день.

Вмѣстѣ со свѣтомъ и жизнь заливала всю долину, проникая во внутрь домовъ.

Двери скрипѣли, открываясь, а за ними виднѣлись про-

сыпающіяся бѣлыя фигуры, съ руками, закинутыми за шею; широко раскрывались хлѣва, выпуская изъ своихъ нѣдръ коровъ, овецъ, малорослыхъ лошадей.

У дверей крестьяне, отправляясь въ городъ, прощались съ остающимися.

— Добрый день!

— Добрый день!

И, поздоровавшись съ важностью людей, въ жилахъ которыхъ течетъ мавританская кровь, и которые не могутъ произносить привѣтствіе иначе какъ торжественнымъ тономъ, крестьяне умолкали, если проходившій былъ незнакомъ; если же онъ былъ другомъ, ему поручали купить въ Валенсіи какую нибудь мелочь для домашнихъ надобностей.

Въ лачугу Тони, извѣстнаго во всей округѣ подъ прозвищемъ Пименто (Перецъ), вошла его жена Пепета, еще молодая и живая, но худая и блѣдная, истощенная малокровіемъ. Это была самая работящая женщина во всемъ селѣ. Вставала она въ три часа, навьючивала на себя корзины съ зеленью и овощами, собранными наканунѣ ея мужемъ съ причитаніями и проклятіями несчастной жизни, въ которой приходится столько работать — и въ темнотѣ, отыскивая ощупью дорогу, отправлялась въ Валенсію. А Пименто, этотъ удалецъ и забіяка, стоившій ей такъ дорого, продолжалъ храпѣть на супружеской постели въ теплой половинѣ, плотно закутавшись одѣяломъ.

Городскіе перекупщики хорошо знали эту женщину, которая еще до разсвѣта являлась на базаръ въ Валенсію и, сидя на своихъ корзинахъ, дрожа отъ холода подъ тонкой и изношенной накидкой, съ безсознательной завистью глядѣла на тѣхъ, кто пилъ кофе, и терпѣливо ждала покупателя.

Продавъ зелень, Пепета бѣгомъ возвращалась домой.

Здѣсь у нея было еще одно дѣло: послѣ продажи зелени — продажа молока. Выгнавъ изъ хлѣва рыжую корову, отъ которой не отставалъ ни на шагъ ея рыжій теленокъ, она вновь отправлялась съ нею въ городъ, съ прутомъ подъ мышкой и жестяной мѣркой въ рукахъ.

Толпа рабочаго люда, вливающагося въ Валенсію, переполняла мосты. Пепета прошла мимо рабочихъ съ котомками на плечахъ, остановилась у конторы сборщика для полученія квитанціи на нѣсколько грошей, которые ей ежедневно приходилось уплачивать, и затѣмъ отправилась по пустыннымъ улицамъ, оживляемымъ лишь однообразнымъ звономъ бубенчиковъ „Рыжей“. Покупатели были разсѣяны по всему городу. Пепета переходила изъ одной улицы въ другую, останавливаясь передъ запертыми дверьми, стуча здѣсь, и тамъ и не переставая издавать громкій и пронзительный

крикъ, который, казалось, не могъ исходить изъ ея плоской, изнуренной груди: „Молоко, молоко!“. Съ кувшиномъ въ рукахъ, заспанная, съ растрепанными волосами, въ туфляхъ спускалась къ ней служанка взять у нея молоко, или же его брала старая привратница въ мантильѣ, надѣтой на голову, чтобы идти къ обѣднѣ.

Въ восемь часовъ утра всѣ постоянные покупатели были уже удовлетворены. Пепета находилась теперь вблизи мрачнаго квартала „Рыбаковъ“, гдѣ пріютился дешевый развратъ.

И тутъ у нея бывалъ сбытъ: бѣдная крестьянка храбро проникала въ грязные закоулки, казавшіеся въ этотъ ранній часъ вымершими. Входя сюда, она всегда чувствовала какое-то безпокойство, какое-то инстинктивное отвращеніе; но она привыкла брать верхъ надъ этимъ ощущеніемъ и шла дальше съ нѣкоторымъ удовлетвореннымъ высокомѣріемъ, съ гордостью цѣломудренной женщины, утѣшая себя тѣмъ, что она, пригнетенная нуждой, все же стоитъ выше другихъ.

Изъ запертыхъ и безмолвныхъ домовъ неслось дыханіе шумнаго, дешеваго, не замаскированнаго распутства—запахъ вина и пота,—а изъ полуоткрытыхъ дверей, казалось, доносилось грубое и прерывистое дыханіе тяжелаго сна послѣ ночи, проведенной среди животныхъ ласкъ.

Кто-то окликнулъ Пепету. Въ дверяхъ, за которыми виднѣлась узенькая лѣстница, ей дѣлала знаки рослая дѣвушка, съ неприкрытой грудью, некрасивая, съ еще влажными отъ сна глазами, съ пятнами наложенныхъ наканунѣ румянъ на щекахъ.

Крестьянка, сжавъ губы съ выраженіемъ высокомѣрія и пренебреженія, подчеркивая этимъ разницу положеній, принялась выдаивать въ кувшинъ, поданный ей дѣвушкой, молоко „Рыжей“. Между тѣмъ, дѣвушка не отрывала глазъ отъ крестьянки.

— Пепета...—проговорила она съ неувѣренностью въ голосѣ, точно сомнѣваясь, она это или нѣтъ.

Пепета подняла голову, впервые взглянувъ на дѣвушку.

— Росаріо, это ты?

Да, это была она: она подтвердила это печальнымъ кивкомъ головы. Ужасъ и изумленіе охватили Пепету. Росаріо... Она здѣсь — дочь такихъ почтенныхъ родителей! — Какой стыдъ, Господи Боже!

Проститутка хотѣла было отвѣтить цинической улыбкой на негодующее восклицаніе крестьянки, съ апломбомъ человѣка, проникшаго въ тайну жизни и ни во что не вѣрящаго, но неподвижно устремленный на нее взглядъ ясныхъ глазъ Пепеты устыдилъ ее, и она опустила голову.

Нѣтъ, она не виновата.—Она работала на фабрикахъ, была горничной, но ея сестры, уставъ голодать, подали ей примѣръ, и вотъ она пріютилась здѣсь, то получая ласки, то принимая удары, пока, наконецъ, не издохнетъ... Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ нѣтъ отца и матери, семья обыкновенно кончаетъ такъ. Во всемъ виноватъ землевладѣлецъ, донъ Сальвадоръ, который теперь, навѣрное, горитъ въ аду.—Этакій вѣдь разбойникъ... погубилъ цѣлую семью!..

Пепета забыла свою первоначальную сдержанность и холодность, и тотчасъ же присоединилась къ негодованію дѣвушки. Это правда, какъ нельзя болѣе правда: — виноватъ тотъ скряга. Объ этомъ знаетъ вся округа. Господи Боже— какъ это погибаетъ цѣлая семья!.. А что за хорошій человѣкъ былъ бѣдный дядя Баррегъ! - Еслибъ онъ поднялъ теперь голову изъ могилы и посмотрѣлъ на своихъ дочерей!.. Всѣмъ извѣстно, что несчастный ихъ отецъ умеръ два года тому назадъ, въ Сеутѣ, а бѣдная старуха-мать кончила жизнь на больничной койкѣ.

— Чего только не случается на свѣтѣ за какія-нибудь десять лѣтъ!—Кто бы могъ сказать ей и ея сестрамъ, жившимъ дома, какъ королевы, что онѣ кончатъ такимъ образомъ?—Боже, Боже, избави насъ отъ злого человѣка!

Воодушевившись разговоромъ, Росаріо, казалось, помолодѣла; ея мертвые глаза разгорѣлись при воспоминаніи о прошломъ. Что избушка ихъ?.. Что ихъ поля?.. Все еще продолжаютъ оставаться заглушенными — не такъ ли? — Это ее радуетъ—пусть же издохнутъ отъ злобы сыновья этого негодяя Сальвадора. Одно это ее утѣшаетъ — она очень, очень благодарна Пименто и всѣмъ имъ въ селѣ за то, что они не позволили никому обрабатывать поля, которыя по праву принадлежатъ ея семьѣ. И если бы кто пожелалъ овладѣть ими, средство уже найдено...—Выстрѣлъ изъ ружья—и все кончено.

Дѣвушка разгорячилась: въ ея глазахъ сверкали искры жестокости... Въ проституткѣ, привыкшей къ слѣпому подчиненію и ударамъ, просыпалась дочь полей, которая едва родится, — уже видитъ ружье, стоящее за дверями, а въ праздники съ наслажденіемъ вдыхаетъ пороховой дымъ.

Послѣ разговора о печальномъ событіи, любопытство, воскресшее въ Росаріо, наконецъ, устремилось на Пепету. Бѣдняга! Тѣломъ она настоящій скелетъ, а въ свѣтло-золотистыхъ ея волосахъ уже цѣлые пряди сѣдины, когда ей еще нѣтъ и тридцати лѣтъ. Какая ея жизнь съ Пименто? — Все; такой же пьяница и тунеядецъ? Она сама виновата. Мужчина онъ бойкій, это вѣрно — передъ нимъ всѣ стушевываются въ трактирѣ „Чарка“, когда онъ въ воскресенье

вечеромъ играетъ на билліардѣ, но дома онъ, должно быть, невыносимъ. Хотя, въ сущности, всѣ вѣдь мужчины одинаковы. Ей это хорошо извѣстно! Всѣ они собаки.

Громкій крикъ донесся сквозь отверстіе узенькой лѣстницы:

— Элиза!.. Неси скорѣй молока! Сеньоръ ждетъ!

Росаріо расхохоталась.—Теперь ее зовутъ Элизой!—Однако, несмотря на веселость, она поспѣшила удалиться, упрашивая Пепету, чтобы та иногда проходила мимо ихъ дома.

Еще болѣе часу бубенчики „Рижей“ уныло позванивали по улицамъ Валенсіи; изъ засохшаго вымени ея было выжато до послѣдней капли безвкусное молоко — и, наконецъ, Пепета пустилась въ обратное путешествіе.

Бѣдная крестьянка шла печально и задумчиво. Встрѣча съ Росаріо взволновала ее. Она вспомнила,—точно это было вчера,—страшную трагедію, разыгравшуюся съ дядей Барретомъ и всей его семьей.

Съ того времени его поля, болѣе ста лѣтъ кормившія предковъ бѣднаго крестьянина, стояли заброшенными на краю дороги. Его лачуга, гдѣ никто не жилъ, медленно разрушалась—соломенная крыша провалилась и стѣны покривились.

Постоянно проходя въ теченіе десяти лѣтъ мимо этой развалины, крестьяне уже не обращали на нее вниманія. Сама Пепета давно уже не замѣчала старой избы, интересовавшей только однихъ мальчишекъ. Унаслѣдовавъ ненависть отцовъ, они бомбардировали домишко каменьями, пробивая широкія бреши въ заколоченной двери, или же заваливали землей колодецъ.

Но въ это утро, подъ вліяніемъ недавней встрѣчи, Пепета взглянула на развалину и даже остановилась на дорогѣ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее.

Поля дяди Баррета или, вѣрнѣе, дона Сальвадора и его безбожныхъ наслѣдниковъ были *оазисомъ* запущенія и заброшенности среди плодородной, прекрасно обработанной, словно смѣющейся долины. Десять лѣтъ заброшенности сдѣлали почву твердой, жесткой, вызвали изъ безплодныхъ нѣдръ земли всѣ чужеядныя растенія, всѣ плевелы, созданныя Богомъ въ наказаніе земледѣльцу. Низкорослый, безобразный, перепутанный кустарникъ покрывалъ эти поля, съ ихъ зыбью странныхъ зеленыхъ отливовъ, испещренныхъ тутъ и тамъ рѣдкими, таинственными цвѣтами, изъ тѣхъ, что растутъ только на развалинахъ и кладбищахъ.

Посреди этихъ полей запущенія вставала или, вѣрнѣе говоря, разваливалась лачуга съ своей растрепанной соломенной крышей, выставивъ наружу, черезъ отверстія, про-

битыя дождемъ и вѣтромъ, источенный червями деревянный остовъ. На ободранныхъ стѣнахъ лишь кой-гдѣ выступали чуть видныя бѣлыя пятна, указывавшія на то, что когда-то эти стѣны были выбѣлены известью. Дверь, прогрызенная снизу крысами, была изборождена вдоль и поперекъ большими трещинами и разсѣлинами. Двѣ-три рамы, которыя трепалъ юго-западный вѣтеръ, висѣли на одной лишь петлѣ, грозя упасть при первомъ хорошемъ толчкѣ вѣтра.

Пепета только что собралась идти въ свою избу, уже виднѣвшуюся изъ за деревьевъ, какъ ей пришлось посторониться, чтобы дать проѣхать сильно нагруженной повозкѣ, ѣхавшей, повидимому, изъ города.

При видѣ повозки ея женское любопытство пробудилось.

Старую рабочую телѣгу везла тощая кляча, которой въ плохихъ мѣстахъ помогалъ рослый человѣкъ, шедшій рядомъ съ лошадью и подбодрявшій ее криками и хлопаніемъ кнута.

Одѣтъ онъ былъ по-крестьянски, но платокъ на головѣ былъ обвязанъ иначе, а брюки и другія подробности туалета указывали на то, что онъ не изъ ихъ округи, гдѣ крестьянскій костюмъ уже мало по малу извратился городской модой. Это былъ мужикъ изъ какого-нибудь дальняго округа, быть можетъ, даже другой провинціи.

На телѣгѣ былъ сложенъ въ видѣ пирамиды всевозможный домашній скарбъ. Очевидно, переселялась цѣлая семья. Тощія подушки, холщевые мѣшки, набитые истертой маисовой соломой, ломаные буковые стулья, кастрюли, котлы, тарелки, корзины, зеленыя скамьи, все это, наваленное на телѣгу, грязное, испорченное, нищенское—указывало на голодъ и отчаянное бѣгство, точно несчастіе по пятамъ преслѣдовало семью. Наверху этой груды вещей сидѣли, обнявшись, трое дѣтей; они разглядывали поля, широко раскрывъ глаза, точно изслѣдователи, которые впервые посѣщаютъ страну.

Позади телѣги, присматривая, не упало бы что оттуда, шла женщина и высокая, тонкая, стройная дѣвушка, казавшаяся ея дочерью. По другую сторону лошади, — помогая, когда телѣга останавливалась въ плохихъ мѣстахъ дороги, на рытвинахъ и колеяхъ—шелъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати: его серьезное лицо говорило что ребенокъ, привыкъ бороться съ нуждой и чувствуетъ себя взрослымъ въ тѣ годы, когда другія дѣти еще заняты играми. Грязная и запыхавшаяся собаченка замыкала шествіе.

Опираясь на крупъ коровы, смотрѣла Пепета, какъ телѣга приближалась, и все болѣе разгоралось въ ней любопытство. Куда переселяются эти бѣдные люди?

Но любопытство ея увѣнчалось совершенно неожиданнымъ

открытіемъ. Пресвятая Богородица! Свернувъ съ дороги телѣга поѣхала по бревенчатому мостику, который велъ къ проклятому участку земли, и двинулась дальше по полямъ дяди Баррета, сплющивая своими колесами для всѣхъ неприкосновенный терновникъ.

Семья шла позади телѣги, выражая жестами и громкими восклицаніями свое удивленіе страшному запущенію; однако они напрямикъ направлялись къ развалившейся лачугѣ, какъ люди, вступающіе во владѣніе своею собственностью.

Пепета не хотѣла ничего больше видѣть. Она кинулась со всѣхъ ногъ къ своему дому, бросивъ впопыхахъ корову и теленка, которые, ни мало не тревожась людскими заботами, продолжали спокойно брести, увѣренные, что впереди у нихъ надежное пристанище—хлѣвъ.

Пименто лежалъ въ растяжку около своей избы, лѣниво покуривая и устремивъ глаза на три прута, выставленные на солнце и намазанные птичьимъ клеемъ; около нихъ кружилось нѣсколько птицъ. Это было барское занятіе.

Увидавъ прибѣжавшую жену, у которой въ глазахъ свѣтился ужасъ, Пименто перемѣнилъ положеніе, чтобы получше слышать, предупредивъ однако Пепету, что не слѣдуетъ приближаться къ прутьямъ.

— Ну, что такое случилось? Ужъ не украли ли корову?

Вслѣдствіи волненія и усталости, Пепета лишь съ трудомъ могла произнести нѣсколько несвязныхъ словъ:

— Поля Баррета... цѣлая семья... пріѣхала обрабатывать ихъ... жить въ лачугѣ... сама видѣла.

— Сто тысячъ чертей!

Съ этимъ восклицаніемъ онъ, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать, не ожидая дальнѣйшихъ разъясненій.

Пепета видѣла, какъ онъ несся поперекъ поля до коноплянника, рядомъ съ проклятымъ участкомъ земли. Здѣсь онъ растянулся на животѣ, чтобы лучше все высмотрѣть, какъ бедуинъ на стражѣ, и нѣсколько минутъ спустя опять принялся бѣжать, исчезнувъ въ лабиринтѣ тропинокъ, изъ которыхъ каждая вела къ какой-нибудь лачугѣ или къ какому-нибудь полю, на которомъ пахари работали, согнувъ спину и сверкая въ воздухѣ стальными кирками.

Долина оставалась все такой же ясной и улыбающейся, пронизанной блескомъ и свѣтомъ, какъ будто уснувшей подъ ливнемъ золотыхъ лучей утренняго солнца.

Но вдали раздавались крики и возгласы: съ поля на поле, изъ лачуги въ лачугу переносилось неожиданное извѣстіе,—и трепетъ смятенія, безпокойства и негодованія про-

бѣжалъ по всей округѣ, словно вернулось далекое прошлое и вновь распространилась вѣсть о появленіи у морского берега галеры пиратовъ изъ Алжира для захвата живого груза...

II.

Когда въ пору жатвы дядя Барретъ смотрѣлъ на четвероугольники разнородныхъ посѣвовъ, на которые были раздѣлены его поля, онъ не могъ удержаться отъ чувства гордости и, глядя на высокіе хлѣбные колосья, или на гряды капусты съ ея свѣтлой кудрявой сердцевиной, на дыни, пригибающія къ землѣ свой плодъ, на перецъ и томаты, почти скрытые листьями, — онъ восторгался добротностью своей земли и трудами, положенными на нее его предками, чтобы сдѣлать изъ нея лучшій участокъ во всей округѣ.

Пять или шесть поколѣній Барретовъ провели здѣсь всю свою жизнь, воздѣлывая эти поля, вспахивая ихъ, удобряя навозомъ, заботясь о томъ, чтобы жизненные ихъ соки не уменьшились, работая—гдѣ киркой, гдѣ плугомъ, и поливая каждый клочекъ земли своимъ трудовымъ потомъ.

Барретъ нѣжно любилъ свою жену и даже прощалъ ей ту ея оплошность, что она родила ему четырехъ дочерей и ни одного сына, который могъ бы помогать ему въ работѣ. Не менѣе жены любилъ онъ своихъ четырехъ дѣвочекъ, — этихъ ангеловъ Божьихъ, проводившихъ дни за шитьемъ, сидя у дверей избы, распѣвая пѣсни, а иногда и отправляясь, въ поле, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ бѣдному отцу. Но самой страстной любовью крестьянина была его любовь къ этому участку земли, на которомъ протекла одно образная и скромная исторія всего его рода.

Много, много лѣтъ тому назадъ, еще когда дядя Томба—теперь почти слѣпой старикъ, присматривавшій за стадомъ одного мясника изъ Альборая—скитался по бѣлому свѣту въ отрядѣ, стрѣляя изъ ружья въ французовъ, земли эти принадлежали монахамъ San Miguel de los Beyes, жирнымъ, дубоватымъ сеньорамъ съ лоснящимися лицами; они не очень настаивали на взносѣ арендной платы и довольствовались тѣмъ, что по вечерамъ бабушка Барретъ—въ то время красивая, молодая дѣвушка—усиленно угощала ихъ чашкой шоколада и первыми плодами своего сада. А раньше того, гораздо раньше, владѣльцемъ всѣхъ этихъ земель былъ знатный сеньоръ, который, умирая, завѣщалъ и грѣхи, и помѣстья свои монастырской общинѣ. Теперь же—увы—эти земли принадлежали нѣкоему донъ-Сальвадору, крѣпкому еще старику, который жилъ въ Валенсіи, былъ мучителемъ дяди Баррета и являлся ему даже во снѣ.

Бѣдный крестьянинъ скрывалъ свое горе не только отъ чужихъ, но даже и отъ собственной семьи. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, энергичный, непьющій. Если онъ и заходилъ въ воскресенье вечеромъ въ трактиръ „Чарка“, гдѣ собирался народъ со всей округи, то только для того, чтобы посмотрѣть на бильярдныхъ игроковъ и досыта посмѣяться надъ похвальбой и громовыми рѣчами Пименто и другихъ деревенскихъ крикуновъ. Но никогда не подходилъ онъ къ стойкѣ, чтобы заплатить за стаканъ вина, и если, случалось что-либо пилъ, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда угощалъ кто-нибудь изъ выигравшихъ.

Работалъ онъ, какъ негръ — съ разсвѣта до самой поздней ночи. Всѣ еще спали въ селѣ, когда онъ при неясномъ свѣтѣ чуть забрезжившаго дня уже шелъ въ поле, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждаясь, что ему здѣсь не управиться со всей работой. Ахъ, если бы у него былъ сынъ!..

Изъ почтенія къ своимъ предкамъ онъ скорѣй согласился бы умереть подъ тяжестью непосильнаго труда на своемъ участкѣ земли, чѣмъ дожить до того, чтобы часть этой земли перешла въ чужія руки. Не будучи въ состояніи справиться со всей работой, онъ оставлялъ не вспаханнымъ половину поля, надѣясь обработкой другой половины содержать семью и платить аренду хозяину.

Это была глухая, отчаянная, упорная борьба съ требованіями жизни и слабостью силъ.

Онъ желалъ лишь одного: чтобы дочери не знали о его затрудненіяхъ, чтобы никто въ домѣ не подозрѣвалъ о мукахъ и горестяхъ отца, чтобы не омрачалось ясное веселіе его жилища, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня раздавались смѣхъ и пѣніе четырехъ сестеръ, бывшихъ погодками. И въ то время, какъ онѣ стали уже привлекать вниманіе деревенскихъ парней и въ своихъ прекрасныхъ шелковыхъ платкахъ и накрахмаленныхъ, шуршащихъ юбкахъ веселились на сельскихъ празднествахъ и просыпались на зарѣ, чтобы босикомъ и въ одной рубашкѣ взглянуть черезъ отверстіе ставни, кто, ухаживая за ними, поетъ имъ „серенаду“ или же наигрываетъ на гитарѣ — бѣдный дядя Барретъ, которому все менѣе и менѣе удавались его планы, вынималъ червонецъ за червонцемъ изъ той пригоршни золота, которую, скопивъ грошъ за грошемъ, оставилъ ему отецъ. Только этимъ путемъ могъ онъ удовлетворить донъ-Сальвадора.

Дядя Барретъ не могъ бы имѣть худшаго хозяина. Во всемъ селѣ шла о немъ самая худая слава. Закутавшись въ старый плащъ, точно скаредный нищій, провожаемый

проклятіями и угрожающими жестами, онъ каждый вечеръ отправлялся въ село.

Увидавъ его издали, собаки неистово лаяли, точно приближалась смерть; дѣти смотрѣли на него съ гнѣвнымъ бѣшенствомъ, мужчины прятались, чтобы избѣжать унизительныхъ извиненій, а женщины выходили къ дверямъ домовъ, опустивъ глаза въ землю, съ заготовленною заранѣе ложью, упрашивая донъ-Сальвадора потерпѣть еще немного и отвѣчая слезами на его окрикъ и угрозы.

Пименто, который былъ чѣмъ-то вродѣ странствующаго рыцаря всей округи, обѣщалъ избить дона Сальвадора и бросить его въ канаву. Но сами жертвы скупца удерживали его отъ ссоры съ этимъ человѣкомъ, который проводилъ всякое утро въ судѣ и имѣлъ вездѣ друзей. Съ такого рода господами бѣднымъ людямъ плохо тягаться.

Изъ всѣхъ его арендаторовъ лучшимъ былъ дядя Барретъ: хотя и цѣной тяжелыхъ усилій, онъ ему ничего не былъ долженъ. И старикъ, приводившій его въ примѣръ другимъ своимъ арендаторамъ, увеличилъ ему арендную плату. Барретъ протестовалъ и даже всплакнулъ, вспомнивъ о заслугахъ предковъ, положившихъ жизнь, чтобы сдѣлать эти поля лучшими во всей округѣ. Но донъ Сальвадоръ былъ неумолимъ. Поля эти лучше всѣхъ.—Стало быть онъ долженъ платить больше.—И Барретъ уплатилъ: онъ отдалъ бы скорѣй свою кровь, чѣмъ отказаться отъ земли, которая мало по малу его убивала.

У него уже не было больше сбереженій; скрывъ отъ семьи истинное положеніе дѣлъ, онъ улыбался, когда жена и дочери совѣтывали ему поменьше себя утруждать.

Онъ не спалъ, вставалъ по ночамъ, работалъ ощупью въ темнотѣ, и страшно исхудалъ, сгорбился, какъ восьмидесятилѣтній старикъ; глаза у него провалились. Худшее же для него было то, что это излишество труда, это невыносимое утомленіе приводило лишь къ тому, что онъ могъ уплатить половину аренды ненасытному дону Сальвадору. Даже кляча дяди Баррета, работавшая днемъ и ночью съ крестьяниномъ, не выдержала и рѣшила лучше умереть.

Дядя Барретъ увидѣлъ, что онъ погибъ. Съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на поле, которое не могъ болѣе обрабатывать, на ряды свѣжихъ овощей, которыя городской людъ поѣдалъ равнодушно, не подозрѣвая о мукахъ, доставляемыхъ ихъ произрастаніемъ бѣдному отцу семейства въ безпрерывной борьбѣ съ землей и нищетой.

Однако, Провидѣніе, никогда, говорятъ, будто бы не покидающее бѣдняковъ, проявило себя на этотъ разъ черезъ посредство дона Сальвадора. Невыносимый скаредъ, хищный ростов-

щикъ, вдругъ съ отеческой нѣжностью предложилъ крестьянину свои услуги. Сколько понадобится ему, чтобы купить другую лошадь? Пятьдесятъ дуросъ? Онъ ихъ и дастъ ему, чтобы доказать, какъ несправедливы тѣ, которые ненавидятъ и ругаютъ его.

И онъ, дѣйствительно, далъ деньги взаймы Баррету, но только подъ маленькимъ условіемъ: потребовалъ его подписи (дѣла остаются дѣлами) подъ какой-то бумагой, гдѣ шла рѣчь о процентахъ, о накопленіи ихъ и объ отвѣтѣ за долгъ всѣмъ имуществомъ—домашней обстановкой, полевыми орудіями, включая сюда и скотину.

Купивъ лошадь, Барретъ съ новой энергіей вернулся къ убивавшему его труду.

Все, что давала земля, шло на прокормленіе семьи, и пригоршни мѣдяковъ, вырученныхъ отъ продажи овощей на базарѣ въ Валенсіи, быстро израсходовались; никакъ не удавалось набрать необходимую сумму для удовлетворенія дона Сальвадора.

Эти терзанія дяди Баррета изъ-за долга, котораго онъ не былъ въ состояніи уплатить, пробуждали въ его душѣ нѣкоторый инстинктъ мятежа, вызывали въ его недалекомъ умѣ неопредѣленныя и смутныя представленія о справедливости. Отчего поля не принадлежатъ ему? Всѣ его предки положили свою жизнь на этомъ участкѣ земли, онъ весь былъ политъ ихъ потомъ... Еслибъ не они, земля эта была бы столь же безплодна, какъ и морской берегъ... А теперь ему сжимаетъ горло и убиваетъ его своими приставаніями этотъ бездушный старикъ, который является его хозяиномъ, хотя не умѣетъ взять въ руки лопату и во всю жизнь не сгибалъ спины надъ полевой работой... Іисусе Христе!.. Какъ же это люди устраиваютъ свои дѣла!

На Рождество Барретъ могъ внести донъ-Сальвадору лишь незначительную часть арендной платы, а къ Петрову дню не могъ отдать ни гроша. Жена бѣдняги лежала больная, и, чтобы добыть на расходы, онъ продалъ даже семейное сокровище—серьги съ подвѣсками и ожерелье.

Старый скряга оказался неумолимъ. Нѣтъ, Барретъ, такъ нельзя... Онъ человѣкъ добрый (хотя этому и не вѣрятъ люди), онъ не можетъ позволить, чтобы крестьянинъ убивалъ себя, обрабатывая поле, которое ему не подъ силу. Онъ не можетъ согласиться на это, онъ предупреждаетъ Баррета, чтобы тотъ покинулъ свой участокъ. Ему очень жаль его, но онъ и самъ бѣденъ... Кромѣ того, вѣдь наступилъ срокъ уплаты долга.

Бѣдный крестьянинъ до того смутился, услыхавъ приказаніе покинуть свою землю, что разрыдался, какъ дитя и бро-

сился на колѣни передъ старикомъ, умоляя не губить его.

Но донъ Сальвадоръ оставался глухъ ко всѣмъ мольбамъ. Ему очень жаль Баррета — но что же дѣлать: и онъ тоже бѣденъ и долженъ думать о своихъ дѣтяхъ.

Крестьянинъ усталъ молить о пощадѣ. Отчаяніе вернуло ему энергію. Хозяинъ не желаетъ выслушивать его, запираетъ передъ нимъ дверь? Что же,—онъ въ своей лачугѣ. у себя дома; если что-либо желаютъ получить отъ него, пусть явятся туда къ нему. Посмотримъ, найдется ли такой безумецъ, который посмѣлъ бы выгнать его изъ его жилища? И онъ продолжалъ обрабатывать поле... А когда его вызвали въ судъ, онъ не пошелъ туда.

Однажды его извѣстили, что вечеромъ должностныя лица явятся къ нему на домъ выселять его изъ избы, и вмѣстѣ съ тѣмъ опишутъ за долгъ и все его имущество.

Это показалось до того невозможнымъ дядѣ Баррету, что онъ недовѣрчиво улыбнулся. Гдѣ же видано, чтобы такъ поступили съ честнымъ человѣкомъ, задолжавшимъ одинъ лишь годъ аренды.

Но когда подъ вечеръ онъ увидѣлъ идущихъ по дорогѣ сеньоровъ, одѣтыхъ въ черное, съ бумагами подъ мышкой, то уже больше не сомнѣвался. Это былъ врагъ. Его собирались ограбить.

Почувствовавъ въ душѣ слѣпую отвагу мавра, приходящаго въ неистовство, когда у него отнимаютъ его собственность, Барретъ побѣжалъ домой, схватилъ ружье, всегда стоявшее у него заряженнымъ за дверью, и, ставъ за виноградными шпалерами, рѣшилъ всадить двѣ пули въ перваго изъ этихъ разбойниковъ.

Больная жена и четыре дочери бросились къ нему, какъ безумныя, стараясь вырвать изъ рукъ ружье и издавая такіе крики, что всѣ сосѣди сбѣжались.

Пименто удалось выхватить у Баррета ружье, и онъ поспѣшно понесъ его къ себѣ домой. Барретъ шелъ за нимъ вслѣдъ, ругая его и вырывая у него ружье, но его удержали отъ этого нѣсколько парней. Барретъ выбивался изъ ихъ рукъ и кричалъ:

— Пименто... Воръ!.. Отдай ружье!

Но парень лишь добродушно улыбался и довелъ такимъ образомъ Баррета до своей избы. А здѣсь онъ и его друзья задержали старика, совѣтуя не дѣлать глупостей. Слѣдуетъ быть осторожнымъ, дядя Барретъ, — вѣдь это же судейскіе: бѣдный человѣкъ всегда останется въ проигрышѣ, впутавшись съ ними въ дѣло.

А въ это время люди, одѣтые въ черное, писали и

писали бумаги въ лачугѣ Баррета, безстрастно разглядывая и оцѣнивая обстановку, одежду и все находящееся у него на дворѣ и въ хлѣвѣ, между тѣмъ какъ жена и дочери крестьянина громко рыдали, а толпа, собравшаяся у дверей избы, съ ужасомъ слѣдили за всѣми дѣйствіями судебной власти и старалась утѣшить бѣдныхъ женщинъ, втихомолку осыпая проклятіями донъ-Сальвадора и этихъ людей, которые могли согласиться быть исполнителями требованій подлой собаки.

Когда настала ночь, Барретъ, точно впавшій въ оцѣпенѣніе, послѣ охватившаго его взрыва бѣшенства, увидѣлъ лежащій на землѣ узелъ съ одеждой, и услышалъ металлическій звукъ упавшаго къ его ногамъ мѣшка, въ которомъ находились полевыя орудія. Это было все, что ему оставили.

— Отецъ... отецъ...—рыдали возлѣ него дрожащіе голоса

Это были дочери, бросившіяся въ его объятія; и вмѣстѣ съ ними бѣдная жена, больная, дрожащая отъ лихорадки, а вдали, точно хоръ трагедіи, — стояли односельчане.

Все кончено—его выселили... Люди, одѣтые въ черное, заперли его домикъ, увезя съ собой ключи, и не оставивъ имъ ничего, кромѣ вотъ этого свертка поношеннаго платья и мѣшка съ полевыми инструментами.

— Еще найдется время для разговоровъ,—вмѣшался Пименто:—теперь пора ужинать. У насъ въ селѣ народъ добрый... Дядю Баррета и его семью всѣ любятъ... Кто же не согласится раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба... если не окажется ничего другого.

Жена и дочери бѣднаго крестьянина разбрелись по сосѣдямъ, чтобы провести ночь въ ихъ избахъ, а дядя Барретъ остался у Пименто, подъ его надзоромъ.

Они сидѣли при зажженной свѣчкѣ до десяти часовъ вечера, выкуривая сигару за сигарой.

Бѣдный старикъ казался обезумѣвшимъ. Онъ отвѣчалъ сухими, односложными словами, повторяя:

— Пименто, отдай мнѣ ружье!

И Пименто улыбался нѣсколько удивленно. Его поражало внезапное бѣшенство старика, котораго все село считало такимъ смирнымъ и тихимъ. Отдать ему ружье?—Пусть подождетъ... Не трудно по прямой морщинкѣ, которая легла у него между бровями, отгадать непоколебимое рѣшеніе...

Барретъ волновался все больше и больше. У него нѣтъ друзей, онъ это ясно видитъ—всѣ они неблагодарные въ родѣ донъ-Сальвадора, онъ не хочетъ здѣсь спать, онъ задыхается тутъ. И, пошаривъ въ мѣшкѣ съ полевыми орудіями,

онъ вынулъ оттуда серпъ, заткнулъ его себѣ за поясъ и вышелъ изъ дому.

Въ такіе часы онъ ничего не можетъ сдѣлать, пусть же спитъ себѣ въ полѣ, если ему такъ хочется. Заперевъ двери своей лачуги, Пименто улегся спать.

Дядя Барретъ отправился прямо къ себѣ на поле и, какъ брошенная собака, сталъ кружиться около своего жилища.

Заперто... заперто навсегда! Стѣны дома были возведены еще дѣдомъ, самъ же онъ ихъ ежегодно подправлялъ, а дочери его бѣлили ихъ; дворъ, хлѣвъ, закуты для свиней построены его отцомъ, а соломенную крышу, такую высокую, красивую вывелъ онъ же взамѣнъ старой.

Дѣломъ рукъ его былъ также навѣсъ надъ колодцемъ, столбы виноградныхъ шпалеръ, и плетень, кругомъ котораго разрослась гвоздика, и иные цвѣты... И все это будетъ собственностью другого, потому что такъ захотѣли люди?..

Поискавъ за кушакомъ, онъ вынулъ оттуда коробку спичекъ, чтобы поджечь соломенную крышу. Пусть же все идетъ къ чорту... Въ дѣйствительности все вѣдь принадлежитъ ему, это извѣстно Богу... и онъ въ правѣ уничтожить свое имущество, прежде чѣмъ отдать его въ руки грабителей.

Но когда онъ собрался уже поджечь свой старый домъ, чувство ужаса охватило его, точно передъ нимъ встали трупы всѣхъ его предковъ—и онъ бросилъ спички на землю.

Однако, неотвязная мысль все разрушить не покидала его и съ серпомъ въ рукахъ бросился онъ на свое поле.

Цѣлые часы продолжалось здѣсь дѣло разрушенія. Подъ ударами валились дугообразныя шпалеры, вокругъ которыхъ вились зеленые стебли нѣжнаго фасоля и сахарнаго гороха,—летѣли во всѣ стороны бобы, разсѣченные бѣшеными взмахами серпа, а пучки соломы и кочны капусты такъ и скакали, точно срѣзанныя головы, подъ острой сталью, разсыпая кругомъ себя широкіе листья... Пусть же никто не воспользуется его трудами... Почти до разсвѣта рубилъ и уничтожалъ онъ такимъ образомъ все вокругъ бѣшеными ударами, извергая хулу, тѣшась громкими проклятіями, пока, наконецъ, утомленіе не усмирило бѣшенства, и онъ не бросился на гряды, обливаясь, какъ ребенокъ, слезами и думая о томъ, что отнынѣ постелью ему будетъ служить лишь земля, и остается лишь одно—ходить просить милостыню на большой дорогѣ.

Его разбудили первые солнечные лучи, сверкавшіе прямо въ глаза, и веселое чириканье птицъ, прыгавшихъ возлѣ него.

Онъ поднялся, оцѣпенѣвшій отъ утомленія и сырости. Пименто и его жена издали звали его поѣсть что-нибудь,

но Барретъ отвѣтилъ съ презрѣніемъ: „Воръ!“—за то, что Пименто забралъ его ружье... И онъ побрелъ по дорогѣ въ Валенсію, дрожа отъ холода, не зная, куда идетъ.

Проходя мимо трактира „Чарка“—онъ зашелъ туда. Извозчики изъ ближнихъ селъ заговорили съ нимъ, выражая ему сочувствіе въ его несчастіи, и пригласили выпить съ ними стаканчикъ вина. Онъ съ удовольствіемъ согласился. Ему хотѣлось чего-нибудь выпить: холодъ впивался въ старыя кости. И онъ, такой воздержный, проглотилъ одинъ за другимъ два большихъ стакана водки, которые точно огненной волной залили его ослабѣвшій желудокъ.

Лицо Баррета раскраснѣлось, но потомъ краска смѣнилась смертельной блѣдностью и глаза налились кровью. Съ извозчиками, которые его жалѣли, онъ былъ разговорчивъ и довѣрчивъ, почти какъ счастливый человѣкъ. Онъ называлъ ихъ „дѣти мои“, увѣрялъ, что ни мало не огорченъ такими пустяками. Вѣдь не все же онъ потерялъ: у него осталось лучшее въ домѣ—серпъ его дѣда, драгоцѣнность, которую онъ не отдалъ бы и за двѣсти четвериковъ муки. И онъ вынималъ изъ-за пояса стальной серпъ, ясный и блестящій, такой острый и такъ закаленный, что онъ—увѣрялъ дядя Барретъ—рѣжетъ въ воздухѣ тонкую папиросную бумагу.

Расплатившись въ трактирѣ, извощики, подгоняя своихъ муловъ, потянулись по направленію къ Валенсіи, наполняя воздухъ скрипомъ колесъ.

Барретъ оставался еще больше часа въ трактирѣ, разговаривая самъ съ собой, чувствуя, что въ головѣ у него неладно; наконецъ, обезпокоенный непріязненными взглядами хозяевъ, которые догадывались, въ какомъ онъ состояніи, почувствовалъ смутное ощущеніе стыда и, не простившись, вышелъ, шатаясь, изъ трактира.

Онъ не могъ изгнать изъ своихъ мыслей одного упорнаго представленія. Съ закрытыми глазами видѣлъ онъ большой садъ апельсинныхъ деревьевъ, находившійся на разстояніи часа ходьбы между Бенимаклетомъ и моремъ. Онъ бывалъ тамъ не разъ по своимъ дѣламъ и туда же шелъ и теперь. Не будетъ ли такъ услужливъ дьяволъ, не устроитъ ли ему тамъ встрѣчу съ хозяиномъ, который почти ежедневно отправлялся въ садъ.

Барретъ добрался до сада послѣ двухчасовой ходьбы. Водка овладѣла имъ всецѣло.—Онъ не зналъ уже, зачѣмъ забрался сюда, въ такую даль, и кончилъ тѣмъ, что свалился въ коноплянникъ, у края дороги. Вскорѣ среди зеленыхъ, высокихъ стеблей раздался тяжелый, пьяный храпъ.

Когда онъ проснулся, уже вечерѣло. Барретъ чувствовалъ

тяжесть въ головѣ и пустоту въ желудкѣ. Въ ушахъ у него шумѣло, а во рту была отвратительная горечь. Что онъ дѣлаетъ вблизи сада донъ-Сальвадора? Какъ попалъ онъ сюда?

Но, поднимаясь на ноги, онъ увидѣлъ на дорогѣ человѣка въ плащѣ, медленно направляющагося въ садъ.

Барретъ почувствовалъ, какъ вся кровь ударила ему въ голову. Онъ быстро выдернулъ изъ-за пояса серпъ.

Старый ростовщикъ колебался, выходить ли ему сегодня изъ дому или нѣтъ. Его нѣсколько безпокоило происшествіе съ Барретомъ: мало ли въ селѣ головорѣзовъ? Но страхъ, что его отсутствіемъ могутъ воспользоваться, взялъ верхъ надъ опасеніями.

Донъ-Сальвадоръ уже видѣлъ свой садъ и смѣялся надъ своими опасеніями, какъ вдругъ передъ нимъ мелькнулъ выскочившій изъ конопляника дядя Барретъ, который показался ему страшнымъ демономъ съ краснымъ лицомъ и распростертыми руками. Прижавъ его къ краю канавы, идущей вдоль дороги, крестьянинъ отрѣзалъ ему всякій путь къ бѣгству. Смятеніе и ужасъ ростовщика были такъ велики, что онъ заговорилъ прерывистымъ госомъ:

— Барретъ... другъ мой... все это было лишь шуткой... Успокойся... Я хотѣлъ только пугнуть тебя немного... больше ничего... Земля останется за тобой... Зайди ко мнѣ завтра... мы поговоримъ съ тобой... Ты будешь мнѣ платить, сколько хочешь...

Онъ весь извивался, стараясь, чтобы дядя Барретъ не приблизился къ нему—пытался спастись, уйти отъ ужаснаго серпа, на лезвіѣ котораго преломлялся солнечный лучъ и отражалась небесная синева. Но такъ какъ сзади была канава, ему некуда было двинуться, и, откинувъ тѣло назадъ, онъ прикрывалъ себя судорожно сжатыми руками.

Крестьянинъ улыбался, какъ гіена, показывая свои острые и бѣлые зубы.

— Врешь... врешь!—отвѣчалъ онъ голосомъ, казавшимся шипѣніемъ.

И размахивая серпомъ изъ стороны въ сторону, онъ искалъ мѣста, куда бы ударить, избѣгая худыхъ и судорожно сжатыхъ рукъ, вытянутыхъ впередъ.

— Барретъ... сынъ мой... что жъ это такое... Брось свой серпъ... не играй имъ... Вѣдь ты же честный человѣкъ... Вспомни о своихъ дочеряхъ... Говорю тебѣ, что все было лишь шуткой... Зайди ко мнѣ завтра... и я отдамъ тебѣ клю... Аа-ай...

Это былъ ужасающій ревъ, крикъ раненаго звѣря. Уставъ

встрѣчать препятствія, серпъ однимъ взмахомъ отрѣзалъ одну изъ судорожно сжатыхъ рукъ. Она висѣла лишь на кожѣ и мускулахъ, и изъ краснаго обрубка потокомъ лилась кровь, обдавъ брызгами Баррета, который вскрикнулъ, почувствовавъ на лицѣ эту горячую струю.

Старикъ зашатался, но не успѣлъ еще грохнуться на землю, серпъ, ударивъ его по шеѣ, разомъ отдѣлилъ голову отъ туловища.

Донъ Сальвадоръ упалъ въ канаву, а ноги, судорожно подергиваясь, остались на берегу. Изъ головы лилась кровь, и покраснѣвшая вода канавы продолжала течь съ тихимъ журчаніемъ, оживлявшимъ торжественное молчаніе вечера.

Барретъ въ оцѣпенѣніи стоялъ на краю канавы... Сколько крови въ этомъ разбойникѣ! И, охваченный ужасомъ, онъ пустился вдругъ бѣжать, точно опасаясь, что потокъ крови, разлившись, можетъ потопить его.

Не кончился еще день, какъ распространилась всюду страшная вѣсть, точно пушечный выстрѣлъ, взволновавшая всю округу. Видѣли ли вы лицемѣрное движеніе и радостное молчаніе, которымъ народъ встрѣчаетъ вѣсть о гибели правителя, притѣснявшаго его? Такъ оплакивало и все село смерть донъ-Сальвадора. Всѣ угадывали руку дяди Баррета, и никто не сказалъ ни слова. Для него всѣ лачуги открыли бы самыя потаенныя свои убѣжища.

Но убійца, какъ безумный, скитался по долинѣ, убѣгая отъ людей, забираясь подъ мосты, кидаясь со всѣхъ ногъ черезъ поля отъ лая собакъ, пока, наконецъ, на слѣдующій день полиція не захватила его, соннаго, въ сараѣ.

Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ селѣ только и было разговоровъ, что о дядѣ Барретѣ.

По воскресеньямъ мужчины и женщины отправлялись, точно на богомолье, въ тюрьму въ Валенсію, чтобы тамъ черезъ рѣшетку посмотрѣть на „освободителя“, все болѣе и болѣе худѣвшаго, съ провалившимся глазами и безпокойнымъ взглядомъ.

Насталъ, наконецъ, день суда, и Барретъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Извѣстіе это переполошило всю округу. Сельскіе священники и алькальды рѣшили дѣйствовать, чтобы избѣжать такого срама: ихъ односельчанинъ приговоренъ къ смертной казни! И такъ какъ Барретъ былъ всегда въ числѣ покорныхъ, смирныхъ, подчинявшихся ихъ приказаніямъ, то не полѣнились съѣздить въ Мадридъ, чтобы спасти его жизнь — и добились помилованія.

Крестьянинъ вышелъ изъ тюрьмы живымъ трупомъ и былъ отправленъ въ Сеуту, гдѣ и умеръ нѣсколько лѣтъ спустя.

Семья же его разсѣялась, какъ горсть отрубей на вѣтру. Дочери, одна за другой, покинули пріютившія ихъ семьи, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ въ Валенсіи въ качествѣ служанокъ, а бѣдная старуха-мать, уставъ безпокоить сосѣдей своими недугами, ушла въ больницу, гдѣ вскорѣ и умерла.

Обыватели села, съ свойственной всѣмъ людямъ склонностью забывать чужое несчастіе, едва-едва уже помнили о страшной трагедіи, разыгравшейся съ дядей Барретомъ, никто не думалъ о томъ, что сталось съ его дочерьми,

Но никто не забылъ полей и избушки Баррета, остававшихся въ томъ же положеніи, въ какомъ они были, когда судъ выселилъ оттуда несчастнаго арендатора.

Это было молчаливое соглашеніе всего села, общій заговоръ, на подготовку котораго едва ли было потрачено много словъ, но въ которомъ, казалось, принимали участіе даже деревья и тропинки.

Въ самый день катастрофы Пименто сказалъ:—Посмотримъ, кто осмѣлится взяться за обработку этихъ полей!..

И всѣ жители села, не исключая женщинъ и дѣтей, взглядомъ взаимнаго пониманія, какъ будто, отвѣтили ему: „Да, посмотримъ!"

Проклятое поле, которое дядя Барретъ опустошилъ въ ту ночь, стало покрываться терновникомъ и всякими чужеядными растеніями.

Сыновья дона Сальвадора—такіе же скупые богачи какъ и отецъ ихъ—считали себя разоренными, потому что этотъ принадлежавшій имъ участокъ земли оставался непроизводительнымъ.

Крестьянинъ изъ чужого округа, человѣкъ жадный на землю, прельстившись низкой платой, согласился было взять въ аренду поле, внушавшее всѣмъ страхъ.

Съ ружьемъ за плечами отправился онъ на пашню: и онъ самъ, и его поденщики смѣялись надъ тѣмъ одиночествомъ, къ которому ихъ присуждали сосѣди; двери запирались, когда онъ проходилъ мимо нихъ, и издали слѣдили за нимъ враждебные взгляды.

Крестьянинъ держался на сторожѣ, предчувствуя засаду; но осторожность не привела ни къ чему, такъ какъ однажды вечеромъ, когда онъ возвращался домой одинъ, еще не кончивъ запашки, въ него дважды выстрѣлили, такъ что онъ не видѣлъ стрѣлявшаго и только чудомъ спасся отъ пуль, просвиставшихъ мимо ушей.

На дорогѣ никого не было видно—нигдѣ не было свѣжихъ слѣдовъ. Въ него стрѣляли изъ какой-нибудь канавы, и стрѣлявшій сидѣлъ въ засадѣ среди камыша.

Съ такими врагами нельзя было бороться, и храбрецъ въ ту же ночь отнесъ ключи отъ дома хозяевамъ.

Нужно было слышать жалобы сыновей дона Сальвадора. Неужто нѣтъ въ странѣ ни правительства, ни охраны для законныхъ правъ собственности?

Виновникъ покушенія былъ, несомнѣнно, Пименто,—онъ, препятствовавшій тому, чтобы обрабатывалось поле; полиція арестовала удальца и посадила въ тюрьму.

Но когда наступилъ моментъ давать показанія, вся округа прошла передъ судьей, утверждая невиновность Пименто, и ни у кого изъ этихъ деревенскихъ плутовъ нельзя было вырвать ни единаго противорѣчиваго показанія.

Всѣ повторяли заученный урокъ. Даже больныя старухи, никогда не выходившія изъ своихъ лачугъ, показывали, что въ тотъ день и какъ разъ въ тотъ самый часъ, когда раздались два выстрѣла, Пименто былъ въ трактирѣ Альборая, пируя тамъ съ своими друзьями.

Ничего нельзя было подѣлать съ людьми, которые, съ невиннымъ видомъ младенцевъ почесывали себя въ затылкѣ и лгали всѣмъ такъ самоувѣренно. Пимента должны были выпустить на свободу, и изъ всѣхъ лачугъ вырвался вздохъ радости и торжества.

Опытъ былъ сдѣланъ—и теперь всѣмъ стало извѣстно, что за обработку этого участка придется платить жизнью.

Скупые владѣльцы не угомонились—они рѣшили сами обрабатывать свою землю и наняли поденщиковъ изъ числа тѣхъ покорныхъ и выносливыхъ крестьянъ, отъ которыхъ разитъ нищетой, и которые, погоняемые голодомъ, спускаются въ поискахъ за работой съ далекихъ пограничныхъ горъ Аррагоніи.

Въ селѣ жалѣли бѣдныхъ поденщиковъ. Несчастные! Они работаютъ поденно,—въ чемъ же ихъ вина? И позднимъ вечеромъ, когда они съ лопатой на плечахъ, шли съ работы, находились добрые люди, зазывавшіе ихъ въ трактиръ „Чарка“. Тутъ выпивали съ ними, и говорили имъ на ухо, съ хмурымъ лицомъ, но добрымъ, отеческимъ тономъ, въ родѣ того, какъ говорятъ съ дѣтьми, которымъ совѣтуютъ избѣгать опасности. И результатъ былъ тотъ, что покорные бѣдняги на слѣдующій же день вмѣсто того, чтобы отправиться на работу, гурьбой являлись къ владѣльцамъ земли и говорили:

— Господинъ, мы пришли, чтобы ты намъ заплатилъ.

Тщетны были всѣ доводы хозяевъ, приходившихъ въ бѣшенство.

— Господинъ,—отвѣчали поденщики на всѣ уговоры:— мы люди бѣдные, но дорожимъ своей жизнью.

И они не только бросали работу, но и предупреждали

своихъ земляковъ, чтобы тѣ избѣгали поденщины на поляхъ дяди Баррета, какъ избѣгаютъ дьявола.

Владѣльцы проклятаго поля обращались за покровительствомъ даже къ газетамъ. И полицейская стража являлась въ село, рыскала, подсматривала на дорогахъ, слѣдила за жестами и разговорами, все безъ малѣйшаго результата.

Шелъ день за днемъ. Женщины шили и пѣли пѣсни, сидя надъ виноградными шпалерами, мужчины уходили на поле, гдѣ съ согнутой спиной, съ глазами, устремленными въ землю, не давали роздыха своимъ рукамъ. Пименто лежалъ, какъ знатный сеньоръ, растянувшись передъ прутьями, намазанными птичьимъ клеемъ, поджидая птицъ, или же лѣниво и неуклюже помогая Пепетѣ въ огородѣ; а въ трактирѣ „Чарка" нѣсколько стариковъ грѣлись на солнцѣ или же играли на бильярдѣ. Весь пейзажъ дышалъ тишиной, спокойствіемъ и добродѣтелью. Однако, знавшіе, въ чемъ дѣло, не довѣряли этому покою, и ни одинъ крестьянинъ не соглашался даже даромъ взять въ аренду злосчастный участокъ.

Наконецъ, владѣльцамъ пришлось отказаться отъ своихъ попытокъ.

Вся округа съ трепетомъ удовольствія наблюдала какъ терялось это достояніе, и наслѣдники дона Сальвадора оказывались безсильными.

Это было громадное наслажденіе. Должны же бѣдные когда, нибудь взять верхъ надъ богатыми, а богатые подчиниться имъ. И сухой хлѣбъ казался вкуснѣе, вино лучше, трудъ не столь изнурительнымъ при мысли о бѣшенствѣ скупцовъ, которые, несмотря на всѣ свои деньги, должны выносить насмѣшки крестьянъ надъ ними.

Къ тому же, это темное пятно запущенія и разоренія среди цвѣтущей долины напоминало и другимъ владѣльцамъ, чтобы они были менѣе требовательны, не увеличивали арендной платы и терпѣливо ждали ея взноса.

Заброшенныя поля были какъ бы талисманомъ, оберегавшимъ тѣсную связь между жителями села; вѣчнымъ памятникомъ ихъ власти надъ хозяевами; чудомъ солидарности бѣдноты въ борьбѣ съ законами и богатствомъ тѣхъ, кто владѣетъ помѣстьями, не обрабатывая ихъ и не поливая своимъ потомъ.

Все это смутно представлялось крестьянамъ, заставляя ихъ думать, что въ тотъ день, когда поля дяди Баррета будутъ снова обрабатываться, всякаго рода напасти обрушатся на ихъ село. И никто не ждалъ, чтобы послѣ десятилѣтняго промежутка могъ ступить на запущенный участокъ земли

кто-либо, кромѣ дяди Томба, бывшаго „геррильеро", а теперь слѣпого и робкаго пастуха, который, за неимѣніемъ другихъ слушателей, каждый день повторялъ передъ стадомъ грязныхъ овецъ разсказъ о своихъ былыхъ подвигахъ.

Вотъ почему слышались восклицанія изумленія и бѣшенства всего села, когда Пименто съ поля на поле и изъ лачуги въ лачугу передавалъ извѣстіе о томъ, что нашелся арендаторъ на земли Баррета,—незнакомецъ, который осмѣлился явиться со всей семьей и теперь преспокойно устраивается, какъ будто все это принадлежитъ ему!

III.

Осмотрѣвъ запущенное поле, Батистъ сказалъ себѣ, что тутъ у него будетъ не мало дѣла.

Но это не испугало его. Онъ былъ человѣкъ предпріимчивый, энергичный, привыкшій къ тяжелой борьбѣ изъ-за куска хлѣба. А тутъ онъ можетъ раздобыть его себѣ вдоволь. Не разъ бывалъ онъ еще въ худшихъ передрягахъ.

Когда онъ женился, то былъ работникомъ на мельницѣ, въ окрестностяхъ Сагунта. Работалъ онъ, какъ волъ, заботясь, чтобы не было нехватокъ въ домѣ, и Богъ, въ награду за трудолюбіе, посылалъ ему ежегодно по ребенку—чудныя созданія, повидимому, рождавшіяся съ зубами, судя по той поспѣшности, съ какой они бросали материнскую грудь, чтобъ цѣлый день просить хлѣба.

Въ результатѣ Батисту пришлось отказаться отъ работы на мельницѣ и пойти въ извозъ, въ надеждѣ на большій заработокъ.

Но неудача преслѣдовала его и здѣсь. Никто такъ заботливо, какъ онъ, не ухаживалъ за скотиной, никто не былъ такимъ исполнительнымъ. Никогда не рѣшался онъ, подобно товарищамъ, заснуть въ телѣгѣ, предоставивъ лошади идти, куда ей вздумается, всегда шелъ впереди ея, выбирая дорогу, избѣгая рытвинъ и ямъ, — и, тѣмъ не менѣе, если опрокидывался какой-нибудь возъ, то непремѣнно его,—если какое-нибудь животное заболѣвало, то непремѣнно его,—несмотря на отеческую заботливость, съ которой онъ спѣшилъ прикрывать бока своихъ лошадей попонами изъ дерюги, лишь только начиналъ накрапывать дождь.

Цѣлый рядъ лѣтъ странствованій по большимъ дорогамъ, вѣчнаго недоѣданья, ночевокъ подъ открытымъ

небомъ, страданій долгой разлуки съ семьей, которую онъ боготворилъ сосредоточенною любовью человѣка молчаливаго и суроваго — Батистъ терпѣлъ одни лишь убытки, и положеніе его еще болѣе ухудшилось.

Бросивъ занятіе извозомъ, онъ взялъ въ аренду клочокъ земли близъ Сагунта—красное, песчаное, вѣчно засушенное поле.

Здѣсь вся его жизнь проходила въ постоянной борьбѣ съ засухой, въ безпрерывномъ наблюденіи за тѣмъ что дѣлается на небѣ—и всякій разъ онъ дрожалъ отъ волненія, лишь только темное облако показывалось на горизонтѣ.

Дождей выпадало мало, урожаи были плохи въ теченіе четырехъ лѣтъ, и Батистъ не зналъ уже, что ему дѣлать и куда дѣться, когда, въ одно изъ своихъ путешествій въ Валенсію, познакомился тамъ съ сыновьями дона Сальвадора, добрѣйшими сеньорами (да благословитъ ихъ Господь!), которые предложили ему взять у нихъ эту плодородную землю даромъ, не платя аренды въ теченіе двухъ лѣтъ, пока поля не придутъ въ первоначальное состояніе.

Кой-что слышалъ, правда, и Батистъ о причинахъ, принудившихъ владѣльцевъ оставить втунѣ прекрасную землю. Но все это было такъ давно!.. Къ тому же, у нужды нѣтъ ушей — поля эти подходятъ ему, и онъ ихъ взялъ. Что ему за дѣло до старыхъ исторій дона Сальвадора и дяди Баррета!..

Онъ всѣмъ этимъ пренебрегъ и все забылъ, осматривая свое поле. Вотъ такъ настоящая земля — вѣчно покрытая зеленью, съ неутомимыми нѣдрами, рождающими жатвы одну за другой, и красноватой водой, словно животворная кровь, бѣгущей здѣсь безпрерывно по безчисленнымъ канавамъ, бороздящимъ поверхность земли, точно сложная сѣть венъ и артерій. И, при воспоминаніи о запущенныхъ поляхъ близъ Сагунта, его прошлое казалось ему какимъ-то адомъ, отъ котораго онъ счастливо избавился.

Батистъ былъ такъ занятъ осмотромъ своего участка, что едва обратилъ вниманіе на любопытство, проявленное его сосѣдями.

Просунувъ головы изъ-за камыша, или лежа на животѣ на буграхъ дороги, смотрѣли на него мужчины, дѣти и даже женщины изъ ближнихъ хатъ.

Батистъ не обращалъ на это вниманія. Это только любопытство, непріязненное отношеніе, внушаемое вновь прибывшими. Ему это хорошо извѣстно, но со временемъ они привыкнутъ. Къ тому же, онъ былъ теперь всецѣло занятъ мыслями, какъ

сгоритъ вся эта нечисть, которая накопилась въ полѣ за десять лѣтъ.

Съ помощью жены и дѣтей онъ сжегъ на другой же день послѣ пріѣзда всю чужеядную растительность, покрывавшую его участокъ.

Затѣмъ, не теряя времени, Батистъ приступилъ къ обработкѣ поля. Земля была жесткая, но онъ, какъ опытный земледѣлецъ, рѣшилъ ее воздѣлывать по частямъ, и, отдѣливъ вблизи дома четыреугольникъ, съ помощью всей семьи принялся разрыхлять затвердѣвшую почву.

Сосѣди говорили о вновь прибывшихъ съ насмѣшкой и ироніей, въ которыхъ сквозило глухое раздраженіе. Вотъ такъ семейка!.. Настоящіе цыгане, спящіе подъ мостами. Пріютились въ старой лачугѣ, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе примащиваются къ разбитому судну, законопативъ дыру здѣсь, забивъ отверстіе тамъ и подперевъ на скорую руку разваливающуюся соломенную крышу.

Относительно же ихъ трудолюбія нельзя было сказать ничего дурнаго. Жена Батиста, Тереса, и старшая дочь Росета, захвативъ юбки между ногъ, съ лопатой въ рукахъ, копали землю куда съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ поденщики, отдыхая лишь на мгновеніе, чтобы откинуть волосы, падавшіе на вспотѣвшій и покраснѣвшій лобъ. Старшій сынъ то и дѣло путешествовалъ съ сплетенной изъ ковыля корзиной за спиной въ Валенсію, принося оттуда навозъ и отбросы, которые онъ складывалъ у входа въ избу въ двѣ кучи, точно двѣ почетныя колонны. А трое малышей—серьезные и трудолюбивые—какъ будто понимая положеніе семьи, ползали на четверенькахъ за копавшими землю, вырывая жесткіе корни сожженнаго кустарника.

Подготовительная работа продолжалась болѣе недѣли, при чемъ вся семья трудилась, не покладая рукъ, отъ зари до поздняго вечера.

Половина поля была готова—и тогда Батистъ сталъ вспахивать и боронить его съ помощью старой, но еще бодрой лошаденки, которая, казалось, тоже была какъ бы членомъ семьи.

Наступило время для посѣва. Батистъ раздѣлилъ свою землю на три части: самая большая подъ пшеницу, участокъ поменьше подъ бобы, а третій участокъ подъ клеверъ, такъ какъ нельзя же было забывать „Моррута“ —старой любимой лошаденки.

Съ радостнымъ волненіемъ, точно экипажъ корабля, который послѣ труднаго морского плаванья видитъ передъ собою гавань—принялась за посѣвъ вся семья. Теперь бу-

дущность ихъ обезпечена: такая земля не можетъ обмануть и дастъ имъ хлѣбъ на весь годъ.

Вечеромъ, когда кончился посѣвъ, они увидѣли на ближней тропинкѣ стадо овецъ, которое, дойдя до края поля, испуганно остановилось.

За стадомъ шелъ старикъ съ пожелтѣвшимъ, точно пергаментнымъ лицомъ, съ глазами, провалившимися въ глубокія впадины, и ртомъ, окруженнымъ вѣнкомъ морщинъ. Онъ шелъ медленными, но твердыми шагами, выставивъ впередъ посохъ, какъ бы нащупывая имъ дорогу.

Вся семья смотрѣла пристально на него: онъ былъ единственный человѣкъ, рѣшившійся, въ теченіе двухъ недѣль, которыя они здѣсь прожили, подойти къ ихъ землѣ. Замѣтивъ, что овцы его остановились, старикъ крикнулъ на нихъ, чтобы они шли впередъ.

Батистъ вышелъ навстрѣчу дѣду. Нельзя проходить здѣсь—поле теперь вспахано...

Что-то такое слышалъ дядя Томба, но послѣднія двѣ недѣли пасъ стадо на далекомъ пастбищѣ и мало заботился объ этихъ поляхъ... Значитъ, они дѣйствительно воздѣланы теперь?

И старый пастухъ вытягивалъ шею, стараясь, какъ можно лучше разглядѣть угасшими глазами смѣльчака, дерзнувшаго осуществить то, что вся округа считала невозможнымъ. Онъ долго молчалъ и, наконецъ, грустно сталъ бормотать: очень это нехорошо... Въ молодости и онъ былъ такъ же смѣлъ, и ему нравилось идти противъ всѣхъ. Но если враговъ такъ много... Очень это нехорошо: Батистъ поставилъ себя въ очень тяжелое положеніе. Эта земля проклята послѣ дяди Баррета,—и пусть онъ повѣритъ ему, человѣку старому и опытному—она принесетъ ему несчастіе.

И, отозвавъ свое стадо, пастухъ погналъ его по другой дорогѣ, но прежде чѣмъ удалиться, откинулъ свой плащъ и, поднявъ вверхъ исхудалыя руки, съ интонаціей кудесника, предсказывающаго будущность, или же пророка, предвѣщающаго горе,—крикнулъ Батисту:

— Вѣрь мнѣ, сынъ мой—земля эта принесетъ тебѣ несчастіе!

Встрѣча съ пастухомъ оказалась лишь новымъ поводомъ для негодованія всего села.

Теперь дядя Томба послѣ десятилѣтняго мирнаго пользованія пастбищемъ не могъ уже выгнать своихъ овецъ на запущенное поле.

Окончивъ посѣвъ, Батистъ и его семья принялись за исправленіе дома.

Соломенную крышу они подняли и выпрямили, подпра-

вили и выбѣлили стѣны, выкрасили новую дверь и окна голубой краской; проработавъ недѣлю, очистили колодецъ отъ камней и земли, набросанныхъ туда мальчишками въ теченіе десяти лѣтъ, и вороть колодца снова накачивалъ чистую и свѣжую воду.

Съ безмолвнымъ бѣшенствомъ слѣдили сосѣди, какъ исправлялась лачуга дяди Баррета. Это имъ казалось вызовомъ и издѣвательствомъ.

За два мѣсяца Батистъ всего лишь пять-шесть разъ вышелъ изъ своего участка. Онъ вѣчно копался у себя за работой, которая точно опьяняла его, — и лачуга Баррета имѣла теперь такой веселый и кокетливый видъ, какого не знала никогда при прежнемъ владѣльцѣ.

Дворъ, обнесенный раньше лишь сгнившимъ частоколомъ, былъ окруженъ теперь заборомъ, выбѣленнымъ бѣлой краской. На площадкѣ передъ окнами цвѣла гвоздика и вились ползучія растенія; рядъ разбитыхъ горшковъ, выкрашенныхъ въ голубой цвѣтъ, служилъ украшеніемъ скамейки изъ краснаго кирпича, а въ открытую дверь можно было разсмотрѣть новыя голубыя полки, на которыхъ были разставлены кувшины, покрытые зеленой глазурью.

Въ возрастающемъ негодованіи, почти все село перебывало у Пименто. Что думаетъ предпринять удалой супругъ Пепеты?

Пименто почесывалъ лобъ, выслушивая съ нѣкоторымъ смущеніемъ своихъ односельчанъ.

Что онъ думаетъ предпринять?—Онъ намѣренъ сказать два словечка негодяю-пришлецу, который сталъ обрабатывать не принадлежащія ему земли. Онъ съ нимъ поговоритъ серьезно, посовѣтуетъ не быть дуракомъ и убраться по добру, по здорову въ свою сторону, такъ какъ тутъ ему нечего дѣлать. Но этотъ дьяволъ не выходитъ со своего поля, а идти къ нему на домъ съ угрозами не слѣдуетъ, въ виду того, что можетъ впослѣдствіи случиться... Надо быть осторожнымъ и подкараулить его, когда онъ выйдетъ изъ дому. Словомъ, надобно еще немного запастись терпѣніемъ. Единственное, что онъ можетъ теперь же утверждать, это — что пришлецъ не соберетъ ни пшеницы, ни бобовъ, ни всего того, что онъ посѣялъ и посадилъ на поляхъ дяди Баррета. Все это пойдетъ къ чорту.

Слова Пименто успокоили его односельчанъ, внимательно слѣдившихъ за дѣятельностью ненавистной семьи.

Однажды вечеромъ Батистъ возвращался изъ Валенсіи, очень довольный результатомъ своего путешествія. Онъ не желалъ имѣть у себя въ домѣ безполезныхъ рукъ. Когда старшій мальчикъ, Батистетъ, не работалъ въ

полѣ—у него находилось другое занятіе: онъ отправлялся въ городъ за навозомъ. Оставалась дочь, Росета, которой послѣ домашней уборки, уже нечего было дѣлать. Благодаря протекціи сыновей дона Сальвадора, какъ нельзя болѣе довольныхъ новымъ своимъ арендаторомъ—Батисту только что удалось пристроить дочь на шелкопрядильную фабрику.

Недалеко отъ трактира „Чарка", Батистъ увидѣлъ, что человѣкъ, вышедшій изъ ближайшаго тростника, медленно направляется къ нему.

Батистъ остановился, мысленно сожалѣя о томъ, что у него при себѣ нѣтъ ни ножа, ни серпа. Однако, съ виду онъ казался невозмутимымъ и спокойнымъ, и, высоко поднявъ круглую голову съ тѣмъ властнымъ выраженіемъ въ лицѣ, котораго такъ боялась его семья, онъ скрестилъ на груди свои мускулистыя руки.

Батистъ зналъ идущаго навстрѣчу человѣка, хотя никогда не говорилъ съ нимъ—это былъ Пименто.

Наконецъ, состоялась та встрѣча, которой онъ такъ боялся.

Деревенскій удалецъ измѣрилъ взглядомъ ненавистнаго незнакомца, втершагося въ село, и заговорилъ съ нимъ мягкимъ голосомъ, стараясь придать угрозамъ видъ добродушнаго совѣта.

Онъ желалъ бы ему сказать два слова, давно уже желалъ, но какъ же было сказать, если сосѣдъ никогда не выходитъ со своего поля?

— Два словечка, и больше ничего.

И онъ сказалъ эти два словечка, совѣтуя, какъ можно скорѣе, отказаться отъ земли дяди Баррета. Онъ долженъ послушаться совѣта людей, которые желаютъ ему лишь добра. Его присутствіе тутъ—оскорбленіе для всего села, а починка дома—нѣчто вродѣ угрозы.

Батистъ иронически улыбался, слушая Пименто, который, повидимому, былъ смущенъ хладнокровіемъ противника и пораженъ тѣмъ, что нашелся человѣкъ, который не испытываетъ передъ нимъ страха.

Уйти отсюда—нѣтъ того головорѣза, который могъ бы принудить Батиста это сдѣлать, принудить его бросить то, что ему принадлежитъ, и что полито трудовымъ его потомъ. Онъ, правда, человѣкъ миролюбивый, но если пристанутъ къ нему, онъ сумѣетъ, не хуже другого, постоять за себя. Пусть же всякій занимается своимъ дѣломъ и оставитъ другихъ въ покоѣ.

И, пройдя мимо забіяки, онъ продолжалъ свой путь, съ пренебреженіемъ повернувшись спиной.

Пименто, привыкшій, чтобы все село трепетало передъ нимъ, при видѣ хладнокровія Батиста терялся болѣе и болѣе.

— Это послѣднее ваше слово? — крикнулъ онъ ему вслѣдъ, когда тотъ отошелъ уже на нѣкоторое разстояніе.

— Да, послѣднее! — отвѣтилъ Батистъ, не оборачиваясь.

И онъ пошелъ впередъ, исчезая за поворотомъ дороги. Вдали, въ старой лачугѣ дяди Баррета, залаяла собака, почуявъ приближеніе своего господина.

Когда Пименто остался одинъ, къ нему вновь вернулось его высокомѣріе. Іисусе Христе!.. Какъ же насмѣялся надъ нимъ этотъ пришлецъ!.. Сквозь зубы пробормоталъ онъ нѣсколько проклятій и, сжавъ кулакъ, угрожающе потрясъ имъ по направленію того поворота дороги, на которомъ исчезъ Батистъ.

— Ты мнѣ заплатишь за это, заплатишь, негодяй!

И въ его голосѣ, дрожащемъ отъ бѣшенства, звучала какъ бы ненависть всего села.

IV.

Былъ четвергъ, и, по обычаю, считавшему за собой пять вѣковъ, въ Валенсіи, близъ воротъ храма, называемыхъ воротами Апостоловъ, должно было состояться судбище Водъ.

Часы городской башни показывали болѣе десяти часовъ утра, и жители села собирались здѣсь, стоя кучками или же усѣвшись вокругъ сухого бассейна, украшавшаго площадь, образуя кругомъ него живую гирлянду изъ бѣлыхъ и голубыхъ плащей, красныхъ и желтыхъ платковъ и пестрыхъ ситцевыхъ юбокъ.

Нѣкоторые крестьяне являлись сюда съ корзинами, наполненными навозомъ, который они собирали на улицахъ города, другіе пріѣзжали въ пустыхъ телѣгахъ, упросивъ полицейскихъ дозволить имъ остаться здѣсь. Пока старики разговаривали съ женщинами, молодежь, чтобы убить время, шла въ ближайшій трактиръ и сидѣла тамъ за рюмкой водки, покуривая копѣечныя сигары.

Жители села, считавшіе себя обиженными и искавшіе правосудія, были всѣ уже здѣсь; они жестикулировали, съ нахмуренными лицами, и говорили о своихъ правахъ, нетерпѣливо ожидая синдиковъ или „судей семи каналовъ“, чтобы излить передъ ними нескончаемый потокъ жалобъ.

Альгвасилъ (приставъ) этого судилища, пробывшій при немъ болѣе пятидесяти лѣтъ, устанавливалъ въ тѣни стрѣльчатаго портала собора обширный диванъ съ старой шелковой

обивкой и низенькую рѣшетку, отдѣлявшую внутреннее пространство, долженствовавшее изображать залу суда.

Ворота Апостоловъ,—старые, побурѣвшіе отъ времени, подточенные вѣками— выставляли на солнечный свѣтъ свое полинявшее великолѣпіе, составляя подходящій фонъ для этого древняго судилища—учрежденія, имѣвшаго за собой цѣлыхъ пять вѣковъ.

Глядя на многочисленныя поврежденія въ воротахъ Апостоловъ, не трудно было догадаться, что здѣсь бушевало когда-то возстаніе. Около этого зданія собралось и смѣшалось цѣлое населеніе города, здѣсь раздавался въ былые вѣка дерзкій и бѣшеный голосъ мятежныхъ сыновъ Валенсіи, и изувѣченные и стертые, какъ египетскія муміи, барельефы святыхъ на воротахъ храма, поднявъ къ небу разбитыя свои головы, казалось, еще прислушивались къ революціонному звону колоколовъ „Союза“ или къ ружейнымъ выстрѣламъ инсургентовъ.

Альгвасилъ, приведя въ порядокъ мѣсто судбища, всталъ у входа рѣшетки, ожидая судей.

Торжественно приближались эти богатые земледѣльцы,—въ черныхъ одѣяніяхъ, въ бѣлыхъ башмакахъ, съ головами, обвязанными шелковыми платками. За каждымъ изъ судей шла свита изъ надзирателей каналовъ и просителей, которые еще до суда старались расположить судей въ свою пользу.

Крестьяне относились съ большимъ уваженіемъ къ этимъ судьямъ, выбраннымъ изъ ихъ же среды; на приговоръ не было никакой апелляціи. Они были хозяева Водъ и держали въ рукахъ жизнь цѣлыхъ семей — орошеніе полей, своевременную ихъ поливку, недостатокъ которой губитъ жатву. И обитатели обширной долины, раздѣленной рѣкой на двѣ части, называли своихъ судей по именамъ тѣхъ семи каналовъ, завѣдывать которыми они были поставлены.

Судьи, поздоровавшись другъ съ другомъ, какъ люди, не видѣвшіеся въ теченіе недѣли, говорили, стоя у дверей собора, о своихъ дѣлахъ.

Въ одиннадцать съ половиною часовъ,—по окончаніи поздней обѣдни, когда уже никто не выходилъ изъ собора, за исключеніемъ какой-нибудь запоздавшей старухи—началось судбище.

Всѣ семь судей усѣлись рядомъ на старомъ диванѣ съ шелковой обивкой, сняли шляпы, положили руки на колѣни, опустили глаза въ землю—и старѣйшій изъ нихъ произнесъ обычную фразу:

— Судъ открытъ.

Полнѣйшая тишина кругомъ. Храня благоговѣйное молчаніе, вся толпа стояла на открытой площади, какъ въ храмѣ.

Стукъ экипажей. ѣзда конокъ, весь шумъ и грохотъ современной жизни проходилъ мимо этого древняго учрежденія, не коснувшись его и не волнуя, и оно продолжало дѣйствовать здѣсь, нечувствительное ко времени, не обращая вниманія на радикальныя перемѣны въ окружающемъ мірѣ, неспособное къ какой бы то ни было реформѣ.

Крестьяне гордились своимъ судомъ. Это-то вотъ и значитъ творить судъ: къ наказанію приговариваютъ разомъ, не марая бумагъ, которыми, какъ извѣстно, и уловляютъ въ сѣти честныхъ людей.

Отсутствіе гербовой бумаги болѣе всего нравилось крестьянамъ. Не было здѣсь ни секретаря, ни перьевъ, не надо было проводить полныя тревоги дни въ ожиданіи приговора, — не было и наводящей ужасъ полицейской стражи, не было ничего, кромѣ словъ.

Судьи, храня въ памяти показанія, изрекали свой приговоръ съ спокойствіемъ людей, увѣренныхъ въ томъ, что ихъ рѣшенія будутъ приведены въ исполненіе. Если кто-нибудь держался на судѣ дерзко, его присуждали къ штрафу,— если же кто-либо отказывался подчиниться приговору судей, у него навсегда отнимали воду, и онъ погибалъ. Съ этимъ патріархальнымъ судомъ нельзя было шутить.

Народъ, бывшій на площади — мужчины, женщины и дѣти— не желая терять ни единаго слова, такъ тѣснились къ рѣшеткѣ, что чуть не задыхались. Обвинителя же и обвиняемаго вводили по ту сторону рѣшетки, гдѣ стоялъ диванъ, столь же древній, какъ и само учрежденіе.

Альгвасилъ отбиралъ у введенныхъ за рѣшетку палки и трости, считая эти предметы не соотвѣтствующими уваженію къ суду,—и затѣмъ, проталкивая ихъ впередъ, ставилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судей, съ плащами, сложенными у нихъ на рукахъ. Если же кто-либо забывалъ снять шапку, альгвасилъ мигомъ срывалъ ее у него съ головы — вѣдь съ такими олухами, говорилъ онъ, нельзя же обращаться иначе.

Передъ судьями вставалъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, которые они рѣшали съ поразительной быстротой.

Сторожа каналовъ и *атандадоры*, т. е. тѣ, на обязанности которыхъ лежало распредѣлять очередь и часы орошенія полей, излагали свои обвиненія, а обвиняемому предотавлялось защищаться отъ взведеннаго на него обвиненія. Старики передавали свою защиту сыновьямъ, болѣе энергично и умѣло владѣвшимъ словомъ, — вдова являлась въ сопровожденіи какого-нибудь друга покойнаго мужа, который бралъ на себя защиту ея интересовъ.

Слушая взводимыя на него обвиненія, обвиняемый часто

не могъ сдержаться: „Это ложь! Это гнусно — тутъ явный заговоръ!“

Но семеро судей встрѣчали подобные перерывы свирѣпыми взглядами. Никто не имѣетъ права говорить, пока не наступитъ его очередь; за слѣдующій перерывъ придется платить штрафъ. И находились упрямцы, которые платили штрафъ за штрафомъ, увлекаемые страстнымъ бѣшенствомъ, не позволявшимъ имъ молчать передъ обвинителемъ.

Не покидая своего дивана, судьи, сблизивъ головы, нѣсколько секундъ шепчутся между собою, и затѣмъ старѣйшій спокойнымъ и торжественнымъ голосомъ произноситъ приговоръ.

Было уже болѣе полудня, и семеро судей стали уже утомляться обильнымъ потокомъ своего правосудія, когда альгвасилъ громкимъ голосомъ вызвалъ Батиста Боруля, обвиняемаго въ нарушеніи правилъ орошенія полей.

За рѣшетку были введены Пименто и Батистъ, и слушатели-крестьяне, стоявшіе на площади, стали еще тѣснѣе прижиматься къ рѣшеткѣ. Среди нихъ можно было разглядѣть многихъ изъ жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ прежними полями Баррета.

Дѣло это возбуждало интересъ. Пименто — атандадоръ своего участка — обвинялъ вторгшагося къ нимъ ненавистнаго пришельца.

Батистъ былъ взволнованъ несправедливымъ обвиненіемъ. Онъ поблѣднѣлъ отъ негодованія и съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на всѣ эти знакомыя ему лица, на всѣхъ этихъ людей, которые, насмѣхаясь надъ нимъ, тѣснились у рѣшетки, и на врага своего Пименто, который развязно переваливался съ ноги на ногу, какъ человѣкъ, который привыкъ являться въ судъ и которому была присвоена небольшая доля столь неоспоримаго авторитета.

— Ваша очередь говорить,—сказалъ, обращаясь къ Пименто, старшій изъ судей, выставивъ въ то же время по направленію къ нему свою ногу, такъ какъ, по вѣковому обычаю, судьи эти, вмѣсто того, чтобы указывать рукой, указывали обутой въ бѣлую сандалію ногой.

Пименто приступилъ къ своему обвиненію. Вотъ этотъ человѣкъ, стоящій съ нимъ рядомъ,—быть можетъ, потому, что онъ недавно лишь прибылъ въ село,—думалъ, вѣроятно, что раздача воды лишь шутка, и что онъ въ правѣ дѣлать все, что ему угодно.

Онъ, Пименто, *атандадоръ*, назначилъ Батисту часъ для поливки, — именно два часа ночи, — но, вѣроятно, сеньоръ этотъ, не желая вставать такъ рано, пропустилъ свою очередь и лишь въ пять часовъ утра, когда поливка принадле-

жала другому, — поднявъ безъ всякаго позволенія шлюзъ (первый проступокъ), укралъ воду у своихъ сосѣдей (второй проступокъ) и намѣревался полить свое поле, сопротивляясь силой приказанію атандадора, — что составляетъ третій и послѣдній его проступокъ.

Трикратный преступникъ, то краснѣвшій, то блѣднѣвшій, возмущенный словами Пименто, не могъ сдержаться.

— Ложь, и трижды ложь!—воскликнулъ онъ.

Судьи возмутились недостаткомъ почтительности къ суду и энергіей, съ которой протестовалъ этотъ человѣкъ.

Если онъ не замолчитъ, его оштрафуютъ. Но какое было дѣло до штрафовъ этому миролюбивому человѣку, разгорѣвшемуся гнѣвомъ? Онъ продолжалъ протестовать противъ несправедливости людской и противъ суда, служителемъ котораго можетъ быть такой плутъ и обманщикъ, какъ Пименто.

Судъ взволновался, — всѣ семь судей пришли въ негодованіе.

— Сорокъ сентимовъ штрафа.

Давъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, Батистъ замолчалъ, испугавшись, что его еще оштрафуютъ, между тѣмъ какъ въ публикѣ раздался смѣхъ и громкіе радостные возгласы враговъ.

Онъ стоялъ неподвижно, съ опущенной головой и глазами, наполненными слезами ярости, въ то время какъ Пименто оканчивалъ излагать свое обвиненіе.

— Ваша очередь говорить, — обратился затѣмъ судъ къ Батисту. Но во взорахъ судей легко было прочесть, какъ мало они чувствуютъ симпатіи къ человѣку, своимъ протестомъ прервавшему торжественное теченіе судбища.

Батистъ заговорилъ, дрожа отъ гнѣва, заикаясь, не зная, съ чего начать свою защиту, именно потому, что считалъ себя, какъ нельзя болѣе, правымъ.

Онъ былъ обманутъ. Пименто обманщикъ и заклятый его врагъ. Онъ говорилъ ему, что его очередь въ пять часовъ утра, а теперь утверждаетъ, будто сказалъ, что въ два часа ночи—все это лишь для того, чтобы его выжить, чтобы погубить его урожай, отъ котораго зависитъ жизнь всей его семьи. Имѣетъ ли значеніе слово честнаго человѣка для суда? Все сказанное имъ—одна чистая правда, хотя онъ и не можетъ представить свидѣтелей. Не можетъ быть, чтобы сеньоры-судьи, столь хорошіе люди, повѣрили такому плуту, какъ Пименто!

Бѣлая сандалія предсѣдателя суда задвигалась по направленію къ говорившему, и онъ сказалъ: „замолчите“.

И Батистъ замолчалъ въ то время, какъ семиголовый судъ, отклонившись на диванъ, шептался, подготовляя приговоръ.

— Судъ присуждаетъ...—промолвилъ старѣйшій изъ судей и кругомъ водворилось глубокое молчаніе.

У всѣхъ, тѣснившихся за рѣшеткой, можно было прочесть въ глазахъ нѣкоторую тревогу, точно приговоръ касался ихъ лично, и всѣ взоры были прикованы къ устамъ стараго судьи.

— Батиста Бэруля уплатить десять пезетъ пени за его проступокъ и сорокъ сентимовъ штрафа.

Раздался шопотъ удовольствія, а одна старуха стала даже аплодировать.

Батистъ покинулъ судъ внѣ себя отъ негодованія. Онъ шелъ съ опущенной головой, сжавъ кулаки, и если бы передъ нимъ не посторонились, онъ, навѣрное, пустилъ бы въ ходъ свои сильные кулаки.

Онъ шелъ прямо въ домъ своихъ хозяевъ, чтобы разсказать имъ о томъ, что случилось, о непримиримой враждѣ къ нему крестьянъ, старающихся отравить ему существованіе; часъ спустя, уже нѣсколько успокоенный добрыми словами своихъ сеньоровъ, онъ направился въ обратный путь.

Прохожіе, которыхъ онъ встрѣчалъ на большой дорогѣ, молчали, дѣлая усилія, чтобы сохранить серьезность, хотя въ ихъ глазахъ блестѣло злорадство. Но лишь только онъ удалялся, за его спиной тотчасъ же раздавался дерзкій смѣхъ, а одинъ парень, передразнивая торжественный тонъ предсѣдателя суда, крикнулъ:

— Сорокъ сентимовъ штрафа!

У дверей трактира „Чарка“, Батистъ увидѣлъ издали врага своего Пименто съ стаканомъ вина въ рукахъ, окруженнаго друзьями. Онъ жестикулировалъ и смѣялся, какъ будто передразнивая протестъ и жалобы Батиста. Его осужденіе было радостной темой для разговора всего села—всѣ смѣялись.

Господи Іисусе! Теперь онъ—человѣкъ мирный и добрый отецъ семейства—понимаетъ, отчего люди убиваютъ.

По сильнымъ его рукамъ пробѣгала дрожь, и онъ чувствовалъ, что онѣ у него чешутся. Замедливъ шагъ, подходилъ онъ къ трактиру—ему хотѣлось видѣть, отважатся ли они смѣяться ему прямо въ лицо. И даже неслыханная вещь—онъ подумалъ о томъ, не войти ли ему въ трактиръ выпить стаканъ вина на виду у своихъ враговъ. Но штрафъ стоялъ у него поперекъ горла, и онъ не рѣшился израсходовать еще нѣсколько лишнихъ грошей.

Онъ зналъ объ угрозахъ Пименто, который, поддержи-

ваемый всѣмъ селомъ, клялся, что посѣявшій пшеницу на землѣ Баррета не соберетъ ея, и опасался за свою жатву, за пшеницу—надежду семьи, за ростомъ которой всѣ слѣдили жаднымъ взоромъ.

Молчаливая и напряженная ненависть провожала его неизмѣнно. Женщины сторонились отъ него, сжавъ губы и не удостаивая привѣтствія, обмѣниваться которымъ принято въ деревнѣ; мужчины, работавшіе въ полѣ, вблизи его участка земли, перебрасывались дерзкими восклицаніями, косвенно относившимися къ Батисту, а дѣти кричали издали: „бродяга! Дрянь!"

Если бъ Батистъ не былъ одаренъ сильными кулаками и могучими плечами въ косую сажень, какъ скоро расправилось бы съ нимъ село!—Но каждый надѣялся, что ненавистный сосѣдъ первый отважится напасть, а пока довольствовались тѣмъ, что враждовали съ нимъ издали.

Среди тоски, вызванной этимъ отчужденіемъ, Батистъ испыталъ также легкое ощущеніе удовольствія. Уже подходя къ своему дому, онъ увидѣлъ молодого парня, сидѣвшаго на бугоркѣ у дороги съ пилой между ногъ, подлѣ груды распиленнаго хвороста. Молодой человѣкъ всталъ:

— Добрый день, сеньоръ Батистъ.

И поклонъ этотъ, и трепетный голосъ застѣнчиваго юноши произвели на Батиста пріятное впечатлѣніе.

Онъ дружески заглянулъ парню въ большіе голубые глаза и старался припомнить, кто бы это могъ быть. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что это внукъ дяди Томба, хорошій парень, служившій работникомъ у мясника, за стадомъ котораго присматривалъ его дѣдушка.

— Спасибо, парень, спасибо!—прошепталъ Батистъ.

У дверей лачуги стояла его жена, окруженная малышами, нетерпѣливо ждавшая его, такъ какъ уже было время обѣда.

Батистъ посмотрѣлъ на свое поле,—и все, что ему пришлось вытерпѣть во время суда точно бѣшеной волной хлынуло къ мозгу.

Его поле жаждетъ поливки — это было ясно — всѣ листья съежились, блестящій и зеленый цвѣтъ ихъ пожелтѣлъ, сталъ прозрачнымъ. Имъ не хватало воды, которой Пименто лишилъ ихъ хитрымъ обманомъ. Теперь ему дадутъ воду не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, такъ какъ ея уже стало мало, а въ довершеніе несчастія надо еще платить пеню и штрафъ. О, Господи!..

Обѣдая безъ аппетита, разсказывалъ онъ женѣ о случившемся на судѣ.

Уронивъ ложку въ рисовую кашу, бѣдная женщина

всхлипывала, глотая слезы. Затѣмъ, вспыхнувъ внезапнымъ бѣшенствомъ и устремивъ глаза на ту часть долины, которая была видна черезъ открытую дверь со всѣми бѣлыми домиками и зелеными полями, она, простирая руки, воскликнула: „Изверги, изверги!"

Дѣти, испуганныя хмурымъ лицомъ отца и крикомъ матери, не принимались за ѣду. Они смотрѣли другъ на друга, нерѣшительные и изумленные, и кончили тѣмъ, что послѣдовали примѣру матери—расплакались надъ рисомъ.

Взвинченный этимъ общимъ хоромъ всхлипываній, Батистъ вскочилъ въ ярости и, почти опрокинувъ ударомъ мощнаго кулака маленькій столъ, — выбѣжалъ вонъ изъ лачуги.

Батисту показалось, что солнце жжетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и одна мысль ужаснѣе другой проносилась у него въ головѣ. До слѣдующей поливки поле не можетъ устоять, оно погибнетъ — жатва пропадетъ, и у семьи не будетъ хлѣба.

Наконецъ, когда солнце сѣло, Батистъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, точно солнце зашло навсегда, и его пшеница спасена.

Онъ ушелъ съ поля и, отходя все дальше и дальше, незамѣтно, медленнымъ шагомъ спустился внизъ, по направленію къ трактиру. Батистъ не думалъ уже о томъ, что на свѣтѣ есть полиція, и даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ представлялъ себѣ возможность встрѣтиться здѣсь съ Пименто.

Навстрѣчу ему, по возвышенному краю дороги, шла быстрымъ шагомъ толпа дѣвушекъ, которыя съ корзинами въ рукахъ возвращались съ фабрикъ.

Батистъ увидѣлъ и свою дочь идущую отдѣльно отъ товарокъ. Но она была не одна. Ему показалось, что она разговариваетъ съ человѣкомъ, шагающимъ по тому же пути, что и она, хотя и нѣсколько поодаль, какъ всегда ходятъ въ селѣ женихи: вѣдь близость считается признакомъ грѣха.

Увидавъ Батиста, этотъ человѣкъ отсталъ нѣсколько и остался позади, между тѣмъ какъ Росета подошла къ отцу.

Этотъ послѣдній продолжалъ стоять неподвижно, желая, чтобы незнакомецъ прошелъ мимо, и онъ бы его могъ узнать.

— Доброй ночи, сеньоръ Батистъ.

Это былъ тотъ же робкій голосъ, который привѣтствовалъ его среди дня.

Онъ взглянулъ на дочь, покраснѣвшую до корней волосъ.

— Домой ступай, домой... ужо я покажу тебѣ!

И онъ зашагалъ домой съ испуганной Росетой, кото-

рая вся дрожала и была увѣрена, что ей не избѣжать грозы.

Но она ошиблась. У бѣднаго ея отца не было въ ту минуту другихъ дѣтей, кромѣ поля, — несчастной, поблекшей, жаждущей поливки пшеницы, требующей поскорѣе воды, чтобы не умереть.

Онъ только объ этомъ и думалъ, пока жена приготовляла ужинать, а Росета ходила по избѣ, дѣлая видъ, что она чѣмъ-то занята.

Батистъ смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ семья истребляетъ ѣду, и никогда еще не понималъ такъ ясно, какое бремя лежитъ у него на плечахъ. Всѣ они останутся безъ хлѣба, если погибнетъ жатва. Мысль о канавѣ, протекавшей съ тихимъ журчаніемъ вблизи поля, мучила и терзала его. Вдругъ онъ вскочилъ какъ, человѣкъ, принявшій рѣшеніе, для выполненія котораго готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ угодно.

— Поливать, поливать поле!

Тереса испугалась, тотчасъ же понявъ всю опасность такого отчаяннаго рѣшенія...

— Побойся Бога, Батистъ! Тебя присудятъ къ еще болѣе значительному штрафу, а можетъ быть, и навсегда лишатъ воды... Ужъ лучше бы подождать.

Но гнѣвъ Батиста былъ гнѣвомъ сдержанныхъ, флегматичныхъ людей, которые, потерявъ обычное хладнокровіе, не такъ-то скоро приходятъ въ себя.

— Поливать, поливать поле!

И Батистетъ, весело повторяя слова отца, схватилъ лопаты и вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи сестры и малышей.

Всѣ они желали принять участіе въ работѣ, которая имъ казалась праздникомъ.

Ихъ охватило возбужденное веселье народа, возвращающаго себѣ свободу мятежомъ.

Всѣ двинулись по направленію къ канавѣ, тихо журчавшей въ тѣни. Необъятная долина точно терялась въ голубоватыхъ сумеркахъ,--темныя массы волнующагося тростника шумѣли и шептались, а звѣзды мигали на небѣ.

Батистъ вошелъ въ канаву и поднялъ шлюзъ, между тѣмъ какъ сынъ, жена и даже дочь счищали бугорки лопатами и открывали проходъ, черезъ который вода била веселымъ ключемъ.

Вся семья наслаждалась, какъ будто утоляя *свою* жажду.

Земля жадно пила, съ громкими звуками *глу-глу*, которые всѣмъ радовали сердце. Пей, пей, бѣдняга. И они ходили, нагнувшись, по всему полю, чтобы убѣдиться, всюду ли доходитъ вода.

Батистъ былъ на верху блаженства!.. Какое бремя свалилось у него съ плечъ!.. Пусть теперь приходятъ всякіе ставленники суда и дѣлаютъ, что хотятъ. Его поле спасено, а это главное.

И такъ какъ ему, съ его тонкимъ слухомъ человѣка, привыкшаго къ одиночеству, показалось, будто въ сосѣднихъ тростникахъ раздаются какіе то странные звуки, онъ побѣжалъ въ домъ и немедленно вернулся оттуда съ новымъ, недавно купленнымъ ружьемъ въ рукахъ.

Прижавъ пальцемъ курокъ, онъ такъ простоялъ больше часу на берегу канавы.

Вода уже не текла тамъ, а ушла вся въ поле Батиста.

Быть можетъ, сосѣди негодуютъ и жалуются; быть можетъ, Пименто, какъ атандадора, уже увѣдомили о случившемся, и онъ ходитъ вблизи, негодуя на столь дерзкое нарушеніе закона. Но Батистъ продолжалъ стоять, какъ стражъ своего поля, какъ рѣшительный борецъ за существованіе семьи. Въ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ неподвижно среди канавы, чувствовалось такое твердое рѣшеніе выстрѣлить въ перваго, кто явится сюда, что никто не вышелъ изъ ближайшихъ тростниковъ, и поле Батиста вбирало въ себя воду въ теченіе цѣлаго часа безъ малѣйшей помѣхи.

Еще болѣе странно было то, что въ слѣдующій четвергъ атандадоръ не вызвалъ его на судбище Водъ.

Жители села убѣдились, что въ старой лачугѣ дяди Баррета имѣется теперь одна цѣнная вещь—двуствольное ружье, и что ненавистный пришелецъ со страстностью уроженца Валенсіи готовъ отказаться отъ куска хлѣба, лишь бы только имѣть за дверью жилища новое ружье, возбуждающее зависть и внушающее уваженіе.

V.

Ежедневно Росета, дочь Батиста, вскакивала на разсвѣтѣ изъ постели и, выгибая руки граціознымъ движеніемъ, отъ котораго трепетало все ея гибкое тѣло, шла отворять дверь дома.

Скрипѣлъ воротъ колодца, съ радостнымъ лаемъ прыгала некрасивая собаченка, проводившая ночь на дворѣ, и Росета, при мерцаніи послѣднихъ, догорающихъ звѣздъ, обливала себѣ лицо и руки холодной водой. Затѣмъ она зажигала свѣчку, быстро причесывалась, одѣвалась, клала себѣ на обѣдъ въ корзину остатки ужина, повязывалась платкомъ и, бросивъ прощальный взглядъ на малышей,

спавшихъ со старшимъ братомъ на полу, выходила изъ лачуги, говоря: „прощайте до вечера“.

День уже занимался, и при голубоватомъ его свѣтѣ видны были на тропинкахъ и на дорогѣ цѣлыя вереницы тружениковъ, направлявшихся къ городу.

Росета шла одна. Бѣдняжка хорошо знала чувства къ ней ея товарокъ—дочерей и сестеръ тѣхъ, кто такъ сильно ненавидѣлъ ея семью.

Многія изъ этихъ дѣвушекъ работали на той же фабрикѣ, что и она; не разъ приходилось ей выносить отъ нихъ оскорбленія и терпѣть нападки.

Въ первое время Росета испытывала страхъ, когда наступали сумерки, и нужно было уходить съ фабрики. Боясь подругъ, шедшихъ по той же дорогѣ, Росета оставалась еще нѣкоторое время на фабрикѣ, пока не уходили всѣ. Затѣмъ она лѣниво бродила по городу, дѣлая нѣкоторыя закупки, порученныя ей матерью, останавливаясь въ изумленіи передъ выставками въ окнахъ магазиновъ, которые начинали освѣщаться, и, наконецъ, перейдя мостъ, шла по темнымъ переулкамъ предмѣстья, чтобы выйти на дорогу.

До сихъ поръ все еще шло хорошо. Но тутъ начинались страхи. Не темнота и безлюдье пугали ее. Къ нимъ она привыкла. Если-бъ она могла быть увѣрена, что никого не встрѣтитъ по дорогѣ—она была бы спокойна. Не привидѣнія, не мертвецы пугали ее, какъ нѣкоторыхъ изъ ея товарокъ, а живые. Съ дрожью вспоминала она о разсказахъ, слышанныхъ на фабрикѣ.

Дома Росета ничего не говорила. Бѣдная дѣвушка не хотѣла, чтобы отецъ выходилъ ей навстрѣчу. Ей была извѣстна вся ненависть къ нему сосѣдей, а трактиръ „Чарка“ съ его посѣтителями, внушалъ ей настоящій ужасъ.

Однажды вблизи города Росетѣ встрѣтился по дорогѣ молодой человѣкъ, который пошелъ рядомъ съ ней.

— Доброй ночи!—привѣтствовалъ онъ ее.

Прядильщица шла по высокому краю дороги, а молодой человѣкъ шелъ внизу, посрединѣ дороги. Это былъ Тонетъ, внукъ дяди Томба, добрѣйшій парень, надъ которымъ прядильщицы шелка вѣчно смѣялись, глядя, какъ онъ краснѣетъ и отворачиваетъ лицо при ихъ довольно-таки рискованныхъ шуткахъ.

Онъ не курилъ, былъ всего два или три раза въ своей жизни въ трактирѣ „Чарка“, а по воскресеньямъ, если у него случалось нѣсколько свободныхъ часовъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть, какъ играютъ въ мячъ парни, онъ уходилъ въ поле и восторженно прислушивался къ пѣнію птицъ.

Сельскіе обыватели видѣли въ немъ чудака, также,

какъ и въ пастухѣ, его дѣдушкѣ. Его считали „несчастненькимъ“.

Розета оживилась въ обществѣ молодого парня. Теперь ей нечего бояться. Тонетъ внушалъ ей полнѣйшее довѣріе.

Она заговорила съ нимъ, спрашивая, откуда онъ идетъ, а онъ отвѣчалъ неопредѣленно, съ обычной своей застѣнчивостью: „оттуда... оттуда“... И потомъ замолчалъ, точно эти немногія слова стоили ему величайшихъ усилій.

Молча, прошли они всю дорогу, разставшись только возлѣ самаго дома.

— Доброй ночи, и спасибо!—сказала дѣвушка.

— Доброй ночи!—отвѣтилъ онъ и исчезъ, повернувъ въ городъ.

Теперь она вспомнила, что встрѣчалась съ нимъ иногда и утромъ, идя въ городъ, и ей казалось, что Тонетъ старался всегда идти съ ея стороны дороги, хотя и нѣсколько поодаль, чтобы не привлечь вниманія насмѣшливыхъ прядильщицъ, и, кромѣ того, она припомнила, что когда ей случалось неожиданно повернуть голову, его глаза оказывались всегда устремленными на нее.

На слѣдующій день утромъ, отправляясь въ Валенсію, она не встрѣтила его, но вечеромъ, на возвратномъ пути, дѣвушка не чувствовала страха, хотя сумерки наступили темныя и дождливыя. Она предчувствовала появленіе спутника, придававшаго ей такую бодрость. И дѣйствительно, онъ встрѣтился ей почти въ томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ.

Онъ и на этотъ разъ велъ себя такъ же, какъ всегда.—„Доброй ночи“,—а затѣмъ молча пошелъ рядомъ.

Росета была болѣе разговорчива. Откуда онъ идетъ? Что за случайность—два дня къ ряду они встрѣчаются. А онъ, запинаясь, точно слова стоили ему величайшихъ усилій,—отвѣчалъ, какъ всегда: „оттуда, оттуда“.

Дѣвушка, отъ природы столь же застѣнчивая, какъ и онъ, чувствовала, однако, желаніе смѣяться надъ его смущеніемъ. Она разсказала ему о своихъ страхахъ, и Тонетъ, довольный тѣмъ, что можетъ оказать услугу дѣвушкѣ, раскрылъ, наконецъ, ротъ, чтобы сообщить ей, что онъ будетъ часто ее сопровождать, такъ какъ у него всегда есть хозяйскія порученія въ село.

На другое утро она проснулась съ страннымъ чувствомъ. День былъ воскресный, и ей не надо было спѣшить на фабрику. Какъ птичка весело распѣвая, вынула она изъ большого семейнаго сундука свой праздничный нарядъ и разложила его на постели.

Росета очень любила воскресенья—когда можно было по-

дольше поспать утромъ, ничего не дѣлать днемъ и отправиться съ матерью къ обѣднѣ. Но это воскресенье казалось ей лучше остальныхъ: солнце свѣтило какъ-то ярче, птицы пѣли болѣе звонко, въ окошечко врывался такой славный душистый воздухъ, однимъ словомъ — это утро имѣло въ себѣ что-то новое, необычайное.

Впервые Росетѣ захотѣлось принарядиться. Мать часто пушила ее за небрежное, беззаботное отношеніе къ своей внѣшности. Въ шестнадцать лѣтъ дѣвушкѣ ужъ слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы понравиться людямъ. Какъ глупо она дѣлала, смѣясь надъ матерью, когда та называла ее неряхой.

Теперь она будетъ заботиться о себѣ. И въ первый разъ въ жизни просидѣла она болѣе четверти часа за крохотнымъ зеркальцемъ, подареннымъ ей отцомъ, стараясь получше причесаться. Затѣмъ надѣла корсетъ—жестокій панцырь валенсіанскихъ крестьянокъ, раздавливающій грудь,—облеклась въ свое воскресное ситцевое платье и заботливо приколола на головѣ мантилью.

Вечеръ прошелъ скучно. Съ порога избы Росетѣ нѣсколько разъ казалось, что она видитъ Тонета, скитающагося по отдаленнымъ тропинкамъ и прячущагося въ тростникѣ, чтобы оттуда смотрѣть на нее. Прядильщицѣ хотѣлось, чтобы скорѣй насталъ понедѣльникъ, когда она пойдетъ на фабрику, и на возвратномъ пути ее будетъ провожать Тонетъ.

Такъ оно и было. Онъ ее встрѣтилъ еще ближе къ городу, чѣмъ въ тѣ разы:—Доброй ночи!

Но, сказавъ эти слова, онъ не умолкъ, какъ всегда, а принялся говорить, хотя и съ усиліемъ, волнуясь. Онъ радъ, что она такъ хорошо выглядитъ (Росета улыбнулась и тихо прошептала: „спасибо"!), — было ли ей весело въ воскресенье? Молчаніе... Онъ этотъ день плохо провелъ... Ему было скучно... Вѣрно оттого, что... чего-то ему недоставало... понятно, онъ уже привыкъ по вечерамъ ходить по большой дорогѣ... нѣтъ, не то... ему нравилось провожать ее...

Тутъ онъ остановился.

Долго шли они затѣмъ молча, и дѣвушка ничего ему не отвѣтила... Но когда прошло нѣкоторое время, она страшно смутила его, задавъ вдругъ вопросъ: — Зачѣмъ онъ провожаетъ ее? Что скажутъ люди? Если ея отецъ узнаетъ объ этомъ, ей достанется...

— Зачѣмъ ты дѣлаешь это?—спрашивала дѣвушка.

И молодой парень, — все болѣе печальный и робкій, точно уличенный преступникъ, который долженъ выслушать приговоръ,—ничего не отвѣтилъ. Онъ шелъ тѣмъ же шагомъ, какъ и она, но немного въ сторонѣ отъ нея, спо-

тыкаясь о край дороги. Росетѣ показалось, что онъ готовъ расплакаться.

Но уже вблизи дома, когда имъ приходилось разстаться, Тонетъ вдругъ, съ неожиданной рѣшительностью заговорилъ, отвѣчая на вопросъ дѣвушки, какъ будто она только что задала его:

— Затѣмъ... Затѣмъ, что я тебя люблю.

Онъ сказалъ это, приблизившись къ ней, такъ что его дыханіе касалось ея лица, глаза его горѣли,—точно вся истина исходила изъ нихъ, — а затѣмъ, снова раскаявшись, испуганный, уничтоженный, онъ бросился бѣжать, точно ребенокъ.

Итакъ, онъ любитъ ее... Уже два дня дѣвушка ждала этихъ словъ, и, тѣмъ не менѣе, они поразили ее, какъ неожиданное открытіе.—И она тоже любитъ его!—Всю ночь и даже во снѣ ей слышался тысячу разъ шепотъ:

„*Оттого, что я тебя люблю*“.

Тонетъ не сталъ ждать слѣдующаго вечера. Росета увидѣла его на разсвѣтѣ: онъ спрятался за стволомъ бѣлой шелковицы и смотрѣлъ оттуда на нее съ тревогой, какъ ребенокъ, который боится выговора за проказу.

Но прядильщица, покраснѣвъ, только улыбнулась—и ни слова. Все было сказано.—Они не сказали еще разъ, что любятъ другъ друга, но то, что съ этой минуты они женихъ и невѣста—было дѣло рѣшенное.

Отношенія ихъ были невинныя. Они шли по почти пустынной дорогѣ, въ ночныя сумерки, и само это уединеніе, казалось, удаляло изъ ихъ мыслей всякое нечистое желаніе.

Однажды Тонетъ нечаянно дотронулся до таліи Росеты и покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

Прядильщица, передъ тѣмъ такъ желавшая появленія долгихъ, свѣтлыхъ вечеровъ, съ тревогой увидѣла, что они уже настали. Теперь, когда она шла съ своимъ женихомъ, на дорогѣ попадались ея товарки, которыя, увидавъ ихъ вмѣстѣ, ехидно улыбались.

На фабрикѣ дѣвушки стали донимать ее насмѣшками, иронически спрашивая, когда же ея свадьба, и прозвали ее *пастушкой*, оттого что за ней ухаживаетъ внукъ дяди Томба.

Бѣдная Росета испытывала величайшую тревогу. Достанется ужъ ей! Когда-нибудь извѣстіе дойдетъ и до слуха отца. Въ это то время и случилось, что Батистъ увидалъ ее, идущую по дорогѣ въ обществѣ Тонета.

Однако, ничего худого не вышло. Счастливый случай съ поливкой поля спасъ ее. Батистъ, радуясь, что его жатва внѣ опасности, ограничился тѣмъ, что нѣсколько разъ взглянулъ на дочь, сдвинувъ брови и предупредивъ ее мед-

леннымъ движеніемъ указательнаго пальца, чтобы впредь она возвращалась съ фабрики одна, если не желаетъ получить хорошей встрепки.

И цѣлую недѣлю она возвращалась одна. Тонетъ боялся сеньора Батиста и довольствовался тѣмъ, что скрывался гдѣ-нибудь вблизи дороги, чтобы смотрѣть на проходившую прядильщицу или слѣдовать за нею издали.

Однажды въ воскресенье вечеромъ Росета, уставъ прогуливаться взадъ и впередъ безъ дѣла у дверей дома, взяла кувшинъ и сказала матери, что пойдетъ за водой къ источнику Королевы.

Мать пустила ее. Надо же развлечься бѣдной дѣвушкѣ—и такъ-то у нея нѣтъ подругъ, а молодость должна же взять свое.

Источникъ Королевы былъ гордостью всего села. По словамъ Пименто, этотъ источникъ—мавританскаго происхожденія, а по мнѣнію дяди Томба, которое онъ высказывалъ съ торжественностью оракула, это былъ памятникъ еще отъ тѣхъ временъ, когда апостолы странствовали по свѣту, чтобы крестить разныхъ плутовъ и негодяевъ.

Источникъ королевы представлялъ изъ себя четыреугольный водоемъ со стѣнками изъ пожелтѣвшаго камня и водой, стоящей ниже уровня почвы. Нужно было спуститься къ ней внизъ по шести ступенькамъ, всегда скользкимъ и зеленымъ отъ сырости. На передней стѣнѣ каменнаго прямоугольника виднѣлся барельефъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать. Должно быть, это была Богородица, окруженная ангелами, грубое и наивное произведеніе искусства Среднихъ Вѣковъ, но нѣкоторыя фигуры были вовсе стерты, другія же покрыты слоемъ штукатурки, такъ что на камнѣ можно было разглядѣть лишь безформенный образъ женщины—*королевы*, давшей имя источнику: королевы мавровъ, какъ непремѣнно должно гласить всякое сельское преданіе.

По воскресеньямъ, вечеромъ, тутъ обыкновенно бывала давка. Въ этотъ вечеръ здѣсь собралось около тридцати дѣвушекъ съ кувшинами. Каждая изъ нихъ желала первая набрать воды, но никто не спѣшилъ уходить. Онѣ толкались по узенькой лѣстницѣ, захвативъ юбки между ногъ, чтобъ наклониться и опустить кувшины въ большой бассейнъ, поверхность котораго была покрыта пузырями.

Дѣвушки, набравшія уже воды въ свои кувшины, разсѣлись вокругъ бассейна.

Шумное сборище у источника замолкло, увидавъ Росету. Зачѣмъ это пришла сюда эта нищенка?

Росета поклонилась двумъ или тремъ дѣвушкамъ, кото-

рыя вмѣстѣ съ нею работали на фабрикѣ; тѣ, сжавъ губы, едва отвѣтили ей на поклонъ и продолжали разговоръ, какъ будто ничего не случилось.

Росета спустилась къ источнику, наполнила водой свой кувшинъ и, приподнявъ голову, окинула изъ-за стѣны источника тревожнымъ взглядомъ всю долину.

— Смотри себѣ... смотри—онъ все равно не придетъ!

Эти слова крикнула ей чернушка, племянница Пименто, дѣвушка дерзкая, нервная, гордившаяся тѣмъ, что она единственная дочь, и что ея отецъ не арендаторъ, такъ какъ четыре поля, которыя онъ обрабатывалъ, были его полной собственностью.

— Да, да—пускай себѣ смотритъ сколько угодно, онъ не придетъ. Всѣмъ вѣдь извѣстно, кого она ждетъ — своего жениха, внука дяди Томба.

— Вотъ такъ парочка—нечего сказать!

И тридцать жестокихъ устъ смѣялись, и смѣялись такъ, точно кусались, и не потому, чтобы самый сюжетъ ихъ очень забавлялъ, а только для того, чтобы досадить дочери ненавистнаго Батиста.

— Пастушка!.. Божественная пастушка!

Росета равнодушно пожала плечами. Ничего иного она и не ждала; притомъ же, насмѣшки на фабрикѣ уже притупили ея чувствительность.

Она взяла свой кувшинъ и стала подниматься вверхъ по ступенькамъ.

— Однако, какъ эта піявка присасывается! Только нѣтъ: не выйдетъ она замужъ за внука дяди Томба, — говорила чернушка.—Хоть онъ и „несчастненькій" и голъ, какъ соколъ, но все же человѣкъ честный, не породнится съ воровской семьей.

Росета чуть не выронила кувшина изъ рукъ. Она вспыхнула такой яркой краской, точно эти слова, ударивъ ее по сердцу, заставили всю кровь отхлынуть къ лицу, и тотчасъ же затѣмъ поблѣднѣла, какъ мертвецъ.

— Кто воръ? Кто? — спросила она дрожащимъ голосомъ, вызвавшимъ смѣхъ у всѣхъ дѣвушекъ.

— Кто? Твой отецъ. Дядѣ Пименто это хорошо извѣстно, а въ трактирѣ только и разговоровъ, что объ этомъ. Вы думали, что прошлое останется скрытымъ? Вы бѣжали изъ своего села, потому что были слишкомъ хорошо извѣстны тамъ; явились сюда завладѣть тѣмъ, что вамъ не принадлежитъ. Говорятъ даже, будто сеньоръ Батистъ высиживалъ въ тюрьмѣ за свои хорошія дѣла...

Такъ держала свою рѣчь чернушка, выкладывая все слышанное ею дома и на селѣ—всю ложь, измышленную

обычными завсегдатаями трактира „Чарка", — цѣлую сѣть клеветы, изобрѣтенную Пименто, который съ каждымъ разомъ чувствовалъ все меньше расположенія напасть лицомъ къ лицу на Батиста и старался преслѣдовать его и утомить путемъ оскорбленій.

Твердость отца тотчасъ же проявилась и въ Росетѣ, трепещущей, запинающейся отъ бѣшенства, съ глазами, налитыми кровью. Она выронила изъ рукъ кувшинъ. Онъ разлетѣлся въ дребезги, обливъ водой сидѣвшихъ по близости дѣвушекъ, которыя хоромъ протестовали, обозвавъ ее скотиной. Но станетъ она обращать вниманіе на такой вздоръ!

— Мой отецъ?..—кричала она, наступая на дерзкую дѣвушку.— Мой отецъ воръ? Повтори-ка это еще разъ, и я разобью тебѣ въ дребезги башку.

Но чернушкѣ не пришлось повторить свои слова, такъ какъ прежде, чѣмъ она могла раскрыть ротъ, она получила по лицу увѣсистый ударъ, и пальцы Росеты вцѣпились ей въ косу. Инстинктивно и она схватилась за свѣтлые волосы прядильщицы, и нѣсколько минутъ продолжалась бѣшеная потасовка. Но Росетѣ, какъ болѣе сильной или болѣе взбѣшенной, удалось вырваться изъ рукъ противницы, и она уже собралась нанести ей рѣшительный ударъ, такъ какъ свободной рукой уже сняла деревянный башмакъ съ ноги, какъ вдругъ произошло нѣчто неслыханное, страшное, позорное.

Безъ словъ и предварительнаго уговора,—какъ будто ненависть ихъ семействъ, всѣ рѣчи и проклятія, раздававшіяся дома, внезапно проснулись въ нихъ,—всѣ дѣвушки разомъ набросились на дочь Батиста.

— Воровка, воровка!..

И Росета исчезла въ кучѣ гнѣвно поднятыхъ рукъ. Лицо ея покрылось царапинами, удары такъ и сыпались на нее, и перебрасываемая то въ ту, то въ другую сторону, она, наконецъ, упала, скатившись внизъ по ступенькамъ, и ударилась лбомъ о каменный выступъ.

— Кровь!..

Это слово подѣйствовало, точно камень брошенный въ дерево, усѣянное птицами. Дѣвушки разбѣжались въ разныя стороны съ кувшинами на головахъ, и вблизи источника не осталось никого, кромѣ Росеты, которая, съ растрепанными волосами, разорваннымъ платьемъ, выпачканнымъ кровью и пылью лицомъ, съ плачемъ поплелась домой.

Увидавъ дочь, Батистъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ, устремивъ взглядъ на избу Пименто, крыша которой выдѣлялась изъ тростника.

Но онъ сдержался и кончилъ тѣмъ, что сталъ нѣжно

бранить дочь свою. Случившееся научитъ ее не ходить больше по селу. Имъ надо избѣгать всякаго соприкосновенія съ сосѣдями; дружно и тихо должны они жить въ своей избушкѣ и не уходить съ поля, отъ котораго зависитъ все ихъ существованіе. Придти же къ нимъ на домъ — крестьяне не рѣшатся.

VI.

Проходя мимо мельницы Кадена, по дорогѣ, ведущей къ морю,—поселяне утромъ и вечеромъ слышали что-то вродѣ гудѣнья осинаго гнѣзда.

Медленный и однообразный шумъ, который, казалось, несся изъ-за деревьевъ, исходилъ изъ школы дона Іоакима.

Никогда еще знаніе не пользовалось такимъ плохимъ помѣщеніемъ, хотя и вообще-то оно рѣдко обитаетъ во дворцахъ.

Тутъ оно пріютилось въ старой лачугѣ, куда свѣтъ проникалъ только черезъ дверь и расщелины въ крышѣ; стѣны были сомнительной бѣлизны, такъ какъ жена учителя, — толстуха, которая почти не вставала съ соломеннаго стула, цѣлый день ничего не дѣлая, лишь восхищаясь и слушая своего мужа. — Въ школѣ было всего нѣсколько скамеекъ, три листа грязной, рваной азбуки, прилѣпленной къ стѣнѣ разжеваннымъ хлѣбнымъ мякишемъ.

Во всемъ домишкѣ можно было найти лишь одну новую вещь: — гибкую и крѣпкую камышевку, которую учитель держалъ за дверями и черезъ каждые два дня мѣнялъ на новую, благо ему ничего не стоило срѣзать ее въ ближайшемъ тростникѣ.

Въ школѣ едва ли можно было найти три книжки:— одинъ и тотъ же букварь ходилъ по всѣмъ рукамъ. Но чего же больше? Здѣсь примѣнялся мавританскій методъ обученія: пѣніе и повтореніе до тѣхъ поръ, пока постояннымъ зазубриваніемъ знаніе не вбивалось въ крѣпкія головы учениковъ.

И оттого съ утра до вечера въ старой лачугѣ раздавалось скучное завываніе: „От... че... нашъ... иже... еси... на небеси... Пресвятая дѣва... Дважды два... четыре...“

Время отъ времени хоръ дѣтей умолкалъ, и раздавался величественный голосъ дона Іоакима, изливавшаго передъ ними потокъ своего знанія.

— Сколько дѣлъ милосердія?

— Сколько будетъ два изъ семи?

Учитель рѣдко бывалъ доволенъ полученными отвѣтами.

— Вы всѣ болваны—и слушаете меня такъ, какъ будто я говорю на греческомъ языкѣ. А еще подумать, что я съ вами обращаюсь такъ утонченно-вѣжливо, какъ въ городскихъ гимназіяхъ, стараюсь научить васъ хорошему обхожденію и умѣнью говорить по-людски! И то правда, что вамъ есть на кого походить—вы такіе же грубіяны, какъ и ваши отцы, которые вѣчно лаются, а, имѣя деньги на посѣщеніе трактира, изобрѣтаютъ тысячи предлоговъ, чтобы по субботамъ не уплатить мнѣ два сентима за школу.

И онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, исполненный негодованія.

Одѣтъ онъ былъ какъ-то странно: снизу, на ногахъ, у него были надѣты рваныя плетенки изъ веревокъ, всегда въ грязи, панталоны старыя, полуплисовыя; руки его были шаршавыя, жесткія, Но вверху сказывался сеньоръ, и видно было „званіе священнослужителя просвѣщенія“, какъ онъ выражался, — то, что его отличало отъ всего населенія деревни: именно, пестрый галстухъ на груди грязной рубахи, длинные, щетинистые усы, дѣлившіе пополамъ красное лицо, съ толстыми щеками, и голубая фуражка съ клеенчатымъ козырькомъ—память объ одной изъ многихъ должностей, которыя онъ занималъ въ своей жизни, наполненной приключеніями.

Одно только это и утѣшало его въ горестной жизни — въ особенности же галстухъ, котораго никто не носилъ во всей окрестности, и которымъ онъ щеголялъ, какъ знакомъ высочайшаго отличія, чѣмъ-то вродѣ деревенскаго Золотого Руна.

Чего только не видѣлъ этотъ человѣкъ!.. Гдѣ только не странствовалъ!.. Былъ онъ и желѣзнодорожнымъ служащимъ, былъ чиновникомъ по сбору податей въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Испаніи; ходилъ даже слухъ, будто онъ занималъ должность полицейскаго въ Америкѣ—словомъ, этотъ человѣкъ стоялъ когда-то высоко, а затѣмъ спустился внизъ.

И кумушки села уважали его, какъ выдающагося человѣка, что, однако, не мѣшало имъ немного посмѣиваться надъ зеленымъ казакиномъ съ клѣтчатыми фалдами, который онъ надѣвалъ по праздникамъ, когда пѣлъ за поздней обѣдней въ церковномъ хорѣ.

Нужда загнала его, вмѣстѣ съ громоздкой толстухой-женой, въ это село, какъ могла загнать и въ другое мѣсто. Здѣсь онъ помогалъ сельскому секретарю, когда у того оказывались чрезвычайныя занятія,—приготовлялъ изъ извѣстныхъ только ему травъ снадобья, творившія чудеса въ деревушкахъ, такъ какъ всѣ признавали его за очень *знаю-*

щаго человѣка; безъ всякаго диплома учителя, но за то и безъ страха, что у него отнимутъ школу, не дающую даже на хлѣбъ, онъ путемъ зубренія и ударовъ камышевки добивался того, что ученики читали по складамъ, и въ школѣ смирно просиживали тѣ самыя ребята отъ пяти до десяти лѣтъ, которыя въ праздничные дни бросали каменьями въ птицъ, таскали фрукты изъ садовъ и преслѣдовали собакъ на проселочныхъ улицахъ.

Каждое слово, которое его ученики плохо выговаривали (а они ни одного не выговаривали хорошо), вызывало у дона Іоакима припадки гнѣва, заставляя съ негодованіемъ вздымать руки кверху, такъ что онъ касался ими закопченнаго потолка лачуги. Болѣе всего гордился донъ-Іоакимъ утонченностью своего обращенія съ учениками, которыхъ то и дѣло величалъ сеньорами.

— Вы должны, сеньоры, смотрѣть на эту скромную лачугу,—ораторствовалъ донъ-Іоакимъ передъ тридцатью ребятишками, слушавшими его со смѣсью скуки и страха передъ камышевкой, — какъ на храмъ учтивости и утонченнаго обращенія. Что я говорю, храмъ! Это яркій свѣточъ, который сверкаетъ и разгоняетъ мракъ варварства въ селѣ. Что были бы вы безъ меня? А теперь вы, съ помощью Божіей, выйдя отсюда, будете людьми, какъ слѣдуетъ, и сумѣете всюду хорошо выказать себя, потому что имѣли счастье встрѣтить такого учителя, какъ меня, не правда ли?..

Дѣти отвѣчали усиленными кивками головы.

Иногда слышался возлѣ избы однообразный звонъ бубенчиковъ, и всю школу охватывало радостное волненіе. Это приближалось стадо дяди Томба, а ученики знали, что когда является старый пастухъ со своимъ стадомъ,—на ихъ долю выпадаетъ часа два отдыха.

Донъ-Іоакимъ чувствовалъ большую симпатію къ старому пастуху, такъ много видѣвшему и знавшему. Усѣвшись вдвоемъ на скамейкѣ у дверей лачуги, учитель и пастухъ принимались болтать и разсуждать о всякой всячинѣ, вызывая молчаливое удивленіе доньи-Іосефы и старшихъ учениковъ, окружавшихъ скамью, чтобы послушать, о чемъ идетъ рѣчь.

Пастухъ жаловался на теперешнія плохія времена въ Испаніи, сообщалъ разсказы лицъ, прибывшихъ изъ Валенсіи, говорилъ о томъ, что плохое правительство виновато въ плохихъ жатвахъ, и всегда кончалъ однимъ и тѣмъ же припѣвомъ:

— Мои времена, дядя Іоакимъ, были совсѣмъ другія. Вы не знали ихъ, но и ваше время было лучше теперешняго.

Кругомъ все становится хуже и хуже. Чего только не увидятъ эти малыши, когда выростутъ!

Затѣмъ начинались нескончаемые разсказы о томъ, какъ онъ участвовалъ въ партизанскомъ отрядѣ *Фраимъ*, сражался съ французами, и о томъ, сколько онъ ихъ собственноручно уложилъ, причемъ число жертвъ росло съ каждымъ разомъ.

Но жалобное блеянье овецъ привлекало, наконецъ, вниманіе учителя.

— Сеньоры мои, — кричалъ онъ дерзкимъ ребятишкамъ, одновременно хватаясь за камышевку:—Всѣ сюда! Не воображаете ли вы, что можно цѣлый день проводить въ играхъ и развлеченіяхъ? Здѣсь надо работать.

И чтобы доказать это собственнымъ примѣромъ, онъ изо всѣхъ силъ махалъ камышевкой, загоняя въ овчарню знанія стадо разыгравшихся шалуновъ.

— Съ вашего позволенія, дядя Томба. Мы проболтали съ вами больше двухъ часовъ. Я долженъ продолжать урокъ!

Когда солнце садилось, дѣти пѣли послѣдній гимнъ, благодаря Господа за то, что Онъ „излилъ на нихъ свой свѣтъ". Каждый бралъ свой пустой мѣшокъ для ѣды, такъ какъ, вслѣдствіе большихъ разстояній, дѣти уходили изъ дому съ провизіей, чтобы провести цѣлый день въ школѣ. И враги дона Іоакима говорили даже, что онъ весьма склоненъ наказывать учениковъ отнятіемъ у нихъ части ихъ запасовъ, чтобы такимъ путемъ восполнять пробѣлы въ стряпнѣ доньи Іосефы.

Въ группѣ учениковъ, путь которыхъ лежалъ по дорогѣ въ Альбарая,—были и трое сыновей Батиста. Для нихъ обратный путь домой часто превращался въ путь горечи и мукъ.

Взявшись за руки, всѣ трое шли позади остальныхъ ребятъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ, чтобы задѣвать ихъ.

Два старшихъ сына Батиста умѣли защищаться и, получивъ въ битвѣ большее или меньшее количество синяковъ, выходили нерѣдко даже побѣдителями. Но младшій, Паскуалетъ, полненькій, краснощекій малютка, которому было всего лишь пять лѣтъ, и котораго мать боготворила за его кротость и нѣжность, поднималъ страшный ревъ всякій разъ, какъ братья вступали въ битву съ товарищами.

Каждый вечеръ, лишь только донъ Іоакимъ, стоявшій на порогѣ школы, исчезалъ изъ виду, рябятишки начинали скакать вокругъ трехъ братьевъ, со смѣхомъ гоняясь за ними, лицемѣрно стараясь погладить по головѣ, а на самомъ дѣлѣ толкая и роняя въ каналъ, протекавшій на краю дороги.

— Воры! Воры!

Эта клевета, выдуманная врагами отца, выводила изъ себя сыновей Батиста.

Двое старшихъ, бросивъ Паскуалета, который, плача, прятался за стволомъ дерева, хватали съ земли камни, и сраженіе начиналось среди дороги.

Камни летѣли въ вѣтки деревьевъ, сбивая съ нихъ листву и ударяясь о стволы и о бугры дороги; деревенскія собаки выбѣгали съ ожесточеннымъ лаемъ, привлеченныя шумомъ борьбы, а женщины съ порога домовъ поднимали руки къ небу, съ негодованіемъ восклицая:

— Каторжники, черти!

Сраженіе кончалось лишь тогда, когда какой-нибудь проѣзжій возчикъ выхватывалъ кнутъ, или же изъ ближней избы выходилъ старикъ съ ремнемъ въ рукахъ—и тогда нападающіе убѣгали, страшась, чтобы донъ Іоакимъ не узналъ объ ихъ продѣлкѣ.

Между тѣмъ, трое братьевъ продолжали свой путь, почесывая синяки, полученные въ битвѣ.

Однажды вечеромъ бѣдная жена Батиста пришла въ ужасъ, увидавъ въ какомъ состояніи вернулись ея мальчики.

На этотъ разъ сраженіе было тяжкое. Ахъ, они разбойники! Двое старшихъ были въ крови и въ синякахъ—вещь не столь важная, но за то малютка вымокъ съ ногъ до головы, горько плакалъ и дрожалъ отъ испуга и холода.

Жестокіе школьники столкнули его въ каналъ, и братья вытащили его оттуда, всего покрытаго черной и липкой грязью.

Мать уложила его въ постель, но бѣдняга продолжалъ дрожать и въ ея объятіяхъ:

— Мама, мама!...

— Господи, дай намъ терпѣніе!.. Насъ, видно, всѣхъ рѣшили загубить здѣсь.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ переписки Глѣба Успенскаго.

Познакомился я лично съ Гл. Ив. Успенскимъ только въ началѣ 1883 года, когда мы уже давно знали другъ друга, какъ писатели. Передъ этимъ три года я провелъ въ Восточной Сибири, а въ семидесятыхъ годахъ, когда я бывалъ, частью даже живалъ въ Петербургѣ, Успенскій жилъ то за границею, то въ деревнѣ, и встрѣтиться намъ не пришлось. Теперь же въ началѣ 1883 года мы встрѣтились въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ" и у С. Н. Кривенка и скоро стали близкими пріятелями, такъ что возникшая на почвѣ этой близости переписка заключала въ себѣ черты душевной жизни Успенскаго, имѣющія біографическій интересъ. Посовѣтовавшись съ товарищами, которые могутъ безпристрастнѣе меня оцѣнить интересъ ниже предлагаемыхъ вниманію читателей писемъ Гл. Ив. Успенскаго, и получивъ поощреніе отъ нихъ для опубликованія, я считаю нужнымъ предпослать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Письма объемлютъ періодъ отъ 1883 до 1889 года. Начальная дата переписки объясняется началомъ знакомства. Успенскій умеръ въ 1902 году, но съ 1892 г. страдалъ тѣмъ мучительнымъ недугомъ, который отнялъ его геній у родной литературы и затѣмъ свелъ въ могилу. За эти десять лѣтъ страдальческой жизни я имѣю отъ Успенскаго всего только коротенькую надпись на фотографіи, снятой уже въ больницѣ и помѣченной 26 октября 1894 г.,—его послѣдній у меня автографъ. Передъ явнымъ обнаруженіемъ его болѣзни, я два года провелъ въ странствованіяхъ по Дальнему Востоку и тропической Азіи, поневолѣ прервавъ сношенія съ родиною. Къ тому же, уже въ 1890 г. Успенскій былъ сильно нервно боленъ, страдалъ галлюцинаціями и велъ болѣе уединенный образъ жизни. Такимъ образомъ, конечная дата этихъ писемъ завершаетъ собою послѣднее время послѣдняго свѣтлаго періода жизни нашего великаго писателя.

Отъ Успенскаго я получалъ много писемъ, но большею частью это были коротенькія записки, никакого біографическаго значенія

не имѣющія, если не считать такимъ значеніемъ обнаруживаемую ими хроническую нужду въ деньгахъ. Наши финансовыя операціи, впрочемъ, были очень скромнаго масштаба, большею частью отъ 3 и не больше 10 р. Конечно, эти записочки, какъ и многочисленныя указанія на встрѣчи, свиданія и пр., я не сохранялъ, откладывая лишь болѣе содержательныя. Такихъ нашлось всего четырнадцать за семь лѣтъ... Отдѣльно прочитанныя на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, эти письма не оставляли глубокаго впечатлѣнія. Тотъ ужасъ надвигающейся болѣзни, который вѣетъ отъ многихъ изъ нихъ, тогда не былъ такъ замѣтенъ, потому что черезъ какой-нибудь день, другой послѣ мучительнаго письма, Успенскій являлся тѣмъ же веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, озарявшимъ все своимъ свѣтлымъ юморомъ и заставлявшимъ забывать страдальческія строки, передъ тѣмъ прочитанныя. Теперь же эти письма, помѣщенныя одно за другимъ и освѣщенныя послѣдующими событіями, пріобрѣтаютъ біографическій интересъ, какъ продромы надвигающагося рокового недуга.

Если рядомъ съ этими предвѣстниками болѣзни, лишившей русскую литературу одного изъ крупнѣйшихъ ея представителей, читатель найдетъ въ этихъ строкахъ Успенскаго новыя черты, чтобы охарактеризовать душевную чистоту и нѣжную заботливость ихъ автора, не забывающаго нуждъ товарищей и всякаго человѣческаго существа, то тѣмъ лучше онъ дорисуетъ въ своемъ представленіи прекрасный образъ нашего, такъ безвременно и трагически, умолкшаго писателя.

Даты на письмахъ Успенскій ставилъ очень рѣдко. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я выставлялъ дату при полученіи; въ другихъ пришлось установить хронологію по разнымъ соображеніямъ. Изъ четырнадцати сохранившихся у меня писемъ Успенскаго, я не помѣщаю ниже пяти: три небольшія пріятельскія записки съ приглашеніемъ зайти, записку вышеупомянутаго финансоваго характера и небольшую записку объ авансѣ въ „Сѣв. Вѣстникѣ", которая потребовала бы длинныхъ комментаріевъ, здѣсь едва ли подходящихъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о первомъ письмѣ. Оно является отзвукомъ бесѣды, происходившей наканунѣ въ нашемъ небольшомъ обществѣ. Кромѣ Успенскаго и меня, были Михайловскій и Шелгуновъ, быть можетъ, и еще кто-нибудь. Во время бесѣды, коснулись Малороссіи и малороссіянъ. Успенскій, воспитывавшійся въ черниговской гимназіи и потому недурно знакомый съ бытовыми чертами моихъ украинскихъ земляковъ, началъ разсказывать разные эпизоды изъ своихъ черниговскихъ воспоминаній, которые сначала вызывали общій смѣхъ, а потомъ нѣсколько утомили, и я началъ подавать реплики, будучи, къ тому же, изъ числа присутствовавшихъ единственный малороссъ. Ни я и никто изъ присутствовавшихъ не считалъ, чтобы Успенскій меня обидѣлъ.

Однако, на слѣдующій день я получилъ покаянное письмо. Здѣсь есть уже и ссылка на нервное разстройство, и покаянное настроеніе, столь характеристичное впослѣдствіи для его недуга.

ПИСЬМА ГЛ. ИВ. УСПЕНСКАГО.

№ 1 (1883).

Сергѣй Николаевичъ! Я вчера наговорилъ Вамъ какой-то ерунды, не сердитесь ли Вы? Вы, пожалуйста, не обращайте вниманія на мою болтовню и знайте, что вотъ именно отъ такого-то нервнаго разстройства я и лѣчусь. Будьте, пожалуйста, снисходительны къ этому. Вотъ почему я предпочитаю въ такія минуты быть одинъ или уѣзжать въ деревню. Не думаю, однако, чтобы я могъ чѣмъ-нибудь серьезно Васъ оскорбить, потому что уважаю Васъ искренно и говорю это безъ всякихъ фокусовъ. И, стало быть, что я могу имѣть противъ Васъ? Напротивъ, Вы очень добры ко мнѣ, и я Вамъ глубоко за это благодаренъ. Стало быть, ничего и нѣтъ. Если же въ *самомъ дѣлѣ* я Васъ обидѣлъ,—прошу извинить мнѣ отъ чистаго сердца.

Вашъ Г. Успенскій.

И, если можно, оставить все это безъ малѣйшаго вниманія.

№ 2 (1884).

Милый мой и дорогой Сергѣй Николаевичъ, замучилъ я Васъ своими долгами и займами, но скоро, скоро все будетъ улажено хорошо. Пріѣзжайте ко мнѣ. Посмотримъ Некрасовскую дачу, которая теперь отдается со всею превосходною мебелью, обстановкой и сторожемъ *за 15 руб. въ мѣсяцъ.* Я бы тотчасъ переѣхалъ на Вашемъ мѣстѣ съ З. М. и Колей. Въ Петербургѣ оспа, а скоро будетъ и холера. Дачу можете покинуть, когда угодно, проживете мѣсяцъ, два, три. Если у Васъ есть намѣреніе нанять, то пріѣзжайте *сейчасъ*, потому что сейчасъ я дома (*т. е. въ Сябринцахъ, въ деревнѣ*). А. В.*) въ Петербургѣ, а то и мнѣ прійдется уѣхать въ Петербургъ на цѣлую недѣлю. Пріѣзжайте пожалуйста. Вашъ Г. Успенскій.

№ 3 (1885).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

Ангелъ мой! Я такъ ужасно разстроенъ духомъ вообще все послѣднее время, а сегодня до того убитъ и измученъ, что рѣшительно готовъ наложить на себя руки; конечно, не наложу, но мое душевное состояніе ужасно поистинѣ, говорю Вамъ. Повѣрьте мнѣ Бога ради, что я испытываю адскія мученія, о которыхъ никто не имѣетъ понятія. Я никакъ не могу

*) Супруга Успенскаго.

придти, рѣшительно не могу! Простите же меня пожалуйста, ради Бога.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 4 (1885).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Были-ли Вы у Ник. Конст. Михайловскаго? Если Вы не были, то вотъ его просьба, которую долженъ бы былъ передать Вамъ я, если бы у меня было время забѣжать къ Вамъ,—но я пробылъ тамъ всего нѣсколько часовъ.

Онъ желаетъ, чтобы Вы прислали ему письмо Маркса и статью Боборыкина для того, чтобы написать (независимо отъ Вашей статьи) въ „Русскія Вѣдомости". Это очень хорошо и пожалуйста исполните его просьбу. Надобно же, чтобы онъ, наконецъ, началъ работать. Скоро буду въ Петербургѣ надолго и разумѣется увидимся. Вашъ Г. Успенскій *).

Сейчасъ получилъ отъ Соболевскаго телеграмму—онъ будетъ у меня въ субботу, — пріѣдетъ и Ник. Констант., пріѣзжайте и Вы пожалуйста — проведемъ 1 день какъ нибудь.

Пожалуйста.

Вашъ Г. Успенскій.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

Съ начала текущаго осенняго сезона каждый литераторъ, идущій или ѣдущій къ другому литератору въ гости, обязывается заходить или заѣзжать по пути въ какой-либо винный погребъ и покупать бутылку, или двѣ, смотря по состоянію, вина, краснаго или бѣлаго, такъ какъ курсъ рубля упалъ ниже кармана штановъ, и потому иногда въ карманѣ совершенно ничего не оказывается.

№ 5 (1885).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ! Нельзя мнѣ пріѣхать въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока я не окончу всѣхъ моихъ здѣшнихъ дѣлъ съ лавочниками, плотниками и т. д. Все это окончится на дняхъ, т. е. никакъ впрочемъ не раньше какъ чрезъ недѣлю и къ 1-му окт. я буду уже въ Питерѣ. Къ тому же 1-му окт. я и уплату произведу долга. Что Вы ко мнѣ не вздумаете пріѣхать? Но если кошелекъ Вашъ не опустошенъ при моемъ содѣйствіи до дна,—то убѣдительно просилъ-бы Васъ купить мнѣ при случаѣ двѣ книжки, Фаричная инспекція Янжула и еще другого (по Влад. губ.), а также книгу Описаніе Петергоф. уѣзда, которую я Вамъ оста-

*) Это было осенью 1885 года. Михайловскій съ весны 1884 г., когда были закрыты „Отечественныя Записки", нигдѣ не печатался, что очень огорчало всѣхъ насъ, и что ярко отразилось въ этой запискѣ Успенскаго.

вилъ. Алек. Вас. зайдетъ за ними къ Вамъ. Если же кошелекъ опустошенъ, тогда только Петергофскій уѣздъ передайте ей, а она мнѣ перешлетъ его сюда, буфетчику (ст. Чудово) Петру Ивановичу. Заѣзжайте-ко! Вотъ еще что: не хочетъ ли послѣ выхода изъ тюрьмы Протопоповъ пожить у меня вмѣстѣ съ женой? Домъ пустой и весь въ ихъ распоряженіи можетъ находиться, кромѣ одной комнаты для меня. Если не хочетъ, то всетаки я былъ бы ужасно радъ, если бы онъ и Вы заѣхали ко мнѣ.

На-дняхъ получу изъ Рус. Мысли отвѣтъ насчетъ Вашихъ работъ.

Простите меня за то, что задержалъ деньги и поздно написалъ въ Рус. М. Ал. Вас. вручитъ вамъ мой 5-ый томъ.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 6 (1886).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Я все еще не уѣхалъ—мало денегъ и много долговъ! Сейчасъ я пишу для Сѣв. Вѣст. три разсказа и прошу Васъ убѣдительно, сдѣлать милость, если увидите Анну Михайловну, сказать ей что къ марту будетъ моя работа не менѣе $2^1/_2$ листовъ. Я думаю, что, покрывъ ею мой долгъ, я могу взять опять сколько-нибудь денегъ и тогда поѣду уже спокойно. Завтра въ субботу я посылаю 2 разсказа, третій еще не оконченъ.

Масляницу всю провелъ безъ гостей и безъ всякихъ увеселеній. Думаю отпраздновать ее на 1-ой недѣлѣ, когда уже рѣшительно соберусь ѣхать.

Вашъ Г. Успенскій.

№ 7 (1886).

Любезнѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

Нѣтъ, просто не могу придти,—такъ чувствую себя глупо и подло и не знаю, чѣмъ все это кончится.

Вотъ что: на дняхъ въ Петербургѣ будетъ графиня Толстая, жена Льва Ник., и какъ только она пріѣдетъ, тотчасъ же Анна Михайловна получитъ телеграмму за подписью *Бирюкова* (съ которымъ прошу ее познакомить и Васъ), и пусть она тотчасъ же ѣдетъ къ этой самой графинѣ и торгуетъ у нее разсказъ Льва Николаевича, который у нее будетъ съ собой... Можетъ быть, что Бирюковъ, вмѣсто телеграммы, пріѣдетъ самъ къ А. М. и пусть она не удивляется.

Вашъ Г. Успенскій.

Какъ мнѣ получить книжки Худ. журн. отъ Людм. Ник.

№ 8 (1888)

Сергѣй Николаевичъ!

Я такъ нездоровъ, что рѣшительно не могу прійти слу-

шать г. Карпова *). Да если-бы и пришелъ, — то при моемъ нездоровьи проку было бы мало. Если-бы г. Карповъ былъ такъ добръ, что далъ бы мнѣ прочесть его піесу одному, я былъ бы ему благодаренъ. Въ Пале-Роялѣ всегда есть посыльные. Если онъ пришлетъ мнѣ свое произведеніе часовъ на 5 хоть въ концѣ сегодняшняго вечера, — то утромъ онъ будетъ имѣть ее у себя. Что я буду думать о его произведеніи, то и напишу.

Г. Успенскій.

№ 9 (7 окт. 1889—дата самого Успенскаго).

Сергѣй Николаевичъ! Н. К. сказалъ мнѣ (съ Вашихъ словъ), что въ какомъ-то англійскомъ литературномъ обозрѣніи помѣщена замѣтка и о моихъ соч. Нельзя-ли мнѣ получить этотъ № обозрѣнія дня на два, чтобы перевести замѣтку? И если это можно сдѣлать, то Ив. Ив., который принесетъ эту записку, зайдетъ къ Вамъ за этимъ №, — когда Вы ему назначите. Если нельзя получить самый №, то нельзя ли хотя узнать только №.

Буду Вамъ глубоко благодаренъ
преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Въ 1889 г. Успенскій уже значительно поддался приближавшейся болѣзни и невольно останавливалъ вниманіе своимъ невеселымъ видомъ, подчасъ и раздражительностью, а затѣмъ недолго еще сохраняло ясность это постепенно меркнувшее сознаніе, такъ уяснившее проблеммы русской дѣйствительности.

С. Южаковъ.

---

*) Съ г. Евтих. Карповымъ я познакомился въ Сибири; въ февралѣ 1888 г., по его возвращеніи, онъ читалъ у меня свою драму, въ присутствіи Михайловскаго, Кривенка и др.

„Безъ образовательнаго ценза"...— „Газетъ!!!"

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

Мѣсяцъ назадъ, проѣздомъ изъ Ялты, мнѣ пришлось остановиться на маленькой станціи въ центрѣ Россіи, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ, жившихъ на дачѣ въ пяти верстахъ. Мнѣ захотѣлось пройтись пѣшкомъ, и я попросилъ носильщика отыскать мнѣ провожатаго. Явился человѣкъ въ фуражкѣ и тужуркѣ съ желтымъ кантомъ, очевидно—изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ; я даже обезпокоился и спросилъ, извѣстно ли ему, сколько я заплачу. Онъ снялъ галантно фуражку и пояснилъ:

— Не извольте безпокоиться... Конечно, я шелъ купаться,— онъ указалъ на узелокъ подъ мышкой,—но погода пріятная, думаю, отчего не прогуляться.

Мы пошли. Онъ объяснялъ мнѣ долго и сложно, что онъ, собственно, не телеграфистъ, но въ родѣ этого; я занятъ былъ своими мыслями и плохо слушалъ — что онъ смотритъ въ какія-то окошечки и подаетъ сигналы, что его дѣятельность очень важна „для прохожденія поѣздовъ" (онъ, видимо, гордился своимъ постомъ).

— Только вотъ образовательнаго цензу нѣтъ!

Изъ дальнѣйшаго вытекало, что онъ превосходно устроился, получаетъ двадцать руб. въ мѣсяцъ и имѣетъ казенную квартиру,—отдѣльную комнату и при ней хорошую кухню, такъ что выходитъ, въ родѣ, какъ двѣ комнаты, а при квартирѣ сарай, гдѣ корову держать можно, а при сараѣ еще сѣноралъ, въ которомъ мало-мало два воза сѣна уложить можно. И обращеніе хорошее.

— Могу сказать, доволенъ своей службой...—И опять прибавилъ:—Только что, вотъ, безъ образовательнаго ценза.

— Вы развѣ нигдѣ не учились?—спросилъ я.

— Прошелъ земское училище,—отвѣтилъ онъ, и съ чув-

ствомъ скромной гордости добавилъ:—и учительница настоящая была, и могу сказать—не изъ послѣднихъ учениковъ... Только развѣ это образовательный цензъ? Теперь вотъ, скажемъ, телеграфъ, — могу я къ телеграфу опредѣлиться? Никуда податься нельзя.

Я что-то сказалъ о книжкахъ и газетахъ. Оказалось, что газеты онъ читаетъ ежедневно, и знаетъ почти всѣ московскія и петербургскія газеты, такъ какъ приходится читать то, за чѣмъ позже присылаютъ господа.

— Нападешь иной разъ и на хорошую газету... — замѣчаетъ онъ:—А только что есть такія, въ которыхъ совсѣмъ мало образовательнаго ценза...

Онъ довольно вѣрно и точно перечисляетъ газеты съ „малымъ образовательнымъ цензомъ“. Не знаю почему, у меня вырвался вопросъ:

— А у васъ тутъ не бунтуютъ?

Онъ взглянулъ на меня въ бокъ сторожкимъ, мужицкимъ взглядомъ и неохотно отвѣтилъ:

— Не слыхать... у насъ смирно.—И потомъ прибавилъ:— Сказываютъ,—подписываютъ бумагу наши въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а только у насъ смирно.

Былъ онъ плотный, широкоплечій, съ короткими ногами, съ большой головой и свѣтлыми сѣрыми глазами, смотрѣвшими ясно и увѣренно. Говорилъ медлительно, спокойнымъ голосомъ, раздумчиво складывая фразы, и весь онъ, не смотря на бритый подбородокъ и желтый кантъ, выглядѣлъ мужикомъ, однимъ изъ тѣхъ, кого въ деревнѣ называютъ степеннымъ мужикомъ, хозяиномъ. И говорилъ, словно косулей борозду проводилъ, и въ концѣ борозды говорилъ какъ-то особенно твердо и неукоснительно: „образовательный цензъ“, а потомъ начиналъ новую борозду..

Я хорошо зналъ эти мѣста — въ такихъ же я родился и выросъ—зналъ эти темные молчаливые лѣса, раздѣляемые болотцами, медленно текущими лѣсными рѣчонками, съ ржавой мутной водой, близко зналъ этихъ лѣсныхъ людей, съ медлительной рѣчью, медлительной мыслью, вѣками крѣпко и устойчиво складывавшихъ свои деревенскіе устои,— этихъ истинныхъ собирателей Россіи, прирожденныхъ государственниковъ. Но я зналъ ихъ—кажется, это такъ недавно было,—въ тѣ далекія времена, когда лѣса были темнѣе и гуще, и болота были больше и менѣе проходимы; я помнилъ времена, когда нечистая сила наполняла ихъ въ несмѣтномъ количествѣ и сидѣла и въ лѣсахъ, и въ болотахъ, и въ глубокихъ омутахъ темныхъ ржавыхъ рѣчекъ, и въ хлѣвахъ, и въ темныхъ углахъ деревенской избы и стерегла темныя деревенскія души... Я помню времена—если черные тараканы по-

кидали избу, бабы ревѣли, а мужики тревожно чесали затылки и всячески улещали тараканов вернуться, и если тараканы возвращались, всѣ успокаивались, такъ какъ, по тогдашнимъ временамъ и понятіямъ, присутствіе таракановъ въ избѣ было самой надежной формой деревенскаго страхованія отъ огня. Я давно покинулъ такія мѣста, и теперь, послѣ экспансивныхъ, торопливыхъ людей юга, мнѣ пріятно было встрѣтить своего человѣка, пріятно было слушать эту медлительную рѣчь, пѣвучую, немножко на *о*, такую твердую и неукоснительную, вдумываться въ этотъ своеобразный укладъ мысли. И потомъ, такъ было удивительно, среди всеобщаго недовольства, встрѣтить довольнаго своимъ положеніемъ человѣка и смирнаго среди, кажется, всѣхъ, сдѣлавшихся несмирными русскихъ людей.

— Какъ же, крестьянинъ, природный крестьянинъ!—отвѣтилъ онъ на мой вопросъ.—Вотъ и церковь наша.

Изъ-за ближайшаго перелѣска весело выглядывалъ золотой крестъ надъ голубой главой церкви. И съ этой стороны все обстояло превосходно. Деревня близко; отдежурилъ на станціи двѣнадцать часовъ—побѣжишь домой, съ косой поработать, вспахать, заборонить. И родителямъ жить ладно — два брата при дѣлѣ: одинъ въ Петербургѣ артельщикомъ, а другой въ Москвѣ, въ большомъ магазинѣ, подручнымъ у самого главнаго приказчика. Живутъ превосходно. И опять борозда окончилась, и твердая рѣшительная реплика:

— Только что безъ образовательнаго цензу! Ходу нѣтъ...

А благополучіе, окружавшее его семью, развертывалось все шире. Должно быть, младшій братъ былъ любимецъ: мой спутникъ сообщилъ о его необыкновенно блестящей карьерѣ, сообщилъ, что братъ на красной горкѣ женился, и по-мужицки долго и подробно объяснялъ, какая необыкновенная была свадьба въ деревнѣ, сколько было поѣзжанъ, во что обошлось вѣнчанье и балъ, на которомъ присутствовалъ хозяиновъ братъ и главный приказчикъ.

— Только что невѣстка уѣхала отъ насъ, два дня гостила... Такой, скажу вотъ, характеръ превосходный,—и не видывалъ! Тамбовская она, въ услуженіи жила въ Москвѣ у хорошихъ господъ,—но сколь себя образовала! Такая пріятная и деликатная дама,—можно сказать, выбралъ себѣ Ваня супругу!

— А вы женаты?—полюбопытствовалъ я.

Онъ понялъ и то, что стояло за моимъ вопросомъ, и охотно, съ тѣмъ же чувствомъ скромной гордости и съ удовольствіемъ отъ благополучія жизни, которая окружала его, отвѣтилъ:

— Четверо ребятъ... Я на свою супругу жаловаться не могу. Даже прямо нужно сказать—лучше и не надо!

Шестнадцать лѣтъ прожили—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ—дурного слова промежъ насъ не было сказано. Только что, конечно,—меланхолично добавилъ онъ,—безъ образовательнаго цензу...

Мнѣ сдѣлалось очень весело, но я степенно и серьезно замѣтилъ, что это дай Богъ всякому, хотя бы и съ образовательнымъ цензомъ. Стало очевидно, что я не понималъ во всемъ объемѣ его „образовательнаго ценза".

Мы уже не шли, а стояли около желѣзнодорожной насыпи, рядомъ съ которой бѣжала все время наша тропинка, и онъ, уже волнуясь и спѣша, размахивая руками, съ порозовѣвшими щеками, объяснялъ мнѣ:

— А по какому случаю, позвольте васъ спросить, я пришитъ къ своему дѣлу и не могу, напримѣръ, по телеграфной части пойти? Или, скажемъ,—братъ петербургскій... Старостой хотѣли его выбрать, а образовательнаго цензу не хватаетъ, — значитъ нельзя. Или Ваню взять, московскаго... Безъ бухгалтеріи ходу ему нѣтъ, ну, вотъ онъ занимается самъ по себѣ, а много ли самъ дойдешь? Вотъ мы три брата, непьющіе, и глупостей разныхъ за нами не водится, и могу сказать—не изъ послѣднихъ дураковъ, а кругъ жизни намъ закрытъ! Вотъ, скажемъ, канава, ну, еще черезъ нее можно перешагнуть, а тутъ рельсы, дальше ужъ нельзя...—Онъ оживленно размахивалъ руками.—Вотъ, значитъ, и стой всю жизнь по сю сторону, на той линіи, на которой родился!

— Вотъ, вы спрашивали давеча насчетъ деревни, надѣла и все прочее... Дѣдушка у меня три года какъ кончился; сказывалъ про барскія времена—совсѣмъ ни къ чему тогда былъ образовательный цензъ въ деревнѣ... А возьмите сейчасъ! Къ примѣру, травосѣяніе пошло,—очень одобряютъ, которые пытали, или взять теперь удобреніе... или, напримѣръ, съ земскимъ у насъ теперь склока идетъ. Говорю я имъ на сходѣ—до правительственнаго сената доходить надо, — а они мнѣ: „шея-то у насъ, чать, своя, не купленная..." А я знаю, что можно бы,—примѣры были, въ газетахъ читалъ. По-моему, въ нее, въ деревню, образовательнаго цензу подпустить надо. Тогда дѣйствительно.. Такъ ли я говорю?

Мы было двинулись, но снова остановились.

— И вотъ, напримѣръ, про жену... Дѣвочка у меня, по четырнадцатому году, старшенькая. Матери помогаетъ, потому трое еще малыши... Ну, кончила, земское училище—и все тутъ. А дѣвочка, можно сказать, на удивленіе, такая къ книжкѣ старательная. Даетъ ей телеграфистъ нашъ, Иванъ Петровичъ, но только все книжки легкія, все больше романы, вотъ что къ „Нивѣ" приложены, а такихъ, чтобы, значитъ, съ образовательнымъ цензомъ—понимать не можетъ.

И теперь мать,—зимой вечера длинные, а помочь не можетъ, разъяснить, напримѣръ, кругъ жизни. Въ бѣлошвейки или тамъ въ портнихи я ее—умру, не отдамъ! Такъ и проживетъ, какъ мы съ женой,—безъ образовательнаго ценза.

Мой спутникъ волновался, сѣрые глаза стали темнѣе и уже.

— Я такъ понимаю, господинъ, чтобы всякій человѣкъ имѣлъ вполнѣ образовательный цензъ, чтобы кругъ жизни ему былъ вольный, — онъ обернулся и сдѣлалъ широкій жестъ руками,—чтобы куда угодно податься могъ человѣкъ: хочетъ—въ лѣсъ, хочетъ—въ лугъ, за рельсы эти, а не то чтобы всю жизнь за прилавкомъ или, скажемъ, въ окошечко смотрѣть...

Медленно, неуклюже, тяжело громыхая, проползъ длинный и скучный товарный поѣздъ. Мы снова шли; расширившійся, разбуженный кругъ жизни развертывался все шире и шире въ головѣ моего спутника.

— Взять теперь слова эти,—послѣ нѣкотораго молчанія заговорилъ онъ.

— Какія слова?

— Вообще, что въ газетахъ теперь пишутъ. Что говорить,—слова правильныя, хорошія, насчетъ, напримѣръ, правъ, земли управленія, и все прочее, а только настоящаго слова нѣтъ.

— Какого слова?

— Насчетъ образовательнаго цензу. Пишутъ, напримѣръ, всеобщее обученіе, а какое обученіе, что обозначаетъ—не говорятъ. Ежели, напримѣръ, насчетъ грамоты, такъ никакого тутъ ценза нѣту. Ты говори прямо,—какое всеобщее! Я такъ понимаю,—все вообще... На доктора, напримѣръ, учиться или, скажемъ, по адвокатской части, насчетъ телеграфа, инженеромъ или кѣмъ тамъ тебѣ охота будетъ... Задарма, конечно... Ну, разложи по душамъ, никому не обидно, всѣмъ лестно. Есть у тебя тутъ сила-мочь—онъ дотронулся до своего лба—достигай чего любо, нѣтъ силы-мочи—оставайся въ старомъ званіи... Взять, теперь, адмирала Макарова?—неожиданно вставилъ онъ...—Писали, совсѣмъ изъ мелкаго званія...

...— Совсѣмъ мало въ Россіи образовательнаго цензу...—все говорилъ мой спутникъ.—Былъ я, напримѣръ, на службѣ,—около Вильны,—въ саперахъ... Родъ оружія, можно сказать—не пѣхота,—все умственное; мосты, напримѣръ, подкопы, минная часть... Въ три-то года какое бы образованіе я могъ получить,—а много-ли я знаю, хоть и унтеръ-офицеромъ вышелъ! Фельдфебель насъ училъ, а онъ у другого фельдфебеля учился, а тотъ у третьяго,—а чтобы офицеръ, какъ

должно, занялся,—ни Боже мой! Придетъ, взглянетъ,—и нѣтъ его. Потому—некогда:—въ офицерское собраніе надо, дамскій полъ, напримѣръ, все прочее. И скучно насъ деревенскихъ дураковъ оболванивать... Совсѣмъ мало образовательнаго цензу у господъ офицеровъ!..—заключилъ онъ.

Мы подходили къ усадьбѣ. Въ темной аллеѣ онъ остановился и, вытирая потный лобъ, заговорилъ:

— А какъ вы, господинъ, понимаете насчетъ войны?

Вопросъ былъ для меня неожиданный, и я отвѣтилъ:

— А вы какъ? Вы вѣдь, вотъ, военный человѣкъ...

Темная аллея была пуста, но мы говорили тихо, пониженными голосами, какъ заговорщики. Отвѣтъ у моего спутника былъ, очевидно, давно готовъ, и говорилъ онъ торопливо, видимо спѣша выложить всѣ мысли, какія у него были.

— Тутъ дѣло короткое... Я такъ, конечно, понимаю, что у насъ образовательнаго цензу мало,—вотъ въ чемъ исторія! Тамъ, въ газетахъ, пишутъ,—война зряшная, ни къ чему, артиллерія да флотъ противъ японскихъ не выстоятъ, генералы да адмиралы ослабѣли и, напримѣръ, воры вездѣ,—это все правильно, а только центра не въ этомъ... Сила вся—образовательный цензъ! Взять теперь ихняго унтеръ-офицера? Читаешь въ газетахъ,—въ плѣнъ взяли, или мертваго обыскивали,—у него и карта, у него и диспозиція и все, что требуется. Скажемъ, перебьютъ офицеровъ,—онъ сейчасъ можетъ команду принять,—онъ тебѣ и понтонъ наведетъ, онъ тебѣ не хуже офицера въ бой поведетъ... Да что я скажу, братецъ ты мой!—переходя на интимный тонъ еще тише говорилъ мой спутникъ:—Солдатъ у нихъ—и то всякій свое мѣсто понимаетъ и какая, напримѣръ, диспозиція! А нашего взять, убьютъ офицера—овца овцой... Я такъ понимаю,—торопливо говорилъ онъ,—нѣтъ у тебя образовательнаго цензу—и сиди за печкой, не лѣзь! Это, братъ, не съ туркой воевать! И сколько ты войска или, скажемъ, кораблей ни посылай,—все это ни къ чему,—все въ прорву уйдетъ. Такъ ли я говорю? Вы какъ понимаете?

Я отвѣтилъ, что понимаю именно такъ—и насчетъ войны, и насчетъ „всего вообще", и мы разстались вполнѣ дружественно.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обернулся еще разъ и окрикнулъ меня:

— Въ нее, въ Россію, образовательнаго цензу подпустить надо! Тогда дѣйствительно...

Мы кивнули головами, въ знакъ совершеннѣйшаго согласія, и разошлись.

— —

II.

Въ ту же ночь я выѣхалъ въ Петербургъ. Было какъ-то особенно легко и мирно. Послѣ южнаго моря съ вѣчно мѣняющимися красками, ослѣпительнаго солнца, темно-синяго неба, послѣ сѣрыхъ скалъ, черныхъ кипарисовъ и лиловыхъ глициній, мягкіе тона сѣвера трогали и умиляли,—и луга, и перелѣски, и волнующаяся зеленая рожь, и прохладныя облака. Мирно и благодушно улыбаясь, вспоминалъ я, засыпая, весь этотъ день, какъ-то по особенному ласковый, зеленый день, лѣсную рѣчку, почти недвижимую въ зеленыхъ берегахъ, моего степеннаго спутника съ медлительной вдумчивой рѣчью, его превосходную жену „безъ образовательнаго ценза"... И вдругъ я вздрогнулъ и поднялся, и сонъ убѣжалъ отъ меня. Все такъ же мѣрно, убаюкивая, пѣлъ поѣздъ однотонную, своеобразную пѣсню, а въ груди у меня заныло, и снова, недавно пережитое, жуткое чувство захватило меня. Только два дня назадъ. Я такъ же засыпалъ днемъ, утомленный безконечной, недвижной и безмолвной степью, убаюканный той же однотонной пѣснью поѣзда, и вдругъ безпрерывный тревожный, жуткій вопль разбудилъ меня. Я бросился къ открытому окну вагона. На насыпи, впереди и сзади, куда только могъ окинуть глазъ, стояли и бѣжали за поѣздомъ люди и кричали:

— Газетъ! Газетъ!

Пожилые люди бросали свои заступы и лопаты, протягивали руки и глухими, старыми голосами вопили:

— Газетъ!.. Газетъ!.. Газетъ!..

Молодые бѣжали рядомъ съ поѣздомъ и звонко, какъ птицы въ высокомъ небѣ, кричали:

— Газетъ! Газетъ!

И крикъ былъ уже заученный, привычный, одинъ изъ тѣхъ заученныхъ мотивовъ, сдѣлавшихся всеобщими, какимъ народъ аукается въ темномъ лѣсу, проситъ милостыню подъ окнами.

Помню въ особенности одного юношу, съ бѣлыми зубами и блестящими черными глазами, съ непокрытой головой. Онъ летѣлъ, какъ птица, не отставая отъ поѣзда; онъ уже успѣлъ схватить одинъ выброшенный изъ вагона номеръ газеты и, прижимая его къ груди, все бѣжалъ и, я не знаю, какъ сказать,—яростный, жадный, молящій,—коротко, сдавленнымъ голосомъ, выкрикивалъ:

— Газетъ! Газетъ!

Пришла станція, и все было тихо. Опять шелъ поѣздъ, и опять непрерывающимся крикомъ кричала степь.

Я не сразу догадался, что то были ремонтные рабочіе, поправлявшіе размытый наканунѣ путь, — мнѣ казалось, что то кричитъ степь, что эти люди сбѣжались оттуда, изъ глубины ея, изъ-за старыхъ могилъ, съ низкихъ балокъ, отъ печальныхъ ракитъ, изъ бѣленькихъ и голубенькихъ домиковъ, сгрудившихся, какъ овцы, такъ печально и беспомощно затерянныхъ въ степи, что она, безмолвная и недвижимая, закричала и бросилась къ намъ — и было что-то жуткое и напряженное въ этомъ немолчномъ, однотонномъ воплѣ этихъ бѣгущихъ за поѣздомъ людей. Казалось, они догоняютъ насъ, хотятъ остановить бѣшеный курьерскій поѣздъ, и молятъ, и требуютъ, чтобы мы отдали, наконецъ, газеты, которыя читаемъ мы одни и которыя нужны имъ, какъ птицѣ крылья, какъ хлѣбъ голодному. И, очевидно, это жуткое и напряженное чувствовалось не мной однимъ. Я видѣлъ, какъ пассажиры торопливо рылись въ чемоданахъ, въ карманахъ своихъ пальто, разыскивая газеты, какъ торопливо бросали они въ окна и только что купленные, еще не развернутые номера газетъ.

Была глубокая ночь, вагонъ спалъ, тревожно стучалъ поѣздъ, неслись деревья, темныя, съ мохнатыми лапами, стоялъ странный свѣтъ въ лѣсу, — прозрачный и призрачный свѣтъ сѣверной ночи,—а предо мной ярко, какъ то̀ солнце, вставала та южная картина.

Сотни людей съ протянутыми руками; несется поѣздъ, справа и слѣва летятъ въ окна газеты и, не долетая до земли, схватываются жадными руками, и помню, одна развертывалась на лету, словно чьими-то руками, и, какъ птица съ широкими бѣлыми крыльями, долго неслась надъ высоко протянутыми руками, передъ жадно слѣдившими за ней глазами.

Да, я не ошибся,—то степь пришла требовать отъ курьерскаго поѣзда газетъ. Я выходилъ на станціи запасаться газетами (къ сожалѣнію, тамъ были все больше газеты съ малымъ образовательнымъ цензомъ) и видѣлъ, какъ толпа свитокъ гуськомъ тянулась къ столику съ газетами и вынимала пятаки; и когда уже не было ремонтныхъ рабочихъ, и мы проѣзжали мимо печальныхъ ракитъ и бѣлыхъ домиковъ, на насыпи насъ ждали люди въ свиткахъ и кричали: „Газетъ!"—а съ деревенской улицы неслись босоногіе мальчишки и съ развѣвающимися волосами кричали, какъ галчата:

— Газетку! Газетку!

Я уснулъ подъ утро. Къ намъ приближался Петербургъ съ хмурымъ небомъ, съ туманомъ, встававшимъ между деревьями,—сѣрый, холодный Петербургъ, который все не хочетъ расширять „кругъ жизни", не хочетъ давать Россіи образовательнаго ценза, не пускаетъ газетъ въ ту степь.

С. Елпатьевскій.

одышки, душевнаго страха и лихорадочнаго жара. Въ это время что-то зашумѣло въ кухнѣ, и пара тяжелыхъ сапогъ полетѣла въ комнату. За ней послѣдовалъ возгласъ:

— Тысяча чертей! Эта исторія мнѣ надоѣла, наконецъ, Кончится эта проклятая болтовня или нѣтъ?

Въ комнату вошелъ, шатаясь, долговязый человѣкъ, съ всклокоченный свѣтлой бородой, растрепенными волосами и застрявшими въ нихъ перьями изъ подушки, съ отекшимъ лицомъ и стеклянными глазами. Желтая рубашка его была разстегнута на косматой груди, рукава засучены поверхъ локтей.

— Чортъ меня возьми и его бабушка! — закричалъ онъ, остановившись съ широко разставленными ногами и упершись руками въ бока, при видѣ Готхольда, — что здѣсь за кутерьма? Жидовская синагога, что ли, что не даютъ честному христіанину вздремнуть?

Готхольдъ медленно поднялся и съ трудомъ освободилъ свою руку изъ рукъ больной.

Съ гнѣвно сверкавшими глазами пошелъ онъ на встрѣчу гиганту, бывшему на цѣлую голову выше его и смотрѣвшему на него теперь съ добродушно-насмѣшливой улыбкой своихъ заспанныхъ глазъ.

— Молчать! — сказалъ Готхольдъ, — я запрещаю вамъ произносить такія непристойныя рѣчи. Я—новый духовникъ здѣшняго прихода и пришелъ проповѣдывать слово Божіе въ жилищахъ, гдѣ живетъ нищета и бѣдность, потому что въ нихъ поселилось невѣріе и отчужденіе отъ Бога. Я молюсь съ этой больной и принесъ ей небесное утѣшеніе.

— Аминь!—вставилъ Мютцель, съ комично-притворнымъ смиреніемъ, поднявши глаза къ небу.—Громъ небесный! Было ли здѣсь что-нибудь подобное? Убѣждаете Рику молитвой!—онъ жестко засмѣялся.—Но знаете ли, не слѣдуетъ становиться поперекъ дороги человѣку, когда онъ хочетъ по своему проводить время, г. пасторъ, кандидатъ или кто вы тамъ... Когда я дома и хочу спать, тогда, примите это къ свѣдѣнію, я запрещаю кричать. Приходите, пожалуйста когда меня нѣтъ дома... Я не ревнивъ... Ну, собирайтесь чтобы опять придти. Вонъ тамъ плотникъ оставилъ дыру!—онъ указалъ на выходъ, съ отвратительнымъ смѣхомъ.

Кровь бросилась въ лицо Готхольда.

— Не богохольствуйте! — сказалъ онъ угрожающимъ тономъ, — вы также должны будете предстать передъ Божіимъ судомъ. Развѣ вы не думаете о возмездіи? На вашей совѣсти такъ много грѣховъ, что у васъ есть всѣ основанія трепетать передъ вѣчнымъ правосудіемъ.

— Да,—протянулъ Мютцель разставляя ноги еще шире.—

Вы думаете? Развѣ Рика наболтала вамъ?.. Ну, знаете ли, мои дѣла не должны огорчать васъ... Понимаете? Трепещу я или нѣтъ, вамъ должно быть все равно... Ваша особа меня также не интересуетъ. Что вамъ вообще нужно здѣсь, милый человѣкъ? Мнѣ совсѣмъ нечего дѣлать съ попами. Я—атеистъ и соціалистъ. Намъ пальца въ ротъ не клади. Страхомъ ничего не подѣлаешь... Однимъ словомъ, скажу вамъ, смотрите, пожалуйста, нашъ дворецъ снаружи: съ улицы онъ гораздо красивѣе. Ну-съ, вопреки правиламъ гостепріимства я долженъ, просить васъ уйти, или я вынужденъ буду доставить васъ вмѣстѣ съ вашими лицемѣрными глупостями въ судъ... Ну?

Больная, съ возрастающимъ страхомъ, звала уже нѣсколько разъ: — Люде! Люде! — и одновременно бросала на Готхольда, стоявшаго съ плотно сжатыми губами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, умоляющіе взгляды, смягчавшіе его гнѣвъ. Онъ наклонился къ ней и взялъ ея руки.

— Вы хотите, чтобы я ушелъ?

— Да, пожалуйста, прошу васъ. Если онъ теперь еще больше разозлится, то станетъ ломать стулья и неистовствовать. Съ нимъ дѣлается нѣчто въ родѣ бѣлой горячки.

Готхольдъ медлилъ. Онъ бросилъ мрачный взглядъ на Мютцеля, стоявшаго съ оскаленными зубами и поднятыми кулаками.

— Не придти ли мнѣ опять?—тихо спросилъ онъ больную.

— Да, я очень прошу васъ объ этомъ, г. пасторъ. Мнѣ стало такъ хорошо. Завтра, если можете. Да? До обѣда его большею частью не бываетъ.

— А вы, между тѣмъ, молитесь, чтобы Богъ былъ милосердъ къ вамъ! — Онъ отошелъ отъ кровати и безстрашно направился на встрѣчу рабочему, который смотрѣлъ на него съ наклоненной впередъ головой и налитыми кровью глазами, точно готовый къ нападенію быкъ.

— Вамъ я еще не сказалъ послѣдняго слова,—проговорилъ онъ. — Теперь я ухожу, потому что ваша жена такъ хочетъ. Но я еще приду и разсчитаюсь съ вами. Будьте въ этомъ увѣрены.

Онъ пошелъ, погладивъ съ состраданіемъ головки дѣтей, сидѣвшихъ на полу, и закрылъ за собою дверь.

— Буду ужасно польщенъ этой честью! — услышалъ онъ позади себя.—Такое вѣжливое обращеніе не каждый день видишь!

И комната задрожала отъ страшнаго смѣха; казалось, что старикъ на подоконникѣ провалится вмѣстѣ съ нимъ.

Съ противорѣчивыми чувствами поднялся Готхольдъ по лѣстницѣ подвала.

— —

Печаль и отвращеніе поднились въ его душѣ. Онъ спрашивалъ себя, не долженъ ли онъ былъ остаться? Быть можетъ, грубый забулдыга отмститъ больной женщинѣ за то, что она молилась съ нимъ? Не смотря на то, что у этой заблудшей души, готовящейся предстать передъ Богомъ, слова его упали на благопріятную почву, и ему казалось, что здѣсь, можетъ быть, онъ быстро достигнетъ своей цѣли, у него не было чувства удовлетворенія.

Онъ усталъ и былъ подавленъ... Одна изъ тысячъ! И та умирающая. А всѣхъ другихъ, которые, вѣроятно, также захотятъ закрыть передъ нимъ двери, какъ будетъ онъ обращать къ Богу?

„Атеистъ и соціалистъ!" — хвасталъ про себя пьяница. Почему они такіе? Почему они отталкиваютъ отъ себя исцѣленіе, могущее облегчить ихъ бѣдность и нужду,—единственное средство, знакомое человѣчеству? Почему они не хватаются съ жадностью за это исцѣленіе? Здѣсь вѣдь источникъ, гдѣ они могли бы утолить свою жажду и успокоить горящія раны. Но они не склоняютъ къ нему своихъ устъ, не освѣжаютъ въ немъ своихъ ранъ. Гораздо больше трудятся они надъ тѣмъ, чтобы загрязнить чистыя воды этого источника и впускать по каплямъ разъѣдающій ядъ въ свои гноящіяся раны. Почему? Кто объяснитъ это непонятное

IV.

Медленно шелъ Готхольдъ по улицамъ прирѣчнаго квартала. Онъ былъ недоступенъ новымъ впечатлѣніямъ; то, что онъ видѣлъ и слышалъ, еще слишкомъ сильно волновало его. Онъ едва заглянулъ въ міръ, съ которымъ намѣревался вступить въ борьбу, но этотъ единичный случай, развернувшійся передъ нимъ во всей своей наготѣ, символизировалъ сотни другихъ, о которыхъ ему предстоитъ узнать въ будущемъ. Ненависть и зависть къ хозяевамъ, тупое прозябаніе безъ Бога, безъ вѣры въ лучшее на томъ свѣтѣ— вотъ въ чемъ всѣ они походятъ другъ на друга. И въ этой тьмѣ онъ долженъ зажечь свѣточъ вѣчной истины!

Рабочій кварталъ, погруженный въ послѣобѣденный отдыхъ, остался позади. Среди безчисленнаго множества рабочихъ виллинговскихъ заводовъ, встрѣчавшихся ему по дорогѣ, онъ зналъ многихъ; ему казалось страннымъ, что большинство изъ нихъ ведетъ подъ руку нарядныхъ женщинъ, не смотря на то, что—Готхольдъ зналъ это—они не женаты. Вся эта яркая, нарядная толпа направлялась къ загородному саду. Онъ вспомнилъ, что сказала ему чахоточная:

она и Люде не могли обвѣнчаться, потому что по уставу виллинговскихъ заводовъ имъ запрещалось жениться, и они жили въ незаконномъ бракѣ. Не поступаютъ ли также и эти всѣ? Все ли обстоитъ благополучно въ этомъ „образцовомъ порядкѣ“, какъ онъ самъ думалъ и какъ думаютъ, будто бы другіе?

Когда Готхольдъ вошелъ въ переулокъ, онъ увидѣлъ наверху паркъ и виллу своего дяди. Онъ вспомнилъ о бѣдности роднаго дома. Уже его дѣдъ не могъ удержать за собою стараго родового имѣнія Венденъ. Трудно было сказать, что привело къ раззоренію: упадокъ ли сельскаго хозяйства вообще, грѣхи ли отца, растратившаго свою жизнь и деньги на военной службѣ, расточительный ли образъ жизни этого гордаго фонъ-Вендена, обязаннаго, какъ онъ полагалъ, вести жизнь большого барина, въ то время, какъ хлѣбъ еще на корню закладывался кредиторамъ: можетъ быть, все вмѣстѣ взятое.

Изъ стараго раззореннаго Венденскаго замка, расположеннаго недалеко отъ Балтійскаго моря и уже перешедшаго къ кредиторамъ, фабрикантъ Гербертъ Виллингъ взялъ себѣ тогда въ жены баронессу Констанцію. Удалось ли бы это ему при другихъ обстоятельствахъ, осталось весьма сомнительнымъ. Какъ самоувѣренный человѣкъ, онъ и тогда, видимо идя въ гору, чувствовалъ себя и держалъ, какъ богачъ. Вендены всегда строго слѣдили за чистотой своей крови и особенно, со времени своего постепеннаго паденія, крѣпко держались за старые завѣты и предразсудки своего рода. Тому, что съ давнихъ временъ было признано справедливымъ, они слѣдовали съ желѣзной твердостью, и ничто не могло заставить ихъ свернуть съ дороги, если бы даже имъ угрожала нужда и опасность. Ихъ упрямство и настойчивость, какъ въ хорошемъ, такъ въ дурномъ, были общеизвѣстны. Крушеніе ли венденскаго благополучія и блеска, вызвавшее, почти одновременно, у стараго барина ударъ, оставившій параличъ половины тѣла, поколебало венденовскую неумолимость; или другая причина (многіе въ тихомолку говорили, что богатый зять, получившій еще до брака съ Констанціей фонъ-Венденъ дворянское достоинство, своими деньгами покрылъ нѣкоторыя сомнительныя финансовыя операціи барона, грозившія поколебать довѣріе къ имени Венденъ), такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Старый баронъ недолго прожилъ послѣ раззоренія своего дома и брака своей дочери. Онъ былъ избавленъ отъ того, чтобы видѣть, какъ его единственный сынъ, отецъ Готхольда, несъ послѣдствія этихъ событій. Не будучи въ состояніи жить съ женою и дѣтьми на офицерское жалованье, онъ, какъ

мнимый богатый наслѣдникъ, женился на очень бѣдной дѣвушкѣ, дочери знатнаго генерала, имѣвшаго много дѣтей; отказался отъ службы и получилъ мѣсто инспектора въ благотворительномъ учрежденіи въ одномъ маленькомъ городкѣ, вдали отъ общества, гдѣ онъ, какъ молодой морской офицеръ, не могъ разсчитывать на успѣхъ. Въ атмосферѣ постоянныхъ огорченій, искусственно замаскированной бѣдности и строгой религіозности, замѣнявшей всѣ блага міра и являвшейся какъ бы щитомъ противъ соблазновъ жизни, выросъ Готхольдъ. Въ домѣ его отца гораздо чаще молились, чѣмъ ѣли. Въ особенности мать изливала въ молитвахъ разочарованія, постигшія ее въ жизни и сдѣлавшія ее суровой и скрытной. Отецъ же становился все апатичнѣе и смиреннѣе. Наконецъ, этого тихаго человѣка не стало слышно въ домѣ: въ одинъ прекрасный день нашли его мертвымъ въ постели. Врачъ констатировалъ разрывъ сердца; оказалось, что умершій носилъ въ себѣ тяжелое сердечное страданіе уже много лѣтъ, не проронивъ никогда слова жалобы и не дѣлая упущеній въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ. До послѣдняго часа служилъ онъ вѣрно на своемъ посту, не принимая никогда помощи, откуда бы она ни предлагалась. Прежде всего онъ былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи не пользоваться какой бы то ни было помощью отъ своего богатаго зятя, неустанно предлагавшаго ее со свойственной ему широко-рыцарской готовностью.

Такъ умеръ онъ, какъ настоящій Венденъ, и Готхольдъ сохранилъ глубокое благоговѣніе къ умершему, хотя не былъ съ нимъ никогда близокъ при жизни.

Нужда сдѣлалась постоянной гостьей въ домѣ.

Теперь зять, назначенный опекуномъ осиротѣвшихъ дѣтей, долженъ былъ принять въ нихъ участіе, тѣмъ болѣе, что мать была совершенно неопытна въ жизни и изъ-за дѣлъ своего религіознаго кружка пренебрегала часто заботами о домѣ. Возведенный въ дворянское достоинство, коммерціи совѣтникъ, богатство и значеніе котораго все возрастало, хотѣлъ пустить Готхольда по военной дорогѣ. „Венденъ долженъ носить военный мундиръ“,—былъ его постоянный припѣвъ. Но Готхольдъ проявилъ настойчивость. Отецъ не разъ предостерегалъ его на счетъ блестящаго мундира, вмѣстѣ съ которымъ взваливается на плечи цѣлая масса предразсудковъ и часто невыполнимыя, соотвѣтствующія положенію, обязанности. Онъ хотѣлъ предостеречь его отъ этого блестящаго убожества и предрасполагалъ къ духовному поприщу. И самъ Готхольдъ, подъ вліяніемъ атмосферы, царившей въ родительскомъ домѣ, въ своихъ мысляхъ о будущемъ такъ свыкся съ этимъ самопожертвованіемъ, что пугался

всякой новой возможности устроить жизнь иначе. Въ немъ жило горячее стремленіе дѣйствовать и приносить пользу. Въ его крови были капли другой крови, побуждавшей его отдаленныхъ предковъ строить свои укрѣпленные замки вблизи моря и пытаться мѣшать многочисленнымъ набѣгамъ однихъ на владѣнія другихъ, чтобы этимъ путемъ множить свои имѣнія и помѣстья. Можетъ быть, въ немъ была часть крови властелиновъ, сидѣвшихъ такъ долго на земляхъ Венденъ и правившихъ, какъ маленькіе короли. Ничто земное не привлекало его, за то онъ желалъ пріобрѣсти власть надъ духомъ и стать руководителемъ тѣхъ, кто алчетъ и жаждетъ вѣчнаго исцѣленія, среди убожества міра. Его жизнь должна принадлежать бѣднымъ и несчастнымъ. И съ чисто венденской непоколебимостью и послѣдовательностью шелъ онъ къ своей цѣли, одобренной матерью и разсматриваемой имъ, какъ послѣднее желаніе отца. Коммерціи совѣтникъ также долженъ былъ, въ концѣ концовъ, согласиться съ его планами. Къ тому же, вовсе не составляло рѣдкости, что сыновья старинныхъ, знатныхъ фамилій по являлись на церковныхъ каѳедрахъ; у католиковъ уже давно вошло въ обычай, что они надѣваютъ священническія ризы или монашескую рясу. Одинъ изъ Венденовъ въ санѣ духовнаго лица можетъ легко сдѣлаться могучей защитой для находящагося въ опасности патріархальнаго порядка вещей, когда распространяющееся по всей странѣ невѣріе мощно подниметъ свою голову. При этомъ коммерціи совѣтникъ думалъ также и о своихъ интересахъ. Соціальный вопросъ начинаетъ занимать широкіе круги, и въ непрерывно растущихъ рядахъ рабочихъ начинается броженіе. Четвертое сословіе развернуло свое знамя, и это знамя окрашено кровью.

Готхольдъ уловилъ мысли, высказанныя мимоходомъ его дядей, когда они посѣтили однажды промышленный участокъ: здѣсь, гдѣ проповѣдуется „новое ученіе“ объ общей собственности и неправотѣ владѣющихъ землею, духовному отцу слѣдуетъ дѣйствовать съ увлеченіемъ, и жадной зависти неимущихъ и сокрушительному ихъ стремленію противопоставить Крестъ, какъ заклинательную формулу и путь къ единственному исцѣленію. Прежде всего, конечно, придется серьезно углубиться въ науку. Безъ сомнѣнія, самому прилежному студенту теологіи она достается гораздо труднѣе, чѣмъ достанется послѣднему барону фонъ-Венденъ. Его учителя старались удержать его на профессорскомъ поприщѣ, но онъ былъ твердъ: его жизнь должна принадлежать страждущему человѣчеству. Онъ хотѣлъ дѣйствовать, какъ миссіонеръ, но не въ далекихъ частяхъ свѣта, а проповѣдывать евангеліе среди

— — — — — —

своихъ братьевъ, удалившихся отъ Бога, внести свѣтъ святой истины во тьму, гдѣ гнѣздится несчастіе и безнадежность, горе и возмущеніе.

Вооруженный всѣми знаніями богословской науки, онъ оставилъ университетъ, чтобы на первыхъ порахъ занять мѣсто священника въ деревенскомъ приходѣ и имѣть досугъ для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Поэтому Готхольдъ охотно принялъ мѣсто, предложенное ему его дядей въ Цюльховѣ, близь Штетина. Къ этому времени умерла его мать, и онъ взялъ къ себѣ сестру.

Съ этими воспоминаніями Готхольдъ шелъ по дорогѣ къ виллѣ коммерціи совѣтника. Пройдя липовой аллеей отъ рѣшатчатой калитки до главнаго входа въ домъ, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собой старый замокъ Венденъ. Странно, что только теперь ему бросилось въ глаза, насколько его дядя, при постройкахъ въ имѣніи, бралъ за образецъ родовой домъ Венденовъ. Хотя самъ Готхольдъ былъ тамъ одинъ разъ въ гостяхъ у своего дѣдушки, этого стараго, красиваго господина съ большой, бѣлой бородой и съ блестящими молодыми глазами, но онъ очень хорошо помнитъ тѣнистую аллею изъ старыхъ липъ, ведущую отъ полуразрушенныхъ, украшенныхъ гербами каменныхъ воротъ къ замку. И какъ эта бѣлая вилла, онъ также былъ окруженъ зеленой рамкой подстриженныхъ деревьевъ. Но только тамъ все было старо, ветхо и носило отпечатокъ грусти, а здѣсь все блестѣло и сіяло свѣжестью. Миновало время старыхъ феодальныхъ замковъ, уступившихъ мѣсто роскошнымъ вилламъ королей промышленности. Ливрейный лакей, встрѣтившій Готхольда, доложилъ ему, что господа теперь въ паркѣ и что сейчасъ только пили кофе на террассѣ; не проводить ли г. пастора? Готхольдъ отклонилъ предложеніе, прошелъ въ садъ по широкому корридору, вымощенному цвѣтными каменными плитами, и вышелъ на террассу, обставленную олеандрами и лимонными деревьями въ деревянныхъ кадкахъ. Стѣна виллы была увита здѣсь цвѣтущими глициніями. Надъ благоухающими лиловыми кистями кружилось безчисленное множество шмелей. Глазамъ открывалась картина простора сквозь верхушки деревьевъ, покрывавшихъ всѣ неровности холмистой почвы волнующимся моремъ зелени. Въ огромной китайской клѣткѣ щебетали и летали пестрыя экзотическія птицы. Видъ на городъ совершенно закрывался высившейся на противоположной сторонѣ цѣпью холмовъ; шума заводовъ совершенно не было слышно; слѣва виднѣлась, сверкавшая среди зелени луговъ, часть рѣки, со скользящими по ней большими бѣлыми судами; прямо выступала постройка новой церкви, въ рамкѣ фрук-

товыхъ деревьевъ. Только сегодня въ первый разъ Готхольдъ подумалъ, какъ здѣсь все хитро задумано и устроено. Здѣсь чувствовалось, — будто живешь на свободной, далекой вершинѣ, уединенной и удаленной отъ свѣта, среди обаянія свѣжей весенней природы, окруженный всевозможнымъ утонченнымъ комфортомъ, а тамъ внизу давитъ своимъ стономъ и плачемъ суровая жизнь, которую онъ только что наблюдалъ съ сердечнымъ ужасомъ.

— Наконецъ-то!—привѣтствовалъ его коммерціи совѣтникъ, державшій между пальцами сигару и чашку мокко въ рукѣ.— Ты долго заставилъ себя ждать!

Готхольдъ пробормоталъ извиненіе, здороваясь съ его женой, сидѣвшей въ плетенномъ креслѣ. Блѣдная и молчаливая, какъ всегда, она все еще была красивой, представительной женщиной, съ чисто венденской наружностью, съ сильно выдающимся лбомъ и мягкимъ выраженіемъ губъ. Но въ ея темныхъ глазахъ, такъ красиво гармонировавшихъ съ волнистыми посѣдѣвшими волосами, было совсѣмъ не венденское выраженіе страха или ужаса передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Въ противоположность твердой повелительной фигурѣ мужа, во всемъ ея существѣ было что-то нѣжное и робкое.

Рядомъ съ нею сидѣла дочь ея, Валеска, настоящій портретъ отца, быть можетъ, черезчуръ плотная и сильная для своего пола и восемнадцати лѣтъ. Ее можно было назвать очень красивой, но было что-то слишкомъ наивное въ большихъ, слегка выпуклыхъ, голубыхъ глазахъ и въ румяномъ, дышащемъ здоровьемъ, полномъ лицѣ. Въ ея обращеніи сквозило простодушное ухарство, губы казались всегда готовыми смѣяться. На ней былъ костюмъ для тенниса изъ бѣлой шерстяной матеріи, оставлявшій открытой прекрасной формы шею. Перегнувшись черезъ столъ, она, не обращая вниманія на Готхольда, поддерживала разговоръ въ очень веселомъ тонѣ съ двумя молодыми людьми, сидѣвшими противъ нея. Коммерціи совѣтникъ представилъ одного изъ нихъ, г. фонъ-Бренкендорфа, поручика квартировавшаго въ городѣ пѣхотнаго полка, маленькаго подвижного офицерика, съ ординарнымъ лицомъ, черными усами и въ пенснэ на носу. Во второмъ, сидѣвшемъ неподвижно и сосредоточено, въ черезчуръ элегантномъ костюмѣ, съ рубцомъ на щекѣ и моноклемъ въ глазу, Готхольдъ узналъ секретаря правленія, Губерта Виллинга, племянника коммерціи совѣтника. Онъ поднялся съ изысканнымъ достоинствомъ, чтобы протянуть Готхольду три пальца согнутой подъ прямымъ угломъ руки, и пробормоталъ: „Чрезвычайно пріятно!“—Затѣмъ онъ снова сѣлъ, выпрямившись, какъ прежде, погла-

живая рукой то вьющіеся рыжіе волосы, съ проборомъ по серединѣ, то проводя по бритымъ усамъ и прислушиваясь къ разговору между Валеской и поручикомъ. Сознаніе своего превосходства отражалось на его умномъ лицѣ, съ удивительно безстрастными глазами.

— Нашъ Теодоръ такого же возраста,—сказала фрау Виллингъ, указывая на племянника, — я нахожу, что они очень похожи другъ на друга, какъ внѣшностью, такъ и внутренними достоинствами. Теодоръ совсѣмъ другой, чѣмъ Валеска... Но представь себѣ, Готхольдъ: мальчикъ не желаетъ уѣзжать изъ Англіи! Вѣроятно, тамъ онъ чувствуетъ себя лучше.—Она посмотрѣла на него печальными глазами.

По широкому выпуклому лбу коммерціи совѣтника, казалось, мелькнула тѣнь, когда онъ заговорилъ:

— Ну, что жъ такое? Для насъ, промышленныхъ людей, тамъ безконечно многому можно научиться. И я послалъ его туда именно для ученія. Эта страна и этотъ народъ замѣчательны тѣмъ, что имъ или отдаешься душою и тѣломъ, или дѣлаешься ихъ врагомъ. Середины, кажется, не бываетъ... Во всѣхъ англичанахъ есть что-то удивительно притязательное, какое-то желаніе имѣть все для себя, все приноравливать къ себѣ. Теодоръ сдѣлался современнымъ англичаниномъ... Каждаго слѣдуетъ предоставить его собственнымъ вкусамъ.

— Но вѣдь онъ у насъ единственный! — печально проговорила фрау Виллингъ.—И у меня какое-то предчувствіе, Гербертъ, какое-то предчувствіе...—Ея глаза становились все неподвижнѣе.

— Ахъ, твои вѣчныя предчувствія!

— Онъ навѣрное не вернется, Гербертъ. Ты увидишь.

Коммерціи совѣтникъ злобно засмѣялся:

— Это было бы недурно! Я спрашиваю: почему? Вѣдь ему здѣсь, кажется, не плохо... — Онъ привѣтливо улыбнулся.

Фрау Виллингъ сложила свои худыя, бѣлыя руки, потеревъ одну о другую, и уставилась на нихъ неподвижнымъ взглядомъ. Ее какъ будто знобило.

— Пока все не рухнетъ въ одно прекрасное утро,—пробормотала она,—пока тѣ тамъ не проснутся и не придутъ сюда, Гербертъ... Теодоръ это также предвидитъ, какъ и я. Поэтому онъ и не вернется.

Виллингъ покачалъ головой не то съ состраданіемъ, не то съ гнѣвомъ.

— Изумительно!—произнесъ онъ со вздохомъ.—Всегда одна и та же навязчивая идея, изъ которой вытекаетъ у тебя все остальное. Ахъ, если бы тебя можно было сразу вылѣчить

отъ нея! Я спрашиваю, развѣ на моихъ заводахъ все такъ мерзко, что можно принимать рабочихъ за голодныхъ собакъ, готовыхъ сорваться съ цѣпи каждую минуту и напасть на насъ? Пусть тебѣ скажетъ любой, кто наблюдалъ своими собственными, безпристрастными глазами. Тебя вѣдь не уговоришь и не убѣдишь, и мнѣ ты не вѣришь.

Фрау Виллингъ бросила испытующій взглядъ на Готхольда, прислушавшагося съ изумленіемъ къ разговору и заговорившаго теперь тономъ состраданія:

— Неужели, дорогая тетя,—ты такъ боишься? Ты совершенно неправильно рисуешь положеніе дѣлъ? Нѣтъ никакихъ основаній для страха. Мнѣ кажется, что тамъ, внизу, думаютъ о чемъ угодно, только не о возстаніи и мятежѣ. И затѣмъ, я могу себѣ позволить сказать опредѣленно, что на виллинговскихъ заводахъ все устроено такъ прекрасно, что рабочимъ трудно найдти поводъ къ недовольству.

— А если бы что случилось, сударыня, то вѣдь мы тоже еще здѣсь, такъ сказать,—вскричалъ поручикъ фонъ-Бренкендорфъ. — Пока у насъ есть еще патроны, можете быть спокойны. При первой командѣ: пли!—вся эта глупая толпа разлетится въ разныя стороны. Мнѣ это знакомо. Я стоялъ въ Вестфаліи, когда, два года тому назадъ, начались большіе безпорядки въ рудникахъ... Эти мужики удирали, какъ овцы, только пятки сверкали, при чемъ самые большіе болтуны бѣжали впереди всѣхъ... Все это пустяки! Ручаюсь, сударыня, что безъ капли крови мигомъ спроважу этотъ сбродъ, если только что-нибудь случится...

— Совершенно вѣрно,—прервалъ секретарь холоднымъ, беззвучнымъ голосомъ, вынувъ монокль изъ глаза.—Главное— не шутить, не шутить въ такихъ случаяхъ! Показать примѣръ немедленно. Тогда эти люди сразу поймутъ... Собственно, нельзя даже понять, чего они хотятъ? Правительство провело соціально-политическія реформы высокой важности; его величество самъ интересуется этими вопросами. У насъ есть страхованіе на случай старости, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ; эти люди прекрасно устроены; взгляните, наконецъ, на дядюшкину расцѣнку: тутъ просто нежеланіе работать! Я хотѣлъ бы знать, почему нужно соображаться съ требованіями этихъ людей?.. Нашъ братъ, послѣ многолѣтняго ученія, послѣ долгой подготовительной службы, послѣ двухъ испытаній и Богъ знаетъ какой обременительной работы, все-таки не получаетъ еще отъ государства и мѣднаго гроша! А вѣдь дѣлаетъ немножко больше, чѣмъ эти блузники... Но объ этомъ эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго представленія...

Фонъ-Виллингъ закурилъ новую сигару.

— —

— Да, вполнѣ справедливо,—сказалъ онъ, выпуская изо рта голубое облачко дыма,—для нихъ дѣлаютъ достаточно. И обязаны дѣлать. Это христіанскій долгъ, не только справедливо со стороны государства, но и связано съ его выгодой, потому что необходимы дѣльныя рабочія руки, чтобы идти впередъ. Владѣлецъ фабрики, содержащій плохо своихъ рабочихъ или обращающійся худо съ ними, вредитъ самому себѣ. Все обусловливается взаимной, дружной работой: рабочій долженъ интересоваться фабрикой, ему должно быть тамъ хорошо, тогда онъ дорожитъ мѣстомъ и старается. Высокое вознагражденіе и хорошее обращеніе всегда оплачиваются.

— Не забывайте дисциплины, г. фонъ-Виллингъ!—вскричалъ поручикъ.—Дисциплина необходима! Эти мужики обязаны повиноваться! Исполнять свои обязанности мы вѣдь всѣ должны!.. Царь небесный! Я не понимаю, почему съ этимъ народомъ обращаются такъ бережно!

Даже совѣтникъ покачалъ головой.

— При гуманныхъ принципахъ, преслѣдуемыхъ тобою, дядя, не должно возникать никакого соціальнаго вопроса!—замѣтилъ Готхольдъ.

— Къ тому же онъ страшно надоѣлъ,—перебила, смѣясь, Валеска.—День и ночь только и говорятъ, что о немъ. Романы, драматическія произведенія, газеты—все наполнено соціальнымъ вопросомъ. Хоть волоса на себѣ рви!.. Что за односторонность! Вѣчно однѣ и тѣ же фразы—и ни шагу впередъ! Какъ есть, такъ и должно быть, какъ было всегда, такъ и будетъ. Надо же, наконецъ, это понять! Къ тому же этимъ людямъ совсѣмъ не плохо. Какъ много для нихъ сдѣлано! Иногда я смотрю на все и прямо горжусь. Если бы я случайно не была дочерью коммерціи совѣтника, я хотѣла бы быть рабочимъ у папы.

Поручикъ и секретарь засмѣялись.

— Ну, ну, ну,—погрозилъ пальцемъ коммерціи совѣтникъ.

Готхольдъ не выразилъ удивленія, а фрау Виллингъ покачала головой съ выраженіемъ испуга.

— Въ самомъ дѣлѣ, — настаивала Валеска, опершись своимъ бѣлымъ и круглымъ подбородкомъ на руку,—я вовсе не шучу. Народъ стоитъ на первомъ планѣ общественныхъ интересовъ; все вертится вокругъ него. Чего мы ни устроили для рабочихъ: столовыя, магазины для снабженія одеждой, больницы—ужъ не знаю еще что. Вездѣ шумятъ о благотворительныхъ обществахъ. И вездѣ надо быть!.. Настоящій спортъ!.. Я твердо убѣждена, что черезъ нѣкоторое время нуждающихся будутъ искать черезъ газетныя объявленія, иначе не найдутъ. Нѣтъ, имъ хорошо! Недавно въ нашей народной столовой мы съ Дорой Мартенсъ пробовали карто-

фельный супъ,—прямо великолѣпный! Такого вкуснаго намъ Христина никогда не подаетъ на столъ.

— Завтра попробую непремѣнно,—объявилъ поручикъ.— У насъ въ Казино ничего подобнаго нѣтъ. А въ солдатской кухнѣ, гдѣ приходится ѣсть, когда бываешь тамъ дежурнымъ— брр! Мужики, конечно, чувствуютъ себя превосходно. Да, и желудки ихъ... Мы всегда судимъ по себѣ. Точно этотъ сортъ людей имѣетъ тѣ же потребности, тѣ же чувства, что и мы! Неправильныя сужденія и приводятъ къ современной сентиментальности. Они ни въ чемъ не нуждаются, потому что ничего другого не знали. Вотъ, если бы мы были въ ихъ положеніи, съ нашими утонченными нервами и чувствами,— о! à la bonne heure! Тогда можно было бы горевать. Какъ вы думаете, г. фонъ-Виллингъ?

— Отчасти справедливо,—отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ разсѣянно, и на его лбу появилась складка.—Главное дѣло въ томъ, что соціальный вопросъ не есть только вопросъ желудка; какъ таковой, мы его разрѣшили, насколько возможно при несовершенствѣ на землѣ,—это прямо можно сказать. Теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ религіозный. Народу снова нужно дать религію: иначе не будетъ удовлетворенія. И это то, чего мы ждемъ отъ ближайшаго будущаго, какъ здѣсь, такъ и повсюду...

Его послѣднія слова звучали почти торжественно. Слушатели молчали. Поручикъ смотрѣлъ на столъ, а секретарь кивалъ головою. Госпожа Виллингъ сложила руки и закрыла глаза.

— Дай Богъ!—прошептала она.

Валеска безпокойно двигалась на своемъ стулѣ. Послѣ приличной паузы, она воскликнула:

— Ну, что-жъ, господа, какъ же съ нашимъ теннисомъ? Теперь какъ разъ время...

Оба молодыхъ человѣка вскочили.

— Какъ прикажете, сударыня,—сказалъ поручикъ, приставивъ два пальца къ козырьку фуражки,—хотя моя форма...

Валеска засмѣялась своимъ задорнымъ смѣхомъ.

— Вотъ идея! Конечно, вы оба должны переодѣться. Губертъ, ты вѣдь знаешь, куда идти. Проведи г. фонъ-Бренкендорфа въ гардеробную. Только, пожалуйста, поскорѣе, господа!—И она захлопала въ ладоши, какъ бы для того, чтобы поскорѣе прогнать ихъ.

Когда они скрылись, она подошла къ Готхольду.

— Тебя, надѣюсь, нечего приглашать участвовать въ игрѣ. Конечно, не прилично?

— Я не видѣлъ бы въ этомъ грѣха,—возразилъ Готхольдъ, смотрѣвшій передъ собою сосредоточено и безмолвно все время разговора,—но я не знаю этой игры, и не найду въ

ней удовольствія. Кромѣ того, пока вы будете играть, я поговорю кое о чемъ съ твоимъ отцомъ: мнѣ нужно о многомъ переговорить.

Она кивнула головой, какъ будто хотѣла сказать: „я такъ и думала“, и прибавила:

— Надѣюсь, ты не сердишься, что я не была сегодня у тебя въ церкви? Знаешь, я охотно ходила бы даже изъ одного любопытства. Но я совершенно не переношу этого помѣщенія. Этотъ запахъ рабочихъ... фи! Право, можетъ сдѣлаться дурно. Не требуй отъ меня! Вотъ, когда будетъ готова новая церковь, ты будешь видѣть меня каждое воскресенье. Тамъ у насъ будетъ собственное мѣсто, и легче будетъ выносить... Конечно, на всякій случай буду захватывать съ собою пульверизаторъ съ о-де-колономъ...

— Валеска, какъ ты легкомысленна!—вскричала ея мать.— Развѣ можно смѣяться надъ честнымъ трудовымъ потомъ!..

— Конечно, нѣтъ, но не зачѣмъ и нюхать его, мама! Вѣдь этимъ никакой пользы имъ не принесешь. Когда мы идемъ въ народную столовую, мы всегда сильно душимся, иначе не вытерпишь при раздачѣ... Скажи, пожалуйста, Готхольдъ, я хотѣла спросить тебя: ты—строго вѣрующій?

Мать нахмурила брови.

— Почему тебя интересуетъ этотъ вопросъ?—спросилъ Готхольдъ.—И что ты понимаешь подъ этимъ словомъ? Я— служитель нашей церкви, дѣйствительно исповѣдующій нашу религію. Я думаю, ты не сомнѣваешься въ этомъ?

— Та-акъ!—протянула она, и на ея открытомъ лицѣ отразилось нѣкоторое разочарованіе.—Я думала собственно...

— Ну, что еще за глупости?—спросилъ коммерціи совѣтникъ.

— Что дѣлать, папа! Я нахожу, что свободомыслящіе священники гораздо интереснѣе... И я думаю, что молодые должны быть всегда свободомыслящими.

— Благодареніе Богу, нѣтъ!—возразилъ Готхольдъ.—И я рѣшительно не понимаю, такъ называемаго, церковнаго либерализма, милая кузина! Или вѣрить въ то, что предписываетъ намъ наша церковь, или совсѣмъ не вѣрить. Но выбирать по собственному благоусмотрѣнію то, чему хочешь вѣрить и чему не хочешь, этого нельзя. Кто уничтожитъ своими дерзкими руками самый малый изъ сихъ камней, тотъ поколеблетъ все зданіе. Какъ эти, болѣе интересные для тебя, свободомыслящіе пасторы справляются со своей совѣстью, какъ они согласуютъ свое свободомысліе съ обѣтомъ священства,—я не знаю. Если бы я былъ на ихъ мѣстѣ, я зналъ бы, что мнѣ, какъ честному человѣку и христіанину, остается одно: снять рясу и отказаться отъ мѣста. Никакого компромисса здѣсь быть не можетъ!

— Браво! Браво!—вскричалъ коммерціи совѣтникъ.—Что отдалило массы пролетаріевъ отъ религіи, какъ не эти сами дерзкіе новаторы въ рясахъ, съ самаго начала разъяснившіе имъ, что не во все слѣдуетъ вѣрить, и толкнувшіе ихъ на путь невѣрія? Безразсудная толпа увидѣла, или, лучше, безсовѣстные подстрекатели, живущіе тѣмъ, что смущаютъ народъ, подсказали ему: если можно часть выбросить за бортъ и всетаки стоять на церковной каѳедрѣ, то почему же не отказаться отъ цѣлаго? То и другое было достойно довѣрія. Значитъ, зачѣмъ же нуженъ священникъ! Вотъ что и сдвинуло камни. Такъ и пошло. Невѣрующая, отдалившаяся отъ Бога чернь стала хорошимъ матеріаломъ для агитаторовъ; взамѣнъ потеряннаго Евангелія царствія Божія, она воспринимала новое, соціалистическое, о царствіи Божьемъ на землѣ, болѣе близкомъ, желанномъ, и потому пробуждающимъ всѣ порочныя и низкія страсти. Религія требовала отъ людей терпѣнія и отреченія, а новое ученіе распространяется объ ихъ мнимыхъ правахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ энергичнѣе выставляются требованія. Разъ надежды на загробную жизнь исчезли, слѣдуетъ стараться устроиться на землѣ вдвойнѣ удобнѣе, безъ всякаго опасенія отвѣтственности въ будущемъ за избранныя для того средства. Такимъ образомъ, паденіе нравовъ все шло впередъ и впередъ, и, наконецъ, получилось то, что мы видимъ сейчасъ... Толчекъ дала либеральная теологія. Она явилась источникомъ соціалъ-демократіи, анархизма и всего революціоннаго движенія въ народѣ. Разъ началось колебаніе на rocher de bronce вѣры, удержаться нельзя. Пробуждаются всѣ животные инстинкты; все, что до сихъ поръ было прочно, свято и казалось непоколебимымъ, неудержимо и безпорядочно рушится. Соціальный вопросъ, повторяю, есть вопросъ религіи. Сюда и должны быть направлены наши взоры. То, что современный либерализмъ испортилъ въ теологіи, то можетъ и должна исправить ортодоксія. На ней и только на ней зиждется надежда нашего будущаго. Она возвратитъ заблудшихся, а постоянно ищущихъ и не находящихъ внутренняго успокоенія въ новомъ ученіи соберетъ вновь подъ знаменемъ Креста. На этотъ счетъ я не опасаюсь. Христіанская религія переживала болѣе тяжелые кризисы, чѣмъ современный. Мы побѣдимъ, какъ сказано въ апостольскихъ дѣяніяхъ: „нѣтъ бо исцѣленія внѣ Его“!

Онъ говорилъ горячо, и голосъ его усилился до проповѣдническаго паѳоса. Еще юношей онъ хотѣлъ сдѣлаться проповѣдникомъ, и слуги ихъ дома слушали его цѣлыми часами, разинувъ рты, когда онъ въ кухнѣ, забравшись на скамейку, наставлялъ ихъ. „Нашъ маленькій пасторъ“ называли они

его. Но смерть старшаго брата заставила его, по волѣ отца, взяться за управленіе виллинговскими заводами, ставшими тогда же его собственностью. Его либеральные противники въ тихомолку еще и до сихъ поръ зовутъ его: „великій промышленникъ въ рясѣ“.

Теперь онъ всталъ, провелъ слегка своимъ носовымъ платкомъ по лбу, съ блестѣвшими на немъ каплями пота.

Валеска, раскрывши глаза, все время прислушивалась къ его рѣчи, отчасти какъ бы не понимая, отчасти не довѣряя, между тѣмъ какъ мать, сидѣвшая у стола, со своими сложенными руками, тихо шевеля губами, какъ будто все время шептала молитвы.

Готхольдъ также всталъ, подошелъ къ дядѣ и молча пожалъ его руки. Онъ былъ тронутъ. Только послѣ продолжительной паузы онъ могъ сказать вполголоса:

— Ты правъ, дядя. И я говорю вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ: мы исповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для эллиновъ безуміе. Для призванныхъ же, іудеевъ и эллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость!..

Оба молодыхъ человѣка вернулись въ фланелевыхъ костюмахъ для тенниса и прервали наступившее молчаніе. Валеска, видимо, осталась недовольна. Когда они уходили, она шепнула Губерту Виллингъ:

— Послушай, а вѣдь кузенъ Готхольдъ совсѣмъ черный!

Секретарь кивнулъ ей со свойственнымъ ему достоинствомъ скороспѣлки.

— Это хорошо. Такіе люди намъ теперь нужны, какъ борцы за тронъ и алтарь. Теперь не время для нерѣшительности и равнодушія. Необходимо, видишь ли, натянуть поводья какъ можно сильнѣе... и *ракеты впередъ!*

Коммерціи совѣтникъ взялся опять за свою потухшую было сигару, позвонилъ и приказалъ пришедшему лакею приготовить въ кабинетѣ двѣ бутылки штейнбергера во льду.

— Лучшій напитокъ въ такой жаркій лѣтній день,—сказалъ, онъ улыбаясь. — А пока пройдемся, если хочешь, по парку.

Готхольдъ охотно согласился. Когда они уходили, онъ замѣтилъ, какой испуганный взглядъ бросила имъ вслѣдъ тетка, и какъ она поспѣшно скрылась въ домъ, точно изъ боязни остаться одной на террасѣ.

— Тетя Констанція всегда такая?—спросилъ Готхольдъ.

Коммерціи совѣтникъ оглянулся.

— Это—болѣзненное состояніе,—сказалъ онъ съ видимымъ неудовольствіемъ,—нервное страданіе. Безпричинный страхъ. Въ послѣднее время вообще очень плохо, въ особенности по воскресеньямъ, когда она не слышитъ ни малѣйшаго шума

съ заводовъ и не видитъ дыма изъ заводскихъ трубъ. Это ее пугаетъ. Она, видимо, увѣрена, что никакая опасность не грозитъ до тѣхъ поръ, пока заводы поглощаютъ всѣ силы рабочихъ. Но какъ только работа прекращается, ей дѣлается страшно. Въ это время она за всѣмъ слѣдитъ, ко всему прислушивается...

— Давно это такъ? — спросилъ Готхольдъ, очень удивленный.

Фонъ-Виллингъ пожалъ плечами, и складка на его переносьи углубилась.

— Не знаю. Думаю, съ тѣхъ поръ, какъ мы выстроили здѣсь виллу. При постройкѣ, забота объ ея личныхъ удобствахъ и покоѣ была у меня, конечно, не на послѣднемъ планѣ. Но ей казалось все черезчуръ дорогимъ, слишкомъ роскошнымъ, явно кричащимъ. Она боялась, что постройка поглотитъ слишкомъ много средствъ; распространится и будетъ раздражать молва, что я, какъ grand seigneur, усѣлся здѣсь наверху, точно мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что творится внизу, на заводѣ и т. п. Ворчанью не было конца. Никакіе разумные доводы не помогали. Тогда, вѣроятно, и началось. Но я не вижу здѣсь серьезной болѣзни.

— А что говорятъ врачи?

— Что могутъ сказать эти господа? Все и ничего. Сначала говорили: навязчивая идея; при общемъ укрѣпленіи организма все должно исчезнуть. Былъ выдержанъ курсъ лѣченія, примѣнялись минеральныя воды, діэтетическое лѣченіе. Ничто не помогло. Наконецъ, мы рѣшили ничего больше не пробовать, и несчастная женщина не чувствуетъ себя хуже. Такъ, какъ сегодня, она страдаетъ не всегда. Бываютъ дни, когда ничего нельзя замѣтить. Многіе изъ посѣщающихъ насъ и не подозрѣваютъ ея состоянія. Даже Валеска не догадывается, что здѣсь — болѣзнь, и подсмѣивается надъ матерью по поводу ея преувеличенной трусости. Я тоже держу себя такъ, будто и не предполагаю ничего другого.

— Это какъ бы наказаніе Божіе, — пробормоталъ Готхольдъ, — и напоминаніе тебѣ не забывать тѣхъ, кто работаетъ на тебя.

Коммерціи совѣтникъ ничего не отвѣтилъ. Его омрачившееся лицо постепенно прояснялось, по мѣрѣ того, какъ они медленно подвигались по аллеямъ парка, и между стволами деревьевъ, увитыхъ вьющимися растеніями, открывался прелестный видъ то на далекія зеленыя лужайки, то на пестрыя цвѣточныя клумбы, а дальше — на зеленыя нивы, тихо волнуемыя вѣтромъ. Взглядъ его выражалъ удовольствіе отъ радостнаго сознанія, что онъ—обладатель всего окружающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ строгій осмотръ. Ни одно

ничтожнѣйшее отступленіе отъ его приказаній не осталось незамѣченнымъ. Иногда онъ останавливалъ вниманіе Готхольда на особенно рѣдкомъ экземплярѣ дерева, на чужеземномъ растеніи, на уютномъ уголкѣ подъ тѣнистыми вершинами, манящемъ къ отдыху. Но Готхольдъ оставался ко всему безучастнымъ.

— Я нахожу, что ты сегодня чѣмъ-то разстроенъ? — сказалъ фонъ-Виллингъ.

— Можетъ быть. Я нахожусь подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній. Я былъ въ рабочемъ кварталѣ.

— А!—Повидимому, это извѣстіе не понравилось коммерціи совѣтнику.—Кто водилъ тебя?

— Я пошелъ наудачу.

— Гм. Тамъ, конечно, можно испытать многое. — Онъ закусилъ свои усы.

Готхольдъ остановился.

— Я знаю теперь, гдѣ мое мѣсто. Среди этихъ невѣрующихъ и погибшихъ. На твоихъ заводахъ едва ли во мнѣ нуждаются; я могу ждать, пока меня позовутъ. Но тамъ! Тамъ ужаснѣе, чѣмъ можно встрѣтить у дикарей, если бы меня послали къ нимъ въ качествѣ миссіонера. Тѣ хоть ничего не знаютъ о Христѣ, а здѣсь знаютъ о Немъ и отъ Него отреклись.

Виллингъ пожалъ плечами.

— Чему ты удивляешься? Единицы здѣсь мало значатъ, и я не могу быть всюду. Къ тому же, если бы всѣ хотѣли того же, чего и я, если бы мы всѣ входили въ тѣсный союзъ; но здѣсь многіе фабриканты придерживаются иной точки зрѣнія: они согласны платить своимъ рабочимъ по заслугамъ, но до всего остального, до ихъ благополучія и несчастія, до ихъ нуждъ и потребностей, имъ нѣтъ никакого дѣла. А есть и фабрики, находящіяся въ рукахъ акціонерныхъ обществъ; тутъ ужъ не существуетъ никакихъ отношеній между работодателемъ и рабочими. Къ тому же всѣ эти уволенные рабочіе слишкомъ слабы, слишкомъ лѣнивы, слишкомъ непокорны или слишкомъ нерадивы, чтобы искать себѣ новой работы. Тутъ настоящій чумный очагъ!.. Кто долженъ заботиться объ этомъ народѣ? Государство можетъ помочь здѣсь такъ же мало, какъ и городское общество, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ... Такъ выростаетъ поколѣніе, не знающее ничего о Богѣ, изрыгающее ненависть и зависть по адресу всѣхъ имущихъ, совращающее и отравляющее своимъ ядовитымъ дыханіемъ лучшіе элементы. Тутъ удивляться не чему! Надо имѣть тысячи глазъ и тысячи рукъ, а прежде всего, если хочешь помочь, располагать безчисленными милліонами... У насъ дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ округахъ, скорѣе—лучше.

— Всѣ должны соединиться во едино и помогать, каждый по мѣрѣ возможности... Никто не долженъ оставаться безучастнымъ.

Коммерціи совѣтникъ вздохнулъ нетерпѣливо.

— Да, да, да. Хорошо, прекрасно. Проповѣдуй имъ! Но заставишь-ли? Наконецъ, все имѣетъ свои границы. Если сами рабочіе не идутъ на встрѣчу имущимъ, если они всегда только угрожаютъ, выражаютъ ненависть и возмущеніе, — все будетъ напрасно. Улучшеніе положенія должно начаться именно съ самаго корня возмущенія; оно не можетъ быть принесено извнѣ. Иначе рискуешь наполнять бочку Данаидъ безъ малѣйшей надежды на благодарность. Постоянное требованіе все большаго и большаго, растущая притязательность, какъ будто на той сторонѣ всѣ права... Нѣтъ предѣла домогательствамъ! Вѣрь мнѣ, я знаю это дѣло. Новичекъ, знакомящійся съ нимъ въ первый разъ, чувствуетъ сначала одно только жгучее состраданіе. Онъ говоритъ себѣ: „здѣсь необходима помощь во что бы то ни стало“—и готовъ немедленно взвалить на фабрикантовъ обязанность помогать и упрекаетъ ихъ, какъ они могли довести до этого. Но помощь должна идти отъ самихъ рабочихъ. Съ однѣми деньгами здѣсь безусловно ничего не подѣлаешь. Они должны учиться смиренію, покорности и вернуться къ Богу. Тогда имъ всѣ протянутъ братскую руку. Помогать избѣгающей работы дерзкой, безбожной сволочи, показывающей намъ свои грязные кулаки, не только не составляетъ нашей обязанности, но было бы даже преступленіемъ, обращающимъ насъ въ соучастниковъ этихъ озвѣрѣлыхъ людей!—Онъ сильно ударилъ палкой по попавшемуся на дорогѣ камню, чтобы отшвырнуть его въ сторону. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, чувствующаго желаніе примѣнить избытокъ своихъ силъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Въ его лицѣ появилось что-то жесткое. Онъ старался подавить желаніе высказать еще что-то, что осталось недосказаннымъ.

— Почему никто здѣсь никогда не заботился о спасеніи душъ?—спросилъ Готхольдъ.

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Настоятель—болѣзненный человѣкъ и старъ; Мейнертъ—сухой кабинетный ученый; ты это самъ знаешь. Не достаетъ свѣжихъ силъ. Годебушъ, хотя и невыносимый ябедникъ, и на мѣстѣ консисторіи я давно отрѣшилъ бы его отъ должности, но, какъ личность, онъ самый подходящій проповѣдникъ, чтобы вліять на рабочихъ. Но онъ не въ нашей епархіи. Своихъ „маленькихъ людей“ онъ прекрасно ведетъ на веревочкѣ, они всѣ его обожаютъ, и при этомъ всѣ съ нимъ на „ты“... Впрочемъ, ты долженъ имѣть въ виду, что здѣсь,

въ рабочемъ кварталѣ, существуютъ теченія, способныя въ высокой мѣрѣ вредить полезному и душеспасительному воздѣйствію.

— Ты подразумѣваешь соціалъ-демократическую агитацію?

— Именно. Она будетъ твоимъ сильнымъ противникомъ. Соціалъ-демократическая партія враждебна обществу и Богу и не знаетъ никакой пощады. Я старался держать этого волка подальше отъ своихъ владѣній, но другіе не послѣдовали моему примѣру, и въ рѣчномъ кварталѣ онъ хозяйничаетъ безпрепятственно. Сумѣешь убить его—ты побѣдишь. Если власти покинутъ насъ въ борьбѣ съ соціализмомъ, если законы не укажутъ возможности вырвать съ корнемъ это ядовитое растеніе, конца не предвижу... Не понимаю, почему всѣ правящіе элементы не протянутъ намъ руки и не заключатъ тѣснаго союза, чтобы задушить это животное! Точно тутъ могутъ быть какія-нибудь колебанія и разсужденія! Для всѣхъ насъ эта борьба одинакова важна, и мы всѣ одинаково терпимъ отъ этой современной эпидеміи... А теперь даже теологія дѣлается соціалъ-демократической. Что такое это христіанско-соціалистическое движеніе, возвѣщенное двумя-тремя честолюбивыми пасторами, какъ не переходная ступень, какъ не ублюдокъ соціализма, наряженный въ благочестивую мантію? Соціалъ-демократы только посмѣиваются въ кулакъ, сознавая, что пробужденіе народнаго энтузіазма будетъ имъ на руку: рано или поздно, а безумная, алчная шайка достанется имъ. Даже антисемитизмъ, какъ онъ выражается теперь, имѣетъ соціалъ-демократическую окраску, такъ какъ травитъ евреевъ только потому, что они богаты. А эта агитація въ деревняхъ и въ промышленныхъ центрахъ! Есть молодые теологи, допускающіе совмѣстимымъ со своимъ саномъ и обязанностями организовывать оппозицію рабочихъ и крестьянъ противъ помѣщиковъ, хвастаясь потомъ, что они „спасители и защитники бѣдныхъ". Другіе проповѣдуютъ вполнѣ откровенно богатымъ фабрикантамъ, что они обязаны улучшить положеніе своихъ рабочихъ. Едва вѣришь своимъ глазамъ, когда читаешь что либо подобное. Одинъ забрался даже на фабрику, переодѣвшись рабочимъ, чтобы потомъ распространять различную сенсаціонную ложь изъ жизни своихъ бѣдныхъ „товарищей рабочихъ". Все это происходитъ изъ страсти къ рекламѣ, изъ честолюбія, изъ желанія играть роль. Иначе чѣмъ объяснить? Что за духъ вселился въ нашихъ теологовъ! Если все это встрѣчается здѣсь, если демагогія распространилась и въ этомъ кругу, гдѣ же тогда границы? Какая польза въ томъ, что эти замаскированные соціалъ-демократы, вооруженные подходящими изрече-

ніями изъ библіи, за свою проповѣдь, подъ личиной благочестія, возмущенія и алчности подвергнутся потомъ дисциплинарному наказанію или увольненію? Сѣмя брошено и даетъ всходы; тѣмъ болѣе, что сами они обращаются въ мучениковъ. Если нѣтъ надежды на такихъ, казалось бы, безусловныхъ борцовъ за нравственность и порядокъ, религію и монархію, тогда, конечно, имѣются всѣ основанія мрачно смотрѣть на будущее. Что съ нашихъ университетскихъ каѳедръ возвѣщается соціалистическое ученіе, это—уже не новость: тутъ „свобода" науки. И ту же „свободу" хотятъ насадить теперь и въ проповѣдь о словѣ Божіемъ!

Всю эту рѣчь, произнесенную съ возраставшей страстностью, Готхольдъ прослушалъ, опустивъ голову, ни словомъ, ни движеніемъ не выразивъ согласія. Только послѣ нѣкоторой паузы, когда они медленно пошли впередъ, онъ спросилъ:

— Есть здѣсь соціалистическіе агитаторы?

Коммерціи совѣтникъ желчно засмѣялся.

— А гдѣ же ихъ нѣтъ! Эти люди существуютъ вездѣ. И мы имѣемъ здѣсь образцовый экземпляръ такого рода. Наиопаснѣйшій негодяй, блестяще оправдывающій своей дѣятельностью всѣ мои соображенія! Этому подлецу поклоняются въ рабочемъ кварталѣ, какъ полубогу, и онъ никто иной, какъ недоучившійся студентъ богословія.

— Какъ его зовутъ? — спросилъ заинтересованный Готхольдъ.

— Ты хочешь познакомиться съ нимъ?

— Безусловно. Если не начать съ корня, то какъ уничтожить дерево?

— Съ этимъ фанатикомъ ненависти и невѣрія отложи всякое попеченіе объ исправленіи! Онъ, какъ и всякій ренегатъ, до крайности упоренъ въ своемъ заблужденіи. Совершенно пропащій субъектъ, какъ я слышалъ. Зовутъ его Вельманнъ, Куртъ Вельманнъ.

У Готхольда вырвался крикъ изумленія.

— Съ однимъ Куртомъ Вельманномъ я былъ вмѣстѣ въ университетѣ... Мы были друзьями. Съ тѣхъ поръ я много лѣтъ ничего не слыхалъ о немъ. Неужели онъ?..

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Весьма возможно. Едва ли онъ старше тебя. Печальный образецъ заблужденій!.. Повернемъ теперь налѣво! Я хочу показать тебѣ превосходное мѣсто, прежде чѣмъ мы вернемся домой.

Они подошли къ засѣяннымъ нивамъ, волновавшимся, на подобіе ярко зеленаго моря, на вершинахъ холмовъ и въ долинѣ, и повернули къ высокой площадкѣ, подъ старымъ ду-

бомъ, съ обложеннымъ кирпичами исполинскимъ стволомъ, далеко раскинувшемъ свои могучія вѣтви. Готхольдъ погрузился въ глубокое размышленіе. Неужели это тотъ самый Куртъ Вельманнъ, съ которымъ они вмѣстѣ учились въ Грейфсвальдѣ и въ Берлинѣ и вмѣстѣ мечтали?.. Оба они были одушевлены страстнымъ желаніемъ учиться, оба были исполнены одинаковыми идеалами будущаго. Проповѣдывать Евангеліе бѣднымъ, спасать колеблющихся, возвращать заблудшихъ—таковы были ихъ планы и надежды. И они оба, во имя этихъ цѣлей, оставили безъ колебаній ученое поприще вопреки требованію своихъ учителей, цѣнившихъ ихъ, какъ своихъ лучшихъ учениковъ. А теперь... возможно ли? Могъ ли этотъ пылкій юноша, съ такимъ прекраснымъ направленіемъ, отзывчивый на все хорошее и высокое, рожденный какъ бы для того, чтобы быть мученикомъ, готовый, казалось, скорѣе быть пригвожденнымъ къ кресту за свои убѣжденія, чѣмъ отречься отъ нихъ, могъ ли онъ уклониться такъ далеко отъ своей стези и такъ безпомощно запутаться на тернистомъ пути жизни? Оба, мечтавшіе стоять плечо къ плечу, они должны стать теперь противниками? Готхольдъ видѣлъ передъ собою своего прежняго бѣлокураго, стройнаго друга. И этого чистѣйшаго изъ чистыхъ теперь онъ долженъ признать недоучкой, апостоломъ-подстрекателемъ пролетаріата, жаждущимъ переворота? Въ такомъ случаѣ перваго, кого онъ долженъ спасти, это потеряннаго друга своей юности!

Они дошли до мѣста, куда велъ его коммерціи совѣтникъ. Не смотря на свою задумчивость, Готхольдъ не могъ подавить радостнаго возгласа изумленія. Взору открылась чудная картина. На заднемъ планѣ ея виднѣлся лѣсъ, гдѣ въ темной зелени, освѣщенной заходящимъ солнцемъ, могъ потонуть глазъ; впереди разстилались виллинговскія владѣнія во всей своей обширности; сзади нихъ—рѣка съ ея лугами; далѣе, направо—панорама города съ крышами и башнями и налѣво—далекое холмистое пространство съ постройкой церкви. Коммерціи совѣтникъ наслаждался восторгомъ Готхольда, и въ глазахъ его блеснуло сознаніе собственнаго достоинства. Онъ сѣлъ на березовую скамейку, подъ гигантскимъ дубомъ, и произнесъ:

— Я не могъ бы сказать тебѣ, какъ властелинъ Самоса: „признаюсь, я самый счастливый изъ людей!“, потому что не достигъ всего, что задумалъ. Я нахожусь еще въ началѣ выполненія своихъ плановъ.

— У тебя еще большіе планы въ жизни?

— Да! Сегодня я—еще большой, важный владѣлецъ фабрикъ и заводовъ, какъ и другіе. Я достигъ всего собствен-

ными силами. Производство отцовскаго завода я увеличилъ разъ въ десять, создалъ ему силу и славу. Но всего этого для меня далеко не достаточно. У меня есть конкурренты, и я хочу быть первымъ между ними; этого я еще не достигъ. Продукты моего производства должны заслужить всемірную славу, а не пользоваться лишь мѣстной извѣстностью. Я хочу конкуррировать въ Англіи и Америкѣ и одержать верхъ. Я не только хочу строить локомотивы и машины, но хочу, чтобы съ моей верфи спускались всѣ военныя суда нашей и другихъ націй, потому что съ качествомъ и дешевизной моихъ произведеній не можетъ тягаться никакой другой машиностроительный заводъ въ мірѣ. Я хочу господствовать на міровомъ рынкѣ. И все уже подготовлено, это—не фантазія, не мечта, а весьма близко къ осязательной дѣйствительности, — что я могу доказать простымъ подсчетомъ. Въ моихъ рукахъ будутъ сходиться всѣ нити, расходящіяся теперь по всему свѣту; я буду направлять тысячи и тысячи рукъ, которыя должны будутъ двигаться и шевелиться по моимъ указаніямъ и для выполненія моихъ идей. Ни съ кѣмъ другимъ я не раздѣлю власти, какъ только съ моимъ сыномъ и наслѣдникомъ!.. Виллинговскія машины получатъ міровое значеніе, и съ этимъ должны будутъ считаться; никакой конкурренціи онѣ не должны знать... Ты смотришь съ удивленіемъ, какимъ я вдругъ предсталъ предъ тобою при дневномъ свѣтѣ? Ты вообще первый, кому я высказываюсь. И ты долженъ помочь мнѣ, Готхольдъ!..

— Я? Я!

Готхольдъ все время выслушивалъ широкіе, гигантскіе планы дяди со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и страха. Внезапный порывъ этого исполненнаго силъ человѣка возбуждалъ въ немъ горькое чувство.

„Сколько жизней безжалостно растопчетъ этотъ человѣкъ, чтобы достичь цѣли, быть впереди другихъ!“—думалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ показался ему воплощеніемъ желѣзнаго духа времени, эгоистично прокладывающаго свой путь кровью и разрушеніемъ для пріобрѣтенія власти... И этой насильственно пріобрѣтенной властью онъ думаетъ дѣлать добро другимъ! Трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.

— Я?—повторилъ онъ.—Я могу помочь тебѣ?

— Ты. Потому что ты рѣшишь, кто изъ рабочихъ на моихъ заводахъ будетъ заинтересованъ, когда предполагаемое грандіозное расширеніе ихъ вступитъ въ жизнь. Въ новичкахъ я не могу быть такъ увѣренъ, какъ въ старыхъ, коренныхъ своихъ рабочихъ; они внесутъ съ собою неудовольствіе и жадность. И ты будешь, какъ говорится, стоять на своемъ посту, если не допустишь разрушать внизу того, что мы

будемъ строить наверху. Ты долженъ обуздать эту ватагу словомъ Божіимъ. Я надѣюсь на тебя.

По ясному лбу Готхольда промелькнула тѣнь.

— Я всегда буду дѣлать то, что велитъ мнѣ моя совѣсть,—сказалъ онъ тихо и опредѣленно.

Они встали и пошли дальше. Коммерціи совѣтникъ продолжалъ развивать своему спутнику планы и строить грандіозныя, величественныя зданія своихъ видовъ на будущее. Въ эту минуту у него внезапно вырвалась потребность свалить съ себя сразу тяжесть молчанія. Онъ хотѣлъ внушить уваженіе къ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заглушить нѣчто, возбуждавшее въ немъ тревогу и опасеніе.

Все грандіознѣе открывались перспективы, подъ вліяніемъ его краснорѣчивыхъ описаній. Уже былъ видѣнъ исполинскій броненосецъ, спускавшійся съ верфи, при радостныхъ крикахъ тысячной толпы, слышался гулъ безчисленнаго множества молотовъ, красовались развѣвающіеся пестрые вымпела и флаги на всѣхъ крышахъ верфи и на всѣхъ судахъ, крейсирующихъ по рѣкѣ съ клеймомъ виллинговскихъ заводовъ. Ложе рѣки будетъ расширено, зашумитъ цѣлый рядъ землечерпательныхъ машинъ для углубленія русла. Рѣка будетъ соединена съ моремъ посредствомъ широкаго канала, откуда суда безъ задержки будутъ попадать черезъ заливъ въ море. Министры иностранныхъ государствъ, высокіе военные чины, инженеры, даже государи пріѣдутъ осматривать виллинговскіе заводы и фабрики, первые въ мірѣ. И всѣ они преклонятся передъ человѣкомъ, своими собственными силами поднявшимся до такой высоты, откуда онъ можетъ предписывать законы и устанавливать цѣны на рынкахъ; всѣ съ завистью будутъ толпиться вокругъ него.

— И тогда пойдутъ также бароны фонъ-Виллинги, милый Готхольдъ! Жаль, что старые бароны фонъ-Вендены, твой отецъ и твой дѣдъ, не дожили до этого времени. Они бы не жаловались тогда на mesalliance представительницы ихъ рода.

Его лицо пылало, глаза блестѣли, онъ совершенно погрузился въ будущее. И онъ шелъ туда, какъ человѣкъ, имѣющій впереди цѣлую жизнь. Готхольдъ подумалъ невольно. „А сынъ его не хочетъ возвращаться домой, и жена боится рабочей массы, сжимающей въ карманахъ свои мозолистые кулаки, массы, которую я долженъ укротить Евангельскимъ ученіемъ!"

Они спускались теперь по склону, недалеко отъ виллы и видѣли внизу зеленую площадку тенниса, съ его сѣтками и мелькавшими между ними тремя молодыми фигурами, одѣтыми въ свѣтлые костюмы. Мячи летали во всѣ стороны, смѣхъ и восклицанія звучали въ вечерней тишинѣ.

Въ эту минуту поднялся какой-то споръ, Валеска съ раздраженіемъ бросила свою лопатку и отвернулась. Поручикъ фонъ-Бренкендорфъ вдругъ опустился передъ ней на колѣни, подалъ лопатку и какъ бы съ мольбой протянулъ къ ней сложенныя руки. Валеска со смѣхомъ потянула его за руки кверху.

— Здѣсь, повидимому, что-то зарождается,—сказалъ, улыбаясь, Готхольдъ.

Но коммерціи совѣтникъ сдвинулъ брови.

— Еще бы! Выкупать поручика, обремененнаго долгами, какъ разъ входитъ въ мои планы. Нѣтъ, этотъ спортъ я предоставляю разнымъ parvenus; онъ довольно-таки вульгаренъ. Мои деньги нужны мнѣ для другого употребленія, какъ тебѣ извѣстно. Валеска знаетъ мои желанія. Она почти уже помолвлена съ моимъ племянникомъ, Губертомъ. Это—очень дѣльный человѣкъ и настоящій Виллингъ. Я увѣренъ, что ему предстоитъ блестящая карьера.

Молча, сдѣлали они остальной путь. Смѣхъ и возгласы съ площадки лаунъ-тенниса доносились къ нимъ все время, пока они не дошли до виллы. Тамъ Готхольдъ простился, не смотря на уговоры коммерціи совѣтника, не понимавшаго, что можетъ племянника гнать отсюда. Готхольдъ вдругъ почувствовалъ невозможность остаться. Послѣ того, что онъ видѣлъ сегодня послѣ обѣда, каждый кусокъ, проглоченный имъ среди этой роскошной обстановки, остановился бы у него въ горлѣ.

— Я, серьезно, долженъ уйти,—сказалъ онъ:—Мнѣ необходимо еще сдѣлать визитъ. Я ни разу не былъ у пастора Гадебуша, а его можно застать только вечеромъ... Кстати, еще одинъ вопросъ: кто такая фрейлейнъ Леръ?

— Леръ? Это—дочь сумасшедшаго доктора, атеиста.

— Атеиста?

— Да. Одного изъ этихъ современныхъ людей, не вѣрующихъ ни въ Бога, ни въ чорта, подводящихъ весь міръ подъ дѣйствіе чисто механическихъ законовъ и, вмѣсто Бога, клянущихся силой и матеріей. Впрочемъ, безвредный дуракъ, надо полагать. Свою дочь онъ вовсе не крестилъ, и она хвастаетъ своимъ язычествомъ. Въ нашемъ кругу эти люди не бываютъ... Что тебѣ пришло въ голову спросить о нихъ?

— Въ рабочемъ кварталѣ они, кажется, желанные гости и дѣлаютъ много добра.

Виллингъ пожалъ плечами.

— Тоже, или простое хвастовство, или они хотятъ пробраться къ Господу Богу черезъ черный ходъ! Но это вздоръ. Во всякомъ случаѣ, такіе люди дѣйствуютъ пагубно, а когда они окружаютъ себя лучезарнымъ вѣнцомъ без-

корыстныхъ благотворителей,—то бьютъ навѣрняка. Даже самою своею благотворительностью они создаютъ оппозицію... Но ты, конечно, будешь держаться вдали отъ нихъ. Обратить такого сорта людей не возможно; лучше поэтому избѣгать ихъ.

Готхольдъ ничего не отвѣтилъ. Они вошли въ домъ, чтобы отыскать фрау Виллингъ: Готхольдъ хотѣлъ съ ней проститься. Они нашли ее въ будуарѣ. Нѣсколько сплошныхъ стеклянныхъ дверей изъ комнаты открывались въ паркъ, на прямую, обсаженную кустарникомъ, дорогу въ лѣсъ. Она стояла у одной изъ этихъ запертыхъ дверей и смотрѣла вдаль. Готхольдъ подумалъ, что она такъ устроила себѣ комнату для того, чтобы каждое мгновеніе, въ случаѣ надобности, можно было немедленно скрыться; иначе она не вынесла бы страха, безпрестанно сжимавшаго ей сердце. Въ эту минуту она какъ бы успокоивала себя возможностью бѣгства, и когда Готхольдъ, прощаясь съ ней, взялъ ея горячую руку, она, показывая на улицу, сказала ему съ торжествующимъ выраженіемъ въ глазахъ:

— Не правда ли? Здѣсь можно во время убѣжать отъ нихъ.

— Всѣ мы въ рукахъ Божіихъ, милая тетя,—отвѣтилъ Готхольдъ строго и, поцѣловавъ ея руку, вышелъ.

Коммерціи совѣтникъ проводилъ его до рѣшетчатой калитки. По пути онъ не проронилъ ни слова. На прощанье онъ сказалъ:

— Какъ видишь, мнѣ не нужно бояться „зависти боговъ“, какъ Поликрату!

Съ этими словами онъ грустно кивнулъ головой и заперъ калитку.

V.

Церковь Петра и Павла была построена на старомъ крѣпостномъ валу, въ южной части города. Она считалась самой старой христіанской постройкой во всей провинціи и первоначально была католической. Но реформація, задержавшая почти до новѣйшихъ временъ распространеніе католицизма въ странѣ, завладѣла этой церковью. Теперь это была ветхая и, по современнымъ требованіямъ, невидная церковка, какъ бы устало прислонившаяся къ сплошной массѣ старинныхъ построекъ, примкнувшихъ къ ея стѣнѣ. Зданія производили впечатлѣніе несимметрично построенныхъ казармъ, съ большими промежутками между ними. Въ дѣйствительности здѣсь когда-то былъ монастырь, не законченный постройкой и отчасти разрушенный въ военное время; впослѣдствіи онъ кое-какъ былъ приведенъ въ порядокъ. Теперь здѣсь

помѣщался пріютъ для старыхъ дѣвицъ, и въ нижнемъ этажѣ жилъ пасторъ.

Было уже почти темно, когда Готхольдъ позвонилъ у церковнаго дома и спросилъ пастора Гадебуша. Старуха, отворившая дверь, встрѣтила его съ далеко не привѣтливымъ лицомъ. Она проворчала что-то въ родѣ: „ни минуты покоя, и поѣсть даже не дадутъ“, — и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, не спросивъ ни званія, ни имени, ввела Готхольда въ сѣни и, толкнувъ дверь, закричала:

— Г. пасторъ, здѣсь опять кто-то пришелъ!

Она пропустила впередъ медлившаго Готхольда и заперла за нимъ дверь.

Готхольдъ очутился въ большой, почти пустой комнатѣ, наполненной густымъ табачнымъ дымомъ. Нѣсколько мгновеній онъ различалъ только очертанія мебели и невысокаго, плотнаго, стараго господина, сидѣвшаго съ дымившейся трубкой, передъ громаднымъ, заваленнымъ книгами и бумагами письменнымъ столомъ. Глиняная пивная кружка и тарелка съ остатками бутербродовъ стояли передъ нимъ. Полки съ книгами и стулья дополняли обстановку комнаты; нѣкогда бѣлыя тюлевыя занавѣски на высокихъ окнахъ сдѣлались буровато-желтыми, и вся комната производила впечатлѣніе, точно ея жилецъ не имѣлъ никакого представленія объ удобствахъ, или такъ рѣдко пользовался ими, что безпорядокъ и неуютность даже не бросались ему въ глаза.

Когда Готхольдъ назвалъ себя, пасторъ Гадебушъ быстро всталъ, отставилъ въ сторону трубку и пошелъ ему на встрѣчу съ протянутой рукой.

— Salve confrater!—сказалъ онъ громко, выразительнымъ голосомъ, и съ видимой привычкой чаще говорить на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи,—salve! Мнѣ очень пріятно, что вы навѣстили стараго медвѣдя въ его берлогѣ.

Онъ такъ сильно пожалъ руку Готхольду, что тотъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. Широкоплечая, коренастая фигура стояла передъ нимъ, растопыривъ ноги, и разглядывала его съ наивнымъ спокойствіемъ. Его громадная голова обросла сѣдыми волосами. Умные, веселые, сѣрые глаза на безбородомъ лицѣ, щурясь, осматривали посѣтителя со всѣхъ сторонъ, а широкій, почти беззубый ротъ ласково улыбался.

— Ишь, ишь!—говорилъ онъ, положивъ на плечи Готхольда обѣ сильныя руки. — Такъ, вотъ каковъ г. баронъ!.. Какая честь для меня! Садитесь!.. Подождите-ка, сейчасъ мы это устроимъ.

Онъ безжалостно сбросилъ груду брошюръ съ одного изъ стульевъ прямо на полъ.

— Позволите курить?

— Пожалуйста!

— Благодарю. Мнѣ было бы очень трудно отказаться. Вечеромъ безъ трубки—сущее чистилище... Слава Богу, еще не погасла.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ затяжекъ, опять окутавшихъ его густымъ дымомъ, откуда выдѣлялась только его бѣлая голова.

— Да, чѣмъ же васъ угостить? Избытка у меня нѣтъ. Но стаканъ пива могу приказать принести для васъ. Кульмбахское—свѣжее, прямо изъ бочки, очень рекомендую.

Готхольдъ, поблагодаривъ, отказался.

Галебушъ взялъ свою кружку, сдѣлалъ большой глотокъ и со стукомъ опустилъ цинковую крышку.

— Жаль! И не курите также? Совсѣмъ святой!

Онъ засмѣялся своимъ особеннымъ смѣхомъ, лукаво прищуривъ глаза, и уютно усѣлся въ своемъ плетеномъ креслѣ.

— Большой роскоши у меня тоже, конечно, нѣтъ. Засвидѣтельствовать можетъ моя старая Регина! Скатерть бываетъ только въ обѣдъ, а для ужина часто не хватаетъ времени. Но мнѣ все, какъ видите, идетъ впрокъ. — Онъ снова засмѣялся. — Ну, а вы? Вы собираетесь начинять голодные рты пролетаріевъ библейскими изреченіями?.. Ничего больше не поможетъ, care confrater. Они—больше не дѣти. Они выросли и переросли насъ на цѣлую голову. — Онъ махнулъ трубкой въ воздухѣ, какъ будто хотѣлъ показать, насколько переросли.

Лицо Готхольда омрачилось.

— Вы хотите сказать, что моя дѣятельность не будетъ имѣть результата?—спросилъ онъ съ горечью.

— Будетъ зависѣть отъ того, что вы станете дѣлать,—возразилъ тотъ спокойно, среди облаковъ дыма.—Если вмѣсто хлѣба, станете обѣщать царствіе небесное, и при томъ на условіи, чтобы они храбро продолжали голодать и дѣлать пріятное лицо, дабы никто ничего не замѣтилъ,—не многіе будутъ слушать. Это дѣло надо вести нѣсколько реальнѣе. Мы, духовенство, что можемъ вообще сдѣлать? Напримѣръ, съ фабричными рабочими мнѣ совсѣмъ нечего дѣлать. Одинъ изъ ложныхъ взглядовъ, будто соціальный вопросъ имѣетъ въ виду только фабричныхъ рабочихъ. Какой чортъ! Имъ во многихъ отношеніяхъ гораздо лучше, чѣмъ остальному рабочему люду: въ деревнѣ владѣльцы усадебъ жалуются, что не могутъ найти людей, потому что все бѣжитъ въ городъ и на фабрики. А эти мелкіе ремесленники, убитые большими предпріятіями, всѣ служащіе въ разныхъ предпріятіяхъ, мужчины

и женщины, принужденные надрываться за грошовое вознагражденіе и рискующіе ежедневно очутиться безъ хлѣба, такъ какъ предоставлены произволу капиталистовъ, развѣ это—не обездоленные?.. Есть еще цѣлая рать такихъ, и ни одинъ человѣкъ не говоритъ о нихъ. Ну, а я окруженъ ими, они составляютъ большую часть моего прихода. То тутъ, то тамъ я сумѣю ввернуть словечко, если дѣло коснется соціальнаго вопроса. Нищета, мой милый confrater, нищета, куда ни взглянешь! Но изъ-за этого... не слѣдуетъ терять хорошаго настроенія.—Онъ выпилъ до дна свою кружку и вытеръ губы волосатою кистью руки.

— А что вы дѣлаете какъ духовный пастырь?—спросилъ Готхольдъ:—вѣдь въ этомъ ваше призваніе.

Гадебушъ хитро улыбнулся.

— Я проповѣдую о царствіи Божіемъ, любезный confrater, но не бѣднымъ и голодающимъ, а богатымъ и сытымъ. Этихъ я всегда запугиваю, если они не хотятъ открыть свой кошелекъ, и обѣщаю имъ вѣчное блаженство, если они открываютъ его широко. Бѣдные сами сдѣлаются религіозными и покорными, когда увидятъ, что имъ помогаютъ. До тѣхъ же поръ все— одни слова. Наша дорога—къ богатымъ.

Готхольдъ слегка покачалъ головой.

— Вы вспомните, — продолжалъ Гадебушъ:„—легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому попасть въ царствіе небесное"? Именно поэтому, дорогой собратъ, наша святая обязанность—освѣщать имъ дорогу.—Онъ громко засмѣялся.

— Какая польза въ томъ, что богатые будутъ благотворить только изъ страха, многоуважаемый товарищъ?—спросилъ Готхольдъ.—Такіе дары одинаково ничтожны по существу, какъ для дающихъ, такъ и для получающихъ. Я знаю атеистовъ, раздающихъ милостыню. Въ этихъ условіяхъ помощи бѣдные становятся алчными, видятъ свое право тамъ, гдѣ проявляется лишь милосердіе.

Гадебушъ выпустилъ огромное сѣрое облако дыма и одновременно издалъ нѣчто въ родѣ свиста.

— Фью! А я того мнѣнія, что хлѣбъ есть хлѣбъ, и кто голодаетъ, тотъ хочетъ быть сытымъ и не справляется, еврей или турокъ печетъ хлѣбъ, спасающій его отъ голодной смерти. Я беру его тамъ, гдѣ могу достать. А что касается алчности бѣдныхъ, то объ этомъ еще можно спорить: не имѣютъ ли они, дѣйствительно, правъ на то, что имъ даютъ такъ неохотно? Во всякомъ случаѣ, любезный confrater, въ одинъ прекрасный день эти люди докажутъ свои права, быть можетъ, съ ужасающей ясностью, и всѣ наши слова тогда не помогутъ... Но изъ за этого не слѣдуетъ терять хорошаго на-

строенія.. Онъ поковырялъ въ своей трубкѣ.—Впрочемъ, мнѣ было бы любопытно узнать, какъ иначе могу я заставить богатыхъ раскрыть свои карманы, если не спекулировать на ихъ страхъ? Я не знаю ничего другого для возбужденія ихъ отзывчивости... Они придерживаются взгляда: „блаженни нищіе“, и могутъ не захотѣть ни за какія блага лишить бѣдныхъ ихъ правъ на первенство въ царствіи небесномъ.

— Они должны благотворить и подавать милостыню бѣднымъ, во имя Іисуса Христа,—строго возразилъ Готхольдъ.

Гадебушъ рѣзкимъ ударомъ выколотилъ свою трубку.

— Да, да!—сказалъ онъ флегматично.— Это было бы хорошо, превосходно... Но пока я найду такихъ, всѣ мои бѣдняки перемрутъ съ голоду.—Онъ погладилъ свой сѣдой хохолъ.—Если бы позволяло время — чего лучше? Проповѣдывать Евангеліе имущимъ—вѣдь это то, что намъ нужно, дорогой собратъ!.. И было бы совершенно по моему вкусу. Я нагналъ бы на нихъ такого страха, что въ концѣ концовъ присмирѣли бы... Вы не хотите слышать о моей теоріи устрашенія, но безъ него не достигнешь желательныхъ результатовъ, г. confrater!

Онъ всталъ, нѣсколько разъ расправилъ свои руки и глубоко вздохнулъ своей могучей грудью. Движеніемъ рукъ онъ какъ будто пробывалъ силу своихъ мышцъ. Повидимому, непривычное долгое сидѣнье очень тяготило его.

— Вы, очевидно, придерживаетесь того мнѣнія, что среди богатыхъ встрѣчается больше невѣрія и идолопоклонства, чѣмъ среди бѣдныхъ?—спросилъ Готхольдъ.

— Такъ и думаю,—вскричалъ Гадебушъ, набивая снова свою трубку.—Невѣріе! Идолопоклонство!.. Лицемѣры они и мошенники! Ихъ Богъ—деньги; имъ не нужно другого. Бѣдные... что у нихъ есть? Эти цѣпляются еще за остатки религіи, какъ они ее понимаютъ, хотя и здѣсь примѣшивается не малая доля служенія идолу. Но когда они отрекаются отъ религіи, то ужъ, дѣйствительно, попадаютъ въ отчаянное, совершенно безпомощное положеніе. Ихъ нельзя ругать за это: они, простофили, достойны только сожалѣнія... Богатые держатся за религію потому, что видятъ въ ней намордникъ для бѣдныхъ, дабы тѣ не кусались—и больше ничего. Сами же они, въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, съ религіей никогда не считаются. И въ церковь ходятъ, и закатываютъ кверху глаза только для того, чтобы „дать хорошій примѣръ“ пролетаріямъ, яко-бы тонущимъ въ пучинѣ грѣха. Страхъ, одинъ только страхъ и разсчетъ дѣлаетъ религіозными этихъ ханжей. Изъ страха и выгоды они раскрываютъ свои карманы, когда нужда взываетъ къ небу ужъ слишкомъ громко. Евангелія они совершенно не хотятъ знать—увѣряю

васъ. Самый ярый соціалъ-демократъ болѣе христіанинъ, чѣмъ всѣ они... Впрочемъ, изъ за этого не стоитъ терять хорошаго настроенія...

Онъ подержалъ у трубки горящій трутъ и закричалъ своимъ львинымъ голосомъ:

— Ре-ги-на!

Старуха просунула голову въ дверь.

— Регина, принеси мнѣ еще кружку пива! Сегодня воскресенье, и у меня пересохло въ глоткѣ отъ разговоровъ.

Старуха схватила пустую кружку съ письменнаго стола.

— Вѣдь это возмутительно, г. пасторъ, что они себѣ позволяютъ!—проговорила она своимъ неяснымъ, ворчливымъ голосомъ.—И чѣмъ дальше, тѣмъ больше!.. Воскресенье ли, будни, никто съ этимъ не справляется... Вѣдь эта Гельбка опять уже здѣсь!.. Точно для всего свѣта вы должны стоять на караулѣ, и каждому стоитъ только постучаться, чтобы вы тотчасъ же явились покорнѣйшимъ слугой. Хорошо тянутъ деньги изъ вашего кармана—нечего сказать! Грѣшно и стыдно! Вѣдь такъ не возможно жить духовному лицу!

Она сердито махнула кружкой и хотѣла уйти.

— Ну, ну, Регина!—отвѣтилъ онъ со своимъ милымъ смѣхомъ, открывшимъ нѣсколько жалкихъ зубныхъ корешковъ, и погладилъ ее по плечу.—Будь по прежнему доброй! Совсѣмъ не такъ ужъ плохо...

— Нѣтъ!—проворчала она и, наклонивъ голову, взглянула на него искоса, съ выраженіемъ состраданія и превосходства.—Въ дѣйствительности хуже въ тысячу разъ, г. пасторъ, и это вы сами хорошо знаете, хотя и не сознаетесь. Боже, какъ изъ васъ извлекаютъ пользу и какъ васъ надуваютъ!.. всякій чернорабочій менѣе безпомощенъ. Я не могу больше терпѣть, г. пасторъ, не могу больше видѣть, и ухожу... я предупреждала васъ.

— Да, да, Регина, предупреждала, но никогда не исполняла свои угрозы. И въ будущемъ не сдѣлаешь, потому что безъ тебя я совсѣмъ пропаду, а я этого не желаю...

Онъ продолжалъ гладить ее. Она все еще ворчала.

— Регина?

— Ну, что еще?

— Чего хочетъ эта Гельбка?

— Чего ей хотѣть? Денегъ хочетъ, картошки хочетъ,—всѣ они хотятъ одного и того же.

— Ты ей, конечно, дала, Регина,—а?—Онъ толкнулъ ее локтемъ въ бокъ.

— Что же станешь дѣлать? Иначе не избавишься отъ нихъ!.. Въ концѣ концовъ вы сами будете побираться, г. пасторъ!.. Гельбкѣ я все же сказала правду, что она одна изъ

тѣхъ, что грабятъ васъ, и что скоро у васъ не будетъ ни одной цѣлой рубашки надѣть, и все хозяйство ваше развалится... Они должны зарубить себѣ это на носу, негодяи!.. Кстати, не зайдете ли сегодня вечеромъ еще разъ къ Лезе, если вообще сбираетесь куда-нибудь. Во всякомъ случаѣ убытка не будетъ... Впрочемъ, разъ туда попадете, васъ не дождешься до поздней ночи. Ужъ извѣстно!

— А какъ поживаетъ Лезе, Регина? А? Что сказала Гельбка?

— Ахъ, Господи, старая пѣсня! Все то же и ничего не подѣлаешь! Противъ этого еще не придумано никакихъ средствъ: еще такой травы не выросло. Къ тому же, кажется, вы — не докторъ? Эта божья тварь находится въ состоянiи вѣчнаго страха, и нужно ли тутъ для исцѣленiя присутствiе духовнаго отца,—не сообразишь.—Она провела по глазамъ голубымъ ситцевымъ передникомъ. — Однако, гдѣ же ваше пиво, г. пасторъ!..

Регина выбѣжала изъ комнаты и захлопнула за собою дверь.

Пасторъ Гадебушъ ворчливо засмѣялся ей вслѣдъ. Затѣмъ снова взялся за свою трубку, пососалъ ее съ минуту и, повернувшись къ Готхольду, сказалъ:

— Да, какой тутъ толкъ въ безбрачiи, дорогой confrater? „Лучше не жениться“, говоритъ апостолъ, но и это не спасаетъ отъ башмака, какъ видите... Прошу извинить за маленькую домашнюю сцену.

Готхольдъ сдѣлалъ дружеское отрицательное движенiе. Онъ все время чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается злоба противъ этого здороваго крикуна: въ духовномъ облаченiи, онъ всетаки не могъ отречься отъ инстинктивной ненависти къ имущимъ пролетарiя, какимъ былъ пасторъ Гадебушъ по рожденiю и происхожденiю. Онъ хотѣлъ въ бѣдныхъ видѣть истинно-невинныхъ страдальцевъ, считая вполнѣ справедливой даже ихъ беззастѣнчивую зависть. Аристократическая кровь Готхольда возмущалась; въ немъ пробудилось внезапно отвращенiе, даже враждебность противъ плебеевъ. Теперь его трогала безпомощная застѣнчивость старика: словоохотливая служанка выболтала его интимнѣйшiя тайны, и онъ, почти со страхомъ, старался узнать по выраженiю лица своего гостя о произведенномъ на него впечатлѣнiи. Добрый человѣкъ этотъ старый болтунъ; безъ сомнѣнiя, добрѣйшая душа. Можетъ быть, слишкомъ добрый. Но священникъ—едва ли хорошiй. Вѣроятно, плохой священникъ, потому что считаетъ религiозное утѣшенiе совершенно безцѣльнымъ для бѣдныхъ и желаетъ для нихъ только хлѣба; онъ смѣется даже надъ тѣми, кто съ надеждой на силу религiи хочетъ бороться, дѣйствовать и побѣдить. Онъ и Михаэль Мейнертъ—не настоящiе борцы во имя Христа. Онъ,

Готхольдъ, слѣдовательно, останется одинокимъ въ своей борьбѣ. Въ существѣ, конечно, не одинокъ тотъ, кто идетъ на борьбу во имя Іисуса Христа...

Старуха принесла кружку пива и удалилась. Гадебушъ ходилъ по комнатѣ, покуривая трубку, и по временамъ мурлыкалъ про себя что-то невнятное. Готхольдъ все сидѣлъ молча. Только, когда старикъ подошелъ къ столу, взялъ свою кружку и со словами: „ваше здоровье, товарищъ“, поднесъ ее къ губамъ, онъ сказалъ, вставая:

— Я вижу, наши пути расходятся, многоуважаемый товарищъ. Я вѣрю въ Христа, указавшаго бѣднымъ и нуждающимся на полевыя лиліи: онѣ не заботятся о грядущемъ днѣ и всетаки ихъ питаетъ Отецъ Небесный. Онъ велѣлъ отдать все свое имущество, взять на себя свой крестъ и слѣдовать за Нимъ.

Гадебушъ кивнулъ головою. Углы его рта подергивались.

— Если бы вы только знали, какъ легко могутъ отдать все свое имущество живущіе въ подвалахъ и на задворкахъ, товарищъ!—сказалъ онъ:—Милосердый Богъ облегчилъ ихъ. Они могутъ отправиться въ Царствіе Небесное безъ всякаго багажа.

— Если только они не возьмутъ грѣха на душу, которому уступаютъ всѣ тѣлесные грѣхи, бѣдность и несчастіе... Дорогой товарищъ!.. — Готхольдъ подошелъ вдругъ близко къ старику, посмотрѣлъ ему въ лицо своими вспыхнувшими темными глазами; его узкая дрожащая рука нервно сжимала грубые пальцы: — вы отдаете бѣднымъ послѣднее и заставляете богатыхъ открывать свои кошельки... но проповѣдуете ли вы истину тѣмъ, кто ея алчетъ и жаждетъ?

Гадебушъ поставилъ свою трубку у спинки стула и глубоко вздохнулъ. Его красное веселое лицо сразу сдѣлалось строгимъ.

— Что есть истина? — произнесъ онъ тихо, почти грустно.

— Такъ спросилъ Пилатъ! — вспыльчиво возразилъ Готхольдъ. — Мы же исповѣдуемъ распятаго Христа, который Самъ есть истина.

— Мы?—повторилъ Гадебушъ тѣмъ же тономъ.—Но какъ мало окажется нашихъ единомышленниковъ при внимательномъ изслѣдованіи огромной массы человѣчества? Вѣдь всѣ молятся своему Богу, называютъ ли они Его Аллахъ или Іегова, называются ли ихъ пророки и основатели религіи Буддой, Конфуціемъ, Магометомъ, и каждый изъ нихъ непоколебимъ въ своемъ убѣжденіи, что именно онъ есть единственный обладатель истины, и счастливъ въ своей увѣренности. Во имя ея онъ борется, страдаетъ, во имя ея убиваетъ въ священномъ гнѣвѣ и

усердіи своихъ враговъ, вѣрящихъ иначе. Господь Богъ тамъ, наверху, долженъ, конечно, знать, зачѣмъ Онъ допускаетъ все это и почему вѣрующихъ во Христа меньше, чѣмъ другихъ. Мы вѣримъ, мы проповѣдуемъ. Но другіе, эти тысячи, эти милліоны даютъ себя мучить, убивать изъ-за своей вѣры, умираютъ въ священномъ упованіи, что они-то и есть вѣчная истина. Дорогой собратъ, я—не ученый теологъ, а простой человѣкъ. Вы должны быть снисходительны ко мнѣ, если я, по моему крайнему разумѣнію, дѣлаю собственныя предположенія, внушающія мнѣ смиреніе.

— Смиреніе? — живо прервалъ Готхольдъ, — да, но я думаю, также и гордость. Другіе ищутъ истины, а мы знаемъ ее.

Гадебушъ медленно качалъ головою, устремивъ глаза въ полъ.

— Мы думаемъ, что знаемъ ее, какъ и всѣ тѣ, которые молятся другимъ богамъ.

Готхольдъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи и вдругъ остановился передъ Гадебушемъ, мрачно сдвинувъ брови:

— Ваша вѣра не есть твердое убѣжденіе въ томъ, на что можно только надѣяться, а не видѣть, многоуважаемый собратъ. Развѣ вы вѣрите, что Іисусъ Христосъ и Богъ Отецъ составляютъ единое, и что Онъ сказалъ: „все предано Мнѣ Отцомъ моимъ и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца". Вѣрите ли вы въ единороднаго Сына Божія?

Старикъ быстро поднялся, глаза его сверкнули. Упершись руками въ бедра, онъ произнесъ сильнымъ голосомъ:

— Молодой человѣкъ! Развѣ вы явились сюда допрашивать сѣдаго старика, копаться въ его душѣ? На это вамъ никто не далъ права. Приходите въ мою церковь и слушайте мою проповѣдь, идите къ моимъ прихожанамъ и спросите ихъ о томъ, какъ я живу: моя жизнь и дѣятельность открыты для всѣхъ. Если что-нибудь возбудитъ ваше подозрѣніе, готовьте орудія пытки и костры, со всѣми новѣйшими приспособленіями инквизиціи, разсчитанными на то, чтобы вернуть народъ къ религіи,—я не боюсь. Я исполняю свои обязанности по совѣсти, хотя... или именно потому, что не знаю, что есть истина... Такъ-то! Идите и донесите объ этомъ въ консисторію, если хотите. Я еще никогда не обращалъ своего сердца въ разбойничій притонъ.

Готхольдъ снова заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, склонивши голову и заложивъ за спину руки. Его волновали противоположныя чувства.

— Какъ можно проповѣдывать Евангеліе,—спросилъ онъ,

наконецъ, съ замѣтной сдержанностью,—не вѣря твердо въ истину, воплотившуюся въ образѣ Іисуса Христа и сошедшую на землю?

— Но кто же вамъ говоритъ,—прервалъ Гадебушъ,—что для меня ученіе Христа не есть истина? Для меня—конечно. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы я имѣлъ право осуждать тѣхъ, кто видитъ истину въ другомъ? Развѣ есть абсолютная истина? Дорогой собратъ, своего Христа я люблю съ пламеннымъ энтузіазмомъ, служу Ему по своему, съ безграничной преданностью и стараюсь жить по Его слову и ученію, насколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы. Но когда другой также дѣлаетъ добро, хотя и во имя пророка Магомета, и далеко меня превосходитъ во всемъ великомъ и высокомъ; или когда совсѣмъ не вѣрующій въ Бога всетаки дѣлаетъ добро, побуждаемый къ тому только своею совѣстью и сознаніемъ нравственной обязанности, представляетъ изъ себя чистаго и благороднаго человѣка, какимъ не бываетъ иной, именующій себя христіаниномъ,—долженъ ли я въ этихъ случаяхъ, какъ фарисей, бить себя въ грудь и восклицать: „благодарю Тебя, Боже, что я не такой, какъ онъ? Я, только я одинъ обладаю истиной!“ Дорогой собратъ, этого я не могу.

И онъ опять принялся за свою трубку. Его послѣднія слова звучали уже кротко и ласково, и, какъ бы съ сознаніемъ своей печальной слабости, онъ пожалъ плечами:

— Впрочемъ, не будемъ сердиться,—прибавилъ онъ, дѣлая усиліе засмѣяться, и сталъ зажигать у лампы трутъ, чтобы раскурить свою трубку.

Готхольдъ тихо покачалъ головой. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ молча, потомъ подошелъ къ Гадебушу и протянулъ ему руку.

— Мы не договоримся сегодня до конца, товарищъ. Вамъ еще предстоитъ навѣстить больную, а теперь уже поздно. До слѣдующаго раза!

Гадебушъ пускалъ клубы дыма, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. Ему, какъ будто, было досадно, что онъ еще разъ выложилъ свою душу: этого навѣрное не нужно было дѣлать, и ни къ чему не поведетъ такая откровенность.

— Надѣюсь, вы не потянете меня, стараго осла, въ судъ?—проговорилъ онъ съ жесткимъ смѣхомъ.—Вы, насколько я замѣтилъ, изъ нетерпимыхъ, входящихъ снова въ моду и желающихъ вернуть народу уваженіе къ религіи. Вѣрны ли ваши средства? Мы настроены на болѣе мягкій тонъ, хотя и не кажемся такими. Каждый поступаетъ такъ, какъ ему думается справедливымъ, и каждый долженъ отвѣчать за самого себя!.. Подождите, я иду съ вами.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько затяжекъ изъ своей трубки,

поставилъ ее въ уголъ съ видимой неохотой, нахлобучилъ на себя темную войлочную шляпу, взялъ витую кленовую палку, стоявшую у двери, и пропустилъ Готхольда черезъ порогъ. Въ корридорѣ, при свѣтѣ керосиновой лампочки, онъ изслѣдовалъ содержимое своихъ кармановъ.

— Богъ знаетъ что,—ворчалъ онъ,—я совершенно вытрясъ свой кошелекъ! Отъ Регины ничего не получишь сегодня. Кассы ссудъ закрыты, взаймы мнѣ никто не дастъ... Послушайте, товарищъ, не можете ли вы помочь мнѣ въ нуждѣ? И всего-то нужно три несчастныхъ марки! Вѣроятно, вы получите ихъ когда-нибудь обратно. Но безъ мѣднаго гроша мнѣ невозможно показаться туда. Мнѣ стыдно будетъ смотрѣть въ глаза людямъ.

Готхольдъ вынулъ свое портмоне и протянулъ ему. Но пасторъ бросилъ испуганный взглядъ въ сторону кухни и, схвативъ портмоне, все время держалъ его обѣими руками, пока они спускались по лѣстницѣ.

— Ради самого неба, пусть никто не видитъ, дорогой собратъ! Иначе васъ возьмутъ подъ опеку. Давать мнѣ взаймы—плохое дѣло. Нѣтъ, нѣтъ, больше пяти марокъ... ну, десяти... я не возьму. У меня не останется ни гроша... Такъ!.. Благодарю. И, какъ сказано: прежде всего... если только не забуду и не буду имѣть болѣе настоятельныхъ долговъ...

Готхольдъ сдѣлалъ рукою отрицательный жестъ и спряталъ кошелекъ.

— Вы не должны, впрочемъ, думать,—продолжалъ Гадебушъ, быстро шагая рядомъ съ Готхольдомъ,—что женщина, къ которой я иду, ждетъ денегъ или проситъ ихъ. Нѣтъ, эта не такая, нѣтъ! Она желаетъ совсѣмъ другого. Но Регина права: я—не докторъ... Царь Небесный, какая бѣдность! И какъ она страдаетъ!.. Сердечные припадки отъ переутомленія и душевныхъ страданій. О, Боже! Боже! какая тяжелая обязанность—жизнь!.. Иногда совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, сохранить бодрое настроеніе духа.

Онъ указалъ на развалины громадной, средневѣковой башни, расположенной въ концѣ переулка и входившей, какъ часть постройки, въ переднюю стѣну высокаго разрушеннаго строенія. Можно было еще ясно видѣть зубцы башни и отверстія окошекъ.

— „Позади башни", какъ они называютъ это мѣсто,—настоящее жилище рабочихъ,—сказалъ онъ:—Башня уцѣлѣла еще отъ тѣхъ временъ, когда венды и германцы таскали здѣсь другъ друга за волосы, конечно, тоже изъ-за религіозныхъ вопросовъ, пока, наконецъ, христіанскій Богъ не оказался болѣе сильнымъ. Что за груда страданій скопилась въ этихъ запутанныхъ переулкахъ, ходахъ, дворахъ!.. — Онъ

прервалъ себя.—А... а! — вскричалъ онъ.— Патеръ Гегелеръ!

Изъ дома, къ которому они приближались, легкой походкой вышла поспѣшно темная, тощая фигура и, согнувшись, намѣревалась обогнуть уголъ улицы. Крикъ Гадебуша поневолѣ заставилъ ее остановиться и обернуться къ пастору. Готхольдъ тотчасъ же узналъ въ фигурѣ католическаго патера, котораго онъ недавно видѣлъ выходившимъ изъ дома Мейнерта. Онъ показался ему только еще болѣе худымъ и своими манерами выражалъ еще больше смиренія и угнетенности. Со шляпой въ рукѣ, съ растерянной улыбкой на поблекшихъ губахъ, онъ подошелъ къ Гадебушу своими нетвердыми шагами.

— Ну, какъ дѣла? Какъ дѣла?—вскричалъ пасторъ.

Патеръ пожалъ плечами, бросивъ быстрый и неувѣренный взглядъ на Готхольда.

— Плохо,—сказалъ онъ своимъ печальнымъ, прерывающимся голосомъ.—Фрейлейнъ... но вы увидите сами...

— Почему вы не остались на верху? — спросилъ Гадебушъ.

— Фрейленнъ ждетъ васъ... Къ тому же я думалъ... такъ лучше...

— Ну, ну, г. Гегелеръ!—сказалъ Гадебушъ и добродушно похлопалъ его по плечу.

— Да, такъ лучше... лучше,—пробормоталъ онъ.—И я не хочу васъ больше задерживать... Добрый вечеръ! — Онъ сдѣлалъ Готхольду неуклюжій поклонъ и быстро ушелъ, точно обратился въ бѣгство.

Гадебушъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, качая головой.

— Несчастный человѣкъ! — сказалъ онъ какъ бы про себя. — И такой добрый! Слишкомъ мягкое дерево. Ничего изъ него не выстрогаешь.

— Что общаго у васъ съ этимъ представителемъ другой религіи, многоуважаемый товарищъ?—спросилъ Готхольдъ.— Къ своему изумленію, я вижу, что и вы, какъ пасторъ Мейнертъ, очень... терпимы.

Гадебушъ бросилъ на Готхольда особенно пренебрежительный взглядъ.

— Въ своей откровенной бесѣдѣ съ вами я не оставилъ, мнѣ кажется, по этому поводу никакихъ сомнѣній, товарищъ... А что касается терпимости моего добраго Михаэля Мейнерта... объ этомъ въ другой разъ. Теперь мнѣ нужно идти наверхъ... Этого „представителя другой религіи“, уважаемый собратъ, я научился понимать у постели больного и научился любить по дѣламъ милосердія; намъ обоимъ, какъ и многимъ другимъ протестантамъ, онъ можетъ слу-

жить образцомъ человѣчности,—увѣряю васъ. Кстати, католическіе священники также убѣждены, что исключительно владѣютъ истиной.. Очень сложная вещь, уважаемый товарищъ!.. Не слѣдуетъ только терять изъ-за этого бодрости духа... Спокойной ночи!..

И онъ ушелъ большими шагами.

Готхольдъ повернулъ домой. По улицѣ тянулись толпы людей, возвращавшихся съ воскресныхъ прогулокъ. Всѣ шли съ веселыми лицами, сохранившими еще отблескъ дневного солнца, длинными рядами, многіе подъ руку, съ разговорами и пѣснями. Нѣкоторые несли на рукахъ спящихъ дѣтей. Тамъ и сямъ, у дверей домовъ стояли пары—держались за руки и шептались. Въ улицахъ замѣчалось таинственное весеннее движеніе. Въ тихомъ воздухѣ распространялось благоуханіе.

Видъ Готхольда оставался мрачнымъ. Чувство одиночества давило его. Въ какую борьбу, въ какой омутъ сомнѣній хотятъ здѣсь втолкнуть его! И гдѣ тотъ, съ кѣмъ онъ намѣревался идти плечо къ плечу? Онъ покачалъ головою съ горькимъ разочарованіемъ.

„Вѣдь возможна только одна истина, — думалъ онъ, — и эта истина—Іисусъ Христосъ, единородный Сынъ Божій... Такъ будь Ты моимъ спутникомъ, — молился онъ въ тишинѣ,—моимъ руководителемъ, моимъ соратникомъ, моимъ утѣшеніемъ и моей силой, Господи Боже мой!“

VI.

— Здѣсь живетъ г. Куртъ Вельманнъ? — спросилъ Готхольдъ вторично у старой зеленщицы, увидѣвъ ее на верхней ступенькѣ подвальнаго этажа; старуха сидѣла, скорчившись надъ своими корзинами съ сельдереемъ, петрушкой и картофелемъ.—Мнѣ указали на этотъ домъ.

Она была глуха. Положивъ въ сторону сѣрый чулокъ, она встала и приставила руку къ уху.

— Что вы сказали? Есть ли у меня бѣлый картофель?—спросила она, безпомощно глядя на него своими мутными глазами.

Онъ повторилъ свой вопросъ въ третій разъ совсѣмъ у ея уха. Наконецъ, она разслышала, что ему нужно, и съ большимъ изумленіемъ измѣрила его, съ головы до ногъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Вельманнъ?—повторила она.—Вы, вѣрно, спрашиваете о другомъ Вельманнѣ. Здѣсь живетъ красный Вельманнъ, соціалистъ.

— Совершенно вѣрно; его-то я и ищу. Въ какомъ этажѣ онъ живетъ?

— Во второмъ; только его нѣтъ дома. Собственно, онъ никогда не бываетъ дома въ это время; онъ обыкновенно на Артусбергѣ произноситъ свои рѣчи. — Она показала по направленію къ новой лютеранской церкви.

— А вы тоже соціалистка?—спросилъ Готхольдъ.

— Я?—старуха махнула своей искривленной рукой, испещренной черными бороздами.—Избави Богъ! Съ этимъ новомоднымъ товаромъ мнѣ нечего дѣлать. Это — для молодыхъ. Они за него стоятъ. Мои дѣти тоже. Что подѣлаешь? Да я многого и не слышу, что они говорятъ. Я много теряю съ своей глухотой и больше догадываюсь. Но о томъ, что слышу, много думаю, и кажется—все дѣйствительно могло бы быть хорошо... но, конечно, такъ никогда не будетъ.

— Почему же вы такъ думаете?

— Потому, что въ самой натурѣ человѣка сидитъ зло. Такъ написано въ Библіи, и это вѣрно.

— Меня очень радуетъ, что вы держитесь священнаго писанія. Съ нимъ однимъ можно прожить всю жизнь. Но боюсь, въ этомъ кварталѣ очень немногіе такъ поступаютъ.

Старуха задумчиво склонила голову. Затѣмъ, осмотрѣвъ его своими мигающими глазами, спросила, пытаясь улыбнуться:

— Вы—не новый ли пасторъ?

— Да.

— Благодарю за честь, г. пасторъ, — отвѣтила она, присѣдая.—Проповѣди вашей не слыхала, да и вообще теперь не могу слышать. Мнѣ надо говорить прямо въ уши.

— Я буду часто приходить къ вамъ и говорить о Богѣ, если вы хотите. Я именно для этого здѣсь.

— Чувствительно благодарю васъ. Да, это было бы хорошо. Но видите ли, г. пасторъ, я хочу, чтобы въ домѣ у меня былъ миръ, и думаю, что съ меня достаточно каждое воскресенье читать свой молитвенникъ: милосердый Богъ зачтетъ мнѣ и это въ послѣдній часъ.

Готхольдъ нахмурился.

— Вы боитесь, что слово Божіе внесетъ вражду въ вашу семью... Фрау...

— Заутеръ... Эмилія Заутеръ къ вашимъ услугамъ, г. пасторъ... Видите ли, говорить это, конечно, грѣшно. Но я скажу вамъ: мои дѣти живутъ вмѣстѣ со мною, и у всѣхъ у нихъ своя новомодная религія... Боже! не хочется вѣдь и ихъ обижать. Они оставляютъ меня въ покоѣ, а я—ихъ. Ссоръ у насъ не бываетъ, да и не изъ-за чего. Согласитесь, что если г. Вельманнъ для нихъ пророкъ и бываетъ въ моемъ

домѣ, то не могу же я принимать у себя пастора, разъ изъ за этого можетъ выйти исторія. Не сердитесь, г. пасторъ! Покоя хочется прежде всего. Эго нужно принять во вниманіе. Милосердый Богъ знаетъ, для чего все это нужно, иначе Онъ, навѣрно, не допустилъ бы разной вѣры.

Готхольдъ удержался отъ рѣзкихъ словъ, готовыхъ сорваться у него съ языка.

— Тогда приходите ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Мы поговоримъ о старомъ, вѣчно живомъ Богѣ.

Старуха задумалась.

— Иначе, какъ въ воскресенье послѣ обѣда, я не могу оставить своей лавки, г. пасторъ. У дѣтей свои дѣла; хочется и мнѣ что-нибудь дѣлать, пока здорова. Нельзя, чтобы они кормили меня. Да имъ и не до того. Вильгельмъ, видите ли... однако, я и такъ уже наболтала вамъ цѣлую кучу, г. пасторъ: вамъ, навѣрно, надоѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ. Продолжайте! Я охотно слушаю васъ. Какъ духовный пастырь, я долженъ знать обо всѣхъ прихожанахъ.

— Ахъ, Богъ мой, если бы дѣйствительно вы могли! Но едва ли многіе захотятъ имѣть съ вами дѣло? Теперь вѣдь совсѣмъ не то, что прежде. Никакіе пасторы, ни церкви больше не нужны. Я ничего не могу понять, моя голова слишкомъ стара для этого. Сужу по моему Вильгельму; онъ говоритъ, что проповѣди г. Вельманна въ тысячу разъ лучше пасторскихъ: нашъ братъ ихъ понимаетъ, и все такъ ясно, хоть бери руками. Не обижайтесь, г. пасторъ, я вѣдь спроста болтаю. Мой Вильгельмъ, знаете ли, несчастнѣйшій человѣкъ. Ему машиной оторвало руку и ногу. Кое-какъ его опять сшили, но онъ всетаки полу-человѣкъ послѣ того, что пережилъ. Онъ почти не показывается въ люди; сидитъ себѣ, завернувшись въ большой, черный платокъ, и прячетъ половину своего туловища, чтобы никто не пугался... Видъ, и правда, страшный: такъ онъ искалѣченъ! — Она вытерла глаза ладонью.

— Очень печально, — сказалъ Готхольдъ.—Но не надо забывать, что такое страшное несчастіе приближаетъ его къ Богу.

Старуха мрачно покачала головой.

— О! нѣтъ, нѣтъ, г. пасторъ. Совершенно наоборотъ. Несчастіе такъ озлобило его и привело въ такое отчаяніе, что онъ говоритъ: „если бы существовалъ милосердый Богъ и любилъ насъ, Онъ не могъ бы допустить этого“. Онъ ужъ былъ обрученъ, получалъ хорошее жалованье, былъ жизнерадостнымъ, счастливымъ человѣкомъ; скоро должна была

состояться свадьба. А тутъ однимъ ударомъ...—Она безпомощно пожала плечами.—Все кончено.

— Но фабрика должна вознаградить его. По крайней мѣрѣ, онъ не долженъ испытывать никакихъ лишеній.

— Какъ бы не такъ: сыну отвѣтили, что его нельзя подвести подъ законъ о несчастныхъ случаяхъ, потому что Вильгельмъ былъ выпивши; будь иначе—несчастья не могло бы даже случиться. Но это неправда. Мой Вильгельмъ наканунѣ вечеромъ былъ дѣйствительно навеселѣ, потому что его освободили отъ военной службы: у него кривой палецъ на ногѣ. Заводъ съ нимъ судился, и Вильгельмъ совсѣмъ озлился: вѣдь богатые люди могутъ идти далеко... Наконецъ, они помирились. При этомъ, конечно, Вильгельму перепало немного и, если бы онъ не научился, своей единственной рукой, плести корзинки,—вотъ чудо!—то онъ могъ бы умереть съ голода. Бываетъ, впрочемъ, и теперь близко къ тому... Ну, всѣ эти бѣдствія очень ожесточили Вильгельма, тѣмъ болѣе, что Мице онъ сильно любилъ и вотъ... да, я хотѣла сказать да забыла: г. Вельманнъ поддержалъ его и сдѣлалъ совершенно другимъ человѣкомъ. Что правда,—то правда. Съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ сталъ соціалистомъ и ковыляетъ къ г. Вельманну, своему учителю, онъ совершенно примирился со своимъ положеніемъ. „Матушка, его ученіе справедливо, — говоритъ онъ, — оно даетъ успокоеніе, и я знаю, что будетъ лучше жить на свѣтѣ. Этого не сказалъ мнѣ еще ни одинъ пасторъ. Тѣ всегда обнадеживаютъ небеснымъ блаженствомъ. Но никто не утѣшается, и ни одинъ человѣкъ не знаетъ, будетъ ли дѣйствительно это блаженство. Не сердитесь г. пасторъ: это мой сынъ такъ говоритъ. Я не отвѣчаю ни „да“, ни „нѣтъ“: онъ же чувствуетъ себя много лучше отъ этихъ разговоровъ, они доставляютъ ему удовольствіе, бѣднягѣ. Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія!

Она сложила руки на груди. Готхольдъ пристально смотрѣлъ впередъ. По его неподвижному лицу нельзя было прочесть его мыслей. Черезъ минуту онъ спросилъ:

— У васъ есть еще другія дѣти?

— Конечно,—отвѣтила старуха.—Есть еще Гертруда, самая старшая. Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, она беретъ дѣтей на воспитаніе. Вотъ тоже ремесло: труда и заботъ много, а пользы мало! Но для нея это самое пріятное занятіе, потому что ея собственныя дѣти всѣ—на погостѣ. Есть много злыхъ женщинъ, умышленно спроваживающихъ своихъ питомцевъ въ могилу, и есть родители, желающіе избавиться отъ дѣтей или по бѣдности, или отъ стыда предъ свѣтомъ. Моей Трудѣ всегда жаль дѣтей, и она беретъ этихъ козявокъ чуть не даромъ,—многихъ даже за шесть марокъ въ мѣ-

сяцъ, если знаетъ, что мать настолько бѣдна, что больше платить не можетъ. Конечно, Труда не въ силахъ спасти всѣхъ дѣтей, умираетъ ихъ все же очень много: всего, что нужно этимъ бѣдняжкамъ, дать нельзя. И кто знаетъ, можетъ быть, къ лучшему? На свѣтѣ такъ много людей и большинство ихъ очень несчастно. Милосердый Богъ знаетъ, что дѣлаетъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Готхольда; точно онъ хотѣлъ что-то стряхнуть съ себя.

— И всѣ они живутъ тутъ внизу, въ подвалѣ? — спросилъ онъ.

— Да, да, — отвѣтила старуха. — Тамъ ихъ много. Лена тоже тамъ, моя другая дочь. Она ходитъ гладить. Съ нею же ея маленькій Ласъ, любимецъ Вильгельма. Онъ, дѣйствительно, прелестный мальчуганъ. Мой Вильгельмъ говоритъ: „изъ него выйдетъ нѣчто крупное, онъ поможетъ этому проклятому свѣту перевернуться". Это сынъ говоритъ.

— Какъ, вы сказали, зовутъ мальчика?

— Ласъ. Видите, какъ это вышло: родители, во что бы то ни стало, хотѣли записать его „Лассалемъ". Но чиновникъ въ ратушѣ не согласился: видно, запрещено; нужно было выбрать христіанское имя, хотя мой Вильгельмъ говоритъ, что родители могутъ назвать своего ребенка, какъ угодно, а если не разрѣшаютъ—значитъ государство совсѣмъ не цивилизованное, нѣтъ въ немъ никакой гражданской свободы: все подъ опекой полиціи. Записали они его Гансомъ Заутеромъ, а зовутъ всетаки Лассалемъ; а чтобы не такъ длинно, то просто „Ласъ", и никто не зоветъ его иначе.

— Ваша вторая дочь—тоже вдова? — спросилъ Готхольдъ.

Старуха покачала головой.

— Нѣтъ, до свадьбы дѣло не дошло... Богъ мой, что тутъ подѣлаешь? Такая молодая; цѣлый день у гладильной доски, съ горячимъ утюгомъ, въ вонючемъ воздухѣ,—и приходится смотрѣть сквозь пальцы.

— Значитъ, обольщенная?

— Ну, этого сказать нельзя. Вѣдь это всегда взаимно, я думаю. И онъ женился бы на ней, если бы можно было. Но виллингскіе рабочіе не могутъ жениться до тѣхъ поръ, пока не начнутъ заработывать достаточныхъ средствъ для семьи. Потому всегда такъ и случается. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ отсюда, о немъ ничего не извѣстно. Можетъ быть, даже гдѣ-нибудь и женился... Ну, да Лена давно могла бы имѣть другого, не смотря на Ласа: она такая красивая и работящая. Да вотъ застрялъ у нея Вельманнъ въ головѣ: сущее наказаніе Божіе!

— И она тоже соціалъ-демократка?

— Еще бы! И Труда тоже, хоть я ей говорю всегда: „то, что ты дѣлаешь для несчастныхъ малютокъ, ты вѣдь дѣлаешь изъ любви къ Богу, потому что въ душѣ ты хорошая христіанка, хотя сама объ этомъ не знаешь". Но все остается по прежнему: они оставляютъ меня въ покоѣ съ моей вѣрой, а я не мѣшаю имъ... Лена превозноситъ этого Вельманна прямо до небесъ, какъ святого, и ни объ одномъ мужчинѣ въ мірѣ знать не хочетъ. Правда, не одна она такая, но все же это несчастье. Охъ! родители не могутъ избавиться отъ заботъ о своихъ дѣтяхъ, въ какомъ бы возрастѣ они ни были... Ужъ такова жизнь.

Готхольдъ охотно разспросилъ бы ее еще о многомъ, но принужденъ былъ прекратить разговоръ: съ верхней ступеньки подвала мужской голосъ снизу спрашивалъ уже нѣсколько разъ:

— Съ кѣмъ ты тамъ болтаешь, мама?

Слышался и дѣтскій крикъ. Готхольдъ протянулъ старухѣ руку.

— Храни васъ Богъ! Не забудьте словъ апостола: „я не стыжусь Евангелія Христова". Помните, что рядомъ съ Нимъ не должно быть другихъ боговъ. Будьте здоровы. До свиданія!

Старуха присѣла и хотѣла поцѣловать у него руку, но онъ не далъ и, дружески кивнувъ ей, ушелъ. Онъ повернулъ въ направленіи къ Артусбергу, отчасти инстинктивно, потому что былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ Курта Вельманна, отчасти изъ желанія остаться одному.

Что онъ здѣсь долженъ дѣлать? Всегда, послѣ посѣщенія рабочаго квартала, у него являлось чувство утомительнаго разочарованія и недовольства. Сегодня его совсѣмъ не впустили къ этой „Мютцельшѣ". Мужъ былъ дома и, видимо, сильно пьянъ; онъ съ грубой насмѣшкой указалъ ему на дверь: женѣ его будто бы дѣлается хуже, когда Готхольдъ приходитъ и молится вмѣстѣ съ ней; это сильно волнуетъ ее; вообще съ тѣхъ поръ, какъ этотъ попъ пробрался къ ней, она точно сошла съ ума. Одного недоставало, чтобы этотъ „Люде" хватилъ Готхольда кулакомъ и вытолкалъ на лѣстницу. Онъ и сдѣлалъ бы это, если бы не цирюльникъ Бедовъ, позванный на помощь къ напуганной этой отвратительной сценой Мице. Къ счастью, онъ явился во время и успокоилъ буяна. Готхольдъ, не знавшій страха, не уступилъ бы ему добровольно, но Мице умоляла его уйти и шепнула, что или придетъ сама, или сообщитъ, когда Люде уйдетъ и воздухъ нѣсколько очистится; можетъ быть, даже завтра. Цирюльникъ тоже обратилъ его вниманіе на то, что онъ будетъ

виноватъ въ нарушеніи семейнаго мира, если не уйдетъ сейчасъ же: этимъ шутить нельзя! Какой стыдъ и униженіе! Ему нечѣмъ даже утѣшить себя. Онъ страдаетъ, конечно, во имя Христа, и позоръ, взятый имъ на себя, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какой принялъ на себя Самъ Господь въ образѣ человѣка, и не позоръ жжетъ его душу, а сознаніе безцѣльности его дѣлъ и невозможности вліянія.

Онъ зашелъ къ швеѣ Притцке, жившей въ томъ же домѣ и считавшейся религіозной. Она уже нѣсколько разъ останавливала его на улицѣ, прося сдѣлать и ей честь посѣтить ее: вѣдь онъ бываетъ у всѣхъ трудящихся и несчастныхъ.

Притцке была сухая, остроносая и косоглазая старая дѣва. На Готхольда она произвела впечатлѣніе лицемѣрки, умѣющей скрывать свое страшное любопытство, любовь къ сплетнямъ и злорадство. Но она такъ охотно давала ему свѣдѣнія обо всемъ, что онъ спрашивалъ, съ такимъ трогательнымъ сочувствіемъ относилась къ его намѣреніямъ, что онъ счелъ невозможнымъ оттолкнуть ее. Все, что онъ узналъ, рисовало окружающее въ болѣе печальномъ свѣтѣ, чѣмъ ему казалось раньше. По ея словамъ, весь рабочій кварталъ—Содомъ и Гоморра, и Небо по справедливости уже давно должно бы послать сюда смоляной и сѣрный дождь. Едва ли есть на свѣтѣ порокъ, который не находилъ бы себѣ здѣсь сторонниковъ, готовыхъ еще хвастаться передъ всѣмъ свѣтомъ. Ни одинъ человѣкъ не считаетъ это дурнымъ, потому что, въ сущности, никто не живетъ лучше. Всѣ эти молодые люди съ фабрикъ имѣютъ своихъ „дѣвицъ“, имѣютъ также и дѣтей, но о женитьбѣ думаютъ весьма немногіе. Развратъ— не рѣдкость; и вѣчно ножъ пускается въ дѣло! Въ особенности по воскресеньямъ вечеромъ, когда послѣ получки жалованья, всѣ напиваются. Въ этихъ кабакахъ и трактирахъ дѣлается нѣчто ужасное!.. А Мице Теденъ, что живетъ въ подвалѣ, въ связи не только со своимъ зятемъ съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла его жена,—или какъ ее тамъ называютъ,—но занимается еще открыто постыднымъ ремесломъ, чѣмъ поддерживаетъ свое хозяйство. У нея всегда есть лишнія деньги на различныя бездѣлушки и украшенія, которыми она себя обвѣшиваетъ. Невыразимая гадость! Впрочемъ, въ другихъ домахъ не лучше. Всѣ здѣсь живутъ, какъ язычники, какъ животныя. И вполнѣ естественно, когда нѣтъ никакой религіи... На вопросъ Готхольда о Куртѣ Вельманнѣ, Притцке отвѣтила сдержаннѣе. Богъ мой, что о немъ скажешь? Бунтовщикъ, совратитель народа, опасный демагогъ,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Рано или поздно, а ужъ засадятъ его въ исправительный домъ, это вѣрно; въ тюрьмѣ онъ уже сидѣлъ. Но когда его видишь и слышишь... она, ко-

нечно, ничего этимъ не хочетъ сказать въ его пользу, — то почти становится понятнымъ, почему всѣ люди превращаются, подъ его вліяніемъ, въ необузданныхъ поклонниковъ... да, это совершенно понятно!.. И Притцке вздохнула, какъ влюбленный подростокъ. Даже докторъ Леръ и фрейлейнъ хорошаго мнѣнія о Куртѣ Вельманнѣ. Другіе о немъ говорятъ худо: будто онъ пьетъ и временами съ нимъ бываетъ даже очень скверно. Злые языки болтаютъ, что у него была несчастная любовь, почему теперь онъ не допускаетъ къ себѣ ни одной женщины; хотя очень многія льнутъ къ нему. Вѣроятно, все – сплетни.

Наконецъ, Готхольдъ освободился отъ словоохотливой собесѣдницы, чтобы самому повидать Курта Вельманна. По дорогѣ къ его дому, стоявшемъ ближе къ фабрикамъ, онъ зашелъ еще въ кой-какія квартиры, гдѣ, какъ онъ думалъ, есть больные и нуждающіеся въ помощи. Но почти вездѣ онъ встрѣчалъ одно и то-же: отъ него ничего не хотѣли принимать, въ его утѣшеніи никто не нуждался. Часто ему грубо указывали на дверь, или принимали смущенно, недовѣрчиво, рѣзко обнаруживая разочарованіе, если онъ не давалъ денегъ, а обѣщалъ какую-либо поддержку. То онъ встрѣчалъ озлобленіе, издѣвательство и угрозы по адресу фабрикантовъ и богатыхъ вообще; то – тупую и глубокую покорность, или рѣзкій смѣхъ равнодушнаго легкомыслія; очень рѣдко—покой и довольство: отовсюду на встрѣчу ему неслись жалобы, благодарность связывалась лишь съ именами доктора и фрейлейнъ; только къ нимъ питали уваженіе, только они имѣли здѣсь значеніе. За ними слѣдовалъ неизбѣжно Куртъ Вельманнъ. Кормить онъ никого не могъ: у него едва хватало на самого себя, но въ то, что онъ говорилъ, эти люди вѣрили слѣпо. Готхольду случалось видѣть на лицахъ тяжко больныхъ, несчастныхъ и изможденныхъ рабочихъ радостную улыбку, при одномъ упоминаніи его имени. „О, онъ! онъ! Если бы всѣ люди были такими, какъ онъ, тогда можно было бы жить, можно было бы терпѣть на этомъ свѣтѣ. Ну, да придетъ же когда-нибудь всей неправдѣ конецъ! Богатые должны твердо помнить это, а онъ, пасторъ, обязанъ съ церковной каѳедры говорить имъ, чтобы они опомнились. Бѣдняки не нуждаются въ его проповѣдяхъ“.

И всегда скрытые намеки на день страшной расплаты! Это было своего рода евангеліе, откуда они, обездоленные, черпали утѣшеніе и за что цѣплялись въ своей болѣзни и нуждѣ охотнѣе и усерднѣе, чѣмъ за крестъ Искупителя. И такое евангеліе проповѣдывалъ имъ Куртъ Вельманнъ! Когда Готхольдъ станетъ лицомъ къ лицу съ лучшимъ другомъ своей юности, онъ спроситъ у него, что отвлекло его отъ

исканія единственной истины и единственнаго пути спасенія, чему они оба посвящали всѣ силы своихъ юныхъ душъ! Онъ предвидитъ, что среди тѣхъ, къ кому его послалъ Господь, онъ ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать Если они не будутъ ходить слушать его проповѣди, если они не будутъ посѣщать устроенныхъ имъ религіозныхъ бесѣдъ, если не будутъ пускать его въ свои дома, къ постелямъ больныхъ,—какое вліяніе можетъ онъ оказать на ихъ закоснѣлыя сердца и заблудшія души? Куртъ Вельманнъ, имѣющій надъ ними власть, долженъ помочь ему. Если онъ сохранилъ свою прежнюю отзывчивость, онъ сдѣлаетъ это даже и въ томъ случаѣ, если ему будетъ грозить опасность утратить свое значеніе и единовластіе. Совершенно отпасть отъ Бога онъ, конечно, не могъ и несомнѣнно создастъ возможность товарищу своей юности насадить среди невѣрующихъ слово Божіе даже и въ томъ случаѣ. если онъ самъ не сочувствуетъ и не раздѣляетъ его взглядовъ и цѣлей. Тогда сдѣлается возможной между ними и духовная борьба; теперь же дѣло Курта представляется легкой игрой, при чемъ противной партіи не дается даже слова. Какъ захотѣлось Готхольду этой борьбы! Ему казалось, что всѣ тревоги и сомнѣнія, зашевелившіяся въ немъ гдѣ-то глубоко, подъ массой нахлынувшихъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, замолкнутъ и исчезнутъ въ жаркой борьбѣ за истину.

VII.

Когда Готхольдъ поднялся на холмъ и собирался повернуть къ Артусбергу, онъ вдругъ услышалъ звонкій дѣтскій смѣхъ, побудившій его измѣнить направленіе. Обыкновенно здѣсь бывало тихо, когда въ послѣобѣденный часъ онъ искалъ тутъ уединенія. Направо тянулся виллингскій паркъ въ своемъ торжественномъ молчаніи; удары молотовъ и стукъ на церковной постройкѣ были единственными отзвуками жизни въ этой тиши полей и лѣсовъ. Готхольдъ приблизился къ опушкѣ лѣса, и глазамъ его представилась чудная картина. Цѣлая толпа дѣвочекъ рѣзвилась на зеленой лужайкѣ, между ржанымъ полемъ и серебристосѣрыми буками. Крѣпко держась за руки, онѣ танцовали и пѣли. Солнечный свѣтъ тысячью дрожащихъ пятенъ проникалъ сквозь верхушки старыхъ деревьевъ, освѣщая веселое общество. Готхольдъ съ улыбкой наблюдалъ толпу и, только минуту спустя, замѣтилъ, что здѣсь веселились дѣти рабочихъ. Нѣкоторыя были босикомъ, въ разорванныхъ или заплатанныхъ платьяхъ, но блескъ солнца и беззаботная веселость играю-

щихъ скрашивали всѣ недостатки. Вскорѣ онъ замѣтилъ сидѣвшую въ сторонѣ, на дерновой скамейкѣ, подъ деревьями, дѣвушку, внимательно слѣдившую за игрой. Она громкими возгласами руководила дѣтьми и одобрительно хлопала въ ладоши. Готхольдъ рѣшилъ, что она надзираетъ за молодой толпой по своей обязанности. Шляпа ея лежала на травѣ, и солнечный свѣтъ свободно игралъ на ея золотисто-каштановыхъ волосахъ. Когда Готхольдъ разсмотрѣлъ ближе гибкую, исполненную прелести фигуру въ свѣтломъ платьѣ, выдѣлявшуюся на темно зеленомъ фонѣ картины, онъ узналъ въ ней Гельгу Леръ, дочь „сумасшедшаго“ доктора, „фрейлейнъ“, какъ звали ее всѣ въ рабочемъ кварталѣ. Послѣ короткаго раздумья, онъ подошелъ къ ней и, поклонившись, снялъ шляпу.

Тотчасъ же, по ея движенію, онъ почувствовалъ, что эта встрѣча ей непріятна. Но поклонъ ея былъ привѣтливъ, и тихая, спокойная ясность, озарявшая тонкія черты и проникавшая все ея существо, не покидали ея. Когда онъ спросилъ, не она ли привела сюда дѣтей, она отвѣтила просто:

— Да, конечно. Удивительно, какъ городскимъ дѣтямъ самимъ не приходитъ въ голову ничего подобнаго. Думаю, что большинство этихъ маленькихъ людей и не выходило за предѣлы рѣчного квартала, пока я не привела ихъ сюда. Здѣсь они точно увидѣли впервые свѣтъ и отъ радости не знали, что дѣлать. А теперь ватага растетъ съ каждымъ разомъ, какъ только я иду гулять. Для нихъ это истинное удовольствіе.

— Безъ сомнѣнія, ваше дѣло угодно Богу, фрейлейнъ,— сказалъ Готхольдъ. — Дѣтей всегда слѣдуетъ пріучать благоговѣть передъ Господомъ путемъ созерцанія его твореній.— Онъ пристально смотрѣлъ на нее, произнося эти слова.

„Неужели она не покраснѣетъ?“—думалъ онъ. Но лицо ея не измѣнило своего выраженія.

— Я дѣлаю это для бѣдныхъ дѣтишекъ, чтобы доставить имъ побольше радостей въ жизни, г. пасторъ,—сказала она, спокойно слѣдя за хороводомъ дѣтей.—Для ихъ физическаго развитія играть на просторѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ постоянно быть въ душныхъ комнатахъ или даже на воздухѣ, но въ узкихъ переулкахъ. Многія изъ нихъ должны уже работать дома, помогать въ хозяйствѣ, няньчить маленькихъ сестеръ и братьевъ и т. п. Здѣсь они отдыхаютъ и снова чувствуютъ себя дѣтьми.

— Вы, кажется, пользуетесь вліяніемъ у обитателей рабочаго квартала, фрейлейнъ Леръ?

— Вліяніемъ?—въ лицѣ ея появилось выраженіе смущен-

наго недоумѣнія.—Не думаю. Я живу съ ними, вотъ и все. Быть наставницей у меня нѣтъ таланта, какъ и вообще никакихъ другихъ.

— Если не ошибаюсь, вы хотите сказать, что, благодаря вамъ, эти люди не дѣлаются ни лучше, ни хуже, и что вліять на нихъ не входитъ даже въ вашу задачу? Но вы поймете, конечно, что я могу только сожалѣть объ этомъ.

Она медленно покачала головой.

— Почему? Кому хорошо живется, тому не трудно быть хорошимъ. Вѣдь все, что можно сдѣлать—это лишь незначительно облегчить имъ тяжесть жизни. Остальное придетъ само собою.

— Вы думаете, одна благодарность можетъ сдѣлать ихъ добрыми и религіозными?

— Благодарность? Но у нихъ нѣтъ никакого повода благодарить.

— Какъ нѣтъ повода? — Онъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Что это, собственно, за существо? Какъ спокойно и ясно звучатъ ея слова, не смотря на скромность, съ какой она говоритъ,—что особенно привлекательно. Она не производитъ впечатлѣнія, будто желаетъ „хвастать своимъ язычествомъ". Но онъ не поддастся ни ея вліянію, ни спокойному солнечному свѣту вокругъ нея, ни музыкѣ дѣтскаго смѣха

Такъ или иначе, между ними должно быть все выяснено; здѣсь у него врагъ, и онъ долженъ съ нимъ бороться.

— Если я васъ понимаю,—прибавилъ онъ съ разстановкой, — вы того мнѣнія, что тотъ, кто помогаетъ бѣднымъ, исполняетъ только свою обязанность?

— Не знаю, вѣрно ли такое опредѣленіе, — отвѣтила она послѣ нѣкотораго раздумья.—Полагаю, что помогать—врожденное стремленіе: иначе нельзя. Можетъ быть, это родъ стаднаго инстинкта, безсознательное чувство зависимости другъ отъ друга, способъ самосохраненія; но ставить его себѣ въ особую заслугу нѣтъ никакихъ основаній. Если я встрѣчаю благодарность, мнѣ становится стыдно. Я чувствую, что не имѣю на нее права, она причиняетъ мнѣ только горечь. И они, и я постепенно привыкли находить все естественнымъ и принимать все просто. Понятіе о благодѣяніи совершенно исчезло для обѣихъ сторонъ.

Готхольдъ нѣсколько разъ неодобрительно покачалъ головой.

— Со своей точки зрѣнія, я могу только сожалѣть объ этомъ, фрейлейнъ,—сказалъ онъ.—Нуждающійся обязанъ сознавать, что ему дѣлаютъ добро, и благодарность должна внушать ему благочестіе и смиреніе.

— Наоборотъ, благодарность часто ожесточаетъ и пугаетъ

его; онъ или принимаетъ помощь съ досадой, или совсѣмъ отказывается отъ нея: считать помощь „незаслуженнымъ“ благодѣяніемъ значитъ напоминать себѣ о „незаслуженномъ“ пренебреженіи, о томъ, что онъ обойденъ при распредѣленіи богатствъ въ этомъ мірѣ... Вы говорите: смиреніе?—Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ,—„дѣтскими глазами“, — невольно подумалъ онъ. — Почему? Смиреннымъ долженъ быть имущій, видя, насколько малымъ, часто не жалуясь, довольствуется другой. Имущій долженъ сознавать, что богатствомъ онъ обязанъ вовсе не своимъ какимъ-то заслугамъ, а случайности. Я нахожу, что бѣдный имѣетъ менѣе всего причинъ быть смиреннымъ. Стыдиться должны мы каждую минуту.

Готхольдъ невольно покраснѣлъ, и долженъ былъ сознаться въ душѣ, что эта дѣвушка стоитъ на гораздо болѣе высокой точкѣ зрѣнія, чѣмъ онъ. Но именно это признаніе и вывело его изъ равновѣсія, сдѣлало безпокойнымъ и рѣзкимъ.—„Софистка,—думалъ онъ,—видимо начиненная своимъ отцомъ, Дарвиномъ, Шопенгауэромъ и еще Богъ знаетъ какимъ современнымъ ученымъ хламомъ! На своей холодной высотѣ она чувствуетъ себя такой увѣренной и недоступной всему обыденному и чему вѣритъ весь міръ!“

Имъ овладѣлъ гнѣвъ.

— Значитъ то, что руководитъ вами, не есть состраданіе?—спросилъ онъ почти насмѣшливо.

Она покачала головой съ мечтательнымъ видомъ.

— Я могу повторить только то, что сказала раньше: думаю, тутъ естественное стремленіе. Можно назвать, конечно, какъ угодно. Добро и зло — съ естественно-научной точки зрѣнія не существуютъ вовсе; въ природѣ этихъ понятій совсѣмъ нѣтъ, и созданы они только людьми. Поэтому я совсѣмъ не знаю, есть ли состраданіе добро. Можетъ быть, благодѣяніями хотятъ удовлетворить самихъ себя, доставить себѣ удовольствіе; можетъ быть, хотятъ убить непріятное чувство, испытываемое богатымъ при видѣ нищеты. Въ такомъ случаѣ, все дѣлается изъ чистаго эгоизма, и тогда богатый долженъ благодарить бѣднаго, а не наоборотъ. Вы видите, куда это приводитъ. Состраданіе? Можетъ быть, это и есть настоящее слово: страдаешь вѣдь съ равными себѣ; они могутъ жить такъ, какъ мы, это и заставляетъ насъ помогать имъ ради самихъ себя. Любовь къ самому себѣ несомнѣнно играетъ здѣсь роль: отъ нея не уйдешь. Вотъ почему заботу о людяхъ я называю просто естественной, инстинктивной, человѣческой...

— Но почему вы не называете это стремленіе божественнымъ, фрейлейнъ Леръ?

Наше общественное пробужденіе съ соціально-экономической точки зрѣнія.

Бѣглыя замѣтки.

V.

Позволяемъ себѣ небольшое отступленіе. Какое-нибудь явленіе можетъ быть вызвано великимъ множествомъ причинъ, въ одномъ случаѣ сочетаніемъ однѣхъ, въ другомъ — другихъ, а результатъ можетъ получиться одинаковый. Смерть, напримѣръ, можетъ произойти отъ тысячъ причинъ, а результатъ одинъ — прекращеніе жизнедѣятельности. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы знать причину, надо доискиваться и изучить условія, которыя привели организмъ изъ состоянія бытія къ небытію, къ прекращенію жизнедѣятельности. То же самое надо имѣть въ виду при изученіи хозяйственной жизни. Намъ уже не разъ приходилось указывать на огромную важность пониманія этого обстоятельства, которое, къ сожалѣнію, очень и очень часто упускается изъ виду. При изученіи какого-нибудь явленія, говорили мы, стараются опредѣлить его закономѣрность, т. е. выяснить тѣ условія, при которыхъ оно происходитъ. Этимъ путемъ открывается законъ явленія. Это значитъ, что совокупность такихъ-то и такихъ-то условій неизбѣжно приводитъ къ такому-то явленію, къ закономѣрности такого-то явленія; говорятъ, что явленіе подчиняется такому-то закону. Вотъ, въ этомъ-то для лицъ, недостаточно научно дисциплинированныхъ, и открывается возможность стать на ложную дорогу. Законъ явленія есть абстракція, а человѣческій умъ склоненъ всякую абстракцію превращать въ деспотическую сущность. Между тѣмъ, законъ явленія въ научномъ смыслѣ не обладаетъ реальнымъ существованіемъ, это не есть реальность, а наше мысленное отношеніе къ внѣшнимъ реальностямъ. Представленіе о принудительности научнаго закона—представленіе ошибочное, оно напоминаетъ о принудительности юридическаго закона, вызываетъ представленіе о какой-то волѣ, о какомъ-то законодателѣ. Принудительность же надо искать не въ абстракціи, не внѣ фак-

товъ, а въ нихъ самихъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они обнаруживаются какъ во времени, такъ и въ пространствѣ.

Чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ больше возможностей отклоненія отъ такъ называемаго закона, имъ управляющаго, тѣмъ болѣе условій, видоизмѣняющихъ его обнаруженіе. Это, въ особенности, можно отнести къ явленіямъ общественной жизни вообще, и въ частности—къ хозяйственной жизни. Но, независимо отъ этого, какое-нибудь явленіе можетъ быть вызвано разнороднымъ сочетаніемъ условій. Промышленный кризисъ, напримѣръ, выражается въ отсутствіи сбыта изготовленныхъ на продажу товаровъ. Но это отсутствіе сбыта, при разныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ, вызывается разными причинами. Въ странахъ, гдѣ капиталистическое производство получило наибольшее развитіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, напримѣръ въ Англіи, промышленный кризисъ есть непосредственный результатъ этого развитія, такъ какъ капиталистическое производство со своей конкурренціей, погоней за покупателемъ, требуетъ усовершенствованія способовъ производства для удешевленія товара, производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. А для этого рынокъ долженъ постоянно расширяться. Между тѣмъ, платежная потребительная способность націи, самими условіями развитія капитализма, значительно отстаетъ отъ потребности расширенія капитала, отъ роста его производительныхъ силъ, и наступаетъ моментъ перепроизводства, кризиса.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ капитализмъ въ добывающей и обрабатывающей промышленности достигъ такого развитія, какъ нигдѣ, проявленію періодическихъ промышленныхъ кризисовъ, вызываемыхъ англійскими хозяйственными условіями, мѣшалъ огромный постоянно расширявшійся внутренній рынокъ. Поглощательная способность его росла вмѣстѣ съ количественнымъ и качественнымъ ростомъ земледѣльческой промышленности. Этотъ ростъ потребительной способности земледѣльческаго населенія отвѣчалъ потребности капиталистическаго производства въ расширеніи рынка. Земледѣльческое населеніе, фермерство, имѣло возможность продавать свои продукты на міровомъ рынкѣ, вслѣдствіе увеличивавшейся производительности своего труда, дешевле своихъ конкуррентовъ, по цѣнѣ, опредѣлявшейся на всеміромъ рынкѣ, которая, однако, по самымъ условіямъ производства, большей производительности земледѣльческаго труда, была *выше* ихъ индивидуальной стоимости. Американскіе фермеры наживались, между прочимъ, насчетъ русскаго крестьянства, которое принуждено было продавать земледѣльческіе продукты *ниже* ихъ индивидуальной стоимости. Можно сказать, что развитіе американскаго капитализма отчасти совершалось насчетъ обѣднѣнія русскаго крестьянства.

Вотъ это-то обстоятельство отчасти смягчало, а отчасти и во-

все устраняло ту непосредственную причину, которую вызывалъ промышленный кризисъ въ Англіи. Непосредственною причиною американскаго кризиса бывалъ неурожай, въ особенности, если онъ сопровождался паденіемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, какъ это было въ 1893--1896 годахъ.

У насъ въ Россіи капитализмъ развивался исключительно насчетъ крестьянства, ничего не давая ему взамѣнъ. Какъ продавэцъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, крестьянинъ долженъ былъ терять отъ малой успѣшности своего труда, вслѣдствіе обѣднѣнія и отъ невозможности повысить его производительность, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для этого знаній, отъ которыхъ его намѣренно удаляли. Поэтому его покупательная способность все болѣе и болѣе ограничивалась. Развитіе капитализма могло происходить только по мѣрѣ количественнаго распространенія его вліянія на крестьянство, по мѣрѣ того, какъ большее и большее число ихъ втягивалось въ область торговаго обмѣна. Поэтому кризисы русской капиталистической промышленности обусловливаются, во первыхъ, размѣрами урожая и денежнымъ его выраженіемъ, т. е. цѣнами, по которымъ онъ реализуется. Во вторыхъ, уменьшеніемъ покупательной способности крестьянства, обусловленной способомъ развитія капитализма, а также вслѣдствіе того, что бремя растущихъ государственныхъ потребностей падаетъ, главнымъ образомъ, на него же.

Такимъ образомъ, въ Англіи промышленный кризисъ возникаетъ вслѣдствіе условій, присущихъ капиталистическому способу производства, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ — отчасти отъ этихъ же условій, но, главнымъ образомъ отъ лежащихъ внѣ его съ теченіемъ времени первыя получаютъ преобладаніе надъ послѣдними. У насъ въ Россіи развитіе капитализма шло и идетъ на счетъ земледѣльческой промышленности, и промышленные кризисы обусловливаются причинами, лежащими исключительно въ этой послѣдней; а такъ какъ крестьянство, по общему признанію, прогрессивно бѣднѣетъ, то нечего удивляться, что вмѣстѣ съ этимъ надвигался и надвигается промышленный кризисъ, все болѣе и болѣе затяжной.

Изъ этого видно, насколько важно для пониманія наблюдаемыхъ явленій изучать условія, при которыхъ они происходятъ, то, что ихъ вызываетъ. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, промышленный кризисъ вызывается различными хозяйственными условіями, ибо происходитъ въ средѣ исторически различной.

Но, съ другой стороны, сочетаніе одинаковыхъ хозяйственныхъ условій приводитъ къ одинаковымъ результатамъ: одинаковыя общественно-хозяйственныя условія, достигнувъ до извѣстной степени развитія, требуютъ измѣненія всѣхъ другихъ общественныхъ отношеній, которыя служатъ правовымъ, политическимъ

и инымъ выраженіемъ измѣненія общественно-хозяйственныхъ условій.

VI.

Итакъ, весь строй нашей общественно-хозяйственной жизни формировалъ общественные классы, хотя и объединенные каждый въ отдѣльности общностью интересовъ, но не имѣющіе возможности реагировать сознательно, какъ классы, на условія, способствующія и тормазящія ихъ развитіе. Вырабатывались общественно-хозяйственные психологическіе типы, съ совершенно противоположными интересами, одинъ отъ другого разобщенные, а потому не имѣвшіе ни случаевъ, ни возможности урегулировать свои взаимныя отношенія. Мало того. Возникшія общественно-хозяйственныя условія стихійно требовали объединенія лицъ съ общими имъ всѣмъ интересами, чтобы сознательно, цѣлесообразно защищать общіе имъ всѣмъ интересы. Этому препятствовала бюрократія, то есть классъ, стоящій совершенно внѣ сферы борьбы, совершенно не понимающій всѣ детали интересовъ борющихся классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ насильственно преграждающій способы выраженія этихъ интересовъ.

Свободу собраній, свободу слова, свободу печати, всѣ эти необходимѣйшія условія общественнаго развитія бюрократія совершенно не признаетъ. На всякое проявленіе общественной и личной инипіативы она смотритъ, какъ на посягательство на ея прерогативы. Жизнь всѣхъ классовъ общества окутывается сѣтью всевозможныхъ стѣсненій. Всякое выраженіе недовольства немедленно карается. Въ общественной жизни воцаряется тишина, но тишина могилы,—какъ это было у насъ въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія,—тишина, которую и теперь съ восхищеніемъ вспоминаетъ бюрократія и ея идеологи. Въ то время, дѣйствительно, воцарилась такая тишина, что—по выраженію извѣстной сказки Щедрина— „слышно было, какъ ползутъ по землѣ клеветническіе шопоты“.

Стѣсненные во всѣхъ областяхъ своей дѣятельности, не имѣющіе возможности воспрепятствовать вліянію условій, тормазящихъ развитіе ихъ индивидуальныхъ и общественныхъ силъ, часто не знающіе, гдѣ искать причину ухудшенія своего положенія, вслѣдствіе стѣсненія распространенія образованія, всѣ классы начинаютъ все глубже и глубже проникаться недовольствомъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствовать на себѣ гнетъ бюрократіи, всѣ классы начинаютъ проникаться сознаніемъ, что интересы ихъ никто не можетъ понять и защитить лучше, чѣмъ они сами; что нація не можетъ развиваться, если общественные классы и отдѣльныя лица лишены возможности не только отстаивать свои интересы, но даже обсуждать ихъ открыто, устно и при помощи печати; всѣ классы начинаютъ сознавать, что одна изъ при-

чинъ обѣднѣнія народа кроется въ его невѣжествѣ, неспособности и неумѣніи понять и оцѣнить усложняющіяся его отношенія къ средѣ природной и общественной, и видѣть, что препятствія народному самопознанію ставитъ бюрократія.

Подъ вліяніемъ этихъ и многихъ другихъ причинъ, недовольство существующими общественными отношеніями растетъ во всѣхъ классахъ, но оно не находитъ еще случая обнаружиться, оно растетъ глухо, только иногда проявляясь въ острой формѣ. Налицо нѣтъ еще такого событія, которое объединило бы всѣ классы въ этомъ отношеніи, сдѣлало бы очевиднымъ для всѣхъ невозможность дальнѣйшаго существованія всего народа, какъ народа самостоятельнаго, при существующемъ бюрократическомъ порядкѣ законодательства и управленія. Этимъ событіемъ стала, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, несчастная война, вызванная бюрократіей и обнаружившая ея полную несостоятельность въ управленіи полутораста-милліоннымъ населеніемъ при помощи законовъ, не отвѣчающихъ общественнымъ жизненнымъ потребностямъ и опирающихся на физическую силу.

VII.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ исходъ крымской войны заставилъ обратить вниманіе всѣхъ классовъ общества на неизбѣжную необходимость покончить съ тѣмъ тормазомъ, который лежалъ на пути къ общественному развитію, и который привелъ къ севастопольскому погрому, именно—съ крѣпостнымъ правомъ. Императоръ Александръ II прекрасно понималъ положеніе дѣла, когда послѣ крымской войны, обращаясь къ московскому дворянству сказалъ, что лучше произвести дѣло освобожденія крестьянъ сверху, чѣмъ ждать, когда оно произойдетъ снизу... Крѣпостное право пало...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ. За эти полстолѣтія весь строй общественной жизни измѣнился. Возникли новые общественные классы съ новыми потребностями, съ своими собственными интересами, которые они, однако, не имѣли возможности не только удовлетворять, но даже и высказывать. Крѣпостное право, павшее въ его грубой формѣ, осталось неприкосновеннымъ во всѣхъ остальныхъ своихъ проявленіяхъ и продолжало по прежнему стѣснять развитіе производительныхъ силъ націи, развитіе общественности, развитіе умственныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе силъ нравственныхъ.

Съ соціологической точки зрѣнія общество тѣмъ выше, чѣмъ разнообразнѣе формы и направленія, которыя въ немъ проявляются, и чѣмъ (во всемъ обществѣ, какъ цѣломъ) увеличивается солидарность, — словомъ, чѣмъ болѣе раз-

вивается общественность. Развитіе нравственности, т. е. способа реагированія отдѣльныхъ лицъ и классовъ на вліянія общественной среды, обусловливается развитіемъ общественности. А этому-то развитію препятствуетъ бюрократія. Мало того, при стѣсненіи развитія общественности, когда бюрократія беретъ на себя рѣшать сложныя общественныя задачи, не справляясь съ мнѣніемъ тѣхъ, кого эти задачи непосредственно касаются, она даетъ предписанія, которыя являются не соотвѣтствующими требованіямъ жизни, а такъ какъ послѣднія сильнѣе, то во имя ихъ предписанія обходятся. Другими словами, всюду сознательно воцаряется ложь, и всѣ это знаютъ, всѣ оправдываютъ *)...

Ужасный погромъ на Дальнемъ Востокѣ, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ севастопольскій погромъ, слишкомъ наглядно показалъ всю неурядицу, всю опасность для существованія націи бюрократическаго строя. Россія до сихъ поръ не знаетъ, зачѣмъ былъ занятъ Портъ-Артуръ, послѣ того какъ по настоянію трехъ державъ его очистили японцы, имѣя на его занятіе „право" завоевателя. Россія до сихъ поръ не знаетъ, зачѣмъ онъ былъ укрѣпленъ, находясь почти въ 1500 верстахъ отъ русской границы? Зачѣмъ была построена на чужой территоріи желѣзная дорога, которую приходилось охранять вооруженной силой, вслѣдствіе враждебнаго настроенія населенія? Зачѣмъ былъ построенъ Дальній? Никому неизвѣстно, изъ-за чего была начата эта злосчастная война, на которую, вмѣстѣ съ расходами на укрѣпленіе Портъ-Артура, постройкой желѣзной дороги и пр. и пр., уже теперь буквально брошено два милліарда рублей, или около того, народныхъ денегъ, въ то время какъ народъ страдаетъ отъ невѣжества, отъ неурожаевъ и отъ тысячи другихъ бѣдствій. Нечего и говорить о самомъ существенномъ—о гибели сотенъ тысячъ молодыхъ жизней, этого цвѣта націи, о разореніи цѣлой нейтральной провинціи, о казняхъ ея жителей, о пріобрѣтеніи врага въ сосѣдѣ, съ которымъ мирно жили до послѣдняго времени не одну сотню лѣтъ, и пр. и пр.

Наглядный урокъ, данный нынѣшнею войною, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, не только показалъ всю нашу отсталость, но также и причины этой отсталости, слишкомъ низкое развитіе производительныхъ силъ, какъ это было и въ крымскую войну. Но на этомъ аналогія кончается. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, послѣ паденія крѣпостного права, кромѣ дворянства не было ни единаго общественнаго класса, который былъ бы объединенъ сознательно хозяйственными интересами. Крѣпостное право пало. Лица, принимавшія участіе въ законодательной санкціи уничтоженія того, что отжило свой вѣкъ, прекрасно понимали, что новыя хозяйствен-

---

*) Объ этомъ слѣдуетъ подумать тѣмъ, кто считаетъ несущественнымъ вопросъ о свободѣ самоопредѣленія общества и настаиваетъ на важности самоусовершенствованія.

ныя условія требуютъ новыхъ правовыхъ нормъ во всѣхъ остальныхъ областяхъ общественной жизни: организаціи суда на иныхъ началахъ, свободы слова, свободы печати и т. д. Они и осуществляли или стремились осуществить то, что по ихъ понятіямъ требовалось. Но ихъ благія пожеланія наткнулись на препятствія. Съ одной стороны, законодательство и управленіе находились по прежнему въ рукахъ бюрократіи, т. е. людей, вербуемыхъ изъ дворянства, изъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ качествѣ таковыхъ имѣли возможность отстаивать свои интересы, слишкомъ сильно затронутые упраздненіемъ крѣпостного права. А съ другой стороны, еще недостаточно обособился и выдвинулся какой-нибудь другой классъ, который былъ бы въ состояніи хотя пассивно защищать законность, противиться произволу и т. д. Вслѣдствіе этого, самые прекрасные законы, не находя поддержки и защиты сколько-нибудь ощутительной, были или отмѣняемы, или искажаемы бюрократіей, которая видѣла въ нихъ угрозу своему произволу. Судебные уставы, земство, городское управленіе, законы о печати, крестьянское самоуправленіе—все это подверглось измѣненію, въ смыслѣ усиленія власти бюрократіи.

Преобразовательное движеніе шестидесятыхъ годовъ, слѣдовавшее за отмѣною крѣпостного права, было, если можно такъ выразиться, слишкомъ поверхностно, слишкомъ мало опиралось на широкіе общественные слои, интересы которыхъ еще недостаточно отчетливо сознавались ими, да и сами-то эти общественные классы только еще начали формироваться подъ вліяніемъ измѣненія общественно-хозяйственныхъ условій. Отсутствіе реальнаго основанія для дальнѣйшихъ общественныхъ преобразованій послѣ паденія крѣпостного права объясняетъ возможность усиленія бюрократическаго режима и сопровождавшаго его приниженія общественности.

Но это время придавленности внѣшняго проявленія общественности всетаки не прошло даромъ. Это время было временемъ преобразованія всего общественно-хозяйственнаго строя. Въ это время нарождались и объединялись, сначала чисто-механически, новые общественные классы, возникали новые общественные психологическіе типы съ ихъ новыми запросами, интересами. Одинъ изъ этихъ классовъ промышленности имѣлъ еще возможность заявлять о своихъ интересахъ и удовлетворять нѣкоторыя изъ своихъ требованій. Этотъ классъ до войны чувствовалъ себя довольно хорошо и спокойно за спиной бюрократіи, но война, отразившись сокращеніемъ сбыта многихъ отраслей промышленности, заставила отказаться отъ „сдержанности“ и промышленный классъ. Другой классъ,—рабочіе,—совершенно былъ лишенъ этой возможности. Самый способъ возникновенія нашей крупной промышленности, развивавшейся на счетъ крестьянскаго населенія,

при помощи растущаго таможеннаго покровительства, при стѣсненіи народнаго образованія какъ общаго, такъ и техническаго, при отсутствіи свободы собраній, свободы слова, свободы печати, привелъ ее къ кризису, какъ это теперь сознаютъ сами капиталисты.

Такъ вотъ эти вновь развившіеся классы, объединявшіеся общими каждому изъ нихъ хозяйственными интересами, стали все болѣе и болѣе сознательно относиться къ условіямъ, препятствующимъ имъ выражать, отстаивать и защищать тѣ требованія, которыя по ихъ понятіямъ необходимы для существованія и развитія какъ промышленности, такъ и ихъ самихъ. Какъ сильно народное образованіе ни стѣснялось, всетаки условія хозяйственственной жизни, объединяя механически хотя бы рабочихъ, заставляли ихъ вдумываться въ свое положеніе, искать возможности улучшить его, знакомиться съ тѣми средствами, которыя употребляютъ для этого рабочіе другихъ странъ, чтобы при помощи ихъ попытаться улучшить свое собственное положеніе.

Какъ ни мало распространено образованіе среди крестьянъ *), но и они поняли, какое огромное значеніе оно имѣетъ на улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Въ этомъ отношеніи любопытны отвѣты корреспондентовъ московскаго земства на вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Такъ, одинъ изъ крестьянъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: „Не знаю, кто изъ здравомыслящихъ людей, хорошо знающихъ деревню, будетъ спорить противъ той горькой истины, что главнымъ, почти единственнымъ тормазомъ къ поднятію какъ сельскаго хозяйства, такъ и чего бы то ни было хорошаго и полезнаго для насъ, является наша закоренѣлость, темнота и невѣжество, въ большинствѣ случаевъ слившіяся съ невообразимой бѣдностью" („Статист. Ежегодникъ Московской губ. за 1904" М. 1905 г., стр. 49—50). „Возможность административныхъ каръ безъ суда и безъ права обжалованія,—говорится тамъ же (стр. 55),—должны парализовать въ крестьянинѣ всякую инициативу и энергію, особенно въ проявленіяхъ общественной жизни". По этому поводу другой крестьянинъ пишетъ: „Крестьянъ можетъ исправить только школа и человѣческое отношеніе къ нимъ со стороны начальства, а также самая широкая помощь въ экономической жизни; и тогда многомилліонная масса встанетъ въ уровень съ культурнымъ народомъ и объ руку съ другими классами населенія пойдетъ на помощь государству въ его развитіи, и только тогда государство можетъ быть сильно, когда три четверти населенія могутъ быть обезпечены въ жизни. Съ такимъ населеніемъ и госу-

*) Рѣчь идетъ о рядовомъ крестьянствѣ, а не о лицахъ, хотя принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, но въ соціально-экономическомъ отношеніи связанныхъ интересами съ торговымъ классомъ или съ землевладѣльческимъ.

дарству легко жить. Съ развитіемъ просвѣщенія сократятся злоупотребленія начальства и судовъ будетъ меньше". Далѣе корреспондентъ отмѣчаетъ пробуждающееся въ народѣ стремленіе къ образованію и говоритъ, что „поставить народъ на прежнее мѣсто уже невозможно, какъ невозможно цыпленка опять засасить въ скорлупу" (тамъ же стр. 55").

Слѣдовательно, и крестьянство начинаетъ чувствовать, гдѣ находится непосредственная причина его обѣднѣнія, и оно понимаетъ, что безъ знанія невозможна борьба какъ съ природой, такъ и съ неблагопріятными общественными условіями. Съ другой стороны, для него слишкомъ ощутительна безконтрольная власть бюрократіи въ лицѣ земскихъ и иныхъ начальниковъ, которая подавляетъ всякое проявленіе общественнаго почина для улучшенія положенія. Недовольство такимъ порядкомъ, заглушающимъ общественную жизнь при ея проявленіяхъ, распространяется и въ этой по своей природѣ наиболѣе консервативной средѣ.

Изъ всего сказаннаго видимъ, что за пятьдесятъ лѣтъ настроеніе всей націи совершенно измѣнилось, подъ вліяніемъ совершенно преобразившагося за это время хозяйственнаго строя. Народились и сформировались новые общественные классы, новые общественные психологическіе типы, въ которыхъ исчезли индивидуальныя особенности, и рельефно выступили черты, характерныя для всего класса. Вмѣстѣ съ обособленіемъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, все выпуклѣе и выпуклѣе обнаруживались и выступали интересы, свойственные каждому изъ общественно-хозяйственныхъ классовъ, которые имъ требовалось защищать отъ посягательства на нихъ другихъ общественныхъ классовъ. Каждое лицо, принадлежащее къ опредѣленному классу, чувствовало солидарность своихъ интересовъ съ интересами остальныхъ лицъ своего класса, чувствовало *общественную* солидарность съ ними. Эта общественная солидарность интересовъ требовала совмѣстной общественной защиты ихъ отъ какихъ-либо посягательствъ на нихъ со стороны остальныхъ классовъ. Проявленію солидарности интересовъ, стихійно развившійся подъ вліяніемъ измѣнившихся общественно-хозяйственныхъ условій, всячески препятствовала бюрократія, возникшая и выросшая при крѣпостномъ правѣ и желающая сохранить при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ то же самое значеніе, которое имѣла при крѣпостничествѣ. Такъ какъ каждый изъ обособившихся классовъ населенія находился въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи, каждый изъ нихъ чувствовалъ на себѣ ея вліяніе, хотя и не въ равной степени, такъ какъ подъ вліяніемъ новыхъ хозяйственныхъ условій стихійно развилось классовое самосознаніе, дѣятельное проявленіе котораго встрѣчало препятствіе со стороны бюрократіи, другими сло-

вами: такъ какъ всѣ общественные классы встрѣчали препятствія своему общественному развитію, то неудачи неизвѣстно съ какою цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично, и имущественно, объединили всѣ классы народа, какъ бы различны ни были интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на одномъ требованіи - свободнаго самоопредѣленія.

И здѣсь война сыграла роль откровенія. При всеобщей воинской повинности мобилизація, вызванная теперешней войной, создала заинтересованность всего населенія не въ ней только, но и въ томъ, что ее вызвало. А это неизбѣжно вызываетъ стремленіе не только узнать причины ея возникновенія, но также быть участникомъ въ созиданіи условій политическаго существованія.

Все, что накоплялось и росло годами стихійно, безсознательно противъ препятствій, мѣшающихъ естественному росту общественности и борьбѣ формирующихся общественныхъ классовъ за ихъ существованіе, все это подъ ударами несчастной войны оформливалось, входило въ общественное сознаніе и выразилось въ цѣломъ рядѣ пожеланій и требованій всѣхъ классовъ, необходимыхъ для правильной закономѣрной общественной жизни.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ требованія и пожеланія замѣчательно однообразны. Въ сознаніе всѣхъ общественныхъ классовъ глубоко проникло убѣжденіе въ необходимости освободиться отъ путъ, препятствующихъ проявленію общественной иниціативы и самопредѣленія. Прислушаемся къ тому, чего желаютъ и требуютъ представители разныхъ общественныхъ классовъ. „Мы твердо вѣримъ, Государь, что близокъ тотъ счастливый день, когда по волѣ Вашего Величества будетъ отмѣненъ существующій бюрократическій строй, разобщающій верховную власть съ народомъ, когда Царь призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли русской къ участію въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество государства, величіе престола и процвѣтаніе родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности всѣхъ гражданъ, свободы слова и вѣроисповѣданія". Такъ говоритъ московское земство. Черниговское земство всеподданнѣйше проситъ „призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проэктъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія, и проэктъ этотъ дозволить непосредственно представить Вашему Величеству". „Мы не можемъ жить безъ свободы совѣсти, — говоритъ пензенское земство въ своемъ адресѣ,—мы не можемъ работать безъ неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ, мы не можемъ молиться безъ свободы вѣроисповѣданія... Если, Государь, въ Ваше сердце западетъ мысль призвать къ государственной

работѣ выборныхъ представителей земли, мы... принесемъ всѣ силы разумѣнія нашего, чтобы вывести Россію на новый широкій путь нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія"... „Повелите, Государь, — проситъ смоленское земство, — созвать свободно избранныхъ представителей народа, дабы они повѣдали Вамъ свое искреннее слово о народныхъ нуждахъ и обсудили о тѣхъ путяхъ и средствахъ, коими можетъ быть устроенъ и обезпеченъ въ отечествѣ нашемъ внутренній миръ". Въ такомъ же смыслѣ высказались еще многія земства, но общія пожеланія всѣхъ земствъ выразились въ частномъ совѣщаніи ихъ представителей, прибывшихъ со всѣхъ концовъ земской Россіи, на которомъ они пришли къ заключенію, что для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни необходимо развитіе общественной самодѣятельности, тѣсное общеніе и единеніе государственной власти съ обществомъ, правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи. Только при осуществленіи этихъ условій, по мнѣнію совѣщанія, возможно устраненіе административнаго произвола, установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности, частнаго жилища. Для выясненія общественныхъ нуждъ и для выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собранія и союзовъ.

Эти пожеланія, осуществленіе которыхъ необходимо для правильной общественной и государственной жизни, по убѣжденію представителей землевладѣнія, которые были втянуты въ круговоротъ новыхъ условій общественно-хозяйственной жизни, раздѣляются всѣми, безъ исключенія, производительными классами. Такъ, въ запискѣ петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, поданной въ январѣ текущаго года предсѣдателю комитета министровъ, говорится, что для умиротворенія рабочаго движенія необходимы „болѣе глубокія реформы общегосударственнаго характера". Записка фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго раіона выражается уже болѣе опредѣленно. По ихъ убѣжденію, „настоящее тревожное положеніе страны и угнетенное состояніе промышленности заставило промышленниковъ заявить правительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановить движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки"... Далѣе указывается, что для правильнаго развитія промышленности и умиротворенія населенія необходима равноправность передъ закономъ всѣхъ и каждаго; неприкосновенность

личности и жилища, право организаціи рабочихъ въ союзы для самопомощи и защиты интересовъ; свобода слова и печати для выясненія нуждъ рабочихъ и ихъ интересовъ и для улучшенія ихъ быта и положенія; а все это возможно при участіи представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ рабочихъ и предпринимателей въ выработкѣ законодательныхъ нормъ.

По мнѣнію желѣзозаводчиковъ, выраженному въ запискѣ совѣщательной конторы ихъ, „настоящія рабочія волненія, хотя и построены на экономической почвѣ, въ то же время являются крупнымъ политическимъ движеніемъ, связаннымъ съ общимъ настроеніемъ русскаго общества. Движеніе это уже давно подготовлялось самой жизнью и существенной потребностью, вложенной въ самую природу человѣка, — будь онъ простолюдинъ или дворянинъ,—добиваться свободы или открытаго выраженія своихъ мыслей путемъ слова и печати въ собраніяхъ и на сходкахъ единомышленниковъ, или лицъ, которыхъ связываетъ общій интересъ."

Въ пожеланіяхъ промышленныхъ классовъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, то, что для нихъ не пропалъ урокъ Западной Европы. Всѣ они указываютъ не только на необходимость представительства своихъ собственныхъ интересовъ въ законодательной дѣятельности, но и представительства интересовъ рабочихъ классовъ и крестьянства, зная на примѣрѣ Западной Европы, что устраненіе отъ представительства интересовъ трудящагося класса ведетъ къ соціальной розни и грозитъ соціальными неурядицами, такъ какъ только истинными представителями интересовъ даннаго класса могутъ быть исключительно лица, принадлежащія къ нему, или тѣ, которыя, по убѣжденію этого класса, вполнѣ проникнуты его интересами и сознательно понимаютъ ихъ.

Мы видѣли, что представители земледѣлія и промышленный классъ сходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно тѣхъ средствъ, которыя могутъ вывести страну изъ того критическаго положенія, въ какое она поставлена бюрократическимъ режимомъ, приведшимъ къ хозяйственному и военному погрому. Это убѣжденіе раздѣляетъ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, какъ это видно изъ петиціи петербургскихъ рабочихъ. „Не откажи въ помощи твоему народу, — просятъ они Государя, — выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить судьбу свою, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобою... Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ тебѣ, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды... Повели немедленно, сейчасъ же

призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель, пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей... а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ". Затѣмъ, какъ землевладѣльцы и промышленники, они желаютъ свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраній, свободы совѣсти.

Крестьянство, гдѣ представляется къ тому возможность,—а возможности-то этой для него слишкомъ мало,—точно также присоединяется къ этимъ общимъ пожеланіямъ и требованіямъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ крестьянство наиболѣе невѣжественно, наиболѣе безправно, по самому характеру своей хозяйственной дѣятельности и по своему въ матеріальномъ отношеніи ухудшающемуся положенію имѣетъ наименѣе возможности понять смыслъ вокругъ него происходящаго и проявить цѣлесообразную общественную инициативу для противодѣйствія неблагопріятнымъ для него хозяйственнымъ и общественнымъ условіямъ. Но, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя для него условія, и оно, какъ мы уже видѣли, начинаетъ сознавать, гдѣ надо искать причину его растущей бѣдности и что надо сдѣлать для ея устраненія.—Такъ какъ рѣшительно всѣ общественные слои и профессіи чувствуютъ на себѣ гнетъ бюрократіи и невозможность общественнаго развитія при подавленіи личной и общественной инициативы, то всѣ они при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ тѣ же пожеланія и требованія.

Изъ всего этого видно, что общественная среда настоящаго времени совершенно непохожа на общественную среду, какою она была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Въ то время крымская война показала несоотвѣтствіе крѣпостничества требованіямъ высоко развитаго промышленнаго строя. Она показала, что владѣніе и распоряженіе лицами, какъ вещами, деморализируетъ самихъ владѣльцевъ, принижаетъ личность, мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ, но, главнымъ образомъ, препятствуетъ развитію общественности, чувству общественной солидарности. Въ крѣпостномъ правѣ видѣли самое существенное препятствіе развитію промышленныхъ силъ, умственнаго и нравственнаго прогресса. Это пунктъ, на которомъ сходились, кромѣ крѣпостниковъ, мнѣнія всѣхъ. Подъ напоромъ исторической необходимости оно пало. На его развалинахъ надо было создать новыя общественно-хозяйственныя отношенія, которыя для своего развитія требовали свободы самоопредѣленія, народнаго представительства въ законодательной дѣятельности, обезпеченія закономѣрнаго свободнаго развитія общественныхъ силъ. Но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую паденію крѣпостничества и

слѣдовавшую за нею, еще не сформировались общественные классы, которые, какъ классы, чувствовали бы органическую необходимость отстаивать свободу самоопредѣленія. Мало того. Представители общественной мысли, имѣя передъ глазами далеко несовершенное въ то время представительство въ Западной Европѣ, относились болѣе чѣмъ сдержанно къ представительному правленію. Наслѣдіе крѣпостничества — бюрократическій строй остался неприкосновеннымъ и послѣ паденія крѣпостного права, только нѣкоторыя его функціи были переданы лицамъ, стоящимъ внѣ бюрократіи: завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ, разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ и т. д. Въ это время, почему-то называемое „эпохою великихъ реформъ", общественное сознаніе не было проникнуто мыслью о необходимости единственно возможнаго обезпеченія правильнаго хода реформъ — народнаго представительства, и повторяемъ, вслѣдствіе того, что еще не сформировались классы, которые собственнымъ опытомъ, органически пришли бы къ этой необходимости, которые чувствовали бы, какъ классы, потребность развитія общественности, ради сохраненія собственной жизнеспособности.

Въ настоящее время всѣ отношенія измѣнились: общественные классы, обособленные общественно-хозяйственными условіями, выработавъ каждый въ отдѣльности своеобразный общественно-психологическій типъ, объединились въ одномъ общемъ имъ всѣмъ требованіи: свободы самоопредѣленія, свободы располагать своею судьбою, свободы устраивать свою общественную жизнь. И это требованіе органически выросло изъ самихъ условій, при которыхъ формировались общественно-хозяйственные классы, каждый изъ нихъ объединялся интересами, общими всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ данному классу. Солидарность интересовъ требовала свободы собраній для обсужденія этихъ интересовъ и принятія мѣръ для ихъ защиты. Это относится къ каждому изъ классовъ въ отдѣльности. Каждый классъ понималъ и видѣлъ, что́ мѣшаетъ развитію и проявленію солидарности каждаго класса, но всѣ классы вмѣстѣ не были объединены убѣжденіемъ, что и остальные классы въ равной степени чувствуютъ на себѣ тяготѣющій на нихъ гнетъ. Это было слѣдствіемъ общественной разобщенности. Кровавые ужасы войны, въ которой мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, пораженія, показавшія нашу отсталость во всѣхъ отношеніяхъ, въ промышленномъ, научномъ, политическомъ и т. д., объединили всѣ, рѣшительно всѣ классы націи на требованіи измѣненія существующихъ порядковъ, на требованіи не только права самоопредѣленія для отдѣльныхъ классовъ, но также права самоопредѣленія для совокупности всѣхъ классовъ, для всей націи. Это естественный, органическій результатъ войны, властно заставившей лицъ, никогда не занимавшихся государственными вопросами, внимательно посмотрѣть

на условія ихъ общественнаго существованія и критически отнестись къ нимъ. Война слишкомъ ощутительно отразилась на всѣхъ безъ исключенія классахъ, чтобы могла оставить когонибудь безучастнымъ наблюдателемъ всѣхъ ея ужасовъ, какъ общественныхъ, такъ и личныхъ, и имущественныхъ.

Поэтому, не только нѣтъ ничего удивительнаго и неожиданнаго, но было просто неизбѣжно, что всѣ общественные классы, уже и до того чувствовавшіе стѣсненіе въ своей общественной дѣятельности, какъ классы, подъ вліяніемъ переживаемыхъ военныхъ тревогъ и пораженій, объединились въ одномъ сознаніи: такъ продолжать жить нельзя. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ общественный лозунгъ былъ—освобожденіе крестьянъ. Ужасы крѣпостного права непосредственно касались крестьянъ. Остальныя сословія ощущали вліяніе крѣпостничества, какъ бы тягостно это вліяніе ни было, косвенно, посредственно. Въ настоящее время вліяніе бюрократіи чувствуется безъ исключенія всѣми.

Всесторонній произволъ бюрократіи, стѣсненіе общественной дѣятельности, стѣсненіе народнаго образованія, отсутствіе законности, невозможность указывать на злоупотребленія, отсутствіе свободы слова, свободы печати, гарантіи личной неприкосновенности и т. д., и т. д., подъ вліяніемъ военнаго погрома со всѣми его ужасами, объединили всѣхъ въ требованіи измѣненія условій общественнаго существованія. Но въ требованіяхъ различныхъ слоевъ сказалась ихъ общественная подготовка. Чѣмъ сознательнѣе данный общественный классъ относился къ окружающему, чѣмъ всестороннѣе была жизненная, умственная и общественная подготовка его, тѣмъ правомѣрнѣе, цѣлесообразнѣе выражались протесты противъ существующаго порядка, поведшаго къ такимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, и тѣмъ цѣлесообразнѣе и раціональнѣе политическія и правовыя нормы, которыя ими требовались для его замѣщенія, а также и формы, въ которыхъ выразились эти протесты.

Земства, города выражали свои пожеланія, подавая всеподданнѣйшіе адресы. Фабриканты и заводчики крупныхъ фабричныхъ раіоновъ подавали съ такими же пожеланіями записки предсѣдателю комитета министровъ. Рабочіе составили петицію въ томъ же смыслѣ и имѣли намѣреніе подать ее in corpore. Какъ лица, на которыхъ особенно сильно отражается отсутствіе законности при существующемъ порядкѣ, они пожелали подкрѣпить свою петицію всеобщей забастовкой, чтобы тѣмъ самымъ обратить общественное вниманіе какъ на отчаянное положеніе рабочихъ, такъ и на тѣ препятствія общаго характера, которыя мѣшаютъ его улучшенію, какъ классу. Надо, при этомъ, замѣтить что время забастовки, какъ способа улучшенія матеріальнаго положенія, было выбрано неудачно. Промышленность переживала кризисъ, такъ что отказъ отъ работы былъ во многихъ случаяхъ

на руку предпринимателямъ. Что главная причина забастовки лежала не въ хозяйственныхъ условіяхъ, а въ общихъ, единогласно свидѣтельствуютъ фабриканты и заводчики. Во всякомъ случаѣ рабочіе, точно такъ же какъ и предприниматели и землевладѣльцы, соединились въ одномъ общемъ для нихъ для всѣхъ пожеланіи: устранить препятствія, мѣшающія функціонированію общественной жизни.

Что же касается до крестьянства, вся жизнь котораго—хозяйственная и общественная дѣятельность—со всѣхъ сторонъ стѣсняется вмѣшательствомъ лицъ, для которыхъ его интересы не только чужды, но которые и понять ихъ не могутъ, то оно, постоянно бѣднѣетъ подъ вліяніемъ общественно-хозяйственныхъ условій и не имѣетъ возможности получить даже элементарнаго научнаго образованія, чтобы при помощи его бороться съ неблагопріятными природными условіями. При своихъ однообразныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ и неподвижности, косности среды, къ которой оно прикрѣплено этими занятіями,—слѣдствіемъ чего является косность мысли,—оно не въ состояніи понять въ массѣ общественнаго значенія и причинъ происходящихъ перемѣнъ, хотя на себѣ испытываетъ всю ихъ тягость *). Бѣдность и нужда

---

*) Даже „Русскій Инвалидъ" пришелъ къ заключенію, что одною изъ причинъ нашихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ является общая наша темнота, несомнѣнно отражающаяся и на солдатѣ. Даже въ мирное время эта темнота нашего простолюдина представляетъ большія трудности при обученіи его воинскому дѣлу, ибо, помимо техники этого дѣла, необходимо просвѣщеніе и въ общечеловѣческомъ смыслѣ. „Полуграмотный, неуклюжій, съ дремлющими мозгами... приходитъ онъ въ войска и начинаетъ впитывать въ себя разнообразныя свѣдѣнія, о которыхъ ранѣе не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Впитываетъ съ огромнымъ умственнымъ и нервнымъ напряженіемъ даже самыя простыя вещи, потому что голова совершенно не пріучена къ мозговой работѣ („Русскій Инвалидъ", 16 марта 1905 г.)". Крестьянство со времени освобожденія *сравнительно* не далеко ушло впередъ, и какъ бы кто ни идеализировалъ условія крестьянской жизни, до сихъ поръ въ значительной степени остается вѣрнымъ изображеніе этой жизни Салтыковымъ, сдѣланное имъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. „Съ точки зрѣнія нравственности,—говоритъ онъ,—эти условія печальны". „И возрасты, и полы, постоянно смѣшаны. Смѣшеніе первыхъ имѣетъ послѣдствіемъ то, что поколѣнія одни за другими коснѣютъ въ однихъ и тѣхъ же предразсудкахъ и становятся навсегда застрахованными отъ прикосновенія всякой свѣжей мысли. Непроницаемая тьма свинцовымъ пологомъ ощетинилась и отяжелѣла надъ этими хижинами, и въ этой тьмѣ безраздѣльно царствуетъ старый Сатурнъ, заживо поѣдающій дѣтей своихъ. Сынъ, безотлучный свидѣтель безмолвнаго малодушія или трусливаго лукавства отца, можетъ ли вынести изъ своихъ наблюденій что-нибудь иное, кромѣ собственнаго малодушія и лукавства?.. И, такимъ образомъ, переходитъ она, эта тьма, отъ одного поколѣнія къ другому, все круче и круче закрѣпляя тенета, которыми они спутаны... Вотъ та умственная и нравственная среда, въ которой родился, старѣется и умираетъ поилецъ и кормилецъ земли русской („Наша общественная жизнь", „Современникъ" 1864 г., февраль, стр. 213—214). Идеализацію этихъ условій Салтыковъ считаетъ ложью, которая, „каковъ бы ни

слишкомъ ощутительно говорятъ объ этомъ. Причину всѣхъ своихъ бѣдствій ищетъ также и крестьянство; но оно ищетъ ее не тамъ, гдѣ всѣ остальные классы: крестьянство видитъ причину своего обѣднѣнія не въ общественныхъ условіяхъ, а въ овеществленіи этихъ условій. Желая измѣнить свое положеніе къ лучшему, оно направляетъ свое негодованіе противъ вещей, связанныхъ съ тѣми лицами, съ которыми ему приходится непосредственно имѣть дѣло въ области хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній. Отсюда тѣ прискорбныя явленія, о которыхъ мы ежедневно слышимъ въ настоящее время: поджоги помѣщичьихъ усадебъ, разгромъ ихъ и т. п.

Такъ называемые аграрные безпорядки, которые происходятъ у насъ въ настоящее время, представляютъ собою повтореніе до мельчайшихъ подробностей такихъ же безпорядковъ, происходившихъ въ Англіи въ 1842—1844 годахъ. И въ Англіи капитализація сельско-хозяйственной промышленности вызвала обѣднѣніе земледѣльцевъ, лишивъ ихъ подсобныхъ промысловъ, а слѣдовательно,—уменьшивъ ихъ доходъ. И они также были лишены представительства въ законодательной дѣятельности; вслѣдствіе условій своего труда, ихъ умственный кругозоръ былъ также узокъ; они также не понимали общественнаго значенія происходящей перемѣны въ хозяйственныхъ условіяхъ; они также видѣли зло въ объектахъ права., а не въ системѣ, не въ общественномъ строѣ, поэтому и они, какъ наши крестьяне въ настоящее время, возстали противъ объектовъ права, а не системы. Въ названные годы не проходило мѣсяца или даже недѣли безъ поджоговъ фермерскихъ и домовладѣльческихъ усадебъ. И у насъ главную руководящую роль въ аграрныхъ безпорядкахъ играетъ нужда, притѣсненія, произволъ. Всѣ эти руководители стали играть особенно выдающуюся роль подъ вліяніемъ войны, когда нужда особенно обострилась, когда чуть не каждое семейство лишилось рабочей силы, брата, сына, мужа, взятыхъ на войну, когда съ Дальняго Востока начали приходить отъ нихъ удручающія вѣсти о пораженіяхъ, когда по газетнымъ извѣстіямъ, а также по письмамъ родственниковъ съ театра войны, быстро распространившихся въ деревнѣ, узнавалось, какія лишенія приходится испытывать солдатамъ; затѣмъ извѣстія о гибели и искалѣченіи людей, которые считались опорою семейства, наконецъ—устные разсказы калѣкъ, возвратившихся съ театра войны. Все это только подлило масло въ огонь: аграрное движеніе, подготовленное цѣлымъ рядомъ общественно-хозяйственныхъ и правовыхъ факторовъ, начавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время приняло грозные размѣры и антисоціальное направленіе.

былъ ея характеръ, никогда не полезна и не нужна, а особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда истина не только обвиняетъ, но положительно оправдываетъ".

Несомнѣнно, что одною физическою силою дѣла не поправишь. Force is not a remedy—насиліе не лѣкарство, какъ выразился Джонъ Брайтъ въ парламентѣ, когда консервативное министерство послѣ политическаго убійства лорда Кавендиша въ Дублинѣ, внесло законопроектъ объ усиленной охранѣ въ Ирландіи. Да, насиліе не лѣкарство. Силою можно зажать ротъ больному, онъ не будетъ въ состояніи передавать то, что чувствуетъ, что ему надо; но отъ этого болѣзнь его не только не пройдетъ, но онъ или совсѣмъ лишится работоспособности, или даже умретъ. Ну, а такой конецъ едва ли входитъ въ планы тѣхъ, которые считаютъ насиліе лѣкарствомъ...

VIII.

Подобно тому, какъ благосостояніе американскихъ фермеровъ увеличивается *отчасти* на счетъ русскаго крестьянства, вслѣдствіе большей производительности ихъ земледѣльческаго труда, точно такъ же та капиталистическая страна, — трудъ рабочихъ которой, вслѣдствіе высшаго умственнаго развитія ихъ, болѣе высокаго уровня знаній и техники, производительнѣе труда рабочихъ странъ отсталыхъ въ этомъ отношеніи и бѣдныхъ, — богатѣетъ за счетъ послѣднихъ. Поучительный примѣръ этому даетъ Англія до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда она богатѣла за счетъ остальныхъ странъ. Англійскій рабочій классъ точно такъ же пользовался своею долею въ этомъ привилегированномъ положеніи англійской промышленности, и онъ получалъ большую долю въ произведенномъ продуктѣ, сравнительно со своими континентальными товарищами. Поэтому, его интересы *въ этомъ отношеніи* совпадали съ интересами класса предпринимателей. Въ настоящее время, когда промышленная монополія Англіи рухнула, когда всѣ западно-европейскія страны и С. Америка сдѣлали огромные успѣхи въ смыслѣ познанія законовъ природы и ихъ приложенія, въ смыслѣ развитія общаго и техническаго образованія, англійскія рабочій сталъ понимать, что его интересы и въ этомъ отношеніи расходятся съ интересами предпринимателей и совпадаютъ съ интересами рабочихъ континентовъ.

Подъ вліяніемъ этихъ измѣнившихся условій на всемірномъ рынкѣ и англійскій рабочій сталъ принимать мѣры для защиты въ парламентѣ своихъ интересовъ, сталъ организовать свою собственную политическую партію.

Такимъ образомъ, ходъ, условія развитія и распространеніе капитализма вызвали соотвѣтственный ростъ классовой солидарности и классового самосознанія среди рабочихъ, и они стали инстинктивно чувствовать, что достигнуть цѣли своихъ стремленій

они могутъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ большее число странъ перестанетъ быть объектомъ капиталистической эксплуатаціи другихъ странъ, чѣмъ выше будетъ ихъ матеріальное и духовное развитіе. Наоборотъ, въ интересахъ господствующихъ классовъ эксплуатировать елико возможно дольше отсталыя страны, такъ какъ тѣмъ дольше у нихъ въ рукахъ сохранится въ своей странѣ преобладаніе экономическое, а слѣдовательно—и политическое, и правовое.

Низкій уровень производительности труда русскаго фабрично-заводскаго рабочаго и крестьянина, обусловленный бѣдностью и низкимъ уровнемъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи, создаетъ почву для хозяйственной эксплуатаціи Россіи Западной Европой, Америкой и... Японіей...

Вотъ почему рабочіе классы Западной Европы такъ сильно заинтересованы въ хозяйственномъ, умственномъ, духовномъ, политическомъ развитіи русскаго народа и почему, наоборотъ, господствующіе классы смотрятъ на это развитіе съ опасеніемъ. Россія, нищая матеріально, нищая знаніемъ, нищая духомъ—оплотъ европейской реакціи. Вотъ почему политическій, матеріальный, умственный и духовный подъемъ Россіи теряетъ лишь мѣстное, а пріобрѣтаетъ всемірное значеніе.

XI.

Этотъ бѣглый очеркъ приводитъ къ заключенію, что подъ вліяніемъ измѣнявшихся общественно-хозяйственныхъ отношеній формировались и обособлялись общественные классы, со своими своеобразными интересами и потребностями, для удовлетворенія которыхъ прежнія политическія и правовыя нормы, унаслѣдованныя отъ крѣпостничества, стали совершенно непригодны. Хозяйственныя условія существованія становятся все въ большую и большую зависимость отъ развитія общественности,—между тѣмъ, въ то же самое время развитію общественности препятствуютъ отжившія правовыя и политическія нормы, нормы, сложившіяся при совершенно иныхъ общественно-хозяйственныхъ условіяхъ. Потребность приведенія политическихъ и правовыхъ нормъ въ соотвѣтствіе съ измѣняющимися общественно-хозяйственными отношеніями, медленно входила въ сознаніе каждаго класса въ отдѣльности. Значеніе этой потребности и настоятельность удовлетворенія ея проникали въ сознаніе отдѣльныхъ классовъ по мѣрѣ ихъ формированія, и въ зависимости отъ ихъ умственнаго и общественнаго развитія, въ зависимости отъ расширенія ихъ умственнаго и общественнаго кругозора. Внѣшній толчокъ, объединившій всѣ общественные классы въ требованіи такъ необходимаго для интересовъ каждаго изъ нихъ измѣненія политическихъ и правовыхъ нормъ, дала война, которая показала, что безотвѣтственная

всевластная бюрократія можетъ привести всю страну въ положеніе, грозящее въ будущемъ самостоятельности націи.

Сила событій, историческая необходимость объединила въ настоящее время всѣ классы націи въ одномъ требованіи свободы самоопредѣленія, то есть въ требованіи участія всѣхъ классовъ націи въ законодательной дѣятельности, обезпеченія неприкосновенности личности, свободы вѣроисповѣданія, свободы слова, свободы печати, свободы собраній и союзовъ. Осуществленіе этихъ требованій дастъ возможность развитія общественности при помощи открытой борьбы общественныхъ классовъ для защиты ихъ интересовъ, сниметъ путы, мѣшающія проявленію общественной инипіативы, расширитъ пониманіе значенія интересовъ націи и тѣмъ самымъ научитъ отстаивать ихъ и защищать. Отъ осуществленія этихъ требованій зависитъ жизнеспособность націи, каждый классъ это чувствуетъ инстинктивно, вслѣдствіе чего всѣ такъ единодушно настаиваютъ на нихъ. Дѣло идетъ о жизни или смерти, другого выбора нѣтъ, поэтому всѣ становятся защитниками того, чѣмъ люди вообще всего болѣе дорожатъ, а общественная жизнь можетъ развиваться только при условіи общественной самодѣятельности.

Возстаетъ противъ исполненій этихъ жизненныхъ требованій часть дворянства, представители крупнаго землевладѣнія, крѣпостническаго міровоззрѣнія, банкократія и бюрократія. Общественно-хозяйственныя условія, однако, слишкомъ всемогущи, чтобы имъ можно было оказывать сопротивленіе слишкомъ долго. Они властно требуютъ, чтобы политическія и правовыя нормы были согласованы съ ними, подъ угрозой прекращенія самостоятельной общественной жизненной дѣятельности.

Политическія и правовыя нормы должны быть преобразованы и пріурочены къ сформировавшимся новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, а преобразоваться онѣ могутъ лишь при сознательной твердой настойчивости всѣхъ классовъ общества въ этомъ направленіи. Особенно надо помнить, что царство мускульной силы миновало, что успѣхъ и въ промышленно-хозяйственной дѣятельности, и на войнѣ всегда будетъ на сторонѣ народа наиболѣе научно образованнаго, наиболѣе научно дисциплинированнаго, народа, судьба котораго находится въ его собственныхъ рукахъ. Работы ученыхъ минувшаго столѣтія произвели полнѣйшій переворотъ во всѣхъ сторонахъ жизни и личной, и общественной. Система образованія должна быть приспособлена къ существующимъ условіямъ. Средневѣковые идеалы образованія, которые еще царятъ у насъ, совершенно не соотвѣтствуютъ общественнымъ условіямъ XX-го вѣка. Требуется научное образованіе. Но для своего развитія наука требуетъ свободы. Свободная наука, положенная въ основу народнаго образованія, только и можетъ дать шансы на успѣхъ въ борьбѣ народовъ за существованіе, въ между-

народной борьбѣ *). Россія, находясь на аренѣ самой отчаянной общественно-хозяйственной борьбы, чтобы не лишиться самостоятельности, должна употребить всѣ усилія для вооруженія всего народа орудіями, необходимыми въ этой борьбѣ: точными знаніями для умственнаго развитія, свободою для пользованія этими знаніями, свободою инниціативы, свободою распоряженія своею судьбою. Нація, лишенная свободы располагать своею судьбою, сообразно своимъ интересамъ и потребностямъ, лишенная свободы инниціативы, не подготовленная широко распространеннымъ научнымъ образованіемъ къ хозяйственной „мирной“ борьбѣ съ „дружескими“ націями, неминуемо будетъ подвергаться такимъ же пораженіямъ на полѣ промышленной битвы, какимъ подвергается вслѣдствіе своей „неподготовленности“ на поляхъ и въ горахъ Манчжуріи. А такія пораженія въ „мирной“ борьбѣ ведутъ къ утратѣ національной хозяйственной самостоятельности,—а за нею и политической,—возстановить которую неизмѣримо труднѣе возстановленія военнаго „престижа“. Чѣмъ долѣе русскій народъ не будетъ имѣть возможности устраивать свою судьбу, чѣмъ долѣе онъ будетъ неподвиженъ, тѣмъ дальше уйдутъ другія націи по пути матеріальнаго и духовнаго развитія, тѣмъ труднѣе будетъ Россіи догнать ихъ, тѣмъ труднѣе ей будетъ сохранить свою самостоятельность, независимость. Поэтому-то необходима неотложность преобразованій: время не терпитъ.

---

*) Въ одномъ англійскомъ строго и чисто научномъ журналѣ читаемъ: „Народное просвѣщеніе, а также научный духъ, который привѣтствуетъ каждое увеличеніе знанія, вотъ два главныхъ фактора прогресса нашихъ дней, и успѣхи японцевъ показали силу этихъ двухъ факторовъ. Японія усвоила современную цивилизацію и душою, и тѣломъ. Она не просто только копировала внѣшнюю сторону современности, которая отнимаетъ у не цивилизованнаго народа оригинальность, самобытность, не давая взамѣнъ ничего существеннаго, но она съ жаромъ усвоила идеи современной культуры. Современны ея школы, въ которыхъ дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій обучаются нравственности, добронравію, но не религіи, чтобы избѣжать всякой клерикальной нетерпимости. Современенъ ея взглядъ, что духовенство должно держаться вдали отъ политической борьбы и посвящать себя всецѣло руководящей дѣятельности въ области благочестія. Современно ея желаніе, не смотря на большія препятствія въ переходное время, имѣть уваженіе безъ предразсудковъ ко всякой свободной критикѣ въ общественныхъ дѣлахъ и не подавлять противниковъ грубой силой или, что еще хуже, запугиваніемъ изворотливой клеветой. Современно также ея искреннее благоговѣніе къ свободѣ изслѣдованія, ея радость при такомъ познаніи вселенной, которое въ основу человѣческой дѣятельности ставитъ разумъ, а не суевѣріе и съ удовольствіемъ привѣтствуетъ каждое новое открытіе и каждую новую мысль; современна также ея политика, которая побуждаетъ умы къ развитію, вмѣсто того, чтобы тормазить, стѣснять ихъ, которая поощряетъ, а не подавляетъ непосредственно прямое наслажденіе въ матеріальномъ производствѣ“. Въ Японіи почти нѣтъ безграмотныхъ, а у насъ, по всеобщей переписи 1897 года, число грамотныхъ оказалось: мужчинъ всего 30,6%, а женщинъ... 9,3%. Получившихъ среднее и высшее образованіе: мужчинъ 1,47%, а женщинъ... 0,96%.

Урокъ, полученный нами на Дальнемъ Востокѣ, слишкомъ наглядно и ощутительно показалъ всю несостоятельность бюрократическихъ порядковъ даже въ той области, въ которой бюрократія считала себя особенно свѣдущей и незамѣнимой, и которую она съ особеннымъ рвеніемъ и заботливостью охраняла отъ взоровъ непосвященныхъ, именно въ области международныхъ сношеній и военной. А такъ какъ отъ пріобрѣтенія свободы устраивать свою общественную жизнь самостоятельно, сообразно своимъ интересамъ, зависитъ дальнѣйшее мирное, правомѣрное, самостоятельное существованіе государства, и такъ какъ насиліе не лѣкарство, то, несомнѣнно, теперь наступило время также и для тѣхъ, которые больше всѣхъ кричатъ о патріотизмѣ, доказать свой истинный патріотизмъ, отказавшись отъ противодѣйствія общественному движенію, вызванному силою событій и стремящемуся къ достиженію матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго развитія народа для борьбы съ природными, а также съ общественными неблагопріятными условіями, какъ въ предѣлахъ государства, такъ и для борьбы международной, ради сохраненія самостоятельности, при помощи развитія общественныхъ и духовныхъ силъ, которымъ до сихъ поръ не давали возможности проявиться.

Николай—онъ.

Мартъ, 1905 г.

Косилки.

(Картинки сельско-хозяйственной жизни).

Селеніе Лѣвый Берегъ заброшено въ самую глубь степей нашего обширнаго Кубанскаго края.

Шестьдесятъ слишкомъ частновладѣльческихъ экономій окружаютъ его съ трехъ сторонъ. Съ четвертой, за рѣкой, расположена большая станица Правобережная. Между селомъ и станицей всего двѣ версты. Вмѣстѣ онѣ составляютъ какъ бы одинъ городъ, довольно многолюдный, — тысячъ въ пятнадцать-восемнадцать душъ, а съ прилегающими экономіями и хуторами и того больше. Селенія—своего рода „центръ“. Здѣсь, по праздничнымъ днямъ, производится наемка на экономическія работы; черезъ волостное правленіе проходитъ вся многочисленная оффиціальная переписка по дѣламъ экономій и экономическихъ служащихъ; здѣсь лавки, базаръ, фельдшеръ, вольная аптека...

Видъ, однако, захолустный. Закрытыя двери и ставни лавокъ на площади, разгороженные и мѣстами разсыпающіеся плетни,

черныя и сѣрыя соломенныя крыши хатъ, сѣрыя кочки по улицамъ, уцѣлѣвшія еще съ ранней весны, сѣроватая пыль по дорогамъ, разбитымъ безпрерывной ѣздой... На всемъ печать скуки, сѣрости, захолустности. Точно все, что дѣлается живущими здѣсь людьми,—дѣлается такъ себѣ, спустя рукава, безъ всякой тщательности. Нигдѣ не замѣтно стремленія какъ-нибудь скрасить свою жизнь,—ни вьющагося плюща или винограда, ни свѣтлой веселенькой бесѣдки во дворѣ. Даже попадающіеся кое-гдѣ красные кирпичные домики съ стеклянными галлереями и зелеными крышами — не въ силахъ освѣжить и освѣтлить общую картину сѣрости. Сѣро все,—постройки, улицы, люди, даже растущія кое-гдѣ возлѣ домовъ акаціи и осины... На всемъ одна печать...

Но въ этомъ сѣромъ селѣ, на этомъ сѣромъ фонѣ происходятъ подчасъ яркія сцены. Бывали уже случаи, что дѣло доходило до крови...

Лѣвый Берегъ—больное мѣсто для начальства. Къ его счастію, казаки всегда подъ рукою. Не полагаясь на полицейскаго урядника, оно уже возложило поддержаніе порядка въ этомъ безпокойномъ селѣ на атамана сосѣдней станицы Правобережной...

Присмотрѣться къ обычной жизни въ Лѣвомъ Берегѣ будетъ не лишне,—не лишне даже теперь и, можетъ быть, въ особенности теперь, когда кровь вездѣ льется и когда казаки повсюду уже являются главною опорою „порядка"... И я позволю себѣ передать нѣсколько сценъ, записанныхъ прямо съ натуры.

I.

Былъ іюнь мѣсяцъ. Суббота — канунъ наемки. Знойное кавказское солнце склонялось къ западу, пронизывая золотистыми косыми лучами густой туманъ пыли, пресыщавшей воздухъ. Душно. Пыль забивалась всюду, не давала дышать. А въ этой атмосферѣ духоты и пыли, на длинныхъ крыльцахъ лавокъ съ закрытыми дверями и окнами, — расположились густыя группы людей. По накопившемуся сору, разнымъ клочьямъ, пустымъ пачкамъ отъ махорки и прочимъ признакамъ временнаго человѣческаго жилья, видно, что базаръ служитъ мѣстомъ пребыванія многихъ и многихъ людей.

Это все безработные. Ихъ—сотни.

Одни изъ нихъ сидѣли, другіе лежали. Нѣкоторые ковырялись, нашивая заплаты на рваное платье и обувь. Попадались среди мужчинъ бабы, — грязныя, усталыя, съ загорѣлыми лицами, некрасивыя. Были дѣти,—тѣ же бабы и мужики въ миніатюрѣ. На всемъ печать скорби, нужды и лишеній...

А къ нимъ подходили все новые такіе же люди, усталые и изможденные, съ запыленными лаптями и въ лохмотьяхъ; снимали

съ себя ноши и располагались около лавокъ, выбирая свободныя мѣста.

Шли они сюда къ завтрашней наемкѣ.

Наемка... Сколько уже разъ она обманывала ожиданія этихъ людей!..

Таборъ все густѣлъ и увеличивался; скоро на крыльцѣ уже не оказывалось свободныхъ мѣстъ, а люди все подходили, все такіе же,—загорѣлые, согбенные, измочаленные...

Рабочіе молчали или тихо переговаривались между собою. Только въ одномъ мѣстѣ, возлѣ оратора, собралась кучка народу. Ораторствовалъ небольшого роста круглый хохолъ, съ круглымъ загорѣлымъ лицомъ, такъ что оно казалось совершенно коричневымъ.

— Отъ я й кажу,—жестикулировалъ онъ руками. Всѣ суставы, мускулы, нервы принимали участіе въ его рѣчи. — Намъ, кажу, треба по пивтора, а ты даешь рубъ съ четвертью. А вінъ: вы не робылы одного дня. Якъ не робылы? Мы цілый тыждень робылы!—У понеділокъ, каже, нерано выйшлы на работу, у вівторокъ булъ дощъ, у пьятницю переіжджалы на другый загонъ,—півдня прогулялы...—А мы тутъ прычыною? Давай работы,—будемъ робыть!..

— Ну, да,—одобрительно загудѣли со всѣхъ сторонъ.—Давайте работу,—будемъ работать.

— Также й я кажу. Такъ—де! И рукамы, й ногамы! Кынувъ гроши,—діліть, каже, якъ знаете!.. Мы, було, не брать...

— Знамо дѣло, какъ же брать?—одобрительно гудѣли со всѣхъ сторонъ.—Обсчитываетъ, и брать?

Вся черная группа заколыхалась и задвигалась въ темнотѣ; видно было, что разговоръ затронулъ больное мѣсто. Одновременно говорили всѣ. Толпа разбилась на мелкія группы.

— Не слѣдовало бы брать! — настойчиво говорили въ одной сторонѣ.

— Не бунтуемъ—свое требуемъ!—слышалось съ другой.

Пуще всѣхъ горячился хохолъ:

— А ну—тронь! Тронь, кажу, тронь!

Онъ вызывающе наступалъ на собесѣдниковъ.

— Тронь!

Все коричневое лицо его передергивалось, черные глаза искрились.

— Тронь!

— А-а, то то,—побѣдоносно составилъ онъ широко разставленныя было, для равновѣсія, ноги. — Боисся? Нехай бы тілько тронувъ, мы бъ ему далы... Тамъ такі булы хлопці...

Кругомъ опять одобрительно гудѣли:

— Бить-то нынче ужъ нѣ-ѣтъ...

— Шали-ишь...

— Прошло то время...

— Минуло...

— Не панскіе...

Группы расходились въ темнотѣ. Изъ одной, откуда-то издалека, слышалось:

— И такъ почти задарма работаешь, — нѣтъ, мало. Нешто четвертакъ деньги? Рубашки больше сгніетъ, чѣмъ на четвертакъ. А онъ у тебя и его отнимаетъ...

— На всемъ выбиваютъ, — слышалось тамъ же, только нѣсколько дальше отъ крыльца.—Харчъ... Да развѣ это харчъ?

— Ужъ это вездѣ.

— Нѣтъ, не вездѣ. Мы у Капитоновыхъ работали, —грѣшно сказать...

— Только жъ у Капитоновыхъ.

— У Петрищенка ничего.

— А у Кузнеца—не дай Богъ...

— У Семенянкина тоже...

— У Семенянкина только солонина съ червями, а остальное ничего.

— А борщъ не съ этой солониной? Навылазятъ изъ нея, — такъ и плаваютъ сверху, бѣ-ѣлые... Прямо съ души претъ...

— Собакѣ дай—собака взбѣсится.

— Собакъ—они тѣхъ лучше кормятъ...

— А ты думаешь, ты для нихъ дороже собаки? Собака его добро караулитъ, а ты получилъ разсчетъ и ушелъ. Только тебя и видѣли.

— Все-жъ таки я человѣкъ.

— Че-ло-вѣ-ѣкъ..!

— Тоже...

— Туды-жъ...

Горячій разговоръ постепенно переходилъ въ усталый, апатичный; всѣми незамѣтно овладѣвало тяжелое чувство тоски и заброшенности. Минуты тянулись... Тяжесть давила.

— Господи,—не вынесъ одинъ,—и это жизнь? Ни праздника тебѣ, ни радости... Завсегда, какъ собака, голодный...

Вопль отчаянія переходилъ въ жалобу...

— Ну-у, заскулилъ...—сердито отозвался другой...—Не слыхали...

Тотъ все нылъ.

— Да перестань ты, чортъ! Безъ тебя тошно!..

— А ты знаешь что?—подхватилъ высокій, насмѣшливый голосъ:—Ты въ гостиницу. Тамъ тебѣ чаевъ, сахаровъ... Чего вашей душѣ угодно...

— Ага,—подхватилъ еще одинъ, совсѣмъ веселый:—Тамъ для вашей милости все приготовлено. Пожалуйте! На тарелочкѣ!..

— И съ салфеточкой,—добавилъ высокій теноръ.

Послышался смѣхъ, сначала тяжелый, съ болью, но потомъ становился все веселѣе. Толпа перемогла себя. Всѣ острили наперебой другъ передъ другомъ, и при каждой остротѣ, будь то даже совсѣмъ не острота,—суровыя, бородатыя лица осклабливались въ свѣтлую улыбку.

— Ты, мотри, салфетку на онучи-то не украдь...

— А на кой босому онучи?

— Го-го-го!..—гоготало крыльцо.—Что: аль за живое взяло? Та-акъ.

Со всѣхъ сторонъ пуще посыпались остроты.

Жаловавшійся сначало сердито огрызался, но, видя, что сердцемъ ничего не подѣлаешь, — замолчалъ и сталъ укладываться между двумя бородатыми мужиками.

— Ага, вотъ вамъ и постель,—смѣялся одинъ изъ нихъ.

— Плотно поужиналъ,—подхватилъ другой,—теперь на мягкой кровати...

— А завтра, Егоръ, чистыя портянки обуешь...

— Ты, мотри, ноги-то напередъ вымой.

Егоръ, кряхтя и все еще сердясь, никакъ не могъ примоститься на голыхъ доскахъ. Доски отъ долгой сушки разошлись и покоробились, и были похожи на желоба съ приподнятыми краями, и, какъ Егоръ ни прилаживался, острый край приходился ему прямо къ ребру. Онъ кряхтѣлъ и ворочался.

— Что,—аль плохо перебили перину?

— Будетъ ужъ вамъ!—совсѣмъ разсердился Егоръ. Въ голосѣ его слышались слезы. Другой рубецъ нестерпимо рѣзалъ ему кострецъ,—не помогала даже жесткая свита, которую онъ, въ концѣ концовъ, вынувъ изъ-подъ головы, подостлалъ подъ себя.

Мало по малу смѣхъ и разговоры затихли, — около лавокъ все погрузилось въ глубокій сонъ.

Спали люди въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: тотъ лицомъ вверхъ, широко раскинувъ ноги и заложивъ за голову руки; другой—уткнувшись лицомъ въ сермягу или подложивъ подъ него руки. Между мужчинами спали женщины, тоже въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, хотя и не такихъ вольныхъ. Возлѣ многихъ изъ нихъ спали дѣти.

Спали люди подъ всѣми многочисленными лавочками и лабазами базара, выдвинувшагося на край села къ рѣкѣ. Каждый старался выбрать себѣ мѣстечко поукромнѣй. Но укромныхъ мѣстъ для всѣхъ не хватило. Четверо спали на разобранной до половины и разворочанной сверху сажени не то дровъ, не то жердей, заготовленныхъ для продажи. А еще цѣлая артель, человѣкъ въ двадцать, спала прямо на голой землѣ, выбравъ мѣсто, гдѣ поменьше пыли.

А надъ всѣмъ этимъ стояла тихая и темная лѣтняя кавказская ночь.

И, засыпая, всѣ эти люди думали, казалось, одно: „завтра — наемка"...

II.

Съ ранняго утра густыя толпы народа запрудили всѣ улицы и переулки базара между лабазами и широкую базарную площадь, до самой рѣки; и вся эта сплошная народная масса двигалась и шевелилась. Одни шли въ одну сторону, другіе — въ другую, третьи—широкими кругами стояли на мѣстѣ.

Гулъ стоялъ надъ площадью и особенно между лабазами, гдѣ водоворотъ былъ гуще и могучѣй.

Не смотря на ранній часъ и на то обстоятельство, что ни трактиры, ни монополія еще не открывали торговлю, — попадались пьяные. Но ихъ было мало. Въ общемъ публика имѣла степенный и серьезный видъ, и—завидѣвъ пьянаго—сторонилась.

Наемки еще не было. Она обыкновенно начинается послѣ обѣда, когда рабочіе, истомившись ожиданіемъ и голодомъ, становятся уступчивѣй.

Солнце уже поднялось и жгло; становилось душно отъ жары и поднятой пыли. Время будто не шло. Рабочіе томились и безцѣльно слонялись по базару; хотѣлось ѣсть, одолѣвала слабость. Уже и обѣдъ давно прошелъ, а наемки все не было. Правда, кое-кто изъ мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ нанималъ по мелочи, по три, по пяти, по восьми человѣкъ, но это никакого впечатлѣнія не производило: это было все равно, что черпать ковшемъ изъ моря. Главные наемщики были экономіи, а изъ экономій никто не пріѣзжалъ.

Рабочіе, жуя черствыя корки хлѣба, все посматривали на солнце, на сѣрыя массы такихъ же, какъ и они, рабочихъ, копошившихся въ густомъ туманѣ пыли, на лавки и лабазы, подъ которыми, въ тѣни, тоже сидѣли черныя массы рабочихъ. На всѣхъ лицахъ читались усталость и безпокойство: неужели не будетъ? Хоть бы ужъ скорѣй... Но изъ экономій никто не пріѣзжалъ.

А солнце, между тѣмъ, жгло нестерпимо, жара и духота усиливались, люди вяло бродили по базару, и всѣ были сѣрые, истомленные, съ глубоко впавшими усталыми глазами. Разбирала невыносимая тоска...

И, какъ будто, для того, чтобы пуще разбередить душу, изъ трактировъ доносилось нестройное пѣніе и пьяные возгласы. Пѣніе временами то усиливалось, крѣпло, то снова въ безсиліи падало, покрываясь пиликаньемъ скрипки. Скрипачъ, видимо, не замѣчалъ, что онъ захватываетъ не тѣ струны...

Нервы взвинчивались, невыразимая боль разросталась въ душѣ. Казалось, вся эта масса людей,—и тѣ, что поютъ и пьютъ, и тѣ,

что устало бродятъ по базару и сидятъ подъ лавками, и даже пиликающій въ азартѣ скрипачъ,—всѣ они—мухи, попавшія въ сѣрую, пыльную, растянутую въ углѣ окна паутину.

Нервное напряженіе доходило до крайности, терпѣніе истощалось: уже солнце склонялось къ закату — а никто не ѣхалъ. Пыль и духота дѣлались невыносимыми...

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!—послышалось отовсюду, и вся сѣрая масса потянулась въ одну сторону. Потянулись изъ-подъ лавокъ, лабазовъ, отъ рѣки, со всего берега; потянулись и пьяные.

На базарѣ остановилась крѣпкая тачанка, запряженная парой добрыхъ вороныхъ лошадей въ дышло. Въ ней сидѣлъ плотный господинъ, лѣтъ 30, съ крѣпкимъ загорѣлымъ лицомъ, повидимому—приказчикъ. Одѣтъ онъ былъ въ чесунчовую пару.

Народъ подходилъ къ бричкѣ и сгущался.

Приказчикъ вышелъ изъ экипажа. Народъ плотной массой обступилъ его. Всѣ глаза, бороды, лица—были устремлены въ его сторону. И такія эти лица были худыя, дряблыя и изможденныя по сравненію съ этимъ плотнымъ, сытымъ господиномъ въ чесунчѣ.

— Что-жъ, пойдете къ намъ? —спросилъ господинъ.

— Отчего не пойти... А вы отъ кого?

— Развѣ не знаете? Отъ Семенянкина.

— Сказываютъ, у васъ харчь плохая...

— Ты про харчь оставь, — остановили другіе.— Харчь вездѣ одна, а ты говори дѣло: какая работа?

— Человѣкъ двадцать пахать, а то полоть подсолнухи.

— А сколько всѣхъ-то надо?

— Человѣкъ сто.

— А цѣна?

— Цѣна—какъ у другихъ. Сами знаете.

— Почемъ же одначе?

— Какъ у другихъ...

— Да ты говори, не тяни. Ну?

— Базарная цѣна. Пахать — сорокъ копѣекъ, полоть — тридцать пять.

— Дешево, какъ быдто.

— Цѣна нынче такая. Не мы,—базаръ цѣну вставляетъ.

— Знамо дѣло. Только ты прибавь. Нешто можно за такую цѣну?

— Не могу. Дѣло полюбовное, хочешь—иди, не хочешь—силкомъ никто не гонитъ. Другихъ найдемъ. Народу нынче много.

Народу, дѣйствительно, было много. Около тысячи человѣкъ густой массой обступили его.

— Такъ-то такъ, — говорили ближайшіе къ нему.—А только ты прибавь.

— Не могу.

Глаза у мужиковъ были темные, вдумчивые. Всѣ внимательно слѣдили за приказчикомъ: хотѣлось бы и подороже, и страшно было упустить. Колебались... Руки лѣзли въ затылокъ, сдвигая фуражки на лобъ:

— Ну, прибавь еще... пятачекъ...

— Не могу...

— Ну, пиши,—рѣшился одинъ, видя, что приказчикъ стоитъ крѣпко на своемъ.

— Пиши. Мы пахать. Насъ двѣнадцать человѣкъ.

— Насъ пиши. Пахать. Восемь человѣкъ.

— Пиши насъ. Тоже пахать, тридцать одинъ...

Кричали со всѣхъ сторонъ. Всѣ лица, бороды были приподняты, всѣмъ хотѣлось записаться. Во всѣхъ глазахъ виднѣлся голодъ.

— Насъ пиши! Насъ!

— Не толпитесь, успѣете,—говорилъ приказчикъ, записывая въ памятную книжку фамиліи желающихъ.

— Не всѣ разомъ! Всѣхъ возьму, успѣете!

Онъ видѣлъ, что передалъ лишнее: рабочіе пошли бы на меньшую плату, и ему жалко было переплаченнаго пятака...

— Насъ пиши! Насъ!—напирала, между тѣмъ, толпа.

Всѣмъ хотѣлось пробраться ближе напередъ.

— Не при!—свирѣпо оглянулся одинъ изъ переднихъ, подавая толпу назадъ.—Куда лѣзешь?

— А ты одинъ хочешь заработать? Ишь, выискался какой,— не менѣе свирѣпо отвѣтили ему.

Произошла давка. Задніе напирали на переднихъ; передніе пытались сдержать напоръ, но не могли, и вся толпа, разбураливаемая вдобавокъ пробирающимися впередъ отдѣльными силачами, двигалась и колыхалась.

— Обождите! Не при!—кричалъ приказчикъ.

Его сдавили со всѣхъ сторонъ и двигали туда и сюда.

— Не при! А то никого не возьму!

— Насъ запиши! Насъ!

— Никого не возьму! Не надо мнѣ! — рѣшительно сказалъ приказчикъ.

— Какъ?—остановились передніе. Сотни паръ глазъ испытующе устремились на него.

— Такъ. Никого не возьму.

— Да ты-жъ нанялъ!

— Никого я не нанималъ,—и глаза его забѣгали.

— Какъ не нанималъ? Ты-жъ записалъ!

— Это ничего не значитъ, не условіе... Хочешь—иди всѣ по тридцать копѣекъ.

Толпа, словно, замерла и смотрѣла на него, напряженно ища

слова. Онъ смотрѣлъ на толпу, и маленькіе глазки его бѣгали. Онъ весь вертѣлся. Упорный взглядъ толпы его гипнотизировалъ. Прошло нѣсколько напряженныхъ секундъ. Толпа искала слова и не находила. Напряженіе росло.

— Да ты шутишь?—выразилъ кто-то мысль толпы.

— Какія шутки! Хочешь—иди по тридцати копѣекъ! Кто по тридцать?—выкрикнулъ приказчикъ, глядя черезъ головы бѣгающими глазами:—Записывайся!

Толпа заколыхалась. Въ эту минуту она была похожа на воронку, съ ревомъ завернувшуюся на поверхности могучей, многоводной и мутной буровящейся рѣки. Всѣ лица, глаза устремились къ приказчику, и въ глубинѣ ихъ было что-то зловѣще.

— Геть! Пустить! Пустить мене до его! — кричалъ, пробираясь сквозь толпу, круглый, коричневый хохолъ.—Пустить!

Онъ былъ уже возлѣ приказчика.

— Ты чомъ міні не додавъ четвертакъ?—завернулъ онъ его крѣпкимъ словомъ.—Чомъ не додавъ, гà?

Круглое, коричневое лицо его передергивалось, глаза искрились. Онъ лѣзъ къ приказчику съ кулаками:

— Чомъ не додавъ?

— Я тебя не знаю,—отвѣтилъ тотъ, подаваясь назадъ.

Онъ озирался, какъ затравленный волкъ.

— А! не знаешь? А тоді такъ знавъ?..

Вдругъ одно лицо сзади приказчика свирѣпо сжалось, зубы стиснулись, и съ звукомъ — тá!—здоровенный кулакъ съ силой ударилъ приказчика въ шею.

Такой звукъ издаютъ дровосѣки и кузнецы, когда съ остервенѣніемъ бьютъ топоромъ или молотомъ.

Плотный приказчикъ качнулся, картузъ слетѣлъ съ головы. Мгновенно толпа пришла въ ярость... Приказчикъ, какъ клокъ сѣна или овчины, завертѣлся въ поднявшемся около него вихрѣ.

. . . .

— Досталось таки!.. — толковали разбредавшіеся опять по базару рабочіе.—Жаль, что мало... Не далъ, сукинъ сынъ, душу отвести по настоящему... Отнялъ...

Отнялъ подоспѣвшій урядникъ. За исключеніемъ этого инцидента, внесшаго нѣкоторое оживленіе,—день прошелъ вяло. Наемка шла неоживленно, нанимали мало.

Солнце уже спустилось къ закату, бросая длинныя тѣни, отъ лабазовъ и лавокъ до самой рѣки, и мѣстами пронизывая косыми золотистыми лучами пыльный и душный воздухъ. Тѣни становились все длиннѣе и длиннѣе. Вонъ онѣ перебросились черезъ неширокую, сажень въ восемь, проточку, отдѣлившуюся отъ главной рѣки и образовавшую съ нею плоскій песчаный островъ; вонъ онѣ легли уже поперекъ острова, окрашивая попавшую въ нихъ часть густого лозняка въ темнозеленый, свѣжій цвѣтъ, и лознякъ

этотъ словно притаился, тогда какъ освѣщаемый солнцемъ былъ сѣрый и шевелился отъ дыханія легкаго рѣчного вѣтерка. Далѣе—тѣни перебросились черезъ главное русло рѣки, и вода, на солнцѣ мутно-сѣрая, стала темной, и не было замѣтно ея быстраго теченія. А на той сторонѣ — густыя прибрежныя вербы весело купались въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца и, пронизанныя ими, какъ бы задыхались въ сладкой истомѣ... А еще далѣе, за вербами,—горѣли кресты двухъ церквей станицы Правобережной...

Разсыпавшаяся по базару и по берегу толпа не замѣчала этого красиваго вида; ее все больше и больше охватывало уныніе: больше наемки не будетъ... Надо ждать слѣдующаго воскресенья!

III.

Снова потянулись дни безработицы, — длинные, скучные, томительные. Опять, какъ недѣлю, какъ двѣ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, остались безъ работы сотни и сотни людей... А между тѣмъ, рабочая лѣтняя пора была въ полномъ разгарѣ. Шелъ сѣнокосъ, полка подсолнуховъ, пахота „паровъ"; подходила уборка хлѣба, и хозяева энергично готовились къ ней,—исправляли у кого были старыя машины, покупали новыя... Словомъ—вооружались, чтобы сразу, однимъ ударомъ покончить съ уборкой.

Рабочіе, глядя на всю эту безпокойную сутолоку, — нервничали. Въ особенности они страшились косилокъ. Благодаря имъ, вѣдь, они остаются безъ работы. До распространенія косилокъ весь сѣнокосъ лежалъ на плечахъ рабочихъ; косарь получалъ въ день до полутора рубля и болѣе; работы тянулись долго,—рабочій могъ заработать и зарабатывалъ. Косилка отняла этотъ заработокъ. Правда, тутъ не одна косилка сказала свое слово, а и то обстоятельство, что площадь подъ сѣнокосами значительно сократилась противъ прежняго. Кромѣ того, съ уплотненіемъ населенія прибавилось число мѣстныхъ рабочихъ рукъ. Такъ или иначе, а косарь сталъ получать 50—55 копѣекъ въ день, огромная же масса не находила работы на косовицѣ и устремилась на полку подсолнуховъ. Но и подсолнухи не могли занять всѣхъ рукъ, не смотря на то, что поденная плата упала до 40, 30, 25 и даже 20 к. въ день взрослому мужчинѣ. До косилокъ уборка десятины хлѣба—скосить и связать—стоила 15, 18, 20 и даже 25 руб. „Пара" — косарь и вязальщица — получали 5 и даже 7 руб. въ день. Съ распространеніемъ косилокъ цѣна стала падать,—упала на 12, на 10, 8, 7, даже 6 руб. за десятину; „пара"—на 3, на 2 и даже менѣе 2 руб. въ день.

— Неужли нельзя написать такой законъ, чтобы не было ко-

силокъ? — разсуждали нѣкоторые рабочіе, чувствуя, что косилки окончательно вытѣсняютъ ихъ.

— Да, законъ!—возражали другіе:—законы, братъ, не для насъ пишутся. О нашемъ братѣ—черномъ народѣ—никто не думаетъ..

До уборки хлѣба оставалось всего нѣсколько дней. Настроеніе рабочихъ становилось все нервнѣе. Изголодавшіеся, они могли заработать только на уборкѣ. Послѣ уборки опять не будетъ работы, — поэтому для нихъ было важно: будетъ или не будетъ цѣна.

— Кабы не косилка...

Сотни, тысячи людей только и думали, что о косилкахъ.

Свѣтлое лѣтнее утро. Солнце еще не всходило. Ночевавшіе на базарѣ безработные вышли умываться къ рѣкѣ—и видятъ: съ той стороны, изъ за рѣки, подвигается огромный обозъ и при немъ человѣкъ полтораста народу. Черный, запыленный, запачканный, этотъ таборъ-обозъ, какъ огромное чудовище, подвигается впередъ. Голова его уже вползала на мостикъ черезъ проточку, а хвостъ, неуклюже изгибаясь, терялся далеко на той сторонѣ въ широкой прогалинѣ между вербами и садами ст. Правобережной. На многихъ повозкахъ виднѣлись красныя и желтыя полицы косилокъ. За другими повозками косилки шли въ собранномъ видѣ, зіяя грозными зубьями. Съ шумомъ, звономъ, дребезжаньемъ двигался обозъ, такъ что зыбкій мостъ на главной рѣкѣ, частью на баркахъ, частью на сваяхъ,—гудѣлъ и дрожалъ.

Рабочіе оторопѣли:

— Вы куда?

— Сюда, въ Лѣвый Берегъ.

— Зачѣмъ?

— Хлѣбъ нанялись косить у Шамбарова.

— Ѣзжай назадъ! Намъ самимъ тутъ дѣлать нечего. Сами голодаемъ.

— А намъ какое дѣло? Мы нанялись, задатку взяли.

Слово за слово, произошла драка. Отъ лабазовъ прибѣжали еще безработные, схватили лошадей подъ уздцы, хозяевъ косилокъ въ шею, въ дрючки и съ боемъ проводили за мостъ.

— Ѣзжай, ѣзжай!—кричали на мосту рабочіе, потрясая кулаками и кольями въ сторону косилокъ.—Ѣзжай, пока цѣлы! Проваливай!

Хозяева косилокъ,—мужики сосѣдней Ставропольской губерніи,—видя, что съ рабочими ничего не подѣлаешь, вернулись назадъ, въ ст. Правобережную...

IV.

Черезъ четверть часа атаманъ съ помощникомъ и казаками былъ уже на мосту. Возлѣ моста, со стороны селенія, стояла группа народа, человѣкъ въ тридцать. Все было тихо и, казалось; спокойно. Атаманъ проѣхалъ прямо къ волостному правленію, рабочіе взглядами проводили его.

— Что у васъ тутъ?—спросилъ онъ.

— Ничего...—растерялся волостной старшина, рослый чернобородый почтенный мужикъ, въ новомъ черномъ пиджакѣ и картузѣ.

Онъ недавно вступилъ въ должность и еще не успѣлъ съ нею ознакомиться. Атамана же зналъ за „доку" и дѣльца.

— Говорятъ, косилки завернули,—наконецъ, оправился онъ. Ѣхали сюда хлѣбъ косить изъ Ладовки, а ихъ завернули.

— Кто завернулъ?

— Косари. Да я еще и не знаю хорошо... Пошелъ, а тутъ пьяный бушуетъ, такъ я взялъ его въ этапъ.

— Садитесь, поѣдемъ!—подвинулся атаманъ.

Старшина,—черный, высокій, неуклюжій,—полѣзъ въ экипажъ.

— Я приказалъ закрыть всѣ питейныя заведенія,—говорилъ онъ, садясь.—А то напьются—бѣда. Тутъ такой шумъ былъ... А какъ еще напьются,—совсѣмъ бѣда. Народъ—не дай Богъ.

Атаману мысль о закрытіи питейныхъ заведеній понравилась, и онъ присоединился къ ней. Но закрыть было не такъ то легко. Всѣ закрыли, но красивая содержательница „гостиницы Россія" никакъ не хотѣла запирать, ссылаясь на то, что она патентъ платитъ, доходъ даетъ казнѣ и должна торговать, чтобы откуда-нибудь пополнить свои расходы.

Съ питейными заведеніями старшина и атаманъ провозились почти около часу и только послѣ всего этого проѣхали на мостъ.

Возлѣ моста по прежнему стояла группа народа. Все было тихо, спокойно.

Атаманъ вылѣзъ изъ экипажа.

— Что у васъ тутъ произошло?

— Ничего.

— Какъ ничего! А ко мнѣ пришли мужики, всѣ избитые...

— Пусть сюда не ѣдутъ.

— Почему?

— Такъ... Пусть не ѣдутъ—и все тутъ.

— Но почему же?

— Мы сами голодные сидимъ...

— Но при чемъ же тутъ косилки?

— Онѣ у насъ хлѣбъ отбиваютъ.

Къ черной группѣ людей, стоящей передъ атаманомъ, со всѣхъ сторонъ подходили все новые люди. Лица были любопытныя, всѣмъ хотѣлось послушать, о чемъ говорятъ. По мѣрѣ того, какъ подходили ближе, — тяга увеличивалась, подходившіе ускоряли шагъ и спѣшили вмѣшаться въ толпу. Толпа увеличивалась, и по мѣрѣ ея увеличенія наростало настроеніе.

— Хорошо, — говорилъ атаманъ,—но вы не имѣете права запрещать кому бы то ни было и чѣмъ бы то ни было работать.

— Нѣтъ, имѣемъ! Они—богатые, хозяева, а у насъ нѣтъ ничего!

— Но гдѣ же вы нашли такое право?

— Гдѣ!.. Да мы три дня не ѣли!

Толпа все увеличивалась, настроеніе наростало. Толпа приходила въ возбужденіе.

— Не надо косилокъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.—Чтобъ не было!

— Успокойтесь, господа,—произнесъ атаманъ.—Вы идите сами по себѣ, косилки пойдутъ сами по себѣ.

— Не разойдемся! Пока косилки не уѣдутъ,—не разойдемся!

Толпа все росла. Тяга распространилась на огромное разстояніе. Какъ завертѣвшійся вихрь втягиваетъ песокъ и всякій соръ, такъ волнующаяся передъ атаманомъ толпа со всѣхъ сторомъ тянула къ себѣ цѣлыя массы народа. Люди уже не шли, а бѣжали. Бѣжали мужчины, женщины, дѣти. Лица все дикія, возбужденныя...

— Не надо намъ косилокъ! Чтобъ не было!—кричали со всѣхъ сторонъ...

— Разойдитесь, господа, успокойтесь!—уговаривалъ атаманъ.—Я не пущу косилокъ. Я заверну ихъ обратно.

— Не разойдемся! Чтобъ не было!

Толпа видѣла, что на мосту, за атаманомъ, стояли мужики, хозяева косилокъ. Они, какъ были, такъ и пришли сюда, съ кнутами. Тамъ же стояли казаки въ черкескахъ и при шашкахъ. И это еще болѣе возбуждало толпу.

— Чтобъ не было косилокъ!—кричали всѣ.—Не смѣй сюда ѣздить.

Толпа все болѣе и болѣе возбуждалась.

— Да чего, братцы!—предположилъ кто-то.—Должно, взялъ съ косилокъ рублевъ двадцать, вотъ теперь за нихъ руку и тянетъ!

— Взялъ!

— Взялъ!

— Конечно, взялъ! Сорокъ рублей... Пятьдесятъ... Я самъ видѣлъ! Го-го-го-го!..—пошло перекатываться по толпѣ.—Всѣ они мошенники! Взяточники!..

Толпа начинала неистовствовать.

— Живодеры! Кровопивцы! Кровь нашу пьете!—вопила толпа.

Косилки были забыты. Всѣ чувства, всѣ помыслы устремились на атамана. Онъ, одинъ онъ, былъ виною всѣхъ ихъ несчастій, всего ихъ горя. Вѣками накоплявшіяся въ душѣ обиды, оскорбленія, униженія,—всплыли на поверхность души и требовали отмщенія. Особенно неистовствовали бабы. Страшныя, раскосмаченныя, съ искаженными отъ злобы лицами, онѣ наступали впереди всѣхъ.

— Мы голодныя, а они—ишь, морды толстыя поиаѣли, какъ у хорошей бабы... Дайте намъ работы! Работы намъ дайте! Мы подыхаемъ съ голоду!

— Дайте намъ земли!

— Дайте намъ земли!—могучимъ эхомъ, какъ страшный ревъ бури, подхватила мутящаяся толпа.—Земли! Земли!

Толпа все прибывала. Народъ бѣжалъ изъ-подъ всѣхъ лабазовъ, изъ всѣхъ улицъ села. Крупная, яркая фигура атамана, въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, стоящая на возвышеніи моста, и передъ нею мятущаяся толпа,—привлекали всѣхъ. Кто-то, пробѣгая мимо разваленной сажени дровъ, схватилъ дрючекъ. Схватилъ такъ себѣ, безсознательно, на всякій случай. Глядя на него, пошли хватать и другіе. Изъ тридцати человѣкъ въ началѣ, толпа выросла въ семьсотъ, восемьсотъ, тысячу, полторы, и все росла...

Возбужденіе толпы все болѣе овладѣвало и атаманомъ. Вся кровь бросилась ему въ голову, онъ былъ весь красный и, словно опьяненный, слегка покачивался. Ему казалось, что и мостъ, на которомъ онъ стоялъ, и клокочущая передъ нимъ полуторатысячная толпа, и обширная базарная площадь, по которой со всѣхъ сторонъ бѣжали къ нему дикіе рваные люди,—колышутся и переворачиваются вмѣстѣ съ нимъ... Онъ уже себя не помнилъ, ему казалось только, что онъ во что бы ни стало долженъ сдержать напоръ толпы и водворить порядокъ.

— Разогнать ихъ!—обратился онъ къ казакамъ.—Нарѣзать розогъ! Розгами ихъ!

Трое казаковъ метнулись на островъ за розгами и, черезъ нѣсколько минутъ вернувшись съ лозинами, стали размахивать ими передъ лицами бабъ. Это еще пуще разозлило толпу.

— А! такъ насъ бить! Розгами насъ пороть!

Мгновенно стѣна бабъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ была разорвана, впередъ продирались мужчины. Толпа, дикая, клокочущая, разъяренная, напирала, стараясь обойти атамана сзади. Но обойти было нельзя. Онъ стоялъ на узкомъ мосту проточки.

Ближе всѣхъ къ атаману былъ коричневый хохолъ. Круглое лицо его передергивалось; плотно обхвативъ колъ своими ловкими руками, онъ свирѣпо потрясалъ имъ. Во взорѣ его было дикое безуміе...

— Стой, не подходи!—кричалъ атаманъ внѣ себя, но голосъ его замиралъ въ общемъ яростномъ ревѣ стихіи.

— Ваше благородіе!—нагнулся къ уху атамана помощникъ Ларіоновъ:—Уйдемте отсюда, насъ разорвутъ...

Высокій, статный, плечистый красавецъ-брюнетъ въ черной черкескѣ, человѣкъ лѣтъ 38, бывшій когда-то украшеніемъ праваго фланга гвардейскаго полка, гдѣ онъ служилъ, никогда не бывшій трусомъ,—онъ дрогнулъ. На немъ лица не было.

— Ваш-ше бблаго-ррод... уй-дем те...—просилъ онъ, заикаясь.

Но уходить было уже поздно. Толпа, дикая, ревущая, клокочущая, страшной плотной массой быстро надвигалась все ближе, слѣдя за атаманомъ въ тысячу глазъ.

— Стой, не подходи!—кричалъ атаманъ не своимъ голосомъ: Стрѣлять буду!

— Го-го-го!—дико загоготала толпа. Адскій, душу раздирающій хохотъ выворачивался изъ самой глубины ея.—Зна-емъ! Не испугаешь! Го-го-го-го!..

Мѣстные жители долго еще ходили взадъ и впередъ, собирались въ кучки, говорили. Потомъ все стихло. Село ушло въ себя, притаилось...

Черезъ два дня началась уборка. Цѣны установились низкія,—шесть, семь и на своихъ харчахъ восемь рублей за десятину. Мѣстами и по четыре рубля. „Пара“ работала по два рубля, по три, но кое-гдѣ цѣна спускалась до рубля семидесяти копѣекъ и ниже.

Въ недѣлю хлѣбъ былъ убранъ.

Л. Ефимовичъ.

Бѣглыя замѣтки о желтой опасности.

I.

„Желтый вопросъ“ не новъ. Около сорока лѣтъ тому назадъ о немъ уже писалось въ русской литературѣ. На Западѣ о немъ говорили и раньше. Нерѣдко во время стачекъ, агитацій, при запросахъ въ парламентѣ представители капитала грозили, что, вмѣсто требовательныхъ европейскихъ рабочихъ, они выпишутъ кули изъ Китая и Индіи. Въ колоніяхъ давно уже пользовались этимъ средствомъ.

Въ этой первоначальной постановкѣ желтая опасность для Европы и Америки заключалась въ томъ, что наплывъ некультурныхъ элементовъ желтой расы можетъ задушить европейскую

культуру, а метизація понизить тонъ благородной индо-германской расы. Наплывъ избытка населенія Китая на Западѣ, въ пылкомъ воображеніи европейцевъ, грозитъ погибелью не только культурѣ, но и расѣ европейской. Эти опасенія, однако же, врядъ ли справедливы, если взглянуть на вопросъ не какъ на опасность грозящую, а просто какъ на извѣстное соціальное явленіе.

Прежде всего, никто еще не рѣшилъ вопроса, дѣйствительно ли въ предѣлахъ Китайской имперіи повсюду господствуетъ такое страшное земельное утѣсненіе, какъ это думаютъ? Югъ и востокъ, большая часть бассейна Янцзи-цзяна, дѣйствительно, густо заселены; но никто не обратилъ вниманія на то, что перенаселеніе поддерживается въ Китаѣ искусственно.

По манчжурскому уложенію, колонизація застѣннаго Китая строго запрещена. Князь монгольскій, который „изъ корыстолюбія“ пуститъ къ себѣ китайца-арендатора, лишается своихъ владѣній, а китаецъ подвергается жестокому наказанію: потерѣ имущества и даже смерти. Китайцы, поселяющіеся въ Монголіи ради торговыхъ цѣлей, не могутъ брать съ собой своихъ женъ и дѣтей. Какая причина, какіе мотивы заставили первыхъ манчжурскихъ императоровъ, людей большого государственнаго ума, создать такое, повидимому, непрактичное узаконеніе? Казалось бы, чего лучше? Два разнородныхъ народа слились бы въ одинъ. Вѣчная опасность отъ кочевниковъ кончилась бы. Но это легко объясняется исторически. Первые манчжурскіе императоры сами чувствовали себя пришельцами на китайской почвѣ. Если и теперь въ Китаѣ имѣются на югѣ сторонники старо-китайской, минской династіи, то въ старину ихъ было еще больше. Рядомъ съ этимъ, хотя царство Чингиса было разрушено, Монголія еще не забыла своего прошлаго. Восточная Монголія была разбита, но на западѣ среди калмыковъ духъ соратниковъ Чингисъ-хана еще не угасъ. Восточная Монголія, съ выродками князьями, оподлѣла до крайности: князья собирались въ сугломы, обсуждали вопросъ о сверженіи манчжурскаго ига, проектировали возстанія, давали клятвы, пили кровь чернаго козла, въ знакъ союза на жизнь и смерть, и въ то же время думали, кто изъ нихъ скорѣе успѣетъ донести въ Пекинъ о случившемся и получитъ награду за доносъ? Одинъ изъ участниковъ такого заговора принялъ въ серьезъ этотъ союзъ взаимнаго вѣроломства, собралъ свои войска, но былъ разбитъ своими же сотоварищами, хотѣлъ скрыться въ Россію, но былъ пойманъ и выданъ головой Китаю урянхайцами, пользующимися и до сихъ поръ за это многими привилегіями и правомъ называться дорхатами (почетное названіе).

Монгольскіе князья повадились ѣздить въ Пекинъ для засвидѣтельствованія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Манчжуры, конечно, не вѣрили имъ ни на грошъ и, чтобы выказать

свое полное презрѣніе къ этимъ эпигонамъ, завоеватель указомъ запретилъ докучать императору своими визитами.

На западѣ, какъ мы сказали, предпріимчивые князья ойратскіе Эссенъ и Галдона, Бошокту и Галданъ Церенъ дѣйствовали иначе. Ихъ походы на восточную Монголію до сихъ поръ еще помнятъ тамъ, и мужественные манчжуры должны были напрягать всѣ свои усилія въ этой борьбѣ. При Цзянь-Лунѣ утверждена была полная побѣда манчжуровъ надъ калмыками; но страхъ передъ возможностью возстанія Монголіи остался. Запрещеніе земледѣльческой колонизаціи въ Монголіи было предосторожностью противъ распространенія китайской культуры среди кочевыхъ племенъ. Китай боялся—думалъ, что, при развитіи культуры, Монголія, разбитая и разъединенная, всетаки будетъ опасна, а появись тамъ такіе энергичные князья, какіе были въ Джунгаріи, опасность могла грозить не только странѣ, но и династіи. Страхъ этотъ сказывается и въ другихъ отношеніяхъ. На югѣ Монголіи, къ сѣверу отъ Кангана, живетъ зажиточное монгольское населеніе—чахары. Чахары часто бываютъ въ Пекинѣ и, какъ смышленый народъ, понимаютъ цѣну образованію. Они у себя устроили нѣсколько школъ, гдѣ обучали дѣтей монгольской грамотѣ и китайской. Китайское чиновничество пронюхало объ этой затѣѣ, и изъ Пекина вышелъ приказъ — прекратить преподаваніе китайскаго языка и замѣнить его манчжурскимъ, т. е. языкъ мѣстной культуры замѣнить языкомъ династіи. Въ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ, въ статьяхъ о торговлѣ съ Монголіей, ограничено право ввоза пороха и оружія. Не русскихъ купцовъ, очень немногочисленныхъ, боится Китай, онъ боится дать ружье въ руки монголу, безобиднѣйшему существу въ мірѣ. Монгольская милиція, даже чахары, выходили въ 1895 г. противъ японцевъ „съ лучнымъ боемъ“. Конечно, при китайскомъ способѣ управленія ни одна мѣра не можетъ быть проведена достаточно послѣдовательно. Китайскіе поселки земледѣльческіе всетаки существуютъ въ Монголіи; но ихъ ревизуютъ ежегодно, измѣряютъ поля и не позволяютъ расширять посѣвовъ, хотя нынѣ по всей Монголіи разсѣяны клочки земледѣльческихъ поселковъ; но ими далеко не использована громаднѣйшая площадь культуро способной земли въ Монголіи. Вплоть до границъ Гоби встрѣчаешь по долинамъ рѣки пахатную землю. Въ самой Гоби, въ дебряхъ гобійскаго Алтая и тамъ, гдѣ есть орошеніе, практикуется земледѣліе. Мы сами видѣли эти пашни и можемъ сказать только одно, что условія для земледѣлія тамъ много благопріятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Затьзельшаньскомъ краѣ, гдѣ трудолюбіе и умѣнье земледѣльцевъ, китайцевъ и тюрковъ, создали интенсивную культуру среди каменной пустыни; но монголъ плохой земледѣлецъ. Если бы пустить на эти земли китайцевъ—они сумѣли бы распорядиться ими. Ботаники пришли въ недоумѣ-

ніе, когда Г. Н. Потанинъ сообщилъ, что опійный макъ культивируется около Кобдо. Еще большаго удивленія заслуживаютъ плантаціи того же мака около Улясутая, на высотѣ 5,400 ф.

Китаецъ, улясутайскій плантаторъ, находилъ, что макъ родится около Улясутая отличный; но недостатокъ умѣлыхъ рукъ, дороговизна рабочихъ мѣшаютъ расширенію дѣла. И въ самомъ Китаѣ есть еще мѣсто, гдѣ можно размѣстить не одинъ милліонъ земледѣльцевъ!

Избытокъ населенія Китая, какъ бы онъ великъ ни былъ, врядъ ли можетъ грозить чѣмъ-либо Европѣ. Житель теплаго, подтропическаго климата, привыкшій къ воздѣлыванію южныхъ растеній, не особенно охотно селится въ суровомъ климатѣ. Его районъ колонизаціи—подтропическія и тропическія страны. Здѣсь онъ незамѣнимый работникъ. Въ этихъ мѣстахъ, затронутыхъ только примитивной культурой, настоящее мѣсто для будущей колонизаціи его. Разумѣется, не въ качествѣ кули-раба, а хозяина. Европейцамъ тамъ не ужиться, да и не желательно, чтобы раса, такъ хорошо приспособившаяся къ умѣренному климату, стала ломать себя на новый ладъ; тѣмъ болѣе, что опыты въ этомъ направленіи не дали хорошихъ результатовъ до сихъ поръ. Кромѣ земледѣлія, и горная промышленность, какъ въ самомъ Китаѣ, такъ и вообще въ экзотическихъ странахъ, ждетъ еще своихъ работниковъ. Ископаемыя богатства Монголіи еще не затронуты, громадный китайскій каменноугольный бассейнъ почти не тронутъ. Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, въ интересахъ всѣхъ обитателей нашей планеты, существованіе многочисленной, трудолюбивой и даровитой расы, приспособленной къ жизни въ горячемъ климатѣ, является не помѣхой, не угрозой, а неоцѣненнымъ благомъ.

Замкнутый въ себѣ, Китай преслѣдуетъ до сихъ поръ, въ своей политикѣ, интересы династіи, а не народа. Онъ не только не озаботился завести колоніи для своихъ перенаселенныхъ провинцій, но даже не открылъ для нихъ и свободныхъ земель своей имперіи. Нельзя, стало быть, опасаться переполненія Европы невѣжественной желтой расой, нельзя также и отрицать того, что сама Европа, въ своихъ колоніяхъ, очень охотно пользуется той же желтой расой, не опасается ея растлѣвающаго вліянія на своихъ поселенцевъ, но лишь подъ условіемъ не признавать за ней человѣческихъ правъ; невѣжественная желтая раса работала бы въ тропическихъ странахъ. Изъ Европы ихъ гнали бы, и чистая, благородная раса была бы избавлена даже отъ прикосновенія съ ней, и желтаго вопроса нечего было бы бояться. Теперь, однако, этотъ вопросъ снова и очень рѣзко выдвинулся на первый планъ, и, казалось бы, совсѣмъ не кстати. Боялись ранѣе невѣжества низшей расы, неспособной къ высшей культурѣ, и ея разлагающаго вліянія на Западъ. Теперь эта

опасность настолько уменьшилась, что ее можно считать призрачной. Японцы, а за ними и китайцы теперь стараются устроиться у себя дома. Японцы съ неслыханной быстротой впитали въ себя европейскую культуру. Китай, не желая еще развязаться со своимъ Домостроемъ-Конфуціемъ, все еще пытается увѣрить себя, что онъ нѣчто срединное, центральное, оригинальное, самобытное, не въ примѣръ другимъ незыблемое въ своихъ основахъ, что Китай и сынъ неба были и всегда будутъ, что Китая

Разсудкомъ не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить.

Однако же, не смотря на это, онъ всетаки волей-неволей заимствуетъ кое-что изъ европейской цивилизаціи. Конечно, чиновничій Китай слишкомъ увѣренъ въ своемъ величіи и своемъ Домостроѣ, чтобы заимствовать кое-что изъ европейскихъ учрежденій, онъ и изъ науки принимаетъ только то, что можно согласить съ Домостроемъ; но вѣдь не онъ одинъ грѣшенъ этимъ грѣхомъ, и теперь Китай и съ Домостроемъ—всетаки кліентъ европейской цивилизаціи. Кажется, теперь за культуру бояться уже нечего. Все на Востокѣ,—гдѣ быстро, гдѣ тихо—приближается къ благополучному состоянію. Желтой опасности нѣтъ болѣе мѣста, и задача вся въ томъ, какъ бы этотъ самый неуклюжій Китай освободить отъ чиновническаго гнета и пріобщить къ европейской цивилизаціи non nomine sed re.

Оказывается, не тутъ-то было! Теперь, повидимому, только и начинается настоящая опасность для Европы. Послѣ удачной войны японцевъ съ Китаемъ въ 1895 году, послѣ участія японскихъ войскъ въ освобожденіи Пекина, гдѣ рядомъ съ ними стояли европейскіе солдаты, для людей, понимающихъ дѣло, стало ясно, что новая нація сдѣлала громадные успѣхи въ дѣлѣ усвоенія всѣхъ тонкостей военнаго искусства. Успѣхи Японіи въ другихъ отрасляхъ дѣятельности пока еще не казались очень опасными; но превосходно дисциплинированная армія, снабженная образованными офицерами, показала сразу, что съ ними нельзя раздѣлаться при помощи броненоснаго кулака, какъ въ Кіочжоу. Успѣхъ окрыляетъ всегда, первый удачный дебютъ тѣмъ болѣе. Поэтому, послѣ побѣдъ Японіи, въ ея литературѣ стала ясно высказываться мысль о томъ, что ея дальнѣйшая миссія — вывести родственные народы изъ унизительнаго состоянія невѣжества и рабства къ свѣту и свободѣ. Въ лицѣ ихъ дальняя Азія громко потребовала себѣ человѣческихъ правъ. Это было уже слишкомъ! Желтые осмѣлились думать не только о самихъ себѣ, о своемъ Ниппонѣ,—они возмечтали и объ освобожденіи другихъ желтыхъ. Какая дерзость! Мечта молодого народа о культурной миссіи была превращена въ проектъ будущаго союза монгольской расы противъ арійской. Вызванъ былъ на

сцену четырехсотъ-милліонный Китай, выставляющій армію, равную всѣмъ европейскимъ, вмѣстѣ взятымъ, ведомую японскими вождями на Европу, и, какъ всегда, выдвинуто было лозунгомъ пророчество о гибели арійской культуры. Какъ же, однако, моглабы погибнуть культура, когда нападеніе на Европу, какъ полагалось, произведено будетъ азіатами, усвоившими европейское образованіе и учрежденія? О! на это отвѣтъ былъ готовъ. Если были на свѣтѣ сикофанты, сумѣвшіе создать теорію объ ограниченномъ умѣ подданныхъ, которая держится кое-гдѣ даже и теперь; если можно было своихъ соотечественниковъ считать людьми, сдѣланными изъ другой глины, чѣмъ повелители народовъ,—то съ желтымъ-то человѣкомъ церемониться нечего! Онъ, во-первыхъ, желтъ, во-вторыхъ — у него „другой черепъ", въ-третьихъ — рѣдкая борода и усы. Усы эти никакими повязками не закрутить вверхъ à la Guillome deux. Дальше у желтой расы нѣтъ великодушныхъ чувствъ. Умъ у нихъ неглубокій, они способны только къ переимчивости. Все это говорилось о народѣ, литература и исторія котораго по первоисточникамъ до сихъ поръ въ Европѣ и Америкѣ извѣстна весьма немногимъ; но это, какъ извѣстно, только окрыляетъ мысль. Искусство желтыхъ нелѣпо и безобразно, литература ихъ просто смѣшна, религія дика; наука китайцевъ не заслуживаетъ этого названія. Японцы — народъ коварныхъ злодѣевъ, шпіоновъ, соглядатаевъ.—Насъ, ведущихъ войну съ Японіей, неожиданно пожаловали въ защитниковъ и спасителей европейской культуры, которой грозитъ смертельная опасность. Въ послѣднее время къ этому присоединилась еще легенда о проектѣ завоеванія Индо-Китая, созданномъ, будто бы, Кодамой, начальникомъ штаба японской арміи.

Этимъ дѣло еще не заканчивается: что такое походъ на Индо-Китай, когда грозитъ нашествіе всего Китая съ японцами на Европу? Словомъ, здѣсь оказывается столько ужасовъ, что, повѣривъ имъ, придется дрожать все столѣтіе! Сколько же тутъ дѣйствительно опаснаго? Начнемъ съ панмонголизма. Для здраво мыслящаго человѣка, это—величайшая нелѣпость, неосуществимая утопія. Арійскія племена и по физическимъ признакамъ, и по языку, да и по культурѣ въ большинствѣ однородны. Есть между ними союзъ, но такой, который политическаго значенія не имѣетъ и служитъ не цѣлямъ расы, а всему человѣчеству, это—общеніе научное, литературное и гуманитарное; органы его: академіи, университеты, ученыя и литературныя общества, съѣзды, почтовый союзъ, красный крестъ и т. д. Въ этомъ общеніи, однако же, участники не одни арійцы, они тамъ только большинство. По принципу же, въ этихъ союзахъ нѣтъ ни эллина, ни раба, ни обрѣзанныхъ, ни необрѣзанныхъ. Насколько широко понимаетъ свою задачу часть общества, интересующаяся этими задачами, видно изъ того, что когда проектиро-

вался нынѣ осуществленный союзъ ученыхъ академій, въ заявленіи объ этомъ проектѣ упомянуто было, что отвѣты на приглашеніе къ союзу могутъ быть изложены на какомъ угодно языкѣ. Къ какой бы расѣ ни принадлежалъ ученый и талантливый человѣкъ, онъ—желанный гость. Союзы же ради политическихъ или экономическихъ цѣлей ясно указываютъ, что до взаимной солидарности самыя культурныя государства еще не доросли. Двойственные и тройственные союзы заключаются только потому, что каждое государство въ отдѣльности считаетъ себя слишкомъ слабымъ для борьбы и для защиты себя отъ другихъ. Это—союзы, вызванные къ жизни взаимной враждой между культурными народами. Въ этихъ союзахъ первый вопросъ о томъ, сколько людей каждый участвующій долженъ держать подъ ружьемъ. Въ такъ называемомъ панмонголизмѣ кровное родство между отдѣльными народами слишкомъ далекое. Нѣтъ двухъ крупныхъ племенныхъ группъ, которыя понимали бы другъ друга.—Онѣ говорятъ языками, принадлежащими къ двумъ, по крайней мѣрѣ, различнымъ семьямъ языковъ; но и внутри каждой изъ этихъ группъ языки разошлись крайне далеко. Образъ жизни, интересы такъ же различны. Культурное сходство между Японіей и Китаемъ теперь уже дѣло прошлаго; Японія по учрежденіямъ, по направленію культуры теперь ближе къ Европѣ, нежели къ Китаю. Если Китай и разстанется со своимъ Домостроемъ, то врядъ ли онъ приметъ европейскую культуру въ той формѣ, какъ Японія. На торговомъ рынкѣ между Китаемъ и Японіей скорѣе можно ждать соперничества, чѣмъ союза. У другихъ монголоидовъ еще меньше общаго, чѣмъ у первыхъ двухъ. Тибетцу столько же трудно выучиться понимать монгола, какъ русскому—араба. Кочевникъ-пастухъ монголъ и горный житель тибетецъ ведутъ совершенно различный образъ жизни. Указываютъ на общность религіи—буддизмъ, но самъ буддизмъ не вездѣ одинаковъ, и, притомъ, одна религія да еще такая отвлеченная, какъ буддизмъ, не можетъ спаять во-едино группы людей, имѣющихъ разные интересы. Стоя на разныхъ ступеняхъ гражданственности, многіе изъ такъ называемыхъ монголоидныхъ племенъ находятся въ подчиненіи у другихъ. При первомъ прикосновеніи культуры, каждому народцу захочется свободы, захочется жить своей жизнью. Замѣтить нужно при этомъ, что примитивныхъ дикарей тамъ почти нѣтъ. У каждаго почти есть преданія, есть свое историческое прошлое. У каждаго явится мысль—прежде всего спасти себя, свое прошлое, сохранять свою индивидуальность.

Легко рисовать картину, какъ Японія обучитъ китайскія войска, и, подъ предводительствомъ японскихъ генераловъ, многомилліонныя полчища наводнятъ Европу. Особенно, если забыть при этомъ одно небольшое обстоятельство, — крайнее отвращеніе китайцевъ къ войнѣ. Китай велъ войны; но солдаты

набирались изъ отбросовъ населенія, путные люди гнушались ремесла убійцъ. Китаецъ давно уже сказалъ, что изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, а изъ хорошихъ людей—солдатъ. Отвращеніе къ войнѣ не временное, не случайное явленіе—оно проходитъ черезъ всю исторію Китая. Воюя съ кочевниками, Китай часто несъ пораженія и выигрывалъ, главнымъ образомъ, своимъ умѣньемъ натравлять однихъ кочевниковъ на другихъ и затѣмъ покорять ихъ своей культурѣ. Не говоря о завоевателяхъ древнихъ эпохъ, начиная только съ монголовъ и оканчивая манчжурами, мы видимъ, какъ эти воинственные кочевники подпадали подъ обаяніе культуры Китая, вплоть почти до забвенія своего языка. Можно, далѣе, поставить вопросъ: зачѣмъ это китайцы полѣзутъ въ Европу? Развѣ въ ней такъ много свободныхъ земель? Россія—и та, хотя, конечно, съ оговоркой, не особенно богата свободными землями. Китайцу-колонисту въ Европѣ придется измѣнить весь свой укладъ жизни, бросить свое исконное земледѣліе и передѣлать хозяйство на новый ладъ. Для отдѣльныхъ группъ еще это возможно; но для массъ—до нельзя трудно. Для этого нужно отречься отъ самихъ себя. Если европейцу трудно ужиться въ подтропическомъ климатѣ, то еще труднѣе китайцу—въ умѣренномъ, близкомъ къ холодному.

Если не нашествіе на Европу, то, можетъ быть, на европейскія колоніи?—Кстати, и проектъ Кодамы для завоеванія Индо-Китая пущенъ теперь въ оборотъ. Это уже, должно быть, настоящая опасность, грозящая Франціи, нашей союзницѣ. Мы уже высказались раньше, что для китайцевъ, при избыткѣ населенія, наиболѣе удобными мѣстами являются тропическія страны. Они и такъ облюбовали Малайскій Архипелагъ. Возможна колонизація ихъ и въ другія мѣста; но это будутъ уже частные вопросы колонизаціонной политики, тутъ могутъ быть и столкновенія, но не всей Азіи съ Европой, а между отдѣльными странами. Насчетъ Индо-Китая и проекта барона Кодамы кому угодно вѣрить—пусть вѣритъ, а намъ, русскимъ, которымъ до сихъ поръ, говоря о русской опасности, иностранцы колютъ глаза апокрифическимъ и очень плохо скомпанованнымъ за границей завѣщаніемъ Петра Великаго, надобно быть бы поосторожнѣе. Гдѣ теперь этотъ проектъ Кодамы, и кто его видѣлъ въ дѣйствительности? Всѣ росказни объ немъ скорѣе относятся къ области международнаго фольклора, чѣмъ къ исторіи нашего времени. И это уже не первая попытка сочинительства въ этомъ духѣ. Кромѣ апокрифа завѣщанія Петра Перваго, мы можемъ указать и новѣйшія росказни въ томъ же вкусѣ. Когда нѣмцы стояли подъ стѣнами Парижа и со дня на день уже ждали сдачи города, въ газетахъ пущенъ былъ слухъ, что ненасытные тевтоны не удовольствуются разгромомъ одной Франціи, что у Мольтке уже лежитъ въ портфелѣ проектъ высадки въ Англію. Легенда быстро

превратилась въ жупелъ, не смотря на все свое невѣроятіе. Англійская пресса заявила, что она не боится нѣмцевъ, указала на свой флотъ и обѣщала, что на сушѣ вся Англія отъ мала до велика встанетъ на свою защиту. Шумъ и воинственные крики въ Англіи, конечно, были совершенно излишни, такъ какъ придавать значенія этому плану Мольтке было нельзя. Нелѣпо было, конечно, не кончивъ одной тяжкой войны, думать о новой, да еще разсказывать объ этомъ и наживать новаго врага въ лицѣ Англіи. Нѣмцы, должно быть, поэтому и сочли нужнымъ дать на выдумку отвѣтъ и отвѣтъ вполнѣ серьезный. Въ главномъ штабѣ германской арміи оказалось такихъ проектовъ не мало; но это просто рѣшенія извѣстныхъ стратегическихъ задачъ, платоническихъ по существу, но имѣющихъ огромное значеніе въ дѣлѣ подготовки офицеровъ. Военные люди Германіи говорили, что въ штабѣ есть такіе же проекты походовъ въ Италію, въ Швецію и въ Россію. Сказаніе о проектѣ Кодамы, въ лучшемъ случаѣ, имѣетъ не болѣе серьезную основу.

Военные или иные крупные успѣхи какой-либо страны обыкновенно немедленно подымаютъ толки о планахъ всемірнаго господства политическаго или промышленнаго. Было вѣдь время, когда успѣхи русскаго оружія заставляли всю Европу кричать о русской опасности: вплоть до конца мексиканской экспедиціи много толковали о честолюбивыхъ замыслахъ Франціи, потомъ дошла очередь и до Германіи. Теперь начали бояться крайняго востока, хотя тамъ пока всего еще одна Японія оказалась способной защищать себя. Намъ ужъ кажется крайне опаснымъ и то, что, можетъ быть, скоро нельзя будетъ съ одной дивизіей пройти изъ конца въ конецъ старый Китай!

II.

Помимо разговоровъ объ опасности азіатскаго военнаго нашествія, — по мнѣнію крайнихъ защитниковъ арійской культуры, японецъ, какъ представитель низшей желтой расы, можетъ только понизить высокій уровень цивилизаціи, котораго достигла современная Европа. Къ услугамъ проповѣдниковъ дѣленія человѣчества по табели о рангахъ—цѣлая литература: антропометрія даетъ имъ сотни таблицъ измѣреній череповъ, частей тѣла, историки поютъ гимны благороднымъ племенамъ, создателямъ культуры: арійцы—это новый Израиль какой-то... Путешественники разсказываютъ о тупости первобытныхъ племенъ, теоретики утверждаютъ, что они (не путешественники, а примитивныя племена), по самому устройству мозга, благодаря раннему сростанію черепныхъ швовъ, не способны къ широкому умственному развитію. Обширенъ и глубокъ этотъ вопросъ для того, чтобы его

разсматривать здѣсь подробно; но и молчаніемъ обойти нельзя. Слишкомъ ужъ много разныхъ фальшивыхъ векселей, выданныхъ отъ имени науки, шатается въ публикѣ, слишкомъ беззастѣнчиво подъ флагомъ знанія пускается въ оборотъ разныхъ утвержденій, представляющихъ рядъ далеко не рѣшенныхъ вопросовъ.

Данныя антропометріи и сравнительной физіологіи представляютъ несомнѣнные факты; свидѣтельства исторіи тоже болѣе или менѣе провѣрены; сказанія же путешественниковъ, миссіонеровъ отличаются всѣ большей или меньшей дозой субъективности, и въ нихъ часто мудрено бываетъ отличить, гдѣ кончается наблюденіе и гдѣ начинается фантазія автора. Данныя, выраженныя въ цифрахъ и осязательныхъ фактахъ, напр., измѣренія, взвѣшиванія и анатомическіе препараты можно признать достовѣрными, но выводы, дѣлаемые изъ нихъ, толкованія ихъ могутъ стоять въ самомъ грубомъ противорѣчіи съ другими несомнѣнными фактами.

Прежде всего, арійское происхожденіе нашей культуры слѣдуетъ считать не только не доказаннымъ, но и прямо-таки вопіющей нелѣпостью. Культуру нашу надобно считать съ того періода, когда изъ примата выдѣлился человѣкъ. Этотъ нашъ дальній предокъ бродилъ еще въ доледниковую эпоху по лѣсамъ и лугамъ Европы и оставилъ слѣды своего существованія въ видѣ кое-какъ обитыхъ голышей. Въ шалонскую эпоху онъ уже умѣлъ обдѣлывать камень въ клинъ, въ эпоху Соэнтрэ онъ сдѣлался великимъ мастеромъ по обдѣлкѣ каменныхъ орудій. Каковъ же былъ человѣкъ этой и послѣдующей мадленской эпохи? Сохранившіеся черепа изъ Неандерталь, Спа и найденные въ Богеміи указываютъ на форму черепа, по обычнымъ понятіямъ менѣе совершенную, нежели у какой бы то ни было самой дикой, самой примитивной изъ живущихъ расъ. Давно уже живетъ человѣкъ на свѣтѣ. Онъ старше мамонта: при немъ народился мамонтъ, на его глазахъ и вымеръ. Современникъ мамонта и сѣвернаго оленя въ Европѣ былъ уже художникомъ, отличнымъ рѣзчикомъ, онъ жилъ уже цѣлыми компаніями, общинами. Наше самомнѣніе, „зазнайство“ со снисходительнымъ признаніемъ своего превосходства относится къ нашимъ предшественникамъ; но не такъ смотрѣли на это болѣе насъ чуткіе и благодарные народы классической древности. Безсмертное сказаніе о Прометеѣ вдохновляло и древнихъ, и новыхъ поэтовъ. Онъ сталъ символомъ борца за свѣтъ и счастье людей, котораго слуги Зевса — грубая сила и насиліе, Бія и Кратосъ—заковали въ вѣковѣчныя цѣпи, приставивъ коршуна клевать печень титана. Откуда же выросло это сказаніе, откуда взялся этотъ величавый образъ?—Изъ миѳа, изъ тайныхъ преданій объ изобрѣтеніи способа добыванія огня!

Въ глазахъ благороднаго и благодарнаго эллина такое открытіе могло быть только дѣломъ титана, соперника Зевса, отъ мано-

венія бровей котораго содрогался Олимпъ. Зевсъ заковалъ Прометея, но не побѣдилъ. Въ рукахъ титана была и осталась великая тайна, грозившая гибелью Зевсу. Слуга Зевса, коршунъ, ежедневно клевалъ печень Прометея и убѣждалъ чистосердечнымъ признаніемъ облегчить свою участь; но упорствующій титанъ не пошелъ на сдѣлки. Такъ древній грекъ понималъ благо, добытое изобрѣтеніемъ огня.

Кромѣ огня, человѣкъ каменнаго вѣка далъ намъ въ наслѣдство орудія и оружіе, которыми мы до сихъ поръ пользуемся. Кромѣ копья онъ далъ намъ лукъ и стрѣлы, коловоротъ, рѣшилъ задачу о переводѣ прямолинейнаго періодическаго движенія въ круговое, выработалъ членораздѣльную рѣчь и, несомнѣнно, многія общественныя учрежденія.

Приписывать всѣ эти культурные успѣхи какой-нибудь одной привилегированной расѣ врядъ ли кто рѣшится. Факты учатъ насъ, что орудія древнѣйшихъ типовъ имѣютъ очень широкое распространеніе, и потому заимствованіе ихъ изъ одного какого-либо центра, при малочисленности людей и недостаткахъ путей сообщенія, является недопустимымъ. Вѣрнѣе думать, что всѣ эти блага были добыты первобытными людьми во многихъ пунктахъ и совершенно независимо.

Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ мыслителей прошлаго вѣка, современникъ и товарищъ по мысли покойнаго Дарвина, Альфредъ Россель Уоллесъ высказался лѣтъ сорокъ тому назадъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ имѣетъ особое происхожденіе, отличное отъ другихъ животныхъ, и развился особымъ путемъ, еще не выясненнымъ для насъ. Къ этой мысли привели его наблюденія надъ дикарями. Жизнь ихъ, казалось ему, настолько проста, бѣдна, такъ мало требуетъ работы мысли, что громадный, по сравненію съ запросами жизни, органъ мысли первобытнаго человѣка ему не нуженъ. Онъ переразвитъ и можетъ понадобиться ему только въ будущемъ для высшихъ цѣлей. Это мнѣніе глубокаго знатока жизни дикарей и несравненнаго наблюдателя хорошо бы сопоставить съ толками о неспособности низшихъ расъ къ высшему умственному развитію; но на это нѣтъ у насъ ни мѣста, ни времени. Мы сослались на свидѣтельство Уоллеса совсѣмъ съ другой цѣлью. Принимая его, какъ результатъ наблюденій, мы дѣлаемъ изъ него другой выводъ. Какъ ни проста жизнь дикаря, очевидно, что для устройства ея потребовалась громадная умственная работа, отразившаяся на развитіи самого органа мысли. И здѣсь, въ архипелагахъ южнаго моря, были и свои Прометеи, и своя Церера, и свой Гайавата. Когда-то, особенно въ популярныхъ книжкахъ, любили разсказывать о томъ, какъ случайно дѣлались открытія: Ньютонъ и падающее яблоко; лягушка и пинцетъ въ открытіи Гальвани, и т. д. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ такихъ импровизованныхъ открытій по вдохновенію не бывало никогда.

Всякій новый шагъ въ наукѣ или ея приложеніяхъ стоилъ непрерывныхъ тяжелыхъ трудовъ. Надъ ними работали выдающіеся умы нѣсколькихъ поколѣній. Мы знаемъ теперь, что не яблоко, а открытіе законовъ Кеплера дало возможность Ньютону открыть законъ, управляющій движеніями небесныхъ тѣлъ. Мы знаемъ, что, не смотря на дрыганье ножекъ у мертвой лягушки, самъ Гальвани не сумѣлъ понять значеніе своего открытія: оно выяснилось только въ трудахъ Александра Вольты, съ которымъ велъ долгую борьбу Гальвани, искавшій въ явленіяхъ гальванизма жизненной силы. Точно также не съ неба свалились и открытія примитивныхъ народовъ. Жизнь ихъ проста; но мы и у себя видимъ, что пользованіе готовыми открытіями большого ума не требуетъ. Вести переговоры по телефону можетъ и безграмотный. Самый заурядный инженеръ составитъ вамъ проектъ постройки паровой машины. Кстати, паръ — хорошій примѣръ того, какъ мало зависятъ открытія отъ случая: съ каменнаго вѣка люди знали, что если на огонь поставить прикрытый горшокъ съ водой, то, когда вода закипитъ, паръ будетъ приподымать крышку. Десятки, если не сотни тысячъ лѣтъ, люди ежедневно видѣли это явленіе и, только послѣ того, какъ обратили вниманіе на изученіе давленія газовъ, когда существовала уже атмосферная машина Ньюкомена, возникла первая паровая машина.

Наши дальніе предки оставили намъ настолько богатое наслѣдство, что, вѣроятно, мы никогда не узнаемъ именъ великихъ творцовъ главнѣйшихъ пріобрѣтеній человѣчества, потому что между нами и ими лежатъ неисчислимые ряды вѣковъ и мощныя напластованія, отложившіяся съ тѣхъ поръ; ликъ земли, вѣковѣчныя горы и моря уже не тѣ теперь, какія были при нашихъ дальнихъ родичахъ.

Если эти люди, съ типомъ самымъ несовершеннымъ по нашимъ понятіямъ, самостоятельно дошли до великихъ открытій, какое же мы имѣемъ право отрицать творческія способности у живущихъ расъ? Вѣдь доисторическими людьми были сдѣланы первые, т. е. самые трудные шаги на пути цивилизаціи.

Принявъ во вниманіе, что доисторическій человѣкъ передалъ своимъ потомкамъ такую массу открытій и унаслѣдованныхъ способностей, можно, пожалуй, удивляться тому, что со временъ открытія металловъ прогрессъ шелъ такъ медленно.

Обращаясь къ ближайшему прошлому, мы тоже не имѣемъ права называть арійскія племена творцами современной культуры: сумеро-аккадійцы, семиты, древніе египтяне успѣли уже далеко подвинуть ее въ ту пору, когда греки находились еще въ полуварварскомъ состояніи.

Несомнѣнно, какъ между индивидуумами такъ и между націями существуютъ различія въ способностяхъ, наклонностяхъ, вкусахъ, какъ и въ физическихъ признакахъ; но основные при-

знаки, отличающіе человѣка отъ приматовъ, рѣзко выражены у всѣхъ. Если поставить вопросъ: какое же главное психическое отличіе человѣка отъ животныхъ?—Несомнѣнный и единодушный отвѣтъ будетъ: способность къ непрерывному развитію. Толкуя о неспособности разныхъ расъ къ тому или другому виду психической дѣятельности, мы близки къ отрицанію въ нихъ образа человѣческаго. Приходится, кромѣ того, признаться, что нашъ матеріалъ по сравнительной физіологіи различныхъ племенъ до нельзя скуденъ; не лучше обстоитъ дѣло и съ изученіемъ психическихъ отправленій, такъ что постановка на научную почву вопроса о сравнительной психической характеристикѣ расъ — дѣло будущаго.

Можетъ быть, въ общемъ счетѣ способностей между различными племенами окажется болѣе или менѣе крупная разница; но теперь для такой классификаціи нѣтъ достаточныхъ данныхъ, а между тѣмъ, въ своемъ расположеніи народовъ по ступенямъ лѣстницы гг. приверженцы привилегированныхъ расъ, господскихъ расъ, заходятъ уже слишкомъ далеко. Восхваляя арійскую расу при случаѣ, лица, считающія себя стоящими во главѣ націи, руководящей человѣчествомъ, не даютъ спуска и арійцамъ. Вѣдь и насъ, русскихъ, еще недавно считали, да и теперь не перестали считать полуварварами. Съ какимъ благосклоннымъ изумленіемъ встрѣчаетъ иностранецъ образованнаго русскаго, имѣющаго понятіе о европейской наукѣ, искусствѣ и общественныхъ вопросахъ. Мы не будемъ разсуждать о томъ, насколько Европа имѣетъ право относиться къ намъ такимъ образомъ. Мы, дѣйствительно, въ сравненіи съ Западомъ, народъ отсталый, строй нашей жизни, наши порядки неизбѣжно должны казаться ей чѣмъ-то архаическимъ; но вѣдь такой же періодъ развитія переживала и Европа. Если бъ наши сосѣди дали себѣ трудъ разобраться въ томъ, почему мы отстали отъ нихъ, насколько въ этомъ виноватъ самъ народъ, насколько внѣ лежащія условія!

Нашу отсталость, наши бѣдствія и страданія культутрегерская пресса объясняетъ просто тѣмъ, что мы не обладаемъ тѣми великими способностями, какія имѣетъ, напримѣръ, германская раса. Всякому, встрѣчавшемуся съ заграничной интеллигенціей, не разъ приходилось выслушивать комплименты, что и мы похожи на культурныхъ людей.

Насколько важны соціальныя условія для успѣховъ культуры, помимо природныхъ способностей расы и природныхъ условій ея страны, показываютъ цѣлые ряды историческихъ примѣровъ, изъ которыхъ наиболѣе поразительнымъ является арійская Индія. Въ древнія времена народъ этотъ достигъ высокой культуры: въ своей изящной литературѣ онъ далъ образцы высокаго совершенства; въ области отвлеченнаго мышленія, въ философіи и метафизикѣ въ древнемъ мірѣ они уступали только грекамъ; въ ма-

тематикѣ явились изслѣдователями въ той области, которая очень мало была затронута греками, въ области такъ называемаго неопредѣленнаго анализа. Здѣсь же родилась и окрѣпла одна изъ величайшихъ религіозно-философскихъ концепцій — буддизмъ; но, благодаря отдаленности этой страны отъ культурныхъ народовъ, съ одной стороны, индійское мышленіе оставалось совершенно неизвѣстнымъ Западу, съ другой — сама Индія, за исключеніемъ недолговременнаго знакомства съ греками македонскаго періода, оставалась внѣ культурнаго общенія. Вообще, эта страна видѣла иноземца только въ видѣ завоевателя и поработителя. Иго соціальныхъ условій и внѣшнихъ поработителей остановило культурное развитіе даже этого, несомнѣнно, высоко одареннаго народа.

Ни на одной странѣ вліяніе изолированности не сказалось такъ рѣзко, какъ на Китаѣ. Уже въ эпоху Рождества Христова онъ былъ высоко культурной страной, но ближайшими сосѣдями его были степные кочевники. Если на русскихъ подѣйствовало удручающимъ образомъ двухсотлѣтнее монгольское иго, то какъ же должна была вліять на Китай почти безпрерывная борьба сначала съ усеунями и хунну, затѣмъ съ другими народностями, изъ которыхъ въ IV в. образовались три иноземныхъ династіи Бэй-Вэй, державшіяся до половины VII в. Проходитъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ — въ сѣверномъ Китаѣ снова водворяются, послѣдовательно, двѣ новыхъ инородческихъ династіи, а потомъ наступаетъ эпоха монгольскихъ войнъ—и опять степная династія владѣетъ страной. Нынѣшняя династія тоже водворилась въ Китаѣ путемъ завоеванія. Двоякое значеніе имѣли эти событія и положеніе страны на Дальнемъ Востокѣ, внѣ культурнаго общенія съ другими странами. Окруженный варварскими народами, Китай долженъ былъ черпать культурныя силы только изъ себя. Сношенія съ ближайшими, но всетаки крайне далекими сосѣдями — Ираномъ и Индіей—были крайне рѣдки, а потомъ и совсѣмъ прекратились. Культурныхъ соперниковъ, сотрудниковъ Китай не имѣлъ около себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что на кочевниковъ-завоевателей, основателей новыхъ династій, его культура производитъ громадное впечатлѣніе. Во второмъ и третьемъ поколѣніи бывшіе номады воспринимали китайскую культуру, окитаивались, становились учениками побѣжденнаго народа. Такія отношенія невольно давали Китаю поводъ думать, что онъ—средина цивилизованнаго міра, государство, у котораго должны учиться уму-разуму всѣ другіе. При первыхъ сношеніяхъ съ европейцами, которыхъ раньше и не видывали въ срединномъ царствѣ, пекинскій дворъ наивно считалъ своихъ новыхъ знакомыхъ своими вассалами. Подарки, которые присылались въ старину хотя бы нашими русскими посольствами, тамъ называли данью, а обратные подарки—жалованьемъ за службу. Насколько

укоренились эти претензіи въ умахъ китайцевъ, доказывается тѣмъ, что уже послѣ перваго англійскаго погрома, доказавшаго все слабосиліе Китая, богдыханъ всетаки принималъ европейскихъ пословъ, вплоть до окончанія китайско-японской войны, въ залѣ вассаловъ, и учрежденіе, завѣдывавшее сношеніями съ иностранцами, называлось не палатой, а „приказомъ“. Передовые люди въ Китаѣ, конечно, сознаютъ теперь свое печальное положеніе. Примѣръ Японіи у нихъ на глазахъ: они видятъ, что было бы чистымъ самообольщеніемъ пробовать бороться со своей одинокой культурой противъ культуры всемірной; но до сихъ поръ эти мнѣнія считаются опасными и незрѣлыми, даже измѣнническими. Противъ нихъ вся масса истинно-китайскихъ людей, требующихъ не прогресса, а возвращенія къ истинно-китайскимъ началамъ, тѣмъ самымъ началамъ, которыя сдѣлали страну безпомощной, а императора—игралищемъ европейско-американскихъ политиковъ, довольствующимся только призрачнымъ показнымъ величіемъ. Китайскій народъ многовѣковой своей исторіей доказалъ свои культурныя способности, но недостатокъ самокритики, невозможность повѣрять себя примѣромъ другихъ, отсутствіе общенія съ культурнымъ міромъ, полнѣйшая изолированность отъ народа правящихъ сферъ, живущихъ въ чисто искусственной атмосферѣ, — вотъ причины нынѣшняго плачевнаго положенія Китая, а не какія-то расовые недостатки.

Говоря о Японіи, намъ пришлось бы повторить многое изъ того, что сказано о Китаѣ. Причины застоя были и тамъ тѣ же. Что же касается обвиненія японцевъ въ недостаткѣ оригинальности, съ исключительной способностью къ переимчивости, то пусть объ этомъ толкуетъ какой-нибудь тупой компиляторъ, въ родѣ Деппинга, не ознакомившійся, какъ слѣдуетъ, даже и съ литературой о странѣ. Переимчивость! Но вѣдь и учителя Лейбница видѣли въ немъ только одну переимчивость. Всякій, кто работалъ надъ собой, провѣрялъ свои взгляды, переходилъ отъ одного міросозерцанія къ другому, хотя и не имъ выработанному, знаетъ, что здѣсь переимчивости и понятливости одной мало; тѣ субъекты, которые удовлетворяются одной переимчивостью, обыкновенно и мотаются всю жизнь между вновь понятымъ и издавна унаслѣдованнымъ. Для переработки своего отношенія къ дѣйствительности нужно въ самомъ себѣ создать новую почву, для закрѣпленія въ ней новыхъ понятій. Это—ужъ не одна переимчивость, а переходъ изъ одной вѣры въ другую по убѣжденію. Послѣдовательность японцевъ на новомъ пути, отсутствіе колебаній и возвратовъ вспять—исключаютъ всякую мысль о погонѣ за новизной и модой.

Во всякомъ случаѣ, судить о томъ, что можетъ и чего не сможетъ сдѣлать Японія, еще слишкомъ рано. Она показала свои способности пока, главнымъ образомъ, въ военномъ дѣлѣ, но эти

успѣхи, съ точки зрѣнія культурнаго преуспѣянія, имѣютъ чисто отрицательное значеніе. Быстрые успѣхи на этомъ поприщѣ указываютъ на неспокойное состояніе народовъ, отвлеченіе силъ отъ мирной работы. Современный ростъ численности армій недвусмысленно указываетъ на грозящія опасности для мира. Въ остальныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, въ области науки, техники и искусства мы должны признать только одно: что Японія работаетъ и можетъ работать на этихъ поприщахъ, — на поприщѣ искусства, впрочемъ, менѣе, чѣмъ на другихъ; но этотъ родъ дѣятельности, болѣе чѣмъ какой-либо другой, требуетъ преданій, требуетъ школы, а чтобы пойти впередъ, японцамъ необходимо освободиться отъ гнетущихъ ихъ преданій и условностей, выступить на широкій путь свободнаго европейскаго искусства и, освоившись съ нимъ, опредѣлить свои отношенія къ прошлому. Для этого нужна работа нѣсколькихъ поколѣній. Америка въ этомъ отношеніи хорошій образчикъ для сравненія. Не имѣя первоклассныхъ величинъ въ области науки и литературы, американцы всетаки могутъ выдвинуть десятки именъ, пользующихся общею извѣстностью. А что сдѣлали они въ области пластики и живописи? За громадныя деньги скупаютъ картины и статуи европейскихъ мастеровъ. Американскіе художники усердно работаютъ въ Парижѣ, Мюнхенѣ и въ Римѣ; но пока еще нѣтъ ни американской школы, ни выдающихся художниковъ среди нихъ.

III.

Кромѣ опасеній нашествія на Европу и будущей гегемоніи „низшихъ племенъ“, насъ пугаютъ японской промышленной конкурренціей, потерей рынковъ для Европы на Востокѣ и занятіемъ европейскихъ колоній въ восточныхъ моряхъ. Здѣсь, если угодно, нѣкоторыя опасенія имѣютъ дѣйствительную почву; но они сильно преувеличены. Конечно, Японія, какъ густо населенная страна, будетъ изъ года въ годъ развивать свою обрабатывающую промышленность, и она растетъ чрезвычайно быстро. Напримѣръ, въ прядильной промышленности за 12 лѣтъ, съ 1887 г. по 1899 г., число веретенъ съ 70,000 возрасло до 2.070,000. Вывозъ изъ страны, съ 1868 г. по 1901 г. возросъ съ 15.000,000 до 252.000,000. Характерны также измѣненія и въ статьяхъ вывоза: въ началѣ вывозилось сырье и ввозились фабрикаты; но постепенно виденъ переходъ въ обратную сторону. Но если эти успѣхи могутъ увлекать самихъ японцевъ, подавать имъ поводы къ честолюбивымъ мечтамъ и, съ другой стороны, возбуждать сангвиническія опасенія въ слишкомъ нервныхъ европейскихъ импортерахъ, то трезвый наблюдатель долженъ отнестись къ этимъ цифрамъ, надеждамъ

и опасеніямъ съ большой осторожностью. Ростъ ребенка идетъ очень быстро, но онъ замедляется при приближеніи къ зрѣлому возрасту. Разумѣется, когда въ густо населенной странѣ открылись новые заработки и новые рынки для сбыта, масса народа должна была накинуться на новый заработокъ; выгодность новыхъ заработковъ должна была отразиться быстрымъ ростомъ производства. Оно попридерживалось въ началѣ необходимостью для новой промышленности ознакомить съ собой рынокъ, найти своего потребителя. Достигнувъ этого, ростъ пошелъ временно еще быстрѣе, и онъ будетъ расти, но уже не такъ быстро, такъ какъ фондъ рабочихъ рукъ не безграниченъ, не безграничны такъ же и рессурсы Японіи. Странно было бы думать, что Японія можетъ сдѣлаться опасной конкурренткой по всѣмъ крупнымъ статьямъ спроса на Востокѣ. Конкурренція можетъ быть только между нѣкоторыми статьями производства. Что же касается до замѣны вывоза сырыхъ продуктовъ фабрикатами, то, если бы это явленіе было исключительной особенностью Японіи, оно было бы очень знаменательно; но это общее явленіе во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Передъ нами здѣсь только частица всемірнаго процесса, и ростъ промышленности въ Японіи не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ. Промышленность растетъ и должна расти. Если мы сравнимъ, за пятидесятилѣтній періодъ, развитіе промышленности, положимъ, хоть въ Германіи, мы увидимъ, что и тамъ дѣло двигалось и росло почти непрерывно. Кромѣ Японіи, многія другія страны выступили на поприщѣ мірового обмѣна. Въ Италіи развилось судостроеніе, въ Швейцаріи—машиностроительное дѣло.

При вступленіи на тотъ же путь Китая, конечно, въ нѣкоторыхъ производствахъ, которыя привьются и упрочатся на Дальнемъ Востокѣ, произойдетъ борьба за рынки между старыми и новыми странами; но отъ этого далеко еще до гибели европейской промышленности. Можетъ произойти только промышленный кризисъ, болѣе или менѣе обширный; но при современномъ промышленномъ строѣ это явленіе неизбѣжно. Подобныхъ столкновеній, даже промышленныхъ катастрофъ не мало можно ждать въ будущемъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, что если бы мы сумѣли задержать развитіе Китая, Японіи и Индіи, насталъ бы золотой вѣкъ для крупной промышленности. Никакими задержками въ развитіи какой-либо страны, будь то Китай, Персія или Аргентина, нельзя устранить торговыхъ кризисовъ. Здѣсь можетъ помочь только правильная организація всемірнаго производства, регулированіе его сообразно наличнымъ потребностямъ, задержка же развитія промышленности только запутаетъ рѣшеніе этого вопроса.

Толкуютъ также, что Японія можетъ потѣснить европейцевъ въ ихъ колоніяхъ. Но о какихъ колоніяхъ идетъ рѣчь?

Если объ освобожденіи густо населенныхъ странъ отъ избытка населенія, то подъ тропиками найдется не много мѣстъ, гдѣ европеецъ можетъ акклиматизироваться; если же это будетъ захватъ съ цѣлью эксплуатаціи и порабощенія туземцевъ или основанія каторжныхъ поселеній,—то, право, нечего и жалѣть о томъ, если подобныя авантюры совершенно прекратятся. Въ экзотическихъ колоніяхъ эти европейцы, христіане, ведутъ себя положительно хуже людоѣдовъ. Людоѣды поѣдаютъ трупъ убитаго врага или принесенную ими богу человѣческую жертву. Какъ ни дико, какъ ни отвратительно, но всетаки здѣсь человѣкъ убивается ради цѣлей, почитаемыхъ серьезными и важными. Мы вѣдь тоже, хотя людей и не ѣдимъ, не стѣсняемся жертвовать человѣческими жизнями во имя разныхъ, якобы высокихъ, цѣлей; но какъ объяснить себѣ мученія людей для забавы? Тиранить ихъ пытками, устраивать антропофагическіе repas для забавы и потомъ расписывать всѣ эти подвиги въ юмористическомъ стилѣ своимъ пріятелямъ? Самая возможность писать такія письма доказываетъ уже, что найдутся и на родинѣ люди, которые охотно прочтутъ и посмѣются надъ такими милыми шутками. Если пишутъ о такихъ вещахъ, то можно себѣ представить, сколько другихъ мерзостей дѣлается, о которыхъ ничего не сообщаютъ потому только, что онѣ стали совершенно заурядными явленіями, обыденными, неинтересными! И все это продѣлываетъ цвѣтъ человѣчества, соотечественники Руссо, Виктора Гюго, Канта и Гельмгольца. Если цивилизованнымъ націямъ нужны подобные выродки, то, во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы они держали ихъ у себя дома и наслаждались ихъ обществомъ, а не высылали ихъ подъ тропики, избавили бы цвѣтныхъ людей отъ своего просвѣтительно-гуманитарнаго вліянія. Большіе успѣхи, однако же, сдѣлалъ XX-й вѣкъ по сравненію съ XIX-мъ.

Въ прошломъ столѣтіи добивались и добились освобожденія негровъ отъ рабства въ европейскихъ колоніяхъ: ради этого гибли люди на висѣлицахъ, поэты писали кровью своего сердца безсмертныя филиппики противъ рабства, выдержали страшную междоусобную войну, а теперь, чтобы не заниматься пустяками и рѣшить по новому вопросы въ корнѣ, перенесли рабство изъ европейскихъ колоній на самую родину чернаго племени, и эту благородную задачу взяли на себя государства культурныхъ странъ. Мы хотѣли закончить этимъ нашъ отвѣтъ на жалобы любителей колоніальной политики и связанныхъ съ ней выгодъ и развлеченій; но вновь появившіеся возгласы за границей о томъ, что Россія борется за всю Европу, что когда-то въ Индо-Китаѣ достаточно было двухъ баталіоновъ для „сдерживанія“ туземцевъ, а съ тѣхъ поръ, какъ туземцы познакомились съ японцами — этого становится недостаточно. Что же,

вѣроятно, японцы послали туда четыре баталіона, и это дало имъ преимущество?

Извѣстно, однако же, изъ тѣхъ же газетъ, что японцы не посылали войскъ въ Индо-Китай, а принимали къ себѣ туземцевъ для обученія въ школахъ, совѣтовали имъ изучать нѣмецкій языкъ, чтобы по богатой оригинальной и переводной литературѣ этого народа ознакомиться съ европейской культурой и наукой и стать потомъ свободными людьми: такое именно отношеніе и вызвало симпатіи индо-китайскаго населенія. Если европейцы желаютъ имѣть свои колоніи въ экзотическихъ странахъ, то самый вѣрный путь къ этому будетъ заключаться въ слѣдующемъ: надобно добиться такого положенія, при которомъ нужно было бы и послѣдніе два баталіона солдатъ вывести изъ страны, а вмѣсто нихъ послать четыре баталіона учителей, техниковъ и агрономовъ. Тогда ни Японія, ни Китай не будутъ страшны представителямъ бѣлой расы.

IV.

Считая толки о нашествіи монгольскихъ племенъ на Западѣ плодомъ испуганной фантазіи, а распространеніе культуры на восточныя племена—громаднымъ успѣхомъ для всего человѣчества, мы, тѣмъ не менѣе, должны особо разсмотрѣть вопросъ о положеніи Россіи, въ виду ея близости къ просыпающейся Азіи. Если воинственное нашествіе сино-японцевъ на Западную Европу является дѣломъ крайне невѣроятнымъ, то для Россіи вопросъ, повидимому, ставится нѣсколько иначе. Японія объявила намъ войну, и вотъ уже второй годъ сотни тысячъ людей отрываются отъ семей и отъ мирнаго труда, десятки тысячъ народа гибнутъ и калѣчатся, сотни милліоновъ рублей тратятся. Чѣмъ же вызвана эта война? Развѣ враждой къ желтой расѣ и страхомъ передъ желтой напастью?.. Мы слишкомъ долго жили рядомъ съ Китаемъ и Японіей въ мирныхъ отношеніяхъ, мы въ составѣ россійскаго населенія имѣемъ столько разнородныхъ племенъ и такъ привыкли къ нимъ. Съ какой стати намъ вдругъ воспылать къ азіатамъ расовой ненавистью? Проще и естественнѣе объясняется дѣло тѣмъ, что границы двухъ государствъ тѣсно сблизились, явились столкновенія интересовъ, которыя не удалось миролюбиво покончить, какъ нерѣдко кончались недоразумѣнія съ западными сосѣдями, да и съ ними—не всегда.

Если опасности и трудности войны съ Японіей оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ думали многіе, то столкновеніе съ Германіей,—а оно вѣдь возможно,—во всѣхъ отношеніяхъ въ десятки разъ страшнѣе. Такъ или иначе, тою или другой цѣной,

мы всетаки не ссоримся съ Германіей. Мы не воевали съ Пруссіей послѣ семилѣтней войны; точно также весьма возможно, что и съ Японіей мы ведемъ первую и послѣднюю войну. Надежду на это даютъ намъ, кромѣ сознанія трудности войны для обоихъ противниковъ, еще и реальные взаимные интересы обѣихъ странъ. Японія, несомнѣнно, нуждается въ сѣверныхъ рыбныхъ ловляхъ такъ же, какъ Германія въ нашемъ хлѣбѣ.

Въ нашихъ областяхъ Амурской и Приморской сотни, тысячи японцевъ находили постоянный заработокъ.

Для насъ Японія, въ интересахъ колонизаціи мало населеннаго края, представляетъ тоже немалый интересъ. Всего, нужнаго для обзаведенія на новомъ мѣстѣ, колонистъ вывезти съ собой не можетъ, а если и вывезетъ, то инструментъ и утварь требуютъ починки, ремонта. Ремесленниковъ русскихъ на Дальнемъ Востокѣ взять негдѣ: ихъ и въ русскихъ деревняхъ мало. При этихъ условіяхъ сосѣдство страны, кишащей ремесленниками, является настоящимъ даромъ боговъ. Что былъ бы Петербургъ 70 лѣтъ тому назадъ безъ ремесленниковъ-нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ?

Наша мелкая промышленность была поставлена такъ плохо, что одна уже иностранная фамилія мастера служила рекомендаціей. Не только издѣлія, служащія для комфорта, даже грубые золотопромышленные инструменты: ломы, кайлы, лопаты, топоры, молоты на пріискахъ получались въ Амурскомъ краѣ изъ Америки. Возможность имѣть по сосѣдству ремесленника, рынокъ, центръ производства значительно облегчала бы трудную работу колонизатора. Если Японія мѣшала и мѣшаетъ намъ теперь въ нашихъ планахъ, то представимъ себѣ на минуту, что весь японскій архипелагъ населенъ сотнями тремя тысячъ какихъ-нибудь аиновъ или игорротовъ. Допустимъ еще (тоже невѣроятную вещь), что вплоть до договора, отдавшаго въ наше владѣніе уголокъ отъ устья Уссури до моря, ни одна изъ морскихъ державъ не позаботилась захватить эти заманчивые острова. Лучше ли было намъ, если бы передъ нами стояла не культурная Японія, а пустырь? Неужели къ заботамъ и непосильному труду колонизаціи сибирскихъ дебрей полезно было бы прибавить еще новую задачу, колонизацію цѣлаго архипелага. Есть предѣлы экстенсивнаго развитія государства, которые нельзя нарушать безнаказанно. Если сама Японія развила культуру на островахъ восточнаго океана, такъ вѣдь это стоило ей тысячелѣтняго труда. Мы же, при нашихъ громадныхъ пространствахъ, могли бы заселить кое-какъ эту территорію только на счетъ ослабленія плотности центра и при громадныхъ затратахъ изъ государственнаго бюджета на счетъ настоятельнѣйшихъ нуждъ центра. Японія существуетъ, благодаря мелкой интенсивной культурѣ, равной которой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Какъ бы справились съ этой

задачей мы и во сколько вѣковъ? Многое указываетъ, что колонизаціонная сила русской національности близка къ предѣлу. Какъ объяснить, напримѣръ, уступку нашихъ американскихъ владѣній? Не нужда же въ той скромной суммѣ денегъ, которая за нее заплачена, вызвала эту уступку. Просто у насъ не хватило силъ не только утилизировать, но и развѣдать эту страну, а защитить ее мы и теперь бы не могли: давно бы ужъ цѣлые десятки милліардовъ достали японцы подъ Клондайкомъ. Затѣмъ мы обмѣняли на южный Сахалинъ Курильскіе острова; но и Сахалинъ у насъ тоже остается не использованнымъ, какъ и бывшая у насъ островная гряда. Пользуются югомъ Сахалина, главнымъ образомъ, тѣ же японцы. Сахалинъ для насъ до сихъ поръ только каторжная колонія, которая сама себя прокормить не можетъ. Послѣ освобожденія отъ монголовъ вся сила и предпріимчивость русскаго народа ушла въ колонизаціонную работу, и эта интенсивная работа задержала работу внутреннюю, работу надъ своей жизнью, надъ своими учрежденіями. Завоеваніе Сибири, колонизація на Востокѣ сыграли не малую роль въ развитіи крѣпостного права, какъ это подмѣтилъ одинъ изъ нашихъ историковъ, Фирсовъ. Открылись новыя земли, и работникъ, вмѣсто того, чтобы оставаться на землѣ помѣщика подъ условіемъ обязательнаго труда, толпами шелъ въ Сибирь. Тамъ его ждали незанятыя земли, кроткіе, запуганные инородцы, надъ которыми онъ самъ могъ сдѣлаться помѣщикомъ. Народъ отъ этого Drang nach Osten удерживали принудительными мѣрами. И теперь, въ недавнее время, при началѣ переселенческаго движенія, поднимали вопль помѣщики, боясь остаться безъ дешевыхъ работниковъ. Чисто мирная, культурная работа, которая идетъ у насъ такъ медленно, дѣлаетъ для насъ самыя заманчивыя новыя пріобрѣтенія подарками данайцевъ, особенно когда въ результатѣ являются бѣдствія войны, какъ въ настоящее время. Расположенные въ срединѣ стараго континента, мы не пользуемся выгодами своего центральнаго положенія, какъ, напримѣръ, Германія. Роль послѣдней можетъ перейти постепенно къ намъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ нашихъ успѣховъ на пути просвѣщенія и культуры.

Мы должны, во что бы то ни стало, стать въ ровень съ культурой европейской, не щадя ни силъ, ни издержекъ, оставляя въ сторонѣ всякія иныя соображенія честолюбія и жажды славы. Роль наша въ центрѣ континента становится особенно серьезной и важной въ виду культурнаго воскресенія Востока. Не сегодня, такъ завтра намъ необходимо будетъ подготовиться къ этой роли.

Д. Клеменцъ.

Новыя книги.

И. Ѳ. Генигинъ. Прибалтійскіе напѣвы. Стихотворенія. Рига. 1905.

Робкіе звуки. Стихотворенія **Ольги Лье.** Спб. 1904 г.

Что интересуетъ и волнуетъ современныхъ стихотворцевъ? Передъ нами двѣ книги, принадлежащія, очевидно, начинающимъ.

Не смотря на небольшіе размѣры книжки г. Генигина, надо употребить нѣкоторое усиліе воли, чтобы дочитать ее до конца. Раздѣлена она на четыре части, соотвѣтственно темамъ, занимающимъ поэта. Первая запечатлѣна самымъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Г. Генигинъ призываетъ Русь „встрепенуться для дѣлъ великихъ", угрожая (довольно, впрочемъ, безобидно) злому недругу:

Русь сильна молитвой,
Не сразима битвой.
Не тебѣ тягаться,
Силою мѣряться
Съ Русью въ полѣ бранномъ,
Кровью окропленномъ.

И такъ далѣе... Вторая и третья части переполнены жалобами на тоску, снѣдающую автора. Читаешь его „Неву", „Утесъ", „Ручей", „Двину" и проч., и проч., и проч.—и безнадежную тоску навѣваетъ этотъ потокъ блѣдныхъ словъ, блѣдныхъ фразъ, блѣдныхъ выраженій, льющихся безъ конца. Даже нелѣпыя риѳмы и „поэтическія" вольности не въ силахъ разбудить читателя отъ овладѣвающей дремы...

Утро жизни свѣтло разгоралося,
Но о полдень гроза разыгралася;
Что въ мечтахъ цвѣло и думалось,
Жизни истина надъ всѣмъ *понадглумилась.*

За то четвертая часть „напѣвовъ" посвящена почти цѣликомъ пѣснямъ любви, проникнутымъ своеобразной жизнерадостностью:

За днями потерь и сердечныхъ обидъ
Явился день яркій—онъ счастьемъ облитъ,
Онъ свѣтитъ и манитъ *на* синюю даль,
И въ немъ я кружуся (?) — *мнѣ нечего жаль!..*

Или:

О, чудный даръ, языкъ очей!
Не надо намъ иныхъ рѣчей,
Глаза горятъ и говорятъ,
Два сердца *милыми творятъ...*

Все это прекрасно, но... но при чемъ тутъ „*Прибалтійскіе* напѣвы?“ Не потому же вся книга стиховъ такъ называется, что въ самомъ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ уговариваетъ свою знакомую N. N. оставить

Балтовъ край злосчастный
Его судьбѣ — его сынамъ,

или что два—три стихотворенія посвящены Невѣ и Двинѣ?.. Не только въ Ригѣ, но и во всякомъ россійскомъ городѣ можно встрѣтить такихъ тоскующихъ гимназистовъ, но теперь они менѣе интересны, чѣмъ когда-либо...

Если бы въ газетахъ, журналахъ и отдѣльныхъ сборникахъ не появлялось такого удручающаго множества стиховъ, порой довольно приличныхъ по формѣ, то и „робкая“ муза г-жи Ольги Лье, можетъ быть, нашла бы себѣ укромный уголокъ у подножія русскаго Парнаса.

Блѣдно-синяя мгла
Пеленою легла
На стремнины и дальнія горы:
Изъ-за горъ, изъ-за скалъ,
Словно ясный металлъ,
Заблистало глубокое море.
Заблистало оно
И слилося въ одно
Съ небосводомъ. И тихо, и странно:
Въ небесахъ синева—
Полусонна, мертва;
На землѣ—ни свѣтло, ни туманно.

Этотъ „Разсвѣтъ послѣ грозы“ ничѣмъ не хуже тысячи другихъ „Разсвѣтовъ“, „Утръ“ и „Закатовъ“, издавна тянущихся безконечной вереницей передъ глазами русской читающей публики. Въ общемъ нисколько не хуже ихъ и слѣдующая картинка:

Какая благодать! Какая тишина...
Повѣяло тепломъ съ высокихъ облаковъ.
Спокоенъ моря блескъ: не плещется волна,
Не бьется о гранитъ суровыхъ береговъ.
Въ безмолвіи ночномъ, въ сіяніи луны—
Такъ много красоты, такъ много новизны,
Что глазъ не узнаетъ давно знакомыхъ мѣстъ:
Зеленый пышный кустъ *и даже голый шестъ*,
Какъ будто, обвились серебряной парчей!
И чудится тебѣ, что въ эту ночь и ты
Нашелъ въ своей душѣ частицу красоты,—
И хочется любить, любить весь міръ земной!

Только вотъ этотъ „голый шестъ“ немножко колетъ глаза. И на 170 страничкахъ сборника г-жи Ольги Лье такихъ голыхъ шестовъ попадается не мало... Особенно въ ея „идейныхъ“ стихотвореніяхъ шестомъ торчитъ всегда тенденція, свидѣтельствую-

щая, правда, о гуманныхъ чувства поэтессы, но не выходящая изъ круга довольно элементарныхъ житейскихъ отношенiй.

Читаешь и думаешь: какъ далеко все это отъ того, чѣмъ живетъ въ настоящую минуту Россiя!

Нижегородскiй сборникъ. Изд. товарищества „Знанiе". Спб. 1905.

Въ отличiе отъ обычныхъ выпусковъ сборника „Знанiя", „Нижегородскiй сборникъ", выпущенный тѣмъ же книгоиздательствомъ (въ пользу общества взаимопомощи учащихъ Нижегородской губернiи—на устройство общежитiя для учительскихъ дѣтей), имѣетъ смѣшанный характеръ, и въ немъ, кромѣ произведенiй изящной литературы и матерiаловъ для характеристикъ (А. П. Чехова и В. Г. Короленко), имѣются статьи и по другимъ отдѣламъ литературы.

Своеобразный интересъ представляютъ „Отрывки изъ воспоминанiй объ А. П. Чеховѣ" г. Горькаго. Говоримъ: „своеобразный", потому что вспоминать всегда значитъ переводить то, что вспоминаешь, на языкъ своихъ собственныхъ воззрѣнiй, симпатiй и отношенiй къ людямъ. Но оба писателя—Чеховъ и М. Горькiй—такъ непохожи одинъ на другого по своей индивидуальности, что „переводъ" въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ. Наличность такого „перевода" очень ясно сказывается въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, вспоминаемыхъ г. Горькимъ. Таковы, напр., разсказы автора воспоминанiй о томъ, какъ Чеховъ бесѣдовалъ съ тремя посѣтительницами о мармеладѣ вмѣсто греко-турецкой войны, а съ „красивенькимъ товарищемъ прокурора" о граммофонѣ вмѣсто вопроса о томъ, правъ или неправъ въ чеховскомъ „Злоумышленникѣ" слѣдователь, отправившiй Дениса въ тюрьму за отвинченную гайку. Такъ же вѣроятна наличность „перевода" и въ разсказѣ г. Горькаго о томъ, какъ Чеховъ однажды подтвердилъ дамѣ, жаловавшейся на свою скуку жить (тоже посѣтительницѣ), что у нея дѣйствительно болѣзнь—болѣзнь, которая „по-латыни называется morbus pritvorialis"... Не сомнѣваемся, что все было именно такъ, какъ разсказываетъ г. Горькiй, но столь же несомнѣнно для насъ, что въ дѣйствительности не было той... „простоты", какая чувствуется въ „переводѣ", не смотря на ремарки автора воспоминанiй, что Чеховъ говорилъ „ласково" и „съ кроткой, любезной улыбкой", а о болѣзни, которая по латыни называется „морбусъ притворялисъ" говорилъ „убѣжденно", причемъ „дама, къ ея счастью, видимо, не знала по-латыни, а можетъ быть, скрыла, что знаетъ"... Замѣтимъ, что вѣдь все это были *гости* Чехова, хотя бы непрiятные, и притомъ *женщины*, съ которыми обычно сдерживаются даже несдержанные люди.

Вообще, приходится замѣтить, что въ изображенiи г. Горькаго Чеховъ является то немножко страннымъ (напр., когда онъ объя-

сняетъ самому себѣ или г. Горькому, что „неблагонадежность“— „глупое слово, которымъ хитрые люди пугаютъ дураковъ“), то изрядно, какъ мы видѣли, грубымъ. И это обстоятельство, естественно, лежитъ на отвѣтственности г. Горькаго передъ памятью Чехова... Отмѣтимъ еще одинъ характерный эпизодъ. Въ передачѣ г. Горькаго—Чеховъ литературныхъ критиковъ сравнилъ однажды со слѣпнями, которые сидятъ *на крупѣ* у лошади (художника-писателя), когда та работаетъ такъ, что всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... Пусть все это было такъ, и Чеховъ именно такъ и выразился. Но думалъ ли онъ, что это когда-нибудь попадетъ въ печать? И для чего нуженъ этотъ „красочный“ отзывъ Чехова? Въ чьихъ онъ интересахъ? Въ интересахъ памяти Чехова? Въ интересахъ русской литературы? Въ интересахъ литературнаго имени самого г. Горькаго?—Думаемъ, что это ни въ чьихъ интересахъ.

Разсказъ г. Телешова „Случай“ задуманъ необычно и интересно (полузамерзшій итальянецъ съ обезьяной за пазухой, неизвѣстно какъ попавшій на улицу большого русскаго города, въ трескучій морозъ обращается за помощью къ такимъ же закоченѣвшимъ босякамъ; заинтересованные обезьяной, босяки оказываютъ итальянцу дѣятельную помощь и, въ концѣ концовъ, отправляютъ его на родину, на средства, добытыя „со взломомъ“— въ винной лавкѣ); но разсказу мѣшаетъ тонъ, въ которомъ онъ выдержанъ. Г. Телешову не удалось главное, что могло составить красоту разсказа: не удалось сохранить босяковъ реальными босяками, т. е. обычно голодными и озлобленными людьми, и потому разсказъ нерѣдко принимаетъ идиллическую окраску.

Сказать, что тяжелый разсказъ г-жи Пустынниковой („Дунька“) недурно написанъ, быть можетъ, значитъ—сказать, что онъ можетъ оставить у читателя чувство нѣкотораго удовлетворенія прочитаннымъ. Но именно этого-то и нельзя сказать о разсказѣ г-жи Пустынниковой: единственное чувство, которое онъ оставляетъ при чтеніи, это—желаніе не вѣрить, что разсказанное возможно, что это—быль въ литературной передачѣ, а не вымыселъ, тягостный и ненужный. Но не вѣрить не приходится: г. Горькій въ своемъ разсказѣ „Дѣвочка“ (послѣсловіи къ „Дунькѣ“) не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что дѣйствительность „на днѣ“ можетъ быть страшнѣе всякаго вымысла...

„Большой Человѣкъ и Маленькій Человѣкъ“ вѣчно боролись въ душѣ героя г. Тимковскаго, и герой всегда былъ на сторонѣ „Маленькаго Человѣка“, также какъ и любимая имъ женщина, потому что въ душѣ у нея тоже вѣчно торжествовала „Маленькая Женщина“. И это неизмѣнное приниженіе „Большого Человѣка“ было обоимъ пріятно и понятно, „пока къ мужу не подкралась смерть“. Только тутъ любимой женщинѣ стало больно и непонятно, какъ могла она помогать любимому человѣку хоронить въ

себѣ заживо „Большого Человѣка“, который теперь сталъ и дорогъ, и близокъ... Вотъ суть небольшой вещицы г. Тимковскаго, тепло написанной (въ концѣ) и нѣсколько пострадавшей отъ монотонной симметричности борьбы между „Большимъ“ и „Малымъ Человѣкомъ“, составляющей содержаніе первыхъ главокъ.

На ту же тему о двухъ душахъ въ человѣкѣ написанъ одинъ изъ эскизовъ г. Андреева. Герой „Марсельезы“ всю жизнь прожилъ въ качествѣ „маленькой свиньи“, а умирая въ тюрьмѣ, куда его забросила ошибка, среди чуждыхъ ему, казалось, по духу людей, онъ обращается къ нимъ съ единственной просьбой: пропѣть надъ его трупомъ пѣсню свободы „милой Франціи“, пропѣть марсельезу... И впервые не онъ плакалъ (умоляя о чемъ нибудь), а надъ нимъ плакали его случайные товарищи,—„всѣ до единаго“... „И какъ огонь, отъ котораго бѣгутъ дикіе звѣри, горѣли наши слезы“,—говоритъ разсказчикъ въ томъ холодно-краснорѣчивомъ (общемъ для всѣхъ эскизовъ г. Андреева) тонѣ, который не можетъ не становиться раздѣляющею стѣнкой между авторомъ и читателемъ, если послѣднему никогда не приходилось видѣть слезъ, похожихъ на огонь, отъ котораго „дикіе звѣри“ обращаются въ бѣгство.

С. А. Ан—скій. Разсказы. Томъ I. Спб. 1905.

Среди еврейскихъ бытописателей, успѣшно выдвинувшихся за послѣдніе годы, г. Ан—скій занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Онъ недавно получилъ извѣстность, но пишетъ уже давно, около четверти вѣка. Онъ старшій въ этой группѣ молодыхъ писателей, безстрашно раскрывающихъ для себя и для другихъ душу и нравы родного народа; онъ старше ихъ настолько, что былъ бы вполнѣ умѣстенъ вопросъ, почему же онъ, представитель старшаго поколѣнія, долженъ быть отнесенъ къ этой группѣ литературной молодежи, заявившей себя значительно позже. Отвѣтъ въ характерныхъ чертахъ его литературной физіономіи. Старый еврейскій бытописатель былъ по преимуществу апологетомъ; онъ не изображалъ — онъ защищалъ. Ему казалось, что можно что нибудь сдѣлать разъясненіями тамъ, гдѣ предполагались заблужденія, онъ противопоставлялъ клеветамъ опроверженія и даже панегирики; онъ не изучалъ—онъ старался только доказать, что евреи тоже люди, что они тоже хотятъ и должны жить, что они бываютъ добродѣтельны: положенія, въ доказательствахъ, кажется, не нуждающіяся. Новые еврейскіе бытописатели не то, что отвергли эту адвокатскую точку зрѣнія: они просто прошли мимо нея, поднимаясь выше. Они отказались отъ тенденціи, отказались отъ настойчиваго желанія что-нибудь доказывать; ибо прежде писали для другихъ, ins Fenster hinaus какъ говорятъ нѣмцы, теперь стали писать для себя.

Было бы заблужденіемъ полагать, что эта перемѣна въ литературныхъ пріемахъ вытекла изъ какого-то стремленія къ художественной объективности: если въ результатѣ получилась объективность, она вышла изъ желанія знать правду, знать ее для себя. Безстрашіе стало отличать новыхъ изобразителей еврейской жизни.

Среди нихъ г. Ан—скій выдается этимъ увѣреннымъ спокойствіемъ. Въ его характеристикѣ, напечатанной съ годъ назадъ во французской „Revue", разсказано, какъ одна изъ его повѣстей не могла появиться въ прогрессивномъ журналѣ по той причинѣ, что изъ нея могли быть сдѣланы антисемитскіе выводы. Повѣсть была напечатана въ „Восходѣ" и теперь вошла въ сборникъ г. Ан—скаго. Конечно, нѣтъ того еврейскаго матеріала — вплоть до стихотвореній Гейне и статуй Антокольскаго, — изъ котораго не дѣлались бы антисемитскіе выводы; они дѣлаются вѣдь и изъ Ветхаго Завѣта. Но если есть писатель, который не обращаетъ вниманія на возможность такого нападенія изъ-за угла, то это г. Ан—скій. Еврей — кабатчикъ, еврей — мелкій жуликъ, еврей—подрядчикъ, живущій потомъ и кровью бѣдняка-единовѣрца: все это найдетъ изображеніе у Ан—скаго. Что ему до того, что найдутся клеветники и изувѣры, которые радостно завопятъ: ага, евреи сознаются въ своихъ грѣхахъ. Онъ знаетъ, что лгать и клеветать будутъ и безъ его „сознанія", онъ знаетъ, что правда жизни, имъ добытая, неповинна въ этой клеветѣ. Но иногда онъ идетъ и дальше: онъ даетъ несомнѣнный матеріалъ для уличенія въ томъ, что до сихъ поръ отвергалось; онъ прямо говоритъ: „вы ставите намъ въ вину такіе-то факты и отношенія; я не стану отрицать факты; я покажу вамъ ихъ во всей ихъ глубинѣ. Пусть честный человѣкъ поставитъ ихъ намъ въ вину".

Это болѣе всего относится къ разсказу „Мендель-Турокъ", о которомъ шла рѣчь выше. Трудно съ большей силой и наглядностью изобразить всю глубину отчужденія простого традиціоннаго еврейства отъ общегосударственной жизни того народа, съ которымъ оно связано формами политическаго сожительства. У этого міра, замкнутаго религіознымъ міровоззрѣніемъ, своя культура, свое просвѣщеніе, свои идеалы. Дѣло происходитъ болѣе четверти вѣка назадъ; русско-турецкая война, захватившая своимъ потокомъ столь многихъ, раздѣлила маленькую еврейскую общину на два лагеря: одни стоятъ за русскихъ, другіе—и такихъ большинство—за турокъ. Эти люди чувствуютъ себя свободными въ выборѣ; имъ безконечно чуждъ тотъ русскій міръ, который окружаетъ ихъ. Но имъ и вообще чужда та жизнь, которая создаетъ и разрушаетъ государства, которая ведетъ войны и заключаетъ договоры. Политика вторглась насильно въ ихъ жизнь и заняла на мгновеніе, какъ любопытная теоретическая задача, какъ новый казусъ—одинъ изъ тѣхъ, которые они привыкли такъ

тонко и такъ абстрактно рѣшать въ своихъ талмудическихъ словопреніяхъ. Но все это—временное, случайное, преходящее: дѣломъ жизни для пламеннаго пытливаго Менделя остается „горній Іерусалимъ"—благоговѣйное изученіе сокровеннаго смысла писанія. Ни малѣйшимъ образомъ не задѣлъ міровоззрѣнія Менделя ни бурный потокъ событій, пронесшихся мимо него, ни знакомство съ разсказчикомъ — представителемъ иныхъ, свободныхъ взглядовъ. Эта встрѣча двухъ міровоззрѣній становится любимой темой г. Ан—скаго. Онъ охотно оттѣняетъ свое мягкое, дружелюбное отношеніе къ старому еврейству; это мягкость побѣдителя; онъ уже не борется съ традиціей; съ еле замѣтной усмѣшкой онъ отмѣчаетъ только, какъ наивно-высокомѣрно было это религіозное міровоззрѣніе, даже не подозрѣвавшее величія той обширной культурной работы, которая дѣлалась помимо него. „Если вы имѣете жажду—говоритъ Мендель разсказчику—и передъ вами источникъ живой и чистой воды, пойдете вы искать лужу? Вся мудрость, которая была, есть и будетъ—находится въ талмудѣ. Это ясно, какъ день... Ну! вы говорите „философскія книги". Сто разъ—философскія. Если въ нихъ есть какая-нибудь глубокая мысль, она, конечно, взята изъ талмуда"... И авторъ не возражаетъ. Онъ знаетъ, что не доводами отъ разума можно бороться съ этимъ законченнымъ и неподвижнымъ складомъ мысли. Жизнь побѣдоносно справляется съ нимъ,—и съ любовнымъ вниманіемъ, какъ къ своему невозвратному прошлому, можетъ отнестись къ отжившему міровоззрѣнію только тотъ, кто самъ прошелъ черезъ его дебри, кто знаетъ, какъ безповоротно оно отмѣнено исторіей. Эта мягкость въ оцѣнкѣ прошлаго представляется намъ характерной для литературной физіономіи г. Ан—скаго. Онъ знаетъ смыслъ борьбы, но онъ любитъ примиреніе. Въ этомъ настроеніи онъ держитъ читателя; съ чувствомъ близости онъ разстается съ нимъ.

Ю. Л. Елецъ. Изъ моихъ скитаній. Спб. 1905.

„Это скорѣе всего негативы", — говоритъ въ предисловіи авторъ о выборкахъ изъ путевого дневника, составившихъ его книгу. Онъ, разумѣется, не чувствовалъ, какъ фатальна для него эта метафора: негативъ вѣдь изображаетъ чернымъ то, что въ дѣйствительности бѣло, и наоборотъ. Читателю, если такого найдетъ сочиненіе г. Ельца, не разъ придется вспомнить объ удачной метафорѣ предисловія.

Книга открывается эпиграфомъ, изъ пушкинскаго „Пиндемонте":

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусства и вдохновенья

Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе противоположнаго этому индивидуалистическому символу вѣры, чѣмъ воззрѣнія и впечатлѣнія автора.

Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли мнѣ равно?—

говорилъ поэтъ. А удалому г. Ельцу совсѣмъ не равно: съ властями онъ споется, зависѣть отъ народа онъ не хочетъ. Онъ прежде всего политикъ, а къ искусству, о которомъ заявляетъ его эпиграфъ, онъ имѣетъ весьма отдаленныя отношенія. Съ развязностью бывалаго человѣка, онъ написалъ не вполнѣ грамотную, но очень патріотическую книгу. Правда, онъ писалъ ее, по своимъ запискамъ, въ Мукденѣ и, потому, послѣ восторженнаго описанія маневровъ въ Царствѣ Польскомъ, съ грустью размышляетъ о томъ, „какой пустой игрой въ солдатики мы занимались, наивно воображая, что дѣлаемъ большое военное дѣло!“ Однако, патріотическій восторгъ преобладаетъ, подчасъ доходя до разсказовъ о томъ, что во время знаменитыхъ тулонскихъ торжествъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ, во французскихъ „типографіяхъ не доставало буквы s, которыя пришлось отливать вновь: такъ часто повторялось слово „Russie“. Очень жаль, что авторъ не сообщаетъ, какъ поступили практичные французы съ этими лишними литерами послѣ отъѣзда русскихъ моряковъ... Не менѣе трогательна наивность, съ которой г. Елецъ сообщаетъ, что колоннады римскаго храма св. Петра „напоминаютъ наши казанскаго собора“. Хитрецъ этотъ Микель Анджело: прошелся по Невскому и построилъ у себя колоннаду на манеръ казанской!.. Въ Помпейскомъ музеѣ г. Елецъ видѣлъ „окаменѣлые трупы людей“. Напрасно онъ такъ невнимательно читалъ свой путеводитель, по которому въ другихъ случаяхъ писалъ цѣлыя страницы, удивляющія всеобъемлющей ученостью: онъ узналъ бы, что это не окаменѣлости, а гипсовые слѣпки по сохранившимся въ пеплѣ формамъ истлѣвшихъ тѣлъ... Вообще г. Елецъ видѣлъ многое, но, конечно, лишь въ предѣлахъ своего умственнаго горизонта. Интересовался онъ, въ качествѣ спеціалиста, дѣломъ военнымъ и исправно отмѣчаетъ, гдѣ и какъ ему понравились женщины, какъ поставлена кавалерійская ѣзда, какъ исполняются „плечомъ въ манежъ“, „по барьеру“, „ранверсы“, „траверсы“ и т. п. Но въ наше время—кто чуждъ иныхъ вопросовъ? Естественно, что, встрѣтившись на пароходѣ, по дорогѣ въ Египетъ, съ Владиміромъ Соловьевымъ, г. Елецъ постарался „навести разговоръ на философскій характеръ“ и поискать отвѣтовъ на многіе занимающіе его вопросы. „Но, сдѣлать это было не легко. Владиміръ Сергѣевичъ, шагая по палубѣ, все не выходилъ изъ своей

задумчивости, когда, наконецъ, моя фраза о кажущейся мнѣ бозцѣльности существованія, начиная со всего насъ окружающаго и кончая нашимъ собственнымъ „я“—вывела изъ спокойнаго состоянія, и рѣчь его полилась волной. Я жадно старался уловить тезисы этого чуднаго религіозно-мистическаго потока словъ и мыслей, пытался хоть какъ-нибудь приподняться до высоты его міросозерцанія *и, увы, не могъ*. Но въ то же время я почувствовалъ на себѣ всю мощь этой нечаянной проповѣди“.

Блестящія доказательства глубины этой новой вѣры мы имѣемъ на ближайшихъ страницахъ. Уже въ Александріи пытливый путешественникъ сообщилъ проповѣднику, что желаетъ попробовать арабской кухни и „ухаживать только за мѣстными женщинами“; проводникъ, разумѣется, предложилъ свои услуги „по сей части“, но г. Елецъ отвѣтилъ: „нѣтъ, это я уже отложу до Каира“. Въ Каирѣ внезапный и пламенный ученикъ и почитатель Владиміра Соловьева былъ таки увлеченъ къ „алме“, гдѣ смотрѣлъ пляски голыхъ женщинъ; посѣщеніе каирскаго публичнаго дома г. Елецъ описываетъ на нѣсколькихъ страницахъ, и не безъ подробностей. Ему здѣсь не понравилось, какъ не понравилось и въ греческомъ парламентѣ. Конечно, путешественнику, столь бывалому, угодить не легко, а г. Елецъ видѣлъ такъ много... Онъ „продѣлалъ“ критское „усмиреніе“ и достопамятныя тулонскія торжества, когда „французскія дамы прятали на память перчатки, къ которымъ прикасались руки русскихъ офицеровъ“. Онъ пилъ шампанское на вершинѣ пирамидъ съ Владиміромъ Соловьевымъ; онъ смотрѣлъ на сфинкса съ Э. Л. Радловымъ, котораго считаетъ академикомъ; онъ охотился въ Испаніи на воробьевъ съ своимъ другомъ барономъ Народьядинине, по сценѣ знаменитымъ пѣвцомъ Баттистини. Если онъ не обѣдалъ съ Дарданеллами, то только потому, что это сдѣлалъ до него другой путешественникъ.

Л. Волковъ. Что нужно? Кіевъ, 1904 г.

Его же. Война и наша полуинтеллигенція. Кіевъ, 1905 г.

„Что нужно?“—это, оказывается, не окрикъ будочника, а вопросъ: что нужно Россіи? Но смыслъ выходитъ тотъ же самый. Нужно дать отпоръ „крикунамъ, требующимъ ломки нашего государственнаго строя“. Все это „полуинтеллигенты“, иностранцы и евреи. Вся бѣда въ томъ, что „трудъ теперь не въ модѣ, а требуются широкія реформы“. Нужно продолжать войну. Резоны? Какіе тамъ резоны! „Вспомнимъ 1863 годъ. Какъ теперь японцы готовились въ теченіе нѣсколько лѣтъ къ войнѣ, а мы не замѣчали этого, такъ съ конца 50-хъ годовъ готовились къ возстанію поляки, но мы не замѣчали этихъ приготовленій. Возстаніе вспыхнуло въ январѣ 1863 года, заставъ насъ совершенно неподготовленными.

И за эту неподготовленность и ошибки въ первое время возстанія намъ пришлось платиться. Болѣе полугода мы не могли справиться съ возстаніемъ... Вожаки полуинтеллигенціи, какъ и теперь, подняли головы, развивалась революціонная пропаганда, подъ вліяніемъ которой народъ сталъ бунтовать. Вслѣдствіе этого и интригъ Наполеона III положеніе было весьма серьезное, но мощный голосъ Каткова, энергія Муравьева и принятіе правительствомъ рѣшенія покончить съ возстаніемъ, привели къ подавленію его, къ полной побѣдѣ русскаго дѣла". Выводъ ясенъ... Или вы все еще не убѣждены? Напрасно вы сомнѣваетесь! „Подкупленные и неподкупленные вожаки нашей полуинтеллигенціи", въ концѣ концовъ, непремѣнно „должны будутъ уступить свое мѣсто въ литературѣ, печати и въ другихъ областяхъ жизни людямъ дѣйствительно просвѣщеннымъ", во главѣ которыхъ надо подразумѣвать именно г-на Л. Волкова, изъ Кіева. Видите ли, въ чемъ дѣло: „Шайка этихъ вожаковъ сплочена и неразборчива въ средствахъ. Многіе изъ нихъ готовы выставить себя даже *потретами*, когда этого требуютъ обстоятельства. Но здравый смыслъ, которымъ всегда отличался русскій человѣкъ, поможетъ отличить искреннихъ людей отъ неискреннихъ и *корьеристовъ*" (Война и наша полуинтеллигенція", стр. 11). Такъ что, въ сущности, не все еще потеряно, и унывать нѣтъ никакой необходимости. Конечно, мы не знаемъ, готовъ ли г. Л. Волковъ тотчасъ же „выставить себя потретомъ" (а это было бы очень интересно!). Но зато, въ качествѣ дѣйствительно просвѣщеннаго человѣка, онъ могъ бы немедленно вытѣснить полуинтеллигентовъ изъ „литературы и печати", не говоря уже о другихъ областяхъ жизни", только вотъ грамотѣ бы ему чуть чуть подучиться!...

---

1) „Библіотека Горбунова-Посадова": **Павлиній глазъ,** разсказъ **С. Орловскаго,** съ рисунками Н. Живаго и др., 1904; **Капитанъ Январь,** съ англ. перев. **Е. Б.**, съ 22 рис., 1904.

2) „Библіотека нашихъ дѣтей" (изд. О. Н. Поповой): **Сестра Вѣрочка,** повѣсть для юношества—**А. Бостромъ.**

3) „Библіотека для семьи и школы" (изд. ред. „Дѣтск. Чтен."): **Весенніе гости,** стихотворенія **И. А. Бѣлоусова,** съ рисунками, 1905; **Сударь Пантелей—Свѣтъ Ивановичъ,** новгородское преданіе,—**Д. Н. Мамина-Сибиряка,** съ рисунк., 1904; **Княжой отрокъ,** историческая повѣсть изъ преданій XIII вѣка,—**Г. Т. Сѣверцова (Полилова),** съ рис. Н. Д. Бартрамъ, 1905.

4) **Русскія былины.** Выпускъ I: „Богатыри кіевскіе", съ 46 рис. И. Полушкина; выпускъ II: „Уральцы Новгородскіе и другіе", съ 27 рис. О. П. Лазаревой (Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1904 г.)

Авторъ „Павлиньяго глаза", повидимому, руководился не литературными соображеніями, а чисто педагогическими, стремясь возбу-

дить въ своихъ читателяхъ отрицательное отношеніе къ ловлѣ и коллекціонированію бабочекъ въ видѣ спорта. Это невыгодно отразилось и на интересѣ, который должна представлять его книжка для юныхъ читателей и на внутренней правдивости нѣкоторыхъ эпизодовъ — въ родѣ того, что разсказчица-курсистка „кричитъ отъ восторга", завидѣвъ желанный экземпляръ бабочки (Павлиній Глазъ), а затѣмъ, всего черезъ нѣсколько минутъ, когда бабочка поймана и умерщвлена ея руками, потрясенная сдѣланнымъ, долго стоитъ „на колѣняхъ въ травѣ, съ сѣткой у ногъ" и съ мертвой бабочкой на ладони, чувствуетъ жгучее раскаяніе и „проклинаетъ свою грубую жадность". Это грубо подчеркнуто и потому психологически неправдоподобно, а слѣдовательно и не должно имѣть мѣста въ дѣтскомъ разсказѣ (разсказъ, вопреки мнѣнію автора, конечно, не „для юношества"), какъ бы ни были похвальны конечныя цѣли разсказчика.

Такъ же похвальна по конечной цѣли—пробудить жажду знанія и самоопредѣленія—„повѣсть для юношества" г-жи Востромъ, но страдаетъ тѣмъ же неправдоподобіемъ въ психологическомъ построеніи, какъ и разсказъ г. Орловскаго.

Безымянный авторъ разсказа „Капитанъ Январь" не поучаетъ и, на нашъ взглядъ, ставитъ себѣ (неудачно выполняя) правильную литературную задачу. Дѣтямъ не нужны ни уроки морали—въ прозѣ и стихахъ, ни жалостливыя (непремѣнно „жалостливыя") исторіи о человѣческой нуждѣ и страданіяхъ, такъ расточительно расходующія дѣтскіе нервы и дѣтскія слезы и вмѣстѣ съ тѣмъ создающія привычку смотрѣть на міръ нуждающихся только сверху внизъ, съ чувствомъ сострадательной жалости, которое всегда немножко сродни презрѣнію. На нашъ взглядъ, нужно другое—нужно, чтобы маленькіе читатели могли любить, а не жалѣть (*только* жалѣть). Но вѣдь любить нужно за что-нибудь. Дайте же маленькимъ читателямъ людей, которыхъ стоитъ любить, и пусть, лучше всего, это будетъ бодрый и даже веселый разсказъ.

Изобразить такихъ людей, которыхъ стоитъ любить, и поставилъ себѣ задачею авторъ „Капитана". Къ сожалѣнію, авторъ не выдержалъ тона реалистическаго разсказа и сочинилъ не „разсказъ", а какую-то неправдоподобно-сладостную „симфонію въ розово-голубомъ", если воспользоваться терминомъ модернистовъ-художниковъ... Въ разсказѣ прелестная дѣвочка-героиня, прелестный дѣдушка-сторожъ на маякѣ, прелестный лоцманъ Бобъ, прелестные тетя Мортонъ и дядя Мортонъ. Кончается разсказъ смертью „дѣдушки", но и смерть оказывается одѣтою въ розово-голубой нарядъ, а потому не отталкиваетъ.—Дѣтямъ книга чрезвычайно нравится, и очень жаль, что она не можетъ быть рекомендована съ чисто-художественной стороны, такъ какъ не можетъ содѣйствовать

воспитанію здороваго художественнаго чувства у маленькихъ читателей.

Очень хорошъ сборникъ стихотвореній г. Бѣлоусова: „Весенніе гости“. Стихотворенія просты, поэтичны (хотя мѣстами шероховаты) и проникнуты искренней любовью къ русской природѣ и къ русской деревнѣ: поэтъ близко чувствуетъ и весеннее возрожденіе природы, которое онъ превосходно передалъ въ стихотвореніи „Христосъ Воскресъ“, и осеннее умираніе природы, когда

Какъ будто окончилась сказка...

—сказка лѣтняго солнца, рѣки съ серебряною гладью, зеленыхъ полей, цвѣтущихъ полянъ и поющихъ „весеннихъ гостей“:

Пустынно, безлюдно кругомъ;
И солнца осенняго ласка
Не грѣетъ бывалымъ тепломъ.

Остальныя два изданія редакціи „Дѣтскаго чтенія“—историческаго характера. „Сударь Пантелей“—историческій шаржъ о побѣдномъ (случайно) вторженіи московскаго мужика-пахаря на гулявющую впустѣ землю новгородскаго торговаго боярина; написанъ съ обычнымъ юморомъ Д. Н. Мамина-Сибиряка, но требуетъ отъ юныхъ читателей немалыхъ историческихъ познаній и, конечно, разъясненій: что такое, напр., „синій изгребный дубасъ“, въ который одѣта жена „московскаго пахаря“? Историческая повѣсть г. Сѣверцова (Полилова), какъ основанная на „преданіяхъ старины далекой“, имѣетъ въ своей фабулѣ слишкомъ много изъ категоріи вещей, которыя не снились мудрецамъ, и это едва ли желательно въ дѣтской литературѣ (предчувствія, предустановленное родство душъ и пр.). Иллюстраціи къ „Княжому Отроку“ имѣютъ стилизованный характеръ и едва ли будутъ оцѣнены высоко читателями, которые въ качествѣ рисовальщиковъ являются тоже усердными „симплификаторами“ рисунка, хотя и поневолѣ.

Второй выпускъ „Русскихъ былинъ“ („Уральцы Новгородскіе“) иллюстрированъ въ такомъ же родѣ. Былины также изданы безъ комментаріевъ.

Келеръ, Р. Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 1904.

Проектъ новаго аптекарскаго устава принадлежитъ къ тому разряду законодательныхъ измышленій, изъ котораго вышли уставъ лѣчебныхъ заведеній 1893 года, ветеринарные законы 1902 и 1903 гг. и знаменитыя въ своемъ родѣ правила о санитарно-исполнительныхъ коммиссіяхъ 11 августа 1903 года. Различіе новаго устава отъ предыдущихъ „законовъ“ заключается

только въ исторіи его созданія. Въ то время какъ лѣчебный, ветеринарный и санитарно-исполнительный уставы создавались единственно во славу устраненія общественныхъ учрежденій отъ управленія общественными дѣлами, въ исторіи созданія аптекарскаго устава не безъ вліянія, повидимому, оказались и нѣкотораго рода „матеріальныя" соображенія. По крайней мѣрѣ, г. Келеръ весьма недвусмысленно указываетъ на существованіе особаго и довольно крупнаго фонда на содержаніе „сословнаго представительства" петербургскаго фармацевтическаго общества, которое избираетъ двухъ депутатовъ въ медицинскій совѣтъ, высшее врачебное учрежденіе въ имперіи. Какого рода вліяніе можетъ оказывать это „сословное представительство" въ дѣлѣ законодательномъ, показываетъ исторія невыполненія высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта. Въ 1875 году государственный совѣтъ призналъ, что нѣтъ надобности въ стѣснительной для населенія аптечной монополіи и поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, по обсужденіи настоящаго вопроса въ медицинскомъ совѣтѣ, войти съ представленіемъ объ измѣненіи дѣйствующаго закона „въ видахъ дозволенія продажи частными лицами всѣхъ тѣхъ лѣкарственныхъ веществъ, которыя не оказываются положительно вредными". Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, но вопросъ въ медицинскомъ совѣтѣ не обсуждался, и министръ внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ измѣненіи закона въ государственный совѣтъ еще не входилъ. Дѣйствуетъ пока старый законъ, по которому всякое частное лицо, продавшее пузырекъ мятныхъ капель или три золотника грудного чаю, „подлежитъ строгой отвѣтственности", какъ нарушившее торговыя привилегіи аптекарскаго сословія. Поучительной иллюстраціей охраны сословныхъ интересовъ (а равно и для характеристики русскаго „правопорядка" вообще) служитъ исторія закрытія фабрики и аптекарскаго магазина г. Келера въ 1882 году. По проискамъ нѣкоторыхъ аптековладѣльцевъ, фабрику, а потомъ магазинъ г. Келера закрыли на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Какъ ни добивался владѣлецъ, за что его постигла такая необычная кара, ему только отвѣтствовали, что это сдѣлано на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, предлагали „сознаться въ винѣ", которой г. Келеръ ни мало за собой не чувствовалъ, и совѣтовали вообще не надоѣдать. Хлопотали за г. Келера и биржевой комитетъ, и купеческая управа, и архіереи, и разныя сановныя и высокопоставленныя лица, но фабрику съ магазиномъ „распечатали" только черезъ годъ, чему, кажется, посодѣйствовали всетаки петербургскія связи, а то бы... За что же было такое гоненіе? За то, видите ли, что у Келера на складѣ продавался ядъ „атропинъ", и „крамольники" могли бы этотъ ядъ достать и отравить имъ всѣ московскіе колодцы, „чѣмъ могло быть вызвано такое же усиленное народное волненіе, какое было во время чумы въ царствованіе Екатерины II". Надо еще

прибавить, что этотъ возмутительный, по своей наглости и дикости, актъ административнаго насилія не могъ найти въ свое время отраженія на страницахъ періодической печати и обнародованъ только теперь.

Повторять за авторомъ о вредѣ и безсмысленности аптечной монополіи, о непомѣрныхъ цѣнахъ на аптечныя лѣкарства и пр., значитъ говорить всѣмъ давно извѣстныя вещи. Общественныя учрежденія, на разсмотрѣніе которыхъ новый аптекарскій уставъ былъ разосланъ въ срединѣ прошлаго года, высказались о немъ съ такимъ же осуждающимъ единодушіемъ, съ какимъ они въ свое время отнеслись и къ лѣчебному уставу 1893 года, и къ ветеринарнымъ законамъ, и къ холернымъ правиламъ 1903 года.

Книгу свою г. Келеръ посвящаетъ „властямъ, обществу и народу". Посвященіе это вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Народу? До народа его книга не дойдетъ, конечно, а если и дойдетъ, то будетъ немедленно „изъята". Обществу? Общество давно уже имѣетъ свое мнѣніе объ аптечныхъ дѣлишкахъ, но вѣдь общественное мнѣніе, по нашимъ нравамъ, такая quantité négligeable, съ которою власти считаютъ даже неприличнымъ считаться. Но что всего удивительнѣй, это—посвященіе книги „властямъ". Да неужели же г. Келеръ на собственной персонѣ еще не достаточно убѣдился, сколь глуха власть къ „правдивому слову"? Но если ужъ для г. Келера собственный примѣръ, за давностью лѣтъ, началъ, такъ сказать, поростать травой забвенья, то достаточно было возстановить хотя бы совершающуюся теперь на нашихъ глазахъ кампанію изъ-за санитарно-исполнительныхъ коммиссій по правиламъ 11 августа 1903 года. Отъ этихъ правилъ отказались земства, города, врачи, медицинскія общества, противъ нихъ высказалась почти вся печать, отвергнулъ ихъ цѣлый пироговскій съѣздъ врачей, „входило съ представленіемъ" объ ихъ отмѣнѣ даже управленіе главнаго врачебнаго инспектора (бывшій медицинскій департаментъ). Всѣ вопіютъ въ одинъ голосъ: отмѣните эти правила. И что же? Министерство внутреннихъ дѣлъ стоитъ за ихъ сохраненіе съ такой непоколебимой твердостью, примѣры которой можно встрѣтить развѣ только у древнихъ римлянъ. А г. Келеръ хочетъ пронять власть какимъ-то „правдивымъ словомъ", не считаясь съ тѣмъ, что въ аптечной монополіи, во-первыхъ, есть черты русской „самобытности", а во-вторыхъ и „охранительныя начала" тоже есть.

Фр. Іодль, проф. вѣнск. ун. **Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе.** Переводъ съ нѣмецк. Е. Максимовой. Спб. 1905.

Фейербахъ, какъ извѣстно, пользовался одно время большимъ вліяніемъ среди передовой части русской интеллигенціи. Н. Г. Чернышевскій, этотъ духовный вождь эпохи 60-хъ годовъ, нахо-

дился подъ сильнымъ вліяніемъ Фейербаха, антропологическую точку зрѣнія котораго онъ усвоилъ. Однако, вскорѣ дальнѣйшія умственныя теченія отодвинули Фейербаха на задній планъ; а такъ какъ, подъ вліяніемъ цензурныхъ условій, на русскомъ языкѣ не появилось ни сочиненій самого Фейербаха, ни обстоятельныхъ критико-біографическихъ изслѣдованій о немъ, то современный средній читатель имѣетъ, вѣроятно, довольно смутное представленіе о нѣкогда столь знаменитомъ писателѣ.

Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ прекрасной книжки Іодля слѣдуетъ отмѣтить съ большимъ сочувствіемъ.

Положеніе Фейербаха среди духовныхъ вождей человѣчества обусловливается двумя факторами. Во-первыхъ, въ лицѣ Фейербаха нѣмецкая, а за нею и вообще европейская мысль пережила реакцію противъ крайностей гегеліанства; во-вторыхъ, онъ далъ новое освѣщеніе религіознаго вопроса.

Что касается перваго фактора, то здѣсь „самая краткая и наиболѣе мѣткая характеристика историческаго положенія Фейербаха заключается въ утвержденіи, что онъ произвелъ такой же переворотъ въ философіи Гегеля, какъ Коперникъ въ астрономіи Птоломея; то, что раньше было центромъ вселенной, абсолютный духъ, отодвигается теперь въ качествѣ простой проекціи на периферію; природа, которая являлась у Гегеля самоотчужденіемъ духа, становится центральнымъ понятіемъ, носительницей жизни“ (стр. 1—2).

Вторую сторону своей дѣятельности охарактеризовалъ лучше всего самъ Фейербахъ, назвавши себя „духовнымъ естествоиспытателемъ“. Онъ подошелъ къ религіи, какъ къ великому историческому факту, какъ къ фактору, господствующему надъ всею жизнью человѣчества, и рѣшилъ „понять (его) изъ глубины человѣческой природы“ (стр. 65). Изслѣдованіе элементовъ человѣческой природы, на которыхъ покоится могущество религіи, приводитъ „матеріалиста“ Фейербаха къ повторенію утвержденія мистика Себастіана Франка: „Богъ — это невыразимое томленіе, заложенное въ глубинѣ души“ (стр. 82). „Пониманіе практическаго, патетическаго, если не сказать патологическаго характера религіи и является той руководящей мыслью, которая господствуетъ во всѣхъ философско-религіозныхъ изслѣдованіяхъ Фейербаха; это-то существенно новое, что появилось у него въ противовѣсъ Гегелю и всякому религіозному раціонализму. Религія не стремится познавать; она хочетъ сдѣлать что-нибудь для человѣка; ея глубочайшіе корни не въ мышленіи, но въ чувствѣ и волѣ“ (стр. 74). Такимъ образомъ, исторія религій есть, въ сущности, исторія человѣческаго сердца, и чтобы понять ее, нужно стоять на точкѣ зрѣнія самихъ адептовъ религій, нужно понять ихъ потребности, желанія и упованія. „Выступая съ величайшей рѣшительностью противъ всякаго разжижающаго богословія

(Verwässerungstheologie), Фейербахъ... находитъ нежелательнымъ, чтобы всѣ вещи и догматы, оскорбляющіе разумъ въ такъ называемыхъ абсолютныхъ религіяхъ... разсматривались, какъ побочное явленіе, объясняющееся лишь извѣстнымъ временемъ или извѣстнымъ кругомъ представленій... Кто хочетъ дѣйствительно понять христіанство, т. е. постичь его въ тожествѣ со всѣми другими религіями, тотъ долженъ изучить христіанство во всей его исторической положительной дѣйствительности, а не безличное, шаткое, дряблое христіанство новѣйшаго времени, вѣра котораго является вѣрой вполнѣ вымышленной, противорѣчащей самой себѣ, одновременно и вѣрой, и невѣріемъ" (стр. 69 — 70).

Разсматривая религію, какъ идеалъ, созданный потребностями, желаніями и упованіями человѣка, Фейербахъ, конечно, считаетъ необходимымъ формулировать и современный идеалъ, который рисуется ему въ такомъ видѣ: „Пользуйтесь благомъ жизни и по мѣрѣ силъ и возможности уменьшайте ея зло. Вѣруйте въ то, что на землѣ *можетъ быть* лучше, чѣмъ теперь, и что *будетъ* лучше. Ожидайте лучшаго не отъ смерти, не отъ грезящагося вамъ безсмертія, но отъ себя самихъ! Изгоняйте изъ міра не смерть, а всякое зло. *То* зло, которое можетъ быть устранено, *то* зло, причина котораго лежитъ въ лѣности, негодности и невѣжествѣ человѣка, именно это зло и есть самое ужасное. Естественная смерть, смерть, какъ результатъ завершившагося развитія жизни, не есть зло; но зломъ является смерть, какъ слѣдствіе нужды, порока, переутомленія, невѣжества. Эту смерть изгоняйте изъ міра, или, по крайней мѣрѣ, старайтесь по возможности ее устранить" (стр. 113).

Этотъ новый идеалъ есть выраженіе новой стадіи въ развитіи человѣчества, ибо, по ученію Фейербаха, „тайну богословія вскрываетъ антропологія; теогонія—это исторія человѣчества" (стр. 115).

Иммануилъ Кантъ. Рѣчи А. Риля и В. Виндельбанда. пер. съ нѣмецкаго Б. В. Яковенко. М. 1905.

Значеніе Канта въ современной философіи такъ велико, что нѣтъ надобности быть сторонникомъ его философіи, чтобы рекомендовать читателямъ всякій толковый трактатъ о немъ.

Имена Риля и Виндельбанда служатъ достаточной гарантіей того, что ихъ взглядъ на Канта представитъ значительный интересъ для публики.

Разсматриваемая нами небольшая брошюра является воспроизведеніемъ рѣчей, сказанныхъ Рилемъ и Виндельбандомъ въ день столѣтія со времени смерти Канта.

Совмѣстное изданіе обѣихъ рѣчей представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что различіе точекъ зрѣнія обоихъ выдаю-

щихся знатоковъ Канта, хотя отчасти, обнаруживаетъ передъ читателемъ тѣ противорѣчія, которыя существуютъ въ современномъ кантовѣдѣніи, противорѣчія, которыя, по нашему мнѣнію, совершенно неизбѣжны, и неизбѣжны не вслѣдствіе только неясности и непослѣдовательности изложенія у Канта, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что ученіе Канта представляетъ случай неустойчиваго равновѣсія, такъ что всякая попытка привести въ порядокъ разнообразныя и не вполнѣ гармонирующія другъ съ другомъ части этого ученія ведетъ неожиданно къ такимъ кореннымъ измѣненіямъ всей системы, которыя совершенно выводятъ кантіанца за предѣлы кантизма, если только у этого кантіанца оказывается достаточно послѣдовательности и духовнаго безстрашія.

Дѣло въ томъ, что логически развитой кантизмъ неизбѣжно ведетъ къ скептицизму и солипсизму, и въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ рѣчь Виндельбанда. Ибо Виндельбандъ, хотя онъ и не думаетъ, что кантизмъ ведетъ къ скептицизму (иначе Виндельбандъ не былъ бы кантіанцемъ), все-таки излагаетъ ученіе Канта такимъ образомъ, что вдумчивому читателю легко бываетъ замѣтить, куда, въ сущности, ведетъ, въ концѣ концовъ, кантизмъ. Вѣроятно, поэтому-то на Виндельбанда довольно косо смотрятъ нѣкоторые другіе кантіанцы.

С. Р. Минцловъ. Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками А. П. Эйснера. **С. А. Поспѣловъ.** Въ снѣгахъ восточной Сибири. Приключенія американцевъ среди чукчъ, коряковъ и камчадаловъ. Съ 18 рисунками С. И. Панова. **Д. А. Пахомовъ.** Два старика. Повѣсть для юношества (изъ кавказской жизни). Съ 27 рисунками В. Эмме. **Е. К. Сомова.** Басни въ лицахъ. Разсказы для дѣтей. Съ рисунками С. И. Панова. (Изданія А. Ф. Девріена. 1904).

При выборѣ книгъ для дѣтей очень рѣдко имѣютъ охоту или досугъ справиться не только съ содержаніемъ книги, но даже съ отзывами о ней (правда, эти отзывы очень рѣдко издаются въ видѣ сборниковъ, удобныхъ для пользованія), и потому книги покупаютъ, руководясь, главнымъ образомъ, ихъ внѣшностью. Поэтому книга, изданная на хорошей бумагѣ, напечатанная крупнымъ, красивымъ шрифтомъ и снабженная иллюстраціями, можетъ разсчитывать не только на первое, но и на повторныя изданія, хотя бы она была несомнѣнною отрицательной величиной, если имѣть въ виду литературно-воспитательное значеніе книги. Яркимъ образчикомъ такого рода изданій можетъ служить „Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ“ г. Минцлова. Книга имѣетъ очень пріятную внѣшность (какъ вообще всѣ изданія фирмы Девріена), невинное заглавіе и совсѣмъ не невинное со-

держаніе, но выдержала уже два изданія и теперь выходитъ *третьимъ*.

Другими словами, ее прочли уже тысячи дѣтей, и новыя тысячи прочтутъ въ будущемъ, затративъ время на прочтеніе книги, которая въ лучшемъ случаѣ безвредна потому, что выдумана очень скучно и неуклюже: у читателя все смѣшивается въ калейдоскопическую массу,—и термины военно-инженернаго и военно-морского дѣла (война происходитъ близъ береговъ „Японіи“ — на ручьѣ, прозванномъ „Амуромъ“), которыми авторъ уснастилъ свою книгу, и эпизодическіе разсказы: о томъ, какъ дѣти (реалистъ и гимназистъ) устраивали на своихъ островахъ каторжную колонію (аналогію Сахалина?), куда рѣшили „ссылать преступниковъ для разработки алмазныхъ розсыпей“; о томъ, какъ герои г. Минцлова судили своихъ оловянныхъ воителей, приговоривъ одного изъ нихъ—„виновнаго“ въ аваріи командира судна—къ смертной казни, замѣненной, вслѣдствіе протеста разсказчика, „пожизненнымъ заключеніемъ въ подземной тюрьмѣ на островѣ Тишины“; о томъ, какъ мальчуганы-герои *вѣшали* („черезъ минуту англичанинъ висѣлъ на сукѣ дерева“,— по-военному разсказываетъ герой-реалистъ) своихъ виноватыхъ плѣнныхъ и даже „обезглавленныхъ раненыхъ“ (художникъ— г. Эйснеръ оказался на высотѣ авторскихъ требованій и иллюстрировалъ этотъ эпизодъ: на картинкѣ изображена висѣлица и на ней казненные оловянные солдатики; художникъ пропустилъ безъ вниманія только указаніе автора, что среди нихъ должны быть и „обезглавленные раненые“). Своими „обезглавленными ранеными“ г. Минцловъ хотѣлъ, повидимому, придать спеціально дѣтскій колоритъ разсказу. Хорошъ, однако, дѣтскій колоритъ, и хорошъ вообще весь разсказъ! Поистинѣ трудно понять, даже принимая во вниманіе особенности сбыта дѣтскихъ изданій, какъ могли понадобиться три изданія такой книги!

Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше изданій г. Девріена наибольшій интересъ представляетъ книга г. Поспѣлова: „Въ снѣгахъ восточной Сибири“, читающаяся легко и передающая мимоходомъ извѣстный запасъ свѣдѣній о нашемъ крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть г. Пахомова „Два старика“ посвящена другой окраинѣ— Кавказу. Несмотря на то, что въ распоряженіи г. Пахомова была не менѣе благодарная тема, чѣмъ у г. Поспѣлова, разсказъ получился менѣе живымъ и интереснымъ. Отчасти этому виною обиліе отступленій въ область прошлаго Кавказа. Есть въ книгѣ нѣкоторыя поэтическія вольности вродѣ того, что герои разсказа выѣзжаютъ изъ Владикавказа „рано утромъ“ и останавливаются на ночлегъ около Ларса въ 28 верстахъ, т. е. черезъ 3—4 часа пути. Гораздо хуже, впрочемъ, мимолетныя оповѣщенія автора о „притѣсненіяхъ“ армянами грузинъ да фантастическіе разсказы о томъ, что среди кавказскихъ казаковъ „даже

посторонній, заговорившій дерзко со старикомъ, дѣлался предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія (!) всей станицы".

Что же касается книги г-жи Сомовой, то въ ней по-просту испорчены различныя басни. Все, что въ басняхъ имѣло смягченный характеръ аллегоріи, въ разсказахъ г-жи Сомовой получило характеръ отталкивающей рѣзкости: люди въ изображеніи г-жи Сомовой поступаютъ слишкомъ по-звѣриному. Разница между впечатлѣніемъ отъ басенъ Крылова и отъ соотвѣтствующихъ „басенъ въ лицахъ" г-жи Сомовой такая же, какая получается, если тѣневой силуэтъ на стѣнѣ обвести, для большей ясности, углемъ,—да еще „покрѣпче" обвести.

Александръ Бычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905.

Книжка г. Александра Бычкова дешева, а спросъ на такія пособія великъ; поэтому необходимо предостеречь читателей отъ возможнаго вовлеченія въ невыгодную сдѣлку.

Благодаря нашей общественной и школьной системѣ, просвѣщенными люди становятся у насъ внѣ школы и скорѣе вопреки, чѣмъ благодаря ея стремленіямъ; наше образованіе есть по преимуществу самообразованіе. Оттого такъ жадно ищетъ нашъ обыватель, этотъ истинный мученикъ просвѣщенія, всякихъ популярныхъ книгъ, пособій, указателей по образовательному чтенію. Въ извѣстной степени этотъ спросъ удовлетворяется. Въ обѣихъ столицахъ организовались группы спеціалистовъ, составившихъ программы образовательнаго чтенія по разнымъ системамъ, но на основѣ общихъ началъ и единаго направленія. Московскія и петербургскія программы охватываютъ, однако, университетскіе курсы и предполагаютъ уже извѣстный уровень знаній. За предѣлами сравнительно небольшого круга подготовленныхъ къ такому чтенію лицъ остаются громадныя и быстро возрастающія массы читающаго люда, ищущаго хорошей книжки, желающаго ввести свое чтеніе въ систему и имѣющаго для этого очень мало пособій. Въ сущности, „Домашними библіотеками" покойнаго Панова исчерпывается все, что можно предложить начинающему. Между тѣмъ, эта полезная книжка была лишь первымъ опытомъ; она нуждалась бы во множествѣ дополненій, поправокъ, обновленій. Ее должны были бы замѣнить программы, составленныя, если не группой спеціалистовъ, то, по крайней мѣрѣ, всесторонне образованнымъ и широко любознательнымъ человѣкомъ, знакомымъ не только съ научной литературой, но и съ ея популярнымъ отраженіемъ.

Судя по предисловію, г. Бычковъ, какъ будто, и не брался за составленіе такого указателя. Онъ хотѣлъ только „облегчить справку и помочь найти журнальную статью или книгу". Однако, отдѣлъ I его книги озаглавленъ *Для начинающихъ читать* и содержитъ выборъ книгъ, довольно разнообразный, хотя и случайный. Да и кому могъ бы помочь указатель г. Бычкова? Прежде всего, конечно, не научному работнику. Научный указатель предполагалъ бы или критическій выборъ, или полноту; ни того, ни другого въ работѣ г. Бычкова нѣтъ, да и не могло быть, какъ показываетъ его разсказъ о происхожденіи его книжки. „Въ теченіе почти двадцати лѣтъ, съ перерывами, я имѣлъ обыкновеніе отмѣчать у себя тѣ журнальныя статьи и тѣ книги, которыя, по моей ли оцѣнкѣ или по рецензіямъ въ періодической печати, заслуживали въ какомъ-либо отношеніи общаго вниманія. Собранныя такимъ образомъ замѣтки неоднократно уже представляли и мнѣ, и моимъ знакомымъ существенное подспорье въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было отыскать журнальную статью или навести литературную справку". Казалось бы, этотъ наборъ случайныхъ отмѣтокъ можно было спокойно оставить по прежнему для домашняго употребленія. Г. Бычковъ разсудилъ иначе и издалъ свою ненужную книжку. Много говорить о ней не стоитъ. Это не „систематическій указатель", а каша; смѣшно указывать пропуски: ими можно было бы наполнить десятки такихъ книжекъ. Достаточно сказать, что въ отдѣлѣ русской беллетристики, куда вошли также поэты, указаны сочиненія Ашкинази, Долгово, Маликова, но нѣтъ Майкова, Полонскаго, Фета, Тютчева; въ отдѣлѣ иностранной беллетристики есть „Вероника" Шумахера и „Исповѣдь старика" Ніево, но нѣтъ Теккерея. Верне тоже не удостоился упоминанія. Это случайные примѣры изъ множества. Опечатокъ, уродующихъ собственныя имена и заглавія, масса.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Александръ Добролюбовъ. Изъ книги невидимой. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Москва. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

П. Соловьева (Allegro). ***Иней.*** Рисунки и стихи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Сергѣй Маковскій. Собраніе стиховъ. Книга первая. Спб. 1905. Ц. 1. р. 50 к.

Леонидъ Семеновъ. Собраніе стихотвореній. Спб. 1905. Ц. 1. 25 к.

Осипъ Дымовъ. Солнцеворотъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

О. Уайльдъ. Баллада Редингской тюрьмы. Пер. Н. орнъ. Спб. 1903.

Всеволодъ Кулигинъ. Студенты Драматическій этюдъ. Волчанскъ. 1905. Ц. 75 к.

Ломэнъ. Наброски. Спб. 1905. Ц. 1 руб.

О. Мирбо. Жанъ и Мадлена. Драма въ 5 дѣйств. Пер. съ франц. М. В. Ватсонъ. Спб. 1905.

А. Баулинъ. Отрывки. Спб 1905.

Пѣсни свободы. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Кантигровъ. Первый день службы. Томскъ. 1905.

Петръ Оленинъ. „На вахтѣ". Очерки и разсказы. Спб. 1904. Ц. 75 к.

К. И. Фоломѣевъ. Счастье. Драматическая поэма. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 коп.

П. Сакулинъ. А. Н. Пыпинъ. Москва. 1905.

С. Яковлевъ. А. Н. Стрекалова. (Біограф. очеркъ). Москва. 1904.

В. И. Семевскій, В. Богучарскій и *П. Е. Щеголевъ.* Декабристы: М. А. фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель („Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I). Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Н. Мировичъ. Страница изъ исторіи великой французской революціи (г-жа Роланъ). Съ предисловіемъ проф. Н. Карѣева. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1905. Ц. 1 р.

А. Вандаль. Возвышеніе Бонапарта. Пер. съ XI франц. изд. З. Н. Журавской. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 2 р.

А. А. Николаевъ. Очерки по исторіи японскаго народа. Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905. Ц. 1 р.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1870—1871). Съ предисловіемъ Ф. Энгельса. Книгоизд. „Буревѣстникъ". Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній. Со вступит. статьей В. В. Семевскаго. Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

В. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ древней Греціи. Изд. Брейтигама. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

И. Левитовъ. Желтороссія, какъ буржуазная колонія. Спб. 1905. Цѣна 75 коп.

Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества. Подъ ред. *В. И. Семенова* и общ. руков. *П. П. Семенова* и *В. И. Ламанскаго.* Т. IX. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія. Спб. 1905. Изд. Девріена. Ц. 3 р. 75 коп.

Н. Дилевская. Черноморскія степи (Геогр. коммиссія при учебномъ отдѣлѣ Общ. распростр. технич. знаній). Москва. 1905. Ц. 40 к.

Конституціонное государство. Сборникъ статей. Изд. I. В. Гессена и прив.-доц. А. И. Каминка при участіи редакціи газеты „Право". Спб. 1905. Ц. 75 к.

Леонардъ Олстонъ. Общій очеркъ современныхъ конституцій. Введеніе въ науку о государствѣ. Перев. съ англ. подъ ред. Н. Н. Мамонина. Москва. 1905.

Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ. Публичная лекція. 2 изд. Харьковъ. 1905.

А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Б. Кистяковскаго. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Перев. Л. Жбанкова. Образовательная библіотека. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Письма Фердинанда Лассаля къ Марксу и Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Пер. В. А. Шанина подъ ред. А. Финна-Енотаевскаго. Спб. Книгоиздательство „Литературное Дѣло". 1905. Ц. 1 р. 50.

Dr. Michael Tugan - Baranowsky. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig (Duncker & Humblot). 1905. Preis M. 5.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Пер. съ нѣм. С. А. Алексѣева. Одесса. 1905. Ц. 10.

Алибеговъ. Жилищныя условія рабочихъ Чернаго города. Баку. 1905.

А. Смирновъ. Что сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ, и что они могутъ сдѣлать у насъ. М. 1905. Ц. 15 к.

А. Ѳ. Логиновъ. Бесѣда съ крестьянами о трехпольной системѣ хозяйства. Екатеринославъ 1905.

М. Лунцъ. Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Современная библіотека. Изд. И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 10 к.

Г. Спенсеръ. Размышленія. Перев. Г. Оршанскаго. Изд. И. А. Брейтигама. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Б. Краевскій. Горе и радость дѣтскаго возраста. Лекціи по психологіи

чувствъ ребенка. Харьковъ. 1905. Ц. 60 коп.

Артуръ Шопенгауэръ. Собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. Выпускъ XII. Изд. А. И. Ефимова.

Н. М. Минскій. Религія будущаго (Философскіе разговоры). Спб. Изд. М. В. Пирожкова. 1905. Ц. 2 р.

М. Гершензонъ. Мысли двухъ философовъ о школѣ (В. Гумбольдтъ и Кондорсэ). М. 1905. Ц. 10 к.

Н. Парфентьевъ, прив.-доцентъ. Идея непрерывности и прерывности.. Рѣчь въ засѣд. казанск. физ.-мат. общ Казань. 1905.

Е. Елачичъ. Изъ жизни природы. Біологическіе очерки. Спб. 1905. Ц 40 коп.

Бесѣды объ окружающихъ явленіяхъ для учащихся въ сельскихъ школахъ. Часть I. Воздухъ и вода. Москва. 1905. Ц. 25 к.

Бутневичъ. Самоучитель пчеловодства. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

В О. Образцовъ. Письмо душевно-больныхъ. М. 1904.

Д-ръ Э. Ф. Морицъ. О предсказаніи жизни. Второе изд. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Лекціи по азіатской холерѣ, читанныя для врачей и студентовъ при харьк. медиц. обществѣ въ 1905 г. Харьковъ. 1905. Ц. 2 р.

М. Я. Брейтманъ Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. Изд. журнала „Практическая Медицина". Спб. 1905.

Книгоиздательство „Буревѣстникъ". Экономическое ученіе ***К. Маркса*** въ изложеніи ***К. Каутскаго.*** Пер. съ 9 нѣм. изд. 2 изд. Ц. 30 коп. ***Ф. Лассаль.*** О программѣ работниковъ. Ц. 10 ***К. К. Каутскій.*** Пролетаріатъ и общественный строй. Ц. 60 к. ***Бебель*** Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к. ***Бебель.*** О Бернштейнѣ. 2 изд. пер. съ нѣм. Ц. 15 к. Одесса. 1905.

Избранная библіотека: № 4. Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Пер. съ нѣм. К Чекуруль-Куша. Съ пред. Э. Бернштейна. Ц. 8 коп. Кіевъ.

Тексты конституцій. Изд газеты „Кіевскіе Отклики". I. Прусская конституція. Пер. М. С. Іоффе. II. Испанская конституція. Пер. Н. И. Лучицкой. Ред. и предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905. Ц. по 5 к.

Современная библіотека. Изд. т-ва И. Д. Сытина. ***И. Д. Новикъ.*** Московскіе земскіе соборы. Ц 15 к. ***А. А. Дживелеговъ.*** Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к. М. 1905.

Общедоступная библіотека Горбунова - Посадова. Порѣцкій. Дары моря. Ц. 10 коп. ***Порѣцкій.*** Путешествіе по Сахарѣ. Ц. 8 к. ***Порѣцкій.*** Воздушные путешественники. Ц. 15 к. М. 1905.

Изданія „Посредника". Потанина. Дорджи, бурятскій мальчикъ. Ц. 15 к. ***Потанина.*** Разсказы о бурятахъ. Ц. 12 к. ***Горбуновъ-Посадовъ.*** Въ Христову ночь. Ц. 1 к. ***Поступаевъ.*** Не дошелъ. Ц. 1 к. ***О. Рунова.*** Павлюкъ. Ц. 1 к. ***Наживинъ.*** Великая истина. Ц. 1 коп. ***Златовратскій.*** Деревенскій король. Ц. 3 к. Избранные мысли и афоризмы ***Л. Н. Толстого*** Вып. I. Ц. 30 к. М. 1905.

Библіотека „Юнаго Читателя". Іенвенъ. Густавъ Ваза. Ц. 25 к. ***Э. Вахтерова.*** По пустынѣ Ц. 5 к. Спб. 1905. ***Алоизъ Ирасекъ.*** За свободу (Песьи головы). Романъ. Пер. съ чешскаго. В. Южанина. Спб. 1905. Ц. 40 к. ***Среди углекоповъ.*** Повѣсть изъ жизни англійскихъ рабочихъ. Пер. съ англійскаго Э. Пименовой. Спб. 1905. 2-е изданіе.

Труды бюро по энтомологіи ученаго комитета мин. земл. и госуд. имуществъ Т. VI. № 3. ***Шрейнеръ.*** Древесница въѣдливая и древоточецъ пахучій. Ц. 3 коп. № 6. ***Порчинскій.*** Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. Ч. I. Ц. 25 коп. № 2. ***Шрейнеръ.*** Зимняя теденица. Ц. 3 к. Спб. 1903.

Тулуповъ и Шестаковъ. Новая школа. Ч. I. Изданіе И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 25 коп.

Извѣстія Спб. политехнич. института. 1905. Т. III, вып. 1—2. Спб. 1905.

Отчетъ комитета Краснаго Креста при казанскомъ университетѣ по 8 февр. 1905. Казань. 1905.

Отчетъ Спб. пожарной команды за 1904 г. I. Спб. 1905.

Политика.

Около войны.—Около мира.—Франко-германскій конфликтъ.—Австро-венгерскій конфликтъ. — Шведо-норвежскій конфликтъ. — Текущія событія. — Некрологъ.

I.

На главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Манчжуріи, вотъ уже около пяти мѣсяцевъ царитъ бездѣйствіе. Рекогносцировки и кавалерійскіе набѣги, аванпостныя дѣла и постоянныя нащупыванія съ обѣихъ сторонъ, не отошелъ ли противникъ, не перемѣнилъ ли позиціи. Газетныя извѣстія пестрятъ телеграммами объ этихъ столкновеніяхъ, цитируя сотнями имена съ окончаніями на *янъ*, *линь*, *хе*, *цзы* и т. д., съ всевозможными приставками спереди, но уже рѣдко кто слѣдитъ за этими именами,—все равно отсюда ничего не разберешь. Знаемъ, однако, что эти пестрящіе газетные листы *яны* и *лины*, *хе* и *цзы* являются неопровержимыми показателями, что ежедневно и еженощно, въ зной и въ дождь, безпрерывною струею льется кровь на фронтѣ свыше ста верстъ.

Если „на Шипкѣ все спокойно", то становится неспокойно въ иныхъ мѣстахъ. Владивостокъ готовится къ участи Артура, а на Сахалинѣ уже хозяйничаютъ японцы.

Телеграмма ген.-отъ-инф. Линевича увѣдомила о началѣ этой новой главы въ исторіи бѣдственной войны въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„24 іюня японцы заняли постъ Корсаковскій; 25 іюня, въ 8 часовъ утра, въ бухту Лососей вошли два миноносца и открыли огонь по Соловьевской позиціи. Корсаковскій отрядъ съ Соловьевской позиціи сталъ отходить на сѣверъ. Конница противника заняла Соловьевку. Въ Корсаковскомъ высадился дессантъ японцевъ въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія".

Постъ Корсаковскій, второе по значенію поселеніе на Сахалинѣ. Около него лежитъ потопленный „Новикъ". О томъ же событіи японцы сообщили слѣдующею депешею:

„Лондонъ, 27 іюня (П. А.). Японская миссія опубликовала слѣдующую телеграмму изъ Токіо отъ 27 іюня: „Рано утромъ 25 іюня нашъ дессантъ занялъ постъ Корсаковскій, не встрѣтивъ большого сопротивленія. Русскіе сожгли Корсаковскій постъ и отступили къ позиціямъ близъ мыса Кольцова, на разстояніи 7 миль къ сѣверу отъ поста Корсаковскаго. Тутъ они опять пытались сопротивляться, но были выбиты нашими войсками изъ поселка и отступили къ Владиміровкѣ, на 22 мили къ сѣверу отъ поста Корсаковскаго. Въ этихъ столкновеніяхъ мы захва-

тили орудіе и боевые припасы. Съ нашей стороны потерь не было".

Затѣмъ о дѣйствіяхъ японцевъ на югѣ Сахалина имѣются слѣдующія японскія свѣдѣнія:

„Лондонъ, 28 іюня (11 іюня) („Central News"). Японское посольство опубликовало телеграмму адмирала Катаока, доносящаго, что два крейсера и четыре миноносца, подъ командой контръ-адмирала Того, были посланы съ войсками къ мысу Кондо, на юго-западѣ Сахалина. 27 іюня, послѣ демонстративной бомбардировки, эскадра высадила морской дессантъ, который занялъ мысъ, гдѣ нашелъ маякъ и строенія въ полной исправности".

Токіо, 29 іюня (12 іюля) („Central News"). Оффиціально. Сахалинъ снова названъ Кабафуто.

2 (15) іюля. Корсаковскій постъ горѣлъ до 27 іюня. Городъ почти совершенно уничтоженъ.

2 (12) іюля. Оффиціально. Согласно сообщенію изъ сахалинской арміи, японцы, преслѣдуя русскихъ, выбили ихъ изъ позицій между Владимірской и Ближней и заняли оба эти пункта. Русскіе отступили на укрѣпленную позицію къ сѣверу отъ Дальней, гдѣ, съ помощью нѣсколькихъ полевыхъ орудій и пулеметовъ, оказали упорное сопротивленіе. Японская армія атаковала непріятеля 28 іюня и на разсвѣтѣ 29 нанесла ему пораженіе. Потери русскихъ неизвѣстны, но убитыхъ у нихъ, вѣроятно, 150 чел.

2 (14) іюля (Р. А.) („Central News"). Въ сраженіи на Сахалинѣ японцы потеряли семь человѣкъ убитыми, 60 ранеными. Южная часть Сахалина теперь въ рукахъ японцевъ. По слухамъ, Корсаковскій постъ съ 24 по 27 іюня былъ объятъ пожаромъ, весь городъ выгорѣлъ. Убѣжавшіе жители, по большей части туземцы, возвращаются назадъ.

Хокодате, 4 (17) іюля. („Central News"). Японцы организуютъ управленіе Сахалиномъ. (Р. А.).

Токіо, 4 (17) іюля. По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ, японцами выгруженъ въ Корсаковскѣ матеріалъ для полнаго оборудованія полевой желѣзной дороги въ 125 миль, а также высаженъ дессантъ въ 3,000 человѣкъ. Вооруженныя силы японцевъ на Сахалинѣ достигаютъ въ настоящее время 14.000 человѣкъ.

3 (16) іюля. На Сахалинѣ японцами взято въ плѣнъ 80 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ лейтенантъ. Ими захвачены также 4 полевыхъ орудія, одинъ пулеметъ, боевые припасы, арсеналы. Уронъ японцевъ составляетъ около 70 человѣкъ, русскіе же потеряли около 150.

8 (21) іюля. На Сахалинѣ взято въ плѣнъ болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ лейтенантъ съ крейсера „Новикъ", занимавшій постъ командира въ Корсаковскомъ.

Занятіе японцами южной лучшей части Сахалина этими дѣй-

ствіями завершено. Вмѣстѣ съ тѣмъ начато систематическое утвержденіе ихъ господства: организуется управленіе, прокладываются усовершенствованные пути.. Окончивъ покореніе южной части Сахалина, японцы обратились къ сѣверной. Телеграммы ген.-лейт. Ляпунова, военнаго губернатора Сахалина, отъ 10 (23) іюля даютъ отчетъ о началѣ японскихъ дѣйствій противъ сѣверо-сахалинскихъ русскихъ поселеній:

Сегодня, въ $8^1/_2$ час. утра, на южномъ горизонтѣ Татарскаго пролива замѣчено было у поста Александровскаго нѣсколько судовъ. Въ 10 часовъ обнаружилось, что это японскіе миноносцы. Два изъ нихъ прошли мимо Александровскаго поста на сѣверъ, остальные миноносцы сгруппировались у поста Дуэ, сдѣлали четыре выстрѣла, но безрезультатно. Въ 11 часовъ на югѣ показалось нѣсколько большихъ судовъ.

Въ 12 час. дня два японскихъ миноносца, пройдя мимо Александровскаго поста, верстахъ въ 4 хъ отъ берега, на сѣверъ, остановились противъ устья рѣки Арковъ, въ 12-ти верстахъ сѣвернѣе поста Александровскаго, обстрѣляли тамъ берегъ и ушли на юго-западъ. Въ томъ же направленіи вскорѣ ушли крейсеръ и 4 миноносца, находившіеся противъ поста Дуэ (Р. А).

Агентскія телеграммы:

Годзядань, 13 іюля (12 час. 20 мин. дня). Какъ сообщаютъ, 11 іюля въ первомъ часу дня японскіе контръ-миноносцы подошли къ посту Де-Кастри и направились къ перешейку, на которомъ находится маякъ. Въ 1 час. 30 мин. дня японцы высадили на перешейкѣ дессантъ около баталіона и заняли маякъ, на которомъ подняли японскій флагъ. (П. А.).

Годзядань, 10 іюля (3 ч. 41 м. дня). 11 іюля въ Николаевскѣ слышались со стороны Сахалина выстрѣлы изъ большихъ орудій (П. А.).

Александровскій постъ—главный городъ Сахалина, а Де-Кастри постъ на берегу залива того же имени, на материкѣ, немного къ югу отъ Николаевска, отличная гавань.

Кромѣ свѣдѣній о бездѣйствіи главныхъ силъ и этихъ новыхъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о потерѣ Сахалина, не мало занимали слѣдящихъ за войною извѣстія о починкѣ японцами русскихъ судовъ. Еще въ прошлой бесѣдѣ мы сообщали о подъемѣ и починкѣ „Варяга“ и „Паллады“, потомъ пришло извѣстіе о подъемѣ и приводѣ въ Сасебо броненосца „Пересвѣтъ“. Затѣмъ имѣемъ слѣдующія сообщенія:

Токіо, 26 іюня (П. А.). („Daily Telegraph“). Исправленіе бывшаго русскаго броненосца „Орелъ“ закончено, и сегодня онъ совершилъ пробное плаваніе. Судну присвоено названіе „Ивами“.

Токіо, 5 (18) іюля. Возвратившійся изъ Портъ-Артура офицеръ сообщилъ, что поврежденія, причиненныя затонувшимъ тамъ русскимъ судамъ, менѣе значительны, чѣмъ думали раньше. Рус-

скіе примѣнили взрывчатыя вещества внутри судовъ, полагая, что поврежденія будутъ серьезныя. Однако, оказалось, что существенныя части судовъ не пострадали сильно. Наиболѣе серьезныя поврежденія причинены крейсеру „Баянъ", который втащенъ на буксирѣ въ портъ. Броненосецъ „Пересвѣтъ" уже плаваетъ съ помощью собственныхъ машинъ. Оба эти судна будутъ отправлены въ скоромъ времени въ Японію для окончательнаго исправленія. Даже броненосецъ „Побѣда", сильно поврежденный, снова начнетъ, какъ полагаютъ, плавать въ первыхъ числахъ августа. Броненосецъ „Ретвизанъ" начнетъ плавать еще раньше. (Рейтеръ).

Токіо, 9 (22) іюля. (Р. А.). („Central News"). Вчера утромъ начали выкачивать воду изъ броненосца „Полтава", и въ 3 часа пополудни судно было поднято на поверхность.

Токіо, 12 (25) іюля. Поврежденія броненосца „Полтава" не такъ значительны, какъ у другихъ судовъ. Въ его бортахъ всего два отверстія, которыя въ скоромъ времени могутъ быть задѣланы".

Словомъ въ Портъ-Артурѣ японцы подняли и починяютъ четыре первоклассные броненосца, и два имъ сдалъ к.-адм. Небогатовъ, всего 6; изъ Портъ-Артура же они получили броненосный крейсеръ и одинъ бронепалубный, другой — изъ подъ Чемульпо, да два береговыхъ броненосца сданы Небогатовымъ, итого—одиннадцать большихъ боевыхъ судовъ русскаго флота усилили собою флотъ Японіи, не считая болѣе мелкихъ, которыхъ японцы поднимутъ въ Артурѣ не мало...

Таковы печальные итоги полуторагодовой войны, подводимые исторіей наканунѣ открытія мирной конференціи.

II.

Относительно медленное развитіе военныхъ операцій въ послѣднее время тѣмъ больше сосредоточиваетъ вниманіе всѣхъ болѣющихъ болѣзнями родины на оборотной сторонѣ войны, той сторонѣ, которая подготовила эти неслыханныя несчастія. Всѣ ищутъ причинъ, всѣ всматриваются въ военную дѣйствительность, въ порядки и непорядки.

Кн. Мещерскій тоже старается вникнуть. Онъ полагаетъ, что равнодушіе къ своему дѣлу корпуса офицеровъ арміи и флота имѣетъ выдающееся значеніе. Цитирую его мысли по „Биржевымъ Вѣдомостямъ" (отъ 16 іюля 1905 г. № 8875).

„Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ кн. Мещерскій,—доходитъ ли въ эти полтора года войны до кого-либо изъ насъ откликъ о томъ, чтобы гдѣ-нибудь въ офицерской средѣ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ слова „ужасно", послѣ чтенія газеты, отразились претерпѣваемыя

нашею дѣйствующею арміею неудачи; какимъ-либо психическимъ моментомъ реакціи, подъ вліяніемъ котораго офицеры той или другой части, подвинутые любовью къ отечеству, рѣшили приняться за задачу своего самовозрожденія съ цѣлью, чтобы во всѣхъ полкахъ, во всѣхъ экипажахъ, закипѣла работа разрыва съ мертвечиною прошлаго и возсозданія новой, живой арміи, трудомъ, ученіемъ, объединеніемъ съ солдатомъ, дабы на глазахъ всего народа усиліями офицеровъ военная служба была превращена изъ тяжелой барщины въ любимое живое дѣло!

„Ничего подобнаго нигдѣ не проявилось и понынѣ. Войдите въ главный штабъ, — тамъ царитъ тотъ же духъ смерти и презрѣнія ко всякой военной нуждѣ. Войдите въ морское вѣдомство,—тамъ царитъ тотъ же духъ смерти, то же презрѣніе къ каждой живой нуждѣ флота, точно и для главнаго штаба, и для морского вѣдомства въ эти полтора года ничего не случилось, кромѣ красносельскаго маневра; приглядитесь къ нашимъ героямъ генеральнаго штаба,—это тѣ же непогрѣшимые, самоувѣренные и всепрезирающіе монументы, которыхъ ничто за эти полтора года не задѣло за живое, которымъ ничего не крикнуло: опомнитесь, и для которыхъ все пережитое арміею было предметомъ сужденія свысока, но не зеркаломъ, въ которомъ бы они могли съ ужасомъ и съ покаяніемъ увидѣть всю духовную нищету ихъ умственнаго міра. Прислушайтесь въ вагонахъ, на гуляньѣ, въ гостиныхъ къ нашимъ офицерамъ,—они всѣ свысока хулятъ и обвиняютъ генераловъ, но, чтобы нашелся одинъ, который въ войнѣ нашелъ побудительную причину не для критики генераловъ, а для того, чтобы усерднѣе и добросовѣстнѣе заняться своимъ офицерскимъ дѣломъ,—объ этомъ никто не слышалъ.

„Вотъ что самое ужасное, самое страшное, какъ картина настоящаго, ибо оно ужасающимъ мракомъ покрываетъ будущее. Значитъ, все, что ждетъ насъ впереди, еще хуже, ибо эти офицеры, эти генералы будущаго, уже будутъ тѣ, въ которыхъ эта война не тронула ни одного нерва, не задѣла ни одного чувства!“

Поставивъ довольно правильно діагнозъ (быть можетъ, слишкомъ поспѣшно распространять на *всю* армію то, что князь видитъ въ штабахъ и въ своемъ кругу), авторъ путается въ выводахъ. Онъ думаетъ, что въ покаяніи грѣшниковъ надо ожидать избавленія. Обращеніе всѣхъ грѣшниковъ на путь праведный было бы чудомъ, о которомъ намъ не разсказываетъ и Священное писаніе.

Покаянія отдѣльныхъ личностей и возможны, и естественны, но Содомъ и Гоморру надо было разрушить. Нашъ Содомъ не въ людяхъ, а въ условіяхъ, и наша Гоморра не въ стремленіи къ грѣху, а въ невозможности не грѣшить въ данной обстановкѣ.

Выше цитированныя негодующія строки противъ главнаго штаба и морского вѣдомства прекрасны, и оные олимпійцы вполнѣ заслужили негодованіе, но напрасно было бы ждать выхода отъ ихъ покаянія. Не покаются они, а будутъ грѣшить паки и паки. Не они, такъ другіе. Самъ князь вслѣдъ затѣмъ говоритъ (цитирую по „Нашей Жизни" отъ 1 іюля, № 138) о новыхъ планахъ судостроенія, вырабатываемыхъ морскимъ вѣдомствомъ, слѣдующее:

„Надо быть глубоко растлѣннымъ вѣдомству, если послѣ всего, что пережила Россія послѣ 14 мая, оно не нашло въ себѣ даже атома сознанія, чтобы хотя нѣсколько минутъ призадуматься надъ ужаснымъ вопросомъ, насколько оно—главный виновникъ своимъ растлѣніемъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ русскій флотъ съ перваго дня войны и съ легкимъ сердцемъ прямо приступило къ вопросу: сколько строить вновь въ этомъ царствѣ воровства и обмана судовъ..."

Что дѣлалось въ этомъ „царствѣ", обнаружила Цусима и вся война. Что дѣлается теперь, вскрывается порою въ наготѣ, почти невѣроятной. Такъ, напримѣръ (цитирую по „Биржевымъ Вѣдомостямъ" отъ 1 іюля, № 8903, веч.), въ „Кіевской Газетѣ" мы встрѣчаемъ нѣкоторыя разъясненія по поводу покупки аргентинскихъ и чилійскихъ судовъ.

„Исторія переговоровъ о куплѣ-продажѣ экзотическихъ судовъ, чилійскихъ и аргентинскихъ, путаная, сложная. Въ Петербургъ разновременно наѣзжало нѣсколько человѣкъ посредниковъ по продажѣ. Спеціально составился было синдикатъ изъ англо-американскихъ милліардеровъ, который проектировалъ купить эти суда у южно-американскихъ республикъ съ тою цѣлью, чтобы сейчасъ же перепродать ихъ Россіи, конечно, съ хорошимъ для себя барышемъ. Одно время все шло хорошо. Весь экзотическій флотъ исчислялся не менѣе 75.000 тоннъ водоизмѣщенія. Синдикатъ желалъ получить по 1000 р. за тонну, т. е. 75 милліоновъ рублей. Аппетиты акулъ морского вѣдомства разыгрались и выразились въ колоссальной цифрѣ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Но тутъ акулы требовали отъ синдиката, чтобы онъ обезпечилъ имъ ихъ „заработокъ", т. е. положилъ бы до окончанія сдѣлки кругленькую сумму на имя лицъ, которыя пользовались довѣріемъ акулъ, и указывали даже одинъ изъ заграничныхъ банковъ, куда долженъ былъ быть положенъ этотъ „кушъ". Тутъ уже дѣло касалось кармана членовъ синдиката, и переговоры стали принимать неблагопріятный оборотъ. Синдикатъ боялся, что купля и продажа судовъ можетъ не состояться, и тогда онъ рискуетъ потерять свои собственные милліоны, вложенные на чужое имя; „дѣятели" же морского вѣдомства, въ свою очередь, не довѣряли синдикату, опасаясь, что если допустить состояться сдѣлкѣ безъ денежныхъ гарантій со стороны синдиката, то синдикатъ, получивъ и свои 75 милліоновъ, и тѣ,

что сверхъ нихъ и что должно идти въ раздѣлъ между акулами, можетъ этихъ денегъ и не заплатить имъ. Такимъ образомъ, взаимное недовѣріе сторонъ погубило выгодное дѣльце".

Надо замѣтить, что лучшія суда аргентинскаго флота были проданы передъ войною Японіи и нынѣ плаваютъ подъ японскимъ флагомъ—броненосные крейсеры „Нассинъ" и „Кассуга". Другія два сильныхъ судна аргентинскаго флота, броненосцы, строившіеся въ Англіи, уступлены аргентинцами Англіи сейчасъ послѣ примиренія съ Чили. У аргентинцевъ остались только старыя суда, для современныхъ условій войны недостаточно сильныя, недостаточно быстрыя, недостаточно защищенныя. То же самое слѣдуетъ сказать и о чилійскомъ флотѣ. Лучшія суда этого флота въ 1903 году Японія купила у Чили, именно: одинъ броненосецъ и два крейсера, но настолько мало ими дорожила, что начала войну, не дождавшись ихъ снаряженія и прибытія. Тѣмъ не менѣе, это японскія суда и они только ждутъ мира, чтобы отправиться къ японскимъ берегамъ, подобно нашимъ: „Цесаревичу", „Аскольду" и др. Такимъ образомъ, все, что было цѣннаго, японцы передъ войною купили и у Аргентины, и у Чили. Оставалось у этихъ республикъ лишь то, что забраковано японцами. И вотъ, объ этомъ бракѣ намъ разсказываютъ выше цитированную исторію, которая, однако, до сихъ поръ не опровергается и не разъясняется ни съ какой стороны. За никому не нужный хламъ семьдесятъ пять или даже сто милліоновъ (100.000.000) рублей—это... не имѣетъ имени! Однако, сорвалось. Не всегда срывается. Въ этомъ отношеніи очень яркую картину рисуетъ „Слово" о покупкѣ на *милліонъ* рублей, пожертвованныхъ графомъ Строгановымъ, вспомогательнаго крейсера, снаряженнаго, какъ лучшаго и вполнѣ современнаго развѣдчика. Щедрый жертвователь не морякъ и нуждался въ совѣтахъ и указаніяхъ. Нѣмецкій корабль „Ланъ" и былъ купленъ на пожертвованныя деньги и былъ щедро снабженъ всѣмъ необходимымъ. Новый крейсеръ назвали „Русью" и включили въ составъ эскадры Небогатова, но за разными порчами судно возвратилось уже отъ береговъ Даніи. „Слово" приводитъ слѣдующій рапортъ вице-адмирала Бирилева о состояніи „Руси":

„Я уже имѣлъ честь докладывать лично, что „Русь" представляетъ изъ себя хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева, и что уважающая себя нація не можетъ послать такого судна въ море подъ военнымъ флагомъ.

„Мое мнѣніе не было принято во вниманіе, но сами обстоятельства, сама судьба избавила Россію еще отъ одного скандала, и „Русь" вернулась, дойдя съ трудомъ только до Скагена. Изъ представляемаго акта видно, что это судно, безъ перестройки корпуса и механизмовъ, плавать не можетъ. Шаръ, для котораго приспособлена „Русь", также не можетъ быть употребленъ

съ военными цѣлями и составляетъ грузъ, пользоваться которымъ можно только при особо благопріятныхъ условіяхъ, каковыхъ въ морѣ почти никогда не бываетъ. Военнаго значенія, какъ крейсеръ, „Русь“ не имѣетъ, за исключеніемъ отрицательныхъ сторонъ.

„Въ виду полученнаго распоряженія готовить „Русь“ къ плаванію съ 2-мъ эшелономъ 3-й эскадры, почтительнѣйше прошу распоряженія, готовить ли это судно и по ознакомленіи начальства съ представляемымъ актомъ“.

Подписалъ вице-адмиралъ Бирилевъ.

22-го февраля 1905 г.

По справкамъ „Слова“, купленный корабль уже много лѣтъ проплавалъ, пришелъ въ негодность и служилъ въ Бременѣ для береговыхъ надобностей, не дерзая выходить въ море.

Что дѣлалось, обнаружила Цусима. Что дѣлается, порою вызываетъ прямо изступленное негодованіе (вѣдь это все пріобрѣтается для войны, для тысячи жизней!). Иной разъ интересно знать и о томъ, что будетъ дѣлаться, напримѣръ:

„Лондонъ, 27 іюня (10 іюля) („Central News“). По слухамъ изъ сферъ, близкихъ къ лондонскому Сити, русское правительство зафрахтовало въ Гамбургѣ 15 большихъ пароходовъ для обратной перевозки русскихъ плѣнныхъ изъ Японіи. Контрактъ дѣйствителенъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ“.

Уже зафрахтованы... И въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ будутъ ждать и получать мзду! А вотъ, съ другой стороны, телеграмма оффиціальнаго спб. агентства изъ Владивостока, отъ 14 іюля:

„Слухъ о передачѣ иностранной пароходной компаніи перевозки нашихъ плѣнныхъ возбуждаетъ крайнее удивленіе. Задаются вопросомъ, почему не могутъ быть использованы мѣстныя средства, чѣмъ сберегаются громадныя суммы, ускорится перевозка, используются госпитали и подвижной составъ желѣзной дороги, а путевые расходы плѣнныхъ останутся въ своей странѣ. Плѣнные могутъ быть во Владивостокѣ распредѣлены эшелонами по губерніямъ, вмѣсто перевозки отъ Одессы черезъ всю Россію, напримѣръ, въ Сибирь. Военныя обстоятельства не позволяютъ перечислить имѣющіяся средства перевозки, однако центральныя учрежденія ихъ знаютъ“ (П. А.)

Конечно, знаютъ, но вѣдь это значитъ передать перевозку со всѣми онерами въ руки другого вѣдомства!

Какъ все, однако, стало откровенно,—ходятъ себѣ голые, даже фиговые листья брошены!

Однако, довольно о морякахъ. Высадимся на берегъ. Въ статьѣ „Что дѣлается на театрѣ войны“—„Новости“ сообщаютъ впечатлѣнія пріѣхавшаго съ театра войны офицера:

„Съ ужасомъ,—говоритъ офицеръ,—приходится вспоминать

все видѣнное. Если гдѣ знакомишься съ язвами нашей родины, такъ это на войнѣ.

„Невѣжество арміи, хищенія, безпорядки и отсутствіе вѣры въ начатое дѣло—вотъ картина положенія вещей.

„Почему мы проигрывали сраженія? Почему мы бѣжали? Если руководители арміи стоятъ въ тылу, на разстояніи, гарантирующемъ жизнь, къ чему солдаты станутъ проявлять избыточное самоотверженіе?..

„Только въ военномъ лагерѣ видишь все ограниченное развитіе нашего офицера. Офицеръ не только не свѣдущъ въ общихъ вопросахъ, но у него полная tabula rasa даже въ военномъ искусствѣ. Книга по военнымъ вопросамъ ему совершенно чужда. Онъ растерялъ и то, что зналъ въ юнкерской школѣ; да и что онъ зналъ? Вотъ вамъ примѣръ: полковникъ, съ которымъ я случайно ѣхалъ въ Европейскую Россію,—правда, онъ почти всю жизнь провелъ на окраинѣ Россіи,—просилъ меня разъяснить ему—что такое земство.

„Или вотъ другой примѣръ: привезли къ намъ пятерыхъ, только что взятыхъ въ плѣнъ, японскихъ офицеровъ, и надо было подумать о томъ, гдѣ ихъ помѣстить. Одинъ изъ офицеровъ вполнѣ справедливо указалъ на гауптвахту, какъ на относительно свободное и удобное зданіе. Но завѣдующій гауптвахтой поспѣшилъ указать на непрактичность этой мысли. По его словамъ, на гауптвахтѣ находятся офицеры, которыхъ стыдно и показать воспитаннымъ японцамъ. Одинъ былъ посаженъ за гнусную продѣлку съ проституткой; другой за то, что заплатилъ извозчику, котораго держалъ чуть не полдня, 20 коп. и тѣмъ вызвалъ его на драку; третій откусилъ носъ у своего товарища. Поневолѣ пришлось отказаться отъ мысли соединить японцевъ съ русскими.

„Хищенія и казнокрадство такъ привились здѣсь, что малѣйшее самоограниченіе въ этомъ отношеніи уже считается добродѣтелью.

„Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ самъ про себя офицеръ, завѣдывавшій транспортами:

— Вижу, прибылъ товарный поѣздъ. Спрашиваю: что привезли? Говорятъ—ячмень. Иду и узнаю, что цѣна 60 коп. за пудъ, а по росписанію можно платить 1 р. 80 к. Конечно, не колеблясь, покупаю и отправляю по мѣсту назначенія.

— Ну, а какую цѣну показали вы начальству?—интересуется офицеръ-слушатель.

— Я подарилъ казнѣ 7,000 рублей,—съ гордостью заявилъ счастливый поставщикъ.—Я показалъ 1 р. 20 к. за пудъ, тогда какъ могъ показать на 60 к. дороже.

— Сколько,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—терпятъ лишеній солдаты отъ всякаго рода хищничества! Я уѣзжалъ въ маѣ и еще видѣлъ солдатъ въ валенкахъ! Порой вы видите строевого солдата въ китайскомъ халатѣ, валенкахъ и какомъ-то картузѣ!

„Теперь ужъ это не секретъ: нѣтъ единства, корпоративности, вдохновенія. Военныя части составлены изъ самыхъ пестрыхъ и чуждыхъ другъ другу элементовъ. Только Суворинъ можетъ писать о превосходномъ духѣ арміи.

„Какой-же возможенъ духъ при отсутствіи вѣры въ успѣхъ, при сознаніи, что кампанія проиграна?!“

Въ заключеніе этихъ печальныхъ и стыдныхъ страницъ о военныхъ обстоятельствахъ на морѣ и на сушѣ, въ Азіи и въ Европѣ, приведемъ нѣкоторые интересные итоги, которые „Слово“ заимствуетъ изъ „The Japan weecly Mail“, именно вѣдомость взятыхъ японцами орудій, оружія, снарядовъ и патроновъ:

Мѣста сраженій.	Орудія.	Снаряды и заряды.	Ружья.	Патроны.
Тюренченъ	29	88.717	1.021	353.005
Фынъ-хуанъ-чэнъ. . . .	—	857	—	181.000
Цзинь-чжоу	78	—	—	—
Ва-Фанъ-Гоу	16	1.121	958	87.233
Сю-янь.	—	—	600	—
То-му-чинъ.	6	570	63	98
Янь-цзя-линъ	2	—	300	—
Ляо-янъ	8	10.056	3.478	1.678.730
Шахэ.	45	6.920	5.474	78.000
Портъ-Артуръ.	546	82.670	35.252	2.266.800
Хэ-коу-тай	—	—	2.000	—
Мукденъ	66	227.700	62.200	26.640.000
	796	368.091	111.446	31.202.748

Сюда не включены трофеи морскіе, орудія и снаряды, взятые на захваченныхъ и потопленныхъ судахъ.

Спеціально для Артура интересны слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія. Сверхъ выше приведенныхъ данныхъ объ артиллеріи, сдано:

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Общеее количество гарнизона	41641	чел.
Изъ нихъ: раненыхъ, больныхъ	15.307	„
давшихъ слово не воевать	1.298	„
Генераловъ и адмираловъ.	17	„
Изъ нихъ: давшихъ слово	10	„
Штабъ и оберъ-офицеровъ	1.439	„
Изъ нихъ больныхъ	133	„
давшихъ слово не воевать	526	„

ПРОВІАНТЪ и ФУРАЖЪ.

Муки.	177.000	кванъ (около 10 ф.).
Ячмень	16.000	„
Маисовой муки. . . .	2.800	„
Рису.	270	„
Бисквитовъ	130.000	„
Говядины	7.000	„
Соли.	7.000	„
Сахару	7.000	„

Сухарей (бисквитовъ) такимъ образомъ сдано свыше тридцати тыс. пуд. и муки около сорока пяти тысячъ пудовъ, т. е. мѣсяца на четыре для гарнизона въ $41^1/_2$ тыс. человѣкъ. Соли и сахару тоже довольно, а остальное—только подспорье. Французскія дамы немного поспѣшили, открывъ подписку на почетную саблю для генералъ-адъютанта Стесселя. Онѣ и сконфузились, эти бѣдныя подписчицы: саблю не подносятъ, но въ какой музей онѣ сдадутъ ее для храненія и назиданія?

Такъ догораетъ пламя этой злосчастной войны, и гдѣ-то мерцаютъ слабые блески зари мира. Обратимся къ этимъ мерцаніямъ.

III.

Относительно мирныхъ переговоровъ, кромѣ приведенныхъ нами въ прошлой хроникѣ заявленій правительствъ американскаго, русскаго и японскаго, новыя *оффиціальныя* свѣдѣнія крайне скудны. Они ограничиваются назначеніемъ уполномоченныхъ и двумя заявленіями американскаго правительства.

Со стороны Японіи уполномоченными назначены министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Комура и посланникъ въ Вашингтонѣ—Такахира. Со стороны Россіи—предсѣдатель комитета министровъ, статсъ-секретарь Витте и посланникъ въ Вашингтонѣ (бывшій посланникъ въ Токіо) баронъ Розенъ. Американскія же заявленія переданы слѣдующими двумя телеграммами:

„Вашингтонъ, 19 іюня (2 іюля). Президентъ Рузвельтъ разрѣшилъ опубликовать нижеслѣдующее заявленіе: „Русское и японское правительства извѣстили президента Соединенныхъ Штатовъ, что назначенные ими уполномоченные встрѣтятся въ возможно скоромъ времени послѣ перваго августа. Уполномоченные обѣихъ сторонъ будутъ располагать полнымъ правомъ вести переговоры о мирѣ и заключить мирный трактатъ, который будетъ подлежать ратификаціи обоихъ правительствъ“ („Assoc. Press“).

„Нью-Іоркъ, 5 (18 іюля). („Central News“). Всѣ подробности относительно поѣздки уполномоченныхъ по веденію мирныхъ переговоровъ въ Ойстербей, къ президенту Рузвельту, окончательно установлены, остается лишь назначить день. Уполномоченные будутъ доставлены изъ Нью-Іорка въ Ойстербей на двухъ крейсерахъ. Послѣ неоффиціальнаго пріема они отправятся въ Портсмутъ на правительственныхъ яхтахъ „May Flower“ и „Dolphin“, причемъ ихъ будетъ сопровождать, по крайней мѣрѣ, одинъ крейсеръ („Times“). (Р. А“).

Это устанавливаетъ внѣшнюю обстановку мирныхъ переговоровъ. Объ ихъ существѣ можно имѣть лишь довольно неопредѣленное понятіе по многочисленнымъ, очень интереснымъ, но нерѣдко противурѣчивымъ свѣдѣніямъ агентствъ и корреспонден-

товъ крупныхъ органовъ европейской и американской прессы. Начнемъ съ извѣстій о томъ, чего можно ожидать отъ Японіи.

Читатели знаютъ, что я не склоненъ былъ ожидать отъ Японіи чрезмѣрныхъ и неисполнимыхъ требованій по двумъ причинамъ: то, что японцамъ дѣйствительно нужно (Корея, Квантунская область и Южная Маньчжурія), совершенно не нужно Россіи, и предоставленіе японцамъ этихъ ихъ пріобрѣтеній нимало не явится ни чрезмѣрнымъ, ни неисполнимымъ условіемъ мирнаго договора; другую причину умѣренности японцевъ я видѣлъ въ тяготахъ войны, и для нихъ ужасныхъ, и въ рискѣ поворота военнаго счастья. Послѣдняя причина почти исчезла (послѣ паденія Артура, мукденскаго разгрома и цусимскаго побоища рискъ поворота военнаго счастья почти исчезъ, а тягости войны явилась надежда парировать контрибуціей), но первая причина остается въ полной силѣ. Этого и теперь достаточно, чтобы условія Японіи были вполнѣ умѣренны во всемъ, что касается долголѣтнихъ постоянныхъ русскихъ интересовъ и правъ, но условія могутъ оказаться и даже очень неумѣренными по отношенію къ временнымъ отношеніямъ: уплатѣ контрибуціи, сроковъ оккупаціи и т. п. Это—вѣроятно; но головокружительные успѣхи оружія на сушѣ и на морѣ могутъ подсказать и вообще неумѣренныя требованія, неблагоразумныя съ точки зрѣнія собственныхъ японскихъ интересовъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе шансовъ такого поворота японскихъ намѣреній.

Покамѣсть соберемъ всѣ свѣдѣнія, сообщавшіяся изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ, по этому вопросу. Въ Японіи имѣются двѣ большихъ партіи: конституціоналистская, въ составъ которой входятъ теперешніе министры, и прогрессистская, съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Японіи графомъ Окумой во главѣ, бывшимъ долгое время министромъ-президентомъ. Обѣ партіи имѣли собранія для опредѣленія желательныхъ условій мира. Агентство Рейтера даетъ слѣдующій краткій отчетъ о постановленіяхъ этихъ собраній:

Токіо, 15 (28 іюня). Комитетъ конституціоналистской партіи принялъ сегодня резолюцію слѣдующаго содержанія:

„Хотя и нѣтъ нужды подробно устанавливать мирныя условія, тѣмъ не менѣе мы находимъ необходимымъ заявить, что для осуществленія цѣли и задачъ войны, указанныхъ въ манифестѣ объ объявленіи о началѣ военныхъ дѣйствій, а также для обезпеченія въ будущемъ интересовъ нашей имперіи и для постановки дѣла мира на Дальнемъ Востокѣ на твердую почву, необходимо потребовать уступокъ территоріи и возмѣщенія убытковъ, а корейскій и манчжурскій вопросы должны быть окончательно и ясно рѣшены“.

Резолюція была потомъ представлена министру-президенту.

Прогрессистская партія выпустила воззваніе, въ которомъ ука-

заны условія мира, сначала фактически тожественныя съ условіями, упомянутыми въ резолюціи конституціоналистской печати. Однако, въ немъ имѣются еще и слѣдующіе дополнительные пункты:

Россія не можетъ возводить военныя сооруженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это грозитъ интересамъ Японіи;

Россія должна отказаться отъ всѣхъ привилегій, которыми она пользуется въ Манчжуріи, а также отказаться отнынѣ отъ вмѣшательства въ вопросы, касающіеся этой страны;

Россія должна взять на себя обязательство не принимать никакихъ мѣръ, которыя могли бы считаться угрозою для мира на китайской границѣ. (Рейтеръ). (П. А.).

Что такое „военныя сооруженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это грозитъ интересамъ Японіи?" И что такое „мѣры, которыя могли бы считаться угрозою для мира на китайской границѣ?" Кто будетъ опредѣлять то и другое? Японія? Но вѣдь это уже лишеніе Россіи независимости, условіе, болѣе, чѣмъ смѣлое... Печально, что его выставляетъ могущественная и вліятельная партія, хотя сейчасъ и не правительственная. Можно еще предполагать, что столь неумѣренныя требованія выставляются съ цѣлью оказать поддержку болѣе умѣренной программѣ. И въ этомъ случаѣ печально, что въ средѣ японскаго народа пропагандируется такая программа.

Рѣшеніе маньчжурскаго и корейскаго вопросовъ въ томъ направленіи, въ какомъ домогалась Японія; военное вознагражденіе территоріальныя уступки,—этого требуютъ обѣ партіи, и съ этими требованіями русскіе уполномоченные, конечно, встрѣтятся на первомъ же засѣданіи мирной конференціи.

Къ сказанному надо прибавить, что вслѣдъ за этими совѣщаніями партій министръ-президентъ Кацура употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы привести всѣ японскія политическія партіи къ соглашенію относительно условій мира, которыхъ Японія надѣется добиться. Онъ имѣлъ по этому поводу неоднократныя свиданія съ вождями различныхъ партій. Въ этомъ чувствуется серьезное государственное и національное сознаніе. Война была національною, и миръ долженъ быть національнымъ. Правительство не боится совѣщаться съ представителями всѣхъ партій, идетъ на встрѣчу общественному мнѣнію и стремится вмѣстѣ съ народомъ творить народное дѣло. Это довѣрчивое общеніе съ народомъ нисколько не умаляетъ достоинства японскаго императора, обаяніе котораго именно этимъ довѣрчивымъ общеніемъ удерживается на высотѣ почти святости. И въ этотъ торжественный моментъ передъ отправленіемъ уполномоченныхъ на конференцію, имѣющую утвердить за Японіей почетное мѣсто въ средѣ великихъ державъ, японскій императоръ счелъ необходимымъ выступить. Онъ обратился къ японскимъ представителямъ, которые будутъ присутство-

вать на совѣщаніи въ Вашингтонѣ, съ посланіемъ слѣдующаго содержанія:

„Президентъ Соединенныхъ Штатовъ съ грустью нашелъ, что война между Японіею и Россіею не кончилась болѣе чѣмъ послѣ цѣлаго года военныхъ дѣйствій. По его мнѣнію, въ интересахъ мира всего человѣчества необходимо, чтобы война немедленно прекратилась, и поэтому онъ предложилъ, чтобы оба правительства назначили уполномоченныхъ, поручивъ имъ сойтись вмѣстѣ и вступить въ переговоры по вопросу о заключеніи мира. Мы были принуждены прибѣгнуть къ оружію вопреки нашему желанію; тѣмъ не менѣе, мы всегда были проникнуты искреннимъ желаніемъ въ пользу мира. Если бы, благодаря миролюбивому образу мыслей нашего противника, военныя дѣйствія могли быть приведены къ концу, то такой исходъ былъ бы для насъ болѣе всего желателенъ. По этой причинѣ мы сразу приняли предложеніе президента и теперь поручаемъ вамъ вступить въ переговоры по вопросу о заключеніи мира. Вы должны посвятить себя всецѣло осуществленію возложенной на васъ задачи и употребить всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить возстановленіе мира на прочной почвѣ".

И микадо зналъ, къ кому обращается, потому что въ составъ свиты японскаго уполномоченнаго Комуры вошли, директоръ бюро по политическимъ дѣламъ Ямаза, директоръ информаціоннаго бюро Сато, секретарь посольства Адаи, личный секретарь министра иностранныхъ дѣлъ Хоида, дипломатическій атташе Іониши, совѣтникъ по иностраннымъ дѣламъ Г. В. Денисонъ, состоящій при военномъ министерствѣ въ Токіо полковникъТашибана и морской атташе въ Вашингтонѣ капитанъ Такешита. Печатью имена эти встрѣчены были съ полнымъ сочувствіемъ. Газеты „Кокуминъ" и „Ниши-Ниши" заявили, что въ число уполномоченныхъ вошли наиболѣе способные дипломаты, какихъ только Японія можетъ дать.

Японія понимаетъ цѣну ставки и мобилизуетъ свои духовныя силы послѣ того, какъ на театрѣ кровавыхъ событій она сумѣла развернуть свои матеріальныя силы.

Около времени отплытія японскихъ уполномоченныхъ изъ Японіи, Россійское Агентство со словъ „Central News" разослало слѣдующую интересную телеграмму:

„Вашингтонъ, 26 іюня (9 іюля). Баронъ Канеко совѣщался съ Рузвельтомъ относительно времени заключенія мира. Онъ отказывается сообщить подробности своего свиданія съ президентомъ, но полагаетъ, что Японія имѣетъ право на контрибуцію. Баронъ Канеко выразилъ, между прочимъ, надежду, что Японія сохранитъ за собой Портъ-Артуръ, доставшійся ей весьма дорогой цѣной".

Такая программа, конечно, вполнѣ умѣренна, а если почитать

уступку Артура за территоріальную и считать, что рѣшеніе манчжурскаго и корейскаго вопросовъ по японской программѣ барономъ Канеко само собою разумѣлось, то его заявленіе довольно близко совпадаетъ съ программою конституціонистовъ.

Наконецъ, Комура и его помощникъ прибыли въ Америку; однако, старанія прессы что-либо вывѣдать были почти безуспѣшны. Вотъ двѣ болѣе интересныя телеграммы:

„Нью-Іоркъ, 13 (26 іюля). Комура со своей свитой прибылъ 12 іюля въ Джерсей-Сити, гдѣ его встрѣтили кликами „банзай" проживающіе въ Нью Іоркѣ японцы. Въ Нью-Іоркѣ Комуру ожидалъ японскій посланникъ Такахира. Здѣсь, какъ на вокзалѣ, при прибытіи, такъ и на улицахъ, японцевъ не встрѣчали съ такимъ энтузіазмомъ, какъ на Западѣ.

Комура считаетъ своимъ долгомъ хранить молчаніе, но совѣтникъ японскаго посольства Сато, принялъ представителей печати, которымъ заявилъ, что Японія желаетъ мира, но не во что бы то ни стало. Средства Японіи еще далеко не исчерпаны, народныя сбереженія за время войны увеличились.

По слухамъ, конференція откроется 23 іюля.

Нью-Іоркъ, 13 (26 іюля). Одинъ изъ членовъ японской миссіи для веденія мирныхъ переговоровъ, Сато, говоря съ однимъ журналистомъ, сказалъ: „Я увѣренъ, что переговоры будутъ успѣшными. Японскій уполномоченный руководится умѣренностью и никакихъ чрезмѣрныхъ требованій не предъявитъ. Какъ въ Японіи, такъ и въ Россіи общественное мнѣніе расположено въ пользу мира, и миръ долженъ быть заключенъ, какъ въ матеріальныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ гуманности. Война стоила Японіи очень дорого. „Съ обѣихъ сторонъ погибло 570,000 людей; изъ нихъ Россія потеряла 370,000. Война стоила Японіи по милліону долларовъ ежедневно, и очевидно, что ей должна быть уплачена контрибуція". По словамъ Сато, первымъ дѣйствіемъ уполномоченныхъ будетъ, вѣроятно, заключеніе перемирія. Единственно, къ чему стремится Японія, это — открытыя двери въ Манчжуріи. Японское правительство желаетъ мира, но только не какой угодно цѣною. Великобританія и Соединенные Штаты, по словамъ Сато, лучшіе друзья Японіи".

Это дипломатическое заявленіе даетъ очень мало, но можно, кажется, надѣяться, что программа прогрессистской партіи не отзовется никакимъ отголоскомъ на мирной конференціи.

IV.

Отъ японской стороны обратимся теперь къ русской. Читатели знаютъ, что здѣсь не было ни совѣщаній съ обширными кругами заинтересованнаго населенія, ни мобилизаціи лучшихъ

духовныхъ силъ страны. Чиновники секретно посовѣщались, и одинъ изъ чиновниковъ, бывшій министръ юстиціи Муравьевъ, получилъ полномочія, но затѣмъ замѣненъ другимъ чиновникомъ бывшимъ министромъ финансовъ Витте. Нѣсколько чиновниковъ, назначены при немъ состоять. Освѣдомлены ли они о желаніи націи? Знаютъ ли они дѣла Дальняго Востока, наши интересы, права, обязанности?

Извѣстія о приготовленіяхъ русской стороны открылись слѣдующею агентскою телеграммою.

„Нью-Іоркъ, 5 (18 іюля). Агентство „Associated Press" опубликовало нижеслѣдующую телеграмму отъ своего петербургскаго корреспондента, Говарда Томсона:

Статсъ-секретарь С. Ю. Витте принялъ представителя „Associated Press" на дачѣ, на Елагиномъ островѣ. Удостоивъ г. Говарда Томсона интервью, С. Ю. Витте заявилъ, что онъ отвѣтилъ отказомъ на всѣ просьбы журналистовъ и никого изъ нихъ не приметъ, но сдѣлалъ исключеніе для агентства „Associated Press", такъ какъ оно представляетъ собой печать той страны, гостемъ которой онъ въ скоромъ времени будетъ.

По поводу склонности иностранной печати объяснять назначеніе С. Ю. Витте желаніемъ Россіи заключить миръ во что бы то ни стало, главный уполномоченный Россіи для веденія съ японцами мирныхъ переговоровъ сказалъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, я назначенъ Государемъ Императоромъ для переговоровъ съ уполномоченными Японія съ цѣлью установить, возможно ли теперь заключить миръ. Мои личные взгляды имѣютъ второстепенное значеніе, но, въ общемъ, они совершенно совпадаютъ со взглядами моего друга, министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламздорфа. Я служу моему Государю, я получилъ точныя инструкціи отъ Его Величества и буду во всемъ имъ слѣдовать. Окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ Государя Императора, ему принадлежитъ право опредѣлять судьбы Россіи. Его Величество сторонникъ мира и желаетъ его, но я сильно опасаюсь, что условія, которыя предложатъ японцы, будутъ такого характера, что сдѣлаютъ невозможнымъ никакое соглашеніе.

„Съ другой стороны, ошибаются тѣ, кто думаетъ, что Россія хочетъ мира во что бы то ни стало. У насъ есть двѣ партіи: одна стоитъ за войну — партія очень могущественная, другая партія, къ которой я принадлежу, стоитъ за миръ. Я откровенно говорю это, потому что правда всегда была принципомъ моей политики. Я стоялъ за миръ до начала военныхъ дѣйствій. Когда вспыхнула война, положеніе измѣнилось. Все же, хотя и существуютъ у насъ двѣ партіи по вопросу о продолженіи войны, я не сомнѣваюсь, что эти партіи объединились бы, если бы требованія Японіи оскорбили самолюбіе Россіи или скомпромитировали будущность націи. Я убѣжденъ въ томъ, что если я сочту условія

Японіи непріемлемыми, то Россія согласится со мной, и русскій народъ будетъ готовъ продолжать войну, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

„Россія не истощена, какъ думаетъ иностранная печать. Внутреннее состояніе Россіи неудовлетворительно и даже очень серьезно, я этого не отрицаю, но истинное значеніе событій неясно понимается и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Корреспонденты газетъ пріѣзжаютъ къ намъ, бесѣдуютъ съ нѣсколькими сотнями людей въ Петербургѣ или Москвѣ, ложно истолковываютъ событія и наполняютъ міръ неправильно изложенными субъективными впечатлѣніями относительно всего того, что касается будущности Россіи. Россія мало походитъ на другія страны Запада. Для того, чтобы знать Россію, чтобы понимать душу русскаго народа, нужно родиться здѣсь или прожить здѣсь много лѣтъ. Обычаи, исторія, психологія народа совершенно отличаютъ его отъ западно-европейскихъ націй. О Россіи нельзя судить съ точки зрѣнія западныхъ идей: Россія велика и составлена изъ массы элементовъ, отличныхъ другъ отъ друга. Въ данный моментъ Россія представляетъ собою обширную семью, раздираемую внутренней междоусобицей, но разногласіе тотчасъ исчезло бы, если бы народъ почувствовалъ, что благополучіе страны въ опасности. Россія вовсе не находится наканунѣ утраты своей великодержавной роли и не должна соглашаться на всякія условія, хотя и понесла пораженія. Мы переживаемъ кризисъ, сопровождающійся многими серьезными событіями. Возможно, что произойдутъ новыя явленія аналогичнаго характера, но кризисъ во всякомъ случаѣ окончится, и черезъ нѣсколько лѣтъ Россія вернетъ свое мѣсто могущественной и вліятельной державы въ европейскомъ концертѣ".

Россія идетъ не ставить, а выслушать мирныя условія, и русскій уполномоченный и могъ, конечно, сказать только одно: Россія желаетъ мира, но можетъ еще сопротивляться, если условія будутъ чрезмѣрно тягостны. Зачѣмъ только тутъ припутана какая то особая русская душа? Давно этому никто не вѣритъ, ни говорящіе, ни слушающіе. Не повѣрятъ и японцы. Фальшивая нота была взята безполезно, а какъ первый шагъ выполненія великой миссіи, порученной г-ну Витте, она мало обѣщаетъ.

О слѣдованіи русскаго уполномоченнаго имѣемъ слѣдующія сообщенія:

Берлинъ, 8 (21 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте проѣздомъ прибылъ вчера въ Берлинъ въ 11 ч. вечера. Въ спальный вагонъ къ нему вошелъ банкиръ Мендельсонъ, который ѣхалъ съ нимъ нѣсколько часовъ, бесѣдуя по пути. На вокзалѣ ожидали прибытія С. Ю. Витте нѣсколько членовъ русскаго посольства. Поѣздъ черезъ нѣсколько минутъ ушелъ въ Парижъ.

Парижъ, 8 (21 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте прибылъ сюда въ 4 часа и былъ встрѣченъ при выходѣ изъ вагона рус-

скимъ посломъ А. И. Нелидовымъ, начальникомъ кабинета министра-президента и бывшимъ русскимъ посломъ въ Вашингтонѣ графомъ Кассини. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, С. Ю. Витте сѣлъ въ открытое ландо и отправился въ отель на „Rue de la Paix". Когда С. Ю. Витте вышелъ изъ вокзала, раздались возгласы: „Да здравствуетъ Россія!"

Парижъ, 9 (22 іюля). Министръ-президентъ Рувье принялъ сегодня утромъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Бесѣда продолжалась часъ.

Парижъ, 9 (22 іюля). (РА). Лубэ принялъ Витте въ 2 часа безъ всякаго церемоніала. Затѣмъ президентъ покинулъ Парижъ и отбылъ въ 4 часа въ Рамбулье.

Парижъ, 13 (26 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте выѣхалъ въ Шербургъ въ 9 час. 20 мин. утра. На вокзалъ ко времени отхода поѣзда прибыли представитель министра-президента Рувье, русскій посолъ д. т. с. Нелидовъ и нѣсколько личныхъ друзей. Семья С. Ю. Витте осталась въ Парижѣ. (Гавасъ).

Шербургъ, 13 (26 іюля). Статсъ-секретарь С. Ю. Витте прибылъ въ 4 ч. дня. Въ 8 часовъ онъ сядетъ на пароходъ „Kaiser Wilhelm".

Бесѣда г. Витте съ Рувье имѣла, конечно, крупное значеніе О ней много сообщеній въ иностранной прессѣ. Въ русскую проникло лишь слѣдующее сообщеніе („Петербургскій Листокъ" отъ 11 іюля, № 178):

„Въ субботу г. Витте впервые увидѣлся съ Рувье, теперешнимъ премьеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи. Это свиданіе, какъ сообщаютъ изъ Парижа въ „Neue Fr. Pr.", будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на французскихъ финансистовъ и чрезвычайно важное значеніе для успѣха мирной миссіи г. Витте. Въ Рувье, горячемъ поборникѣ мира, г. Витте найдетъ поддержку во всемъ; но, по слухамъ, Рувье въ бесѣдѣ долженъ былъ затронуть вопросъ о русскихъ реформахъ, отъ котораго зависитъ внутренній миръ въ Россіи. Рувье не считаетъ себя въ правѣ давать какіе-либо совѣты относительно внутренней русской политики,—однако, при обмѣнѣ мнѣній относительно предполагаемаго новаго большого внутренняго займа во Франціи, Рувье считаетъ возможнымъ, не въ формѣ совѣта, но въ видѣ простого констатированія факта заявить, что Россіи въ настоящихъ условіяхъ трудно будетъ найти деньги во Франціи: деньги найдутся для преобразованной Россіи съ народнымъ представительствомъ."

Русскій уполномоченный теперь переѣзжаетъ океанъ, и скоро произойдетъ встрѣча, не менѣе важная, нежели Мукденская и Цусимская. И въ этой встрѣчѣ наша сторона вооружена и снаряжена гораздо хуже японской... Правда, изъ сановниковъ выбранъ наиболѣе подходящій, но если бы одними сановниками

держалась наша родина, она не могла бы жить. Есть у насъ и крупные ученые, и даровитые предприниматели, и заслуженные общественные дѣятели, и мыслители, и практики, и знатоки Дальняго Востока...

Мы говорили до сихъ поръ объ японской и русской сторонѣ. Въ послѣднее время обнаружилась еще и третья сторона, китайская. Сначала это были довольно робкія просьбы, но въ самое послѣднее время зазвучала твердая нота, за которою какъ будто чувствуется, кромѣ китайскаго безсилія, и какая-то сила. Вотъ, въ хронологическомъ порядкѣ, извѣстія о начинающемся вмѣшательствѣ:

„Шанхай, 3 (16) іюня. („Evening Post"). Китайское правительство предписало своему посланнику въ Вашингтонѣ внимательно слѣдить за ходомъ мирныхъ переговоровъ, предъявляя протесты по поводу всякаго шага, враждебнаго интересамъ Китая. (П. А.).

„Нью-Іоркъ, 3 (16) іюля. Лондонскій корреспондентъ „Sun" сообщаетъ, что китайское правительство обратилось къ нейтральнымъ державамъ съ нотою, въ которой заявляется, что интересы Китая ни въ какомъ случаѣ не должны быть задѣты условіями мирнаго соглашенія, которыя будутъ выработаны на предстоящемъ совѣщаніи. (П. А.).

— Изъ авторитетныхъ источниковъ передаютъ, что Японія энергично противится представительству Китая въ переговорахъ о мирѣ. Манчжурія и Корея были поводами къ войнѣ, поэтому разрѣшеніе касающихся ихъ вопросовъ является исключительно дѣломъ воюющихъ сторонъ. Японія ручается своею честью за охраненіе интересовъ Китая (Р. А.).

„Токіо, 17 (30) іюня. (Central News). Пекинскій корреспондентъ газеты „Asahi" говоритъ, что принцъ Цинъ обратился къ американскому посланнику съ просьбой переслать собственноручное письмо вдовствующей китайской императрицы къ Рузвельту съ ходатайствомъ о защитѣ китайскихъ интересовъ во время предстоящихъ мирныхъ переговоровъ. Посланникъ обѣщалъ передать письмо. Нѣкоторые иностранные посланники высказываютъ мнѣніе, что Китай не долженъ вмѣшиваться въ переговоры о мирѣ.

„ — 1 (14) іюля (Central News). Китай опубликовалъ ноту относительно Кореи, предупреждая противъ измѣненія status quo какъ результата мирныхъ переговоровъ. („Daily Telegraph").

„ — 3 (16) іюля. Китайское правительство обратилось къ корейскому съ нотою, въ которой предостерегаетъ его отъ измѣненія status quo въ Кореѣ, могущаго явиться результатомъ мира между Россіей и Японіей (П. А.).

„Шанхай, 8 (21) іюля. (Standard). Здѣсь полагаютъ, что большинство иностранныхъ представителей поддержатъ требованіе

Китая о своемъ представительствѣ въ мирной конференціи, поскольку оно будетъ признано справедливымъ. Требованіе это энергично поддерживается руководящими органами китайской печати, а также нѣкоторыми японскими органами. Газеты основываютъ при этомъ свои взгляды на необходимости соблюденія интересовъ китайскаго населенія Манчжуріи. (П. А.).

„Парижъ, 9 (22) іюля. Въ политическихъ сферахъ полагаютъ, что державы удовлетворятъ требованіе Китая относительно представительства на конференціи по вопросу о мирѣ. Требованіе это оправдывается декларацiей 1900 г., подписанной всѣми державами и обусловливающей независимость Китая, территоріальную неприкосновенность его и принципъ открытыхъ дверей.

„Вашингтонъ, 9 (22) іюля. („Central News“). Президентъ Рузевельтъ опубликовалъ ноту, съ которой Китай обратился къ заинтересованнымъ державамъ, заявляя, что онъ признаетъ тѣ пункты русско-японскаго мирнаго договора, которые затрагиваютъ интересы Китая, лишь въ томъ случаѣ, если эти пункты будутъ внесены съ предварительнаго согласія Китая“.

Протестъ противъ японскаго протектората надъ Кореей, особенно, обращаетъ на себя вниманіе. Протестъ можетъ опираться на симоносекскій договоръ, признающій независимость Кореи, но для протеста нужна сила.

И этою силой некому быть, кромѣ Германіи. Японія и Россія могутъ заключить въ Портсмутѣ миръ, но вопросъ, не будетъ ли этотъ документъ подвергнутъ пересмотру въ другомъ мѣстѣ, какъ въ 1878 году въ Берлинѣ договоръ санъ-стефанскій?

Эти перспективы встревожили не одну Англію. Поэтому-то, свиданіе императоровъ Николая II и Вильгельма II въ Бьеркѣ, совершенно неожиданное и непредвидѣнное, произвело въ Европѣ взрывъ чего-то въ родѣ паники. Многимъ видѣлось уже разгорающееся на горизонтѣ пламя всемірной войны. И чѣмъ короче и безсодержательнѣе оффиціальныя свѣдѣнія, тѣмъ больше простора для фантазіи и догадокъ. Вотъ два оффиціальныхъ русскихъ сообщенія:

Отбытіе Государя Императора. 10-го іюля на императорской яхтѣ „Полярная Звѣзда“ отбыли въ финляндскія шхеры Его Императорское Величество Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Братомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ для встрѣчи съ германскимъ императоромъ, путешествующимъ въ нынѣшнемъ году на своей яхтѣ „Гогенцоллернъ“ въ водахъ Балтійскаго моря. Государя Императора въ путешествіи сопровождаютъ министры: Императорскаго Двора—генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, морской—вице-адмиралъ Бирилевъ, гофмаршалъ Высочайшаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, за флагъ-капитана Его Величества контръ-адмиралъ Ниловъ, лейбъ-хирургъ д. т. с. Гиршъ, начальникъ военно-поход-

ной канцеляріи флигель-адъютантъ графъ Гейденъ, флигель-адъютантъ капитанъ 2-го ранга Чагинъ, капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ, бывшій командиръ крейсера „Новикъ“ и эскадреннаго броненосца „Севастополь“ и лейтенантъ Подгурскій, участвовавшій въ сухопутной оборонѣ Портъ-Артура. Съ Его Величествомъ отбылъ германскій военный агентъ капитанъ Гинце. Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ прибылъ на военную пристань въ Петергофѣ и прослѣдовалъ на Императорскую яхту „Александрія“. Его Величество и Его Высочество были въ морской формѣ. Яхта „Александрія“ подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора отвалила отъ пристани и въ предшествіи двухъ миноносокъ пошла въ кронштадскій рейдъ, гдѣ Государь Императоръ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ перешли на Императорскую яхту „Полярная Звѣзда“, которая вскорѣ снялась и ушла въ море.

Телеграмма министра Императорскаго Двора изъ Бьеркэ. Сего 10 іюля, въ 10 часовъ вечера, яхта императора германскаго „Гогенцоллернъ“ стала на якорь близъ мѣста стоянки Императорской яхты „Полярная Звѣзда“. Императоръ Вельгельмъ, въ сопровожденіи принца Альберта Шлезвигъ-Гольштейнскаго и свиты, прибылъ на катерѣ на „Полярную Звѣзду“. На трапѣ его величество былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, а также и Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Послѣ сердечныхъ привѣтствій Ихъ Величества изволили обходить караулъ и команду яхты, а затѣмъ, по взаимномъ представленіи свитъ, изволили удалиться въ рубку. Въ 11 часовъ вечера, Государь Императоръ съ императоромъ германскимъ и великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, въ сопровожденіи свиты, на катерахъ прослѣдовали на яхту „Гогенцоллернъ“, откуда Государь Императоръ, въ 1 часъ 30 мин. ночи, изволилъ возвратиться на яхту „Полярная Звѣзда“.

Огромное политическое значеніе этого событія очевидно для всѣхъ. Съ русской стороны, кромѣ вышецитированныхъ сообщеній, отсутствуютъ свѣдѣнія. Съ нѣмецкой отчасти приподнимаютъ завѣсу оффиціозный „Lokal-Anzeiger“ и полуоффиціозный „Kölnische Zeitung“:

Вотъ эти сообщенія:

Берлинъ, 12 (25) іюля. „Kolniche Zeitung“, лучше всѣхъ другихъ органовъ печати освѣдомленный относительно взглядовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, пишетъ: „Разговоръ между Монархами происходитъ съ глазу на глазъ, поэтому содержаніе его не можетъ проникнуть въ публику. Вполнѣ понятно, что Русскій Императоръ пожелалъ поговорить съ лицомъ, которое, благодаря своему положенію, прекрасно освѣдомлено относительно общаго направленія политики, и дружескія чувства котораго по отношенію къ Императору Всероссійскому стоятъ внѣ

всякихъ сомнѣній. Понятно и то, что Германія не вмѣшается въ русскую политику. Но совершенно безсмысленно предполагать, что германскій императоръ употребилъ свое вліяніе въ пользу продолженія войны съ Японіей и реакціонной внутренней политики. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ зависѣть только отъ Императора Всероссійскаго. Что касается Германіи, то она была бы рада, если бы умѣренность требованій Японіи способствовала заключенію мира, и не менѣе рада, если бы русское правительство путемъ разумныхъ реформъ устранило кризисъ, переживаемый страной и обезпечило ей здоровый прогрессъ. Этого требуютъ какъ интересы Германіи, такъ и дружеское расположеніе императора Вильгельма къ Русской Императорской Фамиліи.

„Берлинъ, 11 (24) іюля. „Lokal Anzeiger“ въ инспирированной статьѣ говоритъ по поводу свиданія двухъ Монарховъ, что, при существующей между ними искренней дружбѣ, возможность свиданія была принята Императорами съ большимъ удовольствіемъ. Его величество будетъ радъ видѣть Русскаго Императора послѣ долгаго и чреватаго событіями промежутка времени. Увѣренія англійской и французской прессы, будто бы императоръ собирается дать Царю совѣты по вопросамъ достиженія мира какъ внутри страны, такъ и на Дальнемъ Востокѣ,—лишены основанія. Императоръ всегда отрицалъ приписываемыя ему стремленія вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ. Точно такъ же поступитъ онъ и въ данномъ случаѣ. Если же Царь спроситъ его мнѣніе, то разочаруются тѣ, которые полагаютъ, что императоръ будетъ совѣтовать невнимательное отношеніе къ обѣщаніямъ реформъ. Полагаютъ, что императоръ выскажется въ томъ смыслѣ, что престижъ власти и спокойствіе въ странѣ могутъ покоиться только на полномъ довѣріи между Монархомъ и народомъ. Что касается вопроса о мирѣ, то всѣмъ извѣстно, какое живое участіе императоръ принялъ въ предварительныхъ шагахъ къ мирнымъ переговорамъ. Въ виду этого, можно быть увѣреннымъ, что дѣло мира только выиграетъ. Отсутствіе князя Бюлова и графа Ламздорфа доказываетъ частный и дружественный характеръ свиданія“.

И тѣмъ не менѣе, тревога англійской и французской прессы не улеглась. Міровыя событія, нынѣ приближающіяся къ рѣшенію и на берегахъ Тихаго океана, и въ пучинахъ глубоко взволнованнаго великаго народнаго океана въ Россіи, столь тѣсно связаны съ интересами всего цивилизованнаго міра, что ожиданіе неожиданныхъ осложненій глубоко волнуетъ и тревожитъ народы, желающіе мира и не желающіе осложненій.

Едва улаженный инцидентъ съ Марокко, внезапно явившійся угрозою миру по инціативѣ Вильгельма II, у всѣхъ на памяти.

V.

Инцидентъ изъ-за Марокко дѣйствительно улаженъ въ существенныхъ чертахъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, иногда обострявшихся, состоялось, наконецъ, соглашеніе. Оно было формулировано въ нотѣ французскаго министра-президента Рувье германскому послу въ Парижѣ князю Радолину (отъ 8 іюля) слѣдующаго содержанія:

„Г. посолъ! Правительство республики изъ переговоровъ между представителями обѣихъ странъ убѣдилось, что императорское правительство не намѣрено на предположенной султаномъ марокканскимъ конференціи преслѣдовать такихъ цѣлей, которыя затронули бы законные интересы Франціи въ этой странѣ, или стояли бы въ противорѣчіи съ правами Франціи, проистекающими изъ договоровъ и находящимися въ полномъ согласіи съ слѣдующими положеніями:

1) Суверенныя права и независимость султана;

2) Неприкосновенность его имперіи;

3) Экономическая свобода безъ всякаго неравенства;

4) Необходимость полицейскихъ и финансовыхъ реформъ, которыя должны быть введены въ кратчайшее время международнымъ соглашеніемъ;

5) Признаніе особаго положенія, созданнаго для Франціи въ Марокко границей съ Алжиромъ, благодаря чему между обѣими сосѣдними странами образовались особыя отношенія, и Франція получила особенный интересъ въ сохраненіи мира и порядка въ Марокко.

Поэтому, правительство республики оставляетъ свои прежнія возраженія противъ конференціи и принимаетъ приглашеніе участвовать въ ней“.

Того же числа послѣдовалъ отвѣтъ князя Радолина, подтверждающій эти условія, а затѣмъ того же 8 іюля подписано обѣими сторонами и соглашеніе слѣдующаго содержанія:

„Германское правительство и правительство республики согласились:

1. Одновременно отозвать находящіяся въ данное время въ Фецѣ посольства свои въ Танжеръ, какъ только конференція соберется;

2. Посовѣтовать вмѣстѣ черезъ своихъ представителей султану Марокко выработать основныя положенія программы предстоящей конференціи на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты 8 іюля 1905 г. нѣмецкимъ посломъ въ Парижѣ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ нотахъ, которыми они обмѣнялись“.

Германія согласилась дать Франціи декорацію какого-то особаго положенія, какъ сосѣдкѣ, но не присоединивъ къ этому декоруму никакого самаго ничтожнаго права. Всѣ уступки, сдѣланныя Франціей, Италіи, Испаніи и особенно Англіи, чтобы укрѣпить свое положеніе и свое преобладаніе въ Марокко, пропали даромъ.

„Politische Correspondenz“ сообщаетъ, что дипломатическіе представители Франціи и Германіи получили указанія сообщить державамъ о состоявшемся по вопросу марокkской конференціи соглашеніи.

Остается еще сама конференція.

Если измѣнится соотношеніе силъ, можетъ измѣниться и соглашеніе. Только едва-ли...

Развивается, между тѣмъ, неукоснительно австро-венгерскій конфликтъ.

Императоръ принялъ 18 іюня (1 іюля), Фейервари. Во время аудіенціи обсуждался вопросъ, въ какой формѣ могутъ быть осуществлены уступки безъ опасности для авторитета короны. Затѣмъ немедленно Фейервари пригласилъ всѣхъ вождей объединенной оппозиціи на совѣщаніе относительно изысканія возможнаго компромисса между короною и парламентомъ. Корона готова на слѣдующія уступки: полная свобода для проведенія внутреннихъ реформъ; корона готова принять предложенія коалиціи касательно отдѣльной таможенной области, поскольку таковыя не встрѣтятъ затрудненій со стороны Австріи; въ сферѣ военнаго дѣла корона согласна на факультативное пользованіе венгерскимъ языкомъ въ военномъ судопроизводствѣ, а также—на полное проведеніе территоріальной системы; при внѣшнихъ сношеніяхъ главнымъ представителемъ или его замѣстителемъ всегда долженъ быть венгерецъ, а общее министерство можетъ быть перенесено въ Буда-Пештъ. Это, какъ будто, и очень много. Послѣдняго венгерцы и не требовали. По существу разногласія, однако, уступокъ корона не сдѣлала никакихъ. Это существо разногласій гр. Аппоньи, одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Венгріи, опредѣляетъ такъ: „правительство отказываетъ въ осуществленіи самыхъ скромныхъ требованій націи въ области организаціи войска, и *форма этого отказа еще знаменательнѣе, чѣмъ самый его фактъ*. Именно, *корона оспариваетъ право Венгріи предъявлять подобныя требованія*. Венгрія припирается къ стѣнѣ въ военныхъ вопросахъ, и нація лишается права заниматься таковыми. Слѣдовательно, здѣсь *рѣчь идетъ* не о командованіи по-венгерски, а *о самомъ существованіи Венгріи, какъ національнаго государства*, или же какъ австрійской провинціи“.

Предметъ спора формулированъ ясно и отчетливо. Не мудрено поэтому, что упомянутое выше совѣщаніе кончилось полною неудачею, и соглашеніе не состоялось. Теперь борьба перешла

изъ парламента въ комитаты (провинціальныя собранія) и муниципалитеты. Эти учрежденія прекратили пріемъ налоговъ, а внесенные уже не передаютъ правительству, какъ незаконному. Въ отвѣтъ на это, Фейервари опубликовалъ обращеніе къ муниципалитетамъ, въ которомъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ резолюціи относительно пассивнаго сопротивленія, заявляя, что правительство будетъ неукоснительно уничтожать всѣ мѣропріятія городскихъ управленій, направленныхъ къ осуществленію пассивнаго сопротивленія.

Рѣшенія муниципалитетовъ отмѣняются; чиновники, ихъ исполняющіе, отстраняются. Тогда комитетъ соединенной оппозиціи постановилъ придерживаться пассивнаго сопротивленія и поручилъ одной коммиссіи заняться разработкой вопроса о протестѣ противъ деклараціи Фейервари, а второй коммиссіи—выработкой единообразія въ организаціи пассивнаго сопротивленія и обезпеченія тѣхъ коммунальныхъ чиновниковъ, которые уволены правительствомъ за сочувствіе обструкціи. Отдѣльныя муниципальныя общины отказывались уже отъ врученія запаснымъ чинамъ призывныхъ свидѣтельствъ для отбытія учебнаго сбора. Фондъ для содержанія уволенныхъ чиновниковъ сразу достигъ размѣра болѣе чѣмъ необходимаго и быстро растетъ. Министръ юстиціи Ланій забаллотированъ на дополнительныхъ выборахъ.

Венгерская нація ведетъ героическую борьбу за свою свободу, а „союзная" ей Австрія собирается поддержать антиконституціонное правительство. Изъ Вѣны приходятъ о томъ нерадостныя вѣсти.

Министръ-президентъ Гаучъ заявилъ въ парламентской коммиссіи, занятой вопросомъ объ отношеніяхъ между Австріею и Венгріею, что, въ виду невозможности уладить законодательнымъ путемъ разногласія по вопросу о долевомъ участіи Австріи и Венгріи въ общеимперскихъ расходахъ, оба правительства пришли къ соглашенію содѣйствовать съ 19-го іюня 1905 г., до окончательнаго соглашенія по этому вопросу, общимъ расходамъ путемъ авансовъ, которые будутъ сдѣланы обоими правительствами на основаніи числовой нормы, существовавшей до этого момента. Что касается торговыхъ переговоровъ съ иностранными государствами, то венгерское правительство (т. е. Фейервари съ товарищами) согласно вступить въ такіе переговоры, если они окажутся необходимыми, подъ собственной отвѣтственностью. Въ виду этого, торговые переговоры съ Швейцаріею и Болгаріею начнутся въ ближайшемъ будущемъ, и правительство представитъ палатѣ законопроектъ, требующій предоставленія ему права временно уладить торговыя отношенія съ обоими государствами.

Затѣмъ, отвѣчая на запросъ, Гаучъ сказалъ: „Правительство убѣждено, что нѣтъ никакого основанія думать, будто испытан-

ныя основы, на которыхъ покоится общеимперская армія, могутъ быть поколеблены".

25 іюля происходило последнее передъ каникулами засѣданіе палаты депутатовъ. Большинствомъ 161 голосовъ противъ 9 принято неотложное предложеніе правительства, чтобы,—съ цѣлью не быть застигнутымъ врасплохъ событіями въ Венгріи,—парламентъ былъ созванъ немедленно въ томъ случаѣ, если въ этомъ будетъ сознана необходимость. Депутатъ Гроссъ отъ имени германскихъ партій пригласилъ правительство приготовиться по отношенію къ Венгріи ко всѣмъ случайностямъ. Предложеніе было принято значительнымъ большинствомъ.

Эти постановленія „значительнымъ большинствомъ"—печальные симптомы политическаго здоровья австро-венгерскаго государства.

Шведо-норвежскій конфликтъ, который казался уже по существу улаженнымъ, опять нѣсколько осложняется, и въ Швеціи состоялись рѣшенія, задѣвающія и достоинство, и интересы Норвегіи.

Либеральное министерство Рамстеда было склонно расторгнуть унію и созвало риксдагъ, чтобы получить полномочія для открытія переговоровъ съ норвежцами. 14 (27) іюня вторая палата риксдага передала правительственный законопроектъ относительно переговоровъ съ норвежскимъ стортингомъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи.

Отвѣчая въ палатѣ на разныя замѣчанія и запросы депутатовъ, министръ юстиціи сказалъ, что существуетъ полная солидарность относительно того, что не слѣдуетъ принуждать Норвегію къ дальнѣйшему участію въ уніи силою. Что касается условій, которыя должны быть представлены Швеціею, то послѣдняя не должна дѣлать непреодолимыхъ затрудненій; но, съ другой стороны, должны быть охранены правовые интересы Швеціи. Затѣмъ министръ выступилъ противъ упрека, будто правительственный законопроектъ представлялъ собою актъ слабости. Наоборотъ, въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ совершенно противоположными явленіями. Если бы правительство потеряло хладнокровіе и прислушалось къ многочисленнымъ голосамъ, выражавшимъ недовольство и озлобленіе, то оно ступило бы на опасный путь.

Это и былъ тотъ моментъ, когда можно было считать, что главное, если не улажено, то улаживается. Между тѣмъ, 18 іюня (1 іюля), отъ имени 68 членовъ первой палаты и 30—второй внесено предложеніе объ ассигнованіи правительству 100 милліоновъ кронъ, дабы оно, въ случаѣ необходимости, могло во всякое время принять соотвѣтствующія мѣры. Это предложеніе ассигновать кредитъ на военныя приготовленія обнаружило, что въ средѣ обѣихъ палатъ есть сильное шовинистское теченіе.

Скоро оказалось, что это теченіе получило преобладаніе. Комитетъ риксдага представилъ докладъ. Въ докладѣ этомъ предлагается риксдагу заявить, что правительственный проектъ не можетъ быть принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ риксдагу. Затѣмъ коммиссія предлагаетъ риксдагу высказаться въ томъ смыслѣ, что онъ не имѣетъ возраженій противъ вступленія въ переговоры по вопросу объ упраздненіи уніи, если новоизбранный стортингъ потребуетъ расторженія соединительнаго акта и упраздненія уніи, или если требованіе въ этомъ смыслѣ будетъ представлено Норвегіею послѣ того, какъ норвежскій народъ выскажется путемъ народнаго голосованія за упраздненіе уніи.

Кромѣ этого, коммиссія предлагаетъ Швеціи выступить со слѣдующими особыми требованіями въ случаѣ упраздненія уніи.

Во-первыхъ, на каждой сторонѣ южной части границы между обоими государствами опредѣляется раіонъ, въ предѣлахъ котораго должны быть снесены крѣпости, причемъ возводить новыя укрѣпленія должно быть воспрещено.

Во-вторыхъ, должно быть установлено право пастьбы для оленей шведскихъ лапландцевъ въ сѣверной части Норвегіи.

Въ третьихъ, транзитная торговля въ обѣихъ странахъ должна быть обезпечена отъ возможныхъ помѣхъ и затрудненій.

Въ-четвертыхъ, правовыя отношенія Швеціи къ иностраннымъ державамъ должны быть выяснены такимъ образомъ, чтобы полная свобода Швеціи отъ отвѣтственности за Норвегію передъ другими государствами стояла внѣ всякаго сомнѣнія.

Коммиссія считаетъ желательнымъ заключеніе соглашенія о третейскомъ судѣ съ Норвегіею, но не по вопросу объ упраздненіи уніи. Затѣмъ коммиссія предлагаетъ уполномочить бюро, завѣдующее государственными долгами, прибѣгнуть къ кредиту или займу въ размѣрѣ 100 милліоновъ кронъ. Деньги эти должны быть, согласно постановленію риксдага, употреблены на подготовленія, которыя могутъ оказаться необходимыми въ силу обстоятельствъ, вызванныхъ созваніемъ чрезвычайной сессіи риксдага.

Наконецъ, коммиссія заявляетъ, что въ случаѣ возможныхъ переговоровъ необходимо твердо и опредѣленно отстаивать все, касающееся благосостоянія и достоинства Швеціи, поставивъ это условіемъ отмѣны соединительнаго акта со стороны Швеціи и признанія Норвегіи въ качествѣ самостоятельнаго государства.

Заключенія этого доклада были одобрены большинствомъ риксдага. Кабинетъ Рамстеда вышелъ въ отставку.

Требованіе, чтобы были назначены новые выборы и новый стортингъ подтвердилъ единогласное постановленіе нынѣшняго стортинга, или чтобы вопросъ объ уніи былъ разрѣшенъ плебисцитомъ, является актомъ грубаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Норвегіи, и не со стороны короны или общаго правитель-

ства, а со стороны шведскаго риксдага, не имѣющаго и никогда не имѣвшаго никакой власти, ни компетенціи на норвежской территоріи.

Требованіе срытія крѣпостей со стороны болѣе сильной Швеціи, обращенное къ болѣе слабой Норвегіи, уже носитъ характеръ какой-то глухой угрозы будущему.

Относительно транзитной торговли и выпаса оленей соглашенія должны бы состояться особо и не смѣшиваемы съ вопросомъ объ уніи.

Относительно впечатлѣнія въ Норвегіи этого шведскаго вызова имѣемъ только коротенькую телеграмму:

„Христіанія, 13 (26) іюля. Норвежская печать относится къ условіямъ, поставленнымъ Швеціей, весьма сдержанно. Указывается на то, что рѣшительное слово можно будетъ сказать лишь послѣ представленія болѣе подробныхъ соображеній и когда будетъ извѣстенъ составъ новаго министерства".

Соотвѣтственно побѣдѣ шведскаго шовинизма, появились слѣдующія печальныя сообщенія разныхъ агентствъ:

Эстерзундъ (Швеція), 17 (30) іюня. По полученнымъ здѣсь изъ Дронтгейма частнымъ свѣдѣніямъ, войска норвежской арміи трехъ призывовъ стоятъ теперь подъ ружьемъ. Въ ночь на 14 іюня ушли къ границѣ 2,000 человѣкъ пѣхоты. Изъ Дронтгейма отправлены на югъ 65 вагоновъ и 2 паровоза. У входа въ дронтгеймскій фіордъ стали канонерка и флотилія миноносцевъ. (Швед. аг.)

Христіанія, 17 (30) іюня. „Норвежское Телегр. Агентство" обратилось къ военному министерству съ запросомъ по поводу разныхъ извѣстій шведскихъ газетъ относительно передвиженій норвежскихъ войскъ и мобилизаціи норвежской арміи. Военное министерство отвѣтило, что извѣстія эти совершенно невѣрны, и что начаты только обыкновенныя военныя упражненія. (Норвежск. аг.).

Карлскрона, 18 іюня (1 іюля). Шведская береговая эскадра вышла отсюда въ Гетеборгъ, съ цѣлью произвести тамъ маневры. (Шведск. аг.).

Копенгагенъ, 18 іюня (1 іюля). Въ 5 ч. утра прошли 16 судовъ шведской эскадры, направляясь на сѣверъ (Вольфъ). (П А.).

Драгоеръ, 18 іюня (1 іюля). Въ 1 ч. 30 м. пополуночи замѣченъ направляющійся на сѣверъ шведскій контръ-миноносецъ. (Вольфъ).

Стокгольмъ, 3 (16) іюля. По словамъ „Aftonbladet", большая часть чиновъ пѣхотныхъ ополченскихъ батальоновъ норвежской службы, созванныхъ для обычныхъ батальонныхъ упражненій, остается на службѣ въ Смаалененѣ, хотя названные чины, согласно прежнимъ распоряженіямъ, должны были бы быть распущены.

Братскіе народы снова, какъ будто, готовятся къ междоусобію... Да минуетъ ихъ эта горькая чаша!

Въ связи съ скандинавскими дѣлами отмѣтимъ еще два извѣстія. Во-первыхъ, 30 іюня (13 іюля) въ Гефле (Южная Швеція) на яхтѣ „Hohenzollern" состоялось свиданіе короля Оскара и кронпринца съ императоромъ Вильгельмомъ. Въ виду того, что министръ иностранныхъ дѣлъ Гильденштольпе также присутствовалъ при свиданіи, послѣднему придаютъ политическое значеніе. Императоръ Вильгельмъ II всѣмъ интересуется, а теперь обстановка международныхъ дѣлъ такова, что этотъ интересъ можетъ быть далеко не платоническимъ.

Во-вторыхъ, въ Лондонѣ въ палатѣ общинъ Джибсонъ Боульсъ спросилъ, имѣетъ ли правительство въ виду, какое можетъ произвести дѣйствіе расторженіе уніи Швеціи съ Норвегіей на обязательства, принятыя на себя Великобританіей въ статьѣ 2 договора 7 ноября 1855 г., относительно обезпеченія территоріи короля Швеціи и Норвегіи, обусловливающаго, при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ, его защиту морскими и военными силами. Подвергнутся ли эти обязательства измѣненію, въ случаѣ отдѣленія Норвегіи отъ Швеціи? Бальфуръ отвѣтилъ, что, въ случаѣ расторженія уніи между обоими скандинавскими государствами, явилась бы несомнѣнно необходимость пересмотра договора 1855 г. Этотъ договоръ былъ заключенъ между Франціей и Англіей съ цѣлью обезпечить отъ Россіи территоріальную неприкосновенность соединеннаго королевства Швеціи и Норвегіи.

VI.

Мы уже сообщали о голландскихъ выборахъ и пораженіи соединенныхъ консерваторовъ. Перебаллотировка утвердила этотъ приговоръ избирателей. Соединенная лѣвая располагаетъ 52 голосами (въ томъ числѣ 7 соціалистовъ), а консервативная (пока министерская)—48. Большинство, какъ видно, не прочное, и отпаденіе соціалистовъ можетъ всегда оставить либераловъ въ меньшинствѣ.

Въ отчетномъ мѣсяцѣ происходили выборы и въ Сербіи. Результатъ слѣдующій: выбраны 78 крайнихъ радикаловъ, 50 умѣренныхъ радикаловъ, 14 либераловъ, 4 напредняка, 2 соціалиста, 1 членъ крестьянской партіи. Предстоятъ 11 перебаллотировокъ. Правительство (крайніе радикалы) имѣетъ менѣе половины голосовъ въ скупщинѣ, но можетъ получить слабое большинство, если перебаллотировки будутъ ему благопріятны. Для перебаллотировки правительственные радикалы соединились съ либералами, а радикалы оппозиціонные (фракція Пашича) съ напредниками. Если эти союзы будутъ продолжены и послѣ выбо-

ровъ внутри самой скупщины, то можетъ составиться большинство коалиціонное изъ правительственныхъ радикаловъ и либераловъ (глава Белюковичъ). Либералы когда-то представляли собою великосербскую національную партію, мечтавшую о сербской гегемоніи на балканскомъ полуостровѣ, о роли балканскаго Пьемонта. Во главѣ ихъ стоялъ энергичный патріотъ Ристичъ. Въ 1876 году эта великосербская партія потерпѣла крушеніе, и долго лишь огромный авторитетъ Ристича давалъ опору либеральной партіи. Мало-по-малу, однако, народныя массы оставили стараго вождя, и съ нимъ остались лишь нѣкоторые элементы зажиточныхъ городскихъ классовъ, такъ что теперь либералы — просто купеческая партія. Для союза съ ними правительственнымъ радикаламъ пришлось бы отказаться отъ проведенія всякихъ серьезныхъ демократическихъ мѣропріятій. Сами радикалы явились и выросли именно, какъ противовѣсъ великосербизму, истощавшему маленькую страну, нуждавшуюся въ мирѣ и демократическихъ реформахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, партія стала въ оппозицію расточительности короля Милана, который ее возненавидѣлъ и преслѣдовалъ до самой смерти. Только съ паденіемъ Обреновичей радикалы, давно уже завоевавшіе симпатію большинства, получили возможность дѣятельности, но какъ разъ тутъ произошелъ расколъ. Обѣ фракціи, вмѣстѣ взятыя, составляли въ прошлой скупщинѣ и составляютъ въ вновь избранной подавляющее большинство, но раздоры вождей мѣшаютъ совмѣстному дѣйствію. Правда, есть еще старикъ Груичъ, пользующійся популярностью въ обѣихъ фракціяхъ, но ненависть вожаковъ правительственныхъ радикаловъ къ Пашичу, вождю радикаловъ оппозиціонныхъ, очень затрудняетъ комбинацію министерства Груича. Возможно поэтому, что правительственные радикалы предпочтутъ союзъ съ Белюковичемъ и его сторонниками. Этотъ союзъ или министерство Груича—такова дилемма конституціоннаго рѣшенія кризиса, вышедшаго изъ выборовъ. Вѣроятно, что одна изъ этихъ комбинацій и осуществится, потому что до сихъ поръ король Петръ держался конституціоннаго образа дѣйствій, но эта практика такъ еще непродолжительна, что вполнѣ полагаться на нее невозможно. Надо, поэтому, имѣть въ виду, если не вѣроятность, то возможность третьей комбинаціи, личнаго вмѣшательства короля. Надо помнить, что съ умаленіемъ авторитета Россіи, вліяніе Австріи должно было неминуемо сильно возрасти, а радикальная партія никогда не внушала вѣнскимъ дипломатамъ довѣрія. Конфликтъ съ Венгріей отчасти парализуетъ предпріимчивость австрійской дипломатіи, и потому-то, считаясь съ возможностью личнаго вмѣшательства короля Петра, мы всетаки эту возможность пока не можемъ назвать вѣроятностью. И чѣмъ острѣе будетъ развиваться конфликтъ Австріи съ Венгріей, и чѣмъ скорѣе Россія ликвидируетъ свои дальневосточныя несчастія, тѣмъ возможность

нарушенія правильнаго теченія сербской конституціонной жизни будетъ становиться все менѣе вѣроятною.

Во Франціи 19 іюня (2 іюля) палата депутатовъ приняла большинствомъ 341 противъ 233 голосовъ весь законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Вслѣдъ затѣмъ принятый палатою законопроектъ былъ переданъ въ сенатъ. 28 іюня (11 іюля) сенатъ избралъ коммиссію по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Противъ отдѣленія — четверо членовъ, за него четырнадцать (изъ числа ихъ нѣкоторые принимаютъ проектъ въ измѣненномъ палатою, въ либеральномъ смыслѣ, видѣ). Такимъ образомъ, хотя бы и съ нѣкоторыми измѣненіями, одобреніе законопроекта вполнѣ обезпечено. Сессія французскаго парламента закрыта, и сенатъ займется этимъ огромнымъ вопросомъ осенью. Изъ палаты проектъ послѣ трехмѣсячныхъ дебатовъ вышелъ значительно измѣненнымъ. Несомнѣнно, и сенатъ отнесется съ тѣмъ же серьезнымъ вниманіемъ къ великому дѣлу, перешедшему въ его руки. Поэтому, теперь было бы преждевременно судить о проектѣ. Онъ еще не созрѣлъ. Мы возвратимся къ нему, когда онъ будетъ совершенно готовъ, побывавъ, вѣроятно еще не менѣе одного раза, въ палатѣ и опять въ сенатѣ, быть можетъ, и больше одного раза.

Въ Англіи въ палатѣ общинъ министерство Бальфура потерпѣло пораженіе по вопросу о примѣненіи ирландскаго аграрнаго закона. Предложеніе ирландскаго парлам. вождя Редмонда, поддержанное либералами и выражавшее неодобреніе образу дѣйствія правительства, было принято большинствомъ 199 голосовъ противъ 196. Правда, въ ближайшемъ засѣданіи, куда министерство усиленно созывало своихъ сторонниковъ, оно получило вотумъ довѣрія и осталось при власти. Однако, инцидентъ и послѣ этого имѣетъ серьезное значеніе, указывая, что министерское большинство потеряло устойчивость перваго времени своего существованія, когда подобный случай былъ прямо невозможенъ. Съ тѣхъ поръ, дополнительные выборы значительно усилили численность оппозиціи, а численность министерской партіи подорвана еще и полурасколомъ въ ея средѣ, потому что немалочисленная группа консерваторовъ-фритредеровъ смотритъ съ недовѣріемъ на министерскую политику и предпочитаетъ не участвовать въ засѣданіяхъ и не принимать отвѣтственности за министерскую политику. Вопросъ о распущеніи палаты и новыхъ генеральныхъ выборахъ назрѣваетъ все больше и больше. Едва ли еще долго сумѣетъ Бальфуръ оттягивать отъ обращенія къ странѣ, потому что все укрѣпляющееся мнѣніе о неодобреніи страною министерской политики лишаетъ правительство авторитета, особенно необходимаго въ дѣлахъ иностранныхъ, нынѣ столь сложныхъ и опасныхъ, бросающихъ огромную тѣнь на будущее народовъ всего міра. Вотъ,

напр., чего стоитъ одна слѣдующая телеграмма: „Нью-Іоркъ, 17 (30) іюня. По свѣдѣніямъ „Sun“ изъ Лондона, весьма освѣдомленный дипломатъ сообщилъ, что текстъ предполагаемаго англо-японскаго договора окончательно выработанъ. Весьма возможно, что онъ будетъ въ скоромъ времени опубликованъ. Текстъ выработанъ, но надо его закончить, подписать и ратификовать, а для этого нужна безусловная увѣренность въ довѣріи націи“. Какого огромнаго значенія вопросы связаны съ этимъ договоромъ, видно изъ нѣкоторыхъ слуховъ о его содержаніи, проникшихъ въ печать.

Спеціальный корреспондентъ итальянской газеты „Memento“ телефонировалъ изъ Генуи отчетъ бесѣды, которую онъ имѣлъ съ однимъ изъ членовъ свиты японскаго принца Арисугавы. Лицо это заявило, что главной цѣлью путешествія принца Арисугавы въ Европу было возобновленіе англо-японскаго договора. Новый договоръ (т. е. проектъ) заключаетъ въ себѣ болѣе опредѣленныя и точныя постановленія. Японія обязуется защищать и поддерживать англійскіе интересы въ предѣлахъ китайскихъ водъ; Англія же отзоветъ часть могущественнаго флота, который она содержитъ теперь въ Тихомъ океанѣ. Англія, съ своей стороны, обязуется поддерживать политическую и экономическую дѣятельность Японіи въ Манчжуріи, Кореѣ и Китаѣ. Немедленно по окончаніи войны Японія пошлетъ въ Китай значительное число своихъ офицеровъ, съ цѣлью реорганизовать китайскую армію. Англія гарантируетъ охрану этого плана отъ притязаній другихъ державъ, особенно Германіи, которая сама стремилась выполнить упомянутую преобразовательную работу. Лицо, съ которымъ бесѣдовалъ корреспондентъ, добавило, что соглашеніе съ Англіей было достигнуто быстро, безъ особыхъ затрудненій.

Теперь, когда, какъ выше указано, Китай руководствуется совѣтами во всякомъ случаѣ не японскими и не британскими, вѣроятнѣе всего—нѣмецкими, вторая половина англо-японской программы, какъ она только что приведена со словъ „Memento“, можетъ оказаться очень и очень отвѣтственною.

Не мѣшаетъ принять во вниманіе въ высшей степени важное извѣстіе изъ Парижа, что Дешанель, президентъ парламентской коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ, обратился къ Рувье съ письмомъ, въ которомъ изложилъ слѣдующія положенія, одобренныя коммиссіей: 1) снабдить губернатора Индо-Китая полномочіями по вопросамъ территоріальной и морской обороны колоніи; 2) поручить генералу Вуарену надзоръ за туземными войсками; 3) потребовать необходимые кредиты для оборудованія арсенала въ Сайгонѣ въ той мѣрѣ, чтобы онъ отвѣчалъ всѣмъ могущимъ возникнуть требованіямъ; 4) ремонтировать суда и оборудовать всѣмъ необходимымъ стоянки главной французской

эскадры въ отечественныхъ водахъ; 5) согласовать французскіе интересы въ Китаѣ и на Дальнемъ Востокѣ съ интересами Англіи, съ цѣлью гарантировать имъ status quo, какъ на сушѣ, такъ равно и въ Китайскомъ морѣ; 6) изучить и подготовить прямыя торговыя сношенія между Индо-китаемъ и Японіей и установить болѣе тѣсныя экономическія отношенія съ Японіей; 7) войти въ соглашеніе съ Англіей и убѣдить Сіамъ отказаться отъ вооруженія и въ дѣйствительности нейтрализовать долину Менама; 8) озаботиться возведеніемъ оборонительныхъ сооруженій въ Даккарѣ.

Очевидно, въ видѣ прямого послѣдствія русско-японской войны, подготовляется полная перегруппировка великодержавныхъ силъ.

Съ этой точки зрѣнія, и особенно если помнить о новой политикѣ Китая, пріобрѣтаютъ большой интересъ и многочисленныя сообщенія объ анти-американскомъ движеніи въ Китаѣ. Извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ западныхъ штатахъ (Калифорніи, Орегонѣ и др.), китайцы очень ограничены въ правахъ.. Право въѣзда почти воспрещено. Изданы постановленія даже объ образѣ жизни китайцевъ, съ цѣлью повысить стоимость жизни и тѣмъ ослабить конкурренцію, которую китайцы дѣлаютъ бѣлымъ рабочимъ, привыкшимъ къ лучшему, а слѣдовательно—и болѣе дорогому образу жизни. Это враждебное китайцамъ законодательство не входитъ даже въ компетенцію вашингтонскаго правительства, потому что, при широкой децентрализаціи американскаго государственнаго строя, эти вопросы входятъ въ сферу компетенціи законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. Не только президентъ республики, но и конгрессъ не имѣютъ права вмѣшиваться въ законодательство отдѣльныхъ штатовъ, если оно не нарушаетъ конституціи. Надѣяться же, что западные штаты, гдѣ рабочее большинство населенія страдаетъ отъ наплыва китайцевъ, отмѣнятъ или смягчатъ свое антикитайское законодательство, конечно, невозможно. Впрочемъ, и само центральное правительство американской республики въ этомъ вопросѣ солидарно съ правительствами западныхъ штатовъ, что особенно ярко обнаруживается слѣдующею телеграммою:

„Пекинъ, 15 (28) іюня. Американцы распространили на Гавайскіе и Филиппинскіе острова законъ, воспрещающій иммиграцію китайцевъ на американскую территорію".

Запрещеніе иммиграціи на Филиппинахъ будетъ очень чувствительно. Это обширная территорія, мало населенная, подходящаго климата. И вотъ, какъ отголосокъ этой американской нетерпимости къ китайцамъ, началась въ Китаѣ антиамериканская агитація, въ послѣднее время очень разгорѣвшаяся. Вотъ послѣднія наиболѣе интересныя извѣстія:

Пенангъ, 16 (29) іюня (Information). Главнѣйшіе китайскіе

купцы рѣшили наложить запрещеніе на всѣ американскіе товары, до тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты не ограничатъ законъ, воспрещающій китайцамъ доступъ на американскую территорію.

Парижъ, 6 (19) іюля. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Пекинѣ получилъ инструкцію—сдѣлать китайскому правительству возможно обширныя уступки, чтобы прекратить бойкотъ китайцами американскихъ товаровъ. Опасаются, что китайское правительство уже не въ состояніи остановить движенія.

Тянь-Цзинь, 9 (21) іюля. Бойкотированіе американскихъ товаровъ въ южномъ Китаѣ ведется весьма энергично. На сѣверѣ движеніе подавляется вице-королемъ Юаншикаемъ. Между китайскими газетами во всей имперіи существуетъ по этому вопросу полное единодушіе; въ первый разъ въ Китаѣ проявилось единство націи,—въ этомъ и заключается главное значеніе бойкота.

Надо замѣтить, что это движеніе, если оно серьезно, а не раздувается нѣмецкими сообщеніями, начавшись противъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, должно обратиться и противъ Англіи, въ колоніяхъ которой анти-китайское законодательство проводится еще суровѣе и полнѣе, чѣмъ въ Америкѣ.

Очевидно, подготовляется огромная борьба за преобладаніе въ Китаѣ...

Подготовляются какія-то крупныя событія и въ Аравіи.

Аравійскій полуостровъ, имѣя протяженіе въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ, упирается своею юго-восточною стороною въ Индійскій Океанъ и ограничивается съ юго-запада Краснымъ моремъ, съ сѣверо-востока Персидскимъ заливомъ съ дельтою соединенныхъ Тигра и Ефрата. На сѣверо-западѣ аравійскія пустыни незамѣтно сливаются съ пустынями Сиріи и Месопотаміи, вмѣстѣ отдѣляя аравійскіе оазисы отъ оазисовъ сирійскихъ и месопотамскихъ. Въ такихъ предѣлахъ Аравія имѣетъ въ политическомъ отношеніи три полосы: самая важная, юго-западная, примыкающая къ Красному морю, наиболѣе богатая оазисами, болѣе всѣхъ населенная, болѣе всѣхъ культурная, средоточіе аравійскаго національнаго сознанія, правовѣрная страна пророка Магомета, заключающая въ своихъ предѣлахъ священные города, Мекку и Медину. Именно въ этой красноморской Аравіи и развиваются событія, о которыхъ выше упомянуто. На этихъ страницахъ мы уже касались начала этой аравійской драмы, повидимому, покровительствуемой англичанами. Вотъ послѣднія извѣстія:

Константинополь, 15 (28) іюня. Арабы провинціи Ассиръ завладѣли главнымъ городомъ Ибатомъ. Сегодня министры собрались въ Ильдизъ-кіоскѣ для обсужденія вопроса о соотвѣтствующихъ мѣропріятіяхъ.

Бейрутъ, 15 (28) іюня. Ходитъ упорный слухъ, что шейхъ-уль-исламъ Мухаммедъ-Абдулъ окончателъно принялъ сторону

арабовъ. Онъ издалъ церковное отлученіе и провозгласилъ турецкаго султана лишеннымъ званія халифа.

Джидда, 15 (28) іюня. Инсургенты заняли Мокку, Бетъ-эль-Факи и Абу-Аришъ въ Іеменѣ. Въ рукахъ турокъ остается лишь Ходейда. Увѣряютъ что Менакка капитулировала.

Суэцъ, 18 іюня (1 іюля). (Сообщ. черезъ Берлинъ). Подтверждается, что возставшіе арабы угрожаютъ геджаской провинціи.

Парижъ. 28-го Іюня. (In ormation). По частнымъ извѣстіямъ, инсургенты занимаютъ весь Іеменъ, кромѣ Ходейды. Въ распоряженіи Фейзи-паши только 20 000 человѣкъ. Онъ дожидается подкрѣпленій.

Парижъ, 11 (24) Іюня (Information). Турки начали 4 іюня съ трехъ сторонъ наступленіе противъ Санажа.

Геджасъ—самая сѣверная часть Красноморской Аравіи (здѣсь Мекка и Медина); Ассиръ примыкаетъ и Геджасу съ юга; Іеменъ, самая богатая часть Аравіи (Arabia felix), лежитъ еще южнѣе. Въ Іеменѣ столица—Сана, гавани—Мокка и Ходейда. Только послѣдняя въ рукахъ турокъ и отсюда они начинаютъ свои операціи.

За Красноморскою Аравіей лежитъ пустынная страна, оазисы которой заняты независимыми княжествами вехабитовъ, сектантовъ, отложившихся отъ правовѣрнаго ислама. Здѣсь ни турки, ни красноморскіе арабы не найдутъ союзниковъ. Третья полоса, вдоль Персидскаго залива, лежитъ далеко отъ театра событій и также въ нихъ не приметъ участія.

17-го іюня скончался министръ иностранныхъ дѣлъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джонъ Гай, о которомъ президентъ Рузвельтъ отозвался, какъ о самомъ выдающемся министрѣ иностранныхъ дѣлъ американской республики. Гай родился въ 1838 году, въ Индіанѣ; онъ принялъ дѣятельное участіе въ президентскихъ выборахъ 1861 года, какъ горячій сторонникъ республиканской партіи, выступившей тогда противъ рабства. Затѣмъ онъ служилъ при президентѣ Линкольнѣ и написалъ біографію знаменитаго президента, работая и въ повременныхъ изданіяхъ. Дальнѣйшая его карьера была преимущественно дипломатическая. Въ 1898 году Макъ-Кинлей назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Рузвельтъ въ оба свои президентства сохранилъ за Гаемъ руководство внѣшнею политикою американской республики.

Значеніе Джона Гая въ исторіи заключается, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ вывелъ свое отечество на путь великодержавности. При немъ Америка присоединила Гаваи, отняла у Испаніи Порто-Рико и Филиппины, освободило Кубу, чтобы потомъ подчинить ее своему протекторату, вошла въ тѣсное еди-

неніе съ Англіей, сблизилась съ Японіей, подала свой властный голосъ въ дальне-восточныхъ дѣлахъ, очень развила свои морскія вооруженія, достигнувъ положенія первоклассной морской державы... Будущее покажетъ, эта энергическая и многосторонняя дѣятельность покойнаго американскаго министра поведетъ ли къ счастью и благополучію великой республики?

21-го іюня въ Бельгіи скончался знаменитый ученый Элизе Реклю, извѣстный также и какъ одинъ изъ теоретиковъ анархизма. Реклю родился въ 1830 году, образованіе получилъ во французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Въ 1851 году послѣ государственнаго переворота, провозгласившаго имперію, Реклю долженъ былъ удалиться изъ Франціи и совершилъ продолжительное путешествіе по Европѣ и Америкѣ. Очерки этихъ путешествій впервые обратили вниманіе на талантливаго автора. Въ 1858 году Реклю вернулся во Францію и началъ издавать спеціальные географическіе труды, высоко оцѣненные ученымъ міромъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1867—68 г.г. вышли два тома его физической географіи подъ названіемъ „La terre“ (есть два русскихъ перевода), упрочившихъ за авторомъ высокій научный авторитетъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ Реклю приступилъ, и въ 1894 году окончилъ, при содѣйствіи другихъ ученыхъ, огромный трудъ въ девятнадцати томахъ „Nouvelle géographie universelle“ (есть русскій переводъ). Въ послѣднее время Реклю состоялъ профессоромъ географіи въ вольномъ Брюссельскомъ университетѣ. Онъ скончался семидесяти-пяти-лѣтнимъ старцемъ, совершивъ главное дѣло своей жизни, окруженный почетомъ и признаніемъ всего образованнаго міра.

С. Южаковъ.

Изъ Англіи.

I.

Я хочу познакомить читателей съ крайне интересной личностью борца за ирландскую свободу, только что сошедшаго со сцены; но предварительно я позволю себѣ разсказать двѣ легенды, содержащія діаметрально противоположныя идеи. Одна сложена на востокѣ людьми, попавшими въ неволю, и говоритъ о безконечномъ терпѣніи. Другая,—прославляющая борьбу,—явилась на

западѣ у гордаго народа, только что разорвавшаго цѣпи, наложенныя на него завоевателями. Первая легенда гласитъ *).

Въ одномъ изъ арабскихъ городовъ жилъ юноша поразительной красоты. Онъ имѣлъ всѣ дары, посылаемые Аллахомъ: былъ богатъ и ученъ. И хотя у него было все, чтобы жизнь была усладой, юноша горѣлъ желаніемъ знать все больше и больше.

И вотъ юношу посѣтилъ разъ купецъ изъ Бальсоры. И сказалъ ему, что живетъ тамъ великій мудрецъ, надѣленный такимъ знаніемъ и такою святостью, что мудрецы всѣхъ вѣковъ, взятые вмѣстѣ, не могутъ сравниться съ нимъ. И прибавилъ еще купецъ, что мудрецъ, не смотря на свою славу и почетъ, занимается кузнечнымъ ремесломъ, какъ отецъ и дѣдъ его.

Услышавъ это, юноша вошелъ въ домъ свой, надѣлъ башмаки, накинулъ на плечи котомку, взялъ въ руки посохъ и оставилъ родной городъ и друзей. Онъ пошелъ въ Бальсору, чтобы разыскать святого учителя, поступить къ нему въ ученики и познать мудрость.

И юноша шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей. И много опасностей и страданій перенесъ онъ, покуда благополучно прибылъ въ городъ, гдѣ жилъ кузнецъ. Странникъ направился на рынокъ, въ кузнечный рядъ. И когда юноша проходилъ, то всѣ продавцы и покупатели, пораженные его красотой, поднимали руки. „Надъ нами восходитъ новый мѣсяцъ Рамаданъ, — восклицали они. — Этого юношу имѣлъ, вѣроятно, въ виду поэтъ, когда сказалъ:

— Я видѣлъ вѣтвь дерева *банъ*, колебавшуюся, какъ шафранъ, на которомъ, вмѣсто цвѣтка, желтѣлъ мѣсяцъ Рамаданъ.

— И я спросилъ: „какъ зовутъ тебя?“ Онъ отвѣтилъ мнѣ: „лу-лу“ (жемчужина).

— И я воскликнулъ: „ли-ли“ (ко мнѣ!); но онъ сказалъ: „ла-ла“ (нѣтъ, нѣтъ).

Но юноша не замѣтилъ даже произведеннаго имъ впечатлѣнія. Онъ спѣшилъ къ кузницѣ мудреца. И когда юноша переступилъ порогъ, онъ поцѣловалъ полу платья мудреца и молча наклонилъ голову.

— Чего тебѣ, сынъ мой?—спросилъ кузнецъ.

- Хочу познать истинную мудрость, — смиренно отвѣтилъ юноша.

— Тяни!—сказалъ кузнецъ и далъ ему въ руки веревку отъ мѣховъ.

— Слушаю и повинуюсь, — отвѣтилъ юноша. И онъ молча

*) Заимствована мною изъ „La Renaissance Nord-Africaine“, janvier, 1905. Tunis. Переводъ съ арабскаго на французскій языкъ сдѣланъ докторомъ Мадрюсомъ.

сталъ тянуть веревку и тянулъ ее до поздняго вечера. И ту же работу, такъ же молча, онъ исполнялъ на другой день, и на слѣдующій, и еще, и еще, цѣлый годъ. За все это время ни учитель, ни другіе ученики, работавшіе въ кузницѣ, не сказали ему ни слова. И прошло пять лѣтъ, такимъ образомъ, въ полномъ молчаніи. Наконецъ, юноша рѣшился заговорить.

— Учитель!—началъ онъ.

Кузнецъ оставилъ работу, и всѣ ученики сдѣлали то же самое.

— Чего тебѣ?—спросилъ учитель.

— Знанія.

— Тяни веревку!

И юноша опять принялся за работу. И прошло еще пять лѣтъ. Все это время въ кузницѣ стояло молчаніе, а юноша съ восхода солнца до заката тянулъ веревку мѣховъ. Если комунибудь изъ учениковъ нужно было спросить учителя, онъ писалъ на пергаментѣ и клалъ на край горна. Учитель читалъ вопросы. Нѣкоторые онъ бросалъ въ огонь, на другіе отвѣчалъ письменно же.

И когда минуло десять лѣтъ, учитель, улыбаясь, подошелъ къ молодому человѣку и тронулъ его за плечо. И въ первый разъ за десять лѣтъ ученикъ оставилъ веревку мѣховъ. Великая радость овладѣла имъ.

— Сынъ мой, — началъ кузнецъ, — можешь возвратиться теперь домой. Ты позналъ уже *всю* мудрость жизни.

И учитель съ поцѣлуемъ отпустилъ ученика. И тотъ радостно возвратился къ своимъ друзьямъ. И все передъ нимъ стало ясно, потому что онъ постигъ величайшую мудрость—*терпѣніе*".

Такъ гласитъ одна легенда. Другая составляетъ эпизодъ старинной сказочной испанской хроники. Это—„Исторія знаменитаго и доблестнаго рыцаря Кристобала де-Либертадъ (Historia del famoso é valeroso caballero Cristobal de Libertad).

Въ далекой странѣ, — гласитъ легенда, — куда не достигали не только странствующіе рыцари, но даже и слухъ о подвигахъ ихъ, лютый драконъ караулилъ прикованную къ скалѣ прекрасную донселью. И такой страхъ навелъ драконъ на всѣхъ, что когда онъ приказалъ присылать себѣ ежегодно юношей и дѣвицъ, населеніе послушно исполняло приказаніе. Ибо трусость, — говоритъ хронографъ, — „es enfermedad incurable y pegadiza" (болѣзнь заразительная и неизлѣчимая). И набралъ себѣ драконъ изъ населенія страны судей и хранителей, слѣдившихъ за тѣмъ, что дѣлаетъ народъ, и поповъ, благословлявшихъ насиліе его. Ибо, — прибавляетъ хронографъ, — правду гласитъ старинная испанская поговорка, что за крестомъ часто скрывается діаволъ.

И разно толковало населеніе страны, порабощенной дракономъ.

— Какое намъ дѣло до донсельи? — говорили одни. — Насъ драконъ не трогаетъ. Будемъ же весело жить да пить и ѣсть въ веселомъ кругу (Vivamos todos y comamos en buena paz y compana). Чего кручиниться? Развѣ теперь солнце не такъ ярко? Развѣ вино утратило свойство опьянять? Развѣ поцѣлуи не такъ кружатъ голову, какъ тогда, когда мы были свободны?

И люди эти веселились и любили, когда кругомъ лилась кровь, и воздухъ оглашался жалобными стонами донсельи.

— Съ дракономъ можно не только ужиться, но еще награды отъ него получать за услуги,—говорили другіе. — Зачѣмъ намъ раздражать его? Самопожертвованіе глупо. Человѣкъ долженъ думать о себѣ и о своихъ дѣтяхъ. — И въ интересахъ *своихъ* дѣтей, эти люди съ спокойной совѣстью отправляли къ дракону дѣтей *чужихъ*.

— Терпѣніе и смиреніе!—шептали третьи. — Будемъ сидѣть тихо, станемъ чтить дракона и слугъ его, да работать на нихъ, тогда насъ, вѣроятно, помилуютъ. Что деньги у насъ забираютъ, такъ это ничего: деньги — тлѣнъ. Что дѣтей нашихъ уводятъ, такъ и это, въ сущности, не важно: дѣвицамъ все равно замужъ выходить нужно, а изъ юношей, вѣроятно, буяны вышли бы. Вотъ и каноники такъ говорятъ.

Но явились отважные юноши, которыхъ тронули жалобные стоны и страданія донсельи. И выходили они одинъ на одинъ на дракона. И гибли всѣ они лютой смертью. Погибали не столько отъ дракона, сколько отъ слугъ его. И когда умирали смѣлые, каноники закатывали глаза, вздыхали и потомъ прибавляли: „подѣломъ“!

А свирѣпость дракона и безстыдство слугъ его увеличивались. Наконецъ и смирнымъ стало не въ моготу.

— Ждите тихо!—подали имъ совѣтъ каноники. — Изобразите на лицахъ вашихъ кротость и умиленіе. Драконъ увидитъ ваши нужды и сдѣлаетъ все возможное для васъ. И смиренные люди послѣдовали совѣту; но имъ стало еще хуже. Кротость и податливость людей не только не смягчили сердца дракона, но еще болѣе распалили лютость его. А слуги его совсѣмъ озвѣрѣли. И воздухъ огласился жалобными стонами донсельи, звономъ цѣпей и воплями страданія.

И въ это время въ далекую страну прибылъ рыцарь Кристобалъ де-Либертадъ.

— Проявите меньше терпѣнія!—крикнулъ онъ.—Дѣйствуйте дружно! Идите валомъ за вашими собственными борцами и не покидайте ихъ. Вы сами не вѣдаете, какая сила въ вашихъ рукахъ!—И такъ какъ страданія были уже невыносимы, то послушалось населеніе совѣта. Съ сѣвера и съ юга, съ востока и съ запада стали прибывать вѣсти, что люди сгрудились вмѣстѣ. И отъ одного вида сплотившихся людей, драконъ сразу присмирѣлъ.

Вмѣсто свирѣпаго рычанія раздались сладкія обѣщанія, хотя въ глазахъ его горѣла ненависть, а лапы судорожно сжимались.

— Не вѣрьте обѣщаніямъ!—крикнулъ рыцарь де-Либертадъ.— Не миритесь, иначе жестоко поплатитесь потомъ. Никогда ни одинъ насильникъ не забываетъ, что долженъ былъ поступиться своею властью!"

На этомъ кончается старинная испанская сказочная хроника.

II.

Въ парламентѣ бывалые люди указывали новичкамъ всегда на стараго коммонера, съ сѣдыми волосами до плечъ, съ длинной бородой, сидѣвшаго на скамьяхъ, занятыхъ ирландской партіей. Старикъ этотъ, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ всѣхъ партій, имѣлъ видъ ученаго, всю жизнь не выходившаго изъ своего кабинета. Между тѣмъ, онъ изъѣздилъ весь свѣтъ, былъ пріискателемъ, фермеромъ, *каубоемъ* въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, участвовалъ въ рядѣ политическихъ заговоровъ, дрался на баррикадахъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, къ колесованію и къ четвертованію, провелъ много лѣтъ на каторгѣ. Словомъ, старикъ этотъ назывался Джемсъ О'Брайенъ. Онъ представлялъ собою живую хронику борьбы Ирландіи за свободу. Джемсъ О'Брайенъ видѣлъ всѣ фазисы борьбы. Онъ зналъ Ирландію, когда она всецѣло управлялась англійской бюрократіей, давившей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе было сопротивленіе. Затѣмъ онъ видѣлъ бурную эпоху феніанскихъ заговоровъ, парнеллевское движеніе. Онъ дождался возрожденія Ирландіи, когда подъ напоромъ объединившагося населенія правительство уступило, и стала возможной легальная, парламентская борьба.

Тупость, жестокость, близорукость и полное безсиліе бюрократіи рѣзче всего проявляется во время великаго народнаго бѣдствія, напримѣръ, голода. Такъ было въ Ирландіи въ 1846 г., когда отъ неурожая картофеля страна пострадала на 16 милліоновъ ф. ст. Благоразумные люди задолго предупреждали о томъ, что надвигается страшная катастрофа. Что же сдѣлало правительство? Съ одной стороны, приняло мѣры, чтобы фермеры платили во что бы то ни стало ренту помѣщикамъ, съ другой—издало законъ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill).

„Голодъ надвигается на насъ гигантскими шагами",—писалъ осенью 1846 г. капитанъ Уинъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ правительственныхъ чиновниковъ, которые имѣли глаза, чтобы видѣть. Предостереженіе его оказалось вѣрнымъ. Въ концѣ августа голодало уже почти все населеніе. Часть крестьянъ устремилась въ города. Другіе фермеры безцѣльно бродили по

полямъ и дорогамъ въ смутной надеждѣ, что ѣда явится какъ-нибудь. Они поѣдали все, что было возможно: выкапывали забытую рѣпу, отыскивали коренья. Затѣмъ набросились на палыхъ лошадей, ословъ и собакъ. Оффиціальное слѣдствіе констатировало случаи людоѣдства: голодная мать съѣла конечности своего ребенка *). Во многихъ мѣстахъ поднимали умершихъ отъ голода людей, въ кишкахъ и въ желудкахъ которыхъ находили траву **). Въ графствѣ Майо подобрали умершаго отъ голода человѣка, во рту котораго оказался торфъ. Сотни людей питались крапивой, полевой горчицей, конскимъ щавелемъ. У береговъ Ирландіи находятъ особенную, слизистую водоросль, сладковатую на вкусъ. Крестьяне знаютъ, что она ядовита; но муки голода были такъ велики, что люди поѣдали эту водоросль и умирали потомъ.

Труповъ было такъ много, что обрядъ погребенія упростился до чрезвычайности. „Въ лѣтописяхъ того времени,—говоритъ очевидецъ,—много фактовъ, показывающихъ, какъ великое бѣдствіе уничтожило христіанскіе обряды. На обочинахъ большихъ дорогъ всюду валялись неубранные трупы. То же самое было въ крестьянскихъ избахъ. Живые и мертвые лежали тамъ подолгу. И если бывали похороны, то онѣ еще болѣе свидѣтельствовали о томъ, какой ужасъ постигъ страну“ ***). „Въ Скибринѣ,—писалъ корреспондентъ газеты „Cork Examiner“,—я каждый день вижу отцовъ, несущихъ на плечахъ на кладбище тѣла своихъ дѣтей, въ гробахъ, кое-какъ сколоченныхъ изъ старыхъ ящиковъ. Отпѣвать и хоронить тѣла некому. Я видѣлъ крестьянина, который везъ на тележкѣ, запряженной осломъ, тѣла своей жены и двухъ дѣтей. Онъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выкопать могилу, поэтому на кладбищѣ онъ кое-какъ покрылъ тѣла глиной. На другой день на кладбищѣ голодныя собаки пожирали эти трупы“ ****).

Послѣдствіемъ голода явилась эпидемія. Открылся голодный тифъ, а потомъ чума. Люди умирали сотнями. Въ одномъ приходѣ Kinsale Union,—говоритъ О'Коннoръ,—заболѣли 250 человѣкъ, а изъ нихъ умерли 240. Эпидемію прозвали „подорожнымъ тифомъ“, потому что вдоль дорогъ, въ канавахъ, подъ стогами, всюду лежали больные. Крестьяне, изнуренные голодомъ, не имѣли силъ, когда заболѣвали, выползти изъ своихъ избъ. Въ темныхъ мурьяхъ на полу валялись трупы и живые люди, забытые всѣми. „Страшная апатія нависла надъ бѣднымъ Скибриномъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ очевидецъ.—Голодъ уничтожилъ всякое сочувствіе. Отчаяніе сдѣлало людей безчувствен-

---

*) Census commissioners. p. 310.
**) ib., p. p. 243, 283.
***) *A. M. Sullivan* The New Ireland, p. 64.
****) *J. O'Rourke*, History of the Irish Famine, p. 273.

ными. Они съ тупой покорностью, безъ страха, ждутъ смерть. Она теперь заглянула во всѣ мурьи. Голодъ и эпидемія уносятъ старыхъ и молодыхъ, слабыхъ и сильныхъ, матерей и грудныхъ младенцевъ. Нѣтъ людей, которые дали бы больнымъ глотокъ воды или поправили бы изголовье. Цѣлыя семьи валяются безпомощно на грязномъ полу. Одно и то же лохмотье покрываетъ разлагающееся уже тѣло и высохшаго, какъ скелетъ, горячечнаго больного, мечущагося въ бреду. Крысы обгрызаютъ трупы... Крестьяне сидятъ безъ пищи, безъ топлива и безъ одежды. Смерть кажется имъ избавленіемъ" *).

Тѣ, у которыхъ было силы добраться до города, разносили эпидемію по всему острову. „По улицамъ нашего города бродятъ оборванныя, голодныя тѣни людей. Все это — бѣглецы изъ голодныхъ мѣстъ. Смерть ждетъ ихъ черезъ нѣсколько дней", писалъ въ своемъ дневникѣ д-ръ Каллананъ, цитируемый въ оффиціальномъ отчетѣ. Рабочіе дома и госпитали переполнились. „Но не только эти учрежденія были набиты биткомъ,—говоритъ О'Коннoръ. — То же явленіе наблюдалось и въ тюрьмахъ. Голодающіе смотрѣли на тюрьму, какъ на убѣжище. Съ цѣлью попасть туда, сперва свершались небольшіе проступки. Такъ одно время битье стеколъ превратилось въ настоящую эпидемію; но, когда голодъ усилился, начались болѣе серьезныя преступленія, какъ похищеніе овецъ. Такая кража въ то время каралась ссылкой въ Австралію. Это наказаніе раньше казалось ужаснымъ, но въ 1847 г. сосланнымъ завидывали. Ирландецъ считалъ за счастіе, что его повезутъ хоть на край свѣта, но только бы изъ дома. Прежде Ботани-Бэй слылъ, не безъ основанія на то, адомъ. Теперь въ воображеніи голодныхъ крестьянъ онъ рисовался почти земнымъ раемъ, гдѣ хорошо кормятъ, и гдѣ предъ ссыльнымъ открываются новые широкіе горизонты.

Тюрьмы, которыя могли вмѣстить только десятую часть попавшихъ туда, превратились въ очаги болѣзней. Заключенный, разсчитывавшій на „счастье", т. е. на ссылку въ Австралію, не въ состояніи былъ дождаться каторжнаго корабля. Недѣльное тюремное заключеніе равносильно было смертному приговору. Въ 1847 г. главный инспекторъ ирландскихъ тюремъ писалъ, что въ мѣстахъ заключенія, разсчитанныхъ на 5 тысячъ арестантовъ, — сидятъ 12.843 чел., поэтому, смертность въ одинъ годъ увеличилась въ десять разъ (въ 1846 г.—131, а въ 1847 г.—1315 **).

„Наша мѣстная тюрьма, — писалъ кастельбарскій докторъ Браунъ,—набита биткомъ. Всѣ арестанты — страшно изнурены, грязны, многіе почти голые".

Въ переполненной тюрьмѣ открылся тифъ, которымъ перебо-

*) Цитировано въ оффиціальномъ отчетѣ — „Census Commissioners' Tables of Death, v. I, p. 272.

**) *T. V. O'Connor*, The Parnell Monement, p. 41.

лѣли всѣ служащіе въ тюрьмѣ и госпиталѣ. Смертность достигла 40%. Слѣдующія цифры дадутъ нѣкоторыя представленія о размѣрахъ эпидеміи голоднаго тифа.

Умерло отъ тифа:

Въ 1845 г.	7249
„ 1846 „	17145
„ 1847 „	57095
„ 1848 „	45948
„ 1849 „	39316
„ 1850 „	23545

За десять лѣтъ одинъ только голодный тифъ унесъ въ Ирландіи 250.000 жертвъ *). За десять лѣтъ до 1846 г. непосредственно отъ голода, по оффиціальнымъ отчетамъ умерло 117 чел., въ 1846 г.—6058, а въ 1847—21.770. Въ отчетахъ есть рубрика. „Смерть отъ дряхлости, слабости и старости". Въ 1845 г. въ эту рубрику внесено 10.609 случаевъ, а въ 1847 г.—23.285 случаевъ. Составители отчета прибавляютъ, что въ сущности говоря, многіе изъ этихъ случаевъ должны быть внесены въ другую рубрику: „Смерть отъ голода".

Началось массовое бѣгство изъ Ирландіи, кто имѣлъ силы и какія-нибудь средства на то. „Населеніе, охваченное ужасомъ, метнулось въ разсыпную. Но демоны и гарпіи кинулись въ догонку: эмигранты всюду разносили болѣзни. Около 180.000 переселенцевъ высадились въ Ливерпулѣ въ промежуткѣ отъ 15 января до 4 мая 1847 г. Въ Глазго отъ 15 іюня до 17 августа прибыло 26.335 ирландцевъ.

Въ госпиталѣ этого города было 1150 больныхъ тифомъ, въ томъ числѣ 750 ирландцевъ.

Охваченное ужасомъ населеніе Англіи потребовало, чтобы приняты были мѣры съ цѣлью охранить населеніе отъ эпидеміи. Для всѣхъ, прибывающихъ изъ Ирландіи, назначенъ былъ карантинъ. Такимъ образомъ, Англія отступила отъ своего обычая. Какъ извѣстно, въ Англіи нѣтъ карантиновъ. Если въ гавань прибываетъ корабль изъ подозрительнаго мѣста, всѣхъ пассажировъ всетаки спускаютъ на берегъ, но за каждымъ устанавливается дѣятельный медицинскій надзоръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ путешественникъ поселяется. Для голодныхъ ирландцевъ сдѣлано было исключеніе. Затѣмъ оказано было давленіе на владѣльцевъ кораблей, поддерживавшихъ сообщеніе между двумя островами: плата за переѣздъ на палубѣ была повышена. Тогда главная эмигрантская волна направилась на западъ, за океанъ, къ берегамъ Сѣверной Америки. О размѣрахъ движенія могутъ дать предста-

---

*) Raport of inspectors-general of Prisons: Census Commissioners'Tables of Death, p. 298.

вленіе слѣдующія цифры. Переселились въ Америку изъ Ирландіи:

Въ 1845 г.	74969	чел.
„ 1846 „	105955	„
„ 1847 „	215444	„ *).

Лэндлорды были рады отдѣлаться какъ-нибудь отъ голодныхъ крестьянъ и входили въ сдѣлку съ владѣльцами кораблей. Эмигрантовъ нагружали, какъ скотъ, въ трюмы старыхъ кораблей. Ирландцевъ возили тогда, какъ когда-то негровъ-невольниковъ. „Переселенческіе корабли напоминали калькутскую „черную яму“ (тюрьма, въ которой во время возстанія туземцевъ, задохлось въ одну ночь 125 плѣнныхъ англичанъ),—пишетъ очевидецъ. — Ирландцы десятками умирали во время переѣзда“. Изъ 493 переселенцевъ на кораблѣ „Queen“—130 умерли въ пути, на океанѣ; изъ 552 пассажировъ корабля „Avon“ скончались 236 челов.; изъ 476 эмигрантовъ на „Virginsus“—скончались 267; изъ 440 эмигрантовъ на „Larch“ скончались въ пути 108 чел., а 150—были опасно больны. Въ 1847 г. въ Канаду отправились изъ Ирландіи 89.783 эмигранта. Изъ нихъ скончались во время переѣзда 6100 челов., 4100—тотчасъ же послѣ прибытія, 5200—черезъ мѣсяцъ и 1900 челов.—черезъ три мѣсяца. Отъ Гроссъ-Айлэндъ до Портъ-Сарпіа, — пишетъ цитированный уже сэръ Чарльзъ Деффи, — на берегахъ великихъ рѣкъ и озеръ Онтаріо и Эри, эмигрантская волна отмѣчена непрерывной цѣпью могилъ. Здѣсь лежатъ, иногда безъ креста даже, — отцы, матери и дѣти выходцевъ изъ Ирландіи. Двадцать тысячъ переселенцевъ похоронены только въ одной Канадѣ“ **). „Переселенцы были слишкомъ слабы, чтобы работать и слишкомъ бѣдны, чтобы жить безъ работы и поправляться. Рабочій рынокъ въ городахъ былъ переполненъ. Съ другой стороны ирландцы не имѣли силъ для суровой жизни засельщиковъ въ лѣсахъ и на дѣвственной территоріи ***).

Что же дѣлало правительство все это время? Оно устроило общественныя работы подъ надзоромъ своихъ чиновниковъ. Работы эти были нецѣлесообразны, безтолковы и не приносили облегченія. Второй мѣрой правительства противъ голода былъ законъ объ усиленной охранѣ—„Coercion Bill“. Слѣдуетъ ли удивляться, что эмигранты, оставлявшіе берега Ирландіи, уносили только одно: глубокую ненависть къ правительству и жажду мести. Эту ненависть переселенцы передали своимъ дѣтямъ и впослѣдствіи, на американской почвѣ, выросло революціонное движеніе, охватившее Ирландію въ 1867. Пережитые ужасы голода вызвали въ

*) Sir Charles Gavan Duffy, „Four Years of Irish History“, p. 531.
**) Four Years of Irish History, p. 532.
***) *W. Gregg*, Irish History, p. 138.

концѣ сороковыхъ годовъ въ самой Ирландіи самородное террористическое движеніе—феніанство. Полицейскій бѣлый терроръ, какъ бываетъ это всегда, создалъ свою антитезу—красный революціонный терроръ. Окончательнымъ толчкомъ послужили бурныя событія на континентѣ. Въ февралѣ 1848 г. революціонный пожаръ охватилъ Парижъ, а затѣмъ весь европейскій горизонтъ. Падали троны. Воздухъ былъ наполненъ трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ и ликующими побѣдными криками народа. Священный союзъ превратился въ прахъ. Отъ Милана до Берлина всюду народъ былъ увѣренъ, что теперь оковы будутъ сброшены разъ на всегда. Пятаго февраля 1848 г. въ Ирланціи возникла газета „United Irishmen", доказывавшая, что мирнымъ путемъ населеніе ничего не добьется. Необходимо, — проповѣдывала газета,— вооруженное возстаніе. Къ выходу третьяго нумера подоспѣли свѣдѣнія о революціи въ Парижѣ. „Февральская революція,—пишетъ ирландскій историкъ,—произвела у насъ потрясающее впечатлѣніе. Съ каждымъ днемъ волненіе усиливалось. Каждая почта приносила вѣсти про новыя возстанія, кончавшіяся неизмѣнно побѣдой народа. Вѣсти изъ Парижа, Берлина и Вѣны говорили одно и то же: про баррикады, паденіе правительства и про побѣду народа... И естественно должна была явиться у ирландцевъ мысль о возстаніи. Всюду въ Ирландіи возникли клубы конфедератовъ" *). Обсуждались практическіе вопросы въ видѣ, какъ строить баррикады, чѣмъ защищать ихъ и пр. Правительство приняло рѣшительныя мѣры. Въ серединѣ марта, вожди революціоннаго дниженія О'Брайенъ (отецъ извѣстнаго теперь коммонера Джона О'Брайена), Мигеръ и Митчель (редакторы United Irishman) были арестованы и обвинены въ государственной измѣнѣ. Оставшіеся на свободѣ, вожди поспѣшили поднять возстаніе; но вліяніе страшной катастрофы 1846 — 1847 гг., было слишкомъ сильно. Наиболѣе энергичные переселились въ Америку. Возстаніе не удалось. Вмѣсто 50 тысячъ повстанцевъ явилось не больше 500 невооруженныхъ крестьянъ. Движеніе было раздавлено. Начался рядъ политическихъ процессовъ, закончившихся суровыми приговорами. Вожди, какъ О'Брайенъ, Мигеръ, Митчель, Макъ Минусъ, Мартинъ, О'Доэрти осуждены были въ каторжныя работы. Другіе успѣли бѣжать въ Америку. Въ числѣ послѣднихъ находился двадцатипяти-лѣтній торговецъ изъ Корка—Джемсъ О'Брайенъ. Онъ, собственно, былъ противъ возстанія, такъ какъ доказывалъ, что народъ не имѣетъ никакихъ шансовъ на побѣду въ настоящее время. Въ то же время Джемсъ О'Брайенъ горячо обличалъ умѣренныхъ ирландцевъ, группировавшихся возлѣ газеты „Nation" и совѣтовавшихъ населенію сидѣть тихо и выжидать реформъ, добытыхъ путемъ мирной агитаціи. По мнѣнію Джемса

*) A. M. *Snllivau* New Ireland, p. 85.

О'Брайена, каждое правительство уступаетъ не тогда, когда ему докажутъ, что оно поступаетъ дурно, а тогда, когда убѣждается, что слѣдовать старой политикѣ не выгодно и опасно. Не возстаніе страшно англійскому правительству, — доказывалъ Джемсъ О'Брайенъ, а феніанскія тайныя организаціи. На нихъ должна опираться партія, которая потребуетъ реформъ у правительства. Во время вооруженнаго возстанія правительство всегда будетъ сильнѣе народа.

Англійское правительство восторжествовало. Послѣдовала жестокая реакція. Въ этомъ отношеніи въ Ирландіи повторилось почти то же самое, что въ Пруссіи, Италіи и въ Австріи послѣ 1848 г. Въ Майнцѣ въ то время слѣдственная по политическимъ дѣламъ коммиссія постановляла такія рѣшенія: а хотя, такой-то, ни собственнымъ сознаніемъ, ни обстоятельствами дѣла не уличается, но, принимая во вниманіе его упорное запирательство, слѣдуетъ признать его виновнымъ. Въ Россіи въ это время присуждали къ смертной казни, замѣненной каторжными работами, людей, изобличенныхъ въ чтеніи письма Бѣлинскаго къ Гоголю (дѣло Петрашевцевъ). До такой виртуозной жестокости англійское правительство не могло дойти, потому что кое-какіе факты могли все же проникнуть въ печать; но реакція въ Ирландіи продолжалась почти четырнадцать лѣтъ.

III.

Мнѣ приходилось уже говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“ про наслѣдіе, оставленное голодомъ 1846—47 гг.: про отношенія лэндлордовъ къ фермерамъ, про изгнанія за неплатежъ ренты, про безправіе, словомъ, про причины, создавшія аграрное движеніе шестидесятыхъ годовъ *).

Къ этому времени за океаномъ подросло новое поколѣніе ирландцевъ. Многіе изъ нихъ принимали видное участіе въ борьбѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными. Во время многолѣтней войны сотни ирландцевъ не только получили боевое крещеніе, но заняли видныя мѣста въ арміи. Тутъ были капитаны, полковники и даже бригадные генералы. И когда за океаномъ на американской почвѣ зародилось новое ирландское революціонное братство (Irish Revolutionary Botherhood), то военные, принявшіе участіе въ немъ, конечно, могли думать только объ одномъ: о вооруженномъ возстаніи. Офицерамъ, какъ капитану Дизи, или полковнику Келли казалось, что не только не трудно поднять всю Ирландію, но очень легко также разбить англійскія войска и провозгласить республику, если найдется хорошій организа-

*) См. „Очерки современной Англіи“ и „Англійскіе силуэты“ (Ирландскій ледоходъ).

торъ. Его нашли и послали въ Ирландію. То былъ Стифенсъ, носившій титулъ — Central Organiser of the Irish Republic (т. е. главный организаторъ ирландской республики).

Въ Ирландіи, между тѣмъ, возникла газета „Irish People" (редакторы—Джонъ О'Лири, Томасъ Кларкъ Люби и Чарльсъ Джемсъ Кикэмъ). Задачей ея было—проповѣдывать идею вооруженнаго возстанія и доказывать народу, что, сидя спокойно, онъ никогда не дождется реформы. Читателямъ можетъ показаться страннымъ, что такая боевая газета могла продержаться почти два года. Это свидѣтельствуетъ, прежде всего, конечно, о размѣрахъ свободы печати въ Англіи; но слѣдуетъ имѣть въ виду также эпоху. То было время — „культа патріотовъ-революціонеровъ", какъ выразился проф. Дайси.

Консервативная печать въ Англіи вносила въ умы изрядную смуту. Съ одной стороны, она призывала къ крестовому походу противъ феніевъ и ихъ методовъ борьбы. На подготовленіе возстанія въ Ирландіи торійская печать указывала, какъ на нѣчто адское. Съ другой стороны, она прославляла итальянскихъ революціонеровъ.

Революціонное движеніе въ Италіи быстро развивалось. Все англійское общество съ захватывающимъ интересомъ слѣдило за событіями. Мадзини, Гавацци, а въ особенности—Гарибальди были кумирами англійскаго общества. Послѣднему былъ оказанъ въ Лондонѣ царственный пріемъ со стороны аристократіи и среднихъ классовъ. Что касается массъ, то онѣ толпились, чтобы пожать руку генералу, поцѣловать край его плаща или хотя бы, взглянуть на народнаго вождя. Англійскія газеты доказывали, что подданные Пія IX, Франца-Іосифа и Франциска II не только имѣютъ право возстать противъ своихъ повелителей, но выполняютъ даже свой *долгъ*, присоединяясь къ возстанію. Такъ доказывали „Times", „Sun", „Daily News".

„Каждый народъ имѣетъ одно неотъемлемое право,—писали Daily News: — право выбора правительства, наиболѣе соотвѣтствующаго интересамъ данной націи: это принципъ, давно доказанный уже. Осуществленія его добиваются теперь итальянцы".

„Англія много разъ открыто высказывала мнѣніе, что населеніе государствъ на Апенинскомъ полуостровѣ, какъ и всѣ народы, имѣетъ право избрать форму правленія по своему желанію,—доказывалъ въ началѣ 1860 г. „Times".

„Какъ свободные англичане, мы признаемъ и за итальянцами право устроиться, какъ они сами желаютъ. Представленіе о томъ, что королевство вмѣстѣ съ народомъ составляетъ собственность короля и что, поэтому, возмутившіеся граждане являются нарушителями принципа собственности,—давнымъ давно отжило свое время",—писалъ „Sun". Когда броженія въ австрійскихъ провинціяхъ и въ неаполитанскомъ королевствѣ усилились,—„Times" вы

ступилъ съ энергичной статьей, въ которой доказывалъ, что свободу добываютъ не словами, а иначе. Для борьбы съ деспотизмомъ и съ узурпаторами,—объясняла газета,—нужны не перья, а нѣчто другое, болѣе сильное.

Этими самыми принципами были проникнуты феніанскія газеты „Phoenix“, „Irish People“, „Irish American“, выходившія въ то время въ Америкѣ и въ Ирландіи.

Благоразумные и дальновидные люди въ Англіи, какъ напр., Милль, доказывали, что есть только одинъ вѣрный способъ замирить Ирландію — широкія и радикальныя реформы. Необходимо, доказывали благоразумные люди, разрѣшить аграрный вопросъ, затѣмъ признать за католиками полную свободу совѣсти и, наконецъ, дать ирландцамъ самоуправленіе.

Но такіе благоразумные были въ меньшинствѣ. Правительство предпочитало испробовать путь репрессій. Что же касается реформъ, то намѣчались полумѣры. Въ проектируемыхъ билляхъ было очень много словъ, очень много тумана и, къ сожалѣнію, очень мало дѣла. Въ концѣ концовъ, партія „желѣзной власти“ окончательно одержала верхъ въ правительственныхъ сферахъ. Рѣшено было пустить въ ходъ бѣлый терроръ. Въ октябрѣ 1865 г. полиція разгромила газету „Irish People“. Затѣмъ были арестованы всѣ вожди движенія, въ числѣ ихъ Люби, Джонъ О'Лири и О'Донованъ Росса. „Организаторъ ирландской республики“ Стифенсъ былъ арестованъ позднѣе; но сообщники феніи помогли ему бѣжать изъ тюрьмы. Начался рядъ политическимъ процессовъ. Правительству настоятельно совѣтовали „проявить свою силу“. И вотъ судьей надъ феніями назначили ренегата, бывшаго революціонера Кифа, предавшагося правительству. „Въ политическихъ процессахъ того времени было много позорнаго,—пишетъ Т. П. О'Конноръ; но едва ли не самымъ позорнымъ является то, что разбирались они судьей Кифомъ. Онъ явился одной изъ главныхъ причинъ возникновенія краснаго террора. Когда потомъ въ Ирландіи раздавались голоса за конституціонные способы борьбы, революціонеры, въ видѣ возраженія, напоминали имя судьи Кифа. На процессахъ онъ такъ грубо обращался съ подсудимыми, такъ бранилъ ихъ и глумился надъ ними, что даже консервативныя газеты возмутились“ *). Приговоры были жестоки: безсрочная или долгосрочная каторга. Бѣлый терроръ въ особенности усилился послѣ двухъ фактовъ, Въ декабрѣ 1867 г. феніи рѣшили освободить генерала Берка, сидѣвшаго въ одной изъ лондонскихъ тюремъ (въ Клеркенуэллѣ). Дѣло было поручено неопытнымъ людямъ, которые остановились на нелѣпомъ способѣ: подкатили къ стѣнамъ тюрьмы боченокъ пороха и взорвали его. Отъ взрыва погибли 12 человѣкъ, а 120 были ранены. Заключенный находился

*) The Parnell Movement, p. 135.

въ это время въ камерѣ. Если бы онъ былъ во дворѣ, то погибъ бы вмѣстѣ съ другими. Одинъ изъ виновниковъ взрыва, Барретъ, былъ осужденъ и повѣшенъ предъ воротами ньюгэтской тюрьмы Второй случай произошелъ въ Манчестерѣ при освобожденіи полковника Келли и капитана Дизи, когда ихъ въ тюремной каретѣ перевозили въ другое мѣсто заключенія. Феніи напали на конвой, разогнали его и освободили заключенныхъ, при чемъ нечаянно былъ убитъ стражникъ. Онъ сидѣлъ внутри тюремной кареты и выглянулъ въ замочную скважину какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ феніевъ попробовалъ разбить замокъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Правительство арестовало потомъ пять человѣкъ. Не смотря на недостаточность уликъ, троихъ присудили къ смертной казни. Продажныя уличныя англійскія газеты тогда сдѣлали все возможное, чтобы натравить англійскую чернь на ирландцевъ. Кабацкая голь толпилась возлѣ суда въ Манчестерѣ во время процесса. И когда она узнала про смертный приговоръ, поднялись крики *ура*! раздалось пѣніе національнаго гимна. А между тѣмъ теперь внѣ сомнѣнія, что тогда къ смертной казни приговорили людей, неповинныхъ въ убійствѣ стражника. Это и тогда, впрочемъ, было очевидно. Единственная свидѣтельница, пьяная баба, выставленная полиціей, дала сбивчивыя показанія. Представители прессы подали петицію, въ которой выражали свою увѣренность, что осуждены невинные. Но сторонники „сильной власти“ убѣждали правительство терроризировать Ирландію. Въ концѣ ноября 1867 г. осужденные „манчестерскіе мученики“, какъ называютъ ихъ ирландцы—Алленъ, Ларкинъ и О'Брайенъ были казнены. Въ Ирландіи и въ Америкѣ казнь произвела потрясающее впечатлѣніе, но только не то, на которое разсчитывали сторонники „сильной власти“. Вмѣсто смиренія казни породили жажду мщенія. Человѣкъ привыкаетъ рѣшительно ко всему; и легче всего ему привыкнуть къ тому, чтобы не дорожить не только собственнымъ покоемъ, но и жизнью. Тамъ, гдѣ относятся съ уваженіемъ къ личности, тамъ покой и жизнь представляютъ въ глазахъ человѣка колоссальную цѣнность. Въ глазахъ скованныхъ людей, томящихся въ неволѣ, жизнь не можетъ представлять ничего привлекательнаго. Когда же у невольниковъ пробуждается гражданское и человѣческое достоинство,— то первой мыслью у нихъ должно явиться стремленіе отвѣтить ударомъ на ударъ. И если въ такой моментъ Штауффахеры *) совѣтуютъ: „подождемъ еще, коль будетъ хуже“, то Мельхтали восклицаютъ въ негодованіи:

„Хуже? да чего же,
Чего жъ еще намъ ждать?..
Мы ль беззащитны? Для чего жъ насъ учатъ

*) Шиллеръ, „Вильгельмъ Телль“.

Натягивать тугую тетиву,
Тяжелою сѣкирою владѣть?
Не каждому ль животному дано
Въ отчаяньи орудье для защиты?
Измученный олень, остервенясь,
Грозитъ собакамъ страшными рогами;
Коза охотника срываетъ въ бездну;
И даже волъ, смиренный рабъ людей,
Что выю гнетъ послушно подъ ярмо,
Разсвирѣпѣвъ, могучими рогами
Кидаетъ въ воздухъ своего врага".

Читатели, конечно, хорошо помнятъ эту удивительную трагедію, при чтеніи которой сильнѣе бьется сердце и слезы восторга набѣгаютъ на глаза. Я напомню, такъ сказать, только схему событій. Сперва гнетъ и тюрьмы для всѣхъ. Намѣстникъ глумится надъ личностью населенія. Затѣмъ пробуждается самосознаніе. Юноши рвутся на бой, но смирные люди предлагаютъ иной путь. „Быть можетъ, самъ король того не знаетъ, что терпимъ мы отъ имени его,—говоритъ Редингъ.—Мы все должны узнать и испытать. Сперва пошлемъ мы жалобу къ нему". На это Конрадъ Хунъ отвѣчаетъ: „Я ѣздилъ въ Рейнсфельдъ, въ замокъ королевскій, чтобы на ландфогтовъ жалобу принесть...

...И тамъ сказали мнѣ: „Нашъ императоръ теперь дѣлами занятъ; но онъ вспомнитъ о васъ когда-нибудь, въ другое время".

„Надѣйтесь
Лишь сами на себя, а отъ монарха
Не ждите справедливости" *).

Тогда слѣдуетъ клятва въ Гютлійно, мирные обыватели охотно принимаютъ совѣтъ Винкельрида отложить дѣло освобожденія. Въ единоборство съ Геслеромъ вступаетъ Телль. Ландфогтъ падаетъ, пораженный стрѣлою какъ разъ въ тотъ моментъ, когда грозитъ странѣ, что усилитъ бѣлый терроръ.

„Я слишкомъ тихъ для этого народа...
Да, я смирю ихъ дерзкое упорство
И подавлю надменный духъ свободы.
Законъ издамъ я новый"

Смерть Геслера ускорила дѣло освобожденія. Приблизительно такую же схему можно подмѣтить въ каждой странѣ, боровшейся за свою свободу, и, между прочимъ, въ Ирландіи.

Смерть „манчестерскихъ мучениковъ" никого не испугала. Она породила только рядъ вовстаній, которыя всѣ кончились крайне неудачно для ирландцевъ. Движеніе было задумано за океаномъ. Оттуда къ берегамъ Ирландіи отправили бригантину, нагруженную оружіемъ. Было почти безуміемъ отправить малень-

*) *Вильгельмъ Телль*, дѣйствіе II, сц. II, переводъ Э. Миллера.

кое судно въ 200 тоннъ черезъ океанъ. На бригантинѣ находились вожди движенія. Все это, большею частью, были люди, эмигрировавшіе въ 1848 г. Въ числѣ ихъ находился и Джемсъ О'Брайенъ. Онъ девятнадцать лѣтъ не былъ въ Ирландіи. Все это время онъ то работалъ въ Ріо-Жанейро, то участвовалъ въ революціяхъ южно-американскихъ республикъ, то занимался земледѣліемъ въ Соединенныхъ Штатахъ. За девятнадцать лѣтъ онъ составилъ себѣ порядочное состояніе, которое теперь отдалъ родинѣ. На бригантинѣ находились еще генералъ Керриганъ, полковникъ Тресиліанъ, Уорренъ, капитанъ Кавана и много другихъ офицеровъ, выслужившихся во время войны сѣверныхъ штатовъ съ южными. „Надежда Эрина“, какъ называлась бригантина, добралась до береговъ Ирландіи, но англійское правительство было уже предупреждено, и военные корабли зорко охраняли берега. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ пристать, бригантина вынуждена была вернуться въ Америку, не сдавъ оружія. Но нѣкоторые революціонеры, по совѣту Джемса О'Брайена, рѣшили высадится во что бы то ни стало. Они взяли лодку и ночью поплыли къ берегу. Бригантина же ушла на западъ. Береговая стража замѣтила лодку и забрала почти всѣхъ, сидѣвшихъ въ ней. Удалось уйти только двумъ: Джемсу О'Брайену и еще одному молодому офицеру. Они и приняли участіе въ возстаніи въ Корнѣ. По проекту организаторовъ, повстанцы должны были собраться на площади; но въ силу различныхъ обстоятельствъ, сами вожди не явились. И вотъ, неожиданно для самого себя, во главѣ возстанія въ Корнѣ оказался О'Брайенъ. Повстанцы заставили жандармерію отступить. Констэбли заперлись въ казармахъ. Ирландцы подожгли зданіе, и жандармы сдались. Джемсъ О'Брайенъ проявилъ большую самоотверженность, спасая констэблей изъ горящаго зданія. Въ концѣ концовъ, въ Корнъ прибыли войска, и повстанцы были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ—Джемсъ О'Брайенъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, потомъ къ колесованію и четвертованію; но такъ какъ принято было во вниманіе человѣколюбіе О'Брайена при спасеніи жандармовъ изъ горящаго зданія, то смертную казнь замѣнили пожизненной каторгой.

Въ англійской литературѣ есть любопытный документъ, изображающій жизнь Джемса О'Брайена въ каторжной тюрьмѣ. Написанъ онъ тоже феніемъ, осужденнымъ въ 1871 г. къ 15-ти годамъ за попытку къ возстанію. Я говорю о книгѣ Майкеля Дэвита „Leaves from a Prison Diary, or Lectures to o „Solitary“ Audience“. Книга эта написана въ тюрьмѣ, куда авторъ попалъ вторично, послѣ условнаго освобожденія. Форма ея тоже любопытна. Написана она, какъ показываетъ заглавіе, въ видѣ лекцій, обращенныхъ къ мысленной аудиторіи подъ предсѣдательствомъ... ручного грача „джэка“, жившаго въ камерѣ заключен-

наго. Грачъ проявилъ большіе таланты и сильно привязался къ Майкелю Дэвиту, который посвятилъ свою книгу пернатому товарищу.

— Mister cherman (господинъ предсѣдатель) — обращается Майкель Дэвитъ къ грачу—вотъ уже три мѣсяца какъ ты рискнулъ выпрыгнуть изъ отчаго гнѣзда и едва не сталъ жертвой больничнаго кота. Хотя ты, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы родительскій кровъ заботамъ существа, котораго по инстинкту долженъ бояться; но, смѣю думать, тобою оцѣнено мое стремленіе сдѣлать тебя счастливымъ, насколько это возможно въ тюрьмѣ. Я знаю, однако, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда ты подростешь и окрѣпнешь, твое стремленіе къ свободѣ заставитъ тебя забыть всѣ мои заботы.

„Ты получишь свободу, хотя она оставитъ меня опять въ одиночествѣ въ этой тоскливой выбѣленной камерѣ. Я стану тосковать, когда не буду слышать утромъ твоего крика. Никто со мною не будетъ дѣлить больше завтрака. Ты не будешь доставать для меня кусочковъ грифеля. У тебя явятся другія заботы. Для ночлега, вмѣсто желѣзной рейки моей койки, у тебя будетъ вѣтка въ тѣни листьевъ шелковицы. Но до тѣхъ поръ, покуда мы разстанемся, ты долженъ служить мнѣ предсѣдателемъ и публикой въ рядѣ лекцій. За это я обѣщаю выпустить тебя на свободу, когда кончится послѣдняя лекція. Я не знаю, какое впечатлѣніе произвели на тебя тѣ существа, которыя движутся днемъ на тюремномъ дворѣ. Я поэтому разскажу тебѣ про то, какія преступленія совершили эти люди, каковы ихъ взгляды, нравы, понятія и мораль. Затѣмъ я сообщу тебѣ, какія соціальныя причины наполняютъ постояльцами такія громадныя тюрьмы, какъ эта. Я постараюсь намѣтить тѣ радикальныя реформы, которыя могли бы уменьшить преступленія, являющіяся послѣдствіемъ невѣжества и соціальнаго неравенства...

„Но мы будемъ говорить не только о преступникахъ... Мы закончимъ наши лекціи указаніемъ на реформы, которыя могли бы замирить Ирландію“. Изъ этой книги я возьму нѣсколько фактовъ автобіографическаго характера.

IV.

Политическіе заключенные только что были переведены въ Милбэлкскую каторжную тюрьму. Она находилась на берегу Темзы, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ Парламента и Вестминстерскаго аббатства. Каторжники засыпали подъ глухой басъ „Большого Бэна“ (часы на башнѣ парламента) и мелодичный трезвонъ британской калгалы (Вестминстерскаго аббатства). Въ 1893 г. Милбэлкская каторжная тюрьма была разрушена. На

мѣстѣ ея выстроены образцовыя жилища для рабочихъ и тэйтовская картинная галлерея.

Майкель Дэвитъ былъ всего два мѣсяца каторжникомъ, О'Брайенъ—около трехъ лѣтъ. Одному было двадцать три года, а впереди у него—пятнадцать лѣтъ заключенія. Другому минуло сорокъ три года. Впереди онъ совсѣмъ не видѣлъ возможности выйти когда-нибудь на свободу. Каторжная Милбэлкская тюрьма подѣйствовала подавляющимъ образомъ на обоихъ заключенныхъ. Былъ вечеръ. Тьма заползла въ камеры. Она принесла съ собою почти отчаянье, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ Майкэль Дэвитъ.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался звонъ сигнальнаго колокольчика. Какой-то заключенный звалъ надзирателя.

— Что надо?—послышался рѣзкій голосъ стражника. Отвѣта каторжника нельзя было разслышать.

— Только за этимъ звали?—снова послышался голосъ надзирателя.—Вы ошиблись мѣстомъ. Ложитесь спать.

Въ корридорѣ опять все замолкло; но минуты черезъ двѣ изъ той же камеры снова послышался отчаянный звонъ. Надзиратель не откликнулся. Опять звонокъ, и прежнее молчаніе.

— Лакей!—раздался на весь корридоръ рѣзкій крикъ каторжника.—Эй, лакей, чортъ возьми!

Молчаніе.

Опять задребезжалъ нервный, нетерпѣливый звонокъ.

— Лакей! Сколько мнѣ звать васъ! Подать спички! Зажгите огонь и дайте мнѣ стаканъ виски съ содовой водой!

Изъ сосѣднихъ камеръ послышался смѣхъ каторжниковъ. Для нихъ явилось неожиданное развлеченіе, хотя кричавшій рисковалъ расплатиться спиной или, во всякомъ случаѣ, заключеніемъ въ карцерѣ. Звонокъ между тѣмъ не умолкалъ.

— Лакей! (въ голосѣ кричавшаго теперь слышалось раздраженіе). Лакей!—чортъ возьми! Почему васъ нельзя дозваться?

— Странное дѣло!—съ недоумѣніемъ говорилъ самъ съ собою каторжникъ.—Я былъ во многихъ гостинницахъ, но такой дурацкой, какъ эта, никогда еще не видалъ.

— Лакей! — непосредственно за этимъ раздался бѣшеный крикъ, сопровождавшійся отчаяннымъ стукомъ въ дверь.

Молчаніе.

— Лакей! чтобъ чортъ васъ всѣхъ побралъ!—заревѣлъ каторжникъ.—Подать мнѣ немедленно счетъ. Я ни минуты не хочу больше оставаться въ этой проклятой дырѣ!

Раздался хохотъ изъ всѣхъ камеръ. Звавшій лакея отчаянно стучалъ и кричалъ, что было силъ. Въ корридорѣ раздался топотъ, затѣмъ звонъ ключей, потомъ сильная возня и бѣшеный крикъ, который скоро замеръ вдали.

Сцена объяснилась припадкомъ внезапнаго бѣшенства. Та-

ковы были первыя впечатлѣнія заключенныхъ въ лондонской каторжной тюрьмѣ *). О'Брайенъ и Майкэль Дэвитъ не долго пробыли въ Милбэлкской тюрьмѣ. Ихъ скоро перевели въ центральную Дартморскую каторжную тюрьму, гдѣ оба пробыли много лѣтъ. Тутъ ихъ присоединяли къ „labour gangs", т. е. къ партіямъ каторжниковъ, дробившихъ камни, обжигавшихъ известь или копавшихъ каналы. О'Брайенъ работалъ молча, сосредоточенно. Это была сдержанная, сильная натура, не нуждающаяся въ поддержкѣ въ трудныя минуты. Майкэль Дэвитъ, какъ болѣе молодой, отличался большею экспансивностью, хотя натура его была не менѣе сильная, чѣмъ у О'Брайена. Онъ находилъ возможность подмѣчать комическія черты въ окружающей трагедіи и дѣлился впечатлѣніями со своимъ молчаливымъ товарищемъ. Въ каторжной тюрьмѣ прибытіе новичка составляетъ большое событіе. Арестанты горятъ нетерпѣніемъ узнать, кто такой новоприбывшій, за что осужденъ, кого видѣлъ на волѣ. Задавали такіе вопросы и Майкэлю Дэвиту, и О'Брайену. Арестанты говорили въ дверной глазокъ вечеромъ, послѣ того, какъ надзиратели уносили ужины и выходили изъ корридора. О'Брайенъ никогда не отвѣчалъ на вопросы. „На другой день, послѣ моего прибытія,—разсказываетъ Дэвитъ, — вечеромъ, заслышавъ, что надзиратель щелкнулъ дверью и отправился пить чай,—я подошелъ къ дверному глазку. Каторжникамъ только что роздали ужинъ—жидкую кашицу—skilly. Я слышалъ, какъ энергично стучали всюду деревянныя ложки. Все это говоритъ объ аппетитѣ, неудовлетворенномъ аппетитѣ каторжниковъ.

— Билль!—послышалось изъ-за одной двери.—Вы видали на своемъ вѣку тюрьмы—скажите: приходилось ли вамъ ѣсть гдѣнибудь болѣе подлую кашицу?

— Проклятый смотритель кормитъ свиней на нашъ счетъ!—раздался басъ Билля.—Крупъ не больше одного унца на пинту.

— Ребята!—раздался другой голосъ,—не знаетъ ли кто, какихъ это новичковъ привели въ камеры № 7 и № 9?

— № 7 (Майкэль Дэвитъ),—отвѣчалъ Билль,—попалъ на десять лѣтъ, потому что забрался въ магазинъ въ Сити.

— Чего врать, Билль. У номера седьмого всего одна рука. Тутъ другое. Мнѣ сказали, что онъ угодилъ на пятнадцать лѣтъ за то, что присталъ къ феніямъ. Тутъ политика, а не уголовщина. Я въ Вокингской тюрьмѣ сидѣлъ какъ-то съ феніями. Ребята—первый сортъ: всегда готовы подѣлиться хлѣбомъ.

— Давнымъ давно пора сдѣлать революцію въ Англіи!—вставилъ одобрительно третій голосъ.—Чего еще ждать: мнѣ, за

*) *Michael Davitt*, „Leaves from a Prison Diary; or Lectures to a „Solitary" Audience. London. 1885. p. p. 135—136.

какую-то несчастную кражу со взломомъ, закатили семь лѣтъ и теперь кормятъ кашицей!

Повидимому, психологія уголовныхъ арестантовъ одинакова во всѣхъ странахъ. Мнѣ припоминается анекдотъ, относящійся къ концу восьмидесятыхъ годовъ, когда арестантскія партіи, отправлявшіяся въ Сибирь, еще мѣрили „московскій трактъ“, т. е. путь отъ Томска до Иркутска пѣшкомъ и бывали въ пути три мѣсяца. Одинъ изъ моихъ товарищей, которому не минуло тогда еще двадцати лѣтъ, горѣлъ желаніемъ найти прозелитовъ всюду. Онъ намѣтилъ себѣ нѣсколько уголовныхъ арестантовъ и по пути отъ этапа до этапа проповѣдывалъ имъ необходимость „отрѣшиться отъ стараго міра“. Слушатели различно воспринимали ученіе.

— А у васъ *тамъ* тюрьма будетъ? — поставилъ вопросъ ребромъ бродяга Щербатый.

— То-есть какъ тюрьма? — растерялся молодой проповѣдникъ. — Я вѣдь вамъ сказалъ, что будутъ уничтожены причины, порождающія преступленія.

— Ну, а если я захочу сдѣлать „качество“? (преступленіе)— допытывался Щербатый.

— Но зачѣмъ же? Вѣдь причины не будетъ?

— Ну, всетаки, если мнѣ захочется сдѣлать „качество“, что со мной сдѣлаютъ?

— Вышлютъ изъ общины, какъ больного, — нерѣшительно отвѣтилъ мой юный товарищъ.

— Что? вышлютъ? Такъ какого лѣшаго мнѣ стоять за будущее? Я и теперь получаю кормовыя!

Второй намѣченный ученикъ, типичный московскій „блатной“ (т. е. воръ) реагировалъ на проповѣдь нѣсколько иначе.

— Я, когда сидѣлъ въ Таганкѣ, отъ студе́нтовъ слышалъ уже то же самое, — сладко началъ парень. — Потомъ попалъ въ Бутырки,—опять отъ студентовъ слышалъ. Отлично выходитъ! И для души хорошо. Да вотъ никакъ не удержишься: все какое-нибудь „качество“ дѣлаю!

Третій ученикъ, по опредѣленію нашего товарища, былъ „протестантъ по натурѣ“. То былъ лохматый, всклокоченный „жиганъ“, по кличкѣ Сохатый.

— Сущую правду вы говорите, Д. С.! — отвѣтилъ онъ товарищу на проповѣдь. — Имъ, „иродамъ“, и казни не придумаешь за то, что они меня кирпичный чай заставляютъ пить. Развѣ Сохатый такую погань на волѣ пилъ?—злобно зашипѣлъ онъ.— У меня для заварки былъ байховый чай. Безъ калачика и за столъ не садился.

V.

Въ каторжной тюрьмѣ теченіе мыслей у Майкеля Дэвита и Джемса О'Брайена было не одинаково. Обоихъ тюрьма не сломила совершенно. Оба думали о борьбѣ, если имъ удастся выйти когда-нибудь на волю. Но Майкель Дэвитъ задумалъ грандіозный планъ борьбы на легальной почвѣ—The Plan of Campaign,—примѣненный потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ (въ декабрѣ 1886 г.). Джемсъ О'Брайенъ полагалъ, что мирнымъ путемъ ничего нельзя добиться. Если правительство даже и обѣщаетъ билль, то врядъ ли оно осуществитъ его. Во всякомъ случаѣ, — доказывалъ О'Брайенъ своему товарищу, — правительство постарается обмануть ирландцевъ при первой возможности. Нужна борьба, борьба феніанская.

— Ирландія обороняется,—говорилъ О'Брайенъ.—Ей необходимо отстаивать свое существованіе. Но она не въ силахъ помѣряться съ Англіей оружіемъ въ открытомъ бою. Вотъ почему остаются только тайныя террористическія организаціи, къ которымъ съ незапамятныхъ временъ прибѣгаютъ всѣ угнетенные народы древняго и новаго міра. Ирландія не можетъ чувствовать угрызеній совѣсти. Во-первыхъ, она ведетъ *войну*, а на войнѣ солдатъ долженъ истреблять врага. Во вторыхъ, сами побѣдители, раззорившіе край и истребившіе значительную часть населенія, пріучили ирландцевъ легко смотрѣть на человѣческую жизнь. Англичане, подстрѣливавшіе на улицахъ женщинъ и дѣтей какъ кроликовъ, не только не осуждались своимъ правительствомъ, но еще получали награды за это. Почему же должно осуждать людей, устраняющихъ какимъ-нибудь способомъ враговъ народа? Неужели,—задавалъ вопросъ О'Брайенъ,—нужно сидѣть сложа руки, когда насильники выгоняютъ семью изъ насиженной фермы? Бѣлый терроръ нельзя остановить увѣщаніями.

Джемсъ О'Брайенъ, сидя въ тюрьмѣ, не зналъ, что условія въ Ирландіи и въ Англіи сильно измѣнились за 5—7 лѣтъ. Онъ не зналъ, что въ Англіи всюду раздавались уже голоса, осуждавшіе правительственный терроръ. „Въ Ирландіи теперь не существуетъ ни свободы печати, ни неприкосновенности личности,—сказалъ въ то время въ парламентѣ Дизраэли. Аресты происходятъ всюду. Если вы живете въ Ирландіи, полиція въ любой моментъ можетъ ворваться въ вашъ домъ и перерыть всѣ бумаги. Если въ газетѣ появится статья противъ правительства, изданіе получаетъ предостереженіе и даже можетъ быть пріостановлено. Джентельмэны! Все это кажется ужаснымъ для англичанина; но въ Ирландіи подобные факты часты. Намъ говорятъ

что правительству удалось ввести порядокъ въ Ирландіи? Да, но этотъ порядокъ основанъ на грубомъ насиліи".

„Люди, въ которыхъ есть гражданское самосознаніе, не могутъ мириться съ такими порядками, какіе мы видимъ теперь въ Ирландіи, — сказалъ въ парламентѣ Джонъ Брайтъ, когда правительство предложило билль объ отмѣнѣ Habeas Corpns Не трудно издать законъ объ усиленной охранѣ, наполнить тюрьмы или разгромить тайныя сообщества; но совершенно невозможно терроромъ уничтожить причины недовольства. Зародыши болѣзни,— т. е. ненормальные порядки,—останутся и мы будемъ имѣть революціонное движеніе въ еще болѣе острой формѣ. И тогда найдутся люди, которые посовѣтуютъ правительству примѣнить ядъ, т. е. репрессивныя мѣры, вмѣсто вѣрнаго средства — радикальныхъ реформъ".

Въ самомъ концѣ шестидесятыхъ годовъ Гладстонъ пришелъ къ заключенію, что замирить Ирландію можно только реформами.

„Три вѣтви помогутъ намъ взобраться на отравленный анчаръ. Три реформы необходимы для замиренія Эрина: отдѣленіе въ Ирландіи англиканской церкви отъ государства, урегулированіе земельныхъ отношеній и система національнаго образованія", — сказалъ Гладстонъ. Первая реформа осуществлена была въ 1869 г. Ирландцы перестали платить десятину англиканскимъ священникамъ. Бывали приходы, въ которыхъ не было ни одного послѣдователя англиканской церкви. Священникъ жилъ въ Англіи и получалъ свою десятину отъ католиковъ. Въ 1870 г. Гладстонъ приступилъ къ осуществленію второй реформы: онъ внесъ земельный билль, который, впрочемъ, принесъ мало пользы. Второй пунктъ билля, напримѣръ, долженъ былъ сократить число изгнаній изъ фермъ. Насколько оправдались ожиданія, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Всѣхъ изгнаній было:

1867—1870 гг.	4,253	(до закона 1870 г.)
1871—1874 „	5,641	(послѣ земельнаго билля)
1875—1878 „	8,438	

Отъ 1879 до 1882 г. прогнано болѣе 10 тысячъ фермеровъ.

Въ третьемъ пунктѣ билля имѣлось въ виду помочь фермерамъ стать крестьянами-собственниками; но такъ какъ лэндлорды отказались продавать землю, то реформа не дала никакихъ результатовъ. Что касается билля о народномъ и національномъ образованіи въ Ирландіи, то онъ былъ внесенъ въ парламентъ въ февралѣ 1873 г. и отклоненъ большинствомъ трехъ голосовъ (287 противъ 284).

Въ самой Англіи, во всякомъ случаѣ, зрѣла увѣренность, что бѣлымъ терроромъ нельзя превратить ирландцевъ въ лоялистовъ. Что же касается Ирландіи, то тамъ въ это время зародилась мысль добиться политическаго самоуправленія при помощи мир-

ной, конституціонной борьбы. Реформа 1868 г. уничтожила раздраженіе между націоналистами католиками и протестантами. Они соединились вмѣстѣ въ одну лигу—„The Home Rule Leaque" подъ предсѣдательствомъ адвоката Исаака Бата, которая въ 1874 г. послала въ парламентъ пятьдесятъ коммонеровъ.

Перемѣна во взглядахъ на средства замиренія Ирландіи объяснялась впечатлѣніемъ, произведеннымъ феніанскимъ движеніемъ. „Несчастья порождаютъ иногда что-нибудь хорошее—сказалъ мнѣ старый ирландецъ въ 1870 г. Такъ пишетъ Барри О'Брайенъ въ своей извѣстной біографіи Варнелля.—Несчастные феніи заставили англичанъ ввести законъ 1869 г. объ отдѣленіи церкви и земельный законъ 1870 г. Но что они сами, бѣдняги, получили? Каторгу и висѣлицу. Вы правы, — отвѣтилъ феній, присутствовавшій при нашемъ разговорѣ.—Разница между вигами и феніями заключается въ слѣдующемъ. Феніи дѣлаютъ добро для Ирландіи и ничего для себя; виги же дѣлаютъ добро себѣ и ничего для Ирландіи" *).

Исаакъ Батъ стоялъ за абсолютно „корректный" способъ агитаціи. То былъ очень честный, очень добрый и очень наивный человѣкъ. Онъ напоминалъ нѣсколько щедринскаго героя — карася-идеалиста. Рѣчи Бата можно было бы формулировать словами карася: „Не вѣрю, чтобы борьба и свара были нормальнымъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго будто бы суждено развиваться всему живущему на землѣ. Вѣрю въ безкровное преуспѣяніе, вѣрю въ гармонію и глубоко убѣжденъ, что счастье— не праздная фантазія мечтательныхъ умовъ, но рано или поздно сдѣлается общимъ достояніемъ" **). Повидимому, Батъ тоже, какъ и карась-идеалистъ, вѣрилъ въ слово „добродѣтель", которымъ можно сразу пронять „щуку". Во всякомъ случаѣ, онъ ежегодно, картинно потрясая сѣдыми кудрями, произносилъ въ парламентѣ академическую рѣчь на тему: „Зло никогда не было зиждущей силой—объ этомъ и исторія свидѣтельствуетъ. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущей силой являлось только добро". Бата обыкновенно никто не слушалъ, кромѣ его сторонниковъ, потому что считали совершенно безвреднымъ. Аграрная программа Бата опредѣлялась формулой „3 J." (Fixity of tenure, Fair rent, Free sale of tenant right, т. е. прочность арендваго договора, справедливая рента и свободная продажа фермеромъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ улучшеній). Но практическіе результаты были ничтожны. Такъ обстояли дѣла, когда въ серединѣ семидесятыхъ годовъ изъ тюрьмы вышли сперва Джемсъ О'Брайенъ, которому сократили срокъ, а потомъ Майкэль Дэвитъ.

---

*) *R. Barry O'Brien*, „The Life of Charles Stewart Parnell", v. I, p. 58.
**) *М. Е. Салтыковъ*, Полное собраніе сочиненій, 1900 г., т. VI, стр. 28.

VI.

Гладстонъ указалъ на то значеніе, которое феніанское движеніе имѣло въ исторіи Ирландіи. „Англія задумалась надъ положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи только послѣ войны сѣверныхъ штатовъ съ южными, когда на сцену выступили феніи,—сказалъ онъ. По моему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ тѣхъ, съ которыми я совѣщался, заговоръ феніевъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на реформы въ Ирландіи“ *). Но изъ ирландскихъ дѣятелей вполнѣ использовалъ феніанское движеніе только Парнелль. Исаакъ Батъ отрекся отъ феніевъ и пользовался каждымъ случаемъ для утвержденія, что не желаетъ имѣть съ ними ничего общаго. Ирландскіе націоналисты,—доказывалъ Батъ,—должны убѣдить англичанъ только аргументаціей. Партія должна показать Англіи, какъ несправедливо послѣдняя по отношенію къ Эрину. Результаты мы уже знаемъ. Съ другой стороны, многіе феніи проповѣдывали, что не слѣдуетъ имѣть ничего общаго съ парламентскими дѣятелями, съ этими „слезливыми реформаторами на розовой водичкѣ“. Сила Парнелля заключалась въ томъ, что онъ понялъ, какое значеніе можетъ имѣть объединеніе *всѣхъ* партій. Онъ быстро убѣдился, что парламентская партія можетъ имѣть вліяніе только тогда, когда за нее грудью стоитъ вся страна. „Когда Парнелль выступилъ только на арену политической дѣятельности, — говоритъ историкъ,—онъ чутьемъ понялъ, что феніанское движеніе является ключемъ къ ирландскому націонализму. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Парнелль рѣшилъ, такъ или иначе, имѣть этотъ ключъ подъ своимъ контролемъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Парнелль съ удивительной ловкостью умѣлъ стоять на рубежѣ между лояльной парламентской дѣятельностью и феніанствомъ. Въ этомъ, быть можетъ, весь секретъ его власти“ **). При помощи феніевъ Парнелль попалъ въ парламентъ въ 1876 г. Феніи первые оцѣнили его, когда онъ былъ еще неизвѣстнымъ молодымъ помѣщикомъ.

„Парнелль ненавидѣлъ Англію, прежде чѣмъ попалъ въ палату общинъ. Парламентскій опытъ сдѣлалъ эту ненависть болѣе интенсивной. Парнелль считалъ, не безъ основанія, положеніе націоналистовъ въ парламентѣ—крайне унизительнымъ. Они должны были молить англичанъ о милости. Англійскіе министры обращались съ націоналистами, какъ съ представителями завоеваннаго народа и не разъ подчеркивали, что ирландцы должны быть благодарны уже за то одно, что ихъ терпятъ въ палатѣ. Это

---

*) *R. Barry O'Brien*, The Life of Parnell, v. I, p. 58.

**) Ib., v. I, p. 87.

пренебрежительное отношеніе мучило Парнелля. По натурѣ своей онъ не выносилъ смиренія предъ кѣмъ-нибудь. И онъ рѣшилъ не только добиться у Англіи справедливости, но еще унизить ее" *). Вотъ почему онъ первый оцѣнилъ Биггара, изобрѣтателя обструкціи, котораго проклинали тогда, какъ коммонеры-англичане, такъ и большинство націоналистовъ.

Джозефъ Джилисъ Биггаръ крайне любопытная личность, и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. То былъ богатый ольстерскій торговецъ, большой другъ Джемса О'Брайена. Онъ не обладалъ ни краснорѣчіемъ, ни образованіемъ и явился въ парламентъ съ единственной цѣлью: причинить возможно больше непріятностей англичанамъ, которыхъ ненавидѣлъ. Биггаръ не былъ краснорѣчивъ: онъ не могъ связать вмѣстѣ трехъ предложеній; но былъ очень уменъ, дѣловитъ, смѣлъ и наблюдателенъ. Онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: по возможности оскорблять палату общинъ и сдѣлать такъ, чтобы его ненавидѣли всѣ англичане. Въ томъ и въ другомъ отношеніи Биггаръ успѣлъ вполнѣ. Въ настоящее время Биггары уже не возможны, потому что обостренныя отношенія между Англіей и Ирландіей значительно изгладились. Теперь уже не можетъ имѣть мѣста та глубокая ненависть между ирландцами и англичанами, какая была тридцать лѣтъ тому назадъ: „ирландскій ледоходъ“, т. е. рядъ радикальныхъ реформъ, какъ земское самоуправленіе и выкупъ земли, — унесъ многое. Когда господствующая національность лишаетъ подчиненный народъ элементарныхъ гражданскихъ правъ,—она не должна удивляться, если являются Биггары, единственная цѣль жизни которыхъ унизить и опозорить угнетателей... Биггаръ впервые выдвинулся въ 1875 г., когда правительство отвѣтило на броженіе въ Ирландіи не реформами, а биллемъ объ усиленной охранѣ. Исаакъ Батъ, потрясая сѣдыми кудрями, академически протестовалъ противъ билля. Когда онъ кончилъ, поднялся почти никому неизвѣстный горбатый коммонеръ и заявилъ, что желаетъ внести поправку къ биллю. То былъ Биггаръ. Онъ говорилъ четыре часа. „Мы рѣшительно не въ состояніи передать содержаніе рѣчи“, — писалъ тогда „Times“. И не мудрено. Въ теченіе четырехъ часовъ Биггаръ читалъ выдержки изъ синихъ книгъ, не имѣвшія никакого отношенія къ обсуждаемому биллю. За синими книгами послѣдовали передовыя статьи провинціальныхъ ирландскихъ газетъ. Коммонеры протестовали, негодовали, кричали, а Биггаръ невозмутимо читалъ свои выдержки. Нужно прибавить еще, что читалъ онъ крайне монотонно, въ носъ. Въ концѣ концовъ, не только сама „рѣчь“, но и звуки голоса оратора привели палату въ бѣшенство. Биггара проклинали консерваторы и либералы; проклинали его многіе націоналисты. Но онъ добился своего: затормо-

*) Ib., p. 98.

зилъ билль и причинилъ непріятности ненавидимой имъ націи. „Рѣчь“ Биггара оцѣнилъ только одинъ человѣкъ—Парнелль: онъ понялъ, что и обструкціей не слѣдуетъ брезгать во время борьбы. Биггары, если ихъ держать въ рукахъ, могутъ пригодиться какъ и всѣ недовольныя группы...

Мнѣ приходилось уже не разъ писать про исторію реформъ въ Ирландіи и про то, какіе опредѣленные циклы переживали аграрныя реформы.

„Въ теченіе многихъ вѣковъ завоеватели систематически убивали всѣ отрасли промышленности Ирландіи. Единственнымъ подспорьемъ страны осталось земледѣліе. И этотъ фундаментъ экономическаго существованія народа былъ покрытъ дикой аграрной системой. Ирландія много разъ конвульсивно содрогалась, пытаясь сбросить эту систему, раззорившую страну и погнавшую за океанъ цвѣтъ населенія. И каждый разъ попытки покончить съ земельной системой переживали, если можно такъ выразиться, правильный циклъ опредѣленныхъ ранговъ: 1) какія-нибудь необычайныя причины, какъ, напримѣръ, голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда“ и для усмиренія движенія издавало спеціальные законы объ охранѣ (Coercion Acts); 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой-нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ какъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣлъ. Движеніе въ Ирландіи, послѣ нѣкотораго перерыва, снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью“ *).

Съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ того, какъ уничтожались главныя причины, порождавшія озлобленія Ирландіи противъ Англіи,—крайнія формы борьбы исчезали. Феніанство, съ его тайными организаціями, кандалами и динамитомъ исчезло не вслѣдствіе усиленія полиціи, а послѣ того, какъ Ирландіи даны были существенныя реформы. Каждый разъ, когда правительство пыталось уклониться отъ пути реформъ и прибѣгало къ „сильной власти“, въ замиренной странѣ сейчасъ же возникали аграрныя преступленія. Каждый разъ бѣлый терроръ порождалъ красный. Наконецъ, благоразуміе заставило правительство отказаться (повидимому, навсегда) отъ усиленной охраны, и вотъ

---

*) *Діонео.* „Англійскіе силуэты“. Спб. 1905, стр. 327.

феніи, какъ Джемсъ О'Браейнъ, переходятъ на путь мирной, легальной парламентской борьбы. Изъ каторжной тюрьмы Джемсъ О'Брайенъ вышелъ „заговорщикомъ". Онъ вѣрилъ только въ возстаніе; но въ 1885 г. нашелъ возможнымъ выставить свою кандидатуру въ Корнѣ. Съ тѣхъ поръ, до самой смерти, онъ былъ членомъ парламента. Здѣсь онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ всѣхъ партій, какъ можно судить по некрологамъ, помѣщеннымъ въ консервативныхъ газетахъ. „Что можетъ удовлетворить ирланскій народъ?" Такъ называется памфлетъ, изданный консерваторомъ 30 лѣтъ тому назадъ (What will satisfy the Irish Teople). Въ концѣ памфлета авторъ отвѣчаетъ—„Nothing", т. е., что жадности народа нѣтъ предѣла. Вотъ почему авторъ рекомендовалъ не уступки, а „сильную власть". Джемсъ О'Брайенъ тогда отвѣтилъ на памфлетъ и заявилъ, что три реформы могутъ превратить Ирландію въ глубоко лояльную единицу Британской имперіи: широкое земское и муниципальное самоуправленіе, выкупъ земли и гомруль. Джемсъ О'Брайенъ видѣлъ осуществленіе первыхъ двухъ реформъ.

Политическое самоуправленіе Ирландіи теперь вопросъ только недалекаго будущаго.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

XVII... Точки и многоточія.—XVIII—XIX. Крестьянское движеніе, какъ предварительное условіе аграрной реформы.—XX. Сущность аграрной проблемы.—XXI. Лебедь, щука и волъ (по поводу статьи Николай—она).

XVII.

. . . .

На этотъ разъ мнѣ особенно трудно возобновить бесѣду съ читателями. Я долженъ прибѣгнуть къ точкамъ, чтобы заполнить пробѣлъ, образовавшійся въ нумераціи. Не въ нихъ, однако, сейчасъ дѣло. Посвященная вопросу о представительствѣ, а именно той его фазѣ, въ какой находился онъ въ срединѣ іюня, семнадцатая глава не имѣла непосредственнаго отношенія къ основной темѣ прошлаго и настоящаго обозрѣній. Съ образовавшимся на ея мѣстѣ пробѣломъ придется считаться потомъ, когда настанетъ очередь вновь вернуться къ вопросу о представительствѣ. Сейчасъ же я больше всего затрудненъ тѣми многоточіями, какими типографія испещрила въ послѣднюю ми-

нуту три предыдущихъ главы хроники. Этихъ многоточій было бы еще больше, если бы ихъ можно было ставить не только въ концѣ, но и въ началѣ періодовъ, если бы ими можно было восполнять не только части, но и цѣлые абзацы, не только строки, но и страницы.

Тридцать девять лишнихъ—отпечатанныхъ или подразумѣваемыхъ—знаковъ препинанія... Хорошо, если они не породили уже недоразумѣній въ читателяхъ.

Дѣло, однако, не только въ предыдущемъ, но и въ дальнѣйшемъ. Съ огромнымъ вопросомъ приходится лавировать въ донельзя тѣсныхъ предѣлахъ. Съ одной стороны—Сцилла цензорскихъ препинаній, съ другой—Харибда читательскихъ недоразумѣній, и я начинаю бояться, что между ними вовсе не окажется прохода.

XVIII.

Въ прошлый разъ я указалъ „самую опасную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слабую сторону“ крестьянскаго движенія. „Пока государство,—писалъ я,—остается внѣшней и чуждой крестьянскому правосознанію силой, всѣ попытки крестьянъ осуществить свое право, неизбѣжно будутъ оказываться безрезультатными“. Это не значитъ, однако, что развертывающееся на нашихъ глазахъ крестьянское движеніе пройдетъ безслѣдно въ русской жизни. Я отнюдь не склоненъ приравнивать его въ этомъ отношеніи къ тѣмъ, неоднократно уже наблюдавшимся въ прежніе вѣка, „чисто крестьянскимъ движеніямъ“, которыя „рождаются какъ бы изъ ничего, внезапно разрастаются въ грозное явленіе и угасаютъ, не оставляя, повидимому, слѣда“ *).

Безплоднымъ нынѣшнее крестьянское движеніе могло бы остаться лишь въ томъ случаѣ, если бы государство сохранило на неопредѣленное время свой авторитарный, чуждый народному правосознанію, характеръ. Въ качествѣ примѣра, я могу сослаться на полтавское крестьянское движеніе 1902 г. Теперь, конечно, очевидно, что это былъ прологъ къ общерусскому движенію. Но въ предѣлахъ данной территоріи и даннаго времени

---

*) С. Н. Южаковъ. „Политика“. „Р. Б.“ 1905 г., № 3. Во избѣжаніе недоразумѣнія я долженъ напомнить, что и С. Н. Южаковъ отнюдь не безнадежно смотритъ на нынѣшнее крестьянское движеніе. „Русская умственная жизнь,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—создала могучее и широкое теченіе, сочувственное мужику и его трудовому началу въ правѣ. Когда мужицкая „правда“ будетъ просвѣтлена и цѣлесообразно направлена этимъ уже готовымъ, но еще не дошедшимъ до мужика, истолкованіемъ его идеаловъ, тогда наступитъ время выхода на историческую арену и мужицкой идеи. Я убѣжденъ, — прибавляетъ онъ, — что это время не за горами“.

оно, можно сказать, совершило только что указанный циклъ: „родившись какъ бы изъ ничего, оно внезапно разраслось въ грозное явленіе и угасло, не оставивъ, повидимому, слѣда“. Если представить, что нынѣшнее крестьянское движеніе въ его цѣломъ оказалось бы лицомъ къ лицу съ такимъ же сильнымъ и непоколебимымъ режимомъ, какимъ явился для Полтавской губерніи режимъ покойнаго В. К. Плеве, то легко будетъ понять, что оно было бы подавлено и, въ концѣ концовъ, можетъ быть, прошло бы въ русской исторіи столь же безслѣдно, какъ прошли въ свое время движенія, связанныя съ именами Разина и Пугачева. Я говорю „безслѣдно“, конечно, въ условномъ смыслѣ, имѣя въ виду основныя цѣли, къ какимъ стремились въ такихъ случаяхъ волнующіеся крестьяне. Противопоставленныя же крестьянскому правосознанію нормы обыкновенно оказывались послѣ этого не только не поколебленными, но и еще болѣе укрѣпленными. Не лишне будетъ напомнить, что и безпорядки 1902 года завершились установленіемъ круговой имущественной отвѣтственности для крестьянъ и введеніемъ института земскихъ стражниковъ. Въ настоящее время всѣ усилія государственной власти, какъ мы видѣли, такъ же направлены къ „вящшему развитію въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ неуклонно подвергаемы суровой карѣ и привлекаемы къ имущественной отвѣтственности“. Едва ли, однако, попытка реагировать на крестьянское движеніе, исключительно въ этомъ направленіи, можетъ быть доведена, при данныхъ условіяхъ, до своего логическаго конца, т. е. до новаго и полнаго торжества чуждаго крестьянскому правосознанію гражданскаго уклада.

Крестьянское движеніе совпало—и, конечно, не случайно—съ критическимъ моментомъ въ жизни самого государства. На горизонтѣ уже обрисовался новый государственный порядокъ. Вопросъ, стало быть, заключается уже въ томъ, найдетъ ли себѣ выраженіе въ этомъ новомъ порядкѣ крестьянское правосознаніе, или же реформированное государство сохранитъ по отношенію къ нему прежнее отрицательное отношеніе, т. е. останется, какъ и бюрократическій строй, внѣшней и чуждой для крестьянства организаціей. Съ этой точки зрѣнія совпаденіе крестьянскаго соціальнаго движенія съ общеполитическимъ представляетъ въ высшей степени важный фактъ, который, несомнѣнно, на исходъ того и другого окажетъ очень сильное вліяніе. Активное состояніе крестьянства въ моментъ переустройства политическихъ формъ лучше, чѣмъ что-либо другое, можетъ обезпечить демократичность послѣднихъ и, стало быть, формальную возможность для крестьянства принять органическое участіе въ государственной жизни. Такъ, крестьянское движеніе для многихъ является

однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Во всеобщемъ избирательномъ правѣ, — говоритъ г. Кокошкинъ, — мы имѣемъ незамѣнимое средство, чтобы аграрный вопросъ не принялъ опаснаго характера. Только чрезъ привлеченіе всѣхъ къ участію въ законодательствѣ можно вселить увѣренность крестьянству, что не насиліемъ можно достигать улучшенія своей участи, а путемъ законнымъ... Угрозой для представительныхъ учрежденій могла бы служить крестьянская масса въ томъ случаѣ, если бы она была оставлена за предѣлами законнаго представительства. Въ недовольствѣ ея можно черпать матеріалъ, которымъ воспользуются всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій. Абсолютизмъ и революція оттуда будутъ брать каменья, чтобы ими побить тѣхъ, кто сталъ на ихъ дорогѣ *).

Если бы крестьянское недовольство не проявилось уже съ достаточной силой, то сторонники „умѣреннаго прогресса“ **), можетъ быть, и не стали бы во всеобщемъ избирательномъ правѣ искать гарантіи противъ такого „врага новыхъ свободныхъ учрежденій“, какимъ въ ихъ представленіи является „революція“. Что касается „абсолютизма“, то они, вѣроятно, удовлетворились бы земской палатой, которая имъ представляется, какъ извѣстно, несравненно болѣе надежной, въ этомъ отношеніи, гарантіей, чѣмъ всеобщность избирательнаго права. Такъ или иначе, но при установленіи новыхъ формъ государственной жизни, всѣмъ партіямъ неизбѣжно придется теперь считаться съ крестьянствомъ, какъ съ активной силой, уже появившейся на исторической аренѣ.

Съ другой стороны, новыя, не только еще не отвердѣвшія, но и не сложившіяся формы государственной жизни сравнительно легко могутъ воспринять новое содержаніе, какого требуютъ крестьянскіе идеалы и интересы. Если бы крестьяне пришли въ движеніе послѣ того, какъ новый государственный порядокъ уже консолидировался бы въ чуждыхъ имъ нормахъ, то со стороны послѣдняго они встрѣтили бы, вѣроятно, отпоръ и при томъ, быть можетъ, даже болѣе энергичный и, во всякомъ случаѣ, болѣе умѣлый, чѣмъ какой въ состояніи оказать нынѣшній, уже одряхлѣвшій, порядокъ. Изъ химіи мы знаемъ, что in statu nascendi, т. е. въ моментъ зарожденія (выдѣленія) даже съ трудомъ дѣйствующіе другъ на друга элементы сравнительно легко вступаютъ въ соединеніе между собою. И въ данномъ случаѣ стремленіе къ землѣ можетъ слиться со стремленіемъ къ волѣ и въ результатѣ можетъ получиться, дѣйствительно, новый, не только по внѣшнему своему виду, но и по внутреннимъ тенденціямъ, соціально-политическій порядокъ. Во всякомъ случаѣ, всматри-

*) „Русскія Вѣдомости“, № 149.

**) См. въ „Случайныхъ замѣткахъ“ статью М. С. Камнева: „Изъ разговоровъ о представительствѣ“.

ваясь въ черты нарождающагося общественнаго строя, мы должны исходить изъ факта, что не только городъ, но и деревня въ его созданiи принимаютъ активное участiе *). Уже теперь очевидно, какой громадный слѣдъ нынѣшнее крестьянское движенiе оставитъ и въ общественной мысли, и въ народной жизни. Говоря это, я имѣю въ виду, прежде всего, аграрную проблему, которая получила, благодаря ему, совершенно новую постановку.

Уже девяностые годы, съ ихъ непрекращавшимися голодовками, въ конецъ подорвали вѣру въ „малыя дѣла", съ какими выступили восемидесятники. Съ очевидностью выяснилось, что ни крестьянскiй банкъ, ни переселенiя, ни даже „прогрессивныя теченiя въ крестьянскомъ хозяйствѣ" не въ состоянiи не только устранить, но и смягчить земельныя нужды деревни, дошедшей до полнаго обнищанiя и уже вступившей въ эпоху вымиранiя. Съ другой стороны, начавшiйся въ 1899 году торгово-промышленный кризисъ съ неменьшею очевидностью обнаружилъ всю эфемерность, выращенной подъ защитой таможенной стѣны и взлелѣянной на казенныхъ заказахъ капиталистической промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю невозможность для сто-тридцатимиллiоннаго народа выйти на путь хозяйственнаго развитiя въ одни ворота—черезъ фабрику. Выяснилась, такимъ образомъ, необходимость идти черезъ деревню при очевидной, въ то же время, невозможности удовлетвориться тѣми калитками, какiя соблаговолила открыть восьмидесятникамъ—да и то послѣ долгихъ препирательствъ—бюрократiя.

Для прогрессивной части русскаго общества въ лицѣ наиболѣе активныхъ его представителей вполнѣ естественъ былъ возвратъ на ту широкую и прямую дорогу, которую проектировало и начало прокладывать въ свое время социалъ-народничество *). И дѣйствительно къ этому именно времени относится его

*) Это представляетъ, несомнѣнно, одну изъ крупныхъ особенностей русскаго преобразовательнаго движенiя, отличающагося вообще своею экстензивностью. Въ этомъ отношенiи оно больше всего напоминаетъ великiй не только политическiй, но и соцiальный переворотъ, какой пережила Францiя въ концѣ XVIII столѣтiя. Но и тамъ движенiе концентрировалось, главнымъ образомъ, въ крупныхъ городахъ и не охватывало значительной части деревни. Парижъ и Марсель—съ одной стороны, Вандея—съ другой. У русскаго движенiя Вандеи, можно думать, не будетъ. Во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ уже Гурiю.

**) Извиняюсь передъ читателями за этотъ, можетъ быть, неуклюжiй, терминъ, но я не нахожу другого слова, которымъ можно было бы объединить извѣстныя общественныя группировки, хотя и носившiя разныя названiя, но неизмѣнно полагавшiя въ основу своихъ программъ землю наряду съ волей. Совершенно опредѣленно эти основанiя были формулированы въ освободительную эпоху,—напомню „Современникъ" и его борьбу за освобожденiе крестьянъ съ землею,—но ихъ можно прослѣдить и въ болѣе раннихъ программахъ, начиная съ радищевской. Но я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, программы семидесятыхъ годовъ, и думаю, что по отно-

возрожденіе. Живя въ качествѣ „направленія“, оно сохранило,— не утративъ даже за долгіе годы безвременья,—свои традиціи и идеалы и теперь вновь появилось на политической аренѣ. Правда, на первое время оно привлекло общественное вниманіе не столько, быть можетъ, своими программными особенностями, сколько своей активной тактикой. Надъ программою же продолжалъ еще висѣть упрекъ въ утопизмѣ. Историческая неудача бросила длинную и густую тѣнь на все направленіе, и даже долгіе годы не могли изгладить произведеннаго ею впечатлѣнія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилось и затѣмъ было воспринято широкими кругами общества программное построеніе, вовсе выкинувшее крестьянство, какъ негодный обломокъ прошлаго, изъ своихъ расчетовъ, и признавшее „землю“ не только ненужнымъ, но, пожалуй, и вреднымъ для массъ въ ихъ развитіи балластомъ. Хотя жизнь, какъ я уже сказалъ, не замедлила подчеркнуть необходимость именно „земли“, безъ коей не только развитіе, но и жизнь сдѣлались невозможными, однако, за опороченіемъ крестьянства, въ виду вовсе не оказывалось соціальной силы, которая могла бы реализовать включавшую ее въ себя программу. Теперь жизнь аннулировала это нареканіе въ утопизмѣ и вновь озарила такъ долго остававшееся въ тѣни направленіе. Послѣднее имѣетъ теперь себѣ оправданіе не только въ далекихъ идеалахъ коллективизма, къ которымъ страстно стремилась и стремится русская интеллигенція, и не только въ ближайшихъ задачахъ народно-хозяйственной жизни, которая властно требовала и требуетъ аграрнаго преобразованія, но и въ самосознаніи трудящихся массъ, которыя въ этомъ именно направленіи уже ищутъ улучшенія своей доли.

Крестьянское движеніе не только вновь подчеркнуло первенствующее значеніе аграрной проблемы, но и наглядно показало ея острый и неотложный характеръ. Оно прояснило вмѣстѣ съ тѣмъ для общественной мысли затуманенныя годами безвременья перспективы и обнаружило представлявшіяся до того загадочными соціальныя силы. Крестьянство,—этотъ, не имѣющій, какъ еще недавно представлялось многимъ, соціальнаго значенія, историческій обломокъ,—въ дѣйствительности оказалось далеко еще не вывѣтрившейся и не потерявшей своей связности громадной глыбой, способной въ своемъ движеніи произвести цѣлую соціальную катастрофу. „Камень преткновенія“, камень, „его же небрегоша зиждущіе“, оказался столь значительнымъ, что игнорировать его стало совершенно невозможнымъ.

Крестьянское движеніе не только засвидѣтельствовало жизненность программы, считающей необходимымъ и возможнымъ

шенію къ нимъ употребленный мною терминъ не можетъ вызвать возраженій,—тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ созвучную, если и не вполнѣ тождественную терминологію.

этотъ именно камень положить „во главу угла“ общественнаго устроительства, но и повліяло на всѣ остальныя. Вновь появившійся „пролетарій“, не въ примѣръ прежнему „соціалъ-демократу“ вынужденъ начать съ признанія наличности разрастающагося крестьянскаго движенія, — и это, конечно, уже не мало для тѣхъ, кто еще недавно отрицалъ самую возможность такихъ движеній въ дифференцированной деревнѣ. Правда, марксисты все еще не рѣшаются—хотя попытки въ этомъ направленіи уже и есть—включить „землю“, какъ органическую часть, въ свою програму, однако они оказались уже вынужденными къ пресловутымъ „отрѣзкамъ“ сдѣлать очень большую прирѣзку, заявивъ, что готовы идти „вплоть“ до всей земли. Отъ потухающей „искры“, можетъ быть, и возгорится пламя, хотя объ этомъ пока можно догадываться лишь по усилившемуся чаду. Съ другой стороны, програма исключительно политическихъ реформъ, на каковой почвѣ возникло освобожденское теченіе, уже осложнилась „дополнительнымъ надѣленіемъ“. Едва ли нужно даже говорить, какъ трудно многимъ участникамъ этого движенія согласиться хотя бы на принудительный выкупъ. Безъ „земли“, однако, и самая „воля“ стала представляться очень уже непрочной, ибо въ недовольствѣ крестьянской массы — какъ говоритъ цитированный мною выше г. Кокошкинъ — могутъ черпать матеріалъ „всѣ враги новыхъ свободныхъ учрежденій“. Крестьянское движеніе и въ этомъ направленіи довольно далеко уже продвинуло столь важную для типичныхъ представителей даннаго теченія границу „умѣренности“.

Програмы, конечно, важны не сами по себѣ. Суть въ томъ, что эти програмы уже циркулируютъ въ жизни и подготовляютъ необходимыя для аграрной реформы политическія силы. Наибольшее значеніе въ данномъ случаѣ будетъ имѣть, конечно, большій или меньшій успѣхъ этой организующей роли различныхъ програмъ въ средѣ самого крестьянства, ибо поскольку оно успѣетъ оформить, обобщить и поддержать въ рѣшительную минуту свои требованія, постольку лишь послѣднія и найдутъ себѣ выраженіе въ новомъ государственномъ порядкѣ. Крестьянское движеніе представляетъ въ этомъ отношеніи одну изъ самыхъ важныхъ, если можно такъ выразиться, „предварительныхъ гарантій“. Облегчая появленіе и циркуляцію обобщающихъ идей въ народной средѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени гарантируетъ успѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которыя наиболѣе полно и точно выражаютъ сущность крестьянскихъ пожеланій. И мы знаемъ, что такія идеи дѣйствительно проникаютъ въ массы и дѣйствительно воспринимаются ими. Это-то обстоятельство я и имѣлъ въ виду, когда писалъ въ прошлый разъ, что если сознательная мысль не опередила стихійнаго движенія, то она можетъ еще въ него влиться.

Еще болѣе значительными представляются результаты крестьян-

скаго движенія, какими оно скажется непосредственно въ жизни, помимо даже участія притекающей извнѣ мысли. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важными представляются тѣ слѣды, какіе оставятъ переживаемыя нынѣ крестьянствомъ событія въ его психологіи. Мнѣ уже пришлось отмѣтить солидарность, какую проявляютъ въ своемъ движеніи крестьяне: деревня чувствуетъ въ эти дни свое единство и сознаетъ общность своихъ нуждъ и интересовъ. Въ крестьянской средѣ происходитъ въ сущности тоже, что и въ рабочей при однородныхъ обстоятельствахъ.

Всмотритесь въ первоначальную психологію рабочаго, выкинутаго на рынокъ. Онъ долженъ думать только о себѣ и собственными усиліями долженъ разрѣшать задачу своего благополучія. Онъ ищетъ получше мѣстечка, радъ подвернувшейся сверхурочной работѣ, готовъ подслужиться мастеру и, въ случаѣ чего, даже подставить ножку такому же, какъ и онъ самъ, пролетарію. Онъ всецѣло втянутъ въ атмосферу индивидуальной борьбы, проникающей данный хозяйственный порядокъ, и даже не замѣчаетъ, какъ мало значатъ его личныя усилія и его личныя заслуги на службѣ у такого безсердечнаго и жестокаго хозяина, какимъ является рынокъ. Divide et impera. И рынокъ дѣйствительно раздѣляетъ, надъ рабочими дѣйствительно властвуютъ,—и эта власть тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше раздѣлены они.

Вдумайтесь въ психологію того же рабочаго, когда онъ захваченъ, допустимъ, стачкой. Сведенные на очную ставку, личные интересы оказываются противорѣчащими: выигрышъ одного не рѣдко является ущербомъ для всѣхъ, да и самый выигрышъ оказывается, въ концѣ концовъ, призрачнымъ. Рабочій сунулъ мастеру рублевку и тѣмъ, быть можетъ, обезпечилъ благосклонное отношеніе съ его стороны на случай браковки. Пожертвовавъ рублемъ, онъ, можетъ быть, увеличилъ свою ближайшую получку на три. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ поводъ тому же мастеру добиваться взятки отъ всѣхъ остальныхъ рабочихъ, и ему самому, въ концѣ концовъ, придется платить рубль уже не за особую благосклонность, а ради того только, чтобы избѣжать излишней придирчивости. Чтобы сохранить рублевый заработокъ, онъ согласился—далѣе—поступиться изъ него гривенникомъ. Но этимъ самымъ онъ заставилъ сдѣлать то же и всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Въ слѣдующій разъ, чтобы добиться того же результата, ему придется уступить, быть можетъ, и еще 10 коп. Въ предварительныхъ разговорахъ и спорахъ не только вскрываются отрицательныя стороны взаимной конкурренціи, но и выясняется для рабочаго единственный дѣйствительный путь для улучшенія его доли—путь коллективныхъ усилій. Начинается стачка. Работаетъ не только мысль; функціонируютъ и чувство, и воля. Рабочіе живутъ въ атмосферѣ общественности: вырабатываются новые взгляды, переживаются новыя эмоціи, создаются новыя правила

поведенія. Стачка кончится, но сознаніе общности интересовъ уже не исчезнетъ, пробившійся родникъ общественныхъ чувствъ уже не иссякнетъ, готовность дѣйствовать сообща теперь уже легче вспыхнетъ. Рабочій, переживішій стачку, уже не прежній рабочій. Пусть условія его жизни даже не измѣнились, но измѣнился онъ самъ и измѣнились его отношенія къ хозяину съ одной стороны, и къ товарищамъ—съ другой.

Жизнь, конечно, затуманитъ сильныя ощущенія, какія заставила пережить стачка, но новой психологіи она уже не вытравитъ. Классовое самосознаніе будетъ нарастать и развиваться,—и не только въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, но и въ работѣ надъ внутренними отношеніями. Солидарность будетъ крѣпнуть, а въ ней вѣдь и заключается не только главный залогъ успѣшной борьбы въ рамкахъ даннаго строя, но и непремѣнное условіе переустройства его на новыхъ, отвѣчающихъ интересамъ труда, началахъ.

Въ крестьянской средѣ, уже подпавшей подъ власть рынка и проникнутой тенденціями индивидуальнаго хозяйства, идея классовой солидарности въ обычное время представляется, пожалуй, еще сильнѣе затуманенной. Здѣсь больше, если можно такъ выразиться, соблазновъ, способныхъ увлечь личность на путь исключительно индивидуальной борьбы,—на путь не только взаимной конкурренціи, но и взаимной эксплоатаціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда хуже видѣнъ сложный общественный механизмъ, благодаря которому для массы крестьянства эта борьба не только неизбѣжно остается безплодной, но и оказывается въ конечномъ счетѣ безусловно пагубной. Для деревни обнажены лишь нѣкоторыя части этого механизма... Однако, и по нимъ можно составить понятіе о междуклассовой эксплоатаціи, для которой она является объектомъ.

Несомнѣнно, что это идея, хотя и въ смутномъ видѣ, была все время присуща деревнѣ. Крестьянская душа въ этомъ отношеніи была отнюдь не tabula rasa. Многовѣковый рядъ лишеній и униженій оставилъ глубокій слѣдъ въ крестьянской психикѣ и издавна пріучилъ уже деревню противополагать себя всему остальному соціальному міру. Но активность крестьянской массы представлялась какъ бы исчерпанной. Можно было ожидать, что новый, усложнившійся и реформированный на мѣновыхъ началахъ, общественный порядокъ разложитъ вѣковые устои деревенской солидарности и обратитъ крестьянство въ пыль прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣться и сознать общность своихъ интересовъ въ новомъ положеніи. Этого, однако, не случилось и именно потому, быть можетъ, что, не ослабивъ почти эксплоатаціи массы, новый механизмъ сразу придавилъ и личность.

Въ сферѣ земельныхъ отношеній пагубныя послѣдствія взаимной конкурренціи оказались особенно тяжкими, и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, невозможность разрѣшить задачу личными усиліями выяснилась уже съ особой очевидностью. Вполнѣ понятно, что въ этой именно средѣ и сказалось, прежде всего, крестьянское классовое самосознаніе. Предусмотрѣть послѣдствія вспышки общественныхъ чувствъ въ деревнѣ въ настоящее время, конечно, трудно. Несомнѣнно, однако, что все передуманное и перечувствованное ею въ эти дни оставитъ неизгладимый слѣдъ въ ея психологіи. Отправляясь къ помѣщику „насчетъ земли“ или „насчетъ работы“, крестьянинъ отнынѣ особенно живо будетъ чувствовать себя частицей великаго цѣлаго, и онъ будетъ уже думать не о своихъ только интересахъ. Надъ нимъ особенно властно будетъ тяготѣть контроль общественнаго мнѣнія,—и это мнѣніе будетъ уже не то, что было раньше. Измѣнятся отношенія не только къ помѣщику, но и ко всему внѣшнему міру. Получившая толчокъ въ опредѣленномъ направленіи, мысль не остановится, пока не пересмотритъ ихъ съ новой точки зрѣнія. Рано или поздно она вскроетъ общность многихъ другихъ интересовъ, и крестьянская масса не менѣе энергично проявитъ въ нихъ свою солидарность.

Этотъ процессъ въ сущности уже начался въ деревнѣ, и послѣдняя даже въ отношеніяхъ своихъ къ государству далеко не представляетъ сейчасъ такой пассивной и покорной стороны, какою она была раньше. Я сошлюсь въ этомъ случаѣ на тѣ затрудненія, какія испытываютъ власти при взысканіи податей и недоимокъ по новому закону. Въ прошломъ году на страницахъ „Русскаго Богатства“ Е. А. Звягинцевъ сообщилъ очень интересные въ этомъ отношеніи факты по Курской губерніи. Подъ вліяніемъ теперешняго общаго возбужденія крестьянское упорство, несомнѣнно, проявится съ еще большею опредѣленностью.

Попытка передавать надѣлы за недоимку,—пишетъ по этому поводу корреспондентъ „Сына Отечества“ изъ Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи—не привела ни къ какимъ результатамъ. Каждый годъ болѣе 1000 разъ назначается продажа крестьянскаго имущества за недоимки, но и это мало помогаетъ дѣлу: на торгахъ по большей части нѣтъ покупателей. Въ нынѣшнемъ году въ Крутовской волости также были назначены весной продажи, но въ однѣхъ деревняхъ крестьяне встрѣтили старшину съ кольями, а въ другихъ не явились покупатели.

Измѣнятся отношенія и внутри крестьянства. Рѣшая вопросъ о землѣ вообще, крестьяне тѣмъ самымъ предрѣшаютъ вопросъ и о той, которая находится въ ихъ распоряженіи. Осуждая эксплоатацію извнѣ, они тѣмъ самымъ осуждаютъ и ту, которая имѣетъ мѣсто въ ихъ собственной средѣ. Послѣ этого общественное мнѣніе не допуститъ уже многаго такого, съ чѣмъ оно сравнительно легко мирилось раньше,—не допуститъ тѣмъ болѣе, что кромѣ общихъ этическихъ постулатовъ оно будетъ опираться и на тѣ требованія, которыя вытекаютъ изъ классовой солидарности. Это, конечно, не предотвратитъ появленія кулаковъ и

міроѣдовъ, какъ классовое самосознаніе рабочихъ не можетъ предотвратить появленія выходящихъ изъ ихъ собственной среды мастеровъ и десятниковъ. Но... когда мы говоримъ о классѣ, нужно принимать въ разсчетъ массу, а не отдѣлившихся отъ нея персонажей. Впрочемъ, и эти послѣдніе, когда масса сознаетъ свою солидарность, теряютъ значительную долю своей силы. Послѣ забастовокъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ не съумѣвшіе примириться съ новымъ положеніемъ мастера должны были, какъ извѣстно, совершить путешествія на тачкахъ.

Учитывая эти послѣдствія крестьянскаго движенія, я исхожу изъ предположенія, какъ видитъ читатель, что основныя условія крестьянской жизни останутся прежними. Я имѣю въ виду высказанныя мною въ прошлый разъ соображенія, что, если крестьянское движеніе сохранитъ свой нынѣшній аполитическій характеръ, то основныя задачи его останутся неосуществленными. Захватами разгромами, какъ говорилъ я, нельзя разрѣшить великой проблемы. Но... не слѣдуетъ забывать, что и рабочее движеніе на первыхъ порахъ не рѣдко отливалось въ ту же форму разгромовъ. Это не помѣшало, однако, рабочему классу очень скоро найти болѣе дѣйствительный путь для борьбы за свои интересы. И если аграрная проблема, какъ думаю я, можетъ быть разрѣшена только въ государственныхъ формахъ, то крестьянство, при данномъ уровнѣ его развитія и при той помощи, какую мысль его получитъ извнѣ, конечно, найдетъ эту дорогу.

Я не знаю, придется ли ему принять болѣе активное, чѣмъ сейчасъ, участіе въ борьбѣ за политическую реформу. Можетъ быть, послѣдняя будетъ осуществлена раньше, чѣмъ крестьянская масса убѣдится въ ея необходимости. Во всякомъ случаѣ, когда народному правосознанію откроется, наконецъ, путь къ участію въ государственномъ творчествѣ, крестьянская масса—по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе важномъ для нея аграрномъ вопросѣ—окажется уже достаточно объединенной силой.

XIX.

Оцѣнивая роль, какую крестьянское движеніе можетъ съиграть въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, мы не должны упускать изъ виду, что подъ его вліяніемъ измѣняется психологія не только крестьянства.

Помѣщиками Верхней Карталиніи,—читаемъ мы въ телеграммѣ С.-Петербургскаго агентства отъ 7 іюля,—организуется артель. По уставу она составляется изъ дворянъ Горійскаго уѣзда; членами принимаются всѣ желающіе безъ различія сословія. Цѣль товарищества—пріучить членовъ къ самостоятельному труду и физической работѣ, пріобрѣтенію необходимыхъ познаній настолько, что каждый могъ бы обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи.

Эта артель—конечно своего рода раритетъ; раритетомъ она и останется, если,—что еще вѣроятнѣе,—не распадется раньше, чѣмъ хотя бы одного изъ своихъ членовъ пріучитъ „обходиться безъ прислуги и обрабатывать свое имѣніе съ помощью членовъ семьи". Столь сильное впечатлѣніе крестьянское движеніе могло произвести, конечно, на тѣхъ лишь „помѣщиковъ", которые были настроены идеалистически или которые по складу своей жизни и раньше были близки къ трудовому крестьянству. Нужно, однако, замѣтить, что у гурійскихъ крестьянъ—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—имѣлась, повидимому, мысль немедленно водворить въ своей странѣ основанный на общемъ трудѣ порядокъ. Къ помѣщикамъ и священникамъ ими были предъявлены требованія, чтобы тѣ лично выходили на общественныя работы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корреспонденты, дѣйствительно, видѣли ихъ работающими на ряду съ крестьянами.

Въ с. Джурухветы Озургетскаго уѣзда,—писалъ, напримѣръ, корреспондентъ „Цнобисъ-Пурцели",—на первой недѣлѣ великаго поста общество приступило къ ремонту сельскихъ дорогъ. Въ работѣ приняли участіе всѣ сословія—крестьянство, дворянство, духовенство, купечество, учителя и пр., и такіе дворяне, которые никогда въ рукахъ не держали мотыги, нынѣ работаютъ вмѣстѣ съ крестьянами. Съ ними трудятся также священники, а тамъ копаются и учитель, и мѣстный торговецъ. Всюду общее веселье, всюду раздаются „надури" (пѣсни страднаго времени), „гуріантулаи", „кобулетури", „саджаухури", „баилетури", и погода благопріятствуетъ имъ. Въ продолженіе недѣли всѣ дороги были исправлены, отремонтированы... *)

Обратить цѣлый классъ къ физическому труду и сразу водворить новый соціальный порядокъ—это, конечно, мечта, которою могли увлечься гурійцы, но которую мы не въ правѣ вводить въ свои разсчеты. Я привелъ эти два факта лишь въ качествѣ примѣра наиболѣе сильныхъ впечатлѣній, какія могло произвести на помѣщиковъ крестьянское движеніе. Къ такой же категоріи исключительныхъ, но тѣмъ не менѣе характерныхъ фактовъ мы должны отнести и тѣ случаи, когда „кающіеся" или перепуганные помѣщики безвозмездно уступали часть своей земли крестьянамъ. Изъ газетныхъ сообщеній мы знаемъ уже нѣсколько такихъ фактовъ.

Не безъинтересно сообщить,—писалъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края" изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи,—о слѣдующемъ: землевладѣлецъ С. В. Бунинъ, въ виду недостаточности надѣла, даннаго его предками крестьянамъ, подарилъ имъ прекраснѣйшей земли по одной десятинѣ на каждый дворъ, изъ коихъ половина усадебной и половина пахатной близъ ихъ надѣла и подалъ уже въ уѣздную земскую управу заявленіе о немедленномъ перечисленіи земли на имя крестьянъ, мотивируя свою просьбу желаніемъ добровольно пойти навстрѣчу приподнятому и возбужденному ихъ настроенію, обостренному сильнымъ малоземельемъ. **)

---

*) Цитирую по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени" отъ 26 марта.

**) Цитирую по перепечаткѣ въ „Нашей Жизни" отъ 21 мая.

Однородный случай, хотя, повидимому, и на другой нѣсколько подкладкѣ, имѣлъ мѣсто, по сообщенію „Сына Отечества", въ Подольской губерніи. Пришедшіе въ движеніе, крестьяне вызвали на сходъ мѣстнаго землевладѣльца (г. Щеніовскаго) и предъявили къ нему требованіе объ уступкѣ земли. Онъ обѣщалъ выполнить это требованіе, „пока же" согласился отвести крестьянамъ 70 морговъ.

Извѣстны, далѣе, факты, что раздавались деньги и при томъ не въ видѣ только „контрибуціи", которую, какъ извѣстно, нерѣдко требовали крестьянскія толпы, но и въ видѣ предупредительной мѣры. Такъ, по словамъ „Одесскихъ Новостей",

одинъ изъ управляющихъ крупнаго днѣпровскаго землевладѣльца нашелъ умѣстнымъ даже на свой страхъ и рискъ раздать окрестнымъ крестьянамъ, подъ видомъ безвозвратной субсидіи, кому въ формѣ ссуды, до 3.000 руб. Провѣдавшій объ этомъ, землевладѣлецъ поблагодарилъ управляющаго за предупредительную предпріимчивость и не только утвердилъ расходъ, но увеличилъ ассигновку на этотъ предметъ до 5.000 рублей.

Несравненно болѣе многочисленными и уже потому болѣе важными представляются случаи удовлетворенія другихъ крестьянскихъ требованій, въ родѣ пониженія арендной или повышенія заработной платы, а также улучшенія другихъ условій труда. Въ этомъ отношеніи крестьянамъ удалось добиться довольно существенныхъ уступокъ и при томъ въ довольно многихъ мѣстностяхъ, охватывающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые уѣзды.

Въ имѣніи гр. Толстыхъ (Острогожскаго уѣзда),—сообщаетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" изъ Воронежа,—крестьяне упорно отказывались арендовать землю на томъ основаніи, что земля все равно скоро будетъ ихъ собственной. Экономія должна была очень понизить арендныя цѣны, и только тогда крестьяне сняли землю. Въ экономіи г. Звягинцева, Бобровскаго уѣзда, послѣ отказа крестьянъ снять землю по прежней высокой арендной цѣнѣ, арендная плата была понижена и кромѣ того каждому арендатору выдано безплатно по одной десятинѣ земли на одинъ посѣвъ. Крестьяне Новой-Чиглы, Бобровскаго уѣзда, также добились пониженія арендной платы *) у владѣлицы г-жи Шевлягиной: вмѣсто прежней высокой арендной платы земля отдана въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ тысячи десятинъ по 8 р. 50 к. за десятину. **)

Въ довольно многихъ случаяхъ помѣщики поспѣшили сами улучшить положеніе крестьянъ и рабочихъ, даже не ожидая съ ихъ стороны какихъ либо-оказательствъ. Такъ, „въ цѣляхъ предупрежденія аграрныхъ недоразумѣній, вслѣдъ за днѣпровскими помѣщиками и херсонскіе землевладѣльцы пошли на нѣкоторыя уступки въ смыслѣ нормировки рабочаго времени для сельскохозяйственныхъ рабочихъ и улучшенія ихъ продовольствія и жилищныхъ нуждъ" *).

*) Въ Бобровскомъ уѣздѣ арендная плата,—пишетъ корреспондентъ,—въ послѣдніе годы поднялась до 20—30 руб. за десятину.

**) „Русскія Вѣдомости", 6 іюня.

***) Цитирую по „Новому Времени", отъ 9 іюля.

Событія послѣднихъ мѣсяцевъ,—пишетъ корреспондентъ „Сѣвернаго Края", изъ Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи,—отразились и на сельскихъ хозяевахъ нашего уѣзда, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали уже для своихъ рабочихъ, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы, слѣдующія улучшенія: прибавили жалованье, улучшили харчи и уменьшили время работы въ предпраздничные дни. Однимъ словомъ,—прибавляетъ корреспондентъ,— среди нашихъ аграріевъ видно стремленіе предупредить возможные при настоящемъ настроеніи крестьянства конфликты и сдѣлать что-либо для избѣжанія ихъ.

Мотивы, заставляющіе землевладѣльцевъ удовлетворять крестьянскія требованія и даже съ „предупредительною предпріимчивостью" идти имъ навстрѣчу, конечно, понятны. На первомъ планѣ, несомнѣнно, стоитъ страхъ передъ разгромами, какими грозитъ, какъ мы видѣли, крестьянское движеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно начинается въ мирныхъ формахъ. Это чувство, можно думать, преобладаетъ сейчасъ надъ всѣми другими въ средѣ помѣстнаго сословія. Опасенія за свое имущество и даже за собственную жизнь имѣютъ для землевладѣльцевъ тѣмъ большее значеніе, что власти, какъ выяснилось уже, нерѣдко безсильны предупредить безпорядки. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда своевременной присылкой войскъ или усиленіемъ полицейскихъ мѣръ удается предупредить вспышку, опасность нельзя считать устраненною. Подавленное движеніе не рѣдко принимаетъ скрытую и при томъ не менѣе опасную форму: учащаются случаи поджоговъ, кражъ и преднамѣренной порчи помѣщичьяго имущества. Надъ многими мѣстностями въ сущности уже нависла самая тяжелая, быть можетъ, угроза, какую только можетъ таить въ себѣ доведенная до отчаянія деревня, а именно аграрный терроръ. Помѣщики, конечно, чувствуютъ это и волей-неволей становятся уступчивыми.

Можно, однако, думать, что многимъ землевладѣльцамъ не чужды и другія чувства. Крестьянское движеніе заставило ихъ вдумчивѣе отнестись къ положенію крестьянской массы, понять всю его невозможность и сознать въ своей душѣ справедливость, если не всѣхъ, то очень многихъ изъ крестьянскихъ требованій

— Какъ можно удивляться, что крестьяне волнуются?—говорилъ помѣщикъ изъ с. Сальнаго *).—Если бы мы очутились въ тѣхъ же условіяхъ, что крестьяне, мы волновались бы еще больше. Вы представьте себѣ только положеніе нашего мужика. Нашъ уѣздъ крупновладѣльческій, есть имѣнія въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ. И вотъ среди этихъ владѣній затерялись сѣрыя, нищія, темныя деревни. Положеніе ихъ невозможное. Выгонитъ мужикъ лошадь—неизбѣжная потрава... и штрафъ. Выгонитъ корову, овецъ— то же. Курицу, кажется, и ту некуда выгнать. Въ морозы, напримѣръ, хату продуваетъ насквозь, а лѣсу у крестьянъ нѣтъ и топить, значитъ, нечѣмъ. А пойдетъ въ лѣсъ собирать хворостъ,—опять штрафъ. И все штрафы, да

*) Дмитріевскаго у. Курской губ.; съ этого села и начались въ данномъ уѣздѣ безпорядки.

штрафы. Теперь попробуйте поставить себя на мѣсто мужика и вообразить себѣ его настроеніе... *)

Подобные голоса изъ помѣщичьей среды слышатся все чаще и чаще. Они раздаются въ печати, въ общественныхъ и земскихъ собраніяхъ. Въ начавшихся судебныхъ процессахъ по поводу крестьянскихъ безпорядковъ помѣщики—иногда даже изъ пострадавшихъ—нерѣдко даютъ показанія въ пользу подсудимыхъ и въ яркихъ краскахъ рисуютъ всю безвыходность крестьянскаго положенія. Не только страхъ, но и совѣсть, повидимому, заставляетъ помѣщиковъ идти на уступки.

Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ крестьянскаго движенія въ психологіи помѣстнаго сословія, несомнѣнно, долженъ произойти крупный переломъ. Я позволю себѣ и въ данномъ случаѣ сослаться на аналогію ихъ промышленной жизни. Было время, когда наши фабриканты и заводчики каждую стачку разсматривали какъ бунтъ и знали противъ нея лишь одно средство—вооруженную силу. Они не хотѣли допустить и мысли, что рабочіе могутъ предъявлять къ нимъ какія-то требованія. Еще труднѣе было имъ примириться съ мыслью о государственномъ вмѣшательствѣ въ защиту интересовъ рабочихъ. Однако, теперь сами фабриканты ходатайствуютъ о ненаказуемости стачекъ, да и правомѣрность государственнаго вмѣшательства отрицать они уже не рѣшаются.

Въ средѣ помѣстнаго сословія крестьянское право также до сихъ поръ не только не пользовалось признаніемъ, но и отрицалось, если это только возможно, еще рѣшительнѣе. Достаточно напомнить, что не только стачки, но и уходъ съ работы даже единичнаго рабочаго по отношенію къ сельскому хозяйству въ нашемъ законодательствѣ до сихъ поръ квалифицируется, какъ уголовное преступленіе. Даже мысль о томъ, что помѣщики, какъ классъ, могутъ имѣть какія-то обязанности предъ крестьянствомъ, и что послѣднее можетъ предъявлять къ нимъ какія-то требованія, для большинства, несомнѣнно, показалась бы дикой. Да и какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть обязанности? Крѣпостныя отношенія, когда помѣщикъ дѣйствительно какъ будто имѣлъ ихъ, уже ликвидированы, выкупныя свидѣтельства получены и проѣдены... Практика же жизни убѣждала все время нашихъ землевладѣльцевъ какъ разъ въ обратномъ, а именно, что не они, а крестьяне предъ ними обязаны и не въ правѣ уклониться отъ работы въ ихъ хозяйствахъ. Достаточно напомнить, что переселенія тормозились и воспрещались изъ-за того только, чтобы помѣщикъ не лишился рабочихъ или арендаторовъ. Впрочемъ для характеристики помѣщичьей психологіи можно напомнить, пожалуй, еще болѣе характерный фактъ: московскіе землевладѣльцы

*) „Русскія Вѣдомости", 25 апрѣля.

усмотрѣли нарушеніе своего права въ томъ, что крестьяне ввели травосѣяніе, благодаря чему цѣны на помѣщичьи луга понизились. . Даже либеральные землевладѣльцы въ своихъ воззрѣніяхъ не шли дальше экономической свободы: гражданская равноправность—это, по ихъ мнѣнію, былъ максимумъ того, на что могли претендовать крестьяне. Мысль о государственномъ вмѣшательствѣ въ отношенія между крестьянами и землевладѣльцами до послѣдняго времени была совершенно чужда обывательской средѣ. Даже наиболѣе благорасположенные къ крестьянству, земскіе дѣятели не шли дальше пресловутаго „содѣйствія" ему, въ родѣ кредитныхъ льготъ и удешевленія сельскохозяйственныхъ орудій.

Теперь крестьянское правосознаніе поставлено на очную ставку съ помѣщичьимъ. Крестьянское право, бытіе котораго можно было только предполагать, воочію заявило о своемъ существованіи. Классъ землевладѣльцевъ, какъ оказалось, дѣйствительно имѣетъ обязанности. Это не остатки неправильно или не вполнѣ ликвидированныхъ крѣпостныхъ отношеній, какъ хотѣли бы себѣ представить нѣкоторые. Рѣчь идетъ не объ „отрѣзкахъ" и не объ исправленіи „исторической ошибки". Нѣтъ! въ русскомъ соціальномъ мірѣ народилось новое право—и землевладѣльцы уже вынуждены признать его.

Теперь они поняли, что должны считаться не съ крестьяниномъ только, какъ съ индивидуумомъ, который рынкомъ всецѣло подчиненъ ихъ власти, но и со всѣмъ крестьянствомъ, какъ классомъ. И они уже изъявили готовность начать съ нимъ переговоры. Я позволю себѣ привести не безъинтересные въ этомъ отношеніи выдержки изъ газетнаго отчета о преніяхъ въ собраніи кутаисскихъ помѣщиковъ:

Г. Кикодзе. Мы обязаны примириться съ крестьянами и найти къ нимъ соотвѣтствующіе пути. Для этого необходимо избрать коммиссію изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ народа, и чрезъ нее войти въ откровенные переговоры съ крестьянами какъ о причинѣ неудовольствія, такъ и относительно улаженія аграрныхъ недоразумѣній...

Г. Лордкипанидзе. Безземелье составляетъ основную причину крестьянскаго движенія, а затѣмъ арендная плата за землю. Нужно выработать такія условія, которыя были бы выгодны въ равной степени какъ для насъ, помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. А то намъ предлагаютъ плату по 2—3 р. за кцеву, когда самъ помѣщикъ платитъ за нее банку 5—6 руб. въ годъ...

Голоса: Какое дѣло крестьянину до платежей помѣщика, который могъ заложить эту землю даже за 10 руб. Цѣнится ея производительность.

Кн. Д. Цулукидзе. Крестьяне, дѣйствительно, живутъ въ крайней нуждѣ, имъ нужна помощь, и помощь существенная, а не теоретическая...

Кн. Д. О. Нижерадзе, уѣздный предводитель дворянства. Лично я стою очень близко къ крестьянамъ, и потому могу сказать, что лично противъ меня они никакого зла не питаютъ. Но по даннымъ обстоятельствамъ необходимо послать нашихъ представителей къ крестьянамъ, чтобы выяснить причины ихъ неудовольствія вообще на помѣщиковъ *).

---

*) „Тифлисскій Листокъ". Цитирую по перепечаткѣ въ „Руси" отъ 30 марта.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ иниціативу переговоровъ между крестьянами и помѣщиками взяли на себя сельскохозяйственныя общества. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ роли посредника должна была выступить уѣздная земская управа. Нѣкоторыми губернскими земствами уже учреждены коммиссіи, которымъ поручено обсудить аграрный вопросъ при участіи крестьянскихъ выборныхъ. Въ систему государственныхъ преобразованій, проекты которыхъ въ настоящее время намѣчаются въ земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ, чаще и чаще вводятся различныя мѣры, имѣющія цѣлью существенныя преобразованія въ аграрномъ строѣ. Мысль о необходимости властнаго государственнаго вмѣшательства въ сферу земельныхъ отношеній пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ, и можно думать, что путь къ аграрной реформѣ до нѣкоторой степени уже расчищенъ и что сопротивленіе, какое она могла бы встрѣтить въ помѣщичьей психологіи, уже поколеблено.

Конечно, значительная и, быть можетъ, даже большая часть помѣстнаго класса далека еще отъ признанія крестьянскаго права въ какой бы то ни было его части. Въ качествѣ наиболѣе рѣзкаго примѣра можно указать остзейскихъ бароновъ, которые обнаружили готовность даже съ оружіемъ въ рукахъ защищать всѣ свои соціальныя преимущества. Среди землевладѣльцевъ другихъ мѣстностей, несомнѣнно, также еще сильна вѣра въ полицейскую силу и далеко еще не умерла надежда, что жизнь войдетъ въ прежнюю колею и покатится въ прежнемъ направленіи. Не довольствуясь энергичной защитой, какую оказываетъ имъ государственная власть, нѣкоторые помѣщики и сами стремятся использовать свойственные послѣдней методы въ цѣляхъ охраны своихъ интересовъ. „Въ министерство внутреннихъ дѣлъ—какъ сообщилъ „Сынъ Отечества"—поступаетъ много ходатайствъ помѣщиковъ о разрѣшеніи организовать при ихъ имѣніяхъ вольную стражу-милицію Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ слышала газета, увѣдомило губернаторовъ харьковской, полтавской и кіевской губерній, что имъ предоставляется право собственною властью разрѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ организацію помѣщичьей милиціи. Разрѣшеніе на право пріобрѣтенія патроновъ и вооруженія должно быть выдаваемо военнымъ вѣдомствомъ" *). А. Н. Терещенко—по сообщенію той же газеты—еще въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ отъ военнаго вѣдомства разрѣшеніе организовать на собственныя средства для охраны своего имущества милицію изъ 150 казаковъ Донской области. Такая же милиція, по газетнымъ сообщеніямъ, учреждена и нѣкоторыми другими владѣльцами.

Наибольшую энергію въ отстаиваніи своихъ интересовъ, какъ

---

*) „Сынъ Отечества", 27 апрѣля.

можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, помѣстное сословіе проявляетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ частновладѣльческое хозяйство стоитъ наиболѣе прочно. Это, конечно, и понятно: энергія въ отстаиваніи соціальныхъ преимуществъ прямо пропорціональна, такъ сказать, извлекаемымъ изъ нихъ доходамъ.

Едва ли однако эта часть землевладѣльческаго класса не разочаруется въ своихъ упованіяхъ, хотя бы и поддержанныхъ такимъ сильнымъ средствомъ, какъ собственная милиція. „Черкесы" появились въ экономіяхъ центральныхъ губерній уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ и ничего, кромѣ новаго озлобленія не внесли въ отношенія между крестьянами и помѣщиками. Частная милиція появилась также еще при покойномъ В. К. Плеве,—и все таки, какъ и учрежденные имъ же стражники, не предупредила безпорядковъ. Самая мысль о томъ, что хозяйство можно вести, оставаясь на военномъ положеніи съ сосѣдними крестьянами, если трезво взглянуть на дѣло, представляется несомнѣнною утопіею. Въ качествѣ иллюстраціи тѣхъ отношеній, въ какихъ приходится существовать частновладѣльческому хозяйству, когда сосѣдніе крестьяне озлоблены, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ сообщенія „Русскаго Слова" о пожарѣ, имѣвшемъ весною мѣсто въ имѣніи гр. В. А. Бобринскаго въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

— Въ 11 часовъ ночи,—разсказываетъ графъ Владиміръ Алексѣевичъ,— управляющій сообщилъ мнѣ по телефону, что въ Жданкѣ горитъ стогъ сѣна и ометъ ржаной соломы, и что пьяные крестьяне, собравшись всей деревней, ведутъ себя нехорошо,--препятствуютъ тушить огонь. Я понялъ, что пожаръ не простой. Вмѣстѣ съ исправникомъ Бахтинымъ мы поѣхали на хуторъ. Настроеніе у крестьянъ было въ высшей степени повышенное вслѣдствіе опьяненія. Они вырывали у рабочихъ цѣвки пожарныхъ трубъ, пытались повредить пожарные рукава, препятствовали „качать" воду. Я старался показать, что не придаю особаго значенія пожару, какъ будто онъ простой, обычный. Многіе изъ крестьянъ, не менѣе 20-ти человѣкъ, принимали живое участіе въ тушеніи огня, не смотря на то, что въ нихъ летѣли полѣнья, камни. Обращаясь, повидимому, къ главарямъ, толпа крестьянъ орала:

— Вотъ онъ, графъ-то! Теперь говорите. Что же вы молчите?

— Послѣ этого,—разсказываетъ графъ,—мы съ исправникомъ рѣшили уѣхать. Пожаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Въ 12 часовъ ночи, т. е. спустя часъ послѣ начала пожара въ Жданкѣ, на сахарномъ заводѣ, верстахъ въ 5-ти отъ этого хутора, была подожжена солома неизвѣстнымъ велосипедистомъ.

Приставъ 3-го стана Богдановъ, бывшій на пожарѣ до самаго утра, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. Крестьяне обращались къ нему и къ исправнику съ вопросами: Отчего русскій сахаръ дешевле за границей и тамъ имъ кормятъ свиней? Въ 2 съ половиной часа крестьяне стали расходиться. Нѣкоторые легли тутъ же у огня грѣться. По прибытіи солдатъ богородицкой команды разошлись и остальные. Во время самаго разгара пожара задержанъ 16-лѣтній Василій Казаковъ, пытавшійся, по словамъ рабочихъ, поджечь деревянную ригу.

— Прямыхъ уликъ нѣтъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога жданскими крестьянами,—говорилъ мнѣ одинъ изъ полицейскихъ чиновъ.—Но

поведенie крестьянъ даетъ полное основанie думать, что именно поджогъ произведенъ ими.

Такъ говоритъ и самъ графъ, такъ говорятъ и служащie на хуторѣ.

Собственная милицiя, конечно, съумѣетъ разогнать толпу, которая мѣшаетъ борьбѣ съ пожаромъ. Но съумѣетъ ли она предупредить поджоги, „прямыхъ уликъ" въ которыхъ не имѣется? Изобрѣтательности, вѣдь, нѣтъ предѣла и деревня можетъ придумать что-либо позамысловатѣе даже „неизвѣстнаго велосипедиста". И не уйдутъ ли тогда вмѣстѣ съ остальной толпой и тѣ, которые теперь еще „принимаютъ живое участie въ тушенiи"? Да и что же это за жизнь, если сосѣди приходятъ около графскаго несчастья „грѣться?!

Главное же, милицiя стоитъ денегъ и уже въ силу этого такая роскошь доступна лишь немногимъ землевладѣльцамъ. Но и у нихъ она несомнѣнно отразится на доходахъ *). Еще сильнѣе на результатахъ частно-владѣльческаго хозяйства скажутся, конечно, ненормальныя отношенiя съ сосѣдями. Съ паденiемъ же доходовъ, естественно, уменьшится и энергiя помѣстнаго сословiя въ отстаиванiи своего „права".

Съ этой точки зрѣнiя крайне важными представляются тѣ уступки, какихъ уже добились крестьяне. „Установить фактъ— писалъ я прошлый разъ—еще не значитъ обезпечить свое право". Но для того, чтобы установить право, крайне важно, чтобы оно опиралось на факты. Факты же, какie обезпечило крестьянское движенie, въ дѣйствительности гораздо значительнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ нѣкоторыя изъ наиболѣе вѣроятныхъ ихъ послѣдствiй.

Повышенie заработной платы и улучшенie другихъ условiй жизни рабочихъ—даже въ тѣхъ предѣлахъ, какie оказались уже

---

*) Аткарскiй землевладѣлецъ Солнцевъ „для охраны себя и своей семьи отъ особенно разнузданныхъ элементовъ населенiя" придумалъ болѣе дешевое, хотя и менѣе надежное средство. По словамъ „Саратовскаго Дневника", онъ завелъ свору злыхъ договъ. Днемъ доги содержатся въ темномъ и тѣсномъ помѣщенiи, а ночью съ 10-ти часовъ вечера вступаютъ въ отправленie своихъ обязанностей. Собаки страшно злы, и населенie положительно терроризировано ими. Крестьяне по ночамъ боятся выйти на собственный дворъ (усадьба г. Солнцева находится близь деревни и отдѣляется отъ послѣдней только небольшой канавкой). Даже экономическie служащie не осмѣливаются ночью выходить или входить въ экономiю. Собаки, какъ сообщаетъ газета, однажды чуть не загрызли рабочаго, за что владѣлецъ былъ приговоренъ уѣзднымъ съѣздомъ къ штрафу. Это не образумило г. Солнцева. Черезъ мѣсяцъ собаки загрызли человѣка уже на смерть, и при томъ не около экономiи, а въ полѣ, въ подсолнухахъ... Ничто не ново подъ луною, и даже догамъ г. Солнцева можно найти въ исторiи предшественниковъ, хотя бы въ лицѣ тѣхъ псовъ, съ которыми американскie плантаторы охотились на бѣлыхъ невольниковъ. Это не предотвратило однако освобожденiя негровъ. И аткарскie доги, нужно думать, не задержатъ поступательнаго движенiя русской жизни.

неизбѣжными—означаетъ замѣтное увеличеніе эксплоатаціонныхъ расходовъ. Вынесутъ ли эту прибавку частновладѣльческія хозяйства? Повышеніемъ техники они могли бы, конечно, съ избыткомъ наверстать новые расходы. Но въ томъ то и дѣло, что наше частное хозяйство держится отнюдь не техникой и движется въ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ сельскохозяйственной наукой. „Въ такъ называемомъ *хорошемъ* хозяйствѣ, владѣлецъ котораго пользуется въ округѣ репутаціей *хорошаго* хозяина—говорилъ земскій агрономъ Н. М. Ткаченко въ нижегородскомъ сельскохозяйственномъ комитетѣ—ничего научнаго не оказывается, а хорошо это хозяйство или—вѣрнѣе—выгодно только потому, что окружающее населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ рукахъ крупнаго имѣнія". Жизнь только что дала до нельзя яркую иллюстрацію къ этому высказанному два года тому назадъ отзыву. Я имѣю въ виду Долбенкинское имѣніе Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи и принятую въ немъ систему хозяйства, какъ она обрисовалась въ только что закончившемся судебномъ процессѣ по обвиненію сосѣднихъ крестьянъ въ разгромѣ этого имѣнія *).

Имѣніе это безусловно „хорошее" и, можетъ быть, даже одно изъ „лучшихъ" въ Орловской губерніи. Достаточно сказать, что по показанію управляющаго А. Н. Филатьева оно даетъ чистаго дохода владѣльцу до 100—130 и болѣе тысячъ руб. въ годъ. Вознагражденіе управляющему, считая и участіе въ прибыли, достигаетъ 19,000 и болѣе рублей,—т. е. такой цифры, которою охотно удовлетворилась бы очень крупная научная сила. Какой образовательный цензъ имѣетъ г. Филатьевъ, изъ отчета не видно. Какъ бы то ни было, доходность имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое жалованье, онъ сумѣлъ поднять до очень высокой цифры. И этого ему удалось достигнуть, конечно, благодаря строго выдержанной системѣ.

„Стоящій во главѣ администраціи управляющій егермейстеръ двора Его Величества Филатьевъ—читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ—путемъ наложенія штрафовъ очень строго охранялъ интересы ввѣреннаго ему имѣнія отъ всякихъ, иногда даже незначительныхъ нарушеній крестьянъ". По показаніямъ свидѣтелей штрафовались и крестьяне, и рабочіе и служащіе. Поводы для штрафовъ были самые разнообразные: штрафовали за потравы, за „плохую работу", за сборъ грибовъ и ягодъ, за куренье... „Напримѣръ, пріѣдетъ крестьянинъ съ возомъ на экономическій дворъ, закуритъ тамъ; его оштрафуютъ". Или: „пріѣдетъ крестьянинъ на барскій дворъ купить хлѣба, закуритъ папиросу, и съ него возьмутъ, скажемъ къ примѣру, 80 коп. за отпущенный пудъ хлѣба и 25 коп. штрафа за куренье".

*) Пользуюсь отчетами, напечатанными въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" за 5, 7 и 10 іюля.

Штрафовали (по 1 р. и по 2 руб.) за купанье въ экономическомъ озерѣ. Раздѣнется человѣкъ, а досмотрщики и захватятъ одежду. Или плати сейчасъ же штрафъ или иди нагишомъ по улицѣ.

Штрафовали „за неотданіе чести". Одного крестьянина оштрафовали за то, что онъ перешелъ черезъ вспаханное поле... Впрочемъ всѣхъ поводовъ для штрафовъ не перечислить. Остановимся на тѣхъ, которые наиболѣе интересны для нашей цѣли.

Свидѣтель Рѣковъ (служащій въ экономіи и получающій жалованья 20 руб.)

въ 1904 г. уплатилъ до 75 руб., каковыя наказанія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 25 рублей за нетрезвое поведеніе, 25 руб. за то, что „солома была не въ порядкѣ", наконецъ, 25 руб. за то, что пала лошадь. Послѣднее обложеніе свидѣтель снабдилъ слѣдующимъ любопытнымъ объясненіемъ: онъ былъ переведенъ изъ одного хутора въ другой; означенное выше животное находилось на томъ хуторѣ, *откуда* онъ перевелся; означенная скотина подохла черезъ 17 дней послѣ его перевода, и однако онъ все-таки былъ оштрафованъ.

Тотъ же Рѣковъ въ другой разъ былъ оштрафованъ на 100 руб. за то, что „не успѣлъ снять жатву". Гудовъ былъ оштрафованъ на 200 руб. за коровъ, „за то, что издохли коровы". Одинъ свидѣтель, получающій 15 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 15 руб. „за плохой уходъ жеребенка"; другой свидѣтель, получающій 35 руб. жалованья, былъ оштрафованъ на 20 руб. за то, что околѣлъ теленокъ и за то, что „былъ малъ умолотъ".

Такова Долбенкинская наука: штрафами она повышаетъ умолоты и ими же предупреждаетъ падежи.

Какую долю штрафы составляли въ общей суммѣ чистаго дохода по имѣнію, на судѣ не было выяснено. Можно, однако, думать, что не маленькую. На это указываютъ уже тѣ крупныя цифры отдѣльныхъ штрафовъ, примѣры которыхъ мною приведены. Несомнѣнно, что и съ крестьянъ, хотя и по мелочамъ, въ общемъ собиралось не мало.

Въ показаніи помощника исправника г. Филипова — читаемъ мы въ отчетѣ—интересенъ его разсказъ о претензіяхъ, рѣзко и бурно выраженныхъ многими изъ крестьянъ, въ той толпѣ, уже грозно настроенной, къ которой онъ вышелъ для ея убѣжденія и увѣщанія. Слышались между прочимъ фразы о тяготахъ штрафной системы. Отдѣльные крестьяне кричали: „я плачу 13 рублей штрафу", „я—18 руб.", „я—12 руб.".

„Девять руб. въ годъ податей и двѣнадцать рублей штрафа, налагаемаго Долбенкинскимъ сенатомъ" — такъ защита въ лицѣ прис. пов. Муравьева резюмировала значеніе штрафовъ для каждаго крестьянскаго двора. Къ этому нужно только прибавить, что въ районѣ Долбенкинскаго имѣнія находится 40 деревень и всѣ онѣ пользуются отъ него „заработкомъ"...

Теперь читателю, конечно, вполнѣ понятно мое сомнѣніе от-

носительно того, выдержать ли частныя хозяйства созданныя крестьянскимъ движеніемъ измѣненія въ условіяхъ оплаты наемнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что Долбинкинская экономія должна будетъ отказаться отъ штрафовъ и полностью выплачивать хотя бы теперешнее жалованье своимъ служащимъ и рабочимъ. Чистый доходъ, конечно, значительно сократится, а можетъ быть и вовсе исчезнетъ. Въ такихъ же условіяхъ, несомнѣнно, находятся и многія другія хозяйства. Нѣкоторые помѣщики, можетъ быть, и найдутъ еще возможнымъ продолжать хозяйство при измѣнившихся условіяхъ, довольствуясь меньшею доходностью, но другіе, несомнѣнно, вынуждены будутъ ликвидировать веденіе хозяйства за свой счетъ и перейти къ сдачѣ земли въ аренду.

Но и арендныя цѣны, вѣдь, понизились или понизятся. Такъ или иначе, но доходность земли упадетъ, упадетъ и ея цѣнность. „Наша Жизнь", отмѣчая это обстоятельство, указываетъ и еще одну очень серьезную причину, которая въ ближайшемъ будущемъ должна повліять въ томъ же направленіи на земельныя цѣны. Благодаря войнѣ и общему разстройству экономической жизни, учетный и ссудный проценты значительно повысились. Это обстоятельство несомнѣнно отразится и на расцѣнкѣ земель. Если бы доходность ихъ и не понизилась, то цѣна ихъ всетаки упала бы, ибо если прежде земля капитализировалась изъ 4% приносимаго ею дохода (т. е. цѣнность превышала въ 25 разъ доходность), то теперь она должна капитализироваться изъ 5%, (отношеніе цѣнности къ доходности должно быть 20: 1). Пониженіе же доходности и цѣнности земель, при высокой ихъ задолженности, неизбѣжно скажется усиленной ихъ мобилизаціей.

Частному землевладѣнію предстоитъ такимъ образомъ пережить очень серьезный кризисъ. Измѣнятся способы извлеченія дохода, перемѣнятся владѣльцы... Не лишне будетъ прибавить, что кромѣ отмѣченныхъ уже причинъ, на усиленіе движенія земли окажетъ свое вліяніе и чисто психологическое обстоятельство. Благодаря крестьянскому движенію и порожденнымъ имъ страхамъ, усадьбы въ качествѣ „гнѣздъ" уже утратили значительную долю своей привлекательности. Почти повсемѣстно помѣщичьи семьи покидаютъ имѣнія и перебираются на жительство въ городъ. „Намъ лично извѣстно,—писалъ между прочимъ корреспондентъ „Новаго Времени" изъ Самары, — что совсѣмъ недавно проданы имѣнія въ 6.000 и 4.000 дес. Продажу имѣній и переселеніе помѣщиковъ связываютъ съ броженіемъ среди крестьянъ".

Такъ или иначе, но многіе „прозябающіе", какъ выразился одинъ крестьянинъ, помѣщики вынуждены будутъ въ этотъ критическій моментъ народной жизни передать свои земли другимъ лицамъ. Съ точки зрѣнія аграрной реформы обстоятельство это имѣетъ громадное значеніе. Конечно, если моментъ будетъ упу-

щенъ, то новые землевладѣльцы быстро укрѣпятся и успѣютъ вернуть все, что было уступлено ихъ предшественниками. Но мы можемъ надѣяться, что этого не произойдетъ и что аграрная реформа на этотъ разъ дѣйствительно осуществится.

Созданныя крестьянскимъ движеніемъ—субъективныя и объективныя, моральныя и матеріальныя—условія, несомнѣнно, уже въ достаточной степени подготовили для этого почву.

XX.

— „Подумаешь, подумаешь, — какой еще жизни надо намъ отъ Бога просить, окромѣ крестьянской, ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться?“ *).

„Ежели только бы мало-мальски благополучно утвердиться“... Какое скромное желаніе, но какія глубокія и всестороннія нужны преобразованія, чтобы эта крестьянская мечта могла осуществиться. Для этого необходимо, чтобы измѣнились и матеріальныя основы крестьянской жизни, и правовой ея укладъ, и культурный ея уровень.

Несомнѣнно однако, что въ этой сложной и огромной проблемѣ вопросъ о землѣ занимаетъ центральное мѣсто. Такъ смотрятъ на дѣло крестьяне, у которыхъ этотъ взглядъ сложился какъ результатъ непосредственннаго ощущенія: „земли мало“, „съ сохой повернуться негдѣ“, „курицу и ту выпустить некуда“. Къ тому же выводу, послѣ неоднократныхъ блужданій въ разныхъ направленіяхъ, неизмѣнно всякій разъ приходила и общественная мысль. На вопросъ, что же именно мѣшаетъ многомилліонному народу благополучно утвердиться, вновь и вновь приходилось отвѣчать: прежде всего и больше всего крестьянское малоземелье.

Крестьянское малоземелье—вотъ формула, въ которую отлилась аграрная проблема въ Россіи. Но эту формулу, это внѣшнее выраженіе основной народно-хозяйственной задачи многіе склонны принимать за самую ея сущность. И сейчасъ довольно многіе сторонники аграрной реформы озабочены больше всего тѣмъ, сколько нужно прибавить земли крестьянамъ и гдѣ можно взять ее. Съ другой стороны, изъ лагеря противниковъ реформы слышатся все тѣже, давно извѣстныя возраженія, что это палліативъ, что земли не хватитъ или что черезъ нѣсколько лѣтъ ея опять будетъ мало.

Съ этими изрядно уже надоѣвшими аргументами я, пожалуй, даже согласенъ. Дѣйствительно, если земельную реформу представлять себѣ исключительно въ видѣ прирѣзки къ крестьянскому надѣлу по $1/2$ десятинѣ на душу (а больше, пожалуй „не хватитъ“,

*) Сочиненія Г. И. Успенскаго. Т. I. Изд. 1897 г. „Избушка на курьихъ ножкахъ“.

если не земли, то рѣшимости у сторонниковъ „дополнительнаго надѣленія"), то можетъ быть и не изъ-за чего огородъ городить. Прежде, чѣмъ эта „передышка", какъ ее называютъ нѣкоторые, скажется какими-либо послѣдствіями въ народнохозяйственной жизни, мы опять будетъ стоять лицомъ къ лицу съ острымъ малоземельемъ. И не потому только, что вздохнувшее населеніе умножится, но и потому, что правящіе классы съумѣютъ очень быстро присвоить доходъ съ этой новой полъ-десятины такъ же, какъ они уже „капитализировали" его и со всѣхъ прежнихъ.

Мнѣ приходилось уже не разъ указывать *), что сущность нашихъ аграрныхъ затрудненій заключается вовсе не въ томъ, что у крестьянъ тамъ или здѣсь не хватаетъ того или иного количества земли. Слѣдствіе нельзя смѣшивать съ причиной, и экономическое явленіе не должно заслонять отъ насъ соціальнаго противорѣчія, которое нашло въ немъ свое выраженіе.

Соціальное же противорѣчіе заключается въ томъ, что нашъ крестьянинъ занимаетъ двусмысленное положеніе: въ сферѣ производства—онъ самостоятельный производитель, въ сферѣ же распредѣленія—батракъ, вынужденный довольствоваться заработною платою. На его плечахъ лежитъ громадная соціальная тяжесть—главная отрасль производства, застой въ которой неизбѣжно сказывается разстройствомъ во всемъ народнохозяйственномъ организмѣ. Но эту тяжесть ему приходится вывозить при помощи заморенной клячи и чуть не допотопной сохи, ибо весь прибавочный продуктъ, за счетъ котораго только и можетъ совершенствоваться хозяйство, отбирается у него другими классами. Въ этомъ именно и заключается основная причина, какъ угнетеннаго состоянія сельскохозяйственной промышленности, такъ и безъисходной нищеты и хроническаго голоданія русской деревни.

Не лишне будетъ напомнить какимъ путемъ образовалось это соціальное противорѣчіе. Крестьяне были освобождены съ землей. Этимъ былъ заложенъ фундаментъ свободнаго трудоваго хозяйства,—къ этому, по крайней мѣрѣ, стремились защитники крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Но реформа опредѣлилась, какъ компромиссъ и при томъ очень не-

---

*) См. напримѣръ, статью „Земельныя нужды деревни". Отсылая читателей къ этой статьѣ (она напечатана въ сборникѣ „Нужды деревни", а на дняхъ появится и въ отдѣльномъ изданіи), я ограничусь въ настоящемъ мѣстѣ изложеніемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ аграрной проблемы, какъ я ее понимаю. Считаю вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ оговориться, что аграрныя отношенія далеко не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, благодаря чему и аграрная проблема не вездѣ имѣетъ тождественный характеръ. Такъ земельныя отношенія во внутренней Россіи нельзя приравнивать, напримѣръ, къ тѣмъ, какія сложились въ прибалтійскомъ краѣ, съ одной стороны, и въ киргизскихъ степяхъ—съ другой. Чтобы не осложнять свою задачу, я территоріально ограничу ее коренною Россіею.

выгодный для крестьянства. Представители помѣщичьихъ интересовъ употребили всѣ усилія, чтобы обезпечить возможность веденія предпринимательскаго хозяйства, для чего, конечно, прежде всего нужно было создать источникъ необходимой для него рабочей силы. Въ этихъ видахъ не только были установлены „временно-обязанныя“ отношенія, но и самое надѣленіе землею произведено въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ крестьянство съ первыхъ же шаговъ новой жизни должно было почувствовать—и это не только сознательно, но и совершенно откровенно вводилось въ разсчетъ—„надобность въ помѣщикѣ“. Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ „высшаго надѣла“ послужили данныя о крестьянскомъ землепользованіи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина*. Уже этимъ для помѣщичьихъ хозяйствъ, былъ бы обезпеченъ запасъ „свободной“ рабочей силы, не меньшій того, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Но высшій или указной надѣлъ въ дѣйствительности получили далеко не всѣ крестьяне,—„Положеніе“ допускало еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ $^1/_3$ высшаго, и кромѣ того еще дарственный, въ просторѣчіи именуемый нищенскимъ. Въ итогѣ „свободной“ рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ оказалось несравненно больше, чѣмъ сколько имѣло ея въ своемъ распоряженіи помѣщичье хозяйство до реформы.

„Свободной“,—конечно, въ томъ смыслѣ, какъ свободенъ извозчикъ, тщетно высматривающій себѣ сѣдока на биржѣ. Крестьяне не могли ее использовать въ собственномъ хозяйствѣ, но использовать ее было необходимо, такъ какъ иначе не возможно было удовлетворить даже тотъ уровень потребностей, какой свойственъ былъ крѣпостному населенію, и даже при той численности послѣдняго, какую оно имѣло въ моментъ освобожденія. Между тѣмъ помимо удовлетворенія собственныхъ потребностей, нужно было еще выплачивать громадные выкупные платежи не только за землю, но и за души. Такъ или иначе, но освобожденные крестьяне должны были сами закабалить значительную часть своей рабочей силы.

Съ помѣщичьей точки зрѣнія было важно однако, чтобы эта рабочая сила была закрѣплена за ними. Опасеніе, что крестьяне станутъ, какъ тогда выражались, „толпами бродить по Россіи“ и что въ концѣ концовъ найдутъ себѣ землю и работу внѣ помѣщичьяго хозяйства, также наложило свою печать на реформу. Освобожденный народъ былъ прикрѣпленъ къ отведенной имъ землѣ,—прикрѣпленъ выкупными платежами, круговой порукой и цѣлымъ рядомъ другихъ крѣпостныхъ остатковъ, связавшихъ крестьянскую личность. Одною изъ главныхъ задачъ всей дальнѣйшей пореформенной политики, сдѣлалась и до сихъ поръ остается, забота, какъ бы помѣщичье хозяйство не осталось безъ рабочей силы. Какъ я уже упоминалъ, переселенія

тормозились; положеніе о наймѣ на сельскохозяйственные работы грозитъ уголовными карами тѣмъ, кто броситъ помѣщичью работу; нежеланіе наниматься къ помѣщику приравнивается къ бунту. Самый институтъ надѣльнаго землевладѣнія все время поддерживался и совершенствовался въ такомъ направленіи, при которомъ крестьяне не могутъ бросить земли, но и не могутъ отлить свое хозяйство въ свободныя формы. Спустя почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, правительство задается, наконецъ, цѣлью „облегчить выходъ“ изъ этихъ сословныхъ рамокъ, но и то лишь для „индивидуально сильныхъ, умственно переросшихъ крестьянскій міръ отдѣльныхъ крестьянъ“. Что касается крестьянской массы, то „воспитанная въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшая къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученая измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка“, она, по проекту В. К. Плеве, и впредь должна служить „оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ тенденцій“, а стало быть и оставаться „во всемъ своемъ своеобразіи“ въ тискахъ „особливаго сословнаго строя“ *).

Въ результатѣ освобожденные крестьяне съ самаго начала очутились и до сихъ поръ остаются въ положеніи „подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ“. Послѣдствія произведенной и поддержанной въ этомъ направленіи реформы оказались однако совсѣмъ не тѣми, какихъ, быть можетъ, ожидали въ свое время реформаторы, увлеченные цвѣтущимъ состояніемъ основаннаго на „свободномъ“ трудѣ, западноевропейскаго, и въ особенности англійскаго земледѣлія. Трудъ оказался кабальнымъ, а не свободнымъ,—не свободнымъ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ это необходимо для процвѣтанія капиталистическаго хозяйства.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ,—и въ Россіи все еще нѣтъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какъ особаго класса. Нѣтъ и не предвидится. Функціи рабочаго въ помѣщичьемъ хозяйствѣ выполняетъ по прежнему крестьянинъ, или сынъ его, или братъ, или сватъ—словомъ кто-нибудь изъ рода самостоятельныхъ производителей. Если не въ одномъ лицѣ, то въ одномъ дворѣ рабочій остается объединеннымъ съ крестьяниномъ. Это, несомнѣнно, одна изъ крупныхъ особенностей аграрнаго строя, какъ онъ сложился во внутреннихъ губерніяхъ. На то, чтобы онъ сложился именно въ такомъ видѣ, были конечно, свои очень вѣскія причины.

Прежде всего наслѣдственное право. Правящіе классы не оза-

*) Очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

ботились,—и, можетъ быть, потому именно, что они чрезмѣрно увлеклись другою заботою, а именно: какъ бы удержать крестьянское населеніе въ деревнѣ,—и своевременно не установили ни майората ни минората для крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Только теперь, негодуя на привычку населенія „дробить землю", нѣкоторые пришли къ идеѣ недробимыхъ участковъ. Порядокъ наслѣдованія не могъ и произвольно примѣниться въ данномъ направленіи Помимо установившихся уже взглядовъ народа, не допускали этого и экономическія условія. Попавши сразу на путь эксплоатаціи, помѣщичье хозяйство не предлагало и не могло предложить, хотя бы временно, своимъ батракамъ такихъ условій, при которыхъ выступившимъ въ этой роли дѣтямъ было бы выгодно отказаться отъ доли въ наслѣдствѣ отцовъ. Обрабатывающая промышленность со своими несравненно болѣе выгодными заработками, достигла въ этомъ отношеніи болѣе замѣтныхъ результатовъ и хотя часть „дѣтей" удержала въ городѣ въ качествѣ освобожденныхъ рабочихъ. Но она ихъ удержала для себя, а не для сельскаго хозяйства. Съ другой стороны, обремененное сразу непосильными платежами, крестьянское хозяйство не могло бы давать необходимыхъ при майоратѣ или миноратѣ выдѣловъ. Какъ бы то ни было, но этимъ путемъ—какимъ шли и у насъ нѣкоторыя окраины—сельскохозяйственный пролетаріатъ во внутреннихъ губерніяхъ не могъ образоваться.

Былъ, конечно, другой путь,—не юридическаго, а экономическаго обезземеленія, обезземеленія не лицъ, а дворовъ. Тяжелыя матеріальныя условія, въ какихъ все время находилось крестьянство, несомнѣнно, благопріятствовали образованію такимъ путемъ безземельнаго пролетаріата. Но и на этомъ пути оказалось препятствіе—община. Сторонники предпринимательскаго хозяйства и ее, какъ крестьянскій дворъ, не рѣшились своевременно разрушить, благодаря, конечно, тѣмъ, же крѣпостническимъ тенденденціямъ, какія были все время такъ сильны въ ихъ средѣ. Только въ самое послѣднее время враждебное общинѣ теченіе усилилось въ средѣ правящихъ классовъ, хотя и не получило еще рѣшительнаго преобладанія въ правительственныхъ сферахъ,—не получило, конечно, потому, что интересы политики не всегда совпадаютъ съ интересами даже дружественной экономики.

Община въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала и существуетъ, конечно, безсильна сама по себѣ удержать населеніе отъ обезземеленія. Но, несомненно, что при данныхъ экономическихъ условіяхъ она оказалась очень серьезной помѣхой на пути къ образованію сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Въ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ численность уже обезземелившагося, но оставшагося въ деревнѣ населенія ничтожна. Тамъ, можно сказать, совсѣмъ почти нѣтъ лицъ, которые жили бы исключительно работой по найму въ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

При наличности общины лишь городу удавалось „освобождать", да и то далеко не вполнѣ необходимыхъ ему рабочихъ. Что касается экономическихъ работъ, то онѣ всѣ почти выполняются крестьянскими хозяйствами въ цѣломъ ихъ видѣ сдѣльно или отдѣльными изъ ихъ состава лицами, нанимающимися на срокъ и поденно.

Впрочемъ, и въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, хотя численность безземельнаго населенія значительна, однако, оно до сихъ поръ не обособилось отъ крестьянства въ качествѣ особаго класса. Сливаясь съ крестьянской массой, оно имѣетъ и общую съ нимъ психологію. И вѣковыя традиціи, и экономическія условія заставляютъ эту, уже обезземелившуюся часть населенія, все время тяготѣть къ собственному хозяйству. Даже среди городскихъ рабочихъ, какъ извѣстно, можно подмѣтить ту „же тягу", и въ русской исторіи за послѣднія десятилѣтія уже бывали случаи, что, подъ вліяніемъ измѣненія въ общихъ экономическихъ условіяхъ, происходило „обращеніе къ землѣ" очень многихъ изъ тѣхъ, кто, казалось, окончательно переселился въ городъ. Тѣмъ сильнѣе эта тяга ощущается въ деревнѣ *) и особенно среди населенія, еще очень недавно разлученнаго со средствами производства. Тяга эта даже неизбѣжна въ виду того, что и въ данныхъ мѣстностяхъ та часть крестьянства, которая еще сохранила собственное хозяйство, принимаетъ видное участіе въ экономическихъ работахъ, благодаря чему и всѣ отношенія складываются подъ давленіемъ этого факта.

Давленіе же это громадное и всестороннее. Объединеніе въ одномъ дворѣ и нерѣдко даже въ одномъ лицѣ крестьянина и рабочаго роковымъ образомъ сказывается на положеніи того и другого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всемъ народномъ хозяйствѣ. Есть пословица: „коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть",—и она какъ нельзя болѣе примѣнима въ данномъ случаѣ къ положенію кре-

*) На сколько живуча въ сельскомъ безземельномъ населеніи эта мечта о собственномъ хозяйствѣ показываетъ исторія послѣдняго движенія въ Прибалтійскомъ Краѣ, гдѣ сельскій рабочій классъ въ теченіе уже столѣтія воспитывается въ неизбѣжности выпавшей ему батрацкой доли. „Кромѣ облегченій условій труда—пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" (въ № отъ 4 іюля)—во многихъ мѣстностяхъ батраки (по преимуществу помѣщичьи) подняли вопросъ о возвращеніи земли крестьянамъ. Движеніе это началось среди крестьянъ помимо всякой агитаціи (какую тамъ ведутъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, соціалъ-демократы. А. П.) и потому носитъ довольо своеобразный характеръ. Завѣтная мечта о возвращеніи къ землѣ давно живетъ въ массѣ безземельнаго крестьянства. Событія послѣдняго времени не могли не отразиться на деревнѣ, породивъ въ ней разные волненія и толки. И вполнѣ естественно, что масса деревенскаго пролетаріата подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій и толковъ совершенно инстинктивно, безсознательно пришла къ убѣжденію, что теперь пришло время осуществить завѣтный идеалъ крестьянства, что въ этомъ—единственный и вѣрный исходъ изъ его бѣдственнаго положенія".

стьянина. Необходимость продать хоть часть своей силы, необходимость отдать въ наемъ хотя бы нѣкоторыхъ членовъ семьи неизбѣжно обращаетъ бюджетъ самостоятельнаго производителя въ бюджетѣ пролетарія. Въ самомъ дѣлѣ, предъ крестьяниномъ стоитъ такая дилемма: снять у землевладѣльца въ аренду землю или идти въ батраки къ нему. Онъ предпочтетъ, конечно, аренду, уплативъ за землю столько, что ему останется лишь заработная плата. Такимъ путемъ онъ сохранитъ хоть тотъ плюсъ, что самъ себѣ останется хозяиномъ. На этомъ, однако, дѣло не остановится и не можетъ остановиться. Передъ этой перспективой бросить свое хозяйство и идти въ батраки онъ пойдетъ и на дальнѣйшія уступки. Онъ уступитъ еще часть прибавочнаго продукта, получаемаго съ земли, которая принадлежитъ ему на правѣ надѣла или собственности. Идите дальше. Крестьянину не хватаетъ нѣсколькихъ рублей, чтобы свести концы съ концами,—и вотъ онъ, не желая все еще бросить хозяйства (да и какъ его бросить? вѣдь ликвидація, не говоря о прочемъ, тоже грозитъ убытками),—берется обработать „кругъ“ за 10—12 рублей, тогда какъ освобожденному рабочему, чтобы онъ не умеръ съ голоду, помѣщикъ за ту же работу долженъ былъ бы уплатить, можетъ быть, 20 рублей. Недовыручку въ заработной платѣ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, крестьянинъ покрываетъ прибавочнымъ продуктомъ, создаваемымъ въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ же поступаетъ онъ, отдавая сына въ батраки или отправляя его въ промыслы. Подъ тѣмъ же давленіемъ складываются и всѣ другія экономическія отношенія крестьянина. Въ конечномъ счетѣ онъ отдаетъ весь прибавочный продуктъ своего хозяйства,—всю прибыль и всю ренту, довольствуясь самъ лишь заработной платой. Это не апріорныя только соображенія. На основаніи данныхъ о 1313 крестьянскихъ бюджетахъ, мнѣ пришлось въ свое время показать въ цифровыхъ знакахъ, что то, что крестьянинъ получаетъ въ собственномъ хозяйствѣ, и то, что онъ зарабатываетъ на сторонѣ, составляютъ по отношенію другъ къ другу лишь ариѳметическое дополненіе до уровня заработной платы *). Въ дѣйствительности этотъ уровень нерѣдко спускается и еще ниже, ибо крестьянинъ имѣетъ возможность дѣлать уступки не только за счетъ текущихъ поступленій въ его хозяйствѣ, но и за счетъ основного капитала. И въ этомъ экономическомъ положеніи—на границѣ между разоряющимся хозяиномъ и уже освобожденнымъ отъ необходимости разоряться пролетаріемъ—онъ будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнится его соціальная позиція.

Двусмысленное соціальное положеніе крестьянина тяжело

---

*) См. статью „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“. Р. Б. 1898 г. См. по этому вопросу также упомянутую выше статью „Земельныя нужды деревни“.

оказывается и на положеніе освобожденнаго рабочаго. У него нѣтъ „ариѳметическаго дополненія“, ему не изъ чего дѣлать уступки. Но бокъ-о бокъ съ нимъ работаетъ крестьянинъ, который можетъ ихъ дѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ. Благодаря этому уровень заработной платы рабочаго все время грозитъ упасть ниже уровня его жизненныхъ потребностей. На городскомъ рынкѣ, гдѣ освобожденные рабочіе составляютъ компактную массу, достаточно сильную, чтобы отстаивать свои интересы, и гдѣ вообще крестьянское вліяніе слабѣе *), это не такъ еще замѣтно. Въ общемъ городская заработная плата служитъ даже защитой для крестьянина, чѣмъ, конечно, и объясняется хоть нѣкоторый прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, наблюдаемый, какъ извѣстно, лишь въ мѣстностяхъ съ широко развитымъ промысловымъ отходомъ. Но и въ городѣ, въ случаяхъ усиленнаго наплыва крестьянъ, заработная плата нерѣдко падаетъ много ниже своего нормальнаго уровня. Что касается деревенскаго пролетарія, то его положеніе, подъ вліяніемъ крестьянской конкурренціи, совершенно безвыходно. Удержать свою заработную плату на уровнѣ своихъ жизненныхъ потребностей онъ не въ силахъ. Въ этомъ, можетъ быть и заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему сельско-хозяйственный пролетаріатъ въ качествѣ особаго класса у насъ не могъ образоваться. И это, конечно, особенно сильно заставляетъ деревенскаго пролетарія тянуться къ землѣ и собственному хозяйству. Помимо всего прочаго, онъ долженъ имѣть „ариѳметическое дополненіе“, что бы не умереть съ голоду.

Уступившій весь прибавочный продуктъ крестьянинъ, само собою понятно, не можетъ совершенствовать свое хозяйство. Этимъ прежде всего и объясняется, конечно, застой и даже регрессъ, наблюдаемый, за исключеніемъ самыхъ немногихъ мѣстностей, въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но и предпринимательское хозяйство въ сферѣ сельскохозяйственной индустріи развиваться не можетъ. За счетъ прибавочнаго продукта, вырабатываемаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за счетъ не только настоящихъ, но также прошлыхъ и будущихъ его доходовъ, цѣны на землю поднялись уже до неимовѣрной высоты. Рента поглощаетъ всю прибыль и даже часть заработной платы. Это значитъ, что землевладѣльцу выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянамъ, чѣмъ вести собственное хозяйство, а стороннему капиталисту не выгодно вкладывать капиталъ въ сельскохозяйственное предпріятіе, такъ какъ за землю нужно заплатить такую цѣну, которая вовсе не оправдывается ея доходностью. Впрочемъ, собственное хозяйство вести можно, но не иначе какъ путемъ

---

*) Приведенныя въ статьѣ „Крестьяне и рабочіе“ данныя показываютъ, что заработная плата тѣмъ выше, чѣмъ рынокъ дальше отъ деревни.

массовой эксплоатаціи рабочихъ и окрестнаго населенія. И капиталъ въ землю можно вкладывать, но опять таки не иначе, какъ въ расчетѣ присвоить доходы крестьянскаго хозяйства. Путь же техническаго прогресса для частнаго хозяйства закрытъ, ибо онъ оказывается невыгоднымъ, т. е. менѣе выгоднымъ, чѣмъ путь эксплоатаціи. И это, конечно, не случайность, что „хорошимъ" хозяйствомъ у насъ называется такое, въ которомъ ничего научнаго нѣтъ, а есть только штрафы. Такова властная экономическая конъюнктура. Вліяніе отмѣченнаго мною факта можно было бы прослѣдить и дальше. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы читатель уяснилъ себѣ сущность аграрной проблемы. Суть ея не въ томъ, чтобы прибавить крестьянину одну или двѣ десятины, а въ томъ, чтобы измѣнить его соціальное положеніе,—въ томъ, чтобы сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. хотя бы въ сферѣ сельскаго хозяйства сдѣлать его дѣйствительно самостоятельнымъ производителемъ.

Для этого же необходимо освободить его отъ работы въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. И нужно освободить совсѣмъ. Нужно помнить, что если хотя коготокъ увязнетъ, то и всей птичкѣ пропасть придется.

Съ этой точки зрѣнія мы и просмотримъ предлагаемые планы аграрнаго преобразованія... Но на этотъ разъ я долженъ прервать бесѣду.

XXI.

Мнѣ хотѣлось бы—да я и долженъ—сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Николая —она, которая въ настоящей книгѣ закончена печатаніемъ. Задача, которую поставилъ себѣ нашъ уважаемый сотрудникъ, представляется въ высшей степени существенной. Уяснить общій смыслъ захватившихъ насъ событій—ихъ причину и общее направленіе—чрезвычайно важно, какъ и указываетъ авторъ, не только съ научной, но и съ практической стороны. Съ наукой, какъ наукой, конечно, можно было бы и подождать. Придетъ время,—и она, въ интересахъ вѣковѣчной истины, несомнѣнно, вновь пересмотритъ происходящіе на нашихъ глазахъ факты, опредѣлитъ наше къ нимъ отношеніе и наше въ нихъ участіе и дастъ всему свое безпристрастное истолкованіе. Но объективная истина, которую несравненно полнѣе и точнѣе насъ могутъ уяснить будущіе ученые, составляетъ, вѣдь, только одну половину „великой двуединой правды". Другую половину—справедливость—въ возможныхъ предѣлахъ должны осуществить въ жизни мы, вольные и невольные участники великихъ и грозныхъ событій. И для того, чтобы сознательно выполнить роль, какую судила намъ исторія, мы должны уяснить себѣ истину

хотя бы въ той ея части, въ какой она можетъ быть сейчасъ доступна. Иначе вѣдь „благородная житейская практика, самые высокіе нравственные общественные идеалы“ могутъ оказаться „обидно-безрезультатными“...

Важная и безусловно своевременная задача представляется, однако, въ настоящую минуту въ высшей степени трудной. Мы слишкомъ близки къ событіямъ, намъ трудно окинуть ихъ однимъ взглядомъ и невозможно соизмѣрить ихъ даже перспективнымъ масштабомъ. Въ зависимости отъ разныхъ точекъ зрѣнія—болѣе или менѣе удачно выбранныхъ—можно, конечно, уяснить себѣ большую или меньшую долю истины, но все увидѣть, все высмотрѣть едва ли возможно. Помимо этого, задача истолкованія происходящихъ событій представляется тѣмъ болѣе трудной, что циклъ ихъ далеко еще не завершился. Вскрываются новыя обстоятельства, совершаются новые акты, появляются новыя силы. Статья г. Николай—она написана еще въ мартѣ. Уже это обстоятельство, независимо даже отъ нѣкотораго различія въ основныхъ положеніяхъ, заставляетъ насъ сопроводить ее небольшимъ дополненіемъ.

Переживаемый Россіею кризисъ авторъ подвергъ разсмотрѣнію „съ соціально-экономической точки зрѣнія“. Едва ли нужно даже говорить, какія громадныя преимущества она имѣетъ предъ всѣми остальными. Вставъ на эту точку зрѣнія наблюдатель получаетъ возможность охватить своимъ взглядомъ наибольшую часть происходящаго движенія и вширь и вглубь. Въ своихъ обозрѣніяхъ я лично чаще всего пользуюсь тою же исходною точкою. Едва ли, однако, было бы правильно причину переживаемаго страною кризиса сводить всецѣло къ факторамъ хозяйственнаго порядка. Оставаться все время исключительно на этой точкѣ зрѣнія, значило бы завѣдомо ограничивать свой кругозоръ, рискуя не только не понять, но и не увидѣть очень многихъ и крайне важныхъ изъ подлежащихъ изученію явленій. Отмѣчу хотя бы такой, достаточно уже опредѣлившійся фактъ. На окраинахъ—въ Прибалтійскомъ краѣ, Польшѣ и на Кавказѣ—движеніе все время имѣетъ болѣе интенсивный характеръ, чѣмъ внутри Россіи. До извѣстной степени это объясняется, конечно, болѣе глубокими измѣненіями въ ихъ хозяйственномъ строѣ. Едва ли однако, крестьянское движеніе въ остзейскихъ губерніяхъ получило бы такую силу и едва ли бы оно объединило такіе разнообразные въ хозяйственномъ отношеніи элементы, если бы оно не было вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ латышей противъ исконныхъ ихъ угнетателей—нѣмцевъ. Едва ли бы движеніе въ Польшѣ было такимъ всеобщимъ, если бы не исключительное ея положеніе въ общероссійскомъ строѣ, объясняемое, какъ извѣстно, политическими, а не хозяйственными причинами. Наконецъ, движеніе на Кавказѣ едва ли было бы такимъ рѣзкимъ, если бы

опять таки не политическое положеніе этой „замиряемой" въ теченіе многихъ уже десятилѣтій окраины и если бы не взаимные національные счеты, которые такъ сильно осложнили тамъ общій кризисъ. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что не только классовое, но и національное самосознаніе играютъ видную роль въ послѣднемъ. Укажу другой фактъ: евреи, и по собственному ихъ призванію и по наблюденіямъ департамента полиціи, особенно энергично подчеркивающаго это обстоятельство въ своихъ сообщеніяхъ, принимаютъ наиболѣе дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи. Это, конечно, и понятно въ виду исключительнаго по своей безправности положенія данной группы населенія. Еврейскій вопросъ одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ въ Россіи. Но трудно даже сказать, какой это вопросъ: религіозный, національный или расовый; несомнѣнно одно, что не хозяйственный. Неоднократныя попытки сторонниковъ экономическаго матеріализма подвести подъ него базисъ производственныхъ отношеній и объяснить все дѣло, напримѣръ, какими то классовыми интересами христіанской буржуазіи съ одной стороны и еврейской—съ другой, были столь неудачны, что даже останавливаться на нихъ не стоитъ. Можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что движеніе, какимъ охвачена страна, ни въ коемъ случаѣ нельзя свести,—если, конечно, въ этихъ изысканіяхъ не заходить въ глубь доисторическихъ временъ,—къ одному лишь экономическому первоисточнику, Несомнѣнно, что въ немъ нашли себѣ выраженіе не только хозяйственныя потребности населенія, но также его культурные, религіозные и многіе другіе запросы. Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, какой всесторонній характеръ имѣетъ переживаемый нами кризисъ. „Безъ числа умножившіяся и донельзя обострившіяся народныя нужды,—писалъ уже я,—слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Одинъ за другимъ возникавшіе, быстро назрѣвавшіе и безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы сплелись въ одинъ огромный узелъ" *). И этотъ узелъ нельзя распутать, если мы все время будемъ слѣдить за одной лишь, хотя бы и самой длинной, изъ спутавшихся въ нихъ нитей.

Но и съ соціально-экономической точки зрѣнія, на которой все время остается г. Николай— онъ, движеніе представляется въ настоящее время несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ какимъ оно могло казаться еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ своей статьѣ почтенный авторъ слѣдитъ главнымъ образомъ за тѣмъ, что оказалось въ немъ общимъ для всѣхъ классовъ. „Всѣ требованія и пожеланія,—говоритъ онъ,—замѣчательно одно-

*) „Хроника внутренней жизни". „Р. Б." Мартъ.

образны". „Такъ какъ рѣшительно всѣ общественные слои и профессіи,—поясняетъ онъ,—чувствуютъ на себѣ гнетъ бюрократіи и невозможность общественнаго развитія при подавленіи личной и общественной инипіативы, то всѣ они при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ тѣ же пожеланія и требованія". „Сила событій, историческая необходимость объединила въ настоящее время всѣ классы націи въ одномъ требованіи свободы самоопредѣленія". Это требованіе такъ рѣзко выдвинулось на первый планъ, что еще недавно многимъ казалось, что въ немъ то и заключается вся сила. Казалось, что всѣ классы ощущаютъ потребность сдвинуть съ мѣста застрявшій историческій возъ и что они дѣйствительно „дружно всѣ въ него впряглись".

Но это *общее*, что было и есть въ движеніи, съ каждымъ днемъ все больше и больше осложняется тѣмъ *разнымъ*, что стремятся внести участвующія въ немъ силы. „Всѣ въ него впряглись"—и, если всмотрѣться внимательно, то на этомъ въ сущности „общее" и кончается. А дальше, какъ въ баснѣ:

Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ,
А щука тянетъ въ воду.

Изъ этой троицы заниматься ракомъ сейчасъ я совсѣмъ не буду. Его роль для всѣхъ очевидна. Скажу только, что его нельзя отождествлять исключительно съ бюрократіей, что какъ будто бы слѣдуетъ изъ схемы, набросанной г. Николаемъ —ономъ. Теперь уже достаточно выяснилось, что имѣются и „общественные слои", которые желали бы двинуть исторію въ обратномъ направленіи.

Участіе русской интеллигенціи въ движеніи не менѣе важно и не менѣе очевидно, хотя до сихъ поръ ея роль многимъ представляется сомнительной или двусмысленной. Правда, еще недавно въ непроглядной темнотѣ совсѣмъ почти не было видно этого „лебедя" движенія, да и сейчасъ наиболѣе сильные и энергичные взмахи его крыльевъ можно видѣть и слышать только въ свѣтѣ молній, подъ гулъ громовыхъ раскатовъ. Но онъ первый „впрегся" и все время буквально „рвется" въ надъоблачную высь, — туда, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце. Не будь его, ракъ и щука, можетъ быть, втянули бы страну и не въ такую еще пучину бѣдствій.

Г. Николай—онъ отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ, которые отрицаютъ значеніе интеллектуальнаго фактора въ исторіи. Онъ хорошо знаетъ, что „съ развитіемъ общества... развиваются общественныя силы, стоящія болѣе или менѣе внѣ арены борьбы чисто хозяйственныхъ общественныхъ классовъ"; онъ знаетъ, что эти силы способствуютъ „уясненію и пониманію тѣхъ условій, при наличности которыхъ только и возможно развитіе общественности"; содѣйствуя развитію классоваго самосознанія онѣ служатъ раз

витію все той же „общественности въ широкомъ смыслѣ слова“. Но оперируя надъ данными далеко еще не опредѣлившагося общественнаго движенія, авторъ, какъ я думаю, отнесъ на счетъ „стихійнаго“ классоваго самосознанія довольно много такого, что въ сущности сдѣлано этими именно внѣхозяйственными силами.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ его тезису: „всѣ требованія и пожеланія замѣчательно однообразны“... Я уже сказалъ какъ г. Николай —онъ объясняетъ это однообразіе. Приведу, впрочемъ, еще одно мѣсто изъ его статьи. „Такъ какъ каждый изъ обособившихся классовъ населенія—говоритъ онъ—находятся въ болѣе или менѣе одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи, каждый изъ нихъ чувствуетъ на себя ея вліяніе, хотя и не въ равной степени, такъ какъ подъ вліяніемъ новыхъ стихійныхъ условій стихійно развилось классовое самосознаніе, дѣятельное проявленіе котораго встрѣчало препятствіе со стороны бюрократіи, другими словами, такъ какъ всѣ общественные классы встрѣчали препятствіе своему общественному развитію, то неудачи неизвѣстно съ какой цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично и имущественно, объединили всѣ классы народа, какъ бы различны ни были интересы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія“. Не стану повторять, что „однообразіе“ не такъ ужъ замѣчательно, какъ это могло казаться автору, когда онъ писалъ свою статью. Главное же, и то „общее“, что дѣйствительно имѣется „въ требованіяхъ и пожеланіямъ“, какъ можно думать, достигнуто совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ это полагаетъ г. Николай —онъ. Не слишкомъ ли шатко его построеніе, возведенное на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, какъ выставленное имъ положеніе, что каждый обособившійся классъ находился въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ бюрократіи? Вѣдь ему самому пришлось допустить оговорки: „болѣе или менѣе“, „не въ равной степени“... Буржуазія, напримѣръ, какъ мы знаемъ, почти вовсе не встрѣчала препятствій со стороны бюрократіи къ дѣятельному проявленію своего классоваго самосознанія. Откуда же въ ея требованіяхъ и пожеланіяхъ взялось то „общее“, что насъ въ данную минуту интересуетъ? Не слѣдуетъ ли допустить, что это „общее“, хотя отчасти, сложилось подъ вліяніемъ той внѣхозяйственной силы, о которой было упомянуто выше? Я говорю *отчасти* и подчеркиваю это слово, ибо ниже укажу другой, несравненно болѣе важный факторъ, обусловившій участіе буржуазіи въ „общихъ“ требованіяхъ и пожеланіяхъ.

Интеллигенція, какъ моральная и интеллектуальная общественная сила, существуетъ вѣдь не только въ концентрированномъ, но, если можно такъ выразиться, и въ разлитомъ видѣ. „Общественный психическій типъ“ интеллигента въ своемъ чистомъ

видѣ встрѣчается въ сущности рѣдко. Впрочемъ и другіе чистые типы не менѣе рѣдки,—это, какъ кто-то выразился, своего рода „бѣлые вороны“. Возьмите хотя бы типъ пролетарія. Загляните въ душу зауряднаго рабочаго: какую массу чисто буржуазныхъ чувствъ, склонностей и воззрѣній вы въ ней найдете! Элементы пролетарской психологіи у громаднаго большинства лицъ изъ рабочаго класса перемѣшаны съ другими, не только не имѣющими ничего съ ними общаго, но и прямо имъ противоположными. Рабочіе съ чисто пролетарской душой очень еще немногочисленны. Немногочисленны и интеллигенты, всецѣло отдавшіе себя служенію „общественности въ широкомъ смыслѣ этого слова“. Но элементы интеллигентности присущи очень уже многимъ людямъ, изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ,—и изъ среды рабочихъ, и изъ среды буржуазіи.

Однимъ они, конечно, присущи въ большей степени, другимъ—въ меньшей. И даже одинъ и тотъ же человѣкъ въ разное время проявляетъ далеко неодинаковую отзывчивость къ интересамъ „общественности“. Въ качествѣ примѣра укажу хотя бы на учащуюся молодежь, которая такъ близко принимаетъ къ сердцу эти интересы, а потомъ, разойдясь по разнымъ тепленькимъ мѣстамъ, быстро утрачиваетъ всѣ черты интеллигентности.

Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ „буржуазныхъ“ собраніяхъ, созывавшихся для выраженія всякаго рода „пожеланій и требованій“, могли получить преобладаніе мотивы, не имѣющіе ничего общаго съ хозяйственными расчетами. „Неудачи неизвѣстно съ какою цѣлью начатой бюрократіей войны со всѣми ея ужасами, со всѣми жертвами, которыя приходится приносить народу и лично и имущественно“ всколыхнули во многихъ, быть можетъ, заглохшія чувства и заставили ихъ включить въ свои требованія такія вещи, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ хозяйственнымъ интересамъ и даже находятся въ противорѣчіи съ ними. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что „общее“ въ требованіяхъ и пожеланіяхъ сводится главнымъ образомъ къ „свободѣ самоопредѣленія“, потребность въ которой особенно сильно ощущаетъ не буржуазія, а именно интеллигенція.

По отношенію къ нѣкоторымъ „профессіямъ“, относимымъ обыкновенно къ буржуазіи, мое предположеніе можно высказывать съ полною увѣренностью: въ требованіяхъ и пожеланіяхъ адвокатовъ, инженеровъ, врачей и т. д., несомнѣнно, сказался не хозяйственный классъ, а существующая внѣ хозяйственныхъ отношеній интеллигенція. Но и по отношенію даже къ такой средѣ, какъ среди крупныхъ промышленниковъ, мое предположеніе нельзя считать слишкомъ рискованнымъ. Мѣсяца два тому назадъ умеръ крупный фабрикантъ, смерть котораго породила разные толки въ обществѣ. Говорятъ, что этотъ далеко не старый еще человѣкъ передъ смертью пережилъ тяжелую душевную драму.

Высказывавшійся на всѣхъ собраніяхъ въ высшей степени либерально, оказывавшій даже матеріальную поддержку радикальнымъ „требованіямъ", онъ не перенесъ испытанія, когда тѣ же самыя требованія предъявили къ нему рабочіе его собственной фабрики. Допустимъ даже, что эта драма вымышлена. Во всякомъ случаѣ элементы ея имѣются въ душѣ уже многихъ представителей капитала. Буржуазная душа уже попорчена, — у однихъ, конечно, больше, у другихъ меньше. И едва ли въ наши дни буржуазія въ цѣломъ можетъ проявить такую жестоковыйность, какую она проявляла въ прежніе вѣка. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи тотъ фактъ, что промышленники выдѣлили изъ своей среды не только г. Найденова, но и Савву Морозова. Разницу въ ихъ отношеніяхъ къ „общимъ" требованіямъ едва ли можно объяснить исключительно разницей въ интересахъ или въ пониманіи ихъ. Вѣроятнѣе другое предположеніе, а именно, что въ душу одного были привнесены извнѣ такія воззрѣнія и чувства, какихъ не оказалось у другого.

Я высказываю свои предположенія, конечно, не за тѣмъ, чтобы попорченную буржуазную душу возвести на пьедесталъ. Совершенно напротивъ: я хочу указать, какъ опасно полагаться на то, что „всѣ классы, какъ бы различны ни были интересы каждаго въ отдѣльности, объединились на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія". Ожившія чувства могутъ, вѣдь, заглохнуть, пожеланія и требованія легко могутъ оказаться, да неизбѣжно и окажутся въ противорѣчіи съ реальными интересами. И тогда мы воочію увидимъ, что нѣкоторые классы играютъ въ движеніи роль „щуки".

„А щука тянетъ въ воду"... Это не мое выраженіе. Его употребилъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ" г. Сѣверянинъ и именно по отношенію къ крупнымъ промышленникамъ.

Присматриваясь попристальнѣе,—говоритъ онъ,—мы безъ труда подъ волнующейся, прорывающейся чрезъ искусственныя плотины жизнью настоящаго момента отличимъ явленія совсѣмъ иного рода и увидимъ, какъ подъ шумъ крупнаго историческаго движенія тысячи и десятки тысячъ дѣловыхъ людей разнаго масштаба „ведутъ свою линію" и при посредствѣ старыхъ, давно испытанныхъ средствъ усиленно работаютъ ради совершенно тѣхъ же цѣлей, ради которыхъ работали и годъ, и два, и десять лѣтъ назадъ *).

Г. Сѣверянинъ приводитъ и факты, наглядно рисующіе, какъ щука тянетъ въ воду, какъ свободные отъ внѣшняго воздѣйствія дѣльцы рвутъ куски за счетъ военныхъ несчастій и даже за счетъ неосуществившихся еще реформъ. Въ своихъ обозрѣніяхъ я еще вернусь къ этому вопросу и въ частности къ „требованіямъ и пожеланіямъ" промышленниковъ, которыя не мало заключаютъ въ себѣ любопытнаго. Сейчасъ же я отмѣчу лишь одно обстоятельство, которое ввело въ заблужденіе даже Николая —она.

*) „Русскія Вѣдомости". „Изъ Крыловскихъ аллегорій".

„Что главная причина (январской) забастовки—говоритъ между прочимъ онъ—лежала не въ хозяйственныхъ условіяхъ, а въ общихъ, единогласно свидѣтельствуютъ фабриканты и заводчики". Дѣйствительно во всѣхъ почти своихъ заявленіяхъ и петиціяхъ промышленники неуклонно настаиваютъ, что причина рабочихъ волненій лежитъ всецѣло въ общихъ политическихъ условіяхъ, а не въ ихъ экономическомъ положеніи, что дѣло не въ рабочемъ днѣ, не въ заработной платѣ и не въ другихъ рабочихъ требованіяхъ, а только въ „свободѣ самоопредѣленія". Но развѣ можно опираться на такое свидѣтельство,—на свидѣтельство щуки, увѣряющей, что пискарь вполнѣ доволенъ ея съ нимъ обхожденіемъ? Въ данномъ случаѣ можно вѣрить только самимъ рабочимъ, а въ ихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ экономическія нужды несомнѣнно предшествуютъ даже политическимъ. Если же щука увѣряетъ противное, то это значитъ только, что она хоть половину воза желаетъ утянуть въ воду.

Впрочемъ, и по отношенію къ свободѣ самоопредѣленія она все время виляетъ. Фактовъ можно было бы привести много, но я ограничусь однимъ. Промышленники уже собрались въ Петербургѣ, чтобы вмѣстѣ съ бюрократіей—при полномъ отсутствіи представителей отъ рабочихъ—рѣшить рабочій вопросъ. Но въ этотъ самый моментъ разразилась Цусимская катастрофа. Положеніе бюрократіи сдѣлалось очень шаткимъ, дружба съ ней перестала быть заманчивой,—и тогда промышленники предъявили свою знаменитую декларацію: не желаемъ-де обсуждать вопросъ прежде, чѣмъ будутъ собраны народные представители. Бюрократія пережила, однако, трудный моментъ, и вотъ промышленники опять ведутъ съ него какіе то закулисные переговоры *).

Лебедь, щука, ракъ... Читателю можетъ быть уже слышится заключительный аккордъ басни:

...Но только возъ и нынѣ тамъ...

Неужели же возъ такъ и останется, неужели же исторія не двинется? Да! чтобы сдвинуть возъ, нуженъ волъ. Къ счастію, волъ имѣется. Это, конечно, рабочій народъ—подъяремный волъ исторіи. Вѣдь это онъ заставляетъ такъ вилять щуку, что въ трудную минуту она готова согласиться и на свободу самоопредѣленія. И онъ же окрыляетъ лебедя.

Онъ одинъ въ сущности тащитъ тяжелый историческій возъ на крутую гору. Медленно и неуклюже, но онъ поднимается все выше, выше. Рано или поздно онъ втащитъ исторію туда, куда такъ страстно рвется лебедь,—въ надъоблачную высь, гдѣ свѣтитъ солнце.

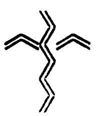
А. Пѣшехоновъ.

---

*) См. „Русь" отъ 15 іюля.

Случайныя замѣтки.

Красный Крестъ въ борьбѣ съ проституціей. Въ екатеринбургской газетѣ „Уралъ" въ маѣ мѣсяцѣ на первой страницѣ нѣсколько разъ было помѣщено такое объявленіе:

согласно постановленія Екатеринбургскаго Комитета Общества

Краснаго Креста

исключены изъ состава отряда, отправленнаго въ Харбинъ 8-го Марта с. года г-жи: Л И. Сотникова, А. В. Устюжанина, М. Г. Бернштейнъ и С. С. Тарасова, о чемъ Комитетъ и доводитъ до общаго свѣдѣнія.

Предсѣдательница Л. ФАДѢЕВА.

Объявленіе привлекло общее вниманіе своею необычностью и „проницательному читателю", конечно, было надъ чѣмъ задуматься. Извѣстно же, что провинціальный читатель — читатель проницательный. „За что же это сестрицъ-то погнали? Стало быть за „хорошія дѣла"! Недаромъ и публику предостерегаютъ"... Да и какія, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть сомнѣнія: состоялось вѣдь „постановленіе", оно скрѣплено подписью предсѣдательницы и даже освящено знакомъ креста, хотя на сей разъ почему то и изломаннаго. И догадка легко превращается въ увѣренность...

Я думаю, однако, что лучше огласить факты, насколько, по крайней мѣрѣ, таковые извѣстны мѣстнымъ обывателямъ.

Екатеринбургскій комитетъ Краснаго Креста, подобно другимъ комитетамъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи, на свои средства снарядилъ на театръ военныхъ дѣйствій санитарно-врачебный отрядъ, каковой 8-го марта текущаго года и былъ отправленъ въ вѣденіе и распоряженіе главнаго управленія Краснаго Креста въ дѣйствующей арміи. Въ таковомъ отрядѣ были и сестры милосердія, пошедшія, конечно, по добровольному и искренному желанію помочь родинѣ въ годину тяжелыхъ ея бѣдъ. Безъ всякаго сомнѣнія этотъ фактъ для даннаго времени ничего необычайнаго не представляетъ и не допускаетъ даже мысли о возникновеніи на этой почвѣ какихъ-либо инцидентовъ.

Весь санитарный отрядъ, а значитъ и сестеръ милосердія, торжественно проводили, пожелали счастливаго пути, благополучнаго возвращенія и проч., поплакали и дѣлу конецъ. Поѣздъ унесъ ихъ къ великому святому дѣлу.

Прошло мѣсяца полтора или немного болѣе и по городу здѣсь

стали циркулировать какія-то непонятныя и тревожныя вѣсти о только что отправленныхъ сестрахъ, которыя, конечно, встревожили болѣе всего лицъ, близкихъ къ сестрамъ. Говорили, что *семь сестеръ* этого отряда только что прибывъ въ Харбинъ, т. е., конечный свой пунктъ, немедленно же возвращаются въ г. Екатеринбургъ, но почему—никто не зналъ и всякій толковалъ по своему. Вскорѣ же слухъ подтвердился. Однажды въ г. Екатеринбургъ прибыли семь только что отправленныхъ сестеръ, въ сопровожденіи одной заслуженной, увѣшанной орденами, сестры милосердія. Немедленно же стало извѣстнымъ, что эти сестры милосердія (имена четырехъ изъ нихъ извѣстны по приложенному объявленію) исключены и отправлены обратно для суда мѣстнаго (т. е. екатеринбургскаго) комитета Краснаго Креста—*за дурное поведеніе.*

Дурное же поведеніе выразилось въ слѣдующемъ. Сестры милосердія, отправленныя изъ Екатеринбурга 8 марта, добрались до Иркутска, утомились дорогой и рѣшили здѣсь сдѣлать дневку: отдохнуть, осмотрѣть столицу Сибири, помыться, почиститься, конечно, не подозрѣвая того, что сѣвши въ санитарный вагонъ и надѣвъ на рукавъ знакъ Краснаго Креста—онѣ уже лишились права что-либо желать безъ разрѣшенія начальства. Начальство же имъ заявило, что дневки имъ не разрѣшитъ и съ вокзала отпуска въ городъ не дастъ. Сестры возмутились этимъ лишеніемъ ихъ права отдохнуть и, не взирая на приходъ начальства, отправились въ городъ, пробыли тамъ весь день и, говорятъ, ночевали въ городскихъ номерахъ. Въ этомъ ихъ преступленіе. Какъ бы тамъ ни было, но всѣ семь сестеръ, сдѣлавъ остановку въ Иркутскѣ, продолжали путь дальше и прибыли благополучно въ Харбинъ. Увы! не надолго.

Прибывъ въ Харбинъ и представившись начальству—онѣ, по распоряженію представителя Краснаго Креста (кажется, кн. Васильчикова), немедленно были препровождены въ мѣстную тюрьму (?!), а оттуда отправлены снова въ Екатеринбургъ подъ надзоромъ заслуженной, увѣшанной орденами сестры милосердія, для преданія ихъ суду мѣстнаго комитета.

И екатеринбургскій комитетъ съ честью выполнилъ свои судейскія функціи. Онъ закрылъ двери своего засѣданія, но за то приговоръ опубликовалъ въ газетахъ. Судъ былъ правый, и три сестры, повидимому, были оправданы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ былъ и строгій: комитетъ сурово осудилъ остальныхъ „развратницъ“ и своею публикаціею всѣмъ имъ выдалъ по желтому билету.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе и апеллировать некуда. Четыре женщины изгнаны, опозорены и возвращены на родину, въ родные углы, гдѣ ихъ ждутъ мучительные вопросы: „За что?“ „Какъ?“ „Почему?“ „Правда-ли?“

А на улицѣ пьяные мастеровые улюлюкаютъ при видѣ „сестры" и острятъ на ея счетъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

Порокъ наказанъ .. Но почему же карающая десница тяжело опустилась только на однѣхъ беззащитныхъ женщинъ? Если сестры дѣйствительно „кутили" въ Иркутскѣ съ офицерами, то почему же въ такомъ случаѣ не возвращены за „дурное поведеніе" и эти самые офицеры? Не потому ли, что если бы за это возвращать съ Востока, то русская армія осталась бы не только безъ офицеровъ, но, пожалуй, и безъ генералитета?

А затѣмъ, всетаки, гдѣ же гарантіи безошибочности екатеринбургскихъ охранителей добродѣтели, присвоившихъ себѣ право такъ безпощадно карать „дурное поведеніе"?

Ник. Беккаревичъ.

P. S. (Отъ редакціи). Газеты сообщили, что одна изъ сестеръ, упомянутыхъ въ объявленіи екатеринбургскаго комитета,—г-жа Бернштейнъ,—по ея просьбѣ была освидѣтельствована тремя врачами и тремя акушерками, при чемъ оказалось, что она дѣвственница...

Изъ исторіи крестьянскаго представительства. Многіе съ сомнѣніемъ и опасеніемъ спрашиваютъ, достаточно ли созрѣла для самостоятельнаго участія въ политической жизни наиболѣе многочисленная у насъ часть населенія—крестьянство и въ состояніи ли она настолько уразумѣть и оцѣнить новую форму правленія, чтобы воспользоваться своими правами вполнѣ сознательно? Не сдѣлаются-ли крестьяне-избиратели жертвой разныхъ темныхъ проходимцевъ, и не очутятся ли крестьяне-депутаты въ роли слѣпого орудія въ рукахъ людей, которые вздумаютъ направлять ихъ сообразно собственнымъ выгодамъ и цѣлямъ?

Предполагая несомнѣннымъ, что крестьянство успѣшно выдержитъ экзаменъ политической зрѣлости, я хочу въ подтвержденіе этого представить здѣсь одну историческую справку, которая, надѣюсь, не лишена будетъ интереса именно въ настоящій моментъ, когда мы стоимъ предъ спущенной завѣсой неизвѣстнаго будущаго... Справка эта касается перваго выступленія крестьянина на политической аренѣ (въ австрійскомъ парламентѣ 1848 года), и она имѣетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является представитель того же народа, котораго и въ Россіи насчитывается 25 милліоновъ—крестьянинъ-украинецъ изъ Галиціи Капущакъ. Его рѣчь въ вѣнскомъ парламентѣ прошумѣла въ свое время по всей Австріи, возбуждая всеобщее удивленіе предъ ясностью понятій, здравымъ смысломъ и силой убѣжденія простого, необразованнаго „хлопа".

Какъ извѣстно, въ 1848 г. было уничтожено въ Австріи крѣпостное состояніе, прежде всего—въ Галиціи и Силезіи. Первой

сессіи австрійскаго парламента предстояла трудная задача произвести ликвидацію крѣпостного строя; больше всего разногласій и страстныхъ преній вызвалъ вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ за утрату ими даровой рабочей силы въ лицѣ освобожденныхъ крестьянъ. Владѣльческіе аппетиты, какъ обыкновенно, обнаружились съ полной силой, но, съ другой стороны, искренніе друзья народа упорно отстаивали народные интересы, и пренія затянулись больше, чѣмъ на мѣсяцъ. Во время дебатовъ поднимается и проситъ слова характерная фигура въ крестьянской одеждѣ, оказавшаяся украинцемъ изъ Галиціи, Капущакомъ.

„Я хочу говорить,—началъ онъ ломанымъ нѣмецкимъ языкомъ, —о вознагражденіи помѣщикамъ въ Галиціи и Силезіи. Непреходящая справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто противъ своей воли отдаетъ что-нибудь, получилъ за это вознагражденіе. Но та же справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто пользуется чѣмъ-либо, не имѣя на то права, самъ возмѣстилъ эту несправедливую выгоду. Въ какомъ положеніи находятся наши помѣщики въ Галиціи, ясно будетъ изъ нижеслѣдующаго. Допустимъ, что по закону помѣщики имѣли право требовать съ насъ барщину, но удовлетворялись ли они законной нормой? Нѣтъ и еще разъ нѣтъ! Если вмѣсто 100 дней насъ заставляли работать на помѣщика 300, если мы вынуждаемы были работать три, четыре дня въ недѣлю, а иногда и цѣлую недѣлю, а помѣщикъ все это считалъ намъ за одинъ день, то я спрашиваю васъ, господа, кто долженъ уплатить вознагражденіе: крестьянинъ или помѣщикъ?

„Ба—говорятъ—помѣщикъ обращался съ крестьяниномъ хорошо". Это правда! Но... хорошее обращеніе состояло въ томъ, что, когда крестьянинъ проработаетъ всю недѣлю, въ воскресенье или праздникъ онъ получалъ угощеніе: его заковывали въ кандалы и запирали въ конюшнѣ, чтобы на слѣдующей недѣлѣ онъ не опаздывалъ на работу... И за это помѣщики должны получить вознагражденіе?

„И еще говорятъ: „помѣщикъ милостивый". И это правда, ибо измученному крѣпостному онъ внушалъ усердіе... плетями. Если кто-нибудь жаловался, что его лошадь не въ силахъ выполнить назначенную работу, то что получалъ въ отвѣтъ? „Запряги себя самого и свою жену!" или: „гоните его (на работу)! Я помѣщикъ, у меня есть деньги—я заплачу и отвѣчу за все".

„Еще говорятъ: „господа охраняютъ крестьянъ, ихъ права и собственность". Это также правда: у одного они отняли часть поля, у другого—пастбище. И за такое благодѣяніе имъ должно быть выдано вознагражденіе? Нѣтъ!

„Наконецъ утверждаютъ: „помѣщики намъ, крестьянамъ, „подарили" барщину". Какой же это, однако, даръ, если за него потомъ требуютъ вознагражденія? Но я и самого то дара не вижу. Когда имъ облагодтельствовали насъ? Можетъ быть, въ 1846 г.?

Или въ январѣ настоящаго года? Или 8 и 9 марта? Нѣтъ, только 17 апрѣля, когда сыны нѣмецкаго народа собственной жизнью оплатили наши права. Имъ должны мы и быть благодарны, да еще благодѣтельному „цисарю“, который откликнулся на справедливыя желанія своего народа.

„Я обращаюсь къ высокому парламенту и спрашиваю, за что мы должны платить помѣщикамъ? Вѣдь даръ ихъ пришелъ слишкомъ поздно. Здѣсь, среди насъ, имѣется сотня свидѣтелей того, что насъ считали не людьми, не подчиненными, не крестьянами Галиціи и Силезіи, а закрѣпощенными машинами, рабами, наиболѣе низкой породой существъ. За 300 шаговъ отъ помѣщичьяго дворца мы должны были снимать шапки, и если бѣдный мужикъ имѣлъ нужду къ помѣщику, онъ долженъ былъ предварительно дать взятку приближенному еврею, такъ какъ послѣдній имѣлъ доступъ къ помѣщику, а крестьянинъ его не имѣлъ. Если бѣдный мужикъ хотѣлъ взойти на ступеньки помѣщичьяго дома, ему говорили: „останься во дворѣ, ибо осквернишь собой дворецъ: отъ мужика воняетъ, и помѣщикъ не можетъ выносить твоего запаха въ своихъ аппартаментахъ“.

„И за такое издѣвательство мы должны еще платить выкупъ? Я полагаю—нѣтъ! Плети и нагайки, которыя обвивались вокругъ нашихъ головъ и нашего измученнаго тѣла—пусть онѣ послужатъ вознагражденіемъ помѣщикамъ!“ *).

„Ни одна рѣчь, — говорилъ по этому поводу современникъ Захеръ, — въ теченіе продолжительныхъ дебатовъ надъ уничтоженіемъ крѣпостного права и по вопросу о выкупныхъ платежахъ, не произвела такого могучаго впечатлѣнія, какъ эти слова простого галицкаго крестьянина. Отъ перваго и до послѣдняго слова здѣсь не было ни одной лишней фразы, а только правда и мужественный гнѣвъ; возмущеніе и ненависть милліоновъ прорывались въ каждомъ словѣ“.

Нечего и говорить, что галицкое крестьянство 1848 года, только наканунѣ получившее свободу, по своей интеллигентности, умственному развитію и способности къ пониманію положенія стояло не выше нашего современнаго крестьянства! И, однако, если уже тогда оно выдвинуло изъ своей среды личностей, подобныхъ Капущаку, если уже въ 1848 году можно было услышать отъ представителя деревни сильное, правдивое и сознательное слово, то есть полное основаніе думать, что милліоны украинскихъ соплеменниковъ Капущака и вообще крестьянство Россіи и теперь выставитъ искреннихъ, смѣлыхъ и сознательныхъ борцовъ за правду, справедливость и истинные интересы пославшаго ихъ народа... **С. Ефремовъ.**

---

*) Рѣчь эта приведена по-украински г. Франкомъ въ сочиненіи „Панщина і її скасоване в 1848 р.“. Львовъ, 1898, стр. 93—95.

Изъ разсужденій о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались статьи г. Ѳ. Кокошкина „Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи“. Да позволено намъ будетъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ статей.

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, г. Кокошкинъ о всеобщемъ голосованіи:

При полной расшатанности законности въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ нужно укрѣпить верховную власть на незыблемомъ основаніи, а это можетъ дать только народное представительство, собранное всеобщимъ голосованіемъ. Во всеобщемъ избирательномъ правѣ кроется тотъ секретъ могущества, который повелѣваетъ и господствуетъ надъ людьми. Оно есть величайшая политическая сила новѣйшаго времени.

Нельзя указаніемъ на изъяны и недостатки, свойственные демократическимъ государствамъ Западной Европы, отвергать демократическія основанія для преобразованій въ Россіи. Безъ участія народныхъ массъ у насъ невозможны никакія прочныя реформы, невозможенъ переходъ отъ стараго порядка къ новому. Вѣчные страхи за привитіе русскому народу пороковъ западной цивилизаціи могутъ лишь парализовать всякое преобразовательное движеніе. Было время, когда и во всеобщемъ обученіи не хотѣли видѣть ничего, кромѣ вреда, разложенія добрыхъ, патріархальныхъ нравовъ русской деревни, и теперь изъ боязни развращающаго вліянія политической прессы на общественное мнѣніе отрицаютъ свободу слова. Но современное общество не можетъ обходиться безъ всеобщаго обученія, безъ свободной политической прессы... Всеобщее избирательное право наравнѣ со всеобщимъ обученіемъ является необходимымъ условіемъ современнаго прогресса... Во всеобщемъ избирательномъ правѣ осуществляется признаніе равенства всѣхъ въ высшей области государственныхъ полномочій; отсюда его огромный нравственный вѣсъ. Возвышенное общественное сознаніе не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы кто-либо былъ выброшенъ за бортъ государственнаго корабля, чтобы оставались разряды полноправныхъ гражданъ и отверженныхъ, лишенныхъ правъ. Современное общественное мнѣніе не мирится съ неравенствомъ, подобно тому, какъ оно перестало мириться съ рабствомъ, отвергло крѣпостное право. Россія пережила время высокаго подъема нравственныхъ силъ, когда настало освобожденіе крестьянъ, въ судахъ было признано равенство всѣхъ передъ закономъ, и въ новыхъ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, бывшій владѣлецъ крѣпостныхъ душъ и бывшій крѣпостной были призваны на общее дѣло. Русское общественное мнѣніе глубоко проникнуто демократическими идеалами. Безъ равенства у насъ невозможна и политическая свобода. Пусть не ссылаются на то, что русскій народъ не сознаетъ и не желаетъ правъ. Какъ провѣрить и угадать затаенныя желанія народа? Болѣе всего нужно избѣгать, чтобы при торжествѣ свободы не было обездоленныхъ и недовольныхъ. Новыя свободныя учрежденія должны привлечь къ себѣ расположеніе всѣхъ, любовь народа. Нельзя, чтобы народъ могъ почувствовать себя обойденнымъ... Немедленное примѣненіе въ Россіи широкихъ демократическихъ началъ кажется иногда мыслью слишкомъ смѣлой и опасной... Противъ возможности осуществленія всеобщаго голосованія въ Россіи выставляется то возраженіе, что русскій народъ политически совершенно не развитъ и что крестьянская масса въ огромномъ большинствѣ даже безграмотна; съ другой стороны, русское образованное общество не представляетъ изъ себя политической силы и, будучи отчужденнымъ отъ крестьянства, не можетъ имѣть на него вліянія. При такихъ условіяхъ окажется ли русскій народъ подготовленнымъ къ

представительному образу правленія? Прежде всего вопросъ о подготовленности или неподготовленности народа къ свободнымъ учрежденіямъ есть одна изъ такихъ политическихъ теоремъ, которыя не могутъ быть съ точностью доказаны. Правительства и правящіе классы обыкновенно бываютъ склонны отказывать народнымъ массамъ въ политической зрѣлости, въ ихъ глазахъ подданные всегда представляются неподготовленными... Правда, крестьянская масса мало развита и безправна, русское общество политически невоспитано, между народомъ и образованными классами — взаимное отчужденіе. Но всякое промедленіе въ реформахъ только усиливаетъ зло. Трудности, несомнѣнно, велики, но онѣ не являются непреодолимыми преградами, разъ жизненное развитіе Россіи требуетъ коренныхъ преобразованій. Нельзя забывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ существующимъ строемъ соединено столько привычекъ и интересовъ, что правильное сужденіе во многомъ затемнено укоренившимися понятіями и предразсудками. Новыя условія пугаютъ своею неизвѣстностью, порождаютъ преувеличенные страхи и опасенія... Такъ было при судебной реформѣ, такъ было при созданіи земскихъ и мировыхъ учрежденій...

Прочитавъ такую горячую апологію всеобщности избирательнаго права, мы никакъ не могли ожидать, чтобы въ слѣдующемъ номерѣ авторъ заговорилъ совсѣмъ другимъ голосомъ объ избирательномъ правѣ женщинъ. А объ этомъ онъ говоритъ слѣдующее:

Гораздо болѣе спорнымъ представляется вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ, разрѣшаемый на практикѣ отрицательно во всѣхъ государствахъ. Какъ разъ въ настоящее время въ широкихъ кругахъ русскаго общества существуетъ сильное теченіе въ пользу политической равноправности обоихъ половъ. Нельзя не признать, что этому теченію трудно противопоставить какіе-либо аргументы принципіальнаго характера. Но, съ другой стороны, не безъ основанія указываютъ на тѣ огромныя практическія затрудненія, съ которыми связано немедленное разрѣшеніе „женскаго вопроса“. Идея политическихъ правъ женщины еще не получила всеобщаго признанія не только въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ государствахъ Запада; въ настоящее время она осуществлена лишь въ немногихъ большихъ странахъ, живущихъ въ своеобразныхъ политическихъ условіяхъ, во многомъ рѣзко отличающихся отъ условій политической жизни европейскихъ народовъ (именно, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки и въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи; въ самой Англіи женщины, но лишь незамужнія и вдовы, допущены только къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, съ предоставленіемъ имъ права избирать и быть избранными въ мелкихъ единицахъ самоуправленія и одного активнаго избирательнаго права въ высшихъ самоуправляющихся союзахъ). Можно опасаться, что и у насъ эта идея, не смотря на популярность ея въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества, встрѣтитъ недовѣріе и противодѣйствіе въ значительной части населенія. Нельзя игнорировать также того обстоятельства, что въ Россіи процентъ грамотности среди женщинъ въ общемъ болѣе чѣмъ втрое ниже, чѣмъ среди мужчинъ и что поэтому немедленное предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ едва ли будетъ способствовать большей сознательности выборовъ. Кромѣ того, участіе въ выборахъ лицъ женскаго пола будетъ, по всей вѣроятности, крайне неравномѣрно: въ городахъ оно будетъ сильнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, среди христіанскаго населенія разовьется быстрѣе и шире, чѣмъ среди магометанскаго. Между тѣмъ, при численномъ равенствѣ и даже преобладаніи женскаго населенія, такая неравномѣрность можетъ совершенно извратить количественное соотношеніе различныхъ группъ населенія, давъ большинство менѣе многочисленной группѣ, и наоборотъ. Конечно, всѣ эти

препятствія нельзя считать непреодолимыми, но во всякомъ случаѣ было бы едва ли согласно съ политической мудростью, имѣя передъ собой столь сложную и трудную задачу, какъ введеніе народнаго представительства въ Россіи, осложнять ее, безъ крайней въ томъ нужды, одновременнымъ разрѣшеніемъ не менѣе труднаго вопроса, еще не вполнѣ назрѣвшаго въ общественномъ сознаніи. Было бы, повидимому, осторожнѣе ограничиться на первыхъ порахъ допущеніемъ женщинъ къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, отсрочивъ дальнѣйшее расширеніе ихъ правъ до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса.

Попробуемъ теперь приложить доводы автора противъ избирательнаго права женщинъ къ вопросу о всеобщности избирательнаго права, и мы увидимъ, что всеобщее голосованіе такъ же, пожалуй, „было бы осторожнѣй отсрочить до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса“.

Спорнымъ представляется вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, разрѣшаемый отрицательно во многихъ государствахъ. Въ настоящее время въ широкихъ кругахъ русскаго общества существуетъ сильное теченіе въ пользу всеобщности голосованія. Нельзя не признать, что этому теченію трудно противопоставить какіе-либо аргументы принципіальнаго характера. Но, съ другой стороны, не безъ основанія указываютъ на тѣ огромныя практическія затрудненія, съ которыми связано немедленное введеніе всеобщаго избирательнаго права. Эта идея еще не получила всеобщаго признанія не только въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ государствахъ Запада; въ настоящее время она осуществлена въ полномъ видѣ далеко не во всѣхъ государствахъ, имѣющихъ представительное правленіе. Въ самой Англіи лицо, платящее менѣе 10 фунт. стерлинговъ въ годъ за квартиру, не пользуется правомъ голоса при выборахъ въ парламентъ. Можно опасаться, что и у насъ эта идея, несмотря на популярность ея въ наиболѣе прогрессивныхъ слояхъ общества, встрѣтитъ во многихъ недовѣріе и противодѣйствіе въ значительной части общества. Нельзя игнорировать такъ же того обстоятельства, что въ Россіи процентъ грамотности среди населенія во много разъ ниже, чѣмъ въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи, и что поэтому немедленное предоставленіе всему народу избирательныхъ правъ едва ли будетъ способствовать особой сознательности выборовъ (Можно еще сослаться при этомъ на Д. С. Милля, который въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о представительномъ правленіи не допускаетъ, „чтобы человѣкъ неграмотный и не знающій первыхъ правилъ ариѳметики, могъ участвовать въ выборахъ“). Кромѣ того, участіе въ выборахъ всего населенія будетъ, по всей вѣроятности, крайне неравномѣрно: въ городахъ оно будетъ сильнѣй, чѣмъ въ деревнѣ, среди католическаго, протестантскаго

и еврейскаго насенія разовьется быстрѣе и шире, чѣмъ среди православнаго (и всего меньше привьется у инородцевъ). Между тѣмъ, при численномъ превосходствѣ православнаго населенія, такая неравномѣрность можетъ совершенно извратить количественное соотношеніе различныхъ группъ населенія, давъ большинство менѣе многочисленной группѣ, и наоборотъ. Конечно, всѣ эти препятствія нельзя считать непреодолимыми, но во всякомъ случаѣ было бы едва ли согласно съ политической мудростью, имѣя передъ собой столь сложную и трудную задачу, какъ введеніе народнаго представительства въ Россіи, осложнять ее, безъ крайней въ томъ нужды, одновременнымъ введеніемъ такой крайней и не вполнѣ еще созрѣвшей въ общественномъ сознаніи мѣры, какъ всеобщее голосованіе На основаніи всего вышеизложеннаго не трудно придти къ заключенію, что было бы, повидимому, осторожнѣй ограничиться цензовыми и другого рода ограничительными выборами, отсрочивъ введеніе всеобщаго избирательнаго права до того времени, когда окончательное утвержденіе въ Россіи представительнаго образа правленія создастъ болѣе благопріятныя условія для зрѣлаго обсужденія этого вопроса.

Вотъ какъ, пользуясь аргументами г. Кокошкина противъ избирательнаго права женщинъ, можно придти къ отрицанію всеобщаго избирательнаго права.

Попробуйте, съ другой стороны, еще разъ прочесть авторскія доказательства необходимости всеобщаго избирательнаго права и замѣните послѣдній терминъ словами „избирательное право женщинъ". Тогда у васъ получится полная и краснорѣчивая апологія этого послѣдняго права. Въ самомъ дѣлѣ: если въ Западной Европѣ женщины не имѣютъ права голоса на выборахъ, то развѣ слѣдуетъ изъ этого, что женщины должны быть лишены этого права и Россіи?" Нельзя указаніемъ на недостатки и изъяны, свойственные демократическимъ государствамъ и т. д." Такому аргументу, съ совершенно одинаковымъ правомъ, можно противопоставить тотъ фактъ, что въ Новой Зеландіи и въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки женщины имѣютъ избирательное право. Г. Кокошкину этотъ фактъ кажется вовсе не убѣдительнымъ, потому что тамъ, видите ли, „своеобразныя условія", а въ Россіи съ Европой, надо думать, условія по этой части совершенно тождественныя, и положеніе русской женщины, рѣзко разнясь съ положеніемъ новозеландки и американки, ни на волосъ не отличается отъ положенія француженки, нѣмки, итальянки и пр.

Пропуская историческія параллели относительно всеобщаго обученія и всеобщаго избирательнаго права, которыя одинаково могутъ быть приложены и къ избирательному праву женщинъ, спросимъ далѣе словами автора, какъ можетъ возвышенное общественное сознаніе мириться съ тѣмъ, чтобы не кто-либо, а

цѣлая и даже большая половина населенія была бы выброшена за бортъ государственнаго корабля, чтобы создались разряды гражданъ полноправныхъ и отверженныхъ, лишенныхъ правъ? Если „современное общественное мнѣніе не мирится съ неравенствомъ, подобно тому, какъ оно перестало мириться съ рабствомъ, отвергло крѣпостное право", то что было бы, если бы при уничтоженіи крѣпостного права свободу получили одни мужчины, а женщины остались въ рабствѣ?

„Пусть не ссылаются на то,—говоритъ далѣе г. Кокошкинъ,— что русскій народъ не сознаетъ и не желаетъ правъ. Какъ провѣрить и угадать затаенныя желанія народа?" Не въ правѣ ли мы повторить совершенно то же самое про русскую женщину, съ той только разницей, что намъ уже извѣстно о многихъ заявленіяхъ, въ которыхъ русская женщина сознательно и настойчиво заявляла и заявляетъ о своихъ правахъ.

Если „болѣе всего нужно избѣгать, чтобы при торжествѣ свободы не было обездоленныхъ и недовольныхъ", если „новыя свободныя учрежденія должны привлечь къ себѣ расположеніе всѣхъ", если „нельзя, чтобы народъ могъ чувствовать себя обойденнымъ", то развѣ не будутъ обездолены и обойдены женщины въ случаѣ лишенія ихъ избирательнаго права. А вѣдь онѣ, какъ говорилъ Милль, нуждаются въ политическихъ правахъ больше, чѣмъ мужчины, потому что, будучи физически слабѣе, онѣ испытываютъ большую необходимость въ покровительствѣ закона и общества.

Предоставляя далѣе читателю прослѣдить апологію всеобщаго избирательнаго права съ замѣной этого термина избирательнымъ правомъ женщинъ и убѣдиться, что все, сказанное о первомъ, одинаково приложимо и ко второму, укажу еще на такую аналогію. „Крестьянство издавна привыкло пользоваться самоуправленіемъ". Крестьянская женщина на деревенскихъ сходахъ тоже издавна привыкла пользоваться правомъ голоса и такъ же, какъ крестьянинъ, привыкла „чувствовать себя нѣкоторой величиной и возвышаться до пониманія общихъ нуждъ".

Такова аргументація г. Кокошкина, — ее можно перелицовывать.

Еще Герценъ говорилъ про умѣренныхъ либераловъ, что они любятъ только умѣренный прогрессъ, да и то не столько прогрессъ, сколько умѣренность. И не потому ли почтенный профессоръ высказывается противъ избирательнаго права женщинъ, что такой прогрессъ ему представляется неумѣреннымъ?

М. Каменевъ.

Страница изъ Гоголя. Передъ самою севастопольскою войною, вскрывшею наши недуги подобно тому, какъ теперь ихъ снова вскрыла война съ Японіей, Гоголь, уже больной, уже запутав-

шійся въ теоретическихъ противорѣчіяхъ, продолжалъ набрасывать во второй части „Мертвыхъ Душъ“ картину русской дѣйствительности, картину тѣхъ недуговъ, которые черезъ нѣсколько лѣтъ стали достояніемъ общаго сознанія. Едва ли справедливо забыта характеристика русскаго бюрократическаго строя, ярко и колоритно описанная въ рѣчи, вложенной въ уста генералъ-губернатора на послѣдней страницѣ „Мертвыхъ Душъ“. Характеристика эта и теперь, когда ихъ было столько, не теряетъ своего глубокаго значенія. Напомнимъ все то изъ рѣчи князя генералъ-губернатора, что представляется своего рода резюме взглядовъ Гоголя на русскій бюрократическій строй.

„Знаю,—говоритъ князь (изданіе Маркса, 1901 г., стр. 1362),—знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые не рождены быть безчестными. Знаю, что уже невозможно многимъ идти противу всеобщаго теченія...“

А немного дальше (*ibidem*, стр. 1363—64): „...оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ время спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго управленія, образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ исправить зла, какъ ни ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безъуспѣшно...“

Картина бюрократическаго строя, здѣсь набросанная, такая яркая и глубокая, что можно, не колеблясь, указать на нее, какъ на доказательство, что уже больше полувѣка тому назадъ пониманіе нашего государственнаго недуга было вполнѣ достаточное. Не хотѣли внять голосу понимающихъ.

А голосъ былъ даже не отъ людей, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности, не отъ Герцена, Грановскаго или Бѣлинскаго, не отъ декабристовъ, не отъ петрашевцевъ... Всѣ эти голоса были заглушены. Голосъ подалъ совершенно благонамѣренный Гоголь. Это онъ говорилъ, что „земля наша гибнетъ“ отъ режима, что ее „надо спасать“ отъ ея же чиновниковъ, и что „никто не въ силахъ исправить зла!“ Тѣ заглушенные тогда голоса знали, какъ исправить зло, но „благонамѣренный“ Гоголь не зналъ и тщетно искалъ выхода между мечтою о добровольномъ покаяніи чиновниковъ и угрозою военной диктатуры. Добровольное покаяніе чиновниковъ, конечно, совершенно обманчивая

мечта, о значеніи же военной диктатуры самъ Гоголь, устами своего героя, говоритъ въ той же рѣчи слѣдующее (*ibidem*, стр. 1362):

„Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ (уничтоженныхъ военною диктатурою) пострадаетъ и множество невинныхъ. Что же дѣлать? Дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся новые, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ,—несмотря на все это, я долженъ поступить жестоко...“

Зачѣмъ, однако?

Потому что „вопіетъ правосудіе“?

Какое же, однако, „правосудіе“, если „пострадаетъ множество невинныхъ“, а, съ другой стороны „это будетъ даже и не въ урокъ другимъ“?

Такъ безсильно бьется мысль даже геніальнаго человѣка, если упорно не желаетъ вынести рѣшеніе общественнаго дѣла на просторъ свободнаго народнаго самоуправленія... **С. Ю.**

Новые опыты упрощеннаго міровоззрѣнія. Ребенокъ, какъ извѣстно, объясняетъ свои ушибы не собственной неосторожностью, а злою волей тѣхъ неодушевленныхъ предметовъ, о которые расшибаетъ лобъ, и на нихъ вымещаетъ свою боль и досаду. На то онъ и ребенокъ! Но и взрослый простолюдинъ любитъ сваливать вину своихъ жизненныхъ неудачъ на „злой глазъ“ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ недруговъ. Для того, чтобы разобраться въ реальныхъ причинахъ той или другой неудачи, нерѣдко необходимо пересмотрѣть весь укладъ повседневной жизни, подвергнуть суровой критикѣ всѣ ея основы и принципы,—задача и трудная, и мучительная для человѣка забитаго, загнаннаго, съ ослабленной мыслью и волей; упрощенное міровоззрѣніе „злого глаза“ является для него истиннымъ благодѣяніемъ.

Своего рода „злымъ глазомъ“ была и пресловутая легенда г. Черепъ-Спиридовича о 18 милліонахъ англо-японскихъ денегъ, употребленныхъ, будто бы, на подкупъ петербургскихъ рабочихъ въ печальные январьскіе дни. Самъ г. Черепъ-Спиридовичъ, конечно, могъ при этомъ и не быть столь наивнымъ, чтобы вѣрить въ свою легенду, но объектомъ его пропаганды, несомнѣнно, могли быть только малыя ребята да темные простолюдины. Къ несчастью для остроумнаго главы „латинскаго агентства“, басня его, подъ давленіемъ великобританскаго посольства, была, какъ всѣмъ памятно, на первыхъ же порахъ оффиціально опровергнута...

Но боль и обида истинно-русскихъ младенцевъ остались не утоленными; зашибленный лобъ продолжалъ нестерпимо саднить...

Непобѣдимое когда-то русское воинство продолжало терпѣть на Дальнемъ Востокѣ пораженіе за пораженіемъ,—и отъ кого же? Отъ какихъ-то крошечныхъ, обезьяноподобныхъ япошекъ! Внутри самой Россіи, „въ тылу арміи", творилось что-то прямо небывалое... Вся многолѣтняя, усердная дѣятельность земскихъ начальниковъ, церковно-приходскихъ школъ, разныхъ легальныхъ „обществъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", руководимыхъ Зубатовыми и Шаевичами, вся ультра-благонамѣренная пропаганда генераловъ Богдановичей, князей Мещерскихъ, гг. Сувориныхъ, Грингмутовъ, Комаровыхъ и многихъ, многихъ другихъ (имена ихъ Ты же Господи, вѣси!),—все это какъ-то вдругъ и неожиданно пошло на смарку, оказалось безсильнымъ передъ негласной пропагандой безвѣстныхъ „злоумышленныхъ агитаторовъ", всегда опредѣлявшихся раньше (по счету тѣхъ же благонамѣренныхъ опекуновъ Россіи) ничтожными единицами, притомъ—тупыми и бездарными. Ничтожество превратилось внезапно почти въ могущество, бездарность—въ утонченное, почти демонское искусство... Заволновались не только окраины, заселенныя искони ненадежными финнами, поляками, евреями и армянами, но и благомыслящія, трезво-уравновѣшенныя центральныя мѣстности; повсюду начались фабричныя забастовки и аграрныя волненія... Рабочіе стали сажать нелюбимыхъ мастеровъ въ мѣшки изъ-подъ угля и съ гикомъ и хохотомъ вывозить на тачкахъ за ворота фабрикъ, а мужики—забирать землю окрестныхъ помѣщиковъ, приглашая ихъ самихъ переселяться въ городъ. О студентахъ и говорить нечего: тѣ закрыли самовольно всѣ университеты и преспокойно разъѣхались по домамъ. Странныя явленія обнаружились даже тамъ, гдѣ ихъ, казалось бы, всего меньше слѣдовало ожидать: адмиралъ Небогатовъ безъ боя сдалъ свои броненосцы японцамъ, а „Потемкинъ" взбунтовался дома: матросы не захотѣли ѣсть мясо съ червями, хотя, случалось, отлично ѣли ихъ раньше, вчера и позавчера. Въ Лодзи, Варшавѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Одессѣ, Тифлисѣ и т. д., и т. д., повсюду—зарева пожаровъ, взрывы бомбъ, пистолетные выстрѣлы, стоны раненыхъ; по всей странѣ—клики всякаго рода протестовъ и резолюцій...

Словомъ, болѣзнь государства слишкомъ явная, ни въ малой мѣрѣ не подлежащая отрицанію, засвидѣтельствованная признаніемъ самого правительства. Какъ же и чѣмъ лѣчить ее?

Надъ этимъ мудренымъ вопросомъ усиленно трудилось и трудится множество головъ во всевозможнаго рода колпакахъ. Быстро увядшіе лавры г. Черепъ-Спиридовича особеннно не даютъ спать мудрецамъ изъ „Новаго Времени". Въ № 10522 (отъ 19 іюня) появилась внушительная редакціонная замѣтка, которою обращалось вниманіе читателей на помѣщенную въ томъ же № статью нѣкоего г. Вандама („Причины міровой смуты"), „нашего

сотрудника, знающаго Дальній Востокъ и *посвященнаго во многія закулисныя тайны происходившихъ тамъ событій*" (курсивъ нашъ). Рекомендація вѣская и нѣсколько даже таинственная...

Оказывается, по г. Вандаму, что настоящую войну съ Россіей ведетъ отнюдь не Японія... „Путемъ чисто-мефистофельскаго гипноза мыслью и волей Японіи овладѣли"... С. Американскіе Соед. Штаты, рѣшившіе обратить Тихій океанъ въ американское озеро. На дорогѣ къ осуществленію этой задачи стали, было, „народы латинской расы", но въ настоящее время они „неудержимо идутъ къ упадку", да и, къ тому же, „превосходство американскаго промышленнаго и коммерческаго генія обезпечиваетъ полную побѣду на экономической почвѣ". Что касается „отростковъ англо-саксонскаго корня" (англичанъ?), то съ теченіемъ времени они сами „сочтутъ честью питать дерево американской культуры". Правда, остаются еще нѣмцы, но г. Вандамъ причисляетъ ихъ, вѣроятно, къ „отросткамъ англо-саксонскаго корня", а если читателю послѣднее не угодно, то что́ мѣшаетъ историкамъ, публицистамъ и балетоманамъ Эртелева переулка прикомандировать ихъ, хотя бы временно, къ „народамъ латинской расы, неудержимо идущей къ упадку"? Какъ бы то ни было, на пути Америки къ господству надъ Тихимъ океаномъ серьезно стоитъ одна лишь великая Россія, промышленный и коммерческій геній которой, несомнѣнно, превосходитъ американскій... Россія является „непримиримымъ врагомъ Соед. Штатовъ потому, во-первыхъ, что, владѣя на большомъ протяженіи побережьемъ Тихаго океана и имѣя третій по величинѣ флотъ (увы и ахъ!!), она представляетъ собою не только азіатскую, но и тихоокеанскую державу, а, *во-вторыхъ*, потому, что, какъ представительница еще молодой и сильной славянской расы, она является единственнымъ сильнымъ соперникомъ С. Штатовъ за міровое господство". Несокрушимость *второго* довода читатель, конечно, вполнѣ оцѣнитъ: Россія потому непримиримый врагъ Америки, что она... единственный сильный ея соперникъ!

Но Америка хитра,—продолжаетъ развивать свою хитроумную мысль г. Вандамъ,—во много разъ хитрѣе даже пресловутой „англичанки": она рѣшила загрести жаръ чужими руками и науськала на Россію маленькую, глупенькую Японію, а чтобы облегчить послѣдней трудность ея работы, „на японскія же средства организовала огромнѣйшую негласную коалицію на флангахъ нашей арміи и въ тылу Россіи. При этомъ все было сдѣлано съ такимъ нечеловѣческимъ искусствомъ, что, вѣроятно, остроумнѣйшій изъ знатоковъ международнаго права, имѣя передъ глазами всѣ факты и замѣчая въ нихъ несомнѣнное присутствіе американскаго ума и воли,—тѣмъ не менѣе, не найдетъ никакихъ юридическихъ уликъ для того, чтобы обвинить С. Штаты въ нарушеніи закона".

Остроумнѣйшій изъ знатоковъ международнаго права не найдетъ, но остроумнѣйшій изъ остроумнѣйшихъ, г. Вандамъ изъ „Новаго Времени", разумѣется, нашелъ,—и отнынѣ С. Штаты должны считаться уличенными. Китай, помогающій „на флангѣ нашей арміи" Японіи, оказывается штукой Америки: вѣдь давно извѣстно, что „луна дѣлается въ Гамбургѣ"... Что дѣлается, далѣе, „въ тылу Россіи", г. Вандамъ оставляетъ пока подъ покровомъ тайны и переходитъ прямо къ раскрытію того, что совершается въ „тылу арміи". Это, какъ извѣстно, терминъ, остроумно придуманный „Моск. Вѣдомостями" для обозначенія самой Россіи... Да, духъ русскаго народа пораженъ до глубины, и силы его парализованы,—утверждаетъ г. Вандамъ,—и это тоже штука Америки! Наши моряки, „выйдя изъ Либавы съ поникшими головами (?), потерпѣли первую Цусиму еще у Доггербанка; наши солдаты, отправляемые на войну изъ пораженныхъ нерѣшительностью и анархіей городовъ Россіи, несли уже въ своей душѣ сомнѣніе въ томъ дѣлѣ, за которое шли проливать кровь". Правда, мы, русскіе, и сами, конечно, не безъ вины, будучи всегда „крайне несерьезны, плохо зная исторію, слабо понимая государственныя и даже семейныя (вонъ оно что!) обязанности", но всетаки... „пусть скажутъ Соед. Штаты, куда дѣвалась та рѣка золота въ 77.573,900 іенъ, которая,—какъ это *положительно* утверждаетъ Courrier de Tientsin отъ 2 марта 1905 г., пролилась изъ Японіи въ С. Штаты *только за время* съ 1 декабря 1903 г. по іюнь 1904 г., т. е. осталась ли она въ Штатахъ, какъ уплата за не соблюденный нейтралитетъ, или же прошла далѣе на духовную борьбу съ Россіей?"

Развѣ вы не чувствуете, читатель, какъ за спину къ вамъ пробираются холодные мурашки отъ всѣхъ этихъ таинственныхъ и многозначительныхъ намековъ?! Какимъ ничтожнымъ и смѣшнымъ становится г. Черепъ-Спиридовичъ съ его жалкими 18 милліонами и *петербургскими* рабочими, когда рѣчь идетъ, оказывается, о „рѣкѣ золота" въ 80 милліоновъ рублей (притомъ въ видѣ какъ бы лишь перваго задатка), объ арміи и флотѣ, обо всей Россіи!..

Не успѣли, однако, опомниться читатели „Новаго Времени" отъ потрясающихъ разоблаченій г. Вандама, какъ въ № 10535 (отъ 2 іюля) появилась статейка г. Борея, посвященная тому же предмету, но дающая нѣсколько иную политическую концепцію. Г. Борей тоже чувствуетъ, какъ саднѣетъ шишка на лбу, и вотъ, приставивъ къ ней указательный перстъ, онъ старается пошевелить мозгами и вспомнить, что́ было вчера и откуда сіе... „Несчастная война, внутренніе безпорядки,—разсуждаетъ онъ,—общее неустройство, нравственный и политическій разладъ общества говорятъ о чьей-то страшной разрушительной дѣятельности. Мы знаемъ —

дѣйствуютъ тайныя общества, рабочіе союзы... Но кто направляетъ это движеніе?"

— Не томите, г. Борей, душу, откройте скорѣе — кто же это „направляетъ движніе"? Американцы?..

О, нѣтъ! Слишкомъ это далеко, надо искать ближе... Начинаетъ, впрочемъ, г. Борей тоже издалека, съ разсужденій о всемірномъ союзѣ масонства, къ которому, „по новѣйшимъ изысканіямъ", принадлежали, будто бы, и Мирабо, и Дантонъ, и Маратъ, и Робеспьеръ, и Гильотенъ, и рѣшеніемъ котораго былъ казненъ, будто, самъ Людовикъ XVI.. „Гигантскій заговоръ, направленный противъ церкви и государства, осуществляется въ различныхъ странахъ, и, *можетъ быть*, очередь теперь за Россіей".—„Закутанная съ головой масонскимъ покрываломъ фигура стучитъ молоткомъ въ наши двери. Видны одни глаза".

Все можетъ быть... Много на свѣтѣ чудесъ въ рѣшетѣ бываетъ... И мы, начали уже, было входить въ „настроеніе", какъ вдругъ г. Борей, совершенно неожиданно, перекувырнулся: „Подлинное ли это масонство, *или всемірно-еврейскій союзъ*, но странное явленіе разрушаетъ все дорогое человѣчеству—семью, государство, религію. Какое зданіе построятъ вольные каменщики на развалинахъ міра? Я думаю, что созидается *новый храмъ Соломоновъ*, но безъ прежняго божества"...

Давно бы такъ! Чего проще: конечно, злой жидовскій глазъ виноватъ въ томъ, что у г. Борея вскочила шишка на лбу... Эхъ, поторопилось „Новое Время" выдать г. Вандаму аттестатъ солиднаго и посвященнаго въ дѣло человѣка! Но вольно же было, съ другой стороны, и г. Борею порхать гдѣ-то, на подобіе папильона, цѣлыхъ двѣ недѣли и запоздать съ своимъ простымъ и, главное, патріотическимъ объясненіемъ злоключеній Россіи!

Эль-Эмъ.

Демократизмъ и вторая палата.

Вопросъ объ однопалатной или двухпалатной системѣ представительства получилъ въ послѣднее время неожиданно острый интересъ. Въ одномъ изъ проектовъ преобразованія русскаго государственнаго строя, принадлежащемъ кружку частныхъ лицъ, предлагалось основать народное представительство на системѣ двухъ палатъ; и въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту, проводилась идея, что верхняя палата, при извѣстномъ составѣ и устройствѣ, не только не противорѣчитъ принципамъ демократизма, но даже можетъ обезпечить лучшее проведеніе въ жизнь демократическихъ началъ. Проекту и объяснительной за-

пискѣ суждено было получить очень широкое распространеніе. То и другое было перепечатано въ протоколѣ засѣданія юридическаго общества при императорскомъ харьковскомъ университетѣ 19 марта 1905 г. (стр. 93—153); затѣмъ, проектъ былъ также перепечатанъ въ приложеніи къ книгѣ „Конституціонное государство", изд. ред. „Права" (Спб. 1905) и, въ переработанномъ видѣ, въ № 180 „Русскихъ Вѣдомостей" (отъ 6 іюля 1905 г.); соображенія же записки были дополнены и развиты въ одной изъ статей Ѳ. Ѳ. Кокошкина „Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи. Двухпалатная система", въ Русскихъ Вѣдомостяхъ № 152. Особенное значеніе идеи проекта и записки получили съ тѣхъ поръ, какъ въ ихъ пользу стали высказываться различныя общественныя, группы и учрежденія. Такъ, московская городская дума 22 февраля 1905 г. выбрала особую „Коммиссію по общимъ вопросамъ", въ виду высочайшаго указа 18 февраля,—и коммиссія эта въ своемъ „Докладѣ № 180" (объ основаніяхъ организаціи народнаго представительства въ Россіи) отъ 30 мая развила соображенія, въ значительной степени совпадавшія съ соображеніями записки. Затѣмъ, какъ извѣстно, земскіе и городскіе дѣятели приняли „въ первомъ чтеніи" проектъ народнаго представительства, напечатанный 6 іюля въ № 180 Русскихъ Вѣдомостей. Въ настоящее время на мѣстахъ должно происходить детальное обсужденіе проекта, передъ его окончательнымъ принятіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выйдетъ изъ этого процесса широкаго коллективнаго обсужденія. Можно съ увѣренностью сказать, что такія основныя черты проекта, какъ всеобщее и прямое избирательное право или законодательныя функціи народнаго представительства, пройдутъ сквозь испытаніе неизмѣнными, такъ какъ уже теперь эти черты составляютъ прочное завоеваніе общественнаго сознанія. Иначе стоитъ дѣло съ вопросомъ о двухпалатной системѣ. Система эта имѣетъ много убѣжденныхъ сторонниковъ и противниковъ; но нельзя сказать, что общественное мнѣніе уже окончательно стало на сторону тѣхъ или другихъ. Конечно, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, наиболѣе убѣдительные доводы которые должны склонить чашу вѣсовъ въ ту или другую сторону, суть доводы за или противъ демократизма второй палаты; и именно на этомъ пунктѣ аргументы разбились между обоими мнѣніями. Пересмотръ аргументовъ обѣихъ сторонъ особенно необходимъ именно теперь, когда широкимъ общественнымъ группамъ предстоитъ сдѣлать окончательный выборъ.

Аргументація за двухпалатную систему съ большой обстоятельностью развита въ упомянутой статьѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Но серьезнаго и систематическаго критическаго разбора этой аргументаціи до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, представлено не

было. Вотъ почему мнѣ показалось своевременнымъ сдѣлать попытку такого разбора въ предлагаемой статьѣ.

I.

Анализируя доказательства Ө. Ө. Кокошкина въ пользу бикамеральной системы, мы, можемъ резюмировать ихъ слѣдующимъ образомъ.

1) „Въ подавляющемъ большинствѣ конституціонныхъ государствъ всего міра законодательное учрежденіе состоитъ изъ двухъ палатъ, обыкновенно разнороднаго состава".

2) Основаніе двухпалатной системы коренится въ самомъ принципѣ конституціоннаго государства, а именно:

a) Идея раздѣленія властей приводитъ къ раздѣленію и законодательной власти между двумя палатами, чтобы предупредить всемогущество законодательной власти и, ослабивъ ее, сохранить равновѣсіе между нею и исполнительной властью.

b) Вторая палата смягчаетъ конфликты между исполнительной и законодательной властью

c) Вторая палата предохраняетъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ рѣшеній и обезпечиваетъ обдуманность и согласованность законодательства.

3. Вторая палата будетъ охранять интересы мѣстнаго самоуправленія отъ централизаторскихъ стремленій демократической палаты.

4. Вторая палата не нарушаетъ принципа демократизма народнаго представительства, при условіи, если выборы во вторую палату въ послѣднемъ счетѣ сводятся къ демократическому началу всеобщности избирательнаго права.

Мы пока останемся въ предѣлахъ аргументаціи, какъ они очерчены самимъ авторомъ, иногда только прибѣгая къ дополненіямъ и поясненіямъ, которыя можно почерпнуть изъ упоминавшейся выше объяснительной записки. Не будемъ такъ же привлекать новаго фактическаго матеріала, а ограничимся провѣркой того, который употребленъ въ дѣло авторомъ. Наша первая и ближайшая задача—не дѣлать автору очной ставки съ фактами, а провѣрить самый методъ его разсужденій и противопоставить имъ разсужденія противоположныя.

Свой первый аргументъ—„двухпалатная система существуетъ въ Европѣ повсюду",—конечно, и самъ авторъ едва ли бы считалъ убѣдительнымъ, если бы у него не было въ запасѣ другихъ, болѣе сильныхъ аргументовъ. Но разъ этотъ аргументъ, всетаки, приведенъ, приходиться остановиться и на немъ. Дѣйствительно, вторая палата существуетъ почти повсемѣстно, но достаточно всмотрѣться въ недостатки ея устройства, совершенно не отвѣ-

чающаго тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, какія предъявляетъ ко второй палатѣ всякая разумная система государственнаго права, чтобы видѣть, что вторая палата создана не сознательной политической теоріей. Верхнія палаты въ большинствѣ европейскихъ государствъ суть пережитокъ болѣе или менѣе глубокой старины, и почти всегда и вездѣ передовыя политическія группы относятся къ нимъ отрицательно. Происхожденіе второй палаты, такимъ образомъ, есть *историческое*, и всѣ усилія теоріи сводятся къ тому, чтобы—или, уничтожить ее, если возможно, или, по крайней мѣрѣ, преобразовать. Въ процессѣ преобразованія кое-гдѣ вторая палата достигла и того фазиса, который авторомъ отдѣляется отъ историческаго корня и принимается за нормальный и наилучшій для Россіи. Происхожденіе двухъ палатъ въ Европѣ двоякое: или феодальное или федеральное—и во всякомъ случаѣ средневѣковое. Феодальная верхняя палата есть наслѣдственная и аристократическая; по мѣрѣ торжества бюрократическаго государства надъ феодализмомъ въ нее вводится новый элементъ: члены по назначенію. Въ такомъ составѣ верхняя палата служитъ для дворянства и бюрократіи тормазомъ противъ роста демократіи: и въ этомъ — главная причина ея сохраненія среди много разъ успѣвшаго обновиться строя государственныхъ учрежденій. Когда создается теорія государственнаго права, она прежде всего ставитъ своей цѣлью оправданіе существующихъ отношеній— и такимъ образомъ складывается въ западно-европейской теоріи та совокупность доводовъ въ пользу второй палаты, которая—въ сильно улучшенномъ видѣ — перешла и въ разсужденія автора, резюмированныя подъ пунктомъ вторымъ. Мы еще вернемся къ тому конкретному примѣру, который оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на аргументацію автора: именно къ исторіи французскихъ доказательствъ въ пользу второй палаты. Теперь только кратко замѣтимъ, что прогрессъ теоріи состоялъ въ постепенныхъ уступкахъ демократизму, и что одна изъ стадій этихъ уступокъ отразилась и на аргументаціи автора. Вторая палата должна быть сохранена, но должна быть преобразована на началѣ представительства: такова суть этой компромиссной аргументаціи. Однако, представительство должно быть не прямое, а отъ органовъ самоуправленія, чтобы сохранить за второй палатой ея охранительный и ея классовой характеръ, не вступая въ прямую коллизію съ принципами демократизма. Таковъ былъ смыслъ преобразованія голландской палаты изъ средневѣковой-федеральной въ современно-унитарную; таково же значеніе превращенія шведской палаты изъ средневѣковой-феодальной въ современно-представительную: въ обоихъ случаяхъ переходный характеръ реформы выразился именно въ томъ, что принято было за основаніе обновленнаго типа представительство отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Такой же компромиссный характеръ носитъ и совре-

менный французскій сенатъ, созданный конституціей 1875 года. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, особенно охотно приводимыхъ защитниками второй палаты, составленной изъ представителей мѣстнаго самоуправленія, мы имѣемъ дѣло не съ какими-либо образцовыми созданіями государственнаго искусства, а съ временными историческими комбинаціями, прогрессивными лишь по сравненію съ тѣми предыдущими типами, которые они замѣнили... Стоитъ только стать на эту динамическую точку зрѣнія, чтобы понять, что подражать тутъ нечему.

Историческому факту повсемѣстнаго существованія двухъ палатъ можно только противопоставить *историческій-же* фактъ полнаго отсутствія народнаго представительства въ Россіи и невозможность создать его на *историческихъ* европейскихъ корняхъ. Ни для феодальной, ни для федеральной палаты основаній нѣтъ въ русской дѣйствительности, какъ она создана русскимъ прошлымъ. О второй палатѣ, дѣйствительно, мечтали у насъ въ XVI вѣкѣ Курбскій и родовитые члены царской думы; въ XVIII вѣкѣ идея эта была выдвинута правительствующей олигархіей верховниковъ и во время крестьянскаго освобожденія еще разъ возродилась въ дворянскихъ собраніяхъ, но въ окончательномъ проектѣ „земскаго союза" уступила мѣсто проекту однопалатной системы. Наслѣдникамъ и продолжателямъ идеи земскаго союза не слѣдовало бы безъ серьезныхъ основаніи уступать разъ занятую позицію.

Собственно, мы говорили до сихъ поръ, главнымъ образомъ, о второй палатѣ феодальнаго происхожденія. Вторую палату федеральнаго происхожденія нельзя назвать простымъ пережиткомъ, когда она есть, дѣйствительно, выраженіе, *федеральныхъ* отношеній, т. е. форма соединенія государствъ независимыхъ и сохранившихъ суверенитетъ послѣ соединенія. Отношеніе автора къ этого рода второй палатѣ мы разберемъ позднѣе.

Въ итогѣ этой бѣглой исторической и фактической справки мы можемъ, слѣдовательно, придти къ заключенію автора объяснительной записки, что „политическій опытъ Западной Европы какъ-будто свидѣтельствуетъ совсѣмъ не въ пользу двухпалатной системы". Если авторъ всетаки стоитъ за эту систему, то это потому, что въ пользу ея говорятъ „противоположныя соображенія и данныя". Къ этимъ соображеніямъ теперь и переходимъ.

„Основаніе двухпалатной системы, говоритъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, коренится глубже: въ общихъ условіяхъ жизни конституціоннаго государства". Основнымъ условіемъ конституціонной системы авторъ считаетъ раздѣленіе и взаимное уравновѣшеніе властей. Мы уже не будемъ говорить, что такого рода уравновѣшеніе существуетъ только въ теоріи, и что въ дѣйствительности серьезное развитіе конституціоннаго режима характеризуется обыкно-

венно преобладаніемъ законодательной власти. Ѳ. Ѳ Кокошкинъ именно изъ возможности такого преобладанія и исходитъ. Онъ и авторъ объяснительной записки считаютъ такое преобладаніе нарушеніемъ равновѣсія и всячески стараются предупредить это нарушеніе путемъ ослабленія законодательной власти. Авторъ записки нѣсколько откровеннѣе г. Кокошкина въ своихъ опасеніяхъ. По его словамъ, опасность захватовъ со стороны законодательной власти особенно велика въ Россіи. потому что въ Россіи существуетъ „чувство глубокаго недовѣрія ко всякой исполнительной власти вообще“. А такъ какъ всетаки „нужно, чтобы исполнительная власть обладала достаточной свободой дѣйствій“, то нужно „предохранить законодательную власть отъ попытокъ сдѣлаться всемогущей“. Эта цѣль и достигается путемъ раздѣленія законодательной власти между двумя палатами. Послѣ такого раздѣленія можно уже законодательной власти дать широкія права или, какъ выражается авторъ записки, „такое раздѣленіе, мѣшая законодательной власти поглотить исполнительную, позволяетъ безопасно расширить компетенцію этой законодательной власти“.

Г. Кокошкинъ не идетъ такъ далеко въ своихъ выраженіяхъ; онъ какъ бы предвидитъ возможныя возраженія противъ только что характеризованной точки зрѣнія, и даже какъ бы старается предупредить эти возраженія прямыми словами: „двухпалатная система *не ослабляетъ* законодательной власти, какъ это думаютъ многіе“. Не смотря, однако же, на эту оговорку, мысль его остается та же, какъ и автора объяснительной записки. И онъ, полагаетъ, что „такъ какъ законодательная власть является высшей и скорѣе всего можетъ сдѣлаться всемогущей, то“... необходимо „раздѣленіе самой законодательной власти между двумя палатами“. Какъ же при этомъ не ослабляется законодательная власть, если самое раздѣленіе дѣлается съ цѣлью ея ослабленія? Г. Кокошкинъ отвѣчаетъ: „*при согласіи* обѣихъ палатъ... сила народнаго представительства и авторитетъ его, будутъ больше чѣмъ при одномъ только собраніи“. Отвѣтъ, какъ видимъ, условный и едва ли удовлетворительный, такъ какъ степень вѣроятности, что вводимое условіе—„согласіе обѣихъ палатъ“—будетъ налицо, остается неизвѣстной.

Откуда же этотъ страхъ передъ грядущимъ всемогуществомъ законодательнаго собранія, передъ тираніей народнаго представительства? Взятъ онъ изъ русской жизни или изъ какого-нибудь другого источника? Едва ли русская дѣйствительность могла дать автору краски и формы для формулировки такихъ опасеній. Русская дѣйствительность пока еще корчится въ судорогахъ не отъ простыхъ страховъ и опасеній, а отъ конкретныхъ проявленій другого рода всемогущества. Русское общество борется такъ долго и такъ напрасно съ застарѣлой болѣзнью, что едва ли оно

теперь расположено опасаться, какъ бы излишество будущаго здоровья само въ свою очередь не превратилось въ болѣзнь. Страхъ автора, мы надѣемся, есть книжный страхъ, и мы въ свое время найдемъ его непосредственный источникъ. Если *только* страхъ передъ захватомъ власти будущими народными представителями заставляетъ г. Кокошкина теперь уже дѣлить ихъ власть между двумя палатами, то мы смѣло могли бы успокоить его и не безпокоиться сами его учеными страхами. Посмотримъ, нѣтъ ли у него соображеній болѣе реальныхъ въ пользу двухпалатной системы.

„Существованіе второй палаты смягчаетъ конфликты между правительственной властью и народными представителями и способствуетъ ихъ мирному разрѣшенію". Не возможно отрицать силы этого аргумента; но, къ несчастію, онъ относится не ко всякой второй палатѣ и не ко всякому конституціонному режиму. Смыслъ аргумента можетъ быть двоякій. Въ первомъ, болѣе слабомъ, смыслѣ, это значитъ, что въ *налаженномъ* и правильно функціонирующемъ конституціонномъ механизмѣ вторая палата увеличиваетъ эластичность процедуры законодательства, уменьшаетъ треніе и открываетъ при столкновеніяхъ больше легальныхъ и мирныхъ выходовъ изъ затруднительнаго положенія. Все это совершенная правда. Но если вообще конституціонная борьба уже введена въ легальныя и мирныя рамки, то удобства, представляемыя второю палатою, является только излишествомъ роскоши. Вопросъ, конечно, не столько въ этомъ, сколько въ томъ, какъ наладить конституціонный режимъ и насколько вторая палата въ этотъ переходный періодъ можетъ предупредить возможность *насильственнаго* конфликта между властью и народными представителями. И въ этомъ, болѣе сильномъ смыслѣ аргументъ, приведенный г. Кокошкинымъ, имѣетъ очень условное значеніе. Если вторая палата, какъ это часто бываетъ въ Европѣ, состоитъ изъ болѣе вліятельныхъ соціальныхъ элементовъ, то, несомнѣнно, носителямъ власти приходится церемониться съ нею гораздо больше, чѣмъ съ нижней палатой, и совершить государственный переворотъ становится труднѣе. Разбираемый аргументъ обыкновенно и приводится въ этомъ значеніи. Но тогда онъ не имѣетъ никакого отношенія къ той, болѣе демократической, второй палатѣ, которую имѣетъ въ виду г. Кокошкинъ. Опытъ показалъ, что уничтожить одну или двѣ палаты—рѣшительно все равно для узурпатора, если за палатами не стоитъ соціальной силы. Стало быть, конфликты въ подлинномъ и наиболѣе важномъ значеніи никакъ не могутъ быть устранены однимъ только фактомъ существованія второй палаты. И, наоборотъ, наличность только одной палаты не можетъ считаться *причиной* возникновенія конфликта. Обычныя ссылки въ этомъ смыслѣ на 1791 и 1848 г. во Франціи свидѣтельствуютъ только о непониманіи той исторической

обстановки, которая въ томъ и другомъ случаѣ привела отъ революціи къ имперіалистской диктатурѣ—совершенно независимо отъ конституціонныхъ предосторожностей, измыслившихся теоретиками. Примѣры эти могутъ только доказать—тому, кто еще нуждается въ доказательствѣ—что дѣйствительный конфликтъ историческихъ силъ никакой системой раздѣленія и уравновѣшенія властей разрѣшенъ быть не можетъ.

Переходимъ къ слѣдующему доказательству въ пользу учрежденія второй палаты. „Вторая палата предохраняетъ отъ необдуманныхъ и поспѣшныхъ законодательныхъ актовъ и обезпечиваетъ согласованность и обдуманность законодательства". Невозможно отрицать справедливость этого утвержденія. Можетъ быть это единственное серьезное основаніе въ пользу второй палаты. Но, во-первыхъ, какъ увидимъ, это аргументъ не въ пользу *всякой* второй палаты, а только въ пользу второй палаты извѣстнаго типа; и, во-вторыхъ, нужно еще доказать, что *только* этимъ способомъ, т. е. введеніемъ второй палаты, и никакимъ другимъ, можетъ быть достигнута указанная цѣль. Собственно, необдуманность и поспѣшность вовсе уже не неизбѣжныя черты конституціоннаго законодательства, и, какъ общее обвиненіе противъ конституціоннаго режима, это указаніе скорѣе характеризуетъ обвинителей, чѣмъ обвиняемыхъ. Можно согласиться съ Гербертомъ Сэмьюэлемъ, авторомъ новѣйшаго трактата о „Либерализмѣ", что современное законодательство скорѣе грѣшитъ чрезмѣрной медленностью, чѣмъ излишней поспѣшностью въ удовлетвореніи назрѣвшихъ общественныхъ потребностей, и что создавать препятствія и плотины противъ бурнаго потока, когда въ сущности мы имѣемъ дѣло со стоячей лужей, едва ли соотвѣтствовало бы здравому смыслу. Обвиненія и опасенія, подобныя формулированнымъ г. Кокошкинымъ, легче встрѣтить во французскихъ руководствахъ, чѣмъ въ англійскихъ; и тамъ они имѣютъ длинную исторію—можетъ быть и нѣкоторое оправданіе въ темпераментѣ націи. Но именно французскій опытъ и показываетъ, какъ мало помогаетъ злу введеніе второй палаты и, прежде всего, какъ трудно сдѣлать изъ второй палаты *только* орудіе усовершенствованной законодательной техники. Вторая палата скорѣе всего способна сдѣлаться партійнымъ орудіемъ въ рукахъ охранительныхъ партій—и даже орудіемъ частныхъ интересовъ, какъ показываетъ американскій опытъ. При всѣхъ недостаткахъ и патологическихъ явленіяхъ массовой психологіи, нижняя палата все-таки лучше выражаетъ здравый смыслъ народа, и даже самыя увлеченія ея бываютъ въ высшей степени поучительны. Согласованность же и обдуманность законодательства могутъ быть достигнуты цѣлымъ рядомъ такихъ чисто техническихъ средствъ, употребленіе которыхъ не грозитъ фальсификаціей народной мысли и воли. Практически, дѣловая работа

современныхъ парламентовъ вся дѣлается въ коммиссіяхъ, а не въ общихъ собраніяхъ. Дѣловой вопросъ, перенесенный въ общее собраніе, собираетъ, обыкновенно, только аудиторію заинтересованныхъ и способныхъ судить о немъ; и только засѣданія, представляющія выдающійся политическій интересъ, носятъ тотъ страстный и бурный характеръ, который не столько опасенъ, какъ искажающій законы, сколько важенъ и необходимъ, какъ отражающій въ миніатюрѣ настроеніе націи. Независимо отъ предварительнаго обсужденія въ коммиссіяхъ, дѣловой характеръ вносимыхъ въ палату законопроектовъ можетъ быть обезпеченъ извѣстнымъ порядкомъ ихъ внесенія и подготовки. Словомъ—это вопросъ чисто техническій. Если бы можно было удержать вторую палату въ тѣхъ рамкахъ, какими удовлетворяется потребность въ лучшемъ обсужденіи закона, съ нею можно бы было вполнѣ помириться. Но, какъ увидимъ, вторая палата разбираемаго конституціоннаго проекта представляетъ учрежденіе совсѣмъ иного типа.

Теперь слѣдуетъ аргументъ, очевидно, самый важный и имѣющій рѣшающее значеніе для автора. Эго аргументъ о второй палатѣ, какъ проводникѣ федеральной идеи. Въ федеративномъ государствѣ вторая палата необходима. Отсюда выводится, что ее слѣдуетъ ввести въ Россіи, хотя „трудно думать, конечно, чтобы Россія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ могла превратиться въ федеративное государство". За отсутствіемъ федераціи, вторая палата будетъ представлять и охранять въ Россіи начало „широкой децентрализаціи".

Въ такой, хотя и ослабленной формѣ, идея второй палаты все еще можетъ привлечь симпатіи той части русскаго общества, для которой идея федераціи звучитъ чѣмъ-то дорогимъ и давно знакомымъ. Мы лично этого настроенія не раздѣляемъ; но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Наша цѣль въ данномъ случаѣ показать, что подъ флагомъ симпатичной идеи провозится здѣсь, въ сущности, контрабанда.

Если въ предыдущей части своихъ разсужденій авторъ исходилъ изъ страха передъ нѣкоторымъ фантомомъ „демагогіи" и „демократической тиранніи", то теперь этотъ фантомъ тревожитъ его въ нѣсколько иной формѣ—страха передъ „якобинской централизаціей". По его понятію, чѣмъ представительное собраніе демократичнѣе, тѣмъ оно болѣе подвержено склонности къ „централизаторскимъ стремленіямъ". Отъ такихъ стремленій главная опасность грозитъ „мѣстному самоуправленію". „Представители, избираемые непосредственно отъ населенія", склонны будутъ проводить „несогласованные съ мѣстными условіями и потребностями законы": „и это вполнѣ правильно съ принципіальной точки зрѣнія, такъ какъ (они) призваны выражать и осуществлять именно общенародные интересы, идею народа, какъ цѣлаго".

Авторъ предусматриваетъ, что такое направленіе дѣятельности—„вполнѣ правильное съ принципіальной точки зрѣнія", тѣмъ не менѣе „будетъ встрѣчать оппозицію со стороны мѣстныхъ учрежденій"; и онъ полагаетъ, что лучшій способъ „предупредить борьбу между центральными и мѣстными учрежденіями, подрывающую идею государственнаго единства", состоитъ въ томъ, чтобы собрать представителей мѣстныхъ учрежденій въ особую палату и противопоставить эту палату палатѣ народныхъ представителей, какъ равноправное учрежденіе. Нельзя не замѣтить искусственности всего этого разсужденія. Уже сама основная посылка, на которой разсужденіе основано, является совершенно произвольной и недоказанной. Почему народные представители окажутся непремѣнно враждебными мѣстному самоуправленію? Почему ихъ законы будутъ непремѣнно „несогласованы съ мѣстными условіями и потребностями?" Почему, посылаемые тѣмъ же населеніемъ, они непремѣнно окажутся фанатиками государственнаго „цѣлаго" и будутъ игнорировать „потребности" своихъ избирателей? Конечно, они не получатъ императивныхъ мандатовъ отъ избирателей, но развѣ представители отъ мѣстнаго самоуправленія получатъ мандаты и не будутъ выражать „общенародныхъ интересовъ?" Развѣ авторъ предоставляетъ имъ защищать „интересы колокольни"? Разумѣется, какъ спеціалистъ по государственному праву, г. Кокошкинъ не можетъ предоставить имъ такихъ странныхъ функцій; и дѣйствительно, онъ говоритъ: „государственные гласные (члены второй палаты) должны быть представителями, но не повѣренными или ходатаями избирающихъ ихъ собраній. Поэтому эти послѣднія не могутъ давать имъ инструкцій. Существованіе какихъ-либо наказовъ, связывающихъ представителей, противорѣчило бы значенію земской палаты, какъ самостоятельнаго государственнаго органа, и дѣлало бы невозможнымъ правильное обсужденіе и рѣшеніе въ ней дѣлъ?. Въ такихъ наказахъ нѣтъ и надобности, такъ какъ общественныя собранія всегда имѣютъ возможность знать политическіе взгляды своихъ избранниковъ, а въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ дѣятельности направленію собранія—отказывать имъ въ довѣріи на слѣдующій выборный срокъ". Но, если такъ, то какая же разница между избранниками „общественныхъ собраній" и избранниками населенія? Не ясно-ли, что тѣ и другіе одинаково не будутъ связаны „обязательными инструкціями" юридически, а фактически одинаково будутъ принимать въ соображеніе взгляды и интересы—*мѣстные* взгляды и интересы—своихъ избирателей? Почему же одни будутъ давить эти интересы, а другіе окажутся въ роли спасителей?

Единственная резонная причина могла бы быть та, что интересы „общественныхъ собраній" оказались бы не тожественными съ интересами „населенія". Но авторъ очевидно не допускаетъ

такой возможности или она не приходитъ ему въ голову; поэтому и мы ее далѣе обсуждать не будемъ. Но, оставляя эту гипотезу въ сторонѣ, мы рѣшительно теряемся въ догадкахъ, какова бы могла быть реальная причина той „борьбы" между мѣстными учрежденіями и представителями населенія, которой г. Кокошкинъ такъ боится, что для ея устраненія заблаговременно соглашается создать особое представительство отъ учрежденій. Хотя бы и составленная изъ представителей отъ мѣстныхъ единицъ, вторая палата во всякомъ случаѣ будетъ представлять нѣкоторое „общенародное" или общегрупповое цѣлое. Даже федеративный сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сущности является не представительствомъ интересовъ отдѣльныхъ штатовъ, какимъ считается формально, а такимъ же федеральнымъ представительствомъ, такой же ареной борьбы общегосударственныхъ политическихъ партій, какъ и нижняя палата. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы члены нижней палаты съ момента избранія разрывали всякую связь съ мѣстными избирателями и превращались въ „якобинскихъ централистовъ". Какъ извѣстно, центральное представительство гораздо чаще грѣшитъ противоположнымъ недостаткомъ: *именно*, излишествомъ вниманія отдѣльныхъ представителей къ интересамъ ихъ „колокольни". Слѣдовательно. въ чемъ бы ни обнаружилась разница между настроеніями и взглядами обѣихъ палатъ, можно съ увѣренностью сказать одно, что „мѣстныхъ интересовъ" верхней палатѣ отъ нижней оберегать не придется.

Какъ бы то ни было, „контрабанда" провезена. „Контрабанда"—это представительство отъ мѣстныхъ учрежденій, какъ нѣчто противоположное и контролирующее по отношенію къ прямому представительству населенія. На сколько при этомъ сохраненъ „флагъ" федерализма, мы еще увидимъ. Какъ бы то ни было, запахъ контрабанды остается: подозрѣніе, что вновь принятое начало противорѣчитъ основному, представительство отъ учрежденій противорѣчитъ основному принципу демократическаго, всеобщаго и прямого избирательнаго права. Это подозрѣніе надо разрушить.

Г. Кокошкинъ начинаетъ съ откровеннаго признанія, что только-что формулированное подозрѣніе имѣетъ серьезныя основанія. Конечно, говоритъ онъ, „особое представительство отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія можетъ... не быть лишь особой формой *сословнаго* или *классового* представительства *лишь при условіи* кореннаго преобразованія земскихъ и городскихъ учрежденій и распространенія ихъ на всю Россійскую имперію". Авторъ объяснительной записки также утверждалъ, что „такая реформа есть необходимое условіе создать у насъ вторую палату,—условіе, при отсутствіи котораго *трудно опровергнуть* многія опасенія противниковъ двухпалатной системы". Въ основу реформы авторъ

записки считалъ необходимымъ „положить многостепенное всеобщее право голоса“. Г. Кокошкинъ въ своей статьѣ предлагаетъ основать выборы въ мѣстные органы самоуправленія „на началахъ, *почти* не отличающихся отъ принципа всеобщаго голосованія“, именно на требованіи осѣдлости или платежа мѣстныхъ сборовъ. Не намъ говорить г. Кокошкину, что подобная система, каково бы ни было ея значеніе для *мѣстнаго* представительства, во всякомъ случаѣ не должна бы была служить основаніемъ для настоящаго политическаго представительства. Самъ авторъ прямо признаетъ это въ другомъ мѣстѣ своихъ статей. Авторъ объяснительной записки не скрываетъ также отъ себя и отъ своихъ читателей, что при многостепенныхъ выборахъ „преобладающее значеніе въ мѣстной жизни имѣетъ шансы остаться за болѣе крупнымъ землевладѣльческимъ и промышленнымъ классомъ“. Такимъ образомъ, даже и при коренной реформѣ мѣстнаго избирательнаго права, представительство во второй палатѣ будетъ неизбѣжно носить „сословный или классовой“ характеръ. Авторъ не только не отрицаетъ это, но даже старается оправдать такой результатъ. „Намъ думается, говоритъ онъ, здѣсь (т. е. въ возраженіяхъ противъ такой системы) сказывается преувеличенный страхъ передъ „буржуазнымъ элементомъ“. Нѣтъ ничего несправедливаго въ томъ, чтобы землдѣльческій и промышленный классъ получилъ *достаточную* возможность представлять свои интересы, разъ *рядомъ* съ этимъ открывается *широкая возможность* представительству другихъ группъ населенія. Нравственно недопустимы и политически опасны лишь привилегіи“. Мы безусловно подписываемся подъ словами автора; но вѣдь весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, не обращается ли въ привилегію право—или хоть „преимущественный шансъ“—для нѣкоторыхъ классовъ посылать своихъ представителей въ такое учрежденіе, куда другіе классы завѣдомо не проникнутъ или проникнутъ въ недостаточной степени. Конечно, вопросъ о томъ, что „достаточно“ и какого рода „возможность“ представительства должна быть признана „широкой“—остается открытымъ; но именно поэтому и нельзя строить никакихъ выводовъ на столь эластическихъ выраженіяхъ. Въ статьѣ г. Кокошкина мы такой шаткой аргументаціи уже не находимъ; но и здѣсь авторъ не счелъ возможнымъ скрыть, что отъ реформированныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій онъ ожидаетъ получить представительство приблизительно соотвѣтствующее кругу современныхъ мѣстныхъ дѣятелей. На первый планъ выдвинутъ здѣсь въ пользу такого представительства уже другой аргументъ,—именно, что такимъ образомъ использованы будутъ для политической жизни страны тѣ навыки, которые уже пріобрѣтены въ школѣ мѣстнаго самоуправленія. „Въ странѣ, столь мало привыкшей къ общественной самодѣятельности и столь бѣдной политическимъ опы-

томъ, какъ наше отечество, такое преимущество, конечно, нельзя оцѣнивать слишкомъ низко". Опять таки, мы совершенно согласны съ авторомъ; но мы думаемъ, что политическая опытность выдающихся мѣстныхъ дѣятелей во всякомъ случаѣ будетъ использована при какой угодно системѣ выборовъ; и поэтому, мы не считаемъ нужнымъ измышлять особое „дополнительное" представительство къ представительству народному, чтобы достигнуть этого важнаго результата.

Намъ кажется, что мы теперь разобрали всѣ существенные доводы, приведенные г. Кокошкинымъ и авторомъ объяснительной записки въ пользу двухпалатной системы,—и на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, доводы эти не оказались убѣдительными. Но мы имѣемъ еще одинъ способъ провѣрки, который, можетъ быть, убѣдитъ тѣхъ, кого еще не убѣдили наши предыдущія критическія замѣчанія. Допустимъ, что всѣ, рѣшительно всѣ соображенія г. Кокошкина въ пользу второй палаты, вполнѣ убѣдительны. Пусть онъ окончательно доказалъ, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ вторая палата необходима. Посмотримъ же, удовлетворяетъ-ли его собственный проектъ второй палаты тѣмъ требованіямъ, которыя онъ къ ней предъявляетъ. Если мы найдемъ, что практическіе выводы автора гармонируютъ съ его теоретическими аргументами, то мы согласимся, что въ статьяхъ г. Кокошкина мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ политическимъ трактатомъ. Въ противномъ случаѣ, намъ придется признать, что это лишь хорошо написанное сочиненіе на заданную тему.

По первому аргументу—повсемѣстной распространенности двухпалатной системы, разумѣется, еще нельзя рѣшить, какого типа вторая палата нужна для Россіи. Второй аргументъ: необходимость соотвѣтствія типа самой идеѣ конституціоннаго режима—уже сильно съужаетъ выборъ. Къ сожалѣнію, для автора и для насъ центръ тяжести этого аргумента находится въ различныхъ мѣстахъ. Для г. Кокошкина этотъ центръ есть необходимость раздѣлить и уравновѣсить власти. Для насъ—это возможность усовершенствовать процессъ законодательства. Изъ каждаго пониманія вытекаетъ различная конструкція второй палаты. Если вторая палата есть учрежденіе конкурирующее и ослабляющее „всемогущество" народныхъ представителей, тогда ее надо сдѣлать, по меньшей мѣрѣ, равноправной. Если это только учрежденіе контролирующее, оно должно быть построено совершенно иначе. Мы начнемъ съ разбора втораго предположенія, которое мы признали наиболѣе правильнымъ. Въ такомъ случаѣ, вторая палата—палата въ роли „сторожевой собаки" („a watch-dog Senate")—несомнѣнно, не только не противорѣчитъ принципу демократизма, но даже можетъ содѣйствовать его осуществленію, охраняя народъ отъ его представителей. Но для этого, во-первыхъ, эта палата сама должна себя чувствовать уполномо-

ченной отъ народа, и, во-вторыхъ, ея функціи должны ограничиваться наблюденіемъ за законодательствомъ, а не распространяться на самое изданіе законовъ. Третье требованіе состоитъ въ томъ, чтобы во второй палатѣ засѣдали люди, болѣе способные къ зрѣлому обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ тѣ, рѣшеніе которыхъ она призвана провѣрять. Удовлетворяетъ-ли всѣмъ этимъ требованіямъ палата проектированная г. Кокошкинымъ?

Прежде всего, по самому характеру выборовъ, она не можетъ быть признана равносильнымъ представительствомъ населенія сравнительно съ нижней палатой.

Не только выборы—двухстепенные (а можетъ быть и многостепенные), но это выборы отъ учрежденій, и притомъ учрежденій, которыя сами не призваны къ политической роли, а только къ дѣятельности по мѣстному самоуправленію. Авторъ самъ признаетъ, какъ мы видѣли, что наиболѣе шансовъ попасть во вторую палату имѣютъ при такой системѣ „лица, прошедшія школу мѣстнаго самоуправленія", или, какъ откровеннѣе выражается авторъ объяснительной записки, представители землевладѣльческаго и промышленнаго класса. Когда въ самихъ земскихъ учрежденіяхъ рѣчь возникала объ импровизаціи народнаго представительства путемъ выборовъ отъ земствъ, очень часто слышалось при этомъ справедливое возраженіе, что лица уполномоченныя населеніемъ вести мѣстное хозяйство, этимъ самымъ еще не могутъ считаться призванными и компетентными выбирать,—да еще изъ своей же среды—людей, которымъ будетъ дано право издавать законы и рѣшать политическія дѣла. Такимъ образомъ, если бы даже было признано, что многостепенные выборы лучше могутъ удовлетворить третьему требованію—большей зрѣлости и компетентности законодателей, то выборы отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія какъ разъ не признаются способными удовлетворить этому требованію самими мѣстными представителями. Такимъ образомъ, и какъ представители класса, а не всего населенія, и какъ представители выбранные *не политическимъ* учрежденіемъ для исполненія функцій, которыя требуютъ особенныхъ политическихъ способностей и спеціальной подготовки,—выборные отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія не могутъ представить подходящаго матеріала для такой второй палаты, какую требуется, въ нашемъ предположеніи, создать.

Еще менѣе удовлетворяютъ этимъ требованіямъ тѣ *функціи*, которыя авторъ предполагаетъ дать второй палатѣ. „Сторожевая" вторая палата не можетъ сама обладать верховными правами законодательства. Ея роль—только довести до свѣдѣнія народа такое рѣшеніе нижней палаты, которое она считаетъ несоотвѣтствующимъ народнымъ интересамъ, поспѣшнымъ, преждевременнымъ и т. д. Для выполненія этой роли совершенно достаточно

дать верхней палатѣ право отсрочивающаго вето, т. е. право задержать законъ до тѣхъ поръ, пока соберется палата представителей новаго состава. Между тѣмъ, вторая палата г. Кокошкина обладаетъ всѣми правами первой, не исключая даже права контроля надъ бюджетомъ.

Безъ сомнѣнія, такой типъ палаты, какой проектируется г. Кокошкинымъ, не составляетъ чего либо необыкновеннаго: это типъ преобладающій въ конституціонныхъ странахъ. Но тогда и слѣдуетъ защищать его не соображеніями политической теоріи, а соображеніями практическими,—тѣми, которыми этотъ типъ созданъ и поддерживается повсюду. Господствующій типъ есть типъ не „сторожевой", а „охранительной" второй палаты. Его задача—держать на уздѣ демократизмъ и охранять интересы имущихъ классовъ отъ покушеній народнаго законодательства. Такой типъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою, очень важную, историческую роль, нынѣ приходящую къ концу, и мы поняли бы автора, если бы онъ защищалъ вторую палату такого рода соотвѣтствующими аргументами. Только тогда нельзя было бы уже утверждать, что вторая палата не противорѣчитъ интересамъ демократизма. Такъ какъ авторъ утверждаетъ это, то, очевидно, для защиты „охранительной" второй палаты онъ долженъ прибѣгнуть къ аргументамъ иного рода. Онъ такъ и дѣлаетъ. По его мнѣнію вторая палата должна „охранять" отъ посягательствъ народныхъ представителей — не имущіе классы, а... исполнительную власть. Иначе,—т. е. не ослабленные второй палатой,—законодатели нижней палаты грозятъ „поглотить" эту исполнительную власть. Мы уже говорили, что такая постановка вопроса кажется намъ книжной и совершенно нереальной. Позднѣе мы увидимъ изъ какой болѣе реальной обстановки она заимствована. Основной смыслъ этой аргументаціи заключается въ страхѣ передъ демократіей и недовѣріи къ здравому смыслу народа. Но переводя споръ на почву конституціонныхъ принциповъ, она маскируетъ точку зрѣнія классовой борьбы и оказываетъ такимъ образомъ ту услугу, что проводитъ идею „охранительной" второй палаты безъ явнаго противорѣчія идеѣ демократизма. Сути дѣла, однако, такая замаскированная аргументація измѣнить не можетъ. Фиктивная боязнь—какъ бы не ослабить черезчуръ исполнительную власть—только прикрываетъ очень и очень реальную боязнь—какъ бы не подверглись опасности интересы землевладѣльческаго и промышленнаго класса. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что подобная перестановка центра тяжести спора заключалась въ намѣреніяхъ автора; мы только утверждаемъ, что она несомнѣнно заключается въ употребляемыхъ имъ аргументахъ.

Прибавимъ нѣсколько словъ по поводу третьяго требованія отъ второй палаты: требованія большей компетентности и зрѣлости сравнительно съ нижней палатой. Европейскія законода-

тельства старались удовлетворить этому требованію различными способами: путемъ повышенія условій избранія—ценза, возраста, срока осѣдлости,—путемъ продленія срока мандата и т. д. Можно сказать, что всѣ эти мѣры, не обезпечивая достиженія той цѣли, для которой они употребляются, въ то же время стоятъ въ противорѣчіи съ основнымъ демократическимъ принципомъ избирательнаго права. Единственный прямой и вѣрный способъ—назначеніе свѣдущихъ и подготовленныхъ людей—слишкомъ противорѣчилъ бы принципу представительства. Между тѣмъ привлекаемые такимъ образомъ и несомнѣнно нужные люди могли бы быть использованы гораздо лучше, если бы вмѣсто назначенія въ составъ второй палаты, они привлекались къ предварительной стадіи подготовки закона, для обсужденія и принятія его въ нижней и единственной палатѣ народныхъ представителей. Въ противоположность славянофильскому тезису, экспертиза и власть въ такомъ случаѣ помѣнялись бы мѣстами. Власть была бы у народа, а „мнѣніе" у спеціалистовъ, способныхъ имѣть его. Подѣлить же власть между народомъ и „людьми привыкшими держать въ своихъ рукахъ часть государственной машины и умѣющихъ обращаться съ нею" значило бы совершить вопіющее нарушеніе принципа демократизма—даже въ томъ случаѣ, если бы эти люди не представляли интересовъ опредѣленнаго класса. Но, повторяемъ, самое противоположеніе людей „умѣющихъ обращаться съ государственной машиной" народнымъ представителямъ, кажется намъ въ корнѣ неправильнымъ. Шансы для такихъ людей попасть въ число народныхъ избранниковъ именно и обезпечиваются свободой выбора. И если представительство отъ учрежденій вызываетъ протестъ, то именно потому, что оно не даетъ возможности демократіи свободно выбирать людей, которыхъ избиратели признаютъ „умѣющими обращаться съ государственной машиной" и при томъ способными защищать интересы избирателей.

Итакъ, конструкція второй палаты, даваемая авторомъ, скорѣе соотвѣтствуетъ тому „охранительному", „консервативному" типу, о которомъ менѣе всего говоритъ его аргументація, и вовсе не отвѣчаетъ тому „сторожевому" типу, въ пользу котораго имъ приведены наиболѣе сильные изъ его аргументовъ. Намъ остается посмотрѣть, какъ отвѣчаетъ предлагаемая имъ конструкція той задачѣ, которую самъ авторъ считаетъ главной,—задачѣ охраны интересовъ мѣстнаго самоуправленія.

Мы уже отмѣтили выше, что, собственно говоря, эта задача совсѣмъ не тождественна съ задачей охраны принципа федераціи — принципа, который привлекаетъ наибольшее сочувствіе извѣстныхъ общественныхъ круговъ къ идеѣ второй палаты. Вторая палата, основанная на строгомъ проведеніи принципа федераціи, должна бы была состоять изъ равноправныхъ делегацій отъ суверенныхъ и независимыхъ политическихъ единицъ,

составляющихъ федерацію. Какъ же соотвѣтствуетъ такому принципу конструкція, предлагаемая авторомъ?

Прежде всего, проектъ г. Кокошкина менѣе всего говоритъ о такихъ мѣстныхъ группахъ, которыя наиболѣе стремятся къ осуществленію принципа федераціи, и посвящаетъ главное вниманіе такимъ, которыя до сихъ поръ подобныхъ стремленій вовсе не имѣли. Въ его второй палатѣ соединяются на равноправныхъ началахъ не такія группы, какъ Великороссія, Польша, Кавказъ и т. д., а Московская, Варшавская, Тифлисская губерніи и т. д. Въ основѣ представительства лежитъ существующее территоріальное дѣленіе: каждое существующее земство и городская дума посылаютъ своихъ представителей въ верхнюю палату. Правда, сравнительно съ авторомъ объяснительной записки, г. Кокошкинъ идетъ нѣсколько дальше, и допускаетъ представительство отъ „самоуправляющихся или автономныхъ единицъ, охватывающихъ нѣсколько губерній". Но по существу это не мѣняетъ положенія дѣла. Какъ мы уже видѣли ранѣе, вторая палата нашего автора не есть палата федеративная, а есть представительство органовъ мѣстнаго самоуправленія. Какъ таковая, она уже не обязана представлять мѣстныя единицы, какъ равноправныя и независимыя. „Чтобы принять въ разсчетъ неодинаковое значеніе губерній и городовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не создать слишкомъ значительнаго неравенства между ними", авторъ предлагаетъ соразмѣрить число представителей съ количествомъ населенія, причемъ количество представителей отъ губерніи колебалось бы между 1 и 5, а отъ городовъ (съ населеніемъ болѣе 125.000) между 1 и 4 *). Такимъ образомъ, исчезаетъ изъ конструкціи и послѣдній признакъ федеративной идеи—равенство представительства отдѣленыхъ единицъ. Контрабанда провезена—вторая палата съ преобладающимъ представительствомъ землевладѣльческаго и промышленнаго класса—и флагъ окончательно спрятанъ.

Естественно, что при такой конструкціи, вторая палата нисколько не удовлетворитъ тѣхъ, для кого предназначается. Какъ способъ особой охраны автономныхъ областныхъ собраній, она никуда не годится; а для охраны мѣстнаго самоуправленія она, какъ мы говорили выше, не нужна. Для стремящихся къ автономіи окраинъ она составляетъ не плюсъ, а минусъ, такъ какъ подводитъ ихъ подъ общій уровень съ внутренними губерніями, мѣстныя задачи и стремленія которыхъ существенно различны. Сравнительно съ объяснительной запиской, и въ этомъ случаѣ статья г. Кокошкина представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ; но основная ошибка—стремленіе обосновать проектированное учре-

*) Изъ 269 членовъ второй палаты Царство Польское получаетъ при этомъ 23, Кавказъ 22, Средне-азіатскія и степныя области 18, Сибирь 15.

жденіе на такихъ данныхъ, которыя ни въ какой необходимой связи съ нимъ не стоятъ, и притомъ совершенно различны и даже противоположны между собою—эта ошибка повторяется и въ статьѣ г. Кокошкина.

Мы теперь исчерпали нашу тему, поскольку рѣчь идетъ о тѣхъ разсужденіяхъ, которыя могли бы быть противопоставлены разсужденіямъ г. Кокошкина. Но намъ не разъ приходилось намекать въ теченіе этой статьи, что разсужденія г. Кокошкина не оригинальны, и что полное объясненіе имъ можно было бы найти, лишь познакомившись съ тѣми источниками, откуда они взяты. Эти фантомы „тиранніи народовластія", „якобинской централизаціи"—фантомы столь чуждые воображенію простого русскаго читателя,—можетъ быть имѣютъ болѣе основаній на другой, чуждой почвѣ? Эти книжныя конструкціи, которыя кажутся невыносимымъ доктринерствомъ для всякаго имѣющаго чутье русской дѣйствительности,—можетъ быть на этой другой почвѣ имѣютъ подъ собой реальные корни?

Въ нашей слѣдующей статьѣ мы поищемъ отвѣта на эти вопросы. Можетъ быть этотъ отвѣтъ окончательно вернетъ намъ свободу собственнаго размышленія и окончательно укажетъ намъ на источники того, что мы считаемъ ошибками въ разсужденіяхъ почтеннаго московскаго юриста.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. К. Михайловскаго**: отъ сотрудника „Русскаго Богатства", В. В. Лункевича—135 р. 94 к. Итого 135 р. 94 к. А всего съ прежде поступившими 3.026 р. 24 к.

———

На стипендію имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 935 р. 65 к.

———

На устройство народной школы **Н. К. Михайловскаго**: черезъ московское отдѣленіе конторы отъ М. Я. Линецкаго . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 405 р. 30 к.

———

Въ капиталъ имени **Н. К. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ" 245 р. 48 к.

———

На библіотеку имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 111 р. 50 к.

———

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. К. Михайловскаго**: отъ фельдшера Г. Н. Медвѣдникова, со станц. Борзя . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 13 р.

———

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. К. Михайловскаго**". . . . . 5 р.

———

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.: отъ И. И. Бушуева, со ст. Усть-Чарышской. . . . 1 р. А всего съ прежде поступившими 3.555 р. 76 к.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго**: отъ М. І. Левина 3 р. А всего съ прежде поступившими 20 р. 50 к.

———

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**. . . . . 413 р. 35 к.

———

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова**: 10 р. 20 к.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **А. П. Чехова**: отъ Львовскаго кружка любит. русск. словесн. . . . . . 8 р.

———

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ. . . . . 1.382 р.

———

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко** . . . . 117 р. 50 к.

———

На учрежденіе высшей школы имени гр. **Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

———

На школу имени **А. П. Чехова** 23 р.

———

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири . . . . 3 р. 50 к.

———

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева**: 2 р.

———

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: черезъ горнаго инженера Н. И. Богоявленскаго, изъ Зея-Пристань—100 р.; отъ Ф. И. Зеленина, изъ Петропавлов.—12 р. 50 к; черезъ В. М. Мирошникова, изъ Срѣтенска—64 р.; черезъ В. А. Доронину, изъ Енисейска—57 р. 60 к. Итого . . . . 234 р. 10 к. А всего съ прежде поступившими 602 р. 60 к.

———

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: Черезъ редакцію „Амурскій Край"—125 р. 80 к.; отъ Г. И. Процвѣталова, изъ Уральска—18 р.; отъ почитателей Г.—4 р. Итого . . . . . 147 р. 80 к. А всего съ прежде поступившими 4.201 р. 70 к.

———

Въ пользу нуждающихся рабочихъ Путиловскаго завода: отъ Н. Ө. Анненскаго—25 р., В. Г. Короленко—25 р., В. А. Мякотина — 25 р., А. В. Пѣшехонова—25 р. и П. Ф. Якубовича—25 р. Итого . . . . . . 125 р.

———

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 27 іюля 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34.

Отъ конторы редакціи.

Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, выписывающихъ журналъ съ разсрочкою подписной платы, что въ іюлѣ истекъ **срокъ для окончательнаго разсчета за журналъ**. Лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 9 руб., **ВЫСЫЛКА ЖУРНАЛА ПРЕКРАЩЕНА**. Таковая будетъ возобновлена по уплатѣ ими соотвѣтствующихъ взносовъ.

Контора проситъ при высылкѣ денегъ сообщать № бандероли, подъ которой имъ высылается журналъ изъ Петербурга.

Подписчики, **живущіе въ Москвѣ**, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

АВГУСТЪ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. У ЗЫРЯНЪ. Очерки (Окончаніе). . П. Щукина.
2. *** Стихотвореніе. . . . . Н. Шрейтера.
3. ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ (Картинки провинціальной жизни). Окончаніе. . О. Н. Ольнемъ.
4. ПОДСТРѢЛЕННЫЙ ЛЕБЕДЬ. Стихотвореніе. . . . . А. Тулубьева.
5. ИСТОРИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ ВЪ ЕГО ЛОГИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦІИ. . . . . Ю. Делевскаго.
6. АЛЬПИСКАЯ ФІАЛКА. Этюдъ. . . А. Галагай.
7. *** Стихотвореніе. . . . . В. Башкина.
8. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка. Историческій очеркъ. I—III. . . . . Д. Петрушевскаго.
9. *** Стихотвореніе. . . . . Г. Галиной.
10. ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ. Повѣсть (Окончаніе). Перев. съ испанскаго. М. В. Ватсонъ. . . . . В. Б. Ибаньеса.
11. ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА. Романъ (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго Р. Б. (Въ приложеніи). . . . . Конрада Тельмана.
12. ПАМЯТИ П. Л. ЛАВРОВА. . . . С. Ан—скаго.
13. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ БЮРОКРАТІИ. . . . . П. Голубева.

(См. 2-ую стр. обложки).

14. ЛОВЦЫ ЧЕЛОВѢКОВЪ (По даннымъ одного судебнаго процесса . . . . . **А. Петрищева.**

15. НОВЫЯ КНИГИ:
Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной.—Сѣверные цвѣты ассирійскіе. Альманахъ IV книгоиздательства „Скорпіонъ". — Усталый (А. С. Вознесенскій). Пѣсни молчанія. — Свирскій. Полное собраніе сочиненій.—Н. Степаненко. Передѣлъ и другіе разсказы. — Е. Н. Любичъ. Пестрядь. Разсказы и наброски.—Ѳ. Тищенко. Люди темные. — Анна Радклифъ. Удольфскія тайны. — Свящ К. С. Стефановичъ. Наболѣвшее сердце.—И. П. Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики.—Анри Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. — I. Табурно. Правда о войнѣ.—I. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. — Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ.—Бесѣды и уроки. Педагогическіе курсы саратовскаго губернскаго земства.—С. В. Пантелѣева. Нидерландцы и Бельгія. Очерки стараго и новаго.—И. Петлинъ. Указатель по составленію школьныхъ и народныхъ библіотекъ.— Новыя книги, поступившія въ редакцію.

16. О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ и «новой эрѣ». . . . . **В. Мякотина.**

17. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. В. Пѣшехонову. . . . . **Г. Новоторжскаго.**

18. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: XXII. «Пріобрѣтенная позиція». — XXIII. Аграрная реформа съ точки зрѣнія рынка. — XXIV. Программа «дополнительнаго надѣленія».—XXV. Платформа съ умолчаніемъ и проектъ г. Маслова.—XXVI. Община и государство (отвѣтъ г. Новоторжскому). **А. Пѣшехонова.**

19. ДІАГНОЗЪ и ПРОГНОЗЪ (Письмо изъ Англіи. . . . . **Діонео.**

20. ПОЛИТИКА: Миръ.—Условія мира.— Мирная конференція.—Марокккскій вопросъ.—Венгерскій кризисъ.—Шведо-норвежскій конфликтъ. — Текущія событія. . . . . **С. Южакова.**

21. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

АВГУСТЪ 1905

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 августа 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**У зырянъ**. Очерки. (Окончаніе). *П. Щукина* . .	3— 32
2.	*** Стихотвореніе. *Н. Шрейтера*.	32
3.	**Передъ разсвѣтомъ** (Картинки провинціальной жизни). Окончаніе. *О. Н. Ольнемъ*	33— 72
4.	**Подстрѣленный лебедь**. Стихотвореніе. *А. Тулубьева*.	72— 73
5.	**Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи**. *Ю. Делевскаго*.	74—108
6.	**Альпійская фіалка**. Этюдъ. *А. Галагай*	109—127
7.	*** Стихотвореніе. *В. Башкина*.	128
8.	**Борьба за политическое освобожденіе** въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка. Историческій очеркъ. I—III. *Д. Петрушевскаго*.	129—150
9.	*** Стихотвореніе. *Г. Галиной*.	150
10.	**Проклятое поле**. Повѣсть. (Окончаніе). *В. Б. Ибаньеса*. Перев. съ испанскаго М. В. Ватсонъ.	51—
11.	**Что есть истина**. Романъ (продолженіе). *Конрада Тельмана*. Переводъ съ нѣмецкаго Р. Б. (Въ приложеніи).	81—128
12.	**Памяти П. Л. Лаврова**. *С. Ан—скаго*.	1— 14
13.	**Продовольственные опыты бюрократіи**. *П. Голубева*.	14— 24
14.	**Ловцы человѣковъ** (По даннымъ одного судебнаго процесса). *А. Петрищева*.	24— 51
15.	**Новыя книги:** Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной.—Сѣверные цвѣты ассирійскіе. Альманахъ IV книгоиздательства „Скорпіонъ“. — Усталый. (А. С. Вознесенскій). Пѣсни молчанія. — Свирскій. Полное собраніе сочиненій.—Н. Степаненко. Передѣлъ и другіе разсказы. Е. Н. Любичъ. Пестрядь. Разсказы и наброски.—Ѳ. Тищенко. Люди темные. — Анна Радклифъ. Удольфскія тайны.—Свящ. К. С. Стефановичъ. Наболѣвшее сердце.—	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

И. П. Лысковъ. А. П. **Чеховъ въ пониманіи критики.**— **Анри Лиштанберже. Рихардъ** Вагнеръ, **какъ поэтъ и мыслитель.**—І. **Табурно. Правда о войнѣ.**—І. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. — Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. — Бесѣды и уроки. Педагогическіе курсы саратовскаго губернскаго земства. — С. В. Пантелѣева. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. — И. Петлинъ. Указатель по составленію школьныхъ и народныхъ библіотекъ. — Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . 51— 80

16. **О Государственной Думѣ** и «новой эрѣ». *В. Мякотина*. 80— 98

17. **Открытое письмо** А. В. Пѣшехонову. *Г. Новоторжскаго* . . . . 99—109

18. **Хроника внутренней жизни:** XXII. „Пріобрѣтенная позиція“.—XXIII. Аграрная реформа съ точки зрѣнія рынка.—XXIV. Программа „дополнительнаго надѣленія“.—XXV. Платформа съ умолчаніемъ и проектъ г. Маслова.—XXVI. Община и государство (отвѣтъ г. Новоторжскому). *А. Пѣшехонова*. 109--159

19. **Діагнозъ и прогнозъ** (Письмо изъ Англіи). *Діонео*. 159—184

20. **Политика**: Миръ.—Условія мира.—Мирная конференція. — Марокккскій вопросъ. — Венгерскій кризисъ.—Шведо-норвежскій конфликтъ.—Текущія событія. *С. Южакова* . . . . 185—204

21. **Отчетъ конторы редакціи.**

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26-го февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши Предшественники.

Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все пространство Имперіи съ тѣми лишь измѣне-

ніями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ.

О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ Нами указано особо.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы Министру Внутреннихъ Дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены отъ 50-ти губерній и Области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года.

Мы сохраняемъ всецѣло за Собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы и, когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія.

Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всей Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на благо общей Нашей Матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія государства и народнаго порядка и благоденствія.

Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ шестой день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 г.

Учрежденіе Государственной Думы.

I. О составѣ и устройствѣ Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ по силѣ основныхъ законовъ чрезъ Государственный Совѣтъ къ Верховной Самодержавной Власти.

2. Государственная Дума образуется изъ членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской Имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ Положеніи о выборахъ въ Думу.

3. По указу Императорскаго Величества Государственная Дума можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока (ст. 2). Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу.

4. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются указами Императорскаго Величества.

5. Въ составѣ Государственной Думы образуются Общее Собраніе и Отдѣлы.

6. Отдѣловъ въ Государственной Думѣ должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми. Членовъ въ каждомъ отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати. Ближайшее установленіе числа отдѣловъ Думы и состава ихъ членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами зависитъ отъ Думы.

7. Для законнаго состава засѣданій Государственной Думы требуется присутствіе въ общемъ собраніи не менѣе одной трети всего числа членовъ Думы, а въ отдѣлѣ—не менѣе половины входящихъ въ его составъ членовъ.

8. Расходы по содержанію Государственной Думы относятся на счетъ Государственнаго Казначейства.

II. О предсѣдателяхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ.

9. Предсѣдатель Государственной Думы и его Товарищъ избираются Думой изъ числа ея членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы. Предсѣдатель, кромѣ указаннаго въ статьѣ 3 случая, исполняетъ свои обязанности впредь до новаго выбора Предсѣдателя. Избранный на послѣдній

годъ пятилѣтія (ст. 2), Предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія. Въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя обязанности его исполняетъ его Товарищъ.

10. Предсѣдатель Государственной Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы.

11. Предсѣдатели отдѣловъ Государственной Думы избираются въ каждомъ отдѣлѣ изъ числа его членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы.

12. Для соображенія общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея Предсѣдателя, состоитъ совѣщаніе, въ составъ коего входятъ Товарищъ Предсѣдателя Думы, предсѣдатели ея отдѣловъ, а равно секретарь Думы и его товарищъ.

III. О членахъ Государственной Думы.

13. Члены Государственной Думы, при вступленіи въ Думу, даютъ торжественное обѣщаніе, по прилагаемой при семъ формѣ.

14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

15. Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги.

16. Членъ Государственной Думы можетъ отказаться отъ сего званія, заявивъ о томъ письменно предсѣдателю Думы.

17. Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: *а*) утраты русскаго подданства; *б*) поступленія на дѣйствительную военную службу; *в*) назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія и *г*) утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ.

18. Сверхъ указанныхъ въ предшедшей (17) статьѣ случаевъ, членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава также и въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ *а*, *б*, *д*, *е* и *ж* статьи 7-й Положенія о выборахъ въ Думу.

19. Членъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ въ случаѣ: а) привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* статьи 7-й Положенія о выборахъ въ Думу или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности, и б) объявленія несо-

стоятельнымъ должникомъ—впредь до опредѣленія свойства несостоятельности.

20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе долга службы членовъ Государственнаго Совѣта (Учр. Гос. Сов., ст. 105—113).

21. Признаніе члена Государственной Думы утратившимъ это званіе (стт. 17 и 18), а равно и временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 19) зависитъ отъ Правительствующаго Сената.

22. Означенныя въ предшедшей (21) статьѣ дѣла возбуждаются въ Правительствующемъ Сенатѣ по сообщеніямъ Предсѣдателя Государственной Думы и разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

23. Члены Государственной Думы на время ея занятій получаютъ суточное изъ казны довольствіе въ размѣрѣ десяти рублей въ день. Сверхъ того членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разъ въ годъ путевыя издержки по разсчету пяти копѣекъ на версту отъ мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.

24. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно чрезъ своихъ товарищей или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій, либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ уполномоченныхъ Министрами и Главноуправляющими должностныхъ лицъ.

25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24) статьею порядкѣ обязательно для Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по общему ея собранію или по одному изъ ея отдѣловъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О секретаряхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ, канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на пять лѣтъ (ст. 2) и испол-

няютъ свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарища новымъ составомъ Думы.

27. Секретари отдѣловъ Государственной Думы избираются каждымъ отдѣломъ изъ числа его членовъ на пять лѣтъ (ст. 2).

28. Для производства дѣлъ по Государственной Думѣ состоитъ при ней канцелярія.

29. Управленіе канцеляріей Государственной Думы возлагается на секретаря Государственной Думы. Труды его раздѣляетъ товарищъ секретаря Думы. Въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 3, управленіе канцеляріей Думы возлагается, впредь до избранія секретаря новымъ составомъ Думы, на Государственнаго Секретаря.

30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны Предсѣдателя Государственной Думы и ея отдѣловъ распоряженій въ видахъ поддержанія порядка возлагается на пристава Думы и его помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его помощники въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются Предсѣдателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семъ прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:

а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны;

б) финансовыя смѣты Министерствъ и Главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя, — на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ;

в) отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію государственной росписи.

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующемъ Высочайшаго соизволенія;

д) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ;

е) дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;

ж) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Примѣчаніе: Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ также смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ кото-

рыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о возвышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими Думами (Пол. земск. учр., ст. 94; Гор. Пол., ст. 88; Пол. общ. упр. гор. С.-Петербургъ, ст. 6 и 78).

34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 54—57). Предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными.

35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61).

VI. О порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежащія обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся въ Думу Министрами и Главноуправляющими отдѣльными частями, а также Государственнымъ Секретаремъ.

37. Внесенныя въ Государственную Думу дѣла обсуждаются въ отдѣлахъ ея и затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе Общаго ея Собранія.

38. Засѣданія Общаго Собранія и отдѣловъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ предсѣдателями.

39. Предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ предсѣдателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.

40. Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы, онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію отдѣла или Общаго Собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Думы на опредѣленный срокъ по постановленію Общаго ея Собранія.

41. Въ засѣданія Государственной Думы, по Общему ея Собранію и по отдѣламъ, постороннія лица не допускаются.

42. Предсѣдателю Думы предоставляется разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго ея Собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.

43. Закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы назначаются по постановленію общаго собранія или по распоряженію Предсѣдателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія Общаго Собранія Государственной Думы и въ томъ случаѣ, когда Министръ или Главноуправляющій отдѣльной частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну.

44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи Предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.

45. Изъ отчета о закрытомъ засѣданіи Общаго Собранія Государственной Думы могутъ подлежать оглашенію въ печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ либо Предсѣдатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленія.

46. Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ въ Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное въ Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (ст. 34), можетъ быть взято обратно Министромъ или Главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то Общаго Собранія Думы.

47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Думы. Въ этомъ заключеніи должно быть опредѣлительно указано согласіе или несогласіе думы Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предлагаемыя Думой измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ.

48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думой, вносятся съ ея заключеніемъ въ Государственный Совѣтъ. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ, положеніе его, кромѣ случая, указаннаго въ статьѣ 49, представляется на Высочайшее благовоззрѣніе въ порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общихъ Собраніяхъ какъ Государственной

Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

50. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Совѣтъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію общаго собранія Совѣта, передано, для согласованія мнѣнія совѣта съ заключеніемъ Думы, въ коммиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору Общихъ Собраній Совѣта и Думы, по принадлежности. Въ коммиссіи предсѣдательствуетъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта или одинъ изъ предсѣдателей департаментовъ Совѣта.

51. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммиссіи (ст. 50), вносится сперва въ Общее Собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

52. Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Государственной Думы не состоится, по неприбытію положеннаго числа членовъ (ст. 7), подлежавшее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ послѣ несостоявшагося засѣданія недѣль. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ или засѣданіе Думы вновь не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ, то подлежащій Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданія новаго закона (ст. 34) подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запиской. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ отдѣлѣ Государственной Думы заявленія

объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона извѣщаются Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ Государственный Секретарь, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, не позднѣе какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью, или же Государственный Секретарь (ст. 55) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если Министръ или Главноуправляющій отдѣльною частью или же Государственный Секретарь (ст. 55) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей членовъ въ Общемъ Собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется Предсѣдателемъ Думы въ Государственный Совѣтъ, чрезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго Министра или Главноуправляющаго отдѣльной частью или же на Государственнаго Секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны Министровъ или Главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35), члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе Предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то Предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе Общаго ея Собранія.

59. Принятое большинствомъ членовъ Общаго Собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58) сообщается подлежащему Министру или Главноуправляющему отдѣльною частью.

60. Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей чле-

новъ общаго ея собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ Министра или Главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60), то дѣло восходитъ черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее благовоззрѣніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствія указаннаго въ ст. 12 совѣщанія, а также обязанности канцеляріи Думы, ея пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ сего учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ Правительствующій Сенатъ.

Приложеніе къ ст. 13-й.

Торжественное обѣщаніе членовъ Государственной Думы.

„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, къ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся".

Приложеніе къ ст. 32-й.

Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы.

1. Канцелярія Государственной Думы состоитъ изъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, казначея, присяжныхъ стенографовъ и писцовъ. Число служащихъ въ канцеляріи и оклады ихъ содержанія, а равно суммы на вознагражденіе писцовъ и на канцелярскіе расходы опредѣляются штатомъ.

2. Назначеніе и увольненіе служащихъ въ канцеляріи принадлежитъ секретарю Государственной Думы.

3. На службѣ въ канцеляріи не могутъ состоять лица, не до

пускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7 Положенія о выборахъ въ Думу.

4. Не могутъ быть принимаемы на службу въ канцелярію: *а)* недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б)* обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и *в)* иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ канцелярію лицъ зависитъ отъ Секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу Секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ Государственнымъ Секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торговопромышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ канцеляріи прдлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и единовременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3, 4, 8, 9 и 11 — 13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ приставу Государственной Думы и его помощникамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: *а)* по губерніямъ и областямъ и *б)* по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерніи Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степнаго и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. *а*) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а)* уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б)* городскихъ избирателей и *в)* уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ

столицахъ—въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ въ числѣ *восьмидесяти*.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: *а*) лица женскаго пола; *б*) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г*) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; *д*) бродячіе инородцы и *е*) иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а*) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б*) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в*) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности; *г*) подвергшіеся несостоятельности впредь до опредѣленія свойства ея; *д*) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастной; *е*) лишенные духовнаго сана или званія за пороки или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ, и *ж*) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а*) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей и *б*) лица, занимающія полицейскія должности,—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборамъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ вмѣсто своихъ отцовъ по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣзд-

номъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городскаго головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ указанныхъ въ пунктѣ *б*) статьи 1 городовъ образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городскаго головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12. Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; *б*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на поссессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; *в*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г*) уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ росписаніи, или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д*) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ Архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ Ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ (ст. 16, пп. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который и избираетъ установленное росписаніемъ (ст. 4) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14. Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12 уполномоченные

отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее.

15. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другаго принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12 пп. *а*, *б* и *в*).

16. Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основнаго промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избиранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6 и 7, а также въ пунктѣ *б* статьи 8.

18. Въ Астраханской губерніи образуется кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ г. Астрахани подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное

по росписанію (ст. 4) число выборщиковъ въ астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области Войска Донскаго и въ губерніи Оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ, съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ Астраханскаго, Донскаго и Оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войсковаго сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченныеэти избираются въ каждой общпнѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ—въ суммѣ не менѣе *трехъ тысячъ* рублей а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей; *б*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ—торговымъ предпріятіемъ перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основнаго промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе по числу и границамъ дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управой или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно

общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12, пп. *а*, *б* и *в*; ст. 16, п. *а* и ст. 19, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается подъ руководствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24. Для провѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи.

25. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда изъ управляющаго казенною палатой, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городскаго головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городскаго головы уѣзднаго города, податнаго инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются

другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30. Списки лицъ, имѣющихъ права участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управой или управой по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей—городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управой или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ, который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32. Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30—31) владѣли недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ или матерей (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30 и 31).

33. Составленные на основаніи статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34. Въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица

могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30 списковъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 31 списковъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

35. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій подлежащая коммиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

36. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммиссіи, установленномъ статьей 47 порядкѣ.

37. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38. Въ указанныхъ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для производствѣ выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20) избирательныя коммиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головой или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39. Способъ удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда (ст. 3 и 14) или избирательной коммиссіи (ст. 38).

40. Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачей голосовъ, посредствомъ записокъ.

41. Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства избраніе опредѣляется по жребію.

43. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ избраніе опредѣляется по жребію.

44. По окончаніи выборовъ съѣзды и избирательныя коммиссіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а предсѣдателями избирательныхъ коммиссій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

45. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммиссій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

46. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ уѣздная или губернская коммиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Коммиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

47. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной—въ губернскую коммиссію, а на постановленіе сей послѣдней—въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммиссіей въ недѣльный, а губернскою—въ двухнедѣльный срокъ: первою – въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а второю—въ Правительствующій Сенатъ.

48. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ коммиссіей, а списки

выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія—губернскою по дѣламъ о выборахъ коммиссіей. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуютъ по распоряженію губернатора или градоначаника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласныхъ этихъ списковъ.

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49. Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы. Сверхъ того одного члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области Войска Донскаго избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное росписаніемъ (ст. 2) число членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

50. Городскія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число членовъ Государственной Думы (ст. 2) закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачей голосовъ посредствомъ записокъ кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52. Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигнетъ указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2 росписаніи для данной губерніи, области и города числа членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятся окончательные выборы недостающаго числа членовъ, при чемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55. Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58. Выборное производство съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ Правительствующему Сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, Правительствующій Сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60. Указанныя въ прошедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената окончательно по выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61. Въ случаѣ отмѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производятся по распоряженію Правительствующаго Сената новые выборы подлежащимъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ на текущее пятилѣтіе.

62. Списокъ членовъ Государственной Думы составляется Правительствующимъ Сенатомъ и публикуются имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Приложеніе къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

Губерніи, области и города.	Число членовъ Государственной Думы.
1. Архангельская	2
2. Астраханская	—
по городу Астрахани	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	3
3. Бессарабская	—
по городу Кишиневу	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	8
4. Виленская	—
по городу Вильнѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
5. Витебская	6
6. Владимірская.	6
7. Вологодская	5
8. Волынская	13
9. Воронежская.	—
по городу Воронежу	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. .	11
10. Вятская	13
11. Гродненская	7
12. Область Войска Донского. . . .	—
по городу Ростову на-Дону съ Нахичеванью	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	11
13. Екатеринославская.	—
по городу Екатеринославу . . .	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	9
14. Казанская.	—
по городу Казани	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	9
15. Калужская.	5
16. Кіевская	—
по городу Кіеву	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	15
17. Ковенская	6
18. Костромская	6
19. Курляндская	3
20. Курская	—
по городу Курску	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	10

Губерніи, области и города.	Число членовъ Государственной Думы.
21. Лифляндская	—
по городу Ригѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	4
22. Минская.	9
23. Могилевская	7
24. Московская	—
по городу Москвѣ	4
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
25. Нижегородская.	—
по городу Нижнему-Новгороду. .	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
26. Новгородская	6
27. Олонецкая	3
28. Оренбургская	7
29. Орловская	—
по городу Орлу.	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	8
30. Пензенская	6
31. Пермская	13
32. Подольская	13
33. Полтавская	12
34. Псковская	4
35. Рязанская.	8
36. Самарская	—
по городу Самарѣ.	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	12
37. С.-Петербургская	—
по городу С.-Петербургу	6
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	3
38. Саратовская	—
по городу Саратову	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	10
39. Симбирская	6
40. Смоленская	6
41. Ставропольская	3
42. Таврическая.	6
43. Тамбовская	12
44. Тверская.	8
45. Тульская.	—

ГУБЕРНІИ, ОБЛАСТИ И ГОРОДА.	Число членовъ Государственной Думы.
по городу Тулѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	5
46. Уфимская	10
47. Харьковская	—
по городу Харькову	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	10
48. Херсонская	—
по городу Одессѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	10
49. Черниговская	10
50. Эстляндская.	3
51. Ярославская	—
по городу Ярославлю	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	4
Итого	412
Въ томъ числѣ отъ городовъ	28

Приложеніе къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ
числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
1. Архангельская.				
Архангельскій	5	1		4
Александровскій	2	1		1
Кемскій	3	2		1
Мезенскій	3	1		2
Онежскій.	3	2		1
Печорскій	3	2		1
Пинежскій	3	2		1
Холмогорскій	3	2		1
Шенкурскій	7	6		1
	32	19		13
2. Астраханская.				
Астраханскій	9	1	1	7
Енотаевскій.	6	3	1	2
Красноярскій	5	2	1	2
Царевскій	16	12	1	3
Черноярскій	9	6	1	2
	45*)	24	5	16
3. Бессарабская.				
Кишиневскій	11	2	8	1
Аккерманскій	18	12	4	2
Бендерскій	13	6	4	3
Бѣлецкій	14	3	10	1
Измаильскій	16	6*)	7	3
Оргѣевскій	14	2	8	4
Сорокскій	14	4	6	4
Хотинскій	20	8	9	3
	120	43	56	21
4. Виленская.				
Виленскій	14	6	7	1
Вилейскій	13	5	7	1
Дисненскій	13	5	7	1
Лидскій	13	5	7	1
Ошмянскій.	14	6	7	1
Свѣнцянскій	11	6	4	1
Трокскій	13	7	5	1
	91	40	44	7

*) Сверхъ того, пять выборщиковъ избираются общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска.

*) По Измаильскому уѣзду уполномоченные избираются сельскими общинами.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
5. Витебская.				
Витебскій.	11	2	4	5
Велижскій	6	1	4	1
Городокскій . . .	7	4	2	1
Двинскій	14	5	4	5
Дриссенскій . . .	6	2	3	1
Лепельскій	9	4	4	1
Люцинскій	7	2	4	1
Невельскій	7	3	3	1
Плооцкій.	9	3	4	2
Рѣжицкій	8	3	4	1
Себежскій	6	2	3	1
	90	31	39	20
6. Владимірская.				
Владимірскій . . .	9	3	1	5
Александровскій .	6	2	1	3
Вязниковскій . . .	5	1	1	3
Гороховецкій . . .	6	3	2	1
Ковровскій	7	2	1	4
Меленковскій . . .	8	2	2	4
Муромскій	7	2	1	4
Переяславльскій .	5	2	1	2
Покровскій	10	1	1	8
Судогодскій . . .	6	1	2	3
Суздальскій . . .	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій	6	2	2	2
	92	26	18	48
7. Вологодская.				
Вологодскій. . . .	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій . . .	6	3	2	1
Кадниковскій . . .	12	4	7	1
Никольскій	13	11	1	1
Сольвычегодскій .	7	5	1	1
Тотемскій.	8	6	1	1
Устьсысольскій . .	5	1	3	1
Устюжскій	9	6	1	2
Яренскій	3	1	1	1
	80	46	21	13
8. Волынская.				
Житомірскій . . .	28	7	12	9
Владиміръ-Волынскій.	18	9	7	2
Дубенскій	13	5	6	2
Заславскій	13	5	5	3
Ковельскій	14	7	5	2
Кременецкій . . .	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ-Волынскій.	23	7	11	5
Овручскій	14	4	8	2
Острожскій. . . .	11	4	5	2
Ровенскій	18	4	9	5
Староконстантиновскій.	12	5	5	2
	195	69	86	4[illegible]
9. Воронежская.				
Воронежскій . . .	14	8	4	2
Бирюченскій. . . .	13	7	4	2
Бобровскій	19	8	7	4
Богучарскій . . .	20	15	3	2
Валуйскій	13	7	4	2
Задонскій	8	5	2	1
Землянскій	14	8	4	2
Коротоякскій . . .	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій . .	11	9	1	1
Новохоперскій. . .	13	8	4	1
Острогожскій. . .	18	10	5	3
Павловскій	11	7	3	1
	165	101	42	22
10. Вятская.				
Вятскій.	13	8	1	4
Глазовскій.	24	16	4	4
Елабужскій. . . .	15	9	2	4
Котельническій . .	19	16	1	2
Малмыжскій . . .	18	15	1	2
Нолинскій	12	10	1	1
Орловскій	17	15	1	1
Сарапульскій . . .	27	18	1	8
Слободскій	14	7	4	3
Уржумскій	18	15	1	2
Яранскій	23	19	1	3
	200	148	18	34
11. Гродненская.				
Гродненскій . . .	13	4	3	6
Брестскій.	14	5	4	5
Бѣлостокскій . . .	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій . . .	10	5	4	1
Кобринскій	12	5	6	1
Пружанскій. . . .	9	5	3	1
Слонимскій	16	7	7	2
Соколкскій	7	5	1	1
	105	43	36	26

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевлад.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
12. Область Войска Донского.					
Черкасскій округъ.	17	1	6	1	9
Донецкій.	35	1	16	10	8
Первый Донской. .	20	1	11	6	2
Второй Донской. .	18	1	14	1	2
Ростовскій	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій. . . .	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій.	18	1	13	2	2
Хоперскій.	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
13. Екатеринославская.				
Екатеринославскій.	16	2	3	11
Александровскій .	19	6	9	4
Бахмутскій	23	2	3	18
Верхнеднѣпровскій.	14	2	4	8
Маріупольскій . .	17	11	2	4
Новомосковскій . .	17	5	7	5
Павлоградскій . .	17	5	9	3
Славяносербскій .	12	1	1	10
	135	34	38	63
14. Казанская.				
Казанскій.	15	11	2	2
Козьмодемьянскій.	8	6	1	1
Лаишевскій. . . .	11	6	4	1
Мамадышскій . . .	13	11	1	1
Свіяжскій	9	5	2	2
Спасскій	11	6	4	1
Тетюшскій.	12	10	1	1
Царевококшайскій.	9	7	1	1
Цивильскій. . . .	10	8	1	1
Чебоксарскій . . .	0		1	3
Чистопольскій. . .	20	13	4	3
Ядринскій	11	9	1	1
	139	98	23	18
15. Калужская.				
Калужскій.	8	2	2	4
Боровскій	3	1	1	1
Жиздринскій . . .	16	6	5	5
Козельскій	8	4	3	1
Лихвинскій. . . .	6	3	2	1
Малоярославецкій.	3	1	1	1
Медынскій	7	3	2	2
Мещовскій	6	2	2	2
Мосальскій	10	5	4	1
Перемышльскій . .	5	2	2	1
Тарусскій.	4	1	1	2
	76	30	25	21
16. Кіевская.				
Кіевскій	20	7	6	7
Бердичевскій . . .	19	4	5	10
Васильковскій . .	21	8	4	9
Звенигородскій . .	19	8	6	5
Каневскій	18	7	6	5
Липовецкій. . . .	14	5	6	3
Радомысльскій . .	22	7	10	5
Сквирскій	17	6	7	4
Таращанскій . . .	16	7	5	4
Уманскій	22	9	6	7
Черкасскій	21	6	7	8
Чигиринскій . . .	16	6	6	4
	225	80	74	71
17. Ковенская.				
Ковенскій.	13	2	4	7
Вилькомірскій. . .	13	7	5	1
Новоалександровскій.	12	7	4	1
Поневѣжскій . . .	13	6	6	1
Россіенскій . . .	14	6	6	2
Тельшевскій . . .	11	5	4	2
Шавельскій . . .	14	6	6	2
	90	39	35	16
18. Костромская.				
Костромской . . .	12	4	3	5
Буйскій	5	2	2	1
Варнавинскій . .	8	3	4	1
Ветлужскій . . .	8	2	5	1

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Галичскій	7	3	3	1
Кинешемскій . . .	9	1	2	6
Кологривскій . . .	7	1	5	1
Макарьевскій . .	9	4	4	1
Нерехтскій	10	4	2	4
Солигаличскій . .	4	1	2	1
Чухломскій . . .	4	1	2	1
Юрьевецкій . . .	9	3	1	5
	92	29	35	28

19. Курляндская.

Добленскій	7	2	1	4
Баусскій	3	1	1	1
Виндавскій	4	1	1	2
Газенпотскій . .	4	1	2	1
Гольдингенскій . .	4	2	1	1
Гробинскій . . .	8	1	1	6
Иллукстскій . . .	4	1	2	1
Тальсенскій . .	4	1	2	1
Туккумскій . . .	4	1	2	1
Фридрихштадтскій.	4	2	1	1
	46	13	14	19

20. Курская.

Курскій	9	5	3	1
Бѣлгородскій . .	11	5	2	4
Грайворонскій . .	12	6	3	3
Дмитріевскій . . .	8	3	4	1
Корочанскій . . .	11	8	2	1
Льговскій	8	3	3	2
Новооскольскій .	10	6	3	1
Обоянскій	12	9	2	1
Путивльскій . . .	11	3	5	3
Рыльскій	11	3	3	5
Старооскольскій .	10	5	3	2
Суджанскій . . .	10	6	3	1
Тимскій	9	6	2	1
Фатежскій	8	5	2	1
Щигровскій . . .	10	5	4	1
	150	78	44	28

21. Лифляндская.

Рижскій	6	1	3	2
Валкскій	7	2	3	2
Венденскій	7	3	3	1
Верроскій	6	2	3	1
Вольмарскій . . .	8	3	4	1
Перновскій . . .	6	2	2	2

Наименованіе губерній и городовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Феллинскій . . .	6	3	2	1
Эзельскій	4	2	1	1
Юрьевскій	11	3	4	4
	61	21	25	15

22. Минская.

Минскій	17	4	6	7
Бобруйскій . . .	16	4	9	3
Борисовскій . . .	15	6	8	1
Игуменскій . . .	15	3	10	2
Мозырскій	12	3	7	2
Новогрудскій . .	15	6	8	1
Пинскій	15	4	9	2
Рѣчицкій	14	6	7	1
Слуцкій	16	5	10	1
	135	41	74	20

23. Могилевская.

Могилевскій . . .	10	2	4	4
Быховскій	9	4	4	1
Гомельскій	14	5	6	3
Горецкій	8	4	3	1
Климовичскій . .	9	4	4	1
Мстиславскій . . .	6	2	3	1
Оршанскій	11	4	6	1
Рогачевскій . . .	14	5	8	1
Сѣннинскій . . .	11	4	6	1
Чаусскій	7	3	3	1
Чериковскій . . .	10	3	6	1
	109	40	53	16

24. Московская.

Московскій . . .	10	1	1	8
Богородскій . . .	14	1	1	12
Бронницкій . . .	9	2	1	6
Верейскій	5	1	1	3
Волоколамскій . .	5	2	1	2
Дмитровскій . . .	8	1	1	6
Звенигородскій . .	6	2	1	3
Клинскій	7	1	1	5
Коломенскій . . .	8	1	1	6
Можайскій	3	1	1	1
Подольскій . . .	6	1	1	4
Рузскій	3	1	1	1
Серпуховскій . .	8	1	1	6
	92	16	13	63

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
25. Нижегородская.				
Нижегородскій	8	4	2	2
Ардатовскій	8	2	4	2
Арзамасскій	8	5	2	1
Балахнинскій	8	1	2	5
Васильсурскій	8	4	3	1
Горбатовскій	8	3	3	2
Княгининскій	6	3	2	1
Лукояновскій	12	8	3	1
Макарьевскій	7	3	3	1
Семеновскій	7	4	2	1
Сергачскій	10	5	4	1
	90	42	30	18
26. Новгородская.				
овгородскій	12	4	5	3
оровичскій	10	3	6	1
ѣлозерскій	7	1	5	1
алдайскій	6	2	3	1
емянскій	5	2	2	1
ирилловскій	8	4	3	1
рестецкій	7	2	3	2
тарорусскій	12	7	3	2
ихвинскій	8	1	6	1
стюженскій	7	1	5	1
ереповецкій	10	4	4	2
	92	31	45	16
27. Олонецкая.				
етрозаводскій	11	5	1	5
ытегорскій	7	3	2	2
аргопольскій	11	9	1	1
одейнопольскій	6	3	2	1
лонецкій	6	2	1	3
овѣнецкій	4	2	1	1
удожскій	5	3	1	1
	50	27	9	14

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевлад.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
28. Оренбургская.					
Оренбургскій	36	9	7	13	7
Верхнеуральскій	15	4	5	3	3
Орскій	15	8	2	1	4
Троицкій	12	1	6	1	4
Челябинскій	27	14	7	1	5
	105	36	27	19	23

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
29. Орловская.				
Орловскій	8	4	3	1
Болховскій	8	4	3	1
Брянскій	13	4	5	4
Дмитровскій	7	3	3	1
Елецкій	17	8	5	4
Карачевскій	8	4	3	1
Кромскій	7	4	2	1
Ливенскій	18	11	6	1
Малоархангельскій	12	7	4	1
Мценскій	6	2	3	1
Сѣвскій	10	5	4	1
Трубчевскій	8	3	4	1
	122	59	45	18
30. Пензенская.				
Пензенскій	9	2	3	4
Городищенскій	10	4	4	2
Инсарскій	11	7	3	1
Керенскій	7	4	2	1
Краснослободскій	10	8	1	1
Мокшанскій	7	2	4	1
Наровчатскій	8	6	1	1
Нижнеломовскій	9	5	3	1
Саранскій	9	4	3	2
Чембарскій	10	5	4	1
	90	47	28	15

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
31. Пермская.				
Пермскій	18	2	9	7
Верхотурскій . .	18	2	7	9
Екатеринбургскій .	26	4	9	13
Ирбитскій	10	7	1	2
Камышловскій . .	16	12	1	3
Красноуфимскій .	17	6	8	3
Кунгурскій . . .	9	5	2	2
Осинскій	21	15	3	3
Оханскій	17	9	6	2
Соликамскій . . .	15	3	8	4
Чердынскій . . .	7	3	3	1
Шадринскій . . .	22	18	1	3
	196	86	58	52
32. Подольская.				
Каменецъ-Подольскій	17	5	6	6
Балтскій	26	12	10	4
Брацлавскій . . .	16	7	6	3
Винницкій	16	5	5	6
Гайсинскій	16	8	6	2
Летичевскій . . .	12	6	5	1
Литинскій	14	6	6	2
Могилевскій . . .	14	5	5	4
Ольгопольскій . .	19	8	8	3
Проскуровскій . .	14	6	5	3
Ушицкій	14	6	6	2
Ямпольскій . . .	17	8	8	1
	195	82	76	37
33. Полтавская.				
Полтавскій	15	1	8	6
Гадячскій	9	2	5	2
Золотоношскій . .	15	2	11	2
Зеньковскій . . .	10	1	8	1
Кобелякскій . . .	14	2	11	1
Константиноградскій	15	4	9	2
Кременчугскій . .	16	1	7	8
Лохвицкій	10	1	6	3
Лубенскій	9	1	5	3
Миргородскій . .	10	1	6	3
Переяславскій . .	12	1	7	4
Пирятинскій . . .	11	2	6	3
Прилукскій . . .	12	2	7	3
Роменскій	12	1	6	5
Хорольскій	11	1	7	3
	181	23	109	49

Наименованіе губеній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
34. Псковская.				
Псковскій	12	7	3	2
Великолуцкій . .	7	2	4	1
Новоржевскій . .	6	2	3	1
Опочецкій	7	3	3	1
Островскій . . .	9	5	3	1
Порховскій . . .	9	3	4	2
Торопецкій . . .	6	1	4	1
Холмскій	5	1	3	1
	61	24	27	10
35. Рязанская.				
Рязанскій	14	4	5	5
Данковскій	8	4	3	1
Егорьевскій . . .	10	2	1	7
Зарайскій	8	3	2	3
Касимовскій . . .	11	5	4	2
Михайловскій . .	10	6	3	1
Пронскій	7	3	2	2
Раненбургскій . .	10	5	4	1
Ряжскій	9	4	4	1
Сапожковскій . .	11	5	5	1
Скопинскій . . .	12	7	3	2
Спасскій	11	6	4	1
	121	54	40	27
36. Самарская.				
Самарскій	17	9	4	4
Бугульминскій . .	20	7	3	10
Бугурусланскій .	28	16	9	3
Бузулукскій . . .	34	17	9	8
Николаевскій . .	33	17	10	6
Новоузенскій . .	29	17	8	4
Ставропольскій . .	19	11	5	3
	180	94	48	38
37. С.-Петербургская.				
С.-Петербургскій .	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій . .	5	2	2	1
Петергофскій . .	7	2	2	3
Царскосельскій . .	8	2	2	4
Шлиссельбургскій	4	1	1	2
Ямбургскій . . .	4	1	2	
	47	14	18	1[illegible]

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
38. Саратовская.				
Саратовскій . . .	13	4	7	2
Аткарскій	19	7	9	3
Балашевскій . . .	21	8	9	4
Вольскій	12	5	4	3
Камышинскій . .	21	14	2	5
Кузнецкій	11	5	3	3
Петровскій	15	7	6	2
Сердобскій	15	6	7	2
Хвалынскій . . .	12	7	3	2
Царицынскій . . .	11	1	1	9
	150	64	51	35
39. Симбирская.				
Симбирскій . . .	14	5	4	5
Алатырскій . . .	10	5	2	3
Ардатовскій . . .	12	7	4	1
Буинскій	12	9	2	1
Карсунскій	14	6	7	1
Курмышскій . . .	10	6	3	1
Сенгилеевскій . .	9	4	3	2
Сызранскій . . .	9	2	4	3
	90	44	29	17
40. Смоленская.				
Смоленскій . . .	9	2	2	5
Бѣльскій	10	2	7	1
Вяземскій	6	2	3	1
Гжатскій	5	2	2	1
Дорогобужскій . .	6	2	3	1
Духовщинскій . .	8	3	2	3
Ельнинскій . . .	8	3	4	1
Краснинскій . . .	6	3	2	1
Порѣчскій	8	3	4	1
Рославльскій . . .	11	3	6	2
Сычевскій	6	3	2	1
Юхновскій	7	3	3	1
	90	31	40	19
41. Ставропольская.				
Ставропольскій . .	9	4	2	3
Александровскій .	9	7	1	1
Медвѣженскій . .	13	10	1	2
Благодаринскій . .	10	8	1	1
Прасковейскій . .	6	4	1	1
	47	33	6	8

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
42. Таврическая.				
Симферопольскій .	10	1	3	6
Бердянскій	21	16	2	3
Днѣпровскій . . .	14	5	8	1
Евпаторійскій . .	5	1	2	2
Мелитопольскій .	26	16	7	3
Перекопскій . . .	5	1	3	1
Ялтинскій	6	1	2	3
Ѳеодосійскій . .	9	1	4	4
	96	42	31	23
43. Тамбовская.				
Тамбовскій	28	13	10	5
Борисоглѣбскій .	21	14	6	2
Елатомскій	9	4	4	1
Кирсановскій . .	18	8	9	1
Козловскій	23	13	7	3
Лебедянскій . . .	10	6	2	2
Липецкій	11	5	2	4
Моршанскій . . .	18	8	7	3
Спасскій	8	6	1	1
Темниковскій . .	9	3	4	2
Усманскій	14	9	4	1
Шацкій	11	4	6	1
	180	92	62	26
44. Тверская.				
Тверской	11	2	1	8
Бѣжецкій	17	9	6	2
Весьегонскій . . .	10	5	4	1
Вышневолоцкій .	12	4	5	3
Зубцовскій	7	3	3	1
Калязинскій . . .	8	4	2	2
Кашинскій	8	4	2	2
Корчевской . . .	8	3	3	2
Новоторжскій . .	10	4	3	3
Осташковскій . .	9	3	5	1
Ржевскій	10	3	3	4
Старицкій	10	5	4	1
	120	49	41	30
45. Тульская.				
Тульскій	6	2	2	2
Алексинскій . . .	4	2	1	1
Богородицкій . .	9	4	3	2
Бѣлевскій	4	2	1	1
Веневскій	6	3	2	1
Епифанскій . . .	7	3	3	1
Ефремовскій . . .	9	4	4	1

пускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7 Положенія о выборахъ въ Думу.

4. Не могутъ быть принимаемы на службу въ канцелярію: *а)* недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б)* обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и *в)* иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ канцелярію лицъ зависитъ отъ Секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу Секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ Государственнымъ Секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торговопромышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ канцеляріи прдлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12 учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и единовременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

---

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3, 4, 8, 9 и 11 — 13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ приставу Государственной Думы и его помощникамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: *а*) по губерніямъ и областямъ и *б)* по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерніи Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степнаго и Туркестанскаго и Намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

3. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1, п. *а*) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а)* уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б)* городскихъ избирателей и *в)* уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

5. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ

столицахъ—въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ въ числѣ *восьмидесяти*.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: *а*) лица женскаго пола; *б*) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г*) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; *д*) бродячіе инородцы и *е*) иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а*) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденнаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б*) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго Манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в*) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности; *г*) подвергшіеся несостоятельности впредь до опредѣленія свойства ея; *д*) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастной; *е*) лишенные духовнаго сана или званія за пороки или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ, и *ж*) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а*) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники—въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей и *б*) лица, занимающія полицейскія должности,—въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборамъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ вмѣсто своихъ отцовъ по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣзд-

номъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городскаго головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ указанныхъ въ пунктѣ *б)* статьи 1 городовъ образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городскаго головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, коему предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12. Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; *б)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на поссессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; *в)* лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г)* уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ росписаніи, или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д*) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ Архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ Ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ (ст. 16, пп. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который и избираетъ установленное росписаніемъ (ст. 4) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14. Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12 уполномоченные

отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно росписанію, устанавливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее.

15. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другаго принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12 пп. *а*, *б* и *в*).

16. Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основнаго промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избиранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6 и 7, а также въ пунктѣ *б* статьи 8.

18. Въ Астраханской губерніи образуется кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ г. Астрахани подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное

по росписанію (ст. 4) число выборщиковъ въ астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области Войска Донскаго и въ губерніи Оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ, съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ Астраханскаго, Донскаго и Оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войсковаго сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченныеэти избираются въ каждой общпнѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ—въ суммѣ не менѣе *трехъ тысячъ* рублей а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей; *б*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ—торговымъ предпріятіемъ перваго разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основнаго промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе по числу и границамъ дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управой или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно

общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12, пп. *а*, *б* и *в*; ст. 16, п. *а* и ст. 19, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается подъ руководствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24. Для провѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи.

25. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда изъ управляющаго казенною палатой, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городскаго головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городскаго головы уѣзднаго города, податнаго инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются

другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30. Списки лицъ, имѣющихъ права участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управой или управой по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей—городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управой или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ, который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32. Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30—31) владѣли недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ—не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ или матерей (ст. 9), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30 и 31).

33. Составленные на основаніи статей 30 и 31 избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34. Въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица

могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30 списковъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 31 списковъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

35. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій подлежащая коммиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

36. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммиссіи, установленномъ статьей 47 порядкѣ.

37. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38. Въ указанныхъ пунктѣ *б* статьи 1 городахъ, для производствѣ выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20) избирательныя коммиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ городскимъ головой или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39. Способъ удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда (ст. 3 и 14) или избирательной коммиссіи (ст. 38).

40. Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачей голосовъ, посредствомъ записокъ.

41. Выборщики (ст. 3 и 5) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства избраніе опредѣляется по жребію.

43. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ избраніе опредѣляется по жребію.

44. По окончаніи выборовъ съѣзды и избирательныя коммиссіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а предсѣдателями избирательныхъ коммиссій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

45. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммиссій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

46. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ уѣздная или губернская коммиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Коммиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

47. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной—въ губернскую коммиссію, а на постановленіе сей послѣдней—въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммиссіей въ недѣльный, а губернскою—въ двухнедѣльный срокъ: первою – въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а второю—въ Правительствующій Сенатъ.

48. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ коммиссіей, а списки

выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія—губернскою по дѣламъ о выборахъ коммиссіей. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуютъ по распоряженію губернатора или градоначаника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласныхъ этихъ списковъ.

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49. Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы. Сверхъ того одного члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области Войска Донскаго избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное росписаніемъ (ст. 2) число членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

50. Городскія избирательныя собранія (ст. 5) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число членовъ Государственной Думы (ст. 2) закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачей голосовъ посредствомъ записокъ кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52. Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигнетъ указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2 росписаніи для данной губерніи, области и города числа членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятся окончательные выборы недостающаго числа членовъ, при чемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55. Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58. Выборное производство съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ Правительствующему Сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, Правительствующій Сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60. Указанныя въ прошедшей (59) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената окончательно по выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ — по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61. Въ случаѣ отмѣны выборовъ Правительствующимъ Сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производятся по распоряженію Правительствующаго Сената новые выборы подлежащимъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ на текущее пятилѣтіе.

62. Списокъ членовъ Государственной Думы составляется Правительствующимъ Сенатомъ и публикуются имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Приложеніе къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ.

Губерніи, области и города.	Число членовъ Государственной Думы.
1. Архангельская	2
2. Астраханская	—
по городу Астрахани	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	3
3. Бессарабская	—
по городу Кишиневу	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	8
4. Виленская	—
по городу Вильнѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
5. Витебская	6
6. Владимірская.	6
7. Вологодская	5
8. Волынская	13
9. Воронежская.	—
по городу Воронежу	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	11
10. Вятская	13
11. Гродненская	7
12. Область Войска Донского. . . .	—
по городу Ростову на-Дону съ Нахичеванью	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	11
13. Екатеринославская.	—
по городу Екатеринославу . . .	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	9
14. Казанская.	—
по городу Казани	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	9
15. Калужская	5
16. Кіевская	—
по городу Кіеву	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	15
17. Ковенская	6
18. Костромская	6
19. Курляндская	3
20. Курская	—
по городу Курску	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	10
21. Лифляндская	—
по городу Ригѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	4
22. Минская	9
23. Могилевская	7
24. Московская	—
по городу Москвѣ	4
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
25. Нижегородская.	—
по городу Нижнему-Новгороду. .	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	6
26. Новгородская	6
27. Олонецкая	3
28. Оренбургская	7
29. Орловская	—
по городу Орлу.	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	8
30. Пензенская	6
31. Пермская	13
32. Подольская	13
33. Полтавская	12
34. Псковская	4
35. Рязанская.	8
36. Самарская	—
по городу Самарѣ.	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	12
37. С.-Петербургская	—
по городу С.-Петербургу	6
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	3
38. Саратовская	—
по городу Саратову	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд. . .	10
39. Симбирская	6
40. Смоленская	6
41. Ставропольская	3
42. Таврическая.	6
43. Тамбовская	12
44. Тверская.	8
45. Тульская.	—

ГУБЕРНІИ, ОБЛАСТИ И ГОРОДА.	Число членовъ Государственной Думы.
по городу Тулѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	5
46. Уфимская	10
47. Харьковская	—
по городу Харькову	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	10
48. Херсонская	—
по городу Одессѣ	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	10
49. Черниговская	10
50. Эстляндская	3
51. Ярославская	—
по городу Ярославлю	1
въ проч. городахъ и въ уѣзд.	4
Итого	412
Въ томъ числѣ отъ городовъ	28

Приложеніе къ статьѣ 4.

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
1. Архангельская.				
Архангельскій	5	1		4
Александровскій	2	1		1
Кемскій	3	2		1
Мезенскій	3	1		2
Онежскій	3	2		1
Печорскій	3	2		1
Пинежскій	3	2		1
Холмогорскій	3	2		1
Шенкурскій	7	6		1
	32	19		13
2. Астраханская.				
Астраханскій	9	1	1	7
Енотаевскій	6	3	1	2
Красноярскій	5	2	1	2
Царевскій	16	12	1	3
Черноярскій	9	6	1	2
	45*)	24	5	16

*) Сверхъ того, пять выборщиковъ избираются общимъ съѣздомъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
3. Бессарабская.				
Кишиневскій	11	2	8	1
Аккерманскій	18	12	4	2
Бендерскій	13	6	4	3
Бѣлецкій	14	3	10	1
Измаильскій	16	6*)	7	3
Оргѣевскій	14	2	8	4
Сорокскій	14	4	6	4
Хотинскій	20	8	9	3
	120	43	56	21
4. Виленская.				
Виленскій	14	6	7	1
Вилейскій	13	5	7	1
Дисненскій	13	5	7	1
Лидскій	13	5	7	1
Ошмянскій	14	6	7	1
Свѣнцянскій	11	6	4	1
Трокскій	13	7	5	1
	91	40	44	7

*) По Измаильскому уѣзду уполномоченные избираются сельскими общинами.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
5. Витебская.				
Витебскій.	11	2	4	5
Велижскій	6	1	4	1
Городокскій . . .	7	4	2	1
Двинскій	14	5	4	5
Дриссенскій . . .	6	2	3	1
Лепельскій	9	4	4	1
Люцинскій	7	2	4	1
Невельскій	7	3	3	1
Плооцкій.	9	3	4	2
Рѣжицкій	8	3	4	1
Себежскій	6	2	3	1
	90	31	39	20
6. Владимірская.				
Владимірскій . . .	9	3	1	5
Александровскій .	6	2	1	3
Вязниковскій . . .	5	1	1	3
Гороховецкій . . .	6	3	2	1
Ковровскій	7	2	1	4
Меленковскій . . .	8	2	2	4
Муромскій	7	2	1	4
Переяславльскій .	5	2	1	2
Покровскій	10	1	1	8
Судогодскій . . .	6	1	2	3
Суздальскій . . .	7	4	2	1
Шуйскій	10	1	1	8
Юрьевскій	6	2	2	2
	92	26	18	48
7. Вологодская.				
Вологодскій. . . .	9	3	3	3
Вельскій	8	6	1	1
Грязовецкій . . .	6	3	2	1
Кадниковскій . . .	12	4	7	1
Никольскій	13	11	1	1
Сольвычегодскій .	7	5	1	1
Тотемскій.	8	6	1	1
Устьсысольскій . .	5	1	3	1
Устюжскій	9	6	1	2
Яренскій	3	1	1	1
	80	46	21	13
8. Волынская.				
Житомірскій . . .	28	7	12	9
Владиміръ-Волынскій.	18	9	7	2
Дубенскій	13	5	6	2
Заславскій	13	5	5	3

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Ковельскій	14	7	5	2
Кременецкій . . .	14	6	6	2
Луцкій	17	6	7	4
Новоградъ-Волынскій.	23	7	11	5
Овручскій	14	4	8	2
Острожскій. . . .	11	4	5	2
Ровенскій	18	4	9	5
Староконстантиновскій.	12	5	5	2
	195	69	86	40
9. Воронежская.				
Воронежскій . . .	14	8	4	2
Бирюченскій. . . .	13	7	4	2
Бобровскій	19	8	7	4
Богучарскій . . .	20	15	3	2
Валуйскій	13	7	4	2
Задонскій	8	5	2	1
Землянскій	14	8	4	2
Коротоякскій . . .	11	9	1	1
Нижнедѣвицкій . .	11	9	1	1
Новохоперскій. . .	13	8	4	1
Острогожскій. . .	18	10	5	3
Павловскій	11	7	3	1
	165	101	42	22
10. Вятская.				
Вятскій.	13	8	1	4
Глазовскій.	24	16	4	4
Елабужскій. . . .	15	9	2	4
Котельническій . .	19	16	1	2
Малмыжскій . . .	18	15	1	2
Нолинскій	12	10	1	1
Орловскій	17	15	1	1
Сарапульскій . . .	27	18	1	8
Слободскій	14	7	4	3
Уржумскій	18	15	1	2
Яранскій	23	19	1	3
	200	148	18	34
11. Гродненская.				
Гродненскій . . .	13	4	3	6
Брестскій.	14	5	4	5
Бѣлостокскій . . .	13	3	3	7
Бѣльскій	11	4	5	2
Волковыскій . . .	10	5	4	1
Кобринскій	12	5	6	1
Пружанскій. . . .	9	5	3	1
Слонимскій	16	7	7	2
Соколкскій	7	5	1	1
	105	43	36	26

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевлад.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
12. Область Войска Донского.					
Черкасскій округъ.	17	1	6	1	9
Донецкій.	35	1	16	10	8
Первый Донской. .	20	1	11	6	2
Второй Донской. .	18	1	14	1	2
Ростовскій	14	4	2	6	2
Сальскій	7	1	4	1	1
Таганрогскій. . . .	30	3	1	17	9
Усть-Медвѣдицкій.	18	1	13	2	2
Хоперскій.	18	1	12	3	2
	177	14	79	47	37

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
13. Екатеринославская.				
Екатеринославскій.	16	2	3	11
Александровскій .	19	6	9	4
Бахмутскій	23	2	3	18
Верхнеднѣпровскій.	14	2	4	8
Маріупольскій . .	17	11	2	4
Новомосковскій . .	17	5	7	5
Павлоградскій . .	17	5	9	3
Славяносербскій .	12	1	1	10
	135	34	38	63
14. Казанская.				
Казанскій.	15	11	2	2
Козьмодемьянскій.	8	6	1	1
Лаишевскій. . . .	11	6	4	1
Мамадышскій . . .	13	11	1	1
Свіяжскій	9	5	2	2
Спасскій	11	6	4	1
Тетюшскій.	12	10	1	1
Царевококшайскій.	9	7	1	1
Цивильскій. . . .	10	8	1	1
Чебоксарскій . . .	0		1	3

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Чистопольскій. . .	20	13	4	3
Ядринскій	11	9	1	1
	139	98	23	18
15. Калужская.				
Калужскій.	8	2	2	4
Боровскій	3	1	1	1
Жиздринскій . . .	16	6	5	5
Козельскій	8	4	3	1
Лихвинскій. . . .	6	3	2	1
Малоярославецкій.	3	1	1	1
Медынскій	7	3	2	2
Мещовскій	6	2	2	2
Мосальскій	10	5	4	1
Перемышльскій . .	5	2	2	1
Тарусскій.	4	1	1	2
	76	30	25	21
16. Кіевская.				
Кіевскій	20	7	6	7
Бердичевскій . . .	19	4	5	10
Васильковскій . .	21	8	4	9
Звенигородскій . .	19	8	6	5
Каневскій	18	7	6	5
Липовецкій. . . .	14	5	6	3
Радомысльскій . .	22	7	10	5
Сквирскій	17	6	7	4
Таращанскій . . .	16	7	5	4
Уманскій	22	9	6	7
Черкасскій	21	6	7	8
Чигиринскій . . .	16	6	6	4
	225	80	74	71
17. Ковенская.				
Ковенскій.	13	2	4	7
Вилькомірскій. . .	13	7	5	1
Новоалександровскій.	12	7	4	1
Поневѣжскій . . .	13	6	6	1
Россіенскій . . .	14	6	6	2
Тельшевскій . . .	11	5	4	2
Шавельскій . . .	14	6	6	2
	90	39	35	16
18. Костромская.				
Костромской . . .	12	4	3	5
Буйскій	5	2	2	1
Варнавинскій . .	8	3	4	1
Ветлужскій . . .	8	2	5	1

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Галичскій	7	3	3	1
Кинешемскій . . .	9	1	2	6
Кологривскій . . .	7	1	5	1
Макарьевскій . .	9	4	4	1
Нерехтскій	10	4	2	4
Солигаличскій . .	4	1	2	1
Чухломскій . . .	4	1	2	1
Юрьевецкій . . .	9	3	1	5
	92	29	35	28

19. Курляндская.

Добленскій	7	2	1	4
Бaусскій	3	1	1	1
Виндавскій	4	1	1	2
Гавенпотскій . .	4	1	2	1
Гольдингенскій . .	4	2	1	1
Гробинскій . . .	8	1	1	6
Иллукстскій . . .	4	1	2	1
Тальсенскій . .	4	1	2	1
Туккумскій . . .	4	1	2	1
Фридрихштадтскій.	4	2	1	1
	46	13	14	19

20. Курская.

Курскій	9	5	3	1
Бѣлгородскій . .	11	5	2	4
Грайворонскій . .	12	6	3	3
Дмитріевскій . . .	8	3	4	1
Корочанскій . . .	11	8	2	1
Льговскій	8	3	3	2
Новооскольскій .	10	6	3	1
Обоянскій	12	9	2	1
Путивльскій . . .	11	3	5	3
Рыльскій	11	3	3	5
Старооскольскій .	10	5	3	2
Суджанскій . . .	10	6	3	1
Тимскій	9	6	2	1
Фатежскій	8	5	2	1
Щигровскій . . .	10	5	4	1
	150	78	44	28

21. Лифляндская.

Рижскій	6	1	3	2
Валкскій	7	2	3	2
Венденскій	7	3	3	1
Верроскій	6	2	3	1
Вольмарскій . . .	8	3	4	1
Перновскій . . .	6	2	2	2

Наименованіе губерній и городовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Феллинскій . . .	6	3	2	1
Эзельскій	4	2	1	1
Юрьевскій	11	3	4	4
	61	21	25	15

22. Минская.

Минскій	17	4	6	7
Бобруйскій . . .	16	4	9	3
Борисовскій . . .	15	6	8	1
Игуменскій . . .	15	3	10	2
Мозырскій	12	3	7	2
Новогрудскій . .	15	6	8	1
Пинскій	15	4	9	2
Рѣчицкій	14	6	7	1
Слуцкій	16	5	10	1
	135	41	74	20

23. Могилевская.

Могилевскій . . .	10	2	4	4
Быховскій	9	4	4	1
Гомельскій	14	5	6	3
Горецкій	8	4	3	1
Климовичскій . .	9	4	4	1
Мстиславскій . . .	6	2	3	1
Оршанскій	11	4	6	1
Рогачевскій . . .	14	5	8	1
Сѣннинскій . . .	11	4	6	1
Чаусскій	7	3	3	1
Чериковскій . . .	10	3	6	1
	109	40	53	16

24. Московская.

Московскій . . .	10	1	1	8
Богородскій . . .	14	1	1	12
Бронницкій . . .	9	2	1	6
Верейскій	5	1	1	3
Волоколамскій . .	5	2	1	2
Дмитровскій . . .	8	1	1	6
Звенигородскій . .	6	2	1	3
Клинскій	7	1	1	5
Коломенскій . . .	8	1	1	6
Можайскій	3	1	1	1
Подольскій . . .	6	1	1	4
Рузскій	3	1	1	1
Серпуховскій . .	8	1	1	6
	92	16	13	63

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
25. Нижегородская.				
Нижегородскій . .	8	4	2	2
Ардатовскій . . .	8	2	4	2
Арзамасскій . .	8	5	2	1
Балахнинскій . . .	8	1	2	5
Васильсурскій . .	8	4	3	1
Горбатовскій . . .	8	3	3	2
Княгининскій . .	6	3	2	1
Лукояновскій . .	12	8	3	1
Макарьевскій . .	7	3	3	1
Семеновскій . . .	7	4	2	1
Сергачскій	10	5	4	1
	90	42	30	18

26. Новгородская.				
Новгородскій . .	12	4	5	3
Боровичскій . . .	10	3	6	1
Бѣлозерскій . . .	7	1	5	1
Валдайскій	6	2	3	1
Демянскій	5	2	2	1
Кирилловскій . .	8	4	3	1
Крестецкій	7	2	3	2
Старорусскій . . .	12	7	3	2
Тихвинскій . . .	8	1	6	1
Устюженскій . . .	7	1	5	1
Череповецкій . .	10	4	4	2
	92	31	45	16

27. Олонецкая.				
Петрозаводскій . .	11	5	1	5
Вытегорскій . . .	7	3	2	2
Каргопольскій . .	11	9	1	1
Лодейнопольскій .	6	3	2	1
Олонецкій	6	2	1	3
Повѣнецкій . . .	4	2	1	1
Пудожскій	5	3	1	1
	50	27	9	14

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ: отъ волостей.	отъ станицъ.	отъ съѣзда землевлад.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
28. Оренбургская.					
Оренбургскій . .	36	9	7	13	7
Верхнеуральскій .	15	4	5	3	3
Орскій	15	8	2	1	4
Троицкій	12	1	6	1	4
Челябинскій . . .	27	14	7	1	5
	105	36	27	19	23

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
29. Орловская.				
Орловскій	8	4	3	1
Болховскій	8	4	3	1
Брянскій	13	4	5	4
Дмитровскій . . .	7	3	3	1
Елецкій	17	8	5	4
Карачевскій . . .	8	4	3	1
Кромскій	7	4	2	1
Ливенскій . . .	18	11	6	1
Малоархангельскій	12	7	4	1
Мценскій	6	2	3	1
Сѣвскій	10	5	4	1
Трубчевскій . . .	8	3	4	1
	122	59	45	18

30. Пензенская.				
Пензенскій	9	2	3	4
Городищенскій . .	10	4	4	2
Инсарскій	11	7	3	1
Керенскій	7	4	2	1
Краснослободскій .	10	8	1	1
Мокшанскій . . .	7	2	4	1
Наровчатскій . . .	8	6	1	1
Нижнеломовскій .	9	5	3	1
Саранскій	9	4	3	2
Чембарскій . . .	10	5	4	1
	90	47	28	15

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
31. Пермская.				
Пермскій	18	2	9	7
Верхотурскій . .	18	2	7	9
Екатеринбургскій .	26	4	9	13
Ирбитскій	10	7	1	2
Камышловскій . .	16	12	1	3
Красноуфимскій .	17	6	8	3
Кунгурскій . . .	9	5	2	2
Осинскій	21	15	3	3
Оханскій	17	9	6	2
Соликамскій . . .	15	3	8	4
Чердынскій . . .	7	3	3	1
Шадринскій . . .	22	18	1	3
	196	86	58	52
32. Подольская.				
Каменецъ-Подольскій	17	5	6	6
Балтскій	26	12	10	4
Брацлавскій . . .	16	7	6	3
Винницкій	16	5	5	6
Гайсинскій	16	8	6	2
Летичевскій . . .	12	6	5	1
Литинскій	14	6	6	2
Могилевскій . . .	14	5	5	4
Ольгопольскій . .	19	8	8	3
Проскуровскій . .	14	6	5	3
Ушицкій	14	6	6	2
Ямпольскій . . .	17	8	8	1
	195	82	76	37
33. Полтавская.				
Полтавскій	15	1	8	6
Гадячскій	9	2	5	2
Золотоношскій . .	15	2	11	2
Зеньковскій . . .	10	1	8	1
Кобелякскій . . .	14	2	11	1
Константиноградскій	15	4	9	2
Кременчугскій . .	16	1	7	8
Лохвицкій	10	1	6	3
Лубенскій	9	1	5	3
Миргородскій . .	10	1	6	3
Переяславскій . .	12	1	7	4
Пирятинскій . . .	11	2	6	3
Прилукскій . . .	12	2	7	3
Роменскій	12	1	6	5
Хорольскій	11	1	7	3
	181	23	109	49

Наименованіе губеній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
34. Псковская.				
Псковскій	12	7	3	2
Великолуцкій . .	7	2	4	1
Новоржевскій . .	6	2	3	1
Опочецкій	7	3	3	1
Островскій . . .	9	5	3	1
Порховскій . . .	9	3	4	2
Торопецкій . . .	6	1	4	1
Холмскій	5	1	3	1
	61	24	27	10
35. Рязанская.				
Рязанскій	14	4	5	5
Данковскій	8	4	3	1
Егорьевскій . . .	10	2	1	7
Зарайскій	8	3	2	3
Касимовскій . . .	11	5	4	2
Михайловскій . .	10	6	3	1
Пронскій	7	3	2	2
Раненбургскій . .	10	5	4	1
Ряжскій	9	4	4	1
Сапожковскій . .	11	5	5	1
Скопинскій . . .	12	7	3	2
Спасскій	11	6	4	1
	121	54	40	27
36. Самарская.				
Самарскій	17	9	4	4
Бугульминскій . .	20	7	3	10
Бугурусланскій .	28	16	9	3
Бузулукскій . . .	34	17	9	8
Николаевскій . .	33	17	10	6
Новоузенскій . .	29	17	8	4
Ставропольскій . .	19	11	5	3
	180	94	48	38
37. С.-Петербургская.				
С.-Петербургскій .	4	1	1	2
Гдовскій	8	3	4	1
Лужскій	7	2	4	1
Новоладожскій . .	5	2	2	1
Петергофскій . .	7	2	2	3
Царскосельскій . .	8	2	2	4
Шлиссельбургскій	4	1	1	2
Ямбургскій . . .	4	1	2	
	47	14	18	15

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
38. Саратовская.				
Саратовскій . . .	13	4	7	2
Аткарскій	19	7	9	3
Балашевскій . . .	21	8	9	4
Вольскій	12	5	4	3
Камышинскій . .	21	14	2	5
Кузнецкій	11	5	3	3
Петровскій	15	7	6	2
Сердобскій	15	6	7	2
Хвалынскій . . .	12	7	3	2
Царицынскій . . .	11	1	1	9
	150	64	51	35
39. Симбирская.				
Симбирскій . . .	14	5	4	5
Алатырскій . . .	10	5	2	3
Ардатовскій . . .	12	7	4	1
Буинскій	12	9	2	1
Карсунскій	14	6	7	1
Курмышскій . . .	10	6	3	1
Сенгилеевскій . .	9	4	3	2
Сызранскій . . .	9	2	4	3
	90	44	29	17
40. Смоленская.				
Смоленскій . . .	9	2	2	5
Бѣльскій	10	2	7	1
Вяземскій	6	2	3	1
Гжатскій	5	2	2	1
Дорогобужскій . .	6	2	3	1
Духовщинскій . .	8	3	2	3
Ельнинскій . . .	8	3	4	1
Краснинскій . . .	6	3	2	1
Порѣчскій	8	3	4	1
Рославльскій . . .	11	3	6	2
Сычевскій	6	3	2	1
Юхновскій	7	3	3	1
	90	31	40	19
41. Ставропольская.				
Ставропольскій . .	9	4	2	3
Александровскій .	9	7	1	1
Медвѣженскій . .	13	10	1	2
Благодаринскій . .	10	8	1	1
Прасковейскій . .	6	4	1	1
	47	33	6	8

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ: отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
42. Таврическая.				
Симферопольскій .	10	1	3	6
Бердянскій	21	16	2	3
Днѣпровскій . . .	14	5	8	1
Евпаторійскій . .	5	1	2	2
Мелитопольскій .	26	16	7	3
Перекопскій . . .	5	1	3	1
Ялтинскій	6	1	2	3
Ѳеодосійскій . .	9	1	4	4
	96	42	31	23
43. Тамбовская.				
Тамбовскій	28	13	10	5
Борисоглѣбскій .	21	14	6	2
Елатомскій	9	4	4	1
Кирсановскій . .	18	8	9	1
Козловскій	23	13	7	3
Лебедянскій . . .	10	6	2	2
Липецкій	11	5	2	4
Моршанскій . . .	18	8	7	3
Спасскій	8	6	1	1
Темниковскій . .	9	3	4	2
Усманскій	14	9	4	1
Шацкій	11	4	6	1
	180	92	62	26
44. Тверская.				
Тверской	11	2	1	8
Бѣжецкій	17	9	6	2
Весьегонскій . . .	10	5	4	1
Вышневолоцкій .	12	4	5	3
Зубцовскій	7	3	3	1
Калязинскій . . .	8	4	2	2
Кашинскій	8	4	2	2
Корчевской . . .	8	3	3	2
Новоторжскій . .	10	4	3	3
Осташковскій . .	9	3	5	1
Ржевскій	10	3	3	4
Старицкій	10	5	4	1
	120	49	41	30
45. Тульская.				
Тульскій	6	2	2	2
Алексинскій . . .	4	2	1	1
Богородицкій . .	9	4	3	2
Бѣлевскій	4	2	1	1
Веневскій	6	3	2	1
Епифанскій . . .	7	3	3	1
Ефремовскій . . .	9	4	4	1

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ. отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Каширскій	4	1	2	1
Крапивенскій . .	6	2	2	2
Новосильскій . .	10	5	4	1
Одоевскій	5	2	2	1
Чернскій	6	2	3	1
	76	32	29	15
46. Уфимская.				
Уфимскій	25	8	11	6
Белебеевскій . . .	29	19	7	3
Бирскій	33	25	6	2
Златоустовскій . .	12	5	2	5
Мензелинскій . .	29	20	5	4
Стерлитамакскій .	22	11	5	6
	150	88	36	26
47. Харьковская.				
Харьковскій . . .	11	5	3	3
Ахтырскій	10	3	2	5
Богодуховскій . .	11	4	3	4
Валковскій	9	5	3	1
Волчанскій	11	4	4	3
Зміевскій	15	8	4	3
Изюмскій	19	5	7	7
Купянскій	16	9	5	2
Лебединскій . . .	11	4	3	4
Старобѣльскій . .	23	15	5	3
Сумскій	14	2	4	8
	150	64	43	43
48. Херсонская.				
Херсонскій	38	11	15	12
Александрійскій .	27	12	11	4
Ананіевскій . . .	17	4	11	2
Елисаветградскій .	40	14	17	9
Одесскій	12	4	7	1
Тираспольскій . .	16	5	8	3
	150	50	69	31

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщик.	Въ томъ числѣ. отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	отъ съѣзда городскихъ избирателей.
49. Черниговская.				
Черниговскій . .	10	4	3	3
Борзненскій . . .	9	5	2	2
Глуховскій	9	3	3	3
Городнянскій . . .	10	4	4	2
Козелецкій	9	4	3	2
Конотопскій . . .	10	4	3	3
Кролевецкій . . .	9	5	2	2
Мглинскій	9	2	6	1
Новгородъ-Сѣверскій	10	4	4	2
Новозыбковскій .	11	4	3	4
Нѣжинскій	11	5	3	3
Остерскій	10	7	2	1
Сосницкій	11	4	4	3
Стародубскій .	10	3	6	1
Суражскій	12	5	2	5
	150	63	50	37
50. Эстляндская.				
Ревельскій	17	3	6	8
Везенбергскій . .	13	3	6	4
Вейсенштейнскій .	6	2	3	1
Гапсальскій . . .	9	2	6	1
	45	10	21	14
51. Ярославская.				
Ярославскій . . .	9	2	1	6
Даниловскій . . .	4	1	1	2
Любимскій	4	1	2	1
Мологскій	7	2	4	1
Мышкинскій . . .	5	2	2	1
Пошехонскій . . .	6	2	3	1
Романово-Борисоглѣбскій	4	1	2	1
Ростовскій	9	3	2	4
Рыбинскій	6	1	1	4
Угличскій	6	2	2	2
	60	17	20	23

Приложеніе къ статьѣ 12.

РОСПИСАНІЕ

количества земли, дающаго право на участіе въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
1. Архангельская	
Архангельскій . .	500
Александровскій .	600
Кемскій	500
Мезенскій	600
Онежскій	500
Печорскій	600
Пинежскій	600
Холмогорскій . .	450
Шенкурскій . . .	450
2. Астраханская.	
Астраханскій . . .	525
Енотаевскій . . .	500
Красноярскій . .	725
Царевскій	375
Черноярскій . . .	525
3. Бессарабская.	
Кишиневскій . . .	200
Аккерманскій . .	200
Бендерскій	300
Бѣлецкій	300
Измаильскій . . .	300
Оргѣевскій . . .	200
Сорокскій	175
Хотинскій	150
4. Виленская.	
Виленскій	300
Вилейскій	300
Дисненскій . . .	300
Лидскій	300
Ошмянскій . . .	300
Свѣнцянскій . . .	300
Трокскій	300
5. Витебская.	
Витебскій	200
Велижскій	300
Городокскій . . .	300
Двинскій	150
Дриссенскій . . .	200
Лепельскій	200
Люцинскій	200
Невельскій . . .	200
Полоцкій	200
Рѣжицкій	150
Себежскій	300
6. Владимірская.	
Владимірскій . . .	250
Александровскій .	250
Вязниковскій . . .	225
Гороховецкій . .	225
Ковровскій . . .	250
Меленковскій . .	250
Муромскій . . .	225
Переяславльскій .	225
Покровскій . . .	225
Судогодскій . . .	225
Суздальскій . . .	200
Шуйскій	250
Юрьевскій	200
7. Вологодская.	
Вологодскій . . .	250
Вельскій	475
Грязовецкій . . .	250
Кадниковскій . .	325
Никольскій . . .	475
Сольвычегодскій .	400
Тотемскій	425
Устьсысольскій . .	700
Устюжскій	475
Яренскій	800
8. Волынская.	
Житомірскій . . .	200
Владиміръ-Волынскій	250
Дубенскій	200
Заславскій	100
Ковельскій	300
Кременецкій . . .	200
Луцкій	300
Новоградъ-Волынскій.	250
Овручскій	500
Острожскій . . .	200
Ровенскій.	300
Староконстантиновскій.	150
9. Воронежская.	
Воронежскій . . .	150
Бирюченскій . . .	200
Бобровскій	150

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Богучарскій . . .	250
Валуйскій	200
Задонскій	150
Землянскій	125
Коротоякскій . . .	200
Нижнедѣвицкій . .	150
Новохоперскій . .	250
Острогожскій . . .	250
Павловскій	200

10. Вятская.

Вятскій	325
Глазовскій	400
Елабужскій . . .	250
Котельническій . .	325
Малмыжскій . . .	250
Нолинскій	225
Орловскій	350
Сарапульскій . . .	250
Слободскій	475
Уржумскій	250
Яранскій	250

11. Гродненская.

Гродненскій . . .	200
Брестскій	250
Бѣлостокскій . . .	200
Бѣльскій	200
Волковыскій . . .	250
Кобринскій	250
Пружанскій. . . .	250
Слонимскій	250
Соколкскій	200

12. Область Войска Донского.

Черкасскій округъ.	200
Донецкій	200
Первый Донской .	200
Второй Донской .	200
Ростовскій	200
Сальскій	200
Таганрогскій . . .	200
Усть-Медвѣдицкій.	200
Хоперскій	200

13. Екатеринославская.

Екатеринославскій.	150
Александровскій .	150
Бахмутскій	150
Верхнеднѣпровск.	150
Маріупольскій . .	150
Новомосковскій . .	150
Павлоградскій . .	150
Славяносербскій .	150

14. Казанская.

Казанскій	200
Козьмодемьянскій.	175
Лаишевскій . . .	200
Мамадышскій . .	200
Свіяжскій	200
Спасскій	200
Тетюшскій	200
Царевококшайскій.	175
Цивильскій	200
Чебоксарскій . . .	175
Чистопольскій . .	200
Ядринскій	200

15. Калужская.

Калужскій	200
Боровскій	200
Жиздринскій . . .	250
Козельскій	200
Лихвинскій . . .	200
Малоярославецкій.	200
Медынскій	250
Мещовскій	200
Мосальскій	225
Перемышльскій . .	300
Тарусскій	200

16. Кіевская.

Кіевскій	200
Бердичевскій . . .	125
Васильковскій . .	150
Звенигородскій . .	100
Каневскій	100
Липовецкій . . .	150
Радомысльскій . .	300
Сквирскій	125
Таращанскій . . .	150
Уманскій	125
Черкасскій	125
Чигиринскій . . .	125

17. Ковенская.

Ковенскій	200
Вилькомірскій . .	200
Новоалександровскій	200
Поневѣжскій . . .	200
Россіенскій	200
Тельшевскій . . .	200
Шавельскій . . .	200

18. Костромская

Костромской . . .	250
Буйскій	350
Варнавинскій . . .	350
Ветлужскій . . .	350
Галичскій	350
Кинешемскій . . .	250
Кологривскій . . .	350
Макарьевскій . . .	325
Нерехтскій	225
Солигаличскій . .	350
Чухломскій . . .	325
Юрьевецкій . . .	250

19. Курляндская.

Добленскій . . .	125
Бауcскій	170
Виндавскій	270
Газенпотскій . . .	200
Гольдингенскій. . .	200
Гробинскій	175
Иллукстскій	175
Тальсенскій . . .	200
Туккумскій	180
Фридрихштадтск.	200

20. Курская.

Курскій	150
Бѣлгородскій . . .	175
Грайворонскій . .	175
Дмитріевскій . . .	200
Корочанскій . . .	150
Льговскій	175
Новооскольскій . .	150
Обоянскій	150
Путивльскій . . .	175
Рыльскій	175
Старооскольскій .	150
Суджанскій . . .	150
Тимскій	150
Фатежскій	150
Щигровскій . . .	125

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
21. Лифляндская.	
Рижскій	200
Валкскій	300
Венденскій	300
Верроскій	300
Вольмарскій . . .	200
Перновскій . . .	300
Юрьевскій	200
Эзельскій	300
Феллинскій	200
22. Минская.	
Минскій	300
Бобруйскій	400
Борисовекій . . .	400
Игуменскій. . . .	400
Мозырскій	600
Новогрудскій . .	300
Пинскій	400
Рѣчицкій	400
Слуцкій	300
23. Могилевская.	
Могилевскій . . .	250
Быховскій	250
Гомельскій	250
Горецкій	250
Климовичскій . .	250
Мстиславскій . . .	250
Оршанскій	250
Рогачевскій . . .	250
Сѣннинскій . . .	250
Чаусскій	250
Чериковскій . . .	250
24. Московская.	
Московскій	200
Богородскій . . .	175
Бронницкій . . .	200
Верейскій	200
Волоколамскій . .	200
Дмитровскій . . .	200
Звенигородскій . .	200
Клинскій	200
Коломенскій . . .	200
Можайскій	200
Подольскій	200
Рузскій	200
Серпуховскій . . .	200

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
25. Нижегородская.	
Нижегородскій . .	250
Ардатовскій . . .	250
Арзамасскій. . . .	250
Балахнинскій . . .	225
Васильсурскій: . .	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги . . .	225
остальная часть уѣзда	325
Горбатовскій . . .	250
Княгининскій . . .	250
Лукояновскій . .	200
Макарьевскій. . .	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги. . .	250
остальная часть уѣзда	350
Семеновскій . . .	300
Сергачскій	200
26. Новгородская.	
Новгородскій . . .	300
Боровичскій . . .	300
Бѣлозерскій. . . .	400
Валдайскій	300
Демьянскій	300
Кирилловскій . . .	300
Крестецкій	300
Старорусскій . . .	300
Тихвинскій	300
Устюженскій . . .	300
Череповецкій . . .	300
27. Олонецкая.	
Петрозаводскій . .	475
Вытегорскій . . .	425
Каргопольскій . .	400
Лодейнопольскій .	400
Олонецкій	350
Повѣнецкій. . . .	400
Пудожскій	475
28. Оренбургская.	
Оренбургскій. . .	475

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Верхнеуральскій .	350
Орскій	475
Троицкій	350
Челябинскій . . .	350
29. Орловская.	
Орловскій	150
Болховскій	200
Брянскій	250
Дмитровскій . . .	250
Елецкій	125
Карачевскій . . .	225
Кромскій	175
Ливенскій	125
Малоархангельскій	125
Мценскій	175
Сѣвскій	225
Трубчевскій . . .	250
30. Пензенская.	
Пензенскій	175
Городищенскій . .	250
Инсарскій	175
Керенскій	175
Краснослободскій .	200
Мокшанскій . . .	175
Наровчатскій . . .	175
Нижнеломовскій .	175
Саранскій	175
Чембарскій . . .	175
31. Пермская.	
Пермскій	300
Верхотурскій . . .	475
Екатеринбургскій .	300
Ирбитскій	350
Камышловскій . .	350
Красноуфимскій .	350
Кунгурскій . . .	300
Осинскій	350
Оханскій	350
Соликамскій . . .	475
Чердынскій . .	350
Шадринскій . .	350
32. Подольская.	
Каменецъ-Подольскій	150
Балтскій	150
Брацлавскій . . .	150

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Виниицкій	150
Гайсинскій	150
Летичевскій . . .	150
Литинскій	150
Могилевскій . . .	150
Ольгопольскій . .	150
Проскуровскій . .	150
Ушицкій	150
Ямпольскій . . .	150

33. Полтавская

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Полтавскій	150
Годячскій	150
Золотоношскій . .	150
Зеньковскій . . .	150
Кобелякскій . . .	150
Константиноградскій	200
Кременчугскій . .	150
Лохвицкій . . .	150
Лубенскій	150
Миргородскій . .	150
Переяславскій . .	200
Пирятинскій . . .	150
Прилукскій . . .	150
Роменскій	150
Хорольскій	150

34. Псковская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Псковскій	225
Великолуцкій . .	225
Новоржевскій . .	300
Опочецкій	300
Островскій	300
Порховскій . . .	275
Торопецкій	300
Холмскій	300

35. Рязанская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Рязанскій:	
часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Оки . . .	125
остальная часть уѣзда	175
Данковскій	150
Егорьевскій . . .	200
Зарайскій	200
Касимовскій . . .	200
Михайловскій . .	150
Пронскій	175
Раненбургскій . .	150
Ряжскій	175
Сапожковскій . .	175
Скопинскій . . .	150
Спасскій:	
часть уѣзда, расположенная между рѣками Окою и Парою,	175
остальная часть уѣзда .	200

36. Самарская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Самарскій	300
Бугульминскій . .	350
Бугурусланскій .	350
Бузулукскій . . .	350
Николаевскій . .	475
Новоузенскій . .	550
Ставропольскій . .	250

37. С.-Петербургская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Петербургскій . .	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	225
Гдовскій	275
Лужскій	275
Новоладожскій . .	275
Петергофскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25-ти верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	225
Царскосельскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	225
Шлиссельбургскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы	175
остальная часть уѣзда	200
Ямбургскій . . .	200

38. Саратовская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Саратовскій . . .	200
Аткарскій	250
Балашовскій . . .	200
Вольскій	250
Камышинскій . .	250
Кузнецкій	250
Петровскій	200
Сердобскій	175
Хвалынскій . . .	250
Царицинскій . . .	400

39. Симбирская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Симбирскій . . .	250
Алатырскій . .	200
Ардатовскій . . .	200
Буинскій	250
Карсунскій	250
Курмышскій . . .	200
Сенгилеевскій . .	250
Сызранскій . . .	250

40. Смоленская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Смоленскій . . .	225
Бѣльскій	225
Вяземскій	250
Гжатскій	250
Дорогобужскій . .	250
Духовщинскій . .	250
Ельнинскій	250
Краснинскій . . .	250
Порѣчскій	225
Рославльскій . . .	225
Сычевскій	250
Юхновскій	225

41. Ставропольская.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Ставропольскій . .	320
Александровскій .	510
Благодаринскій . .	650
Медвѣженскій . .	340
Прасковейскій . .	650

42. Таврическая.

Симферопольскій:
горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Высоч.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
утв. 5 мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114) .	175
остальная часть уѣзда	425
Бердянскій	200
Днѣпровскій . . .	425
Евпаторійскій . .	250
Мелитопольскій .	300
Перекопскій . . .	250
Ялтинскій:	
южная часть уѣзда, расположенная между моремъ и шоссейною дорогою отъ Алушты до Байдарскихъ воротъ . .	25
остальная часть уѣзда	100
Ѳеодосійскій:	
горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Высоч. утв. 5 мая 1835 г. пол. Ком. Мин. (п. с. з. № 8114) .	200
остальная часть уѣзда	475

43. Тамбовская.

Тамбовскій	150
Борисоглѣбскій . .	150
Елатомскій	175
Кирсановскій . .	150
Козловскій	125
Лебедянскій . . .	150
Липецкій	150
Моршанскій . . .	175
Спасскій	200
Темниковскій . .	200
Усманскій	125
Шацкій	200

44. Тверская.

Тверской	225
Бѣжецкій	225
Весьегонскій . . .	225
Вышневолоцкій .	225
Зубцовскій . . .	250
Калязинскій . . .	225

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Кашинскій	200
Корчевскій . . .	225
Новоторжскій . .	225
Осташковскій . .	225
Ржевскій	250
Старицкій	250

45. Тульская.

Тульскій	200
Алексинскій . . .	200
Богородицкій . .	150
Бѣлевскій	200
Веневскій	175
Епифанскій . . .	150
Ефремовскій . . .	125
Каширскій	200
Крапивенскій . .	150
Новосильскій. . .	125
Одоевскій	175
Чернскій	150

46 Уфимская.

Уфимскій	250
Белебеевскій . . .	350
Бирскій	350
Златоустовскій . .	350
Мензелинскій . .	250
Стерлитамакскій .	350

47 Харьковская.

Харьковскій . . .	150
Ахтырскій	150
Богодуховскій . .	150
Валковскій	150
Волчанскій	200
Зміевскій	250
Изюмскій	250
Купянскій	250
Лебединскій . . .	125
Старобѣльскій . .	250
Сумскій	125

43. Херсонская.

Херсонскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ городовъ Херсона и	

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Количество дес. земли.
Николаева . . .	200
остальная часть уѣзда	350
Александрійскій .	200
Ананьевскій . . .	250
Елисаветградскій .	200
Одесскій:	
часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ города Одессы . .	200
остальная часть уѣзда	350
Тираспольскій . .	250

49. Черниговская.

Черниговскій . .	200
Борзненскій . . .	150
Глуховскій	200
Городнянскій . . .	200
Козелецкій	200
Конотопскій . . .	150
Кролевецкій . . .	200
Мглинскій	250
Новгородсѣверскій	250
Новозыбковскій .	250
Нѣжинскій	150
Остерскій	225
Сосницкій	250
Стародубскій . . .	200
Суражскій	225

50. Эстляндская.

Ревельскій	250
Везенбергскій . .	250
Вейсенштейнскій .	200
Гапсальскій . . .	300

51. Ярославская

Ярославскій . . .	250
Даниловскій . . .	225
Любимскій	250
Мологскій	225
Мышкинскій . . .	200
Пошехонскій . . .	350
Романово-Борисоглѣбскій	225
Ростовскій	225
Рыбинскій	225
Угличскій	225

Правила о порядкѣ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія.

1. Избирателямъ каждаго избирательнаго участка предоставляется, въ теченіе мѣсяца до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. О времени и мѣстѣ такихъ собраній избиратели заявляютъ начальнику мѣстной полиціи, который можетъ назначить, для присутствованія въ собраніи одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ.

2. На подготовительномъ собраніи могутъ присутствовать лишь избиратели даннаго избирательнаго участка. По требованію представителя полиціи, собраніе должно быть немедленно закрыто.

3. Выборы производятся въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для сего городскою управою, по возможности, въ предѣлахъ избирательнаго участка.

4. Каждый избиратель лично вручаетъ свою избирательную записку предсѣдателю избирательной коммиссіи.

5. Въ запискѣ указываются имена, отчества и фамиліи лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранію по каждому участку. Въ запискѣ не должно быть никакихъ отмѣтокъ, знаковъ, а равно исправленій и подчистокъ ни на лицевой, ни на оборотной сторонѣ; записки, неудовлетворяющія означенному требованію, признаются недѣйствительными.

6. Имя лица, предлагаемаго въ выборщики, не должно повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобныя повторенія, а равно имена лицъ, предложенныхъ въ выборщики сверхъ положеннаго на участокъ числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

7. Выборы продолжаются одинъ день, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, и производятся одновременно во всѣхъ избирательныхъ участкахъ. Въ девять часовъ вечера допускъ избирателей въ помѣщеніе избирательной коммиссіи для подачи избирательныхъ записокъ прекращается, отъ прибывшихъ же въ это помѣщеніе до девяти часовъ записки принимаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ поданы всѣми находящимися въ помѣщеніи.

8. Предсѣдатель избирательной коммиссіи, принявъ отъ избирателя записку, тотчасъ же, въ присутствіи послѣдняго, опускаетъ ее въ особый ящикъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышкѣ. Ящикъ этотъ, предварительно принятія записокъ, предъявляется присутствующимъ избирателямъ для удостовѣренія въ томъ, что онъ пустъ и не имѣетъ отверстій, кромѣ предназначеннаго для опусканія записокъ. Затѣмъ, ящикъ закрывается на замокъ и опечатывается печатью предсѣдателя, а ярлыкъ, на который наложена печать, подписывается предсѣдателемъ, членами избирательной коммиссіи и желающими изъ числа наличныхъ избирателей. О принятіи избирательной записки дѣлается соотвѣтствующая отмѣтка въ избирательномъ спискѣ противъ имени лица, ее подавшаго. По закрытіи засѣданія, отверстіе ящика, въ который опускаются записки, опечатывается, но предсѣдатель объявляетъ присутствующимъ число поданныхъ записокъ, которое заносится въ особый актъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами избирательной коммиссіи.

9. Подсчетъ голосовъ производится, начиная съ слѣдующаго по окончаніи выборовъ дня, съ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера, въ засѣданіи избирательной коммиссіи, въ которомъ могутъ присутствовать избиратели.

10. По вскрытіи избирательнаго ящика, каждая избирательная записка пронумеровывается и, если она удовлетворяетъ указаннымъ въ статьѣ 5 требованіямъ и не возбуждаетъ сомнѣній среди членовъ коммиссіи, то званіе, имя, отчество, фамилія и нумеръ по избирательному списку каждаго лица, обозначеннаго въ запискѣ, прочитываются и, по крайней мѣрѣ, двумя членами коммиссіи заносятся каждымъ на особыя карточки. Каждая такая карточка подписывается лицомъ, ее составившимъ. По вынутіи изъ ящика и просмотрѣ всѣхъ записокъ, коммиссіи обсуждаетъ записки, вызвавшія сомнѣнія, и о принятомъ ею рѣшеніи, а равно объ основаніяхъ признанія записокъ недѣйствительными, составляетъ особый протоколъ, подписываемый предсѣдателемъ и членами коммиссіи. Затѣмъ карточки, въ кои внесены предложенныя въ выборщики лица, располагаются по алфавиту указанныхъ въ нихъ фамилій и подсчитываются.

11. Если подсчетъ голосовъ не можетъ быть законченъ въ одинъ день, то по составленіи протокола о числѣ записокъ: *а)* вынутыхъ изъ ящика, *б)* признанныхъ недѣйствительными, *в)* возбудившихъ сомнѣнія и *г)* прочитанныхъ,—означенныя записки, а равно карточки съ именами предложенныхъ въ выборщики лицъ складываются, соотвѣтственно роду записокъ и карточекъ, въ особые пакеты, опечатываемые затѣмъ печатью предсѣдателя коммиссіи на ярлыкѣ, подписанномъ всѣми членами коммиссіи и желающими изъ числа присутствующимъ при этомъ избирателей. Тѣмъ же порядкомъ опечатывается и ящикъ съ невынутыми записками.

12. По окончаніи подсчета голосовъ и объявленіи именъ лицъ, предложенныхъ въ выборщики, составляется, за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ коммиссіи, протоколъ, въ который заносятся: *а)* число всѣхъ вынутыхъ изъ ящика записокъ, *б)* число всѣхъ прочитанныхъ записокъ, *в)* число записокъ, признанныхъ недѣйствительными, съ приведеніемъ основаній, къ тому послужившихъ, и *г)* списокъ лицъ, избранныхъ въ выборщики. Затѣмъ избирательныя записки и карточки запечатываются въ особые пакеты.

13. Лица, избранныя выборщиками, немедленно извѣщаются о томъ избирательною коммиссіею и, если не заявятъ губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи въ теченіе трехъ сутокъ со дня полученія извѣщенія объ отказѣ отъ принятія званія выборщика, признаются принявшими это званіе. Въ случаѣ отказа избраннаго лица отъ принятія званія выборщика онъ замѣщается, съ соблюденіемъ того же порядка, слѣдующимъ по списку лицомъ, получившимъ наибольшее число голосовъ.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, возвѣщая всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ объ образованіи изъ выборныхъ отъ населенія Государственной Думы, Мы вмѣстѣ съ тѣмъ утвердили ея Учрежденіе, а также Положеніе о выборахъ въ Думу. Узаконенія сіи со всѣми къ нимъ приложеніями препровождаемъ въ Правительствующій Сенатъ для немедленнаго ихъо бнародованія. Принявъ засимъ въ уваженіе, что виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, имѣютъ восходить къ Намъ порядкомъ, въ Учрежденіи Государственной Думы установленнымъ, повелѣваемъ: дѣйствіе указа Нашего, Правительствующему Сенату отъ 18-го

февраля 1905 г. по изъясненному предмету даннаго,—нынѣ же отмѣнить. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Петергофѣ. 6-го августа 1905 г.

„НИКОЛАЙ“.

Государь Императоръ 6-го сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Для разсмотрѣнія дополнительныхъ къ узаконеніямъ о Государственной Думѣ правилъ въ томъ числѣ: 1) о выборахъ въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степнаго и Туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго, а также о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ (пол. о выб. въ Гос. Думу, ст. 1, примѣч.), 2) о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Думу и 3) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ Министерствъ и Главныхъ управленій и государственной росписи доходовъ и расходовъ, а равно о производствѣ изъ казны ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ (учрежд. Гос. Думы, ст. 33, п. б),—образовать Особое Совѣщаніе.

II. Совѣщанію состоять, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сольскаго, изъ членовъ Государственнаго Совѣта: статсъ-секретарей, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ Фриша и Половцова, генералъ адъютанта, генерала отъ-инфантеріи Рихтера, статсъ-секретаря, оберъ-гофмейстера князя Волконскаго, генералъ-адъютанта, адмирала Чихачева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Герарда, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-кавалеріи графа Игнатьева 2-го, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: Голубева, Таганцева и Верховскаго, шталмейстера князя Оболенскаго 1-го и тайнаго совѣтника Стишинскаго, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, Государственнаго Секретаря, Управляюшаго дѣлами Комитета Министровъ, статсъ-секретаря барона Нольде и Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіора Трепова.

III. При обсужденіи Совѣщаніемъ предположеній о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ и государственной росписи (отд. I, п. 3) присутствовать, сверхъ поименованныхъ въ отдѣлѣ II лицъ, членамъ Государственнаго Совѣта (по департаменту государственной экономіи) дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ: статсъ-секретарю Куломзину, Тернеру, Иващенкову, Сабурову 2-му, Кобеко, Шидловскому и Черевапскому и тайному совѣтнику Романову.

IV. Министрамъ, Главноуправляющимъ отдѣльными частями и Государствен. Секретарю предоставить замѣнять себя своими Товарищами.

V. Дѣлопроизводство по Совѣщанію возложить на Товарища Государственнаго Секретаря, тайнаго совѣтника Харитонова, въ качествѣ члена-дѣлопроизводителя, и чиновъ Государственной Канцеляріи, по указанію Государственнаго Секретаря.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы вопросы, вызываемые приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній о Государственной Думѣ, были разработаны въ самомъ скоромъ времени.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд. 1904 г.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Народъ и его характеръ.—Общественные классы.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. *Третье* изд. 1905 г.—222 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.—Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878 - 1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій.—Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ. — Иванъ Грозный въ русской литературѣ. — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя. — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". — Основы народничества Юзова. — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г.—504 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 к.

Московскій работный домъ.—По этапу.

С. Подъячевъ. Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. – Неудавшійся праздникъ.—Изъ земской жизни.—Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти. — Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

— ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. (Печатается).

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (Печатается)

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

Различныя ученія о доходѣ съ капитала.—Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди.—Генри Джорджъ, какъ экономистъ.—Новый курсъ политической экономіи.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878 — 1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1902). *Второе* изд. 1902 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, съ краткими характеристиками послѣднихъ. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ.

Въ конторѣ журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ продается

НОВАЯ КНИГА:

Въ защиту слова.

Сборникъ статей, замѣтокъ и стихотвореній: **К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, Діонео, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чирикова, П. Я.** и мн. другихъ.

Третье изданіе **безъ перемѣнъ.**

Цѣна 2 руб.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

У ЗЫРЯНЪ.

IV. Зырянскій начетчикъ.

Наступилъ августъ и съ нимъ—ранняя, унылая зырянская осень.

Съ сѣвера подулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ. Изъ низко нависшихъ облаковъ, не переставая, лилъ дождь. Рѣка пѣнилась и бурлила, раскачивая натискомъ волнъ стоявшія еще кое-гдѣ „помчи“ *). Вѣтеръ помогалъ водѣ, и „помчи“ жалобно скрипѣли. На улицѣ стояла непролазная грязь. Изъ домовъ выходили только по необходимости. Даже любитель природы и свѣжаго воздуха, Леонтій теперь совершенно оставилъ берегъ и переходилъ со своими, выкупленными у Ѳедосѣича, утюгомъ и аршиномъ изъ дома въ домъ, сумрачно и энергично дѣйствуя иглой.

Только въ поляхъ съ утра до вечера виднѣлись невзрачныя фигуры зырянъ, налегавшихъ всей грудью на первобытныя сохи; слышалось монотонное понуканье усталыхъ лошаденокъ, а иногда—заунывная протяжная пѣсня. Поля мало по малу покрывались черными распаханными полосами, готовыми принять въ свои нѣдра озимое зерно. Но, увы! этого зерна у громаднаго большинства зырянъ еще не было...

Нынѣшній урожай вышелъ изъ рукъ вонъ плохимъ.

Не успѣло зерно вызрѣть, какъ слѣдуетъ, а уже половина полосъ была чиста. Это голодъ заставилъ съѣсть еще не созрѣвшій хлѣбъ. Нечего было и думать объ обсѣмененіи озимыхъ полей своимъ зерномъ. Вся надежда была на то, что земская управа придетъ на помощь. Но скептики изъ зырянъ говорили, что управа можетъ и не дать, потому что уже давала въ прошломъ году. Многимъ это казалась вѣроятнымъ... Полосы распахивались поэтому медленно и какъ-то апатично... Ждали съ нетерпѣніемъ чиновника изъ

---

*) „Помчи“—рыболовная снасть, состоящая изъ сѣтки, натянутой на квадратной рамѣ и укрѣпленной на рычагѣ.

города, который долженъ былъ провѣрить на мѣстѣ положеніе дѣла и обревизовать запасные магазины...

Чиновникъ этотъ, дѣйствительно, пріѣхалъ.

Оказалось, что въ магазинахъ не было и половины того количества зерна, которое должно быть, а то, что было, нельзя было назвать зерномъ. Это былъ просто соръ, въ которомъ кой-гдѣ мелькали сухія, не дозрѣвшія зернышки хлѣба. Объ обсѣмененіи озимыхъ полей этой трухой смѣшно было и думать.

Чиновникъ торопился въ другія волости. Онъ пробралъ мѣстное сельское „начальство“ за плохой надзоръ за запасными магазинами, посовѣтовалъ собрать сходъ и ото всей волости составить прошеніе о выдачѣ ссуды на имя губернатора, обѣщалъ содѣйствіе съ своей стороны и уѣхалъ.

Послѣ отъѣзда чиновника лица у зырянъ прояснились. Лошаденки быстрѣе зашагали по полосамъ, и всѣ озимыя поля были вспаханы. Скоро была назначена и сходка при волостномъ правленіи.

Село съ утра приняло оживленный видъ. Съ нетерпѣніемъ и тревогой ждалъ этой сходки и сельскій учитель, мечтавшій о выпискѣ волшебнаго фонаря...

Съ завѣтной мечтой о волшебномъ фонарѣ Иванъ Николаевичъ носился цѣлую зиму, и теперь наступалъ удобный моментъ, когда мечта эта могла осуществиться. Крестьяне сбираются со всей волости, — нужно только искуснѣе объяснить имъ, что такое волшебный фонарь и какая отъ него польза... Можетъ быть, и составятъ приговоръ,—дадутъ рублей пятьдесятъ.

— Поскольку это выйдетъ съ души? — спрашивалъ учитель, обращаясь къ мѣстному писарю, невзрачному субъекту съ жесткими, всклокоченными волосами и узкими, хитрыми глазками.

— Немного, — отвѣтилъ тотъ,—около копѣйки съ души... Вотъ и мы со старшиной тоже имѣемъ дѣло до общества...

Писарь вдругъ замолчалъ, быстро и подозрительно вскинувъ на учителя свои узкіе глазки.

— И у васъ дѣло? Какое же?—спросилъ учитель.

— Нѣтъ, такъ... маленькое дѣльце, тоже денежное...

— Только удобно ли денегъ просить, — сомнѣвался учитель,—у людей хлѣба нѣтъ, а мы за деньгами...

— Ну, это, положимъ, пустое, — успокаивалъ писарь. — Хлѣба у нихъ нѣтъ, а денегъ много. Сколько рыбы наловили, птицу начали стрѣлять, рябковъ *) уже продадутъ— страсть. Выставишь два ведра, такъ можешь и сто просить.

*) Рябчиковъ.

Спросишь сто, десять издержишь на вино, а девяносто — твои, на фонари хватитъ,—объяснялъ писарь, лукаво улыбаясь.

— Ну, а безъ вина не дадутъ?

— Попробуй. Можетъ, ты такой счастливый, что упросишь. Только у насъ что-то этого не слыхать... А ты слушай, вотъ что, учитель,—вдругъ началъ онъ дѣловымъ тономъ:— намъ надо напередъ столковаться: когда кому просить міръ...

— Это для чего? — недоумѣвалъ Иванъ Николаевичъ. — Увижу на сходкѣ, когда удобнѣе будетъ.

— Э, нѣтъ! Такъ то не годится. Прими ты мой совѣтъ,— и писарь какъ-то заискивающе засмѣялся, совсѣмъ сузивъ глазки:—лучше бы тебѣ въ самомъ концѣ схода.

— Почему?

— Потому... ты вотъ безъ вина хочешь, тебѣ не дадутъ.. ну, и наше дѣло испортишь. У насъ ужъ народъ такой оглашенный: разъ отказали, такъ и заладятъ одно, чтобы, значитъ, никому не было обидно, — всѣмъ откажутъ... Оно, конечно, передъ виномъ не устоятъ, а всетаки фордыбачить станутъ: гдѣ бы съ ведромъ прошелъ, а послѣ тебя, пожалуй, и двумя ничего не сдѣлаешь... Такъ ужъ ты, — говорю тебѣ по совѣсти,—кланяйся міру послѣ насъ... Право слово!.. Коли своего вина жаль, такъ, можетъ, на чужомъ выѣдешь: какъ народъ шибанетъ вина, ты, значитъ, и выступай. Пьяный на все согласится!—краснорѣчиво убѣждалъ писарь.—А впрочемъ, какъ хочешь. Говорю, тебѣ же добра желаючи, а тамъ, какъ знаешь...

Писарь старался говорить совершенно равнодушнымъ тономъ, но по хитрому взгляду узенькихъ глазъ и по настойчивости, съ какою онъ выпытывалъ у учителя его планы,— было замѣтно, что ему было далеко не все равно, когда именно выступитъ учитель со своимъ предложеніемъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Ивана Николаевича. Онъ рѣшительно объявилъ писарю, что будетъ дѣйствовать, какъ найдетъ нужнымъ, и недовольный писарь ушелъ, нахлобучивши на голову свою потертую долгоушку *), а учитель рѣшилъ „посовѣтоваться съ Иваномъ Степановичемъ" и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ вмѣстѣ.

Иванъ Степановичъ или Стэпъ - Ивъ, какъ его обыкновенно называли, интересовалъ меня давно. Я видѣлъ его нѣсколько разъ у учителя, когда онъ приходилъ за книгами для чтенія: молодой парень средняго роста, лѣтъ двадцати-трехъ, съ серьезнымъ лицомъ и довѣрчивыми голубыми глазами. Отецъ его — зажиточный крестьянинъ и мѣстный торговецъ, зырянинъ, мать—русская.

---

*) Долгоушка— шапка изъ шкурки молодого оленя, мѣхомъ кверху.

Не смотря на свою молодость, Стэпъ-Ивъ считался первымъ грамотеемъ и начетчикомъ по всей волости. Онъ былъ далеко извѣстенъ среди зырянъ своими путешествіями по святымъ мѣстамъ, и по-русски говорилъ не только правильно, но и очень складно.

Мы зашагали по грязной деревенской дорогѣ между двумя рядами избъ, въ которыхъ среди сумерекъ кое-гдѣ уже мелькали огоньки... Стэпъ-Ивъ жилъ въ деревнѣ, расположенной въ полуверстѣ отъ села.

Около правленія толпилось уже десятка полтора мужиковъ. Въ избѣ, гдѣ долженъ былъ происходить сходъ, еще было темно; только въ квартирѣ писаря свѣтился огонь. Чрезъ не завѣшенное окно виденъ былъ накрытый скатертью столъ съ кипящимъ самоваромъ и бутылью водки. За столомъ сидѣлъ самъ писарь и нѣсколько мужиковъ, въ рубахахъ съ разстегнутыми воротами; всѣ пили чай.

Рыжій, плечистый мужикъ сидѣлъ лицомъ къ окну. Съ нимъ о чемъ-то горячо разсуждалъ писарь и трепалъ его по плечу. Мужикъ скалилъ зубы.

— Ну, писарь принялся за дѣло не на шутку, — сказалъ учитель:—нужныхъ людей угощаетъ.

Черезъ четверь часа, всѣ мокрые и въ грязи, мы добрались до дома, гдѣ жилъ Стэпъ-Ивъ, и въ сѣняхъ чуть-чуть не столкнулись съ нимъ лбами.

— Учитель!—радостно вскричалъ онъ, узнавши голосъ Ивана Николаевича.—Милости прошу!—привѣтливо говорилъ молодой зырянинъ, отворяя дверь избы.—Вотъ неожиданно-то, негаданно-то... Спасибо... А я думалъ провѣдать насчетъ сходу, — отецъ нездоровъ, такъ вмѣсто себя посылаетъ... Вдругъ слышу: кто-то идетъ... Эхъ, какъ васъ вымочило...

Стэпъ-Ивъ провелъ насъ черезъ избу съ сильно спертымъ воздухомъ, въ которой кто-то храпѣлъ на полатяхъ, въ свою комнату и захлопоталъ съ самоваромъ.

Я съ любопытствомъ осматривалъ жилище зырянскаго грамотея. Это была каморка съ однимъ маленькимъ окошечкомъ. Стѣны сплошь были увѣшаны лубочными картинками религіознаго содержанія: все больше виды монастырей. Въ углу комнатки стояли шкафъ и сундукъ. Остальное пространство занималъ неуклюжій самодѣльный столъ съ тремя такими же стульями.

На столѣ лежали принадлежности для письма. Тутъ же стояла дешевая лампа-коптилка. Обстановка была не совсѣмъ обычная для зырянской избы.

— Напрасно съ самоваромъ хлопочешь,—сказалъ учитель Стэпъ-Иву.—Это вѣдь долго, а тебѣ нужно идти на сходъ, да и мнѣ тоже... Поэтому, собственно, и зашелъ.

— Тоже на сходъ?—удивился Стэпъ-Ивъ. — Можетъ насчетъ прибавки жалованья?—сказалъ онъ, подумавъ. — Что же, это дѣло вполнѣ законное. Прежній учитель больше получалъ: школа была земская. Къ Рождеству и Пасхѣ, кромѣ того, была награда. А нынѣ, вотъ, не то...

— Нѣтъ, не за тѣмъ, Стэпъ-Ивъ, а помнишь: насчетъ волшебнаго фонаря говорилъ я зимой?.. Такъ хочу объ этомъ похлопотать.

Лицо Стэпъ-Ива засвѣтилось радостью.

— Хорошее бы дѣло!—сказалъ онъ.—Зимой, въ праздники, мужики теперь у кабака толкутся, а тогда бы, небось, пошли посмотрѣть да послушать... Доводилось мнѣ видѣть такой фонарь въ Москвѣ. Хорошо, только чѣмъ я-то могу помочь вамъ? Вы только скажите, я всей душой...

Учитель разсказалъ Стэпъ-Иву о своемъ разговорѣ съ писаремъ и объ его совѣтахъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло-то?!—заговорилъ Стэпъ-Ивъ. Я такъ думаю, что они со старшиною опять прибавки жалованья хотятъ просить. Въ позапрошлый годъ имъ по пятидесяти рублей прибавили; теперь, значитъ, опять за тѣмъ же... Не стыдно имъ... Вамъ это большая помѣха: съ виномъ они подъѣдутъ.

Стэпъ-Ивъ вышелъ изъ своей каморки и вскорѣ вынесъ кипящій самоваръ. Послѣ этого завозился съ чайною посудой. Когда чашки были разставлены по блюдечкамъ, Стэпъ-Ивъ еще разъ вышелъ изъ комнатки и возвратился съ окаменѣлыми баранками на тарелкѣ и съ бутылкой дешеваго рому. Отъ рома мы съ учителемъ отказались, за то съ удовольствіемъ принялись за чай.

— Когда же мнѣ выступить на сходѣ: раньше или послѣ старшины и писаря?—спрашивалъ учитель, усаживаясь, по приглашенію Стэпъ-Ива, къ самовару.

Стэпъ Ивъ задумался.

— Боюсь я совѣтовать...—сказалъ онъ, наконецъ. Правда, если писарь совѣтовалъ говорить съ міромъ послѣ него, то надо бы сдѣлать наоборотъ...

— Такъ и мнѣ кажется,—сказалъ учитель.

— Да, но можно и иначе на дѣло взглянуть, — продолжалъ Стэпъ-Ивъ. — Можетъ статься, что они со старшиной виномъ своимъ ничего не добьются, и міръ имъ откажетъ? И безъ того ужъ не мало выклянчили... Мнѣ кажется, непремѣнно имъ должны отказать, еще, пожалуй, выругаютъ, міродерами назовутъ... Вотъ когда откажутъ, да кричать устанутъ, тогда вы и выступайте со своимъ дѣломъ. Мы ужъ васъ поддержимъ: бурлаки *) и молодые мужики всѣ за васъ

*) „Бурлаками“ зыряне зовутъ холостую молодежь

будутъ, бывшіе солдаты — тоже. Растолкуемъ міру, что вы не о своемъ карманѣ заботитесь... Для своей-то пользы неужели по копѣйкѣ съ души пожалѣютъ?

— Ну, что Богъ дастъ,—вздохнулъ учитель.—Скоро пора и идти. А пока, Стэпъ-Ивъ, покажи-ка моему пріятелю свои сокровища.

Стэпъ-Ивъ съ радостнымъ видомъ порылся въ карманахъ. вытащилъ ключи и отперъ шкафъ. Онъ весь былъ наполненъ книгами, исключительно духовнаго содержанія. Тутъ были творенія Златоуста, Василія Великаго, „Добротолюбіе“, описанія разныхъ монастырей и святынь.

— Жаль вотъ: Ефрема Сирина полнаго нѣтъ, а люблю его,—съ грустью говорилъ Стэпъ-Ивъ, любовно показывая и переставляя свои книжечки.

— А тутъ вотъ картины, — сказалъ онъ, когда я окончилъ осмотръ книгъ въ шкафу, и, торжественно открывши сундукъ, сталъ выкладывать на столъ цѣлую кучу свертковъ. Это были лубочные виды Аѳона, русскихъ лавръ и извѣстныхъ монастырей, снимки съ иконъ и проч. Каждую картину Стэпъ-Ивъ бережно развертывалъ, разсказывалъ, гдѣ ее пріобрѣлъ, и при этомъ смотрѣлъ, какое впечатлѣніе картина производитъ на меня.

— Во всѣхъ этихъ мѣстахъ я былъ, всѣ эти святыни своими глазами видѣлъ, — съ гордостью говорилъ онъ. — Теперь цѣлые вечера, когда работы нѣтъ, разсматриваю и припоминаю, гдѣ былъ и что видѣлъ...

— А то вотъ что у меня еще есть...—И Стэпъ-Ивъ таинственно завозился въ сундукѣ, поставивши предварительно лампу на полъ. Онъ отодвинулъ задвижку въ боку сундука и осторожно досталъ оттуда какую-то вещь, завернутую въ массу бумагъ и тряпокъ. Когда всѣ бумаги и тряпки были бережно сняты, въ рукахъ Стэпъ-Ива очутился небольшой раскрашенный ящичекъ. Раскрывши его, онъ съ торжественнымъ видомъ произнесъ: — Посмотрите ка! Это, пожалуй, не хуже и волшебнаго фонаря...—И онъ подалъ мнѣ игрушечный стереоскопъ съ видами Іерусалима.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы не улыбнуться, и началъ разсматривать картинки, которыя Стэпъ-Ивъ осторожно вынималъ со дна ящика и вкладывалъ въ стереоскопъ, заглядывая въ то же время въ мое лицо.

— Это я въ Одессѣ купилъ... И до чего только люди дойдутъ!—говорилъ молодой зырянинъ съ наивнымъ восхищеніемъ.

— Откуда у васъ столько писемъ? — спросилъ я, увидавъ на днѣ сундука массу пакетовъ съ иностранными марками.

— А это у меня знакомый игуменъ на Аѳонѣ есть. Только я ужъ и не знаю хорошенько, что мнѣ объ этомъ человѣкѣ думать... Можетъ оно и грѣхъ, а иной разъ думается нехорошее... Видите какое дѣло: три года, значитъ, тому назадъ собрался я въ Іерусалимъ. Трое сутокъ отдыхалъ въ Одессѣ, потому что на машинѣ до Одессы такъ растрясло да жаромъ измучило, что я нездоровъ сдѣлался. Двое сутокъ, не вставая, лежалъ. На третьи отлежался, нашелъ себѣ товарища изъ Архангельской губерніи, чтобы назавтра ѣхать моремъ, и давай мы по городу ходить. Шатаемся около моря, смотримъ на корабли... Вдругъ къ намъ подбѣгаетъ какой-то послушникъ, съ лица не русскій: носъ такой длинный, самъ чумазый. Осмотрѣлъ насъ и спрашиваетъ: „Русскіе?“

— Да,—отвѣтилъ товарищъ.

— Такъ идите за мной.

— Куда?—спрашиваемъ.

— Идите, увидите,—говоритъ, да таково строго, что мы не посмѣли ослушаться и пошли.

Велъ онъ насъ, велъ, привелъ куда-то на край города, къ большому дому, и начали мы взбираться по лѣстницамъ. На третьемъ этажѣ послушникъ отворилъ двери и ввелъ насъ въ комнату со скамьями около стѣнъ и съ большимъ столомъ по серединѣ. За столомъ на табуреткахъ сидѣло много народу,—все русскіе. Какъ только мы вошли, навстрѣчу намъ поднялся толстый, пожилой монахъ, тоже смуглый и долгоносый. Послушникъ, что привелъ насъ, толкнулъ меня локтемъ подъ бокъ и шепнулъ: „Честный игуменъ киновіи Аѳонской васъ благословить хочетъ“. А самъ прошелъ въ боковую комнату. Тамъ за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ; всѣ писали что-то и запечатывали въ конверты. Толстый монахъ подошелъ къ намъ, спросилъ по-русски, хоть и не совсѣмъ правильно, откуда мы, и благословилъ насъ. Потомъ велѣлъ присѣсть на скамейку около стѣны. Черезъ малое время вошелъ къ намъ опять послушникъ и поднесъ на деревянномъ подносикѣ по стаканчику винограднаго вина и по кисточкѣ винограда. Мы выпили вино, съѣли виноградъ. Сидимъ. Не знаемъ, что еще дѣлать... Тогда игуменъ всталъ и знакомъ показалъ намъ на двѣ свободныхъ табуретки около стола. Мы перешли и сѣли... За столомъ сидѣло человѣкъ пятнадцать народу, больше бабьяго полу; кто почище одѣтъ, тѣ поближе къ игумену, а на концѣ стола, куда и мы сѣли, народъ черный—въ сермягахъ. Игуменъ поспрашивалъ немного тѣхъ, которые были ближе къ нему: каково они путешествовали и откуда? Сказалъ, что самъ въ Россіи бывалъ; а потомъ обратился ко всѣмъ и сталъ хвалить насъ

за любовь нашу ко святымъ мѣстамъ; потомъ сказалъ, что много святыхъ мѣстъ есть на Аѳонѣ, откуда самъ онъ, игуменъ, и что тамъ многіе монастыри очень нуждаются, особенно маленькіе, называемые киновіи. Потомъ немного подумалъ, досталъ изъ стола три листа бумаги и говоритъ человѣку, который сидѣлъ у него справа: „Какъ ваше имя?"

Тотъ сказалъ, а игуменъ записалъ его на листѣ.

— Женатъ?—спрашиваетъ опять.

— Да.

— Какъ жену зовутъ?

Тотъ сказалъ, и игуменъ опять записалъ на листѣ.

— Родители живы?

— Живы.

— Какъ зовутъ родителей?... Есть ли дѣти?.. Какъ ихъ зовутъ? Нѣтъ ли еще благодѣтелей или такихъ лицъ, за которыхъ надо молиться

— Нѣтъ больше никого.—Не забыть ли еще кто-нибудь?

Насъ, что въ концѣ сидѣли, отецъ игуменъ, спрашивалъ не такъ долго. Опросивъ послѣдняго и записавъ, что слѣдовало, онъ всталъ и началъ говорить. О томъ, что мы о присныхъ своихъ должны молиться Богу; онъ, отецъ игуменъ, будетъ молиться со своей братіей денно и нощно за всѣхъ, кого записалъ,—пусть только православные пожертвуютъ за это на его обитель: которые съ достаткомъ — по три рубля за имя, а съ неимущихъ достаточно и по рублю за имя... Тутъ многіе, правду сказать, крякнули... Купецъ даже и троюродныхъ племянниковъ записалъ — такъ его въ краску даже бросило. Но отецъ игуменъ такъ строго смотрѣлъ на всѣхъ, что дѣлать нечего—стали всѣ доставать деньги. Заплатили и мы съ товарищемъ по пяти рублей; думаемъ, можетъ—законъ такой, а потомъ вѣдь и угощеніе принимали, совѣстно не дать... Хотя насчетъ денно-нощныхъ молитвъ, сказать правду, я грѣшный человѣкъ, усумнился, — отъ такихъ молитвъ не будешь гладкимъ да сытымъ, какъ отецъ игуменъ. Можетъ, и еще кто думалъ то же самое, однако, изъ кармана деньги доставали всѣ. Только два какихъ-то мужичка, въ нашемъ концѣ, ничего не дали сказали, что у нихъ денегъ нѣтъ.

— Да вѣдь неимущимъ и то уступка: всего по рублю за имя!—строго сказалъ отецъ игуменъ, но мужики отвѣтили, что у нихъ и по рублю нѣтъ; стоятъ на своемъ, да и только, одинъ запросилъ даже, чтобы его и съ родителями вычеркнули...

Тогда отецъ игуменъ, обратившись ко всѣмъ намъ, сказалъ, что мы обязаны другъ друга тяготы носить, поэтому должны разложить между собой плату за двухъ мужиковъ

которые сами не въ состояніи заплатить за себя... Пришлось заплатить и за нихъ. Послѣ этого игуменъ благословилъ насъ, пожелалъ счастливаго пути и просилъ впередъ не оставлять пожертвованіями его обитель. Въ это время выскочилъ къ намъ изъ боковой двери послушникъ и сунулъ въ руки по листочку съ молитвами и адресомъ игумена.

Когда мы выходили на улицу, навстрѣчу намъ шла толпа другихъ богомольцевъ, которыхъ велъ похожій на нашего, такой же черномазый, послушникъ.

— И вы посылали деньги? — спросилъ я, разглядывая одинъ изъ конвертовъ.

— Три раза посылалъ. Неловко какъ-то: все пишутъ... Впрочемъ, я—не по-многу. А вотъ тутъ у насъ есть мясникъ одинъ,—такъ тотъ рублей полтораста уже переслалъ. Потомъ ужъ Иванъ Николаевичъ сталъ говорить, что сумнительно, молъ, по этимъ адресамъ деньги посылать... Я и пересталъ. А мясникъ еще на-дняхъ хотѣлъ послать, да въ правленіи не приняли: говорятъ, бумага такая пришла, что деньги на Аѳонъ можно только чрезъ синодъ посылать...

— Ну, теперь пойдемте: пора! — сказалъ, взглядывая на часы, учитель.

— Пожалуй, пора, — согласился Стэпъ-Ивъ и принялся укладывать свои сокровища.

— Господи, темень какая! — проговорилъ онъ, отворяя двери на улицу...—Осень. А вѣдь въ другихъ мѣстахъ объ эту пору еще лѣто стоитъ... Убогая наша сторона!..— И Стэпъ-Ивъ, уткнувшись носомъ въ поднятый воротникъ своего зипуна, быстро зашагалъ по дорогѣ къ правленію. Мы едва поспѣвали за нимъ, мѣся ногами невообразимо-грязную дорогу.

Было уже совсѣмъ темно. Въ воздухѣ стоялъ мокрый, густой туманъ, чрезъ который изрѣдка мелькалъ лучъ отъ огонька въ какой-нибудь хатѣ; но скоро хаты остались назади. Туманъ, какъ будто, еще плотнѣе охватилъ насъ, а въ лицо по прежнему, не переставая, билъ мелкій дождь.

— Ваши родители ничего не имѣютъ противъ путешествій по святымъ мѣстамъ и противъ книжекъ? — спросилъ я, поровнявшись съ Стэпъ-Ивомъ.

— Отецъ сначала былъ недоволенъ, пока младшій братъ не подросъ... У меня вѣдь еще двое братьевъ, одинъ моложе меня, другой старше; теперь оба въ городъ за товаромъ уѣхали. Они все хозяйство и справляютъ. Конечно, когда дома, то и я помогаю. Живемъ, слава Богу, въ достаткѣ по здѣшнимъ мѣстамъ, ну, отецъ и оставилъ меня въ покоѣ: молись, говоритъ, за насъ Богу, а ужъ мы за тебя отработаемъ... И братья тоже ничего, не сердятся. Зимой, по вечерамъ, когда работы нѣтъ, я имъ книги читаю или про странствія

свои разсказываю... Часто изъ сосѣдей приходятъ. Два года назадъ купилъ я себѣ въ Кіевѣ лѣчебникъ: тамъ все простыя средства указаны,—такъ и съ хворобой тоже ко мнѣ ходятъ... И въ деньгахъ отецъ мнѣ не отказываетъ. Только вотъ скоро, кажется, младшій братъ въ солдаты уйдетъ,— работникъ, значитъ, убудетъ; отецъ тогда мнѣ прикажетъ жениться и—прощай, моя волюшка!

Стэпъ-Ивъ глубоко вздохнулъ и еще быстрѣе зашагалъ по грязной дорогѣ.

— Весной еще въ Кіевъ схожу,—заговорилъ онъ снова,— а тамъ ужъ и покорюсь во всемъ волѣ родительской. Стыдно какъ-то и самому смотрѣть, какъ за тебя другіе работаютъ. Только вотъ горе мое—работникъ-то я плохой! Сосѣди смѣются. Пойдешь за сохой, а въ голову мысли разныя ползутъ, передъ глазами всѣ мѣста, гдѣ побывалъ, проходятъ... и забудешься. Очнешься, лошадь стоитъ посреди полосы, а сосѣди кругомъ хохочутъ...

— Смотрите: что это? Пожаръ?—вдругъ вскричалъ Иванъ Николаевичъ, указывая въ сторону отъ дороги.

Тамъ, дѣйствительно, что-то горѣло. Стояло яркое зарево, и черными клубами поднимался дымъ.

— Э, ничего, успокойтесь,—весело вскричалъ Стэпъ-Ивъ.— Это, должно полагать, народъ, что на сходку собрался, иззябъ,—такъ около правленія бочку зажгли...

— Трудно вамъ будетъ отвыкнуть отъ путешествій?—продолжалъ я прерванный разговоръ.

— Охъ, ужъ не знаю... Тянетъ изъ дому... Еще зимой— ничего, а вотъ какъ придетъ весна, — моченьки моей нѣту! точно оглашенный хожу. Думаю иной разъ: возьму себя въ руки, пересилю себя... Стыдно каждый годъ у отца денегъ просить... Нѣтъ, невозможно съ собой совладать... Плачешь, а идешь къ отцу за благословеніемъ и за деньгами.

У Стэпъ-Ива и теперь, какъ мнѣ показалось, слышались въ голосѣ слезы.

Мы подходили къ правленію.

V. Сходка.

Густая толпа народа волновалась и шумѣла. Въ сторонѣ, около дороги, пылала смоляная бочка и освѣщала багровымъ заревомъ собравшійся народъ.

Въ правленіи и примыкающей къ нему сборной избѣ свѣтился огонь. Сходъ уже начался. Тѣснота была страшная: многія пришли изъ дальнихъ деревень, даже изъ другихъ волостей, интересуясь узнать, что выдумаютъ N-цы для своего спасенія отъ надвигающейся нужды.

Мужики притащили откуда-то телѣгу, взмостились на нее и припали къ окнамъ сборной избы, толкая и спихивая другъ друга.

„Бурлаки“ тѣсною кучей сбились у самаго крыльца правленія. Стэпъ-Ивъ успѣлъ шепнуть имъ по дорогѣ, что учитель идетъ просить у схода денегъ на волшебный фонарь, о которомъ говорилъ зимой, и у учителя сразу образовалась своя партія,—правда, не имѣвшая прямого вліянія на сходъ. За то бурлаки принялись энергично расталкивать и стаскивать съ лѣстницы дома толпившихся на ней мужиковъ, чтобы дать намъ возможность проникнуть въ сѣни.

Въ сѣняхъ было еще тѣснѣе. Въ воздухѣ стоялъ какой-то туманъ и удушливый смрадъ. Двери въ сборную избу были открыты, но пробраться туда рѣшительно не было возможности.

На наше счастье, отворилась дверь изъ избы, въ которой помѣщалось правленіе, и оттуда, весь взъерошенный и въ поту, выскочилъ старшина, толстый, приземистый мужикъ съ сѣдой бородой.

Мы закричали и замахали ему руками, чтобы быть замѣченными; кто-то, вдобавокъ, дернулъ его за локоть и указалъ въ нашу сторону. Старшина важно нахмурился и сталъ энергично раздвигать народъ.

Кой-какъ, едва переводя духъ, мы, наконецъ, добрались до дверей правленской избы и черезъ нее прошли въ сборную.

Здѣсь, какъ и въ сѣняхъ, стоялъ тотъ же удушливый паръ. На одномъ окнѣ была поставлена небольшая лампа съ разбитымъ стекломъ, сильно коптѣвшая; около другого—пылала лучина. Все это скудно освѣщало большую избу съ тѣсно набившимся народомъ. Было шумно. За столомъ, приставленнымъ къ окну, гдѣ горѣла лампа, сидѣлъ писарь и, весь красный, старательно водилъ перомъ по бумагѣ, шлепая губами. Кругомъ писаря тѣснились мужики, заглядывая въ бумагу.

— Ты постарайся... Какъ бы получше...

— Все прописывай: хлѣба-де ни у кого нѣтъ...

— Кабала-то *) къ самому губернатору пойдетъ,—слышались кругомъ совѣты.

— Да ужъ не учите: безъ васъ знаю! - огрызался писарь;—Вы, вотъ, лучше не толкайтесь. Не толкайся, говорятъ тебѣ, зырянская морда! Чего лѣзете? Ужъ второй листъ испортилъ!

И писарь, вскочивъ на ноги, сталъ энергично махать кулаками, пока не очистилъ около себя свободнаго мѣста, по-

*) „Кабала“—бумага.

слѣ чего снова началъ старательно водить перомъ по бумагѣ. Наконецъ, онъ пересталъ писать и поднялъ надъ головой готовый приговоръ.

Увидѣвши бумагу, толпа начала притихать. Продолжавшихъ шумѣть сосѣди побуждали къ вниманію кулаками въ бока и окриками: „слушай!“

Наконецъ, и въ избѣ, и въ сѣняхъ, водворилась тишина; только съ улицы, черезъ не затворенныя двери, доносился многоголосый шумъ.

Писарь прочиталъ приговоръ о рѣшеніи схода просить сѣмянъ непосредственно у губернатора.

— Такъ... Хорошо... Вѣрно...—послышалось со всѣхъ сторонъ. Но скоро шумъ возобновился.

Нѣкоторые изъ выборныхъ требовали, чтобы сейчасъ же была составлена и прочитана и самая просьба къ губернатору. Впереди требующихъ увидѣлъ я Иво-Вась-зятя, обвиненнаго пароходскимъ капитаномъ въ бунтовствѣ. Старшина съ писаремъ начали было что-то возражать, но требованіе составить немедленно просьбу къ губернатору стало всеобщимъ: толпа густо надвинулась къ столу и приперла старшину съ писаремъ въ уголъ. Послышались такіе бурные возгласы, что начальству пришлось, поневолѣ, согласиться на требованіе міра. Кое-какъ выбравшись въ правленскую избу, писарь принесъ оттуда новый листъ чистой бумаги и опять торжественно усѣлся за столъ; къ нему, съ боку, присѣлъ старшина.

— Грамотеи,—выходи впередъ!—закричалъ кто-то изъ выборныхъ.

Этотъ крикъ былъ моментально подхваченъ, и изъ толпы стали выталкивать, одного за другимъ, грамотныхъ мужиковъ.

— Помогайте! Чтобы все было прописано, какъ слѣдуетъ... Каждый годъ безъ хлѣба сидимъ!.. Смотрите, комъясъ, чтобы старшина съ писаремъ не сфальшивили. Имъ что!.. Пожалуй, другое напишутъ...—слышались кругомъ голоса.

Старшина топорщился, пыхтѣлъ и злыми глазами смотрѣлъ на кричащихъ, но ничего не говорилъ.

Писарь разгладилъ листъ бумаги и, вытянувши губы впередъ, сталъ писать прошеніе губернатору, причемъ произносилъ каждое слово вслухъ, прежде чѣмъ его написать. Грамотеи, обступившіе столъ, старались выглядѣть каждое слово, написанное писаремъ, и громко его прочитывали; затѣмъ оно переходило изъ устъ въ уста. Нѣкоторые взобрались даже на скамейку за столомъ и засматривали въ прошеніе сверху.

Старшина взялъ въ руки приговоръ и сталъ подсказывать писарю, о чемъ писать.

— А ты еще прибавь,—заволновалась кругомъ толпа,—

что хлѣбъ каждый годъ худой родится... Если не пошлютъ, пропадать придется... О магазеяхъ тоже напиши... Чиновникъ, скажите, все видѣлъ, онъ разскажетъ!—совѣтовали кругомъ.

— Нельзя о магазеяхъ писать,—угрюмо заявилъ старшина.

— Пиши, пиши! Почему нельзя?.. Комъясъ!.. Они не хотятъ писать, что въ магазеяхъ зерна нѣтъ!—закричали грамотеи. Толпа опять начала грозно подступать къ столу.

Старшина, весь красный, выскочилъ впередъ.

— Нельзя это писать!—закричалъ онъ громко:—кто виноватъ, что въ магазеяхъ зерна нѣтъ?.. Сами вмѣсто зерна соръ ссыпали...

— А ты чего смотрѣлъ!.. Жалованье получаете, а смотрѣть не хотите!—кричали въ отвѣтъ.

— Напишемъ это въ прошеніи,—ни за что сѣмянъ не дадутъ. Скажутъ сами объ себѣ не думаете, кто объ васъ долженъ думать... Не надо о магазеяхъ?—убѣждалъ старшина.

— За себя боишься... Все равно: чиновникъ прописалъ. Пиши, писарь!—раздавалось кругомъ въ отвѣтъ старшинѣ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончились бы эти препирательства, если бы не произошелъ инцидентъ, отвлекшій вниманіе выборныхъ.

Одинъ изъ стоявшихъ на скамейкѣ мужиковъ до того выгнулся изъ-за спинъ мужиковъ, что, наконецъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ прямо на прошеніе и на чернильницу. Это событіе ошеломило всѣхъ. Писарь, съ выпученными отъ ужаса глазами, освобождалъ изъ-подъ мужика залитое чернилами прошеніе. Старшина, поджавши губы, укоризненно качалъ головой. Неудовольствіе толпы моментально со старшины перешло на упавшаго такъ некстати мужика.

— Кабалу испортилъ! Ай, дурная голова! Пиши теперь самъ, duракъ!—слышалось кругомъ.

Долго и съ сожалѣніемъ разсматривали зыряне попорченное прошеніе. Пока бумага переходила изъ рукъ въ руки, вездѣ вызывая искреннее негодованіе и самые нелестные эпитеты по адресу упавшаго, писарь свернулъ изъ бумаги трубочку и тщательно высасывалъ со стола разлитыя чернила, переправляя ихъ затѣмъ въ чернильницу. Старшина принесъ новый листъ бумаги, и писарь съ черными губами и съ выпачканнымъ чернилами лицомъ, перекрестившись, опять принялся за бумагу. Теперь мужики вели себя крайне осторожно; на скамейку уже никто не становился. На внесеніи въ бумагу упоминанія о „магазеяхъ“ больше не настаивали.

Долго писарь сидѣлъ надъ прошеніемъ, долго пыхтѣлъ и шепталъ подъ носъ слова, которыя выводила его рука;

нѣсколько разъ приподнимался и разгибалъ спину, причемъ, словно по командѣ, расправляли спины и согнувшіеся надъ прошеніемъ грамотеи; нѣсколько разъ сморкался горстью и вытиралъ лицо пиджакомъ.. Прошеніе подвигалось впередъ медленно.

Въ избѣ стояла напряженная тишина. Толпа со вниманіемъ ловила каждое слово прошенія, вычитываемое грамотеями, и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ повторяла его. Совѣтовъ уже не было слышно. Кто-то робко попытался было предложить какую-то поправку въ прошеніи, но писарь такъ свирѣпо посмотрѣлъ на совѣтчика, что у того фраза такъ и застыла на губахъ...

Наконецъ, прошеніе было окончено. Писарь еще разъ сморкнулся, утерся полой, самодовольно крякнулъ, засыпалъ написанное золой, сдулъ ее и, торжественно вставъ изъ-за стола, вышелъ на середину избы и сталъ читать прошеніе, отчеканивая каждое слово. Въ прошеніи N—ская волость объясняла, что недородъ хлѣба—обычное въ ней явленіе, а въ нынѣшній годъ хлѣбъ особенно плохъ; на сѣмена отъ прошлаго года ничего не осталось; хлѣбныхъ запасовъ ни у кого нѣтъ; всю надежду N—ская волость возлагаетъ теперь на его превосходительство и, поэтому, „всенижайше проситъ ходатайствовать предъ земской уѣздной управой о выдачѣ ссуды на обсѣмененіе полей, какъ это было и въ прошломъ году“.

— Всенижайше!.. Вотъ это такъ!.. Хорошо сказалъ!.. — слышалось со всѣхъ сторонъ во время чтенія.

— Ладно, теперь, хорошо.

— То-то!—внушительно сказалъ писарь.

— Иванъ Максимовичъ!—обратился онъ къ старшинѣ: — Идемъ къ сходу.

Писарь и старшина стали пробираться въ сѣни. За ними, тѣснясь и толкаясь, двинулись выборные.

— Комъясъ!—послышался съ крыльца здоровый басъ старшины, старавшагося покрыть многоголосый говоръ толпы, окружавшей сборную избу...

— Комъясъ!—вторилъ старшинѣ пронзительный тенорокъ одного изъ выборныхъ: —мы, выборные, разсуждали...

Писарь подалъ старшинѣ колокольчикъ, какой привязываютъ къ дугамъ лошадей. Старшина зазвонилъ, что было силы. Толпа понемногу стала утихать.

— Мы, выборные, — закричалъ по-зырянски тенорокъ, — разсуждали о томъ, какъ намъ добыть сѣмянъ, и порѣшили просить ссуды у земства чрезъ его превосходительство господина губернатора.

На улицѣ снова поднялся гулъ голосовъ: можно было понять, что въ немъ слышалось радостное одобреніе.

— Домой, комъясъ, не расходитесь: еще дѣла есть!—кричалъ старшина.

— Дѣла еще, дѣла не рѣшенныя, комъясъ!..—опять вторилъ старшинѣ пронзительный тенорокъ, сопровождаемый звономъ колокольчика. Толпа шумѣла и колыхалась въ темнотѣ...

Старшина и выборные опять вернулись въ избу, гдѣ писарь вертѣлся около стоявшихъ кучкой мужиковъ и шепталъ что-то на ухо то одному, то другому, самодовольно подмигивалъ и трепалъ ихъ по плечу. При этомъ я замѣтилъ, что онъ съ ироніей указалъ одному изъ собесѣдниковъ на учителя, и тотъ грубо засмѣялся. Это былъ тотъ самый рыжій мужикъ, котораго мы видѣли раньше въ окно правленія, когда его угощалъ писарь.

Я не передалъ Ивану Николаевичу случайныхъ своихъ наблюденій, чтобы не разстроить его прежде времени: онъ и безъ того уже не на шутку волновался по мѣрѣ приближенія роковой минуты.

Въ избѣ стало тише. Выборные терпѣливо ждали.

— Теперь, благословясь, и запечатать бы ужъ заодно бумагу-то. Право слово: запечатать бы, да и дѣло съ концомъ...—какъ-то нерѣшительно и робко сказалъ одинъ изъ выборныхъ... Голосъ показался мнѣ знакомымъ. Я обернулся: оказалось, идея принадлежала Иво-Вась-зятю.

— Вѣрно, вѣрно: запечатать да надписать, въ добрый часъ, да завтра же и въ городъ отправить!—поддержало нѣсколько голосовъ.

— Вишь, начальство выискалось,—огрызнулся писарь: — сами знаемъ, что дѣлать.

— Запечатывай! — кричала уже чуть не вся изба, и въ этомъ крикѣ опять слышалось повелѣніе „міра“, котораго нельзя было ослушаться.

Старшина покраснѣлъ и ощетинился, но потомъ, какъ будто что-то сообразивъ, вдругъ заговорилъ довольно мягко:

— Ну, и запечатаемъ, коли хотите. Чего кричите попусту? Неси сургучъ и печать!—обратился онъ къ писарю.

Скоро пакетъ былъ запечатанъ и надписанъ. Всѣ успокоились. Въ избѣ стало опять тихо.

Тогда старшина всталъ изъ-за стола, высморкался, откашлялся и бросилъ взглядъ на учителя. Иванъ Николаевичъ стоялъ молча, не обнаруживая никакого намѣренія сейчасъ обратиться къ сходу.

— Комъясъ!—заговорилъ старшина по-зырянски, и довольно складно изложилъ свою просьбу: — Волость велика,

дѣла много, и чуть что,—старшину къ отвѣту. Вонъ чиновникъ пріѣзжалъ,—старшину подъ арестъ. Приходится хозяйство запускать, лишній работникъ нуженъ. Куча дѣла, куча непріятностей, а жалованье—пустяки...

Тутъ старшина остановился и посмотрѣлъ въ сторону, гдѣ стоялъ рыжій мужикъ, уже, очевидно, поработавшій надъ подготовкой „общественнаго мнѣнія" среди своихъ сосѣдей.

— Это вѣрно! — послышались оттуда голоса: — Старшина правду говоритъ. Жалованья мало, а дѣла много... Это правда.

— Все еще мало? — поднялись негодующіе голоса большинства выборныхъ, понявшихъ, къ чему клонится дѣло.— Въ томъ году прибавили, а нынѣ опять мало? Въ другихъ мѣстахъ меньше нашего... Спроси у оквадскихъ въ Часовѣ...

Старшина насупился и волкомъ смотрѣлъ по сторонамъ, откуда слышались протесты.

— Насильно не возьму, а только прошу... По полторы копейки съ души только прошу... за труды за мои! —выговорилъ онъ рѣшительно.

— Такому человѣку по двѣ стоитъ дать. Потому заслужилъ!—послышалось изъ партіи рыжаго мужика.

— Стоитъ, такъ изъ своихъ кармановъ платите... Небойсь,—у самихъ въ карманахъ-то вѣтеръ свищетъ, а на мірскія деньги милостивы, — поднялись голоса, — много ли съ васъ міръ получаетъ?

— Міръ честной! По полторы копѣечки съ души только прошу... Отблагодарилъ бы! — уже совсѣмъ мягко повторилъ старшина.

— Комъясь!—раздался голосъ кого-то изъ выборныхъ,— старшина много и такъ получаетъ. Намъ теперь не только что полторы копѣйки, а и грошъ дорогъ. Хлѣба мало, сѣмянъ нѣтъ,—можетъ, еще и не дадутъ,—тутъ и грошу радъ будешь...

— Надо дать, надо! Полторы копѣйки съ души пустое!— перебила говорившаго немногочисленная, но обладавшая крѣпкими голосами партія рыжаго мужика.

— Ничего, съ голоду не умретъ! — опять громко возразилъ выборный.

— И брюха не убудетъ, — добавилъ кто-то, намекая на объемистый животъ старшины.

Поднялся хохотъ.

— Гдѣ убудетъ? Еще больше разнесетъ. Вотъ какъ мы безъ хлѣба останемся, такъ онъ опять по два рубля съ четвертакомъ пудъ пустить, какъ и въ томъ году, — раздался новый голосъ.

Старшина совсѣмъ злыми и осовѣлыми глазами поводилъ по толпѣ.

— Дадимъ, дадимъ!.. — не унывали союзники старшины,

во главѣ съ рыжимъ мужикомъ, стараясь перекричать противниковъ.

— Горлодралы! — заглушала ихъ остальная толпа: — Напрасно кричите. Міра не перекричишь. Не дадимъ ничего больше.

— Не надо... Намъ ѣсть нечего... Міръ голодаетъ... Не дадимъ...

Толпу охватывало волненіе. Рыжій мужикъ схватилъ за шиворотъ какого-то низкорослаго, плѣшиваго зырянина, выругалъ его и, въ заключеніе, далъ подзатыльника. Въ это время кто-то сильно ударилъ сзади самого рыжаго мужика. Тотъ окончательно взбѣленился и бѣшеными глазами смотрѣлъ на противниковъ, словно выбирая подходящую мишень для своихъ кулаковъ.

Поднялся невообразимый шумъ. Нужно было ожидать серьезной свалки, но на выручку пришло „начальство". Старшина схватилъ колокольчикъ и изо всѣхъ силъ зазвонилъ. Писарь бросился къ рыжему мужику и сталъ его уговаривать.

Долго звонилъ старшина, и долго уговаривалъ писарь расходившагося буяна, но, наконецъ, благодаря ихъ совмѣстнымъ усиліямъ, въ избѣ стало потише.

— Если бы міръ меня уважилъ, то и я его уважилъ бы!—закричалъ вновь старшина.—Кланяюсь міру ведромъ.

— Не надо... Не до питья теперь!—шумѣла толпа, и въ этомъ шумѣ терялись голоса сторонниковъ старшины.

— Чего тутъ разговаривать, идемъ лучше по домамъ: — предложилъ одинъ изъ выборныхъ:—По-пусту только горло драть... Старшина ужъ и то лишка получаетъ.

— Идти и то: спать пора...—заговорили кругомъ.

И человѣкъ шесть выборныхъ оставили избу. Все это были противники прибавки жалованья старшинѣ. Между тѣмъ, сторонники старшины не дремали. Двое изъ товарищей рыжаго мужика вмѣшались въ толпу остальныхъ выборныхъ и шептались то съ однимъ, то съ другимъ. Очевидно, они дѣятельно вербовали союзниковъ.

— Что они дѣлаютъ! — съ укоромъ шепталъ Стэпъ-Ивъ учителю, смотря на удаляющихся изъ избы выборныхъ: — Эхъ, зачѣмъ они ушли! Это, вѣдь, лучшіе мужики, непьющіе. Они подождали бы васъ. Надо вернуть ихъ!—И Стэпъ-Ивъ началъ пробираться къ дверямъ. По дорогѣ, прокладываемой среди выборныхъ Стэпъ-Ивомъ, двинулось домой еще человѣка четыре.

Старшина вдругъ спохватился.

— Комъясъ! Что же вы уходите, не рѣшивъ дѣла? Рѣ-

шать безъ васъ, — обижаться будете... Дѣло извѣстное... Такъ ужъ вы сначала рѣшите...

Рыжій мужикъ стремительно бросился къ распахнутымъ дверямъ избы и съ угрожающимъ видомъ загородилъ ихъ собою. Стэпъ-Иву всетаки удалось уйти, но четверо мужиковъ принуждены были вернуться назадъ.

— Положите по полторы копѣйки съ души, такъ полтора ведра жалую, коли на то пошло! — не унимался старшина.

— Согласны... Согласны! — гремѣлъ рыжій мужикъ отъ дверей.

— Согласны, пишите приговоръ! — вторили его союзники.

— Нѣтъ, не согласны... Ничего не дадимъ! — кричала противная партія.

Теперь, судя по крикамъ, силы обѣихъ партій были почти равны, благодаря уходу нѣсколькихъ человѣкъ...

— Два ведра ставлю, — снова возгласилъ ободренный старшина.

Произошло минутное молчаніе.

— Мало! — вдругъ крикнулъ кто-то въ отвѣтъ.

Старшина испытующе осмотрѣлъ выборныхъ и вдругъ просвѣтлѣлъ: этотъ крикъ послышался не со стороны его союзниковъ, а разъ уже начали торговаться, значитъ— дѣло „выгорало...“

— Нѣтъ... Нѣтъ... Не надо вина... Не согласны... Нисколько не нужно!—раздались крики протестантовъ. Но, увы! они далеко ужъ не были дружны, какъ прежде, у союзниковъ же старшины замѣтно прибыло энергіи.

— Готовь, писарь, приговоръ, — кричали они, — сейчасъ сладимъ.

— Мало?! Два ведра — мало?... Эхъ, раззадорили вы своего старшину,—говорилъ съ дѣланнымъ добродушіемъ старшина: — Ну, берите, такъ и быть, два съ половиной...

— Мало! — крикнуло уже нѣсколько голосовъ.

— Довольно... Довольно... Пиши приговоръ! — вопили союзники старшины.

— Не дадимъ! — еще разъ раздалось нѣсколько неувѣренныхъ голосовъ.

— Мало, надбавь!! — кричало большинство, къ которому явно примкнуло не мало противниковъ старшины.

— Дадите по полторы копейки съ души? — спросилъ громко старшина. — Даю три ведра...

— Дадимъ!.. Дадимъ!.. Только прибавь еще!..—Недавній повелительный „міръ“ превращался въ толпу попрошаекъ.

— Ну, будетъ, больно лакомы,—съ достоинствомъ возразилъ старшина.—Больше не прибавлю. Готовь приговоръ! —

спокойно обратился онъ къ писарю, считая дѣло поконченнымъ.

Оппозиція совершенно утихла, словно сквозь землю провалилась.

— У меня тоже до міра просьбица есть.. — сказалъ писарь, вылѣзая изъ-за стола.

— Да ужъ извѣстное дѣло, — и писарю надо прибавить, коли старшинѣ прибавили. Тутъ и толковать нечего!—перебилъ писаря рыжій мужикъ, стоявшій все еще около дверей.

— И писарю прибавимъ, — подхватили союзники рыжаго мужика.

— Кланяюсь міру...—сказалъ писарь. Сами знаете, сколько мнѣ работы. Видите сегодня: и прошеніе господину губернатору напиши, и приговоры изготовь, — все я. Кабы не я, то кто же бы написалъ?

— Вѣрно, вѣрно... Очень хорошо понимаемъ. Голова ты у насъ, одно слово... Дадимъ писарю по полторы копейки съ души!—заговорила компанія рыжаго мужика.

— Давайте, всѣмъ давайте, кто ни попроситъ... Горлодралы этакіе, всѣхъ съ толку сбиваютъ! Подати за себя сначала заплатили бы,—раздалось опять нѣсколько протестующихъ голосовъ, но это были голоса, вопіющіе въ пустынѣ. Первоначальнаго дружнаго отпора уже не было и въ поминѣ. Большинство прельстилось на водку, другіе поняли, что старшина и писарь, все равно, возьмутъ свое, и, безучастно топчась на одномъ мѣстѣ, зѣвали и крестили ротъ, или дремали по угламъ, порой тоскливо взглядывая на двери, гдѣ все еще стоялъ рыжій мужикъ.

— Два ведра ставлю міру!—возгласилъ писарь.

— Что торгуешься? Ставь столько же, сколько и старшина, да и пиши приговоръ,—слышались многочисленные голоса.

— Богаты, такъ давайте. Опьетесь сегодня, право слово, опьетесь! – сказалъ кто-то сзади.

Сторонниковъ старшины и писаря эти слова задѣли за живое. Одинъ изъ нихъ юркнулъ въ толпу и моментально схватилъ кого-то за шиворотъ.

— Вотъ главная-то язва,—сказалъ онъ, вытаскивая изъ толпы къ столу упиравшагося мужика. Это былъ опять Иво-Вась-зять.

— Ты что меня трогаешь? — спрашивалъ Иво-Вась-зять, поправляя на себѣ азямъ:—Развѣ я не воленъ говорить, что думаю?

— Говори, да не заговаривайся,—сказалъ мужикъ.

— Я не заговариваюсь. Я правду говорю. Думаешь, у тебя одного правда-то за пазухой? Правда у того, у кого совѣсть есть, а ты ее давно пропилъ.

— Бей его!—предложилъ отъ дверей рыжій мужикъ.

Исполненію этого приговора помѣшалъ старшина, приказавшій начальническимъ тономъ отпустить Иво-Вась-зятя.

Мужикъ, разсвирѣпѣвшій отъ послѣднихъ словъ Иво-Вась-зятя, нехотя выпустилъ его, грозясь припомнить при случаѣ.

— Ну, три—такъ три,—согласился, между тѣмъ, писарь. Ставлю міру крещеному три ведра водки: веселитесь, комъ-ясъ, за мое здоровье!—повторилъ онъ громко.

— Давно бы такъ! Пора и повеселиться...

Въ избѣ началось движеніе. Въ настроеніи большинства выборныхъ чувствовалось предвкушеніе пира.

— Шесть ведерышекъ есть,—говорилъ умиленнымъ тономъ какой-то зырянинъ другому, трепля его по плечу.

— Имѣемъ честь поздравить!—сказалъ по русски старшина, подходя къ писарю.

— Поздравляю съ успѣхомъ и тебя, Иванъ Максимовичъ, — величественно промолвилъ писарь, подавая руку старшинѣ.

Къ тому и другому затѣснились ихъ сторонники, поздравленія принимались привѣтливо и благосклонно.

— Что-жъ, пора къ Ѳедосѣичу спосылать! — напомнилъ на всю избу рыжій мужикъ. Но тутъ онъ вдругъ замѣтилъ, что кто то изъ сѣней пробирается въ избу.

— Куда ползешь? Чего надо?—зарычалъ рыжій мужикъ, загораживая входъ.

— Пропускай!—послышался изъ сѣней голосъ Стэпъ-Ива.

— Зачѣмъ? Ушелъ, такъ и сиди тамъ. А съ собой кого это еще ведешь? Убирайся!..

— А ты что за начальство? — вызывающе спрашивалъ Стэпъ-Ивъ.

— Я выборный... За порядкомъ смотрю!—И рыжій мужикъ оттолкнулъ Стэпъ-Ива въ сѣни.

— Я и самъ выборный, вмѣсто отца... — заявилъ Стэпъ-Ивъ.

— А зачѣмъ ушелъ? Сходъ кончился, нечего тутъ дѣлать... Эй старшина! Стэпъ-Ивъ бурлаковъ съ собой навелъ... Прутъ въ избу и ругаются! — обиженнымъ тономъ заявилъ рыжій мужикъ.

— Стэпъ-Ива пусти, а другихъ не пускай, — рѣшилъ старшина.

Стэпъ-Ивъ, весь мокрый отъ дождя, съ выраженіемъ досады на лицѣ, быстро протѣснился къ учителю.

— Ну, что, какъ дѣло?—участливо спросилъ онъ.

— Сейчасъ буду просить, только вижу, что толку не будетъ!—сказалъ сильно встревоженный учитель.

— Ну, Богъ поможетъ... Эхъ, и народецъ же у насъ.. Этотъ горлодрало Петро-Вась, — вонъ рыжій то... ужъ досадилъ онъ мнѣ... Вѣдь за мной пришло человѣкъ десять бурлаковъ да бывшихъ солдатъ: Иво-Вась, Кузь-Митя, Кузь-Стэпъ, Сень-Дань.. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, за мной... Эхъ, поздно пришли, а то... можетъ, помѣшали бы за водку мірскія деньги транжирить.

Въ дверяхъ, изъ-за спины рыжаго мужика, дѣйствительно, виднѣлись улыбающіяся физіономіи „бурлаковъ". Замѣтивъ, что учитель на нихъ смотритъ, бурлаки привѣтливо закивали ему...

— Ну, благословясь, начинай учитель.. —шепнулъ Стэпъ-Ивъ, когда поздравленія старшины и писаря кончились, и послѣдній усѣлся писать приговоръ.

Учитель подошелъ къ столу.

— Православные! — началъ онъ: — и у меня къ вамъ просьба. Не откажите. Прошлой зимой я бесѣдовалъ съ вами по праздникамъ въ школѣ; теперь, съ осени, тоже буду бесѣдовать... Только не все вы понимаете...

— Гдѣ намъ понимать!.. Мы не ученые, ты за то много понимаешь,—язвительно прервалъ рыжій мужикъ, съ злою насмѣшкой слушавшій учителя. Но на послѣднемъ словѣ онъ вдругъ поперхнулся: кто-то сзади, изъ кучки бурлаковъ ухнулъ его въ спину. Онъ быстро, съ грознымъ видомъ, оглянулся. Но бурлаки, казалось, съ самымъ невиннымъ видомъ слѣдили за тѣмъ, что происходитъ въ избѣ.

— Многаго не понимаете, — повторилъ учитель, словно не замѣчая выходки рыжаго мужика.—Вотъ, если бы были картины, на которыхъ было бы все это нарисовано: кто чего не дослышалъ или не понялъ, — увидалъ бы на картинѣ... Стоитъ это рублей пятьдесятъ, за то хватитъ надолго.

— Вѣрно, православные!—вдругъ, вышедши изъ толпы, быстро, съ волненіемъ заговорилъ Стэпъ-Ивъ.—Я своими глазами видѣлъ такія картины,—вѣкъ бы не наглядѣться... Все такъ живо представлено: города, люди разные, чугунка идетъ, пароходъ... Какъ настоящіе...

— Занятно!—послышалось нѣсколько голосовъ.

Выборные тѣснѣе окружили учителя и Стэпъ-Ива.

— Еще бы не занятно!—воодушевился Стэпъ-Ивъ, ободренный вниманіемъ выборныхъ.—Учитель станетъ отъ божественнаго читать, а на картинахъ все это будетъ представлено: и самъ Господь, и Божія Матерь, и Іерусалимъ... Это фонарь такой сдѣланъ, и въ немъ стекло...—началъ объяснять Стэпъ-Ивъ.

— И безъ фонарей намъ хор...—закричалъ было рыжій мужикъ, но вдругъ опять поперхнулся.

Кто-то опять ударилъ его сзади. Мужикъ долго водилъ злыми глазами по лицамъ бурлаковъ, но, опять не найдя виновнаго, отпустилъ нѣсколько отборныхъ ругательствъ и перешелъ на другое мѣсто, поближе къ столу, около котораго теперь стоялъ учитель. Бурлаки потянулись въ избу.

— Такъ какъ же, православные, дадите денегъ на фонарь и на картины, или нѣтъ?—спросилъ учитель.

— Пустое это все!—опять громко заявилъ рыжій мужикъ.

Старшина зѣвнулъ во весь ротъ и уставился глазами въ потолокъ.

— Что же, пожалуй... Отчего не дать... Дадимъ и тебѣ!—заговорили кругомъ выборные.

— А много ли выставляешь?—спросилъ вдругъ кто-то категорически.

— Водки выставить не могу!—отвѣтилъ учителъ.

— Гдѣ ему міръ почтить... Вѣдь онъ ученый!—язвительно сказалъ рыжій:—Онъ больше міра...

— Вина не дашь, такъ и денегъ не получишь,—закричало нѣсколько голосовъ.

— Для васъ же вѣдь, православные... — началъ было учитель.

— Не надо... не надо... никакихъ фонарей не надо!.. Пустое все!—раздавалось въ избѣ.

— Занятно, — отчего не дать... — слышались робкія возраженія.

— Старшинѣ дали денегъ, писарю тоже, давайте и учителю; онъ не для себя проситъ!—заговорили бурлаки шумно.

— Старшина міръ уважилъ и писарь уважилъ, пускай и учитель уважитъ, тогда другой разговоръ!—отвѣчали имъ выборные.

— Комъясъ, комъясъ!—закричалъ Стэпъ-Ивъ. — Послушайте, что я скажу вамъ.

— Нечего намъ тебя слушать... Сами знаемъ, что дѣлаемъ.

— Гдѣ имъ слушать. У нихъ ужъ давно глотка чешется—дарового вина попить хочется... — послышалось въ кучкѣ бурлаковъ.

— Старики тоже!.. Выборные называются!..

— Дать, дать!!—надрывались бурлаки.

— Уважитъ учитель—дадимъ, нѣтъ—ну, и мы нѣтъ!—кричала уже почти вся изба.

— Грѣхи наши тяжкіе,—вздохнулъ Иво-Вась-зять, до сихъ поръ энергично поддерживавшій учителя, и затѣснился куда-то въ сторону.

— Слушай учитель, совѣтъ я тебѣ дамъ,—доброжелательно сказалъ учителю выборный Стэпъ-Стэпъ, старикъ съ сѣдой рѣденькой бородкой, протискавшійся сквозь густую толпу.—

Проси ты по двѣ копѣйки съ души. Будетъ 75 рублей. Этихъ денегъ и на вино хватитъ, и на фонарь съ картинами останется... Жалѣть тогда денегъ не будешь. .

— Не жалѣю я денегъ, православные, не въ этомъ дѣло... Совѣсти вашей не хочу виномъ покупать...

Старшинѣ послѣднія слова учителя очень не понравились. Онъ покраснѣлъ до ушей, выскочилъ изъ-за стола и съ сердцемъ обратился къ писарю:

— Доканчивай приговоръ, все равно ничего ему не попадетъ... Больно уменъ!..

— Сходъ затянулся, пора кончать,—обратился старшина къ выборнымъ.—Рѣшайте скорѣе: дадите или нѣтъ, да и все тутъ...

— Дать, дать!..—кричали бурлаки, Стэпъ-Ивъ, Иво-Вась-зять и другіе.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ, не надо! — кричали въ отвѣтъ голоса выборныхъ.

— Ну, нѣтъ, такъ и кончено. Пиши!—обратился старшина къ писарю.

— Пиши, пиши...

— Отказано?—спросилъ писарь.

— Отказано, отказано!—закричали кругомъ,

Писарь сѣлъ дописывать приговоръ.

— Господи помилуй... Прости Ты насъ грѣшныхъ!—шепталъ и крестился Иво-Вась-зять.

Сходъ кончился.

Писарь громко прочиталъ приговоръ, первый и второй пункты котораго гласили, что выборные рѣшили прибавить жалованья старшинѣ и писарю, въ виду ихъ многосложныхъ обязанностей, по полторы копѣйки съ души, а всего по пятидесяти рублей, а въ пунктѣ третьемъ заключался отказъ въ просьбѣ учителя пятидесяти рублей на волшебный фонарь и картины для школы.

— Такъ ли, выборные?—спросилъ писарь, окончивши читать.

— Такъ! Такъ!..

— За вино совѣсть продали! — вдругъ твердо и громко сказалъ Иво-Вась-зять.

— Молчи, язва! — прикрикнулъ на него рыжій мужикъ.

— Совѣсть продали!—еще громче сказалъ Иво-Вась-зять,

— Молчи лучше... Что ты противъ всего міра идешь?

— Нечего мнѣ молчать, — не унимался Иво-Вась-зять: — за вино рады крестъ съ себя снять...

— Продали!.. Продали!.. Совѣсть продали... Старики!.. Міръ рады пропить!—загуторили бурлаки.

— Не ваше дѣло... Молоденьки насъ учить! — набросились выборные на бурлаковъ.

— Кто ихъ сюда нагналъ? — съ важнымъ видомъ спросилъ старшина. — Уходите прочь изъ избы! Кузь-Митя!.. Пусть бурлаки уйдутъ изъ избы... — обратился старшина къ рыжему мужику. Но того уже въ избѣ не оказалось. Онъ куда-то исчезъ.

— Это ихъ все учитель смущаетъ, — заговорилъ одинъ изъ выборныхъ.—Благочинному будемъ жаловаться...

Выборные стали тѣснить бурлаковъ къ дверямъ. Тѣ шумно уходили, продолжая кричать:

— Совѣсть продали... за шесть ведеръ, продали, мірскія деньги пропиваете!.. Старики!..

Старшина, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этихъ криковъ, двинулся съ приговоромъ на крыльцо.

Писарь зажегъ большой фонарь и пошелъ впереди. Выборные потянулись за нимъ, а навстрѣчу протискивались два человѣка.

Впереди шелъ заспанный, но сладко улыбавшійся, какъ разбуженный ласкою котъ, Ѳедосѣичъ съ двумя четвертями подъ мышками, за нимъ важно двигался рыжій мужикъ. Но хлынувшая изъ избы толпа, впереди которой были бурлаки, тѣснимые выборными, вытолкнула ихъ обратно въ сѣни, а потомъ вынесла на крыльцо. Ѳедосѣичъ такъ и остался съ двумя четвертями въ рукахъ.

Наступалъ послѣдній, рѣшительный моментъ: нужно было объявить о рѣшеніи выборныхъ всему сходу.

На улицѣ совсѣмъ было темно. Моросилъ мелкій дождь и дулъ холодный вѣтеръ. Костеръ потухалъ. Только по временамъ онъ вспыхивалъ длинными огненными языками и освѣщалъ стоявшихъ около правленія зырянъ. Воздухъ былъ наполненъ сыростью, туманомъ и клубами удушливаго дыма. Была уже близка полночь, но народу толпилось еще много. Передъ крыльцомъ виднѣлась неопредѣленная сѣрая масса зипуновъ и азямовъ; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе эта масса сливалась съ общимъ туманнымъ колоритомъ осенней ночи. Писарь высоко поднялъ фонарь. Тусклая полоса свѣта прорѣзала воздухъ и освѣтила рядъ человѣческихъ фигуръ. Народъ сталъ тѣсниться къ крыльцу.

Раздался звонъ колокольчика.

— Комъясъ! — закричалъ знакомый пронзительный тенорокъ:—мы, выборные, порѣшили прибавить жалованья старшинѣ и писарю.

Въ отвѣтъ на это заявленіе, поднялся общій неодобрительный шумъ. Слышны были ясные крики стоявшихъ ближе

къ крыльцу, что давать не изъ чего, что и такъ ни у кого хлѣба нѣтъ.

Старшина опять зазвонилъ и велѣлъ писарю прочитать часть приговора объ отказѣ въ просьбѣ учителю. Очевидно, дипломатичный старшина хотѣлъ показать, что выборные давали деньги не безъ разбору и не всѣмъ.

Но это мало помогло. Крики усиливались. Стоявшіе впереди взбирались на крыльцо, задніе ихъ толкали и сами тѣснились впередъ.

— Мы всѣ, выборные, постановили... — закричалъ тенорокъ изо всѣхъ силъ.

— Не согласны... Не дадимъ... — прервали его сотни голосовъ.

Бурлаки, воспользовавшись поднявшимися протестами, отчаянно кричали:

— Выборные мірскія деньги пропиваютъ!..

— Ихъ подкупили виномъ.

Положеніе старшины и писаря становилось критическимъ. Народъ, напиравшій съ улицы, прижалъ ихъ къ стѣнѣ. Снизу слышались энергичные враждебные крики, а около самыхъ ушей неистовствовали бурлаки. Послѣдніе все болѣе и болѣе воодушевлялись. Даже добродушный и незлобивый Стэпъ-Ивъ теперь поддался общему настроенію. Старшина, припертый въ уголъ, дико поводилъ глазами и хрипѣлъ. Рыжій зырянинъ грудью защищалъ Ѳедосѣича съ четвертями и отражалъ направо и налѣво подступавшихъ, толкаемыхъ снизу, зырянъ.

— Скажи про вино,—прохрипѣлъ старшина тенорку.

Опять зазвонилъ колоколъ.

— Комьясъ!—закричалъ тенорокъ:—Выборные не задаромъ присудили старшинѣ и писарю прибавку. Старшина и писарь согласились попотчивать міръ честной виномъ!..

Старшина кое-какъ выползъ изъ придавившей его толпы впередъ и закланялся на всѣ стороны. Писарь, высоко держа въ рукахъ фонарь, тоже раскланивался. Рыжій мужикъ выхватилъ одну четверть у Ѳедосѣича и демонстративно поднялъ ее вверхъ. Самъ Ѳедосѣичъ тоже сдѣлалъ съ оставшейся у него въ рукахъ.

Картина была очень живописная и характерная. На мужиковъ она, видимо, произвела впечатлѣніе,

За четвертями поднялась масса рукъ. Стоявшій на улицѣ и на крыльцѣ шумъ какъ-то вдругъ потерялъ свой угрожающій характеръ.

Бурлаковъ оттѣснили и заставили замолчать. Теперь ясно слышались лишь одни вопросы: „сколько?“ Громко выражались также опасенія, какъ бы выборные не выпили одни

всей водки. Внезапная метаморфоза поражала своей неожиданностью.

— Четыре ведра ваши,—выборныхъ особо!—громко крикнулъ старшина.

— Θедосѣичъ подавай!.. Вотъ вамъ для начала...

Θедосѣичъ торжественно спустилъ четверть внизъ. За четверть ухватился не одинъ десятокъ рукъ, и она исчезла въ толпѣ. Затѣмъ Θедосѣичъ досталъ изъ кармана два, съ отбитыми краями, стакана и отправилъ вслѣдъ за четвертью.

Внизу началась свалка. Съ крыльца мужики бросились внизъ и посбивали съ ногъ стоявшихъ у лѣстницы. Отъ ругательствъ стоялъ стонъ. Нѣсколько человѣкъ ринулось къ рыжему мужику, съ намѣреніемъ завладѣть четвертью, которую тотъ держалъ въ рукахъ, но онъ далъ такой энергичный отпоръ, что нападавшіе скатились съ лѣстницы. Послѣ этого на крыльцѣ стало свободно.

Старшина, съ видомъ побѣдителя-полководца, стоялъ теперь на верхней ступенькѣ лѣстницы и съ усмѣшкой смотрѣлъ на бросившійся къ водкѣ народъ.

Θедосѣичъ досталъ изъ кармана еще стаканъ и, отеревъ полой своего кафтана, подалъ старшинѣ. Рыжій мужикъ ловко нацѣдилъ въ стаканъ водки. Но старшина не сразу выпилъ, а сначала, обращаясь къ выборнымъ, сказалъ:— Кушайте на здоровье!

— Ачитъ ю *)!—отвѣтили тѣ хоромъ.

Тогда только старшина опрокинулъ стаканъ въ ротъ и передалъ его писарю. Послѣдовала та же церемонія. Послѣ писаря взялся за стаканъ выборный, обладавшій пронзительнымъ теноркомъ.

— За ваше здоровье!—сказалъ онъ, кланяясь старшинѣ и писарю.

— Спасибо, что постоялъ за насъ!—отвѣтилъ старшина:— Ужо заходи ко мнѣ; пудика три ячменю еще дамъ, да и теленка приводи—куплю.

— Спасибо тебѣ, Иванъ Максимовичъ,—опять поклонился тенорокъ.—Мы добраго человѣка всегда поддержать рады...

За слѣдующимъ стаканомъ потянулся откуда-то взявшійся саратовскій денщикъ.

— Не давай, не давай... Онъ давеча противъ меня кричалъ!..—вдругъ завопилъ старшина.

— Я противъ васъ, Иванъ Максимовичъ, никакой прокламаціи не дѣлалъ... Это вы напрасно-съ...—галантно заявилъ было саратовскій денщикъ.

*) Самъ пей. — Это необходимая зырянская любезность при всякой выпивкѣ.

— Самъ слышалъ,—сказалъ старшина и вырвалъ стаканъ изъ его рукъ.—Поди къ учителю—онъ тебя напоитъ...

Саратовскій денщикъ постыдно ретировался.

— Вотъ Кузь-Митя за васъ постарался. Пей-ка!—обратился тенорокъ къ рыжему мужику.

— Пей, Кузь-Митя!—одобрительно кивнулъ головой старшина.—Өедосѣичъ, возьми у него четверть изъ рукъ да наливай самому... Пей!

Өедосѣичъ взялъ изъ рукъ рыжаго мужика четверть и началъ цѣдить водку. Но, случайно взглянувъ на улицу, онъ вздрогнулъ и чуть не уронилъ четверти изъ рукъ: у самаго костра двигались три фигуры... Вдругъ толпа зырянъ бросилась на нихъ и смяла... Послышался отчаянный женскій визгъ. Өедосѣичъ узналъ свою сожительницу и работника Луку, тащившихъ къ правленію ведро водки. Третья фигура—былъ портной Леонтій.

Костеръ ярко вспыхнулъ еще разъ и освѣтилъ массу барахтавшихся въ грязи тѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, все поглотила непроглядная мгла. Слышны были только отчаянныя ругательства дравшихся изъ-за водки мужиковъ.

— Окаянные!.. Собаки жадныя... Разольютъ вино-то... ведро для выборныхъ... почище заготовилъ...—вопилъ Өедосѣичъ. Старшина, очевидно, отлично понималъ что значило у Өедосѣича слово „почище“.

— Это тебя, Өедосѣичъ, не иначе какъ Богъ наказалъ,—заговорилъ онъ внушительно,—очень много ужъ ты воды напущаешь. Бѣги, заготовляй для насъ хорошаго вина, съ водой все равно не возьмемъ... Сотскіе идите съ нимъ, смотрите...

— Эхъ, утробы проклятущія!.. Ждали бы, ненасытные, череду... И Левоха тутъ же присунулся... Навѣрно, дьяволъ, первый бросился на ведро...—ругался Өедосѣичъ, сходя съ крыльца, въ сопровожденіи двухъ сотскихъ.

— Пойдемте,—тронулъ меня Стэпъ-Ивъ,—больше намъ дѣлать здѣсь нечего... Пьянство начинается... Это у насъ дѣло извѣстное.

— Гдѣ же Иванъ Николаевичъ?—спросилъ я, оглядываясь по сторонамъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Стэпъ-Ивъ, тяжело вздохнувъ.—Должно быть, домой ушелъ.

Слѣдомъ за Өедосѣичемъ и его провожатыми мы сошли съ крыльца и стали пробираться сквозь толпу.

Народъ уже отхлынулъ отъ крыльца и толпился посреди улицы. Здѣсь стоялъ крикъ, и продолжалась свалка около отбитаго ведра. Огонь на кострѣ чуть-чуть тлѣлъ, изрѣдка только вспыхивая, какъ будто вздрагивая, и снова

потухая. Здѣсь народу тоже не было, лишь одиноко стояла одна человѣческая фигура. Мы узнали въ ней Иво-Вась-зятя. Онъ злобно ругался, повернувшись лицомъ къ бѣсновавшейся около водки толпѣ.

— Проклятые! Продать себя рады за глотокъ водки... Смотри: другъ у друга рвутъ, какъ звѣрье... Подавились бы, окаянные!—И Иво-Вась-зять ожесточенно плевался.

Къ костру подошли бурлаки. Они тоже искали учителя. Я направился домой...

Была уже глухая ночь. Дождь пересталъ. Свинцовыя облака, весь день и вечеръ висѣвшія чуть не надъ самыми головами, нѣсколько разсѣялись и, какъ будто, поднялись. Сквозь нихъ тусклымъ бѣлымъ пятномъ пробивалась луна. На деревнѣ было темно и мертво. Только гдѣ-то прокричалъ разъ пѣтухъ и далеко, далеко лаяла собака.

А за нами, около правленія, виднѣлось высокое пламя огня. Сквозь сплошной мокрый туманъ оно блестѣло матовымъ свѣтомъ. Оттуда неслись дикія ругательства и слышалась нескладная пѣсня. На фонѣ огненнаго пятна появлялись и исчезали людскія очертанія. Разгулъ былъ въ полномъ разгарѣ.

ЭПИЛОГЪ.

— Кабала, кабала пришла! *) Въ правленіе, въ правленіе, комъясъ!—кричалъ черезъ двѣ недѣли послѣ разсказанныхъ выше событій кривоногій десятскій Стэпъ-Стэпъ, ковыляя отъ одной избы къ другой. При этомъ Стэпъ-Стэпъ энергично колотилъ палкой въ окна избъ. Окна открывались, и изъ нихъ показывались головы зырянъ и зырянокъ.

А Стэпъ-Стэпъ шелъ дальше, опять стучалъ въ окна и кричалъ, съ сознаніемъ служебнаго долга: „кабала... кабала... въ правленіе идите, въ правленіе!

— Какая кабала? Насчетъ чего?—сонно спрашивали, высовываясь изъ оконъ мужики. — Отъ кого? Дорогу править, что ли?

— Отъ губернатора, насчетъ сѣмянъ...

Послѣднія слова производили на спрашивавшихъ магическое дѣйствіе: лица оживлялись, въ окнахъ появлялись новыя фигуры.

— Когда пришла?.. Что въ той кабалѣ?—сыпались вопросы.

Но Стэпъ-Стэпъ не тратилъ напрасно словъ.

---

*) Бумага.

— Въ правленіе, въ правленіе... Локъ... локъ *), тамъ все узнаешь,—отвѣчалъ онъ. И голосъ его слышался уже дальше, въ глубинѣ улицы:

— Кабала... кабала... кабала...

Скоро вся деревня пришла въ движеніе. Изъ домовъ выбѣгали мужики и, на ходу напяливая на себя азямы, трусили по липкой грязи къ правленію.

Дорога покрылась народомъ. Слово „кабала" у всѣхъ было на языкѣ.

На лицахъ была написана радостная надежда, что, наконецъ-то, вѣроятно, имъ рѣшили дать сѣмянъ. Эта надежда звучала въ разговорахъ; она даже сквозила въ бодрой походкѣ истомленныхъ мужиковъ. . . . .

. . . .

Однако, черезъ полчаса картина измѣнилась.

Молча и въ одиночку, понуривши голову, брели отъ правленія такъ ненадолго ободрившіеся зыряне.

Въ прочитанной имъ въ правленіи бумагѣ говорилось, что ссуда давалась имъ уже три года сряду, что просьбы о помощи у N — ской волости стали какъ бы дѣломъ обычнымъ... Принимая все это во вниманіе, земская управа не можетъ удовлетворить просьбы жителей вышеназванной волости.

Для N—цевъ настала тяжелая пора.

Часть зырянъ посѣяла только что снятое, недозрѣлое зерно, предназначавшееся для прокормленія на зиму, а сама усиленно стала ѣздить въ ближайшій лѣсъ за сосновой корой.

Большинство стало ждать парохода съ сѣменами. Это ожиданіе основывалось на шаткой надеждѣ, что, авось, въ городѣ У. пароходчики узнаютъ о бѣдственномъ положеніи зырянъ и захотятъ получить хорошіе барыши.

Но шли дни за днями,— парохода не было, а дождь все лилъ и лилъ, превращая полосы въ грязный кисель...

Въ концѣ августа я уѣхалъ въ Москву, а ранней весной получилъ отъ Ивана Николаевича письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ и о своихъ сельчанахъ.

Пароходъ, дѣйствительно, пришелъ съ сѣменами, но пришелъ совсѣмъ уже поздно. Половина озимыхъ полей такъ и осталась не засѣянною, а изъ сѣяннаго половина не взошла. На зиму мужики ушли въ лѣса, на охоту и тамъ питались дичью и корой, бабы же и ребятишки—одной почти корой.

Весной вся деревня поголовно, кромѣ дряхлыхъ стари-

*) Иди.

ковъ и старухъ, которымъ поручено было хозяйство, запрягла своихъ лошаденокъ въ сани и отправилась по губерніи „добывать хлѣба“, т. е. попрошайничать. У кого не было лошади, отправились пѣшкомъ. Нѣсколько человѣкъ пошли въ ближайшій монастырь „на послушанье“.

„Такъ они, по своей необразованности, каждый годъ нищенствуютъ, сколько я въ ихнихъ проклятыхъ мѣстахъ ни живу“,—объяснялъ Ивану Николаевичу мой „умственный другъ“ Леонтій, который, по словамъ учителя, кланялся мнѣ и жалѣлъ, что теперь ему не съ кѣмъ поговорить „по образованному“, что онъ окончательно погибаетъ среди невѣжества, такъ какъ учитель всегда занятъ... Стэпъ-Ивъ (положимъ, тоже „зырье окаянное“, но съ нимъ всетаки можно было поговорить по человѣчески) — и тотъ ушелъ въ Кіевъ на богомолье...

П. Щукинъ.

* * *

О берегъ скалистый дробится волна,
За ней налетаетъ другая
И, буйнымъ порывомъ отваги полна,
„На волю!“—звенитъ, умирая.

Волну за волною взбѣшенный бурунъ
Бросаетъ на черныя скалы...
И звуки летятъ, какъ съ натянутыхъ струнъ,
И въ морѣ грохочутъ кимвалы.

„Свобода, свобода!..“—несется кругомъ,
Въ аккордахъ живыхъ непогоды,
Но дикимъ проклятьемъ полуночный громъ
Врывается въ пѣсню свободы!

Н. Шрейтеръ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ

(Картинки провинціальной жизни).

XVI.

Петръ Ильичъ началъ знакомиться со своими служебными обязанностями въ управѣ при помощи Якова Павловича Чурсина, кругленькаго канцелярскаго столоначальника, среднихъ лѣтъ, временно исправлявшаго должность секретаря управы.

Обязанности были разнообразныя, но мелочныя. Чурсинъ представилъ Петру Ильичу экзекутора Рябкина, состоящаго смотрителемъ думскаго зданія, моложаваго брюнета съ быстро бѣгающими щелеобразными глазками, писцовъ и служащихъ, подчиненныхъ непосредственно управскому секретарю. Въ распоряженіи у Петра Ильича оказался отдѣльный „кабинетъ“, маленькая комната съ высокимъ потолкомъ, съ однимъ окномъ и нѣсколькими шкафами. Изъ окна виднѣлся внизу четыреугольный внутренній дворикъ городского дома. Одна дверь изъ кабинета выходила въ большой съуженный залъ, гдѣ работали, за тѣсно разставленными столами, канцеляріи разныхъ отдѣленій управы; другая вела въ пріемную, квадратную комнату съ балкономъ и каминомъ. Здѣсь стояли кожаные диваны для приходящей по дѣламъ публики и темнѣлъ длинный столъ, покрытый, по казенному, зеленой суконной скатертью, съ бахромой. Какъ разъ противъ двери Петра Ильича, въ противоположномъ концѣ пріемной, былъ входъ въ кабинетъ городского головы. Кабинетъ головы въ управѣ называли „присутствіемъ“, а самого Москитскаго — „Симеономъ“, причемъ служащіе слегка ударяли на звукъ „о“, вѣроятно, намекая этимъ на духовное происхожденіе Семена Степановича. Чурсинъ уже былъ освѣдомленъ о родствѣ Петра Ильича съ Москитскимъ и нѣсколько разъ поправлялся, называя голову, по привычкѣ, сперва Симеономъ а затѣмъ Семеномъ Степановичемъ.

Фактически Чурсинъ сегодня еще продолжалъ работать за секретаря; Петръ Ильичъ лишь присматривался къ его работѣ.

Чурсинъ перебиралъ толстыя и тощія дѣла въ папкахъ. Излагая кратко, но точно существенное содержаніе этихъ дѣлъ, онъ составлялъ повѣстку ближайшаго думскаго засѣданія. И, чтобы основательнѣй ознакомить Петра Ильича съ его будущей работой, Чурсинъ растягивалъ вслухъ по слогамъ тѣ слова, которыя выписывалъ на бумагѣ.

— Уставъ пенсіонной кассы служащихъ въ Z—мъ городскомъ управленіи,—говорилъ онъ.—Потомъ идетъ заявленіе городского головы объ избраніи коммиссіи для наблюденія за электрическимъ освѣщеніемъ, за отказомъ отъ этой обязанности нѣсколькихъ гласныхъ. Кромѣ того: заявленіе городского головы о необходимости открытія дѣйствій оцѣночной коммиссіи для опредѣленія стоимости вновь возведенныхъ недвижимыхъ имуществъ и провѣрка заявленій домовладѣльцевъ о высокой оцѣнкѣ ихъ имуществъ для взиманія налоговъ и сборовъ...

Чурсинъ глянулъ на Петра Ильича, какъ бы приглашая и его оцѣнить точность изложенія въ этомъ долгомъ періодѣ.

— А работа моя, видно, не интересная будетъ...—думалъ Петръ Ильичъ, слѣдя черезъ окно, какъ постепенно и ослѣпительно освѣщается солнцемъ параллельный корпусъ зданія, какъ сверкаютъ тамъ зеркальныя окна на палевыхъ стѣнахъ, и движутся за тѣми окнами, которыя еще не освѣщены солнцемъ, какія-то темныя фигуры.

Къ Чурсину входили разные служащіе за справками. Онъ терпѣливо отрывался отъ составленія повѣстки, рылся въ шкафахъ, отыскивая бумаги, находилъ нужное и сообщалъ или отдавалъ то, что у него спрашивали. Потомъ снова нагибался надъ повѣсткой и опять отрывался отъ нея. Послѣ полудня въ кабинетъ вошелъ стройно-худощавый человѣкъ, нестарый, лѣтъ около сорока. На его облысѣвшей головѣ едва обозначались узкимъ бордюромъ коротко срѣзанные остатки рыжеватыхъ волосъ. Такая же рыжеватая борода, короткая, но курчаво-густая и нависающіе на ротъ усы скрадывали нижнюю половину лица. Онъ заговорилъ съ Чурсинымъ тономъ своего человѣка, и Чурсинъ познакомилъ его съ Петромъ Ильичемъ.

— Новый секретарь управы, Петръ Ильичъ Сребдольскій... Сотрудникъ „Края"...

— Кречетовъ, Леонидъ Александровичъ, — назвалъ себя тотъ, не давъ договорить Чурсину. Рукопожатіе Кречетова было крѣпкое и сердечное. Онъ разглядывалъ Петра Ильича на

близкомъ разстояніи поверхъ очковъ и говорилъ: — хроникеръ... и фельетонистъ, скептикъ... Любите и жалуйте.

Проницательные, сѣрые глаза Кречетова, казалось, пытливо взвѣшивали все, что проходило передъ ними. Но выраженіе лица было добродушно-симпатичное, располагающее, хотя съ отпечаткомъ насмѣшливой снисходительности. Кречетовъ сѣлъ на стулъ противъ Чурсина, съ другой стороны письменнаго стола.

— Пріучаетесь? — дружественно подмигнулъ онъ Петру Ильичу, указывая на Чурсина.

— Пріучаюсь,—улыбнулся Петръ Ильичъ.

— Леонидъ Александровичъ? Вы здѣсь?—раздалось изъ пріемной.

— Здѣсь... Какъ всегда.

— А мы васъ ищемъ...

Вошедшихъ было двое: одинъ—подслѣповатый блондинъ, ветеринарный врачъ Жуковичъ; другой—волосатый, плотный, съ полнокровно-краснымъ лицомъ—гласный думы, Пудиковъ.

— Ищемъ васъ, — пришепетывая, повторилъ ветеринаръ Кречетову.—Я вчера на такую сценку натолкнулся... вамъ не пригодится ли?

— Ну?—съ интересомъ протянулъ Кречетовъ.—Гдѣ?

— Осматривалъ мѣста для свалки отбросовъ при городскихъ бойняхъ...

— Ага!

— Грязь, знаете... гадость, мерзость запустѣнія. Стаи собакъ одичавшихъ, валяются кости павшихъ животныхъ, собаки растаскиваютъ кости, набрасываются на людей, какъ бѣшеныя. Воздухъ... нестерпимый! Подхожу къ свалкѣ; навстрѣчу женщина съ полными ведрами, а въ ведрахъ внутренности животныхъ, забракованныхъ на бойняхъ... больныхъ животныхъ! По правиламъ, внутренности эти зарывать должно. А у насъ онѣ, по благодушію нашему, только выбрасываются. И, оказывается, бѣднота, которая ютится на Слободкѣ, систематически ходитъ на свалку за провизіей. Спрашиваю у женщины фамилію: Рыдвинская, вдова, двое дѣтей... Составилъ протоколъ... Но что! Происшествіе-то самое?..

— Да-а! Эпизодъ.—Кречетовъ принялъ близко къ сердцу разсказанное и что-то отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ.

— Постойте, не прячьте!—порывисто удержалъ его за руку Пудиковъ.—И я сообщу...

Кречетовъ всетаки спряталъ книжку.

— А что?—спросилъ онъ.

— Подаю особое мнѣніе... Насчетъ всасывающихъ колодцевъ въ Свиридоновскомъ оврагѣ. Поддержите и вы... вѣдь

зараза, скандалъ! Дума высказывается за свалку навоза въ городскіе овраги...

— При условіи засыпки каждаго слоя навоза землей, — немного по-резонерски напомнилъ Пудикову хроникеръ.

— Милость какая! засыпка землей... Они называютъ это раціональной свалкой! Засыплемъ овраги навозцемъ, предохранимъ отъ разлива всасывающими колодцами и дадимъ городу новыя площади, годныя къ застройкѣ? Еще о гигіенѣ разсуждаютъ при этомъ? Да по теоріи Петтенкофера—это лучшіе разсадники для бактерій. Такіе навозные пласты водопроницаемы: тамъ образуется гніеніе... а мы станемъ селить горожанъ на завѣдомо-зараженной площади? Вотъ такъ средства укрѣпленія овраговъ! И еще нападаютъ на меня: вамъ лишь бы возражать, вы—маніакъ оппозиціи, протестантъ по призванію... Вамъ скажи: дождь на дворѣ, такъ вы попытаетесь доказать, не морозъ ли? А какъ же не возражать, господа? Какъ молчать? Тисните, Леонидъ Александровичъ!

— Проинтервьюирую еще кое-кого. Такъ ли ужъ опасно? Не преувеличиваете ли вы, по горячности вашей? Въ Кіевѣ, помню, засыпали овраги, и—ничего...

— Кіевъ намъ не указъ! Въ Кіевѣ...

Пудиковъ не договорилъ.

Въ кабинетъ проворными шажками вбѣжалъ Москитскій Тщательно-одѣтый въ наглухо застегнутый сюртукъ, корректный и доступный, онъ поздоровался со всѣми поочередно съ доброжелательно-вѣжливой улыбкою начальника, желающаго быть популярнымъ. Семенъ Степановичъ сказалъ что-то вполголоса Чурсину, тотъ поспѣшилъ къ шкафу и тотчасъ нашелъ спрошенную бумагу. Москитскій хотѣлъ уйти, но остановился и благосклонно сказалъ Кречетову:

— Заверните ко мнѣ, Леонидъ Александровичъ, послѣ присутствія. Мы въ присутствіи васъ только что поминали. Вносимъ въ думу проектъ о второмъ помощникѣ юрисконсульта. Юристы наши всѣ въ судахъ, въ годъ—болѣе полуторы тысячи городскихъ дѣлъ, а въ управѣ — хроническая нужда въ юристѣ. То тó, то другое выяснить надо, и некому. Я—поотсталъ, и неудобно мнѣ давать присутствію совѣты спеціалиста. Мы сейчасъ толковали: вотъ бы кого сюда въ совѣтчики, Леонида Александровича...

— Но я не юристъ, — усмѣхнувшись, поклонился Кречетовъ.

— За то знатокъ по городскимъ дѣламъ. Лучшаго знатока желать нечего.

Едва закрылась дверь за Семеномъ Степановичемъ, какъ Пудиковъ резюмировалъ его слова:

— Симеонъ сугубо ласковъ съ вами: Симеону отъ васъ

-его-то нужно! Хохолъ недаромъ, съ хитрецой... Будто, и простоватъ, и откровененъ, и добродушенъ... а пальцы въ ротъ не кладите, откуситъ.

Кречетовъ искусно зажонглировалъ завалявшимися на столѣ избирательными шариками.

— Пальца въ ротъ никому класть не слѣдуетъ,—замѣтилъ онъ съ шутливой назидательностью.—Симеону—тѣмъ паче. Хотя Симеонъ великій звѣрь на малыя дѣла, но у Симеона...

— Петръ Ильичъ —племянникъ Семена Степановича...—съ безтактной поспѣшностью предупредилъ хроникера Чурсинъ, спѣша локализировать могущую возникнуть неловкость.

— И вамъ боязно, какъ бы я не наболталъ чего лишняго при племянникѣ?—насмѣшливо докончилъ Кречетовъ, кладя обратно на столъ избирательные шарики. — Тщетная предосторожность. Я и безъ нея не сказалъ бы ничего худого о Симеонѣ. Вы близки съ вашимъ дядюшкой?—спросилъ онъ у Петра Ильича: — Простите, вамъ, можетъ, непріятно, но у насъ вошло въ привычку звать его за глаза Симеономъ.

— Мы не близки съ нимъ, — смущенно отвѣтилъ Петръ Ильичъ.—Но, если бы и такъ...

— Вы не стали бы передавать ему моихъ словъ? — угадалъ Кречетовъ.—Но я вѣдь, повторяю, и не собирался бранить его. Правда, я не поклонникъ Симеона; очень нетрудно вообразить дѣятеля получше его. Но при нашихъ порядкахъ и Симеонъ — человѣкъ цѣнный... Чрезвычайно цѣнный—съ точки зрѣнія общественной пользы. Онъ изъ своего Гёте недавно при мнѣ вспоминалъ: „Сдѣлайся тотъ властелиномъ, кто выгоду въ этомъ находитъ: мы избираемъ того лишь, кто выгоды наши пойметъ". И онъ умѣетъ понимать общественную выгоду! А что онъ при этомъ честолюбіе свое тѣшитъ? — На здоровье. Надо же, чтобы и для него была выгода въ его миссіи!.. У него есть выдержка, тактъ, хладнокровіе... умѣетъ исчерпать любой вопросъ, не затягивая... Словомъ, предсѣдательскій талантъ; и это на Руси большая рѣдкость: въ родѣ зубра... Терпимъ къ чужому мнѣнію, затѣмъ...

— Говорили: не поклонникъ?--не безъ ехидства засмѣялся Пудиковъ.—А на повѣрку: и поклонникъ, и почитатель.

— До почитанія, правду сказать, еще далеко; но и не цѣнить того, что имѣешь, неразумно. Я, по крайней мѣрѣ, всѣми усиліями моего слабаго пера за Симеона! Кромѣ него здѣсь некому быть лордъ-мэромъ. Ну, кого вы выберете? Кого, примѣнительно къ условіямъ даннаго времени? Такого, чтобы его и утвердили, и не заподозрѣли? Рыбальцева? А, да! И энергичный, и чистый человѣкъ. О немъ и въ судѣ говорятъ:

если Рыбальцевъ взялся за дѣло, значитъ дѣло чистое... Но онъ не пойдетъ, хоть бы и утвердили; съ практикой своей не разстанется. А больше некого.

— А Синицина?—сдержанно напомнилъ Пудиковъ.

— Сохрани, Создатель! Синицина? Въ головы? Помилосердуйте!

— У него большая партія,—отозвался Жуковичъ. — Всѣ окраины...

— Знаю, что большая. Крикуновъ много... И безпокоитъ это меня! Выбрать Синицина... Да это—зарѣзать думу! Городскому головѣ прежде всего тактъ нуженъ. И умъ пригодится... но тактъ для него важнѣе ума. Синицинъ же... и ума не Богъ вѣсть какого, а тактъ и вовсе въ отсутствіи. То ему море по колѣна, то по уши дождевая лужа. Что онъ на думскихъ засѣданіяхъ выкамариваетъ! Право, Симеоново терпѣніе нужно его обуздывать... Если же въ головы попадетъ, будетъ не городской голова, а Макъ-Магонъ россійскаго производства.

— Тогда всѣхъ и вся приберетъ къ рукамъ Маккіавелли...—предположилъ Жуковичъ.

Кречетовъ согласился съ нимъ:

— И какъ приберетъ! Это не тотъ Маккіавелли, что въ исторіи извѣстенъ, — сказалъ онъ Петру Ильичу съ улыбкой.—У насъ свой, маленькій. Городской секретарь Гречаниновъ, Антонъ Антоновичъ. Вы управскій секретарь, а то—думскій дьякъ, приказная душа. Постарше вашего, съ членами управы стоитъ наравнѣ. Дипломатъ, законовѣдъ, крючкотворъ... При Симеонѣ онъ ограниченъ; Симеону гувернеровъ не надо, самъ правоспособный. У Синицина же Маккіавелли полновластнымъ временщикомъ станетъ. Синицинъ деспотъ, но диллетантъ... Безъ временщика не обойдется.

Позади Петра Ильича кто-то окликнулъ Кречетова изъ пріемной:

— Леонидъ Александровичъ! Присутствіе кончилось...

— Идуу-у!

XVII.

Въ три часа дня Петръ Ильичъ сходилъ внизъ по мраморной лѣстницѣ параднаго думскаго вестибюля, когда снова столкнулся съ Кречетовымъ: уже одѣтый, въ пальто и шляпѣ, онъ стоялъ въ раздѣвальной, кого-то поджидая. Онъ послалъ Петру Ильичу воздушный поцѣлуй, и когда Петръ Ильичъ спустился, спросилъ:

— Намъ не по дорогѣ ли? Вы гдѣ? У дядюшки?

— Пока—да, у него...

— Это по дорогѣ, идемте вмѣстѣ... только спутника моего обождемъ. Юрій Гавриловичъ, вы скоро?

Спутникъ Кречетова былъ шатенъ небольшого роста, худой, сѣровато-блѣдный, съ нервными движеніями, съ непріятно-застѣнчивымъ, какъ бы заискивающимъ выраженіемъ лица, присущимъ мнительнымъ натурамъ, застѣнчивость которыхъ происходитъ не отъ излишка самолюбія, а отъ непреоборимой, почти болѣзненной неувѣренности въ себѣ.

Юрій Гавриловичъ подошелъ.

— Коллега мой,—сказалъ Кречетовъ,—изъ газеты „Якорь", Тимченко. Собственно, коллега лишь по управѣ да по фельетону. А самъ по себѣ онъ беллетристъ. Со временемъ—нашъ маститый... Въ большихъ журналахъ печатается: можетъ, почитывали?

Леонидъ Александровичъ назвалъ журналы. Петръ Ильичъ, хотя и не вспомнилъ такой фамиліи журнальнаго автора, обрадовался знакомству.

— Какъ же!—слицемѣрилъ онъ, изъ боязни обидѣть литератора.

Тимченко пожалъ руку Петру Ильичу, нервно ежась отъ аттестаціи Кречетова.

Они втроемъ вышли изъ думскаго зданія. Надъ городомъ сіялъ солнечный день теплой осени; бодрящая, суховатая свѣжесть воздуха оживляла уличную толпу, шумно-подвижную, какъ бы развеселившуюся. На улицѣ Кречетовъ заговорилъ съ Петромъ Ильичемъ:

— У дядюшки, говорите, живете временно? А потомъ? Будете искать квартиру?

— Буду.

— Я спрашиваю съ корыстнымъ умысломъ... потому что самъ ищу сожителя. Надоѣло по меблировкамъ шататься, завелъ собственное жилище. И сдаю отъ себя двѣ комнаты. Не желаете ли?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Раньше взгляните, объ удовольствіи послѣ. Цѣна тридцать рублей. Самъ плачу шестьдесятъ съ отопленіемъ. Двѣ комнаты мнѣ, двѣ жильцу, а столовая — нейтральная. Кухарку держу, обѣдать можете; вмѣсто лакея мальчишка у меня расторопный... Обстановка съ бору да изъ подъ сосенки, но все необходимое. Есть у меня другой претендентъ въ жильцы: славный парень, да актеръ, перелетная птица. Съ вами союзъ прочнѣе. Забѣгайте вечеромъ, передъ семью часами...

Петръ Ильичъ записалъ адресъ.

— Ой, не заѣдите! — угрожающе пошутилъ Тимченко,

улыбаясь одними глазами.—Ой, не нанимайте! Этотъ сеньоръ сживетъ васъ со свѣту наставленіями! Начнетъ развивать, перевоспитывать, замучитъ! Онъ, вѣдь, дядя всему свѣту.

У Тимченко былъ звучный, бархатистый голосъ и пріятная манера говорить: задушевная, мягкая, слегка юмористическая. Когда онъ начиналъ говорить, то уже не казался застѣнчиво-заискивающимъ. На губахъ появлялась апатично-насмѣшливая улыбка, освѣщавшая лицо; глаза глядѣли полулѣниво, но наблюдательно.

— Старѣете, сэръ,—замѣтилъ онъ Кречетову.—Заботиться о комфортѣ начали, ковры персидскіе скупаете по дешевымъ цѣнамъ. Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ...

— Ладно! Вамъ хорошо разсуждать подъ крылышкомъ сестрицъ да мамаши. А мнѣ—бобылю...

— Женились бы вы, сеньоръ!

— Не время. Голова, видите? Какъ колѣно... Раньше надо было думать...

— Отчего не подумали?

— Боялся, не надѣялся на себя: влюбчивъ былъ. Легко отравлялся зрительными впечатлѣніями.

— Не похоже какъ будто.

— Дѣла давно минувшихъ дней... Нынче я ликвидировалъ эти настроенія. А разъ, было, чуть-чуть не вступилъ въ бракъ. На ниточкѣ висѣлъ...

— Отравились впечатлѣніемъ?

— Да какъ! Въ Одессѣ дѣйствіе происходило. Служила у насъ въ редакціонной конторѣ барышня, экспедиціей завѣдывала. Очень хороша была! Умъ, сердце, все такое; главное же—красота... Втюрился я, какъ никогда! И она, кажется, была въ мою пользу настроена. А былъ въ той же редакціи корректоръ, Шеницъ Миронъ Абрамовичъ. Душа человѣкъ! У него была жена, тоже корректорша, и жили они въ согласіи на рѣдкость: она командовала, онъ повиновался, жизнь гладенькая, безъ зазубринки. Шеницъ любилъ ее, жену свою. И madame Шеницъ—ничего была женщина, только строгая ужъ очень, властная. Отправились мы разъ среди лѣта большой компаніей къ морю. Ночь это... луна... Море искрится, туманъ вдали голубой виситъ, прибойчикъ набѣгаетъ на камни... Не декорація,—волшебство! И барышня-экспедиторша возлѣ меня: я ужъ совсѣмъ растаялъ. Эхъ, думаю,—была не была, женюсь. Задекламировалъ кто-то: „Въ та-аку-ую ночь... въ таку-ую ночь“... да не успѣлъ сказать: „похитили Джессику“, какъ Шеницъ судорожно схватилъ меня за руку и пустилъ въ мое ухо трагическимъ шепотомъ: „Въ такую ночь... и быть женатымъ?!“

А жена его тутъ же сзади идетъ и моремъ любуется. Я и опомнился... такъ и не женился послѣ того.

— А теперь можете всѣмъ говорить, какъ у Ничше: не встрѣтилъ женщины, которую пожелалъ бы видѣть матерью своего ребенка!—посовѣтовалъ Тимченко.

— Хорошо, если повѣрятъ... А какъ скажутъ: можетъ, тебя, другъ любезный, никто не пожелалъ, а ты теперь и прячешься за Ничше?..

Петръ Ильичъ поселился у Кречетова.

Чѣмъ больше онъ присматривался къ Кречетову и дома, и въ управѣ, — тѣмъ больше нравился ему общительный фельетонистъ. За игривымъ тономъ Леонида Александровича укрывался вдумчивый, трудолюбивый человѣкъ; его работоспособность изумляла Петра Ильича. Кречетовъ то собиралъ газетную хронику, то писалъ статьи или фельетонъ, то спѣшилъ въ думское засѣданіе, ѣхалъ въ театръ на первыя представленія, въ качествѣ рецензента, торопился на ночныя дежурства въ редакцію. И все это дѣлалъ спѣшно, на срокъ, съ точностью опредѣляя время, когда начнетъ и когда кончитъ ту или иную работу. А въ промежуткахъ между дѣломъ держалъ себя такъ, будто на его плечахъ не было бремени обязательнаго труда, необходимости постоянно спѣшить, боязни опоздать. Онъ искренно и живо интересовался самыми разнообразными предметами, легко проникалсь чужими интересами и выгодами, легко подходя къ незнакомымъ людямъ, быстро сближаясь съ людьми, не подлаживаясь къ нимъ. Гдѣ только не побывалъ этотъ вѣротерпимый, внимательно всѣхъ выслушивающій хроникеръ! Чего не видѣлъ, съ кѣмъ не встрѣчался!.. Петру Ильичу казалось, что нѣтъ такого вопроса, — отвлеченнаго или изъ области практическихъ знаній,—о которомъ не могъ бы поговорить Кречетовъ съ видомъ знатока. При этомъ Леонидъ Александровичъ ничуть не шарлатанилъ: онъ, дѣйствительно, зналъ обо всемъ, о чемъ брался судить. Можетъ быть, знанія эти были неглубоки, частичны, за то необычайно разносторонни. Въ звукѣ его голоса, даже во взглядѣ глазъ сказывалась снисходительность человѣка, давно постигшаго иронію жизни и научившагося быть снисходительнымъ. Узнавъ жизнь, онъ не извѣрился въ ней, а скорѣе примирился; и не столько съ самой жизнью или ея несправедливостью, сколько съ недостатками и слабостями живущихъ вокругъ него.

На торжество закладки канализаціи Петръ Ильичъ поѣхалъ съ Кречетовымъ.

День былъ несолнечный, сѣроватый, но безъ дождя. Среди Центральной площади, надъ обширной ямой, которая впослѣдствіи должна была служить главнымъ сборнымъ колодцемъ канализаціи,—разбили живописную палатку, расцвѣченную флагами. Подъ сѣнью ея, на устланномъ коврами помостѣ стоялъ аналой, кругомъ группировались тропическія растенія и флаги, флаги... Вокругъ палатки собралась толпа, балконы и окна по краямъ площади были заполнены зрителями. Приставъ дежурилъ у входа въ палатку, не допуская туда незванныхъ. Члены управы, думскіе гласные, представители канализаціоннаго общества, крупные капиталисты—акціонеры и строители канализаціи—уже были на лицо. Въ сторонкѣ топтались, переступая съ ноги на ногу, выстроившіеся по росту пѣвчіе въ синихъ кафтанахъ, обшитыхъ позументомъ, съ откидными рукавами, отдаленно напоминающими крылья. Пріѣхалъ священникъ; къ палаткѣ то и дѣло подъѣзжали новые участники торжества. Но главенствующихъ фигуръ: губернатора, вице-губернатора, городского головы и Рыбальцева еще не было. Среди городскихъ дѣятелей шла возбужденная бесѣда. Канализація была героиней дня, говорили о ней, и только о ней одной. Главный строитель, полный инженеръ цвѣтущаго вида, руководящій канализаціонными техническими работами, не успѣвалъ отвѣчать на вопросы. Канализацію и хвалили, и критиковали, заявлялись претензіи, слышны были и одобрительные, и сердито-порицательные голоса. Разгоряченный и побагровѣвшій Пудиковъ доказывалъ кому-то:

— Мы устраиваемъ уличную канализацію гораздо раньше дворовой! Къ чему? Черезъ полтора года уличные провода будутъ готовы, а дворовыхъ не окажется. И городъ будетъ платить обществу канализаціи сто сорокъ тысячъ въ годъ задаромъ!

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! — отвѣтилъ ему иронической голосъ.—Канализаціонная коммиссія уже вноситъ въ думу проектъ обязательныхъ правилъ...

— И планъ канализированія частныхъ усадебъ,—подсказалъ одинъ изъ членовъ управы.

— Обязательныя постановленія долго ли ввести?

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ!—не согласился Пудиковъ.— Проектъ начнутъ обсуждать по каждому пункту отдѣльно. Сколько это времени займетъ! Нужны были обязательныя постановленія своевременныя, а не съ опозданіемъ.

— У васъ всегда все не такъ! Все не по вашему!..

Пудиковъ не сдавался. Видя, что толпа возлѣ него уплотняется, онъ продолжалъ:

— Отдали подъ поля орошенія двѣсти восемьдесятъ

десятинъ огородной земли? Самую доходную площадь города! Я подавалъ особое мнѣніе, не соизволили обратить вниманія. У города есть до пятисотъ десятинъ негодной земли, сыпучіе пески подъ городскимъ лѣсомъ, а мы...

— Но лѣсные пески очень удалены? Тогда канализація обошлась бы въ три дорога. Вѣдь и безъ того тяжко... Шутка ли: уплата процентовъ на милліонный капиталъ съ погашеніемъ? Надо экономить...

— А какой экономіей можно оправдать зараженіе города?—обличительно крикнулъ Пудиковъ.

— Гдѣ зараженіе? Какое? Господь съ вами!

— А такое, что подгороднія мѣстности вблизи полей орошенія погибли? Этого не взяли въ разсчетъ при соблюденіи экономіи?

— Чего имъ погибать? За-границей поля орошенія...

— То за-границей! А у насъ все какъ нибудь да кое-какъ... И выйдетъ, что...

— Нѣтъ, къ чему они замѣнили промывателей системы Шопа—системой Женеста и Гершера?—пришелъ на помощь Пудикову чей-то новый голосъ.—Чтобы одна вода обходилась городу тысячъ пятнадцать въ годъ?

Пудиковъ не далъ высказаться единомышленнику и продолжалъ:

— Говорятъ, есть также большое сомнѣніе въ пригодности формулъ... Тѣхъ формулъ, при помощи которыхъ высчитывали скорость теченія въ коллекторѣ. Если такъ, то вся наша канализація—ни къ чему!

На него накинулся полный инженеръ, строитель канализаціи.

— Прошу прощенья... но это положительно вздорный слухъ, пущенный непонимающими, невѣжественными лицами!.. Въ основаніе разсчета были приняты формулы Гангилье и Куттера... Самыя точныя! Провѣренныя наблюденіями надъ чугунными коллекторами за границей, въ Данцигѣ...

— Что мнѣ Данцигъ!—оборвалъ инженера Пудиковъ.— Намъ важенъ Z., а не Данцигъ... Если у насъ главный коллекторъ ненадеженъ, если онъ начнетъ засариваться... не поѣдемъ же мы въ Данцигъ за утѣшеніемъ? А при восьмиверстномъ сифонѣ побѣдить инерцію въ пятьдесятъ тысячъ кубическихъ...

— Ничего не значитъ, увѣряю васъ. На основаніи закона Бернулли... да, наконецъ, сравните съ аналогичными условіями въ водопроводныхъ сѣтяхъ?

— Ѣдутъ! ѣдутъ!—пронеслось возлѣ Петра Ильича.

XVIII.

Съ противоположныхъ сторонъ къ палаткѣ подъѣзжали двѣ коляски. Первымъ остановился противъ входа экипажъ губернатора. Молодой, представительный, выхоленный, съ тонкими чертами лица и тонкой въ таліи фигурой, губернаторъ задержался у входа, ожидая, пока подкатитъ вторая коляска. Тамъ сидѣлъ Москитскій и Ксенія Адріановна—вся въ бѣломъ. Дивoрадовичъ приложился къ рукѣ Ксеніи Адріановны и повелъ кузину подъ руку въ палатку. Тотчасъ же подъѣхалъ пожилой вице-губернаторъ съ женою, одѣтой въ лиловый костюмъ, за ними—коляска Рыбальцевыхъ. Вице-губернаторъ и его жена прошли во второй парѣ, а Москитскій предложилъ руку Рыбальцевой, жизнерадостно сверкавшей брилліантовыми серьгами и своей красотой. Самъ Рыбальцевъ, избѣгая первыхъ мѣстъ у аналоя, скромно стушевался въ палаткѣ.

— Аа-аминь!—немедленно отвѣтилъ хоръ на возгласъ священника, и губернаторъ благоговѣйно перекрестился.

Начался молебенъ.

Петръ Ильичъ видѣлъ, какъ любопытно вытягивались въ сторону Ксеніи Адріановны головы молящихся. Ей же, должно быть, было не по себѣ: она опять походила на театральную королеву, какъ въ Высокихъ Дубахъ, на именинахъ отца Ильи.

Послѣ молебна губернаторъ, дамы и наиболѣе почетныя лица спустились по лѣстницѣ въ глубину, на дно канализаціоннаго колодца—закладывать въ кирпичномъ склепикѣ традиціонную мѣдную доску, съ именами устроителей канализаціи. Рабочіе тутъ же замуровали склепикъ, почетныя лица потянулись на помостъ обратно, и закладка была совершена. Предстоялъ еще торжественный завтракъ въ городскомъ домѣ.

Думскій залъ,—большой, помѣстительный, въ два свѣта, съ хорами и съ разноцвѣтными лѣпными гирляндами на потолкѣ и на стѣнахъ,—пестрѣлъ скрещенными флагами. Завтракъ сервировали на триста персонъ; въ залѣ стало сдержанно-шумно, но не тѣсно. День прояснился, въ окна заглянуло солнце: оно заискрилось на столахъ, отражаясь въ пустыхъ еще рюмкахъ и стаканахъ. Въ центрѣ главнаго стола очутилась Ксенія Адріановна—рядомъ съ Диворадовичемъ. Диворадовичъ импозантно затмѣвалъ всѣхъ своимъ расшитымъ сверху до низу гофмейстерскимъ мундиромъ. Москитскій и здѣсь былъ кавалеромъ Рыбальцевой.

Петръ Ильичъ занялъ мѣсто подальше, между Кречетовымъ и Тимченкой.

Послѣ первыхъ оффиціальныхъ тостовъ выпили за губернатора, вице-губернатора и перешли къ канализаціоннымъ дѣятелямъ. Сперва пили по предложенію губернатора за городского голову, но это вышло тоже какъ бы обязательной оффиціальностью. Затѣмъ общее вниманіе сосредоточилось на Рыбальцевѣ. Провозглашая тосты, ораторы одинъ за другимъ восхваляли безкорыстіе, энергію, общественныя заслуги Николая Евгеньевича.

— Пойдутъ теперь акафисты,—нетерпѣливо морщась, сказалъ Тимченко.—Радуйся, канализаціи заступниче! Радуйся, великій и преславный...

— Все Симеону въ пику,—тихо добавилъ Леонидъ Александровичъ:—Не ты, дескать... другіе!

Заговорилъ городской секретарь, Гречаниновъ, мертвенноблѣдный брюнетъ, съ хитроумнымъ лицомъ. Въ отточеннобойкихъ фразахъ, ровнымъ голосамъ, не спѣша и не горячась, онъ хлестко взваливалъ всю заслугу устройства канализаціи въ городѣ на одного Рыбальцева, какъ на главнаго иниціатора и исполнителя этого дѣла.

— Синицинская рать, какъ усердствуетъ!—шепнулъ Кречетовъ Петру Ильичу, чуть замѣтно подмигнувъ глазомъ въ сторону оратора.

— Маккіавелли?—напомнилъ Петръ Ильичъ.

— Онъ самый! Владѣетъ даромъ слова! Рѣдкое у насъ дарованіе... Откуда, въ самомъ дѣлѣ, взяться Цицерону или Гамбеттѣ?

Тостъ Макіавелли былъ принятъ съ особымъ оживленіемъ. За нимъ началъ говорить нестарый блондинъ въ кудряхъ, восторженно-сіяющій, съ свѣжей физіономіей. Онъ жмурилъ глаза, жестикулировалъ, придавалъ своей рѣчи приподнятую витіеватость, говорилъ съ большимъ чувствомъ, гладко и образно.

— Тоже ораторъ?—спросилъ у Кречетова Петръ Ильичъ.

— Лирическій прохвостъ, а не ораторъ! Говорильная машина въ шестьдесятъ лошадиныхъ силъ. Затрезвонитъ о чемъ угодно: о лѣсоводствѣ, объ акушеріи, о небесныхъ планетахъ... Говоритъ чувствительно, съ паѳосомъ... а расшифруйте эти фразы, и ничего-то не останется. Наборъ словъ, трогательныхъ и жалкихъ... накипь.

Москитскій слушалъ ораторовъ съ невозмутимо-спокойной миной. Онъ галантно улыбнулся своей сосѣдкѣ и съ явной охотой любезно запивалъ каждый тостъ, посвященный Рыбальцеву. Но положеніе столь демонстративно чествуемаго Рыбальцева становилось щекотливымъ. Его некрасивое лицо

нахмурилось, глаза поблескивали гнѣвно. Тосты произносились по заранѣе испрошенной очереди, было неудобно и неловко прервать щедрыя восхваленія синицинцевъ. Когда очередь дошла, наконецъ, до Рыбальцева, онъ съ твердой ловкостью опытнаго адвоката искусно перебросилъ центръ общаго тяготѣнія отъ своей личности къ личности Москитскаго. Николай Евгеньевичъ категорически утверждалъ, что онъ былъ бы безсиленъ сдѣлать то немногое, что удалось ему сдѣлать для канализаціи, если бы не постоянная поддержка общественнаго управленія, а, главнымъ образомъ, если бы не сочувствіе и энергія всѣми уважаемаго городского головы, который поставилъ общей задачей: да будетъ канализація! И вотъ—канализація есть...

Залъ всколыхнулся и зашумѣлъ. Настроеніе рѣзко измѣнилось; за здоровье Семена Степановича выпили уже не оффиціально, а съ криками горячаго одобренія. И съ дальнѣйшими тостами поспѣшили выступить сторонники городского головы, „москиты".

Демонстрація синицинцевъ наполовину не удалась, торжество завтрака закончилось по обычно принятому шаблону.

Петръ Ильичъ вызвался подвезти Кречетова до редакціи.

Леонидъ Александровичъ сидѣлъ на извозчичьихъ дрожкахъ, съузивъ глаза, точно силясь вспомнить о чемъ-то. Петръ Ильичъ не мѣшалъ ему, думая, что онъ возстановляетъ въ памяти сегодняшнее торжество, чтобы описать его въ редакціи. Но Кречетовъ неожиданно предложилъ вопросъ, почти не относящійся къ торжеству:

— Петръ Ильичъ... Вы тетушку вашу, лордъ-мэршу, и раньше знали? Кто она такая?

— Дочь помѣщика изъ нашей деревни. Съ отцомъ ея я съ дѣтства ходилъ на охоту...

— Диворадовичъ она?

— Да.

— Хмм... а какъ зовутъ?

— Ксенія Адріановна.

— Умг... гу!—буркнулъ Кречетовъ, кивнувъ головой.—На одну мою знакомую немного похожа...

— Не на ту ли, одесскую? Что „въ та-аку-ую ночь"?..

— Нѣтъ, на другую. Да и мало похожа. Вечеркомъ вы не уходите: Тимченко придетъ почитать свою вещь. Написалъ что-то, послушаемъ.

— А онъ не будетъ недоволенъ моимъ присутствіемъ?

— Чего тамъ! Онъ сговорчивый. Познакомитесь. Онъ занятный, если не въ приливѣ ипохондріи. Даровитый, даже талантливый. Я люблю такихъ: они, какъ хмель, бьютъ въ голову, оживляютъ, заставляютъ думать. Въ моей

блуждающей судьбѣ видывалъ ихъ разныхъ... и признанныхъ, и непризнанныхъ, и всѣ интересны. Только интересны не въ томъ періодѣ, когда уже становятся олимпійцами; тогда возлѣ нихъ морозно и невесело. А раньше, пока еще бурлятъ, пока не успокоились въ сознаніи величія. Я такихъ больше люблю... Хотя самъ не хотѣлъ бы быть отмѣченнымъ ни въ какой области!

— Не хотѣли бы?—не повѣрилъ Петръ Ильичъ.

— Думаете: зеленъ виноградъ? Право, не хотѣлъ бы... Отвѣтственность большая!

— Но удовлетворенность за то?

— Это вамъ, со стороны, кажется. А драма таланта—жесточайшая драма. Отъ него много требуется. Онъ—точно сосудъ съ священной жидкостью... Ой! какъ бы не пролить? Самъ за себя боится. Потомъ, для него обязательно идти впередъ, а вѣдь способность прогрессировать—предѣльна. Даже у людей крупныхъ. Дойдетъ до своего предѣла, постоитъ на точкѣ и попятится... И начинается драма, утонченно-жестокая.

— И у Тимченки—драма?

— Ну... Тимченко—мелкота. Онъ не развернувшійся.

— Но развернется?

— Какъ вамъ сказать? Иногда я вѣрю въ него, а чаще сомнѣваюсь. У него есть недурненькія вещицы; одна и совсѣмъ недурна... но много и посредственнаго. А больше всего опасеній внушаетъ онъ самъ. Не столько его творчество сколько...

— Онъ не боленъ ли?

— И вы замѣтили? Подчасъ я думаю: не спятилъ бы онъ Молодъ, а нервная система истощена. Пессимизмъ, нѣтъ вкуса къ жизни. „Однородно-безотрадныя впечатлѣнія бытія“.. И эта нота звенитъ, звенитъ. Какая-то усталость душевная. То преувеличенное безпокойство, страхъ безъ повода; то апатія, лѣнь, нерѣшительность... все болѣзненное. Мнителенъ до чортиковъ! Раньше не хватало вѣры въ себя, въ силы свои; теперь боюсь другой крайности: какъ бы не пробудилось самомнѣніе.

— Онъ, повидимому, скромный.

— Скромный, скромный, а послѣднее время его похваливать начали. Больше среди знакомыхъ: „Ахъ! сверхъ-естественно!“ Дома такъ же... Мать и сестры молятся на него. Онъ уже и того... Чуть его мало-мало противъ шерсти,—сейчасъ и закрутилъ носомъ! Но отъ меня нѣтъ ему пощады: въ пухъ и прахъ разношу, если что не такъ.

— Зачѣмъ же? Если онъ мнительный?..

— Нельзя, батенька. Съ педагогической цѣлью. Само-

довольство да самовлюбленность—они и не такія головы выѣдали! Съ того момента, какъ скажетъ себѣ, — наединѣ съ собою:—я великолѣпенъ!—онъ рѣшенный. Пѣсенка оборвана, окончанія не будетъ; а ему еще надо многому учиться! Кругозоръ не широкъ, общественная жилка не пульсируетъ. Въ немъ самомъ нѣтъ опредѣленнаго содержанія. Изъ ничего и не выйдетъ ничего. Художникъ, между тѣмъ, прирожденный... Его палитра немного красочная, но краски свои, собственныя, несомнѣнно свои. Эдакій полумертвецъ, а какъ живо, съ какой яркостью писать умѣетъ! Да другой бы съ его...

Кречетовъ, не успѣвъ докончить, затормазилъ извозчика противъ редакціи.

— Сюда, сюда... Пріостановись, братецъ, я выйду!

XIX.

Вечеромъ Тимченко пріѣхалъ аккуратно къ чаю. Продолговатый кабинетъ Леонида Александровича, украшенный персидскими коврами, которые лежали на полу, висѣли въ простѣнкахъ и покрывали низкія тахты, казался уютнѣе пустынной столовой, гдѣ, по выраженію самого Кречетова, было пусто, какъ въ манежѣ, хоть на велосипедѣ катайся..

— Я и Петра Ильича пригласилъ... вы не въ претензіи, надѣюсь? — спросилъ Леонидъ Александровичъ у Тимченко.

Тимченко улыбнулся своей задушевной улыбкой.

— Слушать-то нечего,—просто сказалъ онъ. — Всего небольшой отрывокъ. Въ родѣ стихотворенія въ прозѣ.

— Аа!—разочарованно и строго протянулъ Кречетовъ, и взглядъ его сдѣлался небрежнымъ.

Тимченко сталъ оправдываться.

— Ту повѣсть... помните, что мы говорили съ вами? Я не кончилъ ея. Не ладится. Фельетонъ мѣшаетъ, управа, хроника. Жить надо: хоть лопни, а пиши хронику! И фельетонъ... Завидую вамъ. Какъ сяду за фельетонъ, такъ и позавидую. Дума, гласные, канализація, выборы, васъ занимаетъ эта толчея! Вы и пишете о ней съ жаромъ, а по мнѣ— хоть бы ихъ всѣхъ во вѣкъ не бывало! Не могу интересоваться на заказъ. Да и всѣмъ интересоваться... это надо стать, какъ вы, дядей всему свѣту! Что вамъ, примѣрно, канализація въ Z.? Своего дома у васъ нѣтъ и не будетъ; сегодня вы въ Z., завтра въ Тьмутаракани... а вы о канализаціи съ пѣной у рта! Я бы еще понялъ, если бы вопросъ общечеловѣческаго значенія. Вопросъ, который захватилъ бы

меня всего, безъ остатка! Такъ, чтобы я ради него—хоть на эшафотъ. Ну, иное дѣло. А то:—канализація!

— Васъ захватишь, какъ же! Когда у васъ на каждое „да“ по два „нѣтъ“ въ резервѣ.

— А я по вашему не могу; вы, какъ волшебная лютня: прикоснись—и она зазвучитъ...

Тимченко съ заразительной живостью, слегка захлебываясь, заговорилъ и повернулся къ Петру Ильичу:

— Въ управѣ онъ, Леонидъ Александровичъ, каждому писцу дядя! Къ одному бѣжитъ: что? Какъ маленькій? Зубки прорѣзались? А желудочекъ? А жена? Опять ревнуетъ? Охъ, нездорова она, вы бы ее гидропатіей... а то еще декоктъ есть... помогаетъ! Не договорилъ, увидѣлъ другого, и къ тому со всѣхъ ногъ: что? не родила? По разсчету по моему...

— Но-но-но! — замахалъ руками Леонидъ Александровичъ.—Пошелъ балаганить!

— Вамъ и фельетонъ легко писать при столь отзывчивомъ сердцѣ. А мнѣ... — Тимченко капризно и скорбно потеръ затылокъ.—Почему я долженъ писать о гласномъ Пудиковѣ, если меня тошнитъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ гласномъ? Что мнѣ налогъ на собакъ и тарифъ на воблу? Да меня угнетаетъ мысль, что въ пятницу я обязанъ сказать нѣчто остроумное для воскресенья! Отчего въ пятницу, а не во вторникъ? И обязательно на мѣстную злобу дня... а злоба дня какая-нибудь самая пустѣйшая. Я пишу и зѣваю, какъ же не зѣвать читателю? А писать надо! О воблѣ, о собачьемъ налогѣ. Какъ писать съ увлеченіемъ о воблѣ?

— Отговорка, другъ мой,—сердито замѣтилъ Кречетовъ.— И о тарифѣ на воблу можно разсказать занятно. Отъ самого разсказчика весьма многое зависитъ. Тоже какъ изложить и освѣтить. Знавалъ я одного фельетониста, удивительно интересно умѣвшаго говорить обо всемъ! Павликъ Загоревскій, въ восьмидесятыхъ годахъ въ N. работалъ... Популярностью пользовался огромной: на похоронахъ его шла толпа въ три тысячи человѣкъ... Это за провинціальнымъ журналистомъ, и сколько лѣтъ тому назадъ! Воскресные фельетоны его нарасхватъ разбирались, къ полудню не оставалось въ продажѣ. Онъ бы и о тарифѣ на воблу написалъ хорошо...

— Увы! я такимъ даромъ не обладаю...

— Бросайте фельетонъ, если тяготитесь, — посовѣтовалъ Кречетовъ, мѣняя постановку вопроса.

— И редакцію хочу бросить; не то, что фельетонъ. Газетка чистенькая, но работать у нихъ тягостно. Атмосфера непріятная: нѣтъ легкости, натянутость отношеній...

— Хо-хо! чего захотѣлъ... Атмосферы, легкости... Найдите мнѣ у насъ такой пунктъ, гдѣ атмосфера вполнѣ пріятная, да еще легкая, я поклонюсь вамъ въ ножки... Отношенія изуродованы всюду... И если бы я былъ беллетристомъ, остановился бы на этомъ вопросѣ. Выяснилъ бы...

— Кѣмъ и какъ изуродованы отношенія? Пишите объ этомъ трактаты, передовыя статьи, а не беллетристику.

— А я бы показалъ и въ художественномъ освѣщеніи.

— Что? Что показали бы? Несуразность, нецѣлесообразность, растерянность нашей жизни? Особый просторъ низменнымъ страстямъ, низменнымъ побужденіямъ, недомысліе кругомъ? А надъ всѣмъ этимъ недоумѣнный вопросъ: да что же за кошмаръ? Что же это такое? Это живописали бы?

— Пронеси, Господи! Если бы такъ было, я бы первый эмигрировалъ къ праотцамъ. Что нецѣлесообразнаго масса, не спорю. Скорблю, но не спорю. Но не одно же это!? Вы— пессимистъ. Васъ лично можетъ и тѣшитъ этакая безнадежная тема, а другой скажетъ: шутъ съ нею, съ твоею растерянностью! Мнѣ и самому тошнехонько отъ этой безтолковщины... Стану я еще читать про нее! Ты мнѣ помоги выходъ найти... Дай что-нибудь освѣжающее, благородное, хорошее, чтобы крылья у меня выросли...

— Иначе говоря: убаюкай меня? Чтобы мнѣ отдохнуть, забыться въ грезахъ, отойти отъ дѣйствительности?

— Да нѣтъ же! Зачѣмъ отходить? Напротивъ, найди въ этой печальной дѣйствительности зерно стремленія къ лучшему, которое есть, котораго не можетъ не быть! Залогъ будущихъ цѣлесообразныхъ отношеній, отблескъ зари предразсвѣтной.. Разсѣивай тьму, зови на борьбу, на работу. Не хорони меня заживо.

— Ахъ, эти прекраснодушные россіяне въ розовыхъ очкахъ! Все-то у нихъ заря да разсвѣтъ... а ночь кругомъ темнѣе темнаго. Вспыхнетъ зарево пожара, у нихъ уже солнце! солнце! Все они растутъ да созрѣваютъ, вотъ вотъ-вотъ... А никто не спроситъ: не перезрѣли ли? Не начали ли прогнивать? Смѣшно, наконецъ...

— Что „смѣшно"?—вскипѣлъ Кречетовъ.—Что смѣшно? Надъ чѣмъ смѣетесь?

— Да я уже забылъ, когда смѣялся.

— Тѣмъ хуже. Собачья старость, катценъ-яммеръ души и сердца! Гдѣ вы такъ перерасходовались? Въ тридцать лѣтъ—полная омертвѣлость? Эта гибельная наклонность все разлагать, анализировать, и анализировать односторонне! Вамъ въ каждой медали подай не лицевую и обратную, а еще и боковую сторону... да еще покажи, какова медаль въ изломѣ!?

— А коли такъ, то анализъ не односторонній.

— Но самой медали-то уже нѣтъ? Вы ее разломали... Ну, прочтите, что вы тамъ написали?

— Ругать будете.

— А можетъ, и похвалю? Похвалилъ же „Отчего“?

— Одно несчастное „Отчего“. Я возненавидѣлъ этотъ разсказъ! Вы мнѣ имъ то и знай глаза колете. И угораздило меня...

— Читайте, читайте.

— О-о-охъ!

Тимченко со вздохомъ досталъ изъ бокового кармана два листка глянцевитой бумаги, испещренной нетвердымъ, бисерно-мелкимъ почеркомъ.

— Пальмы...—произнесъ онъ заглавіе и началъ читать, красиво повышая и понижая свой бархатистый голосъ.

— „Была осень... Я жилъ въ Петербургѣ. И былъ влюбленъ, и уже зналъ, что меня любятъ, и ѣхалъ къ ней на условленное свиданіе, и торопился увидѣть ее... И испытывалъ жуткую радость, и сладостную грусть, и суевѣрный страхъ... безотчетный, но острый, неудержимый страхъ счастливаго человѣка. И радовался нечаянно налетѣвшему счастью, и тревожился за него... И гдѣ-то, на самомъ днѣ моей всколыхнувшейся души, всплывало ядовитое сомнѣніе:

— Полно, точно ли налетѣло счастье? Не миражъ ли? Не роковая-ль ошибка? И если я счастливъ, почему же все-таки одинокъ? Одинокъ, какъ и прежде?

„Свечерѣло... Моросилъ октябрьскій дождь, затяжной, неустанный, туманный. И было похоже, какъ будто весь огромный городъ плачетъ вмѣстѣ съ дождемъ подъ неподвижнымъ пологомъ сѣраго тумана, и безутѣшно скорбитъ, придавленный грознымъ гнетомъ чудовищно-тяжкой печали.

„Надо было ѣхать по Садовой. На улицѣ горѣли фонари, сверкали окнами магазины, блестѣли лужи, сновали вагоны конокъ, гремѣли экипажи. И люди бѣжали по панелямъ, спасаясь отъ дождя. И отъ освѣщенныхъ церквей неслись звуки негромкаго перезвона, а на границѣ тротуара и улицы, молодая послушница просила на храмъ Царицѣ небесной, Нечаянной радости. И страннымъ казалось упоминаніе о радости подъ этимъ безпросвѣтно-унылымъ дождемъ. И тутъ же вели въ участокъ пьянаго, и онъ жестоко бранился, и толпились привлеченные шумомъ мастеровые, и много еще рабочаго люда. Дождь все плакалъ... И казалось, продолжалъ плакать вмѣстѣ съ нимъ разнозвучный огромный городъ, потонувшій въ сѣромъ туманѣ.

„На Сѣнной площади, передъ лавченками со всякой мелочью, стояли, ожидая покупателя, декоративныя растенія

въ кадкахъ. Лавры и пальмы. И жалкій видъ имѣли они, брошенные, по капризу судьбы, подъ густой осенній дождикъ. Особенно пальмы... Вѣтеръ теребилъ ихъ вырѣзные листья, раскачивалъ стволы. Пальмы слабо сопротивлялись, безропотно изнемогали, гнулись отъ непогоды и тихо плакали, подъ покровомъ ненастья, слезами покорности и безсилья... И струились съ зеленыхъ листьевъ дождевыя капли, похожія на беззвучно роняемыя слезы. А когда порывы вѣтра стихали, пальмы робко поднимали къ туманному небу намокшія верхушки и стояли, точно ожидая чего-то, всѣми позабытыя, безмолвныя и печальныя, какъ эмблемы одиночества...

„И при взглядѣ на нихъ я забылъ о жуткомъ страхѣ счастливаго человѣка, объ опасности утратить что-то и обо всемъ, что нечаянно налетѣло на мою душу, и что пытался я назвать счастьемъ.

„И лишь одно сохранила память моя:

— Одинокъ... Одинокъ, какъ и прежде!

И я твердо сказалъ себѣ:

— Да... миражъ!

„И плакать хотѣлось мнѣ подъ покровомъ сѣдого тумана отъ бездушно-трезваго слова: миражъ... Такъ-же плакать, какъ плакалъ весь огромный городъ и одинокія пальмы, брошенныя на Сѣнной“...

Тимченко дочиталъ. Наступило молчаніе.

— И все?—расхолаживающе спросилъ Леонидъ Александровичъ, должно быть, съ педагогическою цѣлью.

Тимченко сложилъ листки рукописи, спряталъ въ карманъ и отвѣтилъ кротко, съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Все.

— Немного.

Чуткій, какъ вообще авторы въ подобныхъ случаяхъ, Тимченко уловилъ и безъ подчеркиванья Кречетова, что прочитанная вещица не произвела значительнаго впечатлѣнія. Ему было больно, но онъ не хотѣлъ обнаружить свое огорченіе, и на лицѣ его застыло: „не нравится и не нужно“.

Петръ Ильичъ попытался похвалить „Пальмы“, хотя, въ сущности, и самъ не могъ разобрать, что именно ему понравилось: самый ли отрывокъ, или умѣло-красивое чтеніе автора, его пріятно звучащій голосъ? Похвала Петра Ильича вышла смущенно-вялая... Тогда заговорилъ Кречетовъ.

— Оно, если хотите, мѣстами благозвучно. Но особеннаго ничего. Отъ васъ можно бы ждать лучшаго и болѣе содержательнаго. Ну, какъ это, если передать своими словами? Осенью, въ октябрѣ, ѣхали вы къ милой, а она жила въ Петербургѣ, на Садовой. Или, можетъ, на Подъяческой, на Ека-

терингофскомъ, но ѣхать надо было по Садовой. И на Сѣнной...

— Позвольте! Этакъ нельзя!—обидчиво возразилъ Тимченко.—Этакъ я вамъ тургеневское „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“ такъ своими словами передамъ, что и остова не останется. Пусть я написалъ плохо, изъ рукъ вонъ плохо, это другой вопросъ. Но подходить съ вашей мѣркой къ вещицѣ, гдѣ не сюжетъ, а настроеніе...

— Настроеніе, настроеніе! Да и Тургеневъ не былъ бы Тургеневымъ, если бы про однѣ розы написалъ. А кромѣ того, когда онъ писалъ это? Незадолго передъ смертью, уже больной, разочарованный, усталый. Вы же начинаете съ подобныхъ мотивовъ. И это злоупотребленіе звукомъ „и“. Я не противъ „и“: союзъ, какъ союзъ, не хуже остальныхъ прочихъ. Но что за привилегія? И хоть бы у васъ это свое собственное было. Ну, таковъ стиль у человѣка, иногда даже оригинально: библейское что-то... А у васъ оно притянуто извнѣ, издали, и это чувствуется. Допустимъ, какой-нибудь великій человѣкъ, по привычкѣ, кстати и некстати произноситъ: „такъ сказать“... Не стану же я великъ отъ того, что тоже „такъ сказать“ повторять начну?

Они говорили долго и разстались, недовольные другъ другомъ.

XX.

Въ городскомъ управленіи надвигались выборы. По мѣрѣ ихъ приближенія, оживленнѣй и многолюднѣй становились журфиксы Москитскаго. Все больше новыхъ лицъ появлялось на его вечеринкахъ и горячѣй звучали разговоры о городскихъ дѣлахъ. Подъ шумъ мужскихъ разговоровъ слегка скучали дамы въ гостинной у Ксеніи Адріановны. Рыбальцева напѣвала цыганскіе романсы, пикировалась съ Демидовымъ, если онъ бывалъ на вечерѣ, взбалмошно заигрывала съ Петромъ Ильичемъ. Петръ Ильичъ быстро втягивался въ головокружительную игру, затѣянную Рыбальцевой. Всякій разъ, уходя съ журфикса, онъ давалъ себѣ слово, что это послѣдній разъ, что въ слѣдующій четвергъ онъ не пойдетъ къ Москитскимъ. Но въ теченіе недѣли упорно думалъ о Лидіи Григорьевнѣ, поджидая четверга, и едва наступалъ четверговый вечеръ, приходилъ на журфиксъ первымъ. У него не хватало силы воли оборвать забаву, отойти подальше отъ многообѣщающихъ взоровъ этой женщины.

Ксенія Адріановна какъ-то въ праздникъ позвала Петра Ильича обѣдать и передъ вечеромъ спросила у него:

— Вы у какого фельетониста живете? Одинокій или Скептикъ? Я обоихъ читаю...

— Мой—Скептикъ.

— Недурно пишетъ... Одинокій, правда, талантливѣй, но Скептикъ, вѣрно, умнѣе и интеллигентнѣй. Приведите его какъ-нибудь запросто ко мнѣ на чай. Эти газетчики... рѣдко бываютъ идеалисты, но среди нихъ есть умные. Какъ его фамилія?

— Кречетовъ...

— Кречетовъ? Постойте... Какой онъ? Высокій? Рыжеватыя кудри?

— Нѣтъ, безъ кудрей: лысый совсѣмъ... Сегодня у него—свободный вечеръ. Если дома, приведу.

Леонидъ Александровичъ удивился приглашенію, но поѣхалъ съ Петромъ Ильичемъ.

— Голубчикъ!—всплеснувъ руками, крикнула Ксенія Адріановна, едва разглядѣвъ Кречетова.—Онъ! онъ! тотъ самый! Но какъ измѣнился! Какъ облысѣлъ капитально! Богъ ты мой, неужели и я также?

Леонидъ Александровичъ перецѣловалъ обѣ ея руки, экспансивно возражая:

— Нимало! Ей Богу, нимало. Вы? А ни-ни. Я на открытіи канализаціи съ одного взгляда узналъ. Безъ колебанія. Удивлялся только фамиліи: Москитская—Диворадовичъ... По сценѣ Миртова да Миртова... и думалъ, что Миртова. Навелъ потомъ справки у сего юноши и прикусилъ языкъ.

— Безстыжій! Узналъ, и не подошелъ? Не отозвался? Не пріѣхалъ ко мнѣ.

— А кто васъ разгадаетъ, дамское сословіе! Лордъ-мэрша вѣдь... Можетъ, непріятно было бы?

— Ну, и глупо. Лордъ-мэрша! еще что выдумалъ, точно не знаетъ меня! Такъ я не перемѣнилась?

— Почти... То есть, возмужали, конечно... Но узнать можно.

— О, коварный: возмужала!

Они заговорили въ разъ, перебивая одинъ другого, то и дѣло сбиваясь на недомолвки и намеки, непонятные для Петра Ильича. Ксенія Адріановна преобразилась. Ея слова звучали весело, громко, съ увлеченіемъ, и смѣялась она громко, помолодѣвшимъ смѣхомъ. Поминали длинный рядъ именъ и отчествъ, уменьшительныхъ именъ и фамилій оперныхъ артистовъ. Отрывочная бесѣда лилась потокомъ, ей не предвидѣлось конца.

— Макса... Максима Николаича помните?

— Еще бы. Съ императорской тю-тю?

— Кубаремъ! Былъ у меня этимъ лѣтомъ...

— Онъ?!

— Изъ Харькова... Ихъ цѣлая компанія привалила, и онъ пріѣхалъ. Христина Львовна тоже...

— Съ Палъ-Палычемъ? Величайшимъ въ мірѣ артистомъ и пѣвцомъ?

— Палъ-Палыча уже какъ не бывало! Асѣй Асѣичъ теперь: юнецъ, лѣтъ двадцати-четырехъ... Но тоже „величайшій.“ И тоже никѣмъ не признанъ...

— Fatalité!

— Максъ все такой же блистательный...

— „Но храмъ разрушенный“?..

— Да что!—Ксенія Адріановна, прищелкнувъ пальцами, безнадежно повела рукою.—Храмъ разрушенный—уже не храмъ, а развалины.

— „La donna è mobile“?

— Старость, голубчикъ...

— А помните...

Воспоминанія опять лились каскадомъ.

— Богъ ты мой! Меня словно въ живой водѣ выкупали... Я и про лордъ-мэрство свое забыла.

— Въ самомъ дѣлѣ... гдѣ же лордъ-мэръ?

— На предвыборной вечеринкѣ гдѣ-то.

— Батюшки! Третій часъ ночи? Однако!

— Приходите же, голубчикъ, почаще... Просто отдохнула душой.

— Вы нынче съ помпадурами въ родствѣ... еще попадешь не во время!

— Не во время, такъ я прямо такъ и скажу, что не во время. Свои вѣдь люди...

Петръ Ильичъ вскорѣ снова зашелъ вечеромъ къ Ксеніи Адріановнѣ и засталъ у нея только что пріѣхавшую Рыбальцеву. Она продолжала еще говорить Ксеніи Адріановнѣ:

— Я къ вамъ невзначай, взгрустнулось мнѣ... Сижу одна: Николай Евгеньевичъ выѣхалъ на сессію въ Недалинъ. И Демидовъ съ нимъ. Большое дѣло: сопротивленіе крестьянъ властямъ. Оно бездоходное, но Николай Евгеньевичъ по принципу... Столько работалъ надъ этимъ дѣломъ... А я сидѣла, сидѣла... думаю: къ кому бы? Ба! Къ Ксеніи Адріановнѣ.

Рыбальцева держала себя въ отношеніи Петра Ильича равнодушно, съ скромнымъ достоинствомъ, и Петръ Ильичъ сегодня робѣлъ передъ нею. Домой она стала собираться далеко послѣ полуночи.

— Я и не сказала пріѣхать за мной,—спохватилась она.—Не думала такъ засидѣться, незамѣтно прошло время. Возьму извозчика, или, вотъ, Петръ Ильичъ проводитъ меня? Мнѣ недалеко.

Онъ согласился съ поспѣшностью.

Въ котиковой верхней кофточкѣ, изящная и красивая, Лидія Григорьевна вышла изъ подъѣзда рядомъ съ Петромъ Ильичемъ.

— Пойдемъ пѣшкомъ?—вопросительно предложила она и взяла Петра Ильича подъ руку.

— Ночь какая темная! А хорошо... свѣжо, морозитъ уже.

— Морозитъ,—повторилъ Петръ Ильичъ, не глядя на спутницу.

Онъ старался не глядѣть, но успѣлъ замѣтить, какъ ярко блестятъ глаза Рыбальцевой, оттѣненные откинутой назадъ котиковой шляпой, съ розами бирюзоваго цвѣта.

— Я бы лучше пошла сейчасъ, куда глаза глядятъ. Ходила бы, ходила цѣлую ночь. Люблю гулять, когда морозно. А вы?

— И я...

— Хотите, идемъ по Дмитровской? Кружнымъ путемъ?

Петръ Ильичъ велъ опиравшуюся на его руку Рыбальцеву и молчалъ, взволнованный этой нежданной близостью и неурочной прогулкой по безлюднымъ улицамъ во второмъ часу ночи.

— Что же вы молчите?

— Я не молчу,—некстати произнесъ Петръ Ильичъ.

— Какой вы смѣшной!—Рыбальцева засмѣялась тихимъ смѣхомъ.—А отчего ко мнѣ никогда не придете?

— Не звали вы меня...

— А если позову, придете? Зайдемъ сейчасъ?

— Сейчасъ нельзя.

— Почему?

— Поздно. Два часа.

— Какой благонравный. Ну, завтра? Придете завтра?

— Не знаю.

— „Нне зна-аю!“ А если я умолять буду: удостойте, пожалуйста?

Она присматривалась къ лицу Петра Ильича въ полумракѣ уличнаго освѣщенія. Онъ самъ сознавалъ, что имѣетъ комическій видъ.

— Такъ придете? Если умолять стану?

— Не приду!—отвѣтилъ Петръ Ильичъ угрюмо и грубовато.

Не обративъ вниманія на рѣзкость отвѣта, Лидія Григорьевна заинтересованно спросила:

— Отчего?

— Незачѣмъ.

— Ишь вы какой... корыстный! А если я сама къ вамъ приду? Первая? Хотите, зайдемъ теперь? Вы гдѣ живете?

Лидія Григорьевна опять засмѣялась тихимъ, дразнящимъ смѣхомъ.

— Чего такъ опѣшили? Возьму и зайду! Что же тутъ такого? Посмотрю, какъ вы живете, посижу минутку и уйду. Или это неприлично по вашему?

— И неприлично, и...

— Но какой благонравный!—не дала договорить Рыбальцева.—А я нахожу, если не нарушать приличій... на первомъ фонарѣ можно повѣситься отъ скуки! Я только то и цѣню, что не называется приличнымъ Вы одинъ живете? Гдѣ? Въ Историческомъ переулкѣ? Такъ близко, я ваша гостья.

Петръ Ильичъ остановился, не находя словъ.

— Чего вы боитесь?—бросила Рыбальцева насмѣшливый вызовъ.—Какъ вамъ не стыдно. Что же тутъ такого?

Когда они подошли къ квартирѣ Кречетова, въ кабинетѣ у Леонида Александровича еще горѣла лампа. Петръ Ильичъ вспомнилъ, что сегодня пятница, и значитъ—Кречетовъ пишетъ воскресный фельетонъ, запивая его крѣпчайшимъ кофе. Смущеніе Петра Ильича усилилось, а Рыбальцева поднималась по лѣстницѣ спокойно и развязно, посмѣиваясь своимъ тихо-звучащимъ смѣхомъ.

Она не сдержала слова и ушла не черезъ минуту, а лишь на разсвѣтѣ.

— Я къ вамъ еще приду,—пообѣщала она, уходя.—Хотите? Когда: завтра, послѣзавтра? Передъ вечеромъ, часовъ въ шесть семь. Тогда удобнѣе: уже темно, а не ночь. Хорошо? Будете ждать меня?

Дѣйствительно, черезъ день она навѣдалась снова, потомъ опять. Петръ Ильичъ запутался, какъ въ цѣпкихъ сѣтяхъ. Онъ не зналъ, чему больше дивиться въ Рыбальцевой: ея развращенной опытности, или же парадоксальности взглядовъ, извращенности моральныхъ понятій о самыхъ, казалось бы, простыхъ и ясныхъ явленіяхъ.

Рыбальцеву тѣшила дерзость ея визитовъ къ Петру Ильичу, и она, бравируя своей отвагой, забѣгала къ нему среди праздничнаго дня или приходила изъ театра, не дождавшись конца спектакля, послѣ второго-третьяго акта. Петръ Ильичъ боялся теперь идти къ Москитскимъ, панически страшась встрѣчи съ мужемъ Лидіи Григорьевны, всячески избѣгая возможности столкнуться съ нимъ въ управѣ, негодуя и на самого себя, а между тѣмъ— напряженно поджидалъ по вечерамъ прихода Лидіи Григорьевны и мучился при мысли, что она можетъ не придти больше совсѣмъ...

Петръ Ильичъ ревновалъ ее къ Демидову, котораго го-

родская молва называла „оффиціальнымъ“ другомъ дома Рыбальцевыхъ, и еще ревновалъ къ кому-то неизвѣстному и неоффиціальному, потому что Лидіи Григорьевнѣ приписывали много любовныхъ интригъ. Оба они, и Петръ Ильичъ, и Рыбальцева,—почему-то не довѣряли одинъ другому. Они то ссорились, злобно оскорбляя другъ друга, то примирялись.

Безпричинно-злыя, нелѣпо-капризныя выходки Лидіи Григорьевны не разъ ставили втупикъ Петра Ильича. Но приливы капризной злобности смѣнялись у нея нѣжностью, порывами наркотически-опьяняющей ласки, и Петру Ильичу не удавалось разобраться въ этихъ запутанныхъ отношеніяхъ. Сначала онъ смущался передъ Кречетовымъ. Однако, послѣдній обнаруживалъ такую щепетильную боязнь стѣснить чужую свободу, лицо его при разговорахъ съ Петромъ Ильичемъ было до того безмятежнымъ, что, казалось, онъ и не подозрѣваетъ ничего, похожаго на истину. Тѣмъ болѣе взволновался и растерялся Петръ Ильичъ, когда Рыбальцева, придя однажды къ нему, весело сообщила:

— Сейчасъ лицомъ къ лицу въ передней съ твоимъ фельетонистомъ столкнулась. Рыжій, я его по театру знаю. Но какой дрессированный! Какъ будто, не видитъ. Ты испугался? Чего? Онъ можетъ разболтать?

— Не думаю.

— Ну, такъ чего? А мнѣ наплевать, хоть и разболтаетъ! Кто мнѣ нуженъ? Пропади они всѣ пропадомъ. Пусть, что хотятъ, то и плещутъ. И мужъ-святоша, и всѣ... что они мнѣ? Одна скука. Захочу, возьму и все брошу. Возьму и уйду къ тебѣ... Хочешь? Здѣсь и поселюсь, въ этихъ комнаткахъ.

Она взобралась съ ногами на кушетку, о чемъ-то подумала и захохотала, закинувъ руки за голову.

— Скандалъ-то, скандалъ какой былъ бы! На весь городъ... Взвоетъ даже святоша. Ну, хочешь? Я вѣдь влюблена въ тебя, ты—милый, молодой. Немножко рохля, но ничего... Сбѣжать къ тебѣ? Ага! Струсилъ?—воскликнула она, наблюдая за выраженіемъ физіономіи Петра Ильича. — Боишься? Трусишь, значитъ—не любишь: боишься обузы. А я люблю... Потому и люблю, что ты равнодушенъ. Изъ упрямства! И не разлюблю долго, года два, пока не надоѣстъ. Только не будь благонравнымъ черезчуръ... Погоди! Ты до тѣхъ поръ привяжешься, привыкнешь ко мнѣ, а я возьму и брошу. Вотъ, какъ окурокъ! Я тебѣ отомщу за равнодушіе.

— Какое же равнодушіе? — возразилъ Петръ Ильичъ и началъ увѣрять, что равнодушія нѣтъ.

— — — — — — — — —

Но она не вѣрила, и ее трудно было разубѣдить, потому что она лучше понимала настроеніе Петра Ильича, чѣмъ онъ самъ.

Кречетовъ возвратился домой поздно. Петръ Ильичъ былъ уже одинъ. Онъ вышелъ въ прихожую, гдѣ раздѣвался Кречетовъ.

— Вы видѣли?—спросилъ Петръ Ильичъ напрямикъ.

— Что видѣлъ?—не понялъ Кречетовъ.

Онъ сосредоточенно протиралъ передъ лампочкой запотѣвшіе очки.

— Не „что", а „кого". И вы знаете, кого.

— Ничего я не знаю и знать не хочу. Ваше дѣло, мнѣ-то что?—Онъ пожалъ плечами и, погодя немного, прибавилъ:— А только смотрите... сумбурный народъ бабы! Коли на то пойдетъ, отъ чужой жены труднѣе отдѣлаться, чѣмъ отъ собственной. Ну, и все. Больше я ничего не знаю.

XXI.

Городского голову избирали лишь двадцать второго января, въ первомъ засѣданіи новой думы.

Москиты и синицинцы прошли въ составъ думы почти поровну. Окраинные участки выбирали синицинцевъ; по центральному и сосѣднимъ съ нимъ городскимъ участкамъ были избраны москиты. Выборы центральнаго участка прошли особенно стройно, обнаруживъ хорошую агитаторскую организацію. Здѣсь не попало въ гласные ни одного лица, не принимавшаго участія въ агитаціи.

Въ день выборовъ головы была безпокойная суета въ управѣ. Съ утра въ думскомъ залѣ собрались новые гласные для принесенія присяги. Они долго не расходились по домамъ. Въ вестибюлѣ, въ пріемной, въ управскихъ канцеляріяхъ и кабинетахъ—всюду толпились гласные, всюду толковали о выборахъ. Знатоки агитаціонныхъ избирательныхъ дѣлъ гадательно подсчитывали голоса, и по вычисленіямъ ихъ выходило, что Синицынъ имѣетъ наиболѣе шансовъ на избраніе: сорокъ одинъ голосъ противъ тридцати двухъ.

Въ канцеляріяхъ не работали, только Москитскій сидѣлъ съ членами управы въ присутствіи, да и то многіе подозрѣвали, что присутствіе сегодня лишь дѣлаетъ видъ, будто занимается текущими дѣлами.

Пудиковъ горячился, по обыкновенію, и спрашивалъ, наступая на Кречетова:

— Какимъ образомъ губернаторъ не кассировалъ выборовъ по центральному участку?

— А я почемъ знаю? Не нашелъ, вѣрно, повода для кассацій.

— Поводы были! Насъ десять человѣкъ подавало жалобу. При провѣркѣ избирательныхъ правъ управа допустила неправильности. Довѣренности провѣрялись Москитскимъ формально, не по существу. Ивановъ не имѣлъ права участвовать въ выборахъ: онъ подъ слѣдствіемъ. Денисенко также: несостоятельный должникъ.

— И не думалъ быть!—оспаривалъ кто-то изъ гласныхъ. Ни Ивановъ, ни Денисенко...

— По уполномочію отъ частнаго коммерческаго банка выступилъ предсѣдатель совѣта! — кипятился Пудиковъ. — Тогда какъ по правиламъ...

— Но на вашу кассацію Рыбальцевъ редактировалъ отвѣтъ управы?

— А у васъ, если Рыбальцевъ, такъ и непогрѣшимъ?!

— Ловко организовались синицинцы.

— И москиты не зѣвали.

— По центральному участку кампанія проведена блестяще.

— И чисто. По-рыбальцовски. Ювелирная работа!

— А Симеонъ? Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, и взоръ новорожденнаго младенца. Ни дать, ни взять—Борисъ Годуновъ...

— Хохолъ!

Поддавался общему управскому возбужденію и Петръ Ильичъ, присоединяясь къ общей тревогѣ. Какъ будто, какая-то большая сложная машина развернула передъ нимъ на полномъ ходу свою дѣятельность, захвативъ и его однимъ изъ многочисленныхъ колесиковъ...

Съ шести часовъ вечера ярко-освѣщенный думскій залъ шумѣлъ гудящими голосами и внизу, и на хорахъ. Двѣсти билетовъ для входа на хоры были разобраны еще за недѣлю. Сидѣла на хорахъ и Рыбальцева, пріѣхавшая въ сопровожденіи Демидова, въ темномъ платьѣ, серьезная и скромная. Ксеніи Адріановны не было.

Гласные собрались полнымъ составомъ, безъ исключеній. Въ залѣ чувствовалась торжественность рѣшающей минуты. Гласные сдержанно переговаривались; Синицынъ и Москитскій поздоровались на виду у всѣхъ, какъ близкіе знакомые: Синицынъ,—полный, безукоризненно-одѣтый шатенъ съ проборомъ на головѣ, съ запаянными на рукахъ золотыми браслетами, — былъ блѣденъ и нервно потиралъ руки. Москитскій смотрѣлъ спокойно, ничѣмъ не проявляя внутренняго волненія. Онъ предсѣдательствовалъ, и едва объявилъ засѣданіе открытымъ, какъ въ залѣ стало необы-

чайно тихо. Всѣ—словно замерли. Очень быстро рѣшили закрытой баллотировкой вопросъ о жалованьи городскому головѣ: огромное большинство высказалось за сохраненіе прежняго оклада безъ надбавокъ.

— Милостивые государи!—началъ, наконецъ, Москитскій корректно - предсѣдательскимъ тономъ.—Теперь намъ предстоитъ избрать городского голову. Практикой прежнихъ выборовъ установленъ слѣдующій порядокъ: записки съ предложеніями передаются предсѣдательствующему, который собираетъ ихъ, а затѣмъ читаетъ вслухъ предложенія. Одинъ гласный записываетъ предложенія, другой провѣряетъ записки. Согласны ли вы оставить прежній порядокъ?

Раздались голоса: „Согласны! согласны!"

Москитскій продолжалъ:

— Предлагаю записывать Николаю Евгеньевичу Рыбальцеву, а провѣрять записки—Антону Антоновичу Гречанинову. Принимаете?

Опять раздалось: „принимаемъ! согласны!" Среди общаго шума поднялся съ мѣста Синицынъ. Все стихло вновь.

— Въ виду существованія раньше большихъ... ээ... эм... гм!—Синицынъ сдѣлалъ умышленно долгую паузу и докончилъ:—большихъ недоразумѣній... По-моему, необходимо избрать коммиссію для болѣе... ээ... точныхъ... то есть, для болѣе точнаго подсчета предложеній.

Глаза всѣхъ сами собой повернулись къ Рыбальцеву: онъ поблѣднѣлъ отъ намека, но пренебрежительно улыбался и сидѣлъ молча, равномѣрно вращая въ рукахъ блестящій карандашъ въ никкелевой оправѣ. Семенъ Степановичъ съ ледянымъ самообладаніемъ сослался на какую-то статью городового положенія, препятствующую избранію коммиссіи. Съ пренебреженіемъ, но въ предѣлахъ вѣжливости, онъ предложилъ самому Синицыну провѣрять записки. Синицынъ сжался и, въ свою очередь, выставилъ кандидатуру Маккіавелли—Гречанинова, только что предложенную Семеномъ Степановичемъ.

Начался скучный счетъ записокъ. Синицынъ получилъ сорокъ четыре предложенія, Москитскій—тридцать девять. Остальные случайные кандидаты—гораздо меньше, не болѣе пятнадцати голосовъ; эти кандидаты отказались отъ баллотировки. Предсѣдательствующій доложилъ:

— Баллотировкѣ подлежатъ два кандидата: Эсперъ Валентиновичъ Синицынъ и Москитскій, Семенъ Степановичъ.

— Браво! — крикнулъ чей-то одобрительный голосъ съ хоръ.

Москитскій чуть звякнулъ колокольчикомъ, призывая аудиторію къ порядку.

Молчаливое волненіе залы росло и дѣлалось глубже. Приступили къ подачѣ голосовъ шарами; гласные клали шары въ ящики торопливо, сосредоточенно, среди молчанія. И еще больше насторожился залъ, когда начался счетъ шаровъ. Первымъ стоялъ ящикъ Синицына, и его шары сосчитали раньше: онъ получилъ сорокъ противъ тридцати трехъ. Тишина не прерывалась, слышно лишь было, какъ падали избирательные шары Москитскаго на дно коробки, и за каждымъ шаромъ звучали голоса счетчиковъ, изрѣдка подхватываемые въ публикѣ:

— Тридцать, четыре... тридцать пять... тридцать семь!

То здѣсь, то тамъ на хорахъ начали раздаваться аплодисменты. Аплодисменты длились съ минуту, задерживая пересчетъ. Москитскій невозмутимо звонилъ въ колокольчикъ и уже не для виду, а полнымъ звономъ, но безъ раздраженія.

— Тридцать девять! Сорокъ!!

Счетчики замолчали.

Произошло замѣшательство, часть публики зааплодировала, но вяло, съ недоумѣніемъ.

— Эсперъ Валентиновичъ Синицынъ,—ровнымъ, казенно-безучастнымъ голосомъ объявилъ Москитскій,—получилъ сорокъ избирательныхъ и тридцать три неизбирательныхъ шара, Семенъ Степановичъ Москитскій сорокъ избирательныхъ и тридцать три неизбирательныхъ. Такимъ образомъ, оба эти лица избраны въ кандидаты въ головы, и администраціи предстоитъ утвердить одного изъ нихъ. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Онъ проворно снялъ цѣпь и сошелъ съ возвышенія.

На хорахъ раздалось шипѣніе, свистки; залъ шумѣлъ, сказывалось общее недовольство. Исходъ выборовъ не удовлетворилъ никого. Москитскій и Рыбальцевъ исчезли немедленно; уѣхалъ и Синицынъ, весь позеленѣвшій отъ разочарованія. Гласные шумно спорили. Кто-то порицалъ чью-то непредусмотрительность, каждый говорилъ за себя, никто не хотѣлъ слушать другихъ. Слышались восклицанія:

— Утвердятъ Симеона!

— Москитскаго непреложно!

— Тогда говори „гопъ“ какъ перескочишь.

— Онъ съ губернаторомъ породнился... Ловкій ходъ, что говорить!

— Взялъ съ подмоченной реп...

— Тише! осторожнѣй... что вы!

— Синицынъ катитъ въ Петербургъ. Завтра же съ курьерскимъ... Есть и на губернаторовъ...

— Скатертью дорожка! Пусть прокатается..

— Авось остынетъ на сѣверѣ, разгоряченъ ужъ очень!

— Посмотримъ! Посмотримъ!

— Выбирали голову, но вышло безголовье!

Утомленный волненьемъ, духотой, толпой и шумомъ, Петръ Ильичъ завезъ Кречетова въ редакцію и ѣхалъ домой, мечтая заснуть. Дома его застало письмо изъ Высокихъ Дубовъ отъ Полюси. Нерадостныя вѣсти сообщала она:

„Батюшка сказалъ, чтобы я написала тебѣ, дорогой Петръ Ильичъ. Самъ онъ писать не можетъ: въ субботу хоронили мы Палладія Ильича. Скончался въ четвергъ передъ вечеромъ, отъ припадка, и очень мучился удушьемъ. Припадки были частые, кислородомъ только и держался, не жилъ, а страдалъ и слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Но когда умеръ, стало такъ жалко и такая у насъ теперь грусть, что и описать нельзя. Батюшка скорбитъ, осунулся, постарѣлъ и горбиться началъ, чего никогда не бывало. Матушка плачетъ и все молчитъ, ни съ кѣмъ не хочетъ разговаривать, а я хожу, какъ неприкаянная. Только и отдыхаю въ школѣ, а приду домой, то мнѣ „вѣчная память“ слышится. Похоронили около Адріана Павловича, направо. Зимы у насъ нѣтъ, все дожди, и праздники были сырые. Въ школѣ мнѣ дѣла много, наибольше по закону Божію, батюшка задаетъ, а я должна съ дѣвочками разучивать, и житія святыхъ всякій день передъ занятіями читаемъ, и евангеліе. Я и пѣніе преподаю, и рукодѣліе, устаю немножко.

„Дѣвочекъ у меня тридцать шесть, есть славныя, мнѣ пріятно съ ними. Трудно было сначала, пока проходили сліяніе и выдѣленіе звуковъ, неопытна я еще преподавать, бѣгала подучиваться къ земскимъ. Но научились читать еще въ ноябрѣ, а я боялась, что и къ Новому году не поспѣемъ, за то по ариѳметикѣ и до сей поры слабо. Говорятъ, дѣвочки всегда слабы по ариѳметикѣ, а я боюсь, что это я виновата, не умѣю научить. Хотѣла и раньше тебѣ написать, и вотъ о чемъ: докторъ у насъ часто бываетъ, ради Палладія Ильича заходилъ, а то и такъ, и земскія учительницы говорили, что хочетъ сватать меня. Будто говорилъ имъ, что возьметъ безъ приданаго, а батюшка и матушка, какъ услыхали это, говорятъ—хорошее дѣло. И фельдшерицѣ, вѣрно, сказалъ кто-то, разсердилась и перевелась отъ него, скоро пріѣдетъ новая, уже назначена. Я по немъ вижу, что, должно быть, правда, а если онъ скажетъ нашимъ про это, то ты помоги мнѣ, пожалуйста. Не пойду за него, лучше совсѣмъ не выйду, и ты напиши нашимъ, чтобы не уговаривали. Наши надѣялись на другое (ты знаешь, на что). Я понимаю, что того никогда не будетъ, и батюшка съ матушкой знаютъ, но если ты напишешь: не отдавайте,—наши подумаютъ: а можетъ, и будетъ? И не станутъ уговаривать. Пишу тебѣ,

какъ брату родному, не выдай меня и напиши, какъ живешь? Доволенъ ли службой, въ чемъ состоитъ твоя служба? Что нашелъ и увидѣлъ хорошаго? Напиши про все, какъ есть. Счастливый ты! Если бы ты могъ сейчасъ перенестись сюда и послушать, какъ здѣсь возлѣ меня безмолвно. Какъ въ могилѣ. Батюшка на требѣ, матушка—заперлась, вѣрно, молится или плачетъ; Харитина давно уже испарилась куда-то, темнѣетъ, сыро, деревья почернѣли, а въ домѣ, какъ въ могилѣ, даже жуть разбираетъ. Ну, довольно ныть, хотя это и не нытье, а просто правда. Напиши батюшкѣ сію минуту, утѣшь ихъ; они думаютъ, что ты ихъ не помнишь, и мнѣ пиши отдѣльно. Они увидятъ, что мы переписываемся и не захотятъ доктора, а мнѣ только того и надо. Видишь, я хитрая... Много мыслей разныхъ стало приходить мнѣ въ голову. Вѣрно, отъ грусти; пока счастливъ, не хочется думать, а теперь часто думаю: что мнѣ дѣлать въ свѣтѣ? Зачѣмъ я родилась?—И не знаю, и не съ кѣмъ поговорить. А ты знаешь? Или тоже нѣтъ? Цѣлую тебя. Полюся".

Вѣсть о смерти Палладія разбудила въ душѣ Петра Ильича то, хотя и слабое, но несомнѣнное чувство привязанности, которое онъ питалъ къ брату. Было жаль Палладія остро-захватывающей жалостью. Петръ Ильичъ вспоминалъ о братѣ все самое лучшее, что только можно было вспомнить, начиная съ дѣтскихъ дней, и это растравляло его боль. Изъ памяти испарилось сознаніе сегодняшней усталости, воспоминаніе о выборахъ, о впечатлѣніяхъ бурнаго дня и о всѣхъ впечатлѣніяхъ послѣдняго времени. Онъ всецѣло перенесся въ Высокіе Дубы, гдѣ теперь тянулись уныло-короткіе зимніе дни, сырые, однообразные, безрадостные...

Петръ Ильичъ тотчасъ же написалъ отцу и отдѣльно Полюсѣ. Его письмо къ отцу Ильѣ было заботливо-нѣжное, сочувственное, полное родственной ласки и желанія утѣшить: такого письма онъ еще отроду не посылалъ домой... А Полюсѣ онъ писалъ:

„Спасибо, дорогая, что заговорила такъ отъ души и откровенно. Потерявъ брата, я нашелъ сестру, и какъ я радъ ей! Палладія жалко, писалъ отцу и плакалъ отъ жалости. Съ Палладіемъ мы были почти какъ чужіе, но все же оставалось что-то внутреннее, связующее, что заставляетъ теперь плакать. Не завидуй мнѣ, Полюся; грустно въ Высокихъ Дубахъ, не веселюсь и я. Если бы ты знала, до какой степени я оказался дрянью! Какъ обанкротился нравственно съ первыхъ же шаговъ. Не могу разсказать тебѣ всего, но до чего мнѣ тяжело и противно, до чего досадно на самого себя! Не знаю, какъ выйду изъ этого положенія. То,

что есть, продолжаться не можетъ, во что бы то ни стало, я выпутаюсь изъ отвратительной тины. Хуже всего, что запутался въ ней по доброй волѣ... Хотя легко сказать: выпутаюсь. Самый-то фактъ можно устранить, но не устранишь воспоминанія о немъ, останется ущемленная совѣсть, неуваженіе къ себѣ, а это такъ тяжело. Нѣтъ во мнѣ никакихъ прочныхъ устоевъ, надо еще много и долго работать надъ собой. Я, пока, нуль, тряпка, и потому первая подвернувшаяся случайность перевернула вверхъ дномъ всѣ мои намѣренія. Но я еще буду бороться съ своимъ неустойчивымъ „я“, пожелай мнѣ выйти изъ борьбы съ честью. Не выдавай и ты меня, Полюся, не говори нашимъ, о чемъ я пишу. Относительно доктора обѣщаю полную мою поддержку и писать буду исправно, пиши и ты. Конечно, не выходи за доктора. Это такой ужасъ связать себя съ чуждымъ и нелюбимымъ человѣкомъ, что ты и представить не можешь. Службой своей скорѣе доволенъ, чѣмъ нѣтъ. Собственно, мои обязанности скучноватыя, почти механическія, требуютъ лишь вниманія да нѣкоторой систематичности. Но вокругъ меня всетаки не мертвое дѣло, хотя я еще не разбираюсь во многомъ; послѣ напишу подробнѣе. А для чего живемъ?— я, какъ и ты, не знаю. Сколько загадокъ, недомолвокъ, противорѣчій, къ чему все это? Надо искать отвѣтовъ,—можетъ, и найдутся; а прежде всего не терять права на уваженіе къ себѣ, потому что тогда все кругомъ меркнетъ и кажется топкимъ болотомъ. Пиши. Любящій тебя братъ П. Сребдольскій“.

XXII.

Больше мѣсяца длилось междуцарствіе въ управѣ.

Синицынъ побывалъ въ Петербургѣ, возвратился въ Z., а новый городской голова все еще не былъ назначенъ. Семенъ Степановичъ по прежнему несъ бремя обязанностей головы. Подъ его предсѣдательствомъ прошли первыя думскія засѣданія, съ избраніемъ членовъ управы и городского секретаря, затѣмъ рядъ исполнительныхъ коммиссій. Секретаремъ, по старому, остался Гречаниновъ. Онъ началъ всячески выказывать свое доброжелательное отношеніе къ Москитскому, и въ управѣ заговорили:

— Маккіавелли лебезитъ, у Симеона, значитъ, много шансовъ на утвержденіе.

И только въ началѣ марта опредѣлилось, наконецъ, кто будетъ въ Z. головою.

Вечеромъ Петръ Ильичъ сидѣлъ дома одинъ, Кречетовъ

былъ на редакціонномъ дежурствѣ. Довольно поздно раздался звонокъ; прислуживающій у Кречетова Андрюшка уже спалъ, Петръ Ильичъ вышелъ открыть двери и съ удивленіемъ узналъ лакея Москитскихъ.

— Записка отъ Ксеніи Адріановны... господину Кречетову.

— Давайте, я передамъ.

— Сказано: въ собственныя руки. Ежели нѣтъ дома, разыскать, или обождать. Вамъ неизвѣстно, гдѣ господинъ Кречетовъ?

— Въ редакціи... а вѣрнѣе, въ типографіи. Знаете типографію Дольскаго? Спросите въ корректорской комнатѣ.

Лакей ушелъ, и вскорѣ въ кабинетѣ Леонида Александровича энергично затрещалъ телефонъ. Петръ Ильичъ подошелъ; говорилъ Кречетовъ, видимо взбудораженный:

— Новость, Петръ Ильичъ! Ура! Симеонъ утвержденъ, синица съ носомъ! Сдаю въ наборъ, у меня у перваго появится. И Тимченка подведу... всѣхъ! Исполать лордъ-мэршѣ.

— Это она вамъ сообщила?—спросилъ Петръ Ильичъ.

— Она. Я къ ней тайкомъ ходилъ съ поклономъ. Просилъ извѣстить, по старой дружбѣ, маститаго хроникера... хоть въ четвертомъ часу ночи, какъ только узнаетъ сама.

На утро многихъ всполошила въ городѣ коротенькая замѣтка въ „Краѣ“: „Намъ сообщаютъ изъ Петербурга“ и т. д.—объ утвержденіи Москитскаго. Но Семенъ Степановичъ пріѣхалъ въ управу съ физіономіей несвѣдущаго человѣка. Онъ наотрѣзъ отказывался принимать поздравленія.

— Я, господа, еще ничего не знаю, ровно ничего! Никакого подтвержденія.

Лишь черезъ два дня губернаторъ оффиціально увѣдомилъ городское управленіе, что головою утвержденъ Москитскій. Въ тотъ же день Семеномъ Степановичемъ была принесена присяга, и синицинцы оказались сраженными.

Тягостно проходило время для Петра Ильича.

Забѣгала Рыбальцева, и они ссорились... Рыбальцева зло издѣвалась надъ Петромъ Ильичемъ, часто вымещая на немъ свое шаткое расположеніе духа. Петръ Ильичъ сперва чаще отмалчивался, потомъ началъ не оставаться въ долгу, и они изводили другъ друга обидными колкостями. Потомъ мирились и снова ссорились. Визиты Лидіи Григорьевны тяготили Петра Ильича, но онъ не рѣшался сказать ей объ этомъ. И ее самое переставала тѣшить рискованность ея новой забавы: острота и новизна приключенія уже отходила

въ область минувшаго; Петръ Ильичъ казался Рыбальцевой неумнымъ, скучнымъ, и она, не стѣсняясь, говорила ему въ глаза, что онъ „прѣсный“. Она больше не собиралась переселяться къ Петру Ильичу, но, словно изъ упрямства, не прекращала своихъ посѣщеній. И съ каждымъ новымъ ея визитомъ все рѣзче становились взаимныя обиды и сценки раздора.

Сегодня, наканунѣ воскресенья, Лидія Григорьевна опять была раздражена. Едва снявъ шляпу, она набросилась на Петра Ильича:

— И этотъ четвергъ вы не были у Москитскихъ? Я же просила придти?

— А я говорилъ, что не приду!

— Онъ „го-во-рилъ“! Мало ли что говорилъ! Онъ стыдится меня... избѣгаетъ встрѣчаться! А!?

— Я сказалъ, что не хочу встрѣчаться съ вашимъ мужемъ... И не хочу.

— Что тебѣ за дѣло до моего мужа? — топнула ногой Рыбальцева, и переходя на ты. — Не смѣй при мнѣ вспоминать о немъ! Что ты берешь на себя роль моей совѣсти? Я знаю, что дѣлаю. Ты не вѣнчался съ нимъ? Въ вѣрности не клялся? Обязательствъ не давалъ? Ну, и молчи. Моралистъ какой!

— Я и молчу. Но какъ увижу его, хуже пощечины. На этихъ дняхъ онъ былъ въ управѣ, шелъ въ присутствіе, а мнѣ черезъ дверь видно. Думалъ, крикну или въ обморокъ упаду: ноги подкосились, въ глазахъ темно... Послѣ всю ночь онъ стоялъ передо мною. Спокойный такой, съ портфелемъ... И душитъ меня презрѣніе къ себѣ!

— Этакія припадочныя чувства. Добродѣтель какая... Послѣ смерти покаяніе. Не опоздалъ ли? Надо было раньше... а давно ли?

— Что „давно“?—злобно спросилъ Петръ Ильичъ. — Я не искалъ того, что случилось... Не хотѣлъ...

— Животное! Грубое животное! Хамъ! Поповичъ!—вспылила Рыбальцева.—Онъ „не искалъ“, онъ „не хотѣлъ“? Онъ— птенчикъ неопытный... Ха-ха...

Она бросила, со смѣхомъ, грубо-циничный вопросъ; Петръ Ильичъ отвѣтилъ съ неменьшей грубостью.

Началась ссора.

— Негодяй! Хамъ! Никогда не приду сюда больше!

— Не приходите, сдѣлайте милость. А если придете, заставите меня не принять васъ...

— Ахъ! вотъ вы какъ заговорили?

— Да-съ! вотъ какъ!

— Съ женщиной? Хамъ! Поповичъ...

Рыбальцева ушла взбѣшенная. Петръ Ильичъ долго шагалъ по комнатѣ, подавленный этой сценой, возмущенный и своей грубостью, перешедшей, дѣйствительно, черезъ край и Лидіей Григорьевной съ ея цинической моралью. Безсонная боль душевнаго смятенія и горькаго недовольства собою долго томила его. Лишь къ утру задремалъ онъ, одѣтый, на кушеткѣ, задремалъ тяжелымъ, не освѣжающимъ сномъ человѣка, не примиреннаго съ собственной совѣстью.

Его разбудилъ необычный шумъ въ квартирѣ. Было еще рано, но кто-то ходилъ, хлопая дверями,—звонили у телефона, стучали ногами, задѣвая на ходу стулья, и голосъ Кречетова, повышенно-тревожный, раздавался въ перемежку съ чьимъ-то чужимъ, равнодушнымъ голосомъ.

Петръ Ильичъ позвонилъ къ Андрею; тотъ пришелъ не сразу и тоже встревоженный.

— Что у васъ?

— Бѣда! Юрій Гавриловичъ застрѣлился въ „Гастрономѣ"..

Петръ Ильичъ всталъ съ кушетки.

— Какъ?—спросилъ онъ, еще не понимая.

— Вѣрно, Петръ Ильичъ! Застрѣлимшись. Сейчасъ и изъ участка по телефону сказали.

— Когда же это?

— Должно, ночью. Леониду Александровичу письмо прислалъ. Посыльному далъ съ вечера, а доставить велѣлъ утромъ.

Петръ Ильичъ вышелъ къ Кречетову.

Посыльнаго уже не было. Кречетовъ поспѣшно одѣвался; дрожащими руками онъ все не могъ застегнуть гастуха, и Петръ Ильичъ помогъ ему.

— Слышали?—сердито бросилъ Кречетовъ.

— Да.

— Я началъ газеты читать, пробѣжалъ его фельетонъ... Что такое? Не фельетонъ—элегія... Точно прощается со всѣми. Лежу и думаю: пойти къ нему, развлечь, что-ли; настроеніе нехорошее. А! онъ—на тебѣ!

Кречетовъ швырнулъ на столъ скомканное письмо и печатную брошюру. Петръ Ильичъ взялъ измятый листокъ.

„Не правда ли, славный другъ,—писалъ Тимченко,—когда вы видѣли меня вчера въ управѣ, я мало былъ похожъ на человѣка, который рѣшилъ отправиться къ праотцамъ? А между тѣмъ, вчера я уже былъ обреченъ. Останавливаюсь на этомъ исходѣ, не могу больше. Тоска. Тоска и отвращеніе, ко всему отвращеніе, пуще всего къ самому себѣ. Матери посылаю извѣщеніе также, какъ вамъ. Этакъ лучше: какіе тутъ могутъ быть предварительныя подготовленія? И что за глупая роль того, кому пришлось бы подготовлять.

Недоконченную повѣсть сжигаю: изъ нея ничего не выходитъ путнаго, какъ и изъ автора ея. Вамъ препровождаю на память „Отчего“. Спасибо за ласку, не осуждайте, славный другъ. Ухожу. Юрій Тимченко“.

На журнальномъ оттискѣ разсказа „Отчего“?, надъ заглавіемъ вверху рукою Тимченки было написано: „Кто страдаетъ отъ самого себя, тому нѣтъ спасенія,—умереть бы ему поскорѣй. Такъ говорилъ и Заратустра“.

— Эгоизмъ! Эгоизмъ какой!—крикнулъ Кречетовъ, когда Петръ Ильичъ положилъ письмо обратно на столъ.—Мать и сестры у него... эти женщины имъ дышали. Онъ былъ осью, вокругъ которой вращалась ихъ жизнь... И такъ безжалостно... безъ тѣни состраданія! Какъ къ нимъ теперь идти? Съ какими глазами?

— А онъ.. дома уже? Не въ гостинницѣ?

— Дома. Изъ гостинницы его немедленно въ анатомическій покой свезли, а оттуда выдали секретарю „Якоря“ безъ вскрытія. Я справлялся.

— Куда пуля попала?

— Въ самое сердце, наповалъ!.. Къ десяти на панихиду.

— И я съ вами.

— Заѣдемъ раньше въ „Гастрономъ“? Можетъ, узнаемъ что?

Въ „Гастрономѣ“ все имѣло благополучный видъ. Швейцаръ отвѣтилъ Кречетову уклончивымъ „не могу знать“, но Леонидъ Александровичъ былъ знакомъ съ управляющимъ отеля и прошелъ къ нему.

Управляющій всполошился.

— Убѣдительно васъ прошу: не печатайте, что въ „Гастрономѣ“! Хоть закрывай отель, второе самоубійство въ эту зиму...

— Мнѣ не для печати,—объяснилъ Кречетовъ.—Я для себя... товарищъ онъ мой близкій. Въ какомъ номерѣ?

— Въ двадцать третьемъ. Хотите взглянуть?

— Если можно... Когда онъ входилъ, видѣлъ его кто-нибудь? Угнетенный былъ? Грустный?

— Не обратили вниманія. Думали, съ ночного поѣзда. Не знали даже, кто такой. И паспорта не успѣли спросить. Служитель слышалъ выстрѣлъ изъ корридора: взломали дверь, еще теплый былъ. Утромъ были сестры, господинъ изъ редакціи, но ужъ не застали у насъ...

Петръ Ильичъ и Кречетовъ поднялись съ управляющимъ по лѣстницѣ, покрытой сверхъ бархатнаго ковра полотняной дорожкой.

Въ двадцать третьемъ номерѣ полотеры кончали уборку. Не оставалось уже и слѣда разыгравшейся драмы. Мирно

блестѣло большое зеркало на стѣнѣ, мирно выглядывала изъ-за перегородки широкая кровать съ неизмятой постелью.

— Вотъ здѣсь, возлѣ стола, — показалъ управляющій.— Какъ вошелъ, заперъ дверь, сейчасъ и грянуло.

Въ квартирѣ у Тимченки готовились къ панихидѣ. Присутствовали сотрудники газетъ, и всѣмъ распоряжался секретарь „Якоря", высокій и полный господинъ. Сестры Тимченки,—обѣ немолодыя уже дѣвушки,—стояли съ застывшими глазами; мать не выходила къ панихидѣ, и говорили, что у нея столбнякъ или нѣчто близкое къ столбняку. Лицо мертваго было закрыто...

Кречетовъ послѣ панихиды подошелъ къ одной изъ сестеръ, вѣроятно старшей, уже начавшей сѣдѣть. Она не тотчасъ узнала Леонида Александровича, а узнавъ, улыбнулась странной улыбкой.

— Вотъ! Не пожелалъ оставаться съ нами! — глухо произнесла она, указавъ сухими, оскорбленными глазами на брата.

Похороны были немноголюдныя, съ вѣнками отъ редакціи и товарищей.

Стоялъ теплый день; весеннее небо, сине-голубое и высокое, кое-гдѣ прикрывалось облаками. Давно выступила изъ подъ снѣга мостовая въ городѣ, за городомъ давно почернѣли дороги, а на кладбищѣ снѣгъ еще искрился и поблескивалъ подъ мартовскимъ солнцемъ.

Надъ могилой говорились рѣчи, кто-то прочиталъ тяжеловатые, наполовину заимствованные изъ различныхъ источниковъ, стихи съ такимъ окончаніемъ:

Усни же крѣпкимъ сномъ, страдалецъ утомленный,
Ты дорого купилъ забвенье и покой!
Товарищъ-братъ! Спи съ миромъ, Богъ съ тобой...
И миръ душѣ твоей, сомнѣньемъ изнуренной!

Застучала мерзлая земля, падая въ могилу, забилась въ истерикѣ мать, до сихъ поръ не плакавшая... Общее вниманіе сосредоточилось на ней, о могилѣ на время забыли, а когда вспомнили, — могила была уже засыпана и секретарь „Якоря" украшалъ ее цвѣтами, перемѣшивая цвѣточные вѣнки съ вѣтками ельника.

Черезъ мѣсяцъ, яснымъ апрѣльскимъ утромъ, уѣзжалъ изъ Z. Кречетовъ.

Онъ затосковалъ безъ Тимченки, наскоро собрался въ путь, даже не зная навѣрное, куда ѣдетъ, и такъ же наскоро переуступилъ свою квартиру со всей обстановкой и Петромъ

Ильичемъ въ придачу одному изъ сотрудниковъ „Якоря“, Наливайкину.

— Сосетъ меня! — сталъ жаловаться Кречетовъ. — Перемѣню мѣсто жительства, уѣду хоть на годъ. Потянуло стараго бродягу, не сидится больше. Приду въ управу: вмѣсто Тимченки Наливайкинъ изъ „Якоря“,—меня такъ и перевернетъ всего отъ горечи. Вѣдь я любилъ этого психопата! Все говорю себѣ: а можетъ, если бы съ нимъ иначе... да такъ, да этакъ!.. Нѣтъ, уѣду.

Петръ Ильичъ провожалъ Кречетова.

Они пили чай на вокзалѣ, обоимъ было грустно, и не хотѣлось говорить

— Съ барыней вашей... ликвидировано у васъ? — спросилъ тихо Кречетовъ уже на перронѣ.

— Ликвидировано. Поссорились мы...

— И не идете на мировую? Хоть бы что, — не идите. Счастливъ вашъ Богъ, дешево отдѣлались! Демидова она пятый годъ въ кабалѣ держитъ... И въ присяжные выйдетъ, а не отбоярится отъ нея. А вы... благодарите судьбу, что скоро надоѣсть сумѣли.

Петръ Ильичъ вздохнулъ, не возражая.

— Ну! не будемъ раскисать, другъ мой милый. Чего вамъ пожелать на прощанье? Того, чего недостаетъ, не такъ ли? Значитъ, программы дѣйствій.

— Программы?—переспросилъ Петръ Ильичъ.

— Да, да... Точной, опредѣленной! Пока я вернусь, чтобы уже не было этого вашего: „семъ-ка я въ ту сторону!“

Леонидъ Александровичъ принялъ позу, точно хотѣлъ сдѣлать прыжокъ въ сторону.

Петръ Ильичъ улыбнулся невольно.

— У васъ вѣдь какъ?—мягко продолжалъ Кречетовъ.— Во всемъ будто на авось идете. Этакъ много силъ растратите зря, по-пусту. Не сердитесь за поученіе? По праву старшинства говорю.

— Спасибо.

— А сами думаете, небось: что ты наставляешь меня, лысый джентльменъ? Самъ-то ты какую программу осуществилъ? Да и была-ль она у тебя? Но дѣло въ томъ, что я и не рекомендую вамъ подражать мнѣ. Хочу пожелать не нашей участи, а кое-чего получше. О чемъ мы мечтали, того вы...

— Третій звоно-окъ!!

Петръ Ильичъ не успѣлъ отвѣтить. Они обнялись, расцѣловались... Кречетовъ вскочилъ на ступени двинувшагося вагона и замахалъ шляпой.

— Прощайте, Петръ Ильичъ! Прощайте, дорогой!

— До свиданья! — взволнованно поправилъ его Среб-дольскій.

— Если усумнитесь насчетъ программы, — проговорилъ Кречетовъ, удаляясь,—вспомните Тимченка. Тоже вѣдь былъ безпрограмный! А киснуть, какъ онъ, теперь не время: пора не та!..

— Зна-аю!—крикнулъ Петръ Ильичъ въ догонку, хотя колеса поѣзда уже громыхали, и на разстояніи не было слышно послѣднихъ словъ Кречетова.

О. Н. Ольнемъ.

Подстрѣленный лебедь.

(Посвящ. М. Горькому).

Въ осеннюю темную ночь,
Когда надъ землею царила
Холодная мгла и тоской
И сердце, и умъ леденила,
Безсильные—страхъ превозмочь
Молитвою чистой, святой;

Когда надъ землею грѣхи
Бродили, какъ воры, во мракѣ;
Въ селѣ не горѣло огня,
Молчали трусливо собаки,
И только одни пѣтухи
Кричали въ преддверіи дня, —

Въ свинцовой рѣкѣ, посреди
Густыхъ тростниковъ, одинокій,
Подстрѣленный лебедь лежалъ,—
Отъ стаи родимой далекій,
Съ кровавою раной въ груди,
Крыло распустивъ, умиралъ...

А въ небѣ, бездонномъ, какъ ночь, —
За вольной станицей станицы, —

На теплый безоблачный югъ,
Какъ вѣтеръ, свободныя птицы,
Летѣли отъ осени прочь,
Отъ снѣга, морозовъ и вьюгъ.

Чу! клёкотъ и шелестъ въ тиши
Таинственно-сумрачной ночи...
Станицу родныхъ лебедей
Увидѣли скорбныя очи,
И крикъ наболѣвшей души
Пронесся въ безмолвьи полей.

— „На югъ, на свободу, впередъ!
На ширь безграничнаго моря,
На волю безбрежныхъ степей,
Съ осенними бурями споря,
Могучій направимъ полетъ,
Родная семья лебедей!"

И рвался, и бился въ тоскѣ,
Среди тростниковъ, одинокій,
Подстрѣленный лебедь... Да шквалъ,
Какъ откликъ родной и далекій,
Плескаясь волной на пескѣ,
Призывомъ къ свободѣ звучалъ..

А. Тулубьевъ.

Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи.

Въ исторической концепціи марксизма центральное мѣсто занимаютъ два начала—*борьба общественныхъ группъ* и *развитіе производительныхъ силъ, какъ основной двигатель исторической жизни* человѣчества.

Какъ въ логическомъ развитіи обоихъ началъ въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ практическихъ примѣненіяхъ послѣдователи школы Маркса, солидарные съ доктриною вполнѣ или съ нѣкоторыми частностями, оперируютъ часто надъ каждымъ изъ этихъ двухъ принциповъ въ отдѣльности, не входя въ подробное опредѣленіе внутренней между ними связи. Нерѣдки случаи, когда признаніе теоріи борьбы классовъ во всемъ ея цѣломъ соединяется съ отрицательнымъ отношеніемъ къ экономическому матеріализму, какъ къ философско-исторической доктринѣ. Въ дѣйствительности же, изъ двухъ названныхъ принциповъ второй представляется основнымъ, а роль перваго есть производная и подчиненная.

Въ самомъ дѣлѣ, борьба общественныхъ группъ является въ ученіи Маркса *борьбою классовъ*, т. е. борьбою *группъ экономическихъ. Классъ* опредѣляется совокупностью признаковъ, заимствующихъ свое содержаніе изъ экономической природы, изъ *экономической структуры* общества. Но, будучи опредѣляющимъ основаніемъ исторіи общества, сама *экономическая структура* не представляется, въ томъ же ученіи Маркса, первичною субстанціею, но *въ свою очередь обусловливается степенью развитія производительныхъ силъ.*

Такое пониманіе ученія Маркса непосредственно вытекаетъ изъ того мѣста извѣстнаго предисловія къ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie", въ которомъ Марксъ далъ квинтъ-эссенцію историческаго матеріализма. Здѣсь мы читаемъ: „Въ общественномъ производствѣ, служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, не зависящія отъ ихъ

воли отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе".

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію „Манифеста" 1883 года Энгельсъ, говоря объ „основной мысли, пропитывающей собою весь „Манифестъ", характеризуетъ ее, между прочимъ такъ: „Въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обусловливаемое имъ строеніе общества составляютъ основу политической и умственной исторіи; соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія".

Такимъ образомъ, въ *развитіи производительныхъ силъ* слѣдуетъ усматривать *основной принципъ* матеріалистическаго пониманія исторіи, являющагося, по словамъ Каутскаго, „краеугольнымъ камнемъ марксизма": въ производительныхъ силахъ и ихъ развитіи заключается основная причина всего общественно-историческаго процесса — измѣненій въ экономической структурѣ общества и обусловленной этою структурою борьбы классовъ, измѣненій въ юридической и политической надстройкѣ, вслѣдствіе измѣнившагося вмѣстѣ съ развитіемъ производительныхъ силъ экономическаго базиса, и развитія высшихъ идеологическихъ надстроекъ — науки, искусства, религіи, этики, литературы, философіи.

Критика экономическаго матеріализма можетъ исходить либо изъ анализа *логической аргументаціи*, тѣхъ посылокъ и дедукцій, къ которымъ прибѣгаютъ марксисты для обоснованія своей точки зрѣнія, либо изъ разбора тѣхъ индуктивныхъ данныхъ, того *историческаго матеріала*, на который опираются или могутъ опираться сторонники указанной теоріи или ея противники для формулированія извѣстныхъ выводовъ. Для послѣдней цѣли весьма благодарный матеріалъ можетъ доставить, между прочимъ, *исторія науки*.

Но подобной критикѣ долженъ предшествовать самый тщательный анализъ *терминовъ* и *понятій*, входящихъ въ содержаніе формулъ разсматриваемой теоріи, ибо, какъ нами было высказано уже въ другомъ мѣстѣ, „исторія заблужденій весьма

часто бываетъ исторіею словъ" *). Необходимо предварительно выяснить, нѣтъ ли въ самой логической постройкѣ формулъ неточностей, неясностей, противорѣчій. Этимъ мы и займемся въ настоящей статьѣ.

I.

Согласно основному принципу теоріи экономическаго матеріализма, основная причина историческаго процесса заключается въ развитіи производительныхъ силъ. Что же слѣдуетъ разумѣть подъ *основною причиною*, и вообще подъ *причиною* какого либо процесса? И что слѣдуетъ разумѣть подъ *производительными силами?*

Во всякомъ явленіи слѣдуетъ различать *матеріальные элементы* изучаемой комбинаціи и дѣйствующія между ними *силы*. Здѣсь подъ матеріальными элементами разумѣются объекты, составляющіе данную комбинацію, и всѣ данныя, опредѣляющія эти объекты и ихъ взаимное отношеніе въ какой-либо моментъ. Опредѣленной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ соотвѣтствуетъ опредѣленное проявленіе силъ, производящихъ измѣненіе, называемое явленіемъ. Процессъ есть длительное явленіе. Процессъ есть, стало быть, не что иное, какъ болѣе или менѣе непрерывное измѣненіе матеріальныхъ элементовъ, входящихъ въ содержаніе данной комбинаціи, подъ вліяніемъ развивающихся и дѣйствующихъ въ ней силъ. Такъ, въ процессѣ движенія небесныхъ свѣтилъ, входящихъ въ составъ солнечной системы, матеріальные элементы суть солнце, планеты, кометы,—спутники, ихъ массы, ихъ положенія и взаимныя разстоянія, ихъ скорости и пр., а дѣйствующія силы суть силы всемірнаго тяготѣнія, соотвѣтствующія этимъ матеріальнымъ элементамъ. Въ физико-химическомъ процессѣ образованія соли при дѣйствіи кислоты на основаніе матеріальными элементами являются реагирующія другъ на друга вещества, степень концентраціи раствора, температура и пр., а дѣйствующія силы суть силы химическаго сродства, проявляющіяся въ данной комбинаціи. Въ теоретико-познавательномъ или гносеологическомъ отношеніи, мы и матеріальные элементы знаемъ лишь постольку, поскольку объекты *дѣйствуютъ* на наши чувства; но въ данномъ случаѣ это значенія не имѣетъ.

Согласно закону причинности, или закону достаточнаго основанія, всякое явленіе обусловливается неизбѣжно какимъ-нибудь предшествующимъ измѣненіемъ или рядомъ предшествующихъ

*) *Діалектика и математика*, „Русское Богатство". 1902 г. Іюнь, отд. I, стр. 143.

измѣненій. Объяснить явленіе значить найти его причину, т. е. указать, какимъ образомъ явленіе было неизбѣжно вызвано предшествующими измѣненіями въ матеріальныхъ элементахъ. При этомъ можно ограничиться указаніемъ этихъ предшествующихъ измѣненій, результатомъ которыхъ было данное явленіе, и ихъ назвать *причиною явленія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ*, или причиною импульсивною. Но можно идти дальше и, не ограничиваясь констатированіемъ измѣненій въ матеріальныхъ элементахъ, поставить вопросъ: *почему* явленіе было вызвано этими измѣненіями? Рѣшеніе такого вопроса приведетъ къ установленію тѣхъ нормъ или законовъ, а въ послѣднемъ счетѣ тѣхъ силъ, которыя неизбѣжно проявляютъ свое дѣйствіе въ данной комбинаціи матеріальныхъ элементовъ,—оно намъ дастъ причину нормативную *). Научное объясненіе явленія, представляющее синтезъ обѣихъ причинъ—импульсивной и нормативной,—доставляетъ намъ въ каждомъ случаѣ *причину въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова*.

Мы видимъ, что причиною (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) называется совокупность измѣненій въ матеріальныхъ элементахъ комбинаціи, вызвавшая данное явленіе въ предѣлахъ той же комбинаціи. Если разсматривать обстановку явленія во всей полнотѣ, со всѣми перемѣнными и постоянными элементами, то окажется, что существованіе комбинаціи элементовъ, подвергнутыхъ извѣстнымъ измѣненіямъ, является необходимымъ и достаточнымъ условіемъ того, чтобы явленіе неизбѣжно произошло. Съ этой точки зрѣнія, *причина явленія есть сумма необходимыхъ и достаточныхъ условій, его производящихъ*. Эти условія могутъ быть постоянныя и перемѣнныя; они также могутъ быть положительныя и отрицательныя. Ни одно изъ частныхъ условій не можетъ быть въ отдѣльности названо причиною явленія, ибо, изолированное, оно само по себѣ не можетъ произвести явленія, только совокупность всѣхъ условій составляетъ причину. Разъяснимъ это на примѣрѣ.

Я наполнилъ стеклянную бутылку водою и выставилъ ее на морозъ; черезъ нѣкоторое время бутылка лопнула. Какъ объяснить это явленіе? Почему бутылка лопнула? Потому ли, что она стеклянная? Потому ли, что былъ морозъ? Потому ли, что въ бутылкѣ была вода? На каждый изъ этихъ вопросовъ приходится отвѣчать отрицательно, ибо ни хрупкость вещества бутылки, ни низкая температура, ни присутствіе воды, однимъ словомъ, ни одинъ изъ этихъ трехъ матеріальныхъ элементовъ, взятыхъ въ отдѣльности, ни даже двойныя ихъ сочетанія не произвели бы интересующаго насъ явленія. Нужна была *комбинація всѣхъ этихъ элементовъ*, надо было выполнить извѣстныя *дѣйствія* (соотвѣт-

*) *Schopenhauer*, Ueber den vierfachen Wurzzel etc.

ствующія тому, что мы до сихъ поръ называли *измѣненіями*), т. е. выбрать бутылку изъ стекла, вещества хрупкаго, наполнить ее водою, жидкостью, обладающею свойствомъ обращаться при низкой температурѣ въ ледъ, расширяющійся отъ холода, и выставить ее на морозѣ, чтобы создать условія, необходимыя для осуществленія результата. И потому причина того, что бутылка лопнула, заключается во всей совокупности дѣйствій, направленныхъ на матеріальные элементы даннаго явленія.

Если всѣ условія, необходимыя для того, чтобы явленіе произошло, уже осуществлены, *кромѣ только какого-либо одного*, то это послѣднее условіе, будучи реализовано, дастъ искомый результатъ и въ этомъ смыслѣ можетъ быть названо причиною явленія, *въ отношеніи къ имѣющейся уже на лицо комбинаціи матеріальныхъ элементовъ*. Но эта — причина *частная и условная*, ибо она производитъ явленіе лишь въ соединеніи со всѣми другими условіями, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности представляетъ такую же частную и условную причину. Всѣ эти условія одинаково необходимы, и ни одно изъ нихъ не можетъ считаться преимущественнымъ или основнымъ. *Полная и безусловная причина* явленія есть совокупность всѣхъ частныхъ условій и причинъ.

Если условія, или предшествующія измѣненія, совершенно независимы другъ отъ друга, то все равно, какое изъ нихъ будетъ осуществлено раньше, и какое позже. Порядокъ, чередованіе во времени частныхъ причинъ, или измѣненій, не имѣетъ значенія для конечнаго результата. Положимъ, я растворилъ въ водѣ соду и потомъ ввелъ въ растворъ нѣкоторое количество лимонной кислоты; смѣшивая, я получилъ шипучее питье, вслѣдствіе образованія углекислаго газа отъ химическаго дѣйствія кислоты на соду; но того же результата я могъ достигнуть, всыпавъ соды въ растворъ лимонной кислоты. Въ томъ и другомъ случаѣ явленіе не зависѣло отъ того, какая изъ частныхъ причинъ, или условій,—введеніе соды или введеніе кислоты, наступила раньше, и какая позже. Полная причина явленія—химической реакціи между кислотою и содою—заключается въ соединеніи обоихъ независимыхъ другъ отъ друга условій, послѣ чего стало возможно и необходимо образованіе угольной кислоты.

Если частныя причины, или условія, зависятъ другъ отъ друга,—потому ли, что онѣ связаны причинною связью, или потому, что однѣ изъ нихъ могутъ оказать свое дѣйствіе лишь тогда, когда другія уже осуществлены,—то таковыя необходимо должны слѣдовать другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, для того, чтобы явленіе наступило. Въ такомъ случаѣ порядокъ послѣдовательности во времени есть новое условіе, которое должно быть присоединено къ предыдущимъ, если только оно само не вытекаетъ изъ природы процесса. Но было бы безсмысленно на-

звать причиною по преимуществу, или главною причиною, непосредственное, ближайшее по времени наступленію явленія условіе, въ отличіе отъ другихъ условій, однако, столь же необходимыхъ, и безъ которыхъ во многихъ случаяхъ ближайшее условіе не можетъ даже быть осуществлено. Порядокъ слѣдованія во времени измѣненій, являясь условіемъ или признакомъ процесса, не даетъ критеріума для классификаціи условій, или причинъ, по степени ихъ существенности. Такъ, для того, чтобы достигнуть какого-либо пункта, я долженъ предварительно пройти всѣ точки линіи, отдѣляющей меня отъ моей цѣли; но никому, кромѣ схоластика, не придетъ въ голову окрестить названіемъ основной причины моего приближенія къ пункту прохожденіе мною ближайшихъ къ нему точекъ, въ отличіе отъ другихъ частей раньше пройденнаго мною разстоянія.

При постановкѣ и рѣшеніи вопроса о причинной связи въ болѣе широкомъ смыслѣ, т. е. когда, не ограничиваясь установленіемъ конкретной зависимости между явленіемъ и обусловившими его измѣненіями, ищутъ причинъ и объясненія этой самой зависимости, приходятъ къ *нормѣ*, или *закону*, регулирующему связь между измѣненіями въ комбинаціи матеріальныхъ элементовъ и производимымъ ими результатомъ. Частныя нормы, примѣнимыя къ однороднымъ категоріямъ явленій, могутъ быть сведены къ одному общему закону, изъ котораго онѣ вытекаютъ; общіе законы могутъ быть объяснены, какъ слѣдствія законовъ еще болѣе общихъ, и т. д., покамѣстъ не приходятъ къ наиболѣе общему закону, обнимающему огромный классъ однородныхъ явленій, закону, который ничѣмъ другимъ уже болѣе объясненъ быть не можетъ, т. е. не можетъ быть выведенъ ни изъ какого другого болѣе общаго начала. Неизвѣстная причина, лежащая въ основѣ наиболѣе общаго закона, управляющаго классомъ явленій, называется *силою*. Такъ, законы тяжести земныхъ предметовъ, законы движенія планетъ (законы Кеплера), законы движенія луны со всѣми его неправильностями, законъ нутаціи, законъ предваренія равноденствій и многіе другіе частные законы астрономіи, открытые въ разныя эпохи, были выведены какъ слѣдствія и частныя примѣненія одного всеобщаго закона, открытаго Ньютономъ, закона, неизвѣстная причина котораго получила названіе силы всемірнаго тяготѣнія. Будучи причиною, не допускающею болѣе никакого объясненія, сила есть нѣчто, проявляющееся лишь въ дѣйствіи, формулируемомъ ея закономъ; и потому о дѣйствующихъ въ какой-нибудь комбинаціи силахъ говорятъ, что эти силы извѣстны, тогда, когда законъ, связывающій измѣненія въ матеріальныхъ элементахъ комбинаціи съ результатомъ, извѣстенъ. Если и самый законъ явленія формулируетъ дѣйствія, измѣняющіяся въ свою очередь въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій, то говорятъ, что силы эти—*перемѣнныя*, и что онѣ зависятъ

отъ соотвѣтственныхъ условій, или измѣненій. Такъ, согласно закону тяготѣнія, при данныхъ массахъ притягивающихся тѣлъ, измѣненія въ ихъ скоростяхъ обратно пропорціональны квадратамъ разстояній; вмѣсто этого говорятъ, что между тѣлами (точнѣе матеріальными точками) дѣйствуютъ силы притяженія, обратно пропорціональныя квадратамъ разстояній.

Если дѣйствующія въ комбинаціи перемѣнныя силы зависятъ отъ элемента, измѣненіе котораго совершенно не зависитъ отъ измѣненій въ другихъ элементахъ, то измѣненіе этого элемента можетъ быть названо *основною причиною* (или субстанціальною причиною) явленія, процесса и вообще всѣхъ измѣненій въ комбинаціи. Такъ, основная причина физическихъ, химическихъ и физіологическихъ дѣйствій солнечнаго свѣта заключается несомнѣнно въ извѣстныхъ измѣненіяхъ, происходящихъ на нашемъ центральномъ свѣтилѣ; ибо, прекративъ доступъ солнечнымъ лучамъ, мы прекратимъ и возможность ихъ реагировать и на нашу сѣтчатку, и на чувствительную фотографическую пластинку, и на растеніе, тогда какъ проявленіе свѣтовой энергіи солнца не обусловливается никакими внѣ-солнечными элементами *). Если дѣйствующія силы зависятъ отъ категоріи элементовъ, измѣненіе которыхъ не обусловлено дѣйствіемъ другихъ элементовъ, то на каждый изъ элементовъ первой категоріи нужно смотрѣть какъ на *факторъ* явленія или процесса; причина же послѣдняго заключается въ совокупномъ дѣйствіи всѣхъ факторовъ. Такъ, измѣненіе объема твердаго эластичнаго тѣла можетъ происходить отъ одновременнаго измѣненія двухъ факторовъ—температуры и молекулярныхъ силъ упругости. Вліяніе того или другого фактора на процессъ или на результатъ можетъ быть различно для разныхъ факторовъ: измѣненія въ однихъ факторахъ могутъ обусловливать болѣе сильныя измѣненія результата, чѣмъ въ другихъ; въ такомъ случаѣ факторы, по ихъ значенію, могутъ быть классифицированы въ іерархическомъ порядкѣ на *главные*, или первостепенные, потомъ *второстепенные* и т. д., что, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго съ классификаціею факторовъ на основные и производные **). Въ предыдущемъ примѣрѣ при растяженіи стальной пружины подвѣшенною къ ея концу стальною гирею, измѣненіе объема пружины въ несравненно большей степени обусловливается развитіемъ упругихъ силъ, чѣмъ температурою, дѣйствіемъ которой можно даже во многихъ случаяхъ пренебречь; изъ двухъ названныхъ факторовъ первый

*) Мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ не могущій намъ пригодиться въ дальнѣйшемъ изложеніи, случай *функціональной зависимости*, когда *аналитически* за причину можетъ быть принято измѣненія любого изъ элементовъ, находящихся въ отношеніи функціональной зависимости.

**) Учетъ дѣйствія второстепенныхъ факторовъ на окончательный результатъ есть то, что въ физикѣ и астрономіи принято называть *поправками*.

является въ данномъ случаѣ главнымъ факторомъ, а второй— второстепеннымъ; но ни одинъ изъ этихъ двухъ факторовъ не можетъ быть названъ основнымъ по отношенію къ другому, ибо они не зависятъ другъ отъ друга. Если измѣненія факторовъ взаимно обусловливаютъ другъ друга, то тогда говорятъ, что между этими факторами существуетъ *взаимодѣйствіе*; и въ этомъ случаѣ факторы могутъ быть распредѣлены на главные и второстепенные, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ основною причиною, въ отличіе отъ другихъ.

Замѣтимъ, что при изученіи опредѣленнаго естественно-историческаго процесса матеріальные элементы считаются уже данными, и ихъ измѣненія подвергаются изслѣдованію, въ связи съ дѣйствующими между ними силами; здѣсь для изслѣдователя *происхожденіе* факторовъ не имѣетъ значенія, для него исключительно важно ихъ *дѣйствіе*, ихъ вліяніе на результатъ. Вопросъ о происхожденіи матеріальныхъ элементовъ, играющихъ въ данномъ процессѣ роль факторовъ, относится уже къ изученію другого процесса, въ которомъ эти матеріальные элементы являются уже не факторами, а скорѣе *результатами исторіи*; тогда ихъ лучше называть не производными факторами, по отношенію къ основнымъ причинамъ, которыя ихъ произвели, а просто производными элементами. Такъ, небесная механика объясняетъ движеніе свѣтилъ, принадлежащихъ къ солнечной системѣ, исходя изъ ихъ массъ, разстояній, первоначальныхъ положеній и скоростей; но ей нѣтъ дѣла до вопроса о самомъ возникновеніи небесныхъ тѣлъ съ ихъ опредѣленными массами, о происхожденіи ихъ первоначальныхъ скоростей и пр. Это—дѣло теорій *космогоническихъ*, и гипотеза Канта и Лапласа представляетъ попытку разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ подобныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ, для анализа понятія *причины*, мы должны были прибѣгнуть къ разбору терминологіи, установившейся въ научномъ изслѣдованіи вообще. Теперь, для того, чтобы отвѣтить на второй изъ вопросовъ, поставленныхъ выше, о томъ, *что такое производительныя силы*, или, точнѣе, что понимаютъ подъ производительными силами сторонники экономическаго матеріализма, намъ придется обратиться къ литературнымъ произведеніямъ основателей школы и ихъ учениковъ.

Въ „Lohnarbeit und Kapital“ Марксъ говоритъ: „Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются... съ измѣненіемъ и развитіемъ *матеріальныхъ средствъ производства, т. е. производительныхъ силъ*“. Въ „Misère de la philosophie“, полемизируя съ Прудономъ, Марксъ замѣчаетъ: „Но если... мы спросимъ себя, наконецъ, почему же данный принципъ проявляется въ XI или въ XVIII, а не въ какомъ-нибудь другомъ столѣтіи, то мы будемъ вынуждены тщательно изслѣдовать, ка-

ковы были люди въ XI вѣкѣ, каковы они были въ XVIII, каковы были въ каждомъ изъ этихъ столѣтій ихъ нужды, ихъ *производительныя силы, способы и сырые матеріалы для производства*". Наконецъ, въ „Капиталѣ" Марксъ характеризуетъ историческую миссію капиталиста слѣдующимъ образомъ: „Какъ фанатикъ образованія новыхъ стоимостей, онъ, не обращая ни на что вниманія, побуждаетъ человѣчество къ производству ради производства, слѣдовательно, къ развитію общественныхъ *производительныхъ силъ* и созданію *матеріальныхъ условій производства*, которыя одни только могутъ образовать реальное основаніе высшей общественной формы, основной принципъ которой есть полное и свободное развитіе каждой индивидуальной личности" *). У Энгельса „экономическія отношенія"—которыя въ данномъ случаѣ отождествляются съ производительными силами — опредѣляются слѣдующимъ образомъ: „Подъ экономическими отношеніями, въ которыхъ мы видимъ опредѣляющее основаніе исторіи общества, мы понимаемъ способъ, которымъ люди, принадлежащіе къ данному обществу, производятъ свои средства существованія и обмѣниваются продуктами между собою (въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ раздѣленіе труда). Подъ этимъ, слѣдовательно, надо разумѣть *технику производства въ ея цѣломъ* и совокупность средствъ передвиженія... Затѣмъ, подъ экономическими отношеніями слѣдуетъ понимать *географическую основу*, на которой эти отношенія развиваются, и пережитки предыдущихъ стадій экономическаго развитія, часто сохранившіеся только по традиціи или въ *силу инерціи*, а также, естественно, и среду, всецѣло обнимающую эту форму общества" **).

Такимъ образомъ подъ производительными силами слѣдуетъ понимать совокупность данныхъ, необходимыхъ для производства: способы, орудія, матеріалы и условія производства. Это—не силы въ физическомъ смыслѣ этого слова, это—не принципъ, но это—одинъ изъ *элементовъ* общественной и вообще человѣческой жизни. Согласно концепціи экономическаго матеріализма, измѣненіе этого элемента есть основная причина историческаго процесса, основная причина измѣненія всѣхъ другихъ элементовъ общественной жизни—прежде всего экономической структуры общества, потомъ обусловливаемыхъ ею „надстроекъ": политическаго и правоваго строя, религіи, этики, науки, литературы и пр. И важно замѣтить, что развитіе производительныхъ силъ оказываетъ свое дѣйствіе на всѣ области человѣческой жизни *черезъ посредство видоизмѣненнаго ими экономическаго строя*.

Но въ чемъ именно можетъ сказаться дѣйствіе развивающихся

---

*) *Капиталъ*, т. I, 1872, стр. 510. Курсивъ нашъ.

**) Der Sozialistiche Akademiker. 15 Oct. 1895.

производительныхъ силъ, какъ основной причины исторіи? Или въ *генезисѣ* того или другаго элемента общественной жизни, или въ *развитіи* отдѣльныхъ „надстроекъ“ вмѣстѣ съ экономическимъ „базисомъ“ и эволюціи общества какъ цѣлаго, или наконецъ въ общемъ *законѣ*, подчиняющемъ себѣ весь историческій процессъ.

Объяснять *генезисъ* элементовъ общественной жизни, напримѣръ, религіи, семейныхъ отношеній, морали, развитіемъ производительныхъ силъ и экономическихъ отношеній значитъ видѣть *импульсивную причину* не только той или другой формы, того или другаго измѣненія названныхъ элементовъ, но и *самаго возникновенія* религіи, семейныхъ отношеній, морали.

Но тутъ непосредственно и само собою выдвигаются слѣдующія соображенія.

Во-первыхъ, импульсивная причина должна *предшествовать* производимому ею результату. Производительныя силы предполагаютъ существованіе производителя, съ опредѣленною суммою способностей, соотвѣтствующихъ его природѣ человѣка и производителя. Было бы, напримѣръ, безсмысленно пытаться объяснить развитіемъ производительныхъ силъ происхожденіе свойствъ, способностей и элементовъ жизни, унаслѣдованныхъ человѣкомъ еще изъ зоологическаго періода, было бы безсмысленно сводить къ производительнымъ силамъ возникновеніе *семейныхъ отношеній* и соціальныхъ явленій, связанныхъ съ *воспроизведеніемъ* человѣка. Существуютъ, однимъ словомъ, элементы соціальной жизни, возникновеніе которыхъ ужъ потому не можетъ быть объяснено развитіемъ производительныхъ силъ и экономическихъ отношеній, что само производство и даже сама человѣческая жизнь предполагаетъ уже существованіе этихъ элементовъ.

Во-вторыхъ, въ понятіе производительныхъ силъ входятъ не только способы, орудія и матеріалы производства, созданные человѣческою дѣятельностью въ производственномъ процессѣ, но и *условія труда*, заключающіяся въ окружающей человѣка *природѣ*. „Въ болѣе обширномъ смыслѣ, говоритъ Марксъ, процессъ труда включаетъ въ число своихъ *орудій* не только тѣ вещи, посредствомъ которыхъ трудъ дѣйствуетъ на свой предметъ, и которыя поэтому тѣмъ или другимъ образомъ служатъ проводниками человѣческой дѣятельности, но также и всѣ *матеріальныя условія*, требующіяся вообще для того, чтобы весь процессъ могъ совершаться какъ слѣдуетъ. Они не входятъ непосредственно въ процессъ труда; но, безъ существованія этихъ условій, процессъ труда или не можетъ совершаться совсѣмъ, или можетъ происходить лишь несовершеннымъ образомъ. Общее орудіе такого рода представляетъ опять-таки *сама земля*, такъ какъ она доставляетъ работнику locus standi, а его процессу — про-

странство для дѣйствія" *). Выше мы видѣли, что Энгельсъ включаетъ въ содержаніе „экономическихъ отношеній" (производительныхъ силъ) и географическую среду. Но если признается, что естественная среда, обусловливая такъ или иначе развитіе производительныхъ силъ, дѣйствуетъ на экономическій строй и на тѣ или другія стороны общественной жизни, то нѣтъ основанія отрицать и *непосредственное* воздѣйствіе этой среды на человѣка, его характеръ, его понятія, на общественныя идеологіи; географическая среда и естественныя условія дѣйствуютъ тогда не только какъ *силы производительныя*, но и какъ *силы психофизическія*. Извѣстна роль. приписываемая Боклемъ дѣйствію природы на характеръ *религіи*. И когда одинъ изъ „учениковъ" говоритъ, что, съ возникновеніемъ общественныхъ отношеній, „зависимость человѣка отъ географической среды изъ *непосредственной* превращается въ *посредственную*" **), то этимъ самымъ онъ признаетъ, что между человѣкомъ и географическою средою существовала зависимость и непосредственная. Но если такъ, если, рядомъ съ силами производительными, существовали и другія независимыя силы, дѣйствовавшія непосредственно на человѣка и его идеологіи, то роль экономическихъ причинъ въ возникновеніи послѣднихъ во всякомъ случаѣ не исключительная и не безусловная.

Въ-третьихъ, производство предполагаетъ экономическія потребности и экономическіе интересы. Но послѣдніе не предполагаютъ неизбѣжнымъ образомъ экономической структуры и дифференцированныхъ экономическихъ отношеній. Иначе говоря, производство можетъ существовать безъ „экономическаго базиса" въ томъ строгомъ смыслѣ, какъ его понимаетъ теорія историческаго матеріализма. Въ этомъ случаѣ теорія должна быть видоизмѣнена, сообразно новымъ условіямъ. Извѣстно, что Энгельсъ ввелъ поправку въ историко-матеріалистическую формулу примѣнительно къ до-историческому, родовому быту. Соображеніе этого рода надо имѣть въ виду при объясненіи, съ матеріалистической точки зрѣнія, тѣхъ идеологій, происхожденіе которыхъ относится къ означенному періоду.

До сихъ поръ мы занимались вопросомъ о *генезисѣ* учрежденій и идей, вопросомъ имѣющимъ лишь *частное* значеніе въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Ибо, съ одной стороны, экономическое происхожденіе извѣстныхъ отношеній и понятій отнюдь не исключаетъ возможности ихъ самостоятельнаго и независимаго отъ ихъ экономическаго источника развитія въ дальнѣйшей ихъ исторіи. Такъ, по Тарду, „древнія учрежденія, *вошедшія въ плоть*

*) *Капиталъ*, I, стр. 124—125.

**) *Бельтовъ*, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Спб., 1895. стр. 229.

и кровь народа, дѣйствуютъ подобно естественнымъ причинамъ, каковы климатъ, темпераментъ, полъ, возрастъ, время года" *). Съ другой стороны, самостоятельный генезисъ тѣхъ или другихъ элементовъ общественной жизни нисколько не противорѣчитъ возможности ихъ полной зависимости, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи, отъ экономическихъ причинъ. Между тѣмъ доктрина экономическаго матеріализма объясняетъ именно экономическими причинами, въ послѣднемъ счетѣ, *состояніе развитія общества и характеризующихъ его сторонъ жизни въ любой историческій моментъ*. Согласно Каутскому, „она исходитъ изъ того основнаго положенія, что развитіе общества и господствующихъ въ немъ воззрѣній закономѣрно, и что движущую силу этого развитія и его послѣднее основаніе мы должны искать въ развитіи экономическихъ условій. Каждой отдѣльной ступени развитія экономическихъ условій соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы и идеи" **).

Обратимся же къ разсмотрѣнію этой историко-матеріалистической формулы общественнаго развитія.

Что такое исторія? Это—процессъ развитія общественной жизни *со всѣми ея элементами*. Видѣть *основную причину* исторіи въ одномъ изъ этихъ элементовъ, въ элементѣ экономическомъ, значитъ предполагать, что, *въ послѣднемъ счетѣ*, измѣненіе экономическаго элемента обусловливаетъ измѣненіе всѣхъ другихъ элементовъ, не будучи въ то же время обусловлено послѣдними. Но въ такомъ случаѣ зависитъ-ли, во-первыхъ, развитіе каждаго изъ этихъ элементовъ *только* отъ экономическихъ причинъ? И, во-вторыхъ, отъ чего зависитъ самое развитіе производительныхъ силъ?

Но передъ тѣмъ какъ отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ напомнить, что здѣсь рѣчь идетъ уже не объ объясненіи генезиса того или другого элемента, а объ объясненіи состоянія его въ каждый историческій моментъ. Для экономическаго матеріалиста причины „особенностей" какой-либо эпохи заключаются въ условіяхъ той же эпохи ***). Согласно г. Бельтову, „свойства соціальной среды опредѣляюся состояніемъ производительныхъ силъ въ каждое данное время" ****). Между тѣмъ „ученики", въ своихъ попыткахъ дать экономическое объясненіе какого нибудь, напримѣръ, общественнаго института, слишкомъ часто склонны аппелировать къ „послѣднему счету" генезиса его въ давнемъ прошломъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ. „Каждой ступени въ развитіи производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ своя система во-

---

*) *Тардъ*, Законы подражанія, стр. 120.

**) *Kautsky*, Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? (Neue Zeit, 1896—1897, I, с. 237).

***) Ibid., с. 267.

****) *Бельтовъ*, Монист. взгл., с. 186.

оруженія, своя военная тактика, своя дипломатія, свое международное право. Конечно, можно указать много случаевъ, въ которыхъ международныя столкновенія не имѣютъ прямого отношенія къ экономіи. И никому изъ послѣдователей Маркса не придетъ въ голову оспаривать существованіе такихъ случаевъ. Они говорятъ только: не останавливайтесь на поверхности явленій, спускайтесь глубже, спросите себя, на какой почвѣ выросло данное международное право? Что создало возможность даннаго рода международныхъ столкновеній?—и вы придете въ концѣ концовъ къ экономіи" *). Говорить о *соотвѣтствіи даннаго* международнаго права *даннымъ* производительнымъ силамъ и объяснять дѣйствительное ихъ *несоотвѣтствіе въ настоящемъ соотвѣтствіемъ* ихъ въ *историческомъ прошломъ*—это одинъ изъ тѣхъ остроумныхъ пріемовъ аргументаціи, которые мы часто встрѣчаемъ у г. Бельтова.

Итакъ, зависитъ-ли развитіе каждаго изъ элементовъ общественной жизни только отъ экономическихъ причинъ?—Нѣтъ, отвѣчаютъ хоромъ всѣ теоретики историческаго матеріализма, отъ творцовъ доктрины до г. Бельтова включительно, между этими элементами существуетъ *взаимодѣйствіе*. Вотъ что говоритъ объ этомъ Энгельсъ: „Развитіе политики, права, философіи, религіи, литературы, искусства и пр. основано на развитіи экономическомъ. Всѣ эти элементы дѣйствуютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Не вѣрно, будто экономическое положеніе есть *единственная активная причина*, а все остальное представляетъ только пассивный результатъ" **). По словамъ г. Бельтова, „взаимодѣйствіе безспорно существуетъ между всѣми сторонами общественной жизни" ***). Но разъ говорится о взаимодѣйствіи между элементами общественной жизни, то каждый изъ нихъ является *факторомъ* общественнаго процесса. Послѣдній опредѣляется совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ дѣйствующихъ факторовъ, составляющимъ сложную причину процесса. Конечно, факторы различаются между собою по силѣ, по значенію и по степени дѣйствія на конечный результатъ; но въ этомъ смыслѣ можно говорить лишь о главныхъ и второстепенныхъ факторахъ, и нѣтъ никакого основанія говорить объ одномъ изъ нихъ, экономіи, какъ объ основномъ, а о другихъ какъ о производныхъ.

---

*) Ibid., с. 166.

**) *Der Soz. Akademiker*, 15 Oct. 1895.—„Если, съ другой стороны, натуральная форма поземельной ренты, составляющая въ Азіи, въ то же время, главный элементъ государственныхъ налоговъ, основывается тамъ на условіяхъ производства, которыя повторяются съ неизмѣнностью естественныхъ условій, то эта форма платежа, съ своей стороны, поддерживаетъ прежнія формы производства. Въ ней заключается одна изъ тайнъ самосохраненія Турецкой имперіи" (Капиталъ, I, с. 83).

***) *Бельтовъ*, Монист. взгл., стр. 10—11.

Такъ, между солнцемъ и землею существуетъ взаимодѣйствіе притягательныхъ силъ, причемъ, въ силу отношенія между массами этихъ двухъ тѣлъ, импульсъ, исходящій отъ солнца къ землѣ, безконечно больше импульса, исходящаго отъ земли къ солнцу; и хотя въ астрономіи часто совершенно игнорируютъ послѣдній, какъ quantité négligeable, но въ наукѣ было бы совершенно безсмыслицею называть притяженіе солнцемъ земли основною причиною, а притяженіе землею солнца чѣмъ-то производнымъ, вмѣсто того чтобы разсматривать оба притяженія какъ два фактора данной комбинаціи, хотя и не равносильные по дѣйствію.

Отчего, далѣе, зависятъ производительныя силы, обусловливающія самый „экономическій базисъ"? Повинуются ли онѣ лишь логикѣ внутреннихъ законовъ своего собственнаго развитія, или же на подобіе вульгарныхъ факторовъ, онѣ находятся во власти того же закона взаимодѣйствія? Г. Бельтовъ какъ-будто склоняется къ первому мнѣнію, когда онъ говоритъ, что „у каждаго даннаго народа, въ каждый данный періодъ его исторіи, дальнѣйшее развитіе его производительныхъ силъ опредѣляется состояніемъ ихъ въ разсматриваемый періодъ" *). Но такъ ли это съ точки зрѣнія самой историко-матеріалистической концепціи?

Развитіе производительныхъ силъ зависитъ, очевидно, прежде всего, отъ тѣхъ самыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ производительность труда въ процессѣ производства. А эти условія заключаются не только въ общественномъ процессѣ труда, развившемся исторически, но и въ естественныхъ условіяхъ. Вотъ что говоритъ Марксъ: „Независимо отъ болѣе или менѣе развитой формы общественнаго процесса производства, производительность труда опредѣляется и *естественными условіями*, и степень его производительности измѣняется съ различіемъ въ богатствѣ этихъ естественныхъ условій. Условія эти заключаются въ самомъ человѣкѣ и въ окружающей его природѣ. Большее или меньшее богатство человѣческой природы зависитъ отъ племени, почвы и климата. Внѣшнія естественныя условія въ экономическомъ отношеніи распадаются на два большіе класса: природное богатство *жизненныхъ средствъ*, слѣдовательно, плодородіе почвы, вòды, богатыя рыбой и т. п., и природное богатство *средствами труда*, сюда относятся, напримѣръ: текучія воды, судоходныя рѣки, лѣсъ, металлы, каменный уголь и т. п. При началѣ культуры, даетъ перевѣсъ первый родъ естественныхъ богатствъ, при высшей степени развитія—послѣдній. Сравнимъ, напр., Англію съ Индіей или, въ древнемъ мірѣ, Аѳины и Коринѳъ съ прибрежьями Чернаго моря" **). Съ точки зрѣнія экономико-матеріалистической

*) Ibid., стр. 136.

**) *Марксъ*, Капиталъ I, 1872, стр. 447.

концепціи, *раса* и *географическая среда* оказываются, стало быть, существенными факторами, дѣйствующими на историческій процессъ посредствомъ вліянія на развитіе производительныхъ силъ. И потому для насъ понятно, съ одной стороны, какимъ образомъ Энгельсъ пришелъ къ утвержденію, что „сама раса есть экономическій факторъ" *), и что побудило Каутскаго замѣтить: „я далекъ отъ того, чтобы возставать противъ той мысли, что расовыя особенности имѣютъ вліяніе на характеръ историческаго развитія" **). Для насъ понятно, съ другой стороны, и слѣдующее выраженіе г. Бельтова: „Развитіе производительныхъ силъ само опредѣляется свойствами окружающей людей географической среды" ***). Но тогда непонятно, почему экономическій матеріализмъ отводитъ производительнымъ силамъ роль высшей инстанціи историческаго процесса, если онѣ сами подчинены другимъ факторамъ.

Но, говоритъ Каутскій, вліянія расы не слѣдуетъ преувеличивать ****).—Безъ сомнѣнія. Но разъ вліяніе *расы* противополагается дѣйствію *чисто экономическаго фактора*—мы говоримъ чисто экономическаго фактора, ибо у Энгельса сама раса есть экономическій факторъ,—то мы имѣемъ дѣло съ двумя факторами, раличающимися лишь по *степени* дѣйствія, и тогда не можетъ быть рѣчи о сведеніи причины историческаго процесса, въ послѣднемъ счетѣ, на экономію.

Но природа человѣка и естественная среда—говоритъ Каутскій, полемизируя съ Бельф. Баксомъ,—суть факторы *неизмѣняющіеся*, тогда какъ общество измѣняется *****).—Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о фактической вѣрности утвержденія Каутскаго, ибо здѣсь покамѣсть въ нашу задачу входитъ не *историческая* критика, а лишь *логическій* анализъ формулъ историческаго матеріализма, съ цѣлью вскрыть имѣющіяся въ нихъ неясности и противорѣчія и опредѣлить ихъ дѣйствительный смыслъ. Во всякомъ случаѣ Каутскій хотѣлъ сказать лишь то, что *для даннаго народа и данной страны* означенные факторы остаются неизмѣнными,—ибо иначе для того же Каутскаго не имѣло бы смысла, напримѣръ, говорить о значеніи расовыхъ особенностей въ историческомъ процессѣ. Но географическая среда и человѣческая природа различны для различныхъ странъ и народовъ.

---

*) *Der Soz. Akademiker*, 15 Oct. 1895.

**) *Kautsky*, Was will nnd kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten, N. Z. 1896—1897, № 9, стр. 262.

***) *Бельтовъ*, Монист. взгл., стр. 229.

****) *Neue Zeit*, 1896—1897, I, стр. 262.

*****) *Kautsky*, Die materialistische Geschichtsauffassung und der psychologische Antrieb, Neue Zeit, 1895—1896, II, стр. 655. Хотя въ данномъ мѣстѣ Каутскій говоритъ спеціально о причинахъ упадка Эллады, но аргуметація его можетъ быть обобщена.

И поскольку эти факторы имѣютъ самостоятельное вліяніе на историческій процессъ, можно утверждать, что одна и та же формула историческаго развитія непримѣнима къ двумъ обществамъ, сходнымъ въ отношеніи всѣхъ другихъ условій, но различающимся племенными и географическими особенностями. Далѣе, если дѣйствующіе факторы и остаются неизмѣнными, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что непрерывное *накопленіе* дѣйствій, однообразно повторяющихся, не можетъ дать *динамическаго* результата. Примѣръ: постоянныя силы въ механикѣ. Сила тяжести сообщаетъ всегда одинаковые импульсы падающему тѣлу; но, вслѣдствіи сложенія этихъ импульсовъ въ силу закона инерціи, скорость паденія возростаетъ пропорціонально времени. Если мы обратимся къ г. Бельтову, то мы убѣдимся, что онъ признаетъ непосредственную зависимость человѣка отъ географической среды до возникновенія общественныхъ отношеній и зависимость посредственную черезъ среду общественную *). Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, признаніе *динамическаго* воздѣйствіе на *человѣка* географической среды; отсюда слѣдуетъ, во-вторыхъ, признаніе *вліянія* географической среды на *общественную среду*.

Отъ чего, далѣе, зависитъ еще развитіе производительныхъ силъ? Отъ формы общественнаго процесса производства, составляющей продуктъ исторіи и, какъ всякій продуктъ исторіи, подверженной вліянію многочисленныхъ факторовъ. Здѣсь имѣетъ огромное вліяніе дѣйствіе политико-правовыхъ учрежденій и господствующихъ идеологическихъ воззрѣній; при объясненіи судьбы той или другой политической формы, того или другого правоваго института, намъ часто приходится слышать отъ экономическихъ матеріалистовъ ссылки на содѣйствіе или противодѣйствіе этихъ факторовъ развитію производительныхъ силъ. „Но разъ возникли извѣстныя общественныя отношенія, дальнѣйшее ихъ развитіе совершается *по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ*, дѣйствіе которыхъ ускоряетъ или замедляетъ развитіе производительныхъ силъ, обусловливающее историческое движеніе человѣчества“ **). Мы имѣемъ, слѣдовательно, опять таки *взаимодѣйствіе* между различными факторами историческаго процесса—состояніемъ производительныхъ силъ, экономіею, политикою, правомъ...

Наконецъ, производительность труда въ особенности тѣсно связана съ состояніемъ *технологіи*, опирающейся на *науку* и ея приложенія; стало быть, развитіе производительныхъ силъ зависитъ „отъ успѣховъ въ области умственнаго производства, именно естественныхъ наукъ и ихъ примѣненій“ ***). Правда, Энгельсъ по этому поводу говоритъ: „Если техника... въ значительной степени

---

*) *Бельтовъ*, Монист. взгл., 229.
**) *Бельтовъ*, Монист. взгл., 229.
***) *Marx*, Das Kapital, B. III, 1, стр. 55—56, также 77 и др.

зависитъ отъ состоянія науки, то наука въ свою очередь зависитъ еще въ большей степени отъ состоянія и отъ потребностей техники. Имѣетъ ли, напримѣръ, общество какую-нибудь техническую потребность? Для прогресса науки это имѣетъ большее значеніе, чѣмъ десять университетовъ" *). Но, когда между значеніемъ одного фактора—науки—и значеніемъ другого фактора—состоянія производительныхъ силъ—устанавливается подобный относительный коэффиціентъ, то этимъ лишній разъ признается, что оба фактора—равноправны, хотя и не равной силы дѣйствія, что установленіе между ними іерархическаго отношенія основнаго и производнаго фактора есть противорѣчіе, и что оба фактора связаны обыкновеннымъ закономъ *взаимодѣйствія*. Между наукою и состояніемъ производительныхъ силъ существуетъ *взаимодѣйствіе*.

Итакъ, мы еще разъ пришли къ *закону взаимодѣйствія* между всѣми факторами историческаго процесса, считая въ томъ числѣ и производительныя силы. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи ни объ одномъ изъ факторовъ, какъ объ основной причинѣ.

Когда механика имѣетъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ, то вліяніе совокупности взаимодѣйствующихъ факторовъ принимаютъ за одну причину явленія или процесса, не допуская классифицированія отдѣльныхъ факторовъ по рангамъ. Но въ общественномъ развитіи само взаимодѣйствіе можетъ имѣть свою исторію. Не слѣдуетъ ли искать основной, или субстанціальный характеръ дѣйствія экономіи и производительныхъ силъ въ этой *исторической динамикѣ взаимодѣйствія*? Г. Бельтовъ говоритъ: „Взаимодѣйствіе безспорно существуетъ между всѣми сторонами общественной жизни. Къ сожалѣнію, эта справедливая точка зрѣнія объясняетъ очень и очень немногое по той простой причинѣ, что она не даетъ никакихъ указаній на счетъ *происхожденія взаимодѣйствующихъ силъ*" **). И далѣе: „Взаимодѣйствіе существуетъ въ международной жизни, какъ и во внутренней жизни народа; оно вполнѣ естественно и безусловно неизбѣжно, но тѣмъ не менѣе, *само по себѣ*, оно еще ровно ничего не объясняетъ. Чтобы понять взаимодѣйствіе, надо выяснить себѣ свойства взаимодѣйствующихъ силъ, а эти свойства не могутъ найти себѣ послѣдняго объясненія въ фактѣ взаимодѣйствія, какъ бы ни измѣнялись они благодаря ему" ***).

Каковы же эти свойства взаимодѣйствующихъ силъ? Аппеллировать здѣсь къ развитію производительныхъ силъ значило бы отсылать отъ Понтія къ Пилату, ибо самыя производительныя

---

*) *Der Soz. Akademiker*, 15 oct. 1895.
**) *Бельтовъ*, Монист. взгл., стр. 10—11.
***) *Ibid.*, стр. 191.

силы являются однимъ изъ взаимодѣйствующихъ факторовъ, и мы, слѣдовательно, отъ взаимодѣйствія опять приходимъ къ взаимодѣйствію.

Итакъ, передъ экономическимъ матеріалистомъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: *какова конкретная форма закона, подчиняющаго историческій процессъ дѣйствію развитія производительныхъ силъ, какъ основной, движущей причины?*

Когда Марксъ и Энгельсъ говорятъ, что несоотвѣтствіе феодальныхъ имущественныхъ отношеній вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ, развитіе которыхъ стѣснялось, а не облегчалось этими отношеніями, привело къ ниспроверженію феодальной экономической организаціи и замѣнѣ ея системою свободной конкурренціи, новымъ рычагомъ для развитія производительныхъ силъ, то это положеніе является въ ихъ теоріи частнымъ случаемъ примѣненія слѣдующаго общаго закона: *развитіе производительныхъ силъ приспособляетъ существующія въ обществѣ экономическія отношенія въ смыслѣ облегченія дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ.*

Когда Марксъ и Энгельсъ говорятъ, что „каждая классовая борьба есть борьба политическая“, и что политико-правовыя учрежденія служатъ орудіемъ экономическаго господства того или другого класса, то это значитъ, что *экономія приспособляетъ политику и право въ смыслѣ завоеванія или упроченія господства опредѣленнаго класса, какъ экономической категоріи.* Съ другой стороны, г. Бельтовъ говоритъ, что „данная политическая система затѣмъ и создается, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ“, и что „разъ данная политическая система перестаетъ соотвѣтствовать состоянію производительныхъ силъ, разъ она превращается въ препятствіе для ихъ дальнѣйшаго развитія, она начинаетъ клониться къ упадку и, наконецъ, устраняется“ *), то это — выраженіе того закона, что *развитіе производительныхъ силъ приспособляетъ политику въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ.*

Когда Марксъ говоритъ, что „господствующими идеалами даннаго времени всегда были только идеи господствующаго класса“, и что „идеи свободы совѣсти и религіи выражали собою лишь господство свободной конкурренціи въ области знанія“, или что „на разныхъ формахъ собственности, на соціальныхъ условіяхъ существованія поднимается цѣлая надстройка различныхъ и своеобразныхъ чувствъ, иллюзій, понятій и міровоззрѣній“ (Der achtzehnde Brumaire); или когда Энгельсъ утверждаетъ, что измѣненія, происходящія въ религіозныхъ представленіяхъ „опредѣляются классовыми, т. е. экономическими отношеніями людей, дѣлающихъ эти измѣненія“,—то этимъ формулируется законъ, что *обществен-*

---

*) *Ibid.*, стр. 169.

ная экономія приспособляетъ общественную психологію въ смыслѣ классовыхъ интересовъ извѣстныхъ экономическихъ группъ. Съ другой стороны, когда г. Бельтовъ развиваетъ положеніе, что „психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи, всегда соотвѣтствуетъ ей, всегда опредѣляется ею" *), то онъ въ сущности стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что *общественная экономія приспособляетъ общественную психологію въ смыслѣ цѣлесообразности, пользы и выгоды для жизни общества.*

Когда Каутскій объясняетъ расцвѣтъ и упадокъ литературы, искусства, философіи въ древней Греціи, или вѣрнѣе въ древнихъ Аѳинахъ, соотвѣтственнымъ расцвѣтомъ и упадкомъ торговли, богатства и вообще экономической жизни народа **), то въ основу этого объясненія кладется законъ, что *прогрессъ или регрессъ въ сферѣ извѣстныхъ идеологическихъ «надстроекъ»—литературы, искусства, науки, философіи—зависитъ соотвѣтственно отъ прогресса или регресса въ сферѣ экономической жизни.*

Когда Лабріола замѣчаетъ, что „экономическая структура опредѣляетъ собою *косвенно* направленіе и *въ значительной степени и косвенно* самые объекты воображенія и мысли въ области *искусства, религіи, науки*", и „что выражаться иначе или идти дальше значило бы идти абсурднымъ путемъ" ***); или когда Конрадъ Шмидтъ, резюмируя результаты полемики между Каутскимъ и Бельфоръ Баксомъ, приходитъ къ заключенію, что въ опредѣленныхъ идеологическихъ „надстройкахъ", какъ, напримѣръ, въ религіи, „экономія дѣйствуетъ не какъ *цѣль-опредѣляющее, а предполагающее* условіе", что „только при допущеніи извѣстныхъ формъ мышленія и традицій, которыя не могутъ быть всецѣло выведены изъ одной только экономіи, она можетъ оказывать приписываемое ей вліяніе, выходящее за предѣлы экономическихъ интересовъ", и что въ „этихъ случаяхъ, вслѣдствіе сложности и значенія другихъ дѣйствующихъ факторовъ, экономія не можетъ быть разсматриваема какъ *causa sufficiens*, какъ *достаточное опредѣляющее* основаніе",—то они такъ или иначе признаютъ, что *экономія является значительнымъ факторомъ или же матеріальнымъ условіемъ развитія идеологій.*

Въ какой мѣрѣ *совмѣстимы* между собою указанныя формулировки, и каковъ тотъ *окончательный выводъ*, который онѣ допускаютъ?

Прежде всего и въ особенности важно выяснить слѣдующій вопросъ: когда марксисты говорятъ о приспособленіи развитіемъ производительныхъ силъ различныхъ факторовъ общественной жизни въ интересахъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ

*) *Ibid.*, стр. 171.
**) *Neue Zeit*, 1896—1897, B. I, стр. 263—266.
***) *Лабріола.* Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію, стр. 72.

силъ, то слѣдуетъ ли въ самой динамикѣ развитія производительныхъ силъ видѣть законъ *безусловный* или *условный*? Предполагается ли, что въ только что формулированномъ законѣ ростъ производительныхъ силъ является *неизмѣннымъ атрибутомъ* исторіи человѣчества, всѣхъ временъ и народовъ, или же этотъ законъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ силу *лишь въ случаѣ и подъ условіемъ развитія производительныхъ силъ*? Съ другой стороны, марксизму присуща несомнѣнная тенденція гипостазировать историческій процессъ, какъ вѣчное и имманентное движеніе впередъ. „Всѣ, однѣ за другими появляющіяся въ исторіи системы общественныхъ отношеній представляютъ собою лишь преходящія ступени безконечнаго развитія человѣческаго общества отъ низшаго къ высшему. Каждая ступень необходима въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, которымъ она обязана своимъ происхожденіемъ. И въ этомъ заключается ея оправданіе" *). Во взглядѣ, проникающемъ эти слова Энгельса, заключается одна изъ *телеологическихъ* сторонъ марксизма. Съ другой стороны, принципъ вѣчнаго роста производительныхъ силъ, въ примѣненіи къ различнымъ фазисамъ исторіи человѣчества, напр., къ переходу отъ каннибализма и умерщвленія плѣнниковъ къ рабству, отъ рабства къ феодализму, отъ феодализма къ свободной конкурренціи и т. д., оказался бы, въ виду своей абстрактности и слишкомъ широкаго раздвиженія контуровъ области изслѣдованія, либо безсодержательнымъ и безсильнымъ, либо внутренне-противорѣчивымъ при объясненіи исторіи отдѣльныхъ эпохъ и странъ, какъ, напр., древнихъ восточныхъ цивилизацій, Греціи, Рима, Испаніи, арабовъ и т. д. Марксизмъ не отрицаетъ и не можетъ отрицать застоя, регресса и вырожденія въ исторіи. Говоритъ же, напримѣръ, Марксъ о *„неизмѣнности* азіатскихъ *обществъ*, такъ странно противорѣчащей съ постоянными разрушеніями и созданіями сызнова азіатскихъ *государствъ*, и съ безпрерывными перемѣнами династій" и объясняетъ это тѣмъ, что „структура основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается не тронутою бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ" **). Постоянный ростъ производительныхъ силъ ужъ потому не можетъ быть, съ марксистской точки зрѣнія, постояннымъ закономъ исторіи, что экономическое развитіе и обогащеніе одной страны часто бываетъ причиною или результатомъ экономическаго упадка и разоренія другой страны,—причиною или результатомъ военныхъ столкновеній, ведущихъ къ „уничтоженію массы производительныхъ силъ" и къ истощенію націи. *Принципъ постояннаго роста производительныхъ силъ несовмѣстимъ съ даннымъ Каутскимъ объясненіемъ*

*) *Engels*, L. Feuerbach.
**) *Марксъ*, Капитала, I, стр. 313.

духовнаго упадка Аѳинъ—вслѣдствіе ихъ экономическаго упадка. Конечно, марксисты могутъ доказывать что означенный принципъ вполнѣ примѣнимъ къ опредѣленнымъ эпохамъ, напр., къ исторіи капитализма въ современномъ смыслѣ; но—еслибы это и было вѣрно—подобное утвержденіе есть въ то же время и признаніе того, что принципъ не имѣетъ обязательной силы для всей исторіи.

Гегемонія производительныхъ силъ въ концепціи экономическаго матеріализма имѣетъ, какъ мы видѣли, тотъ смыслъ, что въ историческомъ процессѣ взаимодѣйствія между различными факторами развитіе производительныхъ силъ въ концѣ концовъ подчиняло другіе факторы и прежде всего экономію требованію дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Но разъ послѣднее требованіе, по признанію самихъ марксистовъ, выполняется исторіею далеко не безусловно, то безусловная гегемонія производительныхъ силъ этимъ самымъ отвергается. Если, напримѣръ, упадокъ производительныхъ силъ происходитъ отъ собственныхъ, внутреннихъ законовъ ихъ развитія, то формулированный законъ теряетъ всякій смыслъ и примѣненіе. Если же упадокъ производительныхъ силъ обусловленъ дѣйствіемъ другихъ факторовъ, то это значитъ, что въ борьбѣ между требованіемъ развитія производительныхъ силъ и антагонистическими вліяніями экономическаго строя, политики, права, религіи и пр. производительныя силы не только одерживаютъ побѣды, но и терпятъ пораженія. Такимъ образомъ можетъ случиться, что экономія не только не приспособляется къ дальнѣйшему росту производительныхъ силъ, но, напротивъ того, стѣсняя и задерживая ихъ развитіе, производитъ застой или упадокъ.

Но какъ тогда быть съ закономъ приспособленія экономіею политики и права въ интересахъ господствующаго класса? Здѣсь можетъ быть двоякое толкованіе: либо этотъ законъ совершенно независимъ отъ закона приспособленія самой экономіи къ росту производительныхъ силъ, и тогда можетъ явиться неустранимый конфликтъ между дѣйствіемъ одного и дѣйствіемъ другого закона, когда господство даннаго класса идетъ въ разрѣзъ съ необходимыми условіями роста производительныхъ силъ; либо господство экономически правящаго класса представляется орудіемъ и средствомъ для облегченія дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, и конфликтъ опять неизбѣженъ, въ случаѣ противодѣйствія даннаго экономическаго строя развитію производительныхъ силъ. Ясно, что одни изъ указанныхъ факторовъ могутъ содѣйствовать, а другіе—противодѣйствовать росту производительныхъ силъ, не будучи подчинены гегемоніи послѣднихъ; но какъ тогда быть со всѣми выше формулированными законами?

Въ томъ калейдоскопѣ противорѣчій, къ которому насъ приводитъ очная ставка между различными формулами экономиче-

скаго матеріализма, въ особенности любопытна та выше цитированная формулировка, которую г. Бельтовъ далъ закону приспособленія психологіи общества къ его экономіи. „Психологія общества, говоритъ г. Бельтовъ, всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи... Цѣлесообразная психологія такъ же полезна для общества, какъ хорошо соотвѣтствующіе своей цѣли органы полезны для животнаго“ *). Но когда марксистъ говоритъ объ „обществѣ“, то онъ неизбѣжно ассоціируетъ съ нимъ представленіе о составляющихъ его классахъ, съ антагонистическими ихъ интересами; въ сущности, для марксиста нѣтъ психологіи „общества“, а существуетъ лишь психологія „классовая“—одна психологія у эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ, другая психологія у эксплуататоровъ и угнетателей. И когда г. Бельтовъ говоритъ о полезности и выгодности данной психологіи для даннаго общества, то онъ забываетъ о необходимости разъяснить, какую классовую психологію и какой общественный классъ онъ имѣетъ въ виду: выгодна ли для эксплуатируемыхъ психологія эксплуататоровъ? выгодна ли для эксплуататоровъ психологія эксплуатируемыхъ? или, быть можетъ, для общества, этой совокупности связанныхъ общественными отношеніями противоположныхъ классовъ, выгодны обѣ классовыя психологіи, какъ два противоположныхъ полюса діалектическаго противорѣчія? Въ какой мѣрѣ полезно для роста производительныхъ силъ, имѣющаго, конечно, огромное значеніе въ „борьбѣ за существованіе“ общества, напр., классовая психологія, характеризуемая презрительнымъ взглядомъ древнихъ мыслителей на изобрѣтенія, удовлетворяющія практическимъ нуждамъ **)? Какъ объяснить цѣлесообразность, выгодность и полезность такихъ „общественныхъ“ психологій, которыя играли немалую роль въ упадкѣ, а слѣдовательно и въ упадкѣ производительныхъ силъ, и даже гибели обществъ? — Въ подобныхъ случаяхъ, вмѣстѣ съ противорѣчіями, нерѣдко вскрываются зародыши безсознательнаго *апологетизма*, культивируемые „діалектическими матеріалистами“.

Не на насъ, отрицающихъ философско-историческую концепцію марксизма, лежитъ обязанность распутать всѣ присущія ей противорѣчія и найти заключающееся въ ней *логически* безупречное содержаніе. Но критика, которая не ограничивается логическимъ анализомъ понятій и предложеній, а ставитъ себѣ цѣлью разобрать по существу факты и аргументы, должна оперировать надъ формулами цѣльными и положительными, которыя ей же приходится извлекать и конструировать изъ матеріаловъ, предоставляемыхъ критикуемою доктриною. Основная мысль доктрины должна быть, конечно, представлена въ формѣ наиболѣе серьез-

*) *Бельтовъ*, Монист. взгл., стр. 171 и 172.
**) *Ibid.*, стр. 134—136.

ной и разумной. Какова же та наиболѣе раціональная формулировка основныхъ положеній историческаго матеріализма, къ которой мы приходимъ въ результатѣ нашего анализа?

Если гегемонія производительныхъ силъ должна быть признана марксистами далеко не безусловною, то подчиненіе экономіи требованію роста производительныхъ силъ, какъ и подчиненіе другихъ факторовъ экономіи, выражаетъ собою не неизбѣжный *законъ*, управляющій историческимъ процессомъ, а *тенденцію*, характеризующую дѣйствіе развитія производительныхъ силъ и экономія въ процессѣ взимодѣйствія различныхъ факторовъ общественной жизни. Марксъ понимаетъ подъ тенденціею—„законъ, абсолютное осуществленіе котораго можетъ быть задержано, замедлено, ослаблено противодѣйствующими обстоятельствами" *). Но въ дѣйствительности тенденція можетъ быть не только *видоизмѣнена*, но и *парализована* дѣйствіемъ тенденцій, характеризующихъ вліяніе другихъ факторовъ: все дѣло—въ силѣ и значеніи каждаго изъ факторовъ въ данный моментъ.

Но если такъ, то послѣднія исключительныя прерогативы, отводимыя марксизмомъ развитію производительныхъ силъ и экономіи въ историческомъ процессѣ взаимодѣйствія силъ, устраняются окончательно. Марксистъ не можетъ видѣть въ экономіи причину основную, причину-субстанцію исторіи. Экономическій факторъ можетъ быть признанъ наиболѣе сильнымъ, наиболѣе могущественнымъ изъ факторовъ, но въ концѣ концовъ онъ — только факторъ, хотя и первый между равными, и экономическій матеріалистъ не можетъ усматривать въ его дѣйствіи единственную основную движущую силу исторіи. Съ подобнымъ взглядомъ согласуются тогда выше цитированныя замѣчанія Лабріолы и Конрада Шмидта о *значительномъ* вліяніи экономическаго фактора на развитіе идеологій; съ этимъ же взглядомъ совпадаетъ слѣдующее интересное разъясненіе Конрада Шмидта: „Они (марксисты) отличаются отъ другихъ направленій именно тѣмъ, что изъ всѣхъ формъ дѣятельности общества они выдвигаютъ организацію экономическаго строя, какъ тотъ факторъ, который производитъ на творческую дѣятельность и отношенія людей внутри общества *наиболѣе* опредѣляющее вліяніе" **).

---

*) *Marx*, Das Kapital, B. III, 1, стр. 215.

**) Любопытный образчикъ пріемовъ доказательства г. Бельтова представляетъ слѣдующая его тирада: „Что такое электричество?—Особый родъ движенія. Что такое теплота?—Особый родъ движенія. Что такое свѣтъ?—Особый родъ движенія. А, такъ вотъ какъ! Вы, стало быть, не придаете значенія ни свѣту, ни теплотѣ, ни электричеству! У васъ все одно движеніе: какая односторонность, какая узкость понятій! Именно такъ, именно узкость, господа. Вы прекрасно поняли смыслъ ученія о превращеніи энергіи" (Монист. взгл., стр. 171). Quid rides? Такая параллель есть покушеніе либо на законъ превращенія энергіи, либо на собственную доктрину г. Бельтова. Если г. Бельтовъ хотѣлъ сказать, что между политикою, правомъ, моралью,

Тогда выше формулированные законы должны быть видоизмѣнены слѣдующимъ образомъ.

Историческій процессъ является сложнымъ результатомъ дѣйствія многочисленныхъ взаимодѣйствующихъ между собою факторовъ, каждый изъ которыхъ характеризуется свойственною ему тенденціею.

Наиболѣе опредѣляющее дѣйствіе принадлежитъ фактору экономическому. Въ экономіи лежитъ объясненіе даже и самаго генезиса нѣкоторыхъ факторовъ общественной жизни.

Развитіе производительныхъ силъ общества имѣетъ тенденцію приспособлять экономическія отношенія въ смыслѣ облегченія дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ.

Общественная экономія имѣетъ тенденцію приспособлять политику и право въ смыслѣ завоеванія или упроченія власти экономически господствующаго класса.

Общественная экономія имѣетъ тенденцію приспособлять общественную психологію въ смыслѣ классовыхъ интересовъ извѣстныхъ экономическихъ группъ.

Экономическій факторъ имѣетъ большое вліяніе на предметъ, направленіе и на самую возможность развитія общественныхъ идеологій. Такъ, прогрессъ умственной жизни народа обусловливается развитіемъ его экономической жизни.

Таковы, на нашъ взглядъ, важнѣйшія положенія историческаго матеріализма, хотя критикѣ приходится считаться не только съ этими положеніями и не только съ подобною ихъ формулировкою.

II.

Въ физическихъ наукахъ объясненіе явленія или цикла явленій считается законченнымъ и удовлетворительнымъ, когда удалось доказать, что открытые эмпирическимъ путемъ законы вытекаютъ изъ дѣйствія опредѣленныхъ силъ на основные матеріальные элементы. Такъ, законы самыхъ сложныхъ „возмущенныхъ“ движеній планетъ и кометъ выводятся въ астрономіи какъ

наукою, религіею, съ одной стороны и экономіею, съ другой стороны, существуетъ такое же отношеніе, какъ между электричествомъ, свѣтомъ, тепломъ, съ одной стороны и движеніемъ, съ другой стороны, то понимаетъ ли онъ, что молекулярное движеніе, принимающее форму то электрической, то тепловой, то свѣтовой энергіи, *не существуетъ какъ нѣчто отдѣльное* отъ электричества, тепла, свѣта и потому *не можетъ быть имъ противопоставлено*, какъ экономія противопоставляется другимъ факторамъ исторіи? Что же касается *различныхъ формъ проявленія энергіи*, то онѣ *эквивалентны*, и между ними никакой субординаціи нѣтъ; и если г. Бельтовъ хотѣлъ разъяснить, что между экономіею, политикою, правомъ и пр. существуетъ такое же отношеніе, какъ между электричествомъ, тепломъ и свѣтомъ, то въ какой изъ этихъ физическихъ силъ онъ усматриваетъ „базисъ“ и въ какихъ—„надстройки“?

необходимое слѣдствіе дѣйствія силы тяготѣнія на свѣтила, обладающія опредѣленными массами и характеризуемыя опредѣленными первоначальными положеніями и скоростями. Такъ, въ физической оптикѣ законы распространенія свѣта, отраженія, преломленія, интерференціи, диффракціи, поляризаціи свѣтовыхъ лучей вытекаютъ изъ дѣйствія молекулярныхъ силъ между частицами эѳира, одареннаго извѣстными свойствами. Такъ, наконецъ, въ химіи, исходя изъ идей объ атомахъ и энергіи, пытаются объяснить индуктивные законы реакцій.

Въ особенности важно слѣдовать подобному принципу въ изслѣдованіи *историческомъ*. Здѣсь это не только желательно, но и обязательно, въ виду методологическихъ особенностей соціальной науки и специфическаго характера тѣхъ простѣйшихъ элементовъ, изъ которыхъ составлено общество. Эти элементы, эти общественные атомы суть *люди*. Вотъ что говоритъ объ этомъ Энгельсъ: „Исторія развитія въ человѣческомъ обществѣ существенно отличается отъ исторіи развитія въ природѣ. Именно: въ природѣ (поскольку мы оставляемъ въ сторонѣ обратное вліяніе на нее человѣка) дѣйствуютъ одна на другую лишь слѣпыя безсознательныя силы, и общіе законы проявляются лишь путемъ взаимодѣйствія такихъ силъ. Здѣсь нигдѣ нѣтъ сознанной, желанной цѣли: ни въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, видимыхъ на поверхности, ни въ окончательныхъ результатахъ. показывающихъ, что среди всѣхъ этихъ случайностей явленія совершаются сообразно общимъ законамъ. Наоборотъ, въ исторіи общества дѣйствуютъ люди, одаренные сознаніемъ, движимые убѣжденіемъ или страстью, ставящіе себѣ опредѣленныя цѣли. Здѣсь ничто не дѣлается безъ сознаннаго намѣренія, безъ желанной цѣли... Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи, люди ее дѣлаютъ такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя, сознательныя цѣли, а въ результатѣ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на внѣшній міръ получается исторія“ *). Что объекты соціальнаго изслѣдованія суть люди, что историческій процессъ есть сложный результатъ дѣятельности людей, — это въ сущности вполнѣ очевидная аксіома, которую мы часто находимъ выраженною у представителей позитивно-соціологической школы. Такъ, по словамъ Милля, „законы явленій общества суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только закономъ дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественное состояніе“ **). „Въ обществѣ, говоритъ Спенсеръ, происходитъ только то, что имѣетъ начало въ побужденіяхъ отдѣльнаго лица, или въ соединенныхъ однородныхъ побужденіяхъ многихъ лицъ, или въ столкновеніяхъ по-

---

*) *Engels*, L. Feuerbach, IV.

**) *Милль*, Логика, т. II (изд. 1866 года), стр. 427.

бужденій нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ извѣстные интересы, съ противоположными побужденіями другихъ лицъ, имѣющихъ другіе интересы" *).

Мы не можемъ *непосредственно* наблюдать и изучать химическій атомъ или физическую молекулу; намъ недоступно *непосредственное* опредѣленіе природы и силы импульсовъ, сообщаемыхъ небесными свѣтилами другъ другу. Наоборотъ, изученіе физическихъ и химическихъ измѣненій вещества, этого безконечно сложнаго аггрегата атомовъ и молекулъ, позволяетъ намъ восходить къ свойствамъ этихъ простѣйшихъ элементовъ матеріи, равно какъ изученіе крайне сложныхъ движеній планетъ и кометъ приводитъ къ открытію всемірнаго тяготѣнія. Здѣсь наблюдаемый законъ явленія не можетъ противорѣчить свойствамъ силъ и простѣйшихъ элементовъ, ибо гипотеза о послѣднихъ только и создается для того, чтобы объяснить самый законъ, и только въ соотвѣтствіи съ законами явленія заключается raison d'être самой гипотезы, или теоріи. Въ случаѣ конфликта, факты и дѣйствительность признаются всегда рѣшающею суверенною инстанціею. Такъ, въ исторіи новѣйшей астрономіи случалось нѣсколько разъ, что, когда результаты вычисленій, основанныхъ на законѣ всемірнаго тяготѣнія, не согласовались, какъ ошибочно казалось, съ дѣйствительно наблюденными движеніями небесныхъ свѣтилъ, то начинали сомнѣваться во всеобщей примѣнимости принципа Ньютона; такъ, гипотезы о свойствахъ эѳира видоизмѣнялись каждый разъ, когда обнаруживалось несоотвѣтствіе прежнихъ представленій съ новыми опытами. Не то въ области соціальныхъ явленій. Здѣсь общественный атомъ, человѣкъ, есть непосредственно осязательный элементъ, совмѣщающій массу хорошо намъ извѣстныхъ силъ, способностей и стремленій. И здѣсь слѣдуетъ остерегаться, чтобы односторонняя эмпирія и ложная дедукція не привели къ обобщеніямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ основными свойствами общественнаго атома. Ог. Контъ, Милль, Бэнъ съ особенною силою подчеркиваютъ значеніе этой методологической особенности историко-соціологическаго изслѣдованія: общественныя явленія не могутъ подчиняться особымъ законамъ, независимымъ отъ законовъ человѣческой природы **); соціальные законы суть законы производные, вытекающіе изъ соединенія законовъ психическихъ и этическихъ ***); соціологическій законъ долженъ обладать способностью быть разложеннымъ на законы причинъ, отъ которыхъ онъ зависитъ, въ данномъ случаѣ на законы совокупнаго дѣйствія человѣческихъ потребностей ****).

---

*) *Спенсеръ*, Изученіе соціологіи, т. II, стр. 575.

**) *Aug. Comte*. Cours de philosophie positive, t. IV, p. 466.

***) *Bain*, Logik, V chap. VIII.

****) *Милль*, Логика, т. II, стр. 397, 412, 461 и др.

Историческій законъ выражаетъ извѣстное единообразіе въ результатахъ дѣятельности, обусловленной человѣческими потребностями, страстями, мнѣніями, привычками. И такъ-какъ всѣ эти побужденія составляютъ конкретныя проявленія *человѣческой природы*, поскольку послѣдняя является субъектомъ и объектомъ соціальнаго воздѣйствія, то всякій историческій законъ можетъ претендовать на научность лишь въ той мѣрѣ, въ какой доказано соотвѣтствіе его свойствамъ природы общественнаго атома. Многообразію свойствъ, потребностей, интересовъ человѣка соотвѣтствуетъ многообразіе соціальныхъ импульсовъ.

Въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ принципы историческаго матеріализма этому существенному требованію?

„Мы, представители матеріалистическаго пониманія исторіи, говоритъ Конрадъ Шмидтъ, безусловно можемъ допустить, что въ *послѣднемъ* счетѣ человѣческая природа должна быть принята, какъ основаніе всѣхъ формъ соціальной жизни. Взаимодѣйствующая зависимость всѣхъ соціальныхъ формъ указываетъ въ послѣднемъ счетѣ обусловливающія другъ друга побужденія и потребности человѣческой природы, какъ на послѣднее основаніе и связывающее звено. Обозначая экономику „основаніемъ", остальныя жизненныя области „надстройкой", Марксъ этимъ отнюдь не исключаетъ возможности разсматривать въ вышеуказанномъ смыслѣ человѣческую природу, какъ основаніе, а на всѣ общественныя формы смотрѣть какъ на взаимно обусловливающія проявленія именно этого основанія. *Своеобразное* въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи состоитъ не въ *отрицаніи* психологическихъ основаній историческихъ явленій и взаимодѣйствія различныхъ историческихъ факторовъ; наоборотъ, вѣрно понятое, оно вполнѣ признаетъ эти мысли, оно ставитъ дальнѣйшіе *вопросы* и прежде всего слѣдующіе: *Какой* изъ этихъ различныхъ взаимодѣйствующихъ факторовъ представляется стремящемуся проникнуть въ глубину историческаго изслѣдованія наиболѣе существеннымъ и наиболѣе вліяющимъ? и далѣе: *Какимъ образомъ* всѣ формы проявленія человѣческой природы обусловливаются экономическимъ факторомъ? Различіе между приверженцами и противниками марксизма въ концѣ концовъ состоитъ въ томъ, что философія исторіи для послѣднихъ кончается тамъ, гдѣ для первыхъ она только начинается".

Но если экономическіе импульсы не охватываютъ всѣхъ проявленій человѣческой природы, а составляютъ лишь одну изъ категорій—хотя бы и важнѣйшихъ—стимуловъ человѣческой дѣятельности, то какъ примирить съ этимъ взглядъ, что экономическій факторъ есть основная движущая сила исторіи, обусловливающая *всѣ* формы проявленія человѣческой природы?

„Когда заходитъ рѣчь объ изслѣдованіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ—сознательно или безсознательно—зависѣли побужденія

историческихъ дѣятелей, и которыя были, стало быть, истинными, послѣдними причинами историческихъ событій, то надо имѣть въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы: цѣлые народы и цѣлые классы даннаго народа. Да и здѣсь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящія вспышки, а продолжительныя движенія, производящія великія историческія перемѣны, и т. д.“ *)

Когда основную силу исторіи видятъ въ причинахъ экономическихъ, то подъ таковыми разумѣютъ либо *экономическіе интересы* либо *матеріальныя условія экономическаго строя*, либо *потребности производства*. Массовыя побужденія складываются изъ побужденій отдѣльныхъ лицъ, съ поправкою на коллективную психологію. Здѣсь играютъ роль и инстинктъ самосохраненія, и религіозный фанатизмъ, и рабскія традиціи, и любовь къ свободѣ, и страхъ передъ организованною силою, и національный шовинизмъ. Почему же слѣдуетъ видѣть корень побужденій въ интересахъ, потребностяхъ, условіяхъ *экономическихъ?* Не потому ли, что „съ тѣхъ поръ какъ возникла противоположность общественныхъ классовъ, двигателями историческаго развитія сдѣлались дурныя страсти людей—жадность и властолюбіе“? **).

„Исторія въ первый разъ была поставлена на своемъ дѣйствительномъ основаніи; тотъ осязательный фактъ, что люди должны ѣсть, пить, жить въ жилищахъ и одѣваться, т. е. трудиться, прежде чѣмъ они могутъ бороться за господство, заниматься политикою, религіею, философіею и т. д., — этотъ осязательный фактъ только теперь, наконецъ, добился своего историческаго права“. Такова оцѣнка научнаго открытія Маркса, сдѣланная Энгельсомъ.

Для того, чтобы человѣкъ могъ „ѣсть, пить, жить въ жилищахъ и одѣваться“, онъ долженъ прежде всего явиться на свѣтъ Божій, а это уже предполагаетъ половое общеніе, родительское чувство, нѣкоторую форму семейной жизни и вообще цѣлую сумму альтруистическихъ и соціальныхъ потребностей, хотя-бы въ элементарной формѣ, связанныхъ съ жизнью индивида уже въ зоологическомъ періодѣ. Стоитъ для этого вспомнить огромное зна-

---

*) *Engels*, L. Feuerbach, IV.

**) *Ibid*, III. Ср. *Paul Lafargue*. Marx'historischer Materialismus, Neue Zeit, 1904, № 26, стр. 833.—Французскій марксистъ Лафаргъ называетъ «схоластическимъ»—методъ критики марксизма, основанный не на исторической провѣркѣ, а на логическомъ разборѣ принциповъ экономическаго матеріализма. Странная манера маскировать собственную схоластику и метафизику навязываніемъ этихъ ярлычковъ своимъ противникамъ, манера, напоминающая легендарнаго страуса, закрывающаго глаза при приближеніи охотника! Еще болѣе странно, дѣлая экскурсіи въ область человѣческой природы, предъявлять въ то же время къ критикамъ претензію, отнимающую у нихъ право разоблачать логическія противорѣчія марксистской доктрины.

ченіе полового подбора въ теоріи Дарвина. Далѣе, самое производство предполагаетъ существованіе у человѣка силъ и способностей, которыя служатъ и для игры, и для развитія фантазіи, и для удовлетворенія любознательности. „Жадность“ и „властолюбіе“ — которое, замѣтимъ мимоходомъ, вытекаетъ отнюдь не только изъ экономическихъ побужденій—далеко не исчерпываютъ всѣхъ основныхъ проявленій сложнаго аппарата человѣческой природы.

Отношеніе марксистовъ къ вопросу объ эволюціи самой человѣческой природы далеко не безупречно ни въ смыслѣ ясности, ни въ смыслѣ свободы отъ противорѣчій—„плоскихъ, а не гегелевскихъ“.

„Только благодаря нѣкоторымъ особеннымъ свойствамъ географической среды, читаемъ мы у г. Бельтова, наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственнаго развитія, которая была необходима для превращенія ихъ въ tool-making animals. И точно такъ же только нѣкоторыя особенности той же среды могли дать просторъ для употребленія въ дѣло и постояннаго усовершенствованія этой новой способности „дѣланія орудій“. Въ историческомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ способность человѣка къ „дѣланію орудій“ приходится разсматривать прежде всего, какъ *величину постоянную*, а окружающія внѣшнія условія употребленія въ дѣло этой способности, какъ *величину постоянно измѣняющуюся*...

Дѣйствуя на внѣшнюю природу человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Онъ развиваетъ всѣ свои способности, а между прочими и способность къ „дѣланію орудій“ *).

Что такое развитіе? Измѣненіе въ извѣстномъ направленіи. Что такое усовершенствованіе? Измѣненіе къ лучшему, измѣненіе прогрессивное. Говорить сначала о постоянномъ усовершенствованіи способности дѣланія орудій, утверждать затѣмъ, что эту способность „приходится разсматривать прежде всего, какъ величину постоянную“, и закончить тѣмъ, что „человѣкъ развиваетъ всѣ свои способности, а между прочими и способность къ дѣланію орудій“,—эта изумительная „тріада“ можетъ быть объяснена развѣ лишь тѣмъ, что г. Бельтовъ имѣетъ довольно смутное представленіе о различіи между „величиною постоянною“ и „величиною постоянно измѣняющеюся“.

„Дѣйствуя на внѣшнюю природу человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу“. Это положеніе Маркса заслуживаетъ того чтобы на немъ остановиться подробнѣе.

Во-первыхъ, въ отношеніи къ природѣ человѣкъ не всегда является въ роли активнаго дѣятеля. Человѣкъ самъ есть дитя природы, и его психика всегда находится подъ непосредствен-

*) *Бельтовъ*. Монист. взгл., стр. 132—133.

нымъ ея воздѣйствіемъ. Каковъ, напримѣръ, по Энгельсу, генезисъ *религіи*? „Религія возникла въ самыя первобытныя времена изъ самыхъ темныхъ, первобытныхъ представленій людей о своей собственной и внѣшней природѣ“ *). Или въ другомъ мѣстѣ: „Религія есть не что иное, какъ фантастическое отраженіе, въ головахъ людей, тѣхъ внѣшнихъ силъ, во власти которыхъ находится ихъ повседневное существованіе,—отраженіе, въ которомъ земныя силы принимаютъ форму силъ надземныхъ. Въ первобытныя времена отражаются прежде всего силы природы, которыя, въ дальнѣйшемъ развитіи у различныхъ народовъ олицетворяются въ разнообразнѣйшихъ и наиболѣе причудливыхъ формахъ“ **). Въ дальнѣйшей эволюціи религіи, рядомъ съ непосредственнымъ воздѣйствіемъ внѣшней природы, огромную силу получаетъ вліяніе *традиціи*, о могущественномъ значеніи которой такъ много говорятъ Каутскій и Лабріола.

Во-вторыхъ, дѣйствіе человѣка на природу не ограничивается одною лишь производительною дѣятельностью: оно направлено всегда на удовлетвореніе не только матеріальныхъ нуждъ, но и запросовъ *умственныхъ* и *эстетическихъ*. „Одновременно съ удовлетвореніемъ дѣйствительныхъ нуждъ, а часто и раньше этого, человѣкъ сталъ проявлять, пожалуй, даже большую изобрѣтательность въ удовлетвореніи своихъ воображаемыхъ потребностей. Украшенія предшествовали одеждѣ, а капища и храмы — человѣческимъ жилищамъ» ***). Какъ глубоки могутъ быть духовные запросы дикаря, видно изъ слѣдующей любопытной исповѣди одного кафра, которую мы находимъ у Леббока: „Я узналъ отъ васъ именно то, чего мнѣ хотѣлось, чего я давно искалъ, еще прежде чѣмъ познакомился съ вами; вы убѣдитесь въ этомъ, когда выслушаете меня.—Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я пошелъ однажды пасти свой скотъ. Погода была пасмурная. Я сѣлъ на скалу и сталъ задавать себѣ грустные вопросы; да, грустные, потому что я не въ силахъ былъ отвѣтить на нихъ. Кто касался звѣздъ своими руками? На какихъ столбахъ онѣ держатся? Я спрашивалъ себя также: воды никогда не устаютъ: у нихъ нѣтъ другого дѣла, какъ течь, не переставая, отъ утра до ночи и отъ ночи до утра; но гдѣ же онѣ останавливаются, и кто заставляетъ ихъ течь такимъ образомъ? И облака тоже приходятъ и уходятъ и изливаются водою на землю. Откуда они приходятъ? Кто посылаетъ ихъ? Конечно, не колдуны посылаютъ намъ дождь; какъ могутъ они сдѣлать это? и почему я никогда не вижу своими глазами, какъ они поднимаются на небо, чтобы добыть его? Я не могу видѣть и вѣтра, но что же онъ такое? Кто

*) *Engels*, L. Feuerbach, IV.
**) *Engels*, Anti-Dühring, Leipzig, 1877, стр. 265.
***) *Л. [illegible]* Экономическіе факторы цивилизаціи, стр. 217.

несетъ его, заставляетъ его дуть, ревѣть и пугать насъ? Развѣ я знаю также, какъ растетъ хлѣбъ? Вчера у меня въ полѣ не было ни былинки; сегодня я пришелъ туда и нашелъ ихъ нѣсколько. Кто могъ дать землѣ мудрость и силу, чтобы произвести это? И я закрылъ лицо руками" *). Даже Лабріола, итальянскій марксистъ, долженъ былъ признать, что „люди, хотя и живутъ въ обществѣ, живутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и среди природы, которая даетъ матеріалъ ихъ любознательности и ихъ воображенію" **).

Въ-третьихъ, дѣятельность человѣка направлена во всякое время не только на внѣшнюю природу, но и на окружающую его *соціальную среду*. Существованіе человѣка предполагаетъ извѣстныя семейныя отношенія и, въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи, родъ, племя и т. д.; это, въ свою очередь, предполагаетъ извѣстныя формы солидарности, координаціи, субординаціи, а слѣдовательно нормы *политическія*, *правовыя*, *моральныя*, властвующія какъ *законъ* или *обычай*. Никакая общественная жизнь не возможна безъ допущенія хотя-бы молчаливаго признанія подобныхъ нормъ. Подчиненіе разнообразныхъ „надстроекъ" исключительно производственному моменту противорѣчитъ, стало быть, тому, что намъ извѣстно объ элементарныхъ свойствахъ человѣческой природы.

Отсюда видно, какъ многочисленны формы человѣческой дѣятельности и какъ разнообразны факторы, обусловливающіе развитіе человѣческой природы.

„Матеріалистическое пониманіе исторіи, говоритъ Конрадъ Шмидтъ, ничего общаго не имѣетъ съ объясненіемъ сущности человѣческой природы и ея первичныхъ источниковъ. Напротивъ, она при своихъ изслѣдованіяхъ принимаетъ именно человѣческую природу точно такъ же, какъ и внѣшній міръ, за *данный* факторъ и ограничивается объясненіемъ *измѣненій* тѣхъ формъ, въ которыхъ человѣческая природа проявляется въ различные періоды исторіи. Измѣненія могутъ быть объяснены указаніемъ не на неизмѣнные, а на измѣняющіеся факторы историческаго процесса. Измѣняются же въ теченіе исторіи не человѣческая природа и не внѣшній міръ, а общество, „т. е. въ послѣднемъ счетѣ экономическія отношенія". Въ нихъ, значитъ, нужно искать основанія, почему первоначальныя формы человѣческой природы *различно* проявляются въ разныя историческія эпохи.

„Можно эту мысль еще такъ формулировать: марксисты, какъ и представители другихъ историко-философскихъ направленій, разсматриваютъ историческій процессъ, какъ развитіе человѣче-

*) *Леббокъ*. Начало цивилизаціи, стр. 146—147.

**) *Лабріола*. Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію, стр. 73.

ской природы, которую ея же собственныя дѣянія ведутъ все къ новымъ проявленіямъ, постепенно измѣняющимъ строй общества. Но они отличаются отъ другихъ направленій именно тѣмъ, что изъ всѣхъ формъ, дѣятельности общества они выдвигаютъ организацію экономическаго строя, какъ тотъ факторъ, который производитъ на творческую дѣятельность и отношенія людей внутри общества *наиболѣе* опредѣляющее вліяніе".

Цитированное мѣсто представляетъ образчикъ той путаницы, которая царитъ въ представленіяхъ даже наиболѣе раціоналистическихъ послѣдователей матеріалистическаго пониманія исторіи.

Марксъ утверждаетъ, что, „дѣйствуя на внѣшнюю природу человѣкъ *измѣняетъ* свою собственную природу". А Конрадъ Шмидтъ говоритъ прежде всего, что въ теченіе исторіи человѣческая природа *не измѣняется.* Утверждая, что измѣненія могутъ быть объяснены указаніемъ не на неизмѣнные, а на измѣняющіеся факторы историческаго процесса, онъ въ то же время соглашается, что „въ *послѣднемъ* счетѣ человѣческая природа должна быть принята, какъ основаніе всѣхъ формъ соціальной жизни" (см. выше); какъ же измѣняющееся общество можетъ быть, въ послѣднемъ счетѣ, обусловлено неизмѣняющеюся человѣческою природою? Правда, К. Шмидтъ, настаивая на неизмѣнности человѣческой природы, говоритъ въ то же время объ „*измѣненіяхъ* тѣхъ формъ, въ которыхъ человѣческая природа проявляется въ различные періоды исторіи", и готовъ разсматривать „историческій процессъ, какъ *развитіе* человѣческой природы, которую ея же собственныя дѣянія ведутъ все къ новымъ проявленіямъ, постепенно измѣняющимъ строй общества". Одна лишь черная и бѣлая магія „діалектики" способна примирить подобную кучу „тезисовъ" и „анти-тезисовъ"...

Быть можетъ, К. Шмидтъ хотѣлъ, между прочимъ, подчеркнуть, что человѣческая природа, будучи способною къ развитію, проявляетъ всегда *постоянныя* свойства и потребности, которыя не смотря на измѣненіе *формъ,* остаются всегда *свойствами и потребностями человѣческой природы.* Но, съ одной стороны, всякое развитіе есть измѣненіе, и тогда спрашивается, почему въ развитіи человѣческой природы не слѣдуетъ искать объясненія тѣхъ или другихъ общественныхъ измѣненій. Съ другой стороны, невѣрно, будто измѣненія не могутъ быть объяснены указаніемъ на неизмѣнное,—именно въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о *неизмѣнно дѣйствующихъ импульсахъ.* Механика имѣетъ дѣло съ *постоянными* силами, дающими *измѣняющіеся* результаты *вслѣдствіе накопленія импульсовъ.* Человѣческая природа предсталяетъ сумму силъ и способностей, которыя, даже всегда дѣйствуя въ одну и ту же сторону, производятъ въ концѣ концовъ глубокія измѣненія въ естественной и искусственной средѣ,

окружающей человѣка *). Наконецъ, во всемъ этомъ остается непонятнымъ, почему именно экономическія потребности и экономическія условія являются основною движущею силою, управляющею дѣятельностью человѣка и измѣняющею какъ человѣческую природу, такъ и формы общественной жизни.

Если же допустить, какъ это дѣлаетъ К. Шмидтъ, что экономическій факторъ „производитъ на теоретическую дѣятельность и отношенія людей внутри общества *наиболѣе* опредѣляющее вліяніе“, то этимъ отвергается добрая половина того, что есть оригинальнаго и своеобразнаго въ экономическомъ матеріализмѣ, ибо тогда признается *самостоятельное* значеніе интересовъ и условій, не входящихъ въ сферу экономіи, хотя не въ одинаковой пропорціи съ послѣднею. Въ дѣйствительности же, изученіе реальной исторіи обнаруживаетъ, что экономическія причины и побужденія играютъ въ судьбахъ человѣчества еще меньшую роль, чѣмъ этого можно было бы ожидать à priori, на основаніи того, что мы знаемъ *непосредственно* о человѣческой природѣ.

Если очная стойка принципа *экономическихъ потребностей человѣка* и *матеріальныхъ условій его существованія*, какъ основной причины исторіи, съ данными человѣческой природы обнаруживаетъ односторонность и несостоятельность этого принципа, то признаніе *потребностей производства и роста производительныхъ силъ* послѣднимъ основаніемъ развитія общественныхъ формъ оказывается, въ виду многосложности факторовъ историческаго процесса и разнообразія дѣйствующихъ въ немъ и взаимно перекрещивающихся силъ, не чуждымъ *мистико-телеологическаго* характера.

„Въ зависимости отъ характера производительныхъ средствъ измѣняются и общественныя отношенія производителей другъ къ другу, измѣняются условія ихъ совмѣстной дѣятельности и ихъ участія во всемъ ходѣ производства. Съ изобрѣтеніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимымъ образомъ измѣнилась вся внутренняя организація арміи, равно какъ всѣ тѣ взаимныя отношенія, въ которыхъ стоятъ входящія въ составъ арміи личности, и благодаря которымъ она представляетъ собою организованное цѣлое; наконецъ, измѣнились также и взаимныя отношенія цѣлыхъ армій. Общественныя отношенія производителей, общественныя условія производства мѣняются, слѣдовательно, съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства, т. е. производительныхъ силъ“.

Сама эта аналогія, проведенная Марксомъ между обществомъ и арміею, разоблачаетъ шаткость логическаго базиса теоріи.

---

*) „Діалектика“ примѣнила бы въ данномъ случаѣ формулу: „количественныя измѣненія переходятъ въ качественныя“, якобы открытую Гегелемъ. Та истина, что въ основѣ различныхъ свойствъ вещей лежатъ различныя числовыя отношенія, была уже извѣстна Пиѳагору.

Арміія представляетъ собою механизмъ, созданный для опредѣленной цѣли; отдѣльныя части этого механизма не имѣютъ самостоятельныхъ интересовъ и служатъ лишь для цѣлаго. Здѣсь одна воля—дисциплина, одинъ интересъ—быть организованною силою. Здѣсь, какъ во всякомъ орудіи, не можетъ быть внутреннихъ коллизій или несоотвѣтствій, ибо все приспособляется въ рукахъ мастера для выполненія опредѣленнаго плана, для удовлетворительнаго рѣшенія опредѣленной задачи.

Не то въ исторіи. Здѣсь цѣли разнообразны, вліянія многочисленны, силы направлены въ разныя стороны. Здѣсь равнодѣйствующая не можетъ отличаться тою простотою и цѣлесообразностью, которую ей навязываетъ теорія; она необходимо должна быть крайне сложна и извилиста.

Что говоритъ Энгельсъ по поводу различія между исторіею и явленіями природы? „Но какъ ни важно это различіе для историческаго изслѣдованія, особенно отдѣльныхъ эпохъ и событій, оно ни мало не измѣняетъ того факта, что ходъ исторіи опредѣляется общими законами. Въ самомъ дѣлѣ, на поверхности явленій и въ этой области, не смотря на сознательныя и желанныя цѣли людей, царствуетъ кажущаяся случайность. Желанное совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по большей же части цѣли, поставленныя себѣ людьми, приходятъ во взаимныя столкновенія и противорѣчія, или оказываются недостижимыми, частью по своему существу, частью по недостатку средствъ. Столкновенія безчисленныхъ отдѣльныхъ стремленій и отдѣльныхъ дѣйствій приводятъ въ области исторіи къ состоянію, совершенно подобному тому, которое господствуетъ въ безсознательной природѣ. Дѣйствія имѣютъ извѣстную желанную цѣль; но результаты, возникающіе изъ этихъ дѣйствій, часто вовсе не желательны. А если они, повидимому, и соотвѣтствуютъ желанной цѣли, то въ концѣ концовъ они несутъ съ собою далеко не одно то, что было желательно. Такимъ образомъ, кажется, что, въ общемъ, случайность одинаково господствуетъ и въ исторической области. Но гдѣ на поверхности господствуетъ случайность, тамъ сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутреннимъ, скрытымъ законамъ".

Та интерференція желаній, о которой говоритъ Энгельсъ, могла скорѣе объяснить не существованіе закона, а его отсутствіе. На основаніи принципа параллелограмма силъ, равнодѣйствующая всегда направлена ближе къ наибольшей изъ силъ; если же величина и направленіе силъ безпрерывно мѣняются, то какъ объяснить, что окончательное дѣйствіе всегда направлено въ одну сторону? Отсюда слѣдуетъ, что опредѣленная законосообразность можетъ быть результатомъ лишь того, что наиболѣе сильныя побужденія, вытекающія изъ природы человѣка, направляютъ его дѣятельность всегда въ одну сторону. Но

какъ объяснить то, что ростъ производительныхъ силъ долженъ быть доминирующимъ началомъ? Экономическіе интересы не исчерпываютъ сферы человѣческихъ стремленій. Но самое главное—это то, что развитіе производительныхъ силъ, какъ оно осуществляется въ исторіи, далеко не совпадаетъ съ *наличными* экономическими интересами *всего* общества или даже *большей части* общества. Если, съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторія, рабство было институтомъ, способствовавшимъ развитію производительныхъ силъ, то все же интересы Спартака и его приверженцевъ были противоположны интересамъ Лукулла и Красса. Съ индивидуальной точки зрѣнія, только экономическое благополучіе есть прямая цѣль, развитіе же производительныхъ силъ можетъ быть, но можетъ и не быть средствомъ для этой цѣли. Послѣдователи историческаго матеріализма объясняютъ упадокъ Афинъ, паденіе Спарты, гибель Рима несоотвѣтствіемъ экономическаго развитія интересамъ большинства населенія извѣстнаго района. Но если, по мнѣнію марксистовъ, въ виду присущихъ общественной жизни антагонистическихъ отношеній, экономическія стремленія отдѣльныхъ лицъ и группъ, въ своемъ выполненіи, приводятъ къ результатамъ, совершенно не предвидѣннымъ этими лицами и группами, то можно ли допустить, что ростъ производительныхъ силъ,—который, являясь объективнымъ результатомъ или же средствомъ для цѣли, не служитъ, однако, самостоятельною цѣлью,—играетъ роль имманентнаго закона исторіи, диктующаго свою волю человѣчеству и приспособляющаго къ своимъ требованіямъ не только экономію, но и политику, право и рядъ „надстроекъ", преслѣдующихъ въ дѣйствительности другія самостоятельныя цѣли?

И пусть не скажутъ, что объясненіе господства принципа развитія производительныхъ силъ заключается въ его *цѣлесообразности*. О *внутренней* цѣлесообразности, вытекающей изъ цѣлесообразныхъ мотивовъ и планомѣрныхъ дѣйствій, здѣсь, какъ мы видѣли, рѣчи быть не можетъ. А распространеніе на жизнь и развитіе обществъ принципа *выживанія наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе* сразу обнаруживаетъ его безплодность: сколько предварительно понадобилось бы погибшихъ общественныхъ организмовъ, чтобы доставить, наконецъ, торжество этому принципу и его приспособляющей силѣ!

Историческая теорія, отводящая центральное мѣсто принципу развитія производительныхъ силъ, которое стоитъ выше человѣческихъ побужденій и, помимо воли и сознанія людей, осуществляетъ нѣкоторую *историческую миссію*, носитъ на себѣ печать несомнѣнныхъ вліяній *метафизическихъ пережитковъ*.

Ю. Делевскій.

АЛЬПІЙСКАЯ ФІАЛКА.

Этюдъ.

I.

Въ большихъ роскошныхъ гостиныхъ мистрисъ Смитсонъ толпился народъ. Обычный пріемъ былъ въ полномъ разгарѣ. Шампанское лилось рѣкой, пробки хлопали то тамъ, то тутъ; шумъ и говоръ стояли въ уютныхъ уголкахъ за трельяжами, въ изящныхъ coin de feu. Шторы и тяжелыя портьеры были плотно спущены и задернуты, и не пропускали на улицу ни луча изъ ярко, по бальному, освѣщенныхъ комнатъ. Но шумнѣе всего было въ залахъ, около карточныхъ столовъ. Слышался звонъ золота, щелканье рулетки... Въ одномъ мѣстѣ играли въ желѣзную дорогу, въ макао, въ другой толпились около банкомета...

Хозяйка, высокая, статная, слегка сухощавая англичанка ходила по комнатамъ и всѣмъ одинаково улыбалась своимъ холоднымъ лицомъ и безцвѣтными губами.

Въ маленькой угловой гостинной, менѣе потертой и закопченной табачнымъ дымомъ, разливала чай нестарая еще женщина съ увядшимъ лицомъ и печальными глубокими глазами, которую называли Вѣрой Николаевной. Это была единственная дама, кромѣ хозяйки, если не считать невысокой блѣдной дѣвочки лѣтъ тринадцати, переходившей изъ комнаты въ комнату.

Какъ-то странно было между плотными самодовольными фигурами слегка подвыпившихъ мужчинъ, толковавшихъ о конверсіяхъ, котировкѣ, учетѣ векселей, о послѣднемъ бенефисѣ модной балерины, о новой шансонеткѣ, видѣть это невинное и вдумчивое отроческое лицо.

Она ходила по этимъ комнатамъ, съ ихъ атмосферой отдѣльныхъ кабинетовъ ресторана, нисколько не смущаясь ни вольностью разговоровъ, ни излишней откровенностью позъ и манеръ...

Въ ея темныхъ, высоко, по модѣ, зачесанныхъ волосахъ и у пояса нарядная платья заколоты были маленькіе букеты альпійскихъ фіалокъ.

Тонкій аромать вѣялъ, когда она проходила по комнатѣ, и почти всѣ лица обращались съ улыбкой въ ея сторону, на этотъ запахъ, на эту легкую чуть слышную походку.

— А! Эля!

— Эля! Элли! Леля! дай руку на счастье!

— Hélène! вынь карту!

— Эля! Рюиблазовъ опять попалъ! Скупилъ акціи Веснянской желѣзной дороги, а онѣ падаютъ не по днямъ, а по часамъ!

— А Шанинскіе векселя протестованы... Придется ликвидировать!

— Вы знаете, говорятъ, кто-то внесъ за него...

И Эля подходила, давала руку, вынимала карту и, сжавъ вдумчиво брови, серьезно интересуясь, выслушивала извѣстія о Рюиблазовѣ и Шанинѣ...

— Вѣдь его сынъ недавно женился на богатой?..

Въ передней раздался звонокъ.

Эля пошла встрѣтить.

Въ переднюю вошелъ массивный господинъ; за нимъ внесли внушительныя корзины съ виномъ, фруктами провизіей.

Онъ показалъ на нихъ хозяйкѣ, предоставляя этимъ мановеніемъ руки въ ея распоряженіе, и обратился къ Элѣ:

— Ну, Эля, я тебѣ привезъ Шиллера!

Блѣдныя, какъ воскъ, щеки Эли вспыхнули отъ удовольствія.

Вошедшій сбросилъ на руки лакея тысячную ильковую шубу и прошелъ въ первую гостиную.

Его встрѣтили восклицаніями.

— А! баронъ! Мы заждались! Торнтонъ сорвалъ банкъ! Изюмовъ въ пухъ проигрался! Плачетъ.

Баронъ Ширмеръ, не отвѣчая, развертывалъ великолѣпное изданіе Шиллера.

У Эли загорѣлись глаза.

Но вдругъ лицо ея потускнѣло, какъ отъ набѣжавшей тучи, и она подняла потухшіе глаза на барона.

— А тѣ бумаги Рюиблазова вы отдали ему? По той же цѣнѣ?..

Баронъ засмѣялся довольнымъ жирнымъ смѣхомъ, потрясшимъ его громадное тѣло.

— Ну, положимъ, не совсѣмъ по той! — весело сказалъ онъ, лукаво и самодовольно подмигивая окружающимъ.

Вокругъ раздался одобрительный и сочувственный смѣхъ.

Эля мужественно отодвинула роскошныя книги.

— — — —

— Тогда я не возьму,—сказала она твердо.

Ширмеръ покраснѣлъ такъ, что стало жутко за его тучную фигуру.

Грубое ругательство едва не сорвалось съ его губъ. Онъ съ трудомъ сдержался и сталъ собирать книги.

— Ширмеръ! Продай мнѣ!—протянулъ руку Окновъ.—Отъ меня Эля возьметъ. Я ей на столовую подписалъ сегодня.

Ширмеръ, такъ же рѣзко блѣднѣя, отодвинулъ книги.

— Лучше сожгу!—сказалъ онъ злобно.

Эля, съ поблѣднѣвшимъ печальнымъ лицомъ, отошла отъ группы и направилась въ другую комнату.

Проигравшійся Шанинъ усадилъ ее рядомъ съ собой и началъ жаловаться.

Эля подозвала кого-то изъ проходившихъ мимо, взяла у него золотой и дала Шанину на счастье.

— Только первая ставка моя!

Шанинъ выигралъ, отдалъ долгъ Элѣ—занятый золотой— и. съ сіяющимъ лицомъ, продолжалъ круто повернувшуюся къ нему игру.

Эля оставила его и пошла дальше, машинально перебирая въ тонкихъ блѣдныхъ рукахъ данныя ей деньги, какъ вдругъ въ первой залѣ послышался рѣзкій взрывъ голосовъ и необычный шумъ...

Мистрисъ Смитсонъ, блѣдная, встревоженная, поспѣшила на мѣсто происшествія.

Барона обступили, уговаривали, отпаивали водой. Взбѣшенный Окновъ, никого не слушая, кричалъ, что онъ этого не снесетъ и позоветъ полицію...

Они поспорили за картами и наговорили другъ другу такихъ крупныхъ рѣзкостей, что только мистрисъ Смитсонъ, съ ея ловкостью и обычнымъ тактомъ, удалось, хотя и не скоро, водворить спокойствіе.

Разъѣхались, по обыкновенію, уже утромъ.

Когда Вѣра Николаевна оставила, наконецъ, свой постъ за чайнымъ столомъ и направилась въ свою комнату, мистрисъ Смитсонъ задержала ее и позвала въ будуаръ.

— Другъ мой!—начала она съ лаской, не сажая, впрочемъ, компаньонки:—Я должна васъ предупредить насчетъ вашей petite. Она ведетъ себя невозможно. Вчера сказала Власову, что онъ нечестенъ, два дня назадъ отправила назадъ жардиньерку Ломова, сегодня не взяла книгъ у Ширмера. Весь сегодняшній шумъ произошелъ отъ ея капризовъ. Подобные enfantillages были милы въ ребенкѣ, но она уже выросла изъ нихъ, какъ изъ короткаго платья. Пора ей образумиться. Еще одна такая исторія, какъ сегодня, и мнѣ придется прекратить

пріемы. Я этого не допущу. Если она не желаетъ перестать наивничать, то можетъ не выходить въ гостинныя.

Она наклонила голову и отпустила Вѣру Николаевну.

Та, совершенно смущенная и растерянная, рѣшила отложить объясненіе съ дочерью до утра.

Странная была судьба этихъ двухъ кроткихъ, беззащитныхъ существъ, капризной волною жизни прибитыхъ къ берегу такой завѣдомой хищницы, какъ мистрисъ Смитсонъ.

Послѣдняя была старше Вѣры Николаевны лѣтъ на десять, если не больше. Когда-то она училась въ одномъ пансіонѣ съ ея матерью.

Во времена своей молодости, мистрисъ Смитсонъ гремѣла красотой, умомъ, пикантностью на всю Москву. Но годы шли, молодость уходила. Тогда на горизонтѣ мистриссъ Смитсонъ стали отъ времени до времени появляться молоденькія, свѣженькія дѣвушки, въ качествѣ то воспитанницъ, то компаньонокъ, то экономокъ; онѣ появлялись, оживляли на нѣкоторое время салоны мистрисъ Смитсонъ и исчезали такъ же незамѣтно, скрываясь гдѣ-то за кулисами жизни. Судьба ихъ никого не интересовала, о дальнѣйшемъ ихъ существованіи какъ-то никто не вспоминалъ.

Одной изъ этихъ погубленныхъ была и Вѣра Николаевна. Но какъ-то случилось, что у мистрисъ Смитсонъ, не хватило духу прогнать ее, — и Вѣра Николаевна, съ маленькой дочерью, навсегда поселилась въ этомъ домѣ, гдѣ ее мучили, унижали но все же кормили...

Эля родилась слабенькой, хворой дѣвочкой. Только благодаря неусыпнымъ заботамъ своей бабушки, крошечной сморщенной старушки, быстрой и ловкой, какъ волчекъ, она осталась жива и не погибла въ раннемъ дѣтствѣ. Здоровье Вѣры Николаевны тоже было въ корень подорвано ея рожденіемъ. Эля росла тихой, задумчивой дѣвочкой. Часто казалось что она понимаетъ многое, недоговоренное въ ихъ жизни, хотя она почти никогда не задавала обычныхъ, часто надоѣдливыхъ, дѣтскихъ вопросовъ.

II.

Въ эти семь лѣтъ мистрисъ Смитсонъ еще состарилась. Теперь уже притягательной силой ея салоновъ служила крупная игра. По прежнему квартира была полна веселой, шумной толпой мужчинъ. У нея назначались дѣловыя свиданія, у нея встрѣчались люди самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній, у нея часто разыгрывались мучительныя драмы и комичные эпизоды.

Вѣра Николаевна не была ей особенно нужна, но не была и лишней. Въ широкомъ train ея жизни ее обворовывали довольно безцеремонно, а Вѣра Николаевна представляла собой недорогого и незамѣнимаго сторожа. Въ огромной квартирѣ мистрисъ Смитсонъ нашлась бы ей и комната, но Вѣра Николаевна выговорила себѣ небольшое жалованье и наняла крошечную комнатку въ томъ же дворѣ, „отъ хозяйки".

Ей было какъ-то легче имѣть маленькій pied-à-terre, куда можно было уйти поплакать и помолиться, отдохнуть въ часы недомоганія. Молиться въ квартирѣ мистрисъ Смитсонъ она какъ-то не умѣла. Собственно, она пріѣхала къ мистрисъ Смитсонъ только „на первое время", чтобы оглядѣться, стать на ноги и какъ-нибудь устроиться въ жизни. Но, при своемъ безволіи, болѣзненности и непрактичности, она такъ и осталась у того топкаго берега, къ которому была прибита теченіемъ жизни. Ребенокъ былъ взятъ мистрисъ Смитсонъ не особенно охотно. Но съ первыхъ же дней дѣвочка, вмѣсто неудобнаго, стѣсняющаго „придатка", стала, благодаря ловкости и находчивости мистрисъ Смитсонъ, однимъ изъ элементовъ привлеченія и притяженія посѣтителей, которыми держались салоны былой красавицы.

На другой же день мистрисъ Смитсонъ свезла дѣвочку въ магазины и изъ скромной незамѣтной фигурки превратила съ присущимъ ей умѣньемъ и вкусомъ, въ роскошный и нѣжный цвѣтокъ, на которомъ невольно останавливался взглядъ каждаго видѣвшаго ее. Дѣвочка была очень похожа на мать, и если бы не излишняя блѣдность, могла бы назваться хорошенькой.

Мистрисъ Смитсонъ сумѣла подчеркнуть эту блѣдность, эту хрупкость, одѣла Эли въ шитье, яркія и нѣжныя ленты, устроила ей „экзотическую" прическу, занялась съ ней французскимъ и англійскимъ языками.

Когда она вывела ее въ гостинныя, дѣвочка произвела фурор. Ее встрѣтилъ цѣлый взрывъ восторговъ, комплиментовъ, цѣлый хоръ восхищенныхъ голосовъ.

Дѣвочку зацѣловали, засыпали подарками. Она стала кумиромъ всѣхъ бывавшихъ у мистрисъ Смитсонъ. Вѣра Николаевна испугалась такой крутой перемѣны въ жизни дѣвочки и хотѣла уже бѣжать. Но поведеніе Эли скоро успокоило тревогу матери. Не смотря на свой крошечный возрастъ, она, очевидно, имѣла свое глубокое, недѣтское міровоззрѣніе. Она очень быстро освоилась съ новой жизнью, очень сильно привязавшись къ лелѣющимъ ее мужчинамъ. Она радовалась подаркамъ, наслаждалась всеобщей лаской и любовью, освѣщая все вокругъ себя радостной дѣтской улыбкой. Но рядомъ съ этимъ внутри ея, очевидно, шла своя скрытая сложная

работа. Большіе вдумчивые глаза смотрѣли не по-дѣтски серьезно, походка была легкая, какая-то неслышная, — она почти никогда не бѣгала и не смѣялась. Слегка болѣзненная, тихая, она носила на себѣ печать чего-то аристократическаго, высшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мистическаго. Она брала подарки, довѣрчиво и ясно откликаясь на всеобщую ласку, выслушивала разсказы объ этой новой, совершенно неожиданно открывшейся передъ нею жизни, но иногда вдругъ, среди разсказа, останавливала собесѣдника мѣткимъ и рѣзкимъ словомъ осужденія. Это было ново, было оригинально, это нравилось. Контрастъ этой дѣтской чистоты съ пошлымъ, хищнымъ и мутнымъ потокомъ жизни, въ которой тонуло все общество мистрисъ Смитсонъ, имѣлъ, по своей рѣзкости, какую-то особую пряную прелесть въ глазахъ этого пресыщеннаго, наскучившаго самому себѣ кружка. Ей нарочно разсказывали самые возмутительные случаи „борьбы за существованіе", исторіи разныхъ биржевыхъ дѣлъ, ухищреній, къ которымъ они прибѣгали въ этой безумной скачкѣ жизни, и тѣшились гадливымъ выраженіемъ ея милыхъ губокъ, ея широко раскрывавшимися, наивными, полными изумленія и испуга темными глазами.

— Это гадость! Это грѣхъ!—говорила она:—Развѣ такъ можно жить? Вѣдь вы же христіане, какъ же вы говѣете? На васъ эпитимью накладываютъ?

Ея наивность восхищала. Но время шло, Эля росла и не позволяла уже болѣе обращаться съ собой, какъ съ игрушкой. Она знала всю биржевую игру лучше, чѣмъ мать и даже мистрисъ Смитсонъ; ей разсказывали все, потому что ея не боялись, зная, что ей разсказать тайну некому и негдѣ. И эта маленькая, тоненькая дѣвочка пріобрѣла необыкновенную власть надъ всевластными царями биржи; иногда однимъ словомъ она заставляла ихъ измѣнять свои планы, и эти зачерствѣлые, ожирѣвшіе люди, давно позабывшіе слова: „жалость, милосердіе, великодушіе", уступали ея твердому и строгому слову и поступались своими желѣзными правилами борьбы за существованіе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была всеобщимъ кумиромъ.

Они всѣ другъ передъ другомъ старались порадовать ее, вызвать улыбку на ея блѣдныхъ губкахъ. Для мистрисъ Смитсонъ это было небезвыгодно: Эля брала въ свою личную собственность только книги и два-три цвѣтка. Комнатка ея была крошечная, узенькая каютка въ одно окно; въ другомъ узкомъ концѣ была дверь; широкія стѣны были заняты:— одна постелью, другая книжнымъ шкафомъ; между ними едва оставался узкій проходъ къ окну и письменному столику,

которые оба вмѣстѣ, умѣщали пять—шесть горшковъ съ цвѣтами.

Всѣ корзины съ цвѣтами, привозимыя Элѣ, оставались въ гостинныхъ, всѣ бездѣлушки разставлялись по каминамъ и этажеркамъ, всѣ ноты попадали въ розовый шкафчикъ около концертнаго рояля.

А она скользила, какъ тѣнь, по этимъ роскошнымъ, наполненнымъ шумной толпой комнатамъ и все освѣщала своей тихой, ясной улыбкой, своимъ ласковымъ вдумчивымъ взглядомъ. Съ годами она стала мягче на словахъ, осуждала не такими рѣзкими выраженіями, но по существу она не стала терпима къ дурнымъ дѣламъ и поступкамъ. За то съ горемъ, съ неудачей каждый шелъ прежде всего къ Элѣ, и она, съ присущей ей одной чуткостью и тонкостью пониманія, откликалась на чужое страданіе и умѣла найти мягкія, успокаивающія, не бередящія раны, слова и утѣшенія. И каждое горе затихало подъ ея умѣлой мягкой рукой. Говорить съ ней было тѣмъ болѣе легко, что она знала и понимала многое, о чемъ дѣти ея возраста не имѣютъ и представленія... Она умѣла утѣшать, но умѣла и наказывать; слово ея всегда было твердо, и никакими соблазнами нельзя было заставить ее перемѣнить свой приговоръ. Иногда попадались непокорные, пробовали возмущаться, даже жаловаться мистрисъ Смитсонъ; та дѣлала Элѣ легкіе выговоры: Эля отмалчивалась, и снова устанавливался прежній режимъ.

Нѣкоторые пробовали скрывать свои темныя дѣлишки, но это было очень трудно: всѣ, посѣщавшіе салоны мистрисъ Смитсонъ, зорко слѣдили одинъ за другимъ и выдавали другъ друга Элѣ; никто не былъ безгрѣшенъ, и каждому хотѣлось, чтобы другой понесъ свою долю справедливаго возмездія.

Многаго Эля, конечно, не понимала, но по улыбкамъ, выраженію глазъ, по одному прорвавшемуся слову всегда безошибочно опредѣляла она степень вины.

Жизнь тихо катилась разъ намѣченной стезей, и даже Вѣра Николаевна смотрѣла менѣе уныло, чѣмъ встарь; ее пугала, конечно, будущность Эли, но пока все лучшее было еще возможно...

И вдругъ—это требованіе мистрисъ Смитсонъ!..

Вѣра Николаевна терялась. Она пролежала остатокъ ночи, не смыкая глазъ, но и утромъ у ней не хватило мужества поговорить съ дочерью.

Мистрисъ Смитсонъ не возобновляла разговора.

День начался поздно, какъ всегда, и, какъ всегда, рано начали съѣзжаться обычные посѣтители.

Ширмеръ пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ. Мистрисъ Смит-

онъ, точно нечаянно, мимоходомъ присутствовала при его встрѣчѣ съ Элей.

Ширмеръ хмуро протянулъ руку, но Эля улыбнулась и задержала своими тонкими пальцами его громадную ладонь, такъ что онъ невольно долженъ былъ взглянуть на нее; глаза ихъ встрѣтились, и, покоряясь обаянію дѣвочки, баронъ не выдержалъ и улыбнулся.

— Зачѣмъ вы вчера такой злой были?—сказала Эля.

Онъ, наклоняясь своимъ массивнымъ тѣломъ, подсунулъ ея тоненькую ручку себѣ подъ локоть и повелъ дальше отъ холодныхъ глазъ мистрисъ Смитсонъ.

— Ты же меня, гадкая дѣвочка, разсердила!..

— А вы за что Рюиблазова разоряете? Ему и такъ плохо, бѣдненькому.

— Ну, не очень-то плохо! Двѣ семьи содержитъ, да еще француженокъ у другихъ отбиваетъ...

Эля кивнула головой.

— Ну, вотъ, вотъ... cherchez la femme! Мнѣ вчера Власовъ сказалъ, что это за Blanche, а я не повѣрила. Рюиблазовъ тутъ не при чемъ. Не будь его, былъ бы другой. Blanche должна васъ бросать, иначе вы сами станете бросать ее; вы сами всѣ гадкіе, оттого и другіе гадки съ вами.

Ширмеръ затрясся отъ звучнаго смѣха.

— Много ты понимаешь!

И онъ чистымъ, хорошимъ взглядомъ оглянулъ сверху тоненькую фигурку Эли, казавшейся еще тоньше и меньше въ сравненіи съ его громаднымъ тѣломъ.

— А Шиллера возьмешь?

— Продайте Рюиблазову бумаги...

— Да у меня ужъ ихъ нѣтъ!

— Купите назадъ, другія продайте... Почему я знаю, какъ и что? Сдѣлайте что-нибудь для него!

— Ну, вотъ что: я скуплю Веснянскую желѣзную дорогу? Такъ?

— А другіе на этомъ потеряютъ?

— Я самъ потеряю первый.

Эля, побѣжденная, улыбнулась.

— И съ Окновымъ помиритесь!—торговалась она еще:— вотъ онъ идетъ.

Ширмеръ шагнулъ къ Окнову.

— Миръ? Эля велитъ.

Окновъ, прежде чѣмъ пожать его руку, поцѣловалъ худенькіе пальцы Эли и потомъ уже обратился къ Ширмеру.

— Я не злой человѣкъ, я только горячій: я человѣка обругаю, а черезъ пять минутъ у меня на него и злобы

нѣтъ, — смѣялся онъ весело. — Вчера я, навѣрное, больше васъ наговорилъ: вы прямо Кондрашу собирались звать...

Ширмеръ побагровѣлъ отъ послѣдней фразы, плюнулъ и отошелъ.

Эля, блѣднѣя, тоже отодвинулась отъ Окнова.

— Злой, безсердечный человѣкъ! Вамъ никто про вашу больную жену не напоминаетъ!

Окновъ поблѣднѣлъ, въ свою очередь.

— Ну, прости, Эля! Сорвалось... Я совсѣмъ не хотѣлъ...

— Сейчасъ же помиритесь! Ширмеръ, пойдите сюда!

Ширмеръ, весь красный, оглянулся.

— Идите! я вашего Шиллера возьму, и вы мнѣ еще Гёте привезете... Дайте ему руку!

Окновъ шагнулъ первый.

— Ну, слово не воробей! — сказалъ онъ извиняющимся тономъ.

— Типунъ вамъ на языкъ!—отвѣтилъ, все еще взволнованный, Ширмеръ.

Эля отошла прочь.

Вечеръ прошелъ благополучно, но мистрисъ Смитсонъ, твердая и точная, какъ всегда, послѣ разъѣзда напомнила Вѣрѣ Николаевнѣ о своемъ порученіи.

III.

Вѣра Николаевна, съ храбростью отчаянія, тотчасъ, какъ погасила послѣднія лампы, пошла къ Элѣ.

Та окончила вечернюю молитву и раздѣвалась, стоя передъ открытымъ на удачу Евангеліемъ; она сразу замѣтила мать.

— Что, мама? — спросила она и переложила платье со стула на постель, чтобы очистить матери мѣсто.

Вѣра Николаевна, волнуясь, путаясь, передала слова мистрисъ Смитсонъ.

Эля поблѣднѣла.

— Мама! тогда зачѣмъ же жить?

— Христосъ съ тобой, дѣточка! Развѣ можно такъ говорить?

— Мама, мама!—заволновалась Эля:—да вѣдь я только поэтому и могу *ихъ* любить и прощать, что они *мнѣ* позволяютъ имъ правду говорить! Кто же, кромѣ меня, скажетъ? Кто? Всѣ боятся, всѣмъ есть что терять! Я одна... а теперь и мнѣ нельзя!

— Эля, да зачѣмъ же ты такъ рѣзко?—пробовала слабо возразить мать.—Знаешь, сказано: блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю...

— Да! и „блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся!“ Я не могу быть кроткой, мама! У меня все тутъ,—она ударила себя по груди,—кипитъ! Но если нельзя,— хорошо... Я пойду жить къ тебѣ, буду учиться.

Крупныя слезы покатились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Вре-ме-ни боль-ше будетъ! — выговаривала она, пересиливая подступающія рыданія.

Вѣра Николаевна не выдержала и тоже заплакала.

Тогда слезы мгновенно высохли у Эли.

— Мама, о чемъ *ты*? Я—ничего, гляди! — и она мужественно улыбнулась, осыпая поцѣлуями лицо матери.

IV.

И она переселилась во флигель.

Книжный шкафъ перенесли, и Эля стала усердно учиться. Однако, никакія занятія, никакая усидчивость не могли заглушить тоски, овладѣвшей ею. Утро еще проходило кое-какъ въ занятіяхъ, въ прогулкахъ съ матерью, но съ обѣда начиналась мука.

Эля отходила отъ окна, чтобы не видѣть освѣщенной квартиры мистрисъ Смитсонъ, зажимала уши, чтобы не слышать подъѣзжавшихъ съ улицы экипажей.

Привычка ложиться не ранѣе утра осталась, а громадный вечеръ некуда было дѣвать.

Сроднившаяся съ шумомъ, съ толпою, съ яркимъ освѣщеніемъ, съ просторомъ многочисленнныхъ гостиныхъ, она задыхалась въ тѣсной, маленькой комнаткѣ, съ одинокой лампой на кругломъ столѣ.

Она, какъ перенесенный изъ сада въ мрачный подвалъ цвѣтокъ, вяла въ одиночествѣ, безъ любви, безъ ласки, безъ ежеминутнаго баловства и нѣжной заботливости.

Вѣра Николаевна, при всемъ желаніи, не могла сидѣть съ дочерью и уходила, какъ только первая карета, останавливалась у подъѣзда; подругъ у Эли не могло быть, „хозяйка“ была старая полуглухая старуха.

Эля не плакала и не просила пощады. Только блѣдное личико все болѣе блѣднѣло и обтягивалось, только глаза становились все больше и блестящѣе, и темные круги все шире ложились вокругъ нихъ. Но она мужественно улыбалась матери, когда та, возвращаясь въ пять-шесть часовъ утра, находила ее раздѣтою, но еще не спящею на ея узенькой кроваткѣ.

Эля никогда не разспрашивала мать ни о чемъ; однако, ярко вспыхнувшіе глаза, разгорѣвшіяся щеки достаточно

выдавали ея горячій интересъ къ разсказамъ матери. Она слушала, опершись локтемъ на подушку, не переводя дыханія, не прерывая, судорожно поправляя сбивавшіеся и падавшіе на лицо волосы, уходя всѣмъ существомъ въ знакомую любимую жизнь; но стоило матери прервать разсказъ—и Эля тотчасъ стихала, глаза погасали, и она ни однимъ словомъ не вызывала мать на продолженіе.

Вѣра Николаевна видѣла, что дочь сильно скучаетъ, но ничего не предпринимала, чтобы передѣлать случившееся. Въ глубинѣ души она была даже довольна перемѣной въ жизни Эли. Въ послѣднее время она много разъ тяжело и безпомощно задумывалась надъ тѣмъ, что ожидаетъ Элю черезъ два-три года, когда она изъ подростка станетъ взрослой дѣвушкой. Безхарактерная, слабая, она не чувствовала въ себѣ силъ бороться съ обстоятельствами, и ее охватывалъ безсильный ужасъ.

Нѣсколько разъ она пыталась просить о новомъ мѣстѣ у посѣтителей, но никто не относился къ этому серьезно.

— Ну, вотъ! Чѣмъ вамъ тутъ нехорошо? Какъ же мы безъ Эли останемся?—отвѣчали ей вскользь.

Судьба, въ образѣ самой мистрисъ Смитсонъ, пришла на помощь. Главное было сдѣлано, оставалось найти мѣсто; безъ Эли (про нее говорили всѣмъ, что она уѣхала къ теткѣ) это было гораздо легче.

Она не волновалась печалью Эли, понимая, что такая рѣзкая ломка не можетъ на ней не отозваться.

— Переболитъ!—думала она:—все къ лучшему.—И усердно и настойчиво хлопотала о мѣстѣ.

Мистрисъ Смитсонъ не подозрѣвала о ея планахъ. У ней были свои тревоги. Вскорѣ послѣ „изгнанія" Эли, она увидала, что невѣрно разсчитала, и что ударъ, направленный на Элю, отозвался очень сильно на ней самой.

Первый вопросъ каждаго входившаго былъ про Элю; узнавъ объ ея псевдо-отъѣздѣ, всѣ морщились и шли къ Вѣрѣ Николаевнѣ съ выговоромъ. Нѣкоторые оставались, не взирая на это, другіе уѣзжали въ половинѣ вечера, но большинство, выкуривъ двѣ-три папиросы, перекинувшись немногими фразами, — не подходя къ карточному столу, — брали шляпы и уѣзжали.

Прошло три недѣли. Въ гостинныхъ становилось все просторнѣе. Нѣкоторые, въ томъ числѣ баронъ Ширмеръ, Рюиблазовъ и Окновъ совсѣмъ не показывались. Особенно замѣтно было отсутствіе Ширмера въ кладовой Вѣры Николаевны и на столахъ съ закуской. Вечера стали приносить прямой убытокъ. Жардиньерки въ гостинныхъ тоже стали только приличны безъ визитовъ Окнова. Мистрисъ Смитсонъ

готова была сдаться, но самолюбіе удерживало ее отъ перваго шага.

Вѣра Николаевна помогла ей невольно.

Шанинъ, проигравшійся по обыкновенію, пришелъ къ ней въ чайную и началъ жаловаться:

— И куда вы Элю спрятали? Какъ вамъ не грѣхъ! Она, бывало, только карту вынетъ, и на цѣлый вечеръ счастье вернется! Далеко она уѣхала? Напишите ей! Или сами поѣзжайте, привезите, право. И зачѣмъ она столько времени живетъ тамъ? Когда же она пріѣдетъ?

— Да она никуда и не уѣзжала,—вырвалось у Вѣры Николаевны.

Шанинъ остолбенѣлъ.

— Гдѣ-же она?

— Да вонъ!—Вѣра Николаевна указала въ окно:—вонъ правое верхнее окно... Освѣщенное, она тамъ всѣ три недѣли просидѣла; мистрисъ Смитсонъ на нее разсердилась.

Шанинъ, не дослушавъ, кинулся въ голубую гостиную. Черезъ минуту всѣ присутствовавшіе обступили мистрисъ Смитсонъ: она поспорила для виду и уступила.

За Элей послали цѣлую депутацію.

Вѣра Николаевна замерла на своемъ мѣстѣ, вся блѣдная; она проговорилась какъ-то противъ воли, подъ вліяніемъ воспоминанія печальныхъ глазъ Эли, которая съ каждымъ днемъ тосковала въ своей ссылкѣ все сильнѣе; но тотчасъже опомнилась и сообразила, что разрушаетъ все начало, сдѣланное судьбой, и губитъ собственные планы, уже подававшіе надежду на осуществленіе.

Но раздумывать было поздно.

Черезъ двѣ минуты дверь подъѣзда хлопнула, и Эля, нарядная, румяная, съ сіяющими глазами, была уже въ гостинной.

Власовъ полетѣлъ за шампанскимъ и земляникой, Абратовъ послалъ лакея за букетомъ, Рысинъ открывалъ рояль, Изюмовъ зажигалъ кандилябры.

Гостинныя сразу оживились. Никто не обратилъ вниманія, насколько измѣнилась и похудѣла Эля: она вѣдь никогда не отличалась полнотой, а разгорѣвшіяся отъ оживленія щечки и ярко блестящіе глаза дѣлали ее на видъ даже болѣе свѣжей, чѣмъ обыкновенно.

Никто не замѣтилъ, насколько тоньше и прозрачнѣе стала ея кожа, никому не пришло въ голову, что необычный румянецъ горитъ подозрительными пятнами, а глаза блестятъ черезчуръ ярко.

Немножко только встревожились, когда, уставъ отъ волненія, она вдругъ присѣла на диванъ и закрыла глаза, теряя

сознаніе, но ей дали бокалъ шампанскаго, и она очнулась и снова оживилась.

За то всѣ пришли въ восторгъ, когда за ужиномъ она съѣла полную тарелку земляники и попросила еще. Страшная правда никому не приходила въ голову.

Когда всѣ уѣхали, Эля до того ослабѣла, что едва Вѣра Николаевна успѣла ее раздѣть, какъ она уже спала тяжелымъ, глубокимъ сномъ...

V.

Ширмеръ, узнавшій на биржѣ о появленіе Эли, бросилъ все и прилетѣлъ утромъ съ цѣлой кипой книгъ, съ корзиной земляники (ему разсказали, какъ Эля ей обрадовалась), фруктъ, закусокъ, шампанскаго, съ великолѣпной фарфоровой вазой, полной нарцисовъ, тацетовъ и анемоновъ.

Мистрисъ Смитсонъ встрѣтила его съ нѣсколько кислой улыбкой — ей было досадно, что баронъ столько времени не появлялся, но лицо ея невольно просвѣтлѣло при видѣ корзинъ, вносимыхъ одна за другой лакеями.

Ширмеръ поздоровался съ ней мимоходомъ, бережно неся въ обѣихъ рукахъ хрупкую вазу.

— Гдѣ-же она?.. Эля! Иди!—кричалъ онъ, снимая съ вазы безконечное количество бумагъ.

— Эля!

Эля, недавно поднявшаяся съ постели, чувствовала себя нехорошо. Она, съ слабой улыбкой, вышла въ первую гостиную и усталыми, погасшими глазами—вчерашнее оживленіе ее утомило—вглядывалась, не узнавая голоса, въ полусвѣтъ просторной передней.

Наконецъ, Ширмеръ развернулъ вазу и, пыхтя и отдуваясь вошелъ въ салонъ.

При видѣ Эли, что-то на мигъ сверкнуло въ его сѣренькихъ заплывшихъ глазахъ, но онъ овладѣлъ собой и, съ громкимъ смѣхомъ началъ уставлять на столѣ вазу. Эля радостно погрузила свое сухое горѣвшее лицо въ свѣжую массу, ароматныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Сорвавъ нѣсколько бутоновъ, она заколола въ волосы, у пояса и на плечѣ; потомъ снова прижалась къ цвѣтамъ; она не могла налюбоваться, надышаться ими.

Ширмеръ смотрѣлъ на ея хрупкую фигурку съ блѣдными руками, вкалывавшими слабыми, невѣрными движеніями бѣлые цвѣты въ пышные волосы, на ея воспаленное лицо, казавшееся желтымъ, рядомъ съ снѣжной бѣлизной цвѣтовъ, на огромные темные, горѣвшіе лихорадочнымъ восторгомъ

глаза... и вдругъ ему вспомнилась картина, которую онъ ей привезъ въ началѣ зимы: Ифигенія, идущая на казнь... Такое же блѣдное прелестное лицо, такіе же цвѣты, та же слабая, точно просящая пощады, улыбка...

Онъ вдругъ почувствовалъ, что съ глазами его творится что-то совсѣмъ невѣроятное...

— Фу, чортъ!—проворчалъ онъ, быстро отвертываясь къ окну и направляясь затѣмъ къ Вѣрѣ Николаевнѣ.

Онъ какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на нее, здороваясь, и былъ точно слегка удивленъ, когда она отвѣтила ему покорной и грустной улыбкой.

Онъ позавтракалъ, выпилъ стаканъ чаю, поболталъ, посмотрѣлъ, какъ Эля не притронулась къ закускамъ, но за то съ наслажденіемъ и даже жадностью перепробовала нѣсколько дюшессовъ и, наконецъ, предложилъ ей прокатиться въ его экипажѣ.

Вѣра Николаевна собралась ее провожать, но Ширмеръ ловкой шуткой остановилъ ее, предложивъ отправить Элю съ горничной.

— А вотъ тебѣ на расходы!—вынулъ онъ нѣсколько крупныхъ ассигнацій:—я знаю, у тебя знакомыхъ много...

Эля такъ и подпрыгнула.

— Мама, я къ Дубенскимъ заѣду! У нихъ ребенокъ хвораетъ! Вотъ, вотъ и вотъ ему!—отбирала она фрукты.

— А можетъ быть, и сама дорогой съѣмъ...

Она еще разъ сверкнула на всѣхъ глазами и побѣжала одѣваться.

Ширмеръ самъ надѣлъ ей калоши, самъ закуталъ ее плэдомъ и захлопнулъ дверцу.

Проводивъ ее, онъ вошелъ обратно въ столовую и внимательно, испытующе взглянулъ на обѣихъ женщинъ.

Тѣ отвѣтили ему недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да что... вы обѣ... ничего не видите?—спросилъ онъ, наконецъ.

Тѣ переглянулись, не понимая.

— Да вѣдь она у васъ умираетъ!

Вѣра Николаевна вскочила съ мѣста, мистрисъ Смитсонъ поблѣднѣла.

— Вы бредите! — засмѣялась она не совсѣмъ вѣрнымъ смѣхомъ.

Ширмеръ прищурился на нее.

— Милая мистрисъ! Мнѣ пятьдесятъ восемь лѣтъ, у меня въ семьѣ четверо умерли отъ чахотки, и, хоть я не докторъ, а угадывалъ это прежде, чѣмъ кому-либо приходило въ голову задуматься.

Вѣра Николаевна, молча, схватила его за руку. Въ этомъ

движеніи было все: и ненависть, и мольба о пощадѣ, и остатокъ надежды, и отчаянье, и вѣра въ него, въ его желанье и умѣнье помочь.

— Я сейчасъ приведу доктора! — отвѣтилъ онъ ей, и голосъ его зазвучалъ какими-то мягкими, непривычными звуками.

Вѣра Николаевна не сводила съ него остановившихся стеклянныхъ глазъ.

-- Дайте-ка воды!—протянулъ руку Ширмеръ.

Мистрисъ Смитсонъ поспѣшно подала графинъ.

Ширмеръ плеснулъ на Вѣру Николаевну; та упала и разрыдалась.

— Ну, теперь все въ порядкѣ... Дайте ей понюхать соли, спирту тамъ, что-ли... а я поѣду за докторомъ. Элѣ что-нибудь выдумайте.

— Нѣтъ!—остановила его мистрисъ Смитсонъ:—Умѣете такъ безумно пугать, такъ умѣйте и помогать! Вдругъ Эля нечаянно вернется!

Ширмеръ остановился. Онъ раскрылъ ножемъ стиснутые зубы Вѣры Николаевны и влилъ ей изъ графинчика рому: она вздрогнула, закашлялась. Ширмеръ подалъ ей воды. Она жадно припала къ стакану, все еще всхлипывая и стуча о стекло зубами.

— Валеріаны, брома! Что у васъ есть?

Мистрисъ Смитсонъ вышла.

— Ну, успокойтесь! — сказалъ Ширмеръ, сжимая руки Вѣры Николаевны: — я рѣзко сказалъ и испугалъ васъ. Я давно это видѣлъ и думалъ, что вы тоже подозрѣваете, для того и удалили ее изъ этой безалаберной жизни. Я сдѣлаю все возможное и невозможное, и если не поздно, мы спасемъ ее. Вѣдь вы поѣдете съ ней, куда бы ни послали ее доктора? А теперь возьмите себя въ руки. Не надобно ее волновать, а она можетъ скоро вернуться.

Вѣра Николаевна какимъ-то нечеловѣческимъ усиліемъ переломила себя и перестала плакать.

— Я ничего...—сказала она съ подобіемъ улыбки.

— Ну, вотъ! Молодцомъ!

Ширмеръ уѣхалъ и возвратился съ знаменитостью.

Когда Эля пріѣхала, Ширмеръ рекомендовалъ ей доктора, какъ своего добраго пріятеля, и ловкимъ разговоромъ быстро довелъ ее до жалобы на боль въ груди.

Тогда Вѣра Николаевна вступилась и потребовала, чтобы докторъ выслушалъ Элю.

Докторъ вернулся изъ гостиной съ безстрастно-веселымъ лицомъ.

— Кое-какіе остаточки плеврита есть. Полежать придется

немножко... Ну, да во время захватили!—ободряюще кинулъ онъ мистрисъ Смитсонъ, не оглядываясь на Вѣру Николаевну.

Женщины вздохнули свободнѣе.

Докторъ прописалъ нѣсколько рецептовъ.

— А діэта?—спросила Вѣра Николаевна.

Онъ скользнулъ по ней взглядомъ.

— Никакой! Что за вздоръ! Развѣ молодыя барышни исполняютъ діэты? Самое главное—правильная жизнь, не утомляться и не волноваться. И ужъ, пожалуйста,—обратился онъ къ Ширмеру,—капризы всѣ исполняйте!

Ширмеръ уѣхалъ съ докторомъ на извозчикѣ, оставивъ Элѣ экипажъ на цѣлый день.

Дорогу они промолчали.

Дома Ширмеръ провелъ доктора въ кабинетъ и заперъ двери.

— Ну?..

— Галопирующая чахотка въ послѣднемъ градусѣ. Съ водой уплываетъ, какъ говорится въ народѣ... Ну, воду переживетъ, до лѣта дотянетъ.

— Куда везти? — спросилъ мрачно Ширмеръ: — Крымъ, Италія, Каиръ?

— И Крымъ, и Италія, и Каиръ, все, что хотите, но... мѣсяцемъ раньше. Теперь—никуда. Оставьте въ покоѣ.

Ширмеръ, съ проклятіемъ, бѣшено ударилъ кулакомъ по столу.

— Я не повѣрю! Я консиліумъ созову! Я увезу ее! Въ Мадеру, на экваторъ! Къ чорту! Но спасу!

Докторъ спокойно положилъ ему руку на плечо.

— Послушайтесь меня! Если вы оставите ее, она проживетъ мѣсяцъ, даже два; повезете—она умретъ черезъ недѣлю, едва пріѣхавъ на мѣсто, или даже въ вагонѣ, не доѣхавъ. Дороги она не вынесетъ.

Ширмеръ уронилъ косматую голову на столъ, и вдругъ не рыданія, а какой-то визгъ, ревъ, стонъ потрясли его громадное тѣло.

Онъ билъ себя по головѣ, рвалъ свою львиную гриву, и вылъ, и рычалъ, какъ раненый медвѣдь.

Вдругъ онъ поднялъ голову и бѣшено взглянулъ на доктора.

— Уходите!—заоралъ онъ:—чего ждете?

Онъ распахнулъ, почти разорвалъ бумажникъ и швырнулъ доктору, сколько попало.

— За правильный діагнозъ! И къ чорту! — заревѣлъ онъ опять, когда докторъ хотѣлъ что-то отвѣтить.

Докторъ вспыхнулъ, оттолкнулъ ногой комъ кредитокъ и вышелъ изъ кабинета.

Черезъ часъ Ширмеръ опомнился и поѣхалъ къ доктору мириться.

V.

Цвѣты наводили на нее грусть, отъ запаха ихъ у нея разбаливалась голова; аппетита не было; чтеніе, музыка, картины быстро утомляли.

Въ хорошіе дни ей позволяли кататься. Но часто и изъ экипажа ее вынимали почти въ обморокѣ.

Одинъ разъ Ширмеръ привезъ ей пушистаго ангорскаго котенка, въ другой — Власовъ привезъ клеста. Котенка она равнодушно приласкала, а клеста выпустила сама въ форточку и долго радостно-умиленными глазами слѣдила за его полетомъ.

Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай возить ей птицъ для выпуска, и никто не являлся безъ клѣтки.

Въ хорошіе дни она выпускала ихъ, въ дождливые оставляла до солнца; но щебетъ ихъ утомлялъ ее, и кромѣ того, она сильно волновалась каждый разъ вопросомъ, накормлены-ли ея плѣнники, такъ что забаву съ птицами пришлось вскорѣ бросить.

Она гасла и таяла быстрѣе, чѣмъ согрѣтый лучами мартовскаго солнца грязный снѣгъ на московскихъ улицахъ.

Самъ докторъ былъ пораженъ быстротой процесса, ее уносившаго.

Но блѣдныя губки улыбались такъ-же мужественно и посѣтителямъ, и исхудавшей, осунувшейся матери, и потемнѣвшей, точно постарѣвшей англичанкѣ.

Одинъ разъ Окнову пришло въ голову принести стоившую безумныхъ денегъ брилліантовую парюру.

— Ну-ка, Эля! что ты на это скажешь? Французы говорятъ, что дѣтямъ нужны игрушки, а женщинамъ брилліанты. Изъ игрушекъ ты выросла, а доросла ли до брилліантовъ?

— Доросла!—отвѣтила Эля:—отдайте это назадъ въ магазинъ, а мамѣ отдайте то, что она стоитъ. Вѣдь тутъ цѣлое состояніе!

— Только послѣ, когда меня не будетъ!—добавила она шопотомъ, оглядываясь на скрипнувшую дверь.—Скажите, что это отъ меня.

Вѣра Николаевна показалась въ двери, и Эли протянула ей ожерелье.

— Погляди, какая прелесть! Только я прошу передѣлать: очень блѣдно; въ срединѣ надо яхонты... Вы сдѣлаете?

Печальное предсказаніе доктора не замедлило оправдаться.

Черезъ нѣсколько дней Эля заспорила съ кѣмъ-то, загорячилась, чего прежде съ ней никогда не случалось, закричала и заплакала. Истерическій плачъ перешелъ въ кашель, и хлынула горломъ кровь. Съ этого дня она начала слабѣть день ото дня. Постель ея перенесли въ одну изъ гостинныхъ; но она не хотѣла ложиться днемъ и, одѣвшись съ утра, переходила на chaise longue, привезенный ей Рюибла-зовымъ.

Мистрисъ Смитсонъ была, казалось, поражена. Всѣ долго толковали о томъ, почему раньше никто не замѣчалъ, чтобы Эля хворала. Правда, она кашляла уже второй годъ, но лѣтомъ всегда поправлялась, и какъ-то никому не приходило въ голову, что дѣвочка съ семи лѣтъ не спитъ ни одной ночи, ложась съ разсвѣтомъ; никто не задумывался о томъ, каково отзывается на ея тонкой нервной натурѣ вѣчное созерцаніе проигравшихся, откровенные разсказы о самой глубокой грязи жизни, горькія думы о матери, о своемъ происхожденіи, объ ожидающемъ ихъ обѣихъ будущемъ. А теперь, когда хрупкій стебель жизни сломился, не выдержавъ напора мрачной дѣйствительности погубившіе ее люди толпились вокругъ ея скорбнаго одра и наперерывъ старались усладить послѣдніе дни ея отлетающей жизни.

Она сама, кажется, ясно сознавала свое безнадежное положеніе, хотя никогда объ этомъ не заикалась.

Улицу передъ квартирой мистриссъ Смитсонъ застлали соломой. Были приглашены лучшіе врачи, созывались консиліумы.

Съ утра заѣзжали „на минутку" одинъ за другимъ обычные посѣтители салона. Каждый привозилъ что-нибудь, что могло бы побаловать больную. Но ей и прежде было нужно немного, а теперь ее утомляло и мучило все, даже прежде любимое.

Однажды, выбравъ моментъ, она сказала Ширмеру, чтобы онъ не бросалъ мистрисъ Смитсонъ.

— Она ко мнѣ была добра... Не дайте ей захирѣть! И маму не забудьте! Ну, ей немного нужно.

Она уходила изъ жизни съ кроткой улыбкой, ничего не сожалѣя, не позволяя даже оплакивать себя. Когда мать, при одномъ разговорѣ, было заплакала, Эля строго ее остановила.

— Перестаньте, мама! Не жаль мнѣ жизни, она такая страшная; я ея всегда боялась. Смерть, право, меньше страшна. А вы меня не жалѣйте! Меня будутъ поминать: „откроковица Елена"; а что было бы со мной дальше? Не бойтесь убивающихъ тѣло... Мнѣ только жаль васъ, мистрисъ Смитсонъ, и всѣхъ нашихъ! Ихъ жаль! Имъ безъ меня пусто будетъ. А я... я такъ устала... Только бы мнѣ дожить до Пасхи...

Но она не дожила.

Въ вербную субботу она непремѣнно захотѣла быть у всенощной. Ее довезли до больничной церкви, на рукахъ внесли на лѣстницу. Но тутъ она оправилась, простояла на ногахъ все евангеліе, дождалась, пока погасили свѣчи, и тогда только согласилась поѣхать домой.

Ночью было очень плохо. Вѣра Николаевна предложила позвать священника.

Умирающая взглянула на нее и отвѣтила не сразу.

— Я доживу до обѣдни,—сказала она наконецъ.

Она пріобщилась послѣ обѣдни, пролежала тихо весь день и только къ вечеру заснула навѣкъ.

Послѣдняго момента никто не видалъ. Агоніи не было. Она угасла тихо, какъ лучъ заката.

Вѣрѣ Николаевнѣ не хотѣлось хоронить до Свѣтлаго дня, но, не смотря на всѣ хлопоты мужчинъ, этого не позволили.

Хоронили Элю въ великій четвергъ.

Церковь была набита биткомъ. Гробикъ утопалъ въ зелени и цвѣтахъ.

Несли гробъ дѣвушки изъ сосѣдняго пріюта. Всѣмъ имъ сшили бѣлыя платья, которыя рѣзко выдѣлялись въ траурномъ убранствѣ церкви.

Въ церкви никто не плакалъ. Многіе изъ мужчинъ чувствовали себя довольно стѣсненно. Такъ давно не приходилось уже имъ заглядывать въ эти стѣны, встрѣчать взглядъ этихъ суровыхъ ликовъ, строго и словно укоряюще глядящихъ здѣсь со всѣхъ простѣнковъ.

Но многіе мужскіе глаза съ суровой, угрюмой печалью глядѣли на бѣлый гробикъ, изъ котораго, за цвѣтами, едва было видно лицо Эли.

Каждому вспоминались свѣтлыя минуты, связанныя съ этимъ нѣжнымъ, кроткимъ образомъ, и всѣ въ глубинѣ души чувствовали, что отъ нихъ отлетаетъ послѣдній свѣтлый ангелъ, удерживавшій ихъ на скользкомъ пути себялюбія и равнодушно улыбающагося эгоизма.

Точно каждый становился хуже со смертью этой прямодушной дѣвочки, мужественно боровшейся съ ними за нихъ же самихъ.

Въ субботу, передъ заутреней, установленъ былъ на могилѣ Эли простой дубовый крестъ.

На немъ были написаны двѣ заповѣди блаженства:

— „Блаженни кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю“ и „Блаженни алчущіе и жаждующіе правды, яко тіи насытятся“.

А. Галагай.

---

* * *

Какъ спокойныя думы нездѣшней страны,
На серебряный западъ скользятъ облака...
По просторнымъ полямъ бродятъ бѣлые сны,
Гаснутъ нѣжныя звѣзды, и смерть ихъ легка.
Пахнетъ влажной березой и теплымъ дождемъ,
Внятно дышутъ у полныхъ канавъ тополя.
Утомленная тихимъ пахучимъ тепломъ,
За весну въ первый разъ отдыхаетъ земля.
Беззаботно и радостно въ ласковомъ снѣ
Сознавать ей, что будетъ по утру опять
Солнце нѣжить ее въ лучезарномъ огнѣ,
Дали станетъ кругомъ золотистыя ткать.
И распустятся ландыши въ старомъ лѣсу,
Въ мягкой ровной травѣ незабудки мелькнутъ...
Пѣсню воли я въ каменный городъ снесу,
И пылинки съ цвѣтовъ къ этой пѣснѣ прильнутъ!

В. Башкинъ.

Борьба за политическое освобожденіе въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка.

Историческій очеркъ.

I.

Въ исторіи политическаго развитія Англіи тринадцатому столѣтію принадлежитъ особенно видное мѣсто. Начать съ того, что это была эпоха, когда англійское общество впервые солидарно и рѣшительно выступило противъ того деспотическаго режима, который прочно утвердился въ немъ съ момента нормандскаго завоеванія и, опираясь на противоположность интересовъ, раздѣлявшую массу и пришлыхъ магнатовъ-феодаловъ на два вражескихъ стана, уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ сдѣлалъ изъ Англіи крѣпко сплоченное государство съ сильной центральной властью и широко организованной системой центральнаго и мѣстнаго управленія и наложилъ свою безъ мѣры тяжелую руку на всю страну, безъ различія классовъ и состояній. Если до сихъ поръ нерѣдко переходившая въ совершенно необузданную тираннію королевская власть вызывала лишь разрозненныя попытки противодѣйствія, слабыя и безуспѣшныя, то къ тринадцатому вѣку почти полтораста лѣтъ все усиливавшагося правительственнаго гнета, не знавшаго привилегированныхъ и непривилегированныхъ, создали почву для взаимнаго пониманія и совмѣстной дѣятельности тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ царило взаимное отчужденіе, а то и открытая вражда, и если деспотизму какого-нибудь Вильгельма Рыжаго былъ положенъ конецъ одинокой стрѣлой, пущенной неизвѣстной рукою, то Іоанну Безземельному пришлось встрѣтиться съ настоящимъ общественнымъ движеніемъ, вполнѣ организованнымъ и обладавшимъ вполнѣ опредѣленной политической программой. Поднявшіе и организовавшіе движеніе бароны, далеко не склонные поступаться своими феодальными интересами и воспользовавшіеся движеніемъ, чтобы провести въ жизнь или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать закономъ свои чисто фео-

дальные политическіе идеалы, въ то же время прекрасно понимали, что, только включивъ въ свою программу и параграфы, обезпечивавшіе интересы другихъ общественныхъ классовъ, они могутъ разсчитывать на успѣхъ начатаго ими дѣла. Благодаря этому, выставленная ими программа отразила на себѣ всю широту и сложность окружавшей ихъ соціальной и политической дѣйствительности и поэтому могла объединить вокругъ бароновъ всѣ активные элементы англійскаго общества и обезпечить имъ побѣду надъ королемъ. „Видя, что силы его не равны силамъ бароновъ", Іоаннъ Беземельный принужденъ былъ согласиться на ихъ требованія, не задолго передъ тѣмъ названныя имъ пустыми и безсмысленными фантазіями, и 15 іюня 1215 года подписалъ Великую Хартію Вольностей.

Явившись результатомъ побѣды общества надъ королевской властью, Великая Хартія представляетъ собою настоящій мирный договоръ между воевавшими сторонами. Если до сихъ поръ безраздѣльно и безъ всякихъ ограниченій господствовавшая надъ обществомъ королевская власть находила нужнымъ лишь постольку считаться съ правами и интересами какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ, поскольку это гармонировало съ ея собственными интересами, какъ особой соціальной силы, благодаря своей организованности преобладавшей надъ остальными элементами общества и имѣвшей возможность заставить ихъ служить себѣ, то теперь на нее было наложено обязательство подъ страхомъ вполнѣ правомѣрнаго вооруженнаго отпора со стороны „общины всей земли" уважать права и вольности всѣхъ и каждаго изъ свободныхъ людей англійскаго королевства, отчетливо формулированныя въ видѣ ясныхъ и никакимъ кривымъ толкованіямъ не поддающихся параграфовъ юридическаго документа, торжественно скрѣпленнаго клятвами и подписями договаривавшихся сторонъ. Царству произвола шло на смѣну царство права и закона. Были торжественно провозглашены принципы гражданской и политической свободы. „Ни одинъ свободный человѣкъ", гласилъ знаменитый 39-й параграфъ Хартіи, „не будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или лишенъ имущества, или объявленъ стоящимъ внѣ закона, или изгнанъ, или какимъ-либо (инымъ) способомъ обездоленъ, и мы не пойдемъ на него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору равныхъ его и по закону страны". Параграфы 12-й и 14-й ставили предѣлъ фискальному самовластію короля, отъ котораго больше всего страдало англійское общество; отнынѣ всякое „пособіе" королю, выходящее за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ (плѣна короля, возведенія въ рыцари его старшаго сына и выдачи замужъ первымъ бракомъ его старшей дочери), можетъ быть дано ему лишь съ разрѣшенія „общаго совѣта королевства", въ который король приглашаетъ архіепископовъ, епископовъ,

аббатовъ, графовъ и старшихъ бароновъ, съ одной стороны и остальныхъ своихъ прямыхъ вассаловъ, съ другой, первыхъ — именными своими письмами, вторыхъ—черезъ посредство представителей мѣстной администраціи. Ограничивая королевскую власть въ вопросахъ обложенія, Великая Хартія тѣмъ самымъ закладывала фундаментъ политической свободы.

Если поставить вопросъ, въ какой мѣрѣ Великая Хартія Вольностей обезпечивала торжество провозглашенныхъ ею принциповъ гражданской и политической свободы, равно какъ неприкосновенность всѣхъ другихъ юридически формулированныхъ ею вольностей и правъ англійскаго народа, то придется отвѣтить на него слѣдующимъ образомъ. Для того, чтобы королевская власть дѣйствительно была введена въ рамки, принципіально отмежеванныя ей Великой Хартіей, и разъ на всегда была лишена фактической возможности выходить за ихъ предѣлы, англійское общество должно было организовать регулярно функціонирующую силу, которая являлась бы въ той или иной мѣрѣ равнодѣйствующей силъ основныхъ его элементовъ и выраженіемъ ихъ политической солидарности и представляла бы собою неотъемлемую часть правительственнаго механизма. Нельзя сказать, чтобы Великая Хартія не предусматривала необходимости такой организованной силы. Параграфъ 61-й какъ разъ и занятъ этимъ вопросомъ: обязанность наблюдать за неприкосновенностью правъ и вольностей англійскаго народа, „пожалованныхъ“ королемъ въ Великой Хартіи, онъ возлагаетъ на комитетъ двадцати пяти, который бароны выберутъ изъ своей среды и который получаетъ право, въ случаѣ нарушенія королемъ или его агентами какого-либо изъ параграфовъ Великой Хартіи и нежеланія въ теченіе сорока дней возстановить по требованію четырехъ изъ комитета двадцати пяти нарушенное право, поднимать противъ короля общину всей земли и съ помощью этой вооруженной силы заставить его исполнить требуемое; причемъ всѣ обязаны принести двадцати пяти баронамъ присягу, что будутъ повиноваться имъ въ такихъ случаяхъ, а бароны эти съ своей стороны должны присягнуть, что будутъ вѣрны своему долгу. Какъ ни внушительна на первый взглядъ эта гарантія гражданской и политической свободы, но въ ней есть одна особенность, осуждавшая ее на безсиліе въ той политической обстановкѣ, въ которой ей предстояло проявлять свою силу. Для сплоченнаго въ единое политическое цѣлое англійскаго общества, для обширнаго централизованнаго государства, какимъ была Англія уже съ нормандскаго завоеванія, было мало пригодно такое чисто феодальное средство, какъ вооруженное возстаніе, вполнѣ подходившее къ чисто феодальному обществу и государству, представляющему собою, строго говоря, союзъ (федерацію) отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, разрѣшающій свои по существу международныя осложне-

нія обычнымъ въ такихъ случаяхъ путемъ—войною. Для тогдашней Англіи оно было вполнѣ понятно какъ экстренная мѣра, необходимая въ виду экстренной цѣли, которая была поставлена передъ англійскимъ обществомъ всѣмъ ходомъ его исторіи, — выйти изъ тисковъ деспотическаго режима на широкій путь свободнаго развитія своихъ силъ и свободнаго политическаго творчества,—но ужъ вовсе не какъ способъ обезпеченія правоваго порядка въ обычное мирное время. Руководившіе движеніемъ бароны оказались въ этомъ случаѣ неспособными стать на болѣе широкую, не-феодальную точку зрѣнія. Взявъ на время судьбы государства въ собственныя руки, они, при всемъ своемъ пониманіи потребностей широкихъ круговъ англійскаго общества, все таки представляли себѣ идеальный политическій строй въ феодальныхъ терминахъ, и, благодаря этому, предложенныя ими средства политической реформы не могли быть вполнѣ удовлетворительны.

Но если одни изъ этихъ средствъ отразили на себѣ лишь феодальное пониманіе бароновъ, за то на другихъ сказался и ихъ классовый эгоизмъ. Мы имѣемъ въ виду 14-й параграфъ Великой Хартіи, проектирующій въ качествѣ ограничивающаго королевскую власть въ финансовыхъ вопросахъ учрежденія чисто феодальный сеймъ прямыхъ вассаловъ короля. Провозглашая въ этомъ и въ 12-мъ параграфѣ принципъ политической свободы, Великая Хартія дѣлаетъ активными обладателями этой свободы всего лишь одинъ классъ общества и при этомъ подчеркиваетъ ту сторону его положенія въ обществѣ и государствѣ, которая далеко не имѣла опредѣляющаго значенія въ условіяхъ политическаго строя тогдашней Англіи. Феодализмъ въ Англіи былъ лишь соціальной системой, неизбѣжной при господствѣ въ ней натуральнаго хозяйства, но вовсе не политической формой. Государственная власть опиралась здѣсь на широкія политическія формы не-феодальнаго типа, и ей въ равной мѣрѣ были подчинены какъ феодалы, такъ и другія общественныя группы. Класть въ основу политической организаціи принципъ феодальнаго содержанія, какъ это сдѣлали бароны въ 14-мъ параграфѣ Великой Хартіи, значило произвести въ Англіи XIII-го столѣтія настоящій государственный переворотъ, сдвинуть политическое развитіе страны съ широкаго пути, на который оно стало съ момента нормандскаго завоеванія, въ узкую феодальную колею, совершенно несоотвѣтствовавшую ни общественному, ни политическому строю Англіи. Какъ ни важенъ былъ провозглашаемый 12-мъ параграфомъ Великой Хартіи принципъ ограниченія королевской власти въ сферѣ обложенія, этотъ настоящій фундаментъ политической свободы, но та конкретная форма, въ которой онъ долженъ былъ осуществляться согласно 14-му параграфу Хартіи, не соотвѣтствуя условіямъ тогдашней соціальной

и политической дѣйствительности, не могла явиться прочной гарантіей противъ фискальнаго и общаго политическаго гнета. Несоотвѣтствіе ея станетъ еще яснѣе, если мы замѣтимъ, что она оставляла безъ вниманія существовавшія въ странѣ формы организаціи общественныхъ силъ для мѣстныхъ и для общегосударственныхъ цѣлей, пожалуй, еще болѣе далекія отъ феодализма, чѣмъ центральныя учрежденія англійскаго королевства. Отъ англо-саксонской эпохи англійская государственность унаслѣдовала областную организацію, такъ называемыя сотни и графства съ ихъ періодическими собраніями, на которыя отправлялись судить преступниковъ, улаживать гражданскія тяжбы, обсуждать мѣстныя и общественныя дѣла и выслушивать королевскіе указы мѣстные землевладѣльцы, какъ сеньеры, такъ и вилланы (первые лично, вторые черезъ своихъ представителей въ лицѣ четырехъ человѣкъ отъ каждой деревни со старостой и приходскимъ священникомъ во главѣ). Эта мѣстная организація, какъ и другія учрежденія англо-саксовъ, не только была сохранена Вильгельмомъ Завоевателемъ и его преемниками, но и получила при нихъ дальнѣйшее развитіе. Особенно широко развилась дѣятельность собраній въ графствахъ, такъ называемыхъ „народныхъ собраній“ графствъ, послѣ того, какъ Генрихъ II Плантагенетъ своей судебной реформой предоставилъ самое широкое участіе въ охранѣ мира и права мѣстнымъ организаціямъ. Сюда, въ „народныя собранія“ графства, являлись королевскіе судьи („странствующіе судьи“) и здѣсь съ помощью избранныхъ мѣстными жителями присяжныхъ творили судъ и расправу по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Сюда являлись королевскіе слуги и съ другими цѣлями, и прежде всего, чтобы уговориться съ мѣстнымъ населеніемъ на счетъ того, сколько и какъ можно получить съ графства въ видѣ налога, рѣшеннаго въ Великомъ Совѣтѣ духовными и свѣтскими магнатами королевства; и въ этихъ случаяхъ мѣстное населеніе также выбирало изъ своей среды пользовавшихся общимъ довѣріемъ людей и поручало имъ представлять интересы всего графства передъ королевскими посланцами; избирать коммиссіи выборныхъ людей приходилось ему и по многимъ другимъ поводамъ, можно сказать, всякій разъ, какъ нужно было проводить въ жизнь рѣшенія „народнаго собранія“ по самымъ различнымъ вопросамъ мѣстнаго управленія или приказы, присланные изъ центра. И вотъ, не смотря на ту важную роль, какую играли въ управленіи страною мѣстныя всесословныя организаціи, являясь необходимыми его органами и въ то же время общественной силой, съ которой правительство не могло не считаться, какъ ни велики были прерогативы короля и его фактическое могущество, руководители конституціоннаго движенія, приведшаго къ изданію Великой Хартіи Вольностей, сочли тѣмъ не менѣе возможнымъ

организуя учрежденіе, которое должно было ограничивать королевскую власть въ сферѣ обложенія, а въ зависимости отъ этого и въ другихъ областяхъ управленія, вовсе оставить въ сторонѣ живой и жизненный организмъ всесословнаго графства, и въ вопросахъ обложенія далеко не представлявшій собою пассивнаго объекта правительственныхъ манипуляцій; участниками „общаго совѣта королевства“ (commune consilium regni) они сдѣлали однихъ лишь прямыхъ вассаловъ короля, создавая, такимъ образомъ, въ противовѣсъ королевской власти совершенно феодальное учрежденіе, феодальный сеймъ. А между тѣмъ, при томъ взаимоотношеніи общественныхъ силъ въ англійскомъ обществѣ, какое установилось здѣсь съ момента нормандскаго завоеванія, подчинившаго сильной центральной власти всѣ безъ исключенія элементы общества и введшаго ихъ въ рамки широкой, вовсе не феодальной политической организаціи, такая чисто феодальная постановка „общаго совѣта королевства“ не только не могла обезпечивать интересовъ всѣхъ общественныхъ группъ отъ посягательствъ со стороны короля и его агентовъ, но находилась въ прямомъ противорѣчіи съ интересами народа, отдавая ихъ въ жертву интересамъ вовсе не преобладавшей соціально и сравнительно незначительной группы, далеко не склонной отожествлять эти двѣ категоріи интересовъ. Государственная власть, утвердившаяся на широкой національной основѣ, управлявшая страною посредствомъ широкой системы центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, словомъ, монархія новаго, не феодальнаго типа могла превратиться изъ неограниченной монархіи въ конституціонную лишь при условіи ограниченія ея учрежденіемъ, которое бы въ такой же мѣрѣ было бы далеко отъ феодализма и ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе считалось бы со всѣми наличными общественными силами и съ ихъ организаціями,—прежде всего съ всесословнымъ графствомъ и его „народными собраніями“. Только при этомъ условіи новый политическій режимъ и могъ быть прочнымъ государственнымъ порядкомъ, могъ дѣйствительно обезпечивать неприкосновенность правъ и вольностей англійскаго народа, торжественно провозглашенныхъ Великой Хартіей, и ихъ дальнѣйшее развитіе. При всемъ своемъ реализмѣ и трезвости пониманія окружающихъ условій, бароны, вступая въ соглашеніе съ другими общественными группами и выставляя на своемъ знамени интересы всѣхъ свободныхъ людей королевства и отчасти даже несвободныхъ, въ вопросѣ политическомъ въ собственномъ смыслѣ,—въ вопросѣ о постановкѣ верховной власти не возвысились надъ узкой, классовой, феодальной точкой зрѣнія и воспользовались поднятымъ противъ произвола общественнымъ движеніемъ, чтобы провести въ жизнь свои, никогда не умиравшіе, хотя всѣмъ ходомъ исторіи давно осужденные, политическіе идеалы. Заботливо охраняя отъ правительственнаго произвола личность и имущество каждаго свобод-

наго человѣка (а отчасти даже и несвободнаго), провозглашая широко формулированный принципъ личной, гражданской свободы (вспомнимъ 39-й параграфъ Великой Хартіи) бароны въ то же время рѣшительно отстраняли свободную массу отъ столь же торжественно провозглашенной ими политической свободы, отъ участія въ „общемъ совѣтѣ королевства". Политическую свободу они дѣлали своей монополіей и тѣмъ обрекали ее на призрачное существованіе. Въ этомъ ахиллесова пята Великой Хартіи. Хартія не разрѣшила поставленнаго исторіей вопроса. Возведя на высоту основныхъ правовыхъ принциповъ принципы гражданской и политической свободы — и въ этомъ безсмертная заслуга руководителей общественнаго движенія начала тринадцатаго вѣка — и тѣмъ заложивъ въ Англіи основы правового порядка, который долженъ былъ смѣнить безраздѣльно господствовавшую систему правительственнаго произвола, Великая Хартія не создала вполнѣ удовлетворительныхъ техническихъ средствъ, которыя бы гарантировали проведеніе въ жизнь юридически поставленныхъ ею принциповъ и дѣлали невозможнымъ возвращеніе къ старому порядку. Великая Хартія явилась лишь первымъ—и чрезвычайно важнымъ—шагомъ англійскаго общества на пути къ свободѣ. Она юридически формулировала выдвинутую жизнью задачу и тѣмъ создала почву для правомѣрной борьбы и дала ей широкую и опредѣленную программу, способную объединить самы различные общественные элементы въ ихъ стремленіи къ свободѣ, въ какія бы конкретныя историческія формы ни облекалась эта послѣдняя въ каждый данный историческій моментъ *).

II.

Таковы были политическіе результаты общественнаго движенія начала тринадцатаго вѣка, и уже они одни могли бы обезпечить этому столѣтію почетное мѣсто въ исторіи политическаго развитія Англіи. Но это былъ только первый крупный шагъ, сдѣланный англійскимъ обществомъ въ тринадцатомъ вѣкѣ на пути къ политическому освобожденію. За нимъ послѣдовали и дальнѣйшіе шаги, и къ концу столѣтія не разрѣшенная Великой Хартіей задача была въ основѣ рѣшена, и Англія окончательно перешла къ конституціонному режиму.

Намъ бы хотѣлось представить въ возможно краткомъ очеркѣ тотъ сложный и болѣзненный процессъ, который пришлось пережить англійскому обществу для того, чтобы провести въ жизнь

*) Мнѣ уже приходилось говорить болѣе обстоятельно о Великой Хартіи на страницахъ „Русскаго Богатства" въ статьѣ „Великая Хартія Вольностей", напечатанной потомъ въ видѣ отдѣльной брошюры книгоиздательствомъ „Донская Рѣчь".

провозглашенный Великой Хартіей принципъ политической свободы. Это была эпоха ожесточенной и нерѣдко кровавой борьбы, то глухой, то вполнѣ открытой, какъ между обществомъ и правящей кликой, такъ и между разными группами самого общества, борьбы тѣмъ болѣе знаменательной, что она не просто велась на почвѣ ничѣмъ не прикрытыхъ интересовъ, но освѣщалась опредѣленно формулированными политическими принципами, свидѣтельствующими о томъ, что политическое сознаніе широкихъ круговъ англійскаго общества сдѣлало къ этому времени очень серьезные успѣхи и что правительственному произволу и насилію нельзя уже было опираться на политическую неразвитость и политическое суевѣріе общества и волей-неволей приходилось склоняться передъ общественными требованіями. Эта эпоха борьбы была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой конституціонныхъ опытовъ. Каждая изъ борющихся сторонъ старалась въ моментъ своего торжества провести въ жизнь свое пониманіе основной политической задачи времени и создать такую политическую форму, которая бы обезпечила торжество ея интересовъ и идеаловъ. Жизнь не медлила произносить свой приговоръ надъ этими продуктами политическаго творчества, воздавая каждому по заслугамъ, по его соотвѣтствію реальному взаимоотношенію общественныхъ силъ, какъ оно сложилось въ Англіи съ давнихъ поръ, пока наконецъ не восторжествовала та форма, которая болѣе всего отражала на себѣ это взаимоотношеніе и являлась органическимъ продуктомъ всей предшествующей исторіи.

Іоаннъ Безземельный подписалъ Великую Хартію, лишь уступая силѣ. Для него это былъ единственный выходъ изъ созданнаго имъ положенія; онъ принужденъ былъ имъ воспользоваться, но вовсе не считалъ себя при этомъ связаннымъ взятыми на себя обязательствами, и, какъ только гроза миновала, не теряя, времени, сталъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы уничтожить результаты побѣды, одержанной надъ нимъ вооруженной коалиціей его подданныхъ, впервые дружно выступившихъ противъ своего общаго врага въ защиту права и закона. Сторону короля принялъ его сюзеренъ, папа Иннокентій III, и прислалъ въ Англію буллу. Въ ней онъ объявилъ несправедливымъ, противозаконнымъ и позорнымъ то дѣло, во главѣ котораго стояли бароны, а самихъ бароновъ отлученными отъ церкви, и въ силу данной ему Богомъ власти освобождалъ Іоанна отъ торжественно данной имъ клятвы добросовѣстно и безъ всякаго злого умысла соблюдать статьи Великой Хартіи, а въ заключеніе признавалъ Хартію не имѣющей силы и какъ бы не существующей. Были вызваны королемъ съ континента наемные отряды и опять началась война. Мы не будемъ слѣдить за ея перипетіями. Кончилась она благодаря внезапной смерти Іоанна Безземельнаго. На престолъ вступилъ его малолѣтній сынъ Генрихъ, было учреждено регенство

и немедленно же была вновь издана Великая Хартія Вольностей. Чрезвычайно характерно, что стоявшіе теперь у власти бароны не сочли нужнымъ связывать себя 12-мъ и 14-мъ параграфами Хартіи, требующими созыва всѣхъ прямыхъ вассаловъ короля для разрѣшенія экстренныхъ налоговъ (выходящихъ за предѣлы трехъ феодальныхъ случаевъ), и параграфы эти, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, были выпущены въ этомъ новомъ изданіи Великой Хартіи. На сравнительно долгое время борьба затихла, но, какъ оказалось, лишь для того, чтобы возобновиться съ новой силой, какъ только король, объявивъ себя совершеннолѣтнимъ и сбросивъ стѣснявшія его путы докучливой опеки, сталъ править самостоятельно, совершенно не считаясь съ тѣми границами, какія ставилъ ему законъ, а руководствуясь лишь собственными интересами и совѣтами тѣхъ, чьи интересы совпадали съ его собственными. Передъ англійскимъ обществомъ опять сталъ во всемъ своемъ жизненномъ значеніи тотъ же вопросъ, который оно рѣшало при Іоаннѣ Безземельномъ, но рѣшило въ сущности только теоретически, вопросъ о томъ, стать ли Англіи правовымъ государствомъ или же по прежнему быть ареной неограниченнаго произвола короля и его администраціи. Съ нимъ жизнь тѣсно связала другой, едва-ли менѣе важный вопросъ, еще болѣе обострившій общественную борьбу. Разъ абсолютизму суждено было уступить мѣсто иному, болѣе совершенному государственному порядку, то каковъ долженъ былъ быть этотъ новый порядокъ, кому должна была принадлежать въ немъ руководящая роль, тѣсной ли группѣ самыхъ могущественныхъ феодаловъ или же болѣе широкимъ общественнымъ кругамъ, представителямъ интересовъ, по возможности, всей націи, по крайней мѣрѣ ея свободныхъ элементовъ? Вокругъ этихъ двухъ основныхъ вопросовъ и сосредоточивается политическая борьба эпохи Генриха III, при свѣтѣ ихъ и получаютъ смыслъ нерѣдко крайне запутанныя событія, наполняющія вторую половину продолжительнаго царствованія этого короля (1216—1272 г.).

Великую Хартію англійское общество добыло дружными усиліями своихъ свободныхъ элементовъ, забывшихъ на время свою сословную и классовую рознь и сплотившихся въ проникнутое однимъ чувствомъ и одной мыслью „воинство божье и святой церкви“. Нужны были исключительно тяжелыя условія, чтобы вызвать такое единство чувствъ и дѣйствій среди англійскаго общества, нужна была вся совокупность внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій, созданныхъ рѣзко противообщественной и грубо деспотической политикой Іоанна Безземельнаго, его крайне безславной, чисто династической войной съ Франціей, завершившейся разгромомъ при Бувинѣ и потерей континентальныхъ владѣній, его едва-ли менѣе позорной борьбой съ церковью, безграничными вымогательствами и совершенно ни передъ чѣмъ не останавли-

вавшимся издѣвательствомъ надъ правомъ и закономъ. Безъ этихъ условій, дѣлавшихъ безмѣрно тяжелымъ существованіе каждаго англичанина начала XIII столѣтія, къ какому бы сословію или классу онъ ни принадлежалъ, англійское общество едва-ли бы было способно сдѣлать крупный шагъ къ ограниченію королевской власти и къ утвержденію въ странѣ правового порядка, потому что сословная рознь была еще очень сильна въ немъ, какъ ни тяжела была для всѣхъ сословій та школа фискальнаго и всякаго иного деспотизма, которую имъ пришлось сообща проходить въ теченіе полутора столѣтій и которая развивала въ нихъ чувство солидарности и общественное сознаніе. Столь же исключительныя условія необходимы были и для того, чтобы англійское общество могло дать совмѣстный отпоръ правительственному произволу, воспрянувшему съ новой силой при Генрихѣ III съ момента его совершеннолѣтія.

Самостоятельное правленіе Генриха III означало для Англіи до тѣхъ поръ безпримѣрное здѣсь господство какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной администраціи, высшей и низшей, иностранныхъ авантюристовъ, которыхъ привезли съ собой, главнымъ образомъ изъ Франціи, многочисленные родственники короля и королевы, привлеченные къ англійскому двору также перспективой обогащенія и политическаго вліянія, и прислалъ папа для замѣщенія церковныхъ должностей, а также—и это было едва-ли не большее еще зло — совершенно беззастѣнчивое хозяйничанье въ странѣ римскаго первосвященника, видѣвшаго въ Англіи лишь свое богатое помѣстье и безъ всякаго стѣсненія облагавшаго какъ англійское духовенство, такъ и міранъ самыми разнообразными и всякую мѣру привышавшими налогами и вовлекавшаго своего послушнаго вассала, короля, въ самыя рискованныя и крайне губительныя для національныхъ интересовъ Англіи международныя авантюры. Какъ сами королевскіе родственники, такъ и ихъ клевреты — мало того, что захватили въ свои загребущія руки всѣ самыя высокія и самыя доходныя мѣста, вытѣснивъ оттуда природныхъ англичанъ, но при этомъ совершенно не желали считаться съ писанными и неписанными законами страны, вполнѣ откровенно и открыто заявляя, что въ Англіи единственный источникъ права и закона—воля и власть короля. Окруживъ себя подобными совѣтниками и предоставивъ такимъ людямъ власть и вліяніе въ самыхъ различныхъ областяхъ центральнаго и мѣстнаго управленія, Генрихъ III подвергалъ, слѣдовательно, величайшей опасности все то, что давала англійскому обществу Великая Хартія. Англія очутилась какъ бы подъ игомъ завоевателей. Ея національному достоинству была нанесена глубочайшая обида, которую одинаково болѣзненно чувствовали всѣ сословія и классы общества. Оскорбленное національное чувство и явилось той связью, которая опять соединила разрозненные элементы англій-

скаго общества въ защитѣ попраннаго права и опять сдѣлала для нихъ возможной побѣду надъ королевской властью и попытку ввести ее въ болѣе опредѣленныя ограничительныя рамки. Какъ и передъ 1215 годомъ, подняли движеніе и стали во главѣ его бароны, имѣя на своей сторонѣ полное и горячее сочувствіе всего народа. Ихъ первый рѣшительный шагъ относится къ 1246 году. Въ этомъ году папа Иннокентій IV потребовалъ съ англійской церкви огромную сумму денегъ. Это уже былъ не первый случай подобнаго рода. Чаша терпѣнія переполнилась, и бароны, собравшіеся въ Лондонѣ (куда они были приглашены королемъ въ качествѣ членовъ великаго совѣта, или, какъ къ этому времени уже стали говорить, парламента), составили и послали папѣ письмо, въ которомъ нарисовали яркую картину бѣдствій, терпимыхъ отъ папскаго престола англійской церковью и народомъ. Въ письмѣ говорилось о ежегодно взимающихся папой съ англійской церкви денежныхъ суммахъ, на которыя онъ не имѣетъ никакого права, о захватѣ имъ принадлежащаго баронамъ права представленія кандидатовъ на приходы и о самовольномъ замѣщеніи этихъ приходовъ итальянцами, не знающими англійскаго языка, на душевную погибель прихожанамъ и опустошеніе королевства, о лежащихся тяжкимъ бременемъ на церковь папскихъ пенсіяхъ и провизіяхъ, о налогахъ, которые безъ королевскаго разрѣшенія взимаетъ со всей страны римскій первосвященникъ, отправляя для этого въ Англію своихъ ненавистныхъ народу посланцевъ. „Если эти бѣдствія не будутъ какъ можно скорѣе исправлены вами“, заявляли въ заключеніе бароны, „есть много основаній опасаться, что и церкви римской, и королю будетъ грозить такая бѣда, что не легко будетъ помочь имъ“.

Письмо это не произвело на папу никакого впечатлѣнія и вовсе не измѣнило его англійской политики. Онъ по прежнему продолжалъ эксплуатировать національное богатство Англіи для осуществленія своихъ совершенно чуждыхъ ея интересамъ цѣлей и по прежнему встрѣчалъ полную поддержку со стороны Генриха III, совершенно неспособнаго идти наперекоръ требованіямъ своего сюзерена и къ тому же прекрасно понимавшаго, что добрыя отношенія съ папой небезвыгодны и ему самому, что съ разрѣшенія и при поддержкѣ папы онъ самъ можетъ эксплуатировать англійскую церковь и народъ, угнетая ихъ безконечными поборами и вымогательствами въ противность Великой Хартіи и другимъ грамотамъ, изданнымъ въ защиту вольностей церкви и народа. Въ 1254 году Иннокентій IV предложилъ Генриху для его младшаго сына Эдмунда корону Обѣихъ Сицилій. Корона эта еще находилась въ рукахъ Гогенштауфеновъ, съ которыми папскій престолъ велъ упорную и безпощадную борьбу. Предложенную корону еще нужно было завоевать, и папа бралъ на себя это дѣло; для осуществленія же его нужны были деньги, которыя и обязывался

уплатить, подъ страхомъ конфискаціи своего королевства, англійскій король, разъ онъ принималъ папское предложеніе. Генрихъ согласился на эту сдѣлку и обязался уплатить папѣ огромную по тому времени сумму въ 140.000 марокъ (марка равнялась 13⅓ шилл.). Ни духовные, ни свѣтскіе магнаты королевства, которыхъ обыкновенно созывали въ такихъ важныхъ случаяхъ въ великій совѣтъ, на этотъ разъ не только не были созваны, но даже и вовсе не были освѣдомлены о заключенномъ королемъ договорѣ съ папой. Англійское общество и не подозрѣвало, какой ему готовится сюрпризъ. Каково же было изумленіе и негодованіе созваннаго въ 1257 году въ Лондонѣ великаго совѣта, когда король представилъ ему новаго англійскаго короля въ апулійскомъ костюмѣ, объявилъ о заключенной съ папой сдѣлкѣ и объ ея условіяхъ, прибавивъ при этомъ, что предложенную его сыну сицилійскую корону онъ принялъ съ согласія англійской церкви, и въ заключеніе потребовалъ для уплаты папѣ десятую часть всѣхъ церковныхъ доходовъ, доходъ со всѣхъ вакантныхъ бенефицій въ теченіе пяти лѣтъ и доходы еще изъ нѣсколькихъ другихъ источниковъ. Какъ ни возмущены были духовные магнаты, немедленно же заявившіе, что они въ первый разъ слышатъ объ этомъ договорѣ короля съ папой, но у нихъ не хватило мужества отвѣтить на требованіе короля рѣшительнымъ отказомъ и они предложили королю 52.000 марокъ, но вмѣсто благодарности услышали отъ него выраженіе его крайняго неудовольствія. Весь этотъ эпизодъ произвелъ на англійское духовенство крайне удручающее впечатлѣніе. Оно рѣшилось, наконецъ, на открытый коллективный протестъ и, собравшись на свой церковный парламентъ (конвокацію) въ Кентербери, составило здѣсь и отправило королю петицію изъ пятидесяти пунктовъ, въ которой подробно указывало на всѣ притѣсненія и обиды и опредѣленно требовало реформъ. Настроеніе какъ среди духовенства, такъ и среди мірянъ становилось все напряженнѣе. Но король оставался глухъ ко всему и въ слѣдующемъ году опять созвалъ въ Лондонѣ великій совѣтъ (или, по утвердившейся уже тогда терминологіи, парламентъ, parliamentum) и опять потребовалъ денегъ для уплаты папѣ, еще не уплаченныхъ по обязательству, въ размѣрѣ третьей части всей собственности въ странѣ. У всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи даже въ ушахъ зазвенѣло, говоритъ современный хроникеръ, когда они это услышали. Сдерживавшееся до тѣхъ поръ общественное негодованіе прорвалось бурнымъ потокомъ. Бароны рѣшительно заявили, что они больше не могутъ тратить свои скудныя средства, и на короля посыпался градъ негодующихъ заявленій. Ему указывали на то, что благодаря своему безумію, онъ, въ противность разуму и достоинству, не посовѣтовавшись съ знатью, согласился принять предложенную папой сицилійскую корону и тѣмъ открылъ широкій путь папскимъ вымогательствамъ

Его упрекали въ томъ, что онъ не соблюдалъ обѣщаній, которыя давалъ церкви, и нарушалъ грамоты, которыя столько разъ подтверждалъ за деньги, что въ противность законамъ и обычаямъ королевства онъ предоставилъ своимъ своднымъ братьямъ, иноземцамъ, самыя вліятельныя мѣста въ управленіи и не позволялъ своей канцеляріи издавать противъ нихъ никакихъ приказовъ, хотя ихъ наглость и злоупотребленія, какія позволяли себѣ ихъ подручные, всѣмъ извѣстны. Обращаясь къ собранію, Симонъ де-Монфоръ графъ Лестерскій указывалъ на наглое поведеніе иностранцевъ, обогощенныхъ королемъ на счетъ его собственныхъ подданныхъ и доведшихъ страну почти до гибели, до того, что власть короля уже безсильна и не имѣетъ средствъ принуждать къ исполненію законовъ и отражать внѣшнихъ враговъ, и требовалъ надъ ними немедленнаго суда. Исключительно дурное управленіе короля требуетъ и мѣръ исключительныхъ, такъ резюмировало собраніе свои бурные дебаты и рѣшительно отказалось давать требуемыя королемъ для уплаты папѣ деньги. Папскій посланецъ сталъ было грозить королю и магнатамъ отлученіемъ отъ церкви, заявляя, что король обязался и за нихъ, и за ихъ земли, но собраніе единодушно дало ему негодующій отвѣтъ, что всѣ они—свободные люди и не во власти короля связывать ихъ такими обязательствами.

Но на этомъ бароны не остановились. Черезъ нѣсколько дней (30 апрѣля 1258 года) они явились къ королю, чтобы предъявить ему свои рѣшительныя требованія. „Въ условленный день, когда приближался третій часъ", разсказываетъ современный лѣтописецъ, „знатные и храбрые мужи, графы, бароны и рыцари, явились ко двору, т. е. въ Уэстминстеръ, въ полныхъ воинскихъ доспѣхахъ и при шпагѣ; но при входѣ въ королевскій залъ они сняли свои мечи и положили ихъ на полъ и, явившись передъ королемъ, привѣтствовали его со всѣмъ слѣдуемымъ ему уваженіемъ". При грозномъ зрѣлищѣ этихъ покрытыхъ кольчугами бароновъ короля охватилъ внезапный страхъ.—„Что это, господа",—сказалъ онъ,—„я вашъ плѣнникъ?"—„Нѣтъ, сиръ король",—отвѣчалъ Роджеръ Биго,—„нѣтъ! Но необходимо, чтобы гнусные и нестерпимые выходцы изъ Пуату, равно какъ и всѣ другіе иностранцы, бѣжали изъ вашего и нашего присутствія. Вотъ въ чемъ нашъ секретъ, и всѣ мы открываемъ его вамъ въ интересахъ достоинства, чести и пользы вашей власти и всего вашего королевства. Дайте клятву во всемъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ, это лучшее средство и лучшее утѣшеніе, какое только вы можете найти".—„А какъ же вы будете видѣть, что я желаю слѣдовать вашимъ совѣтамъ?"—спросилъ король. На это бароны отвѣчали:—„Поклянитесь, коснувшись святого Евангелія, вы и вашъ сынъ и наслѣдникъ Эдуардъ, что вы ничего не станете дѣлать безъ совѣта двадцати четырехъ мудрыхъ мужей, епископовъ, графовъ и бароновъ, избранныхъ

нами, что вы никоимъ образомъ не подумаете налагать на вашихъ подданныхъ невѣдомаго до сихъ поръ ярма, противнаго праву вашего королевства, и что вы немедленно передадите королевскую печать вѣрному человѣку, котораго вамъ назначатъ двадцать четыре". Всѣ единодушно требовали реформъ и избранія комитета двадцати четырехъ для ихъ проведенія. Королю оставалось только подчиниться; черезъ два дня онъ издалъ прокламацію, въ которой обязывался еще до Рождества произвести требуемыя реформы, руководясь совѣтомъ достойныхъ и вѣрныхъ людей англійскаго королевства, а также совѣтомъ папскаго легата, если къ тому времени онъ случится въ Англіи, и, подъ страхомъ церковной кары со стороны римскаго престола, крѣпко соблюдать всѣ постановленія, какія будутъ изданы для этого, и прибавлялъ, что его старшій сынъ и наслѣдникъ Эдуардъ далъ клятву признавать для себя обязательнымъ все выше указанное. Въ тотъ же день (2 мая) была издана королемъ и другая прокламація, которой онъ доводилъ до общаго свѣдѣнія, что онъ далъ вельможамъ и магнатамъ своего королевства и скрѣпилъ своей клятвой согласіе на то, чтобы были произведены въ королевствѣ реформы двѣнадцатью членами королевскаго совѣта, уже избранными для этого, и другими двѣнадцатью, которые будутъ избраны изъ среды магнатовъ, когда они соберутся въ Оксфордѣ черезъ мѣсяцъ послѣ Троицы, и обязывался нерушимо соблюдать все, что они постановятъ, отъ всѣхъ требуя такого же соблюденія, такую же клятву далъ, по словамъ короля, и принцъ Эдуардъ.

Парламентъ былъ распущенъ и магнаты разъѣхались по домамъ, чтобы черезъ пять недѣль собраться въ Оксфордѣ и приступить къ осуществленію обѣщанныхъ королемъ реформъ. Эти пять недѣль были временемъ чрезвычайно оживленной дѣятельности и для свѣтскихъ, и для духовныхъ бароновъ. Никто не вѣрилъ искренности королевскихъ обѣщаній. Всѣ прекрасно понимали, что всѣ эти торжественныя заявленія короля, какъ устныя, такъ и письменныя, ни на одинъ шагъ не двинутъ дѣла реформы, разъ общество не выставитъ въ подкрѣпленіе своихъ требованій внушительной организованной силы, съ которой должны будутъ считаться всѣ тѣ, для кого господство ничѣмъ неограничиваемаго произвола являлось необходимымъ условіемъ власти и богатства. Нужно было создать такую силу, а также съ возможной полнотой и опредѣленностью формулировать свои требованія, чтобы явиться въ Оксфордъ не съ пустыми руками. Вожди бароновъ, графы Лестерскій (Симонъ де Монфоръ), Глостерскій и Герефордскій, и многіе другіе представители знати въ виду всякихъ возможныхъ неожиданностей со стороны короля и окружавшихъ его иностранныхъ авантюристовъ, торжественно заключили другъ съ другомъ союзъ и мобилизовали своихъ вас-

саловъ. Была выработана и составлена петиція, которая должна была быть представлена королю въ Окфордскомъ парламентѣ, и въ ней подробно были указаны всѣ злоупотребленія, съ которыми должна была покончить намѣченная коммиссія реформъ. Духовенство съ своей стороны, собравшись на конвокацію въ Мертонѣ, составило резолюцію, въ которой въ сильныхъ выраженіяхъ изображалось все то, что приходилось терпѣть церкви въ противность божескому закону, каноническому праву и вольностямъ, самимъ же королемъ за нею утвержденнымъ, указывалось на необходимость реформъ и въ заключеніе постановлялось, что всякій, виновный въ расточеніи собственности вакантныхъ церквей, даже если это будетъ самъ король, долженъ быть немедленно отлученъ отъ церкви. Чтобы сталъ вполнѣ ясенъ конкретный смыслъ этого послѣдняго заявленія, слѣдуетъ замѣтить, что однимъ изъ самыхъ вопіющихъ бѣдствій, которыя приходилось терпѣть церкви отъ королевскаго произвола, было постоянное злоупотребленіе правомъ замѣщенія церковныхъ вакансій: король подолгу не замѣщалъ епископскихъ каѳедръ и мѣстъ аббатовъ и совершенно свободно распоряжался принадлежавшими каѳедрамъ и аббатствамъ помѣстьями, извлекая изъ нихъ все, что только можно было извлечь, раззоряя ихъ земли и крестьянъ и приводя въ полный упадокъ ихъ хозяйство.

Къ 11 іюня 1258 года бароны и прелаты съѣхались въ Оксфордъ. Не довѣряя королю и опасаясь съ его стороны какихъ-либо сюрпризовъ, бароны явились въ полномъ вооруженіи и съ большими отрядами зависимыхъ отъ нихъ вооруженныхъ людей, изъ которыхъ составилось цѣлое войско въ 60.000 человѣкъ. Съ тѣми же цѣлями предосторожности они приняли мѣры къ бдительной охранѣ морскихъ портовъ. Какъ только собраніе было открыто, королю была представлена баронами петиція, о которой мы только что упоминали, и началось ея бурное обсужденіе. Состояла она изъ 29 пунктовъ, въ которыхъ бароны подробно указывали всѣ непорядки и злоупотребленія властью со стороны короля и органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія и требовали немедленныхъ реформъ. Въ частности, они требовали передачи природнымъ англичанамъ королевскихъ замковъ, какъ на морскомъ берегу, такъ и въ другихъ мѣстахъ, и запрещенія частнымъ лицамъ укрѣплять свои замки на морскомъ берегу или на сосѣднемъ островѣ, а также того, чтобы король не выдавалъ находящихся подъ его опекой наслѣдницъ его умершихъ вассаловъ за неровней, „то есть, за людей не изъ націи англійскаго королевства“. Другіе пункты касались злоупотребленій, притѣсненій и вымогательствъ, которыя позволяли себѣ разъѣздные судьи и губернаторы графствъ (шерифы), а также королевскіе чиновники, бравшіе у продавцевъ товары для надобностей королевскаго двора. Всѣ эти злоупотребленія представляли

собою прямое нарушеніе параграфовъ Великой Хартіи, которая только при томъ условіи могла регулировать жизненныя отношенія, если бы общество располагало органомъ, представлявшимъ его организованную, регулярно и правомѣрно дѣйствующую силу, грозную для всякаго посягательства на право и законъ. Бароны сами ясно понимали всю настоятельность болѣе дѣйствительнаго ограниченія власти короля и, требуя реформъ, они въ сущности имѣли въ виду эту основную реформу политическаго строя, которая одна могла серьезно улучшить общее управленіе и искоренить тѣ бѣдствія, на какія они жаловались въ своей петиціи.

Послѣ разсмотрѣнія петиціи былъ окончательно сформированъ комитетъ двадцати четырехъ, и онъ немедленно же приступилъ къ составленію конституціи. Вотъ ея основныя черты. При королѣ долженъ находится постоянный *совѣтъ пятнадцати*. Эти пятнадцать „будутъ имѣть право давать королю добросовѣстные совѣты относительно управленія королевствомъ и относительно всего, касающагося короля и королевства, и исправлять все, что найдутъ необходимымъ исправить". Подъ контролемъ ихъ будетъ находиться верховный юстиціарій и другія высшія должностныя лица. Постановленія въ совѣтѣ пятнадцати дѣлаются большинствомъ голосовъ. Совѣтъ этотъ избирается комитетомъ двадцати четырехъ такимъ образомъ: двѣнадцать членовъ комитета, принадлежащіе къ баронской партіи, избираютъ двоихъ изъ остальныхъ двѣнадцати, т. е. изъ партіи королевской, а эти послѣдніе въ свою очередь избираютъ двоихъ изъ партіи баронской; составившійся такимъ образомъ комитетъ четырехъ и выбираетъ членовъ совѣта пятнатцати, которыхъ утверждаетъ затѣмъ комитетъ двадцати четырехъ. Три раза въ годъ, въ опредѣленные сроки, для выясненія общаго состоянія королевства и для обсужденія общихъ нуждъ его и короля, собирается *парламентъ*, который можетъ, впрочемъ, собираться и въ экстренныхъ случаяхъ, и тогда его созываютъ особымъ приказомъ короля. Парламентъ состоитъ всего лишь изъ двадцати семи членовъ; изъ совѣта пятнадцати, только что упомянутаго, и изъ двѣнадцати выборныхъ, избранныхъ для этого баронами. Эти двадцать семь и рѣшаютъ общія дѣла отъ лица „всей общины страны" и то, что они рѣшатъ, будетъ имѣть обязательную силу для всей общины, которая такимъ образомъ избавляется отъ издержекъ, сопряженныхъ съ ея присутствіемъ въ парламентѣ. Высшіе сановники государства, каковы канцлеръ, великій юстиціарій, казначей королевства, а также губернаторы графствъ (шерифы) назначаются на одинъ годъ и по истеченіи его обязаны отдавать отчетъ въ своей дѣятельности передъ королемъ, совѣтомъ пятнадцати и своими замѣстителями. И члены совѣта пятнадцати, и двѣнадцать выборныхъ для присутствованія въ парламентѣ, и высшіе сановники государства были тутъ же избраны комитетомъ двадцати

четырехъ. Власть высшихъ сановниковъ, а также губернаторовъ и фискальныхъ чиновниковъ была точно опредѣлена и подчинена королевскому совѣту пятнадцати, и имъ воспрещены были всякія вымогательства. Было постановлено, что должностными лицами въ высшемъ финансовомъ учрежденіи страны, въ такъ называемой Палатѣ Шахматной Доски, должны быть только уважаемые люди, и къ нимъ однимъ должны поступать государственные доходы, а не въ какія-либо другія руки. Въ каждомъ графствѣ должно было быть выбрано по четыре рыцаря, которые бы отъ всѣхъ въ графствѣ принимали жалобы на несправедливости и обиды, причиненныя имъ шерифами, бэйлифами и другими представителями мѣстной администраціи, и возбуждали преслѣдованіе противъ этихъ должностныхъ лицъ передъ судомъ верховнаго юстиціарія въ первый же пріѣздъ его въ графство. Королевскіе замки, до сихъ поръ находившіеся почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ, должны были быть переданы природнымъ англичанамъ, которые должны присягнуть, что будутъ честно и лойяльно охранять ихъ для короля и его наслѣдниковъ, что передадутъ ихъ одному лишь королю или его наслѣдникамъ и притомъ лишь по приказанію королевскаго совѣта. Комитету двадцати четырехъ было поручено отъ имени короля произвести также и необходимыя церковныя реформы. Былъ избранъ еще и другой комитетъ двадцати четырехъ, который долженъ былъ имѣть чисто временный характеръ, для разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о субсидіи, которую просилъ у парламента король, чтобы разсчитаться съ папой за сицилійскую корону.

III.

Таковы были основы новаго политическаго порядка, выработаннаго Оксфордскимъ парламентомъ 1258-го года, такъ называемымъ Безумнымъ или Бѣшеннымъ парламентомъ (такъ прозвали его враги). Немедленно же были приняты указанныя парламентомъ мѣры противъ иностранцевъ. Ихъ заставили выдать находившіеся въ ихъ рукахъ королевскіе замки и вернуть полученныя отъ королевскихъ щедротъ богатства. Часть ихъ бѣжала въ страхѣ, въ числѣ ихъ и королевскіе родственники, а остальные были изгнаны. Была подтверждена Великая Хартія Вольностей, а 18-го октября король и его сынъ Эдуардъ особыми прокламаціями заявили о своемъ согласіи съ Оксфордскими Провизіями и такимъ образомъ торжественно санкціонировали дѣло реформы. Англія получала новую политическую форму, которая должна была обезпечить общество отъ вопіющихъ золъ, въ такомъ изобиліи изливаемыхъ на страну правительствомъ, свободнымъ отъ общественнаго контроля, неограниченнымъ въ своихъ полномо-

чіяхъ и вдохновляемымъ своекорыстными интересами фактически правящей въ данный моментъ клики. Является вопросъ: въ какой мѣрѣ указанная форма могла выполнять эту задачу? Насколько она была способна обезпечивать неприкосновенность права и закона? Та или иная степень удовлетворительности политической формы опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ она представляетъ и даетъ удовлетвореніе законнымъ интересамъ всего общества, всѣхъ его группъ, не закрѣпляя фактическаго господства однѣхъ группъ надъ другими. Заботливость, съ какой комитетъ двадцати четырехъ оберегалъ „общину всей земли" отъ издержекъ, которыя ей пришлось бы понести, еслибы она принимала (черезъ своихъ представителей) участіе въ собраніяхъ парламентовъ, едва-ли могла ввести кого-нибудь въ заблужденіе относительно истинныхъ мотивовъ отстраненія „общины" отъ активной политической жизни и ограниченія состава парламента лишь двѣнадцатью баронскими избранниками, временно (обыкновенно три раза въ годъ) какъ бы прикомандировывавшимися къ совѣту пятнадцати для совмѣстнаго съ нимъ обсужденія нуждъ страны. Если мы обратимъ еще вниманіе на то, что и самый этотъ совѣтъ пятнадцати, ограничивающій королевскую власть, также состоялъ изъ баронскихъ избранниковъ и при томъ почти исключительно изъ членовъ комитета двадцати четырехъ, ихъ избиравшаго, и что въ этотъ комитетъ, совмѣщавшій въ себѣ функціи и учредительнаго собранія, которое должно было дать странѣ новую политическую форму, и верховнаго учрежденія въ реформированномъ государствѣ, входили исключительно члены баронскаго класса, то для насъ станетъ совершенно очевидной олигархическая тенденція конституціи 1258 года. Переворотъ 1258-года, произведенный баронами, опиравшимися на вооруженную силу своихъ зависимыхъ людей и на горячее сочувствіе всего народа, отдалъ власть въ ихъ собственныя руки, и, создавая новый государственный порядокъ, они, конечно, сдѣлали все, чтобы и формально закрѣпить за собою эту власть. Вершителями судебъ страны явилась тѣсная группа самыхъ крупныхъ феодаловъ, не пожелавшая подѣлиться властью даже съ членами своего сословія, съ остальными крупными вассалами короля (съ majores barones, по терминологіи Великой Хартіи) не говоря уже о массѣ мелкихъ королевскихъ вассаловъ и о еще болѣе широкихъ группахъ второстепенныхъ вассаловъ и простыхъ свободныхъ людей. Въ этомъ отношеніи конституція 1258 года далеко оставляетъ за собою даже ту чисто феодальную форму ограниченія королевской власти, какую намѣчаютъ 12 и 14 параграфы Великой Хартіи, обезпечивающіе активное участіе въ политической жизни страны всѣмъ королевскимъ вассаламъ, какъ старшимъ баронамъ, такъ и младшимъ. Мало того. Она является въ этомъ отношеніи шагомъ назадъ даже по сравненію съ тѣмъ порядкомъ, который утвер-

дился съ нормандскаго завоеванія, какъ извѣстно, поставившаго королевскую власть на недосягаемую высоту: какъ ни незначительно могло быть политическое вліяніе Великаго Совѣта, куда король приглашалъ для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, но за то оно не являлось монополіей тѣснаго кружка и было открыто всякому сколько-нибудь значительному королевскому вассалу, съ мнѣніемъ котораго правительство находило нужнымъ считаться. Нужно ли послѣ этого прибавлять, что конституція, въ которой нашли свое выраженіе лишь интересы очень узкой соціальной группы, едва ли была способна обезпечивать интересы всего общества? Это—теоретическое соображеніе очень скоро оказалось совершенно реальнымъ фактомъ. Пока дѣло шло объ „очищеніи отъ иноземной проказы страны, въ которой родились они и отцы ихъ", захватившіе власть бароны проявляли чрезвычайно энергичную дѣятельность. Но когда задача эта, къ великой радости всего народа, была выполнена, новое правительство все не приступало къ реформамъ, такъ опредѣленно намѣченнымъ Оксфордскимъ парламентомъ, и мы имѣемъ не мало основаній предполагать, что оно и не имѣло серьезнаго намѣренія приступать къ нимъ. Повидимому, большинство ставшихъ у власти бароновъ видѣло въ изгнаніи иностранцевъ и въ захватѣ узурпированной ими власти конечную цѣль переворота 1258 года. Національное движеніе, вызванное господствомъ иностранныхъ авантюристовъ и безцеремоннымъ, перешедшимъ всякіе предѣлы хозяйничаніемъ въ странѣ римскаго первосвященника, выдвинуло бароновъ въ роли вождей народнаго дѣла, и они воспользовались этимъ положеніемъ, чтобы осуществить свои никогда не умиравшіе политическіе идеалы и стремленія. При Іоаннѣ Безземельномъ баронамъ самимъ приходилось поднимать и организовать общественное движеніе и привлекать къ нему различные элементы общества, и въ виду этого они принуждены были серьезно считаться съ интересами всѣхъ сословій и классовъ. Оттого то выставленная ими программа и отличалась такой широтой, далеко выходя за предѣлы чисто феодальныхъ формъ и идей, по существу вовсе не чуждыхъ иниціаторамъ движенія и нашедшихъ свое весьма опредѣленное выраженіе въ 12 и 14 параграфахъ Великой Хартіи. Движеніе пятидесятыхъ годовъ тринадцатаго столѣтія выросло стихійно и баронамъ оставалось только овладѣть имъ и направить его къ опредѣленной цѣли. Не удивительно, что въ этомъ случаѣ они болѣе откровенно стали проводить свою классовую точку зрѣнія и нашли возможнымъ даже съузить ее въ сторону чистѣйшей олигархіи, не желавшей дѣлиться попавшей въ ея руки властью даже съ людьми одного съ нею класса. Скорѣе слѣдуетъ удивляться, что среди олигарховъ оказались люди не забывавшіе интересовъ „общины" и вполнѣ серь-

езно относившіеся къ возложенной на нихъ обязанности избавить страну отъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ ей приходилось такъ много терпѣть благодаря господству какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ не знавшей надъ собой никакого контроля, вѣками воспитывавшейся въ школѣ произвола администраціи.

Первое мѣсто среди такихъ людей занималъ Симонъ де Монфоръ, графъ Лестерскій. Между нимъ и графомъ Глостерскимъ, вождемъ олигархическаго большинства, произошло крупное столкновеніе въ парламентѣ, засѣдавшемъ, въ опредѣленномъ новой конституціей составѣ, въ февралѣ 1259 года, именно на этой почвѣ. Протестъ графа Лестерскаго противъ рѣзко олигархическихъ тенденцій новаго правительства произвелъ впечатлѣніе, и въ мартѣ былъ изданъ королевскій ордоннансъ, доводившій до общаго свѣдѣнія, что члены королевскаго совѣта пятнадцати и двѣнадцать выборныхъ, избранныхъ для присутствованія въ парламентѣ, берутъ на себѣ тѣ же обязательства въ отношеніи къ своимъ вассаламъ, какія взялъ на себя король въ отношеніи къ собственнымъ вассаламъ. Едва-ли, впрочемъ, это оффиціальное заявленіе сколько-нибудь измѣнило политику олигарховъ и сколько нибудь подвинуло дѣло реформъ. Обществу самому пришлось напомнить имъ объ ихъ обязанностяхъ. Произошло это въ октябрѣ того же 1259 года, когда въ Уэстминстерѣ засѣдалъ парламентъ. По свидѣтельству современной хроники, въ день св. Эдуарда (13-го октября) англійское рыцарство, или, какъ выражается авторъ хроники „община баккалавровъ Англіи“ (communitas bachelеriae Angliae) заявила сыну короля Эдуарду, а также графу Глостерскому и другимъ членамъ новаго правительства, что въ то время, какъ король исполнилъ все, что постановили и потребовали отъ него бароны, „сами бароны ничего не сдѣлали на пользу государства, какъ обѣщали, и имѣютъ въ виду только собственную выгоду и всевозможный ущербъ королю, и что, если это не измѣнится къ лучшему, пусть реформы производятся инымъ порядкомъ“. Эдуардъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что хотя онъ давалъ клятву въ октябрѣ неохотно, но тогда имѣлъ и теперь имѣетъ непоколебимое намѣреніе выполнить ее и готовъ умереть за общину Англіи и на пользу государства, и рѣшительно поставилъ на видъ олигархамъ, что если они не выполнятъ своей клятвы, то онъ до смерти будетъ стоять за общину и добьется исполненія обѣщаннаго (т. е. выполненія программы реформъ, намѣченныхъ Оксфордскими Провизіями). Демонстрація эта показалась олигархамъ слишкомъ выразительной, чтобы ее можно было оставить безъ вниманія. „Тогда бароны“, прибавляетъ тотъ же хроникеръ, „видя, что лучше, если они сами выполнятъ свои обѣщанія, а не кто-либо иной, опубликовали свои постановленія“. Это были такъ называемыя Уэстминстерскія Провизіи. Въ нихъ были указаны мѣры, какія должны быть приняты для огражденія народа отъ зло-

употребленій общегосударственныхъ и феодальныхъ судовъ и для охраны интересовъ второстепенныхъ держателей отъ произвола феодаловъ и ихъ арендаторовъ, и предписывалось избрать въ каждомъ графствѣ по четыре рыцаря для контроля надъ дѣятельностью губернаторовъ (шерифовъ), при чемъ губернаторы въ текущемъ году должны быть прямо назначены юстиціаріемъ, казначеемъ королевства и баронами Палаты Шахматной Доски (членами высшаго финансоваго учрежденія въ странѣ), но съ слѣдующаго года они будутъ уже избираться баронами Палаты Шахматной Доски для каждаго графства изъ четырехъ кандидатовъ, выбранныхъ собраніемъ графства; въ заключеніе, всѣмъ потерпѣвшимъ въ послѣднія семь лѣтъ тотъ или иной ущербъ, предоставлялось право являться съ жалобами къ назначеннымъ для этого судьямъ, и въ виду этого шерифамъ предписывалось распорядиться, чтобы въ каждой сотнѣ (округѣ, на которые дѣлилось графство) было избрано по двѣнадцати человѣкъ для разслѣдованія этихъ жалобъ.

Это были очень серьезныя мѣры, примѣненіе которыхъ могло дать обществу весьма существенныя гарантіи. Въ частности, великимъ благомъ могло бы явиться участіе общества въ назначеніи представителей мѣстной администраціи и въ контролѣ надъ ними: примѣненіе выборнаго начала къ замѣщенію должности губернатора, надѣленнаго чрезвычайно широкими и разнообразными полномочіями, и установленіе надъ ними общественнаго контроля въ лицѣ четырехъ выборныхъ отъ графства могли бы очень ослабить почву для произвола, къ которому такъ склонна не связанная съ обществомъ и не отвѣтственная передъ нимъ бюрократія. Къ сожалѣнію только, захватившіе власть олигархи издали Уэстминстерскія Провизіи лишь подъ давленіемъ внѣшней необходимости и, повидимому, вовсе не имѣли намѣренія проводить ихъ въ жизнь. На эту мысль наводитъ насъ тотъ характерный фактъ, что въ окончательной (латинской) редакціи Уэстминстерскихъ Провизій опущены весьма существенные пункты (какъ разъ о представленіи графствами своихъ собственныхъ кандидатовъ въ губернаторы и объ учрежденіи общественнаго контроля надъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ въ лицѣ четырехъ рыцарей, избранныхъ въ каждомъ графствѣ, и объ избраніи въ каждомъ графствѣ по двѣнадцати человѣкъ для разслѣдованія жалобъ на представителей мѣстной власти со стороны лицъ, потерпѣвшихъ тотъ или иной ущербъ отъ нихъ въ послѣднія семь лѣтъ), стоящіе во французскомъ текстѣ этихъ Провизій, представляющемъ собою полный протоколъ резолюцій, принятыхъ октябрскимъ парламентомъ подъ впечатлѣніемъ внушительной демонстраціи „общины баккалавровъ Англіи“. Очевидно, что, какъ только это впечатлѣніе изгладилось, олигархи рѣшили предать

забвенію какъ разъ тѣ пункты Провизій, которые ближе всего касались интересовъ массы свободныхъ землевладѣльцевъ, какъ рыцарскаго званія, такъ и простыхъ свободныхъ.

Д. Петрушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Гдѣ ты, мой бѣдный другъ, усталый и больной,
Истерзанный борьбой, сомнѣньемъ и тревогой?..
Идешь ли ты впередъ тяжелою дорогой,
Иль міръ замкнулся твой холодною стѣной?

Печаль моя сплелась навѣкъ съ тоской твоей,
И въ сердцѣ у меня нѣтъ прошлому упрека,
И жалобъ нѣтъ... Любовь, одна любовь глубоко
Хранится для тебя на днѣ души моей!

И грустнымъ нашимъ днямъ проклятій я не шлю, —
Ихъ чистая мечта собою освятила.
Я помню только то, что нашимъ счастьемъ было...
Я помню, милый другъ, все помню—и люблю!

Г. Галина.

ПРОКЛЯТОЕ ПОЛЕ.

Повѣсть *Висенте Бласко Ибаньеса.*

Пер. съ испанскаго М. В. Ватсонъ.

VII.

Печальный и хмурый, точно на похороны, шелъ Батистъ въ четвергъ утромъ въ Валенсію. Былъ базарный день и лошадиная ярмарка на берегу рѣки, и крестьянинъ несъ за поясомъ мѣшечекъ съ остатками своихъ сбереженій.

На него сыпались несчастія со всѣхъ сторонъ; недоставало только одного — чтобы крыша обрушилась и задавила всю семью.

— Что за народъ!.. Куда это онъ попалъ!

Ребенку становилось хуже и хуже,—онъ продолжалъ дрожать въ лихорадкѣ на рукахъ безпрерывно плакавшей матери; два раза въ день приходилъ докторъ; словомъ, болѣзнь эта будетъ стоить Батисту двѣнадцать или пятнадцать дуросъ—никакъ не меньше.

Старшій сынъ не могъ уже никуда показаться и выходилъ только на свое поле. Голова его была еще вся перевязана и все лицо въ рубцахъ,—послѣдствія страшной драки съ другими мальчиками, которые, какъ и онъ, собирали навозъ въ Валенсіи.

Двое младшихъ братьевъ перестали ходить въ школу изъ боязни, что ихъ побьютъ на обратномъ пути.

А бѣдная Росета была несчастнѣе всѣхъ. Отецъ бросалъ на нее суровые взгляды, какъ бы для того, чтобы напомнить, что ея обязанность казаться равнодушной. Между тѣмъ, наединѣ съ собой добрый Батистъ былъ глубоко огорченъ печалью бѣдной дѣвушки. Когда-то и онъ былъ молодъ и зналъ, до чего тяжело страданіе отъ любви.

Все раскрылось, и послѣ знаменитой драки у источника Королевы село нѣсколько дней кряду говорило лишь о любовныхъ похожденіяхъ Росеты съ внукомъ дяди Томба.

Толстопузый мясникъ негодовалъ на своего работника. Этакій негодяй! Теперь понятно, почему онъ забывалъ свой долгъ и проводилъ вечера, какъ цыганъ, скитаясь по проселочнымъ дорогамъ. Видите-ли, сеньоръ разрѣшаетъ себѣ имѣть невѣсту, точно онъ можетъ ее кормить! Да еще какую невѣсту! Впрочемъ, стоило лишь послушать, что болтаютъ покупатели у него въ мясной лавкѣ. Всѣ повторяютъ одно и то же,—они удивляются, что такой человѣкъ, какъ онъ, благочестивый, добрый, имѣющій лишь одну слабость — немножечко обвѣшивать ихъ, позволяетъ своему работнику ухаживать за дочерью врага всего села, этого злодѣя, чуть ли не бывшаго каторжника.

И такъ какъ все это, по понятіямъ пузатаго мясника, бросало безчестіе на его торговое заведеніе, то онъ приходилъ въ ярость отъ болтовни кумушекъ, грозилъ рѣзакомъ робкому работнику и бранилъ дядю Томба за то, что тотъ не пробираетъ хорошенько своего внука...

Въ концѣ концовъ мясникъ прогналъ Тонета, а дѣдъ нашелъ ему мѣсто въ Валенсіи, у другого мясника, котораго просилъ не отпускать Тонета даже по воскресеньямъ и праздникамъ.

Съ влажными глазами Тонетъ ушелъ въ Валенсію, напоминая покорностью тѣхъ ягнятъ, которыхъ онъ столько разъ приводилъ подъ ножъ своего хозяина.

Да, больше онъ не вернется. А бѣдная Росета, забившись куда-нибудь въ уголъ, плакала, дѣлая усилія, чтобы не обнаружить своего горя передъ матерью.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, и старая лошадь, такъ много потрудившаяся для семьи,—не смотря на хорошее помѣщеніе въ конюшнѣ и обильный кормъ, принялась неожиданно хирѣть: однажды утромъ легла на солому, устремивъ на Батиста стеклянные, тусклые глаза, и скоро околѣла.

Мысленно перебирая всѣ эти невзгоды, думая то о больномъ малюткѣ, то объ околѣвшей лошади, то о дочери съ ея неутѣшнымъ горемъ, Батистъ дошелъ, наконецъ, до предмѣстья Валенсіи.

Тутъ, на площадкѣ между двумя садами, подъ тѣнью высокихъ платановъ, помѣщалась цирульня для простонародья. Нѣсколько кресель, котелокъ съ кипяткомъ, полотенца сомнительной чистоты и тупыя бритвы, рѣзавшія и терзавшія толстую кожу крестьянъ, составляли всю обстановку этого заведенія на открытомъ воздухѣ.

Собираясь зайти къ своимъ хозяевамъ попросить у нихъ взаймы небольшую сумму денегъ для покупки новой лошади, Батистъ тоже рѣшилъ выбриться. Заплативъ пол-реала за эту операцію,—изъ которой онъ вынесъ, по счастью, три ца-

рапины на лицѣ да одинъ порѣзъ возлѣ уха — онъ отправился въ городъ и получилъ отъ хозяевъ нужныя деньги.

Въ одинадцать часовъ онъ пошелъ на ярмарку, которая была уже въ полномъ разгарѣ.

И долго ходилъ онъ здѣсь взадъ и впередъ черезъ ряды выставленныхъ лошадей, но ни одна не пришлась ему по вкусу.

Бѣдный Морругъ! Какъ трудно было найти ему преемника! Наконецъ, Батистъ остановился передъ бѣлой лошадью не очень казистой на видъ, но какъ будто сильной и выносливой.

Едва только провелъ онъ рукой по ея бокамъ, какъ появился цыганъ — зоркій и медоточивый; онъ обратился къ Батисту, точно зналъ его много лѣтъ.

— Это животное—настоящая жемчужина. Сейчасъ видно, что вы знатокъ хорошихъ лошадей... И не дорого: мнѣ кажется, мы съ вами непремѣнно сойдемся... Моноте, проведи лошадь, чтобы сеньоръ увидѣлъ, какая у нея превосходная иноходь!

Долго торговался Батистъ, наконецъ, взялся за веревку и протянулъ руку покупщику. Дѣло было сдѣлано.

Заплативъ тридцать дуросъ, крестьянинъ не могъ отвертѣться и долженъ былъ угостить цыгана стаканомъ вина, а Моноте дать нѣсколько копѣекъ за его бѣготню.

— Вы уводите съ собой жемчужину всей ярмарки. Сегодня счастливый для васъ день, сеньоръ Батистъ; вы перекрестились правой рукой, и Божья Матерь снизошла къ вамъ.

Батисту пришлось выпить и второй стаканъ вина, поднесенный ему на этотъ разъ цыганомъ, послѣ чего, круто оборвавъ потокъ его любезностей, крестьянинъ взялъ за недоуздокъ новую свою лошадь, сѣлъ на нее съ помощью услужливаго Моноте и рысцой выѣхалъ съ шумной ярмарки.

Батистъ ѣхалъ, довольный своей покупкой. Онъ теперь почти позабылъ уже о бѣдномъ Морругѣ и чувствовалъ гордость собственника, когда на мосту или на дорогѣ кто-нибудь изъ его односельчанъ оборачивалъ голову, чтобы посмотрѣть на бѣлую лошадь.

Наивысшее же удовольствіе испытывалъ онъ, проѣзжая мимо трактира „Чарка". Здѣсь онъ заставилъ лошадь пройтись красивой рысью, какъ будто это былъ кровный конь, и онъ видѣлъ, къ дверямъ трактира выбѣжали съ изумленіемъ въ глазахъ Пименто и другіе завсегдатаи „Чарки". Негодяи! Теперь они убѣдились, что съ нимъ не легко справиться: онъ сумѣетъ защититься одинъ противъ всѣхъ.

Высокіе зеленые стебли его пшеницы возлѣ дороги походили на волнующееся озеро: медунка росла на славу, и

отъ запаха ея расширялись ноздри лошади — да, Батистъ не можетъ жаловаться на свои поля, только тамъ, дома, боится онъ встрѣчи съ несчастіемъ—этимъ вѣчнымъ спутникомъ его жизни.

Услышавъ стукъ лошадиныхъ копытъ, Батистетъ выбѣжалъ съ перевязанной еще головой, и, пока отецъ сходилъ съ лошади, мальчикъ держалъ ее за недоуздокъ. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ новой покупки, — гладилъ лошадь, ласкалъ и горѣлъ нетерпѣніемъ сѣсть на нее.

На порогѣ Батиста встрѣтила жена съ распухшими и покраснѣвшими глазами, съ растрепанными волосами и утомленнымъ лицомъ, на которомъ легко можно было прочесть, что она провела долгія безсонныя ночи.

Только что ушелъ докторъ: онъ, какъ всегда, подаетъ мало надежды. На этотъ разъ, осмотрѣвъ ребенка, онъ ушелъ, не прописавъ даже новаго рецепта. А мальчикъ по прежнему горитъ въ лихорадкѣ, и все болѣе и болѣе истощается.

Всѣ—большіе и малые—отправились во дворъ смотрѣть лошадь, которую восхищенный Батистетъ только что поставилъ въ конюшнѣ. Новый членъ семьи понравился рѣшительно всѣмъ.

Сѣли за столъ, но лихорадка новизны была такъ велика, что Батистетъ и младшіе братья то и дѣло выбѣгали изъ-за обѣда, чтобы заглянуть въ конюшню, точно опасаясь, что у лошади выростутъ крылья и она улетитъ.

Вечеръ прошелъ спокойно. Батисту нужно было вспахать часть еще запущенной земли; онъ запрягъ лошадь и гордился тѣмъ, съ какой кротостью она повиновалась и какъ хорошо шла въ плугѣ.

Когда стемнѣло, неожиданно громкій крикъ Тересы позвала его. Она какъ бы просила помощи.

— Батистъ! Батистъ!... Иди скорѣй!..

И Батистъ побѣжалъ, испуганный голосомъ жены, которая рыдала и рвала на себѣ волосы.

Ребенокъ умиралъ: нужно было только взглянуть на него, чтобы убѣдиться въ томъ. Когда Батистъ вошелъ въ комнату и наклонился надъ постелью, мальчикъ вздрогнулъ, какъ будто ему вылили на спину ведро холодной воды. Бѣднякжа лежалъ уже неподвижно, и только грудь подымалась съ тяжелымъ усиліемъ; губы были синія, изъ-за полузакрытыхъ вѣкъ виднѣлись потускнѣвшіе и неподвижные зрачки—глаза, которые уже ничего не видѣли, — а смуглое личико казалось совсѣмъ потемнѣвшимъ, точно черныя крылья смерти бросили на него свою тѣнь.

Единственное, что еще свѣтилось въ этомъ личикѣ, были русыя кудри, разбросанныя по подушкѣ, точно мотокъ спу-

таннаго шелка; страннымъ отблескомъ падалъ на нихъ свѣтъ зажженной лампочки.

Мать рыдала, какъ раненый звѣрь; Росета, тихо плакавшая, должна была удерживать ее, чтобы она не разбила себѣ голову объ стѣну. За дверьми тихо всхлипывали малыши, не смѣвшіе войти, — стоны и рыданія матери пугали ихъ,—а у постели стоялъ Батистъ съ сосредоточеннымъ лицомъ, сжимая кулаки, кусая себѣ губы, не отводя глазъ отъ маленькаго тѣла, которому такъ трудно было разстаться съ жизнью. Спокойствіе этого гиганта, его сухіе глаза и подергивающееся лицо, его фигура, наклоненная надъ умирающимъ сыномъ, производили еще болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ рыданія и крики матери.

Вдругъ Батистъ замѣтилъ, что Батистетъ стоитъ рядомъ съ нимъ; мальчикъ прибѣжалъ съ поля, испуганный криками матери. Отецъ разсердился, узнавъ, что онъ бросилъ лошадь среди поля, и Батистетъ, глотая слезы, поспѣшно побѣжалъ отвести животное въ конюшню.

Черезъ нѣсколько минутъ новые крики вырвали Батиста изъ грустнаго оцѣпененія.

— Отецъ! Отецъ!

Это былъ голосъ Батистета за дверями лачуги. Предчувствуя новое несчастіе, отецъ бросился вонъ, еще ничего не разобравъ въ несвязныхъ словахъ ребенка: „Лошадь... бѣдная бѣлая лошадь... лежитъ на землѣ... кровь“...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ лошадь, еще запряженную въ плугъ, но уже съ вытянутыми ногами, дѣлающую тщетныя усилія подняться, вытягивающую шею съ грустнымъ ржаніемъ, между тѣмъ какъ изъ лопатки у передней ноги медленно капала темная жидкость, которую впитывали недавно проведенныя борозды.

Ее ранили... Быть можетъ, она околѣетъ... Боже, Боже! Животное, которое было ему необходимо, какъ жизнь!

Онъ оглянулся кругомъ, какъ бы отыскивая виновника. Никого не было. Въ синѣющихъ сумеркахъ долины слышался лишь скрипъ телѣгъ, шуршанье тростника и перекликающіеся голоса. На ближайшихъ дорогахъ, на тропинкахъ— ни души.

Батистетъ оправдывался передъ отцомъ въ своей неосмотрительности. Когда онъ бѣжалъ, направляясь къ дому, онъ видѣлъ на большой дорогѣ нѣсколько человѣкъ, которые смѣялись и пѣли, повидимому, возвращаясь изъ трактира. Можетъ, это были они.

Отецъ не слушалъ... Пименто, и никто другой... Ненависть села уже убила у него сына, а теперь этотъ разбойникъ

убиваетъ лошадь, зная, до чего она ему необходима. Боже... не довольно ли этого, чтобы сойти съ ума?

Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, крестья-вернулся въ избу, схватилъ ружье, стоявшее за дверью, и выбѣжалъ, осматривая на ходу, заряжены ли оба ствола.

Батистетъ испугался, увидавъ отца, бѣгущаго по дорогѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Видъ этого, обыкновенно столь спокойнаго и молчаливаго, человѣка, въ которомъ постоянныя нападенія враговъ пробудили звѣря, былъ ужасенъ. Въ его залитыхъ кровью глазахъ горѣла лихорадка убійства: все тѣло дрожало отъ гнѣва. Онъ топталъ ногами растенія, перескакивалъ черезъ канавы, ломалъ тростникъ—все для того, чтобы скорѣй добраться до дома Пименто.

Тамъ кто-то стоялъ на порогѣ. Ослѣпленіе гнѣва и спустившіяся сумерки не позволили ему различить, мужчина это или женщина. Но онъ увидѣлъ, какъ однимъ скачкомъ человѣкъ этотъ очутился въ домѣ и быстро заперъ за собою дверь.

Батистъ остановился передъ запертой дверью.

— Пименто... Злодѣй!.. Выходи!

И собственный голосъ его, визгливый и дрожащій отъ гнѣва, казался ему страннымъ и чужимъ.

Отвѣта не было. Двери оставались запертыми, также какъ и окна и отдушины чердака.

Можетъ быть, разбойникъ наблюдаетъ за нимъ въ какую-нибудь щель, можетъ быть, заряжаетъ ружье, чтобы откуда-нибудь предательски выстрѣлить; и инстинктивно Батистъ укрылся за стволомъ гигантскаго фиговаго дерева, осѣнявшаго тѣнью весь домъ Пименто.

Имя его то и дѣло раздавалось въ тишинѣ сумерекъ, но домъ оставался запертымъ и безмолвнымъ, какъ-будто тамъ не было никого.

Разъ Батисту показалось было, что онъ слышитъ подавленный женскій крикъ и шумъ борьбы: быть можетъ, бѣдная Пепета изо всѣхъ силъ удерживаетъ Пименто, чтобы помѣшать ему отвѣтить на оскорбленія.

Но потомъ все опять замолкло, и брань Батиста продолжала раздаваться среди молчанія.

Это молчаніе приводило его въ бѣшенство. Онъ чувствовалъ, что сходитъ съ ума. Ему казалось, что безмолвная лачуга смѣется надъ нимъ. Онъ выбѣжалъ изъ своего прикрытія, бросился къ дверямъ и сталъ колотить въ нихъ прикладомъ ружья.

Онъ не выстрѣлилъ въ окна только потому, что его удерживалъ страхъ остаться затѣмъ безоружнымъ. Его бѣшенство росло; ругаясь, онъ издавалъ какой то ревъ; залитые

кровью глаза ничего уже не различали... Онъ шатался, какъ пьяный... Еще немного—и съ нимъ бы сдѣлался ударъ. Но вдругъ бѣшенство смѣнилось страшной слабостью.. окружающій кровавый туманъ разсѣялся, онъ увидѣлъ все свое несчастіе и почувствовалъ себя уничтоженнымъ. Гнѣвъ, сломленный столь страшнымъ напряженіемъ, исчезъ — голосъ прервался, и онъ зарыдалъ.

Больше ужъ онъ не осыпалъ ругательствами Пименто. Медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ онъ, пока не добрался до большой дороги. Тутъ онъ сѣлъ на откосъ, положилъ ружье у ногъ. И онъ плакалъ, плакалъ облегчающими слезами, осѣненный лаской ночныхъ тѣней, которыя, казалось, сочувствовали его горю, такъ какъ онѣ все болѣе и болѣе сгущались, словно для того, чтобы скрыть его дѣтскій плачъ.

Вдругъ на дорогѣ онъ услышалъ какой-то тихій звонъ.

Этотъ звонъ приближался, а по дорогѣ скользили какія-то безформенныя массы, разглядѣть которыя онъ немогъ своими затемненными отъ слезъ глазами. Онъ почувствовалъ, какъ до него дотронулись кончикомъ палки, и, поднявъ голову, увидѣлъ наклонившуюся надъ нимъ темную фигуру, похожую на привидѣніе.

Онъ узналъ дядю Томба, того единственнаго человѣка въ селѣ, который не сдѣлалъ ему зла.

Пастухъ, имѣвшій репутацію колдуна, обладалъ удивительной чуткостью, свойственной слѣпымъ. Едва онъ узналъ Батиста, какъ тотчасъ же, казалось, понялъ все его несчастіе. Ощупавъ палкой лежавшее у его ногъ ружье, онъ повернулъ голову, какъ бы отыскивая въ темнотѣ домъ Пименто,

Говорилъ онъ медленно, съ спокойной грустью, какъ человѣкъ привыкшій къ горестямъ этого міра, который ему уже скоро предстоитъ покинуть; онъ угадывалъ слезы Батиста.

— Сынъ мой, сынъ мой...

Все, что случилось, не было неожиданнымъ для него, и онъ предупреждалъ Батиста въ первый же день, когда встрѣтился съ нимъ на проклятой землѣ. Она ему принесетъ несчастіе.

Только что прошелъ онъ мимо его дома и видѣлъ тамъ свѣтъ въ открытую дверь и слышалъ крики отчаянія, вой собаки... Малютка умеръ, не такъ ли? А Батистъ сидитъ здѣсь, думая, что онъ сидитъ на откосѣ, когда въ дѣйствительности онъ уже стоитъ одной ногой на каторгѣ. Вотъ какъ погибаютъ люди и разсѣиваются семьи. Онъ кончитъ тѣмъ, что также глупо убьетъ, какъ и бѣдный Баррегъ и, умретъ, какъ онъ, на каторгѣ. Это неизбѣжно. Поля эти про-

кляты бѣднотой и не могутъ дать ничего, кромѣ плодовъ проклятія.

И, бормоча эти ужасныя пророчества, пастухъ поплелся съ овцами по дорогѣ въ село, совѣтуя бѣдному Батисту, чтобы и онъ ушелъ, но ушелъ куда-нибудь далеко, далеко, гдѣ не приходилось бы ему зарабатывать свой хлѣбъ, борясь противъ ненависти бѣдныхъ.

И когда пастухъ исчезъ въ ночномъ мракѣ, Батистъ все еще слышалъ его тихій и грустный голосъ, отъ котораго его бросало въ дрожь:

— Вѣрь мнѣ, сынъ мой—эта земля принесетъ тебѣ несчастіе!

VIII:

Батистъ и его семья не могли дать себѣ отчета, какъ произошло нежданное, неслыханное событіе: кто первый рѣшился перейти мостикъ, соединявшій дорогу съ проклятыми полями.

Не въ такомъ состояніи духа были всѣ они, чтобы обратить вниманіе на эти подробности. Удрученные горемъ, они увидѣли, что все село идетъ къ нимъ, и не протестовали, потому что несчастіе нуждается въ утѣшеніи; впрочемъ, не чувствовали и благодарности за столь нежданное желаніе сблизиться съ ними.

Извѣстіе о смерти ребенка разнеслось по всѣмъ окрестностямъ съ той необычайной быстротой, съ какой распространяются новости въ деревняхъ, переносясь изъ дома въ домъ на крыльяхъ молвы — наиболѣе быстромъ изъ всѣхъ телеграфовъ.

Въ ту ночь многіе спали плохо.

Казалось, уходя изъ міра, мальчикъ Батиста оставилъ какую-то колючку въ совѣсти сосѣдей. Молодыя крестьянки тревожно ворочались въ своихъ постеляхъ, мѣшая спать мужьямъ, которые съ негодованіемъ протестовали.

— Проклятая, будешь ли ты спать?

— Нѣтъ, не могу. Этотъ ребенокъ мѣшаетъ мнѣ спать. Бѣдняжка! Что-то онъ разскажетъ Господу Богу, когда войдетъ въ рай?

Въ сущности, отвѣтственность за смерть малютки падала на всѣхъ, но каждый съ лицемѣрнымъ эгоизмомъ приписывалъ сосѣду главную долю вины въ тѣхъ яростныхъ преслѣдованій, отъ послѣдствій которыхъ умеръ Паскуалетъ. Каждая кумушка относила все случившееся на счетъ той изъ сосѣдокъ, съ которой у нея были нелады. Но всѣ засыпали съ твердымъ намѣреніемъ на слѣдующій же день исправить все

зло,—утромъ пойти къ семьѣ, поплакать надъ бѣднымъ малюткой, и въ туманѣ сна имъ казалось, что они видятъ Паскуалета, бѣлаго и свѣтлаго, какъ ангелъ; и онъ смотритъ на нихъ съ упрекомъ въ глазахъ за то, что онѣ были такъ жестоки къ нему и его семьѣ.

Желаніе пойти къ обиженной семьѣ и исправить зло охватило всѣхъ обитателей села. Это былъ взрывъ раскаянія, приливавшій къ дому Батиста со всѣхъ концовъ долины.

Не успѣлъ забрезжить разсвѣтъ, какъ уже двѣ старухи, жившіе на сосѣдней фермѣ, очутились въ избѣ. Семью, подавленную горемъ, почти не удивило появленіе этихъ двухъ женщинъ въ мѣстѣ, куда болѣе шести мѣсяцевъ никто не входилъ. Женщины выразили желаніе видѣть покойника и, войдя въ комнату, застали его еще на постели, прикрытаго до подбородка простыней, съ русой головкой, тяжело вдавившейся въ подушку. Мать рыдала въ углу, сгорбленная, съежившаяся, какъ маленькая дѣвочка, точно она старалась исчезнуть, уничтожиться...

Вслѣдъ за этими женщинами явилась цѣлая вереница кумушекъ, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ села, и всѣ онѣ окружали постель, цѣловали маленькій трупъ и, казалось, завладѣли имъ, какъ своею собственностью, отстранивъ Тересу и Росету, которыя, въ изнеможеніи безсонницы и слезъ, казались полупомѣшанными.

Батистъ, сидя среди комнаты, смотрѣлъ съ тупымъ изумленіемъ на проходившую мимо него вереницу этихъ людей, сдѣлавшихъ ему столько зла. Онъ не чувствовалъ къ нимъ ненависти, но не чувствовалъ и признательности за то, что они теперь пришли къ нему. Изъ страшнаго кризиса бѣшенства, овладѣвшаго имъ наканунѣ вечеромъ, онъ вышелъ ослабѣвшій, уничтоженный и смотрѣлъ на все кругомъ равнодушно, какъ будто это былъ не его домъ, и бѣдный ребенокъ, лежавшій мертвымъ въ постели, былъ не его сынъ.

Но собака, свернувшаяся у его ногъ, повидимому, ничего не забыла и была переполнена ненавистью. Она встрѣчала враждебно всю процессію входившихъ и выходившихъ юбокъ и глухо рычала, точно желая укусить, но сдерживаясь, чтобы не надѣлать непріятностей хозяевамъ.

И младшія дѣти, подобно собакѣ, выказывали раздраженіе. Батистетъ смотрѣлъ хмуро на всѣхъ этихъ „тетушекъ", которыя столько разъ смѣялись надъ нимъ, когда онъ проходилъ мимо ихъ дверей, и, наконецъ, убѣжалъ въ конюшню, чтобы не упускать изъ виду бѣдной лошади, которую лѣчилъ, слѣдуя наставленіямъ ветеринара, призваннаго еще наканунѣ ночью. Онъ очень любилъ маленькаго брата, но такъ какъ

отъ смерти нѣтъ лѣкарства, то его занимала теперь мысль, не будетъ ли хромать лошадь.

Двое младшихъ братьевъ, въ глубинѣ души довольные тѣмъ, что несчастіе обратило на ихъ домъ вниманіе всего села, стояли у дверей, не пропуская ребятишекъ, которые, какъ стаи воробьевъ, появлялись со всѣхъ дорогъ и тропинокъ побуждаемые нездоровымъ любопытствомъ посмотрѣть на маленькаго мертвеца. Даже, тѣ, кто участвовалъ въ послѣднемъ сраженіи, когда бѣдный Паскуалетъ упалъ въ каналъ, гдѣ схватилъ свою смертельную болѣзнь, порывались теперь войти въ лачугу, посмотрѣть на его трупъ.

Появленіе блѣдной, худенькой женщины вызвало, казалось, цѣлый потокъ тяжелыхъ воспоминаній въ обитателяхъ дома. Это была Пепета, жена Пименто. Даже и она пришла!

Добро пожаловать! Если она пришла посмѣяться ихъ горю,—пускай. Угнетенные, удрученные своимъ несчастіемъ, они теперь безвольны. Но всевидящій Богъ воздастъ каждому по заслугамъ.

Пепета прошла прямо къ постели, отстранивъ другихъ женщинъ. Въ рукахъ у нея былъ громадный пукъ цвѣтовъ и зеленыхъ листьевъ—она ими осыпала постель. Благоуханіе весны распространилось по комнатѣ, въ которой пахло лѣкарствомъ, и въ тяжеломъ воздухѣ которой, казалось, дышала безсонница и стояли стоны отчаянія.

Пепета,—эта труженица, не знавшая отдыха, не имѣвшая дѣтей, но вышедшая замужъ въ надеждѣ стать матерью—потеряла всякое самообладаніе увидавъ дѣтское личико, точно выточенное изъ слоновой кости и словно золотымъ ореоломъ окаймленное русыми волосами.

— Сынокъ мой... Бѣдняжка мой!

И она плакала отъ всей души, наклонившись надъ маленькимъ мертвецомъ, едва прикасаясь губами къ блѣдному холодному лобику, словно боясь разбудить малютку.

Услыхавъ ея всхлипыванія, Батистъ и жена его въ изумленіи подняли головы. Они и прежде знали, что она хорошая женщина... И родительская признательность свѣтилась въ ихъ глазахъ.

Батистъ даже вздрогнулъ, увидавъ, какъ бѣдная Пепета бросилась цѣловать Тересу и Росету, смѣшивая свои слезы съ ихъ слезами. Нѣтъ, это не лицемѣріе—она сама жертва и способна поэтому понять чужое несчастіе.

Пепета утерла слезы. Снова въ ней проснулась дѣятельная и энергичная женщина, рабочій волъ, привыкшій къ труду для поддержанія своего хозяйства. Съ изумленіемъ взглянула она кругомъ. Такъ нельзя: тѣло еще на постели, и ни о чемъ не позаботились! Надо нарядить малютку для

послѣдняго его путешествія, одѣть во все чистое, бѣлое. И, увѣренная въ своей способности подчинять себѣ другихъ, она стала распоряжаться, давая указанія женщинамъ, которыя соперничали въ стараніяхъ услужить семьѣ, еще недавно столь ненавистной.

Она отправится съ двумя подругами въ Валенсію, чтобы купить тамъ гробъ и саванъ а другія женщины пусть идутъ въ ближайшіе дома собирать необходимыя вещи.

Даже ненавистному Пименто, который оставался невидимъ, пришлось принять участіе въ этихъ приготовленіяхъ. Встрѣтивъ его на дорогѣ, жена велѣла ему отыскать музыкантовъ для похоронъ. Они такіе же бродяги и пьяницы, какъ и онъ, и навѣрное онъ застанетъ ихъ въ трактирѣ „Чарка". Пименто, казавшійся въ тотъ день чѣмъ то озабоченнымъ, молча принялъ повелительный тонъ жены, опустивъ въ землю глаза, точно чѣмъ-то пристыженный.

Съ вечера наканунѣ онъ былъ какой-то другой. Онъ покорно принялъ отъ Батиста всѣ оскорбленія и, какъ курица, былъ запертъ имъ въ домѣ; жена впервые взяла надъ нимъ верхъ, отнявъ у него ружье... Все это смущало и безпокоило его

Онъ былъ уже не прежній Пименто,—онъ началъ глубже понимать себя и сталъ даже подозрѣвать, что все, что онъ сдѣлалъ противъ Батиста и его семьи, было преступленіе. Одну минуту онъ чуть ли даже не презиралъ себя. И, какъ во всѣ темныя минуты жизни, онъ отправился въ трактиръ, чтобы поискать утѣшенія въ бутылкѣ вина.

Въ десять часовъ утра, когда Пепета вернулась изъ города, домъ былъ переполненъ народомъ.

Нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ—собственники, принимавшіе лишь незначительное участіе въ крестовомъ походѣ противъ пришлецовъ—сидѣли съ Батистомъ у дверей его дома, одни на землѣ, другіе на каменной скамейкѣ, курили и говорили съ разстановкой о жатвѣ и о погодѣ.

А вся комната была полна женщинами, тѣснившимися около постели и ошеломлявшими мать своей болтовней: однѣ говорили о дѣтяхъ, другія, разсѣвшись по угламъ комнаты, какъ въ своемъ домѣ, повторяли другъ передъ другомъ всѣ деревенскія сплетни. Этотъ день не чета другимъ: не велика важность, если въ собственномъ домѣ не прибрано и грязно, обѣдъ не приготовленъ... Ребята, вцѣпившіеся въ ихъ юбки, плакали и оглушали своими криками, требуя, чтобы ихъ увели домой; другіе просили, чтобы имъ показали маленькаго мертвеца.

Нѣсколько старухъ завладѣли шкапомъ съ посудой и

припасами и ежеминутно наливали въ кувшины съ водой вино и насыпали туда сахару, предлагая это питье Тересѣ и ея дочери, чтобы имъ было легче плакать. Когда же бѣдняжки, до горла накаченныя этимъ сахарнымъ потокомъ, отказывались пить,—услужливыя кумушки вливали себѣ въ горло прохлаждающій напитокъ, такъ какъ и имъ требовалось облегчить свою грусть.

Войдя въ избу и увидавъ тамъ эту кутерьму, Пепета живо водворила порядокъ. Вмѣсто того, чтобы безпокоить бѣдныхъ женщинъ, истерзанныхъ горемъ и ошеломленныхъ всѣмъ этимъ шумомъ, слѣдовало бы лучше увести ихъ.

Тереса, однако, отказывалась покинуть своего малютку, хотя бы на нѣсколько минутъ: скоро ей уже придется разстаться съ нимъ навсегда,—пусть же не отнимаютъ у нея то недолгое время, которое она можетъ пробыть со своимъ сокровищемъ. И, разразившись еще болѣе сильными рыданіями, она порывалась бросится на холодный трупъ и цѣловать его.

Но просьбы дочери и настоянія Пепеты взяли верхъ. Сопровождаемая толпой женщинъ, Тереса вышла изъ избы, закрывъ лицо передникомъ, рыдая, шатаясь, не обращая вниманія на тѣхъ, кто перебивалъ ее другъ у друга, стараясь затащить къ себѣ въ домъ.

Пепета принялась за приготовленіе всего необходимаго для похороннаго торжества. Она поставила среди комнаты бѣлый сосновый столъ, на которомъ обѣдала семья, постлала на него простыню, концы которой приколола булавками; сверхъ простыни разостлала бѣлое пикейное одѣяло съ накрахмаленными кружевами, а на одѣяло поставила привезенный ею изъ Валенсіи маленькій гробикъ, который приводилъ въ восхищеніе сосѣдокъ—весь бѣлый, съ украшеніями изъ золотого позумента, а внутри мягкій, какъ колыбель.

Пепета вынула изъ пакета послѣдній нарядъ малютки,—затканный серебромъ саванъ, маленькія сандаліи, гирлянды изъ цвѣтовъ—все бѣлое, какъ только что выпавшій снѣгъ.

Не спѣша, принялась Пепета съ материнской лаской одѣвать трупъ. Она прижимала мертвое маленькое тѣло къ своей груди, осторожно продѣвая въ рукава савана окоченѣвшія ручки, — точно кусочки стекла, которые при малѣйшемъ толчкѣ могутъ разбиться, — и цѣловала ледяныя ножки ребенка передъ тѣмъ, какъ надѣть на нихъ башмачки.

Точно бѣлаго голубя, застывшаго отъ холода, переложила она бѣднаго Паскуалета въ гробъ и поставила на столъ. Но это еще не все.

Она надѣла покойнику чепчикъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ съ длинными наушниками, смахивающій на головныя украшенія

индѣйцевъ въ операхъ. Сострадательная рука Пепеты, въ довершеніе всего, покрыла блѣдныя щеки ребенка розовыми румянами, а посинѣвшія губы разрисовала алой киноварью...

Бѣдный Паскуалетъ! Съ своей экстравагантной гирляндой и раскрашеннымъ лицомъ, онъ превратился въ какую то карикатуру. Гораздо болѣе нѣжную грусть внушало его блѣдное личико, когда оно лежало на подушкѣ матери безъ всякихъ украшеній, кромѣ русыхъ кудрей!

Но все это не мѣшало добрымъ крестьянкамъ восхищаться произведеніемъ Пепеты. — „Посмотрите на него: онъ точно спитъ! Такой красивый... такой румяный!“

И онѣ наполняли цвѣтами пустыя мѣста въ гробу—бросали цвѣты на бѣлую одежду, покрывали ими столъ, устраивали изъ нихъ цѣлыя горы по угламъ его. Вся долина посылала свою ласку ребенку, котораго она видѣла бѣгающимъ по ея тропинкамъ; надъ его холоднымъ и недвижнымъ трупомъ разливался потокъ благоуханій и красокъ.

Двое младшихъ братьевъ смотрѣли на Паскулета съ изумленіемъ и какимъ-то благоговѣніемъ, какъ на высшее существо, которое съ минуты на минуту развернетъ свои крылья и улетитъ въ небо. А собака, ходившая вокругъ катафалка съ протянутой мордой, чтобы лизнуть холодныя восковыя ручки, принялась такъ отчаянно выть, что женщины начинали нервничать и гнать бѣдное животное.

Около полудня Тереса, почти силой вырвавшись изъ плѣна, въ которомъ ее держали сосѣдки, вернулась домой. Материнская любовь ея была польщена тѣмъ, какъ хорошо принарядили ея малютку—она поцѣловала его въ раскрашенныя губки и еще сильнѣе разрыдалась.

Насталъ обѣденный часъ. Батистетъ и малыши, въ которыхъ печаль еще не заставила молчать голосъ желудка, пожирали ломти хлѣба, прячась по угламъ. Но Тереса и Росета не думали о пищѣ. Отецъ, все еще сидѣлъ у дверей дома, куря сигару за сигарой, невозмутимый, какъ житель Ростока, повернувшись спиной къ своему жилищу, точно онъ боялся видѣть бѣлый катафалкъ, на которомъ, какъ на алтарѣ, лежалъ трупъ сына.

Вечеромъ посѣтители стали еще многочисленнѣе. Женщины явились на похороны въ праздничныхъ одеждахъ, съ мантильями на головахъ. Дѣвушки спорили между собой: каждая желала попасть въ число тѣхъ четырехъ, которыя должны нести бѣднаго малютку до кладбища.

Учитель, на которомъ красовался зеленый праздничный казакинъ и самый большой изъ его галстуховъ, — сѣлъ у дверей дома, рядомъ съ Батистомъ. Его толстыя мужицкія руки были воткнуты въ черныя перчатки, которыя, побѣлѣвъ

съ годами, приняли теперь цвѣтъ крыльевъ мухъ, и онъ постоянно двигалъ ими, желая обратить вниманіе на это торжественное украшеніе. Говоря съ Батистомъ, онъ сыпалъ передъ нимъ самыми цвѣтистыми и звонкими красотами своего краснорѣчія.

— Такова наша жизнь, сеньоръ Батистъ,—торжественно говорилъ онъ.—Смиреніе и терпѣніе! Намѣренія Божьи намъ невѣдомы; часто Господь изъ зла извлекаетъ добро для своихъ созданій.

Затѣмъ, прервавъ вереницу общихъ мѣстъ, онъ добавилъ шопотомъ, лукаво подмигнувъ глазомъ:

— Обратили вы вниманіе, сеньоръ Батистъ, на всю эту толпу? Вчера они чернили васъ и вашу семью, и Богу извѣстно, что я ихъ не разъ порицалъ за ихъ злобу. Сегодня же они входятъ къ вамъ въ домъ съ такимъ же довѣріемъ, какъ и въ свой собственный, и осыпаютъ васъ знаками своего расположенія. Несчастье ваше побудило ихъ забыть ненависть къ вамъ; оно сблизило ихъ съ вами.

Затѣмъ, послѣ минутнаго молчанія, сидя съ опущенной головой, онъ добавилъ убѣжденнымъ тономъ, ударяя себя въ грудь:

— Повѣрьте мнѣ: въ сущности, они хорошіе люди. Грубые, способные на величайшія варварства—да, но несчастіе раскрываетъ сердца... Бѣдные люди!.. Виноваты-ли они въ томъ, что рождаются въ невѣжествѣ, и никто не заботится вывести ихъ изъ этого состоянія?

Помолчавъ довольно долго, учитель, съ рвеніемъ торговца, выхваляющаго свой товаръ, добавилъ:

— Здѣсь необходимо одно — просвѣщеніе.. побольше просвѣщенія... Храмы знанія, которые проливали бы свѣтъ на всю долину... факелы... которые... которые... Словомъ, еслибы посылали побольше дѣтей въ мой храмъ, я хочу сказать—въ мою школу—и еслибъ отцы, вмѣсто того чтобы пьянствовать, аккуратно платили мнѣ, какъ вы это дѣлаете, сеньоръ Батистъ—все обстояло бы иначе. Не скажу ничего больше, такъ какъ не желалъ бы никого оскорбить.

Но онъ подвергался этой опасности, въ виду того, что вблизи находилось немало отцовъ, посылавшихъ ему учениковъ, не нагрузивъ ихъ карманы по субботамъ двумя копѣйками.

Нѣкоторые крестьяне — изъ числа тѣхъ, что наиболѣе враждебно относились къ семьѣ,—не рѣшались приблизиться къ дому, а стояли группами на дорогѣ. Съ ними стоялъ и Пименто, который только что вернулся изъ трактира съ пятью музыкантами и съ спокойной совѣстью, такъ какъ провелъ нѣсколько часовъ передъ прилавкомъ „Чарки“.

Безпрестанно прибывали новые посѣтители. Въ домѣ уже не было мѣста; женщины и дѣти, въ ожиданіи похоронъ, садились на кирпичныя скамейки подъ шпалерами или же на ближайшіе откосы.

Въ избѣ раздавались вопли, слышались совѣты, даваемые энергичнымъ голосомъ, и шумъ борьбы. Это Пепета старалась оторвать Тересу отъ трупа сына.

— Послушайте,—вѣдь надо же быть разсудительной: малютка не можетъ навсегда здѣсь остаться... Становится ужъ поздно... всякое горькое лѣкарство надо стараться проглотить скорѣй.

И она пыталась оторвать отъ гроба мать и заставить ее выйти въ другую комнату.

Четыре дѣвушки, въ накрахмаленныхъ юбкахъ и шелковыхъ мантильяхъ, спущенныхъ на глаза, взялись за ножки стола и подняли катафалкъ.

За дверью донъ-Іоакимъ хлопалъ въ ладоши, чтобы привлечь вниманіе своихъ учениковъ: „Впередъ! стройся школа". Крестьяне, стоявшіе отдѣльно на дорогѣ, приблизились къ дому. Пименто сталъ во главѣ своихъ пріятелей-музыкантовъ, приготовлявшихъ инструменты.

Самыя маленькія дѣти открывали шествіе, высоко держа въ рукахъ большія вѣтки базилика — донъ-Іоакимъ зналъ свое дѣло. Затѣмъ, пробивая себѣ путь среди толпы, появились четыре дѣвушки. Онѣ несли бѣлый и легкій катафалкъ на которомъ лежалъ Паскуалетъ, слегка покачивая головой направо и налѣво, какъ-будто онъ прощался съ родительскимъ домомъ.

Музыканты, идя за гробомъ, играли веселый вальсъ, а за ними двинулись густой толпой всѣ любопытные. И изба осталась покинутая, безмолвная, темная.

Батистъ одинъ сидѣлъ у дверей въ той же неподвижной позѣ, покуривая сигару, провожая глазами процессію, которая уже перешла на большую дорогу съ гробомъ и бѣлымъ катафалкомъ, выдѣлявшимся, точно громадный бѣлый голубь, среди черныхъ платьевъ и зеленыхъ вѣтокъ.

Съ растрепанными волосами, протянутыми впередъ руками, съ страшными рыданіями, появились, точно безумныя, несчастныя мать и дочь на порогѣ. Ихъ вопли распространялись далеко въ безмолвномъ воздухѣ долины, пропитанномъ солнечнымъ свѣтомъ.

— Сынъ мой, душа моя!—стонала Тереса.

— Прощай, Паскуалетъ, прощай!—кричали малыши, глотая слезы.

Въ сумеркахъ всѣ вернулись съ похоронъ.

Маленькіе сыновья Батиста, не спавшіе изъ-за вол-

ненiй всю прошлую ночь, заснули теперь, сидя на стульяхъ. Тереса съ дочерью, изнуренныя слезами, лишенныя всякой энергiи послѣ столькихъ безсонныхъ ночей, упали въ изнеможенiи на постель, еще хранившую отпечатокъ тѣла бѣднаго ребенка.

Батистетъ храпѣлъ въ конюшнѣ около раненой лошади. Отецъ, все еще безучастный и безмолвный, принималъ посѣтителей, жалъ руки, благодарилъ кивкомъ головы за слова утѣшенiя и предложенiя дружескихъ услугъ.

Съ наступленiемъ ночи не оставалось уже никого. Хижина стояла темная, безмолвная.

Изъ открытой двери слышалось утомленное дыханiе семьи, которая казалась побѣжденной въ борьбѣ съ горемъ.

Батистъ сидѣлъ неподвижно и, какъ безумный, смотрѣлъ на звѣзды, сверкавшiя въ темной синевѣ ночныхъ небесъ. Уединенiе оживило его: онъ начиналъ отдавать себѣ отчетъ въ своемъ положенiи. Долина хранила обычный видъ, но ему она казалась теперь болѣе красивой, болѣе спокойной, точно нахмуренное лицо, которое разглаживается и улыбается. Эти люди, голоса которыхъ раздаются вдали, у дверей домовъ, теперь уже не ненавидятъ его и не будутъ больше преслѣдовать его семью. Они побывали подъ его кровомъ, ихъ шаги стерли проклятiе, тяготѣвшее надъ землей дяди Баррета. Впереди открывается новая жизнь... Но какой цѣной куплена она!..

И вдругъ несчастiе предстало передъ нимъ во всей своей полнотѣ: онъ вспомнилъ бѣднаго Паскуалета, лежащаго теперь въ сырой и холодной землѣ...

Сверчки, трещавшiе на ближнемъ откосѣ, замолкли, испуганные страннымъ звукомъ всхлипыванiя, и прозвучавшимъ въ темнотѣ, какъ хрипѣнiе раненаго звѣря.

IX.

Насталъ Ивановъ день—лучшее время года, время жатвы и достатка.

Воздухъ былъ пропитанъ свѣтомъ и тепломъ.

Вѣтки деревьевъ склонялись подъ тяжестью плодовъ. Абрикосы краснѣли въ листвѣ, какъ розовыя щечки малютокъ. Ребятишки съ нетерпѣнiемъ осматривали фиговыя деревья, жадно подстерегая появленiе первыхъ черныхъ плодовъ.

Сверкающiй серпъ уже валилъ золотистыя колосья, головки которыхъ наклонялись къ землѣ. На дорогахъ скрипѣли телѣги, толпы ребятишекъ носились по полямъ, и даже

старыя клячи смотрѣли веселѣе и шли какъ-то развязнѣе.

По вечерамъ трактиры наполнялись крестьянами съ загорѣлыми и лоснящимися лицами; они толковали объ урожаѣ и о взносѣ арендной платы въ Ивановъ день.

И въ домѣ Батиста довольство пробудило также веселость. Жатва заставила почти забыть о Паскуалетѣ. Только мать, время отъ времени, глубокими вздохами или внезапными слезами показывала, что она еще помнитъ своего малютку. Пузатые мѣшки съ зерномъ, которые Батистъ съ сыномъ носили на чердакъ,—вотъ что интересовало теперь семью.

Дни счастья наступили... Ни малѣйшая непріятность не прерывала однообразнаго теченія жизни исполненной труда.

Дружеское расположеніе, выказанное сосѣдями во время похоронъ Паскуалета,—нѣсколько охладѣло. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвало въ крестьянахъ воспоминаніе объ этомъ несчастіи семьи, они какъ будто раскаивались въ томъ, что такъ легко и внезапно поддались порыву прощенія и жалости. Въ памяти снова вставала вся трагедія дяди Баррета и ненавистное появленіе вторгшихся пришельцевъ. Тѣмъ не менѣе, заключенный у бѣлаго гроба малютки миръ не нарушался. Крестьяне относились къ семьѣ нѣсколько холодно и недовѣрчиво, но все же обмѣнивались съ нею поклонами; дѣти могли спокойно бѣгать по долинѣ, не опасаясь преслѣдованія, и даже Пименто, встрѣчаясь съ Батистомъ, дружески кивалъ ему головой и бормоталъ что-то такое, что должно было означать отвѣтъ на привѣтствіе.

Словомъ, если ихъ и не любили, то оставляли въ покоѣ, а это было все, чего они могли требовать.

Батистъ былъ изумленъ жатвой. Его поле, такъ долго отдыхавшее, казалось, отдало сразу накопившіяся въ его нѣдрахъ силы за десять лѣтъ бездѣйствія. Зерно въ колосьяхъ было крупное и тяжелое. По извѣстіямъ, полученнымъ въ селѣ, цѣна на хлѣбъ ожидалось высокая, и что всего лучше (Батистъ думалъ объ этомъ съ улыбкой)—ему не придется дѣлиться ни съ кѣмъ своимъ доходомъ, такъ какъ онъ на два года освобожденъ отъ всякой арендной платы. Но за это свое преимущество онъ вѣдь заплатилъ долгими мѣсяцами тревогъ и борьбы и смертью бѣднаго Паскуалета.

Въ семьѣ вспоминали иногда съ улыбкой объ угрозахъ Пименто. Эта пшеница, которая, по словамъ хвастуна, не будетъ никѣмъ собрана, уже начинала обогащать семью. У Росеты появилось два новыхъ платья, а Батистетъ и младшіе братья щеголяли теперь по воскресеньямъ въ новыхъ нарядахъ.

Кромѣ того, случалось, что Тереса, заперевъ дверь и от-

крывъ ящикъ комода, развязывала узелокъ, въ которомъ хранилась небольшая кучка серебра, и любовалась ею—это были первыя деньги, полученныя Батистомъ за проданныя овощи.

Однажды вечеромъ Росета отправилась съ дѣтьми на танцы въ большую ферму, Тереса легла отдохнуть подъ тѣнью фиговаго дерева, а Батистъ лѣниво прогуливался передъ домомъ.

Съ маленькаго мостика онъ обмѣнивался поклонами съ соседями, которые проходили мимо него, веселые и смѣющіяся, направляясь въ трактиръ „Чарка", гдѣ должно было состояться знаменитое пари Пименто съ братьями Террерола,— двумя лѣнтяями, которые, какъ и мужъ Пепеты, ненавидѣли работу и цѣлые дни проводили въ трактирѣ.

До Батиста тоже дошли слухи объ этомъ пари, по случаю котораго люди спѣшили въ трактиръ, какъ будто на юбилейное торжество. Суть его состояла въ томъ, чтобы, играя въ карты, все время не пить ничего кромѣ водки,—побѣдителемъ окажется тотъ, кто послѣдній свалится подъ столъ...

Приступили къ этому пари въ пятницу вечеромъ, а еще въ воскресенье послѣ обѣда всѣ три спорщика крѣпко сидѣли на своихъ табуретахъ. Кувшины водки стояли возлѣ на цинковомъ столикѣ; партія прерывалась только для сосисокъ, которыми славился трактиръ.

Трое удальцовъ не оставались ни на минуту одни. У каждаго были свои приверженцы. Какъ только наступала ночь, хозяинъ запиралъ трактиръ, предоставляя бойцамъ продолжать состязаніе на площадкѣ, при свѣтѣ фонаря, причемъ всетаки снабжалъ ихъ необходимымъ имъ запасомъ водки.

Казалось, вся округа устремила свои взоры на трактиръ, и извѣстія относительно хода пари распространялись съ удивительной быстротой; соперники выпили уже два ведра водки, а съ виду, какъ будто, ровно ничего не пили... Послѣ трехъ ведеръ все также были крѣпки на ногахъ... И зрители держали пари за того или другого изъ героевъ.

Это событіе, въ теченіе двухъ дней волновавшее всю округу, дошло, какъ мы уже говорили, и до слуха Батиста. И этотъ трезвый человѣкъ, который не былъ въ состояніи выпить лишнюю рюмку безъ тошноты и головной боли, не могъ избѣжать также нѣкотораго чувства удивленія передъ удальцами. „Не дурно бы и ему взглянуть на это зрѣлище"...

И онъ слѣдилъ завистливымъ взглядомъ за всѣми, кто направлялся въ трактиръ. „Почему бы и ему не пойти туда, куда идутъ другіе?"—До сихъ поръ онъ ни разу не бывалъ въ трактирѣ, такъ долго представлявшимъ собою вертепъ его враговъ, но теперь его присутствіе тамъ оправдывалось необычайностью событія. „Къ тому же, чоргъ возьми, когда честный

человѣкъ столько потрудился, и когда жатва у него такая богатая, онъ можетъ позволить себѣ и маленькое развлеченіе".

И, крикнувъ дремлющей женѣ, что онъ уходитъ, Батистъ направился къ трактиру.

Площадка была усѣяна народомъ — настоящій человѣческій муравейникъ. Здѣсь собрались всѣ окрестные поселяне въ полушелковыхъ штанахъ, черныхъ шарфахъ вокругъ живота и фулярахъ въ видѣ митры на головахъ. Старики опирались на толстыя палки, желтыя съ черными арабесками; молодые, засучивъ рукава, показывали свои мускулистыя, загорѣлыя руки и для контраста держали своими толстыми, мозолистыми пальцами тоненькія тросточки. Высокія ольхи, окружавшія трактиръ, осѣняли своей тѣнью оживленныя группы крестьянъ.

Впервые Батистъ разсматривалъ внимательнымъ взглядомъ знаменитый трактиръ съ его ярко выбѣленными стѣнами и окнами, окрашенными въ голубой цвѣтъ.

Въ трактирѣ были двѣ двери; одна вела въ обширный подвалъ, въ которомъ виднѣлись двойные ряды громадныхъ винныхъ бочекъ, доходившіе до потолка; другая вела въ самый трактиръ: она открывалась за часъ до разсвѣта и была открыта до десяти часовъ вечера. Стѣны были росписаны до самаго потолка. Хозяинъ, настоящій Меценатъ, выписалъ изъ города художника, прожившаго у него съ недѣлю, и эта прихоть барина-покровителя искусствъ стоила ему, какъ онъ увѣрялъ, по меньшей мѣрѣ пять дуросъ.

За то невозможно было повернуть голову ни направо, ни налѣво, чтобы не наткнуться на какой-нибудь шедевръ, вливавшій веселіе въ душу посѣтителей и подбодрявшій побольше выпить.—Голубыя деревья на темнолиловыхъ поляхъ, желтые горизонты, дома болѣе высокіе, чѣмъ деревья, и люди болѣе высокіе, чѣмъ дома, охотники съ ружьями на подобіе метелъ и андалузскіе франты верхомъ на ретивыхъ коняхъ, смахивающихъ на гигантскихъ крысъ,—вотъ чудеса оригинальности, вызывавшія восхищеніе посѣтителей трактира. А на дверяхъ комнатъ художникъ нарисовалъ всякія изумительныя яства,—гранаты, похожія на разсѣченныя кровавыя сердца, арбузы, казавшіеся громадными стручьями перца, мотки красной шерсти, притворявшіеся, что они персики.

Многіе полагали, что, именно благодаря этой изумительной живописи, трактиръ „Чарка" пользовался предпочтеніемъ крестьянъ, и хозяинъ проклиналъ мухъ, портившихъ столь изумительную красоту.

Рядомъ съ дверью въ трактиръ находился и прилавокъ, грязный и липкій, а позади виднѣлся тройной рядъ маленькихъ боченковъ, увѣнчанныхъ короной бутылокъ—весь ассор-

тиментъ разнообразныхъ и безчисленныхъ напитковъ, продававшихся въ трактирѣ.

Угощеніе для болѣе тонкихъ вкусовъ хранилось въ шкафу съ тусклыми стеклами, рядомъ съ прилавкомъ. Тутъ были печенья съ изюмомъ, торты, посыпанные сахаромъ, миндальные пирожки, съ какими-то подозрительными оттѣнками, пятнами и зеленымъ налетомъ плѣсени. Тутъ же лежалъ и сыръ мурвіедро, свѣжій и мягкій, удивительной бѣлизны, по формѣ похожій на хлѣбъ. А въ каморкѣ стояли монументальные кувшины, въ которыхъ хранились замаринованныя въ провансеомъ маслѣ зеленыя оливки и сосиски съ лукомъ — два предмета, на которые въ трактирѣ былъ наибольшій спросъ.

Батистъ, разсмотрѣвъ всю обстановку трактира, перевелъ глаза свои на хозяина—толстаго человѣка, съ разстегнутой на груди рубашкой, но съ шапкой, надвинутой среди лѣта на уши, и одутловатымъ краснымъ лицомъ. Онъ самъ былъ лучшимъ своимъ кліентомъ, такъ какъ ложился спать съ спокойной совѣстью лишь послѣ того, какъ за обѣдомъ, завтракомъ и ужиномъ выпивалъ не менѣе полведра вина. Прилавокъ его служилъ ему крѣпостной вышкой, съ которой онъ, какъ опытный знатокъ, слѣдилъ за своими посѣтителями. И лишь только начиналась драка, лишь только хватались за ножи и табуреты, онъ, не говоря ни слова, и не теряя хладнокровія, тотчасъ же выставлялъ за дверь драчуновъ и запиралъ за ними трактиръ.

Батистъ, полюбовавшись хозяиномъ, вернулся снова на небольшую площадь передъ трактиромъ и смѣшался съ толпой, глазѣвшей на трехъ игроковъ.

Пименто и его противники сидѣли на табуретахъ изъ крѣпкаго рожковаго дерева, держа карты въ рукахъ, съ кувшинами водки рядомъ на цинковыхъ столикахъ, гдѣ высились кучки кукурузныхъ зеренъ, указывавшія, сколько сыграно партій.

Зрители, стоявшіе ближе всѣхъ къ игрокамъ, смотрѣли имъ черезъ плечо, слѣдя за игрой. Но нельзя было сомнѣваться: головы у нихъ оставались крѣпкими, точно пили они одну лишь воду — ни одинъ изъ игроковъ не дѣлалъ ошибки.

Увидавъ Батиста, Пименто пробормоталъ что-то вродѣ привѣтствія.

Удалецъ, быть можетъ, и былъ спокоенъ, но его красныя зрачки имѣли какой-то пьяный блескъ, и лицо становилось по временамъ землянисто блѣднымъ. Два его противника выглядѣли не лучше,—однако всѣ трое смѣялись, шутили, и зрители, словно зараженные тѣмъ же безуміемъ, то и дѣло передавали изъ рукъ въ руки кувшины съ виномъ, за ко-

торые платили въ складчину — это былъ настоящій потокъ водки, вливавшейся, какъ огненная струя, въ желудки.

Батистъ, уступая настояніямъ окружающихъ, также долженъ былъ выпить. Онъ чувствовалъ теплоту въ груди и какое-то смутное, но пріятное ощущеніе въ головѣ; онъ привыкалъ къ трактирной атмосферѣ, находилъ пари все болѣе и болѣе интереснымъ, и даже Пименто казался ему человѣкомъ въ своемъ родѣ замѣчательнымъ.

Игроки кончили партію и обсуждали съ друзьями меню ужина. Одинъ изъ Террерола началъ видимо слабѣть — два дня питья водки и двѣ ночи, проведенныя безъ сна, давали себя знать. Глаза его смыкались и голова падала безсильно на плечо брата, который тщетно подбадривалъ его подъ столомъ ударами въ икры.

Пименто самодовольно улыбался — онъ скоро побѣдитъ одного. И вдругъ, точно побѣдная труба, раздался храпъ Террерола младшаго, упавшаго на столъ и чуть не свалившагося съ табурета.

Пименто продолжалъ играть и время отъ времени пилъ водку, закусывая краснымъ перцемъ, цѣлую связку котораго ему принесъ одинъ изъ друзей.

Батистъ, смотрѣвшій на него съ изумленіемъ, почувствовалъ желаніе уйти домой. Уже смерклось, на маленькой площади голоса стали возвышаться — начинался обычный воскресный скандалъ, и Пименто поглядывалъ все чаще и чаще на Батиста странными, стеклянными глазами еще не сдающагося пьяницы. Но Батистъ, самъ не понимая, зачѣмъ, все еще оставался въ трактирѣ.

Друзья Пименто досадовали на то, что, закусивъ перцомъ, онъ тотчасъ же запивалъ его водкой, не заботясь о томъ, слѣдуетъ ли этому примѣру его утомленный противникъ. Онъ не долженъ такъ много пить, иначе — онъ проиграетъ; у него не хватитъ денегъ, чтобы заплатить за счетъ. Теперь онъ уже не такъ богатъ, какъ прежде, когда собственница земли позволяла, чтобы онъ не платилъ аренды.

Слова эти были сказаны неосторожнымъ человѣкомъ, не понимавшимъ, что онъ говоритъ. И вдругъ водворилось тягостное молчаніе, точно у постели больного...

Говорить объ арендѣ и арендной платѣ здѣсь, когда и актеры, и зрители уже выпили цѣлыя ведра водки!.. Батистъ почувствовалъ себя нехорошо. Ему показалось, что вдругъ что-то враждебное и угрожающее пронеслось въ воздухѣ. Онъ готовъ былъ тотчасъ же бѣжать, однако остался, думая, что всѣ исподтишка смотрятъ на него, и опасаясь, что бѣгство вызоветъ лишь скорѣе нападеніе и оскорбленія. Въ надеждѣ остаться незамѣченнымъ, онъ сидѣлъ непод-

виъжно, охваченный волненіемъ, которое не было страхомъ, но не было и простой осторожностью

Присутствующіе, восторгаясь удальствомъ Пименто, заставляли его вновь разсказывать о томъ, какимъ образомъ ухитрялся онъ не платить аренды владѣлицѣ земли, и бѣшено аплодировали ему.

Удалецъ скромно передавалъ о своихъ подвигахъ. Ежегодно въ Рождество и въ Ивановъ день отправлялся онъ въ Валенсію повидать свою хозяйку. Другіе въ подобныхъ случаяхъ везли пару лучшихъ своихъ цыплятъ, корзиночку съ пирогами, плетенку съ фруктами, чтобы тронуть сеньоровъ и побудить ихъ принять у нихъ неполную арендную плату. При этомъ хныкали и обѣщали, какъ можно скорѣе, доплатить остальное. Одинъ онъ везъ своей хозяйкѣ... одни лишь слова и ничего больше.

Сеньора принимала его въ столовой. Сюда выходили и ея дочери, всегда расфранченныя, въ кружевахъ и въ лентахъ. Донна Мануэла брала въ руки разсчетную книжку, чтобы разсмотрѣть ее и напомнить Пименто, за сколько полугодій онъ ей задолжалъ. „Навѣрное, онъ явился все заплатить? Не такъ ли?“ А плутъ, на вопросъ сеньоры, отвѣчалъ неизмѣнно: „Нѣтъ, сеньора“. Онъ не можетъ уплатить ей, такъ какъ у него нѣтъ ни гроша. Ему извѣстно, что, поступая такимъ образомъ, онъ пріобрѣтаетъ репутацію мошенника. Еще дѣдъ его, человѣкъ бывалый, говорилъ ему: „Для кого сдѣланы кандалы? Для людей. Ты платишь? Въ такомъ случаѣ, ты честный человѣкъ. Ты не платишь? Тогда ты мошенникъ“.

И, окончивъ эту краткую лекцію философіи, Пименто переходилъ ко второму своему доводу. Онъ вынималъ изъ кушака черный свертокъ листового табаку, громадный ножъ и начиналъ рѣзать табакъ, чтобы свернуть себѣ сигару. Видъ ножа приводилъ въ содроганіе сеньору, дѣлалъ ее нервной,— и именно поэтому хитрецъ не торопился разрѣзать табакъ и медлилъ спрятать ножъ за кушакъ. Она спѣшила сказать ему, что онъ можетъ уйти. Но, такъ какъ ему доставляло величайшее наслажденіе быть ей непріятнымъ, то онъ старался продлить свиданіе. Наконецъ, ему было объявлено, что онъ совсѣмъ можетъ избавить себя отъ поѣздки въ Валенсію и не являться къ владѣлицѣ, которая забудетъ о томъ что у нея есть эта земля... „О нѣтъ, сеньора—Пименто добросовѣстно исполняетъ свои обязанности—онъ, въ качествѣ арендатора, долженъ посѣщать свою сеньору въ Рождество и Ивановъ день, въ доказательство того, что если онъ и не платитъ аренду, то все же остается ея покорнымъ слугой.

И онъ продолжалъ ходить къ ней два раза въ годъ, чтобы портить ей паркетъ своими грязными ногами, дышать на нее

виномъ и снова повторять ей, что кандалы сдѣланы для людей, вертя при этомъ въ рукахъ ножъ.

Крестьяне громко смѣялись, комментируя поведеніе Пименто, а удалецъ излагалъ и причины своего поведенія. Почему онъ долженъ платить? Земля эта воздѣлывалась еще его дѣдомъ; по смерти отца его сыновья раздѣлили ее между собой, какъ хотѣли, не спрашивая согласія владѣлицы: таковъ обычай въ селѣ. Они обрабатываютъ землю, они являются производителями и они поливаютъ ее своимъ трудовымъ потомъ!

Пименто говорилъ съ такимъ одушевленіемъ о своихъ трудахъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ улыбались... „Ну, что же! если онъ и не очень-то много работаетъ, то все же поле по справедливости скорѣй принадлежитъ ему, чѣмъ той толстухѣ, сеньорѣ въ Валенсіи. Пусть-ка она явится сюда и со всѣмъ своимъ жиромъ управляетъ плугомъ, а ея дочери въ лентахъ впрягутся въ него и повезутъ! Тогда,—да, тогда она будетъ законной владѣлицей земли!"

Грубыя шутки деревенскаго хвастуна вызывали у присутствующихъ гомерическій хохотъ. Всѣ эти люди, еще ощущавшіе горечь внесеннаго въ Ивановъ день платежа, испытывали живѣйшее удовлетвореніе, слушая, какъ отдѣлываютъ ихъ сеньоровъ. Какъ забавна эта выдумка насчетъ плуга! Каждый представилъ себѣ своего хозяина—толстопузаго и требовательнаго помѣщика, или старую высокомѣрную сеньору — впряженными въ плугъ, въ то время какъ бѣдняки, маленькіе люди и крестьяне, погоняютъ ихъ кнутомъ.

И всѣ подмигивали другъ другу, хлопали сосѣдей по плечу, чтобы выразить свое удовольствіе. „Да, да, недурно проводишь время въ трактирѣ „Чарка", слушая Пименто! Какія только забавныя мысли не придутъ ему въ голову!"

Но вдругъ мужъ Пепете нахмурился, и многіе изъ присутствующихъ замѣтили у него косой взглядъ, взглядъ драчуна, давно знакомый завсегдатаямъ трактира, какъ несомнѣнный предвѣстникъ задирательства съ его стороны. Голосъ его сталъ хриплымъ, точно весь выпитый алкоголь поднялся огненной струей къ его горлу.

— Сеньоры за послѣднее время опять показываютъ зубы. Даже его хозяйка обращается съ нимъ дерзко, — съ нимъ, наводившимъ страхъ на владѣльцевъ всей округи, — и въ послѣднее его посѣщеніе въ Ивановъ день она стала насмѣхаться даже надъ его ножомъ и объявила ему, чтобы онъ приготовился быть выселеннымъ съ ея земли, или же уплатилъ бы ей всю арендную плату. А почему сеньоры такъ подняли носъ? Почему у нихъ уже нѣтъ страха? Cristo!..

Потому что земля Баррета уже не запущена и не заброшена—вотъ что до сихъ поръ ихъ пугало, нагоняло на нихъ страхъ и заставляло быть податливыми. Теперь уже чары нарушены. Съ тѣхъ поръ, какъ голодному вору удалось сѣсть имъ всѣмъ на голову, владѣльцы смѣются надъ крестьянами и, желая имъ отомстить за десять лѣтъ вынужденнаго благодушія, становятся теперь даже хуже, чѣмъ знаменитый донъ-Сальвадоръ!

— Правда, правда,—повторяли всѣ кругомъ, подтверждая доводы Пименто усиленными кивками головы.

Что сеньоры измѣнились къ худшему, съ этимъ всѣ соглашались, припоминая подробности послѣдняго свиданія съ ними — угрозы выселенія, отказъ принять неполный взносъ арендной платы, иронію, съ которой они говорили о землѣ дяди Баррета, снова обрабатываемой, несмотря на враждебное отношеніе всего села. Да, все это по винѣ чужака-нищаго, втершагося къ нимъ, чтобы испортить ихъ дѣло и затруднить жизнь. И разбойникъ этотъ еще живъ?.. Что-жъ, въ селѣ нѣтъ уже мужчинъ?..

Все умиленіе, вызванное несчастіемъ, рухнуло, какъ карточный домикъ, исчезло, какъ легкое облачко, вспыхнула вся прежняя ненависть, ожила вся солидарность села, которое въ борьбѣ съ пришлецомъ защищало свое существованіе.

Глаза, устремленные на Батиста, сверкали огнемъ ненависти, въ головахъ, отуманенныхъ винными парами, зарождалось страшное искушеніе убійства, всѣ инстиктивно стали надвигаться на Батиста, которому казалось, что его со всѣхъ сторонъ начинаетъ охватывать желѣзное кольцо. Онъ не чувствовалъ страха, но проклиналъ ту минуту, когда вздумалъ пойти въ трактиръ.

Охваченный гнѣвомъ, Пименто чувствовалъ, какъ вся водка, выпитая въ теченіе двухъ сутокъ, сразу прихлынула къ его мозгу. Онъ всталъ, шатаясь, и долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы удержаться на ногахъ.

— Уходи!—сказалъ онъ властнымъ голосомъ Батисту, протягивая съ угрозою руку, которая почти коснулась его лица.—Уходи, или я тебя убью!

Уйти—этого-то и желалъ блѣднѣвшій все болѣе и болѣе Батистъ. Но онъ хорошо понялъ смыслъ этого повелительнаго „уходи“, на которое всѣ присутствовавшіе отвѣтили знаками одобренія. Отъ него требуютъ не того, чтобы онъ ушелъ изъ трактира—ему приказываютъ, подъ угрозой смерти, отказаться отъ поля, покинуть домъ, гдѣ умеръ его сынъ, и каждый уголъ котораго хранитъ воспоминаніе о борьбѣ и радостяхъ. И внезапно онъ увидѣлъ себя вновь скитающимся со всѣмъ своимъ скарбомъ по дорогамъ и проселкамъ,

въ сопровожденіи голода и нужды... Нѣтъ онъ избѣгаетъ всякой ссоры, но пусть не пытаются отнять у него хлѣбъ его дѣтей!

Мысль о семьѣ, голодной и безпріютной, возбуждала въ немъ гнѣвъ—онъ вдругъ почувствовалъ желаніе самъ наброситься на этихъ людей, вздумавшихъ требовать отъ него такихъ чудовищныхъ вещей.

— Уйдешь? Уйдешь?—спрашивалъ Пименто, все грознѣе и грознѣе наступая.

Нѣтъ, онъ не уйдетъ. Онъ отвѣтилъ отрицательнымъ кивкомъ головы, улыбкой пренебреженія, увѣреннымъ и вызывающимъ взглядомъ, которымъ обвелъ всю толпу.

— Подлецъ!—заревѣлъ Пименто и ударилъ его по лицу такъ сильно, что кругомъ разнесся звукъ страшной пощечины.

Точно ободренная этимъ ударомъ, вся толпа ринулась на пришельца. Но поверхъ головъ поднялась мускулистая рука, размахивающая табуретомъ,—быть можетъ тѣмъ самымъ, на которомъ сидѣлъ Пименто.

Въ сильныхъ рукахъ Батиста этотъ табуретъ съ тяжелыми перекладинами и отполированными отъ долгаго употребленія ножками изъ крѣпкаго рожковаго дерева былъ страшнымъ оружіемъ. Столикъ и кувшинъ съ водкой полетѣли сразу, а присутствующіе инстиктивно подались назадъ, испуганные видомъ этого человѣка, котораго бѣшенство превратило, казалось, въ гиганта. Послышался звукъ точно разбитаго горшка, и Пименто упалъ съ проломленной головой...

Послѣ этого на площадѣ воцарилось неописуемое смятеніе. Хозяинъ поспѣшилъ закрыть трактиръ. Столы валились, люди хватались за палки и ножи, а тотъ, кто былъ причиной всей этой сумятицы, стоялъ неподвижно, не выпуская изъ руки запятнаннаго кровью табурета, самъ испуганный своимъ дѣломъ.

Пименто, лежавшій на землѣ, громко стоналъ, и изъ его пробитой головы кровь лилась струей. Терерола старшій кинулся на помощь своему сопернику и бросалъ на Батиста бѣшеные взгляды, машинально отыскивая за кушакомъ ножъ, чтобы ударить его.

Наиболѣе миролюбивые изъ крестьянъ убѣгали по тропинкамъ домой, а у оставшихся на площади виднѣлись въ рукахъ палки, кой-гдѣ сверкали ножи. Но никто не приблизился къ Батисту, который медленно отступалъ, высоко поднявъ окровавленный табуретъ.

Онъ такъ и ушелъ съ площади, не сводя вызывающаго взгляда съ тѣхъ, кто окружалъ лежавшаго на землѣ Пименто. Все это были храбрые люди, но ихъ покорила энергія одного человѣка.

Только добравшись до дороги, на нѣкоторомъ разстояніи отъ трактира, бросился бѣжать, и уже вблизи дома швырнулъ въ канаву тяжелый табуретъ, съ ужасомъ взглянувъ на темное пятно уже засохшей на немъ крови.

X.

Опять все село возстало противъ него. Ему снова пришлось засѣсть въ избѣ со всей семьей, снова пришлось испытать отчужденіе отъ всѣхъ, точно онъ зачумленный, или засаженный въ клѣтку звѣрь, которому всѣ показываютъ издали кулакъ.

На слѣдующій день жена разсказала ему, какъ былъ отведенъ домой Пименто. Провожавшая его толпа посылала угрозы по адресу Батиста. Женщины, узнавъ о случившемся (удивительна та быстрота, съ какой передаются въ деревняхъ извѣстія), выбѣгали на дорогу, чтобы поближе посмотрѣть на храбреца и выразить ему свое сочувствіе, какъ герою, пожертвовавшему собой для общественной пользы. Тѣ самыя, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ ругательски ругали Пименто за его возмутительное пьяное пари — теперь жалѣли о немъ, освѣдомлялись, тяжело ли онъ раненъ, и громогласно требовали, чтобъ мужья отомстили этому голодному нищему, этому вору, который, не довольствуясь тѣмъ, что овладѣлъ чужимъ добромъ, еще осмѣливается нападать на честныхъ людей.

Пименто былъ великолѣпенъ. Полученный ударъ причинялъ ему сильную боль; онъ шелъ, опираясь на друзей, съ перевязанной головой и всякій разъ, когда говорили о мести, съ гордой осанкой увѣрялъ, что беретъ на себя обязательство наказать врага.

Батистъ не сомнѣвался, что эти люди отомстятъ ему. Онъ зналъ обычаи села. Городской судъ не существовалъ для этой мѣстности, и каторга ничего не значила, когда дѣло шло объ удовлетвореніи враждебнаго чувства. Развѣ человѣкъ нуждается въ судьяхъ и въ полиціи, когда у него вѣрный глазъ и есть дома ружье? Разсчеты нужно вести самимъ и кончать ихъ между собой.

Такъ какъ всѣ крестьяне именно это и думали, то на слѣдующій день послѣ драки напрасно прохаживались взадъ и впередъ по тропинкѣ отъ трактира до избы Пименто два жандарма въ треуголкахъ, стараясь предательски вывѣдать отъ крестьянъ, встрѣчавшихся имъ по дорогѣ, что случилось наканунѣ: никто ничего не видѣлъ, никто ничего не зналъ. Пименто разсказывалъ съ грубымъ смѣхомъ, что самъ

проломилъ себѣ голову, когда, послѣ своего пари, шелъ домой, шатаясь и стукаясь о деревья. Словомъ, треуголки вынуждены были ретироваться, такъ и не провѣривъ дошедшихъ до нихъ неопредѣленныхъ слуховъ о побоищѣ и пролитой крови.

Это великодушіе жертвы и ея друзей тревожило Батиста, и онъ рѣшилъ держаться въ оборонительномъ положеніи. Семья, точно испуганная улитка, ушла опять внутрь себя, избѣгая малѣйшаго соприкосновенія съ селомъ. Малыши не ходили больше въ школу, Росета бросила работу на фабрикѣ, Батистетъ не ступалъ ни шагу дальше своего поля. Одинъ лишь отецъ выходилъ еще изъ своихъ владѣній. Но и онъ не дѣлалъ ни одного путешествія въ городъ, не запасшись на дорогу ружьемъ, которое въ предмѣстьи отдавалъ на сохраненіе одному своему пріятелю.

Тереса была теперь также грустна, какъ во время болѣзни ребенка. Каждый разъ, когда она видѣла, что ея мужъ чиститъ дуло ружья, мѣняетъ патроны или осматриваетъ, какъ дѣйствуетъ курокъ—ей вспоминалась страшная трагедія дяди Баррета: она видѣла кровь, думала объ уголовномъ судѣ и проклинала тотъ часъ, когда они вступили во владѣнія этимъ проклятымъ полемъ. А когда Батиста не было дома, она проводила долгіе часы, тревожно поджидая его, и каждый разъ ее бросало въ дрожь, когда она слышала вдали выстрѣлъ какого-нибудь охотника по ласточкамъ: не начало ли это трагедіи? Не тотъ ли выстрѣлъ, которымъ убитъ глава ея семьи, или тотъ, что поведетъ его на каторгу? И когда онъ являлся домой, младшія дѣти кричали отъ радости, Тереса улыбалась, тихонько вытирая слезы, дочь бросалась на шею отцу и цѣловала его, а собака прыгала, виляя хвостомъ.

Но къ Батисту вернулось его хладнокровіе. По мѣрѣ того, какъ проходило время, онъ становился болѣе самоувѣреннымъ и смѣялся надъ опасеніями семьи. Онъ считалъ себя въ безопасности. Съ этой прекрасной „двухголосой птицей", какъ онъ называлъ свое двухствольное ружье, онъ можетъ, не страшась ничего, ходить по всему селу. Когда онъ въ такомъ хорошемъ обществѣ, его враги дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ его. Правда, всѣ смотрятъ на него искоса, но онъ никогда на дорогѣ не слышалъ ругани и оскорбленій по своему адресу. Враги довольствовались тѣмъ, что съ презрѣніемъ поворачивались къ нему спиной, наклонялись къ землѣ и лихорадочно работали, пока не потеряютъ его изъ виду.

Единственный, кто еще разговаривалъ съ нимъ, былъ дядя Томба, который при встрѣчѣ постоянно твердилъ одно и тоже: „Не хочешь бросить проклятую землю? Дурно дѣлаешь, сынъ мой—земля эта принесетъ тебѣ несчастіе".

Батистъ съ улыбкой выслушивалъ обычный припѣвъ ста-

рика. Свыкшись съ опасностью, онъ теперь даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе идти ей навстрѣчу, бросать вызовъ. Ему хотѣлось показать своимъ врагамъ, что онъ ихъ не боится, и также, какъ пробилъ голову Пименто, готовъ стрѣлять въ кого угодно.

Однажды вечеромъ, когда онъ отправился на охоту въ дальнія мѣста, его неожиданно застигъ солнечный заходъ. Онъ повернулъ домой, но шелъ, не торопясь, наслаждаясь свѣжестью лѣтнихъ сумерекъ. Однако, кажущееся спокойствіе не мѣшало ему думать о томъ, что довольно рисковано для него очутиться вдали отъ дома въ такое позднее время.

Тонкимъ крестьянскимъ слухомъ онъ вдругъ уловилъ какой-то шорохъ позади. Быстро обернувшись, при слабомъ мерцаніи звѣздъ онъ увидѣлъ темную фигуру которая однимъ прыжкомъ перескочила черезъ дорогу и исчезла за пригоркомъ. Батистъ взялся за ружье, взвелъ курокъ и осторожно приблизился къ этому мѣсту. Но тамъ никого не было. Ему показалось только, что на нѣкоторомъ разстояніи въ темнотѣ колышутся растенія, будто кто пробирается между ними. Значитъ, за нимъ слѣдятъ—хотятъ предательски напасть на него сзади? Какъ бы то ни было, ему надо какъ можно скорѣй добраться домой.

Близь синей фермы, куда дѣвушки отправлялись плясать по воскресеньямъ, расходилась дорога, образуя нѣсколько извилинъ. Съ одной стороны виднѣлся скатъ, увѣнчанный двойнымъ рядомъ старыхъ шелковичныхъ деревьевъ, съ другой — тянулась канава, края которой были покрыты густымъ и высокимъ тростникомъ. Въ темнотѣ это мѣсто напоминало бамбуковую рощу. Колыхаясь подъ ночнымъ вѣтеркомъ, тростникъ этотъ издавалъ жалобные звуки. Батистъ про себя подумалъ: „Превосходное мѣстечко для того, чтобы выстрѣлъ мѣтко попалъ въ цѣль. Если бы Пименто спрятался здѣсь, онъ сумѣлъ бы воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ“.

Не успѣлъ онъ кончить этой мысли, какъ изъ тростника блеснулъ красный огонекъ, послышался звукъ выстрѣла, и что-то пронеслось, свистя, у него подъ самымъ ухомъ. Въ него стрѣляютъ!..—Инстинктивно онъ наклонился, постарался смѣшаться съ чернотой земли, чтобы не представлять собою прицѣла врагу. И въ ту же минуту блеснулъ еще огонекъ, послышался новый выстрѣлъ и Батистъ почувствовалъ какъ въ лѣвое плечо вонзились будто желѣзныя когти.

Но онъ не обратилъ на это вниманія, его охватила бѣшеная радость: два выстрѣла... теперь его врагъ безоруженъ!

И съ крикомъ: „Cristo! ты у меня въ рукахъ“—онъ кинулся въ тростникъ. Здѣсь была канава, гдѣ вода ему доходила до пояса, ноги вязли въ грязи, а руки съ ружьемъ онъ

держалъ высоко поднятыми вверхъ, чтобы не замочить пороха. Онъ скупо берегъ свои два выстрѣла до той поры, когда можно будетъ выпустить ихъ съ увѣренностью.

Впереди, въ темнотѣ, онъ слышалъ глухое бульканье, точно собака убѣгала внизъ по канавѣ. Началась бѣшеная погоня въ водѣ. Вдругъ Батисту показалось, что какая-то черная фигура хватается за тростникъ стараясь выбраться на берегъ. Негодяй—онъ хочетъ бѣжать!.. И рука его нажала курокъ: выстрѣлъ раздался—и темная масса свалилась въ канаву. Впередъ, къ нему!.. Но снова Батистъ услышалъ булькающіе звуки въ водѣ, точно кто-то спасается... Страшная погоня ощупью въ темнотѣ возобновилась снова и продолжалась до тѣхъ поръ, пока изгибъ канавы не привелъ къ мѣсту, гдѣ берегъ былъ свободенъ отъ тростника. Глаза Батиста, привыкшіе къ темнотѣ, ясно различили здѣсь фигуру человѣка, который вылѣзалъ изъ канавы, опираясь на ружье и съ трудомъ передвигая ноги, покрытыя липкой грязью. Это онъ,—Пименто—онъ!..

— Негодяй, ты не уйдешь отъ меня! — заревѣлъ Батистъ и выпустилъ второй зарядъ, съ полной увѣренностью, что попадетъ въ цѣль.

Онъ увидѣлъ, какъ врагъ его тяжело свалился на край канавы и барахтался на четвереренькахъ, чтобы не попасть въ воду. Батистъ хотѣлъ его настичь, но такъ торопливо бросился, что поскользнулся и упалъ во всю длину роста въ канаву. Голова его завязла въ грязи, онъ проглотилъ землянистую и красноватую жидкость, думая что задохнется, останется похороненнымъ въ этой грязи. Наконецъ, цѣной неимовѣрныхъ усилій, ему удалось вытащить голову. Глаза его были залѣплены грязью, ротъ жадно вдыхалъ ночной воздухъ.

Какъ только вернулось къ нему зрѣніе, онъ сталъ искать врага. Но тотъ исчезъ.

Выбравшись изъ канала, Батистъ поднялся наверхъ, но и тутъ никого не оказалось. На сухой землѣ онъ ощущалъ лишь нѣсколько темныхъ пятенъ, которые пахли кровью. Теперь онъ былъ увѣренъ, что не далъ промаха. Но Пименто человѣкъ сильный: несмотря на раны ему, навѣрное, удастся дотащиться до дому. Преслѣдовать его дальше Батистъ опасался. Онъ былъ одинъ въ долинѣ и безоруженъ, такъ какъ незаряженное ружье — все равно, что палка. Конечно, самъ Пименто не могъ уже вернуться,но у него были друзья. И, охваченный внезапнымъ ужасомъ, Батистъ бросился бѣжать поперекъ полей, чтобы выйти на дорогу, ведущую къ дому.

Вся долина страшно всполошилась; четыре выстрѣла среди ночи взволновали всю округу. Собаки лаяли съ возрастающею яростью, двери домовъ открывались, и на дворахъ по-

казывались черныя фигуры, навѣрное, уже выходившія съ оружіемъ въ рукахъ; слышались свистки и крики тревоги, которыми сосѣди обмѣнивались между собою. Выстрѣлы ночью могли быть сигналомъ пожара, нападенія воровъ, или Богъ знаетъ чего; во всякомъ случаѣ, ничего хорошаго они означать не могли.

Испуганный этой тревогой, Батистъ бѣжалъ, то и дѣло нагибаясь, чтобы не быть замѣченнымъ, подъ защитой откосовъ и стоговъ соломы. Первая встрѣтила его собака, а Тереса и Росета, увидавъ его, вскрикнули отъ радости.

— Батистъ, это ты?

— Отецъ, отецъ!

И всѣ побѣжали къ нему на встрѣчу подъ старыя шпалеры виноградныхъ лозъ, гдѣ звѣзды, сверкавшія сквозь листву, казались свѣтляками.

Мать, со своимъ тонкимъ женскимъ слухомъ,—обезпокоенная тѣмъ, что мужъ запоздалъ,—первая услышала далекіе четыре выстрѣла, и сердце ёкнуло у нея. Она тотчасъ же бросилась съ дѣтьми къ дверямъ и тревожнымъ взглядомъ стала всматриваться въ темноту, увѣренная въ томъ, что выстрѣлы, всполошившіе всю долину, имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ отсутствію Батиста. И потому всѣ они, безумно радуясь тому, что видятъ и слышатъ его, не обращали теперь вниманія на запачканно лицо и рваную одежду, съ которой еще капала жидкая грязь.

Дѣти потащили его за собой, между тѣмъ какъ Росета повисла у него на шеѣ, повторяя: „Отецъ, отецъ!“

Но отецъ не могъ удержаться отъ подавленнаго болѣзненнаго стона. Рука Росеты уперлась въ его лѣвое плечо, въ то самое мѣсто, гдѣ давеча онъ почувствовалъ какъ бы желѣзныя когти. А когда онъ вошелъ въ комнату, и свѣтъ лампы упалъ прямо ему въ лицо, обѣ женщины вскрикнули отъ ужаса. Они увидѣли, что его рубашка окровавлена, одежда истерзана и покрыта съ ногъ до головы грязью.

Женщины разразились слезами и причитаніями: „Пресвятая Богородица, Владычица небесъ! отца нашего убили!“

Росета быстро разрѣзала рубаху. Сколько крови!.. Дѣвушка поблѣднѣла, дѣти расплакались, а Тереса зарыдала такъ безумно, какъ будто мужъ ея находился уже въ агоніи. Раненый рѣзко прервалъ ихъ: „Поменьше слезъ — вѣдь это царапина; видно изъ того, что онъ можетъ двигать рукой. Скорѣй воды, чистыхъ тряпокъ, корпіи, арники (бутылку которой Тереса хранила какъ чудодѣйственное лѣкарство). Надо торопиться, а не смотрѣть на него съ открытымъ ртомъ!“

Жена и дочь остановили, какъ могли, кровь и перевязали рану. Батистъ вздохнулъ съ облегченіемъ и обратился къ малышамъ съ предупрежденіемъ, чтобы они были осто-

рожны и не болтали о томъ, что видѣли. То же повторилъ онъ и женѣ, выражавшей желаніе позвать доктора. Ни въ какомъ случаѣ! Вѣдь это значило бы обратить вниманіе на происшествіе. Онъ и такъ поправится, — бывалъ и въ худшихъ передрягахъ.

Пока жена готовила ему постель, Батистъ разсказалъ о случившемся. Бѣдная женщина, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами, тяжело вздыхала, думая объ опасности, которой избѣжалъ мужъ, то и дѣло бросая тревожные взгляды на запертую дверь, точно сквозь щели могла проскользнуть полиція. Раненый легъ въ постель; его лихорадило. Вся семья провела тревожную ночь; пугаясь бреда отца; дѣти не могли спать, а жена и дочь, не смыкая глазъ, всю ночь просидѣли у его постели, ежеминутно предлагая больному сахарной воды: единственное лѣкарство, которое онѣ могли придумать.

На слѣдующій день Батистъ чувствовалъ себя уже лучше и Тереса, пріоткрывъ дверь, слѣдила за тѣмъ, что происходитъ у Пименто. Сколько народа возлѣ его дома—цѣлый муравейникъ! И у всѣхъ сумрачныя, негодующія лица, всѣ кричатъ, дѣлаютъ энергичные жесты и издали бросаютъ взгляды ненависти на старый домъ бѣднаго дяди Баррета.

Батистъ выслушалъ эти извѣстія съ хмурымъ лицомъ. Такое стеченіе народа у дома Пименто означало, что онъ тяжело раненъ,—быть можетъ, даже умираетъ. Батистъ былъ увѣренъ, что всадилъ ему обѣ пули въ тѣло. Что-то теперь будетъ?—думалось ему.—Придется ли умереть на каторгѣ, какъ бѣдному дяди Баррету? Нѣтъ... И на этотъ разъ село останется вѣрнымъ своимъ обычаямъ, своему принципу самосуда. Умирающій будетъ молчать, предоставивъ братьямъ Террерола или другимъ своимъ друзьямъ отомстить за него. И Батистъ не зналъ, что для него страшнѣе — кара закона, или кара села.

Послѣ обѣда, несмотря на всѣ уговоры и просьбы жены и дочери, раненый вскочилъ съ постели. Шатаясь, вышелъ онъ изъ дома и сѣлъ на скамью у дверей.

Сначала Батистъ смотрѣлъ куда-то вдаль, по направленію къ городу, повернувшись спиной къ дому Пименто. Но скоро любопытство взяло верхъ надъ опасеніемъ увидѣть что-нибудь страшное.

Дѣйствительно, у дверей Пименто толпится много народу—мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Вся окрестность съ тревогой сбѣжалась взглянуть на своего умирающаго „освободителя“. Какъ эти люди, должно быть, ненавидятъ его! Несмотря на разстояніе, онъ отгадывалъ, что его имя звучитъ на всѣхъ устахъ, и ему казалось, что онъ слышитъ шумныя угрозы всего этого сборища по своему адресу. А между тѣмъ,

Богу извѣстно, что онъ только защищался и имѣлъ всегда одно лишь желаніе—прокормить семью, никому не причиняя вреда.

Спускались сумерки, покрывая долину какимъ-то печальнымъ и сѣрымъ свѣтомъ. Вдругъ порывъ вѣтра донесъ до Батиста эхо рыданій и бѣшеныхъ возгласовъ.

Батистъ увидѣлъ, что толпа бросилась къ дверямъ Пименто; онъ видѣлъ, какъ руки поднимались вверхъ съ выраженіемъ горя, какъ срывали съ головъ платки и съ бѣшенствомъ бросали ихъ на землю.

Раненый почувствовалъ, что вся его кровь, приливъ къ сердцу, отхлынула оттуда къ мозгу. Онъ догадался, что Пименто только что умеръ...

Ледяной холодъ охватилъ Батиста вмѣстѣ съ ощущеніемъ слабости и страха; онъ вернулся въ домъ и вздохнулъ спокойно лишь послѣ того, какъ дверь была заперта и зажжена свѣчка...

Всю семью страшно клонило ко сну, такъ какъ въ предшествующую ночь никто не сомкнулъ глазъ; наскоро поужинавъ улеглись еще раньше девяти часовъ.

Батистъ чувствовалъ, что рана его болитъ меньше, жаръ прошелъ, но зато теперь его мучила какая-то боль въ сердцѣ.

Ему казалось что онъ видитъ въ темнотѣ блѣдную, неопредѣленную фигуру, которая мало по малу принимаетъ черты Пименто,—какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдніе дни жизни, съ перевязанной головой и угрожающимъ лицомъ.

Онъ закрывалъ глаза, чтобы заснуть. Но когда сонъ начиналъ уже овладѣвать имъ, передъ глазами въ густомъ мракѣ вставали красныя точки, эти точки увеличивались, образуя разноцвѣтныя пятна, и опять появлялся Пименто...

Батистъ дѣлалъ усиліе, чтобы освободиться отъ кошмара. Онъ не спалъ... нѣтъ... онъ слышалъ храпѣніе жены, лежавшей съ нимъ рядомъ, а также дыханіе дѣтей; но ему казалось, что онъ слышитъ эти звуки гдѣ-то вдали, словно таинственная сила унесла его домъ далеко, далеко,—а онъ остался одинъ, безсильный, не въ состояніи двинуться, съ лицомъ Пименто возлѣ своего лица, чувствуя горячее дыханіе врага. Развѣ онъ не умеръ?—смутно спрашивалъ онъ себя, и отвѣчалъ съ большимъ усиліемъ воли, что онъ умеръ, сраженный двумя его пулями.

„Прости меня, Пименто!“—стоналъ раненый, дрожа, какъ ребенокъ, охваченный ужасомъ. Но врагъ его жестоко улыбался; прыжокъ—и онъ навалился на него всей своей тяжестью и давилъ на его рану... Батистъ страшно застоналъ; онъ не въ состояніи былъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы сбросить врага. Онъ пытался тронуть его, называя дружески-ласковыми именами.

— Тони,—ты мнѣ дѣлаешь больно...

Но этого-то и хотѣло привидѣніе... сдѣлать ему больно. И вотъ, однимъ взглядомъ оно сорвало у него повязку съ раны и вонзило въ нее жесткія когти, заставивъ Батиста заревѣть отъ боли.

— Ай, ай... Пименто!

Но привидѣніе, крѣпко схвативъ его за волосы, наконецъ, заговорило: „Идемъ, идемъ со мной“.

И оно тащило его съ сверхчеловѣческой силой, и оба неслись съ головокружительной быстротой по направленію къ красному пятну, которое виднѣлось далеко, далеко...

Пятно это увеличивалось, принимало форму дверей его дома, и оттуда шелъ густой смрадный дымъ, отъ котораго онъ задыхался... Должно быть, это было отверстіе ада, и Пименто собирался бросить свою жертву туда, въ пламя, отблескъ котораго виднѣлся на дверяхъ.

Ужасъ Батиста взялъ верхъ надъ оцѣпенѣніемъ кошмара,—онъ издалъ страшный крикъ, шевельнулся, наконецъ, и сбросилъ съ себя Пименто.

Глаза его были теперь широко открыты, и онъ уже не видѣлъ призрака. Все это лишь сонъ, кошмаръ, вызванный лихорадкой. Но это что же такое? Бредъ продолжается еще? Что означаетъ этотъ красный отблескъ, освѣщающій комнату? Откуда этотъ ѣдкій дымъ? Можетъ быть, онъ все еще спитъ?

Онъ протеръ глаза, сѣлъ на постель... Нѣтъ... онъ проснулся, совсѣмъ проснулся.

Дверь становилась все болѣе и болѣе красной, дымъ все сгущался. По слышался глухой трескъ, точно изъ тростника, охваченнаго огнемъ, показались летящія, какъ огненныя мухи, искры. Собака выла.

— Господи помилуй!

Внезапно понявъ, въ чемъ дѣло, онъ чуть не сошелъ съ ума.

— Тереса... Тереса... вставай!

Сбросивъ жену съ постели, онъ кинулся къ дѣтямъ. Загорѣвшаяся крыша уже осыпала постели цѣлымъ дождемъ искръ. Ослѣпленный дымомъ, Батистъ отперъ, наконецъ, дверь дома, и несчастная семья, обезумѣвъ отъ ужаса, выскочила въ однѣхъ рубашкахъ и бросилась бѣжать къ большой дорогѣ.

Тутъ, нѣсколько успокоившись, они осмотрѣлись, всѣ ли на лицо.

— Господи какъ ловко негодяи сумѣли сдѣлать! Подожгли со всѣхъ четырехъ концовъ, такъ что усадьба вся сразу загорѣлась—даже заборъ двора и конюшня...

Крыша дома шумно рухнула, и изъ за обвалившейся стѣны горѣвшей конюшни вдругъ выскочило страшное чудовище, у котораго изъ ноздрей шелъ дымъ, которое трясло горѣвшей гривой и отчаянно махало огненнымъ хвостомъ. Это была лошадь: она неслась по полю и инстинктивно бросилась прямо въ канаву, причемъ послышалось шипѣніе, точно отъ раскаленнаго желѣза. За лошадью бѣжало другое огненное привидѣніе, кидавшееся направо и налѣво съ ужаснымъ хрюканьемъ — это была свинья, которая, повалившись на землю, горѣла, какъ факелъ.

Тщетно Батистъ, надѣясь спасти хоть что-нибудь, бѣгалъ, какъ безумный, по тропинкамъ, стучась въ двери и крича:

— Помогите, помогите... Горимъ!.. Пожаръ!..

Крики его терялись въ ночной тиши, и ни одна дверь не открылась въ сосѣднихъ домахъ, гдѣ безъ сомнѣнія всѣ глаза напряженно наблюдали за пожаромъ сквозь щели, и всѣ уста улыбались съ дьявольской радостью, но не было ни одного великодушнаго голоса, который бы крикнулъ: „Вотъ, я за васъ!“

Лишь въ одномъ окнѣ виднѣлся блѣдный, печальный, свѣтъ. Глаза Батиста устремились на этотъ грустный, мигающій свѣтъ восковыхъ свѣчей, поставленныхъ у изголовья мертвеца.

Прощай, Пименто! Ты ушелъ изъ міра, хорошо отомщенный. Усадьба и все имущество ненавистнаго тебѣ пришлеца, освѣщаетъ веселымъ блескомъ твой трупъ, лучше тѣхъ восковыхъ свѣчей, которыя плачущая Пепета купила тебѣ.

Безмолвная и хмурая долина отвергла навсегда пришельцевъ.

Они были здѣсь болѣе одиноки, чѣмъ въ пустынѣ: отчужденіе, создаваемое людской ненавистью въ тысячу разъ тяжелѣе равнодушія природы.

Они уйдутъ отсюда, чтобы начать новую жизнь, сопровождаемые по пятамъ голодомъ; они оставятъ за собой развалины своихъ трудовъ и трупъ бѣднаго ребенка, гніющаго въ нѣдрахъ земли — въ видѣ невинной жертвы безумной борьбы.

И всѣ они смиренно усѣлись на откосѣ дороги, ожидая разсвѣта, дрожа отъ холода, а передъ ними разливалось огненное зарево, бросая кровавый отблескъ на ихъ горестныя лица; печальными глазами слѣдили они за усиліями огня, превращавшаго плоды ихъ трудовъ въ столь же бренный пепелъ, какъ и прежнія мечты о трудѣ и мирной жизни.

— Развѣ это не все равно?

У Готхольда вырвался возгласъ нетерпѣнія.

— Я забылъ, что у васъ нѣтъ никакой религіи,—сказалъ онъ съ горечью.

Она повернула къ нему свое лицо; до этого момента она все время слѣдила за игрой дѣтей. Грустная серьезность, съ оттѣнкомъ величія отразилась въ ея удивительно темныхъ глазахъ.

— Кто сказалъ вамъ это, г. пасторъ?

— Мнѣ говорили, что вы—не христіанка, фрейлейнъ Леръ.

— Въ смыслѣ обрядности, конечно, нѣтъ.—Ея нѣжный голосъ медленно повышался. — Но христіанство и церковная обрядность не—одно и то же.

— Это должно означать, что вы вѣрите въ Христа?

— Какъ въ благороднѣйшій и высшій образъ чистѣйшей, величайшей человѣчности—да!

Готхольдъ былъ пораженъ. Онъ, въ волненіи, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, плотно сжимая губы. Внутри его бушевала буря. Передъ нимъ, быть можетъ, была душа, которую онъ могъ еще спасти!

— И всетаки вы не крещены еще во имя Его!—сказалъ онъ, остановившись передъ нею съ глубокой скорбью.— Вашъ отецъ принялъ на себя тяжелую отвѣтственность.

Она улыбнулась. Глаза ея засвѣтились радостью.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой отецъ поступилъ правильно. Крестить несовершеннолѣтнихъ дѣтей, помимо ихъ согласія и воли, т. е. навязывать имъ опредѣленное вѣроисповѣданіе, есть насиліе. Этимъ именно и принимаешь на себя отвѣтственность, не имѣющую никакихъ оправданій: государство вѣдь этого теперь не требуетъ. Настолько-то мы подвинулись впередъ.

— Но почему вы не крестились послѣ? Вашъ отецъ ставилъ препятствія?

— Вы не заподозрили бы его въ этомъ, если бы знали его. Мой отецъ предоставляетъ каждому стремиться по своему къ вѣчному блаженству. При всѣхъ своихъ странностяхъ, онъ человѣкъ рѣдкой глубины и такой добрый! Онъ далъ мнѣ основательную религіозную подготовку, и когда я достаточно созрѣла, чтобы самостоятельно мыслить и рѣшать, предоставилъ мнѣ полную свободу въ выборѣ религіознаго общества, куда я пожелала бы вступить. Онъ даже разъяснилъ мнѣ, какія это приноситъ выгоды: кто не идетъ по проторенной дорогѣ, вмѣстѣ со всѣми, тотъ всегда возбуждаетъ подозрѣніе. Для дѣвушки плыть противъ теченія еще труднѣе, чѣмъ для мужчины. Но я не захотѣла.

— Почему же?

Голосъ Готхольда дрожалъ отъ внутренняго волненія.

— Я понимала, что всю меня захватить это не можетъ, а внѣшность не имѣетъ для меня значенія. Прежде всего я не могла раздѣлять догматы ни одной изъ существующихъ церквей. Во всѣхъ есть что-то, противъ чего возстаетъ все мое существо, и я бы притворялась и лгала, если бы присоединилась къ одной изъ нихъ. Я чувствовала себя христіанкой и, быть можетъ, именно потому, была противъ всякой церковной обрядности. Я слышала крикъ протеста противъ гнета догматовъ, сковывающихъ все человѣчество, и онъ отозвался въ моей душѣ. И я благодарю отца, что онъ спасъ меня отъ борьбы, заранѣе сдѣлавъ свободной... и я свободна.

Готхольдъ поникъ головой и опустился на скамейку, рядомъ съ дѣвушкой. На его лбу обозначились глубокія складки. Все, что онъ услышалъ здѣсь, звучало, какъ изъ другого міра, куда онъ еще никогда не заглядывалъ. Ему стало жарко, и онъ вытеръ лобъ. Радостные возгласы танцующихъ дѣтей доносились съ поляны, освѣщенной солнцемъ.

— Если бы вы знали, какъ больно выслушивать все это!— сказалъ, наконецъ, Готхольдъ съ дрожью въ голосѣ. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вы меня спрашивали. Я не стала бы навязывать вамъ своихъ взглядовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ, сдѣлавъ движеніе, — не потому. Я благодарю васъ за откровенность. Но сознавать, что такіе умы и сердца чуждаются церкви, что ваши благодѣянія и милосердіе внушены не любовью къ нашему Господу и Спасителю! Если бы вы могли понять, что за драгоцѣнное сокровище это тѣсное единеніе съ Тѣмъ, кто есть сама любовь, и чего лишаетесь вы, когда изъ-за человѣческаго высокомѣрія думаете, что не нуждаетесь въ Немъ! Вы обманываете себя изъ упрямства; васъ привлекаетъ самостоятельный выборъ пути, какъ нѣчто болѣе прекрасное и желанное, фрейлейнъ Леръ... И я глубоко убѣжденъ, что нужно немного, достаточно даже одного во время сказаннаго пробуждающаго и спасительнаго слова, и оно приведетъ васъ къ сердцу Христа. Въ глубинѣ вашей души пылаетъ неудовлетворенное, страстное желаніе, и оно можетъ найти себѣ исходъ только въ вѣрѣ въ нашего Спасителя!

— Кто сказалъ вамъ это, г. пасторъ?

— Я это чувствую, я знаю... Я твердо убѣжденъ, что при всей вашей самоувѣренности, фрейлейнъ Леръ, вамъ иногда бываетъ страшно. И тогда вы горячо ищете чего-то, къ чему можно было бы обратиться въ нуждѣ и страхѣ, что могло бы служить твердой и надежной опорой. Вы не знаете,

какъ назвать это, не знаете, гдѣ его найти и не догадываетесь, не хотите допустить, что оно близко отъ васъ. Вамъ нужно только пасть на колѣни и воскликнуть: „Господи, Господи, не отринь меня!“,—и вы будете уже несмѣтно богаты, потому что милость Господня безпредѣльна. Кто взываетъ къ Нему съ вѣрующимъ сердцемъ, тотъ будетъ услышанъ, какъ бы долго онъ ни блуждалъ во тьмѣ. Какъ много утѣшенія и мира вы отталкиваете отъ себя, фрейлейнъ Леръ! И ничто не вознаградитъ васъ за это ни въ вашихъ помышленіяхъ, ни въ дѣлахъ. Нужно вѣрить, чтобы найти спокойствіе въ жизни.

Она недовѣрчиво покачала головой.

— А если не *можешь* вѣрить? Спокойствіе? Миръ? Но вѣдь это дается сознаніемъ исполненныхъ обязанностей. И если въ васъ всетаки остается еще неудовлетворенное, страстное желаніе...—Она остановилась; яркая краска выступила на ея вискахъ, и она смущенно потупилась.—Значитъ, это внѣ человѣческихъ силъ,—тихо закончила она и взглянула на него съ выраженіемъ спокойной ясности въ глазахъ.

— Фрейлейнъ Леръ,—сказалъ онъ взволновано,—неужели вы никогда не завидовали вѣрующимъ людямъ?

— А если бы и завидовала,—что же это доказывало бы, г. пасторъ? Вѣдь такая вѣра есть признаніе человѣческой слабости и безпомощности, чего я, разумѣется, не отрицаю. Во всѣхъ насъ есть этотъ животный страхъ. Я никогда не удивлялась и не осуждала вольнодумцевъ и атеистовъ, отрекавшихся, послѣ долгой жизни, на смертномъ одрѣ отъ своей ереси, чтобы снова вернуться въ лоно церкви. Это нагоняло на меня только грусть. И въ этомъ для меня не было ничего новаго: все та же грустная исторія человѣческой жизни! Я не порицаю ни вѣрующихъ, ни невѣрующихъ. Всѣ мы должны искать собственнаго пути; изъ страха же и трусости, я не могу заставить себя вѣрить: это противорѣчитъ моимъ задушевнымъ мыслямъ и чувствамъ... Не могу просто потому, что этого требуетъ церковь, основанная и созданная людьми... Думаю, мы остановимся на этомъ, г. пасторъ. Я должна отвести своихъ дѣтей домой, чтобы родители не безпокоились. Едва ли мы можемъ еще что-нибудь сказать другъ другу.

Онъ поднялся вмѣстѣ съ нею и смотрѣлъ на нее не то съ грустью, не то съ мольбою.

— Думаю, наоборотъ, у насъ еще много есть что сказать другъ другу, фрейлейнъ Леръ. Но, можетъ быть, и хорошо отложить нашъ разговоръ до другого раза. Я не раздѣляю вашего мнѣнія, что между нами сказано уже послѣднее слово. Я скорѣе думаю другое: Господь пошлетъ мнѣ силы

6*

вернуть Ему заблудшую душу, безсознательно рвущуюся къ Нему, какъ олень къ свѣжей водѣ. Наши дороги сойдутся еще когда-нибудь, фрейлейнъ Леръ, это ясно говоритъ мнѣ внутренній голосъ. До свиданія!

Она взяла протянутую руку, но въ то же время глазами и слабымъ движеніемъ головы выразила отрицаніе. Слово „до свиданія" она, однако, повторила и отошла, дружески кивнувъ головой.

Захлопавъ въ ладоши, она подала знакъ дѣтямъ, игравшимъ въ „свои сосѣди", что пора домой. Въ одну минуту вся толпа собралась вокругъ молодой дѣвушки; дѣвочки приглаживали волосы и, смѣясь, болтали, обращая къ ней свои разгорѣвшіяся лица. Окруженная болтающими и смѣющимися дѣтьми, причемъ каждый видимо старался идти рядомъ съ нею, она отправилась домой, еще разъ поклонившись Готхольду, сидѣвшему еще на дерновой скамейкѣ.

На поворотѣ дороги произошла остановка. Слѣва вышелъ, столкнувшись съ толпой дѣтей, человѣкъ высокаго роста, и многія дѣвочки, здороваясь, протягивали ему руки. Снявъ шляпу, онъ остановился передъ Гельгой. Готхольдъ съ своего мѣста могъ видѣть его обрамленное бѣлокурой бородой лицо только въ профиль, но въ головѣ тотчасъ же пронеслось: „Куртъ Вельманнъ!" — Безъ сомнѣнія, это онъ. Внѣшность, манера держать себя, форма головы — все напоминало товарища юности. Какъ часто прежде видѣлъ онъ его передъ собою нѣсколько склонившимся впередъ, съ высокимъ лбомъ и бѣлокурыми волосами, раздѣленными проборомъ посрединѣ; большіе свѣтлоголубые глаза задумчиво были устремлены впередъ, и самъ онъ слушалъ выводы товарища по спорнымъ вопросамъ богословія. Теперь онъ казался сильно состарившимся. Виски провалились, грудь впала, и выраженіе грусти и усталости запечатлѣлось на красивомъ, благородномъ лицѣ. Еще болѣе, чѣмъ прежде, оно напоминало Христа у старыхъ итальянскихъ мастеровъ, такъ хорошо передавшихъ выраженіе трогательной скорби.

Разговору между Куртомъ Вельманномъ и Гельгой, казалось, не предвидѣлось конца. Дѣти уже начали выражать нетерпѣніе, и у самого Готхольда, неизвѣстно почему, появилось какое-то мучительное чувство. Зачѣмъ вообще Гельга ушла отъ него? Повидимому, ей торопиться незачѣмъ. А онъ еще такъ много хотѣлъ сказать ей. Они еще совершенно не коснулись того, что побудило его заговорить съ нею. Онъ хотѣлъ сказать ей о Мютцельшѣ и о многихъ другихъ рабочихъ семьяхъ, гдѣ постоянно упоминалось ея имя. Она могла бы дать ему обо всѣхъ иныя объясненія, чѣмъ лицемѣрная Притцке. Оба они по сраведливости должны

быть союзниками. А между тѣмъ, они расходятся, какъ противники. Но послѣднее слово между ними еще не сказано,—и еще долго не будетъ сказано. Если возможно спасти чью-нибудь душу, то—навѣрное, ея.

Наконецъ, разговоръ кончился. Толпа дѣтей съ пѣснями спустилась внизъ по дорогѣ и черезъ минуту скрылась изъ глазъ Готхольда. Куртъ Вельманнъ стоялъ, смотря имъ вслѣдъ. Его худая, высокая фигура неподвижно и рѣзко выдѣлялась на фонѣ вечерняго весенняго неба

— Куртъ! Куртъ Вельманнъ! — крикнулъ Готхольдъ и всталъ, чтобы пойти на встрѣчу другу своей юности.

Тотъ медленно повернулся. Какъ пробужденный отъ сна, провелъ онъ рукою по лбу и глубоко вздохнулъ.

— Ахъ! Ты... это вы, г. пасторъ фонъ-Венденъ.

Слова скорѣе прозвучали равнодушно и устало, чѣмъ насмѣшливо. Протянутую руку Готхольда онъ не взялъ. Въ глазахъ его было выраженіе, точно онъ еще не совсѣмъ вернулся къ дѣйствительности.

На Готхольда повѣяло холодомъ.

— Мнѣ кажется, мы могли бы пока сохранить старое братское „ты“, Куртъ.

— Этого я вамъ рѣшительно бы не совѣтовалъ, г. пасторъ фонъ-Венденъ. Я сдѣлался весьма подозрительной личностью, а вамъ, вѣроятно, предстоитъ высокое духовное положеніе въ будущемъ.

— Ты, повидимому, принимаешь меня за одного изъ тѣхъ покладистыхъ карьеристовъ въ рясѣ, какихъ въ наше смутное, безпорядочное время встрѣчается не мало на ряду со многими другими отвратительными бездѣльниками. Прежде ты никогда не рѣшалъ, не выслушавъ, и не осуждалъ безъ провѣрки.

Въ словахъ его звучала такая искренная скорбь, что Куртъ измѣнилъ свой рѣзкій тонъ. Мрачный взоръ его, какъ будто, нѣсколько прояснился.

— Ты правъ,—сказалъ онъ, не безъ внутренняго волненія,—но я долженъ сказать тебѣ, что я давно былъ подготовленъ къ этой встрѣчѣ; и съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ ждать ея? Кругомъ всѣ говорили, что ты вызванъ сюда своимъ дядей только для того... ну, какъ бы сказать... словомъ, въ твоихъ же интересахъ, я рѣшилъ заранѣе не только не возвращаться къ прошлому, но похоронить его. Ты хочешь другого... ну, что-жъ? Ты, конечно, всегда можешь избѣжать встрѣчи со мной; за это я тебя никогда не осужу... вотъ тебѣ моя рука!

Готхольдъ удержалъ на минуту худую, блѣдную руку своего

стараго товарища. Онъ долго не могъ говорить: въ немъ бушевала буря. Наконецъ, онъ сказалъ мягко:

— Вотъ какъ суждено намъ встрѣтиться, Куртъ! Кто могъ предвидѣть тогда!

Выраженіе горечи и скорби скользнуло вокругъ губъ Курта Вельманна, но глаза ярко горѣли.

— Я благославляю Провидѣніе, толкнувшее меня на этотъ путь, Готхольдъ Венденъ,—сказалъ онъ почти торжественно.

Они шли нѣкоторое время, молча, и невольно направились къ скамейкѣ, гдѣ сидѣла Гельга Леръ.

— Какъ могло это случиться!—произнесъ онъ въ глубокомъ раздумьи, покачавъ головой.

— Я скорѣе могъ бы спросить тебя, Готхольдъ,—началъ Куртъ, и его тихій, почти хриплый голосъ принялъ сильный металлическій оттѣнокъ, — какъ возможно, чтобы ученикъ Христа, не стремящійся къ внѣшнимъ выгодамъ и не ищущій ничего для себя, не шелъ теперь въ наши ряды. Если слову Евангелія суждено перейти въ дѣло, то это случится только при такомъ строѣ на землѣ, когда всѣ люди будутъ братья, и не будетъ ни господина, ни раба.

Голосъ его принялъ мечтательное выраженіе, глаза смотрѣли восторженно. Онъ казался еще выше. Готхольдъ смотрѣлъ на него почти робко.

— Такъ ты не отпалъ отъ Бога, Куртъ?

— Я?—Онъ посмотрѣлъ на Готхольда взоромъ глубокаго убѣжденія.—Я служу Ему каждой каплей своей крови. Во имя Его я проповѣдую, Его слово хочу провести въ жизнь. Изъ-за этого я отказался отъ собственныхъ выгодъ, объявилъ обществу войну и добровольно принялъ на себя вражду и презрѣніе людей. Если бы гласъ Божій не говорилъ во мнѣ такъ мощно, если бы я не былъ слабымъ орудіемъ въ Его рукахъ, зачѣмъ бы я дѣлалъ то, что дѣлаю? Я бы, милый другъ, и теперь могъ сдѣлаться пасторомъ и выгодно пристроиться (у меня вѣдь, какъ тебѣ извѣстно, большія связи) и жить спокойно съ женою и дѣтьми. Каждое воскресенье я излагалъ бы своимъ прихожанамъ соотвѣтствующія главы священнаго писанія, не ломая особенно головы надъ другими заботами. Но я былъ бы лицемѣромъ и лѣнивымъ рабомъ; гласъ Господа внушалъ мнѣ: „иди туда, и проповѣдуй народамъ!“ Это не давало мнѣ ни покоя, ни отдыха.

Готхольдъ былъ пораженъ тономъ, какимъ говорилъ этотъ агитаторъ. Былъ ли тутъ экстазъ или богохульство, вообще говорилъ ли онъ въ здравомъ умѣ?

— Во имя Христа,—сказалъ онъ медленно, съ трудомъ связывая слова,—ты проповѣдуешь ученіе, противное Его словамъ.—Онъ весь загорѣлся, колѣни его дрожали...

— Ты стоишь за ниспроверженіе существующаго общественнаго строя?

— А развѣ Христосъ не ниспровергъ современный Ему строй, когда предпочелъ презрѣнныхъ мытарей знатнымъ фарисеямъ и саддукеямъ? Не онъ ли простыхъ рыбаковъ выбралъ въ ученики себѣ и имъ поручилъ обращать народы? Не онъ ли простилъ блудницу и далъ прекрасной грѣшницѣ умастить себѣ ноги? Склонился ли Онъ передъ римскими властелинами и отрекся ли отъ своихъ дѣяній, хотя зналъ, что идетъ противъ закона и на себѣ испытаетъ всю тяжесть его, если не уступитъ? А какъ поступилъ Лютеръ? Кого же хочешь ты испугать такими фразами? Все новое есть ниспроверженіе стараго, все лучшее—ниспроверженіе хорошаго. Безъ ниспроверженія, конечно, не можетъ быть ничего другого, ничего лучшаго. Я проповѣдую лишь то, чему учитъ Новый Завѣтъ. На этой почвѣ я стою, этимъ оружіемъ и сражаюсь.

— Ты такъ понимаешь Христа? — спросилъ Готхольдъ полунасмѣшливо, послѣ короткой паузы.

Его собесѣдникъ устало опустился на скамейку, и на минуту сжалъ голову руками. Его глаза смотрѣли какъ бы въ неизмѣримую даль.

— Онъ былъ благороднѣйшій и убѣжденнѣйшій изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ,—горячо началъ онъ:—Никто не облекалъ такимъ пламеннымъ словомъ Евангелія человѣчества, какъ Онъ, никто не жилъ такъ согласно своему ученію, какъ Онъ. Для тебя и для всѣхъ васъ это странно, не правда ли? Можетъ быть, кажется даже полнымъ абсурдомъ и богохульствомъ? Но вѣдь это можетъ чувствовать и понимать каждый ребенокъ. Если бы вы лучше хоть разъ *прочитали* Евангеліе, чѣмъ всегда *толковать* его! Вы вкладываете въ него то, что вамъ кажется, или что писали объ этомъ великіе мыслители до васъ. Ты всегда былъ хорошимъ толкователемъ слова Божія, Готхольдъ, но боюсь, тебѣ никогда не приходило въ голову по настоящему вдуматься въ Нагорную Проповѣдь. Да, я могу тебѣ доказать, что я учу только тому, чему училъ Христосъ, — слово въ слово, и Евангеліе должно оправдать меня.

Готхольдъ ходилъ передъ нимъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи. Онъ все качалъ головой и то и дѣло устремлялъ на говорившаго то робкій, то испытующій взоръ, исполненный горькаго упрека.

— Я вижу, что ты не отступникъ, какъ я того боялся, а только заблудшій, — сказалъ онъ, наконецъ. — Горячее стремленіе помочь угнетеннымъ и излишняя страстность увлекли тебя на ложный путь, но это — не путь грѣха.

Когда настанетъ часъ, Господь повелитъ тебѣ вернуться, и я хочу молиться Ему за тебя.

Куртъ Вельманнъ сдѣлалъ рукой гнѣвное, отрицательное движеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не обманывайся во мнѣ! Я не нуждаюсь въ вашей помощи и въ вашихъ молитвахъ. Ты говоришь: я на ложномъ пути? А я говорю тебѣ: это вы на ложномъ пути! Прежде чѣмъ вернуться къ вамъ, я долженъ былъ бы отречься отъ моего Бога... Что сдѣлали *вы* изъ ученія Христа?! Если-бы Онъ пришелъ теперь, онъ не повѣрилъ бы, что вы проповѣдуете во имя Его. Бичемъ изгналъ бы онъ васъ изъ своего храма, какъ нѣкогда торговцевъ и мѣнялъ, или закрылъ бы Свою голову и горько плакалъ, какъ рыдалъ нѣкогда о близкой гибели Іерусалима.

— Не все хорошо въ нашей церкви,—сказалъ Готхольдъ, мрачно смотря въ землю,—зачѣмъ мнѣ отрицать это, и еще передъ тобой? Намъ необходимо реформировать сверху до низу; иначе насъ заставятъ сдѣлать это тысяча отпавшихъ отъ нея, но не отрицающихъ ея Бога. Для насъ обоихъ, Куртъ, было все ясно, когда мы вмѣстѣ сидѣли надъ толкованіями священнаго писанія и развивали широкіе планы возвращенія отпавшихъ. Мы были увѣрены, что это случится только тогда, когда мы открыто и искренно вынесемъ толпѣ слово Божіе и очистимъ его отъ сора человѣческихъ измышленій, сваливавшихся туда цѣлыми столѣтіями; мы хотѣли жить и учить жить, какъ жилъ Христосъ...

— Ну?—Куртъ Вельманнъ горько засмѣялся.—Кто же остался вѣренъ идеаламъ и обѣтамъ юности: ты или я?

— Я—вѣрный служитель церкви и покоряюсь ея постановленіямъ. Только внутри ея можетъ быть выполнено дѣло обновленія. Ей мы хотимъ вернуть заблудшихъ, а не разрушить самое зданіе, на которомъ покоится наша цивилизація и наша сила. Очищать и освѣщать не значитъ подрывать и разрушать. Мы хотимъ возстановить слово Божіе во всей его чистотѣ и силѣ, чтобы оно, какъ трубный гласъ, вернуло къ намъ заблудшихъ; не умалять хотимъ мы, не придавать многозначительно-неясное толкованіе слову, которое—„наша незыблемая твердыня",—ее мы должны оставить неприкосновенной. Мы хотимъ преобразовать церковь, но въ смыслѣ строгой вѣры нашихъ предковъ, а не вольнодумцевъ и раціоналистовъ; мы хотимъ твердо держаться откровенія и отдѣлить пшеницу отъ плевелъ. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ; и каждый долженъ будетъ выбрать что-нибудь. Время нерѣшительности и неясностей миновало. Народу необходимо вернуть его религію.

Куртъ опустилъ голову, съ выраженіемъ горькой насмѣшки въ лицѣ.

— Старыя бредни! Этимъ свистомъ вы не заманите теперь ни одной глупой птицы въ свои силки, мой милый! Вы хотите скрыть свой ужасъ передъ тѣмъ, что совершается на вашихъ глазахъ, и страхъ передъ тѣмъ, что будетъ, и поэтому хотите вернуться въ старую крѣпость строгой ортодоксіи. Это понятно. Вы ублажаете самихъ себя, что тамъ вы въ безопасности. По вашему, только слишкомъ много свободы, слишкомъ много снисходительности привело къ теперешнему необузданному положенію, къ броженію въ массахъ. Поэтому—назадъ! Необходимо туже натянуть узду, надо опять вернуться къ старому, патріархальному строю прежнихъ временъ! Напрасно! Слишкомъ поздно, мой милый! Мощное движеніе, охватившее, какъ ураганъ, весь культурный міръ, вы не можете ни заклясть своими молитвами, ни задержать своими цѣпями. Вы боитесь, что дали людямъ много свободы; но, въ сущности, ея слишкомъ мало, — поэтому они собственными плечами упрямо ломятся въ дверь своей тюрьмы, чтобы выйти на волю. И въ одинъ прекрасный день они побѣдятъ. Этого вы не хотите понять! Распахните сами двери, и они выльются изъ нихъ потокомъ и въ восторженномъ благоговѣніи преклонятъ колѣна передъ Богомъ, котораго вы проповѣдуете желѣзными бичами.

Съ послѣдними словами Куртъ поднялся и протянулъ обѣ руки къ заходящему солнцу; послѣдніе золотые лучи его отражались въ далекой глади рѣки. Щеки Курта пылали, глаза свѣтились неземнымъ сіяніемъ. На минуту воцарилось молчаніе. Готхольдъ не могъ отвести глазъ отъ этого, когда-то имъ любимаго, человѣка; прежде они всегда согласно мыслили, чувствовали и желали, а теперь бездна, раздѣлившая ихъ, все расширялась. Куртъ походилъ на вдохновеннаго апостола, и ученье его точно сулило счастье человѣчеству. Но онъ—руководитель бунтовщиковъ и невѣрующихъ. Готхольду была понятна толпа его страстныхъ приверженцевъ среди обездоленныхъ, но какъ самъ онъ могъ постичь все это такъ глубоко? Куртъ заговорилъ, точно угадавъ его мысли:

— Ты недоумѣваешь, какъ, собственно, я могъ понять положеніе дѣлъ и нужду массъ—не правда ли?

Онъ снова сѣлъ, положилъ руки на колѣни и опустилъ глаза.

— Когда мы разстались въ Грейфсвальдѣ, я уѣхалъ въ Берлинъ. Оттуда я написалъ тебѣ еще нѣсколько писемъ, а затѣмъ умолкъ. Событія, какія мнѣ пришлось пережить, внутренній переворотъ, происшедшій во мнѣ, нельзя

было изобразить въ письмахъ. Къ тому же, я чувствовалъ, что все болѣе и болѣе отдаляюсь отъ тебя. Я жилъ на сѣверной окраинѣ этого огромнаго города, среди рабочаго населенія и исполинскихъ фабричныхъ трубъ. Я *жилъ* съ этими обездоленными. Этого мы не предвкушали, Готхольдъ, когда въ своихъ дѣтскихъ мечтахъ строили планы будущаго для счастья людей. Предо мною открылся новый міръ, міръ, гдѣ царила ненависть и горе, гдѣ среди тысячи мученій и страданій долженъ былъ родиться новый идеалъ человѣчества. Въ первый разъ постигъ я ударъ пульса времени, услышалъ безпокойное біеніе всѣхъ этихъ сердецъ, страстно стремившихся къ свѣтлому будущему. Я началъ понимать ихъ борьбу, ихъ дикія угрозы и рѣшительныя требованія. И внезапно я почувствовалъ, что въ моихъ жилахъ течетъ ихъ кровь, кровь этихъ паріевъ. Я слышалъ Евангеліе новаго Бога, который долженъ придти въ наше время; видѣлъ, какъ всѣ эти упрямыя и ожесточенныя души склонялись передъ Нимъ, какъ загорались божественнымъ пламенемъ ихъ мрачные, тусклые глаза, и зналъ, куда зоветъ меня мой Богъ. Я видѣлъ, какая бѣшеная радость волновала ораторовъ многочисленныхъ народныхъ собраній, когда они говорили объ освободительной программѣ будущаго. Наряду съ этимъ я посѣщалъ церковь и слушалъ придворнаго священника. У него ученіе о христіанской любви шло рядомъ съ проповѣдью дикой вражды къ евреямъ во имя Христа. И блестящіе мундиры, и дамскіе туалеты, сверкавшіе драгоцѣнными камнями, склонялись передъ этимъ провозвѣстникомъ слова Божія на землѣ. Сытые и довольные исполненными обязанностями къ Богу, они разъѣзжались домой, какъ послѣ театральнаго представленія. И я почувствовалъ глубокое негодованіе и святое возмущеніе, Готхольдъ! Я ушелъ и поклялся служить своимъ голоднымъ братьямъ съ мозолистыми руками—всѣмъ тѣломъ и всѣми силами души. Вотъ исторія моего обращенія. И говорю тебѣ, Готхольдъ, тогда я не потерялъ Бога, а, наоборотъ, обрѣлъ его.

Готхольдъ слушалъ съ возраставшимъ душевнымъ волненіемъ; складки на лбу становились рѣзче, губы были сжаты. Онъ пристально смотрѣлъ внизъ и не въ состояніи былъ говорить.

— Готхольдъ,—тихо сказалъ Куртъ черезъ минуту,—ты еще не проснулся. Ты долженъ перейти къ намъ. Съ твоимъ мягкимъ сердцемъ и твердой волей, ты принадлежишь намъ, какъ никто другой. Чего ищешь ты тамъ, въ этой, приспособленной къ свѣтской власти, церкви? Какъ можешь ты надѣяться осуществить свои идеалы и найти удовлетвореніе?

Всмотрись въ эту церковь и въ ея слугъ! Одинъ пишетъ ученыя книги и произноситъ вдохновенныя проповѣди, трогающія всѣхъ до слезъ; другой интригуетъ противъ своихъ возлюбленныхъ собратьевъ, мечтая о болѣе прибыльномъ приходѣ или о дворѣ, и пока отращиваетъ себѣ брюшко; третій посѣщаетъ благочестивыя тайныя собранія, позволяетъ истеричнымъ женщинамъ превозносить себя и улавливаетъ души въ свѣтскихъ салонахъ; четвертый стоитъ во главѣ какого-нибудь союза для поднятія нравственности въ низшихъ сословіяхъ; пятый добивается полномочій въ парламентѣ и заискиваетъ у высокопоставленныхъ лицъ, зная, однако, что ихъ образъ жизни находится въ тайной враждѣ съ шестой заповѣдью, и т. д. Куда ни посмотришь—мірскія желанія, козни, сплетни, откормленные попы или удалившіеся отъ свѣта ученые!—Гдѣ найдешь ты ученика Христа, слѣдующаго Его заповѣдямъ и проповѣдующаго ихъ, не заботясь о знатнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ въ этомъ мірѣ? Гдѣ найдешь ты желающихъ быть скорѣе съ мытарями и грѣшниками, чѣмъ съ книжниками и фарисеями? Ты слишкомъ хорошъ для нихъ, Готхольдъ, тебѣ не мѣсто съ ними! Если со времени нашей разлуки жизнь, съ ея отвратительной грязью, не заглушила въ твоей душѣ страстныхъ желаній,—гдѣ и какъ можетъ быть больше нужна твоя святая любовь къ людямъ, чѣмъ у насъ? Сбрось лакейское платье, въ которое они облекли тебя. Не служи имъ, потому что ихъ царство—тлѣнъ. Они ничего не знаютъ о Христѣ, они создали себѣ своего Христа, отвѣчающаго ихъ мірскимъ цѣлямъ и стремленіямъ... Иди къ намъ! Опомнись, вернись, Готхольдъ! Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты самъ; въ глубинѣ души ты давно уже нашъ. Достаточно одного смѣлаго рѣшенія, и ты свободенъ!

Онъ стоялъ передъ Готхольдомъ, увлеченный своими собственными словами, съ каплями пота на лбу, устремивъ на него пылающій взоръ. Готхольдъ не взялъ, однако, предложенной ему руки.

— Ты бредишь,—сказалъ онъ жестко и упрямо.—Какъ могу я принадлежать къ партіи, отшатнувшейся отъ Бога и поднявшей знамя мятежа. Если бы ты и дѣйствительно былъ правъ въ своихъ преувеличенныхъ обвиненіяхъ, похожихъ, впрочемъ, на подстрекательство и скверную клевету,—пріемъ, практикуемый твоей партіей,—то и тогда, болѣе чѣмъ когдалибо, я хотѣлъ бы скорѣе принадлежать къ этой неблагоустроенной и полной злоупотребленій церкви, чѣмъ къ партіи, гдѣ живутъ, какъ язычники, и ничего не знаютъ о Христѣ. Какъ и ты, я могъ бы спросить тебя: какъ можешь ты быть среди нихъ? Ты хочешь служить Христу лучше и

чище, чѣмъ это дѣлаетъ церковь, а между тѣмъ, ты одинъ изъ вожаковъ шайки невѣрующихъ? Ты — ослѣпленный фанатикъ!

Черты Курта искривились болѣзненной улыбкой. Онъ покачалъ головой.

— Ты ничего не знаешь о насъ. Вы никто ничего не знаете о насъ. Это-то и грустно, что вы не даете себѣ труда прочесть программу нашей партіи, изучить книги и брошюры, написанныя нашими представителями и вожаками. Мы для васъ—партія революціонеровъ и неудачниковъ, отъ которыхъ вы открещиваетесь; противъ насъ вы возстановляете государство и церковь и, какъ бы вы ни разнились другъ отъ друга, организуетесь въ большую, поддерживаемую обществомъ, партію порядка. Вы не знаете насъ совершенно, вы не желаете насъ знать. Въ противномъ случаѣ вамъ было бы извѣстно, что мы хотимъ только того, чего хотѣлъ Христосъ. Вы не знаете, что экономически слабые апеллируютъ къ сильнымъ о помощи и справедливости; что въ будущемъ государствѣ будетъ царствовать свобода, а слѣдовательно—и свобода совѣсти, что религія тогда не будетъ низведена до обязательства, навязаннаго государствомъ, но станетъ дѣломъ склонности каждаго. Неправда, что мы хотимъ насилія; неправда, что мы — атеисты. Каждый можетъ вѣрить, во что ему угодно. И я проповѣдую моимъ братьямъ живого Христа. Правда, всѣ они отпали отъ церкви, правда, многіе изъ нихъ, изъ-за отвращенія къ этой церкви и къ ея лицемѣрному управленію, потеряли своего Бога. Именно поэтому я и пошелъ къ нимъ, чтобы снова приблизить ихъ къ Богу. Я ищу ихъ потерявшіяся души. Но, конечно, мы не знаемъ никакихъ формулъ, не хотимъ втиснуть человѣческія сердца въ неподвижныя, придуманныя людьми догмы; у насъ нѣтъ получающихъ жалованье священниковъ, обязанныхъ, ради своихъ доходовъ, лицемѣрить передъ богобоязненными прихожанами, не согласуя своихъ словъ съ дѣломъ. Церкви мы не знаемъ, но хотимъ служить Богу, каждый по своему.

Готхольдъ уже нѣсколько разъ нетерпѣливо пожималъ плечами.

— Я вижу, мы не кончимъ. Не кончимъ сегодня и, вѣроятно, никогда.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ съ поникшей головой.

— Я нахожу, что ты вовсе не тотъ, какимъ мнѣ тебя изобразили,—продолжалъ онъ,—но не знаю, счастье ли это для меня. Такимъ, какимъ я вижу тебя, ты еще болѣе опасный противникъ, чѣмъ если бы ты отпалъ совершенно. Ты—фа-

натикъ и увѣренъ, что служишь доброму дѣлу, увѣренъ, что борешься подъ знаменемъ креста. Но при этомъ ты—врагъ государства и общества, бунтовщикъ, овладѣвшій сердцами! Ты на печальномъ ложномъ пути, Куртъ, и, какъ видно, не находишь внутренняго удовлетворенія въ томъ, что дѣлаешь; ты скорѣе похожъ на человѣка, который иногда, въ тиши, наединѣ съ самимъ собой, приходитъ въ ужасъ при мысли, гдѣ онъ очутился и что можетъ выйти дальше изъ того, что онъ началъ. Да просвѣтитъ тебя Господь и да обратитъ, пока не поздно!

Онъ хотѣлъ уйти, не простившись, но голосъ Курта удержалъ его—онъ обернулся.

— Готхольдъ!—Куртъ спросилъ, открыто и честно смотря ему въ лицо:—Итакъ, враги... непримиримые враги?

— Другого исхода я не вижу,—глухо отвѣтилъ Готхольдъ дрожащими губами.

— А вѣдь мы оба хотимъ одного и того же, Готхольдъ: помогать нашимъ братьямъ. Ты хочешь это дѣлать словомъ, я—дѣломъ; теперь какъ разъ время. Крикъ о спасеніи громко раздается въ волнующихся массахъ, и, какъ бы тщательно ни защищались отъ него, всѣ мы чувствуемъ могучее дыханіе новаго времени. Ты хочешь вливать новое вино въ старые мѣхи и новыя заплаты пришивать на старыя платья. Я хочу быть защитникомъ рабочаго класса, а ты хочешь служить власть имущимъ, потому что вѣришь, что они одни могутъ помочь улучшенію положенія массъ, и что они хотятъ этого. У тебя добрыя намѣренія, Готхольдъ, и я понимаю тебя. По крови и воспитанію ты принадлежишь къ тѣмъ, кто по заведенному порядку вещей, съ самаго начала, чувствовалъ себя призваннымъ господствовать надъ своими братьями. Ты не задаешься вопросомъ, насколько это справедливо, но принимаешь, какъ неопровержимое и освященное временемъ. И, исходя изъ этого, ты хочешь протянуть свою руку помощи нуждающимся и бѣднымъ. Но они не требуютъ милосердія, они домогаются своего права, своего человѣческаго права. Когда, въ одинъ прекрасный день, у тебя откроются глаза, ты будешь однимъ изъ нашихъ. А до тѣхъ поръ,—до радостной встрѣчи! Будемъ исполнять свой долгъ, Готхольдъ!

Онъ протянулъ Готхольду руку, и тотъ пожалъ ее послѣ нѣкотораго колебанія.

— Будемъ, Куртъ.

Молча стояли они такъ съ минуту. Солнце сѣло, и зеленыя верхушки деревьевъ на опушкѣ лѣса дрожали отъ прохладнаго вечерняго вѣтра. Куртомъ овладѣла легкая дрожь;

Готхольдъ, державшій его пальцы въ своей рукѣ, почувствовалъ эту дрожь.

— Тебѣ нездоровится?—спросилъ онъ, выпуская руку. Куртъ провелъ рукою по лбу.

— Не могу похвастать прежнимъ избыткомъ здоровья,—отвѣтилъ онъ. —Въ послѣдніе годы пришлось тратить слишкомъ много физическихъ и душевныхъ силъ. Но что значитъ личная жизнь въ такое боевое время? Идемъ!

Медленно спустились они по дорогѣ, не произнеся ни слова, каждый погруженный въ свои мысли. Наступили сумерки; внизу виллингскіе заводы смотрѣли на нихъ, какъ дикіе звѣри, тысячью горѣвшихъ глазъ. Вдругъ Куртъ остановился:

— Лучше, если мы разстанемся здѣсь,—сказалъ онъ,—особенно для тебя. Что подумаютъ, если встрѣтятъ новаго пастыря въ сопровожденіи „краснаго Вельманна"?.. Еще только одинъ вопросъ: твоя сестра Ирма тоже здѣсь?

Готхольдъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы, кажется, были знакомы въ Берлинѣ?—сказалъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Куртъ со странной грустью.—Знакомство продолжалось недолго,—прибавилъ онъ минуту спустя.—Сдѣлавшись соціалъ-демократомъ, я не могъ бывать болѣе въ домѣ, гдѣ она гостила. Какъ она теперь поживаетъ?

— Она очень измѣнилась съ тѣхъ поръ,—медленно отвѣтилъ Готхольдъ.—Нелюдима и религіозна. Она безпокоитъ меня. Я хочу попытаться заинтересовать ее работой на заводѣ, которому хочу посвятить свои силы... Ты правъ, Куртъ, лучше разстанемся здѣсь. Я не говорю: прощай! говорю: до свиданія!

— Ну, до свиданія!

Они еще разъ пожали другъ другу руки и направились внизъ разными дорогами.

VIII.

Готхольдъ просиживалъ теперь надъ книгами до поздней ночи. Цѣлыми грудами, вмѣстѣ съ брошюрами и агитаціонными листками, лежали онѣ на его рабочемъ столѣ. Когда являлись посѣтители, онъ старался, чтобы они не могли прочитать заглавій на обложкахъ, а когда уходилъ, то запиралъ свою комнату на ключъ. Точно онъ стерегъ драгоцѣнное сокровище или оберегалъ непосвященныхъ отъ соприкосновенія съ страшнымъ ядомъ. Только поздно ночью онъ прерывалъ свое чтеніе, голова его горѣла, въ глазахъ сверкали безпокойные огоньки. Долго не могъ онъ заснуть послѣ чтенія.

„Но надо идти дальше!“—этимъ самопоощреніемъ начиналъ онъ каждый вечеръ свою работу.

Упрекъ Курта Вельманна побудилъ его взяться за чтеніе. „Вамъ неизвѣстны ни наши цѣли, ни взгляды, и вы не хотите насъ знать“—сказалъ онъ тогда, и Готхольдъ сознался, что онъ былъ правъ. Въ тотъ же вечеръ онъ распорядился, чтобы ему доставили книги на домъ и получилъ вскорѣ цѣлый ворохъ разныхъ сочиненій. На первый разъ Готхольдъ оставилъ Лассаля, Маркса, Бебеля и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, извѣстныхъ ему до сихъ поръ только по имени. Съ возрастающимъ изумленіемъ изучалъ онъ литературу предмета: всѣ эти изслѣдованія проницательныхъ, не смущающихся никакими выводами мыслителей, безбоязненно вкладывающихъ свои персты въ гноящіяся раны общественнаго строя и озаряющихъ своимъ свѣточемъ глубины человѣческихъ ошибокъ и сгнившія, но самимъ временемъ освященныя преданія; всѣ эти руководства, стремившіяся приспособить выводы современной науки къ народному пониманію и опровергавшія и устранявшія традиціонное ученіе; безчисленныя брошюрки, излагавшія программы будущаго, газеты, пѣсенники и романы, составленные въ духѣ программы—все это пламенно пропагандировало соціализмъ. Готхольдъ не боялся ни того, что пропаганда зашла такъ далеко, ни ея краснорѣчія или возбуждающаго дѣйствія. Въ дѣйствительности было гораздо хуже, и ему, какъ и большинству интеллигенціи, — было извѣстно, что червь, грызущій и подтачивающій существующій строй, проникъ гораздо глубже. Не было также недостатка въ вольномъ или невольномъ искаженіи научныхъ фактовъ, искусно направленныхъ противъ капитализма, религіи и существующаго порядка вещей. Гипотезы выдавались за факты, изъ нихъ дѣлались широкіе выводы, годные для того, чтобы вводить въ заблужденіе невѣжественные умы, подстрекать и отравлять души несбыточными мечтами о будущемъ. Въ разнообразныхъ каналахъ этого потока новой литературы, вытекавшихъ одинъ изъ другого, мутныхъ и свѣтлыхъ, правильно расположенныхъ и произвольныхъ, была общая, все направляющая и надъ всѣмъ царящая система: каждая отдѣльная волна должна была подмыть и унести часть твердаго грунта изъ-подъ зданія существующаго государственнаго и общественнаго строя. Съ строгой объективностью и страстнымъ возмущеніемъ, съ ѣдкимъ юморомъ въ тонкой сатирѣ, цинично и шутя, съ аффектаціей и фанатизмомъ, стремились къ этому всѣ толстыя книги, летучіе листки, связныя и несвязныя рѣчи. И самъ Готхольдъ во время чтенія пережилъ всю эту скалу ощущеній; онъ самъ былъ возбужденъ: имъ овладѣ-

вало то грустное размышленіе, то гнѣвъ, то состраданіе, то полное согласіе, то духъ противорѣчія.

Тѣмъ не менѣе, все старательно изучалось; изрѣдка только чувствуя отвращеніе и досаду, а порою съ насмѣшкой, онъ откладывалъ книгу въ сторону. Куртъ Вельманъ былъ правъ: передъ нимъ открылся неизвѣстный ему, какъ и другимъ людямъ его направленія, новый міръ, наполнившій его изумленіемъ, страхомъ и печалью. Многія предубѣжденія у него исчезли, многое уяснилось, а невѣрныя мнѣнія провѣрены; но то, что осталось, показало ему, насколько сильнѣе былъ врагъ, котораго онъ намѣревался побѣдить такъ легко, и какъ мало было такихъ, кто, какъ думалъ Куртъ Вельманнъ, пойдутъ по стопамъ Христа, когда будетъ создано новое, государство. Въ большинствѣ сочиненій замѣчалась упорная ненависть къ церкви: они осмѣивали и отвергали вѣру въ лучшую загробную жизнь, горячо требовали справедливаго распредѣленія земныхъ благъ и радостей и не надѣялись ни на какое вознагражденіе на небесахъ, если не получатъ его на землѣ. Немногіе походили на Курта Вельманна, мягкаго, вдохновеннаго, неопредѣленнаго мечтателя; немногіе, подобно ему, строили соціалистическое государство будущаго на почвѣ христіанскаго ученія, хотя и безъ догматовъ и духовенства. Подъ желѣзнымъ давленіемъ времени, эти мечтатели постепенно черствѣли и увлекались другимъ теченіемъ. Вездѣ царила спокойная ясность мыслителей, съ безсердечной строгостью слѣдовавшихъ по намѣченному пути, и государство будущаго они разсматривали не какъ требованіе христіанства и человѣчества, а скорѣе какъ выводъ изъ простого разсчета, на что энергично указывали и угрожающе поднятые кулаки милліоновъ пролетаріевъ. И это-то сильнѣе всего поднимало въ Готхольдѣ протестъ и зажигало пламя возмущенія. „Хотятъ создать будущее безъ Бога, земныя блага сдѣлать новымъ Богомъ!" За этотъ выводъ онъ цѣплялся, чтобы заглушить въ себѣ всякія мысли, всякія тайныя симпатіи, пробуждавшіяся въ немъ противъ воли; и съ страстнымъ желаніемъ, со всею энергіей и усердіемъ хотѣлъ онъ выступить противъ ослѣпленныхъ злобой новаторовъ и вернуть ихъ къ Богу. Въ этомъ желаніи онъ находилъ успокоеніе отъ всего, что поднимало въ немъ ночное чтеніе, искушавшее его, какъ змѣй. Чѣмъ слабѣе и доступнѣе чувствовалъ онъ себя къ тѣмъ или инымъ требованіямъ новаторовъ, чѣмъ соблазнительнѣе были фантастическія картины будущаго, вкрадывавшіяся въ его душу, тѣмъ черствѣе дѣлался онъ ко всему, что читалъ, тѣмъ сильнѣе становился его протестъ и страстное желаніе борьбы. Свой страхъ передъ побѣдоносной силой

новаго ученія и передъ собственной склонностью къ нему онъ скрывалъ подъ непоколебимымъ рѣшеніемъ и стремленіемъ всѣхъ обратить въ свою вѣру и вырвать съ корнемъ ядовитые всходы тайно растущей революціи.

Тутъ было своего рода самобичеваніе, выполняемое съ мрачной рѣшимостью. Онъ чувствовалъ, что пошатнется, если сдѣлаетъ впередъ хоть одинъ шагъ, что тамъ тысячи капкановъ, и избѣжать ихъ невозможно. Что-нибудь одно: стоять твердо, или отступить! Протяни дьяволу одинъ палецъ — онъ крѣпко схватитъ всю руку. Никогда Готхольдъ не молился такъ усердно, какъ въ эти дни. Лицо его осунулось, и въ глубоко сидящихъ глазахъ горѣлъ мрачный огонь.

Иногда онъ молился вмѣстѣ съ Ирмой, но форма ея молитвы отталкивала его. Въ ней было что-то страстное, томное, что́, съ его точки зрѣнія, никакъ не мирилось съ благочестивыми изліяніями передъ Богомъ. Фигура Распятаго Спасителя, изъ бѣлой слоновой кости, величиной въ половину человѣческаго роста, рѣзко выступала на стѣнѣ, и во время молитвы Ирма, казалось, съ плотскимъ вожделѣніемъ обнимала ее. Она обливала слезами ноги Распятаго, судорожный трепетъ потрясалъ все ея тѣло, зубы стучали.. И всегда молитвы ея, полныя сдержаннаго самообвиненія, были вмѣстѣ съ тѣмъ бурны и нѣжны, какая-то смѣсь сладострастнаго самоистязанія и фантастическаго соблазна. Она давала Спасителю обѣщанія, указывавшія на весьма земныя чувства, доходившія до плотскаго экстаза; это оскорбляло Готхольда. Часами простаивала она, точно въ оцѣпѣненіи, на колѣняхъ передъ распятіемъ.

— Можно подумать, что ты большая грѣшница, Ирма,— сказалъ ей разъ Готхольдъ.

Она подняла на него свои прикрытые длинными рѣсницами глаза, съ загадочнымъ, грустнымъ взоромъ, и поникла головой.

— Развѣ мы не всѣ одинаково нуждаемся въ милосердіи Божіемъ?

Онъ промолчалъ. Она всегда побивала его библейскими изреченіями, бывшими у нея наготовѣ. Она знала священное Писаніе лучше его самого. На ея столѣ всегда лежала развернутая старая библія, въ мѣдномъ переплетѣ, полученная семьей по наслѣдству еще отъ прадѣда. Но Готхольду было непріятно, что при каждой попыткѣ узнать, что читаетъ Ирма, онъ находилъ библію раскрытой на „Пѣснѣ пѣсней“. Разъ она сказала ему, что охотно приняла бы католичество: такъ пріятно ходить въ костелъ, гдѣ царитъ такой полный покой. И когда онъ съ гнѣвомъ спросилъ ее, что же такъ привлекаетъ ее въ этомъ анти-христіанскомъ ученіи,

она съ расширенными, неподвижными, почти безумными глазами отвѣтила:

— Самобичеваніе.

Напрасно пытался онъ заинтересовать ее просвѣтительной дѣятельностью, такъ близкой его сердцу. Она могла бы принимать участіе въ благотворительныхъ обществахъ, посвятить себя уходу за больными. Но Ирма упорно уклонялась отъ всякаго участія, отъ всякаго даже появленія въ обществѣ; всѣ его увѣренія, что Спасителю нужна дѣятельная любовь, а не однѣ только молитвы и человѣческія страданія, оставались безъ результата. Напрасно также старалась привлечь ее къ себѣ семья Виллинга,—Ирма оставалась недоступной.

— Я должна молиться,—было ея отговоркой на все.

Подъ вліяніемъ поведенія сестры, у Готхольда являлось иногда желаніе снова встрѣтиться съ Гельгой Леръ. Ему часто приходилось думать о ней. Если бы взгляды ихъ были одинаковы, то съ ея спокойностью и готовностью помогать, она могла бы быть его желаннымъ товарищемъ, вмѣсто покинувшей его сестры. Теперь между ними, конечно, не можетъ быть ничего общаго, они противники, и Готхольдъ не скрывалъ отъ себя, что въ рабочемъ кварталѣ старался противодѣйствовать Гельгѣ Леръ; ему придется, быть можетъ, разрушать ея вліяніе, и эта задача особенно возбуждала его рвеніе. „Язычница“ недолго будетъ хвастаться дѣлами милосердія, навлекая этимъ позоръ на благочестивыхъ и затмѣвая ихъ. Онъ хотѣлъ вытѣснить ее и чувствовалъ, что долженъ сдѣлать это, но вмѣстѣ съ тѣмъ мучительное ощущеніе не покидало его. Почему всѣмъ нельзя быть братьями и сестрами, когда нужно помогать братьямъ и сестрамъ!

Онъ долженъ былъ признаться самому себѣ, что съ трудомъ завоевываетъ каждый шагъ въ рабочемъ кварталѣ и едва подвигается впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ узнали, что онъ—племянникъ коммерціи совѣтника фонъ-Виллинга и баронъ, недовѣріе къ нему возрасло еще сильнѣе. Вопреки доброму желанію помочь, онъ часто отталкивалъ отъ себя своими рѣшительными требованіями молиться о помощи Божіей, такъ какъ помощь эта дается лишь, какъ награда, и надѣяться на нее могутъ только достойные. Его огорчало и приводило въ уныніе сознаніе, что онъ не умѣетъ обходиться съ обездоленнымъ людомъ.

Грубыя насмѣшки глубоко огорчали его. Какъ часто ему указывали на дверь, когда онъ, полный состраданія, шелъ съ намѣреніемъ помочь! Ему приходилось даже терпѣливо сносить обвиненіе, что онъ „шпіонитъ“.

„Мы не нуждаемся въ васъ, намъ ничего отъ васъ не

нужно"—вотъ припѣвъ, встрѣчавшій его во всѣхъ рабочихъ квартирахъ.

Однажды Готхольдъ пошелъ къ пастору Гадебушу. Совсѣмъ опечаленный неудачами, онъ рѣшился просить у него совѣта, какъ вести себя съ бѣдными, такъ сильно нуждающимися въ помощи и не желающими принимать ее. Старикъ долженъ знать тонъ, въ какомъ привыкли разговаривать эти люди. Самъ Виллингъ сказалъ, что онъ для нихъ самый подходящій человѣкъ. Гадебушъ былъ видимо удивленъ приходомъ Готхольда.

— Вотъ, не ожидалъ,—сказалъ онъ со свойственной ему прямой откровенностью.—Я былъ почти увѣренъ, что любезный собратъ не захочетъ больше имѣть дѣло съ такимъ плохимъ христіаниномъ и лѣнивымъ слугою церкви; онъ скорѣе предложитъ консисторіи произвести надо мной строгое слѣдствіе. Инквизиція, во славу Божію и въ возмездіе всѣмъ враждебнымъ элементамъ церкви и соціалъ-демократамъ, теперь вѣдь въ большой модѣ. Я давно удивляюсь, какъ это до сихъ поръ не нашлось доносчика и меня оставляютъ въ покоѣ. Я вѣдь говорю все напрямикъ... Все же, очень радъ. Чѣмъ могу служить?

Когда Готхольдъ изложилъ свою просьбу, старикъ искренно засмѣялся.

— Молиться—не значитъ помогать, товарищъ! Этимъ объясняется все. Облегчить людямъ хотя бы смерть гораздо важнѣе, чѣмъ обременять ихъ балластомъ покаянія и раскаянія на предстоящій путь... А проще всего, пойдемте со мною, и вы увидите, какъ поступаю я, и научитесь дѣйствовать самостоятельно. Главное—не будемъ сердиться.

Готхольдъ желалъ именно того, что предложилъ Гадебушъ, и немедленно готовъ былъ идти вмѣстѣ съ нимъ; онъ просилъ только разрѣшенія оставаться вездѣ безучастнымъ и нѣмымъ слушателемъ.

— Я какъ разъ хотѣлъ просить объ этомъ,—сказалъ Гадебушъ, надѣвая свою широкополую шляпу,—я не позволю никому вмѣшиваться въ мое дѣло.

Дорогой они заговорили о Мейнертѣ.

— Да, цѣлая исторія съ этимъ добрымъ Михаэлемъ,—говорилъ Гадебушъ, стуча по мостовой своей толстой узловатой палкой.—Всего себя человѣкъ отдалъ книгѣ; поэтому, если доживетъ и до глубокой старости (что и въ библейскія времена давалось не многимъ), все же не будетъ пророкомъ со своими толкованіями Ветхаго Завѣта. Жизнь проходитъ у него, какъ вода между пальцевъ, и онъ не видитъ и не слышитъ ничего, что происходитъ вокругъ.

— Если онъ убѣжденъ, что этимъ лучше всего можетъ

служить святой истинѣ... — замѣтилъ Готхольдъ, пожавъ плечами.

— Истинѣ! Истинѣ!—заворчалъ Гадебушъ.—Да вѣдь первая-то истина въ томъ, что мы должны жить сами и давать жить близкимъ. Да, можетъ быть, онъ и правъ, этотъ лучшій человѣкъ въ мірѣ, но онъ совершенно забываетъ, что у него сѣдая голова, и что намъ дано жить только семьдесятъ лѣтъ. Предпринимать такой исполинскій трудъ! Въ сущности, онъ стремится успокоить свою собственную совѣсть и осчастливить свою дочь,—въ этомъ трагикомическая сторона. Она успѣетъ посѣдѣть къ тому времени, когда коса смерти отдѣлитъ душу добраго Михаэля отъ его тѣла.

— Чтобы осчастливить свою дочь?—спросилъ съ изумленіемъ Готхольдъ.

— Да, вы этого не знаете. Магдалина любитъ одного молодого доктора естественныхъ наукъ, скептически относящагося къ библіи, такъ сказать—геккеліанца. Это тянется, Богъ знаетъ, какъ давно. Сердце добряка Михаэля обливается кровью, потому что онъ долженъ сказать „нѣтъ" и „нѣтъ". Вотъ онъ и пишетъ большое сочиненіе, съ цѣлью доказать, что можно быть современнымъ натуралистомъ и всетаки оставаться добрымъ христіаниномъ. Понимаете? И когда онъ докажетъ это,—приблизительно, лѣтъ черезъ стодвѣсти—тогда молодымъ людямъ можно будетъ уже безпрепятственно сочетаться бракомъ. Въ этихъ видахъ человѣкъ прочитываетъ всѣ естественно-научныя сочиненія, отъ которыхъ долженъ былъ бы открещиваться, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, и рѣшается на самыя рискованныя толкованія библіи для отожествленія чернаго и бѣлаго. Между прочимъ, теперь онъ дошелъ до того, что свѣтъ, явившійся, по Ветхому Завѣту, до солнца, объясняетъ, какъ первичный электрическій свѣтъ, похожій на сѣверное сіяніе; онъ произошелъ, будто бы, отъ тренія при образованіи отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ изъ газообразнаго состоянія, движеніе же и жизнь въ самой газообразной массѣ вызваны Творцомъ. Этого наука, со всѣми своими опытами и выводами, еще долго не въ состояніи будетъ объяснить. Онъ хочетъ доказать, что прахъ, изъ котораго Господь создалъ человѣка, съ равнымъ успѣхомъ могъ бы служить для созданія обезьяны или куска глины, и въ обоихъ случаяхъ было бы одинаковое чудо. Словомъ, всѣ еще не разрѣшенныя наукой загадки служатъ ему для спасенія библейскаго Бога, и, шагъ за шагомъ, ощупью онъ идетъ впередъ. Онъ просто забываетъ, что, въ концѣ концовъ, всетаки скажутъ: пробѣлы въ наукѣ еще долго не будутъ доказательствомъ истинности библіи, представляющей, несомнѣнно, плодъ человѣческаго

творчества; доказывать тутъ нечего, надо просто вѣрить или не вѣрить. Ну, да оставимъ ему его утѣшеніе и надежду! Главное—не будемъ сердиться... Мы пришли!

Они подошли къ дому „за башней“ и въ полутьмѣ, по сбитымъ ступенькамъ витой лѣстницы, вошли въ сырой внутренній дворъ. Они пересѣкли его и на противоположной сторонѣ спустились внизъ по темной лѣстницѣ. Изъ оконъ полуразрушенныхъ, изъѣденныхъ плѣсенью домовъ выглядывали блѣдныя, любопытныя лица, наблюдая за ними. Изъ противоположнаго дома, въ самомъ углу, вышелъ, стуча саблей, полицейскій и съ шумомъ сталъ спускаться по скользкимъ ступенямъ. Узнавъ Гадебуша, онъ оборвалъ на полусловѣ свое проклятіе и остановился.

— Тутъ настоящій притонъ, г. пасторъ! — сказалъ онъ, сдѣлавъ подъ козырекъ:—чувствуешь себя въ безвыходномъ положеніи въ этой проклятой ямѣ, со всѣми ея проходами, лѣстницами и углами. Не найдешь ни одного человѣка. Неизвѣстно, кто здѣсь живетъ и что здѣсь дѣлается. Они просто водятъ всѣхъ за носъ.

— Что случилось опять, Бергеръ?—спросилъ Гадебушъ, также остановившись.

— Я ищу мальчишку Гельбке, онъ опять продавалъ восковыя спички безъ промысловаго свидѣтельства. Я могъ бы еще арестовать старую Инзенъ, такъ какъ можно держать пари сто противъ одного, что это она стащила вчера картофель у Блюма въ погребѣ. Однако ищи-свищи негодяевъ! Они липнутъ другъ къ другу, какъ репейникъ, лишь только завидятъ полицейскую форму, и, какъ мыши, прячутся въ свои норы.

— Ну, Бергеръ,—сказалъ Гадебушъ со свойственнымъ ему добродушіемъ, — разъ больше ничего нѣтъ... знаете, имъ обоимъ помогъ убѣжать я. Бѣдняки... Ну, чего тамъ! Воровъ дѣлаетъ случай. Немножко вѣдь всѣ мы подтибриваемъ... И этотъ молокососъ! Государство вѣдь не разбогатѣетъ, если онъ уплатитъ промысловый налогъ, Бергеръ. Такимъ усердіемъ не прославишь себя. Не стоитъ на нихъ и время тратить, когда настоящіе плуты пляшутъ себѣ передъ носомъ у высшей полиціи.

Полицейскій засмѣялся.

— Ну, если вы такъ думаете, г. пасторъ...

— Конечно, я такъ думаю,—и онъ благосклонно похлопалъ представителя власти по плечу.

— Но если бы я разсказалъ гдѣ-нибудь, г. пасторъ, что, по вашимъ словамъ, всѣ мы подтибриваемъ...

— И разскажите, Бергеръ! Не совсѣмъ-то оно красиво, но вѣдь вѣрно. До свиданія.

Онъ сталъ тяжело подниматься по лѣстницѣ, а полицейскій со смѣхомъ спустился внизъ. Готхольдъ не проронилъ ни слова... Наверху Гадебушъ остановился, чтобы перевести духъ.

— Теперь, вы думаете про себя, любезный товарищъ,—сказалъ онъ,—если такова система стараго Гадебуша, то я ей слѣдовать не буду. Оправдывать грѣхи и нарушеніе законовъ, подбивать должностное лицо къ неисполненію своихъ обязанностей, оказывать содѣйствіе сброду мошенниковъ,—нѣтъ, чортъ побери, спасибо! Если только такъ дѣлаешься популярнымъ,—лучше не надо... Ну, что, я угадалъ?

— Приблизительно—да. Я, по меньшей мѣрѣ, удивленъ...

— Однако, главное всетаки: не будемъ сердиться, любезный товарищъ. Всѣ мы — грѣшники. Если бы люди были лучше, чѣмъ они есть, то, дѣйствительно, можно было бы вѣрить въ соціалистическое государство будущаго, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, навѣрное, не прогнѣвался бы на насъ за эту вѣру.

Онъ постучалъ въ одну изъ многочисленныхъ дверей, выходившихъ въ темный корридоръ. Не дожидаясь приглашенія, онъ вошелъ, и Готхольдъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ мансардѣ, подъ самой крышей, въ старомодномъ дѣдовскомъ креслѣ полулежала юношески-стройная дѣвушка, съ одѣяломъ на колѣняхъ и подушкой за спиной. Узкое, тонкое, совершенно бѣлое лицо, съ глубокими синеватыми тѣнями закрытыхъ глазъ устало склонилось въ сторону; на тяжело дышавшей груди лежала прозрачная тонкая рука. Другую руку держалъ старикъ, сидѣвшій, согнувшись, на плетеномъ стулѣ, и считалъ пульсъ. На столикѣ, среди платковъ и кусковъ полотна, стояли стклянки съ лѣкарствами, стаканы, чашка съ кусочками льда. Въ этомъ опрятномъ, просто обставленномъ помѣщеніи одиноко жила больная, и швейная машина у окна указывала на занятіе его обитательницы. Готхольду бросилась въ глаза масса книгъ, стоявшихъ въ нѣсколько рядовъ на комодѣ, у кровати.

Старикъ мелькомъ взглянулъ на вошедшихъ и кивнулъ Гадебушу. Это былъ маленькаго роста коренастый человѣкъ, съ круглымъ краснымъ лицомъ, совершенно закрытымъ массой сѣдыхъ волосъ; изъ-подъ нависшихъ бровей выпуклаго лба глядѣли глубоко сидящіе глаза. Онъ выпустилъ руку дѣвушки, всталъ, подошелъ къ Гадебушу и увлекъ его въ темный уголъ за шкафомъ.

— Можетъ умереть сегодня,—шепнулъ онъ ему на ухо.—Поручиться я, конечно, не могу, но дѣла очень плохи. Пульсъ безпрестанно пропадаетъ, сильная сердечная слабость. Хорошо, что вы здѣсь. Она уже спрашивала о васъ. Сегодня она въ большомъ страхѣ.

— Что же нужно дѣлать для облегченія?—спросилъ Гадебушъ, проведя рукой по глазамъ и понижая свой громовый голосъ до шопота.

Докторъ пожалъ плечами, и лицо его стало еще суровѣе.

— Давать капли, крѣпкое вино, ледъ, когда она того потребуетъ, вообще дѣлать все, что ей захочется. Понимаете?..

И, когда Гадебушъ поникъ головой, онъ прибавилъ, сжавъ на мгновеніе обѣ его руки:

— Только не огорчайте ее, пасторъ, слышите? Не увеличивайте страданій бѣдной дѣвочки! Иначе она...—Онъ заскрежеталъ зубами.

— Думаю, вы знаете меня, докторъ,—сказалъ Гадебушъ.

Злобное движеніе старика заставило его улыбнуться.

— Вы уходите?

Докторъ точно воспользовался случаемъ, чтобы придти въ еще большую ярость.

— Что-жъ, вы находите, что я обязанъ оставаться здѣсь, когда не могу ничѣмъ помочь? Кто вамъ далъ право считать меня тунеядцемъ и ротозѣемъ... а?—И онъ бросился къ двери.

Больная зашевелилась отъ шума и спросила съ тихимъ стономъ:

— Здѣсь былъ докторъ Леръ?

— Да, былъ, но уже ушелъ. Вѣдь вы знаете, Тильдхенъ, что онъ всѣмъ нуженъ и долженъ разрываться, чтобы дѣлать все, какъ слѣдуетъ. Вамъ онъ теперь не нуженъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Давайте только аккуратно капли".—И онъ взялъ одну изъ бутылокъ съ лѣкарствомъ.

— Восемь, девять, десять—вотъ! Готово. Браво! Я по дорогѣ къ Гельбке заглянулъ сюда... Лежите только смирно, Тильдхенъ. Не положить ли вамъ за спину еще одну подушку? Вотъ такъ... Я хочу разсказать вамъ объ этой Медевальтенъ,—презабавная исторія! Подумайте, эта старая каналья...

Готхольдъ собрался было украдкой уйти: ясно было, что у Гадебуша учиться нечему, и онъ самъ не понималъ, какъ могъ хоть на минуту допустить это... Но въ это время больная, прервавъ разсказъ пастора, сказала взволнованно:

— Ахъ, г. пасторъ, я не могу сегодня слушать. Я... мнѣ сегодня опять страшно... я все думаю... я бы охотно... дорогой мой г. пасторъ...

— Что бы вы охотно, Тильдхенъ?

— Я... пока еще есть время... если я тамъ, дѣйствительно, не увижусь съ моей матерью, потому что я протестантка... то я хотѣла бы перемѣнить религію на смертномъ одрѣ, г. пасторъ... Можетъ быть, это дѣйствительно большой грѣхъ, но... вы... вы не будете очень сердиться на меня, г. пасторъ, не правда ли?

— Я?—Гадебушъ опять провелъ по глазамъ своимъ привычнымъ жестомъ.—Ну, что касается меня... вѣдь вы меня знаете, Тильдхенъ. Я вамъ часто говорилъ, что, по моему, нѣтъ ни протестантскихъ, ни католическихъ небесъ, есть просто общія для всѣхъ хорошихъ людей; тамъ не знають различія между религіями. Если это васъ успокоитъ, дорогая Тильдхенъ, — то почему же и нѣтъ? Мы сейчасъ позовемъ патера Гегелера.

Больная снова схватила руку Гадебуша. Онъ долженъ былъ подкрѣпить ее ложкой вина, чтобы она могла вздохнуть.

— Вы очень добры,—пробормотала она,—я не хотѣла бы огорчать васъ; я всегда была вѣрной протестанткой. Но Дерингъ вбила мнѣ эту мысль въ голову и подсунула такія книжки... Съ тѣхъ поръ мнѣ такъ страшно, г. пасторъ! Всю жизнь не имѣть матери на землѣ и не надѣяться имѣть ее даже на небесахъ!.. Вѣдь ужасно, не правда ли? Дерингъ сказала еще, что Лоозе усыновили меня съ цѣлью обратить къ Богу еще одну католическую душу. Это очень возможно: мой отецъ, вѣроятно, былъ католикъ, хотя я никогда его не видала и ничего о немъ не знаю. Иначе, зачѣмъ бы Лоозе усыновлять меня?..

— Не говорите такъ много, Тильдхенъ, — прервалъ ее Гадебушъ, гладя слегка ея руку.—Вы утомляетесь; мнѣ все уже извѣстно. Эта Дерингъ настоящая старая сплетница; она могла бы заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ, чѣмъ пугать бѣдную больную нелѣпымъ вздоромъ и наговаривать на вашихъ покойныхъ пріемныхъ родителей, на такихъ хорошихъ людей. Если бы она была моего прихода, я бы ей задалъ! Патеръ Гегелеръ гораздо снисходительнѣе относится къ этому сброду. У него вообще есть слабость: онъ слишкомъ добръ и слишкомъ кротокъ для этого міра. Я готовъ держать пари, что онъ никогда, ни единымъ словомъ не уговаривалъ васъ сдѣлаться католичкой, несмотря на то, что это было бы въ духѣ его обязанностей; да и его духовное начальство не было бы довольно, если бы знало, что онъ упустилъ душу, когда такъ легко пріобрѣсти ее.

Больная улыбнулась усталой трогательной улыбкой.

— Онъ—да чтобы уговаривалъ!—мечтательно прошептала она.—Напротивъ, онъ отговаривалъ меня, когда рѣчь у насъ заходила объ этомъ. Онъ говорилъ совершенно то же, что и вы. Но почему онъ ко мнѣ пришелъ? Почему онъ такъ добръ ко мнѣ? Я этого совсѣмъ не понимаю, г. пасторъ.

— Онъ вѣдь зналъ вашу покойную мать, Тильдхенъ. Она была его духовной дочерью, какъ вамъ извѣстно. Онъ открылъ вамъ это случайно...

— Да, да.—Больная задумчиво смотрѣла впередъ.—Но я многаго не понимаю. Почему онъ не хочетъ обратить меня? Почему онъ ничего не говоритъ мнѣ о моемъ отцѣ? Почему, когда я спрашиваю объ отцѣ, онъ всегда говоритъ, что онъ былъ большой грѣшникъ, и я должна молиться за него? Почему?

— Ну, потому, что вашъ отецъ не былъ женатъ на вашей матери, когда у нея долженъ былъ родиться ребенокъ, и бросилъ ее...

— Да, да, но вѣдь нужно знать, почему онъ это сдѣлалъ, г. пасторъ. И потомъ... потомъ... почему патеръ Гегелеръ всегда навязывалъ мнѣ деньги, чтобы я не шила цѣлый день на машинѣ? Вѣдь у насъ достаточно бѣдныхъ католиковъ, еще бѣднѣе меня. И свое дорогое время онъ такъ часто проводилъ у меня, на этомъ бѣдномъ чердакѣ, былъ ко мнѣ такъ снисходителенъ и добръ, г. пасторъ; развѣ это—не грѣхъ?

— Что, собственно, Тильдхенъ?

— Мнѣ иногда казалось, что патеръ Гегелеръ меня очень любитъ.—Она кокетливо улыбнулась.

— Ну, конечно, любитъ, Тильдхенъ. Всѣ васъ любятъ.

— Нѣтъ, не такъ... — Она опять закрыла глаза, съ довольной улыбкой.—Не такъ, какъ докторъ Леръ, или вы, или Гельбка и другіе. Нѣтъ, нѣтъ. Совсѣмъ иначе. Если бы онъ не былъ католическимъ патеромъ... или грѣшно думать объ этомъ, г. пасторъ?

— Думаю, нѣтъ. Священники—тоже люди.

— Не правда ли? И всегда, когда онъ сидѣлъ здѣсь у меня... вы не повѣрите, г. пасторъ, какъ онъ бывалъ добръ!.. И что онъ нашелъ во мнѣ? Неизвѣстная, больная швея. А обращать онъ меня не хотѣлъ... Почему онъ такой несчастный?

— Развѣ онъ несчастный?

— Да вѣдь это видно по немъ, г. пасторъ. Онъ всегда такой печальный и угнетенный. Онъ такъ робокъ, точно долженъ просить извиненія у каждаго человѣка. Католики вѣдь совсѣмъ не такіе. Нѣтъ, въ немъ есть что-то особенное...

Съ минуту больная лежала совершенно спокойно, но по выраженію лица видно было, что возбужденная мысль не переставала работать. Вскорѣ дыханіе ея стало труднѣе, мечтательно-усталая улыбка смѣнилась выраженіемъ страданія, кожа посинѣла, а сердце, которое она сжала обѣими руками, усиленно билось и трепетало. Она заметалась, прозрачныя капли пота выступили у нея на лбу. Лицо выражало непреодолимый ужасъ.

— Боже, Боже мой, я умираю!..—вскрикнула она. Тѣло ея тряслось отъ озноба, зубы стучали,—я должна умереть...

такая молодая! Жизнь ничего еще не дала мнѣ... умираю... мать моя!.. Я хочу къ матери... ахъ... пасторъ, пасторъ Гадебушъ... позовите... прошу васъ... позовите Гегелера... я... я хочу...

Гадебушъ положилъ ей подъ голову свою руку, чтобы поддержать ее, и старался въ то же время другой рукой влить ей въ ротъ капли, приготовленныя имъ при появленіи первыхъ признаковъ припадка.

— Пасторъ Венденъ...—сказалъ онъ вполголоса.

Онъ не былъ увѣренъ, здѣсь ли Готхольдъ: присутствія его не было слышно. Но Готхольдъ стоялъ уже возлѣ Гадебуша, невольно охваченный трогательной сценой. Лицо его выражало испугъ, состраданіе и готовность помочь.

— Что я могу сдѣлать?—шепнулъ онъ Гадебушу, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Бѣгите скорѣе къ патеру Гегелеру и приведите его сюда. Улица Маттея, какъ разъ у католической церкви. Когда онъ услышитъ, что Тильдхенъ Лоозе... Но что съ вами?

Готхольдъ инстинктивно сдѣлалъ отрицательное движеніе.

— Товарищъ, это требованіе противно обязанностямъ евангелическаго духовнаго лица... Чтобы я способствовалъ обращенію въ католичество умирающаго!..

Взглядъ Гадебуша, все еще державшаго на рукахъ больную въ мучительныхъ судорогахъ, заставилъ Готхольда оборвать фразу. Старикъ перевелъ взоръ на искаженное страхомъ лицо молодой дѣвушки, продолжавшей выкрикивать въ промежуткахъ между стонами и судорогами:

— Гегелера... Гегелера...

— Если вы можете въ эту минуту справляться со своею совѣстью, г. пасторъ фонъ-Венденъ,—наконецъ, проговорилъ Гадебушъ, — Господь уготовитъ для васъ на небесахъ особое мѣсто за ваше доброе сердце и любовь къ людямъ...

Готхольдъ не слышалъ конца угрозы. Онъ опрометью бросился изъ комнаты и сбѣжалъ по лѣстницѣ. Внизу на секунду ему пришла въ голову мысль послать за патеромъ кого-нибудь другого, но онъ подавилъ ее: то, что священникъ можетъ приказать сдѣлать другому, то онъ можетъ сдѣлать и самъ. Такъ даже лучше: не всѣ узнаютъ, что произошло, и, можетъ быть, ему удастся заставить этого, повидимому, не особенно энергичнаго и ревностнаго католическаго патера не придавать значенія фантазіи умирающей. Такое соображеніе оправдывало его поступокъ. Онъ шелъ такъ быстро, что долженъ былъ передохнуть, прежде чѣмъ подняться на крутую деревянную лѣстницу.

Его провели въ бѣдно обставленную рабочую комнату па-

тера, гдѣ единственнымъ украшеніемъ была копія знаменитой головы Христа Гвидо Рени. Все остальное было завалено книгами. Черезъ минуту изъ боковой двери, тихой, колеблющейся походкой, вышелъ патеръ Бенедиктъ Гегелеръ, худой и согбенный. Только глаза его на блѣдномъ, узкомъ лицѣ говорили о жизни и энергіи.

Готхольдъ назвалъ себя и изложилъ просьбу. Патеръ сначала неловко поклонился, но, при имени больной, измѣнился въ лицѣ и, безпомощнымъ движеніемъ взявъ шляпу, проговорилъ только: „идемте!“ Онъ ничего больше не спросилъ и, молча, спустился съ лѣстницы вмѣстѣ съ Готхольдомъ.

Внизу Готхольдъ, желая воспользоваться временемъ, немедленно заговорилъ:

— Эта молодая дѣвушка на смертномъ одрѣ и желаетъ перемѣнить религію, г. патеръ... не по убѣжденію, конечно, а потому, что какой-то фанатикъ вбилъ ей въ голову, что иначе она не увидится на небесахъ со своею матерью... Ею, слѣдовательно, руководитъ страхъ, навязчивая идея... Къ тому же, она слишкомъ страдаетъ и не можетъ ясно сознавать своихъ поступковъ... Не знаю, что вы думаете объ этомъ, г. патеръ?

Гегелеръ шелъ съ опущеннымъ взоромъ, съ безсильно повисшими руками.

— Если она такъ хочетъ... если настаиваетъ...—пробормоталъ онъ.—Я не уговаривалъ ее... напротивъ... Но моя церковь приказываетъ мнѣ...

— Развѣ вы не находите, что перемѣна религіи при такихъ обстоятельствахъ—грѣхъ, г. патеръ?—прервалъ его Готхольдъ.

Патеръ слегка вздохнулъ.

— Если это дастъ ей утѣшеніе...—пробормоталъ онъ прежнимъ робкимъ, нерѣшительнымъ тономъ, очевидно, занятый мыслью о скорѣйшемъ достиженіи цѣли.

— Не будетъ ли для нея бо́льшимъ утѣшеніемъ, если вы объясните ей г. патеръ, что Богу угоднѣе всего пребываніе въ вѣрности своей религіи до послѣдняго вздоха?

Въ словахъ Готхольда послышалась явная насмѣшка.

Гегелеръ отвѣтилъ не сразу. Черезъ минуту, точно выйдя изъ глубокой задумчивости, онъ сказалъ:

— Если протестантамъ и католикамъ уготовано одно и то же небо, то перемѣна религіи не можетъ быть грѣхомъ, г. пасторъ. Но если ихъ ждутъ разныя небеса, то понятно, мнѣ кажется, почему эта бѣдная молодая дѣвушка хочетъ попасть туда, гдѣ находится ея мать. Я сказалъ уже, что всегда отговаривалъ ее, хотя по долгу своей церкви и не

имѣлъ на это права: я былъ плохимъ священникомъ. Но если теперь она хочетъ... какъ могу я отказаться?

— Значитъ, вы за уловленіе душъ?—спросилъ Готхольдъ съ досадой.

— Нѣтъ, о, нѣтъ!—проговорилъ Гегелеръ, съ грустной улыбкой.—Напротивъ.. я всегда содрогаюсь, когда слышу, какъ обѣ стороны, и протестанты, и католики, перечисляютъ ряды возмездій за отпаденіе и перемѣну религіи! Не могу себѣ представить, что это угодно Богу. Я...—голосъ его такъ упалъ, что Готхольдъ едва разслышалъ слова:—я совершилъ только единственное обращеніе въ своей жизни...

Готхольдъ не возразилъ ничего. Видно было, что вырвавшееся у него признаніе причинило ему сильную боль.

— Мать этой молодой дѣвушки,—добавилъ съ трудомъ Гегелеръ,—умерла при ея рожденіи. И ни одинъ человѣкъ не зналъ, что она была католичка. Пріемные родители, взявшіе дѣвочку къ себѣ,—бѣдные люди, жившіе въ одномъ домѣ съ ея матерью, тоже умершей въ нищетѣ, — окрестили ее по протестантскому обряду, потому что сами были протестанты. Такимъ образомъ... тутъ случайность, и, собственно, не будетъ никакого воровства по отношенію къ евангелической церкви, если...

Готхольдъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Дѣло въ томъ, и единственно въ томъ, что считать истиной, г. патеръ!

Съ минуту онъ ничего не слыхалъ, кромѣ быстраго, скорѣе похожаго на вздохъ, дыханія своего спутника. Наконецъ, когда они дошли до дома „за башней", патеръ, при входѣ, своимъ тихимъ, робкимъ голосомъ произнесъ:

— О! если бы это было извѣстно!..—и, задыхаясь, поспѣшилъ наверхъ.

Готхольдъ медленно поднимался за нимъ. Подходя къ двери, они услышали крикъ. Какая-то фигура, съ растрепанными волосами, въ грязной юбкѣ, бѣжала имъ на встрѣчу и кричала:

— Ваше преподобіе... ваше преподобіе... она умираетъ... еретикъ у нея... Царь Небесный, вы пришли слишкомъ поздно! Это онъ сдѣлалъ умышленно, съ умысломъ не послалъ за вами раньше...

— Молчать!—рѣзко произнесъ Гегелеръ. Маленькій застѣнчивый человѣкъ въ сутанѣ внезапно выросъ и повелительно простеръ руку къ плачущей женщинѣ. Готхольдъ не узналъ его: глаза его горѣли...

— Я запрещаю вамъ всякія дерзкія слова, фрау Дерингъ! Не оскверняйте покоя въ домѣ, гдѣ есть умирающій! На мѣсто! Молчать, говорю вамъ!

— — —

Женщина хотѣла продолжать свои жалобы, но послѣднія слова закрыли ей ротъ. Испуганная, она вся какъ-то съежилась и хотѣла поцѣловать руку патера, но онъ сурово оттолкнулъ ее и быстро пошелъ дальше. Когда онъ хотѣлъ отворить дверь мансарды, на порогѣ показался пасторъ Гадебушъ. Видъ его былъ строгій и взволнованный; онъ приложилъ палецъ къ губамъ.

— Все кончено,—сказалъ онъ тихо.—Войдите, патеръ Гегелеръ, вы должны прочесть ей отходную.

Маленькій патеръ сгорбился еще больше. Казалось, онъ упалъ бы, если бы не прислонился къ стѣнѣ, такой же бѣлой, какъ и его лицо. Шатаясь, онъ протянулъ свои дрожавшія руки Гадебушу и при его помощи вошелъ въ комнату. Когда дверь за ними затворилась, послышались рыданія патера, опустившагося на колѣни передъ кресломъ умершей.

Готхольдъ постоялъ еще нѣсколько секундъ передъ запертой дверью и сталъ медленно спускаться съ лѣстницы. Какое отношеніе имѣетъ онъ къ умершей и по какому праву присутствуетъ при взрывѣ горя этого патера? Его душа была полна противорѣчивыхъ чувствъ. Почему на него не сходитъ просвѣтленіе и покой? Почему душу его наполняютъ все новыя сомнѣнія?

По всѣмъ темнымъ проходамъ этого мрачнаго дома его сопровождалъ шопотъ. Двери вездѣ были открыты, всюду шмыгали фигуры, высовывались головы и указывали наверхъ. Вѣсть о смерти молодой швеи распространилась съ быстротой молніи. Проходя мимо одной группы, Готхольдъ услышалъ, какъ кто-то произнесъ низкимъ басомъ:

— Ахъ, да не все ли равно! Будетъ ли ее напутствовать одинъ попъ или другой, Господу Богу рѣшительно все равно... Слишкомъ много дѣла было бы Ему, если бы Онъ обращалъ вниманіе—чего требуетъ тотъ или другой. Всякъ самъ знаетъ, что справедливо, что нѣтъ, и никакого тутъ попа не требуется.

Готхольдъ ускорилъ шаги, чтобы выйти на воздухъ. Вскорѣ его догналъ пасторъ Гадебушъ.

— Я оставилъ его тамъ одного,—сказалъ онъ, — думаю, ему такъ пріятнѣе. Самъ пойду сейчасъ позаботиться обо всемъ, что нужно. Сегодня я больше не буду обходить бѣдныхъ. Въ другой разъ, если хотите.

Онъ остановился какъ бы въ глубокомъ размышленіи.

— Бѣдное созданіе! — пробормоталъ онъ, опустивъ голову.—Но она такъ тихо уснула, и ей хорошо теперь!

Нѣкоторое время онъ стоялъ молча, только углы его глазъ вздрагивали.

— Это — замѣчательный священникъ! — сказалъ Готхольдъ.

Гадебушъ опустилъ голову.

— Онъ болѣе, чѣмъ священникъ. Онъ человѣкъ! — отвѣтилъ Гадебушъ и, сдѣлавъ прощальный жестъ рукой, ушелъ.

IX.

Притцке явилась просить Готхольда, чтобы онъ пришелъ, наконецъ, къ Мютцель. Несчастная женщина ждетъ его духовнаго утѣшенія. Люде не бываетъ дома. Съ тѣхъ поръ, какъ Рика сдѣлалась религіозной, онъ сталъ совсѣмъ неукротимъ, пьетъ больше прежняго, гуляетъ съ развратными женщинами Богъ знаетъ гдѣ. Рика, чувствующая себя послѣдніе дни нѣсколько лучше, желаетъ, во что бы то ни стало, видѣть г. пастора, и Притцке бросила всѣ свои дѣла и прибѣжала, хотя ей совсѣмъ не до того. Если у г. пастора есть свободное время...

Готхольдъ готовъ былъ идти сейчасъ. Хотя въ эти часы онъ занимался обыкновенно чтеніемъ, но ради больной, требующей его къ себѣ, можно отложить работу. Онъ вышелъ изъ дома вмѣстѣ съ Притцке.

— А она, дѣйствительно, сдѣлалась религіозной?—спросилъ онъ дорогой съ радостнымъ изумленіемъ.

Безъ сомнѣнія. Притцке могла бы разсказать удивительныя вещи по поводу ея „пробужденія". Въ сущности, ей самой принадлежитъ здѣсь не малая заслуга. Но, конечно, г. пасторъ далъ первый толчекъ. Рика вдругъ раскаялась, и теперь молится по цѣлымъ днямъ. Она сознаетъ, что несетъ наказаніе за свои грѣхи, и что должна молиться за другихъ, пострадавшихъ отъ ея пороковъ. Такъ все и идетъ; на дняхъ она хотѣла даже причаститься, такъ какъ послѣ причастія нерѣдко совершенно выздоравливаютъ. Ей очень хочется окрестить дѣтей, но можетъ подняться страшная исторія: этотъ грубый Люде, даже и въ трезвомъ видѣ, убьетъ ее отъ бѣшенства. На дняхъ она сказала ему, что на ея смертномъ одрѣ онъ могъ бы обвѣнчаться съ нею; это не составило бы для него большого труда и не потребовало бы издержекъ, а она умерла бы честной женщиной. И что же? Люде окончательно вышелъ изъ себя и сталъ кричать, что это проклятый попъ натрубилъ ей въ уши; онъ вовсе не желаетъ угождать ему; онъ—соціалъ-демократъ и стоитъ за свободную любовь... все въ томъ же духѣ. Да у него и нѣтъ никакого желанія остаться вдовцомъ, потому что придется, Богъ знаетъ, сколько ждать, пока снова удастся

жениться. Можно ли придумывать такія низости? Сегодня она, Притцке, встрѣтила его, когда онъ, шатаясь, выходилъ изъ дому; онъ показалъ ей кулакъ и крикнулъ, что Рика опять просила его уйти изъ дома: пусть они одумаются, иначе будетъ несчастье! Притцке думаетъ, что, по всей справедливости, полиція должна бы арестовать Люде.

Подъ эту болтовню они дошли до дома въ рѣчномъ кварталѣ. Цирюльникъ Бедовъ, широко разставивъ ноги, стоялъ въ дверяхъ, поправляя свою вывѣску—металлическій тазъ. Онъ протяжно свистнулъ когда они проходили мимо, и отвѣсилъ ироническій поклонъ.

— Что это здѣсь вдругъ запахло ладономъ!—сказалъ онъ имъ вслѣдъ, нюхая воздухъ.—Вѣдь отъ этого можетъ стошнить.

— Тоже подлый человѣкъ, — пробормотала Притцке съ презрѣніемъ.

Они должны были пройти черезъ комнату Мици, еще спавшей, несмотря на третій часъ дня. Всѣ ея вещи были разбросаны по комнатѣ, въ томъ числѣ и свѣтло-голубая рубашка. Волны ея рыжихъ волосъ свѣшивались на лицо и голую руку.

— Ну, эта тоже можетъ хорошо насолить!—сказала Притцке въ полъ-голоса, искоса глядя на спящую завистливо-жаднымъ взоромъ.—Просто скандалъ! И всегда приходится проходить черезъ эту комнату! Какъ еще терпятъ здѣсь эту дѣвчонку! Но, можетъ быть, ее можно спасти?

Готхольдъ опустилъ глаза и задумчиво покачалъ головой. Какъ это ему раньше не пришло въ голову! Конечно, Притцке права. По отношенію къ этой падшей онъ до сихъ поръ не исполнилъ своей духовной обязанности, совсѣмъ о ней не позаботился. А именно здѣсь онъ могъ бы проявить свое вліяніе. И хотя онъ не испытывалъ отвращенія ни къ больнымъ, ни къ порочнымъ, ни къ гибнущимъ въ грязи и нищетѣ, все же какое-то отвращеніе удерживало его вдали отъ этой дѣвушки. Этого не должно быть.

Съ такими мыслями онъ подошелъ къ постели чахоточной, встрѣтившей его радостнымъ возгласомъ. Какое-то боязливое ожиданіе было въ ея взглядѣ. На одѣялѣ лежала старая Библія съ оборваннымъ переплетомъ и новая книга Священнаго Писанія, очевидно, недавно пріобрѣтенная. На подоконникѣ, какъ всегда, сидѣлъ старикъ съ потухшимъ взоромъ и безумнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ даже не взглянулъ, когда вошли Готхольдъ и Притцке, и съ дратвой въ зубахъ продолжалъ стучать молоткомъ по подошвѣ ботинка, зажатаго между колѣнъ. Одинъ ребенокъ лежалъ и хныкалъ на сосѣдней кровати, возлѣ больной; другой сидѣлъ на по-

рогѣ кухни и большими удивленными глазами пристально смотрѣлъ на Готхольда. Сегодня воздухъ въ подвалѣ былъ еще болѣе затхлый и тяжелый, чѣмъ въ первый разъ.

Готхольдъ хотѣлъ открыть окно, но Притцке запротестовала: каждый прохожій поднимаетъ на немощенной улицѣ цѣлые клубы пыли, летящей прямо на больную, а докторъ Леръ предупреждалъ, что пыль для нея вреднѣе всего... Старикъ также не выноситъ движенія воздуха; съ улицы, къ тому же, видно все, что дѣлается въ комнатѣ, и дѣти на улицѣ страшно шумятъ. Лучше пусть окно останется закрытымъ.

— Почему васъ не помѣстятъ въ больницу?—спросилъ Готхольдъ.—Едва ли здѣсь возможенъ уходъ, какой вамъ нуженъ. Въ этомъ воздухѣ и здоровому трудно дышать.

Больная сдѣлала испуганно-отрицательное движеніе рукой.

— Въ больницу!..

— Неужели и у васъ эта глупая боязнь больницы, какъ у другихъ? Я вамъ обѣщаю, что тамъ вы будете чувствовать себя хорошо.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, г. пасторъ. Если бы и такъ... то я не хотѣла бы ни за какія деньги уходить отсюда. Видите ли: дѣти...маленькая, ко всему еще, схватила лихорадку, и докторъ сказалъ, мало ли что можетъ случиться. И потомъ Люде съ Мици останутся здѣсь одни... нѣтъ, нѣтъ, этого я не вынесу, не будемъ говорить объ этомъ, г. пасторъ.

Готхольдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ по комнатѣ. „Да, надо убрать отсюда Мици, а рядомъ устроить комнату для больной“. Онъ опустился на стулъ возлѣ кровати.

— Вы чувствуете себя лучше?—спросилъ онъ.

Онъ вспомнилъ пастора Гадебуша. Тотъ не спросилъ бы такъ: онъ внушилъ бы больной, что она поправится, и сталъ бы разсказывать веселыя исторіи, чтобы развлечь ее. Нѣтъ, онъ такъ не можетъ, считаетъ это грѣхомъ! Больная разсказывала, что чувствуетъ себя гораздо увѣреннѣе со времени „пробужденія“. Молитва такъ успокоиваетъ ее. Но теперь ею овладѣлъ страхъ, что она совершила слишкомъ много грѣховъ, чтобы надѣяться на милосердіе. А хуже всего—что Люде и слушать не хочетъ объ обращеніи: напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ она стала молиться, онъ еще больше распутничаетъ. Вообще горя много: онъ не хочетъ съ нею вѣнчаться и узаконить дѣтей. Что же будетъ? Милосердый Богъ не можетъ вѣдь смотрѣть на это сквозь пальцы. И, наконецъ, она думаетъ, что если Господь возьметъ ее къ себѣ на небо, а Люде останется съ Мици въ аду... то это опять-таки несправедливо и не дастъ ей покоя, этого она

не можетъ снести. А дѣти... что будетъ съ дѣтьми? Мысль о нихъ страшно волнуетъ ее. Они вѣдь не знаютъ о своемъ незаконномъ происхожденіи, о томъ, что не крещены и растутъ, какъ звѣри. Что сдѣлаетъ съ ними Господь? Когда мать умретъ, этимъ бѣднымъ пискунамъ будетъ еще хуже; ни одинъ человѣкъ не защититъ ихъ; о Богѣ они, конечно, ничего не узнаютъ, и то немногое, что имъ сообщатъ о Немъ въ школѣ, Люде выбьетъ изъ нихъ палкой. Мице, навѣрное, будетъ ужасной мачихой, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Иной разъ она думаетъ, что было бы гораздо лучше, если бы дѣти вдругъ умерли, и лучше всего—съ нею вмѣстѣ. Изъ нихъ вѣдь выйдутъ плохіе люди, иначе и быть не можетъ. И лучше умереть теперь, когда они еще невинны; они ушли бы къ ангеламъ, не огрубѣли бы и не погибли въ рабочемъ или даже исправительномъ домѣ.

Готхольдъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвлечь ее отъ этихъ тягостныхъ мыслей. Если дѣти останутся безъ матери, о нихъ позаботятся; онъ, Готхольдъ, обѣщаетъ ей это и сдержитъ слово. Пусть она объ этомъ и не думаетъ; отецъ, не вѣнчанный съ матерью, не имѣетъ на дѣтей никакого права. Ихъ у него возьмутъ, и онъ самъ, навѣрно, согласится поручить ихъ воспитаніе другимъ.

Но больная не находила никакого утѣшенія въ этихъ обѣщаніяхъ. Безъ отца и матери какъ будутъ расти бѣдныя крошки? И, наконецъ, Люде не позволитъ взять ихъ: младшаго, очень похожаго на него лицомъ, онъ любитъ по-своему. Въ пріютъ?.. Но тамъ тоже плохо: дѣтей гоняютъ съ мѣста на мѣсто, они дѣлаются завистливыми, несчастными. Хорошо еще, если не выйдутъ ханжами и лицемѣрами! Нѣтъ, гораздо лучше, если они уйдутъ къ милосердому Богу, и какъ можно скорѣе. Вообще, умирать одной очень тяжело; если бы имъ умереть всѣмъ вмѣстѣ, если бы она могла взять съ собою и своихъ дѣтей, и Люде... тогда все было бы хорошо! Она уже думала объ этомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ младшая дочь стала такой несчастной... Развѣ было бы грѣхомъ, если бы они умерли всѣ вмѣстѣ?..

Готхольдъ вскочилъ со стула. Необыкновенные глаза больной, загорѣвшіеся мрачнымъ огнемъ, испугали его. Онъ приказалъ Притцке разбудить спавшую дѣвушку и сказать ей, что ему нужно поговорить съ ней, Притцке же можетъ идти: онъ хочетъ остаться съ больной наединѣ. Притцке, несмотря „на массу работы дома“, сидѣла у кровати, съ любопытствомъ вытянувъ впередъ свою птичью голову, со слезящимися косыми глазами. Почтительно улыбнувшись,

она со злобнымъ взглядомъ, подергивая плечами, побѣжала къ двери.

— До свиданія, г. пасторъ!—сказала она язвительно.

Готхольдъ раскрылъ сборникъ гимновъ и проникновеннымъ голосомъ началъ читать:

Когда предсмертный ужасъ
Мою охватитъ грудь,—
Страдающій, Распятый,
Со мной тогда побудь!

Спаси меня отъ страха
Въ послѣдній, грозный часъ,
Раскрой передо мною,
Какъ ты страдалъ за насъ.

Блаженной вѣры полный,
Взгляну на Твой вѣнецъ,
Съ Тобой сольюся сердцемъ:
Вотъ радостный конецъ!

Окончивъ молитву, онъ сталъ говорить съ больной. Онъ упрекалъ ее въ грѣшныхъ мысляхъ, говорилъ ей, что Христосъ обѣщалъ уравнять всѣхъ: на небесахъ не будетъ ни господъ, ни рабовъ; пусть она отречется отъ своихъ земныхъ желаній и стремленій, и тогда она просвѣтится, и все земное спадетъ съ нея. Онъ считаетъ ее счастливой, потому что она скоро Божіимъ милосердіемъ будетъ избавлена отъ всѣхъ мученій и бѣдствій и узритъ тамъ, на небесахъ, Его вѣчную славу. Онъ указалъ ей на образъ Распятаго: Онъ всегда долженъ быть у нея передъ глазами и въ сердцѣ, чтобы „умереть легко“. Никакіе страхи и заботы не будутъ больше мучить ее, — напротивъ, въ душу снизойдетъ небесная благодать, и, въ радостной надеждѣ, умиротворенная, уйдетъ она въ небеса.

Голосъ его дрожалъ отъ глубокаго волненія, и, сжимая худыя руки больной, онъ усердно молился.

Старикъ на окнѣ пересталъ стучать и, тяжело вздыхая, пристально глядѣлъ на нихъ своими слезящимися, безумными глазами. Ребенокъ въ постели продолжалъ плакать, а другой — испуганно прятался въ кухнѣ. Нѣкоторое время больная смотрѣла неподвижно въ пространство, какъ безумная, потомъ, словно очнувшись, стала плакать, сначала тихо, потомъ все сильнѣе.

— Приметъ ли меня милосердный Богъ?—спрашивала она, съ надрывающими душу рыданіями: — такъ ли это, дорогой

г. пасторъ? Несмотря на то, что я была такая дурная и никогда не хотѣла знать Его?

— Кто чистосердечно раскаялся въ своихъ грѣхахъ и твердо вѣритъ въ Него, тому Онъ обѣщаетъ вѣчное блаженство!

Больная продолжала тихо плакать.

— У меня есть большая просьба, г. пасторъ,—тихо произнесла она.—Если бы у меня былъ образъ Господа Іисуса Христа! Я бы хотѣла имѣть его здѣсь, надъ кроватью, чтобы всегда смотрѣть на Него. И когда мнѣ станетъ очень страшно... — она всхлипнула, — какъ сказано въ молитвенникѣ...

Готхольдъ всталъ и вытеръ потъ со лба.

— Сегодня же у васъ будетъ Распятіе, — сказалъ онъ.— А завтра я приду опять. Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!

Онъ ушелъ и постучался въ дверь къ Мици.

— Я уже готова. Вы можете войти,—послышался полусонный, полувеселый голосъ.

Готхольдъ вошелъ съ бьющимся сердцемъ, съ мрачно нахмуреннымъ лбомъ, и плотно заперъ за собою дверь. Онъ засталъ дѣвушку съ голыми плечами и руками, лѣниво надѣвающей цвѣтную ситцевую блузу. На ней былъ корсетъ и красная юбка, волосы были причесаны, но распущены широкой золотой волной по плечамъ; усталые, жадные, не то сѣрые, не то голубые глаза ея, щурясь, смотрѣли на него съ притворнымъ смущеніемъ.

— Я вѣдь могу показаться вамъ въ такомъ видѣ?—спросила она жеманно, и непріятная улыбка промелькнула на ея нѣсколько опущенныхъ книзу губахъ.

Онъ не обратилъ вниманія на ея вопросъ и вообще не смотрѣлъ на нее. Складка на лбу сдѣлалась еще глубже.

— Я долженъ поговорить съ вами: Такъ жить, какъ вы живете, дальше нельзя. Вы должны уйти отсюда и порвать съ прошлымъ!

Она опустилась на сломанный стулъ, скрестивъ руки на полной груди, и покосилась въ зеркало, висѣвшее на противоположной стѣнѣ.

— Ахъ, Боже мой, куда же мнѣ идти? — воскликнула она, сдѣлавъ видъ, будто смертельно испугалась.

— Это мы увидимъ. Главное, есть ли у васъ твердое намѣреніе вырваться отсюда и начать честную жизнь?

Голосъ его звучалъ непривычно-жестко. Онъ все еще не смотрѣлъ на нее и ходилъ взадъ и впередъ по низкой комнатѣ.

— Да-а,—протянула она, кокетливо качая головой, — это зависитъ вѣдь оттого... Впрочемъ, г. пасторъ, что собственно *вы* знаете о моей жизни?

Она оперлась руками въ бока и вызывающе смотрѣла на него изъ-подъ своихъ свѣтлыхъ рѣсницъ.

— Если молодую, здоровую дѣвушку, въ будни, можно застать въ полдень еще въ постели, — началъ онъ, слегка смутившись, — то что можно подумать о ней? Какимъ ремесломъ занимаетесь вы вообще? О васъ говорятъ очень дурно, развѣ вы этого не знаете? Если вы честно заработываете свой хлѣбъ, почему не скажете? Все говоритъ противъ васъ.

Онъ продолжалъ бы еще, ему пріятно было выказать ей свой гнѣвъ и возмущеніе, но вдругъ увидѣлъ, что она закрыла лицо руками и стала тихо всхлипывать.

Онъ и не замѣтилъ, что она лукаво наблюдаетъ за нимъ сквозь пальцы.

— Что съ вами?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.—Если васъ обвиняютъ несправедливо... то я вѣдь здѣсь, чтобы выслушать васъ...

Она продолжала притворно всхлипывать и не могла говорить. Онъ приблизился къ ней и тихо отвелъ ея руку.

— Успокойтесь же!—Его голосъ дрожалъ.—Скажите мнѣ все, облегчите свою душу! Вы не хотите уходить отсюда?

Она пожала плечами, не поднимая глазъ и не отнимая у него своей руки, напротивъ, даже слегка задерживая ее при его попыткѣ освободиться.

— Я вѣдь сказала уже: *куда* мнѣ уйти? Вотъ въ чемъ вопросъ. Въ концѣ концовъ, мнѣ здѣсь лучше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ... Вы не знаете, г. пасторъ, каково нашей сестрѣ... Мы, дѣйствительно, точно товаръ, въ особенности когда недурны собой... Видите ли...

И, все еще держа его руку и склонивъ голову такъ, что громадная масса волосъ огненнымъ облакомъ закрывала ей лицо, она стала вдругъ разсказывать ему голосомъ, прерывавшимся отъ притворныхъ всхлипываній. Да, она дурная, безспорно; но какъ можно уцѣлѣть въ такой жизни? Вѣдь это случается со всѣми, не только съ ней одной; съ дѣтства она была предоставлена самой себѣ. Чего только не приходилось видѣть и слышать! Когда ей не было еще тринадцати лѣтъ, мальчишки уже подкарауливали ее, а рабочіе говорили ей по вечерамъ такія вещи!.. Но было честное намѣреніе хорошо и прилично жить и честно заработывать свой хлѣбъ. Только, Боже мой, вѣдь это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Она все испробовала. Нужно знать, что дѣлается на фабрикахъ и въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ! Если пойдешь противъ желанія г. инспектора или заведенія, такъ просто выгонятъ,—причина всегда найдется. Эти господа живутъ, какъ паши. Сегодня одна, завтра другая, — все рѣшается вечеромъ, при разсчетѣ: разсуждать не

приходится, или... А у многихъ дѣвушекъ есть старики-отцы или маленькіе братья и сестры, нужно ихъ кормить; вотъ и приходится думать не только о себѣ и о своей дѣвичьей чести. Большинству же все равно: послѣ вѣдь лучше, можно себѣ кое-что позволить. Конечно, чѣмъ красивѣе, тѣмъ больше опасности: ни одинъ человѣкъ не оставляетъ въ покоѣ. Такимъ образомъ, выбирай, что хочешь: остаться честной—ничего не получишь, умрешь, пожалуй, съ голоду. Ну, а если такъ, то зачѣмъ же мучить себя работой? Ужъ лучше сдѣлаться такой по призванію. Тогда можно, во-первыхъ, устроиться гораздо лучше, а во-вторыхъ, пользоваться покоемъ, можешь дѣлать выборъ по своему желанію, не имѣешь надобности отдаваться разнымъ людямъ, имѣющимъ удивительно приличный и благородный видъ, а на самомъ дѣлѣ, часто оказывается, даже женатымъ... Теперь же, въ семьѣ, гдѣ нищета, дѣйствительно, велика, она можетъ сколько-нибудь помочь и позаботиться, чтобы хоть не всѣ голодали. Люде любитъ ее, этого отрицать нечего, онъ, навѣрное, думаетъ, что когда бѣдной Рики не станетъ, онъ возьметъ ее, Мици. Но объ этомъ и рѣчи быть не можетъ: вѣдь онъ совсѣмъ погибшій человѣкъ. Впрочемъ, она и сама едва ли долго протянетъ. Всѣ они въ семьѣ чахоточные и умираютъ рано, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Въ особенности при такой жизни и въ такомъ воздухѣ!.. Уѣхать,— о, да, почему же нѣтъ? Но куда? Вездѣ то же несчастіе. Охотнѣе всего она пошла бы въ экономки,—но кто ее возьметъ?

Въ продолженіе разсказа Мици нѣсколько разъ взглядывала на Готхольда, сквозь волны своихъ волосъ. Онъ стоялъ передъ нею съ покраснѣвшимъ лбомъ и щеками и слушалъ, кусая губы. Съ усиліемъ освободился онъ, наконецъ, отъ ея руки и опять принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пока она не кончила. Онъ не представлялъ себѣ всего въ такомъ видѣ. Впечатлѣніе отъ дѣйствительности было слишкомъ сильно. Вотъ, гдѣ нужна помощь, и давно нужна! Если бы онъ тотчасъ же узналъ объ этомъ! Теперь все сразу налетѣло на него и сбило съ толку. Правда, эта дѣвушка порочна, но сама она менѣе виновата, чѣмъ суровая жизнь, сдѣлавшая ее такою... Люди систематически губили ее...

Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее, погруженный въ раздумье. Она откинула волосы съ лица и вытерла глаза.

„Совсѣмъ кающаяся Магдалина“, — невольно подумалъ онъ. Нервы его были натянуты. Если бы у нея не было этого безпомощно-томнаго взора! Можетъ быть, онъ слишкомъ несправедливъ къ ней, но въ этомъ взглядѣ есть что-то театральное. Онъ производилъ непріятное впечатлѣніе... Она встрѣтила его насмѣшливо, безцеремонно, — и вдругъ пол-

ная откровенность... и этотъ взглядъ! Не будь его, онъ взялъ бы ее и поселилъ у себя. Это было бы лучше всего. Она была бы на глазахъ, и онъ могъ бы наблюдать за ней. Очевидно, онъ пріобрѣлъ теперь надъ ней вліяніе; Ирма же, навѣрно, нуждается въ экономкѣ. Но внутри его что-то протестовало: всетаки она—падшая женщина, все равно, какъ ни дошла она до этого. Нѣтъ, лучше помѣстить эту дѣвушку гдѣ-нибудь ъъ другомъ мѣстѣ. Но уйти она должна, и лучше сегодня, чѣмъ завтра.

— Все, что вы разсказали мнѣ, очень грустно,—сказалъ онъ, глядя въ сторону, такъ какъ не могъ выносить выраженія ея лица. — Вы совершенно правы: въ нашихъ кругахъ не имѣютъ представленія ни о чемъ подобномъ, а если кто и знаетъ, то думаетъ, что все это законно, и закрываютъ глаза. Я очень признателенъ за вашу откровенность, она доказываетъ, что вы еще не совсѣмъ погибли и хотите, можете исправиться. Обѣщаю, что вамъ будетъ оказана помощь.

И онъ торжественно протянулъ ей руку.

— Ахъ, но какъ же?—спросила она съ любопытствомъ.

Онъ взглянулъ на ея руку и удивился изяществу пальцевъ, еще темныхъ отъ уколовъ иголки.

— Я подумаю объ этомъ, — сказалъ онъ торопливо и съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—завтра я опять приду.

Она казалась нѣсколько удивленной и искоса посмотрѣла на него своими полузакрытыми, хитро-щурящимися глазами.

— Да,—сказала она протяжно,—если бы я могла къ кому-нибудь переѣхать... Я, конечно, хотѣла бы стать иной... Найти бы хоть надежное пристанище! Отсюда полиція или хозяинъ дома могутъ выгнать каждый день. Вѣдь разрѣшенія-то у меня нѣтъ. Не хватаетъ еще этого! Всетаки поступать съ собой, какъ съ животнымъ, я не позволю. Лучше тайно и каждую минуту подвергаться опасности, но быть себѣ госпожей.

Онъ покраснѣлъ, и ей это понравилось; она почти громко разсмѣялась.

„Этакій наивный человѣкъ! А про поповъ говорятъ еще, что они пройдохи. Дать ему обратить себя на путь истинный — это недурно. Ей надоѣло такъ жить!“ Она улыбнулась. „Какой у него строгій ротъ! Вотъ бы поцѣловать!“

Готхольдъ не нашелся что сказать. Онъ былъ ошеломленъ смѣсью цинизма и невинности, стремленія къ лучшему и глубокой испорченности. Онъ чувствовалъ себя неувѣренно и непріятно, но еще разъ пожалъ ей руку.

— Завтра, какъ сказалъ, я сообщу вамъ. Надѣюсь, что вы оставите свое позорное ремесло. Идите къ своей больной

сестрѣ и помолитесь вмѣстѣ съ ней! Вы много грѣшны передъ Богомъ... Будьте здоровы!

Она не успѣла отвѣтить, какъ онъ уже вышелъ изъ подвала. Ему показалось, что за нимъ раздался смѣхъ... Онъ быстро шагалъ по улицѣ.

X.

Куда идти?

На ступенькахъ подвала Готхольдъ увидѣлъ старуху Заутеръ, сидѣвшую по обыкновенію со своимъ сѣрымъ чулкомъ въ рукахъ; съ нею былъ трехъ или четырехъ-лѣтній мальчикъ; вѣроятно, „Ласъ", подумалъ Готхольдъ и, дружески поклонившись ей, вспомнилъ о Куртѣ Вельманнѣ. Но онъ пошелъ дальше. Нѣтъ, этотъ не можетъ ему помочь... Вотъ у Гельги Леръ онъ могъ бы спросить, не знаетъ ли она какого-нибудь подходящаго для Мици мѣста. Она всетаки женщина, знаетъ, какъ обращаться съ такого рода людьми, и всегда готова придти на помощь. Онъ взглянулъ на часы. Дома его больше ждать не будутъ. А въ такой душный день, подъ начинавшимъ накрапывать дождемъ, Гельга Леръ едва ли пойдетъ гулять съ дѣтьми. Застанетъ ли онъ ее, однако, дома — вопросъ. По цѣлымъ днямъ она ходитъ по бѣднымъ.

Онъ давно уже хотѣлъ пойти къ ней или встрѣтиться опять на дерновой скамейкѣ, у опушки лѣса: Готхольдъ долженъ былъ признаться въ этомъ передъ самимъ собой. И онъ былъ радъ, что нашелся предлогъ для свиданія. Собственно, онъ не могъ даже и помышлять о помѣщеніи Мици Теденъ у Гельги Леръ или въ какомъ-нибудь другомъ, указанномъ ею домѣ. Когда онъ задумалъ „спасти" эту погибшую, то, конечно, не имѣлъ въ виду Леръ. Но его привлекала мысль еще разъ поспорить съ этой дѣвушкой, продолжить начатую съ нею борьбу. Тогда они далеко не окончили спора. А когда ему удастся побѣдить ее, обратить эту сильную, упрямую дѣвичью душу... Горячее желаніе побѣдить и предвкушеніе тріумфа волновали его! Да, онъ долженъ видѣть ее. Какъ онъ уже разъ заявилъ своему дядѣ: дерево нужно рубить съ корня, съ этого и надо начать. Народъ вернется къ Богу, когда интеллигенція подастъ примѣръ. Теперь они твердятъ себѣ, въ злобномъ упорствѣ, что не могутъ вѣрить въ Бога, которымъ брезгаютъ образованные люди. И пасторъ Гадебушъ правъ: надо сначала идти съ проповѣдью Евангелія къ богатымъ.

Домъ доктора Лера стоялъ недалеко отъ городского

кладбища, въ переулкѣ не вполнѣ еще застроеннаго предмѣстья. Шумъ завода отдавался здѣсь, какъ морской прибой. Разноцвѣтные весенніе цвѣты въ палисадникѣ и бесѣдка, обросшая зеленью, придавали дому характеръ деревенскаго уединенія.

Во время своихъ визитовъ въ рабочій кварталъ Готхольдъ много разъ проходилъ мимо дома доктора Лера; иногда онъ дѣлалъ даже для этого маленькій крюкъ, — но никогда не заходилъ въ домъ. Сегодня онъ торопливо переступилъ порогъ садовой калитки, гдѣ на маленькой фарфоровой дощечкѣ было написано: *Докторъ медицины Густусъ Леръ*. Калитка открылась сама собою, когда онъ нажалъ мѣдную кнопку.

Гельга сидѣла въ бесѣдкѣ и ничего не замѣчала, пока на узкой дорожкѣ подъ его шагами не захрустѣлъ песокъ. Она подняла голову отъ лежавшей передъ ней книги и, узнавъ Готхольда, пошла къ нему на встрѣчу. Казалось, она совсѣмъ не удивилась,—лицо было ясно и спокойно, и только глаза были слегка затуманены, точно она еще не совсѣмъ вернулась къ дѣйствительности.

— Вы ищете отца? — спросила она, поздоровавшись.— Я жду его съ минуты на минуту. Простите, если вамъ придется подождать...

Она движеніемъ руки пригласила его въ бесѣдку.

— Я ищу васъ, фрейленъ Леръ, - сказалъ онъ.— Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ.

— Охотно. Но сядемъ здѣсь. Въ комнатахъ очень душно.

Она не обнаружила ни любопытства, ни боязни, что между ними опять возникнетъ споръ, и обращалась съ нимъ, какъ и со всякимъ другимъ мало знакомымъ человѣкомъ. Это раздражало его тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, какъ билось его собственное сердце. Но онъ овладѣлъ собой. Его не оставляло только одно непреодолимое желаніе: увидѣть когда-нибудь, какъ это чудное спокойствіе смѣнится горячимъ возбужденіемъ. Какъ ни дико ему это казалось, но онъ испытывалъ не то зависть, не то удивленіе при мысли, что жизнь безъ Бога способна давать такое спокойствіе.

Онъ сѣлъ возлѣ нея на скамейку, подъ густой стѣной вьющихся растеній, и тотчасъ же приступилъ къ цѣли, заговоривъ о Мици Теденъ. Хотя онъ и не смотрѣлъ на Гельгу, но чувствовалъ ея изумленіе. Раза два она пошевелилась на скамейкѣ, но не прерывала его, теребя пальцами зеленую вѣтку у стѣны бесѣдки.

— Думаю, вы согласитесь со мной, что для этой дѣвушки нужно что-нибудь сдѣлать?

— Если уже не слишкомъ поздно... а въ этомъ я увѣрена!—возразила она.

— Слишкомъ поздно?—Онъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ удивленіемъ.

— Да, я считаю ее совершенно погибшей и не вѣрю въ ея иеправленіе. Не вѣрю также, что ее можно спасти. Конечно, окружающая жизнь много виновата въ ея гибели, но главное, всетаки, ея природныя склонности. Что можно для нея сдѣлать? Работать она едва ли будетъ, да и врядъ ли сумѣетъ,—мнѣ, по крайней мѣрѣ, она прямо заявляла, что стремленіе къ грѣху въ ней несравненно сильнѣе желанія жить умѣренно, прилично и честно. Я дѣлала всевозможныя попытки въ этомъ направленіи и теперь считаю ихъ совершенно безполезными.

Готхольдъ былъ сильно смущенъ. Онъ вспомнилъ, что, когда въ первый разъ увидѣлъ Гельгу Леръ у Мютцель, то Мици Теденъ ей даже не поклонилась и сдѣлала видъ, будто совсѣмъ не замѣтила ея. Ему стало досадно, что и тутъ онъ опоздалъ; въ словахъ ея ему слышалось превосходство, вызывавшее въ немъ отпоръ. Онъ еще никогда не слыхалъ, чтобы дѣвушка такъ спокойно и холодно разсуждала о погибшей женщинѣ. Или все это притворство? Самообладаніе?

— Напротивъ, мнѣ эта дѣвушка говорила совсѣмъ другое, — сказалъ онъ быстро. — Она страстно желаетъ освободиться отъ своей грѣшной жизни и готова на все, лишь бы достичь этого. Ея недостойное существованіе вызываетъ въ ней отвращеніе. Она разсказала мнѣ, какъ все случилось. Я считаю ее вполнѣ достойной довѣрія и отзывчивой.

— Да, она хорошая комедіантка,—сказала Гельга.

— Какъ вы строго судите!—замѣтилъ онъ недовольно.

— Я не вѣрю. Я стараюсь только ясно видѣть и быть справедливой. Я не умѣю притворяться, но и судить не умѣю по виду. Боюсь, что эта дѣвушка разыграла передъ вами комедію.

— Вы очень строги, фрейлейнъ Леръ. Не много же у васъ терпимости и снисходительности. Правда...—голосъ его дрогнулъ, и въ тонѣ послышалась горечь и волненіе: — передо мною не христіанка.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ уже пожалѣлъ о нихъ. Но ни одна черта не измѣнилась въ ея лицѣ, она даже не покраснѣла.

— Объ этомъ мы уже говорили,—сказала она.—Въ церковномъ смыслѣ я, конечно, не христіанка, а вообще... хотѣла бы быть ею. Не могу сказать, чтобы и ваша церковь проявляла терпимость и снисхожденіе, въ особенности въ прежнее время. Какіе только грѣхи и проступки не совершались во имя этой церкви! Какихъ только преступленій не было за много вѣковъ во имя ея. Содрогаешься, когда

думаешь объ этомъ. Христіанство не виновато, скажете вы. Конечно, нѣтъ. Но, насколько мало внушало оно своимъ прозелитамъ позорныя и гнусныя дѣянія, настолько же мало заставляло ихъ быть терпимыми и снисходительными. Это дается людямъ само собою. Во всѣ времена было много великихъ и благородныхъ людей, никогда небывшихъ христіанами, и это вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. И, не смотря на то, что въ вашихъ глазахъ я—не христіанка, я стараюсь слѣдовать примѣру Христа. Я стараюсь быть дѣйствительно снисходительной и терпимой. Но прежде всего я хочу быть правдивой, г. пасторъ.

— Если я точно васъ понимаю, то вы хотите мнѣ сказать, что ни христіанства въ моемъ смыслѣ, ни христіанской церкви намъ совсѣмъ не надо. Достаточно просто быть хорошими и благородными людьми.

— Приблизительно такъ. Я думаю, прежде всего, мы должны отдѣлить требованія нравственности отъ религіозныхъ убѣжденій и отъ ученія опредѣленной церкви. Они стоятъ совершенно внѣ какой бы то ни было церкви и одинаково обязательны для каждаго человѣка, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. Нравственные законы Будды и Магомета не ниже законовъ Христа. Человѣкъ хорошъ не потому, что христіанинъ, и не надо быть христіаниномъ, чтобы быть хорошимъ, христіаниномъ въ смыслѣ вашей церкви. Впрочемъ, здѣсь мы опять на почвѣ нашего безплоднаго спора. Мы хотѣли говорить о Мици Теденъ.

— Послѣ того, что вы мнѣ сказали, мы съ ней покончили,—возразилъ онъ съ горечью.—Вы не вѣрите въ спасеніе этой дѣвушки и не хотите протянуть ей руку помощи. Моя вѣра учитъ меня противному.

Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ встать, но опять сѣлъ.

— Нельзя же ее предоставить собственной судьбѣ,—сказалъ онъ послѣ короткой паузы.—Не понимаю, какъ можете вы соединять это съ вашими принципами. Я вѣдь знаю, что вы дѣлаете много хорошаго.

— Хорошаго? Какъ сказать?—Она задумчиво посмотрѣла передъ собой.—Я уже сказала вамъ, что стараюсь исполнять свои обязанности и ничего болѣе. Большаго никто сдѣлать не можетъ, это же должны дѣлать всѣ, къ какой бы религіозной сектѣ ни принадлежали... Это совсѣмъ не заслуга, а долгъ совѣсти, потребность натуры. Хорошо и дурно — понятія, придуманныя людьми, въ природѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. И вотъ поэтому-то я и думаю, что дѣвушка, которую вы хотите спасти, не можетъ быть спасенной, она не желаетъ быть спасенной. Она также слѣдуетъ своей натурѣ; натура влечетъ ее къ этому образу жизни, другого она не вы-

несетъ. Лучше постараться спасти другую, которой это, дѣйствительно, можетъ принести пользу. Ей же, напротивъ, можно только навредить и причинить еще худшія несчастья. Къ сожалѣнію, я пришла къ этому убѣжденію послѣ многократныхъ попытокъ. Впрочемъ, я не хотѣла бы вліять на ваше рѣшеніе. Меня Мици Теденъ всегда избѣгала, не желая идти по указанной мною дорогѣ. Можетъ быть, вы счастливѣе.

— Да, надѣюсь,— возразилъ Готхольдъ.—У васъ, думаю, не было вѣрнаго пути къ ея совѣсти. Вѣдь всѣ эти люди знаютъ, что вы сами не вѣрующая... Чтобы просвѣтить, надо сначала разбудить ихъ. Помимо Христа, они не найдутъ другого пути и ни за кѣмъ не пойдутъ, если Онъ не будетъ впереди ихъ.

Онъ замѣтилъ улыбку на ея губахъ и разсердился, хотя тутъ скорѣе была грусть, нежели насмѣшка.

— Вы не вѣрите мнѣ?—спросилъ онъ.—Вѣдь и по вашему, Бога и религію надо сохранить хоть бы для обездоленныхъ, сами вы не нуждаетесь ни въ томъ, ни въ другомъ, стоя на недосягаемой высотѣ вашихъ непреложныхъ наукъ.

Гельга невольно выпрямилась, глаза ея смотрѣли строже прежняго.

— Я не только оставляю каждому его Бога, но у меня есть и свой, г. пасторъ. И если это не вашъ, то еще не значитъ, что онъ не истинный. Для меня онъ—истинный. И ваша насмѣшка надъ наукой неумѣстна. Наука и вѣра нисколько не исключаютъ другъ друга, это двѣ параллельныя, независимыя области. Всякій научно-образованный человѣкъ можетъ вѣрить, какъ ему нравится; это его неотъемлемое право, и другой не долженъ его касаться... Слѣдовало бы, поэтому, оставить попытки навязывать человѣку религію, считая ее единственно истинной, и подтверждать это догматами. Также глупо и безполезно было бы, если бы наука стала оспаривать нашу религію, что не входитъ въ ея задачи и не по ея силамъ. Менѣе всего желала бы я лишить бѣдняковъ Бога, разъ они находятъ въ немъ миръ и утѣшеніе. Но, съ другой стороны, не могу ни понять, ни одобрить и вашихъ попытокъ въ рабочемъ кварталѣ.

— А! вы боитесь, что эти люди могутъ опять научиться любить своего Бога?—воскликнулъ онъ.—Почему же вы порицаете мои бесѣды съ ними о Немъ? Они Его, дѣйствительно, забыли, и я долженъ приблизить ихъ къ этому Богу. Лжепророки и лжеапостолы осквернили Его образъ, вырвали Его изъ сердца людей, а вы не позволяете мнѣ возстановить его, и алчущимъ, и жаждущимъ показать Его во всемъ блескѣ его красоты.

— Совсѣмъ нѣтъ,—возразила она еще спокойнѣе.—Я боюсь только, что вы пойдете дальше, г. пасторъ.

— Что же я могу сдѣлать еще?—Глаза его сверкали.

— Вы грозите этимъ людямъ вашимъ Богомъ. Это не только Богъ любви, чьимъ именемъ вы утѣшаете и успокаиваете, вы пугаете ихъ также Богомъ гнѣва и мщенія.

— А развѣ такого Бога нѣтъ?

— По моимъ убѣжденіямъ—нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ напомнить вамъ о священномъ писаніи... Вы съ нимъ, конечно, не знакомы.

— Я не только знакома, г. пасторъ, но это одна изъ моихъ любимѣйшихъ книгъ. Но все равно. Что намъ за дѣло теперь до Іеговы, какъ его за тысячи лѣтъ назадъ въ своемъ творчествѣ создавалъ далекій пастушескій народъ? Богъ, съ мелочными человѣческими слабостями, какъ месть и преслѣдованіе, для меня больше не Богъ; я боюсь унизить Его: Богъ долженъ быть воплощеніемъ высшихъ свойствъ.

— Сказано: мы должны *бояться* и любить Бога! — строго замѣтилъ Готхольдъ.

— Это сказалъ *человѣкъ*, г. пасторъ. Въ любви нѣтъ страха. И, по истинѣ, жалокъ тотъ, кто не грѣшитъ только изъ страха. Но вернемся къ людямъ, которыхъ вы хотите снова приблизить къ Богу. Боюсь, многимъ вы причините больше вреда, чѣмъ пользы, г. пасторъ, не подозрѣвая и не желая этого.

Онъ отрывисто и желчно засмѣялся.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что знаю этихъ людей лучше, чѣмъ вы. Страхомъ рѣдко можно у нихъ достигнуть хорошаго. Если имѣть дѣло только съ такими впечатлительными больными, какъ Мютцель...

— Развѣ Христосъ не пришелъ именно для несчастныхъ и больныхъ? Не долженъ ли я облегчить ей смерть вѣрой въ Него?

— Конечно, это доброе дѣло. Но, вмѣсто этого, вы только смутили и напугали ее, г. пасторъ. Вы вселили тысячу сомнѣній въ ея душу, и они грозятъ довести ее до фанатизма и религіознаго помѣшательства. Не лучше, а хуже стало съ тѣхъ поръ, какъ вы явились къ этимъ людямъ. Имъ нужно другое утѣшеніе.

— Вы говорите такъ, потому что я спасъ эту женщину отъ *вашего* вліянія,—возразилъ онъ съ раздраженіемъ.—Я это понимаю и надѣюсь, что скоро васъ постигнетъ то же и въ другихъ мѣстахъ. Вѣра, раскаяніе, пламенное ожиданіе Спасителя—все это, по *вашему*, фанатизмъ и помѣшательство. А библейскіе образы — призраки и миѳы. Къ чему мы такъ долго споримъ? Я вѣдь пришелъ сюда не для того, чтобы проповѣдывать вамъ. Придетъ и вашъ часъ, фрейлейнъ

Леръ, и съ рыданіемъ вы падете ницъ передъ живымъ Богомъ, и мнѣ это не страшно. Богъ не допускаетъ насмѣшки надъ собой. Этимъ кончается моя миссія здѣсь.

Онъ порывисто всталъ. Нервно перебирая руками, онъ схватилъ раскрытую передъ Гельгой книгу.

— „Жизнь безъ Бога",—прочелъ онъ. Горькая усмѣшка искривила его губы.—Вотъ *ваша* библія! И вы хотите накормить алчущихъ и напоить жаждущихъ. Какая польза этимъ людямъ оттого, что вы говорите имъ о Христѣ, сынѣ плотника, и отрицаете, что онъ Сынъ Божій? Вычеркните всѣ Его чудеса и божественное откровеніе, придайте этому Христу естественное происхожденіе, и что будетъ значить этотъ еврейскій равви для труждающихся и обремененныхъ?

Глаза Гельги засвѣтились нѣжнымъ блескомъ; она опиралась рукою на сердито брошенную имъ книгу и сказала, слегка повысивъ голосъ:

— А я спрашиваю, г. пасторъ: какъ можно было забыть въ Іисусѣ Христѣ—человѣка? Развѣ не понятно, что, какъ Богъ, Онъ перестаетъ быть для насъ образцомъ и примѣромъ? Какъ можемъ мы, слабые и несовершенные, стараться подражать Богу? И какъ уменьшается для насъ значеніе Его дѣлъ, Его мученическая смерть и даже вся жизнь Его, если относиться къ Нему, только какъ къ Богу. Для Бога, которому доступно невозможное, все это не велико и не достойно удивленія. Но когда *человѣкъ* живетъ, учитъ и страдаетъ, какъ Христосъ, то тогда, и только тогда, онъ можетъ вдохновить и воспламенить насъ; кроткая мудрость его можетъ насъ утѣшить и увлечь за собою. Богъ остается для насъ вѣчно недосягаемымъ, далекимъ, человѣкъ же проникаетъ въ нашу жизнь и нашу сущность въ своемъ лучезарномъ величіи... Никогда не позволятъ отнять у себя Христа алчущіе и жаждущіе, но этого человѣка церковь никогда не хотѣла и не хочетъ дать имъ. Его они научились бы любить, и страхъ тутъ не можетъ быть стимуломъ. Церковь сама прегрѣшила въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи!

Готхольдъ слушалъ все болѣе и болѣе увлекавшуюся дѣвушку, съ горькой улыбкой на устахъ, опустивъ глаза, и нетерпѣливо стучалъ пальцами по столу. Теперь онъ поднялъ взоръ и посмотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо и горѣвшіе глаза.

— Вы хорошій адвокатъ для проиграннаго дѣла, фрейлейнъ Леръ,—сказалъ онъ апатично—Вы, конечно, понимаете, что сегодня я отказываюсь отъ попытки возражать вамъ. Я могу только повторить, что сказалъ раньше: и *вашъ* часъ пробьетъ, и вы увидите Господа въ Его величіи. Прошу извинить меня: я такъ долго утруждалъ васъ.

Онъ холодно поклонился съ нѣкоторымъ смущеніемъ: Гельга удивилась: что это—бѣгство, или онъ считаетъ, что бороться съ ней не стоитъ труда и недостойно его?

— Какъ же вы рѣшили съ этой дѣвушкой... съ Мици Теденъ?—спросила она.

— Я возьму ее, вѣроятно, къ себѣ въ домъ.

— А!—Она ничего не прибавила къ своему восклицанію. Онъ собрался уже уйти, какъ въ калитку вошелъ докторъ Леръ. Какъ всегда, онъ очень торопился и смотрѣлъ внизъ. Но своими маленькими щурящимися, косыми глазами онъ отлично видѣлъ все. Они почти столкнулись другъ съ другомъ, и Готхольдъ, поклонившись, отошелъ въ сторону.

— Пасторъ фонъ-Венденъ, отецъ,—сказала Гельга.

Докторъ Леръ не обнаружилъ никакого удивленія. Онъ никогда ничему не удивлялся, и своимъ скрипучимъ глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Я уже видѣлъ васъ у швеи... Сегодня мы хоронили ее. Соберутся ли вмѣстѣ ея membra disjecta, когда прозвучитъ труба католическаго или протестантскаго страшнаго суда, не знаю. Это дилемма.

— Господь не пожелалъ, чтобы она отпала отъ религіи, въ какой была крещена, г. докторъ. Онъ призвалъ ее къ себѣ раньше, чѣмъ она отреклась отъ Него.

— Да? Мнѣ это безразлично. Лучше бы этому бѣдному существу привили больше здоровья, чѣмъ религіи,—сказалъ онъ желчно.—Если бы ей можно было прописать то, въ чемъ она нуждалась, она жила бы еще. Большинство живетъ же. Нечего сказать: удовольствіе считаться такъ называемымъ врачомъ и спасителемъ человѣчества!

Онъ сердито направился къ дому.

— Что вы подразумѣваете, докторъ, подъ возможностью назначать людямъ то, въ чемъ они нуждаются?—спросилъ Готхольдъ.

Маленькій коренастый человѣкъ обернулся, сдвинувъ шляпу на затылокъ, затѣмъ подперся руками въ бока, вызывающе посмотрѣлъ Готхольду въ лицо и отвѣтилъ:

— Слѣдовало бы на рецептѣ всегда писать: recipe: деньги... деньги... и деньги! Разумѣете? *Это* было бы панацеей отъ всѣхъ болѣзней этихъ людей, и больше имъ ничего не было бы нужно.

— Вы хотите сказать, что многіе изъ нихъ погибаютъ отъ нищеты?

— Многіе?! Говорите смѣло: большинство, милостивый государь! Прописываемыя мною лѣкарства имъ можно подарить, если они не въ состояніи купить ихъ. Но аптекарскія снадобья сами по себѣ ни къ чему! Необходимы: хорошій

уходъ, хорошая пища, хорошій воздухъ, покой, — словомъ, полнѣйшее измѣненіе образа жизни, удобства, отсутствіе заботъ, все, что могутъ создать себѣ люди богатые,—какъ это пропишешь? Все остальное—шарлатанство, надувательство, обманъ. Я пишу рецепты, чтобы успокоить себя, понимаете? Другого значенія они не имѣютъ. Я вѣдь знаю, что это не поможетъ, что, несмотря на всѣ пилюли и микстуры, они погибнутъ отъ работы, отъ своего питанія, зараженнаго воздуха и отъ полнаго презрѣнія къ гигіенѣ. И всетаки я, несчастный лгунъ и обманщикъ, откупаюсь и позволяю называть себя спасителемъ и благодѣтелемъ бѣдныхъ. Чего добраго, если счастье не измѣнитъ, мнѣ еще удастся такимъ путемъ пробраться на небеса!

Онъ громко расхохотался и, не поклонившись, быстро прошелъ въ домъ.

— Берите его, какъ онъ есть,—сказала Гельга, замѣтивъ, что Готхольдъ растерянно смотритъ ему вслѣдъ.—Противорѣчіе между тѣмъ, что онъ можетъ, и тѣмъ, что хотѣлъ бы сдѣлать, точитъ его, какъ червь. Онъ лучшій и добрѣйшій изъ людей, поэтому-то и старается казаться сердитымъ. Противорѣчія въ мірѣ не даютъ ему быть спокойнымъ.

— Если бы въ душѣ его жилъ Спаситель, отецъ вашъ нашелъ бы миръ,—сказалъ тихо Готхольдъ, протянувъ дѣвушкѣ руку.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ замѣтилъ издали Курта Вельманна. Они узнали другъ друга и на мгновеніе смутились; каждый, казалось, хотѣлъ разгадать по направленію путь, откуда идетъ другой. Оба нахмурились. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ они какъ бы обдумывали, не заговорить ли, но, холодно раскланявшись, поспѣшно прошли мимо. Въ концѣ улицы Готхольдъ не могъ не оглянуться и увидѣлъ, что Куртъ Вельманнъ зашелъ въ домъ Лера. Что-то горькое, завистливое, враждебное, въ чемъ онъ не могъ дать себѣ отчета, поднялось въ немъ.

„Но почему же нѣтъ?—подумалъ онъ.—Эти люди новаго времени подходятъ другъ къ другу: онъ—отставной кандидатъ теологіи, она—язычница“.

Онъ пошелъ быстрѣе.

На кладбищѣ, вблизи низкой ограды, онъ замѣтилъ свѣжую могилу. На ней лежалъ большой вѣнокъ изъ незабудокъ и розъ. Возлѣ могилы, въ сумеркахъ сѣраго дня, стояла на колѣняхъ темная фигура. Готхольду она показалась знакомой. Онъ вспомнилъ, что сегодня похоронили бѣдную швею изъ дома „за башней“, какъ сообщилъ только что докторъ Леръ. Молившійся на могилѣ былъ совершенно погруженъ въ свое горе и точно исчезъ въ окружающей его сѣрой тиши и

уединенiи. Молился патеръ Бенедиктъ Гегелеръ, и молился объ еретичкѣ. Молится ли онъ, чтобы Отецъ небесный все же спасъ ее? И какая таинственная связь между католическимъ священникомъ и бѣдной протестантской швеей? Готхольду вспомнилось, какъ пасторъ Гадебушъ въ первый разъ мрачно вопрошалъ его: что же есть истина? А Гельга Леръ говорила ему, что нѣтъ другой религiи, кромѣ обязанностей, одинаковыхъ для всякаго человѣка, какую бы вѣру онъ ни исповѣдывалъ. Почему это вспомнилось ему? Дурной пастырь и дочь грубаго атеиста,—что ему за дѣло до нихъ, и чему онъ можетъ у нихъ научиться? Онъ служитъ только единовѣрному Сыну Божiю и возвѣщаетъ вѣчную истину его ученiя. Между ними нѣтъ ничего общаго. И всетаки, всю дорогу до дома Готхольдъ не могъ онъ отдѣлаться отъ образа одинокаго, погруженнаго въ горе священника у свѣжаго могильнаго холма. А въ ушахъ у него звучали слова пастора Гадебуша: „онъ болѣе, чѣмъ священникъ, онъ человѣкъ". Человѣкъ? Развѣ это нѣчто высшее? Куда хотятъ они увлечь его своими ложными умствованiями? Онъ остановился среди улицы и посмотрѣлъ вверхъ. Сердце его наполнилось святымъ экстазомъ.

„Нѣтъ,—думалъ онъ,—никакихъ компромиссовъ съ отступниками и съ заблудшими! Бороться, страдать и умереть за тебя, Господи, ибо только Ты одинъ есть Истина и жизнь!

XI.

Чтобы закончить постройку церкви, рѣшено было устроить благотворительный базаръ и живыя картины. Такимъ путемъ долженъ былъ уладиться споръ между коммерцiи совѣтникомъ фонъ-Виллингомъ и большинствомъ членовъ городского самоуправленiя. Самъ коммерцiи совѣтникъ подалъ эту мысль. Для него было важно поскорѣе окончить постройку, чтобы развязать себѣ руки для дальнѣйшихъ предпрiятiй. Его охватило почти лихорадочное нетерпѣнiе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ заговорили о предстоящемъ прiѣздѣ императора, по случаю большихъ осеннихъ маневровъ въ окрестностяхъ, онъ не зналъ покоя: ждали, что высокiй гость непремѣнно посѣтитъ и промышленный центръ. До этого посѣщенiя нужно, по крайней мѣрѣ, хоть на планѣ изобразить проектируемое расширенiе заводовъ, чтобы монархъ, могъ получить впечатлѣнiе отъ исполинскаго предпрiятiя патрiотическое значенiе котораго было очевидно При опредѣленномъ сочувствiи отечественной промышленности и стремленiи конкуррировать съ другими странами, въ особен-

Памяти П. Л. Лаврова.

25 января нынѣшняго года исполнилось пять лѣтъ со дня смерти одного изъ самыхъ яркихъ и благородныхъ представителей русской общественной мысли XIX вѣка, Петра Лавровича Лаврова. Скончался П. Л. Лавровъ на далекой чужбинѣ, вдали отъ родины, отъ которой онъ былъ насильно оторванъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, и смерть его,—огромная потеря не только для Россіи, но и для всего мыслящаго человѣчества, — прошла, какъ и смерть многихъ великихъ русскихъ людей, какъ смерть Пушкина и Бѣлинскаго, Герцена и Чернышевскаго, подъ покровомъ обычнаго у насъ вынужденнаго безмолвія. Кромѣ коротенькой, въ полторы строчки, телеграммы агентства, могли быть помѣщены въ передовыхъ органахъ печати лишь небольшіе, академически-холодные некрологи, изъ которыхъ было тщательно вытравлено все, что составляло самое яркое въ жизни и дѣятельности Лаврова...

Пять лѣтъ прошло съ того времени, какъ яркій свѣточъ разума погасъ и великое сердце биться перестало, и пора уже, кажется, снять печать молчанія съ его имени и памяти, съ его хотя бы чисто научныхъ трудовъ...

Изложеніе и разборъ, какъ философско-соціологическихъ теорій, такъ и соціально-политическихъ ученій Лаврова должны быть предметомъ спеціальныхъ и обширныхъ статей. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены дать лишь краткую характеристику личности и отчасти дѣятельности этого замѣчательнаго по своему нравственному величію, по своей умственной мощи и душевной красотѣ выразителю мысли и духа.

Въ общественномъ движеніи второй половины XIX вѣка Лаврову принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Какъ ученый, онъ выдавался большимъ творческимъ умомъ и положительно колоссальными знаніями. Какъ общественный дѣятель, онъ принадлежалъ къ тому типу „вождей“, которые бываютъ „властителями думъ“ цѣлыхъ поколѣній.

Мѣсто „властителя думъ“ Лавровъ занялъ скоро послѣ своего выступленія на арену литературно-общественной дѣятельности. Его „Историческія письма“, появившіяся въ 1869 г., произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ. „Историческія письма“— говоритъ біографъ Лаврова,—„были настольной книгой, Евангеліемъ молодежи въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ годовъ, да и теперь многія мысли „Писемъ“ вошли въ обиходъ всякаго образованнаго и порядочнаго человѣка въ Россіи... Ахъ, надо было жить въ 70-ые годы, въ эпоху движенія въ народъ, чтобы видѣть вокругъ себя удивительное вліяніе, произведенное „Историческими Письмами“. Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ, и на нее падали, при чтеніи ночью, наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безмѣрною жаждою жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ... И какъ радостно трепетали наши сердца, въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично незнакомаго, но родного нашей мысли, далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ своего ученія „добраго учителя“, призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія“.

Лавровъ остался „учителемъ“ и для послѣдующихъ поколѣній, остался имъ для многихъ и многихъ, даже тогда, когда начались совершенно новыя теченія общественной мысли. Даже въ эпоху наивысшаго расцвѣта марксизма Лавровъ оставался представителемъ русской общественной мысли передъ всѣмъ міромъ, оставался окруженнымъ ореоломъ величія, глубокимъ уваженіемъ и всеобщей любовью. Не только единомышленники, но даже идейные противники, даже враги не могли не преклоняться передъ этой, какъ алмазъ, твердой въ своихъ убѣжденіяхъ и, какъ алмазъ, чистой личностью, которая не понимала компромиссовъ, не понимала иного счастья, какъ беззавѣтное служеніе высшимъ идеаламъ человѣчества.

Какъ нравственная личность, Лавровъ достигъ рѣдкаго совершенства. Человѣкъ съ непреклонной силою воли, съ поразительно цѣльной натурой, съ высоко развитымъ сознаніемъ нравственнаго долга, Лавровъ сумѣлъ осуществить въ своей личной жизни высшій этическій идеалъ, который онъ выдвинулъ, какъ рычагъ прогресса, и который онъ опредѣлилъ словами: „жить согласно своимъ сознательно выработаннымъ убѣжденіямъ“.

Одинъ изъ близкихъ Лаврову людей даетъ слѣдующую характеристику нравственной личности Лаврова: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, — пишетъ онъ, — что сознаніе нравственнаго долга составляло самую сущность натуры Лаврова и сохранила у него идеальную высоту религіознаго культа вплоть до послѣдней минуты жизни. Неутомимыя стремленія къ научной истинѣ въ теоріи и столь же неутомимыя стремленія къ нравственной дѣятельности

на практикѣ сплетались въ этой необыкновенно цѣльной натурѣ до того тѣсно и неразрывно, что чрезвычайно трудно было отдѣлить объективнаго ученаго отъ субъективнаго моралиста. Будущій историкъ умственнаго и нравственнаго движенія нашей эпохи укажетъ на почетное мѣсто, занимаемое нашимъ первокласснымъ русскимъ философомъ-соціалистомъ въ Пантеонѣ великихъ мыслителей XIX вѣка".

Этотъ же самый близкій Лаврову человѣкъ передаетъ, какое впечатлѣніе Лавровъ произвелъ на „одного русскаго доктора, типичнаго скептика fin de siècle", случайно попавшаго на собраніе, на которомъ Лавровъ произнесъ рѣчь. Этотъ докторъ „слушалъ, затаивъ дыханіе, и къ концу не могъ удержаться отъ слезъ". „На вопросъ, что его растрогало, онъ отвѣтилъ:—„Этотъ замѣчательный старикъ обладаетъ удивительной силой внушенія: онъ однимъ своимъ видомъ пробуждаетъ гражданскія чувства и его рѣчь дѣйствуетъ какимъ-то специфическимъ образомъ на больную совѣсть русскаго интеллигента. Я—индифферентистъ неисправимый и ни во что не вѣрю, но этого вечера никогда не забуду. Для болѣе же воспріимчивыхъ субъектовъ, вѣрующихъ въ человѣчество, особенно для молодежи, этотъ архимандритъ русскаго движенія положительно опасенъ. Онъ можетъ воодушевить на самыя героическія жертвы, на самыя отчаянныя предпріятія"...

Основными чертами характера Лаврова были глубокая и строгая правдивость, искренность и простота. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отличался поразительной скромностью, граничившей иногда чуть ли не съ робостью. Эта скромность сказывалась особенно ярко въ его научныхъ трудахъ. Не смотря на свои огромныя, положительно энциклопедическія знанія, онъ въ своихъ философскихъ и соціологическихъ произведеніяхъ почти никогда не позволялъ себѣ выставлять догматическихъ положеній. „Кажется", „есть основаніе думать", „можно полагать", „очень вѣроятно", „мы, можетъ быть, не ошибемся, если скажемъ" и т. п.—этими выраженіями сопровождаются почти всѣ его научныя опредѣленія.

Очень характерно было и отношеніе Лаврова къ своей литературной дѣятельности. Въ ней онъ видѣлъ исключительно только средство, орудіе для осуществленія своего идеала—и ничего больше. Въ его мысляхъ понятіе о его литературной дѣятельности совершенно не связывалось съ понятіемъ о правахъ собственности на его труды или съ понятіемъ о „литературномъ имени". „Изъ того, что та или другая мысль зародилась въ моей головѣ,—замѣтилъ онъ однажды,—что я ее разработалъ и высказалъ, еще совершенно не вытекаетъ, что она обязательно должна носить мое имя. Суть не въ этомъ, а въ томъ, чтобы высказанная идея, если она полезна для человѣчества,

получила возможно большее распространеніе". Поэтому-то Лавровъ, испытывая глубокое нравственное удовлетвореніе при видѣ, какъ соціологическія теоріи субъективнаго метода, роли личности въ исторіи, теоріи прогресса и нравственности широко популяризируются въ Россіи, совершенно не замѣчалъ, что эти теоріи часто всецѣло приписывались другимъ и его имя при этомъ забывалось. Свои многочисленныя статьи въ журналахъ и газетахъ Лавровъ подписывалъ каждый разъ другимъ псевдонимомъ *), а часто и совершенно не подписывалъ ихъ. Съ большой готовностью предоставлялъ онъ въ полное распоряженіе товарищей свои рукописи, разрѣшая пользоваться ими для литературныхъ работъ. Съ такою же готовностью передавалъ онъ другимъ свои идеи и литературные планы. Какъ часто прерывалъ онъ работу надъ своимъ капитальнымъ трудомъ, „Опытъ исторіи мысли", чтобы заняться злободневной литературной работой, чтобы отвѣтить на интервью, произнести рѣчь на собраніи и т. п.

Одинъ изъ друзей Лаврова какъ-то спросилъ его:

— Почему, Петръ Лавровичъ, вы, при вашемъ математическомъ умѣ, не посвятили себя политической экономіи?

— А видите-ли,—былъ отвѣтъ:—я всегда ставилъ себѣ правиломъ писать не только по предметамъ, лично занимающимъ меня, но и по тѣмъ, которые могутъ принести наибольшую пользу читателямъ. Я видѣлъ, что политическая экономія была въ хорошихъ рукахъ у Чернышевскаго; по исторіи же и философіи у насъ писалось и мало, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ я и взялся за эти, находившіяся въ загонѣ вещи.

Лавровъ отличался поразительнымъ трудолюбіемъ и умѣніемъ работать. Ежедневно аккуратно въ $7^1/_2$ часовъ утра онъ уже сидѣлъ у письменнаго стола и работалъ безъ перерыва 4—5 часовъ. Затѣмъ, до 11-ти часовъ ночи онъ читалъ, не теряя ни минуты напрасно. Количество прочитываемаго имъ печатнаго матеріала было положительно огромно. Въ послѣдніе годы онъ получалъ три французскія газеты, двѣ нѣмецкія, одну англійскую и двѣ русскія; получалъ онъ восемь ежемѣсячныхъ научныхъ и литературныхъ журналовъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и пять русскихъ журналовъ („Вѣстникъ Европы", „Русское Богатство", „Русскую Мысль", „Міръ Божій" и „Этнографическое Обозрѣніе"). И все это онъ

*) Приведемъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ намъ псевдонимовъ Лаврова. Кромѣ иниціаловъ: П. Л. Л., П. Л., П. Л—въ, Л., онъ подписывалъ свои статьи псевдонимами: П. Миртовъ, П. М—въ, П. М., П. Кедровъ, П. Угрюмовъ, П. Уг—мовъ, П. У., П. Стоикъ, П. Щукинъ, П. Крюковъ, С. Кошкинъ, Ольгинъ, П. П—скій, П. Э., С. С. Арнольди и др. Такія статьи, какъ „Цивилизація и дикія племена" „До человѣка", „Современныя ученія о нравственности", и многія другія появились безъ подписи.

добросовѣстно прочитывалъ. Онъ даже находилъ время просматривать фельетонные романы въ газетахъ.

Лавровъ глубоко интересовался и искусствомъ, любилъ и тонко понималъ его. Онъ не пропускалъ ни одного выдающагося литературно-художественнаго произведенія, чтобы не прочесть его, не пропускалъ ни одной значительной художественной выставки, чтобы не побывать на ней и, пока силы позволяли ему, обязательно посѣщалъ оперу и драматическіе театры каждый разъ, когда на нихъ ставилась какая-нибудь новая выдающаяся вещь, когда выступала новая крупная артистическая сила. И его художественная оцѣнка, отзывы и замѣчанія всегда отличались тонкимъ пониманіемъ и оригинальностью.

Лавровъ обладалъ замѣчательно здоровымъ организмомъ. Онъ во всю жизнь не перенесъ ни одной серьезной болѣзни, крайне рѣдко недомогалъ и, при своемъ безпрерывномъ, усиленномъ умственномъ трудѣ, не зналъ утомленія. Голова у него постоянно была свѣжая, онъ никогда не испытывалъ головной боли, не былъ подверженъ даже сильному угару. Память у Лаврова была феноменальная. Онъ помнилъ людей, которыхъ только встрѣчалъ разъ или два много лѣтъ раньше, помнилъ даты, событія, происшедшія полстолѣтія назадъ. Помнилъ онъ наизусть много стихотвореній, заученныхъ имъ въ дѣтствѣ и юности и любилъ декламировать ихъ въ интимномъ кругу. Но особенно поразительна была его память на то, что онъ читалъ, и на внѣшность книгъ. Онъ помнилъ всѣ книги своей библіотеки—а ихъ у него было около десятка тысячъ,—помнилъ названія, форматъ, годъ изданія, цвѣтъ обложки или переплета, помнилъ, въ какой комнатѣ, на какой полкѣ книжка находится. Бывало, придетъ къ нему кто-нибудь посовѣтоваться на счетъ литературной работы. Изъ какой бы области, по какой бы спеціальности работа эта ни была, спрашивавшій могъ быть увѣреннымъ, что П. Л. дастъ ему точный совѣтъ, какъ къ ней приступить, на что обратить особенное вниманіе и при этомъ укажетъ на лучшіе источники, на самую новѣйшую литературу даннаго вопроса, а большей частью предложитъ и книги изъ своей библіотеки. Подобныя бесѣды обыкновенно заканчивались приблизительно слѣдующими словами:

— Самая интересная для вашей работы книга—это такая-то. Она должна у меня находиться, но я уже лѣтъ 10 или больше не имѣлъ ея въ рукахъ. Поищите ее въ моемъ рабочемъ кабинетѣ. Посмотрите на право отъ письменнаго стола, въ колоннѣ между двумя дверьми, на третьей полкѣ. Книжка небольшая, немного подержанная, безъ переплета, въ сѣрой обложкѣ...

И книжка оказывалась какъ разъ на означенномъ мѣстѣ и въ описанномъ видѣ.

Съ перваго взгляда П. Л. Лавровъ казался нѣсколько суровымъ. Въ его характерѣ, въ самомъ дѣлѣ, не было ни сентимен-

тальной мягкости, ни особенной чувствительности. Глубокая нѣжность, на которую была способна его натура, обыкновенно строго сдерживалась и скрывалась имъ и прорывалась она только въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще, мысль у него постоянно властвовала надъ чувствомъ. Но мысль его была настолько высокая, благородная и человѣчная, что она, большей частью, вполнѣ замѣняла чувство, опережала его. Благодаря этому, отношеніе Лаврова къ людямъ было глубоко внимательное, крайне осторожное, одновременно и участливое, и тактичное. И это вызывало къ нему глубокое довѣріе всѣхъ, кто его зналъ, безъ различія направленія, степени развитія, возраста и общественнаго положенія. Къ нему прибѣгали и за совѣтомъ и за помощью, и по общественнымъ и по личнымъ дѣламъ; къ нему молодая душа приносила свои первые порывы, свои колебанія и сомнѣнія; къ нему приходили за рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ теоріи и практики жизни; у него искали облегченія при личномъ горѣ. Прибѣгали къ нему нерѣдко и за протекціей въ литературномъ и ученомъ мірѣ, гдѣ онъ имѣлъ большія связи, и за матеріальной помощью. И онъ всегда всѣхъ выслушивалъ терпѣливо, внимательно, вдумчиво, давалъ подробные отвѣты и совѣты, высказывалъ свое мнѣніе, и, въ чемъ только могъ, оказывалъ свою помощь рекомендаціей, личнымъ трудомъ или деньгами, причемъ онъ это дѣлалъ такъ просто и съ такимъ тактомъ, что получавшій помощь не испытывалъ ни малѣйшей неловкости. Особенно широко и свободно пользовалась русская колонія въ Парижѣ богатой и обширной библіотекой Лаврова, которая была открыта почти для всякаго. Не особенно-то аккуратная въ отношеніи книгъ, русская публика сильно злоупотребляла этой привилегіей: масса книгъ не возвращалась. Нѣкоторыя изданія, какъ сочиненія Щедрина, Толстого, Михайловскаго, до 10 разъ выписывались Лавровымъ—и каждый разъ исчезали. Это, однако, не заставило его ограничить выдачу книгъ даже малознакомымъ лицамъ.

Съ внѣшней стороны жизнь Лаврова была поразительно регулярна и скромна. Онъ не позволялъ себѣ ничего, кромѣ самаго необходимаго. Жилъ онъ въ дешевенькой квартирѣ въ три комнаты, всѣ стѣны которыхъ были сплошь уставлены книгами. Постоянной прислуги у него не было, только утромъ приходила женщина убирать и приносила пару яицъ для завтрака. Обѣдать онъ ходилъ пѣшкомъ въ средней руки ресторанъ—и дороже, чѣмъ на 50 коп., никогда не обѣдалъ. Утреннее кофе, какъ и чай вечеромъ онъ самъ себѣ готовилъ на спиртовой лампочкѣ. И это въ 70—75 лѣтъ.

Пріѣзжавшая въ Парижъ русская молодежь не только преклонялась передъ геніемъ и личностью Лаврова, но и любила его какъ то нѣжно и горячо, какъ родного. И эта любовь высказывалась въ очень трогательной формѣ. Въ день рожденія Петра

Лавровича (2 іюня), какъ и въ день новаго года, его небольшая квартирка превращалась положительно въ цвѣтникъ. Ѣздившіе домой студенты и студентки по возвращеніи прежде всего прибѣгали къ П. Л. и наиболѣе близкіе къ нему, которыхъ онъ называлъ „пріятелями“, привозили ему „русскій чай“, русскую пастилу или (высшій подарокъ) гречневую крупу для каши (въ Парижѣ этой крупы нѣтъ). Получалъ Лавровъ время отъ времени „русскій чай“ и изъ далекой Сибири—и эти подарки его больше всего радовали. Особенно глубоко растрогало и взволновало до слезъ Лаврова, когда онъ получилъ въ подарокъ изъ Сибири, изъ одной каторжной тюрьмы, его собственный портретъ, прекрасно нарисованный углемъ одною, лично незнакомою ему, политической каторжанкой. Лавровъ цѣлый мѣсяцъ не могъ успокоиться, показывалъ всѣмъ этотъ драгоцѣнный подарокъ и держалъ его постоянно въ своей спальнѣ на столѣ. Вообще къ „далекой Сибири“ чаще всего устремлялись мысли и чувства Лаврова. Трогательная подробность: русскій новый годъ Лавровъ встрѣчалъ въ 12 часовъ ночи не по парижскому, но по сибирскому времени, приблизительно въ $10^1/_4$ час. вечера.

Но самую глубокую, самую сильную любовь Лавровъ питалъ къ родинѣ. Въ его отношеніи къ Россіи, къ русскому народу было что-то невыразимо нѣжное и болѣзненное. Не смотря на долголѣтнюю жизнь на чужбинѣ, онъ оставался до послѣдняго дня связаннымъ всѣми фибрами души съ Россіей. Онъ, въ полномъ смыслѣ слова, жилъ ея жизнью, страдалъ ея муками, горѣлъ ея стыдомъ, болѣлъ ея тоской. Съ какимъ трепетнымъ вниманіемъ, съ какой тревогой слѣдилъ онъ за всѣмъ, что происходило въ Россіи, съ какимъ замираніемъ сердца прислушивался онъ ко всякому доходившему оттуда слуху, съ какой настойчивостью распрашивалъ онъ всякаго, пріѣзжавшаго изъ Россіи, о его наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ, стараясь уловить въ этихъ разсказахъ біеніе далекой отъ него пространственно, но столь близкой и родной жизни. И какъ онъ болѣлъ душой, что больше не увидитъ родины!

Въ своихъ „Историческихъ письмахъ“, Лавровъ, говоря о націонализмѣ и любви къ родинѣ, опредѣляетъ „истинный патріотизмъ“, какъ стремленіе сдѣлать свою націю, свой народъ самымъ передовымъ и самымъ могучимъ факторомъ человѣческаго прогресса. И въ этомъ смыслѣ Лавровъ былъ самымъ страстнымъ, самымъ дѣятельнымъ патріотомъ Россіи.

Физическій обликъ Лаврова вполнѣ гармонировалъ съ его духовной личностью. Его высокая, мощная и величественная фигура всегда и вездѣ выдѣлялась изъ окружающей толпы. Въ этой фигурѣ и во всѣхъ движеніяхъ П. Л—ча было много сознанія собственнаго достоинства, много внутренней силы и величія. Львиная голова съ длинными сѣдыми волосами, большая сере-

бряная борода, добродушно-грозные усы, громадный открытый лобъ безъ морщинъ и крупный славянскій носъ съ рѣзкой складкой у переносицы. И эти черты освѣщались, одухотворялись блескомъ нѣсколько близорукихъ, но совершенно молодыхъ глазъ, полныхъ жизни и мысли. Было что-то величественное и въ то же время апостольски-простое во всей фигурѣ и въ лицѣ этого великаго мыслителя-гражданина.

Біографія П. Л. Лаврова не богата эффектными и трагическими эпизодами. Это была 76-ти лѣтняя жизнь, полная неутомимаго, безпрерывнаго труда и бѣдная радостями и счастьемъ личнаго характера. Конечно, въ сравненіи съ участью его товарищей и друзей цѣлыхъ трехъ поколѣній,—жизнь Лаврова можетъ считаться счастливо сложившейся, спокойной, чуть-ли не безмятежной. Сколько, однако, было въ ней невидимыхъ для міра слезъ, горя и душевныхъ мукъ! Взять хотя бы эту 30-ти лѣтнюю жизнь въ изгнаніи, вдали отъ родины, которую Лавровъ такъ глубоко и беззавѣтно любилъ. И какъ прожилъ онъ эти годы! Чуть-ли не каждый день приходилось ему мысленно провожать близкихъ и дорогихъ на тернистый путь, съ котораго нѣтъ возврата... А эти десятилѣтія мрачнаго застоя и реакціи, когда „открыто рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“, когда ренегатство и предательство сдѣлались чуть ли не заурядымъ явленіемъ, когда Россія казалась бездыханнымъ трупомъ! Какъ сильно и вѣрно обрисованы личность и душевное состояніе Лаврова въ слѣдующихъ замѣчательныхъ строфахъ извѣстнаго поэта, написанныхъ еще при жизни Лаврова:

Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ!
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!..

...И сколько отважныхъ бойцовъ безъ упрека
Въ слезахъ проводилъ ты, какъ нѣжная мать,
Въ тотъ путь неизвѣстный, далеко, далеко...
И многихъ ли... многихъ ли обнялъ опять?..

Какъ старое дерево, вѣтви роняя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя,
Душа молодая восторгомъ горитъ...

Петръ Лавровичъ Лавровъ родился 2/14 іюня 1823 года въ селѣ Мелеховѣ, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ., въ помѣщичьей семьѣ. Отецъ Петра Лавровича, Лавръ Степановичъ, полковникъ въ отставкѣ, былъ очень начитаннымъ и образованнымъ для своего времени человѣкомъ. Въ его богатой библіотекѣ нахо-

дились такія вольнодумныя книги, какъ сочиненія Вольтера и „Большая энциклопедія". Молодой Лавровъ, начавшій читать чуть-ли не съ четырехъ-лѣтняго возраста, къ четырнадцати годамъ уже зналъ три европейскіе языка, читалъ въ подлинникѣ лучшихъ представителей всемірной литературы, занимался усердно исторіей и математикой и пописывалъ стихи. Четырнадцати лѣтъ онъ былъ отданъ въ артиллерійское училище, гдѣ вокругъ него вскорѣ сгрупировался кружокъ изъ наиболѣе выдающихся учениковъ, которые начали усердно работать надъ своимъ развитіемъ. Въ училищѣ Лавровъ потихоньку прочитываетъ исторію французской революціи и проникается энтузіазмомъ къ идеямъ свободы. Въ училищѣ же онъ знакомится, по книгѣ Отто, съ католическимъ соціализмомъ. Однажды, когда Лавровъ пріѣхалъ на каникулы домой, отецъ далъ ему прочесть „агрономическій учебникъ" съ какими-то „странными отступленіями". „Учебникомъ" этимъ оказался „Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи" Фурье. Молодой офицеръ добросовѣстно прочелъ „учебникъ" и серьезно задумался надъ его странными отступленіями...

На литературное поприще, какъ философъ и соціологъ, Лавровъ выступилъ поздно, въ серединѣ 50-хъ годовъ. Но до этого онъ уже получилъ значительную извѣстность, хотя и въ ограниченномъ кругу, какъ стихотворецъ. Стихи Лаврова, проникнутые гражданскими мотивами, были слишкомъ радикальны, чтобы попасть въ печать. Но они широко распространялись въ спискахъ и ими зачитывались. Очень характерно, что въ самую мрачную пору николаевской эпохи Лавровъ смотрѣлъ бодро впередъ, вѣря въ будущность Россіи...

Первая серьезная работа Лаврова, статья о философіи Гегеля, появилась въ 1856 г. въ „Библіотекѣ для чтенія". Вскорѣ Лавровъ началъ помѣщать свои статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ", которыя редактировались тогда Краевскимъ подъ главнымъ руководствомъ Дудышкина.

Останавливаясь на этомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, Лавровъ впослѣдствіи писалъ: „Я былъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ" и редакторомъ „Энциклопедическаго Словаря". Меня считали очень умѣреннымъ. Въ „Современникѣ" и „Русскомъ Словѣ" печатались противъ меня статьи"... „Мои личныя и литературныя сношенія въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ не вызывали большой близости между мною и тою радикальною группою литераторовъ, которая въ это время имѣла самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы... Я очень хорошо зналъ, что мои работы пріобрѣли мнѣ между сторонниками самыхъ боевыхъ литературныхъ группъ скорѣе репутацію „умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго, кабинетнаго дѣятеля". Я зналъ, что даже мои личные пріятели, принадлежавшіе къ этой группѣ, отсовѣтовали тог-

дашней редакціи „Недѣли“ помѣщать въ этомъ журналѣ рядъ моихъ статей, которыя были озаглавлены „Историческія письма“.

Скоро однако эти отношенія измѣнились, Лавровъ былъ приглашенъ въ сотрудники „Современника“, а Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, давъ, между прочимъ, прекрасную статью объ Евангеліяхъ. Въ это же время Лавровъ познакомился съ Чернышевскимъ, который, какъ и Писаревъ, и раньше причислялъ Лаврова къ разряду „прогрессивныхъ писателей“.

Еще съ 1861 г. начальство начало косо поглядывать на Лаврова, и въ 1866 г., сейчасъ послѣ выстрѣла Каракозова, Лавровъ былъ арестованъ. Не смотря на то, что онъ былъ совершенно не причастенъ къ Каракозовскому дѣлу и противъ него никакихъ уликъ не было, онъ былъ преданъ военному суду. Судъ призналъ его виновнымъ въ сочиненіи 4-хъ революціонныхъ стихотвореній, въ сочувствіи и близости къ людямъ, извѣстнымъ правительству своимъ преступнымъ направленіемъ (Чернышевскій, Михайловъ и др.) и въ „проведеніи вредныхъ идей путемъ печати“. Результатомъ этого было, что Лавровъ былъ уволенъ со службы (въ чинѣ полковника) и сосланъ въ глухой городишко Кадниковъ, Вологодской губ. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, которые Лавровъ провелъ въ этомъ городишкѣ, онъ много работалъ, сотрудничая, подъ разными псевдонимами, преимущественно въ „Недѣлѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ новой, Некрасовской редакціи. За это время имъ были написаны, кромѣ массы небольшихъ статей, такія значительныя работы, какъ „Цивилизація и дикія племена“, „О нравственности“ и „Историческія письма“. Эти послѣднія печатались въ Недѣлѣ за 1868 и 1869 г., а затѣмъ вышли въ переработанномъ видѣ, отдѣльной книгой.

15 февраля 1870 г. Лавровъ эмигрировалъ за границу. Поѣхалъ онъ въ Парижъ, куда приглашалъ его Герценъ, котораго онъ, однако, уже не засталъ въ живыхъ. Въ Парижъ Лавровъ прибылъ какъ разъ во время Коммуны. Познакомившись и сойдясь съ наиболѣе выдающимися представителями этого движенія, какъ, напр., Верленъ, онъ вступилъ въ интернаціоналъ и вскорѣ отправился въ Лондонъ. Въ Лондонѣ Лавровъ встрѣтился, а затѣмъ и близко сошелся съ Марксомъ и Энгельсомъ, съ которыми сохранилъ близкія дружескія сношенія до конца ихъ жизни.

Въ 1873 г. Лавровъ переѣхалъ изъ Лондона въ Цюрихъ, гдѣ началъ издавать журналъ... Въ 1877 г. журналъ этотъ прекратился, и съ 1883 г. Лавровъ окончательно поселился въ Парижѣ.

Еще въ 1867 г., находясь въ тюрьмѣ передъ высылкой, Лавровъ задумалъ положительно колоссальную по своему плану философскую работу подъ названіемъ „Опытъ исторіи мысли“. Надъ этимъ обширнымъ трудомъ Лавровъ работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, разрабатывая отдѣльныя его части. Съ 1888 г. до 1894 г.

вышли два объемистыхъ тома „Опыта исторіи мысли новаго времени“, затѣмъ отдѣльной книгой, „Переживанія доисторическаго періода“. Въ 1899 г. появилась, подъ псевдонимомъ С. С. Арнольди, книга „Задачи пониманія исторіи“, въ которой Лавровъ даетъ резюме своихъ философскихъ и соціологическихъ теорій.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ своей жизни Лавровъ усердно работалъ надъ однимъ изъ очерковъ по „Исторіи мысли“—„Канунъ исторіи“. Очеркъ этотъ сильно разросся и Лавровъ, чувствуя, что дни его сочтены, работалъ положительно съ лихорадочной поспѣшностью. Онъ, однако, не успѣлъ закончить этого очерка. Ему оставалось дописать заключеніе въ нѣсколько страницъ—и это мучило и волновало Лаврова во все время болѣзни, до послѣдней минуты его жизни.

Болѣзнь, сломившая гигантскій организмъ Петра Лавровича, подкралась къ нему незамѣтно. За 5—6 лѣтъ до смерти, П. Л., не смотря на свои 70 лѣтъ, былъ очень крѣпокъ и бодръ, дѣлалъ пѣшкомъ большіе концы и былъ неутомимъ въ работѣ. Надвигающаяся старость дала себя почувствовать въ первый разъ весною 1895 г. Однажды, проснувшись въ обычное время, П. Л. былъ удивленъ, что еще не начало разсвѣтать. Полежалъ онъ еще часъ или два—все темно. Тогда онъ нашелъ и зажегъ спичку, чтобы посмотрѣть часы—и тутъ только къ своему ужасу понялъ, что темно не въ комнатѣ, а въ его глазахъ... Ночью съ нимъ случился легкій ударъ и онъ почти ослѣпъ. Однако, понемногу, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, зрѣніе у него нѣсколько прояснилось—и послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ лѣченія, глаза настолько поправились, что онъ получилъ опять возможность читать и работать днемъ. Однако, ударъ оставилъ свои слѣды—и съ этого времени начинается замѣтный упадокъ силъ П. Л—ча. У него развивается астма, которая начинаетъ переходить въ припадки удушья. Все чаще и чаще начинаетъ онъ жаловаться на усталость, на тяжесть въ груди, на безсонницу. Онъ почти перестаетъ выходить и только по настоянію доктора дѣлаетъ съ трудомъ 10—15-ти-минутныя прогулки по улицѣ.

Въ 1890 г., 18 января, часовъ въ 11 ночи, дочь П. Л., жившая послѣдніе два года при немъ, услышала слабый стукъ въ стѣну, раздѣлявшую ея спальню отъ спальни П. Л. Она сейчасъ же зашла къ нему и нашла его лежащимъ поперекъ кровати въ полусознательномъ состояніи: онъ задыхался отъ остраго припадка астмы. Когда онъ немного оправился, онъ разсказалъ ей, что, когда онъ началъ раздѣваться, съ нимъ случился припадокъ.

Только къ утру дочери удалось вызвать доктора, постоянно лечившаго П. Л-ча. Этотъ докторъ, Э., русскій, пользовался глубокимъ довѣріемъ П. Л.—и его приходъ значительно успокоилъ

больного. Взволновался только П. Л., когда докторъ предписалъ ему полный покой и запретилъ работать въ теченіе нѣсколькихъ дней. Волненіе вызвало новый припадокъ удушья.

Слѣдующіе три дня, 19, 20 и 21-го, состояніе больного оставалось безъ измѣненія. Припадки повторялись, больному приходилось все время лежать—и отъ лежанья и повторяющихся припадковъ его силы быстро падали. Не смотря на это, П. Л. не хотѣлъ себя признавать больнымъ и думалъ только о своей работѣ, волнуясь, что не можетъ ее продолжать. Въ ночь съ 21 на 22-е съ нимъ, очевидно, былъ легкій ударъ и къ утру настроеніе П. Л-ча рѣзко измѣнилось. Онъ сдѣлался особенно серьезенъ, не заговаривалъ о работѣ и, когда пришелъ докторъ, сказалъ ему почти конфиденціально:

— Мнѣ надо поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ. Но лучше отложимъ разговоръ до вечера.

Дочери онъ сказалъ, что ему надо переговорить съ душеприказчикомъ, и нѣсколько позже, когда она ему сообщила, что знакомые приходили провѣдать его и она не пустила ихъ къ нему, онъ ей замѣтилъ:

— Ну, вотъ теперь не пускаешь ко мнѣ никого, а вѣдь надо будетъ ихъ всѣхъ пустить. Сперва друзей, затѣмъ другихъ. Мнѣ надо каждому изъ нихъ и всѣмъ имъ кое-что сказать.

Вообще, по всему поведенію П. Л-ча въ этотъ день, по его рѣчамъ, тяжелому сосредоточенному выраженію лица и по тому, что онъ не упоминалъ о работѣ, можно было заключить, что онъ самъ рѣшилъ, что „все кончено“ и что надо готовиться къ смерти. И дѣйствительно, онъ съ свойственной ему методичностью началъ отдавать послѣднія распоряженія.

Часовъ въ 10 вечера 22-го, дочь, зайдя въ спальню, гдѣ лежалъ П. Л., замѣтила, что онъ дѣлаетъ какія-то странныя движенія правой рукой, точно ловитъ что-то въ воздухѣ. Дочь стала его звать—онъ не откликался. Она подошла къ нему, взяла его за лѣвую руку—рука оказалась холодной и безжизненной. Выяснилось, что у П. Л. былъ ударъ и была парализована вся лѣвая часть тѣла. Когда больной нѣсколько пришелъ въ сознаніе, оказалось, что и языкъ у него на половину былъ парализованъ. Онъ заговорилъ невнятно, заплетающимся языкомъ.

Эту ночь мнѣ привелось продежурить у постели больного. Ночь была тяжелая, страшная. П. Л. все время находился въ полусознаніи и въ крайне возбужденномъ состояніи. Временами онъ открывалъ глаза и, глядя съ гнѣвомъ на стѣну, кричалъ съ негодованіемъ: „Пусть уйдетъ!“, при чемъ отгонялъ здоровой рукой мрачное видѣніе. Повременамъ онъ старался слѣзть съ кровати, чтобы идти въ кабинетъ работать и удивлялся и сердился, что я не могу понять, что ему необходимо работать.

Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ брома онъ немного успокоился.

Онъ закрылъ глаза—и рука его задвигалась въ воздухѣ слѣва на право. Ему, очевидно, казалось, что онъ находится за письменнымъ столомъ—и онъ писалъ...

Никогда не забуду я этой мучительно тяжелой картины, какъ, лежа на смертномъ одрѣ, угасавшій писатель дописывалъ въ воздухѣ невысказанныя мысли, которыя жгли и мучили его съ первой минуты болѣзни. На его блѣдномъ лицѣ, на которое смерть уже наложила свою печать, застыло выраженіе спокойной, сосредоточенной мысли. А рука двигалась медленно слѣва направо, возращалась и опять двигалась—и ложились въ воздухѣ таинственныя слова и строчки, послѣднія мысли умирающаго...

Прошелъ день 23-го. Сознаніе больного прояснилось, рѣчь сдѣлалась болѣе внятной. Часа въ два ночи, проснувшись, онъ какимъ-то особенно значительнымъ тономъ попросилъ дать ему чаю съ коньякомъ. Выпивъ 3 ложечки, онъ попросилъ еще ложечку шампанскаго. Все это онъ принялъ для подъема силъ. Затѣмъ онъ призвалъ доктора и тѣмъ же значительнымъ тономъ сказалъ ему:

— Я долженъ вамъ сказать одну вещь. Выслушайте меня внимательно и запомните. Мнѣ трудно говорить, я буду отдыхать. Вы извините и не уходите.

И онъ заговорилъ. Повторивъ содержаніе написаннаго имъ завѣщанія, онъ попросилъ врача подтвердить, что завѣщаніе было написано въ полномъ сознаніи и поручилъ ему передать друзьямъ нѣкоторыя распоряженія относительно его бумагъ.

Говорилъ П. Л. почти въ теченіе часа, и рѣчь его, произносимая полупарализованнымъ языкомъ, была, въ стилистическомъ отношеніи, прямо поразительная: строго логическая, разбитая по пунктамъ и красивая по своимъ оборотамъ.

Докторъ, выслушавъ рѣчь, попытался увѣрить П. Л—ча, что его положеніе не безнадежно, что онъ выздоровѣетъ. Но П. Л. сразу остановилъ его:

— Оставьте это! Теперь я больше жить не хочу! Довольно!— произнесъ онъ какъ-то рѣшительно и сурово.—Я и лѣкарствъ принимать не буду, кромѣ брому. И вы не давайте мнѣ лѣкарствъ. Оставьте меня спокойно лежать. Я и не страдаю...

И, помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Завтра мнѣ надо будетъ еще много говорить. Я долженъ сказать друзьямъ и товарищамъ очень многое.

И онъ строго сдержалъ свое рѣшеніе, отказывался отъ лѣкарствъ и не позволялъ, чтобы его трогали съ мѣста. Онъ лежалъ спокойный, сосредоточенный и ждалъ смерти...

День 24-го прошелъ безъ особыхъ перемѣнъ. Къ утру 25-го состояніе больного значительно улучшилось, сознаніе совершенно прояснилось, дыханіе сдѣлалось правильнымъ и даже параличъ началъ проходить. П. Л. началъ снова владѣть лѣвой рукой..

У всѣхъ воскресли надежды. Только самъ П. Л. не обманывался въ своемъ состояніи. Онъ часто повторялъ: „Скоро ли кончится"... „Конченъ разсказъ"... И когда къ нему подходили друзья, онъ бралъ ихъ руки, крѣпко сжималъ, клалъ себѣ на лобъ, прижималъ къ губамъ и шепталъ прощальныя слова. За часъ до смерти онъ призвалъ одного близкаго человѣка, сжалъ ему крѣпко руку и прошепталъ: „Завѣтъ... живите хорошо... Кончается... кончилась моя жизнь"...

Около $11^1/_2$ часовъ дня началась агонія. Больной лежалъ неподвижно, дѣятельность сердца стала быстро падать, дыханіе становилось рѣже и рѣже... Потомъ П. Л. глубоко-глубоко вздохнулъ, точно съ облегченіемъ—и его не стало...

Родные, друзья и товарищи стояли молча вокругъ скончавшагося—и каждый чувствовалъ, что смерть унесла безконечно дорогого учителя, товарища и друга, одного изъ самыхъ благородныхъ и геніальныхъ представителей цѣлой полосы русской жизни.

С. Ан—скій.

Продовольственные опыты бюрократіи.

Опять надвигается на насъ бѣдствіе неурожая съ неизбѣжной голодовкой, эпидеміями и громадною смертностью. Весь юго-востокъ и черноземный центръ охвачены неурожаемъ хлѣбовъ и травъ, который сравниваютъ въ иныхъ мѣстахъ съ памятнымъ 1891 годомъ. Но очевидно, что предстоящее бѣдствіе для разореннаго войной населенія будетъ еще тяжелѣе. И не одна война этому причиной. Съ 1901 г. завѣдываніе продовольственными дѣлами находится въ рукахъ бюрократіи, даже и въ земскихъ губерніяхъ, а извѣстно, насколько отзывчива бюрократія къ народному горю и насколько способна удовлетворять нужды населенія. Стремясь всегда лишь къ тому, чтобы предъ начальствомъ „все обстояло благополучно", бюрократія всякое дѣло обращала въ одну бумажную переписку; не было исключенія въ этомъ отношеніи и для живого продовольственнаго дѣла. Опытъ бюрократическаго завѣдыванія за 25-лѣтіе (1866—1891 г.) народнымъ продовольствіемъ въ неземскихъ губерніяхъ достаточно освѣщенъ въ печати. Его хорошо характеризуетъ уже тотъ замѣчательный фактъ, что въ четырехъ неземскихъ губерніяхъ (Кіевской, Ковенской, Минской и Полтавской), *) въ тече-

(*См. „Продовольственное дѣло". „Народное Хозяйство" кн. IV 1900 г.

ніе цѣлой четверти столѣтія, когда, разумѣется были не разъ и обширные неурожаи и мѣстные недороды отдѣльныхъ хлѣбовъ, не было выдано въ ссуду изъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ *ни копѣйки*; въ пятой (Виленской) была выдана всего одна ссуда въ 600 руб. для всей губерніи, а въ Волынской— двѣ на 4370 руб. Очевидно, что здѣсь система „все обстоитъ благополучно" доведена была до совершенства.

Нынѣ неурожаемъ постигнуты преимущественно земскія губерніи. О бюрократическомъ завѣдываніи въ нихъ продовольственнымъ дѣломъ за послѣдніе четыре года въ печати, по цензурнымъ условіямъ, появлялось мало свѣдѣній. А между тѣмъ, въ виду надвигающейся грозы, было бы небезынтересно ознакомиться съ нѣкоторыми фактами и изъ этой сферы дѣятельности бюрократіи.

Еще предъ передачей продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства въ руки бюрократіи, во время неурожаевъ въ центральныхъ губерніяхъ 1897 г. и въ восточныхъ Европейской Россіи 1898 г., нѣкоторые губернаторы, напримѣръ тульскій и вятскій, вѣроятно, предвидя изъятіе продовольственнаго дѣла изъ рукъ земства, совершенно произвольно распоряжались въ этой области, едва совсѣмъ не устранивъ отъ нея земство. При обнаруживающихся неурожаяхъ, они всѣми средствами стремились ихъ замолчать. О неурожаѣ въ Тульской губерніи начали писать лишь тогда, какъ сдѣлалось извѣстнымъ о высочайшемъ пожертвованіи въ пользу пострадавшихъ отъ него. Здѣсь, а также въ Херсонской губ. въ неурожай 1900 г. почти совсѣмъ не допускалась помощь частныхъ лицъ; устройство столовыхъ было крайне стѣснено. Но еще характернѣе въ этомъ отношеніи дѣятельность вятскаго губернатора (г. Клингенберга), не только не представлявшаго въ министерство свѣдѣній объ истинномъ положеніи дѣлъ, но и совершенно безпричинно замедлившаго созывъ экстренныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, не смотря на своевременныя ходатайства о нихъ уѣздныхъ управъ. Эти собранія могли открыться уже только въ іюлѣ, послѣ отъѣзда г. Клингенберга въ двухмѣсячный отпускъ за границу. Результатомъ этого было промедленіе въ закупкѣ сѣмянъ и продовольствія, отозвавшееся и позднимъ посѣвомъ озимей и значительною переплатою при покупкѣ. Любопытна и дальнѣйшая дѣятельность вятской администраціи по этому неурожаю. Высочайше учрежденное особое совѣщаніе изъ четырехъ министровъ для выработки мѣръ борьбы съ неурожаемъ 1898 года постановило: „въ цѣляхъ большей обезпеченности продовольственныхъ нуждъ населенія" размѣръ ссуды на каждаго ѣдока увеличить съ 30 до 35 фунтовъ въ мѣсяцъ; при отсутствіи заработковъ и во время полевыхъ работъ выдавать ихъ населенію всѣхъ возрастовъ, не исключая и рабочаго; пострадавшему населенію предоставить податныя льготы и пр.

Это высочайше одобренное постановленіе въ циркулярахъ и разъясненіяхъ вятскаго губернатора превратилось въ слѣдующее: „Желательно возможно большее сбереженіе выдаваемой ссуды на продовольствіе... въ видахъ сбереженія ссудъ, необходимо стараться по мѣрѣ возможности дѣлать перерывы въ выдачѣ хлѣба... Малѣйшее отклоненіе крестьянъ нынѣ отъ обыденнаго строя жизни, напримѣръ, отказъ отъ работы и т. п. можетъ вызвать лишеніе таковыхъ лицъ ссуды“ (рѣчь г. Клингенберга на малмыжскомъ прод. совѣщаніи 12 окт. 1898 г.). Ну, и разумѣется, земскіе начальники, къ которымъ обращены были эти пожеланія, старались не только „по мѣрѣ возможности“, но изъ всѣхъ силъ сокращать назначаемыя управами ссуды, прекращать ихъ выдачу, не всѣ возрасты включать въ списки (напримѣръ, не включали дѣтей до 5 лѣтъ и, конечно, работниковъ), а затѣмъ и по утвержденнымъ спискамъ ухитрялись выдавать далеко не всѣмъ нуждающимся. Въ результатѣ огромные остатки хлѣба отъ земской заготовки и представленіе объ этомъ въ министерство съ указаніемъ, какъ щедро и неосмотрительно земство при назначеніи и испрашиваніи кредитовъ! Но вотъ въ 1901 г. Вятскую губернію посѣщаетъ снова сильный недородъ. Теперь все дѣло продовольствія находится уже въ рукахъ земскихъ начальниковъ, которымъ теперь предстоитъ не только просматривать списки нуждающихся, а и своевременно слѣдить за урожаемъ, опредѣлять число нуждающихся, провѣрять приговоры, слѣдить за доставкой, храненіемъ и выдачей хлѣба, представлять о немъ отчетность и пр., и пр. Опытъ продовольственной кампаніи 1901 г. показалъ, что земскіе начальники, не будучи подготовлены къ столь серьезному дѣлу, всю тяжесть труда по нему возложили на волостныя правленія. Но послѣднія, находясь въ полной зависимости отъ земскихъ начальниковъ, должны были считаться не съ дѣйствительной нуждой населенія въ продовольствіи, а съ личными взглядами своихъ начальниковъ. Прикажетъ онъ составить приговоръ о выдачѣ ссудъ—и волостное начальство составляетъ, но разъ нѣтъ такого распоряженія и приговоровъ не будетъ, хотя бы нужда въ продовольствіи была громадна. Да и самое составленіе приговора не легко, когда приходится руководствоваться личными соображеніями начальства, а не дѣйствительностью нужды: то оказывалось, что въ приговорахъ записано слишкомъ много лицъ, то слишкомъ мало. Личное усмотрѣніе земскихъ начальниковъ привело къ тому, что во многихъ уѣздахъ Вятской губерніи уже въ первый же опытъ бюрократическаго хозяйничанья появились въ огромномъ числѣ цынготные больные, чего не бывало здѣсь за все время земскаго распоряженія продовольственнымъ дѣломъ. Въ одномъ Глазовскомъ уѣздѣ число цынготныхъ достигло громадной цифры—20 тыс. чел., но тѣмъ не менѣе мѣстное начальство спо-

койно взирало на постигшую народъ бѣду. Этой страшной болѣзни, совсѣмъ незнакомой до сихъ поръ въ губерніи, не избѣжали и другіе пострадавшіе уѣзды, въ особенности Елабужскій и Малмыжскій; даже наиболѣе богатый уѣздъ въ губерніи, Яранскій, и тотъ не могъ избѣжать цынги. Самая заготовка и храненіе хлѣба производились теперь гораздо менѣе экономно и удачно, чѣмъ при земствѣ. Такъ, для Яранскаго уѣзда рожь была пріобрѣтена у нижегородскаго купца Бугрова, хотя въ самомъ Яранскѣ имѣлись запасы ея вполнѣ достаточные. Г. Бугровъ всю рожь пріобрѣлъ на мѣстѣ, у яранскихъ купцовъ и сдалъ ее уполномоченному уѣзднаго съѣзда. И эта мѣстная рожь обошлась нуждающимся крестьянамъ не дешево, такъ какъ г. Бугровъ взялъ приличный коммиссіонный процентъ и порядочную сумму за провозъ, хотя рожь никуда не перевозилась. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ при чиновническомъ хозяйничаньи около 11 тыс. пудовъ ржи было подмочено въ амбарахъ весеннимъ разливомъ рѣки, и эта рожь была отдана чуть не даромъ (за $2^1/_2$ коп. пудъ) купцу, который, высушивъ ее, устроилъ хорошій гешефтъ. Всѣ эти убытки и переплаты отнесены, конечно, на тощіе карманы мужиковъ, а не дѣйствительныхъ виновниковъ.

Еще характернѣе для бюрократіи въ томъ же 1901 году прошла продовольственная кампанія въ Пермской губ., сосѣдней съ Вятской. Здѣсь губернская администрація положительно проспала неурожай этого лѣта, хотя даже по даннымъ центральнаго статистическаго комитета степень его далеко превосходила всѣ неурожаи послѣдняго предъ тѣмъ десятилѣтія и только немногимъ уступала неурожаю памятнаго 1891 г.; во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ („Пермск. Край“, „Урал. Ж.“, „Уралъ“) о неурожаѣ начали трубить еще съ іюня мѣсяца; мало того, въ собственномъ органѣ бюрократіи, въ „Губернскихъ Вѣдом.“, своевременно печатались текущія свѣдѣнія земской статистики о состояніи урожая, изъ которыхъ ясно было видно, что надвигается неурожай. Не читала этихъ свѣдѣній только администрація, которой съ этого года надлежало вѣдать продовольственное дѣло, и продолжала стереотипно рапортовать: „все обстоитъ благополучно“. Такіе рапорты шли и безъ запроса, и по запросу министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, получая тревожныя свѣдѣнія изъ сосѣднихъ губерній, готовилось къ продовольственной кампаніи, испрашивало кредиты и дѣлало министерству финансовъ заказы на покупки продовольственныхъ и сѣменныхъ хлѣбовъ. Но вотъ въ сентябрѣ начинаютъ поступать ходатайства земскихъ управъ о созывѣ уѣздныхъ собраній по случаю неурожая, а затѣмъ и постановленія этихъ послѣднихъ о чрезвычайныхъ кредитахъ на общественныя работы. Губернское присутствіе очутилось въ критическомъ положеніи, и неизвѣстно, какъ бы оно вышло изъ него, если бы возвратившійся 5 октября изъ двухмѣсячнаго отпуска губернаторъ Арсеньевъ не взялъ

всю отвѣтственность на себя, поставивъ на этотъ разъ интересы населенія выше своего личнаго самолюбія. Пришлось обратиться къ земскимъ даннымъ и на первыхъ же засѣданіяхъ (9 и 13 октября) губернское присутствіе констатировало продовольственную и сѣмянную нужду населенія, помимо мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, въ 3,734 тыс. пуд.; на заготовку этого хлѣба и на доставку его требовался кредитъ болѣе чѣмъ въ 4 мил. руб. Объ этомъ въ концѣ октября и была послана первая телеграмма въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе было произведено этимъ ходатайствомъ въ министерствѣ. Губернаторъ получилъ 4 ноября слѣдующую телеграмму: „Противорѣчащее предшествующимъ телеграммамъ заявленіе о необходимости правительственной ссуды, сдѣланное вами вопреки запросамъ и указаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ 17 августа, совершенно несвоевременно послѣ полнаго почти окончанія операціи по правительственной заготовкѣ хлѣба и послѣ прекращенія навигаціи, ничѣмъ не подкрѣплено и при немъ не представлено ни цифровыхъ данныхъ, объясняющихъ разсчеты присутствія, ни доклада непремѣннаго члена, ни свѣдѣній о продовольственномъ положеніи губерніи, о состояніи мѣстныхъ запасовъ, о подсчетѣ урожая, о числѣ нуждающагося населенія, рабочаго и нерабочаго, о размѣрахъ принятой нормы ссудъ, продовольственныхъ и сѣменныхъ, и срока, въ теченіе котораго предполагается оказать продовольственную помощь. Не указано также возможно ли и по какой цѣнѣ пріобрѣсти хлѣбъ на мѣстѣ и въ какомъ количествѣ, и не сообщено заключеній земскихъ собраній о мѣрахъ принятыхъ земствомъ“. Мы приводимъ почти безъ сокращеній эту длинную телеграмму отчасти и для того, чтобы показать, насколько обоснованнѣе бывали прежнія земскія ходатайства о подобныхъ же правительственныхъ ссудахъ, на которыя, однако, земства часто получали отказы. Да развѣ и самъ губернаторъ взялся бы за пересылку въ министерство земскаго ходатайства, не подкрѣпленнаго не только ни одной цифрой, но даже и съ массой приложеній, но составленныхъ не согласно министерскимъ циркулярамъ?

Почти одновременно съ губернаторомъ не меньшую головомойку получилъ отъ своего начальства и представитель министерства финансовъ въ губернскомъ присутствіи (управляющій казенною палатою Раевскій). Директоръ д-та окладныхъ сборовъ телеграфировалъ ему въ ноябрѣ, между прочимъ, слѣдующее: „министръ финансовъ считаетъ подписываніе вами немотивированныхъ журналовъ по дѣлу, требующему отпуска нѣсколькихъ милліоновъ, серьезнымъ служебнымъ упущеніемъ“.

Чтобы всколыхнуть бюрократическое болото, достаточно и не столь сильнаго начальническаго удара; а теперь оно буквально

всполошилось. Начинается усиленная дѣятельность... бумажная, по собиранію свѣдѣній изъ уѣздовъ и по отпискѣ высшему начальству. И такъ какъ къ дѣлу народнаго продовольствія въ губернскомъ присутствіи призваны два вѣдомства—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ,—то при отпискахъ и оправданіяхъ начинаются по обыкновенію закулисныя подсиживанія, подставленія ножекъ и стремленіе одного утопить другого. Еще до полученія выговора отъ своего начальства, но послѣ приведенной выше телеграммы, полученной губернаторомъ, управляющій казенною палатою спѣшитъ телеграммой же оправдаться: „не моя вина, что губернаторъ и непремѣнный членъ по продовольственной части послали министерству внутреннихъ дѣлъ выписки изъ журнала присутствія безъ приложеній. Губернаторъ вернулся 5 октября, вицегубернаторъ умеръ, новаго нѣтъ, непремѣнный членъ продовольственной части ѣздилъ по желѣзной дорогѣ въ Камышловъ, оттуда въ Шадринскъ, гдѣ пробылъ только 2 дня. Свѣдѣнія уѣздныхъ съѣздовъ въ большинствѣ неполны, руководствоваться пришлось данными земства. Податные инспектора собираютъ свѣдѣнія дѣйствительныхъ урожаевъ 1 ноября, согласно распоряженія министерства и по климатическимъ условіямъ губерніи опредѣлить таковой ранѣе можно только гадательно (?)... Очень прошу имѣть въ виду, что въ губернскомъ присутстіи я только членъ безъ права протеста, мой голосъ противъ большинства рѣшающаго значенія не имѣетъ“... Одновременно съ этимъ отдаются „строжайшія предложенія“ податнымъ инспекторамъ свѣрить доставляемыя ими министерству 1 ноября срочныя свѣдѣнія о сборѣ хлѣбовъ съ данными земскихъ управъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Инымъ инспекторамъ дѣлаются запросы: „почему не присутствовали на чрезвычайныхъ административныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда, гдѣ разсматривались вопросы о народномъ продовольствіи“?..

Не менѣе строгіе запросы посыпались и со стороны губернскаго присутствія подчиненнымъ ему уѣзднымъ съѣздамъ и земскимъ начальникамъ. Словомъ, дремавшая до того бюрократическая машина заскрипѣла, понеслись предписанія и рапорты, эстафеты и телеграммы. Но все это подтянулось, заскрипѣло и стало работать не изъ сознанія отвѣтственности предъ пострадавшимъ населеніемъ, о которомъ бюрократія забыла, а изъ за одного страха предъ начальствомъ. Даже бѣгло просматривая эти предписанія и рапорты, видишь, какъ въ дѣйствительности авторы ихъ далеки отъ того дѣла, которое ироніей судьбы выпало на ихъ обязанность. Вотъ, напримѣръ, шадринскіе податные инспектора г.г. Б. и Э. въ январѣ пишутъ, на предложеніе г. Раевскаго, что у нихъ теряется всякій интересъ присутствоватѣ на продовольственныхъ совѣщаніяхъ въ уѣздномъ съѣздѣ, которыя теперь происходятъ 3 раза въ каждую недѣлю

„потому, что председатель перерешаетъ по своему даже единогласныя решенія заседаній". Инспекторъ К. жалуется на съездъ за то, что онъ возложилъ на нихъ, податныхъ инспекторовъ (въ Шадринскомъ у. ихъ трое), обязанность составленія инструкціи о порядке пріобретенія хлеба за счетъ продовольственныхъ капиталовъ; но всего более его огорчаетъ, повидимому, что „наши должности въ перечисленіи участвующихъ членовъ въ журнале заседанія пишутся ниже исправника, и даже ниже его помощника (подите же!) а иногда (о ужасъ!) и ниже члена управы" (!!). Будучи столь важными особами, они, конечно, отказались отъ составленія упомянутой выше инструкціи, но отказавшись, они всетаки побаиваются, чтобы изъ-за этого не вышло чего серьнаго, а потому г. Э. уже заранее проситъ управляющаго казенною палатою заступиться за нихъ и защитить. Если къ этому добавить „наистрожайшія предписанія" земскихъ начальниковъ волостнымъ правленіямъ съ угрозой штрафа и наказанія старшине и писарю и „почтительнейшіе рапорты" последнихъ, то этимъ будетъ исчерпана вся распорядительная часть продовольственной кампаніи. Самое же снабженіе населенія продовольственнымъ и семеннымъ хлебомъ происходило не спеша и настолько не спеша, что нередко сотни подводъ несколькихъ деревень безполезно простаивали у какой-либо станціи или пристани назначенія по 2—3 дня и возвращались ни съ чемъ.

Теперь обратимся къ центральнымъ ведомствамъ. Земскій отделъ, пожуривъ губернское присутствіе за неприсылку необходимыхъ сведеній, однако, телеграммой 12 декабря далъ знать, что министерствомъ предположено ввезти въ Пермскую губ. хлеба 2600 тыс. пуд. (2046 т. п. семяннаго и 553 п. продовольственнаго). Въ январе присутствіе уменьшаетъ свои прежнія требованія соответственно министерскому исчисленію. На это изъ министерства ответили: „за отсутствіемъ (опять) въ журнале губ. присутствія сколько-нибудь определенныхъ сведеній и разсчетовъ о количестве продовольственнаго и семеннаго хлеба постановлено остаться при своемъ разсчете продовольственныхъ и семенныхъ нуждъ; въ случае если бы этотъ разсчетъ оказался неточнымъ, то ответственность за это должна быть возложена всецело на пермское губернское присутствіе, которое не исполнило требованій закона и указаній министра внутреннихъ делъ". Губернское присутствіе приняло эту угрозу къ сведенію, и только управляющій казенною палатою, оставшись на этотъ разъ при особомъ мненіи (предлагалъ еще более сократить ссуду), телеграфировалъ своему начальству: „все мои старанія уменьшить могущія оказаться убытки казны присутствіемъ оставляются безъ последствій. Въ виду сего ходатайствую не считать меня въ числе членовъ, ответственныхъ предъ казною за могущія произойти убытки".

Весь отпущенный изъ казны кредитъ на покупку хлеба былъ

переданъ министерству финансовъ, которое и заготовило чрезъ своего уполномоченнаго 2.214,317 пуд.; да кромѣ того на губернскій продовольственный капиталъ было куплено самими уѣздными съѣздами 117,047 пуд. Не смотря на то, что противъ первоначальныхъ исчисленій присутствія (3.734 т. п.) это составляло менѣе 2/3, но и изъ этой заготовки 266 т. пуд. (министерской закупки) остались не розданными и губернскому присутствію пришлось ихъ продавать. Впрочемъ, остатковъ могло бы получиться вдвое меньше, если бы довѣренный министерскаго уполномоченнаго г. Бугровъ не закупалъ (на мѣстѣ) и не подвозилъ хлѣба въ Шадринскій уѣздъ даже послѣ того, какъ и ему, и въ земскій отдѣлъ было сообщено о необходимости пріостановиться закупкой послѣ выяснившейся въ мартѣ окончательной цифры необходимаго хлѣба.

О томъ, какъ заготовлялся хлѣбъ уполномоченнымъ министерства финансовъ остается тайной этого послѣдняго. Только извѣстно, что у него были подрядчики и что наиболѣе крупный изъ нихъ для Пермской губерніи былъ нижегородскій купецъ Бугровъ, который громадныя партіи хлѣба закупалъ на мѣстѣ, въ Пермской губ. Мы имѣемъ возможность говорить о министерской заготовкѣ только со стороны ея выгодности, по сравненію съ одновременными же заготовками уѣздныхъ съѣздовъ, а затѣмъ и съ мѣстными торговыми цѣнами, существовавшими въ губерніи за время съ ноября по апрѣль 1901—2 года. Долго не было извѣстно, во что министерству финансовъ обошелся для Пермской губерніи хлѣбъ и только въ концѣ октября 1902 г., въ № 229 „Правит. Вѣст.“, была опубликована заготовительная цѣна безъ накладныхъ расходовъ. Доставъ эти послѣднія изъ отчетности губернскаго присутствія, мы получимъ полную заготовительную цѣну министерскаго хлѣба для ржи—100,5 коп., пшеницы—122 к., овса—116 к. и ячменя 111 коп. Мѣстными уѣздными съѣздами тѣхъ же хлѣбовъ было заготовлено всего 117 тыс. пуд., причемъ средняя цѣна у нихъ опредѣлилась для ржи—85,2 к., пшеницы 104 к., овса—74,2 к. и для ячменя 95 коп. Сопоставленіе этихъ цифръ говоритъ, что министерская заготовка обошлась значительно дороже даже заготовокъ уѣздныхъ съѣздовъ; противъ нихъ министерство переплатило на каждомъ пудѣ ржи 15 слишкомъ коп., на ячменѣ 16, пшеницѣ 18 к. и на овсѣ около 42 коп.! Можетъ быть, на этотъ разъ уѣздные съѣзды и губернское присутствіе дѣйствительно проявили, вопреки установившемуся въ обществѣ взгляду, хозяйственныя способности? Къ сожалѣнію, нѣтъ: для мужика заготовки мѣстныхъ чиновниковъ являются убыточными, выгодными онѣ кажутся только по сравненію съ министерскою заготовкою.

Для оцѣнки мѣстныхъ чиновничьихъ заготовокъ хлѣба намъ могутъ служить собираемыя податными инспекторами средне-

мѣсячныя поуѣздныя цѣны. И вотъ что оказывается изъ сравненія этихъ цѣнъ за время съ ноября по апрѣль 1901—902 г. съ средне-заготовительными. Главныя заготовки уѣздными съѣздами производились въ Осинскомъ (36 т. п.), Оханскомъ (33 т. п.) и Екатеринбургскомъ (30 т. п.) уѣздахъ. Въ первомъ изъ нихъ средне-заготовительная цѣна на рожь опредѣлилась въ 90 коп. и на овесъ 77,2 к. Между тѣмъ, средняя торговая цѣна на эти хлѣба были здѣсь 66,4 к. на рожь и 62 к. на овесъ Въ Оханскомъ—заготовительная на рожь была 70 к. и на овесъ 65,5 к., а торговыя—60 к. и 62,5; въ Екатеринбургскомъ заготовлялись овесъ и пшеница; среднія цѣны на овесъ были: 82,8 к. заготовительная и 65—торговая; на пшеницу 1 р. 3 к. и 93 коп. Даже незначительныя заготовки по другимъ уѣздамъ были всѣ выше торговыхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, ни въ одномъ уѣздѣ нѣтъ заготовки ни одного хлѣба ниже или хотя бы одинаково съ торговыми цѣнами, а вездѣ значительно выше.

Каковы были въ этомъ отношеніи продовольственныя заготовки земства въ прежнее время? Въ послѣднюю для пермскаго земства продовольственную кампанію, 1898—1899 года, заготовки дѣлались многими управами, причемъ только въ двухъ изъ нихъ—осинской и оханской — средне-заготовительныя цѣны были нѣсколько выше торговыхъ, въ остальныхъ вездѣ ниже или равны имъ. Такъ, въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ рожь заготовлялась по 73 к., торговая цѣна была 75 к., овесъ—71 к., торговая цѣна—71,5 к.; по Красноуфимскому—на рожь заготовительная цѣна 63,1 коп., торговая—72 к., на овесъ—76,8 и торговая 77,5; по Шадринскому—рожь заготовлялась по 45 к., торговая цѣна была—46 к., на овесъ были одинаковы цѣны и торговыя и заготовительныя, 53 к., тоже и въ Пермскомъ уѣздѣ.

И это было не въ одну послѣднюю для земства кампанію 1898—1899 г.; то же было и въ злополучный 1891—92 годъ. Имѣющіяся у насъ за этотъ годъ по тремъ уѣздамъ данныя говорятъ слѣдующее: по Екатеринбургскому уѣзду рожь заготовлялась по 1 р. 22 к. пудъ, а торговая цѣна была 1 р. 51 к.—1 р. 77 к., овесъ заготовлялся по 88 к., торговая цѣна была 1 р. 55 к. и даже 1 р. 25 к. По Камышловскому уѣзду рожь заготовлялась по 1 р. 26 к. пудъ, торговая цѣна была 1 р. 53 к. и даже 1 р. 70 к., на овесъ заготовительная цѣна 87 к., а торговая—1 р. 25 к.; по Ирбитскому—на ярицу тѣ же цѣны были—1 р. 43 к. и 1 р. 47 к., на овесъ—1 р. 14 к. и 1 р. 15 к. Нѣтъ основаній предполагать, что было иначе и въ остальныхъ уѣздахъ. Но всего лучше оттѣняетъ бюрократическое хозяйствованіе сравненіе одновременныхъ заготовительныхъ цѣнъ земства и министерства финансовъ въ кампанію 1898—99 г. Въ это время министерство взяло на себя, чрезъ уполномоченнаго Турбина, заготовку только овса (около 419 тыс. пуд.), которая съ

накладными расходами обошлась земству въ 1 р. 28 к. пудъ, тогда какъ овесъ (193 т. п.), закупленный уѣздными управами, обошелся въ 73—74 коп., т. е. министерская заготовка обошлась дороже земской ни мало ни много какъ на 73% и земство или вѣрнѣе голодающіе за 419 тыс. пудовъ министерскаго овса переплатили около 227 тыс. руб.!

Сколько же переплатилъ голодный пермскій мужикъ на двухмилліонной заготовкѣ министерства финансовъ въ 1901—1902 г.? Такъ какъ земскихъ заготовокъ въ эту кампанію не было, то и нѣтъ настоящихъ цѣнъ для сравненія министерской заготовки. Противъ заготовительныхъ цѣнъ мѣстныхъ бюрократическихъ органовъ (уѣздн. съѣздовъ и др.) переплата эта достигаетъ 546 тыс. руб. Но мы видѣли, что эти органы вездѣ сами переплачивали даже противъ существовавшихъ въ то время торговыхъ цѣнъ; съ другой стороны, мы видѣли, что въ прежнія продовольственныя кампаніи земскія заготовки всегда велись ниже торговыхъ цѣнъ, а слѣдовательно, мѣстно-бюрократическіе органы, переплачивая противъ торговыхъ цѣнъ, тѣмъ болѣе переплатили бы противъ земскихъ цѣнъ.

Но сравнимъ послѣднюю министерскую заготовку хотя бы только съ современными торговыми цѣнами. По необходимости намъ придется при этомъ брать средне-губернскія цѣны, которыя въ общемъ близко подходятъ къ заготовительнымъ цѣнамъ трехъ уѣздныхъ съѣздовъ. Для удобства мы помѣщаемъ всѣ необходимыя данныя въ слѣдующей таблицѣ:

	Заготовл. тыс. п.	По средней цѣнѣ.	Торговая средняя цѣна.	Общая переплата руб.
Рожь . . .	543,8	100,5	81	106,041
Пшеница. .	901,0	122	111	99,110
Ячмень. . .	46,6	112	85	12,582
Овесъ. . .	723,0	116	67,7	341,989

Весь перерасходъ будетъ 559.712 руб. Если же эту министерскую заготовку учесть пропорціонально прежней (1898—9 гг.) переплатѣ противъ земской заготовки, то переплата превзойдетъ милліонъ руб. (1,070 тыс. руб.), и это при заготовкѣ всего на $2^1/_2$ мил. руб.! Выше мы упомянули, что не весь купленный хлѣбъ былъ розданъ въ ссуду, до 266 тыс. пуд. его осталось, и ихъ пришлось продавать. Изъ нихъ около 33 тыс. пуд. было безубыточно отправлено въ Вятскую губ. въ губернское присутствіе; на остальныхъ 233 тыс. пуд. администрація понесла громадные убытки, болѣе чѣмъ на половину противъ заготовительной цѣны. Весь этотъ хлѣбъ съ накладными расходами стоилъ губернскому присутствію 283,388 руб., а проданъ былъ за 141,128 руб., т. е. убытокъ составлялъ около 142,3 тыс. руб. Разумѣется, о какойлибо отвѣтственности за „неточность разсчетовъ“, о которой гово-

рилось въ приведенной нами телеграммѣ изъ министерства (земскаго отдѣла), не было и помину.

Итакъ, бюрократическіе опыты по одной Пермской губерніи въ 1898 — 9 гг. стоили голодному мужику около четверти милліона руб., а въ 1901 — 2 гг., пожалуй, и весь милліонъ руб. И тѣмъ не менѣе эти опыты бюрократія продолжаетъ и теперь, да, повидимому, твердо рѣшила продолжать ихъ и въ будущемъ, не смотря на единогласныя заявленія земствъ, городовъ, многочисленныхъ коллегій и общественныхъ группъ о необходимости прекратить такое хозяйничанье—отзывающееся растратой и государственной казны, и народнаго богатства. Какія перспективы это открываетъ въ виду надвигающагося нынѣ чрезвычайнаго неурожая въ центральныхъ черноземныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ—понять не трудно.

П. Голубевъ.

Ловцы человѣковъ.

(По даннымъ одного судебнаго процесса).

2-го декабря администрація сахарнаго завода въ с. Лебединѣ, Чигиринскаго уѣзда, предполагала закончить производственную кампанію 1902 г. Въ 12 часовъ ночи съ 30-го ноября на 1-е декабря произошла обычная смѣна рабочихъ. А ровно черезъ 10 минутъ заводъ вдругъ загорѣлся и необыкновенно быстро сгорѣлъ до тла.

Заводовладѣльцы, гг. Лазарь Бродскій, Левъ Бродскій и Гольденбергъ, не очень были обижены этимъ обстоятельствомъ. Производство въ сущности закончилось. Заводское зданіе стояло лишь по особой снисходительности фабричной инспекціи и строительнаго надзора. Это былъ глубокій инвалидъ, сооруженный свыше 50 лѣтъ назадъ, и при томъ довольно таки скверно. Въ его трещинахъ росла трава и гнѣздились птицы. Расползавшіяся по всѣмъ швамъ стѣны заводская администрація сдерживала отъ окончательнаго крушенія желѣзными болтами. Было очевидно, что заводъ не нынче—завтра рухнетъ. И, слѣдовательно, при всей доброжелательности фабричнаго инспектора, неволя понуждала закованную въ желѣзо развалину сломать, а новый заводъ строить. Съ этой точки зрѣнія, пожаръ, благодаря которому гг. Бродскіе и Гольденбергъ получили 1.400,000 руб. страховой преміи, не былъ коммерчески убыточнымъ для предпринимателей событіемъ.

Однако, онъ произошелъ при обстановкѣ въ высшей степени загадочной. Вспыхнулъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ чердакъ,

куда проникнуть не могли ни „посторонніе“, ни рабочіе. Снаружи всѣ слуховыя окна были наглухо заколочены. Извнутри— всѣ ходы закрыты перегородками, за исключеніемъ одного, да и тотъ былъ крѣпко замкнутъ, а ключъ постоянно хранился у сторожа. Правда, на чердакѣ, невѣдомо для какой надобности, лежали вѣники,—матеріалъ, безспорно, легковоспламеняющійся. Но не сами же собою они загорѣлись. Очевидно, не обошлось безъ поджигателей. Да и заводская администрація заранѣе была увѣрена, что поджогъ долженъ произойти. И, по ея словамъ, „принимала мѣры“.

— Мы всѣ — говоритъ директоръ завода г. Васильевъ—по цѣлымъ ночамъ не спали. Я спалъ не раздѣваясь. Была учреждена усиленная охрана...

Чердакъ, какъ уязвимое мѣсто, охранялся наиболѣе тщательно. И все таки поджогъ учиненъ. Кѣмъ?

Полиція раскинула умомъ и немедленно нашла очень серьезную улику.

Гг. Бродскіе и Гольденбергъ, называющіе свое товарищество — должно быть, изъ патріотизма—„Александровскимъ“, сыздавна желали построить къ своему заводу подъѣздную желѣзнодорожную вѣтку. Крестьянамъ же это грозило потерей извознаго заработка. Между товариществомъ и селомъ долго тянулись переговоры: заводчики упрашивали продать подъ вѣтку 37 десятинъ земли, крестьяне не соглашались. Не добившись толку въ Лебединѣ, заводчики обратились въ Петербургъ, и здѣсь чрезвычайно легко успѣли.

„Подлежащее вѣдомство“ признало, что вѣтка устраивается „для общаго пользованія“. На этомъ основаніи послѣдовалъ указъ о принудительномъ отчужденіи крестьянской земли. Такимъ образомъ, 37 десятинъ были отняты. Дорога въ 1897 г. построена. Извозные заработки уничтожены. А крестьяне... Но тутъ случилось нѣчто прямо таки сказочное.

Александровское товарищество клятвенно увѣряетъ, что оно за отчужденную землю полностью внесло деньги въ какую-то „казну“. Но гдѣ эта „казна“ находится—неизвѣстно. Крестьяне же до сихъ поръ, когда я пишу эти строки, не получили ни копѣйки. Мало того, за землю, находящуюся въ пользованіи завода, они по нынѣшній день платятъ „всѣ подати“, до выкупныхъ платежей включительно. Маленькая подробность: о томъ, что крестьяне ни гроша не получили за отобранную землю прекрасно знаютъ и мѣстныя власти, взыскивающія „подати“, и кіевскія...

Между тѣмъ земли у лебединцевъ „совсѣмъ мало“—какъ выразился старшина Оберемокъ. „Прежде арендовали мы землю въ экономіяхъ, а потомъ у насъ перехватилъ аренду заводъ“.

Отсюда полиція умозаключила:

Изъ-за аренды мужикъ недоволенъ—разъ. Изъ-за отнятой земли—два. Изъ-за ненадлежаще взыскиваемыхъ податей—три. Изъ-за потери заработковъ—четыре. Значитъ, несомнѣнно, мужикъ и поджигалъ. Остается найти, какой именно мужикъ, засадить его на скамью подсудимыхъ и упечь, куда слѣдуетъ.

Почему полиція, чтобъ найти поджигателей, задалась вопросомъ: „кто мстилъ", а не „кому выгодно"—догадываться не будемъ. Но заводская администрація ничего противъ такой постановки не имѣла. И несчастныя 37 десятинъ, обратившись въ главную улику противъ крестьянъ, послужили причиной новыхъ слезъ и новаго горя. Но объ этомъ въ двухъ словахъ не скажешь. Приходится начать издалека.

II.

Понемногу горожане перестаютъ думать, будто деревенскія захолустья—сонное царство, до котораго совершенно не доходятъ политическіе запросы времени. Представленіе это, дѣйствительно, никуда не годится. И прежде всего потому, что деревню весьма энергично „воспитываютъ". Возьмите хотя бы ту же лебединскую распрю изъ-за земли. Поставьте себя на мѣсто крестьянина и попытайтесь осмыслить событія во всей ихъ наготѣ.

Купецъ Бродскій посылаетъ въ Петербургъ приказчика и въ результатѣ—правительственный указъ, въ силу котораго вы лишаетесь заработковъ, лишаетесь земли, не освобождаясь, однако, отъ обязанности платить за нее подати. А Бродскій пользуется и ничего не платитъ.

Какъ бы ни былъ человѣкъ безграмотенъ и забитъ, мысль его по неволѣ начнетъ работать. А выводъ, къ какому она придетъ, предрѣшенъ заранѣе глубоко краснорѣчивой посылкой: приказчикъ поѣхалъ—правительство издало указъ.

Разумѣется, „воспитаніемъ" деревенской мысли занимается не одно Александровское товарищество и не въ одномъ Лебединѣ. Фактовъ, доказывающихъ, что это такъ, нѣсть числа. Но ради краткости позволю себѣ сослаться лишь на два только что полученныхъ мною письма. Одно изъ Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи. Другое изъ м. Песчанки, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

Въ первомъ говорится, что кому-то вздумалось нынѣшнія проселочныя дороги трехсаженной ширины (узаконены ст. 449, т. X, ч. 1) сдѣлать десятисаженными, т. е. по просту запретить мѣрами полиціи обработку семисаженной полосы земли на протяженіи проселковъ Бердичевскаго уѣзда. Конечно, „пути сооб-

щенія" останутся въ томъ же первобытномъ видѣ, въ какомъ они пребываютъ доселѣ, но займутъ площадь, приблизительно въ три раза больше прежняго.

„Реформа" эта осуществлена новоучрежденными въ Юго-Западномъ краѣ комитетами по дѣламъ земскаго хозяйства. Зрѣла таинственно въ тиши канцелярій. И обрушилась вдругъ, какъ снѣгъ на голову, и притомъ передъ Пасхой, когда у каждаго крестьянина уже составленъ хозяйственный планъ на весь годъ. Трудно сказать, ради чего старалось „земство фонъ-Плеве": изъ усердія ли, которое само не вѣдаетъ, что творитъ, или—какъ подозрѣваетъ мой корреспондентъ—тутъ есть заранѣе обдуманное намѣреніе содѣйствовать до нѣкоторой степени повышенію арендной платы. Но „воспитательное" значеніе „дорожной реформы" едва ли нужно истолковывать.

Въ м. Песчанкѣ роль воспитателя взялъ на себя, между прочимъ, тамошній батюшка о. І. Церерянъ. Священствуетъ онъ съ 1898 г., и за 7 лѣтъ удосужился „засудить все мѣстечко". Его пастырская дѣятельность—сплошной рядъ исковыхъ прошеній и жалобъ. Онъ безпокоитъ судебныя учрежденія по самымъ невѣроятнымъ поводамъ: по случаю коровы, совершившей какое-то правонарушеніе, изъ-за 3-хъ рублей, якобы неуплаченныхъ неблагодарнымъ прихожаниномъ, на основаніи сорванныхъ въ церковномъ саду орѣховъ... Корреспондентъ упоминаетъ даже исковое прошеніе „о клокѣ сѣна, стоимостью въ $^1/_{10}$ копѣйки".

Рѣшителенъ и настойчивъ іерей Церерянъ до чрезвычайности. Когда ему захотѣлось „арестовать" чужое имущество, онъ, не колеблясь, замкнулъ его своими замками. Собственникъ обратился въ судъ. Судья постановилъ замки снять. Но о. Церерянъ этого не позволилъ. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ становому приставу. Батюшка не струсилъ: завидѣвъ полицію, велѣлъ звонить въ набатъ и отправилъ бывшему кіевскому генералъ-губернатору Драгомирову телеграмму:

— Въ Песчанкѣ грабятъ церковное имущество.

Терроризованные прихожане уже 6 лѣтъ мечутся, ища спасенія. Они жаловались подольскому преосвященному Иринею, потомъ Подольскому преосвященному Христофору, а нынѣ преосвященному Парфенію. Жаловались благочинному. Жаловались митрополиту. Жаловались прокурору... но все вотще: власти благоговѣйно молчатъ, а іерей продолжаетъ дѣйствовать.

Врядъ ли, однако, самъ прокуроръ сомнѣвается, что положеніе, созданное въ Песчанкѣ, дѣйствуетъ куда убѣдительнѣе и зажигательнѣе, чѣмъ добрыхъ пуда два прокламацій. Не даромъ даже „консервативное" „Кіевское Слово" пришло къ выводу:

— „Крамолу", дескать, въ Россіи дѣлаетъ главнымъ образомъ полиція своими беззаконіями и притѣсненіями. Беззакон-

ствуетъ же и притѣсняетъ она потому, что, по всей видимости, подкуплена японцами...

„Японцы", конечно, далеко. Ссылка на нихъ—одинъ изъ маневровъ рептильной печати, которая систематически трудится, чтобы привить русскому обществу манію преслѣдованія. Но что „беззаконіемъ" и произволомъ Россія богата не меньше, чѣмъ могилами,—объ этомъ съ „Кіевскимъ Словомъ" никто спорить не станетъ. Органическое же свойство всякаго произвола—вызывать оппозицію и самому себѣ рыть яму.

Поэтому нисколько не удивительно, что пожаръ 1902 г. уже засталъ въ Лебединѣ вполнѣ ясно выраженное „оппозиціонное настроеніе". И при томъ не безпредметное, не стихійное, но до нѣкоторой степени оформленное. Кѣмъ и чѣмъ?

Оппозиціонное настроеніе горожанъ формируется не безъ участія „заграничныхъ изданій" и прокламацій, которыхъ, по естественному закону вещей, тѣмъ больше, чѣмъ безпощаднѣе свирѣпствуетъ цензура. Но кто фабрикуетъ прокламаціи? и кто распространяетъ? Соціалъ-демократическіе, соціалъ-революціонные и иные комитеты? Спора нѣтъ, много работаютъ и комитеты. Но они ли только?

Извѣстна жалоба одного отставного жандармскаго генерала:

— „Мои" бывало найдутъ тайную типографію. Сообщаю въ охранное отдѣленіе. А оттуда отвѣчаютъ: эту нельзя трогать, эта—наша.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что „агенты-провокаторы" составляютъ спеціальную службу. И, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, несутъ также побочныя: содѣйствуютъ распространенію, а порою и фабрикаціи, „нелегальной литературы". Къ этому же источнику противоправительственной мысли было пріобщено и с. Лебединъ, какъ, впрочемъ, и многія другія села и деревни. Но любопытно, что въ Лебединѣ едва ли не первыми распространителями прокламацій и запрещенныхъ книгъ явились чины полиціи. Съ какой стати и во имя чего они это дѣлали,—сейчасъ увидимъ. А здѣсь умѣстно будетъ небольшое предварительное замѣчаніе.

Я пользуюсь данными, какія установило судебное слѣдствіе о поджогѣ лебединскаго завода. Дѣло это разсматривалось, совмѣстно съ 5 другими дѣлами о поджогахъ, выѣздною сессіей кіевскаго окружнаго суда въ Чигиринѣ 3 дня (31 марта—2 апрѣля 1905 г.) Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи находятся лишь рефераты кіевскихъ подцензурныхъ газетъ, такъ что наиболѣе острыя подробности „гильотинированы" и для насъ пропали. Это позволяетъ думать, что матеріалы, какими я располагаю, рисуютъ дѣятельность полиціи выгоднѣе, чѣмъ она заслуживаетъ.

III.

Каждой профессіи свойственны нѣкоторыя увлеченія. У малоопытныхъ врачей нерѣдко замѣчается излишняя склонность дѣлать „операціи". Школьные педагоги, особенно молодые, чрезмѣрно любятъ „читать науку". У полицейскихъ чиновъ есть также слабость—раскрыть какой-нибудь „заговоръ", и по преимуществу „политическій".

Увлеченія эти вполнѣ естественны. Всякому хочется дѣлать то, что въ его профессіональномъ кругу считается наиболѣе почетнымъ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сложнымъ и отвѣтственнымъ. И не мудрено, если учитель тщится походить на профессора; врачъ желаетъ замѣнить прозаическое перо, прописывающее хининъ и касторку, хирургическимъ ножомъ; полицейскій—скучное наблюденіе за „общественной тишиной" и „порядкомъ" на улицѣ отыскиваніемъ важныхъ „политическихъ преступниковъ". Для самолюбія хожалаго пріятнѣе сказать: „я накрылъ тайную типографію", нежели: „я не допустилъ скопленія экипажей на углу Невскаго и Литейнаго". Дѣленіе труда на болѣе почетный и менѣе почетный—предразсудокъ. Но съ нимъ нельзя не считаться.

Учителя отъ профессіональныхъ увлеченій сдерживаетъ прямая обязанность: надо же научить дѣтей грамотѣ. Иной врачъ и радъ бы блеснуть хирургической рѣшительностью, но требуется согласіе больного или его родственниковъ. Только для полицейскихъ чиновъ этихъ закономѣрныхъ границъ не положено, и оттого сыскной зудъ легко принимаетъ формы, безусловно нетерпимыя въ общежитіи.

Изъ массы случаевъ, которыхъ ужъ черезчуръ много бываетъ ежедневно, рѣшаюсь напомнить лишь одинъ, происшедшій въ Радомыслѣ.

Это—захудалый городокъ Кіевской губ. Онъ безропотно молчалъ, когда его переименовали изъ стариннаго Мыкгорода въ Радомысль. Безропотно молчалъ, когда въ немъ разоряли до тла уніатскую митрополію, а въ митрополичьихъ покояхъ, въ знакъ торжества православія, водворили тюремный замокъ. И теперь молчитъ, „какъ окаянный":

— Совершенно не на чемъ отличиться!..

Въ концѣ прошлаго 1904 г. полиція все таки рѣшила поймать хоть одного „политическаго преступника". Намѣченъ былъ заранѣе домъ, въ которомъ „что-то происходитъ". Оставалось забрать въ качествѣ вооруженной силы городовыхъ, пожарныхъ и нагрянуть... разумѣется, днемъ, такъ какъ самыми тщательными розысками ночныхъ собраній въ Радомыслѣ не обнаружено.

„На мѣстѣ преступленія“ удалось захватить „штукъ пять“ молодыхъ евреевъ. Преступленіе же ихъ состояло въ томъ, что они пришли въ гости къ своему сверстнику и „скопомъ“ читали книгу, подъ названіемъ: „Сіонистскій альманахъ“, разрѣшенную кіевской цензурой. Въ томъ же домѣ, но на другой квартирѣ, оказалось нѣсколько дѣвушекъ, пришедшихъ въ гости къ подругѣ. Молодежь обоего пола была согнана въ одну комнату, и начался обыскъ. Т. е. квартальный послѣдовательно, въ присутствіи всѣхъ, раздѣвалъ до нага и дѣвушекъ, и юношей. Тщательно осматривалъ, не спрятана ли „преступная пропаганда“ въ карманахъ, въ складкахъ одежды и тѣла... Дѣвушки рыдали отъ стыда. Молодые люди возмущенно кричали. Пожарные, завидѣвъ нагое женское тѣло, гоготали. „Начальство“, чувствуя, что, даже на полицейскій взглядъ совершаетъ безцѣльную и омерзительную глупость, выходило изъ себя:

— Молчать, задрипанныя (?!) хайки!—оралъ квартальный.

„Кіевская Газета“ получила нѣсколько писемъ, передающихъ гнусныя подробности обыска. Подробности эти я опускаю. А общій результатъ такой: „начальство“ не нашло ни единой прокламаціи и удалилось съ бранью, заарестовавъ для чего-то злосчастный „Сіонистскій альманахъ“.

Таковы плоды усердія въ городѣ, куда всетаки для полицейскихъ надобностей назначаются люди порасторопнѣе и поумнѣе. Что же дѣлается въ деревняхъ? А между тѣмъ каждый урядникъ норовитъ завести при своей особѣ сыщика: оно и почетъ, да и отличиться есть охота. Съ своей стороны и сыщикъ изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобъ „оправдать довѣріе“: во-первыхъ, самолюбіе; во вторыхъ, карьера, а въ третьихъ, надо же изъ разряда опороченныхъ перейти въ разрядъ непорочныхъ... Но тутъ необходимо объяснить секретъ полишинеля,—т. е. изъ какихъ элементовъ всего чаще мобилизуется шпіонатъ?

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже приходилось говорить, что сыщики даже въ городахъ вербуются по преимуществу изъ „сословія извѣстныхъ полиціи воровъ“. „Извѣстный полиціи воръ“—это значитъ, что человѣкъ учинилъ кражу или иное мошенничество, попалъ въ тюрьму, а слѣдовательно, и въ особо заведенную при участкахъ „книгу живота“. Такимъ лицамъ, имѣющимъ нужныя для грубаго сыска связи, готовымъ на все (терять-то, вѣдь, нечего) и предлагается, обыкновенно, перейти въ „агентуру“.

Справедливость требуетъ замѣтить, что предложеніе не всегда пріемлется добровольно. Чигиринскій процессъ даетъ, между прочимъ, характерную въ этомъ смыслѣ подробность.

Среди обвиняемыхъ въ поджогѣ былъ нѣкто Яковъ Пухлій. Онъ отнюдь не воръ. Но съ полиціей у него давніе счеты. Мужчина непокорный и рѣзкій, онъ „безъ числа“ сиживалъ и въ

тюрьмѣ, и въ кутузкѣ. Бывалъ высылаемъ въ порядкѣ усиленной охраны. Обвинялся въ составленіи „преступныхъ шаекъ“. Нынѣ осужденъ за какое-то убійство и на судъ по лебединскому дѣлу приведенъ въ кандалахъ. Вся его молодость (а онъ еще далеко не старикъ) ушла на борьбу съ заводомъ изъ-за вѣтки, на протестъ противъ „міроѣдовъ“ и на расплату за этотъ протестъ. Это боевая и потому трагическая фигура нынѣшней деревни. Но съ полицейской точки зрѣнія онъ—преступникъ, несомнѣнный, зарегистрированный. И вотъ ему-то не задолго до пожара приставъ Чаплинскій предлагалъ сдѣлаться шпіономъ.

Яковъ отлично понималъ, что ему предлагаютъ „золотой мостикъ“: согласись, угоди, и все прежнее будетъ забыто. Именно такимъ путемъ „извѣстный воръ“ и брандмейстеръ Осиповъ совершилъ свою карьеру, прерванную лишь благодаря несчастной случайности.

— Но—говоритъ Пухлій—я отказался. Приставъ разсердился на меня. Кричитъ: „возьмите его, заприте“.

Конечно, немедля „взяли и заперли“. Во время пожара, онъ сидѣлъ подъ арестомъ. Но объ этомъ послѣ. А пока важно, что деревня ищетъ шпіоновъ тамъ-же, гдѣ и городъ. И, стало быть, не надо удивляться, если при урядникѣ состоитъ агентомъ конокрадъ или иной „злодій“, какъ выражаются на Украинѣ. И единственное, чѣмъ отличается городской шпіонъ отъ деревенскаго, это—нѣкоторое превосходство въ умственномъ отношеніи. Впрочемъ, „превосходство“, какъ увидимъ ниже, весьма не изъ важныхъ.

IV.

Среди лебединскихъ сыщиковъ, дававшихъ показанія на судѣ, замѣтно выдѣлились два брата: Семенъ и Кириллъ Коваленки, Кондратъ Шулякъ и Петръ Клебасъ. Занесены ли имена ихъ въ „книгу живота“, и если занесены, то за какія „качества“, изъ дѣла не видно. Коваленки раньше работали на заводѣ, но уже тогда по преимуществу занимались сыскомъ. Теперь оба состоятъ въ чинѣ стражниковъ. Шулякъ и Клебасъ пока этой чести не удостоены.

Всѣ четверо говорятъ о своей шпіонской работѣ, нисколько не стѣсняясь, и даже съ гордостью. Якова Пухлія единодушно называютъ „студентомъ“.

— Передъ пожаромъ—разсказываетъ, напр., Семенъ Коваленко—пріѣхалъ студентъ. Собралъ поджигателей. Пьянствовалъ съ ними всю ночь. А на разсвѣтѣ пошли въ заводъ (это въ 12 ч. 10 мин. декабрьской ночи разсвѣтъ!). Студентъ сидѣлъ въ заводской столовой. Прочіе поджигали. Когда всѣ выбѣгали, и студентъ вышелъ въ толпѣ.

— Этотъ студентъ — спрашиваетъ прокуроръ — въ формѣ былъ?

— Нѣтъ. Его только называютъ студентомъ. А это—Яковъ Пухлій...

„Студентъ", повидимому, должно означать—„большой смутьянъ"... Кстати, въ Полтавской губерніи, послѣ весеннихъ волненій 1902 г., появилось слово: „студенція". Это—синонимъ полицейскаго термина: „безпорядки". Не при посредствѣ ли шпіоновъ обогатился народный языкъ этимъ, нѣсколько чудаковатымъ, неологизмомъ?

Сыщикъ Клебасъ блеснулъ передъ судомъ словомъ:

— Произведентъ...

— Ну, или тамъ... какъ бишь его? президентъ чтоль—пояснилъ онъ.

То есть:

Во Франціи самый главный преступникъ-республиканецъ называется произведентомъ, и—можете себѣ представить такой ужасъ!—въ Лебединѣ завелся собственный произведентъ...

Вы спросите:

— И эти люди уловляли „политическихъ преступниковъ"?

— Ого! еще какъ превосходно уловляли.

— Семенъ Коваленко—показываетъ, напр., свидѣтель Ефимъ Мертвый—разносилъ по всему селу прокламаціи. Далъ и мнѣ. „Раздавай, говоритъ, другимъ". Ну, а потомъ меня сейчасъ же и арестовали по политическому дѣлу. А я—человѣкъ неграмотный. Не зналъ, что такое политика. Думалъ, что это дѣвка такая... Спрашиваю у Семена Коваленка: „А что въ прокламаціяхъ пишутъ"?—„Это, говоритъ, поученіе, для развитія мозговъ народа. У тебя жена грамотная, говоритъ,—она будетъ читать, а ты слушай и въ голову забирай"...

Въ аналогичныя условія попалъ и крестьянинъ Василій Маслюкъ. Ему тоже всучили прокламацію, а затѣмъ обыскали, подвергли аресту „по политическому дѣлу"... Къ счастью, онъ уже оправданъ кіевской судебной палатой. Маслюкъ былъ первый „преступникъ", котораго въ кіевскомъ округѣ судили по новому уголовному уложенію.

Наравнѣ съ Коваленками „распространялъ по селу книжечки и прокламаціи" сыщикъ Шулякъ. О „книжечкахъ" интересное показаніе далъ Яковъ Пухлій:

— Зашелъ ко мнѣ однажды—говоритъ онъ—Семенъ Коваленко.—„Пойдемъ ко мнѣ".—„Зачѣмъ?" спрашиваю.—„Дамъ тебѣ книжечку почитать"... И даетъ.—„Только, говоритъ, читай секретно, книжка запрещенная"... Я отказался: на меня и такъ полиція нападаетъ.—„А можетъ быть, говоритъ Коваленко, у тебя товарищи есть. Дай имъ почитать. Теперь, говоритъ, народъ умный пошелъ, долженъ книжки читать"... И началъ Коваленко

разсказывать мнѣ про Шевченка. Читалъ „Чернеца“: „чернецъ годованый на престолѣ сидитъ и правдой торгуетъ“...

Предсѣдатель суда, не рѣшаясь этому вѣрить, обращается къ Коваленку:

— Былъ у васъ разговоръ о книжкахъ?

— Да, я ему читалъ,—съ цѣлью что-нибудь вывѣдать.

Съ какой цѣлью распространялись „книжечки и прокламаціи“—объяснять почти нѣтъ нужды. „Политическихъ преступниковъ“ въ Лебединѣ найти не легко. Ниже мы увидимъ, до какой степени вѣроятно предположить, что ихъ тамъ никогда и не было. Но сыщикамъ нужно отличиться. Значитъ, достань прокламацію, сунь кому-нибудь, бѣги и доноси. Начальству это пріятно, ибо чѣмъ больше поймано политическихъ преступниковъ, тѣмъ съ лучшей стороны аттестуетъ себя администраторъ. Сыщика тоже поощряютъ... Махинація, слишкомъ элементарная. Но шпіоны до того перестали краснѣть, что говорятъ о ней суду открыто, не стыдясь.

— Ну да, распространяли и сообщали. А дальше что?

Одинъ изъ Коваленковъ расхвастался съ особенною откровенностью:

— Былъ я разъ членомъ шайки поджигателей. А потомъ донесъ и дѣло не состоялось. Еще разъ участвовалъ въ заговорѣ, чтобъ поджечь сразу 60 домовъ... А то я еще участвовалъ въ заговорѣ, чтобъ поймать лѣсничаго и убить...

Участвовалъ или организовывалъ—доискиваться пока не будемъ.

Шулякъ своими шпіонскими талантами пользовался не менѣе рьяно:

„Рядъ свидѣтелей—передаетъ референтъ „Кіевской Газеты“—отказывается отъ своихъ первоначальныхъ показаній не въ пользу подсудимыхъ. Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что раньше (на предварительномъ слѣдствіи) они оговаривали подсудимыхъ по приказанію Шуляка. Шулякъ держалъ въ страхѣ все село.

— Захочу,—хвасталъ онъ,—и тебя посадятъ и сошлютъ.

И доказывалъ это фактами. Что-то кому-то говорилъ, и крестьянъ арестовывали десятками...“

Чуть кто-либо казался непочтительнымъ, осмѣливался спорить,—у Шуляка расправа коротка и сурова. Крестьянинъ Григорій Кельбасъ не остерегся и вздумалъ съ Шулякомъ судиться. Шулякъ шепнулъ „кому слѣдуетъ“ и „за такое на меня донесеніе—жалуется суду потерпѣвшій — пріѣзжалъ жандармскій офицеръ; меня и еще 30 человѣкъ арестовали, посадили въ чигиринскую тюрьму...“

Защитникъ захотѣлъ провѣрить это показаніе. Приставъ Чаплинскій любезно подтвердилъ, что, дѣйствительно, были арестованы 31 человѣкъ, и всѣ содержались въ тюрьмѣ. О нихъ „про-

изводилось только полицейское дознаніе, которое затѣмъ было представлено министру внутреннихъ дѣлъ". Уже кн. Святополкъ-Мирскій велѣлъ прекратить это вопіюще вздорное дѣло. Тогда арестованныхъ отпустили на свободу. На ихъ счастье, они просидѣли въ тюрьмѣ всего лишь 6 мѣсяцевъ.

Во всякомъ случаѣ, сыщики сумѣли доказать губернскому начальству, что село Лебединъ превратилось въ очагъ революціонной пропаганды. Поэтому „губернія" взглянула на пожаръ завода очень строго. Было рѣшено, что „это не иначе, какъ работа революціонеровъ". А отсюда созрѣло и другое рѣшеніе:

— Пресѣчь, наконецъ, пропаганду и вырвать революцію съ корнемъ.

И въ Лебединъ на розыски было командировано изъ Кіева 8 переодѣтыхъ городовыхъ, а во главѣ ихъ одинъ изъ главныхъ агентовъ—Воротниковъ. Увы! это нашествіе оригинально подѣйствовало на „революцію": она не только не ослабѣла, но, наоборотъ, усилилась. Въ Лебединѣ и окрестностяхъ началось что-то небывалое и страшное, о чемъ даже теперь на судѣ свидѣтели вспоминаютъ съ ужасомъ. Но объ этомъ ниже.

V.

Воротниковъ, какъ онъ самъ говоритъ, пожаловалъ въ Лебединъ „подъ видомъ подпольнаго адвоката", для чего запасся „соотвѣтствующими визитными карточками и 16 томами свода законовъ". А сверхъ того, отъ начальника кіевскаго сыскного отдѣла г-на Рудого получилъ приказъ быть фельдшеромъ.

— И вы лѣчили крестьянъ? — въ ужасѣ спрашиваетъ защитникъ.

— А почему бы и нѣтъ?.. Конечно, лѣчилъ, — самодовольно отвѣчаетъ Воротниковъ.

— Но какъ же...

— Гидропатіей лечилъ... Ну, то-есть разными травами — поясняетъ сыщикъ,—знаете, по системѣ доктора Кнейпа...

— Гидропатія, — недоумѣваетъ защитникъ — какъ извѣстно, лѣченіе водой...

— Ну да, я же и говорю: травками...

Удалось ли Воротникову отправить кого-либо на тотъ свѣтъ своими „травками",—на судѣ не обнаружено. Зато свидѣтельскія показанія гласили, что „главнаго агента" и „переодѣтыхъ городовыхъ" населеніе быстро „раскусило". И людишки поподлѣе стали пользоваться ими для сведенія личныхъ счетовъ. Да оно и заманчиво.

Вы, положимъ, крестьянинъ. Изъ-за какого-нибудь пустяка поссорились, а потомъ и подрались съ сосѣдомъ. Сосѣдъ ока-

зался сильнѣе и побилъ васъ. Человѣкъ слабъ — хочется отомстить, сорвать зло. А сдѣлать это очень просто: живетъ „подъ видомъ фельдшера“ „господинъ агентъ“. Стоитъ только пойти къ нему и шепнуть:

— Вотъ, молъ, такой-то и такой-то—несомнѣнный студентъ.

Въ качествѣ вещественной улики суньте рублевую бумажку... А впрочемъ, и безъ бумажки можно: „г-ну агенту“ очень, вѣдь, нужно доказать, что онъ не даромъ жалованье получаетъ и въ Лебединѣ живетъ.

И къ „г-ну агенту“ шли. „Указывали, какъ онъ выражается, на кого придется“. Затѣмъ слѣдовало распоряженіе объ арестѣ, допросъ... „съ пристрастіемъ“ или „безъ пристрастія“,—каждому, кто знакомъ съ нравами сельскихъ застѣнковъ, предоставлено догадываться.

Воротниковъ „лѣчилъ паціентовъ и давалъ юридическіе совѣты кліентамъ“ три мѣсяца.

— Дѣло у него — показываетъ начальникъ сыскного отдѣла Рудой—шло туго. Я послалъ Голлендера.

Имя этого сыщика уже отмѣчено и кіевской прессой, и столичной. Собственно говорилось о немъ, что онъ раньше, до поступленія на полицейскую службу, сидѣлъ въ тюрьмѣ. Какъ человѣкъ съ рѣзко уголовнымъ прошлымъ, онъ прибылъ въ Лебединъ „подъ видомъ бродяги“. Лебединскій приставъ заблаговременно подготовилъ почву, т. е. „заключилъ въ холодную“ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ въ поджогѣ. Сюда же яко бы за безписьменность былъ посаженъ и Голлендеръ.

Заключенные не безъ юмора разсказываютъ объ этомъ маскарадѣ:

— Втолкнули Голлендера въ клоповникъ очень демонстративно. Но забыли соблюсти маленькую формальность: не обыскали. „Этого наши полицейскіе никогда не забываютъ. Такъ что сразу стало видно, какая прилетѣла птица“. „Съ мѣста въ карьеръ“, „агентъ“ началъ хвастать, что онъ бѣглый каторжникъ. Былъ, говоритъ, сосланъ „за самыя страшныя дѣла“. Затѣмъ показалъ деньги—25 рублей...

Изъ клоповника гастролеръ направился къ лебединской проституткѣ Акулинѣ:

— Стою я,—говоритъ Акулина — возлѣ своего дома, идетъ какой-то молодой да гарный. Смѣется до меня. И я смѣюсь до него.

— „Я, говоритъ, хочу тебя посватать“... Я бачу такой бравый изъ себя молодецъ. Заходите, говорю, ко мнѣ. „Онъ“ зашелъ, показываетъ мнѣ грошей—много-премного. Какъ увидѣла я деньги, да самъ онъ такой красивый, — ну, и давай я его обнимать да цѣловать...

Слыша столь пріятные отзывы о своей наружности, Голлендеръ даже на судѣ самодовольно смѣется и подмигиваетъ.

3*

— Обнимаю да цѣлую, — продолжаетъ Акулина — а онъ смѣется все.—Ну, потомъ онъ зоветъ меня: поѣдемъ въ Кіевъ, тамъ мой батько живетъ. Я вижу,—денегъ у него много и поѣхала. Привезъ меня этотъ Сашка въ Кіевъ и заперъ въ номерѣ. Потомъ приходитъ его батько (Рудой, начальникъ сыскного отдѣла), приноситъ конфекты, яблоки (зимою яблоки!—восхищается Акулина), напоили меня чѣмъ-то сладкимъ-сладкимъ, желтое что-то такое, доброе-доброе!.. Напилась я, голова закружилась и ничего не помню. Легли мы съ Сашкой спать. Онъ мнѣ и говоритъ: „ты знаешь—я злодій!“ Чего-же ты пришелъ ко мнѣ, говорю я. „Я слышалъ, что и ты злодійка“. Я не злодійка, — отвѣчаю. Тогда онъ вынимаетъ ножъ — длинный такой, блескучій. „Я, говоритъ, уже одну жинку убилъ и тебя убью“. Ой, говорю, не убивай, я буду злодійкой... На другой день Сашка купилъ мнѣ сережки, духи, мыло, далъ свои часы — гарные такіе—черные, а въ серединѣ золотые. Ну, говоритъ, я тебя посватаю, только батько приказываетъ мнѣ жениться на воровкѣ, если ты моему батькѣ скажешь, что ты воровка, то онъ позволитъ мнѣ жениться на тебѣ. Ты разскажи ему, что знаешь, кто у вась поджигалъ заводъ. Ну, я и разсказала, что онъ мнѣ самъ наговорилъ,—про поджигателей, про воровъ. Батько Рудый слушалъ меня и поцѣловалъ въ голову, говоря: „молодчина, дочко!..“

Предоставляю слово самому Голлендеру. Изъ Кіева онъ отправился вмѣстѣ съ „невѣстой“ и другимъ сыщикомъ Рогалей-Левицкимъ въ Шполу, къ Акулинину брату и своему нареченному шурину Никитѣ.

— Никита—повѣствуетъ Голлендеръ—подозрительно относился къ Рогалѣ-Левицкому и какъ-то пренебрежительно: „Ты, говоритъ, не злодій, а соціалистъ“... При этомъ Никита пробовалъ, сильный ли человѣкъ Рогаля-Левицкій — это ужъ такой пріемъ у воровъ. Но Рогаля схватилъ Никиту и бросилъ о землю. — „Ну, теперь вижу, что ты хорошій воръ“ — сказалъ послѣ этого Никита. Къ намъ являлся и еще одинъ поджигатель. Велъ ужасные политическіе разговоры. Пѣлъ наизусть революціонныя пѣсни: „Дубинушку“, „Смѣло, друзья, не теряйте...“

— Затѣмъ мы съ Акулиной снова поѣхали въ Кіевъ и чтобы окончательно увѣрить ее въ томъ, что я именно воръ, я и Рогаля-Левицкій совершили кражу... изъ квартиры нашего начальника г. Рудого. Мы украли оттуда ротонду жены г. Рудого и ящикъ серебра. Тутъ уже Акулина окончательно увѣрилась, что мы никто иные, какъ воры.

А увѣрившись, она призналась, что, дѣйствительно, занимается соціализмомъ, т. е. воруетъ и поджигаетъ. Потомъ назвала, кто еще въ селѣ принадлежитъ къ соціалистамъ. Разсказъ Акулины слышали Рудой и Голлендеръ. Третій сыщикъ лежалъ за шир-

мой и записывалъ „показанія“. Такимъ образомъ, поджигатели были открыты; и теперь сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ...

Боюсь, что читателю все это начинаетъ казаться сплошнымъ и злостнымъ бредомъ:

— Поджогъ завода, давшій Александровскому товариществу 1.400,000 р. страховой преміи, прокламаціи, запрещенныя книжки, политическіе аресты, проститутки, соціалисты, воры, поджигатели... Объясните ради Бога,—какая связь?

VI.

Иногда дѣти, играя раскрашенными кубиками, дѣлаютъ ребячески наивную ошибку. Игра состоитъ въ томъ, что, если кубики сложишь вмѣстѣ, придерживаясь опредѣленнаго плана, то составится картинка. И вотъ каждый ребенокъ старательно кладетъ свой кубикъ той гранью кверху, которая ярче разрисована, больше нравится, или, по крайней мѣрѣ, болѣе понятна. А нравится одному кусокъ краснаго дождевого зонта, другому—львиная лапа, третьему—жокейская шапочка, четвертому—голова цапли... И выходитъ ни то, ни се—„нисенитниця“, которую только потому никто не назоветъ бредомъ, что, вѣдь, это же игра, и при томъ дѣтская.

Точь-въ-точь такую же „нисенитницю“ устроили лебединскіе сыщики туземнаго и кіевскаго происхожденія. Имъ хотѣлось во чтобы то ни стало прославиться, соорудить политическій процессъ. Но что оно значитъ—„политическій?“

Повидимому, наиболѣе освѣдомленъ на этотъ счетъ Голлендеръ. Живя въ Кіевѣ, онъ всетаки сталкивался кое съ чѣмъ, имѣющимъ дѣйствительный политическій запахъ. Навѣрное, бывалъ маскараднымъ рабочимъ и маскараднымъ студентомъ. Слышалъ „Дубинушку“. Слышалъ „Смѣло, друзья“. Читывалъ настоящія, „комитетскія“, прокламаціи, гдѣ были „соціалисты-революціонеры“, „соціалъ-демократы“... Привыкъ къ слову „соціалистъ“. Это кажется ему самой яркой, самой красивой гранью кубика, и онъ старательно кладетъ ее кверху.

— Дивчина Акулька наизусть „Дубинушку“ пѣла... Слышите: наизусть... Я наизусть не знаю. А она знаетъ. Стало быть, соціалистка... А дабы убѣдить ее въ нашей принадлежности къ соціализму, мы украли ротонду. И тогда Акулька повѣрила, что мы соціалисты.

Голлендера нельзя строго винить. Изъ гомельскаго процесса о погромѣ извѣстно, что даже исправникъ считалъ, будто „политическіе заговорщики„ называются „демократами“. Гдѣ же бѣдному сыщику, мелкой полицейской блохѣ, разбираться въ такихъ тонкостяхъ!.. Не надо лишь забывать, что Голлендеръ—признан-

ный государствомъ экспертъ вашихъ мыслей. И по его первому слову, васъ арестуютъ и даже сошлютъ въ мѣста отдаленныя.

Безъ сомнѣнія, не меньше Голлендера освѣдомленъ въ „политикѣ“ шпіонскій архистратигъ Рудой. Онъ тоже убѣжденъ, что Акулина—„злодійка“, т. е. поджигательница, воровка и, слѣдовательно, соціалистка. По его словамъ, онъ лично принялъ участіе въ кражѣ ротонды изъ своей квартиры, дабы убѣдить Акульку, что передъ нею не просто „Сашкинъ батько—Рудый“, но „дѣйствительный соціалистъ“.

У братьевъ Коваленковъ облюбована другая грань кубика. Они слышали, что, ежели который человѣкъ студентъ, то это и значитъ политическій преступникъ. А занимается политическій преступникъ не иначе, какъ поджогами, потому что отъ начальства приказано поджигателей разыскивать. Примѣта же, по слухамъ, такая: у кого книжечка или прокламація, того, значитъ, и лови. И оба сыщика разносятъ прокламаціи, участвуютъ въ какомъ-то поджигательскомъ заговорѣ, въ какой-то поджигательской шайкѣ...

Только ли участвуютъ?.. По общему отзыву, во время шпіонскаго розыска, пожаръ слѣдовалъ за пожаромъ. Горѣли клуни, скирды, постройки. Временами какіе-то неизвѣстные люди „залпами палили изъ ружей“.

— Мои (переодѣтые) городовые—показывалъ Рудой—въ китайскую войну не слыхали такихъ выстрѣловъ, какіе раздавались въ Лебединѣ.

— Поджоги—говоритъ другой свидѣтель—совершались открыто и дерзко. Поджигатели ходили бандами. Всюду раздавались выстрѣлы. Сторожа не только не задерживали злоумышленниковъ, но и не тушили пожаровъ... Постоянные пожары, выстрѣлы, всякіе слухи довели насъ до галлюцинаціи...

Замѣтьте: „банды“ ходили „открыто“, на глазахъ у сыщиковъ, которыми Лебединъ былъ прямо таки перенаселенъ, и которые, по собственному признанію, участвовали въ этихъ „бандахъ“. И тѣмъ не менѣе никто не пойманъ и не уличенъ. Единственная „несомнѣнная“ улика противъ подсудимыхъ—это разсказъ „Сашки Голлендера невѣсты Акульки“ въ номерѣ кіевской гостинницы. Но вотъ Акулька „разсказала“. Повальный сыскъ прекратился. Гастролеры отбыли въ Кіевъ. Братья Коваленки добились производства въ стражники. И поджоги, выстрѣлы вдругъ прекратились.

Это загадочное обстоятельство интересовало прокурора. И онъ увидѣлъ въ немъ косвенную улику противъ подсудимыхъ.

— Поджоги—говорилъ онъ—совершались изъ мести. Благодаря шпіонамъ, мстители были переловлены и заключены въ тюрьму. Пожары прекратились. Значитъ, другихъ поджигателей, кромѣ тѣхъ, которые сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, не было.

Кому же, однако, „мстили“? Александровскому товариществу? Но поджигать хотя бы тотъ же весьма надлежаще застрахованный заводъ-руину въ день прекращенія производства—вовсе не значитъ мстить. Это называется оказать услугу. Не правильнѣе ли поэтому предположить извѣстнаго рода сыскной маневръ, имѣющій цѣлью привлечь поджигателей, а буде они не привлекутся, искусственно сочинить ихъ? Конечно, это лишь подозрѣніе. Но оно не менѣе основательно, чѣмъ то, которое высказалъ прокуроръ. Пока разслѣдованіе темныхъ шпіонскихъ дѣлишекъ не произведено, у насъ нѣтъ фактовъ, чтобы категорически указать на сыщиковъ и произнести:

— Hier ist der Hund begraben.

Но подозрѣніе, что пожары имѣли причинную связь съ дѣятельностью Воротниковыхъ и Коваленокъ, напрашивается само собою.

Есть и еще одна „грань кубика“, которую шпіоны облюбовали. Имъ она казалась необыкновенно вѣскимъ доказательствомъ, что подсудимые—„политическіе преступники“. Но объ этой сторонѣ дѣла необходимо сказать подробнѣе.

VII.

Между сахарозаводчиками и крестьянами почти нигдѣ нѣтъ мира. И причинъ тому очень много.

Во-первыхъ, заводъ является очень опаснымъ и прямо таки непобѣдимымъ конкурентомъ по арендѣ земель.

Во-вторыхъ, заводская администрація ужъ слишкомъ не церемонится съ такъ называемыми „отбросами производства“. Они удаляются, лишь бы поскорѣй и подешевле. Въ короткое время пруды и рѣки загаживаются до того, что дохнутъ не только рыбы, но и лягушки. Около села, порою всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крестьянскихъ построекъ, появляются ничѣмъ не огороженныя ямы съ невыносимо зловонною „фильтрпрессной грязью“. Повальная дѣтская смертность—первая жертва, которую требуетъ отъ страны насаждаемая государствомъ „сахарная промышленность“. Молохъ-заводчикъ ежегодно пожираетъ тысячи дѣтей, предварительно отравивъ ихъ при посредствѣ воздуха или воды. Для примѣра укажу хотя бы на м. Монастырище, Липовецкаго у. Еще недавно, „до завода“, это былъ одинъ изъ цвѣтущихъ уголковъ Юго-Западнаго края. Нынѣ здѣсь сплошная клоака. И крестьяне тщетно добиваются, чтобы заводъ заплатилъ, по крайней мѣрѣ, за тѣ постройки, въ которыхъ, благодаря фильтрпрессным ямамъ, не стало никакой возможности жить. Порою доходитъ до того, что селянинъ бросаетъ свой домъ,

свою усадьбу и перекочевываетъ подальше отъ вони, къ великому удовольствію заводчика:

— Безданно, безпошлинно можно вырыть новую яму еще ближе къ мужицкому жилью.

Въ-третьихъ, усиленная возка для нуждъ завода страшно портитъ дороги, и безъ того неважныя. А „дорожная повинность“ лежитъ всецѣло на крестьянахъ.

Въ-четвертыхъ, заводчики устанавливаютъ такія правила пріема той же хотя бы свеклы, которыя равносильны систематическому обмѣриванію и обвѣшиванію.

Это все хроническіе поводы для недоразумѣній. Между тѣмъ, заводовладѣльцы не стѣсняются время отъ времени огорошивать крестьянъ экстраординарными фокусами. Недавно, передъ Пасхой 1905 г., Гниванскій, напримѣръ, заводъ, въ Подольской губ., рѣшился подвергнуть „сиволапыхъ“ „дисциплинарной мѣрѣ“: разломалъ на протяженіи своихъ земель всѣ мосты черезъ рѣку, уничтожилъ всѣ паромы, угналъ всѣ лодки. И населеніе двухъ волостей въ горячую весеннюю пору очутилось безъ переправы. Повидимому, это предпринято, чтобъ склонить „мужичье“ на уступки. Полиція же... Ея взглядъ извѣстенъ:

— Подѣломъ!.. Не сопротивляйся...

Къ разряду такихъ же фокусовъ надо отнести и продѣланное Александровскимъ товариществомъ отчужденіе 37 десятинъ земли.

Наконецъ, каждый заводчикъ старается имѣть въ селѣ свою партію. Подачкой, обѣщаніемъ или другими средствами на сторону завода привлекаются лавочники, мелкіе предприниматели, сельскіе батюшки, писаря и, разумѣется, „гласные чины полиціи“, а за ними, какъ оно и слѣдуетъ по субординаціи, „негласные“, въ родѣ Шуляка, Клебаса etc.

Конечно, заводская партія состоитъ не сплошь изъ рептилій. Рептиліи лишь ядро ея. По частнымъ же поводамъ къ ней невольно примыкаютъ и независимые люди. Бродскимъ нетрудно было склонить, положимъ, торговцевъ на уступку 37 дес. земли. Для торговца желѣзнодорожная вѣтка обѣщаетъ новыхъ покупателей. Въ городскихъ „общественныхъ управленіяхъ“, по милости „цензовой системы“, купивши тѣмъ или инымъ способомъ поддержку „богатѣевъ“, можно прекрасно устроить свои дѣла. Къ счастью, Петербургъ еще не додумался до того, чтобъ такъ же вытурить бѣдняковъ изъ сельскихъ сходовъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ городахъ. И потому претензіи Александровскаго товарищества встрѣтили довольно энергичный отпоръ.

Мы видимъ въ Лебединѣ двѣ рѣзко опредѣлившіяся партіи. Одна и на сходахъ, и внѣ сходовъ агитируетъ въ пользу заводчиковъ. Эта „заводская“ партія—меньшинство. Но ее дѣятельно поддерживаетъ полиція. Другая партія,—„мужицкая“, безъ сомнѣ-

нія, раздраженная и „общей политикой“ Александровскаго товарищества, и односельчанами, продавшими мірскіе интересы за чечевичную похлебку,—партія страстная, горячая, но нашедшая талантливыхъ руководителей и моральную поддержку въ грамотной лебединской молодежи.

Едва-ли не самымъ большимъ вліяніемъ въ крестьянской партіи пользовался Кириллъ Онищенко. Это солидный „домохозяинъ“. Человѣкъ спокойный, съ большимъ характеромъ. Одно время служилъ, если не ошибаюсь, старшиной. Быть можетъ, уступая своимъ единомышленникамъ Пухлію и Кельбасу въ искренности, онъ былъ незамѣнимъ именно потому, что зналъ формальныя препятствія, умѣлъ считаться съ ними и обходить ихъ. Между прочимъ, эти три лебединскихъ дѣятеля не мало потрудились, когда рѣчь шла объ отчужденіи земли. Они сумѣли сплотить бѣдноту. Устраивали предварительныя совѣщанія передъ сходами. На сходахъ сбивали заводскую партію со всѣхъ позицій. И только необыкновенная готовность Петербурга дѣлать услуги гг. Бродскимъ, лишила село и земли, и извознаго заработка.

Впослѣдствіи заводская партія чуть ли не цѣликомъ ушла въ сыскъ. А крестьянская пыталась водворить въ селѣ порядокъ и прекратить всеобщую панику, овладѣвшую Лебединымъ во время нашествія шпіоновъ. Объ этомъ цѣнныя показанія давалъ на судѣ Онищенко.

О дѣйствіяхъ сыщиковъ даже сугубо „охранительный“ „Кіевлянинъ“ вынужденъ былъ сказать:

— Лекоки лебединскіе и кіевскіе орудовали такъ глупо и такъ преступно, словно они задались цѣлью доказать крестьянамъ, что между полицейскимъ агентомъ и мошенникомъ нѣтъ никакой разницы.

Въ глазахъ крестьянъ Воротниковы и Голлендеры были, дѣйствительно, мошенниками, и противъ нихъ употреблялись такія же средства, какъ и противъ всякихъ другихъ мошенниковъ.

— Населеніе—жалуется Рудой—распознало городовыхъ, и имъ угрожали смертью.

— Я часто жизнью рисковалъ,—дополняетъ Воротниковъ.

По просту—сыщиковъ обуздывали платоническими угрозами. Легальныхъ средствъ противъ кіевскихъ гостей, какъ и противъ питерскаго указа, у крестьянъ не было. А исполнить угрозу и, слѣдовательно, перейти къ средству открыто нелегальному, они, видимо, не хотѣли. Зато со шпіонами туземными крестьяне предполагали поступить крутенько. Намѣчено было 6 человѣкъ, явно уличенныхъ въ провокаторскомъ распространеніи прокламацій и ложныхъ доносахъ. Ихъ общество рѣшило выслать. Приговоръ о высылкѣ Шуляка и Клебаса (не надо смѣшивать съ руководителемъ крестьянской партіи Кельбасомъ) состоялся единогласно и былъ подписанъ 1750 домохозяевами.

— За то,—говоритъ Онищенко,—что они дѣлали доносы на честныхъ людей.

Разумѣется, полиція поспѣшила защитить своихъ агентовъ. Приговоръ не былъ допущенъ къ исполненію. Но замѣчательно, крестьянская партія всетаки не позволила себѣ насильственныхъ дѣйствій противъ зловредныхъ односельчанъ. И еще доказательство, что творившіяся въ Лебединѣ безчинства—дѣло не тѣхъ рукъ, на которыя указываетъ прокуратура. Лебединскій „мужикъ" остался вѣренъ себѣ и не противорѣчилъ старинному приговору:

— Деревенское долготерпѣніе до того безмѣрно, что переходитъ въ порокъ.

Полиція также была вѣрна себѣ, и нисколько не церемонилась. Осторожный Онищенко какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Но пылкій Яковъ Пухлій попалъ въ политическіе преступники и въ административную ссылку. О Кельбасѣ свидѣтели единодушно показали:

— Шулякъ требовалъ отъ насъ, чтобы мы говорили будто у Кельбаса бываютъ собранія, и тамъ говорять про политику... политическія собранія.

— За такое донесеніе,—присовокупилъ Кельбасъ,—меня и еще 30 человѣкъ арестовали.

И только теперь, когда сыщики высказались гласно на судѣ, начинаешь понимать, въ чемъ дѣло.

— Бродскіе,—говоритъ, напримѣръ, шпіонъ Клебасъ,—было уговорили крестьянъ уступить землю, 37 десятинъ, подъ желѣзную дорогу. Но Яковъ Пухлій и Кельбасъ возмутили народъ... А Онищенко былъ у нихъ самый произведентъ.

Другими словами:

— „Они" противились самому Бродскому. Значитъ—соціалисты.

И то, что Пухлій и Кельбасъ „противились", не соглашались, участвуя на сходахъ, съ предложеніями завода, шпіоны варьируютъ на всѣ лады. То есть, „политическими преступниками" называются люди, принадлежащіе къ той партіи сельскаго схода, которой не сочувствуетъ заводчикъ Бродскій и приставъ Чаплинскій. И, слѣдовательно, совѣщанія этихъ людей передъ сходомъ суть „политическія собранія".

Кто жъ преступники? Да всѣ поголовно, вся крестьянская партія. Но такъ какъ всѣхъ нельзя арестовать и посадить въ тюрьму, то хватай каждаго, который талантливѣе, умнѣе, расторопнѣе, грамотнѣе. Благодаря этому достигается, дѣйствительно, политическая цѣль, и при томъ первостепенной важности.

Въ Китаѣ издавна дѣйствуетъ необыкновенно сильное средство, подъ названіемъ: „кантами". Оно основано на математически точномъ соображеніи, что всякому выдающемуся человѣку, въ особенности таланту и генію, свойственно раздражать и злить

посредственность. Пусть будущій талантъ, которому природа опредѣлила впослѣдствіи пышно развернуться, пока всего лишь никому невѣдомый юноша и бѣдный кули. Но онъ уже жаждетъ самостоятельности. И, стало быть, неминуемо разозлитъ своего десятника. А разозленный десятникъ донесетъ властямъ—ну, хотя бы о томъ, что такой-то хунгузъ. Строптивца немедленно берутъ и, безъ лишнихъ разговоровъ, подвергаютъ „кантами", т. е. рубятъ голову.

Кантами не казнь. Нѣтъ. Это возведенное въ систему и въ государственный законъ выхолащиваніе націи.

И посмотрите, какіе блестящіе результаты! Народъ удивительно умный, китайцы не знаютъ интеллигенціи, какъ творческой національной силы: ее замѣнилъ мандаринатъ. Даровитѣйшій и благороднѣйшій изъ народовъ полонъ жажды лучшаго, но эту жажду некому воплотить въ планомѣрный рядъ реформъ, и она разрѣшается стихійно—постоянными бунтами, кровавыми, безсмысленными и безцѣльными. Народъ, въ болѣе счастливую пору своей исторической жизни предвосхитившій всѣ великія изобрѣтенія Европы, потомъ на протяженіи многихъ вѣковъ не сумѣлъ сохранить въ живыхъ ни одной творческой натуры, которая могла бы обратить эти изобрѣтенія въ дѣло жизни.

„Кантами" дѣйствуетъ вѣрнѣе холеры, чумы и войны, вмѣстѣ взятыхъ. А главное, — безошибочнѣе. Это—ножницы, которыя неумолимо отрѣзаютъ всякую голову, чуть только она грозитъ вырости выше средняго уровня.

И думаю, именно это геніальное изобрѣтеніе китайскихъ богдыхановъ вдохновляетъ г-на Грингмута и его единомышленниковъ, когда они требуютъ, чтобы „кантами", которымъ вооружены Шуляки, Клебасы, Голлендеры, называлось по-русски не „ссылкой", не „тюрьмой", но „смертной казнью". По существу, г. Грингмутъ правъ. Спора нѣтъ, примѣръ Лебедина показываетъ, что Шуляки и Рудые по мѣрѣ силъ содѣйствуютъ истребленію даровитыхъ людей. Но врядъ ли можно сомнѣваться, что только настоящее „кантами", въ дословномъ переводѣ съ китайскаго, поставитъ дѣло выхолащиванія націи на должную высоту. Теперь же всетаки кое-кто выживаетъ, какъ Пушкинъ и Достоевскій, хотя и калѣчится на всю жизнь, какъ Чернышевскій.

VIII.

Легко представить положеніе судебнаго слѣдователя, когда сыщики доставили ему свой „матеріалъ". Обвиненій куча. Одно чудовищнѣе и нелѣпѣе другого, и ни одной прямой улики, ни одного вещественнаго доказательства.

Коваленки и Шулякъ настаивали, что обвиняемые не иначе,

какъ „студенты“ и „соціалисты“, „бо распространяли прокламаціи“. Дѣйствительно, прокламацій было въ Лебединѣ достаточно. Но среди нихъ много такихъ, которыя призывали „бить жидовъ“, „бить пановъ“ (поляковъ, интеллигенцію)... Слѣдователь не могъ не знать, что такого сорта штучки фабрикуются отнюдь не соціалистами. Должно быть, знали это и сыщики. Повидимому, здѣсь и причина, почему они не представили суду ни одной прокламаціи.

Разбрасывались по Лебедину и окрестностямъ письма, угрожающія поджогомъ. Шпіоны увѣряли, что это тоже „политика“, и ею занимались обвиняемые. Однако, доставить суду хоть одно „подметное письмо“ сыскная компанія какъ бы забыла.

Оставалось лишь голословное свидѣтельство самихъ сыщиковъ:

— Акулина—соціалистка, потому что она такъ называла себя Голлендеру и Рудому; братъ Акулининъ, Никита, тоже соціалистъ, потому что такъ называлъ себя въ разговорѣ съ Голлендеромъ...

— Акулина—поджигательница, потому что она говорила это сыщикамъ; Никита—поджигатель, потому что такъ называла его Акулина...

И только Семенъ Коваленко отличился и доставилъ кусокъ краснаго шнура, вродѣ того, какой присвоенъ полицейской формѣ:

— Вотъ, молъ, будучи въ шайкѣ поджигателей, самолично видѣлъ... Просилъ, значитъ, Никиту: Сдѣлай, говорю, фитиль, чтобъ дома поджигать. Никита сдѣлалъ. Такъ вотъ это и есть фитиль.

Это единственное вещественное доказательство, предъявленное прокуратурѣ и защитѣ. Но и оно, по странной забывчивости, осталось не изслѣдованнымъ на судѣ, словно прокуроръ боялся, что коваленковскій „фитиль“ не загорится, а защитникъ,—что загорится. А между тѣмъ, на основаніи именно этого шнура братъ Акулины обвинялся „въ приготовленіи поджигательнаго снаряда“.

Волей-не-волей „политику“ пришлось выключить изъ производства. Остались лишь дѣла о поджогахъ, но до того безсмысленныхъ, что слѣдователю, разъ онъ не желалъ прекратить дѣло или привлечь къ отвѣтственности полицейскую агентуру, оставалось лишь повторить подсказанное шпіонами:

— Поджогъ завода совершался крестьянами „съ цѣлью выжить пановъ и завладѣть ихъ землею“.

Крестьяне, такимъ образомъ, объявлены поголовно дураками. Зато „матеріалу“, добытому полиціей, оказано должное почтеніе.

Затѣмъ сыщики требовали предать суду именно тѣхъ, кого они намѣтили. Слѣдователь и этому не противился. И получилось слѣдующее:

Яковъ Пухлій, напримѣръ, обвиняется въ томъ, „что, содержась 30 ноября 1902 г. подъ арестомъ при лебединскомъ во-

лостномъ правленіи, онъ сообщилъ караулившему его полицейскому десятскому, что въ 12 часовъ ночи будетъ горѣть заводъ", а потому и предается суду „за недонесеніе властямъ о готовящемся поджогѣ".

Допуская столь явное противорѣчіе, приписывая сельской проституткѣ, ради которой, если вѣрить агентамъ, совершалась кража ротонды, желаніе „выжить пановъ", судебная власть какъ бы ставила своей задачей—устранить критику данныхъ, добытыхъ полиціей и тѣмъ поддержать „престижъ администраціи". Даже во время суда прокуроръ былъ настолько деликатенъ, что произнесъ горячую рѣчь въ похвалу шпіоновъ. Зато шпіоны оказались народомъ, менѣе деликатнымъ, и совершенно не считали нужнымъ церемониться съ „престижемъ правосудія".

Рудой, Воротниковъ, Голлендеръ, Рогаля-Левицкій явились къ разбору дѣла въ Чигиринъ. Всѣ они самые важные свидѣтели. На ихъ показаніяхъ построенъ обвинительный актъ. Но ими же или подъ ихъ ближайшимъ руководствомъ велось предварительное слѣдствіе. Имъ необходимо, хотя бы только для своей карьеры, добиться обвинительнаго приговора. Поэтому они прежде всего находятъ, что составъ присяжныхъ не подходящій:

— Все крестьяне. Навѣрное, будутъ сочувствовать подсудимымъ.

Живя сутки въ Чигиринѣ, агенты безъ стѣсненія говорятъ во всеуслышаніе:

— Пожалуй, придется отложить дѣло.

Къ разбору является одинъ Рудой.

— Голлендера, Рогали-Левицкаго, Воротникова, — заявляетъ онъ,—нѣту.

— А гдѣ жъ они?

— Не знаю. Повидимому, не пріѣхали.

— Но, вѣдь, они ваши подчиненные?

— Нѣтъ, я ихъ уже удалилъ со службы...

Защитникъ дѣлаетъ заявленіе прокурору:

— Названныхъ сыщиковъ вмѣстѣ съ г. Рудымъ я видѣлъ часъ тому назадъ. Всѣ четверо живутъ въ одномъ номерѣ, въ той же гостиницѣ, гдѣ и я. Наши номера рядомъ.

„Далѣе выясняется", что „всѣ четверо" пріѣхали въ Чигиринъ вмѣстѣ и „цѣлой шеренгой разгуливали съ мѣстной полиціей по чигиринскимъ улицамъ"...

Рудой нисколько не смущается:

— Что дѣлать? По долгу службы, я и на страшномъ судѣ солгу.

„Судъ вызываетъ чигиринскаго исправника и поручаетъ ему выяснить, находятся ли въ Чигиринѣ сыщики".

Исправникъ идетъ „выяснять", и вскорѣ Голлендеръ, Воротниковъ, Рогаля-Левицкій оказываются только что пріѣхавшими...

„И о томъ, что они опоздали,—возмущается „Кіевская Газета"— судъ даже не вспоминаетъ, хотя, „благодаря этому подсудимые могли просидѣть лишній годъ въ тюрьмѣ" (какъ подвергнутые предварительному заключенію).

Начинается допросъ свидѣтелей. Выступаетъ староста:

— Акулина заводъ поджигала. Никита зажигательные снаряды дѣлалъ. Это я вѣрно знаю. Потому что она сама мнѣ разсказывала. Я ее хотѣлъ арестовать. Она испугалась и все разсказала.

Встаетъ Акулина:

— У насъ такого разговора со старостой и не было. Староста звалъ меня ночевать къ себѣ. Обѣщалъ водки купить. Я не пошла. Онъ разсердился, и теперь на меня наговариваетъ...

Вмѣшивается предсѣдатель суда:

— Вы, свидѣтель, не ухаживали ли за Акулиной, чтобъ она къ вамъ довѣріе имѣла?

— Да, ухаживалъ, чтобъ она довѣріе имѣла—повторяетъ староста.

Является стражникъ Коваленко:

— Студентъ Яковъ Пухлій заводъ поджигалъ. Собралъ поджигателей и сталъ поджигать...

— Но, вѣдь, Яковъ Пухлій—не выдерживаетъ прокуроръ— въ ночь пожара подъ арестомъ сидѣлъ!

— Не могу знать. А только это вѣрно: онъ поджигалъ, потому что студентъ...

„Заложивъ руки назадъ и выставивъ ногу впередъ", начинаетъ повѣствовать Голлендеръ. Говоритъ бойко, пространно, самоувѣренно:

— Велъ соціалистическую пропаганду—дѣлаетъ рукой жестъ и опять прячетъ ее за спину—такой-то... Поджигалъ—рука продѣлываетъ ту же манипуляцію—такой-то...

— А вы это хорошо помните?—спрашиваетъ защитникъ.

— Еще бы мнѣ-то не помнить!

— Но когда вы лучше помнили? раньше, когда производили слѣдствіе, или теперь?

— И раньше прекрасно помнилъ. А теперь еще лучше помню.

— Честь имѣю заявить суду—говоритъ защитникъ—что Голлендеръ, прежде чѣмъ называть фамиліи подсудимыхъ, заглядываетъ украдкой къ себѣ въ руку, гдѣ у него чернилами записаны эти фамиліи. Прошу, чтобы Голлендеръ предъявилъ свою лѣвую руку суду и присяжнымъ засѣдателямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что свидѣтель не знаетъ фамилій и сообщаетъ свѣдѣнія, откуда то добытыя недавно.

— Г. Голлендеръ — предлагаетъ предсѣдатель — покажите руку.

Сыщикъ съ великолѣпною развязностью явитъ:

— Защитникъ не замѣтилъ. У меня еще и на манжетахъ записано...

Предсѣдатель торопится поддержать оскандалившійся „престижъ администраціи".

— Свидѣтели—разъясняетъ онъ присяжнымъ—могутъ пользоваться записями при дачѣ показаній. И потому обнаруженное защитникомъ не должно опорочивать достовѣрность того, что говоритъ Голлендеръ.

А можно ли допускать записи воровскаго свойства? Какъ быть, если написанное на рукѣ расплылось, если свидѣтель— пусть по ошибкѣ—прочтетъ не ту фамилію, какую нужно?— предсѣдатель счелъ долгомъ умолчать.

Шпіоны еще выше поднимаютъ голову. И, повидимому, окончательно перестаютъ понимать разницу между окружнымъ судомъ и сыскнымъ застѣнкомъ. Рудой находитъ возможнымъ выступить съ подробною характеристикой свидѣтелей, не принадлежащихъ къ составу полиціи:

— Вотъ вы, молъ, слышали, господа присяжные, какъ они показываютъ въ пользу обвиняемыхъ. Такъ надо вамъ знать, что это за свидѣтели. Вы видите на скамьѣ подсудимыхъ 13 человѣкъ. Думаете, что только они и есть поджигатели? Эге! какъ бы не такъ! Поджигателей нами найдено не 13, а 200. Да-съ, двѣсти! И всѣ они поименно названы въ моемъ особомъ докладѣ его высокопревосходительству господину начальнику края. Ужъ его высокопревосходительству извѣстно, что свидѣтель (имя рекъ), показавшій въ пользу подсудимыхъ, самъ поджигатель. Другой свидѣтель... Третій.. Четвертый... Всѣ они поджигатели и соціалисты, о чемъ и его высокопревосходительство знаетъ...

Судъ безпрекословно и какъ бы почтительно выслушиваетъ сыщика Рудого до конца. Поэтому г. Рудой идетъ дальше. Увидѣвъ одного изъ свидѣтелей, онъ встаетъ и заявляетъ:

— Предлагаю обратить вниманіе на прическу этого свидѣтеля. Это—преступная прическа, именуемая „квитка" (цвѣтокъ). Она доказываетъ, что свидѣтель принадлежитъ къ преступному сообществу, которое называетъ себя „казаками". Члены этого преступнаго сообщества носятъ волосы „квиткой". Прошу допросить свидѣтеля, почему у него такая прическа.

Справедливость требуетъ сказать, что судебное слѣдствіе все-таки не было прервано для допросовъ сыскного порядка. Однако, присяжные не остались безъ желательнаго Рудому внушенія. Ибо выступившій вслѣдъ затѣмъ урядникъ подробно объяснилъ, что „общество казаковъ", дѣйствительно, существуетъ. Примѣты же его такія:

Во-первыхъ, это сообщество одинъ разъ скирду подожгло.

Во-вторыхъ, „они“ говорятъ: „мы, казаки, за народъ кровь свою проливаемъ“.

Въ третьихъ, онъ, урядникъ, производя однажды обыскъ у одного изъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, нашелъ въ постели „казацкую пику, окрашенную въ государственный цвѣтъ“...

Причемъ здѣсь „пика“, и что такое „государственный цвѣтъ“, господинъ урядникъ объяснить не изволили. Но основная мысль подчеркнута:

— Подсудимые—„казаки“, и свидѣтели, которые полиціи противорѣчатъ,—„казаки“. Значитъ, передъ вами, господа присяжные, одного поля ягоды.

Это говорилось въ залѣ суда. А тамъ за стѣною принимались другія мѣры.

— Господа правосудіе,—жалуется одинъ свидѣтель—прошу вашей милости. Сейчасъ меня на постояломъ дворѣ чуть не задушили. Зачѣмъ, вишь, я показываю за нихъ (за подсудимыхъ).

„Судъ—добавляетъ референтъ „Кіевской Газеты“—совѣтуетъ потерпѣвшему обратиться къ содѣйствію полиціи“, — той самой полиціи, внушеніямъ которой свидѣтель имѣлъ гражданское мужество не подчиниться. Безъ сомнѣнія, „господа правосудіе“ не желали иронизировать. Да и что они могли сказать, кромѣ этой вполнѣ резонной по существу, но безсмысленной при данныхъ условіяхъ фразы:

— Обратитесь къ полиціи!“

Но невольно боишься за судьбу этого несчастнаго, котораго „чуть не задушили“, и за его товарищей по несчастію. Врядъ ли имъ поздоровится. А инымъ, быть можетъ уже не поздоровилось.

IX.

Бываютъ мучительные сны. Кажется, что свѣта нѣтъ, но нѣтъ и тьмы: густая, липкая мгла нависла и давитъ. Воздухъ словно пропалъ. Дышать нечѣмъ. А изъ мглы, со всѣхъ сторонъ что-то хищное, безсмысленно и безпощадно кровожадное ползетъ, крадется. Чувствуешь себя, какъ въ звѣринцѣ, гдѣ ты—одинъ, а изо всѣхъ клѣтокъ вырвались звѣри. Хочешь бѣжать—ноги будто приросли къ землѣ. Хочешь обороняться—руки висятъ безсильно, какъ у паралитика. Хочешь кричать—нѣтъ голоса. А оно, то свирѣпое и страшное, ужъ близко. Оно сейчасъ выскочитъ, обрушится на тебя, и...

И представьте, что такой кошмаръ душитъ васъ на яву, и не день, не два, но годы, десятки лѣтъ. Представьте, что вамъ, дѣйствительльно, со всѣхъ сторонъ грозитъ бѣда,—не бредовая, не фантастическая, но реальная, какъ ударъ нагайкой. Вы не знаете, откуда и когда оно ринется и размозжитъ, но вы ждете

его каждую минуту—и днемъ и ночью, и за работой и за отдыхомъ, и въ праздникъ и въ будни. Вы безсильны обороняться, безсильны убѣжать, безсильны кричать, безсильны даже проснуться, ибо некуда просыпаться.

Такова, по Библіи, была жизнь Каина. Но еще древніе законодатели знали, что каинова участь легко постигаетъ и Авеля. И, по чувству человѣколюбія, они назначали „мѣста убѣжища", куда „живая душа" могла бы спастись отъ кошмара. Даже въ жесточайшія эпохи за человѣкомъ признавалось право хоть на время отдохнуть.

Такъ называемыми „христіанскими правительствами" мѣста убѣжища упразднены. Но у каждаго до сихъ поръ искрится надежда, что, вѣдь, есть же гдѣ-нибудь на свѣтѣ уголокъ, въ которомъ меня никто не тронетъ. Вѣдь, не можетъ же быть, чтобы не было такого уголка.

Я живо понимаю настроеніе крестьянъ-присяжныхъ засѣдателей въ началѣ процесса. Это—„сѣрые люди". Конечно, они слышали, въ какомъ кошмарѣ жилъ и понынѣ живетъ Лебединъ. И на своей шкурѣ испытали, сладко ли оно: въ какой волости нѣтъ своихъ Шуляковъ и своего кошмара? гдѣ теперь не замѣтишь того холоднаго отчаянія, которому море по колѣно? кому не приходилось слышать деревенскіе афоризмы послѣдняго времени:

— Пропадать такъ пропадать—все равно одинъ конецъ...

— До того, братецъ ты мой, страшно стало, что ужъ совсѣмъ не страшно. Потому ничего, кромѣ страшнаго, не видно...

Но вотъ люди, невѣдомо за какіе грѣхи обреченные при помощи Рудыхъ и Голлендеровъ на каинову жизнь, призваны судить. Они сидятъ за почетной рѣшеткой. Имъ передана власть „рѣшить и вязать". Кажись, можно бы вздохнуть полной грудью и забыть на время объ ужасахъ, изъ которыхъ только что вырвался, и къ которымъ скоро возвратишься.

И присяжные, видимо, чувствуютъ себя свободно. Они вникаютъ въ детали. Задаютъ вопросы свидѣтелямъ. Выражаются напрямки. Когда директоръ завода началъ распространяться, что, навѣрное, былъ поджогъ, что на чердакѣ кто-то разливалъ керосинъ, одинъ изъ крестьянъ-присяжныхъ ставитъ вопросъ ребромъ":

— Да вы это настояще знаете?

— Нѣтъ—вынужденъ сознаться директоръ.—Я слышалъ разговоры.

— Можно освободить свидѣтеля? — спрашиваетъ предсѣдатель о директорѣ.

— Что-жъ, — отвѣчаетъ присяжный—если онъ ничего не знаетъ, то можно.

Но появляются сыщики. Происходитъ очевидное давленіе на

свидѣтелей, не причастныхъ къ полицейской службѣ. И чѣмъ яснѣе становится руководящая роль шпіоновъ, тѣмъ замѣтнѣе стихаютъ присяжные. На половинѣ судебнаго слѣдствія они окончательно умолкаютъ,—не спрашиваютъ, не требуютъ объясненій. Да и какъ спросить? А вдругъ тутъ же на судѣ господинъ Рудой заявитъ:

— Прошу обратить вниманіе на прическу этого присяжнаго,— это противозаконная прическа!..

Рудой и агенты его такъ развязны, что стѣсняться не станутъ. И если твой вопросъ имъ не понравится, если они захотятъ тебя взять на подозрѣніе... Вѣдь, душилъ же кто-то свидѣтеля на постояломъ дворѣ. Почему же и меня не станутъ душить. Тамъ, внѣ суда, мы уже привыкли ко всему. Но здѣсь, гдѣ каждый „судья совѣсти" надѣялся найти мѣсто убѣжища, гдѣ такъ хочется отдохнуть отъ вѣчнаго страха подвергнуться внезапному насилію и полному разоренію, невольно сдержишься и скажешь:

— Хорошо я буду молчать. Только не троньте меня ради Христа.

Молчаливое томленіе присяжныхъ разрѣшилось довольно неожиданно. Когда прокуроръ, начиная обвинительную рѣчь, произнесъ: „Господа присяжные засѣдатели", они, будто по командѣ, всѣ какъ одинъ, поднялись и вытянули руки по швамъ.

Разумѣется, „коронные судьи" „поторопились крестьянъ усадить". Но общественная совѣсть произнесла свой приговоръ тому, что творилось въ Чигиринѣ именемъ судебныхъ уставовъ 1864 г. на протяженіи трехъ дней:

— Вы, господа чиновники по министерству юстиціи, и вы, господа чиновники по департаменту полиціи, хотите сказать, будто предрѣшаемые вами приговоры санкціонированы свободною совѣстью свободныхъ гражданъ. Мы понимаемъ, что вамъ нужна такая санкція. Но не играйте комедіи. Здѣсь нѣтъ ни свободной совѣсти, ни свободныхъ гражданъ. Передъ вами люди, которыхъ вы даже тутъ, на судѣ, заставляете бояться.

Вердиктомъ присяжныхъ всѣ семеро обвиняемыхъ въ поджогѣ завода признаны не виновными. Шестеро, обвиняемые въ другихъ поджогахъ, приговорены къ наказанію. Приговоръ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на публику.

— Ужасно!—говорилъ мнѣ одинъ участвующій въ процессѣ.— Поймите: уликъ совершенно никакихъ. Дѣло построено на вздорныхъ оговорахъ шпіоновъ, которые противорѣчатъ другъ другу. Будь присяжные интеллигентнѣе, конечно, всѣ подсудимые были бы оправданы. Мужички же, къ несчастью, не сумѣли разобраться.

Не скрою, однако, что есть и другое предположеніе:

— „Мужички" отлично разобрались, но сдѣлали логическій выводъ изъ обстановки процесса, и, быть можетъ, разсудили

такъ: „Начальство желаетъ погубить 13 человѣкъ. Братцы, нельзя этого допускать—спасемте хоть семерыхъ. Всѣхъ спасти—пожалуй, намъ худо будетъ. Такъ вотъ, чтобъ и начальство не разозлить, и по совѣсти сдѣлать, мы ихъ, подсудимыхъ-то, значитъ, того—переполовинимъ!!.

Какое изъ этихъ двухъ предположеній ближе къ истинѣ—Богъ вѣсть.

А. Петрищевъ.

Новыя книги.

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Въ семи томахъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1905.

Не такъ далеко отъ насъ то время, когда самое имя Герцена почти не могло появляться въ русской печати. Теперь русскій читатель дождался перваго изданія сочиненій Герцена въ Россіи. Произведенія великаго писателя, такъ долго остававшіяся подъ запретомъ, вернулись наконецъ на родину и важность этого факта нѣтъ надобности разъяснять для тѣхъ, кому сколько-нибудь знакома фигура Герцена. За тридцать пять лѣтъ, истекшіе послѣ его смерти, въ русской литературѣ прошло много крупныхъ талантовъ, но все же она не выставила за это время ни одного публициста, котораго можно было бы по силѣ и своеобразію таланта поставить безусловно наравнѣ съ Герценомъ. И этотъ могучій талантъ далеко еще не сдѣлалъ всего своего дѣла. Значеніе Герцена не исчезло вмѣстѣ съ той эпохой русской жизни, которой онъ былъ самымъ блестящимъ представителемъ, и его произведенія для современнаго читателя представляютъ не одинъ только историческій и литературный интересъ. Мощный боецъ, счастливо и оригинально соединившій въ себѣ таланты глубокаго мыслителя и тонкаго художника, пылкаго проповѣдника и смѣлаго до дерзости критика, Герценъ въ большинство своихъ произведеній вложилъ содержаніе, поучительное не только для современниковъ, но и для послѣдующихъ поколѣній. Многое изъ того, за что онъ боролся и что отстаивалъ, вошло уже въ русскую жизнь, но вошло только частями. Идеалъ же, руководившій дѣятельностью Герцена, въ полномъ своемъ объемѣ остается еще только идеаломъ и для насъ. Современный читатель найдетъ въ произведеніяхъ Герцена и оригинальное освѣщеніе этого идеала, и мѣткую критику аномалій русской жизни, во многихъ случаяхъ не потерявшую своего значенія и для переживаемой нами дѣйствительности. Читатель, впервые знакомящійся съ Герценомъ,

быть можетъ, будетъ даже удивленъ тѣмъ, какъ мало устарѣлаго въ этихъ старыхъ произведеніяхъ. И такое впечатлѣніе было бы еще сильнѣе, если бы эти произведенія явились передъ читателемъ не въ укороченномъ видѣ. На дѣлѣ первое изданіе сочиненій Герцена, вышедшее въ Россіи, далеко не является полнымъ изданіемъ. Издатели—душеприказчики покойнаго Ф. Ѳ. Павленкова,—безспорно, заслуживаютъ глубокой благодарности за то, что они провели значительную часть произведеній Герцена сквозь Кавдинскія ущелья цензуры, но наряду съ этимъ нельзя не пожалѣть, что они не отмѣтили тѣхъ пропусковъ, которые сдѣланы въ ихъ изданіи, и даже не оговорили самаго существованія такихъ пропусковъ. Урѣзанный Герценъ уже не совсѣмъ Герценъ, и читателю не мѣшаетъ это помнить.

Седьмой томъ настоящаго изданія занятъ перепиской Герцена съ его невѣстой, Н. А. Захарьиной, перепиской, часть которой была уже напечатана нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Р. Мысли“ и „Новомъ Словѣ“, но которая въ полномъ видѣ является въ печати впервые. Кромѣ того, къ настоящему изданію приложены 6 портретовъ Герцена, снимокъ съ его надгробнаго памятника въ Ниццѣ и портретъ Н. А. Герценъ.

Сѣверные цвѣты ассирійскіе. Альманахъ IV книгоиздательства „Скорпіонъ“. Москва MCMV.

Для характеристики настроенія и направленія сборника можно ограничиться немногимъ, напримѣръ, произведеніемъ г. Ремизова „Кикимора“, напечатаннымъ среди стиховъ:

„На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносымъ носомъ, съ гримасою крещенской маски, затѣйливо Кикимора усѣлась и чиститъ бережно свое копытце.

Га! прыснулъ тонкій голосокъ, ха! ищи! а шапка вонъ на жерди... Хи—хи!.. хи-хи! А тотъ какъ чебурахнулся, споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ...

Влюбленнымъ намяла я желудки!—Га-хи-хи-хи! Я бабушкѣ за ужиномъ плюнула во щи, а дѣду въ бороду пчелу пустила. Аукнула—мяукнула Оде подъ поцѣлуи, а пьяницу завѣяла кричащимъ сномъ и оголила...

Вся затряслась Кикимора, заколебалась, отъ хохота за тощіе животики схватилась. Тьфу ты проклятая!—Га! ха-ха-ха!..

И только пятки тонкія сверкнули за поле, въ лѣсъ... Сплетать обманы—причуды сѣять,—и до умору хохотать“.

Кто прочелъ эту „Кикимору“, тотъ ничего новаго уже не найдетъ въ новомъ альманахѣ „Скорпіона“. Содержаніе его разнообразно: онъ блещетъ экзотическими формами и звучными именами героевъ и авторовъ. Но—извивается предъ нами г. Ѳедоръ Сологубъ или велегласитъ несуразное г. Вячеславъ Ивановъ, угощаетъ клубничкою г-жа Вилькина или г-жа Гиппіусъ—все это повторенія той же „Кикиморы“. Все, что имѣли сказать авторы „Сѣверныхъ цвѣтовъ“, сказано въ ней полно и выразительно. Да,

Года за годами,
Бароны воюютъ.
Бароны пируютъ,
Баронъ фонъ-Гринвальдусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи
Предъ замкомъ сидитъ...

Гвардія декадентства умираетъ, но не сдается. Временами она какъ будто пытается сдаться; но это лишь мимолетное впечатлѣніе. Бальмонтъ выпаливаетъ „политическимъ“ стихотвореніемъ, Вячеславъ Ивановъ восклицаетъ нѣчто мало вразумительное, но злободневное о Цусимѣ, поэтическій декадансъ механически соединяется подъ обложкой общаго журнала съ боевой публицистикой; однако, при этомъ публицисты съ жаромъ отдаются „вопросамъ жизни“ земной, а цимбалисты по прежнему увлечены вопросами жизни нездѣшней,—если, впрочемъ, оставить въ сторонѣ ту настойчивость, съ которой они хвалятъ другъ друга. Они могли бы повторить пышное заявленіе, которымъ ловкій Дюпюи прославился больше, чѣмъ всей своей политической карьерой. И у нихъ, какъ во французской палатѣ депутатовъ, несмотря на бомбы—„засѣданіе продолжается!“

Въ этомъ засѣданіи томительно скучно. Скучно не читателю—иногда ему смѣшно; но скучно поэтамъ: точно все, что можно было сказать, сказано; осталось повторяться.

Едва ли стоитъ надолго останавливаться на этихъ перепѣвахъ. Одно кажется намъ въ высшей степени характернымъ для нихъ: отсутствіе индивидуальности. Всѣ они какъ будто переведены съ иностраннаго. Это знаменательно: у насъ не было литературной школы менѣе русской, чѣмъ декадентская. И это именно потому, что декадентство не школа, а шаблонъ.

Пріемы этого шаблона извѣстны.

Надо быть весьма смиреннымъ,
Гибкимъ, зыбкимъ, перемѣннымъ,
Какъ бѣгущая волна,
Небрезгливымъ, какъ она.
Раскрывать всему объятья,
Льнуть, касаться, обнажать,
Все, что видишь, безъ изъятья
Обнимать иль отражать.

Такъ учитъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ самый разсудительный изъ разсудительныхъ поэтовъ русскаго декаданса, г. Минскій. Его наставленія имѣютъ въ виду всю правду жизни въ ея цѣлокупности. Но если въ его первомъ стихѣ вмѣсто „смиреннымъ“ поставить „развязнымъ“, то предъ нами подлинный кодексъ декадентской поэтики. Да, достаточно быть въ писательствѣ „гибкимъ, зыбкимъ, небрезгливымъ“, не бояться ни безвкусицы, ни

безсмыслицы, а главное „обнимать“ и „обнажать“—и назовутъ тебя—въ надеждѣ на компенсацію—проникновеннымъ и сокровеннымъ г. Георгій Чулковъ въ прозѣ и г. Валерій Брюсовъ въ стихахъ. А г. Вячеславъ Ивановъ сочинитъ по этому случаю новое слово, ненужное и неудобь-сказуемое, но громогласное и тяжеловѣсное. Лавры Тредьяковскаго уже нависли грозящимъ возмездіемъ надъ косолапымъ сочинительствомъ этого стихослагателя, наивно пытающагося воскресить пріемы александрійской поэзіи, ученой и искусственной, торжественной и безжизненной. Двухъ-трехъ стиховъ его трагедіи „Танталъ“ достаточно, чтобы читатель видѣлъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло:

И отпустилъ онъ связня на урочный срокъ
къ живымъ,—имъ заповѣдать правыхъ тризнъ уставъ
и даней жирныхъ и поминокъ, возалкахъ
даровъ благоутробныхъ отъ рабовъ своихъ.

Это поэзія. Кажется, нѣтъ той бездонной глубины содержанія, которая могла бы искупить высокопарную безвкусицу этихъ стиховъ или такихъ лингвистическихъ чудищъ, какъ „звонкозарныя звѣзды“, „надмиться“, „серпная жатва“, „волнорунная рѣка“. Главное, во всемъ этомъ—и въ мертворожденныхъ неологизмахъ, и въ гелертерской архаизаціи—совершенно не чувствуется внутренней необходимости. Все это, можетъ быть, самостоятельно въ подробностяхъ, но въ корнѣ это подражаніе чужимъ потребностямъ, чужимъ настроеніямъ, чужимъ формамъ.

Эта печать искусственности характерна для всего сборника за незначительными исключеніями, и оттого онъ производитъ не то что скучное, а прямо тоскливое впечатлѣніе. Въ эпоху общественнаго затишья не такъ бросалась въ глаза безнадежность русскаго декадентства. Можно было слѣдить за извилинами мережковскихъ аватаровъ, можно было смѣяться надъ г. Валеріемъ Брюсовымъ, и надъ нимъ смѣялись до тѣхъ поръ пока онъ усталъ „быть Валерій Брюсовъ“, можно было читать „Недотыкомку“ г. Федора Сологуба и спрашивать себя, въ умѣ онъ или кривляется. Но теперь, когда все должно быть по крайней мѣрѣ серьезно, хочется отнестись къ этимъ чудакамъ внимательно, хочется, хоть измѣнивъ требованіе, отрезвить ихъ, хочется перефразируя Некрасова, сказать имъ: „хорошо, вы не можете быть гражданами. Пусть. Но будьте-же хоть настоящими поэтами“.

Но на это отвѣтятъ новымъ выпускомъ „Сѣверныхъ цвѣтовъ“—вѣроятно, уже не ассирійскихъ, а вавилонскихъ (отъ слова „вавилоны“), столь же чванныхъ, столь же дѣтски напыщенныхъ. Въ этомъ смыслѣ альманахъ можетъ считаться цѣльнымъ. Стиль безвкусной неестественности выдержанъ въ немъ до конца. Пьеса г. Вячеслава Иванова даже заканчивается ремаркой: ΤΕΛΟΣ. Мы вспомнили чеховскаго гимназиста, котораго звали Николай Серединъ и который подписался Nicolaus Medius.

———

Усталый (А. С. Вознесенскій). Пѣсни молчанія. Книгоиздательство „Сфинксъ". 1905.

„Пѣсни молчанія"... На обложкѣ — рисунокъ, изображающій мертвую женскую голову, волосы которой переходятъ въ вѣтви какого-то фантастическаго дерева съ листьями дуба. На заглавномъ листѣ изображаніе черепа съ оскаленными зубами. На послѣднемъ листкѣ изображенъ черепъ со стиснутыми зубами. Безспорно, конечно, что

...исцѣленье давъ мучительнѣйшимъ ранамъ,
Глаза намъ всѣмъ смежитъ печальная земля,

и въ конечномъ результатѣ получится или черепъ съ оскаленными зубами, или черепъ съ зубами стиснутыми.

Нѣтъ сомнѣнія, что дальше (въ „Предчувствіяхъ") поэтъ правъ:

. . . .есть на свѣтѣ тайна,
Которую никто не въ силахъ разгадать,
И къ ней порой подходимъ мы случайно,
И отъ незнанія принуждены страдать.

Святая также истина, что

Безсиленъ человѣкъ предъ страшной смерти тайной,
Онъ жалокъ и смѣшонъ, природы господинъ...

Но со **всѣмъ тѣмъ „хорошенькаго понемножку", и читателю, который, по справедливому замѣчанію автора, подходитъ къ темѣ о вѣчномъ молчаніи только „случайно" и вовсе не склоненъ чувствовать себя умирающимъ 365 дней въ году, отъ „пѣсенъ молчанія" становится временами не по-себѣ, тѣмъ болѣе, что „усталый" поэтъ не лишенъ способности создавать желательное ему настроеніе. Вотъ, напр., стихотвореніе „Мертвые молчатъ":**

Кресты... Кресты... Кресты... Становится мнѣ жутко;
Зачѣмъ сюда съ тобою мы пришли?!
Упрекомъ намъ живымъ глядятъ они съ земли,
И на устахъ моихъ тутъ замираетъ шутка.
Кресты... Кресты!.. Какъ здѣсь лежащихъ много!
Невольный страхъ охватываетъ насъ:
Знакома будетъ намъ ужасная дорога,
Когда пробьетъ угрюмый смерти часъ!
Смотри!.. Какъ мрачно здѣсь въ часовнѣ тихой этой:
Здѣсь мертвая кругомъ разлита красота,
И въ воздухѣ стоитъ звукъ пѣсни недопѣтой,
И, кажется, поютъ незримыя уста...
Давно ужъ мгла повисла надъ кладбищемъ,
Давно померкъ туманный, сѣрый день;
Чего же здѣсь вдвоемъ съ тобой мы ищемъ,
Чья дорога намъ спящая здѣсь тѣнь?!
Уйдемъ!.. . . . .
. . . . . . Какъ пусто и темно.
Исчезла жизнь... И наша жизнь увянетъ,

Какъ сломанный цвѣтокъ погибнетъ на пути;
Быть можетъ, близокъ день,—ужасный часъ настанетъ,
Когда одинъ придетъ другого здѣсь найти...

Читателю почти становится жутко за „усталаго“ человѣка, который долженъ жить съ такимъ преобладающимъ настроеніемъ. Но, на его счастье, поэтъ совершенно неожиданно въ стихотвореніи „Въ осеннюю ночь“ восклицаетъ:

Дай мнѣ руку, разврата погибшая дочь!
. . . .
Ты не бойся,—за все я могу заплатить,
Я сегодня богатъ гонораромъ.
Много общаго въ насъ...—Я торгую душой,
. . . .
Лгу себѣ и другимъ, лгу всегда,—предъ толпой...
. . . .
Лжемъ мы оба: въ любви увѣряешь ты всѣхъ,
Чтобъ тебѣ подороже платили,
Равнодушно лгу я, также вѣря въ успѣхъ,
Чтобъ въ толпѣ меня знали и чтили...

Это совершенно успокаиваетъ читателя, хотя онъ и не вѣритъ въ искренность всѣхъ этихъ самообличеній:

Завтра утромъ начнется все то же:
И печатно я буду душой торговать,
Ты же тѣло продашь подороже...

Все дѣло, нужно думать, въ томъ, что поэтъ примѣриваетъ передъ зеркаломъ различные поэтическіе костюмы и не рѣшилъ пока, что ему больше къ лицу: трауръ съ головы до ногъ, эффектный цинизмъ или мечтательная любовь къ человѣку...

Къ этому прибавимъ, что въ одномъ стихотвореніи („Ожиданіе“) „усталый“ поэтъ ждетъ „во мракѣ... у пустого окна“ гостью, которую онъ называетъ „молчаливою“ и обращается къ ней съ мысленнымъ призывомъ:

Тихо, тихо, одежды свои развяжи,
Молчалива, какъ будто одна,
И къ прекрасному тѣлу мнѣ путь укажи,
Ласки тихой и страстной полна...

при чемъ все это квалифицируется поэтомъ, какъ возможность

. . . . умереть,—
Въ молчаливомъ экстазѣ любви...

Читателя уже не пугаетъ больше, когда онъ изъ стихотворенія „Смерть“, начинающагося словами:

Я принялъ ядъ...,

узнаетъ о смерти поэта, и, наоборотъ, ему становится совсѣмъ весело, когда онъ слышитъ подлинный разсказъ о томъ, какъ поэтъ

своимъ равнодушіемъ къ смерти напугалъ однажды самую Смерть:

Я видѣлъ Смерть... Она, какъ тѣнь,
Скользнула въ дверь безъ шума...
. . . .
Но, убѣдившись по лицу,
Что я готовъ къ ея вѣнцу,
Она ушла угрюмо...

Въ этихъ нехудожественныхъ, возбуждающихъ улыбку манерностяхъ тонетъ, конечно, все то, чѣмъ г. Усталый могъ бы быть близокъ читателю, если бы послѣдній могъ вѣрить въ искренность авторскаго настроенія, хотя бы и противорѣчиваго въ различные моменты творчества.

Свирскій. Полное собраніе сочиненій, т. I. Спб. 1905.

„Меня родила прачка Ядвига изъ города Свенцянъ. Мать моя была женщина до того разсѣянная, что до самой смерти своей не могла припомнить, кто изъ ея знакомыхъ мужчинъ былъ моимъ отцомъ“.—Такъ начинаетъ г. Свирскій свою повѣсть „Преступникъ“, составляющую большую половину перваго тома его сочиненій. Это начало и самый заголовокъ повѣсти заставляютъ читателя предположить, что ему предстоитъ познакомиться съ разсказомъ „отпѣтаго человѣка“, для котораго ничто законы божескіе и человѣческіе. Но ни чуть не бывало! Вся повѣсть написана во вкусѣ скучной памяти сентиментальныхъ романовъ добраго стараго времени. Цинизмъ первыхъ строкъ приходиться объяснить тѣмъ, что г. Свирскій просто не удержался: qu'importe les conséquences, si le geste est beau! Это бы еще ничего, худо, что и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ повѣсть безнадежно плоха; претензія же автора дать въ ней психологическій анализъ вызываетъ прямое недоумѣніе.

Изъ вниманія къ законному желанію читателя не скучать при чтеніи мы не станемъ пересказывать фабулы. Герой повѣсти, добрый по натурѣ человѣкъ, поставленный въ недурныя житейскія условія, тѣмъ не менѣе роковымъ образомъ становиться преступникомъ, сначала случайнымъ, а потомъ и профессіональнымъ. Тема не новая, и ея удачная литературная разработка зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько при изображенія послѣдовательныхъ моментовъ изъ жизни души человѣка автору удается быть вѣрнымъ психологической правдѣ. Между тѣмъ, у г. Свирскаго вмѣсто этой правды какая-то путаница. Такъ, напр., мы при всемъ желаніи ничего не могли понять въ описаніи нравственнаго перелома въ жизни героя.—Мальчикъ, любимецъ и баловень семьи, попадаетъ изъ нея въ чужой городъ, въ гимназію. „Учился я не плохо, но грустилъ безконечно“. Приходятъ кани-

кулы. „Нечего и говорить, что дома меня встрѣтили радостно, съ распростертыми объятіями“. А десятью строками ниже совершенно неожиданно дѣлается такое заявленіе: „Вообще я замѣтилъ, какъ только пріѣхалъ, что мои пріемные родители, какъ будто немного охладѣли ко мнѣ“. Съ этого момента мысль, что его перестали любить, начинаетъ неотступно преслѣдовать мальчика и становится для него источникомъ большого горя. „Я почувствовалъ себя оскорбленнымъ и мучительно страдалъ“. Слѣдуетъ описаніе этихъ страданій, а за нимъ, какъ снѣгъ на голову, такой выводъ: „Короче говоря, я самъ былъ кругомъ виноватъ. Находясь вдали отъ Левкоевыхъ (пріемныхъ родителей), я первый охладѣлъ къ нимъ, а чтобы совѣсть меня не мучила, я всю вину взвалилъ на нихъ и на этомъ успокоился“. А безпредѣльная то тоска и мучительныя страданія? откуда они?— Внезапности не прекращаются и дальше: „...Учился я недурно... Но едва мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, какъ я почувствовалъ какое-то непреодолимое отвращеніе къ гимназіи“... Затѣмъ, исключенный изъ гимназіи герой уже „совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни“, сдружившись съ „выгнаннымъ за пьянство семинаристомъ“ и съ „лихимъ малымъ, принявшимъ католицизмъ за пятьдесятъ рублей“. Всего три странички—и авторъ въ нѣсколько скачковъ превращаетъ благонравнаго мальчика въ распутнаго юношу. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... Далѣе г. Свирскій не просто уклоняется, а скорѣе бѣжитъ отъ психологической правды. Въ концѣ концовъ, герой, въ состояніи невмѣняемости, убиваетъ человѣка, и судъ приговариваетъ его къ четыремъ годамъ каторги. Здѣсь занавѣсъ опускается, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поднимается вновь, читатель въ эпилогѣ зритъ уже не человѣка, а изверга. Какъ совершилась эта послѣдняя метаморфоза, г. Свирскій не пожелалъ разъяснить.

Остальные разсказы написаны проще, нѣтъ того паѳоса, который вызываетъ невольную улыбку въ „Преступникѣ“; но психологія продолжаетъ хромать по прежнему. Такъ, въ разсказѣ „Степанъ“ авторъ договаривается до абсурда. Глухонѣмой отъ рожденія сынъ сапожника Степанъ съ дѣтства обнаруживаетъ большія способности къ рисованію, попадаетъ въ академію и возвращается въ родной городъ уже какъ „надежда“ русской живописи. Здѣсь онъ пишетъ большую картину, а закончивъ ее, впадаетъ въ изступленное отчаяніе и накладываетъ на себя руки изъ за того, что „въ картинѣ нѣтъ звуковъ“. Г. Свирскій не знаетъ, очевидно, что глухонѣмому отъ рожденія идея звука недоступна, какъ недоступно людямъ, владѣющимъ пятью органами чувствъ, представленіе о шестомъ. Удовлетворительнѣе другихъ разсказы изъ тюремнаго быта, видимо хорошо изученнаго авторомъ, а равно разсказъ „Адвокатъ“; и это потому, что въ нихъ

г. Свирскій, не мудрствуя лукаво, описываетъ лишь то, „чему свидѣтель въ жизни былъ".

Н. Степаненко. Передѣлъ и другіе разсказы. Харьковъ. 1905.

Е. Н. Любичъ. Пестрядь. Разсказы и наброски. Одесса. 1905.

„Всѣ собаки имѣютъ право лаять—и большія, и маленькія". Такъ или приблизительно такъ, шутя говорилъ А. П. Чеховъ какому-то начинающему писателю, у котораго возникало сомнѣніе, долженъ-ли онъ или не долженъ писать, при наличности крошечнаго дарованія.

Афоризмъ этотъ можетъ служить оправданіемъ многимъ маленькимъ писателямъ, которые не только пишутъ, но и издаютъ свои писанія отдѣльными книжками.

Г. Степаненко—писатель вполнѣ грамотный и начитанный. То, что ему понравилось изъ прочитаннаго, онъ пробуетъ повторить „своими словами". Такимъ образомъ составилась цѣлая книжка разсказовъ. Герои разсказовъ г. Степаненко, довольно разнообразные по положенію, всѣ выражаются литературно и, большею частью, въ одинаковой манерѣ.

— Слюняй!—сказалъ Архипъ и дерзко захохоталъ. Рѣзкій хохотъ его точно горохомъ покатился по дну оврага. (Стр. 210).

Прошка замедлилъ шаги и, поровнявшись, заглянулъ въ глаза.

— Слюняй, — сказалъ онъ, замѣтивъ на глазахъ слезы. (Стр. 30).

Г. Степаненко нѣсколько злоупотребляетъ яркостью красокъ и цвѣтистостью слога, что производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ воробья жаритъ на кострѣ. Беремъ только что цитированный разсказъ „Въ степи":

„Прошка повалился на землю и застоналъ, какъ раненый звѣрь. И казалось, не Прошка стоналъ,—всколыхнулась степь и заплакала и застонала мучительно глубокимъ стономъ. Еще минута другая и раздадутся проклятія на жизнь и на все окружающее, что питаетъ и поддерживаетъ жизнь".

Но прошла минута-другая и, слава Богу, нѣсколькими строками ниже „Прошка лежалъ на дорогѣ и улыбался: въ рукахъ его была огромная краюха хлѣба".

Все содержаніе разсказа состоитъ въ томъ, что Прошка былъ голоденъ, громилъ жизнь и даже замышлялъ что-то ужасное (что именно—такъ и не выяснилось), что повергало въ трепетъ его товарища. („Боже! неужели Прошка способенъ на то, чтобы убить человѣка... Да, человѣкъ въ положеніи Прошки на все способенъ"). Затѣмъ стянулъ съ проѣзжавшей мимо арбы краюху хлѣба и сталъ улыбаться.

Въ книгѣ около двухъ десятковъ разсказовъ, содержаніе которыхъ почти не поддается передачѣ,—такъ онъ затканo узорными фокусами и изысканными цвѣтами авторскаго языка.

Г. Любичъ тоже прочиталъ кое-что и усердно передразниваетъ манеру наиболѣе популярныхъ новѣйшихъ художниковъ слова. Разсказы его полны подавляющихъ ужасовъ. Вотъ, напримѣръ, волостной писарь, преисполненный благородства и чувствительности, подрался съ своей женой и убилъ ее (кулакомъ). Описаніе драки и суда свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью, что г. Любичъ внимательно читалъ разсказы Л. Андреева. На судѣ герой разсказа изрекаетъ такія подавляющія истины:

„Каждый ударъ—это смерть, ибо чуть кто въ запальчивости не соразмѣритъ силы удара, въ результатѣ явится смерть. Въ законѣ Моисея сказано: „не убій“, я же замѣняю это страшное для меня слово, словомъ „не бей“.

Есть у автора нѣсколько новеллъ („Поздно“, „Духи тьмы“, „Хлѣба и зрѣлищъ“), написанныхъ въ томъ вычурно-символическомъ стилѣ, въ какомъ пишутъ наши доморощенные декаденты. Произвдятъ онѣ очень веселое впечатлѣніе:

„Мирныя, тихія нивы грустнымъ шепотомъ спрашивали другъ друга:

— Кто эти грозные сверкающіе духи тьмы!

— Мы!—крикнуло горло на одной фабрикѣ.

— Мы, мы!—отозвалось на него еще нѣсколько горлъ.

— Га, га, га!—загоготали они всѣ вмѣстѣ и утихли.

Слышно было какое-то сопѣніе, какой-то хряскъ и ничего больше“. („Духи тьмы“, 122 стр.).

И больше ничего...

Ѳ. Тищенко. Люди темные. Быль, разсказанная крестьяниномъ.

„Быль“ повѣствуетъ о темныхъ людяхъ—Игнатѣ и Настѣ Сущенкахъ, которые всю жизнь работали и мечтали выкупить отцовскій надѣлъ. Скопили, наконецъ, тяжелымъ трудомъ 200 руб. и, какъ люди темные, поручили волостному писарю отвести эту сумму въ казначейство. А волостной писарь съ старшиной подѣлили между собой деньги, темныхъ-же людей долго водили за носъ увѣреніями, что скоро они получатъ „данную“. Но время шло, а „данной“ все не было, и пришлось темнымъ людямъ самимъ ѣхать въ городъ—наводить справки въ казначействѣ. Разумѣется, оказалось, что никакихъ денегъ отъ писаря на выкупъ надѣла Сущенокъ не поступало. Темные люди, несмотря на свою темноту, умудрились перехитрить старшину и писаря: вытребовали у нихъ „бумагу въ Харьковъ“ для справки о своихъ деньгахъ. Эта „бумага„ помогла имъ на судѣ доказать правиль-

ность предъявленнаго къ писарю гражданскаго иска (отъ уголовнаго преслѣдованія они уклонились). Судъ постановилъ: деньги взыскать, а писаря устранить отъ должности. Но темные люди были темны, а писарь съ старшиной и земскій начальникъ были просвѣщенные люди, и постановленіе суда такъ и не было приведено въ исполненіе. Затосковалъ Игнатъ о деньгахъ, затосковалъ и умеръ, твердя передъ смертью: „нема въ свити правды, нема!" А оставшіяся послѣ него жена и теща рѣшили, что „довольно прошенія писать да судиться". Потеряли всякую вѣру въ людей и въ судъ.

— Пускай люди судятся, а мы не хотимъ. Мы отъ того не помремъ... Одинъ померъ уже... Будетъ съ него..."

Разсказъ написанъ правдиво, простымъ, хорошимъ языкомъ. Но мораль сей были такъ и остается неясною: не судись съ писаремъ? не довѣряй ему денегъ? или не будь темнымъ человѣкомъ?

Заключительныя слова разсказа, приведенныя выше, слишкомъ ужъ звучатъ тѣмъ непротивленіемъ злу, которое проповѣдовалось въ многочисленныхъ разсказахъ, написанныхъ въ той же манерѣ, какъ и разсказъ г. Тищенко. Жизнь, однако, далеко ушла отъ этой проповѣди.

Анна Радклифъ. Удольфскія тайны. Романъ. Пер. съ англ. Л. Гей. Изд. А. Суворина. Спб. 1905.

У насъ жалуются—и иногда не безъ основанія—на пробѣлы нашей переводной литературы. Часть этихъ пробѣловъ чисто теоретическая: не переведены почтенныя и классическія произведенія, которыхъ не читаютъ въ подлинникѣ и не станутъ читать въ переводѣ—вродѣ „Мессіады" Клопштока. Но есть дѣйствительные и прискорбные пробѣлы. Мы не имѣемъ, напримѣръ, ни намека на достойный переводъ лирики Гюго; что требованіе это выполнимо, показываютъ полные переводы нѣмецкихъ лириковъ; у насъ нѣтъ въ переводѣ ничего изъ Сентъ-Бева, нѣтъ „Зеленаго Генриха" Готфр. Келлера, нѣтъ полнаго Бальзака и т. д. Въ виду этого понятно желаніе экономить направленные на переводы средства и силы, понятно требованіе, чтобы они утилизировались возможно болѣе цѣлесообразнымъ способомъ.

Этому требованію ни въ малой степени не отвѣчаетъ новое изданіе г. Суворина. Для „Удольфскихъ тайнъ" г-жи Раклифъ было время и оно прошло. Въ предисловіи къ русскому изданію указано, что первый переводъ этого романа вышелъ въ Москвѣ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ 1802 году; за нимъ слѣдовали другія изданія. Кому нужно теперь это длинное—до тысячи убористыхъ страницъ—повѣствованіе, тягучее, романтически вздер-

нутое и неестественное. Если бы и нашлись любители этого умершаго жанра, то они могли бы обратиться къ старымъ переводамъ, конечно, лучше сохранившимъ наивную напыщенность подлинника, въ свое время, быть можетъ, казавшуюся последнимъ словомъ художественной правды. Едва ли найдутся теперь такіе читатели. Если имя автора „Удольфскихъ тайнъ" не окончательно умерло въ русскомъ обществѣ, то развѣ благодаря знаменитой фразѣ Базарова о „таинственномъ незнакомцѣ изъ романовъ г-жи Радклифъ". Такъ назвалъ, какъ извѣстно, тургеневскій герой русскую народную массу, темную и загадочную, до конца дней представлявшуюся сфинксомъ автору „Отцовъ и дѣтей". Мы стоимъ предъ раскрытіемъ загадки сфинкса, предъ пробужденіемъ народной массы, предъ явленіемъ новаго читателя, о которомъ больше чѣмъ, когда-либо надлежитъ думать русскому книгоиздательству. И грѣшно отвѣчать на духовные запросы этого читателя „Удольфскими тайнами". Лучше раскрыть предъ нимъ русскія.

Свящ. **К. С. Стефановичъ. Наболѣвшее сердце.** М. 1905 г.

„Исполняя просьбу своихъ друзей, я издаю этотъ сборникъ нѣкоторыхъ своихъ литературныхъ произведеній, которыя, по словамъ тѣхъ же лицъ, пронзили сердца многихъ своею правдивостью". Такъ пишетъ авторъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ, и надо сказать, что, несмотря на нѣкоторую витіеватость этого заявленія, замѣтки священника Стефановича, дѣйствительно, проникнуты неподдѣльной искренностью. Онѣ, прежде всего, не шаблонны, и многое изъ того, что онъ говоритъ, будетъ далеко не лишнимъ въ такое время, когда съ церковной каѳедры невозбранно распространяются клеветническія легенды о знаменитыхъ японскихъ 18 милліонахъ, призывы къ сокрушенію интеллигенціи и пр., и пр. Съ такими явленіями, повидимому, приходилось непосредственно сталкиваться и священнику К. С. Стефановичу. Задавшись, между прочимъ, цѣлью выяснить значеніе интеллигенціи, онъ замѣчаетъ: „Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду того, что въ нашемъ городѣ нѣкто изъ духовныхъ особъ когда-то позволилъ себѣ оскорбить нашу интеллигенцію лишними словами. Нѣкоторые интеллигенты жаловались мнѣ на моего собрата. Я краснѣлъ и ничего не могъ сказать въ его оправданіе, кромѣ богословской ссылки на то, что иногда Богъ попускаетъ человѣку запутаться при разсужденіи о томъ, что глубоко не продумано". Смотритъ авторъ самъ на интеллигенцію, какъ на „людей, различающихъ добро и зло, умомъ и чувствомъ воспринимающихъ все доброе и волею стремящихся осуществить въ жизни познанное благо". „Ряды нашей интеллигенціи,—говоритъ священникъ К .С. Стефановичъ,—въ настоящее время, какъ и въ прежнее, запол-

няются лицами всѣхъ сословій, состояній и національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства. Въ интеллигенцію идутъ и дворяне, и духовные, и военные, и купцы, и мѣщане, и крестьяне; идутъ и русскіе, и поляки, и греки, и армяне, и евреи, и татары и т. д.". Однимъ изъ представителей русской интеллигенціи въ прошломъ онъ признаетъ, напр., митрополита Филиппа II, московскаго, ссылаясь на слѣдующее описаніе его подвига: „21 марта 1568 г., въ Крестопоклонную недѣлю, передъ началомъ литургіи, митрополитъ Филиппъ стоялъ на возвышеніи посреди храма. Вдругъ въ церковь входитъ Іоаннъ съ толпою опричниковъ. Всѣ они и самъ царь были въ черныхъ высокихъ шлыкахъ, въ черныхъ рясахъ, изъ-подъ которыхъ блестѣли ножи и кинжалы. Іоаннъ подошелъ къ святителю со стороны и три раза подклонялъ свою голову для благословенія. Митрополитъ стоялъ неподвижно, устремивъ свой взоръ на икону Спасителя. Наконецъ, бояре сказали: „Владыко святый! царь требуетъ твоего благословенія". Святитель обратился къ Іоанну, пристально, какъ бы не узнавая его, посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Въ этой одеждѣ странной я не узнаю царя православнаго, не узнаю его и въ дѣлахъ царства... Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слыхано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу... У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы, государь, приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется неповинная кровь христіанская. Не скорблю о тѣхъ, которые, проливая свою невинную кровь, сподобляются доли святыхъ мучениковъ; о твоей душѣ страдаю. Хотя и образомъ Божіимъ почтенный, ты, однако-жъ, перстный человѣкъ, и Господь взыщетъ отъ руки твоей". Іоаннъ кипѣлъ гнѣвомъ, шепталъ угрозы, стучалъ жезломъ о плиты помоста. Наконецъ, воскликнулъ: „Филиппъ! или нашей державѣ ты смѣешь противиться? Посмотримъ, увидимъ, велика ли твоя крѣпость".— „Царь благій, — отвѣтилъ святитель, — напрасно ты меня устрашаешь. Я пришлецъ на землѣ, подвизаюсь за истину, и никакія страданія не заставятъ меня умолкнуть".

Человѣкъ глубоко вѣрующій, авторъ помнитъ завѣтъ ап. Павла: „Надлежитъ быть и разномысліямъ между вами (христіанами), дабы открылись между вами искусные" — и замѣчаетъ: „Мы не знаемъ ни одного момента въ исторіи церкви, когда бы она была свободна отъ разномыслія. Даже апостолы разно мыслили по вопросамъ второстепенной важности. Если бы у апостоловъ не было разномыслія, то не зачѣмъ было бы имъ собираться въ 51 году, по Р. Хр., на соборъ въ Іерусалимъ"...

Священникъ Стефановичъ — не только вѣрующій, не только христіанинъ, но и православный христіанинъ; онъ и теперь, въ эпоху оффиціальной вѣротерпимости, признаетъ, что „русская

церковь нуждается въ искусныхъ борцахъ съ разномыслящими". Но и за всѣмъ тѣмъ онъ глубоко скорбитъ о томъ, что у насъ „къ религіознымъ спорамъ съ иномыслящими примѣшиваются политическія подозрѣнія. Какой-нибудь правомыслящій считаетъ себя политически благонадежнымъ, а иномыслящаго готовъ упрекать въ крамолѣ, измѣнѣ отечеству. Въ одномъ „краткомъ очеркѣ штундизма" есть особая глава, въ которой трактуется о „политическомъ характерѣ этой секты". Очеркъ этотъ написанъ іереемъ, получившимъ высшее богословское образованіе. Удивительно, что этотъ іерей не знаетъ того, что церковь должна вести борьбу съ религіозными сектами, не касаясь ихъ политическихъ направленій, и трактовать, поэтому, о штундизмѣ нужно, какъ о религіозной, а не политической сектѣ. Вслѣдствіе того, что духовные семинаристы не пріучаются отличать религіи отъ политики, наблюдаются такія явленія, что наши миссіонеры оскорбляютъ иномыслящихъ, обвиняя ихъ въ политической неблагонадежности, и этимъ уничтожаютъ свою миссію, пастырское дѣло воздѣйствія на иномыслящихъ. Разномыслящіе говорятъ, что съ правомыслящими миссіонерами опасно имѣть дѣло, ибо послѣ бесѣды съ ними можно попасть подъ надзоръ полиціи и жандармовъ. О дѣятельности одного миссіонера мнѣ разсказывали, что онъ больше занимается политической агентурой, чѣмъ религіознымъ миссіонерствомъ. Иные жандармы выражаютъ недовольство, что нѣкоторые правомыслящіе берутъ на себя обязанности политическихъ сыщиковъ. Конечно, политическимъ агентомъ легче быть, чѣмъ религіознымъ дѣятелемъ, въ особенности, если человѣкъ не воодушевленъ религіей и не умѣетъ играть на религіозныхъ струнахъ пасомыхъ..."

Въ современномъ русскомъ духовенствѣ священникъ Стефановичъ, конечно, не одинъ; многіе думаютъ такъ же, какъ онъ. Но большинство ихъ, соблюдая практическую „мудрость змія", уподобляется выведенному священникомъ Стефановичемъ въ очеркѣ „Запуганный идеалистъ" о. Ѳомѣ, который, отведя душу въ откровенной бесѣдѣ съ завернувшимъ къ нему земскимъ врачемъ, молитъ его на прощанье: „Только ужъ, пожалуйста, не называйте моего имени и не указывайте моей норки... Страшно!.. Могутъ вѣдь посадить меня въ монастырь за распространеніе ереси среди интеллигенціи"...—„Не бойтесь, не выдадимъ!—съ улыбкой успокаиваетъ его докторъ.—Мы такихъ добрыхъ батюшекъ, какъ вы, любимъ. Дай Богъ, чтобы ихъ развелось побольше на Руси, да чтобы они были похрабрѣе"!..

И. П. Лысковъ. А. П. Чеховъ въ пониманіи критики. (Матеріалы для характеристики его творчества). Москва. 1905.

Замыслу составителя нельзя отказать въ нѣкоторой оригинальности; эта оригинальность не помѣшала ему составить и издать ненужную книгу. Соображенія его просты и категоричны. Критическая литература о произведеніяхъ русскихъ классиковъ разростается до огромныхъ размѣровъ; ознакомленіе съ нею вызываетъ неопреодолимыя препятствія. На изученіе одной только литературы предмета тратится очень много времени. „Затѣмъ, всякій согласится, что знаніе прочитаннаго отличается ясностью и полнотою только въ самый процессъ чтенія и еще въ короткое за симъ время". Поэтому г. Лысковъ рѣшилъ свести экстракты изъ критическихъ статей о Чеховѣ въ одинъ общій библіографическій обзоръ. Къ этому побудило его еще одно соображеніе; по его мнѣнію, „то или другое теоретическое положеніе можетъ пріобрѣсти свойства истины отчасти въ томъ случаѣ, когда оно обнажено и освобождено отъ всѣхъ мелочей, украшающихъ его". Эту задачу очистки „теоретическихъ положеній" Михайловскаго, Арсеньева, Овсянико-Куликовскаго и возвышенія ихъ до степени истины взялъ на себя составитель.

Не трудно видѣть, что заблужденіе лежало въ самой основѣ его плана. Не „освобожденіе отъ мелочей" даетъ въ области гуманитарныхъ знаній теоретическому положенію „свойства истины", а подчасъ именно эти мелочи; вспомнимъ, что „истина въ оттѣнкахъ". Важны выводы, но столь же важны доводы—отраженіе той жизненной атмосферы, въ которой проходитъ обобщающее творчество. И, разумѣется, если это вѣрно по отношенію къ творчеству научному, то тѣмъ оно вѣрнѣе по отношенію къ литературной и художественной критикѣ. Критика занимаетъ промежуточное мѣсто между наукой и искусствомъ; для ея полноты первостепенно важны и эмоціональные элементы, и выраженіе индивидуальности автора: все то, что представляется г. Лыскову декоративными мелочами. Освободите отъ этихъ мелочей статью Бѣлинскаго, Сентъ-Бева, Рескина, сведите ее къ ряду формулъ, выжатыхъ изъ статьи: получится не истина, а ея пародія—плоская, безцвѣтная, ненужная банальность.

Всякое человѣческое дѣло несовершенно, и г. Лысковъ не сумѣлъ провести свой губительный замыселъ во всей полнотѣ его безпощадности. Ему удалось, однако, свести разнообразіе индивидуальностей къ одному безнадежному знаменателю, такъ что въ его книгѣ Михайловскаго отъ Сементковскаго и Меньшикова отъ Струве отличаетъ очень немногое; всѣ они сѣры, однноцвѣтны и выстроены подъ ранжиръ; для одного Чеховъ—оптимистъ, для другого—пессимистъ, для одного чистый художникъ, для другого философъ; одинъ приставилъ къ Чехову плюсъ, другой—минусъ. Это очень важно въ математикѣ, но не

важно въ критикѣ. Поэтому излагать критическія статьи въ видѣ экстрактовъ почти все равно, что замѣнять такими экстрактами лирическія стихотворенія. Впрочемъ, и это едва ли устрашило бы г. Лыскова: судя по суконному языку и своеобразной стилистикѣ, мы имѣемъ дѣло съ преподавателемъ русской словесности; стало быть, для него наивная кастрація художественнаго произведенія дѣло привычное.

Анри **Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ**, какъ поэтъ и мыслитель. Пер. съ франц. С. Соловьева. Москва, 1905.

Переводчикъ нашелъ нужнымъ восполнить „одинъ непростительный пробѣлъ“ нашей литературы: „мы какъ будто забыли о первоклассномъ нѣмецкомъ поэтѣ-мыслителѣ Рихардѣ Вагнерѣ“. То, что у насъ есть по этой части, „въ видѣ маленькихъ біографій и отъ времени до времени появляющихся пустенькихъ брошюрокъ“, его, конечно, не удовлетворяетъ. Поэтому онъ предлагаетъ переводъ книги французскаго ученаго.

Эта книга исчерпываетъ предметъ, но занимается совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы. Она трактуетъ о величіи Вагнера въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ не былъ значителенъ. Вагнеръ былъ замѣчательный музыкантъ и интересный драматургъ, но весьма посредственный мыслитель, а Лихтенбергеръ, вслѣдъ за многими вагнеріанцами, дѣлаетъ изъ него чуть не свѣтило философской мысли. У Вагнера, какъ и у многихъ иныхъ, была художественная десница и публицистическая шуйца. Его теоретическія умствованія были слишкомъ тѣсно связаны съ его художественнымъ творчествомъ, чтобы, интересуясь послѣднимъ, можно было оставить безъ вниманія первыя. Но Вагнеръ не былъ въ нихъ ни самостоятеленъ, ни значителенъ. Его сочиненія отличаетъ свойство, характерное для декадентской поэзіи: такъ сказать, надежда на услужливость читателя. Туманныя общія схемы, которыя долженъ наполнить содержаніемъ тотъ, кому онѣ придутся по душѣ: вотъ основная форма сочиненій Вагнера. И ему посчастливилось: его художественные таланты доставили читателей его публицистикѣ; толпа „вѣрныхъ“, сплоченныхъ вокругъ „учителя“, не только усмотрѣла откровеніе въ его размышленіяхъ; она создала цѣлую литературу комментаріевъ, выводовъ, объясненій къ его сочиненіямъ. Ужъ четверть вѣка издается журналъ, спеціально посвященный Вагнеру, давно составленъ любопытный объемистый словарь его идей, обширный трудъ представляетъ собою его библіографія. Отраженіемъ этой многоглаголивой литературы является въ значительной степени книга Лихтенбергера. И она „объясняетъ“ то, что должно быть ясно безъ объясненій, она „углубляетъ“ то, что лишь искусственно поддается этому „углубленію“. Кто дошелъ до того, что можетъ наслаждаться музыкой Вагнера,

тотъ, конечно, обогатилъ свою душевную жизнь; но очень не много потерялъ тотъ, кому неизвѣстенъ „мыслитель“ Вагнеръ. Впрочемъ, для характеристики своей эпохи, какъ симптомъ, какъ продуктъ въ извѣстномъ смыслѣ патологическій, вагнеровская философія и публицистика не лишены извѣстнаго интереса.

Въ переводѣ много галлицизмовъ, изъ коихъ самый нелѣпый— французская передача нѣмецкой фамиліи автора. Правда, чтеніе *Лиштанберже* всетаки послѣдовательнѣе ублюдочнаго *Лихтенберже*,—какъ назвали французскаго писателя переводчики его книги о Ничше. Но какое намъ дѣло до того, что французы коверкаютъ нѣмецкія слова? Нѣмцы своего поэта называютъ Шамиссо; неужто и намъ слѣдовать этому произношенію? Надо говорить Лихтенбергеръ, какъ говоримъ мы Дюнкирхенъ, хотя французы называютъ этотъ французскій городъ Дэнкеркъ.

І. Табурно. Правда о войнѣ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1905 г.

Изданная хозяиномъ „Новаго Времени“, эта книга заканчивается увѣреніемъ, что „одна великая россійская семья, всегда готовая дружно встать на защиту своего государства“, образуется тогда, „когда всѣ народы русскаго государства будутъ пользоваться одинаковыми правами; когда исчезнутъ всѣ искусственныя преграды, которыя служатъ только причиной наблюдаемой нами розни; когда, пользуясь равноправіемъ, всѣ сдѣлаются одинаково искренними гражданами“. Къ этому убѣжденію автора привело то единодушіе солдатъ, которое онъ видѣлъ на войнѣ. Поляки, кавказцы, финны, нѣмцы — всѣ дѣлаютъ свое подневольное дѣло. Среди евреевъ „не мало показали себя прекрасными, храбрыми и распорядительными солдатами. Не мало ихъ награждено георгіевскими крестами, есть нѣкоторые, имѣющіе даже два и три, и эти кресты давались не начальствомъ, а присуждались самой ротой! И какъ любили этихъ евреевъ другіе солдаты. Офицеры тоже не могли нахвалиться ими“. Всѣ эти факты доказываютъ автору, что „у русскаго народа нѣтъ ни національнаго, ни религіознаго фанатизма, который бы передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе, для котораго не существуетъ никакого критерія, никакихъ доводовъ здраваго разсудка, который безсознательно и слѣпо ненавидитъ все чужое“. Если это такъ, то любопытно было бы узнать, какого мнѣнія г. Табурно объ издателѣ своей книги. Считаетъ онъ его явленіемъ не русскимъ и безпочвеннымъ или полагаетъ, что для ненавидящаго національзма г. Суворина имѣютъ значеніе „доводы здраваго смысла“?

Какъ бы то ни было, разъ у г. Табурно хватило смѣлости сказать въ своей средѣ такія вещи, можно предположить, что

заглавіе его книги не мистификація. Всю правду ему, конечно, не удалось разсказать; ему случается также ошибаться. Такъ, напримѣръ, восторгаясь нашими походными кухнями, онъ говоритъ, что, благодаря имъ, солдаты на войнѣ питались лучше, тѣмъ въ мирное время: „всегда и вездѣ горячая пища, даже во время сраженій". Между тѣмъ изъ опубликованнаго на дняхъ приказа командующаго 1-й манчжурской арміей мы узнаемъ, что именно этого не было, что наши „неоцѣнимыя" кухни, какъ это обыкновенно у насъ бываетъ, оказались не на мѣстѣ, а командующій былъ вынужденъ назвать „распоряженія начальствующихъ лицъ объ отправленіи походныхъ кухонь далеко въ тылъ весьма серьезной ошибкой".

Однако, многое изъ того, что сообщаетъ г. Табурно, достойно самой широкой огласки. Заслуживаетъ вниманія его разсказъ о капризахъ генерала Гриппенберга, получившаго, однако, высокій постъ, несмотря на своеобразное удаленіе съ театра военныхъ дѣйствій. Впрочемъ, поступокъ генерала Гриппенберга блѣднѣетъ передъ разсказомъ объ „одномъ изъ ближайшихъ помощниковъ главнокомандующаго", несущемъ, по мнѣнію г. Табурно, всю тяжесть вины за знаменитую панику въ обозѣ послѣ мукденскаго разгрома. Этотъ помощникъ не отдалъ своевременно приказа объ отступленіи по той простой причинѣ, что, послѣ отъѣзда главнокомандующаго, не разрѣшавшаго свиданій, къ нему пріѣхала молодая жена. „Извращенному человѣку двадцатаго вѣка пріятно щекотятъ нервы ненормальныя, извращенныя ощущенія. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ, свиданіе съ женой, подъ грохотъ орудій и стоны тысячъ гибнущихъ лучшихъ сыновъ родины, въ то время, когда рѣшается судьба всей войны, вызывало особенное ощущеніе, приводило въ исключительный экстазъ и заставляло забывать обязанности". Въ этомъ эпизодѣ лучше всего, конечно, то, что Россія не знаетъ ни имени этого героя, ни его нынѣшняго положенія. О томъ, что „развратъ и цинизмъ, царящіе въ Харбинѣ, не имѣютъ границъ", авторъ разсказываетъ съ иллюстраціями. Въ стремленіи къ комфортабельной жизни на позиціяхъ г. Табурно винитъ „примѣръ, который подавали главные начальники". Такъ адмиралъ Алексѣевъ „путешествовалъ, какъ царь". Не любя ночной ѣзды, онъ „останавливался на ночь на станціяхъ, но онъ не выносилъ паровозныхъ свистковъ и ночью его безпокоило всякое движеніе на линіи"; оставалось задерживать поѣзда; „всякое движеніе по станціоннымъ путямъ прекращалось; стояли войска и воинскіе грузы, какъ бы они ни были нужны, какъ бы лихорадочно ни ждали ихъ на полѣ сраженія". Отъ намѣстника не захотѣли отстать ни командующіе арміями, ни,—за ними,—ихъ подчиненные. Отсюда получилось слѣдующее: строевые офицеры ѣздили въ „скотскихъ" вагонахъ, штабные катались въ пульмановскихъ салонахъ; слѣдствіемъ явилась не-

только вражда, но и еще нѣчто: жилые поѣзда „приковывали наши штабы къ желѣзной дорогѣ, и, быть можетъ, отчасти въ силу этого, операціи создавались съ разсчетомъ не покидать желѣзной дороги, т. е. великолѣпнаго жилища". Обходимъ разсказы о томъ, какъ поѣздные маневры съ дойной коровой одного штабнаго генерала задерживали воинское движеніе полъ дня, какъ генералъ Гриппенбергъ дѣлалъ то же самое, разъѣзжая въ своемъ поѣздѣ тамъ, гдѣ можно было проѣхать въ коляскѣ и т. п. Какой вой подняла бы патріотическая пресса, если бы ей разсказали что-либо подобное весною прошлаго года. Но теперь это разсказываютъ подъ эгидой г. Суворина: при такихъ обстоятельствахъ не трудно изъ яраго пацифиста стать сторонникомъ войны. Вѣроятно, поэтому и г. Табурно ломаетъ копья за ея продолженіе; онъ „болѣе чѣмъ убѣжденъ, что будь завтра созванъ земскій соборъ (или какъ бы его не назвали — все равно), онъ непремѣнно рѣшилъ бы продолжать войну, напрягши всѣ силы". Весьма возможно, ибо сегодня иного земскаго собора и не желаютъ созвать.

Г. Еллинекъ. Декларація правъ человѣка и гражданина. Библіотека для самообразованія. Москва. 1905.

Русскій переводъ монографіи Еллинека является весьма своевременнымъ. Еллинекъ, профессоръ гейдельбергскаго университета, — въ настоящее время одинъ изъ самыхъ значительныхъ теоретиковъ государственнаго права, а его монографія о деклараціи правъ человѣка и гражданина по справедливости считается образцовымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря живости и простотѣ изложенія, она доступна для самыхъ широкихъ круговъ читателей.

Знакомство съ знаменитымъ памятникомъ французскаго законодательства весьма существенно для уясненія истиннаго понятія правового государства. Въ этомъ понятіи заключаются два основныхъ элемента. Съ одной стороны, оно предполагаетъ опредѣленную организацію власти, при чемъ вся совокупность государственной власти распредѣляется, сообразно ея видамъ, между строго очерченными, твердо установленными органами, а такъ какъ такая организація власти невозможна безъ активнаго участія населенія въ государственной жизни страны,—то народное представительство является первымъ основнымъ элементомъ правового государства.

Съ другой стороны, въ понятіи правового государства заключается и другой, не менѣе, если не болѣе важный элементъ—это гарантія индивидуальныхъ правъ. Если народное представительство гарантируетъ политическую свободу въ смыслѣ самоуправленія,—ибо черезъ представительство населеніе участвуетъ въ созданіи государственныхъ законовъ и, такимъ образомъ, само

опредѣляетъ дѣятельность государства, — то признаніе индивидуальныхъ правъ гарантируетъ личности свободу отъ государственнаго вмѣшательства въ область совѣсти, мысли, слова, въ область духа вообще, и тѣмъ открываетъ широкій просторъ для живого творчества, для индивидуальной и коллективной самодѣятельности; и въ этомъ огражденіи личности отъ гнета государства, составляющемъ непремѣнный признакъ современнаго правового государства, декларація правъ человѣка и гражданина сыграла огромную роль.

Изслѣдуя происхожденіе деклараціи, Еллинекъ оспариваетъ ходячій взглядъ, считающій источникомъ ея являются труды французскихъ политиковъ-философовъ XVIII столѣтія; сравнивая текстъ французской деклараціи съ деклараціями конституцій отдѣльныхъ американскихъ штатовъ, онъ приходитъ къ убѣжденію что послѣднія были истиннымъ источникомъ деклараціи 1789 г. Корни же американскихъ декларацій Еллинекъ находитъ въ религіозномъ движеніи за свободу совѣсти, которое заставило реформаторовъ покинуть Англію и искать новаго свободнаго отечества въ дѣвственной Америкѣ.

„Установить законодательнымъ путемъ рядъ неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ, священныхъ правъ индивида — говоритъ Еллинекъ—эта мысль не политическаго, а религіознаго происхожденія; то, что до сихъ поръ считали послѣдствіемъ революціи, на самомъ дѣлѣ было плодомъ реформаціи и вызванной ею борьбы; первымъ апостоломъ этой мысли былъ не Лафайетъ, а тотъ Роджеръ Вильямсъ, который, воодушевленный могучею, глубокою вѣрой, удалился въ пустыню, чтобы основать новое государство и въ немъ осуществить полную свободу вѣроисповѣданія, — чье имя американцы понынѣ произносятъ съ глубокимъ благоговѣніемъ“.

Самыя конкретныя условія общежитія, въ которыя попадали новые переселенцы въ Америкѣ, оказались богатою почвою для развитія тѣхъ политическихъ идей, которыя впослѣдствіи нашли свое воплощеніе въ деклараціяхъ правъ.

„Теорія, что государство и правительство основаны на договорѣ, оказавшая такое значительное вліяніе на развитіе американскихъ воззрѣній на личную свободу, постоянно — говоритъ авторъ—подкрѣплялась въ Новомъ Свѣтѣ силою историческихъ обстоятельствъ. Горсть людей отправляется, чтобы основать новое общежитіе; въ уединеніи первобытныхъ лѣсовъ, разсѣянные на громадномъ пространствѣ, принимаются они за новую культурную работу. Имъ кажется, что они живутъ какъ бы внѣ государства, въ естественномъ состояніи, и что, если они выйдутъ изъ него, то сдѣлаютъ это добровольно, не принуждаемые къ тому никакой земною властью. При небольшомъ ихъ числѣ первоначально не было нужды въ представительствѣ; всѣ рѣшенія постановляются на общинныхъ сходахъ, всѣми членами общежитія. Форма непо-

средственной демократіи естественно слагается при подобныхъ условіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпнетъ вѣра въ верховенство народа, какъ основу законодательства и правительства, несмотря на то, что это представленіе совершенно не соотвѣтствовало древне-англійскимъ возрѣніямъ. Понятно, что поколѣнію, видѣвшему, какъ этимъ путемъ возникали государства, тѣ убѣжденія, которыя впослѣдствіи вдохновляли дѣятелей 1776 г., казались не требующими особаго подтвержденія; для него они были самоочевидны (selfevident), какъ говорится въ деклараціи независимости".

Религіозное движеніе Англіи и формы общежитія новыхъ поселенцевъ въ Америкѣ опредѣлили содержаніе и тонъ декларацій отдѣльныхъ возставшихъ штатовъ Америки, а тѣ, въ свою очередь, стали источникомъ французской деклараціи правъ человѣка и гражданина 1789 года. Принципы 1789 года—говоритъ Еллинекъ — это на самомъ дѣлѣ принципы 1776 года. „И всетаки — несомнѣнно, что эти начала не получили бы признанія внѣ Америки, если бы Франція не восприняла и не распространила ихъ. Нынѣ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ за индивидомъ *закономъ* обезпеченъ опредѣленный кругъ правъ, и общественныя учрежденія всюду проникнуты *убѣжденіемъ*, что у отдѣльной личности есть права даже по отношенію къ столь могущественной государственной власти,—всему этому Франція оказала огромное содѣйствіе, независимо отъ того, каковы были непосредственныя практическія послѣдствія французской деклараціи правъ въ самые дни революціи".

Изслѣдуя историческое значеніе деклараціи 1789 года, авторъ даетъ цѣлый рядъ общихъ соображеній, весьма существенныхъ для выясненія политическаго и юридическаго значенія декларацій правъ и болѣе общаго вопроса о правахъ гражданина по отношенію къ государству. Приведенный въ книгѣ Еллинека параллельный текстъ французской и американскихъ декларацій придаетъ ей особую цѣнность въ качествѣ изданія, разсчитаннаго на широкіе круги читателей. Переводъ и изданіе очень тщательны, а цѣна (40 копѣекъ) очень невысока.

Н. Бѣлозерскій. Аѳ. П. Щаповъ, какъ педагогъ. Спб. 1905 г. Изд. „Сѣвернаго Книгоиздательства". № 1.

Г. Бѣлозерскій возскорбѣлъ, что имя Щапова „не пользуется въ наши дни той широкой извѣстностью, на какую оно могло бы имѣть полное нравственное право". А главная причина та, что „изслѣдованія Щапова написаны тяжелымъ академическимъ языкомъ". Рѣшивъ популяризировать знаменитаго историка-публициста, г. Бѣлозерскій знакомитъ читателей съ его біографіей и сочиненіями на пространствѣ 150 *строчекъ* разгонистаго шрифта, а затѣмъ излагаетъ педагогическія воззрѣнія его по книгѣ „Со

ціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа". Этому вопросу посвящаетъ онъ, приблизительно, строчекъ 300. Дѣлаетъ это очень развязно и увѣренно, изрекаетъ неоспоримыя истины, вродѣ того, что „вопросъ о народномъ образованіи—одинъ изъ основныхъ вопросовъ общественной жизни", что „послѣ періода самоупоенія 60 гг. много сладкихъ иллюзій разсѣялось, какъ дымъ, оставивши по себѣ только горечь воспоминаній, и пылкіе юношескіе восторги, которымъ такъ искренно отдавались отцы, вызываютъ только снисходительную улыбку на лицахъ преждевременно состарѣвшихся, разочарованныхъ дѣтей".

Языкъ г. Бѣлозерскаго, разумѣется,—не „тяжелый академическій", а легкій суконный, какъ можно судить по слѣдующему, напримѣръ, блестящему опредѣленію взгляда Щапова на расколъ:

„Оригинальный взглядъ Щапова на расколъ, выдвинутый въ его трудахъ, заключается въ томъ, что расколъ представляетъ собой систематически выработанную общинную оппозицію податнаго земства противъ всего допетровскаго государственнаго, гражданскаго и церковнаго строя, противъ рабства, насилія совѣсти и противъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ государственной власти, направленной противъ земства". (стр. 9).

Такимъ языкомъ популяризируетъ Щапова, какъ педагога, г. Бѣлозерскій на протяженіи печатнаго полулиста и назначаетъ за трудъ свой 25 коп. Обѣщаетъ также въ скоромъ времени просвѣтить русскаго читателя и касательно Герцена, „какъ публициста". (Этотъ трудъ „приготовляется къ печати", какъ значится на обложкѣ).

Неутомимый и смѣлый писатель г. Бѣлозерскій!

Бесѣды и уроки. Педагогическіе курсы Саратовскаго Губернскаго Земства. 1901 г. Саратовъ. 1904 г.

„Саратовскому губернскому земству понравилась неудачная мысль предавать тисненію рядъ бесѣдъ и уроковъ г.г. руководителей педагогическихъ курсовъ, организованныхъ для учащихъ въ начальныхъ школахъ. Одно дѣло—организовать курсы для живого обмѣна опытомъ, пріемами, для совмѣстнаго рѣшенія школьныхъ вопросовъ (что, впрочемъ, на курсахъ ни разу не допускалось), наконецъ, для освѣженія и пополненія знаній учащихъ въ начальныхъ школахъ. Педагогическіе пріемы—достояніе искусства, а таковое воспринимается удобнѣе и успѣшнѣе всего показательнымъ, опытнымъ путемъ. Другое дѣло—тѣ же самыя бесѣды по курсовымъ предметамъ предложить въ исправленномъ и подчищенномъ видѣ вниманію читающей публики, хотя бы ею предполагались тоже учащіе. Изъ бесѣдъ, которыя, какъ *бесѣды*, были, вѣроятно, вполнѣ удовлетворительны, достигали намѣченной цѣли и давали искомый результатъ,—получаются

въ печати не особенно важныя компиляціи, изъ которыхъ читатель почерпнетъ несравненно менѣе, чѣмъ изъ любой популярной методики предмета.

Что, напримѣръ, возможно почерпнуть изъ велерѣчивыхъ „Бесѣдъ по Закону Божію“ свящ. Ф. А. Богословскаго, который рекомендуетъ: „чтобы дѣти поняли, какъ должны молиться, должно разсказать имъ, съ какимъ душевнымъ восторгомъ и увлеченіемъ молилась Анна, мать Самуила, о дарованіи ей дитяти“. Или, чтобы выяснить дѣтямъ, „какъ гибельно бываетъ для человѣка, если онъ будетъ съ малаго возраста стремиться къ худу, запасаться худыми навыками и удаляться отъ Бога“,— почтенный лекторъ совѣтуетъ разсказывать исторію о потопѣ. Большинство бесѣдъ о. Богословскаго проникнуты наивной назидательностью, доставлявшей курсистамъ, вѣроятно, одно невинное развлеченіе,

„Приходится иногда читать или слышать“,—говоритъ во 2-й бесѣдѣ о. лекторъ:— „что нѣкоторые люди умираютъ отъ скуки и тоски. Это, очевидно, происходитъ оттого, что человѣкъ забываетъ Божій Законъ, предается только земнымъ наслажденіямъ, а о душѣ своей совсѣмъ не заботится. Исторія священная свидѣтельствуетъ, что патріархи жили 700—800 лѣтъ и болѣе, а скуки не знали“. И въ продолженіе шести бесѣдъ о. лекторъ старается изгнать скуку изъ учительскаго обихода, рекомендуя для этого средства простыя, но вѣрныя. „Вѣрю и по себѣ знаю: труденъ, тернистъ постъ учительскій“ (о. лекторъ состоитъ инспекторомъ саратовскаго епархіальнаго училища):—„особенно тернистъ онъ, конечно, въ глуши деревенской, гдѣ рѣдкость встрѣтить живое интеллигентное лицо, съ которымъ можно бы, что называется, отвести душу, посовѣтоваться, подѣлиться впечатлѣніями и т. д.; вотъ тутъ-то св. Евангеліе и молитвы— лучшее, самое дорогое, незамѣнимое средство, избавляющее отъ унынія, упадка духа. При нихъ смиряется въ душѣ тревога и сомнѣніе, волненія улягутся и улетятъ далеко, далеко...“

Все это краснорѣчиво, конечно, но какъ будто припахиваетъ слегка и елеемъ фарисейства.

Изъ „краткаго содержанія уроковъ по рускому языку“, данныхъ руководителемъ А. М. Анастасьевымъ (директоромъ казанскаго учительнаго института), можно сдѣлать, говоря по совѣсти, одинъ-единственный выводъ: такъ давать уроки не слѣдуетъ. Предоставляю судить самому читателю. Передъ нами—первый урокъ (4-го іюня). Онъ начинаетъ такъ:

„Уберите ваши тетради и книги на мѣсто, въ столы! Встаньте! Теперь сядьте! Положите руки на мѣсто и слушайте“.—Руководитель по „Книгѣ для чтенія“ Баранова читаетъ стихотвореніе „Въ школу“.

— Ученики старшаго отдѣленія! Найдите на первой страницѣ

книги стихотворенiе, которое я читалъ! Теперь смотрите въ книгу, я буду читать, а вы что будете дѣлать?

— Мы будемъ слушать.

— Слушайте внимательно! Какъ надо читать, чтобы всѣмъ было слышно?

Ученики. Надо читать громко.

— Пересчитайте, сколько словъ въ первой строчкѣ?

Ученики считаютъ.

— Сколько насчитали?

Ученики. Четыре.

— А какъ печатаютъ или пишутъ слова: вмѣстѣ или отдѣльно?

Ученики. Слова печатаются и пишутся отдѣльно

— Значитъ и читать нужно каждое слово отдѣльно, т. е. останавливаться послѣ каждаго слова?

Ученики. Нѣтъ, останавливаться нужно на точкахъ, запятыхъ, на знакѣ восклицательномъ.

Изъ приведеннаго отрывка явствуетъ, что ученики, которыхъ просвѣщаетъ г. Анастасьевъ,—очень свѣдущiе люди, а учитель далекъ отъ совершенства, неумѣло, непродуманно и неудачно давая вопросы. („Если слова пишутся отдѣльно, то значитъ, надо останавливаться послѣ каждаго слова?"). Вообще „уроки" г. Анастасьева производятъ впечатлѣнiе чего-то неправдоподобнаго по обилiю курьезовъ. Стоитъ напримѣръ, прочитать такъ называемый „вещественный" разборъ ст. „Осень". А второй урокъ на три четверти посвященъ объясненiю слова „эктенiя", которое не встрѣчается въ разбираемомъ стихотворенiи Аксакова, но по поводу котораго просвѣщенный лекторъ дѣлаетъ экскурсiю даже въ греческiй языкъ (это—для учениковъ средняго отдѣленiя).

Столь же далеки отъ совершенства уроки по выразительному чтенiю, данные учителями. Одинъ изъ нихъ такъ, напр., разъясняетъ выраженiе „жемчужное зерно":

„Слушайте. Въ хорошихъ кольцахъ и серьгахъ есть очень красивые маленькiе камешки; они величиною не болѣе зерна, а потому ихъ и называютъ зернами, но только не овсяными и не ячменными, а жемчужными. Жемчугъ—очень дорогое украшенiе: за одно жемчужное зерно можно купить нѣсколько пудовъ ячменныхъ зеренъ".

„Бесѣды къ педагогикѣ" руководителя С. В. Зенченко (инспектора Александро-Марiинскаго Кавалерственной дамы Чертовой института въ Москвѣ), не смотря на свою вычурность и излишне усердное стремленiе къ картинности (Сократъ проходитъ по площади и „по своей близорукости и неловкости задѣваетъ за лотокъ. Одна пирамидка небольшихъ хлѣбовъ сваливается на землю, и вслѣдъ философу несутся крики и ругань торговки"),—представляютъ собою довольно жалкую компиляцiю общеизвѣстныхъ руководствъ по этому предмету.

„Бесѣды по этнографіи“ покойнаго Д. А. Коропчевскаго имѣютъ слишкомъ конспективный и элементарный характеръ. Японцамъ, напр., отведена одна страница—столько же, сколько чукчамъ и вдвое менѣе, чѣмъ якутамъ.

Повторяемъ, какъ бесѣды въ подлинномъ смыслѣ слова, приведенныя здѣсь работы гг. педагоговъ могли быть удовлетворительными (предисловіе сборника называетъ ихъ даже особенно удавшимися). Но напечатанныя въ видахъ ознакомленія съ образцовыми методами, эти „Бесѣды и Уроки“ не выше посредственности. Расчитывать на платное распространеніе столь громоздкой и дорого стоящей книги (625 стр. большого формата; цѣна не обозначена, но, по газетнымъ объявленіямъ—2 руб.) среди учителей нѣтъ никакихъ основаній (два рубля—большія деньги для учителя). Для обыкновенной же читающей публики подобная книга совершенно не нужна. Нельзя не пожелать, чтобы саратовское губернское земство въ сферѣ книгоиздательства избрало болѣе цѣлесообразное и производительное направленіе. Жизнь теперь выдвинула много такихъ вопросовъ, освѣтить которые хорошей и дешевой книгой — дѣло высоко-полезное и самое благодарное.

С. В. Пантелѣева. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. Спб. 1905 г.

„Во многомъ насъ—опередили иноземцы,—но мы догонимъ въ добрый часъ“... Это было сказано пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ поэтомъ, котораго нельзя упрекнуть въ излишнемъ оптимизмѣ. Однако иноземцы далеко впереди насъ, а мы все еще не можемъ пуститься за ними въ погоню: ноги связаны... Двѣ маленькія смежныя политическіе области, описанію которыхъ посвященъ прекрасный трудъ г-жи Пантелѣевой, связанныя едиными историческими судьбами и одинаковыми естественными условіями, вмѣстѣ территоріально—не больше любого уѣзда Архангельской губерніи. Но эти политическіе лилипуты во многихъ отношеніяхъ опередили не только наше отечество, но и наиболѣе культурныя страны земного шара. Ихъ торговопромышленное состояніе, напр., можетъ явствовать изъ сопоставленія слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: сумма ввоза и вывоза на душу въ Голландіи равна 1,400 фр., въ Бельгіи—619, въ Англіи—460, въ Германіи—133, а въ Россіи всего 23 франкамъ. Общая сумма торговаго оборота Нидерландъ въ четыре раза превосходитъ торговый оборотъ Европейской Россіи. Современная культура этихъ маленькихъ государствъ представляетъ интересъ высокой поучительности. Въ русской популярно-научной литературѣ, въ особенности въ географической, не было, помимо очерковъ г-жи Водовозовой, ничего оригинальнаго и маломальски значительнаго о Нидерландахъ и Бельгіи. Очерки г-жи Пантелѣевой, написанные просто, изящно и съ достаточной

обстоятельностью, удачно восполняютъ этотъ пробѣлъ, и книга эта, безъ сомнѣнія, должна будетъ занять подобающее ей мѣсто во всѣхъ библіотекахъ учебныхъ заведеній.

Книга состоитъ изъ десяти главъ. Главы I, IX и X рисуютъ современное состояніе Бельгіи и Нидерландъ; главы II—VIII посвящены ихъ исторіи. Яркія картины борьбы съ разрушительною и вмѣстѣ благодѣтельною стихіею, картины упорнаго труда, несокрушимаго терпѣнія, энергіи и настойчивости, создавшихъ изъ этихъ маленькихъ странъ, изъ этого „наноса песку и грязи изъ французскихъ рѣкъ“ (выраженіе Наполеона I) въ истинномъ смыслѣ золотое дно, возбуждавшее алчные аппетиты не одного вѣнценоснаго пріобрѣтателя,—занимаютъ большую часть книги (гл. I — VII). Глава IX посвящена описанію бельгійскихъ коопераций. Не смотря на обиліе цифръ и кажущуюся сухость глава читается легко и съ величайшимъ интересомъ. Страницы 302-324 — самыя поучительныя въ „Очеркахъ“. Исторія такихъ кооперативныхъ обществъ, какъ „Впередъ“ (Voorhuit), „Народный домъ“, „Будущность“, „Прогрессъ“, La Populaire и др., даетъ поразительную картину того, какъ начатое съ грошами трудового люда дѣло, поставленное умѣло и честно, выростаетъ въ грандіозное и благодѣтельное учрежденіе. Въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ, несмотря на разнообразныя препятствія (напр., со стороны католическаго духовенства, которое пользуется значительнымъ еще вліяніемъ въ бельгійскомъ простонародьи), изъ грошей коопераціи создали многомилліонную прибыль, и благодаря имъ, трудящіеся классы пользуются дешевымъ питаніемъ, дешевой, прочной одеждой, обувью и прочими товарами, даровою медицинскою помощью, даровыми аптечными товарами, имѣютъ пенсіонную кассу для своихъ членовъ, по достиженіи 60-лѣтняго возраста. ссуды провіантомъ во время болѣзни, воспитаніе сиротъ и образовательную помощь. „И теперь“,—говоритъ авторъ „Очерковъ“, „не узнать ни людей, ни обстановки съ той поры, когда сознательная жизнь широкою волною охватило все общество въ Бельгіи“. Когда (до 1830 г.) оба государства составляли одно цѣлое, валлоны плохо ладили съ фламандцами. Теперь они самостоятельныя политическія единицы, но это не мѣшаетъ двумъ расамъ чувствовать тѣсное и прочное единство экономическихъ и др. интересовъ. „Изъ Геннегау, Фландріи, Брабанта и Люттиха они братски протягиваютъ другъ другу руку, потому что общія неотложныя культурныя задачи заставляютъ ихъ отбросить старую расовую рознь... Старинный зеландскій гербъ, изображающій льва, борющагося съ волнами, съ девизомъ: „luctor et emergo“ — теперь уже символизируетъ борьбу народа за жизнь и счастье“. Невысокая цѣна книги, снабженной значительнымъ количествомъ рисунковъ, будетъ способствовать ея широкому распространенію, чего ей отъ души и желаемъ.

Н. Петлинъ. Указатель по составленію школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Изд. книжнаго магазина „Трудъ". Москва. 1905.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ добросовѣстная и, увы, полезная работа г. Петлина. У насъ не мало хорошихъ книгъ для народной школы, не мало и удовлетворительныхъ указателей, помогающихъ разобраться въ этой литературѣ. Но не только съ ея наличнымъ составомъ приходится считаться тому, кто взялся за устройство школьной библіотеки или народной читальни. Ему придется подбирать свой матеріалъ не на книжномъ рынкѣ, и не въ обзорахъ школьной и народной литературы, а прежде всего въ спеціальныхъ министерскихъ каталогахъ. Объ этихъ каталогахъ говорилось достаточно, чтобы ограничиться однимъ напоминаніемъ: худшій цензурный гнетъ есть благо въ сравненіи съ этими каталогами. Ибо они ничего не запрещаютъ. Подобно испанской инквизиціи, которая, осуждая на сожженіе приказывала наказать осужденнаго „какъ можно милосерднѣе и безъ пролитія крови", такъ эти каталоги „ученаго комитета" ничего не воспрещаютъ, а только разрѣшаютъ, одобряютъ и даже рекомендуютъ. Воспрещеннымъ остается только то, что не разрѣшено министерскими каталогами. Оно и логично: къ чему малымъ симъ читать то, чего не читали сіи великіе.

Такъ или иначе, приходится дѣлать культурную работу въ этихъ „испанскихъ сапогахъ"; облегчить ее и должна работа г. Петлина. Она носитъ подзаглавіе „Опытъ составленія каталога для школьныхъ и народныхъ библіотекъ *въ предѣлахъ книгъ, разрѣшенныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія*", и представляетъ собою нѣчто вродѣ такъ называемаго подкандальника. Разъ кандалы не устранимы, остается смягчить нестерпимую боль, причиняемую ихъ треніемъ. Правду сказать мы предпочли бы усилія, направленныя просто и непосредственно на устраненіе кандаловъ. Но надо сказать, что въ этомъ направленіи книга г. Петлина, оставаясь въ предѣлахъ своей подневольной цѣли, дѣлаетъ кой что. Она, напримѣръ, напоминаетъ, что изъ всѣхъ сочиненій Гл. Успенскаго въ безплатныя читальни допущенъ *одинъ* разсказъ, изъ всего Некрасова допущено всего 24 стихотворенія, заключенныхъ въ сборникѣ пресловутаго г. Аскарханова. Все это, разумѣется, какъ нельзя болѣе умѣстно въ странѣ, въ которой статистика—черезъ восемь лѣтъ послѣ переписи—константировала 80 процентовъ безграмотныхъ.

Желаемъ книгѣ г. Петлина стать какъ можно скорѣе устарѣлой и ненужной. Составитель сумѣетъ тогда замѣнить ее трудомъ, болѣе соотвѣтствующимъ нуждамъ и достоинству русскаго просвѣщенія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Арнольдъ Аріель. Миракъ. Драматическая греза въ пяти дѣйствіяхъ. М. 1905. Ц. 1 р.

А. Райскій. Новые звуки. Стихотворенія. Батумъ. 1905 Ц. 50 к.

Думы и разсказы. ***К. Б. Смецкой-Шиманской.*** М. 1905. Ц. 40 к.

Софія Благодушная. Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. Т. I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Евгеній Волковъ. Разсказы. Т. I. Ростовъ на Д. 1905. Ц. 1 р.

Ив. Наживинъ. Въ сумасшедшемъ домѣ. Очерки и разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Константинъ Дьяконовъ. Разсказы. Екатеринославъ. 1904. Ц. 1 р.

Утро. Изданіе „Народный Кружокъ". М. 1905. Ц. 10 к.

Алексѣй Мошнинъ. О писателяхъ (мелкіе штрихи для большихъ портретовъ). Спб. 1905. Ц. 20 к.

Ѳ. Ѳ. Крыштафовичъ. Американскія письма. Изд. журнала „Наука и Жизнь". Спб. 1905. Ц. 35 к.

Джорджъ Берклн. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Пер. подъ ред. Н. Г. Дебольскаго („Образовательная библіотака" изд. О. Н. Поповой). Спб. 1905. Ц. 40 к.

Собраніе сочиненій ***Н. И. Костомарова.*** Книга шестая. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть вторая Удѣльная Русь. Выпускъ второй. М. 1905. Ц. 1 р.

Сочиненія ***Фердинанда Лассаля.*** Томъ первый. 2-е испр. и дополн. изданіе. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека „Общественной пользы": Фридрихъ Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. — ***М. Герценштейнъ.*** Аграрный вопросъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.—***Ст. Струмилинъ.*** Богатство и трудъ. Популярно-научный очеркъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.— ***В. Ю. Скалонъ.*** По земскимъ вопросамъ. I. Въ переходное время 1880—1882. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.— ***П. Я. Щеголевъ*** Первый декабристъ Владим. Раевскій. Спб. 1905. Ц. 30 к. ***Н. П. Дружининъ.*** Очерки крестьянской общественной жизни. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. Ф. Волковъ. Секретаріаты рабочихъ и Палаты труда въ Западной Европѣ. Спб. 1905.

Л. М. Гольмерштейнъ. Открытое письмо гг. членамъ отъ промышленности въ Коммиссіи ст. секр. В. Н. Коковцева (о „платѣ за забастовки"). Спб. 1905. Ц. 8 к

Н. Лазаревскій. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. Догматическое изслѣдованіе. Спб. 1905. Ц. 4 р. 50 к.

Д. Е. Лаппо. Преступленія и наказанія по степному праву сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ. Красноярскъ. 1905.

Н. Сѣверный. Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. Беджготъ. Государственный строй Англіи. Переводъ Е. Прейсъ подъ ред. Никольскаго Изд. Сабашниковыхъ. М. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Г. Гефдингъ. Александръ Гамильтонъ и Сѣверо-Американская конституція. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Г. Ф. Шершеневичъ. Народные представители. Изд. Казанскаго юрид. о-ва. Казань. 1905. Ц. 5 к.

В. П. Обнинскій. О народномъ представительствѣ (Докл. Калужскому губ. земск. собр.). Калуга. 1905.

Германскій государственный законъ о печати. Изд. Н. Н. Фридберга. Спб. 1905. Ц. 10 к.

Книгоиздательство „Буревѣстникъ": К. Марксъ и ***Ф. Энгельсъ.*** О коммунизмѣ. Пер. и пред. Г. Плеханова. Ц. 20 к.—***Ф. Энгельсъ.*** Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Пер. подъ ред. Г. Плеханова. Ц. 15 к.—***Ф. Лассаль.*** О сущности конституціи. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Второе изданіе. Ц.

6 к.—*В. Либкнехтъ.* Воспоминанія о Марксѣ. Пер. съ нѣмецкаго. Ц. 20 к.— *К. Каутскій. Классовые интересы.* Пер. съ нѣм. В. А. Поссе. Ц. 8 к.—*М. Шиппель.* Профессіональные союзы рабочихъ. Пер. съ нѣм. Ц. 15 к.—*В. Бране.* Долой соціалъ-демократовъ! Пер. съ нѣм. д-ра М. Аксельродъ. Ц. 8 к. — *Ж. Гэдъ.* Коллективизмъ. Пер. съ французскаго. Ц. 6 к. — *А. Арну.* Мертвецы коммуны. Пер. съ франц. Ц. 4 к.—*Л. Аксельродъ (Ортодоксъ).* О „Проблемахъ идеализма". Ц. 15 к. Одесса. 1905.

Книгоиздательство „Новая Заря": Августъ Бебель. Антисемитизмъ и пролетаріатъ. Пер. съ нѣм. Ц. 10 к.—*Жанъ Лонгэ.* Ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Пер. съ франц. Ц. 10 к. Одесса. 1905.

Жанъ Жоресъ. Аграрный соціализмъ. Перев. съ франц. (Книгоизд. „Возрожденіе"). Ц. 15 к. Одесса. 1905.

Лордъ Маколей. О гражданскихъ правахъ евреевъ („Международная библіотека", изд. I. Юровскаго). Ц. 15 к. Спб. 1905.

А. А. Пановъ. Что такое Сахалинъ и нуженъ ли онъ намъ? (Безплатно). Спб. 1905.

К. Казанскій. Суффизмъ съ точки зрѣнія современной психо-патологіи. Часть II. Самаркандъ. 1905.

Царство минераловъ. Сочиненіе д-ра *Р. Браунса.* Пер. подъ общ. ред. проф. А. А. Иностранцева. Вып. 6-й. Спб. 1905. Ц. 2 р. 75 к.

Дневникъ отдѣла ихтіологіи И. Р. О-ва акклиматизаціи животныхъ и растеній. Выпускъ, посвященный поч. чл. о-ва д-ру зоологіи А. А. Гримму. Подъ ред. *В. И. Граціанова.* М. 1905.

М. Сабинина. Жизнь растенія („Изъ жизни природы и человѣка", изд. О. Н. Поповой). Спб. 1905. Ц. 20 к.

„Новая библіотека", изд. т-ва *М. Д. Орѣхова*: „Дочь народа". Разск. *А. Р. Крандіевской.* Ц. 5 к.— *В. Муйжель.* Въ непогоду. Разсказъ. Ц. 5 к. Спб. 1905.

Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ („Библіотека для семьи и школы"). М. 1905. Ц. 12 к.

Изданія *И. Д. Сытина*: Бесѣда о холерѣ. Врача *М. И. Виноградовой-Пункирской.* Ц. 7 к. — *Н. А. Крюковъ.* Чѣмъ живетъ и на чемъ зиждется сельское хозяйство. Ц. 15 к. М. 1905.

М. Сюріо. Лицейскій сторожъ. Перев. А. Погожевой. (Библіотека „Друга Дѣтей"). М. 1905. Ц. 25 к.

Н. С. Филитисъ. Подвижныя игры дома и въ школѣ. М. 1905. Ц. 10 к.

В. Ѳ. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. III. М. 1905. Ц. 30 к.

П. Кудрявцевъ. О существующей и желательной постановкѣ безплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ земствѣ (оттискъ).

М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія: Рыбные промыслы Дальняго Востока. III. *П. Ю. Шмидтъ.* Морскіе промыслы острова Сахалина.— Труды 2-го съѣзда дѣятелей по сельскохозяйственному опытному дѣлу въ С.-Петербургѣ съ 14 до 20 декабря 1904 г. Ч. II.—Ежегодникъ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій. Выпускъ II.—Списокъ сельскохозяйственныхъ обществъ, возникшихъ въ 1904 году.—Труды бюро по энтомологіи. *М. Васильевъ.* Изображеніе и краткое описаніе главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ садамъ. Часть I. Ц. 50 к. Спб. 1905.

М-ство Финансовъ. Отдѣлъ Промышленности. Обзоръ иностранныхъ законодательствъ по регулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. — Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англія. Голландія. Германія.—Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.

М-ство Финансовъ. Учрежденія по части торговли и промышленности. Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1904 г.

Гл. Упр. неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. 1903 г. Статистика по казенной продажѣ питей.– 1903 г. Отчетъ Гл. Упр. неокл. сбор. и каз. продажи питей.—Попечительства о народной трезвости въ 1902 году. Составилъ *Д. А. Тушинскій.* Спб. 1905.

Труды стат. отдѣл. д-та таможенныхъ сборовъ. Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1903 г. Спб. 1905.

Управл. внутренн. водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Матеріалы для изученія санитарн. состоянія внутрен. водн. путей. IX. Спб. 1905

Л. Л. Першке. Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ и поступленія акцизнаго по краю дохода за 1903 г. Тифлисъ. 1904.

Статист. бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Количество и стоимость топлива, потребленнаго русскимъ жел. дорогами въ 1900—1903 гг. Харьковъ. 1905.

Статист. отдѣленіе при Херсонск. Г. З. У. Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1902 годъ. Херсонъ. 1905.

Статистическое бюро Полтавскаго губ. земства. Переселеніе изъ Полтавской губерніи съ 1861 по 1 янв. 1901 г. Вып. II. Полтава. 1905.

Статистическое отдѣленіе Казанской Г. З. У. Смолокуреніе въ Царевококшайскомъ, Чебоксарскомъ и Козмодемьянскомъ уѣздахъ Казанской губ. Составилъ ***А. А. Овчинниковъ.*** Казань. 1905.

Отдѣленіе с.-хов. статистики Пермской Г. З. У. Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ II. 1905. Пермь. 1905.

Саратовское Г. З. У. Страховое отдѣленіе. Матеріалы о пожарности селеній Саратовской губ. за 1887—1901 гг.—***Оцѣночное отдѣленіе.*** Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1904 годъ. Вып. II. Саратовъ. 1905.

Отчетъ о дѣятельности Керченскаго педагогическаго кружка за 1904 г. Перекопъ. 1905.

Отчетъ оренбургскаго о-ва взаимн. вспоможенія книгопечатниковъ за 1904 годъ. Оренбургъ. 1905.

Полтавское губ. земство. Чрезвычайное собраніе 30—31 мая 1905. Журналы и доклады. Полтава. 1905.

Журналы Орловскаго Вятской губ. У. З. Собранія XXXVIII очередной сессіи. Вятка. 1905.

Путеводитель по Московско-Курской ж. д. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Дачные участки „Мамашай"—въ Крыму. Харьковъ. 1905.

М. И. Вейштонъ. Таблицы для исчисленія объемовъ полѣнницъ дровъ, лежачихъ куренныхъ костровъ и торфяныхъ штабелей. Муромъ. 1905. Ц. 1 р. 85 к.

Княжество България. — Диренция на Статистиката. Движеніе на торговията на България съ чуждитѣ държави, прѣзъ четвъртото тримѣсячие отъ 1904 година. София. 1905.

О Государственной Думѣ и „новой эрѣ".

I.

Мѣсяцы ожиданія окончились. Еще недавно въ русскомъ обществѣ могли вестись—и велись, дѣйствительно, — болѣе или менѣе горячіе споры о томъ, что можетъ дать странѣ работа послѣднихъ мѣсяцевъ, направленная на созданіе новыхъ государственныхъ учрежденій. Теперь для такихъ споровъ нѣтъ больше мѣста. Законъ 6 августа, провозгласившій учрежденіе Государственной Думы, у всѣхъ передъ глазами.

Этотъ законъ успѣлъ уже найти себѣ многочисленныхъ комментаторовъ въ русской прессѣ. Въ частности большинство органовъ столичной печати поторопилось привѣтствовать новый законъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что онъ открываетъ собою новую эру въ русской жизни. Въ разной формѣ такое заявленіе повторяется самыми различными органами, весьма далекими другъ отъ друга по своему направленію.

„Сегодня,—восклицаетъ „Новое Время",—въ праздникъ Преображенія Господня, Россія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія". („Нов. Время", 7 авг.).

„Во внѣшнихъ сношеніяхъ и во внутренней жизни Россіи — пишетъ „Слово"—сегодняшній день является значительнымъ и поворотнымъ. Прошлое невозвратимо болѣе. Верховная власть сказала нынѣ то великое слово, которое не дала ей сказать революція въ мартѣ 1881 года" („Слово", 7 авг.).

„Сегодня—не менѣе торжественно восклицаютъ „Биржевыя Вѣдомости"—создался поворотъ въ теченіи русской жизни. Сегодня русская жизнь преобразилась. Долгіе годы безправія и самовластія должны съ сегодняшняго дня кануть въ вѣчность. На первый планъ выступаетъ человѣческая личность. Не забитая, не попранная, не униженная и оскорбленная, а свободная, получающая полное право быть честной... открыто" („Б. В.", 7 авг.).

„Рубиконъ перейденъ—говоритъ въ свою очередь „Русь".—6 августа 1905 года отмѣнено всевластіе и безотвѣтственность приказнаго строя русской государственной жизни, въ борьбѣ съ которымъ объединилось все образованное общество, пораженное и возмущенное тѣмъ нравственнымъ и матеріальнымъ паденіемъ, къ какому этотъ строй привелъ Россію" („Русь", 7 августа).

„Только что опубликованный государственный актъ—замѣчаютъ съ своей стороны „Русскія Вѣдомости" — отмѣчаетъ собою новую грань въ нашей исторіи. Право русскихъ гражданъ на участіе въ управленіи государствомъ, такъ долго и упорно оспаривавшееся бюрократіей и ея сторонниками, нынѣ признано Верховной Властью и закрѣплено закономъ. Значеніе этого событія громадно: хотя къ непосредственному вліянію на государственное управленіе привлекается только небольшая часть населенія, тѣмъ не менѣе этимъ фактомъ вся страна пріобщается къ новой, до сихъ поръ закрытой для нея сферѣ интересовъ" („Р. Вѣд.", 7 авг.).

„6 августа—говоритъ по тому же поводу „Право" устами г. Гессена—навсегда останется памятнымъ днемъ нашей исторіи. Какъ бы ни оцѣнивать содержаніе лежащаго передъ нами акта и съ точки зрѣнія функцій представительства, и съ точки зрѣнія организаціи выборовъ не соотвѣтствующаго опредѣленно и единодушно выраженнымъ пожеланіямъ общества, какъ бы ни опредѣлять тѣ вліянія, которыя онъ окажетъ на дальнѣйшій ходъ нашего государственнаго развитія, — во всякомъ случаѣ къ этому моменту пріурочится поворотный пунктъ, отъ котораго исторія поведетъ новую стадію развитія" („Право", № 31).

„При всѣхъ разницахъ оцѣнки, при всѣхъ преувеличеніяхъ или преуменьшеніяхъ значенія объявленной реформы — писалъ въ свою очередь въ „Сынѣ Отечества" П. Н. Милюковъ — нельзя отдѣлаться отъ чувства, которое, кажется, объединяетъ и друзей, и противниковъ: того чувства, что тутъ перейдена какая-то грань, что сегодня мы на другой сторонѣ того перевала, къ которому шли вчера — какъ бы ни была незамѣтна линія перевала — и что назадъ, на ту сторону историческаго ската, на вчерашнюю, уже возврата быть не можетъ" („С. От." 7 августа).

Перейденный Рубиконъ, новая эра... Сколько разъ за послѣднее время мы слышали эти слова, сколько разъ уже они повторялись въ печати по разнымъ поводамъ. Въ теченіе одного только послѣдняго года о наступленіи „новой эры" заявлялось и по поводу словъ кн. Святополка-Мирскаго объ его „довѣріи" къ обществу, и по поводу указа 12 декабря 1904 г., и по поводу другого указа—18 февраля 1905 г., и по поводу пріема государемъ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей 6 іюня. И тѣмъ

не менѣе столько разъ возвѣщавшаяся „новая эра“ упорно не наступала. Дѣйствительно ли она наступила теперь? Раньше, чѣмъ попытаться такъ или иначе отвѣтить на этотъ вопросъ, я предложу читателю присмотрѣться къ содержанію того закона, по поводу котораго передъ нами вновь раздаются рѣчи о началѣ новой эры въ русской жизни и о поворотѣ послѣдней на новую дорогу.

Законъ 6 августа не касается существующихъ государственныхъ учрежденій и ничего въ нихъ не измѣняетъ. Онъ лишь вдвигаетъ въ ихъ рядъ одно новое учрежденіе, создавая, подъ именемъ Государственной Думы,—по словамъ сопровождающаго законъ манифеста — „особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“, причемъ сохраняется въ полной неприкосновенности „основной законъ Россійской имперіи о существѣ самодержавной власти“. Статья 1-я самаго закона—Учрежденія Государственной Думы—говоритъ, что „Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ по силѣ основныхъ законовъ чрезъ государственный совѣтъ къ верховной самодержавной власти“. Согласно ст. 34 того же закона, хотя „Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ“, но „предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными“. Такимъ образомъ Государственная Дума, въ своей роли законосовѣщательнаго учрежденія, должна явиться лишь простымъ придаткомъ къ Государственному Совѣту, придаткомъ, безъ котораго въ законодательной процедурѣ всегда можно будетъ обойтись такъ же легко и просто, какъ обходятся въ настоящее время при ожиданіи какихъ-либо неудобствъ безъ Государственнаго Совѣта. Не нужно забывать, что въ числѣ нашихъ „основныхъ законовъ“—тѣхъ самыхъ основныхъ законовъ, которые объявлены неприкосновенными для Думы, — имѣется ст. 53, гласящая: „законы издаются въ видѣ уложеній, уставовъ, учрежденій, грамотъ, положеній, наказовъ (инструкцій), манифестовъ, указовъ, мнѣній Государственнаго Совѣта и докладовъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія“. Слѣдовательно, съ созданіемъ въ лицѣ Думы новаго законосовѣщательнаго учрежденія нисколько не устраняется возможность изданія законовъ помимо этого учрежденія. Уже одно это обстоятельство проводитъ глубокую,—чтобы не сказать, непереходимую,—грань между создаваемой закономъ 6 августа Государственной Думой и представительными учрежденіями, помимо которыхъ въ правовыхъ государствахъ невозможно изданіе никакихъ законовъ.

—

Впрочемъ, такая грань далеко еще не исчерпывается указанною чертой и къ послѣдней присоединяется цѣлый рядъ другихъ, вполнѣ аналогичныхъ по своему значенію. Недаромъ манифестъ, сопровождающій законъ 6 августа, вовсе не употребляетъ термина „народные представители“, а говоритъ лишь о „выборныхъ людяхъ отъ всей земли Русской“, призываемыхъ къ „постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ“. На дѣлѣ эти „выборные люди“, обращающіеся въ членовъ Думы, и по способу ихъ выбора, и по приданному имъ положенію, и по намѣченнымъ для нихъ функціямъ всего менѣе и могутъ претендовать на значеніе народныхъ представителей.

Начнемъ съ системы выборовъ, которая сама по себѣ уже въ значительной степени опредѣляетъ физіономію всякаго представительства. Избирательная система, принятая Положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу, отличается крайней сложностью и запутанностью. Въ этой системѣ прежде всего совершенно отсутствуетъ всеобщность избирательнаго права. Законъ 6 августа отказываетъ въ правѣ участія въ выборахъ женщинамъ, а для тѣхъ мужчинъ, за какими признается право на участіе въ выборахъ, устанавливаетъ сравнительно высокій возрастной цензъ въ 25 лѣтъ. Но и за предѣлами этихъ ограниченій законъ 6 августа не знаетъ всеобщности избирательнаго права. Напротивъ, пользованіе послѣднимъ, согласно этому закону, пріурочено къ имущественному цензу и присвоено лишь имущимъ, а среди городского населенія—даже высоко-имущимъ классамъ. Благодаря этому значительная часть крестьянства, весь городской рабочій классъ и бо́льшая часть интеллигенціи устраняются отъ всякаго участія въ выборахъ членовъ Государственной Думы. Въ системѣ, установленной для этихъ выборовъ, отсутствуетъ, далѣе, равенство избирателей, такъ какъ послѣдніе раздѣлены на нѣсколько избирательныхъ классовъ, причемъ на ряду съ всесословными выборами должны практиковаться чисто сословные, и одинъ и тотъ же классъ—крестьянство—при выборахъ получаетъ двойной голосъ, а въ то же самое время полномочія между отдѣльными классами распредѣлены настолько неравномѣрно, что голосъ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ помѣщиковъ получаетъ при выборѣ члена Думы такое же значеніе, какъ голосъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ. Кромѣ того, на окраинахъ, въ лицѣ Царства Польскаго, Кавказа, Сибири, Уральской и Тургайской областей и Степного и Туркестанскаго генералъ-губернаторствъ, выборы предполагается производить „на основаніи особыхъ правилъ“ и такимъ путемъ къ неравенству классовому, по всей видимости, присоединится еще неравенство національное. Наконецъ, въ избирательной системѣ, принятой закономъ 6 августа, отсутствуетъ и начало прямыхъ выборовъ. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу

знаетъ лишь многостепенные выборы, причемъ для различныхъ классовъ избирателей оно устанавливаетъ и различное количество выборныхъ степеней.

Законъ 6 августа устанавливаетъ двоякаго рода выборы въ Думу: по городамъ и по губерніямъ. Двадцать городовъ имперіи выдѣлены этимъ закономъ въ особыя избирательныя коллегіи и для нихъ установлена двухстепенная система, при которой сперва избиратели, обладающіе цензомъ, избираютъ выборщиковъ (въ количествѣ 160 въ столицахъ и 80—въ прочихъ городахъ), а затѣмъ уже эти послѣдніе выбираютъ членовъ Думы. О высотѣ ценза, дающаго право на участіе въ этихъ выборахъ, можно судить уже по тому, что въ Петербургѣ съ его полуторамилліоннымъ населеніемъ насчитываютъ около 9½ тысячъ лицъ, обладающихъ такимъ цензомъ, въ Москвѣ (гдѣ населенія 1.050 тысячъ)—около 11 тысячъ, въ Одессѣ (405 тыс. населенія)—7 тысячъ, въ Кіевѣ (247 тыс. населенія)—тоже 7 тысячъ и т. д. Такимъ образомъ представительство отъ городовъ передается въ руки ничтожной кучки лицъ, наиболѣе обезпеченной имущественно и наиболѣе далекой отъ интересовъ массы городского населенія.

Значительно сложнѣе поставлено дѣло выборовъ по губерніямъ. Въ послѣднихъ создаются губернскія избирательныя собранія, образующіяся изъ выборщиковъ, избранныхъ троякаго рода съѣздами: съѣздомъ городскихъ избирателей, съѣздомъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ. Съѣздъ городскихъ избирателей состоитъ непосредственно изъ лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ цензомъ, и такимъ образомъ для этой категоріи избирателей остается въ полной силѣ двухстепенная система выборовъ. Съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ составляется изъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землей въ количествѣ отъ 100 до 800 десятинъ или же инымъ недвижимымъ, но не торгово-промышленнымъ, имуществомъ стоимостью не ниже 15.000 р., и изъ уполномоченныхъ отъ лицъ, владѣющихъ имуществомъ, менѣе значительнымъ, но не меньшимъ одной десятой части указаннаго ценза, равно какъ отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею. Такіе уполномоченные въ свою очередь выбираются на предварительномъ съѣздѣ представляемыхъ ими лицъ, при чемъ на каждый полный цензъ можетъ быть избранъ одинъ уполномоченный. Итакъ, для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ установлена двухстепенная избирательная система, а для мелкихъ землевладѣльцевъ и владѣющаго церковною землею духовенства—трехстепенная. Что касается крестьянства, то для него принята даже четырехстепенная избирательная система: первою степенью является сельскій сходъ, второю—волостной сходъ, состоящій изъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ сходовъ, третьей—съѣздъ

уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ, по два отъ каждаго, и четвертою—выборщики, избранные этимъ съѣздомъ въ губернское избирательное собраніе *). Въ этомъ послѣднемъ выборы еще разъ распадаются на два самостоятельные акта: сперва выборщики отъ крестьянъ избираютъ изъ своей среды одного члена Думы, а затѣмъ уже все собраніе въ полномъ своемъ составѣ выбираетъ остальное число членовъ Думы, назначенное для данной губерніи. Если принять во вниманіе, что въ настоящее время присутствіе на волостныхъ сходахъ является въ глазахъ крестьянства лишь тяжелой повинностью, для отбыванія которой зачастую наряжаются наименѣе уважаемые въ ихъ средѣ люди, и что сами волостные сходы находятся подъ тяжелымъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, то не трудно будетъ оцѣнить истинное значеніе созданія сословныхъ крестьянскихъ выборовъ на базисѣ волостныхъ сходовъ и кажущейся привилегіи крестьянскихъ выборщиковъ въ губернскомъ собраніи. Эта своеобразная привилегія, очевидно, рискуетъ обратиться въ privilegium odiosum и создать почву для болѣе или менѣе искуснаго подбора мѣстной администраціей выборныхъ съ опредѣленнымъ настроеніемъ. Наряду съ этимъ особенно ярко выдается то обстоятельство, что общее число выборщиковъ отъ крестьянъ по отдѣльнымъ губерніямъ не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ дѣйствительною численностью этого класса, ни даже съ размѣромъ площади его землевладѣнія.

Изложенная система выборовъ при своемъ осуществленіи неизбѣжно должна будетъ дать вполнѣ опредѣленные результаты, окрашенные тѣми же классовыми и сословными тенденціями, какія вложены въ самый механизмъ выборовъ. Но сказать, что въ результатѣ этой системы должно явиться классовое и сословное представительство, значило бы сказать еще слишкомъ мало. Хотя въ теоріи законъ 6 августа признаетъ за членами Думы положеніе не уполномоченныхъ отдѣльныхъ избирательныхъ коллегій, а „выборныхъ людей отъ всей земли Русской“, но на практикѣ дѣйствіе этого закона неизбѣжно направится въ совершенно противоположную сторону. Многостепенность выборовъ всегда препятствуетъ возникновенію живого общенія между массою первоначальныхъ избирателей и лицами, на которыхъ возлагаются задачи представительства, а при той формѣ, въ которой такая многостепенность проводится закономъ 6 августа, эта ея особенность должна будетъ сказаться съ особенной силой. Дроб-

*) Многіе органы нашей ежедневной печати ошибочно присваиваютъ крестьянскимъ выборамъ въ Думу по закону 6 августа названіе трехстепенныхъ. Эта ошибка объясняется тѣмъ, что названные органы упустили изъ виду истинный характеръ волостного схода, являющагося собраніемъ не всѣхъ крестьянъ волости, а лишь выборныхъ („десятидворныхъ“) отъ сельскихъ сходовъ.

ность избирательныхъ коллегій и малочисленность ихъ личнаго состава, вмѣстѣ съ наложеннымъ на нихъ обязательствомъ производить выборы непремѣнно изъ своей же среды, не только облегчатъ возможность давленія на выборы, но и создадутъ удобную почву для установленія между выборщиками и ихъ кандидатами разнообразныхъ соглашеній въ сферѣ исключительно мѣстныхъ и личныхъ нуждъ взамѣнъ той принципіальной связи, какая возникаетъ между избирателями и кандидатами при условіи прямыхъ выборовъ и дѣлаетъ избранныхъ лицъ дѣйствительными народными представителями.

Въ критическіе моменты крайняго напряженія народной жизни недостатки, присущіе указанной избирательной системѣ, могутъ еще быть до нѣкоторой степени ослаблены широкой предвыборной агитаціей, способной въ такіе моменты захватить даже изолированныя избирательныя коллегіи и въ извѣстной мѣрѣ согласовать ихъ дѣйствія съ господствующимъ въ странѣ настроеніемъ. Россія, несомнѣнно, переживаетъ критическій моментъ, соединенный съ крайнимъ напряженіемъ народныхъ силъ, но законъ 6 августа не открываетъ для этого напряженія никакого исхода, не давая мѣста для сколько-нибудь широкой предвыборной агитаціи. Возможность такой агитаціи въ деревняхъ, среди крестьянскаго и землевладѣльческаго населенія, повидимому, вовсе не предусматривается закономъ, хранящимъ на этотъ счетъ полное молчаніе. Въ городахъ за мѣсяцъ до начала выборовъ разрѣшаются собранія избирателей по участкамъ для сговора о кандидатахъ въ выборщики, но на каждомъ такомъ собраніи могутъ присутствовать только лица, пользующіяся избирательнымъ правомъ въ данномъ участкѣ. Кромѣ того, о мѣстѣ и времени каждаго собранія долженъ быть извѣщенъ начальникъ мѣстной полиціи, который можетъ назначить для присутствованія въ собраніи представителя полиціи, причемъ этотъ послѣдній обладаетъ безапелляціоннымъ правомъ во всякую минуту, когда это ему покажется нужнымъ, прервать собраніе и потребовать его закрытія, что и должно быть безпрекословно исполнено. Такимъ образомъ предвыборная агитація даже среди городскихъ избирателей поставлена въ такія тѣсныя рамки, въ которыхъ она едва-ли сможетъ имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе и сохранять свое имя. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно представить себѣ тѣ формы, какія приметъ полицейскій надзоръ за собраніями. Не такъ давно въ газетахъ была оглашена бумага костромского губернатора, въ которой онъ требовалъ отъ мѣстнаго земства прекращенія раздачи населенію въ земскомъ питательномъ пунктѣ „разныхъ книгъ и брошюръ, хотя и дозволенныхъ цензурою, но по содержанію своему не отвѣчающихъ пожеланіямъ правительства для обращенія среди народа". Если подобное требованіе могъ предъявить губернаторъ, до нѣкоторой сте-

---

пени все-таки обязанный считаться съ закономъ, то отдѣльные полицейскіе чины, которыхъ самъ законъ снабжаетъ дискреціонною властью, очевидно, не затруднятся пойти въ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ удовлетворенію „пожеланій правительства“, гораздо дальше. Благодаря этому, „подготовительныя собранія“ городскихъ избирателей, нужно думать, представятъ весьма мало простора для тѣхъ лицъ, которые пожелаютъ воспользоваться ими въ видахъ агитаціи за кандидатовъ, связанныхъ съ опредѣленными общественными программами, и пропаганды самыхъ программъ. Что касается тѣхъ классовъ населенія, для которыхъ закрытъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ, то они и подавно лишены возможности какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій для веденія на легальной почвѣ широкой предвыборной агитаціи. Создающееся такимъ путемъ положеніе ярко подчеркнуто состоявшейся одновременно съ изданіемъ закона 6 августа отмѣной указа 18 февраля, мотивированной тѣмъ, что на будущее время „виды и предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“, должны восходить къ верховной власти „порядкомъ, въ Учрежденіи Государственной Думы установленнымъ“. Благодаря этой отмѣнѣ указа 18 февраля, разнообразныя общественныя собранія, происходившія у нась въ послѣдніе мѣсяцы, если не подъ охраной, то на почвѣ закона, на будущее время опять утрачиваютъ такую почву.

Какъ извѣстно, московскій генералъ губернаторъ, ген.-адъют. Дурново, еще наканунѣ изданія закона 6 августа, заявилъ депутаціи московскаго губернскаго земства, что „съ обнародованіемъ новаго закона указъ 18 февраля о допущеніи собраній для обсужденія вопросовъ о государственномъ переустройствѣ долженъ потерять свою силу, такъ какъ новый законъ явится окончательнымъ результатомъ работъ о государственномъ переустройствѣ“, и прибавилъ, что „въ томъ случаѣ, если по обнародованіи новаго закона земскіе дѣятели будутъ устраивать съѣзды или собранія для составленія другихъ проектовъ народнаго представительства, онъ, генералъ-губернаторъ, вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ принятію строгихъ мѣръ противъ этого“. Судя по нѣкоторымъ фактамъ, происшедшимъ съ той поры, можно думать, что это заявленіе московскаго генералъ-губернатора не представляетъ собою изолированнаго акта, лежащаго на отвѣтственности отдѣльнаго лица, а входитъ въ заранѣе опредѣленную систему дѣйствій въ качествѣ одного изъ ея звеньевъ. Такимъ образомъ съ изданіемъ закона 6 августа у насъ не только не осуществляется право митинговъ и петицій, являющееся необходимымъ спутникомъ всякаго народнаго представительства, но даже и тѣ лица, которыя входятъ въ число избирателей, не по-

лучають возможности свободно собираться для совмѣстнаго обсужденія своихъ программъ. И, не говоря уже о томъ, что личность какъ избирателей, такъ и кандидатовъ остается ничѣмъ не огражденной отъ проявленій произвола, избиратели даже достоинства своихъ кандидатовъ могутъ обсуждать лишь въ тѣсныхъ кружкахъ, въ лучшемъ случаѣ не выходящихъ за предѣлы одного избирательнаго участка, тогда какъ всѣ остальные слои населенія обязываются къ безусловному молчанію. Лицамъ, избираемымъ въ такихъ условіяхъ, очевидно, принадлежитъ никакъ не положеніе народныхъ представителей, олицетворяющихъ въ себѣ разумъ и волю страны, а развѣ только роль экспертовъ, вызываемыхъ отъ отдѣльныхъ группъ населенія.

Въ полномъ согласіи съ такою ролью опредѣлены закономъ 6 августа и права отдѣльныхъ членовъ Государственной Думы. Названный законъ не устанавливаетъ личной неприкосновенности членовъ Думы. Правда, одна изъ его статей говоритъ, что „членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти", но при тѣхъ отношеніяхъ подчиненности, въ какихъ стоитъ у насъ судебная власть къ административной, это правило ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо достаточно обезпечивающимъ личность членовъ Думы отъ произвольныхъ дѣйствій. Наряду съ этимъ, хотя члены Думы „пользуются полною свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы", но „предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону".

Самыя пренія, происходящія въ Думѣ, могутъ остаться тайною для страны, и при томъ не только по волѣ самой Думы, но и по распоряженію ея предсѣдателя или одного изъ министровъ. Засѣданія Думы не публичны и предсѣдателю ея предоставлено лишь разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ общаго ея собранія представителямъ повременной печати „въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія", причемъ отчеты о засѣданіяхъ Думы допускаются къ печати „по одобреніи предсѣдателемъ Думы". Но кромѣ того засѣданія Думы могутъ быть закрыты какъ по постановленію самой Думы, такъ и по распоряженію ея предсѣдателя, или же по заявленію какого-либо министра о томъ, что разбираемое Думой и принадлежащее къ его вѣдомству дѣло составляетъ государственную тайну. Въ этихъ случаяхъ оглашаются въ печати только тѣ части отчета о засѣданіи, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ или предсѣдатель Думы, если онъ обратилъ засѣданіе въ закрытое по постановленію Думы либо по собственной инициативѣ, или тотъ министръ, по заявленію котораго засѣданіе было обращено въ закрытое. Въ результатѣ такого порядка, ставящаго гласность

занятій Думы въ зависимость отъ желанія администраціи, все населеніе страны и, въ частности, избиратели, посылающіе членовъ въ Думу, всегда могутъ быть лишены свѣдѣній о дѣятельности ея по любому вопросу, который администраціи угодно будетъ окутать покровомъ „государственной тайны". И опять-таки такое положеніе стоитъ въ полномъ согласіи съ тою общею ролью, какая предназначена для Думы. Мнѣніе народныхъ представителей должно быть извѣстно странѣ, интересы которой они представляютъ. Мнѣніе экспертовъ можетъ быть болѣе или менѣе интересно для тѣхъ лицъ, которыя ихъ вызываютъ, но его вовсе не обязательно доводить до свѣдѣнія тѣхъ группъ, отъ которыхъ они вызываются.

Съ еще большею отчетливостью эта роль Думы сказывается въ самомъ существѣ ея полномочій. Выше было уже указано, что законъ 6 августа дѣлаетъ изъ Думы своеобразный придатокъ къ Государственному Совѣту и отводитъ ей положеніе исключительно совѣщательнаго учрежденія, совѣтъ котораго для власти не только не обязательно принимать, но не обязательно даже и спрашивать. Только тѣ дѣла законодательнаго характера, которыя идутъ черезъ Государственный Совѣтъ, должны поступать на предварительное разсмотрѣніе Думы, мнѣніе которой, въ видѣ принятаго большинствомъ ея членовъ постановленія, доводится до свѣдѣнія верховной власти вмѣстѣ съ мнѣніемъ или мнѣніями Государственнаго Совѣта. Но и изъ этого правила законъ допускаетъ два исключенія. Въ томъ случаѣ, если какое-нибудь „дѣло" не будетъ разсмотрѣно Думою вслѣдствіе неприбытія въ засѣданіе достаточнаго числа членовъ, для разсмотрѣнія этого дѣла должно быть назначено новое засѣданіе не позже двухнедѣльнаго срока; если же въ теченіе этого срока такое засѣданіе не будетъ назначено или не состоится по той же самой причинѣ, какъ и первое, то соотвѣтствующій министръ можетъ внести дѣло въ Государственный Совѣтъ безъ заключенія Думы. Равнымъ образомъ, если верховная власть обратитъ вниманіе на медленность разсмотрѣнія Думой внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы, а „если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то Совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы". Такимъ образомъ закономъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы Дума не могла затормазить изданіе тѣхъ законовъ, которые находитъ нужными администрація. Помѣшать же изданію такихъ законовъ Дума, какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣетъ возможности даже и въ томъ случаѣ, если ей предоставляется участіе въ ихъ обсужденіи.

Дѣла законодательнаго характера получаютъ въ Думѣ, согласно закону 6 августа, двоякаго рода теченіе въ зависимости отъ того, кому принадлежитъ иниціатива ихъ возбужденія.

„Законодательныя предположенія", вносимыя въ Думу кѣмъ-либо изъ министровъ, разсматриваются ею и передаются вмѣстѣ съ ея заключеніемъ Государственному Совѣту, который вноситъ ихъ съ заключеніемъ Думы и съ своимъ мнѣніемъ на усмотрѣніе верховной власти. Лишь въ томъ случаѣ, если такія предположенія отклоняются большинствомъ двухъ третей голосовъ въ общихъ собраніяхъ какъ Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, они не доходятъ до послѣдняго этапа законодательной процедуры, т. е. не вносятся на усмотрѣніе верховной власти, а возвращаются проектировавшему ихъ министру „для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ высочайшее соизволеніе". Если же внесенный министромъ законопроектъ будетъ отклоненъ большинствомъ двухъ третей голосовъ или даже всѣми голосами Думы и большинствомъ Государственнаго Совѣта, но не достигающимъ двухъ третей голосовъ, онъ все-таки вносится на усмотрѣніе верховной власти вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы и мнѣніями большинства и меньшинства членовъ Государственнаго Совѣта. То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, если Совѣтъ разойдется въ своемъ мнѣніи съ Думой. На этотъ случай Государственному Совѣту предоставляется право прибѣгать къ услугамъ особой коммиссіи изъ членовъ Совѣта и Думы, причемъ такая коммиссія должна выработать „согласительное заключеніе", поступающее затѣмъ на разсмотрѣніе Думы и Совѣта, но, если подобное „согласительное заключеніе" не будетъ выработано, дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ во всѣхъ многоразличныхъ комбинаціяхъ законодательной процедуры мнѣніе не только большинства, но и меньшинства членовъ Государственнаго Совѣта ставится на ряду съ мнѣніемъ большинства членовъ Думы и даже съ единогласнымъ ея постановленіемъ, а министерскіе законопроекты, направляемые черезъ Думу, могутъ не дойти до верховной власти только въ томъ—весьма мало вѣроятномъ на практикѣ—случаѣ, когда противъ нихъ выскажутся двѣ трети голосовъ и въ Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Сами же по себѣ постановленія Думы ни для кого не обязательны и за ней остается по преимуществу положеніе учрежденія, подготовляющаго матеріалы для сужденій Государственнаго Совѣта, въ свою очередь ни для кого не обязательныхъ.

То же самое положеніе занимаетъ Дума и въ дѣлахъ законодательнаго характера, возникающихъ по ея собственному почину. Законъ 6 августа предоставляетъ Думѣ право законодательной инициіативы, но обставляетъ использованіе этого права такими условіями, что возможность реальнаго его осуществленія становится весьма сомнительной, чтобъ не сказать,—призрачной. Выше было уже упомянуто, что основныхъ законовъ имперіи Дума совершенно не можетъ касаться. Но не особенно большое значе-

ніе придается мнѣнію Думы и во всѣхъ другихъ областяхъ законодательства. Прежде всего на ея обсужденіе вносятся только тѣ заявленія о необходимости измѣненія либо отмѣны дѣйствующаго закона, или изданія новаго, которыя подписаны, по крайней мѣрѣ, тридцатью членами Думы. Если Дума большинствомъ голосовъ присоединится къ такому заявленію и соотвѣтствующій министръ согласится съ ея постановленіемъ, поднятый ею вопросъ получаетъ дальнѣйшее движеніе, поступая черезъ Государственный Совѣтъ на разрѣшеніе верховной власти. Но если министръ несогласенъ съ постановленіемъ Думы, то оно можетъ дойти до верховной власти только въ томъ случаѣ, когда оно принято въ Думѣ большинствомъ двухъ третей голосовъ. При этомъ постановленіе Думы проходитъ обычнымъ порядкомъ черезъ Государственный Совѣтъ, а „въ случаѣ высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго министра или главноуправляющаго отдѣльной частью или же на государственнаго секретаря", т. е. какъ разъ на тѣхъ лицъ, которые были противъ возбужденія даннаго дѣла. Стало быть, для одного только поднятія вопроса объ отмѣнѣ или созданіи, вопреки мнѣнію министра, какого-либо второстепеннаго закона требуется большинство двухъ третей голосовъ Думы, но даже и при этомъ условіи исходъ дѣла остается нисколько не обезпеченнымъ. Праву законодательной инициативы, поставленному въ такія рамки, очевидно, нельзя придавать большой важности, какъ нельзя и ожидать отъ него особенно богатыхъ плодовъ.

Еще болѣе ограниченныя полномочія предоставлены Думѣ въ сферѣ надзора за управленіемъ. Единственнымъ правомъ, которое даетъ ей въ этой сферѣ законъ 6 августа, является право наблюдать за законностью дѣйствій администраціи путемъ запроса министровъ, но и оно обставлено крайне стѣснительными условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ не влечетъ за собою никакихъ реальныхъ послѣдствій. Дума не всегда можетъ спрашивать, а ей никогда не обязаны отвѣчать. Она можетъ обсуждать необходимость запроса того или иного министра только по поводу тѣхъ дѣйствій его самого или подчиненныхъ ему лицъ, которыя представляются ей нарушающими какой-либо изъ существующихъ законовъ, и только тогда, когда заявленіе о необходимости такого запроса, съ точнымъ указаніемъ нарушеннаго закона, подписано не меньше, какъ тридцатью членами Думы. Если она большинствомъ голосовъ признаетъ необходимость запроса, министръ долженъ въ теченіе мѣсячнаго срока представить ей „надлежащія свѣдѣнія и разъясненія", или же сообщить о причинахъ, по которымъ онъ не можетъ этого сдѣлать. Если большинство двухъ третей голосовъ общаго собранія Думы не признаетъ возможнымъ удовлетвориться отвѣтомъ министра, то „дѣло восходитъ

черезъ Государственный Совѣтъ на высочайшее благовозрѣніе",— и на этомъ роль Думы кончается, такъ какъ министры не несутъ никакой отвѣтственности передъ ней, какъ и передъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Остается еще прибавить, что члены Думы избираются на пять лѣтъ, но высочайшимъ указомъ Дума можетъ быть распущена и раньше, причемъ тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы. Законъ не опредѣляетъ однакоже точнаго срока, втеченіе котораго должны быть произведены эти новые выборы, и такимъ образомъ между распущеніемъ одной думы и созывомъ другой можетъ быть созданъ большой перерывъ.

Таковы главнѣйшія черты положенія, создаваемаго закономъ 6 августа для Государственной Думы. Оцѣнивая это положеніе, нельзя не подивиться энтузіазму многихъ столичныхъ газетъ, уподобляющихъ Думу нижней палатѣ. Въ дѣйствительности между тѣмъ, что называется при представительномъ правленіи нижней палатой, и тѣмъ, что представляетъ изъ себя по закону 6 августа Государственная Дума, имѣется весьма мало общаго,—правильнѣе говоря, между ними лежитъ непереходимая пропасть, достаточно ярко характеризующаяся уже тѣмъ, что первое изъ этихъ учрежденій является законодательнымъ, а второе—законосовѣщательнымъ. Не будучи органомъ народнаго представительства, Дума и не располагаетъ ни однимъ изъ видовъ власти, неразрывно связанныхъ съ понятіемъ о такихъ органахъ. Въ прямую противоположность послѣднимъ она является лишь составленной путемъ выборовъ отъ нѣкоторыхъ группъ населенія законосовѣщательной коммиссіей при бюрократической коллегіи, исполняющей тѣ же задачи, но пользующейся бо́льшими правами, и такая ея роль вполнѣ ясно и точно очерчена въ учреждающемъ ее законѣ. Въ виду этого совершенно неубѣдительнымъ представляется и категорическое утвержденіе одного изъ нашихъ уважаемыхъ ученыхъ, П. Н. Милюкова, будто съ изданіемъ закона 6 августа „въ Россіи родился народный представитель" („Сынъ Отечества", 7 авг.) *). Авторъ этого рѣшительнаго утвержденія не потрудился чѣмъ-либо доказать его и, думается намъ, едва-ли могъ бы это сдѣлать. Лица, избираемыя нѣсколькими отдѣльными и разобщенными между собою группами населенія для участія въ законосовѣщательной коммиссіи, поставленной въ полную зависимость отъ отдѣльныхъ администраторовъ и бюрократическихъ учрежденій, слишкомъ далеки отъ народныхъ представителей. Настаивать на отожествленіи этихъ понятій значитъ — создавать

*) Съ авторомъ, который лишенъ возможности отвѣчать, тяжело вести полемику. Если я тѣмъ не менѣе рѣшаюсь на это, то лишь въ надеждѣ, что и самъ глубоко уважаемый мною П. И. Милюковъ извинитъ мнѣ это въ виду крайне серьезнаго значенія тѣхъ вопросовъ, которые онъ затронулъ въ своихъ статьяхъ и по которымъ такъ или иначе успѣлъ высказаться.

фикцію, совершенно безполезную по существу и способную только содѣйствовать путаницѣ въ общественномъ сознаніи, и безъ того часто не отличающемся у насъ большою ясностью своихъ представленій.

II.

Послѣ всего сказаннаго можно вернуться къ вопросу о томъ, дѣйствительно-ли въ нашей жизни „перейденъ Рубиконъ" и началась „новая эра". Признаться, нѣсколько странно серьезно разбирать такой вопросъ въ виду всѣхъ совершающихся вокругъ насъ событій, и тѣмъ не менѣе разбирать его всетаки приходится, такъ какъ не малая часть нашей прессы,—по крайней мѣрѣ, столичной,—не только ставитъ его, но и даетъ ему утвердительное рѣшеніе. О тѣхъ органахъ печати, у которыхъ это рѣшеніе вытекаетъ изъ присущей имъ способности ликовать по всякому поводу, говорить, конечно, не приходится. Но къ такому же рѣшенію приходятъ, какъ мы видѣли, и нѣкоторые серьезные публицисты, еще недавно занимавшіе, какъ казалось, иную позицію и во всякомъ случаѣ не имѣющіе ничего общаго съ беззаботно ликующею прессою. Попробуемъ же приглядѣться къ той аргументаціи, которая приводитъ ихъ къ усвоенному ими рѣшенію.

Въ наиболѣе сжатомъ видѣ эта аргументація можетъ быть изложена приблизительно слѣдующимъ образомъ: съ изданіемъ закона 6 августа русскою жизнью сдѣланъ первый шагъ на совершенно новую дорогу государственнаго развитія, шагъ, неувѣренный и недостаточный, но въ силу простой логики неизбѣжно влекущій за собою другіе шаги въ томъ же самомъ направленіи; стало быть, остается только признать этотъ первый шагъ и, использовавъ его, тѣмъ самымъ ускорить наступленіе дальнѣйшихъ. Такому разсужденію нельзя отказать въ извѣстной внѣшней стройности, но за нею въ немъ скрываются два существенныхъ недостатка. Авторы его, во первыхъ, даютъ преувеличенную оцѣнку сдѣланному въ законѣ 6 августа „первому шагу", якобы выводящему Россію со старыхъ путей на совершенно новый, и вовторыхъ, возлагаютъ преувеличенныя надежды на прямолинейную логику событій, обыкновенно не проявляющуюся въ жизни въ такой простой и оголенной формѣ. О первомъ у насъ уже шла рѣчь, второе не трудно показать.

По словамъ П. Н. Милюкова въ цитированной уже мною статьѣ, напечатанной въ „Сынѣ Отечества", съ изданіемъ закона 6 августа „русскіе обыватели формально признаны активными участниками въ общественномъ и государственномъ дѣлѣ, отнынѣ они—граждане" и „мы не только можемъ, но должны проявлять

это наше активное участіе на дѣлѣ". Новый законъ даетъ обществу новое и многообѣщающее поприще дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, „если большинство Думы необходимо участвуетъ въ изданіи закона, тогда сразу проводится рѣзкая граница между закономъ и произволомъ. Право запроса по новому закону ограничено одной только задачей—охраны законности; но и въ этихъ предѣлахъ это право является могущественнымъ рычагомъ, который народные представители не замедлятъ использовать. Сколько „временныхъ" мѣръ и внѣзаконныхъ дѣйствій администраціи должно исчезнуть, какъ дымъ отъ лица огня, при правильномъ и законномъ примѣненіи одного этого законнаго права? Народные представители будутъ-ли молчать о томъ, о чемъ, не смотря на всѣ усилія, не всегда удается заставить молчать даже подцензурные органы печати?"

Достаточно припомнить очень немногое изъ сказаннаго выше, чтобы увидѣть, сколько серьезныхъ преувеличеній допущено въ этихъ рѣшительныхъ утвержденіяхъ уважаемаго ученаго. Большинство Думы вовсе не участвуетъ обязательно въ изданіи закона и, сообразно этому, съ учрежденіемъ Думы далеко еще не возникаетъ та „рѣзкая граница между закономъ и произволомъ", созданія которой ожидаетъ П. Н. Милюковъ въ результатѣ появленія Думы. Съ другой стороны, „право запроса", предоставленное Думѣ, не соединено съ обязанностью отвѣта со стороны запрашиваемыхъ ею лицъ и уже по одному этому не можетъ служить особенно „могущественнымъ рычагомъ". И если отъ лицъ, которыя хотя бы по способу своего избранія были дѣйствительно народными представителями, можно было бы съ увѣренностью ожидать, что они не станутъ мириться съ внѣзаконными дѣйствіями, то врядъ-ли возможно съ такимъ же спокойствіемъ питать эту увѣренность и относительно членовъ Думы, которые не только по объему предоставленныхъ имъ правъ, но и по самому способу своего избранія вовсе не являются народными представителями. Наряду съ этимъ и обыватель врядъ-ли можетъ чувствовать себя „гражданиномъ" только потому, что нѣкоторые разряды обывателей получили право выбора членовъ въ законосовѣщательную коммиссію, тогда какъ всѣ остальныя стороны его жизни остались безъ какихъ-либо ощутительныхъ перемѣнъ.

Правда, въ представленіи П. Н. Милюкова этого послѣдняго какъ разъ и не можетъ случиться. „Создать причину",—говоритъ онъ по этому поводу въ другой своей статьѣ, помѣщенной въ „Правѣ",—„создать причину,—и принимать мѣры противъ обнаруженія послѣдствій этой самой причины—было бы такого рода противорѣчіемъ, въ которомъ до сихъ поръ еще не былъ повиненъ существующій „бюрократическій строй". Въ этомъ строѣ была своего рода логика, которую можно было понять даже тому, кто отъ нея страдалъ. Но теперь, послѣ 6 августа, въ Россіи

нѣтъ болѣе бюрократическаго строя и сохраненіе его пріемовъ было бы необъяснимымъ и непонятнымъ отрицаніемъ только что провозглашеннаго новаго политическаго принципа" („Право", № 31). Я смѣю думать, однако, что уважаемый авторъ этихъ строкъ въ данномъ случаѣ далеко разошелся съ истиной въ своемъ толкованіи и минувшей исторіи, и современной дѣйствительности. На дѣлѣ въ существованіи бюрократическаго строя почти всегда роковымъ образомъ наступаетъ такой періодъ, когда этотъ строй бываетъ вынужденъ бороться съ послѣдствіями имъ же самимъ созданныхъ или допущенныхъ причинъ. У насъ такой періодъ начался уже довольно давно, и стоитъ только вспомнить исторію земскихъ и судебныхъ учрежденій или хотя бы недавнюю исторію сельскохозяйственныхъ комитетовъ, чтобы одновременно вызвать въ памяти и длинный рядъ случаевъ того самаго противорѣчія, возможность котораго такъ категорически отрицаетъ П. Н. Милюковъ. Съ другой стороны, актъ 6 августа, какъ мы уже видѣли, вовсе не заключаетъ въ себѣ ни отмѣны бюрократическаго строя, ни провозглашенія новаго политическаго принципа. Этотъ актъ только прибавляетъ къ существующему бюрократическому механизму одну новую пристройку, проектированную, правда, въ нѣсколько иномъ стилѣ, но все же съ такимъ разсчетомъ, чтобы она не могла замѣтно ускорить или замедлить дѣйствіе названнаго механизма.

Въ виду сказаннаго не особенно убѣдительными представляются и дальнѣйшія соображенія П. Н. Милюкова о послѣдствіяхъ закона 6 августа. По словамъ уважаемаго ученаго, этотъ законъ „допускаетъ извѣстную свободу избирательной борьбы", но такъ какъ послѣдняя не можетъ вестись безъ политическихъ партій, то неизбѣжнымъ результатомъ ея явится образованіе и непрерывное существованіе такихъ партій. „Слѣдовательно, сама жизнь создаетъ свободу союзовъ и собраній, — и закону останется лишь констатировать это завоеваніе жизни. Но свобода собраній, свобода слова не можетъ же существовать одиноко, безъ необходимо сопровождающихъ ее свободы печати, неприкосновенности личности" („Сынъ Отечества", 7 августа). Дѣйствительность не замедлила, однако, сурово опровергнуть эти оптимистическія ожиданія и сторонникамъ мнѣнія, которое защищалъ П. Н. Милюковъ, приходится теперь уже доказывать то, что онъ готовъ былъ считать несомнѣннымъ. „Достаточно заглянуть — говорятъ „Р. Вѣдомости" — въ хронику любой газеты за послѣдніе дни, чтобы убѣдиться, что никакіе политическіе выборы немыслимы, пока не будутъ даны минимальныя гарантіи противъ административнаго произвола". Въ качествѣ такихъ гарантій московская газета указываетъ на разрѣшеніе союзовъ и собраній, амнистію, пріостановку дѣйствія усиленной охраны и военнаго положенія и отмѣну карательныхъ полномочій, предоставленныхъ административной вла-

сти. „Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ газета—какихъ представителей можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ проф. Ярошенко, первый ректоръ новороссійскаго университета по уставу 1884 г., если на другой день по обнародованіи манифеста объ учрежденіи Государственной Думы подвергаются аресту въ качествѣ государственныхъ преступниковъ, заслуживающихъ ссылки на каторгу, такіе умѣренные и лояльные люди, какъ профессора Брандтъ, Гордѣенко и Милюковъ или д-ръ Святловскій? О какихъ выборахъ можетъ быть рѣчь, если еще и теперь земскіе начальники и прочіе опекуны народа считаютъ опаснымъ распространеніе въ крестьянской средѣ Высочайшаго рескрипта А. Г. Булыгину или рѣчей на Высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и конфискуютъ брошюры, изданныя съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ" („Р. Вѣдомости", 12 августа)?

Признаться, совершенно резонные вопросы „Р. Вѣдомостей" мнѣ представляются направленными не совсѣмъ по адресу. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ указанныя московской газетой явленія сохраняютъ свою силу, и тѣмъ не менѣе органы либеральной прессы настойчиво доказываютъ возможность и необходимость выборовъ, а скептическія замѣчанія по этому поводу встрѣчаются возраженіями даже раньше, чѣмъ успѣваютъ быть высказаны въ печати. Такъ—І. В. Гессенъ въ самый день обнародованія закона 6 августа говорилъ уже въ „Правѣ" объ „отношеніи къ новому закону тѣхъ широкихъ круговъ русскаго общества, которые создали освободительное движеніе послѣдняго года", и указывалъ, что „по этому вопросу возникъ уже, какъ извѣстно, серьезный расколъ: значительныя группы находятъ, что, пока представительство не основано на всеобщей, равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ, до тѣхъ поръ нѣтъ основаній принимать участіе въ выборахъ". „Теперь—продолжалъ г. Гессенъ—представляются три возможности: либо расколъ останется — и тогда будутъ стоять другъ противъ друга уже не объединенное общество и бюрократія, какъ теперь, а возникнетъ разладъ между рядами общества, что, очевидно, сдѣлаетъ борьбу гораздо болѣе трудной, а, можетъ быть, на долгіе годы и безнадежной. Или же расколъ смѣнится объединеніемъ на почвѣ отказа отъ участія въ выборахъ; въ такомъ случаѣ существующія отношенія не измѣнятся, они будутъ, такъ сказать, идти мимо Думы, но бюрократія въ лицѣ новаго учрежденія, состоящаго изъ Нарышкиныхъ, Шарановыхъ и т. п., получитъ новую силу, которой можно будетъ долго давить, пока не послѣдуетъ страшнаго взрыва, размѣровъ и послѣдствій котораго никто не въ состояніи предвидѣть... Либо, наконецъ, объединеніе наступитъ на почвѣ положительнаго отношенія къ участію въ выборахъ и тогда и предвыборный моментъ, и выборы,

и Дума дадутъ новыя, несоизмѣримыя ни съ чѣмъ, до сихъ поръ бывшимъ въ ихъ распоряженіи, силы освободительнымъ элементамъ. Если тѣ лица, которыя пока выступали въ качествѣ „самозванцевъ", теперь скажутъ то же самое, какъ народные представители, то отъ голоса ихъ падутъ іерихонскія стѣны безъ новыхъ жертвъ, которыхъ и безъ того русская жизнь принесла болѣе, чѣмъ достаточно" („Право", № 31).

Выводъ изъ схемы возможностей, набросанной въ приведенныхъ строкахъ, вполнѣ ясенъ. Однакоже, сама эта схема способна вызвать серьезныя сомнѣнія въ своей правильности. Прежде всего позволительно усомниться въ томъ, будто „учрежденіе, состоящее изъ Нарышкиныхъ, Шараповыхъ и т. п.", сможетъ явиться „силой", да еще такой силой, которой „можно будетъ долго давить". Въ дѣйствительности, конечно, подобное учрежденіе оказалось бы непригоднымъ не только въ качествѣ „силы", но и въ качествѣ декораціи и, слѣдовательно, второй исходъ, намѣченный въ схемѣ, привелъ бы къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какіе приписываетъ ему авторъ схемы. Въ самомъ дѣлѣ, не легко представить себѣ, какимъ образомъ съумѣютъ поднять престижъ бюрократіи гг. Нарышкины и Шараповы, которые ничего не смогутъ сказать и ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать, что бы уже не говорилось и не дѣлалось въ настоящее время. Очевидно, такой исходъ всего лучше вскроетъ всю несостоятельность избраннаго пути и всего нагляднѣе представитъ необходимость выбрать дѣйствительно новую дорогу.

Гораздо менѣе шансовъ для этого даетъ тотъ третій исходъ, который въ глазахъ самого автора схемы является наиболѣе естественнымъ и желательнымъ. Я не буду уже говорить о томъ, что по самому существу дѣла нѣсколько странно звать къ „объединенію на почвѣ положительнаго отношенія къ участію въ выборахъ" тѣ группы населенія, которыя лишены правъ на участіе въ этихъ выборахъ и которыя, однакоже, играли и играютъ наиболѣе видную роль въ освободительномъ движеніи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе развитыми въ политическомъ отношеніи группами. Но, даже минуя это обстоятельство, нельзя всетаки не напомнить, что по самымъ условіямъ выборовъ „освободительные элементы" врядъ ли могутъ ожидать для себя широкаго доступа въ Думу. Разсчитывать, что выборы, происходящіе въ дробныхъ и разрозненныхъ избирательныхъ коллегіяхъ, сопровождаемые усерднымъ просѣиваніемъ кандидатовъ сквозь сито многостепенной системы и совершающіеся безъ всякихъ гарантій, за исключеніемъ положенія объ усиленной охранѣ и военнаго положенія, дадутъ освободительному движенію силы, несоизмѣримыя ни съ чѣмъ, бывшимъ до сихъ поръ въ его распоряженіи, значитъ— разсчитывать слишкомъ смѣло и беззаботно. Не мѣшаетъ напом-

нить также, что условія дѣятельности самой Думы не позволяютъ развернуть въ ней сколько-нибудь широкую программу. И если даже іерихонскія стѣны—въ чемъ въ свою очередь позволительно сомнѣваться—сохранили свою способность падать отъ одного сотрясенія воздуха звуками, лишь бы этими звуками были слова не-„самозванцевъ“, то не нужно забывать, что попавшіе въ Думу общественные дѣятели, вздумавъ выступить въ роли народныхъ представителей, будутъ въ такой же мѣрѣ „самозванцами“, въ какой были ими и раньше. Но весьма вѣроятно также и то, что, разъ попавъ въ Думу и почувствовавъ свою слабость въ ней при разрывѣ съ другими группами, „освободительные элементы“ разбредутся по лѣстницѣ компромиссовъ и въ то время, какъ одни будутъ думать о разрушеніи іерихонскихъ стѣнъ, другіе займутся ихъ укрѣпленіемъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общественное движеніе одинаково пойдетъ мимо Думы, но только раньше изъ него будутъ изъяты силы и энергія, необходимыя для созданія „положительнаго отношенія“.

Можно ожидать, однако, что всѣ эти соображенія не окажутся достаточно убѣдительными для сторонниковъ „положительнаго отношенія“, и тогда, конечно, наступитъ первый изъ исходовъ, указанныхъ г. Гессеномъ, т. е. разладъ въ самомъ обществѣ. Но вина въ этомъ разладѣ падетъ во всякомъ случаѣ не на тѣхъ, кто остается при прежнемъ лозунгѣ, еще такъ недавно бывшемъ общимъ, и объ этомъ не мѣшаетъ подумать нашимъ новымъ оппонентамъ. „Въ первый разъ въ нашей исторіи — говоритъ г. Гессенъ—на русское общество возлагается серьезная и непосредственная отвѣтственность за ближайшія судьбы родины и нужно желать, чтобы оно оказалось на высотѣ серьезности момента и вдумчиво отнеслось къ предстоящей задачѣ“. Историческая справка г. Гессена несовсѣмъ вѣрна. Если не въ жизни настоящаго поколѣнія, то все же не въ очень давнемъ прошломъ въ Россіи уже бывали такіе моменты, когда на общество ложилась серьезная отвѣтственность за судьбы страны. И въ эти моменты либеральные слои русскаго общества обыкновенно спѣшили отвернуться отъ стоявшихъ лѣвѣе группъ и возлагали всѣ свои надежды на „новую эру“. Что они этимъ выиграли,—хорошо извѣстно, и прошедшее можетъ въ этомъ случаѣ послужить нагляднымъ урокомъ для настоящаго...

В. Мякотинъ.

Открытое письмо А. В. Пѣшехонову.

Многоуважаемый
Алексѣй Васильевичъ!

Въ іюньскомъ обозрѣніи внутренней жизни вы посвящаете крестьянскому движенію, между прочимъ, такія строки: „Допустимъ даже, что государство отступится, что оно предоставитъ крестьянамъ самимъ установить земельныя отношенія. Но и послѣ того задачи крестьянскаго движенія, при томъ анархическомъ характерѣ, какой оно имѣетъ, останутся неосуществленными... Борьба за землю начнется среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями и изъ ихъ собственной среды постепенно выростутъ опять „ціи паны". Идти этимъ путемъ—это значило бы начать русскую исторію сначала и рано или поздно вновь придти къ тому пункту, на которомъ мы сейчасъ находимся. Для того, чтобы крестьянское право получило мѣсто въ жизни, необходимо ввести его въ систему пріобрѣтенныхъ правъ и поставить подъ защиту государственной власти. При данномъ уровнѣ культуры и при данныхъ формахъ хозяйства перепрыгнуть черезъ правовое государство немыслимо. Нельзя и думать, что теперь же можно начать новую жизнь безъ организованной принудительной власти". Эти строки вы сопровождаете слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Эту мысль я считаю необходимымъ подчеркнуть особенно энергично, такъ какъ чувствую, что среди друзей по направленію появилась струя аполитизма. Какъ и крестьяне, нѣкоторые изъ нихъ не довѣряютъ государству, и слишкомъ переоцѣниваютъ хозяйственный союзъ общину. „Соціализацію" они склонны понимать, не какъ одну изъ формъ національзаціи, а какъ нѣчто особое, до извѣстной степени противоположное и, во всякомъ случаѣ, предшествующее послѣдней. Я не думаю, чтобы иниціаторы новаго термина такъ далеко заходили въ своемъ недовѣріи къ государству и отрицали роль, какую оно должно сыграть въ аграрной реформѣ. Полагаю, что появленіе новаго термина было вызвано исключительно желаніемъ предупредить возможность неправильнаго истолкованія программы, къ чему давало бы поводъ разнопонимаемое слово „національзація". Впрочемъ о терминѣ спорить не буду и, въ виду разнообразія въ его пониманіи, лучше воздержусь въ дальнѣйшемъ изложеніи отъ его употребленія. Для меня важно подчеркнуть лишь, что въ аграрной реформѣ необходимо использовать организующую и творческую силу государства. Ссылка на буржуазный характеръ послѣдняго не имѣетъ для меня значенія. Степень буржуазности опредѣлится, какъ результатъ борьбы соціальныхъ силъ, имѣющихся въ странѣ.

Государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленную сторону, не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника. Какъ бы то ни было, исторію нужно продолжать, а не начинать сызнова. Продолжать же ее можно не иначе, какъ въ государственныхъ формахъ".

Я не знаю, мнѣніе кого изъ „друзей по направленію" оспариваете вы въ настоящемъ случаѣ. Если мнѣніе тѣхъ, кто считаетъ возможнымъ перепрыгнуть черезъ правовое государство прямо въ трудовое, то, пожалуй, не стоитъ и бороться съ мнѣніемъ этой группы друзей въ виду ея малочисленности и невліятельности. Если же вы разумѣли болѣе широкіе слои молодого народничества, которые защищаютъ „соціализацію" земли, опасаясь „національзаціи" въ виду буржуазнаго характера хотя бы и правового государства, то я считаю упреки, брошенные по ихъ адресу въ примѣчаніи, не заслуженными. Дѣло въ томъ, что никто изъ насъ не думаетъ игнорировать правовое государство и не отрицаетъ творческихъ силъ послѣдняго. Правовое государство, несомнѣнно, должно закрѣпить положительнымъ закономъ „каталогъ естественныхъ правъ", начертанный на нашемъ знамени, и всѣ пріобрѣтенія переходнаго времени. Но, помня французскую революцію съ ея конфискаціей земель и съ послѣдовавшимъ затѣмъ возстановленіемъ всѣхъ въ старыхъ правахъ, мы не можемъ не бояться повторенія чего либо подобнаго у насъ. Какъ реальные политики, мы должны считаться и съ опытомъ прошлаго и возможными видами на ближайше будущее. Если бы мы получили народное представительство, основанное даже на всеобщей, тайной, прямой и равной подачѣ голосовъ при всѣхъ свободахъ и вольностяхъ и свободѣ предвыборной агитаціи, то и то представляется сомнительнымъ, чтобы большинство народныхъ представителей было на сторонѣ истинно демократическихъ партій, не говоря уже о томъ, что молодое народничество само не составитъ этого большинства. Причина понятна—невѣжество народа и плохое пониманіе имъ своихъ интересовъ, плохая организованность въ отстаиваніи ихъ. Эта же причина объясняетъ и анархическій характеръ крестьянскаго движенія. Поэтому, вполнѣ соглашаясь съ вами, что „соціализація" земли не что иное, какъ одна изъ формъ національзація ея, я думаю, что первая во всякомъ случаѣ должна предшествовать послѣдней. Въ защиту этого взгляда я могу повторить только то, что мною было писано въ № 13 „Экономической Газеты", а именно: „Предлагаемое рѣшеніе земельнаго вопроса въ Россіи, имѣетъ на нашъ взглядъ то преимущество, что оно менѣе всего ломаетъ существующіе способы землепользованія у крестьянъ... Въ случаѣ, если бы общинное землепользованіе оказалось способнымъ къ дальнѣйшему развитію, то населеніе легче всего могло бы перейти отъ единоличной обработки земли къ общественной уборкѣ хлѣбовъ и къ обществен-

ной запашкѣ" (то есть къ общественному производству, предполагая при этомъ и обобществленіе орудій труда). „Въ случаѣ же разложенія общиннаго землепользованія, таковое сопровождалось бы, во 1-хъ; всетаки развитіемъ производительныхъ силъ, а не паденіемъ ихъ, какъ сейчасъ, а во 2-хъ на мѣсто общины постепенно становилась бы подворно-наслѣдственная аренда государственной земли безъ наемнаго труда". Къ сожалѣнію, на страницахъ „Экономической Газеты" за недостаткомъ отведеннаго мнѣ мѣста я не могъ защищать земельную программу молодого народничества достаточно полно, поэтому я попытаюсь нѣсколько подробнѣе освѣтить ее на страницахъ вашего журнала. Но прежде всего нѣсколько словъ къ терминологіи вопроса.

Національзація земли заключается въ объявленіи всей земли государственной или народной собственностью, признаніе ея за „res extra commercium", „вещью внѣ оборота", то есть воспрещеніе купли-продажи и залога ея. Субъектомъ собственности является здѣсь народъ-государство, верховное право распоряженія землей, установленіе того или иного права пользованія ею принадлежитъ государственной власти. Формой землепользованія при національзаціи земли является аренда государственной земли. Но эта аренда можетъ быть различнаго вида, разнаго типа, въ зависимости отъ степени демократичности государственнаго устройства.

Такъ, эта аренда можетъ быть крупно-капиталистической, посреднической или фискальной. Недемократическая государственная власть въ цѣляхъ обогащенія казны, полученія хотя и небольшого, но вѣрнаго дохода, сдаетъ землю за небольшую арендную плату крупными участками или крупнымъ капиталистамъ, которые сами ведутъ на ней хозяйство при помощи вольнонаемныхъ батраковъ, либо крупнымъ арендаторамъ-посредникамъ, которые передаютъ ее въ аренду непосредственнымъ производителямъ за болѣе высокую арендную плату и получаютъ разницу между суммами платимыми ими государству и получаемыми ими отъ земледѣльцевъ. Иногда посредниковъ можетъ быть цѣлый рядъ, такъ что земля можетъ достаться непосредственному производителю чрезвычайно дорого. Наконецъ, государство можетъ сдавать землю номинально всѣмъ желающимъ, но интересы казны при недемократичномъ государственномъ строѣ всегда приведутъ къ предпочтенію крупныхъ арендаторовъ. Я спрошу теперь, что выиграли бы непосредственные производители отъ національзаціи земли при подобныхъ условіяхъ? Ровно ничего, а у насъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ Россіи, въ особенности въ первое время по введеніи народнаго представительства, государственная власть была бы особенно демократична. Если бы даже собраніе народныхъ представителей, собравшееся въ минуту широкаго общественнаго возбужденія, и

декретировало бы національзацію земли второго типа, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, то гдѣ у насъ ручательство, что представительное собраніе не перерѣшитъ дѣло заново и не вернется къ только что разобранному типу. Развѣ мы не знаемъ реакцій и контръ-революцій. Ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно. А благо всеобщаго и т. д. избирательнаго права и пропорціональнаго представительства народная масса оцѣнитъ не сразу. Опытъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ показываетъ черезчуръ медленный, а не скорый ростъ голосовъ, подаваемыхъ за демократическія партіи. Тяжелое наслѣдство вѣковъ невѣжества, безправія и угнетенности народу не легко сбросить съ плечъ.

Перейдемъ теперь ко второму типу землепользованія при національзаціи земли. Собраніе народныхъ представителей можетъ ограничить государственную власть въ правѣ распоряженія землей такимъ основнымъ закономъ, который допускалъ бы только аренду государственной земли отдѣльными непосредственными производителями или товариществами земледѣльцевъ. Я указалъ выше на тѣ причины, которыя могутъ свести на нѣтъ подобный основной законъ. Но кромѣ этого у меня является опасеніе, что мы должны натолкнуться на оппозицію со стороны крестьянъ-общинниковъ, прежде чѣмъ они поймутъ всю выгоду такого типа землепользованія. Легче всего онъ могъ бы быть проведенъ въ мѣстахъ подворно-наслѣдственнаго владѣнія, о чемъ я и упоминалъ въ „Экономической Газетѣ". Что же касается до сдачи земли товариществамъ непосредственныхъ производителей, то намъ кажется, что наша община, будучи освобождена ото всѣхъ лишнихъ наростовъ и костюмовъ, всегда сможетъ стать такимъ товариществомъ. Послѣдовательное проведеніе національзаціи по этому типу, то есть аренда государственной земли небольшими участками, обработка коихъ по силамъ земледѣльцу и его семьѣ, безъ права прибѣгать къ найму батраковъ, потребовало бы разрушенія общины. А разъ мы усматриваемъ въ концѣ пути сельскохозяйственнаго развитія товарищество непосредственныхъ производителей, то зачѣмъ же разрушать тѣ ячейки, которыя уже сложились и которымъ нужны только благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Не значило ли бы это задержать развитіе и удлиннить путь отъ единоличной обработки къ общественному производству. Итакъ вѣроятная оппозиція со стороны крестьянъ-общинниковъ, опасеніе удлиннить путь сельскохозяйственнаго развитія и упомянутая выше возможность реакціи со стороны тѣхъ общественныхъ группъ, которыя въ первое время правового государства получатъ преобладаніе, заставляетъ насъ признать этотъ типъ національзаціи земли преждевременнымъ.

Другое дѣло третій типъ—соціализація земли. Два слова о самомъ терминѣ. Противники наши изъ лагеря „учениковъ" осо-

бенно склонны отожествлять „соціализацію“ съ соціализмомъ. На самомъ дѣлѣ между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго.

Соціализмъ, какъ извѣстно, предполагаетъ общенародное владѣніе землей и капиталомъ (орудіями производства), общественное производство всѣхъ продуктовъ и общественное распредѣленіе всего національнаго продукта между отдѣльными членами даннаго общества (народа). Соціализація земли представляетъ изъ себя только качественно улучшенное и количественно распространенное общинное землепользованіе. Соціализація земли предполагаетъ національзацію ея, то есть объявленіе ея общенародной собственностью. Но верховное право государственной власти по распоряженію землей ограничивается сильнѣе, чѣмъ при двухъ разсмотрѣнныхъ выше типахъ націонализаціи земли. Недовѣріе къ государственной власти заставляетъ признать право распоряженія главнымъ образомъ за общинами, то есть союзами дѣйствительныхъ земледѣльцевъ. Другой мотивъ, побуждающій настаивать на этомъ, это стремленіе наиболѣе сознательной части крестьянства именно къ такой формѣ землепользованія, какъ наиболѣе отвѣчающей интересамъ трудового крестьянства. Я не принадлежу къ числу иниціаторовъ этого термина, но думаю, что одинаково съ ними и большинствомъ нашихъ друзей понимаю значеніе его. Единственно, что можетъ вводить въ заблужденіе, это пониманіе требованія соціализаціи, какъ расширенія и улучшенія общиннаго *землевладѣнія*. Не объ общинномъ землевладѣніи печемся мы въ настоящемъ случаѣ, а объ общинномъ землепользованіи. Фактически дѣло, конечно, не мѣняется, отъ того, какое названіе мы предпочтемъ. Но принципіально слѣдуетъ говорить именно объ общинномъ землепользованіи, чтобы подчеркнуть какъ разъ ту мысль, что „соціализація“ земли есть одинъ изъ видовъ націонализаціи ея.

Какъ я уже указывалъ въ „Экономической Газетѣ“, при соціализаціи земли за государственной властью можно оставить только: во 1-хъ, право вселять въ многоземельныя общины избыточное населеніе малоземельныхъ; такимъ образомъ могло бы быть проведено въ жизнь начало уравнительнаго пользованія на всей площади государства; во 2-хъ, право сохранить въ своихъ рукахъ нѣкоторую часть земельной площади для переселенія какъ избыточной части естественнаго прироста населенія, такъ и тѣхъ одиночекъ, которымъ будетъ невыносима даже свободная община, въ 3-хъ, устанавливать закономъ размѣръ денежнаго вознагражденія за сдаваемый міру надѣлъ выходящему изъ общины члену ея, дабы община не могла обращать въ ничто право свободнаго выхода изъ нея.

Предоставленіе государственной власти этихъ трехъ правъ можетъ быть оправдано слѣдующими соображеніями. Теченіе хозяйственной жизни можетъ сопровождаться обезлюденіемъ

однѣхъ общинъ и появленіемъ избыточнаго населенія въ другихъ. Это неудивительно, если принять во вниманіе, что промышленные центры распредѣляются по странѣ неравномѣрно, отчего и избыточное населеніе можетъ покидать общину неравномѣрно. Въ общинахъ, близко лежащихъ къ промышленнымъ центрамъ, этотъ процессъ можетъ пойти скорѣе и можетъ оказаться излишекъ земли. Но такая община можетъ, вѣдь, и воспрепятствовать поселенію въ ней чужаковъ, какъ бы они ни нуждались въ землѣ... Поэтому вмѣшательство государства здѣсь очень и очень умѣстно. Важно только точно опредѣлить условія, при которыхъ государственная власть начинаетъ осуществлять право вселенія. Такимъ условіемъ можетъ быть только одно: когда государство замѣчаетъ, что у данной общины земли оказалось больше, чѣмъ послѣдняя можетъ обработать ее руками своихъ членовъ, не прибѣгая къ найму батраковъ, то оно получаетъ право вселить соотвѣтственное количество новыхъ членовъ.

Второе право не нуждается въ особомъ обоснованіи. Можно замѣтить только, что раціонально ведомая расчистка лѣсовъ, сведеніе ихъ и обращеніе подъ пашню всегда будетъ увеличивать земельный фондъ государства, годный для этой цѣли.

Что же касается третьяго права—опредѣленія размѣра денежнаго вознагражденія, то оно умѣстно потому, что община можетъ эксплуатировать выходящихъ членовъ. Поэтому оставлять это право за общиной нераціонально: государственная власть можетъ лучше регулировать это отношеніе между общиной и выходящими изъ нея членами... Да общинѣ и выгоденъ этотъ выходъ, слѣдовательно, сама обязательность вознагражденія представляется достаточно обоснованной. Въ свою очередь выходящему вознагражденіе можетъ дать кое что на обзаведеніе въ городѣ, если онъ поступаетъ на фабрику, или на новомъ мѣстѣ, если онъ переселился куда либо. Послѣднее обстоятельство важно и для казны, такъ какъ уменьшаетъ размѣръ необходимыхъ пожертвованій со стороны государства на переселенческій фондъ. Въ первое время по введеніи соціализаціи земли, пока не разовьется промышленность, поглощающая избыточное населеніе, переселенія будутъ, вѣдь, играть значительную роль въ народно-хозяйственной жизни.

Итакъ, за исключеніемъ этихъ трехъ правъ, община должна являться полнымъ хозяиномъ въ распоряженіи земельнымъ фондомъ ея членовъ. При условіи націонализаціи земли, она не сможетъ ни подѣлить ее въ частную собственность, ни ввести наемный трудъ. Въ этомъ ея право ограничено закономъ. Но важно не это обстоятельство, а то, что среди подавляющаго большинства нашего трудового крестьянства нѣтъ желанія дѣлить землю въ частную собственность. И только благодаря этому имѣетъ смыслъ декретированіе основного закона, воспрещающаго такое дѣленіе. Я уже указывалъ далѣе въ „Экономической Газетѣ" на существованіе народнаго воз-

зрѣнія, по которому земля должна быть общимъ достояніемъ всѣхъ трудящихся на ней. Поэтому имѣетъ смыслъ и законодательное воспрещеніе вольнонаемнаго труда въ общинѣ: оно вполнѣ бы соотвѣтствовало вышеуказанному народному воззрѣнію. Тѣмъ, кто считаетъ существованіе подобнаго воззрѣнія миѳомъ, можно рекомендовать читать повнимательнѣе приговоры крестьянскихъ обществъ о своихъ нуждахъ. Если сотни ихъ лежатъ до сихъ поръ подъ спудомъ въ портфеляхъ газетъ и журналовъ, если въ печать попадаютъ только какіе-нибудь десятки этихъ приговоровъ, то причиной этому какъ разъ является то обстоятельство, что во всѣхъ нихъ наряду съ требованіемъ народнаго представительства на самой широкой демократической основѣ, весьма ярко выражено какъ разъ это самое народное воззрѣніе со всѣми выводами изъ него.

И, вотъ совершенно неожиданно на этотъ разъ устами друга намъ заявлено, не слишкомъ ли мы переоцѣниваемъ хозяйственный союзъ—общину. Я не думаю, чтобы „слишкомъ", иначе было бы непонятно ни образованіе теперь уже довольно многочисленныхъ крестьянскихъ союзовъ, ни появленіе массы однородныхъ приговоровъ вышеуказаннаго характера. Я думаю, что мы не склонны ни къ утопизму, ни къ романтизму, ни къ идеализаціи. Мы только опираемся на факты. Мы прекрасно знаемъ, что наша земельная община есть община необразованнаго, темнаго и забитаго люда, который только что проснулся. Но вотъ что странно: едва нашъ крестьянинъ проснулся, какъ онъ уже выставилъ цѣлый рядъ требованій, въ которыхъ проявилъ политическую воспитанность неменьшую, чѣмъ фабричный рабочій, и куда бóльшую, чѣмъ наши либералы. И это не только въ вопросахъ программы, но и тактики. Анархическій характеръ крестьянскаго движенія, болѣе чѣмъ понятенъ и извинителенъ: полицейское государство сдѣлало и дѣлаетъ до сихъ поръ все возможное для воспитанія въ нашемъ крестьянствѣ аполитическаго настроенія. Но разъ этотъ аполитизмъ фактъ, то всякому реальному политику приходится съ нимъ считаться. И бороться съ аполитизмомъ крестьянства можно и имѣетъ смыслъ только на почвѣ правового государства, а не полицейскаго. Вѣроятность появленія у насъ въ ближайшемъ будущемъ правового государства не подлежитъ для насъ никакому сомнѣнію и чрезъ него, а не помимо его, намѣрены мы, какъ сознательные элементы, воздѣйствовать на народно-хозяйственную жизнь. Но главной задачей правового государства на нашъ взглядъ заключается въ закрѣпленіи пріобрѣтеній переходнаго времени. Если переходное время не дастъ Россіи ничего принципіально и фактически новаго, то правовому государству не придется ничего творить по интересующему насъ вопросу и юридически, пока борьба общественныхъ классовъ въ формахъ правового государства не принесетъ чего-либо

новаго. Но вернемся къ общинѣ. Она въ настоящей формѣ, сливаясь съ крестьянскимъ обществомъ, отданная подъ надзоръ земскихъ начальниковъ и безчисленнаго количества всякаго другого начальства, разоренная непосильнымъ податнымъ бременемъ, выдвигающая на первый планъ всѣ темныя и враждебныя ей силы, порядкомъ уже дифференцированная, разложившаяся, не можетъ, конечно, не возбуждать противъ себя оппозицію даже и внутри себя самой. И эти факты извѣстны представителямъ молодого народничества. Но не потому ли мы требуемъ уничтоженія административно-полицейскаго и фискальнаго костюмовъ, въ которыхъ только и терпитъ общину наше государство? И не дастъ ли тогда освобожденная отъ нихъ и свободная община выхода на авансцену всѣмъ лучшимъ элементамъ деревни? Затираемые теперь, не подымутъ ли они тогда гордо голову и не станутъ ли во главѣ общинной жизни? Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться ко врагамъ общины внутри ея самой, мы найдемъ два главныхъ разряда ихъ: враговъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть и враговъ по недоразумѣнію. Первыми являются кулаки, трактирщики, лавочники—словомъ сельская буржуазія, помѣщики недворянскаго происхожденія—владѣющіе часто не измѣримо большимъ количествомъ купленной земли, чѣмъ надѣльной. Но ихъ мало. Врагами по недоразумѣнію являются тѣ крестьяне, которые, не привыкнувъ къ различеніямъ, и бѣдствуя въ общинѣ, валятъ всю вину на нее, смѣшивая ее съ крестьянскимъ обществомъ и забывая, что при непосильномъ податномъ бремени никакая община не выручитъ. Съ демократической организаціей общинной жизни, эта оппозиція исчезнетъ и произойдетъ опять нивеллировка. Но и эта оппозиція незначительна и поддерживается недвусмысленной политикой нѣкоторыхъ земствъ: для затемненія крестьянскаго сознанія земцы пропагандируютъ разрушеніе общины, пріучаютъ крестьянъ думать, что въ общинѣ корень ихъ бѣдствій и даже добиваются приговоровъ обществъ въ этомъ смыслѣ.

Итакъ соціализація земли на нашъ взглядъ должна получить полное право гражданства въ правовомъ государствѣ и должна быть поддерживаема имъ, или, какъ я выразилъ эту мысль въ „Экономической Газетѣ“, на мѣсто крестьянскаго сословнаго общества полицейскаго государства должна стать „свободная община въ свободномъ государствѣ“. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ здѣсь можетъ начаться „борьба за землю среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями“ и какимъ образомъ „изъ ихъ собственной среды выростутъ опять „ціи паны“. Эта борьба была бы возможна, вѣроятна, но не неизбѣжна даже и въ томъ случаѣ, если бы мы защищали общинное землевладѣніе въ его нынѣшнемъ видѣ, какъ бы количественно ни возрасло оно. Но, вѣдь, мы защищаемъ общинное землепользованіе, хотя и преду-

сматриваемъ возможность разложенія его и постепенной замѣны подворно-наслѣдственной арендой государственной земли. Затѣмъ, если въ настоящее время мы видимъ борьбу изъ-за земли между крестьянствомъ и помѣщиками, борьбу, носящую до сихъ поръ партизанскій характеръ, то, отправляясь отъ этого факта, мы можемъ съ большей или меньшей вѣроятностью предсказывать только общее наступленіе крестьянства на помѣщиковъ. Но больше, опираясь на фактъ анархіи крестьянскаго движенія, ничего сказать нельзя. Изъ того, что крестьяне считаютъ себя въ правѣ отнимать землю у помѣщиковъ силою, никоимъ образомъ нельзя заключать, что они будутъ когда либо считать себя въ правѣ отнимать землю другъ у друга, и что будетъ борьба между селеніями. Въ настоящій моментъ они, правда, могутъ экспропріировать и сельскую буржуазію, но мнѣ непонятно, какимъ образомъ могутъ появиться вновь въ реорганизованной общинѣ „ціи паны". Понятно, какъ „ціи паны" появлялись въ нынѣшней общинѣ. Ростовщичество, кулачество, трактирный промыселъ, торговля вообще и винная въ частности,—вотъ четыре источника происхожденія сельской буржуазіи въ нынѣшней общинѣ. Невѣжество крестьянства и его полная разоренность отъ малоземелья, слабаго развитія промышленности и непосильнаго податнаго бремени,—вотъ почва, на которой могла быстро развиваться сельская буржуазія путемъ невѣроятной экономической эксплуатаціи одного односельчанина другимъ. Въ свободной общинѣ, при соціализаціи земли, развитіи народнаго образованія и общественной организаціи мелкаго кредита, остается одинъ источникъ образованія сельской буржуазіи,—это торговля. Но, вѣдь „ціи паны", разбогатѣвшіе отъ торговли, для общины, какъ таковой, будутъ безвредны вслѣдствіе демократической организаціи ея. Да и много ли будетъ этихъ „ціихъ пановъ"? Мнѣ кажется меньше, чѣмъ сейчасъ. Кромѣ того крестьяне будутъ располагать хорошимъ средствомъ для борьбы съ ними путемъ потребительныхъ товариществъ. Въ правовомъ государствѣ при культурности населенія развитіе этихъ товариществъ неизбѣжно. Въ свою очередь на почвѣ общиннаго землепользованія развитіе ихъ легче, чѣмъ при подворно-наслѣдственной арендѣ государственной земли, что можетъ служить еще однимъ доводомъ въ пользу общины, какъ переходного этапа на пути развитія сельскаго хозяйства.

Но, если бы вы продолжали настаивать на томъ, что появленіе „ціихъ пановъ" неизбѣжно и въ реорганизованной общинѣ и на этомъ основаніи сомнѣваться въ цѣлесообразности соціализаціи земли, то я скажу, что вы предъявляете къ соціализаціи земли больше, чѣмъ она можетъ дать, это разъ, а во вторыхъ, національзація земли второго типа тоже ничуть не гарантируетъ отъ появленія ихъ. Въ этомъ отношеніи полную гарантію могъ

бы дать только соціализмъ, но ни вы, ни я, да и никто изъ нашихъ друзей не считаетъ возможнымъ перепрыгнуть прямо въ трудовое государство. Соціализація земли можетъ только лучше обставить то страхованіе многосемейныхъ, которое довольно таки скверно производитъ нынѣшняя община.

Соціализація земли можетъ сразу увеличить покупательную способность нашего крестьянства, дать толчокъ развитію нашей промышленности со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ этого факта. Наконецъ, соціализація земли, какъ я уже указалъ въ самомъ началѣ, можетъ при благопріятныхъ условіяхъ вызвать и дальнѣйшее развитіе общиннаго землевладѣнія въ сторону общиннаго производства. Но изъ-за того, что ни вы, ни я, ни кто либо еще не можетъ гарантировать, что это непремѣнно такъ и будетъ, не слѣдуетъ, мнѣ кажется, отворачиваться отъ общины. Она существуетъ, за нее держится большинство крестьянства, слѣдовательно, почему не опереться на нее, какъ на прочный фундаментъ, хотя и не нами заложенный. Мнѣ интересно было бы узнать отъ васъ, въ чемъ, собственно, усматриваете вы переоцѣнку общины со стороны вашихъ друзей по направленію. Интересно потому, что критика, исходящая изъ дружескихъ устъ, для насъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ аттаки враговъ. Если мы хотимъ быть понятыми широкими массами народа, то самый вѣрный путь—это построеніе своей программы на общинномъ землепользованіи. Я высказываю не только апріорное, но и въ значительной мѣрѣ апостеріорное сужденіе.

Затѣмъ мнѣ представляется неправильнымъ противопоставленіе двухъ волнъ крестьянскаго движенія: аполитической и революціонной (приговорной). И не столько противопоставленіе, сколько оцѣнка ихъ. Удѣльный вѣсъ первой кажется мнѣ куда больше, такъ какъ не будь ея, мы не имѣли бы, напримѣръ, удовольствія читать аграрную программу конституціонно-демократической партіи и М. Я. Герценштейнъ и А. А. Мануиловъ остались бы со своими проектами en deux, а не въ качествѣ лидеровъ „второго освобожденія" крестьянъ. Въ политической жизни только тѣ группы имѣютъ рѣшающее значеніе, которыя свои требованія и желанія подкрѣпляютъ дѣйствіями. Дѣйствія эти могутъ выражаться въ различныхъ формахъ. Резолюція, приговоръ, и т. д. crescendo — вотъ эти немногочисленныя формы борьбы общественныхъ группъ. Но наивысшій удѣльный вѣсъ все же обезпеченъ за тѣмъ классомъ, который готовъ и можетъ взять самую высокую ноту и быть послѣдовательнымъ въ этомъ crescendo до конца. При томъ нельзя забывать и того обстоятельства, что аполитизмъ прямой результатъ преграждения всѣхъ другихъ дорогъ: когда у насъ будетъ правовое государство, аполитическое настроеніе живо улетучится. Пока же остается полицейское, можно и слѣдуетъ ожидать только роста его. Долгое ожи-

даніе отвѣта на писанныя резолюціи всегда выводило людей на дорогу аполитизма. И ужъ вина за это падаетъ никакъ не на головы аполитически настроенныхъ, а на оборотъ на тѣхъ, кто сдѣлалъ ихъ головы настроенными подобнымъ образомъ.

Г. Новоторжскій.

Хроника внутренней жизни.

XXII. „Пріобрѣтенная позиція".—XXIII. Аграрная реформа съ точки зрѣнія рынка.—XXIV. Программа „дополнительнаго надѣленія".—XXV. Платформа съ умолчаніемъ и проектъ г. Маслова.—XXVI. Община и государство (отвѣтъ г. Новоторжскому).

XXII.

„Свершилось"... „Перевалъ достигнутъ"... „Рубиконъ перейденъ"... „Первый шагъ сдѣланъ"... „Переломъ произошелъ"... „Историческая грань пройдена"... Въ такихъ выраженіяхъ повседневная печать резюмировала значеніе актовъ 6 августа.

„Поворотныхъ пунктовъ" въ русской исторіи газеты за послѣдній годъ отмѣтили уже, какъ извѣстно, не мало. 12 декабря, 18 февраля, 6 іюня. Каждый разъ большинство изъ нихъ начинало „новую эру". Начали онѣ ее и 6 августа, но на этотъ разъ уже безъ увлеченія. На правомъ флангѣ „Учрежденіе Государственной Думы" встрѣтили безъ особаго испуга, на лѣвомъ—безъ всякаго восторга... Попытки перейти въ лирику и даже взять торжественные аккорды, конечно, были. „Осанна, осанна!"—провозгласили „Биржевыя Вѣдомости". Въ націоналистическомъ „Словѣ" г. Сыромятниковъ началъ было славословить не по-еврейски, а по-русски... Но эти ноты какъ-то сами собою безсильно оборвались.

Не только въ печати, но и вообще въ странѣ учрежденіе государственной думы было встрѣчено болѣе, чѣмъ холодно. Телеграфныя агенства, при всемъ ихъ стараніи, ни о какихъ восторгахъ, кромѣ какъ о благодарственныхъ молебствіяхъ по почину губернскихъ властей, да о кое-какихъ ресторанныхъ изліяніяхъ, не сообщили. Самый выдающійся въ этомъ отношеніи фактъ имѣлъ мѣсто въ Москвѣ: содержатель гостиницы „Метрополь", по случаю учрежденія Государственной Думы, поднесъ своимъ гостямъ по бокалу шампанскаго... Что касается сообщенія телеграфнаго агентства о неописуемомъ восторгѣ, какой новый уфимскій губернаторъ вызвалъ положеніемъ о Государственной

Думѣ среди рабочихъ г. Златоуста, то оно, за отдаленностью этого города, до сихъ поръ никѣмъ еще не провѣрено...

Въ этомъ отсутствіи подъема сказалось, конечно, прежде всего утомленіе. По существу ничего, вѣдь, новаго, сравнительно съ 18 февраля и 6 іюня, день 6 августа не принесъ. Повторены лишь ранѣе данныя обѣщанія. Правда, это уже не рескриптъ и не рѣчь, а законъ. Но судьбы законовъ, какъ извѣстно, въ Россіи еще неисповѣдимы...

Отлившись въ форму закона, данныя 18 февраля и 6 іюня обѣщанія пріобрѣли, конечно, бо́льшую опредѣленность, но отъ этого въ способности производить впечатлѣніе нисколько не выиграли. Совершенно напротивъ...

Было въ высшей степени важное обстоятельство, которое одно уже, взятое само по себѣ, неизбѣжно должно было заглушить не только проблески какого-либо энтузіазма, но и проявленія хотя бы чувства удовлетворенности. Въ актахъ 6 августа не было ни слова ни объ амнистіи, ни о свободахъ, ни о предварительныхъ гарантіяхъ. Напротивъ, указомъ отъ того же числа учрежденія и частныя лица были лишены дарованнаго имъ 18 февраля права представлять свои виды и предположенія по вопросамъ усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія въ совѣтъ министровъ, т. е. лишены такъ называемаго „права петицій". Въ русскихъ условіяхъ, какъ выяснилось уже и на опытѣ, это право не имѣло конечно реальнаго значенія, такъ какъ не могло никоимъ образомъ повліять на теченіе дѣлъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ; но оно давало для обывателей опорную точку въ отстаиваніи передъ мѣстною администраціею своего права, какъ гражданъ, обсуждать нѣкоторые вопросы. Отнынѣ, какъ сказано въ указѣ 6 августа, „виды и предположенія по вопросамъ, касающимся государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, имѣютъ восходить къ Намъ порядкомъ, въ Учрежденіи Государственной Думы установленнымъ". Въ положеніи о Государственной Думѣ этотъ путь дѣйствительно указанъ, но только отъ Думы къ верховной власти. Какимъ же путемъ „виды и предположенія" могутъ доходить до Думы остается неизвѣстнымъ, а, главное, самая возможность составленія ихъ для частныхъ лицъ и учрежденій отнынѣ сдѣлалась еще болѣе проблематичной.

Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что еще до опубликованія указа 6 августа, содержаніе его дошло до публики въ формѣ воспрещенія обсуждать вопросы государственнаго благо устройства. 5 августа московскій генералъ-губернаторъ П. П. Дурново обратился къ представителямъ земствъ со слѣдующею рѣчью:

„Въ послѣднее время на многихъ земскихъ собраніяхъ и на частныхъ собраніяхъ представителей земствъ неоднократно подымались вопросы о предстоящей государственной реформѣ. Обсужденіе ихъ велось на основаніи высочайшаго рескрипта 18-го февраля. Многія постановленія земствъ грѣшили неясностью и вызывали недоразумѣнія, но многія изъ пожеланій земскихъ дѣятелей были приняты во вниманіе при созданіи проекта Государственной Думы и положены въ основу этого важнаго государственнаго акта. Въ настоящее время эта созидательная работа закончена. Черезъ два—три дня по волѣ Государя Императора будетъ изданъ манифестъ о реформѣ, и тогда должны считаться выполненными всѣ обѣщанія въ рескриптѣ 18-го февраля. Всѣ права, которыя предоставлены общественнымъ организаціямъ этимъ манифестомъ, уже утрачиваютъ силу. Дальнѣйшей созидательной работы въ частныхъ совѣщаніяхъ уже не потребуется, и я, со своей стороны, долженъ васъ предупредить, что послѣ опубликованія манифеста я уже не могу допустить въ Москвѣ какихъ бы то ни было частныхъ совѣщаній, земскихъ съѣздовъ или какихъ бы то ни было коллективныхъ обсужденій государственныхъ вопросовъ въ частныхъ собраніяхъ, а равно и въ земствахъ. Самый вопросъ о государственной реформѣ нужно считать окончательно исчерпаннымъ".

Въ то время, когда созидательная работа, казалось, только еще начинается, администрація объявляетъ ее уже „законченной". Едва ли можно сомнѣваться, что и въ другихъ мѣстахъ мѣстныя власти такъ же истолкуютъ указъ 6 августа...

При оцѣнкѣ впечатлѣнія, произведеннаго актами 6 августа, нельзя упускать изъ виду и еще одного характернаго обстоятельства. Въ тотъ же день былъ подписанъ указъ, коимъ введено военное положеніе въ Курляндской губерніи. За протекшіе послѣ того немногіе дни,—а я пишу эти строки 15 августа,— военное положеніе введено въ Варшавѣ и Варшавскомъ уѣздѣ, а Ковенская губернія объявлена въ положеніи усиленной охраны... Въ виду такой „предварительной гарантіи", можно думать, даже „реальные политики" должны усомниться въ возможности энергично защищать „пріобрѣтенную позицію"...

Достаточно—говорятъ „Русскія Вѣдомости"—заглянуть въ хронику любой газеты за послѣдніе дни, чтобы убѣдиться, что никакіе политическіе выборы не мыслимы, пока не будутъ даны минимальныя гарантіи *) противъ административнаго произвола. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ представителей можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ проф. Ярошенко, первый ректоръ новороссійскаго университета по уставу 1884 г. если на другой день по обнародованіи Учрежденія Государственной Думы подвергаются аресту въ качествѣ государственныхъ преступниковъ, заслуживающихъ ссылки на каторгу, такіе умѣренные и лояльные люди, какъ профессора Брандтъ, Гордѣенко и Милюковъ или д-ръ Святловскій? О какихъ выборахъ можетъ быть рѣчь, если еще и теперь земскіе начальники и прочіе опекуны народа считаютъ опаснымъ распространеніе въ крестьянской

*) Таковыми газета считаетъ: указы о печати, объ общественныхъ собраніяхъ и союзахъ, объ амнистіи, о пріостановкѣ дѣйствія усиленной охраны и военнаго положенія и объ отмѣнѣ карательныхъ полномочій, предоставленныхъ административной власти.

средѣ Высочайшаго рескрипта А. Г. Булыгину или рѣчей на высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и конфискуютъ брошюры, изданныя съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ правилъ? Турецкая цензура, какъ повѣдало о томъ на дняхъ одно изъ нашихъ оффиціальныхъ агентствъ, пошла по этому пути еще дальше: она не пропустила въ печать ни слова о нашей Государственной Думѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ того же агентства, вѣсть о Думѣ распространилась по столицѣ султана, возбуждая зависть въ младотуркахъ къ участи русскихъ и опасенія въ высшихъ сферахъ, какъ бы примѣръ Россіи не заразилъ Турціи. Надо ожидать, однако, что въ непродолжительномъ времени „Россійское Агентство" возвѣститъ намъ, что, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ его сообщеній о русскихъ дѣлахъ, во всѣхъ слояхъ населенія Оттоманской имперіи наступило полное успокоеніе *).

Сказаннаго я думаю вполнѣ достаточно, чтобы объяснить непосредственное впечатлѣніе, произведенное актами 6 августа. Говоря коротко, никакого „преображенія" русской жизни въ этотъ день—какъ ни соблазнительно для многихъ было воспользоваться этимъ образомъ—не оказалось. И праздника не было.

Въ качествѣ хроникера внутренней жизни я не могу, конечно, ограничиться констатированіемъ этого факта. Я долженъ постараться еще уяснить мѣсто, какое акты 6 августа займутъ въ исторіи, и роль, какую они сыграютъ въ ближайшей жизни. Въ исторію впрочемъ и вообще въ даль, какъ я думаю, заглядывать нечего. Въ самомъ манифестѣ предусматривается необходимость въ „Учрежденіи Государственной Думы" „измѣненій, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному". Правда, эти измѣненія отложены до того времени, когда „жизнь сама укажетъ", но уже теперь несомнѣнно, что жизнь начнетъ дѣлать свои указанія очень скоро, даже немедленно. Съ несомнѣнностью почти можно утверждать, что первая Государственная Дума не доживетъ до срока своихъ пятилѣтнихъ полномочій... Событія развиваются съ такою быстротою, а „потребности времени" выяснились уже съ такою остротою и очевидностью, что даже пятимѣсячный срокъ представляется слишкомъ длиннымъ для неизбѣжнаго „согласованія". Поэтому я ограничусь разсмотрѣніемъ лишь ближайшихъ послѣдствій, какими можетъ сказаться въ жизни опубликованіе „Учрежденія Государственной Думы" и при томъ въ одномъ направленіи. Внесетъ ли оно въ общественную и народную среду успокоеніе, котораго такъ жаждетъ страна?

Борьба, конечно, не кончилась и не можетъ кончиться. Въ этомъ—всѣ согласны. Да и какъ бы она могла кончиться? Вѣдь вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы въ Россіи появились „народные представители"...

Суть не въ представителяхъ, каковы бы они ни были, а въ томъ, чтобы найти новыя формы, въ которыхъ могла бы

*) „Русскія Вѣдомости", 12 августа.

успокоиться и свободно течь взбаломученная жизнь и въ которыхъ могли бы найти себѣ равновѣсіе взбудораженныя силы. Представительныя учрежденія важны не сами по себѣ, а потому, что они открываютъ возможность борьбы въ новыхъ формахъ. . Поставленный мною вопросъ насчетъ успокоенія сводится, такимъ образомъ, къ другому: открываетъ ли „Учрежденіе Государственной Думы“ возможность для общественныхъ силъ такой мирной борьбы? Представляется ли новая арена достаточно широкой, чтобы вмѣстить всѣ имѣющіяся силы? Представляется ли она для нихъ доступной?..

И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно...

Въ высочайшемъ манифестѣ говорится, что дѣйствіе новыхъ законовъ будетъ распространено съ нѣкоторыми измѣненіями на всю имперію. Теперь, однако, къ участію въ выборахъ привлекается населеніе лишь 51 губерніи. Когда будутъ привлечены окраины—неизвѣстно, а мы уже знаемъ какъ медленно обыкновенно распространяется на нихъ дѣйствіе „общихъ законовъ по имперіи“. Правда, на этотъ разъ повелѣно поспѣшить съ этимъ дѣломъ, но вполнѣ вѣроятно, что въ первыхъ выборахъ, которые должны закончиться къ половинѣ января, окраины вовсе не примутъ участія. А вѣдь эти выборы самые важные, ибо первой же Думѣ предстоитъ разрѣшить самые главные и самые острые вопросы. На эти, устраненныя отъ первыхъ выборовъ, окраины приходится (по переписи 1897 г.) 34 милліона населенія. И все это многомилліонное населеніе будетъ лишено возможности выразить свои мысли при посредствѣ Государственной Думы. Достаточно напомнить, что среди окраинъ числятся Польша и Кавказъ, т. е. наиболѣе активныя въ переживаемомъ движеніи части Имперіи. Могутъ ли онѣ успокоиться, зная, что безъ нихъ рѣшаются ихъ судьбы?

Но и во внутреннихъ губерніяхъ участіе въ выборахъ приметъ лишь ничтожная часть населенія. Въ городахъ процентъ лицъ, пользующихся избирательнымъ правомъ, опускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти до смѣшной цифры. Въ Петербургѣ, напримѣръ, съ его 1½ милліоннымъ населеніемъ, въ выборахъ примутъ участіе лишь 9,500 лицъ, т. е. значительно менѣе 1%. Не лучше въ общемъ дѣло обстоитъ и въ другихъ городахъ. Рабочія массы—а лицъ, занимающихся наемнымъ трудомъ по подсчету, сдѣланному Центральнымъ Комитетомъ для В. К. Плеве, въ Россіи насчитывается около 10 милл.—цѣликомъ будутъ устранены отъ выборовъ. Между тѣмъ это опять таки самая активная часть населенія. Можетъ ли она успокоиться? Въ городахъ къ участію въ выборахъ допущены лишь лица съ крупнымъ имущественнымъ цензомъ, только богачи. Могутъ ли они выразить мысль остального населенія? Да и какъ же они это сдѣлаютъ, если сытый голоднаго не понимаетъ“?

По отношенію къ деревнѣ вопросъ на первый взглядъ ставится лучше. Въ выборахъ приметъ участіе какъ будто все крестьянское населеніе. Въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ. Къ участію въ выборахъ будутъ привлечены лишь волостные сходы, состоящіе по общему правилу изъ уполномоченныхъ. Послѣдніе составляютъ лишь около 10% всѣхъ домохозяевъ, по отношенію же ко всему взрослому мужскому населенію около 7%, а ко всей массѣ крестьянства менѣе 2%. Правда, уполномоченные отобраны изъ всего населенія, но отобраны уже раньше, внѣ всякой связи съ мыслями, какія нужно выразить при посредствѣ Государственной Думы?! Могутъ ли они выразить мысль всего крестьянства,—мысль, особенно усиленно работавшую въ послѣдніе мѣсяцы?..

Самая система выборовъ установлена такая, которая до крайности должна будетъ затруднить выраженіе мысли даже той части населенія, которая получаетъ избирательное право. Выборы будутъ двухстепенные, для крестьянъ же—трехстепенные, а если вести счетъ не отъ волостныхъ уполномоченныхъ, а отъ населенія, то четырехстепенные. Мнѣ приходилось уже говорить, что при такой системѣ будутъ выбираться не программы, не мысли, а лица. И этотъ выборъ для крестьянъ окажется особенно труднымъ, ибо среди нихъ, съѣхавшихся изъ разныхъ уѣздовъ, вовсе почти не окажется лицъ, которыя всѣмъ имъ были бы извѣстны,—за исключеніемъ развѣ тѣхъ волостныхъ старшинъ, которые уже получили отъ начальства почетные кафтаны...

XXIII.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ проектовъ аграрной реформы, я позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, чтобы возможно полнѣе и точнѣе уяснить сущность аграрной проблемы.

Освободить крестьянина отъ работы на помѣщика, освободить его отъ обязанностей подневольнаго батрака и вынужденнаго арендатора,—такова самая важная и самая неотложная народно-хозяйственная потребность въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Этимъ не исчерпываются, однако, задачи, какія можно и должно ставить аграрной реформѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что крестьянское трудовое хозяйство уже втянуто въ сферу мѣновыхъ отношеній и что въ этой атмосферѣ еще долго ему придется жить и развиваться. Благодаря этому, крестьянина нельзя разсматривать, какъ изолированнаго производителя; не сдѣлается уже онъ такимъ и послѣ того, какъ окончательно порвется „цѣпь великая". Его хозяйство тысячами нитей связано со всѣми другими земледѣльческими

хозяйствами страны, находится въ зависимости отъ нихъ и само оказываетъ на нихъ очень сильное вліяніе *). Важны поэтому не только отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но и взаимныя отношенія между ними, какъ между сельско-хозяйственными производителями.

Первостепенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія на территоріи страны. Мнѣ приходилось уже указывать, что оно сохраняетъ до сихъ поръ несвободный характеръ и далеко не совпадаетъ съ требованіями рынка.

Нельзя упускать изъ виду,—писалъ я,—что мы живемъ въ странѣ, колонизаціонную работу въ которой отнюдь нельзя считать завершившеюся. Начатая задолго до возникновенія государственности, эта работа имѣла когда-то широкій размахъ. Предоставленное самому себѣ и своему хозяйственному инстинкту, населеніе быстро заселяло огромную равнину, смѣло врѣзаясь съ топоромъ въ чащу дѣвственнаго лѣса и шагъ за шагомъ поднимая цѣлинныя земли столь же дѣвственной степи. Какъ ни примитивно было хозяйство, какъ ни слабы были общественные навыки, населеніе успѣшно справлялось съ этой нелегкой задачей... Монгольское иго надолго, однако, затруднило колонизаціонную работу населенія: своими набѣгами и поборами татары ослабили его хозяйственную силу и преградили ему дорогу къ благодатному югу... Въ интересахъ внѣшняго могущества государство закрѣпостило всѣ слои населенія и прервало ту работу, ради которой было создано: оно прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, закрѣпило ихъ за помѣщиками. Колонизаціонная работа могла происходить только тайкомъ, піонерами новыхъ мѣстъ должны были сдѣлаться бѣглые: бѣглые завладѣли Сибирью, бѣглые заселили Новороссію. По мѣрѣ того, какъ крѣпла внутренняя государственная организація, эта „вольная" колонизаціонная работа становилась все слабѣе и постепенно сошла на нѣтъ. Вольную,—хотя бы условно только вольную,—колонизацію смѣнила принудительная: крестьянъ продавали „на свозъ" и отправляли въ ссылку. Едва ли нужно говорить, что выгода по-

*) Общественный характеръ крестьянскаго хозяйства, конечно, не ограничивается рамками сельскохозяйственнаго производства. При посредствѣ того же рынка оно тѣснѣйшимъ образомъ связано и со всѣми другими сторонами народнаго хозяйства. Поэтому-то между прочимъ мы и придаемъ такое громадное значеніе аграрной реформѣ. Если въ сферѣ земледѣльческаго производства упрочится трудовое хозяйство, то этимъ до извѣстной степени будетъ предрѣшено направленіе и всей остальной народно-хозяйственной жизни. Подъ давленіемъ этого—громаднаго по своимъ размѣрамъ—факта будутъ складываться всѣ другія общественныя отношенія, имъ же будетъ опредѣляться и сознательное вмѣшательство организованныхъ общественныхъ силъ въ стихійный ходъ экономической эволюціи. Другими словами: мы надѣемся, что крестьянское трудовое хозяйство послужитъ исходной точкой и надежной опорой для переустройства всей соціальной жизни на трудовыхъ началахъ. Мнѣ еще придется вернуться къ этому вопросу, и тогда я изложу тѣ соображенія, на которыхъ покоятся наши надежды. Сейчасъ же, оставаясь въ предѣлахъ исключительно аграрныхъ отношеній, я постараюсь уяснить значеніе указанной мною зависимости крестьянскаго хозяйства отъ рынка лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для правильной постановки аграрной проблемы.

мѣщика и велѣніе уголовнаго закона далеко не всегда совпадали съ хозяйственными потребностями трудящагося населенія *).

Реформа 1861 г. въ сущности закрѣпила это подневольное размѣщеніе сельско-хозяйственнаго населенія. Созданный ею аграрный строй въ связи съ аграрной политикой пореформеннаго времени поставилъ новыя непреодолимыя преграды на пути основного народно-хозяйственнаго процесса.

Въ настоящее время, если не считать промежуточныхъ формъ, мы имѣемъ три института собственности на землю: а) государственное землевладѣніе, б) надѣльное и в) частное. Государственныя земли, составляющія наибольшую часть территоріи, въ теченіе долгаго времени оставались почти совершенно недоступными для колонизаціи. Переселенія не только не поощрялись, но и преслѣдовались. Хотя жизнь въ концѣ концовъ и заставила легализировать эту форму колонизаціоннаго процесса, однако, она до сихъ поръ не получила того развитія, какое отвѣчало бы, съ одной стороны, необъятному пространству государственнаго земельнаго фонда, съ другой—до нельзя обострявшимся потребностямъ многомилліонной земледѣльческой массы. Государственныя земли въ громадной ихъ части остаются неустроенными и въ культурномъ отношеніи неизвѣданными.

Надѣльныя земли—эта важнѣйшая въ производственномъ отношеніи часть территоріи—закрѣплены за сословіемъ, хуже того: за мелкими его группами, за отдѣльными дворами и селеніями. Благодаря этому, въ предѣлахъ даже надѣльной площади крестьянство, взятое во всей его массѣ, свободно разселиться не можетъ. Государство заставило крестьянъ *выкупать*, но лишило ихъ права *продавать* надѣльныя земли. Въ результатѣ крестьяне оказались привязанными къ своей „собственности", каковая уже оплачена ими сверхъ ея стоимости. И каждая деревня, каждый дворъ держатся за отведенные имъ клочки тѣмъ упорнѣе, что податься со своимъ хозяйствомъ имъ рѣшительно некуда. Переселеніе за многія тысячи верстъ на казенныя земли сопряжено съ такими затрудненіями, лишеніями и расходами, что выполнить эту операцію далеко не всѣ могутъ. Двѣсти тысячъ душъ,—максимумъ, котораго достигало переселенческое движеніе,—въ сравненіи со стомилліонной массой и его до нельзя острой нуждой въ землѣ представляетъ въ сущности совершенно ничтожную цифру. Всѣ же болѣе близкія и болѣе мягкія земли,—безъ заселенія коихъ дальняя колонизація оказывается особенно нераціональной,—захвачены частнымъ владѣніемъ.

Въ эту сторону, какъ извѣстно, и направилась первая по освобожденіи переселенческая волна. Юго-восточныя степи и Сѣверный Кавказъ въ значительной мѣрѣ заселены уже въ поре

*) „Земельныя нужды деревни". Стр. 78—79.

форменное время выходцами изъ внутреннихъ губерній, пріобрѣвшими здѣсь земли для поселенія путемъ покупки или на правѣ аренды. Но цѣны на землю въ этихъ мѣстахъ стали быстро возрастать и начавшее развиваться въ этомъ направленіи движеніе очень скоро дало осѣчку. Вести колонизаціонную работу на основѣ частной поземельной собственности крестьянство оказалось не въ силахъ. Для этого нужны были капиталы, какими оно не располагало. Чтобы выполнить свою провиденціальную миссію и получить свою долю въ общественномъ доходѣ, т. е. заработную плату, оно стало высылать изъ году въ годъ милліоны рабочихъ рукъ въ „новыя мѣста" на косовицу. Со своимъ же собственнымъ хозяйствомъ крестьяне продолжали и продолжаютъ тѣсниться на прежнихъ, все болѣе и болѣе съуживающихся, „загончикахъ".

Я уже говорилъ, на какихъ условіяхъ, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, только и можно расширить эти загончики. Для этого нужно отдать сосѣднему помѣщику не только весь прибавочный продуктъ съ его земли, но и поступиться еще частью заработной платы. Въ данномъ случаѣ важно отмѣтить другой результатъ созданнаго крестьянской реформой аграрнаго строя. Если крестьяне были прикрѣплены къ отведеннымъ имъ надѣламъ въ качествѣ „вѣрной статьи довода" для своего бывшаго помѣщика или его правопреемниковъ, то этимъ самымъ и помѣщичья земля была закрѣплена за ними,—закрѣплена, конечно, непомѣрно высокой цѣной, какую они соглашаются платить за нее, и непомѣрно низкой заработной платой, за которую они соглашаются на ней работать. Благодаря этому внутренняя миграція сельско-хозяйственнаго населенія сдѣлалась невозможною. И мы знаемъ, что въ дѣйствительности ея нѣтъ. Если же кое-гдѣ въ хозяйственную жизнь и внѣдряются еще пришлые элементы, то мѣстное населеніе относится къ нимъ,—какъ, напримѣръ, къ „латышамъ" въ Тверской губерніи,—въ высшей степени недоброжелательно, а то и прямо,—какъ напримѣръ, къ полтавскимъ „богатѣямъ", скупившимъ для переселенія нѣкоторыя имѣнія въ Курской и Харьковской губерніяхъ,—съ ненавистью. Этотъ процессъ закрѣпленія земли происходитъ и въ южныхъ степяхъ. Напомню хотя бы давно уже начавшія тамъ портиться отношенія къ „иногороднимъ". Теперь же онъ принялъ до нельзя острую форму: мѣстные крестьяне силой гонятъ пришлыхъ изъ внутреннихъ губерній рабочихъ. Скоро каждая губернія, каждая деревня будетъ обведена своею „чертою осѣдлости".

Такимъ образомъ, при данномъ аграрномъ строѣ каждая частичка территоріи должна самостоятельно развивать свою емкость и для этого каждая мѣстность, каждое селеніе и даже каждое отдѣльное хозяйство должны развивать свои производительныя силы внѣ связи съ другими. Но вѣдь всѣ сельско-хозяйственны

производители уже объединены рынкомъ. Сибирскіе крестьяне во многихъ мѣстахъ должны переходить къ трехполью, но ихъ хлѣбъ, чтобы попасть на рынокъ, долженъ пересѣчь мѣстности съ переложнымъ или подсѣчнымъ хозяйствомъ. Можетъ ли при такихъ условіяхъ названный переходъ быть не только безболѣзненнымъ, но и, хотя бы въ конечномъ счетѣ раціональнымъ? Орловскому крестьянину не остается иного выхода, какъ перейти на своемъ загончикѣ къ огородной культурѣ злаковъ. Но можетъ ли онъ это сдѣлать, если бы у него даже и имѣлись необходимыя для этого знанія и средства, когда въ южныхъ, болѣе близкихъ къ рынку, губерніяхъ еще не выпаханы ковыльныя степи? Г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени", ссылаясь на китайцевъ, совѣтовалъ какъ-то русскому мужику собирать свое удобреніе въ банки. Но, вѣдь, тамъ, на югѣ, навозъ вываливается еще въ овраги. Можетъ ли екатеринославскій крестьянинъ перейти къ стойловому содержанію скота, когда рядомъ съ его клочкомъ выращиваются на подножномъ корму цѣлые косяки лошадей и пасутся обширныя стада мериносовъ?.. Я беру наиболѣе рѣзкіе примѣры, но тоже самое давленіе однѣхъ мѣстностей и однихъ хозяйствъ на другія сказывается, конечно, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: имъ опредѣляются и системы хозяйства, и сѣвообороты, и пропорція посѣвовъ, и число, и глубина вспашекъ... Потребности умножающагося населенія требуютъ интенсификаціи, а она—по условіямъ рынка—не возможна, не раціональна, убыточна...

Привычка—вторая натура. Мы свыклись и даже не замѣчаемъ воздушнаго давленія. Не замѣчаемъ мы и этого аграрнаго давленія въ сельскохозяйственной сферѣ. Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ распахиваетъ „неудобь" вмѣсто того, чтобы лишній разъ вспахать прежнюю полосу? Почему онъ отправляетъ сына въ чужедальнюю сторону на косовицу вмѣсто того, чтобы заставить его перекопать заступомъ свою собственную землю? Вѣдь есть же въ этомъ разсчетъ, не одно же это сплошное „невѣжество"? Не потому ли, что коса въ степи даетъ въ конечномъ счетѣ всетаки больше, чѣмъ заступъ дома? Когда его прогонятъ оттуда, онъ можетъ быть и возьмется за заступъ. Но будетъ ли эта затрата труда раціональна? будетъ ли эта вынужденная интенсификація выгодна? Въ Суджанскомъ сельскохозяйственномъ комитетѣ крестьяне одной деревни жаловались, что помѣщикъ лишилъ ихъ пастбища и они вынуждены большую часть лѣта держать скотъ дома. Вѣдь это, если хотите, „стойловое содержаніе скота". Почему же крестьяне, сдѣлавшіе такой прыжокъ въ своемъ хозяйствѣ, воютъ? Неужели только изъ-за своего невѣжества? Когда на Тверскую губернію былъ распространенъ лѣсоохранительный законъ, то жители Осташковскаго уѣзда вынуждены были отъ „лядъ" и „нивъ" перейти къ трехполью.

Казалось, чего-бы лучше? Однако, въ уѣздѣ начались голодовки...

При неправильномъ, не отвѣчающемъ требованіямъ рынка, размѣщеніи населенія, интенсификація, если и можетъ имѣть мѣсто, то почти исключительно такого вынужденнаго характера. Уже въ силу этого обстоятельства, не говоря о прочемъ, производительныя силы сельско-хозяйственнаго населенія, при данномъ аграрномъ строѣ, не могутъ поспѣвать за возрастаніемъ его численности. Необходимо, чтобы населеніе получило возможность свободно разселиться и свободно перемѣщаться въ предѣлахъ всей находящейся въ его обладаніи территоріи. Рынокъ диктуетъ свои велѣнія даже изъ-за океана, онъ мѣняетъ ихъ чуть не ежедневно, — и нельзя подвластное ему населеніе держать на привязи.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что „черта осѣдлости" проведена не только между деревнями, она проведена между ними и городомъ. Раньше крестьянинъ былъ привязанъ къ землѣ непосильными платежами и круговой порукой. Чтобы „оправдать" себя, онъ отправлялъ сына въ дальніе промыслы, отправлялся самъ и „спуста" платилъ подати. Трудомъ и лишеніями онъ „окупилъ" данный ему надѣлъ и до извѣстной степени свыкся съ мыслью, что это его собственность. Она имѣетъ уже цѣнность: сверхъ уплаты податей, за землю даютъ уже „верхи", хотя бы въ размѣрѣ пяти рублей въ годъ за душу. Но реализировать эту цѣнность онъ не можетъ. Чтобы покончить свои счеты съ землей, онъ долженъ отказаться отъ надѣла, т. е. отказаться отъ пяти рублей „верховъ", а вѣдь это значитъ—бросить сторублевку. Сдѣлать это съ легкою душою крестьянинъ, конечно, не можетъ, и онъ держится за надѣлъ, держится тѣмъ упорнѣе, что устроиться въ городѣ, особенно съ семьею, трудно, а вернуться назадъ, въ случаѣ неудачи, еще труднѣе. Экономическая необходимость въ концѣ-концовъ преодолѣваетъ это упорство и подкравшееся разореніе такъ или иначе обрываетъ цѣпь „собственности", связывающую крестьянина съ надѣломъ. Въ обходъ юридическихъ нормъ жизнь выработала даже формы „продажи" надѣльной земли. Исшествіе изъ деревни, какъ ни затруднено оно, всетаки происходитъ. Но обратное движеніе—проникновеніе въ деревню новыхъ трудовыхъ элементовъ—почти совершенно отсутствуетъ. На казенныя земли ихъ не пускаютъ, надѣльныя земли имъ не доступны, покупка частновладѣльческой земли, при вздутыхъ цѣнахъ на нее, для малозажиточныхъ группъ населенія непосильна. Въ первое время по освобожденіи начали было возникать мѣщанскіе поселки на кудчей землѣ, наблюдались случаи пріема иносословныхъ членовъ въ крестьянскія общины, но теперь къ землѣ имѣютъ доступъ лишь спекулянты. Земледѣльческое населеніе страны обратилось въ какую

то касту, совершенно почти лишенную притока свѣжихъ элементовъ.

„Деревня, — какъ я резюмировалъ въ другомъ мѣстѣ эти послѣдствія аграрнаго строя, — обратилась въ своего рода гетто, лишенное свѣта и воздуха. И люди мрутъ въ немъ отъ цынги и тифа. Впрочемъ, умирать безропотно они больше не желаютъ и уже требуютъ себѣ хлѣба, свѣта и свободы... Пришла пора это гетто разрушить" *).

Повторяю: размѣщеніе населенія на территоріи и распредѣленіе его между городомъ и деревней—основной процессъ народно-хозяйственной жизни. И аграрная реформа должна найти такую форму земельныхъ отношеній, при которой онъ могъ бы имѣть свободное и безостановочное теченіе.

Западная Европа—худо ли, хорошо ли—рѣшила эту проблему путемъ обращенія земли въ личную собственность. Такимъ путемъ населеніе получило тамъ возможность свободно размѣститься на территоріи,—„свободно", конечно, въ томъ условномъ смыслѣ, какъ это понимается въ буржуазномъ обществѣ. При всей несправедливости этой системы съ точки зрѣнія распредѣленія имущественныхъ благъ, она, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ — хотя и то не всегда — интересамъ производства.

Несомнѣнно, что и у насъ найдутся сторонники такого же рѣшенія аграрной проблемы, хотя сейчасъ—въ виду волнующихся крестьянскихъ массъ—они и не рѣшаются выдвигать свои проекты. Мнѣ приходилось уже говорить **), что идти этимъ путемъ для насъ невозможно. Начавъ распродажу подлежащихъ обработкѣ государственныхъ земель и обративъ надѣльныя земли въ личную собственность ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, мы рискуемъ не только не освободить отъ земельнаго собственника, но и еще больше закабалить ему сельско-хозяйственнаго производителя. Главное же, эпоха хроническихъ голодовокъ и затяжного разоренія крестьянскихъ массъ неизбѣжно почти должна будетъ завершиться въ такомъ случаѣ быстротечной ихъ пролетаризаціей. Такую перспективу, конечно, можно было рисовать въ качествѣ неизбѣжнаго послѣдствія стихійной эволюціи, но ставить пролетаризацію крестьянства въ качествѣ цѣли для сознательнаго вмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь не рѣшатся теперь даже фанатики „классовыхъ противорѣчій". Жизнь требуетъ аграрной реформы, чтобы упрочить экономическое положеніе массы, а не для того, чтобы довести ее до окончательнаго раззоренія. Когда на крестьянскомъ съѣздѣ нѣкоторые стали возражать противъ проекта обращенія всей земли въ государственную

*) „Основныя задачи аграрной реформы". „Русскія Вѣдомости", 2 августа.

**) См. упоминавшуюся уже статью: „Земельныя нужды деревни".

собственность, „ссылаясь на то, что онъ не соотвѣтствуетъ историческому ходу жизни“, то съ разныхъ сторонъ послышались рѣзкія замѣчанія:

— „Намъ ѣсть нечего... Здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти милліоновъ народа, а вы тамъ о какомъ-то историческомъ ходѣ“... *) И несомнѣнно, что активное состояніе крестьянства въ эту критическую эпоху народной жизни можетъ и исторію заставить свернуть съ проторенной дороги.

А другая дорога есть, ибо мы какъ разъ находимся на распутьи. Если нельзя повернуть въ сторону личной собственности, то нужно повернуть въ сторону государственной. И такое направленіе аграрной реформы представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ при данныхъ условіяхъ даже съ той точки зрѣнія, съ какой мы разсматривали ее на предыдущихъ страницахъ. Нужно снять запретъ съ земель казенныхъ, нужно освободить отъ путъ собственности надѣльныя, нужно разгородить частновладѣльческія. Нужно вернуть русскому народу его землю и тогда онъ размѣстится на ней, какъ того требуютъ его хозяйственныя потребности.

Тогда опредѣлится и дѣйствительная емкость не только всей территоріи, но и каждой ея частички. Всѣ же теперешніе разсчеты, хватитъ или не хватитъ земли, представляются болѣе, чѣмъ гадательными. Какъ въ самомъ дѣлѣ разсчитать, сколько могутъ вмѣстить населенія хотя бы южныя и юговосточныя степи, когда на мѣстѣ обширныхъ латифундій обоснуются тамъ крестьяне, приходящіе теперь туда лишь на косовицу? Система вѣдь хозяйства измѣнится, и мужикъ, не могущій на старыхъ мѣстахъ справиться даже съ трехпольемъ, на новыхъ—можетъ быть перейдетъ къ плодосмѣну. Перелоги во всякомъ случаѣ исчезнутъ, и ихъ давленіе на хозяйство центральныхъ губерній прекратится. Вся сельскохозяйственная экономія страны, несомнѣнно, измѣнится: „неудобь“, можетъ быть, опять покроется лѣсомъ и сады, быть можетъ, зацвѣтутъ тамъ, гдѣ теперь разстилаются степи.

Предпринимаемая въ интересахъ крестьянской массы,—а, стало быть, неизбѣжно и въ интересахъ трудового хозяйства,—реформа должна посчитаться еще съ однимъ крайне важнымъ обстоятельствомъ. Земли, на которыхъ должно будетъ размѣститься сельско-хозяйственное населеніе, если даже „неудобь“ будетъ выкинута изъ оборота, всетаки окажутся не одинаковаго качества. Въ одномъ случаѣ для поддержанія даннаго жизненнаго уровня необходимо работать, скажемъ, по восьми часовъ ежедневно, въ другомъ—для этого достаточно и четырехчасовой работы. При натуральномъ строѣ хозяйства эта разница сводилась-бы всецѣло къ разницѣ въ естественномъ плодородіи почвы. При мѣновыхъ же

*) „Русь“, 7 августа

отношеніяхъ, помимо естественныхъ условій, громадную роль играютъ въ этомъ случаѣ факторы общественнаго порядка и среди нихъ, прежде всего, близость къ рынку. И чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе общественныхъ условій становится все больше, и тѣмъ разница между землями дѣлается все значительнѣе. Подъ Москвой десятина земли стоитъ тысячи, а гдѣ-нибудь въ глуши десятина такого же качества стоитъ меньше сотни.

Между тѣмъ передъ лицомъ рынка всѣ производители непремѣнно должны быть поставлены въ равныя условія. Иначе, одинъ будетъ продавать товаръ по такой цѣнѣ, какая для другого будетъ безусловно убыточна. Одинъ производитель, стало быть, будетъ давить на другого, одна мѣстность—разорять другую или наживаться на ея счетъ. При личной собственности на землю и при капиталистическомъ строѣ хозяйства возможность такого давленія устраняется тѣмъ, что изъ общественнаго продукта выдѣляется рента, въ качествѣ каковой производители и выплачиваютъ всю разницу въ доходности земель, поскольку таковая зависитъ отъ естественныхъ или общественныхъ условій. Обязанный выплачивать ренту производитель уже не можетъ понизить цѣну на продуктъ въ убытокъ производителю, который имѣетъ землю худшаго качества, но за то и ренту платитъ меньшую. Если предприниматель объединенъ въ одномъ лицѣ съ землевладѣльцемъ, то и въ такомъ случаѣ онъ стремится установить свои мѣновыя отношенія съ такимъ разсчетомъ, чтобы выручка за продуктъ покрывала не только расходы производства, но и проценты на капиталъ, какой имъ выплаченъ за землю или какому она равняется въ данное время.

Не лишне будетъ отмѣтить, что этотъ способъ уравненія условій, въ которыхъ находятся производители, даже съ точки зрѣнія интересовъ производства представляется далеко несовершеннымъ. Хотя рента обнаруживаетъ наклонность къ наростанію, однако въ отдѣльные періоды и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ она нерѣдко дѣлаетъ рѣзкіе скачки внизъ. И каждый такой скачокъ неизбѣжно сопровождается острымъ кризисомъ въ сферѣ земледѣлія и землевладѣнія. Производитель, обязавшійся выплачивать ренту въ опредѣленномъ размѣрѣ, оказывается не въ состояніи вынести измѣненія въ мѣновой конъюнктурѣ и долженъ ликвидировать свое хозяйство. Землевладѣлецъ, обременившій свое имѣніе ипотекой, не можетъ выдержать уменьшенія его цѣнности и вообще рѣзкаго паденія своихъ доходовъ. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ громадный кризисъ, какой пережило и переживаетъ еще сельское хозяйство въ старыхъ странахъ послѣ того, какъ на міровомъ рынкѣ появились Остъ-Индія, Австралія и Аргентина съ ихъ новыми, не обремененными еще рентой и ипотекой, землями. Почти вся Западная Европа оказалась уже вынужденной перейти къ аграрному протекціонизму. Чтобы со-

хранить свое сельско-хозяйственное производство, народы должны были гарантировать аграріямъ ихъ доходы, и отъ этой гарантіи при данномъ земельномъ строѣ едва ли они избавятся. Новое наростаніе ренты, которое будетъ происходить вѣроятнѣе всего постепенно, землевладѣльцы съумѣютъ, конечно, незамѣтно себѣ присвоить, а когда произойдетъ опять скачокъ внизъ, они потребуютъ за свою общественную функцію новой приплаты за общенародный счетъ. Между тѣмъ такія колебанія ренты, въ виду продолжающагося развитія мірового хозяйства, вѣроятно будутъ происходить все чаще и чаще. Помимо этой перспективы, сторонники личной поземельной собственности и капиталистическаго хозяйства должны еще имѣть въ виду, что Россія, какъ страна экспортирующая, воспользоваться такимъ средствомъ, какъ аграрный протекціонизмъ, будетъ не въ состояніи. Чтобы ослабить кризисы, неизбѣжно придется прибѣгать къ подачкамъ изъ народной казны. Но мы уже по опыту знаемъ, что подачки, какъ бы беззастѣнчиво онѣ ни производились, развить сельскохозяйственнаго производства не могутъ. При частной собственности на землю оно почти неизбѣжно будетъ такимъ образомъ пребывать все время въ угнетенномъ состояніи.

Вопросъ о разнокачественности земель и при трудовомъ хозяйствѣ имѣетъ, конечно, огромное значеніе. Какимъ образомъ можно уравнять производителей, чтобы они не давили другъ на друга? На первый взглядъ эта задача рѣшается очень просто: хорошей земли нужно давать меньше, а худшей—больше. При натуральномъ строѣ хозяйства такого „поравненія“ было бы, конечно, вполнѣ достаточно, и въ крестьянствѣ, еще не пережившемъ традицій этого строя, склонность къ подобному поравненію, несомнѣнно, имѣется. Но мы не должны забывать, что трудовое хозяйство должно уже имѣть дѣло съ рынкомъ. Вынося произведенный продуктъ на рынокъ, крестьянинъ, конечно, будетъ сообразоваться исключительно съ тѣмъ, сколько живого или накопленнаго труда въ него вложено. Стало быть производитель, получившій лучшую землю, получитъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность продавать продуктъ дешевле, чѣмъ производитель, надѣленный худшей землей. Цѣны, конечно, будутъ устанавливаться на нѣкоторомъ среднемъ уровнѣ, съ избыткомъ покрывающемъ трудовыя затраты однихъ, и не оплачивающія вложеннаго труда другими. Въ результатѣ однѣ мѣстности и одни хозяйства будутъ наживаться за счетъ другихъ. Возможенъ, конечно и другой результатъ. Мы уже по опыту знаемъ, какъ трудно трудовому хозяйству удержать въ своихъ рукахъ ренту. Вполнѣ вѣроятно поэтому, что появятся какія-либо „третьи лица“, которыя и учтутъ ее въ свою пользу.

При мѣновыхъ отношеніяхъ рента изъ общественнаго продукта такъ или иначе выдѣлится и вопросъ можетъ быть только

въ томъ, кто ее присвоитъ. Изъ сказаннаго видно, что она не можетъ быть предоставлена въ распоряженіе трудовыхъ хозяйствъ, не можетъ быть оставлена за отдѣльными производителями. Въ цѣляхъ даже только уравненія между ними рента должна быть экспропріирована коллективностью, государствомъ. Это сознаніе не чуждо, повидимому, и нѣкоторымъ крестьянамъ. По крайней мѣрѣ гурійскіе крестьяне, предъявляя требованіе о передачѣ всѣхъ земель трудящимся, признавали справедливымъ налогъ „за лучшія земли". Само собой понятно, что взятая государствомъ въ видѣ ренты, доля общественнаго продукта вернется затѣмъ, хотя бы въ видѣ культурныхъ благъ, къ населенію, но распредѣлится между нимъ уже на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Это, конечно, не будетъ „единый налогъ", проектированный Генри Джорджемъ. У государства должны быть и найдутся другіе источники финансовыхъ рессурсовъ. Такъ, не могутъ быть освобождены отъ налога и всѣ другіе рентные доходы. Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что, принявъ налоговую форму, рента пріобрѣтетъ ту эластичность, какая необходима при постоянно измѣняющейся мѣновой конъюнктурѣ. Допустимъ, напримѣръ, что на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ неожиданно появится новая страна и русскій хлѣбный экспортъ окажется не въ состояніи оплачивать уже установившуюся ренту. При національной собственности на землю, государство можетъ немедленно понизить рентное обложеніе и тѣмъ предупредить кризисъ. И цѣлому народу, конечно, легче будетъ вынести это пониженіе дохода, чѣмъ отдѣльной группѣ производителей. Соглашаясь нести въ указанномъ случаѣ убытки, государство не останется, однако, въ проигрышѣ. При всѣхъ временныхъ колебаніяхъ, рента, какъ я уже указалъ, обнаруживаетъ въ исторіи тенденцію къ быстрому наростанію. Нужно поэтому ожидать, что въ распоряженіе государства будетъ поступать все большая и большая доля національнаго продукта.

Не противорѣча интересамъ производства, обращеніе ренты на общественныя надобности вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ справедливаго распредѣленія. Являясь послѣдствіемъ независящихъ отъ индивидуальнаго производителя естественныхъ и общественныхъ условій, представляя результатъ коллективнаго, уже обезличеннаго, труда,—рента по справедливости и принадлежать должна обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проблема національнаго богатства вполнѣ совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ проблемой народнаго благосостоянія, ибо все большая и большая, какъ я уже сказалъ, часть національнаго продукта будетъ поступать въ распоряженіе коллективности...

XXIV.

Еще въ концѣ апрѣля мѣсяца въ Москвѣ состоялось частное совѣщаніе по аграрному вопросу. Въ съѣздѣ приняли участіе около ста лицъ изъ числа общественныхъ дѣятелей и представителей науки. Выслушавъ и обсудивъ доклады П. Д. Долгорукова, А. А. Мануилова, М. Я. Герценштейна, А. А. Кауфмана, А. Ѳ. Фортунатова, А. А. Чупрова, В. Э. Дена и И. А. Иверонова, съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи: *).

1. Широкая аграрная реформа представляетъ въ настоящее время насущную и неотложную потребность, удовлетвореніе которой возможно только подъ условіемъ коренного преобразованія государственнаго строя Россіи и должно составлять одну изъ первыхъ задачъ народнаго представительства. Эта реформа столько же необходима въ цѣляхъ дѣйствительнаго и прочнаго умиротворенія страны, сколько и въ интересахъ развитія ея культурныхъ и производительныхъ силъ и въ частности въ интересахъ агрикультурнаго прогресса.

2. Въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ необходимо для проведенія широкой аграрной реформы, настоящій съѣздъ остановился на выясненіи одного изъ наиболѣе коренныхъ и наиболѣе доступныхъ для законодательнаго разрѣшенія въ ближайшее время,—вопроса о малоземельѣ крестьянъ. Само собой разумѣется, этимъ нисколько не устраняется необходимость постановки и разрѣшенія вопросовъ о другихъ сторонахъ аграрной реформы: объ увеличеніи производительности и поднятіи техники сельскаго хозяйства, объ отношеніи аграрной реформы къ податной, къ формамъ землевладѣнія и землепользованія и т. д. Въ частности съѣздъ вполнѣ признаетъ необходимость коренной реформы финансовой и экономической политики, съ цѣлью отмѣны выкупныхъ платежей и пониженія налогового бремени трудящихся массъ.

3. Извѣстные въ экономической литературѣ проекты національзаціи (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики.

4. Возможность широкаго развитія переселенія на государственныя земли исключается недостаткомъ свободныхъ земель, годныхъ для выходцевъ изъ мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ разрѣженіи населенія. Переселеніе поэтому не можетъ ни устранить, ни отсрочить необходимости въ болѣе коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства.

5. Крестьянскій банкъ при современной его организаціи на началахъ коммерческаго учрежденія не можетъ открыть выхода изъ аграрныхъ затрудненій, въ которыхъ находится страна въ настоящее время, такъ какъ расширеніе дѣятельности банка влечетъ за собою земельную спекуляцію и непомѣрное возрастаніе земельныхъ цѣнъ.

6. Аграрная политика, имѣющая цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, можетъ быть планомѣрно развита только при условіи дополнительнаго надѣла. Та же политика должна быть положена въ основу мѣръ, направленныхъ къ поземельному устройству всѣхъ разрядовъ безземель-

*) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 30 апрѣля съ тѣми поправками, какія указаны въ номерѣ отъ 1 мая.

наго населенія, ведущаго самостоятельное земледѣльческое хозяйство (на арендѣ).

7. Фондомъ для дополнительнаго надѣла должны служить не только государственныя земли, но и земли другихъ владѣльцевъ (удѣльныя, монастырскія и частновладѣльческія), такъ какъ лишь при условіи выкупа доли частновладѣльческихъ земель поземельная реформа можетъ дать ощутительные результаты.

8. Частновладѣльческія земли, поступающія въ пользованіе крестьянъ при дополнительномъ надѣленіи ихъ, должны быть выкуплены государствомъ и подлежатъ зачисленію въ государственный земельный фондъ, для отвода крестьянамъ на основаніяхъ, которыя будутъ впослѣдствіи установлены.

9. Съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолженности частнаго землевладѣнія.

10. Для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни такъ же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній въ цѣляхъ упроченія пользованія арендной землей, обезпеченіе правъ арендаторовъ на произведенныя ими, но неиспользованныя къ окончанію арендного срока затраты на улучшеніе и регулированіе арендной платы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ.

Уже при бѣгломъ чтеніи этой программы легко бросается въ глаза ея компромиссный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая то недоговоренность. Это обстоятельство, несомнѣнно, находится въ связи съ самыми задачами и составомъ съѣзда, который былъ созванъ, повидимому, не для свободнаго обсужденія волнующей всѣхъ темы, а со спеціальною цѣлью „согласить" довольно разнородные общественные элементы на заранѣе выработанной программѣ. Въ этомъ отношеніи составъ съѣзда, несомнѣнно, имѣлъ свои особенности. Въ большинствѣ другихъ съѣздовъ послѣдняго времени, если и ставились въ этомъ отношеніи какія либо ограниченія, то исключительно справа. Въ данномъ случаѣ для этого было бы вполнѣ достаточно признанія за исходную точку тѣхъ положеній, какія изложены въ первомъ пунктѣ резолюцій. Но организаторы съѣзда пошли, повидимому, дальше и сочли необходимымъ поставить замѣтныя ограниченія и слѣва *). Предложен-

*) Основываюсь между прочимъ на слѣдующемъ. При личной встрѣчѣ я поинтересовался какъ-то узнать отъ одного изъ активныхъ участниковъ съѣзда, случайно или преднамѣренно къ участію въ немъ не было приглашено „Русское Богатство". Онъ мнѣ отвѣтилъ, что, насколько ему извѣстно, это сдѣлано было сознательно, такъ какъ по имѣвшимся въ бюро свѣдѣніямъ „Русское Богатство" занимаетъ по нѣкоторымъ вопросамъ непримиримую позицію и согласить его на данной программѣ было бы невозможно. Какъ увидитъ читатель, затѣянный организаторами „блокъ" при участіи „Русскаго Богатства" дѣйствительно не могъ бы состояться. Прибавлю къ этому, что адресъ „Русскаго Богатства" почтамту извѣстенъ. Что касается тѣхъ лѣвыхъ элементовъ, которымъ приходится писать по адресу, для почты не всегда извѣстному, то несомнѣнно, что они къ участію въ съѣздѣ приглашены не были и, конечно, вполнѣ сознательно. Между тѣмъ ихъ участіе въ обсужденіи аграрнаго вопроса было бы можетъ быть особенно важно.

ная ими программа встрѣтила, однако, возраженія и съ той, и съ другой стороны.

Для частнаго землевладѣнія—говорили одни—проектируемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ наполовину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и кромѣ того оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе... Другіе оппоненты подчеркивали палліативность проектируемой реформы и недостаточность предлагаемыхъ прирѣзокъ. Предлагаемыя докладчиками нормы слишкомъ искусственны и недостаточны; нужно стремиться къ тому, чтобы каждый былъ надѣленъ землею въ такомъ объемѣ, сколько можетъ обработать крестьянская семья, и чтобы каждый имѣлъ право на землю. По мнѣнію этихъ оппонентовъ, разрѣшеніе аграрнаго вопроса не возможно при сохраненіи нормъ частнаго права собственности на землю, и нужно поэтому искать новаго права *).

И докладчикамъ пришлось отвѣчать на обѣ стороны. Наиболѣе чувствительнымъ для нихъ, можетъ быть, былъ упрекъ въ недостаточной широтѣ проектированной ими реформы. „Докажите возможность надѣла высшею нормою, — говорилъ А. А. Мануиловъ,—и мы несомнѣнно присоединимся къ вамъ". „Если бы кто-нибудь предложилъ намъ болѣе широкую реформу и доказалъ ея осуществимость,—отвѣчалъ своимъ оппонентамъ г. Герценштейнъ,—мы, конечно, пошли бы за нимъ" **). Эти слова о готовности идти на болѣе широкую реформу, послѣ того, какъ сторонники послѣдней заранѣе были устранены отъ участія въ съѣздѣ,—звучатъ, конечно, нѣсколько странно. Но не нужно забывать, что докладчики предвидѣли необходимость успокаивать тѣхъ, кто будетъ возражать справа. И надо сказать, что г. Герценштейнъ, при всей своей готовности къ широкой реформѣ, ревностно выполнялъ и эту задачу. „Что касается опасеній,—говорилъ онъ,—что, при проведеніи въ жизнь предлагаемой реформы, отъ частновладѣльческихъ земель въ недалекомъ будущемъ останется одно пріятное воспоминаніе, то они... совершенно неосновательны".

Въ результатѣ резолюціи съѣзда получили еще болѣе компромиссный и недоговоренный характеръ, чѣмъ предлагали даже докладчики. Я остановлюсь лишь на двухъ вопросахъ, наиболѣе важныхъ, съ нашей точки зрѣнія, въ программѣ „дополнительнаго надѣленія".

Съѣздъ, какъ видно изъ приведенныхъ резолюцій, совершенно умолчалъ о размѣрахъ дополнительнаго надѣла. Не безъинтересно,

---

Не лишне будетъ еще отмѣтить, что ограниченія вправо имѣли, повидимому, исключительно политическій характеръ, тогда какъ влѣво—соціально-экономическій. Само собой понятно, что съѣздъ, созванный для обсужденія соціально-экономическаго вопроса, неизбѣжно долженъ былъ послѣ этого перегнуться нѣсколько въ одну сторону.

*) „Русскія Вѣдомости", 3 мая.

**) „Русь", 6 мая.

однако, отмѣтить, что въ седьмомъ пунктѣ упоминается о „выкупѣ *доли* частновладѣльческой земли“. Десятый пунктъ предвидитъ „урегулированіе арендныхъ отношеній“,—и при томъ не въ качествѣ переходной, но постоянной мѣры. Такимъ образомъ косвенно въ резолюціяхъ утверждается то положеніе, что для „дополнительнаго надѣленія“ всей частновладѣльческой земли не потребуется и что, напротивъ, сохранится зависимость крестьянскаго хозяйства отъ частнаго землевладѣнія даже въ видѣ аренды. Еще опредѣленнѣе ставили этотъ вопросъ докладчики. Они предлагали за основаніе при дополнительномъ надѣленіи взять размѣръ указного надѣла, опредѣленнаго положеніемъ 1861 г. При этомъ, по разсчетамъ А. А. Чупрова,

въ четырехъ уѣздахъ, оказывается, не хватило бы всей площади внѣ надѣльной земли для того, чтобы произвести отводъ дополнительныхъ надѣловъ до нормы высшаго надѣла 1861 года. Въ 26 уѣздахъ всей земли хватило бы, но пришлось бы захватывать болѣе двухъ третей площади частнаго землевладѣнія. Изъ этихъ 30 уѣздовъ часть населенія, слѣдовательно, пришлось бы выселять, придерживаясь той схемы, примѣнительно къ которой произведены вычисленія *). Изъ числа остальныхъ уѣздовъ, въ которыхъ дополнительное надѣленіе не встрѣтило бы препятствія въ недостаткѣ земель, въ 80 уѣздахъ не потребовалось бы для этой цѣли привлекать болѣе половины частновладѣльческой площади, а въ 50 уѣздахъ, т. е. въ 38 проц. всего числа разсмотрѣнныхъ уѣздовъ, было бы возможно оставить въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ даже болѣе трехъ четвертей принадлежащей имъ въ настоящее время земли **).

Однимъ словомъ, и послѣ дополнительнаго надѣленія крестьянъ земли по проекту „останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ“. Характерно при этомъ и то, что авторы проекта за норму надѣла взяли указной надѣлъ 1861 г., который, какъ извѣстно, былъ основанъ на данныхъ о тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ до освобожденія крестьянъ была барщина. Вся земельная реформа 1861 года была проведена, какъ я уже упоминалъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы освобожденные крестьяне чувствовали „надобность въ помѣщикѣ“ и чтобы послѣдній располагалъ для своей земли „постоянными работниками“. Остановиться на той же нормѣ теперь—не значитъ ли это въ сущности узаконить и на будущее время созданную реформой 1861 г. зависимость крестьянскаго хозяйства отъ частнаго собственника?

Въ самомъ дѣлѣ, кто же будетъ обрабатывать частновладѣльческую землю? Вѣдь, кромѣ крестьянина некому. Стало быть, онъ такъ и останется въ двусмысленномъ положеніи не то под-

*) Авторъ въ своихъ разсчетахъ исходитъ изъ предположенія, что одна третья часть частновладѣльческой земли останется во всякомъ случаѣ неприкосновенной, хотя и самъ онъ—нужно сказать—находитъ эту исходную точку не имѣющей за собой „никакихъ раціональныхъ основаній“ и „совершенно произвольной“.

**) „Экономическая Газета“, № 11.

невольнаго батрака, не то самостоятельнаго производителя? Правда, частновладѣльческой земли будетъ меньше, но „свободныхъ“ рабочихъ рукъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ будетъ ровно столько же, какъ и при крѣпостномъ правѣ,—даже больше, ибо крестьянское населеніе за 45 лѣтъ значительно умножилось сравнительно съ тѣмъ, какое въ свое время отбывало барщину. „Неприкосновенная“ третья часть и вообще оставшаяся за дополнительнымъ надѣленіемъ земля частнаго владѣльца не сохранитъ ли при этомъ ту же самую доходность, какую имѣло все оставшееся за первымъ надѣленіемъ имѣніе? И не ограничится ли вся реформа нѣкоторымъ подаркомъ частнымъ владѣльцамъ въ видѣ новыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ? Можетъ быть на нѣкоторое время „жадность“ крестьянъ къ землѣ и уменьшится, но несомнѣнно, что она немедленно вновь начнетъ наростать въ прежней прогрессіи.

Я отнюдь не хочу сказать, что авторы проекта сознательно стремились обезпечить помѣщикамъ „вѣрную статью дохода“. Относясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, я не могу заподозрѣвать искренности ихъ намѣреній. Но не слишкомъ ли они увлеклись ролью реальныхъ политиковъ и желаніемъ „согласить“ разнородные элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположные интересы? Не черезчуръ ли много они авансировали вправо, полагая, что влѣво достаточно будетъ раскланяться лишь передъ „широкой реформой“? Не забыли ли они, что влѣво находятся не только малоизвѣстные дѣятели, но и крестьянская масса?

На съѣздѣ, какъ я уже сказалъ, были разные элементы. Ликвидація частнаго землевладѣнія для нѣкоторыхъ представлялась лишь вопросомъ времени. Г. Зубрилинъ, напримѣръ, полагалъ, что разъ крестьянское хозяйство будетъ поставлено въ такія условія, при которыхъ оно можетъ существовать самостоятельно, то дальнѣйшій переходъ земли къ трудящемуся классу совершится самъ собою, такъ какъ частновладѣльческія хозяйства въ настоящее время держатся исключительно только на чрезмѣрной эксплуатаціи безземельнаго крестьянскаго населенія“ *). У нѣкоторыхъ изъ докладчиковъ также просвѣчиваетъ недвусмысленное желаніе, чтобы частновладѣльческія земли обратились, въ концѣ концовъ, въ „пріятное воспоминаніе“. Даже кн. П. Д. Долгоруковъ въ своемъ докладѣ „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“ находилъ, что „при настоящихъ аграрныхъ волненіяхъ помѣщику гораздо лучше ликвидировать свое имѣніе и жить въ немъ какъ на дачѣ, чѣмъ сидѣть въ немъ, какъ въ крѣпости“ **).

Проектированная докладчиками норма надѣла вызвала слѣва

*) „Русь“, 5 мая.
**) „Русскія Вѣдомости“, 1 мая.

рѣзкія возраженія съ точки зрѣнія ея недостаточности и искусственности.

Оппоненты указывали на то, что эти нормы были до извѣстной степени искусственны и въ 1861 году, теперь же, когда за 40 лѣтъ вся хозяйственная жизнь Россіи радикальнымъ образомъ измѣнилась вслѣдствіе проникновенія всюду мѣнового хозяйства и капиталистическихъ отношеній, онѣ совершенно безпочвенны.

Соглашаясь въ концѣ концовъ на „дополнительное надѣленіе", эта группа участниковъ съѣзда имѣла, повидимому, въ виду главнымъ образомъ логическія послѣдствія такого факта, какъ принудительный выкупъ.

Но были представители и другой расцѣнки помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ. Кн. Е. Н. Трубецкой, напримѣръ, находилъ „предлагаемую аграрную реформу мѣрой палліативной для крестьянъ и радикальной—для землевладѣльцевъ". „Значитъ, можно ожидать,—говоритъ онъ,—что черезъ двадцать лѣтъ населеніе потребуетъ новой прирѣзки, и отъ частновладѣльческихъ земель останется одно воспоминаніе... Если настоящая программа будетъ предложена конституціоналистамъ, то многіе изъ нихъ отколятся и пойдутъ за Шиповымъ" *) Дѣло доходило такимъ образомъ до угрозы расколомъ съ принесеніемъ политическаго credo на алтарь частновладѣльческихъ интересовъ. Столь же отрицательно къ возможности исчезновенія частновладѣльческой собственности, хотя бы въ будущемъ, отнесся и кн. Волконскій. „Логичны тѣ,—говорилъ онъ,—которые думаютъ, что конца движенію не будетъ, пока всѣ частновладѣльческія земли не перейдутъ къ крестьянамъ. Но желательно ли это? Въ деревняхъ получится сплошная сѣрая масса". Самъ князь находилъ это, конечно, безусловно нежелательнымъ **).

Среди докладчиковъ также имѣлись лица, какъ, напримѣръ, г. Герценштейнъ, которыя считали не только возможнымъ, но и необходимымъ сохранить частновладѣльческое хозяйство въ реформированномъ аграрномъ строѣ. Почтенный профессоръ съ ученою обстоятельностью развилъ доводы въ пользу благотворной роли, какую будутъ играть въ немъ помѣщики.

Уничтоженіе частнаго землевладѣнія при сохраненіи другихъ привилегированныхъ классовъ,—говоритъ онъ—едва ли можетъ считаться желательнымъ. При представительномъ образѣ правленія въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, исторія фабричнаго законодательства хотя бы въ Англіи блистательно доказываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами.

Я цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ" отъ 16 іюля. Въ

*) „Русь", 3 мая.
**) „Русь", 6 мая.

подлинномъ, нужно думать, докладѣ, какъ онъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства“ (№ 17—18) имѣлся и обратный доводъ.

Напротивъ—говорится тамъ—капиталисты гораздо легче смотрятъ на аграрныя реформы, чѣмъ землевладѣльцы, и охотно проводятъ законы, которые никогда бы не могли проходить, если бы не существовало антагонизма между капиталистами и землевладѣльцами.

Итакъ, капиталисты нужны ради ихъ антагонизма съ землевладѣльцами, а землевладѣльцы—ради антагонизма съ капиталистами. Однимъ словомъ: паны дерутся... Жаль только, что народный опытъ уже сдѣлалъ изъ этого совершенно обратный выводъ, чѣмъ какой слѣдуетъ по наукѣ. „Паны дерутся—у хлоповъ чубы трещатъ“. Впрочемъ, у ученаго имѣется въ запасѣ англійскій опытъ... Какимъ образомъ г. Герценштейнъ получилъ это „блистательное доказательство“ понять, конечно, не трудно: онъ изучилъ англійскій опытъ въ стѣнахъ парламента, нисколько не интересуясь тѣми реакціями, какія обусловили его въ жизни. Допустимъ, однако, что англійское фабричное законодательство (къ слову сказать, далеко не передовое) создалось не подъ давленіемъ рабочихъ массъ, а всецѣло волей землевладѣльцевъ, желавшихъ подставить ногу капиталистамъ. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что между „антагонистами“ нѣтъ никакого комплота? Развѣ та же англійская исторія не даетъ несравненно болѣе блистательныхъ доказательствъ того, какъ они дружно защищаютъ общіе имъ интересы „купона“ въ ущербъ трудящимся массамъ? Вѣдь фабричные законы сравнительно со всѣмъ буржуазнымъ законодательствомъ очень ужъ ничтожная подачка. Съ другой стороны, развѣ имѣются основанія думать, что трудовое крестьянство „при представительномъ образѣ правленія“ явится менѣе надежнымъ союзникомъ рабочихъ, чѣмъ лэндлорды? Не въ правѣ ли мы ожидать совершенно обратнаго, а именно, что при этомъ образуется совершенно иной комплотъ—комплотъ между представителями труда, который и положитъ конецъ власти капитала?

Не менѣе важное значеніе—говоритъ далѣе г. Герценштейнъ—имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія. Можетъ быть, съ теченіемъ времени вырастутъ, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе слои сельскаго населенія, способные нести общественную службу, но сейчасъ такого контингента нѣтъ. Поэтому отмѣна частнаго землевладѣнія нанесла бы нашему неокрѣпшему самоуправленію тяжелый ударъ. Какихъ бы воззрѣній ни держаться на конечныя или отдаленныя цѣли, никто не будетъ отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія. Когда окрѣпнутъ нарождающіяся силы, когда составъ органовъ самоуправленія измѣнится, частное землевладѣніе перестанетъ выполнять свою историческую миссію, но эта пора еще не наступила. Можно быть невысокаго мнѣнія о нашемъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, но нельзя все же не признать, что помѣщичье хозяйство является въ настоящее время во многихъ случаяхъ культурнымъ

центромъ. Эта культурная миссія едва ли могла бы теперь быть выполнена государствомъ или органами самоуправленія безъ содѣйствія землевладѣльцевъ *).

Таковъ второй доводъ г. Герценштейна. Мнѣ приходилось уже какъ то указывать, что „культурныя функціи, которыя могутъ быть выполнены землевладѣльцами, благодаря ихъ повышенному образовательному уровню, заслоняютъ въ глазахъ многихъ ихъ соціально-экономическую роль въ исторіи и современной жизни" **). Въ числѣ этихъ многихъ, не могущихъ сдѣлать необходимаго различерія, мы видимъ теперь и ученаго экономиста.

Да! роль землевладѣльцевъ въ мѣстной жизни почтенна. Но неужели г. Герценштейнъ совершенно не видитъ земскаго начальника или хотя бы Дерунова, который „дворянскія землицы за безцѣнокъ пріобрѣлъ"? я уже не говорю про другихъ, менѣе яркихъ, персонажей. Вѣдь, въ конечномъ счетѣ ради нихъ и при помощи ихъ крестьянская масса удерживается въ своемъ „сѣромъ" состояніи. Развѣ культурные успѣхи деревни за 45 лѣтъ были бы такіе, если бы не эти темныя силы? Въ этой темной средѣ вѣдь только кое-гдѣ мерцаютъ занесенныя идейной работой искры, да и тѣ легко гаснутъ, а погаснувъ — какъ, напримѣръ, кн. Волконскій ***)—еще чадить начинаютъ.

Культурныя силы, конечно, нужны деревнѣ, нужны, въ частности, и тѣ, которыя за общенародный счетъ выросли въ средѣ помѣстнаго сословія. Но русскому народу выгоднѣе платить имъ фиксъ, жалованье, даже большое жалованье, чѣмъ предоставлять ради нихъ тантьему въ народномъ хозяйствѣ цѣлому классу. Да и какую тантьему! не только ренту, но и нѣчто большее ренты. Не ошибается ли при томъ же г. Герценштейнъ, когда утверждаетъ, что кромѣ землевладѣльцевъ у насъ нѣтъ другого контингента, способнаго нести общественную службу въ деревнѣ? Уже теперь „третій элементъ", въ качествѣ культурной силы, играетъ въ мѣстной жизни несравненно большую роль, чѣмъ всѣ „сто тысячъ" бывшихъ и настоящихъ „полиціймейстеровъ". Земское хозяйство въ Вятской губерніи и безъ частныхъ землевладѣльцевъ идетъ не хуже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ. Въ будущемъ же, когда стѣна между народомъ и интеллигенціей будетъ пробита, роль послѣдней въ жизни деревни сдѣлается громадной. И не закабаляя себя народъ съумѣетъ использовать имѣющіяся въ странѣ культурныя силы.

У идеолога помѣщичьяго хозяйства имѣется, однако, въ запасѣ и еще доводъ. Помѣщичьи земли,—говоритъ онъ,—

расположены далеко не вездѣ такъ, чтобы ими можно было немед-

---

*) „Русскія Вѣдомости", 16 іюля.

**) „Земельныя нужды деревни", стр. 5.

***) Я имѣю въ виду между прочимъ и извѣстную юдофобскую выходку того, начавшаго теперь опредѣляться, общественнаго дѣятеля.

ленно воспользоваться для раздачи крестьянамъ. Огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ, пригодныхъ для помѣщичьяго хозяйства, погибъ бы безвозвратно.

По правдѣ сказать, въ одной части этотъ доводъ я даже не совсѣмъ понимаю. Землями нельзя будетъ „немедленно воспользоваться для раздачи крестьянамъ". Почему? или онѣ имъ будутъ не нужны, т. е. и безъ этихъ земель крестьяне используютъ всѣ свои рабочія силы? Но чьими же руками будетъ вестись помѣщичье хозяйство? Остается предположить, что, по мнѣнію г. Герценштейна, немедленно воспользоваться землею крестьяне будутъ не въ состояніи, а принудить къ работѣ на помѣщика ихъ и немедленно будетъ можно.

Вотъ „огромный капиталъ, лежащій въ постройкахъ"—это понятно. Конечно жаль этого накопленнаго народнаго труда. Но не важнѣе ли живой трудъ, который вѣдь одинъ только и создаетъ новыя цѣнности? И если для его освобожденія необходимо принести эту жертву, то не воздастъ ли онъ за нее сторицей? При томъ же утрату національнаго богатства, заключающагося въ помѣщичьихъ постройкахъ, съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія едва ли даже можно назвать жертвой. Не станемъ забывать, что это не только средство производства, но и орудіе эксплуатаціи. А плакать о такихъ орудіяхъ, право, не стоитъ.

Развитая г. Герценштейномъ идеологія, несомнѣнно, облегчила работу совѣсти и мысли для многихъ участниковъ съѣзда, но удовлетворить всѣхъ она, конечно, была не въ состояніи. Не смотря на всѣ ограниченія, на съѣздъ, какъ мы видѣли, прокралась и другая идеологія. Въ концѣ концовъ „согласить" участниковъ съѣзда оказалось возможнымъ, какъ я уже сказалъ, на меньшемъ, чѣмъ то проектировали его организаторы. Но сторонники крестьянскихъ интересовъ добились въ сущности чисто словесной уступки: „норма" исчезла, но за то „доля" осталась.

Къ такого же характера недоговоренности съѣздъ вынужденъ былъ прибѣгнуть и по другому кардинальному вопросу аграрной программы, а именно по вопросу о формахъ землевладѣнія и землепользованія. Какъ видно изъ второго пункта резолюцій, съѣздъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ. Даже основанія для отвода проектированнаго съѣздомъ дополнительнаго надѣла имъ не указаны и должны быть, какъ сказано въ 8-мъ пунктѣ лишь „впослѣдствіи установлены". На ряду съ этимъ принятъ третій пунктъ, утверждающій, что „извѣстные въ экономической литературѣ проекты національзаціи земли (Генри Джорджа и др.) въ настоящее время не могутъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи". Такимъ образомъ вопросъ въ цѣломъ его видѣ не обсуждался или къ соглашенію по этому предмету съѣздъ не могъ придти, и только національзаціи почему-то посчастливилось и она съѣздомъ отвергнута.

Обстоятельство это представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что на съѣздѣ сторонники національзаціи всетаки были. Такъ проф. Васильевъ находилъ, что „земля должна быть государственною собственностью“ *). Проф. Хвостовъ указывалъ, что „если бы въ интересахъ государственной необходимости было признано необходимымъ уничтоженіе института частной собственности на землю, то съ юридической точки зрѣнія это было бы вполнѣ закономѣрно“. По мнѣнію П. А. Вихляева, „аграрная реформа не мыслима при сохраненіи института частной собственности“. Были даже, рѣдкіе у насъ, сторонники національзаціи по типу Генри Джорджа. Такъ гр. С. Толстой видѣлъ „единственный выходъ изъ аграрныхъ затрудненій—это единый налогъ Генри Джорджа“ **).

Изъ газетныхъ отчетовъ, которыми я располагаю, къ сожалѣнію, совсѣмъ не видно, какими доводами оперировали оказавшіеся потомъ въ большинствѣ противники національзаціи. Можетъ быть эти доводы не высказывались, можетъ быть референты ихъ не отмѣтили. Отмѣчены же такіе, которые едва ли могли имѣть вліяніе на почтенное собраніе. Такъ одинъ изъ предводителей дворянства Подольской губерніи, по словамъ „Руси“, заявилъ:

— „Я былъ сторонникомъ идеи національзаціи земли. Но теперь, столкнувшись съ жизнью, я становлюсь ея противникомъ. Къ кому я обращусь съ этою идеею? Къ тому, кто продаетъ жену, чтобы на вырученныя деньги купить въ собственность хотя бы небольшой участокъ земли“ ***)?..

Этотъ доводъ годится, конечно, лишь для пародіи, и предводителю дворянства, разочаровавшемуся въ національзаціи, конечно, легко было бы отвѣтить:

— Я былъ сторонникомъ идеи здороваго народнаго питанія. Но теперь, столкнувшись съ жизнью, увидавъ, какъ мужикъ уплетаетъ за обѣ щеки хлѣбъ съ лебедой и мякиной, я становлюсь ея противникомъ. Къ кому я обращусь съ этой идеей? Къ тому, кто набиваетъ себѣ брюхо этими суррогатами? не только себѣ, но и женѣ и дѣтямъ, желая чтобы они прожили хоть лишній день на свѣтѣ?

Кн. Волконскій утверждалъ съ своей стороны, что „крестьяне жаждутъ частной собственности, и побѣдитъ, по его мнѣнію, тотъ, кто именно это будетъ въ состояніи предложить имъ“. Но если даже повѣрить кн. Волконскому на слово, то и въ такомъ случаѣ этотъ доводъ годится лишь для демагогіи, а къ ней, если и обнаружилъ кто склонность на съѣздѣ, то развѣ одинъ г. Спасскій.

*) „Русь“, 5 мая.
**) „Русь“, 3 мая.
***) „Русь“, 5 мая.

Составители проекта — говорилъ онъ — симптомы приняли за причину. Истинная причина неустройства—политическаго характера... Въ настоящее время центральная задача—разработка такой платформы, вокругъ которой собрался бы весь народъ. Главный стимулъ народнаго движенія—жажда земли. Каждая политическая партія, чтобы быть жизненною должна считаться съ народомъ. Проектируемая реформа дополнительнаго надѣла цѣлесообразна именно съ политической точки зрѣнія.

Всѣ же остальные высказывавшіеся участники съѣзда, нужно думать, искренно были озабочены тѣмъ, чтобы найти наиболѣе цѣлесообразное рѣшеніе основной соціально-экономической проблемы, а не тѣмъ только, чтобы увлечь народъ за своимъ политическимъ знаменемъ.

Намъ приходится допустить такимъ образомъ, что наибольшее вліяніе на съѣздъ оказали доводы докладчика и что, стало быть, честь побѣды надъ націонализаціей всецѣло принадлежитъ г. Герценштейну. Къ его доводамъ мы и обратимся.

Для критики онъ взялъ „извѣстные въ экономической литературѣ проекты націонализаціи". Цѣлесообразнѣе, конечно, было бы взять проектъ, выставленный одной изъ дѣйствующихъ партій. Но... въ виду предполагавшагося отсутствія ея представителей на съѣздѣ, онъ, нужно думать, сдѣлать это постѣсня Возможно, конечно, и другое предположеніе, а именно, что профессору—обитателю, такъ сказать, научнаго россійскаго Олимпа—проекты, выростающіе на землѣ и тѣмъ паче подъ землей, представлялись незаслуживающими вниманія. Впрочемъ, и изъ числа „извѣстныхъ въ экономической литературѣ проектовъ" онъ, хотя и упоминаетъ о нѣсколькихъ, но останавливается, главнымъ образомъ, на одномъ—на проектѣ Генри Джорджа.

Послѣдній онъ подвергнулъ критикѣ, остановивъ свое вниманіе исключительно на его слабыхъ сторонахъ и почти не затронувъ основной идеи Генри Джорджа, которая въ сущности и увлекаетъ его послѣдователей. Я имѣю въ виду мысль о несправедливости присвоенія ренты, составляющей коллективное достояніе, частными лицами. Сторонники „единаго налога"—именно „единаго", на что г. Герценштейнъ особенно упираетъ—у насъ, какъ я уже сказалъ, очень рѣдки. Поэтому, если бы мы начали вмѣстѣ съ г. Герценштейномъ критиковать проектъ Генри Джорджа, то въ сущности мы пускали бы стрѣлы въ пустое пространство. Въ виду этого я опущу его доводы въ этомъ направленіи, отмѣтивъ лишь двѣ черточки въ его аргументаціи.

Между прочимъ М. Я. Герценштейнъ много и хорошо говоритъ о томъ, что нельзя землю противополагать капиталу и землевладѣльцевъ—капиталистамъ, а это именно дѣлаетъ Генри Джорджъ, благодаря чему у послѣдняго интересы капитала оказываются солидарными съ интересами труда и капиталисты являются естественными союзниками рабочихъ. Воевать съ этой идеей Генри Джорджа, я думаю, было уже совсѣмъ не къ чему,

ибо у насъ-то сторонники національзаціи никогда не допускали указаннаго противоположенія. Это хорошо извѣстно и г. Герценштейну. „У насъ сторонники національзаціи земли—говоритъ онъ между прочимъ—являются въ то же время сторонниками государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній между хозяевами и рабочими, а между тѣмъ Джорджъ не допускаетъ государственнаго вмѣшательства“ *). Если кто у насъ и противополагаетъ въ вышеуказанномъ смыслѣ землевладѣльцевъ капиталистамъ, то... только М. Я. Герценштейнъ, но и онъ, какъ мы видѣли, желаетъ вовлечь рабочихъ въ „естественный союзъ“ не съ капиталистами, а съ землевладѣльцами.

„Какъ капитализмъ, такъ и соціализмъ—говоритъ г. Герценштейнъ—представляютъ цѣльныя міровоззрѣнія: каждое изъ нихъ имѣетъ своихъ послѣдователей, обоимъ имъ нельзя отказать въ цѣльности и стройности“. И онъ подвергаетъ идею національзаціи критикѣ съ точки зрѣнія того и другого міровоззрѣнія. При томъ оказывается:

Для экономиста, который стоитъ на почвѣ современнаго строя, національзація земли представляетъ радикальное средство, которое идетъ въ разрѣзъ со всѣми его воззрѣніями; она въ то же время не свободна отъ упрека въ несправедливости по отношенію къ одному изъ привилегированныхъ классовъ. Наоборотъ, въ глазахъ экономиста, исходящаго отъ экономическаго строя, не основаннаго на частной собственности на землю и капиталъ, національзація земли не только не приводитъ къ приближенію соціалистическихъ идеаловъ, а связана съ обратными послѣдствіями.

„Между тѣмъ у насъ національзація пользуется симпатіей именно со стороны тѣхъ, которые раздѣляютъ соціалистическіе идеалы и объявляютъ себя противниками современнаго экономическаго строя“. И вотъ г. Герценштейнъ стремится доказать, что національзація не только не соціализмъ, но и вредна соціализму. Эти заботы объ интересахъ русскаго коллективизма, конечно, очень умилительны, но я думаю, что и онѣ совсѣмъ лишнія. Никто не утверждаетъ и не думаетъ, что національзація — это и есть соціализмъ. Что касается того, что она вредна для соціализма, то и это, пожалуй, доказать не трудно, если имѣть въ виду не вообще національзацію, а „единый налогъ“ Генри Джорджа. Несравненно важнѣе, какъ я думаю, было бы, если бы докладчикъ яснѣе обнаружилъ, какого изъ двухъ „цѣльныхъ и стройныхъ“ міровоззрѣній онъ самъ придерживается. Зная, на какой почвѣ онъ стоитъ — на почвѣ ли современнаго строя или иного, не основаннаго на частной собственности на землю и капиталъ,—было бы легче положиться и на то, что именно имѣется „въ глазахъ экономиста“. А то выходитъ какъ-то такъ: современному строю онъ преподноситъ идеологію, а „иному“—отвѣшиваетъ поклоны.

*) „Русскія Вѣдомости“, 12 іюля.

Обратимся, однако, къ тѣмъ доводамъ г. Герценштейна, которые имѣютъ въ виду не проектъ Генри Джорджа, а національзацію вообще и наши русскія условія въ частности. Впрочемъ, важнѣйшіе его доводы я привелъ уже выше, когда говорилъ о благотворной, съ точки зрѣнія г. Герценштейна, роли помѣщиковъ въ общественной и хозяйственной жизни Россіи. Къ нимъ онъ присоединяетъ еще указаніе на финансовыя затрудненія, съ какими была бы сопряжена такая операція, какъ національзація.

Переходъ частновладѣльческихъ земель въ руки государства, – говоритъ Герценштейнъ,—если бы онъ вообще былъ признанъ возможнымъ и желательнымъ, могъ бы совершиться не иначе, какъ съ выкупомъ. Если націонализація вызываетъ цѣлый рядъ весьма основательныхъ возраженій, то еще больше возраженій вызвала бы конфискація частныхъ земель, потому что переходъ земель въ руки государства безъ вознагражденія владѣльцевъ былъ бы равносиленъ конфискаціи... Можно ли считать справедливымъ экспропріацію земель, лишающую одинъ классъ собственниковъ его имущества и дохода, и оставлять въ то же время другой классъ собственниковъ въ полномъ обладаніи ихъ имуществомъ и доходомъ?.. Если бы націонализація была признана необходимою, то ее пришлось бы поэтому совершить не иначе, какъ посредствомъ выкупа...

Площадь частновладѣльческихъ земель всѣхъ сословій въ 1900 году равна была 100 милл. десятинъ. Чтобы выкупить ихъ, нужно было бы затратить капиталъ, который по самому скромному разсчету будетъ составлять большіе милліарды. Такая финансовая операція по своей грандіозности превосходила бы все, что намъ приходилось до сихъ поръ встрѣчать, и я не знаю можно ли было бы на нее рѣшиться *).

Я, конечно, понимаю ссылку докладчика на справедливость, хотя въ то же время хорошо вижу условный характеръ послѣдней. Несправедливо было бы лишить безъ вознагражденія собственниковъ ихъ земли, но несправедливо лишь съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ другимъ собственникамъ. Что касается трудящихся массъ, то съ ихъ точки зрѣнія справедливость, конечно, должна быть понимаема нѣсколько иначе, ибо при націонализаціи они получатъ лишь свое, а не чужое. Я готовъ согласиться, однако, что государство, предпринимая реформу, должно будетъ считаться съ тѣмъ, что эта реформа частичная, что другіе классы собственниковъ остаются и что поэтому, считаясь съ данной общественной психологіей, нельзя лишить одинъ классъ собственниковъ его имущества и дохода, тогда какъ другой классъ будетъ по прежнему обладать ими. Но признавая необходимымъ національзировать землю, государство можетъ озаботиться, чтобы тяжесть ея легла равномѣрно на всѣ имущіе классы. Для этого же нужно только, чтобы собственники подѣлились между собою, т. е., чтобы выкупъ былъ оплаченъ тѣми, кто сохранитъ за собою тѣ или иные рентные доходы.

---

*) „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства", № 17—18.

Можно указать, если хотите, даже болѣе серьезный доводъ въ пользу выкупа, чѣмъ условная справедливость. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ случаѣ придется считаться не съ сотней только тысячъ частныхъ землевладѣльцевъ, но и со многими милліонами. Выкупная операція и вся аграрная политика уже испортили до извѣстной степени народную психологію и отношеніе крестьянства даже къ надѣльной землѣ. Освобождать отъ путъ собственности придется, стало быть, и послѣднюю. Кромѣ того нужно имѣть въ виду, какъ это и указываетъ г. Герценштейнъ, что въ частныхъ земляхъ заинтересованы не только владѣльцы ихъ, но и держатели закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ. Въ этой формѣ въ землю вложены по преимуществу или мелкія, а стало быть и многочисленныя сбереженія, или капиталы различныхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ опять-таки нерѣдко заинтересованы массы. Такимъ образомъ идти путемъ выкупа, можетъ быть, заставитъ не только „справедливость", но и необходимость считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ по данному вопросу, а также невозможность инымъ путемъ распутать до нельзя усложнившіеся счеты.

Но финансовыхъ опасеній г. Герценштейна я всетаки не понимаю. Нѣкоторымъ поясненіемъ для насъ можетъ служить, впрочемъ, девятый пунктъ принятой съѣздомъ резолюціи, который вообще звучитъ нѣсколько странно. Указывая на то, что „съ финансовой точки зрѣнія проектируемая выкупная операція представляется выполнимой безъ особаго финансоваго напряженія въ виду задолженности частнаго землевладѣнія", съѣздъ, очевидно, имѣлъ въ виду не размѣры платежей, какими обяжется государство, а исключительно реализацію необходимыхъ для выкупной операціи капиталовъ. Съ этой точки зрѣнія выкупить закладные листы, конечно, легче, такъ какъ ихъ можно просто на просто замѣнить рентой, тогда какъ для уплаты землевладѣльцамъ, что, очевидно, предполагается сдѣлать деньгами, нужно еще размѣстить ренту на рынкѣ. Вполнѣ возможно, что и г. Герценштейнъ, какъ присяжный финансистъ, озабоченъ, въ данномъ случаѣ больше всего тѣмъ, откуда взять капиталъ, необходимый для выкупа, и стало быть, какъ размѣстить бумаги государственнаго для этой цѣли займа. Операція, соглашаюсь, дѣйствительно „грандіозная" и выполнить ее можетъ быть не легко.

Я—совершенный профанъ въ финансовыхъ вопросахъ и потому, можетъ быть, склоненъ разсуждать попросту. Думаю, что размѣры ежегодныхъ платежей представляютъ дѣйствительно очень важную вещь и дѣло, конечно, нужно обставить такъ, чтобы они не оказались преувеличенными. Что касается технической стороны операціи, то надѣюсь, что финансисты, если ихъ хорошенько попросить, съумѣютъ это обладить. Вѣдь по нынѣшнимъ временамъ и не такія сложныя операціи устраиваются.

Главное же, какъ я думаю, государству и реализировать капиталъ не придется. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему платить деньгами? Вѣдь теперь землевладѣльцы имѣютъ не деньги, а доходы. И государство можетъ имъ выдать выкупныя свидѣтельства, приносящія извѣстный процентъ. Если же получившія ихъ лица пожелаютъ реализировать капиталъ, то и пусть они сами размѣщаютъ ихъ на рынкѣ, какъ теперь сами пріискиваютъ покупателей на землю, когда желаютъ продать ее.

Свой главный, повидимому, доводъ г. Герценштейнъ приберегъ, однако, къ концу.

Но если уже говорить о національзаціи, то я не вижу,—говоритъ онъ,—почему въ руки государства должны перейти только частновладѣльческія земли. При послѣдовательномъ проведеніи національзація должна распространиться не только на частновладѣльческія, но и на крестьянскія земли, т. е. на тѣ, которыя получены крестьянами посредствомъ выкупа и добровольныхъ актовъ.

Несомнѣнно. Я уже говорилъ, что это одна изъ важнѣйшихъ задачъ аграрной реформы. Въ чемъ же, однако, затрудненія?

Я не говорю уже—продолжаетъ г. Герценштейнъ—о финансовыхъ затрудненіяхъ, съ которыми былъ бы связанъ обратный выкупъ 130 милл. дес... Гораздо болѣе важное значеніе имѣла бы та смута, которая возникла бы въ крестьянскихъ умахъ, если бы попытались объявить ихъ земли государственными. Могутъ ли крестьяне примириться съ тѣмъ, что государство во имя доктрины, правильность которой едва ли можетъ быть ими понята, если она даже и признавалась вѣрною, лишитъ ихъ собственности на землю, которую они привыкли считать своею, или лишитъ ихъ земли, которую они пріобрѣли чрезъ посредство крестьянскаго или другихъ банковъ?.. Стоитъ только государству приступить къ осуществленію своихъ правъ, напримѣръ, къ раздачѣ купленной крестьянами земли другимъ разрядамъ крестьянъ, можетъ быть, болѣе нуждающимся, чтобы сразу обнаружилось, что если крестьяне относятся отрицательно къ помѣщичьей собственности, то они очень ревниво относятся къ своей и всячески готовы защищать свои права...

Возможна ли такая мѣра, какъ выкупъ государствомъ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы земли потомъ сдавались въ аренду тѣмъ же крестьянамъ? Желательна ли она? справедлива ли она?

При чемъ тутъ справедливость,—я совсѣмъ уже не понимаю. О желательности, послѣ высказанныхъ уже мною соображеній, говорить не приходится. Рѣчь можетъ быть только о возможности. Г. Герценштейнъ, какъ видно изъ сдѣланной мною выдержки, аппеллируетъ къ испорченной уже народной психологіи и за ея счетъ грозитъ реформаторамъ дрекольями. Угроза, конечно, очень серьезная...

Но не слишкомъ ли низко г. Герценштейнъ оцѣниваетъ пониманіе крестьянъ? Уже теперь во множествѣ своихъ приговоровъ они проводятъ въ сущности ту же, недоступную для ихъ ума, какъ онъ думаетъ, идею. Главное же, по отношенію къ крестьянскимъ землямъ операція можетъ быть проведена на

столько бережно, что заранѣе можно ручаться, что никакого конфликта не будетъ.

Основной смыслъ реформы заключается вѣдь въ томъ, чтобы обезпечить трудовое хозяйство въ сферѣ земледѣльческаго производства. Крестьянскія надѣльныя и купчія земли, въ массѣ своей, уже входятъ въ составъ трудового хозяйства, хотя и на иныхъ нѣсколько основаніяхъ, чѣмъ это должно быть по завершеніи реформы. Но спѣшить съ ними во всякомъ случаѣ нечего. Имѣются даже серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы за крестьянами на ихъ теперешнія земли сохранить особое право до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится демократическій режимъ. Необходимость немедленнаго государственнаго вмѣшательства въ эту сферу можно предусматривать лишь въ трехъ случаяхъ.

Во-первыхъ, въ случаѣ переселенія. Но предоставляя крестьянину новую землю и оказывая ему всю необходимую помощь, чтобы онъ на ней могъ обосноваться, государство легко можетъ войти съ нимъ въ соглашеніе и относительно прежней его земли.

Во-вторыхъ, въ случаѣ выселенія, т. е. окончательнаго прекращенія земледѣльческаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ государство должно будетъ, конечно, выкупить у крестьянина его право на землю, какъ и у частнаго землевладѣльца. Этимъ былъ бы облегченъ выходъ изъ деревни, а стало быть и свободное распредѣленіе населенія между городомъ и деревней и въ то же время операція эта, по своимъ размѣрамъ, ни въ коемъ случаѣ не могла бы обременить государство. Ничего несовмѣстимаго съ установившимися взглядами на „окупленную" землю въ этомъ тоже нѣтъ, ибо и сейчасъ во многихъ мѣстахъ уже практикуется выдача въ той или иной формѣ вознагражденія за отказъ отъ надѣла.

Въ-третьихъ, наконецъ, переходъ на надѣльной или купчей землѣ къ предпринимательскому хозяйству, т. е. къ эксплуатаціи земли на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ эксплоатируются въ настоящее время частновладѣльческія земли. Само собой понятно, что этотъ фактъ самъ по себѣ долженъ служить достаточнымъ и вполнѣ понятнымъ для народа основаніемъ для принудительнаго выкупа.

Такимъ путемъ, не предпринимая въ этомъ отношеніи никакой „грандіозной" операціи и не приходя въ столкновеніе съ народной психологіей, государство можетъ мирно и въ полномъ согласіи съ интересами массъ разрѣшить мучительный компромиссъ, завѣщанный намъ исторіей въ видѣ надѣльныхъ земель. Вопросъ будетъ разрѣшенъ постепенно, но безъ какого-либо особаго ущерба для правильнаго теченія народно-хозяйственной жизни. Когда же новый порядокъ упрочится и вполнѣ естествен-

ное недовѣріе крестьянства къ государству исчезнетъ, то и всю операцію завершить будетъ не трудно.

Съѣздъ же, отринувъ національзацію и не обсудивъ общаго вопроса о формахъ землевладѣнія и землепользованія, въ сущности ни на одну іоту не разъяснилъ этой трудной народно-хозяйственной проблемы. Какова же будетъ судьба надѣльныхъ земель за прирѣзкою къ нимъ новыхъ пространствъ? Перейдутъ они въ личную собственность? Но даже кн. Волконскій и тотъ полагалъ, что „такого рѣшенія вопроса, конечно, не будетъ" *). Или же онѣ останутся на неопредѣленное время въ прежнемъ положеніи, затрудняя свободное размѣщеніе населенія на территоріи и сдѣлавъ въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ новый острый приступъ малоземелья?

Организаторы съѣзда увлеклись, повидимому, ролью продолжателей реформы 1861 года, но это продолженіе они поняли въ смыслѣ копированія. Не только принудительный выкупъ, они скопировали и указной надѣлъ, и даже „неприкосновенное" право. Программу ихъ уже стали иронически называть программой „второго освобожденія".

Но мы слишкомъ тяжело уже поплатились за тотъ компромиссъ, къ какому вынуждены были дѣятели освободительной эпохи и затягивать его на неопредѣленное время было бы ужасно. Съ другой стороны, демократическія силы въ странѣ за 40 лѣтъ значительно возрасли, и топтаться на одномъ мѣстѣ было бы преступно. Инціаторы съѣзда, по слухамъ, очень довольны тѣмъ, что они выторговали принудительный выкупъ. Но что же тутъ новаго сравнительно даже съ 1861 годомъ? Да и они ли выторговали? Не жизнь ли? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь пріятнѣе жить на дачѣ, чѣмъ сидѣть въ крѣпости.

Жизнь же всѣхъ своихъ силъ еще не обнаружила. И спѣшить теперь сторговаться—не значитъ ли это запродавать крестьянскіе интересы по цѣнѣ, которая еще не установилась на рынкѣ.

Да и не такая это вещь крестьянскіе интересы, чтобы изъ нихъ дѣлать добровольныя уступки. Уступки могутъ быть только вынуждены и во всякомъ случаѣ не прежде, чѣмъ всѣ силы будутъ исчерпаны. Для того же, чтобы силы лучше были использованы, сторонники крестьянскихъ интересовъ должны прежде всего сплотиться въ партію.

XXV.

„Всякая программа обязана дать самое ясное и точное рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ, рѣшеніе, вытекающее изъ

---

*) „Русь", 6 мая.

совѣсти и общественныхъ убѣжденій той или иной группы. Программа—это публичное заявленіе своихъ взглядовъ на общія и частныя проблемы соціально политической жизни страны; это—знамя, которое обнаруживаетъ предъ всѣми смыслъ и значеніе данной группы. Поэтому, программы каждой дѣеспособной организаціи чужды какихъ-либо умолчаній или двусмысленныхъ отвѣтовъ на жизненные вопросы и обязательны для всѣхъ, признавшихъ правильность этихъ отвѣтовъ" *). Строки эти принадлежатъ г. С. Н. С.—внутреннему обозрѣвателю въ „Мірѣ Божіемъ"—и высказаны имъ по адресу программы демократическаго блока, перепечатанной, между прочимъ, въ книгѣ . С. Н. Прокоповича „Къ рабочему вопросу въ Россіи". Программа эта заключаетъ въ себѣ и дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, но не это я сейчасъ имѣю въ виду и не по этому поводу г. С. Н. С. сдѣлалъ приведенное замѣчаніе. Соглашаясь въ общемъ съ нимъ, я долженъ, однако, прибавить съ своей стороны небольшое разъясненіе.

Особенно важными въ каждой программѣ представляются мнѣ опредѣленные отвѣты на ближайшіе вопросы соціально-политической жизни. Если по отношенію къ задачамъ, еще не поставленнымъ жизнью на очередь, можно довольствоваться тѣми рѣшеніями, какія вытекаютъ изъ основныхъ положеній партійной программы, то по отношенію къ стоящимъ уже на очереди вопросамъ никакое умолчаніе и тѣмъ болѣе никакая двусмысленность не допустимы. Съ этой точки зрѣнія, въ русскихъ программахъ сейчасъ мнѣ представляется болѣе важнымъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ объ избирательномъ правѣ, чѣмъ на вопросъ, скажемъ, о референдумѣ... Выражаясь иначе, я бы сказалъ: въ программѣ важнѣе всего опредѣленные принципы, въ платформѣ—ясныя формулы.

Считая нужнымъ сдѣлать это поясненіе, я предпочелъ привести всетаки подлинныя слова г. С. Н. С., имѣя въ виду, что этотъ авторъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые полагаютъ, что „Россія страдаетъ не только и не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ его недостаточнаго развитія". Другими словами: требованіе програмной опредѣленности и ясности, выраженное перомъ г. С. Н. С., исходитъ изъ лагеря марксистовъ. Тѣмъ болѣе, стало быть, мы имѣемъ право предъявить такое же требованіе къ ихъ собственной программѣ. И вотъ опредѣленнаго отвѣта по аграрному, т. е. по самому важному и, быть можетъ, самому неотложному сейчасъ соціально-политическому вопросу народной жизни, въ ихъ программѣ мы не находимъ.

Когда-то марксистская программа въ этомъ отношеніи была совершенно ясна, опредѣленна, категорична: „мужикъ долженъ

*) „Міръ Божій", августъ, стр. 100.

вывариться въ фабричномъ котлѣ". Эволюція въ сферѣ сельскаго хозяйства представлялась съ этой „точки зрѣнія" *) совершенно тождественной съ той, какая происходила и происходитъ въ индустріи: мелкіе производители должны исчезнуть и все сельско-хозяйственное производство должно сконцентрироваться въ крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ,—своего рода фабрикахъ. Оказалось, однако, что мужикъ проявляетъ удивительное упорство, а крупное предпринимательское хозяйство—неожиданное безсиліе. Въ частности, вмѣсто концентраціи земельной собственности, происходитъ быстрое ея дробленіе. Тогда явилась новая теорія—теорія „хозяйственнаго мужичка", который де и „соберетъ" землю. Начались заполонившіе вскорѣ всю литературу разговоры о „дифференціаціи", которая съ этой „точки зрѣнія" должна расслоить, или, какъ потомъ стало казаться въ пылу полемики, даже расслоила уже деревню. Оказалось, однако, что и дифференціаціи въ дѣйствительности не происходитъ. Первоначально это было признано устами г. Маслова, который создалъ очень любопытную теорію для объясненія этого факта. По его мнѣнію, крестьянская масса непобѣдима въ сферѣ сельско-хозяйственнаго производства потому, что она состоитъ изъ „пауперовъ". Если бы крестьяне были побогаче, то—съ этой „точки зрѣнія"—они очень скоро бы „расслоились" и стало быть въ массѣ раззорились **). Эта любопытная теорія сдѣлалась теперь почти уже общимъ мѣстомъ въ марксистской литературѣ. Вотъ и г. С. Н. С. полагаетъ, что всѣ наши затрудненія выражаются въ томъ, что „вмѣсто дифференціаціи крестьянства, являющейся точнымъ признакомъ хозяйственнаго прогресса, въ значительной части сельской Руси наблюдается

*) Точку зрѣнія я заключаю въ ковычки, имѣя въ виду, что изъ марксистскаго лагеря когда то было заявлено, что всѣ разногласія ихъ съ другими и заключаются именно въ „точкѣ зрѣнія".

**) Основная мысль г. Маслова заключается, повидимому, въ томъ, что въ нивеллированной нищетой деревнѣ не могло произойти и не можетъ происходить такъ называемое „первоначальное накопленіе капитала". Но вѣдь капитализмъ не всегда же развивается извнутри; съ неменьшимъ удобствомъ онъ могъ бы завоевать русскую деревню и извнѣ. Вѣдь рядомъ съ крестьянствомъ съ самаго начала были поставлены помѣщичьи хозяйства, получившія при томъ многомилліонную выкупную ссуду. Далѣе, если капиталовъ внутри страны дла организаціи сельско-хозяйственнаго производства оказалось не достаточно, то вѣдь они могли притечь и изъ-за границы. И всетаки капитализмъ не организовалъ русскаго земледѣльческаго производства и не развилъ въ этой сферѣ производительныхъ силъ. Не потому ли это произошло, что техническій прогрессъ для капитализма это только средство, основная же цѣль—эксплуатація? Для эксплуатаціи же русской деревни,—какъ я настаиваю все время,—онъ нашелъ иные пути, помимо организаціи производства. Въ такомъ случаѣ, „первоначальное накопленіе", если бы для него и открылась возможность въ русской деревнѣ,—а объ этомъ и хлопочетъ г. Масловъ,—можетъ оказаться для развитія производительныхъ силъ по меньшей мѣрѣ безполезно.

нивеллировка мелкихъ производителей... которая на дѣлѣ означаетъ равенство нищеты" *).

Какъ бы то ни было, оказалось, что стихійный ходъ экономической эволюціи, на которомъ въ сущности и строились всѣ разсчеты, обманулъ—и даже не разъ обманулъ—предвидѣнія теоретиковъ экономическаго матеріализма. Оказалось, что необходимо еще сознательное вмѣшательство организованныхъ общественныхъ силъ въ цѣляхъ... пролетаризаціи крестьянской массы; впрочемъ, непосредственность русскаго марксизма уже вытравлена жизнью и потому теперь говорятъ иначе: въ цѣляхъ „развитія классовыхъ противорѣчій".

Мнѣ приходилось уже указывать, какой словесный прыжокъ нужно было сдѣлать, чтобы получить эту формулу. По идеѣ учителя задача заключается въ томъ, чтобы развивать *сознаніе* классовыхъ противорѣчій. Что касается самыхъ противорѣчій, то о развитіи ихъ безпокоиться нечего, ибо они развиваются въ стихійномъ теченіи жизни. Но русскіе соціалъ-демократы сочли возможнымъ взять на себя и эту неблагодарную задачу. Они проявили даже готовность, поскольку рѣчь идетъ о деревнѣ, оказать свою помощь буржуазіи. Да и какъ не помочь, когда „Россія страдаетъ не только и не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостаточнаго его развитія"...

Въ этомъ отношеніи *программа* русскихъ соціалъ-демократовъ, пожалуй, сохранила свою прежнюю опредѣленность, но ихъ *платформа* получила въ этомъ пунктѣ туманный и даже нѣсколько двусмысленный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, классовыя противорѣчія внутри русской деревни не развиваются или развиваются черезчуръ медленно. Допустимъ даже, что это происходитъ, какъ полагаетъ г. Масловъ, всецѣло отъ ея низкаго экономическаго уровня и что этотъ послѣдній представляетъ не результатъ, хотя бы и своеобразнаго, капитализма, а причину его недостаточнаго развитія. Какъ бы то ни было, чтобы помочь „развитію классовыхъ противорѣчій" въ русской деревнѣ съ этой точки зрѣнія есть только одно средство: поднять экономическій уровень крестьянской массы и для этого поставить прежде всего въ достаточно благопріятныя условія крестьянское, т. е. трудовое, а не предпринимательское хозяйство. Эту позицію и занялъ, въ концѣ концовъ, русскій марксизмъ и всѣ его усилія въ этомъ направленіи, конечно, можно только привѣтствовать. Такимъ путемъ въ его платформу прокрались сначала „отрѣзки", а потомъ, какъ я упомянулъ уже въ прошломъ обозрѣніи, и всѣ земли. Но такая платформа плохо ладитъ съ программой: въ самомъ дѣлѣ, приходится поддерживать хозяйство, которое должно

*) „Міръ Божій", августъ, внутреннее обозрѣніе.

исчезнуть, и собственными руками нужно дробить землю, которая должна вѣдь быть „собрана".

Третій съѣздъ, включая въ свою резолюцію всѣ земли, счелъ за лучшее, однако, умолчать, какая же судьба ихъ должна постигнуть. Должны ли онѣ поступить въ личную собственность крестьянъ или же перейти къ нимъ на какомъ-либо другомъ правѣ? Отбирать землю у однихъ собственниковъ для того, чтобы ее передавать другимъ такимъ же собственникамъ; дробить землю затѣмъ, чтобы потомъ собирать ее; взявъ хотя бы на одинъ моментъ землю въ распоряженіе коллективности, немедленно передать ее частнымъ лицамъ, чтобы въ будущемъ опять возвращать ее обществу... какъ хотите, но въ этомъ есть какая-то несообразица. Съ другой стороны, всякое иное „право" на землю, кромѣ личной собственности, плохо мирится съ развитіемъ классовыхъ противорѣчій. Это, нужно думать, и заставило прибѣгнуть къ фигурѣ „умолчанія".

Съ внѣшней стороны, впрочемъ, получилось все прилично: пусть крестьяне сами проводятъ необходимыя „преобразованія" и, стало быть, сами рѣшаютъ, что имъ дѣлать съ землею. Это, на первый взглядъ кажется даже демократично. Но легко понять, что отъ этой демократичности вѣетъ демагогіей. Такой полной „свободой", конечно, крестьянъ увлечь можно... Но, вѣдь, задача не въ томъ только, чтобы ихъ увлечь, но въ томъ, чтобы ихъ увлечь опредѣленнымъ общественнымъ идеаломъ. Можетъ быть, въ основѣ лежитъ въ данномъ случаѣ указанная мною опредѣленность программы. Князь Волконскій, какъ мы видѣли, убѣжденъ, что „крестьяне жаждутъ частной собственности". Возможно, что въ основѣ разсматриваемой платформы лежитъ тотъ же разсчетъ: получивъ землю, крестьяне раздѣлятъ ее въ личную собственность, затѣмъ одни изъ нихъ обезземелятъ другихъ и классовыя противорѣчія такимъ путемъ разовьются. Но если такъ, то платформа, хотя и съ другой стороны, получаетъ тотъ же оттѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же будетъ означать въ такомъ случаѣ „конфискація", предпринимаемая не во имя опредѣленнаго общественнаго идеала, не для установленія новыхъ общественныхъ отношеній, не для осуществленія права, а просто, чтобы „улучшить свое положеніе"? Вѣдь эта „конфискація" должна носить въ такомъ случаѣ совсѣмъ иное имя. Рабочимъ улучшать свое положеніе такимъ путемъ ни одинъ соціалъ-демократъ, какъ-никакъ, а не посовѣтуетъ.

Я не хочу допускать даже мысли, что „конфискація" включена въ платформу съ цѣлью лишь бы увлечь массы. Думаю, что въ данномъ случаѣ сказалось вынесенное изъ изученія фактовъ сознаніе, что не возможно безъ земли улучшить экономическое положеніе крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть впередъ исторію. Платформа, вынужденная считаться съ жизнью, пришла такимъ

образомъ въ конфликтъ съ программой, которую продиктовала доктрина. Этотъ конфликтъ, конечно, такъ или иначе разрѣшится. Можно надѣяться, что платформа преобразуетъ въ концѣ концовъ программу и жизнь подчинитъ себѣ доктрину. И, можетъ быть, недалеко уже то время, когда русскіе марксисты выдвинутъ на первый планъ и землю, какъ это они уже сдѣлали съ волей.

Попытки съ ихъ стороны включить землю, какъ органическую часть въ программу, уже есть. Одна изъ первыхъ принадлежитъ упоминавшемуся выше г. Маслову *). Хотя его проектъ до опубликованія, какъ слышно, обсуждался въ нѣкоторыхъ кружкахъ и, стало быть, представляетъ до извѣстной степени работу коллективной мысли, однако, мы не можемъ, конечно, приписывать его всей группѣ, — ни большинству, ни меньшинству. Но онъ интересенъ, какъ первый въ данномъ направленіи опытъ.

Я миную всѣ предварительныя разсужденія, далеко не всегда вразумительныя у этого автора, и возьму лишь сущность. „Передача земельнаго фонда, которымъ расширится крестьянское землепользованіе, въ распоряженіе областныхъ организацій является наиболѣе раціональной съ точки зрѣнія тѣхъ, кто не можетъ непосредственно воспользоваться землею“ — таковъ его заключительный выводъ. Подъ областными организаціями г. Масловъ разумѣетъ земство, реорганизованное на демократическихъ началахъ; подъ тѣми, кто не можетъ непосредственно воспользоваться землею, онъ имѣетъ въ виду, конечно, прежде всего пролетаріатъ, точку зрѣнія котораго онъ считаетъ и своею.

Въ данномъ случаѣ важно, конечно, то, что землю г. Масловъ считаетъ необходимымъ оставить въ распоряженіи коллективности. Характерно, что онъ постулируетъ эту необходимость по отношенію лишь къ части земли („которою расширится крестьянское землевладѣніе“) и изъ всѣхъ территоріальныхъ единицъ онъ останавливаетъ свое вниманіе не на самой крупной, т. е. государствѣ, и не на самой мелкой, т. е. общинѣ, а на средней, т. е. земствѣ. Но какъ я уже сказалъ, аргументаціи его я разсматривать не буду. Надѣюсь, однако, что и безъ этого, — послѣ того, что мною написано, — читатели не затруднятся отнестись, какъ слѣдуетъ, къ этому желанію въ томъ и другомъ случаѣ остановиться на полъ-дорогѣ.

Отмѣчу лишь ту мысль, которая въ конечномъ счетѣ заставила г. Маслова высказаться за передачу хоть части земли въ распоряженіе коллективности. „Если бы кто во имя интересовъ безцензовыхъ классовъ — говоритъ онъ — предлагалъ передать предпринимателямъ городскую собственность — улицы, городскія

*) „Аграрный вопросъ въ Россіи“. „Образованіе“, 1905 г., май.

зданія и проч., то такое представительство интересовъ нельзя не счесть глубокимъ заблужденіемъ". Говоря проще: для „безцензовыхъ" классовъ, т. е. для пролетаріата, выгоднѣе, чтобы улицы были доступны всему населенію, чѣмъ если бы онѣ находились въ распоряженіи предпринимателей. Точно также для пролетаріата выгоднѣе, чтобы рента принадлежала обществу и расходовалась на нужды всего населенія, а не захватывалась бы частными лицами. Мысль, конечно, очень простая и лишь русскимъ марксистамъ было такъ трудно до нея додуматься. Если бы г. Масловъ соблаговолилъ, хотя на одну минуту, взглянуть на вопросъ не только съ точки зрѣнія пролетаріата, но и съ точки зрѣнія многомилліонной массы русскаго народа, именуемой крестьянствомъ, то онъ понялъ бы, конечно, и другую столь же простую мысль: важно не только, чтобы рента расходовалась на нужды всего общества, важно и то, чтобы самая земля — вся земля, а не только городскія улицы—не была захвачена немногими предпринимателями, и была доступна всему населенію. И это важно не только въ интересахъ крестьянства, но и „безцензовыхъ" классовъ.

Но эту мысль едва ли г. Масловъ скоро усвоитъ. Въ его программѣ написано: „развитіе классовыхъ противорѣчій", и это развитіе онъ видитъ прежде всего въ умноженіи пролетаріата...

XXVI.

Помѣщенное въ настоящей книгѣ открытое письмо г. Новоторжскаго заставляетъ меня вернуться къ одной изъ темъ, затронутыхъ въ іюньскомъ обозрѣніи.

Высказываясь тамъ противъ аполитизма въ аграрномъ вопросѣ, я имѣлъ прежде всего въ виду крайнія его проявленія, т. е. тѣхъ, „кто, какъ выражается теперь г. Новоторжскій, считаетъ возможнымъ перепрыгнуть чрезъ правовое государство прямо въ трудовое". Высказаться въ этомъ направленіи я считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ прошлой исторіи соціалъ-народничества аполитизмъ окрасилъ собою цѣлую полосу, при чемъ дѣло доходило и до серьезныхъ увлеченій. Съ другой стороны, „молодое", какъ выражается г. Новоторжскій, народничество возрождалось подъ сильнымъ давленіемъ марксизма, и вліяніе марксистской аргументаціи, какъ я думаю, до сихъ поръ въ извѣстной степени сказывается на нѣкоторыхъ его програмныхъ построеніяхъ. Отъ этой зависимости уже пора избавиться. Въ данномъ случаѣ важно, конечно, то, что марксизмъ всю свою программу, за исключеніемъ конечнаго идеала, строитъ въ „рамкахъ буржуазнаго строя". Поэтому и государство онъ не можетъ мыслить иначе, какъ буржуазнымъ и относиться къ нему иначе,

какъ къ враждебной силѣ и, стало быть, съ безусловнымъ недовѣріемъ. Наше положеніе нѣсколько иное. Въ „рамкахъ" мы не видимъ ничего священнаго и цѣлостью ихъ нисколько не озабочены. Напротивъ, мы готовы и желаемъ изъ нихъ выйти, гдѣ это только окажется возможнымъ. Поскольку это намъ удастся, постольку и государство потеряетъ для насъ свой враждебный характеръ. Наши соціальные идеалы неразрывно связаны съ политическими и наше движеніе въ томъ и другомъ направленіи можетъ быть и непремѣнно должно быть единымъ.

По свидѣтельству г. Новоторжскаго—думаю, что это ему виднѣе,—представители упомянутаго аполитизма у насъ „малочисленны и не вліятельны". Тѣмъ лучше. Съ самимъ г. Новоторжскимъ мы во всякомъ случаѣ согласны въ главномъ: мы „не игнорируемъ правового государства и не отрицаемъ творческихъ силъ послѣдняго". „Правовое государство, несомнѣнно, должно—говоритъ г. Новоторжскій—закрѣпить положительнымъ закономъ каталогъ естественныхъ правъ, начертанный на нашемъ знамени, и всѣ пріобрѣтенія переходнаго времени". Стало быть, и самое государство должно получить такой характеръ, при которомъ оно было бы способно не только установить, но и поддержать новый порядокъ. И мы, конечно, должны употребить всѣ усилія, чтобы это такъ и было.

Больше того. Г. Новоторжскій мыслитъ себѣ этотъ новый порядокъ, какъ закрѣпленіе правъ не только за личностью, но и за тою или иною коллективностью. Въ частности, поскольку рѣчь идетъ о землѣ, онъ полагаетъ такъ же, какъ и я, необходимымъ, чтобы нѣкоторыя „пріобрѣтенія переходнаго времени" были закрѣплены за самимъ государствомъ. Если мы и расходимся съ нимъ въ этомъ пунктѣ, то развѣ по вопросу о характерѣ и размѣрахъ государственныхъ правъ на землю. Прежде чѣмъ, однако, локализировать наше съ нимъ разногласіе по этому вопросу, я долженъ сказать нѣсколько словъ о государствѣ.

Само собой понятно, что и я, и г. Новоторжскій имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду не теперешнее бюрократическое, а реорганизованное на демократическихъ началахъ государство. Возможно, однако, другое недоразумѣніе. Употребляя этотъ терминъ въ своихъ статьяхъ, я постоянно имѣю въ виду не только „весь народъ, объединенный въ государство, но и все населеніе той или иной территоріи, объединенное въ общину", *) а стало быть—не только центральные органы государства, но и мѣстные органы самоуправленія. Говоря о правахъ „государства", я все время имѣлъ въ виду всю сумму правъ, какая будетъ принадлежать территоріальнымъ, общественно-принудительнымъ союзамъ населенія, (т. е. государству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, губернскому

*) „Хроника внутренней жизни", апрѣль.

и уѣздному земству, мелкой земской единицѣ и т. д.), каковые союзы необходимо отличать отъ союзовъ частно-правовыхъ, добровольныхъ (товариществъ, артелей, акціонерныхъ компаній, различныхъ обществъ и т. д.). Вопросъ о распредѣленіи общей суммы правъ между центральными и мѣстными органами самоуправленія, по моему мнѣнію, особый и его въ своихъ статьяхъ я пока не касался. Само собой понятно, что если имѣются основанія не довѣрять по тѣмъ или инымъ причинамъ, скажемъ, центральнымъ представительнымъ учрежденіямъ, то нужно, стало быть, употребить усилія, чтобы изъ общей суммы правъ больше досталось мѣстнымъ органамъ самоуправленія, и наоборотъ. Въ частности по отношенію къ землѣ, было бы конечно, не раціонально всю сумму коллективныхъ правъ на нее оставлять за центральною властью. Стоитъ для этого только представить себѣ, во что бы обратилось земельное дѣло въ случаѣ его централизаціи. Вопросъ о распредѣленіи въ данномъ случаѣ функцій, а стало быть и правъ, между центральною и мѣстною (въ различныхъ ея градаціяхъ) властью, несомнѣнно, представляетъ одну изъ важныхъ сторонъ аграрной реформы. Но этого вопроса, какъ уже сказано, я не касался.

Возможно, что наше разногласіе съ г. Новоторжскимъ до извѣстной степени объясняется тѣмъ, что мы въ разномъ смыслѣ употребляемъ одинъ и тотъ же терминъ. Имѣя, быть можетъ, въ виду государство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, онъ, естественно, считаетъ необходимымъ ограничить его права болѣе узкими предѣлами, чѣмъ дѣлалъ это я. Въ такомъ случаѣ г. Новоторжскій своимъ письмомъ опередилъ мои обозрѣнія. Вѣроятнѣе однако, что этимъ наше разногласіе съ нимъ не можетъ быть исчерпано.

Выше я упомянулъ о „населеніи той или иной территоріи, объединенномъ въ общину", какъ объ органической части государства. Представляетъ ли такую часть наша земельная община? Несомнѣнно, что когда-то она имѣла характеръ территоріальнаго союза, правоспособнаго выполнять государственныя функціи. Но теперь она представляетъ нѣчто промежуточное между общественно-принудительнымъ союзомъ и частно-правовымъ, — и въ этомъ, какъ я думаю, заключается одна изъ главныхъ причинъ ея довольно фальшиваго положенія въ современной жизни. Съ одной стороны, члены общины объединены между собою по территоріальному признаку и она располагаетъ въ извѣстной мѣрѣ принудительною властью. Съ другой стороны, она охватываетъ уже не все населеніе, находящееся на данной территоріи и, заслоненная сельскимъ обществомъ, утратила уже значительную часть своихъ политическихъ функцій. Такой же двойственный характеръ имѣютъ и отношенія общины къ землѣ: съ одной стороны члены ея являются какъ бы только товарищами въ общемъ

имуществѣ, съ другой—община въ цѣломъ какъ будто имѣетъ такія права на землю, какихъ не имѣютъ эти товарищи въ отдѣльности. Я полагаю, что въ этомъ неопредѣленномъ положеніи русская земельная община остаться не можетъ и должна будетъ эволюціонировать въ ту или другую сторону. Она должна или сдѣлаться частно-правовымъ, добровольнымъ союзомъ, превратиться въ товарищество или же возродиться въ качествѣ территоріальнаго союза, войти въ составъ государства въ качествѣ его органической части. Возможно, что судьба общины не во всѣхъ случаяхъ будетъ одинакова. Въ общемъ же, какъ я думаю, при націонализаціи община можетъ и должна быть освобождена отъ довольно тяжелой для нея, какъ хозяйственнаго союза, обязанности быть носительницей общественныхъ правъ на землю, которыя съ момента реформы перейдутъ къ коллективности иного типа и строенія. Поэтому-то я и не склоненъ на этомъ базисѣ строить аграрную реформу,—тѣмъ болѣе, что община существуетъ далеко не повсемѣстно. Поэтому же, а отчасти исходя изъ факта, что хозяйственныя функціи общины въ настоящее время преобладаютъ надъ соціально-политическими, я и противополагалъ ее, какъ „хозяйственный союзъ" государству. Это не значитъ, конечно, что община не съиграетъ никакой роли въ аграрной реформѣ. Но объ этомъ ниже.

Я не знаю, задумывался ли надъ указаннымъ мною вопросомъ и какъ рѣшаетъ его г. Новоторжскій. Въ письмѣ же его на этотъ счетъ имѣются нѣкоторыя противорѣчія или неточности. Повидимому, онъ склоняется всетаки къ тому, чтобы разсматривать общину, какъ частно-правовой союзъ. Такъ онъ опредѣляетъ ее, какъ „союзъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ", и предусматриваетъ въ будущемъ возможность перехода ея въ „товарищество непосредственныхъ производителей". Но разсматривая общину, какъ товарищество, какъ профессіональный союзъ, онъ считаетъ въ то же время не только возможнымъ, но и необходимымъ сдѣлать ее участницей общественныхъ правъ на землю и при томъ въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ государство, т. е. союзъ всего населенія. Я думаю, что это совершенно неправильно.

Земля должна принадлежать всему народу и быть доступной для всего населенія. Предоставить же ее профессіональнымъ союзамъ—это значитъ въ сущности обратить ее въ частную собственность. Такимъ путемъ былъ бы созданъ привилегированный классъ, хотя и очень многочисленный, но всетаки пользующійся правами, какихъ нѣтъ у остальной, хотя бы и меньшей, части народа. Остальное населеніе оказалось бы лишеннымъ земли и доступъ для него къ ней былъ бы тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ прочнѣе земля была бы закрѣплена за общиной. Сознавая это, г. Новоторжскій проектируетъ принудительное вселеніе въ общину. Сейчасъ мы увидимъ, что это право, каковое онъ счи-

таетъ возможнымъ предоставить государству, не обезпечиваетъ въ надлежащей мѣрѣ интересовъ безземельнаго населенія. Въ данномъ же случаѣ важно отмѣтить, что оно противорѣчитъ собственному взгляду г. Новоторжскаго на общину, какъ на частноправовой союзъ. Навязывать членовъ „товариществу" не всегда рѣшается даже полицейское государство. Легко понять, что община, въ которую „вселяютъ", не можетъ развиться въ кооперацію.

Г. Новоторжскій говоритъ, что земля предоставляется, по его проекту, общинѣ не въ собственность, а въ пользованіе. „Единственно, что можетъ вводить въ заблужденіе, — говоритъ онъ,— это пониманіе требованія соціализаціи, какъ расширенія и улучшенія общиннаго *землевладѣнія*. Не объ общинномъ землевладѣніи печемся мы, а объ общинномъ землепользованіи". И тутъ же прибавляетъ: „фактически дѣло, конечно, не мѣняется отъ того, какое названіе мы предпочтемъ". Фактически же дѣло съ этимъ вопросомъ обстоитъ такъ: самъ г. Новоторжскій предвидитъ, что община должна будетъ выдавать денежное вознагражденіе выходящимъ изъ нея членамъ и даже настолько обезпокоенъ правильнымъ выполненіемъ этой операціи, что считаетъ необходимымъ привлечь къ участію въ ней государство. Не трудно понять, откуда взялось это „денежное вознагражденіе". Право на ренту, по проекту г. Новоторжскаго, остается за общиной, т. е. за союзомъ частныхъ лицъ,—право же получать ренту это и есть право собственности на землю. Предусматриваемое имъ вознагражденіе—это выдѣлъ изъ товарищеской собственности.

На первый взглядъ можетъ, конечно, показаться, что право на ренту имѣетъ и государство, ибо оно можетъ вселять въ общину новыхъ членовъ и, стало быть, дѣлать ихъ участниками въ дѣлежѣ ренты. Но неужели г. Новоторжскій не замѣчаетъ такого противорѣчія: уходящему члену за отказъ его отъ надѣла община выплатитъ денежное вознагражденіе, а государство на эту самую, только что оплаченную общиной, землю немедленно вселитъ новаго члена безвозмездно. Согласится ли при такихъ условіяхъ община давать выдѣлъ? Не придется ли ее къ этому понуждать скорпіонами? Или же государство будетъ вкупать новыхъ членовъ въ общину, т. е. покупать для нихъ землю у послѣдней? Или они сами должны будутъ вкупаться? Въ результатѣ, неизбѣжно или уходъ отъ земли или доступъ къ ней окажутся затрудненными.

Пойдемъ, однако, дальше. Право собственности—можетъ мнѣ сказать г. Новоторжскій—будетъ всетаки ограничено. Земля по его проекту не можетъ сдаваться въ аренду и обрабатываться наемнымъ трудомъ; такимъ образомъ она перестанетъ служить средствомъ для эксплуатаціи одной части населенія другой. Но и это не совсѣмъ такъ. При мѣновомъ строѣ хозяйства, дифферен-

ціальная рента, какъ я уже говорилъ, неизбѣжно выдѣлится изъ общественнаго продукта въ качествѣ особой доли, которая и распредѣлится между производителями не пропорціонально затраченному ими труду, а пропорціонально общественнымъ и естественнымъ качествамъ ихъ земли. И тѣ производители, которые получатъ больше, чѣмъ слѣдовало бы по произведеннымъ имъ трудовымъ затратамъ, будутъ эксплуатировать, стало быть, тѣхъ, кто будетъ получать меньше.

Рента представляетъ результатъ естественныхъ и, главное, общественныхъ условій. Кто создалъ эту долю цѣнностей, сказать не возможно. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ созданіи ея участвуютъ не только земледѣльческіе производители, но и все общество, въ томъ числѣ и населеніе, занятое въ другихъ отрасляхъ производства. Государство строитъ, напримѣръ, желѣзную дорогу и сразу вдвое или больше уменьшаетъ затраты труда цѣлаго ряда общинъ по доставкѣ ихъ продуктовъ на рынокъ. Населеніе сосѣдняго города начинаетъ быстро возрастать и опять цѣлый рядъ общинъ получаетъ возможность сбывать свои продукты на близкомъ рынкѣ по такимъ цѣнамъ, по какимъ раньше они могли сбывать ихъ лишь на дальнемъ. Такимъ образомъ лица, обладающія землею, будутъ учитывать въ свою пользу результаты коллективнаго труда. Это, конечно, не справедливо. Но при массѣ земледѣльческихъ производителей въ этомъ, можетъ быть, и не было бы большой бѣды, если бы рента распредѣлялась между ними равномѣрно и если бы доступъ къ землѣ дѣйствительно былъ свободенъ для всѣхъ желающихъ. Но рента будетъ распредѣляться неравномѣрно: однѣ общины будутъ получать больше, другія—меньше. „Борьба за землю—писалъ я—начнется среди самихъ крестьянъ, между сосѣдями, между селеніями, между мѣстностями" *). „Мнѣ непонятно—говоритъ г. Новоторжскій—какимъ образомъ можетъ начаться эта борьба". Борьба начнется на рынкѣ, ибо одни производители будутъ продавать свои продукты въ ущербъ другимъ или съ выгодою за счетъ другихъ, а затѣмъ дѣло постепенно можетъ дойти и до дреколій.

Оставленіе ренты за общиной, какъ за союзомъ земледѣльческихъ производителей, можетъ имѣть и другое, не менѣе серьезное, послѣдствіе. Право государства вселять новыхъ членовъ въ общину г. Новоторжскій обусловливаетъ наличностью у общины земли, которую она не можетъ обработать руками своихъ членовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что избыточной земли, даже за выселеніемъ изъ общины прежнихъ членовъ, у нея можетъ никогда не получаться. Количество труда, вкладываемаго въ данную площадь, очень растяжимо, и можно опасаться, что желаніе

---

*) „Хроника внутренней жизни", іюнь.

сохранить за собой ренту со всей находившейся въ пользованіи земли будетъ удерживать общину отъ перехода къ болѣе интенсивной культурѣ. Она, быть можетъ, „наволокомъ“ будетъ сѣять хлѣбъ въ то время, когда слѣдовало бы уже троить землю; и, можетъ быть, лѣсъ будетъ у нея расти на томъ мѣстѣ, гдѣ уже можно было бы развести огороды. Или и систему хозяйства предписывать декретами? Но такого права государству г. Новоторжскій предоставить не предполагаетъ.

Такимъ образомъ, если бы даже и удалось благополучно разрѣшить вышеупомянутый вопросъ о вкупѣ и выдѣлѣ, то и за всѣмъ тѣмъ доступъ новыхъ членовъ въ общину оказался бы затрудненнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ сельско-хозяйственной техники оказался бы необезпеченнымъ, такъ какъ неправильное, съ точки зрѣнія рынка, распредѣленіе культуръ и системъ хозяйства на территоріи не только не было бы предупреждено, но, быть можетъ, было бы еще увеличено. Неизбѣжная при этомъ задержка въ развитіи производительныхъ силъ оказала бы такое давленіе на всю народно-хозяйственную жизнь, что пришлось бы или передѣлать аграрную реформу заново, или же предоставить богатымъ землею общинамъ право прибѣгать къ наемному труду, чтобы полнѣе использовать ихъ земельныя богатства.

Въ послѣднемъ случаѣ — и потому-то этотъ исходъ представляется болѣе вѣроятнымъ—никакого „акта“ даже не потребуется, ибо „ціи паны“ выростутъ постепенно,—раньше, чѣмъ ихъ права будутъ признаны закономъ. Напрасно г. Новоторжскій полагаетъ, что наемный трудъ въ области сельскохозяйственнаго производства можетъ быть отмѣненъ декретомъ. Жизнь слишкомъ сложна для того, чтобы такъ просто можно было рѣшать такіе трудные вопросы. Укажу для примѣра хотя бы такой случай: рядомъ существуютъ два трудовыхъ хозяйства, изъ коихъ одно сѣетъ зерновые хлѣба, а другое—торговопромышленное растеніе, скажемъ, хотя бы коноплю; въ страдную пору для перваго хозяйства, у второго будутъ оставаться излишнія рабочія силы, и, наоборотъ, осенью и зимой, когда хлѣбъ уже обмолоченъ, съ коноплей и пенькой еще много работы. Будетъ ли въ такомъ случаѣ воспрещено одному хозяйству пользоваться рабочими силами другого? за плату, за угощеніе и за всякое иное возмездіе, формы котораго ни одинъ законодатель предусмотрѣть не въ состояніи? И не установятся ли, въ концѣ концовъ, отношенія между этими хозяйствами, какъ отношенія между предпринимателемъ и рабочимъ? Я взялъ случай теоретическій, но вполнѣ возможный. Изъ двухъ рядомъ существующихъ общинъ, многоземельной и малоземельной,—а это по проекту г. Новоторжскаго не исключается,—первая будетъ сѣять, конечно, зерновые хлѣба, а вторая заведетъ коноплянники. И не окажется ли, въ концѣ концовъ, что вторая въ страдную пору работаетъ на первую?

Жизнь, повторяю, слишкомъ сложна. Укажу, далѣе, хотя бы такое обстоятельство: въ настоящее время въ деревнѣ нерѣдко нанимающійся является эксплуататоромъ, а наниматель эксплуатируемымъ. Я имѣю въ виду случаи, когда безлошадные нанимаютъ своихъ сосѣдей, чтобы „управить душу". Такіе же случаи могутъ быть и бываютъ при неимѣніи во дворѣ работника, его болѣзни и т. д. Не будутъ же эти формы найма запрещены закономъ. А между тѣмъ каждая изъ нихъ можетъ быть уже заключаетъ въ себѣ способное къ развитію зернышко эксплуатаціи. Но если бы даже всѣ выработанныя жизнью формы были воспрещены, то и въ такомъ случаѣ она не замедлитъ найти новыя, непредусмотрѣнныя.

Наемный трудъ въ земледѣліи простымъ декретомъ уничтожить не возможно. Для этого нужны другія средства и важнѣйшее изъ нихъ—не давать земли въ собственность частнымъ лицамъ и корпораціямъ, хотя бы то были „союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ". Лишь въ томъ случаѣ, когда земля будетъ принадлежать всему населенію, объединенному въ тотъ или иной территоріальный союзъ, дѣйствительно можетъ быть обезпеченъ доступъ къ ней всѣмъ трудящимся. Поэтому-то я и считаю невозможнымъ допустить, чтобы община, какъ „хозяйственный союзъ", какъ „союзъ земледѣльческихъ производителей" была надѣлена какими-либо правами на землю.

Обратимся однако къ тѣмъ доводамъ, которыя заставляютъ г. Новоторжскаго высказаться въ данномъ случаѣ именно за общину. Однимъ изъ такихъ доводовъ для него является возможность, хотя онъ и не увѣренъ въ ней, обобществленія при посредствѣ общины хозяйства, т. е. и всѣхъ другихъ средствъ производства. „Разъ мы усматриваемъ въ концѣ пути сельскохозяйственнаго развитія—говоритъ онъ—товарищество непосредственныхъ производителей, то зачѣмъ разрушать тѣ ячейки, которыя уже сложились и которымъ нужны только благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія". „Намъ кажется,—прибавляетъ онъ,—что наша община, будучи освобождена отъ всѣхъ лишнихъ наростовъ и костюмовъ, всегда сможетъ стать такимъ товариществомъ". Но для этого, какъ я уже указалъ—и думаю, что г. Новоторжскій согласится со мной,—прежде всего необходимо, чтобы община сдѣлалась дѣйствительно свободнымъ, добровольнымъ союзомъ земледѣльцевъ. Стало быть, всякій элементъ внѣшняго принужденія долженъ быть устраненъ изъ ея жизни. Въ частности, коллективное право на землю, носительницей котораго являлась до сихъ поръ община, не только вносило элементы принужденія въ ея жизнь, но и служило тѣмъ „лишнимъ костюмомъ", который не соотвѣтствовалъ уже ей, какъ союзу земледѣльцевъ, и только задерживалъ ея развитіе.

Разрушать же „эти ячейки" никто не думаетъ. Напрасно

г. Новоторжскій полагаетъ, что будто при всякой иной, чѣмъ проектируемая имъ, формѣ націонализаціи государства должно будетъ имѣть дѣло съ каждымъ непосредственнымъ производителемъ. Напротивъ, я думаю, что въ аграрной реформѣ община будетъ использована очень широко. Сохранившіяся въ населеніи, воззрѣнія на землю, какъ на общенародную собственность, на что ссылается между прочимъ г. Новоторжскій, послужатъ для реформы психологической опорой и, стало быть, всецѣло будутъ использованы. Будутъ использованы и выработанные общиной навыки, которые очень облегчатъ всю техническую сторону реформы. И, конечно, тамъ, гдѣ сохранилась община, государство чаще всего будетъ имѣть дѣло не съ отдѣльными производителями, а съ ней, но именно какъ съ союзомъ земледѣльцевъ. Общиннымъ и вообще коллективнымъ формамъ пользованія землею могутъ быть основнымъ закономъ предоставлены даже тѣ или иныя преимущества сравнительно съ отдѣльными лицами.

Сдѣлаю, хотя и мимоходомъ, еще одно замѣчаніе, представляющееся мнѣ далеко не лишнимъ въ виду приведенныхъ мною и не совсѣмъ точныхъ, какъ я думаю, словъ г. Новоторжскаго. „Въ концѣ пути“, разъ ужъ рѣчь зашла объ этомъ, мы видимъ не „товарищество непосредственныхъ производителей“, тѣмъ менѣе производителей какой-нибудь одной отрасли; мы видимъ тамъ общественное хозяйство. И, какъ теперь уже достаточно выяснилось, человѣчество приближается къ этому идеалу или, правильнѣе, подготовляется къ тому, чтобы воплотить его въ жизни, двумя путями: одинъ, говоря кратко, это кооперація (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), другой—муниципія (тоже). Тема эта слишкомъ сложна, чтобы изложить ее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя я могу сейчасъ удѣлить ей. Въ данномъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что закрѣпленіе правъ на землю за территоріальнымъ союзомъ представляется мнѣ болѣе прямымъ и вѣрнымъ средствомъ, чтобы передать средства производства въ завѣдываніе всего общества, чѣмъ закрѣпленіе тѣхъ же правъ за профессіональными союзами. Въ коопераціяхъ, какъ я думаю, должны вырабатываться коллективные навыки, общественныя же права нужно собирать около муниципіи.

Главный доводъ въ пользу общины и противъ государства г. Новоторжскій видитъ, однако, не въ возможностяхъ будущаго, а въ пережиткахъ прошлаго и въ соотношеніи силъ настоящаго. Онъ опасается недостаточной демократичности государства.

У насъ нѣтъ— говоритъ онъ—основанія думать, чтобы въ Россіи, въ особенности въ первое время по введеніи народнаго представительства, государственная власть была бы особенно демократична. Если бы даже представительное собраніе, собравшееся въ минуту широкаго общественнаго возбужденія, и декретировало бы націонализацію земли второго типа, о которомъ

сейчасъ будетъ рѣчь, то гдѣ у насъ ручательство, что представительное собраніе не перерѣшитъ дѣло заново и не вернется къ только что разобранному типу. Развѣ мы не знаемъ реакцій и контръ-революцій? Ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно. А благо всеобщаго и т. д. избирательнаго права и пропорціональнаго представительства народная масса оцѣнитъ не сразу. Опытъ всѣхъ западно-европейскихъ странъ показываетъ черезчуръ медленный, а не скорый ростъ голосовъ, подаваемыхъ за демократическія партіи. Тяжелое наслѣдство вѣковъ невѣжество, безправія и угнетенности народу не легко сбросить съ плечъ...

Я понимаю все серьезное значеніе высказываемымъ въ данномъ случаѣ г. Новоторжскимъ опасеній, и всетаки думаю, что допускаемое имъ противоположеніе общины и государства основано на недоразумѣніи. Какъ „союзъ земледѣльцевъ", община будетъ вѣдь жить и дѣйствовать совершенно въ иной плоскости, чѣмъ въ какой будетъ функціонировать государство. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что послѣднее захочетъ перерѣшить проблему и будетъ достаточно для этого сильно. Какимъ путемъ оно можетъ это сдѣлать? Не иначе, конечно, какъ законодательными актами, судебными рѣшеніями, финансовыми мѣропріятіями, экономическою политикой. Системой налоговъ, напримѣръ, государство можетъ придать всей націонализаціи фискальный характеръ (чего между, прочимъ, и опасается г. Новоторжскій); судебными рѣшеніями оно можетъ дать въ экономической борьбѣ перевѣсъ совсѣмъ не трудовымъ элементамъ; экономической политикой оно можетъ создать и усилить ихъ. Какимъ же образомъ община убережетъ непосредственныхъ производителей отъ такого поворота въ общемъ теченіи государственной жизни? Какимъ образомъ она убережетъ ихъ право на землю? Вопросъ о землѣ во всякомъ случаѣ будетъ рѣшаться въ государствѣ, а не внѣ его. Для того, чтобы сохранить ее, непосредственные производители должны будутъ вести политическую борьбу и она, конечно, будетъ продуктивнѣе внутри государства, чѣмъ если она отольется въ форму аполитическихъ движеній.

Въ сущности и г. Новоторжскій предвидитъ необходимость перенести борьбу на государственную арену. „Чрезъ правовое государство, а не помимо его — говоритъ онъ — намѣрены мы, сознательные элементы, воздѣйствовать на народно-хозяйственную жизнь". Союзы дѣйствительныхъ земледѣльцевъ могутъ, конечно, оказать въ этомъ случаѣ сильную поддержку. Но для того, чтобы сдѣлать ихъ политическою силою, вовсе не нужно надѣлять ихъ правами собственности на землю. Послѣднія, напротивъ, могутъ только ослабить ихъ, ибо породятъ въ нихъ внутреннія междоусобія. Съ тѣмъ же лавочникомъ „непосредственнымъ производителемъ" придется тогда вести двойную борьбу: одну въ общинѣ, другую—на государственной аренѣ.

Можно думать, что предположеніе, которое допускаетъ г. Новоторжскій имѣетъ другой смыслъ. Выдвигая свой доводъ, онъ,

повидимому, разсматриваетъ уже общину не какъ профессіональный, а какъ территоріальный союзъ, и, противополая его государству, можетъ быть, желаетъ сказать, что мѣстные органы самоуправленія, по его мнѣнію, будутъ болѣе демократичны, чѣмъ центральные. Въ этомъ смыслѣ противополагать общину и государство, конечно, можно. Долженъ однако сказать, что я лично не рѣшился бы въ этой общей формѣ настаивать на большей демократичности мѣстныхъ учрежденій сравнительно съ обще-государственными. Правда, интересы трудящихся массъ тамъ ближе и давленіе ихъ сильнѣе, но то за идеалы дальше и видны они хуже. „Сознательные элементы" въ Россіи такъ еще немногочисленны, что покрыть жизнь внизу болѣе или менѣе ровнымъ слоемъ они еще не могутъ. Этимъ, конечно, и объясняется, что губернское земство, напримѣръ, нерѣдко оказывается въ настоящее время демократичнѣе уѣзднаго. Предоставить при такихъ условіяхъ рѣшеніе важнѣйшихъ земельныхъ вопросовъ каждой общинѣ въ отдѣльности, это значитъ завѣдомо идти на то, что страна покроется пятнами. Однѣ общины поставятъ дѣло вполнѣ демократично, въ другихъ же легко одержатъ верхъ темныя силы. Перспективы при этомъ могутъ быть разныя. Возможна и такая: сегодня „чумазый" одержитъ побѣду въ одной общинѣ, завтра въ другой, а, выждавъ подходящій моментъ, одержитъ, наконецъ, верхъ и въ третьей, демократичной. Поэтому-то, если бы интересы трудящихся массъ необходимо было вручить какой-нибудь одной территоріальной единицѣ, то долженъ признаться, что я скорѣе ихъ довѣрилъ бы русскому народу въ его цѣломъ, чѣмъ городу Глупову или деревнѣ Неѣловой въ отдѣльности. Но какъ я уже сказалъ, коллективныя права на землю могутъ быть подраздѣлены между территоріальными союзами во всѣхъ ихъ градаціяхъ и при томъ, конечно, это нужно сдѣлать такъ, чтобы вопросы, въ которыхъ замѣшаны непосредственные интересы трудящейся массы, были предоставлены вѣдѣнію мелкихъ союзовъ, а болѣе сложные, разобраться въ которыхъ можно только при свѣтѣ идеаловъ,—болѣе крупнымъ.

Опасенія г. Новоторжскаго, какъ уже сказано, я въ извѣстной мѣрѣ раздѣляю. „Если бы мы получили —говоритъ онъ— народное представительство, основанное даже на всеобщей, тайной, прямой и равной подачѣ голосовъ при всѣхъ свободахъ и вольностяхъ и свободѣ предвыборной агитаціи, то и то, представляется сомнительнымъ, чтобы большинство народныхъ представителей было на сторонѣ истинно-демократическихъ началъ, не говоря уже о томъ, что молодое народничество само не составитъ этого большинства". Но я думаю, что кромѣ представителей, за насъ будетъ сама жизнь, властно требующая преобразованій въ извѣстномъ направленіи. Давленіе такъ велико, что и не демократическія партіи должны будутъ за нихъ высказаться. Молодое народни-

чество, можетъ быть, и не составляетъ большинства, но оно съиграетъ свою роль въ исторіи тѣмъ, что усилитъ это давленіе. Самъ г. Новоторжскій указываетъ, что не случайно появилась программа „второго освобожденія“. Я, конечно, предвижу, что соотношеніе силъ въ рѣшительную минуту можетъ оказаться далеко не такимъ, чтобы воплотить наши пожеланія въ жизни. Неизбѣжны будутъ компромиссы. Но дѣловые компромиссы, какъ я писалъ въ другомъ мѣстѣ, не страшны; опасны компромиссы принципіальные. Мы должны употребить всѣ усилія, чтобы предотвратить ихъ и во всякомъ случаѣ не предлагать такихъ компромиссовъ сами. Закрѣпленіе же земли за „союзами земледѣльцевъ“, т. е. передача ея въ частную собственность, хотя бы и „непосредственнымъ производителямъ“, представляется мнѣ именно такимъ принципіальнымъ компромиссомъ.

Есть и еще одно соображеніе, въ силу котораго я не могу полностью раздѣлить опасенія г. Новоторжскаго. Я уже сказалъ, что предо мною нѣтъ такого жупела, какъ государство, до „конца“ остающееся буржуазнымъ. По этому я и писалъ въ іюньскомъ обозрѣніи: „государство, которое передвинетъ землю въ опредѣленномъ направленіи, не страшно и въ качествѣ земельнаго собственника“. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключаются или должны заключаться „пріобрѣтенія переходнаго времени“? Въ томъ, что земля будетъ передвинута въ сторону трудящихся массъ. Но, благодаря этому, соотношеніе политическихъ силъ рѣзко измѣнится. Стоитъ только представить себѣ, какъ перемѣнится, напримѣръ, мѣстная жизнь, когда въ ней перестанутъ главенствовать „ціи паны“. Аграрной реформой мы высвободимъ не буржуазію, т. е. не чуждыя и враждебныя намъ силы, а наши собственныя. Этимъ и сильна наша программа: каждое соціальное пріобрѣтеніе, какое мы сдѣлаемъ, увеличитъ нашу политическую силу, а каждый политическій шагъ мы используемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соціальной сферѣ.

По основному вопросу свой отвѣтъ г. Новоторжскому я могу считать оконченнымъ. Я долженъ лишь сказать нѣсколько словъ по поводу обращеннаго имъ ко мнѣ упрека, что я неправильно оцѣниваю значеніе двухъ волнъ крестьянскаго движенія: аполитической и, какъ онъ выражается, „революціонной“. Смыслъ, какой придалъ моей оцѣнкѣ г. Новоторжскій, основанъ на недоразумѣніи. Эти двѣ волны я противополагалъ по ихъ направленію, а не по ихъ высотѣ и интенсивности. Если мой оппонентъ еще разъ перечитаетъ это мѣсто моей статьи, то онъ увидитъ, что я предвижу измѣненіе въ методахъ. Въ частности, не случайно мною сдѣлана ссылка на гурійское движеніе. Если же моя мысль выражена не совсѣмъ ясно, то въ этомъ повинны тѣ условія, въ которыхъ мнѣ приходится работать, а отчасти и тѣ многоточія, какія помимо моего желанія оказались въ іюньской хроникѣ. По

этому же и теперь я считаю за лучшее поставить въ этомъ мѣстѣ точку. Впрочемъ, и безъ того это давно уже пора сдѣлать.

А. Пѣшехоновъ.

Дiагнозъ и прогнозъ.

(*Письмо изъ Англiи*).

„При прогнозѣ берутъ во вниманiе конституцiю больного, его возрастъ, общiя условiя, характеръ болѣзни и степень пораженiя важнѣйшихъ органовъ. Различаютъ прогнозъ *quod vitam* и *quod valetudinem*".

I.

Много разъ было констатировано, что видъ чужаго грандiознаго несчастья заключаетъ въ себѣ неотразимую притягательную силу для многихъ. Въ особенности это относится къ пожарамъ. Какъ только повалятъ густые клубы дыма изъ занявшагося зданiя,—тысячи людей, бросивъ обычныя занятiя, мчатся на пожаръ. Спѣшатъ друзья и враги. Бѣгутъ просто любопытные. Вокругъ воетъ и бушуетъ пламя.

„Kochend, wie aus Ofens Rachen
Glühn die Lüfte, Balken krachen,
Pfosten stürzen, Fenster klirren,
Kinder Jammern, Mutter irren
Thiere wimmern
Unter Trümmern" *)

А толпы любопытныхъ не могутъ оторвать глазъ отъ горящихъ зданiй. Тутъ слышны безконечные толки. Иные любопытные съ глубокомысленнымъ видомъ заявляютъ, что давно знали, что пожаръ *долженъ* былъ случиться. Въ зданiи было накоплено такъ много горючаго матерiала, а люди тамъ такъ неосторожно обращались съ огнемъ, что нужно удивляться не катастрофѣ, а тому, что она не случилась раньше.

Другiе разводятъ руками и восклицаютъ: „вотъ никогда мы не думали, что такое солидное и крѣпкое зданiе можетъ вдругъ загорѣться"!

---

*) Въ переводѣ Мина: „Раскаленъ, какъ изъ горнила, воздухъ жжетъ; трещатъ стропила; скрипъ воротъ, дверей стучанье, стеколъ трескъ и дребезжанье, матерей, дѣтей рыданье, стоны, крики, безпокойный ревъ звѣрей" („Пѣснь о колоколѣ").

Есть любопытные, которые не могутъ удовлетвориться простымъ діагнозомъ: „дома горятъ“, но заглядываютъ въ будущее и ставятъ прогнозъ.

— Владѣльцамъ зданій теперь конецъ,—говорятъ скептики.— Ни за что имъ не поправиться. Отнынѣ, вмѣсто жилья, здѣсь будутъ торчать только почернѣвшія трубы.

— И совсѣмъ не такъ,—возражаютъ оптимисты.—Домъ былъ тѣсный, сырой, темный, нездоровый. Хозяева-люди энергичные, сильные; старое помѣщеніе не давало имъ развернуться. Теперь, когда огонь сравняетъ его съ землей, владѣльцы построятъ новое зданіе, красивое, здоровое, просторное... Въ общемъ, очень трудно опредѣлить, какіе размѣры приметъ пожаръ. Легко можетъ быть, что потушатъ его въ самомъ началѣ, и хозяева вынуждены будутъ тѣсниться въ еще болѣе нездоровомъ помѣщеніи, чѣмъ раньше. Можетъ быть и такъ, что поднимется вѣтеръ, перенесетъ головешки и тогда займется цѣлая улица. Еще труднѣе предсказать, что будетъ *послѣ* пожара, хотя, если зданіе было подобно Вяземской лаврѣ, о гибели его врядъ ли кто пожалѣетъ: хуже быть не можетъ.

Бываютъ пожары другой категоріи. Они тоже ведутъ къ полной гибели или къ поразительному возрожденію, но только не зданій, а народовъ. Къ такимъ пожарамъ приковано вниманіе всего міра. Одни наблюдатели усматриваютъ пожаръ, когда огня еще нѣтъ и когда все обстоитъ, повидимому, благополучно. Другіе, пораженные особой слѣпотой, не замѣчаютъ пожара, когда пламя охватило уже все. И тогда еще они пребываютъ въ глубокой увѣренности, что не только все хорошо, но лучше и быть не можетъ. Любопытно вспомнить нѣсколько классическихъ діагнозовъ и прогнозовъ политическихъ катастрофъ.

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ упомянуть о предсказаніи Вольтера, которое больше извѣстно по наслышкѣ, хотя часто повторяется. Въ 1764 году Вольтеръ писалъ: „Все, что я вижу, сѣетъ сѣмена революціи, которая наступитъ неминуемо. Я не буду имѣть удовольствія быть свидѣтелемъ ея. Французы поздно доходятъ до всего, но они дойдутъ наконецъ. Мало-по-малу просвѣщеніе до такой степени распространилось, что взрывъ произойдетъ при первомъ случаѣ. И тогда произойдетъ кутерьма на славу (et alors ce sera un beau tapage)! Молодежь счастлива: она увидитъ удивительныя вещи“ *). Въ этой выдержкѣ усматриваютъ всегда поразительный прогнозъ міровыхъ событій, случившихся только черезъ двадцать пять лѣтъ. Мнѣ кажется, такое объясненіе, сдѣланное много лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ постоянно повторяемое, не совсѣмъ совпадаетъ съ дѣйствитель-

*) Oeuvres complètes de Voltaire. Tome III (компактное изданіе 1828 г.). Correspondance générale, p. 1622.

ностью. Приведенный отрывокъ находится въ письмѣ Вольтера къ маркизу де-Шовлэнъ. Говорится въ письмѣ о литературныхъ новостяхъ: о „Les, Trois Manières", о произведеніи „Madame Gertrude" и о *Gazette littéraire*. Если допустить, что приведенная выдержка означаетъ предсказаніе политической революціи, то приходится только удивляться полному отсутствію логической связи съ остальнымъ письмомъ, неумѣстности тона (un beau tapage) и странному выбору конфидента. Въ самомъ дѣлѣ. Вольтеръ адресуетъ свое ликующее предсказаніе революціи не Дидро, не Гольбаху, не кому-либо изъ своихъ единомышленниковъ, а посланнику, маркизу, котораго величаетъ въ письмѣ „Votre excellence". Вольтеръ, конечно, зналъ, что этотъ покоритель Корсики врядъ-ли могъ радоваться приближенію грозы. Дѣло, мнѣ кажется, объясняется проще. Судя по содержанію письма и по легкому тону его,—рѣчь идетъ не о предвидѣніи событій конца XVIII вѣка, а о какомъ-нибудь переворотѣ въ литературныхъ вкусахъ. О *такой* „революціи", конечно, осторожный Вольтеръ могъ писать даже маркизу Шовлэну.

Перейду теперь къ другой классической книгѣ, къ „Travels in France" Артура Юнга. Діагнозъ разлагающемуся старому режиму поставленъ Юнгомъ съ замѣчательной точностью. Проницательный авторъ отмѣчаетъ отсутствіе гарантій личности, заточенія административнымъ порядкомъ (черезъ посредство *lettres de cachet*), бѣдность крестьянъ. Вотъ, напримѣръ, одно мѣсто. „Я встрѣтилъ по дорогѣ бѣдную женщину, которая стала жаловаться мнѣ на плохія времена и на малоземелье. Мужъ ея имѣлъ клочокъ земли, корову да клячу, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ отдавать *franchar* пшеницы (42 фунта) и трехъ цыплятъ одному помѣщику. *franchar* ячменя, цыпленка и ливръ деньгами—другому. Кромѣ того крестьянинъ платилъ еще много другихъ обременительныхъ налоговъ. Онъ былъ отецъ семи дѣтей. Молоко коровы шло на похлебку для нихъ.—Но почему же вы, вмѣсто лошади, не держите другую корову?—спросилъ я.—Мой мужъ не въ силахъ таскать все на своей спинѣ,—отвѣтила крестьянка.—Пора сдѣлать что-нибудь для насъ, крестьянъ, car les tailles et les droits nous ecrasent.—Издали крестьянкѣ можно было бы дать лѣтъ шестьдесятъ или семьдесятъ; до такой степени спина ея согнулась, а лицо было изрыто морщинами отъ работы. Въ дѣйствительности женщинѣ было только двадцать восемь лѣтъ. Кто не путешествовалъ по Франціи, не можетъ себѣ даже и представить, какой страшный, изможденный видъ имѣютъ тамъ крестьянки. Онъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, о тяжелой, суровой работѣ. Я склоненъ полагать,—продолжаетъ Юнгъ,—что крестьянки во Франціи работаютъ даже больше своихъ мужей. Если прибавить къ этому муки, сопряженныя съ вынашиваніемъ и рожденіемъ новыхъ рабовъ, то измученный видъ французскихъ

крестьянокъ не удивитъ никого. Кто же виноватъ въ томъ, что крестьяне замучены и потеряли человѣческій обликъ? — Правительство" *).

Авторъ отмѣчаетъ всеобщее недовольство населенія. „Всѣ мои собесѣдники,—заноситъ Юнгъ въ свой дневникъ въ 1787 г.,—были того мнѣнія, что Францiя находится наканунѣ большой революціи. Они указывали на цѣлый рядъ важныхъ фактовъ: финансы страны запутаны до такой степени, что безъ созыва генеральныхъ штатовъ невозможно отдѣлаться отъ вѣчнаго дефицита. Между тѣмъ правительство боится народныхъ представителей; Францiя не имѣетъ ни одного популярнаго и талантливаго министра, который помогъ бы ей выбраться изъ отчаяннаго положенія; на престолѣ сидитъ король не злой по природѣ, но совершенно безвольный, легко поддающійся пагубному вліянію придворныхъ и членовъ королевскаго дома; короля окружаетъ жадная, безстыдная, безсовѣстная шайка, расхищающая Францію и толкающая ее въ пропасть; въ обществѣ, между тѣмъ, зрѣетъ стремленіе къ свободѣ, усилившееся въ особенности послѣ революціи въ Америкѣ. Любопытно,—продолжаетъ Юнгъ,—что какъ только въ обществѣ поднимается разговоръ о положеніи дѣлъ во Франціи,—неизмѣнно возникаетъ вопросъ: будетъ ли государственное банкротство или нѣтъ. Многіе того мнѣнія, что банкротство должно вызвать гражданскую войну, во время которой удастся свергнуть правительство... Всѣ того мнѣнія, что правительство вынуждено будетъ созвать генеральные штаты. Правда, сдѣлаетъ оно это крайне неохотно и постарается ограничить возможно больше дѣятельность народныхъ представителей; но послѣдствіемъ созыва собора неминуемо должна явиться политическая свобода" **). Такое же настроеніе Юнгъ подмѣчалъ во всѣхъ большихъ городахъ. Діагнозъ старому порядку нашъ авторъ поставилъ правильно; но тѣмъ не менѣе Юнгъ былъ убѣжденъ, что правительство продержится еще долго.

„Въ Нантѣ всѣ такъ же стремятся къ политической свободѣ, какъ и въ другихъ французскихъ городахъ,—отмѣчаетъ путешественникъ въ своемъ дневникѣ въ сентябрѣ 1788 г.—Бесѣды съ различнымъ народомъ показали мнѣ, какъ велика перемѣна въ настроеніи общества. Врядъ ли правительство просуществуетъ больше *пятидесяти лѣтъ*, развѣ только у власти станутъ необыкновенно талантливые люди" ***). Пессимисты всѣхъ странъ, которыхъ медленность событій приводитъ въ отчаянье, должны помнить, что даже такой талантливый, необыкновенно проницательный наблюдатель, какъ Юнгъ, *за девять мѣсяцевъ* до 14 іюля

---

*) „Travels in France by Arthur Joung", изданіе 1890 г., pp. 197—198.
**) Ib., p. 98.
***) Ib. p. 134.

1789 г. полагалъ, что старый строй, во всякомъ случаѣ, продержится еще полвѣка.

Юнгъ дѣлаетъ прогнозъ только тогда, когда событія уже совершенно намѣтились. Въ концѣ іюня 1789 г. проницательный путешественникъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Духъ народа растетъ съ каждымъ часомъ. Сходки въ Palais Royal становятся многочисленнѣе, а тонъ рѣчей — страстнѣе и увѣреннѣе. Двойственность правительства сдѣлала то, что теперь всѣ открыто говорятъ про „свободную конституцію“, понимая подъ этимъ республику. Несомнѣнно, къ этому идетъ теперь Франція. А между тѣмъ престижъ и авторитетъ короля еще сильны. Если онъ смѣло пойдетъ на встрѣчу запросамъ народа, то тронъ спасенъ. На улицахъ открыто продаютъ зажигательные памфлеты, въ которыхъ обличаются злоупотребленія правительства. Все это сильно волнуетъ народъ. Въ данный моментъ меня поражаетъ, однако, больше всего поразительная слѣпота и тупая самоувѣренность двора“ *). События, какъ извѣстно, покатились вскорѣ съ стремительностью лавины. Правительство такъ сильно скрутило періодическую печать, до такой степени обезцвѣтило ее, что по ней абсолютно нельзя было предвидѣть приближеніе кризиса. Въ самомъ дѣлѣ. Франція голодала, народъ былъ подавленъ безправіемъ, непосильными налогами и чрезмѣрной работой, общество негодовало, но цензура такъ тщательно вычищала газеты, что онѣ давали совершенно превратное представленіе о положеніи страны. Наканунѣ 1789 года во Франціи не было, собственно, ни одного политическаго журнала. Въ газетахъ, издаваемыхъ съ разрѣшенія правительства, слышались только лакейскія славословія. Положеніе страны изображалось казенными публицистами въ такомъ розовомъ свѣтѣ, что можно было подумать — старый порядокъ продержится до скончанія вѣковъ. Протестующая мысль находила тогда себѣ выраженіе въ книгахъ, въ памфлетахъ, но не въ газетахъ. Честная печать явилась, когда правительство вынуждено было созвать генеральные штаты. Взрывъ энтузіазма тогда охватилъ Францію. „Все рисовалось въ радостномъ свѣтѣ. Всѣ видѣли впереди зарю справедливости, братства, свободы. И какой свободы? Не холодной и эгоистической, какъ въ Англіи, но пылкой, юной, экспансивной, подобной тѣмъ гомеровскимъ богамъ, которые въ три шага обѣгаютъ землю. Всѣ были убѣждены, что нарождающаяся свобода объединитъ все человѣчество въ одинъ равный и братскій союзъ“ **). Французская періодическая печать сразу возродилась и стала политической силой. „Каждое утро — писалъ современникъ—газеты обличаютъ, разъясняютъ, пропо-

*) Ib. p. 181.
**) Ch. de Monseignat, „Un Chapitre de la Révolution Francaise“, Paris, 1853, p. 10.

вѣдуютъ, проклинаютъ или отпускаютъ кому-нибудь грѣхи... Газеты падаютъ, какъ манна небесная. Каждый день нарождаются новыя изданія". Періодическая печать, созданная кризисомъ, крайне характерна. Уже одни заглавія ея говоритъ о томъ, что печать считала себя, прежде всего, защитникомъ различныхъ принциповъ. Вотъ нѣсколько названій газетъ, возникшихъ въ первые мѣсяцы 1789 г.: *Другъ Справедливости, Другъ Истины, Другъ Свободы, Другъ Закона, Другъ Конституціи, Другъ Мира, Другъ Вѣры, Другъ Революціи, Другъ Человѣчества, Другъ Порядка, Другъ Гражданъ, Другъ Патріотовъ, Другъ Принциповъ, Другъ Общественнаго спасенія, Другъ Честныхъ людей* и пр. *).

Возвращусь, однако, еще къ книгѣ Юнга. Она интересна еще въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ, какъ обновляется страна послѣ большого пожара. Проницательный путешественникъ, напр., описываетъ Пуату, какъ „бѣдную, разоренную и жалкую страну. Она нуждается въ дорогахъ и въ пробужденіи дѣятельности населенія". Старинная провинція Пуату заключала въ себѣ также Вандею, о которой до возстанія почти никто ничего не зналъ **). Тогда всю провинцію просѣкала только одна дорога отъ Нанта до Ла-Рошеля. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись верещаки да безконечныя болота. Только кое-гдѣ виднѣлись клочки обработанной земли, засѣянные рожью или гречихой. Теперь вся страна превращена въ цвѣтущій садъ. Болота изчезли. Вмѣсто нихъ — великолѣпныя нивы и пастбища (см. предисловіе Bentham-Edwards къ книгѣ Юнга). Въ 1902 г. мнѣ лично пришлось убѣдиться, какъ поразительна перемѣна, происшедшая въ Бретани. Отправляясь туда, я разсчитывалъ встрѣтить картину, соотвѣтствующую той, которую описывалъ въ 1791 г. генералъ Тюрро, цитируемый Луи Бланомъ. „Болота тянутся въ Нижней Бретани до самаго моря. Это густо поросшая низменность, совершенно недоступная зимой и очень мало доступная въ остальныя времена года. Болота изрѣзаны естественными каналами, очень облегчающими защиту страну. Каналы имѣютъ отъ тридцати до сорока футовъ въ ширину. Мятежники съ удивительной ловкостью, при помощи длиннаго шеста, перепрыгиваютъ черезъ эти рвы. Если прыгать нельзя, бретонецъ ложится плашмя въ свой челнокъ (miole) и быстро подвигается впередъ. Гдѣ почва

*) Histoire des journaux en France de 1789 à 1799, p. 16.

**) Это не должно удивить читателя, если онъ вспомнитъ Россію. Этнографъ, географъ, зоологъ и геологъ скажутъ ему, что теперь почти неизвѣстную страну нужно искать не въ Тибетѣ, и не въ верховьяхъ Амазонки, а гораздо ближе: въ Подольской губерніи. Окраины Сибири теперь, послѣ того, какъ тамъ побывали невольные этнографы и антропологи, лучше изслѣдованы, чѣмъ губерніи Европейской Россіи, прорѣзанныя желѣзными дорогами. Подольская губернія ждетъ еще своего Стэнли, Ливингстона, Нансена или Врангеля.

повыше, тамъ непроходимые лѣса. Дороги — ужасны. По нимъ едва можетъ пройти деревенская телѣга" *). Вмѣсто этой картины, напоминающей нашу Минскую губернію,—я видѣлъ всюду чистенькія, щегольскія деревни, великолѣпныя шоссейныя дороги скатертью, вспаханныя поля и фруктовые сады. „Ніоръ, который когда то былъ сценой отчаянной борьбы „голубыхъ" (республиканцевъ) съ „бѣлыми" (роялистами),—теперь зажиточный, кокетливый городъ съ населеніемъ въ 22 тысячи. Окрестности города—сплошной садъ" **). По пути въ Бордо Юнгъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описываетъ Ланды, безконечные пески и лютую бѣдность крестьянъ. Все это безслѣдно исчезло теперь. На пескахъ насажены спеціальныя деревья, удерживающія зыбкую почву, выкопаны артезіанскіе колодцы, болота осушены. Пустыня превращена въ цвѣтущій край. Въ началѣ XIX вѣка Ланды представляли такую ничтожную цѣнность, что, по словамъ Элизэ Реклю, громадные участки земли продавались за нѣсколько франковъ „aux son de la voix", т. е. мѣрой при продажѣ служило разстояніе, на которое слышенъ человѣческій голосъ. Теперь Ланды даютъ великолѣпные урожаи. Пастухи на ходуляхъ (иначе нельзя было прежде передвигаться въ Ландахъ) теперь отошли въ область прошлаго. Шестьсотъ тысячъ гектаровъ песковъ засажены лѣсами pinus maritima. Съ такимъ же успѣхомъ принялись пробковые дубы. Лѣса совершенно измѣнили нездоровый климатъ мѣстности. Безъ сомнѣнія, когда свобода пробудитъ забитую инициативу русскаго крестьянина, когда у него будетъ земля, а государственныя деньги будутъ расходоваться не на авантюры, а на прокладываніе дорогъ, разведеніе лѣсовъ, копаніе артезіанскихъ колодцевъ и пр.,—наши степи, которымъ теперь грозитъ одинаковая участь съ берегами Лобъ-Нора въ Центральной Азіи, увидятъ такую же перемѣну, какъ и Ланды.

„Пустыня, пустыня и пустыня,—отмѣчаетъ Юнгъ проѣздомъ черезъ Анжу.—Всюду только дворянскія привилегіи да крестьянская бѣдность". Дворянскія привилегіи сметены въ ночь четвертаго августа 1789 г. Что же касается крестьянской бѣдности, то она тоже исчезла теперь. Во время путешествій Юнгъ нигдѣ не видѣлъ народной школы; теперь нѣтъ французской деревни безъ коммунальнаго училища. Въ Анжу Юнгъ видѣлъ крестьянъ, жившихъ въ пещерахъ; теперь деревни состоятъ изъ чистенькихъ, нарядныхъ домиковъ. „Пустыня, огорчавшая когда-то Юнга, превратилась въ библейскую страну Гошенъ, текущую молокомъ и медомъ" ***).

---

*) *Louis Blanc*, Histoire de la Révolution Française, изданіе in folio, v. II, p. 159.

**) Travels in France, introduction by Bentham-Edwards.

***) Introduction by Betham-Edwards, p. XVII.

II.

Итакъ, мы видимъ, что прогнозъ—дѣло крайне рискованное и случайное даже тогда, когда за него берется такой проницательный наблюдатель, какъ Юнгъ. Явленія жизни до такой степени многогранны, живой, мыслящій человѣкъ такъ мало похожъ на обстрактную алгебраическую величину, что даже за нѣсколько мѣсяцевъ иногда невозможно предугадать колоссальныя міровыя событія (примѣръ въ этомъ отношеніи опять-таки даетъ намъ авторъ *Travels in France*). Я не стану указывать на общеизвѣстный фактъ, какъ ошибся въ своемъ прогнозѣ такой геніальный и прозорливый экономистъ, какимъ былъ авторъ „Капитала". Какой же выводъ изъ всего этого? Если историческій прогнозъ невозможенъ, то осторожные скептики, толкующіе про то, что такое-то общество „не созрѣло" для радикальнаго обновленія,—не имѣютъ рѣшительно почвы подъ ногами. Геологическій переворотъ можетъ случиться и послѣ того, какъ нѣкоторые люди докажутъ, что онъ не *долженъ* быть. Требуется только, чтобы въ обществѣ были условія, дѣлающія старый режимъ невыносимымъ. А это обстоятельство констатируется діагнозомъ. Правильный діагнозъ дѣло сравнительно не трудное для всякаго не глупаго, проницательнаго и безпристрастнаго наблюдателя.

Современное положеніе Россіи приковало къ себѣ вниманіе всего культурнаго міра. Въ нѣсколько мѣсяцевъ создалась цѣлая литература о Россіи *). Книги эти далеко не одинаковы по достоинству. Однѣ изъ нихъ написаны очень осторожными и очень знающими людьми, какъ, напримѣръ, Russia сэра Дональда Мэкензи-Уоллэса; другія легкомысленныя произведенія авторовъ,

---

*) Задумавъ это письмо, я попросилъ моего поставщика прислать мнѣ книги о Россіи, вышедшія въ Англіи и во Франціи за послѣдніе два мѣсяца. Мнѣ доставили списокъ въ 120 названій. Такъ какъ я не могъ просмотрѣть всю эту литературу, то ограничился только частью. Вотъ книги, о которыхъ упоминается дальше въ моемъ письмѣ. Carl Joubert, „Russia as it really is". *Того же автора*: „The Truth about the present state of Russia". Konni Zilliacus, „The Russian Revolutionary Movement". Sir Donald Mackenzie-Wallas, „Russia", (просмотрѣнное и дополненное изданіе 1877 г.). D. H. Terris, „The Revolutionary Russia". Baron E. von der Brüggen, „Russia of To-day", Alexandre Ular, „Un Empire Russo-Chinois". *Того же автора*. „La Révolution Russe". Victor Bérard, „La Révolte de l'Asie". *Того же автора*, „L'Empire Russe". По каталогу я вижу, что въ Германіи и въ Италіи книгъ о Россіи появилось въ послѣднее время почти столько же, сколько въ Англіи и во Франціи. Въ слѣдующемъ письмѣ я коснусь наиболѣе любопытныхъ трудовъ. Что же касается журнальныхъ статей, то простой перечень ихъ занялъ бы не меньше печатнаго листа. Въ каждой книжкѣ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго журналовъ можно найти статью о современномъ положеніи Россіи (а въ англійскихъ Reviews по двѣ и три статьи).

бьющихъ, главнымъ образомъ, на сенсацію. Таковы писанія Жубера, имѣющія теперь громадный успѣхъ въ Англіи, для меня совершенно непонятный. Однѣ книги написаны друзьями русскаго народа, желающими ему возможно скорѣе избавиться отъ вѣковыхъ путъ. Эти друзья глубоко убѣждены, что міръ скоро увидитъ обновленную, свободную и мощную Россію, которая по крайней мѣрѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ будетъ идти впереди другихъ народовъ. Есть книги, написанныя врагами Россіи. Они откровенно заявляютъ, что желаютъ старому строю побѣды. Въ такомъ случаѣ, говорятъ они, Россія будетъ подавлена, обезсилена и превратится въ другую Турцію, которая мало-по-малу неизбѣжно расползется по швамъ. Свободная же Россія,—доказываютъ враги ея,—будетъ крѣпка *внутреннимъ*, добровольнымъ единеніемъ. Такимъ образомъ, она явится нежелательнымъ факторомъ въ международныхъ отношеніяхъ. Свободная Россія заставитъ сильнѣе биться сердца у демократіи всего міра. Прогнозъ, который дають авторы, такимъ образомъ далеко не одинаковъ. Одни предвидятъ поразительное, блестящее возрожденіе и радуются ему. Другіе предсказываютъ бюрократіи побѣду, такъ какъ желаютъ, чтобы въ Европѣ былъ, кромѣ Турціи, новый „умирающій человѣкъ". За то всѣ авторы согласны въ діагнозѣ. Среди нихъ есть такой осторожный дипломатъ, какъ сэръ Дональдъ Мэкензи-Уоллэсъ. Онъ имѣетъ въ Россіи друзей и связи въ очень высокихъ сферахъ. Люди, принадлежащіе къ этимъ сферамъ, выбираютъ Мэкензи-Уоллэса своимъ „Spokesman", когда желаютъ оправдаться въ чемъ-нибудь въ глазахъ общественнаго мнѣнія Англіи. Такъ было послѣ трагическихъ событій, которыя въ началѣ 1905 года взволновали міръ. Въ Англіи событія эти ассоціировались съ именемъ одного лица. И вотъ оно обратилось къ Мэкензи-Уоллэсу, который помѣстилъ въ *Times* заявленіе, что это лицо не повинно въ январьской трагедіи. Итакъ, симпатіи Мэкензи Уоллэса не на сторонѣ русскаго народа; но авторъ — добросовѣстный наблюдатель. Онъ видитъ, что старый режимъ изжилъ свой вѣкъ и выражаетъ пожеланіе, чтобы необходимыя *рѣшительныя* реформы явились во время. Это будетъ, по мнѣнію сэра Дональда, актомъ благоразумія; иначе, если реакція возьметъ верхъ, Россію ждетъ страшный кризисъ, единственный въ исторіи. Аналогію катострофѣ нужно будетъ искать не во Франціи конца XVIII вѣка и даже не въ 1358 г. (жакерія), а въ Россіи 1773—1775 гг...

Событія, происходящія теперь въ Россіи, до такой степени грандіозны, что англійская публика жадно набрасывается на каждую книгу, написанную не компиляторомъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется успѣхъ такихъ грубыхъ, сенсаціонныхъ и невѣжественныхъ произведеній, какъ писанія Жубера. Книга „Russia as it really is" выходитъ черезъ два мѣсяца послѣ своего появленія четвертымъ изданіемъ и встрѣчаетъ похвальные отзывы отъ ан-

глійскихъ рецензентовъ. „Въ своемъ трудѣ—говоритъ, напр., одна распространенная газета—авторъ далъ намъ одинъ изъ лучшихъ отчетовъ о современномъ положеніи громадной имперіи". Это, впрочемъ, выдержка изъ *Daily Mail*, на отзывъ которой нѣтъ основанія полагаться. Но вотъ что говоритъ такой серьезный и основательный органъ, какъ „Manchester Guardian". „Dr. Жуберъ далъ намъ очень цѣнный трудъ. Отчетъ о томъ, какъ авторъ провелъ девять лѣтъ въ Россіи, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Dr. Жуберъ жилъ съ открытыми глазами. Онъ рѣшилъ узнать истину". Подобные отзывы заставили меня прежде всего познакомиться съ произведеніями феномена, „прожившаго девять лѣтъ съ открытыми глазами". Прежде всего поражаетъ авторитетный, увѣренный тонъ автора. Жуберъ, повидимому, отлично знаетъ совѣтъ Мефистофеля: „будь увѣренъ самъ въ своемъ достоинствѣ, такъ и другіе повѣрятъ тебѣ". „Я провелъ девять лѣтъ въ Россіи,—пишетъ авторъ.—За это время я изъѣздилъ всѣ губерніи и перезнакомился съ людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Я гостилъ у князей и спалъ въ крестьянскихъ избахъ. Я пировалъ въ дворцахъ сильныхъ міра сего *) и сидѣлъ у ногъ величайшаго русскаго мыслителя и филантропа. Мало того: я думалъ все это время и вынашивалъ мои мысли. Я изучилъ языки всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ европейской Россіи: я говорю по русски, польски, латышски, литовски, знаю испорченный русскій языкъ (?) (corrupt Russian) и даже „yiddish". Вотъ что даетъ мнѣ право написать эту книгу. Все это служитъ мнѣ извиненіемъ, почему я прибавилъ къ длинному списку сочиненій о Россіи новый трудъ" **).

„Что касается русскаго языка,—продолжаетъ Жуберъ,—то я изъясняюсь на немъ даже болѣе свободно, чѣмъ на англійскомъ. Русскіе не могутъ узнать во мнѣ иностранца. Я говорю безъ всякаго акцента" ***). Врядъ-ли Юнгъ имѣлъ большее право на то, чтобы „прибавить новое сочиненіе къ длинному списку книгъ" о Франціи. Такъ какъ англичане вообще не лгутъ и привыкли вѣрить на слово людямъ, которыхъ они считаютъ порядочными, то категорическое заявленіе Жубера должно было сильно импонироватъ рецензентамъ и большой публикѣ. Чувство крайняго недоумѣнія овладѣваетъ, однако, русскимъ читателемъ, когда онъ развернетъ книги Жубера. Въ самомъ дѣлѣ. Авторъ, желая щегольнуть своимъ отличнымъ знаніемъ языка, часто уснащаетъ свои книги *русскими* выраженіями. И тутъ-то припоминается пословица про шило въ мѣшкѣ. По увѣренію Жубера, русскіе называютъ одну

---

*) Имена ихъ звучатъ нѣсколько странно для русскаго уха: „Kniaz Blowhisnoski", „Baron Hurriupsk" (см. „Russia as it really is", p. 40).

**) Russia as it really is. Preface, p. IX.

***) Ib., p. 161.

высокую особу „Zembla Bogh“ и тутъ же онъ переводитъ въ скобкахъ „The God on Earth“. Такъ какъ „Земля Богъ“ повторяется многократно въ текстѣ, то объ опечаткѣ не можетъ быть рѣчи. Русскій священникъ говоритъ: „Nasha Russki Mallatchi“, что авторъ переводитъ „Our Russian bravery“, т. е. „наша русская храбрость“ *). Мать называетъ своего сына „paltchik moia“, что означаетъ „my little boy“, т. е. мой мальчикъ **). „Paltchik moia“ повторяется разъ шесть, такъ что опечатки тоже не можетъ быть. Одинъ изъ русскихъ знакомыхъ автора на 287 страницѣ восклицаетъ: „Maladetch Ivan da Bogh“. Такъ какъ авторъ не даетъ перевода, то мы, русскіе, такъ и не догадаемся, что это означаетъ. Во второй своей книгѣ, въ „The Truth about the present state of Russia“ („Правда о современномъ положеніи Россіи“), авторъ восторгается словами нашихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ даетъ переводъ первыхъ двухъ строчекъ (безъ русскаго текста) извѣстной волжской пѣсни „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Въ переводѣ Жуберъ выходитъ:

„Whilst we are on the Mother Volga
Our thoughts are with friends at home“ ***)

(„Въ то время, какъ мы плывемъ по матушкѣ Волгѣ, наши мысли находятся дома съ друзьями“). „Я безъ слезъ не могъ слышать трогательныхъ словъ пѣсни, которыя еще лучше напѣва“,—увѣряетъ Жуберъ. Приведенные образчики заставляютъ думать, что съ Карломъ Жуберомъ въ его рабочемъ кабинетѣ случилась такая же досадная непріятность, какъ съ Жакомъ Паганелемъ (герой извѣстнаго романа Жюля Верна) при встрѣчѣ съ патагонцемъ. Паганель хотѣлъ заговорить по испански, а вышло по португальски. Жуберъ желалъ блеснуть знаніемъ русскаго языка, но показалъ намъ только образцы „corrupt Russian“, который, по словамъ автора, онъ тоже изучалъ, какъ нѣчто самостоятельное. Удивительнѣе всего то, что въ Россіи священники, врачи, литераторы, крестьяне, судя по цитатамъ Жубера, всѣ говорятъ на „corrupt Russian“!

Мы знаемъ теперь, насколько можно вѣрить автору, когда онъ заявляетъ, что въ Россіи въ немъ никто не могъ узнать иностранца. Посмотримъ еще, какъ онъ знаетъ нашу литературу. По словамъ Жубера, съ цензурнымъ гнетомъ боролись— „Ломоносовъ, Херасковъ, Костровъ, Богдановичъ, Державинъ и Александръ Пушкинъ. Все это—люди талантливые, а иные изъ нихъ—геніальные. Они обладали мощнымъ воображеніемъ... Всѣ они не смѣли писать всю правду“ ****). Изъ современныхъ писа-

*) Ib., p. 262.
**) Ib., p. 273.
***) The Truth, etc., p. 259.
****) Russia as it really is, p. 80.

телей Жуберъ упоминаетъ Максима Горькаго. „Я его лично знаю. Это—человѣкъ безъ всякаго образованія, языкъ котораго состоитъ не больше, какъ изъ двухсотъ словъ (?!)“ *).

Русскій читатель до такой степени расходится съ авторомъ въ его оцѣнкѣ нашей литературы, что, по всей вѣроятности, останется нечувствительнымъ даже къ такимъ комплиментамъ: „Мнѣ неизвѣстенъ другой языкъ, который я могъ бы сравнить по богатству выраженій и словъ, по звучности—съ русскимъ. Языкъ Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого я предпочитаю языкамъ, на которыхъ писалъ Бэконъ, Декартъ, Гете и даже Тассо“ **).

За девять лѣтъ пребыванія въ Россіи Жуберъ изучилъ русскую жизнь не лучше, чѣмъ языкъ, хотя изъ чувства справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что воображеніе у нашего автора такое же „мощное“, какъ у „Ломоносова, Хераскова и Кострова“, которыми онъ, какъ увѣряетъ, зачитывается. Жуберъ повѣствуетъ, напримѣръ, что „въ 21 годъ каждый русскій обязанъ явиться *въ Воинскую повинность* (He must come to the Voinskaia Povinost), чтобы стать солдатомъ“. Авторъ дѣлаетъ затѣмъ любопытное открытіе, что въ Россіи *врачамъ* выдаютъ паспорта въ мѣщанской управѣ. Жуберъ самъ досталъ тамъ себѣ такой „докторскій паспортъ“, когда ему нужно было поѣхать въ Сибирь освобождать пріятеля. Пріятеля этого звали „Колька“, что, по толкованію автора, есть уменьшительное отъ „Александръ“. Въ мѣщанской управѣ, по словамъ Жубера, выдается еще другой документъ, абсолютно необходимый въ Россіи и называющійся „Chorosho Povidenia“ (хорошо повиденія).

„Chorosho Povidenia это — одобрительная аттестація, выданная государствомъ или правительствомъ. Временами документъ этотъ даже болѣе полезенъ, чѣмъ паспортъ. Въ большихъ же городахъ документъ „chorosho povidenia“ абсолютно необходимъ, хотя не для иностранцевъ. Я купилъ въ мѣщанской управѣ четыре паспорта и четыре „chorosho povidenia“, за 275 руб. Въ моемъ паспортѣ значилось: „Альбертъ Денмановичъ, 32 лѣтъ. Волосы черные. Подбородокъ выдающійся. Глаза—каріе. Занятіе: докторъ медицины и спеціалистъ, изъ Литовской губерніи (From the Lithuanian Government). Въ моемъ „chorosho povidenia“ говорилось, что я — очень искусный врачъ и что на литовской границѣ, гдѣ занимался практикой, я чуть-ли не поднималъ моимъ знаніемъ мертвыхъ изъ гроба. Все это скрѣплялось подписями и казенными печатями“ ***). По словамъ автора, старшій врачъ въ Россіи называется „galova“ ****). Помощникъ присяжнаго

*) Ib., 81.
**) The Truth, etc., p. 254.
***) Russia as it really is, p. 158.
****) Ib. p. 187.

повѣреннаго, бесѣдуя съ авторомъ, величаетъ его „barin“.—Въ Россіи система образованія такова: „Изъ реальнаго училища, дѣлящагося на семь классовъ, мальчики переходятъ въ гимназіи, тоже дѣлящіяся на столько же классовъ, а потомъ уже въ университетъ“ ***). Мудрено ли, что пріятель автора „Колька“ числится студентомъ въ 34 года?—По словамъ Жубера, поляки въ русской арміи могутъ дослужиться только до чина „younker“, что авторъ переводитъ въ скобкахъ—„lieutenant“ (т. е. поручикъ). Не менѣе любопытныя открытія дѣлаетъ Жуберъ, когда просто описываетъ страну. Съ разрѣшенія московскаго губернатора авторъ осматриваетъ „*Пугачевъ*—съ его башнями и казематами, въ которыхъ содержатся заключенные, осужденные на пожизненную каторгу“ (The *Pugatchev* with its tovers and strongholds). Повидимому, рѣчь идетъ о столь знакомомъ нашей молодежи зданіи у одной изъ московскихъ заставъ, о „Бутыркѣ“, или „бутырской академіи“, какъ ее называли въ мое время. Зданіе это имѣетъ по угламъ четыре башни, изъ которыхъ одна называется „Пугачевской“. Больше половины книги Жубера занято описаніемъ поѣздки въ Сибирь; но то, что пишетъ авторъ,—доказываетъ до очевидности, что онъ тамъ никогда не былъ. Жуберъ, напр., по его словамъ, сдѣлалъ весь путь на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ. Нельзя не согласиться, что онѣ обладали поразительной выносливостью и сказочной быстротой. Авторъ выѣхалъ, напримѣръ, утромъ изъ Томска, а заночевалъ въ „Atchina“, т. е. въ Ачинскѣ. Другими словами, не мѣняя лошадей, сдѣлалъ въ одинъ конецъ четыреста верстъ и, переночевавъ, на тѣхъ же коняхъ поскакалъ дальше.

Довольно, впрочемъ, о книгахъ Жубера, которыя представляютъ то, что англичане называютъ „Cock and bull story“. Перейду къ серьезнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ, авторы которыхъ посильно желаютъ разобраться въ „мятели, кружащей теперь въ Россіи“.

III.

Во Франціи есть очень талантливый, блестящій публицистъ Викторъ Берарь, изучающій, главнымъ образомъ, вопросы внѣшней политики. Онъ написалъ цѣлый рядъ очень остроумныхъ книгъ, посвященныхъ Англіи и балканскимъ дѣламъ („La Macédoine“, „Les Affaires de Crète“, „La Politique du Sultan“, „Pro Macedonia“). Въ началѣ русско-японской войны Викторъ Берарь издалъ очень интересную книгу „La Révolte de l'Asie“. Въ ней авторъ остроумно выставляетъ географическія причины „возстанія Азіи“ противъ Европы, между прочимъ, говоритъ

*) Ib. 31.

о провиденціальномъ движеніи русскихъ на востокъ, которое, въ концѣ концовъ, привело къ страшной кровавой трагедіи. „Движеніе русскихъ на востокъ, черезъ Азію, — пишетъ Бераръ,—обусловливается тѣми же причинами, что и поступательное движеніе московитовъ черезъ Европу. Въ теченіе четырехъ вѣковъ объектомъ движенія являлось свободное море. Только море! Нѣсколько вѣковъ московиты были отдѣлены отъ него двойной и даже тройной, часто мѣнявшейся преградой враждебныхъ племенъ, чуждыхъ по происхожденію и по вѣрѣ. Въ центрѣ безконечной равнины на чуть замѣтной возвышенности находится „пупъ", Москва, откуда во всѣ стороны горизонта стекаютъ громадныя, извилистыя рѣки. Онѣ текутъ къ далекимъ берегамъ Каспія, къ Черному морю, къ Балтикѣ и къ Ледовитому океану: Ока съ Волгой—на востокъ, Донъ и Днѣпръ—на югъ, Зап. Двина и Нева—на западъ, а на сѣверъ—Сѣверная Двина. До XVI вѣка московиты отражали нападавшія на нихъ народности, отбивались отъ пиратовъ, прибывавшихъ изъ-за моря и отъ кочевниковъ, являвшихся изъ степей. Москва стремилась къ морю, которое должно было дать ей, не имѣвшей границы, рубежъ, укрѣпленный природой. Послѣ цѣлаго ряда вѣковъ неволи Москва, наконецъ, тронулась въ путь къ морю. Иванъ Грозный первый внушилъ московитамъ мысль прорвать кольцо племенъ, оттѣснявшихъ русскихъ отъ морей. Четыре вѣка Москва шла къ берегамъ тѣхъ морей, куда стекаютъ главныя рѣки, берущія начало въ центрѣ. Кромѣ естественной границы, эти моря должны были служить дорогой для сношенія съ сосѣдями" *). Въ этой выдержкѣ мы видимъ, прежде всего, попытку реабилитаціи Ивана IV, которую не разъ уже дѣлали наши историки „государственники" и противъ которой такъ вѣско возражалъ Костомаровъ. Онъ опровергалъ мнѣніе, что у московскихъ царей, а въ частности у Ивана IV, были когда-нибудь какіе-либо широкіе государственные планы, какъ „движеніе къ морю". „Нужно еще доказать,—пишетъ Костомаровъ,— что у Ивана IV при этой попыткѣ (завоеванія Ливоніи) были дѣйствительно намѣренія и планы, сколько-нибудь подобные преобразовательнымъ намѣреніямъ Петра. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и поверхностнѣе взгляда тѣхъ историковъ, которые, не вдаваясь въ исходы явленій, безъ дальнихъ разсужденій, готовы приписать все, совершенное въ монархическомъ государствѣ, сидѣвшимъ тогда на престолѣ государямъ, довольствуясь, какъ будто, только тѣмъ, что ихъ именемъ производились всѣ дѣла". „Земля", представленная совѣтниками Ивана, дѣйствительно знала, что ей нужно. Подъ вліяніемъ совѣтниковъ Иванъ IV велъ борьбу съ татарами. „Борьба Руси съ татарщиной была борьба на жизнь и на смерть". Вотъ почему совѣтники Ивана IV убѣждали его, послѣ

*) La Révolte de l'Asie, p. 115—116.

покоренія Казани и Астрахани, идти въ Крымъ. „Наша исторія пошла бы совсѣмъ иначе, если бы въ XVI в. исполнились замыслы людей“, мечтавшихъ добраться до Черваго моря. Изъ упрямства, Иванъ IV, отдѣлавшись отъ совѣтниковъ, „на собственный солтыкъ“ затѣялъ разорительную и безполезную ливонскую войну. „Не послушавши своихъ совѣтниковъ, оставивъ крымское дѣло на четверти дороги и затѣявши покореніе Ливоніи, Иванъ навлекъ только на Россію бѣдствія и пораженія съ двухъ сторонъ: раздраживъ крымскаго хана и давши ему время оправиться, подвергъ страшному разоренію Москву и центральныя области государства и, вооруживши противъ себя Польшу, былъ побѣжденъ Баторіемъ и не удержалъ Ливоніи, стоившей напрасной потери русской крови“ *). Когда историки старой школы ведутъ между собою споръ про то, своевременно или нѣтъ было „поступательное движеніе“ такого-то государя на востокъ или на западъ съ цѣлью захвата чужой территоріи, мнѣ припоминается всегда одно мѣсто у Свифта. Добродѣтельный „гуинмнъ“ допытывается у доктора Лемуэля Гулливера, какія причины заставляютъ людей воевать другъ съ другомъ. „Я отвѣтилъ, что причинъ много, а потому перечислю изъ нихъ только главнѣйшія. Порой причиной является честолюбіе государей, которымъ всегда кажется, что у нихъ мало владѣній, порой испорченность министровъ, желающихъ такимъ образомъ отвлечь вниманіе народа отъ внутренняго неустройства... Иногда война между двумя государями начинается изъ-за спора, кому владѣть страной, на которую ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого права. Иногда война начинается изъ-за того, что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда изъ-за того, что онъ очень слабъ. Бываетъ, что сосѣдній народъ желаетъ забрать, что мы имѣемъ, или онъ владѣетъ городомъ, который нуженъ намъ. Тогда мы начинаемъ войну и деремся до тѣхъ поръ, покуда сосѣди отнимутъ, что имъ понравилось, или отдадутъ намъ, что мы облюбовали... Вполнѣ законнымъ поводомъ къ войнѣ является, если у сосѣдей есть городъ, который округлилъ бы наши владѣнія... Бѣдные народы голодны, а богатые горды. Гордость же и голодъ всегда враждуютъ“ *). „Свифтъ могъ бы прибавить еще, что группа лицъ, желающихъ получить концессію въ чужой странѣ, можетъ вызвать войну, которая разоритъ народъ, смететъ и искалѣчитъ нѣсколько сотъ тысячъ молодыхъ жизней. И когда всѣ будутъ знать, что война вызвана стремленіемъ нѣсколькихъ авантюристовъ захватить себѣ выгодныя концессіи,—тогда всегда найдутся люди, которые будутъ доказывать, что войну все-таки слѣдуетъ продолжать, потому что того требуютъ „историческія судьбы страны“!

*) Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, т. V (изданіе 1905 г.), стр. 397—407. „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго“.

**) „A voyage to the Houyhnhnms“, chapter V

Въ Западной Европѣ опытные люди доказывали ещедо войны, что движеніе Россіи черезъ Маньчжурію къ Портъ-Артуру, во первыхъ, безполезно, а, во вторыхъ, причинитъ ей много хлопотъ. „Россія продолжаетъ свою опасную политику,—писалъ въ 1902 г. баронъ фонъ-деръ-Брюггенъ. — Затративъ 100 милліоновъ рублей, она выстроила Сибирскую желѣзную дорогу. При помощи другихъ пятидесяти милліоновъ она проложила линію черезъ Маньчжурію. Линія не закончена еще вполнѣ и теперь требуются все новые и новые милліоны на оборудованіе гаваней, на укрѣпленія Портъ Артура, постройку казармъ, складочныхъ магазиновъ и пр. Уже и теперь, какъ говоритъ оффиціальный отчетъ, понадобилось держать на Дальнемъ Востокѣ армію въ 200.000 человѣкъ. Сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и овладѣніе двумя портами на Великомъ Океанѣ имѣли логическимъ послѣдствіемъ необходимость увеличить флотъ. Политика на Великомъ Океанѣ обходится Россіи ежегодно въ 60 милліоновъ рублей Какъ бы ни процвѣтала ея торговля на Дальнемъ Востокѣ,—такихъ денегъ она никогда не выручитъ. Владивостокъ, Портъ Артуръ и желѣзная дорога постоянно будутъ нуждаться въ субсидіи. Этотъ захватъ Дальняго Востока увеличиваетъ силы государства и открываетъ новыя территоріи для колонизаціи. Но желательно-ли русскому народу увеличеніе силы государства? Нужно-ли ему искать такъ далеко свободныя земли для колонизаціи? Между Днѣпромъ и Волгой есть еще громадныя территоріи, ждущія тщательной обработки. Быстрое движеніе на востокъ выгодно, несомнѣнно, только одному классу—бюрократіи, которая на новой почвѣ зацвѣтетъ новымъ цвѣтомъ. На радость ли только русскому народу?“... Фонъ-Брюггенъ дальше доказывалъ, что захватъ Маньчжуріи и Портъ-Артура принесетъ выгоду всѣмъ, но только не русскому народу. „На Дальнемъ Востокѣ,—говоритъ авторъ,—Россія уже и теперь (въ 1902 г.) работаетъ не для себя, а для другихъ. Тамъ китаецъ—работникъ, купецъ, банкиръ. Всѣ дѣла вершатся имъ или его сосѣдомъ, корейцемъ, такимъ же хитрымъ и проницательнымъ. И такъ оно останется. Русскимъ дѣльцамъ не вытѣснить китайцевъ. Россія перенесла свою границу на китайскую территорію, но скоро ей потребуется „великая русская стѣна“ для огражденія отъ Китая. Японцы тоже появились въ громадномъ количествѣ, какъ переселенцы. Они захватили въ свои руки всю доставку грузовъ моремъ. Американцы ввозятъ въ новыя русскія территоріи не только фабрикаты, но и пищевые продукты. Русскій восточно-китайскій торговый флотъ работаетъ только въ убытокъ. Собственно Россія представлена на Дальнемъ Востокѣ только чиновниками да солдатами“ **).

---

*) *Von Brüggen*, Russia of To day, p. 230.

**) Ib., p. 232.

Любопытно отмѣтить, что поставивъ удивительно точный діагнозъ, предугадавъ, что захватъ Дальняго Востока неминуемо приведетъ Россію къ столкновенію съ „морскими державами“, фонъ-Брюггенъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что одной изъ этихъ державъ будетъ Японія. Къ великому несчастью для русскаго народа, возможность столкновенія съ Страной Восходящаго Солнца была упущена изъ виду не только фонъ-Брюггеномъ... До войны Россія импонировала иностранцамъ, какъ громадный военный лагерь. Они полагали, что, разъ элементарныя права личности, необходимыя культурнымъ народамъ, какъ воздухъ, принесены въ жертву государству, то оно должно быть поразительно сильно. Даже талантливые и знающіе люди на Западѣ серьезно писали, что народъ и правительство въ Россіи объединены общей идеей: вѣрой въ провиденціальное назначеніе Россіи господствовать надъ Азіей до Желтаго и Китайскаго морей на Востокѣ и до Персидскаго залива и Индѣйскаго океана — на Югѣ. Выходило, русскій мужикъ ночей не спитъ, а все думаетъ, какъ бы „стать прочной ногой на Персидскомъ заливѣ“. Если мужикъ бывалъ когда-нибудь недоволенъ начальствомъ, то только потому, что оно медлитъ посадить тайнаго совѣтника Дыбу губернаторомъ въ Калькутѣ или поручика Живновскаго („Губернскіе очерки“) земскимъ начальникомъ надъ райотами Раджпутаны. Западная Европа совершенно не знала Россіи. Въ особенности не знала ея Франція. Этимъ въ значительной степени объясняется, какъ указываютъ Жанъ Фино и Леруа Болье, почему милліарды французскихъ рантье хлынули одно время такой широкой волной въ Россію. Французскій рантье представлялъ себѣ Россію блестящимъ военнымъ плацъ-парадомъ. Все населеніе тамъ, прежде всего, очень смирно и имѣетъ только одну заботу: угодить начальству. Заботливые люди въ свое время перевели на французскій языкъ „Московскій Сборникъ“, и французскіе журналы, разбирая книгу, разсматривали ее не какъ единичное мнѣніе, а какъ выраженіе взглядовъ *всего* русскаго народа. Война и дальнѣйшія событія разрушили всѣ прежніе взгляды французовъ, хотя далеко не сразу. Кто слѣдилъ за французскими газетами съ начала войны, знаетъ, что весь 1904 г., до января 1905 г., онѣ проявляли въ весьма сильной степени тотъ шовинизмъ, который отсутствовалъ въ большинствѣ русскихъ изданій. Классическіе каламбуры въ родѣ „Court à quatre pattes“ Kine—появились гораздо позднѣе. Освѣдомленность французовъ въ русской патріотической литературѣ тогда была такъ велика, что кто-то перевелъ имъ даже пѣсню, которая въ началѣ войны была помѣщена въ *Финляндской Газетѣ*. Въ пѣснѣ микадо получалъ совѣтъ „быть умнѣе“ и убираться скорѣе „съ желтой рожей“ изъ Кореи... „Другъ ты Лондона, Нью-Іорка, отъ насъ, братецъ, будетъ порка: съ плетью казаки! Лѣзетъ съ дуру къ Портъ-Артуру! Тамъ, братъ, желтую-то шкуру спустятъ моряки“!.

Такъ говорилось въ пѣснѣ, перепечатанной въ оффиціозной газетѣ. Франція слѣпо вѣрила въ силу Россіи и вѣрила бы, безъ сомнѣнія, до сихъ поръ, если бы не январьскія событія. Они заставили французовъ заняться изученіемъ положенія дѣлъ въ Россіи. „Когда дѣло касается русскаго народа,—говоритъ Берар,—то мы тѣмъ болѣе не можемъ не соболѣзновать несчастьямъ нашихъ друзей и союзниковъ. Союзъ съ Россіей, послѣдствія котораго многіе критиковали и который не всегда былъ въ нашихъ интересахъ, стоилъ намъ очень дорого, гораздо дороже, чѣмъ кто-либо разсчитывалъ... Франко-русскій союзъ тѣмъ не менѣе все еще популяренъ; но если есть опасность охлажденія и даже разрыва,—то причиной является незнаніе. Франція очень мало знаетъ Россію. Французы имѣютъ о ней рудиментарное представленіе, да и эти знанія, какъ они ни скудны, носятъ въ значительной степени фантастическій характеръ. „Медовый мѣсяцъ" союза съ Россіей продолжался довольно долго, десять лѣтъ. Все это время Франція восторгалась своей союзницей и считала ее немного варварской, недавно пріобщенной къ цивилизаціи, но непреодолимой. ... Теперь наступила пора изученія. Мы должны безпристрастно изслѣдовать, каково дѣйствительное положеніе Россіи и какіе шансы имѣетъ русскій народъ". Авторъ даетъ историческій обзоръ Россіи и показываетъ, какимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія естественныхъ границъ, она должна была двигаться къ морямъ. „Вѣнскій трактатъ 1815 г. завершилъ эти историческія стремленія, — говоритъ Берарь.—Россія достигла до европейскихъ морей. Бо́льшая часть задачи была осуществлена. Оставалось только добраться на востокѣ до океана. Сибирская желѣзная дорога разрѣшила всю задачу. Русская имперія была создана. Необходимо теперь *поддержать* ее" *). Бюрократія знала только одно средство... Она не признавала индивидуальности. Умственные запросы, требованіе дѣйствительной религіозной свободы, національное самоопредѣленіе,—все это въ глазахъ бюрократіи являлось проявленіемъ неблагонамѣренности... По мнѣнію Берара сущность положенія дѣлъ въ Россіи сводится къ слѣдующему. Строй, который былъ еще понятенъ, когда Россія добиралась до естественныхъ границъ,—теперь устарѣлъ и давитъ, какъ жерновъ, молодые побѣги. Русскій народъ политически созрѣлъ. „Теперь необходимо смѣло пойти на встрѣчу запросамъ страны,—заканчиваетъ Берарь свою книгу"... **).

Въ своихъ книгахъ о Россіи Берарь обсуждаетъ вопросъ только съ политической стороны и совершенно не касается экономическихъ факторовъ, которые онъ съ такимъ блескомъ разбираетъ въ своемъ трудѣ объ англійскомъ имперіализмѣ.

---

*) L'Empire Russe, p. 41.
**) Ib., p. 372.

Викторъ Бераръ, не знающій русскихъ источниковъ, принимаетъ взглядъ „Московскаго Сборника“ на единовластіе, какъ на неопровержимый историческій фактъ. Бераръ считаетъ, что эта власть существуетъ отъ вѣка, или, во всякомъ случаѣ, она зародилась тогда, когда русскій народъ выступилъ на историческую арену. Французскому публицисту неизвѣстны совершенно, напр., монографіи Костомарова, въ которыхъ историкъ показываетъ, какъ татарскіе ханы съ цѣлью обезпеченія ясака, предпочитали имѣть дѣло не съ землей, а съ отдѣльнымъ лицомъ. Съ этой цѣлью ханы возвышали надъ Русью одно лицо, которое потомъ явилось преемникомъ власти Золотой Орды. „Такимъ образомъ,— говоритъ Костомаровъ, — единодержавіе, зародившись во время татарскаго завоеванія, какъ неизбѣжное послѣдствіе положенія страны и обращенія въ собственность завоевателя, вмѣщаясь сначала въ особѣ верховнаго владыки-завоевателя, хана, устроивъ для своего удобства на Руси феодальный порядокъ изъ найденныхъ въ ней и подвергнутыхъ измѣненіямъ элементовъ, съ ослабленіемъ Орды перешло отъ хановъ къ московскимъ великимъ князьямъ и, постепенно расширяясь, усиливаясь и подавляя собою какъ феодализмъ, такъ и признаки древней жизни, — хотя уже парализованные, но все еще существовавшіе и по своимъ качествамъ противные духу единодержавія, — достигло при царѣ Иванѣ Васильевичѣ наивысшаго развитія и такого могущества, какого, смѣемъ думать, никогда и нигдѣ не достигало въ христіанскихъ обществахъ“ *).

Въ XVIII в., когда „у насъ стали копировать внѣшность, но не духъ европейскихъ учрежденій“, возникъ новый элементъ, чуждый русскому народу,—бюрократія. Она, какъ показываетъ М. М. Ковалевскій въ своей книгѣ „Russian Political Institutions“ **) явилась новымъ фазисомъ стараго единовластія. „The single head of the monarch,—говоритъ профессоръ,—has taken on the hundred arms of Briareus“.

IV.

Каждое новое прибавленіе къ территоріи въ Азіи—писалъ фонъ-Брюггенъ три года тому назадъ — означаетъ увеличеніе чиновничества ***). Съ другой стороны, расширеніе самоупра-

*) „Историческія монографіи и изслѣдованія“, томъ XII, стр. 85 (Изданіе 1905 г.).

**) Chicago, 1902.

***) Щедринъ давно уже выразилъ эту мысль необыкновенно образно и колоритно. „Товарищи мои крѣпко пріуныли... Куда дѣвать никому не нужную силу? Какое употребленіе сдѣлать изъ рукъ, которыя такъ и цѣпляются, такъ и хватаютъ?.. Мы не знали никакого ремесла, никакихъ даже словъ, кромѣ „ради стараться!“ и—„съ нами Богъ“. Всякій согласится, что положеніе болѣе безвыходное, болѣе трагическое—трудно себѣ представить!.. Я бросался

вленія ограничиваетъ территорію, отведенную бюрократіи... Во главѣ русской бюрократіи стоятъ люди, которые имѣютъ и силу, и рѣшительность крѣпко держаться за систему централизаціи, не смотря на то, что она поставила всѣ классы населенія въ отчаянное положеніе и посѣяла въ нихъ глубокое неудовольствіе. Населеніе теперь приходитъ къ заключенію, что плодотворная работа бюрократіи слишкомъ ничтожный эквивалентъ за массу народныхъ денегъ, индивидуальную свободу и независимость, принесенныя въ жертву. Сознательное населеніе жалуется, что Россія бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, въ то время, какъ всемогущество бюрократіи все болѣе усиливается. Все чаще и чаще—продолжаетъ фонъ-Брюггенъ, — мнѣ приходилось слышать (писано въ 1902 г.) о неминуемости упорной борьбы мѣстныхъ силъ съ централизованной силой бюрократіи. Къ этой борьбѣ бюрократія готовится тѣмъ, что централизовала еще больше администрацію и финансы" (Russia of to-Day, p. 240). Авторъ дальше дѣлаетъ обзоръ финансовыхъ реформъ Витте и того, что онъ называетъ „походомъ противъ населенія", начиная съ учрежденія института земскихъ начальниковъ. Все это ново для нѣмца или англичанина, но не для русскаго. Вотъ почему я пропущу этотъ обзоръ и перейду къ характеристикѣ, которую фонъ-Брюггенъ даетъ бюрократіи. „Въ Германіи мы знаемъ,—пишетъ нашъ авторъ,—какъ въ самовластныхъ княжествахъ и герцогствахъ легко возникала бюрократія. Отъ ахенскаго конгресса 1818 г. до марта 1848 г. микробъ бюрократіи до такой степени отравилъ кровь нашего государственнаго организма, что болѣе слабая нація врядъ-ли могла бы даже возродиться потомъ. Но въ старой Германіи, состоявшей изъ многихъ маленькихъ деспотій, чиновничество все-таки не могло такъ низко опуститься, какъ въ громадныхъ государствахъ. Въ маленькихъ княжествахъ или герцогствахъ министръ легко могъ знать, что дѣлается въ самой глухой деревушкѣ. Общественное мнѣніе одного городка быстро становилось общественнымъ мнѣніемъ всего государства. Такимъ образомъ даже въ маленькихъ нѣмецкихъ деспотіяхъ чиновники знали надъ собою извѣстную сдерживающую силу. Русскій министръ никогда не знаетъ лично провинціальныхъ чиновниковъ. При отсутствіи свободы печати и сходокъ, а также при громадной величинѣ Россіи — русскаго общественнаго мнѣнія не существуетъ, если не считать взглядовъ на нѣкоторые основные вопросы. Въ какой-ни-

---

и на западъ, и внутрь, все въ надеждѣ что-нибудь зацѣпить, что-нибудь ущемить... Тщетно! Не откуда ничѣмъ раздобыться, некуда ничего нести... Ничего у меня не осталось, кромѣ ужаснаго аппетита! Жррррать!!—И вдругъ я услышалъ слово, которое сразу заставило забиться мое сердце.—Таш-кентъ! Таш-кентъ!—слаще всякой музыки раздавалось въ ушахъ моихъ". („Господа Ташкентцы". Полное собранія сочиненій М. Е. Салтыкова. 1895 г., т. IX, стр 57). Вмѣсто „Ташкента" потомъ явилась Маньчжурія и концессіи на Ялу.

будь провинціи все населеніе можетъ съ полнымъ единодушіемъ относиться совершенно отрицательно къ политикѣ мѣстнаго губернатора, но центральное правительство никогда не узнаетъ объ общественномъ мнѣніи окраины. Населеніе не имѣетъ возможности выразить свое недовольство, какъ бы законно оно ни было. Вотъ почему власть администраторовъ почти безконтрольна. Въ послѣдніе годы она скорѣе увеличилась, чѣмъ уменьшилась". И, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и взяточничество.

Кстати о взяточничествѣ. Когда въ Англіи вышелъ томикъ разсказовъ Чехова, рецензентовъ и публику здѣшнихъ страшно поразили нѣкоторыя мѣста, которыя въ Россіи мы считаемъ совершенно обыкновенными. Помню, напр., одну цитату изъ разсказа „Моя жизнь", которую, какъ нѣчто ужасное, приводили десятки англійскихъ газетъ. „Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя;... во время набора брали и врачи, а городовой врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вслѣдъ:—благодарить надо! — и проситель возвращался". „Какъ люди живутъ въ такой средѣ!"— изумлялись газеты. Такимъ же образомъ изумился бы, вѣроятно, зоологъ, еслибы открылъ присутствіе рыбъ въ сточной канавѣ, отравленной ядомъ изъ сосѣднихъ фабрикъ. Обратимся, однако, къ книгѣ фонъ-Брюггена. „Бюрократія—говоритъ онъ—пытается захватить въ Россіи въ свои руки рѣшительно все и вогнать всю жизнь въ колодки формализма" *). Чтобы имѣть полный контроль надъ страной, бюрократія сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и самые источники доходовъ и при пользованіи ими руководствуется не интересами населенія, а исключительно фискальными соображеніями. Для доказательства авторъ ссылается на водочную монополію. Такъ какъ онъ читаетъ по русски, то приводитъ много фактовъ, почерпнутыхъ изъ нашихъ газетъ, изъ „Вѣстника Европы" и „Русскаго Богатства". Но водочная монополія не составляетъ исключенія. „Въ сельско-хозяйственной странѣ, какую представляетъ собой Россія, крестьянамъ недоступны земледѣльческія орудія, привезенныя изъ-за границы. Крестьянинъ долженъ былъ бы

*) „Von Brüggen", p. 279.

заплатить за американскій плугъ вдвое дороже, чѣмъ онъ стоитъ промышленнымъ конкуррентамъ Россіи... Ввозъ искусственнаго удобренія стѣсненъ пошлинами, тогда какъ вывозъ его поощряется. Костяная мука и жмыхи главнымъ образомъ имѣютъ сбытъ за границей... Вся умственная и экономическая жизнь Россіи находится подъ контролемъ чиновничества" *). „Въ Россіи—продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ—все втягивается въ водоворотъ бюрократическаго надзора и административнаго вмѣшательства... Пароходныя общества, субсидируемыя правительствомъ, поглощаютъ массу народныхъ денегъ. Дунайское общество, напр., имѣетъ корабли, вмѣстимость которыхъ всѣхъ вмѣстѣ всего 281.000 тоннъ. Но грузовъ нѣтъ даже и для нихъ. Общество же получаетъ 312.000 руб. субсидіи въ годъ... Бюрократія захватываетъ все больше и больше въ свои руки различныя проявленія общественной жизни. Живыя силы народа подрываются... Всюду централизація идетъ объ руку съ полнымъ обезличеніемъ. Бюрократія, какъ тяжелый жерновъ, раздавила иниціативу и индивидуальность народа. Въ Россіи трудно найти теперь отрасль промышленности, которой бюрократія не принесла бы вреда своимъ вмѣшательствомъ и тѣмъ, что она относится къ производству съ точки зрѣнія чисто фискальной" *). Но больше всего стремленіе обезличить и раздавить всякую индивидуальность проявилось,—говоритъ фонъ-Брюггенъ—въ отношеніи къ умственной жизни Россіи. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ слишкомъ знакомыхъ намъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи противъ университетовъ, періодической печати, литературы...

„Бюрократія вторглась и въ область юстиціи,—продолжаетъ фонъ-Брюггенъ.—Независимость, предоставленная судамъ реформой шестидесятыхъ годовъ, привлекла туда лучшіе элементы страны, произошло такое нравственное оздоровленіе атмосферы, какого не было ни въ одномъ министерствѣ. Выборные мировые судьи выполняли свое дѣло отлично, къ общему удовольствію. И вдругъ Россія узнала, что неизвѣстно почему выборные мировые судьи замѣнены земскими начальниками. Это—одинъ изъ наиболѣе непонятныхъ въ исторіи актовъ правительства... Армія чиносцевъ (Tschin bearers) увеличилась еще земскими начальниками. Централизація, такимъ образомъ, усилилась"...

V

Искусственнымъ подборомъ садовники создали, такъ называемые, махровые цвѣты, въ которыхъ лепестковъ гораздо больше,

*) Ib., p. 284.
**) Ib., p. 285.

чѣмъ требуется растенію въ нормальномъ, вольномъ состояніи. По мнѣнію Брюггена, такою искусственной „махровостью“ поражаетъ русская бюрократія. Точно такъ, какъ ботаникъ не объяснитъ, зачѣмъ искусственно культивированному маку столько лепестковъ, тогда какъ нормальное растеніе имѣетъ всего четыре,— никто не пойметъ, зачѣмъ въ Россіи требуются полчища чиновниковъ для выполненія дѣла, съ которымъ въ Англіи, напр., справляются (и неизмѣримо лучше) лишь нѣсколько клэрковъ. Эта безполезная „махровость“ нашей бюрократіи ставитъ втупикъ всѣхъ западныхъ наблюдателей. Фонъ-Брюггенъ до такой степени изумленъ сложной бюрократической машиной, что нѣсколько даже фантазируетъ въ объясненіи происхожденія чиновничества. „Всѣмъ извѣстно, — пишетъ фонъ-Брюггенъ, что русская бюрократія дѣлится на четырнадцать классовъ или чиновъ. „Чинъ“—слово китайское и, какъ много вещей въ Россіи, восходитъ, безъ сомнѣнія, ко времени господства монголовъ. Во всякомъ случаѣ, у китайцевъ и теперь одинъ изъ „дзыровъ“ (іероглифовъ), означающій министра или служителя, называется „чинъ“. Пишется онъ, приблизительно, такъ . Это—упрощенный знакъ. Прежде іероглифъ „чинъ“ изображался человѣкомъ, согнувшимся въ низкій поклонъ“ *). Въ Китаѣ, по принципу, мандарина, для изображенія котораго придумали такой своеобразный „дзыръ“, не держатъ на одномъ мѣстѣ больше трехъ лѣтъ. По истеченіи этого срока мандарина переводятъ въ интересахъ службы въ другой конецъ громадной Небесной имперіи. Совершенно подобное же явленіе, по словамъ фонъ-Брюггена, наблюдается и въ Россіи. „Армія чиновниковъ передвигается постоянно изъ одного центра въ другой. Въ маленькихъ государствахъ безразлично, пуститъ ли администраторъ корни въ Кобургѣ или въ Готѣ; но въ громадной имперіи, въ которой столько народностей съ различными обычаями, кочевой чиновникъ не можетъ явиться идеаломъ администратора“. Фонъ-Брюггенъ разсказываетъ дальше, какъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ встрѣтилъ судью, переведеннаго туда прямо изъ Тургайской области. Онъ привыкъ къ кочевымъ инородцамъ, съ которыми всякія церемоніи излишни. Теперь онъ попалъ въ совершенно чуждый край, имѣющій свою высокую культуру, свое обычное право. Судья не зналъ ни мѣстныхъ законовъ, ни языковъ, на которыхъ говорятъ на этой окраинѣ. Въ результатѣ было, что чиновникъ чувствовалъ себя въ Прибалтійскомъ краѣ въ большей пустынѣ, чѣмъ въ Тургайской области. „Кочующій чиновникъ, который сегодня разбираетъ киргизовъ, потомъ латышей или нѣмцевъ, а дальше поляковъ или литовцевъ,—не можетъ не

---

*) Ib., s. 293.

превратиться въ бездушную машину. У него нѣтъ ни времени ни охоты познакомиться съ языкомъ и обычаями народности, среди которой онъ живетъ. Все сводится къ канцелярской работѣ. Чиновникъ думаетъ только о своей собственной выгодѣ. Дѣятельность чиновника заключается въ томъ, чтобы въ его округѣ предупредить такія явленія, которыя могли бы разсердить его непосредственное начальство".

По утвержденію фонъ-Брюггена, никогда еще въ Россіи централизація не достигала такого развитія, какъ теперь (т. е. въ 1902 г.). „Чѣмъ энергичнѣе министръ, тѣмъ больше онъ старается забрать въ свои руки провинціальныя дѣла, чтобы самому слѣдить за ними. Для возможности такого контроля необходима упрощенность явленій, нивелированіе ихъ. Чѣмъ жизнь въ различныхъ губерніяхъ однообразнѣе, тѣмъ легче министру контролировать ее. Вотъ почему энергичные министры, какъ Плеве, напр., смотрятъ на каждое уклоненіе отъ шаблона, какъ на помѣху. Поэтому каждое проявленіе дѣятельности со стороны какого-нибудь муниципалитета, земства, общества или класса вызываетъ подозрѣнія. Энергичный министръ желалъ бы видѣть не живыхъ людей, надѣленныхъ индивидуальностью, пытливымъ умомъ, горячимъ чувствомъ, а безличныя алгебраическія величины, послушно укладывающіяся въ формулы, придуманныя въ центрѣ" *) Въ концѣ своей работы фонъ-Брюггенъ формулируетъ нѣкоторые выводы. „Можно, безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ — привести безконечно много признаковъ, отличающихъ Россію отъ Англіи или отъ Соединенныхъ Штатовъ; но наиболѣе характернымъ признакомъ, бросающимся сразу въ глаза даже поверхностному наблюдателю, будетъ раздѣленіе власти въ упомянутыхъ государствахъ. Въ Россіи она всецѣло находится въ рукахъ правительства, а въ англо-саксонскихъ государствахъ—въ рукахъ народа. Въ Россіи всякая жизнь, всякое движеніе должно исходить сверху; въ Соединенныхъ Штатахъ все исходитъ отъ народа... Въ Россіи всякая инціатива, всякая индивидуальность губерніи, уѣзда или волости подавлена. Въ Америкѣ представителями созидательной силы являются округа (parishes) и отдѣльные штаты. Въ Россіи дѣятельность индивидуума сведена государствомъ до возможнаго минимума, она парализуется, скована сотней мѣстныхъ административныхъ распоряженій. Въ Америкѣ каждый нервъ живетъ, каждый мускулъ напряженъ и работаетъ, не зная помѣхи. Въ Россіи весь организмъ, сверху до низу, прохваченъ страхомъ; въ Америкѣ все и всѣ преисполнены увѣренностью въ своихъ силахъ. Въ Россіи всякое проявленіе независимости въ области правосудія, обычаевъ, языка, вѣры и пр. давится безпощадно. Въ Америкѣ свободное, индивидуальное и коллективное, стремленіе впередъ

*) Ib., p. 295—296.

создаетъ ежечасно новыя права и обычаи, новыя формы вѣрованія и матеріальной жизни. Нужно ли распространяться о томъ, за какой страной останется побѣда въ случаѣ, если имъ придется пережить какой нибудь важный кризисъ, напр., большую войну?"—Это писано за два года до начала войны.

Слѣдующее письмо я посвящу анализу, сдѣланному сэромъ Дональдомъ Мэкензи-Уоллэсомъ, Александромъ Юлларомъ и Зелакіусомъ въ то время, какъ Россію втянули въ гибельную, безполезную войну, а русское общество начало упорную борьбу за элементарныя гражданскія и человѣческія права. А покуда приведу слова, сказанныя выдающимися историками великаго кризиса XVIII вѣка. „Когда реформа дѣлается необходимостью—пишетъ Минье—и наступаетъ минута ея осуществленія, тогда ничто не можетъ воспрепятствовать ей и все обращается въ ея пользу. Счастливы были бы люди, еслибы умѣли въ это время согласиться между собою, еслибы одни уступали свой избытокъ, другіе довольствовались восполненіемъ своихъ недостатковъ". Тогда „историку не приходилось бы напоминать о крайностяхъ и бѣдствіяхъ; ему оставалось бы только изображать человѣчество, преуспѣвающее по пути мудрости, свободы и счастья. Но до сихъ поръ исторія народовъ не представляетъ ни одного примѣра подобнаго благоразумія". Другой историкъ, не французъ, а англичанинъ, указываетъ, что въ подобные трагическіе моменты люди, держащіе все въ своихъ рукахъ, бываютъ поражены какой-то особой слѣпотой, мѣшающей имъ сознать истинное положеніе дѣла. Въ припадкѣ такой слѣпоты, напр., Георгъ III довелъ американскія колоніи до возстанія. Результатомъ было: потеря колоній, громадный долгъ въ 140 милліоновъ ф. ст. и страшный ударъ престижу Англіи въ глазахъ всего міра. „Еслибы Георгъ III побѣдилъ, — продолжаетъ тотъ же историкъ—то самая страшная опасность угрожала бы тогда вольностямъ англійскаго народа. По отношенію къ послѣднему правительство проявило бы тогда такой же произволъ, какъ въ отношеніи къ американскимъ колоніямъ" *). Отпаденіе Соединенныхъ Штатовъ спасло Англію. Оно подсказало ей новую политику въ отношеніяхъ къ собственному народу и къ колоніямъ, населеннымъ европейцами, которая дала такіе поразительные результаты въ XIX вѣкѣ. Не всегда правительства проявляютъ такой государственный тактъ и такую прозорливость. Охваченныя слѣпотой, они совершенно теряютъ способность оцѣнить серьезность событій...

Діонео.

---

*) *Buckle*, „History of Civilization in England". Изд. 1902 г. (въ трехъ томахъ), v. I, p. 482.

Политика.

Миръ.—Условія мира.—Мирная конференція.—Мароккскій вопросъ. — Венгерскій кризисъ. — Шведо-норвежскій конфликтъ. — Текущія событія.

I.

Война кончена. Миръ заключенъ... Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія заносимъ это огромное историческое событіе въ нашу хронику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ чувствомъ глубокой обиды. Ужасная война кончена. Ея ужасы прекратились. Это возбуждаетъ чувство удовлетворенія. Кончилась, однако, война не только безпримѣрно ужасная, но и безпримѣрно ненужная, безпримѣрно напрасная. Въ этомъ сознаніи чувство глубокой обиды. Миръ заключенъ. Это большая радость. Заключенъ онъ на тягостныхъ, безпримѣрно тягостныхъ условіяхъ. Это огромное несчастіе угрожаетъ будущему.

Миръ заключенъ. Война кончилась. Надѣемся, кончилась и военная цензура. Надѣемся, теперь никакія военныя соображенія не мѣшаютъ взглянуть правдѣ въ глаза. Зачѣмъ мы воевали, никто этого не знаетъ. Никто не знаетъ и того, зачѣмъ свершилось это ужасное дѣло въ такой безпримѣрно горестной формѣ? Зачѣмъ мы потратили около милліарда народныхъ грошей? Эти гроши народу нужны, чтобы въ буквальномъ смыслѣ не умереть отъ голода. Зачѣмъ мы дозволили истребить либо изувѣчить около полумилліона нашей молодежи? Ея молодыя силы нужны и обнищалымъ, осиротѣвшимъ семьямъ, и всей націи... Зачѣмъ мы потеряли такъ дорого стоившій намъ флотъ? Онъ очень пригодился бы въ Европѣ, если не для войны, то для охраны мира... Зачѣмъ мы отдали японцамъ южную половину Сахалина, самую богатую? Въ нашихъ рукахъ Сахалинъ былъ мѣстомъ страданія и отверженія. Онъ могъ бы быть мѣстомъ благоденствія и культурнаго развитія... Въ рукахъ японцевъ такъ и будетъ. Зачѣмъ на чужой территоріи соорудили мы желѣзныя дороги, порты, доки, крѣпости? Затратили огромныя средства. Теперь ихъ лишились. Этими сооруженіями мы не богаты и у себя дома. Дома они увеличили бы наше благосостояніе и культурность. Тамъ они принесли намъ только огромные убытки, стыдъ и обиду.

Это „зачѣмъ“ можетъ исписать собою многія страницы. Много страницъ можно написать и вопросами „почему“. Россія января 1904 года (мѣсяцъ открытія военныхъ дѣйствій)—это 130 милліоновъ жителей, 2 милліарда рублей бюджета, 1600 баталіоновъ,

5300 полевыхъ орудій, 23 эскадренныхъ броненосца... Въ то же время Японія имѣла 45 милліоновъ жителей (втрое меньше), 600 милліоновъ бюджета (въ $3^1/_2$ раза меньше), 156 баталіоновъ (болѣе, чѣмъ въ *десять* разъ меньше), 6 броненосцевъ (въ четыре раза меньше)... Почему же Японія въ этой бѣдственной войнѣ шла отъ успѣха къ успѣху? Почему на долю русской арміи и русскаго флота не выпало ни одной удачи, хотя частной и временной? Почему японскіе корабли не переворачивались, какъ русскіе? Почему японскіе контръ-миноносцы нанесли огромные удары русскимъ кораблямъ? Почему не слышно было даже объ атакахъ русскихъ контръ-миноносцевъ (ихъ было, однако, 35!)? Почему снаряды адмирала Того брали на 50 кабельтовъ, а русскіе едва на 40? Почему первокласная крѣпость сдалась при 42 тыс. защитникахъ, когда припасовъ, боевыхъ и съѣстныхъ, еще хватило бы на 3 мѣсяца? Почему корабли были затоплены такъ, что японцы ихъ всѣхъ подняли? Почему, почему и почему, безконечное „почему" стоитъ передъ нами. Отвѣтъ настоятельно необходимъ самый полный и всесторонній. Потому что въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, отечество въ опасности.

Мы не можемъ даже сказать: caveant consules ne quid respublica detrimenti capiat. Римляне имѣли право полагаться на доворъ своихъ консуловъ. Наши консулы (дипломаты, администраторы и финансисты) сами повинны въ этихъ вопросахъ, *зачѣмъ, почему и за что?* Они не досмотрѣли и не досмотрятъ. Сама нація должна досматривать. Гласность, свободная печать, свободный народъ, народное представительство, отвѣтственность нашихъ „консуловъ",—безъ этого не перемѣнить режима, приведшаго къ катастрофѣ. Безъ этого, отечество въ грозной опасности. Безъ этого, русскій великанъ и атлетъ оказывается слабѣе младенца, безпомощнѣе тяжело больного, бѣднѣе банкрота.

II.

Какъ бы то ни было, миръ заключенъ. Сервилисты и льстецы уже гремятъ о „дипломатической побѣдѣ", неслыханной и невиданной, о заслугахъ „героя дня С. Ю. Витте", который и самъ, повидимому, склоненъ возвеличивать свое дѣло. Посмотримъ на величіе дѣла, совершеннаго „героемъ дня".

Ниже мы изложимъ ходъ переговоровъ. Теперь же остановимся только на условіяхъ, какъ они были затребованы японцами и какъ потомъ были согласованы въ засѣданіи 16 (29) августа. Всѣхъ японскихъ условій было двѣнадцать. Ихъ можно раздѣлить на три группы: исторически необходимыхъ Японіи, ради которыхъ она начала войну; расширеніе этихъ требованій,

какъ послѣдствіе японскихъ успѣховъ; и условія, которыми японцы думали предупредить войну въ будущемъ.

Еще въ ноябрѣ 1903 года, на этихъ самыхъ страницахъ, обсуждая надвигавшуюся угрозу войны съ Японіей, мы указали, чего намъ на Дальнемъ Востокѣ не нужно. Это Корея, Квантунская область, южная Маньчжурія (къ югу отъ сибирской желѣзно-дорожной магистрали), преобладаніе въ пекинскихъ совѣтахъ. Все это, намъ ненужное и даже вредное, именно и необходимо японцамъ. Намъ и въ ноябрѣ 1903 года было прямо выгодно отдѣлаться отъ этой дорогой и опасной обузы, изъ-за которой, однако, мы и воевали затѣмъ полтора года. По этимъ вопросамъ, „дипломатическая побѣда" заключалась въ простой и безусловной капитуляціи. Объ этомъ даже не спорили. Японцы предъявили, русскіе признали.

Расширеніе требованій, явившееся послѣдствіемъ японскихъ успѣховъ, можно видѣть въ требованіи эвакуаціи *всей* (т. е. и сѣверной) Маньчжуріи, въ отобраніи южной вѣтви восточно-китайской желѣзной дороги, въ ограниченіи права русскихъ и на сѣверномъ участкѣ этой дороги, въ отмѣнѣ полученныхъ концессій, въ требованіи военной контрибуціи и уступки Сахалина. Все это вытекало изъ головокружительныхъ успѣховъ Японіи. Все это подлежало изученію именно съ точки зрѣнія соотвѣтствія требованій съ успѣхами.

Наконецъ, третья группа условій, ни съ чѣмъ не сообразный размѣръ контрибуціи, передача нейтрализованныхъ судовъ и ограниченіе русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, имѣла въ виду (совершенно ошибочные виды) предупредить войну въ будущемъ.

Оффиціальныхъ текстовъ мы еще не имѣемъ, но агентство Рейтера тамъ резюмируетъ всѣ 12 пунктовъ и ихъ положеніе 5 (18) августа (телегр. Пет. Аг.):

„1) Россія признаетъ преобладающее вліяніе Японіи въ Кореѣ съ правомъ Японіи ограждать гражданскій порядокъ страны. Въ вопросахъ финансовыхъ и военныхъ, съ своей стороны, Японія обязуется сохранить территоріальную цѣлость Кореи и, какъ полагаютъ, политику открытыхъ дверей.

2) Принято взаимное обязательство очистить Маньчжурію.

3) Принято обязательство со стороны Японіи возстановить въ Манчжуріи китайскій суверенитетъ и гражданскую администрацію.

4) Принято взаимное обязательство признавать въ будущемъ территоріальную неприкосновенность и административное единство Китая вмѣстѣ съ Манчжуріей, а также принципъ равенства для всѣхъ націй въ отношеніи промышленности и торговли, т. е. принципъ открытыхъ дверей.

5) По вопросу объ уступкѣ Японіи Сахалина со стороны Россіи полученъ отказъ. и окончательное рѣшеніе этого вопроса отложено.

6) Принята уступка Японіи русскихъ арендныхъ договоровъ на Ляодунскій полуостровъ, включая Портъ-Артуръ и Дальній, а также острова Блондъ и Эллiотъ.

7) Принята передача Китаю, посредствомъ соглашенія съ Японіей, вѣтви китайской желѣзной дороги къ югу отъ Харбина до Портъ-Артура и Нью-Чжуана, совмѣстно съ возвращеніемъ всѣхъ привиллегій, полученныхъ Россіей по договору 1898 года. Пунктъ этотъ принятъ лишь въ принципѣ, окончательное соглашеніе по нему отложено.

8) Ограничена концессія, полученная отъ Китая въ 1896 году Ротштейномъ и кн. Ухтомскимъ, на проведеніе желѣзнодорожной вѣтви черезъ сѣверную Маньчжурію съ цѣлью соединить Сибирскую желѣзную дорогу съ Уссурійскою. Ограниченіе это принято въ такомъ видѣ, что право собственности и эксплоатаціи линіи будетъ принадлежать китайской желѣзной дорогѣ, при чемъ предусматривается возможность замѣны на этой линіи китайской императорской полиціи русской желѣзнодорожной стражей.

9) Возмѣщеніе Японіи военныхъ издержекъ отвергнуто, — дальнѣйшее обсужденіе этой статьи отложено.

10) При обсужденіи вопроса о передачѣ Японіи русскихъ военныхъ судовъ, находящихся въ нейтральныхъ портахъ, произошло разногласіе,—рѣшеніе этого вопроса также отложено.

11) Отложено также, вслѣдствіе разногласія, рѣшеніе вопроса объ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ.

12) Предоставленіе японскимъ подданнымъ правъ рыбной ловли въ русскихъ территоріальныхъ водахъ къ сѣверу отъ Владивостока до Берингова моря—принято единогласно".

Разберемъ по очереди эти пункты.

III.

Когда въ 1894 году изъ-за Кореи возгорѣлась война между японцами и китайцами, русская дипломатія предупредила и Японію и Китай, что какое-либо ограниченіе самостоятельности Кореи или нарушеніе территоріальной цѣлости не будутъ ни въ какомъ случаѣ допущены. Японцы и китайцы обѣщали исполнить это требованіе. Когда въ 1895 году былъ заключенъ между Японіей и Китаемъ симоносекскій мирный договоръ, по которому японцы получали юго-восточную часть Маньчжуріи, пограничную съ Кореей, то русская дипломатія опротестовала эту уступку, какъ опасную для независимости Кореи и потому нарушающую принятыя японцами обязательства. Если бы въ то время Франція и Германія не поддержали русскаго протеста и не соединили свои дальне-восточныя силы съ русскими, Японія уже десять лѣтъ тому назадъ сразилась бы съ нами. Война была только отсрочена, война изъ за Кореи. Теперь Корею уступили безусловно. Это и есть первая дипломатическая побѣда героя дня, первая статья портсмутскаго мирнаго протокола.

По второй статьѣ, „принято взаимное обязательство очистить Маньчжурію". До самаго послѣдняго дня передъ дипломатическимъ разрывомъ 24 января 1904 года, русская дипломатія отказывала японской дипломатіи въ правѣ даже обсуждать вопросъ объ очищеніи Маньчжуріи. Теперь это право японской дипломатіи признано русскою дипломатіею, а на основаніи этого права потре-

бованное очищеніе принято. Это вторая дипломатическая побѣда, вторая статья портсмутскаго договора.

Быть можетъ, слово „взаимное“ должно нѣсколько утѣшать, но третья статья заставляетъ усомниться въ дѣйствительности этой взаимности. Эта статья возлагаетъ на *одну* Японію обязанность „возстановить въ Маньчжуріи китайскій суверенитетъ и гражданскую администрацію“... Что сей сонъ значитъ? Почему въ сѣверной, нынѣ русскими оккупированной, Маньчжуріи возстановлять китайское управленіе будутъ не русскіе, а японцы? Не значитъ ли это, что сѣверную Маньчжурію русскіе должны сдать японцамъ, которые и обѣщаютъ статьей 3 договора затѣмъ „возстановить“ и т. д.? Указанъ ли срокъ исполненія этого обѣщанія? Вѣдь англичане обѣщали очистить Египетъ, а русскіе Маньчжурію. Если японцы не передадутъ Китаю Маньчжурію, кто ихъ къ тому принудитъ? Не смотритъ ли изъ третьей статьи намъ въ глаза призракъ новой войны? Надо помнить приэтомъ, что сѣверная Маньчжурія врѣзывается клиномъ въ наши владѣнія и владѣетъ правымъ берегомъ Амура. Будемъ пока надѣяться, что сокращенное телеграфическое изложеніе этой статьи является причиною такого толкованія и что въ протоколѣ указанное обязательство Японіи относится къ южной части Маньчжуріи, нынѣ оккупированной японцами и что условлено единовременное очищеніе. Иначе, эта третья дипломатическая побѣда угрожаетъ огромными бѣдствіями.

Четвертая статья условливаетъ территоріальную цѣлость Китая, не только Маньчжуріи, но и Монголіи, Чжунгаріи, Восточнаго Туркестана... Наша граница съ Китаемъ остается повсюду открытою нападенію, но граница Китая отъ насъ ограждена принятымъ нами обязательствомъ. Это обязательство едва ли можно засчитать въ активъ нашихъ дипломатическихъ успѣховъ. Что касается принципа открытыхъ дверей, установленнаго тою же четвертою статьей для Маньчжуріи, то этого желали англичане и американцы, и японцы уступили не нашимъ дипломатамъ, а вашингтонскимъ и лондонскимъ.

Статья пятая касалась Сахалина. Японцы его завоевали и желали удержать, русскіе уполномоченные сначала рѣшительно отвергали это условіе. Въ послѣднюю минуту состоялся компромиссъ.

Сахалинъ раздѣлили пополамъ по 50° с. ш. Взаимно условлено Сахалинъ не укрѣплять и войскъ на островѣ не держать. Уступка южной лучшей части Сахалина — очень крупная утрата, а принятое, хотя и на началахъ взаимности, обязательство не укрѣплять и войска не держать чревато всевозможными опасностями. Эта статья можетъ служить во всякое время поводомъ для войны.

Шестая статья заключаетъ уступку Японіи Квантунской об-

ласти. Конечно, это не побѣда, хотя бы дипломатическая. Японцы отняли, обратно взять нѣтъ шансовъ, надо признать. Хотя эта уступка является едва-ли не самымъ крупнымъ пораженіемъ нашей дипломатіи въ этомъ переполненномъ пораженіями портсмутскомъ договорѣ, однако, мы можемъ безъ тревоги и опасеній смотрѣть на эту статью. Мы отдали, что намъ не принадлежало, намъ было не нужно, насъ обременяло, истощало, обязывало.

По седьмому пункту передается японцамъ наша желѣзнодорожная линія къ югу не отъ Харбина, какъ выше приведено и какъ желали японцы, а только къ югу отъ Чантуфу, удерживая въ рукахъ русской компаніи участокъ Харбинъ-Чантуфу. Во всякомъ случаѣ, участокъ Чантуфу-Артуръ, нѣсколько сотъ верстъ, уступленъ, повидимому, безмездно.

Восьмая статья говоритъ о сокращеніи концессіонныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ русскими и о порядкѣ охраны сѣверныхъ участковъ Манчжурской желѣзной дороги. Чтобы оцѣнить значеніе этой статьи, надо имѣть передъ глазами ея полный и точный текстъ.

Затѣмъ слѣдовали три пункта тѣхъ самыхъ требованій, отъ которыхъ японцы въ послѣднюю минуту отказались именно: отъ требованія военной контрибуціи, отъ уступки нейтрализованныхъ судовъ и отъ ограниченія русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ отказомъ отъ сѣверной половины Сахалина, японцы этимъ проложили путь къ миру. Эти условія далеко не равноцѣнны.

Уступка разоруженныхъ русскихъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ Германіи, Китая, Франціи и Америки, представляла, конечно, цѣнность, но не такую значительную, чтобы изъ-за нея Японія рѣшилась продолжать войну. Для Россіи же эти послѣдніе остатки недавно грознаго флота имѣютъ гораздо бóльшую цѣнность. Противъ Японіи эти остатки безсильны и японцы могутъ ими пренебрегать, но противъ Китая, Турціи, Швеціи и пр. — это нѣкоторая цѣнная сила, Россіи не безполезная. Совершенно естественно, если русскіе сопротивлялись этому требованію и также естественно, что японцы уступили по этому пункту. Когда миръ будетъ не только условленъ, но и подписанъ, составится порядочная русская эскадра изъ интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ русскихъ судовъ: эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ" (у нѣмцевъ, въ Кяо-чжоу), бронепалубные крейсера: „Аскольдъ" (въ Шанхаѣ), „Діана" (въ Сайгонѣ), „Аврора", „Олегъ" и „Жемчугъ" (всѣ трое въ Маниллѣ), вспомогательный крейсеръ „Лена" (въ Санъ-Франциско), одиннадцать контръ-миноносцевъ (пять въ Кяо-чжоу, четыре въ Чифу и два въ Шанхаѣ), канонерская лодка „Манчжуръ" (въ Шанхаѣ) и транспорты „Свирь" и „Корея". Для японцевъ, которые теперь имѣютъ 12 броненосцевъ при 9 броненосныхъ крейсерахъ, одинъ „Цесаревичъ" не такъ много значитъ. Для насъ же, имѣющихъ, не считая Чернаго моря

всего два броненосца, „Цесаревичъ" огромное подспорье. Японцы имѣютъ теперь 19 бронепалубныхъ крейсеровъ и 5 русскихъ разоруженныхъ крейсеровъ не очень усилили-бы ихъ флотъ, тогда какъ для насъ это почти все, что осталось отъ бронепалубнаго крейсерскаго флота. Еще есть „Богатырь", безнадежно израненный, и маленькій „Алмазъ". Японцы могли легко уступить по этому пункту. Возможно, что самъ пунктъ былъ выставленъ съ цѣлью имѣть его для уступки во время переговоровъ.

Быть можетъ, такое же значеніе имѣлъ и пунктъ объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. И въ такомъ случаѣ, это былъ въ высокой степени неблагоразумный шагъ со стороны Японіи, потому что само предъявленіе такого условія есть уже глубокое оскорбленіе той державѣ, которая это условіе принуждена выслушивать. Положимъ, побѣдителямъ мало дѣла до національной гордости побѣжденныхъ, но не тогда, конечно, когда желаютъ мира. Если же японцы въ самомъ дѣлѣ думали добиться статьи объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, то это очень печальный для нихъ симптомъ національнаго ослѣпленія. Допустимъ, что они не только этого серьезно потребовали, но и нашлись русскіе дипломаты, которые подписали подобное обязательство, что японцы выиграли бы? Россія теперь значительно слабѣе Японіи на морѣ, и японское господство въ водахъ Дальняго Востока надолго обезпечено и безъ всякихъ о томъ мирныхъ статей, а когда Россія, возстановила-бы свой флотъ и стала бы сильнѣе Японіи на морѣ, ограничительныя статьи потеряли бы всякое реальное значеніе. Кромѣ того, Россія много разъ сильнѣе Японіи на сушѣ. Пораженія суть слѣдствія режима и самимъ японцамъ, если они желаютъ утвердиться на азіятскомъ матерікѣ, бокъ о бокъ съ русскими, необходимы добрососѣдскія отношенія. Иначе ихъ изгнаніе съ азіятскаго материка было бы только вопросомъ времени. И причиною тому были бы эти ограничительныя мирныя статьи, невозможныя не только для великой державы, но и для всякой другой, для Греціи, Португаліи, Даніи. Слава Богу, ихъ этихъ статей, въ трактатѣ нѣтъ и одна изъ главныхъ угрозъ новой войною въ будущемъ устранена.

То же національное ослѣпленіе, которое допустило требованіе ограниченія русской независимости, продиктовало и чудовищный размѣръ потребованнаго японцами возмѣщенія военныхъ издержекъ. Германія въ 1871 году взяла съ Франціи пять милліардовъ франковъ, Японія пожелала взять съ Россіи въ 1905 году около 4 милліардовъ. Но тогда половина Франціи и ея столица были завоеваны нѣмцами, всѣ ея крѣпости были взяты, три арміи капитулировали, четвертая отступила и разоружилась въ Швейцаріи и никого союзниковъ! Положеніе Россіи иное. Я считаю совершенно естественнымъ, что Японія предъявила требованіе

возмѣщенія расходовъ и не нахожу въ этомъ желаніи ничего оскорбительнаго. Очень хорошо, что мы ничего (точно ли ничего? А явно повышенная цѣна содержанія плѣнныхъ?) не платимъ, но если бы нельзя было получить мира безъ возмѣщенія военныхъ издержекъ, то передъ этимъ не слѣдовало бы останавливаться. Выше и ниже указанныя опасности, смотрящія на насъ изъ нѣкоторыхъ статей мирнаго протокола, гораздо хуже единовременной денежной жертвы. Деньги, какъ извѣстно, дѣло наживное, и ничто такъ скоро не излѣчивается и не забывается націями, какъ денежныя жертвы. Другое дѣло— созданіе такихъ условій, при которыхъ недоразумѣнія становятся вѣроятными, порою даже неизбѣжными. Кромѣ уже указанныхъ статей, касающихся оккупаціи Маньчжуріи, охраны маньчжурской желѣзной дороги и державныхъ правъ на Сахалинъ, очень опасною статьей является *девятая* (въ японскомъ. проектѣ двѣнадцатая и послѣдняя), едва ли не самою опасною.

Девятая статья предоставляетъ японцамъ право рыбной ловли въ русскихъ территоріальныхъ водахъ къ сѣверу отъ Владивостока до Берингова моря, т. е. у береговъ нашихъ въ Японскомъ и Охотскомъ моряхъ. Теперь эти берега не заселены и японскіе рыбаки никому не мѣшаютъ. Но развѣ предполагается эти берега оставить навѣки вѣчные незаселенными и пустынными? Да и теперь у немногихъ русскихъ поселеній могутъ возникать недоразумѣнія и столкновенія. Къ тому же статья эта является отчужденіемъ въ пользу Японіи русскихъ державныхъ правъ на побережья въ нѣсколько тысячъ верстъ, а кто знаетъ огромныя рыбныя богатства этихъ отчужденныхъ территоріальныхъ водъ, тотъ пойметъ, что это отчужденіе паче контрибуціи, Сахалина и Квантуна.

По инициативѣ русскихъ уполномоченныхъ, прибавлена еще *десятая* статья, устанавливающая экономическія отношенія между обѣими націями на основахъ, наиболѣе благопріятствуемыхъ державъ. Это значитъ: или для всѣхъ иностранцевъ закрыть плодотворный доступъ въ наше Пріамурье, или предоставить этотъ край экономическому порабощенію японцами. Зачѣмъ это понадобилось нашимъ дипломатамъ? Не въ этомъ ли пресловутая „дипломатическая побѣда“?

IV.

Въ нашей прошлой (іюльской) бесѣдѣ, отдавая отчетъ о начатыхъ переговорахъ о мирѣ, мы замѣтили: „Русскіе уполномоченные теперь переѣзжаютъ океанъ и скоро произойдетъ встрѣча, не менѣе важная, нежели мукденская или цусимская“. Въ теченіе отчетнаго мѣсяца эта встрѣча имѣла мѣсто и ея плоды мы обсуждали на предыдущихъ страницахъ. Теперь дадимъ обзоръ самому ходу переговоровъ.

24 іюля (6 авг.) на яхтѣ „Mayflower" президента Рузвельта произошла первая встрѣча японскихъ и русскихъ уполномоченныхъ. Рузвельтъ ихъ взаимно представилъ и предложилъ завтракъ. Американцы потратили много остроумія, чтобы установить этикетъ и никого не обидѣть. Все обошлось благополучно и уполномоченные послѣ знакомства отправились въ городокъ Портсмутъ, гдѣ 27 іюля (9 авг.) состоялось первое засѣданіе конференціи, посвященное вопросамъ формы. Рѣшено вести протоколы на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Это отступленіе отъ европейскаго обычая пользоваться для международныхъ сношеній только французскимъ языкомъ имѣетъ значеніе, какъ показатель той силы, которую пріобрѣлъ обычай Дальняго Востока, гдѣ дипломатическимъ языкомъ является англійскій. Затѣмъ русскіе уполномоченные представили свои вѣрительныя грамоты. Японскіе уполномоченные признали ихъ удовлетворительными, но своихъ не представили, какъ бы потому, что не считали засѣданія оффиціальнымъ. Въ сущности, это было выраженіе сознанія своего превосходства, своего положенія побѣдителей. Комура изложилъ устно сущность своихъ полномочій. Витте удовлетворился покуда этимъ. Витте предложилъ включить въ число русскихъ уполномоченныхъ проф. Мартенса. Баронъ Комура отклонилъ это предложеніе и никакія ссылки г-на Витте на международное право и прецеденты не поколебали японскаго барона. Витте уступилъ. Баронъ Комура еще разъ показалъ, что онъ господинъ положенія. Затѣмъ были установлены обряды дѣлопроизводства, сроки засѣданій, очередныя дѣла ближайшаго засѣданія.

28 іюля (10 авг.) состоялось второе засѣданіе, на которомъ японскіе уполномоченные должны были представить свои вѣрительныя грамоты. Еще до открытія засѣданія японцы прислали русскимъ англійскій переводъ своихъ полномочій безъ всякой подписи, документъ, не имѣющій никакого юридическаго значенія. Поэтому, въ самомъ началѣ засѣданія Витте вручилъ барону Комура ноту, въ которой выражено удивленіе по поводу того, что японскіе уполномоченные не представили на предыдущемъ засѣданіи своихъ вѣрительныхъ грамотъ, такъ какъ, несомнѣнно, баронъ Комура отказался бы открыть даже частные, неформальные переговоры, если бы Витте не представилъ удовлетворительныхъ полномочій. Послѣ этого японцы предъявили подписанную грамоту, но на японскомъ языкѣ. Однако, обѣ: и англійская, и японская бумаги были возвращены; барону Комура заявлено, что русскіе уполномоченные ждутъ подписаннаго перевода, что и было исполнено. При сличеніи полномочій обнаружилось, что Витте облеченъ *неограниченными* полномочіями, между тѣмъ какъ согласно инструкціямъ барона Комура измѣненія, внесенныя делегатами, должны представляться на усмотрѣніе микадо, отъ

котораго зависитъ окончательное рѣшеніе. Въ виду этого Витте заявилъ, что въ интересахъ уравненія полномочій, русскіе не воспользуются правомъ подписать договоръ помимо сношеній съ Петербургомъ. Затѣмъ баронъ Комура велѣлъ подать себѣ документъ въ бѣлой обложкѣ, изложенный на японскомъ и французскомъ языкахъ, и безъ всякихъ вступительныхъ замѣчаній произнесъ слѣдующія японскія, тутъ же на французскій языкъ переведенныя секретаремъ слова: „Имѣю честь передать вамъ, господинъ спеціально уполномоченный, требованія, которыя его величеству императору японскому, по совѣщанію съ правительствомъ его величества, благоугодно было вручить мнѣ". При этомъ баронъ Комура прибавилъ, что условія Японіи *умѣренны* и могутъ быть приняты основаніемъ для переговоровъ... Витте спряталъ документъ и въ отвѣтѣ выразилъ *надежду на заключеніе прочнаго мира.*

Требованія Японіи, заключавшіяся въ этомъ документѣ, и составляютъ тѣ двѣнадцать пунктовъ, которые приведены выше. По закрытіи засѣданія и по уходѣ японскихъ делегатовъ, вся русская миссія собралась, и началось обсужденіе условій предложенныхъ Японіей.

Въ этотъ психологическій моментъ, когда русскіе представители знакомились съ японскими условіями и принимали рѣшеніе огромнаго историческаго значенія, общественное мнѣніе Европы и Америки было очень благопріятно японцамъ. Такъ, изъ того же Портсмута, гдѣ велись переговоры, агентство Рейтера сообщило, что „пріѣхавшіе въ Портсмутъ члены японскаго парламента сообщаютъ, что они бесѣдовали въ различныхъ городахъ съ очень многими видными американскими дѣятелями по вопросу о томъ, какія условія мира признаются ими разумными, и что взгляды ихъ различаются весьма мало. По семи пунктамъ они высказались почти единодушно; главное изъ нихъ—уплата военныхъ издержекъ въ одинъ милліардъ долларовъ, уступка Сахалина, Ляодунскаго полуострова и желѣзной дороги, протекторатъ Японіи и открытыя двери въ Маньчжуріи".

Не говоря объ англійской прессѣ, которая находила эти и подобныя условія очень умѣренными, и нѣмецкая пресса признавала, что требованія японцевъ именно тѣ самыя, которыя всѣ предвидѣли и не могли ожидать ничего другого.

29 іюля (11 авг.) конференція не засѣдала. 30 іюля состоялось третье совѣщаніе русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ. Оно было короткимъ и закончилось въ 10 ч. 40 м. утра. Витте представилъ русскій отвѣтъ, и засѣданіе было отложено для того, чтобы дать возможность Комурѣ и его товарищамъ обсудить документъ. Витте вѣжливо замѣтилъ, что онъ ожидаетъ такой же быстроты японскаго отвѣта, какая была соблюдена при выработкѣ русскаго; на это была выражена съ японской стороны

полная готовность. Русскіе и японцы оставались въ зданіи морского арсенала, при чемъ японскій главный уполномоченный и его ассистенты устроили формальное засѣданіе съ цѣлью обсудить русскій отвѣтъ и сообщить его въ Токіо. Мы теперь знаемъ, что русскій отвѣтъ заключалъ категорическій отказъ по пунктамъ пятому, девятому, десятому и одиннадцатому японскаго документа и готовность войти въ соглашеніе по остальнымъ восьми японскимъ требованіямъ.

Положеніе въ это время было мало утѣшительное. Съ одной стороны, русскіе представители заявляли, что Россія „не можетъ согласиться ни на возмѣщеніе Японіи военныхъ издержекъ, ни на уступку въ ея пользу территоріи". Съ другой стороны, японцы утверждали, что они безусловно будутъ настаивать на уплатѣ контрибуціи и уступкѣ Сахалина. Если бы Комура отказался отъ этихъ требованій, то онъ вооружилъ бы противъ себя общественное мнѣніе Японіи.

Того же 30 іюля (12 авг.) состоялось четвертое засѣданіе. Въ 3 часа въ зданіи морского арсенала возобновилось совѣщаніе между русскими и японскими уполномоченными, которые немедленно приступили къ оживленному обсужденію. Одинъ изъ японскихъ секретарей прибылъ въ отель, незадолго до трехъ часовъ, съ ящикомъ, содержавшимъ оффиціальныя бумаги, и немедленно принялся за составленіе шифрованныхъ депешъ. Отъ него не удалось получить ни малѣйшихъ намековъ на положеніе дѣлъ. Повидимому, то, что происходило въ залѣ совѣщанія, далеко не внушало оптимизма. Въ 5 ч. 40 м. уполномоченные еще продолжали засѣданіе, не прерывавшееся съ 3 час. дня. Вскорѣ послѣ 5 час. статсъ-секретарь С. Ю. Витте послалъ на телеграфъ депешу. Въ 7 час. вечера совѣщаніе было прервано до завтрашняго дня. Надежды на благопріятный исходъ оживились. Дѣло въ томъ, что уполномоченные рѣшили обсудить и согласовать тѣ восемь статей, которыя были въ принципѣ приняты обѣими сторонами. Четвертое засѣданіе (второе 30 іюля) и было посвящено обсужденію первой статьи. Эта статья касается Кореи. Русскіе возражали противъ редакціи, японцы одобрили русскія указанія. Въ этомъ и заключался главный успѣхъ этого засѣданія и этого дня.

Въ томъ же засѣданіи подверглись обсужденію и пункты 2-й и 3-й японскаго документа. Повидимому, внесены редакціонныя измѣненія. Отсюда нѣкоторая надежда, что эти пункты (о Маньчжуріи) могутъ быть изложены не въ той неудобной формѣ, въ которой они опубликованы агентствомъ Рейтера. Во всякомъ случаѣ, окончательная резолюція была отложена до слѣдующаго засѣданія. 31 іюля засѣданій не было. Въ утреннемъ засѣданіи 1 (14) августа была одобрена въ окончательной редакціи первая статья, и въ вечернемъ — вторая и третья. Эвакуація

Маньчжуріи и протекторатъ надъ Кореей — это тѣ вопросы, изъ за которыхъ Японія объявила войну. Съ одобреніемъ первыхъ трехъ пунктовъ всѣ ея требованія до войны удовлетворены и остальныя являются послѣдствіемъ ея военныхъ успѣховъ.

Въ засѣданіи 2 августа подвергнутъ обсужденію и одобренъ четвертый пунктъ, касающійся равнымъ образомъ Маньчжуріи. Повидимому, эта статья не вызвала серьезнаго разногласія, хотя можетъ имѣть огромное значеніе. Именно въ этой статьѣ условленъ новый принципъ цѣлости и неприкосновенности китайской территоріи. Обсужденіе пятаго пункта (объ уступкѣ Сахалина) было отложено. Вслѣдъ за тѣмъ обсуждена шестая статья, по которой Россія уступаетъ Японіи всѣ свои права на Квантунскую область съ Артуромъ и Дальнимъ и всѣми сооруженіями. Эта уступка является для Японіи огромнымъ пріобрѣтеніемъ, обезпечивающимъ ей политическое вліяніе въ Пекинѣ, экономическія преимущества въ Маньчжуріи и господство на морѣ.

3 (16) августа обсуждались статьи 7 и 8, касающіяся маньчжурской (восточно-китайской) желѣзной дороги. Магистраль отъ р. Аргуни на сѣв. западѣ до станціи Пограничная, на юго-востокѣ (въ Уссурійскомъ краѣ) оставлена въ рукахъ русской желѣзнодорожной компаніи. Относительно южной вѣтви отъ Харбина до Артура сначало сообщалось, что она уступается Китаю, но послѣднія извѣстія этому противорѣчатъ. Вѣтвь отъ станціи Чантуфу до Артура уступается будто бы непосредственно японцамъ, которые ее будутъ охранять своими войсками, какъ и русскіе сѣверный участокъ. Это очень крупное измѣненіе и надо обождать его подтвержденія.

4 (17) августа обсуждали пунктъ 9 (о военномъ вознагражденіи). На это требованіе Витте отвѣтилъ, что „если мы предлагаемъ покрыть расходы, вызванные перевозкой и содержаніемъ русскихъ плѣнныхъ и раненыхъ, то мы готовы сдѣлать это безъ всякихъ разговоровъ и безъ предварительнаго опредѣленія суммы. Точно такъ же мы готовы покрыть всякій долларъ, издержанный на постройку жилищъ для плѣнныхъ, или на всякое иное благотворительное дѣло. Но мы безусловно высказываемся противъ такимъ суммъ, которыя требуются съ цѣлью повредить намъ. Побѣжденный народъ, можетъ быть, долженъ платить за это, но Россію нельзя заставить сдѣлать это“. Такъ какъ японскіе делегаты не считали себя въ правѣ измѣнить свои требованія, то вопросъ былъ оставленъ. Требованіе же выдачи интернированныхъ судовъ С. Ю. Витте нашелъ противорѣчащимъ основамъ международнаго права, и указалъ, что во всей исторіи морскихъ войнъ нѣтъ такого прецедента.

5 августа перешли къ разсмотрѣнію § 11-го (объ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ водахъ Дальняго Востока). Конференція встрѣтила по этому пункту противорѣчіе и, не придя ни

къ какому рѣшенію, единогласно приняла § 12-ый о предоставленіи японцамъ правъ на рыбную ловлю въ русскихъ водахъ.

Послѣ этого, засѣданія были отсрочены до сношенія съ Токіо и Петербургомъ по вопросамъ, затронутымъ несогласованными пунктами 5, 9, 10 и 11 японскаго документа. Затѣмъ день тянулся за днемъ. Самыя противорѣчивыя свѣдѣнія волновали и тревожили цивилизованный міръ, переходили отъ надежды къ отчаянію и къ концу этого мучительнаго періода одиннадцати дней напряженной тревоги возобладало пессимистическое настроеніе. Неуступчивость Россіи, выразившаяся въ словахъ Витте „ни пяди русской территоріи, ни копѣйки военной контрибуціи", при настойчивости Японіи по этимъ двумъ пунктамъ, обнаруживали, казалось, совершенную невозможность согласовать занятыя точки зрѣнія. Совершилось, однако, чудо и невозможное стало возможнымъ. Какимъ образомъ и почему? Исторія еще не сняла покрывала съ этой тайны. Внѣшній ходъ событій такъ изложенъ въ оффиціальномъ сообщеніи русскаго правительства:

„Посвятивъ на работу нѣсколько засѣданій, русскіе уполномоченные пришли къ заключенію, что по четыремъ пунктамъ японскихъ предложеній не можетъ состояться соглашеніе, вслѣдствіе чего японскіе делегаты выразили готовность испросить дополнительныхъ инструкцій отъ своего правительства, въ видахъ изысканія примирительнаго выхода изъ возникшихъ серьезныхъ затрудненій.

„Послѣ сношеній съ Токіо, японскіе делегаты заявили, что они отказываются 1): отъ поставленнаго ими условія ограниченія русскихъ военныхъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ и 2) отъ выдачи Японіи русскихъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ; но продолжаютъ настаивать какъ на уступкѣ острова Сахалина, такъ и особливо на уплатѣ Россіею военной контрибуціи.

„Руководствуясь данными имъ указаніями, россійскіе уполномоченные рѣшительно отвергли послѣднія предложенія, заявивъ, что они не могутъ входить въ дальнѣйшее обсужденіе условій мира до тѣхъ поръ, пока Японія будетъ настаивать на возмѣщеніи ей военныхъ издержекъ.

„Принимая во вниманіе, что таковой оборотъ дѣла могъ повести къ разрыву переговоровъ между уполномоченными обѣихъ державъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по почину коего состоялись совѣщанія въ Портсмутѣ, рѣшился вновь обратиться черезъ посредство представителя Штатовъ въ Петербургѣ къ государю императору, прося во имя одушевляющихъ его императорское величество чувствъ человѣколюбія согласиться для избѣжанія дальнѣйшаго кровопролитія на принятіе новаго предложенія японскаго правительства.

„Предложеніе это сводилось къ тому, чтобы Россія, въ виду

созданнаго высадкою японскихъ войскъ фактическаго положенія вещей на Сахалинѣ согласилась оставить за Японіею принадлежавшую ей до 1875 г. южную часть острова при условіи выкупа сѣверной за вознагражденіе въ суммѣ 1.200.000.000 іенъ.

„Выражая президенту Рузвельту признательность за проявленное имъ стремленіе содѣйствовать возстановленію мира, государь императоръ однако не нашелъ возможнымъ принять помянутое предложеніе, по существу равносильное уплатѣ Японіи военной контрибуціи.

„Извѣщенные черезъ россійскихъ уполномоченныхъ о такомъ рѣшеніи, японскіе делегаты на засѣданіи 16 августа заявили, что, согласно полученнымъ ими указаніямъ отъ своего правительства, Японія отказывается отъ всякаго денежнаго вознагражденія за военныя расходы, но сохраняетъ за собой южную часть Сахалина".

Всѣмъ, конечно, хочется отгадать тайну совершившагося чуда. Иные полагаютъ, что существуютъ секретныя статьи, но недавнее возобновленіе англо-японскаго союза дѣлаютъ невозможнымъ тайное русско-японское соглашеніе. Очень распространено мнѣніе что Англія сдѣлала серьезное давленіе въ Токіо. Это возбудило бы японцевъ противъ англичанъ и потому мало вѣроятно, чтобы они рѣшились на такой шагъ. Нѣкоторые журналисты изъ японскихъ уступокъ вывели, что дѣла маршала Оямы плохи. Это очень опасная для насъ гипотеза, пока не подписанъ и не ратификованъ мирный договоръ. Надо хорошо помнить, что это только гипотеза, основанная на выводѣ изъ факта, могущаго имѣть множество иныхъ причинъ и толкуемаго очень субъективно. „Уступчивость" японцевъ очень относительная. Они добились всего, чего только желали и о чемъ только могли мечтать, и рисковать этими достигнутыми результатами нашли опаснымъ. Мнѣ кажется это наиболѣе вѣроятное объясненіе. А неожиданный даръ принципа наиболѣе благопріятствуемой державы стоитъ десяти такихъ контрибуцій. Вмѣстѣ съ отчужденіемъ рыбныхъ ловель, это экономически передаетъ японцамъ весь нашъ Дальній Востокъ.

20 августа (1 сентября) пришло, наконецъ, извѣстіе и о заключеніи перемирія, но съ оговоркою, что оно вступитъ въ силу послѣ подписанія мирнаго договора (на срокъ до ратификаціи). Этой отсрочки пожелали японцы. Что-то они предусматриваютъ.

Мартенсъ отъ Россіи и Денисонъ отъ Японіи редактируютъ проектъ трактата. По извѣстіямъ отъ 19 августа, уже проредактированы десять статей, изъ коихъ только редакція второй и третьей (о Маньчжуріи) еще не вполнѣ согласована.

V.

Когда мы заключали нашу прошлую бесѣду, столкновеніе между Франціей и Германіей изъ-за Марокко казалось улаженнымъ. Франція вмѣсто преимущественныхъ правъ въ Марокко, уже ею провозглашенныхъ и уже признанныхъ Англіей, Италіей, Испаніей и самимъ султаномъ Феца, согласилась на провозглашеніе принципа открытыхъ дверей, какъ того требовала Германія устами своего императора. Кромѣ того, Франція смѣнила министра, неугоднаго Германіи, подписала декларацію, утверждающую указанную выше уступку, и согласилась на конференцію по марокскому вопросу, чего добивалась германская дипломатія. Казалось, чего еще? Казалось, что эта черная точка на нашемъ историческомъ горизонтѣ прояснилась и съ этой стороны нельзя ждать новыхъ опасностей. Однако, протекшій затѣмъ мѣсяцъ не принесъ полнаго успокоенія въ этомъ отношеніи, и тревога порою проявляется съ нѣкоторою остротою, не совсѣмъ необыкновенною.

Такъ, уже мѣсяцъ тому назадъ, 14 (27) іюля, среди сообщеній о пребываніи г-на Витте въ Парижѣ въ сообщеніи „Agence Havas" проскользнула совершенно неожиданное извѣстіе, что германскій посолъ въ Парижѣ кн. Радолинъ присутствовалъ на пріемѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе часа бесѣдовалъ съ Рувье. „Оффиціальныя сферы хранятъ молчаніе, повидимому, нѣкоторыя детали марокскаго вопроса еще не улажены". Оффиціальныя сферы продолжали хранить молчаніе, но извѣстія изъ Феца и Танжера становились все менѣе успокоительными. 16 (29) іюля, султанъ Абдъ-Эль-Азисъ принялъ предложеніе германской фирмы Рентмана и разрѣшилъ ей сооруженіе порта въ Танжерѣ за 1.200,000 фр. Французскія и англійскія предложенія отклонены. Это начинало не походить на „открытыя двери". Слѣдовало подождать проектированной конференціи. Затѣмъ отъ 20 іюля (2) авг. изъ Феца сообщили, что графъ Таттенбахъ ходатайствуетъ у султана о проложеніи кабеля между Танжеромъ и Могадоромъ, и, что переговоры очень подвинулись впередъ. Отъ 3 (16) августа, что соглашеніе относительно германскаго займа окончательно достигнуто и принято весьма неблагопріятно въ дипломатическихъ кругахъ, считающихъ его некорректнымъ съ дипломатической точки зрѣнія и, въ дѣйствительности, вреднымъ. Неудовольствіе французовъ и англичанъ вполнѣ понятно. Уже 19 іюля Рувье попросилъ объясненія у кн. Радолина, но неизвѣстно до сихъ поръ, что получилъ въ отвѣтъ. Какъ разъ въ это время и безъ того нѣсколько обостреннаго состоянія переговоровъ, въ Марокко произошелъ

инцидентъ, въ обыкновенное время вовсе не тревожный, а теперь далеко не безопасный. Абдъ-Эль-Азисъ приказалъ арестовать алжирца, проживающаго въ Марокко и находящагося подъ французскимъ покровительствомъ. Французскій посланикъ Тальяндіе протестовалъ противъ такого нарушенія международныхъ договоровъ и потребовалъ освобожденія арестованнаго и уплаты вознагражденія. Французское правительство узнавъ объ арестѣ французскаго подданнаго, алжирца, въ Марокко, вполнѣ одобрило требованіе о вознагражденіи, предъявленное французскимъ посланникомъ къ марокскому султану. Вмѣстѣ съ этимъ Рувье предписалъ французскимъ дипломатическимъ представителямъ заграницею довести до свѣдѣнія державъ, подписавшихъ мадридскую конвенцію, о происшедшемъ инцидентѣ и о намѣреніи французскаго правительства потребовать удовлетворенія. Сперва господствовало въ Парижѣ и Лондонѣ мнѣніе, что Германія и въ этомъ вопросѣ стоитъ за спиною марокскаго султана, но берлинское правительство заявило, что оно одобряетъ точку зрѣнія французскаго правительства о неприкосновенности иностранцевъ въ Марокко и о подчиненіи ихъ исключительно юрисдикціи консуловъ. Это, конечно, общій интересъ всѣхъ европейцевъ, въ томъ числѣ и нѣмцевъ. Однако, острое соперничество европейскихъ націй изъ-за вліянія въ Фецѣ только и могло дать Абдъ-Эль-Азису смѣлость бравировать требованія Франціи. Извѣстія изъ Марокко все еще тревожныя. Отъ 14 (27) августа сообщали, что магзенъ (такъ называется первый министръ въ Марокко) „письменно отвѣтилъ на представленіе Тальяндіе, отвергъ французскія требованія и не согласился на разсмотрѣніе этого дѣла французскимъ судомъ. Хотя, по всеобщему мнѣнію, магзенъ уступитъ въ послѣднюю минуту, здѣсь (въ Танжерѣ) полагаютъ, что французское правительство готово принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы произвести давленіе на султана; но такъ какъ военная демонстрація, которая была бы произведена на сухопутной границѣ или у побережья, угрожала бы безопасности французскаго посланника въ Фецѣ, то необходимо сначала отозвать его. Съ другой стороны, думаютъ, что французское правительство будетъ настаивать на передачѣ черезъ высокопоставленное лицо мавританскаго происхожденія извиненій французскому адмиралу, даже въ случаѣ согласія на требованія Франціи".

Отъ 15 авг. къ этому прибавляютъ, что Франція даетъ султану срокъ, послѣ истеченія котораго прибѣгнетъ къ репрессивнымъ мѣрамъ.

Что касается состоянія переговоровъ между Франціей и Германіей по марокскому вопросу, то послѣднее сообщеніе „Agence Havas", хотя и старающееся успокоить встревоженное общественное мнѣніе, не совсѣмъ успокоительнаго характера; оно гласитъ, что 13 (26) августа, въ 12 час. дня была передана Рувье кн.

Радолиномъ отвѣтная нота Германіи. Въ ней разсматриваются въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ всѣ пункты французскаго предложенія, но при этомъ внесены со стороны Германіи новые пункты. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что соглашеніе еще не состоялось и будетъ продолжаться обмѣнъ взглядовъ между французскимъ и германскимъ правительствами. Эти переговоры болѣе мѣсяца послѣ подписанія окончательнаго соглашенія, въ связи съ пріобрѣтаемыми концессіями, не могутъ считаться вполнѣ нормальными, а неизвѣстное направленіе, въ которомъ можетъ развиться инцидентъ съ арестомъ алжирца, оставляетъ наше историческое небо довольно таки пасмурнымъ. Особенно, если помнить объ острой полемикѣ между нѣмецкими и англійскими газетами и о несостоявшемся свиданіи между императоромъ Вильгельмомъ и королемъ Эдуардомъ.

Будемъ надѣяться на лучшее, но не скроемъ отъ себя, что и для пессимистическихъ предвидѣній имѣется не мало основаній.

VI.

Венгерскій кризисъ теперь протекаетъ безъ крупныхъ событій въ ожиданіи осенней сессіи парламента. Броженіе въ средѣ парламентскихъ партій и вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, поднятый министромъ Кристоффи, составляютъ нынѣ наиболѣе интересныя стороны кризиса. Коалиція оппозиціонныхъ партій заключаетъ въ своемъ составѣ умѣренныя фракціи (сторонники бывшаго премьера Банфи), а въ либеральной партіи находится не мало недовольныхъ политикою Стефана Тиссы и склонныхъ выйти изъ состава партіи. Если бы эти двѣ смежныя фракціи соединились, то возникла бы третья партія центра. Однако, для того, чтобы эта новая партія получила большинство, необходило, чтобы и слѣва отъ коалиціи, и справа отъ либераловъ отпало много сторонниковъ. Движеніе въ этомъ направленіи существуетъ, но увѣнчается ли оно успѣхомъ, гадать еще рано.

Еще большее значеніе для исхода кризиса можетъ имѣть поднятый вопросъ о введеніи всеобщей подачи голосовъ, на сторону котораго стало нынѣ уже очень вліятельное въ Венгріи рабочее сословіе. Сообщаютъ, что Кристоффи внесетъ въ осеннюю сессію законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Рабочіе требуютъ, чтобы коалиція допустила и приняла этотъ законопроектъ, что было бы равносильно косвенному признанію правительства. Въ началѣ августа собирались вожди оппозиціи. Ихъ отношеніе къ вопросу о всенародномъ голосованіи еще не выяснилось. Рѣшили продолжать обструкцію и предать министерство суду.

Обструкція дѣйствительно продолжается, налоги не вносятся, запасные и рекруты не призываются. Будто бы Фейервари проектируетъ репрессивныя мѣры, а пока продолжаетъ дѣлать все новыя и новыя закононарушенія. Такъ, общее австро-венгерское правительство производитъ общіе расходы на войско, не представляя части ихъ, падающей на Венгрію, венгерской делегаціи на утвержденіе, а Фейервари взялъ подъ личную свою отвѣтственность расходованіе означенной части военнаго бюджета. Все это, однако, временный режимъ, и такъ долго длиться состояніе не можетъ. Приближается время, когда кризисъ долженъ разрѣшиться или уступкою короны по вопросу о командномъ языкѣ въ венгерскихъ полкахъ, или уступкою парламента образованіемъ средней партіи и проведеніемъ демократическихъ реформъ, не касаясь арміи. Канцлеръ имперіи гр. Голуховскій выразился, что положеніе невыносимо и что „ждать можно еще только до осени".

Продолжаютъ развиваться событія и на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ прошлой бесѣдѣ мы уже привели въ краткомъ телеграфическомъ изложеніи постановленіе шведскаго риксдага, повлекшаго паденіе либеральнаго примирительно настроеннаго министерства. Вотъ это постановленіе въ полномъ видѣ:

„Правительственный законопроектъ о расторженіи уніи въ представленной формѣ не пріемлемъ; переговоры съ Норвегіей могутъ быть завязаны при условіи, если *новоизбранный* стортингъ предложитъ уничтоженіе государственныхъ актовъ и разрывъ уніи, или если Норвегія предъявитъ такое требованіе послѣ того, какъ норвежскій народъ выскажется въ его пользу путемъ всеобщаго голосованія. Кромѣ того: 1) между обоими государствами должна быть установлена пограничная полоса извѣстной широты, въ предѣлахъ которой должны быть срыты укрѣпленія и не должны возводиться новыя; 2) опредѣляется право выпаса для оленей шведскихъ лапландцевъ въ Сѣверной Норвегіи; 3) транзитная торговля въ обоихъ государствахъ не должна встрѣчать препятствій или несправедливыхъ стѣсненій; 4) договорно-правовое положеніе Швеціи по отношенію къ иностраннымъ государствамъ должно быть выяснено такимъ образомъ, чтобы за этимъ государствомъ была прочно обезпечена полная свобода отъ отвѣтственности за Норвегію предъ другими государствами. Считается желательнымъ, но не необходимымъ, учрежденіе особаго судилища по вопросу о расторженіи. Постановлено уполномочить коммиссію государственныхъ долговъ, путемъ выпуска займа, доставить 100 милліон. кронъ; эта сумма должна пойти на мѣропріятія, которыя могутъ быть вызваны обстоятельствами, побудившими къ созыву чрезвычайной сессіи риксдага. Въ заключеніе, заявляется, что все, имѣющее отношеніе къ благосостоянію и достоинству Швеціи, должно считаться и отстаиваться, какъ непремѣнное условіе уничтоженія государственныхъ актовъ со стороны Швеціи и какъ условіе признанія послѣднею самостоятельности Норвегіи".

Мы уже указывали, что требованіе о новыхъ выборахъ въ стортингъ или о плебисцитѣ, а равно, чтобы *послѣ этого* норвежское правительство обратилось къ шведскому съ просьбой о переговорахъ, являются явно неправильнымъ вмѣшательствомъ

шведскаго парламента въ неподлежащіе ему внутренніе распорядки Норвегіи. Если шведскіе націоналисты думали этимъ возбудить норвежцевъ и побудить ихъ къ шагу, который возложилъ бы на нихъ отвѣтственность за вооруженное столкновеніе, то они ошиблись. Уже на слѣдующій день по принятіи стокгольмскимъ парламентомъ цитированнаго постановленія 15 (28) іюля, норвежское правительство внесло въ стортингъ проектъ закона, касающійся производства народнаго голосованія по вопросу о расторженіи уніи со Швеціей. Голосованіе должно было состояться 31 іюля, въ 1 часъ дня. А на слѣдующій день, 16 (29) іюля стортингъ единогласно одобрилъ этотъ законопроектъ. По окончательномъ подсчетѣ состоявшагося въ назначенный срокъ голосованія результаты получились слѣдующіе: 368,200 голосовъ подано за расторженіе уніи, 184—противъ. При послѣднихъ выборахъ въ стортингъ общее количество поданныхъ голосовъ равнялось 236,641. Словомъ, весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, высказался за расторженіе уніи. Послѣ этого голосованія не можетъ быть сомнѣнія, что разрывъ со Швеціей есть воля всего норвежскаго народа.

Постановленіе риксдага потребовало также обращенія норвежскаго правительства къ шведскому послѣ голосованія. Норвежцы пожелали исполнить и эту претензію шведовъ. 9 (22) августа стортингъ постановилъ: „1) стортингъ приглашаетъ шведскихъ государственныхъ людей оказать свое содѣйствіе въ дѣлѣ расторженія уніи, уничтоживъ актъ уніи по отношенію къ Швеціи; 2) правительство уполномачивается вести переговоры со Швеціею относительно различныхъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ расторженіемъ уніи, включая сюда вопросы, упомянутые въ заключеніи шведскаго риксдага 14 іюля 1905 года; 3) правительству предлагается довести до свѣдѣнія шведскаго правительства предложеніе правительства стортингу за № 87 и сообщеніе стортингу № 16, которые содержатъ отчетъ о плебисцитѣ".

Теперь снова слово за шведами. Будемъ надѣяться, что результаты голосованія 1 (14) августа убѣдятъ шведскихъ государственныхъ людей, что дальнѣйшее сопротивленіе рѣшенію норвежскаго народа можетъ повести лишь къ самымъ бѣдственнымъ событіямъ.

Швеція сильнѣе Норвегіи. Это видно ясно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Швеція.	Норвегія.
Батальоновъ	79	27
Эскадроновъ	50	9½
Батарей	38	11
Инжен. ротъ	9	19
Орудій	228	66
Комбатантовъ	112 тыс.	30 тыс.

Дѣло, однако, въ томъ, что въ Норвегіи ландверъ и ландштурмъ даютъ еще около 80 тыс. комбатантовъ при 200 орудіяхъ. Остается еще всенародное ополченіе, грозная сила при высокомъ подъемѣ народнаго чувства. Борьба была бы тяжелая для обѣихъ сторонъ, и шведы не могутъ разсчитывать на несомнѣнный успѣхъ. Въ 1815 году норвежцы уже отбили однажды шведское нападеніе и уступили лишь угрозамъ великихъ державъ. Теперь эти угрозы не повторяются и скандинавскіе народы должны сами устроить и упорядочить свои отношенія. Уменьшеніе военной силы очень непріятно шведскому королевскому дому, но попытка насилія надъ Норвегіей приведетъ лишь къ еще большему умаленію военной мощи и нанесетъ на многія поколѣнія неизлѣчимыя раны обоимъ народамъ. Риксдагъ уже сдѣлалъ крупную ошибку, свергнувъ примирительно настроенное министерство, потребовавъ ничѣмъ не оправдываемыя условія и принявъ угрожающую мѣру въ видѣ ста-милліоннаго ассигнованія на военныя приготовленія.

Теперь предстоятъ переговоры о выработанныхъ шведами условіяхъ расторженія уніи. Нѣкоторыя изъ этихъ условій вѣроятно вполнѣ пріемлемы со стороны Норвегіи, но имъ было бы умѣстно фигурировать въ коммерческихъ конвенціяхъ (напр. о транзитѣ), а не въ актѣ, гдѣ признается суверенитетъ одной стороны и условіями этотъ суверенитетъ тутъ же нарушается. То же слѣдуетъ сказать и объ условіи срытія крѣпостей. Дѣло въ томъ, что шведская граница не укрѣплена, такъ что срывать укрѣпленія придется только норвежцамъ, которые однако, слабѣе шведовъ. При международной гарантіи это легко было бы уладить, но для этого надобно нейтрализовать не только границу, а оба государства. Норвежцы давно желаютъ гарантированной нейтральности, но шведы этого не желаютъ, не разставаясь съ мечтою о возрожденіи великодержавности. Отпаденіе Норвегіи наноситъ новый жестокій ударъ этой мечтѣ. Съ послѣдствіями этого факта надо, однако, считаться.

Норвежцы, какъ извѣстно, предложили корону Норвегіи младшему сыну короля Оскара. Очевидно, они желали этимъ смягчить огорченіе стараго короля и раздраженіе шведовъ, показавъ избраніемъ шведскаго принца на престолъ норвежскій искреннее желаніе не ссориться со шведами. Оскаръ сначала не хотѣлъ и слышать о такой комбинаціи. Теперь какъ будто въ этомъ отношеніи онъ измѣнилъ свой взглядъ... Во всякомъ случаѣ, покамѣстъ онъ уѣхалъ отдыхать, передавъ управленіе наслѣднику престола. Слово не за Оскаромъ, а за риксдагомъ.

VII.

Въ Сербіи 16 (29) іюля происходили дополнительные выборы, на которыхъ оказались избранными: 1 прогрессистъ 10 либераловъ, 6 радикаловъ партіи Пашича и двое изъ правительственной партіи. Результатъ этотъ окончательно мѣняетъ положеніе вещей. Министерство, и безъ того уже сильно поколебленное, будетъ отнынѣ располагать большинствомъ лишь двухъ голосовъ. Вслѣдствіе этого, снова возникла надежда на союзъ двухъ фракцій радикальной партіи, но попытки расположить виднѣйшихъ представителей умѣренно-радикальной партіи въ пользу правительства не увѣнчались успѣхомъ. Умѣренные радикалы выбрали единогласно предсѣдателемъ своего клуба Николу Пашича. Послѣ того, какъ въ клубъ умѣренныхъ вступилъ также и генералъ Груичъ, а сербскіе посланники въ Вѣнѣ, Парижѣ и Римѣ отказались войти въ составъ новаго правительства, предполагавшееся сформированіе министерства въ формѣ коалиціи обѣихъ радикальныхъ группъ сдѣлалось невозможнымъ.

При власти осталось нѣсколько преобразованное министерство Стояновича (крайніе радикалы). Какъ признакъ времени, помѣщаемъ слѣдующія два извѣстія изъ Бѣлграда:

17 (30 іюля). „Партія цареубійцъ до сихъ поръ всемогуща. Встревоженные результатомъ выборовъ и агитаціею противниковъ, они сегодня ночью смѣнили префекта полиціи Рашковича—очень достойнаго человѣка—и на его мѣсто назначили Даміановича, отъявленнаго приверженца своей партіи. Поступокъ этотъ вызвалъ общее волненіе. Полагаютъ, что это серьезное начало къ государственному перевороту".

29 іюля (11 августа). „Извѣстіе о распущеніи скупщины и измѣненіи конституціи, котораго яко бы добивается какая-то несуществующая придворная партія, совершенно лишено основанія".

Что-то, замышлялось, но сорвалось.

1 авг. собралась скупщина, ей представился преобразованный кабинетъ. Послѣ провѣрки полномочій, сессія отсрочена до осени.

Затѣмъ, отмѣтивъ отставку индійскаго вице-короля Керзона, которымъ пожертвовали ради лорда Китченера, нѣкоторые успѣхи турковъ въ Аравіи, старанія Рузвельта успокоить китайцевъ и кровавыя столкновенія на Критѣ, мы исчерпаемъ все, что еще достойно вниманія въ отчетный мѣсяцъ. Еще заключеніе англо-японскаго союза, но надо обождать болѣе точныхъ извѣстій.

С. Южаковъ.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 26 августа 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. Н. Михайловскаго:** отъ сотрудника „Русскаго Богатства", В. В. Лункевича—135 р. 94 к. Итого 135 р. 94 к. А всего съ прежде поступившими 3.026 р. 24 к.

———

На стипендію имени **Н. Н. Михайловскаго**. . . . . 935 р. 65 к.

———

На устройство народной школы **Н. Н. Михайловскаго**: черезъ московское отдѣленіе конторы отъ М. Я. Линецкаго . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 405 р. 30 к.

———

Въ капиталъ имени **Н. Н. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ" 245 р. 48 к.

———

На библіотеку имени **Н. Н. Михайловскаго**. . . . . 111 р. 50 к.

———

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. Н. Михайловскаго:** отъ фельдшера Г. Н. Медвѣдникова, со станц. Борзя . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 13 р.

———

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. Н. Михайловскаго**": отъ Сторожевской, изъ Тулы . . . . 1 р. 50 к. А всего съ прежде поступившими 6 р. 50 к.

———

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.: отъ Смирнова, со ст. Тайшетъ . . . . 10 р. А всего съ прежде поступившими 3.565 р. 76 к.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго:** отъ Я. Г. . 5 р. А всего съ прежде поступившими 25 р. 50 к.

———

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**. . . . . . 413 р. 35 к.

———

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова:** 10 р. 20 к.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **А. П. Чехова:** отъ Львовскаго кружка любит. русск. словесн. . . . . . 8 р.

———

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ. . . . . 1.382 р.

———

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко** . . . . 117 р. 50 к.

———

На учрежденіе высшей школы имени гр. **Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

———

На школу имени **А. П. Чехова**. 23 р.

———

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири . . . . 3 р. 50 к.

———

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева**: 2 р.

———

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: отъ Ф. И. Мальцева—2 р.; отъ И. Ф. Потапова—2 р.; отъ Н. В. Леонтьева—2 р.; отъ офицеровъ „Перед. Артел. Запас. Манчж. Арміи" въ Харбинѣ—23 р; отъ А. А. Киселя, изъ Москвы—100 р. Итого . . . . 129 р. А всего съ прежде поступившими 731 р. 60 к.

———

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: отъ Егоровыхъ—4 р.; отъ „Амурской газеты", изъ Благовѣщенска—67 р. 55 к. Итого . . . . 71 р. 55 к. А всего съ прежде поступившими 1.273 р. 25 к.

———

Въ пользу нуждающихся рабочихъ Путиловскаго завода: отъ П. В. Мокіевскаго—100 р.; отъ NN.—50 р.; отъ І. К.—11 р.; отъ А. К.—1 р.; отъ М. Б.—3 р.; отъ Бибы—50 к.; отъ О. К.—2 р.; отъ игры въ кассу—2 р. 85 к.; отъ группы лицъ изъ Москвы—100 р.; отъ М. Н. Слѣпцовой—30 р.; отъ Н. Н. Граціанова, изъ Нижняго-Новгорода—50 р.; отъ уч-цы А. С. Т.—2 р.; Алеши, Нюты, Шуры и Васи, со ст. Каменное—10 р.; отъ группы лицъ изъ Тирасполя—29 р.; отъ Н. И. Карѣева—25 р.; отъ разныхъ лицъ черезъ Н. И. Карѣева—15 р.; отъ А. О. Геппенера, со ст. Славянскъ—2 р. Итого . . . . 433 р. 35 к. А всего съ прежде поступившими 558 р. 35 к.

———

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

СЕНТЯБРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ОТСТАВНОЙ ПОПЪ. Воспоминанія безмѣстнаго попа. . . . . Семена Быстрова.
2. *** Стихотвореніе. . . . . Ѳ. Н. Вербицкаго.
3. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка. Историческій очеркъ. Окончаніе. . . . . Д. Петрушевскаго.
4. *** Стихотвореніе. . . . . Я. Година.
5. ДВА РАЗСКАЗА:
   1) На чужой сторонѣ (Изъ недавнихъ воспоминаній). . . . . Григорія Бѣлорѣцкаго.
   2) Трудная ночь. . . . . К. А. Ковальскаго.
6. *** Стихотвореніе. . . . . В. Башкина.
7. ПАРИЖСКІЙ ДЕНЬ. . . . . . . А. Александровскаго.
8. СИЛЬВЕСТРО БОНДУРИ. Романъ. I—IV. Переводъ съ итальянскаго М. Т. Эрколе Ривальта.
9. ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ и ЦЕНЗУРА. (1826—1855 г.г.). I—VIII. . . . . . М. Лемке.
10. КОМАНДИРОВКА. Очеркъ. . . . Вл. Короленко.
11. МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ (Изъ дневника народной учительницы). . . . . . Василія Девяткова.
12. ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Р. Б. Продолженіе (Въ приложеніи). . . . . Конрада Тельмана.

(См. 2-ую стр. обложки).

13. М. ГОРЬКІЙ и ЕГО ПОСЛѢДНІЕ РАЗСКАЗЫ. . . . . А. Е. Рѣдько.
14. ОЧЕРКИ ЗАВОДСКОЙ ЖИЗНИ. I—II. . . . . П. Тимофеева.
15. НА АМУРСКОЙ КОЛЕСНОЙ ДОРОГѢ. . . . . Р. Бравскаго.
16. ЖЕНЩИНА - ИЗБИРАТЕЛЬНИЦА (Къ вопросу о реформѣ русскаго избирательнаго права). . . . . С. Южакова.
17. ПРУССКАЯ ШКОЛА и школьный компромиссъ (Письмо изъ Германіи). Реуса.
18. НОВЫЯ КНИГИ:
М. Арцыбашевъ. Разсказы.—В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій.—Сборникъ молодыхъ писателей.—Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ.—Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа.—Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. — Н. М. Минскій. Религія будущаго.—А. Лоріа. Рабочее движеніе. — А. Смирновъ. Что сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ.—По Азіатской и Европейской Россіи.—Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи. — Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
19. ПОЛИТИКА: Англо-японскій союзъ.—Перемѣна мирового политическаго состоянія.—Портсмутскій мирный договоръ.—Отголоски войны.—Скандинавское соглашеніе.—Обостреніе венгерскаго кризиса. — Марокккскій вопросъ.—Текущія событія. . . . С. Южакова.
20. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ: XXVII. Отрывки изъ лѣтописи... XXVIII... XXIX. Сомнительная автономія. . . . . А. Пѣшехонова.
21. СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ: Подъ золотымъ дождемъ. **М. Энгельгардта.**—Охранители и разрушители основъ **А. Петрищева.**—Еще о взяткахъ **С. Протопопова.**—Морской штабъ на «мирномъ положеніи. **О. Б. А.**
22. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «РУССКАГО БОГАТСТВА» . . . . . . І. В. Гессена.
23. ПО ПОВОДУ ПИСЬМА І. В. ГЕССЕНА . . . . В. Мякотина.
24. Г. Н. ПОТАНИНЪ. . . . . Д. Клеменца.
25. ОТЧЕТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.
26. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЕНТЯБРЬ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

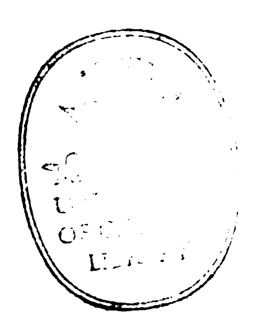
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 сентября 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Отставной попъ.** Воспоминанія безмѣстнаго попа. *Семена Быстрова.* . . . . 3— 49
2. *** Стихотвореніе *Ѳ. Н. Вербицкаго.* 49
3. **Борьба за политическое освобожденіе** въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка. Историческій очеркъ. *Д. Петрушевскаго.* Окончаніе. . . . . 50— 74
4. *** Стихотвореніе *Я. Година.* 74
5. **Два разсказа:**
   1) На чужой сторонѣ (Изъ недавнихъ воспоминаній). *Григорія Бѣлорѣцкаго.* . . . . 75— 85
   2) Трудная ночь. *К. А. Ковальскаго.* . . . . . 86— 98
6. *** Стихотвореніе. *В. Башкина.* 98
7. **Парижскій день.** *А. Александровскаго.* . . . . . 99—134
8. **Сильвестро Бондури.** Романъ. *Эрколе Ривальта.* I—IV Переводъ съ итальянскаго М. Т. . . . . . . 135—189
9. **Третье отдѣленіе и цензура** (1826—1855 г.г.). I—VIII. *М. Лемке.* . . . . 190—221
10. **Командировка.** Очеркъ. *Вл. Короленко.* . . . . 222—234
11. **Маленькіе люди** (Изъ дневника народной учительницы. *Василія Девяткова* . . . . 235—264
12. **Что есть истина?** Романъ. *Конрада Тельмана.* Переводъ съ нѣмецкаго Р. Б. Продолженіе. (Въ приложеніи). . . . . 129—150
13. **М. Горькій и его послѣдніе разсказы.** *А. Е. Рѣдько.* . . . . 1— 19
14. **Очерки заводской жизни.** I—II. *П. Тимофеева.* . . 19— 34
15. **На амурской колесной дорогѣ.** *Р. Бравскаго.* . . . 34— 45
16. **Женщина-избирательница** (Къ вопросу о реформѣ русскаго избирательнаго права). *С. Южакова.* 46— 52

(*См. на оборотъ*)

СТРАН.

17. **Прусская школа** и школьный компромиссъ (Письмо изъ Германіи). *Реуса* . . . . 52— 79

18. **Новыя книги:**
М. Арцыбашевъ. Разсказы.—В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій.—Сборникъ молодыхъ писателей.—Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. — Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа.—Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда.—Н. М. Минскій. Религія будущаго.—А. Лоріа. Рабочее движеніе.—А. Смирновъ. Что сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ.—По Азіатской и Европейской Россіи. — Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи.—Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. . 79—106

19. **Политика:** Англо-японскій союзъ.—Перемѣна мірового политическаго состоянія.—Портсмутскій мирный договоръ. — Отголоски войны.—Скандинавское соглашеніе.—Обостреніе венгерскаго кризиса. — Марокккскій вопросъ. — Текущія событія. *С. Южакова* . . . . 107—125

20. **Хроника внутренней жизни:** XXVII. Отрывки изъ лѣтописи... XXVIII... XXIX. Сомнительная автономія. *А. Пѣшехонова* . . . . 125—136

21. **Случайныя замѣтки:** Подъ золотымъ дождемъ. *М. Энгельгардта*.—Охранители и разрушители основъ. *А. Петрищева*. — Еще о взяткахъ. *С. Протопопова*.—Морской штабъ на „мирномъ положеніи. *О. Б. А.* . . . . 137—168

22. **Письмо въ редакцію «Русскаго Богатства».** *І. В. Гессена* . . . . 168—171

23. **По поводу письма І. В. Гессена.** *В. Мякотина.* . 171—183

24. **Г. Н. Потанинъ.** *Д. Клеменца* . . . . 183—188

25. **Отчетъ конторы редакціи.**

26. **Объявленія.**

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд. 1904 г.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Народъ и его характеръ.—Общественные классы.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. *Третье* изд. 1905 г.—222 стр. Ц. 1 р.

Мертвая зыбь.—Лушка.—Горе.—Счастье.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка. — На мельницѣ. — Облачко. — Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи. — Шелаевскій рудникъ. — Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни. — Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда. — На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.—Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій.—Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ. — Иванъ Грозный въ русской литературѣ. — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя. — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". — Основы народничества Юзова. — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.—О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г.—504 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора)

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 к

Московскій работный домъ.—По этапу.

С. Подъячевъ. Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 коп.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ОТСТАВНОЙ ПОПЪ.

Воспоминанія безмѣстнаго попа.

(Посвящ. **А. Н. Пр—вой**).

Отецъ мой, дьяконъ, былъ человѣкъ суровый и жестокій, вѣрный себѣ безъ раскаянія и, сверхъ того, пьяница. Когда я былъ въ семинаріи, въ первомъ классѣ, всѣ мы, семинаристы, по приказу ректора, порядочнаго іезуита и ханжи, послѣ каждой службы прикладывались къ иконѣ Андрея Первозваннаго, присланной въ нашу церковь архимандритомъ, не помню, какого-то монастыря. Съ глубокой между густыхъ бровей складкой, апостолъ выглядывалъ угрюмо и чрезвычайно походилъ на моего отца. Касаясь губами ступни апостола, я всегда какъ-то терялся, робѣлъ и замиралъ, а выходя изъ церкви, оглядывался назадъ и долго думалъ объ отцѣ: мнѣ казалось, что это я прикладывался къ отцовскому портрету. Мать свою я очень любилъ. Эта милая и добрая женщина пуще меня боялась отца и, въ угоду ему, била насъ, т. е. меня и мою старшую сестру, Клавдію. На десятомъ году моей жизни, въ то самое лѣто, когда рѣшили меня отдать въ духовное училище, сестру просватали за дьякона. На Казанскую, что бываетъ въ іюлѣ, играли свадьбу.

Клавдія имѣла отцовскій характеръ; она была умна, серьезна, рѣдко смѣялась и никогда не плакала. На свадьбѣ, когда отецъ расходился и избилъ въ кровь молодого зятя, человѣка добраго, но робкаго и „нюню“, сестра вышла изъ передняго угла и сказала:

— Папаша, довольно! Я натерпѣлась. Отнынѣ ноги моей не будетъ здѣсь...

Потомъ она взяла мужа за руку, и оба они уѣхали въ ту же ночь на наемныхъ лошадяхъ въ новый приходъ.

Въ день своей смерти отецъ былъ пьянъ, въ приходѣ подрался съ попомъ и, сидя потомъ за чаемъ на кушеткѣ, сказалъ: „Не будь я дьяконъ Нырковъ, если не прибью попа!“—

сказалъ, свалился на бокъ и кончился. Мать проскрипѣла послѣ него недолго: отецъ померъ въ іюнѣ, а въ августѣ и матери не стало. Пріѣхала Клавдія, продала домъ и весь домашній скарбъ. Повздыхалъ я, погрустилъ, даже поплакалъ на старомъ пепелищѣ, а дѣлать нечего—отправился къ сестрѣ. Было мнѣ тогда семнадцать лѣтъ; жить я сталъ въ бурсѣ, и съ той самой поры ужъ ни разу не былъ на родинѣ, потому что на вакаты ѣздилъ къ зятю, въ село Вязовку.

I.

19-го іюня 1896 года въ нашей семинаріи былъ прощальный актъ. Ректоръ, по прозванію „Кули-Мули", говорилъ намъ рѣчь,—жирную, длинную, крикливую,—въ которой разъ двадцать упомянулъ про религіозность. Мы сидѣли тихо, смотрѣли холодно, какъ индѣйскіе мертвецы въ пещерахъ, и, такъ надо полагать, ничего не слушали. Послѣ ректора говорилъ первый ученикъ, Ацеровъ; онъ говорилъ въ тонъ ректору, и намъ за товарища было совѣстно. Наконецъ, насъ распустили. Наскоро и съ смущеніемъ, пожалъ я нѣкоторымъ товарищамъ руку, съ двумя-тремя неохотно поцѣловался и разстался... почти навсегда.

Въ три съ минутами отходилъ мой поѣздъ. На станцію я пріѣхалъ часа на два раньше срока. Сдавъ вещи въ багажъ, я вышелъ на платформу. На душѣ было свободно и легко: будь крылья, такъ и улетѣлъ бы, кажется, самъ не зная куда!

Мнѣ казалось, что я только что родился, только что замѣтилъ свѣтъ, солнце, небо, зелень, эти страшныя вблизи и красивыя вдали рельсы, ярко-красные съ бѣлой надписью вагоны, дежурный паровозъ, стрѣлки, сторожей, семафоръ и, самое главное, замѣтилъ самого себя. Мнѣ казалось, что я прежде жилъ гдѣ-то въ полумракѣ, жилъ потому, что другіе жили; я же былъ лишь жалкимъ порожденьемъ ихъ суровой воли, глупыхъ ихъ капризовъ и безсовѣстныхъ желаній... И вдругъ ничего этого нѣтъ! Я самъ себѣ хозяинъ: что хочу, то и дѣлаю; хочу—живу, хочу—нѣтъ...

— „Природѣ повинуюсь я, какъ Богу! Лишь ея законы свято чту!"—сказалъ я, припоминая слова Шекспира, перевернулся на одной ногѣ и пошелъ въ залъ перваго класса.

Противъ меня, за мраморнымъ столикомъ, сидѣла пожилая дама, полная, красивая, съ грустными голубыми глазами; лицо хранило слѣды недавняго волненья и было красно.

Помѣстившись противъ нея, я сталъ ломаться: болталъ

ногами, ерзалъ на мѣстѣ, искалъ пристанища для рукъ, опирался на диванъ, жмурилъ глаза, наконецъ, закусивъ губу, чтобы не разсмѣяться, снялъ фуражку, сорвалъ значекъ, переломилъ его на четыре части и бросилъ. Обломки мелькнули въ воздухѣ и звякнули объ полъ.

Я посмотрѣлъ на даму и сконфузился: она улыбалась.

— Зачѣмъ это вы? — спросила она мягкимъ, тихимъ голосомъ.

Я посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что я семинарію топчу и презираю, — сказалъ я. — Вотъ что... вотъ зачѣмъ... — И я посмотрѣлъ на даму съ такимъ видомъ, какъ будто сказалъ очень много хорошаго, новаго, удивительнаго и неожиданнаго.

— Я теперь покончилъ съ семинаріей,—продолжалъ я,— я свободенъ, какъ птица. Да это что,—забурлилъ я, приходя въ азартъ,—не то еще будетъ!..

И я заговорилъ о томъ, что мнѣ форма больше не нужна, что мундиръ я свой изрѣжу, повѣшу въ огородѣ птицъ пугать, учителямъ не стану кланяться, а на ректора съ инспекторомъ плюю. Я горячился, фыркалъ, какъ котенокъ, и говорилъ несообразности.

— Семинарія есть кабала! — говорилъ я и былъ въ восторгѣ отъ слова „кабала“.

Когда я успокоился, мы разговорились.

Дама оказалась вдовою недавно умершаго отца Василія, изъ Гусевки; она пріѣзжала просить архіерея зачислить за ея дочерью мѣсто и теперь искала жениха.

О, понимаете ли вы, что значитъ слово „женихъ“ для семинариста? Женихъ!.. Вѣдь это заманчивое, прямо чудодѣйственное слово! Во-первыхъ, нѣчто почтенное: отецъ невѣсты говоритъ съ тобой серьезно, мать заискиваетъ, невѣста глядитъ изподлобья и конфузится; во-вторыхъ, дадутъ тебѣ жену, наградятъ деньгами, сошьютъ енотовую шубу; въ третьихъ, скажутъ: жизнь твоя началась, теперь ты альфа и омега. Чего же болѣе?

Посматривая на Прасковью Ѳедоровну (такъ звали вдовую матушку), я соображалъ, что дочка ея, должно быть, недурна собой. Передо мной уже выплывала дѣвушка съ неясными очертаніями лица, такая полненькая, пухленькая; сердце во мнѣ прыгало, голова кружилась, туманъ застилалъ глаза.

Между тѣмъ, загудѣлъ полъ, задрожали стекла, зазвенѣли люстры и бронзовыя канделябры на столахъ; въ залѣ зашумѣли, задвигали стульями... Это пришелъ по-

ѣздъ. Я лѣниво поднялся, покачиваясь, какъ будто бы спросонокъ. Прасковья Ѳедоровна встрепенулась и тоже встала.

— Заговорилась и про билетъ забыла, — сказала она съ виноватою улыбкой.

— Позвольте мнѣ вамъ взять билетъ, — предложилъ я свои услуги.

— Пожалуйста.

Я взялъ деньги и пошелъ въ кассу. Послѣ оказалось, что билетъ у Прасковьи Ѳедоровны уже былъ... Но материнская хитрость выше человѣческаго осужденія!

Когда я вернулся съ билетомъ, Прасковья Ѳедоровна, опершись на спинку дивана, смотрѣла въ открытое окно, задумчивая, печальная, и отчетливо дышала.

Я окликнулъ ее; она вздрогнула, поглядѣла на меня и улыбнулась.

— Николай Андреевичъ,—сказала она вдругъ и смутилась, какъ провинившаяся дѣвочка:—Николай Андреевичъ, у меня къ вамъ просьба. Видите-ли... я хотѣла, если можно, попросить васъ... т. е. не можете ли вы... только вы, пожалуйста, извините меня... видите ли: я думала... Ну, не знаю, какъ это вамъ сказать...

Взволнованная и красная отъ стыда, съ тоской и отчаяніемъ въ глазахъ, она замолчала и провела рукой по лбу.

— Однимъ словомъ, — продолжала она съ трудомъ, — я приглашаю васъ въ гости. Ну, какъ бы это выразить? Ну, пусть—невѣсту посмотрѣть... Богъ знаетъ, а можетъ быть—судьба...

— Собственно говоря, я, — заговорилъ я, теряя мысли и слова, — очень благодаренъ вамъ за честь, т. е. мнѣ очень пріятно; тѣмъ болѣе... Но, видите ли, я вещи сдалъ въ багажъ.

Конечно, дѣло было не въ вещахъ: у меня ни копѣйки денегъ не было, а добавочный билетъ до Гусевки стоилъ 38 копѣекъ.

— Вещи можно оставить на станціи; онѣ не пропадутъ, а послѣ какъ-нибудь пришлете за ними. О дорогѣ же, пожалуйста, не безпокойтесь, — словно угадавъ мои мысли, сказала она:—я заплачу.

Я, было, заикнулся о деньгахъ.

— Вотъ есть о чемъ думать, — ласково перебила она: — доѣдемъ.

И мы поѣхали. На станціи наняли за два рубля пару рыжихъ, тощихъ и горбатыхъ клячъ, у которыхъ головы приходились ниже, чѣмъ хвосты, что́, однако, нисколько не смущало ямщика, величавшаго ихъ „разудалыми“.

Ямщикъ словно понималъ, что жениха везетъ, и не жалѣлъ кнута. Было часовъ семь вечера. По пути въ Гусевку шли дѣвушки, должно быть, поденщицы со станціи.

При нашемъ приближеніи онѣ сторонились съ дороги, входили въ рожь и, выставивъ впередъ груди, боязливо таращили на насъ глаза и о чемъ-то говорили. Мнѣ было немножко и совѣстно, и пріятно, — пріятно отъ сознанія, что я—женихъ.

— Видите направо?—спросила Прасковья Ѳедоровна,—это наша церковь.

Я посмотрѣлъ на церковь, и сердце во мнѣ ёкнуло.

— А это Фокина дубрава,—продолжала она, качнувъ головой на купу невысокихъ, тощихъ дубковъ, къ которымъ теперь мы подъѣзжали.—Нехорошее мѣсто: два удавленника тутъ было, да купца убитаго нашли... Вонъ, въ томъ ложочкѣ, водой полой принесло.

Проѣхали дубраву, спустились въ низинку, церковь спряталась. Высокая густая рожь, небо да синіе васильки, да еще пара ястребовъ, зорко выглядывающихъ себѣ ужинъ—только и видно было въ низинкѣ. Потомъ опять поднялись.

Около восьми подъѣхали къ маленькому съ облѣзлой штукатуркой домику. „Однако, маленекъ!"—дѣловито подумалъ я, осматривая толстую соломенную крышу, маленькое, кисленькое крылечко на четырехъ худенькихъ столбикахъ и курбатый камень вмѣсто рундука.

— Тпру!.. Разудалыя! — заоралъ вдругъ ямщикъ: — пріѣхали!..

Утомленные дорогой и сѣрые отъ пыли, мы вышли изъ телѣжки: Прасковья Ѳедоровна на одну сторону, я—на другую,—и стали отряхаться.

— Пожалуйте,—сказала Прасковья Ѳедоровна.

Я обошелъ телѣжку и ужъ занесъ на камень ногу, какъ вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, и на крыльцо выбѣжала сама невѣста, Марья Васильевна.

Представьте себѣ дѣвушку лѣтъ въ семнадцать, средняго роста, съ полными бедрами и большой грудью, съ круглымъ русскимъ лицомъ, голубыми изъ-подъ черныхъ тонкихъ бровей глазами и длинной, тяжелой, темнорусою косой. На ней была старая, черная въ желтыхъ пятнахъ юбка, сѣрая сарпинковая блузка и плотно охватывавшій полную талію широкій кожаный поясъ.

— Маня,—сказала Прасковья Ѳедоровна, поднявшись на крыльцо,—позволь тебя...

Но Маня ничего не позволила: она охватила мать руками за шею и звонко поцѣловала разъ, другой, потомъ третій...

— Ма-ма... ма-ма... — говорила она, и звукъ, похожій на пискъ тоскующаго щенка, сопровождалъ ея поцѣлуи.

Прасковья Өедоровна, въ свою очередь, выронила изъ рукъ зонтикъ и, обнявъ слегка за талью дочь, казалось, замерла на мѣстѣ. Минутъ пять стояли такъ онѣ и плакали, прижимаясь другъ къ другу и не говоря ни слова. Сперва мнѣ было неловко, словно на сценѣ въ нѣмой роли, а потомъ, сказать по правдѣ, глаза тоже зачесались. Отвернувшись, я подошелъ къ телѣжкѣ и, самъ не зная зачѣмъ, запустилъ руку подъ сидѣнье. Ямщика тоже, кажется, задѣло. „Шалишь, проклятая!"—вдругъ крикнулъ онъ на коренника, поглядѣлъ въ сторону и дернулъ возжи.

— Ну будетъ, Маня, будетъ,—говорила Прасковья Өедоровна, сквозь слезы,—поплакали, и будетъ...

Я повернулся къ нимъ. Прасковья Өедоровна вытирала платкомъ лицо, а дочь все плакала, и у ней вздрагивали и голова, и руки, и плечи.

— Вы насъ извините, Николай Андреевичъ, — сказала Прасковья Өедоровна, — мы женщины. Вѣдь вы знаете, что мы...

Она не договорила и отвернулась, чтобы скрыть слезы. Я, конечно, не зналъ, что сказать, какъ помочь. Да и поможешь ли такому горю?

— Будетъ, Маша! Довольно! — сказала, наконецъ, Прасковья Өедоровна.—Все! — рѣзче проговорила она и отстранила ея руки отъ себя.

„Мать съ характеромъ",—подумалъ я про себя.

Маша подняла мокрое отъ слезъ лицо съ закрытыми глазами, постояла съ минуту на одномъ мѣстѣ, пока мать вытирала ея слезы, и зашагала въ домъ.

— Николай Андреевичъ, пожалуйте въ домъ,—послышалось изъ сѣней.

Я вошелъ въ темныя сѣни, потомъ въ домъ.

Въ домѣ было темно, низко, неуютно, пахло мытыми полами и сырой глиной.

Одну треть дома занималъ коридоръ съ двумя миніатюрными по лѣвую сторону каморками, а прямо была комната, именуемая „заломъ". При входѣ въ залъ помѣщался обѣденный столъ; за нимъ, въ углу, черная этажерка съ посудой; у противоположной стѣны письменный столъ съ четырьмя на немъ банками цвѣтовъ; въ простѣнкѣ межъ оконъ, выходившихъ въ поле, развалился большой диванъ, а противъ него, спрятавшись подъ зеленую скатерть, сидѣлъ на цыпочкахъ круглый столъ и, казалось, лукаво подсмѣивался надъ бариномъ-диваномъ: „Э, что взялъ?" Если сюда

прибавить ровно полдюжины черныхъ вѣнскихъ стульевъ, то больше и указать не на что: даже зеркала не было.

На столѣ лежалъ альбомъ, и я принялся за него.

— Извините, пожалуйста, что мы васъ однихъ оставили,— сказала Прасковья Ѳедоровна, входя въ залъ.

Она подсѣла къ столу и завела тотъ, немножко ложный, но пріятный разговоръ, который могутъ вести только матери невѣстъ.

Она зорко слѣдила за собесѣдникомъ и по однимъ глазамъ опредѣляла — что слѣдуетъ говорить и чего не слѣдуетъ. Какъ умная женщина, она не жаловалась на судьбу, не искала сочувствія; она понимала, что тѣмъ и другимъ оттолкнетъ отъ себя того, кто ей нуженъ. Рѣчь ея, простая, безъ вздоховъ и ужимокъ, — очень мнѣ нравилась. Сразу было видно, что хозяйка на своемъ мѣстѣ и можетъ занять гостя.

Мы говорили о городской жизни, о семинарскихъ экзаменахъ; потомъ она разсказывала про своего отца, торговца по бакалейной части, самаго, по ея словамъ, добраго человѣка на свѣтѣ; говорила, что, благодаря своей добротѣ, онъ все прожилъ и теперь, на старости лѣтъ, перебивается кое-какъ, проживая послѣднее.

— Ваши родители стары? Они гдѣ живутъ?—между прочимъ, спросила она.

— Они давно померли,—сказалъ я:—я сирота.

Она не дала мнѣ кончить и поспѣшила отклонить разговоръ отъ такого печальнаго сюжета, какъ смерть.

— И много было васъ, дѣтей?

— Всѣхъ было много, но въ живыхъ...

— Ну, да-да, живыхъ?—перебила она.

— Живыхъ только—сестра замужемъ, да я.

— Ваша сестра большого роста, — говорила Прасковья Ѳедоровна, — такая полная, глаза черные, и носъ у ней маленькій. Такъ? Да? И потомъ: нѣтъ ли у ней сѣрой тальмы?

— Все это вѣрно,—улыбаясь, сказалъ я.—и тальма сѣрая у ней есть. Развѣ вы ее знаете?

— Знаю.

Она разсказала, гдѣ встрѣтилась съ моей сестрой и какъ ее узнала.

Изъ разговоровъ съ Прасковьей Ѳедоровной я замѣтилъ, что она то и дѣло играла словами, лукавила, лгала и понимала, что я чувствую эту ложь, — тогда глаза ея начинали безпокойно бѣгать, и она конфузилась. И не смотря на это, Прасковья Ѳедоровна мнѣ очень нравилась: въ ней было что-то человѣчное, привлекательное.

Вышла невѣста.

На ней было черное платье, съ такими же кружевами на груди и рукавахъ. Платье скрало ея полноту, рѣзко очертило фигуру, немножко рыхлую, лѣнивую, фигуру съ вялой походкой и неувѣренными жестами, но все же изящную. Грудь и теперь была велика, особенно въ профиль.

— Моя дочь,—сказала Прасковья Өедоровна.

Я пожалъ мягкую и горячую руку, не отвѣтившую на мое пожатіе, и отрекомендовался: „Нырковъ!“

Меня всегда смущала церемонія знакомства, и теперь, когда я произнесъ: „Нырковъ“—мнѣ стало страшно неловко. Помолчавъ немножко и, словно желая исправить свою ошибку, я тише произнесъ: „моя фамилія“.

Невѣста ничего не сказала и сѣла за столъ, подлѣ этажерки, противъ матери. Всѣ молчали; было всѣмъ неловко... Даже Прасковья Өедоровна, — и та, кажется, немного потерялась.

Я грубо подошелъ къ круглому столу и раскрылъ альбомъ.

— Видите, Николай Андреевичъ, въ какой хибаркѣ мы живемъ,—сказала Прасковья Өедоровна: — у иного мужика лучше.

— Да, домикъ неважный,—сказалъ я.

Невѣста посмотрѣла на меня, я сконфузился, вынулъ платокъ и сталъ безъ всякой надобности сморкаться.

Принесли самоваръ, загремѣла посуда, стали пить чай. За чаемъ разговорились. Ласка Прасковьи Өедоровны, робкіе взгляды невѣсты, новая для меня обстановка, мое въ нѣкоторомъ родѣ царственное положеніе — все это возвышало меня въ собственныхъ глазахъ Я говорилъ свободнѣе, даже шутилъ. Раза два пытался заговорить съ невѣстой, но она отвѣчала неохотно: она, видимо, вообще не любила говорить.

За какіе-нибудь два—три часа я такъ привыкъ къ этимъ двумъ женщинамъ, что послѣ ужина, за которымъ ѣли окрошку, супъ изъ свѣжей курицы, бараньи котлеты и молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ, мнѣ захотѣлось говорить, много—много. И я очень много говорилъ, много лгалъ и всячески старался выставить себя съ одной только хорошей стороны.

Около двухъ часовъ Прасковья Өедоровна приготовила мнѣ постель въ залѣ на диванѣ; пожелавъ мнѣ покойной ночи, обѣ вышли изъ зала и затворили за собою дверь. А я, ошеломленный жениховскимъ счастьемъ, долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и думалъ о невѣстѣ; потомъ прислушивался къ шороху платьевъ.

— Женихъ, невѣста, свадьба...—шепталъ я, и не помню, какъ заснулъ.

На другой день я хотѣлъ уѣхать, но Прасковья Ѳедоровна такъ хорошо посмотрѣла на меня, такъ мягко сказала: „Николай Андреевичъ, побудьте у насъ еще—намъ скучно,“— что я согласился и прожилъ у нихъ послѣ того еще три дня. Когда-же, наконецъ, собрался ѣхать, когда подмазали телѣжку, запрягли лошадь, вошелъ кучеръ и сказалъ: „готово!“—у меня сердце такъ и оторвалось: мнѣ было тяжело разстаться съ этимъ милымъ пріютомъ.

Прасковья Ѳедоровна вышла распорядиться насчетъ провизіи на дорогу, хотя ѣхать было только тридцать верстъ. Я ходилъ молча по комнатѣ; мы были вдвоемъ съ невѣстой.

— До свиданья, Марья Васильевна,—сказалъ я, подходя къ ней,—дай Богъ... до скораго...

— До свиданья,—сказала она холодно и протянула свою руку.

Я крѣпко пожалъ эту руку, потомъ быстро нагнулся и неловко поцѣловалъ въ большой палецъ. Какъ на зло, въ этотъ моментъ отворилась дверь, и вошла Прасковья Ѳедоровна. Не зная, куда дѣться отъ стыда, я подошелъ къ угольнику и взялъ въ руки каноникъ.

— Охъ, устала! —проговорила Прасковья Ѳедоровна и присѣла на стулъ.

Какое-то играющее, тихое довольство послышалось въ ея голосѣ, и я понялъ почему.

Передъ отъѣздомъ мы присѣли, потомъ встали и принялись креститься по русскому обычаю. У Прасковьи Ѳедоровны на глазахъ стояли слезы, и, когда я повернулся къ ней, чтобы проститься, она долго еще крестилась, ничего не замѣчая.

„Немного же ты видѣла счастья на своемъ вѣку“—подумалъ я про себя.

Невѣста стояла, прислонясь къ столу, холодная, равнодушная, точь въ точь кукла съ открытыми глазами. Простились. На глазахъ у Прасковьи Ѳедоровны блестѣли слезы. Когда я вышелъ въ сѣни, она сказала:

— Пойдемъ, Маня, провожать.

Онѣ вышли и, стоя на крыльцѣ, смотрѣли, какъ я усаживался.

— Не забывайте насъ,—говорила на прощанье Прасковья Ѳедоровна,—пріѣзжайте... Будемъ очень рады...

— Благодарю васъ... Очень пріятно... Ваши гости...— говорилъ я и конфузился.

— Съ зятемъ, съ сестрицей пріѣзжайте! — шумѣла она, когда я уже тронулся съ мѣста. — Кланяйтесь имъ! Пріѣзжайте!

II.

Конечно, я женился на Марьѣ Васильевнѣ, а затѣмъ поступилъ въ попы. Скажу теперь нѣсколько словъ о своей особѣ.

Человѣкъ я былъ лѣнивый, нерасторопный, запуганный... Жениться на красивой, богатой невѣстѣ, да поступить попомъ въ хорошее село—вотъ былъ предѣлъ моихъ мечтаній. Впрочемъ, нѣтъ — и я мечталъ... Но странное дѣло!—мои мечты, какъ будто, были не мои: лично я какъ-то отсутствовалъ въ нихъ... Когда, напримѣръ, мечталъ я о губернаторѣ, архіереѣ или генералѣ, то какъ ни усаживалъ себя въ коляску на резиновыхъ шинахъ, какъ ни щурилъ глаза, чтобы увидѣть свою голову въ митрѣ или съ большой лысиной и золотыми эполетами на плечахъ—ничего не выходило: въ коляскѣ сидѣлъ настоящій губернаторъ, а не я, въ митрѣ былъ нашъ архіерей; я же былъ свидѣтелемъ и только удивлялся: неужели можно быть генераломъ, губернаторомъ, архіереемъ или, чего Боже упаси, митрополитомъ? Мысли у меня всегда были маленькія, суетливыя; лишь начинали онѣ приходить въ порядокъ, какъ сейчасъ же разсыпались, какъ сухой песокъ, который падаетъ съ обрывистаго берега рѣки внизъ, въ воду и тамъ погибаетъ навсегда. О, несчастныя, убогія мысли! Онѣ тихонько подтачивали мою жизнь, мучили меня, лишали покоя... „Пропащій, погибшій я человѣкъ!"—шепталъ я про себя. Гдѣ-то внутри, очень далеко, словно на днѣ глубокаго, темнаго колодца, чуть-чуть мерцала живая жизнь, та жизнь, къ которой тянется всякій человѣкъ, словно листъ древесный къ солнцу... Но это мерцанье далеко, не дотянуться до него!.. Тяжелый вздохъ, боль сердца, да изрѣдка выступившая на глазахъ слеза—одни только и говорили о томъ, что жизнь пока есть... Вообще же я былъ похожъ на человѣка, хватившаго яду и отупѣвшаго отъ сознанья: „теперь, молъ, все кончено, не вернешь". Я самъ себѣ поставилъ діагнозъ: ничего не могу, дѣла боюсь и потому его избѣгаю. Діагнозъ былъ вѣренъ; онъ мучилъ меня, давилъ, терзалъ, какъ смертный приговоръ терзаетъ преступника. Ни въ домѣ, ни въ церкви, ни въ приходѣ мнѣ не было покоя; всюду слѣдовала за мной и назойливо шептала мысль: „не можешь... боишься... бѣжишь!.."

Ярче всего это обозначалось за дѣломъ. По цѣлымъ часамъ и днямъ ходилъ я по комнатѣ, какъ непристалый, избѣгая намѣченнаго дѣла; лихорадочно брался за что-нибудь

новое и думалъ про себя: „вотъ это кончу, потомъ примусь за настоящее дѣло; вѣдь дѣлать—такъ дѣлать! Возьмусь и сдѣлаю"... Но дни проходили за днями, за дѣло я не брался, и оно не подвигалось. Въ такихъ случаяхъ я дольше залеживался въ постели, стараясь увѣрить себя, что я обдумываю,—въ сущности же проводилъ лишь время: растягивалъ обѣдъ, чай, короче сказать—привязывался къ малѣйшему пустяку, чтобы какъ-нибудь отсрочить работу. Потомъ я терялся, тупѣлъ, начиналъ хандрить и, дождавшись послѣдняго момента, спѣшилъ свалить дѣло съ рукъ, какъ сочиненіе въ семинаріи; тогда ужъ вздыхалъ свободнѣе.

Ни журнала я не выписывалъ, ни газетъ не получалъ; не по бѣдности, а такъ — возиться не хотѣлось. Изъ книгъ у меня была лишь одна книга, логика Владиславлева, да и ту я укралъ изъ фундаментальной библіотеки, въ семинаріи. О семинарскихъ учебникахъ ужъ и не говорю: они были мнѣ противны. Если случалось прочитать какой-нибудь интересный романъ, то послѣ него я долго не могъ приняться за другую книгу: почему-то мнѣ казалось, что послѣ прочитанной мною книги всѣ остальныя будутъ неинтересны. Логика Владиславлева всегда лежала въ письменномъ столѣ, въ среднемъ ящикѣ; прочиталъ я изъ нея не больше тридцати страницъ.

Я страдалъ спеціально - поповскою болѣзнью... Это не столько лѣнь, сколько отупѣніе всѣхъ способностей, это чахлость, дряблость. Мои предки (отецъ — дьяконъ, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ—попы) много пили водки, много спали, не работали ни руками, ни головой и передали мнѣ кровь, зараженную алкоголемъ, испорченную и негодную для жизни. Очищающаго ни въ моей, ни въ ихъ жизни ничего не было, и жизнь въ моемъ родѣ, словно свѣча въ спертомъ воздухѣ, медленно погасала; вѣроятно, я былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ.

Я часто задумывался надъ жизнью поповъ, и мнѣ всегда казалось, что они не понимаютъ ни своего высшаго назначенія, ни своего ничтожества. Я не зналъ ни одного случая зависимости прихода отъ попа. То, что попы крестятъ, вѣнчаютъ, сочиняютъ праздники и потомъ заставляютъ почитать ихъ,—это не независимость. Направленія попъ создать не можетъ; направленіе создается страстнымъ и глубокимъ чувствомъ, но его-то именно и нѣтъ у попа. У поповъ есть лишь шаблонъ жизни, медленной, тупой, шаблонъ, начиненный стереотипными фразами. Дѣйствительность мнѣ показала, что девяносто девять изъ ста поповъ грубы, тупы, жадны, хитры, льстивы, невѣжественны, властолюбивы, трусливы, кляузны, нечестны... Они иногда любятъ погово-

рить о серьезномъ — о Богѣ, религіозности, нравственности (полагая послѣднюю только въ отсутствіи разврата); но всѣ ихъ разговоры почему-то напоминаютъ мнѣ свистъ въ пустую четвертную бутыль. Чѣмъ больше разсуждаетъ попъ о религіи, тѣмъ больше запутывается въ этомъ вопросѣ, какъ рыба въ сѣтяхъ, и тяжело дышетъ отъ тенетъ.

Я и жена—мы оба ничего не дѣлали, ни во что не вступались; по утрамъ долго спали; домомъ же и всѣмъ хозяйствомъ управляла теща. Она была большая хлопотунья, вставала много раньше насъ и все бѣгала, все суетилась...

День нашъ начинался такъ.

Проснувшись, мы долго лежали въ постели, потомъ лѣниво засыпали, просыпались снова и, думая всякъ про свое, безсмысленно глядѣли въ какую-нибудь точку и угрюмо молчали.

— Сколько времени?—спрашивалъ я.

— Не знаю.

И опять молчаніе. По корридору то и дѣло пробѣгала теща—то за перцемъ, то за сахарнымъ пескомъ, то еще за чѣмъ-нибудь; полъ подъ ней вздрагивалъ, а въ этажеркѣ звенѣла посуда.

— Молодые, вставать, вставать пора,—бывало, скажетъ она,—надо и честь знать...

Скажетъ и снова убѣжитъ на кухню, и ужъ слышно, какъ распекаетъ тамъ прислугу:

— Господи—Боже мой!.. Устинья! Ну, что ты за безтолочь... Говорила тебѣ: горшки надо выжаривать... А ты что сдѣлала? Что ты сдѣлала, безпутная?—укоряла она прислугу.— Опять молоко скисло. Я такъ и знала...

Часовъ въ восемь съ половиной, тяжело ступая башмаками, мимо нашей спальни Устинья проносила самоваръ.

Слышно было, какъ она доставала изъ-за сундука подносъ, ставила самоваръ на столъ, отряхала фартукъ и, все такъ же стуча башмаками, неспѣшно уходила въ кухню.

Дѣлать нечего—надо было вставать. Спали мы на одной кровати: я—у стѣнки, а жена—съ краю; жена поднималась всегда раньше меня. Когда, накинувъ полотенце на плечо, она уходила въ кухню умываться, я тоже поднимался. Прикрывъ ноги одѣяломъ, я сидѣлъ на постели и долго о чемъ-нибудь мечталъ, покачиваясь, какъ китайскій болванчикъ. Сидѣть въ постели послѣ сна обратилось для меня въ потребность: я каждый день такъ сидѣлъ по полчаса и больше, и всегда у меня болѣла голова,—должно быть, отъ долгаго сна.

При входѣ моемъ въ кухню, теща ласково улыбалась и говорила:

— Ахъ, вы! Сонуря преподобный...

Чтобы не обидѣть ея, я тоже улыбался, потиралъ рукою лобъ, глаза, все лицо и говорилъ:

— Да, ничего себѣ: поспалось. Дай Богъ всякому... Мамаша, какая-же вы непосѣда!—прибавлялъ я, удивляясь ея хлопотливости.

— Поживите съ мое—и вы будете непосѣда!—убѣжденно говорила она.

Само-собой разумѣется, что я этому не вѣрилъ: я думалъ: проживи я сто лѣтъ, все останусь тѣмъ-же.

День проходилъ скучно.

Послѣ чая, къ которому подавались въ жаровнѣ жирные и вкусные пирожки или пышки, жена ухитрялась до самаго обѣда перетирать посуду, а я ходилъ изъ угла въ уголъ по залу и безтолково напѣвалъ:

„Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти“...

Теща возилась въ кухнѣ, и когда передъ обѣдомъ она проходила изъ кухни въ горницу и видѣла, что посуда чайная еще не убрана, говорила женѣ:

— И какъ будешь жить ты, Маня... Наказанье!..

Въ томъ, что жена лѣниво и долго возилась съ посудой, или же, свѣсивъ руки на колѣни и поникнувъ головой, сидѣла, какъ мертвая, а я ходилъ, напѣвая, и, когда уставалъ, ложился на диванъ,—было что-то безжизненное, томительное, даже отчаянное; казалось — вотъ-вотъ, пронесется крикъ о помощи: „караулъ помогите!“ Что было намъ дѣлать? Я не зналъ, да и жена, должно быть, тоже не знала.

Приходъ мой былъ небольшой, всего шестьсотъ душъ; требы случались очень рѣдко; школа грамоты, помѣщавшаяся въ сырой, низкой церковной сторожкѣ, скоро мнѣ опостылѣла; хозяйства я не любилъ, книгъ не было... Приходилось одно: терпѣливо ждать обѣда, чая, ужина... Въ домѣ у насъ былъ опредѣленный порядокъ, который установила теща и по которому мы обѣдали въ двѣнадцать часовъ, чай пили въ четыре и ужинали въ восемь.

Наша жизнь была тиха, лѣнива и безмятежна; ничто насъ не волновало, ничто не интересовало: мы спали. Наша любовь (если она была) какъ-то расплылась и была такъ-же лѣнива, какъ и сама жизнь. Казалось, что сонъ, обѣдъ, любовь—все это спуталось, перемѣшалось, и не было ни начала, ни конца...

По праздникамъ поднимался я часовъ въ семь и отправлялся служить заутреню съ обѣдней. Вечерни служилъ я очень рѣдко, а правила—ни вечерняго, ни утренняго—ни дома, ни въ церкви никогда не читалъ: не хотѣлось. Служба про-

ходила безпорядочно: я не успѣлъ еще приноровиться къ уставу, а дьяконъ былъ пьяница и не считалъ нужнымъ слѣдить за уставомъ. „Мое дѣло—эктеньи“,—говорилъ онъ. И службой правилъ дьячекъ, по прозвищу „Митричъ“, а за глаза „Шикунъ“,— человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, маленькій, толстенькій, съ необыкновенно длинной сѣдою бородой, и очень плутоватый.

— Митричъ,—говорилъ я ему иногда,—а вѣдь мы нынѣ напутали? Какъ ты думаешь?

— Ничего, милый мой, ничего... Все Богъ,—говорилъ онъ, щурясь и хихикая,—все Богъ! Онъ, кормилецъ, не взыщитъ. Вѣрно говорю: не взыщитъ...

И такъ убѣдительно говорилъ, что я успокоивался и думалъ: „а почему не такъ? Не все ли равно?..“

— Такъ „не взыщитъ“?—переспрашивалъ я, очень довольный.

— Богъ-то?—возражалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ семинарскіе учителя, западные философы и святые отцы передъ Митричемъ казались ничтожествомъ. И служба шла своимъ чередомъ.

Послѣ благовѣста, но до звона (придти послѣ звона значило опоздать) въ церковь приходили жена и теща: онѣ становились впереди всѣхъ, какъ разъ противъ иконы Спасителя. У тещи въ церкви лицо было всегда серьезное, строгое; кресты она дѣлала „крѣпко“, въ извѣстные моменты становилась на колѣни, а минутами и плакала. Ничего подобнаго въ женѣ я не замѣчалъ. Въ церкви ей, должно быть, было очень скучно. Изрѣдка царапала она на своей груди маленькіе крестики и конфузилась; вслѣдъ за матерью, не сгибая тѣла, становилась на колѣни, но въ землю никогда не кланилась. Все лицо ея, взглядъ, фигура—казалось, пропитаны были странною задумчивостью и печалью. „Она живетъ,—думалъ я,—гдѣ-то очень далеко, въ другомъ мірѣ, тысячамъ людей недоступномъ“. Глаза ея, чаще безъ всякаго выраженія, тусклые и вялые, вдругъ собирались иногда, съ необыкновенной силой свѣтились и горѣли энергіей, страстью и желаніемъ, и вотъ-вотъ, казалось, она встрепенется, заговоритъ и удивитъ насъ всѣхъ, но она лишь громко вздыхала и потухала снова. Что за человѣкъ была моя жена,—я не зналъ она оставалась для меня вѣчно-неразгаданнымъ сфинксомъ. Она подавала, напримѣръ, нищему не меньше десяти копѣекъ и даже рубль; если теща захватывала ее во время, „на мѣстѣ преступленія“, то деньги, разумѣется, отбирала. подавала нищему копѣйку или оставшійся отъ обѣда кусокъ хлѣба. Тогда жена

пряталась, словно пристыженная, и, притаясь у окна, долго провожала нищаго своимъ страннымъ взглядомъ. Послѣ каждой обѣдни теща съѣдала просфору, зажавъ ее въ горсть (чтобы не раскрошить), и оставшіяся крошки собирала указательнымъ пальцемъ и тоже съѣдала. А жена сидѣла въ сторонѣ, слѣдила за матерью и странно улыбалась. Почему-то мнѣ казалось, что она посмѣивается надъ наивностью старухи, но, навѣрное, я этого не зналъ. „Чортъ ее разберетъ!"— думалъ я и махалъ рукой.

III.

Въ началѣ декабря, когда установился санный путь, теща поѣхала въ городъ провѣдать старика-отца. Она хотѣла вернуться на другой день съ дневнымъ поѣздомъ; мы выслали лошадь и одежду, но старуха не вернулась. „Знать, въ городѣ что-нибудь задержало"—рѣшили мы и успокоились. Пріѣхала она лишь на другой день, часовъ въ шесть утра, когда было еще темно, холодно и не хотѣлось вставать съ нагрѣтой постели. Оказалось, ямщикъ сбился съ дороги, и всю ночь плуталъ по снѣжнымъ сугробамъ...

На слѣдующій день тещѣ нездоровилось; она, какъ-будто, меньше стала говорить, какъ-будто по чемъ-то тосковала, о чемъ то думала и, наконецъ легла въ постель. Она увѣряла, что все это пустяки, скоро пройдетъ, и на другой день она встанетъ и будетъ варить изъ клюквы свѣжее варенье. Но на другой день она не встала, не встала и на третій... Пріѣхалъ изъ Царевки докторъ и нашелъ воспаленье легкихъ. Когда осмотръ больной кончился, я предложилъ доктору чаю.

— Чаю-ю? — протянулъ онъ. — Пожалуй, можно и чаю. Только нельзя-ли поскорѣе...

Принесли самоваръ.

— Ну, что? Какъ?—спрашивалъ я, рѣшивъ про себя, что говорить въ такихъ условіяхъ о чемъ-либо другомъ нельзя, да и неприлично.

— Да что?—сказалъ докторъ, глубоко запустивъ третій палецъ лѣвой руки за грязный воротъ крахмальной рубашки.—Скверно, конечно. Воспаленіемъ шутить нельзя.

Выпивъ три стакана чаю, онъ посидѣлъ минутъ пять молча и, какъ будто про себя, сказалъ еще разъ:

— Да, воспаленіемъ нельзя шутить. Однако, до свиданія! Меня ждутъ больные.

Онъ прописалъ лѣкарство, получилъ за визитъ и уѣхалъ.

Тещѣ становилось хуже и хуже. Она лежала вся въ жару, порывисто дышала и, казалось, таяла отъ собственнаго

жара. Жена не покидала матери; и днемъ, и ночью она сидѣла въ ея комнатѣ, не раздѣвалась и спала, сидя. А я былъ одинъ и проводилъ время въ залѣ. Если жена и теща о чемъ-нибудь тихо говорили, а потомъ долго молчали, я ощущалъ необыкновенные припадки тоски и одиночества.

„Господи! Да что-же это такое?—думалъ я про себя.—Развѣ я имъ чужой?“ Мнѣ хотѣлось пойти къ нимъ въ комнату, сѣсть на кровать и разсказывать что-нибудь интересное-интересное...

„Но какими глазами онѣ посмотрятъ на меня, если я войду?—продолжалъ я свои думы.—Вѣдь я имъ помѣшаю?“

Я долго прислушивался, качалъ печально головой, и слезы, тяжелыя слезы, застилали мнѣ глаза. Согнувшись, садился я за столъ, бралъ логику Владиславлева, долго осматривалъ ее, перелистывалъ, но читать не могъ; очинивъ карандашъ, безсмысленно рисовалъ какіе-нибудь зигзаги, свою фамилію или еще что-нибудь... Иногда шелъ, наконецъ, въ комнату больной, но сидѣлъ тамъ не долго: меня что-то тамъ давило.

— Мамаша, — заговорилъ я однажды, высоко поднявъ брови,—знаете что? Я сейчасъ поѣду въ городъ, пойду къ Нейфельду (фамилія старшаго врача въ общественной больницѣ), разскажу, въ чемъ дѣло, и привезу сюда. Я упрошу его, умолю... Пообѣщаю ему пятьдесятъ рублей, и онъ согласится. А черезъ недѣлю мы будемъ съ клюквеннымъ вареньемъ чай пить.

Душа во мнѣ трепетала; кровавыя волны заливали сердце; мнѣ хотѣлось жертвовать собой. Быть можетъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда человѣкъ отрѣшается отъ стараго.

— Ну, еще чего?—сказала вдругъ теща недовольнымъ голосомъ.—Пятьдесятъ рублей...

— Нѣтъ, право, мамаша,—опять заговорилъ я, стараясь замять „пятьдесятъ рублей: — вѣдь Нейфельдъ! Онъ замѣчательный докторъ. Я знаю: онъ не откажется, онъ пойметъ меня и пріѣдетъ...

— Не нужно. Чего еще тамъ!.. Маня, достань-ка мнѣ малиноваго вареньица... Фантазія: напиться съ малиновымъ.— Она улыбнулась.

— Оно гдѣ?—спросилъ я. Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь услужить тещѣ.—Въ подпольѣ? Въ какой банкѣ? Я сейчасъ достану.

Достали малиновое варенье, размѣшали въ стаканѣ отварной воды, и теща, не переводя духа, выпила весь стаканъ.

———

IV.

Пришло Рождество, а у насъ ни пирога не было, ни закусокъ, ни окорока, даже забыли масла сбить. На второй день вечеромъ, когда я вернулся изъ прихода, въ дверяхъ меня встрѣтила жена: глаза были у ней красны, а щеки грязны отъ слезъ.

— Тебя мамаша зоветъ,—сказала она,—пойди къ ней.

Я повѣсилъ шубу на гвоздь, высморкался и вошелъ въ комнату. Больная лежала подъ шерстянымъ бордовымъ одѣяломъ и тяжело дышала.

— Николай Андреевичъ, — заговорила она, замѣтно вздрогнувъ и тоскливо шевельнувъ головой. — Николай Андреевичъ, вѣдь я умираю. Вы... Садитесь, поговоримъ... Хотя на... на кончикѣ поговоримъ...—Она хотѣла улыбнуться, но ничего не вышло, и на глазахъ блеснули слезы.

— Зачѣмъ вы это говорите, мамаша?—сказалъ я, не въ силахъ ничего другого придумать.—Зачѣмъ такъ говорить? Поправитесь, Богъ дастъ.

— Нѣтъ, Николай Андреевичъ, не поправлюсь.. Сама знаю, не поправлюсь, — говорила она медленно и, словно-бы, нараспѣвъ.—Теперь, видно, не долго; пора костямъ и на мѣсто. Думала: поживу, васъ устрою... Да нѣтъ... не пришлось. Хоть бы годочекъ, — съ тоской проговорила она, — только одинъ годочекъ пожить; а тамъ... а потомъ, что Богъ пошлетъ...

Я сѣлъ противъ нея на сундучекъ и не зналъ, что сдѣлать, что сказать... Было ясно: теща умирала. А какъ, должно быть, ей хотѣлось жить!.. Она тосковала, и эта предсмертная тоска выражалась во всемъ: и въ утомленныхъ, свѣтящихся глазахъ, и въ углахъ рта, и въ нервномъ подергиванiи плечъ, и въ скрываемыхъ вздохахъ... Чего бы не сдѣлалъ я для нея? Я отсѣкъ-бы себѣ руку, будь это нужно, пошелъ-бы въ адъ... Но вѣдь ничего этого не надо было. И мнѣ хотѣлось одного: подняться и скорѣе уйти изъ комнаты. Ужасное состоянiе души, когда хочешь все отдать за жизнь близкаго и родного человѣка и видишь, что это безполезно, когда хочешь жертвовать собой и не можешь, когда чувствуешь, что твои страданья и не нужны, и безцѣльны.

Сидя противъ умирающей, помню, я безумно повторялъ стихи Пушкина:

„Вздыхать и думать про себя:
Когда же чертъ возьметъ тебя!“

Эти слова, какъ неотвязная idée fixe, не выходили изъ моего воспаленнаго мозга. Отъ нихъ мнѣ становилось дурно.

— Николай Андреевичъ,—сказала теща и остановилась; ея голосъ задрожалъ.

— Вы... вы любите ее, любите Машу; вѣдь она ребенокъ... Маша, подойди сюда поближе: я... васъ... я благословлю васъ.

Жена стояла у двери и не шевелилась. Лицо ея конвульсивно подергивалось, челюсти сжимались, подбородокъ вздрагивалъ, и изъ глазъ катились слезы.

— Маша, подойди сюда,—умоляющимъ голосомъ произнесла еще разъ мать.

— Господи! — простоналъ я и, закрывъ лицо руками, ушелъ въ спальню. Легъ ничкомъ въ кровать и страшно, страшно, плакалъ.

— Манюшка,—доносился до меня изъ-за тонкой перегородки голосъ умирающей,—люби его... люби его, моя дочечка родная... Онъ смирный, хорошій, не обидитъ... Покойникъ былъ хуже; тотъ, сама знаешь, бивалъ, жизнь нехорошую велъ, тиранилъ...—Она помолчала, словно-бы что-то вспоминая.—Упокой, Господи, его душу грѣшную,—вздохнула она,—со святыми твоими упокой его, Господи!... Умру,—молитесь обо мнѣ,—прибавила она тихимъ голосомъ,—поминайте.

— Мама! Мамочка!—стонала жена...—Погоди, не умирай! Погоди, мама...

— Ду-роч-ка!..—тихо засмѣялась теща.

И не послушалась мать дочери: вечеромъ подъ новый годъ ея не стало...

Только зажегъ я лампу и придвинулся къ столу, чтобы писать метрики, какъ вошла Фетинья (монашка, которую мы пригласили помогать въ уходѣ за больной) и сказала:

— Матушка кончилась.

— Ты что?—тупо спросилъ я.

— Матушка, говорю, кончилась,—повторила она.

Я ничего не понималъ и чувствовалъ только ужасъ. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по моему тѣлу, такъ поразило меня слово „кончилась“...

Я пошелъ.

Въ комнатѣ горѣла небольшая фарфоровая, на высокомъ пьедесталѣ, лампа, отъ которой шелъ грязновато-красный свѣтъ. Какъ и всегда, теща была накрыта бордовымъ теплымъ одѣяломъ; ея полураскрытая правая рука лежала на груди, а лѣвая свѣсилась съ постели. Я стоялъ въ дверяхъ и не понималъ, зачѣмъ я здѣсь стою, на что смотрю? Я замеръ, я застылъ, но не отъ жалости — нѣтъ! Этого чувства не было во мнѣ—я скорѣй застылъ отъ того страха, который замораживаетъ слезы, сковываетъ мускулы, леденитъ кровь...

А съ женой дѣлалось что-то невѣроятное. Она подходила къ матери, становилась предъ ней на колѣни, клала свое лицо на ея тѣло, потомъ съ ужасомъ пятилась назадъ, садилась на сундукъ, качала головой, безумно смотрѣла то на меня, то на мать, поднимала глаза на икону и вдругъ, закинувъ за голову руки, съ страшнымъ напряженьемъ выставляла впередъ грудь, ложилась тѣломъ на сундукъ и, задыхаясь, говорила: „ой... ой... ой!..“

Потомъ она уходила въ спальню, бросалась тамъ въ постель, опять поднималась и шла въ залъ. „Господи! Господи!“—слышался оттуда ея голосъ. Подойдя ко мнѣ, она брала мою руку и заглядывала въ глаза, какъ бы моля помочь ей. Она была горяча; всю ее поводило, какъ желѣзный листикъ на огнѣ.

Я долго смотрѣлъ на покойницу и, подумавъ, рѣшилъ послать въ городъ къ дѣду телеграмму. „Скончалась мамаша. Пріѣзжайте немедленно“,—написалъ я на клочкѣ бумаги и отправилъ съ церковнымъ караульнымъ на станцію.

Въ домъ стали входить чужіе люди; дверь то затворялась, то снова отворялась; одни говорили громко, другіе шепотомъ—и всѣ, посмотрѣвъ покойницу, старались заглянуть и въ залъ. Потомъ принесли лотокъ, желѣзный тазъ, принесли теплой воды; стали омывать трупъ.

Все это было, какъ во снѣ. Какъ во снѣ, на третій день вынесли покойницу въ церковь, отслужили тамъ обѣдню, отпѣли тѣло, вынесли въ ограду, спустили въ могилу, засыпали землей... Помянули... Потомъ всѣ разъѣхались. И остались мы одни: я съ женой и дѣдомъ, тѣмъ самымъ, который, по словамъ тещи, былъ лучше всѣхъ на свѣтѣ.

И вотъ какая-то пустота, огромная, страшная пустота поселилась въ нашемъ домѣ. Маленькій домикъ, казалось, теперь былъ такъ просторенъ и великъ, что и спрятаться въ немъ было негдѣ, и такъ мраченъ, что ему, повидимому, дневного свѣту не хватало.

Жена лежала дни и ночи въ постели,—плакала, стонала и кричала: „ой-ой-ой!..“

Это было выше моихъ силъ. Измученный и своимъ страданьемъ, и страданьемъ жены, я садился на диванъ и, сдерживая рыданья, тихо плакалъ.

Вокругъ насъ суетился дѣдъ; онъ то утѣшалъ жену, то подходилъ ко мнѣ и говорилъ:

— Да будетъ, будетъ-же... Ну что-жъ теперь дѣлать? Господня воля...

— Да подите вы къ чорту... съ вашей волей!—грубо кричалъ я на него и рвалъ на себѣ волосы.

— Господи, Боже мой!—пугался дѣдъ, широко раскрывая руки и глаза:—что вы, что вы?..

— Ой... ой, мама... ой... ой...—кричала жена, и дѣдъ бѣжалъ къ ней.

Свистъ вѣтра въ трубѣ, колокольный звонъ, солнечный лучъ, лунный свѣтъ ночью, сугробы снѣга, поблекшіе безъ поливки цвѣты, нечищенный и забытый самоваръ, грязные въ слѣдахъ полы — все, все говорило намъ о смерти и напоминало потерю. Комнату, въ которой была покойница, затворили, и теперь боялись подойти къ ней. Цѣлую недѣлю жена ничего не пила, не ѣла.

— Маша, поди ты съѣшь чего-нибудь, — говорилъ ей дѣдъ, садясь всякій разъ за столъ, — вѣдь не хорошо такъ: грѣхъ.

Скоро дѣдъ уѣхалъ, и мы остались одни. Мы, вообще, говорили очень мало, а теперь и вовсе замолчали.

По ночамъ я слышалъ, какъ жена плакала и дрожала вся отъ слезъ; мнѣ хотѣлось обнять ее, приласкать, но въ то же время я боялся. Чтобы дать ей время успокоиться, я перешелъ спать въ залъ.

V.

Вотъ въ какую маленькую сказку можно было уложить всю нашу жизнь. „Жилъ-былъ попъ съ попадьей; у нихъ не было дѣтей. Была теща у попа, да и ту Богъ прибралъ. Дѣлать было нечего: стали жить-поживать, да конца поджидать. Вотъ и сказочкѣ конецъ“. Со смертью тещи, наша жизнь страшно перемѣнилась; она какъ-то раздѣлилась, а раздѣлившись, обособилась. Мѣсяцевъ пять-шесть мы спали врозь, подолгу сидѣли въ разныхъ комнатахъ, тяготились взаимнымъ присутствіемъ и обѣдали молча. Часто жена, положивъ въ сторону ложку, со слезами на глазахъ поднималась изъ-за стола и уходила въ спальню плакать, а я обѣдалъ одинъ. Аппетита не было, но я, самъ не зная почему, шелъ къ двери и шумѣлъ черезъ сѣни: „Устинья, неси кашу!“

Когда я бывалъ въ церкви, мнѣ очень хотѣлось знать, чѣмъ занята жена дома. Я посылалъ къ ней церковнаго караульнаго — или за крестомъ, или за скуфьей, или же просто за носовымъ платкомъ — и мучительно ждалъ его возвращенія.

— Кто тебѣ далъ? — спрашивалъ я у караульнаго, волнуясь и принимая вещь. Тайно я надѣялся услышать слово:

„матушка“, но отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же: „кухарка“.

Какъ-то лѣтомъ жена нашла въ среднемъ ящикѣ этажерки старыя карты и стала гадать на нихъ; потомъ она къ нимъ пристрастилась и цѣлые дни съ серьезнымъ лицомъ возилась съ картами.

— Сыграемъ? — сказалъ я ей однажды и спуталъ гаданье.

Она посмотрѣла на меня, улыбнулась, отбросила назадъ растрепавшіеся волосы и сказала:

— Сыграемъ.

Мы стали играть и играли очень долго, должно быть, коновъ тридцать подрядъ, а ночью вмѣстѣ спали. Это было въ первый разъ послѣ похоронъ тещи. Потомъ мы всегда стали спать вмѣстѣ. Но въ жизни нашей по-прежнему чего-то не хватало. Я чувствовалъ, что мы другъ другу чужіе.

Любили ли мы другъ друга? Не знаю. Вѣрнѣе всего, что я любилъ въ женѣ только тѣло. Жена же, повидимому, ничего во мнѣ не любила и жила со мной лишь потому, что „отъ судьбы никуда не убѣжишь“, а другого выхода нѣтъ.

Такъ мы прожили зиму, и весну, и лѣто; наступила осень.

8 сентября, на Рождество Богородицы, былъ очень хорошій осенній теплый день. Румянецъ и загаръ знойнаго лѣта сбѣжалъ съ природы, и она прояснилась,—немножко поблѣднѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и похорошѣла; въ воздухѣ осторожно плавала паутина. Иногда, весело чиликая и волоча за собой длинный изъ паутины хвостъ, пролеталъ въ одиночку воробей. Отъ кольевъ плетней, чуть виляя или вовсе неподвижно, тоже тянулись бѣлыя и неровныя паутинки. Было чуть-чуть холодно, но хорошо и покойно; сердце о чемъ-то тосковало, но это была хорошая, мягкая тоска. О томъ, что вотъ-вотъ небо затянется мглою, солнце закроется безобразными глыбами облаковъ, потомъ польется мелкій дождь, земля покроется липкой грязью,—объ этомъ и думать не хотѣлось. Такъ, вѣрно, чувствуетъ себя человѣкъ, понявшій, наконецъ, что такое жизнь и что такое смерть.

Передъ вечеромъ мы вышли на крыльцо и ѣли недавно срѣзанные въ огородѣ, сырые подсолнухи. Работы полевыя были кончены; неубраннымъ остался лишь картофель. На селѣ теперь отдыхали отъ лѣтней страды, а молодежь веселилась и ходила по улицамъ съ гармониками. Заломивши картузы на самую макушку и лѣниво раскачиваясь, мужицкіе парни шли по-двое и по-трое, за ними слѣдовали шесть-семь взрослыхъ дѣвокъ, потомъ нѣсколько подростковъ, а въ хвостѣ мелюзга. Въ каждой толпѣ былъ одинъ парень-гармонистъ. Цѣлыми часами игралъ онъ одинъ и тотъ же мотивъ, а

дѣвки, наряженныя въ розовыя, желтыя, синія и зеленыя юбки, подпѣвали ему и выкрикивали „прибаски". Порой въ этотъ дикій концертъ врѣзывался безобразный фальцетъ парня, подражавшаго дѣвкамъ. За одной толпой проходила другая, третья, четвертая... Въ каждой толпѣ такъ же пѣли, такъ же играли на гармоникѣ, только въ другомъ тонѣ, и такъ же парень душилъ себя фальцетомъ. Проходя мимо нашего дома, толпа замолкала; парни кланялись, а дѣвки робко продолжали напѣвать тихими голосами — и это было пріятно слушать.

Пройдя нашъ домъ, дѣвки запѣли:

„Пошли дѣвки за орѣхами"...

— Ну вотъ, такъ и зналъ!—сказалъ я вслухъ, почему-то увѣренный, что дѣвки запѣли именно то, о чемъ я только что думалъ, и даже въ тотъ тонъ, который былъ въ моей головѣ.

— Такъ и зналъ, — повторилъ я. А дѣвки продолжали:

„Тамъ ребята забрехали...
„Ай-рай-рай-рай-рай-рай-рай...
Тамъ ребята забрехали"...

Уходили люди и уносили съ собою голоса; „прибаски" уже мѣшались съ другой, начатой въ толпѣ, пѣснью. Съ середины села, съ „Мойкина луга", гдѣ поздно вечеромъ и ночью происходили деревенскія оргіи, слышались тѣ же пѣсни, гармоники, визгъ, крики, слитые въ такую оглушающую какофонію, что даже въ аду, казалось, будетъ тише...

— А въ прошломъ году въ этотъ день была наша свадьба,—сказалъ я, поглядывая на синія главки церкви.— Ты, помню какъ сейчасъ, прислала мнѣ крахмальную рубашку. Мучился-мучился я съ ней: верхней запонки застегнуть никакъ не могъ. Потомъ наступилъ на галстухъ: не видалъ... Помню, тогда шелъ сильный дождь, и у рубашки, должно быть, когда ее несли, промокъ и распустился воротъ.

Помолчали.

— Говорятъ, въ дождь свадьба къ счастью, — подумавъ, сказалъ я.—И чего только не выдумаютъ люди? Въ дождь— къ счастью, въ маѣ—маяться... Чортъ знаетъ что!..

Я улыбнулся и принялся за подсолнухи.

— Ну хорошо, въ дождь... — заговорилъ я опять. — Ну, что-жъ, что въ дождь? Счастливы мы? А? Ты какъ думаешь: мы счастливы, или нѣтъ?

Жена, не переставая ѣсть подсолнухи, поправила на себѣ платокъ, подумала и сказала:

— Не знаю.

Тонъ, которымъ отвѣтила она, почему-то сразу напомнилъ мнѣ тещу, ея болѣзнь, смерть, два сомкнутые стола, два подсвѣчника по сторонамъ въ бѣлыхъ чехольчикахъ, потомъ ворохъ свѣжей земли возлѣ могилы, снѣгъ...

Жена перестала ѣсть подсолнухи и вздохнула,—должно быть, тоже вспомнила про мать.

— Маша, — заговорилъ я взволнованнымъ голосомъ: — Маша, давай отслужимъ панихиду. Ей лучше будетъ.

— Кто тебѣ мѣшаетъ?—перебила она.— Ступай и служи.

— Ты знаешь,—продолжалъ я,—вѣдь ты знаешь, что ей лучше будетъ. Пойдемъ—отслужимъ. А? Пойдемъ...

— Ступай и служи!—повторила она съ неудовольствіемъ и повела плечомъ.

Я замолчалъ.

На могилу матери жена ходила очень часто, каждый день ходила, но всегда одна. Разъ,—это было по веснѣ,—возвращаясь съ хлѣбомъ подъ мышкой изъ села, я подошелъ къ боковой двери ограды и протянулъ руку, чтобы отложить щеколду, какъ увидѣлъ тамъ жену. Она сидѣла на землѣ, у самаго основанія могилы, поближе къ кресту. На глазахъ ея не видно было слезъ, но по всей ея фигурѣ, съ согнутыми ногами, руками, брошенными на колѣни, и поникшей головой, можно было догадаться, какъ тяжела для нея потеря матери. Минутъ пять смотрѣлъ я на нее, и она не шелохнулась. Когда черезъ полчаса она вернулась изъ ограды и присѣла на крыльцѣ, мнѣ хотѣлось какъ-нибудь помочь ея горю, облегчить его... При томъ меня мучило любопытство.

— Маша! — сказалъ я коротко, испытывая ея лицо глазами.

— Ну?—мрачно и подозрительно сказала она.—Ты что?— И поднялась съ мѣста.

— Погоди, Маша!

— Ну, что тебѣ? — холодно бросила она, повернулась ко мнѣ спиной и ушла въ горницу.

VI.

Съ двадцатыхъ чиселъ сентября, когда пошли дожди—долгіе и холодные,—а послѣ дождей цѣлыми днями стояли туманы, когда скользкая грязь не просыхала, и вечерами широкія, длинныя полосы свѣта, падавшія изъ оконъ на дорожныя лужи, говорили о настоящей осени и ходить въ ограду уже стало невозможно, жена сидѣла дома. Съ

серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ выходила она изъ спальни въ залъ, садилась у обѣденнаго стола и забирала, по привычкѣ, большой палецъвъ ротъ. Потомъ, — не то о чемъ-то думая, не то тоскуя, — поднималась и, словно черная пантера въ клѣткѣ, ходила по комнатѣ, сильно перегибаясь въ таліи и выставляя бедра. На вопросы отвѣчала либо разсѣянно, либо недовольно: зачѣмъ, дескать, мѣшаешь? Утомившись, она снова уходила въ спальню и ложилась тамъ въ постель. Нѣсколько минутъ сидѣлъ я одинъ молча, не двигаясь съ мѣста. Въ комнатѣ было скучно, мрачно, тяжело... Хотѣлось чѣмъ-нибудь развлечься, но чѣмъ? Я шелъ въ спальню поглядѣть на жену. Она лежала навзничь, съ закинутыми за голову руками, и смотрѣла въ потолокъ.

— Поѣдемъ въ гости, — сказалъ я какъ-то за обѣдомъ.

— Куда?

— Да куда хочешь.—Я назвалъ нѣсколькихъ знакомыхъ поповъ и землевладѣльцевъ.

Она разсѣянно посмотрѣла на меня, вздохнула, отрицательно покачала головой и ничего не сказала. Глядя на ея осунувшееся, но красивое лицо, на бѣлый, широкій, полный подбородокъ, на шею и грудь, я очень жалѣлъ о томъ, что у насъ не было дѣтей. Да, будь у насъ дѣти. ей было бы легче забыться; будь у насъ дѣти, съ нами не случилось бы того, что случилось...

Наступалъ вечеръ, зажигали низенькую, съ зеленымъ абажуромъ лампу, и мы пили чай.

Вотъ сидимъ мы въ залѣ; самоваръ давно потухъ и остылъ; наши круглые часы, что висятъ надъ дверью, энергично отбиваютъ свою дробь; стрѣлки вытягиваются,—скоро будетъ шесть...

„Бом-ммм!...—несется съ колокольни звукъ сорока-семипудового колокола, звукъ стонущій, немножко гнусавый и неровный. Это бьютъ часы.

Мы молчимъ. Я сижу на своемъ любимомъ мѣстѣ, — между столомъ и этажеркой,—закинувъ назадъ къ стѣнѣ голову. Жена перетираетъ чайную посуду: прежде погремитъ стаканомъ въ полоскательной чашкѣ, потомъ долгодолго вытираетъ полотенцемъ; иногда подниметъ стаканъ и посмотритъ чрезъ него на лампу: чистъ ли? Лампа освѣщаетъ банки съ цвѣтами, часть пола, ножки у дивана, столовъ, стульевъ; все же остальное—въ зеленоватомъ полумракѣ, словно въ какомъ-то капищѣ. Вотъ скрипнула дверь въ кухнѣ, потомъ въ сѣняхъ: кто-то вышелъ на дворъ. Опять тишина. „Бом-ммм...“—повторяетъ колоколъ. Гдѣ-то тяжело жужжитъ ожившая въ теплѣ муха; она несется на огонь и

назойливо вьется вокругъ лампы. На стеклахъ, освѣщенныхъ лампой, видны капельки дождя; капельки ползутъ внизъ и расплываются; раскачиваемая вѣтромъ акація царапаетъ стѣну; вѣтеръ рвется въ окно, надувается, свиститъ и вдругъ, словно чего-то испугавшись, затихаетъ. Когда прислушаешься, то слышишь только тиканье часовъ, да свое дыханье... „Бом-ммм...“—бьетъ колоколъ въ третій разъ. „Господи! и когда только эта мука кончится!“ — думаю я про себя. Душа напряглась, по тѣлу ходитъ дрожь нетерпѣнія, изъ груди вырывается тяжелый вздохъ, становится холодно... Почему-то я хочу предупредить себя предъ слѣдующимъ ударомъ, разсчитываю, когда онъ будетъ, и знаю, что если не приготовлюсь къ нему, непріятно вздрогну, а сердце такъ и покатится. Вотъ я жду--жду, думаю: „еще пять сек...“

„Вом-ммм...“—перебиваетъ меня колоколъ. И такъ это кажется внезапно, что я вздрагиваю, и судорога пробѣгаетъ по всему тѣлу.

— Словно чортъ за душу тянетъ! — не перемѣняя позы, говорю я.

— Что?

— Ничего... Какъ чортъ, говорю, за душу тянетъ... Вотъ что!..

— Про кого ты?

— Про кого? — сержусь я, не зная самъ на что. — Про часы!..

Жена молчитъ, и я не знаю, понимаетъ она, про какіе часы говорю я, или нѣтъ.

„Бом-мъ!..“

Немного погодя опять: „Бом-ммм...“.

— О-охъ! Наконецъ-то! — говорю я и поднимаюсь, чтобъ встряхнуться. Я хожу, улыбаюсь про себя, покачиваю головой и думаю: „хорошо призванье, нечего сказать!..“

Потомъ начинаю пѣть:

„Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти“...

Полчаса спустя, я лежу на диванѣ и ужъ ни о чемъ нэ думаю; скоро засыпаю. Просыпаюсь я ночью, часовъ въ двѣнадцать, продрогшій, и прислушиваюсь: въ спальнѣ кто-то сопитъ... Это жена: она тоже спитъ. Поднявшись съ дивана, минуту-другую я стою—думаю, затѣмъ иду на цыпочкахъ, чтобы не разбудить жены, иду въ переднюю, беру тамъ два теплыхъ подрясника: одинъ кладу подъ голову, другимъ укрываюсь,—гашу лампу и опять ложусь...

Три, много четыре дня тянется такая спячка, а потомъ на

постель не хочется смотрѣть, и тоска по чемъ-то разрываетъ грудь.

VII.

Для услугъ мы держали работника Ивана да кухарку Устинью. Иванъ былъ высокаго роста, но гнутый; на спинѣ у него словно какой наростъ былъ. Лицо его, длинное, тощее, обросшее черными рѣдкими волосами, съ горбатымъ носомъ и тонкими губами, выглядывало умно и остро. Глаза, какъ у одного Тургеневскаго героя, были колючіе. Я любилъ и уважалъ Ивана. Я любилъ въ немъ положительный характеръ, рѣдкую дѣловитость, прямоту, честность, порядочность. Иванъ былъ мастеръ на всѣ руки и одной минуты не могъ пробыть безъ дѣла. Лѣтомъ онъ жилъ на дворѣ и всегда что-нибудь мастерилъ; полевыхъ работъ онъ почему-то не любилъ.

Наступала осень; Иванъ изъ-подъ сарая переносилъ свою постель въ кухню, и кухня обращалась въ мастерскую. Здѣсь онъ занимался починкой хомутовъ, шлей, сѣделокъ, дѣлалъ грабли, портняжилъ, а изрѣдка и лапти плелъ. Зимой, поближе къ веснѣ, Иванъ брался за новыя работы: вязалъ бредень, наметку, плелъ верши и норота и въ полую воду заваливалъ насъ рыбой. И всякое дѣло, казалось мнѣ, выходило изъ рукъ Ивана съ какимъ-то особымъ отпечаткомъ, свойственнымъ ему лишь одному. Какъ чисто у насъ было на дворѣ и какъ опрятно! Ни сучка, какъ говорится, ни задоринки. Въ курятникѣ, во всѣхъ углахъ, висѣли восемь соломенныхъ гнѣздъ, сплетенныхъ Иваномъ,—четыре повыше и четыре пониже; въ свиномъ хлѣву всегда было сухо; конюшня, коровникъ, варокъ для овецъ—все это было порядочно и чисто. Иванъ былъ человѣкъ самостоятельный; указокъ да подсказокъ терпѣть не могъ. „Сдѣлаю, самъ знаю!"—огрызаясь, говорилъ онъ, и даже зубами ляскалъ. Водилась за Иваномъ одна слабость: любилъ онъ поговорить о религіозномъ и любилъ поспорить. По его словамъ, въ мужикѣ вѣры въ Бога нѣтъ и быть не можетъ. „Мужикъ боится, а не вѣритъ... Застращали, ну и боится... Трусливъ мужикъ, а пожить тоже хочется"...

— А зачѣмъ же ты молишься Богу?—спрашивалъ я.

— Зачѣмъ молюсь-то? Такъ. Заведеніе такое...—отвѣчалъ Иванъ, нисколько не смущаясь.

Устинья была баба съ придурью. Вскорѣ послѣ свадьбы, ее мужъ бросилъ и жилъ въ Царицинѣ съ любовницей, а Устинья всѣмъ безъ разбора жаловалась на свою горькую долю, очень часто плакала и ругалась нехорошими словами.

Вечерами, когда меня томила скука, готовая превратиться въ злобу, я шелъ въ кухню, садился тамъ на коникъ и на цѣлый вечеръ отдавался кухонной жизни. Иногда мнѣ хотѣлось что-нибудь и сдѣлать. Но что? И я вотъ что дѣлалъ. Ловилъ большую сѣрую кошку и лилъ ей въ носъ нѣсколько капель скипидару. Сначала кошка недовольно встряхивала головой и прыгала съ колѣнъ подъ столъ; чрезъ минуту она бѣжала рысью подъ печку, потомъ скакала на печку, на полати, на полки, металась по всей избѣ, съ пѣною у рта падала на полъ и отвратительно кричала. Устинья наливала въ черепокъ молока, и кошку отпаивали. Скоро кошка „одичала“, стала царапаться и кусаться; пришлось забаву бросить и выдумать другую. У насъ въ кухнѣ водилось очень много черныхъ тараканов. Поймавъ большого, сердитаго таракана, я зажигалъ восковую свѣчку и лилъ горячій расплавленный воскъ на его заднія ноги, потомъ ждалъ, пока воскъ застынетъ. Тараканъ рвался, метался, весь дрожалъ въ моей рукѣ, сердито поводилъ усами и, наконецъ, успокоивался. Тогда я снова лилъ воскъ, тараканъ снова метался, а я лилъ до тѣхъ поръ, пока холмикъ воска совсѣмъ не погребалъ таракана... Но все это, въ концѣ концовъ, надоѣло; я оставилъ въ покоѣ таракановъ и, чтобы развлечь себя, принялся за гимнастику, которую называлъ полезною „въ геморроидальномъ отношеніи“. Завязавъ полы подрясника въ большой узелъ на желудкѣ, я закидывалъ ноги на палати, цѣплялся носками за брусъ и отпускалъ руки. Должно быть, хорошъ я былъ въ этомъ видѣ, потому что даже Иванъ хохоталъ до слезъ. По селу быстро разнеслась молва о моихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, и меня стали за глаза звать „недоумкомъ“.

Мясоѣдомъ у меня въ жизни вышла одна исторія, а именно: къ моей женѣ сталъ ходить писарь. Какъ это случилось? Какъ случилось, что этотъ писарь, — черномазый, корявый и очень глупый человѣкъ, —сдѣлался любовникомъ моей жены, я не знаю. Что могло быть общаго между ними? Я знаю, что жена моя нигдѣ не училась, была мало развита, но все же она была неизмѣримо выше писаря. Впрочемъ, этотъ вопросъ мало занималъ меня; я больше думалъ о томъ, когда это случилось въ первый разъ... Я сталъ слѣдить за женой и два праздника подрядъ видѣлъ изъ оконъ алтаря, какъ писарь во время обѣдни проходилъ въ мой домъ, оставался тамъ минутъ 30—40 и снова выходилъ. Тогда я догадался, что въ первый разъ случилось это, когда я пробылъ у благочиннаго три дня. Что-то большое и тяжелое, словно безобразный камень-голышъ, давило и мучило меня...

VIII.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ воскресенье, послѣ обѣда я очень долго отдыхалъ. Когда я открылъ глаза, на дворѣ было уже темно, но огня не зажигали; жена поливала въ залѣ цвѣты и о чемъ-то разговаривала съ Устиньей. Отъ сознанья того, что къ моей женѣ ходитъ писарь, что мы теперь чужіе, и что она ужъ во мнѣ не нуждается, мнѣ было очень не хорошо. Поднявшись съ кровати, я положилъ руки на колѣни, свѣсилъ низко голову и задумался. Чего мнѣ, собственно, хотѣлось? Опредѣленно я и самъ не зналъ. Чтобъ писарь не ходилъ къ женѣ, и она жила со мной? Нѣтъ, для меня этого было недостаточно. Мнѣ хотѣлось чего-нибудь большаго. Но чего? Не знаю.

— Ахъ, какъ на душѣ скверно!—сказалъ я про себя.— Пойти въ кухню.

Маленькая жестяная лампочка чуть-чуть освѣщала кухню. Посреди избы стояла огромная верша. Иванъ ходилъ вокругъ нея съ коснымъ ножемъ, прилаживалъ прутья и подрѣзалъ торчавшія лыки. При моемъ входѣ, онъ посмотрѣлъ на хвостъ верши, упиравшейся въ потолокъ, и сказалъ:

— Такъ, значитъ.

Я промолчалъ и присѣлъ на коникъ. Иванъ былъ, очевидно, въ духѣ. Оглядѣвъ со всѣхъ сторонъ вершу, очень довольный, онъ подсѣлъ къ столу, руками оперся на лавку и подогнулъ подъ себя ноги.

— А что, батюшка, я давно кручусь тебя спросить,—заговорилъ онъ, глядя прямо мнѣ въ лицо и улыбаясь лишь глаза́ми:—Какимъ, значитъ, это манеромъ отъ мощей всякое исцѣленіе происходитъ?.. Давно кручусь спросить. Говорилъ съ дьякономъ; да съ нимъ что? Человѣкъ пьяный... и глупый. Ты, говоритъ, вѣруй, по вѣрѣ, говоритъ, и получишь. Такъ-то это такъ: слыхали... А чтобъ вотъ по совѣсти... Только этого нѣтъ.—Онъ подумалъ, покачалъ головой, какъ-бы чему-то удивляясь, и опять началъ:

— Въ Маньковѣ слѣпой есть, зовутъ Тарасомъ. Малый ничего себѣ, мозговатый малый и умомъ шустрый. Вотъ и пошелъ этотъ слѣпой на открытіе. Авось, думаетъ, и мнѣ Богъ милости пошлетъ. Да куда тамъ? Какой былъ, такой и сталъ: задаромъ только проходилъ... А я ль, говоритъ, не вѣрилъ... Почитай, мѣсяцъ жилъ, разъ его прикладывался. Теперь, говоритъ, шабашъ: не вѣрю... Потому, говоритъ, ништо... А дьяконъ все свое твердитъ: вѣры заправской не было; гордъ, говоритъ, слѣпой-то... А я такъ понимаю: больше

себя не станешь и глазу во лбу не бывать. Вотъ они какія дѣла-то!.. Калгуево знаешь? Исторія тамъ вышла. Три года не ходила баба и въ постели лежала; параличъ, говорятъ, у ней былъ. Булавку ей по самую маковку впущали, въ ноги то-есть. И ничего себѣ: сидитъ и смѣется, на булавку поглядываетъ. А баба, какъ дыня—хорошая, спѣлая, красивая. Я ее видалъ, знаю. Ну, такъ: хорошо. И поругалась она разъ съ мужемъ. Мужъ-то осерчалъ и, значитъ, прибилъ ее. Баба всю ночь ревѣла, а на утро стала на ноги, и мужа потомъ благодарила. Ну! какъ тутъ быть? Вотъ и пойми.

Иванъ замолчалъ и ждалъ отвѣта, опять улыбаясь одними глазами.

— Не знаю, — сказалъ я. Потомъ мнѣ стало досадно на Ивана, на его болтливость, и я раздражился.—Ничего я не знаю,—повторилъ я со злобой,—что ты ко мнѣ присталъ? Убирайся къ чорту! Болванъ...

Сказалъ и ушелъ.

Когда я вошелъ въ горницу, жена сидѣла за самоваромъ и разбивала въ блюдцѣ чайной ложечкой горчицу, а Устинья, опершись о притолку двери, разсказывала ей про своего мужа. Я присѣлъ и послушалъ; но Устинья скоро удалилась, и мы остались одни. Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ женой, объясниться съ ней, но я положительно не зналъ, какъ и съ чего начать, что говорить.

У меня не было ни одной мысли въ головѣ.

Жена кончила чай и, не убирая посуды, принялась за работу. Я долго сидѣлъ противъ нея и молчалъ, потомъ поднялся и сталъ ходить.

IX.

— Ты что дѣлаешь?—спросилъ я.

— Такъ. Кружева. А что?

— Ничего. Скверно что-то.

— Отчего?—спросила жена и ниже нагнулась надъ работой.

— Не знаю. Только нехорошо, — сказалъ я такимъ голосомъ, въ которомъ такъ и свѣтились жалобныя нотки.— Очень нехорошо,—повторилъ я.—Вѣдь мнѣ всегда нехорошо. Я не знаю, я не помню дня въ своей жизни, когда-бъ я могъ сказать: „я доволенъ, я счастливъ". Все какая-то тоска... лѣнь какая-то... тома... Дѣтство тяжелое, ученье тоже тяжелое. Мнѣ все представляется, что какая-то ложь жизни такъ и давитъ, такъ и давитъ меня... Да и не меня одного, а всѣхъ людей, всѣхъ до одного. Ты думаешь, на словахъ ложь?

Нѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что не на словахъ, а въ поступкахъ, въ самой жизни. За ложь на словахъ человѣка хочется прибить и только, а за тѣхъ, кто живетъ во лжи, за тѣхъ какъ-то страшно.

Правду-ль я говорилъ, лгалъ-ли безсознательно, или же просто притворялся, чтобы заинтриговать жену и обратить ея вниманье на себя—я понять этого не могу, но мнѣ очень хотѣлось говорить.

— Мнѣ тяжело,—продолжалъ я,—мнѣ мучительно тяжело смотрѣть на то, какъ ложь вдавливаетъ людей въ трясину, откуда никогда ужъ не выбраться имъ... Тяжело!.. Смотрю на себя, и вижу, что и я попалъ туда же... И вотъ, я обезсилѣлъ, завялъ, будто кактусъ, а теперь, должно быть, и конецъ мой близокъ... Господи, что-же я могу сдѣлать, если ложь сильнѣе меня? Ну, что? Будущее, говорятъ, страшно... Неправда! На будущее страшно, прошедшее. Скажу про себя: мое прошлое ужасно. Однажды, когда мнѣ было не больше шести лѣтъ, отецъ, помню, пришелъ съ поминокъ пьяный; пришелъ и говоритъ: „Баба, гдѣ топоръ? Пойду мерина ссѣку"... Былъ у насъ хорошій чалый меринъ. „Гдѣ говоритъ, топоръ? Пойду—ссѣку!" И вышелъ въ сѣни. Мать стряпала у печки. „Николка, прячься!"—сказала она, а сама взяла со стѣнки ключъ отъ конюшни, да на дворъ. Отецъ что-то зашумѣлъ въ сѣняхъ и тоже бросился на дворъ. А я, въ испугѣ, какъ котъ, спрыгнулъ съ печки, да въ сѣни, да на потолокъ; пробрался тамъ къ слуховому окну и—вотъ что увидалъ. Подъ лапасомъ, подлѣ двухъ телѣгъ, прячется мать, — блѣдная, растрепанная, съ подоткнутымъ платьемъ,—а за ней, съ топоромъ въ рукахъ, бѣгаетъ отецъ. Оба они молчатъ, только слѣдятъ другъ за дружкой да порывисто дышутъ. Вдругъ отецъ положилъ топоръ на землю и, не спуская глазъ съ матери, сталъ выдвигать телѣгу. Мать, должно быть, поняла намѣренье отца, потому что, быстро обѣжавъ телѣгу, прямо бросилась въ избу. „А, вѣдьма!" — зашумѣлъ отецъ, схватилъ топоръ и швырнулъ имъ въ мать, но промахнулся. Мать, подобравъ топоръ, заперла за собою дверь. Ужъ не помню, какъ я слѣзъ съ потолка и попалъ въ избу. Отецъ буянилъ на дворѣ, ругался, кричалъ „караулъ", разбилъ съ надворья окно, потомъ чѣмъ-то сталъ бить въ дверь. Дверь соскочила съ крючьевъ, и отецъ, страшный, со злыми красными глазами, всклокоченными волосами, опираясь о дверной косякъ, вошелъ въ избу. Я держался за юбку матери и отчаянно кричалъ. Вѣрно, ему показалось, что я заступаюсь за мать. Пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, онъ приблизился ко мнѣ, схватилъ меня за руку и поволокъ на дворъ. Помню, мать, какъ кошка, бросилась на него,

царапала ему руки, била по лицу, ругалась, задыхалась... Помню, какъ во время борьбы, моя нога проѣхала по острому гвоздю, торчавшему изъ двери, какъ изъ ноги струилась кровь, и какъ прилипали къ ногѣ солома и соръ... Все это я отлично помню и не могу забыть. Въ телѣгѣ отецъ взялъ ременныя возжи съ пряжками изъ мѣди и, зажавъ мою голову между своихъ ногъ, сталъ меня бить. Отъ страха и боли я потерялъ голосъ и не кричалъ, а шипѣлъ, какъ ужъ, всячески стараясь освободиться. Мое горло перекосилось, уши горѣли, было страшно больно, я задыхался... Наконецъ, я повернулся и укусилъ отца за ляшку. Сначала я слышалъ голосъ матери:—„Людюшки! Православные! Помогите Христа ради"!—Потомъ ничего не помню. Пришелъ въ себя я ужъ въ избѣ, на лавкѣ, на отцовскомъ овчинномъ полукафтаньѣ. Мать шептала надо мной: „Да воскреснетъ Богъ"! Руки, ноги, овчина, подушка и, должно быть, лицо—все было въ крови. Боже мой! что это было!.. Уже долго спустя, когда въ избѣ никого не было, я поднималъ, бывало, рубашку, смотрѣлъ на синіе кровавые рубцы и горько плакалъ, и мнѣ хотѣлось умереть. Да, искренно, подѣтски хотѣлось умереть, быть на небѣ подлѣ Бога, водить хороводы съ ангелами, ѣсть золотыя яблоки и пѣть тамъ пѣсни... Это было, конечно, давно, очень давно, но почему это не забывается? Отецъ давно померъ, а я все не могу ни забыть, ни простить... Клянусь, что не могу и не могу...

Я подошелъ къ печкѣ, прислонился къ ней спиной, заложилъ назадъ руки и сталъ смотрѣть вверхъ.

— Да, была жизнь...—сказалъ я, не столько думая о томъ, что было, сколько о томъ, что есть: о томъ, что жена сошлась съ писаремъ, что я ее люблю и ревную, что мнѣ это больно, хочется излить душу и даже поплакать. — Да, была жизнь, была...—повторялъ я.—Не пожелалъ-бы такой жизни и другому. Отецъ влилъ въ меня какую-то каплю яду, и вотъ теперь она постепенно разъѣдаетъ мое тѣло и душу. Время ушло, врача не было, кровь заразилась и началось гніеніе...

Я остановился, потерявъ нить мыслей.

— Когда отецъ повезъ меня учиться,—началъ я снова,—онъ сказалъ мнѣ: „если ты, поганецъ, учиться будешь плохо, то знай—убью"... И я повѣрилъ: онъ сдержалъ бы свое слово, онъ меня убилъ бы... Учился я хорошо, но до отупѣнья; предъ начальствомъ благоговѣлъ, но боялся его до отчаянія—и все время шелъ студентомъ. Зачѣмъ понадобилось мнѣ проклятое студенчество? Вѣдь я убилъ на него всѣ мои слабыя силы, и теперь мнѣ жить нечѣмъ, нечѣмъ зацѣпиться, жизнь вышла вся... Весь я изломанъ, исковерканъ и никуда

теперь не гожусь... Правду говорятъ: „все природа создаетъ прекраснымъ, и все портитъ человѣкъ". Ты только пойми: подъ страхомъ и трепетомъ прожить до двадцати трехъ лѣтъ! Вѣдь и били, и грозили уволить, пожаловаться отцу; учителя бывали въ классѣ пьяны, издѣвались надъ нами, ругались. А? Чего стоила жизнь подъ началомъ пьяныхъ и развратныхъ репетиторовъ? А потомъ: вино, женщины... Вѣдь въ четырнадцать лѣтъ я зналъ ужъ женщину... Понимаешь? Въ четырнадцать лѣтъ! Произошло это въ то время, когда я былъ въ духовномъ училищѣ, въ третьемъ классѣ, какъ разъ послѣ экзамена по катехизису. Впрочемъ, понятіе объ этомъ я ужъ и раньше имѣлъ... Живя въ общежитіи, мы, ученики, часто вели между собой разговоры о женщинѣ: насъ тогда не столько интересовала сама женщина, сколько заманчивая пикантность циническимъ словъ, фразъ и мыслей... У насъ пылали щеки, горѣли глаза, по тѣлу пробѣгали судороги, когда общежитные сторожа, собравъ насъ, человѣкъ десять, избранныхъ, живо и хлестко говорили про женскія прелести, и хотя мы еще не видѣли *женщины*, не знали ея, не понимали, но страстный ядъ уже разливался въ нашемъ тѣлѣ, мѣшался съ кровью, пропитывалъ мозги. Эти лекціи настолько подготовили меня къ паденію, что я не отвѣтилъ отказомъ своему подвыпившему репетитору, когда тотъ однажды, быть можетъ, въ шутку, сказалъ мнѣ: „Николаша, хочешь съ нами?" Я только смутно заволновался, покраснѣлъ, улыбнулся и согласился. Когда мы пришли, репетиторъ подвелъ меня къ одной очень полной брюнеткѣ и, стараясь быть развязнымъ, произнесъ: „Малецъ, вотъ тебѣ: получай!" Черезъ часъ я былъ дома. Не зажигая огня, раздѣлся и легъ постель. Я вздыхалъ, прятался въ подушку, хотѣлъ забыться, но въ концѣ концовъ такъ расплакался, что разбудилъ приготовишку. А потомъ, начиная съ перваго класса семинаріи, я сталъ ходить часто, иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ... Бывало, деньги воровалъ у товарищей, книги продавалъ— когда свои учебники, а когда изъ семинарской библіотеки— и все туда же, все туда же... Не подумай, что все это дѣлалось по страсти, по влеченію: ничего подобнаго. Просто, есть что-то въ человѣкѣ, что толкаетъ его на постоянное нарушеніе порядка, на непредвидѣнныя гадости, и какъ ты съ собою ни борись, все равно не сладишь. Я до сихъ поръ не могу, напримѣръ, понять, зачѣмъ въ тотъ самый день, когда я былъ посвященъ въ попы, я предавался вмѣстѣ съ товарищами глупому разгулу? Зачѣмъ понадобилось это? Мы обошли чуть не всѣ портерныя, трактиры и притоны, и сколько тамъ попили и поѣли, сколько набуянили,—всего не упомнишь... Это мы, какъ выражался одинъ мой товарищъ,

показывали русскую семинарскую натуру. Хороша натура! Нечего сказать. Однажды, для поэзіи, мы ночевали на дворѣ модной мастерской, въ сараѣ, и подняли тамъ дебошъ; явились городовые, и насъ, милыхъ дружковъ, отправили въ часть, гдѣ мы просидѣли до вечера слѣдующаго дня. А я былъ тогда ужъ въ рясѣ! Выручилъ насъ потомъ полиціймейстеръ, покровитель семинаровъ..

Я замолчалъ. Жена сидѣла, не шевелясь, будто статуя; слушала она или нѣтъ—я не зналъ, потому что не видѣлъ ея лица.

— Въ пятомъ классѣ семинаріи я перешелъ изъ бурсы на квартиру,—продолжалъ я разсказъ,—и взялъ къ себѣ трехъ мальчиковъ. Я всѣхъ ихъ вижу, вижу, какъ живыхъ... Вижу квартиру, столъ, кушетки, кровати, цвѣты, вижу висячую полочку для книгъ, крашеный полъ... Слышу, какъ въ день моего посвященія въ стихарь, въ „занятной“ комнатѣ шумѣли пьяные товарищи; кто-то пѣлъ подъ гитару: „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“... Вотъ приходитъ, часовъ въ десять вечера, изъ лавочки съ бутылкой водки Антонъ, одинъ изъ моихъ учениковъ. Я очень любилъ Антона. Мнѣ нравились его необыкновенно задумчивые, грустные голубые глаза. Эти глаза очень напоминали мнѣ глаза Гаршина, портретъ котораго я видѣлъ; только лицо у него было тоньше и лобъ выше. Странный это былъ мальчикъ. Какъ-то разъ онъ нашелъ въ саду мертваго галченка и горько, горько плакалъ о немъ... Вотъ этого самаго Антона и встрѣчаю я въ передней: онъ ходилъ за виномъ и принесъ не того, какого надо было. „Я что тебѣ приказывалъ? А?“—заговорилъ я и вдругъ почувствовалъ, какъ все у меня въ груди кипитъ, и дрожатъ руки. „Я кому говорю, балбесъ? Говорено: пшеничнаго... А ты что принесъ? А? Что принесъ? Говори!“ „Николай Андреевичъ, я думалъ“... Я не далъ ему договорить и со всего размаху ударилъ ладонью по лицу. Его щека, холодная отъ мороза, подъ ударомъ быстро поблѣднѣла, покрылась пятнами отъ пальцевъ и потомъ покраснѣла; а по лицу катились слезы. Ахъ, эти слезы!.. Я не могу ихъ забыть... За дверями шумѣли пьяные голоса, вдругъ они затихли: вѣрно, догадались, что я „расправляюсь“... Мнѣ было досадно и на себя, и на Антона, и на товарищей... „Паршивый поросенокъ,—сказалъ я и ударилъ Антона еще разъ,—пошелъ: перемѣни!“ Вдругъ я почувствовалъ, что на рукѣ моей остались слезы, и онѣ зажгли мою душу. „Николай Андреевичъ! Вѣдь я не виноватъ“..—проговорилъ Антонъ, сморкаясь въ ситцевый платокъ, и ушелъ мѣнять вино. На самомъ дѣлѣ: за что я билъ его? Вѣдь я зналъ, что это больно... По щекѣ вѣдь очень больно!..

— А на другой день, помню, Антонъ получилъ двойку; за это я билъ его ремнемъ и не далъ ему ѣсть. Во время обѣда Антонъ сидѣлъ въ смежной комнатѣ и, молча, перевертывалъ листы какой-то книги. Я долго прислушивался къ шелесту листовъ, потомъ схватилъ со стола тарелку, бросилъ ее на полъ и выбѣжалъ въ другую комнату, гдѣ повалился на кушетку и сталъ плакать... Господи! Какъ это было нелегко... О-о!.. Какъ все это нелегко!.. Если бы ктонибудь зналъ, какъ нелегко... Вѣдь я знаю, что къ тебѣ ходитъ писарь,—сказалъ вдругъ я, не глядя на жену. — Ты думаешь — не знаю? Нѣтъ я знаю... Ты думаешь — это мнѣ легко? Ты думаешь—легко? Думаешь — я дуракъ, и ничего не знаю, не понимаю, не вижу?.. Нѣтъ, я все вижу, все... Я только молчу... А мнѣ больно... мнѣ больно...

Мое нервное напряженіе, кажется, достигло своей высшей точки... Я весь ослабѣлъ; изъ глазъ лились слезы, сквозь которыя предметы и свѣтъ лампы мигали и прыгали. Жена не сказала ни слова и, поднявшись съ мѣста, вышла въ спальню. Оставшись одинъ, я быстро заходилъ по комнатѣ. Я положительно не зналъ, что мнѣ теперь дѣлать; мнѣ хотѣлось забыться, умереть, оцѣпенѣть, чтобы ничего не видѣть, не слышать, провалиться въ какую-нибудь бездну и въ пространствѣ, во время полета, потерять свой духъ... Блесни въ моемъ сознаніи мысль о самоубійствѣ, я убилъ бы себя, не чувствуя ни боли, ни раскаянія...,

Я подошелъ вдругъ къ этажеркѣ, досталъ графинъ съ виномъ и, расплескивая дрожащими, слабыми руками жидкость, налилъ рюмку и выпилъ, потомъ другую, третью, четвертую... Внутри все жгло, грудь давило, и мнѣ хотѣлось чего-нибудь страшнаго-страшнаго... Я выпилъ изъ графина все вино, потомъ легъ на диванъ и заснулъ. Ночью что-то холодное, но пріятное коснулось моего лица; я открылъ глаза: передо мной стояла жена и подкладывала мнѣ подъ голову подушку. Въ залѣ чуть горѣла лампа; все было тихо; мнѣ ломило голову и виски, и я закрылъ глаза. Послышался шелестъ удалявшагося платья, и я снова заснулъ пьянымъ, тяжелымъ сномъ.

X.

Съ этого дня наша жизнь, кажется, еще разъ перемѣнилась: мы оба почувствовали приливъ энергіи, и оба принялись за дѣло. Жена привела весь домъ въ порядокъ: перебрала запылившуюся этажерку, обтерла зеркало виномъ, нарядила банки съ цвѣтами въ бумажные чехлы, сшила въ

восьмушку листа книжечку и переписала туда все бѣлье и принялась вязать прошивки для гардинъ. Но во всей ея работѣ, какъ я замѣтилъ, мелькала какая-то торопливость, нервность, безпорядокъ. Отъ одного дѣла она переходила къ другому и, не окончивъ его, бралась за третье; она долго что-то обдумывала и, вдругъ рѣшившись, принималась за дѣло рьяно. Почему-то она стала напоминать мнѣ покойницу-тещу и даже, какъ казалось мнѣ, говорила „опеть", вмѣсто „опять". Я дѣлалъ видъ, что ничего не вижу, не замѣчаю, порой старался быть холоднымъ, равнодушнымъ, но каждый шагъ ея, каждое движеніе, шелестъ ея платья — меня волновали, ея видъ смущалъ меня...

Иногда на лицѣ ея пылалъ румянецъ, изъ головы выпадали шпильки, волосы разбивались, и она, собирая ихъ, съ какимъ-то внутреннимъ томленьемъ говорила:

— Ты бы почиталъ что-нибудь...

— Да что же почитать-то?—спрашивалъ я.

Но жена больше не настаивала и ужъ, вѣрно, думала о чемъ-нибудь другомъ; по лицу ея было видно, что фразу она бросила случайно. У меня на душѣ было хорошо. Я пересталъ пить водку, строилъ планы будущаго и сообщалъ ихъ женѣ. Обыкновенно я садился за столъ, закидывалъ одну ногу на другую и, стараясь быть степеннымъ, говорилъ о приходѣ, о хозяйствѣ, о томъ, что съ нынѣшняго года землю не мѣшало бы прибрать къ рукамъ, при случаѣ десятинъ пять-шесть снять въ аренду, на лѣто нанимать другого работника и присматривать за всѣмъ самому.

— А въ слѣдующемъ году мы домъ свой перестроимъ, — говорилъ я, очень довольный.

Какъ, однако, ни хорошо было мнѣ сидѣть съ женой за однимъ столомъ, какъ ни пріятно было дѣлиться съ нею мечтами, смотрѣть въ ея ожившіе и немножко блестѣвшіе глаза,—все же въ ея присутствіи я чувствовалъ какую-то неловкость и смущеніе. Это чувство доходило порой до того, что я, прервавъ начатый разговоръ, не зналъ, что сказать, и лишь водилъ пальцемъ по столу. Мое чувство неловкости передавалось и женѣ: она тоже молчала, смотрѣла прямо передъ собой, а углы ея глазъ скользили по моей фигурѣ. Потомъ, тяжело вздохнувъ, она поднималась съ мѣста и уходила въ спальню, а я, посидѣвъ одинъ, одѣвался и шелъ на дворъ, будто бы присмотрѣть за хозяйствомъ. Запрятавъ руки въ карманы, я стоялъ посреди двора и слѣдилъ за Иваномъ, который готовилъ къ лѣту грабли. Женѣ безъ меня, очевидно, было скучно; лицо ея то и дѣло показывалось въ окнѣ; но я всегда дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и только старался

покрасивѣе стать, провести рукою по лицу, потрогать съ важностью усы...

— Иванъ,—говорилъ я,— выпусти свиней, пусть онѣ побѣгаютъ.

Въ воздухѣ носилась уже весна, въ затишьи солнце припекало, капало съ крышъ, на дворѣ стояли грязновато-желтыя лужицы, изъ которыхъ куры пили воду. Иванъ отпиралъ свиной хлѣвъ. Тяжело царапая брюхомъ о порогъ, свиньи выходили медленно наружу и вдругъ, словно угорѣлыя, начинали скакать по двору. Потомъ онѣ останавливались, очень тихо, свинымъ полшагомъ, подходили къ коровѣ, какъ бы желая засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, но, встрѣтивъ суровый взглядъ и крѣпкій рогъ, какъ вещественное доказательство неприязни, вдругъ ухали, вскидывались на мѣстѣ и опять скакали, производя неуклюжими тѣлами неуклюжіе зигзаги. Набѣгавшись, онѣ останавливались, какъ вкопанныя, хлопали своими тупыми глазками и, казалось, что-то обдумывали, а обдумавши, покойно рылись въ разбросанной старновкѣ. Тогда я, въ свою очередь, подпрыгивалъ, хлопалъ полой о полу подрясника и ухалъ въ тонъ свиней. Польщенныя моимъ вниманіемъ, онѣ снова ухали и носились вихремъ по двору, снова останавливались и думали, и снова принимались за старновку.

— Иванъ,—говорилъ я, умиляясь,—Иванъ, муки, пожалуйста, свиньямъ побольше сыпь. Не жалѣй. Не достанетъ— купимъ... Главное,—чтобъ были сыты... Ты посмотри, какъ онѣ худы. Словно выдры...

„Хозяйство вещь очень важная,—думалъ я про себя,— его слѣдуетъ въ рукахъ держать. А свинья—подспорье для хозяйства, большое подспорье... Если хорошенько выкормить, да не прозѣвать цѣны, такъ, пожалуй, и домъ можно перестроить“... Больше и больше размышляя о хозяйствѣ, я, наконецъ, возвышался до глубокихъ мыслей и заканчивалъ такъ: „всякое дѣло, которымъ занимаешься съ увлеченіемъ и страстью, есть поэзія. Да, всякое дѣло“. Очень довольный своимъ резюме, я шелъ обѣдать; потомъ отдыхалъ.

XI.

Но бывали минуты, когда я предавался „меланхоліи“, и тогда цѣлыя вереницы вопросовъ, горбатыхъ, безобразныхъ, мучительныхъ вопросовъ путали мое и безъ того разбитое сознанье. Вопросы были назойливы, рѣзки и давили, какъ кошмаръ.

„Имѣю ли я право жить?—говорилъ я самъ себѣ.—Можно ли жить, ничего не дѣлая? Разумно-ли это? Я—человѣкъ!..

Во имя законовъ разума человѣкъ долженъ что-нибудь сдѣлать на землѣ, чтобы оправдать свое случайное появленіе на свѣтъ. Иначе лучше ему не родиться, лучше добровольно отказаться отъ постыднаго и бездѣльнаго бытія. Что-нибудь изъ двухъ: или жить и дѣлать, или вовсе не жить... А куда дѣть тѣхъ, кто *не можетъ* дѣлать? Какъ надо поступить съ собой и женой? О, зачѣмъ, зачѣмъ такъ несчастно сложилась жизнь моя? Кто во всемъ виноватъ? Богъ, люди, я самъ? Ахъ, да мнѣ нѣтъ никакого дѣло до вины... Какъ хотѣлось-бы и какъ хочется счастья и радости, какъ хочется дѣтей, своихъ собственныхъ, родныхъ... А можетъ быть и будутъ? И не двое или трое, а быть можетъ, цѣлыхъ шестеро"...

— Шестеро, шестеро,—повторялъ я и улыбался тому, что вспомнилъ слова Гоголя.

Мое сознанье прояснялось, мозгъ искалъ отдыха и успокоенья, и новыя мысли, словно свѣтлые ручейки въ теплый день на солнышкѣ, бѣжали въ мою голову съ радостнымъ журчаніемъ.

И вотъ что рисовало мнѣ воображеніе.

У насъ двое ребятишекъ—мальчикъ и дѣвочка; они играютъ въ прятки. Домъ новый, большой, чистый; въ залѣ много мебели. Я сижу на стулѣ и просматриваю новый, только что полученный журналъ, отъ котораго пахнетъ свѣжею печатью. Дѣвочка Надя (непремѣнно—Надя!) лѣзетъ подъ мой стулъ, закрывается полой подрясника, дергаетъ его, касается колѣнъ, чуть-чуть щекочетъ ихъ, но мнѣ необыкновенно пріятно. „Ку-ку!"—раздается ея звонкій голосокъ. „Ты, папоська, не говоли, сьто я здѣсь!"—сюсюкая, добавляетъ она. Я ничего не говорю и чувствую себя, какъ разнѣжившійся котъ, котораго гладятъ. Едва Надя успѣваетъ окончить фразу, какъ въ комнату входитъ Ваня: онъ босикомъ, серьезенъ и смотритъ по низамъ...

— Господи, зачѣмъ нѣтъ у насъ дѣтей?!—вырывается у меня отчаянный вопль.

Когда наступила суббота, я спрашивалъ себя: неужели уже суббота? Такъ скоро! Мнѣ не хотѣлось вѣрить.

За эту недѣлю мы съ женой такъ сошлись, такъ сжились и породнились, какъ еще никогда за всю нашу жизнь. Мы не говорили о нашей любви, но мы ее чувствовали... Какая-то сила толкала насъ другъ къ другу; мы боялись этой силы, но и стремились къ ней.

Послѣ обѣда жена входила въ спальню и ложилась въ постель, а я, какъ солдатъ на часахъ, стоялъ возлѣ кровати и разсказывалъ ей что-нибудь. Мнѣ очень хотѣлось сѣсть на кровать, прилечь подлѣ жены, но почему-то было неудобно.

— Пойти—отдохнуть, что-ли!—говорилъ я, какъ-бы нехотя, но не уходилъ и все чего-то ждалъ. Какъ-то разъ—я, стоя у туалета жены и переставляя съ одного мѣста на другое разныя бездѣлушки, а она, сидя съ ногами на постели—проговорили мы вплоть до вечерняго чая. Ужъ и ночью мы теперь ложились позже: когда часовъ въ десять, а когда и въ одиннадцать...

Въ субботу вечеромъ я въ первый разъ вспомнилъ писаря, который ходилъ къ женѣ по праздникамъ, и ревность впустила когти въ мое сердце, та ревность, о которой я доселѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Я пересталъ вдругъ говорить, на жену смотрѣлъ со злобой, кусалъ до крови губы и ходилъ по комнатамъ часъ-отъ-часу быстрѣе. Жена, должно быть, поняла меня: она тоже заскучала, старалась избѣгать меня и почти не выходила изъ спальни. Вечеромъ, прогуливаясь изъ корридора въ залъ и обратно, я видѣлъ, какъ она стояла въ спальнѣ передъ окномъ, водила пальцемъ по стеклу.

— „Тебѣ я мѣсто уступаю“...—неестественно выкрикивалъ я. Потомъ стискивалъ голову руками и съ такой силой закрывалъ глаза, что въ ушахъ шумѣло, а время отъ времени крутилъ головой, какъ-бы стараясь вытряхнуть ненужныя мысли..,

Угомившись, я садился на диванъ. Мысли, будто страшные убійцы, тихо ползли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ; мнѣ казалось, что я слышу ихъ смрадное дыханіе и шепотъ; я чувствовалъ слабость въ рукахъ, въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ: мной овладѣвала тупость; сознаніе доходило до minimum'a, и мнѣ начинало казаться, что я—маленькая, ничтожная, едва замѣтная точка...

Изъ кухни кто-то вышелъ и направился на дворъ: должно быть, Устинья. Минутъ черезъ пять она со двора принесла соломы на топку и, сильно шурша, стала протаскивать вязанку въ сѣни. Вышелъ Иванъ и что-то сказалъ о свиньяхъ. Потомъ въ сѣни забралась корова.

— Тпрусь, куда,—шумѣла Устинья,—куда зашла, игрецъ тя изломай, анчутка окаянная!.. Господи, прости мои согрѣшенья... Тпрусь, тпрусь, дьяволъ!..

Корова, тяжело ступая по сѣнямъ, гремѣла половыми досками, а Устинья била ее по спинѣ. Вдругъ что-то загремѣло: это, вѣрно, съ кадушки упала мѣра. Потомъ все замолкло.

Было ужъ темно. Я пересѣлъ къ письменному столу, зажегъ лампу и, закинувъ руки за голову, откинулся на спинку стула. Съ полчаса сидѣлъ я, не мѣняя положенія, и вдругъ, какъ-бы осѣненный геніальной мыслью, крикнулъ:

— Маша!

— Ну?—отозвалась она изъ спальни.

— Знаешь что?

— Что?

Она вышла изъ спальни въ залъ и стала подлѣ печки.

— Завтра хочу проповѣдь сказать!—торжественно проговорилъ я и повернулся къ ней вмѣстѣ со стуломъ.

— Опять объ индюшкахъ?—съ улыбкой спросила она, поправляя растрепавшіеся волосы.—Послушаемъ, послушаемъ...

Я смутился... Дѣйствительно, однажды я имѣлъ уже неосторожность сказать проповѣдь-экспромтъ, за что и до сихъ поръ себя кляну. Случилось это еще при жизни тещи, на первыхъ порахъ службы: мнѣ пришло въ голову блеснуть краснорѣчіемъ. Подумавъ немножко дома, да столько-же въ церкви у заутрени, я про себя рѣшилъ, что пройдетъ и ровно, и гладко. У меня была основная мысль—промыслъ Божій; о деталяхъ я мало заботился. „Онѣ сами собою придутъ,—думалось мнѣ,—вдохновеніе подскажетъ".

— Православные христіане,—началъ я свою проповѣдь, выходя на солею послѣ второго „Буди имя Господне".—Православные христіане! Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ; не вы-ли паче лучше ихъ есте? Такъ сказалъ Спаситель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Воззрите: говорю вамъ и я. Воззрите на птицы небесныя...—повторилъ я и вдругъ понялъ, что больше словъ текста я ничего не могу сказать. Я немножко испугался и остановился; мысль моя порвалась. То, что прежде казалось легкимъ и простымъ, теперь съ языка не шло. „Вотъ тебѣ клюква!"—мелькнуло въ головѣ; я покраснѣлъ и сталъ волноваться. Не зная что сказать, я бросился на хитрость, а именно: объяснить пословно приведенный текстъ. Но какъ объяснять, если я не практиковался? А мучительныя секунды шли.

— Итакъ, православные христіане,—продолжилъ я:—воззрите! Если жъ вы не будете взирать, то изъ этого ничего не выйдетъ. Значитъ, взирать необходимо. То-есть — и я, и вы, и всѣ православные христіане взирать обязаны, ибо само слово Божіе заповѣдуетъ намъ такъ, а слово Божіе, вы сами знаете, непреложно. Да. Такимъ образомъ, выходитъ, что взирать необходимо...

Совершенно растерявшись, я остановился и смотрѣлъ на огромнаго рыжаго мужика, который удивленно хлопалъ глазами. „Чей онъ? Какъ его звать?"—сверкали мысли у меня. Состояніе было мучительное; я ломалъ подъ эпитрахилью

пальцы и молчалъ. А говорить было надо,—не въ алтарь же уходить...

— А что такое птица? — снова попытался я: — Птица есть двуногое существо и, по своему, значитъ, устройству, ближе всѣхъ земныхъ тварей подходитъ къ человѣку („а обезьяны?"—подумалъ я). Посему апостолъ Павелъ, т. е. Господь нашъ Іисусъ Христосъ... хотя, собственно говоря, это все равно, дѣло не въ томъ... посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: воззрите на птицы небесныя.. Но, православные христіане, Онъ не указалъ намъ извѣстнаго рода птицъ. Изъ этого отчасти можно усматривать то, что Богъ никогда не стѣсняетъ свободной воли человѣка; Онъ даетъ намъ однѣ готовыя истины, развивать же ихъ должны мы сами. Подъ птицей здѣсь можно подразумѣвать всякую птицу, какую угодно. Для сравненія мы теперь возьмемъ... ну... ну, хоть-бы канку или, какъ еще ее зовутъ, индюшку...

Сравненіе было некрасиво—что и говорить!—но дѣлать нечего: слово было сказано.

— А развѣ мужикъ, да и всякій православный христіанинъ не индюшка?—говорилъ я, чувствуя, какъ непріятно звучитъ въ церкви слово „индюшка".—Развѣ онъ не созданъ Богомъ для прославленія Творца? Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,—восклицаетъ Давидъ въ благоговѣйномъ порывѣ...

Я потерялъ ужъ мысль и не могъ ее поймать; въ головѣ былъ такой сумбуръ, что я положительно себя не понималъ. Едва-ли Пифія говорила когда-нибудь такъ, какъ я своей паствѣ. Однако, сверхъ всякихъ ожиданій, я говорилъ очень много и, главное, необыкновенно глупо. Поставивъ гдѣ-то, чуть-ли не въ серединѣ предложенія, поповскую точку „аминь," я ушелъ въ алтарь. Мужикамъ проповѣдь не понравилась.

Вотъ эту, именно, проповѣдь объ индюшкахъ и вспомнила теперь жена.

— Нѣтъ, не объ индюшкахъ,—сказалъ я, съ улыбкой,—а по книгѣ. Впрочемъ, что-жъ?—заговорилъ я тономъ ниже, принявъ серьезный видъ и впадая въ обычное свое пустословіе—вѣдь, собственно говоря, я правъ. Въ основѣ моей проповѣди лежала вѣрная мысль. Развѣ та Гусевка, въ которой мы съ тобой живемъ и отъ которой кормимся, развѣ она не стадо большихъ и маленькихъ индюшекъ? Развѣ я для нихъ не паразитъ? Мы оба—паразиты. Нѣтъ, погоди, погоди,—быстро заговорилъ я, замѣтивъ, что жена что-то хочетъ возразить,—погоди: я докажу тебѣ. Скажи ты мнѣ на милость: кормлюсь я отъ мужиковъ? А? Кормлюсь? Кормлюсь. Такъ. А что я сдѣлалъ для нихъ, т. е. для мужиковъ-то? Нѣтъ, ты мнѣ, скажи: что я для нихъ сдѣлалъ? А я тебѣ скажу что: ни-

чего. Три года служу въ Гусевкѣ, а на что, сдѣланное мною, могу указать? Вѣдь насъ, поповъ, въ насмѣшку называютъ „столпомъ, утвержденіемъ, надеждой"... Попробуй—заговори съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ о томъ, что онъ столпъ и утвержденіе христіанства, что въ немъ будущность Россіи—онъ сдуру повѣритъ; а скажи, что онъ паразитъ—обидится и больше къ тебѣ не заглянетъ: его, дескать, не цѣнятъ, не понимаютъ народнаго духа, не понимаютъ Россіи... Если ты когда-нибудь укажешь мнѣ на то, что я сдѣлалъ въ жизни, если увѣришь меня въ пригодности къ ней, тогда я, пожалуй, и откажусь отъ титула паразита. Но только быть этого не можетъ!

Жена присѣла у стола, немножко улыбнулась и сказала:

— Все это, можетъ быть, и правда—я не знаю, а ты все-таки чудакъ.

— Чѣмъ чудакъ?—спросилъ я.

— Такъ. Чудакъ, да и все.

XII.

На другой день я служилъ, по обыкновенію, безъ отпуста. Въ концѣ заутрени пришла жена. На ней была бѣлая шапочка и сѣрый, теплый сакъ. Когда я взглянулъ на нее, у меня такъ забилось сердце, что я не могъ читать входныхъ молитвъ, потомъ сталъ искренно молиться, какъ ни разу не молился за всю жизнь. Но порывъ скоро прошелъ, и въ душѣ осталось одно теплое и отрадное чувство. Произнося возгласъ: „Христе, Свѣте истинный", я спутался, остановился и тихо засмѣялся. Мои мысли всѣ теперь сосредоточились на женѣ. Во время проскомидіи я думалъ о ней, только о ней. Мнѣ припомнилось ея мягкое, горячее, розовое тѣло, ея маленькая ручка, нѣжныя, какъ шелковый бархатъ, щечки, полныя плечи... „Какая она красивая!"—шепталъ я въ забвеньи про себя и шелъ отъ жертвенника къ царскимъ вратамъ, чуть-чуть отдергивалъ завѣсу и, задыхаясь, разглядывалъ жену. Я сравнивалъ ее съ сельскими дѣвушками, тѣми самыми, которыя бывали у меня на исповѣди, сравнивалъ ее съ самой лучшей изъ нихъ, Груней,—сочной и румяной, какъ свѣжее анисовое яблоко,—но всѣ онѣ, думалось мнѣ, были дурнѣе жены. Порой эти мысли такъ увлекали меня, что я совершенно забывалъ свое настоящее дѣло и не мало удивлялъ тѣмъ дьякона. „Господу помолимся!"—говорилъ онъ, стоя подлѣ меня съ открытымъ кадиломъ. А я смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, напрягалъ

разбѣжавшіяся мысли, старался понять и говорилъ: „А? Вы что? Ахъ, да... Ну, сейчасъ, сейчасъ...“—Потомъ бралъ звѣздицу, держалъ ее надъ кадильнымъ дымомъ, подносилъ къ губамъ, расправлялъ и ставилъ на дискосъ.

— Такъ-съ, такъ-съ,—говорилъ я и покрывалъ потиръ.— Очень хорошо-съ!

— Отецъ дьяконъ,—сказалъ я предъ началомъ обѣдни,— давайте нынѣ служить какъ слѣдуетъ, по совѣсти. Пожалуйста!

Потомъ я подумалъ и добавилъ:

— Знаете что? Мы сегодня придемъ къ вамъ въ гости.— И мнѣ было совѣстно смотрѣть ему въ глаза.

Дьяконъ ничего не сказалъ и только съ недоумѣніемъ глянулъ на меня.

— Такъ пожалуйста, отецъ дьяконъ!—еще повторилъ я.

У обѣдни я все время суетился, то и дѣло бѣгалъ къ жертвеннику, безъ нужды приказывалъ церковному сторожу глядѣть за свѣчами, наблюдать за порядкомъ, безъ причины улыбался, вдругъ задумывался, терялъ порядокъ службы по служебнику и никакъ не могъ найти потеряннаго мѣста. Когда дьяконъ сказалъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, а я вышелъ за нимъ на амвонъ „причащать“ младенцевъ, то у задней стѣны, какъ разъ подъ безобразной картиной „Воскрешенія Лазаря“, увидѣлъ писаря. Этого я не ожидалъ. Прислонясь спиной къ стѣнѣ и низко опустивъ черную кудрявую голову, писарь смотрѣлъ угрюмо. Меня всего перевернуло: мнѣ стало холодно, страшно, подъ ложечкой засосало, какъ у голоднаго, ноги начали дрожать, я весь ослабѣлъ и боялся, какъ бы не упасть. Жена стояла, ничего не подозрѣвая, и нервно перебирала цѣпочку ридикюля. Полная, красивая, съ пылавшими щеками и блестящими глазами, она возбуждала во мнѣ и любовь, и муки ревности, и сладострастное желаніе, и нѣжность... „Моя жена — писарева любовница... Такъ вотъ оно что!..“—говорилъ я про себя, машинально доканчивая службу.

Въ моемъ воображеніи возникали страшныя картины... Вотъ во время обѣдни къ женѣ приходитъ писарь. Жена лежитъ въ постели и ждетъ его. Писарь тихонько отворяетъ дверь и, одѣтый, прямо идетъ въ спальню, сбрасываетъ тамъ на лежанку свой тулупчикъ, подходитъ къ женѣ, цѣлуетъ ее и говоритъ: „лапушка моя!“—О, безобразіе! О, мерзость!..— шепчу я про себя. Вотъ, руки писаря скользятъ по мягкому и горячему тѣлу жены... „На дворѣ страсть какъ холодно, а тутъ благодать“, — говоритъ онъ своимъ телячьимъ голосомъ и мокрыми отъ холода усами прикасается къ ея щекѣ.

„Постой,—шепчетъ жена,—утрись: у тебя усы мокрые“. И она вытираетъ свое лицо байковымъ пестрымъ одѣяломъ.

— Отецъ Николай,—перебилъ меня дьяконъ по окончаніи обѣдни,—тутъ баба молебенъ съ акафистомъ просила... Начинать, что ли?

— Послѣ, послѣ, — сказалъ я, отмахиваясь руками, — ради Бога, отстаньте отъ меня! Отстаньте! Надоѣли!..

Съ церковной паперти чрезъ ограду было видно, какъ жена и писарь подходили къ дому. Жена спѣшила, писарь шелъ за ней, немножко съ боку; они о чемъ-то говорили, и оба скрылись въ темнотѣ раскрытой двери. Никогда промежутокъ отъ церкви до дома не казался мнѣ такимъ длиннымъ, какъ теперь. Я бѣжалъ, спѣшилъ, задыхался.

— Подлецы, сволочи!.. Я вамъ морды расшибу! — шепталъ я, сжимая кулаки и скрежеща зубами.—Я васъ убью, дья-волы!..

Быстрыя, какъ молніи, мысли, трескучія, горячія и безобразныя, мелькали въ моей головѣ, плясали и скакали и съ хохотомъ выбѣгали вонъ.

— А-а!. Цѣловаться?.. Обниматься?.. Я задушу, задушу тебя, стерва... Ты съ писаремъ?.. А-а!.. Ты съ писаремъ?..— шипѣлъ я, захлебываясь отъ ревности.

— Господи!—стоналъ я черезъ минуту:—Ты щедръ, долготерпѣливъ и многомилостивъ... Не дай погибнуть рабу Твоему, Николаю!

— А если дверь заперта?—подумалъ я, входя въ сѣни.

— Уходи ты, уходи, пожалуйста, — услышалъ я голосъ жены,—уходи...

Приложивъ руку къ холодной скобкѣ, я сталъ слушать. Въ темнотѣ постепенно обозначились желтая, рваная клеенка, клочки рыжаго войлока, потомъ оголившаяся дверь съ желѣзной скобкой, прибитой конскими гвоздями.

— Матушка! Я человѣкъ, конечно, который...—робко было заикнулся писарь.

— Я сказала: уходи!—нетерпѣливо перебила его жена.— Ну, и нечего отсвѣчивать: уходи. Ступай и не приходи больше· Тебѣ русскимъ языкомъ говорю: уходи. Сейчасъ отецъ Николай придетъ.

Я отворилъ дверь и вошелъ. Писарь стоялъ ко мнѣ задомъ, одѣтый, въ калошахъ и съ шапкою въ рукахъ, а жена въ красной шерстяной кофточкѣ, опершись на притолку зальной двери, смотрѣла на писаря. При моемъ появленіи она вся вдругъ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и скрылась въ залъ. Волненіе мое быстро улеглось, я былъ спокоенъ. Молча, я положилъ шапку на столъ, раздѣлся и повѣсилъ рясу на деревянный гвоздь, съ котораго она сорвалась и

мягко упала на полъ. Писарь оглянулся, повернулся ко мнѣ бокомъ и смѣшался: онъ не ожидалъ меня такъ скоро.

— Ты что?—спросилъ я.

— Я... я вотъ... я насчетъ почитаться,—заговорилъ онъ, путаясь въ словахъ,—то есть, нѣтъ ли книжечки...

— Угу! Это ничего, хорошо,—мрачно сказалъ я и не узналъ своего голоса: такъ онъ былъ глухъ, прерывался и сипѣлъ.

Совершенно неожиданно, я вдругъ схватилъ съ сундука высокую фарфоровую лампу и бросилъ ее въ писаря. Лампа угодила прямо ему въ грудь, потомъ тяжело хлопнулась на полъ и разбилась.

— Убью, сволочь!.. — визгливо закричалъ я и, выругавшись нехорошими словами, побѣжалъ за писаремъ. Должно быть, я былъ страшенъ въ ту минуту, потому что глаза писаря расширились, въ нихъ выразился неподдѣльный ужасъ, и самъ онъ, сломя голову, бросился бѣжать. У меня подъ ногами захрустѣли осколки лампы. Я выбѣжалъ въ сѣни, потомъ вернулся, затворилъ дверь и почувствовалъ страшную слабость въ ногахъ и круженье въ головѣ; хотѣлъ было пройти въ залъ, но остановился, подумалъ, подобралъ съ пола рясу, одѣлся, надѣлъ шапку и калоши и опять вышелъ въ сѣни.

— Иванъ!—крикнулъ я дерзко и смѣло:—запряги „Чернавку“ въ простыя сани и положи соломы. Слышишь? Тебѣ говорю!..

Иванъ ничего не сказалъ и пошелъ.

Я выѣхалъ за село. День былъ свѣтлый, и солнце грѣло землю безъ задержки; дорога отъ обтаявшаго снѣга почернѣла; по ней прыгали овсянки, перелетая при приближеніи дальше и дальше; снѣгъ тоже потемнѣлъ и былъ очень рыхлъ; пахло навозомъ. Въ головѣ у меня возились какія-то мысли, темныя и жгучія, какъ ядовитые пары. Нѣмое и тупое чувство довольства и, рядомъ, чувство ожиданія, горькое и острое, столкнулись вмѣстѣ и, какъ казалось мнѣ, хотѣли разорвать мою грудь.

Чтобъ развлечь себя, я началъ напѣвать:

„Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!..“

Лошадь ступала ровнымъ шагомъ, вскидывая головой и бряцая удилами; сани мѣрно выбивали тактъ по дорогѣ, изрытой копытами лошадей. Я сидѣлъ безъ всякаго соображенія, молчаливый, задумчивый, и вдругъ заговорилъ:

— Маня! Маня! Вѣдь я тебя люблю!.. Понимаешь-ли: люблю.

Я прислушался къ своему голосу, чуть улыбнулся, встряхнулъ головой и вздохнулъ.

— Вѣдь люблю,— медленно повторялъ я. чтобы дольше насладиться этимъ словомъ.—Очень лю-блю!..

И вдругъ вспомнилась мнѣ ночь, когда мы съ женою объяснились, когда я исповѣдывался предъ ней, вспомнилась очень хорошенькая на подбородкѣ у нея складочка, которую страстно хотѣлось поцѣловать... Какъ бы хорошо обнять теперь жену, спрятать свое лицо на ея груди, прикоснуться къ волосамъ на ея шеѣ. поцѣловать ее. и не въ губы поцѣловать, а прямо въ подбородокъ, въ эту ямку...

— „Господи! Какъ хороша жизнь!"—шепталъ я и, потягиваясь, какъ въ лихорадкѣ, тихо улыбался.

Встрѣтился гусевскій мужикъ Миронъ; онъ свернулъ съ дороги, и лошадь его провалилась по самое брюхо въ снѣгъ. Миронъ молча снялъ шапку, молча поклонился и встряхнулъ волосами.

— Но, чо-ортъ!..—вдругъ сердито крикнулъ онъ на лошадь и замахалъ кнутомъ.

„Куда и зачѣмъ я ѣду?"—подумалъ я, въѣзжая въ Фокину дубраву. Я повернулъ лошадь назадъ, дернулъ вожжи: лошадь побѣжала легкой рысью и, завидѣвъ домъ, весело заржала.

— Ну-же, ну! — говорилъ я лошади, и она бѣжала еще шибче.

„Когда пріѣду домой,—думалось мнѣ,—я найду жену въ постели, всю въ слезахъ; я подойду къ ней и скажу: „Маня! Довольно! Забудемъ... Давай забудемъ все прошлое!.."

Впрочемъ, нѣтъ, не такъ. Лучше вотъ какъ. Она лежитъ въ постели; ея плечи вздрагиваютъ отъ слезъ и мукъ раскаянія... А я просто подойду къ ней, обниму ее за плечи, прильну головой къ груди и ничего не скажу, а пожалуй... пожалуй, и самъ заплачу... Такъ будетъ лучше. Вотъ и все. Потомъ наступитъ миръ, прошлое забудется, жизнь пойдетъ по-новому, пойдетъ такъ, какъ еще никогда не шла...

Вотъ наша рига, вотъ похожій на обрывъ берега рѣки ометъ соломы, вотъ дворикъ дьячка съ притугами изъ соломы, а вотъ его избушка на курьихъ ножкахъ, вотъ огромный бугоръ снѣгу и, наконецъ, мой домъ. Изъ-подъ воротъ выбѣжали сангвиникъ-Шарикъ и флегма-Пильтонъ. Маленькій желтенькій Шарикъ бѣжалъ вприпрыжку, вилялъ хвостомъ и осклаблялся. Брюнетъ-Пильтонъ, — худой и мохна-

тый,—стоялъ на одномъ мѣстѣ и, казалось, добродушнымъ генеральскимъ тономъ хотѣлъ вымолвить: „пожалуйте, пожалуйте! Очень радъ васъ видѣть... Давно—давно пора“...

— Пошелъ прочь,—крикнулъ я на Шарика, который отъ избытка чувствъ успѣлъ ужъ впрыгнуть ко мнѣ въ сани.— А, чтобъ тебя...

Я хотѣлъ его выбросить, но онъ такъ заискивающе смотрѣлъ на меня, съ такимъ стараньемъ ползалъ по соломѣ и ударялъ по ней хвостомъ, такъ жалобно скулилъ, что я смягчился и, только ткнувъ его ногой въ морду, молвилъ:

— Ишь ты, чертенокъ!..

Взглянувъ на тусклыя окна дома, я ощутилъ въ душѣ непріятный и тяжелый осадокъ. Какова-то будетъ встрѣча...

Лошадь сама отворила ворота и вошла на дворъ; Иванъ что-то тесалъ топоромъ у дровосѣка.

— Убери лошадь!—крикнулъ я ему и пошелъ въ домъ.

Въ сѣняхъ было темно. Пошаривъ рукой, я нашелъ дверную скобку и съ волненіемъ потянулъ къ себѣ дверь: дверь немножко подалась и ляскнула крючкомъ.

— Что же это значитъ?—сказалъ я про себя.

Я потянулъ въ другой разъ, опять то же.

— Брысь, брысь, окаянная, — зашумѣла Устинья въ кухнѣ, очевидно, съ рогачемъ бѣгая за кошкой. — Нѣтъ на тебя провала, анчутка!.. Чтобъ ты, холера, сдохла...

Дверь изъ кухни скрипнула, немножко отворилась, и кошка, сильно царапая по стѣнѣ, бросилась на потолокъ.

Немного погодя, она закричала тамъ непріятнымъ рѣзкимъ голосомъ. Вошелъ Иванъ съ хомутомъ и возжами на плечѣ. Мнѣ стало неловко; чтобъ выйти изъ этого положенія, я вошелъ въ чуланъ и безъ всякой надобности сталъ рыться въ горшкѣ съ солью. „Неужели спитъ?“—думалъ я. Когда Иванъ ушелъ на дворъ, я снова началъ дергать дверь. все сильнѣе и сильнѣе. Дверь отворилась, къ ногамъ упалъ сорванный крючекъ, и меня обдало рѣзкимъ запахомъ керосина. Въ домѣ какъ-то все застыло: въ залѣ на столѣ блестѣлъ потухшій самоваръ, на немъ бѣлѣлся остывшій чайникъ, въ жаровнѣ стояли румяные, холодные пирожки, посуда была не тронута...

Сбросивъ съ себя рясу, я прислушался. Все было тихо, только кошка кричала на потолкѣ, да тикали часы, да кровь стучала въ головѣ. Вошелъ въ залъ. На диванѣ лежалъ женинъ сакъ, мѣхомъ кверху, а на кругломъ столикѣ бѣлѣлась шапочка съ булавкой.

— Батюшка, собирать обѣдать, али погодить?—спросила изъ передней Устинья.

— Что? Обѣдать?—переспросилъ я. — О, да, конечно, конечно...

Устинья вышла.

Я подошелъ къ спальнѣ, хотѣлъ стукнуть щелчкомъ по двери, но раздумалъ и тихонько произнесъ:

— Маша!

Мой голосъ замеръ, и въ домѣ, казалось, стало еще тише. Я тихонько толкнулъ дверь; она длинно заскрипѣла и, унося отъ моего лица висѣвшіе на немъ полотенца и платки, потянулась назадъ...

Жена моя повѣсилась въ своей спальнѣ, прикрѣпивъ полотенце за кольцо для люльки. Горе сломило меня: я сошелъ съ ума. Пролежавъ восемь мѣсяцевъ въ желтомъ домѣ, я переѣхалъ жить къ сестрѣ, у которой пробылъ съ годъ. А теперь, съ корзиночкой и посохомъ въ рукахъ, я скитаюсь по селамъ и городамъ. Если мы когда-нибудь встрѣтимся, то, ради Бога, не говорите со мной о прошломъ!..

Семенъ Быстровъ.

---

* * *

На горячей скалѣ, подъ душистой сосной,
    Оживалъ я подъ лаской тепла...
Шла на берегъ волна и, играя съ волной,
    Серебристый песокъ залила.
И отхлынула въ море она, застыдясь
    Напоенныхъ огнемъ береговъ,
И, дрожа, уходила—и съ моремъ слилась
    Подъ наметомъ своихъ жемчуговъ.
Брызги яркихъ лучей, сквозь узоръ облаковъ,
    Проникали до синяго дна...
Пѣла пѣсню волна, и шептала безъ словъ,
    Надо мною склоняясь, сосна...
Но лежалъ недвижимъ я, безъ силъ и безъ слезъ,
    Отдыхая, какъ раненый звѣрь:
Здѣсь ни крови, ни воплей, ни пошлыхъ угрозъ,
    Ни борьбы, ни безумныхъ потерь,—
Только волны, да небо, да ропотъ сосны,
    Да горячій песокъ золотой,
Да какіе-то въ воздухѣ тихіе сны
    Нить блестящую вьютъ надъ землей...

Ѳ. Н. Вербицкій.

Борьба за политическое освобожденіе въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка.

Историческій очеркъ.

IV.

Мы достаточно познакомились съ характеромъ и съ тенденціями новаго правительства, выдвинутаго революціей 1258 года, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ оно способно было умиротворить страну. Задачи этой оно не способно было выполнить, да и не обнаружило желанія выполнять ее. Пока бароны требовали освобожденія страны отъ позорнаго ига иноземныхъ авантюристовъ и отъ рабскаго подчиненія папѣ и стремились положить конецъ политическому порядку, предоставлявшему королевской власти полную возможность распоряжаться средствами народа для удовлетворенія личныхъ прихотей и фантазій ея носителя и для насыщенія ненасытной алчности цѣлой тучи ея фаворитовъ и отдававшему народъ въ жертву безконтрольной администраціи, они являлись борцами національнаго дѣла, и на ихъ сторонѣ было горячее сочувствіе всѣхъ классовъ англійскаго общества. Но дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ, когда бароны предложили странѣ новую политическую форму. Новая политическая форма оказалась формой ихъ собственнаго господства и настолько узкой и по тенденціямъ своимъ исключительной, что уже не могло быть и рѣчи о народномъ сочувствіи. Даже среди болѣе широкаго баронiальнаго круга новая политическая организація не могла быть популярной. Страна не могла ждать отъ новаго правительства проведенія въ жизнь намѣченныхъ Бѣшеннымъ парламентомъ реформъ. Правительство совершенно недвусмысленно показывало, что добровольно не примется за ихъ проведеніе. Конституція 1258 года объявила тѣсную группу высшаго баронства представителями интересовъ „общины всей земли", а это равнялось захвату этой группой власти какъ надъ королемъ, такъ и надъ „общиной". Чисто олигархическая политика новаго правительства, оттолкнувъ

отъ него массу, создавала почву для монархической реакціи. Во всякомъ случаѣ король и его партія постепенно начинали поднимать голову, тѣмъ болѣе, что и среди самихъ захватившихъ власть бароновъ вскорѣ обнаружились рѣзкія несогласія, которыми очень искусно пользовался король и его приверженцы, чтобы вернуть утраченное положеніе.

Уже въ 1261 году ясно обнаружились враждебныя намѣренія короля по отношенію къ конституціи. Въ слѣдующемъ году папа разрѣшилъ короля отъ торжественно данной имъ въ 1258 году клятвы соблюдать Оксфордскія Провизіи. Политическая атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась. Лѣтомъ 1263 года на требованіе, предъявленное Симономъ Монфоромъ, подтвердить Оксфордскія Провизіи король отвѣчалъ отказомъ, и Монфоръ началъ противъ него военныя дѣйствія. Подъ знамена графа Лестерскаго стали всѣ тѣ, для кого интересы „общины" не являлись лишь громкой фразой, очень удобной для прикрытія узко сословныхъ интересовъ, для кого ограниченіе королевскаго самодержавія означало политическое освобожденіе всей „общины", предоставленіе ей права самой, черезъ своихъ представителей, рѣшать всѣ свои жизненные вопросы и свободно развивать свои силы, до тѣхъ поръ скованныя гнетомъ правительственнаго механизма, служившаго прежде всего интересамъ правящей группы и ея главы. Если движеніе пятидесятыхъ годовъ носило въ значительной мѣрѣ стихійный характеръ и было сильно больше своей отрицательной стороной, протестомъ противъ господства иноземцевъ и противъ правительственнаго произвола, какъ онъ давалъ себя знать въ своихъ отдѣльныхъ, вполнѣ конкретныхъ проявленіяхъ, то движеніе начала шестидесятыхъ годовъ уже освѣщалось вполнѣ опредѣленными принципами, свидѣтельствующими о томъ, что за сравнительно короткій періодъ интенсивной политической жизни и борьбы политическое сознаніе англійскаго общества сдѣлало очень крупные успѣхи. Къ счастью для насъ, мы имѣемъ возможность составить достаточно опредѣленное понятіе о политической теоріи, популярной среди тѣхъ широкихъ общественныхъ круговъ, представителемъ интересовъ которыхъ выступилъ Симонъ де-Монфоръ (графъ Лестерскій). До насъ дошла латинская поэма, написанная какъ разъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ битвы при Льюисѣ, происшедшей между королевскими войсками и войсками Монфора въ 1264 году, и посвященная описанію этой битвы и изложенію взглядовъ неизвѣстнаго автора поэмы. Поэма эта („Битва при Льюисѣ") была весьма популярна среди тѣхъ самыхъ общественныхъ группъ, героемъ которыхъ былъ Симонъ де-Монфоръ, и, несомнѣнно, выражала ихъ политическіе взгляды. Прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій вооруженной борьбы, для насъ не лишнимъ будетъ остановиться на политической теоріи автора названной

поэмы. Она дастъ намъ возможность болѣе отчетливо уяснить себѣ смыслъ этой борьбы и то мѣсто, которое послѣдняя занимаетъ въ исторіи политическаго развитія англійскаго общества.

Основную причину борьбы авторъ поэмы видитъ въ томъ, что король желаетъ править совершенно свободно, сообразуясь только съ своей волей. Только такъ царствовать и значитъ царствовать въ истинномъ смыслѣ этого слова, говорятъ друзья короля. Воля короля есть законъ. Король въ данномъ случаѣ поступаетъ лишь такъ, какъ имѣетъ право поступать и всякій крупный баронъ съ своей собственностью. Если баронъ дурно распоряжается своей собственностью, то самъ онъ и терпитъ убытокъ, и никто не вмѣшивается въ его дѣла. Король хочетъ только того, чтобы ему была предоставлена такая же свобода, которой къ тому же пользовались его предшественники. Поэтому бароны не имѣютъ права вмѣшиваться въ назначенія на высшія должности или въ дѣло охраны замковъ и въ иныя дѣла, касающіяся одного лишь короля.

На это бароны отвѣчаютъ, что они въ равной мѣрѣ обязаны защищать королевство какъ отъ внѣшнихъ нападеній, такъ и отъ еще болѣе опасныхъ внутреннихъ враговъ. Изгоняя дурныхъ совѣтниковъ короля, они дѣйствуютъ не противъ короля, а противъ его злѣйшихъ враговъ. Самъ ли король дѣйствуетъ злонамѣренно или же подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ бароны одинаково обязаны выступить на защиту своей страны.

Король не выше закона. Онъ спрашиваетъ: „Почему я долженъ быть ограниченъ въ выборѣ должностныхъ лицъ, съ помощью которыхъ я правлю?“ Авторъ поэмы отвѣчаетъ на это, что истинная свобода не есть совершенно неограниченная свобода. „Не всякое ограниченіе устраняетъ свободу, не всякое принужденіе отнимаетъ власть“. Законъ, ограничивающій королевскую власть, не умаляетъ ея, но возвышаетъ достоинство короля. Не считается въ Богѣ безсиліемъ, что онъ не можетъ грѣшить. Наоборотъ: въ этомъ его высочайшее могущество, великая слава и великая власть. „И король можетъ дѣлать все, что хорошо, но не можетъ дѣлать дурного. И это даръ Божій. Тѣ, кто оберегаетъ короля отъ искушенія грѣшить, сами служатъ королю, и онъ долженъ быть благодаренъ имъ за то, что они освобождаютъ его отъ опасности стать рабомъ. Такъ какъ его народъ есть народъ Божій, ввѣренный ему Богомъ, то онъ долженъ любить его и помогать ему“. „Если король будетъ любить, то и его будутъ любить; если онъ будетъ справедливо править, его будутъ почитать; если онъ свернетъ на ложный путь, его должны вернуть на прежній путь тѣ, кого онъ угнеталъ несправедливо, и лишить его власти, если онъ не пожелаетъ исправиться; если же пожелаетъ, они должны поднять его и помочь ему“. „Между государемъ и

подданными должна быть взаимная зависимость. Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось желанія не обращаться къ своимъ подданнымъ. Государь, который захочетъ освободиться отъ зависимости отъ своихъ подданныхъ, увидитъ результатъ этого въ своей погибели".

Король не можетъ самъ выбирать себѣ совѣтниковъ. Если онъ станетъ выбирать ихъ одинъ, онъ легко ошибется. Поэтому ему необходимо посовѣтоваться съ общиной королевства и узнать, какъ думаетъ объ этомъ все общество, которому собственные его законы болѣе всего извѣстны. „Люди, прибывшіе изъ областей, не такіе идіоты, чтобы не знать лучше другихъ нравовъ своей страны, оставляемыхъ предками потомкамъ. Вотъ отъ нихъ-то и можно собрать свѣдѣнія о томъ, что касается всей общины, равно какъ и о томъ, кого по справедливости слѣдуетъ избрать (въ совѣтники) для пользы королевства; и тогда тѣ, кто захочетъ, съумѣетъ и будетъ въ состояніи принести эту пользу, пусть и будутъ сдѣланы совѣтниками и помощниками короля".

Напрасно думаетъ король, что всякій баронъ можетъ совершенно свободно распоряжаться своей собственностью и раззорять ее: вѣдь отъ этого страдаетъ все королевство, и барону не предоставлена такая свобода. Никто не можетъ поступать исключительно такъ, какъ онъ хочетъ: надо всѣми есть власть, и самая высшая власть принадлежитъ всей общинѣ и выражается въ законѣ. „Не приличествуетъ называться свободой той свободѣ, которая позволяетъ глупцамъ властвовать неразумно. Свобода должна быть ограничена предѣлами права, и если предѣлы эти нарушены, она должна быть признана заблужденіемъ". Король не можетъ измѣнить законъ. „Часто говорятъ: „воля короля—законъ". Но истина иное говоритъ, потому что король падаетъ, а законъ остается". Король долженъ помнить, что онъ призванъ править не для собственной выгоды, а для блага другихъ. Если онъ дѣйствительно любитъ свой народъ, онъ будетъ обо всемъ сообщать своимъ совѣтникамъ и будетъ обо всемъ совѣтоваться съ ними, какъ бы мудръ онъ ни былъ, для того, чтобы всѣ были единомышленны, какъ училъ этому своихъ учениковъ Христосъ.

Итакъ, законъ, какъ выраженіе общественнаго сознанія, и король, ограниченный закономъ, правящій для блага общества, окруженный совѣтниками, указанными ему обществомъ, и созывающій представителей общества, этого носителя высшей власти въ государствѣ,—такова въ двухъ словахъ сущность политической теоріи конституціонной партіи, объединившейся подъ знаменами Симона де-Монфора. Теорія эта не такъ ужъ далека отъ взглядовъ творцовъ конституціи 1258 г., которые тоже считали необходимымъ, чтобы королевскіе совѣтники и высшіе сановники въ государствѣ были выборными, а не назначались королевской властью, и которые такъ же ссылались на „общину

всей земли“ и на ея интересы. Но въ то время, какъ для дѣятелей 1258 года политическій горизонтъ съуживался предѣлами сословія, къ которому они сами принадлежали и за которымъ однимъ они признавали право и выбирать для короля совѣтниковъ, и представлять въ парламентѣ интересы „общины“, авторъ поэмы, изображающій взгляды конституціоналистовъ шестидесятыхъ годовъ, считаетъ необходимымъ, чтобы совѣтники короля были дѣйствительно избранниками „общины“, а не узкой группы самаго верхняго слоя общества, и чтобы король совѣтовался также и съ самой „общиной“ въ лицѣ ея представителей изъ разныхъ областей страны.

Къ концу 1263 года борющіяся стороны согласились обратиться къ третейскому суду французскаго короля, знаменитаго Людовика IX Святого. Приговоръ святого короля, произнесенный имъ въ концѣ января слѣдующаго года и извѣстный подъ названіемъ Амьенской Мизы, не удовлетворилъ, однако, Симона де-Монфора и его партію. Да онъ и не могъ удовлетворить ихъ, такъ какъ отмѣнялъ Оксфордскія Провизіи и всѣ основанныя на нихъ распоряженія, статуты и обязательства и возвращалъ королю всю полноту его власти и свободу въ управленіи вплоть до права звать въ свой совѣтъ какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Приговоръ, возстановлявшій въ полной силѣ самодержавный произволъ короля и его администраціи и возвращавшій всѣхъ ненавистныхъ народу иноземныхъ фаворитовъ короля, возвращалъ страну къ тѣмъ самымъ политическимъ условіямъ, которыя сдѣлали необходимой революцію 1258 г., и, конечно, не могъ дать ей успокоенія. Большинство бароновъ, почти весь средній классъ Англіи („fere omnis communa mediocris regni Angliae“) и въ особенности жители Лондона и Пяти Портовъ не признали этого приговора, и опять началась война. 17 мая 1264 года между королевскимъ войскомъ и арміей Симона де-Монфора произошла битва при Льюисѣ. Король былъ разбитъ и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола Эдуардомъ и главными своими приверженцами попалъ въ плѣнъ къ побѣдителямъ. Подъ знаменами Монфора сражались, между прочимъ, и студенты оксфордскаго университета, не за долго предъ тѣмъ закрытаго Генрихомъ III за симпатіи учащихся и учащихъ этого знаменитаго уже тогда разсадника знанія къ развивавшемуся въ обществѣ освободительному движенію. Побѣжденные должны были подписать предложенную имъ капитуляцію, такъ называемую Льюисскую Мизу, передававшую высшую власть въ государствѣ коммиссіи трехъ третейскихъ судей и возлагавшую на нихъ обязанность реформировать управленіе въ духѣ тутъ же намѣченныхъ общихъ принциповъ. Фактическимъ главою государства сталъ Симонъ де-Монфоръ, и уже въ началѣ іюня онъ разослалъ по графствамъ отъ имени короля приказы, которыми въ каждомъ графствѣ назначались особые

охранители мира. Въ свою очередь эти охранители мира должны были распорядиться, чтобы собраніе каждаго графства выбрало по четыре рыцаря и къ 22 числу того же мѣсяца прислало ихъ въ Лондонъ для обсужденія въ парламентѣ вмѣстѣ съ прелатами и магнатами королевства дѣлъ, касающихся короля и королевства. Парламентъ этотъ долженъ былъ составить новую конституцію. До насъ дошелъ текстъ этой конституціи. Вотъ ея основные пункты.

„Для реформированія состоянія королевства Англіи", читаемъ мы въ этой „Формѣ управленія государемъ королемъ и королевствомъ" (Forma regiminis domini regis et regni), „должны быть избраны и назначены трое честныхъ и вѣрныхъ изъ королевства, которые будутъ имѣть отъ государя короля право и власть избрать или назначить, вмѣсто самого государя короля, девять совѣтниковъ; изъ нихъ поочередно, по меньшей мѣрѣ, трое должны находиться при дворѣ; и по совѣту этихъ девяти король будетъ издавать повелѣнія и распоряженія объ охранѣ замковъ и о всѣхъ другихъ дѣлахъ королевства; по совѣту этихъ же девяти будетъ государь король назначать юстиціарія, канцлера, казначея и другихъ должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, вѣдающихъ то, что относится до управленія дворцомъ и королевствомъ. Первые избиратели (electores sive nominatores) принесутъ клятву, что согласно своей совѣсти выберутъ или назначатъ совѣтниковъ, въ которыхъ они будутъ увѣрены, какъ въ людяхъ полезныхъ и вѣрныхъ чести Бога и церкви, государю королю и королевству. И совѣтники, а также всѣ должностныя лица, старшія и младшія, при своемъ назначеніи принесутъ клятву, что по мѣрѣ силъ будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности къ чести Божьей и церкви и на пользу государю королю и королевству, безъ всякаго иного вознагражденія, кромѣ съѣстного и питья, какія обыкновенно подаются къ столу". Удалять тѣхъ или иныхъ изъ членовъ совѣта и назначать на ихъ мѣсто другихъ король можетъ лишь по совѣту трехъ избирателей, а удалять и замѣщать должностныхъ лицъ, старшихъ и младшихъ, онъ можетъ лишь по совѣту девяти совѣтниковъ. Какъ въ коллегіи избирателей, такъ и въ совѣтѣ девяти дѣла рѣшаются большинствомъ двухъ третей голосовъ. Назначеніе преемниковъ или замѣстителей избирателей принадлежитъ королю, прелатамъ и баронамъ. И избиратели, и члены совѣта девяти, и охранители замковъ, а также всѣ другія должностныя лица всегда должны быть прирожденные англичане. Но иностранцамъ и, въ частности, купцамъ разрѣшается мирно пріѣзжать въ Англію и жить здѣсь. „Ордонансъ (ordinatio) этотъ составленъ въ Лондонѣ съ согласія, по желанію и по повелѣнію государя короля, а также прелатовъ, бароновъ и общины, здѣсь тогда присутствовавшей".

Въ качествѣ избирателей оказались выбранными графъ Лестер-

скій (Симонъ де-Монфоръ), графъ Глостерскій (сынъ умершаго въ 1262 году главы олигарховъ) и епископъ Чичестерскій Стефанъ Беркстэдъ, при чемъ главная роль естественно перешла къ графу Лестерскому.

Творцы новой конституціи не видѣли въ ней окончательной формы для политической жизни Англіи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ того, что эта конституція должна была оставаться въ силѣ лишь до конца царствованія Генриха и нѣкоторое время при его преемникѣ. Повидимому, она была предназначена лишь создать общія условія для свободной отъ всякихъ тормазовъ дѣятельности побѣдившей самодержавіе конституціонной партіи и ея вождей на поприщѣ умиротворенія страны путемъ проведенія давно уже намѣченныхъ жизнью реформъ и утвержденія основъ правового порядка. То новое, что узаконялось въ политической жизни Англіи дѣятельностью ставшихъ во главѣ управленія людей, было привлеченіе „общины всей земли" къ активному участію въ рѣшеніи судебъ страны черезъ свободно избранныхъ представителей. Какъ мы только что видѣли, самая конституція 1264 года была составлена въ парламентѣ, въ которомъ на равныхъ правахъ со свѣтскими и духовными баронами присутствовали и представители „общины", пославшей сюда по четыре „самыхъ полноправныхъ и самыхъ уважаемыхъ" рыцаря, выбранныхъ отъ каждаго графства.

Въ слѣдующемъ 1265 году Симонъ де-Монфоръ опять созвалъ отъ имени короля парламентъ, и въ немъ „община" была представлена еще полнѣе. Бароновъ свѣтскихъ и духовныхъ на этотъ парламентъ было приглашено сравнительно немного (это были лишь приверженцы графа Лестерскаго и его дѣла, въ лицѣ одного архіепископа, 12 епископовъ, пяти графовъ и 18 бароновъ, къ которымъ было присоединено потомъ еще 10 бароновъ). Но за то сюда получили приглашеніе 105 аббатовъ, пріоровъ и декановъ и магистры двухъ рыцарскихъ орденовъ (тампліеровъ и іоаннитовъ), по два рыцаря отъ каждаго графства (duos milites de legalioribus, probioribus et discretioribus militibus singulorum comitatuum) и по два горожанина (duos de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus, quam burgensibus) отъ городовъ Йорка, Линкольна и прочихъ городовъ Англіи, а также отъ „бароновъ и уважаемыхъ людей Пяти Портовъ" (baronibus et probis hominibus Quinque Portuum).

Безъ преувеличенія можно сказать, что это привлеченіе „общины" къ активной политической жизни, это введеніе практики призыва въ парламентъ свободно избранныхъ представителей отъ графствъ и городовъ является самымъ крупнымъ фактомъ англійской политической исторіи изучаемой нами эпохи, начинающимъ новую эру въ государственной жизни англійскаго общества. Этотъ крупный шагъ, можно сказать, былъ навязанъ Мон-

фору и его сотрудникамъ самой жизнью. Они прекрасно понимали, что сколько-нибудь прочная политическая форма въ условіяхъ англійскаго развитія должна была опираться на массу и отправляться отъ ея исторически сложившихся организацій. На этой широкой основѣ утвердился въ свое время и вѣка существовалъ деспотическій режимъ Вильгельма Завоевателя. На ней же одной могъ установиться и новый свободный государственный порядокъ, шедшій на смѣну уже отжившему и осужденному общественнымъ сознаніемъ бюрократическому всевластію, когда-то не чуждому культурнымъ задачамъ, теперь же являвшемуся тормазомъ и бичемъ общественнаго прогресса. Теперь уже нельзя было ограничиваться одними болѣе или менѣе эффектными ссылками на „общину всей земли“ при проведеніи тѣхъ или иныхъ политическихъ мѣропріятій, нерѣдко ничего общаго съ интересами „общины“ не имѣвшихъ. Свободная организованная масса— а только о ней пока и могла быть рѣчь, такъ какъ полусвободное, крѣпостное крестьянство по самому своему соціальному положенію еще въ счетъ не шло—уже давно стучалась въ двери парламента, и открытіе для нея этихъ дверей было лишь вопросомъ времени. Къ половинѣ тринадцатаго вѣка въ процессѣ политическаго роста англійскаго общества наступилъ кризисъ: все развивавшіяся силы общественнаго организма, находившіяся до тѣхъ поръ какъ бы въ связанномъ состояніи, сразу прорвались черезъ сковывавшія ихъ историческія рамки, ища новыхъ, болѣе широкихъ и свободныхъ политическихъ формъ. Удержать ихъ въ ихъ прежнихъ рамкахъ было уже невозможно. Понималъ это не только Симонъ де-Монфоръ и его единомышленники. То же самое ясно стало и королю, и руководителямъ его партіи, и они не замедлили доказать это, какъ только власть опять вернулась въ ихъ руки. Разрѣшать выдвигаемыя жизнью все болѣе и болѣе сложныя государственныя задачи съ помощью одного лишь бюрократическаго механизма правительство уже вовсе не могло, и если до сихъ поръ оно, такъ сказать, неоффиціально обращалось къ общественному содѣйствію, посылая своихъ агентовъ въ графства, чтобы тамъ, на мѣстѣ, съ помощью „народнаго собранія“ графства и его выборныхъ дать окончательную, уже вполнѣ конкретную форму рѣшенію, принятому въ центрѣ, то теперь оно принуждено было открыто стать на путь вполнѣ оффиціальнаго привлеченія народныхъ представителей къ участію наравнѣ съ духовными и свѣтскими магнатами королевства въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ. Если путь этотъ впервые былъ открытъ Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ, то указанъ онъ былъ всѣмъ ходомъ общественнаго и политическаго развитія Англіи. Симонъ де-Монфоръ, очутившись въ положеніи полновластнаго главы государства и получивъ благо-

даря этому полную возможность проводить въ жизнь исповѣдуемые имъ политическіе принципы, лишь далъ соотвѣтствующее политическое выраженіе окончательно опредѣлившемуся къ его времени взаимоотношенію общественныхъ силъ Англіи. И безъ Симона де-Монфора политическое развитіе Англіи пошло бы по этому же пути, потому что это былъ путь единственно возможный и необходимый.

V.

Графу Лестерскому не долго пришлось держать въ своихъ рукахъ власть. Роялистамъ удалось опять собрать и организовать свои силы. Во главѣ ихъ сталъ наслѣдный принцъ Эдуардъ, удачно бѣжавшій изъ почетнаго плѣна, въ которомъ онъ, какъ и король, содержался со времени пораженія при Льюисѣ. 4 августа 1265 года произошла битва при Ивзэмѣ. Симонъ де-Монфоръ былъ убитъ и войско его было разбито на голову. Борьба, однако, этимъ не кончилась и продолжалась еще болѣе года. Только въ октябрѣ 1266 года былъ заключенъ воюющими сторонами миръ. Условія его дошли до насъ въ изданномъ 31 октября этого же года королевскомъ ордонансѣ (въ такъ называемомъ Dictum de Kenilworth). Конституція 1264 года отмѣнялась; король возстановлялся во всей полнотѣ своей власти, и ему возвращались всѣ принадлежавшія коронѣ владѣнія и всякія иныя права, незаконно перешедшія во время предшествовавшихъ неурядицъ въ другія руки; всѣ грамоты, обязательства и другіе документы, изданные и выданные королемъ и принцемъ Эдуардомъ „и другими вѣрными“ „по поводу Оксфордскихъ Провизій или по поводу бывшаго въ королевствѣ замѣшательства по настоянію Симона де-Монфора, графа Лестерскаго, и его сообщниковъ“, равно какъ и „вредные и предосудительные“ акты и договоры о недвижимости, исходившіе отъ самого графа Симона и отъ его сообщниковъ, объявлялись недѣйствительными. Все это было вполнѣ осуществимо для вернувшагося къ власти правительства Генриха III. Но едва-ли могло быть осуществлено другое его распоряженіе, направленное на такую сферу человѣческихъ проявленій, которая менѣе всего поддается запретительнымъ воздѣйствіямъ предержащей власти и, можетъ быть, именно поэтому такъ подзадориваетъ ея полицейскій пылъ. За короткое время, протекшее со дня смерти Симона де-Монфора, этотъ народный герой и борецъ за свободу (такъ на него смотрѣли въ самыхъ широкихъ кругахъ англійскаго общества, воплощая въ немъ все то, чѣмъ горѣли сердца людей, боровшихся вмѣстѣ съ нимъ противъ королевскаго абсолютизма), уже сталъ національнымъ святымъ, и по всей Англіи успѣла распространиться молва о чудесахъ, которые творились на его могилѣ. Эта народная кано-

низація графа Лестерскаго въ значительной мѣрѣ отравляла торжество его побѣдителей, и среди статей королевскаго ордонанса, устанавливающаго условія мирнаго договора съ побѣжденными, мы читаемъ запрещеніе считать Симона графа Лестерскаго святымъ и праведникомъ и распространять слухи о его чудесахъ. Окончательно борьба прекратилась, однако, лишь къ осени слѣдующаго 1267 года. Характерно, что въ созванномъ въ ноябрѣ того же года въ Марлборо парламентѣ присутствовали и народные представители въ лицѣ рыцарей отъ графствъ. Парламентъ этотъ какъ бы подвелъ итоги всей эпохѣ ожесточенной борьбы и, вновь издавъ съ нѣкоторыми пропусками Уэстминстерскія Провизіи 1259 года, сдѣлалъ закономъ королевства многое изъ того, чего требовали бароны на Бѣшенномъ Парламентѣ 1258 года. Очевидно, жизнь далеко ушла впередъ за эти безъ малаго девять лѣтъ, если то, чего съ оружіемъ въ рукахъ не могли добиться поднявшіе борьбу противъ королевскаго деспотизма бароны, теперь возводилось въ законъ самой королевской властью въ моментъ полнаго ея торжества надъ всѣми ея врагами.

При преемникѣ Генриха III приглашеніе въ парламентъ, на ряду съ духовными и свѣтскими магнатами, и представителей отъ графствъ и отъ городовъ становится все болѣе и болѣе частымъ. Этому въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовало то обстоятельство, что Эдуарду I приходилось вести безконечныя войны то съ Уэлзомъ, то съ Франціей, то съ Шотландіей и волей-неволей приходилось обращаться къ націи за помощью и поддержкой и для этого призывать ея представителей, такъ какъ инымъ путемъ добывать необходимыя для покрытія военныхъ расходовъ средства было крайне затруднительно и не всегда возможно. При всей властности своего характера и при всѣхъ своихъ автократическихъ замашкахъ, Эдуардъ I принужденъ былъ признать и торжественно провозгласить великій политическій и конституціонный принципъ, согласно которому *то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено.* Формулу эту мы встрѣчаемъ въ пригласительныхъ письмахъ, отправленныхъ королемъ архіепископамъ— кентерберійскому и йоркскому и всѣмъ епископамъ Англіи и призывавшихъ ихъ въ парламентъ, который долженъ былъ собраться въ Уэстминстерѣ въ воскресенье послѣ зимняго Мартина въ 1295 году. Парламентъ этотъ считается образцовымъ парламентомъ (a model parliament) по полнотѣ, съ какой въ немъ были представлены основные элементы англійскаго общества той поры. Присутствовать на немъ были приглашены оба архіепископа, всѣ епископы, ихъ архидіаконы, пріоры капитуловъ ихъ епархій, по одному представителю отъ каждаго капитула и по два представителя отъ духовенства каждой епархіи, 67 аббатовъ, пріоръ-госпитальеровъ и магистры двухъ другихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ, семь графовъ и 41 баронъ, а также по два

рыцаря отъ каждаго графства и по два горожанина отъ каждаго города. Духовные и свѣтскіе лорды получили именныя приглашенія отъ короля, при чемъ въ письмахъ къ архіепископамъ и епископамъ король просилъ ихъ явиться лично и прислать пріоровъ капитуловъ, архидіаконовъ и представителей отъ капитуловъ и отъ духовенства ихъ епархій; что же касается рыцарей отъ графствъ и представителей отъ городовъ, то они были приглашены приказами, отправленными королемъ шериффамъ (губернаторамъ) графствъ; этими приказами предписывалось шериффамъ каждому въ своемъ графствѣ немедленно же распорядиться о томъ, чтобы были избраны отъ каждаго графства по два рыцаря и отъ каждаго города и отъ каждаго бурга по два горожанина изъ болѣе уважаемыхъ и болѣе способныхъ къ труду, и чтобы эти лица явились къ королю къ назначенному дню и въ указанное мѣсто, имѣя полномочіе исполнять здѣсь за себя и за общины своихъ графствъ и городовъ то, что здѣсь будетъ постановлено общимъ совѣтомъ.

Признавъ и торжественно провозгласивъ конституціонный принципъ въ его общей, отвлеченной формѣ („то, что касается всѣхъ, должно быть всѣми одобрено"), Эдуардъ I вскорѣ принужденъ былъ признать его и въ его совершенно реальномъ, вполнѣ конкретномъ примѣненіи. Произошло это всего лишь черезъ два года послѣ созыва „образцоваго" парламента 1295 года. Провозглашеніе политическаго принципа и облеченіе его въ плоть и кровь реальной дѣйствительности,—это двѣ различныя вещи, вовсе не слѣдующія съ логической необходимостью одна за другой, и событія 1297 года съ полной ясностью показали это, краснорѣчиво свидѣтельствуя о томъ, что только наличность въ обществѣ организованныхъ силъ, готовыхъ и способныхъ отстаивать провозглашенный принципъ со всей энергіей жизненно заинтересованныхъ людей, можетъ превратить чисто теоретическое положеніе, подъ давленіемъ крайне затруднительныхъ обстоятельствъ оффиціально высказанное правительственною властью и даже облеченное въ форму вполнѣ дѣлового документа, въ жизненное начало реальнаго политическаго порядка, болѣе соотвѣтствующаго новому взаимоотношенію общественныхъ силъ, уже не вмѣщающихся въ старыхъ политическихъ рамкахъ. То, что идеологу представляется, какъ борьба принциповъ, ихъ логическая игра, въ дѣйствительности представляетъ собою борьбу реальныхъ интересовъ общественныхъ группъ, въ теоретическихъ положеніяхъ находящихъ лишь свое выясненіе и болѣе или менѣе точную формулировку. Побѣда того или иного принципа, общественнаго или политическаго, означаетъ капитуляцію или просто уступку со стороны господствовавшей раньше группы, вынужденной предоставить другимъ группамъ право на общественное или политическое самоопредѣленіе, котораго до

сихъ поръ онѣ были лишены, и, какъ всякая побѣда, она является лишь завершеніемъ общественной борьбы. И англійскому обществу для того, чтобы окончательно упрочить конституціонный порядокъ, въ формѣ теоретическаго принципа признанный за нимъ главою правящей группы, пришлось опять вступить въ борьбу съ все еще не желавшей оставлять своей самодержавной позиціи королевской властью и, только одержавъ надъ ней на этотъ разъ безкровную, но отъ этого еще болѣе славную, побѣду, ему удалось обезпечить себѣ активное участіе въ рѣшеніи судебъ страны. Этотъ моментъ въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго общества вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателя.

VI.

Войны съ Уэлзомъ, Шотландіей и Франціей вызвали большое напряженіе платежныхъ силъ страны и создали почву для общественнаго недовольства, тѣмъ болѣе серьезнаго, что Эдуардъ весьма не рѣдко прибѣгалъ къ совершенно произвольнымъ взиманіямъ, не дѣлая при этомъ исключенія ни для одного изъ общественныхъ классовъ, ни для клира, ни для мірянъ, ни для землевладѣльцевъ, ни для городского населенія. Особенно тяжело приходилось купцамъ, вывозившимъ уже знаменитую тогда англійскую шерсть. Король заставлялъ ихъ платить ему огромныя вывозныя пошлины, а нерѣдко и просто приказывалъ брать у нихъ всю наличную шерсть и выдавать имъ росписки изъ государственнаго казначейства, по которымъ они могли бы потомъ получить слѣдуемое за шерсть вознагражденіе (что было для нихъ далеко не легкимъ дѣломъ).

Первымъ возвысило голосъ противъ такого безцеремоннаго хозяйничанья правительства въ общественныхъ карманахъ духовенство. Когда на парламентѣ, засѣдавшемъ въ Эдмондсбери въ ноябрѣ 1296 года, король обратился къ присутствовавшимъ съ требованіемъ денегъ, архіепископъ кентерберійскій и примасъ Англіи Уинчелзи отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на изданную незадолго передъ тѣмъ папою Бонифаціемъ VIII буллу Clericis laicos, грозившую отлученіемъ духовенству, если оно будетъ платить, и свѣтскимъ властямъ, если они будутъ требовать десятую, двадцатую, сотую и пр. деньгу въ видѣ налога съ доходовъ или съ имущества церкви или ея служителей. Когда такой же отвѣтъ дала созванная архіепископомъ въ январѣ 1297 года конвокація изъ духовенства его провинціи, король объявилъ англійское духовенство лишеннымъ его королевскаго покровительства, а затѣмъ и вовсе изъялъ его изъ подъ защиты законовъ. Въ отвѣтъ на это Уинчелзи отлучилъ отъ церкви враговъ ея. Тогда

Эдуардъ приказалъ взять въ королевскую руку свѣтскіе фьефы духовенства кентерберійской провинціи.

Въ концѣ февраля король созвалъ въ Солсбери собраніе изъ однихъ свѣтскихъ бароновъ и предложилъ баронамъ отправляться на войну въ Гасконь въ то время, какъ самъ онъ отправится во Фландрію. Подъ разными предлогами бароны стали отказываться. Тогда Эдуардъ заявилъ имъ, что онъ отниметъ у нихъ ихъ земли и отдастъ тѣмъ, кто пожелаетъ отправиться въ Гасконь. Между нимъ и вождями бароновъ: Рожеромъ Биго графомъ Норфокскимъ, маршаломъ Англіи, и Гэмфри Богэномъ графомъ Герефордскимъ, конетаблемъ Англіи, произошло крупное пререканіе. Собраніе было прервано. Бароны разъѣхались и стали готовиться къ войнѣ съ королемъ. Подъ знамена графовъ Норфокскаго и Герефордскаго собралось болѣе тридцати крупныхъ феодаловъ. Подъ ихъ командой находилась весьма внушительная по тому времени военная сила въ полторы тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Не начиная еще военныхъ дѣйствій, бароны ограничивались пока тѣмъ, что не позволяли королевскимъ чиновникамъ собирать деньги, шерсть, шкуры и другіе предметы въ своихъ помѣстьяхъ. Эдуардъ принялъ тонъ диктатора и издалъ повелѣніе, чтобы вся шерсть въ странѣ была взята въ королевскую руку, а купцамъ были выданы росписки. Столь же самовольно распорядился король, чтобы отъ каждаго графства было доставлено ему по 2000 четвертей пшеницы и столько же овса, а также запасъ говядины и свинины, а затѣмъ разослалъ по странѣ приказъ, чтобы всѣ обладающіе земельнымъ доходомъ въ 20 фунтовъ стерл., чьими бы вассалами они ни были, конны и оружны являлись въ ополченіе, которое должно собраться въ Лондонѣ къ 7 іюля, и затѣмъ отправиться за море вмѣстѣ съ королемъ. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ народное ополченіе никогда не созывалось для наступательной войны. Къ назначенному сроку ополченіе собралось. Король созвалъ бароновъ въ соборъ св. Павла и предложилъ графамъ Норфокскому и Герефордскому приступить къ исполненію своихъ обязанностей маршала и конетабля и составить списки ополченцевъ. И Биго, и Богэнъ отказались повиноваться, ссылаясь на то, что они явились на собраніе не въ силу оффиціальнаго приказа, а по особой просьбѣ короля. Это былъ, конечно, лишь предлогъ, предлогъ, заранѣе обдуманный и обсужденный на собраніи, которое графы и бароны тайно устроили въ лѣсу на уэлзской границѣ, чтобы установить опредѣленный планъ дѣйствій. Отвѣтъ маршала и конетабля привелъ короля въ сильнѣйшее раздраженіе, но въ то же время онъ почувствовалъ и понялъ, что имѣетъ дѣло съ организованной общественной силой, въ отношеніи которой полицейскія репрессіи безсильны и безплодны. Эдуардъ рѣшилъ апеллировать къ народу, предварительно помирившись съ архіе-

пископомъ кентерберійскимъ и возвративъ ему конфискованныя владѣнія его каѳедры. Современный хроникеръ оставилъ намъ описаніе чувствительной сцены, происшедшей 14 іюля передъ уэстминстерскимъ дворцомъ. На устроенный передъ дворцомъ деревянный помостъ взошелъ король съ наслѣдникомъ престола въ сопровожденіи примаса и графа Уорика и со слезами на глазахъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой, признавая, что, быть можетъ, онъ не такъ хорошо и мирно управлялъ, какъ бы слѣдовало королю, онъ просилъ народъ помнить, что тѣ частицы изъ народнаго имущества, которыя народъ далъ ему самъ или королевскіе слуги, безъ его, короля, вѣдома, путемъ вымогательствъ взяли у народа, были истрачены имъ на дѣло защиты націи отъ враговъ, жаждущихъ ея погибели. Теперь онъ отправляется сражаться за народъ. Если ему удастся вернуться, пусть народъ приметъ его, какъ теперь принимаетъ, и онъ вернетъ народу все, взятое у него. Если же ему не суждено вернуться, пусть народъ коронуетъ себѣ въ короли его сына. По лицу архіепископа потекли слезы, и онъ обѣщалъ оставаться вѣрнымъ королю и исполнить все, о чемъ говорилъ король. Народъ поднятіемъ рукъ засвидѣтельствовалъ королю свои вѣрноподданническія чувства. Бароны не присутствовали при этомъ. Они продолжали настаивать на безцѣльности и опасности похода во Фландрію, указывая на то, что страна и безъ того раззорена и что королю слѣдуетъ прекратить поборы и болѣе серьезно соблюдать Великую Хартію, и рѣшительно отказывались идти съ королемъ на войну. Король предложилъ имъ подтвердить Великую Хартію, если они дадутъ ему пособіе въ видѣ восьмой деньги за себя и пятой деньги съ городовъ. Не получивъ, повидимому, отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта, Эдуардъ обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ самымъ значительнымъ изъ явившихся въ ополченіе людей, пригласивъ ихъ въ свои аппартаменты, и этотъ импровизированный парламентъ, находясь подъ не остывшимъ еще впечатлѣніемъ отъ сцены королевскаго всенароднаго покаянія—а руководители движенія, между тѣмъ, уже удалились—разрѣшилъ ему просимое пособіе. Чувствуя, однако, всю неконституціонность такого шага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю шаткость почвы, на которую онъ становился, король поручилъ архіепископу кентерберійскому вступить въ переговоры съ главами оппозиціи и склонить ихъ дать свое согласіе на разрѣшенный при такой крайне сомнительной обстановкѣ налогъ. Переговоры не привели ни къ чему, и король разослалъ приказъ о взиманіи налога, а также о захватѣ у купцовъ 8.000 мѣшковъ шерсти и рѣшилъ немедленно же отправляться за море. Но духъ его не былъ спокоенъ, и прежде, чѣмъ сѣсть на корабль, онъ счелъ необходимымъ еще разъ апеллировать къ народу. Съ этою цѣлью были разосланы по странѣ открытыя письма, въ которыхъ

король напоминалъ о своей ссорѣ съ графами и о своихъ попыткахъ къ примиренію съ ними и опровергалъ слухъ, будто бы ему былъ представлена графами петиція съ жалобой на разнаго рода притѣсненія и будто бы онъ отказался принять ее; если такая петиція и существуетъ, и въ ней содержатся жалобы на его частыя обращенія къ народу за пособіями, то онъ и самъ вполнѣ понимаетъ всю справедливость этихъ жалобъ, но проситъ народъ припомнить, что онъ истратилъ взятыя у него деньги не на пріобрѣтеніе территорій, а на защиту себя и народа; если ему удастся вернуться, онъ съ радостью возмѣститъ все; если же не удастся, это сдѣлаютъ за него его наслѣдники; войны требуютъ интересы всѣхъ, и онъ долженъ исполнять свои обязанности.

Петиція, о которой говорилъ король, дѣйствительно существовала, и онъ не успѣлъ еще покинуть англійскіе берега, какъ она была представлена ему отъ имени всѣхъ сословій королевства. „Вотъ бѣдствія, на которыя указываютъ государю-королю архіепископы, епископы, аббаты и пріоры, графы и бароны и вся община земли и смиренно просятъ его, чтобы онъ къ чести своей и для спасенія народа своего изволилъ ихъ исправить". Таковы начальныя слова этого документа, за которыми слѣдуетъ обстоятельное изложеніе самыхъ бѣдствій. Указавъ на незаконность предъявленнаго королемъ общинѣ требованія отправляться во Фландрію, куда ни сами они, ни предки ихъ не призывались воевать, авторы петиціи заявляютъ, что, если бы даже они и обязаны были отправляться туда, то не могли бы этого сдѣлать, такъ какъ сильно угнетены разнаго рода налогами, пособіями и захватами (пшеницы, овса, солода, кожъ, быковъ, коровъ, солонины). Они не могутъ дать теперь пособія королю по причинѣ бѣдности, въ какую они впали, благодаря этимъ налогамъ и захватамъ, такъ что имъ еле хватаетъ на житье, а есть многіе, у которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію, и они не въ состояніи воздѣлывать свои земли. Кромѣ того, вся страна чувствуетъ себя сильно угнетенной, вслѣдствіе того, что съ ними не обращаются согласно законамъ и обычаямъ страны, какъ обращались обыкновенно съ ихъ предками, и вслѣдствіе того, что у нихъ нѣтъ теперь вольностей, которыя они привыкли имѣть... „Ибо многіе чувствуютъ себя угнетенными оттого, что они привыкли, чтобы съ ними обращались согласно статьямъ, содержащимся въ Великой Хартіи, всѣ статьи которой теперь выпущены къ величайшему ущербу для всего народа. Поэтому они просятъ государя нашего короля, чтобы онъ соизволилъ это исправить для своей чести и для спасенія своего народа". За этимъ слѣдуютъ жалобы на несоблюденіе Лѣсной Ассизы и Лѣсной Хартіи и на налогъ на шерсть, чрезвычайно обременительный, доходящій до 40 шиллинговъ и до 7 марокъ ($=13^1/_3$ шиллинг.$\times$7) на мѣшокъ. Въ заключеніе община выражала королю

самыя лучшія пожеланія, но не находила полезнымъ походъ во Фландрію.

Пользуясь тѣмъ, что часть его совѣта уже переправилась во Фландрію, король отказался дать отвѣтъ на эту петицію, заявивъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого безъ своего совѣта, и, издавъ приказъ собрать съ духовенства третью часть его свѣтскихъ доходовъ (не дожидаясь результата совѣщаній конвокаціи кентерберійской провинціи, рѣшавшей вопросъ о субсидіи королю), 22 августа отправился во Фландрію, оставивъ сына своего Эдуарда регентомъ королевства. Въ тотъ же день графы Норфокскій и Герефордскій въ сопровожденіи двухъ бароновъ явились въ Палату Шахматной Доски (иначе Палата Казначейства) и здѣсь выразили протестъ противъ захвата шерсти, произведеннаго по королевскому повелѣнію, и потребовали отъ бароновъ казначейства (членовъ палаты), чтобы они послали шериффамъ (губернаторамъ графствъ) приказъ пріостановить сборъ съ народа восьмой деньги, какъ незаконный, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ формальное подтвержденіе Великой Хартіи. Къ нимъ присоединились лондонскіе горожане, которыхъ, по словамъ лѣтописца, они „склонили выступить совмѣстно съ ними за дѣло возстановленія своихъ вольностей". Узнавъ объ этомъ, король прислалъ распоряженіе, чтобы восьмую деньгу продолжали собирать, но издали бы прокламацію о томъ, что этотъ налогъ не будетъ служить прецедентомъ. Прокламація эта успѣха не имѣла. Правительству пришлось созвать парламентъ. Приглашены были въ него лишь духовные и свѣтскіе бароны и рыцари отъ графствъ. Мѣстомъ собранія былъ назначенъ Лондонъ. Графы Норфокскій и Герефордскій привели съ собой полторы тысячи всадниковъ и большой отрядъ отборныхъ пѣхотинцевъ и согласились войти въ городъ лишь послѣ того, какъ получили отъ правительства разрѣшеніе поставить у воротъ столицы свою стражу, „чтобы, вступивъ безъ оружія, они не оказались запертыми, какъ овцы въ овчарнѣ". Въ парламентѣ графы категорически потребовали подтвержденія Великой Хартіи, дополненной новыми статьями, основанными на поданной королю въ августѣ петиціи и тутъ же представленными регенту. Регенту ничего не оставалось, какъ согласиться на требованіе графовъ, такъ внушительно обставленное, и 10 октября онъ подтвердилъ Великую и Лѣсную Хартіи, утвердилъ новыя статьи Великой Хартіи и немедленно же отправилъ ихъ своему отцу для окончательнаго подтвержденія, которое и произошло 5 ноября (1297 года).

Новыя статьи, которыми была дополнена Великая Хартія послѣ этого подтвержденія Хартій (Confirmatio Cartarum), дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, французской и латинской. Латинская редакція, такъ называемый *Статутъ о неразрѣшеніи налога* (Statutum de tallagio non concedendo) отличается болѣе категориче-

скимъ тономъ и, повидимому, представляетъ собою сокращенное и не вполнѣ точное изложеніе французскаго подлинника. Французскій текстъ состоитъ изъ семи статей. Въ первой статьѣ король доводитъ до общаго свѣдѣнія, что онъ подтвердилъ Великую Хартію Вольностей, а также Лѣсную Хартію, и требуетъ ихъ опубликованія и примѣненія ихъ всѣми должностными лицами въ королевствѣ, а во второй статьѣ объявляетъ не имѣющими юридической силы всѣ рѣшенія, постановленныя должностными лицами въ противность этимъ Хартіямъ. Въ третьей статьѣ король предписываетъ разослать эти хартіи съ его королевской печатью во всѣ каѳедральныя церкви, чтобы онѣ хранились тамъ и два раза въ годъ прочитывались передъ народомъ, а въ четвертой требуетъ, чтобы всѣ архіепископы и епископы подвергали великому отлученію всѣхъ, кто дѣломъ, словомъ или совѣтомъ пойдетъ противъ этихъ хартій; отлученія эти должны произноситься дважды въ годъ; а кто не захочетъ этого дѣлать, того должны принудить къ этому архіепископы кентерберійскій и моркскій. Въ пятой статьѣ король постановляетъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ, что пособія деньгами и трудомъ, которыя были разрѣшены ему передъ этимъ для военныхъ и иныхъ надобностей, равно какъ и сдѣланные имъ захваты натурою ни въ какомъ случаѣ не будутъ сдѣланы прецендентомъ. „И пожаловали мы также", читаемъ мы въ шестой статьѣ, „за себя и за нашихъ наслѣдниковъ архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ и пріорамъ и другимъ людямъ святой церкви, а также графамъ и баронамъ и всей общинѣ земли, что *мы ни для какой надобности не будемъ брать такого рода пособій и не будемъ дѣлать подобнаго рода захватовъ въ нашемъ королевствѣ иначе, какъ съ общаго согласія всего королевства и для общей пользы этого же королевства, исключая древнія пособія и захваты, слѣдуемые по закону и по обычаю*". Седьмою статьей король, удовлетворяя просьбу большей части общины королевства, отмѣняетъ несправедливую пошлину на шерсть, равную сорока шиллингамъ съ мѣшка, и постановляетъ, что впредь онъ не будетъ брать такой или иной какой пошлины безъ ихъ общаго согласія и ихъ доброй воли, оставляя, однако, себѣ и своимъ наслѣдникамъ пошлину на шерсть, шкуры и кожи, раньше разрѣшенную общиной королевства.

Оговорки, которыя мы сейчасъ видѣли въ послѣднихъ трехъ статьяхъ французскаго текста, отсутствуютъ въ соотвѣтствующихъ статьяхъ латинской редакціи этого документа. Тамъ мы читаемъ буквально слѣдующее:

„I. *Никакой налогъ или пособіе не будетъ впредь налагаться или взиматься въ королевствѣ нашемъ нами или наслѣдниками нашими безъ воли и общаго согласія архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и иныхъ свободныхъ людей въ королевствѣ нашемъ.*

„II. Никакой слуга нашъ или наслѣдниковъ нашихъ не будетъ брать хлѣба, шерсти, кожъ или другого чьего бы то ни было имущества безъ воли и согласія того, кому принадлежитъ это имущество.

„III. Впредь ничего не должны брать съ мѣшка шерсти подъ видомъ и названіемъ несправедливой пошлины“.

Очевидно, оговорки нужны были лишь королю, чтобы хоть сколько-нибудь замаскировать свое пораженіе, свою капитуляцію передъ обществомъ и его организованными силами. Современникамъ же, равно какъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, эта общественная побѣда являлась во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей безусловной непререкаемости, и латинская версія „Статей, вставленныхъ въ Великую Хартію“, оставленная намъ однимъ хроникеромъ, передаетъ именно такое пониманіе смысла этого крупнаго событія въ исторіи политическаго освобожденія англійскаго народа. Завоевавъ себѣ право вполнѣ самостоятельно распоряжаться своимъ достояніемъ для удовлетворенія государственныхъ надобностей, поставивъ взиманіе налоговъ въ необходимую зависимость отъ опредѣленно выраженнаго согласія самого общества, англійскій народъ пріобрѣлъ прочный базисъ для развитія своего политическаго самоопредѣленія въ тѣхъ формахъ, какія были подготовлены всѣмъ своеобразнымъ ходомъ его исторіи. Съ этихъ поръ парламентскій режимъ сталъ въ Англіи на вполнѣ твердую почву, въ особенности послѣ того, какъ былъ выдвинутъ и вошелъ въ жизнь принципъ, что субсидіи королю должны разрѣшаться парламентомъ лишь послѣ того, какъ правительство удовлетворитъ ходатайства, предъявленныя ему въ парламентѣ народными представителями. Естественнымъ заключеніемъ нашего очерка и будетъ общая характеристика англійскаго парламента въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился къ половинѣ слѣдующаго, четырнадцатаго столѣтія.

VII.

На англійскомъ парламентѣ съ рѣдкой отчетливостью запечатлѣлась вся своеобразная исторія англійскаго политическаго и соціальнаго развитія, и въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно интересенъ для всякаго, кто изучаетъ возникновеніе политическихъ и общественныхъ формъ. То своеобразное сочетаніе феодализма и широкой государственности, которое такъ характерно для англійской политической организаціи уже со второй половины одиннадцатаго вѣка, съ момента нормандскаго завоеванія, цѣликомъ отразилось и на организаціи англійскаго парламента съ его верхней палатой, или палатой лордовъ, и его нижней палатой, или палатой общинъ, уже окончательно сложившимися къ половинѣ четырнадцатаго столѣтія.

Самое слово *парламентъ* (parliamentum) вошло въ политическій обиходъ Англіи еще до того, какъ королевская власть стала приглашать для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ выборныхъ представивителей отъ графствъ и отъ городовъ. Намъ уже не одинъ разъ приходилось отмѣчать этотъ фактъ при изученіи событій, предшествовавшихъ установленію въ Англіи народнаго представительства. Но тогда это слово примѣнялось къ тому учрежденію, которое въ прежнее время обозначалось терминомъ *Великій Совѣтъ* (Magnum Coucilium) и представляло собою собраніе духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ королевства, созывавшихся королемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждался въ ихъ совѣтѣ и содѣйствіи. Все это были прямые вассалы короля. Но тѣмъ не менѣе это не было чисто феодальное учрежденіе, феодальный сеймъ, куда имѣлъ право быть приглашеннымъ каждый прямой вассалъ короля. Благодаря тому, что королевская власть въ Англіи съ Вильгельма Завоевателя, опираясь на народъ и на общенародныя учрежденія, сохранившіяся отъ англо-саксонской эпохи, имѣла возможность удержать за феодализмомъ лишь роль необходимой при господствѣ натуральнаго хозяйства формы организаціи правительственныхъ средствъ *) и поставить феодаловъ въ полное къ себѣ подчиненіе, какъ своихъ служилыхъ людей, эти послѣдніе не могли претендовать на то положеніе, которое занимали феодалы въ государствѣ съ слабой королевской властью, почти превратившейся въ формальный сюзеренитетъ (какъ это было, напримѣръ, во Франціи при первыхъ Капетингахъ); не могли они, въ частности претендовать и на право присутствовать въ Великомъ Совѣтѣ. Король имѣлъ полную возможность звать въ этотъ совѣтъ лишь тѣхъ изъ своихъ служилыхъ людей, съ мнѣніемъ которыхъ онъ находилъ нужнымъ въ данный моментъ считаться. Вслѣдствіе этого Великій Совѣтъ болѣе напоминаетъ *собраніе мудрыхъ* страны, *уитенагемотъ* англо-саксонской поры, чѣмъ феодальный сеймъ. Да къ тому же онъ и явился прямымъ продолженіемъ уитенагемота, который въ свою очередь сталъ пріобрѣтать къ концу англо-саксонскаго періода феодальный отпечатокъ, отражая на себѣ феодализаціонный процессъ, развивавшійся въ обществѣ. Правда, нельзя отрицать и того, что среди самихъ феодаловъ, вообще, какъ мы знаемъ, далеко не склонныхъ мириться со скромной ролью служилыхъ людей, какую отводила имъ англійская государственность и не разъ дѣлавшихъ попытки завоевать себѣ болѣе самостоятельное политическое положеніе, идея чисто фео-

*) Мы разумѣемъ надѣленіе феодальными помѣстьями, ленами (т. е. въ сущности правомъ на продукты хозяйственной дѣятельности сидящихъ на этихъ помѣстьяхъ крестьянъ) представителей непроизводительныхъ, т. е. не производящихъ матеріальныхъ цѣнностей классовъ, именно рыцарей и служителей алтаря, съ тѣмъ, чтобы они могли нести военную и духовную службу.

дальной постановки Великаго Совѣта была весьма популярна, и въ моменты, благопріятные феодальнымъ теченіямъ въ англійскомъ обществѣ, ей удавалось добиться и юридическаго признанія. Мы уже видѣли это, когда знакомились съ политическими идеями бароновъ, совмѣстно съ другими классами англійскаго общества заставившихъ Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію вольностей. Бароны, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ § 14 Великой Хартіи, ставили *общій совѣтъ королевства* (commune consilium regni nostri) на чисто феодальную почву, давая право на участіе въ немъ лишь прямымъ вассаламъ короля. Но этимъ феодальнымъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и короли продолжали звать въ Великій Совѣтъ лишь тѣхъ, кого имъ было угодно звать изъ среды своихъ вассаловъ, и такой порядокъ удержался въ отношеніи къ баронамъ и тогда, когда вмѣстѣ съ ними стали приглашать для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ въ королевствѣ и выборныхъ представителей отъ графствъ и отъ городовъ, когда Великій Совѣтъ превратился въ верхнюю палату парламента. Чтобы засѣдать въ этой палатѣ лордовъ, недостаточно было, какъ и въ прежнее время, когда существовалъ еще только одинъ Великій Совѣтъ, быть королевскимъ вассаломъ, недостаточно было владѣть бароніей, или такъ называемой „баронской честью" (равной $13^1/_3$ рыцарскихъ леновъ): для этого нужно было еще получить отъ короля спеціальное именное приглашеніе. Король могъ послать такое приглашеніе человѣку иного круга, а вовсе не непремѣнно своему вассалу, напримѣръ, извѣстному юристу, знанія котораго могли пригодиться собранію, которому не рѣдко приходилось рѣшать сложные юридическіе вопросы. Съ теченіемъ времени установился принципъ, въ силу котораго разъ данное лицо получило отъ короля хотя бы однажды такое приглашеніе, оно этимъ самымъ пріобрѣтало для себя и для своихъ потомковъ право пожизненно засѣдать въ верхней палатѣ, становилось наслѣдственнымъ совѣтникомъ короля, пэромъ королевства. Но и это установленіе принципа наслѣдственности по отношенію къ членамъ палаты лордовъ не ослабляло тѣмъ не менѣе всей реальности того факта, что источникомъ права засѣдать въ верхней палатѣ являлась воля короля, стоявшая выше феодальныхъ правъ и принциповъ. Такимъ образомъ, если, можетъ быть рѣчь о палатѣ лордовъ, какъ о феодальномъ элементѣ англійскаго парламента, то только съ тѣми ограниченіями, какія необходимо дѣлать вообще, когда мы говоримъ объ англійскомъ феодализмѣ. На палатѣ лордовъ этотъ феодализмъ отпечатлѣлся со всѣмъ своеобразіемъ своей общей постановки въ условіяхъ политическаго развитія англійскаго общества, какъ оно опредѣлилось съ момента нормандскаго завоеванія.

Еще болѣе своеобразный продуктъ политическаго развитія средневѣковой Англіи представляетъ собою *нижняя палата*, или

палата общинъ (the House of Commons) въ томъ ея видѣ, въ какомъ она является въ разсматриваемую нами эпоху. Если своей верхней палатой англійскій парламентъ отразилъ на себѣ англійскій феодализмъ во всемъ его своеобразіи, то своей палатой общинъ онъ всецѣло стоитъ на англо-саксонской, до-феодальной и анти-феодальной почвѣ. Если своей верхней палатой онъ примыкаетъ въ извѣстной мѣрѣ къ французскимъ генеральнымъ штатамъ и аналогичнымъ имъ собраніямъ *государственныхъ чиновъ*, характеризующимъ такъ называемую *сословную монархію*, эту своеобразную форму широкой государственности, построенной на феодальныхъ началахъ, то его нижняя палата сильно отклоняетъ его отъ этого политическаго образца. Палата общинъ менѣе всего можетъ быть отожествлена съ „третьимъ чиномъ" (tiers etat) генеральныхъ штатовъ средневѣковой Франціи, состоявшимъ, какъ извѣстно, изъ представителей отъ городовъ, этихъ коллективныхъ сеньерій феодальной Франціи, изъ представителей интересовъ торговаго и промышленнаго класса. Нижняя палата средневѣковаго англійскаго парламента представляла интересы не какого-либо одного класса, но всей свободной массы населенія Англіи, за исключеніемъ сравнительно небольшой группы свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, получившихъ отъ короля именныя приглашенія засѣдать въ палатѣ лордовъ. На ряду съ депутатами отъ городовъ, въ нижней палатѣ присутствовали и такъ называемые *рыцари отъ графствъ* (Knights of the shire), представлявшіе интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства ниже ранга личныхъ совѣтниковъ короны, членовъ верхней палаты. Нижняя палата есть собраніе представителей мѣстныхъ корпорацій свободныхъ людей (communitates или universitates по средневѣковой терминологіи), какими являлись графства и города. Она сама есть организованная корпорація выборныхъ представителей этихъ мѣстныхъ корпорацій (communitas communitatum). Намъ уже приходилось говорить о той роли, какую англійское всесословное графство, это главное наслѣдіе англо-саксонской эпохи, играло въ политической жизни страны, въ особенности послѣ реформъ Генриха II, внесшихъ такъ много жизни въ „народныя собранія" графствъ и такъ тѣсно связавшихъ ихъ дѣятельность съ дѣятельностью центральныхъ органовъ суда и управленія. Приходилось уже намъ указывать и на то, какъ часто „народныя собранія" графствъ прибѣгали къ выбору коммиссій въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ нужно было сноситься съ присланными въ графство королевскими агентами какъ по финансовымъ, такъ и по всякимъ инымъ вопросамъ. Еще за долго до того, какъ представители отъ графствъ стали призываться въ парламентъ для совмѣстнаго съ духовными и свѣтскими баронами обсужденія съ королемъ дѣлъ королевства, этимъ выбраннымъ отъ „народныхъ собраній" графствъ „полноправнымъ и честнымъ" рыцарямъ очень часто приходилось

обсуждать такія дѣла или, по крайней мѣрѣ, договариваться на счетъ приведенія въ исполненіе принятыхъ при ихъ обсужденіи рѣшеній съ командированными въ графство королевскими чиновниками. Эти избранные „народнымъ собраніемъ“ графства „честные и полноправные рыцари“, какъ на мѣстѣ, такъ и въ парламентѣ, представляли интересы всѣхъ свободныхъ землевладѣльцевъ графства безъ различія военныхъ держателей (рыцарей въ собственномъ смыслѣ) и простыхъ свободныхъ держателей (фриголдеровъ), державшихъ свои земли какъ непосредственно отъ короля (прямыхъ королевскихъ вассаловъ), такъ и отъ другихъ лордовъ (сеньеровъ),—словомъ, интересы всѣхъ тѣхъ, кто составлялъ общину, корпорацію графства (communitas) и на собраніяхъ графства отправлялъ всѣ судебныя, полицейскія, административныя и фискальныя обязанности, лежавшія на графствѣ, какъ на исконной организаціи мѣстныхъ силъ для общегосударственныхъ цѣлей. Крупные бароны, свѣтскіе и духовные, не принимали участія въ жизни графства: ихъ держанія (лены) освобождали ихъ отъ лежавшей на всѣхъ другихъ землевладѣльцахъ обязанности являться въ „народныя собранія“ графства, и даже къ пріѣзду въ графство королевскихъ странствующихъ судей, когда необходимо было присутствіе въ собраніи всѣхъ, на комъ только лежала эта повинность, бароны могли ограничиваться присылкой своихъ управляющихъ. Ихъ ареной было не „народное собраніе“ графства, а Великій Совѣтъ. По отношенію къ нимъ всѣ остальные землевладѣльцы графства естественно чувствовали свою особность и сознавали общность своихъ интересовъ въ противоположность интересамъ этихъ магнатовъ, далеко не склонныхъ стоять за нихъ передъ королемъ и его сановниками въ Великомъ Совѣтѣ и въ то же время рѣшавшихъ здѣсь за нихъ вопросы обложенія. Уже съ момента нормандскаго завоеванія средніе и мелкіе землевладѣльцы были главною опорою королевской власти противъ крупныхъ феодаловъ, усиленіе которыхъ было бы равносильнымъ ихъ угнетенію. Только въ рѣдкіе моменты общественнаго возбужденія, вызваннаго обостреніемъ правительственнаго произвола, являлась солидарность между феодалами и свободной массой; но и въ такіе моменты эта послѣдняя имѣла всѣ основанія еще разъ убѣждаться въ томъ, что ея интересы и интересы феодаловъ далеко не совпадаютъ. Достаточно припомнить чисто феодальную постановку общаго совѣта королевства въ Великой Хартіи и чисто олигархическую конституцію 1258 года. Все это должно было сплачивать свободныхъ землевладѣльцевъ графствъ въ солидарныя общественныя группы и развивать въ нихъ сознаніе своихъ отдѣльныхъ интересовъ, которые съ возникновеніемъ парламента и получили своихъ представителей въ лицѣ засѣдавшихъ въ нижней палатѣ рыцарей отъ графствъ.

Но не одними семьюдесятью четырьмя рыцарями графствъ,

сильными своей солидарностью и органической связью съ пославшими ихъ мѣстными организаціями, были представлены въ нижней палатѣ интересы свободной массы. На ряду съ рыцарями, здѣсь засѣдали и представители отъ городовъ, представители интересовъ ремесленниковъ и купцовъ. Если рыцари отъ графствъ представляли интересы средняго и мелкаго землевладѣнія, то депутаты отъ городовъ являлись представителями интересовъ движимаго, денежнаго капитала, который все болѣе и болѣе привлекалъ фискальное вниманіе правительства, по мѣрѣ осложненія государственныхъ задачъ и увеличенія потребностей фиска. Обложеніе движимости становилось на ряду съ поземельнымъ налогомъ въ разныхъ его формахъ однимъ изъ главныхъ источниковъ правительственныхъ средствъ англійскаго королевства, и чѣмъ дальше, тѣмъ значеніе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Англія начала вести крупную торговлю шерстью и кожами, и эти продукты становятся главнымъ предметомъ обложенія и всякаго рода фискальныхъ манипуляцій. Естественно, что интересы начавшаго играть такую видную роль денежнаго капитала рано или поздно должны были получить и политическое признаніе, и ихъ представители должны были занять мѣсто въ парламентѣ, въ его нижней палатѣ. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, какъ мы знаемъ, Симономъ де-Монфоромъ, призвавшимъ въ парламентъ 1265 года, на ряду съ двумя рыцарями отъ каждаго графства, и по двое горожанъ отъ Йорка, Линкольна и „прочихъ бурговъ Англіи“, а также отъ „бароновъ и честныхъ мужей“ Пяти Портовъ, и съ конца столѣтія приглашеніе въ парламентъ по два представителя отъ городовъ становится такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и призывъ рыцарей отъ графствъ.

Рыцари отъ графствъ, съ одной стороны, и депутаты отъ городовъ, съ другой, были представителями двухъ соціальныхъ слоевъ, въ условіяхъ англійскаго политическаго развитія нашедшихъ почву для взаимнаго сближенія, которое должно было отразиться и на дѣятельности нижней палаты. „Народное собраніе“ графства было той ареной, на которой давно уже сообща дѣйствовали землевладѣльцы и представители города. На обычныхъ ежемѣсячныхъ собраніяхъ графства горожане не присутствовали, освобожденные отъ этой повинности своими городскими привилегіями и, въ частности, правомъ имѣть собственный судъ внутри своихъ стѣнъ (а эти ежемѣсячныя собранія и созывались прежде всего для судебныхъ цѣлей). Но на экстренныя собранія, созывавшіяся въ полномъ составѣ къ пріѣзду странствующихъ судей и въ другихъ важныхъ случаяхъ, всѣ лежавшіе въ предѣлахъ графства города обязаны были высылать по двѣнадцати своихъ представителей, которые и должны были участвовать вмѣстѣ съ остальными членами собранія въ отправленіи всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на собраніи, какъ судебныхъ,

такъ и всякихъ иныхъ, и въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ (и прежде всего фискальныхъ), съ какими обращалась къ нимъ центральная власть черезъ своихъ агентовъ. Эта совмѣстная дѣятельность въ собраніяхъ графства, общія мѣстныя связи и общая потребность отстаивать интересы пославшихъ ихъ общественныхъ организацій отъ всякихъ поползновеній со стороны засѣдавшихъ въ верхней палатѣ феодаловъ,—все это должно было постепенно сблизить рыцарей отъ графствъ съ представителями отъ городовъ, сплотить ихъ въ одно организованное цѣлое и тѣмъ сообщить нижней палатѣ авторитетъ и силу, которыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть „третій чинъ" французскихъ генеральныхъ штатовъ, состоявшій изъ однихъ горожанъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и лишенныхъ той поддержки, какую депутаты англійскихъ городовъ находили у рыцарей графствъ, не менѣе рыцарей, чѣмъ бароны верхней палаты, и далеко не склонныхъ поступаться своимъ достоинствомъ передъ этими послѣдними. Не удивительно, что уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ политическій центръ тяжести утвердился въ нижней палатѣ, въ палатѣ общинъ, этой корпораціи выборныхъ представителей организованныхъ корпорацій свободныхъ людей страны, той самой свободной массы, которая еще съ Вильгельма Завоевателя, укрѣпивъ свою связь съ королевской властью, пересиливала феодальные элементы и отводила имъ сравнительно скромное мѣсто въ политической жизни страны.

Въ теченіе нѣкотораго времени въ нижней палатѣ засѣдали и выборные представители отъ низшаго духовенства. Какъ мы видѣли, въ парламентъ 1295 года были приглашены Эдуардомъ I черезъ архіепископовъ и епископовъ пріоры капитуловъ и архидіаконы, а также по одному уполномоченному отъ каждаго капитула и по двое уполномоченныхъ отъ духовенства каждой епархіи. Реальнымъ основаніемъ для этой попытки короля ввести въ парламентъ представителей массы духовенства (духовные бароны вмѣстѣ со свѣтскими засѣдали въ палатѣ лордовъ) была все развивавшаяся практика обложенія церковной движимости, т. е. церковной десятины и другихъ чисто церковныхъ доходовъ. Но духовенство предпочитало обсуждать и рѣшать вопросы церковнаго обложенія на своихъ собственныхъ, чисто сословныхъ собраніяхъ, на такъ называемыхъ *конвокаціяхъ*, организованныхъ на началѣ представительства и обыкновенно собиравшихся (одна въ Кентербери для духовенства кентерберійской провинціи, а другая въ Иоркѣ для духовенства йоркской провинціи) одновременно съ парламентомъ; здѣсь оно чувствовало себя болѣе обезпеченнымъ отъ давленія со стороны свѣтской власти и сравнительно скоро вовсе перестало посылать своихъ депутатовъ въ палату общинъ.

Въ такія формы отлился англійскій парламентъ въ четырнад-

цатомъ вѣкѣ. Но уже къ концу тринадцатаго столѣтія онъ сталъ на вполнѣ твердую почву послѣ того, какъ англійское общество завоевало себѣ драгоцѣнное право давать правительству для удовлетворенія потребностей государства лишь то, что само общество разрѣшало ему черезъ своихъ свободно избранныхъ представителей. „Пусть государь такъ царствуетъ, чтобы у него никогда не являлось надобности не обращаться къ своимъ подданнымъ", мечталъ авторъ поэмы „Битва при Льюисѣ", а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ конституціоналисты, сражавшіеся подъ знаменами Монфора. Прошло всего тридцать лѣтъ, и эта мечта стала суровымъ фактомъ политической дѣйствительности, и тѣмъ, кто не хотѣлъ признавать его, суждено было „увидѣть результатъ этого въ своей погибели". Какія испытанія ни выпадали потомъ на долю англійскаго общества, но они не могли уже отнять у него того, что дали ему побѣды, одержанныя имъ надъ абсолютизмомъ въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Дмитрій Петрушевскій.

---

* * *

Я росъ въ потьмахъ, во мракѣ лживыхъ словъ!..
Чужою мыслью жадный умъ сковали,
Живую душу рабствомъ угнетали—
Слѣпыми предразсудками вѣковъ...
Но, увлеченный вихремъ буйныхъ сновъ,
Тоскою страстной,—силою назрѣвшей
Я ощутилъ на мысли пламенѣвшей
Глухую тяжесть гибельныхъ оковъ
И—перервалъ мучительныя звенья...
Меня влекли горящія мгновенья
Свободной жизни, полной красоты...
Въ нихъ призраки минувшаго сгорали...
— Какъ ярко блещутъ радостныя дали,
Какъ сладко дышутъ вольные цвѣты!..

Яковъ Годинъ.

ДВА РАЗСКАЗА.

I.

На чужой сторонѣ

(Изъ недавнихъ воспоминаній).

I.

Съ самаго утра, не усиливаясь и не ослабѣвая, шелъ дождь, мелкій и ровный. Вѣтра не было, и сѣрыя, низкія облака повисли тяжело и неподвижно, точно ждали чего-то, и только медленно-медленно измѣнялись ихъ неясныя очертанія. Они были такъ близко отъ земли, что окутывали собой вершины горъ, и когда нашъ маленькій караванъ поднимался на перевалъ, мы попадали въ густой и холодный туманъ, не позволявшій видѣть ни ѣхавшихъ впереди, ни вершинъ деревьевъ, росшихъ по дорогѣ... А когда спускались съ перевала и ѣхали по долинѣ, казалось, что мы ѣдемъ по узкому корридору съ покатыми темными стѣнами и сѣрымъ потолкомъ.

Лѣсъ кругомъ стоялъ неподвижно, роняя капли воды на мокрую траву. Ровный дождь шумѣлъ слабо и монотонно,— и въ его шумѣ и постоянствѣ, и неподвижныхъ тяжелыхъ тучахъ, и мокромъ лѣсѣ, и темныхъ горахъ было что-то холодное, равнодушное, безнадежное...

Ядромъ нашего каравана были раненые. Ихъ было одиннадцать: четверо, раненые легко, ѣхали на усталыхъ, забрызганныхъ грязью лошадяхъ, а остальныхъ, тяжелыхъ, несли на носилкахъ мокрые, согнувшіеся, хлюпающіе по грязи сапогами казаки. За ранеными ѣхалъ я съ двумя санитарами, а впереди и сзади—отряды казачьей сотни, составлявшей „прикрытіе“ каравана. Наканунѣ была маленькая стычка съ японцами, и генералъ, отступивъ, направился съ отрядомъ посмотрѣть, занята ли непріятелемъ другая дорога, а ране-

ныхъ отправилъ прямымъ путемъ въ опорный пунктъ своихъ развѣдокъ—городокъ С.

Двигались впередъ медленно и молча, и слышенъ былъ лишь слабый шумъ дождя и чмоканье по грязи лошадиныхъ копытъ. Всѣ мы промокли насквозь, и раненые, и здоровые; только два офицера, сопровождавшіе сотню, были въ резиновыхъ плащахъ и не промокли. Время отъ времени у меня по спинѣ пробѣгала струйка воды,—я съеживался и начиналъ дрожать.

Хуже всего было раненымъ,—съ ихъ носилокъ текла вода, и они лежали, не двигаясь, въ мокрой одеждѣ. Они посинѣли, дрожали и молча смотрѣли вверхъ, на нависшія надъ ними облака. И, тоже молча, несли ихъ такъ же промокшіе насквозь товарищи, отъ которыхъ шелъ паръ. А дождь все шелъ, ровный, не усиливавшійся, не ослабѣвавшій...

Среди раненыхъ былъ одинъ, причинявшій мнѣ назойливое, непріятное безпокойство. Онъ былъ раненъ тяжело, въ животъ, потерялъ много крови, и я зналъ, навѣрняка зналъ, что онъ умретъ сегодня или завтра. Какъ и всѣ другіе, онъ лежалъ неподвижно на качающихся носилкахъ и смотрѣлъ въ небо. Лицо у него было мокрое, и по нему сбѣгали струйки воды. Когда я его спрашивалъ о чемъ-нибудь, онъ ничего не отвѣчалъ, и я не могъ рѣшить, слышитъ онъ меня или нѣтъ. Пульсъ у него былъ слабый и прерывистый, и по моимъ соображеніямъ раненый или былъ въ безпамятствѣ, или испытывалъ невыразимыя мученія. И я зналъ, что онъ неизбѣжно умретъ сегодня или завтра, но день проходилъ, а онъ все смотрѣлъ вверхъ, на сѣрыя облака, и на рукѣ у него билась чуть замѣтно артерія. Иногда мнѣ казалось, что я уже не слышу этого біенія, и я съ облегченіемъ думалъ: „Наконецъ!“.. Тогда я просилъ носильщиковъ остановиться, разворачивалъ мокрую одежду на груди раненаго, прикладывалъ къ ней ухо и убѣждался, что не слышу пульса лишь потому, что мои пальцы озябли и не чувствуютъ слабыхъ толчковъ: въ груди, мокрой и холодной, были слышны рѣдкіе и глухіе, безнадежные удары... Одинъ разъ эти удары, дѣйствительно, ослабѣли такъ, что смерть была уже рядомъ, но я, желавшій и ждавшій этой смерти, все-же попытался отогнать ее, досталъ шприцъ и лѣкарство, сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе, — и удары усилились, и смерть на нѣсколько минутъ или часовъ была отсрочена. И опять пошли дальше, и опять въ моей душѣ было назойливое безпокойство и ожиданіе, скоро ли онъ умретъ. И мнѣ казалось, что для моего счастья нужно очень немногое: чтобы пересталъ дождь, чтобы я просохъ, и чтобы умеръ безнадежно-больной...

Офицеры оба ѣхали сзади, но къ вечеру одинъ изъ нихъ, старикъ, подъѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ въ плащѣ съ капюшономъ, дождь не мочилъ его, и ему было тепло и хорошо. Онъ курилъ трубку и былъ въ очень хорошемъ настроеніи — оттого, что весь отрядъ поѣхалъ опять на развѣдку, а вотъ онъ ѣдетъ на стоянку и еще не скоро услышитъ свистъ пуль. Онъ ѣхалъ рядомъ со мной и разсказывалъ мнѣ длинную, тягучую сплетню изъ жизни ихъ гарнизона: до войны онъ жилъ въ какомъ-то китайскомъ городкѣ, оккупированномъ русскими. Онъ разсказывалъ, какъ всѣ у нихъ въ гарнизонѣ стосковались по женщинамъ, и въ какомъ щекотливомъ положеніи оказался поэтому единственный женатый офицеръ, жившій вмѣстѣ съ женой.

— И вотъ,—говорилъ старикъ какимъ-то однозвучнымъ и скучнымъ голосомъ,—получается такая, пожалуйте, картина. Постоянно у него толчея, офицерство, пѣніе; за женой, пожалуйте, цѣлый хвостъ. Такъ сказать—хвостъ прохвостовъ. И онъ, горюнъ, все въ сторонѣ, все на побѣгушкахъ. Ну-съ, пожалуйте, наконецъ...

Я слушаю и не слушаю: одноцвѣтный разсказъ, назойливо повторяющій одно и то же слово „пожалуйте", сливается съ шумомъ дождя, съ чмоканьемъ копытъ по грязи, съ непріятнымъ ожиданіемъ, скоро ли умретъ раненый...

— Одинъ изъ этихъ, такъ сказать, соперниковъ получилъ, пожалуйте, преферансъ. Бравый такой, усачъ, понимаете,— картина. Ну, бабенка, пожалуйте, и того... Ходитъ усачъ, чаи распиваетъ и на глазахъ мужа, пожалуйте, куры строитъ. Мужъ глядитъ и, ровно бы, ничего не замѣчаетъ. Только разъ, пожалуйте, зоветъ онъ къ себѣ вечеркомъ усача. „Такъ и такъ, говоритъ, сегодня на ночь я уѣзжаю, такъ займите, дескать, женушку, чтобъ не скучала"... Тотъ, пожалуйте, и глаза выпучилъ: вотъ на дурака, молъ, напалъ!..

Остановились: носильщики устали, и нужно было замѣнить ихъ новыми. Молча, безъ разговоровъ, одни передали носилки другимъ, и только кто-то одинъ сказалъ сердитымъ голосомъ:

— Какая мокреть... Замѣсто табаку—жванина.

— Будетъ жванина,—равнодушно отвѣтилъ другой.

Я подъѣхалъ къ безнадежному и слѣзъ съ лошади. Онъ все такъ же лежалъ на спинѣ, лицомъ вверхъ, и по прежнему безнадежно и прерывисто бился его пульсъ. Струйки воды сбѣгали съ лица, и онъ одинъ изъ всѣхъ не дрожалъ, и это мнѣ казалось непріятнѣй всего. Лицо было мнѣ, какъ будто, знакомо, но какъ ни напрягалъ я память, не могъ вспомнить, гдѣ видѣлъ его раньше.

Носильщики перемѣнились, и носилки съ ранеными опять

медленно потянулись, качаясь, впередъ. Я пропустилъ ихъ мимо себя и опять поѣхалъ рядомъ съ старикомъ-офицеромъ.

— Ну-съ, пожалуйте, выпили чайку, отвелъ мужъ гостя съ женой въ будуарчикъ этакій розовый—и, пожалуйте, до свиданія, не скучайте! Уѣхалъ. А самъ, понимаете, будуарчикъ на ключъ... И надобно вамъ при этомъ сказать, что когда пили чай, онъ, пожалуйте, гостю-то кой-чего подсыпалъ. Ужъ понимаете, чего... Ну-съ, пожалуйте, что въ будуарчикѣ засимъ произошло, о томъ исторія умалчиваетъ, а только съ тѣхъ поръ бабенка усача, пожалуйте, видѣть не можетъ, и надобно заново мебель обивать... Ловко?..

Старикъ засмѣялся и чуть не выронилъ трубку.

— Ловко?.. Но, пожалуйте, этимъ дѣло не окончилось...

Онъ разсказывалъ дальше, и мнѣ казалось, что мы уже ѣдемъ цѣлую вѣчность и никогда не встрѣтимъ по дорогѣ деревни, гдѣ можно было бы остановиться. Шелъ ровный дождь, я дрожалъ отъ холода и тоски, а впереди несли безнадежно-больного.

II.

Мы помѣстились въ вонючей и дымной фанзѣ. Раненыхъ положили на теплыхъ, подогрѣваемыхъ снизу канахъ прямо въ ихъ мокрой одеждѣ, — сухой у насъ не было, такъ какъ промокло даже бѣлье, что было въ вьюкахъ. Теперь его сушили на дворѣ, подъ навѣсомъ, возлѣ большого костра, сложеннаго изъ разобраннаго забора. Раненые дрожали теперь еще сильнѣе, чѣмъ подъ дождемъ на дорогѣ, и одинъ изъ нихъ плакалъ, громко всхлипывая и шмыгая носомъ.

Безнадежнаго положили въ сторонкѣ, отдѣльно отъ прочихъ. Онъ—не дрожалъ и по прежнему смотрѣлъ вверхъ неподвижными прищуренными глазами, и только время отъ времени по всему его тѣлу пробѣгала короткая, похожая на судорогу, дрожь. Онъ не стоналъ, какъ всѣ, когда его перекладывали съ носилокъ на каны, и на мой вопросъ, удобно ли ему лежать, ничего не отвѣтилъ, точно совершенно не слышалъ его. Когда мы мѣняли ему промокшую повязку и поднимали его вялое и тяжелое, казавшееся совершенно безжизненнымъ, тѣло, онъ тоже не издалъ ни одного звука, и равнодушное, спокойное выраженіе его лица не измѣнилось. Онъ былъ такой тяжелый, чужой, безнадежный,—и опять во мнѣ шевельнулась безпокойная и назойливая мысль: „Ахъ, хоть бы поскорѣе"... И опять его лицо мнѣ казалось знакомымъ, и, перевязывая другихъ, я все старался вспомнить, гдѣ я его видѣлъ раньше,—и не могъ.

За тонкой перегородкой, въ другомъ отдѣленіи фанзы, помѣстились офицеры и въ ожиданіи ужина и чая пили китайскую водку. Офицеръ, ѣхавшій въ хвостѣ каравана, теперь уже замѣтно опьянѣвшій, говорилъ грубымъ и спокойнымъ басомъ:

— Я есаулъ, а вы кто? Сотникъ и мой подчиненный. Нынче цѣнятся не сѣдыя бороды, а заслуги, умъ. Да-съ, умъ...

— А вы мальчишка!—сердито отвѣчалъ старикъ.—Я, пожалуйте, тридцать лѣтъ государю служу честно и благородно, и не посмотрю, что вы есаулъ. Вы передо мной выскочка и, пожалуйте, мальчишка, больше ничего.

— Кому мальчишка, а для васъ начальникъ. Я есаулъ и имѣю орденъ, представленъ къ другому, а у васъ мѣдная, изъ самоварной мѣди, медалишка...

Раненый, который только что плакалъ и котораго я теперь перевязывалъ, опять всхлипнулъ и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Бранятся все начальники-то, бранятся... Господи, Господи...

И, казалось, всѣхъ другихъ раненыхъ, молча лежащихъ на канахъ, тоже безпокоила эта ссора за перегородкой: всякій, кто могъ, повернулъ голову по направленію звуковъ и прислушивался.

— Вы сдохнете, до подъ-есаула не дослужитесь, а я есаулъ въ тридцать пять лѣтъ и могу махнуть въ генералы.

Старикъ зло засмѣялся.

— Не угодно ли, пожалуйте, выкусить... Знаемъ мы, какъ вы чины и ордена получаете, ой, знаемъ... Но, что касается генерала, пожалуйте, выкусите.

— Кто первые герои въ отрядѣ?—продолжалъ грубый и спокойный басъ.—Казаки моей сотни. Кому больше всего крестовъ? Моей сотнѣ.

Онъ вошелъ въ наше отдѣленіе и, пошатнувшись, подошелъ ко мнѣ. Отъ него пахло вонючей китайской водкой, и лицо у него было широкое и красное съ маленькими рыжими, растрепанными, какъ у кота, усами.

— Ну, какъ, докторъ, мои герои?

— Ничего, хорошо.

— Всѣхъ представлю къ Георгію!—повернулся онъ къ раненымъ.

Никто ничего не отвѣтилъ.

— А покуда отъ меня лично по трешницѣ каждому. За геройство... Умѣю цѣнить, докторъ... Получай!

Онъ досталъ бумажникъ, вытащилъ оттуда короткими и красными пальцами пачку зеленыхъ бумажекъ и сталъ бро-

сать ихъ на раненыхъ. Тѣ закопошились, чтобы поднять и спрятать. Офицеръ подошелъ къ безнадежному и тоже бросилъ бумажку.

— Впрочемъ, ты, кажется, не моей сотни? Ну, все равно, получай... Твой командиръ—собака, скупой. Чорта отъ него получишь.

Бумажка скользнула по шинели и упала на полъ. Санитаръ поднялъ ее и положилъ на раненаго, и она зеленымъ пятномъ прилипла къ мокрой сѣрой шинели.

Никто не поблагодарилъ офицера, всѣ молчали. Я, тоже молча, возился съ перевязкой. Это, какъ будто, немного смутило его; онъ опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ кончите, пожалуйте съ нами закусить... Понимаете-ли, озябъ и на голодный желудокъ. И, кажется, выпилъ-то пустяки, а развезло и шатаетъ. Ха-ха...

III.

На перекладинѣ, посреди фанзы, я повѣсилъ фонарь, и его ровный свѣтъ, съ трудомъ пробираясь сквозь сѣрый, дымный воздухъ, освѣщалъ кучу какого-то хлама въ углу фанзы, пестрыя картины на ея стѣнахъ, каны съ лежащими на нихъ сѣрыми фигурами. Раненые, теперь уже въ сухомъ бѣльѣ, подъ сухими шинелями, повидимому, спали; только двое, раненые легко, сидѣли у бумажнаго окна противъ канъ, курили, выпуская дымъ въ прорванную бумагу, и говорили вполголоса о томъ, отпустятъ-ли ихъ изъ лазарета домой или опять потребуютъ „на позиціи“, и по мнѣнію обоихъ выходило, что имъ теперь предстоитъ полная отставка. Безнадежный лежалъ все такъ же, какъ и раньше,—не двигаясь, не закрывая прищуренныхъ, смотрящихъ вверхъ глазъ. Но пульсъ его мнѣ казался слабѣе, новое вспрыскиваніе не оказало замѣтнаго эффекта, и я надѣялся, что онъ умретъ очень скоро, этой ночью.

Я сидѣлъ на канахъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ, какъ медленно, чуть замѣтно, поднимается и опускается его грудь. Это была еще жизнь, но уже замирающая, почти мертвая... Его самого ужъ тутъ не было, было только искалѣченное тѣло, по которому изнемогающее сердце гнало остатки крови. Сердце уставало все болѣе и болѣе, на него не дѣйствовали уже мои вспрыскиванія, какъ не дѣйствуютъ на изнемогшую лошадь удары кнута, и этотъ почти механическій процессъ сокращенія и ослабленія его мышцъ всетаки зачѣмъ-то еще продолжался и давалъ непріятную иллюзію жизни... Я взглянулъ на неподвижное сѣрое лицо, и мнѣ стало непріятно.

что онъ смотритъ, и что это лицо мнѣ, какъ будто, знакомо. Я протянулъ руку, чтобы закрыть ему вѣки, и вдругъ вспомнилъ, что на-дняхъ писалъ ему письмо на родину, и что у него курьезная фамилія, которой онъ стыдился: Гусыня. Когда мы съ нимъ кончили письмо, и нужно было подписать фамилію, онъ сказалъ ее съ маленькимъ предисловіемъ:

— Фамилія у меня не превосходная, даже и отъ народу неловко. Дразнятъ которые...

И потомъ, сконфузившись и понизивъ тонъ, прибавилъ:

— Илья Гусыня.

Подошелъ раненый, курившій у окна.

— Никакъ помиратъ?

— Да, должно быть, скоро умретъ.

— Чистая отставка, — сказалъ раненый и засмѣялся.— Чище некуда. А грешница-то валяется...

Онъ поднялъ съ полу зеленую бумажку, разгладилъ ее лѣвой рукой на канахъ (правая рука у него была на привязи), аккуратно сложилъ и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Ты ее роднымъ пошли: все на поминъ души будетъ... Ну, должно, до вѣтру сбѣгать, да и спать. Хорошо въ сухомъ-то...

Онъ опять засмѣялся и отошелъ. Я пощупалъ пульсъ Ильѣ Гусынѣ. Да, да, конечно, гораздо слабѣе, чѣмъ прежде. Скоро, очень скоро...

...Всѣ кругомъ спали. Изъ-за перегородки доносился звучный храпъ пьянаго офицера. Кто-то изъ больныхъ бредилъ чуть слышно и неразборчиво. На дворѣ громко говорили дежурные казаки... Меня клонило ко сну, но уснуть мѣшало назойливое, непріятное безпокойство, что *онъ* еще живъ, и я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на канахъ.

Я не помню, какъ я уснулъ. Мнѣ снилось что-то тяжелое, неясное, какъ тѣ тучи, подъ которыми мы ѣхали днемъ. Какіе-то неясные образы, чуть намѣчавшіеся, исчезавшіе, измѣнчивые... Потомъ они приняли болѣе опредѣленныя формы, и я видѣлъ, что лежу возлѣ костра гдѣ-то въ полѣ. Кто-то говоритъ рядомъ, кто-то уже спитъ и храпитъ, а я не могу уснуть: спину грѣетъ костеръ, но лицомъ я лежу въ холодномъ снѣгу. И это неудобно и страшно, потому что я не могу отодвинуть головы отъ снѣга. Кто-то храпитъ рядомъ, идетъ снѣгъ, и я чувствую, что половина моего лица уже покрыта цѣлымъ его слоемъ, холоднымъ и тяжелымъ...

Я просыпаюсь—и опять, уже на яву, чувствую что-то влажное и холодное, прислонившееся къ моей озябшей щекѣ. Илья Гусыня умеръ и, должно быть, въ послѣдней короткой агоніи перевернулся на бокъ... И былъ онъ холодный, какъ

снѣгъ. Я вздрогнулъ отъ отвращенія и невольно сказалъ вслухъ: „Фу, мерзость!..“

Потомъ разбудилъ санитаровъ, и мы осторожно, чтобы никого не разбудить, сняли трупъ съ канъ, вынесли на дворъ и положили подъ навѣсомъ. Я теръ рукавомъ озябшую щеку и никакъ не могъ согрѣть. Потомъ нашелъ колодецъ, досталъ оттуда воды и хотѣлъ было ее вымыть, но отъ воды исходилъ тотъ же затхлый и влажный запахъ, что и отъ трупа.. Я ушелъ въ фанзу, взялъ чайникъ и поставилъ его на костеръ, чтобы прокипятить воду. А щека все была холодная, и при каждомъ воспоминаніи о ней я вздрагивалъ отъ холода и отвращенія... И къ трупу, лежавшему теперь на гаолянѣ подъ навѣсомъ, у меня было враждебное чувство, точно къ чему-то живому.

IV.

Утромъ мертваго завернули въ рогожу, положили поперекъ сѣдла, такъ что голова и руки свѣсились съ одного бока лошади, а ноги съ другого, и связали надъ нимъ веревкой стремена. Когда поѣхали, одна рука выбилась изъ-подъ рогожи и волочилась по грязи, и лошадь пугливо, настороживъ уши, поглядывала на нее. Нѣсколько разъ мертвый соскальзывалъ съ сѣдла и, какъ мѣшокъ, падалъ въ грязь, и его поднимали и привязывали снова. Сначала казакъ велъ лошадь съ нимъ впереди каравана, передъ ранеными, но мнѣ это показалось неудобнымъ, и я велѣлъ ему ѣхать въ хвостѣ.

Дождь нѣсколько разъ принимался идти, но скоро переставалъ, и мы не промокли. Облака сегодня были выше и бѣлѣе. Но раненые, вчера такіе тихіе, терпѣливые, сегодня стонали и постоянно жаловались, что имъ неудобно и больно, и что носильщики скверно ихъ несутъ. Рядомъ со мной ѣхалъ старикъ-офицеръ и опять разсказывалъ что-то тягучее, безконечное, казавшееся сплошь состоящимъ изъ словъ: пожалуйте, пожалуйте... На щекѣ все еще чувствовался непріятный холодъ, и я поминутно то гладилъ ее, то почесывалъ, то просто трогалъ. И все время помнилъ, что сзади везутъ трупъ, отвратительный, грязный и холодный, какъ ледъ...

Къ вечеру пріѣхали въ С... Покойника, грязнаго, съ распухшимъ багровымъ лицомъ, положили въ пустой фанзѣ, и онъ лежалъ тамъ одинъ, въ темнотѣ. Съ ранеными возились студенты и санитары, а я сидѣлъ въ чистой фанзѣ „у себя дома“, пилъ чай и слушалъ, какъ бородатый и рябой казакъ диктовалъ жившему съ нами корреспонденту письмо. Обык-

новенно днемъ у насъ былъ пріемъ больныхъ, а по вечерамъ писались письма „на родину".

„Дражайшая супруга наша, Анна Степановна съ дѣтками,—диктовалъ казакъ.—И вотъ пожелалъ я васъ увѣдомить и написать вамъ письмо. Во-первыхъ строкахъ нижайше я вамъ кланяюсь, и съ дѣтками. И еще кланяюсь".. Шли безконечные поклоны и имена, занявшія цѣлыхъ три страницы, такъ что это надоѣло обоимъ сочинителямъ, и они оборвали, наконецъ, вереницу поклоновъ: „И всѣмъ вообще низко кланяюсь".

Казакъ задумался и не могъ найти, что написать еще. Тамъ, куда онъ писалъ, были всѣ его мысли и заботы, и всетаки ему нечего было туда написать.

— Много еще пустого мѣста?—спросилъ онъ.

— Да есть,—отвѣтилъ корреспондентъ.—Вишь, сколько.

„А адресъ мой пишите такъ",—началъ диктовать казакъ послѣ долгаго мучительнаго обдумыванія. Написали адресъ, и все еще оставалось свободное мѣсто.

„А скоро-ли будетъ замиреніе, это намъ ничего не извѣстно. И зачѣмъ японецъ бунтуется, тоже не знаемъ. И очень онъ упрямый и насъ тѣснитъ и все норовитъ сдѣлать намъ какую-ни-есть пакость. И народу нашего, русскаго, перепортилъ онъ много, даже которыхъ и до смерти убилъ!.."

— А знаете, вѣдь всетаки получается извѣстное настроеніе,—сказалъ мнѣ корреспондентъ, не переставая писать. Раньше, до войны, онъ сочинялъ разсказы и, вѣроятно, поэтому всегда и вездѣ искалъ настроенія.

Пришелъ казакъ, дежурившій около фанзы, гдѣ положили мертваго, и попросилъ свѣчку.

— Ужъ очень шебаршитъ что-то въ фанзѣ,—сказалъ онъ.—Не крысы ли? Объѣдятъ, пожалуй,—такъ свѣчечку бы зажечь. На свѣтъ не полѣзутъ.

Мы дали ему свѣчку, и онъ ушелъ.

— Ну, теперь мѣсто на исходѣ, пора кончать,—сказалъ корреспондентъ диктовавшему письмо казаку.

Тотъ вздохнулъ и неожиданно печально и тихо проговорилъ:

„А впрочемъ, остаюсь живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю отъ Бога получить. Доброжелатель вашъ Никита Корягинъ".

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] мужественная музыка.

Генералъ громко разговаривалъ съ офицерами и его скрипучаго голоса не могъ заглушить оркестръ. И онъ, и офицеры были довольны результатами экспедиціи и сейчасъ перебирали ея эпизоды.

— Знаете, что напоминаетъ эта музыка?—спросилъ Шагав-

шій рядомъ со мной корреспондентъ.—Есть у Метерлинка картина: на сценѣ разыгрывается что-то нѣжное и безконечно-печальное, а за сценой уходитъ корабль въ далекій и неизвѣстный океанъ, и матросы поютъ: „Мы не вернемся... мы не вернемся никогда“...

Но и это вспомогательное средство вызвать подходящее случаю настроеніе, повидимому, не помогло корреспонденту: онъ смотрѣлъ то на синее небо, то на прилипавшую къ ногамъ грязь, то на казаковъ. Настроеніе не приходило.

Подошли къ холмику и опустили гробъ на зеленую траву возлѣ черной большой ямы. Оркестръ сыгралъ „Коль славенъ“—и не знали, что дѣлать дальше.

— Полковникъ Кобылинъ,—сказалъ генералъ.—Изъ вашего полка казакъ, вамъ бы надо произнести что-нибудь этакое...

Полковникъ Кобылинъ, высокій человѣкъ со скобелевскими бакенбардами, подошелъ къ гробу. Я зналъ, что онъ глупъ, и со страхомъ ждалъ, что онъ скажетъ.

— Ребята!—сказалъ полковникъ, немного подумавъ и погладивъ бакенбарды.—Ну, мы сейчасъ что дѣлаемъ? Хоронимъ казака нашего полка, второй сотни, Ивана..

— Илью,—робко поправилъ его кто-то изъ толпы.

— Илью... какъ его?... раба Божія Илью. Онъ палъ, какъ герой, потому что былъ раненъ въ животъ. Раны въ животъ или въ голову хуже всего,—куда угодно, только не въ голову и не въ животъ... Палъ онъ за царя православнаго и Русь святую. Умеръ честно, на посту, и будетъ ему великая слава. Онъ умеръ, ребята, геройской смертью...—Полковникъ замялся, не зная, что сказать дальше и какъ кончить.—Желаю и всѣмъ вамъ такой-же смерти...

— Покорнѣйше благодарю!—фыркнулъ сзади меня корреспондентъ.—Все настроеніе, дубина, испортилъ...

Полковникъ опять погладилъ бакенбарды и отошелъ.

— Опускайте!—скомандовалъ генералъ.

Огромный красный гробъ опустили въ яму. Генералъ осторожно, тремя пальцами, взялъ кусочекъ мокрой земли и швырнулъ въ могилу. Сыграли еще разъ „Коль славенъ.“

Мы съ корреспондентомъ шли домой, и я думалъ о томъ, что когда русскіе очистятъ это мѣстечко и вернутся въ него разбѣжавшіеся жители, они разроютъ могилу и возьмутъ себѣ свой гробъ. Я уже видѣлъ одну такую разрытую могилу...

Сзади раздались звуки веселаго, похожаго на польку, марша,—то казаки съ музыкой же возвращались съ похоронъ. Маршъ былъ трескучій, задорный и пошлый.

Григорій Бѣлорѣцкій.

II.

Трудная ночь.

I.

Инна Ивановна, пожилая сестра милосердія офицерской палаты, тихо ступая войлочными туфлями, еще разъ обошла всѣхъ больныхъ и, оглядывая каждаго мягкимъ взоромъ усталыхъ, обведенныхъ синеватыми кругами глазъ, желала всѣмъ доброй ночи и говорила, что уже поздно, что уже первый часъ ночи. Но Свѣтловъ, какъ и другіе, не тушилъ свѣчи, онъ зналъ, что никто не сможетъ сегодня уснуть, что сможетъ спать только мертвый. И знала про это Инна Ивановна, но желала доброй ночи потому, что сердце билось у нея горячей любовью къ людямъ, и что она привыкла такъ дѣлать каждую ночь.

У выхода, приподнявъ синюю занавѣску, замѣнявшую дверь и падавшую тупыми, холодными складками на блестящія желтыя цыновки, покрывавшія полъ, Инна Ивановна прислушалась и сказала съ болью, вдругъ проступившей на всемъ ея задумчивомъ, блѣдно-розовомъ, какъ весеннія тихія зори, лицѣ:

— Палятъ и палятъ... Что-то будетъ?

— Ерунда будетъ, сестрица! Кромѣ ерунды, что можетъ быть у насъ?—выговорилъ сумрачный артиллерійскій полковникъ, сидѣвшій на крайней койкѣ, у окна.—Слава Богу, насмотрѣлся я за годъ войны.

Инна Ивановна оглянула сутулую высокую фигуру полковника, руку на черной перевязи, худое, обросшее сѣрымъ, колючимъ волосомъ лицо, нервно блестящіе глаза и большую, розовую лысину, и вздохнула.

— Я не про то, полковникъ, говорю, я про людей... Опять будутъ убитые и раненые! А у насъ уже всѣ мѣста заняты.

— Не забудьте, что на дворѣ двадцать три градуса мороза и темная ночь...—добавилъ Свѣтловъ.—Двадцать три градуса и ночь!

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!—какъ спичка, вспыхнулъ полковникъ и заерзалъ на койкѣ.—Хочется быть патріотами, вотъ и получайте! Что-жъ думали тѣ, кто затѣялъ войну: конфектами будутъ насъ кормить, что ли?

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...—машинально повторила Инна Ивановна.—Спокойной ночи!

Синія тупыя складки упали за ней, сплыли на цыновки. Сестрѣ никто не отвѣтилъ.

Озлобленный полковникъ повернулся спиной и облокотился на подоконникъ. Въ ту же сторону повернулъ голову и Свѣтловъ. Госпиталь выходилъ окнами на одно изъ развѣтвленій большой мандаринской дороги, близъ Мукдена. Холодная темь безлунной зимней ночи стояла недвижной стѣной за стеклами. Въ палатѣ, на столикахъ горѣли свѣчи, и во мракѣ за стеклами тоже горѣли кровавыя свѣчи. То и дѣло мигали короткія зарницы и словно кто съ размаху надавливалъ тяжелой подушкой на стекла, а тѣ чуть дребезжали. И послѣ каждой вспышки, послѣ каждаго удара за окнами становилось еще чернѣй и непрогляднѣй, и слухъ старался уловить зловѣщее буханье. Вѣтеръ такъ и шуршалъ вдоль стѣнъ, такъ и гулялъ тяжелыми стонами гдѣ-то надъ потолкомъ, по желѣзному навѣсу крыши.

Верстъ за пятнадцать отсюда, въ темнотѣ и на стужѣ, шелъ упорный многодневный бой. Но онъ происходилъ за теплыми стѣнами госпиталя, онъ былъ покрытъ пеленой дали и неизвѣстности. А то, что дѣлалось здѣсь, за тонкими перегородками изъ китайскаго дриля, отдѣлявшими офицерскую палату отъ солдатской на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, то было близко и невыразимо. По корридору, вдоль палаты, все время раздавался спѣшный, гулкій топотъ многихъ ногъ. Визжалъ блокъ, и хлопала обитая войлокомъ дверь. Слышно было, какъ приносятъ и уносятъ кого-то, какъ подгибаются носилки подъ чьими-то тяжелыми тѣлами, какъ вздыхаютъ, шепчутъ молитвы и перекликаются недовольными, сдавленными голосами. Подъ высокими, полутемными сводами палаты, въ хаосѣ скользящихъ и борющихся тѣней, стоялъ неумолчный зовъ, стоялъ острый и длинный, точно жало змѣи, крикъ, тянулся, какъ лента, и рвался стонъ и хрипъ. Словно былъ тамъ, за тонкой матеріей, застѣнокъ пытки, гдѣ кого-то терзали желѣзными когтями, выматывая душу. И всѣ эти звуки и всѣ голоса сливались, какъ ручьи, въ одинъ странный и жуткій хоралъ страданія, лившійся могучимъ потокомъ черезъ весь госпиталь.

Свѣтловъ сначала старался какъ-нибудь такъ повернуть голову, чтобы ничего не слышать, незамѣтно для другихъ прикрывалъ ладонями уши, уходилъ головой въ подушку, но ничто не помогало. Плачъ жизни, неотступный и неумолчный, рвался и плылъ въ воздухѣ, колыхался вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчи, звучалъ въ ушахъ, дрожалъ въ груди, въ сердцѣ. И тихо дребезжали стекла, все ухала и ухала канонада, и короткія сіянія вспыхивали за окнами, скользили по стѣнѣ мрака.

Полковникъ оторвался, наконецъ, отъ окна и съ возбужденнымъ видомъ запахнулъ халатъ, словно озябши.

— Я говорилъ, говорилъ, что ничего кромѣ ерунды и выйти не можетъ! Слышите: вѣдь это японцы палятъ... Не палятъ, а огнемъ заливаютъ и втихомолку пакость какую-нибудь готовятъ, чортъ возьми! Вьюношъ... — почти крикнулъ онъ лежавшему противъ него красивому безусому подпоручику.—Вы что же замолкли, а?!

— Слушаю... только слушаю...—вымолвилъ высокимъ чистымъ теноромъ молодой курчавый офицеръ, голова котораго была такъ похожа на голову мраморнаго Вакха.

— Не слушайте, а то съ ума сойдете! Разсказали бы что-нибудь?!. Голубчикъ...

— Не хочется что-то, полковникъ.

— Весь день трещали про свои подвиги, а теперь, когда нужно, нужно говорить, теперь смолкли! Ну, разскажите, какъ вы геройски подскакали къ цѣпи, какъ отдали приказаніе и какъ васъ будто щелкнулъ кто въ большой палецъ правой ноги, и вы геройски слетѣли на землю... Ну же...

— Положимъ, летѣлъ-то я совсѣмъ ужъ не геройски...— сказалъ высокій теноръ.

— Догадываюсь! Но нужно говорить, болтать, чтобы отвлечься отъ этого... ужаса...

— Нѣтъ. Отвле-кать-ся не слѣдуетъ!—раздѣльно и глухо, точно онъ не говорилъ, а вбивалъ гвоздь за гвоздемъ, произнесъ четвертый больной, закрывшійся одѣяломъ до самыхъ губъ.—Не ну-жно. Да.

Это былъ военный врачъ, оправлявшійся отъ тифа, мрачный, какъ туча, брюнетъ съ глазами, горѣвшими по-волчьи.

— А я то же думаю, что не нужно...—поддержалъ доктора его сосѣдъ, рыжій веснушчатый финнъ.

— Почему-съ, господинъ корнетъ? — насторожился полковникъ.

— По-то-му,—словно вбивалъ гвозди докторъ, — что если бы лю-ди меньше расхо-до-ва-ли словъ и мень-ше от-вле-ка-лись бы отъ су-ти и у-жа-са жизни, то, мо-жетъ быть, въ ва-ши благородные уши не лѣзли уже эти зву-ки. Да. Эти проклятые зву-ки...

Свѣтловъ и полковникъ хотѣли, было, возразить, но такой страшный и звонкій, словно изъ металла, крикъ влетѣлъ въ палату, что всѣ замолкли и тревожно подняли головы.

II.

Снова всколыхнулись холодныя складки синей занавѣси, и вошелъ красный, потный и усталый госпитальный врачъ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ.

— Не спите, господа? Впрочемъ, это рѣшительно немыслимо.

Онъ развелъ руками, будто гребетъ веслами, и, усмотрѣвъ свободный стулъ, свалился на него всей своей большой, дородной фигурой.

— Прескверная исторія...—началъ онъ послѣ передышки.— По счету поступилъ триста первый, на пятьдесятъ человѣкъ сверхъ комплекта... Вскорѣ негдѣ будетъ яблоку упасть, а ихъ все несутъ да несутъ. Сестры и санитары съ ногъ сбились.

— Почему не несутъ въ другіе госпиталя? Что?— спросилъ финнъ.

— Потому что тамъ тоже полно. Только что прискакалъ верховой изъ Гу-цзя-цзы, спрашиваетъ, есть ли у насъ свободныя мѣста... У нихъ на двѣсти человѣкъ больше... И все скверные случаи: сильно обмороженные, тяжело раненые артиллерійскимъ огнемъ въ голову. Это ужасно.

— Ужасно...—повторилъ подпоручикъ и даже зажмурилъ глаза.

А Свѣтловъ привсталъ съ койки и сталъ шепотомъ говорить:

— Хорошо намъ здѣсь сидѣть въ теплѣ и сочувствовать. А вѣдь тамъ, тамъ, на стужѣ, даже легко раненые должны закоченѣвать, застывать на поляхъ...

— Да. За-сты-ваютъ... у-ми-ра-ютъ на поляхъ чуждой всѣмъ Ман-чжу-ріи...—глухо пробасилъ больной докторъ. — Жизнь цѣнится въ грошъ.

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, чортъ возьми! Что посѣяли, то и пожали. Война — не шутка, да-съ, не шутка, а бойня, вотъ что!

— Когда мы въ юнкерскомъ проходили исторію, намъ все казалось героическимъ и красивымъ... — недоумѣло выговорилъ высокій, чистый теноръ.

— Красивымъ, красивымъ...—передразнилъ полковникъ.— На самомъ дѣлѣ, просто и некрасиво. Дураки пишутъ исторію, вотъ что!

Онъ схватился съ койки, запахнулъ халатъ и возбужденно забѣгалъ по палатѣ.

Рядомъ съ нимъ бѣжала черная, горбатая тѣнь, скользила по цыновкамъ, ломалась у коекъ, взбираясь на стѣны и головой касаясь потолка. Врачъ минутку слѣдилъ за полковникомъ глазами, потомъ раскрылъ, было, ротъ, чтобы сказать нѣчто, какъ внезапно позвали изъ-за занавѣси:

— Иванъ Данилычъ, Иванъ Данилычъ... Умираетъ Ковалевъ... Очень ужъ мучится...

— Ну, что я, голубушка, могу сдѣлать?! Ну, хорошо, ну,

впрысните ему морфія... Впрочемъ, я самъ... погодите... — и на ходу Иванъ Данилычъ прибавилъ:—Потребую сестеръ изъ резерва, наши съ ногъ сбились...

Опять влетѣлъ страшный и звонкій крикъ и пронзилъ воздухъ, какъ мечъ.

— Менингитикъ!—объяснилъ больной докторъ.—Воспаленіе оболочки мозга... Сегодня утромъ про-ти-вно долбили долотомъ че-репъ... про-тив-но, жут-ко... Да.

— Чортъ...—бросилъ полковникъ, блеснувъ злымъ взоромъ на доктора.—Онъ насъ здѣсь доканаетъ...

— Да перестаньте, наконецъ, вы... всѣ!.. — не выдержалъ Свѣтловъ и началъ напяливать халатъ.—Пойдемъ, поможемъ чѣмъ-нибудь!

— Пойдемъ, пойдемъ...

Полковникъ двинулся за Свѣтловымъ.

Солдатское отдѣленіе было биткомъ набито ранеными и больными. Въ спертомъ, душномъ воздухѣ стояла адская толчея ревущихъ, плачущихъ и стонущихъ звуковъ. Въ невѣрномъ полусвѣтѣ, струившемся прозрачными желтоватыми конусами изъ-подъ балокъ, гдѣ тускло горѣли керосиновыя лампы, копошилось множество тѣлъ: лежали на плотно сомкнутыхъ койкахъ, лежали страшными рядами у стѣнъ и въ проходахъ, валялись на цыновкахъ и шинеляхъ. У входа, направо, маленькая сестра милосердія, по прозванію „Жучекъ“, смуглая, какъ цыганка, остроносая, съ непокорно выбившейся изъ-подъ бѣлой косынки челкой черныхъ волосъ. обмывала большимъ кускомъ ваты, вымоченной въ сулемовомъ растворѣ, окровавленную спину бѣлокураго солдата. И видно было, какъ онъ вцѣпился зубами въ подушку, чтобы сдержать крикъ боли. А рядомъ кто-то хныкалъ подъ окровавленной шинелью и все высовывалъ худыя, грязныя ноги.

— Сестрица, ой! больно... Больно, сестрица-матушка, ойой... больно... ой...

Обыкновенно „Жучекъ“ жегъ офицеровъ угольками глазъ и блестѣлъ мелкими зубками, но теперь она даже не взглянула на проходившихъ, продолжая обмывать окровавленную спину бѣлокураго солдата.

Въ дальнемъ углу бѣлѣлись фигуры тучнаго врача, сестры милосердія и двухъ санитаровъ, обступившихъ чью-то койку. Подальше, тамъ, откуда шелъ клокочущій, будто кипящая въ ключѣ вода, предсмертный хрипъ, стоялъ длиннокудрый, въ темной рясѣ, священникъ со свѣчей въ рукѣ и читалъ отходную. Вокругъ пламени трепеталъ золотистый кругъ, и на лицѣ священника, розовомъ отъ свѣчи, трепетали и качались, какъ маятникъ, тѣни.

———

И всюду виднѣлись то горящія жаромъ, то безъ кровинки лица, искаженныя повязками, болью и мукой, всюду безпокойно ворочались людскія тѣла, сами собой вскидывались кверху руки, блѣдныя, изсохшія губы жадно глотали воздухъ и утомленные взоры свѣтились то мольбой, то огневой пыткой. Санитары то и дѣло сновали съ носилками и тазами въ рукахъ, а въ тазахъ, въ грязной водѣ, плавали куски розовой отъ крови ваты. Переходили отъ одного раненаго къ другому бѣлыя сестры съ пузырьками и бинтами въ рукахъ.

Инна Ивановна держала пузырь со льдомъ на чьей-то косматой, львиной головѣ. Голова недвижно, съ закрытыми глазами, лежала на подушкѣ, и только губы шевелились и внятно кидали въ пространство отрывистыя фразы. И казалось, что не пузырь со льдомъ давитъ голову больного, а огромный сѣрый клещъ впился въ нее.

По ту сторону прохода два санитара еле удерживали за руки бившагося въ безпамятствѣ раненаго солдата, у котораго вся голова и лицо, кромѣ синихъ губъ и выдавшагося, какъ очиненный карандашъ, тонкаго носа, были заключены въ тугой шлемъ изъ бѣлой марли. Раненый рвался изъ рукъ санитаровъ, все норовилъ повыше влѣзть на подушку и по временамъ испускалъ страшный крикъ, стрѣлой мчавшійся по палатѣ.

И замыкалъ эту группу темноликій, съ очень рѣдкой черной бородкой, японецъ.

Въ рукопашномъ бою ему выкололи штыкомъ оба глаза и слѣпымъ взяли въ плѣнъ. И теперь онъ сидѣлъ на койкѣ, какъ-то по собачьи накренивъ свою, словно вылѣпленную изъ темнаго воска, голову и внимательно прислушиваясь къ крикамъ и стонамъ. Онъ сидѣлъ, а губы у него дрожали, и зіяли темнотой огромныя, ужасныя впадины... Неподвижныя, черныя ямы...

III.

Свѣтловъ и полковникъ подошли къ Иннѣ Ивановнѣ.

— Наблюдаете? — тихо спросила сестра. — Лучше бы не смотрѣть... Тяжело очень... Мука одна...

— Наблюдаете, наблюдаете...—сердито повторилъ полковникъ.—Экъ выдумаетъ!

— Пришли хоть чѣмъ-нибудь помочь вамъ...—произнесъ Свѣтловъ.

Инна Ивановна подарила имъ долгій, благодарный взглядъ.

— Спасибо. Пожалуй, Семенъ Павловичъ, подержите пу-

медленно потянулись, качаясь, впередъ. Я пропустилъ ихъ мимо себя и опять поѣхалъ рядомъ съ старикомъ-офицеромъ.

— Ну-съ, пожалуйте, выпили чайку, отвелъ мужъ гостя съ женой въ будуарчикъ этакій розовый—и, пожалуйте, до свиданія, не скучайте! Уѣхалъ. А самъ, понимаете, будуарчикъ на ключъ... И надобно вамъ при этомъ сказать, что когда пили чай, онъ, пожалуйте, гостю-то кой-чего подсыпалъ. Ужъ понимаете, чего... Ну-съ, пожалуйте, что въ будуарчикѣ засимъ произошло, о томъ исторія умалчиваетъ, а только съ тѣхъ поръ бабенка усача, пожалуйте, видѣть не можетъ, и надобно заново мебель обивать... Ловко?..

Старикъ засмѣялся и чуть не выронилъ трубку.

— Ловко?.. Но, пожалуйте, этимъ дѣло не окончилось...

Онъ разсказывалъ дальше, и мнѣ казалось, что мы уже ѣдемъ цѣлую вѣчность и никогда не встрѣтимъ по дорогѣ деревни, гдѣ можно было бы остановиться. Шелъ ровный дождь, я дрожалъ отъ холода и тоски, а впереди несли безнадежно-больного.

II.

Мы помѣстились въ вонючей и дымной фанзѣ. Раненыхъ положили на теплыхъ, подогрѣваемыхъ снизу канахъ прямо въ ихъ мокрой одеждѣ, — сухой у насъ не было, такъ какъ промокло даже бѣлье, что было въ вьюкахъ. Теперь его сушили на дворѣ, подъ навѣсомъ, возлѣ большого костра, сложеннаго изъ разобраннаго забора. Раненые дрожали теперь еще сильнѣе, чѣмъ подъ дождемъ на дорогѣ, и одинъ изъ нихъ плакалъ, громко всхлипывая и шмыгая носомъ.

Безнадежнаго положили въ сторонкѣ, отдѣльно отъ прочихъ. Онъ—не дрожалъ и по прежнему смотрѣлъ вверхъ неподвижными прищуренными глазами, и только время отъ времени по всему его тѣлу пробѣгала короткая, похожая на судорогу, дрожь. Онъ не стоналъ, какъ всѣ, когда его перекладывали съ носилокъ на каны, и на мой вопросъ, удобно ли ему лежать, ничего не отвѣтилъ, точно совершенно не слышалъ его. Когда мы мѣняли ему промокшую повязку и поднимали его вялое и тяжелое, казавшееся совершенно безжизненнымъ, тѣло, онъ тоже не издалъ ни одного звука, и равнодушное, спокойное выраженіе его лица не измѣнилось. Онъ былъ такой тяжелый, чужой, безнадежный,—и опять во мнѣ шевельнулась безпокойная и назойливая мысль: „Ахъ, хоть бы поскорѣе"... И опять его лицо мнѣ казалось знакомымъ, и, перевязывая другихъ, я все старался вспомнить, гдѣ я его видѣлъ раньше,—и не могъ.

За тонкой перегородкой, въ другомъ отдѣленіи фанзы, помѣстились офицеры и въ ожиданіи ужина и чая пили китайскую водку. Офицеръ, ѣхавшій въ хвостѣ каравана, теперь уже замѣтно опьянѣвшій, говорилъ грубымъ и спокойнымъ басомъ:

— Я есаулъ, а вы кто? Сотникъ и мой подчиненный. Нынче цѣнятся не сѣдыя бороды, а заслуги, умъ. Да-съ, умъ...

— А вы мальчишка!—сердито отвѣчалъ старикъ.—Я, пожалуйте, тридцать лѣтъ государю служу честно и благородно, и не посмотрю, что вы есаулъ. Вы передо мной выскочка и, пожалуйте, мальчишка, больше ничего.

— Кому мальчишка, а для васъ начальникъ. Я есаулъ и имѣю орденъ, представленъ къ другому, а у васъ мѣдная, изъ самоварной мѣди, медалишка...

Раненый, который только что плакалъ и котораго я теперь перевязывалъ, опять всхлипнулъ и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Бранятся все начальники-то, бранятся... Господи, Господи...

И, казалось, всѣхъ другихъ раненыхъ, молча лежащихъ на канахъ, тоже безпокоила эта ссора за перегородкой: всякій, кто могъ, повернулъ голову по направленію звуковъ и прислушивался.

— Вы сдохнете, до подъ-есаула не дослужитесь, а я есаулъ въ тридцать пять лѣтъ и могу махнуть въ генералы.

Старикъ зло засмѣялся.

— Не угодно ли, пожалуйте, выкусить... Знаемъ мы, какъ вы чины и ордена получаете, ой, знаемъ... Но, что касается генерала, пожалуйте, выкусите.

— Кто первые герои въ отрядѣ?—продолжалъ грубый и спокойный басъ.—Казаки моей сотни. Кому больше всего крестовъ? Моей сотнѣ.

Онъ вошелъ въ наше отдѣленіе и, пошатнувшись, подошелъ ко мнѣ. Отъ него пахло вонючей китайской водкой, и лицо у него было широкое и красное съ маленькими рыжими, растрепанными, какъ у кота, усами.

— Ну, какъ, докторъ, мои герои?

— Ничего, хорошо.

— Всѣхъ представлю къ Георгію!—повернулся онъ къ раненымъ.

Никто ничего не отвѣтилъ.

— А покуда отъ меня лично по трешницѣ каждому. За геройство... Умѣю цѣнить, докторъ... Получай!

Онъ досталъ бумажникъ, вытащилъ оттуда короткими и красными пальцами пачку зеленыхъ бумажекъ и сталъ бро-

сать ихъ на раненыхъ. Тѣ закопошились, чтобы поднять и спрятать. Офицеръ подошелъ къ безнадежному и тоже бросилъ бумажку.

— Впрочемъ, ты, кажется, не моей сотни? Ну, все равно, получай... Твой командиръ—собака, скупой. Чорта отъ него получишь.

Бумажка скользнула по шинели и упала на полъ. Санитаръ поднялъ ее и положилъ на раненаго, и она зеленымъ пятномъ прилипла къ мокрой сѣрой шинели.

Никто не поблагодарилъ офицера, всѣ молчали. Я, тоже молча, возился съ перевязкой. Это, какъ будто, немного смутило его; онъ опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ кончите, пожалуйте съ нами закусить... Понимаете-ли, озябъ и на голодный желудокъ. И, кажется, выпилъ-то пустяки, а развезло и шатаетъ. Ха-ха...

III.

На перекладинѣ, посреди фанзы, я повѣсилъ фонарь, и его ровный свѣтъ, съ трудомъ пробираясь сквозь сѣрый, дымный воздухъ, освѣщалъ кучу какого-то хлама въ углу фанзы, пестрыя картины на ея стѣнахъ, каны съ лежащими на нихъ сѣрыми фигурами. Раненые, теперь уже въ сухомъ бѣльѣ, подъ сухими шинелями, повидимому, спали; только двое, раненые легко, сидѣли у бумажнаго окна противъ канъ, курили, выпуская дымъ въ прорванную бумагу, и говорили вполголоса о томъ, отпустятъ-ли ихъ изъ лазарета домой или опять потребуютъ „на позиціи", и по мнѣнію обоихъ выходило, что имъ теперь предстоитъ полная отставка. Безнадежный лежалъ все такъ же, какъ и раньше,—не двигаясь, не закрывая прищуренныхъ, смотрящихъ вверхъ глазъ. Но пульсъ его мнѣ казался слабѣе, новое вспрыскиваніе не оказало замѣтнаго эффекта, и я надѣялся, что онъ умретъ очень скоро, этой ночью.

Я сидѣлъ на канахъ рядомъ съ нимъ и смотрѣлъ, какъ медленно, чуть замѣтно, поднимается и опускается его грудь. Это была еще жизнь, но уже замирающая, почти мертвая... Его самого ужъ тутъ не было, было только искалѣченное тѣло, по которому изнемогающее сердце гнало остатки крови. Сердце уставало все болѣе и болѣе, на него не дѣйствовали уже мои вспрыскиванія, какъ не дѣйствуютъ на изнемогшую лошадь удары кнута, и этотъ почти механическій процессъ сокращенія и ослабленія его мышцъ всетаки зачѣмъ-то еще продолжался и давалъ непріятную иллюзію жизни... Я взглянулъ на неподвижное сѣрое лицо, и мнѣ стало непріятно,

что онъ смотритъ, и что это лицо мнѣ, какъ будто, знакомо. Я протянулъ руку, чтобы закрыть ему вѣки, и вдругъ вспомнилъ, что на-дняхъ писалъ ему письмо на родину, и что у него курьезная фамилія, которой онъ стыдился: Гусыня. Когда мы съ нимъ кончили письмо, и нужно было подписать фамилію, онъ сказалъ ее съ маленькимъ предисловіемъ:

— Фамилія у меня не превосходная, даже и отъ народу неловко. Дразнятъ которые...

И потомъ, сконфузившись и понизивъ тонъ, прибавилъ:

— Илья Гусыня.

Подошелъ раненый, курившій у окна.

— Никакъ помиратъ?

— Да, должно быть, скоро умретъ.

— Чистая отставка, — сказалъ раненый и засмѣялся.— Чище некуда. А грешница-то валяется...

Онъ поднялъ съ полу зеленую бумажку, разгладилъ ее лѣвой рукой на канахъ (правая рука у него была на привязи), аккуратно сложилъ и, подавая мнѣ, сказалъ:

— Ты ее роднымъ пошли: все на поминъ души будетъ... Ну, должно, до вѣтру сбѣгать, да и спать. Хорошо въ сухомъ-то...

Онъ опять засмѣялся и отошелъ. Я пощупалъ пульсъ Ильѣ Гусынѣ. Да, да, конечно, гораздо слабѣе, чѣмъ прежде. Скоро, очень скоро...

...Всѣ кругомъ спали. Изъ-за перегородки доносился звучный храпъ пьянаго офицера. Кто-то изъ больныхъ бредилъ чуть слышно и неразборчиво. На дворѣ громко говорили дежурные казаки... Меня клонило ко сну, но уснуть мѣшало назойливое, непріятное безпокойство, что *онъ* еще живъ, и я сидѣлъ съ нимъ рядомъ на канахъ.

Я не помню, какъ я уснулъ. Мнѣ снилось что-то тяжелое, неясное, какъ тѣ тучи, подъ которыми мы ѣхали днемъ. Какіе-то неясные образы, чуть намѣчавшіеся, исчезавшіе, измѣнчивые... Потомъ они приняли болѣе опредѣленныя формы, и я видѣлъ, что лежу возлѣ костра гдѣ-то въ полѣ. Кто-то говоритъ рядомъ, кто-то уже спитъ и храпитъ, а я не могу уснуть: спину грѣетъ костеръ, но лицомъ я лежу въ холодномъ снѣгу. И это неудобно и страшно, потому что я не могу отодвинуть головы отъ снѣга. Кто-то храпитъ рядомъ, идетъ снѣгъ, и я чувствую, что половина моего лица уже покрыта цѣлымъ его слоемъ, холоднымъ и тяжелымъ...

Я просыпаюсь—и опять, уже на яву, чувствую что-то влажное и холодное, прислонившееся къ моей озябшей щекѣ. Илья Гусыня умеръ и, должно быть, въ послѣдней короткой агоніи перевернулся на бокъ... И былъ онъ холодный, какъ

снѣгъ. Я вздрогнулъ отъ отвращенія и невольно сказалъ вслухъ: „Фу, мерзость!..“

Потомъ разбудилъ санитаровъ, и мы осторожно, чтобы никого не разбудить, сняли трупъ съ канъ, вынесли на дворъ и положили подъ навѣсомъ. Я теръ рукавомъ озябшую щеку и никакъ не могъ согрѣть. Потомъ нашелъ колодецъ, досталъ оттуда воды и хотѣлъ было ее вымыть, но отъ воды исходилъ тотъ же затхлый и влажный запахъ, что и отъ трупа.. Я ушелъ въ фанзу, взялъ чайникъ и поставилъ его на костеръ, чтобы прокипятить воду. А щека все была холодная, и при каждомъ воспоминаніи о ней я вздрагивалъ отъ холода и отвращенія... И къ трупу, лежавшему теперь на гаолянѣ подъ навѣсомъ, у меня было враждебное чувство, точно къ чему-то живому.

IV.

Утромъ мертваго завернули въ рогожу, положили поперекъ сѣдла, такъ что голова и руки свѣсились съ одного бока лошади, а ноги съ другого, и связали надъ нимъ веревкой стремена. Когда поѣхали, одна рука выбилась изъ-подъ рогожи и волочилась по грязи, и лошадь пугливо, насторoживъ уши, поглядывала на нее. Нѣсколько разъ мертвый соскальзывалъ съ сѣдла и, какъ мѣшокъ, падалъ въ грязь, и его поднимали и привязывали снова. Сначала казакъ велъ лошадь съ нимъ впереди каравана, передъ ранеными, но мнѣ это показалось неудобнымъ, и я велѣлъ ему ѣхать въ хвостѣ.

Дождь нѣсколько разъ принимался идти, но скоро переставалъ, и мы не промокли. Облака сегодня были выше и бѣлѣе. Но раненые, вчера такіе тихіе, терпѣливые, сегодня стонали и постоянно жаловались, что имъ неудобно и больно, и что носильщики скверно ихъ несутъ. Рядомъ со мной ѣхалъ старикъ-офицеръ и опять разсказывалъ что-то тягучее, безконечное, казавшееся сплошь состоящимъ изъ словъ: пожалуйте, пожалуйте... На щекѣ все еще чувствовался непріятный холодъ, и я поминутно то гладилъ ее, то почесывалъ, то просто трогалъ. И все время помнилъ, что сзади везутъ трупъ, отвратительный, грязный и холодный, какъ ледъ...

Къ вечеру пріѣхали въ С... Покойника, грязнаго, съ распухшимъ багровымъ лицомъ, положили въ пустой фанзѣ, и онъ лежалъ тамъ одинъ, въ темнотѣ. Съ ранеными возились студенты и санитары, а я сидѣлъ въ чистой фанзѣ „у себя дома“, пилъ чай и слушалъ, какъ бородатый и рябой казакъ диктовалъ жившему съ нами корреспонденту письмо. Обык-

новенно днемъ у насъ былъ пріемъ больныхъ, а по вечерамъ писались письма „на родину“.

„Дражайшая супруга наша, Анна Степановна съ дѣтками,—диктовалъ казакъ.—И вотъ пожелалъ я васъ увѣдомить и написать вамъ письмо. Во-первыхъ строкахъ нижайше я вамъ кланяюсь, и съ дѣтками. И еще кланяюсь“.. Шли безконечные поклоны и имена, занявшія цѣлыхъ три страницы, такъ что это надоѣло обоимъ сочинителямъ, и они оборвали, наконецъ, вереницу поклоновъ: „И всѣмъ вообще низко кланяюсь“.

Казакъ задумался и не могъ найти, что написать еще. Тамъ, куда онъ писалъ, были всѣ его мысли и заботы, и всетаки ему нечего было туда написать.

— Много еще пустого мѣста?—спросилъ онъ.

— Да есть,—отвѣтилъ корреспондентъ.—Вишь, сколько.

„А адресъ мой пишите такъ“,—началъ диктовать казакъ послѣ долгаго мучительнаго обдумыванія. Написали адресъ, и все еще оставалось свободное мѣсто.

„А скоро-ли будетъ замиреніе, это намъ ничего не извѣстно. И зачѣмъ японецъ бунтуется, тоже не знаемъ. И очень онъ упрямый и насъ тѣснитъ и все норовитъ сдѣлать намъ какую-ни-есть пакость. И народу нашего, русскаго, перепортилъ онъ много, даже которыхъ и до смерти убилъ!..“

— А знаете, вѣдь всетаки получается извѣстное настроеніе,—сказалъ мнѣ корреспондентъ, не переставая писать. Раньше, до войны, онъ сочинялъ разсказы и, вѣроятно, поэтому всегда и вездѣ искалъ настроенія.

Пришелъ казакъ, дежурившій около фанзы, гдѣ положили мертваго, и попросилъ свѣчку.

— Ужъ очень шебаршитъ что-то въ фанзѣ,—сказалъ онъ.—Не крысы ли? Объѣдятъ, пожалуй,—такъ свѣчечку бы зажечь. На свѣтъ не полѣзутъ.

Мы дали ему свѣчку, и онъ ушелъ.

— Ну, теперь мѣсто на исходѣ, пора кончать,—сказалъ корреспондентъ диктовавшему письмо казаку.

Тотъ вздохнулъ и неожиданно печально и тихо проговорилъ:

„А впрочемъ, остаюсь живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю отъ Бога получить. Доброжелатель вашъ Никита Корягинъ“.

V.

Хоронили Илью Гусыню въ полдень. День былъ веселый, солнечный и яркій, и я вспомнилъ, что сегодня—воскресенье. Тамъ, въ Россіи, въ деревнѣ, гдѣ Илья жилъ до войны, сейчасъ только шесть часовъ утра, и утро тамъ, вѣроятно, тоже веселое и яркое. Зеленыя поля, лѣсокъ вдали, рѣка блеститъ на солнцѣ, и на деревянной колокольнѣ, подпертой двумя бревнами, чтобы не упала, звонятъ къ заутренѣ...

Мѣсто для могилы выбрали на холмикѣ, за вспаханнымъ, но не засѣяннымъ полемъ. Мы шли по нему, и къ нашимъ сапогамъ приставали большіе комья черной сырой земли; сапоги становились тяжелыми, и время отъ времени нужно было ихъ очищать. Гробъ, громадный и неуклюжій, ярко-краснаго цвѣта съ таинственными бѣлыми письменами, несли двѣнадцать казаковъ, на ходу стряхивавшихъ съ ногъ облѣпившую ихъ тяжелую грязь. За гробомъ шли двѣ сотни казаковъ, - оборванные, неуклюжіе, непривычные къ „пѣшему строю“ люди, шагавшіе не въ тактъ, безъ соблюденія порядка. Сбоку, выбирая поудобнѣе тропинку, шли нѣсколько офицеровъ и вернувшійся изъ экспедиціи генералъ. А впереди всѣхъ шли музыканты.

Они играли похоронный маршъ—съ печальной мелодіей, съ низкими аккордами, отъ которыхъ что-то дрожало въ груди. Въ прекрасной мелодіи стонало невыразимое горе, силы котораго нельзя было бы передать словами, ибо всѣ эпитеты поблѣднѣли бы передъ нимъ и показались бы пошлыми, и которое можно было выразить только этими звуками, этими стонами—безъ словъ. Это было и не то горе, что выливается въ слезахъ, въ крикахъ отчаянія,—нѣтъ, это было великое горе мужественной души, не умѣющей ни плакать, ни жаловаться и не потерявшей отъ него своей мужественности...

Я шагалъ въ тактъ маршу и думалъ о томъ, какъ неумѣстна и нелѣпа эта музыка на этихъ похоронахъ... Вотъ тамъ, въ деревушкѣ, гдѣ сейчасъ звонятъ къ заутренѣ,—тамъ баба будетъ выть и плакать, и эти бабьи слезы и вопли, отчаянные, безутѣшные, не облегчающіе горя, шли бы къ этимъ похоронамъ больше, чѣмъ мужественная музыка...

Генералъ громко разговаривалъ съ офицерами, и его скрипучаго голоса не могъ заглушить оркестръ. И онъ, и офицеры были довольны результатами экспедиціи и сейчасъ перебирали ея эпизоды.

— Знаете, что напоминаетъ эта музыка?—спросилъ шагав-

шій рядомъ со мной корреспондентъ.—Есть у Метерлинка картина: на сценѣ разыгрывается что-то нѣжное и безконечно-печальное, а за сценой уходитъ корабль въ далекій и неизвѣстный океанъ, и матросы поютъ: „Мы не вернемся... мы не вернемся никогда“...

Но и это вспомогательное средство вызвать подходящее случаю настроеніе, повидимому, не помогло корреспонденту: онъ смотрѣлъ то на синее небо, то на прилипавшую къ ногамъ грязь, то на казаковъ. Настроеніе не приходило.

Подошли къ холмику и опустили гробъ на зеленую траву возлѣ черной большой ямы. Оркестръ сыгралъ „Коль славенъ“—и не знали, что дѣлать дальше.

— Полковникъ Кобылинъ,—сказалъ генералъ.—Изъ вашего полка казакъ, вамъ бы надо произнести что-нибудь этакое...

Полковникъ Кобылинъ, высокій человѣкъ со скобелевскими бакенбардами, подошелъ къ гробу. Я зналъ, что онъ глупъ, и со страхомъ ждалъ, что онъ скажетъ.

— Ребята!—сказалъ полковникъ, немного подумавъ и погладивъ бакенбарды.—Ну, мы сейчасъ что дѣлаемъ? Хоронимъ казака нашего полка, второй сотни, Ивана..

— Илью,—робко поправилъ его кто-то изъ толпы.

— Илью... какъ его?... раба Божія Илью. Онъ палъ, какъ герой, потому что былъ раненъ въ животъ. Раны въ животъ или въ голову хуже всего,—куда угодно, только не въ голову и не въ животъ... Палъ онъ за царя православнаго и Русь святую. Умеръ честно, на посту, и будетъ ему великая слава. Онъ умеръ, ребята, геройской смертью...—Полковникъ замялся, не зная, что сказать дальше и какъ кончить.—Желаю и всѣмъ вамъ такой-же смерти...

— Покорнѣйше благодарю!—фыркнулъ сзади меня корреспондентъ.—Все настроеніе, дубина, испортилъ...

Полковникъ опять погладилъ бакенбарды и отошелъ.

— Опускайте!—скомандовалъ генералъ.

Огромный красный гробъ опустили въ яму. Генералъ осторожно, тремя пальцами, взялъ кусочекъ мокрой земли и швырнулъ въ могилу. Сыграли еще разъ „Коль славенъ.“

Мы съ корреспондентомъ шли домой, и я думалъ о томъ, что когда русскіе очистятъ это мѣстечко и вернутся въ него разбѣжавшіеся жители, они разроютъ могилу и возьмутъ себѣ свой гробъ. Я уже видѣлъ одну такую разрытую могилу..

Сзади раздались звуки веселаго, похожаго на польку, марша,—то казаки съ музыкой же возвращались съ похоронъ. Маршъ былъ трескучій, задорный и пошлый.

Григорій Бѣлорѣцкій.

II.

Трудная ночь.

I.

Инна Ивановна, пожилая сестра милосердія офицерской палаты, тихо ступая войлочными туфлями, еще разъ обошла всѣхъ больныхъ и, оглядывая каждаго мягкимъ взоромъ усталыхъ, обведенныхъ синеватыми кругами глазъ, желала всѣмъ доброй ночи и говорила, что уже поздно, что уже первый часъ ночи. Но Свѣтловъ, какъ и другіе, не тушилъ свѣчи, онъ зналъ, что никто не сможетъ сегодня уснуть, что сможетъ спать только мертвый. И знала про это Инна Ивановна, но желала доброй ночи потому, что сердце билось у нея горячей любовью къ людямъ, и что она привыкла такъ дѣлать каждую ночь.

У выхода, приподнявъ синюю занавѣску, замѣнявшую дверь и падавшую тупыми, холодными складками на блестящія желтыя цыновки, покрывавшія полъ, Инна Ивановна прислушалась и сказала съ болью, вдругъ проступившей на всемъ ея задумчивомъ, блѣдно-розовомъ, какъ весеннія тихія зори, лицѣ:

— Палятъ и палятъ... Что-то будетъ?

— Ерунда будетъ, сестрица! Кромѣ ерунды, что можетъ быть у насъ?—выговорилъ сумрачный артиллерійскій полковникъ, сидѣвшій на крайней койкѣ, у окна.—Слава Богу, насмотрѣлся я за годъ войны.

Инна Ивановна оглянула сутулую высокую фигуру полковника, руку на черной перевязи, худое, обросшее сѣрымъ, колючимъ волосомъ лицо, нервно блестящіе глаза и большую, розовую лысину, и вздохнула.

— Я не про то, полковникъ, говорю, я про людей... Опять будутъ убитые и раненые! А у насъ уже всѣ мѣста заняты.

— Не забудьте, что на дворѣ двадцать три градуса мороза и темная ночь...—добавилъ Свѣтловъ.—Ддвадцать три градуса и ночь!

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!—какъ спичка, вспыхнулъ полковникъ и заерзалъ на койкѣ.—Хочется быть патріотами, вотъ и получайте! Что-жъ думали тѣ, кто затѣялъ войну: конфектами будутъ насъ кормить, что ли?

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...—машинально повторила Инна Ивановна.—Спокойной ночи!

Синія тупыя складки упали за ней, сплыли на цыновки. Сестрѣ никто не отвѣтилъ.

Озлобленный полковникъ повернулся спиной и облокотился на подоконникъ. Въ ту же сторону повернулъ голову и Свѣтловъ. Госпиталь выходилъ окнами на одно изъ развѣтвленій большой мандаринской дороги, близъ Мукдена. Холодная темь безлунной зимней ночи стояла недвижной стѣной за стеклами. Въ палатѣ, на столикахъ горѣли свѣчи, и во мракѣ за стеклами тоже горѣли кровавыя свѣчи. То и дѣло мигали короткія зарницы и словно кто съ размаху надавливалъ тяжелой подушкой на стекла, а тѣ чуть дребезжали. И послѣ каждой вспышки, послѣ каждаго удара за окнами становилось еще чернѣй и непрогляднѣй, и слухъ старался уловить зловѣщее буханье. Вѣтеръ такъ и шуршалъ вдоль стѣнъ, такъ и гулялъ тяжелыми стонами гдѣ-то надъ потолкомъ, по желѣзному навѣсу крыши.

Верстъ за пятнадцать отсюда, въ темнотѣ и на стужѣ, шелъ упорный многодневный бой. Но онъ происходилъ за теплыми стѣнами госпиталя, онъ былъ покрытъ пеленой дали и неизвѣстности. А то, что дѣлалось здѣсь, за тонкими перегородками изъ китайскаго дриля, отдѣлявшими офицерскую палату отъ солдатской на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, то было близко и невыразимо. По корридору, вдоль палаты, все время раздавался спѣшный, гулкій топотъ многихъ ногъ. Визжалъ блокъ, и хлопала обитая войлокомъ дверь. Слышно было, какъ приносятъ и уносятъ кого-то, какъ подгибаются носилки подъ чьими-то тяжелыми тѣлами, какъ вздыхаютъ, шепчутъ молитвы и перекликаются недовольными, сдавленными голосами. Подъ высокими, полутемными сводами палаты, въ хаосѣ скользящихъ и борющихся тѣней, стоялъ неумолчный зовъ, стоялъ острый и длинный, точно жало змѣи, крикъ, тянулся, какъ лента, и рвался стонъ и хрипъ. Словно былъ тамъ, за тонкой матеріей, застѣнокъ пытки, гдѣ кого-то терзали желѣзными когтями, выматывая душу. И всѣ эти звуки и всѣ голоса сливались, какъ ручьи, въ одинъ странный и жуткій хоралъ страданія, лившійся могучимъ потокомъ черезъ весь госпиталь.

Свѣтловъ сначала старался какъ-нибудь такъ повернуть голову, чтобы ничего не слышать, незамѣтно для другихъ прикрывалъ ладонями уши, уходилъ головой въ подушку, но ничто не помогало. Плачъ жизни, неотступный и неумолчный, рвался и плылъ въ воздухѣ, колыхался вмѣстѣ съ пламенемъ свѣчи, звучалъ въ ушахъ, дрожалъ въ груди, въ сердцѣ. И тихо дребезжали стекла, все ухала и ухала канонада, и короткія сіянія вспыхивали за окнами, скользили по стѣнѣ мрака.

Полковникъ оторвался, наконецъ, отъ окна и съ возбужденнымъ видомъ запахнулъ халатъ, словно озябши.

— Я говорилъ, говорилъ, что ничего кромѣ ерунды и выйти не можетъ! Слышите: вѣдь это японцы палятъ... Не палятъ, а огнемъ заливаютъ и втихомолку пакость какую-нибудь готовятъ, чортъ возьми! Вьюношъ... — почти крикнулъ онъ лежавшему противъ него красивому безусому подпоручику.—Вы что же замолкли, а?!

— Слушаю... только слушаю...—вымолвилъ высокимъ чистымъ теноромъ молодой курчавый офицеръ, голова котораго была такъ похожа на голову мраморнаго Вакха.

— Не слушайте, а то съ ума сойдете! Разсказали бы что-нибудь?!. Голубчикъ...

— Не хочется что-то, полковникъ.

— Весь день трещали про свои подвиги, а теперь, когда нужно, нужно говорить, теперь смолкли! Ну, разскажите, какъ вы геройски подскакали къ цѣпи, какъ отдали приказаніе и какъ васъ будто щелкнулъ кто въ большой палецъ правой ноги, и вы геройски слетѣли на землю... Ну же...

— Положимъ, летѣлъ-то я совсѣмъ ужъ не геройски...— сказалъ высокій теноръ.

— Догадываюсь! Но нужно говорить, болтать, чтобы отвлечься отъ этого... ужаса...

— Нѣтъ. Отвле-кать-ся не слѣдуетъ!—раздѣльно и глухо, точно онъ не говорилъ, а вбивалъ гвоздь за гвоздемъ, произнесъ четвертый больной, закрывшійся одѣяломъ до самыхъ губъ.—Не ну-жно. Да.

Это былъ военный врачъ, оправлявшійся отъ тифа, мрачный, какъ туча, брюнетъ съ глазами, горѣвшими по-волчьи.

— А я то же думаю, что не нужно...—поддержалъ доктора его сосѣдъ, рыжій веснушчатый финнъ.

— Почему-съ, господинъ корнетъ? — насторожился полковникъ.

— По-то-му,—словно вбивалъ гвозди докторъ, — что если бы лю-ди меньше расхо-до-ва-ли словъ и мень-ше от-влека-лись бы отъ су-ти и у-жа-са жизни, то, мо-жетъ быть, въ ва-ши благородные уши не лѣзли уже эти зву-ки. Да. Эти проклятые зву-ки...

Свѣтловъ и полковникъ хотѣли, было, возразить, но такой страшный и звонкій, словно изъ металла, крикъ влетѣлъ въ палату, что всѣ замолкли и тревожно подняли головы.

II.

Снова всколыхнулись холодныя складки синей занавѣси, и вошелъ красный, потный и усталый госпитальный врачъ, въ длинномъ бѣломъ халатѣ.

— Не спите, господа? Впрочемъ, это рѣшительно немыслимо.

Онъ развелъ руками, будто гребецъ веслами, и, усмотрѣвъ свободный стулъ, свалился на него всей своей большой, дородной фигурой.

— Прескверная исторія...—началъ онъ послѣ передышки.— По счету поступилъ триста первый, на пятьдесятъ человѣкъ сверхъ комплекта... Вскорѣ негдѣ будетъ яблоку упасть, а ихъ все несутъ да несутъ. Сестры и санитары съ ногъ сбились.

— Почему не несутъ въ другіе госпиталя? Что?— спросилъ финнъ.

— Потому что тамъ тоже полно. Только что прискакалъ верховой изъ Гу-цзя-цзы, спрашиваетъ, есть ли у насъ свободныя мѣста... У нихъ на двѣсти человѣкъ больше... И все скверные случаи: сильно обмороженные, тяжело раненые артиллерійскимъ огнемъ въ голову. Это ужасно.

— Ужасно...—повторилъ подпоручикъ и даже зажмурилъ глаза.

А Свѣтловъ привсталъ съ койки и сталъ шепотомъ говорить:

— Хорошо намъ здѣсь сидѣть въ теплѣ и сочувствовать. А вѣдь тамъ, тамъ, на стужѣ, даже легко раненые должны закоченѣвать, застывать на поляхъ...

— Да. За-сты-ваютъ... у-ми-ра-ютъ на поляхъ чуждой всѣмъ Ман-чжу-ріи...—глухо пробасилъ больной докторъ. — Жизнь цѣнится въ грошъ.

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, чортъ возьми! Что посѣяли, то и пожали. Война — не шутка, да-съ, не шутка, а бойня, вотъ что!

— Когда мы въ юнкерскомъ проходили исторію, намъ все казалось героическимъ и красивымъ... — недоумѣло выговорилъ высокій, чистый теноръ.

— Красивымъ, красивымъ...—передразнилъ полковникъ.— На самомъ дѣлѣ, просто и некрасиво. Дураки пишутъ исторію, вотъ что!

Онъ схватился съ койки, запахнулъ халатъ и возбужденно забѣгалъ по палатѣ.

Рядомъ съ нимъ бѣжала черная, горбатая тѣнь, скользила по цыновкамъ, ломалась у коекъ, взбираясь на стѣны и головой касаясь потолка. Врачъ минутку слѣдилъ за полковникомъ глазами, потомъ раскрылъ, было, ротъ, чтобы сказать нѣчто, какъ внезапно позвали изъ-за занавѣси:

— Иванъ Данилычъ, Иванъ Данилычъ... Умираетъ Ковалевъ... Очень ужъ мучится...

— Ну, что я, голубушка, могу сдѣлать?! Ну, хорошо, ну,

впрысните ему морфія... Впрочемъ, я самъ... погодите... — и на ходу Иванъ Данилычъ прибавилъ:—Потребую сестеръ изъ резерва, наши съ ногъ сбились...

Опять влетѣлъ страшный и звонкій крикъ и пронзилъ воздухъ, какъ мечъ.

— Менингитикъ!—объяснилъ больной докторъ.—Воспаленіе оболочки мозга... Сегодня утромъ про-ти-вно долбили долотомъ че-репъ... про-тив-но, жут-ко... Да.

— Чортъ...—бросилъ полковникъ, блеснувъ злымъ взоромъ на доктора.—Онъ насъ здѣсь доканаетъ...

— Да перестаньте, наконецъ, вы... всѣ!.. — не выдержалъ Свѣтловъ и началъ напяливать халатъ.—Пойдемъ, поможемъ чѣмъ-нибудь!

— Пойдемъ, пойдемъ...

Полковникъ двинулся за Свѣтловымъ.

Солдатское отдѣленіе было биткомъ набито ранеными и больными. Въ спертомъ, душномъ воздухѣ стояла адская толчея ревущихъ, плачущихъ и стонущихъ звуковъ. Въ невѣрномъ полусвѣтѣ, струившемся прозрачными желтоватыми конусами изъ-подъ балокъ, гдѣ тускло горѣли керосиновыя лампы, копошилось множество тѣлъ: лежали на плотно сомкнутыхъ койкахъ, лежали страшными рядами у стѣнъ и въ проходахъ, валялись на цыновкахъ и шинеляхъ. У входа, направо, маленькая сестра милосердія, по прозванію „Жучекъ", смуглая, какъ цыганка, остроносая, съ непокорно выбившейся изъ-подъ бѣлой косынки чолкой черныхъ волосъ, обмывала большимъ кускомъ ваты, вымоченной въ сулемовомъ растворѣ, окровавленную спину бѣлокураго солдата. И видно было, какъ онъ вцѣпился зубами въ подушку, чтобы сдержать крикъ боли. А рядомъ кто-то хныкалъ подъ окровавленной шинелью и все высовывалъ худыя, грязныя ноги.

— Сестрица, ой! больно... Больно, сестрица-матушка, ой-ой... больно... ой...

Обыкновенно „Жучекъ" жегъ офицеровъ угольками глазъ и блестѣлъ мелкими зубками, но теперь она даже не взглянула на проходившихъ, продолжая обмывать окровавленную спину бѣлокураго солдата.

Въ дальнемъ углу бѣлѣлись фигуры тучнаго врача, сестры милосердія и двухъ санитаровъ, обступившихъ чью-то койку. Подальше, тамъ, откуда шелъ клокочущій, будто кипящая въ ключѣ вода, предсмертный хрипъ, стоялъ длиннокудрый, въ темной рясѣ, священникъ со свѣчей въ рукѣ и читалъ отходную. Вокругъ пламени трепеталъ золотистый кругъ, и на лицѣ священника, розовомъ отъ свѣчи, трепетали и качались, какъ маятникъ, тѣни.

И всюду виднѣлись то горящія жаромъ, то безъ кровинки лица, искаженныя повязками, болью и мукой, всюду безпокойно ворочались людскія тѣла, сами собой вскидывались кверху руки, блѣдныя, изсохшія губы жадно глотали воздухъ и утомленные взоры свѣтились то мольбой, то огневой пыткой. Санитары то и дѣло сновали съ носилками и тазами въ рукахъ, а въ тазахъ, въ грязной водѣ, плавали куски розовой отъ крови ваты. Переходили отъ одного раненаго къ другому бѣлыя сестры съ пузырьками и бинтами въ рукахъ.

Инна Ивановна держала пузырь со льдомъ на чьей-то косматой, львиной головѣ. Голова недвижно, съ закрытыми глазами, лежала на подушкѣ, и только губы шевелились и внятно кидали въ пространство отрывистыя фразы. И казалось, что не пузырь со льдомъ давитъ голову больного, а огромный сѣрый клещъ впился въ нее.

По ту сторону прохода два санитара еле удерживали за руки бившагося въ безпамятствѣ раненаго солдата, у котораго вся голова и лицо, кромѣ синихъ губъ и выдавшагося, какъ очиненный карандашъ, тонкаго носа, были заключены въ тугой шлемъ изъ бѣлой марли. Раненый рвался изъ рукъ санитаровъ, все норовилъ повыше влѣзть на подушку и по временамъ испускалъ страшный крикъ, стрѣлой мчавшійся по палатѣ.

И замыкалъ эту группу темноликій, съ очень рѣдкой черной бородкой, японецъ.

Въ рукопашномъ бою ему выкололи штыкомъ оба глаза и слѣпымъ взяли въ плѣнъ. И теперь онъ сидѣлъ на койкѣ, какъ-то по собачьи накренивъ свою, словно вылѣпленную изъ темнаго воска, голову и внимательно прислушиваясь къ крикамъ и стонамъ. Онъ сидѣлъ, а губы у него дрожали, и зіяли темнотой огромныя, ужасныя впадины... Неподвижныя, черныя ямы...

III.

Свѣтловъ и полковникъ подошли къ Иннѣ Ивановнѣ.

— Наблюдаете? — тихо спросила сестра. — Лучше бы не смотрѣть... Тяжело очень... Мука одна...

— Наблюдаете, наблюдаете...—сердито повторилъ полковникъ.—Экъ выдумаетъ!

— Пришли хоть чѣмъ-нибудь помочь вамъ...—произнесъ Свѣтловъ.

Инна Ивановна подарила имъ долгій, благодарный взглядъ.

— Спасибо. Пожалуй, Семенъ Павловичъ, подержите пу-

зырь. Кстати, больной—вашъ землякъ, полѣщукъ изъ Минской губерніи... А мы съ полковникомъ пойдемъ раздавать чай новенькимъ: видите, какъ они жалостно глядятъ на насъ! Рука вамъ не будетъ мѣшать, полковникъ?

— Ерунда-съ!

Свѣтловъ заступилъ мѣсто Инны Ивановны и, глядя вслѣдъ темной, сутулой фигурѣ полковника и тонкой, бѣлой сестры, подумалъ, что у этой всегда ровной, всегда задумчивой и грустной женщины есть въ жизни или было какое-то большое горе, и что въ жизни вообще такъ много, много горя.

Потомъ онъ сталъ смотрѣть на полѣщука. Лицо больного было серьезное и важное, въ поту и густыхъ румянцахъ. Чуялось, что мысль этого человѣка напряженно работала въ глубокихъ, туманныхъ тайникахъ, и что духовный взоръ его видитъ то, важное и далекое, чего никто не видитъ. Губы быстро двигались и съ усиліемъ какъ бы выкидывали грустныя, значительныя слова, а межъ этихъ значительныхъ словъ врывался бредъ недавняго боя.

— Митюкъ... Ванюкъ... Бога не забывайте... Але земя подѣлите... Марья, пуйдемы гэть, гэть... Марья, дѣти кохайте... Ротный, ваше благородіе, японцы ид.. идутъ... Коли, коли его штыкомъ... Га!

Разговоръ съ дѣтьми на бѣлорусскомъ нарѣчіи, обращеніе къ женщинамъ и ротному, видѣнія боя—все это переплеталось, какъ вѣтка и стебли ползучихъ растеній, сливалось въ одинъ общій странный потокъ.

— Митюкъ... Антонъ... Ванюкъ... Нужно за Богомъ подѣлить земя! Я скажу ротному, онъ зезволитъ... Але, Марья, умерамъ...

Снова повисъ въ воздухѣ мучительный, душу раздирающій крикъ, и японецъ еще больше накренилъ въ ту сторону вылѣпленную изъ темнаго воска голову. Еще разъ и еще крикнулъ больной въ шлемѣ изъ бѣлой марли и рванулся вонъ съ постели, словно ему вонзили въ самый мозгъ острый раскаленный буравъ. Но въ эту минуту полѣщукъ забредилъ на всю палату, и японецъ быстро повернулся и уставился на Свѣтлова страшными пустыми впадинами, откуда глядѣла сама смерть.

— Антонъ... Ванюкъ... Марья... не ссорьтесь, не ссорьтесь. Богъ зъ вами... зъ вами... Гу-рра... японцы... ваше высокоблагородіе, осторожно, закидали насъ... Ваше высо... благородіе, прощайте! Митюкъ... Ванюкъ... Антонъ... прощайте...

Кругомъ былъ тоже стонъ и крикъ. Какой-то солдатъ съ забинтованными щеками наклонился надъ тазомъ и все плевалъ густой, темной кровью. Тяжелыми стонами гулялъ по

желѣзной крышѣ вѣтеръ. Канонада усиливалась, и казалось, что гдѣ-то гремятъ желѣзные листы. За окнами неуклюже загромыхала артиллерія, потомъ промчался съ гулкимъ топотомъ о мерзлую и твердую, какъ камень, землю отрядъ кавалеріи. Санитары пронесли на носилкахъ чье-то подозрительно тихое и неподвижное тѣло, и лица у нихъ были утомленныя, деревянныя, тупыя.

— Марья... Антонъ... Съ Богемъ... Прощайте... Марья... Вицэкъ... Ванюкъ...—бредилъ полѣщукъ:—Марья, дѣти кохайте... Ванюкъ... Ва-а-нюкъ, дѣцко!

О-о-а-а-й-й!—крикнулъ больной въ шлемѣ, и крикъ этотъ былъ тонокъ и длиненъ, какъ женскій волосъ, остръ, какъ бритва.—О-а-а-й-й-й!!!..

Священникъ читалъ отходную уже въ другомъ углу, и снова по его розовому отъ свѣчи лицу скользили и качались, какъ маятникъ, тѣни. Японецъ продолжалъ смотрѣть своими ужасными черными ямами и беззвучно шевелилъ губами. И все плевалъ солдатъ густой, темной кровью. И Свѣтлову ужъ начало казаться, что изъ впадинъ слѣпого японца глядитъ на него, Степана Свѣтлова, зловѣщее, черное, какъ могила, предсказаніе, и что подойдетъ и къ нему священникъ съ такими странно-блестящими глазами и станетъ читать отходную. Но въ этой борьбѣ жизни и смерти, въ этой судорожной борьбѣ и въ этомъ огромномъ, какъ океанъ, людскомъ страданіи какъ-то затерялась личная судьба, стала такой ничтожной и неважной, и нервы притупились, какъ острія, по которымъ слишкомъ долго водили желѣзнымъ напильникомъ. Внутри у Свѣтлова былъ не страхъ, нѣтъ, а тихая, глубокая боль и безпредѣльная жалость къ этому горю, къ этимъ людямъ-страдальцамъ.

Къ солдату, что плевалъ кровью, подошла Инна Ивановна, погладила его по головѣ, словно малаго ребенка, и дала ему красное полосканіе. Потомъ приблизилась къ Свѣтлову и въ полъ-голоса спросила:

— Все, бѣдняга, прощается съ семьей?

Острый крикъ пролетѣлъ по палатѣ. Сестра растерянно, безпомощно оглянулась на больного въ шлемѣ и начала тереть виски.

— Да, прощается, но никакъ проститься не можетъ.. Слушайте: мнѣ чудится, что я вижу ихъ, и этого Ванюка и Антона, и Марью... Гдѣ-нибудь въ избушкѣ лѣсника они, голодные и забитые, прислушиваются къ громовому говору литовскаго бора... Волосы у нихъ льняные, длинные, лица блѣдныя, одутловатыя... Въ избушкѣ дымно, грязно. И будетъ, сестра, еще грязнѣе и бѣднѣе, когда не станетъ... кормильца...

— Ради Бога, замолчите... Не нужно, милый...—сестра поблѣднѣла и испуганно оглянулась, точно и она увидала вокругъ себя толпу скорбныхъ маленькихъ тѣней, такихъ беззащитныхъ, съ такими длинными, льняными волосами.— Ступайте, на васъ лица нѣтъ... Довольно съ васъ, вы сами больны...

Полѣщукъ открылъ глаза, окинулъ палату широкимъ, ничего не видящимъ взглядомъ и, улыбнувшись, быстро заговорилъ:

— Ну, ну... Але... Антонъ, Ванюкъ, прощайте... Ванюкъ, дѣцко... Але...

Японецъ все сидѣлъ и смотрѣлъ пустыми впадинами, и губы у него беззвучно шевелились, будто шептали неслышную, грустную молитву.

IV.

Свѣтловъ двинулся къ кучкѣ людей у входа въ госпиталь. Иванъ Данилычъ, полковникъ, сестры, санитары окружили тѣснымъ кольцомъ румянаго отъ мороза юношу въ полушубкѣ и бѣлой высокой папахѣ, блестѣвшаго овалами очковъ и взволнованно разсказывавшаго что-то.

Когда Свѣтловъ подошелъ, бѣлая папаха доканчивала начатую фразу.

— ... больше двухъ тысячъ замерзло... Ружейный и артиллерійскій огонь не прекращался ни на одну минуту, невозможно было убирать даже легко раненыхъ...

— Гдѣ же вашъ транспортъ?—отрывисто спросилъ докторъ.

— Прибудетъ минутъ черезъ десять. Я поскакалъ впередъ, чтобы предупредить... Только, кажется, къ вамъ подходитъ и транспортъ на носилкахъ...

— Что-о?!.

— Гдѣ-же главный врачъ?—глухо раздалось на дворѣ.

Иванъ Данилычъ, а за нимъ и остальные вышли въ сѣни и столпились въ раскрытыхъ настежь дверяхъ. Всѣхъ сразу обхватилъ пронзительный вѣтеръ и закололъ щеки тысячью крошечныхъ иглъ. Небо, все въ прозрачныхъ клубкахъ тучъ, чуть сѣрѣло. Насколько хваталъ въ темнотѣ глазъ, маячили солдаты-санитары и длинныя носилки, и краснѣлъ изломанный рядъ фонарей, въ которыхъ пламя содрогалось отъ холода, билось и освѣщало рѣдкую снѣжную крупу, несомую вѣтромъ. Съ переднихъ носилокъ явственно доносился стонъ и судорожный стукъ зубовъ. А оттуда, гдѣ люди были тьмой, а тьма людьми, тянулся глухой, прерывистый

говоръ, оттуда будто подкрадывались, цѣпляясь за толпу тѣней и падая, падая и вставая, тихіе, дрожащіе вздохи, необъяснимые звуки, отъ которыхъ бросало въ дрожь. И чувствовалось, что морозъ сдавилъ горло тѣмъ, кто лежитъ на носилкахъ, сковалъ омертвѣлые члены, влѣзъ, впился въ самый мозгъ костей.

Весь горизонтъ былъ объятъ гуломъ и короткими, зловѣщими зарницами.

Изъ темноты вынырнула неуклюжая фигура въ черной папахѣ и забренчали шпоры. За ней придвинулась морда храпѣвшей лошади.

— Гдѣ главный врачъ? Ахъ, это вы! Пожалуйста, дайте скорѣе мѣсто шестидесяти раненымъ.

— Что вы, что вы, голубчикъ?! Да у насъ яблоку негдѣ упасть!

— Какъ хотите, а я отсюда не двинусь! Люди страшно устали, я получилъ отказъ уже въ трехъ мѣстахъ... Это, господа, не возможно! Докторъ, сжальтесь, вѣдь на дворѣ вѣтеръ и лютый морозъ... Не мертвецовъ же мнѣ дальше нести!

— Родимые... голубчики... скорѣе-бы... ой, помираю...—пронеслось въ темнотѣ, и далекими черноземными полями, зеленокудрыми березками такъ и повѣяло отъ этой наивной, жаркой просьбы.

— О, Боже мой... Ну, хорошо, хорошо, вносите ихъ... Сестра Петрова, кладите ихъ въ главномъ проходѣ, на полъ... Охъ, тяжела ты, ноченька! Вносите же!

Заколыхались фонари, надвинулись носилки и призрачные люди, а съ ними стонъ и щелканье зубовъ. Подъ напоромъ печальнаго шествія, Свѣтловъ и полковникъ вошли въ госпиталь, вновь окунулись въ толчею ужасныхъ звуковъ, въ запахъ карболки, хлороформа и человѣческой крови и стали медленно отступать къ своей палатѣ. У кровати полѣщука ихъ остановила Инна Ивановна и съ отчаяніемъ сказала:

— Умираетъ... Вотъ, такъ всегда: привыкнешь къ больному, полюбишь его, какъ родного, а онъ или умретъ, или возьмутъ его снова въ бой...

— Митюкъ... Ва-а-нюкъ...—хрипѣлъ полѣщукъ и шарилъ вокругъ себя рукой, словно искалъ чью-то плачущую головку.

Японецъ лежалъ на койкѣ, закрывшись одѣяломъ по уши. Больной въ шлемѣ утихъ и только нылъ.

Наконецъ, полковникъ со спутникомъ очутились въ офицерскомъ отдѣленіи, разбитые и потрясенные. Тамъ по прежнему горѣли свѣчи, и такія же свѣчи кроваво горѣли въ сильно дребезжавшихъ стеклахъ. Еще раздѣльнѣе, рѣзче и

ближе гремѣли удары орудій. Финнъ безпокойно ворочался на койкѣ, положивъ себѣ на голову подушку. Безусый подпоручикъ сидѣлъ и, закрывъ лицо руками, тихо рыдалъ. А мрачный больной докторъ нервно кусалъ губы и что-то выводилъ въ воздухѣ длиннымъ указательнымъ пальцемъ.

— Узнали теперь, юноша,—горько заговорилъ полковникъ, послѣ тихой паузы,—что такое война?! Теперь понимаете меня, когда я рекомендую—кричать, а?! Да, да, именно, кричать и кричать!!! О, если бы я могъ и смѣлъ безъ краски стыда вернуться въ Россію и разсказать всѣмъ и все?!

И онъ заходилъ по палатѣ, ежеминутно запахивая халатъ. И вмѣстѣ съ нимъ заходила, забѣгала черная, горбатая тѣнь... Она скользила по желтымъ цыновкамъ, касалась головой стропилъ потолка, ломалась на двое и взбѣгала на койки.

— Будь про-кля-та вой-на!—глухо вымолвилъ докторъ и написалъ въ воздухѣ:—Да!

— Будь проклята!—твердо выговорилъ Свѣтловъ.

А въ ту минуту въ палатѣ сталъ разливаться огромный шумъ... Сразу всколыхнулись тупыя холодныя складки занавѣси, и вбѣжала Инна Ивановна, блѣдная, какъ полотно, съ трясущимися губами, и почти крикнула, съ гнѣвомъ и отчаяніемъ:

— Что же это такое?! Что же будетъ со всѣми этими несчастными?! Мы отступаемъ... Лазаретъ приказано немедленно свернуть... Все, что останется—сжечь... Господа, что-же это такое!

Всѣ онѣмѣли.

Только полковникъ какъ-то всхлипнулъ: „от... отступили!“—поперхнулся и бросился къ окну. Тамъ, за стеклами, свѣтало и свѣтало. Все яснѣе выдѣлялись очертанія полуразрушенной кумирни, похожей на опрокинутый колоколъ. Въ мукахъ и пороховомъ дыму, подъ громъ пальбы, рождался хмурый, безрадостный день. Въ утреннемъ сумракѣ уже двигались неясныя, безпорядочныя массы уходившихъ куда-то войскъ...

. . . .

А шумъ наросталъ, какъ морской валъ, гонимый вихремъ, какъ валъ, смѣло поднявшій къ самому небу бурное чело, готовый все на своемъ пути снести, готовый обрушиться, сокрушить препятствія. Множество глотокъ безумно ревѣло, орало во всю мощь легкихъ, а надъ ихъ ужаснымъ хоромъ, будто чайки надъ бѣлыми волнами, носился острый, какъ бритва, тонкій, словно женскій волосъ, крикъ.

Инна Ивановна исчезла, какъ видѣніе. Свѣтловъ одно короткое мгновеніе слушалъ, объятый леденящимъ предчувствіемъ, а потомъ выскочилъ вслѣдъ за сестрой.

Его глазамъ предстало дикое зрѣлище.

—

Весь госпиталь былъ полонъ метавшимися въ сумеречномъ, дрожавшемъ свѣтѣ фонарей и занимавшагося утра, изо всей мочи кричавшими, потерявшими голову людьми, въ паникѣ. Здоровые, больные и раненые, всѣ, кто только могъ встать съ койки, подняться съ земли, всѣ были охвачены цѣпкими когтями внезапнаго ужаса и, словно госпиталь былъ готовъ ежесекундно развалиться, или японскіе штыки ужъ блестѣли въ окнахъ, бѣжали къ выходу, перескакивая черезъ лежавшихъ, топча ихъ и сбивая съ ногъ болѣе слабыхъ, бѣжали съ сверкавшими зрачками глазъ, съ искривленными лицами. Тамъ, у дверей, они скучились, столпились, дрались за первенство, взбираясь на спины другихъ, залѣзая въ самую гущу людей и не замѣчая, что они всей массой напираютъ на двери, и что двери упорно не открываются. И всѣ эти люди, кто на костыляхъ, кто хромой и кособокій, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, въ шинеляхъ или желтыхъ больничныхъ халатахъ, исполосованные перевязками—казались толпой безумныхъ, бѣгавшихъ по раскаленнымъ угольямъ. А кто не могъ уже подняться съ жесткаго ложа, тотъ вторилъ ужасному хору хриплымъ, стонущимъ, слабымъ крикомъ отчаянія или просилъ заплетающимся языкомъ проходившихъ мимо взять его съ собой. И тѣ, кто недавно былъ принесенъ въ лазаретъ и заснулъ каменнымъ сномъ огромной усталости, тѣ съ просонокъ голосили невѣдомо зачѣмъ, шарили по сторонамъ руками, отыскивая ружье иль одежду, вскакивали, дико озирались и снова падали на цыновки, на носилки, срывая омоченныя кровью повязки. Ужасенъ былъ видъ двухъ раненыхъ въ ноги, которые ползали на животахъ, въ одномъ бѣльѣ, цѣпляясь руками за полъ, ползли къ толпѣ у дверей, ползли страшно-медленно, какъ улитки, впившись зубами въ окровавленныя отъ боли губы... Вотъ, какой-то длинный тощій солдатъ, съ вращающимися бѣлками глазъ, перемахнулъ черезъ ползущихъ, сбилъ съ ногъ кого то, ковылявшаго на костыляхъ, и врѣзался въ толпу. Послѣдняя все увеличивалась, бѣшено билась у закрытыхъ дверей, бурлила, и казалось, конца не будетъ этому смятенью, этому ужасу и реву. Санитары, державшіе больного въ шлемѣ, куда-то исчезли; онъ стоялъ во весь ростъ на койкѣ, точно ужасное привидѣніе, махалъ руками и кричалъ жуткимъ, острымъ, покрывавшимъ прочіе голоса, крикомъ.

Свѣтловъ почувствовалъ, что кто-то спуталъ у него въ головѣ всѣ мысли, что все внутри у него затуманилось; что его охватываетъ нѣчто необъяснимое, страшно властное; по спинѣ бѣгаютъ острыя мурашки, а ступни ногъ горятъ,—словно онъ стоитъ на краю пропасти, темной и бездонной, неимовѣрно влекущей къ себѣ... Его кто-то толкаетъ къ выходу

за этими бѣгущими людьми... Еще минута, и онъ безумно опрокинетъ голову назадъ, широко-широко откроетъ ротъ и станетъ кричать во всю глотку и побѣжитъ!

Какъ въ туманѣ, передъ нимъ мелькнуло лицо Инны Ивановны. Свѣтловъ бросился къ ней, схватилъ ее за мягкія, теплыя руки и, дрожа, сталъ отступать вмѣстѣ съ ней назадъ, чувствуя, что ноги у него будто прилипаютъ къ землѣ и очень тяжелы, и прерывисто повторяя:

— Сестрица... ради Бога, держите меня... держите... вотъ такъ, а то... я... я побѣгу... сестрица... держите меня... держите!.. Дер-жи-и-те!

К. А. Ковальскій.

---

* * *

(Съ французскаго).

Онъ не вашъ, хоть и росъ въ вашей черствой средѣ,
Породнился онъ съ нами въ народной бѣдѣ.
Наше знамя онъ несъ, съ нашимъ возгласомъ палъ,—
Умирая, онъ братьями насъ называлъ.
Много славныхъ разстрѣляно было тогда:
Всѣхъ, кого мы успѣли, сносили сюда...
И его принесли, но въ предсмертный свой часъ
Онъ ни словомъ, ни стономъ не вспомнилъ о васъ!
Сосчитайте кровавыя раны на немъ,
Разсмотрите печаль на лицѣ молодомъ:
Развѣ есть между васъ хоть одинъ, чей вѣнокъ
Оскорбить бы святой его смерти не могъ?..

В. Башкинъ.

Парижскій день.

Шесть часовъ утра. Пора вставать. Соскакиваю съ постели, наскоро одѣваюсь, захватываю въ кухнѣ жестяной ящикъ со вчерашними кухонными остатками и спускаюсь внизъ. На тротуарѣ стоитъ большой цанковый ящикъ. Въ немъ собрано все, что осталось отъ базарной и лавочной провизіи, которую потребили для поддержанія своего существованія обитатели нашего дома, и по этимъ остаткамъ можно судить, какъ обстоятъ ихъ дѣла. Въ нашемъ сорномъ ящикѣ много золы и костей, бѣлѣетъ скорлупа отъ яицъ, краснѣютъ куски брони омаровъ и лангустъ, видны завядшіе цвѣты, старыя газеты, остатки разнообразныхъ овощей,—въ общемъ все это довольно живописно и служитъ доказательствомъ, что въ нашемъ домѣ живутъ недурно.

А вотъ въ ящикѣ сосѣдняго дома что-то плоховато,—видно, что тамъ больше всего прохаживаются насчетъ картофеля и овощей, а настоящей ѣды употребляютъ мало... Много бѣдняковъ въ этомъ домѣ, настоящихъ парижскихъ бѣдняковъ, которые гордо скрываютъ свою нужду, а если ужъ очень плохо придется, такъ закупорятъ щели въ своихъ комнатахъ, разведутъ жаровню и—конецъ всѣмъ житейскимъ страданіямъ; часто это бываетъ въ сосѣднемъ домѣ, и не нравится мнѣ ихъ сорный ящикъ.

Отбросы тщательно ревизуются тряпичниками: они выбираютъ все, изъ чего еще можно извлечь какую-нибудь пользу: бумагу, кости, тряпки, коробки отъ консервовъ; со всѣмъ этимъ добромъ придется намъ не разъ еще встрѣтиться въ домашнемъ обиходѣ, но только въ другомъ видѣ и подъ инымъ соусомъ. Подъѣзжаютъ огромныя телѣги, на нихъ сваливаютъ уже обревизованный тряпичниками ненужный мусоръ, но и этотъ мусоръ подвергается на телѣгѣ вторичной ревизіи, благодаря которой обнаруживается немалое количество полезныхъ вещей.

Пустой ящикъ относитъ къ себѣ консьержъ, обитатели нашего дома опять будутъ заниматься обмѣномъ веществъ, отбрасывая въ ящикъ все, что они не могутъ потребить или что имъ не нужно; иногда случается, что кто-нибудь изъ обитателей ока-

зывается рѣшительно неспособнымъ заниматься обмѣномъ веществъ для наполненія роговъ изобилія различнаго рода отбросовъ, и тогда онъ становится самъ отбросомъ,—пріѣзжаетъ за нимъ телѣга и отвозитъ его на общее мѣсто свалки для такого рода отбросовъ, которые раньше были людьми.

Я не тороплюсь къ себѣ на верхъ. Пріятно подышать свѣжимъ, еще не испорченнымъ за день воздухомъ, пріятно въ эту пору выкурить трубочку капораля, прочитать утреннюю газетку и походить по домашнему, въ туфляхъ, около своего дома. Однако, пріятно, пріятно, но нужно и честь знать: пора за дѣло приниматься. Поднимаюсь къ себѣ на верхъ, снимаю съ ручки двери жестянку съ молокомъ—приношеніе молочника; съ коврика передъ дверью поднимаю большой кусокъ бѣлаго хлѣба, завернутый въ тонкую бумагу,—приношеніе булочника, затѣмъ отворяю дверь и вхожу въ свою святая святыхъ—кухню.

Въ кухнѣ передо мною кафельная плита съ углубленіями для огня, справа водопроводный кранъ и шкафчикъ съ провизіей, вдѣланный въ стѣну; сзади, въ стройномъ порядкѣ, виситъ кухонная посуда; подъ плитой сложенъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ уголь. Беру изъ бумажнаго пакета нѣсколько просмоленныхъ палочекъ, „бюшекъ", зажигаю ихъ и кладу въ маленькій горнъ на плитѣ: въ кухнѣ разносится пріятный смолистый запахъ; горящія палочки заваливаю мелкимъ сухимъ углемъ, накрываю горнъ воронкой съ трубой, дымъ тянетъ въ трубу, угли быстро разгораются. Теперь въ Парижѣ вездѣ заведены газовыя кухни,—проще, чище и скорѣе, но я не люблю, когда въ кухнѣ пахнетъ газомъ, а, главное, не люблю скверной привычки газовыхъ чиновниковъ являться къ вамъ со счетомъ какъ разъ въ то время, когда у васъ нѣтъ ни копѣйки денегъ, поэтому я топлю кухню углемъ: это и пріятнѣе, и ближе къ природѣ. Будемъ приготовлять кофе, прибавимъ твердыхъ углей, разложимъ огонь на два горна, поставимъ на одинъ молоко, на другой — воду. Чтобы имѣть свѣжій хорошій кофе въ Парижѣ, нужно покупать его въ большихъ складахъ,—тамъ его вамъ смелютъ, заплатите вы за него не дороже, чѣмъ въ обыкновенномъ магазинѣ, но за то это будетъ такой кофе, который вы найдете только въ Вѣнѣ и далѣе въ восточныхъ странахъ; французъ—западникъ и къ кофе относится довольно легкомысленно, хотя, конечно, если постарается, то и онъ тоже можетъ найти и сварить отличный кофе, особенно, если за это дѣло возьмется житель Тулузы, перваго по кулинарному искусству города во Франціи.

Послѣ кофе я иду на базаръ. Пожилая старушка, бывшая сидѣлка въ госпиталѣ, отпускаетъ мнѣ луку, порею, сельдерею и моркови для pot au feu, пучекъ крессъ-салата и мелкихъ, некрасивыхъ на видъ, но очень вкусныхъ нормандскихъ яблокъ. Затѣмъ я покупаю кусокъ мяса для супа, перевязанный веревочками, чтобы

мясо не слишкомъ разварилось; для навара мнѣ даютъ въ придачу кость. Пока довольно. Возвращаюсь домой, чищу овощи, складываю ихъ въ глиняный горшокъ съ ручкой, кладу туда же мясо съ костью, наливаю воды, прибавляю соли и ставлю свое кушанье на огонь, въ которомъ медленно тлѣютъ палочки парижскаго угля, составленнаго изъ прессованной угольной пыли; огонь этого угля, потихоньку и не торопясь, сваритъ супъ во время моего отсутствія.

Исполнивъ кухонныя обязанности, я снимаю передникъ и остальныя части затрапезнаго костюма, надѣваю сюртучную пару, цилиндръ беру портфель и, превратившись такимъ образомъ изъ повара въ профессора, сбѣгаю внизъ и спускаюсь по конкѣ до Place St.-Michel. Судьба такъ распорядилась со мною, что я всякое утро ѣзжу съ Place St.-Michel до Gare St.-Lazare въ одномъ и томъ же омнибусѣ, съ однимъ и тѣмъ же кондукторомъ, старичкомъ съ библейской сѣдой бородой, и почти съ одними и тѣми же пассажирами. Измѣнить этотъ порядокъ нѣтъ никакой возможности: такъ рѣшили всемогущіе боги, которые сдѣлали изъ меня крохотную частичку правильно и мѣрно дѣйствующаго огромнаго парижскаго механизма.

По внѣшности нашъ омнибусъ ничего особеннаго не представляетъ: омнибусъ, какъ и всѣ парижскіе омнибусы; единственное его отличіе отъ другихъ, это—расшатанный отъ времени винтъ, соединяющій лѣстницу, которая ведетъ на имперіалъ, съ задними желѣзными перилами: какъ только тронется омнибусъ, сейчасъ и задребезжитъ винтикъ, задребезжитъ съ чувствомъ, съ толкомъ, то замирая и умолкая, то приходя въ сердитый пароксъ, то разсказывая однообразнымъ тономъ какую-то безконечную исторію; расшатанный винтикъ нашъ вѣрный и постоянный собесѣдникъ въ дорогѣ, онъ трещитъ уже нѣсколько лѣтъ и если бы его привели въ порядокъ, и онъ замолчалъ, я увѣренъ, и кондуктору, и пассажирамъ было бы очень скучно.

Публика въ нашемъ омнибусѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ: народъ скучный-прескучный, я принадлежу къ числу ихъ. Всѣ мы одѣты въ однообразные костюмы, у всѣхъ одинаковые цилиндры и портфели, всѣ мы сидимъ молча, знакомиться и сближаться другъ съ другомъ никто изъ насъ не хочетъ,—толкуйте послѣ этого о французской общительности и разговорчивости.

Разъ только я разговорился съ однимъ изъ этихъ чиновниковъ, но и это было не въ омнибусѣ. Дѣло было такъ: шелъ дождь, въ омнибусѣ мѣста были заняты чужаками, которые поспѣли раньше меня, на имперіалѣ тоже было полно, а сверхъ комплекта парижскій кондукторъ никого не пуститъ. Я стоялъ и не зналъ, что дѣлать; въ такомъ же положеніи я замѣтилъ около себя одного изъ своихъ постоянныхъ спутниковъ; извоз-

чиковъ нѣтъ, да они намъ и не по карману, на послѣдующіе омнибусы очередные номера были уже разобраны. Трогается нашъ омнибусъ, задребезжалъ винтикъ, и при первыхъ же его звукахъ всѣ сомнѣнія наши разсѣялись: мы подсучили штаны и побѣжали, отмѣривая гимнастическіе шаги, вслѣдъ за омнибусомъ, не упуская его изъ вида, ясно различая трескотню винтика среди безчисленныхъ звуковъ на парижской мостовой. Сначала мы бѣжали молча, потомъ у моего спутника какъ-то развязался языкъ, и онъ очень интересно, хотя и отрывочными предложеніями, неизбѣжными, когда человѣкъ, разсказывая, дѣлаетъ гимнастическіе шаги, сообщилъ мнѣ, какъ онъ удиралъ въ 70 году отъ пруссаковъ, а также и о томъ, что древніе галлы могли бѣжать наравнѣ съ лошадью, придерживаясь только за ея гриву. На слѣдующій день, когда мы ѣхали въ омнибусѣ, этотъ интересный разговоръ уже не возобновился: мы сидѣли и молчали по прежнему.

Очень я люблю, когда появляются въ нашемъ омнибусѣ раза два въ недѣлю три дѣвицы, мастерицы искусственныхъ цвѣтовъ,— онѣ болтаютъ и смѣются всю дорогу, смѣются тѣмъ здоровымъ и хорошимъ смѣхомъ, отъ котораго расходятся морщины и легко становится на сердцѣ; дѣвицы эти бѣдны, некрасивы, не блещутъ здоровьемъ, но онѣ пользуются радостью жизни и бытія во время переѣзда въ омнибусѣ, не сидятъ такими противными сычами, какъ я и мои сосѣди. Жить приходится только одинъ разъ, и при этомъ жизнь такъ тѣсно забираетъ насъ въ свои лапы, что нужно пользоваться всякой свободной минутой, чтобы вздохнуть по-человѣчески и позабыть однообразную будничную обстановку; каждый изъ насъ въ своемъ родѣ бѣлка въ колесѣ, и мнѣ всегда бываетъ пріятно, когда бѣлка хоть на минуту придумаетъ себѣ свое собственное развлеченіе, благодаря которому она можетъ забыть о скучномъ колесѣ своей жизни.

Мы останавливаемся около Gare St-Lazare; недалеко отъ этого вокзала живетъ со своимъ отцомъ и дѣдомъ мой ученикъ, графъ X.

Дѣдъ моего ученика очень интересный человѣкъ, и я долженъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Графъ-дѣдъ былъ пажемъ при Людовикѣ XVIII, министромъ при Людовикѣ Филиппѣ, дожилъ до 95 лѣтъ и съ самаго дня своего рожденія никуда не выѣзжалъ изъ Парижа, посвятивъ всю свою жизнь культу родного города: Парижъ для него хорошъ во всякое время года, во всякую погоду, при всякомъ образѣ правленія, парижане — самые милые люди на свѣтѣ; графъ-дѣдъ любитъ помогать имъ своими личными средствами и совѣтами, помогаетъ во-время, умѣло и въ то же время изучаетъ окружающую жизнь, цѣнитъ ее во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Во время Коммуны графу-дѣду настойчиво совѣтовали оставить Парижъ:—Я не поѣду!—отвѣтилъ онъ.—Я не могу бѣжать изъ своей семьи, когда въ ней случилась бѣда!

И старикъ остался въ Парижѣ; благодаря своему вліянію среди предводителей коммунаровъ, благодаря связямъ среди правительственной партіи, ему удалось предотвратить много ненужныхъ жестокостей, смягчить кое-гдѣ тотъ семейный разладъ, который такъ долго потомъ отзывался въ общественной жизни Франціи.

Философія графа-дѣда сводится къ слѣдующему: всякій человѣкъ долженъ жить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился, — это полезно и для него самого, и для его родины; нужно постоянно изучать свою родную жизнь, быть какъ можно ближе къ ней, откликаться на всѣ ея запросы и нужды, и, благодаря этому, можно принести больше пользы для окружающихъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, провести свою жизнь ближе къ основнымъ законамъ правды и справедливости.

Графъ-сынъ, милый, добродушный и привѣтливый старикъ, ничѣмъ особеннымъ, насколько мнѣ извѣстно, не отличается, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ бы ближе къ основнымъ законамъ правды и справедливости, если бы поменьше баловалъ своего сына, моего ученика: парень ужъ подъ красную шапку готовъ, а капризничаетъ хуже малаго ребенка. Я лично только на эту красную шапку и возлагаю всѣ мои надежды: послужитъ какой-нибудь избалованный барченокъ „подъ знаменами" годикъ—другой, и возвращается домой совсѣмъ шелковый, о прежней кислой шерсти и помину нѣтъ, и не строгость военной службы, по моему, тутъ дѣйствуетъ, потому что и „подъ знаменами" для барченка всякаго баловства достаточно, а всеочищающее сближеніе съ простымъ, милымъ, безхитростнымъ французскимъ народомъ; близость къ „простому человѣку" въ жизни—вещь великая. Подхожу къ воротамъ уединеннаго дома графовъ X и начинаю трезвонить въ набатный колоколъ, звонъ котораго извѣщаетъ о моемъ прибытіи не только консьержку, но и всѣхъ обитателей дома. Консьержка отпираетъ массивную дверь, кланяется и дѣлаетъ постное и жалостное лицо, которое во всѣхъ странахъ означаетъ одно и то же: въ Россіи — неблагополучно у насъ, — Китъ Китычъ дурить началъ; а здѣсь, въ Парижѣ, — monsieur Gaston n'est pas gentil aujourd'hui. Я пожимаю плечами,—n'est pas gentil, такъ n'est pas gentil: мое дѣло три четверти часа отбыть, хлѣбъ себѣ заработать, а тамъ пусть себѣ хоть вверхъ ногами ходитъ...

— Monsieur Gaston n'est pas gentil aujourd'hui!—конфиденціально доклады [illegible] мнѣ [illegible] внизу лѣстницы.

— Monsieur Gaston...—докладываютъ мнѣ наверху, но я уже не слушаю, потому что открывающаяся передо мною картина достаточно говоритъ сама за себя: по корридору испуганно бѣгаетъ, сверкая пятками, все наличное женское сословіе дома; бѣгаютъ лакеи, торопливыми шажками спѣшитъ ко мнѣ папаша; мы

усердно раскланиваемся съ нимъ и впопыхахъ стукаемся слегка лбами, никакихъ обоюдныхъ извиненій при этомъ не происходитъ: стоитъ-ли думать о такихъ пустякамъ, когда отечество въ опасности. Направляюсь къ комнатѣ моего ученика: присутствующіе смотрятъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто я иду въ клѣтку разъяреннаго тигра. Вхожу. Маленькая комнатка, изящно отдѣланная бамбуками и шелковой матеріей; одна стѣна занята коллекціей оружія временъ Людовика XVIII, другая—картинами старинныхъ испанскихъ мастеровъ; посреди комнаты стоитъ разъяренный тигръ—мой ученикъ; физіономія его окрашена въ багровый цвѣтъ, глаза мечутъ молніи, руки дрожатъ. Не смотря на все это, мы очень вѣжливо привѣтствуемъ другъ друга, молодой графъ старается изобразить на своемъ лицѣ пріятную улыбку, но этой улыбкѣ такъ и не удается осуществиться: въ комнату является лакей съ ручками для перьевъ и карандашами, мой ученикъ подскакиваетъ къ нему, схватываетъ карандаши и ручки, ломаетъ ихъ и бросаетъ куски въ каминъ.

— М...е!—кричитъ онъ лакею прямо въ лицо. Тотъ съ легкостью сильфиды моментально поворачивается и исчезаетъ.

— Что это сегодня съ вами?—спрашиваю я ученика.

— Вы только посмотрите, посмотрите,—говоритъ онъ, дрожа всѣми членами и чуть не плача отъ злобы,—какой мнѣ платокъ сегодня подали, какой платокъ!

Платокъ, casus belli, изъ очень тонкаго полотна, чисто вымытъ и выглаженъ; единственный его недостатокъ, и при томъ, дѣйствительно, очень существенный, состоитъ въ томъ, что весь онъ покрытъ мелкими дырками: слѣды неумѣреннаго и неразумнаго употребленія прачкой хлорной воды; въ Парижѣ это неизбѣжное зло, съ которымъ въ концѣ концовъ приходится мириться.

Само собою разумѣется, что стоило бы платокъ съ дырками перемѣнить на цѣлый, и дѣло о представленіи его экономкою, а потомъ лакеемъ было бы кончено и сдано въ архивъ; но извольте тутъ кончать его мирнымъ образомъ, когда человѣка балуютъ, какъ малаго ребенка, когда онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ избыткомъ силъ и здоровья, когда его окружаетъ рабская тишина отческаго палаццо,—попробуйте пожить въ такой обстановкѣ, и вы будете учинять разносы на каждомъ шагу.

— Напишите что-нибудь о Волгѣ!—говорю я ученику и даю ему ручку съ перомъ, которая какимъ то чудомъ уцѣлѣла отъ общаго погрома.

— Вчера я проигрался на Волгѣ! — говоритъ обиженно ученикъ.

— Вы проиграли на лошади Волгѣ, а я прошу васъ написать что-нибудь о рѣкѣ Волгѣ, о томъ, что вы видѣли и слышали во время вашей послѣдней поѣздки въ Россію.

— Я не могу писать... Я буду лучше говорить!

— Говорите.

Молодой графъ задумывается, лицо его начинаетъ принимать все болѣе и болѣе спокойное выраженіе, онъ раскидывается на креслѣ, полузакрываетъ глаза и начинаетъ:

— Ба-а-тюшка, милостыньку ради Христа, пода-ай убогому!

— Проходи, проходи, что сталъ на дорогѣ!

— Булки свѣжія булки горячи! Бабы, картови, бабы! Рубцовъ горячихъ, рубцовъ!

— Варены ноги, солдатъ! Солдатъ, варены ноги! Луку, луку, луку! Колбасы не угодно ли, почтенный, — первый сортъ: съ чесночкомъ, перчикомъ!

— Христа ра-ади убогому!

— На макарьевской семь цалковыхъ... Цава...

— Пожалте-съ! Сею минутою,—сейчасъ изъ осетра! Полбутылочки какой прикажете: очищенной али аглицкой?

— Въ сущности говоря, современное экономическое положеніе...

— Ну какъ же ваши медицинскіе курсы?

— Осталась при родителяхъ.

— Досадно-съ! Нате же вамъ сѣмячекъ для развлеченія и упражненія вашей жизни.

— Кипяточку, малый!

— Отдай посовую!

— Есть!

— Тихій ходъ!

— Пять! Четыре съ полови-най! Пять! Пять! Ше-е-есть! Се-емь! Се-емь! Семь съ полови-ная! Восемь! Подъ табакъ! Подъ табакъ!

— Слава тебѣ, Господи. Царица небесная.

— Les cris du Volga!—мечтательнымъ голосомъ говоритъ молодой человѣкъ: лицо его совсѣмъ прояснилось, сдѣлалось задумчивымъ, мягкимъ и добрымъ: процессъ художественнаго творчества преображаетъ и возвышаетъ человѣка.

Разсказываютъ, что Горбуновъ замѣчательно вѣрно, со всѣми тонкостями произношенія передавалъ рѣчь англійскаго полисмэна, приводя въ восторгъ правильностью языка самихъ англичанъ и не зная при этомъ ни одного слова по-англійски. Мой ученикъ порядочно знаетъ русскій языкъ, но не настолько хорошо, чтобы всегда сознательно воспроизводить les cris du Volga: его выручаетъ замѣчательная слуховая память, способность сохранять слуховыя фотографіи и необыкновенная гибкость произношенія чуждыхъ ему звуковъ рѣчи; обыкновенно же онъ произноситъ порусски, какъ старый московскій баринъ; такая способность среди французовъ удивительная рѣдкость и объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что молодой графъ хотя и романскаго происхожденія, но французъ не чистокровный.

Воспоминанія о Волгѣ насъ успокоили и привели въ нѣжное настроеніе: мы посклоняли, поспрягали, и, когда прошли казенныя сорокъ пять минутъ урока, отъ прежней бури осталась только тихая и спокойная гладь.

— Ну, какъ занимался сегодня Гастонъ?—спрашиваетъ меня на обратномъ пути графъ-отецъ.

— Отлично,—у него замѣчательныя способности для изученія русскаго языка!—говорю я, повторяя эту фразу чуть не послѣ каждаго урока; графъ-отецъ приходитъ въ восторгъ и съ чувствомъ пожимаетъ мнѣ руку; на этотъ разъ мы раскланиваемся съ такой предусмотрительной осторожностью, что лбы наши все время находятся другъ отъ друга на почтительной дистанціи.

Отъ графа X я перехожу къ его родственнику, дюку Y. Дюкъ Y принадлежитъ къ древнему итальянскому аристократическому роду, но предки его жили уже нѣсколько сотъ лѣтъ во Франціи и составили себѣ громкое имя въ мірѣ дипломатовъ и ученыхъ; они играли видную роль не только въ судьбахъ Франціи, но даже и нашей матушки Россіи.

Молодой дюкъ до сихъ поръ еще сохраняетъ въ чертахъ своего лица и манерахъ слѣды итальянскаго происхожденія, а такъ какъ итальянцы самый вѣжливый народъ на свѣтѣ, а дюкъ, кромѣ того, получилъ воспитаніе въ дипломатической семьѣ и іезуитской школѣ, то изъ него вышелъ такой мягкій и предупредительно вѣжливый молодой человѣкъ, что заботиться о водвореніи тишины, спокойствія и порядка на урокахъ нѣтъ никакой необходимости. Мнѣ кажется даже, что если бы въ домѣ дюка кто и попробовалъ выйти изъ границъ приличія, то эта попытка не имѣла бы успѣха, потому что всюду чувствуется какая-то мягкая эластичная среда, которая не стѣсняетъ ни движеній, ни мысли, но держитъ ихъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это въ высшей школѣ учтивости допущено. Такая аристократическая атмосфера для благоденственнаго и мирнаго пребыванія, можетъ быть, очень удобна, но человѣческое вольнолюбивое общество врядъ-ли можетъ окончательно примириться съ нею и отказаться навсегда отъ удовольствія выкинуть какой-нибудь артикулъ; на эту тему есть у самого же дюка длинный рядъ картинъ какого-то стариннаго англійскаго художника. Такъ какъ мы только еще начинаемъ съ дюкомъ изученіе русскаго языка и уроки наши ни для кого не занимательны, то я разскажу лучше объ этихъ картинахъ. Съ самаго начала изображается съѣздъ гостей къ англійскому помѣщику: чопорныя встрѣчи, церемонные поклоны; потомъ гости собираются въ гостиную и ведутъ пріятныя салонныя бесѣды; вслѣдъ за этимъ идетъ обѣдъ, безконечный, скучный даже тогда, когда мужчины остаются послѣ обѣда одни и подкрѣпляются производящими увеселеніе напитками. Далѣе изображается, какъ всѣ джентльмэны торжественно прощаются, а по

томъ съ величественнымъ видомъ ложатся спать; вотъ они уже и въ постеляхъ по разнымъ комнатамъ, все спокойно, только луна пропускаетъ свои лучи сквозь щели оконъ и освѣщаетъ джентльмэновъ, не давая имъ спать и приводя ихъ въ игривое расположеніе духа; одинъ за другимъ они вскакиваютъ съ постелей, подбѣгаютъ въ однихъ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ и колпакахъ къ окнамъ, любуются роскошной лунной ночью, переглядываются въ окна съ сосѣдями и улыбаются шаловливо другъ другу. Имъ сразу стало весело и привольно на душѣ: они сбѣгаютъ внизъ въ своихъ ночныхъ костюмахъ, отправляются въ конюшни и тамъ сѣдлаютъ лошадей. Послѣ этого новая картина: по долинѣ, залитой луннымъ свѣтомъ, скачутъ во весь опоръ наши джентльмэны въ бѣлыхъ рубашкахъ и ночныхъ колпакахъ; куда они скачутъ—они и сами не знаютъ, но имъ весело, лица ихъ блещутъ неподдѣльнымъ выраженіемъ довольства и счастья,— не то школьники, которые бѣгутъ послѣ скучныхъ уроковъ домой, не то взрослые люди, которые спасаются отъ страшной засасывающей жизненной рутины. Они скачуть до тѣхъ поръ, пока лошади не начинаютъ выбиваться изъ силъ, обливаясь мыломъ, и тогда—стопъ: всѣ останавливаются у деревенскаго трактира, будятъ трактирщика, тотъ разводитъ въ каминѣ огонь, жаритъ баранью ногу, приноситъ бутылки съ виномъ. Босоногіе гости пляшутъ отъ радости, лица ихъ оживились,—какъ они непохожи на самихъ себя, когда они были во фракахъ и сидѣли чопорно за обѣдомъ, упражняясь въ учтивостяхъ.

Я люблю разсматривать эти картины: онѣ вносятъ смягчающій тонъ въ ту обстановку, гдѣ человѣкъ является взнузданнымъ и затянутымъ животнымъ, гдѣ нѣтъ довѣрія къ личности человѣка и его индивидуальнымъ силамъ, и я думаю, что подъ вліяніемъ этихъ старыхъ картинъ такъ называемые серьезные люди часто выкидывали спасительные мальчишескіе фарсы, которые освѣжали ихъ скучную и однообразную жизнь.

Отъ дюка Y я снова направляюсь къ вокзалу St.-Lazare, около котораго живетъ мой ученикъ, горный инженеръ Z. Инженеръ Z попробовалъ было поѣхать въ Россію безъ знанія русскаго языка и безъ рекомендацій и испыталъ, словно по заказу, массу трагикомическихъ непріятностей: путешествуя по глухимъ мѣстамъ, онъ постоянно навлекалъ своею особой подозрѣніе и попадалъ въ кутузку, откуда его обыкновенно извлекало какое-нибудь значительное лицо въ губерніи или вообще какой-нибудь „другъ Франціи“, который обрушивался на бѣднаго инженера со всей необузданностью русскаго гостепріимства и такъ „накачивалъ француза“ во время безконечныхъ пиршествъ, что тотъ спасалъ свою жизнь и здоровье постыднымъ бѣгствомъ, но за то въ самомъ непродолжительномъ времени снова попадалъ въ кутузку; подъ конецъ мой инженеръ ухитрился попасть въ ку-

тузку даже въ Москвѣ, гдѣ его арестовалъ городовой за то, что онъ слишкомъ усердно срисовывалъ орнаменты кремлевскихъ церквей и не могъ объяснить блюстителю тишины и порядка, для чего эти орнаменты ему нужны; послѣ всѣхъ этихъ приключеній инженеръ палъ духомъ и возвратился въ Парижъ. Россія его всетаки очень заинтересовала; инженеръ рѣшилъ, что ему стоитъ только хорошенько изучить русскій языкъ, и тогда онъ безъ всякихъ препятствій можетъ жить въ странѣ московитовъ.

Я засталъ инженера за разборомъ вещей, привезенныхъ имъ изъ Россіи; предъ нимъ были лапти, деревянныя чашки, ложки, солонки, лукошки, павловскіе замки, ножи, махорка въ бумажныхъ картузахъ, махорка въ папушахъ, „мерзавчики" съ монопольной водкой и даже обтрепанный пучекъ розогъ съ ярлычкомъ, на которомъ было написано: „высѣканіе недоимокъ". а по-французски объясненіе: „la peine des verges, infligée aux paysans pour obtenir le payement des impôts"; около розогъ лежали черные и сѣрые кусочки какой-то безформенной массы.

— Что это такое?—полюбопытствовалъ я.

— Голодный русскій хлѣбъ.

Говоритъ инженеръ теперь по-русски довольно бойко, но не всегда вразумительно. Каждый разъ онъ приготовляетъ мнѣ сочиненіе. Прошлое сочиненіе было: „Путешествіе около реберъ (côtes) Крыма"; на сегодня онъ приготовилъ письменную работу о нашествіи нѣмцевъ на Францію. Послѣ многочисленныхъ поправокъ сочиненіе это принимаетъ слѣдующій видъ: „Ночь на четвертое января 1871 года. Мнѣ восемь лѣтъ. Я сплю неспокойнымъ, тревожнымъ сномъ, мнѣ чудится какой-то гулъ и трескъ, и я часто просыпаюсь, потомъ снова засыпаю. Вдругъ раздается такой ужасный громовой ударъ, что я совсѣмъ просыпаюсь и соскакиваю съ постели; въ головѣ у меня тяжесть, ноги трясутся, и я съ усиліемъ добираюсь до окна. Густой бѣлый туманъ закрываетъ всю долину, которая разстилается передъ окнами нашего дома, и сквозь этотъ туманъ мелькаютъ красныя палочки, похожія на стебельки горящей соломы; слышенъ гулъ тяжелыхъ ударовъ, трескотня; въ сосѣдней комнатѣ стоитъ на колѣняхъ наша служанка и громкимъ голосомъ читаетъ молитву: „Dieu, splendide, eternelle, rendez nous victorieux, confondez les prussiens".

„Я понялъ тогда, что подъ пеленами бѣлаго тумана рѣшается наша судьба, скрывается страшная драма. И вдругъ занавѣсъ подымается: блеснули лучи солнца, разошелся туманъ, и мы видимъ, какъ по долинѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ наши мобили... Ужасная минута! Бѣдные солдаты, какъ перепуганное стадо, бѣгутъ черезъ сады, ломая все, что попадается имъ на пути, и въ это время со звономъ и трескомъ разрывается между ними граната, за нею другая, третья... Туманъ снова закрываетъ страш-

ное зрѣлище, и черезъ полчаса весь нашъ домъ былъ наполненъ пруссаками... Ужасный годъ!“

Занятые исправленіемъ сочиненія, мы не замѣчаемъ, какъ идетъ у насъ время. Инженеръ потираетъ себя ладонью по желудку, потомъ шлепаетъ по животу:

— Полдень!—провозглашаетъ онъ торжественно.

Открываемъ часы,—дѣйствительно, ровно полдень: французскій желудокъ въ этомъ отношеніи вѣрнѣе всякихъ часовъ: если вы помѣшаете французу завтракать—онъ заболѣетъ; отъ двѣнадцати до часу никому не совѣтую дѣлать визиты французамъ.

А мой завтракъ еще далеко. На обратномъ пути я рѣдко попадаю въ свой омнибусъ и ѣду съ случайными спутниками. Послѣ трехъ уроковъ съ тремя различными учениками, когда приходится достигать хорошихъ результатовъ путемъ усиленной нервной работы, постоянно примѣняясь къ чужому человѣку, чужому языку, чужой обстановкѣ, я чувствую нѣкоторую усталость, взбираюсь на имперіалъ конки и сижу, ничего не думая, не обращая вниманія на тотъ муравейникъ, который кишитъ на улицѣ; мало по малу я погружаюсь въ дремоту, среди которой до меня доносится лишь крикъ кучера омнибуса да щелканье его бича.

На улицѣ Риволи такое стеченіе экипажей, что омнибусъ нашъ остановился, я просыпаюсь; слышу отчаянный крикъ — открываю глаза и вижу передъ собою на стѣнѣ дома доску съ надписью: „Здѣсь былъ убитъ во время Варѳоломеевской ночи адмиралъ Колиньи“, но вѣдь это было давно,—чего же они кричатъ? Смотрю внизъ и начинаю понимать, въ чемъ дѣло: ломовая лошадь дотянулась мордой къ экипажу изъ цвѣточнаго магазина, поѣла дорогіе букеты и разбросала роскошныя корзинки; развозчикъ цвѣтовъ вопіетъ къ небу объ отмщеніи, городовой заноситъ въ протоколъ весь ходъ этой грустной исторіи.

Мы подвигаемся дальше, но ѣдемъ очень медленно; съ нашимъ омнибусомъ подружился экипажъ изъ центральнаго рынка и ѣдетъ неразлучно рядомъ съ нами; на крышѣ этого экипажа лежатъ огромныя желтыя тыквы и корзина съ картофелемъ, на корзинѣ я вижу желѣзнодорожный ярлыкъ: „Тарасконъ—Парижъ“. Тыквы такъ близко ѣдутъ около меня, что я смотрю на нихъ, любуюсь и начинаю мысленно приготовлять изъ нихъ разныя вкусныя вещи: тыкву пареную, тыкву жареную, тыкву съ кашей, тыкву съ молокомъ. Мнѣ уже кажется, что эти тыквы мои, и я везу ихъ къ себѣ на кухню; вдругъ сосѣдній экипажъ неожиданно поворачиваетъ въ сосѣднюю улицу, съ нимъ исчезаютъ мои тыквы, я огорчаюсь до глубины души и ропщу, подобно пророку Іонѣ. Чувство голода дѣлаетъ меня малодушнымъ, но уже близко, терпѣть недолго: вотъ Сена, Palais de Justice и, наконецъ, Place St.-Michel; я у себя въ Латинскомъ кварталѣ, стоитъ только еще подняться вверхъ, и я—дома.

По дорогѣ покупаю для жаркого хорошій кусокъ сырого мяса,—беру по большей части filet или faux filet, но не ромстекъ, потому что изжарить хорошо ромстекъ очень трудно: другіе, можетъ быть, умѣютъ, но я не умѣю.

Неописуемо чувство проголодавшагося человѣка, когда онъ входитъ въ свою милую кухню и слышитъ запахъ роскошнаго pot au feu, который *самъ* все время варился безъ меня на медленно тлѣющихъ палочкахъ парижскаго угля. О, парижскій уголь, какой благодѣтель человѣческаго рода тебя изобрѣлъ! ты сгорѣлъ весь безъ остатка, но за то ты поддерживалъ до послѣдняго издыханія теплоту, передалъ ее супу, и я ѣмъ этотъ супъ, ѣмъ мясо съ горчицей и самъ, въ свою очередь, проникаюсь живительной теплотой; желудочные соки вступаютъ въ свои права,—нужно для нихъ приготовить серьезную работу.

Развожу изъ обыкновенныхъ углей сильный огонь, разогрѣваю насухо сковородку, потомъ пускаю на нее кусокъ масла; масло шипитъ, моментально распускается и подпрыгиваетъ вверхъ; теперь посолимъ немного нашъ бифштексъ и, Господи благослови, шлепъ его на сковородку. Тутъ начинается очень деликатная работа: нужно какъ можно чаще переворачивать мясо, стараясь не проткнуть его вилкой и наблюдая при этомъ, сообразно силѣ огня и качеству мяса, до какой степени оно можетъ вздуться; когда наступаетъ высшая степень пухлости бифштекса, его сейчасъ же нужно снять съ огня и не допускать, чтобы онъ снова сталъ сжиматься; тутъ нужно угадать моментъ, не прозѣвать, а это очень важная вещь не только во время приготовленія бифштекса, но и въ остальныхъ человѣческихъ дѣлахъ.

И вотъ у насъ на тарелкѣ роскошный бифштексъ, стоитъ бутылка хорошаго бордо; можно еще приготовить салатъ, поджарить какіе-нибудь овощи, но овощи вещь не главная,—главное—бифштексъ и вино.

Острый ножикъ свободно входитъ въ мягкое сочное мясо, изъ середины котораго сочится кровь... Ужасайтесь, господа вегетаріанцы, ужасайтесь, но если бы вы хоть разъ въ жизни скушали такой бифштексъ, вы бы навсегда отказались отъ своей вѣры, а вы, господа трезвенники, если бы хоть разъ попробовали это вкусное вино... Впрочемъ, что тутъ разговаривать съ вами!.. Выпьемъ за Францію: да здравствуетъ Франція, моя кормилица и поилица, спасибо тебѣ за хлѣбъ, за соль!

Однако уже половина второго: пора на лекціи въ школу восточныхъ языковъ.

„Ecole des Langues orientales vivantes“!..

Какъ пріятно эти слова звучатъ для моего уха! Въ дѣтствѣ у меня были пріятныя слова, вспоминая которыя, я забывалъ всякое горе: стоило, бывало, мнѣ сказать самому себѣ: конфетка, пряникъ, ярмарка—и всякое горе забыто; теперь, вмѣсто кон-

феска, пряникъ и ярмарка, я говорю: Ecole des Langues orientales vivantes.

Школа восточныхъ языковъ играетъ въ моей жизни великую роль: она поддержала меня въ самую трудную пору моей жизни, и я вѣчно ей за это благодаренъ. Дѣло было такъ. Я принадлежу къ тѣмъ безвѣстнымъ русскимъ педагогамъ, которые въ самомъ началѣ своей педагогической дѣятельности, когда человѣкъ вкладываетъ всю свою душу въ любимое дѣло, неожиданно и совершенно незаслуженно получаютъ по шапкѣ съ запрещеніемъ всякой педагогической дѣятельности. Положеніе получается при этомъ самое непріятное: чувствуешь себя живымъ человѣкомъ, способнымъ къ любимой работѣ, жаждешь этой работы, стремишься къ ней, и въ то же время знаешь, что надъ тобою существуетъ проклятіе, что ты носишь на себѣ печать Каина. Понимать, что твоя обязанность быть въ рядахъ просвѣтителей русскаго народа, что будущность твоей родной страны зависитъ только отъ образованія и просвѣщенія и сидѣть въ это время въ сторонѣ—невыносимо тяжело, а всего хуже, что и пожаловаться при этомъ не на кого. Чувствуешь хорошо, что не министерства и департаменты виноваты въ твоей гибели, а чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй,—темное, мрачное, грязное и невѣжественное животное, которое счавкало равнодушно бѣднаго учителя при первой его попыткѣ внести хоть немного свѣта въ темный хлѣвъ русской жизни.

А между тѣмъ что-нибудь да надо же дѣлать противъ темной силы, нельзя же пробавляться контрабандными частными уроками, когда видишь, какъ стремится къ свѣту вся живая Россія и какъ душитъ ее темное нѣчто. Кончилось тѣмъ, что я направился на Западъ въ смутной надеждѣ, что, можетъ быть, тамъ есть какое-нибудь средствіе противъ хрюкающей темной массы.

Пріѣхалъ въ Парижъ, началъ ходить по лекціямъ, библіотекамъ, музеямъ, ученымъ обществамъ.—Семирамида, судырь ты мой, да и только,—а между тѣмъ средствія для борьбы съ невѣжествомъ въ предѣлахъ нашего отечества я всетаки не находилъ.

Обивая пороги во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города Парижа, я забрелъ какъ-то на лекцію русскаго языка восточнаго факультета; какъ разъ въ это время на отдѣленіи русскаго языка молодой профессоръ Paul Boyer начиналъ большія работы въ дѣлѣ изысканія основъ и устоевъ русскаго языка и вводилъ реформы въ дѣло университетскаго преподаванія; работа шла коллективная, въ ней принимали участіе всѣ, кто интересовался русскимъ языкомъ, всякая помощь принималась съ благодарностью, безъ всякаго ложнаго ученаго самолюбія, хотя и съ большой осторожностью; полное отсутствіе ненужной формалистики, оскорбительнаго недовѣрія и полицейскаго надзора въ учебномъ заведе-

ніи—все это сразу подѣйствовало на меня чарующимъ образомъ, а когда профессоръ и студенты попросили меня почитать имъ „Ревизора“, то передо мною снова воскресли прежнія времена: я почувствовалъ себя такъ же хорошо, какъ бродячая собака, которую гдѣ-нибудь вкусно покормили на кухнѣ.

Въ концѣ концовъ я сдѣлался репетиторомъ русскаго языка на факультетѣ живыхъ восточныхъ языковъ, пріемнымъ сыномъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія; никакихъ рекомендацій и свидѣтельствъ о благонадежности не потребовалось: я оказался нужнымъ школѣ, школа меня приняла и министръ утвердилъ рѣшеніе школы; я чувствую себя полноправнымъ гражданиномъ, а не безотвѣтнымъ рабомъ, здѣсь я не только могу, но даже долженъ смѣло и открыто говорить, что 2+2=4, не опасаясь навлечь на себя какія-нибудь непріятности.

Самое же интересное, что я нашелъ въ школѣ,—это разборъ и объясненіе могучей силы русскаго языка вообще и языка каждаго изъ нашихъ выдающихся писателей въ отдѣльности; въ школѣ я убѣдился, что русскіе писатели—единственная и вмѣстѣ съ тѣмъ великая наша слава и гордость передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, что русскій языкъ и литература есть залогъ нашей славной будущности, залогъ побѣды надъ мракомъ, угнетающимъ нашу страну, что это именно и есть то средствіе, которое я искалъ за границей, гѣ рукавицы, которыя у меня и у всякаго русскаго находятся за поясомъ.

Поговоримъ теперь о нашей школѣ. На русскомъ отдѣленіи факультета живыхъ восточныхъ языковъ оффиціально полагается три курса, но такъ какъ всякій студентъ для практическаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ долженъ еще съѣздить въ промежуткахъ занятій на годъ въ Россію, то трехлѣтній курсъ растягивается въ четырехлѣтній, да и это еще слава Богу, потому что программа отдѣленія очень трудна и серьезна, и ее подъ силу одолѣть только трудолюбивымъ и даровитымъ студентамъ; экзамены очень строги.

Чтобы дать представленіе о занятіяхъ въ нашей школѣ, привожу учебную программу экзаменовъ 1896—97 учебнаго года.

Первый годъ. Письменный экзаменъ: морфологія. Устный экзаменъ: географія и исторія Россіи (источники: Реклю, Всеобщая географія, т. V и VI; Рамбо, Исторія Россіи и Ан. Леруа Болье, L'Empire des Tzars et les russes, I). Переводъ текстовъ на экзаменѣ, приготовленныхъ заранѣе: 1) Статьи №№ 28, 38, 39, 43, 45, 50, 61, 66, 67, 70, 79, 82 и 96 изъ хрестоматіи для начинающихъ Оскара Асбота. 2) А. С. Пушкинъ. Капитанская дочка.

Второй годъ. Письменный экзаменъ: морфологія и синтаксисъ. Диктовка текста изъ сочиненій, прочитанныхъ студентами раньше. Повторительный экзаменъ по исторіи и географіи Россіи (Ан. Леруа Болье, L'Empire des Tzars, II).

Переводы:

1) М. Ю. Лермонтовъ. Герой нашего времени.
2) В. М. Гаршинъ. Изъ воспоминаній рядового Иванова.
3) Л. Н. Толстой. Севастополь.
4) Л. Н. Толстой. Мятель.
5) А. С. Пушкинъ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Третій годъ (дипломъ). Письменный экзаменъ: повтореніе всей грамматики, ударенія, диктовка и переводъ продиктованнаго текста. Сочиненіе. Устный экзаменъ: Современная русская литература (источники: А. В. Арсеньевъ, Словарь писателей; де-Вогюе, Русскій романъ). Россія съ религіозной точки зрѣнія (Ан. Леруа Болье. L'Empire des Tzasr, III).

Чтеніе русскихъ манускриптовъ.

Переводы:

1) М. Ю. Лермонтовъ. Лирическія стихотворенія.
2) И. С. Тургеневъ. Записки охотника.
3) М. Е. Салтыковъ. За рубежемъ.
4) Л. Н. Толстой. Война и миръ.

Во время учебнаго года занятія располагаются такимъ образомъ. Профессоръ читаетъ одну лекцію въ недѣлю по грамматикѣ для перваго курса и двѣ лекціи для старшихъ курсовъ: изъ этихъ лекцій одна посвящена разбору какого-нибудь произведенія древнерусскаго писателя, а другая—современнаго. Студенты старшихъ курсовъ прочитываютъ къ каждой лекціи извѣстное число страницъ или главъ изъ произведенія избраннаго писателя и заблаговременно посылаютъ профессору письма, въ которыхъ отмѣчаютъ всѣ затруднительныя и темныя для нихъ слова и выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ свои замѣчанія на счетъ особенностей языка изучаемаго автора и разнаго рода критическія замѣтки.

На основаніи писемъ студентовъ, а, главное, на основаніи собственныхъ изысканій и выводовъ, провѣренныхъ вездѣ, гдѣ только ихъ можно провѣрить на основаніи поговорки „семь разъ примѣряй, а одинъ разъ отрѣжь", профессоръ составляетъ лекцію, на которой студенты присутствуютъ не въ качествѣ безучастныхъ слушателей, которымъ жуютъ и въ ротъ кладутъ, а въ качествѣ лицъ, сознательно участвующихъ въ общемъ трудѣ, для которыхъ на лекціи являются отвѣты на всѣ ихъ вопросы, явившіеся у нихъ во время домашней работы, лицъ, которые своими замѣчаніями способствовали интересу лекціи. Обсужденіе научныхъ вопросовъ на лекціи ведется очень обстоятельно, окончательныя рѣшенія подводятся осторожно, всякое ложное ученое самолюбіе профессора и студентовъ изгнано навсегда изъ аудиторіи, всякому предоставляется право ошибаться и не стыдиться этихъ ошибокъ, памятуя твердо, что errare humanum est.

Свои замѣчанія по поводу предстоящей лекціи студенты не

только письменно сообщаютъ профессору, но могутъ сдѣлать то же и устно,—для этого назначено особое время, очень много вопросовъ и замѣчаній дѣлается во время самой лекціи и это оживляетъ ее: профессоръ доволенъ, когда студенты дѣлаютъ интересныя замѣчанія, ставятъ новые вопросы, студенты же никогда не злоупотребляютъ этимъ правомъ и не тормазятъ лекціи ненужными разглагольствованіями, какъ это дѣлаютъ ихъ коллеги въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ во время практическихъ занятій на филологическомъ и юридическомъ факультетахъ. Иногда студенты и, особенно, студентки (есть у насъ и женскій полъ) не могутъ сразу на хорошій разговоръ попасть и, будучи заднимъ умомъ крѣпки, приготовляютъ свои замѣчанія и возраженія только къ концу лекціи; для нихъ Boyer остается на каѳедрѣ и бесѣдуетъ уже частнымъ образомъ. Иногда эти бесѣды затягиваются надолго.

Благодаря такому способу веденія лекцій, профессоръ имѣетъ полную возможность слѣдить за тѣмъ, кто и какъ работаетъ во время учебнаго года, и опредѣлить точно успѣшность занятій каждаго студента передъ экзаменами.

Само собою разумѣется, что лекціи Boyer со товарищи не могутъ претендовать на рѣшеніе вопросовъ о русскомъ языкѣ во всемъ ихъ объемѣ, но онѣ даютъ болѣе важное,—онѣ показываютъ юношеству, какъ нужно пролагать дорогу для самостоятельной работы; студенты сами привыкаютъ справляться съ научными матеріалами, находя ихъ не только на библіотечныхъ полкахъ, но и въ самой жизни.

Занятія въ школѣ живыхъ восточныхъ языковъ представляютъ собою полную побѣду университетской системы новаго времени надъ средневѣковою системою, которая практикуется въ Россіи, Германіи и достаточно сильна еще и во Франціи: новая университетская система основана на томъ, что теперь давно уже книги печатаются, а не пишутся, и что не одинъ профессоръ можетъ быть обладателемъ и объяснителемъ того печатнаго матеріала, разборомъ котораго могутъ заняться и студенты; девизомъ новой системы является полная самодѣятельность и самостоятельность ученика, по завѣтамъ же старой школы студентъ на лекціи представляетъ собою пустой сосудъ, который профессоръ наполняетъ кушаньемъ своего приготовленія; профессоръ, это—старая птица, которая кормитъ своихъ птенцовъ, умѣющихъ только раскрывать рты; съ этимъ знаніемъ птенцы отправляются въ жизнь, не получивъ никакой сноровки для самостоятельной творческой дѣятельности.

Русскому университету трудно сбросить съ себя ветхаго человѣка даже тогда, когда онъ достигнетъ того, что составляетъ его pia desideria, и препятствіе мы носимъ въ самихъ себѣ: мы не Сократы, мы не умѣемъ, разговаривая сами, давать возмож-

ность и другимъ говорить; серьезные разговоры мы ведемъ длинными монологами, говорятъ только избранные, остальные должны изображать изъ себя греческій хоръ; если же это правило не соблюдается, мы начинаемъ галдѣть: галдятъ у насъ во время защитъ диссертацій, въ собраніяхъ ученыхъ обществъ, на практическихъ занятіяхъ студентовъ,—однимъ словомъ, вездѣ, если только кто-нибудь одинъ не захватитъ себѣ верховной власти и не начнетъ подавлять своимъ краснорѣчіемъ присутствующихъ. На общихъ русскихъ обѣдахъ за-границей распорядители къ своему приглашенію обыкновенно прибавляютъ: „говорить будетъ такой-то",—хочешь, иди, хочешь, не иди, но во всякомъ случаѣ порядокъ за обѣдомъ обезпеченъ, говорильщика тоже выбираютъ интереснаго, а потому и кушать, и слушать можешь безъ всякаго препятствія.

Даже и я, поклонникъ новой системы университетскаго преподаванія и подражатель Boyer, начинаю иногда себя чувствовать не въ своей тарелкѣ во время нашихъ разговорныхъ занятій и время отъ времени начинаю бояться, что мы ведемъ хозяйство не такъ, какъ въ хорошихъ домахъ. Порой меня беретъ большая охота прочитать настоящую лекцію, какія читаются въ старинныхъ университетскихъ семействахъ: наберешь массу матеріала, „обработаешь" его, „освѣтишь" и затѣмъ цѣлый часъ плаваешь въ своемъ краснорѣчіи: студенты — ничего себѣ, — слушаютъ: они хорошо понимаютъ, что нужно же русскому человѣку душу отвести, а потому мели, мели, Емеля, пришла твоя недѣля; кромѣ того они знаютъ, что я человѣкъ не безъ совѣсти и послѣ упражненія въ краснорѣчіи назначу дополнительную лекцію, во время которой мы можемъ и побесѣдовать.

Во главѣ нашихъ занятій стоитъ хорошо извѣстный въ русскомъ образованномъ обществѣ профессоръ Paul Boyer. Павелъ Юльевичъ Бойе всю свою жизнь посвятилъ на изученіе русскаго языка; русскій языкъ—его божество, всѣ хорошіе передовые русскіе люди, безъ различія партій, его друзья, защитники мрака—враги; фанатически преданный своему дѣлу, трудолюбивый, какъ средневѣковый ученый, упрямый и настойчивый до послѣдней степени во время научныхъ изысканій, осторожный въ дѣлѣ подведенія научныхъ итоговъ, онъ въ то же время охотно и даже съ большимъ удовольствіемъ признаетъ всѣ свои ошибки, никогда не стѣсняется и не устаетъ совѣтоваться съ массою лицъ по какому-нибудь вопросу, который ему кажется почему-либо темнымъ.

Я никогда не пропускаю лекцій Boyer, не только потому, что я репетиторъ по его предмету, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы познакомиться практически съ его педагогическими методами, чтобы видѣть передъ собою примѣръ, какъ профессоръ „и знать, и мыслить позволяетъ" своимъ студентамъ независимо отъ

собственныхъ взглядовъ, какъ онъ привлекаетъ къ совмѣстной работѣ всѣхъ своихъ учениковъ и достигаетъ общими трудами блестящихъ результатовъ, которые получаются только тогда, когда учащіеся дѣлаются людьми самостоятельными въ наукѣ и видятъ въ профессорѣ только своего старшаго товарища.

— Воображаю, какой у нихъ тамъ порядокъ!—скажетъ какой-нибудь почтенный русскій педагогъ, читая эти строки. По поводу предполагаемаго замѣчанія почтеннаго русскаго педагога симъ изъясняю, что порядка у насъ столько, хоть отбавляй: посѣщеніе лекцій обязательное, и студентъ, пропустившій болѣе семи лекцій подъ рядъ, долженъ прислать письмо съ подробнымъ объясненіемъ причины своего отсутствія. Если студентъ начинаетъ плохо заниматься, то профессоръ призываетъ его и обличаетъ тайно; если студентъ по-прежнему продолжаетъ лѣниться, то профессоръ обличаетъ его явно передъ всей церковью, т. е. аудиторіей, и обличаетъ такъ, что хоть стой, хоть падай: русскій студентъ, навѣрно, разобидѣлся бы на профессора за такой разносъ, но французъ переноситъ съ покорностью, потому что его бранятъ только за лѣность, которая во Франціи не считается добродѣтелью среди учащихся. Далѣе, если студентъ даже послѣ разноса продолжаетъ лѣниться, то Boyer прекращаетъ съ нимъ всякіе разговоры, игнорируетъ его существованіе, смотритъ на него, яко на язычника и мытаря. Произвола со стороны профессора въ дѣлѣ зачисленія студента въ рангъ язычника и мытаря быть не можетъ, потому что дѣло ведется на глазахъ всѣхъ товарищей. Кромѣ того, само собою разумѣется, что язычникъ и мытарь снова можетъ попасть въ лоно церкви, если опять примется работать, но это, впрочемъ, бываетъ по большей части уже тогда, когда грѣшникъ остается на второй годъ.

Послѣ лекціи Boyer начинается моя лекція на первомъ курсѣ (на первомъ курсѣ у меня ихъ двѣ, на старшихъ одна). Первокурсниковъ у насъ собирается много, но второкурсниковъ изъ нихъ выходитъ мало. Главная приманка для поступленія въ школу та, что дипломъ ея даетъ высшую льготу при отбываніи воинской повинности, но такъ какъ этотъ дипломъ приходится добывать очень тяжелымъ трудомъ, то обыкновенно въ школѣ остаются только тѣ студенты, которые работаютъ за совѣсть, а не за страхъ передъ солдатской муштровкой. Между первымъ и старшими курсами поэтому огромная разница: на старшихъ курсахъ народъ обстрѣлянный, трудолюбивый, къ дѣлу своему относится съ любовью и сознательно, а на первомъ курсѣ, — хотя и съ грустью, но долженъ признаться, — большинство студентовъ почиваетъ на лаврахъ послѣ окончанія гимназическаго курса, нѣкоторые плетутся рысью какъ-нибудь и только очень небольшая кучка оказываетъ блестящіе успѣхи. Boyer занимается главнымъ образомъ съ блестящими учениками, обращаетъ вни-

маніе на тѣхъ, которые плетутся рысью какъ-нибудь и совершенно не интересуется Камчаткой. Умомъ я вполнѣ понимаю почтеннаго профессора, но сердцемъ... сердцемъ я всетаки скорблю за камчадаловъ, которые подъ моимъ руководствомъ научились читать и писать по-русски, знаютъ кое-что изъ грамматики, и потому я всегда стремлюсь пріобщить своихъ птенцовъ къ общей группѣ занимающихся студентовъ. Къ какимъ результатамъ приводитъ моя просвѣтительная дѣятельность среди камчадаловъ,—мы сейчасъ увидимъ. Смеркается. Является хромой appariteur Жоленъ.—самое важное лицо по внѣшнему виду въ нашей школѣ, потому что онъ носитъ при исполненіи своихъ обязанностей такую цѣпь, какъ у насъ мировые судьи,—кладетъ книгу, въ которую записываютъ свои фамиліи студенты, и начинаетъ зажигать газовыя лампы: лампы у насъ устроены очень интересно,—безъ огня онѣ не отличаются отъ другихъ, но, когда ихъ зажгутъ, онѣ начинаютъ свистѣть и завывать точь въ точь, какъ зимняя вьюга на дворѣ въ Россіи. Пріятно подъ такую музыку почитать какую-нибудь старую русскую сказку:

„Въ нѣкоторомъ цàрствѣ, нѣкоторóмъ государствѣ, жиллъ быллъ...“—читаетъ какой-нибудь студентъ, отчеканивая и русскія, и французскія ударенія и ломая свой языкъ о твердый русскій „л“. Начинается переводъ и разборъ, въ которомъ особое участіе принимаетъ Murat, недурно знающій практически русскій языкъ, и очень юный англійскій филологъ Ellis Minns, который началъ въ нашей школѣ съ азовъ, а теперь впитываетъ въ себя знаніе русскаго языка съ такой быстротой, что только руками разводишь отъ удивленія. Каждый въ аудиторіи занятъ своимъ дѣломъ; занимающіеся студенты записываютъ въ свои тетради интересующія ихъ выраженія и грамматическія формы, сосѣдъ Minns'а, Пишонъ де-Шато Форъ, дремлетъ, ритмически кивая головой, и просыпается только тогда, когда у него вываливается изъ глаза монокль; нѣкоторые изъ камчадаловъ читаютъ „Религіозную Недѣлю“ для предстоящихъ благочестивыхъ салонныхъ бесѣдъ, другіе рисуютъ на партахъ. Относительно рисунковъ на партахъ въ нашей аудиторіи я могу сказать совершенно безпристрастно, положа руку на сердце, что они и по исполненію, и по содержанію стоятъ гораздо выше тѣхъ рисунковъ, надъ которыми работаютъ депутаты во время засѣданій въ палатѣ и которые публикуются потомъ въ Illustration,—видно, что господа депутаты прилагаютъ много усердія и старанія, а толку у нихъ выходитъ мало, а въ нашей школѣ вы можете найти великолѣпно исполненный рядъ сценъ изъ жизни осужденнаго къ смертной казни, есть отличныя иллюстраціи къ легендѣ о вѣчномъ жидѣ; есть еще такая занимательная картинка: изображенъ скелетъ, одѣтый по послѣдней модѣ, скелетъ этотъ сидитъ въ гостиной, за нимъ ухаживаютъ папаша и мамаша, а дочка въ это время сидитъ за

роялемъ, отчаянно музицируетъ и бросаетъ обворожительные взгляды на ужаснаго гостя. Есть также много очаровательныхъ женскихъ головокъ, совсѣмъ не похожихъ на тѣ головки, которыя барышни рисуютъ во время уроковъ: барышни обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на прическу и туалетъ головки, а въ нашихъ рисункахъ я вижу... прямое вліяніе Грёза. Увѣряю васъ, клянусь вамъ Богомъ,—если бы эти рисунки отправить на выставку въ Salon, то наша школа, навѣрно, получила бы медаль, можетъ быть и не золотую, но серебряную получила бы навѣрно. Къ сожалѣнію, всегда и вездѣ наукѣ и искусству становится поперекъ дороги невѣжество: Жоленъ очень милый человѣкъ, мы съ нимъ большіе пріятели, но amicus Plato, а всетаки я долженъ сказать, что Жоленъ не только ни уха, ни рыла не понимаетъ въ искусствахъ, а прямо-таки настоящій варваръ: каждую субботу онъ командируетъ въ нашу аудиторію l'homme de peine съ горячей водой и тряпкой, и прекрасныя произведенія искусства смываются безпощадно и... безвозвратно. Грустно! Ну, а какъ же идутъ наши занятія? Занятія идутъ отлично, до конца лекціи остается всего минутъ десять, я въ отличномъ настроеніи и въ избыткѣ душевной радости рѣшаю внести лучъ свѣта въ темную страну Камчатки.—Monsieur N. N.,—говорю я,—разверните „Капитанскую дочку“ и переведите первое попавшееся вамъ мѣсто!

Monsieur N. N. развертываетъ и читаетъ:

„Я скватѝль ея̀ рукỳ и прильнỳль къ ней, обливая̀ слезамѝ умиленія̀, Машà не отривалѧ̀ ее... и вдрукъ ея губкѝ коснулѝсь моéй шекѝ, и я почувствовàль икъ жаркѝ и свѣжѝ поцѣлю̀й“.

— Переведите!

По части перевода ни тпру, ни ну, и мы принуждены обратиться за этимъ къ болѣе знающимъ товарищамъ.

— Это невѣрно,—заявляетъ камчадалъ,—я не о переводѣ говорю, а о томъ, что жаркій поцѣлуй никогда не бываетъ свѣжимъ.

— Не бываетъ, не бываетъ!—подтверждаетъ остальная Камчатка.

— Не стоитъ больше читать Пушкина,—онъ ничего не понимаетъ по части поцѣлуевъ!—заявляетъ мнѣ камчадалъ.

Это Пушкинъ-то ничего не понимаетъ по части поцѣлуевъ! Боже милосердный! Для сохраненія времени и избѣжанія ненужныхъ разговоровъ снимаю вопросъ о поцѣлуяхъ съ очереди.

— Произведите существительное отъ корня „рост-раст“! обращаюсь я къ другому камчадалу.

— Rasta!

— Русское, а не французское.

— Русскаго я не знаю.

— Просклоняйте существительное: мужикъ!

— Мужикъ... это значитъ рабъ?—освѣдомляется камчадалъ.

— Въ Россіи нѣтъ рабовъ,—отвѣчаю я,—рабы освобождены императоромъ Александромъ II по манифесту 19 февраля 1861 г.

— Однако имъ всетаки и теперь даютъ кнутъ?

— Наказаніе кнутомъ у насъ отмѣнено; вмѣсто кнута у насъ мужиковъ иногда сѣкутъ розгами, но и то только по приговорамъ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ.

— Всетаки, значитъ, сѣкутъ, хотя и розгами,—какіе же это свободные люди?—пристаетъ ко мнѣ камчадалъ.

— Да,—говорю я, стараясь придать своему голосу равнодушный тонъ,—но, видите ли, такого рода приговоры теперь очень рѣдки, а если они и бываютъ, то земскіе начальники стараются смягчить ихъ, замѣняютъ...

— Пощечинами?—язвительно подсказываютъ камчадалы.

Ну, вотъ извольте тутъ имѣть дѣло съ такими господами: по-русски ни бельмеса не знаютъ, а на счетъ Россіи всегда заведутъ такіе разговоры, что и самъ не знаешь, какъ ихъ кончить, какъ изъ нихъ выпутаться. На мое счастье, уже конецъ лекціи. Жоленъ отворяетъ дверь и торжественно подходитъ къ каѳедрѣ, за нимъ идетъ, сверкая кофтой, шурша шелковой юбкой и блистая черной косой, репетиторъ китаецъ. Мы обмѣниваемся съ нимъ церемонными поклонами, и послѣ этого китаецъ занимаетъ мое мѣсто. Завтра у насъ, вмѣсто лекцій, будетъ литературное утро: артистка Щепкина-Куперникъ будетъ читать басни Крылова, младшая Щепкина-Куперникъ прочитаетъ письмо Татьяны, Бальмонтъ—свое стихотвореніе, адвокатъ князь Урусовъ—„Моцартъ и Сальери", а также о значеніи Пушкина въ русской литературѣ. Большое спасибо нашимъ пріѣзжимъ русскимъ гостямъ, особенно за Пушкина: и понятливый, кажется, у насъ народъ, а съ Пушкинымъ все какъ-то не ладится; другихъ писателей у насъ разбираютъ и понимаютъ такъ, что дай Богъ, чтобы и въ Россіи ихъ такъ разбирали и понимали, а съ Пушкинымъ мы что-то хромаемъ. На сегодня я всю свою работу кончилъ, пойду теперь обѣдать къ сотруднику „Revue des deux mondes", ученику Паскаля и де-Виньи, инженеру политехнической школы, профессору военной школы Сенъ-Сиръ и капитану отъ артиллеріи Патрику Магону.

Патрикій Веніаминовичъ Магонъ—лицо, очень извѣстное въ военныхъ кругахъ Россіи, куда его часто командируетъ французское военное министерство, но въ Россіи Магона знаютъ только какъ блестящаго офицера, а я знаю его только въ то время дня, когда онъ, окончивъ служеніе богу Марсу, совершаетъ служеніе музамъ: что-нибудь пишетъ или наслаждается чтеніемъ міровыхъ классиковъ, преимущественно древнихъ Долженъ сказать, что послѣднее обстоятельство всегда приводитъ меня въ нѣкотораго рода смущеніе: капитаны, пишущіе послѣ службы, у

насъ не рѣдкость, но такихъ капитановъ, которые наслаждаются чтеніемъ Горація, Виргилія или Гомера, да еще въ подлинникѣ,— это, ужъ извините, для меня въ Россіи вещь невиданная, да и вообще я никогда не видывалъ, чтобы у насъ кто-нибудь наслаждался чтеніемъ Горація или Гомера въ подлинникѣ; если же и есть любители такого рода чтенія, то они, навѣрно, читаютъ „дверемъ затвореннымъ“,—иначе засмѣютъ: молодая Россія не любитъ никакихъ древностей, это—мальчикъ, который останавливается передъ древнимъ надгробнымъ памятникомъ въ музеѣ только за тѣмъ, чтобы попробовать, нельзя-ли на этотъ памятникъ вскочить верхомъ.

Какъ писатель, Магонъ лишенъ нѣкоторыхъ правъ состоянія, и не за какія-нибудь провинности, а просто потому, что онъ военный человѣкъ: военный человѣкъ во Франціи не имѣетъ права писать о современной жизни Франціи; онъ можетъ писать только о далекомъ прошломъ своей родины, или о томъ, что находится внѣ ея предѣловъ; все, написанное для печати французскимъ офицеромъ, подвергается строгой цензурѣ военнаго министра, офицеръ можетъ подписываться только псевдонимомъ, всякое нарушеніе этихъ правилъ ведетъ за собою ограниченіе правъ по службѣ. Пьеръ Лоти только разъ себѣ позволилъ написать корреспонденцію о текущей жизни Франціи безъ обычнаго разрѣшенія министра и, благодаря этому, навсегда испортилъ свою морскую карьеру.

Не смотря на все это, Магонъ ухитрился блестяще начать свою писательскую карьеру книгою о современномъ французскомъ солдатѣ и офицерѣ (Pingot et moi): тонъ книги самый безобидный, направленіе философское, и министръ разрѣшилъ ее напечатать. Книга имѣла огромный успѣхъ,—философія артиллерійскаго поручика и мастерски нарисованныя картинки изъ военной жизни очень понравились публикѣ. Академія выдала премію молодому автору, но, не смотря на все это, „ворчали старики“, и министръ предложилъ молодому писателю-офицеру подчиниться общимъ правиламъ, а для того, чтобы имѣть возможность почерпать матеріалы для изображенія далекаго прошлаго, ему предложили заниматься въ архивѣ генеральнаго штаба. Историческое прошлое Франціи, разумѣется, имѣетъ большой интересъ, и въ архивѣ Магонъ нашелъ массу неизвѣстныхъ и большой исторической важности документовъ о Директоріи, изъ которыхъ у него выйдетъ прелюбопытная книга; нашелъ интересные документы о Суворовѣ, нашелъ русскіе военные документы, захваченные на Малаховомъ курганѣ и оказавшіеся просто на просто караульной книгой, интересной только потому, что въ ней расписывались наши севастопольскіе герои и при томъ нерѣдко самыми оригинальными каракулями; все это очень интеесно, но когда чуткому и отзывчивому писателю приказано мол-

чать о современной дѣйствительности, то положеніе его можно назвать весьма незавиднымъ. Чтобы не терять связи съ современностью и имѣть возможность наблюдать и описывать хотя бы заграничную жизнь, Магонъ изучилъ русскій языкъ и теперь получаетъ командировки въ Россію, которыя даютъ ему матеріалъ для отдѣльныхъ разсказовъ въ „Revue des deux mondes“.

Я люблю бывать у Магона: видѣть его мнѣ положительно необходимо, потому что у него только я могу настроить свой нервный инструментъ, необходимый мнѣ для педагогическаго труда. Какъ только я увижу его высокую, прямую фигуру, напоминающую отчасти донъ Кихота, какъ только увижу его добрые и умные глаза, услышу пріятный мягкій тембръ молодого голоса, простую и сжатую рѣчь, я сразу чувствую, что передо мной не сверхъ- и не внизъ-человѣкъ, а какъ разъ настоящій человѣкъ, въ присутствіи котораго чувствуешь себя необыкновенно хорошо и свободно: такое ощущеніе испытываешь во снѣ, когда чувствуешь, что летаешь просто и свободно по воздуху.

У Магона я застаю двухъ литераторовъ: Сызрана и Генри Беранже. Сызранъ пишетъ книгу о Рескинѣ и можетъ говорить только о Рескинѣ, — гораздо было бы пріятнѣе, если бы онъ у себя самъ съ перчаткой разсуждалъ о Рескинѣ, потому что въ большомъ количествѣ не только канчуки, но и Рескинъ—вещь нестерпимая. Нужно всетаки замѣтить, что Сызранъ любитъ своего ближняго, какъ самого себя, а потому не только самъ говоритъ, но и другимъ тоже даетъ возможность воспользоваться употребленіемъ своего языка. О, если бы наши образованные русскіе люди обладали такою любовью къ своему ближнему!

Генри Беранже имѣетъ усталый видъ: утромъ онъ велъ бесѣды на манеръ Сократа съ сантъ-антуанскими рабочими, потомъ онъ былъ занятъ вмѣстѣ съ Морисомъ Бушаромъ и другими народолюбцами организаціей публичнаго чтенія „Horace“ въ зданіи народной школы на rue d'Alesia: нужно было пригласить актеровъ и любителей, распредѣлить между ними роли, пригласить учениковъ изъ консерваторіи для пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ, нужно было оповѣстить рабочихъ и босяковъ о приготовляющемся даровомъ публичномъ чтеніи. Я бывалъ на этихъ чтеніяхъ. Сначала я не понималъ, какое отношеніе можетъ имѣть Расинъ и Корнель къ массѣ, большая часть которой такъ задавлена нищетой, что давно уже потеряла всякій образъ человѣческій. Но какъ только началось чтеніе, не уступавшее по исполненію Одеону (были артисты и изъ Одеона), сейчасъ же началъ волноваться благородными чувствами загнанный и затертый жизнью людъ, загорѣлись у слушателей глаза, и въ концѣ чтенія толпа прониклась такимъ возвышеннымъ энтузіазмомъ, котораго никогда не встрѣтишь среди обычной театральной публики.

— Не люблю я теперешнихъ театровъ,—говаривалъ мнѣ когда-то древній старичокъ безъ опредѣленныхъ занятій, съ которымъ я удилъ рыбу на Днѣпрѣ.—Нѣтъ теперь прежняго театра: въ прежнемъ театрѣ обыкновенно тебѣ выходитъ царь или князь да какъ гаркнетъ, а другіе какъ подхватятъ — прямо, братецъ мой, за сердце возьметъ и на вершокъ выростешь, а слова-то все не пустыя какія-нибудь, а хорошія, очень даже хорошія:

Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и безконечный стыдъ!

Вотъ какія раньше слова-то были, а нынче на кой лядъ мнѣ ихъ театръ,—я и такъ кругомъ вижу все ихъ представленіе!

Послѣ обѣда у Магона Беранже отправится занимать скучающую публику въ огромный великосвѣтскій салонъ: у него будутъ пособники—заговорщики, роли всѣмъ розданы на извѣстную тему, великосвѣтская публика будетъ охвачена дѣльнымъ разговоромъ: иное слово упадетъ при дорогѣ, иное на камень, иное въ терніе, иное на добрую землю и принесетъ плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать. Уходя изъ салона, Беранже получитъ нѣсколько тетрадокъ со стихами для просмотра; на каждой изъ нихъ онъ долженъ надписать: „Милостивая государыня! Ваша муза есть настоящая муза“ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Такимъ образомъ, весь день у Беранже посвященъ общественной работѣ, а, когда бываетъ перерывъ, онъ пишетъ, не покладая рукъ, пишетъ, какъ каторжникъ, и всетаки едва выколачиваетъ за годъ изъ своего писанія 5000 фр. Зарабатывать деньги перомъ во Франціи очень трудно: французскія книги читаютъ только за границей, а для французовъ придется скоро издавать разсказы въ лицахъ, исторіи въ картинахъ; плата въ журналахъ самая ничтожная; зарабатываютъ хорошія деньги только очень выдающіеся писатели, писатели ужасныхъ фельетонныхъ романовъ да иногда писатели-могильщики, которые присасываются къ какой-нибудь умирающей знаменитости и послѣ ея смерти продаютъ воспоминанія о знаменитомъ покойникѣ за дорогую цѣну. Послѣ смерти Додэ... но тутъ уже пошли свои... перейдемъ къ обѣду, который уже готовъ; madame Магонъ приглашаетъ насъ занять мѣста, денщикъ въ бѣломъ передникѣ, изъ подъ котораго видны синія панталоны съ широкими красными артиллерійскими лампасами, вноситъ миску съ супомъ.

Послѣ обѣда у Магона я отправляюсь для пріятнаго пищеваренія на ученое засѣданіе французскихъ филологовъ.

Французскіе филологи имѣютъ для меня необыкновенную притягательную прелесть: въ минуты жизни трудныя, въ періодъ

глубокаго упадка духа я всегда лѣчился посѣщеніемъ отдѣленія рукописей національной библіотеки. Стоитъ мнѣ только поздороваться съ любезнымъ и обязательнымъ Омономъ, который завѣдуетъ этимъ отдѣленіемъ, посмотрѣть издали на Анатоля Франса, который счастливъ, какъ котъ на теплой лежанкѣ, изучая какую-нибудь роскошно разрисованную средневѣковую рукопись, на всѣхъ сосѣдей, милыхъ старичковъ шартистовъ; стоитъ только потребовать себѣ какой-нибудь старый славянскій пергаментъ съ простодушными замѣтками на поляхъ читателей, тоже очень древнихъ, давнымъ давно ушедшихъ съ нашей земной юдоли, и все дурное настроеніе, какъ рукою, сниметъ: „тогда расходятся морщины на челѣ и въ небесахъ я вижу Бога".

Люблю я также засѣданія филологическихъ обществъ. Большинство докладовъ господъ филологовъ не про меня писаны, есть такіе, которые меня очень интересуютъ, остальные — забавляютъ: въ филологіи, какъ и во всей жизни, отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ.

И вотъ я въ своей милой alma mater Сорбоннѣ. Маленькая комната, кругомъ уставленная шкафами съ средневѣковыми фоліантами, на скамейкахъ сидятъ самаго разнообразнаго вида и возраста ученые мужи, за столомъ предсѣдатель, помощникъ, секретарь, въ углу—библіотекарь; около библіотекаря цѣлая вавилонская башня изъ книгъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, все это — дары, присланные обществу: всякій чортъ Иванъ Ивановичъ, всякій народишка держится за свой языкъ, за свои каракульки, которыми онъ изображаетъ свои мысли, — все это, разумѣется, очень трогательно, но каково нашему библіотекарю записывать въ каталогъ всю эту тарабарщину, а нужно записать точно, потомъ еще отпечатать заглавія въ ежемѣсячномъ журналѣ. Не досадно было бы еще все это продѣлывать для современныхъ народовъ: живетъ какой-нибудь народецъ у чертей на куличкахъ, печатаетъ на своемъ языкѣ книжку, посылаетъ ее въ Парижъ,— пусть, дескать, знаютъ, какіе чудаки на бѣломъ свѣтѣ живутъ,— потомъ получаетъ изъ Парижа благодарность, всетаки, какъ хотите, а это лестно, но что вы скажете на счетъ такихъ господъ, которые откопаютъ народъ, уже давнымъ давно отжившій, языкъ котораго никому не нуженъ, возстановятъ этотъ языкъ и при этомъ, конечно, наврутъ три короба, напечатаютъ на этомъ языкѣ массу книжекъ и потомъ разсылаютъ всѣмъ библіотекарямъ по всей вселенной: нате, молъ, кушайте и поминайте нашихъ родителей.

Засѣданіе уже началось; около доски молодой профессоръ Мейе, отчаянно жестикулируя пальцами и сверкая своими большими смѣющимися глазами, съ быстростремительной скоростью дѣлаетъ докладъ. Мейе—передовой застрѣльщикъ современной филологіи, намъ за нимъ не угнаться; кромѣ того, онъ такъ быстро

и сжато говоритъ, что приходится отложить всякое попеченіе вынести что-нибудь изъ его доклада: онъ дѣлается для тѣхъ, кто почище, для немногихъ избранныхъ. И всетаки я понимаю, что этотъ тщедушный болѣзненный человѣчекъ — великій человѣкъ: я понялъ его по геніальной диссертаціи о родительномъ—винительномъ въ славянскомъ языкѣ, понялъ, какая могучая наука наша филологія, и самъ Мейе въ своемъ старенькомъ пиджачкѣ и съ бѣлымъ шарфомъ на шеѣ понимаетъ, что онъ—великая сила, что онъ—самый достойный преемникъ Бреаля въ Collège de France, но это его интересуетъ менѣе всего.

Послѣ Мейе дѣлаетъ докладъ Мишель Бреаль; его небольшой изящный этюдъ изъ области простонароднаго древне-греческаго языка касается не одной только филологіи, — онъ захватываетъ исторію и психологію народовъ; мы видимъ, какъ выраженіе древняго грека переходитъ цѣликомъ въ средніе вѣка, встрѣчается теперь у простонародія Бельвильскаго квартала, гдѣ есть люди, такъ же отдаленные отъ современной цивилизаціи, какъ обитатели средней Африки. Изъ доклада мы ясно видимъ, что первобытная основа человѣчества не только мыслитъ одинаковымъ образомъ, на однихъ и тѣхъ же началахъ, но даже выражаетъ свое мышленіе въ одинаковой фразѣ, хотя и на различныхъ языкахъ.

Varia, маленькіе этюды изъ области филологіи Бреаля, такъ же интересны, какъ этюды хорошаго музыканта или художника,—ими можно наслаждаться безъ конца. Но такъ какъ всего хорошенькаго понемножку и такъ какъ во Франціи люди не только сами говорятъ, но и другимъ даютъ возможность дѣлать то же, то и Мишель Бреаль скоро удаляется со сцены. Послѣ него должны дѣлать доклады еще нѣсколько серьезныхъ филологовъ, но такъ какъ время засѣданія ограничено, а въ программѣ значились имена людей случайныхъ, диллетантовъ филологіи, то постоянные посѣтители общества, чувствующіе себя хозяевами, предоставляютъ любезно свое время и мѣсто гостямъ.

Первымъ изъ этихъ диллетантовъ является отставной артиллерійскій полковникъ.

— „Милостивые государи!—начинаетъ онъ.—Когда мы стремимся изъ мрака къ свѣту, когда мы стараемся обнаружить истину и когда въ это время какое-нибудь досадное препятствіе задерживаетъ насъ, то общество и отдѣльныя лица испытываютъ такое же непріятное чувство, которое бываетъ у солдата, когда онъ, приготовляясь къ завтраку или обѣду, слышитъ сигналъ къ наступленію: котлы выворачиваются, пища летитъ къ чорту, сраженіе начинается на пустой желудокъ.

„Въ такомъ же точно положеніи находилось и находится наше общество, когда въ Италіи были открыты знаменитыя развалины,—я не буду утруждать вашего вниманія повтореніемъ исторіи открытія этихъ развалинъ: она очень хорошо всѣмъ из-

вѣстна, — когда всѣ стали ломать голову надъ смысломъ таинственной надписи, сохранившейся на стѣнахъ этихъ развалинъ, отъ которой, какъ вамъ извѣстно, осталось только нѣсколько буквъ: Er... c... ae... l... o.

„Появилось много ученыхъ, которые пытались возстановить по отдѣльно разбросаннымъ буквамъ всю фразу: нѣкоторые говорили, что здѣсь рѣчь идетъ о тюфякахъ, которые выбрасывали во время пожара и на которые прыгали люди изъ оконъ; другіе утверждали, что здѣсь былъ базаръ; третьи—тюрьма, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Попытокъ для объясненія было много, но всѣ онѣ были неудачны, всѣ онѣ волновали и раздражали общество: передъ нами образовался новый таинственный сѣверный полюсъ, для открытія котораго безуспѣшно отправляются представителями науки цѣлыя экспедиціи. Такъ обстояло это дѣло до тѣхъ поръ, пока меня не осѣнила благодать того, кто произнесъ: fiat lux,— я началъ снова разбирать надпись, и теперь она для меня ясна, какъ дважды два—четыре: таинственный ребусъ, волновавшій все общество, разгаданъ.

— „Милостивые государи! Развалины представляютъ собою остатки римской казармы, надпись на ней гласитъ слѣдующее: „солдаты благодарятъ каптенармуса за хорошую мазь для обуви". Тѣ изъ васъ, господа, которые испытали на себѣ всѣ тягости военной службы, навѣрно, согласятся, что каптенармусъ, доставившій солдатамъ хорошую мазь для обуви, заслуживаетъ благодарности, которая въ данномъ случаѣ остается безсмертной".

Полковникъ воспроизводитъ надпись на латинскомъ языкѣ, одинъ изъ присутствующихъ находитъ, что нѣкоторыя формы въ ней находятся въ противорѣчіи съ основными положеніями латинской грамматики, полковника это замѣчаніе нисколько не смущаетъ.

— Грамматическія неправильности въ надписи именно и показываютъ, что авторомъ ея былъ римскій солдатъ: солдаты всѣхъ временъ и народовъ, не исключая и нашихъ, пишутъ, не сообразуясь съ правилами отечественной грамматики!—заявляетъ съ побѣдоноснымъ видомъ полковникъ.

Раздается громъ рукоплесканій, полковникъ тронутъ до глубины души.

Послѣ полковника выступаетъ на сцену древній старецъ: высохшее лицо, тусклые глаза, на головѣ сѣдой ковыль; старецъ выступилъ къ доскѣ и молчитъ, всѣ присутствующіе съ любопытствомъ смотрятъ на него.

— Co—li—maçon! — говоритъ медленно старикъ, устремивъ куда-то въ пространство свои безцвѣтные глаза и снова молчитъ.

— Co—li-maçon!—опять повторяетъ онъ; присутствующіе начинаютъ переглядываться.

— Co-li-maçon! — повторяетъ старикъ въ третій разъ. Кто-то фыркнулъ и въ это мгновеніе всѣ присутствующіе чувствуютъ, что въ нихъ вселяются микробы того глупаго и неудержимаго смѣха, подавить который въ себѣ можно только съ опасностью для жизни. На лицѣ предсѣдателя я вижу выраженіе ужаса: еще одинъ разъ будетъ произнесено слово „colimaçon", и тогда и онъ, и всѣ присутствующіе разразятся гомерическимъ хохотомъ, репутація знаменитаго ученаго общества будетъ опозорена навсегда; онъ хочетъ что-то сказать докладчику, но не можетъ: заразительный смѣхъ душитъ спазмами ему горло. На выручку является Мишель Бреаль, единственный человѣкъ изъ всѣхъ присутствующихъ, не поддавшійся заразѣ и сохранившій полное присутствіе духа.

— Извините, пожалуйста,—обращается онъ къ докладчику. — времени въ нашемъ распоряженіи остается только десять минутъ— правила нашего общества на этотъ счетъ очень строги,—не могли бы вы перейти теперь къ сущности вашего доклада, который, судя по его заглавію, обѣщаетъ быть очень интереснымъ?

— Десять минутъ, десять минутъ!—восклицаетъ старикъ.—Да знаете ли, что я писалъ свою работу пятьдесятъ лѣтъ, эта работа—вся моя жизнь! Да знаете ли вы, что я вамъ, всей Франціи, всему человѣчеству даю ключъ для объединенія всѣхъ языковъ, всѣхъ народовъ, я вамъ даю талисманъ, благодаря которому не будетъ границъ, не будетъ войнъ, всѣ люди будутъ братья, счастіе и миръ будутъ процвѣтать на землѣ! И вы мнѣ на все это даете только десять минутъ!

— Мы могли бы собрать коммиссію для разбора вашего доклада,—скромно и участливо говоритъ Мишель Бреаль.

— На что мнѣ ваша коммиссія? Мнѣ остается жить на землѣ всего, можетъ быть, нѣсколько дней, и я стану дожидаться рѣшенія вашей коммиссіи... Пока я живъ, я хочу самъ показать вамъ, какъ дѣйствовать моимъ талисманомъ,—все счастье человѣчества зависитъ отъ того, поймете ли вы значеніе и глубокій смыслъ слова: colimaçon... Colimaçon! слышите ли вы великіе звуки этого слова?

Въ комнатѣ, дѣйствительно, раздаются какіе-то задушенные звуки; предсѣдатель склонился надъ столомъ, закрылъ лицо руками и трясется въ мучительныхъ корчахъ. Мишель Бреаль беретъ старика подъ руку, отводитъ его въ сторону и начинаетъ съ нимъ о чемъ-то потихоньку говорить.

— Не могу, не могу!—стонетъ шепотомъ красный отъ натуги предсѣдатель.

— Засѣданіе кончено! — объявляетъ секретарь. Филологи моментально схватываются съ мѣстъ и бѣгутъ внизъ, какъ школьники, размахивая своими портфелями. На старомъ дворѣ слышенъ веселый крикъ и смѣхъ.—Colimaçon!—кричитъ кто-то басомъ на улицѣ.—Colimaçon!—отвѣчаетъ ему издали звонкій теноръ.

Почтенные ученые мужи обратились въ школьныхъ гаменовъ.

Мишель Бреаль раскланивается въ воротахъ Сорбонны со старикомъ, почтительно склоняя свою сѣдую голову, покрытую шапкой густыхъ волосъ; старикъ еле плетется по направленію къ бульвару St.-Michel; на углу St.-Michel онъ совсѣмъ остановился и безпомощно топчется, нисколько не подвигаясь впередъ; я подхожу къ нему.

— Холодно, холодно!—шепчетъ старикъ.—Ноги замерзли!

— Не хотите ли зайти въ кафе и выпить горячаго вина? — предлагаю я старику.

Старикъ шепчетъ что-то такое, чего я никакъ не могу понять. Я беру его подъ руку и ввожу въ ослѣпительно сіяющее огнями студенческое кафе, которое биткомъ набито представителями учащейся молодежи Латинскаго квартала.

Студенты раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ поетъ во все горло Карманьолу, а другая старается перекричать и поетъ разныя глупости. Къ этому надо еще прибавить, что очень многіе въ порывѣ усердія стучатъ о полъ ногами и неистово колотятъ палками по желѣзнымъ столамъ; на нѣкоторыхъ столахъ пляшутъ дѣвицы. Въ общемъ получается очень милая и оригинальная симфонія, которой позавидовалъ бы самъ Вагнеръ и которую можно услышать только на бульварѣ St.-Michel.

Не смотря на кажущійся безпорядокъ, въ ресторанѣ все идетъ, какъ слѣдуетъ, никто другому не мѣшаетъ, всякій сохраняетъ свой habeas corpus, — это основное житейское правило нашего легкомысленнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнаго Boulmiche.

— Не хотите ли горячаго вина?—снова предлагаю я старику; онъ молчитъ и смотритъ на меня ничего не выражающими глазами.

Намъ подаютъ горячее вино, старикъ выпилъ нѣсколько ложечекъ дрожащими руками, потомъ прихлебнулъ изъ стакана и моментально заснулъ, сидя на стулѣ. Минутъ черезъ пять онъ открылъ глаза, взглянулъ на стаканъ съ горячимъ виномъ и улыбнулся:

— Это вотъ тоже было со мною на балу въ оперѣ... Танцовали мы съ братьями Людовика Филиппа, старшій и говоритъ „поѣдемъ танцовать на Муфтаръ къ тряпичникамъ“. Поѣхали, пріѣхали... Тѣ, какъ узнали, что къ нимъ пріѣхали принцы крови, такъ чуть было не разорвали насъ:—На фонарь принцевъ! Дѣло-то ужъ было, знаете ли, передъ сорокъ восьмымъ годомъ.—Поставить на каждый столъ по салатницѣ съ виномъ! — командуетъ старшій принцъ. Поставили и сейчасъ же всѣ стали друзьями,—до самаго утра плясали. Мы очень любимъ плясать, мы очень веселы, даже черезчуръ веселы, такое веселье бываетъ только передъ большимъ несчастьемъ: послѣ смѣха начинается горе. И я предвижу это несчастье, не только наше несчастье, но и несчастье всей

Европы: я вижу, какъ къ намъ стремятся наши сосѣди нѣмцы, за ними наши друзья русскіе и не въ качествѣ завоевателей они идутъ, а спасаясь отъ грознаго движенія желтой расы. Оно неизбѣжно, но о немъ никто не хочетъ думать, а я думаю и придумалъ для умиротворенія и спасенія человѣчества: Colimaçon — это ключъ для дешифрированія точнаго смысла всѣхъ языковъ, существующихъ на земномъ шарѣ, это единственный способъ, при помощи котораго люди могутъ понять другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить уважать другъ друга, ибо человѣкъ созданъ по образу и подобію Бога и онъ достоинъ лучшей участи, чѣмъ та, которая готовится ему только потому, что люди говорятъ и мыслятъ различнымъ образомъ. Я принесъ эту оливковую вѣтвь, этотъ залогъ спасенія человѣчества нашимъ филологамъ, и они оказались глупыми мальчишками, кромѣ, разумѣется, Бреаля, который, по моему, подаетъ большія надежды... изъ него выйдетъ хорошій филологъ. Теперь, передъ смертью, я долженъ сдѣлать еще послѣдній призывъ къ Франціи, ко всему человѣчеству... Я прошу только не забывать слово: colimaçon, — объясненія давать уже поздно.

— Vive le colimaçon!—сказалъ я, чокаясь со старикомъ.

— Vive le colimaçon! — отвѣтилъ восторженно спаситель человѣчества, и глаза его загорѣлись. — Vive le colimaçon! — обратился онъ къ публикѣ, но въ ресторанѣ было такое столпотвореніе вавилонское, что на старика никто не обратилъ вниманія.

— Другъ мой, помогите мнѣ взобраться на табуретку,—я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, собрать свои послѣднія силы и сдѣлать призывъ человѣчеству!

Фигура старика, стоявшаго на табуреткѣ, была очень оригинальна, на него стали обращать вниманіе, шумъ въ ресторанѣ сталъ утихать.

— Vive le colimaçon!—прокричалъ довольно громко старикъ.— Vive le colimaçon!—отвѣтили ему сосѣди.—Vive le colimaçon!— грянули сразу всѣ студенты.

Словцо попало удачно: шумъ снова поднялся ужасный, но выкрикивали только одно слово: colimaçon, скандируя и аккомпанируя каждый слогъ топаньемъ и ударами палокъ о полъ.

— Я такъ и зналъ, мой другъ,—говоритъ мнѣ съ восторгомъ старикъ, спустившись со стула.—Они меня поняли; французское юношество откликнулось на мой призывъ, оно умнѣе своихъ стариковъ, — тѣмъ лучше: молодежь несетъ съ собою счастіе своей родины, они не забудутъ моего слова, поймутъ его, и Европа никогда не будетъ представлять изъ себя желтой тыквенной каши; люди будутъ жить бокъ-о-бокъ спокойно, сохраняя свою индивидуальность, свою національность, человѣчество сговорится, человѣчество объединится...

Человѣчество, дѣйствительно, объединилось: оно выкрикивало

„colimaçon", не жалѣя легкихъ и горла, оно толпилось около старика и подняло его на руки.

— Благодарю васъ, дѣти!—говорилъ растроганнымъ голосомъ старикъ, — позовите мнѣ теперь извозчика и скажите ему мой адресъ.

Извозчикъ поданъ; старика бережно усаживаютъ въ фіакръ.— Vive le colimaçon! — кричатъ кругомъ; старикъ кланяется на всѣ стороны. Фіакръ трогается, около него въ припрыжку бѣгутъ студенты, изображая изъ себя почетный конвой.—Vive le colimaçon!—раздается по всему St.-Michel,—городовые въ недоумѣніи смотрятъ по сторонамъ.

Возвращаясь домой, я долго раздумываю относительно... colimaçon,—что эта самая colimaçon обозначаетъ?—Не есть ли это та улита, которая ѣдетъ, когда-то будетъ... для объединенія и счастья всего человѣчества на землѣ?

Дома нахожу синенькую городскую телеграмму: „Если вы свободны сегодня вечеромъ, зайдите, пожалуйста, ко мнѣ, и мы просмотримъ вмѣстѣ послѣднія главы первой части „Мертвыхъ Душъ": есть много интереснаго. У жены вечеромъ гости, но все это люди свои, и мы найдемъ время побесѣдовать съ вами. Крѣпко жму вашу руку. Paul Boyer".

Собственно говоря, уже довольно поздно, но разсматривать интересныя мѣста сочиненій нашихъ писателей вмѣстѣ съ Boyer такое великое для меня наслажденіе, что я рѣшаюсь ѣхать.

Является вопросъ, какъ ѣхать, — какъ ни крути, какъ ни верти, а придется взять извозчика: гдѣ наша не пропадала — возьмемъ извозчика. Извозчикъ, по обыкновенію всѣхъ парижскихъ извозчиковъ, везетъ меня отвратительно и, если бы даже я ему сообщилъ, что ѣду разсматривать интересныя формы въ послѣднихъ главахъ первой части „Мертвыхъ Душъ", то, я увѣренъ, онъ не прибавилъ бы скорости. Вообще на улицѣ парижскіе извозчики для меня мало интересны, но я ихъ очень цѣню, когда попадаю въ такъ называемый „рай кучеровъ", другими словами, въ извозчичій трактиръ: тамъ уже передъ вами не извозчики, а философы, политики, поэты, которые говорятъ настоящимъ хорошимъ народнымъ языкомъ со всѣми драгоцѣнными украшеніями, столь пріятными для филолога, не для одного спеціалиста филолога, а для всякаго, кто любитъ живую, здоровую и могучую человѣческую рѣчь. „Рай кучеровъ" это такое мѣсто, гдѣ можно столкнуться съ представителями народа, которые, сидя на козлахъ, имѣютъ достаточно времени, чтобы пошевелить головой, а за вкуснымъ обѣдомъ и литромъ вина выкладываютъ все, что у нихъ накопилось на душѣ. Я бывалъ въ такъ называемыхъ литературныхъ кабачкахъ Монмартра: какими жалкими, неинтересными и натянутыми они кажутся послѣ посѣщенія райскихъ обителей кучеровъ! Преисполненный благодарности за удовольствіе, пользу

и духовное оздоровленіе, полученныя мною въ раяхъ кучеровъ, я плачу своему извозчику у подъѣзда № 54, rue de Bourgogne двойной пурбуаръ.

Madame Boyer—докторъ медицины, у нея собрались подруги по образованію и профессіи, всѣ сидятъ около камина и пьютъ чай, я тоже выпиваю чашечку, а послѣ этого мы немедленно скрываемся съ Boyer въ его кабинетъ. Наконецъ, мы одни! На столѣ лежитъ развернутое тихонравовское изданіе Гоголя, мы садимся, наступаетъ сладкая торжественная минута, — по выраженію лица Boyer я сразу вижу, что его находки въ гоголевскомъ языкѣ замѣчательно интересны.

— Я вамъ хочу показать,—начинаетъ Boyer, но въ эту минуту раздается сильный звонокъ въ передней; предчувствіе близкаго несчастія наполняетъ наши души, физіономіи наши вытянулись въ выжидательномъ напряженіи.

— У насъ новая горничная изъ Лимузена, мы ей еще не успѣли дать никакихъ инструкцій, и я боюсь, что она можетъ впустить...—говоритъ со страхомъ Boyer.

И она, дѣйствительно,—впустила; сначала является горничная изъ Лимузена съ рекомендательнымъ письмомъ и визитной карточкой, а вслѣдъ за нею и податель сего, молодой человѣкъ съ русской физіономіей и какимъ-то русскимъ значкомъ; все это произошло быстро, неожиданно, до того неожиданно, что я глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда увидѣлъ передъ собою не тихонравовское изданіе Гоголя, а молодого человѣка, усѣвшагося комфортабельно въ креслѣ. Плавно покачивается молодой человѣкъ въ креслѣ и разсказываетъ намъ свое жизнеописаніе: онъ повѣствуетъ намъ, гдѣ онъ родился, гдѣ получилъ среднее образованіе, гдѣ высшее; онъ разсказалъ намъ, какъ онъ писалъ сочиненіе на золотую медаль по поводу одного очень интереснаго вопроса, какъ онъ открыто, смѣло и правдиво заявилъ, что мы ничего не знаемъ по поводу этого интереснаго вопроса, и какъ за это „не знаю“ онъ, подобно фонъ-Визину, получилъ золотую медаль.

Послѣ окончанія курса молодого человѣка отправили въ заграничную командировку, дабы онъ за границей постарался разрѣшить тотъ интересный вопросъ, на который онъ такъ открыто, смѣло и правдиво отвѣтилъ: не знаю. Молодой человѣкъ началъ свое путешествіе съ Австріи,—въ Австріи онъ горячо принялся за дѣло, работалъ съ увлеченіемъ.

Boyer предлагаетъ молодому человѣку рюмку ликеру,—была ли это награда за трудолюбіе въ Австріи, просто ли сказался въ Boyer гостепріимный сынъ города Тура, или, можетъ быть, онъ желалъ напоить своего гостя до положенія ризъ, а потомъ заниматься со мною изученіемъ Гоголя—ничего навѣрное сказать я не могу, знаю только, что Boyer пришлось сейчасъ же оказаться

въ непріятномъ положеніи по поводу своего угощенія. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ пилъ ликеръ не такъ, какъ всѣ люди пьютъ, а съ фокусомъ: при каждомъ покачиваніи впередъ на креслѣ онъ изображалъ изъ кисти своей руки хищную птицу, которая налетала на рюмочку, схватывала ее такъ, что рюмочки совсѣмъ не было видно, и она сверкала только около рта; потомъ при покачиваніи назадъ рюмочка освобождалась и ставилась на столъ. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при подобныхъ упражненіяхъ рюмочка полетитъ на полъ, а если она полетитъ на полъ—она можетъ разбиться, а если разобьется, то ликерный cabaret будетъ съ дефектомъ, хозяину будетъ огорченіе, а хозяйкѣ вдвое. Опасенія мои сбылись скоро: только что молодой человѣкъ кончилъ разсказывать о своихъ занятіяхъ въ Австріи, какъ рюмочка летитъ на полъ; ее начинаетъ искать случайно проходившая горничная изъ Лимузена и самъ виновникъ происшествія; оказалось, что рюмочка упала на коверъ и благодаря этому осталась цѣлой и невредимой. Послѣ этого Boyer наливаетъ ликеру молодому человѣку въ другую чистую рюмочку, но съ такимъ нахмуреннымъ видомъ, который ясно говоритъ: пей и не дѣлай глупостей. Молодой человѣкъ начинаетъ пить осторожно, Boyer имъ доволенъ.

— Потомъ я переѣхалъ въ Швейцарію,—повѣствуетъ гость,—въ Швейцаріи, по правдѣ сказать, я ровно ничего не дѣлалъ: получалъ казенное содержаніе да гулялъ въ свое удовольствіе!..—Физіономія командированнаго озаряется при этомъ характерной улыбкой русскаго человѣка, который хвалится, что ему удалось выгодно устроить свои дѣлишки насчетъ казны; физіономія же Boyer, наоборотъ, приняла такой мрачный и свирѣпый видъ, что молодой человѣкъ струхнулъ не на шутку: широкая улыбка и развязный тонъ сразу смѣнились у него видомъ и голосомъ казанской сироты:

— Переутомленіе... переутомился въ занятіяхъ,—залепеталъ онъ.—Послалъ въ министерство рапортъ со свидѣтельствомъ о болѣзни, отдыхалъ въ Швейцаріи, пользовался горнымъ воздухомъ; потомъ, когда поправился, снова рапортовалъ о своемъ выздоровленіи и теперь жду приказаній изъ министерства: что прикажутъ, то и буду дѣлать, куда отправятъ—туда и поѣду, человѣкъ казенный, отъ службы не отказываюсь: въ Бордо назначатъ—поѣду въ Бордо, въ Нижній-Новгородъ—поѣду въ Нижній-Новгородъ, а теперь вотъ въ ожиданіи новыхъ распоряженій начальства проживаю въ городѣ Парижѣ!—Послѣднія слова командированный съ ученой цѣлью говоритъ твердо, съ увѣренностью и даже вызовомъ, къ которому примѣшивается чувство досады на самого себя за то, что струсилъ передъ Boyer, принявъ его за начальство, тогда какъ за нимъ даже передъ настоящимъ начальствомъ нѣтъ никакой вины,—все обстоитъ по формѣ.

— Только скучно мнѣ, знаете-ли, въ Парижѣ,—продолжаетъ командированный, — ходилъ я по вашимъ увеселительнымъ мѣстамъ,—ничего особеннаго, только юбки немного выше обыкновеннаго при танцахъ поднимаютъ, а говорятъ: Парижъ, Парижъ... Въ театръ Буффъ заходилъ,—тоже нѣтъ ничего, знаете-ли, такого: можетъ быть, впрочемъ, потому, что съ французскимъ языкомъ я мало знакомъ... Я даже учителя себѣ нанялъ, — ей-Богу,—только дорого, знаете ли, деретъ: восемь франковъ за два часа плачу.

Boyer даетъ понять молодому человѣку, что въ Парижѣ урокъ въ 8 франковъ за два часа считается очень дешевымъ.

— Такая скука, такая скука, — продолжаетъ командированный,—рѣшительно дѣлать нечего. Вообразите, здѣсь даже клуба нѣтъ никакого для командированныхъ съ ученой цѣлью. Ходилъ въ наше консульство,—вотъ, говорю, командированъ съ ученой цѣлью, былъ боленъ, выздоровѣлъ, скучаю, не могутъ ли они порекомендовать мнѣ какихъ-нибудь развлеченій. И, представьте себѣ, они какъ-то очень странно отнеслись къ моей просьбѣ: совсѣмъ даже не ожидалъ отъ нихъ этого,—всетаки, какъ ни какъ, а я для нихъ представитель нашего министерства.—За то, знаете-ли, какая потомъ штука вышла,—продолжаетъ, весь оживившись, молодой человѣкъ,—встаю я, знаете-ли, утромъ, смотрю,—приглашеніе на балъ въ Hôtel de Ville... Что за чортъ,—просто, знаете-ли, глазамъ своимъ не вѣрю, потомъ ужъ я догадался, въ чемъ дѣло: вѣроятно, знаете-ли, наше правительство снеслось со здѣшнимъ правительствомъ, а французы, чтобы выразить свое почтеніе и уваженіе къ союзной и дружественной націи, прислали мнѣ этотъ билетъ. Ну, думаю, на балъ такъ на балъ, — посмотримъ, что у нихъ за балъ... Вообразите,—съ величайшимъ удовольствіемъ провелъ время: шапо-клякъ потерялъ, зонтика и калошъ не нашелъ—не жалѣю; за такое удовольствіе не то готовъ отдать... Но вы послушайте, что дальше было; просыпаюсь я вчера утромъ,—вижу пригласительный билетъ на балъ... отъ кого бы вы думали? Отъ самого президента! Ей-Богу, печать даже приложена и на печати: Феликсъ Форъ. Придется представиться самому президенту,—въ своемъ родѣ, знаете-ли, представитель Россіи, истинно русскій человѣкъ.

— Когда я готовился къ профессорскому званію, я отдавалъ пригласительные билеты въ Елисейскій дворецъ своему консьержу!—мрачнымъ наставительнымъ тономъ говоритъ Boyer, посматривая искоса на тихонравовское изданіе Гоголя.

— Да, конечно, вамъ это не въ диковинку, да и не требуется, а на насъ, видите-ли, лежитъ обязанность поддерживать международныя дипломатическія отношенія: у русскаго человѣка, знаете-ли, есть врожденныя дипломатическія способности, у насъ

всякій за границей себѣ на умѣ,—не одни только чиновники дипломаты...

— Не угодно ли вамъ просмотрѣть послѣднія заграничныя русскія изданія?—перебиваетъ гостя Boyer, протягивая ему кипу брошюрокъ и газетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—я ужъ читалъ, я ужъ это все читалъ!—отмахивается обѣими руками гость.

— Но это только что получено.

— Читалъ, читалъ! .

Boyer пробуетъ сдать молодого человѣка дамамъ, но это ему удается только наполовину: произошло сліяніе мужского и женскаго общества, начались пріятные разговоры. Дамы всетаки помогли: онѣ вспомнили, что профессоръ съ пяти часовъ утра садится за работу и что ему нужно дать покой; пора домой: началось прощанье, молодой человѣкъ тоже прощается и говоритъ съ чувствомъ: „съ большимъ, большимъ удовольствіемъ провелъ я сегодня у васъ вечеръ“!

— А кто намъ возвратитъ сегодняшній вечеръ? Когда мы еще улучимъ свободное время, Павелъ Юльевичъ, чтобы почитать вмѣстѣ?—спрашиваю я Boyer, уходя послѣднимъ.

— Не знаю, мой другъ! Я, разумѣется, дамъ подробныя инструкціи нашей новой горничной, но вѣдь не могу же я не принимать гостей, когда они являются съ рекомендаціями отъ моихъ русскихъ лучшихъ друзей! Русскій человѣкъ любитъ потчивать своими знакомыми, говоритъ Тургеневъ, и онъ правъ, тысячу разъ правъ! Ну, на что мнѣ этотъ молодой человѣкъ: у него совсѣмъ другая спеціальность, у него отвратительное петербургское произношеніе, которое выработано вашей бюрократіей и котораго я не могу равнодушно слышать...

Возвращаясь домой, я проѣзжаю по ярко освѣщеннымъ улицамъ великаго міроваго города и съ гордостью чувствую, что и я—крошечная частичка его могучаго организма, что „здѣсь быть не могутъ маперъ деревенски“, которыя держатъ въ вѣчномъ подозрѣніи нашего брата педагога въ Россіи. Далѣе мнѣ представляется картина, какъ собираются представители русской земли и учатъ русскому языку петербургскаго чиновника. Картина эта такъ занимаетъ мое воображеніе, что я чувствую, что мнѣ придется плохо: буду ворочаться съ боку на бокъ, потеряю сонъ и завтра явлюсь на уроки сонной тетерей. Къ счастію, у меня есть на этотъ случай превосходное противоядіе: русская книжечка подъ заглавіемъ, — „Памятная книжка на 1846 годъ“. Случайно я купилъ у букиниста на Сенѣ за десять сантимовъ эту книжку и не разстаюсь съ нею никогда: она гарантируетъ для меня при всякихъ обстоятельствахъ тихій и спокойный сонъ. Книжечка, величиною въ карманный словарь, отпечатана роскошнымъ шрифтомъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бу-

магъ; сначала идутъ святцы, отпечатанные на пергаментной бумагѣ, потомъ списки военнаго, морского и гражданскаго вѣдомствъ на обыкновенной бумагѣ высшаго сорта: все предусмотрѣно, все приведено въ порядокъ, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ или мечтаніямъ, которыя могутъ нарушить вашъ сонъ.

Раскрываю книжечку наудачу, попадается на стр. 142-й: „Объ улучшеніи штуцеровъ и ружей“. Разнаго рода критики говорили, что крымская война застала насъ неподготовленными, а на самомъ-то дѣлѣ мы уже въ 1846 году (а можетъ быть, и раньше) начали о штуцерахъ думать, и комитетъ (по теперешнему коммиссія) такой уже тогда существовалъ. Люди собрались опытные, вопросъ обсуждали, не торопясь, не такъ, какъ въ палатѣ депутатовъ: поболтаютъ, поболтаютъ и сейчасъ же: votez, votez! Укладываюсь въ постель и начинаю читать списокъ членовъ штуцернаго комитета. Членами въ немъ, оказывается, были все люди заслуженные: генералъ-адъютанты, генералъ-лейтенанты, генералъ-маіоры, полковники...

На полковникахъ глаза мои начинаютъ слипаться, душа моя ощущаетъ спокойствіе, я тушу свѣчу и мигомъ погружаюсь въ мирный и пріятный сонъ.

А. Александровскій.

СИЛЬВЕСТРО БОНДУРИ.

Романъ. *Эрколе Ривальта.*

Переводъ съ итальянскаго М. Т.

I.

Онъ вдругъ почувствовалъ сильный ударъ.

— Кто тамъ?—вскрикнулъ онъ, приподнявшись и устремивъ глаза въ непроницаемую тьму.

— Здѣсь нельзя спать.

— Какъ нельзя? Я, однако, спалъ хорошо.

— Здѣсь спать воспрещается.

— Ага, вы полицейскій?

— А вы бродяга!

— Можетъ быть. Но вѣдь ночью этотъ садъ также открытъ для публики.

— Здѣсь спать воспрещается,—повторилъ полицейскій.

— Почему?

Полицейскій и самъ не зналъ, почему.

— Гдѣ вы живете?

— У моего отца.

— Его имя?

— Карло Бондури.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Онъ могильщикъ.

— Вы, пожалуйста, не шутите, не то я васъ поведу въ участокъ.

— Да я и не шучу. Мой отецъ могильщикъ.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Противъ кладбища.

— Ваше имя?

— Сильвестро.

— Сильвестро Бондури?

— Конечно.

— Почему же вы не пошли домой?

— Дома слишкомъ жарко. Теперь вы все знаете, позвольте же мнѣ спать. Спокойной ночи!

Онъ хотѣлъ уже растянуться, но полицейскій схватилъ его за плечо.

— Я же вамъ сказалъ, что это запрещено.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Уходите.

— Куда?

— Куда угодно. Идите домой.

— Дома жарко.

— Уходите, или мы поведемъ васъ въ участокъ.

— Мы?... А, васъ двое!

Дѣйствительно, въ глубинѣ темной аллеи блестѣла рукоятка шпаги.

— Могу я хоть посидѣть здѣсь?

— Уходите.

— Ладно, иду.

Онъ вздохнулъ и безпечно поднялся.

— Доброй ночи!

Полицейскіе ничего не отвѣтили. Сильвестро сталъ удаляться неровными шагами; ему страшно хотѣлось спать, однако онъ обернулся:

— А если бы я былъ безъ мѣстожительства?

— Мы бы васъ арестовали.

— Вотъ какъ!—и онъ зашагалъ быстрѣе.

Полицейскіе сначала слѣдовали за нимъ, но, убѣдившись, что Сильвестро направляется къ выходу, повернули на другую дорожку.

Сильвестро замѣтилъ это, но не остановился. Онъ продолжалъ идти по инерціи. Онъ, собственно, спалъ на ходу, не будучи въ силахъ преодолѣть усталость. Когда онъ вышелъ на террасу, заря уже занималась. Городъ растилался у его ногъ. Мертвую тишину нарушали мѣрные шаги полицейскихъ, которые спустились уже на нижнюю аллею. Сильвестро почти невольно отступилъ назадъ и спрятался въ тѣни дерева.

— Я же не жуликъ,—подумалъ онъ и, разсердившись, вышелъ изъ тѣни и направился къ периламъ.

Шаги затихли, однако полицейскіе могли его увидѣть. Но онъ не ушелъ, ему даже хотѣлось обратить на себя ихъ вниманіе. Полицейскіе его всетаки не замѣтили, и онъ остался одинъ.

Небо уже алѣло, хотя было еще слишкомъ темно, чтобы можно было различить окрестности. Съ высоты городъ казался огромнымъ бѣлымъ пятномъ, прорѣзаннымъ въ различныхъ

направленіяхъ рядами фонарей. Его окружали темные холмы. Сильвестро различалъ отдѣльные кварталы; надъ каждымъ изъ нихъ возвышался куполъ колокольни, выходя изъ бѣлаго пятна для того, чтобы погрузиться въ темноту.

Робкій свѣтъ понемногу проникалъ въ эту безформенную массу, и очертанія города начали выдѣляться. Аллеи же были объяты тьмой, лишь вблизи виднѣлась скамейка, на которую Сильвестро старался не глядѣть, чтобы не поддаться искушенію сна.

Онъ вспомнилъ про свою постель; она казалась ему живымъ и сознательнымъ другомъ, съ которымъ его разлучили злые люди; у него болѣли кости отъ сна на жесткой скамьѣ, и знакомая теплота уютнаго и мягкаго ложа дразнила воображеніе. Однако вѣдь, и родители также провели безсонную ночь. Они слишкомъ поздно замѣтили, что Сильвестро покинулъ ихъ не на шутку. Когда онъ хлопнулъ дверью, выходя изъ дому, мать, вѣроятно, сказала:

— Вы думаете,—это надолго? Онъ вернется къ обѣду.

Потомъ, во время обѣда:

— Онъ пришелъ?

— Нѣтъ еще. Но будьте увѣрены, онъ придетъ.

И онъ всетаки не пришелъ. Мать въ бѣшенствѣ, ея слова не оправдались. Отецъ безпокоится, онъ знаетъ, что сынъ ушелъ по винѣ матери; Джузеппе молчитъ, какъ всегда: онъ поглощенъ ѣдой; а у Клары такое испуганное и печальное лицо... Ради нея онъ готовъ былъ бы вернуться домой, но ради другихъ—никогда.

Потомъ этотъ длинный тревожный день.

— Что же онъ не приходитъ? Неужели онъ не придетъ?

Но мать отвѣтила:

— Онъ придетъ ночевать. Ему захочется ѣсть, а у него ни сольдо въ карманѣ.

Да, да, нѣтъ сомнѣнія,—мать разсчитывала на это. Но вотъ ужъ сутки, какъ онъ не возвращается. Они думали, что онъ не въ состояніи страдать за свободу, которой онъ жаждалъ въ продолженіе стольнихъ лѣтъ. Скорѣе нищенская сума, чѣмъ эта домашняя жизнь! Къ счастью, ему не придется бѣдствовать, вѣдь онъ учился четыре года въ гимназіи. Однако, онъ наканунѣ безуспѣшно искалъ должности. Всѣ мѣста были заняты. Сначала онъ мечталъ о пяти лирахъ въ день, потомъ согласился ужъ на четыре съ половиною. Когда одинъ адвокатъ сказалъ ему, что гимназіи не приносятъ никакой пользы, такъ какъ въ нихъ не обучаютъ каллиграфіи, онъ готовъ былъ уже продать себя за три лиры въ день. Одному крупному торговцу онъ разсказалъ, что четыре года изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, а тотъ предложилъ ему

сложить въ умѣ длинный рядъ чиселъ, и Сильвестро, конечно, сдѣлалъ ошибку. Тогда онъ рѣшилъ, что можно существовать и на двѣ лиры въ день... Потомъ ночь... голодъ... и Сильвестро былъ готовъ на все.

Онъ опять вспомнилъ родныхъ.

— Онъ еще не вернулся?

Комната пуста, постель нетронута.

— Боже мой, гдѣ же онъ? Неужели онъ покончилъ съ собою? А если съ нимъ что-нибудь приключится, скажутъ, что это по нашей винѣ!

Такъ и слѣдуетъ. Раньше онъ страдалъ безъ вины; теперь пусть страдаютъ виновные. Пусть они чувствуютъ угрызенія совѣсти, изъ за этого одного стоило провести безсонную ночь. Лишь только разсвѣтетъ, онъ опять начнетъ искать работу, какую бы то ни было и за какую угодно плату, за сорокъ сольди, за тридцать сольди, за ломоть хлѣба и за ночлегъ. Будущее его вознаградитъ. Но вернуться домой—никогда!

— Никогда!—повторялъ онъ нараспѣвъ, и это „никогда“ ложилось пропастью между нимъ и его постелью, и это положеніе не измѣнится, пока у него нѣтъ заработка. Правда, онъ могъ искать ночлега въ кредитъ, но чѣмъ онъ потомъ заплатитъ?

„Бѣднякъ долженъ быть честенъ“ — говорилъ ему учитель во второмъ классѣ гимназіи, и Сильвестро хранилъ его завѣты.

Свѣтлѣло. Красноватый отблескъ ложился на кровли, высокіе дома выходили изъ тѣни. Ритмическій шорохъ нарушалъ молчаніе утра: то подметали улицы, очищая мѣсто для мусора грядущаго дня. Гдѣ-то внизу прокатилась съ грохотомъ телѣга. Городъ пробуждался и приводилъ въ порядокъ свой туалетъ.

Сонъ жегъ глаза, и Сильвестро рѣшилъ освѣжить себѣ лицо водою. Въ глубинѣ аллеи свѣжая струя небольшого фонтана нашептывала въ окружающей тишинѣ свою длинную однообразную сказку. Сильвестро опустилъ руки въ бассейнъ и облилъ лицо.

Это его облегчило: онъ замѣтилъ теперь утренюю свѣжесть, но вмѣстѣ съ нею почувствовалъ острѣе ощущенія голода. Вчера онъ почти ничего не ѣлъ. У него было всего 45 сольди. Двадцать сольди онъ истратилъ на галстухъ; двѣнадцать на воротникъ: если ищешь работу, нужно быть хорошо одѣтымъ; затѣмъ, аудіенція у адвоката стоила ему пять сольди, безъ этого привратникъ не пускаетъ наверхъ; пришлось рискнуть: кто не рискуетъ, тотъ ничего не получитъ; на три сольди онъ купилъ хлѣба и на три сыру—этого ему хватило на цѣлый

день. Теперь же у него оставалось два сольди, только два сольди...

А утро было такое прекрасное. Было такъ свѣжо близь этой журчащей струи! Сильвестро забылъ про свои несчастья и наслаждался сознаніемъ свободы. Этимъ утромъ начинался день свободной и независимой жизни, а за нимъ пойдутъ еще и еще такіе же счастливые дни, и такъ пролетитъ вся жизнь: главное—быть свободнымъ, какъ птицы (сравненіе изъ гимназической хрестоматіи), которыя начали уже пробуждаться, чирикали и свистѣли, гнались другъ за другомъ, сначала въ зелени вѣтвей, а потомъ въ воздухѣ.

Ему не хотѣлось больше спать. Спятъ ли теперь дома?

Можетъ быть, но скоро проснутся. Близокъ часъ, когда всѣ встаютъ.

— Пора вставать!—двери и окна открываются съ такимъ трескомъ, будто всѣ мертвецы встали изъ могилъ и хотятъ отомстить тѣмъ, кто ихъ похоронилъ.

Мать обыкновенно будила такимъ образомъ своихъ дѣтей. Джузеппе посылалъ ей въ отвѣтъ проклятіе, а бѣдная Клара спускалась въ кухню: у нея заспанные глаза, ея тѣло сковано страшною усталостью, на лбу странный вѣнокъ изъ бумажныхъ папильотокъ, которыя придаютъ ея заспанному лицу растрепанный видъ. Она еще ни разу не выспалась вдоволь, и часто говорила, что будетъ спать до десяти часовъ, когда выйдетъ замужъ. Джузеппе и Клара обыкновенно тотчасъ же отправлялись на работу, а отецъ (онъ не былъ могильщикомъ, какъ это сказалъ Сильвестро, но сторожемъ на кладбищѣ) уже съ ранней зари находился среди могилъ. Сильвестро же оставался дома въ распоряженіи матери, и она вертѣла имъ, какъ тряпкою.

— Принеси-ка сюда миску!

Онъ исполнялъ приказаніе.

— Ты будешь сегодня носить свѣчу въ похоронной процессіи, тебѣ дадутъ за это двадцать сольди. Понялъ?..

Это означало: когда ты придешь домой, я заберу у тебя эти деньги.—Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ возвращался домой, мать безмолвно протягивала руку. А онъ, не смотря на свое намѣреніе протестовать, покорно отдавалъ свою лиру.

Когда онъ искалъ мѣста, мать никогда не была довольна выборомъ. Рабочій? Нѣтъ, это ниже его достоинства—онъ четыре года посѣщалъ гимназію. Съ этимъ доводомъ Сильвестро соглашался. Писецъ?—Одна лира въ день и чахотка черезъ нѣсколько лѣтъ! Почтальонъ? Онъ слишкомъ слабъ для этого. Поступить въ университетъ? Онъ уже и такъ много стоилъ семьѣ. Въ концѣ концовъ мать хотѣла пристроить и его при кладбищѣ, она навѣрное найдетъ что нибудь под-

ходящее, пусть только онъ будетъ послушнымъ сыномъ. Онъ будетъ не могильщикомъ, но распорядителемъ въ торжественныхъ похоронныхъ процессіяхъ; онъ будетъ носить черный фракъ, короткіе панталоны и треуголку. Это достойное и легкое ремесло, и вполнѣ подходитъ для него. Но неблагодарный Сильвестро думалъ, что между могильщикомъ и распорядителемъ на похоронныхъ процессіяхъ мало разницы. Годы проходили. а пока что, мать доставала ему случайную работу и присваивала его заработокъ. И что это были за работы! Всѣ такого же рода, какъ и ремесло отца: носить свѣчу въ похоронной процессіи, торжественно шествовать съ жезломъ въ рукахъ впереди кортежа, дежурить ночью при покойникѣ въ богатомъ домѣ. Вся его жизнь до сихъ поръ была пропитана запахомъ трупа и фальсифицированныхъ восковыхъ свѣчъ.

Слава Богу, это кончено—и навсегда. Онъ провелъ четыре года въ гимназіи, и это могло открыть предъ нимъ новую дорогу. Семь лѣтъ провелъ онъ въ рабствѣ, съ пятнадцати лѣтъ до двадцати двухъ. Онъ думалъ вырваться изъ дому. когда отбывалъ воинскую повинность. На военной службѣ можно получить повышеніе. Сержантъ—это ужъ кое-что. Но его признали негоднымъ.

— Забраковали,—съ усмѣшкой сказала мать.

— По твоей винѣ—отвѣтилъ онъ, намекая, что и она отвѣтственна въ этомъ.

— По моей? Это по винѣ твоего отца. Ты весь въ него. Такой же блондинъ и такъ же глупъ, какъ онъ.

Она какъ будто была не при чемъ. Она могла лишь отбирать у него заработокъ.

Теперь онъ понялъ, наконецъ, что его мать, это—живое противорѣчіе; криками и ругательствами она заставляла его себя уважать. Онъ не хотѣлъ больше быть игрушкой въ ея рукахъ. Братъ Джузеппе былъ правъ: упрямый и грубый, онъ всегда поступалъ по своему, не заботясь о крикахъ и ярости матери. Клара также устроилась хорошо.

Въ субботу послѣ получки она тотчасъ же отправлялась въ магазинъ покупать ленты и тряпки и домой приносила лишь остатокъ своего жалованья. Мать ругала ее, а Клара, какъ ни въ чемъ не бывало, уходила изъ дому или ложилась спать. А Сильвестро, мягкій, вѣжливый (его въ школѣ учили, что слѣдуетъ уважать родителей) всегда былъ рабомъ матери, всегда ходилъ безъ сольдо въ карманѣ, какъ и отецъ. Нѣтъ, это кончено! Всякій человѣкъ долженъ беречь свое достоинство и для того прежде всего уважать самого себя.

Было уже свѣтло. Воробьи весело шумѣли.

Сильвестро всегда поднимался очень рано, но никогда еще не наслаждался въ такой степени этимъ веселымъ праздникомъ птицъ и этой свѣжестью утра. Сознаніе свободы пробудило въ немъ радость жизни.

Колокола церквей звонили ужъ къ заутренѣ; уличный шумъ разростался. Пробило пять часовъ; Сильвестро былъ непріятно пораженъ: лишь въ семь часовъ можно начать искать работу. Онъ былъ голоденъ. Онъ вытащилъ изъ кармана окурокъ, послѣдній остатокъ купленной въ воскресенье сигары: мать разрѣшила ему покупать одну сигару въ недѣлю. Въ другомъ карманѣ нашлась спичка, и онъ потеръ ее о брюки. Куреніе развлекаетъ и успокаиваетъ аппетитъ. Однако сигара показалась ему горькой.

Заводской гудокъ раздавался лишь въ семь часовъ утра.

Прежде всего нужно отправиться на мыловаренный заводъ, на которомъ служитъ Готти, его старый школьный товарищъ, двоюродный братъ директора завода. Вчера онъ искалъ работы у адвокатовъ и у купцовъ, забывъ совершенно про своего школьнаго товарища. Но лучше найти скромную службу на заводѣ, чѣмъ тратить жизнь на мараніе бумаги или имѣть непрочную службу у купца, которому каждый день угрожаетъ банкротство. Онъ ужъ давно не видалъ своего гимназическаго друга, но помнилъ, что это былъ хорошій парень хоть и любилъ колотить товарищей. Онъ не былъ золъ и бралъ подъ свою защиту слабыхъ, но, если подъ рукой не случалось болѣе достойнаго противника, онъ награждалъ тумаками и слабыхъ. Сильвестро не разъ испыталъ на себѣ силу его кулаковъ, но онъ не былъ злопамятенъ. Онъ даже думалъ, что это сдѣлало ихъ дружбу болѣе прочной. Несомнѣнно, этотъ товарищъ окажетъ ему помощь, онъ, навѣрное, остался такимъ же добрякомъ и сохранилъ память о своемъ другѣ.

Сильвестро такъ увлекся своимъ новымъ рѣшеніемъ, что позабылъ всѣ вчерашніе планы. Теперь предъ нимъ былъ лишь одинъ путь, на которомъ цвѣла надежда. Да, ему не придется унижаться и просить хлѣба у незнакомыхъ людей. Мать ему часто говорила, что онъ не умѣетъ пользоваться своими школьными связями. И ему доставляло удовольствіе, что мать оказалась неправой.

Пока что, онъ старался сократить время, обдумывая разговоръ, который онъ будетъ вести съ своимъ другомъ. Это будетъ нѣжный разговоръ старыхъ друзей, въ немъ не будетъ ни лицемѣрія, ни робости. Сильвестро готовъ даже на черную работу, лишь бы быть свободнымъ. Онъ сумѣетъ оправдать довѣріе, которое ему окажутъ. Его другъ пойдетъ

къ директору:—вотъ этотъ молодой человѣкъ ищетъ работы, онъ мой старый пріятель.

— Прекрасно! Онъ можетъ у насъ остаться.

— Въ конторѣ?.. Нѣтъ, это мало вѣроятно, на эти мѣста слишкомъ много охотниковъ. Сильвестро не хотѣлъ создавать себѣ иллюзій; слишкомъ большія надежды мѣшаютъ радоваться результатамъ, даже если они благопріятны. Надзиратель въ магазинѣ? Это недурно. Ученикомъ при экспедиціи? Еще лучше. Всякая работа хороша!

Сигара оказалась слишкомъ горькой: она вызывала тошноту и головокруженіе. Онъ придавилъ ее къ скамьѣ, потушилъ и спряталъ въ карманъ. Пригодится послѣ обѣда. Теперь онъ былъ увѣренъ, что будетъ обѣдать. Еще нѣсколько часовъ терпѣнія, и все устроится къ лучшему. Вчера ночью онъ былъ въ большомъ страхѣ и отчаяніи. Быть можетъ, на него подѣйствовала тьма ночи. Теперь утро вызвало улыбку довѣрія на его лицѣ и хорошія мысли въ головѣ.

Уже можно было отправиться въ городъ. Даже въ саду становилось тепло. Уличный шумъ заглушалъ птичьи голоса въ вѣтвяхъ. Воробьи безмолвно суетились. Городъ готовился къ утомительному дневному труду. Сильвестро поднялся и, проходя мимо перилъ, устремилъ глаза на городъ, сіявшій подъ лучами солнца. Его глаза невольно отыскали далекое кладбище, раскинувшееся у подошвы противоположнаго холма: въ тѣни кипарисовъ бѣлѣлъ домикъ кладбищенскаго сторожа, и онъ вспомнилъ о Кларѣ, которая, вѣроятно, уже встала и готовится отправиться въ мастерскую. Онъ думалъ также о своемъ отцѣ. Бѣдняга! Онъ не умѣлъ бороться, — и Сильвестро, довольный своимъ гордымъ поведеніемъ, сожалѣлъ его. Матери онъ готовъ все простить. На порогѣ новой жизни онъ не хотѣлъ быть злопамятнымъ. Съ этими мыслями онъ спустился по той же тропинкѣ, по которой ушли разбудившіе его полицейскіе; и вскорѣ его охватилъ шумъ пробудившейся улицы.

Здѣсь не было ни одного празднаго человѣка: всѣ торопились. Крестьянки несли на головѣ корзины: въ однѣхъ находились горшки съ молокомъ или плоды, прикрытые отъ солнечныхъ лучей кусками бѣлаго холста, изъ другихъ свѣшивались цвѣты, словно кусты, растущіе въ воздухѣ. Полузакрывъ глаза, женщины быстро шли, держа неподвижно голову и ритмически покачиваясь всѣмъ туловищемъ; ихъ печальная, усталая улыбка приподымала правый уголъ губы, обнажая крѣпко стиснутые зубы. Рабочіе торопливо шагали, держа въ рукѣ завязанный въ узелокъ завтракъ. Сильвестро нашелъ, что эти люди держатся съ большимъ достоинствомъ, и умилился душой. Ихъ одежда была убога, но опрятна: поношен-

ные пиджаки тщательно вычищены, брюки зачинены, всевозможныхъ сортовъ шляпы потеряли уже свою форму отъ долгаго употребленія, но были еще приличны. Теперь Сильвестро оцѣнилъ благоразуміе своего брата. Джузеппе носилъ новое платье лишь въ воскресенье,—потомъ, когда оно начинало портиться, одѣвалъ его и въ будніи дни. Братъ казался ему всегда такимъ далекимъ! Но теперь желаніе и потребность работать пробудили въ немъ чувство близости ко всѣмъ рабочимъ.

Топотъ лошадей, грохотъ телѣгъ, громкіе голоса уличныхъ продавцевъ, шумъ толпы—все это дышало жизнью и радостью. Надежда на заработокъ торопила всѣхъ этихъ людей, и Сильвестро какъ бы самъ переживалъ ихъ настроеніе. Обыкновенно онъ въ этотъ часъ отправлялся на кладбище, теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ.

Въ толпѣ, которая торопилась, онъ одинъ шелъ медленно, наблюдая все и радуясь всему. У дверей и у оконъ домовъ продавщицы громко торговались съ хозяйками. Работницы шли небольшими группами, разговаривая и смѣясь. Сильвестро смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью, вспоминая про Клару. Эти дѣвушки работали на заводахъ и въ торговыхъ складахъ. А модистки, швейки и продавщицы въ магазинахъ появятся лишь черезъ часъ. Тогда отправится на работу и Клара; ея красивое личико робко затеряется въ толпѣ. Сильвестро почувствовалъ угрызенія совѣсти. Онъ ни разу не провожалъ ее, а мало ли что можетъ приключиться; теперь онъ уже будетъ заботиться о своей сестрѣ. Покровительствовать слабымъ, спасать отъ опасностей—было любимой мечтой, было маніей этого слабаго человѣка.

Его окликнула продавщица хлѣба: она сидѣла на порогѣ дома, а передъ нею стояла ея корзина.

— Купите хлѣба, сударь!

Конечно, онъ былъ голоденъ. Онъ вытащилъ изъ кармана послѣдніе два сольди, купилъ хлѣба и стаканъ молока. Превосходный завтракъ; онъ тутъ же, стоя, поглощалъ его съ наслажденіемъ, разговаривая съ торговками.

— Вы издалека?

— Верстъ за двѣнадцать.

— Рано встаете?

— Часа въ два. Въ четыре часа мы отправляемся въ городъ.

— А когда вы возвращаетесь домой?

— Какъ придется. Когда все продано... иногда въ полдень, иногда раньше.

— Непріятно возвращаться-то. Жарко.

— Что же дѣлать,—промолвила печально торговка.

— Мы къ этому привыкли,—прибавила другая.

— А вы много зарабатываете?

— Сольди пятнадцать—двадцать въ день.

Сильвестро ужаснулся. Не спать почти всю ночь, совершать этотъ длинный утомительный путь ежедневно, лѣтомъ и зимою, нести на головѣ эту тяжелую корзину, ждать въ теченіе часовъ покупателей и потомъ опять десять верстъ пути—и за все это двадцать сольди; это ужасно! Бѣдные люди! Они не получили никакого образованія. Несчастныя жертвы своего невѣжества!

— Это очень мало,—сказалъ онъ.

Женщины ничего не отвѣтили. Онѣ это давно знали.

Сильвестро окончилъ свой завтракъ и съ состраданіемъ поклонился торговкамъ; онъ забылъ, что онѣ зарабатываютъ по крайней мѣрѣ двадцать сольди, а у него не осталось ни одного.

Онъ посмотрѣлъ черезъ дверь аптекарскаго магазина на часы. Половина седьмого. Мыловаренный заводъ находился по близости. Сильвестро медленно направлялся къ нему. Слова торговки не испортили его радужнаго настроенія; напротивъ, завтракъ еще болѣе ободрилъ его.

Когда онъ подошелъ къ воротамъ завода, нѣсколько рабочихъ уже ждали гудка, сидя на низкой каменной стѣнѣ.

У воротъ сидѣлъ привратникъ. Сильвестро обратился къ нему съ вопросомъ:

— Синьоръ Готти уже пришелъ?

Привратникъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Синьоръ Готти приходитъ лишь въ 9 часовъ.

— А въ которомъ часу приходитъ директоръ?

Привратникъ пожалъ плечами.

— Какъ и когда.

— Но онъ приходитъ на заводъ каждый день?

— Конечно. Вы ищете работы? Всѣ мѣста заняты.

Грубый тонъ привратника уязвилъ Сильвестро.

— Мнѣ нужно видѣть синьора Готти,—отвѣтилъ онъ.

— Вамъ придется долго ждать.

— Я подожду.—И Сильвестро отошелъ въ сторону.

Рабочіе смотрѣли на него съ любопытствомъ. Сильвестро прислонился плечомъ къ стѣнѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ. Ему было не по себѣ. Онъ посмотрѣлъ черезъ стѣну на пустынный дворъ завода и принялся внимательно разглядывать фасадъ зданія. Затѣмъ онъ усѣлся на выступъ ограды и началъ посвистывать, безпечно болтая ногами.

Однако, не могъ же онъ сидѣть такъ въ продолженіе двухъ слишкомъ часовъ. Сильвестро соскочилъ и началъ прогу-

ливаться вдоль стѣны. Рабочіе продолжали глядѣть на него. Онъ услышалъ, какъ они тихо переговаривались:

— Это безработный.

— Бѣдняга! теперь дѣла плохи.

Онъ не смутился. Они не знаютъ, что Готти его школьный товарищъ. „Чего они каркаютъ",—подумалъ онъ, разсердившись.

Противъ завода находились двѣ лавки: табачная и винная. Два порока пріютились возлѣ дома труда.

На порогѣ трактира стоялъ маленькій, худой кабатчикъ и разговаривалъ съ рабочими. Онъ разспрашивалъ ихъ ходѣ работъ, интересуясь участью своей добычи. Онъ также участвовалъ въ жизни завода, терпѣливо дожидаясь, пока утомившись тамъ внутри, рабочій не придетъ къ нему оставить часть своего заработка. У другой двери стояла продавщица табаку — женщина не первое свѣжести; она жеманилась и кидала умильные взоры на своихъ покупателей; ея внѣшность соотвѣтствовала ея профессіи: она отравляла кровь тружениковъ, и ея товаръ истощалъ ихъ еще больше, чѣмъ утомительная работа на заводѣ.

Сильвестро съ досадою подумалъ, что хорошо было бы купить сигару и усѣсться въ кабачкѣ; это сократило бы время ожиданія, да и рабочіе поняли бы, что человѣкъ, который можетъ себѣ позволить хорошую сигару и рюмку коньяку, не простой безработный, и смотрѣли бы на него съ уваженіемъ. Но въ карманѣ ни сольдо—онъ еще разъ запустилъ руку въ карманъ.

Нѣкоторые рабочіе на скорую руку залпомъ проглатывали рюмку, другіе опускали два пальца въ карманъ жилета и съ грубой усмѣшкой толкали продавщицу, входя вмѣстѣ съ нею въ лавочку и возвращаясь оттуда съ вонючей сигарой, погруженной до половины въ ротъ.

Все это не нравилось Сильвестро. Ему было досадно, что онъ не можетъ ничѣмъ блеснуть передъ рабочими.

Онъ ужъ разъ десять присаживался и столько же разъ вновь принимался шагать. Толпа все болѣе увеличивалась и его перестали замѣчать. Съ одной стороны это ему было пріятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ его злило, что онъ такъ незамѣтно теряется въ этой толпѣ. Вдругъ раздался гудокъ, и привратникъ съ достоинствомъ открылъ ворота. Толпа всколыхнулась и молчаливымъ потокомъ устремилась во дворъ. Одинъ за другимъ стали раздаваться гудки на сосѣднихъ заводахъ, и воздухъ сталъ наполняться дымомъ, выходящимъ изъ высокихъ трубъ: заводы начали жить.

На улицѣ осталось лишь четыре человѣка: двое стояли вмѣстѣ у воротъ, а Сильвестро и еще одинъ прохаживались

вдоль стѣны. Его соперники смотрѣли на него съ недовѣріемъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ, а ихъ платье было сильно истрепано; очевидно, они долго ходили безъ работы. Посовѣтовавшись межъ собою, они обратились къ привратнику:

— Можно у васъ найти работу?

— Погодите, я спрошу.

Привратникъ вошелъ во дворъ и вышелъ черезъ нѣсколько минутъ черезъ маленькую боковую дверь.

— Нѣтъ.

— Amen.

Они повернулись и медленно удалились. За ними ушелъ и третій конкуррентъ. Проходя мимо Сильвестро, они усмѣхнулись. Чего онъ ждетъ? вѣдь нѣтъ работы. Сильвестро не замѣтилъ этого и, оставшись одинъ, облокотился объ угловой столбикъ. Кабатчикъ вышелъ со стуломъ и усѣлся въ тѣни тополей. Продавщица также вынесла стулъ и присоединилась къ нему. Она протянула своему сосѣду сигару, а онъ угостилъ ее рюмкой лекера, оживленно разсказывая о чемъ-то.

Сильвестро стоялъ на самомъ припекѣ. Было очень жарко, и онъ опять почувствовалъ непреодолимое влеченіе ко сну. Онъ опустилъ голову и началъ дремать. Привратникъ, очевидно, сжалился надъ нимъ и крикнулъ:

— Вы можете войти въ переднюю.

— Спасибо,—сказалъ Сильверсто, посмотрѣвъ на него съ благодарностью.—„Добрый человѣкъ",—подумалъ онъ.

Подъ сводами корридора было прохладно. Его ввели въ полутемную залу, безъ обоевъ. Привратникъ указалъ ему рукою на диванъ:

— Садитесь. Я позову васъ, когда синьоръ Готти придетъ. Рѣшительно, этотъ привратникъ прекрасный человѣкъ, и Сильвестро сожалѣлъ, что былъ о немъ раньше сквернаго мнѣнія.

Онъ съ наслажденіемъ опустился на диванъ. По близости стучали и шумѣли машины. Потомъ стукъ куда то затерялся... раздался грохотъ прокатившейся на улицѣ телѣги... изъ корридора донеся чей то голосъ. Вдругъ съ шумомъ отворилась дверь.

— Синьоръ Готти пришелъ.

— Наконецъ!—сказалъ онъ, желая скрыть, что заснулъ.

— Какъ прикажете доложить?—спросилъ привратникъ.

— Сильвестро Бондури.

Онъ посмотрѣлъ въ зеркало, поправилъ галстухъ, стряхнулъ платкомъ пыль съ башмаковъ.

— Пожалуйте!

Сильверсто послѣдовалъ за привратникомъ въ корридоръ, прошелъ какую то залу и, наконецъ, вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуй, Бондури? какъ поживаешь?

— Благодарю васъ! А вы?

Этотъ элегантный молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ противъ Сильверстро, былъ такъ мало похожъ на рѣзваго школьника, котораго онъ нѣкогда знавалъ, что Сильвестро смутился и забылъ приготовленную рѣчь.

Готти протянулъ ему руку, которую Сильвестро почтительно и робко пожалъ.

— Какъ, ты мнѣ говоришь „вы“!

— Вы знаете... столько лѣтъ ужъ прошло...

— Вотъ еще! Все осталось по прежнему! Садись.

— Спасибо.

Сильвестро колебался минуту между двумя креслами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ стола, и, наконецъ, усѣлся на стулъ, стоявшій подлѣ него.

Онъ никакъ не могъ придумать ни одного слова.

— Какъ поживаютъ твои родные?—началъ Готти, видя, что Сильвестро смущенъ, и не понимая причины его визита.

— Спасибо, ничего себѣ...

— Ты все еще живешь... съ ними?

— Да,—отвѣтилъ Сильвестро.

— Тамъ, вѣрно, скучновато?

— Даже слишкомъ... Вы...

— Ты...—поправилъ его Готти.

Сильвестро улыбнулся.

— Тамъ такъ скучно!.. ты никогда не бываешь въ нашихъ краяхъ?

Готти испытующе посмотрѣлъ на него.

— Никогда.

— Понятно... живымъ людямъ тамъ дѣлать нечего, въ этомъ царствѣ труповъ. Я тоже убѣжалъ оттуда.

— Ты не живешь болѣе у отца?

— Невыносимо стало. Мать третировала меня, какъ прислугу, а отецъ подъ башмакомъ. Я рѣшилъ уйти...

— Давно уже?

— Вчера.

— Ага!—протянулъ Готти. Онъ началъ понимать, въ чемъ дѣло, и хотѣлъ улыбкою вызвать друга на откровенность.

— Не будемъ объ этомъ говорить. Это очень печальная исторія. Одно меня утѣшаетъ,—что я сохранилъ сомообладаніе. Но я чувствовалъ, что больше такъ продолжаться не можетъ, и во избѣжаніе худшаго я ушелъ.

Готти молчалъ. Сильвестро приблизился къ рѣшительному моменту разговора, раньше чѣмъ хотѣлъ, и теперь у него недоставало словъ. Онъ также умолкъ и потомъ, съ свойственною робкимъ людямъ рѣзкостью, сказалъ:

— Могу я здѣсь найти работу?

Готти былъ немного смущенъ. Это было нелегко. Сильвестро учился и неспособенъ къ физическому труду, а интеллигентовъ здѣсь больше, чѣмъ нужно. Конечно, онъ постарается для стараго друга. Онъ надѣется все же его пристроить. Онъ поговоритъ съ директоромъ. Но опредѣленно онъ ничего обѣщать не можетъ.

Сильвестро не рѣшился сказать, что онъ готовъ и на физическій трудъ: Готти сказалъ, что это къ нему не подходитъ, и онъ не хотѣлъ унижать своего достоинства, разговаривая о физическомъ трудѣ.

— Когда я могу получить отвѣтъ?—рискнулъ онъ спросить.

— Дня черезъ три-четыре, не раньше. Нужно будетъ убѣдить директора создать новую должность, а тотъ не сразу рѣшится на это.

— Ну, хорошо,— сказалъ Сильвестро,—я приду черезъ четыре дня.

— Я приложу всѣ старанія, обѣщаю тебѣ.

— Благодарю тебя.

Сердечное отношеніе Готти наполняло его сердце радостью, и онъ не сразу отдалъ себѣ отчетъ, что значитъ для него ждать еще четыре дня. Онъ уже попрощался и направился къ двери. Готти провожалъ его, продолжая разговаривать съ радушіемъ стараго товарища. Они пожали другъ другу руки. Вдругъ Сильвестро охватило сомнѣніе, и это придало ему мужества.

А если Готти не удастся убѣдить директора?

— Слушай!—сказалъ онъ ему,—я готовъ на всякую жертву, лишь бы быть независимымъ человѣкомъ. Если ты не сумѣешь найти для меня подходящаго мѣста, постарайся все же меня пристроить. Я согласенъ на все, я готовъ выполнять и... я готовъ...

Нужное слово жгло ему губы, и онъ не могъ его произнести. Готти понялъ это. Сильвестро былъ взволнованъ и торопливо продолжалъ:

— Пойми, что я теперь не могу долго ждать. Лучше хоть что-нибудь, но сейчасъ...

Готти понялъ, въ чемъ дѣло, и тихо спросилъ его:

— Скажи правду. Ты нуждаешься...—Онъ остановился, боясь задѣть своего друга.

— Спасибо,—отвѣтилъ Сильвестро; его самолюбіе было уязвлено.—Я ни въ чемъ не нуждаюсь, —и онъ отодвинулся въ сторону.

— Но если понадобится, помни: мы старые друзья, — сказалъ дружески Готти.

Сильвестро вышелъ. Онъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ. Онъ и досадовалъ на Готти за предложенную имъ денежную помощь, и былъ благодаренъ ему за великодушiе. Онъ былъ почти увѣренъ, что у него будетъ служба; но что онъ будетъ дѣлать сейчасъ? Его охватилъ ужасъ. Четыре дня! Можно было бы, пожалуй, наняться въ грузчики, носить мѣшки съ мукой. Но если директоръ узнаетъ, что онъ выполнялъ черную работу? Это испортитъ его репутацiю.

И почему онъ отказался отъ поддержки товарища? Тотъ съ такой деликатностью предложилъ ее ему. Нельзя же обижаться по поводу такой мелочи,—ругалъ себя Сильвестро. Но что же теперь дѣлать? Пойти домой?

— Никогда!—произнесъ онъ вслухъ и повторилъ это слово! нѣсколько разъ, поддерживая свое мужество.

Онъ безцѣльно бродилъ по улицѣ, мучимый жаждой, усталый, изнемогая отъ жары.

II.

Сильвестро не ошибся. Его родные сильно безпокоились, его отецъ нѣсколько разъ приходилъ домой справляться, не вернулся ли сынъ? Потомъ онъ печально возвращался на кладбище, усаживался на опрокинутый мраморный столбикъ, разсѣянно наблюдая за работою могильщиковъ.

Всѣ провели безсонную ночь; лишь блаженный храпъ Джузеппе нарушалъ молчанiе; насилу дождались разсвѣта.

На разсвѣтѣ поднялись. Бондури и его жена избѣгали встрѣтиться взорами. Старуха съ преувеличенной заботливостью суетилась, а онъ безцѣльно бродилъ по комнатамъ и по двору. Они какъ то случайно столкнулись и принуждены были посмотрѣть другъ на друга.

— Куда онъ могъ пойти?

— Въ адъ.

— Мама!—съ укоризною прошептала Клара.

Мать съ яростью обернулась къ ней:

— Туда ему и дорога!

— Быть можетъ Джузеппе пошелъ бы его искать?—робко промолвилъ отецъ.

— Джузеппе не такая тряпка, какъ ты! Онъ не будетъ тратить времени на пустяки.

— Я пойду его искать,—сказала Клара.

— Ты останешься дома! Онъ ушелъ, тѣмъ хуже для него

Клара пожала плечами.

Джузеппе всталъ позже всѣхъ. Онъ какъ будто забылъ про брата. Замѣтивъ мрачныя лица родныхъ, онъ проворчалъ:

„Громъ и молнія!“ и обратился къ Кларѣ:

— Онъ не вернулся?

— Нѣтъ еще.

Джузеппе больше на разспрашивалъ и ушелъ.

Отцу также надоѣли ворчанье и окрики жены, и онъ отправился на кладбище. Клара начала одѣваться. Не смотря на запрещеніе матери, она рѣшила отправиться на поиски. Онъ, навѣрное, гдѣ-нибудь въ городѣ. Она представляла себѣ Сильвестро блуждающимъ ночью по пустыннымъ улицамъ, и у нея сжималось сердце. Онъ, навѣрное, провелъ ночь подъ открытомъ небомъ. Когда она уже выходила, мать повторила свое приказаніе:

— Нечего терять время. Отправляйся на работу! Онъ еще подумаетъ, что мы здѣсь всѣ въ слезахъ.

Клара ничего не отвѣтила. Она нѣсколько часовъ блуждала по улицамъ; градомъ струившійся потъ испортилъ ей прическу; за опозданіе она будетъ оштрафована. И все напрасно! Сильвестро въ это время спалъ на диванѣ въ прохладной передней заводской конторы.

Мать, оставшись одна, вымещала свою ярость на предметахъ, попадавшихъ ей подъ руку. Въ домѣ стоялъ стукъ и грохотъ. Прибирая комнаты и кухню, она стучала тарелками, съ шумомъ опрокидывала стаканы, выплескивала грязную воду и возбудила цѣлую бурю въ курятникѣ, разомъ выкинувъ оттуда всѣхъ обитателей.

Снаружи можно было подумать, что въ этомъ домѣ испываютъ прочность всѣхъ предметовъ. Если мужъ имѣлъ неосторожность войти въ домъ, онъ дѣлался жертвой ея бѣшенства, и тотчасъ же спасался, весь потрясенный пережитой сценой и оглушенный шумомъ и трескомъ. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ уборка приближалась къ концу, хозяйка становилась спокойнѣе. Возня прекратилась; лишь на плитѣ въ кухнѣ назойливо шипѣлъ котелокъ.

Фелицита усѣлась въ дверяхъ на сквознякѣ съ иголкой въ рукахъ и съ очками на толстомъ носу. Ей хотѣлось освѣжиться и привести въ порядокъ свои мысли. Сознаніе одиночества мучило ее, но она не допускала мысли, что сама виновата во всемъ. Ее опять охватывало то бѣшенство, то острое чувство безпокойства за участь сына и томительное предчувствіе несчастья. Она готова была плакать, но ее останавливала мысль объ этомъ неблагодарномъ бездѣльникѣ, по винѣ котораго она страдала.

Она была одна, и потому ей трудно было сохранить самообладаніе; но въ присутствіи другихъ она никогда не поддавалась слабости. Она инстинктивно чувствовала, что обнаружить свою слабость, значитъ, потерять свою власть, и по-

этому въ присутствіи своего мужа и дѣтей никогда не проявляла своихъ чувствъ, радовались ли вокругъ нея, или плакали. Она, вѣроятно, никогда не любила, хотя и считала себя глубоко чувствующей натурой. Уважала она только своего старшаго сына Джузеппе. Онъ умѣлъ укрощать ее своей грубостью и возбуждалъ въ ней восторгъ своей силой. Между ними было сильное сходство. И въ немъ она уважала себя самое. Будучи дѣвушкой, она отталкивала всѣхъ своихъ ухаживателей, отвѣчая на всякое слово любви ругательствомъ и на всякую ласку пощечиной. Она была тогда работницей и возбуждала всеобщее удивленіе своей мускулатурой. Мужчины плѣнялись ея здоровымъ и мощнымъ тѣломъ, а подруги обожали ее, хотя она и оглушала ихъ своими шумными пѣснями и градомъ проклятій. Потомъ она вышла замужъ за этого скромнаго кладбищенскаго сторожа, у котораго не хватило даже мужества лично объясниться ей въ любви. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе черезъ своего пріятеля.

— Вотъ идіотъ!—отвѣтила она.—Онъ, вѣрно, боялся, что я я его съѣмъ.

Они поженились. Она стала хозяйкой небольшого чистенькаго домика; къ ея услугамъ были всѣ рабочіе кладбища, которые сразу поняли, что находятся скорѣе въ ея власти, чѣмъ во власти ея мужа. У мужа оказался маленькій капиталъ, который бывшей работницѣ казался цѣлымъ богатствомъ. Своего мужа она съ перваго же дня сумѣла взять въ руки, и стала царькомъ въ этомъ уединенномъ міркѣ. Роль мужа сводилась къ тому, что онъ давалъ ей возможность имѣть дѣтей, а это входило въ ея програму жизни. Во всемъ остальномъ она была совершенно самостоятельна. Она держала въ своихъ рукахъ кассу, вела всѣ счеты и дѣлала сбереженія, которыя занимали все большую долю бюджета. Она была скупа, потому что хотѣла устроиться хорошо на старости лѣтъ, жить съ достоинствомъ. Она была работницей и стала женою муниципальнаго служащаго; это льстило ея самолюбію. Подняться еще выше по соціальной лѣстницѣ, устроить хорошо своихъ дѣтей было ея идеаломъ. Она надѣялась переѣхать на старости въ городъ, поселиться въ удобной квартирѣ, носить шляпу, украшенную лентами и цвѣтами, и по воскресеньямъ выѣзжать на прогулку въ каретѣ. Такова была цѣль ея жизни, и сообразно съ этимъ она устраивала свою личную жизнь и жизнь своей семьи.

Если у старика Бондури возникали недоразумѣнія съ начальствомъ, она отправлялась въ городскую управу, гдѣ уже привыкли обращаться къ ней по всемъ дѣламъ ея мужа, а онъ считалъ это вполнѣ естественнымъ; этотъ худенькій человѣкъ, съ свѣтлыми волосами былъ какъ будто раздавленъ внуши-

тельной и мощной фигурой своей жены. Случалось, что Бондури начиналъ протестовать и дѣлалъ попытки освободиться изъ подъ опеки своей рѣшительной супруги; тогда она прибѣгала къ крайнему средству и укрощала его вспышки литромъ вина.

Изъ дѣтей лишь Джузеппе былъ въ мать. Клара унаслѣдовала отъ нея силу и здоровье, но по характеру походила скорѣе на отца: она была такъ же добра и безпечна, такъ же, какъ и онъ, любила спокойствіе и благополучіе, избѣгая лишнихъ усилій и приспособляясь легко ко всему. Сильвестро унаслѣдовалъ отъ матери лишь ея тщеславіе и честолюбіе, что составляло странный контрастъ съ его физическою слабостью; во всемъ остальномъ онъ былъ весь въ отца.

Дѣти не оправдали надеждъ матери. Джузеппе воспользовался своей силой лишь для того, чтобы стать рабочимъ. Сильвестро, не смотря на свое честолюбіе, не достигъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, а будущее Клары не было обезпечено. Это отравляло жизнь матери; она стала еще скупѣе, отказывая часто себѣ и другимъ въ самомъ необходимомъ, а Бондури все чаще при вспышкахъ протеста получалъ ругательства, вмѣсто литра вина.

Жизнь троихъ молодыхъ людей протекала въ уединеніи кладбища. Но, рожденные и воспитанные въ этой обстановкѣ, они не чувствовали печальнаго ужаса кладбищенской среды; дѣтьми они играли среди могилъ или возлѣ мертвецкой, куда ихъ толкало дѣтское любопытство. Только Сильвестро тяготился этой жизнью и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что это можетъ длиться безъ конца.

Мать преимущественно заботилась о воспитаніи Клары. Джузеппе быстро ускользнулъ изъ-подъ ея вліянія, а будущее Сильвестро ей одно время казалось обезпеченнымъ, такъ какъ онъ успѣшно занимался въ гимназіи. Она старалась пробудить въ своей дочери сознаніе ея красоты. Хитрая и опытная женщина понимала, что, благодаря своей красотѣ, Клара можетъ прекрасно устроиться, и Клара сначала безсознательно, а потомъ съ благодарностью воспринимала совѣты матери, хорошо одѣвалась и слѣдила за своей наружностью. Но она не умѣла пользоваться своей красотой съ разсчетомъ и съ хитростью, какъ того хотѣла мать, которая вѣчно боялась, какъ бы Клара не сдѣлала глупости и не обезцѣнила сокровища, на которое возлагалось столько надеждъ. Старуха видѣла, что одними сбереженіями она многаго не достигнетъ, и постепенно отказывалась сначала отъ будущихъ воскресныхъ прогулокъ въ каретѣ, а потомъ и отъ нарядныхъ лентъ на будущихъ шляпахъ.

Медленно протекали часы. Было душно.

Фелицита уже нѣсколько разъ мѣняла мѣсто, ища прохладной тѣни. Солнце подымалось къ югу, и тѣнь кипарисовъ все болѣе сокращалась. Сложные звуки жизни пробивались и въ этомъ царствѣ мертвыхъ: кузнечики трещали, жужжали пчелы, и слышался таинственный шепотъ скрывавшихся въ травѣ насѣкомыхъ. Вдругъ раздались голоса. Могильщики несли гробъ въ мертвецкую. Старуха равнодушно подняла голову. Кто-то звалъ Бондури, чтобы сдать ему печальный грузъ.

Бондури былъ заваленъ работой. Его товарищъ по службѣ, старше его чиномъ, былъ ужъ такъ старъ, что переѣхалъ въ городъ, надѣясь тамъ выздоровѣть. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вернется оттуда на похоронныхъ дрогахъ, однако онъ все еще живъ, къ великому неудовольствію Фелициты, которая съ нетерпѣніемъ ждала повышенія своего мужа.

Услышавъ шаги мужа, она опять нахмурилась. Когда могильщики удалились, Бондури вошелъ въ домъ. Онъ не осмѣлился спросить про сына; царившее въ домѣ молчаніе дало ему понять, что Сильвестро еще не вернулся.

Онъ подошелъ къ ведру, съ жадностью напился воды и усѣлся, снявъ шляпу и вытирая лобъ платкомъ. Жена продолжала шить.

— Что ты это чинишь?—спросилъ Бондури.

— Пиджакъ.

— Я никогда его не видалъ.

— Ты никогда ничего не видишь.

Карло не спрашивалъ, чей этотъ пиджакъ.

— Уфъ, какъ жарко!—онъ опять снялъ шляпу и вытеръ себѣ лобъ.

— Который часъ?—спросила жена.

— Скоро одиннадцать.

Она вздохнула.

— Пора позаботиться о завтракѣ,—сказала она, продолжая быстро работать иголкой.

Вопреки своему обыкновенію, Бондури не спросилъ, что будетъ къ завтраку. Немного спустя, Фелицита медленно поднялась и остановилась на мгновеніе, глядя на улицу. По дорогѣ изъ города ѣхалъ тяжелый фургонъ. Она тревожно подвинулась впередъ.

— Это фургонъ,—сказала она.

Карло Бондури быстро поднялся и безъ шляпы вышелъ на улицу. Утомленныя лошади бѣжали вялой рысью. Карло подбѣжалъ уже къ фургону и бѣжалъ теперь за нимъ. Повозка остановилась передъ мертвецкой; Карло съ трескомъ отворилъ дверцу и заглянулъ въ фургонъ. Жена стояла

возлѣ него. Карло повернулся къ ней и съ прояснившимся лицомъ сказалъ:

— Это какой-то старикъ.

Она пошла въ домъ готовить завтракъ.

Карло остался исполнять свою печальную обязанность.

Онъ велѣлъ положить трупъ старика на бѣлый камень возлѣ раньше принесеннаго гроба. Это былъ утопленникъ, найденный утромъ рыболовами. Теперь онъ долженъ былъ ждать въ мертвецкой, пока не будетъ опознанъ. Тѣло его опухло, глаза на изможденномъ лицѣ широко раскрылись, борода прилипла къ расширившемуся рту. Кто онъ? Откуда онъ родомъ? Погибъ ли онъ случайно, или искалъ смерти? Ждетъ ли его кто нибудь, или его никто не будетъ искать? Какую боль похоронилъ онъ въ молчаніи смерти? Видъ его былъ ужасенъ. Даже Бондури, привыкшій къ такого рода зрѣлищамъ, поблѣднѣлъ и испуганно смотрѣлъ на него. Въ особенности этотъ ротъ! Ротъ, который никогда не разскажетъ того, что произошло; и эти широко раскрытые глаза, которые больше не увидятъ лучей солнца!

Приближалась похоронная процессія. Бондури широко раскрылъ ворота и послѣдовалъ за гробомъ до могилы, которая была уже готова. Вокругъ могилы тѣснилось множество народа: всякій хотѣлъ увидѣть, какъ туда опустятъ гробъ. Никто не плакалъ. Многіе переговаривались вполголоса. Одинъ носильщикъ нечаянно опрокинулъ ногой деревянный крестъ, и Карло заставилъ его поставить крестъ на мѣсто, возбудивъ своею строгостью неудовольствіе толпы. Наконецъ, гробъ былъ опущенъ у подножья мраморнаго памятника.

Всѣ ушли, кромѣ Карло и гробокопателей. Могила была засыпана. Возвращаясь домой, Карло опять заглянулъ въ мертвецкую, посмотрѣлъ на страшнаго утопленника и торопливо ушелъ.

Когда онъ пришелъ домой, завтракъ уже былъ готовъ. Сильвестро еще не было.

Джузеппе и Клара не приходили домой къ завтраку: Джузеппе ѣлъ въ ресторанѣ, а Клара въ мастерской.

Карло и Фелицита сѣли за столъ одни. Фелицита приготовила сегодня любимое блюдо мужа—tripре. Сама же она довольствовалась салатомъ и кускомъ сыра.

— Отчего же ты не ѣшь?—спросила, немного разсердившись, жена.

— Не хочется.

— Что за глупости!—отвѣтила Фелицита.

Она поднесла тарелку къ носу мужа.

Онъ медленно началъ ѣсть.

— Недурно!—хочешь попробовать?

— Мнѣ достаточно и этого,—и она показала кусокъ сыра, который держала въ рукѣ.

— Ѣшь,—сказала она ему.

Бондури повиновался. У него понемногу началъ появляться обычный аппетитъ, и вкусный tripре быстро исчезалъ изъ тарелки.

Когда онъ кончилъ, она налила ему рюмку вина и унесла бутылку. Она всегда такъ поступала, и Бондури привыкъ къ этому. Онъ медленно прихлебывалъ изъ стакана. Завтракъ перемѣнилъ его настроеніе, и онъ немного успокоился.

— Сколько бѣдныхъ людей сегодня ходитъ безъ хлѣба,—сказалъ онъ.

Намекъ былъ ясенъ, и Фелицита поспѣшила ему возразить:

— Думай лучше о томъ, что многіе позавтракали лучше нашего.

— О!—произнесъ Бондури, не зная, что отвѣтить. Потомъ черезъ мгновенье произнесъ:

— Нужно быть довольнымъ тѣмъ, что имѣешь.

— Такъ долженъ былъ думать твой сынъ,—сердито огрызнулась Фелицита.

— Бѣдный Сильвестро!—вздохнулъ отецъ.

Фелицита посмотрѣла на него съ презрѣніемъ.

— Дуракъ!

Карло не осмѣлился возражать и залпомъ проглотилъ остатокъ вина.

Пока его жена съ шумомъ убирала со стола, Карло начало клонить ко сну.

— Ну, ну!..—Фелицита дернула его за рукавъ.

Онъ неохотно поднялся и отправился на кладбище на работу.

Онъ медленно приблизился къ могильщикамъ, работавшимъ подъ палящими лучами солнца. Ровными и сильными движеніями они вгоняли въ землю заступы, ломая гнилые отъ сырости гробы, разбрасывая по сторонамъ болѣе крупныя кости и нагромождая въ одну груду мелкія кости и землю.

Подъ вѣчной улыбкой солнца земля отдавала негодные остатки своей пищи; знойный воздухъ былъ насыщенъ запахомъ миртъ и кипарисовъ, переполненныхъ живительными соками. Думалъ ли кто нибудь изъ могильщиковъ, что когда нибудь заступъ будетъ разбивать ихъ собственныя могилы, что другіе люди, быть можетъ, еще не родившіеся, будутъ когда нибудь выкапывать ихъ кости подъ тѣмъ же солнцемъ, подъ тѣмъ же небомъ?

— Какъ дѣла?—спросилъ Бондури.

— Ничего, кончимъ къ сроку,—отвѣтилъ одинъ изъ могильщиковъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ своему товарищу, и тотъ протянулъ ему бутылку, лежавшую тутъ же на землѣ, у большой могилы. Онъ выпилъ и передалъ бутылку товарищу, занятому собираніемъ костей. Этотъ отхлебнулъ, поднявъ лицо кверху и закрывъ глаза, потомъ положилъ бутылку на землю и вытеръ себѣ ротъ грязной рукой.

Карло Бондури растянулся на травѣ въ тѣни группы кипарисовъ, которые какъ будто сторожили могилу, и невольно заснулъ. Поэтому день и показался Фелицитѣ болѣе долгимъ, чѣмъ ея мужу. Она еле дождалась заката. Наконецъ, солнце сѣло, и подулъ свѣжій вечерній вѣтеръ. Она положила шитье на колѣни и предалась отдыху, какъ она это всегда дѣлала въ это время. Вдругъ Сильвестро появился на порогѣ. Кровь бросилась Фелицитѣ въ лицо. Сильвестро поблѣднѣлъ, остановился на мгновеніе, а потомъ, овладѣвъ собою, безпечно направился впередъ.

— Добрый вечеръ!—произнесъ онъ дѣланно грубымъ тономъ.

Мать посмотрѣла на него. Онъ прошелъ мимо нея и поднялся на лѣстницу, и она, быть можетъ, въ первый разъ въ своей жизни сдержала свой гнѣвъ. Она ему ничего не отвѣтила и принялась глядѣть изъ двери на дворъ, въ то время какъ Сильвестро поднимался вверхъ. Неожиданный приходъ Сильвестро и его дерзость оглушили ее. Она знала, что онъ придетъ, но не предвидѣла, что это произойдетъ именно такимъ образомъ. Волна бѣшенства поднялась къ сердцу, но она сумѣла укротить свой гнѣвъ. Сильвестро долженъ знать, что его бѣгство никого не интересовало, всѣ его считаютъ мальчишкой, который неспособенъ самостоятельно выбиться въ люди.

Сильвестро съ шумомъ возился наверху, и при всякомъ стукѣ кровь Фелициты волновалась съ большей силой. Она стала въ дверяхъ въ позѣ человѣка, готоваго ринуться въ бой, и съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія мужа. Онъ вошелъ уже во дворъ и, увидавъ жену, ускорилъ шаги.

Та подскочила къ нему.

— Не дѣлай глупостей!.. Ни слова!..

— Онъ вернулся?—спросилъ онъ, успокоившись.

— Слышишь!.. ни слова!—и она отвернулась.

Карло послѣдовалъ за нею.

— Гдѣ онъ! Гдѣ онъ былъ? Онъ тебѣ ничего не сказалъ?

— Ничего.

— Но...

— Смотри же!.. Ни слова!

— Хорошо,—отвѣтилъ старикъ, хотя его и пожирало любопытство.

Сильвестро уже успокоился: наверху было тихо.

— Онъ голоденъ,—замѣтилъ старикъ.

Фелицита не отвѣчала. Бондури началъ смѣяться.

— Поэтому-то онъ и вернулся.

Опять молчаніе. Жена возилась у плиты. Она спокойно замѣтила ему:

— Лишь бы Клара не стала его утѣшать.

— Я беру это на себя,—рѣшительнымъ тономъ заявилъ Бондури и сталъ въ дверяхъ въ той позѣ, въ которой его дожидалась жена. Но потомъ его охватило сомнѣніе.

— А Джузеппе?

Онъ не чувствовалъ храбрости подступиться къ этому „звѣрю", какъ онъ его называлъ.

— Джузеппе не дѣлаетъ глупостей,—съ гордостью отрѣзала жена.

Въ самомъ дѣлѣ, вернувшись, онъ не справился даже, явился ли Сильвестро. Мать сама разсказала ему, объяснивъ, что объ этомъ незачѣмъ разговаривать: какъ будто ничего и не произошло.

Онъ отвѣтилъ выразительнымъ пожатіемъ плечъ.

Позже всѣхъ пришла Клара. Еще издали она кричала отцу ждавшему ее на порогѣ.

— Папочка!.. Могу тебя обрадовать! Я знаю...

— Тш!.. Не дѣлай глупостей!.. Ни слова!..

— Онъ вернулся?

— Молчи!.. Не нужно объ этомъ говорить!.. Какъ будто ничего и не было!.. Слышишь!..

Клара вошла уже въ комнату, а Бондури слѣдовалъ за нею, повторяя свое приказаніе.

— Твой отецъ правъ!—сказала Фелицита.

— Я поняла, въ чемъ дѣло!—отвѣтила, улыбаясь, молодая дѣвушка и подошла къ зеркалу полюбоваться новымъ поясомъ, котораго, къ ея удовольствію, мать не замѣтила.

Фелицита разливала въ тарелки супъ.

— Нужно его позвать къ ужину?—тихо спросилъ ее мужъ.

Однако Сильвестро самъ уже вошелъ въ кухню.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!—отвѣтилъ отецъ.

Джузеппе также спустился.

— А, здравствуй! Ну что, нашелъ службу?

— Конечно,—гордо отвѣтилъ Сильвестро.—Черезъ три дня у меня будетъ мѣсто. Я пришелъ за своими вещами.

Эти слова произвели сильное дѣйствіе. Фелицита отбросила въ сторону стоявшую у ея ногъ скамеечку. Карло поочередно смотрѣлъ то на жену, то на сына. Онъ всетаки получилъ мѣсто! Онъ явился домой за вещами, а не просить прощенія.

— Молодецъ!—хлопнулъ Джузеппе брата по плечу.

— „Молодецъ“,—подумалъ Карло, не осмѣлившись сказать это вслухъ.

Фелицита растерялась. Клара вошла въ кухню и нѣжно кивнула Сильвестро головой:

— Здравствуй, Сильвестро.

Сильвестро почувствовалъ себя побѣдителемъ:

— Здравствуй, милая!

Онъ покровительственно положилъ ей руку на плечо. Мужчины и Клара стояли другъ около друга. Чувствовалось еще нѣкоторое стѣсненіе, но, очевидно, оно скоро должно было пройти.

Супъ дымился на столѣ. Фелицита сѣла:

— Будемъ мы ѣсть или нѣтъ?—проворчала она.

Остальные хотѣли, чтобы Сильвестро разсказалъ имъ свои приключенія, но запахъ супа лишилъ его дара слова. Онъ былъ страшно голоденъ.

— Я вамъ все разскажу послѣ ужина.

Всѣ усѣлись къ столу, и Сильвестро началъ ѣсть съ неменьшею жадностью, чѣмъ это дѣлалъ обыкновенно Джузеппе.

Утоливъ голодъ, онъ разсказалъ имъ все, умолчавъ, однако, о томъ, какъ онъ провелъ послѣдній день, когда голодъ и усталость измучили его и убѣдили, что лучше провести эти три дня у родителей, чѣмъ бродить по улицамъ безъ ночлега и голоднымъ. Онъ повторилъ, что пришелъ взять свои вещи. Онъ самъ опьянялъ себя своей увѣренностью, и ему казалось въ данный моментъ, что Готти, дѣйствительно, уже имѣетъ для него мѣсто.

Клара прервала его:

— Готти, навѣрное, устроитъ тебя; онъ очень добръ.

— Развѣ ты съ нимъ знакома?—спросилъ Сильвестро.

— Это другъ одной моей подруги.

— А!..

— Она сказала мнѣ, что онъ прекрасный человѣкъ.

Сильвестро былъ очень доволенъ, что Клара придала его словамъ большій вѣсъ. Конечно, Готти прекрасный человѣкъ. Онъ принялъ его, какъ брата. Онъ обѣщалъ ему дать черезъ три дня службу, достойную интеллигентнаго человѣка. Въ этотъ моментъ Сильвестро былъ увѣренъ, что Готти именно такъ и сказалъ ему.

Старикъ съ трудомъ сдерживалъ свою радость. Но время отъ времени онъ кидалъ тайкомъ взоры на Фелициту; она продолжала молча ѣсть, ея сумрачное лицо предвѣщало грозу, и это нѣсколько безпокоило мужа. Правду сказать, онъ былъ доволенъ, что жена его хоть разъ оказалась неправой,— но онъ ни за что въ жизни не сказалъ бы ей этого. Онъ чувствовалъ, что на той сторонѣ стола собираются тучи, и старался угадать, чѣмъ это кончится. Сильвестро притворялся, что ничего не замѣчаетъ.

Гордый своей побѣдой, онъ закончилъ свой разсказъ красивой фразой:

— Болѣе всего меня радуетъ, что я самъ достигъ этого: быть самостоятельнымъ, это—самое большое удовольствіе въ жизни.—Это было слишкомъ.

Фелицита медленно подняла свое отуманенное лицо и спокойнымъ голосомъ, въ которомъ уже звучали, однако, раскаты гнѣва, спросила:

— Быть можетъ, ты намъ скажешь, на чьи средства ты посѣщалъ школу?

Сильвестро не обернулся. Онъ предвидѣлъ это сраженіе.

Проглотивъ кусокъ мяса, онъ вытеръ себѣ ротъ салфеткой. Мать открыла огонь и поставила пѣшку передъ королемъ. Сильвестро сдѣлалъ тоже самое:

— А благодаря чему я получалъ въ школѣ награды?

Обѣ пѣшки стояли другъ противъ друга. Фелицита бросилась въ аттаку.

— Ты очень благодарный сынъ!

— Всякому слѣдуетъ воздать должное.

— Твой г. Готти познакомился съ тобою въ гимназіи?

— Конечно.

— А кто далъ тебѣ возможность поступить въ гимназію?

— Мои способности.

Фелицита вспыхнула.

— Ты всегда былъ идіотомъ, и идіотомъ остался. Безсердечный ты дуракъ, вотъ и все. Безсердечный!.. Вспомнилъ ты про насъ за это время?.. подумалъ ли ты, что мы, можетъ быть, безпокоимся! Я тебя слишкомъ хорошо знаю!..

Фелицита сама разстроила свой планъ аттаки, и у нея оставалось лишь одно средство побѣдить: крики... Ея голосъ гремѣлъ, она вся дрожала. Сильвестро засмѣялся ей въ лицо. Тогда она совсѣмъ вышла изъ себя.

— Оселъ!.. каналья!... пошелъ вонъ!

— Я скоро уйду.

— Сейчасъ!.. Убирайся!.. Неблагодарное животное!..—Градъ участился.

— Фелицита!—осмѣлился заступиться за сына Карло.

— Молчи, старый кретинъ! Ты съ нимъ за одно... и эта дрянь, твоя дочь, тоже.

Сильвестро поблѣднѣлъ; онъ стремительно вскочилъ и бросился къ матери. Та также поднялась съ сжатыми кулаками.

Но Джузеппе сталъ между ними.

— Вы долго еще будете возиться?—спросилъ онъ.

Сильвестро овладѣлъ собою. Но мать изъ-за широкихъ плечъ Джузеппе кричала еще громче. Она ссыпала своего сына всѣми ругательствами, которыя она только слышала на фабрикахъ и на улицѣ, еще будучи работницей. Всѣ удивленно смотрѣли на нее: она никогда еще настолько не выходила изъ себя. Наконецъ, Джузеппе, которому бурная сцена начинала надоѣдать, схватилъ ее въ охапку и приподнялъ:

— Иди спать!

Фелицита отбивалась, упираясь руками въ грудь сына. Онъ, смѣясь, понесъ ее.

— Оставь меня!

Они вышли изъ кухни; слышно было, какъ онъ толкалъ ее по лѣстницѣ и какъ она отбивалась.

— Я не ожидала этого отъ тебя,—задыхаясь, кричала она ему.

— Ложись спать,—повторилъ Джузеппе,—ты когда нибудь лопнешь.

Потомъ дверь хлопнула на верхнемъ этажѣ, и тяжелые шаги зазвучали надъ головами оставшихся внизу.

Сильвестро, который остался господиномъ на полѣ сраженія, первый прервалъ молчаніе.

— Папа, это произошло не по моей винѣ!

— Да-а,—протянулъ отецъ, — но ты долженъ былъ молчать.

— Я не могъ...

— Ты долженъ былъ молчать.

Старикъ тоже началъ приходить въ неистовство.

Клара мигнула брату, тотъ улыбнулся и ничего не возразилъ.

— Доброй ночи! Я иду спать, — раздался сверху голосъ Джузеппе.

— Вѣдь еще рано, — пробормоталъ недовольно Карло; мысль остаться теперь наединѣ съ супругой бросала его въ дрожь.

— Рано еще...—повторилъ за нимъ Сильвестро, понимая состояніе отца. Однако, и его манила постель.

Карло стоялъ на порогѣ и принялся насвистывать ро-

мансъ изъ „Навуходоносора"; это было у него признакомъ сильнаго волненія.

Сильвестро и Клара остались одни.

— Что за адъ!—сказала она:—она—настоящая вѣдьма!

— Что же дѣлать,—великодушно промолвилъ Сильвестро,—она такъ ужъ создана.

— Какъ ты счастливъ, что уходишь отсюда, — сказала Клара.

— Когда я устроюсь, я возьму тебя къ себѣ.

— Правда?! Я разскажу это своей подругѣ.

— Какой подругѣ?

— Знакомой Готти.

— Зачѣмъ же ты ей это скажешь?

— Она его поблагодаритъ за меня.

— Нѣтъ, ему не слѣдуетъ ничего говорить.

— Почему?—смущенно спросила сестра,—вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего плохого.

Она, кажется, уже успокоилась.

— Если бы не Джузеппе, не знаю, какъ бы это кончилось.

— А папа?

— Бѣдняга!

Оба засмѣялись Карло вошелъ еще болѣе мрачный.

— Поздно,—сказалъ онъ,—пора спать.

Клара и Сильвестро переглянулись. Пять минутъ тому назадъ онъ былъ другого мнѣнія. Но старикъ пришелъ къ мысли, что эта буря можетъ повредить здоровью жены, и онъ принялъ героическое рѣшеніе. Онъ пойдетъ къ ней. Онъ ей сдѣлаетъ строгій выговоръ. Нужно быть строгимъ и запретить ей разъ навсегда такія сцены.

Но когда онъ очутился передъ дверью спальни, его рѣшимость опять поколебалась. Прежде, чѣмъ повернуть ручку, онъ прислушался, шумитъ ли она еще, какъ будто онъ готовился войти въ логовище звѣря. Пружины кровати стонали подъ тяжестью двигавшагося тѣла.

„Она уже въ постели"—подумалъ онъ и немного успокоился.

Онъ на цыпочкахъ вошелъ въ спальню, какъ будто боялся разбудить ее. Она лежала спиной къ двери и дрожала еще отъ бѣшенства.

Карло началъ молча раздѣваться, радуясь счастливому исходу. Онъ снималъ ужъ панталоны, какъ вдругъ Фелицита шумно повернулась и посмотрѣла на него. Онъ оцѣпенѣлъ.

— Свинья!..—крикнула она и начала плакать. Карло раздѣлся, храня молчаніе. Онъ даже улыбнулся при мысли, что его Сильвестро довелъ до слезъ этого „звѣря".

Сильвестро же не тратилъ времени на размышленія, онъ съ наслажденіемъ опустился на кровать. Только утромъ, послѣ долгаго непрерывнаго сна, онъ отдалъ себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ. Онъ вспомнилъ, что долженъ былъ тотчасъ уйти изъ дому.

Но постель манила его остаться еще на три-четыре дня.

Куда ему идти? Опять слоняться безъ отдыха и безъ хлѣба по пыли.

— Я сказалъ, что уйду, и уйду,—хотѣлось сказать Сильвестро.

Но въ постели было такъ хорошо!

Внизу уже двигались и шумѣли.

Сильвестро не принялъ опредѣленнаго рѣшенія и началъ одѣваться. Когда онъ спустился въ кухню, мать протянула ему чашку горячаго кофе съ молокомъ. Онъ украдкой посмотрѣлъ на нее: у нея было совершенно спокойное лицо. Сильвестро разговаривалъ съ отцомъ и съ сестрой и высказалъ желаніе проводить сестру въ городъ. Никто не напомнилъ ему, что онъ собирался уйти съ вещами изъ дому, и онъ рѣшилъ отложить свой уходъ на нѣсколько времени. На улицѣ онъ рѣзвился съ Кларой, какъ школьникъ, возвращающійся изъ школы.

— Я тебя буду всегда провожать,—обѣщалъ Сильвестро, и они оба смѣялись и шутили, вспоминая ярость матери, которая не была вовсе такой злой, какой она хотѣла казаться.

Вдругъ Клара остановилась.

— Теперь ты меня оставишь.

— Почему?—удивился Сильвестро.—Я провожу тебя до мастерской.

— Нѣтъ, вѣдь никто не знаетъ, что ты—мой братъ.

— Но вѣдь это рано или поздно должны знать.

— Меня потомъ будутъ дразнить. До свиданья!

— Ну ладно,—сказалъ немного опечаленный Сильвестро.

Они разстались. Онъ поглядѣлъ ей вслѣдъ. Красивая блондинка спокойно удалялась. Онъ повернулъ на большую улицу, веселый и бодрый. Ему хотѣлось впечатлѣній.

Нервы, напряженные въ теченіе этихъ дней, не хотѣли сразу успокоиться. Онъ замѣтилъ, что слѣдуетъ за какой-то блондинкой. И что за густые волосы! Еще лучше, чѣмъ у Клары.

Онъ ужъ нарочно пошелъ за нею и соразмѣрялъ свои шаги съ ея шагами.

Вдругъ она вошла въ какой-то домъ, и Сильвестро, приблизившись къ тому мѣсту, успѣлъ лишь замѣтить край юбки, мелькнувшей по лѣстницѣ. Онъ показался себѣ неимо-

вѣрно дерзкимъ; вѣдь эта женщина, можетъ быть, даже станетъ его любовницей.

Однако, онъ даже не видѣлъ еще ея лица, и рѣшилъ придти сюда еще разъ. А пока что, отправился домой.

Мать чинила его старый пиджакъ; онъ поблагодарилъ ее. Фелицита лишь отвѣтила:

— Ты потомъ узнаешь, какъ трудно жить одному.

Она не дала ему никакихъ порученій, и Сильвестро могъ безпрепятственно разгуливать по двору и по кладбищу. Она была укрощена; но Сильвестро испытывалъ отъ этого меньше удовольствія, чѣмъ можно было думать. Онъ себя чувствовалъ сегодня у родителей очень недурно. Даже можно жить здѣсь, лишь бы быть господиномъ самому себѣ.

Послѣ завтрака Сильвестро вернулся подъ окна своей красавицы. Онъ замѣтилъ въ третьемъ окнѣ четвертаго этажа заинтересовавшую его головку. Сильвестро медленно прохаживался, поднимая часто голову вверхъ и торопливо опуская глаза, чтобы убѣдиться, не смѣются ли надъ нимъ прохожіе.

Молодая дѣвушка была скорѣе безобразна. Это видно было даже издали; но Сильвестро чувствовалъ себя почти связаннымъ и продолжалъ прохаживаться передъ окномъ.

Удовлетворивъ себя, онъ удалился, кинувъ послѣдній пламенный взоръ на третье окно четвертаго этажа. Теперь онъ имѣлъ и свободу, и обѣдъ, и постель, и возлюбленную, и уже съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданья съ Готти.

III.

Когда Сильвестро пришелъ въ назначенный день на мыловаренный заводъ, Готти встрѣтилъ его также дружески, какъ и въ первый разъ.

— Дѣло въ шляпѣ,—крикнулъ Готти, увидавъ его, и Сильвестро, не произнося ни слова, съ волненіемъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ стоило большого труда устроить это дѣло. Директоръ сначала и слышать не хотѣлъ. Но у меня явилась блестящая идея. У насъ въ администраціи крупный недостатокъ. У выхода никто не контролируетъ грузчиковъ, выносящихъ ящики съ мыломъ изъ завода. „Мой пріятель прекрасно будетъ выполнять роль контролера. Онъ честенъ, человѣкъ съ воспитаніемъ — и это лучшія гарантіи". Этими доводами я вполнѣ убѣдилъ своего кузена. Доволенъ ли ты, господинъ контролеръ?

Сильвестро терялъ голову. Такое почетное званіе. Signor

controllore! Это недурно звучитъ. Не какой-нибудь чернорабочій, но „господинъ контролеръ“.

Онъ не спросилъ даже, сколько ему будутъ платить. Готти самъ сказалъ ему это:

— На первыхъ порахъ жалованье не очень велико. Но потомъ тебѣ будутъ платить гораздо больше.

— Это не важно. Я ужъ сказалъ тебѣ, что радъ всякому заработку.

— Девяносто лиръ въ мѣсяцъ...

— О, спасибо!—отвѣтилъ Сильвестро.—Это три лиры въ день. Можно прекрасно устроиться.

— Конечно,—улыбнулся Готти. — Но пойдемъ къ директору. Я долженъ тебя представить.

Директоръ былъ худой, опрятный человѣкъ; онъ, не переставая, жевалъ свой правый усъ, былъ близорукъ, нервно перебиралъ пальцами и часто вскидывалъ кверху хитрые мышиные глазки; пиджакъ его былъ всегда наглухо застегнутъ. Съ рабочими онъ былъ строгъ, съ работницами-желасковъ. Онъ любилъ насмѣхаться надъ своими собесѣдниками, но скрывалъ насмѣшку за благосклонной улыбкой. Онъ былъ вдовъ и часто мѣнялъ любовницъ. Отъ жены у него осталось трое законныхъ дѣтей, а числа незаконныхъ онъ самъ не могъ опредѣлить.

Когда Готти представилъ ему новаго контролера, онъ быстро окинулъ взоромъ Сильвестро и началъ ему давать совѣты.

„Въ особенности не слѣдуетъ слишкомъ сближаться съ рабочими, контролеръ долженъ быть человѣкъ независимый и свободный: ни друзей, ни недруговъ. Въ этомъ дѣлѣ огромное значеніе имѣетъ тактъ. Несомнѣнно, синьоръ Бондури сумѣетъ поставить себя, какъ слѣдуетъ. Директоръ вполнѣ полагается на здравый смыслъ синьора Бондури. Теперь пусть Готти представитъ его рабочимъ“.—Прощайте,— заключилъ онъ свою рѣчь и, улыбнувшись, поправилъ на носу очки и принялся жевать свой усъ.

Аудіенція кончилась. Готти всталъ со стула, и Сильвестро началъ почтительно отступать къ двери.

— Вотъ это типъ!—воскликнулъ Готти, когда они вышли.— Но онъ не золъ, ты увидишь!

— Вѣроятно, прекрасный человѣкъ,—согласился Сильвестро, который сегодня все видѣлъ въ розовомъ свѣтѣ.

Готти обошелъ съ нимъ весь заводъ, далъ ему всѣ нужныя объясненія. Мимоходомъ онъ представлялъ его надзирателямъ и служащимъ.

— Господинъ Сильвестро Бондури! Нашъ новый контролеръ!

Сильвестро съ достоинствомъ кивалъ головою. Рабочіе почтительно снимали шляпы, но на ихъ лицахъ выражалось недовѣрчивое любопытство. Въ двухъ мастерскихъ были только дѣвушки. Онѣ кланялись, смѣясь и переглядываясь между собою.

Этотъ обходъ очень взволновалъ Сильвестро. Онъ чувствовалъ, что всѣ имъ интересуются, что всѣ его изучаютъ. Производитъ ли онъ хорошее впечатлѣніе? Видятъ ли они, съ кѣмъ имѣютъ дѣло? При каждомъ взрывѣ смѣха онъ краснѣлъ, при каждомъ взглядѣ онъ чувствовалъ страшную неловкость. Онъ испытывалъ настоящія муки. Наконецъ, они пришли къ небольшой будкѣ, которая находилась у дверей.

— Изъ этихъ дверей выносятъ ящики съ мыломъ,—сказалъ ему Готти.— Всѣ носильщики должны давать тебѣ отчетъ. Они уже объ этомъ предупреждены. Ты зарегистрируешь количество ящиковъ, тяжесть груза, адресъ заказчика и имя носильщика. Работа не сложная! Но смотри, тебя будутъ обманывать!..

Онъ помѣстилъ Сильвестро въ будкѣ, показалъ ему бланки и книги, обѣщалъ ему прислать форменную фуражку, пожалъ руку и удалился.

Сильвестро опустился на стулъ. Его мечты осуществились. Дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Онъ посмотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ кипу бумаги. Она внушала ему боязнь и благоговѣніе; съ такимъ же чувствомъ онъ нѣкогда въ школѣ во время экзаменовъ смотрѣлъ на бѣлый листъ бумаги, который нужно было заполнить, чтобы рѣшить свою участь. А если онъ ошибется? А если онъ плохо напишетъ? Это вовсе ужъ не такая легкая работа, какъ это раньше казалось. А вдругъ ему откажутъ!.. Тутъ онъ вспомнилъ свою мать, и его покинули всѣ сомнѣнія. Итакъ, онъ—контролеръ. Могильщикъ, распорядитель на похоронныхъ процессіяхъ — нечего сказать, достойное ремесло! И сказать, что всѣ считаютъ его мать умной женщиной...

Низкій голосъ прервалъ его размышленія:

— Тратить время на такіе пустяки!

Сильвестро понялъ, что это его зовутъ и вышелъ. Возлѣ будки стояла тѣлежка, наполненная ящиками съ мыломъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Это вы контролеръ? Вотъ, я отправляю этотъ грузъ.

— Сколько ящиковъ?

— Считайте.

— Считайте сами.

Носильщикъ недружелюбно поглядѣлъ на него, потомъ свистнулъ и принялся считать.

Сильвестро взялъ перо и бланкъ. Тотъ торопливо считалъ.

— Не торопитесь такъ,—замѣтилъ ему Сильвестро.

— У меня мало времени.

Сильвестро повысилъ тонъ.

— Не торопитесь,—сердито повторилъ онъ.

— Нечего орать,—произнесъ носильщикъ.

Сильвестро не зналъ, что отвѣтить, и началъ придираться къ счету. Потомъ онъ спросилъ номеръ и имя носильщика.

— Даже имя?—недовольно сказалъ носильщикъ.—Джузеппе Томболи.

— Можете итти.

Носильщикъ ушелъ, не поклонившись.

Въ самомъ дѣлѣ эта работа не представляла никакихъ трудностей, но Сильвестро не былъ доволенъ первымъ опытомъ. Джузеппе Томболи, навѣрное, мошенникъ. Если всѣ таковы, можно легко стать жертвою обмана. Онъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на первую запись и рѣшилъ, что она производитъ хорошее впечатлѣніе.

Немного спустя, явился еще одинъ носильщикъ, потомъ еще и еще, и такъ продолжалось цѣлый день.

Складывая бланки, Сильвестро былъ увѣренъ, что сегодня не пропалъ ни одинъ кусокъ мыла. Онъ отнесъ бланки въ бюро и спросилъ, гдѣ Готти. Тотъ уже ушелъ. Сильвестро также направился домой. Толпившіеся у выхода рабочіе и работницы разступились передъ нимъ.

Сильная черная дѣвушка устремила на него свои глаза.

— Добрый вечеръ, г-нъ контролеръ!

— Добрый вечеръ,—вѣжливо отвѣтилъ Сильвестро и покраснѣлъ подъ ея смѣлымъ взглядомъ. Ему казалось, что надъ нимъ смѣются.

Но дома онъ себя чувствовалъ героемъ дня. Отецъ непремѣнно хотѣлъ роспить бутылку вина въ честь Сильвестро. Клара взяла съ него обѣщаніе, что онъ поселится вмѣстѣ съ нею. Джузеппе въ знакъ радости хлопалъ его по плечу. А мать нѣжно потянула его за ухо и ласково сказала:

— А ты еще говоришь, что мы для тебя ничего не сдѣлали!—и она обѣщала завтра же поискать въ городѣ для него комнату.

Сильвестро нашелъ, что она очень добра.

— Онъ еще, можетъ быть, останется у насъ,—замѣтилъ отецъ.

— Конечно, это зависитъ отъ него,—одобрила Фелицита.

— Посмотримъ, посмотримъ, — сказалъ Сильвестро, растроганный этимъ вниманіемъ.

— Успѣется, — сказалъ Джузеппе, который сегодня со всѣмъ соглашался, и опять дружески хлопнулъ его по плечу.

Довольный отецъ сталъ напѣвать хоръ изъ „Пуританъ“; это служило признакомъ веселаго настроенія, между тѣмъ какъ въ минуты гнѣва онъ насвистывалъ романсъ изъ „Навуходоноссора“. Однимъ словомъ, въ домѣ царила радость.

Клара больше молчала, но ея ясные глаза выражали нѣжность и удовольствіе.

— Какъ она ко мнѣ привязана,—думалъ Сильвестро, и у него отъ волненія чесался носъ.

Наконецъ, всѣ отправились спать.

Клара и Сильвестро подъ руку, какъ супруги, шли впереди, а Карло и Джузеппе пѣли вдвоемъ маршъ изъ „Пуританъ“.

— Ты не будешь мнѣ дѣлать сценъ изъ за моихъ лентъ?— спросила его сестра.—Ты позволишь мнѣ прогуливаться съ подругами?

— Нѣтъ.. да,—обѣщалъ Сильвестро

Фелицита замыкала шествіе.

— Тише! вы разбудите мертвецовъ.

— Всѣ похоронены и спятъ крѣпко,—разсмѣялся Бондури.

Въ самомъ дѣлѣ, даже старый утопленникъ уже былъ погребенъ; его такъ-таки и не опознали, никто не приходилъ о немъ справляться.

На слѣдующій день Сильвестро всталъ очень рано и одѣлся съ особою тщательностью. Мать опять повторила, что пойдетъ искать для него квартиру, и онъ вышелъ изъ дому веселый и бодрый. Онъ пришелъ на заводъ однимъ изъ первыхъ; привратникъ тотчасъ впустилъ его и почтительно поклонился. Рабочіе остались ждать за воротами гудка. Сильвестро почувствовалъ себя выше ихъ. Его почетная служба и знаки вниманія со стороны привратника возбудили въ немъ чувство презрѣнія къ рабочимъ.

Онъ поднялся наверхъ за своими бланками и, когда потокъ рабочихъ устремился въ ворота, стоялъ уже въ своей будкѣ, въ форменной фуражкѣ съ серебрянымъ позументомъ на околышѣ, на которомъ красовалась вышитая серебромъ надпись: контролеръ. Онъ гордо и самоувѣренно смотрѣлъ на проходившую мимо него толпу мужчинъ и женщинъ, кидавшихъ на него недружелюбные взоры. Черные глаза, какъ и вчера, устремились на него, и онъ услышалъ, какъ дѣвушка сказала своей подругѣ:

— Онъ недуренъ.

Обѣ засмѣялись.

Джузеппе Томболи пришелъ пьяный. Онъ благополучно

миновалъ привратника, и теперь, замѣтивъ Сильвестро въ форменной фуражкѣ, подошелъ къ нему и отвѣсилъ низкій поклонъ. Всѣ засмѣялись.

— Здравствуйте, господинъ медленный счетчикъ!

Сильвестро притворился, что ничего не слышетъ.

— Здравствуйте, господинъ „сколько ящиковъ“,—сказалъ Томболи, кланяясь еще болѣе почтительно.

— Позовите привратника,—приказалъ Сильвестро одному рабочему.

— Позовите сами,—отвѣтилъ тотъ.

Сильвестро вышелъ изъ себя и схватилъ пьяницу за шиворотъ. Томболи нанесъ ему нѣсколько ударовъ кулакомъ. Привратникъ замѣтилъ эту сцену и быстро подбѣжалъ.

— Какъ это вы позволили войти этой свиньѣ?—спросилъ его Сильвестро, толкнувъ пьяницу въ сторону привратника.

— Выходи,—приказалъ привратникъ.

Это была уже признанная власть, и Томболи съежился и повиновался.

Сильвестро блѣдный, какъ смерть, отвернулся.

Рабочіе издали наблюдали эту отвратительную сцену, и трудно было сказать, какъ они относились къ ней. Но Сильвестро опять встрѣтилъ настойчиво глядѣвшіе на него черные глаза.

— Браво!—произнесла дѣвушка, и Сильвестро покраснѣлъ, какъ будто ему нанесли оскорбленіе.

Онъ усѣлся передъ своими бланками и чувствовалъ на себѣ взоры проходившихъ. Онъ притворился, что внимательно изучаетъ свои бумаги, стараясь скрыть волненіе.

Вскорѣ пришелъ Готти.

— Какъ дѣла?

— Ничего. Спасибо, что навѣстилъ.

Сильвестро былъ очень благодаренъ Готти за визитъ; это поднимало его престижъ въ глазахъ рабочихъ.

— Тебя не утомляетъ эта служба?—спросилъ Готти, притворяясь, что ничего не знаетъ о ссорѣ съ Томболи.

— Нисколько... нужно лишь вниманіе.

— Я уже говорилъ тебѣ... Здѣсь всякій радъ украсть...

— Этого больше не будетъ... Но раньше они, вѣрно, крали!

— У насъ въ бюджетѣ есть опредѣленная рубрика для кражъ. Это считается неизбѣжнымъ.

— Я увѣренъ, что вы сумѣете уничтожить эту рубрику.

Готти улыбнулся: онъ не раздѣлялъ увѣренности своего друга.

— Берегись женщинъ... Это опасный народъ... и здѣсь есть красивыя дѣвушки.

— Да. Я замѣтилъ нѣсколько хорошенькихъ.

— Смотри же!.. Можно, но осторожно, — засмѣялся Готти.

На этихъ словахъ онъ съ нимъ распрощался. Двусмысленныя слова! „Можно, но осторожно!“ Что это значитъ? Сильвестро долго объ этомъ думалъ. Директоръ совѣтовалъ ему не сближаться съ рабочими, Готти совѣтуетъ быть осторожнымъ. Но тогда гдѣ же справедливость и независимость? Нѣтъ, это не по немъ. Онъ не будетъ даже глядѣть на нихъ. Его положеніе требуетъ этого.

Сильвестро вытеръ лобъ. Въ будкѣ было очень жарко. Онъ снялъ фуражку, положилъ ее на столъ и сталъ ее разглядывать. Позументъ блестѣлъ, и буквы, вышитыя серебромъ, казались ему прекрасными. *Контролеръ*—это слово наполняло Сильвестро чувствомъ отвѣтственности и гордости, Невольно онъ вспомнилъ утреннюю сцену съ Томболи. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ. Его больше никто не навѣститъ. Будетъ ли это всегда такъ? Тѣмъ лучше. Онъ добросовѣстнѣе будетъ выполнять свою службу. Его служба казалась ему почти миссіей. Онъ долженъ исправить бюджетъ, онъ повліяетъ на дѣла завода. Они убѣдятся, что не напрасно создали этотъ постъ. Горе тѣмъ, кто попытается обмануть хозяина, владѣльца! Онъ почувствовалъ въ себѣ душу вѣрнаго сторожевого пса.

— Можно?

— Входите,—отвѣтилъ Сильвестро.

Это былъ старый надзиратель, съ которымъ Сильвестро вчера познакомился.

— Пришелъ провѣдать васъ. Думаю, скучно будетъ ему одному.

— Спасибо. Я провѣрялъ записи, а за работой время протекаетъ незамѣтно.

— Я, быть можетъ, мѣшаю?

— Нисколько.

— Тогда я у васъ посижу.

— Спасибо. Садитесь.

Онъ хотѣлъ усадить старика. Но въ будкѣ былъ всего лишь одинъ стулъ. Сильвестро всталъ, желая уступить свой стулъ надзирателю. Тотъ изъ вѣжливости отказался было, но Сильвестро заставилъ его сѣсть, и самъ прислонился къ стѣнѣ.

— Вы помните, какъ меня звать?

— Нѣтъ. Мнѣ называли вчера столько именъ.

— Меня называютъ—Уставъ Гаронтъ. Странно, не такъ ли?

— Почему? это очень звучное имя.

Что вы? Я знаю самъ, что оно смѣшно.

— Но почему? Вѣдь это одинъ изъ героевъ Дантовскаго ада,—поторопился сказать Сильвестро.

— „Garon dimonio con occhi di bragia“,—медленно произнесъ надзиратель.

— Вы знаете „Божественную комедію“?

— Нѣсколько стиховъ.

— Вы изучали классиковъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Сильвестро.

— Я три года провелъ въ начальной школѣ, а затѣмъ самъ пополнялъ свое образованіе.

— Когда же вы успѣвали?

— Каждый день понемногу... Послѣ работы...

— Въ часы отдыха?

— Конечно... Я родился для другой жизни.

Онъ сказалъ это не съ печалью, но совершенно равнодушно, какъ будто говорилъ о другомъ, и затѣмъ улыбнулся.

— Вы знаете, сколько лѣтъ я здѣсь служу? Тридцать четыре года. Тридцать четыре и шестнадцать, итого пятьдесятъ; я родился въ 1853 году.

— Вамъ пятьдесятъ лѣтъ? На видъ вы гораздо моложе!

— Вы шутите?

Сильвестро настаивалъ.

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать два.

— Вы очень молоды. И вы учились, это видно.

Сильвестро въ сердцѣ поклялся ему въ вѣчной дружбѣ.

— Простите,—сказалъ надзиратель, — я говорю съ вами, какъ отецъ: что заставило васъ взять это мѣсто?

— Мой школьный товарищъ Готти предложилъ мнѣ его.

— Вы слишкомъ молоды.

— Почему?

— Я то ужъ знаю, почему,—наставительно сказалъ старикъ.

Сильвестро былъ смущенъ.

— Это плохое ремесло,—прибавилъ вдругъ надзиратель.

— Плохое?

— Плохое и тяжелое. Вы для него слишкомъ молоды.

— Я одолѣю всѣ трудности.

— Богъ на помощь! Я желаю вамъ отъ всей души...—и онъ поднялся, чтобы уйти. Но Сильвестро остановилъ его, упрашивая остаться. Онъ долженъ его распросить кой о чемъ, онъ здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ.

Надзиратель опять усѣлся.

— Я здѣсь всѣхъ знаю. Я самый старый служащій на этомъ заводѣ. При мнѣ отсюда вывезли столько мыла, что можно бы вымыть грѣхи всего человѣчества.

— Скажите, съ кѣмъ я могу здѣсь подружиться?

Надзиратель съ улыбкой поглядѣлъ на него.

— Вашъ вопросъ меня смущаетъ. Вы можете дружить со мною, а я ужъ вамъ понемногу все разскажу.

— Спасибо.

— Будьте спокойны. Я то ужъ не буду красть мыла.

Сильвестро засмѣялся.

— Видите, вы мнѣ тотчасъ и повѣрили. Да!.. вы слишкомъ молоды.

Эти слова не понравились Сильвестро.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ. Кто-то позвалъ контролера.

У будки стоялъ молодой человѣкъ, лицо котораго показалось Сильвестро знакомымъ. Тотъ также ему улыбнулся.

— Опять встрѣтились—сказалъ онъ,—вы меня не узнаете? дня четыре тому назадъ мы вмѣстѣ ждали у воротъ. Сегодня я также получилъ работу.

Сильвестро вспомнилъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ безработныхъ, которыхъ онъ видѣлъ у воротъ, когда шелъ къ Готти просить заработка.

— Вы получили здѣсь должность?

— Нѣтъ. Я поденщикъ. Вамъ больше повезло.—Въ его голосѣ звучала иронія.

— Сколько ящиковъ въ вашей телѣжкѣ?

Рабочій сосчиталъ.

— Ничего больше?

— Можете посмотрѣть.

Потомъ онъ назвалъ свое имя — Джорджіо Маркини, и свое званіе—носильщикъ.

Онъ произнесъ это послѣднее слово съ гордостью, что очень удивило Сильвестро.

— Носильщикъ,—повторилъ, смѣясь, рабочій.—Вы не хотѣли бы быть носильщикомъ? Что же дѣлать! Лучше быть носильщикомъ, чѣмъ... контролеромъ,—и онъ весело толкнулъ свою телѣжку.

— Мы будемъ друзьями,—добавилъ онъ.

— Охотно,—отвѣтилъ Сильвестро; онъ былъ удивленъ рѣчью Маркини и не чувствовалъ себя оскорбленнымъ.—У всякаго свой вкусъ.

— Странный человѣкъ,—сказалъ онъ старику, складывая свои бумаги.

— Онъ часто мѣняетъ свою службу: сегодня здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ. Веселый парень.

— Честный человѣкъ?

— Не знаю. Сами увидите.

Сильвестро понялъ, что надзиратель не хочетъ отвѣчать

на такіе вопросы, такъ какъ контролеръ могъ воспользоваться этими свѣдѣніями. Это, впрочемъ, совершенно естественно. Здѣсь всѣ были недовольны нововведеніемъ, которое затрудняло кражу. Это было даже пріятно Сильвестро.

— Разные люди бываютъ,—сказалъ Гаронтъ.—Здѣсь есть отцы семействъ, которые не въ состояніи накормить свою семью. Есть пьяницы, которые надрываются на работѣ, чтобы можно было выпить лишній литръ вина. Есть молодежь, которая страдаетъ отъ нищеты, и есть такая, что всегда весела, всегда смѣется. Такъ-то! Здѣсь есть и добрые, и злые, есть честные люди и жулики, но повѣрьте, въ этомъ этажѣ— и онъ указалъ рукой на мастерскія—люди честнѣе, чѣмъ наверху.

— Почему?—спросилъ Сильвестро.—Рѣчь старика его задѣла: онъ считалъ себя другомъ Готти.—Вы вѣдь мало знакомы съ тѣми, которые работаютъ наверху.

— Конечно. Я—рабочій,—онъ произнесъ это безъ всякой горечи.—Но все же это такъ, дитя моё. Я не знаю, почему это такъ? Быть можетъ, потому, что внизу трудятся больше а утомленные люди—честны.

— Но неужели рабочіе меньше воруютъ, чѣмъ служащіе? Я не могу этого допустить.

— Воръ—это еще не такъ плохо.

— Что же они могутъ дѣлать еще?

— Это нечестные люди, — улыбнулся надзиратель. Сильвестро только пожалъ плечами: онъ ничего не понялъ.

— Вотъ вы меня не понимаете, а я-то себя понимаю. Тридцать четыре и шестнадцать—сколько это? А вамъ всего двадцать два года. Еще двадцать восемь лѣтъ—и вы меня поймете.

Къ будкѣ приблизилась работница, неся въ передникѣ пакетъ съ душистымъ мыломъ. Сильвестро началъ считать. Передъ нимъ стояла молодая болѣзненная женщина. Отвѣтивъ на всѣ вопросы, она быстро удалилась. Сильвестро слѣдилъ за нею взоромъ.

Онъ замѣтилъ, что у нея подъ юбкою было спрятано что-то. Онъ былъ увѣренъ, что его въ первый разъ обманули, но не посмѣлъ остановить ее: онъ испытывалъ какой-то страхъ передъ этой худой и блѣдной женщиной.

Онъ вошелъ въ будку и сердито прочиталъ еще разъ ея имя: Ида Пискарп.

— По прозванію — Дѣва, — прибавилъ, смѣясь, надзиратель.

— Это ея прозвище?

— Здѣсь всѣ работницы имѣютъ прозвища: Сардинка,

Рыжка, Слива, Кривая, Лапка, и потомъ: Дѣва, Барышня, Плевательница, Дьяволина и т. д.

— Откуда берутся эти прозвища?

— Назовутъ разъ кого нибудь такъ, потомъ и остается.

— Ну, плевательница, напримѣръ... что означаетъ?

— Да вотъ подруги ея говорятъ, что она живетъ со всѣми знакомыми мужчинами.

— А кто это Дьяволина?

— Это одна брюнетка... Она задѣваетъ мужчинъ, но честная дѣвушка.

— Я ее, кажется, видѣлъ.

— Это очень честная дѣвушка. Ее всѣ уважаютъ. И она очень красива.

Все это очень интересовало Сильвестро, и надзиратель называлъ ему прозвища всѣхъ женщинъ, которыя проходили мимо будки. Онъ два раза уходилъ на заводъ, но потомъ опять возвращался.

Они уже были друзьями. Сильвестро видѣлъ уже Премьеру, про которую говорили, что она пользуется успѣхомъ у директора; видѣлъ также Сардинку — грубую женщину съ лицомъ зеленоватаго цвѣта, Барышню—франтиху въ лентахъ, и, наконецъ, Гардадритту (смотри прямо), немолодую дѣвушку, про которую говорили, что она проводитъ ночи въ скверахъ. Къ двѣнадцати часамъ Сильвестро зналъ уже всѣ тайны этого гарема, а надзиратель все продолжалъ разсказывать.

— Все это интересно знать,—повторялъ онъ.

Онъ взялъ новичка подъ свое покровительство.

— Рабочіе меня очень любятъ,—сказалъ онъ,—хотя и называютъ меня колдуномъ. Они относятся ко мнѣ съ почтеніемъ, но ихъ общество меня тяготитъ. О чемъ съ ними говорить? О кружкѣ вина, о голодѣ, о несправедливости—вотъ и все, что ихъ интересуетъ. Когда я услышалъ, что у насъ будетъ служить другъ Готти, я обрадовался. Вотъ, думаю, съ этимъ человѣкомъ можно будетъ подружиться. Съ нимъ будетъ о чемъ поговорить. Я, видите ли вы, многое хотѣлъ бы знать и люблю быть въ обществѣ людей, которые знаютъ больше моего.

Во время завтрака рабочіе высыпали на дворъ. Они сидѣли группами и все еще обсуждали утренній инцидентъ съ Томболи. Только нѣсколько человѣкъ защищали контролера. Большинство относилось къ нему крайне враждебно.

— Тоже начальникъ!.. Молокососъ!

— И какой нахалъ!

— Что твой полицейскій!

— У него и служба полицейская.

— Но Томболи былъ мертвецки пьянъ.

— Что же изъ того?

— Онъ оскорбилъ его.

— А, ну его къ чорту!

— Хорошее начало!

— Тѣмъ хуже для него,—плюнулъ энергично одинъ рабочій.

Маркини сидѣлъ верхомъ на старомъ ящикѣ и съ аппетитомъ поглощалъ свой убогій завтракъ. Онъ не принималъ участія въ разговорѣ.

— А ты, что скажешь?—спросили у него.

— Я... ничего.

— Ничего?!

— Ничего не знаю.

— Вотъ погоди... Онъ накроетъ тебя.

— Меня! - онъ тряхнулъ головой. Маркини этого не боялся.

— Какое ему до меня дѣло?

— Замѣтитъ, что крадешь.

— Я не ворую.

Нѣсколько человѣкъ засмѣялось.

— Кто это смѣется?

Никто не отвѣтилъ.

— Эхъ вы! — заключилъ онъ, принявшись опять за свой завтракъ.

Сильвестро въ это время сидѣлъ въ будкѣ. Онъ разложилъ свой платокъ на столѣ и завтракалъ. Гаронтъ уже ушелъ.

Возлѣ будки сидѣли работницы. Онѣ также говорили о контролерѣ.

— Онъ изъ хорошей семьи,—сказала Барышня:—салфетку даже разложилъ для завтрака.

— Съ пьяницей въ драку вступаетъ, вотъ трусъ! — воскликнула Лапка. Это была не молодая уже женщина съ очень длинными руками; говорили, что она любовница Томболи, который часто угощалъ ее въ кабачкѣ.

— У него лицо кретина, — рѣшила красивая дѣвушка, по прозвищу Нога.

— Непрвда,—возразила Рыжка,—онъ очень красивъ.

— Тебѣ предстоитъ немалый трудъ. Побольше смѣлости!—сказала Кривая, смѣясь, Джованнѣ, которую звали Плевательницей.

— У, колдунья!—отвѣтила ей Джованна, — ужъ, конечно, не ты ему понравишься съ твоимъ кривымъ глазомъ.

— Онѣ ужъ ссоряться!—замѣтила Гардадритта.

— А тебѣ что за дѣло?

Гардадритта сохранила олимпійское спокойствіе.

— Онъ такъ бдителенъ, что ничего не замѣтитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Гдѣ Дьяволина?

— Ушла куда-то.

— Она изучаетъ поле битвы,—сказала Рыжка.

— Она ужъ устроитъ дѣло.

— Нашъ контролеръ останется съ носомъ.

— Чтобы онъ пропалъ!

— Онъ, кажется, славный парень.

Дѣвушки рѣшили посмотрѣть на него и прошли мимо сторожевой будки. Всѣ съ любопытствомъ глядѣли на контролера, кто съ ненавистью, кто вызывающе. Лапка плюнула у двери; Сильвестро притворился, что ничего не видитъ. Онъ не смотрѣлъ на нихъ, но чувствовалъ, какъ онѣ интересуются имъ. Онъ вспомнилъ все, что ему разсказалъ утромъ Гаронтъ, и ему хотѣлось познакомиться съ этими женщинами, тайны которыхъ онъ уже зналъ. Какъ онѣ ни различались между собою, у всѣхъ было нѣчто общее; все онѣ возбуждали его...

Сильвестро въ первый разъ жилъ среди столькихъ женщинъ. Единственные его друзья, Готти и Гаронтъ, говорили объ этомъ женскомъ мірѣ, какъ о чарующей опасности, и это увеличивало его желаніе войти въ этотъ міръ.

Когда друзья ему говорили о рабочихъ, они отмѣчали лишь ихъ достоинства и недостатки. Говоря о женщинахъ, они касались подробностей, возбуждавшихъ въ немъ половой инстинктъ. У него появлялись тѣ же мысли, что и у другихъ самцовъ, въ обществѣ которыхъ жило это женское стадо, смотрѣвшее на свое тѣло, какъ на источникъ лишняго заработка, какъ на средство забвенія.

Для Сильвестро это былъ вдвойнѣ запретный плодъ, а онѣ скрывали подъ своими насмѣшками желаніе угодить. Кѣмъ изъ нихъ прельстится новый контролеръ? Та, кто его обольститъ, будетъ имѣть большія преимущества надъ другими. Она не будетъ подчиняться контролю, и къ тому же Сильвестро недуренъ, получаетъ хорошее жалованье и человѣкъ съ образованіемъ. Вотъ почему онъ такъ заинтересовалъ этотъ женскій міръ... Равнодушной осталась только Дѣва, а Дьяволина смотрѣла на него съ недовѣріемъ. Если дѣвушка сходилась съ рабочимъ, она теряла уваженіе товарокъ. Сойтись съ рабочимъ значило отречься отъ независимости и потерять всякую надежду на лучшую жизнь. Такъ случилось недавно съ Сливой; ее соблазнилъ какой то гигантъ, лѣтъ сорока, и теперь она, не смотря на свои двадцать лѣтъ, жила со стариками. А Примадонна, цвѣтущая, вѣчно поющая дѣвушка, отдалась молодому рабочему и имѣла

отъ него ребенка. Это былъ бракъ голода съ жаждой —какъ говорили ея друзья. Этотъ бракъ обрекъ ее на вѣчную каторгу.

Возвращаясь на заводъ, онѣ опять прошли мимо контролера. Сильвестро чувствовалъ себя мишенью. Взоры мужчинъ приводили его въ бѣшенство, а женщины волновали его. Онъ понималъ, что онѣ къ услугамъ тѣхъ, кто былъ въ верхнемъ этажѣ, а себя онъ считалъ оффиціальнымъ представителемъ верхняго этажа здѣсь-внизу. Онъ чувствовалъ себя хозяиномъ этихъ женщинъ, и это увеличивало его презрѣніе къ несчастнымъ самцамъ, прозябавшимъ внизу.

Онъ сознавалъ, что занимаетъ отвѣтственный постъ, и это увеличивало его твердость, его рѣшимость не поддаваться искушенію. Но, съ другой стороны, его коллеги хвастались своими побѣдами; какъ они отнесутся къ нему, если онъ не одержитъ ни одной побѣды? Его постоянныя желанія не смѣли предстать предъ совѣстью въ голомъ видѣ и искали себѣ логическаго оправданія. Ему начинало казаться, что онъ не поддержитъ чести знамени, если не овладѣетъ этой добычей.

Хотя Сильвестро получалъ три лиры въ день, но онъ, конечно, не принадлежалъ къ рабочему классу; онъ относилъ себя къ интеллигентамъ,—къ патронамъ, какъ онъ называлъ ихъ въ своемъ невѣжествѣ. Три обстоятельства привязывали его къ этому классу: его четыре года гимназіи, дружба съ Готти и отвѣтственная миссія, которая дѣлала его охранителемъ хозяйскихъ доходовъ отъ жадности рабочихъ. Верхній этажъ выставилъ его, какъ своего часового, и это довѣріе было источникомъ его гордости.

Въ этотъ жаркій полдень, когда кругомъ люди изнывали отъ труда, новый контролеръ мечталъ о томъ, какъ эти люди тщетно будутъ стараться поколебать его честность, какъ онъ будетъ пользоваться ласками женщинъ, и это будетъ не награда за его слабость, но должное воздаяніе его умѣнію владычествовать. Ему казалось, что своимъ тщедушнымъ, хилымъ тѣломъ онъ поддерживаетъ весь міръ. Одиночество, въ которомъ онъ находился, не удручало его больше. Оно ему даже нравилось теперь. Ему хотѣлось теперь лишь удивить всѣхъ какою-нибудь побѣдой, какъ тогда за воротами онъ мечталъ о стаканѣ ликера и о сигарѣ, которые должны были привлечь къ нему вниманіе рабочихъ.

Въ этихъ мечтахъ незамѣтно прошелъ день. При выходѣ, Сильвестро встрѣтился съ Готти, и они пошли вмѣстѣ. Рабочіе, почтительно кланяясь, уступали имъ дорогу.

Продавщица табака стояла по обыкновенію на порогѣ лавочки и улыбалась своимъ кліентамъ.

— Хочешь сигару?—предложилъ Готти.

Они вошли въ лавочку.

— Прекрасна, какъ роза,—привѣтствовалъ онъ продавщицу табаку съ апломбомъ человѣка, который привыкъ нравиться женщинамъ. И, повернувшись къ Сильвестро, онъ спросилъ его:

— Ты незнакомъ съ этой дамой?—Мой другъ Сильвестро Бондури, контролеръ у выхода. Синьора Берта добра, прекрасна, очаровательна!..

— Замолчите, — сказала, смѣясь, продавщица. Потомъ, когда Готти подошелъ къ рожку закурить сигару, синьора Берта вышла изъ-за прилавка и подошла къ Сильвестро. Она очаровала его своими улыбками, комплиментами, возбудила его прикосновеніемъ своихъ рукъ, и Сильвестро вышелъ совсѣмъ смущенный. При прощаньи она ему выразительно пожала руку.

— Нравится она тебѣ?—спросилъ Готти.

— Такъ себѣ,—осторожно отвѣтилъ Сильвестро; онъ чувствовалъ еще пожатіе ея руки.

— Вино чѣмъ старѣе, тѣмъ крѣпче,—сказалъ Готти.

IV.

Странное совпаденіе! Фелицита была вполнѣ согласна съ Сильвестро.

Сильвестро рисовалъ свою службу, какъ безпрерывную борьбу съ рабочими. Эти мошенники постоянно старались его обмануть, а онъ разоблачалъ ихъ коварныя намѣренія. И вечеромъ, во время ужина, Сильвестро разсказывалъ съ воодушевленіемъ, и сильно преувеличивая, свои приключенія на заводѣ. Онъ какъ будто хотѣлъ подчеркнуть этими разсказами всю разницу между его печальнымъ прошлымъ и тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ теперь занимаетъ. Фелицита одобряла его съ энтузіазмомъ:

— Очень хорошо! такъ и слѣдуетъ!

Отецъ иногда осмѣливался ввернуть словечко въ пользу рабочихъ.

— Бѣдные люди!

Фелицита съ негодованіемъ отвѣчала ему:

— Ты никогда ничего не понимаешь.

Она забыла уже, что нѣкогда тоже была работницей, и теперь всецѣло была на сторонѣ обитателей верхняго этажа. Она относилась къ рабочимъ съ тѣмъ презрѣніемъ и ненавистью, которыя свойственны выскочкамъ, желающимъ забыть свое происхожденіе. Сильвестро черпалъ въ одобреніи матери новую силу; не смотря на прежнюю ссору, онъ считалъ свою мать очень умной женщиной, и ея мнѣніе имѣло для

него больше значенія, чѣмъ робкія замѣчанія отца. О переѣздѣ Сильвестро никто больше не говорилъ. Сначала Фелицита искала для него квартиру, потомъ объ этомъ какъ бы забыли. Ни мать, ни Сильвестро не испытывали теперь большого желанія разстаться. Сильвестро чувствовалъ себя теперь дома достаточно свободнымъ, а жизнь въ городѣ грозила ему одиночествомъ. Онъ и такъ чувствовалъ себя одинокимъ на заводѣ, хотя и пытался заглушить это чувство напускнымъ героизмомъ. Лишь Клара была недовольна тѣмъ, что онъ нарушилъ свое обѣщаніе. Она уже надѣялась было вырваться изъ дому и освободиться отъ гнета матери.

Джузеппе сильно удивлялся разсказамъ брата:

— Тебя еще не побили?

За этимъ вопросомъ слѣдовало утвержденіе:

— Тебя, навѣрное, побьютъ.

Джузеппе, какъ добрый братъ, предлагалъ Сильвестро свою помощь на случай столкновенія съ рабочими. „Это неизбѣжно“—увѣрялъ онъ брата—„тебя побьютъ“, и Сильвестро, смѣясь, принялъ его предложеніе. Наивность Джузеппе поражала его. Какъ это онъ не понимаетъ, что контролеръ имѣетъ могущественныхъ покровителей и что рабочіе видятъ это. Но Сильвестро не сердился на брата. Онъ прощалъ ему, видя, что Джузеппе не привыкъ еще къ мысли, что его братъ занимаетъ новое положеніе. Сильвестро теперь принадлежалъ къ тому классу, престижъ котораго Джузеппе признавалъ. Сильвестро нечего было бояться. За нимъ стоялъ арьергардъ, классъ хозяевъ. Вся армія собственниковъ готова была придти на помощь вѣрному часовому. Неповоротливый и тупой Джузеппе не замѣчалъ этого, и это внушало Сильвестро ироническое состраданіе. Онъ считалъ лишнимъ объяснять все это своему брату. Джузеппе былъ ниже его, и благородный представитель культурнаго общества не хотѣлъ изъ чувства великодушія обидѣть представителя низшаго класса. Фелицита также не подозрѣвала, какая пропасть раздѣляетъ двухъ братьевъ, и подавала Сильвестро такую же тарелку супа, какъ и его брату. Бѣдные люди! Сильвестро прощалъ имъ, и былъ самъ тронутъ своимъ великодушіемъ.

Когда Сильвестро въ первый разъ получилъ свое жалованье, девяносто лиръ, онъ испыталъ неимовѣрную радость.

„Счастливъ тотъ, кто не напрасно трудился“—такова была тема сочиненія, которое онъ долженъ былъ разъ написать въ лицеѣ. Какъ хорошо написалъ бы онъ теперь на эту тему! Вернувшись домой, онъ далъ Фелицитѣ пятьдесятъ лиръ за квартиру и ужинъ. Потомъ онъ купилъ вѣеръ для продавщицы табаку, за которой онъ ухаживалъ. Сильвестро положительно пользовался ея благосклонностью, и это льстило

его самолюбію. Ему казалось, что всѣ рабочіе ему завидуютъ. Утромъ онъ всегда заходилъ въ лавочку поздороваться съ Бертой, и рабочіе издали смотрѣли на счастливца. Иногда служащій или надзиратель дѣлали ему робкій намекъ, и Сильвестро многозначительно улыбался. Лишь Гаронтъ какъ будто ничего не замѣчалъ. Готти съ своею обычною беззастѣнчивостью подталкивалъ его:

— Впередъ, впередъ! Это хорошая школа.

Но Сильвестро медленно подвигался впередъ. Онъ, пока что, ограничивался крѣпкими рукопожатіями и краснорѣчивыми взглядами. Большаго онъ не смѣлъ просить. Проклятая робость! Сильвестро начиналъ страдать. Его возбужденіе росло съ каждымъ днемъ, его мечты и проекты становились смѣлѣе. Но надежды не осуществлялись, и Сильвестро не становился рѣшительнѣе. Вѣрный своей любви, онъ не глядѣлъ даже на работницъ. Онъ не обращалъ вниманія на многозначительныя улыбки Дѣвы и не откликнулся на молчаливое приглашеніе Гардадритты, которая однажды нечаянно прижалась къ нему. Но постоянное пребываніе среди женщинъ еще больше возбуждало его и увеличивало его влеченіе къ зрѣлой продавщицѣ табаку.

Онъ много слышалъ объ этой женщинѣ. Ея жизнь была богата приключеніями. Она была изъ хорошей семьи, но связь съ однимъ негодяемъ скомпрометировала ее, и теперь она продавала табакъ. Эти скверные слухи не смущали Сильвестро. Наоборотъ, это его еще больше подзадоривало. Легкое поведеніе Берты, ея любовныя похожденія, ея богатый опытъ увеличивали ея притягательную силу. Онъ былъ дебютантомъ, и женщина легкаго поведенія прельщала его больше, чѣмъ грубыя работницы со своимъ простымъ и неинтереснымъ прошлымъ.

Берта была хорошаго происхожденія, на нее нужно было тратить много денегъ—и это тоже нравилось Сильвестро. Вѣеръ, который онъ ей подарилъ, былъ лишь продолженіемъ въ серіи подарковъ, которые ей дѣлали раньше богатые люди. Раньше ей, вѣроятно, дарили кружева, драгоцѣнности. Близость къ Бертѣ была близостью къ обитателямъ верхняго этажа.

Рабочіе сразу замѣтили эту близость и часто говорили объ этомъ. Въ ихъ рѣчахъ чувствовалась кастовая ненависть къ людямъ изъ другого лагеря.

— Тоже барышня! Одѣла свои бархатныя тряпки, и никто не замѣчаетъ, что она худа, какъ щепка,—сказала Дѣва.

— Ей повезетъ! — замѣтила Лапка, которая отличалась умѣніемъ угадывать будущее влюбленныхъ.

— Мы-то не скрываемъ своихъ недостатковъ подъ тряпками,—продолжала Дѣва.

Всѣ разсмѣялись. Эта сторона дѣла не интересовала мужчинъ. Они скорѣе сердились, что Сильвестро одержалъ такую побѣду, о которой каждый изъ нихъ мечталъ, и выражали свое неудовольствіе въ насмѣшкахъ:

— Ея отецъ продавалъ спички.

— Она раньше продавала воду на площадяхъ.

— Она ходила по рукамъ, когда ей было пятнадцать лѣтъ.

— Три сольди и порція мороженнаго—больше она не требовала.

Рабочіе очень дурно отзывались о ней, но никто не осмѣливался сказать ей въ лицо неприличное слово. Когда Сильвестро входилъ въ лавочку, рабочіе удалялись изъ нея. Сильвестро завоевалъ себѣ право оставаться съ Бертой наединѣ, и очень гордился этимъ. Ему казалось, что Берта составляетъ его собственность, хотя она еще не принадлежала ему.

Но если Сильвестро гордился этой близостью здѣсь, на заводѣ, то дома онъ стыдился ея. Въ особенности ему было стыдно передъ Кларой. А что сказалъ бы Джузеппе? Онъ, навѣрное, будетъ надъ нимъ смѣяться. Сильвестро былъ увѣренъ, что Джузеппе также имѣетъ любовницу; но какъ бы точнѣе узнать объ этомъ? „Джузеппе тоже имѣетъ любовницу"—этимъ онъ заставилъ бы замолчать мать.

Сильвестро привыкъ быть въ подчиненіи и боялся мнѣнія другихъ. Что подумаетъ Клара?—эта мысль его страшно удручала. Она такъ наивна, она не проститъ; и онъ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, чувствовалъ свою привязанность къ сестрѣ. Клара была его единственнымъ утѣшеніемъ, она никогда не порабощала его, она воодушевляла его въ минуты унынія, и поэтому онъ ее такъ любилъ. Привязанность къ Кларѣ дѣлала его еще болѣе робкимъ по отношенію къ Бертѣ. Мысль о Кларѣ останавливала его въ тѣ минуты, когда онъ уже готовъ былъ рѣшиться на все и осуществить свои мечты.

— „Клара, я не дѣлалъ ничего дурного",—мысленно говорилъ онъ ей, сознавая, что говоритъ неправду. И теперь онъ проводилъ одиноко долгіе дни въ своей сторожевой будкѣ, не зная, на что рѣшиться, и терзаемый постоянными колебаніями.

Добрый Гаронтъ все еще былъ его другомъ. Онъ опекалъ его, какъ отецъ, и Сильвестро часто смѣялся надъ наивными разсужденіями своего стараго пріятеля. Надзиратель понемногу раскрывалъ ему свою душу, хотя не любилъ много говорить о себѣ. Прошлое старика было омрачено двумя несчастіями. Сильвестро скорѣе угадалъ, чѣмъ узналъ эту

исторію. Гаронтъ ему не разсказывалъ, но нѣсколько разъ безсознательно касался ея. Изъ отдѣльныхъ его фразъ Сильвестро понялъ, что родители Гаронта не были рабочими.

— Когда мой отецъ жилъ, все было иначе, — любилъ говорить надзиратель, но въ чемъ заключалось это „иначе“, Гаронтъ не говорилъ. Можно было лишь понять, что отецъ его умеръ очень рано. Какъ Гаронтъ жилъ въ дѣтствѣ, оставалось неизвѣстнымъ.

О матери Гаронтъ говорилъ слѣдующее:

— Тогда я ее очень любилъ!

Иногда онъ дѣлалъ намекъ:

— Женщины не знаютъ, что дѣлаютъ. Ихъ нужно прощать.—Или:

— Я вѣрилъ въ нее, какъ въ Бога.

И это все. Можно было догадаться, что у его матери родился ребенокъ:

— Мнѣ уже было лѣтъ тринадцать, когда мать дала мнѣ брата.

Но ясно было, что его мать вторично замужъ не выходила.

— Шестнадцати лѣтъ я остался одинъ съ братомъ.—Мать, очевидно, умерла.

Остальное Гаронтъ не срывалъ. Онъ воспитывалъ и кормилъ своего брата. Они были одни на свѣтѣ. Опекуну было шестнадцать лѣтъ, а брату три года.

— Нужно было найти заработокъ или умереть,—говорилъ Гаронтъ.

Тогда-то онъ и поступилъ на мыловаренный заводъ. Старикъ никогда не говорилъ, что принесъ себя въ жертву, но Сильвестро понималъ это.

Маленькій братъ Гаронта росъ: смѣялся, игралъ, учился. Ахъ, если бы было больше счастья въ жизни!

Однажды вечеромъ Гаронтъ пришелъ домой. Странная тишина. Братъ, вѣроятно, занимается. Нужно его испугать. Гаронтъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату. Въ первой комнатѣ никого не было. Ужасъ охватилъ его. Онъ бѣжитъ въ другую комнату. Шкафъ опрокинутъ... подъ нимъ раздавленный мальчикъ. Гаронтъ не умѣлъ плакать. Онъ занялъ у знакомыхъ денегъ на похороны, и на третій день возвратился на заводъ. Ему было тогда двадцать семь лѣтъ.

— Изъ пятидесяти вычесть двадцать семь,—сказалъ Гаронтъ, который любилъ точность:—двадцать три. Это было двадцать три года тому назадъ. А мнѣ кажется, что это было вчера. Всѣ эти двадцать три года такъ похожи другъ на друга!..—Онъ тряхнулъ головой, пробормоталъ что-то

и, печально улыбнувшись, заключилъ свой безсвязный разсказъ:

— Будемъ говорить о веселыхъ вещахъ. Будемъ говорить о васъ, молодой человѣкъ.

Но у Сильвестро было мало хорошаго. Постоянныя столкновенія съ рабочими ему вовсе не такъ ужъ нравились, какъ онъ это говорилъ. Любовь Берты также его не удовлетворяла. Впрочемъ, онъ не осмѣлился бы сообщить объ этомъ Гаронту: старика такъ облагораживала его печаль, что было бы пошлостью говорить ему объ этой любви. Надзиратель ни словомъ не далъ ему понять, что слышалъ о его любовныхъ похожденіяхъ, и это молчаніе смущало Сильвестро.

Любовь и страданія контролера были слишкомъ убоги по сравненію съ вѣчною и спокойною печалью надзирателя. Къ Гаронту всѣ рабочіе относились съ почтеніемъ, хотя онъ и не ругалъ, и не преслѣдовалъ ихъ. Можетъ быть, они угадывали его скрытое горе? Если Гаронтъ былъ одинокъ, то это не потому, что другіе не любили его. Рабочіе знали, что онъ избѣгаетъ ихъ общества. Если возникала ссора, къ Гаронту обращались, какъ къ судьѣ. Даже директоръ относился къ нему съ уваженіемъ. Когда рабочіе начинали протестовать противъ несправедливости, Гаронтъ часто примирялъ обѣ стороны. Въ немъ была какая то сила, передъ которой всѣ преклонялись. Сильвестро признавалъ его авторитетъ, хотя и считалъ себя нѣсколько выше его: Гаронтъ все же былъ рабочій. Сильвестро было досадно, что Гаронтъ относится съ презрѣніемъ къ службѣ контролера, ему также не нравилось, что Гаронтъ умѣлъ цитировать стихи изъ Данта,—чѣмъ нарушалась привилегія контролера. Какъ онъ ни уважалъ и ни любилъ стараго надзирателя, онъ любилъ бы его еще больше, если бы Гаронтъ стоялъ ниже его Сильвестро желалъ быть покровителемъ, и былъ недоволенъ, что самъ нуждается въ покровителѣ.

Томболи послѣ трехдневнаго отсутствія опять возвратился на заводъ. Онъ старался не сталкиваться съ контролеромъ и не затѣвать новыхъ исторій. Онъ помогалъ другимъ тайно выносить мыло изъ завода, но самъ ничего не предпринималъ изъ осторожности Однажды Сильвестро услышалъ, какъ Томболи пустилъ на его счетъ остроту:

— Нашъ контролеръ все еще смотритъ на фасадъ.—Сильвестро зналъ жаргонъ рабочихъ. Это означало, что контролеръ не пользуется рѣшительнымъ успѣхомъ у Берты. Эти слова задѣли самолюбіе Сильвестро, и онъ рѣшился ихъ опровергнуть. Вечеромъ онъ дольше обыкновеннаго сидѣлъ въ табачной лавочкѣ. Онъ все еще не смѣлъ сказать нуж-

---

ныхъ словъ, а Берта не помогала ему. Рабочіе уже всѣ разошлись. Улица опустѣла.

— Поцѣлуй меня,—сказалъ вдругъ Сильвестро.

Берта удивленно посмотрѣла на него.

— Ты не хочешь?—спросилъ рѣзко Сильвестро.

— Не здѣсь.

— Почему?—разсердился контролеръ.—Ты смѣешься надо мною.

Берта поняла, что ей трудно будетъ отъ него отдѣлаться.

— Не здѣсь,—повторила она, ласково улыбаясь. Вокругъ рта у нея обозначились покрытыя пудрой морщины.

— Гдѣ же?

— Не знаю.

— Но сегодня!.. Гдѣ?

— Сумашедшій!—и она пожала ему руку, чтобы больше возбудить его.

— Я приду къ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Я приду.

Берта промолчала.

— Въ десять часовъ.

Берта не соглашалась. Какъ онъ выйдетъ? Это можетъ ее скомпрометировать. Жильцы замѣтятъ его. Сильвестро повѣрилъ ей. Онъ не думалъ раньше объ этомъ.

— Будь паинькой! Сегодня немыслимо, — сказала женщина.

— А когда же?

— Въ другой разъ. Не сегодня.

Она протянула ему губы для поцѣлуя съ цѣлью лучше убѣдить его. Но поцѣлуй еще болѣе возбудилъ Сильвестро.

— Сегодня вечеромъ,—прошепталъ онъ.

— Ты нехорошій.

— Почему?

— Я же сказала тебѣ, не сегодня.

Онъ взялъ шляпу и сердито повернулся.

— Тогда прощай.—Онъ ушелъ изъ лавочки.

Придя домой, онъ заперся въ своей комнатѣ. Потомъ онъ спустился внизъ, боясь, что родители замѣтятъ его волненіе. Онъ почти не ѣлъ. Поцѣлуй Берты оставилъ на его губахъ странное и пріятное ощущеніе: до сихъ поръ онъ не зналъ такихъ поцѣлуевъ.

Послѣ ужина онъ заявилъ, что у него болитъ голова. Клара хотѣла приложить ему компрессъ, но онъ отказался. Онъ боялся прикосновенія ея руки, онъ все еще чуствовалъ на губахъ поцѣлуй Берты.

— Я пойду освѣжиться. Это хорошо дѣйствуетъ.—Фелицита нахмурилась, но не протестовала. Онъ вышелъ и направился къ дому, гдѣ жила Берта. Онъ увидѣлъ ее въ окнѣ, сдѣлалъ ей знакъ рукой и быстро поднялся по лѣстницѣ.

Дверь была открыта...

— Что же теперь? — спросила Берта, освобождаясь изъ его объятій...

Она, однако, хорошо знала, что произойдетъ теперь. Уже нѣсколько дней, какъ ея швея требовала настойчиво уплаты денегъ. Бертѣ было очень досадно: она уже давно износила эти двѣ юбки. Но дѣлать было нечего! Сильвестро и не догадывался, что обязанъ своимъ успѣхомъ такой случайности. Упорное сопротивленіе Берты было лишь маневромъ, чтобы лучше привязать его къ себѣ.

Ея маневръ удался. Сильвестро думалъ, что одержалъ большую побѣду, и, встрѣтивъ на слѣдующій день Томболи, вызывающе посмотрѣлъ ему въ глаза; онъ хотѣлъ ему дать понять, что уже „не смотритъ больше на фасадъ". Но Томболи ничего не понялъ.

— Нелегкая его побери!—пробурчалъ Томболи и прошелъ мимо. Онъ искалъ Лапку, которая обѣщала ему одолжить двѣнадцать сольдовъ. Въ награду Томболи долженъ былъ угостить ее литромъ вина, который стоилъ около того же: Томболи не платилъ долговъ.

Сильвестро не остановился послѣ перваго шага. Онъ обожалъ Берту, и связь съ нею разсѣяла всѣ его колебанія и угрызенія совѣсти. Онъ съ радостью уплатилъ ея долги съ видомъ человѣка, которому это ничего не стоитъ. Онъ былъ опьяненъ ея ласками и искалъ ихъ ежедневно. Онъ не видѣлъ ея морщинъ и не замѣтилъ, что Берта вдругъ постарѣла на десять лѣтъ. Не замѣчалъ онъ также ея грязнаго бѣлья, ни запаха спирта, которымъ отъ нея постоянно несло. Онъ отдавалъ ей почти весь заработокъ и долженъ былъ отказаться отъ многихъ удовольствій; онъ не покупалъ больше Кларѣ цвѣтовъ. Иногда его охватывало отвращеніе, но онъ подавлялъ въ себѣ это чувство.

На заводѣ всѣ замѣтили новую фазу его любви. Гаронтъ, очевидно, былъ недоволенъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали его глубокомысленные афоризмы:

— Хорошія ноги служатъ часто для того, чтобы разбить шею.

Или:

— Кто быстро ходитъ съ молоду, спотыкается на старости.

Онъ очень часто выражалъ сожалѣніе, что Сильвестро такъ молодъ.

Готти, напротивъ того, смѣялся.

— У тебя носъ сильно выросъ.

Сильвестро похудѣлъ. Его кошелекъ пострадалъ еще больше. Девяносто лиръ, которыя прежде казались ему богатствомъ, теперь были недостаточны. Это было крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что родители замѣтили уже, что онъ тратитъ на что-то свой заработокъ. Они подозрѣвали уже его, но не знали, въ чемъ дѣло. На случай упрековъ Сильвестро имѣлъ готовый отвѣтъ: Джузеппе тоже имѣетъ любовницу.

Сильвестро узналъ это случайно. Это была молодая, честная дѣвушка, работница. Ее называли Августой. Ему ее разъ показали. Веселая брюнетка, она была величиною въ руку Джузеппе. Сильвестро завидовалъ своему брату и его чистой любви, онъ почти чувствовалъ всю пошлость своей связи.

— Вотъ кретинъ,—услышалъ онъ однажды слова Дѣвы:— онъ могъ бы найти лучше.

Сильвестро тоже былъ убѣжденъ въ этомъ. Берта же всячески ухаживала за нимъ, не желая выпустить его изъ своихъ рукъ. Но она тяготила Сильвестро. Онъ подозрѣвалъ, что надъ его связью смѣются, и къ тому же чувствовалъ себя въ ея власти. Она угнетала его больше, чѣмъ мать, а у него не было силы сопротивляться. Рабочіе видѣли, что контролеръ сталъ очень разсѣяннымъ, и постоянно обманывали его. Онъ это чувствовалъ и бѣсился на себя самого.

Когда Гаронтъ съ нимъ разсуждалъ и предавался своимъ воспоминаніямъ, Сильвестро хотѣлось сказать ему:

— Вы счастливы!—онъ имѣлъ въ виду его спокойствіе и ясность души—результатъ долгихъ страданій и несчастій.

Сначала каждый рабочій дѣйствовалъ на свой рискъ и страхъ, потомъ они изучили новое поле сраженія и характеръ приставленнаго къ нимъ шпіона, и объединились всѣ противъ Сильвестро. Самые честные изъ нихъ скрывали заговоръ. Война была объявлена, и первыя побѣды были на сторонѣ рабочихъ. Сотрудничество облегчало имъ кражу. Одни занимали контролера разговоромъ, а другіе въ это время быстро выносили не записанные ящики съ мыломъ.

Иногда они, сговорившись, нагромождали у выхода много тѣлежекъ, и, пока Сильвестро записывалъ показанія одного носильщика, другіе выходили за ворота. Сильвестро сталъ бдительнѣе. Его оскорбляло сознаніе, что надъ нимъ смѣются, и онъ сдѣлался безпощаднымъ. До сихъ поръ ему удавалось лишь помѣшать мелкой контрабандѣ, большая не давалась. Онъ рѣшился проучить мошенниковъ разъ на всегда. Нужно было выждать случай и уличить кого-нибудь въ крупной кражѣ. Это подѣйствуетъ на всѣхъ, и онъ дастъ коллегамъ съ

верхняго этажа новое доказательство своей преданности. Тамъ, наверху убѣдятся, что онъ приноситъ пользу, и это будетъ для него достаточная награда за бдительность и самопожертвованіе.

Однажды, когда Гаронтъ сидѣлъ въ будкѣ, три телѣжки подъѣхали къ воротамъ. Сильвестро записалъ первую телѣжку. Онъ повернулся уже ко второй, какъ рабочій попытался совершить кражу.

Онъ быстро поднялъ ящикъ съ мыломъ и перекинулъ на телѣжку, которая уже выѣзжала за ворота. Сильвестро замѣтилъ... Его охватило бѣшенство и досада. Онъ притворился, что ничего не видитъ, и позволилъ рабочему удалиться, потомъ внезапно побѣжалъ за нимъ и окликнулъ его. Тотъ не обернулся и продолжалъ удаляться.

Сильвестро крикнулъ громче:

— Остановитесь.

Рабочій повернулъ. Всѣ молчали. Гаронтъ вышелъ изъ будки.

— Что вамъ угодно?—спокойно спросилъ рабочій.

— Сюда!

— Зачѣмъ?

— Возвратитесь!—крикнулъ Сильвестро.

Телѣжка опять подъѣхала къ воротамъ. Ее толкалъ старикъ съ тупымъ, безсмысленнымъ лицомъ и усталыми глазами. Его голова была обвязана полотенцемъ.

Онъ не смутился и ждалъ.

— Что вамъ угодно?

Сильвестро указалъ рукой на лежавшій сверху ящикъ.

— Что это?

— Мыло.

— Я его записалъ?

— Не знаю.

— Нѣтъ. Я его не записалъ.

— Кто же его сюда положилъ?

— Это ужъ вамъ лучше знать.

— Ничего не знаю.

— Ладно. Подождите

Онъ не рѣшился обвинять другихъ въ соучастіи. Въ первый разъ онъ почувствовалъ предъ ними страхъ. Онъ записалъ ящики съ другихъ телѣжекъ и приказалъ рабочимъ выѣхать. Потомъ онъ приказалъ вскрыть ящикъ съ контрабандой. Мыло оказалось дорогого сорта.

— Директоръ въ конторѣ?—спросилъ Сильвестро у привратника.

— Да.

— Оставайтесь здѣсь. Я пойду въ контору.

Рабочій сердито провожалъ его глазами. Привратникъ молчалъ.

Гаронтъ обратился къ уличенному въ кражѣ:

— О чемъ же ты думалъ?

Тотъ пожалъ плечами и выругался:

— Голодъ не тетка!

— А теперь?

Рабочій презрительно махнулъ рукой.

Директоръ самъ спустился внизъ и подошелъ къ мѣсту происшествія.

— Я могъ бы тебя арестовать,—сказалъ онъ рабочему,— но такъ и быть... убирайся по-добру по здорову.

Тотъ направился къ выходу, а директоръ повернулся къ Сильвестро:

— Вы выполнили свой долгъ, дорогой Бондури, и поступили, какъ честный человѣкъ.

Директоръ ушелъ. Сильвестро и Гаронтъ остались одни. На заводѣ по прежнему кипѣла работа, и никто, казалось, не замѣтилъ бывшей сцены.

Сильвестро началъ говорить:

— Вы видите... что же мнѣ было дѣлать?.. я выполнилъ свой долгъ... они должны знать, что нельзя безнаказанно воровать... не могъ же я молчать?.. развѣ я въ этомъ виноватъ, а? Скажите сами, много ли здѣсь честныхъ людей? Ихъ можно по пальцамъ пересчитать. Они, вѣрно, думаютъ, что я долженъ потакать имъ. А теперь: „этотъ подлецъ, этотъ"... конечно, они это скажутъ. Но я выполнилъ свой долгъ. Скажите, развѣ я могъ поступить иначе?

Гаронтъ потупилъ глаза и молчалъ. Потомъ онъ проговорилъ:

— Конечно. Это не по вашей винѣ. Но кто теперь будетъ кормить его дѣтей?.. у него ихъ семеро, малъ мала меньше.

Сильвестро этимъ не смутился. Тѣмъ болѣе осторожнымъ слѣдовало быть отцу. Тѣмъ большаго осужденія онъ заслуживаетъ. Контролеръ еще въ школѣ заучилъ двѣ истины: „никто не воруетъ съ голоду" и „дѣйствительная бѣдность предпочитаетъ смерть безчестью". Все же мысль о голодающихъ дѣтяхъ причиняла ему угрызенія совѣсти. Онъ объ этомъ долго думалъ. Его воображеніе рисовало ему умилительныя картины. Таинственный незнакомецъ присылаетъ пищу этимъ дѣтямъ, и они благословляютъ своего благодѣтеля, который сжалился надъ ихъ нищетой. Отецъ и его товарищи проклинаютъ контролера, который никому не раскрываетъ этой тайны. А потомъ, въ одно прекрасное утро, всѣ узнаютъ, что..

Но любовь Берты отразилась на карманахъ Сильвестро,

а мѣсяцъ былъ на исходѣ. Приходилось отказаться отъ удовольствія быть благодѣтелемъ. И изъ-за кого? изъ-за Берты.

Сильвестро былъ полонъ негодованія и при выходѣ даже не поклонился продавщицѣ. Она окликнула его, и онъ не отвѣтилъ. Берта улыбнулась.

— Посмотримъ!—какъ будто говорила она. Она была увѣрена, что Сильвестро искупитъ свою вину и дорого заплатитъ за свою невѣжливость.

Сильвестро не пошелъ домой. Онъ бродилъ по улицамъ города, пытаясь развлечься. Всякій крикъ ребенка, — а на улицѣ было какъ разъ много дѣтей, безпечно игравшихъ въ этотъ теплый вечеръ,—заставлялъ его вздрагивать. Что то дѣлаютъ теперь семеро ребятишекъ? Они сегодня, быть можетъ, останутся безъ ужина. У Сильвестро было мало денегъ. Но и на это можно было бы купить для нихъ хлѣба, а потомъ занять денегъ у кого-нибудь. Но какъ имъ послать все? У него не было друзей, кто бы могъ исполнить такое порученіе. Къ тому же Сильвестро важно было сохранить тайну; онъ все же былъ увѣренъ, что выполнилъ свой долгъ и что ему нечего раскаиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страдалъ отъ сознанія, что явился причиной такого горя.

Сильвестро увидѣлъ вдали Джузеппе. Но онъ не рѣшился остановить его. Августа шла рядомъ съ его братомъ и почти повисла на рукѣ гиганта; она казалась крошкой. Прохожіе добродушно оглядывались на эту пару; но они не обращали на это вниманія и громко говорили и смѣялись.

Сильвестро вспомнилъ, что Джузеппе предложилъ ему свою помощь на случай опасности. Эта опасность была близка. Онъ гордо выпрямился и повернулъ на другую улицу. Онъ никого не боится! Возлѣ него заплакалъ какой то ребенокъ, и Сильвестро ускорилъ шаги, какъ будто за нимъ кто-нибудь гнался. Онъ искалъ спокойствія и боялся угрызеній совѣсти.

Ночь надвигалась. Улицы пустѣли. Въ окнахъ домовъ появился свѣтъ. Сгущавшійся мракъ нагонялъ на Сильвестро страхъ. Ему нѣсколько разъ казалось, что за нимъ кто то ходитъ, что онъ видитъ лицо носильщика. Сильвестро сжималъ въ карманахъ кулаки и готовился къ защитѣ. Его пугалъ всякій стукъ. Однажды онъ почувствовалъ на шеѣ чье-то горячее дыханіе и нервно обернулся, но прохожій находился на разстояніи трехъ шаговъ и не обращалъ на него никакого вниманія.

Бѣдняга не думалъ больше о своихъ родителяхъ, которые ждали его. Онъ вспомнилъ про Берту. Онъ пошелъ бы къ ней забыться въ ея объятіяхъ, но Берта приходила поздно домой, и онъ ея не застанетъ теперь.

Вдругъ Сильвестро замѣтилъ Маркини, который ужъ нѣсколько дней не приходилъ на заводъ. Онъ сидѣлъ на низкомъ мраморномъ столбикѣ и посвистывалъ.

— Добрый вечеръ, г-нъ контролеръ!

Сильвестро обрадовался. Маркини ему нравился.

Онъ остановился, забывъ, что контролеру не полагается разговаривать на улицѣ съ такимъ подозрительнымъ человѣкомъ, какъ Маркини.

Была уже ночь.

— Добрый вечеръ! Какъ дѣла?

— Ничего себѣ. А у васъ?

— Спасибо!

— Васъ ужъ давно не видать. Вы получили мѣсто?

— Нѣтъ! Но жаловаться не на что: всегда сытъ.

Маркини поднялся и подтянулъ на себѣ поясъ. У Сильвестро появилась блестящая идея.

— Хотите оказать мнѣ услугу?

Черноробочій удивился.

— Конечно.

— Но это секретъ.

— Я не изъ болтливыхъ.

Это была правда. Сельвестро зналъ, что Маркини не большой охотникъ до разговоровъ.

— Вы знаете Мавриціо Веролу?

— Да.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Недалеко отсюда.

— Мнѣ поручили передать его дѣтямъ двѣ лиры. Верола потерялъ работу. — И онъ вытащилъ изъ кармана все свое богатство.

— Я васъ могу проводить.

— Нѣтъ, нѣтъ,—попросилъ Сильвестро,—передайте сами, пожалуйста.

— Охотно. Но почему бы вамъ самимъ этого не сдѣлать?

— Лучше ужъ такъ.

— Ну, давайте.

— Но вы не говорите, что это я васъ послалъ. Обѣщаете?—И онъ протянулъ ему монету.

— Будьте спокойны.

Сильвестро поблагодарилъ его и быстро ушелъ.

Маркини посмотрѣлъ на оставленныя ему двѣ лиры.

— И этотъ человѣкъ сталъ шпіономъ!—прошепталъ онъ и направился къ Веролѣ. Онъ былъ немного удивленъ оказаннымъ ему довѣріемъ. До сихъ поръ этого не случалось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Третье отдѣленіе и цензура“.

(1826 — 1855 гг.).

I.

Въ исторіи каждаго государства есть такія учрежденія, которыя и послѣ своего упраздненія долго остаются въ памяти потомства. Въ русской жизни XIX столѣтія такимъ учрежденіемъ является III Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, въ разговорѣ всегда называвшееся кратко: „третье отдѣленіе“.

Въ мою задачу не входитъ полное и всестороннее изслѣдованіе его дѣятельности за всѣ пятьдесятъ четыре года (1826 — 1880). Я попытаюсь освѣтить лишь цензурныя его функціи, и при томъ только за первыя тридцать лѣтъ, совпадающія съ царствованіемъ создателя „третьяго отдѣленія“,—императора Николая I. „Третье отдѣленіе“ проникало во всѣ поры литературнаго организма.. Съ 1826 и до 1848 года гегемонія III отдѣленія въ цензурѣ была абсолютна, съ 1848 же по 1855 г. оно имѣло равноправнаго помощника—бутурлинскій комитетъ *) — что, конечно, не умаляло, въ сущности, его прежняго главенства. Вотъ почему слова автора офиціознаго юбилейнаго изданія, — „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“ (Спб , 1902 г.):—„съ учрежденіемъ III отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи къ нему перешелъ высшій надзоръ по *нѣкоторымъ* цензурнымъ дѣламъ“ **) — представляются безусловной ошибкой. III отдѣленіе было верховнымъ надзирателемъ по *всѣмъ* цензурнымъ дѣламъ, не будучи ограничено никакими рамками и не будучи, съ другой стороны, снабжено какой-нибудь письменной инструкціей, дававшей ему право постояннаго вмѣшательства въ жизнь литературы и печати.

Но прежде, чѣмъ приступить къ обзору цензурной дѣятельности

---

*) См. мою книгу: „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистикѣ XIX столѣтія“. Спб., 1904 г.

**) Стр. 219.

этого учрежденія, я считаю необходимымъ ознакомить читателей съ тѣми условіями, которыя породили его возникновеніе, съ его первыми шагами вообще, и съ тѣмъ личнымъ составомъ, который опредѣлялъ курсъ III отдѣленія съ самаго начала. Только при такомъ порядкѣ изложенія будутъ понятны всѣ мѣры III отдѣленія по отношенію къ литературѣ и литераторамъ.

II.

Особенная канцелярія при министерствѣ полиціи, а затѣмъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ царствованіе Александра I замѣнившая тайную канцелярію Павла I, не открыла тайнаго политическаго общества, о которомъ правительство долгое время имѣло лишь смутныя подозрѣнія. Вступившій на престолъ послѣ ряда кровавыхъ событій императоръ Николай I ясно понялъ, какое отдаленіе правительственныхъ сферъ отъ общества существовало въ тотъ моментъ. „Покончивъ съ мятежемъ и съ тайнымъ обществомъ, правительство—говоритъ Шильдеръ—увидѣло передъ собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобнаго явленія, чтобы всегда быть въ состояніи задушить въ самомъ зародышѣ всякій умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для достиженія подобной цѣли нельзя было по прежнему пренебрегать настроеніемъ общественнаго мнѣнія; отнынѣ надо было знать, что затѣвается въ обществѣ, какія мысли его волнуютъ, что въ немъ говорится, о чемъ оно размышляетъ; для успѣшнаго рѣшенія подобной задачи предстояло проникнуть въ сердце и тайные людскіе помыслы“ *). Ни Особенная канцелярія, ни другое какое-либо изъ бывшихъ на лицо учрежденій, конечно, не годились для этой цѣли. Очевидно, надо было создать что то новое. „Возникла мысль объ учрежденіи тайнаго надзора, хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же цѣли, какъ и родственныя съ нимъ учрежденія XVIII столѣтія, существовавшія въ разное время и подъ разными наименованіями, но обставленнаго въ своемъ новомъ видѣ несравненно мягче и порученнаго людямъ, до нѣкоторой степени образованнымъ, обладающимъ къ тому же свѣтскимъ лоскомъ. По мысли государя, лучшія фамиліи и приближенныя къ престолу лица должны были стоять во главѣ этого учрежденія и содѣйствовать искорененію зла. При такой постановкѣ вопроса оставалось надѣяться, что этотъ фениксъ, возродившійся изъ пепла, обладая средствами все узнавать, доставитъ правительству возможность прервать многочисленныя злоупотребленія, которыми страдала Россія, и не по-

*) „Императоръ Николай первый, его жизнь и царствованіе“, т. I, Спб., 1903 г. стр. 466.

лучить слишкомъ односторонняго направленія при развитіи своей разнообразной дѣятельности" *).

Итакъ, по мнѣнію Шильдера, готовилось учрежденіе, родственное „преображенскому приказу" Петра В., тайной канцеляріи Екатерины I, канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, наконецъ — тайной экспедиціи Екатерины II и Павла I.

Ставшій во главѣ III Отдѣленія, Бенкендорфъ такъ объясняетъ его возникновеніе: „Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго, болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая бы покровительствовала утѣсненнымъ и наблюдала бы за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными" **).

Таковы были намѣренія. Насколько они представлялись серьезными, можно видѣть изъ общеизвѣстнаго разсказа о носовомъ платкѣ. Когда Бенкендорфъ, вступая въ свою новую должность, просилъ у государя руководящей инструкціи для своей будущей широкой дѣятельности, государь, державшій въ этотъ моментъ въ рукахъ носовой платокъ, протянулъ его удивленному генералу и сказалъ: „Вотъ тебѣ вся инструкція. Чѣмъ больше отрешь слезъ этимъ платкомъ, тѣмъ вѣрнѣе будешь служить моимъ цѣлямъ" ***)...

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, но тѣмъ не менѣе разсказъ очень характеренъ: думали отирать, а на дѣлѣ вызывали слезы...

Бенкендорфъ еще въ царствованіе Александра I выступалъ съ проектомъ жандармеріи, какъ результатомъ своихъ заграничныхъ наблюденій и впечатлѣній. Очень цѣнное указаніе находимъ объ этомъ въ „Запискахъ" декабриста кн. С. Г. Волконскаго, товарища Бенкендорфа по флигель-адъютантству:

„Бенкендорфъ тогда воротился изъ Парижа при посольствѣ, и, какъ человѣкъ мыслящій и впечатлительный, увидѣлъ, какую пользу оказывала жандармерія во Франціи. Онъ полагалъ, что на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ, смышленныхъ,

---

*) Ibidem., 466—467. Замѣтимъ кстати, что почти въ тѣхъ же выраженіяхъ писала и редакція „Рус. Старины" 22 года назадъ (ср. „Рус. Стар.", 1881 г., IX, стр. 164—165).

**) „Министерство внутреннихъ дѣлъ", историческій очеркъ. Спб., 1902 г., стр. 98.

***) По словамъ Е. Дубельта, платокъ этотъ и понынѣ хранится подъ стеклляннымъ колпакомъ въ архивѣ бывшаго III отдѣленія („Русск. Стар.", 1888, XI, 495).

введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и царю, и отечеству, приготовилъ проектъ о составленіи этого управленія и пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей, вступить въ эту когорту, какъ онъ называлъ, добромыслящихъ, и меня въ ихъ числѣ; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль Ал. Хр. осуществилъ при восшествіи на престолъ Николая, въ полномъ убѣжденіи, въ томъ я увѣренъ, что дѣйствія оной будутъ для охраненія отъ притѣсненій, для охраненія во время отъ заблужденій" *).

Оставимъ пока въ сторонѣ характеристику самого Бенкендорфа и обратимся къ его проекту. Вскорѣ послѣ декабрьскихъ дней 1825 года Бенкендорфъ немного измѣнилъ его въ деталяхъ и представилъ Николаю I. 12 апрѣля 1826 г. „записка" его, озаглавленная „проектъ объ устройствѣ высшей полиціи", была уже препровождена къ гр. П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи, онъ возвратилъ ее въ собственныя руки государя, съ своимъ о ней мнѣніемъ **).

Вотъ нѣсколько основныхъ мыслей „проекта".

Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Николая I, ясно доказываютъ „ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть". „Вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и притомъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи. Для этого нужно лишь имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ почтмейстеровъ, извѣстныхъ своею честностію и усердіемъ. Такими пунктами являются Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна, Рига, Харьковъ, Одесса, Казань и Тобольскъ". Необходимо во главѣ всей полиціи поставить лицо, отличающееся высокою нравственностью. „Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ, по крайней мѣрѣ, знать, куда имъ обратиться". Министру (высшей) полиціи придется путешествовать ежегодно, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключеніи контрактовъ, гдѣ ему легче пріобрѣ-

*) „Записки С. Г. Волконскаго", изд. 2-е, Спб., 1902 г., стр. 135—136.

**) „Рус. Стар.", 1900 г., XII, 616. Гр. П. А. Толстой, послѣдніе годы царствованія Александра I проведшій въ Москвѣ, въ роли командира пѣхотнаго корпуса, по восшествіи на престолъ Николая I былъ вызванъ въ СПБ. и тамъ, въ роли члена госуд. совѣта, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ правленія, пользуясь громаднымъ довѣріемъ, уваженіемъ и любовью государя.

сти нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ *).

Такова сущность краткой записки, послужившей базисомъ для III отдѣленія.

25 іюня 1826 г. послѣдовало основаніе жандармской полиціи, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго установленія, съ назначеніемъ шефомъ жандармовъ ген.-ад. Бенкендорфа, а 3 іюля особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ была преобразована въ III отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи, отданное подъ главное начальство того же Бенкендорфа. До 1814 г. были полицейскія драгунскія команды, затѣмъ вмѣсто нихъ явились жандармы внутренней стражи, въ видѣ центральнагс учрежденія — отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Кругъ вѣдѣнія этого новаго учрежденія опредѣлялся такъ: „1) всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи; 2) свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ; 3) извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпелямъ, документамъ и пр., коихъ разысканіе и дальнѣйшее производство остаются въ зависимости министровъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; 4) свѣдѣнія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія; 5) высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ; 6) завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заключенія, въ коихъ заключаются государственные преступники; 7) всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ; 8) вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ; 9) статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся“ **).

Какъ немного „пунктовъ“ и какъ велико ихъ содержаніе! Въ кругъ вѣдѣнія III отдѣленія входили дѣла почти всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, исключая министерства двора и военнаго; впрочемъ, принимая въ соображеніе п. 8, это исключеніе врядъ ли не было фикціей. Особенному контролю подвергалось, какъ видно, министерство внутреннихъ дѣлъ. Обращаю вниманіе читателей на полное отсутствіе указаній о роли III Отдѣленія въ дѣлѣ цензуры: такая роль подразумѣвалась сама собою. Престижъ главнаго начальника III Отдѣленія поддерживалъ очень высоко самъ государь. Такъ, напримѣръ, когда Бенкендорфъ, доведя до высочайшаго свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ по вѣдомству путей сообщенія, прибавилъ, что объ этомъ не сообщено главноначальствующему путями сообщенія, такъ какъ онъ не принимаетъ предупрежденій и замѣчаній съ тою благосклонностью, какъ это дѣлаютъ другіе министры,—Николай I собственноручно написалъ на докладѣ: „всѣ министры *обязаны* принимать

*) Ibidem, 615—616.

**) „Министерство внутр. дѣлъ“, историческій очеркъ, Спб. 1902 г.. 97.

свѣдѣнія, отъ васъ сообщаемыя; потому ихъ благосклонности вовсе не нужно" *). По словамъ г. Бартенева, „начальникъ III Отдѣленія былъ своего рода первымъ министромъ и олицетворялъ собою то единство управленія, о которомъ такъ вздыхали потомъ" **). Дѣйствительно, извѣстно, что Бенкендорфъ былъ твердо увѣренъ, что всѣ бѣды 1825 года являлись прямымъ результатомъ умаленія правъ государя, какъ самодержца, и потому принималъ всѣ мѣры къ ихъ увеличенію ***).

„Имѣя основною цѣлью своей дѣятельности—читаемъ въ оффиціальномъ источникѣ — охраненіе устоевъ русской государственной жизни, III отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи сосредоточивало преимущественное вниманіе въ разныя эпохи на разныхъ вопросахъ, выбирая тѣ стороны жизни, которыя по обстоятельствамъ даннаго времени получали преобладающее значеніе. Политическая часть въ первые годы царствованія императора Николая Павловича не требовала особенныхъ усилій, потому что почти всѣ революціонные элементы, образовавшіеся въ предшествующую эпоху, были захвачены процессомъ декабристовъ; поэтому дѣятельность III отдѣленія по политическому надзору ограничивалась почти исключительно распоряженіями касательно осужденныхъ декабристовъ. Вполнѣ спокойное настроеніе массы общества не подлежало сомнѣнію, но нѣкоторыя отдѣльныя личности и, особенно, кружки молодежи привлекали вниманіе III Отдѣленія, которое стояло на той точкѣ зрѣнія, что со зломъ надо бороться въ его зародышѣ, такъ какъ отвлеченные разговоры въ тѣсномъ кружкѣ легко могутъ получить распространеніе и перейти въ недопустимые поступки, а тогда неизбѣжной карѣ придется подвергать уже значительно большее количество лицъ" ****).

Какъ обширна была компетенція III отдѣленія, можно видѣть, между прочимъ, изъ воспоминаній Н. М. Колмакова. Оказывается, „оно очень часто брало на себя даже судебныя функціи, опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе, и какой, кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ. Однимъ словомъ, кругъ дѣятельности III отдѣленія въ области суда—былъ весьма обширенъ" *****). Интересующіеся найдутъ въ воспоминаніяхъ Колмакова не мало фактовъ, иллюстрирующихъ это общее указаніе. „Стремленія сего отдѣленія.—продолжаетъ авторъ — съ перваго взгляда казались по тогдашнему для нѣко-

*) Ibidem., 100.
**) „Рус. Арх.", 1889, VII, 530.
***) „Мин. внутр. дѣлъ", 100.
****) „Рус. Стар.", 1886 г., XII, 530—531.
*****) „Рус. Стар.", 1881 г., IX, 190.

торыхъ ограниченныхъ людей, похвальны, ибо они имѣли цѣлью оградить гражданъ отъ всякаго могущаго и содѣяннаго зла, но способы и порядки сихъ дѣйствій, не сдерживаемые формами установленнаго суда, для коихъ законы были не пустой звукъ, а святое правило, какъ и слѣдовало ожидать,—были отяготительны, дышали иногда личнымъ произволомъ и навлекали на себя справедливый ропотъ" *).

III.

Теперь прежде, чѣмъ идти далѣе, необходимо выяснить личность какъ перваго главнаго начальника III отдѣленія, такъ и его ближайшаго помощника.

Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ родился въ 1783 г. Отецъ его былъ довольно обыкновеннымъ генераломъ временъ Павла I, а мать прибыла въ Россію вмѣстѣ съ императрицею Маріею Өеодоровною и пользовалась всегда полною ея дружбою. Сына своего Александра она воспитывала въ іезуитскомъ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ перебывали многіе дѣятели первой половины XIX столѣтія, какъ-то: гр. Орловы, Голицыны, Гагарины, Меньшиковы, Строгановы, Вяземскіе и др. На 15 году (1798 г.) Бенкендорфъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ и тогда же былъ произведенъ въ прапорщики и пожалованъ въ флигель-адъютанты императора. Молодого офицера очень часто посылали то за границу съ какимъ-нибудь придворнымъ порученіемъ, то внутрь Россіи, то въ армію.

Въ 1813—1815 гг. боевая дѣятельность замѣтно выдвинула храбраго молодого генерала, и въ 1816 г. онъ командовалъ 2-й драгунской дивизіей, а въ 1819 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. 14—16 декабря 1825 г. Бенкендорфъ, приближенный къ себѣ Николаемъ I, командовалъ войсками, расположенными на Васильевскомъ островѣ **). 25 іюня 1826 г. онъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ и командующимъ императорскою главною квартирою, а 3 іюля—начальникомъ III Отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что всѣ эти три должности были только что впервые учреждены, а жандармерія

*) Ibidem., 532.

**) 14 декабря онъ присутствовалъ при утреннемъ одѣваніи Николая I. Предчувствуя опасность, государь ему сказалъ: „сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ" (*Бар. Корфъ*, „Восшествіе на престолъ имп. Николая I", 1857 г., 13). 16 января 1826 г. Бенкердорфъ писалъ кн. М. С. Воронцову про государя: „il daigne me traiter avec une boute toute particulière; ce que je puis lui offrir, c,est un zèle pur et infatigable" („Архивъ кн. Воронцова", XXXV, письмо № 110).

и отдѣленіе—и только что образованы. Это уже доказываетъ вліяніе и силу Бенкендорфа съ самаго начала новаго царствованія. 6 декабря того же года онъ былъ пожалованъ въ сенаторы и щедро одаренъ 25,000 десятинъ земли въ Бессарабской губерніи въ вѣчное и потомственное владѣніе *).

По этому поводу баронъ Корфъ замѣчаетъ, что никакія милости „не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка—генія".

„Вмѣсто героя прямоты и праводушія, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ,—онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ, и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ государственномъ совѣтѣ, я,—говоритъ баронъ Корфъ, — ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересовать его лично. Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лица совсѣмъ тутъ и не было.

„Однажды въ государственномъ совѣтѣ министръ юстиціи, графъ Панинъ, произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

— Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler! **)

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говоритъ противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣчалъ Бенкендорфъ, который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

„Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur ***) и—

*) Всѣ эти данныя біографіи Бенкендорфа несомнѣнно устанавливаются изъ многихъ, иногда противорѣчивыхъ источниковъ: *К. Б.*, „Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ", Спб., 1841 г., *В. Квадри и М. Соколовскій*, „Краткій историч. обзоръ Импер. Глав. Квартиры" II., Спб. 1902 г.; *М. Морошкинъ*, „Іезуиты въ Россіи", II; „Изъ Записокъ бар. М. А. Корфа", „Рус. Стар." 1899 г., XII и др.

**) Чортъ возьми! Вотъ такъ рѣчь!

***) Теперь прощай, мнѣ пора идти къ государю.

оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

„Подобные анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нерѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, *онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно*, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его, и его подпись на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни перестала, вѣроятно, по добросовѣстному намеку какого-либо приближеннаго, писаться „покорнѣйшей слуга“ *).

„Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: *ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ*. Словомъ, какъ онъ былъ человѣкъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ онъ съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться...

„Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ двѣнадцать или болѣе графъ Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмэна, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчать, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что, во время болѣзни его въ 1837 году, императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другомъ и братомъ“ **).

---

*) Безграмотность Бенкендорфа на французскомъ языкѣ тоже поистинѣ удивительна. Вотъ, напримѣръ, его помѣта на письмѣ Пушкина, въ которомъ поэтъ проситъ ходатайствовать у государя о ссудѣ ему крупной суммы. Было отпущено 10,000 руб. Помѣта графа: „l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (!) de congé au bout de quel (!) il voira (!) s'il doit prendre son conge ou non“ („императоръ предлагаетъ ему 10,000 руб., и 6-мѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку или нѣтъ“.

**) „Изъ записокъ барона М. А. Корфа“, „Рус. Стар.“, 1899 г., XII, 484—488. Курсивъ мой.

Все только что сказанное пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣну, что бар. Корфъ прибавляетъ: „считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случилось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть, даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу". Показанію бар. Корфа объ умственной ограниченности Бенкендорфа совершенно не противорѣчитъ то, что въ 1816 — 18 гг. Бенкендорфъ былъ членомъ масонской ложи „Соединенныхъ Друзей": извѣстно, что въ ложахъ собирались люди самаго различнаго свойства, отъ мистиковъ до шпіоновъ включительно. Любопытно лишь, что одновременно съ нимъ членами ложи состояли Чаадаевъ, Грибоѣдовъ и Пестель *)...

Отношенія Николая I къ Бенкендорфу были настолько близки, что, напримѣръ, во время болѣзни Бенкендорфа, въ 1837 г., когда тотъ находился въ своемъ имѣніи Фаллѣ, государь не называлъ его въ письмахъ иначе, какъ „мой милый другъ" (mon cher ami), а подписывался неизмѣнно: „на всю жизнь любящій васъ Николай" („A vous pour la vie, votre tendrement affectionné Nicolas" **). Когда больной переѣхалъ въ Петербургъ, Николай I навѣщалъ его по два раза въ день ***). Надо ли говорить, что дворцовая аристократія спѣшила быть угодною государю и при малѣйшей болѣзни Бенкендорфа бросалась къ нему опрометью съ своимъ поддѣльнымъ участіемъ ****). Силу Бенкендорфа прекрасно видѣли и потому всегда окружали его полнымъ вниманіемъ, почетомъ и лестью, лестью безъ конца. До чего Бенкендорфъ привыкъ къ окружавшему его низкопоклонничеству, можно судить, напримѣръ, по такому факту. Пріѣхавъ какъ-то въ Вѣну, онъ приказалъ кн. А. М. Горчакову, тогда старшему совѣтнику нашего посольства, заказать хозяину отеля обѣдъ для себя и очень былъ взбѣшенъ отказомъ Горчакова принять роль лакея. За это бывшій впослѣдствіи канцлеръ отмѣчался въ спискахъ III отдѣленія, какъ „нелюбящій Россію" *****). Только самъ Бенкендорфъ могъ воображать, что все поклоненіе, какимъ его окружали, искренне и относится къ его личнымъ заслугамъ и качествамъ. Очень смѣшно читать въ „Запискахъ" Бенкендорфа, какъ онъ расхваливаетъ самого себя, растроганный „общимъ вниманіемъ" къ его болѣзни въ 1837 году. Онъ дѣйствительно, повидимому, былъ

---

*) *А. Пыпинъ.* „Обществ. движеніе въ Россіи при Алекс. I", изд. 3-е. Спб., 1900. 318.

**) „Рус. Арх.", 1884 г., I.

***) „Рус. Стар.", 1883 г., X, 162, 164.

****) Дневникъ П. Г. Дивова", „Рус. Стар.", 1900 г. XI, 488.

*****) Указаніе на это, между, прочимъ, находимъ въ „Рус. Стар." 1894 г., 43; „Рус Арх." 1889, VII, 530 и пр.

увѣренъ, что являлся „едва-ли не первымъ изъ всѣхъ начальниковъ тайной полиціи міра, смерти котораго страшились и котораго не преслѣдовали на краю гроба ни одною жалобою“ *).

Могъ ли такой начальникъ III отдѣленія, какимъ намъ нарисовалъ его бар. Корфъ, пользоваться неподдѣльной популярностью, которую ему старались придать его льстецы? Какъ принималъ онъ ту „толпу“, которая якобы лѣзла въ двери узнать о его здоровьѣ? Какъ относился онъ къ ея бѣдамъ и злоключеніямъ? Кромѣ отвѣтовъ бар. Корфа, приведу еще одинъ, человѣка, близко стоявшаго къ графу по службѣ: „Зная графа, мы хорошо знали всю безполезность пріемовъ его. Онъ слушалъ ласково просителя—*ничего не понимая*; прошенія онъ никогда, конечно, уже не видалъ; но публика была очень довольна его ласковостью, терпѣніемъ и утѣшительнымъ словомъ“ **).

Панегиристъ Бенкендорфа—Н. И. Гречъ называетъ его все-таки—„безтолковымъ царедворцемъ“, „добрымъ, но пустымъ“, „бeзтактнымъ“ ***). Слѣдовательно, мы не ошибемся, если скажемъ, что сравнивать Бенкендорфа съ неудобозабываемымъ Шешковскимъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Это былъ, въ сущности, вовсе не зложелательный человѣкъ и многое содѣянное его именемъ находитъ себѣ объясненіе въ безхарактерности, разсѣянности и непреклонномъ желаніи остаться другомъ императора.

„Наружность шефа жандармовъ,—пишетъ Герценъ—не имѣла въ себѣ ничего дурного; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ. Можетъ, Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все,—я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая прѣсное выраженіе его лица,—*но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него не доставало энергіи, воли, сердца*. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія на службѣ такому человѣку, какъ Николай. Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого, что онъ занятъ былъ волокитствомъ,—и сколько, можетъ, мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ, преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничества католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями“ ****).

*) „Истор. Вѣстн.“, 1903 г., II.
**) Записки Э. И. Стогова, „Рус. Стар.“, 1903 г. V, 312.
***) „Записки о моей жизни“, Спб. 1886 г., 327, 331, 381.
****) „Былое и думы“, IV, 1879 г., 178. Намекъ на общеизвѣстный тогда

Какъ же Бенкендорфъ относился къ литературѣ?

Конечно, не иначе, чѣмъ къ просвѣщенію вообще. А послѣднее онъ считалъ вреднымъ для Россіи и находилъ, что намъ „не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти" *). Такимъ образомъ, Бенкендорфъ оказывался вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ той политической системы, которая отмѣчаетъ всю нашу вторую четверть XIX столѣтія.

Пока на этомъ можно бы и остановиться, если бы мы не имѣли одного свидѣтеля, цѣнность и искренность показаній котораго нельзя игнорировать. Я говорю о кн. С. Г. Волконскомъ. Что Бенкендорфа всячески восхваляютъ Гречъ и ему подобные—это понятно; но мнѣніе Волконскаго иного порядка. Какъ мы уже видѣли, князь категорически утверждаетъ, что Бенкендорфъ былъ „мыслящій и впечатлительный человѣкъ". Далѣе, онъ называетъ его „чистой душой" и „*свѣтлымъ умомъ*", говоритъ, что они были въ тѣсной дружбѣ. Какъ примирить все это съ приведеннымъ выше, наконецъ, съ самимъ Волконскимъ? Объясненіе, мнѣ кажется, просто. Прежде всего, князь говоритъ о Бенкендорфѣ до 1825 года, когда, съ одной стороны, онъ самъ былъ еще молодъ и недостаточно опытенъ въ опредѣленіи людей, съ другой—и Бенкендорфъ, можетъ быть, не былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи, упоенный властью и почетомъ. Во-вторыхъ—и это самое главное—могъ-ли Волконскій не цѣнить человѣка, такъ хорошо себя державшаго, по крайней мѣрѣ наружно,—въ отношеніи декабристовъ—своихъ друзей и пріятелей? Могъ ли онъ, преслѣдуемый жизнью, не оцѣнить выше стоимости тѣ мелкія услуги, которыя оказывалъ ему и другимъ Бенкендорфъ, этотъ всесильный человѣкъ, имѣвшій возможность надѣлать всякихъ непріятностей? Сынъ кн. С. Г. Волконскаго въ своемъ „послѣсловіи" прямо даетъ ключъ для такой разгадки; онъ говоритъ: „добрую память оставилъ по себѣ и генералъ Бенкендорфъ, всегда прямой и вѣжливый, хотя входящій во всѣ подробности показаній" **). Вотъ вкратцѣ тѣ главныя соображенія, которыя не даютъ намъ права измѣнить высказанное мнѣніе о Бенкендорфѣ.

Теперь нѣсколько словъ о первомъ непосредственномъ помощникѣ Бенкендорфа—Максимѣ Яковлевичѣ фонъ-Фокѣ, занявшемъ должность директора канцеляріи III отдѣленія, перейдя туда съ директорства въ Особенной канцеляріи. Свѣдѣнія о немъ очень не велики. Однако, общій отзывъ, что это былъ „человѣкъ

разсказъ о переходѣ его въ католичество, благодаря чарамъ одной петербургской львицы.

*) *Н. Шильдеръ*, „Императоръ Николай I", II. 287.

несомнѣнно умный, образованный и свѣтскій". „Обширное знакомство и связи въ высшемъ обществѣ Петербурга давали ему возможность видѣть и знать, что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ населенія столицы. Въ помощь ему, для наблюденія за настроеніемъ другихъ классовъ населенія столицы, завербованы были разные агенты, какъ стоявшіе на службѣ „надзора", такъ и дѣйствовавшіе con amore, какъ они увѣряли, подъ вліяніемъ чистой идеи безкорыстнаго служенія интересамъ родины... Въ числѣ этихъ агентовъ попадались иногда и люди большого свѣта; были литераторы, и весьма плодовитые, бывали дамы и дѣвицы, вращавшіяся въ высшихъ слояхъ общества и, по всей вѣроятности, служившія „надзору" изъ побужденій не менѣе благородныхъ..." *)

Послѣ смерти Фока въ 1831 году, Пушкинъ записалъ: „Надняхъ скончался въ Петербургѣ фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: „J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer" **). Вопросъ, кто будетъ на его мѣстѣ, важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?" ***). Именно Фокъ—ученикъ извѣстнаго де-Санглена по многимъ годамъ службы въ секретной полиціи, человѣкъ тонкій и хитрый—и былъ той рукой, которая руководила Бенкендорфомъ. Послѣдній платилъ ему предупредительною дружбою и довѣріемъ.

Что касается другихъ чиновниковъ III отдѣленія, то мы уже знаемъ, что ихъ стремились вербовать изъ среды высшей аристократіи. По этому поводу очень интересенъ разсказъ кн. П.М. Голенищева-Кутузова-Толстого:

„Въ 1825 г. я состоялъ адъютантомъ при ген.-адъют. Бенкендорфѣ, начальникѣ 1-й гвардейской кирасирской дивизіи. Вскорѣ послѣ драмы 14 декабря, прихожу я къ нему съ докладомъ, какъ старшій адъютантъ этой дивизіи. Первыя его слова были: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ!"—Я не могъ этого принять иначе, какъ въ шутку, такъ какъ еще не зналъ о назначеніи его шефомъ жандармовъ, и когда я, удивленный, ему сказалъ, что на мнѣ кавалергардскій мундиръ, а не жандармскій, который виденъ всегда при разъѣздахъ публики, онъ мнѣ сказалъ: „я самъ буду носить этотъ мундиръ и хочу, чтобъ и вы

*) „Рус. Стар.", 1881, IX, 165—166.

**) Я потерялъ Фока; могу только оплакивать его и жалѣть, что не могъ его любить.

***) „Сочиненія", 1903, V, 577.

****) „Записки кн. С. Г. Волконскаго", 452.

носили его“. Я ему отвѣчалъ: „ваша служба уже извѣстна всей Россіи, и вы можете возстановить и облагородить этотъ мундиръ въ глазахъ націи; мнѣ же, въ моихъ лѣтахъ (мнѣ было 25 лѣтъ), въ моемъ чинѣ невозможно начинать военной карьеры жандармомъ“.—„Итакъ, мы разстаемся“, сказалъ Бенкендорфъ. На другой же день я привезъ ему прошеніе объ увольненіи моемъ отъ должности адъютанта при немъ и о поступленіи въ полкъ. Но Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что я могу оставить это прошеніе при себѣ и что я остаюсь при немъ въ прежней должности. Послѣ я узналъ, что фраза Бенкендорфа: „здравствуйте, господинъ жандармскій офицеръ“, была выраженіемъ желанія самого императора. Изъ разговора съ Бенкендорфомъ мнѣ стала ясна цѣль императора Николая Павловича. Учреждая жандармскую полицію, онъ хотѣлъ прежде всего показать обществу, насколько важна и благородна цѣль этого учрежденія; лучшія фамиліи и приближенныя лица къ государю должны были стоять во главѣ этого учрежденія. Укажу на нѣкоторыхъ, которые были назначены въ помощники къ Бенкендорфу: ген. Балабинъ, ген. графъ Апраксинъ, ген. Волковъ и многіе другіе“ *).

IV.

Теперь, когда мы знаемъ условія, создавшія III отдѣленіе, и людей, стоявшихъ во главѣ его, очень любопытно ознакомиться съ первыми шагами этого новаго учрежденія и съ отношеніемъ къ нему русскаго общества. Въ этомъ смыслѣ имѣется очень цѣнный матеріалъ—донесенія Фока Бенкендорфу, бывшему въ Москвѣ на коронаціи **). Относясь къ періоду съ 17 іюля по 25 сентября 1826 года, эти донесенія, представлявшіяся въ подлинникахъ государю, ярко обрисовываютъ какъ настроеніе различныхъ кружковъ петербургскаго общества, такъ и взглядъ на послѣднее самого III отдѣленія. Характеръ этихъ писемъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, чисто интимный; тонъ ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ почтительной дружбы, какая могла существовать между высокопоставленнымъ начальникомъ и талантливымъ подчиненнымъ.

Русское общество состояло, по терминологіи Фока, изъ двухъ неравныхъ группъ: „благонамѣренныхъ“ и „недовольныхъ“. Обѣ онѣ ожидали преобразованій отъ молодого государя. Реформы начала царствованія извѣстны... „Благонамѣренные“ склонялись

*) „Рус. Архивъ“, 1883 г. I, 231. Нельзя не напомнить по этому поводу одной остроты А. П. Ермолова: „теперь у каждаго или голубой мундиръ, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка“ (*Н. Барсуковъ*, Жизнь и труды М. П. Погодина“, XVIII, 72).

**) „Рус. Стар.“, 1881 г. IX—XI.

на любой компромиссъ. „Недовольные“, наоборотъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ. Во главу угла ставилась отмѣна крѣпостного рабства и бюрократическаго произвола. Образованіе III отдѣленія встрѣчено было тоже, разумѣется, различно. Одни думали, что это контроль всей полиціи, и ожидали распространенія его на всю исполнительную власть; они вѣрили возможности успѣха для учрежденія, во главѣ котораго стоялъ Бенкендорфъ. Не такъ были настроены „недовольные“. „Опытъ доказалъ намъ, говорятъ они,—писалъ Фокъ,—что почти всѣ преобразовательныя мѣры производили до сихъ поръ только впечатлѣніе ракетнаго букета. Хотятъ исправлять! Но подумали-ли о томъ, что это значитъ чистить авгіевы конюшни, что надо начать съ того, чѣмъ кончатъ,—дать обезпеченное положеніе чиновникамъ и упростить судопроизводство. Но такъ какъ правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ, ни моральныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого двойного результата, то и всякое исправленіе становится—если не совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма труднымъ... Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что вражда установится прежде всего между новыми и старыми блюстителями порядка и затѣмъ между этими послѣдними и лицами, подчиненными ихъ надзору. Какъ же станетъ дѣйствовать правительство, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы предупредить и предотвратить неизбѣжную реакцію? Это вопросъ чрезвычайной важности“ *). „Недовольные“ оказались прозорливцами до мелочей. Дѣйствительно, до 1880 года министерство внутреннихъ дѣлъ находилось въ постоянномъ, очень остромъ антагонизмѣ съ III отдѣленіемъ...

„Какъ образуется общественное мнѣніе?“—спрашиваетъ Фокъ и отвѣчаетъ на этотъ интересный вопросъ въ двухъ письмахъ.

„Существуетъ небольшой кружокъ людей, стоящихъ очень высоко, которые искренно добиваются истины, глубоко все обдумываютъ *и высказываютъ свои мысли на ухо очень немногимъ, способнымъ понимать ихъ*. Нѣкоторые лучи этихъ мыслей спускаются ниже, но они рѣдко сохраняютъ свою чистоту: почти всегда свѣтъ ихъ получаетъ отраженіе, или преломляется. Болѣе многочисленный кружокъ людей подхватываетъ ихъ, но при этомъ извращаетъ, или, пропустивъ ихъ чрезъ свое невѣжество, свои предразсудки и свои страсти, люди эти воображаютъ, что они сами думаютъ, тогда какъ это не болѣе, какъ одинъ заемъ; но то, что у первыхъ выходило хорошо, у вторыхъ выходитъ дурно. Между тѣмъ эти послѣдніе, постоянно повторяя то, чего не понимаютъ,—и составляютъ мнѣніе большинства, которое говоритъ, не думая, и только извращаетъ,—не сознавая и не желая этого,—доходящія до него идеи, и безъ того не отли-

*) „Рус. Стар.“, 1881, IX, 183—184.

чавшіяся особенной чистотой. Не смотря, однако жъ, на все это, Талейранъ выразился очень вѣрно: „Я знаю кого-то, кто умнѣе Наполеона, Вольтера съ компаніей, умнѣе всѣхъ министровъ настоящихъ и будущихъ, и этотъ кто-то—общественное мнѣніе". Общественное мнѣніе не навязывается; за нимъ надо слѣдовать, такъ какъ оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свѣтъ озаряющаго его пламени, *но погасить это пламя—не во власти правительства.* Наполеонъ самъ сказалъ, что если бы можно было дать сраженіе общественному мнѣнію, онъ не боялся бы его; но, что, не имѣя такихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые могли бы попадать въ него, приходится побѣждать его правосудіемъ и справедливостью, передъ которыми оно не устоитъ; дѣйствовать противъ него другими средствами, говоритъ онъ, значитъ даромъ тратить и деньги, и почести; надо покориться этой необходимости; общественное мнѣніе не засадишь въ тюрьму, а прижимая его—только доведешь до ожесточенія... Сила общественнаго мнѣнія составляетъ не абсолютное, а относительное благо. Оно можетъ назваться благомъ, когда оно просвѣщенно и въ то же время прочно и умѣренно. Но общественное мнѣніе составляетъ зло, когда оно заблуждается въ выборѣ цѣли и средствъ, становясь, такимъ образомъ, силою, которая противится правительству" *).

Вдумавшись въ это опредѣленіе общественнаго мнѣнія, нельзя не увидѣть здѣсь цѣлую программу, ясную теоретизирующему Фоку и совершенно не совпадавшую съ практическими взглядами Бенкендорфа.

„Литераторы, эти провозвѣстники мнѣній, люди, пользующіеся въ настоящее время вліяніемъ больше, чѣмъ когда-либо,—пишетъ дальше Фокъ,—говорятъ, что новый цензурный уставъ (1826 года—*М. Л.*) закрываетъ имъ ротъ; общество вторитъ имъ, замѣчая, что такъ какъ новымъ уставомъ не дается даже авторамъ гарантія, опредѣленная законами, то положеніе ихъ становится подчасъ очень незавиднымъ. Кромѣ того, прибавляютъ нѣкоторые, такъ какъ отвѣтственность продолжаетъ лежать на писателяхъ даже послѣ того, что сочиненіе пройдетъ чрезъ горнило цензуры, то совершенно лишнее имѣть цензоровъ. Далѣе, къ чему было издавать законъ, который всѣми читается и комментируется всюду, даже на рынкахъ?" **).

Выводъ изъ всего этого ясенъ: пока общественное мнѣніе только слышно—на него въ III Отдѣленіи есть достаточно намордниковъ; видно же оно не будетъ, потому что печать въ своей жизни слѣдуетъ точно опредѣленнымъ рамкамъ недозволеннаго... Все общественное мнѣніе выражалось вотъ уже два года „Сѣ-

*) „Рус. Стар.", 1881, XI, 550—551, 558.
**) Ibidem., 538.

верной Пчелой“ Булгарина и Греча,—единственной русской газетой, получавшейся тогда во дворцѣ и потому именовавшейся заграницей „Hof-Zeitung“. III Отдѣленіе вполнѣ основательно было увѣрено въ благонамѣренности этихъ двухъ „литераторовъ“...

V.

III Отдѣленіе уже со дня своего основанія стало въ положеніе цензурнаго учрежденія.

Принявъ 3 іюля главное начальствованіе надъ отдѣленіемъ, Бенкендорфъ, въ срединѣ сентября, получаетъ письмо отъ великаго князя Константина Павловича, изъ Варшавы, съ призывомъ къ воздѣйствію на прессу.

„Въ ту минуту, какъ я оканчивалъ это письмо,—пишетъ великій князь,—мнѣ попалъ въ руки 109 нумеръ политической и литературной газеты „Journal de St. Pétersbourg“. Я замѣтилъ тамъ одну нелѣпость, которую крайне необходимо исправить. Въ той статьѣ, гдѣ идетъ рѣчь о смягченіи наказаній, дарованномъ его императорскимъ и царскимъ величествомъ по случаю его коронованія, передъ словомъ каторжные, которыхъ касается это смягченіе, поставленъ титулъ *господа* (sieurs) *). Но всякому извѣстно, что человѣкъ, осужденный на каторжныя работы, лишается всѣхъ своихъ дворянскихъ титуловъ и нѣкоторымъ образомъ ставится внѣ закона. И кому же даютъ этотъ титулъ? Преступникамъ, приговореннымъ къ смертной казни на эшафотѣ. „Journal de St. Pétersbourg“ — газета политическая, полуофиціальная; все, что въ ней сообщается, служитъ основой для мнѣній всѣхъ иностранныхъ государствъ и даже, можно сказать, цѣлаго міра. Не знаю, произошла-ли указанная мною нелѣпость отъ недосмотра издателя, или же была послѣдствіемъ предумышленнаго коварства; но дѣло въ томъ, что эта нелѣпость очень важна, и какъ я теперь ее осуждаю, такъ будутъ ее осуждать не только за-границей, но и внутри Россіи.

„Я прилагаю при семъ эту газету, съ помѣченной карандашомъ статьей, о которой идетъ рѣчь. Я счелъ долгомъ обратить ваше вниманіе на этотъ важный предметъ, и я не долженъ скрывать отъ васъ, что я уже не разъ замѣчалъ такія несообразности, которыхъ не слѣдовало бы допускать въ газетахъ такого рода. Прошу васъ доложить его императорскому и царскому величеству объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ для того, чтобы вызвать его высочайшее повелѣніе къ прекращенію указанныхъ мною злоупотребленій“ **).

---

*) Рѣчь идетъ о приговорѣ надъ декабристами, приведенномъ въ исполненіе 13 іюля 1826.

**) „Переписка в. к. Константина Павловича съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ“, „Рус. Арх.“, 1884 г., VI, 253—254.

Тонъ этого письма не оставляетъ никакихъ сомнѣній, съ одной стороны, въ томъ, что вмѣшательство Бенкендорфа, помимо министра народнаго просвѣщенія, въ цензуру было уже извѣстно варшавскому намѣстнику, съ другой—что оно съ самаго начала восходило, для резолюціи, къ государю. И дѣйствительно, почти ни одно распоряженіе свое Бенкендорфъ не выпускалъ изъ отдѣленія, не заручившись высочайшимъ согласіемъ.

Въ концѣ сентября 1826 года Бенкендорфъ былъ поставленъ посредствующимъ звеномъ между императоромъ и Пушкинымъ и, благодаря этому, за нимъ была какъ бы закрѣплена должность верховнаго цензора.

Объ отношеніяхъ III отдѣленія къ великому поэту я собираюсь поговорить особо—это тема сама по себѣ довольно обширная, а потому и опускаю ихъ здѣсь совершенно *).

VI.

Въ первый же докладъ свой новому государю министръ народнаго просвѣщенія, А. С. Шишковъ, получилъ повелѣніе составить новый цензурный уставъ, такъ какъ Николай I совершенно не склоненъ былъ оставаться при старомъ и при томъ самомъ либеральномъ цензурномъ законѣ 1804 года **). Шишковъ, желая угодить государю, торопилъ своего директора департамента, кн. П. А. Ширинскаго - Шихматова, а послѣдній, недолго думая, вытащилъ изъ архива министерства цензурный проектъ Магницкаго 1824 г. и обрадовалъ министра. Уставъ былъ утвержденъ, но не просуществовалъ и года, какъ пришлось заняться его пересмотромъ. Въ особо назначенный для этого комитетъ, въ числѣ немногихъ лицъ, былъ введенъ и Бенкендорфъ, настоявшій, очевидно, на предоставленіи III отдѣленію,

---

*) Интересующихся отсылаю къ „Сочиненіямъ“ самого Пушкина въ редакціи П. А. Ефремова; *П. Лернеръ*. „А. С. Пушкинъ“; „Письма Пушкина и къ Пушкину“; *М. Сухомлиновъ* „Изслѣдованія и статьи“ II; *А. Скабичевскій* „Очерки исторіи русской цензуры“; *М. Поповъ* „А. С. Пушкинъ“,—„Русск. Стар.“, 1874 г. VIII; *А. Ивановскій* „Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23 апрѣля 1828 г.“ — „Рус. Стар“. 1874 г., V; „А С. Пушкинъ, его дружба, любовь и ненависть“. — „Рус. Стар.“ 1879, IV, VI, VIII, XI; 1880—I, IV, VI. „Записки А. О. Смирновой“, ч. 1. 1895 г.; „Къ дѣлу о доносѣ на А. С. Пушкина“—„Рус. Стар“., 1883 г., VI; „Рѣшеніе суда по поводу элегіи А. С. Пушкина „Андрей Шенье“ — “Рус. Стар.“, 1874 г. XI; „Пушкинъ и Бенкендорфъ“,—„Рус. Стар.“, 1899 г. V; *В. Шенрокъ* „А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь“, — Рус, Стар.“, 1880 г., IV; „И. Н. Скобелевъ въ 1793—1849 гг.“—„Рус. Стар.“, 1886 г., XII.

**) Интересующихся содержаніемъ и исторіей устава 1804 г. отсылаю къ своей статьѣ—„Пропущенный юбилей“—въ XI кн. „Русской Мысли“ 1904 г.— Страннымъ кажется замѣчаніе Сухомлинова о большей терпимости Николая I, чѣмъ всего цензурнаго вѣдомства („Изслѣдованія и статьи“, II. 211).

кромѣ прежняго негласнаго, еще и вполнѣ офиціальнаго руководительства. Такъ, § 23 утвержденнаго 22 апрѣля 1828 года устава подчинялъ цензуру драматическихъ сочиненій для представленія ихъ на сценѣ всецѣло III отдѣленію (печатаніе же ихъ—общей цензурѣ); согласно п. *а* § 52, содержатели типографій обязаны были доставлять въ III отдѣленіе по одному экземпляру печатаемыхъ у нихъ газетъ, журналовъ и альманаховъ. Кромѣ того, утвержденнымъ 25 апрѣля 1828 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта предписано было включить въ частные наказы цензорамъ *) что, „когда бы представлены были кѣмъ-либо на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, *то о семъ немедленно извѣщать высшее начальство для учрежденія за виновнымъ надзора, или же и преданія его суду по законамъ* **), т. е. рѣчь шла о доносѣ въ III отдѣленіе...

Къ концу 1827 года Бенкендорфъ, повидимому, вполнѣ освоился съ своей цензорской ролью и готовъ былъ забыть, что она не была за нимъ закрѣплена никакимъ законодательнымъ актомъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна переписка его съ Шишковымъ, возникшая благодаря жалобѣ Булгарина 19 ноября 1827 г. На жалобѣ Бенкендорфомъ была положена такая резолюція:

„Мин. просв: что мнѣ высочайше приказано читать всѣ стихи офицерами посылаемыя г. Булгарину, дабы судить могутъ ли быть напечатаны; не находя въ сихъ стихахъ ничево противно закону цензурнаго устава, прошу покорнѣйше меня увѣдомить чемъ руководствовались цензоры запрещая печатаніе сихъ стиховъ и прочихъ не законныхъ придирокъ по крайной мере видивши мое имя, могли бы здѣлать мнѣ честь спросить у меня, и тогда узнали бы что я ничево не дѣлаю безъ воли государя (;) объясненій по сему предмету нужно мнѣ дабы въ предь не могли случиться такія не приличныя поступки“ ***).

Въ виду такой резолюціи, 21 ноября Шишкову было отправлено отъ имени Бенкендорфа слѣдующее отношеніе:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ! государю императору благоугодно было мнѣ высочайше повелѣть перечи-

---

*) „Записка о цензурѣ кол. ас. Фукса“ 1862 г., 27.

**) Уставъ 1828 г. замѣчателенъ именно тѣмъ, что на другой же день его утвержденія стали издаваться въ массѣ всевозможныя распоряженія, имѣвшія цѣлью усиленіе охранительнаго принципа цензуры, очень мягко сравнительно указанныя въ самомъ законѣ; послѣдній въ своемъ чистомъ видѣ не существовалъ на практикѣ ни одного дня; къ такимъ-то прибавкамъ относятся и знаменитые, „частные наказы“ цензорамъ.

***) Архивъ III отд. с. е. и. в. канцеляріи, дѣло № 171, 1-й экспедиціи, 1827 г., бумага № 5.

тывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину, для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи просматривалъ я стихи г. Анненкова, подъ заглавіемъ: „*Война въ Персіи*", и не найдя въ нихъ ничего, противнаго правиламъ цензурнаго устава, возвратилъ оные г. Булгарину для напечатанія.

„Нынѣ освѣдомленъ я, что цензура, не смотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ мое одобреніе, не только не пропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважить моего имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе Азіатскаго департамента.

„Вслѣдствіе сего я покорнѣйше прошу ваше превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, какими правилами руководствовалась цензура въ семъ дѣйствіи, которое, по моему мнѣнію, совершенно противно предначертаніямъ самого цензурнаго устава. Увидя мое имя, г. цензоръ въ случаѣ сомнѣнія, кажется, долженъ бы былъ сдѣлать мнѣ честь со мною объясниться, и узналъ бы тогда, что *я безъ воли его величества не осмѣливаюсь дѣлать ни одного шага.*

„Увѣдомленіе, о которомъ я васъ, м. г., прошу, нужно мнѣ на тотъ конецъ, дабы предотвратить на будущее время подобные неприличные и неделикатные поступки *).

Шишковъ отвѣчалъ 25 ноября, что Булгаринъ не предъявилъ цензурѣ подлиннаго разрѣшенія, а главному цензурному комитету совершенно была не извѣстна воля государя по поводу особаго вида цензуры стиховъ русскихъ офицеровъ **).

На это Бенкендорфъ отвѣчалъ 28 ноября: „Получивъ отвѣтное отношеніе Вашего Высокопревосходительства по предмету неблаговиднаго дѣйствія цензуры при разсматриваніи одобренныхъ мною стиховъ подъ заглавіемъ: „Война въ Персіи", я поспѣшаю покорнѣйше Васъ, М. Г., просить дѣло сіе почитать съ моей стороны прекращеннымъ, ибо я полагаю оное незаслуживающимъ того, чтобы быть доведену до свѣдѣнія Государя Императора.

„Впрочемъ, поставляю долгомъ со свойственною мнѣ откровенностью объяснить Вамъ, М. Г., что я нахожу всѣ представленныя цензурою извиненія совершенно неосновательными, равно какъ поступокъ оной весьма неприличнымъ и неделикатнымъ, присовокупляя къ тому, что, если бъ кто либо изъ подчиненныхъ мнѣ лицъ осмѣлился сдѣлать подобный поступокъ противъ особы Вашего Высокопревосходительства, то я, конечно, взыскалъ бы съ него самымъ строгимъ образомъ" ***).

*) Ibidem, бумага № 6. Съ большими неправильностями напечатано въ „Рус. Старинѣ", 1888 г. VI, 617.

**) Ibidem, бумага № 7.

***) Ibid., бумага № 8.

Шишковъ, повидимому, не особенно былъ доволенъ начатой перестрѣлкой и, сдѣлавъ еще разъ подробное объясненіе всего происшедшаго, такъ заканчивалъ свое отношеніе отъ 30 ноября: „Напослѣдокъ, обращаясь къ самому себѣ и къ Вамъ, я скажу, что мнѣ очень жаль, есть ли Вы думаете, какъ изъ письма Вашего видно, будто я съ нѣкоторою противъ Васъ несправедливостію защищаю цензора. Такое Ваше заключеніе обо мнѣ проиходитъ отъ того, что я не имѣю чести быть короче знаемъ Вами и что есть ли бы сіе было, то бы Вы совершенному почтенію и уваженію моему къ Вамъ отдали больше справедливости!“ *).

2 декабря Бенкендорфъ „чувствительнѣйше благодарилъ за изъявленіе благосклоннаго расположенія“ и повторялъ „покорнѣйшую свою просьбу считать дѣло *по цензурнымъ недоразумѣніямъ* съ своей стороны совершенно прекращеннымъ“ **).

Такимъ образомъ министру народнаго просвѣщенія было внушено, съ какимъ уваженіемъ и предупредительностью должна относиться цензура къ начальнику III отдѣленія.

Въ 1827 г. были еще два интересныхъ эпизода.

Къ новому 1826 году Александръ Бестужевъ (Марлинскій) и К. Ѳ. Рылѣевъ приготовили продолженіе альманаха „Полярной Звѣзды“, подъ названіемъ „Звѣздочка“. Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи главнаго штаба, а на прочія статьи у издателей находились уже пропущенныя цензурою рукописи. Послѣ 14 декабря 1825 г. всѣ отпечатанные листы и оригиналы были конфискованы. Между тѣмъ, книгопродавцы добивались купить у вдовы Рылѣева и матери Бестужева рукописи за 2,500 руб., съ правомъ напечатать ихъ безыменно. Сдѣлка эта не состоялась. Вдругъ въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1827 годъ появились: статья Бестужева „Замокъ Эйзенъ“, Сомова—„Гайдамакъ“, Туманскаго—„Пѣсня“, Хомякова—„Къ зарѣ“—всѣ изъ „Звѣздочки“, съ перемѣною лишь или фамилій авторовъ, или заглавій произведеній. Бенкендорфъ сразу замѣтилъ выходку издателя альманаха, Е. Аладьина, и только заступничество за него генерала Дибича спасло виновнаго отъ готовившихся преслѣдованій ***).

Кому неизвѣстенъ политическій образъ мыслей Погодина? Человѣкъ этотъ, казалось, воплощалъ въ себѣ тогдашній идеалъ „благонамѣренности“. И если его могли осуждать за рѣзкость, то въ концѣ двадцатыхъ годовъ это былъ ужъ несомнѣнный приверженецъ всякой предержащей власти. И вдругъ такой молодой человѣкъ оказывается чуть не карбонаріемъ. По крайней мѣрѣ, былъ такой доносъ на него:

*) Ibidem, № 9.

**) Ibidem, № 10. Курсивъ подлинника.

***) *Н. Д.* „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“—„Рус. Стар.“ 1901 г. XI; „Звѣздочка“— „Рус. Стар.“ 1883 г., VII.

„Въ С. Петербургъ прибылъ изъ Москвы издатель „Московскаго Вѣстника“ Погодинъ. Онъ только *по имени* издатель, на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма. Главные начальники сей редакціи суть: Соболевскій, Титовъ, Мальцовъ, Полторацкій, Шевыревъ, Рагозинъ и еще нѣсколько истинно бѣшенныхъ либераловъ (!!). Нѣкоторые изъ нихъ (Мальцовъ и Соболевскій) дали деньги на поддержаніе журнала и платятъ Пушкину за стихи. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ввести политику въ этотъ журналъ. На 1828 годъ они намѣревались издавать политическую газету, но какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ представить своихъ сочиненій, какъ повелѣно цензурнымъ уставомъ, то они выписали сюда Погодина, чтобъ онъ снова отъ своего имени просилъ позволенія ввести политику.

„Погодинъ человѣкъ чрезвычайно искательный. Онъ, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты академіи наукъ и теперь покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ, которую намѣрены редактировать Титовъ и Полторацкій. Погодинъ не имѣетъ вліянія на сихъ молодыхъ людей и состоитъ у нихъ въ зависимости, потому что они богаты и смѣлы, а онъ бѣденъ, безъ имени и робокъ. Сіи юноши не пишутъ ничего литературнаго, почитая сіе недостойнымъ себя, и занимаются однѣми политическими науками. Образъ мыслей ихъ, рѣчи и сужденія отзываются самымъ явнымъ карбонаризмомъ (!!). Соболевскій и Титовъ (служащій въ иностранной коллегіи) суть самые худшіе изъ нихъ. Собираются они у князя Владиміра Одоевскаго, который слыветъ между ними философомъ, и у Мальцова“ *).

Итакъ, люди, давшіе отъ себя одного царскаго воспитателя (Титова), представителей „офиціальной народности“ (Погодинъ и Шевыревъ) и приверженцевъ всего существующаго, зачислены были III отдѣленіемъ въ разрядъ карбонаріевъ и „истинно бѣшеныхъ либераловъ“...

VII.

Въ 1828 г. Бенкендорфъ почти не былъ въ Петербургѣ, принужденный сопровождать государя то на театръ военныхъ дѣйствій, то по Россіи.

Извѣстно за этотъ годъ его распоряженіе о цензурѣ драматическихъ произведеній. Не смотря на § 12 только что опубликованнаго устава, предоставлявшій обыкновенной цензурѣ дозво-

*) „Рус. Стар.“ 1892 г., I. 34.

лять „всякія сужденія“ „о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и о другихъ зрѣлищахъ“,—Бенкендорфъ самолично сдѣлался цензоромъ всѣхъ театральныхъ рецензій, что видно изъ его резолюціи на одной изъ корректуръ „Сѣверной Пчелы“: „позволяется печатать и впредь можно писать о театрахъ, *показывая мнѣ*“ *). Такимъ образомъ, получалась возможность оказывать благоволеніе его всегдашнимъ фавориткамъ-актрисамъ...

Въ свое отсутствіе цензуру пьесъ и рецензій Бенкендорфъ поручалъ подчиненнымъ, изъ которыхъ многіе отличались сказочною придирчивостью. Такъ, напримѣръ, цензоръ III отдѣленія И. Л. Нордстремъ даже не пропустилъ названія пьесы „Изба“, находя его тривіальнымъ, и переименовалъ ее самъ въ „Святки“, тогда какъ дѣйствіе пьесы происходило на масляной... **).

Въ мартовской книжкѣ „Атенея“ за 1829 г., въ статьѣ „Антропологическая прогулка“ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Возьмемъ, напримѣръ, нашихъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе кажутся для меня неизъяснимыми аномаліями (anomalie—уклоненіе, несходство), разстраивающими всѣ полученныя понятія, заставляющими сомнѣваться въ превосходствѣ правила мудраго надъ силою привычки и полагать, что пребываніе Аннибала въ Капуѣ не имѣло на судьбу его того вліянія, которое оному приписываютъ. Взгляните на ихъ щегольской нарядъ, на ихъ изнѣженность, на принужденность ихъ обращенія. Посмотрите, какъ они убиваютъ цѣлые дни въ самыхъ пустыхъ занятіяхъ; по три, по четыре часа сидятъ за деликатнымъ столомъ; разбираютъ съ утомительною подробностью достоинство какого-нибудь новаго блюда; проводятъ часть вечера съ хорошенькою модисткою или зѣваютъ въ оперѣ. Всѣ ихъ ученыя занятія ограничиваются чтеніемъ новаго романа, и ихъ одностороннее существованіе пробуждается только за карточнымъ столомъ. Вѣроятно, нельзя выдумать образа жизни, болѣе способнаго питать трусость и превратить самого Марса въ Сибарита. Но возгорѣлась война, и сіи раздушенные щеголи летятъ въ армію. Одной минуты довольно превратить ихъ въ героевъ: они не думаютъ объ трудностяхъ похода; стремятся въ опасности; презираютъ смерть; они готовы идти цѣлый день, бодрствовать цѣ-

*) „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, 1862 г., 49. Замѣчу кстати, что писавшій по этому поводу П. Усовъ, повидимому, совершенно не знавшій о § 12 устава 1828 г., приписываетъ заслугу въ разрѣшеніи печати начать разборъ театральныхъ пьесъ Булгарину, якобы исхлопотавшему его у Бенкендорфа. Онъ же видитъ въ приведенной резолюціи начальника III отдѣленія особую *милость* русской литературѣ (см. „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., V, 377—379)...

**) *А. Стаховичъ*, „Клочки воспоминаній“, М. 1904. 33.

лую ночь: они спятъ тамъ и тогда, когда можно, ѣдятъ, какъ собаки, и сражаются, какъ львы" *)...

Могла ли такая характеристика особенно обидѣть русскаго офицера? Оказывается, могла. Великій князь Михаилъ Павловичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, просилъ Бенкендорфа обратить вниманіе на журналъ профессора М. Г. Павлова. Немедленно послѣдовало такое представленіе на высочайшее имя:

„Его императорское высочество великій князь Михаилъ Паловичъ изволилъ препроводить ко мнѣ книжку русскаго, издающагося въ Москвѣ, журнала „Атеней", въ коемъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ „Антропологическая прогулка", переведенная, какъ по всему вѣроятію кажется, изъ англійскаго языка, но заключающая въ себѣ выраженія нелѣпыя и неприличныя на счетъ гвардіи офицеровъ.

„Статья сія произвела непріятное впечатлѣніе на его высочество и можетъ произвести справедливое негодованіе въ молодыхъ офицерахъ. Хотя сія статья, по строгомъ разбирательствѣ, не можетъ быть признана умышленно дерзновенною и преступною, но нельзя не замѣтить, съ одной стороны, неосторожность и *даже глупость цензора*, оную пропустившаго, а съ другой—неосмотрительность и, можно сказать, *невѣжество издателя журнала*, г. Павлова, который занимаетъ мѣсто профессора въ московскомъ университетѣ.

„Случай сей осмѣливаетъ меня всеподданнѣйше испросить высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія предписать всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ о доставленіи въ III отдѣленіе собственной вашего величества канцеляріи по одному экземпляру всѣхъ выходящихъ въ государствѣ журналовъ и публичныхъ листовъ, дабы имѣть способъ удобнѣе наблюдать за духомъ періодической литературы и предотвращать неблагопріятные впечатлѣнія и толки" **).

Высочайшая резолюція—„согласенъ".

Итакъ, пользовавшійся громкою извѣстностью ученый, натуръфилософъ Павловъ изобличенъ былъ начальникомъ III отдѣленія въ „невѣжествѣ", а цензоръ В. Измайловъ, человѣкъ по своему времени безусловно развитой и тоже небезызвѣстный писатель, признанъ просто „глупымъ"... Это представленіе Бенкендорфа интересно и тѣмъ, что подчеркиваетъ еще разъ, насколько мало онъ зналъ свои оффиціальныя права: полученіе III отдѣленіемъ всѣхъ періодическихъ изданій, какъ мы уже видѣли, было узаконено еще уставомъ 1828 года. Самъ Бенкендорфъ, разумѣется,

*) „Атеней", 1829 г. мартъ, № 5.

**) *Б. Г.* „Невѣжество" издателя и „глупость цензора". „Истор. Вѣстн." 1897 г., VII.

ни газетъ, ни журналовъ, ни альманаховъ не видѣлъ въ глаза, ограничиваясь „Сѣверной Пчелой“...

Въ своемъ мѣстѣ мы остановимся на прекращеніи „Московскаго Телеграфа“ Полевого, теперь же, заканчивая обзоръ 1829 года, приведемъ одинъ очень интересный документъ. Вотъ что писалъ Полевой начальнику 2-го (московскаго) округа корпуса жандармовъ, Волкову, послѣ того, какъ получилъ высочайшій выговоръ за статью „Приказные анекдоты“, помѣщенную въ № 14 „Телеграфа“ за 1829 годъ:

„Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества изъ критическихъ статей о нравахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ и волѣ правительства, да позволено мнѣ будетъ отнынѣ прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кромѣ мелочныхъ и ничтожныхъ по содержанію своему статей, цензурѣ особенной, доставляя ихъ для разсмотрѣнія къ вашему превосходительству. Я осмѣливаюсь думать, что тогда ревность моя дѣйствовать сочиненіями къ исправленію нравовъ и тѣмъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ видамъ правительства не вовлечетъ меня въ неумышленную ошибку, которая можетъ дѣлать виновнымъ въ виду онаго.

„Во всемъ этомъ, ваше превосходительство, изволите видѣть искреннее желаніе: согласить пользу посильныхъ трудовъ моихъ съ сохраненіемъ порядка общественнаго. Какъ русскій, пламенно любящій славу монарха, видящій въ немъ не только моего государя, *но и великаго, геніальнаго человѣка нашего времени*, я увѣренъ, что его свѣтлый умъ знаетъ и цѣнитъ всѣ, даже и малѣйшія средства дѣйствовать на подвластный ему народъ, сообразно мудрымъ его предначертаніямъ“ *).

Такимъ образомъ, издатель „перваго въ Россіи органа третьяго сословія“ самъ просился подъ особую жандармскую цензуру, сверхъ общей, которой былъ подчиненъ. Нѣтъ никакихъ основаній объяснять это любопытное письмо иначе, какъ желаніемъ снять съ себя произволъ лично считавшихся съ Полевымъ московскихъ цензоровъ. Подъ ихъ цензурою ему было очень нелегко.

Доведенное, по просьбѣ Полевого, до государя, письмо это вызвало уже *распоряженіе* представлять критическія статьи „Московскаго Телеграфа“, прежде обыкновенной цензуры, на разсмотрѣніе генерала Волкова, который и сталъ въ положеніе какъ бы московскаго Бенкендорфа

---

*) *Н. Д.* „Н. А. Полевой, его сторонники и противники по „Моск. Телеграфу“. „Рус. Стар.“ 1903 г., II, 264—266.

VIII.

Прежде, чѣмъ продолжать дальнѣйшій строго хронологическій разсказъ, я считаю умѣстнымъ остановить вниманіе читателя на одной сторонѣ дѣятельности III отдѣленія при Бенкендорфѣ. Если министерство народнаго просвѣщенія, бутурлинскій (1848—55 гг.) и адлербerговскій (1859—60 гг.) комитеты, руководя цензурою, пробовали иногда непосредственно и активно вліять на самое содержаніе литературныхъ произведеній и періодическихъ изданій, на помѣщеніе статей опредѣленнаго направленія и на разработку опредѣленныхъ темъ, то въ практикѣ III отдѣленія, считавшаго себя стоящимъ на стражѣ всей русской жизни и за нее отвѣтственнымъ, такой пріемъ былъ принятъ съ самаго начала и не оставлялся до конца взятаго мною періода (1826—55 гг.). Нашлись литераторы, которые не считали предосудительнымъ писать то, о чемъ ихъ „просили“, иногда же прямо приказывали сильные міра сего. Съ основанія III отдѣленія эта „литература“ получаетъ положительно права гражданства, а начальникъ III отдѣленія становится руководителемъ не только цензуры, но и извѣстной части литературы, точнѣе—прессы.

Первое такое указаніе встрѣчаемъ въ цитированныхъ уже нами донесеніяхъ Фока. Такъ, въ донесеніи отъ 28 іюля 1826 онъ пишетъ:

„Г. Эртель, переведшій на нѣмецкій языкъ, по высочайшему повелѣнію, докладъ слѣдственной коммиссіи, желалъ бы приложить къ своей книжкѣ переводъ высочайшаго манифеста и докладъ верховнаго суда *). Такъ какъ переводъ этотъ появился уже въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ С.-Петербургской Академіей, то по этому поводу не можетъ быть, повидимому, никакихъ затрудненій. Наши подлежащія власти раздѣляютъ это мнѣніе, но, не смотря на это, отказываются дать оффиціальное разрѣшеніе перепечатать эти документы и отсылаютъ другъ къ дружкѣ прошеніе г. Эртеля. Такъ какъ г. Эртель предполагаетъ послать нѣсколько сотъ экземпляровъ своего перевода за-границу, то было бы, я думаю, желательно, чтобы онъ присоединилъ къ нимъ переводъ послѣднихъ правительственныхъ актовъ, какъ для того, чтобы дополнить разсказъ объ этомъ событіи, такъ и съ тѣмъ, *чтобы предупредить ошибочное толкованіе ихъ*. Не найдете ли, в. пр., возможнымъ доложить объ этомъ его величеству и сообщить мнѣ мнѣніе государя по этому поводу“ **).

*) Рѣчь идетъ о декабристахъ.

**) „Рус. Стар.“, 1881 г., IX, 181. Въ результатѣ была книга Эртеля: „Der Bericht zur Ausmittelung übelgesinnter Gesellschaften in Russland niedergesetzten Untersuchungs-commission“, St.-Petersbourg, 1826 г., 8°.

Вмѣсто ненужныхъ комментарій, замѣчу только, что въ извѣстной части заграничной прессы „ошибочное толкованіе“ дѣйствительно отсутствовало...

Изъ русскихъ органовъ прежде другихъ была приближена „Сѣверная Пчела“. По словамъ самого Бенкендорфа, тамъ, напримѣръ, по его распоряженію, помѣщались статьи, имѣющія цѣлью „успокаивать публику насчетъ иностранныхъ дѣлъ и событій“ *). Критиковать, оспаривать, а особенно опровергать подобныя статьи строго запрещалось, но всегда post factum, потому что онѣ снаружи не носили вида инспирированныхъ и принадлежали якобы редакціи. Когда, напримѣръ, въ „Литературной Газетѣ“ появилась довольно рѣзкая отповѣдь по адресу „Пчелки“ за ложность печатаемыхъ ею извѣстій, Бенкендорфъ немедленно просилъ министра просвѣщенія Ливена дать по этому поводу соотвѣтствующія объясненія **).

Изъ довольно обширнаго „дѣла“ о „Сѣверной Пчелѣ“ видно, что Бенкендорфъ уже съ конца 1826 года оказывалъ ей особое покровительство, выражавшееся, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторыя статьи, которыя, по его предположенію, могли бы понравиться государю, онъ представлялъ ему въ рукописи. Такъ, на рукописи булгаринскаго фельетона: *„Нравы. Слухи“* (Письмо ученаго часового мастера къ издателямъ „Сѣверной Пчелы“) имѣется высочайшая резолюція: „permis de passer“ ***).

На рукописи статьи *„О мирѣ съ Отоманскою портою“* рукою Бенкендорфа написано: „безподобно, слова государя. Можно печатать, исключая что вычеркнуто“ ****).

Въ 1830 г., спѣша выпустить номеръ отъ 2 января, редакторы „Пчелы“ не дождались цензурнаго разрѣшенія министерства двора на театральную рецензію и поставили ее цѣликомъ, зная, что „благодѣтель“, если надо, заступится. Такъ и вышло: кн. П. М. Волконскій обратился къ Бенкендорфу за разъясненіемъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ 5 января: „Вслѣдствіе записки ко мнѣ вашего сіятельства о напечатаніи въ „Сѣверной Пчелѣ“ статьи объ Итальянскомъ театрѣ, безъ исключенія тѣхъ мѣстъ, которыя были отмѣчены вами въ рукописи, сносился я съ издателями сей газеты и получилъ отъ нихъ объясненіе въ отвѣтъ, что сіе произошло, въ сей разъ, отъ того единственно, что они принуждены были, по причинѣ наступленія праздниковъ, въ кои прекращается работа въ типографіяхъ, напечатать 1-й нумеръ „Пчелы“ днемъ ранѣе, и посему не могли дождаться доставленія отъ меня руко-

---

*) „Рус. Стар.“, 1901 г., IX, 662.

**) Ibidem.

***) Архивъ III отд. С. Е. И. В. канцеляріи, дѣло № 171, 1 экспедиціи, 1827 г., бумага № 4.

****) Ibidem, № 13

писи сей статьи, а должны были напечатать нумеръ съ одобреніемъ одной только гражданской цензуры. При семъ случаѣ повторили они мнѣ искреннее увѣреніе, что всегда готовы исполнять всѣ замѣчанія и поправки вашего сіятельства, и не только отъ чего не уклоняться, но и просятъ о неоставленіи ихъ вашимъ руководствомъ и указаніями.—Я, съ своей стороны, также покорнѣйше прошу ваше сіятельство о невмѣненіи имъ въ вину сей неумышленной ошибки, и объ обращеніи на ихъ статьи и въ будущее время вашего благосклоннаго вниманія" *).

III отдѣленіе участвовало и въ расходахъ „Сѣверной Пчелы", что видно, напримѣръ, изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 г. самимъ Булгаринымъ: „Даже за границею завербовалъ онъ (Гречъ) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя писанныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. *Прежде* за это платило III отдѣленіе С. Е. В. канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь „Сѣверная Пчела" должна платить этому сорванцу 1.000 руб. серебромъ!" **)

Довольно сложныя отношенія „Пчелы" связывали ее съ небезызвѣстнымъ „другомъ солдата", Луи Шнейдеромъ. Въ 1848 г. Гречъ предложилъ ему поставлять въ свою газету еженедѣльныя корреспонденціи о ходѣ политическихъ дѣлъ въ Пруссіи, по разсчету 1.200 руб. въ годъ. Письма Шнейдера печатались не всѣ, потому что проходили предварительно черезъ руки государя, но 1.200 рублей Шнейдеръ получалъ аккуратно и не отъ „Пчелы", а отъ государя" ***).

Вторымъ оффиціознымъ органомъ была основанная въ 1829 году въ Петербургѣ, газета на польскомъ языкѣ „Tygodnik" („Еженедѣльникъ"). Съ самаго начала она состояла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ III отдѣленія, а въ 1832 г. приняла названіе: „Оффиціальной газеты Царства Польскаго", которое и сохранила до самаго конца (1858 г.) ****).

23 января 1832 г. Бенкендорфъ писалъ кн. Ливену: „Его Императорское Величество по всеподданнѣйшему моему докладу высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издаваемый здѣсь на польскомъ языкѣ журналъ Tygodnik былъ отнынѣ впредь оффиціальною газетою и чтобъ вслѣдствіе того помѣщаемы были въ оной всѣ акты и высочайшія повелѣнія, относящіеся къ Царству Польскому, опредѣленные ко всеобщему свѣдѣнію, съ тѣмъ, чтобы журналъ сей оставался впрочемъ (въ прочемъ?) на прежнемъ основаніи и чтобы оный не минуя однакоже установлен-

*) Ibidem., № 14.

**) „Рус. Архивъ", 1869 г., IX, 1557.

***) *С. Татищевъ*, „Императоръ Николай и иностранные дворы", Спб., 1889 г., 319—320.

****) „Рус. Арх.", 1872, V, 1032—1033.

ной цензуры, состоялъ, равно какъ и издатель, въ непосредственномъ моемъ вѣдѣніи" *).

Заграничная печать не упускалась изъ вида еще Петромъ Великимъ, платившимъ, какъ извѣстно, тамошнимъ литераторамъ за собственное прославленіе. Такой государственно образованный и умный человѣкъ, какъ гр. П. Д. Киселевъ, и онъ даже былъ за ласкательство иностранной прессы. „Однажды,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—за семейнымъ обѣдомъ у императора Николая, я поддерживалъ, противъ канцлера гр. Нессельрода, необходимость повліять на иностранную печать, составляющую нынѣ силу, съ которою надо бороться, если не хотятъ пріобрѣсти ее, чтобъ управлять ею, или, по крайней мѣрѣ, надо имѣть органъ для опроверженія безобразной лжи, которую она позволяетъ себѣ въ отношеніи насъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Гр. Нессельродъ утверждалъ, что неприлично достоинству великаго государства входить въ борьбу съ прессой. Я отвѣчалъ, что, конечно, это спокойнѣе, но не полезнѣе; что время оправдаетъ меня, а пока мнѣ жаль видѣть, что рутина сильнѣе очевидности" **).

Очевидно, дѣло это было направлено мимо министра иностранныхъ дѣлъ, черезъ Бенкендорфа. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что въ интересующую насъ эпоху въ Европѣ содержались Бенкендорфомъ особые агенты-писатели. Вотъ его личное объ этомъ свидѣтельство:

„Во время нашего пребыванія въ Теплицѣ ***), кн. Меттернихъ старался еще болѣе со мною сблизиться и показывалъ мнѣ всевозможные знаки довѣрія. Съ годъ передъ тѣмъ я послалъ въ Германію одного изъ моихъ чиновниковъ, съ цѣлью опровергать посредствомъ дѣльныхъ и умныхъ газетныхъ статей грубыя нелѣпости, печатаемыя за границею о Россіи и ея монархѣ, и вообще стараться противодѣйствовать революціонному духу, обладавшему журналистикою. Послѣднее обстоятельство очень интересовало и князя Меттерниха. Увѣряя, что у него нѣтъ чиновника способнѣе къ этому моего, который имѣлъ случай сдѣлаться ему лично извѣстнымъ, онъ просилъ прислать его на жительство въ Вѣну, чтобы имъ работать тамъ соединенными силами на пользу Россіи и Австріи и на распространеніе добрыхъ монархическихъ началъ. Я тѣмъ охотнѣе на это согласился, что мнѣ не хотѣлось возбуждать подозрѣнія объ участіи въ семъ дѣлѣ нашего правительства, слишкомъ высоко стоявшаго для борьбы

---

*) Цензурныя дѣла, переданныя въ 1892 г. изъ министерства народнаго просвѣщенія въ импер. пуб. библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи подъ № 158, № 1, т. IV, стр. 2527—2528. Странно послѣ этого читать въ воспоминаніяхъ Пржецлавскаго, редактора „Tygodnik'а, что органъ его былъ совершенно самостоятеленъ.

**) *А. Заблоцкій-Десятовскій*, „Гр. П. Д. Киселевъ и его время", III, 392.

***) Рѣчь идетъ о пребываніи тамъ Николая I въ 1835 году.

съ журналами. Вслѣдствіе того, мой чиновникъ, разъѣзжавшій по Германіи, какъ совершенно частное лицо, поселился въ Вѣнѣ въ такой же роли. Сверхъ того, князь Меттернихъ, постоянно обращавшій особенное вниманіе на дѣла высшей или тайной полиціи, предложилъ мнѣ прислать въ Вѣну одного изъ нашихъ жандармскихъ офицеровъ, чтобы ознакомить его со всѣмъ движеніемъ этой части въ Австріи и, введя его во всѣ подробности ея механизма, черезъ то самое согласить наши обоюдныя мѣры противъ поляковъ. И на это предложеніе я также съ удовольствіемъ согласился и, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, тотчасъ же командировалъ въ Вѣну подполковника Озерецковскаго, который былъ принятъ тамъ со всею ласкою и предупредительностью" *).

Смѣшнѣе всего, что Бенкендорфъ воображалъ себя учителемъ Меттерниха...

Изъ сношеній Бенкендорфа съ отдѣльными писателями приведу прежде всего очень характерный разсказъ сына извѣстнаго въ свое время водевилиста и актера Каратыгина, у котораго Бенкендорфъ бывалъ на дому, „какъ добрый и любезный знакомый".

„Когда, въ 1830 году, отецъ мой отдалъ на сцену первый свой водевиль — „Знакомые незнакомцы", имѣвшій блестящій успѣхъ и особенно понравившійся императору Николаю Павловичу, Бенкендорфъ, встрѣтивъ моего отца у графа В. В. Мусина-Пушкина, сказалъ ему *глазъ-на-глазъ*:

— Государю очень понравился вашъ водевиль, и вы, если хотите, можете много выиграть и въ мнѣніи его величества, и въ вашей авторской карьерѣ. Вставьте въ вашъ водевиль куплетъ патріотическаго содержанія по поводу нынѣшнихъ событій (польскаго мятежа и недавней холеры въ Москвѣ) **). Если сердце подскажетъ слово въ похвалу государю, — это не повредитъ эффекту на публику. Подумайте о моемъ предложеніи и дня черезъ два дайте отвѣтъ...

„Молодой, только что начинавшій водевилистъ, при всей своей любви къ государю,—можетъ быть, именно вслѣдствіе этой любви,— не рѣшился профанировать своихъ патріотическихъ чувствъ, выставляя ихъ на показъ передъ театральною публикою и превращая ихъ въ орудіе собственныхъ выгодъ и неизвѣстныхъ ему видовъ графа Бенкендорфа. Отправясь къ нему, отецъ мой смѣло и рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, говоря, что водевиль свой считаетъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы вставлять въ него куплетъ съ напоминаніями о царѣ и отечествѣ.

---

*) „Записки" гр. А. Х. Бенкендорфа", „Истор. Вѣстн.", 1903 г., I, 53—54.

**) Авторъ, очевидно, говоритъ о 1831, а не 1830 годѣ.

„Графъ Бенкендорфъ пристально посмотрѣлъ на отца, потомъ, протянувъ ему руку, сказалъ:

— До сихъ поръ я васъ любилъ, какъ человѣка талантливаго, а теперь уважаю, какъ человѣка честнаго“ *).

Каратыгинъ оцѣниваетъ этотъ фактъ по его заключительному моменту, полагая, что Бенкендорфъ хотѣлъ лишь испытать его отца. Я думаю, что, наоборотъ, все, начиная съ предложенія, сдѣланнаго съ глазу-на-глазъ, говоритъ за необходимость иного толкованія...

Справедливость этого доказывается совершенно аналогичнымъ предложеніемъ, сдѣланнымъ бар. Розену, автору драмы „Россія и Баторій“. Ему было просто приказано передѣлать ее для сцены въ видахъ производства „хорошаго впечатлѣнія на духъ народный“. Приказаніе было покорно исполнено **).

Авторъ „Юрія Милославскаго“, пользовавшійся, казалось бы, довольно независимымъ положеніемъ, какъ директоръ московскихъ императорскихъ театровъ и оружейной палаты, окруженный почетомъ, лично извѣстный императору—очень покорно выполнялъ литературные заказы Бенкендорфа.

Такъ, 11 августа 1836 г. начальникъ III отдѣленія писалъ ему: „Шефъ жандармовъ, командующій императорскою главною квартирою, ген.-адъютантъ, графъ Бенкендорфъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Михаилу Николаевичу, покорнѣйше проситъ его, какъ очевидца сегодняшняго шествія его величества государя императора въ Успенскій соборъ, потрудиться написать о семъ статью, которую и доставить къ нему, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, завтрашняго числа, къ 12 часамъ утра, для помѣщенія оной въ газету „Сѣверная Пчела“ ***).

Такое категорическое приказаніе Загоскинъ выполнилъ буквально, и въ № 192, отъ 24 августа, статья была напечатана ****).

Другое приказаніе было не менѣе характерно.

„С.-Петербургъ, 24 января 1839 г.

„Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ!

„Издатель альманаха „Утренняя Заря“ В. А. Владиславлевъ, котораго изданіе, ежегодно улучшаясь, пріобрѣло общее расположеніе отечественной публики и выгодные отзывы иностранныхъ журналовъ, какъ по литературному достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей, такъ и по изяществу гравюръ и по типографской роскоши, возобновляетъ альманахъ свой на будущій 1840 годъ,

---

*) *П. Каратыгинъ.* „Бенкендорфъ и Дубельтъ“, „Истор. Вѣстн.“. 1887 г. X, 165—166.

**) *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ“, изд. 2-е, Спб. 1905 г. I. 234.

***) „Изъ переписки М. Н. Загоскина“, „Рус. Стар.“, 1902 г., VII, 86—87.

****) Въ названной выше книжкѣ „Рус. Стар.“ ошибочно сказано: „№ 191 отъ 21 августа“.

въ роскошнѣйшемъ видѣ, въ пользу с.-петербургской дѣтской больницы.

„По званію предсѣдателя означенной больницы, принимая съ признательностью столь благотворительное приношеніе г. Владиславлева и желая съ своей стороны по возможности содѣйствовать его предпріятію, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не угодно ли будетъ вамъ удостоить участіемъ вашимъ изданіе его на будущій 1840 годъ, присовокупляя при томъ, что всякое приношеніе ваше въ сей альманахъ принято будетъ *мною* съ искреннею благодарностью" *).

Загоскинъ помѣстилъ въ альманахѣ свой разсказъ „Нескучное"... Недаромъ въ это же время Бенкендорфъ предлагалъ ему перейти на службу въ III отдѣленіе **)...

Упомянутый Бенкендорфомъ Владиславлевъ состоялъ въ корпусѣ жандармовъ и былъ одно время личнымъ адъютантомъ начальника III отдѣленія. Извѣстенъ онъ былъ своими альманахами ***), о которыхъ и Бѣлинскій отзывался очень сочувственно, что, впрочемъ, понятно: въ концѣ 30-хъ годовъ неистовый Виссаріонъ еще не оцѣнивалъ какъ нужно мѣста службы альманашника. По словамъ современниковъ, III отдѣленіе способствовало распространенію альманаховъ Владиславлева, сдѣлавъ ихъ для многихъ учрежденій обязательными...

Отношенія Бенкендорфа къ писателямъ варьировались очень разнообразно. Въ 1831 г., въ самый разгаръ польскихъ событій, Погодинъ послалъ ему статью о правахъ Россіи на Литву, напечатанную потомъ въ „Телескопѣ". Очень скоро былъ полученъ запросъ отъ начальника III отдѣленія: „чего желаетъ авторъ за статью, которая читана и понравилась?" По этому поводу Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „предложеніе Бенкендорфа не такъ щекотливо, какъ кажется" ****). Что именно онъ получилъ—неизвѣстно...

Теперь обратимся къ прерванному хронологическому изложенію, начиная съ 1830 года.

М. Лемке.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) „Рус. Стар." 1902 г. VII, 87.

**) *А. Ѳ. Кони.* „М. Н. Загоскинъ и цензура", „Подъ знаменемъ науки", сборникъ, 1901 г.

***) „Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ литературныхъ трудовъ 24 литераторовъ", Спб., 1838 г.; „Утренняя Заря", альманахи на 1839—43 гг. Въ „Зарѣ" на 1842 годъ въ числѣ иллюстрацій былъ портретъ дочери Бенкендорфа—С. А., а на 1843 г. была дана гравюра съ видомъ имѣнія Бенкендорфа,—Фалль.

****) *Н. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина", III; 271—273.

КОМАНДИРОВКА.

Очеркъ.

I.

— Скоро ли станція, ямщикъ?

— Не скоро еще—до мятели врядъ ли доѣхать... Вишь, закуржавѣло какъ, сиверà идетъ.

Да, видно, до мятели не доѣхать. Къ вечеру становится все холоднѣе. Слышно, какъ снѣгъ подъ полозьями поскрипываетъ, зимній вѣтеръ,—сиверá,—гудитъ въ темномъ бору, вѣтви елей протягиваются къ узкой лѣсной дорогѣ и угрюмо качаются въ опускающемся сумракѣ ранняго вечера.

Холодно и неудобно. Кибитка узка, подъ бока давитъ, да еще некстати тутъ шашки да револьверы провожатыхъ болтаются. Колокольчикъ выводитъ какую-то длинную, однообразную пѣсню, въ тонъ запѣвающей мятели.

Къ счастію,—вотъ и одинокій огонекъ станціи на опушкѣ гудящаго бора.

Мои провожатые, бряцая цѣлымъ арсеналомъ вооруженія, стряхиваютъ снѣгъ въ жарко натопленной, темной, закопченой избѣ. Бѣдно и непривѣтно. Хозяйка укрѣпляетъ въ свѣтильнѣ дымящую лучину.

— Нѣтъ ли чего поѣсть у тебя, хозяйка?

— Ничего нѣтъ-то у насъ...

— А рыбы? Рѣка тутъ у васъ недалече?

— Была рыба, да выдра всю позóбала.

— Ну, картошки...

— Померзла картошка-то у насъ нонѣ...

Дѣлать нечего,—хлѣба дала хозяйка, самоваръ, къ удивленію, нашелся, и то слава Богу! Погрѣлись чайкомъ, хлѣбца поѣли, луковицъ принесла хозяйка въ лукошкѣ. А вьюга на дворѣ разыгрывалась, мелкимъ снѣгомъ въ окна сыпало, и по временамъ даже свѣтъ лучины вздрагивалъ и колебался.—„Нельзя вамъ ѣхать-то будетъ,—ночуйте!“

— Что-жъ,—ночуемъ. Вамъ вѣдь, господинъ, торопиться-то некуда тоже. Видите,—тутъ сторона-то какая, ну, а тамъ еще хуже,—вѣрьте слову!—говоритъ одинъ изъ провожатыхъ.

Въ избѣ все смолкло. Даже хозяйка сложила свою прясницу съ пряжей и улеглась, переставъ свѣтить лучину. Водворился мракъ и молчанiе, нарушаемое только порывистыми ударами налетавшаго вѣтра.

Я не спалъ. Въ головѣ, подъ шумъ бури, поднимались и летѣли одна за другой тяжелыя мысли.

— Не спится, видно, господинъ,—произноситъ тотъ же провожатый,—„старшой",—человѣкъ довольно симпатичный, съ прiятнымъ, даже какъ будто интеллигентнымъ лицомъ, расторопный, знающiй свое дѣло и, поэтому, не педантъ. Въ пути онъ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ стѣсненiямъ и формальностямъ.

— Да, не спится.

Нѣкоторое время проходитъ въ молчанiи, но я слышу, что и мой сосѣдъ не спитъ; чуется, что и ему не до сна, что и въ его головѣ бродятъ какiя-то мысли. Другой провожатый,—молодой „подручный", спитъ сномъ здороваго, но крѣпко утомленнаго человѣка. Временами онъ что-то невнятно бормочетъ.

— Удивляюсь я вамъ,—слышится опять ровный, грудной голосъ унтера:—народъ молодой, люди благородные, образованные, можно сказать,—а какъ свою жизнь проводите...

— Какъ?

— Эхъ, господинъ! Неужто мы не можемъ понимать!.. Довольно понимаемъ, что вы не въ эдакой, можетъ, жизни были и не къ этому съ измалѣтства-то привыкли...

— Ну, это вы пустое говорите: дѣло не въ томъ, къ чему съ измалѣтства привыкали,—было время и отвыкнуть...

— Неужто весело вамъ?—произноситъ онъ тономъ сомнѣнiя.

— Не весело, что и говорить... А вамъ весело?..

Молчанiе. Гавриловъ (будемъ такъ звать моего собесѣдника), повидимому, о чемъ-то думаетъ.

— Нѣтъ, господинъ, что я вамъ скажу... Вѣрьте слову: иной разъ бываетъ, просто, кажется, на свѣтъ не глядѣлъ бы... Съ чего ужъ это такъ бываетъ,—не знаю; только иной разъ такъ подступитъ, такъ подступитъ,—ножъ острый, да и только.

— Служба, что ли, тяжелая?...

— Служба службой... Конечно, не прогулка, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все же не съ этого... не отъ службы.

— Такъ отчего же?

— Кто знаетъ!..

Опять молчаніе.

...— Еще теперь обтерпѣлся немного,—привыкъ... Ну, и начальство не оставляетъ,—въ унтеръ-офицеры произведенъ, штрафовъ никакихъ не бывало, да и домой скоро,—въ отставку...

— Такъ что же?

...— А вотъ я вамъ, господинъ, разскажу—случай какой со мной былъ...

II.

Поступилъ я на службу въ 1874 году, въ эскадронъ, прямо изъ сдаточныхъ. Служилъ хорошо, можно сказать—съ полнымъ усердіемъ, все больше по нарядамъ: въ парадъ куда, къ театру,—сами знаете. Грамотѣ хорошо былъ обученъ, ну, и начальство не оставляло. Маіоръ у насъ землякъ мнѣ былъ и, какъ видя мое стараніе,—призываетъ разъ меня къ себѣ и говоритъ: „Я тебя, Гавриловъ, въ унтеръ-офицеры представлю,—ты въ командировкахъ бывалъ ли"?—Никакъ нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе.—„Ну, говоритъ, въ слѣдующій разъ назначу тебя въ подручные, — присмотришься, дѣло не хитрое".—Слушаю, говорю, ваше высокоблагородіе, радъ стараться.

А въ командировкахъ я точно-что не бывалъ ни разу,—вотъ съ вашимъ братомъ, значитъ. Оно хоть, скажемъ, дѣло-то не хитрое, а все же, знаете, инструкціи надо усвоить, да и расторопность нужна. Ну, хорошо...

Черезъ недѣлю этакъ мѣста, зоветъ меня дневальный къ начальнику и унтеръ-офицера одного вызываетъ. Пришли. „Вамъ, говоритъ, въ командировку ѣхать. Вотъ тебѣ—говоритъ унтеръ-офицеру — подручный. Онъ еще не бывалъ. Смотрите, не зѣвать, справьтесь, говоритъ, ребята, молодцами,—барышню вамъ везти изъ замка Вотъ вамъ инструкція, завтра деньги получай, и съ Богомъ"!..

Ивановъ, унтеръ-офицеръ, въ старшихъ со мной ѣхалъ, а я въ подручныхъ,— вотъ какъ у меня теперь другой-то жандармъ. Старшему сумка казенная дается, деньги онъ на руки получаетъ, бумаги тоже, онъ расписывается, счеты эти ведетъ, ну, а рядовой въ помощь ему дается: послать куда, за вещами присмотрѣть, то, другое...

Ну, хорошо. Утромъ, чуть свѣтъ еще,—отъ начальника вышли,—гляжу: Ивановъ мой ужъ выпить гдѣ-то успѣлъ. А человѣкъ онъ былъ, -надо прямо говорить—не подходящій,—разжалованъ теперь. На глазахъ у начальства—какъ слѣдуетъ быть унтеръ-офицеру, и даже такъ, что на дру-

гихъ кляузы наводилъ, выслуживался. А чуть съ глазъ долой, сейчасъ и завертится, и первымъ дѣломъ выпить любилъ.

Пришли мы въ замокъ; какъ слѣдуетъ, бумагу вручили, — ждемъ, стоимъ. Любопытно мнѣ, какую барышню везти-то придется, а везти назначено намъ по маршруту далеко. По самой этой дорогѣ ѣхали, только въ городъ она назначена была, не въ волость. Вотъ, мнѣ и любопытно въ первый-то разъ,—жду, стою.

Только прождали мы этакъ съ часъ мѣста, пока ея вещи собирали,—а и вещей-то съ ней узелокъ маленькій,—юбка тамъ, ну, то, другое,—сами знаете. Книжки тоже были, а больше ничего съ ней не было; небогатыхъ видно, родителей, думаю. Только выводятъ ее,—смотрю, молодая еще, какъ есть ребенкомъ мнѣ показалась. Волосы русые, въ одну косу собраны, на щекахъ румянецъ у нея въ ту пору такъ и горѣлъ, а потомъ увидѣлъ я—блѣдная она совсѣмъ, бѣлая во всю дорогу была. Такъ мнѣ ее жалко стало, то есть такъ жалко,—просто, ну!..

Стала она пальто надѣвать, калоши... Вещи намъ ея показали,—правило, значитъ: по инструкціи мы вещи смотрѣть обязаны. „Деньги, спрашиваемъ, съ вами какія будутъ?“ Рубль двадцать копѣекъ денегъ оказалось,—старшой къ себѣ взялъ.—„Васъ, барышня, говоритъ ей, я обыскать долженъ“.

Какъ она тутъ вспыхнетъ. Глаза это у нея загорѣлись, румянецъ еще гуще выступилъ. Губы тонкія, сердитыя... Какъ посмотрѣла на насъ,—вѣрите, я и подступиться не посмѣлъ. Ну, а старшой, извѣстно, выпивши былъ—лѣзетъ къ ней прямо. „Я, говоритъ, обязанъ; у меня, говоритъ, инструкція!..“

Какъ крикнетъ она тутъ, даже Ивановъ — и тотъ попятился. Гляжу на нее: лицо поблѣднѣло, ни кровинки, а глаза ровно вотъ почернѣли, и злая, презлая... Ногой топаетъ, говоритъ шибко,—только я, признаться, хорошо и не слушалъ, что она говорила... Смотритель тоже испугался, воды ей принесъ въ стаканѣ.—„Успокойтесь, проситъ ее, пожалуйста, говоритъ, сами себя пожалѣйте!“ А она и на него тутъ напала.—„Варвары, говоритъ, вы, холопы!“—Ну, и много еще дерзкихъ словъ ему выражала. Какъ хотите,—супротивъ начальства это вѣдь нехорошо...

Такъ мы ея и не обыскивали. Увелъ ее смотритель въ другую комнату, да съ надзирательницей тотчасъ же и вышли они,—ничего, говоритъ, при нихъ нѣтъ.—А она на него глядитъ и, точно вотъ, смѣется въ лицо ему, и глаза злые все. А Ивановъ,—извѣстно, пьяному море по колѣна,—смотритъ

да все свое бормочетъ:—„Не по закону,—у меня, говоритъ, инструкція!..“ Только смотритель вниманія не взялъ.

Поѣхали. По городу проѣзжали,—все она въ окна кареты глядитъ, точно прощается, либо знакомыхъ увидѣть хочетъ. А Ивановъ взялъ, да занавѣски-то опустилъ,—окна и закрылъ. Забилась она въ уголъ, прижалась и глядитъ на насъ. А я, признаться сказать, не утерпѣлъ-таки: взялъ это одну занавѣску, будто самъ поглядѣть хочу, открылъ такъ, чтобы ей видно было... Только она и не посмотрѣла въ окно, и все такая сердитая,—въ уголку сидитъ, губы закусила... Въ кровь, такъ я себѣ думалъ, искусаетъ.

Поѣхали по желѣзной дорогѣ. Погода ясная этотъ день стояла,—осенью дѣло это было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Солнце-то свѣтитъ, да вѣтеръ свѣжій, осенній, а она въ вагонѣ окно отворитъ, сама высунется на вѣтеръ, такъ и сидитъ. По инструкціи-то оно не полагается, знаете, окна открывать, да Ивановъ мой, какъ въ вагонъ ввалился, такъ и захрапѣлъ; а я не смѣлъ ей сказать. Потомъ осмѣлился, подошелъ это къ ней и говорю:—Барышня, говорю, закройте окно.—Молчитъ, и вниманія не взяла, будто не ей я говорю, а сама-то, я знаю, слышитъ. Постоялъ я тутъ, постоялъ, а потомъ опять говорю: — Простудитесь, барышня, холодно вѣдь. — Обернула она ко мнѣ лицо-то свое и точно, вотъ, удивилась чему. Поглядѣла да и говоритъ, тихо таково: — Оставьте!—говоритъ,—и опять въ окно высунулась, а я махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

Стала она спокойнѣе. Закроетъ окно, въ пальтишко закутается вся, грѣется, видно. Вѣтеръ, говорю, свѣжій былъ, студено! А потомъ опять къ окну сядетъ и опять на вѣтру вся,—послѣ тюрьмы-то, видно, не наглядится. Повеселѣла даже, глядитъ себѣ и даже улыбаться стала, и такъ на нее хорошо въ тѣ поры смотрѣть было,—вѣрите совѣсти: если бы начальство отдало, такъ бы, кажется, сейчасъ ее женой къ себѣ взялъ, вмѣсто ссылки...

Отъ *** города на тройкѣ ѣхать пришлось. Ивановъ-то у меня пьянъ-пьянешенекъ; проспится и опять заливаетъ. Вышелъ изъ вагона, шатается. Ну, думаю, плохо, какъ бы денегъ казенныхъ не растерялъ. Ввалился въ почтовую телѣгу, легъ и захрапѣлъ тотчасъ. Сѣла она рядомъ,—неловко. Посмотрѣла на него, ну, точно вотъ на гадину на какую. Подобралась такъ, чтобы не тронуть его какъ-нибудь,—вся въ уголку и прижалась, а я-то ужъ на облучкѣ усѣлся. Какъ поѣхали,—вѣтеръ холодный,—я и попродрогъ, и ей, гляжу, холодно. Закашляла крѣпко и платокъ къ губамъ поднесла, а на платкѣ, гляжу, кровь. Такъ меня будто кто въ сердце кольнулъ булавкой.—Эхъ, говорю, барышня,

какъ можно! Больны вы, а въ такую дорогу поѣхали,—осень, холодно!.. Нешто, говорю, можно этакъ!

Вскинула она на меня глазами, посмотрѣла, и точно опять внутри у нея закипать стало.

— Что вы, говоритъ, глупы, что ли? Не понимаете, что я не по своей волѣ ѣду. Хорошъ,—говоритъ:—самъ везетъ, да туда же еще съ сожалѣньями суется!

— Вы бы, говорю, начальству заявили,—въ больницу хоть слегли бы, чѣмъ въ этакой холодъ ѣхать. Дорога-то вѣдь не близкая!

— А куда?—спрашиваетъ.

А намъ, знаете, строго запрещено объяснять преступникамъ, куда ихъ везти приказано. Видитъ она, что я позамялся, и отвернулась.—Не надо,—говоритъ,—это я такъ... Не говорите, да ужъ и сами не лѣзьте!

Не утерпѣлъ я.—Вотъ, говорю, куда вамъ ѣхать. Не близко!—Сжала она губы свои, брови сдвинула, да ничего и не сказала. Покачалъ я головой:—Вотъ, то-то, говорю, барышня. Молоды вы, не знаете еще, что это значитъ!—Крѣпко мнѣ досадно было, а она опять посмотрѣла, посмотрѣла на меня и говоритъ:—Напрасно, говоритъ, вы такъ думаете. Знаю я хорошо, что это значитъ, а въ больницу всетаки не слегла. Спасибо! Лучше ужъ, коли помирать, такъ на волѣ, у своихъ. А то, можетъ, еще и поправлюсь, такъ опять же на волѣ, а не въ больницѣ вашей тюремной. Вы думаете,—говоритъ,—отъ вѣтру я, что ли, заболѣла, отъ простуды, какъ бы не такъ!..—„Тамъ у васъ, спрашиваю, сродственники, что ли, находятся?"—Это я потому, какъ она мнѣ выразила, что у *своихъ* поправляться хочетъ.—Нѣтъ, говоритъ, у меня тамъ ни родни, ни знакомыхъ. Городъ-то мнѣ чужой, да, вѣрно, такіе же, какъ и я, ссыльные есть, товарищи.—Подивился я,—какъ это она чужихъ людей своими называетъ: неужто, думаю, кто ее безъ денегъ тамъ поить-кормить станетъ, да еще незнакомую? Только не сталъ ее разспрашивать, потому вижу: брови она поднимаетъ, недовольна, зачѣмъ я разспрашиваю.

Только къ вечеру гляжу: тучи надвинулись, вѣтеръ подулъ холодный,—а тамъ и дождь пошелъ. Грязь и прежде была не высохши, а тутъ до того грязно стало,—просто, кисель на дорогѣ, да и только. Спину-то мнѣ какъ есть грязью всю забрызгало, да и ей порядочно попадать стало. Однимъ словомъ сказать, что погода, на ея несчастіе, пошла самая скверная: дождикомъ прямо въ лицо сѣчетъ; оно хоть, положимъ, кибитка-то крытая, и рогожей я ее закрылъ, да куда тутъ! Течетъ всюду, продрогла, гляжу: вся дрожитъ и глаза закрыла. По лицу капли дождевыя потекли, а щеки

блѣдныя, и не движется она, точно въ безчувствіи. Испугался я даже. Вижу: дѣло-то выходитъ неподходящее, плохое дѣло...

Въ Ярославль городъ самымъ вечеромъ пріѣхали. Разбудилъ я Иванова, за станцію вышли,—велѣлъ я самоваръ согрѣть. А изъ городу изъ этого пароходы ходятъ, только по инструкціи намъ на пароходахъ возить строго воспрещается. Оно хоть нашему брату выгоднѣе,—экономію загнать можно, да боязно. На пристани, знаете, полицейскіе стоятъ, а то и нашъ же братъ, жандармъ мѣстный, кляузу подвести завсегда можетъ. Вотъ, барышня-то и говоритъ намъ: — Я, говоритъ, далѣе на почтовыхъ не поѣду,—какъ знаете, говоритъ, пароходомъ везите.—А Ивановъ еле глаза продралъ съ похмелья, сердитый. „Вамъ объ этомъ, говоритъ, разсуждать не полагается. Куда повезутъ, туда и поѣдете!" Ничего она ему не сказала, а мнѣ говоритъ:—Слышали, говоритъ, что я сказала: не ѣду.—Отозвалъ я тутъ Иванова въ сторону. „Надо, говорю, на пароходѣ везти. Вамъ же лучше: экономія останется". Онъ на это пошелъ, только трусить. „Здѣсь, говоритъ, полковникъ, такъ какъ бы чего не вышло. Ступай, говоритъ, спросись,—мнѣ, говоритъ, нездоровится что-то". А полковникъ неподалеку жилъ. „Пойдемъ, говорю, вмѣстѣ и барышню съ собой возьмемъ". Боялся я: Ивановъ то, думаю, спать завалится спьяну, такъ какъ бы чего не вышло. Чего добраго—уйдетъ она, или надъ собой что сдѣлаетъ,—въ отвѣтъ попадешь. Ну, пошли мы къ полковнику. Вышелъ онъ къ намъ. „Что надо?"—спрашиваетъ. Вотъ она ему и объясняетъ, да тоже и съ нимъ неладно говоритъ. Ей бы попроситъ хорошенько: такъ и такъ, молъ, сдѣлайте милость,—а она тутъ по своему заговорила. „По какому праву?"—говоритъ, ну, и прочее, все, знаете, дерзкія слова выражаетъ. Выслушалъ онъ ее и ничего,—смирно таково отвѣчаетъ: „Не могу-съ, говоритъ, ничего я тутъ не могу. По закону-съ... нельзя!" Гляжу, барышня-то моя опять раскраснѣлась вся, глаза точно вотъ угли. — Законъ! — говоритъ, и засмѣялась по-своему, сердито да громко. — „Такъ точно, — полковникъ ей:—законъ-съ!" Признаться, я тутъ позабылся немного, да и говорю: „Точно-что, вашескородіе, законъ, да онѣ, ваше высокоблагородіе, больны". Посмотрѣлъ онъ на меня строго.—„Какъ твоя фамилія?" спрашиваетъ.—„А вамъ, барышня,—говоритъ,—если больны вы, въ больницу тюремную не угодно ли-съ?" Отвернулась она и пошла вонъ, слова не сказала. Мы за ней. Не захотѣла въ больницу, да и то надо сказать: ужъ если на мѣстѣ не осталась, а тутъ безъ денегъ, да на чужой сторонѣ, точно что не приходится. Ну, дѣлать нечего. Ивановъ на меня же

накинулся:—„Что, молъ, теперь будетъ? Непремѣнно изъ-за тебя, дурака, оба въ отвѣтѣ будемъ". Велѣлъ лошадей запрягать и ночь пережидать не согласился, такъ къ ночи и выѣзжать пришлось. Подошли мы къ ней: „пожалуйте, говоримъ, барышня,—лошади поданы". А она на диванъ прилегла,—только согрѣваться стала. Вспрыгнула она на ноги, встала передъ нами,—выпрямилась вся,—прямо на насъ смотритъ,—даже, скажу вамъ, страшно мнѣ на нее глядѣть стало.—Прокляты вы, говоритъ!—и опять по своему что-то заговорила, непонятно. Ровно бы и по-русски говоритъ, да ничего понять невозможно. Только сердито очень да жалко говорила: — Ну, говоритъ, теперь ваша воля, вы меня замучить можете,—что хотите, дѣлаете. Ѣду!—А самоваръ-то все на столѣ стоитъ, она еще и не пила. Мы съ Ивановымъ свой чай заварили, и ей я налилъ. Хлѣбъ съ нами бѣлый былъ, я тоже ей отрѣзалъ.—„Выкушайте, говорю, на дорогу-то. Ничего, хоть согрѣетесь немного". Она калоши надѣвала,—бросила надѣвать, повернулась ко мнѣ, смотрѣла, смотрѣла, потомъ плечами повела и говоритъ: — Что это за человѣкъ такой! Совсѣмъ вы, кажется, сумасшедшій. Стану я, говоритъ, вашъ чай пить!—Повѣрите ли, до чего мнѣ обидно стало. И по сейчасъ, такъ и то сердце бьется. Вотъ вы не брезгаете же съ нами хлѣбъ-соль ѣсть. Рубанова господина везли, тотъ тоже не брезгалъ. А она побрезгала. Велѣла потомъ на другомъ столѣ себѣ самоваръ особо согрѣть и ужъ извѣстно: за чай, за сахаръ втрое заплатила. Чудная!..

III.

Разсказчикъ смолкъ, и на нѣкоторое время въ избѣ водворилась тишина, нарушаемая только ровнымъ дыханіемъ младшаго жандарма.

— Вы не спите?—спросилъ у меня Гавриловъ.

— Нѣтъ, продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Много я отъ нея,—продолжалъ разсказчикъ, помолчавъ,—много муки тогда принялъ. Дорогой-то, знаете, ночью, все дождикъ, погода злая... Лѣсомъ поѣдешь, лѣсъ стономъ стонетъ. Ея-то мнѣ и не видно, потому ночь темная, ненастная, зги не видать, а повѣрите,—такъ она у меня передъ глазами стоитъ, то есть даже до того, что вотъ точно днемъ ее вижу: и глаза ея, и лицо сердитое, блѣдное, и какъ она иззябла вся, а сама все глядитъ куда-то, точно все мысли свои про себя въ головѣ ворочаетъ. Какъ со станціи поѣхали, сталъ я ее тулупомъ одѣвать.—„Надѣньте, говорю, тулупъ-то,—все, знаете, теплѣе." Кинула тулупъ съ себя. — Вашъ,

говоритъ, тулупъ,—вы и надѣвайте.—Тулупъ точно, что мой былъ, да догадался я и говорю ей: „Не мой, говорю, по закону, говорю, полагается". Ну, одѣлась...

Только и тулупъ не помогъ: какъ разсвѣло,—глянулъ я на нее, а на ней лица нѣтъ. Какъ со станціи опять поѣхали, приказала она Иванову на облучокъ сѣсть. Поворчалъ онъ, да не посмѣлъ ослушаться, тѣмъ болѣе,—хмель-то у него прошелъ немного. Я съ ней рядомъ сѣлъ.

Трои сутки мы ѣхали и нигдѣ не ночевали. Первое дѣло: по инструкціи сказано—не останавливаться на ночлегъ, а „въ случаѣ сильной усталости"—не иначе, какъ въ городахъ, гдѣ есть караулы. Ну, а тутъ, сами знаете, какіе города! Да и сама-то все торопитъ,—скорѣе ей все хотѣлось на мѣсто.

Пріѣхали-таки на мѣсто, точно гора у меня съ плечъ долой, какъ городъ завидѣли. И надо вамъ сказать: въ концѣ она, почитай что, на рукахъ у меня и доѣхала. Вижу—лежитъ въ повозкѣ безъ чувствъ; тряхнетъ на ухабѣ телѣгу, такъ она головой о переплетъ и ударится. Поднялъ я ее на руку на правую, такъ и везъ; все легче. Сначала оттолкнула было меня: — прочь!—говоритъ,—не прикасайтесь!—А потомъ ничего. Можетъ, оттого, что въ безпамятствѣ была... Глаза-то закрыты, вѣки совсѣмъ потемнѣли, и лицо лучше стало не такое сердитое. И даже такъ было, что засмѣется сквозь сонъ и просвѣтлѣетъ будто. Вѣрно ей, бѣдной, хорошее во снѣ грезилось. Какъ къ городу подъѣзжать стали, очнулась, поднялась... Погода-то прошла, солнце выглянуло—вотъ и она повеселѣла.

... Изъ губерніи-то ее далѣе отправили, въ городѣ въ губернскомъ не оставили, и намъ же дальше везти привелось,—тамошніе жандармы въ разъѣздахъ были. Крѣпко измучилась она, да все же веселая уѣзжала. Какъ уѣзжать намъ,—гляжу, въ полицію народу набирается: барышни молодыя да господа, студенты, видно, изъ ссыльныхъ... И всѣ, точно знакомые, съ ней говорятъ, за руку здороваются, разспрашиваютъ. Денегъ ей сколько-то принесли, платокъ на дорогу. Проводили...

Ѣхала веселая, только кашляла часто и на насъ не смотрѣла даже, точно насъ и не было.

Пріѣхали въ уѣздный городъ, гдѣ жить назначено; сдали ее подъ росписку. Сейчасъ она фамилію какую-то называетъ.—Здѣсь, говоритъ, такой-то?—Здѣсь, отвѣчаютъ. Исправникъ пріѣхалъ.—„Гдѣ, говоритъ, жить станете?" — Не знаю, говоритъ, а пока къ Рязанову пойду.—Покачалъ онъ головой, а она собралась и ушла. Съ нами и не попрощалась...

VI.

— Что-жъ, такъ вы ее больше и не видѣли?

— Видалъ, да лучше бы ужъ не видать было...

... И скоро даже я опять ее увидѣлъ. Какъ пріѣхали мы изъ командировки,—сейчасъ насъ опять нарядили и опять въ ту же сторону. Студента одного возили. Веселый такой, пѣсни хорошо пѣлъ и выпить былъ не дуракъ. Его еще дальше послали. Вотъ поѣхали мы черезъ городъ тотъ самый, гдѣ ее оставили, и стало мнѣ любопытно про житье-то ея узнать. Тутъ, спрашиваю, барышня-то наша?—Тутъ, говорятъ, только чудная она какая-то: какъ пріѣхала, такъ прямо къ ссыльному пошла, и никто ее послѣ не видалъ,—у него и живетъ. Кто говоритъ: больна, а то баютъ: въ родѣ она у него за любовницу живетъ. Извѣстно, народъ болтаетъ,—не видали! А я-то знаю, какъ она живетъ-то съ нимъ. Вспомнилось мнѣ, что она говорила: „Помереть у *своихъ* хочется“. И такъ мнѣ любопытно стало, и не то что любопытно, а попросту сказать, такъ меня и потянуло. Схожу, думаю, повидаю...

Пошелъ,—добрые люди дорогу показали; а жила она въ концѣ города. Домикъ маленькій, дверца низенькая. Вошелъ я къ ссыльному-то къ этому, гляжу: чисто у него, комната свѣтлая, въ углу кровать стоитъ и занавѣской уголъ отгороженъ. А рядомъ мастерская у него маховькая,—тамъ на скамейкѣ другая постель положена.

Какъ вошелъ я,—она-то на постелѣ сидѣла, шалью обернута и ноги подъ себя подобрала,—шьетъ что-то. А ссыльный рядомъ на скамейкѣ сидитъ, въ книжкѣ ей что-то вычитываетъ. Шьетъ она, а сама слушаетъ. Стукнулъ я дверью, она какъ увидала, приподнялась, за руку его схватила, да такъ и замерла. Глаза большіе стали, темные, да страшные... ну, все, какъ и прежде бывало, только еще блѣднѣе сама мнѣ показалась. За руку-то его крѣпко стиснула,—онъ испугался, къ ней кинулся.—„Что, говоритъ, съ вами? Успокойтесь!“ А самъ меня не видитъ. Потомъ отпустила она руку-то его,—съ постели встать хочетъ. — Прощайте, говоритъ ему:—видно, имъ для меня и смерти хорошей жалко. Прощайте!—Тутъ и онъ обернулся, меня увидалъ,—какъ вскочитъ на ноги. Думалъ я—тутъ онъ меня и убьетъ,—право!

Они, знаете, подумали, что опять ее брать пріѣхали. Только видитъ онъ,—стою я ни живъ, ни мертвъ, самъ испугался, да и одинъ. Повернулся къ ней, за руку взялъ,

засмѣялся.—„Да успокойтесь, вы, говоритъ.—А вамъ, спрашиваетъ меня,—что здѣсь понадобилось?..“

Очень мнѣ совѣстно стало, что испугалъ я ее... Сказалъ, что повидать пришелъ, да и она меня узнала. Вижу я,—сердится все, какъ и прежде. Ну, вотъ сердится, да и только,—такъ и закипаетъ; кажется, ужъ я всей душой радъ былъ услужить, а она какъ глянетъ, точно ты ей змѣей лютой кажешься.

Разобралъ онъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся къ ней. Не все я понять-то могъ,—вы вѣдь, господа, чудно промежъ себя говорите. Онъ-то спокойно говоритъ, тихо, а она сердито да дерзко. Ссыльный-то ей: „вы, говоритъ, разберите: вѣдь человѣкъ къ вамъ пришелъ, а не жандармъ...“ А она ему: „а зачѣмъ онъ служитъ?“

„Господи!—думаю:—неужто я и не человѣкъ для нея? Нешто по своей волѣ я ей худое что сдѣлалъ!“ Такъ мнѣ горько стало.—„Извините, говорю, что испугалъ васъ!“—Это, говоритъ, ничего, что испугали. Не въ томъ дѣло.

Неловко мнѣ стало.—„Прощайте!“ говорю. Она ничего не сказала, а онъ повернулся, руку мнѣ подалъ, спросилъ, далеко ли ѣдемъ.—„Поѣдете назадъ,—заходите, говоритъ, пожалуй!“ А она смотритъ на насъ, да усмѣхается по-своему. — Не понимаю,—говоритъ. А онъ ей: „Поймете, говоритъ, когда-нибудь, сердце у васъ незлое“.

Когда назадъ мы ѣхали, призываетъ исправникъ старшого и говоритъ: „Вамъ тутъ оставаться впередъ до распоряженія; телеграмму получилъ. Бумагъ вамъ ждать по почтѣ“. Остались мы.

Вотъ я опять къ нимъ пошелъ: дай, думаю, зайду, хоть у хозяевъ про нее спрошу. Зашелъ. Говоритъ хозяинъ домовый: „Плохо, говоритъ, какъ бы не померла. Боюсь, въ отвѣтъ не попасть бы, — потому, собственно, что попа звать не хотятъ“. Только стоимъ мы, разговариваемъ, а въ это самое время ссыльный вышелъ. Увидѣлъ меня, поздоровался, да и говоритъ:—„Опять пришелъ? Что-жъ, войди, пожалуй“. Я и вошелъ тихонько, а ссыльный за мной вошелъ. Поглядѣла она, да и спрашиваетъ:—Опять этотъ странный человѣкъ!.. Вы, что ли, его позвали? — „Нѣтъ, говоритъ, не звалъ я,—самъ пришелъ“. Я не утерпѣлъ и говорю ей: „Что, говорю, барышня,—за что вы сердце противъ меня имѣете, точно я врагъ вамъ какой?“—Врагъ, говоритъ,—а вы развѣ не знаете? Конечно, врагъ!—Голосъ у нея слабый сталъ, тихій, на щекахъ румянецъ такъ и горитъ, и столь лицо у нея пріятное,—кажется, не наглядѣлся бы. Вижу: не жилица она на свѣтѣ,—сталъ прощенія просить,—какъ бы, думаю, безъ прощенія не померла.—„Простите меня, говорю,—

коли вамъ зло какое сдѣлалъ". Опять, гляжу, закипаетъ:— Простить! Вотъ еще! Никогда не прощу, и не думайте... Ни-ко-гда!

Разсказчикъ опять смолкъ и задумался. Потомъ продолжалъ тише и, какъ будто, сосредоточеннѣе:

— Опять у нихъ промежду себя разговоръ пошелъ. Вы, вотъ, человѣкъ образованный, по ихнему понимать должны, такъ я вамъ скажу, какія слова упомнилъ. Слова-то запали, и посейчасъ помню, а смыслу не знаю. Онъ говоритъ: „Поймите, не прощеніе важно,—человѣка признайте. Простить другое дѣло,—онъ самъ бы, говоритъ, можетъ, не простилъ бы!" А потомъ совсѣмъ ужъ чудно заговорили; другъ на друга смотрятъ безъ сердца, а по словамъ-то будто ругаются. Онъ ей: „вы, говоритъ, сектантка!" — А вы,—она ему,—холодный, равнодушный человѣкъ!—Какъ она это слово сказала, онъ даже вскочилъ.—„Равнодушный!—говоритъ,— ну, сами знаете, что неправду сказали!" —Пожалуй,—она говоритъ, и засмѣялась ему,—а вы-то развѣ правду?—„А я, говоритъ,—правду"! Задумалась она, руку ему протянула; онъ руку-то взялъ, а она въ лицо ему посмотрѣла, да и говоритъ:—Да, вы, пожалуй, и правы!—А я стою, какъ дуракъ, смотрю, а у самого такъ и сосетъ что-то у сердца, такъ и подступаетъ. Потомъ обернулась она ко мнѣ, посмотрѣла и на меня безъ гнѣва и руку подала. — Вотъ, говоритъ, что я вамъ скажу: никогда я васъ не прощу, слышите! Враги мы. Ну, а руку вамъ даю,—желаю вамъ когда-нибудь человѣкомъ стать... Устала я! — говоритъ. Я и ушелъ...

V.

...Померла она скоро. Какъ хоронили, я и не видалъ,— у исправника былъ. Только на другой день ссыльнаго этого встрѣтилъ; подошелъ къ нему,—гляжу: на немъ лица нѣтъ...

Росту былъ онъ высокаго, съ лица сурьезный, да ранѣе привѣтливо смотрѣлъ, а тутъ звѣремъ на меня, какъ есть, глянулъ. Подалъ было руку, а потомъ вдругъ руку мою бросилъ и самъ отвернулся. —„Не могу, говоритъ, я тебя видѣть теперь. Уйди, братецъ, Бога ради уйди!.. Потомъ, коли еще въ городѣ останешься, заходи, пожалуй!"—Опустилъ голову, да и пошелъ, а я на фатеру пришелъ, и такъ меня засосало,—просто, два дня пищи не принималъ. Тоска!

На третій день исправникъ призвалъ насъ и говоритъ: „Можете, говоритъ, теперь отправляться; пришла бумага, да поздно". Видно, опять намъ ее везти пришлось бы, да ужъ Богъ ее пожалѣлъ: самъ убралъ.

... Только что еще со мной послѣ случилось,—не конецъ вѣдь еще. Назадъ ѣдучи, пріѣхали мы на станцію одну... Входимъ въ комнату, а тамъ на столѣ самоваръ стоитъ, закуска всякая, и старушка какая-то сидитъ, хозяйку чаемъ угощаетъ. Чистенькая старушка, маленькая, да веселая такая и говорливая. Все хозяйкѣ про свои дѣла разсказываетъ. „Вотъ, говоритъ, собрала я пожитки, домъ-то, по наслѣдству который достался,—продала и поѣхала къ моей голубкѣ. То-то обрадуется! Ужъ и побранитъ, разсердится, знаю, что разсердится,—а все же рада будетъ... Писала мнѣ, не велѣла пріѣзжать. Чтобы даже ни въ какомъ случаѣ не смѣла я къ ней ѣхать. Ну, да ничего это!" Такъ тутъ меня ровно кто подъ лѣвый бокъ толкнулъ. Вышелъ я въ кухню. „Что за старушка?"—спрашиваю у дѣвки-прислуги.—А это, говоритъ, самой той барышни, что вы тотъ разъ везли,—матушка родная будетъ.—Вѣрите, тутъ меня шатнуло даже. Видитъ дѣвка, какъ я въ лицѣ разстроился,—спрашиваетъ:—Что, говоритъ, служивый, съ тобой?—„Тише, говорю,—барышня-то померла".—Тутъ дѣвка эта,—и дѣвка то, надо сказать, гулящая была, съ проѣзжающими баловала,—а тутъ какъ всплеснетъ руками, да какъ заплачетъ, и изъ избы вонъ. Взялъ и я шапку, да и самъ вышелъ,—слышалъ только, какъ старуха въ залѣ съ хозяйкой все болтаютъ, и такъ мнѣ этой старухи страшно стало, такъ страшно, что и выразить невозможно. Побрелъ я прямо по дорогѣ,—послѣ ужъ Ивановъ меня догналъ съ телѣгой, я и сѣлъ.

VI.

...Вотъ какое дѣло!.. А исправникъ донесъ, видно, начальству, что я къ ссыльнымъ ходилъ, да и полковникъ ***скій тоже донесъ, какъ я за нее заступался,—одно къ одному и подошло. Не хотѣлъ меня начальникъ и въ унтеръ-офицеры представлять. „Какой ты, говоритъ, унтеръ-офицеръ,—баба ты! Въ карцеръ бы тебя, дурака!" Только я въ это время въ равнодушіи находился и даже нисколько не жалѣлъ ничего!

И все я эту барышню сердитую забыть не могъ, да и теперь то же самое: такъ и стоитъ, бываетъ, передъ глазами.

Что бы это значило?! Кто бы мнѣ объяснилъ! Да вы, господинъ, не спите?

Я не спалъ... Глубокій мракъ закинутой въ лѣсу избушки томилъ мою душу, и скорбный образъ погибшей дѣвушки вставалъ въ ней подъ глухія рыданія бури...

Вл. Короленко.

1880 г.
Вышній Волочокъ.

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ

(Изъ дневника народной учительницы).

—

I.

Въ тотъ годъ, когда я кончила гимназію, широкая полоса угрюмыхъ лѣсовъ, живописныхъ холмовъ съ горными рѣчушками, убогими деревушками совсѣмъ отрѣзала меня отъ всего Божьяго міра. Я поступила въ горское народное училище N—скаго земства. Училище, это—маленькій, сѣренькій домикъ съ посѣдѣвшею крышей, съ тусклыми окнами. Горки—совсѣмъ небольшая деревушка, всего дворовъ въ сорокъ. Глухою стѣною окружаетъ ее сосновый лѣсъ. У самой опушки стоитъ горская школа. Два оконца моей квартирки сиротливо смотрятъ на длинную просѣку, на бѣлоснѣжномъ коврѣ которой иногда въ зимнія ночи воютъ голодные волки. За то высокія сосны и ели привѣтливо протягиваютъ въ окна школы свои мохнатыя лапы...

Не могу забыть того дня, какъ однажды на святкахъ я уступила настойчивымъ просьбамъ моей маленькой арміи и устроила имъ хорошенькую, кудрявую елочку. Мы обвѣшали ее игрушками, тѣми самыми игрушками, которыя забавляли меня въ дѣтствѣ и которыя у меня сохранились, благодаря заботамъ любимой матери. Зажглись свѣчи, заблестѣли золотые орѣхи, и неудержимый восторгъ засіялъ въ глазенкахъ дѣтворы! То-то было веселье, радость у моей лапотной семьи! Кто-то билъ въ маленькій барабанъ, кто-то трубилъ въ картонную трубу... Школа моя пѣла, плясала и сіяла небывалымъ свѣтомъ... Я заразилась безпечнымъ торжествомъ дѣтворы и вмѣстѣ съ ней, казалось, пережила въ эту ночь свое милое, безвозвратное, счастливое дѣтство! Я вмѣстѣ съ ними кружилась, заплетала плетень, а старая бобылка, бабушка Ѳекла, школьная сторожиха, стоя у порога, глядя на меня, добродушно покатываясь со смѣху, то и дѣло съ удивленіемъ ударяла себя по бедрамъ. Сѣдой, горбатенькій деревенскій караульщикъ, точно старый годъ, какимъ его рисуютъ на картинкахъ журналовъ, охалъ отъ изумленія у печки, и въ его вы-

цвѣтшихъ, холодныхъ глазахъ искрились слезы умиленія. Помню какъ онъ вымолвилъ отъ чистаго сердца, схвативъ мою руку въ свои жесткія, костлявыя руки:

— Оживила ты меня... стараго. Совсѣмъ оживила! Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, барышня... Богъ-то... Богъ-то гдѣ привелъ моихъ внучатъ видѣть!

Да, никогда не забуду этой елки! Дѣтвора тоже долго ее помнила и жалѣла, когда ее сожгли въ печкѣ, потому что ужъ очень холодно было въ моей квартиркѣ. Кругомъ весь лѣсъ былъ барскій, крестьяне покупали каждый прутикъ, такъ что всегда урѣзывали отопленіе школы. А въ ней было такъ холодно, что Анюта Воронцова, моя ученица, придя разъ вечеромъ играть въ мои старыя куклы, схватила ихъ и потащила на печку.

— Замерзли, поди, сердечныя... барыни-то. Погрѣйтесь на печкѣ!

Не выходитъ у меня также изъ головы одна зимняя вьюжная ночь, когда за окнами особенно сердито шумѣли старыя сосны, одѣтыя въ бѣлоснѣжную парчу, въ изумрудныя, жемчужныя короны, а у меня собралась дѣтвора, и мы читали какую-то сказку про лѣсныхъ богатырей, рыцарей и лукавыхъ вѣдьмъ... Лѣсъ шумѣлъ, лѣсъ стоналъ и проносился по нему точно гулъ орудій или звонъ мечей, точно бились въ немъ сказочные богатыри и рыцари, а отъ страха выли и визжали старыя вѣдьмы. Дѣтишки ночевали у меня въ эту ночь.

— А то одной-то тебѣ скучно... страшно... — мурлыкали они возлѣ меня.

И ночь прошла въ волшебной сказкѣ, гдѣ тонуло мое одиночество, гдѣ жизнь казалась такой чистой и жизнерадостной. Тепло и уютно было въ обществѣ этихъ маленькихъ людей, которыхъ нашъ попечитель, земскій начальникъ Завадинъ, почему-то прозвалъ „маленькими скиѳами".

Когда я объяснила дѣтямъ значеніе слова „скиѳъ", они обидѣлись, а одинъ мальчуганъ даже сердито выкрикнулъ:

— Самъ-то онъ скиѳъ!

Этотъ попечитель былъ для нашей школы совершенно лишнимъ балластомъ. Я всегда удивлялась, читая доклады училищнаго совѣта очередному уѣздному земскому собранію, за что собраніе благодаритъ его, какъ попечителя школы? Почему онъ можетъ безнаказанно глумиться также и надъ правами и честью учителей?.. По его одному заявленію ихъ могутъ мѣнять, какъ перчатки. Вздумай кто изъ насъ не поклониться ему, когда онъ торгуетъ свѣчами въ церкви!.. Твердо должны мы памятовать правило: „прежде всего поклонись въ церкви г. Завадину, а потомъ ужъ Господу Богу и всѣмъ святымъЕго"... До меня въ горской школѣ три года учила другая учительница, моя хорошая знакомая, для которой школа была то же, что и для меня,—осо-

бый мірокъ, куда она вложила свою душу. И вотъ,—разсказывала она мнѣ,—когда тощая кляча потащила ее изъ Горки, вся дѣтвора высыпала на улицу, хлопала въ ладоши, плясала и кричала:

— Слава Богу! Слава Богу... Больше учиться не будемъ!

Она остановилась, подозвала одного паренька и спросила:

— Чему же вы радуетесь?

— Мужики на сходѣ баяли, что ты дровъ много жгла... что съ бариномъ... съ земскимъ... не дружно жила... а онъ обчество прижималъ... чтобы тебя выжило...

— Я не обидѣлась ни на ребятъ, ни на горскихъ мужиковъ,— говорила мнѣ подруга,—я только жалѣла ихъ, зная, что всесильный „прижимъ" гнететъ не одну деревню Горки, а добрую половину убогой деревенской Руси.

И, утѣшая меня, она, говорила:

— Не унывайте, вѣрьте, что настанетъ часъ, когда этотъ „прижимъ" сойдетъ со сцены, когда восторжествуютъ справедливость и свѣтъ.

И я не унывала: я полюбила дѣтвору, вѣря, что въ сердцѣ этихъ маленькихъ людей есть искры, которыя разожгутъ въ будущемъ благородное пламя чистыхъ порывовъ...

Съ земскимъ я зажила „дружно", т. е. совсѣмъ не обращалась къ нему, какъ къ попечителю, покупая на свои средства всякую школьную мелочь...

Въ видѣ вступленія къ дневнику учительницы, попытаюсь обрисовать нѣсколько типовъ учениковъ.

II

Северіонъ Крыльцовъ—сынъ волостного судьи, бойкій, живой, любознательный мальчикъ изъ старшаго отдѣленія. Когда онъ разсказываетъ что-нибудь, его черные до того, какъ угли, вдумчивые глазенки разгораются огонькомъ, голова поднимается кверху, и весь онъ превращается въ порывъ и движеніе, точно у него вдругъ выросли крылья, и онъ вотъ-вотъ полетитъ въ заоблачную высь, гдѣ такъ часто блуждаетъ его мысль, иногда возбужденная прочитанной сказкой. А до сказокъ онъ большой охотникъ. Когда читаю ему сказки, онъ прижмется ко мнѣ и слушаетъ, облокотившись на парту, глядитъ на меня своими „огоньками"... Необыкновенно впечатлительный мальчикъ. Иногда разсказываетъ свои сны, умѣетъ наблюдать. Никогда не обижается на товарищей, если тѣ трунятъ надъ нимъ, а это иногда бываетъ. У него часто выпадаетъ изъ-за рубахи мѣдный крестъ. Ребятишки иронически замѣтятъ ему:

— Г. волостной судья, уберите свой крестъ, а то очень ужъ сіяетъ, какъ на Суворовѣ...

Другіе добавятъ съ хитрой улыбкой:

— Не троньте его... обидится, да и припомнитъ... засудитъ въ рестанскую.. Начальство тоже!..

Северіонъ добродушно ухмыльнется, вспыхнутъ его глазенки, и онъ отвѣтитъ бойко:

— Только дурачковъ засуживаютъ, а умные-то сами не промахнутся!

Моя маленькая аудиторія дружно захохочетъ, точно прозвенитъ колокольчиками.

А вотъ Сосѣдкинъ... Это плотный, рослый паренекъ изъ старшаго отдѣленія, съ всклоченной русой шевелюрой и высоко выбритымъ затылкомъ... Я не могу безъ улыбки смотрѣть на него, когда онъ разсуждаетъ... Вотъ онъ молчитъ, каріе глазенки блуждаютъ гдѣ-то далеко, но вдругъ онъ вскакиваетъ, разводитъ ручонками и выпаливаетъ съ улыбкой:

— А скажите-ка мнѣ, почему это на лунѣ въ родѣ рожи... вонъ... какъ у Николки Храмова?

Классъ фыркаетъ... Даже безобидно хихикаетъ и Николка Храмовъ, пузанъ изъ младшаго отдѣленія.

Я улыбаюсь, объясняю, и духу не хватаетъ упрекнуть за остроту... Онъ—сынъ раскольника. Кромѣ него въ семьѣ—пятеро ребятишекъ. Въ школу пускаютъ его охотно, кормятъ хорошо, только одѣваютъ плохо,—ну, да онъ никогда не унываетъ!

Однажды во время чтенія Сосѣдкинъ ни съ того, ни съ сего дернулъ меня за рукавъ и сказалъ:

— Приглядитесь-ка хорошенько къ головѣ Храмова...

— Ну, приглядѣлась, и что же?

— Онъ походитъ на хлѣбное дерево... Помните... читали намъ о тропическихъ растеніяхъ...

И немножко скучное, утомительное чтеніе оживилось вдругъ веселымъ, ободряющимъ смѣхомъ маленькихъ людей...

Началось чтеніе. Сосѣдкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ и ловилъ каждое мое слово.

Ваня Коньковъ... Милое, талантливое созданіе! Бѣлокурый малышъ съ широкою грудью, бѣлымъ, полнымъ, пухленькимъ, какъ булка, личикомъ, съ розовыми щечками и умными, голубыми, какъ васильки, чистыми, какъ ясное небо, добрыми глазками... Сынъ плотника, мѣстнаго крестьянина, — единственный сынъ и лучшій ученикъ въ моей школѣ.

Дома никто не мѣшаетъ ему учить уроки; питаніе хорошее, одѣваютъ чисто и тепло. Отецъ иногда приноситъ ему изъ города книжекъ „лубочнаго" изданія. Онъ всегда внимательно слушаетъ уроки и, что не пойметъ, сейчасъ же спроситъ и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не усвоитъ непонятнаго. Онъ страстно любитъ животныхъ, такъ что прочиталъ всѣ книжки Лункевича и Брэма, имѣющіяся въ школьной библіотекѣ...

Однажды онъ приходитъ ко мнѣ въ самомъ воинственномъ настроеніи и говоритъ:

— Я про Суворова читалъ...

— Гдѣ досталъ книгу?

— Отецъ изъ города принесъ...

— Ну, что же? Понравился тебѣ Суворовъ?

— Онъ на орла похожъ!

— Да вѣдь орелъ-то выклевываетъ глаза у маленькихъ дѣтей...

— Выклевываетъ...

— И онъ тебѣ нравится?

Коньковъ умолкъ, опустилъ глаза и черезъ нѣкоторое время воскликнулъ:

— А вѣдь и вѣрно... Онъ хищникъ...

Съ тѣхъ поръ онъ никогда не заикался о Суворовѣ. А разъ принесъ мнѣ такое стихотвореніе:

ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Идемъ мы. Все тихо, все тихо,
Деревья склонились лѣниво, лѣниво,
И снѣгъ подъ ногами скрипитъ,
Вдругъ сзади кибитка летитъ.
Колокольчикъ звенитъ заунывно,
И кони храпятъ чуточку слышно.
Идемъ мы все дальше, все дальше,
Больница попалась тутъ намъ,
Въ больницѣ свѣтилъ огонекъ,
И сторожъ стоялъ у воротъ,
У ногъ его лаетъ собака.
И, лапы засунувъ въ сугробъ,
Безумная лаетъ, да лаетъ,
А полночь все бьетъ
Да все бьетъ...

— Нельзя ли напечатать въ газетѣ?—спросилъ онъ, когда я прочитала стихотвореніе... Я объяснила, какъ умѣла, что нужно знать для того, чтобы писать стихи, и что такое талантъ...

— Постараемся!—пророчески выговорилъ онъ, уходя отъ меня немножко, повидимому, разочарованнымъ...

Васька Зміевъ... Это плутишка изъ старшаго отдѣленія, способный, но лѣнивый мальчикъ. Очень худъ, съ узкою грудью, съ высокимъ затылкомъ, блондинъ. Тонкія, блѣдныя губы постоянно сложены въ насмѣшливую улыбку. Онъ сынъ бѣдняка-бобыля. Часто не доѣдаетъ, зимой плохо одѣтъ и пропускаетъ уроки, особенно, когда отецъ уходитъ „сбирать по міру". Зимой въ лаптишкахъ, весной и осенью—босикомъ.

Иногда за дверью своей квартиры, когда ребята приходятъ мѣнять книжки, я слышу его голосъ...

Одинъ мальчуганъ говоритъ:

— Дала мнѣ книгу, да не нравится...

Тутъ Васька поучаетъ его шепотомъ:

— А ты скажи ей, что... молъ, читалъ я эту книгу... другую дастъ...

— А не заругаетъ?

— У-у... дуракъ... проси... чего тутъ...—и Васька просовываетъ за дверь голову и говоритъ мнѣ съ улыбкой:

— Да онъ читалъ эту книгу-то!..

— Чита-алъ... — робко лепечетъ за нимъ тотъ мальчуганъ.

Васька проталкиваетъ его ко мнѣ, а самъ стоитъ въ дверяхъ въ бѣлой рубахѣ, синихъ портахъ, лаптишкахъ, съ сумкой черезъ плечо и чертитъ пальцемъ по ладони, глядя на меня, съ насмѣшливой улыбкой, говоря:

— Все пишетъ... пишетъ...

Это онъ подражаетъ мнѣ... и смѣется.

Если я улыбаюсь, то мое настроеніе передается и Васькѣ...

Долго онъ сидитъ смирно, но лишь я улыбнулась,—онъ хватается за мою улыбку и передаетъ ее всѣмъ маленькимъ людямъ.

Если я серьезна, и Васька серьезенъ. Онъ иногда преслѣдуетъ меня своей ироніей... Часто ходитъ ко мнѣ въ комнату.

Придетъ, встанетъ у порога и осклабится, но не глупо, а иронически.

— Ты... что, Вася?

— У тебя больно хорошо здѣсь...

Я дамъ ему булку, книжку, и онъ уходитъ, непремѣнно что-нибудь подтрунивъ надъ мной. Онъ изучилъ мою походку и уходитъ, немножечко переваливаясь съ боку на бокъ...

Самый отчаянный, тупой и лѣнивый ученикъ—Зоринъ. Отецъ у него сильно пьетъ водку, сквернословитъ, бьетъ жену и сына. Семья бѣдная, разоренная. Зоринъ высокій, черноволосый мальчуганъ, съ маленькимъ носомъ, узкими, глуповатыми карими глазенками. Онъ злой, самолюбивый, задирчивый, неряшливый. Лѣтомъ тупымъ перочиннымъ ножомъ отрѣзываетъ головы у стрижей, когда тѣ забираются въ скворешни, гдѣ давятъ скворчатъ... Учится въ старшемъ отдѣленіи.

Однажды я оставила его безъ обѣда. Отецъ разсердился и запретилъ ему ходить въ школу...

Ребята встрѣтили его на улицѣ...

— Что, экзаменъ сдалъ?

— Студентъ прогорѣлый!—задразнили они его...

Онъ не то отъ стыда, не то отъ скуки опять пожаловалъ въ школу.

Никто такъ не озорничаетъ, какъ Зоринъ... Ни на кого нѣтъ столько жалобъ, какъ на него. Однажды онъ ударилъ одного мальчугана по головѣ желѣзной палкой... Это было на улицѣ, а

не въ классѣ, такъ что я не вмѣшивалась, предоставивъ разобраться родителямъ обоихъ мальчиковъ.

III.

6 марта.

Сегодня я прочитала моей маленькой аудиторіи „Побѣдители бури“. Послѣ уроковъ я вынесла модель маяка, поставивъ ее передъ дѣтворой на скамью, чтобы ее было хорошенько видно. Мнѣ хотѣлось узнать, у кого больше развита любознательность. Я замѣтила, что Северіонъ молча устремилъ на маякъ любопытные глазенки. Я вышла на нѣкоторое время, разсчитывая, что онъ, по примѣру прочихъ, долго не заглядится на модель, и когда вернулась, чтобы взять маякъ, Северіонъ держалъ его въ ручонкахъ, внимательно оглядывая со всѣхъ сторонъ, и засыпалъ меня вопросами:

— Изъ чего дѣлаются настоящіе маяки? На чемъ они укрѣпляются? Какъ подъѣзжаютъ къ нему, чтобы зажечь фонарь, если вы говорите, тутъ опасно плавать кораблямъ?

— Долго ли строютъ его? Почему онъ окрашенъ въ красную и желтую краску полосами?

— Какъ онъ можетъ спасать людей, если умретъ сторожъ, и какъ узнаютъ о томъ съ берега?

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаю, какъ это люди строятъ маякъ, когда кругомъ вода? Съ лодокъ, что ли? А вдругъ лодку-то отнесетъ водой?

Дѣти слѣдили за его вопросами и за моими отвѣтами... Находятся и другіе любопытные... Даже Зоринъ, протискавшись впередъ, моргая глазенками, что-то бормочетъ... Сосѣдкинъ паясничаетъ:

— И въ водѣ... и подъ водою... и на землѣ... и подъ землею.

Но никто не смѣется, всѣ внимательно слушаютъ и разглядываютъ маякъ.

Северіонъ силится, чтобы я поняла то, о чемъ онъ хочетъ знать.

На нѣкоторые вопросы я, къ стыду своему, не могла отвѣтить. Тутъ я мысленно упрекала и земство, не устраивающее намъ курсовъ, и гимназію, гдѣ знакомятъ насъ только съ верхушками знаній, гдѣ не даютъ намъ почти никакого понятія объ окружающей обширной и глубокой дѣйствительности...

Северіонъ не выпускалъ изъ рукъ модели, вертѣлъ ее, и если ничего не спрашивалъ, то приговаривалъ:

— Вотъ лѣсенка... ступеньки... по нимъ ходятъ такъ... такъ... такъ... потомъ въ двери... а тутъ сюда... сюда... вверхъ... Разъ... два... три... четыре... пять... шесть... ступенекъ.

— А чѣмъ модель склеена?—допрашивалъ онъ настойчиво и требовалъ объясненія каждой части. Я отвѣчала, а онъ соображалъ вслухъ:

— Сперва нарисуютъ... потомъ склеятъ...

Послѣ уроковъ онъ остался съ Коньковымъ въ классѣ: я дала имъ пересматривать морскіе раковины и камешки, имѣющіеся у меня въ школьномъ музеѣ.

— Какъ образуются раковины?—спрашивалъ Северіонъ...

А я не знала, что отвѣтить...

— Почему онѣ такъ окрашены?—допытывался онъ.

Опять молчаніе съ моей стороны и горькій упрекъ по адресу гимназіи, моей alma mater...

— Почему тутъ рубчикъ, тутъ дырочка? — не унимался онъ, растягивая вопросы спокойнымъ, сосредоточеннымъ тономъ.

Въ сравненіяхъ его я замѣтила наблюдательность. Напримѣръ, извѣстный видъ камешковъ онъ сравнивалъ съ муравьиными яицами.

Теперь я понимаю, почему онъ подолгу держитъ въ рукахъ янтари и другія вещи, которыя я показываю во время бесѣдъ. Раньше онъ молчалъ, и я мало обращала на него вниманія. Товарищи нерѣдко жалуются на него:

— Северіонъ все одинъ глядитъ, а намъ не даетъ.

Если бы были всѣ такіе ученики, какъ Северіонъ, то мы, учащіе, лучше бы сознали свое невѣжество, свою неподготовленность къ великому дѣлу народнаго просвѣщенія. Намъ самимъ надо учиться... Но гдѣ взять средствъ? Все это безплодная мечта!

17 марта.

Ваня Коньковъ съ самаго начала учебнаго года обнаруживаетъ любознательность къ животному царству. Онъ охотно разсказываетъ про птицъ и звѣрей и страстно любитъ слушать разсказы про животныхъ. Часто спрашиваетъ: „какъ они живутъ, и какой у нихъ характеръ?"

Всегда проситъ прочитать что-нибудь про животныхъ.

25 сентября.

Совсѣмъ было забросила дневникъ. Опять пишу.

Вчера пѣли хоромъ „Вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ"...

Ванѣ Конькову не понравился припѣвъ „ой жги".

— Какое глупое слово—„жги!" Что это за жги! Стыдно пѣть-то его!—говорилъ онъ...

Вчера вечеромъ играли въ лото, и Коньковъ въ шутку назвалъ казначея—членомъ управы. Коньковъ часто противорѣчитъ мнѣ. Онъ ко всему относится критически. Только совсѣмъ недавно сталъ при выборѣ книгъ изъ библіотеки руководствоваться моими совѣтами.

На дняхъ я для младшаго отдѣленія рисовала на доскѣ топоръ. Коньковъ подошелъ, посмотрѣлъ на рисунокъ и, улыбаясь,

замѣтилъ мнѣ, что я неправильно нарисовала топорище. По моей просьбѣ, онъ переправилъ его по своему. Сосѣдкинъ въ это время хохоталъ въ кулакъ, а Васька Змѣевъ иронически мнѣ подмигивалъ...

29 сентября.

Дѣвочка изъ средняго отдѣленія, Анюта Воронцова, не могла сообразить, кто собирается стаями, кромѣ обезьянъ.

Сосѣдкинъ замѣтилъ ей:

— Ахъ ты, Пиѳагорова таблица! Всѣ скоты собираются стаями, и ты въ числѣ ихъ...

Общій хохотъ.

Вотъ ужъ третій мѣсяцъ стоитъ у меня въ школѣ шкафъ съ вещами педагогическаго музея, и только сегодня одинъ изъ ребятъ рѣшился или, скорѣе, догадался спросить, что это за шкафъ и что означаетъ надпись на немъ: „музей“...

Я спросила Петю Костина, малыша изъ старшаго отдѣленія, почему никто не поинтересовался спросить о музеѣ.

Онъ, не долго думая, отвѣтилъ:

— А я думалъ... это такъ!..

Онъ же сегодня прислалъ мнѣ письмо послѣ уроковъ съ своей сестренкой. Тамъ было четко написано (соблюдаю орѳографію):

„Ольга Ивановна! Бралъ я у васъ книги Суворова и Шинель. Суворовъ мнѣ очень понравился, Шинель тоже хороша. Но пришли мнѣ *Апанчу* да еще какую-нибуть. Да еще непришлете ли бумажки листочка три, да перышковъ троичку, да конвертъ мнѣ нужно. Петръ Костинъ“.

Я послала все, что онъ просилъ, за исключеніемъ „Апанчи“...

Не слѣдуетъ показывать интересныя картины младшему отдѣленію въ самые первые дни. Я показывала ихъ новичкамъ, и тѣ не могли сосредоточиться, особенно пузанъ Николка, котораго Сосѣдкинъ сравнилъ съ хлѣбнымъ деревомъ.

Старшему отдѣленію показывала таблицу „Косуля“.

Только одинъ Коньковъ обратилъ вниманіе на ея черепъ, помѣщенный внизу таблицы.

Въ младшемъ отдѣленіи оживленно проходитъ ариѳметика, а отъ оживленія происходитъ успѣшность занятій.

Но оживлять дѣтей можно только тогда, когда душа у учащаго спокойна, а это бываетъ не постоянно... Я спросила пузана Николку:

— Сколько ушей у березы?

— Семь!

Другой мальчуганъ:

— Восемь!

А Сосѣдкинъ слушалъ, слушалъ и воскликнулъ по адресу всего младшаго отдѣленія:

— Ахъ вы, ослиныя уши!

6 октября.

Вполнѣ добросовѣстно мои маленькіе люди могутъ работать три часа въ сутки, не больше. Конечно, они будутъ дѣлать, что угодно учащему, и читать, и писать, и заучивать, но это уже будетъ насиліе. Такимъ образомъ, занятія должны производиться съ 8 ч. утра до 11 ч. дня, т. е. до обѣда.

Сегодня младшее отдѣленіе читало по букварю. Нѣкоторыя дѣти забывались и читали слова съ конца, потому что до этого было три праздника, и ребята не читали ничего за это время. Ужъ очень много праздниковъ...

7 октября.

Младшимъ показывала игру въ домино. Думаю, что она развиваетъ глазомѣръ и механическое умѣнье считать.

Объясняла устройство ртутнаго термометра старшему отдѣленію. Дѣти были оживлены и много разспрашивали.

Когда я кончила объясненіе, Сосѣдкинъ воскликнулъ:

— Теперь я буду знать, какъ смотрятъ градусы! Теперь я каждый день буду смотрѣть ихъ на школѣ!

Егоръ Золотовъ, болѣзненный, малокровный, бѣлокурый мальчикъ, ученикъ старшаго отдѣленія, оглядывая термометръ, сознательно отвѣчалъ на мои вопросы. Когда я говорила въ обще-доступной формѣ о давленіи воздуха на человѣческое тѣло, то онъ первый объяснилъ, почему мы выдерживаемъ это давленіе. Онъ замѣтно развивается. Только Ося Шишкинъ, кудрявый мальчуганъ, подъ конецъ бесѣды не выдержалъ и сѣлъ въ сторонкѣ. У него была оспа, и послѣ болѣзни онъ началъ скоро утомляться. Остальные всѣ принимали дѣятельное участіе; даже всегда дикій, совсѣмъ глупенькій Крошкинъ, ученикъ средняго отдѣленія, и тотъ что-то говорилъ о термометрѣ.

Нужно хотя бы за свой счетъ (гдѣ ужъ на земскій!) запасти ртути, чтобы знакомить дѣтей съ ея свойствами. Сегодня получила письмо черезъ Крошкина отъ Сосѣдкина, который пишетъ мнѣ: „Ольга Ивановна! Пришлите, сколько можите, мрамурной и черной бѣлыми пятными бумаги. А если Вамъ не нужна, то присылайте всѣ, я вамъ сколько стоитъ заплачу, 5 что ли копѣекъ, это все равно хоть и больше. Сосѣдкинъ“.

Зачѣмъ ему она понадобилась, такъ и забыла спросить.

8 октября.

Читала библейскій разсказъ „Истинная мать“.

— Что значитъ „библейскій?“—спрашиваю весь классъ.

Молчаніе...

— Откуда взятъ этотъ разсказъ?

— Изъ библіотеки... — робко отвѣчаетъ кто-то изъ старшаго отдѣленія.

— А вы не слыхали ли отъ батюшки, что есть книга библія?

— Слыхали...

— О чемъ же въ ней написано?

— Это библіотека!—проговорилъ Зоринъ...

Другіе молчатъ, не поднимая рукъ... Пришлось объяснить за батюшку...

Они закидали меня вопросами: „какъ и гдѣ добываютъ ртуть, желѣзо..."

Не зная ни минералогіи, ни химіи, я не могла имъ отвѣтить.

Сегодня дѣвочка изъ средняго отдѣленія оставила на партѣ записку такого содержанія: „Ольга Ивановна! Пришлите мнѣ книжку, какую знаете, хоть большую или маленькую (это подчеркнуто). Если нальете мнѣ густыхъ чернилъ, то я возьму и книгу, и рисунки, а если не нальете, то не возьму. Анна Кроткова". Я сохраняю эти записочки, какъ интересную коллекцію свободныхъ отношеній между мною и дѣтворой.

Сегодня стригла волоса шестерымъ ученикамъ... Насѣкомыхъ масса...

13 октября.

Все старшее отдѣленіе начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ бесѣдахъ. Сосѣдкинъ часто остритъ. Северіонъ философствуетъ о „началѣ всѣхъ началъ", Коньковъ критикуетъ. Даже Зоринъ и совсѣмъ не развитый Крошкинъ даютъ разумные отвѣты, что меня радуетъ, пріободряетъ и поддерживаетъ во мнѣ ту вѣру, съ которой я начала работу въ школѣ. Сегодня прочитала „Тѣлесныя и духовныя потребности". Петя Костинъ въ одномъ мѣстѣ чтенія, когда нужно было догадаться, откуда взято выраженіе „не хлѣбомъ однимъ живъ человѣкъ", закричалъ въ увлеченіи:

— Э те-те-те!..—Это онъ вспомнилъ, что изъ Евангелія.

Коньковъ передразнилъ его.

Я люблю, когда дѣти чувствуютъ себя свободно. Они тогда лучше соображаютъ и не утомляются. Всѣ начали интересоваться книгами. Только Крошкинъ что-то помалкиваетъ.

Сегодня получила курьезное извиненіе отъ Северіона.

„Записка. Прошу я васъ О. И., что я не отпросился уѣхалъ на базаръ, вы ужъ не безсути. Ежели рано пріѣду, то приду. А если къ вечеру, то я не приду. Вы не думайте, что я уроки не выучилъ. И затѣмъ кланіюсь. Еще товарищу моему Конькову по прозванью Ломоносову ему ни-иска кланіюсь. Северіонъ Крыльцовъ".

30 октября.

Вчера и сегодня читала брошюру о томъ, „какъ люди научились писать".

Северіонъ меланхолически замѣтилъ:

— Я каждый день думаю объ этомъ, какъ ложусь спать такъ и думаю, какъ это они додумались?

Вчера онъ хотѣлъ узнать, какъ поднимаютъ парусъ. Я не могла удовлетворить его желаніе... Сегодня онъ допытывался у меня, какъ велики окна у корабля. Я этого тоже не знала... Подъ руками нѣтъ энциклопедическаго словаря, а слѣдовало бы имѣть его для каждой школы, чтобы не быть невѣждой передъ маленькими людьми.

1 ноября.

Когда прочитала среднему отдѣленію „Дѣдушка Мазай", всѣ разомъ воскликнули:

— Очень хорошо! Ухъ, какъ хорошо!

Золотовъ прислалъ мнѣ письмо такого содержанія:

„Прошу я васъ, Ольга Ивановна, пришли мнѣ книжечку хорошеньку Святую. Благодарю васъ на чернилахъ, больно хороши. Покорнѣйше прошу я васъ пришли мнѣ рисуночекъ хорошенькій да еще толстой бумажки для рисованія. Я за это за все поблагодарю васъ. Да еще пришлите вешнія Всходы для списованія стиховъ. Писалъ Золотовъ".

Меня развлекаетъ такая почта, и я забываю, что живу въ угрюмыхъ лѣсахъ, куда настоящая почта ходитъ три раза въ мѣсяцъ... Письма дѣтей замѣняютъ мнѣ письма подругъ, знакомыхъ и родныхъ, пишущихъ о сплетняхъ да о томъ, какъ трудно живется на свѣтѣ Божьемъ...

2 ноября.

Вчера окончила читать „Антонъ Горемыка". Послѣ экзекуціи надъ женой Антона, дѣти только въ первый разъ, повидимому, поняли смыслъ крѣпостного положенія. Ихъ поразило то обстоятельство, что „отойти отъ помѣщика нельзя". Они долго сидѣли, задумавшись. Когда читала о „потравахъ", они заговорили почему то о своемъ помѣщикѣ и раскраснѣлись отъ волненія, а Зоринъ показалъ даже кулакъ по адресу помѣщика...

5 ноября.

Сегодня въ первый разъ разсказала старшему отдѣленію о солнечной системѣ. Хотѣла въ этотъ же разъ объяснить о затмѣніи, но оказалось невозможнымъ, потому что разсказъ, по обыкновенію, перешелъ въ бесѣду, затянувшуюся до сумерекъ. Дѣти засыпали меня вопросами. Мои объясненія они иногда иллюстрировали народными суевѣріями. Разсказъ мой былъ плохо связанъ, но они поглощали каждое слово съ жадностью. Нѣкоторые вопросы дѣтей меня смущали, потому что я не могла дать на нихъ отвѣта. Вотъ болѣе или менѣе характерные изъ вопросовъ:

— Какъ люди могли жить, ежели земля была расплавлена?

— Куда вознесся Христосъ?—спросилъ Васька Зміевъ, смотря на меня съ какимъ-то озадаченнымъ выраженіемъ и безъ иронической улыбки, почти никогда не сходившей съ его тонкихъ губъ.

А Зоринъ вопросительно выкрикнулъ, оглядывая всѣхъ безпокойнымъ взглядомъ, впервые свѣтившимся мыслью:

— А какъ же люди-то на землѣ появились?..

Такъ и не успокоился онъ за весь урокъ... Сильно мучилъ его этотъ вопросъ. Говорятъ, онъ сегодня спрашивалъ о томъ батюшку за урокомъ Закона Божія... Батюшка, вмѣсто отвѣта, нарвалъ ему уши и поставилъ на колѣни, заставивъ прочитать двадцать разъ „Отче нашъ“... Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ это время въ дѣтскую душу! Что было въ ней? Упрекъ по моему адресу за то, что я навела его на „вредную“ мысль, или горькая обида на батюшку? Можетъ быть, и то, и другое... Вечеромъ онъ боялся меня спрашивать и все молчалъ, когда я на классной доскѣ чертила солнечную систему...

6 ноября.

Спрашиваю старшихъ:

— Изъ чего состоитъ солнце?

— Изъ пара и керосина!—разомъ отвѣчаютъ они.

Это они газъ смѣшиваютъ съ керосиномъ...

Предлагаю Золотову вопросъ:

— Ты чѣмъ просвѣщаешься?

— Керосиномъ.

Всѣ молчатъ. Ни улыбочки. Васька Зміевъ ерзаетъ на своемъ мѣстѣ, думаетъ что-то.

Пришлось объяснять. Послѣ этого общій смѣхъ по поводу керосина.

Вечеромъ прочитала „Ванька Жуковъ“ (разсказъ Чехова).

— Что ты скажешь о Ванькѣ? — интересуюсь мнѣніемъ Конькова.

— Онъ былъ безумный... — вымолвилъ Коньковъ съ сожалѣніемъ въ голосѣ.

Среднему отдѣленію читала разсказъ Тургенева „Старикъ“. Присутствовали и старшіе. Когда дошли до того, какъ старикъ каталъ въ беззубомъ рту горошину, многіе засмѣялись. Северіонъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Ну, и чего смѣетесь? Совсѣмъ не смѣшно, а жалко даже... беззубый дѣдушка-то... и мы такими будемъ!..

Въ среднемъ отдѣленіи при чтеніи попалось слово „правда“. Разговорились. Я поучительно замѣтила:

— Хорошо тому, кто говоритъ всегда правду.

— Не всегда...—бунчитъ Северіонъ.

— Почему?

— За правду-то наказываютъ...—продолжаетъ онъ.

— Вонъ меня батюшка за уши отодралъ... коли о правдѣ-то я спросилъ...—плаксиво проговорилъ Зоринъ.

Васька Зміевъ фыркнулъ, и всѣ захохотали.

Коньковъ послѣ этого сказалъ съ оживленіемъ:

— Нѣтъ, правда всетаки лучше. Вѣдь душа-то не умретъ. За правду-то и Богъ страдалъ!

При чтеніи встрѣтилось выраженіе: „ты человѣкъ“.

Васька Зміевъ ударилъ себя кулаченкомъ въ грудь и выговорилъ:

— Я че-ло-вѣкъ... потому что во мнѣ душа!

— Да по-олно, человѣкъ ли ты?!—протянулъ по его адресу Сосѣдкинъ.

Всѣ хохочутъ.

Я спрашиваю маленькаго пузана Николку:

— А ты человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Кто же ты?

— Я медвѣдь...—острить онъ при общемъ смѣхѣ. Мы недавно читали что-то про медвѣдя: это онъ даетъ мнѣ понять, что не забылъ прочитаннаго...

Съ захватывающимъ вниманіемъ слушали сегодня вечеромъ Тургеневскій „Бѣжинъ лугъ“...

Крошкинъ, совсѣмъ дикій Крошкинъ, подалъ мнѣ сегодня свое сочиненіе. Вотъ оно: „Одинъ разъ я ходилъ за зайцами: увидалъ два зайца, погнался за ними и ни одного не поймалъ, а только измаился и усталъ. Пришелъ домой; меня мать ругаетъ, и говоритъ: ахъ ты дуракъ, пошелъ за зайцами, а нисколько не поймалъ. И заставляетъ урокъ. Я сѣлъ за урокъ, а когда я выучилъ урокъ опять пошелъ за зайцами и не одного не поймалъ, пошелъ домой, дальше-то ужъ и не знаю какъ. Крошкинъ“.

Я долго смѣялась, читая это сочиненіе, въ которомъ видна вся натура Крошкина. Онъ часто говоритъ, говоритъ и вдругъ оборветъ рѣчь, разведетъ руками и спрашиваетъ вопросительнымъ взглядомъ: „что, молъ, дальше-то говорить?“

8 ноября.

— Наше село тоже оазисъ!—сказалъ сегодня Сосѣдкинъ.

— Почему?

— Есть рѣчка... лѣсъ... и люди... какъ въ Сахарѣ... помните, вы читали намъ... давно... совсѣмъ давно...

Иногда бываетъ у насъ странное затишье: мало рисуютъ, не поютъ, не спрашиваютъ, флегматически слушаютъ, разсѣянны, задирчивы и ничѣмъ не интересуются. Пріятно, когда кто-нибудь окликнетъ меня:

— Посмотрите-ка, Ольга Ивановна, что это у меня въ книжкѣ написано, я не пойму!

Я замѣтила, что старшіе, въ разговорѣ со мной чуть не къ каждому слову прибавляютъ мое имя.

13 ноября.

Сегодня ребятишки переписали мнѣ ту молитву „на сонъ грядущій“, которую ихъ заставляютъ заучивать родители. Если дѣти не знаютъ ея, родители ихъ бьютъ.

„Ложусь я раба (имя)
Богу помоляся, перекрестяся
Отъ Духа Святаго, отъ печати Христовой
На мнѣ есть кресть Господень..
На крестѣ написано
Лука и Маркъ
Якимъ и Анна
Никита мученикъ
За насъ грѣшныхъ Богу молится...
Спать ложуся
Крестомъ гражуся,
Ангела призываю
Лукаваго отгоняю. Аминь".

15 ноября.

Читала среднему отдѣленію сказку Гримма „Храбрый портняжка". Слушали и старшіе. Всѣ смѣялись, а Золотовъ такъ и захлебывался своимъ болѣзненнымъ смѣхомъ. Его смѣшило то обстоятельство, что сказочные великаны не могли понять, откуда летѣли камни.

Коньковъ настаиваетъ на томъ, что онъ выучился рисовать безъ подготовительныхъ занятій по сѣтке, безъ моего руководства.

Старшее отдѣленіе стало обращать вниманіе при чтеніи на названіе мѣръ вѣса, пространства. Это началось съ того времени, когда дѣти стали читать о животныхъ. Пришлось показать имъ метръ, и съ помощью его они опредѣляли величину животныхъ и удивлялись. Даже Зоринъ началъ интересоваться животнымъ царствомъ, тотъ самый Зоринъ, который такъ любилъ раззорять гнѣзда!

Читала о гадахъ и показывала гадюку, хранившуюся въ музеѣ въ склянкѣ съ формалиномъ. Изумленію, вопросамъ, разсказамъ не было конца!

16 ноября.

Северіонъ знаетъ портреты многихъ писателей. Славянскій языкъ—самый трудный урокъ въ старшемъ отдѣленіи.

Сегодня Коньковъ критически замѣтилъ:

— Зачѣмъ это въ церкви по-славянски служатъ? Вѣдь не каждая баба понимаетъ, что значитъ „як", „иже"... Надо бы по-русски... а то другая баба придетъ въ церковь и ничего не понимаетъ... Какое тутъ моленье!

Сосѣдкинъ добавилъ:

— У татаръ—и то лучше. Они понимають по своему-то...

Сегодня дѣти въ сотый уже разъ спрашивали меня: „отправлена ли экспедиція на сѣверный полюсъ?" Чаще всѣхъ этотъ вопросъ затрагивается Северіономъ.

Сегодня получила странное письмо изъ города отъ матери. Она пишетъ: „На дняхъ у меня была попадья изъ вашего прихода и говорила, что все интеллигентное общество окружающихъ

тебя деревень порицаетъ тебя за то, что къ тебѣ часто ходитъ, у тебя пьетъ чай и ужинаетъ мальчикъ Зміевъ... Васькой его зовутъ... Смотри... попадья говоритъ, *что мальчикъ на возрастѣ...* Смотри, такую сочинятъ сплетню, что не приведи Господи, обвинятъ еще въ безнравственности... Затѣмъ попадья же говорила, что къ тебѣ часто ѣздитъ какой-то учитель изъ села Солодка и засиживается у тебя до ночи... Смотри, всѣ смѣются, что-то подразумѣваютъ... Попадья, писариха и жена фельдшера ужъ не смѣютъ къ тебѣ ѣздить въ гости, считая тебя не совсѣмъ-то скромной дѣвушкой...“

Такъ меня растревожило это письмо, что я не устроила вечернихъ бесѣдъ. Я забилась въ свою комнатку, упала на кровать и задала ревку... Въ первый разъ за всю мою любовь къ маленькимъ людямъ я получила такой горькій упрекъ отъ здѣшняго общества, называющаго себя интеллигентнымъ... Господи, какъ тяжело! Они успѣли уже оклеветать меня этакою гнусною ложью! Сначала, по прочтеніи письма, я почувствовала разочарованіе въ своемъ дѣлѣ: вотъ, молъ, моя работа, вотъ любовь къ дѣтямъ, вотъ и отдавай имъ свою душу — вотъ награда тебѣ отъ людей, отъ общества! Но потомъ я взвѣсила все и рѣшила, что не стоитъ такъ убиваться и отчаяваться. Во-первыхъ, потому, что я не ищу никакой награды, а во вторыхъ—какое, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, общество? Стоитъ ли обращать на него вниманіе? Они всѣ такъ ограничены, что положительно недалеко ушли отъ того стола, за которымъ играютъ по вечерамъ въ „дураки“ и „свои козыри“, или отъ пузатаго графина съ водкой, къ которому такъ усердно прикладываются!..

17 ноября.

Во время перемѣны кто-то изъ средняго отдѣленія спорилъ:

— Пушкинъ лучше всѣхъ писателей...

— Нѣтъ, Крыловъ лучше...

— Да что твой Крыловъ, онъ всего-то написалъ три басни.

Всѣ смѣются...

— А всетаки Крыловъ лучше, хоть и немного написалъ...

Вечеромъ читала стихи Никитина и обратила вниманіе на слова: „убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна“.

— Вѣдь правда?—спросила я...

— Правда!—отвѣтили нѣкоторые.

— А мнѣ—нужна...—возразила я...

Северіонъ поглядѣлъ на меня, сообразилъ что-то и горячо воскликнулъ:

— Только *тогда* онъ не нуженъ былъ никому!

На глазенкахъ его блестѣли слезы, а губы дрожали...

18 ноября.

Сегодня Северіонъ въ классѣ заявилъ мнѣ:

— Я знаю, почему дни такъ называются: понедѣльникъ, вторникъ...

— Почему?

— Понедѣльникъ — первый день... вторникъ — второй... четвергъ—четвертый...

— Откуда ты это узналъ?

— Я самъ додумался...

Онъ же высказалъ мнѣніе, что надо „жалѣть" иностранцевъ:

— Всѣ, какъ и мы, произошли отъ Адама и Евы...

19 ноября.

Вечеромъ показывала портреты нѣкоторыхъ писателей и, между прочимъ, сообщила, что Достоевскій былъ въ каторгѣ.

Дѣти жалѣли его...

— Сердешный...—проговорила какая-то изъ дѣвочекъ.

— А за что онъ туда попалъ?—спросилъ Зоринъ...

— За что?.. знамо, за правду!—совершенно серьезно вымолвилъ Северіонъ...

Ребятишки переглянулись и вопросительно уставились на меня своими глазенками...

20 ноября.

Въ классѣ повѣсила портретъ Жуковскаго.

Северіонъ много разъ повторялъ:

— Люблю я Жуковскаго! Онъ мнѣ больше всѣхъ нравится!

Читала басню Крылова „Мартышка". Дѣти думали, что это птица...

Сосѣдкинъ выпросилъ у меня популярную „Астрономію", увидѣвъ, что я часто читаю эту книгу и по вечерамъ смотрю на небо. Книга громадная, недоступная, а потому я отмѣтила ему прочитать только нѣкоторыя части. Онъ пришелъ сегодня сіяющій и сталъ разсказывать о прочитанномъ. Особенно на его воображеніе повліяло повѣствованіе о смерти Дж. Бруно.

— За правду его сожгли! За то, что онъ сказалъ, что земля вертится вокругъ солнца, за это его сожгли! — говорилъ онъ и качалъ головой не то съ изумленіемъ, не то съ искренней дѣтской горестью...

21 ноября.

У насъ въ школѣ батюшка дерется. Этакій-то большущій! Съ такими громадными руками и высокимъ лбомъ... Бьетъ маленькихъ людей! Даетъ имъ щелчки, подзатыльники, дергаетъ за уши и ставитъ на колѣни! Страшно подумать...

22 ноября.

Сегодня одинъ ученикъ младшаго отдѣленія такъ прочелъ Богородицу:

— Боголодица дѣва ладуйся... сплава... налѣво... дусь намъ... помилуй насъ грѣшныхъ!..

Вся аудиторія захохотала, а мальчикъ испугался...

Оказывается: слова „справа“ и „налѣво“ онъ включилъ въ текстъ молитвы, когда отецъ училъ его креститься...

23 ноября.

Вчера прочитала книжку о холерѣ. Сосѣдкинъ, узнавъ, какъ обеззараживаютъ вещи, заявилъ:

— Какъ явится у насъ холера, такъ сбѣгаю къ фершалу, возьму у него карбовки и всю деревню опрыскаю! Вотъ старухи-то загнутъ носы... скажутъ: „благой запахъ!..“

Сегодня Северіонъ поддѣлъ меня...

Я говорю: „земляками называются тѣ люди, которые живутъ на одной землѣ“... А онъ—иронически:

— Земля-то вѣдь одна...

24 ноября.

Вечеромъ читала „Неразлучники“,—разсказъ Засодимскаго. На чтеніи были старшіе и средніе, даже приходили двое изъ окончившихъ школу два года тому назадъ. Впечатлѣніе отъ разсказа получилось сильное, нѣкоторые плакали... Золотовъ послѣ чтенія лепеталъ:

— Какъ дошли до этого... какъ... какъ дошли... такъ у меня слезы-то...

Одинъ мальчуганъ пожелалъ взять эту книжку домой, чтобы прочитать ее своему отцу и бабушкѣ.

Дѣти допрашивали меня:

— Правда ли то, что тутъ написано?

Я увѣрила ихъ, что это быль, чтобы не посѣять въ чистой нѣжной душѣ зерна разочарованія въ художественномъ вымыслѣ и въ поэтическихъ образахъ, благотворно дѣйствующихъ на воспитаніе каждаго человѣка.

При частомъ чтеніи о жизни животныхъ у дѣтей появляются въ обиходѣ и слова изъ этого міра. Сегодня Коньковъ замѣтилъ Васькѣ Зміеву:

— Ты... какъ кэнгуру, вертишься!

Этотъ же Коньковъ, начитавшись Пушкинской „Полтавы“, принесъ сегодня второе стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Война“. Я его прочитала вслухъ всему классу; Коньковъ при этомъ конфузливо закрывалъ лицо руками.

Вотъ стихотвореніе:

Гремятъ, гремятъ раскаты грома,
Изъ нашихъ пушекъ дымъ клубится,
И врагъ бѣжитъ.
Насъ врагъ боится.
        Ура! ура! Насъ врагъ боится...
И славный часъ,
О, славный часъ!
Еще напоръ —
И врагъ сдается.
        Ура! ура! и врагъ сдается.

А вотъ и кончилось сраженье:
У нашихъ ушки на макушкѣ,
А турецкій генералъ идетъ
Отъ усталости ноги не идутъ...
Ура! Ура! и ноги не идутъ...
Коньковъ.

25 ноября.

Старшее отдѣленіе съ большимъ трудомъ заучиваетъ, что слово „ѣмъ“ пишется черезъ „ѣ“, а шелкъ черезъ „е“, а не черезъ „о“.

Послѣ уроковъ мы убили муху, чтобы изслѣдовать ее подъ микроскопомъ, взятымъ изъ педагогическаго музея.

Северіонъ морщился, когда я умерщвляла муху эфиромъ... Я успокоила его тѣмъ, что эфиръ убиваетъ мгновенно...

— И человѣка онъ можетъ убить? — любопытствовалъ Северіонъ.

26 ноября.

Вчера со старшимъ отдѣленіемъ бесѣдовала объ электричествѣ и производила нѣкоторые опыты. Восторгу, удивленію—не было конца,—спрашивали, разсказывали, постукивая около меня маленькими лапотками...

Крошкинъ торопился что-то высказать, стараясь завоевать мое вниманіе, но Сосѣдкинъ, гримасничая, перебивая его, кричалъ что-то...

Дѣти ничего не хотѣли принять на вѣру, на все требовали доказательствъ...

— Электричество уходитъ въ землю,—говорила я.

Золотовъ допытывался:

— А потомъ-то куда? Дальше-то что съ нимъ?

Объясняю, что знаю изъ физики Малинина-Буренина...

Черезъ нѣсколько минутъ, во время перерыва, онъ повторяетъ мое объясненіе нѣсколько своеобразно, но вѣрно, съ вдохновеніемъ и жестикуляціей.

— Въ каждую кро-о-ше-чку электричество-то расходится! — восклицаетъ онъ нѣсколько разъ.

— Электричество развивается отъ тренія, — продолжаю я, предварительно объяснивъ имъ, что названіе „электричество“ произошло отъ греческаго слова „электронъ“, — янтарь.

Золотовъ не довольствуется моими объясненіями:

— А въ облакахъ-то отчего происходитъ электричество? — спрашиваетъ онъ и совершенно успокоивается послѣ моего отвѣта.

Чтобы объяснить имъ, что громъ слышится не одновременно съ молніей, говорю о томъ, какъ доходитъ звукъ до нашего слуха, между прочимъ—стукъ топора дровосѣка изъ лѣсу.

Сосѣдкинъ выскакиваетъ изъ-за парты и божится, что онъ наблюдалъ это явленіе, хотя никто ему не противорѣчитъ.

— Я это всегда замѣчалъ, только не понималъ! Думалъ все... что, молъ, это за штука...—наивно повѣствуетъ онъ...

Когда заговорили про тучи, Крошкинъ вымолвилъ:

— Говорятъ, какъ двѣ тучи встрѣтятся, такъ и стукнутся...

Сосѣдкинъ, въ отвѣтъ, захохоталъ, всплеснулъ ручонками, засверкалъ глазами и, захлебываясь отъ сознанія, что знаетъ больше Крошкина, заговорилъ:

— А я самъ видѣлъ: какъ онѣ встрѣтятся, такъ одна пойдетъ низомъ, а другая верхомъ... Вотъ такъ... — и онъ показываетъ, какъ онѣ пойдутъ послѣ встрѣчи.

— Я самъ видѣлъ, просто много разъ видѣлъ! — твердилъ Сосѣдкинъ. Золотовъ интересовался электрической искрой:

— А если она въ глазъ попадетъ, тогда что будетъ? А какъ она проходитъ внутрь человѣка: видно, чѐрезъ сердце?

Когда я разсказывала о громоотводѣ, онъ сталъ высчитывать, сколько будетъ стоить устройство его надъ д. Горки:

— Шесть—пять рублей... рабочимъ за ямы... 7 рублей... провозъ... мастеръ... ну... да не дороже 100 рублей!..

Дѣти, между прочимъ, сказали мнѣ:

— Мы знаемъ, почему у каждаго двора вѣшаютъ ковыль!

— Почему?

— Въ него во время грозы прячется дьяволъ...

Я пыталась разсѣять это суевѣріе, но религіозный Северіонъ категорически замѣтилъ мнѣ:

— Ты, вонъ, и въ постъ-то ѣшь скоромное... А про дьявола батюшка говорилъ, что дьяволъ есть... безъ дьявола ни одно дѣло не обходится.

28 ноября.

На дняхъ между дѣтьми старшаго отдѣленія возникъ вопросъ о томъ, какая торговля удобнѣе: мѣновая или денежная. Во время горячаго спора по этому вопросу они раздѣлилась на двѣ партіи Коньковъ стоялъ во главѣ одной, Сосѣдкинъ во главѣ другой.

— Тебѣ, къ примѣру, надо книгъ,—кричалъ Коньковъ, дергая за рубашку Сосѣдкина,—а у тебя есть лапти... Вотъ ты и пойдешь мѣнять эти лапти на книгу, а чья книга, тотъ поглядитъ на твои лапти и скажетъ: „не нравятся они мнѣ, убирайся!“ Вотъ ты и поди! Да-а! А съ деньгами-то любо... что хошь!

Сегодня утромъ я еще не успѣла войти въ классъ, какъ ко мнѣ подскочилъ Сосѣдкинъ и доложилъ:

— Кабанъ не уступитъ въ борьбѣ льву... Кабанъ та же свинья, а ея всѣ не любятъ... не знаю за что...

Среди моихъ писемъ, бумагъ я разыскала стихотвореніе Барыковой „Пѣснь торжествующей свиньи“ и, при дружномъ хохотѣ дѣтворы, прочитала вслухъ:

— „Да, я—свинья!
И пѣснь моя въ хлѣву слышна

Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смѣло говорю: хрю-хрю!
Луны и солнца свѣтъ,
Цвѣтовъ благоуханье...
Пусть воспѣваетъ ихъ поэтъ,
Худое, жалкое, голодное созданье,
А я свинья! Хрю-хрю, до нихъ мнѣ дѣла нѣтъ.
Пусть брешутъ, будто есть какой-то воздухъ чистый,
Лѣсовъ зеленый шумъ, фіалокъ цвѣтъ и ландышъ серебристый,
Просторъ родныхъ полей,
Свобода, родина! Хрю-хрю... мнѣ хлѣвъ милѣй.
Къ чему намъ солнца свѣтъ?
Къ чему намъ запахъ розы?
Какъ будто бы нельзя отлично въ темнотѣ,
Впивая ароматъ питательный навоза,
Налопаться... хрю-хрю... и спать на животѣ...
— Что значитъ—родина? По моему—корыто,
Гдѣ пойло вкусное такъ щедро, черезъ край,
Для поросятъ моихъ и для меня налито —
Хрю-хрю! Вотъ родина! Хрю-хрю,— вотъ свѣтлый рай.
Есть много, говорятъ, другихъ свиней голодныхъ...
Такъ мнѣ-то что-жъ? Хрю-хрю... Была бы я сыта...
Какое дѣло мнѣ до бѣдъ и нуждъ народныхъ,
До поросятъ чужихъ? Все вздоръ, все суета!
Пусть гибнутъ дураки за бредни, „идеалы",
За стадо глупое обиженныхъ свиней...
И вовсе нѣтъ его. Насъ кормятъ до отвала,
Хрю-хрю! Все выдумки крамольниковъ-людей!
Пускай колбасники торгуютъ колбасою,
Изъ братцевъ и сестрицъ готовятъ ветчину.
Мнѣ что? Вѣдь я жива... Я жру свои помои
И слышу ревъ и визгъ и глазомъ не моргну...
Да, я—свинья!
И пѣснь моя въ хлѣву слышна
Всегда одна, звучна, ясна
И откровенности полна.
Я гордо, смѣло говорю: хрю-хрю!.."

Неудержимый хохотъ моей аудиторіи долго не давалъ Сосѣдкину что-то высказать. Наконецъ, онъ, не то извиняясь, не то соглашаясь со мною, сказалъ:

— Да, свинья... вѣрно... скверное животное! А вѣдь и люди въ родѣ свиньи бываютъ!

29 ноября.

Сосѣдкинъ, разглядывая дѣтскія книжки, говоритъ:

— Вѣдь это пудель... вотъ... на картинкѣ-то? Я узналъ, что это пудель... Я читалъ... А это вотъ буйволъ... Вотъ, если бы я не читалъ... ничего бы не зналъ!

Сегодня читали басню „Собака и Лошадь".

— Ну, кого разумѣть подъ собакой и подъ лошадью?—спрашиваю послѣ чтенія басни.

Молчаніе. Что-то соображаютъ.

— Собака что дѣлаетъ?

— Лаетъ...

— А главное-то?

— Сторожитъ наше добро...

— А лошадь?

— Возитъ... пашетъ...

— Такъ кто-же лошадь-то?

— Мы... крестьяне...

— А собака?

Ребята мнутся...

— Учительша! — шепчетъ Золотовъ, но Васька Зміевъ суетъ ему кулакомъ въ бокъ и ругаетъ шепотомъ:

— Што ты... дуракъ... ошалѣлъ!

Я молчу, даю волю догадкамъ.

— Дохтура... — сыплются отвѣты, — фершала, урядникъ, становой, земскій, попъ...

Пришлось сдержать дѣтскую „сообразительность" и, какъ слѣдуетъ, объяснить басню...

30 ноября.

При чтеніи разговорились о заграничной торговлѣ.

Коньковъ сказалъ, узнавъ, что такое пошлина:

— У русской страны нѣтъ денегъ, такъ вотъ она и придумала пошлины.

Затѣмъ встрѣтилось слово „студентъ".

— Что такое—студентъ?—задаю я вопросъ моей аудиторіи.

Сосѣдкинъ ерзаетъ, смѣется, гримасничаетъ.

— Ну, ты... что?

— У насъ студентами-то зовутъ самыхъ никчемныхъ людей... бѣглыхъ... воришекъ...—отвѣчаетъ онъ.

А Золотовъ вставляетъ увѣреннымъ тономъ:

— Я знаю, кого зовутъ студентами.

— Кого?

— Того, кто учится!

— Такъ... вы... студенты?

— Да, студенты!

Взрывъ дѣтскаго смѣха нарушаетъ напряженное вниманіе къ этому вопросу моей лапотной публики...

22 декабря.

Распустила учениковъ на каникулы.

Сегодня получила отъ инспектора выговоръ за то, что читала ученикамъ „Пѣснь торжествующей свиньи".

„Вы должны читать только басню Крылова: „Свинья подъ дубомъ вѣковымъ", а кромѣ этой басни—никакихъ".

Догадываюсь, что это батюшка донесъ...

Вотъ и работай, разматывай свою душу!

—

Тяжело, больно и стыдно за людей, вѣрнѣе—за мѣстную человѣческую породу.

27 декабря.

Святки. Сегодня раздумалась про школу. За все время не было въ ней воровства и другихъ пороковъ. Дѣти искренни, правдивы, не прячутъ отъ меня своихъ недостатковъ. Это меня радуетъ. Вѣроятно, изъ моихъ маленькихъ людей выйдутъ честрые, умные пахари. Северіонъ, Коньковъ, Золотовъ, Сосѣдкинъ, Зміевъ... ну, да развѣ могутъ выйти изъ нихъ плохіе граждане русской земли? Северіонъ морщился, напримѣръ, когда я муху убивала. А слезы-то, слезы при чтеніи разсказовъ? Ну, развѣ это не вѣрная гарантія хорошаго будущаго? Развѣ могутъ такія сердца измѣниться... забыть все... и меня... мою ласку... тихіе вечера скромныхъ бесѣдъ?.. Не можетъ быть!

7 мая.

Давно не вела дневника... Вотъ и экзамены. Всѣ сдали прекрасно, даже Зоринъ выдержалъ.

Какъ я рада, безконечно рада за своихъ питомцевъ! Передъ ними открылась дорога жизни... Куда-то они придутъ? Положимъ, изъ школы они вынесли мало: букварь... умѣнье писать съ грѣхомъ пополамъ. И то скоро забудутъ... Но пусть! Съ этимъ я готова помириться, только бы осталась въ нихъ хоть искорка моей „размотанной" души, моей искренности, правдивости, любви, того, что я вкладывала въ ихъ нѣжныя, чистыя души. Добрый часъ вамъ, мои друзья. Добрый часъ!

10 сентября.

Сегодня выдала похвальные листы Конькову, Северіону, Сосѣдкину, Золотову и Васькѣ Зміеву...

Ребята хотѣли заказать рамки, чтобы повѣсить свои награды на стѣнку. Они съ жизнерадостнымъ смѣхомъ понесли свои награды домой, сопровождаемые цѣлой арміей своихъ маленькихъ, любопытныхъ братишекъ и сестренокъ...

. . . .

IV.

Девять лѣтъ уже, какъ я не заглядывала въ этотъ старый дневникъ. Я его вытащила изъ своего „архива", который заброшенъ на пыльный чердакъ моей школы, гдѣ лежатъ кипы старыхъ тетрадокъ, классныхъ журналовъ и разбитыхъ грифельныхъ досокъ... Перечитываю, и былые дни встаютъ передо мной... Такъ и кажется, что я въ толпѣ дѣтворы, меня снова толкаютъ, спрашиваютъ, разсказываютъ, спорятъ, протестуютъ... Вотъ, читаю замѣтку за 7 мая: „они вышли изъ школы... Что-то они изъ нея вынесли?" Да, въ самомъ дѣлѣ, что вынесли?

Осталась ли въ нихъ та „искорка моей размотанной души, которую я вкладывала въ каждаго изъ нихъ?“

Я горько задумалась.

За это время всѣ мои маленькіе люди выросли, возмужали, одни женились, другія—вышли замужъ, третьи—служатъ „въ солдатахъ“, четвертые умерли... У многихъ есть уже свои „маленькіе люди“.

Вотъ Северіонъ Крыльцовъ... Ему теперь 23 года... Онъ женатъ уже пятый годъ, у него двое дѣтей. Онъ служитъ въ селѣ Выползовѣ помощникомъ волостного писаря. Недавно былъ въ Горкахъ, и я видѣла его, высокаго, красиваго парня въ поддѣвкѣ, проходившаго мимо школы съ другими парнями. Онъ былъ пьянъ и, заломивъ шапку, играя на гармоникѣ, басилъ хриплымъ голосомъ на всю деревню:

Я вечеръ ворота мазалъ
И пришелъ домой чумазый...
Меня тятька спросилъ:
Д'куда тебя чо-о-ртъ носилъ?..

Частушка закончилась сквернословіемъ. У меня точно морозъ пробѣжалъ по кожѣ, точно холодная змѣя перевернулась въ душѣ, и тяжелая мысль о судьбѣ моихъ учениковъ ледянымъ покровомъ легла на душу...

Что-то чистое, казалось мнѣ, вдругъ стало грязнымъ, воздухъ—мутнымъ, зловоннымъ, свѣтъ яркаго дня затмился...

Какъ-то разъ я позвала къ себѣ въ школу Крыльцова, усадила за столъ, гдѣ бурлилъ самоваръ, гдѣ было такъ тепло и уютно. Крыльцовъ пытливо слѣдилъ за мной своими черными, жгучими, красивыми глазами, сверкавшими еще тѣмъ огонькомъ, что освѣщалъ ихъ въ дни дѣтства. Я сняла со шкафа старый, запыленный, годами вытертый маякъ, тотъ самый маякъ, который былъ въ дѣтскихъ рукахъ Северіона.

— Помните ли вы... съ какимъ восторгомъ, съ какимъ оживленіемъ разсматривали эту модель девять лѣтъ тому назадъ... когда вы были совсѣмъ еще маленькимъ человѣкомъ? — спросила я, и сердце забилось во мнѣ, точно предчувствуя что-то страшное.

— О!—протянулъ онъ растроганнымъ тономъ.—Забавная была штука... Теперь не до этого... Забота обо всемъ... ребята пошли... хозяйство... служба... начальство строгое... кланяйся всѣмъ... ври тамъ, гдѣ бы правду сказать... Эхъ... жизнь-то не забава... она все вымететъ изъ души-то... все... и дѣтство... и совѣсть... и правду...—говорилъ онъ, точно на исповѣди, и эти признанія, не смотря на ихъ страшный, ужасный смыслъ, смягчали мое пораненное сердце, какъ истинная искренность погибшаго человѣка, одна только и уцѣлѣвшая отъ золотого дѣтства!

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ безнадежнымъ и, въ то же время, злымъ голосомъ:

— Чортъ бы взялъ эту жизнь...

— Зачѣмъ вы бросили учиться, Северіонъ? Вы были такой умный... талантливый... рѣдкій мальчикъ... у васъ была такая нѣжная душа... зачѣмъ?—тихо, ласково спросила я его, схвативъ за кончики пальцевъ, какъ бывало въ дѣтствѣ...

— Зачѣмъ! — захохоталъ онъ, и мнѣ стало больно, тоскливо, страшно отъ этого короткаго, дикаго смѣха.

— Зачѣмъ!? — повторилъ онъ уже безъ смѣха, совсѣмъ спокойно, грустно, мечтательно, какъ въ дѣтствѣ...—Да затѣмъ, что такъ надо было... такая наша жизнь... крестьянская... забытые мы люди... Вонъ... дѣти дворянъ на стипендіи учатся... а мы... глядите: весь я тутъ... совсѣмъ испохабился жизнью... А былъ... хорошимъ... и, можетъ быть, изъ меня вышелъ бы человѣкъ прочный, полезный... Эхъ, дорогая Ольга Ивановна... славная вы... не забылъ я васъ... нѣтъ, не забылъ...—говорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ...

Потомъ всталъ и, не допивая чай, направился къ двери...

— Постойте... Северіонъ... постойте! — какъ-то властно, по матерински, остановила его я.

— Ну... что еще? — сказалъ онъ, полуоборачиваясь. На глазахъ его блестѣли слезы, и онъ стыдился показать ихъ мнѣ: вѣдь онъ теперь мужчина, а для мужчины слезы — стыдъ, безсиліе, какъ для женщины—нагота ея...

Онъ заговорилъ вдругъ страннымъ, немного рѣзкимъ и грубымъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы напомнили мнѣ о дѣтствѣ? Жалко мнѣ его... Теперь я нечистый человѣкъ... Я много уже сдѣлалъ зла... Я беру взятки... я развратилъ не одну дѣвушку въ нашемъ селѣ... нѣмую Дуньку... знаете... ту самую Дуньку... помните... которая маленькой дѣвчуркой заходила къ намъ въ школу, въ надеждѣ, что вы и ее можете выучить... Вотъ... вамъ говорю... не боюсь васъ... Вы—святая... не такая, какіе всѣ здѣсь кругомъ... Будь они всѣ прокляты!.. Я жилъ съ ними, и они научили меня быть такимъ же злымъ, развратнымъ, негоднымъ человѣкомъ... Эхъ, Ольга Ивановна... пропащій я человѣкъ... Такъ, что ли?..

. . . .

Перелистываю дневникъ, точно разрывая могилу въ своей душѣ, гдѣ было зарыто все прошлое, надъ которымъ, словно памятникъ, стоитъ моя глубокая вѣра въ человѣка...

Дѣвочки... Однѣ вышли замужъ за богатыхъ, другія—за бѣдныхъ... однѣ—за пьяницъ, другія—за трезвыхъ, но всѣ за темныхъ, невѣжественныхъ людей. А одна... Анюта Воронцова... Та самая Анюта, которая играла моими куклами послѣ елки,—сдѣлалась проституткой и теперь сидитъ дома на печкѣ, боясь показаться

на улицу: у ней провалился носъ... Ея никуда не пускаютъ, она не знаетъ, что дѣлается на улицѣ, ей нѣтъ отъ родныхъ другого имени, кромѣ „стервы“, „сволочи“ и еще хуже... Кормятъ ее отдѣльно, какъ собаченку у порога, одѣваютъ въ лохмотья... Всѣ ждутъ ея смерти... Она два раза вѣшалась, но ее снимали съ петли... Мои посѣщенія для нея — праздникъ. Однажды она выложила передо мною всю свою душу.

— Хотѣла учиться дальше,—говорила она гнусавымъ, нехорошимъ, жалкимъ голосомъ,—но гдѣ учиться... на что? Лошадь у насъ въ ту пору пала... и послалъ меня тятенька въ городъ... во служенье... къ архитектору нанялась за дѣтьми ухаживать... шестнадцатый годъ мнѣ былъ... У архитектора сынъ былъ гимназистъ... сильный такой... высокій... поймалъ разъ меня въ спальнѣ своей... схватилъ, и я не смѣла крикнуть: выгонятъ вѣдь... и на лошадь тятенькѣ не заработаю... Насилу опомнилась послѣ... иду внизъ... а ноженьки дрожатъ... и слезы градомъ... градомъ... хвать—самъ баринъ... увидалъ меня... платье разорвано... волоса растрепаны... и началъ ругать, топать ногами... и выгналъ... Тутъ и попала я на ярмарку... въ заведеніе... и совсѣмъ пропала... и вотъ что нажила... Вотъ она жизнь-то!..

— Совсѣмъ я пропащая на бѣломъ свѣтѣ... будто листочекъ отсохшій... — говорила эта несчастнѣйшая въ мірѣ женщина...

. . . .

... Сосѣдкинъ? Это совсѣмъ забитый парень... Онъ ужъ успѣлъ посидѣть въ острогѣ за то, что въ городѣ на пристани обругалъ пристава „удавомъ...“ Сосѣдкинъ теперь работаетъ на Волгѣ. Онъ крючникъ, носитъ тюки на своей спинѣ... Онъ отдѣлился отъ отца, и его жена страшно бѣдствуетъ съ груднымъ ребенкомъ...

Золотовъ служитъ въ „солдатахъ“ и совсѣмъ испортился..

Казарменный духъ и дисциплина сдѣлали его грубымъ, дерзкимъ, подобострастнымъ. Онъ приходилъ на „побывку“ и не посѣтилъ меня.

... Васька Зміевъ, тотъ самый Васька, который часто ходилъ ко мнѣ и послужилъ темой для сплетни у мѣстныхъ „кумушекъ“, умный, рѣзвый, хитрый мальчуганъ...

Теперь онъ одинъ кормитъ всю семью... У него умеръ отецъ, и вотъ на плечи Васьки съ 15-ти лѣтъ легла семья въ семь чечеловѣкъ.

— Я самъ—семой! — говорилъ онъ не разъ, когда я встрѣчала его на пашнѣ, идущаго за сохой по тяжелой, глинистой почвѣ узкой полосы, изрытой вымоинами, гдѣ спотыкалась лошадь, гдѣ особенно кричали полевыя чайки, выклевывающія червей изъ разрыхленной почвы.

Теперь ему 22-й годъ; у него 160 рублей недоимки, накопленной его отцомъ, дѣдомъ и прадѣдомъ...

Теперь три раза въ годъ аккуратно „выколачиваютъ“ изъ него эту недоимку, сажая иногда въ самый сѣнокосъ въ арестантскую за неуплату выкупныхъ платежей, нажитыхъ не имъ, а неизвѣстными ему его прадѣдами. Теперь онъ исправляетъ должность сельскаго десятскаго, возложенную на него изъ мести кулакомъ-старостой, къ которому Васька не пошелъ въ работники за 12 руб. въ зиму... Теперь Васька, — какъ онъ говоритъ, — „впрягся въ соху“ и безропотно несетъ тяжелый крестъ, завѣщанный предками... Ему, бѣднягѣ, не до чтенія. Онъ совсѣмъ разучился читать, а писать и подавно... чуть-чуть наводитъ каракули въ общественныхъ приговорахъ... Но онъ по прежнему честный, живой, не испортившійся подъ вліяніемъ тяжелаго крестьянскаго быта...

... Зоринъ... отчаянный Зоринъ... Отецъ у него убилъ въ запальчивости жену и, отсидѣвъ въ острогѣ, живетъ въ городѣ, пьянствуетъ, а Зоринъ „управляетъ“ безъ того ужъ раззореннымъ хозяйствомъ... Все, что зарабатываетъ, отдаетъ отцу, а тотъ пропиваетъ и подъ пьяную руку бьетъ сына... Забитый, жалкій парень. Его женили на нелюбимой дѣвушкѣ, только потому, что за нее „немного отдалъ его отецъ денегъ на столъ.. “ Зоринъ иногда ходитъ ко мнѣ за книгами, но проситъ все „святыхъ“.

— Возьми такихъ вотъ... Григоровича?

Зоринъ машетъ рукой и отрывисто говоритъ:

— Не надо... Святые-то смягчаютъ душу...

И видно, что она болитъ у него по потерянной удали, живучести... Болитъ и требуетъ „смягченія...“

... Крошкинъ, „дикій“ Крошкинъ, служитъ половымъ въ трактирѣ... Онъ теперь умѣетъ говорить: „сію минутъ-съ“, „извольте-съ...“ У него есть и книги: „Черная магія“, „Русскій пѣсенникъ“, „1000 фокусовъ“ и „Разбойникъ Картушъ...“ Особенно онъ рекомендуетъ всѣмъ послѣднюю книгу:

— Такихъ на свѣтѣ мало... зачитаешься... Вотъ былъ человѣкъ... этотъ Картушъ!

Когда онъ приходитъ въ деревню, то цѣлыми вечерами повѣствуетъ съ особой удалью о томъ, какъ онъ жилъ въ городѣ при „баняхъ“, при „нумерахъ“, гдѣ для „господъ“ доставлялъ и вдовъ, и замужнихъ женъ, и совсѣмъ еще дѣвочекъ... Разсказы, конечно, всѣ циничны, пошлы, а публика ихъ слушаетъ, и никому въ голову не придетъ сказать:

— Какъ все это гадко, скверно...

Ходилъ слухъ, что Крошкинъ умѣетъ дѣлать „фальшивыя монеты“.

Онъ „замѣчательный“ игрокъ въ карты на всю нашу округу.

Кромѣ того, выучилъ мѣстныхъ дѣвокъ пѣть такую частушку:

„Ставь-ка, мамка, самоваръ,
Золотыя чашки...
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ...“

Отца у него нѣтъ, а сѣдой, горбатенькій дѣдушка собираетъ милостыню... Домъ обваливается, земля сдается за безцѣнокъ въ аренду кулаку-старостѣ... Крошкинъ не женатъ.. Въ деревнѣ его не любятъ и прозвали „стрекулистомъ...“ Въ школу не заглядываетъ; впрочемъ, однажды въ пьяномъ, возбужденномъ видѣ онъ явился ко мнѣ со странною просьбой:

— Нѣтъ ли у васъ хлороформу... али тамъ... хлоралъ-гидрату?

— Нѣтъ... Зачѣмъ это?.. — удивилась я, пятясь отъ него къ двери...

— Старостину дочь... Машку... усыпить бы мнѣ надо... усыпить ее, подлую! Люблю ее, подлую, а она...—тутъ слѣдовало ругательство:—Усыпить ее надо!

... Петя Костинъ... тотъ самый, что написалъ мнѣ однажды „записку“ съ просьбой дать ему для чтенія какого-то „Апанчу“.

Онъ живетъ на фабрикѣ за городомъ, въ стале-литейномъ цехѣ... У него оторвало два пальца, и онъ даже не взыскивалъ за увѣчье, подкупленнный хитрымъ, ласковымъ обхожденіемъ фабричнаго управляющаго, который „подарилъ“ ему 25 рублей... Отдѣлился отъ отца и совсѣмъ почти не заглядываетъ въ деревню. На Пасхѣ я встрѣтила его въ городѣ: онъ узналъ меня, поздоровался и съ дѣловымъ видомъ пошелъ дальше...

... Коньковъ... самый мой любимый, лучшій ученикъ и... поэтъ! Что съ нимъ сталось? — Онъ сильно пилъ водку, часто ходилъ ко мнѣ за книгами и приносилъ собственныя стихотворенія. Мы иногда бесѣдовали до полуночи.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ деревнѣ.

— Никто не хочетъ понять меня... Смѣются, называютъ „скубентомъ...“ Ну, вотъ и пьешь... заливаешь тоску!..

Онъ написалъ мнѣ много „посвященій“; вотъ нѣкоторые отрывки:

Отрадно съ вами говорить,
У васъ привѣтъ всегда встрѣчая.
Готовъ вамъ душу всю излить
Я, самъ того не замѣчая.
Одинъ я. Думы одолѣли...
И не съ кѣмъ слово мнѣ сказать...
Но вы меня хоть пожалѣли!

. . . .

Зажглась мнѣ звѣздочка въ туманѣ,
Заря мнѣ новая взошла,
И въ неотесанномъ болванѣ
Нашлась, какъ видится, душа...
Я жажду новыхъ мнѣ познаній,

И сердце такъ во мнѣ горитъ,
Скажу я вамъ безъ заклинаній,
Что нечѣмъ жажду утолить.

Однажды Коньковъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ и, сбросивъ полушубокъ, началъ:

— Знаете что, Ольга Ивановна...

— Что такое?—спросила я, замѣтивъ что-то необычайное на его лицѣ, въ его глазахъ и во всей фигурѣ, точно выросшей на вершокъ.

— Я хочу попробовать...—продолжалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Что?

— Послать въ редакцію одно стихотвореніе... Вижу я, что во мнѣ *что-то* есть... не хочется мнѣ пропадать тутъ... заживо умирать... Можетъ, отпечатаютъ... пришлютъ гонораръ... а тамъ другой... третій... найму работника пахать землю, а самъ займусь литературой... А тамъ въ Москву съѣзжу... Эхъ, Ольга Ивановна, душа-то моя, душа-то рвется куда то... крылья бы ей... улетѣла бы... Вотъ посмотрите... Я прочитаю...

И онъ прочиталъ стихотвореніе „Сельскій храмъ".

Незатѣйливый, убогій
На селѣ построенъ храмъ,
Пролегли къ нему дороги
По равнинамъ и лугамъ.
Онъ стоитъ надъ грудью пашенъ,
Дышетъ свѣжею землей,
Чистымъ небомъ онъ украшенъ
И облитъ его росой...

За оградой на покоѣ
Отъ житейской суеты
И зимой, и въ лѣтнемъ зноѣ
Дремлютъ бѣдные кресты.
Храмъ одинъ могилы знаетъ
И ведетъ печальный счетъ:
Кто надъ пашней вѣкъ свой маетъ,
Подъ крестомъ его уснетъ.

Если вянетъ всходъ зеленый,
Если рожь легка зерномъ,
Онъ поблекшія иконы
Высылаетъ за дождемъ.
И когда съ дождемъ тяжелымъ
Туча темная пройдетъ,
Онъ крестомъ сосѣднимъ селамъ
Вдаль привѣтливо блеснетъ...

Коньковъ.

Я посовѣтовала послать это стихотвореніе въ „Ниву".

„Нива" ничего не отвѣтила... Онъ не унимался, не терялъ вѣры въ свой талантъ и продолжалъ писать все новые стихи.

Одно стихотвореніе я попробовала послать въ другой еженедѣльный журналъ, и черезъ мѣсяцъ въ отдѣлѣ „отвѣтовъ" нашла тамъ пародію... Она страшно поразила бѣднаго Конькова...

— Надсмѣялись, — шепталъ онъ побѣлѣвшими губами, — а я имъ отъ чистаго сердца... думалъ, помогутъ добрымъ совѣтомъ... Ученые люди... литераторы... Эхъ... пропадай моя жизнь... Никто не вытащитъ меня изъ этой ямы... Эхъ!—онъ заплакалъ и ушелъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ жестоко запилъ и однажды былъ

найденъ мертвымъ въ банѣ. Рядомъ **валялись огарокъ свѣчки, разбитая бутылка и клочокъ бумаги, гдѣ было нацарапано:**

„Одинокій я человѣчишка... жизнь наша—помойная яма...“

Василій Девятковъ.

---

* * *

Отчизна хризантемъ, любимый солнцемъ край!
Волна морей гремитъ твоей расцвѣтшей славой,
Твой лучезарный флагъ, при возгласахъ „банзай“,
Побѣдно осѣнилъ Артура рейдъ кровавый.
Но слава хищная—коварный даръ боговъ,—
Нипóнъ, инымъ гордись!..
Актеры грозной драмы,
Бойцы усталые,—подъ мирный отчій кровъ
Вернутся воины счастливые Ойямы.
Свобода и любовь въ объятья примутъ ихъ!
На кличъ земли родной они, какъ барсы, встали,
За право рáвенства въ семьѣ племенъ людскихъ
Безтрепетно въ поляхъ чужбины умирали.
И яркій вспыхнулъ день,—награда всѣхъ трудовъ,—
Ликуйте, мертвецы Мукдѐна и Телйна:
Отнынѣ желтый цвѣтъ не подлый цвѣтъ рабовъ,
Отнынѣ Азія не знаетъ господина!

А мы?.. Ущелья горъ, долины рѣкъ чужихъ
Дождемъ кровавымъ мы безплодно оросили;
Съ покорностью воловъ безгласныхъ и тупыхъ,
Какъ снѣгомъ, нашими костями убѣлили!
Надъ мирнымъ краемъ манзъ прошли мы бурей злой,—
Потомокъ дальній ихъ проклятьемъ насъ помянетъ...
...Вернемся въ край родной,—
И рабство прежнее намъ тупо въ очи глянетъ?!
. . . .
Проснулась родина... увы, для новыхъ бѣдъ!
Изранена, въ крови, отягчена цѣпями,
Все ждетъ зари она—зари желанной нѣтъ...
— На помощь къ ней, впередъ! И Богъ свободы съ нами!

20 августа.

П. Я.

ности съ Англіей, высокій посѣтитель несомнѣнно обратитъ вниманіе на виллинговскія предпріятія, и въ ближайшемъ будущемъ дастъ ему большіе заказы, стоящіе на очереди. Этимъ сразу рѣшилась бы въ благопріятномъ смыслѣ судьба заводовъ, вынужденныхъ теперь вести борьбу, чтобы завоевать себѣ положеніе, соотвѣтствующее желаніямъ и честолюбію коммерціи совѣтника. На искреннее сочувствіе главы государства можно разсчитывать вѣрнѣе, если закончить постройку лютеранской церкви и показать еще образцовыя благотворительныя учрежденія для вѣрноподданныхъ рабочихъ, далекихъ отъ всякихъ революціонныхъ стремленій и плановъ. Кромѣ того, коммерціи совѣтникъ—лицо, отчасти извѣстное императору. Разъ онъ былъ ему представленъ на охотѣ однимъ своимъ пріятелемъ и политическимъ единомышленникомъ, совѣтникомъ фонъ-Дибберномъ, и монархъ уже тогда, въ благосклонномъ разговорѣ, выразилъ свои симпатіи соціальнымъ стремленіямъ коммерціи совѣтника, отмѣченнымъ ему фонъ-Дибберномъ. Онъ буквально сказалъ, что если бы всѣ крупные фабриканты были такихъ же убѣжденій, то едва ли народилась бы соціалъ-демократическая партія, страшная своимъ ядовитымъ оружіемъ. Почва была, такимъ образомъ, подготовлена, и свиданіе въ Герстѣ должно было имѣть огромное значеніе.

Дядя часто бесѣдовалъ теперь съ Готхольдомъ. Мысль воспользоваться торговлей и театральнымъ представленіемъ для церкви была ему сначала противна. Если есть люди, готовые помочь, зачѣмъ же хитрить и уговаривать ихъ, привлекать блескомъ мишуры, а, пожалуй, чѣмъ либо еще худшимъ? И если пожертвованія приходится выманивать противъ воли дающихъ, то какую цѣну могутъ имѣть они? Въ храмѣ Господнемъ не мѣсто мѣняламъ и торгашамъ. Благочестіе и благотворительность, служащія прикрытіемъ для свѣтскихъ развлеченій, фальшивы. Готхольдъ дѣлалъ все, чтобы разстроить затѣю, и нѣсколько разъ очень серьезно бесѣдовалъ съ дядей. Виллингъ упрекалъ его въ упрямствѣ, въ недостаточномъ пониманіи самыхъ обыкновенныхъ вещей, въ преувеличенной и бездушной строгости въ вѣрѣ. Одинъ разъ съ устъ его сорвалось даже „поповскіе взгляды". Только настоятель, приглашенный на помощь Виллингомъ, разрѣшилъ дѣло. Въ наказаніе за упрямое противодѣйствіе, Готхольдъ долженъ былъ оказывать ему самую широкую помощь: настоятеля избрали въ комитетъ по устройству живыхъ картинъ, и онъ долженъ былъ найдти подходящихъ для этого лицъ. Ему пришлось познакомиться съ различными кругами городского общества и взять на себя цѣлую массу подневольныхъ обязанностей.

Отношенія его съ дядей за послѣднее время, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, стали менѣе сердечны. Готхольдъ удивлялся его упорной энергіи и желѣзной рѣшимости; но ему было досадно, что этотъ сильный человѣкъ, проникнутый властью до мозга костей, пробовалъ школить и его; критиковалъ его проповѣди и требовалъ точныхъ свѣдѣній о его дѣлахъ и намѣреніяхъ, чтобы выразить ему свое порицаніе .По его мнѣнію, онъ недостаточно прославлялъ угодный ему строй и мало упоминалъ о гнѣвѣ Божіемъ: воскресная служба должна служить однимъ изъ звеньевъ строго опредѣленной системы, охраняющей рабочее населеніе отъ яда соціализма.

— Я не слуга твой, дядя,—долженъ былъ сказать ему однажды Готхольдъ,—и, вообще, служу не людямъ, а церкви.

Въ немъ проснулся аристократъ.

По мнѣнію коммерціи совѣтника, онъ слишкомъ много терялъ времени у людей, не имѣвшихъ никакой связи съ заводской жизнью: съ бывшими рабочими, уволенными по болѣзни или неисправности, съ мелкими ремесленниками и поденщиками. Пастору, по словамъ Виллинга, нечего дѣлать со всѣми этими людьми: онъ долженъ быть исключительно „заводскимъ священникомъ", какъ существуютъ „заводскіе врачи".

Особенно сердило дядю изученіе Готхольдомъ соціалистической литературы. Но это не смущало Готхольда.

— Я дѣлаю, что считаю своею обязанностью,—было его припѣвомъ:—я не могу осуждать и бороться противъ того, чего не знаю.

— По твоему и врачъ обязанъ на себѣ пробовать всякій ядъ?—ехидно спрашивалъ Виллингъ.

Но Готхольдъ не находилъ правильнымъ это сравненіе. Въ довершеніе всего,—упрекалъ его дядя,—онъ взялъ въ свой домъ дѣвку, „чтобы видите-ли, спасти ее отъ окружающей обстановки и порочной жизни"... Да,—возражалъ племянникъ,—подъ его наблюденіемъ она должна сдѣлаться хорошей и чистой. Нѣкоторыхъ усилій стоило добиться на это согласія Ирмы. Но такъ какъ она охотнѣе всего отдается своимъ молитвамъ, а количество бѣдныхъ, получающихъ у нихъ пищу, все увеличивается и осложняется хозяйство, то она согласилась, что помощь будетъ очень кстати. Къ тому же Мици не производитъ на нее отталкивающаго впечатлѣнія. Во всемъ ея существѣ что то привлекательное, покорное и ничто не указываетъ на „дѣвку", какой она должна бы быть. Напротивъ, она скромна и не поднимаетъ глазъ, когда съ ней говорятъ. Очевидно, она стыдится своего прошлаго.

Коммерціи совѣтникъ увѣрялъ, что это глупѣйшій шагъ, какой могъ только сдѣлать Готхольдъ.

— Самъ Христосъ не взялъ къ себѣ Магдалины,—говорилъ онъ съ ехиднымъ смѣхомъ и предсказывалъ безконечныя непріятности. Вольнодумцы поднимутъ на смѣхъ и будутъ острить надъ пасторомъ, взявшимъ къ себѣ для исправленія красивую дѣвушку, и даже „благомыслящихъ" это наведетъ на подозрѣніе. Готхольдъ слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ для такихъ экспериментовъ, и могъ бы оставить ихъ до болѣе поздняго возраста. Теперь это значитъ давать матеріалъ клеветѣ и сплетнямъ. Да и дѣвушка, сама по себѣ, далеко не производитъ впечатлѣнія готовой каяться и поститься во вретищѣ и прахѣ.

Но на этотъ разъ Готходьдъ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ. Ни насмѣшки, ни намеки не могли измѣнить его намѣренія. Даже настоятель, вновь призванный на помощь коммерціи совѣтникомъ, ничего не могъ сдѣлать. Готхольдъ ссылался на многочисленныя мѣста изъ Евангелія и такъ ревностно отстаивалъ свои пасторскія обязанности, что, послѣ нѣкоторыхъ отеческихъ совѣтовъ, его начальникъ долженъ былъ отступить. Онъ не любилъ споровъ и по возможности предоставлялъ каждому держаться своей точки зрѣнія, лишь бы она вела къ миру и не портила ему пищеваренія. Иначе этотъ маленькій, мягкій старикъ, напоминавшій бѣлую мышку и всю недѣлю говорившій шепотомъ, чтобы сохранить свой голосъ для воскресной проповѣди, превращался въ фанатика. Это было всѣмъ извѣстно, и всѣ остерегались раздражать его. Впрочемъ, онъ самъ прежде всего избѣгалъ всякаго повода къ раздраженію.

Готхольдъ былъ доволенъ своимъ образомъ дѣйствій. Насколько это дѣлалось изъ-за противорѣчія Гельгѣ Леръ, онъ не старался себѣ выяснить. Ему пришлось преодолѣть самыя разнообразныя препятствія, прежде чѣмъ Мици Теденъ переселилась въ его домъ; это-то именно и укрѣпило его рѣшеніе и увѣренность, что онъ правъ. Сама Мице тотчасъ собралась идти къ нему, какъ будто она только и ждала предложенія, но больная вдругъ запротестовала. Мице необходима въ домѣ, Люде убьетъ всѣхъ, если не найдетъ ея дома, а у пастора она ни въ какомъ случаѣ жить не должна; ей тамъ не мѣсто, и брать къ себѣ такую погибшую, лукавую дѣвушку, какъ она, сущее несчастье. Нужно ее отослать въ другое мѣсто! У Готхольда мелькнула мучительная мысль, что эта женщина, истощенная лихорадочнымъ жаромъ и судорожнымъ кашлемъ, завидуетъ сестрѣ. Пришлось очень строго поговорить съ ней, прежде чѣмъ она согласилась.

Вскорѣ послѣ этого Готхольдъ подвергся грубому напа-

денію со стороны Люде, остановившаго его на улицѣ. Пьяница осыпалъ его гнусными намеками и угрожалъ переломать кости, если онъ дѣйствительно рискнетъ отнять у него дѣвушку: „для „поповской кухарки“ она не годится, пусть поищетъ себѣ другую“. Мици также растерялась отъ страха передъ Люде, по крайней мѣрѣ, она серьезно боялась, что онъ можетъ придти и увести ее. Она выговорила себѣ право ходить къ сестрѣ и дѣтямъ ежедневно на одинъ часъ; въ остальное же время о нихъ будетъ заботиться Притцке въ разсчетѣ получить „награду на томъ свѣтѣ“.

Мици очень скоро и легко приспособилась къ новой жизни. Ирма была ею очень довольна, потому что мало по малу дѣвушка забрала въ свои руки все хозяйство, и Ирма весь свой досугъ могла отдавать молитвѣ. Готхольдъ также находилъ ее услужливой и послушной; она принимала участіе въ чтеніяхъ библіи, и ни одно рѣзкое слово никогда не срывалось съ ея устъ. Но иногда ему не нравилось, какъ она смотритъ на него. Въ ея глазахъ было вызывающее выраженіе, а на губахъ блуждала кокетливая улыбка. Онъ чувствовалъ себя тогда очень скверно; казалось, она чего-то ждетъ отъ него или поощряетъ къ чему-то. Очевидно, это были еще старыя, отвратительныя замашки, и она еще не могла отдѣлаться отъ нихъ.

Впрочемъ, у него не было теперь времени заниматься ею. Ко всему, что онъ взялъ на себя—по обязанности и добровольно,—присоединились еще засѣданія комитета по устройству базара и бѣготня отъ одного къ другому, для привлеченія къ общему дѣлу постановки живыхъ картинъ.

Ирма держалась вдали отъ свѣтскихъ удовольствій и отрицала всякія благотворительныя затѣи; поэтому Готхольду приходилось пользоваться необходимой помощью чужихъ женщинъ. Сначала онъ подумалъ о своей кузинѣ Валескѣ фонъ-Виллингъ. Но этотъ легкомысленный свѣтскій ребенокъ казался ему непригоднымъ для серьезныхъ совѣтовъ. Она видѣла въ устройствѣ праздника только случай поразвлечься и занята была туалетами и личными интригами. Самъ Виллингъ поглощенъ былъ мыслью обставить все съ большой пышностью и возбудить общее вниманія. Настоящая цѣль совершенно отступила у него на задній планъ.

Въ концѣ концовъ Готхольдъ рѣшилъ пригласить на помощь Магдалину Мейнертъ. Со времени перваго посѣщенія дома ея родителей онъ ея не видѣлъ. Въ тѣ рѣдкіе случаи, когда онъ бывалъ въ пастырскомъ домѣ на площади св. Іакова, онъ не выходилъ изъ кабинета Мейнерта, а въ первый разъ не обмѣнялся съ нею ни единымъ словомъ. Онъ припоминалъ только, что когда онъ развивалъ тогда планъ

своихъ будущихъ дѣйствій, то Мейнертъ и его жена подозрительно молчали, а Магдалина взглянула на него и глубоко вздохнула. Ея тонкія ноздри слегка дрожали, и она напоминала благороднаго коня, внезапно почуявшаго рѣзкій запахъ моря. Готхольдъ много разъ, помимо своей воли, вспоминалъ объ этой мелочи. И теперь, когда въ этотъ тихій весенній день онъ пересѣкалъ обсаженную липами церковную площадь, ему снова вспомнилось, что говорилъ пасторъ Гадебушъ о любви дѣвушки къ молодому натуралисту, и что отецъ, „по долгу службы“, не хочетъ отдать ее за него, пока не кончитъ своего большогс сочиненія и не докажетъ всему міру, что наука и религія не исключаютъ другъ друга.

„Странно, — думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ и невольно ступая осторожнѣе, чтобы не нарушить покоя этого дома,- какъ могутъ два человѣка любить другъ друга, когда ихъ мысли и чувства такъ расходятся! Или эта дѣвушка тоже не вѣрующая?“

На мгновеніе передъ его глазами неожиданно пронесся образъ Гельги Леръ. Ахъ, если бы она любила его Спасителя! Если бы онъ могъ насадить въ ея сердцѣ свою горячую любовь къ Нему! Его охватило страстное желаніе достигнуть этой цѣли.

У Мейнерта все было такъ же, какъ и въ первый разъ. Все было тихо и уютно, въ корридорѣ пахло вкусными печеніями пасторши, а въ комнатахъ—курительными свѣчками, заглушавшими запахъ сигаръ. И опять Готхольду пришло въ голову, что въ эти комнаты не проникаетъ ни одинъ солнечный лучъ, потому что всѣ они перехватываются высокой церковной стѣной.

„Изъ-за этой церкви въ домѣ не видно ни свѣта, ни неба“— невольно подумалъ онъ.

Въ кабинетѣ у Мейнерта Готхольдъ засталъ пастора Гадебуша. Онъ принесъ для Мейнерта такой ворохъ книгъ, что можно было удивляться, какъ онъ дотащилъ ихъ. Книги были, впрочемъ, не его: у него не было библіотеки, да и на чтеніе у него не находилось времени. Книги прислалъ патеръ Гегелеръ. Библіотека вообще установила связь между нимъ и Мейнертомъ. Послѣдній нуждался въ глубоко образованномъ, неказистомъ на видъ патерѣ для многочисленныхъ справокъ относительно философскихъ, филологическихъ и натуралистическихъ доктринъ, гдѣ не хватало собственныхъ знаній Мейнерта. Не будь Гегелера, онъ давно долженъ бы былъ бросить свой большой трудъ. Никогда эти два разныхъ по религіи священника не пускались въ какой-либо теологическій диспутъ, и не спорили о томъ или другомъ мѣстѣ писаній старыхъ отцовъ церкви или философовъ.

Гегелеръ всегда со скромностью больше объяснялъ написанное, не дѣлая своихъ заключеній, а Мейнертъ принималъ все къ свѣдѣнію, также безъ критики. Такъ жили они цѣлыми годами, не зная свойственныхъ людямъ несогласій и споровъ.

Сегодня Гегелеръ въ первый разъ не захотѣлъ придти самъ и попросилъ снести книги Мейнерту Гадебуша. Гадебушъ разсказывалъ, что, со смерти швеи Матильды Лоозе въ проходномъ домѣ „за башней", маленькій патеръ сталъ нелюдимымъ и страннымъ. Точно разбитый, сидитъ онъ дома со своими книгами, или слоняется, какъ тѣнь. Терзается ли онъ позднимъ сожалѣніемъ, что во-время не вернулъ заблудшую душу въ лоно едино спасительной церкви,—неизвѣстно. Мейнертъ слушалъ съ доброй, тихой улыбкой и, казалось, только въ эту минуту вспомнилъ, какая бездна лежитъ между нимъ и патеромъ. Подъ вліяніемъ непріятнаго чувства онъ задвигался на своемъ стулѣ.

„Ну, да онъ опять придетъ!"—подумалъ онъ. И, перелистывая книги и бумаги на своемъ письменномъ столѣ, прибавилъ, какъ бы для утѣшенія:

— Сегодня у одного голландскаго ученаго я нашелъ слѣдующее выраженіе: „законы природы не цѣпи, наложенныя на самого себя божественнымъ законодателемъ, а нити, которыя онъ держитъ въ своихъ рукахъ". Прекрасно, не правда ли? И когда современные натуралисты спрашиваютъ, почему теперь не происходитъ чудесъ, какъ въ библейскія времена, то слѣдуетъ отвѣтить, что то, что въ настоящее время объясняется естественнымъ путемъ, долго еще не перестанетъ быть чудомъ. И можно смѣло допустить, что какой-нибудь Самсонъ могъ бы и нынѣ унести Газскія ворота на гору, если бы этого захотѣлъ Богъ. Недаромъ Іисусъ у Іоанна порицаетъ людей, требующихъ новыхъ знаменій и чудесъ, и говоритъ о вѣрѣ безъ нихъ. Въ нравственномъ смыслѣ мы должны бы уйти далеко впередъ и не нуждаться болѣе въ видимыхъ знаменіяхъ для укрѣпленія вѣры. Какъ ты думаешь, милый другъ?

— Я не ломалъ еще головы надъ этимъ вопросомъ, Михаэль,—сказалъ Гадебушъ, выпуская дымъ,—и никогда не мечтаю о чудѣ.

— Гораздо труднѣе,—продолжалъ Мейнертъ,—согласить библейскую исторію сотворенія человѣка съ нахожденіемъ стрѣлъ и другихъ слѣдовъ искусства и умственнаго развитія человѣка въ періодъ ледниковъ и свайныхъ построекъ. Напримѣръ: не упоминается о мамонтѣ между животными Ноева ковчега, тѣмъ не менѣе въ сибирскихъ льдахъ его находятъ съ кожей и шерстью.

— Дорогой Михаэль,—прервалъ его Гадебушъ, вставая, и кладя свою сильную руку на его плечо,—все это очень интересно и поучительно. Но, во первыхъ, у меня нѣтъ времени выслушивать тебя, а во-вторыхъ, товарищъ Венденъ желаетъ поговорить съ тобой. Попробуй-ка вернуться къ дѣйствительности и не волнуйся изъ-за мамонта!.. А вы, товарищъ, выкладывайте! Гдѣ горитъ? Вы точно несетесь на оторванной льдинѣ. Пусть она плыветъ спокойно! Иначе можно толкнуться о берегъ.

Готхольдъ коротко изложилъ, что ему нужно. Мейнертъ выслушалъ его съ разсѣянной улыбкой. Гадебушъ свистнулъ сквозь зубы.

— Значитъ карнавалъ дѣйствительно состоится?—вскричалъ онъ и, покачиваясь на стулѣ, хлопнулъ себя по колѣнамъ обѣими руками.—Во славу Божію будемъ кокетничать, любезничать и флиртовать; проказничать и выставлять на показъ свое тѣло; обвѣсимъ себя пестрой мишурой и будемъ дѣлать влюбленные глаза; торговать и барышничать, спекулировать на общія плотскія страсти? Ну, хотя я и не совсѣмъ то, что называютъ попомъ, г. confrater, но въ этомъ пунктѣ... знаете, деньги, собранныя такимъ путемъ,—грѣшныя деньги и на нихъ нельзя строить храмъ Божій! Пусть онъ лучше останется неоконченнымъ, чѣмъ развратной болтовней выманивать изъ кармановъ то, что никогда не было бы дано добровольно на постройку церкви и въ тысячу разъ охотнѣе было бы истрачено на кафе-шантаны и карты.

— Ну, ну, милый другъ!—сказалъ Мейнертъ.

— Вы вдругъ захотѣли быть больше папой, чѣмъ самъ папа, многоуважаемый товарищъ,—сказалъ Готхольдъ, нахмуривъ брови.—У меня тоже были сомнѣнія. Но вѣдь нужно же, наконецъ, достроить церковь.

— Для кого?—вскричалъ Гадебушъ.—Для рабочихъ, которымъ вмѣстѣ со словомъ Божіимъ преподносятся узда и кнутъ? Отлично. Но тогда пусть также добровольно участвуютъ въ расходахъ и тѣ, для блага которыхъ это дѣлается. Пусть и господа раскроютъ свои карманы! Помните, какъ говорится въ книгѣ Іакова стихъ пятый: „Вынимайте богатые, плачте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ!“ Или притча о богатомъ человѣкѣ у Луки, стихъ шестнадцатый. „Пышно и радостно жилъ онъ, а когда попалъ въ адъ и претерпѣвалъ тамъ уготованныя ему муки“... Да и куда же онъ могъ попасть, если сказано у Матѳея, стихъ 19-ый: „какъ трудно богатому войти въ царствіе небесное“?

— Чудачина ты!—вмѣшался Мейнертъ съ своей добродушной улыбкой. — Знаешь ли ты, что говорятъ про тебя люди? Они увѣряютъ, что всѣ твои проповѣди состоятъ изъ

однихъ текстовъ. Потому-то извѣстныя мѣста Евангелія ты и помнишь такъ хорошо.

Гадебушъ смутился на одно мгновеніе и затѣмъ громко расхохотался.

— Очень можетъ быть, Михаэль, можетъ быть... Когда я затрудняюсь отдѣлать этихъ господъ какъ слѣдуетъ, я чувствую себя очень плохо на каѳедрѣ... Относительно соціальнаго вопроса каждый долженъ теперь держаться того или другого направленія, пройти мимо его уже нельзя. Лично я считаю всѣхъ богачей анархистами и нигилистами. Они гребутъ деньги и проматываютъ ихъ на свои удовольствія, а это противно божескимъ законамъ. Въ нихъ корень революцій, повѣрь мнѣ! По естественному ходу вещей и по волѣ Божіей, каждый долженъ имѣть достаточно средствъ къ жизни: не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Только богатые виноваты въ неправильномъ распредѣленіи средствъ, а слѣдовательно, они и порождаютъ недовольство, волненія, безвѣріе и нищету. Quod erat demonstrandum!.. Ну, а теперь я долженъ идти.

Онъ чуть не вывихнулъ руки Мейнерта, прощаясь съ нимъ.

— Кстати, Михаэль,—спросилъ онъ:—не можешь ли дать мнѣ денегъ? Хоть десять марокъ?

Просьба эта поставила Мейнерта въ большое затрудненіе. Онъ обшарилъ всѣ карманы, хотя зналъ, что въ нихъ никогда нѣтъ ни гроша, и выдвинулъ нѣсколько ящиковъ, гдѣ, также былъ увѣренъ, не найдетъ ничего.

— Анна, навѣрное, все забрала! — пролепеталъ онъ. — Я сейчасъ спрошу у нея.

Гадебушъ съ улыбкой остановилъ его:

— Оставь, Михаэль! Анна, по моему, поступаетъ совершенно правильно. Такой ребенокъ, какъ ты, совсѣмъ не можетъ обращаться съ деньгами. Она не раскошелится, я знаю, да и никто другой не сдѣлалъ бы этого на ея мѣстѣ. Такому легкомысленному дурню, какъ я, не можетъ довѣрять твоя bona mater familiaris... Однако, деньги необходимы.. У васъ, товарищъ,—обратился онъ къ Готхольду,—не найдется для меня еще лепты? Я, кажется, что-то долженъ вамъ... Но все, знаете ли, идетъ въ хорошія руки!

Пока Готхольдъ доставалъ свое портмонэ, почувствовавшій облегченіе Мейнертъ все время грозилъ Гадебушу пальцемъ.

— Ахъ ты, чучело! Если бы знала твоя Регина?

— Тс... съ!—произнесъ Гадебушъ и приложилъ указательный палецъ къ губамъ, зажмуривъ глаза.—Если бы отъ меня зависѣло, я давно спровадилъ бы всѣ твои старыя,

грязныя книги къ антикварію. Берегись, какъ бы я ни привелъ этой угрозы въ исполненіе!

Онъ небрежно сунулъ въ жилетный карманъ полученныя деньги.

— Благодарю васъ. До свиданья.

— До свиданья, старый товарищъ по оружію! — весело вскричалъ совершенно оправившійся Мейнертъ и, когда дверь за Гадебушемъ закрылась, прибавилъ: — Я думаю, у этого стараго чудака осталась одна единственная рубашка, да и той давно бы не было, если бы Регина тщательно не запирала ея: онъ съ радостью стащилъ бы ее своимъ бѣднымъ. Они выпрашиваютъ у него все и, навѣрное, часто злоупотребляютъ его добротой... Ахъ, какой это добрый человѣкъ, дорогой товарищъ!—Онъ глубоко вздохнулъ.—Однако, пойдемте же къ нашимъ дамамъ. Мы сейчасъ услышимъ, какъ онѣ отнесутся къ вашему предложенію. Лично у меня совсѣмъ нѣтъ времени заниматься этими дѣлами. Но моя Анна устроитъ все отлично.

Готхольдъ снова сидѣлъ въ опрятной, привѣтливой комнатѣ, съ многочисленными горшками цвѣтовъ на окнахъ, съ многочисленными вышитыми подушками на диванѣ и вязанными салфеточками на всѣхъ спинкахъ стульевъ. Опять фрау Анна, держа черпаго кота, налила ему душистаго кофе и предложила своего печенья, и опять ея „больница“ сдѣлалась предметомъ подтруниванія со стороны ея мужа. Все было неизмѣнно по прежнему, точно время въ этомъ домѣ остановилось разъ навсегда. Готхольдъ въ первый разъ подумалъ: „Добрые, довольные собою люди, а какіе въ сущности эгоисты! Совершенно лишніе люди въ наше время“.

Магдалина опять запоздала и, какъ въ первый разъ, намѣревалась было молчать, но когда Готхольдъ обратился къ ней съ своей просьбой, она совершенно неожиданно отнеслась къ его предложенію съ живымъ участіемъ.

Фрау Анна высказывала, какъ казалось ей, вѣскія соображенія своимъ жалобнымъ тономъ:

— Моя изолированная отъ свѣта дочь совсѣмъ не привыкла къ обществу, г. пасторъ. Ужъ не знаю, право... Мы живемъ внѣ всякихъ свѣтскихъ удовольствій и затѣй... Магдалина— еще сущее дитя и не будетъ знать, какъ вести себя съ молодыми людьми. Она привыкла исключительно къ женскому обществу. У нея есть свой кружокъ подругъ для чтенія, съ ними она посѣщаетъ молитвенныя собранія... Впрочемъ...

— Ну, ну!—сказалъ Мейнертъ своимъ успокоительнымъ тономъ.—Какъ вести себя съ мужчинами, она найдется, милая Анна. Магдалинѣ вѣдь за двадцать, кажется.

Готхольдъ видѣлъ, что Магдалина Мейнертъ ухватилась

обѣими руками за его предложеніе. Такъ же, какъ и въ первый разъ ихъ встрѣчи, вздрагивали ея тонкія ноздри и глаза необыкновенно сверкали. Очевидно, она была рада случаю хоть разъ выйти изъ неподвижной и душной атмосферы родительскаго дома. Точно опять пахнуло на нее укрѣпляющимъ дыханіемъ соленаго моря, и она слегка открыла губы и прищурила глаза, чтобы вдохнуть его. Знала ли фрау Анна о томъ, что происходило съ ея дочерью? Неужели онѣ—совершенно чужія другъ другу въ своемъ монастырскомъ уединеніи? И мать даже не знаетъ, что Магдалина любитъ и терзается, что не можетъ стать женою любимаго человѣка? Можно ли съ такой дѣвушкой обращаться, какъ съ ребенкомъ? У Готхольда мелькнула мысль: не есть ли этотъ безмятежный миръ только личина вольной или невольной тираніи? Встрѣтивъ нѣсколько робкій, но благодарный взглядъ Магдалины, онъ энергичнѣе сталъ отстаивать свое предложеніе.

Наконецъ, фрау Анна дала согласіе, но такимъ жалобнымъ тономъ, точно согласіе нужно было для посѣщенія тифознаго лазарета. Самъ Мейнертъ давно погрузился въ свои думы и не замѣчалъ, что происходитъ вокругъ. Онъ лишь кротко и покорно ухмылялся про себя. Готхольдъ проектировалъ живыя картины изъ исторіи провинціи по плану, составленному хорошимъ художникомъ, учителемъ гимназіи. Пришлось много говорить о костюмахъ и намѣчать подходящихъ исполнителей для различныхъ ролей. Магдалина бесѣдовала живо, съ большимъ знаніемъ дѣла и была даже готова немедленно идти въ дамскій комитетъ, гдѣ нужно было обо всемъ сговориться.

— Но мы заранѣе должны, по возможности, устранить отъ себя отвѣтственность, — смѣясь, замѣтила она: — тутъ благодарная почва для разныхъ неудовольствій, зависти и интригъ.

Готхольдъ все больше и больше удивлялся той свѣтской опытности, какая сквозила въ разговорѣ этого „ребенка". „Гдѣ она научилась всему этому?"—думалъ онъ. Минутами Магдалина сверкала такими искрами страстнаго темперамента, что онъ съ невольной робостью взглядывалъ на ея мать. Но та, повидимому, ничего не замѣчала и только иногда своимъ ноющимъ тономъ вставляла отдѣльныя замѣчанія, не имѣвшія никакой связи съ предметомъ разговора. Магдалина мгновенно умолкала, какъ бы чувствуя, что зашла слишкомъ далеко; опускала вѣки и сжатіемъ губъ придавала жесткое выраженіе своему красивому лицу, бросившемуся въ глаза Готхольду уже въ первое его посѣщеніе.

Они ушли, и Мейнертъ, точно освободившись отъ непріят-

ной обязанности, скрылся въ свою комнату. Фрау Анна, на прощанье, обратилась къ своей дочери съ такими грустными словами, будто Магдалина въ первый разъ уходила изъ дому. Готхольдъ почувствовалъ, что принялъ на себя тяжелую отвѣтственность, и, хотя самъ смѣялся надъ своими мыслями, тѣмъ не менѣе ощушалъ нѣкоторую неловкость. Этотъ мирный пасторскій домъ, съ красивыми цвѣтами, вкуснымъ печеніемъ и съ ароматомъ курительныхъ свѣчекъ, вдругъ представился ему тюрьмой для живого, дѣятельнаго ума, и онъ подумалъ: не входитъ ли въ его пасторскія обязанности освободить Магдалину изъ этой темницы?

Онъ предполагалъ, что, освободившись отъ постояннаго наблюденія матери, она будетъ разговаривать съ нимъ болѣе непринужденно и оживленно, но ошибся: идя рядомъ съ нимъ, она хранила глубокое молчаніе, и лицо ея приняло болѣе строгое выраженіе. Хотѣла-ли она ввести его въ заблужденіе, или сожалѣла, что позволила ему заглянуть въ свою таинственную внутреннюю жизнь?

— Вы рѣдко бываете въ свѣтѣ, фрейлейнъ Мейнертъ?— спросилъ онъ.

— Совсѣмъ не бываю, г. пасторъ.—Тонъ ея былъ равнодушный и холодный. Ея тонкія ноздри больше не вздрагивали. Спокойно и прямо шагала она рядомъ съ нимъ, дѣлая почти такіе же большіе шаги, какъ онъ.

— А чѣмъ вы наполняете свой день?

— Помогаю матери поливать цвѣты и ухаживать за больными кошками.

Въ ея тонѣ не слышалось даже затаенной горечи, скорѣе звучало что-то вызывающее, точно она хотѣла спросить, какъ онъ осмѣливается заглядывать въ ея внутренній, сокровеннѣйшій міръ?

„Нѣтъ, въ этомъ домѣ не бываетъ солнца!"—снова подумалъ Готхольдъ и спросилъ громко:

— А больнымъ людямъ вы не удѣляете своего вниманія, фрейлейнъ Мейнертъ? Теперь такъ много больныхъ и тѣломъ, и душой. Развѣ для нихъ у васъ не найдется лишняго часа? Я думаю, вы могли бы и ихъ включить въ число заслуживающихъ вашихъ заботъ?

Послѣ нѣкотораго молчанія она съ упрямымъ движеніемъ головы возразила:

— Я—дочь своихъ родителей, г. пасторъ.

— Надѣюсь, вы не хотите этимъ сказать, что ваши родители стали бы поперекъ дороги, если бы вы вздумали заняться дѣлами милосердія?

— О, конечно, нѣтъ!—бросила она небрежно.—Въ нашемъ домѣ ничего подобнаго не можетъ придти въ голову... Да

и бѣдныхъ не забываютъ. Моя мать—хорошій бухгалтеръ. Она ассигновала опредѣленный фондъ для благотворительныхъ цѣлей, никогда не позволитъ себѣ выйти изъ установленныхъ границъ, но и не будутъ экономить... Вообще, у насъ все точно разсчитано и распредѣлено.

Готхольду показалось, что она прибавитъ: „даже мысли и чувства“, но онъ ошибся. Было неловко продолжать разговоръ на ту же тему, и они продолжали путь молча.

Имъ пришлось пересѣчь Широкую улицу, гдѣ въ послѣобѣденное время гуляла публика, какъ на Корсо. Магдалина раскланялась съ какимъ-то высокимъ мужчиной, съ черной бородой, бросившимъ одновременно проницательный взглядъ и на Готхольда. Пасторъ почувствовалъ, что незнакомецъ остановился и смотритъ имъ вслѣдъ.

— Кто это?—спросилъ Готхольдъ.

Магдалина поблѣднѣла.

— Докторъ Эккертъ,—съ усиліемъ произнесла она.

Онъ не задавалъ ей больше вопросовъ, и они всю дорогу шли молча.

XII.

Готхольду давно хотѣлось побывать на собраніи соціалъ-демократовъ. То, что онъ вычиталъ въ книжкахъ и летучихъ листкахъ, онъ хотѣлъ послушать въ живой рѣчи и видѣть, какое дѣйствіе производитъ новое евангеліе на умы тѣхъ, кто считаетъ себя несправедливо лишенными земныхъ благъ. Но всѣ отговаривали его. Одни говорили, что онъ можетъ подвергнуться непріятностямъ, если его узнаютъ или примутъ за шпіона; другіе предсказывали, что собраніе можетъ принять такой грубый тонъ, что онъ будетъ испытывать только отвращеніе, а если, по своему темпераменту, не стерпитъ провокаторскихъ рѣчей разныхъ хвастуновъ, возразитъ, тогда возникнетъ цѣлый рядъ недоразумѣній.

— Пасторъ не долженъ заниматься политикой!—сказалъ ему коммерціи совѣтникъ. — Очень непріятно, что теперь встрѣчаются люди въ рясахъ, спускающіеся до народныхъ собраній. Пасторъ—слуга правительства и не долженъ уклоняться въ другую сторону.

Инженеры и мастера на заводѣ Виллинга тоже предостерегали его насчетъ посѣщенія собранія рабочихъ. Настроеніе массъ теперь ухудшилось: всѣ узнали не только о предстоящемъ расширеніи предпріятія, но и о намѣреніи привлечь рабочихъ со стороны. Въ новыхъ условіяхъ весь неблагонадежный элементъ, уволенный съ завода, совершенно лишится какого-нибудь заработка. Рабочіе ждутъ изъ

Берлина извѣстнаго агитатора, чтобы возбудить протестъ въ цѣломъ округѣ. Теперь въ каждомъ собраніи рабочихъ, при враждебномъ отношеніи къ нимъ противоположнаго лагеря, легко могутъ дойти до насилія. Достаточно искры, чтобы взорвать эту бочку съ порохомъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мало удовлетворили Готхольда. Что на заводахъ Виллинга соціалъ демократовъ считали стаей дикихъ звѣрей, было для него не ново. Для коммерціи совѣтника и его сподручныхъ вообще не существовало ни соціальнаго вопроса, ни права четвертаго сословія защищать свои интересы. Въ сущности, всѣмъ этимъ бунтовщикамъ живется настолько хорошо, что и желать лучшаго невозможно, а если они бунтуютъ, произносятъ громовыя рѣчи и хотятъ сразу перевернуть весь міръ, то имъ слѣдовало бы отвѣтить простой мѣрой: нагрузить этой лѣнивой, пропащей сволочью нѣсколько военныхъ кораблей и выселить ее вонъ... Каторжныя колоніи для соціалъ-демократовъ въ африканскихъ владѣніяхъ были излюбленной программой Виллинга, и съ нею онъ мечталъ выступить въ рейхстагѣ, если когда-нибудь попадетъ въ него. До тѣхъ поръ не будетъ спокойствія въ странѣ и не помогутъ никакія радикальныя средства!.. На этомъ пунктѣ взгляды Готхольда и его дяди расходились. Виллингъ презиралъ всѣхъ знаменитостей соціалистическаго направленія съ ихъ требованіями и существующій строй считалъ единственно возможнымъ и справедливымъ. Онъ признавалъ насиліе противъ насилія и даже на религію смотрѣлъ, какъ на одно изъ принудительныхъ средствъ. О снисходительности, мягкихъ мѣрахъ и о воздѣйствіи словомъ, чему симпатизировалъ Готхольдъ, онъ не хотѣлъ и слышать: дикіе звѣри не поддаются поученіямъ и, если не убивать ихъ, самъ рискуешь погибнуть отъ нихъ!

Среди инженеровъ виллингскихъ заводовъ былъ одинъ, особенно интересовавшій Готхольда. Онъ слылъ за не совсѣмъ „надежнаго". Если бъ онъ не былъ способнымъ спеціалистомъ и крайне необходимымъ для дѣла, Виллингъ, вѣроятно, уволилъ бы его давно изъ-за одного подозрѣнія въ симпатіяхъ къ соціалистическимъ планамъ. Въ такихъ случаяхъ онъ не любилъ шутить и вести долгіе разговоры. По его убѣжденію, лучше безъ вины уволить сто подозрительныхъ, чѣмъ оставить на заводѣ одного неблагонадежнаго.

Константинъ Майвальдъ былъ очень молчаливый, серьезный и скрытный человѣкъ. Свои обязанности онъ исполнялъ неукоснительно, хотя и не отличался прочнымъ здоровьемъ. Но кромѣ своихъ рабочихъ часовъ, онъ не считалъ нужнымъ бывать на заводѣ и ни съ кѣмъ изъ служащихъ не былъ въ товарищескихъ отношеніяхъ. Никто не зналъ, чему

посвящаетъ свой досугъ этотъ худой, болѣзненный человѣкъ. съ высоко приподнятыми плечами и съ глубоко сидящими глазами на блѣдномъ, обрамленномъ черною бородою лицѣ, производившемъ непріятное впечатлѣніе. Ничего опредѣленнаго нельзя было сказать о немъ: онъ никогда не пускался въ разговоры по поводу техническихъ вопросовъ, но его рабочіе всегда отличались образцовой исполнительностью. Ходили слухи, что онъ еврейскаго происхожденія, потому что никогда не бываетъ въ церкви; другіе, судя по его выговору, предполагали, что онъ родомъ изъ Россіи. Въ дѣйствительности, онъ работалъ въ разныхъ странахъ, хотя ему еще не было и тридцати лѣтъ, и отовсюду имѣлъ блестящіе аттестаты. Готхольдъ былъ удивленъ пунктуальностью, съ какой онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, и сдержаннымъ видомъ, внушавшимъ скорѣе мысль объ осторожности и сомнѣніи, чѣмъ о скрытности. Готхольдъ спросилъ его о настроеніи въ соціалистическомъ лагерѣ и можетъ ли онъ, какъ племянникъ коммерціи совѣтника и духовное лицо, ничѣмъ не рискуя, быть на собраніи рабочихъ. Майвальдъ отвѣтилъ, подумавши, и, по обыкновенію, смотря въ землю:

— Я не вижу никакихъ препятствій. Пока эти собранія не только для единомышленниковъ, доступъ туда открытъ всѣмъ: участіе людей разныхъ убѣжденій тѣмъ болѣе желательно, что этимъ путемъ возможно болѣе широкое распространеніе соціалистическихъ идей. Кромѣ того, принципъ гостепріимства эти собранія практикуютъ очень широко. Впрочемъ, вамъ лучше подождать, пока пріѣдетъ соціалистическій депутатъ рейхстага.

— Вы посѣщаете эти собранія?—спросилъ Готхольдъ.

— Да,—прозвучалъ спокойный и холодный отвѣтъ.

— Слышали вы Курта Вельманна?

— Я слушаю его почти каждое воскресенье.

— Развѣ эти собранія происходятъ такъ правильно?

— Собранія свободомыслящихъ—да, но не соціалъ-демократовъ.

— Свободомыслящихъ?—съ удивленіемъ спросилъ Готхольдъ.—Развѣ здѣсь есть такое общество?

— Оно находится въ тѣсной связи съ соціалъ-демократами, но въ составъ его входятъ элементы, сохранившіе еще религіозныя потребности и не вполнѣ отрицающіе значеніе религіи. Выдающимся представителемъ этого направленія является Куртъ Вельманнъ и, благодаря ему, нашлось много послѣдователей. Во всемъ остальномъ это общество раздѣляетъ политическія и соціальныя воззрѣнія соціалъ-демократовъ, но атеисты-политики смотрятъ на него косо.

— Какъ вы прекрасно освѣдомлены обо всемъ, г. инженеръ!—невольно воскликнулъ Готхольдъ.

Майвальдъ бросилъ на него быстрый, сверкнувшій взглядъ и продолжалъ прежнимъ, холоднымъ и однозвучнымъ тономъ:

— Вездѣ, гдѣ я бываю, я стараюсь основательно познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, г. пасторъ, и изучать жизнь рабочихъ внѣ ихъ обязательныхъ отношеній.

— Вы, такъ сказать, изучаете *народъ*?

— Едва ли есть что-нибудь болѣе интересное.

— И какое же впечатлѣніе вынесли вы изъ знакомства съ здѣшнимъ рабочимъ населеніемъ?

Онъ опять бросилъ на Готхольда тотъ же быстрый и сверкнувшій взглядъ и спокойно отвѣтилъ, слегка поклонившись:

— Я служащій этого завода, г. пасторъ, и сейчасъ стою передъ племянникомъ моего принципала.

Готхольдъ закусилъ губы. Онъ чувствовалъ, что отъ этого умнаго и проницательнаго человѣка онъ могъ бы получить болѣе цѣнныя свѣдѣнія о положеніи здѣшнихъ рабочихъ, чѣмъ изъ всѣхъ „оффиціальныхъ“ сообщеній и собственныхъ наблюденій, приводившихъ часто къ противорѣчивымъ выводамъ. Опять пришлось столкнуться съ „системой“ его дяди, исключавшей возможность услышать откровенное слово и честное мнѣніе. Эта „система“, составлявшая его гордость, среди другихъ его дѣлъ являлась, дѣйствительно, совершеннымъ механизмомъ, гдѣ никто не осмѣливался ослабить ни одного винтика. Этотъ „служащій“ не хочетъ высказать своего мнѣнія о людяхъ, получающихъ жалованье отъ его дяди, и потому лишенныхъ права быть недовольными. Да и самъ онъ развѣ не могъ бы быть шпіономъ: они имѣлись на заводахъ Виллинга!

— По крайней мѣрѣ, вы должны сказать мнѣ, гдѣ и когда бываютъ собранія свободомыслящихъ, г. инженеръ?—произнесъ Готхольдъ съ замѣтной горечью.

— Начальство ставитъ обществу различныя препятствія. Въ результатѣ, Курту Вельманну запрещено обученіе юношества, и за нарушеніе этого запрещенія онъ даже подвергся тюремному заключенію; за собраніями слѣдятъ и часто закрываютъ ихъ, а ораторовъ привлекаютъ къ отвѣтственности за богохульство, посрамленіе религіи и т. п. Въ теплое время года собранія происходятъ подъ открытымъ небомъ, каждую субботу, въ 8 ч. вечера, на Артурсбергѣ.

— Благодарю васъ... Всякому доступенъ туда входъ?

— Насколько мнѣ извѣстно,—да. Я не членъ общества (Майвальдъ произнесъ эти слова съ удареніемъ и горечью),

но я бываю на собраніяхъ очень часто. Тамъ можно встрѣтить сочувствующихъ цѣлямъ общества изъ разныхъ слоевъ населенія. Большинство, конечно, рабочіе.

Готхольдъ узналъ все, что нужно было, пожалъ руку инженеру и ушелъ.

Завтра—суббота! Онъ едва могъ дождаться времени, когда услышитъ проповѣдь Курта Вельманна. *Проповѣдь* безсознательно мелькнуло въ его головѣ, и онъ насмѣшливо улыбнулся. Конечно, то, что скажетъ другъ его юности, не будетъ проповѣдью для жаждущихъ слова рабочихъ, а лишь отравой для ихъ сердецъ... Когда-то онъ умѣлъ говорить съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ! Будетъ ли онъ говорить также и теперь, когда Христосъ уже не воспламеняетъ его, а внушаетъ ему мысли Антихристъ? Ибо какъ же назвать Христа, исправленнаго имъ по собственному усмотрѣнію? Какую пользу онъ можетъ принести труждающимся и обремененнымъ, какихъ собираетъ вокругъ себя?

Наступила суббота. Было жарко, какъ лѣтомъ. Съ ранняго утра Готхольдъ былъ въ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, хотя и не хотѣлъ въ этомъ сознаться. Онъ долженъ былъ еще приготовить собственную проповѣдь, но не чувствовалъ для этого нужнаго спокойствія. Нѣсколько разъ, думая о 9 гл. Евангелія отъ Іоанна, гдѣ исцѣленный Іисусомъ слѣпорожденный, на слова фарисеевъ: „мы не знаемъ, откуда этотъ Христосъ“, отвѣчаетъ: „это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, когда Онъ отверзъ мнѣ очи; если бы Онъ не былъ отъ Бога, не могъ бы творить ничего“,—онъ ловилъ себя на вопросѣ: придетъ-ли Гельга Леръ слушать Курта Вельманна?.. Что ему до нея?.. Она вѣдь тоже изъ тѣхъ, кто не знаетъ и не хочетъ знать, откуда этотъ Іисусъ, и его обязанность только молиться, чтобы Господь отверзъ ей очи, и она прозрѣла. Теперь, какъ и всѣ другіе, она бродитъ ощупью въ темнотѣ. И завтра съ церковной каѳедры онъ будетъ говорить объ этихъ слѣпцахъ, не желающихъ признать единороднаго Сына Божія, хотя и открывшагося имъ во всемъ своемъ величіи!..

Мице уже два раза тихо отворяла дверь въ его рабочую комнату и просовывала въ узкую щель свою рыжую голову. Очевидно, ей что-то нужно было, но она боялась помѣшать ему. Онъ умышленно не отрывался отъ своихъ книгъ. Ему было непріятно и досадно, что она постоянно приходитъ къ нему съ разными пустяками, какіе съ успѣхомъ могла бы разрѣшить ей и Ирма.

Во всемъ существѣ ея было что-то кошачье, что ему особенно не нравилось; иногда онъ совсѣмъ не могъ смо-

трѣть ей въ глаза, а улыбка заставляла его краснѣть и вспоминать первыя встрѣчи.

— Что вамъ нужно, Мари (въ его домѣ она носила такое имя)? Зачѣмъ вы третій разъ подходите къ моей двери?—спросилъ онъ. Голосъ его дрожалъ непріязненно, лобъ былъ нахмуренъ.

— Прошу извинить, г. пасторъ, но у меня есть къ вамъ просьба. Я хотѣла бы уйти сегодня.

— Почему вы не обращаетесь къ моей сестрѣ?

— Фрейлейнъ такая странная, г. пасторъ! Я боюсь ея. Иногда стоишь передъ ней, а она точно и не замѣчаетъ... А потомъ эти глаза!.. Простите меня, но мнѣ кажется, что она не въ своемъ умѣ.

— Ну, хорошо, ступайте! Сестра довольна вами, и у меня нѣтъ основаній отказывать въ вашей просьбѣ. Мы вѣримъ вамъ и надѣемся, что вы не станете злоупотреблять нашимъ позволеніемъ выходить изъ дому.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы она ушла, но она приблизилась къ нему съ той же выжидательной улыбкой и кошачьими манерами и быстро схватила его руку, лежавшую на раскрытомъ Евангеліи.

— Въ чемъ дѣло? Чего вы еще хотите?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ, охваченный нервной дрожью. Концы его пальцевъ были холодны, какъ ледъ.

— Просто поцѣловать вашу руку. Вы такъ добры ко мнѣ, я такъ благодарна вамъ, г. пасторъ.

— Оставьте! оставьте!—Онъ принужденъ былъ вырвать у нея свою руку.—Мнѣ некогда. Идите съ Богомъ! Кланяйтесь отъ меня своей сестрѣ и скажите, что я приду къ ней завтра. До свиданья!

Онъ отвернулся и склонился надъ книгой, охвативъ голову руками, точно хотѣлъ спрятаться. Онъ не слыхалъ, какъ она скрылась. Сердце его стало спокойнѣе. Странно: эта дѣвушка приводитъ его въ смущеніе и тревогу! Вѣроятно, тутъ сказывается дыханіе грѣха, пропитавшаго все существо ея...

Готхольдъ всталъ и прошелся по комнатѣ, заложивъ назадъ руки. Онъ попробовалъ было опять сѣсть и продолжать свою работу, но нужное настроеніе не приходило. Онъ высунулся въ окошко и сталъ смотрѣть на строющуюся церковь. Скоро ли онъ взойдетъ на новую церковную каѳедру?.. И какъ разъ вблизи новаго храма, гдѣ будутъ служить истинному Богу, устраиваютъ свои собранія невѣрующіе и революціонеры и въ своихъ проповѣдяхъ, упоминая о вселенной, не отводятъ больше мѣста Творцу неба и земли!

Солнце уже склонялось къ западу. Послѣдніе теплые

лучи озаряли еще волнистые холмы и лѣсъ. Яркое пламя его отражалось на церковной постройкѣ, и казалось, точно внутри ея былъ зажженъ священный огонь. Затѣмъ солнце скрылось, и раньше всего потухъ этотъ огонь. Голая, пустая постройка безъ крыши осталась торчать одиноко среди лѣсовъ въ сѣромъ, холодномъ туманѣ. Эта быстрая перемѣна картины, говорившая, будто все погасло и умерло, привела Готхольда въ трепетъ, и онъ невольно подумалъ: „Буду ли я еще возвѣщать тамъ слово Божіе? Удастся ли кончить этотъ Господень храмъ?“

Онъ съ негодованіемъ провелъ рукою по лбу: что за глупыя и трусливыя мысли! „Іисусъ Христосъ всегда, вчера и сегодня и во вѣки вѣковъ“,—произнесъ онъ громко слова изъ посланія къ евреямъ.

Дома онъ сталъ собираться на собраніе еще задолго до назначеннаго времени и чуть не ушелъ, не простившись съ сестрой. Онъ вернулся и пошелъ къ ней. Ирма тупо отнеслась къ тому, что онъ уходитъ изъ дому въ субботу вечеромъ, и Готхольдъ невольно вспомнилъ слова Мице, что она не замѣчаетъ иногда, кто передъ нею, и похожа на безумную.

— Останься!—вдругъ сказала она, схвативъ его за руки.— Я боюсь.

— Боишься? Чего?

— Не знаю.—Она быстро провела руками по своему лицу.— Иногда это бываетъ. И сегодня опять.—Она пристально посмотрѣла на Распятіе.—Я боюсь Его,—прошептала она.

— Ирма!

— Не правда ли, это ужасно?—Она вздрогнула.—Да, Готхольдъ, я боюсь... и всетаки люблю Его.

Она прижалась къ брату, стараясь спрятать голову на его груди. Онъ гладилъ ея волосы и произносилъ успокоительныя слова.

— Куда ты идешь? — спросила она, наконецъ, спокойно.

Онъ сообщилъ все и прибавилъ:

— Знаешь, кто будетъ говорить на собраніи? Твой хорошій знакомый: Куртъ Вельманнъ!

Она вскрикнула, взмахнула руками и грохнулась бы на полъ, если бы онъ не поддержалъ ея.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ, усаживая сестру.—Развѣ ты не знала, что онъ здѣсь и сталъ соціалъ-демократомъ?

Она покачала головой, пристально глядя въ пространство.

— Ты мнѣ не говорилъ ничего.

— Я не зналъ, что это можетъ интересовать тебя. Тебя

такъ мало занимаетъ все, что творится внѣ дома. Ты никогда не спрашиваешь ни о чемъ и все отталкиваешь отъ себя, увѣряя, что у тебя слишкомъ достаточно дѣла съ самой собой. Я не сказалъ бы этого и теперь, просто сорвалось съ языка. Съ Куртомъ Вельманномъ я говорилъ всего одинъ разъ. Ты понимаешь, какъ разошлись наши дороги... Кстати, онъ спрашивалъ о тебѣ...

Ирма долго сидѣла неподвижно, задумавшись. Но вдругъ вздрогнула и, испуганно повернувъ голову, посмотрѣла на Распятіе. Казалось, она старалась уловить выраженіе лица и глазъ Спасителя. Ее охватила нервная дрожь.

— Я хотѣла было идти съ тобою,—сказала она,—но Христосъ не хочетъ этого сегодня.

Она все больше и больше съеживалась на своемъ стулѣ и не поднимала уже глазъ. Готхольдъ смотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Ну, въ другой разъ мы пойдемъ вмѣстѣ, Ирма. А теперь... будь здорова!—сказалъ онъ.

Она ничего не отвѣтила. Готхольдъ оставилъ домъ съ тяжелыми мыслями. Когда онъ былъ уже на улицѣ, ему показалось, что его зовутъ. Онъ остановился, прислушался: все было тихо.

Когда онъ свернулъ съ улицы предмѣстья, чтобы выйти на дорогу, ведущую къ мѣсту собранія, онъ встрѣтилъ небольшую группу рабочихъ, шедшихъ въ томъ же направленіи. Готхольду бросилось въ глаза, что они идутъ безъ обычнаго шума и пѣнія, какъ въ воскресеніе, а тихо и серьезно, точно на богослуженіе. Они разговаривали мало, и это были не скорбные разговоры, какъ всегда, а краткій и спокойный обмѣнъ мыслей. Многіе были одѣты по праздничному, и ни на комъ не видно было грязной рабочей блузы. То и дѣло попадались Готхольду знакомыя лица мужчинъ и женщинъ изъ прирѣчнаго квартала. Когда онъ взошелъ на гору, онъ увидѣлъ, какъ двѣ молодыя женщины толкали впередъ телѣжку съ сидѣвшимъ въ ней больнымъ человѣкомъ. Одна изъ нихъ вела за руку мальчика. Сзади нихъ, прихрамывая, еле тащилась старуха. Человѣкъ въ телѣжкѣ былъ прикрытъ широкимъ чернымъ платкомъ, закрывавшимъ всю лѣвую половину его туловища; правая рука оставалась свободной. Лицо его съ свѣтлой бородой и съ серьезными, печальными глазами было красиво. Онъ повернулся къ старухѣ и спросилъ:

— Плетешься, мама? Мнѣ въ моемъ экипажѣ спокойнѣе.

— Ничего, ничего,—отвѣтила старуха,—ступайте впередъ. Я не отстану.

Готхольдъ узналъ зеленщицу Эмилію Заутеръ изъ того

дома, гдѣ жилъ Куртъ Вельманнъ. Впереди, значитъ, шли ея дочери и везли своего брата, чтобы и онъ могъ послушать оратора. Все это тронуло Готхольда, помимо его желанія. Младшая изъ женщинъ, здоровая, цвѣтущая блондинка, повидимому, особенно торопилась. Послѣ словъ матери она устремилась впередъ, таща мальчика за руку. При видѣ Готхольда, старуха обнаружила смущеніе. Онъ подошелъ къ ней и поклонился.

— Вы тоже хотите быть на собраніи?—спросилъ онъ тономъ упрека.

— Боже мой, г. пасторъ!—отвѣтила она, остановившись.—Дѣти тащутъ. По вечерамъ я могу уходить: Элерманнъ присматриваетъ за дѣтьми Труды... Я никогда не бывала тамъ, и сегодня не хотѣла, но дѣти соблазнили: говорятъ, что въ послѣдній разъ этотъ „красный" Вельманнъ такъ говорилъ, что многіе плакали горючими слезами: можетъ быть, и сегодня будетъ говорить также. Дѣти настаиваютъ, что должна же я, наконецъ, убѣдиться, что на этихъ собраніяхъ нѣтъ ничего похожаго на язычество, нѣтъ богохульства, все хорошо и исходитъ изъ чистаго сердца и идетъ къ сердцу — настоящая проповѣдь въ духѣ новаго ученія, предоставляющаго каждому вѣрить по своему разумѣнію, свободно, безъ всякихъ принужденій. Я думаю, г. пасторъ, что послушать, какъ говоритъ Вельманнъ—еще не грѣхъ?

Она бросила на Готхольда застѣнчивый взглядъ.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, идя рядомъ съ нею.—Какъ видите, я самъ иду туда.

Старуха глубоко вздохнула и опустила голову.

— А всетаки жаль,—пробормотала она.—Есть чистая, истинная христіанская вѣра. Я всегда была довольна и счастлива и ничего другого не желала. Не понимаю, зачѣмъ понадобилась другая вѣра. Дѣти говорятъ: нужно. Конечно, хорошо бы идти рядомъ съ ними...

Она сама испугалась собственныхъ словъ и робко взглянула на Готхольда. Но онъ промолчалъ, какъ будто не разслышалъ, что она сказала.

— Будемъ держаться нашего стараго Бога, Фрау Заутеръ,—сказалъ онъ послѣ длинной паузы.—Онъ еще живъ.

Они догнали телѣжку и обѣихъ женщинъ съ мальчикомъ, подходившихъ уже къ мѣсту собранія. Когда сидѣвшій въ телѣжкѣ увидѣлъ старуху въ сопровожденіи Готхольда, онъ насмѣшливо улыбнулся. Движеніемъ руки старуха указала на группу.

— Это—мои дѣти, г. пасторъ,—сказала она,—и маленькій Ласъ.

а дружеское привѣтствіе пастора калѣка отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ.

— Я уже слышалъ о васъ,—сказалъ Готхольдъ.—Вамъ пришлось очень тяжело.

— Другимъ бываетъ *еще* хуже,—отвѣтилъ спокойно калѣка.—Хотя я—только полъ-человѣка (другую половину сожрала машина), но у меня есть на что жить, у другихъ и этого нѣтъ.

Глаза его горѣли гнѣвомъ и злобой.

— Оставь, Вилемъ!—вмѣшалась старшая изъ сестеръ, полная и живая женщина, при чемъ на открытомъ красивомъ лицѣ второй мелькнуло выраженіе горечи.—Г. пасторъ знаетъ, что мы—соціалъ-демократы.

— Конечно,—отвѣтилъ Вильгельмъ съ оттѣнкомъ гордости:—Съ нашимъ Вельманномъ мы пройдемъ сквозь огонь и воду!

— Вилемъ!—испуганно воскликнула старуха.

— Оставьте его!—произнесъ спокойно Готхольдъ:—Къ сожалѣнію, я эти рѣчи слышу уже не въ первый разъ.

— Мы должны подойти поближе,—требовала младшая сестра, выражавшая признаки нетерпѣнія,—онъ долженъ сейчасъ придти. Оставь этотъ разговоръ!

— Да, да, впередъ!—прибавила вторая сестра, и онѣ повезли телѣжку дальше.

Вильгельмъ Заутеръ холодно приподнялъ свою шляпу.

Готхольдъ шелъ рядомъ со старухой.

— Для нихъ встрѣтить пастора все равно, что быку увидѣть красный платокъ, — жаловалась она.—Это ужасно! Нынѣшніе молодые люди совсѣмъ не имѣютъ почтенія къ духовному лицу и очень нетерпимы Все, къ чему они стремятся, правильно и хорошо... Но остальное никуда не годится... Точно свѣтъ совсѣмъ перемѣнился. Иногда не знаешь, какъ и справиться: ложись да помирай...

Они дошли до мѣста собранія, и она прекратила разговоръ.

Вся возвышенность была запружена народомъ. Большинство стояло безмолвно, нѣкоторые сидѣли на землѣ, а другіе ходили взадъ и впередъ, тихо разговаривая. Всюду господствовало торжественное, полное ожиданія, настроеніе. Готхольдъ помѣстился на заднемъ планѣ, чтобы не быть замѣченнымъ. Не смотря на сумерки, онъ разсмотрѣлъ большинство присутствовавшихъ. Большею частью здѣсь были рабочіе, мужчины и женщины, но тамъ и сямъ мелькали лица и другихъ профессій. Съ нѣкоторыми изъ нихъ ему приходилось встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ. Кое-кто старался, какъ и онъ, остаться незамѣченнымъ. Тутъ было смѣшанное общество, привлеченное сюда разными мотивами: лю-

бопытствомъ, благоговѣніемъ и надеждой. Готхольдомъ овладѣло уныніе, и напрасно онъ боролся съ нимъ. „Почему они не стремятся такъ въ церковь?—думалъ онъ. Почему церковь потеряла власть надъ ними?"

На двухъ деревьяхъ, у опушки лѣса, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, вспыхнули огни двухъ фонарей, повѣшанныхъ цирюльникомъ Бедова. Наступила полная тишина. Люди подвинулись другъ къ другу и вытянули шеи. Готхольдъ видѣлъ, какъ Вильгельма Заутера провезли ближе впередъ, и какъ охотно всѣ уступали ему дорогу. Елена взяла на руки маленькаго Ласа и посадила его верхомъ къ себѣ на плечи, чтобы и онъ могъ слышать и видѣть. Старуха-мать безпомощно пробиралась свади, съ опущенной головой, повидимому, съ большой робостью и смущеніемъ.

Наконецъ, на большой камень, покрытый мхомъ, между деревьями съ фонарями, взошелъ человѣкъ. Стало такъ тихо, что Готхольдъ могъ слышать прерывистое дыханіе стоявшихъ вблизи его. И его сердце вдругъ забилось: онъ увидѣлъ передъ собою Курта Вельманна! Выпрямившись во весь ростъ, съ кроткими, мечтательными глазами, стоялъ онъ на возвышеніи, какъ въ то время, когда еще молодымъ студентомъ, одушевленнымъ пылкими стремленіями, близкими и Готхольду, излагалъ ему одну изъ своихъ будущихъ проповѣдей. Послышался тотъ же голосъ, дрожавшій отъ сильнаго внутренняго возбужденія, когда онъ, устремивъ взоръ въ свѣтлую даль, обратился съ своей рѣчью къ внимательно слушавшей его толпѣ.

— Дорогіе друзья, братья и сестры! Мы живемъ въ знаменательное время. Это не время апатіи и упадка, въ чемъ насъ стараются увѣрить преждевременно отжившіе, истощенные сластолюбцы; это время броженія, порыва и переворота; оно родитъ новое, чего ждетъ все человѣчество. Конецъ девятнадцаго столѣтія не представляется старческимъ: онъ юношески свѣжъ и полонъ бурныхъ созидательныхъ стремленій. Мы живемъ въ періодъ величайшихъ открытій и великихъ людей. Наше время въ своей неутомимой дѣятельности быстро растрачиваетъ силы и безсердечно распоряжается человѣческой жизнью. Въ своемъ поступательномъ движеніи оно разрушаетъ то, что тысячи людей считаютъ священнымъ, и не справляется, страдаютъ ли они, платятся ли единицы, губитъ ли это ихъ, или вознаграждаетъ. Желѣзное время требуетъ сильныхъ духомъ и независимыхъ умомъ мужей.

Въ наши дни замѣчается пламенное стремленіе къ Христу. Чѣмъ обусловливается оно, друзья мои? Тѣмъ, что человѣчество нуждается въ Христѣ, а ему не хотятъ дать

и не даютъ Его... Если бы Христосъ снова вошелъ въ жизнь и увидѣлъ, что творится въ государствахъ, именующихъ себя „христіанскими“, и гдѣ христіанство признается оффиціальной религіей, Онъ, возвѣстившій царство равенства и братства, опустилъ бы свою голову и возрыдалъ, какъ при разрушеніи Іерусалима.

Очень многіе произносятъ имя Христа, но ученія Его не знаютъ. Если бы они знали его, не стали бы жить, какъ живутъ. Гдѣ тѣ, кому христіанство проникло въ душу и сердце, кѣмъ оно овладѣло вполнѣ? Я ихъ не вижу. Кто теперь дѣйствительно живетъ согласно ученію Христа? Кто не на словахъ только, а на дѣлѣ хочетъ слѣдовать Ему, тотъ дѣлается или посмѣшищемъ для всего свѣта, или мученикомъ. Нельзя придумать для человѣка болѣе трагическаго положенія... Вотъ почему такъ сильно влеченіе къ Христу въ наше безбожное время. Мы не хотимъ, чтобы Онъ внушалъ намъ страхъ и приниженность, потому что тогда Его ученіе и дѣла были бы людямъ не подъ силу, и для него не было бы ни въ чемъ заслуги. Всякая попытка подражать Ему была бы съ нашей стороны напраснымъ трудомъ. Не того хотѣлъ и требовалъ Христосъ. Мы должны дѣйствовать, жить во Христѣ и работать съ Нимъ. Слѣдуя чистѣйшему и благороднѣйшему ученію Христа, столько разъ подвергавшемуся искаженію, мы должны въ корнѣ измѣнить свой образъ жизни и сдѣлать себя достойными того царства братства, какое хотѣлъ видѣть Сынъ плотника изъ Назарета.

Братья! Намъ говорятъ, что мы не вѣримъ въ Бога, и потому мы злые и безнравственные люди. Отождествлять вѣру въ Бога съ нравственностью, ставить мораль въ зависимость отъ вѣры въ Бога—какая громадная ошибка мысли, какое смѣшеніе понятій, какая наглая дерзость! Только властолюбивое духовенство можетъ проводить такую идею и поддерживать церковную мораль угрозами и обѣщаніями наградъ. Сомнѣніе въ ихъ правотѣ и безнравственность—для нихъ одно и то же. Товарищи и братья! Никакой вѣры нельзя доказать и никакая вѣра не нуждается въ доказательствахъ: вѣра, сама по себѣ, благодать. По существу она не нуждается въ защитѣ отъ возраженій и сомнѣній. Оставимъ имъ ихъ вѣру, если она у нихъ есть, и пусть они оставятъ намъ нашу вѣру. Всякая вѣра имѣетъ право на существованіе, потому что всякая—благодать, сокровеннѣйшее дѣло сердца, ее нельзя ни насадить, ни навязать. Она живетъ въ насъ, составляетъ часть насъ самихъ, и мы обречены жить и умереть съ нею.

Братья! Тѣ, кто утверждаетъ, что у насъ нѣтъ вѣры,—

лгутъ. У насъ есть своя прекрасная, свѣтлая вѣра въ будущее, въ братство людей и въ миръ на землѣ. У насъ есть истинное, страстное влеченіе къ Христу, пробивающееся чрезъ этотъ міръ постыднаго произвола и продажнаго рабства, черезъ вооруженное и окостенѣвшее въ корыстолюбіи человѣчество. Пасторы до пресыщенія и отвращенія повторяютъ слова Евангелія, грозятъ и хвастаютъ имъ, сопровождая свои поученія закатываніемъ глазъ и колѣнопреклоненіемъ; но смыслъ произносимыхъ ими словъ и послѣдующіе ихъ поступки такъ же далеки другъ отъ друга, какъ были далеки отъ Христа книжники и фарисеи, пригвоздившіе Его къ кресту изъ страха, что Его ученіе восторжествуетъ въ мірѣ... Во что превратилось ученіе Христа въ этомъ мірѣ, гдѣ лицемѣріе облекается въ мантію вѣры и добродѣтели и властолюбіе осмѣливается искать опоры для своего дерзновеннаго права въ словахъ скромнѣйшаго и смиреннѣйшаго изъ людей, — показываетъ жажда слѣдовать Христу, вспыхнувшая съ новой силой среди людей. Вѣдь что сталось съ Его ученіемъ? Какъ исказили и изуродовали его! Христосъ основалъ братскую общину, слово Его обращалось къ обездоленнымъ и бѣднымъ; трудящихся и обремененныхъ призывалъ Онъ къ себѣ; больныхъ и несчастныхъ утѣшалъ Онъ. Наша „христіанская“ церковь обратилась въ *классовую церковь...* Истинно, истинно говорю вамъ: ни одной искры христіанства нѣтъ у всѣхъ этихъ лицемѣровъ и грѣшниковъ!

Много столѣтій тому назадъ въ отдаленной Индіи, на берегахъ Ганга, жилъ сынъ царя, по имени Сиддерта, изъ рода Касіа. При обходѣ обширнаго царства своихъ будущихъ владѣній, онъ былъ пораженъ массой бѣдныхъ и несчастныхъ, населявшихъ это царство, и устыдился окружавшей его пышности, блеска и своего могущества. Сиддерта добровольно отказался отъ своего суетнаго положенія наслѣдника престола, роздалъ всѣ свои богатства бѣднымъ и обошелъ всю страну, съ цѣлью научить людей состраданію ко всѣмъ живымъ существамъ и вывести ихъ изъ тьмы язычества. Этотъ скромный сынъ царя, подъ именемъ Будды, основалъ новую религію, имѣющую теперь много милліоновъ послѣдователей и въ другихъ странахъ. Съ какой насмѣшкой и съ какимъ негодованіемъ смотрятъ на послѣдователей Будды эти, такъ называемые, христіане съ воображаемой высоты своихъ убѣжденій и вѣры! По ихъ мнѣнію, все это—азіатскіе варвары, язычники, занимающіе самую низкую и жалкую ступень человѣчества, и имъ не можетъ быть спасенія. Но я спрашиваю васъ: можно ли ждать теперь, что найдется наслѣдникъ престола или просто богатый и сильный міра сего, кто захотѣлъ бы послѣдо-

вать примѣру Сиддерты? Я не вижу такихъ... И всетаки они хвастаются своимъ христіанствомъ, хотя ни у кого изъ нихъ нѣтъ и тѣни того, чѣмъ обладалъ отпрыскъ индійскихъ властелиновъ: нѣтъ состраданія къ людямъ. Христіанство ихъ стало властолюбивой и своекорыстной религіей, порождающей разныя нелѣпости... Отсюда-то, друзья мои, и то пламенное желаніе нашего времени возстановить истинное ученіе Христа.

Друзья мои и братья! Чего же хотимъ мы, слабые и гонимые? Мы хотимъ воодушевить и поднять человѣчество, хотимъ нравственнаго возрожденія отдѣльныхъ единицъ, хотимъ мирнаго преобразованія разлагающагося порядка. Наше рѣшеніе можетъ быть тяжелымъ для этихъ единицъ. Но если оно будетъ принято сразу многими, то они станутъ поддерживать и защищать другъ друга, находить утѣшеніе и надежду. Одинокого захлестываетъ волна жизни, и онъ рискуетъ погубить свой челнъ въ бурномъ морѣ, но когда всѣ соединяются для общаго дѣла, созидается нѣчто великое. Поэтому мы и говоримъ: прислушайтесь къ словамъ Христа изъ Назарета: „что вы сдѣлали одному изъ малыхъ сихъ, братьевъ моихъ, то сдѣлали Мнѣ“, чтобы мы не могли сказать о васъ: „ибо алкалъ Я и вы не накормили Меня“. Въ четвертой главѣ Дѣянія апостоловъ сказано, что никто изъ нихъ ничего не называлъ своимъ, и все было у нихъ общее. Такъ жили первые христіане, принявшіе Евангеліе еще не въ искаженномъ видѣ. А насъ, желающихъ того же, современные христіане, тратящіе свои деньги только на самихъ себя и на постройку церквей и казармъ, называютъ невѣрующими и отступниками!..

Но не унывайте, братья мои, близокъ день, когда на землѣ настанетъ царство Христа. Нашихъ послѣдователей все прибываетъ. Бѣдствія нашего времени взываютъ къ небесамъ. Такъ дальше идти не можетъ, это теперь видитъ всякій... Итакъ, идите, утѣшенные, и ждите, друзья мои! Будьте спокойны и надѣйтесь: нашъ часъ пробьетъ!

XIII.

Ораторъ кончилъ. Нѣкоторое время царила глубокая тишина. Казалось, каждый изъ этихъ, исполненныхъ благоговѣнія, слушателей желалъ, чтобы въ душѣ его продолжали звучать полныя надеждъ слова утѣшенія мечтательнаго пророка, прежде чѣмъ они, ободренные, вернутся къ ничтожной дѣйствительности. Куртъ Вельманнъ сошелъ съ камня и смѣшался съ толпой, чтобы пожать протянувшіяся къ нему мозолистыя руки. Онъ не говорилъ ни слова; лобъ

его былъ покрытъ каплями пота, онъ тяжело дышалъ; устало, съ блуждающей улыбкой, пожималъ онъ всѣ эти руки. Лицо его поблекло и только не потухалъ мечтательный блескъ его глазъ. Женщины въ особенности тѣснились вокругъ него. Нѣкоторыя, постарше, плакали отъ волненія. Многія хотѣли поцѣловать руку, но онъ не допускалъ этого. Сотни блестящихъ глазъ были устремлены на него. Готхольдъ смотрѣлъ на все издали, не трогаясь съ мѣста. Онъ давно хотѣлъ уйти, еще во время рѣчи, возмущавшей каждый фибръ его существа, но не могъ. Какъ прикованный, стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ. Ему казалось, что передъ нимъ сорвали завѣсу съ новаго, невѣдомаго ему міра, хотя то, что рисовалъ этотъ мечтатель передъ своими внимательными слушателями, было то же, что онъ читалъ уже во многихъ сочиненіяхъ, цѣлой грудой лежавшихъ на его письменномъ столѣ. Было ново и достойно вниманія только, *какъ* онъ говоритъ, и *какъ* его слова дѣйствуютъ на тѣхъ, для кого они предназначаются. Готхольдъ могъ убѣдиться воочію, что одного знака этого человѣка достаточно, чтобы вся эта толпа пала передъ нимъ ницъ и съ рыданіемъ и восторгомъ признала въ немъ своего вождя. Люди подняли бы его на своихъ рукахъ, какъ новаго Христа, усыпали бы его путь зелеными вѣтвями и кричали „осанна". Да, говорившій съ ними былъ правъ: горячее, пламенное стремленіе къ Христу живетъ въ нихъ!.. Что-то похожее на зависть вспыхнуло въ душѣ Готхольда. Какой силой пользуется этотъ „красный" Вельманнъ! Почему не приходятъ къ нему, на *его* проповѣди, въ *его* церковь всѣ эти алчущіе и жаждущіе манны небесной? Онъ вспомнилъ, какъ тупо ежатся они на деревянныхъ скамейкахъ въ церкви, какъ безучастно повторяютъ за нимъ слова молитвы и какъ безсмысленно таращатъ глаза, когда онъ, *онъ* возвѣщаетъ имъ слово Божіе! Значитъ, и тутъ дѣятельность его не достигаетъ цѣли, какъ и въ дѣлахъ милосердія. Значитъ, и здѣсь предупредили его другіе, и его честныя и благія намѣренія ни къ чему не приведутъ, и только потому, что онъ—священникъ. Они ищутъ и признаютъ только братьевъ, всегда готовыхъ помочь. Они хотятъ возстановить на землѣ царство Божіе, царство любви, слиться въ одну большую общину, какъ первые христіане. Развѣ есть въ ихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ что-нибудь враждебное Богу? И что враждебнаго государственному порядку въ томъ, что они отвергаютъ, какъ несогласное съ ученіемъ Христа, всякое примѣненіе насилія?..

Готхольдъ услышалъ вблизи себя рыданія. Старая зеленщица, Эмилія Заутеръ, плакала, закрывши передникомъ лицо. Эту тоже можетъ легко обратить Куртъ Вельманнъ, и тогда

ничто не будетъ раздѣлять ее съ дѣтьми. Они не посягаютъ на ея Христа, чего она всегда боялась. Значитъ, вотъ какъ слѣдуетъ говорить съ этими людьми: надо утѣшать ихъ и возбуждать въ нихъ надежду, а не принуждать и пугать, вселять и возбуждать къ себѣ довѣріе, указывая на печальную дѣйствительность.

Взоръ его продолжалъ блуждать по всѣмъ этимъ морщинистымъ лицамъ, ожесточеннымъ работой и тяжелой жизнью. Многихъ ему приходилось видѣть въ ихъ повседневной жизни, и они казались тупыми и упорными, желчными и насмѣшливыми, а сегодня—какимъ искреннимъ сочувствіемъ дышатъ ихъ лица! Даже цирюльникъ Бёдовъ оставилъ свою язвительную улыбку, а грустное лицо калѣки въ телѣжкѣ прямо сіяло свѣтомъ блаженства. Лена, стоявшая возлѣ него, высоко держала на рукахъ маленькаго Ласа и своими блестящими глазами указывала этому представителю новаго поколѣнія человѣка, возвѣщавшаго миръ и счастье. Горькое чувство все расло въ душѣ Готхольда... Глаза его стали искать Гельгу. Нѣтъ ли и ея среди этихъ благоговѣйныхъ слушателей? Не устремлены ли также и ея взоры на новаго пророка, ея единомышленника? Ему казалось, что онъ чувствуетъ ея близость, но ея нигдѣ не было. Онъ замѣтилъ только инженера Константина Майвальда. Онъ стоялъ какъ разъ противъ него, со скрещенными на груди руками, прислонившись къ дереву, и взглядъ его глубокосидящихъ, печальныхъ глазъ спокойно скользилъ по толпѣ. Какъ будто онъ одинъ изъ всѣхъ оставался холоднымъ, равнодушнымъ наблюдателемъ, и Готхольду показалось даже, что губы его подергивались иронической улыбкой. Въ эту минуту этотъ странный человѣкъ, раньше интересовавшій его, показался ему непріятнымъ. Готхольдъ повернулся и пошелъ внизъ, направляясь къ дому.

При первомъ поворотѣ дороги, онъ замѣтилъ старую зеленщицу, сидѣвшую на камнѣ. Она поджидала своихъ, все еще не рѣшавшихся уйти, какъ и большинство другихъ слушателей. Они толпились вокругъ Курта Вельманна, въ надеждѣ уловить еще хоть одно его слово или взглядъ. Узнавъ Готхольда, торговка очень смутилась.

— Ну, теперь вамъ легко будетъ обойтись безъ церкви и даже безъ Бога, фрау Заутеръ,—сказалъ онъ съ большой жестокостью.

Старуха покачала головой съ легкимъ всхлипываніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, г. пасторъ, повѣрьте, нѣтъ... развѣ это возможно? Никогда, никогда, пока жива буду. Но какъ хорошо, г. пасторъ; ничего подобнаго я не слыхала во всю свою жизнь. Я ужъ и сама не знаю, какъ мнѣ быть. Прямо гово-

рить не по-человѣчески. Ахъ, Господи Боже мой, кто бы могъ подумать...

Готхольдъ пошелъ дальше, ничего не отвѣтивъ. Ему было пріятно, когда онъ очутился среди сумерекъ и тишины. Все происшедшее могло бы показаться ему сномъ, если бы не это страшное сердцебіеніе! Если бы не чувствовать съ завистью, что то, чему прежній товарищъ его плановъ и стремленій посвятилъ сегодня свое слово, было страстнымъ желаніемъ и его собственной юности... Какъ лунатикъ, дошелъ онъ до своего дома. Отворивъ дверь въ корридоръ, онъ удивился, что въ сѣняхъ не горитъ лампа: развѣ уже такъ поздно, или забыли, что онъ еще не вернулся? Онъ ощупью дошелъ до своей комнаты и въ это мгновеніе вдругъ услышалъ скрипъ двери справа, какой-то шелестъ и чье-то тихое, быстрое дыханіе.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ послышался сдержанный смѣхъ.

Что-то горячее поднялось въ груди Готхольда... Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ наткнулся на что-то мягкое и теплое, и отскочилъ назадъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что дверь комнаты Мице была отворена; въ глубинѣ стояла наполовину закрытая свѣча и освѣщала часть постели. Въ то же мгновеніе у самаго своего уха онъ услышалъ страстный шепотъ:

— Идемъ! Мина ушла, а фрейлейнъ крѣпко спитъ.. Ни одинъ человѣкъ насъ не услышитъ...

Готходьдъ все понялъ; сердце его сильно колотилось въ груди. Было ясно, что Мице втайнѣ продолжала заниматься своимъ прежнимъ ремесломъ. Въ поздній часъ, когда вездѣ уже было темно, и она могла не бояться никакихъ неожиданностей, она поджидала одного изъ своихъ любовниковъ, вручивъ ему предварительно ключъ отъ двери. Готхольдомъ овладѣло глубокое возмущеніе и гнѣвъ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить слово, вокругъ его шеи обвилась мягкая рука, и голосъ Мице прозвучалъ надъ самымъ ухомъ:

— Идемъ же! Нечего бояться. Я такъ долго ждала тебя... каждый вечеръ...

Онъ вырвался изъ ея рукъ, съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее и, опрометью вбѣжавъ въ ея комнату, схватилъ свѣчу и освѣтилъ ей лицо. Онъ ждалъ, что у нея вырвется крикъ ужаса, какъ только она узнаетъ его. Но она только улыбалась тою же улыбкой, какую онъ видѣлъ на ея губахъ въ первый разъ, въ подвалѣ, когда навѣстилъ ея больную сестру. Онъ замѣтилъ также, что она была въ одной юбкѣ и въ разстегнутой на груди рубашкѣ. Онъ испытывалъ

отвращеніе къ ней, быть можетъ, именно потому, что чувствовалъ горячее волненіе крови и стыдился своего возбужденія. Ему пришла въ голову полная муки и отвращенія мысль: что, если она ждала именно его? Если она поселилась въ его домѣ и приняла на себя роль раскаявшейся грѣшницы, чтобы стать близкой къ нему и увлечь его?.. Онъ съ ужасомъ и пристально смотрѣлъ на нее. Она все продолжала по прежнему улыбаться, съ оттѣнкомъ любовной игры.

— Мари!—вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Гм?—отвѣтила она, хихикая, еще не понимая, что происходитъ съ нимъ.

Она хотѣла усадить его на стулъ. Онъ вскочилъ, вскрикнулъ, схватилъ ее обѣими руками за голыя плечи и съ бѣшенствомъ сталъ трясти...

— Негодная!.. Развратница!

Ногти его впились въ ея тѣло, и она съежилась отъ боли.

— Мнѣ больно,—произнесла она сердито и сдѣлала попытку освободиться.—Да и не кричите такъ: фрейлейнъ можетъ проснуться.

— Такъ это все, что ты можешь сказать мнѣ, негодница?—злобно спросилъ онъ. У него невольно сорвалось это *ты*. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и чувствовалъ страшную слабость. Онъ естественно вспомнилъ Гельгу и то, что она сказала ему, когда онъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи спасти эту дѣвушку. Стыдъ и гнѣвъ боролись въ немъ... Между тѣмъ, высвободившись изъ его рукъ, Мице сердито присѣла на край кровати и, болѣзненно сжимая губы, растирала себѣ плечи.

— Что же мнѣ сказать?—проворчала она.—И между вами бываютъ умные! Зачѣмъ же вы взяли меня къ себѣ, зачѣмъ я очутилась здѣсь? Я отлично поняла, что все это вы устроили, чтобы отвести глаза другимъ... Наконецъ, сегодня вся эта канитель мнѣ надоѣла... Вы мнѣ очень нравитесь, и въ особенности потому, что, кромѣ доброты, въ васъ есть что-то невинное... Такихъ мужчинъ въ нынѣшнее время не скоро найдешь... Да и сидѣть здѣсь взаперти, если ничего не получаешь за это, удовольствія мало.

Готхольдъ старался успокоиться. Онъ всталъ и близко подошелъ къ ней. Глаза его горѣли.

— И только для этого ты пришла сюда? Хотѣла для разнообразія стать моей любовницей, а не быть къ услугамъ всего свѣта? Ты думала, что и я преслѣдую ту же цѣль?—Отвращеніе овладѣвало имъ все больше и больше.—Ты несомнѣнно продолжала заниматься своимъ позорнымъ ремесломъ: иначе зачѣмъ такъ часто уходить изъ дому?..

А сегодня... такъ какъ дѣло слишкомъ затянулось, по твоему... У! Негодница! Я долженъ сдерживаться, чтобы не ударить тебя... Все твое благочестіе и скромность, значитъ, были только притворствомъ, постыднымъ лицемѣріемъ... Ты просто хотѣла ввести меня въ заблужденіе...

Мало по малу сердитое упрямство сходило съ лица Мице, и она принялась безпомощно плакать.

— Господи, Царь небесный, да чего собственно вы хотите отъ меня? Вы такъ мнѣ нравитесь и если хотите меня, то я, конечно, не стану больше таскаться съ Люде или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Но молиться только и стряпать... ну, нѣтъ... я лучше сейчасъ же пойду своей дорогой... Я не предполагала...

Она встала, рыдая, и хотѣла пройти мимо него. Но онъ силой удержалъ ее.

— Не смѣй уходить! Встань на колѣни, негодная, и молись! Молись, чтобы Богъ простилъ тебѣ твои многочисленныя прегрѣшенія... А потомъ увидимъ, что дѣлать съ тобою.

Онъ снова схватилъ ее за плечи, чтобы повалить на землю, но она стала сопротивляться.

— Нѣтъ, будетъ съ меня... сыта! Если такъ... я не хочу, говорю вамъ, не хочу...

Она продолжала вырываться изъ его рукъ.

Оба не слыхали, какъ отворилась дверь въ корридоръ, и вернулась кухарка Мина. Она остановилась у открытой двери, парализованная страхомъ, и съ ужасомъ пристально смотрѣла на нихъ. Въ слѣдующую секунду она громко и пронзительно закричала:

— Фрейлейнъ! Ради Бога, фрейлейнъ! Идите скорѣе! Пасторъ насилуетъ Мари... флейлейнъ, фрейлейнъ!

Готхольдъ отпустилъ Мице и повернулъ свое мертвенно-блѣдное лицо къ кричавшей женщинѣ. Мице почувствовала себя свободной и мгновенно сообразила, какъ выгоднѣе воспользоваться своей свободой: закрывъ лицо обѣими руками, она бросилась на кровать. Прежде, чѣмъ сконфуженный и возмущенный Готхольдъ успѣлъ выговорить слово, разбуженная шумомъ Ирма, въ капотѣ и со свѣчой въ рукахъ, показалась въ дверяхъ своей комнаты. Широко раскрытыми глазами смотрѣла она на что-то необычайное, что происходило здѣсь. Она не нашлась сразу, что сказать, и дрожала всѣмъ тѣломъ. Мина, вся въ слезахъ, не зная, что предпринять, собралась было уйти. Но грозный окрикъ Готхольда: „Не смѣть уходить!“ остановилъ ее.

— Я хотѣлъ заставить эту тварь встать на колѣни и молить Бога о прощеніи,—проговорилъ онъ:—Но сердце ея окаменѣло, и она воспротивилась... На сегодняшнюю ночь я запру

ее въ комнатѣ, и завтра мы рѣшимъ, что дѣлать. Вы, Мина, должны молчать о происшедшемъ. Завтра мы поговоримъ подробнѣе.

Голосъ его звучалъ твердо. Всѣ молчали Онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что ему не вѣрятъ...

Когда Готхольдъ намѣревался запереть снаружи дверь комнаты Мице, она, со слезами на глазахъ отъ злости, соскочила съ кровати и бросилась къ двери.

— О-о! этого не будетъ! — кричала она.—Сначала г. пасторъ хотѣлъ меня изнасиловать, а теперь всю вину валитъ на меня, да еще хочетъ держать взаперти, чтобы я не выбѣжала на улицу и не разсказала всѣмъ, что мнѣ пришлось вынести въ этомъ благочестивомъ домѣ... Ну, нѣтъ, этого не будетъ! Сейчасъ же отпустите меня, иначе я убѣгу, какъ есть, раздѣтая, или выскочу въ окошко... и свищите тогда въ слѣдъ. Молчать я ужъ не стану, всему свѣту разскажу, что вы за человѣкъ. Пощады отъ меня не ждите!.. Пустите, говорю вамъ!

Она съ бѣшенствомъ колотила кулаками въ дверь. Готхольдъ безпомощно озирался вокругъ, ища поддержки. Онъ чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ передъ такимъ нахальствомъ и не могъ произнести ни слова.

— Ради Бога, г. пасторъ, пустите ее!—простонала Мина.— Богъ знаетъ, что еще натворитъ эта сумасшедшая. Если вы запрете ее, вамъ, пожалуй, придется возиться съ полиціей. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же *такъ* поступать!..

— Правда, Готхольдъ, ты долженъ отпустить ее,—прибавила все время молчавшая Ирма,—чѣмъ скорѣе эта особа исчезнетъ изъ глазъ, тѣмъ лучше.

Съ этими словами Ирма повернулась и ушла въ свою комнату, какъ будто не хотѣла больше возиться ни съ какими непріятностями. „Можетъ быть, сестра и права,—думалъ Готхольдъ, неувѣренный, что она приняла его слова за чистую монету,—безполезно осквернять свой домъ присутствіемъ такого погибшаго существа“. Ему опять вспомнилась Гельга.

— Хорошо,—произнесъ онъ, обращаясь къ Мице, которая спокойно одѣвалась,—идите, если хотите! Удерживать васъ я не стану. Но послѣдняго слова я еще не сказалъ...

Онъ вошелъ въ свою спальню и въ смертельной усталости опустился на стулъ. Нѣкоторое время за стѣной слышенъ былъ шепотъ и хныканье Мице. Чего она только не навретъ теперь! И нѣтъ вѣдь возможности заткнуть ротъ! Если она раструбитъ по всему околодку, что онъ хотѣлъ совершить надъ ней безнравственное насиліе, то сколько найдется такихъ, что повѣрятъ ей! Скажутъ: священникъ,

зная развратную жизнь красивой дѣвушки, взялъ ее къ себѣ для своего собственнаго удовольствія,—и людямъ это покажется гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то, что онъ пріютилъ ее у себя ради спасенія ея же души. Къ его дѣйствительному намѣренію тѣ самые люди, у которыхъ всегда на языкѣ слово Божіе и притворная готовность исполнять Его заповѣди и почитать духовенство, отнесутся съ циничной улыбкой... Его охватило невыразимое отвращеніе. „И они-то хотятъ основать на землѣ царство Божіе, царство братства и любви!—думалъ онъ. Развѣ они пригодны для этого? Имъ слѣдуетъ сначала передѣлать себя, чтобы стать достойными такого дѣла".

За стѣной наступила тишина, и Готхольдъ подумалъ о снѣ. Лечь спать? Ахъ, если бы онъ могъ только уснуть и забыться! Но волненіе едва ли дастъ ему погрузиться въ сонъ...

Едва онъ успѣлъ снять сюртукъ, какъ рѣзкій звонокъ заставилъ его вздрогнуть. Кто бы это могъ быть въ полночь? Онъ снова одѣлся и со свѣчею въ рукѣ пошелъ отпереть дверь. Можетъ быть, умирающій хочетъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ?

На улицѣ стояла Притцка съ привратникомъ и, страшно разстроенная, долго не могла ничего произнести, кромѣ:

— Ахъ, ради Бога, г. пасторъ, г. пасторъ...

— Что случилось?—спросилъ поблѣднѣвшій Готхольдъ.— У Мютцель? Больной стало хуже? Зоветъ меня?

Притцка опустила голову и все еще не могла говорить. Отъ волненія, приложивъ руку къ сердцу, она старалась вдохнуть въ себя воздухъ. Привратникъ, стоявшій возлѣ нея, съ заспанными глазами и растрепанными волосами, толкалъ ее въ бокъ:

— Да ну-же, ну, раскройте ротъ!—ворчалъ онъ.—Должно быть, случилось что-нибудь страшное, г. пасторъ: она кричала мнѣ: „убійство", „смертоубійство". Я ничего не понялъ, а она, какъ видите, не можетъ и духъ перевести.

— Сейчасъ иду,—сказалъ Готхольдъ и пошелъ за шляпой. Сердце его судорожно сжималось, но онъ гналъ отъ себя мрачныя предчувствія.—Идемте!

Они спустились съ лѣстницы; Притцка продолжала стонать и плакать, глотая воздухъ.

— Ахъ, Боже мой! Нѣтъ, это что-то... что-то... силы небесныя!..

Готхольдъ положилъ руку на ея плечо.

— Успокойтесь, наконецъ, и разскажите мнѣ, что случилось! У Мютцель что-нибудь? Она еще жива?

— Ахъ, Царь Небесный... Ее, навѣрно, приговорятъ къ

Максимъ Горькій и его послѣдніе разсказы.

(Сборникъ „Знанія“, кн. 4—6).

I.

„Букоемовъ, Карпъ Ивановичъ“ оживляетъ въ памяти читателя, нѣсколько затѣненнаго авторомъ драматическихъ произведеній, прежняго „Максима Горькаго“. Горячее чувство протеста противъ несправедливости и моральнаго уродства окружающей жизни, сознаніе, что выпрямить эти уродства, конечно, не въ состояніи тѣ, что идутъ за жизнью, куда бы она ихъ ни повела, и собственный душевный складъ художника-автора дѣлаютъ его, естественно, пѣвцомъ людей, которые смѣютъ жить наперекоръ. Онъ вѣритъ, что только эти люди сильной воли, не поддающіеся насильственной формовкѣ со стороны жизни, сумѣютъ передѣлать ее и освободить отъ уродующихъ нелѣпостей и несправедливости... А это, въ свою очередь, переходитъ уже въ культъ душевной силы, просто какъ силы, въ чемъ бы она ни выражалась. Пусть это будетъ ложно и даже опасно—съ точки зрѣнія самого художника—направленная сила. Всетаки это—сила, а не безнадежное безсиліе. И если творчески-тусклая жизнь, окружающая автора „Букоемова“, не въ силахъ использовать эту силу, а, наоборотъ, принуждена защищаться отъ нея, какъ отъ враждебнаго элемента, прибѣгая къ кандаламъ, каторгѣ и плетямъ, тѣмъ трагичнѣе это заурядное уничтоженіе силы, въ которой жизнь больше всего нуждается. „Букоемовъ“, осужденный за побѣги, грабежи и убійство на безсрочную каторгу,—представитель какъ разъ такой не только не использованной, но извращенной и безповоротно загубленной силы.

Онъ—жестокій убійца, но онъ не чувствуетъ себя похожимъ на своихъ товарищей по камерѣ, тоже убійцъ. О немъ нельзя сказать подобно тому, какъ онъ выражается объ однокамерникѣ Махинѣ, нелѣпо совершившемъ какое-то нелѣпое убійство, что онъ не знаетъ: „зачѣмъ онъ вообще“, и о немъ нельзя сказать, что въ своихъ преступленіяхъ онъ—„лавошникъ“ и „поганый“,

какъ онъ аттестуетъ своего другого однокамерника-убійцу Шишова. Онъ—озвѣрившійся человѣкъ, и у него есть свое „оправданіе“. Единственнаго человѣка, котораго Букоемовъ цѣнитъ, это — его неизмѣнный оппонентъ въ тюремныхъ спорахъ (разсказъ имѣетъ темой одинъ изъ такихъ споровъ), неизмѣнно возражающій „по Евангелію“, Богъ вѣсть какъ попавшій въ тюрьму и ссылку за поджогъ и трижды бѣжавшій съ поселенія. У Хромого (оппонентъ Букоемова—калѣка) есть свое пониманіе жизни, хотя и ложное съ точки зрѣнія Букоемова: Хромой знаетъ, „зачѣмъ онъ вообще“, и, кромѣ того, въ немъ есть самое цѣнное, что можетъ быть—въ глазахъ Букоемова—у человѣка: „есть сопротивленіе“... „Вотъ, Хромой,—начинаетъ старый споръ Букоемовъ... ты все говоришь: всѣ люди одинаковы по Евангелію... А ты по правдѣ скажи, — развѣ они двое (Махинъ и Шишовъ) — люди, однако?“ Другое дѣло, по его оцѣнкѣ, онъ—Букоемовъ или самъ спорщикъ: „...ты хоть безъ ноги, а... въ тебѣ *сопротивленіе есть*... Тебѣ приказываютъ — живи въ Сибири!.. а ты — не хочешь, ты, вотъ, уходишь... это хорошо! Даже на одной ногѣ ушелъ... очень хорошо, да! А вотъ Махинъ, — что онъ такое? Зачѣмъ онъ вообще?..“ Самъ Букоемовъ представитель крайняго—озвѣреннаго—„сопротивленія“ жизни, который отвѣчаетъ, по его мнѣнію, ударомъ на ударъ. Онъ не находитъ никакого противорѣчія между своимъ ремесломъ убійцы и жизнью, въ которой онъ былъ участникомъ—до тюрьмы и каторги. Когда Хромой, по поводу чьего-то жестокаго обращенія съ животными, цитируетъ:

— А... сказано: всякое дыханіе да хвалитъ Господа...

Старикъ косится на него исподлобья и сердито возражаетъ:

— *Мало ли что сказано... ты гляди, что сдѣлано.*

Букоемовъ это и дѣлаетъ,—въ изображеніи художника. Онъ смотритъ только на то, что „сдѣлано“ съ нимъ самимъ, что сдѣлано и дѣлается съ другими и другими, и потому *почти* свободенъ отъ чувства, что на немъ тяготѣетъ какая-нибудь „неправильность...“ „Люблю я тебѣ говорить, Хромой... — говоритъ Букоемовъ своему спорщику „по Евангелію“,—умѣешь ты слушать... А когда ты самъ говоришь — не люблю я этого... Сѣрый ты человѣкъ, трусливый... и напрасно ты себѣ глаза замазываешь. Гляди на все прямо—вотъ тебѣ законъ! Тутъ вся премудрость... Гляди на все прямо — только и всего... А ты говоришь—люди... и то, и се... надо жалѣть!“ Самъ Букоемовъ себѣ глазъ „не замазываетъ“—твердо знаетъ, что „жалости“ на свѣтѣ нѣтъ, и она никому не нужна. „Зачѣмъ я буду жалѣть, ежели ни въ комъ нѣтъ жалости. И не нужно мнѣ это и невыгодно“. Еще ребенкомъ онъ помнитъ, какъ отецъ мучительно билъ его мать и на мольбы той: „убей, Христа ради, сразу, не мучь“ отвѣчалъ: „нѣтъ, ты погоди, зачѣмъ сразу?..“ Въ разсказѣ остается

невыясненнымъ въ подробностяхъ — какъ именно собственная жизнь Букоемова придала его дѣтскимъ воспоминаніямъ характеръ универсальности. „Коли я тебѣ только про себя разскажу,— говоритъ онъ спорщику Хромому,—сколько разъ и какъ меня били... и то ты сытъ будешь... Про жалость—врешь ты! Я почти на двадцать годовъ старше тебя, я всю Россію обошелъ, объѣздилъ, оглядѣлъ—врешь ты!." „Люди другъ друга не жалѣютъ, и мнѣ жалѣть ихъ не за что",—резюмируетъ онъ свой жизненный опытъ и въ этомъ находитъ себѣ оправданіе, какъ убійца. ...„И—опять же, что такое люди? ежели ихъ можно мучить, какъ базарныхъ крысъ... а они только бѣгутъ да прячутся",—прибавляетъ Букоемовъ.

Но профессіональный, по его статейному списку, убійца ошибается или, если говорить языкомъ его упорнаго оппонента, „вретъ" о себѣ, что онъ не знаетъ, — не понимаетъ, что такое „жалость". Въ немъ самомъ „жалость" все еще живетъ, не смотря на десятки лѣтъ тюрьмы и каторги. Она сказывается въ ласковой памяти о привязавшейся къ нему собаченкѣ, которая жила у него гдѣ-то на поселкѣ; она сказывается въ нѣсколькихъ добрыхъ словахъ объ арестантѣ - „политикѣ", „жиденкѣ Венькѣ", который тоже былъ „ласковъ со всѣми". Она же сказывается, наконецъ, въ томъ страстномъ отпорѣ, который вызываетъ у него разговоры Хромого о томъ, что человѣческая „жалость"—не трусливая выдумка: не только то, что „сказано". Онъ не хочетъ этихъ разговоровъ и горячо реагируетъ на нихъ, чтобы не потерять въ нихъ чувства своего самооправданія и вмѣстѣ съ нимъ чувства душевнаго равновѣсія,—мертваго равновѣсія, но всетаки равновѣсія, которымъ онъ живетъ: „...когда ты про жалость говоришь—безпокойно мнѣ, — неужели я ошибся? Хорошее то проглядѣлъ? Ну, только врешь ты, Хромой... зря меня мучишь. Люди другъ друга не жалѣютъ, и мнѣ жалѣть ихъ не за что.. Добраго отъ нихъ не видалъ я... одни развѣ калачи, да баранки... ну, калачемъ меня въ обманъ не вманишь..."

Разсказъ кончается вмѣстѣ со споромъ о „жалости". Букоемовъ пока торжествуетъ: какъ онъ выражается, его оппоненту не удалось „поймать ежа зубами". Міроотношеніе стараго каторжника оказалось достаточно согласованнымъ съ жизнью, гдѣ „человѣкъ дешевле скота цѣнится", и споръ не обнаруживаетъ въ этомъ міроотношенія никакихъ изъяновъ и противорѣчій...

Въ „Букоемовѣ" авторъ — въ своей художественной стихіи. Его изуродованный жизнью человѣкъ понятенъ ему, близокъ его настроенію; онъ почти любитъ человѣка „Карпа Ивановича Букоемова", котораго онъ такъ явно открылъ въ ожесточенной душѣ полу звѣря и жалѣетъ въ немъ пропавшую силу, въ которой было много желаннаго художнику и читателю „сопротивленія". И это отражается на настроеніи читателя: нѣсколько

протестуя въ своемъ сознаніи противъ художника, который волнуетъ тѣмъ, „чего не было“, нужно думать, ни въ одной изъ тюремъ всея великія и малыя Россіи, онъ, однако, подчиняется его художественному замыслу, вѣритъ въ возможность „Букоемова“, какъ психологическаго факта, и допускаетъ, что передъ нимъ не профессіональный убійца, а только озлобленный „мститель за поруганнаго въ немъ самомъ человѣка“.

Съ художественной точки зрѣнія читателю приходится пожалѣть лишь о чрезмѣрной тщательности, съ которою авторъ старается выдвинуть своего Букоемова, „изъ ряду-вонъ“ среди нормальнаго населенія тюрьмы. Меньшая рѣзкость въ этомъ отношеніи дала бы больше простоты и легче подчиняла бы настроеніе читателя.

Закончимъ указаніемъ на одну интересную деталь въ „Букоемовѣ“ чисто-техническаго характера. Художнику удалось ясно передать читателю чувство длительности: въ томъ, что происходитъ въ камерѣ Букоемова опредѣленно *чувствуется* движеніе времени. Авторъ достигъ этого посредствомъ указаній, періодически вклинивающихся въ детали разсказа, о томъ—какое положеніе, въ извѣстные моменты, занимаетъ лучъ солнца, проникшій „сквозь мутныя стекла“ единственнаго окна къ людямъ, занятымъ вопросомъ о существованіи у людей жалости. Солнечный лучъ сперва играетъ на полу камеры, потомъ движется къ внутренней двери, ползетъ по ней кверху, постепенно краснѣетъ и, наконецъ, замираетъ и таетъ передъ самымъ концомъ разсказа. Эти детали, разбросанныя по разсказу, служатъ чѣмъ-то въ родѣ вѣхъ во времени, которыя не бросаются въ глаза, но тѣмъ не менѣе отмѣчаются вниманіемъ читателя, заставляя его оцѣнивать чувствомъ, какъ много времени—отъ одного момента до другого (съ паузами)—занялъ тюремный споръ „отверженныхъ“ о возможности предположить у людей „жалость“.

II.

Тема о жестокости такъ называемый нормальной жизни, въ которой люди, выпускающіе кишки, не чувствуютъ себя дикимъ противорѣчіемъ „нормальному“ укладу жизни, повторяется и въ другомъ — реальномъ по содержанію — разсказѣ М. Горькаго: „Тюрьма“.

Люди, въ которыхъ вѣритъ авторъ „Тюрьмы“, отъ которыхъ ждетъ выпрямленія жизни, въ разсказѣ появляются только мелькомъ и поодаль. На первомъ планѣ—юный студентъ, котораго точитъ стыдъ человѣческаго безсилія передъ этой „нормальной“ жизнью.

Чувство этого стыда только что зародилось въ душѣ „Миши

Малинина"—„веселаго и добродушнаго здоровяка", который до поступленія въ университетъ „мало читалъ и мало видѣлъ". Стряхнуть это чувство стыда, по крайней мѣрѣ, съ самаго себя показалось ему на первыхъ порахъ дѣломъ очень не сложнымъ... Когда его, вмѣстѣ съ другими участниками какого-то „безпорядка", „загнали" на дровяной дворъ, онъ очень тяжело чувствовалъ этотъ стыдъ, добиваясь только одного: „скорѣе пройти во дворъ, чтобы спрятаться тамъ, отдѣлить себя отъ всѣхъ, остаться одному", чтобы не видѣть, какъ „кое-кто растерянно улыбается и развязно шутитъ", стараясь отъ самого себя „скрыть обидное, тяжелое сознаніе безсилія". Но затѣмъ нѣсколько словъ обиженной дѣвушки, взволнованно обратившейся къ нему за защитой (это очень интересно передано въ разсказѣ), какъ-то неожиданно „выжгли" у него этотъ стыдъ и внезапно сдѣлали изъ него не единицу толпы, а единицу среди толпы—героя той красивой рѣчи, которую онъ произнесъ. „Всѣ красивыя, сильныя слова, какія онъ слышалъ о свободѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, хлынули изъ его груди горячимъ ручьемъ... зажигая у однихъ гнѣвъ, у другихъ—злобу". Эта-то красивая рѣчь, приведшая Мишу Малинина въ тюрьму, на первыхъ порахъ и успокоила въ немъ тревожное чувство стыда. „Если бъ всѣ люди, общими силами, такъ же смѣло, какъ вотъ я, бросились на все, что стѣсняетъ ихъ жизнь...—горячо подумалъ юноша, и ему казалось, что сейчасъ же послѣ этого натиска жизнь стала бы веселой, красивой, пріятно спокойной".

Но юношескій экстазъ скоро проходитъ, наступаетъ реакція, и чувство стыда пріобрѣтаетъ особо-тягостныя формы, благодаря тюремному рефлексу и тюремнымъ впечатлѣніемъ.

Тюрьма оказывается для Миши Малинина чѣмъ-то въ родѣ музея рѣзкихъ образчиковъ творчества „нормальной" жизни. Въ безсонныя тюремныя ночи онъ пытается разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, хочетъ „сжать ихъ въ одинъ цѣльный, круглый комъ" и—„не можетъ"... Только что попавъ въ тюрьму, онъ наталкивается на тщательно вырѣзанную на нарахъ надпись, что до него въ камерѣ сидѣлъ „Яковъ Игнативъ Усофъ", который „за подлость" выпустилъ двумъ людямъ „кишки". Миша пробуетъ представить себѣ этого Усова и не находитъ для него, въ своемъ сознаніи, никакого человѣческаго образа: спокойный убійца рисовался въ его воображеніи только „безформеннымъ, грязнымъ пятномъ, и въ центрѣ этого пятна ровнымъ свѣтомъ горѣлъ тусклый, кроваво-красный огонь". Тѣмъ не менѣе этотъ Усовъ—живой человѣкъ, такой же „фактъ жизни", какъ и онъ—„Миша Малининъ, студентъ перваго курса", препровожденный въ ту же камеру за „безпорядокъ" политическаго характера.

Такой же фактъ и „милый, добрый" затравленный человѣкъ—Офицеровъ, тюремный надзиратель, котораго пугаетъ, что „вездѣ

дерутся"; въ своей жизни онъ знаетъ только два исключенія—свою мать... „да въ монастыряхъ, можетъ быть, нѣтъ этого"... И онъ ушелъ бы въ монастырь самъ, если бы не сомнѣнія—вѣритъ ли онъ, по настоящему, въ Бога, какъ онъ полушепотомъ признается Мишѣ: „Я очень думаю объ Немъ... вѣдь если Онъ, дѣйствительно... зачѣмъ же такой ужасъ вездѣ?.. И жестокость? Вы—человѣкъ ученый... зачѣмъ же ужасъ и жестокость?"

Этой трагической фразой, сказанной дрожащимъ голосомъ, съ „крупными, тусклыми слезами" на глазахъ у человѣка, котораго судьба сдѣлала сторожемъ Букоемовыхъ,—ограничивается все его „сопротивленіе", если принять этотъ Букоемовскій терминъ для оцѣнки людей...

Когда онъ разсказываетъ о смѣломъ поступкѣ арестанта-рабочаго, въ глазахъ Офицерова Миша „впервые увидѣлъ какой-то новый блескъ, похожій на радость". Но эта радость, если такъ можно выразиться, чисто художественнаго свойства: она никогда не захватитъ его всего, никогда не „выжжетъ" въ его душѣ испуга; для него всегда будетъ страшною самая мысль о возможности такого же поступка со стороны его, Офицерова, и высшая степень активности, съ которой онъ способенъ вмѣшаться въ дѣйствительность и которую онъ сполна отрицаетъ своимъ яснымъ нравственнымъ чувствомъ, выражается въ той „длинной" молитвѣ, которую онъ составилъ, „когда еще въ солдатахъ былъ", и изъ которой теперь дрогнувшій въ своей вѣрѣ человѣкъ помнитъ только первыя трогающія Мишу слова: „Господи, Боже мой! Почему такъ много въ людяхъ и жестокости, и злобы? Господи—почему"?.—Такой же неопровержимый „фактъ жизни" и другой тюремный надзиратель, Корнѣй, который, „безропотно подчиняясь чужой волѣ, восемнадцать лѣтъ твердитъ людямъ все одно и то же тупое слово: „нельзя"!—и никогда не спросилъ себя—почему же нельзя, и у котораго, на самомъ дѣлѣ, несчастная жизнь сбила человѣческую душу въ какую-то своеобразную груду мусора, гдѣ—по своему—сострадательнаго человѣка никакими средствами не отдѣлишь отъ „бездушнаго" исполнителя того, что приказано: онъ можетъ не помѣшать арестанту—изъ жалости—перепиливать тюремную рѣшетку, но онъ „донесетъ" по начальству, какъ только рѣшетка будетъ перепилена. И не пойметъ въ этомъ никакого противорѣчія... Жизнь оказывается не только жестокою но и способной прочно приспособлять людей къ своей жестокости. Юношѣ уже не кажется подвигомъ его красивая рѣчь. Вспоминая о ней въ тюрьмѣ, онъ видитъ себя только „смѣшнымъ студентомъ, безалаберно размахивающимъ руками среди толпы людей, сконфуженныхъ своимъ безсиліемъ, устыженныхъ той легкостью, съ которой ихъ побѣдила тупая, механическая, но организованная сила"...

Жизнь, которая ему казалась такою простою, когда онъ ее

не зналъ и не видѣлъ, кажется теперь, въ силу реакціи, мучительно сложною, не сжимающеюся въ одинъ теоретическій „цѣльный и круглый комъ“: „Людей—нѣтъ, нѣтъ людей!—тоскливо думалъ Миша.—По землѣ ходятъ какіе то странные, жалкіе исполнители чужой воли—то робкіе, то злые и жестокіе и почти всегда—безличныя существа. Они едва ли понимаютъ то, что равнодушно дѣлаютъ, и *никто изъ нихъ не смѣетъ, не въ силахъ сказать гордое человѣческое слово—не хочу!*“ „Тюрьма—внутри людей, и вся жизнь вокругъ нихъ тоже тюрьма“, приходитъ къ выводу юноша, ошеломленный образчиками творчества и нормальной жизни, скопившимися въ его тюрьмѣ. „Мишѣ казалось,—продолжаетъ авторъ „Тюрьмы“,—что вся жизнь людей окутана густой, мутно-желтой тучей болѣзненно напряженной жестокости. Всѣ поступки людей точно пропитаны непонятнымъ, безмысленнымъ чувствомъ озлобленія другъ противъ друга и противнымъ желаніемъ истязать, издѣваться, мучить“. Вся жизнь — „дикая свалка озлобленныхъ людей“, и въ этой свалкѣ долженъ будетъ—съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ — принять участіе и онъ, Миша... Въ качествѣ кого же?

Интеллигентный юноша, нарисованный М. Горькимъ, добросовѣстенъ... Онъ, конечно, не будетъ въ состояніи принять жизнь, какъ она есть, но онъ не можетъ скрыть отъ себя, что въ немъ нѣтъ того цѣлостнаго „сопротивленія“, котораго требуетъ отъ него фактъ „дикой свалки“ вмѣсто жизни. Для него чужая бѣда—только *чужая* бѣда. Онъ ловитъ себя на томъ, что *и сейчасъ* онъ чувствуетъ „отвращеніе къ мучителю“—несомнѣнному мучителю—только тогда, когда слушаетъ разсказъ объ его отвратительныхъ подвигахъ: при встрѣчѣ же съ нимъ — „въ тотъ же день“ — онъ уже не находитъ въ своей душѣ ничего, „кромѣ остраго любопытства и легкой брезгливости“. Это-то мучитъ его, лишая покоя и сна въ длинныя тюремныя ночи.

Слишкомъ многаго требуетъ отъ него жизнь, создающая Корнѣевъ и Офицеровыхъ, съ одной стороны, и если не Букоемовыхъ, то Усовыхъ, спокойно „выпускающихъ кишки“,—съ другой стороны,—и онъ не можетъ и не хочетъ обмануть себя, что *столько* онъ не въ состояніи дать. На минуту у него — „гдѣ-то глубоко внутри“—„разгорѣлась теплая, согрѣвающая мысль“, что онъ можетъ занять въ жизни положеніе непричастнаго человѣка—человѣка, который не принадлежитъ ни къ тѣмъ, кого бьютъ, ни къ тѣмъ, кто бьетъ... Онъ самъ отвергъ эту „согрѣвающую“ и „хитрую“ мысль и заставилъ себя довести рѣшеніе до конца. „Мелькнувъ въ его душѣ, какъ искра... маленькая, хитрая мысль тотчасъ же уступила мѣсто большимъ, суровымъ твердымъ мыслямъ. Онѣ ставили предъ юношей желѣзное требованіе—работы долгой, трудной, незамѣтной—великой работы, полной непоколебимаго мужества“... Исполнитъ ли онъ это „желѣзное требованіе“?

Юноша—въ „Тюрьмѣ"—еще разъ дѣлаетъ короткую попытку избѣгнуть мучительнаго вопроса, который самъ себѣ ставитъ. Онъ пытается спросить себя не такъ, какъ должно, — пытается перенести рѣшеніе вопроса на почву фактической возможности.

— „*Могу* ли я дѣлать это?—внутренно вздрогнувъ, спросилъ себя Миша.

И тотчасъ же со стыдомъ понялъ, что онъ, изъ страха предъ чѣмъ-то, нарочно спросилъ себя не такъ, какъ было нужно.

Тогда онъ поставилъ вопросъ правдивѣе:

— *Хочу* ли я этого?"

И на этотъ болѣе правдивый вопросъ интеллигентный юноша—въ изображеніи М. Горькаго—не нашелъ удовлетворяющаго его моральнаго чувства отвѣта. Въ немъ побѣдилъ личный человѣкъ, живущій своей собственной, индивидуальной жизнью, своими личными радостями бытія, хотя и перемѣшанными съ чувствомъ стыда за жизнь и за свое участіе въ ней... Разсказъ заканчивается словами: „Миша смотрѣлъ въ окно и искалъ въ своей душѣ отвѣта".

Такого отвѣта не ищутъ—въ изображеніи автора „Тюрьмы"—только тѣ люди, которые, какъ мы уже упоминали, проходятъ поодаль отъ перваго плана въ разсказѣ. Это — арестованные рабочіе. „Очевидно, это были рабочіе—*коренастые, крѣпкіе*, плохо одѣтые,—они смотрѣли на все сурово, исподлобья... На *худыхъ*, голодныхъ лицахъ этихъ людей точно вырѣзано было выраженіе *твердой непреклонности* и что то напоминавшее о затравленныхъ волкахъ". Нѣкоторые изъ нихъ порою улыбались своему случайному товарищу по заключенію, изображенному М. Горькимъ, и дѣлали ему какіе-то знаки, Тѣмъ не менѣе онъ самъ чувствовалъ какую-то разницу—разницу въ чемъ-то основномъ—между собой и этими людьми, съ которыми судьба столкнула его впервые. „Когда ихъ глаза,—говоритъ авторъ „Тюрьмы",—останавливались на лицѣ Миши, онъ почему-то чувствовалъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ, и ему хотѣлось спрыгнуть съ подоконника". Чувствовали въ „Тюрьмѣ" эту разницу и другіе: Офицеровъ на вопросъ Миши, какъ онъ объясняетъ появленіе этихъ людей въ тюрьмѣ, отвѣчаетъ, что это—люди, которые „*вообще* не согласны... со всѣмъ", т. е. по самой природѣ вещей осуждены на роль „несогласныхъ—со *всѣмъ*". И этимъ людямъ, появляющимся въ „Тюрьмѣ" только мимоходомъ, принадлежатъ въ разсказѣ самыя поэтичныя и самыя приподнятыя (къ сожалѣнію, также и слегка риторичныя—въ стилѣ В. Гюго) страницы разсказа... Съ однимъ изъ этихъ „суровыхъ" и „крѣпкихъ" людей герой „Тюрьмы" входитъ въ болѣе близкія отношенія, и тотъ „выстукиваетъ" ему черезъ стѣну свой непреложный символъ вѣры: „Жизнь—борьба рабовъ за свободу и господъ—за власть, и она не можетъ быть мягкой и спокойной, она не будетъ доброй и красивой, пока есть господа и

рабы"!.. Случайный человѣкъ въ тюрьмѣ, изображенный М. Горькимъ, слушая это выстукиваніе черезъ стѣну, чувствуетъ, что непреложно исповѣдуемый символъ вѣры особенно настойчиво предъявилъ къ нему самому какое-то *требованіе*.

Интеллигентъ и случайный человѣкъ въ тюрьмѣ, изображенный М. Горькимъ, вспоминая выстуканное сосѣдомъ, чувствуетъ, что къ его собственнымъ моральнымъ требованіямъ присоединилось настойчивое требованіе еще и со стороны, и реагируетъ на него чувствомъ вражды къ виновнику обостренія въ немъ душевной муки. „Часто, мигая красными отъ безсонной ночи глазами, Миша разсматривалъ рисунки мороза и порою оглядывался на стѣну съ недобрымъ чувствомъ, которое онъ не желалъ бы замѣчать въ себѣ, но невольно замѣчалъ"... Это, такъ сказать, послѣдній „мазокъ" въ портретѣ „Миши Малинина", нарисованнаго авторомъ „Тюрьмы".

Читатель, быть можетъ, уже обратилъ вниманіе на два слова, которыми характеризуетъ художникъ людей, помѣщенныхъ имъ ради контраста на третьемъ планѣ разсказа. Онъ говоритъ: „очевидно, это были рабочіе—*коренастые, крѣпкіе*"... Эти два слова очень интересны для характеристики М. Горькаго, какъ художника.

Если отсутствіе реальности въ такомъ разсказѣ, какъ „Букоемовъ" *), можетъ объясняться на разные лады и можетъ, напр., найти себѣ легкое объясненіе въ недостаточномъ знаніи художникомъ той среды (убійцъ), изъ которой онъ взялъ центральное лицо для своей художественной проблемы, то относительно „Тюрьмы", очевидно, не можетъ быть сдѣлано никакихъ подобныхъ предположеній и догадокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ „Тюрьмы" хорошо знаетъ ту среду, изъ которой вышли стойкіе люди его „Тюрьмы", въ реформаторскую роль которыхъ онъ такъ горячо вѣритъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ хорошо знаетъ, что фабрика, повинная—тамъ, гдѣ она опредѣляетъ жизнь—въ повальномъ вырожденіи населенія, не создаетъ въ качествѣ правила „коренастыхъ, крѣпкихъ" людей, и, слѣдовательно, характеризуя такимъ образомъ шесть случайно собранныхъ въ тюрьмѣ представителей этого міра, онъ, очевидно, или сознательно отклоняется отъ типичныхъ чертъ среды и отъ правды въ изображеніи, или не замѣчаетъ этого. Мы не сомнѣваемся, конечно, что вѣрно второе предположеніе. Шесть человѣкъ, которые откуда-то появляются, „какъ огни во мракѣ ночи", „думаютъ какую-то большую, всю жизнь обнимающую думу", и несутъ съ собой освобожденіе жизни отъ „тюрьмы въ людяхъ"

*) Люди, знающіе каторгу, отмѣчаютъ значительныя отклоненія отъ характерныхъ признаковъ въ психологической обрисовкѣ М. Горькимъ своего „убивца" (такова, напр., его словоохотливость о себѣ, какъ убійцѣ).

и „тюрьмы въ жизни"; этихъ шесть человѣкъ онъ не былъ въ состояніи представить себѣ сутуловатыми, со впалыми грудями,—такими, какими онъ ихъ встрѣчалъ и видѣлъ. Это не гармонируетъ съ ихъ огромнымъ значеніемъ въ собственномъ міропониманіи художника, и онъ рисуетъ ихъ такими, какими они представляются ему въ данный моментъ. Нѣтъ нужды, что онъ черезъ нѣсколько строкъ будетъ самъ говорить о „худыхъ" лицахъ у этихъ „коренастыхъ, крѣпкихъ" людей, о „маленькомъ тѣлѣ у новаго пришельца въ тюрьму—„Василія Никитича"—тоже рабочаго"... Все равно художникъ снова, когда будетъ представлять ихъ *въ массѣ*, будетъ видѣть ихъ „суровыми, крѣпкими людьми"...

Отсюда то любовное сгущеніе красокъ, которое такъ характерно въ „Тюрьмѣ".—Естественно, что среди людей, которымъ вѣритъ авторъ, *не можетъ быть* случайныхъ людей въ родѣ Миши Малинина; естественно, что они всѣ шестеро, случайно связанные тюрьмой, должны быть такъ *одинаково* скалисты (если такъ можно выразиться) въ занятомъ имъ положеніи относительно жизни, какими они—*всѣ*—являются по контрасту съ центральнымъ лицомъ въ разсказѣ... Пусть для читателя „Тюрьмы" эта *массовая* наличность—по самымъ условіямъ жизни—ясно сознающихъ (думающихъ „всю жизнь обнимающую думу") и фатально непреклонныхъ въ борьбѣ съ нею людей—является недостаточно мотивированной и „историчной"; пусть допустить эту массовую наличность этихъ фатально-непреклонныхъ людей, значитъ существенно упростить жизнь, какъ она есть въ *данный* моментъ, въ интересахъ личнаго символа вѣры самого художника. Повинуясь своимъ собственнымъ художественнымъ образамъ, онъ не можетъ этого не сдѣлать.

Происходитъ то же самое, что было и раньше характерно для его творчества. Тогда онъ изображалъ крѣпкихъ и сильныхъ людей, которыхъ хотѣлъ для жизни. Имъ не хватало нравственной красоты и привлекательности. И художникъ давалъ имъ эту красоту и привлекательность, какъ и теперь не отказалъ въ нихъ убійцѣ Букоемову, спокойно разсказывающему, какъ надо „рѣзать" людей жирныхъ въ отличіе отъ людей худощавыхъ. Теперь онъ встрѣтилъ, въ качествѣ дѣятельныхъ участниковъ въ жизни, людей, въ которыхъ онъ вѣритъ, какъ въ людей, которые передѣлаютъ ненавистную ему жизнь, опровергающую его формулу, что „человѣкъ—это гордо звучитъ"... Этимъ людямъ не хватаетъ уже не привлекательности, а силы, могучести. И художникъ снова даетъ имъ то, чего имъ не хватаетъ.

Онъ даже объективную исторію пріурочилъ къ этимъ дорогимъ ему людямъ. Въ его изображеніи, надзиратель Корѣй говоритъ: „Теперь преступниковъ все больше пошло... *Раньше* были одни воры, грабители, убійцы, ну святотатцы... а *теперь* вотъ начались студенты, рабочіе, политическіе, штунда и еще всякіе... Развалъ

пошелъ..." Другими словами, „развалъ" начался всего нѣсколько лѣтъ. Конечно, Корнѣй не можетъ не помнить, что онъ всѣ 18 лѣтъ, что служитъ въ тюрьмѣ, былъ свидѣтелемъ „развала", какъ онъ выражается, и всѣ 18 лѣтъ стерегъ не только „воровъ, грабителей, убійцъ и святотатцевъ". Но поэту-„буревѣстнику" въ нашей литературѣ нужно, чтобы жизнь рѣзко окрашивали тѣ именно люди, которыхъ онъ любитъ, и, въ угоду ему, его Корнѣй забываетъ то, чего онъ не могъ забыть.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что это не правда. Но это отклоненіе отъ объективности и нарушеніе правильныхъ пропорцій въ общей картинѣ изображаемой художникомъ жизни не создаютъ разлада между читателемъ и художникомъ. Недостаточная безпристрастность писателя, въ своей основѣ и побужденіяхъ, имѣетъ слишкомъ подкупающій характеръ съ точки зрѣнія самого читателя, чтобы сознаніе этой пристрастности могло помѣшать ему реагировать непосредственнымъ чувствомъ въ томъ самомъ направленіи, какого хочетъ авторъ, напр., „Букоемова"... Всѣ его люди, въ которыхъ „сопротивленіе есть", по существу такъ же близки читателю, какъ и самому художнику, и читатель по-просту не находитъ въ себѣ желанія сопротивляться горячей требовательности въ пользу нихъ автора, какъ не находитъ въ себѣ, напримѣръ, желанія протестовать, когда при немъ—искренно, но больше, чѣмъ справедливо—хвалятъ любимаго имъ человѣка.

Диссонансъ въ настроеніяхъ начинается только тогда, когда художникъ переходитъ къ изображенію людей, въ которыхъ онъ *не вѣритъ*. Если не вѣритъ въ ихъ жизненную цѣнность съ точки зрѣнія исправленія жизни,—значитъ, не любитъ. Не любитъ,—значитъ, относится къ нимъ съ такой же пристрастностью, какъ и къ тѣмъ людямъ, въ которыхъ онъ вѣритъ, но только, конечно, въ противоположную сторону. Если однимъ онъ дастъ въ своей творческой фантазіи все то, чего имъ не хватаетъ, то съ другими онъ поступаетъ по евангельскому правилу—имущему дастся, а отъ неимущаго отнимется. Въ своей бѣглой характеристикѣ Чехова, какъ художника, М. Горькій говоритъ: „Ненавидя все пошлое и грязное, онъ описывалъ мерзости жизни благороднымъ языкомъ поэта, съ мягкой усмѣшкой юмориста, и за прекрасной внѣшностью его разсказовъ *мало замѣтенъ* *) полный горькаго упрека ихъ внутренній смыслъ" („Нижегородскій сборникъ"). Конечно, самъ М. Горькій этого не допуститъ: не допуститъ, чтобы „мерзости жизни" были „мало замѣтны", когда онъ о нихъ го-

*) Курсивъ нашъ.

воритъ,—въ силу „прекрасной внѣшности его разсказовъ“. У него „прекрасная внѣшность“ не должна этому мѣшать.

Само собой разумѣется, что въ художественной характеристикѣ этихъ людей не будетъ мѣста смягченнымъ контурамъ и полутонамъ. Художникъ допуститъ большее. Если людямъ, которые ему дороги, онъ дастъ всю ту привлекательность, какую можетъ,—сообщитъ имъ тѣ красочные признаки, которые для нихъ не могутъ быть характерными и типичными, то отъ людей, не владѣющихъ ни его вѣрой, ни его симпатіями, онъ—съ той же страстностью и искренностью въ тонѣ—не только отниметъ все смягчающее, что у нихъ можетъ существовать въ дѣйствительности, но и придастъ имъ такія отрицательныя черты, подсказанныя враждебнымъ чувствомъ, которыя тоже совсѣмъ не характерны—ни для нихъ самихъ, ни для той среды, къ которой они принадлежатъ. Естественно, что въ этомъ случаѣ несправедливость писателя не будетъ уже имѣть того мягкаго колорита, какъ его „несправедливость“ по отношенію къ людямъ, обиженнымъ жизнью.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ и характеренъ „Разсказъ Филиппа Васильевича“.

Мы уже имѣли случай говорить объ отношеніи къ интеллигенціи автора „Разсказа“. Мы отмѣчали по поводу „Дачниковъ“, что, на нашъ взглядъ, авторъ недостаточно рѣзко очертилъ героевъ своей пьесы: кто они: „дачники“ среди „интеллигенціи“, или „интеллигенція—дачники“. Пытаясь при этомъ установить болѣе или менѣе точную формулу для критерія, съ которымъ авторъ „Дачниковъ“ подходитъ къ людямъ, мы предположительно выразили ее двустишіемъ изъ „Бранда“ Ибсена:

Простится то тебѣ, чего не сможешь,
Чего жъ не захотѣлъ ты,—никогда...

По любопытной случайности авторъ „Дачниковъ“ какъ разъ въ этихъ самыхъ словахъ самъ формулировалъ свое жизненное мѣрило къ людямъ въ „Тюрьмѣ“, заставляя своего героя—*единственнаго* *) представителя интеллигенціи—задать себѣ вопросъ:

*) Это обстоятельство позволило автору оставить вопросъ объ общемъ его отношеніи къ интеллигенціи—въ томъ же не опредѣленномъ положеніи, что и въ „Дачникахъ“... Художникъ, предпочитающій во всемъ рѣзкую отчетливость, въ этомъ пунктѣ по прежнему предпочелъ недостатокъ опредѣленности: кто его Миша Малининъ: просто „Миша Малининъ“, представитель нормальнаго „сопротивленія“ среди рядовой интеллигенціи, или даже представитель сопротивленія „одного изъ ста“, какъ выдѣляетъ себя Миша послѣ его красивой рѣчи? Читатель воленъ истолковывать какъ ему угодно эту неопредѣленность. При желаніи онъ можетъ принять „въ свѣдѣнію и руководству“ то раздѣленіе, которое сдѣлалъ авторъ „Дачниковъ“ устами инженера Суслова („Я обыватель—и больше ничего-съ! Вотъ мой планъ жизни“), противоставляющаго себя „идейнымъ людямъ“, которые, по его раздраженному опредѣленію, дѣлаютъ „что-то таинственное... можетъ быть, великое, историческое“... При желаніи же читатель можетъ и не принимать этого ни

„хочетъ" ли онъ по-настоящему реформированія жизни, вмѣсто вопроса, который онъ себѣ раньше задалъ: „можетъ" ли онъ это сдѣлать... Съ этой точки зрѣнія относительно дѣйствующихъ лицъ въ „Разсказѣ Филиппа Васильевича" не можетъ быть никакихъ сомнѣній: они—*не* „хотятъ", и нужно думать—имъ даже никогда не приходило въ голову, существуетъ ли какая-нибудь разница между словами: „не могу" и „не хочу". Что всѣ они—рафинированные „дачники", это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ же, какъ и то враждебное отношеніе, которымъ они пользуются со стороны автора. Въ его изображеніи они не только не враги той жестокости въ жизни, которая способна создавать Букеевыхъ и противъ которой жалостно протестуетъ—или молится—Офицеровъ; они сами въ состояніи совершить и совершаютъ: совершаютъ жестокость такъ себѣ, зря, не чувствуя даже, что именно они дѣлаютъ... Какъ мы видѣли, правдивому юношѣ, изображенному авторомъ въ „Тюрьмѣ", кажется, что „всѣ поступки людей точно пропитаны *непонятнымъ*, безсмысленнымъ чувствомъ озлобленія другъ противъ друга и противнымъ желаніемъ истязать, *издѣваться*, мучить. То открытое и грубое, то—*глубоко-спрятанное внутри человѣка*—тонкое, хищное или тупое и тяжелое—это темное чувство окрашиваетъ всю жизнь въ угрюмый тонъ осеннихъ сумерекъ, полныхъ тоски и гнетущаго холода"... И это оказывается вѣрнымъ относительно персонажей въ „Разсказѣ".

Естественно, что эта тема требовала большой осторожности и тонкости въ выполненіи со стороны художника: дать то, что слишкомъ рѣзко,—повинуясь своей творческой потребности видѣть все въ рѣзкихъ краскахъ,—въ этомъ случаѣ значитъ обезцѣнить свое творчество, значитъ перейти границу художественной правды и психологической истины. Къ сожалѣнію, это и имѣетъ мѣсто въ „Разсказѣ Филиппа Васильевича".

Центральное лицо въ „Разсказѣ"—юноша крестьянинъ, самоучка и поэтъ-дичокъ, по прихоти случая добравшійся до 4-го класса гимназіи и—по прихоти другого случая—попавшій въ дворники къ отставному профессору, затравленъ людьми, которые внѣшней „видимостью" своей жизни способны обмануть наблюдателя: „Думаю, что много хорошаго получу я въ этомъ домѣ", говоритъ о нихъ злополучный юноша, хорошо знакомый съ

свѣдѣнію, ни къ руководству, считая все сказанное словами самого Суслова, которыми онъ только подчеркиваетъ свое желаніе „быть обывателемъ" и „наплевать" на всѣ „розсказни... призывы .. идеи", такъ какъ въ сущности вся разница между представителями той и другой интеллигенціи въ томъ, что одни просто „не хотятъ", а другіе „не хотятъ" съ приложеніемъ душевной муки,—въ родѣ Миши Малинина... Художникъ по прежнему избѣгаетъ рѣзкой опредѣленности въ *этихъ* образахъ, вопреки общимъ признакамъ въ его творчествѣ.

изнанкой жизни и тѣмъ не менѣе по-дѣтски повѣрившій въ нравственную красоту людей, въ жизни которыхъ „все было просто, весело и пріятно"... На самомъ же дѣлѣ они жестокіе, равнодушные люди, которымъ нѣтъ ровно никакого дѣла ни до чего: ни до какой живой нужды и ни до какого живого страданія. Даже тогда, когда оно вотъ тутъ у нихъ на глазахъ. Таковъ и этотъ отставной профессоръ, который „скромно жилъ на покоѣ, занятый изслѣдованіями о какомъ-то паразитѣ пшеницы", и котораго разсказчикъ—„Филиппъ Васильевичъ"—рекомендуетъ, какъ „очень милаго старика". Такова и его дочь, тоже „милая", изящная дѣвушка, въ первую минуту собиравшаяся помочь юношѣ подготовиться и стать народнымъ учителемъ.

Благожелательный разсказчикъ характеризуетъ эту дѣвушку, находившую вкусъ въ чтеніи „изящной литературы", и рисуетъ—по правилу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты—привычную для нея среду въ слѣдующихъ словахъ (въ тонѣ нѣсколько приторной идилліи): она всегда была одѣта въ „бѣлыя платья, которыя шли къ ней, какъ къ березкѣ ея бѣлая кора... всегда была окружена подругами, такими же изящными, какъ и сама она, у нея часто бывали студенты, *благовоспитанные юноши, увлекавшіеся искусствомъ*... Каждый вечеръ было шумно и весело, играли, спорили, читали стихи, танцовали, а старый профессоръ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и, поглаживая сѣдую бороду, усмѣхался веселью молодежи". „Все было просто, весело и пріятно", заканчиваетъ онъ уже цитированными словами и затѣмъ—разсказываетъ обо *всѣхъ* этихъ близкихъ ему людяхъ то, что совсѣмъ „не просто", „не весело" и „не пріятно"... Человѣкъ, который взялъ на себя обязанность мести чужой дворъ, имѣлъ несчастье полюбить дѣвушку, къ которой бѣлыя платья шли, какъ къ бѣлой березѣ ея кора. Когда это стало извѣстнымъ Лидіи Алексѣевнѣ (дочери профессора), она сначала оскорбляется этимъ обстоятельствомъ, но затѣмъ это начинаетъ ее забавлять (разсказчикъ раньше говорилъ о ней, какъ о „веселой, балованной и безпечной"), тѣмъ больше, что влюбленный дворникъ оказывается въ то же время и влюбленнымъ поэтомъ. „Черезъ два-три дня уже всѣ—какимъ образомъ, разсказчикъ не поясняетъ—въ домѣ знали, что дворникъ влюбленъ въ барышню. Происходили,—какъ я потомъ узналъ,—веселыя и, надо правду сказать, злыя сценки". Въ дѣйствительности, въ изображеніи автора „Разсказа", происходили не „веселыя и злыя сценки", а сцены невѣроятнаго и возмутительнаго надругательства надъ человѣкомъ, которыхъ злополучный юноша не выдержалъ и застрѣлился... Передъ смертью онъ уничтожилъ всѣ свои стихи, и разсказчикъ нашелъ только нѣсколько строкъ, случайно уцѣлѣвшихъ на забытомъ клочкѣ бумаги:

„Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ,

на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную".

Естественно, что всѣ симпатіи читателя на сторонѣ этого неудачника, искавшаго „земли обѣтованной" и нашедшаго только фактическія подробности „Разсказа Филиппа Васильевича". И тѣмъ не менѣе... И тѣмъ не менѣе читатель не идетъ за авторомъ: „Разсказъ" производитъ тяжелое и невыгодное впечатлѣніе своей жесткой, враждебной преувеличенностью въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеній, тѣмъ отклоненіемъ отъ художественной правды, которое не оправдывается само собою и котораго непосредственное чувство не можетъ простить даже тогда, когда оно направлено противъ людей, съ которыми читатель не чувствуетъ себя связаннымъ ни единствомъ настроенія, ни общностью въ укладѣ жизни.

Пусть—въ „Разсказѣ"—дѣйствіе происходитъ въ такихъ исключительныхъ житейскихъ условіяхъ, при которыхъ дворникъ Платонъ изъ 4-го класса гимназіи—психологическая возможность. Допустимъ, что въ домѣ профессора онъ не рисковалъ, напримѣръ, оказаться, въ такъ называемомъ, „распоряженіи полиціи", и потому юноша, который не снялъ шляпы передъ разсказчикомъ даже тогда, когда на улицѣ—не выдержавъ муки голода—обратился къ разсказчику съ просьбой о помощи,—*могъ* не только взять на себя роль дворника, но и могъ думать, что въ этой роли онъ „получитъ много хорошаго" въ домѣ профессора... Примемъ, что этотъ основной фактъ въ разсказѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ противорѣчій. Можно ли то же самое сказать о всѣхъ остальныхъ обстоятельствахъ разсказа? Напримѣръ: интеллигентная дѣвушка зоветъ влюбленнаго въ нее человѣка—неизвѣстно, впрочемъ, кого: своего дворника или человѣка, котораго она собиралась наладить въ народные учителя—и между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— „Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—*ласково* спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,—*мечтательно* разсматривая его скуластое лицо, *таинственно* и тихо говорила Лидочка,—вѣдь вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, если такъ,—*восторженно* улыбаясь, продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось *печальнымъ* и, глубоко вздыхая, она заканчивала:

— Поставьте самоваръ.

А въ глазахъ ея *сверкала веселая улыбка.*

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Иногда Лидочка, разспросивъ Платона о силѣ его любви, заставляла его вымыть ея грязныя калоши, или посылала его съ запиской къ подругѣ, и ко всему, о чемъ она его просила, она *всегда* примѣшивала его любовь, *всегда* говорила съ нимъ отъ имени его любви"...

Даже „недурные"—по оцѣнкѣ Филиппа Васильевича—стихи—съ признаніями Платона въ любви къ ней—„изящная" дѣвушка заставляла его читать для посмѣшища, „когда собирались гости".

— „Вѣдь, недурно, не правда-ли? Иногда печатаются стихи *хуже этихъ.* Эти неловки, но искренны... мнѣ извѣстно, что поэтъ дѣйствительно влюбленъ и—безнадежно!.. На пути къ его счастью стоятъ сословные предразсудки и холодное сердце той, которую онъ воспѣваетъ."

„Шутили надъ юношей,—прибавляетъ разсказчикъ,—всѣ". Шутилъ и освѣдомленный о любви дворника старикъ-профессоръ. „Старикъ профессоръ былъ очень добрый человѣкъ,—передаетъ подробности разсказчикъ,—онъ любилъ *любовью мудреца всѣхъ насѣкомыхъ,* но и онъ находилъ удовольствіе въ *шуткахъ* (?) надъ юношей.

— Послушайте, поэтъ!—говорилъ онъ.—Убѣдительно прошу васъ, не наваливайте вы такъ много навоза на грядки для спаржи!.. Я, впрочемъ, не сержусь, я понимаю ваше положеніе.. хе-хе! Васъ влечетъ въ Аркадію..."

Шутила и прислуга—она, конечно, шутила проще и грубѣе... „Но изобрѣтательнѣе всѣхъ была Лидочка,—я не могу скрыть этого и не одобряю, конечно", прибавляетъ разсказчикъ:

— „Вечеромъ, при лунѣ, она *красиво и задумчиво* садилась у открытаго окна и громко говорила подругамъ о томъ, что любовь не знаетъ преградъ, что для нея—нѣтъ дворянъ, нѣтъ крестьянъ, а есть только мужчина, человѣкъ любимый. А Платонъ слышалъ это.

Потомъ она звала его, смотрѣла *холодно и сухо* въ его лицо и заставляла что-нибудь сдѣлать для нея.

Она играла меланхолическія пьесы, нѣжно трогавшія душу влюбленнаго мелкими и ласковыми аккордами, она пѣла нѣжныя, тихія пѣсенки, въ которыхъ звучало ожиданіе ласки и тоска о миломъ, *и все это она дѣлала такъ, чтобы дворникъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ*"...

Ну, неужели же въ этихъ подробностяхъ дикаго издѣвательства всѣхъ, отъ дѣвушки, ея гостей и до прислуги, есть то, что называется чувствомъ мѣры? неужели въ этомъ поголовномъ мучительскомъ любительствѣ есть настоящая внутренняя правда?..

Благожелательный разсказчикъ, который мягко говоритъ о себѣ, что онъ не „одобрялъ", допускаетъ, въ качествѣ объясненія, что со стороны дѣвушки имѣло мѣсто чувство оскорбленнаго самолюбія, и она „немножко (!) мстила за это бѣдняку". Но вѣдь именно это-то и невозможно. Если „изящная" и „благовоспитанная" дѣвушка не чувствовала въ юношѣ будущаго народнаго учителя, и онъ былъ для нея только дворникомъ, то она не могла унизиться до „психологіи судомоекъ", какъ по другому поводу и по адресу Платона выражается Филиппъ Васильевичъ,— не могла унизиться до мести своему дворнику и при томъ въ такой недостойной и, конечно, не „изящной" формѣ... Читателю не нужно даже рыться въ памяти, какіе эпизоды въ другихъ разсказахъ М. Горькаго напоминаютъ это организованное и надуманное издѣвательство дѣвушки. *Такъ* въ „Тюрьмѣ" бьютъ арестанты другого арестанта, заподозрѣннаго (повидимому) въ наушничествѣ: „Передъ нимъ неподвижно, какъ большіе камни, стояли трое товарищей, и одинъ изъ нихъ, высокій, не громко и спокойно говорилъ:

— Не пугайте его, ребята... *не бейте* его!

И вдругъ, отступивъ на шагъ, онъ сильно взмахнулъ ногой и ударилъ стоявшаго у стѣны въ низъ живота, продолжая все такъ же спокойно убѣждать товарищей:

— Не бейте... зачѣмъ? Ну, что это?.."

Чѣмъ это отличается отъ того, что дѣлаетъ въ изображеніи автора „Разсказа" дѣвушка, къ которой бѣлыя платья шли, „какъ идетъ къ березкѣ ея бѣлая кора"?.. Но этого всетаки для дѣвушки оказывается мало... Платонъ *уже* замученъ; онъ *уже* не въ состояніи больше выносить мученій отъ женщины, которую имѣлъ несчастье полюбить и въ которой еще недавно находилъ что-то „дѣтское".

„Однажды онъ подошелъ къ ней въ саду и сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной? Не смѣйтесь, не надо... что смѣшнаго въ томъ, что я люблю васъ? Скоро я уйду изъ этого города... мнѣ хочется вспомнить васъ ласковой, доброй... не мучайте меня"!..

Въ первую минуту дѣвушку что-то испугало въ говорившемъ, она убѣжала, не отвѣтивъ ни слова, но на другой день она заставила его... декламировать...—Платонъ застрѣлился.

Какъ бы ни относился читатель къ тѣмъ „дачникамъ", которыхъ авторъ „Дачниковъ" соединилъ въ своемъ „Разсказѣ" около профессора, изучающаго какого-то паразита пшеницы,— онъ, читатель, не въ состояніи идти за авторомъ и не въ состояніи признать художественную правду ни въ дикомъ мучительствѣ со стороны интеллигентной дѣвушки—хотя бы и „дачницы", ни въ томъ общемъ попустительствѣ, которое проходитъ непрерывной нитью черезъ весь „Разсказъ"... Не странно, ко-

нечно (въ соотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ разсказа), что „Лидочка“ уже послѣ того, какъ застрѣлился Платонъ, говоритъ, что она только „шутила“ и что „если бы“ она знала, что „онъ такъ... серьезно“... она бы „не позволяла себѣ шутить“. Но совсѣмъ не понятно, что изъ всѣхъ „изящныхъ, какъ и сама она“, дѣвушекъ, изъ всѣхъ студентовъ и „благовоспитанныхъ юношей“, которые собирались у профессора, никто никогда не запротестовалъ противъ безсмысленнаго издѣвательства надъ даровитымъ и симпатичнымъ человѣкомъ, какъ бы онъ ни былъ комиченъ въ роли влюбленнаго дворника, навязанной ему враждебнымъ авторомъ „Дачниковъ“... Еще болѣе страненъ спокойно благожелательный тонъ самого разсказчика. Само собой разумѣется, что художественная задача—принять на себя личину совершенно *иного* человѣка и въ тонѣ этого чуждаго своему внутреннему „я“ провести весь разсказъ о событіяхъ, глубоко волнующихъ писателя,—для такого субъективнаго писателя, какъ авторъ „Разсказа“, было дѣломъ рискованнымъ. Скрыть самого себя отъ глазъ читателя ему такъ же легко, какъ легко „утаить шило въ мѣшкѣ“. Онъ его, конечно, и не „утаилъ“, передъ читателями все время не Филиппъ Васильевичъ, а ѣдкій авторъ „Дачниковъ“, притворившійся благожелательнымъ и всепрощающимъ Филиппомъ Васильевичемъ, который подчеркиваетъ своей терпимостью то, что какъ разъ и нужно: равнодушіе „дачниковъ“ ко всякому живому горю, даже тогда, когда оно вотъ тутъ—у нихъ на глазахъ... И это обстоятельство не меньше, если не больше, нарушаетъ чувство художественной правды въ „Разсказѣ“, чѣмъ застѣночное любительство со стороны самой героини. Въ изображеніи автора, Филиппъ Васильевичъ *только* не „одобряетъ“ поведенія Лидочки, *только* находитъ, что „она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло“. Даже тогда, когда „Лидочка“ говоритъ Филиппу Васильевичу объ умирающемъ Платонѣ: „Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему!.. Я не могу... я потомъ... Папа такъ разстроенъ и *всѣмъ его жалко*... вѣдь онъ былъ такой оригинальный“—онъ находитъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

„*Дитя*! Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ“, и по дорогѣ въ больницу „печально“ думаетъ о Платонѣ: „Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи (?) съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго человѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ“.

Намъ остается повторить прежній вопросъ: неужели же во всемъ этомъ есть чувство художественной мѣры и художественная правда? И не сдѣлалъ ли художникъ крупной ошибки, слишкомъ подчинившись своему враждебному настроенію къ „дачни-

камъ" и желанію, чтобы въ его изображеніи „мерзости жизни" не были „мало замѣтны" „за прекрасной внѣшностью его разсказовъ?" Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что именно у Чехова, не смотря на его мягкость, „Разсказъ Филиппа Васильевича" получилъ бы гораздо болѣе тяжелое впечатлѣніе. Онъ оставилъ бы своихъ персонажей простыми, „милыми" людьми, и всетаки это не помѣшало бы Платону застрѣлиться, какъ не помѣшало больному Фирсу въ „Вишневомъ саду"—остаться одному, запертымъ въ покинутомъ домѣ. Получился бы... во всякомъ случаѣ не получился бы „разсказъ Филиппа Васильевича" о людяхъ, которыхъ бичуетъ авторъ „Дачниковъ", и которому (разсказу) не въ состояніи отвѣтить консонансомъ въ настроеніи читатель.

IV.

Впрочемъ, диссонансъ между настроеніемъ художника и настроеніемъ читателя продолжался не долго. „Разсказъ Филиппа Васильевича" былъ напечатанъ въ V-ой книжкѣ „Сборника", а въ VI-ой книжкѣ былъ напечатанъ „Букоемовъ", въ которомъ читатель снова находится подъ обаяніемъ привлекательнѣйшихъ сторонъ творческой „несправедливости" поэта-„буревѣстника", съ его горячимъ чувствомъ вражды къ несправедливости и къ нелѣпости жизни, которая „окутана густой, мутно-желтой тучей болѣзненно напряженной жестокости" и въ которой „это темное чувство окрашиваетъ всю жизнь въ угрюмый тонъ осеннихъ сумерекъ, полныхъ тоски и гнетущаго холода".

А. Е. Рѣдько.

Очерки заводской жизни.

I.

За послѣднее время русскій рабочій настойчиво напоминаетъ обществу о своемъ существованіи. Глухое броженіе, происходящее въ мастерской, все чаще и чаще вырывается наружу въ видѣ безпорядковъ, забастовокъ, уличныхъ демонстрацій, и, не смотря на всѣ репрессивныя мѣры, которыми подавляются подобные безпорядки, волненія мастерской не утихаютъ. Что служитъ причиной ихъ? Этотъ вопросъ занимаетъ многихъ, но жизнь рабочихъ такъ замкнута и такъ ревниво оберегается заинтересованными людьми отъ постороннихъ глазъ, что рѣшить его бываетъ не легко.

Въ свою очередь тѣ требованія, какія выставляются рабочими во время массовыхъ движеній, сами по себѣ часто не даютъ еще полнаго понятія о желаніяхъ и стремленіяхъ большинства рабочихъ, взятыхъ порознь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, тотъ, кто захотѣлъ бы заняться изученіемъ современнаго быта русскихъ рабочихъ, встрѣтитъ на своемъ пути массу разнообразныхъ препятствій.

Съ своей стороны я не претендую дать въ предлагаемыхъ „очеркахъ“ сколько-нибудь подробное изслѣдованіе этого быта, не претендую уже потому, что, кромѣ личнаго опыта и наблюденій, у меня нѣтъ никакого матеріала. Моя задача гораздо скромнѣе. Она вся сводится къ тому, чтобы хоть немного познакомить читателя съ мастерской и освѣтить передъ нимъ тѣ вопросы, съ которыми чаще всего приходится сталкиваться русскому заводскому рабочему.

Въ своихъ „Заводскихъ Будняхъ“ *) я какъ то писалъ уже, что слово „рабочій“ въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается нашей интеллигенціей, въ рабочей средѣ употребляется не очень часто, да и то только въ послѣднее время. Прежде это слово примѣнялось исключительно къ чернорабочимъ, т. е. рабочимъ, не обладающимъ какими-либо спеціальными познаніями, а располагающимъ только простой мускульной силой. Тѣ же рабочіе, которые находятся въ заводахъ съ дѣтскаго возраста и спеціализировались на какой-нибудь работѣ или станкѣ, называли себя „мастеровыми“. Эти двѣ группы такъ рѣзко отличаются одна отъ другой, что смѣшивать ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя. Заработокъ чернорабочаго несравненно ниже заработка мастерового, слѣдовательно, и условія жизни перваго гораздо хуже, чѣмъ у второго. Въ то время, какъ мастеровой по большей части совершенно разрываетъ всякую связь съ деревней и окончательно поступаетъ въ ряды „арміи промышленности“, чернорабочій всячески поддерживаетъ эту связь, высылая время отъ времени болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ для поддержанія хозяйства, оставленнаго въ деревнѣ. Нерѣдко, проработавъ зиму, чернорабочій на лѣто отправляется въ деревню.

Въ заводской жизни эта группа рабочихъ не имѣетъ почти никакого значенія. Она не можетъ вліять на внутренній міръ мастерской и пассивно подчиняется общему хору мастеровыхъ. Поденная работа при низкомъ жалованьи, къ тому же выдаваемомъ ежедневно, не связываетъ чернорабочаго сколько-нибудь крѣпкими узами съ заводомъ и позволяетъ во всякую минуту оставить данный заводъ и искать работы въ другомъ мѣстѣ. Трудъ чернорабочихъ требуется почти во всѣхъ мастерскихъ, но главнымъ образомъ чернорабочіе составляютъ такъ называемую „дворовую

*) „Руск. Бог.“ августъ—сентябрь, 1903 г.

команду“ или „придворныхъ“, какъ въ шутку называютъ ихъ мастеровые. Поденная плата такого рабочаго 60—70 коп. и выдается она ежедневно вечеромъ. Такой порядокъ выдачи жалованья крайне неудобенъ для рабочаго. Получая свое жалованье копѣйками, онъ лишенъ возможности имѣть когда-нибудь въ рукахъ болѣе или менѣе крупную сумму денегъ, необходимую для покупки платья или обуви. Правда, сберегательная касса принимаетъ и мелкіе вклады, но занятія въ ней не всегда приспособлены къ свободному времени рабочаго, а, если даже этого условія и нѣтъ на лицо, рабочему часто не хочется терять въ кассѣ время, необходимое ему для отдыха. Главное же—не пріучены мы пользоваться такими учрежденіями.

Попавъ изъ деревни въ городъ и обжившись на какомъ-нибудь заводѣ, чернорабочій почти всегда чувствуетъ себя въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи. Прежде всего передъ нимъ встаетъ вопросъ, какъ ему относиться къ деревнѣ. Конечно, до тѣхъ поръ, пока тамъ находится его жена, порывать всѣ связи съ деревней для него невозможно, но даже и въ томъ случаѣ, если ему удалось перевести жену къ себѣ, его положеніе еще не выясняется окончательно. Сознаніе, что онъ не „мастеровой“ и что каждую минуту его могутъ уволить за недостаткомъ работы, тогда какъ для чернорабочаго найти мѣсто гораздо труднѣе, чѣмъ для мастерового—это сознаніе подсказываетъ ему, что деревню не надо бросать, что въ случаѣ нужды тамъ и для него найдется корка хлѣба, благодаря которой онъ какъ-нибудь да проживетъ до весны, когда на всѣхъ заводахъ чувствуется оживленіе.

Проживетъ до весны...

Но вѣдь весною-то, казалось бы, его трудъ нуженъ и въ деревнѣ? Только съ весны начинаются всѣ полевыя работы... Значитъ, если на весну его отпускаютъ на заработки, то уже въ этомъ самомъ сказываются та бѣдность и тотъ недостатокъ земли, благодаря которымъ онъ въ деревнѣ лишній. И, значитъ, каждый рубль, присланный имъ изъ города, для деревни гораздо важнѣе, чѣмъ его личная помощь въ деревенскомъ трудѣ. Но какъ скопить этотъ рубль при 70 коп. въ день? Посылать его нужно, но откуда его взять?

На это существуетъ одинъ отвѣтъ: экономить, „натягивать“ на пищѣ, квартирѣ и одеждѣ.

Какъ-то разъ мнѣ случилось пойти въ гости къ одному чернорабочему. Жилъ онъ въ артельной квартирѣ, въ которой, кромѣ него, помѣщалось еще 17 человѣкъ. Квартира эта представляла изъ себя большую, сильно закопченную комнату, съ двумя окнами. Когда-то она была оклеена обоями, но отъ времени обои порвались и обнажили досчатыя стѣны. По стѣнамъ ползали полчища таракановъ. Я не утерпѣлъ и спросилъ своего пріятеля:

— Братъ ты мой, да что-жъ у васъ таракановъ-то такъ много?

Присутствовавшіе,—ихъ было человѣкъ 12,—засмѣялись и одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Тараканъ — это ничего, онъ безвредный, вотъ ежели клопъ, тотъ кусаетъ, а тараканъ такъ себѣ, въ родѣ какъ для хозяйства.

— А нешто и клопы есть?—спросилъ я.

— Сколько хочешь! — отвѣтилъ мой знакомый.—Извѣстно, меньше, чѣмъ таракановъ, ну, да на нашего брата вполнѣ довольно. Какой хочешь скотины можно найти..

Вокругъ стѣнъ шли деревянныя нары, вѣроятно, главное убѣжище клоповъ. Посрединѣ комнаты стояли длинный столъ на козлахъ и двѣ такія же длинныя скамьи. Въ простѣнкѣ между окнами висѣла маленькая керосиновая лампочка, а пониже—лубочная картинка съ изображеніемъ царской семьи. Въ углу висѣлъ почернѣвшій отъ времени образъ. Рядомъ съ комнатой — кухня, служащая въ то же время и прихожей. Въ углу кровать кухарки. Вотъ и вся обстановка квартиры, гдѣ помѣщаются 18 человѣкъ. Я сѣлъ на скамейкѣ у стола и сталъ разговаривать. Въ то время меня больше всего интересовалъ вопросъ о деревнѣ, и потому я сейчасъ же свелъ бесѣду на эту тему. Оказалось, что изъ 18 человѣкъ женатыхъ было 11, но у всѣхъ ихъ жены жили въ деревнѣ. Только къ одному недавно пріѣхала жена, не видѣвшая своего мужа цѣлыхъ четыре года... Былъ среди нихъ одинъ, который безъ жены жилъ уже пять лѣтъ.

— Почему же вы сюда женъ не выпишите?

— Да какъ ты выпишешь? сегодня здѣсь, а завтра, Господь его знаетъ, куда попадешь! Вотъ и живемъ каждый самъ по себѣ...

Количество денегъ, высылавшихся въ деревню каждымъ членомъ этой артели, не превышало 3—5 руб. въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе, что при 70-копѣечной получкѣ въ день мѣсячное жалованье будетъ не больше 16 — 17 руб. *при постоянной работѣ,* то эту сумму никакъ нельзя назвать незначительной. Если же выписать жену, то нужно выписать также и дѣтей, и, значитъ, жить уже не въ артели, а снимать отдѣльную комнату, что обойдется отъ 6 до 8 рублей. Кромѣ того, расходы на пищу, одежду и обувь не только удвоятся, но даже учетверятся, и, понятно, 16 рублей будетъ совершенно недостаточно. Высылку денегъ придется прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ разъ навсегда лишиться надежды пережидать время безработицы въ деревнѣ.

Подтвержденіе этого заключенія я встрѣчалъ и послѣ, разговаривая съ тѣми чернорабочими, которые жили въ городѣ вмѣстѣ съ семьей. Они, дѣйствительно, порвали уже всякую связь съ деревней и всецѣло полагались на волю рока.

При артельной жизни одинъ изъ членовъ артели занимаетъ должность старосты. Обязанности его сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы закупать провизію для всей артели и расплачиваться съ кухаркой и домохозяиномъ. Нѣкоторые изъ рабочихъ даютъ ему также деньги на сохраненіе, а потому на эту должность обыкновенно избирается человѣкъ, хорошо извѣстный артели и стоящій внѣ всякихъ подозрѣній. Если по дѣламъ артели ему приходится потерять день или—что бываетъ чаще—полдня, то артель уплачиваетъ ему за это время въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ платитъ ему заводъ, гдѣ онъ работаетъ. Должность эта вообще считается выгодной, главнымъ образомъ потому, что торговцы, у которыхъ староста закупаетъ провизію, дѣлаютъ ему нѣкоторую уступку, а въ счетѣ оставляются обыкновенныя цѣны.

Въ общемъ жизнь въ артели для каждаго рабочаго обходится около 8 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, включая сюда квартиру, столъ, жалованье кухарки (въ данномъ случаѣ кухаркой была жена старосты) и уплату за прогульное время старостѣ.

Чаю не полагается, а кто хочетъ его имѣть, можетъ пріобрѣтать на свои средства. Утромъ каждый рабочій, идя на работу, запасается кускомъ чернаго хлѣба приблизительно фунта въ 1½. Это будетъ для него „завтракъ“, а вмѣсто чаю чаще всего служитъ вода изъ-подъ крана. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ кислой капустой, съ небольшимъ кускомъ мяса и пшенной каши. Мясо, впрочемъ, рѣдко подается въ видѣ куска, чаще всего его рѣжутъ на мелкіе кусочки и высыпаютъ въ чашку со щами *). По праздникамъ готовится „супъ“ и вмѣсто пшеной каши гречневая. Обыкновенно и въ будни, и въ праздникъ каша съѣдается вся за обѣдомъ, и на ужинъ остаются только одни пустыя щи (безъ мяса), да черный хлѣбъ.

И такъ изо дня въ день.

Артель, въ которой мнѣ пришлось побывать, состояла изъ крестьянъ двухъ смежныхъ деревень Новгородской губерніи, такъ что всѣ члены артели доводились другъ другу земляками. Потому ли, что одно и то же мѣсто родины сближаетъ людей, или по чему другому, но эта артель жила удивительно дружно. Ссоръ и дракъ въ ней почти не было, а если и случалось, что кто-либо, выпивъ лишнее, забуянитъ, то товарищи сейчасъ же сваливали буяна на нары и, связавши кушаками руки и ноги, оставляли въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не проспится.

---

*) Кстати—знаетъ-ли читатель, какое лакомство для русскаго мужика и рабочаго представляетъ собою мясо? По его мнѣнію, если мяса даютъ въ волю, такъ это что-то выходящее изъ ряда вонъ, признакъ высшаго благосостоянія. Мнѣ живо вспоминается одинъ кочегаръ, который долго не могъ забыть своей командировки, гдѣ мяса давали — „сколько хочешь“. „Такъ я его, — говорилъ онъ:—прямо безъ хлѣба ѣлъ. Да нарочно, выберешь-то какъ ни можно жирнѣй. Чтобъ ажъ по бородѣ сало текло...“

Землячество связывало ихъ въ одну семью, и въ жертву ему нѣкоторые члены артели приносили очень многое. Такъ, одному изъ нихъ приходилось ежедневно вставать въ 3 часа ночи и изъ-за Нарвской заставы идти за Невскую, что, по приблизительному разсчету, составитъ 10 — 12 верстъ въ день туда и обратно. Другой работалъ на Выборгской сторонѣ и тоже ежедневно совершалъ приблизительно такое же путешествіе.

— Почему же вы возлѣ заводовъ не найдете квартиры?

— Да намъ и здѣсь хорошо.

— А ходить далеко.

— Ничего, мы привычные.

Да, подумалъ я, безъ привычки тутъ никакъ не обойдешься.

Попадая изъ „дворовой команды" въ цехъ, рабочій чувствуетъ себя уже несравненно крѣпче связаннымъ съ заводомъ. Жалованье выдается ему теперь не ежедневно, а два раза въ мѣсяцъ, а металлическій номеръ, получаемый имъ при этомъ, служитъ какъ бы нагляднымъ свидѣтельствомъ того, что онъ наравнѣ съ мастеровыми составляетъ пронумерованный винтикъ громадной машины, именуемой „заводомъ".

Бываетъ иногда и такъ, что, попавъ въ мастерскую, чернорабочій успѣваетъ чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе мастера и получить какую-нибудь однообразную, но „задѣльно" или поштучно оплачиваемую работу. Въ такомъ случаѣ заработокъ его значительно повышается, и самъ онъ становится почти на положеніе мастерового, хотя и держится отъ настоящихъ мастеровыхъ нѣсколько вдалекѣ, такъ какъ для нихъ онъ часто является нежелательнымъ конкуррентомъ и потому не пользуется особенной ихъ симпатіей.

Сдѣлавшись чѣмъ-то въ родѣ мастерового, зарабатывая рублей 30 — 35 въ мѣсяцъ, рабочій не такъ ужъ охотно посылаетъ деньги на родину, и мнѣ часто приходилось слышать о неудовольствіяхъ между родителями, живущими въ деревнѣ, и дѣтьми, работающими на заводахъ. Нерѣдко дѣло доходитъ и до суда изъ-за того, что сынъ не хочетъ посылать отцу денегъ, а отецъ не выдаетъ сыну паспорта.

Наконецъ, среди мастеровыхъ большинство, вѣроятно, держится того мнѣнія, что деревня для нихъ одна лишь помѣха. Лично я, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ слышалъ отъ мастеровыхъ именно такое мнѣніе. Исключеніе составляли только тѣ, которые имѣли въ деревнѣ много земли и хорошее хозяйство и не были связаны необходимостью высылать роднымъ деньги, да сыновья деревенскихъ ремесленниковъ и купцовъ, живущихъ болѣе или менѣе безбѣдно. За исключеніемъ

такихъ рабочихъ, всѣ другіе говорили, что отъ деревни имъ нѣтъ никакой выгоды, а только одни убытки.

Есть не мало и такихъ мастеровыхъ, которые никогда не видѣли сохи, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ засѣвается хлѣбъ, и уже лѣтъ 25—30 живутъ въ городахъ при заводахъ. Для нихъ вся связь съ деревней сводится къ выпискѣ паспорта и—нерѣдко—къ уплатѣ налога за землю, якобы числящуюся за ними, но находящуюся въ пользованіи другихъ лицъ.

Разговорившись недавно съ однимъ изъ такихъ рабочихъ, я услыхалъ отъ него совершенно неожиданный для меня отзывъ о рабочихъ, хранящихъ связь съ деревней.

— Много намъ,—рѣшительно заявилъ мой собесѣдникъ,—эти деревенскіе напортили въ нынѣшнюю забастовку.

— Напримѣръ?

— Да вотъ все кричали: бастовать, бастовать. Ну, мы и бастовали, пока не закрыли завода

— А потомъ?

— Потомъ они взяли, да и уѣхали въ деревню, а мы-то и остались на бобахъ. Хозяинъ съ квартиры гонитъ, а тутъ ѣсть нечего и денегъ нѣтъ...

— Ну, такъ что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что мѣшаютъ они рабочему дѣлу. Для нихъ потребность въ союзахъ не сказывается въ такой степени, какъ для насъ. Имъ что? Видятъ, что дѣло плохо—сейчасъ въ деревню, а вы, братики, какъ хотите, такъ и отдувайтесь. Потому и союзовъ-то намъ не даютъ, что не всѣ ихъ требуютъ.

Приглядываясь къ тѣмъ рабочимъ, которые еще не порвали связи съ деревней, я замѣчалъ, что они иногда отправляютъ туда на лѣто свою семью, а въ годъ или въ два года разъ ѣздятъ и сами. Случалось, я указывалъ такимъ рабочимъ, что за время пребыванія ихъ семьи въ деревнѣ у нихъ должны получаться сбереженія, благодаря сокращенію расходовъ на харчи и квартиру.

Но мои доводы сейчасъ же разбивались въ дребезги. Мнѣ возражали, что при отъѣздѣ семьи расходъ не только не уменьшается, но даже увеличивается. Квартира, не смотря на отъѣздъ жены, остается по прежнему занятой („мебель—куда я дѣну?“), а кромѣ того является еще расходъ на проѣздъ. Затѣмъ при поѣздкѣ въ деревню нужна хорошая одежда, „потому—всякій скажетъ: въ городѣ живетъ, а самъ хуже нашаго ходитъ. Здѣсь-то я какъ-нибудь перебьюсь, а ужъ въ деревнѣ надо себя показать“. Наконецъ, нужно везти всѣмъ гостинцы: „матери на платье, невѣсткамъ на кофты, тещѣ платокъ, дѣтишкамъ на сапоженки. А потомъ, ужъ разъ ты пріѣхалъ изъ города, то всякій норовитъ съ тебя выпить и вообще сорвать на могарычъ, потому что ужъ знаютъ, что безъ денегъ въ деревню никто не поѣдетъ“.

Со всѣмъ этимъ мнѣ приходилось соглашаться, и въ концѣ концовъ я составилъ себѣ такое мнѣніе: если въ деревнѣ живутъ богато, то мастеровой поддерживаетъ съ нею связь, посылая туда болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ. Благодаря этому, онъ имѣетъ возможность отослать туда на лѣто жену или поѣхать самъ отдохнуть отъ работы и поправить здоровье. При этомъ, однако, онъ тратитъ непроизводительно (конечно, по отношенію лично къ себѣ) много денегъ, что лишаетъ его возможности дѣлать хотя бы незначительныя сбереженія.

Если же въ деревнѣ живутъ бѣдно, то мастеровой всегда склоненъ порвать связь съ нею, такъ какъ тѣ мелкія суммы, которыя онъ туда изрѣдка посылаетъ, и у него отнимаютъ лишній кусокъ хлѣба и, въ сущности, мало помогаютъ деревнѣ.

Положеніе чернорабочаго гораздо сложнѣе. Уже изъ того, что онъ чернорабочій, можно заключить, что его родные въ деревнѣ живутъ бѣдно. Не богато живетъ и онъ въ городѣ на 70 коп. въ день. А посылать деньги въ деревню нужно, какъ потому, что тамъ осталась жена съ дѣтьми, такъ и потому, что онъ каждую минуту рискуетъ остаться безъ работы и, чтобы не пропасть съ голода, долженъ и самъ ѣхать туда доѣдать сѣмена.

II.

Въ настоящее время на русскихъ заводахъ существуютъ двѣ формы заработной платы: поденная и задѣльная. Поденная плата, какъ видно уже изъ ея названія, должна оплачивать количество *времени*, употребляемое на производство той или иной работы. При этомъ стоимость рабочаго дня для каждаго работника, въ зависимости отъ его знаній и опытности, опредѣляется мастеромъ. При другой же формѣ заработной платы—задѣльной или поштучной,—заводъ оплачиваетъ рабочему его трудъ надъ каждой отдѣльной вещью или „штукой“. При задѣльной платѣ затрата времени не играетъ значительной роли въ глазахъ администраціи, и только, можетъ быть, въ началѣ, когда вещь еще не оцѣнена, время принимается въ разсчетъ, чтобы облегчить опредѣленіе стоимости труда, а затѣмъ, сколько бы мастеровой ни работалъ надъ нею, для завода рѣшительно все равно. Для того, чтобы подогнать рабочаго, у завода есть въ рукахъ такое сильное средство, какъ „сбавка“ или уменьшеніе расцѣнки.

Въ виду той важности, какую представляютъ собою для рабочихъ эти двѣ системы оплаты труда, я позволю себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Если сопоставить двѣ мастерскія, изъ которыхъ въ одной практикуется поденная, а въ другой задѣльная плата, то немедленно бросится въ глаза рѣзкое различіе жизни въ этихъ мастерскихъ.

Прежде всего поденная работа несравненно легче задѣльной. Ни одинъ поденщикъ не станетъ прилагать къ своей работѣ такихъ напряженныхъ усилій, какъ штучникъ. Исключеніе составляютъ только тѣ рабочіе, которые имѣютъ возможность и надежду быть замѣченными начальствомъ, выдвинуться и современемъ занять какую-нибудь административную должность—мастера, помощника или старшого, всѣ же остальные работаютъ покойно, тихо.

Внутренняя жизнь поденной мастерской идетъ мирно, безъ ссоръ и скандаловъ. Всякій рабочій охотно идетъ помочь своему товарищу, чаще всего поднять какую-нибудь тяжесть или вытащить модель. Всѣ изделія выходятъ изъ рукъ рабочаго, получающаго поденную плату, въ болѣе чистомъ, отдѣланномъ видѣ, безъ всякихъ замазыванiй разныхъ погрѣшностей, такъ какъ рабочему нѣтъ нужды во что бы то ни стало торопиться сдачей работы. При такомъ порядкѣ, если и случится какая погрѣшность, рабочій предпочтетъ не одурачивать мастера, скрывая отъ него недостатки работы, а посовѣтоваться съ нимъ. Если же вещь окажется дѣйствительно негодной, рабочій отъ этого матеріально не страдаетъ, такъ какъ и при бракѣ происшедшемъ по его ли винѣ, или по винѣ завода, онъ все равно получаетъ свою поденную плату. Но въ сущности при поденныхъ работахъ брака бываетъ очень мало, а, если и бываетъ, то больше по винѣ администраціи, ставящей мало опытныхъ и, слѣдовательно, дешево оплачиваемыхъ рабочихъ на сложныя и отвѣтственныя работы.

Мирное теченіе жизни поденной мастерской нарушается только окриками мастера. Для мастеровъ, дѣйствительно, поденная работа—одно безпокойство. Въ то время, какъ мастеръ штучниковъ сидитъ себѣ въ тиши своей конторы за чайкомъ, да изрѣдка съ самодовольной улыбкой посматриваетъ, какимъ колесомъ у него идетъ дѣло, какъ быстро, торопливо движутся рабочія руки, мастеръ поденщиковъ по большей части считаетъ себя обязаннымъ все время бѣгать и кричать. Повсюду ему мерещатся злоупотребленія и непроизводительная потеря времени. Тотъ слишкомъ много куритъ, тотъ часто выходитъ на дворъ, а того вотъ ужъ цѣлый часъ нѣтъ у станка. Всѣхъ ему нужно расшевелить, взбудоражить, а для этого мастеръ чаще всего знаетъ одно средство—брань. И несется эта брань по всей мастерской, и стоитъ она въ ушахъ рабочаго такимъ немолчнымъ гуломъ, что въ концѣ концовъ рабочій привыкаетъ къ ней, какъ къ чему-то неизбѣжному.

Нельзя сказать, конечно, что рабочіе съ своей стороны совсѣмъ не допускаютъ злоупотребленія въ видѣ непроизводительной траты рабочаго времени. Но въ общемъ, чѣмъ интеллигентнѣе рабочіе, тѣмъ меньше бываетъ съ ихъ стороны такихъ злоупотребленій.

Кромѣ того, большое значеніе имѣетъ и размѣръ поденной

платы. Здѣсь, собственно, повторяется самая обычная торговая сдѣлка. Чѣмъ больше кладутъ рабочему жалованья, тѣмъ продуктивнѣе его работа. Съ своей стороны я не могу припомнить ни одного случая, гдѣ бы при поденной работѣ болѣе высоко оплачиваемый рабочій не стремился изготовить большее количество издѣлій по сравненію съ низко оплачиваемыми. Здѣсь, прежде всего, дѣйствуетъ отвѣтственность передъ мастеромъ, который всегда можетъ сказать: „что жъ ты, такой-сякой, получаешь полтора рубля въ день, а дѣлаешь столько же, что и Васильевъ за 1 р. 20 к?!" Но помимо того здѣсь сказывается и чисто нравственная отвѣтственность передъ своей совѣстью. Почему-то рабочему дѣлается стыдно, если его товарищъ, получающій менѣе его, изготовляетъ столько же „штукъ", что и онъ. Стремясь избавиться отъ этого чувства, онъ приложитъ всѣ силы, чтобы изготовить большее количество издѣлій, а если это для него невозможно, то пойдетъ на компромиссъ, подойдетъ къ своему товарищу и скажетъ: „ты, братъ, не больно торопись, иначе мнѣ за тобой и не угнаться." Но такіе случаи бываютъ рѣдко. Всякій рабочій очень дорожитъ своей репутаціей хорошаго работника и, благодаря этому, почти всегда постарается путемъ крайняго напряженія своихъ силъ окупить тотъ излишекъ поденной платы, который онъ получаетъ по сравненію съ другими.

Въ темномъ царствѣ, окружающемъ русскаго рабочаго, порою—хотя далеко не часто—попадаются и хорошіе мастера, не прибѣгающіе ни къ брани, ни къ грубымъ понуканіямъ. Тогда между мастеромъ и рабочими быстро устанавливаются хорошія отношенія, ярко подчеркивающія всю ненужность обыкновенныхъ пріемовъ воздѣйствія на рабочаго.

Мнѣ вспоминается одинъ маленькій заводикъ на югѣ Россіи. Работали тамъ исключительно поденно. Однажды къ намъ, въ литейную попалъ очень спѣшный заказъ на отливку одной колонны для электрическаго освѣщенія. Нужно сказать, что мастеромъ у насъ былъ удивительно милый человѣкъ, итальянецъ. Какъ онъ попалъ въ Россію—Господь его знаетъ. Кое-кто толковалъ, будто-бы „по началу" онъ ходилъ съ шарманкой, иные даже добавляли, что и обезьяна была. Во всякомъ случаѣ это былъ большой любитель музыки. Цѣлыми часами онъ разсказывалъ намъ о родномъ искусствѣ, о знаменитыхъ пѣвцахъ, о великихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. И теперь еще помню, въ какихъ восторженныхъ краскахъ онъ описывалъ намъ оперу „Вильгельмъ Телль". „Одну увертюру сорокъ пять минутъ играютъ!" и, не смотря на то, что изъ насъ далеко не всѣ понимали значеніе слова „увертюра", слушали его всѣ съ большимъ вниманіемъ, избѣгая лишній разъ стукнуть молоткомъ или трамбовкой. Нечего и говорить, что отношенія къ нему мастерской были самыя дружескія и доброжелательныя. Формовать колонну онъ

поручилъ двумъ литейщикамъ и попросилъ ихъ окончить работу возможно скорѣе. На другой день колонна была отформована, предстояло только расплавить чугунъ и залить.

Но тутъ то и началась бѣда. Вагранка была маленькая, а колонна должна была вѣсить пудовъ 25. Предстояло, значитъ, наплавивъ одинъ ковшъ, ожидать, пока наплавится другой. Но тѣмъ временемъ чугунъ въ первомъ ковшѣ могъ остыть и не пойти въ отверстія формы. Къ нашему ужасу, такъ и вышло. Едва успѣли наплавить второй ковшъ, какъ первый началъ стынуть.

— Зарѣжемъ штуку!—сказалъ одинъ литейщикъ, обращаясь къ мастеру.

— Ничего, только лейте скорѣй,—отвѣтилъ онъ.

Мы стали лить. Жидкая огненная масса полилась въ отверстіе формы, разбрасывая кругомъ блестящія искры.

— Лей сильнѣе. Держи полнѣе литники! — командовалъ мастеръ.

Но нѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ отверстія литника не стали поглощать эту горячую лаву, и воронка наполнилась доверху густоватымъ чугуномъ.

— Зарѣзали!—протянулъ одинъ изъ рабочихъ.

Всѣ молчали. У всѣхъ на душѣ была какая-то тяжесть, хотя никто виновнымъ себя не чувствовалъ, за исключеніемъ, развѣ, одного мастера. Онъ стоялъ у зарѣзанной формы и грустно качалъ головой.

— Эхъ,—наконецъ, промолвилъ онъ:—какой большой непріятность мнѣ будетъ. Это я самъ взялъ работу. Хотѣлъ показать хозяину, какой есть мастеръ Томаріо.

— Да вѣдь хозяина нѣтъ. Онъ же въ Москву уѣхалъ,—сказалъ какой-то литейщикъ.

— Это ничего, что уѣхалъ. Черезъ три дня опять пріѣдетъ,— и мастеръ опять началъ сокрушаться.

Мы молчали. Но вотъ у одного изъ насъ возникла мысль.

— Мастеръ,—сказалъ онъ,—а вѣдь за три-то дня мы еще одну успѣемъ сдѣлать.

— А какъ ты лить будешь?—возразилъ другой,—вагранку что ли передѣлаешь?

— Чего вагранку? Можно и въ ковшѣ чугунъ сохранить. Раззоримся на мѣшокъ деревяннаго угля и засыпемъ сверху. Чорта съ два онъ застынетъ.

— А вѣдь правда!—согласились мы.

Мастеръ оживился.

— Уголь я на свои деньги куплю (заводъ былъ такъ бѣденъ, что, кромѣ интрацита, не было никакого угля) и десять рублей вамъ за работу тоже изъ своего кармана заплачу.

— Да не надо, мастеръ, денегъ, мы и такъ сдѣлаемъ. Ну, ребята,—лады!? Выручимъ мастера?

— Идетъ!—согласились всѣ, и послѣ шабашу дружно принялись за формовку новой колонны.

Проработали до 12-ти часовъ ночи, а на другой день благополучно залили. Денегъ отъ мастера мы такъ и не взяли, ограничившись одною четвертью водки (на 8 человѣкъ.).

Но я отвлекся въ сторону. Вернемся опять къ „формамъ заработной платы“.

Въ принципѣ „поденная“ плата можетъ быть признана удачной формой. Она гуманна, такъ какъ не требуетъ отъ рабочаго чрезмѣрнаго напряженія, она предполагаетъ извѣстное „довѣріе“ хозяина къ рабочему. И для этого „довѣрія“ было бы еще больше мѣста въ жизни, если бы хозяева больше полагались на поднятіе интеллигентнаго уровня рабочихъ, чѣмъ на мастеровъ—„собакъ“.

Но „рабочіе у насъ грубы и невѣжественны“, сказалъ одинъ сенаторъ и, чтобы окончательно убѣдить себя въ этомъ,—всѣхъ рабочихъ депутатовъ, пришедшихъ излагать ему свои нужды, объявилъ „злонамѣренными агитаторами, подчинившими путемъ насилія и обмана всю рабочую массу“.

Такъ, вѣроятно, думаютъ и заводчики, стоящіе къ рабочимъ ничуть не ближе этого сенатора. Но заботъ объ образованіи „невѣжественныхъ“ рабочихъ что-то не видно. За то на заводахъ придумано нѣчто такое, чего ни одинъ мастеръ не добьется своей бранью. Выдумали задѣльную плату. Вотъ какъ она осуществляется на практикѣ.

Въ контору мастера приходитъ рабочій:—Работку бы, Егоръ Егорычъ.

— Что?—вопрошаетъ онъ:—работу, говоришь?

— Да, Егоръ Егорычъ. Муфты, которыя были, уже всѣ кончилъ...

— Такъ.

Нѣсколько секундъ проходитъ въ молчаніи. Потомъ мастеръ говоритъ:

— Вотъ что. Ежели хочешь, возьми этотъ валикъ, обточи. Цѣна ему будетъ три цѣлковыхъ.

— Маловато, Егоръ Егорычъ.

— Мало, такъ ищи, гдѣ больше дадутъ.

Рабочій молча беретъ валикъ и уходитъ изъ конторы.

Почему мастеръ оцѣнилъ эту работу именно въ три рубля? Не будетъ ли это слишкомъ мало или слишкомъ много? Этого никто не знаетъ. Въ заводскомъ дѣлѣ успѣшность работы, а, слѣдовательно, и плата зависитъ отъ такой массы условій, что опредѣлить стоимость работы до ея окончанія бываетъ трудно даже самому рабочему. Немалое значеніе имѣетъ, прежде всего, уже одна степень техническаго усовершенствованія станка, на которомъ производится работа. На хорошемъ и болѣе при-

способленномъ станкѣ, очевидно, можно скорѣе сдѣлать работу, чѣмъ на плохомъ, и, значитъ, рабочему плохого станка слѣдовало бы платить за „штуку" больше. Имѣетъ значеніе также и качество обрабатываемаго матеріала. Плохое оборудованіе мастерской, недостатокъ въ ней подъемныхъ крановъ, паровыхъ молотовъ и т. п. въ свою очередь влекутъ за собой непроизводительную трату времени.

При поденной оплатѣ труда всѣ эти условія не отражаются на заработкѣ рабочаго, но при задѣльной—ему приходится платиться рѣшительно за все. Но освѣдомленъ-ли достаточно мастеръ о всѣхъ препятствіяхъ, могущихъ задержать работу и вызвать непроизводительную потерю рабочаго времени? Принимаетъ ли онъ въ разсчетъ это время?—Никогда. Даже, если онъ искренно желаетъ этого, онъ не можетъ предвидѣть всѣхъ случайныхъ задержекъ въ работѣ. Но, помимо того, при разцѣнкѣ нерѣдко разыгрывается и произволъ мастера. У него всегда могутъ быть свои приближенные и любимчики, тѣмъ или другимъ способомъ добившіеся его расположенія. Всѣхъ ихъ онъ старается выдѣлить, дать имъ заработать больше, чѣмъ другимъ, и, такимъ образомъ, вноситъ въ среду рабочихъ ссоры и неудовольствія. Съ другой стороны, систематически назначая недостаточную цѣну, мастеръ можетъ вынудить любого нежелательнаго ему работника „по собственному желанію" взять разсчетъ. О „взаимномъ соглашеніи" здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если мастеръ оцѣнилъ данную штуку, рабочему остается одно изъ двухъ: или брать работу по той цѣнѣ, которую ему даютъ, или идти за ворота. Единственно, что можетъ сдѣлать рабочій для увеличенія своего заработка, это по возможности повысить напряженность труда. Если же и этого не достаточно, то ему остается передъ „шабашемъ" зайти въ контору мастера и сказать: „Егоръ Егорычъ, дозвольте вечерокъ сработать", т. е., не довольствуясь $10^1/_2$ часами, отработать 12—14. Платы за это время, какъ за сверхурочное, не полагается.

Произволъ мастера при разцѣнкѣ ничѣмъ не ограниченъ. Только послѣ январьскихъ забастовокъ Путиловскій заводъ рѣшилъ было въ видѣ опыта ввести у себя по мастерскимъ постоянныхъ выборныхъ отъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы эти выборные привлекались съ совѣщательнымъ голосомъ „къ распредѣленію назначенныхъ заводомъ валовыхъ разцѣнокъ между отдѣльными рабочими" („Русь", № 61). Но уже черезъ мѣсяцъ эта коммиссія, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ", распалась, и рабочіе по прежнему не имѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы ограничить произволъ мастера.

Такимъ образомъ, задѣльная плата,—въ большинствѣ случаевъ къ тому же недостаточная,—прежде всего заставляетъ рабочаго спѣшить, напрягать всѣ силы, чтобы выработать возможно больше.

Для него всякая минута дорога, и при задѣльной работѣ вы никогда не встрѣтите той солидарности и дружбы среди рабочихъ, какую можно найти при поденной. Въ первомъ случаѣ каждый слишкомъ заинтересованъ въ успѣшности именно своей работы, и всякія задержки даютъ поводъ къ ссорамъ, брани, а, бываетъ, и къ дракѣ.

Въ мастерской, работающей по задѣльной платѣ, и для хозяина не требуется мастеръ, который былъ бы непремѣнно „собакой". Здѣсь онъ чаще всего совсѣмъ не выходитъ изъ конторы и твердо убѣжденъ, что никакая брань, никакая палка не заставятъ рабочаго такъ напрягать свои силы, какъ это дѣлаетъ низкій разцѣнокъ. Благодаря этому же разцѣнку, у мастера не бываетъ и нужды просить рабочихъ остаться въ заводѣ сверхурочное время. Наоборотъ, самъ рабочій придетъ къ нему и скажетъ: „Егоръ Егорычъ! Дозвольте вечерокъ сработать". Сверхурочная работа не пользуется особой симпатіей рабочихъ, и тѣмъ не менѣе они бываютъ вынуждены на нее, такъ какъ за 10 часовъ не успѣваютъ отработать всѣ расходы на пищу, одежду и жилище. Впрочемъ, порою и такіе рабочіе, которые получаютъ хорошее жалованье, готовы остаться на сверхурочное время. Это объясняется беззащитностью русскаго рабочаго, тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которое поставленъ онъ, не имѣя никакихъ союзовъ и организацій, могущихъ оказать ему помощь во время стачки или безработицы. Боязнь „чернаго" дня нерѣдко заставляетъ его всякими способами добывать лишнюю копѣйку, лишь бы хоть на время избавиться отъ призрака голода. Но въ общемъ—повторяю—сверхурочная работа далеко не пользуется симпатіями рабочихъ, и это, конечно, не удивитъ никого, кто знаетъ ту страшную усталость, какая овладѣваетъ человѣкомъ послѣ 10—11 часовъ напряженнаго труда.

Если для рабочаго низкая задѣльная плата несетъ съ собою чрезмѣрное напряженіе силъ, то на всемъ заводскомъ дѣлѣ она отзывается небрежностью работы и большимъ количествомъ брака. Всякая дешево оплачиваемая работа безусловна плоха и убыточна. Рабочему во что бы то ни стало нужно выработать извѣстное количество денегъ, безъ котораго его существованіе не мыслимо. Но низкій разцѣнокъ не позволяетъ ему тратить на каждое издѣлье много времени. Онъ стремится какъ можно скорѣе сдать одну вещь, чтобы получить другую, и работаетъ небрежно, а вслѣдствіе этого растетъ на заводѣ количество браку. За него рабочему-штучнику, правда, не платятъ, но вѣдь не въ барышахъ остается и заводъ, а если принять во вниманіе, что въ этой штукѣ могъ заключаться уже оплаченный трудъ другого рабочаго, то будетъ ясно, что заводъ потеряетъ несравненно больше, нежели рабочій.

При широкомъ распространеніи задѣльной платы получаетъ

оригинальную постановку весь вопросъ о нормальной величинѣ рабочаго дня. Нѣсколько времени тому назадъ въ газетѣ „Слово“ появилась статья академика Янжула, въ которой онъ съ негодованіемъ обрушился на рабочихъ за то, что они позабыли всякое чувство мѣры, требуя 8-часоваго рабочаго дня. Нелѣпость такого требованія авторъ статьи доказывалъ тѣмъ, что въ Западной Европѣ еще далеко не вездѣ введенъ 8-часовой рабочій день, и, слѣдовательно, устанавливать его въ Россіи не мыслимо.

Эту статью мнѣ пришлось читать среди рабочихъ, и едва мы кончили чтеніе, какъ одинъ изъ слушателей сказалъ:

— А знаетъ ли ак. Янжулъ, сколько мы на самомъ дѣлѣ работаемъ? Вѣдь насъ заставляютъ только *пробыть* въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ, а работаемъ мы столько, сколько вздумается.

Читатель легко пойметъ всю вѣскость такого возраженія. Дѣйствительно, кто можетъ знать, сколько на самомъ дѣлѣ работаетъ штучникъ? Пробыть въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ не значитъ еще все это время употребить на „полезную, общественно-необходимую работу“. Кромѣ того, являясь лично заинтересованнымъ въ продуктивности своей работы, являясь какъ бы участникомъ производства, штучникъ не нуждается ни въ какихъ рамкахъ, ограничивающихъ его рабочее время, и всякіе правительственные акты о нормировкѣ рабочаго времени для него сводятся только къ излишнимъ стѣсненіямъ. Конечно, это относится только къ штучникамъ, т. е. рабочимъ, получающимъ задѣльную плату. Ихъ договоръ найма въ настоящее время можетъ быть сформулированъ такъ: заводъ предоставляетъ рабочему всѣ орудія производства, но требуетъ отъ рабочаго не извѣстнаго количества труда, а обязательнаго присутствія на заводѣ въ теченіе $10^1/_2$ часовъ въ сутки. Выставивъ требованіе 8-часового рабочаго дня, штучники тѣмъ самымъ сказали: „зачѣмъ намъ просиживать въ заводѣ лишнее время, мы и за 8 часовъ сдѣлаемъ столько же, сколько теперь за $10^1/_2$, лишь бы заводъ былъ хорошо оборудованъ“. Но заводъ не соглашается и твердитъ по прежнему: „сколько хотите, столько и работайте, но должны пробыть въ заводѣ $10^1/_2$ часовъ и конецъ“.

Во время нашихъ дебатовъ по поводу статьи г. Янжула, одинъ изъ рабочихъ сказалъ: „въ субботу у насъ работаютъ 7 часовъ, а я дѣлаю столько же паровозныхъ буксъ, сколько и за $10^1/_2$ часовъ“. И такихъ работниковъ найдется не мало, хотя утверждать это про всѣхъ я, конечно, не могу. Во всякомъ случаѣ, если въ Западной Европѣ съ ея „поденной“ формой заработной платы наблюдается такое явленіе, что „во многихъ случаяхъ рабочіе въ десять часовъ производили столько же, сколько и въ двѣнадцать, и въ восемь столько же, сколько въ десять“, и если тамъ „въ ариѳметикѣ труда, какъ и въ ариѳметикѣ таможенныхъ сборовъ, при вычитаніи двухъ изъ десяти получается

не восемь, а даже одиннадцать" *), то можно съ увѣренностью сказать, что русская задѣльная плата дастъ еще большую возможность ввести 8-часовой рабочій день, съ гарантіей получить отъ рабочаго самую напряженную работу.

П. Тимофеевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На амурской колесной дорогѣ.

Въ газетѣ „Амурскій край" появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извѣстіе, что къ скорѣйшему окончанію амурской колесной дороги принимаются мѣры. Въ „Судебномъ Обозрѣніи" сообщалось, что часть задержанныхъ войною каторжныхъ партій будетъ направлена на эту дорогу. Русскій читатель, пробѣжавшій эти замѣтки, сейчасъ же забудетъ ихъ, какъ и тысячи другихъ маловажныхъ вѣстей, наполняющихъ ежедневно газетную хронику. Въ печати объ этой дорогѣ я не встрѣчалъ никакихъ подробностей. Да и, въ самомъ дѣлѣ, кого могутъ интересовать какія-то работы на далекой глухой окраинѣ? А между тѣмъ многое, что тамъ творится, достойно большаго, гораздо большаго вниманія.

Я намѣренъ — лучше поздно, чѣмъ никогда, — подѣлиться съ читателями кой-какимъ матеріаломъ, скопившимся у меня на этотъ счетъ.

Амурская колесная или шоссейная дорога прокладывается между Хабаровскомъ и Благовѣщенскомъ вдоль по теченію Амура, то отходя отъ этой рѣки, то снова приближаясь къ ней. Работаютъ каторжане, завѣдуетъ работой вице-губернаторъ. Согнанные на работу каторжане,—часто люди непривычные къ тяжелому физическому труду, принимаются за эту тягчайшую его форму прямо послѣ долгой тюремной сидки съ ея душной атмосферой, плохой пищей, отсутствіемъ движенія и тѣмъ тревожнымъ, мучительнымъ тюремнымъ бездѣльемъ, которое больше всего изнуряетъ человѣка. „Я до этого въ глаза тачки не видалъ, и отъ одного свѣжаго воздуха, какъ пьяный, шатался",— слышалъ я отъ многихъ арестантовъ. На работу идутъ люди, въ массѣ ослабѣвшіе, разбитые душой и тѣломъ.

Каторжане работаютъ одновременно на протяженіи сотенъ верстъ. Ими руководитъ или, вѣрнѣе, ими безконтрольно помыкаетъ ближайшее начальство. Здѣсь полное царство каторжныхъ „царей и боговъ".

---

*) Веббъ и Коксъ „8-ми часовой рабочій день", стр. 4—5.

Кто же это начальство?

Его цѣлая лѣстница, начиная съ десятниковъ изъ самихъ арестантовъ внѣ тюремнаго разряда, — людей, стремящихся выслужиться и войти въ довѣріе путемъ прижимки своихъ собратьевъ, продолжая конвоемъ, озлобленнымъ своей нелѣпой службой и вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности, надзирателями, техниками, фельдшерами, всевластными начальниками и кончая высшей инстанціей—вице-губернаторомъ. Съ одной стороны—забитый, безгласный, „лишенный правъ“ сбродъ всероссійскихъ неудачниковъ, съ другой—тоже сбродъ неудачниковъ, но надѣленныхъ такою властью, которая въ ихъ жестокихъ, корыстныхъ, жадныхъ рукахъ становится орудіемъ плантаторскаго порабощенія, безсмысленнаго мучительства тысячъ людей.

Какъ сказано выше, съ окончаніемъ дороги торопятся, для такого окончанія *принимаются мѣры*. Мы увидимъ, что эти мѣры дѣйствительно принимаются, и все, что теряется на плохомъ качествѣ рабочихъ рукъ, на недостаткахъ техники, нагоняется своеобразными, хотя, впрочемъ, исконными русскими пріемами, направленными къ увеличенію производительности труда рабочихъ-каторжанъ.

Рабочій день начинается.

Арестантовъ пробуждаетъ дикій ревъ:

„Вставай, на раскомандировку, пей чай, умывайся!“

Рабочіе вскакиваютъ, хватаютъ хлѣбъ, чайники, плещутъ водою лицо, — кто что успѣетъ. Черезъ нѣсколько минутъ желѣзная палка надзирателя уже гуляетъ по спинамъ, и это битье—прологъ къ длинному дню каторжнаго труда и побоевъ. Выбѣгаютъ безъ хлѣба и безъ чайниковъ, только бы спастись отъ ударовъ.

Приходятъ на работу,—и тутъ начинается каторжный адъ.

Земляная работа, какъ извѣстно, сама по себѣ очень трудна. Трудности ея мѣняются въ зависимости отъ грунта. Каменныя полосы, гдѣ каждый вершокъ достается цѣною страшныхъ усилій, смѣняются болотомъ, гдѣ работа идетъ по поясъ въ водѣ. Тягости этого истинно-каторжнаго труда усиливаются климатическими условіями мѣстности. Во всякую погоду, въ грозный зной, когда раскаленные лучи солнца падаютъ почти отвѣсно, во время безконечныхъ, пронизывающихъ дождей, въ зимнюю стужу по колѣна въ ледяной водѣ съ утра до ночи, не покладая рукъ, возится въ землѣ надъ своими „урками“ армія „сѣрыхъ чертей“. Въ теплое время, по утрамъ и вечерамъ, надъ ними носятся тучи комаровъ и мошки, злой назойливый „гнусъ“, къ полудню уступающій мѣсто болѣе крупнымъ слѣпнямъ и оводамъ; все это нещадно жалитъ, и язвитъ, и изнуряетъ рабочихъ. Воды на линіи

нѣтъ нигдѣ. Казенныя арбы съ водой запаздываютъ. Казенныхъ чайниковъ не полагается, свои есть не у всѣхъ. Кто не успѣлъ (а успѣть не легко) захватить воды, или всю ее истратилъ, — „пропадаетъ". Обезсиленная работой, распаленная отъ жары, „шпана" изнемогаетъ и томится жаждой. Рабочая сила человѣка здѣсь быстро истощается.

Въ самомъ началѣ дѣло въ высшей степени тормазится и затрудняется тѣмъ, что необходимые рабочіе инструменты — лопаты, кайлы и т. п.—стары и плохи. Притупляясь и ломаясь о камень, о корни, переплетающіеся въ землѣ, они скоро изнашиваются, но не замѣняются новыми. Идутъ въ починку все тѣ же. Не знаю, что здѣсь причиною, *экономія* заправилъ, или *доходъ* мелкой сошки; то или другое, или то и другое вмѣстѣ, но успѣшности работъ эта *мѣра* не способствуетъ и превращаетъ трудъ въ напрасное безцѣльное мученіе. Требовательности начальства по отношенію къ рабочимъ это не уменьшаетъ, скорѣе напротивъ. И земляная работа ведется негодными орудіями.

Прежде, чѣмъ перейти къ обращенію съ рабочими, когда передъ нами развернутся въ полномъ блескѣ тѣ мѣры, которыя принимаются къ скорѣйшему окончанію дороги, я скажу нѣсколько словъ объ общихъ условіяхъ быта рабочихъ.

Арестанты живутъ въ палаткахъ, старый перезаплатанный холстъ которыхъ протекаетъ, какъ рѣшето, или въ землянкахъ, столь же гигроскопичныхъ. Спятъ они на голой землѣ, которая въ дождливое время превращается въ грязь. Промокшихъ, потныхъ, грязныхъ и избитыхъ пригоняютъ ихъ съ работы. Переодѣться не во что. Кое-гдѣ есть матрацы (подаяніе), но они скоро становятся „чернѣе сажи", какъ и все отрепье, замѣняющее одежду. Въ сырости и грязи, среди гнилыхъ кислыхъ испареній, на ложѣ изъ тряпья, кишащемъ паразитами, арестанты „то прѣютъ, то коченѣютъ". Таковъ ихъ ночной отдыхъ.

Бани есть только на узловыхъ станкахъ; на линіи ихъ замѣняетъ рѣка, куда по воскресеньямъ гонятъ арестантовъ мыть бѣлье и самимъ мыться. Бѣлья выдается 2 смѣны, при чемъ выдача обыкновенно запаздываетъ, — но одна смѣна идетъ на заплаты и починку, такъ что на дѣлѣ все время безсмѣнно носятъ одну пару. Тутъ же сушатъ. Проточная вода холодна, какъ ледъ, и купаться рѣшается не всякій: судороги сводятъ тѣло. А отъ грязи и сырости, отъ прѣлой одежды и паразитовъ въ тѣлѣ зудъ и чесотка. Стричься и бриться не полагается: не чѣмъ (а недавно нерчинскую каторгу охватила эпидемія стрижки арестантовъ именно потому, что здѣсь въ этомъ нѣтъ особенной надобности). Разсказы арестантовъ на эту тему обычно кончаются стономъ: „грязь, вши, бѣда!"

Кѣмъ-то была пожертвована арестантамъ одежда, между про-

чимъ, красное ситцевое нижнее бѣлье. Но получили, разсказываютъ арестанты, его очень немногіе, потому что, по словамъ начальства, баржа съ этимъ грузомъ затонула. Однако неполучившіе, какъ оказалось, ничего не потеряли, потому что получившимъ подаяніе казеннаго бѣлья уже не выдали.

Одна партія проработала все лѣто въ обуви, въ какой пришла изъ Москвы, т. е. почти босикомъ. Ссадили и изранили себѣ ноги о щебень и дошли до того, что стали сами изъ рукавицъ, чуть не изъ рубашечнаго холста шить себѣ обувь. Только къ осени выдали коты.

Меньше всего приходится слышать жалобъ на пищу, быть можетъ, потому, что мѣриломъ служитъ то, чѣмъ кормятъ арестантовъ по тюрьмамъ. Плохъ только хлѣбъ. За то тутъ мы встрѣчаемся съ такими фактами.

„Лѣтомъ 1903 г. намъ на станкѣ X. выдали жалованье какъ разъ за полгода—пришлось мнѣ 1 р. 60 коп. Стали искать, нѣтъ ли гдѣ купить хлѣба. Продавецъ нашелся. Подрядчикъ, родственникъ старшаго Б., привозилъ, а самъ старшій продавалъ намъ бѣлыя булки въ $1^1/_2$ ф. вѣсомъ по 50 и 60 коп. По близости, верстъ за 6, были пріискатели. Услышали они и притащили нѣсколько пудовъ хлѣба—вдвое дешевле. Но солдаты, по приказанію старшаго, ихъ прогнали. Отошли они съ версту, старшій верхомъ ихъ нагналъ, купилъ у нихъ весь хлѣбъ, а послѣ намъ его перепродалъ по своей старой цѣнѣ. Тутъ уже мы халаты попродавали, и за эти деньги купили хлѣба“...

Какія-то таинственныя операціи совершаются и съ заработной платой.

„Хотя и обѣщали платить старательскія и процентовыя деньги, но вся заработная плата сводилась къ нулю. Давали выписку разъ въ мѣсяцъ. И вотъ за мѣсяцъ каждому рабочему приходилось: 1 ф. махорки, 6 листовъ курительной бумаги и 1 ф. сахару“.

Такъ было въ 1903 г. Въ 1904 г. дѣло нѣсколько мѣняется.

„Какая плата полагается? Не знаю точно. Пять мѣсяцевъ проработалъ я на участкѣ Игнатьева. Плату намъ продуктомъ давали, махоркой, $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ на душу“...

Вотъ что разсказываетъ арестантъ, работавшій на участкѣ Биджанъ лѣтомъ 1903 г.

„По приходѣ на мѣсто работъ замѣряли по 0,75 саж. на человѣка—и начали погонять!

„Почти никто не могъ выработать урока. Всѣмъ урокъ одинаковый. Который человѣкъ сильный и привычный, онъ еще выработаетъ. А слабосильный—изъ силъ выбьется, подохнетъ на мѣстѣ, да такъ и не кончитъ. А отставать нельзя. Тутъ десятники поукаютъ, конвой прикладами лупитъ. Ты въ землю кайлой,—онъ

тебѣ въ спину прикладомъ. Сѣлъ отдохнуть, закурилъ — лупятъ! Невыработанный урокъ заставляли дорабатывать въ воскресные дни. Если дождь помѣшалъ работать—дорабатывай все равно въ воскресенье. Разъ, два не выработалъ урока—карцеръ, а затѣмъ розги. Завѣдывалъ начальникъ Лапинъ—звѣрь, не человѣкъ! Ни малѣйшей жалости, чуть что—розги, розги и розги!

„Промучились у Лапина, откомандировали на Дауръ—21 верста отъ Биджана. Начальникомъ назначили унтеръ-офицера Богоявленскаго. Изъ огня попали да въ полымя. Хоть умирай, да работай. Утромъ чуть свѣтъ выгонитъ на работу; обѣдать—иди на станъ, версты 3 отъ мѣста работы, послѣ обѣда—опять иди, и такъ изо дня въ день съ ранняго утра до поздней ночи. Ни отдыха, ни облегченія“...

Въ основу мѣръ къ скорѣйшему окончанію дороги положена *порка*, какъ наиболѣе практичное и примѣнимое ко всякимъ условіямъ средство. Смотря по лѣсу: идутъ осинникомъ—порютъ осиной, идутъ тальникомъ—порютъ тальникомъ, идутъ березнякомъ—порютъ березой. Зимою порютъ прямо на морозѣ. Но разнообразіемъ матеріала для розогъ перечень способовъ, которыми на Амурѣ поднимаютъ производительность арестантскаго труда, еще не исчерпывается. Кромѣ обычнаго битья во всѣхъ его видахъ, кромѣ карцера и заковки въ кандалы (которые выбираются нарочно съ зазубринами на „браслетахъ“ и надѣваются на голую ногу) — мѣръ еще много-много. „Рецидивистовъ“, т. е. неоднократно не выработавшихъ урока, зимою, поморивъ сначала голодомъ, ставятъ въ лютый тамошній морозъ часа на $1^1/_2$ — 2 на ледъ босикомъ, при чемъ не позволяютъ... мочиться. Передаютъ и такой случай. Провинился въ чемъ-то арестантъ. Дѣло было лѣтомъ. И придумали ему наказаніе. Привязали его голаго къ дереву, и такъ стоялъ онъ нѣсколько часовъ, облѣпленный комарами. Точь въ точь, какъ пытали своихъ рабовъ крѣпостныя Салтычихи.

Всѣ *наказанія* перечислить трудно. Они разнообразятся во времени и пространствѣ, и возможно ли прослѣдить всѣ формы истязательства, которыя измышляетъ средневѣковый мозгъ разныхъ мелкихъ и крупныхъ царьковъ въ этомъ царствѣ произвола. Одинъ принимаетъ мѣры, другой срываетъ злобу, третій запугиваетъ, четвертый сводитъ счеты, пятый — отъ скуки. Но, какъ говорятъ арестанты, „всѣхъ одна мать родила“...

А вотъ данныя, относящіяся къ 1904 г., т. е. къ эпохѣ принятія особенныхъ мѣръ.

Прежде всего тутъ повторяется все та же безконечная эпопея побоевъ и прикладовъ — ея же царствію нѣтъ конца. Приклады къ этому времени успѣваютъ получить обиходныя названія: „чортовы пятки“, или „вѣнскіе стулья“. Каторжанъ, отстающихъ въ работѣ отъ товарищей, конвой по своему „торопитъ“. Когда ре-

зультаты рабочаго дня надзирателю кажутся малоуспѣшными, онъ даетъ конвойнымъ такую инструкцію:

— „А ну-ка, прогони ихъ по-солдатски!..“ И тогда всю дорогу въ палатки рабочихъ гонятъ бѣгомъ, непрерывно колотя прикладами, входятъ во вкусъ, въ азартъ.

— Ну, а если кто-нибудь упадетъ?

— „Ну, не дай Богъ упасть... Ужъ лучше поскорѣй!..“

— „Пойдетъ дождь — гонятъ домой. Потомъ: „Стой! Это туманъ! Назадъ!“ Возвращаемся. Дождь сильнѣе—пригонятъ домой. Пересталъ—опять на работу. И такъ по нѣскольку разъ. У насъ половина народу заболѣла куриной слѣпотой. Какъ стемнѣетъ— идемъ, другъ за друга держимся. Идти вдоль рѣки. Кто урка не выработалъ—солдаты прикладами въ воду гонятъ. Такъ и идетъ онъ по поясъ въ водѣ—слѣпой за зрячаго держится. А еще, кто урка не выработаетъ, день—работать, ночь—въ карцеръ“.

— „Кузьма М., 22 лѣтъ, здоровый парень былъ,—прямо съ призыва осужденъ. На колесной дорогѣ дурной какой-то сталъ, сталъ пухнуть, оглохъ. Солдаты ему кричатъ что-нибудь — не слышитъ ничего. Опять ему приклады садятъ. Теперь окончательно ослабъ. Шагъ пройдетъ — задыхается, одышка. Лупятъ его—не обернется, какъ по дереву. Признали неспособнымъ, отправили съ дороги“.

— „К—нъ копается, копается—ни разу урока не выработалъ, хоть ты что хочешь. Ужъ его били-били, сколько онъ прикладовъ этихъ принялъ, собаку такъ не бьютъ. Разъ бросаетъ работу. „Не могу, говоритъ, боленъ я, ведите въ лазаретъ“. Десятникъ К—скій сталъ его ручкой револьвера поливать. Работай! Схватилъ К—нъ лопатку, да на него. Десятникъ кричитъ: застрѣлю. „Стрѣляй, будь ты проклятъ, одинъ конецъ“! Тогда его повели въ лазаретъ... Черезъ недѣлю опять погнали на работу, а онъ былъ еще въ жару. Потомъ признали одышку, грыжу—отправили“...

Однажды этотъ К—нъ, отбрасывая землю лопатой, не замѣтилъ, какъ сзади подошелъ техникъ Н., и угодилъ послѣднему землею прямо въ лицо. Техникъ потребовалъ воды, умылся, привелъ въ порядокъ туалетъ, а затѣмъ подошелъ къ К—ну и подъ охраною солдатъ больно избилъ его тростью.

— А вы, N, какъ переносили?

— „Меня Богъ миловалъ. Я такъ себѣ рѣшилъ, живъ—живъ буду, а пропалъ—пропалъ. Тамъ про завтра никто не думаетъ. Живъ день—и слава Богу. Я уже рѣшилъ молчать—терпѣть. Работалъ, сколько силъ было... Выходишь утромъ, какъ на смерть... Надрывался, кровью ходилъ... Ничего, вынесъ... Потомъ признали неспособнымъ—и въ отправку“...

„Сгною“! и „запорю“!—эти старые девизы сохранились здѣсь въ полной мѣрѣ и дѣйствіи. Общему девизу начальства соотвѣт-

ствуетъ его общая практика. И вотъ тысячи людей на Амурѣ поглощены вопросами: какой ударъ предпочтительнѣй—прикладомъ въ затылокъ, или имъ же по лопаткѣ? Или чѣмъ выгоднѣе быть избитымъ—чортовой пяткой или ручкой револьвера? Или что злѣе—розги, палки, или кулаки? И для нихъ это вопросы живого интереса и практическаго значенія огромной важности, ибо имъ тычутъ въ зубы, они глотаютъ оплеухи, ихъ поливаютъ палками, сѣкутъ розгами и лупятъ прикладами. Мышленіе людей опредѣляется ихъ бытіемъ.

„Сила тамъ нужна и каменное терпѣніе".

Старинное, обычаемъ освященное, прибѣжище арестантское — лазаретъ на Амурѣ совершенно теряетъ свой гостепріимный характеръ. Здѣсь „чохъ—мохъ не разбираютъ", внутреннихъ болѣзней не признаютъ и обращаютъ вниманіе только на внѣшніе признаки.

„Заявилъ, что боленъ,—сейчасъ къ фельдшеру. Осмотритъ фельдшеръ, говоритъ: „здоровъ"!—и начинаютъ угощать прикладами. Хоть живой въ могилу ложись!"

Такъ было въ 1903 году. А въ 1904 году, когда къ скорѣйшему окончанію дороги принимались мѣры? Дословно передаю сообщеніе арестанта.

„... Но если человѣкъ какой либо болью боленъ и заявляетъ дежурному надзирателю, или же десятнику, тогда его ведетъ конвойный до фельдшера, а фельдшеръ, какъ милая сволочь (sic), конечно, осмотритъ и дастъ какой-либо рвотный порошокъ, а потомъ приказываетъ вести больного обратно на урокъ; тогда уже конвойный поступаетъ съ больнымъ по своему и гонитъ его цѣльныя 5 или же 7 верстъ подъ прикладомъ, не менѣе, какъ получишь 50 прикладовъ въ спину и въ бока; вотъ и все амурское лѣченіе"...

На сценѣ появляются *членовредители* или *пальцерубы*. Отъ времени до времени въ тюрьмы нерчинской каторги съ амурской шоссейной дороги пригоняютъ возвратныя партіи. Это—спасенные, неспособные къ работѣ. Трудно было бы вѣрить ихъ разсказамъ, если бы они сами не являли собою живыхъ вещественныхъ доказательствъ. Большинство изъ нихъ безъ пальца, безъ двухъ, безъ трехъ. Это—цѣна ихъ спасенія и, какъ увидимъ, еще не вся. У другихъ на тѣлѣ язвы отъ извести или уксусной эссенціи: симулируютъ сифилисъ и т. п. Третьи дѣлаютъ себя неспособными къ труду иными способами: пьютъ табакъ, соль. Четвертые бросаются во время рубки лѣса подъ гигантскія падающія деревья. Словомъ:

Пальцы рѣжутъ, зубы рвутъ,
Въ службу царскую нейдутъ,—
Не хотятъ!..

— „Бываютъ изъ нихъ, конечно, либо совсѣмъ лодыри, либо горланистые парни, которые больше тюремное наслажденіе любятъ... Но немного такихъ. Слабосильный человѣкъ, непривычный, отъ работы задыхается... Отъ жизни этой, отъ работы непосильной, отъ побоевъ и пальцы рубятъ, и бѣгутъ. *Все равно пропадать, такъ ужъ лучше сразу*".

Такъ объясняютъ сами арестанты это явленіе—эпидемію пальцерубства. И, правда, насколько могъ я замѣтить, люди крѣпкіе и выносливые прибѣгаютъ къ этому рѣже.

Но—„къ скорѣйшему окончанію дороги принимаются мѣры", и съ членовредителями ведется жаркая борьба. Тутъ на помощь администраціи приходить медицина въ лицѣ фельдшеровъ.

Въ іюлѣ 1904 года молодой арестантъ П—въ отрубилъ себѣ палецъ, чтобы хоть немного отдохнуть отъ работы и побоевъ. Послѣ перевязки у фельдшера его опять погнали на работу. Но юноша, какъ видно, рѣшилъ избавиться во что бы то ни стало. Черезъ три дня онъ снова рубитъ себѣ пальцы—на этотъ разъ уже два сразу. П—ва вмѣстѣ съ другими пальцерубами (между прочимъ П—ко, С—мъ, Г—мъ) конвой гонитъ нѣсколько десятковъ верстъ до лазарета.

„Бѣги"! командуетъ солдатъ, самъ не трогаясь съ мѣста. Когда арестантъ отбѣжитъ на нѣсколько шаговъ, конвойный кричитъ: „стой"! Арестантъ останавливается. Солдатъ бросается, съ разбѣга бьетъ его прикладомъ. И опять: „бѣги"! Такъ продолжается, пока солдатъ не устанетъ, или ему не надоѣстъ.

Нѣсколько разъ арестанты отъ боли падали на дорогу и говорили солдатамъ:

— Не пойдемъ. Убивайте насъ сразу...

— „Пойдете"!—отвѣчали эти озвѣрѣвшіе люди. Пригнали. П—въ, пролежавъ въ лазаретѣ мѣсяцъ, всталъ,—и его погнали на работу. Онъ, и раньше непривычный и слабый работникъ, теперь окончательно калѣка. Но онъ идетъ неуклонно къ своей цѣли,—и поретъ себѣ ножомъ животъ. На бѣду неудачно. Отлежался—и опять на работу. Теперь его упорство соединенными силами администраціи и медицины было сломлено, и П—въ сдался. Что съ нимъ теперь, мнѣ неизвѣстно.

Фельдшеръ П—въ съ своей стороны отбиваетъ охоту къ уклоненію отъ работъ. Дѣлая перевязку, онъ читаетъ паціентамъ трехэтажныя внушенія, грубо срываетъ повязку, бередитъ раны и т. д. Но не со всѣми поступаетъ онъ такъ. Если арестантъ бросается передъ нимъ на колѣни и назоветъ: „г. докторъ", или „ваше высокоблагородіе", а не просто „г. фельдшеръ", то онъ становится нѣсколько мягче. Онъ любитъ также проявленія человѣче-

ской стойкости. Если больной во время „перевязки“ выдержитъ испытаніе твердо и не издастъ стона, то фельдшеръ называетъ его молодцомъ и продолжаетъ перевязку уже осторожнѣе и заботливѣе... Арестантъ К—въ показалъ пріѣхавшему губернатору свое тѣло, исполосованное прикладами. Губернаторъ обратилъ на начальника вопросительно-грозный взглядъ... Выручилъ присутствовавшій тутъ же фельдшеръ.

— „Это, ваше превосходительство, іодомъ смазано“...

Но, видно, авторитетное заявленіе представителя науки не убѣдило даже губернатора.

— „Я буду отдавать подъ судъ!“ внушительно сказалъ онъ начальнику и уѣхалъ. Все осталось по старому.

Каторжанинъ изъ солдатъ Александръ П., на тѣлѣ котораго отъ побоевъ не было живого мѣста, взялъ да и отсѣкъ себѣ 2 пальца. Но этой цѣной онъ купилъ лишь временный и относительный отдыхъ; его и „по-солдатски“ гнали, ему и П—въ дѣлалъ свою „перевязку“,—словомъ, все по обычной программѣ „амурскаго лѣченія“. Потомъ онъ опять на работѣ. Пришлось ему вмѣстѣ съ другими передвигать огромный камень пудовъ въ 70. И во время возни раздробило ему камнемъ третій палецъ. Вышеупомянутый техникъ Н—въ заявилъ, что это П. сдѣлалъ изъ лѣности, „нарочно“, т. е. совершилъ по амурскимъ понятіямъ преступленіе. Гоняли. Били. Пріѣзжалъ, кажется, изъ Благовѣщенска военный врачъ, и неспособнымъ къ работѣ П. *не призналъ*. Отлупили. Но чаша терпѣнія этого объекта административной вивисекціи переполнилась, и П. отказался работать наотрѣзъ. Что дальше предприняли по отношенію къ нему, мнѣ неизвѣстно.

Ѳ. четыре мѣсяца непрерывно работалъ, и его, какъ слабосильнаго, гоняли изъ десятка въ десятокъ. Ѳ. заболѣлъ лихорадкой. Заявилъ надзирателю. Фельдшеръ освидѣтельствовалъ и нашелъ его здоровымъ. Ѳ. гонятъ прикладами назадъ. Онъ покорно идетъ, пришелъ въ баракъ, схватилъ топоръ и отсѣкъ себѣ кисть руки... Послѣ фельдшеръ П—въ говорилъ, что Ѳ. дѣйствительно былъ тогда боленъ, и онъ взялъ бы его въ лазаретъ, только хотѣлъ это сдѣлать на другой день.

Другой Ѳ. былъ счастливѣе своего однофамильца. Отъ дороги онъ откупился только однимъ пальцемъ. Когда я пишу эти строки, передо мной, въ числѣ другихъ матеріаловъ объ амурской колесной дорогѣ, лежитъ косточка отъ его пальца, которую я собственноручно извлекъ изъ раны.

Х. отказался работать. Фельдшеръ больнымъ его не призналъ. Х. держали въ карцерѣ и тамъ били.

— Пойдешь на работу?..

— „Пойду!“ —сказалъ онъ, наконецъ. Тогда его выпустили изъ

карцера. Придя въ баракъ, онъ сапожнымъ ножомъ перерѣзалъ себѣ горло. Его отправили въ Благовѣщенскъ.

Членовредительство на амурской колесной дорогѣ разсматривается, какъ преступное дѣяніе, подлежащее наказанію. Многихъ пальцерубовъ держатъ до излѣченія не въ лазаретѣ, а въ карцерѣ и только „гоняютъ" на перевязку. А когда рана у „виновныхъ" заживетъ, ихъ, по распоряженію вице-губернатора, наказываютъ розгами. Несчастныхъ, о которыхъ выше разсказано, онъ присудилъ къ 50 ударамъ розгами, но подоспѣлъ манифестъ, и военный губернаторъ, къ великой и нескрываемой досадѣ начальства дороги, помиловалъ виноватыхъ.

Надо уходить!

Побѣгъ съ дороги — дѣло отчаянія. Сама амурская природа поставила ему непреодолимыя преграды. Кто идетъ по люднымъ мѣстамъ, неизбѣжно попадается, потому что жители знаютъ другъ друга въ лицо. Бѣглецъ долженъ поневолѣ скрываться отъ людей и углубляться въ глухую тайгу. Въ глубинѣ ея и совершается по большей части трагическій финалъ „удачныхъ" побѣговъ: голодная смерть заблудившихся бродягъ, или гибель въ лапахъ у хищныхъ звѣрей. Казаки и старые бродяги, которые „знаютъ ходы", говорятъ, что въ тайгѣ, да въ такихъ мѣстахъ, откуда „20 дней до дороги идти", встрѣчаются трупы. Впрочемъ, это въ Сибири не рѣдкость и не въ такой глуши.

Администрація колесной дороги боится всетаки побѣговъ, и одинъ изъ начальства очень удачно выразилъ смыслъ этой боязни во время внушенія пойманнымъ бѣглецамъ:

„Не столько набѣгаете, сколько наразскажете......"

Вѣрный своему плану, я передамъ два случая побѣговъ, одинъ до, другой послѣ принятія мѣръ къ скорѣйшему окончанію дороги.

„Вотъ случай, очевидцемъ и потерпѣвшимъ котораго я былъ. 3 или 4 августа 1903 года отправились мы въ числѣ 10 человѣкъ на работу при двухъ конвоирахъ. Работа была верстахъ въ 3 отъ Даура. Кругомъ лѣсъ. Проработали почти до обѣда и, чтобы не идти на станъ, согласились варить чай. Четверо остались работать, а 6 человѣкъ отправились съ однимъ конвоиромъ варить чай. Пришли на таборъ эти 6 человѣкъ, и трое изъ нихъ остались раскладывать огонь, а трое пошли по воду. Конвоиръ пошелъ съ тѣми, которые отправились по воду. Вода была саженяхъ въ 50 отъ табора. Возвратившись съ водой на таборъ, увидѣли, что оставшіеся раскладывать огонь бѣжали. Поискали, покричали — напрасно! Конвоиръ приказываетъ намъ идти къ остальнымъ четыремъ, которые остались на работѣ. Пришли. Солдатъ говоритъ другому конвоиру, что трое бѣжали. Старшимъ былъ Жуковъ.

Жуковъ приказалъ намъ идти на Дауръ. Отошли немного, Жуковъ приказалъ намъ строиться и, ругая всячески, говоритъ:

— „Всѣхъ перестрѣляю"!..

„Второй конвоиръ уговариваетъ Жукова, но послѣдній не обращаетъ вниманія. Отходитъ Жуковъ немного въ сторону, прицѣливается изъ винтовки и начинаетъ стрѣлять. Двухъ арестантовъ онъ убилъ на мѣстѣ. Двухъ ранилъ такъ, что, только довезли впослѣдствіи до Даура, они умерли. А остальные трое выздоровѣли, но также были ранены. Убили бы всѣхъ, но мы, видя неминуемую смерть, притворились. Меня ранило пулей въ лѣвое бедро навылетъ, остальные живы. Одинъ конвоиръ пошелъ на Дауръ докладывать Богоявленскому о случившемся. Черезъ нѣкоторое время явился на мѣсто происшествія Богоявленскій въ сопровожденіи конвоировъ и человѣкъ 12 арестантовъ вольной команды, пріѣхавшихъ подобрать трупы убитыхъ. Какъ только добѣжалъ Богоявленскій до насъ, увидалъ, что нѣкоторые живы, схватилъ у пріѣхавшихъ за трупами арестантовъ топоръ и обухомъ началъ бить раненаго Аджіева. Особое благоволеніе Божіе, что не забили насъ всѣхъ. Повидимому, поопасались арестантовъ вольной команды. На Даурѣ было рабочихъ человѣкъ 80—и никакого протеста! Такъ были всѣ забиты и запуганы, что хоть въ баракѣ убивай на выборъ, никто ничего не скажетъ. Дежурный фельдшеръ оказалъ медицинскую помощь раненымъ. Лапинъ производилъ дознаніе. Черезъ недѣлю послѣ случившагося пріѣзжалъ изъ Благовѣщенска врачъ, освидѣтельствовалъ и уѣхалъ. Пролежалъ я мѣсяца два на Даурѣ, и потомъ отправили въ Благовѣщенскъ, такъ какъ оказался неспособнымъ работать. До сихъ поръ рана даетъ себя чувствовать. Убиты были: Николай Придатько,Ярославскій—имени не знаю; а умерли отъ ранъ: Иванъ Морозовъ и Гершъ Флейтъ.

„Теперь вѣкъ—не человѣкъ"!..

Такъ съ тяжелымъ вздохомъ закончилъ разказчикъ.

А въ 1904 году дѣло обстояло такъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ работъ „на 5-ой верстѣ" убѣжало четверо: Иванъ Дегтяревъ, Бочковъ, Егоръ Аракчеевъ и Отто Виссъ, послѣдній—человѣкъ, кажется, интеллигентный (арестанты называли его корреспондентомъ). Что побудило ихъ къ побѣгу, можно видѣть хотя бы изъ того, что одному оставалось всего около года до конца срока. Солдаты настигли ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Со стороны бѣглецовъ не было, да и не могло быть, ни малѣйшаго сопротивленія. Всѣхъ ихъ перестрѣляли, а чтобы казалось, что они оказали сопротивленіе, ихъ сначала избили прикладами, своротили скулы, повыбивали зубы. Каждый изъ конвойныхъ, участвовавшихъ въ этомъ темномъ дѣлѣ, передаетъ происшедшее на свой ладъ.

Арестанты же единогласно утверждаютъ, что у бѣглецовъ было нѣсколько сотъ рублей, которыми конвойные подѣлились.

Мрачная и жестокая драма таится въ этой исторіи. Такимъ же зловѣщимъ туманомъ окутана скоропостижная смерть Ивана П—на, котораго, какъ говорятъ, забили на смерть топорами и кайлами надзиратели...

Хоронятъ убитыхъ безъ отпѣванія.

Какова же во всемъ этомъ роль вице-губернатора? Жаловаться некому, говорятъ арестанты.

„Пріѣзжалъ вице-губернаторъ Таскинъ, приносили жалобу. Выслушалъ, приказалъ въ воскресные дни не выгонять на работу, хотя бы уроки и не были выработаны. Но по отъѣздѣ Таскина все пошло по прежнему. Лишь жалобщики попали въ карцеры и были закованы въ кандалы. Въ нихъ и работали. Покаялись, да поздно".

Но довольно. Нашей задачей было хоть немного разсѣять мракъ, окутывающій амурскія работы, и привлечь къ нимъ вниманіе общества. Дорога поглощаетъ свѣжія и свѣжія силы, и мы видѣли, въ какомъ видѣ возвращаетъ она бывшія въ дѣлѣ. Источникъ рабочей силы неисчерпаемъ, машина каторжнаго судопроизводства работаетъ безъ перерыва, и на амурскую дорогу подвозятъ изъ Россіи новыхъ и новыхъ рабочихъ. И по прежнему нѣтъ основанія дорожить этимъ дешевымъ въ нашъ XX вѣкъ товаромъ. Въ отдаленномъ, укромномъ, скрытомъ отъ нескромныхъ взоровъ печати уголкѣ по прежнему будетъ расточаться жизнь и здоровье несчастныхъ людей, пока не окончится эта дорога и не будетъ получена за нее обычная награда...

Р. Бравскій.

Женщина-избирательница.

(Къ вопросу о реформѣ русскаго избирательнаго права).

I.

Всеобщее избирательное право составляетъ въ настоящее время неоспоримый принципъ, принятый и признанный наукою государственнаго права. Практика государственнаго строя наиболѣе цивилизованныхъ странъ ввела этотъ принципъ въ жизнь. Принципіально и практически начало всеобщаго избирательнаго права осуществленно во всей широтѣ во Франціи, Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи, Бельгіи, Норвегіи, Даніи (для выборовъ въ нижнюю палату), въ имперской конституціи Германіи, во всѣхъ южно-американскихъ республикахъ, въ Австраліи, Канадѣ, Новой Зеландіи... Съ нѣкоторыми несущественными ограниченіями въ Англіи, Италіи, Испаніи. Изъ большихъ государствъ цивилизованнаго міра только въ Австро-Венгріи и Россіи еще не введено всеобщее избирательное право. Наша практика впереди. Практика Австро-Венгріи—на лицо: самое бѣдственное состояніе народнаго представительства, вѣчные конфликты, нетерпимость, обструкція, прямые скандалы... Словомъ, и положительная практика Франціи, Германіи, Америки и т. д., и отрицательный опытъ Австріи и Венгріи, и теоретическія соображенія одинаково приводятъ къ выводу, что всенародное избирательное право является единственнымъ правильнымъ, справедливымъ и національно-выгоднымъ рѣшеніемъ избирательнаго вопроса. Въ Венгріи этотъ вопросъ уже поставленъ на очередь. Не замедлитъ онъ стать на очередь и въ Россіи. Это неизбѣжно. Очень важно, однако, чтобы въ этомъ случаѣ эта реформа избирательнаго права была формулирована въ терминахъ, которые явились бы выраженіемъ всѣхъ пріобрѣтеній теоріи и практики наиболѣе цивилизованныхъ націй, наиболѣе передовыхъ законодательствъ. Послѣднее слово государственной эволюціи по вопросу избирательному,—это, несомнѣнно, всеобщая равная для всѣхъ гражданъ подача голосовъ, но дополненная и усовершенствованная вновь созданными теоріей и практикой институтами, нормирующими выборы народныхъ представителей.

Таковы институты: *тайны* голосованія; *прямой* подачи голосовъ; правъ *меньшинства*; и т. д. Таковъ такъ же институтъ женскаго избирательнаго права, уже осуществленный въ Австраліи, Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки и серьезно выдвинутый на ближайшую очередь въ Англіи, гдѣ

либеральная партія поставила введеніе этого института во главу своей программы на предстоящихъ выборахъ (вѣроятно, въ октябрѣ этого года).

Гдѣ кроется причина, что *всеобщее* право не распространяется на цѣлую половину человѣческаго рода? Всеобщее право не распространяется такъ же на дѣтей, на сумасшедшихъ, идіотовъ, лишенныхъ правъ за преступленія. Иначе говоря, правомъ выбора не пользуются умственно недоразвитые (дѣти), не владѣющіе своими умственными способностями (идіоты и душевно-больные) и нравственно опороченные (преступники). Можно ли женщинъ включить въ одну изъ этихъ трехъ категорій, или хотя бы сблизить съ одною изъ нихъ? Какъ ни обидно даже ставить этотъ вопросъ, но волею-неволею приходится считаться съ распространенными предразсудками и не слѣдуетъ пренебрегать даже самыми несообразными и нелѣпыми, явными или скрытыми возраженіями противъ правъ женщинъ на одинаковое и равное съ мужчинами пользованіе избирательными правами на выборахъ государственныхъ, муниципальныхъ, земскихъ и всякихъ иныхъ.

Итакъ, начнемъ обзоръ вышепоставленныхъ вопросовъ. Прежде всего, можно ли считать женщинъ нравственно порочными, или хотя бы, болѣе порочными, чѣмъ мужчинъ? Признать всѣхъ женщинъ нравственно порочными и *потому* недостойными участвовать въ выборахъ законодателей и правителей не рѣшится самый рѣшительный противникъ женской равноправности. Вопросъ же о сравнительной порочности женщинъ и мужчинъ давно рѣшенъ наукою въ пользу женщинъ. Преступность среди женщинъ гораздо слабѣе, нежели среди мужчинъ. Преступницы, само собою разумѣется, должны раздѣлять участь преступниковъ и въ этомъ спеціальномъ отношеніи. Распространеніе этого ограниченія и на проститутокъ (и теперь во всѣхъ отношеніяхъ ограниченныхъ въ правахъ) устранило бы послѣднее возраженіе съ точки зрѣнія нравственной правоспособности женщинъ. Женщины и менѣе преступны, и менѣе порочны мужчинъ, и всякій аргументъ отъ нравственности въ пользу мужского избирательнаго права является въ усиленномъ видѣ и въ пользу женскаго избирательнаго права.

Между женщинами встрѣчаются также идіотки и душевнобольныя (хотя меньше, нежели среди мужчинъ, именно въ Европѣ: на 10 тыс. населенія приходится идіотовъ и душевно-больныхъ 11 мужчинъ и 10 женщинъ). Онѣ, конечно, такъ же неправоспособны, какъ и та же категорія мужчинъ. Никто, конечно, не подумаетъ утверждать, что всѣ женщины идіотки и душевно больныя.

Остается сближеніе съ дѣтьми. Остается вопросъ объ умственной недоразвитости. Но развѣ *теперь* это еще вопросъ?

Когда впервые поднимался, около полувѣка тому назадъ, вопросъ о женской равноправности, главнымъ аргументомъ противъ

этой равноправности и являлось мнѣніе о несовершенствѣ женскаго ума. Даже такой смѣлый новаторъ и демократъ, какъ Прудонъ, отрицалъ способность женщины къ умственной и общественной дѣятельности: ménagère ou courtisanne, такъ онъ формулировалъ долю женщины, предрѣшенную ея умственными и всякими иными способностями. Даже такой глубокій мыслитель, какъ Огюстъ Контъ, отводившій женщинѣ огромное мѣсто нравственнаго и облагораживающаго вліянія, не считалъ ее призванною къ умственной и общественной дѣятельности. Нашлись ученые, которые взвѣсили нѣсколько сотъ женскихъ мозговъ и нѣсколько сотъ мужскихъ и доказали, что женскій мозгъ вѣситъ въ сред немъ значительно менѣе мужского и по вѣсу приближается не къ мозгу взрослаго мужчины, а мальчика-подростка. Выводы отсюда казались мужчинамъ очевидными. Нельзя двѣнадцати — четырнадцати лѣтнему мальчугану поручить лѣченіе больного, чтеніе лекцій, отвѣтственную общественную должность... Нельзя ему даровать и право участія въ выборахъ. Значитъ, нельзя и женщинѣ. Ея мозгъ вѣдь равенъ мозгу юнаго мальчугана съ тою только разницею, что мозгъ мальчугана идетъ по пути достиженія мозга взрослаго человѣка, а мозгъ самой умной женщины навѣки осужденъ остаться недостаточнымъ, несовершеннымъ. Это законъ природы, говорили ученые изслѣдователи женскаго мозга. Другой законъ природы они находили въ томъ, что женщина рождаетъ и затѣмъ грудью вскармливаетъ человѣчество. Эти функціи будто бы несовмѣстимы съ умственною и общественной дѣятельностью, если бы женщина и была способна къ такой дѣятельности. По счастью, мудрая природа ей и не дала этой способности. Да и сама женщина не претендуетъ на участіе въ умственной и общественной дѣятельности Защиту своихъ интересовъ она довѣряетъ своимъ братьямъ, мужьямъ, отцамъ и сыновьямъ.

Приблизительно такъ формулировали свои возраженія противники женской равноправности полвѣка тому назадъ. Это была ложная, но вполнѣ стройная аргументація отвергавшая для женщины всякій выходъ изъ спальни, дѣтской и кухни (кромѣ выхода на публичный позоръ) и основавшая этотъ запретъ на законахъ природы. Женщина не можетъ быть иною, да и не хочетъ. Исторія, однако, уже тогда показала, что среди женщинъ просыпается желаніе свободы и равноправности, и что являются женщины, выдающіяся по уму и дарованіямъ. Такова была Жоржъ Зандъ, за нею—Джорджъ Эллiотъ и другія. Появились горячія статьи за женщину изъ подъ пера Джона Стюарта Милля (въ Россіи статьи М. Л. Михайлова). Именно эти первые проблески женскаго движенія и вызвали вышеизложенныя возраженія. Жизнь, однако, текла и выносила все новые и новые факты. Въ шестидесятыхъ годахъ впервые женщины (Кашеварова въ Петербургѣ, Суслова и англичанка Гарретъ въ Цюрихѣ) добиваются дипломовъ

доктора медицины. За этими тремя піонерками пробиваются въ университеты многія другія, появляются тысячами доктора медицины, юристы, техники, ученыя. Женщины заполняютъ аудиторіи, ученые кабинеты, лабораторіи, пробиваются на университетскія каѳедры, выдвигаются крупными научными работами. Сорокъ лѣтъ этого широкаго и глубокаго движенія снесли до основанія всѣ высокоумныя соображенія о несовершенствѣ женскаго ума и неспособности женщинъ къ умственной дѣятельности... А что же съ вѣсомъ мозга? Вѣдь мозгъ мужчины всетаки вѣситъ значительно больше женскаго мозга. Конечно, но мозгъ быка вѣситъ значительно больше, чѣмъ мозгъ самаго геніальнаго человѣка. Неужели изъ этого слѣдуетъ, что именно быкамъ, преимущественно передъ людьми, должна быть предоставлена умственная дѣятельность, университетскія и академическія каѳедры, медицинская и юридическая практика? Неужели? Единственное спасеніе противъ этихъ правъ быковъ заключается въ томъ фактѣ, что мозгъ быковъ вѣситъ больше человѣческаго только абсолютно, а относительно вѣса всего тѣла значительно меньше. Попробовали опять взвѣшивать женскіе и мужскіе мозги, относя ихъ вѣсъ къ вѣсу тѣла. Разницы въ среднемъ выводѣ не оказалось. Не оказалось и законовъ природы, осуждающихъ женщину на невѣжество.

Въ то самое время, какъ однѣ женщины завоевали себѣ участіе въ умственной дѣятельности, другія силою экономической необходимости были принуждены искать заработка. Онѣ наполнили канцеляріи, конторы, магазины, мастерскія, всюду оказываясь полезными и способными. Наполнялись женщинами и фабрики, и заводы. Изъ ихъ среды вышли замѣчательныя писательницы, художницы, артистки. Нѣтъ той отрасли труда и дѣятельности, гдѣ женщины не стали бы товарищами мужчинъ и гдѣ онѣ не доказали бы своей способности къ умственной и общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, отказъ женщинамъ въ политическихъ правахъ наравнѣ съ мужчинами теперь уже нельзя опирать на общее положеніе о ихъ неспособности къ умственной и общественной дѣятельности. Исторія опровергла фактами это положеніе. Несомнѣнно, что женщина и можетъ, и желаетъ равноправнаго участія во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и въ выборахъ.

II.

Если женщина вообще способна къ умственной и общественной дѣятельности (а это блистательно доказано фактами), то *вообще* она способна и къ участію въ политической жизни страны. Вообще это несомнѣнно, но *въ частности*, достаточно-ли подго-

товлена женщина къ такому участію? Это вопросительный знакъ (подразумѣвающій отрицательный отвѣтъ) есть послѣднее убѣжище противниковъ женской равноправности.

Даровать избирательное право женщинѣ значитъ удвоить число избирателей. И эта новая половина избирателей, никогда до того не участвуя въ политической жизни страны, совершенно не воспитана политически... Къ тому же она менѣе образована... Къ тому же она поддается вліянію духовниковъ... Вотъ сколько жупеловъ!

Жупелъ духовный относится только къ странамъ католическимъ. Полагаю, что и тамъ онъ очень преувеличенъ, потому что серьезныя политическія разногласія въ семьѣ вообще рѣдкость. Значитъ и духовникъ вліяетъ большею частью тамъ, гдѣ вся семья клерикально настроена. Это правило. Несомнѣнно, бываютъ исключенія. Эти исключенія не могутъ и не должны вліять на права всѣхъ. Для борьбы съ клерикализмомъ существуетъ одно средство—просвѣщеніе, женское въ томъ числѣ. У насъ эта сторона вопроса можетъ интересовать только Польшу, но надо надѣяться, что рано или поздно Польшу, подобно Финляндіи, выдѣлятъ въ особую автономную единицу, и поляки сами будутъ рѣшать свои вопросы, о правахъ ихъ женщинъ въ томъ числѣ. Для всей остальной имперіи духовный жупелъ, въ качествѣ сколько-нибудь серьезнаго аргумента, совершенно не существуетъ.

Остается всетаки еще два жупела: политическая невоспитанность и относительная необразованность женщинъ. Эти жупелы—не новость для демократіи. Всякій разъ, когда поднимался въ той или иной странѣ вопросъ о расширеніи избирательнаго права, являлись на сцену эти два аргумента, а когда такое расширеніе становилось осуществившимся фактомъ, становилась очевидною и ошибочность оныхъ возраженій. Этого одного довольно, чтобы не смущаться тѣми же аргументами и въ вопросѣ объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Къ тому же относительно женщинъ эти возраженія въ значительной степени устраняются тѣмъ очевиднымъ фактомъ, что въ своемъ политическомъ развитіи женщина стоитъ приблизительно на уровнѣ своей семьи, и если мужскіе представители семьи могутъ по своему политическому развитію участвовать въ выборахъ, то могутъ въ нихъ участвовать и женщины тѣхъ же семей.

Это—соображенія, общія для всѣхъ странъ и народовъ европейскаго цивилизованнаго міра, для Россіи въ томъ числѣ. Для Россіи существуетъ, однако, рядъ соображеній, еще полнѣе устраняющихъ оные аргументы отъ политической невоспитанности женщины и отъ ихъ относительной необразованности. Въ Россіи мужчины не болѣе образованы, ни болѣе воспитаны политически, чѣмъ женщины. Политическое воспитаніе, даваемое единственно участіемъ въ политической жизни, приходится пріобрѣсти и муж-

чинамъ, и женщинамъ. Что касается образованности, то не мѣшаетъ обратить вниманіе на очень краснорѣчивыя цифры, опубликованныя недавно министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ настоящее время въ вѣдѣніи этого министерства во всей имперіи находится среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ)—402 мужскихъ и 521 женскихъ Если даже допустить, что въ среднемъ ежегодно каждое учебное заведеніе выпускаетъ одинаковое число окончившихъ (извѣстно, однако, что въ женскихъ гимназіяхъ обыкновенно кончаютъ больше, нежели въ мужскихъ), то и тогда окажется, что ежегодно на каждые 100 окончившихъ мужчинъ приходится 130 окончившихъ гимназію дѣвушекъ. Если же принять во вниманіе вышеприведенное соображеніе, то мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ образованіе контингенту женщинъ въ полтора раза болѣе многочисленному, нежели соотвѣтственный контингентъ получающихъ среднее образованіе лицъ мужскаго пола.

Среднее образованіе у насъ даютъ школы и другихъ вѣдомствъ. На первомъ планѣ здѣсь два вѣдомства: императрицы Маріи и духовное. Школы перваго значительно увеличиваютъ численность контингента женщинъ, получающихъ среднее образованіе, а въ духовномъ вѣдомствѣ на каждую духовную семинарію приходится женское епархіальное училище. Правда, и женскія гимназіи, и епархіальныя училища не существовали полвѣка тому назадъ, когда, однако, уже давно существовали мужскія гимназіи и духовныя семинаріи. Изъ этого можно вывести только одно, именно, что въ возрастѣ престарѣломъ а частью и въ пожиломъ мужчинъ съ среднимъ образованіемъ должно быть больше, нежели женщинъ. За то въ возрастахъ, молодомъ, среднемъ и частью даже въ пожиломъ, контингентъ получившихъ среднее образованіе женщинъ, вѣроятно, значительно превосходитъ соотвѣтственный контингентъ среднеобразованныхъ мужчинъ.

Такимъ образомъ, всѣ три западно-европейскихъ возраженія противъ дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ, ихъ подчиненность клерикальному вліянію, ихъ политическая невоспитанность и относительная необразованность, очень хрупкія и на Западѣ, у насъ прямо не существуютъ. Наша женщина нигдѣ и никогда не является проводницею клерикализма. Она въ среднемъ образованнѣе мужчины. Политически воспитана, если не болѣе, то и не менѣе мужчины.

На Западѣ женщина не принимала сколько-нибудь замѣтнаго участія въ добываніи политическихъ правъ. Тамъ это было дѣло мужскихъ рукъ, и теперь мужчина тамъ обсуждаетъ вопросъ, подарить ли сестрѣ права, въ пріобрѣтеніи которыхъ она не участвовала. Развѣ таково положеніе у насъ? Развѣ наши сестры не играли наравнѣ съ своими братьями такой же отвѣтственной

роли въ огромной и трудной культурной работѣ, приведшей къ настоящимъ реформамъ? Развѣ онѣ не были всегда бокъ о бокъ со своими братьями? Равная въ трудахъ и жертвахъ, русская женщина морально равна и во всѣхъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ мужчинами цѣною этихъ общихъ трудовъ и жертвъ. Морально и культурно равной, развѣ можно ей отказывать въ равенствѣ и политическомъ?

Это до такой степени звучитъ аксіомой. Это до такой степени является величайшимъ нравственнымъ долгомъ, что нельзя сомнѣваться въ исходѣ дѣла. Нельзя сомнѣваться, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ реформированнаго управленія должно быть дарованіе русскимъ женщинамъ политическихъ правъ, одинаковыхъ съ мужчинами.

Когда и какъ осуществится это реформированное управленіе— вопросъ, котораго здѣсь можно и не касаться. Мнѣ хотѣлось только громко напомнить объ огромномъ нравственномъ долгѣ русскаго общества передъ русскими женщинами.

С. Южаковъ.

Прусская школа и школьный компромиссъ.

(Письмо изъ Германіи).

13 мая 1904 г. въ прусскій ландтагъ внесено было слѣдующее предложеніе:

„Палата депутатовъ благоволитъ сдѣлать постановленіе и просить королевское правительство о томъ:

во 1) чтобы безъ промедленія, самое позднее до ближайшей сессіи, былъ выработанъ законопроектъ, относящійся до содержанія публичныхъ народныхъ школъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

. . . .

а) ученики всякой школы по общему правилу должны принадлежать къ одному вѣроисповѣданію и обучаться у учителей того же исповѣданія;

б) исключенія допустимы лишь въ силу особыхъ основаній, въ особенности же изъ національныхъ соображеній тамъ, гдѣ это соотвѣтствуетъ историческому развитію. Могутъ быть допущены къ преподаванію также тѣ учителя, которые преподаютъ законъ Божій иновѣрному меньшинству въ школѣ иного вѣроисповѣданія;

в) если число дѣтей иновѣрнаго меньшинства въ школѣ другого вѣроисповѣданія достигаетъ опредѣленныхъ размѣровъ, то это меньшинство получаетъ право на учрежденіе особой школы своего исповѣданія;

г) для школьнаго управленія учредить, рядомъ съ обычными учрежденіями общинъ, въ городахъ—школьныя коммиссіи, а въ сельскихъ мѣстностяхъ—училищные совѣты, въ которыхъ обезпечить надлежащее представительство церкви, общинѣ и учителямъ"...

Это предложеніе было подписано не только консерваторами въ родѣ Гейдебранда и Зедлица, но также, отъ имени своей партіи, и націоналъ-либеральнымъ депутатомъ докторомъ Гакенбергомъ. Таковъ актъ, получившій въ печати гражданство подъ именемъ школьнаго компромисса и знаменующій собой новый шагъ реакціи на пути моральнаго угнетенія широкихъ народныхъ массъ.

I.

Исторически школа развилась на церковной почвѣ. Церковная латынь, латинско-классическое образованіе было главной цѣлью этой школы, стремящейся только къ подготовкѣ надлежащаго количества клириковъ и другихъ дѣятелей церкви. Такъ продолжалось до XII вѣка, и въ латинской школѣ выростало поколѣніе, вскормленное монашескими идеалами, богословскими предразсудками, напичканное грамматикой, риторикой и логикой, въ крайнемъ случаѣ достигавшее началъ математики, астрономіи и музыки. Это была чисто формальная школа формальныхъ знаній, въ ней воспитаніе замѣнялось внѣшней, мертвой дисциплиной и жизнь—никому ненужной тарабарщиной богословскихъ хитросплетеній, схоластическихъ тонкостей и политическихъ ухищреній. На этой почвѣ родилась средневѣковая схоластика съ ея громадными фоліантами утонченныхъ глоссъ къ чужимъ мыслямъ, примѣчаній къ чужимъ теоріямъ и нелѣпыхъ утомительныхъ блужданій въ лѣсу чужихъ авторитетовъ и мнѣній. То была бурса, предназначенная для выработки кое-какъ обтесанныхъ дикарей, риторовъ и грамматиковъ снаружи, безразборчивыхъ слугъ римскаго первосвященника внутри. Въ то время, какъ духовные прелаты и князья гонялись за кабанами и оленями, или отдыхали послѣ пировъ въ объятіяхъ „своихъ мироносицъ", вся низшая масса бурсаковъ съ тонзурой на головѣ утверждала въ Германіи римскую культуру, латинское просвѣщеніе, схоластическую мудрость и языческое право,—такова была первая школа Германіи.

За церковной школой создалось просвѣщеніе другого сословія, которое въ немъ ощущало нужду. То не были бароны и феодальная челядь. Рыцарство долго сохраняло за собой привиле-

гію безграмотства и глубокаго невѣжества. Благородное сословіе вело войны, грабило проѣзжающихъ купцовъ и обдирало свой добрый христіанскій народъ. Грамота была для этого не нужна, кулакъ съ успѣхомъ замѣнялъ просвѣщеніе. Не такъ обстояло дѣло съ городами. Торговля требуетъ счета, а тѣ связи, которыя установились у нѣмецкихъ купцовъ послѣ крестовыхъ походовъ, требовали грамоты. Трудно было безъ нея обойтись и въ дѣлахъ городского управленія, а также городской, въ особенности торговой, юстиціи; и грамота явилась. Городскія высшія школы были учреждены по образцу церковныхъ, но рядомъ съ ними явились начатки низшей или цифирной школы. Въ этой послѣдней учили только считать. Такъ въ городахъ впервые появилась свѣтская школа, хоть и подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, подъ его контролемъ и по данному имъ образцу.

Только полицейскому государству „просвѣщенія" принадлежитъ окончательная заслуга освобожденія школы изъ церковныхъ рукъ и созданіе того, что можно назвать уже школой народной.

Какъ извѣстно, полицейское государство волей-неволей должно было взяться за такъ называемую церковную реформу. Еще до реформаціи римское папство и клиръ натворили столько невѣроятныхъ пороковъ и преступленій, что самая варварская власть не могла бы отнестись къ этому спокойно. Скандальные раздоры различныхъ папъ, лже-папъ и анти-папъ, неукротимое буйство духовныхъ феодаловъ, безграничное грабительство, практикуемое со стороны кардиналовъ, епископовъ и прелатовъ, наконецъ, полная безнаказанность духовенства подъ прикрытіемъ церковныхъ иммунитетовъ—все это еще въ эпоху реформаціонныхъ соборовъ заставило свѣтскихъ князей приняться за дѣло исправленія и обновленія церковныхъ порядковъ среди подвластныхъ имъ государствъ. Многочисленные „бунты" противъ католической церкви со стороны всевозможныхъ ересіарховъ облегчили это дѣло. И если протестантскіе князья передѣлали католичество по различнымъ фасонамъ, кто по лютеранскому, кто по кальвинскому образцамъ, то и католическіе суверены не отстали отъ своихъ собратій. Дальше всего въ этомъ отношеніи пошли англичане, которые всетаки въ извѣстной степени передѣлали католичество, большинство же ограничилось болѣе скромной задачей. Оставивъ догму неприкосновенной, они только замѣнили папу своей собственной особой, подчинили себѣ католическихъ патеровъ въ качествѣ духовной полиціи, а церковное управленіе превратили въ своеобразное вѣдомство духовныхъ дѣлъ католическаго исповѣданія. Ясно послѣ этого, что не только церковная школа получила при такомъ строѣ новое начальство, но и само обученіе исполнилось совершенно новымъ духомъ. Религія перестала быть отдѣльною силой сама по себѣ, она сдѣлалась лишь

орудіемъ въ рукахъ свѣтскаго „просвѣщенія". Изъ религіи вычеркивалось то, что могло противорѣчить его цѣлямъ, ея запреты распространялись на всѣ мысли и дѣйствія, которыя почему-либо не совпадали съ „видами правительства". У церкви и религіи заимствовалась только форма, содержаніе же ея было уже новое: стремленіе къ свѣтской добродѣтели и земному блаженству.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ просвѣтительными манифестами полицейской эпохи, а также съ трудами по „педагогикѣ" такихъ вѣнценосныхъ авторовъ, какъ Екатерина II и современные ей европейскіе владыки, не можетъ не признать, что сила паѳоса и краснорѣчія, заложенная во всѣ эти произведенія, превосходитъ все, что только можно себѣ представить. Какой возвышенной вѣрой въ знаніе преисполнены эти труды, какимъ пламеннымъ призывомъ къ разуму и свѣту звучитъ въ нихъ каждое слово, съ какой силой разбиваютъ они царство невѣжества и тьмы въ Богомъ врученныхъ имъ областяхъ и странахъ! Я не могу не привести здѣсь воистину великолѣпный манифестъ, изданный въ свое время Максомъ Іосифомъ IV Баварскимъ, разысканный мной въ свое время въ мюнхенской королевской библіотекѣ: „Нашъ всемилостивѣйшій повелитель,— такъ говорится здѣсь въ воззваніи ко всѣмъ духовнымъ лицамъ страны,—убѣжденъ, что человѣческое и гражданское благо процвѣтаетъ въ одной лишь духовной культурѣ націи, въ этой священной цѣли человѣчества... будучи убѣжденъ далѣе, что эта духовная культура можетъ быть достигнута преимущественно путемъ образованія юношества, какъ результатъ многосторонняго взаимодѣйствія разныхъ началъ,—онъ поставилъ себѣ задачей проведеніе благодѣтельныхъ реформъ въ сельской школѣ... Разумное домашнее воспитаніе будетъ вскорѣ сопровождать воспитаніе публичное. Моральная культура будетъ упорядочивать физическую и содѣйствовать религіозной; полное надежды поколѣніе возрастетъ въ лицѣ юношества, простой человѣкъ возвысится въ своемъ собственномъ сословіи, будетъ чтить законы и охотно отдастъ правительству свои силы и руки на благо всякаго рода... Какъ можетъ теперь простой человѣкъ и бюргеръ... при теперешней ступени своей интеллектуальной и гражданской культуры подняться и достичь свѣтлыхъ точекъ зрѣнія правительства?.. Развѣ не... воспитываютъ теперь, къ сожалѣнію, учениковъ въ глупости и безнравственности?... Мужи съ головой и сердцемъ! Пусть глубокое чувство нравственности и стремленія къ человѣческому счастію высоко подыметъ вашу грудь, пусть оно зажжетъ вашъ огонь, и цвѣтъ будущихъ поколѣній болѣе не завянетъ. Подымайтесь! Только лѣнивецъ, только глупецъ упускаетъ то, гдѣ такъ много нужно сдѣлать, гдѣ дѣло идетъ о нравственности и религіи, о благоденствіи людей и всей страны. Это будетъ измѣна доброму дѣлу, если вы откажете въ могучемъ содѣйствіи

школьному дѣлу. И сельчанинъ-человѣкъ и опора государству!... Что же должно быть вамъ болѣе дорого, какъ не преуспѣяніе разума и нравственности среди людей вашего округа?... И вы чувствуете это, лучшіе среди вашего сословія, вы знаете, что генеральная курфюрстская школьная и ученая дирекція ставитъ вамъ нижеслѣдующія требованія именемъ государства и человѣчества"... Среди этихъ требованій замѣчательно одно: въ силу него „въ особенности воскресныя школы должны служить, какъ пріюты высшей духовной культуры", при помощи которой духовенство должно вести въ качествѣ „вѣрныхъ друзей" „взрослую молодежь по скользкой почвѣ жизни" и учить ихъ „спеціально обязанностямъ благоразумія въ цѣляхъ чистаго пользованія жизнью и достиженія гражданскаго счастія"...

Въ этомъ документѣ до чрезвычайности ярко отражаются всѣ черты просвѣщенія конца XVIII и начала XIX вѣка. Обще-гуманитарная философская мораль въ качествѣ государственной нравственности замѣняетъ здѣсь цѣликомъ старые церковные идеалы, а сами священники становятся руководителями къ познанію „гражданскаго долга" и „чистаго наслажденія жизнью". Не менѣе ясно здѣсь, что отнынѣ уже не церковь, а мощное мірское царство берется за школьное дѣло и осуществляетъ его въ своихъ цѣляхъ земного блаженства и политической силы. Но государство при этомъ относится далеко не индифферентно къ самому содержанію просвѣщенія вообще и религіознаго въ частности. Уничтожая церковную школу, или подчиняя ее себѣ, оно отнюдь не предоставляетъ дѣло просвѣщенія самостоятельному рѣшенію семьи или общества. Наоборотъ, на мѣсто церковной религіи оно ставитъ другую, не менѣе обязательную; это религія цивическаго христіанства и казенной, начальствомъ одобренной морали, а никакъ не провозглашеніе свободной науки и свободнаго просвѣщенія. Нѣтъ, это только переводъ просвѣтительнаго департамента изъ церковнаго вѣдомства въ свѣтское и мірское съ тѣмъ, чтобы создать изъ массы гражданъ своего рода духовное общежитіе, гдѣ одинъ Богъ — идея государственнаго блага, и одинъ папа—просвѣтительная полиція. Школа полицейскаго государства есть та же церковная школа, только вывернутая на изнанку. Государство само стало церковью.

Исторически этотъ процессъ „освобожденія школы" можно опереть, съ одной стороны, на гуманизмъ, съ другой—на реформацію. Первый революціонировалъ высшее образованіе, второй создалъ начатки народной школы. Какъ говоритъ проф. Рейнъ, гуманисты „отвергали все логико-діалектическое образованіе, презирали съ трудомъ пріобрѣтаемыя ученыя степени, издѣвались надъ схоластической латынью. Они желали водворить вмѣсто нея сначала римскихъ, а потомъ и греческихъ классиковъ и развить содержащееся въ нихъ болѣе свободное человѣческое

міровоззрѣніе... Однако они были точно также чужды народной жизни, какъ и ихъ предшественники и не могли достичь необходимаго вліянія на нее". Уже протестантизмъ оказался счастливѣе въ своемъ дѣлѣ освобожденія школы изъ церковныхъ рукъ. Въ 1524 г. обнародовалъ Лютеръ свое знаменитое письмо на имя городскихъ магистратовъ Германіи, а въ 1530 г. онъ потребовалъ, чтобы всѣ дѣти учились въ школахъ. Теоретически Лютеръ является родоначальникомъ нѣмецкой народной школы. Въ отличіе отъ католической церковной школы, которая предназначалась только для клириковъ, онъ требовалъ одинаковой школы для мальчиковъ и дѣвочекъ и для всѣхъ классовъ народа. Отмѣнивъ привилегированное священство Рима, онъ освободилъ Евангеліе изъ подземелья латинской схоластики и всѣхъ уравнялъ передъ Словомъ Божіимъ. Уравнявъ всѣхъ передъ Евангеліемъ, Лютеръ уравнялъ всѣхъ и передъ школой. Евангеліе открыло въ Германіи народную школу. На почвѣ протестантизма начался здѣсь прежде всего и тотъ переходъ школы въ руки государства, о которомъ мы говорили выше. Уже въ 1619 г. маленькій Веймаръ устанавливаетъ въ своемъ школьномъ регламентѣ, что „согласно съ симъ долженствуютъ настоятели и наставники въ каждомъ мѣстѣ вести съ прилежаніемъ списокъ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 6 до 12 лѣтъ, кои при ихъ христіанской общинѣ находятся, а также списокъ, на основаніи коего должно увѣщевать родителей, которые не желаютъ посылать дѣтей въ школу, а также въ случаѣ надобности оные родители при помощи принужденія со стороны свѣтскаго начальства повинны исполнить свое долженствованіе". Въ этихъ словахъ, говоритъ профессоръ Циглеръ, заключается настоящій учредительный патентъ нѣмецкой народной школы. И то, что впервые зародилось въ упомянутой маленькой странѣ, скоро нашло себѣ доступъ и въ другія нѣмецкія государства: въ 1642 г. въ Готу, въ 1647 въ Брауншвейгъ, въ 1649 въ Виртембергъ и, наконецъ, въ 1717 г. въ Пруссію при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. Въ прусскомъ земскомъ правѣ 1744 г. мы уже встрѣчаемъ установленіе всеобщей школьной повинности, при чемъ, какъ гласитъ § 10 (часть II, 12), „никому не должно быть отказано въ силу различія вѣроисповѣданія въ пріемѣ въ публичную школу"; § 11 тамъ же запрещаетъ принуждать учениковъ одного вѣроисповѣданія къ изученію другого, а § 46 опредѣляетъ границы школьной повинности: „школьное обученіе должно быть продолжаемо до тѣхъ поръ, пока ребенокъ, согласно мнѣнію своего духовника, не усвоитъ всѣхъ необходимыхъ знаній, свойственныхъ разумному человѣку его сословія" *).

---

*) См. Prof. Rein. Kirche, Staat und Schule. Berlin, 1905. — Prof. Ziedler, Die Simultanschule. Berlin, 1905.

Открывая народу доступъ къ просвѣщенію въ интересахъ „гражданства и человѣчества", полицейское государство менѣе всего въ дѣйствительности было склонно дать истинное образованіе, и при томъ именно народу. Правда, потребности новаго государства были очень велики, и оно нуждалось въ образованныхъ чиновникахъ, офицерахъ и судьяхъ, въ особенности же въ свѣдущихъ камералистахъ и экономахъ. Но „народъ"—der gemeine Mann,—какъ любили тогда говорить, далеко не предназначался для занятія первыхъ ролей въ государствѣ, а слѣдовательно, не для него предназначалось просвѣщеніе. Полицейскій строй, проникнутый идеей крѣпостничества, крѣпко стоялъ на стражѣ командующихъ классовъ и ограждалъ ихъ отъ излишней конкуренціи снизу. И если, съ одной стороны, полицейское просвѣщеніе проявляло чрезвычайную терпимость по отношенію къ дѣтямъ различныхъ исповѣданій, сажая на одну скамью рядомъ съ протестантомъ не только католика, но и еврея, то, съ другой стороны, сословныя границы поддерживались съ чрезвычайнымъ тщаніемъ. Полиція просвѣщенія не только умѣла рекомендовать „гражданамъ" просвѣщеніе вообще, но и дѣлала тонкія различія относительно „полезныхъ знаній и наукъ", ведущихъ „наиболѣе вѣрнымъ и устойчивымъ путемъ къ внутреннему и внѣшнему блаженству". А такъ какъ это блаженство преподносилось совершенно въ различной формѣ различнымъ сословіямъ и классамъ общества, то совершенно естественно и просвѣщеніе этихъ различныхъ классовъ населенія должно было быть совершенно различно. При чтеніи старинныхъ трактатовъ по полиціи просвѣщенія, невольно бросается въ глаза та чрезвычайная старательность, съ которой правительство оберегало народныя массы отъ „вреднаго" для нихъ излишка просвѣщенія. И тѣмъ рѣзче сказывалось въ полицейскомъ государствѣ стремленіе оградить отъ излишествъ просвѣщенія народъ, чѣмъ болѣе охоты и способности проявлялъ простой человѣкъ, „der gemeine Mann", въ дѣлѣ постиженія народнаго блаженства. Въ высшей степени характернымъ является поэтому указъ 1803 г., которымъ напутствовалъ прусскій король министра Фосса, одного изъ друзей Пестолацци; вотъ что говорится тамъ о народныхъ школахъ: „при цѣлесообразномъ устройствѣ этихъ школъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и мѣстечкахъ, не надо забывать, что здѣсь за немногими исключеніями приходится имѣть дѣло съ наиболѣе цѣннымъ классомъ населенія, который всю жизнь свою посвящаетъ съ утра до ночи физическому труду"; въ силу же этого „время обученія настолько ограничивается, что среди предметовъ его приходится остановиться только на самомъ необходимомъ; и эти столь ограниченные предметы обученія должны быть преподаваемы въ весьма скромныхъ размѣрахъ, послѣ наиболѣе сжатаго введенія и при томъ въ кратчайшее время. Чтеніе, письмо,

счетъ, на ряду съ основой ученія о религіи и нравственности... охватываютъ собою весь кругъ этой школьной науки, вполнѣ достаточной для того, въ чемъ наиболѣе нуждается народъ для своего земного существованія и истиннаго счастія. И тотъ, кто желалъ бы болѣе напичкать знаніемъ дѣтей этого трудолюбиваго класса или даже желалъ бы расширить эти немногіе предметы свыше весьма умѣренной степени, тотъ отдался бы напрасному, неблагодарному труду, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло объ истинномъ и великомъ интересѣ людей, довольствующихся малымъ, о спокойствіи ихъ душъ, о прилежаніи и старательности ихъ въ ихъ дѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о благѣ государства". За этими словами слѣдуетъ въ высшей степени замѣчательное мѣсто, заслуживающее того, чтобы быть вырѣзаннымъ огненными буквами на челѣ полицейскаго просвѣщенія: „но,—предупреждаетъ указъ,—если широкія массы получатъ вкусъ къ чтенію и среди нихъ водворится любовь къ наукѣ, то тогда отнимутъ онѣ свои руки отъ механическаго труда, а свои способности отъ внимательнаго употребленія ихъ на дѣло удовлетворенія первыхъ и важнѣйшихъ потребностей націи. Такъ погибнетъ довольство этихъ людей самыми простыми, утомительными и низменными занятіями". Простой человѣкъ не долженъ читать—это удѣлъ просвѣщенныхъ господъ; его дѣло—самыя „низкія и тяжелыя" занятія, и это счастье не должно быть нарушено; рабочая скотина не должна получить вкусъ къ болѣе высокимъ, утонченнымъ вещамъ, иначе она развратится. Изъ смирнаго барана сдѣлается, такъ трагически обрисованный у Щедрина, „дикій баранъ", а можетъ, и еще что хуже. Тотъ, кто сидитъ среди грязи, обливается вѣчно потомъ и до полнаго отупѣнія дѣлаетъ свою „низкую работу", не долженъ быть пробужденъ отъ блаженства невѣдѣнія и поставленъ лицомъ къ лицу съ инымъ, лучшимъ и прекраснымъ міромъ. Отъ просвѣщенія происходятъ бунтъ и недовольство,—такова послѣдняя формула, провозглашенная полицейскимъ государствомъ и достойно завершающая собой его высокопарные призывы къ добродѣтели, человѣчности и знанію!.. Прусская школа современности недалеко ушла отъ полицейскихъ началъ, царившихъ въ доброе старое время. Еще въ 1899 г. покойный нынѣ Гаммерштейнъ старательно предупреждалъ противъ того, чтобы въ сельскихъ мѣстностяхъ не слишкомъ много учили, „иначе,—провозглашалъ министръ,—потеряютъ многія дѣти понятіе о томъ, для чего милосердный Господь водворилъ ихъ въ селеніяхъ, гдѣ они должны найти свое пропитаніе" *).

Нѣмецкій революціонный парламентъ „сумасшедшаго года",

*) D-r Leo Arons, Die preussische Volksschule und die Sozialdemokratie, Einleitung von Max Quarck, Berlin. 1905.

къ сожалѣнію, недалеко ушелъ отъ идеаловъ полицейской эпохи. И если для индустріи понадобился совершенно иной уровень образованія среди массъ, нежели это было прежде, то опять таки законодатели изъ храма св. Павла не рѣшились выйти изъ предѣловъ крайней необходимости. Они не имѣли мужества принять предложеніе Росмесслера объ устраненіи конфессіональнаго начала изъ школы, они не рѣшились устранить надзоръ церкви надъ преподаваніемъ, они даже не провели уничтоженія особыхъ школъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, которыя такимъ пятномъ лежали на слабыхъ элементахъ народа. Если въ сентябрѣ 1848 г. не было и рѣчи о какихъ бы то ни было изъятіяхъ изъ преподаванія религіи въ школѣ, то въ декабрѣ того же года франкфуртскій парламентъ уже билъ отбой по всѣмъ пунктамъ. И второй расцвѣтъ бюргерскаго вліянія въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія также мало принесъ осязательныхъ плодовъ для лишенія школы ея классоваго и полицейскаго характера. Какъ характеризовалъ отчетъ сѣверо-американской коммиссіи положеніе нѣмецкой школы въ 1888—1889 гг.: „нѣмецкая школа не есть общая школа... различные слои нѣмецкаго общества имѣютъ свои отдѣльныя школы...“ Понятна отсюда предостерегающая рѣчь пастора Кальтгофа, когда онъ говоритъ: „Опасностью для цѣлаго народа, ядомъ, отравляющимъ его благороднѣйшіе органы, является тотъ фактъ, что школа втягивается въ область классовой борьбы, или даже ей подчиняется. Гдѣ одинъ господствующій классъ захватываетъ въ свои руки монополію образованія, чтобы этимъ путемъ обезпечить себѣ наиболѣе дѣйствительное оружіе въ борьбѣ противъ другихъ классовъ, тамъ онъ закладываетъ сѣмена разрушенія въ свою собственную духовную жизнь. Какъ и всякая монополія, и монополія образованія губитъ своихъ обладателей. Она принуждаетъ государство удерживать на возможно низкомъ уровнѣ общее народное образованіе для того, чтобы разстояніе между народомъ и привилегированными было возможно велико... Образованіе, ограниченное рамками только опредѣленныхъ классовъ, неизбѣжно подпадаетъ одряхлѣнію, становится старческимъ...“ *).

И такую судьбу готовятъ Пруссіи ея правящіе классы!

II.

Современное положеніе прусской народной школы лучше всего характеризуется ея значеніемъ въ качествѣ просвѣтительнаго учрежденія спеціально для неимущихъ классовъ, для простого человѣка. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя

*) См. Arons, в. н. с. и D-r A. Kalthoff, Pastor an St. Martini in Bremen Schule und Kulturstaat. Leipzig. 1905.

лучше всякихъ словъ доказываютъ, что въ Пруссіи не желаютъ давать слишкомъ много знаній народной массѣ.

Согласно циркуляру министра народнаго просвѣщенія отъ 15 октября 1872 г., низшей ступенью народной школы должно считать одноклассную школу, въ которой всѣ дѣти учатся въ одно и то же время. Однако этимъ дѣло не ограничилось; одноклассная школа во многихъ случаяхъ была замѣнена половинной школой, гдѣ дѣти въ двухъ отдѣленіяхъ смѣняютъ другъ друга, а учитель долженъ работать уже вдвое. Достойнымъ дополненіемъ этихъ пародій на школу является такъ называемая лѣтняя школа, въ которой старшія дѣти, которыя могутъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемы въ полѣ, учатся отъ 6—8 ч. утра, а затѣмъ работаютъ до поздней ночи съ тѣмъ, чтобы подняться опять не позже 5 ч. утра. Но прусскій аграрій не довольствуется такими до крайности скудными размѣрами народнаго обученія; въ 1901 г. считалось не менѣе 92 школъ съ $^1/_3$ курса, въ которыхъ дѣти усваиваютъ себѣ буквально только $^1/_3$ часть нормальнаго обычнаго курса. Характерно, что нѣкоторыя изъ этихъ обрывочныхъ школъ находятся даже въ непосредственной близи Берлина, въ Потсдамскомъ округѣ. Независимо отъ такого сокращенія всего курса въ Пруссіи изобрѣтенъ еще цѣлый рядъ особыхъ каникулъ, при помощи которыхъ дѣти отрываются отъ школы, чтобы стать жертвою эксплуатаціи гг. помѣщиковъ. Упомянемъ хотя бы „свекловичныя каникулы“, учрежденныя въ цѣляхъ болѣе дешеваго сбора свекловицы, и особый институтъ „Hütejungen“ или подпасковъ, которые въ цѣляхъ охраненія господскихъ коровъ и свиней освобождаются отъ излишней науки, и въ силу этого обязаны посѣщать школу не болѣе раза въ недѣлю. Оригинально, что законъ предусматриваетъ тотъ случай, когда въ качествѣ пастуха назначается мальчикъ моложе 11 лѣтъ. Такія дѣти должны посѣщать школу два раза еженедѣльно.

Согласно счисленію 1901 г., 70 проц. всѣхъ школъ принадлежало, увы! къ двуклассньмъ и одноклассньмъ школамъ. И въ этихъ малыхъ школахъ, набитыхъ дѣтьми всѣхъ возрастовъ съ однимъ учителемъ, который даетъ еженедѣльно до 32 часовъ уроковъ—обучалось около 2.000.000 дѣтей изъ числа всѣхъ $5^1/_2$ милліоновъ дѣтей школьнаго возраста въ Пруссіи. Львиная часть, почти половина всѣхъ дѣтей въ сельскихъ мѣстностяхъ, посѣщала именно такія школы. И надо замѣтить еще, что не менѣе 94.000 дѣтей посѣщали половинныя школы, которыя оффиціально считаются переполненными, или, другими словами, въ которыхъ приходится на одного учителя болѣе 60 учениковъ. Такое же число учениковъ посѣщаетъ и переполненныя одно и двухъ-классныя школы. Здѣсь составъ класса превышаетъ 70 учениковъ. Но верхомъ заботливости правящихъ классовъ Пруссіи о народномъ просвѣщенія является тотъ фактъ,

что, по статистикѣ того же года, около 3.000 дѣтей остались совершенно внѣ школы за недостаткомъ мѣста! И это не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ школахъ болѣе 150 учениковъ приходится на одинъ классъ и одного учителя. Прекрасную картинку того, какъ учатся дѣти бѣдняковъ въ сельской школѣ Пруссіи, нарисовалъ на послѣднемъ съѣздѣ прусской соціалъ-демократіи одинъ изъ делегатовъ г. Пехъ: „какъ выглядятъ юнкерскія школы, я самъ знаю по собственному опыту. Вѣдь юнкеры обладаютъ еще привилегіей эксплуатировать школьниковъ по мѣрѣ ихъ силъ. Отъ 6 до $8^1/_2$ ч. утра сидятъ дѣти въ школѣ, а потомъ работаютъ до восхода солнца. Можно себѣ представить, чему они тамъ учатся. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ пребыванія въ школѣ выходятъ они, еле-еле умѣя грамотно подписать свое имя и то только нѣмецкимъ шрифтомъ. Латинскаго шрифта не знаютъ они совсѣмъ. И каникулы устраиваются такъ, чтобы дѣтей можно было тянуть на работу. Дѣти должны копать для юнкера картошку, ту самую, изъ которой гонится потомъ водка для дальнѣйшаго оглупѣнія массъ. Ребенкомъ я получалъ 40 пфениговъ (около 19 к.) за день такой работы и ежедневно два стакана водки. Г. Гамбъ опровергалъ въ рейхстагѣ, что совершается нѣчто подобное; если онъ желаетъ противъ этого спорить, пусть только обратится ко мнѣ. Ясно теперь, какъ вслѣдствіе этого страдаютъ и дисциплина, и нравы среди дѣтей!“ *)

Старательно заботясь о томъ, чтобы дѣти изъ народа возможно меньше получили знаній, правительство, съ другой стороны, принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы эти знанія носили самый невинный въ полицейскомъ смыслѣ характеръ и отнюдь не внушали бѣднякамъ мысли о томъ, о чемъ позволительно думать только питомцамъ состоятельныхъ привилегированныхъ классовъ. Лучшимъ средствомъ для этого является такое перегруженіе учебнаго плана священными предметами, что для мірскихъ знаній ужъ не остается больше никакого мѣста. Въ женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ, само собою разумѣется, „религія“ преподносится дѣтямъ изъ бюргерскихъ классовъ въ значительно меньшемъ объемѣ. И если въ народной школѣ отъ 17 до 20 проц. всѣхъ уроковъ идетъ на „божественное“, то дѣти болѣе состоятельныхъ классовъ въ средней школѣ довольствуются всего только отъ 12,5 проц. до 6,2 проц. За то, что они вносятъ особую плату за ученіе, они прямо откупаются отъ излишняго забиванія своихъ головъ катехизисами, псалмами, изреченіями и т. п. Однако оффиціальными часами Закона Божьяго прусская система народной школы не удовлетворяется. Уже въ

*) Arons, в. н. с. и Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Partei Preussens, Berlin. 1905

1848 г. было разрѣшено одинъ часъ нѣмецкаго языка употребить на чтеніе библіи, а въ 1879 г. былъ прибавленъ еще лишній часъ религіи за счетъ геометріи для дѣвочекъ и естественной исторіи для мальчиковъ. Самый составъ „нормальнаго“ учебника по религіи не оставляетъ желать ничего лучшаго; онъ содержитъ въ себѣ исключительно для зазубриванія на память не менѣе 170 текстовъ изъ библіи, при чемъ къ изреченіямъ присоединяется еще 20 церковныхъ пѣсенъ, а вся эта масса матеріала для ученія на память представляетъ собой только „минимумъ“ того, что должны заучить дѣти. Спрашивается теперь, каковъ же долженъ быть maximum этого священнаго матеріала?

Воистину можно съ благодарностью вспомнить о тѣхъ временахъ, когда полицейское государство, стремясь къ просвѣщенію, предписывало, какъ это было еще въ Силезіи въ 1801 г., „обучать дѣтей безъ различія ихъ исповѣданій чтенію и письму и такимъ предметамъ, которые не принадлежатъ къ религіи“. И даже еще въ 1805 г., въ одномъ изъ указовъ для юго-восточной Пруссіи, было сказано: „вѣроисповѣданіе учителя въ разсчетъ не принимается“. Реакція, наступившая послѣ наполеоновскихъ войнъ, началась очень скоро, уже при министерствѣ Альтенштейна и окончательно наложила руку на школу при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и его министрѣ Ейхгорнѣ. Было признано, что только церковь и религія могутъ служить достаточной опорой политической благонадежности, и при томъ религія, лишенная всякихъ примѣсей полицейскаго либерализма, религія, возвращенная къ началамъ средневѣковой мысли. Прусская революціонная конституція сдѣлала попытку сбросить иго возрожденной схоластики съ дѣтскихъ умовъ, но эта попытка окончилась неудачно. Въ 1850 г. министръ народнаго просвѣщенія, Раумеръ, издалъ свои знаменитые регулятивы, которыми все дѣло было безповоротно отдано въ руки окрѣпшаго, исполненнаго духомъ реакціи духовенства: „идея общаго человѣческаго образованія при помощи формальнаго развитія духовныхъ способностей на абстрактномъ содержаніи оказалась на опытѣ безплодной и вредной. Жизнь народа требуетъ преобразованій на основѣ и въ формѣ изначала данныхъ и вѣчныхъ реальностей и на почвѣ христіанства, которое проникаетъ въ своей церковной формѣ семью, кругъ призванія, общину и государство, образуетъ и охраняетъ ихъ“.

Эти удивительные принципы легли съ тѣхъ поръ въ основу нѣмецкой школы и прежде всего послужили нормой для образованія учителей. Отнынѣ и на долгое время педагогика и психологія были вычеркнуты вонъ изъ учительскихъ семинарій и заполнены цѣликомъ такъ называемой „религіей“; былъ введенъ даже особый предметъ „по изученію библіи, а также введенію въ священное писаніе“. Даже естественная исторія была проникнута чисто

средневѣковымъ духомъ. „Не зачѣмъ, конечно, упоминать,—говоритъ регулятивъ, что даже для этого предмета необходимымъ условіемъ является религіозное направленіе и толкованіе“; а въ довершеніе всѣхъ этихъ мѣръ, всемірная исторія была признана совершенно ненужной для будущихъ учителей. „Этотъ предметъ, какъ возвѣщалъ Раумеръ, „порождаетъ только неясность и самомнѣніе“. Сами учителя именовались уже „служителями“ не только „государства“, но и „церкви“. Изъ книгъ для чтенія были вычеркнуты совершенно нѣмецкіе классики и замѣнены тѣмъ, „что по содержанію и тенденціи способно споспѣшествовать церковной жизни, христіанскимъ нравамъ, патріотизму и умственному воззрѣнію на природу“. Такимъ матеріаломъ должны были довольствоваться будущія учителя даже въ своей частной жизни. Эстетическій элементъ былъ изъ нея совершенно удаленъ: „область обученія служитъ вездѣ серьезнымъ и нравственнымъ цѣлямъ и по большей части является священной. Искусство въ семинаріи нигдѣ не можетъ быть цѣлью для себя“. 18 лѣтъ эти регулятивы оставались въ дѣйствіи, и только въ министерство Фалька хоть нѣсколько было облегчено это бремя мрачной отрицающей жизнь религіозности; 18 лѣтъ все ученіе въ народныхъ школахъ Пруссіи ограничивалось безсмысленнымъ зазубриваніемъ „священныхъ“ вещей *).

Какъ извѣстно, въ современной конституціи Пруссіи находится статья (26), которая обѣщаетъ регулировать „особымъ закономъ“ „все народное образованіе“. Этотъ законъ до сихъ поръ еще не изданъ. Реакціонныя партіи были слишкомъ сильны, чтобы можно было издать законъ въ либеральномъ духѣ, а бюргерскіе либералы были слишкомъ слабы, чтобы отстоять его. При Фалькѣ дѣло ограничилось поэтому исключительно административными мѣрами, при помощи которыхъ была, между прочимъ, обоснована симультанная школа или, другими словами, школа, не имѣющая строго вѣроисповѣднаго характера. Единственное достоинство этой школы заключается въ томъ, что религіозный моментъ въ свѣтскихъ предметахъ хоть нѣсколько отступаетъ на задній планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, такая междуисповѣдная школа давала возможность упразднить одноклассныя школы отдѣльныхъ вѣроисповѣданій и, соединивъ разновѣрныхъ учениковъ подъ одной кровлей, создать для нихъ школу съ большимъ числомъ классовъ. Рескриптомъ 1873 года было даже запрещено учреждать одноклассныя школы для вѣроисповѣднаго меньшинства тамъ, гдѣ уже была на лицо многоклассная школа для учениковъ всѣхъ исповѣданій. Однако, эти предпріятія Фалька далеко не увѣнчались положительнымъ успѣхомъ. Согласно даннымъ 1901 г., только 2,2 проц. всѣхъ школъ

*) Arons, в. н. с.

паритетныя или междуисповѣдныя, вся же остальная масса школъ построена до сихъ поръ на конфессіональномъ принципѣ. И это не мудрено. Школа путемъ цѣлаго ряда нарушеній законовъ взята правительствомъ въ свои руки, и многочисленные конфликты между правительствомъ и городскими управленіями не повели ни къ чему. Какъ прежде, такъ и теперь, министерство заполняетъ духовными лицами должности учебной инспекціи и этимъ путемъ передаетъ школу вполнѣ въ духовныя руки. Не мѣшаетъ, однако, остановиться подробнѣе на этой сторонѣ прусской школьной организаціи.

Согласно учрежденію 1854 г., было постановлено, что школьными дѣлами будутъ завѣдывать особыя смѣшанныя депутаціи или коммиссіи мѣстнаго самоуправленія. Однако, въ томъ же самомъ году правительство присвоило себѣ право отказывать въ утвержденіи членовъ подобныхъ депутацій, дабы этимъ путемъ удалить изъ среды ихъ „элементы, непригодные для осуществленія возложенныхъ на нихъ важныхъ функцій". И на практикѣ правительство ревниво держалось захваченныхъ путемъ силы привилегій. Такъ, когда въ 1898 г. одинъ изъ выдающихся членовъ рабочей партіи былъ выбранъ въ составъ берлинской школьной депутаціи, утвержденіе его не состоялось, и въ общемъ распоряженіи того же года было объявлено, что никогда подобныя лица не могутъ быть утверждаемы въ качествѣ членовъ депутаціи. И въ другомъ направленіи использовало правительство свое противозаконное „право": когда, благодаря вліянію городовъ, изъ состава школьныхъ депутацій стали постепенно исчезать духовныя лица, правительство ревностно взялось за проведеніе туда духовенства. Въ 1900 г. министръ потребовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, по одному духовному лицу обоихъ исповѣданій засѣдало въ школьной коммиссіи. Городъ Шарлоттенбургъ воспротивился такому незаконному требованію, а два года спустя регирунгсъ-президентъ еще ограничилъ и безъ того весьма жалкія полномочія школьной депутаціи, ректоромъ же школъ было запрещено представлять отчеты о дѣятельности учителей въ эти учрежденія. Многіе члены коммиссіи тогда сложили свои полномочія. Однако дѣло кончилось ничѣмъ, и жалоба, поданная городомъ, до сихъ поръ остается безъ отвѣта. Впрочемъ, врядъ ли вообще городскія депутаціи могутъ имѣть большое значеніе. Согласно распоряженіямъ 1894 г., онѣ завѣдуютъ только внѣшнимъ устройствомъ школы, что же касается ея внутреннихъ распорядковъ, то здѣсь онѣ должны дѣйствовать во всемъ согласно съ учебной инспекціей. Не удивительно послѣ этого, что нѣкоторые города совсѣмъ упростили дѣло и попросту выбираютъ учебныхъ инспекторовъ духовнаго сана въ составъ своихъ школьныхъ депутацій. Въ рабской покорности начальству дальше, кажется, идти некуда! Надо замѣтить при этомъ, что вся эта администра-

тивная практика,—какъ выясняетъ профессоръ Прейсъ,—„есть продуктъ грубѣйшаго министерскаго произвола, котораго не прикрываетъ ни малѣйшая тѣнь, ни малѣйшій признакъ какого бы то ни было права. Этотъ произволъ не основывается ни на какомъ законѣ и ни на какомъ королевскомъ распоряженіи, „снабженномъ силою закона. Онъ опирается только и исключительно на министерскіе циркуляры, которые прямо противорѣчатъ духу основного принципа городского самоуправленія" *).

Если мы обратимся къ самому составу правительственной школьной инспекціи, то не будемъ, конечно, удивлены, что среди нея подавляющее число служащихъ принадлежитъ къ духовенству. Въ качествѣ окружныхъ инспекторовъ по большей части фигурируютъ здѣсь евангелическіе суперинтенденты и католическіе деканы въ ихъ діотезахъ. Въ 1903 г. изъ числа 1231 окружныхъ инспекторовъ было не менѣе 915 духовныхъ лицъ. Но даже и свѣтскіе окружные инспектора не лишены богословской окраски. На 138 филологовъ здѣсь приходилось не менѣе 56 теологовъ и только 93 лица, прошедшихъ дѣйствительно учительскую карьеру. Нечего и говорить, что учебные инспектора почти безъ исключенія рекрутируются изъ рядовъ мѣстнаго духовенства. При этомъ только шестиклассныя и многоклассныя школы подлежатъ непосредственному надзору окружного инспектора. Всѣ же остальныя подчинены прямому распоряженію духовенства при помощи учебныхъ инспекторовъ.

Нельзя послѣ этого не присоединиться къ заключенію уже цитированнаго нами доцента берлинскаго университета, доктора Прейса, что хотя „при парламентскихъ дебатахъ по школьному вопросу съ паѳосомъ было выдвинуто на первый планъ „правовое развитіе" прусскаго государства въ теченіе якобы двухъ столѣтій, но, въ сущности, дѣло идетъ о томъ специфическомъ духѣ „полицейскаго государства, въ лучшемъ случаѣ проникнутаго небольшой примѣсью фридриціанскаго просвѣщенія,—каноны котораго непрестанно образуютъ вторую часть общаго земскаго права. Это абсолютизмъ сверху и феодализмъ снизу"... Такимъ путемъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ докторъ Кваркъ, порождены глубочайшія противоположности и противорѣчія въ школьной жизни ребенка: „нужда и масса работы заставляютъ рабочихъ съ нетерпѣніемъ ждать, когда, наконецъ, сниметъ съ нихъ школа хотя часть ихъ заботы. Измученная мать кричитъ своему шалуну уже съ 5 лѣтъ: „ну, погоди только, попадешь ты на слѣдующій годъ въ школу"! Но какъ только наступаетъ великій моментъ, и ребенокъ въ первый разъ входитъ въ школу, сейчасъ же охватываетъ обоихъ, и родителя, и ребенка, мрачное чувство, что между ними вторглось что-то чуждое.

---

*) Кромѣ Arons'a см. еще D-r Hugo Preuss, Das Recht der städischen Schulverwaltung in Perussen. Berlin. 1905 г.

И это чувство не ошибается. Родители-рабочіе отдаютъ дѣтей для обученія въ учрежденіе, которое цѣликомъ проникнуто противоположными классовыми интересами. Какое издѣвательство лежитъ въ этой противоположности! Широкіе пролетарскіе круги отдаютъ своихъ дѣтей въ школу послѣ того, какъ долгія 6 лѣтъ, путемъ величайшихъ лишеній, они вскармливали дѣтей кровью собственнаго сердца. „Соціальное государство" при этомъ, конечно, не безпокоилось объ ихъ горѣ и заботахъ. Напротивъ, это государство отнимаетъ у нихъ даже выборное право, какъ только они примутъ вспоможеніе, чтобы не видѣть голода своихъ малютокъ въ тяжелыя времена. Наконецъ, это жестокое государство однимъ взмахомъ захватываетъ, при помощи нынѣшней уродливой школы, и мысль, и знаніе, и чувства рабочихъ дѣтей. Религіозныя и историческія суевѣрія, патріотическіе и варварскіе военные предразсудки, буржуазное высокомѣріе и травля соціалистовъ захватываютъ въ нынѣшней нѣмецкой школѣ дитя пролетарія, и много потомъ мучатся родители, чтобы спасти маленькаго питомца школы изъ бездны самыхъ тяжкихъ сомнѣній...

„Такъ сотни тысячъ народа практически убѣждаются въ томъ, что народная школа стоитъ противъ нихъ, какъ враждебная соціальная сила. Пропасть между властвующими и народомъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, такъ же глубока и широка, какъ и въ хозяйственныхъ и политическихъ вопросахъ. То, что должно было объединить націю, а именно общее мирное воспитаніе всего поколѣнія въ качествѣ будущихъ государственныхъ гражданъ, то раздѣляетъ ихъ такъ основательно, какъ ничто другое. Борьба между счастливыми владѣющими классами и несчастными пролетаріями унизила нѣмецкую народную школу до положенія простого орудія" *).

III.

Когда дѣло идетъ не о народной школѣ, а о школѣ для привилегированныхъ классовъ общества, то тутъ сразу оказываются признанными всѣ требованія нормальной педагогики, которая такъ упорно отвергается для школы пролетаріевъ. Если мы заглянемъ въ брошюру тайнаго совѣтника и члена докладчика въ министерствѣ народнаго просвѣщенія д-ра Матіаса, то мы найдемъ тамъ прекрасное пониманіе современнаго образовательнаго идеала. Останавливаясь на значеніи реформы 1900 г. въ области средней школы, онъ слѣдующими чертами рисуетъ ея положительныя стороны. „Безспорно,—говоритъ Матіасъ,—имѣло большое значеніе

*) См. брошюры. Arons'a и Preuss'a.

для соціальнаго и политическаго развитія нашего народа то обстоятельство, что при помощи школьной реформы его образовательный идеалъ передвинулся въ сторону болѣе реальнаго міровоззрѣнія". Такимъ образомъ, была сдѣлана попытка создать „самостоятельнаго, сильнаго и рѣшительнаго человѣка, взоръ котораго идетъ въ даль, и который при помощи дисциплинированной энергіи воли способенъ владычествовать надъ землей. „Школьная реформа, далѣе, предупредила опасность единообразной школы и униформированія нашей духовной жизни". Она отказалась отъ стремленія создавать нормальнаго человѣка по „тривіальной средней мѣркѣ", дающей, въ концѣ концовъ, только филистера, „съ тупымъ равнодушіемъ встрѣчающаго всѣ великіе соціальные интересы и великіе вопросы публичной жизни". „Она открыла свободный путь и просторъ для индивидуальныхъ особенностей", а вмѣстѣ съ тѣмъ „государство отказалось отъ своего положенія въ качествѣ дядюшки-опекуна по отношенію къ юношеству". „Жизнь школы,—заключаетъ господинъ тайный совѣтникъ,—требуетъ движенія подобно потоку, и если потокъ останавливается, то онъ покрывается льдомъ или тиной. Сомнительна мудрость извѣстнаго изреченія:

„Was die Gewohnheit forderr, Freund, das tu.
Der grauen Vorzeit Staub lass ungefegt!" *).

Такъ для буржуазныхъ командующихъ класовъ признается въ полной мѣрѣ тотъ идеалъ, въ которомъ отказываютъ народу. Но Германія не была бы страной передовой культуры, если-бъ на этомъ дѣло остановилось; и не какіе-нибудь „анархисты" или „безбожные, лишенные отечества люди" требуютъ для народной школы осуществленія высшихъ идеаловъ педагогики. Цѣлый рядъ профессоровъ, учителей или даже духовныхъ лицъ горячо протестуетъ противъ системы оглушенія и насилія въ народной школѣ, а нѣмецкое учительское сословіе самымъ рѣзкимъ образомъ заняло позицію противъ поглощенія школы мракомъ церковнаго невѣжества.

„Цѣлаго человѣка" провозглашаетъ цѣлью воспитанія профессоръ Циглеръ въ своей общей педагогикѣ и требуетъ воспитанія „человѣка въ человѣкѣ", уваженія къ ребенку и его жизни: „дитя имѣетъ также свое настоящее и имѣетъ право его прожить и пережить"... Примыкая къ теоріи профессора Наторпа, подробно разъясняетъ ту же мысль уже упомянутый нами пасторъ Кальтгофъ. „Образованіе человѣка есть образованіе свободнаго человѣка на почвѣ всѣмъ общаго разума и его для всѣхъ равно обязательнаго закона. Свобода должна стать внутренней необходимостью

*) Dr. Adolf Matthias, Geheimer Oberregiungsrat unt vortragender Rat im Kultusministerium, Die soziale und politische Bedeutung der Schulreform vom Jahre 1900, Berlin. 1903.

человѣка при помощи воспитанія“. Таковъ педагогическій принципъ, установленный Кантомъ и Фихте, Руссо и Песталоцци. Но „автономный человѣкъ есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный человѣкъ, онъ можетъ быть автономнымъ только въ обществѣ, благодаря проявленію общаго всѣмъ соціальнаго закона разума... Поэтому соціальное право требуетъ, чтобы личность... ни въ комъ не была уничтожена, такъ какъ на человѣка нельзя смотрѣть, какъ на вещь, и обращаться съ нимъ, какъ съ вещью или средствомъ для чуждой ему цѣли; каждый человѣкъ есть цѣль самъ для себя, это—новый соціальный человѣкъ, котораго Фихте поставилъ на мѣсто не соціальнаго эгоистичнаго человѣка... Такой человѣкъ не есть порожденіе природы; воспитать его—цѣль высочайшей человѣческой культуры... Только воспитаніе порождаетъ въ человѣкѣ сознаніе его связи и зависимости отъ цѣлаго и открываетъ ему путь стать свободнымъ, не смотря на эту зависимость. Человѣкъ, который желалъ бы отрѣшиться отъ этой зависимости, будетъ уже „не индивидъ, а идіотъ“. „Именно высоко образованный человѣкъ знаетъ лучше всего, какую незначительную часть своихъ духовныхъ богатствъ пріобрѣлъ онъ самъ, точно такъ же, какъ и то, что во всемъ лучшемъ, чего онъ достигъ, ему содѣйствовало все человѣчество“ *).

Совершенно послѣдовательно въ виду этого, что не только передовой публицистъ Пенцигъ, но и проф. Рейнъ требуютъ въ согласіи съ Кальтгофомъ полной „свободы убѣжденія для личности и признанія ея индивидуальной творческой силы“, какъ условій для правильной постановки народнаго образованія. Съ горечью отмѣчаетъ Кальтгофъ вліяніе на нѣмецкую школу идеаловъ военнаго, вѣрнѣе, солдатскаго государства въ Германіи. „Наши школы—говоритъ онъ—роковымъ образомъ отражаютъ въ себѣ военную муштру, у насъ введенъ равномѣрный шагъ, благодаря которому ученики усваиваютъ свои знанія; всѣ они должны по возможности походить одинъ на другого и по общей солдатской мѣркѣ уравнивать свою продуктивность, свой стиль, свой способъ изображенія и выраженія; но такъ какъ эта дрессировка не можетъ охватить внутренняго человѣка, то въ концѣ концовъ остается только зубрежка на память и согласно этому шаблону вытягивается вся дѣятельность ученика; только техника и присутствіе духа, съ которыми ученикъ отбываетъ свои письменныя работы, опредѣляютъ его цѣнность въ школѣ, но отнюдь не внутренняя переработка заученнаго, не сила собственнаго духовнаго творчества. У насъ есть и школьный плацъ-парадъ или экзаменъ, при которомъ опять таки не человѣкъ и его внутренняя цѣнность, а острота памяти и выдержка, съ которой онъ маршируетъ въ установленномъ темпѣ, рѣшаютъ дѣло. Въ концѣ концовъ, образованіе формируется по

*) D-r. Kalthoff. Schule und. Kulturstaat, Leipzig. 1905.

типу большихъ маневровъ, гдѣ постоянно ведется борьба конкурренціи за лучшее мѣсто на школьной скамьѣ, а ученикъ едва имѣетъ возможность вздохнуть: такъ гонитъ и мучитъ его забота, что другой можетъ его обогнать. Но честолюбіе есть только особая форма зависти, а о ней говорится, что она—мать всѣхъ пороковъ. И это проклятіе травли и гонки подъ кнутомъ честолюбія отнимаетъ у ученика все лучшее, все очарованіе въ его работѣ: радость, порожденную сознаніемъ внутренняго роста, чистое, ничѣмъ не затемненное стремленіе къ истинѣ, счастье воспріятія новой и высшей духовной жизни. Въ военномъ государствѣ лежитъ скрытымъ классовое государство, которое наложило свою печать и на школу". „Господство милитаризма, капитализма и бюрократіи въ прусскомъ государствѣ—говоритъ Пенцигъ—всегда будутъ оказывать вредное вліяніе на управленіе и руководство школой", и это тѣмъ печальнѣе, что „воспитаніе и культура совершеннѣе всего тамъ, гдѣ принудительный факторъ становится почти равнымъ нулю". „Развитіе духовной жизни—подтверждаетъ проф. Рейнъ—есть прежде всего индивидуальное... Но великій принципъ индивидуальнаго самоопредѣленія, который не можетъ быть ни отрицаемъ, ни отчуждаемъ государствомъ, есть принципъ свободы духа... Каждое нарушеніе этой границы со стороны государственной власти возбуждаетъ глубоко идущую враждебность... Каждый захватъ здѣсь ожесточаетъ, каждое нарушеніе обостряетъ чувство права на индивидуальное опредѣленіе. И прежде всего на нѣмецкой почвѣ. Здѣсь Лютеръ отвоевалъ свободу духа отъ принужденія вѣры католической церкви, здѣсь Фридрихъ Великій сказалъ, что никакое чувство такъ тѣсно не связано съ сущностью человѣческаго духа, какъ именно чувство свободы... Этотъ принципъ стоитъ въ противоположности съ централизаціей бюрократическаго управленія... Эта противоположность выступаетъ не только въ политической и гражданской области, но и въ церковныхъ и школьныхъ дѣлахъ" *).

Для того, чтобы русскій читатель могъ ясно представить себѣ, что такое принужденіе въ нѣмецкой школѣ, я приведу примѣръ изъ личнаго опыта, который впервые показалъ мнѣ, что такое „воспитаніе личности" подъ крыломъ прусскаго министерства просвѣщенія. Въ Россіи у многихъ до сихъ поръ живо преданіе о знаменитомъ школьномъ учителѣ, поколотившемъ французовъ. Не развращающей силѣ цезаризма, не буржуазно-полицейской системѣ новой имперіи любятъ приписывать у насъ Седанъ и Метцъ, а только силѣ прусской школьной муштры и „образованію" нѣмецкаго солдата. Подъ вліяніемъ подобныхъ иллюзій отдалъ и я свою маленькую дочку въ соотвѣтственный классъ и

---

*) Kalthoff в. н. с., Prof. Rein, Kirche, staat und Schule, Berlin. 1905. Dr. Penzig, Zum Kulturkampf um die Schule, Berlin. 1905.

то не народной школы, а женскаго училища, „Höhere Töchterschule“. Не желая дѣлать слишкомъ поспѣшное заключеніе, я предоставилъ ребенку полную возможность въ теченіе года войти во всѣ детали прусской системы и благополучно перейти въ слѣдующій классъ. Но больше опыта производить не представлялось возможнымъ, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Уровень требованій въ школѣ былъ до крайности низокъ и разсчитанъ на самыхъ неспособныхъ ученицъ; и этотъ уровень должны были выдерживать всѣ, не смотря на полное различіе способностей и развитія. Самыя требованія были до убожества механичны и формальны. Не смотря на то, что въ 7-омъ классѣ сидѣли дѣвочки 10 — 11 лѣтъ, тамъ все сводилось къ аккуратности и чистописанію. Ариѳметика исчерпывалась зазубриваніемъ таблицы умноженія, элементарнымъ счетомъ и красивымъ выведеніемъ цифръ. Изученіе языка сводилось не столько къ чтенію и усвоенію пройденнаго, сколько къ грандіозному переписыванію съ книги. Это сопровождалось опять таки зазубриваніемъ въ изобиліи и прозы, и стишковъ. Законъ Божій представлялъ изъ себя сплошную массу „священнаго“ матеріала для зазубриванія наизусть, и остальные предметы положительно отступали на второй планъ передъ массой зубрежки и чистописанія. Все это было до крайности безсодержательно, а потому и легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно скучно, а потому утомительно и тяжко. Усиленная работа не оставляла въ душѣ ребенка ровно ничего, но за то все заполнялось тѣмъ „честолюбіемъ“, о которомъ говоритъ Кальтгофъ. Всѣ дѣти были разсажены на скамьяхъ по степени ихъ успѣховъ. Малѣйшая ошибка, малѣйшее промедленіе въ отвѣтѣ со стороны ребенка немедленно низвергало его внизъ, на позорныя малоуспѣшныя скамьи; весь классъ во время урока превращался въ дикую скачку съ препятствіями, дѣти судорожно цѣплялись за хорошія мѣста и дрожали въ безумномъ страхѣ, что малѣйшій промахъ лишитъ ихъ и почета, и положенія въ рядахъ школьной іерархіи. Одна мысль, одно чувство владѣло ими: перебить товарища, влѣзть выше его, перескочить при помощи удачи черезъ два—три мѣста, вылетѣть на первую скамью и возсѣсть тамъ на зло всѣмъ обойденнымъ, одураченнымъ товаркамъ. Тщеславное и пустое торжество со стороны однѣхъ — зависть и злоба со стороны другихъ. Съ одной стороны, болѣзненныя стремленія одаренныхъ дѣтей удержаться во что бы то ни стало среди патентованной аристократіи класса и полная трагедія отчаянія и безнадежности въ душѣ несчастныхъ паріевъ—съ другой. Полное отраженіе той волчьей конкурренціи буржуазнаго общества, которую такъ идеально рисовалъ Бастіа со товарищами. И такое же раздѣленіе на классы, какъ тамъ, — на ловкихъ, находчивыхъ и выдержанныхъ вверху и на слабыхъ, неустойчивыхъ, хоть и болѣе одаренныхъ — внизу. Я не забуду того чув-

ства, съ которымъ я выслушивалъ повѣсть моей дѣвочки о томъ, что она сегодня взяла съ бою 5—6 мѣстъ и водворилась на первой скамейкѣ. Утѣшительно было одно, что маленькая славянка постоянно кувыркалась съ перваго мѣста на послѣднее и обратно, и, благодаря постоянному блужданію по всѣмъ мѣстамъ класса. не могла выработать въ себѣ чувства классовой гордости и превосходства. Но бѣдные учителя и учительницы положительно теряли голову: они абсолютно не знали, куда приписать это капризное существо, какимъ пожаловать ее чиномъ. Такъ дѣвочка и пробыла въ „титулярныхъ совѣтникахъ" до оставленія школы...

Само собою понятно, что классная конкурренція влечетъ за собой полное уничтоженіе товарищескихъ чувствъ и такое развитіе доносовъ и шпіонства среди дѣтей, о которомъ мы не имѣемъ никакого представленія; нѣжные друзья предаютъ другъ друга походя, въ силу традиціонной полицейской морали, а взаимное оклеветаніе въ газетахъ учительницъ достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Я говорилъ на эту тему съ педагогами описываемой здѣсь школы, но встрѣчалъ одинъ отвѣтъ: „что подѣлаете, каково общество—такова школа". Думаю, однако, что ученическая гонка за мѣстами не можетъ дать иной морали, кромѣ предательства и вѣроломства. Тамъ, гдѣ люди грызутъ другъ друга, какъ волки, дѣти ихъ ведутъ себя, какъ настоящіе маленькіе волчата, и если не дерутся прямо, то нападаютъ другъ на друга изъ-за угла.

Въ высшей степени характернымъ для нѣмецкой школы является, наконецъ, то обстоятельство, что и въ народной школѣ, и мужскихъ гимназіяхъ не только жестоко наказываютъ за всякую мелочь, но и бьютъ и при томъ бьютъ весьма основательно. Для характеристики здѣшней педагогики полезно будетъ привести слѣдующій уголовный кодексъ, который былъ введенъ въ дѣйствіе въ одномъ классѣ для мальчиковъ 14-лѣтняго возраста:

„Арестъ отбывается по вторникамъ и пятницамъ отъ 5 часовъ. Наказуются: забывчивость—часомъ ареста; роняніе предметовъ на полъ—въ первый разъ выговоромъ, во второй—арестомъ. Поднятіе со скамьи—арестомъ. Разговоры — арестомъ. Отсутствіе дневника — арестомъ. Держаніе книги одной рукой—арестомъ. Медленное вставаніе—выговоромъ и арестомъ. Неправильное поднятіе руки—выговоромъ и арестомъ". Что же касается битья, то по этому поводу остановимся на одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ „Berliner Tageblatt", гдѣ несчастный родитель тщетно проситъ хоть нѣсколько смягчить жестокость тѣлесныхъ наказаній: „посмотрите хоть разъ на побитаго ребенка: мучительное метаніе, лихорадка во всемъ его тѣлѣ, неспособность слѣдить за ученіемъ. Долго, слишкомъ долго держится боль, и какъ болятъ раны, какъ горятъ на побитыхъ мѣстахъ... Въ парламентѣ теперь сильно защищаютъ солдатъ отъ битья, держатся объ этомъ рѣчи и на нихъ реагируетъ рейхстагъ. Сравненіе

напрашивается само собою. Солдаты, какъ ученики, прикрѣплены къ своимъ мѣстамъ, переданы на обученіе государственнымъ органамъ, и тѣ и другіе должны бы быть одинаково защищены. Наказаніе розгами... вѣдь это самое жестокое изъ всѣхъ наказаній, и съ нимъ ничего нельзя сравнить... Это жесточайшее изъ наказаній не должно практиковаться въ учрежденіи, которое носитъ названіе школы". А между тѣмъ, „судьба нашихъ дѣтей школьнаго возраста полна мученій, благодаря примѣненію розогъ въ школѣ, и нѣтъ для нихъ спасенія, такъ какъ сѣкутъ во всей милой Германіи. Наши дѣти осуждены подставлять свое тѣло подъ столь для нихъ страшное школьное сѣченіе". И не надо этому удивляться: въ Германіи до сихъ поръ держится „оффиціально одобренное учебно-казенное сѣченіе". Свое письмо несчастный отецъ заканчиваетъ слѣдующимъ законопроектомъ: онъ требуетъ, чтобы дѣвочекъ не били совсѣмъ, чтобы освободили ихъ отъ „этого варварскаго наказанія". Для мальчиковъ требуетъ онъ, чтобы не били дѣтей, по крайней мѣрѣ, „по рукамъ", чтобы ихъ не били „передъ классомъ", чтобы не били во время „гимнастики", чтобы, наконецъ, сѣкли только „съ разрѣшенія начальства"... Таковы скромныя желанія одного изъ родителей въ странѣ Канта, Шиллера и Гете. Сѣченіемъ и битьемъ дѣтей завершается нѣмецкая школьная система, и новый законопроектъ желаетъ сдѣлать ее орудіемъ новыхъ мрачныхъ силъ, новаго возвращенія къ средневѣковому застѣнку.

IV.

Внутренній раздоръ и тяжелыя противорѣчія породитъ собой новое господство церкви надъ школой. Нельзя не замѣтить прежде всего, что католическая церковь, о которой здѣсь главнымъ образомъ идетъ рѣчь, есть учрежденіе, которое относится отрицательно къ современному государству; поэтому школьный компромиссъ есть ни больше, ни меньше, какъ „капитуляція передъ врагомъ, внушающая большія опасенія на счетъ ослабленія государственной идеи". До сихъ поръ конфессіональный характеръ школы былъ дѣломъ административнаго произвола, отнынѣ законъ отрѣзаетъ школу отъ государства, передаетъ ее въ руки вѣроисповѣдныхъ обществъ. „Законъ предписываетъ теперь, что учитель долженъ быть католическимъ, долженъ преподавать католически и воспитывать католически". Естественнымъ результатомъ является, что учебникъ долженъ быть тоже католическимъ, а вмѣстѣ съ симъ и учебные методы и воспитаніе—католическими. Государственный надзоръ уступаетъ мѣсто церковному, и за конфессіональной школою должны послѣдовать такіе же гимназіи и университеты, конфессіональная юстиція и

управленіе, конфессіональное войско, однимъ словомъ—конфессіональное государство. „Только тогда—говоритъ проф. Наторпъ—мы будемъ имѣть у насъ миръ, иначе же нѣтъ". Не надо забывать, какъ говоритъ тотъ же ученый, что съ католической школой „мы получаемъ неизбѣжно и католическое понятіе государства и католическое воззрѣніе на исторію, и католическій судъ надъ нашими поэтами и мыслителями, католическое естествознаніе и географію, католическую науку и философію въ государственной школѣ. Другими словами, государство само взваливаетъ на себя обязанность воспитать для церкви тѣ баталіоны, которые должны маршировать противъ него самого. Это обозначаетъ новую Іену и еще того хуже. Это обозначаетъ, что чуждое владычество водворится надъ третью нашего отечества". Менѣе опасной представляется господство протестантской церкви, но, чѣмъ рѣшительнѣе будетъ владычество Рима, тѣмъ энергичнѣе подымется протестъ съ другой стороны, а у протестантскаго духовенства далеко нѣтъ недостатка въ стремленіяхъ къ политической мощи. „Каждая жертва, принесенная Риму, романизируетъ и протестантство". Однако на двухъ исповѣданіяхъ дѣло не остановится: при наличности свободы совѣсти въ странѣ, естественно будетъ расти число учениковъ и другихъ исповѣданій. Теперь уже не рѣдки случаи, когда рядомъ съ шестиклассной школой одного исповѣданія ютятся половинныя или одноклассныя школы другой. Проведеніе закона въ жизнь безмѣрно увеличитъ такіе факты. Большія многокласныя, междуисповѣдныя школы исчезнутъ совсѣмъ, ихъ же мѣсто займутъ карликовыя образованія конфессіональнаго типа. Кто выиграетъ отъ этого? Менѣе всего общій уровень просвѣщенія въ Германіи" *).

Но есть еще вторая опасность, которую влечетъ за собой школьный компромиссъ. Современную науку изъ жизни народа тоже выбросить нельзя. А между тѣмъ, у нея есть свое міровоззрѣніе, безъ котораго она абсолютно невозможна. И если всякая догма, всякое исповѣданіе, которое претендуетъ на обладаніе абсолютной истиной, должно неизбѣжно ставить границы мысли и изслѣдованію и требовать, чтобы они не выходили изъ этихъ границъ,—то, съ другой стороны, наука представляетъ собою цѣликомъ вѣчное стремленіе впередъ и впередъ. Современная мысль человѣка вполнѣ слѣдуетъ за развитіемъ свѣтской науки. Прежде наша земля лежала твердо и спокойно въ срединѣ мірозданія, и толпы звѣздъ кружились вокругъ нея каждый день въ равномѣрномъ, вѣчно одинаковомъ ходѣ. На ихъ покойномъ ходѣ отдыхалъ взглядъ людей, находящихся подъ луной, въ то время, какъ внизу царило смятеніе и безпорядки. Новая наука Коперника и

---

*) Prof. Paul. Natorp, Ein Wort zum Schulantrag, Leipzig 1905. D-r Fr. Naumann, Der Strit der Konfessionen um die Schule, Berlin 1904.

Галилея грубо разрушили міръ этого замкнутаго мірозданія. Двинулась земля и солнце и потерялись вмѣстѣ съ другими звѣздами на безконечныхъ путяхъ, среди безконечнаго пространства. Въ мірѣ не осталось ни одного твердаго пункта. Красивый эллипсисъ движенія планетъ нарушенъ, однообразіе разбито. За небесной наукой послѣдовали и другія, осталась только относительная истина на мѣстѣ абсолютной, остался прогрессъ познаванія на безконечномъ его пути къ недостижимой окончательной цѣли. Наука движется, а догма стоитъ. И въ нравственной области оказалось то же самое. И здѣсь ничего нѣтъ твердаго, кромѣ одного лишь направленія безконечнаго прогресса въ развитіи воли; какъ говоритъ проф. Наторпъ, „поскольку человѣческій духъ еще имѣетъ въ себѣ силу идти все далѣе впередъ; пока онъ еще способенъ къ новымъ твореніямъ въ области познанія и дѣла, онъ не можетъ взять назадъ шагъ, сдѣланный впередъ. И разъ это случилось, то пусть заклинаютъ его всѣ мірскіе и церковные князья, всѣ парламенты и министерства просвѣщенія, что не должно произойти то, что произошло, все останется такимъ, какъ есть, и, какъ все случившееся, оно будетъ дѣйствовать далѣе въ мірѣ“ *).

Параллельное существованіе двухъ истинъ въ духовномъ организмѣ націи на долгое время невыносимо. Прекрасно рисуетъ пасторъ Кальтгофъ это противорѣчіе двухъ отрицающихъ другъ друга истинъ: „въ естественной исторіи—говоритъ онъ—которую преподаютъ съ научной точки зрѣнія, ребенокъ воспитывается въ естественно-научномъ воззрѣніи на жизнь и научается видѣть во всемъ происходящемъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Но вотъ, съ другой стороны, въ преподаваніи религіи встрѣчаетъ онъ міровоззрѣніе, которое цѣликомъ построено на чудесахъ... Онъ слышитъ объ идеяхъ развитія, которыя повсюду рисуютъ жизнь, какъ восхожденіе отъ низшихъ къ высшимъ формамъ образованія, онъ учится познавать самого себя, какъ продуктъ безконечнаго ряда развитія, и пріучается созерцать человѣческую жизнь какъ вѣчно продолжающійся соціологическій процессъ на біологической основѣ. И вотъ преподаваніе религіи ставитъ вверхъ ногами этотъ міръ развитія. Оказывается, что въ началѣ было уже все готово и даже снабжено отмѣткой „очень хорошо“, а все послѣдующее оказалось одной порчей и упадкомъ; сначала былъ рай въ первоначальномъ состояніи человѣчества, а затѣмъ послѣдовали грѣхи міра и вырожденіе церкви“. Такъ происходитъ, говоря словами Пенцига, „безнадежная путаница въ различныхъ отрасляхъ преподаванія и въ головахъ учениковъ“. Пенцигъ даже находитъ, что простое сосуществованіе различныхъ міровоззрѣній само по себѣ могло бы быть не такъ плохо, такъ какъ могло бы дать прекраснѣйшій поводъ для са-

*) См. Natorp в. v. c.

мостоятельной мысли. Однако несчастіе въ томъ, что одно міровоззрѣніе выступаетъ съ претензіей на абсолютную истину, въ то время, какъ на другой сторонѣ усиливается стремленіе къ научному отысканію истины. Если учитель космографіи представитъ канто-лапласовскую гипотезу даже только гипотезой, учитель естественной исторіи не будетъ останавливаться на дарвинизмѣ... а учитель исторіи скроетъ начало человѣческой исторіи въ спасительномъ мракѣ лишенной преданія доисторичности,—то спрашивается: будетъ ли обладать такимъ же тактомъ преподаватель религіи? Представитъ ли онъ исторію сотворенія въ качествѣ миѳа, а семитическое преданіе, какъ во многомъ подкрашенное, ошибочное или легендарное?.. Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Водворять церковное міросозерцаніе въ головѣ ученика безъ того, чтобы въ то же время не защитить его отъ „разъѣдающей критики науки", совмѣщать законъ причинности и чудеса, свободное изслѣдованіе и абсолютную истину, все равно, что „бросить кого-нибудь въ воду съ дружескимъ приглашеніемъ поплавать, а въ то же время заботливо связать ему руки и ноги" *).

Наиболѣе простое рѣшеніе вопроса о воспитаніи мы встрѣчаемъ, правда, у другихъ педагоговъ, которые принадлежатъ къ совершенно новой породѣ воспитателей юношества. Мнѣ недавно пришлось провести съ такимъ педагогомъ нѣкоторое время въ одномъ приморскомъ отелѣ, и я не безъ удовольствія наблюдалъ этого новаго представителя новой нѣмецкой исторіи. Грявый преподаватель древнихъ языковъ менѣе всего походилъ на учителя старыхъ временъ. Румяный, крѣпкій молодецъ, съ военными манерами, похожъ былъ скорѣй на переодѣтаго вахмистра русской охранки. И, дѣйствительно, въ немъ таилась военная жилка: онъ былъ лейтенантомъ запаса, а вмѣстѣ предсѣдателемъ союза старо-служивыхъ солдатъ. Онъ не былъ силенъ насчетъ Горація, но за то ура-патріотизмъ былъ ему знакомъ въ совершенствѣ. Съ ташкентскимъ ухарствомъ разсказывалъ этотъ педагогъ замирающимъ отъ ужаса дамамъ, какъ онъ присутствовалъ въ составѣ 12 понятыхъ при казни преступника, и кровь брызнула ему на платье. Онъ показывалъ, далѣе, палецъ, раненый зубами ученицы, которую онъ желалъ выгнать силой изъ класса; онъ слагалъ прочувственные гимны поркѣ и битью и проповѣдывалъ, что розга есть приправа мальчишеской жизни. Признаться, я настолько былъ ошеломленъ этимъ ташкентцемъ приготовительнаго класса, что сначала было принялъ его за „гороховое пальто", которыхъ много здѣсь рыскаетъ по отелямъ и пансіонамъ, гдѣ бываютъ иностранцы, но скоро выяснилось вполнѣ, что то былъ дѣйствительно педагогъ новаго, дикаго типа, педагогъ зубо-крушительный, вздергивающій Михеля на дыбу цезаризма, имперіализма и

---

*) См. брошюры Kalthoff'a Natorp'a, Penzig'a.

колоніальныхъ звѣрствъ. По правдѣ сказать, я все же не вѣрилъ дѣйствительности и считалъ педагога-зулуса довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Но вотъ передо мной лежитъ книжка другого учителя гимназіи, г. доктора Альберта Груна. Въ этой книжкѣ я нашелъ цѣлую систему ташкентскаго вспарыванія животовъ и истребленія супостатовъ. Задачей Германіи д-ръ Грунъ считаетъ троякое истребленіе: во-первыхъ, истребленіе соціалъ-демократіи, для этого нужно созданіе новыхъ людей нечеловѣческихъ силъ и красоты, которые однимъ взглядомъ своимъ сумѣли бы испепелить враговъ и ниспровергнуть преступную гордыню. Нѣмецкая школа должна дать этихъ новыхъ титановъ! Во-вторыхъ, Германія должна пожрать „при помощи свободы мысли и дѣйствій" прежде всего Данію, потомъ Голландію и, наконецъ, Австрію. И школа опять-таки должна создать это новое поколѣніе людоѣдовъ. Но этимъ дѣло не ограничивается: нѣмецкій императоръ долженъ стать Александромъ Великимъ, въ виду этого Германія должна забрать голландскую Индію, бельгійскую колонію Конго, кусочекъ Индіи и Египта. И для этого опять таки школа должна выкормить новыхъ тигровъ, которые перелетятъ и въ Египетъ, и къ Китай, и въ Индію, всѣхъ покорятъ и подчинятъ „подъ свои нози". Такой педагогъ, конечно, разсуждаетъ очень просто. Онъ прямо провозглашаетъ протестанство единственной религіей, пригодной для вышеописанныхъ цѣлей, и объявляетъ столь же просто и рѣшительно: „если мы хотимъ воспитать нѣмецкій народъ въ религіи и нравственности, то мы должны выразиться точнѣе—въ евангелической вѣрѣ и въ евангелической нравственности". Въ силу же этого „евангелическимъ учителямъ религіи должно быть предоставлено гораздо большее количество свободы въ дѣлѣ преподаванія, чѣмъ теперь". Само собою разумѣется, всѣмъ остальнымъ эта „свобода" должна быть пропорціональна сокращена *)...

Иначе рѣшаютъ вопросъ о преподаваніи религіи въ школѣ тѣ педагоги, которымъ дѣйствительно дорога школа и настоящая религіозность учащихся. „Преподаваніе религіи—говоритъ пасторъ Кальтгофъ — въ томъ видѣ, какъ оно происходитъ въ школьномъ, методическомъ порядкѣ, согласно учебнымъ планамъ, въ своей основѣ имѣетъ для сердца мало общаго съ религіей. Оно служитъ церковной системѣ и политическимъ цѣлямъ, но для религіи оно является громадной могилой, которую должно сначала разрушить, прежде чѣмъ праздновать день религіознаго воскресенія.—Мы говоримъ здѣсь о душѣ ребенка, которая ищетъ Бога въ своей великой любви, и такъ какъ она ищетъ его повсюду, она и находитъ его вездѣ. Еще въ колыбели ребенка пронизываетъ его сердце солнечный лучъ, и этотъ привѣтъ посланнаго

*) D-r Albert Gruhn, Staat und Schulee, Iena 1905.

мостоятельной мысли. Однако несчастіе въ томъ, что одно міровоззрѣніе выступаетъ съ претензіей на абсолютную истину, въ то время, какъ на другой сторонѣ усиливается стремленіе къ научному отысканію истины. Если учитель космографіи представитъ канто-лапласовскую гипотезу даже только гипотезой, учитель естественной исторіи не будетъ останавливаться на дарвинизмѣ... а учитель исторіи скроетъ начало человѣческой исторіи въ спасительномъ мракѣ лишенной преданія доисторичности,—то спрашивается: будетъ ли обладать такимъ же тактомъ преподаватель религіи? Представитъ ли онъ исторію сотворенія въ качествѣ миѳа, а семитическое преданіе, какъ во многомъ подкрашенное, ошибочное или легендарное?.. Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Водворять церковное міросозерцаніе въ головѣ ученика безъ того, чтобы въ то же время не защитить его отъ „разъѣдающей критики науки", совмѣщать законъ причинности и чудеса, свободное изслѣдованіе и абсолютную истину, все равно, что „бросить кого-нибудь въ воду съ дружескимъ приглашеніемъ поплавать, а въ то же время заботливо связать ему руки и ноги" *).

Наиболѣе простое рѣшеніе вопроса о воспитаніи мы встрѣчаемъ, правда, у другихъ педагоговъ, которые принадлежатъ къ совершенно новой породѣ воспитателей юношества. Мнѣ недавно пришлось провести съ такимъ педагогомъ нѣкоторое время въ одномъ приморскомъ отелѣ, и я не безъ удовольствія наблюдалъ этого новаго представителя новой нѣмецкой исторіи. Грявый преподаватель древнихъ языковъ менѣе всего походилъ на учителя старыхъ временъ. Румяный, крѣпкій молодецъ, съ военными манерами, похожъ былъ скорѣй на переодѣтаго вахмистра русской охранки. И, дѣйствительно, въ немъ таилась военная жилка: онъ былъ лейтенантомъ запаса, а вмѣстѣ предсѣдателемъ союза старо-служивыхъ солдатъ. Онъ не былъ силенъ насчетъ Горація, но за то ура-патріотизмъ былъ ему знакомъ въ совершенствѣ. Съ ташкентскимъ ухарствомъ разсказывалъ этотъ педагогъ замирающимъ отъ ужаса дамамъ, какъ онъ присутствовалъ въ составѣ 12 понятыхъ при казни преступника, и кровь брызнула ему на платье. Онъ показывалъ, далѣе, палецъ, раненый зубами ученицы, которую онъ желалъ выгнать силой изъ класса; онъ слагалъ прочувственные гимны поркѣ и битью и проповѣдывалъ, что розга есть приправа мальчишеской жизни. Признаться, я настолько былъ ошеломленъ этимъ ташкентцемъ приготовительнаго класса, что сначала было принялъ его за „гороховое пальто", которыхъ много здѣсь рыскаетъ по отелямъ и пансіонамъ, гдѣ бываютъ иностранцы, но скоро выяснилось вполнѣ, что то былъ дѣйствительно педагогъ новаго, дикаго типа, педагогъ зубо-крушительный, вздергивающій Михеля на дыбу цезаризма, имперіализма и

*) См. брошюры Kalthoff'a, Natorp'a, Penzig'a.

колоніальныхъ звѣрствъ. По правдѣ сказать, я все же не вѣрилъ дѣйствительности и считалъ педагога-зулуса довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Но вотъ передо мной лежитъ книжка другого учителя гимназіи, г. доктора Альберта Груна. Въ этой книжкѣ я нашелъ цѣлую систему ташкентскаго вспарыванія животовъ и истребленія супостатовъ. Задачей Германіи д-ръ Грунъ считаетъ трояκое истребленіе: во-первыхъ, истребленіе соціалъ-демократіи, для этого нужно созданіе новыхъ людей нечеловѣческихъ силъ и красоты, которые однимъ взглядомъ своимъ сумѣли бы испепелить враговъ и ниспровергнуть преступную гордыню. Нѣмецкая школа должна дать этихъ новыхъ титановъ! Во-вторыхъ, Германія должна пожрать „при помощи свободы мысли и дѣйствій" прежде всего Данію, потомъ Голландію и, наконецъ, Австрію. И школа опять-таки должна создать это новое поколѣніе людоѣдовъ. Но этимъ дѣло не ограничивается: нѣмецкій императоръ долженъ стать Александромъ Великимъ, въ виду этого Германія должна забрать голландскую Индію, бельгійскую колонію Конго, кусочекъ Индіи и Египта. И для этого опять таки школа должна выкормить новыхъ тигровъ, которые перелетятъ и въ Египетъ, и къ Китай, и въ Индію, всѣхъ покорятъ и подчинятъ „подъ свои нози". Такой педагогъ, конечно, разсуждаетъ очень просто. Онъ прямо провозглашаетъ протестанство единственной религіей, пригодной для вышеописанныхъ цѣлей, и объявляетъ столь же просто и рѣшительно: „если мы хотимъ воспитать нѣмецкій народъ въ религіи и нравственности, то мы должны выразиться точнѣе—въ евангелической вѣрѣ и въ евангелической нравственности". Въ силу же этого „евангелическимъ учителямъ религіи должно быть предоставлено гораздо большее количество свободы въ дѣлѣ преподаванія, чѣмъ теперь". Само собою разумѣется, всѣмъ остальнымъ эта „свобода" должна быть пропорціонально сокращена *)...

Иначе рѣшаютъ вопросъ о преподаваніи религіи въ школѣ тѣ педагоги, которымъ дѣйствительно дорога школа и настоящая религіозность учащихся. „Преподаваніе религіи—говоритъ пасторъ Кальтгофъ — въ томъ видѣ, какъ оно происходитъ въ школьномъ, методическомъ порядкѣ, согласно учебнымъ планамъ, въ своей основѣ имѣетъ для сердца мало общаго съ религіей. Оно служитъ церковной системѣ и политическимъ цѣлямъ, но для религіи оно является громадной могилой, которую должно сначала разрушить, прежде чѣмъ праздновать день религіознаго воскресенія.—Мы говоримъ здѣсь о душѣ ребенка, которая ищетъ Бога въ своей великой любви, и такъ какъ она ищетъ его повсюду, она и находитъ его вездѣ. Еще въ колыбели ребенка пронизываетъ его сердце солнечный лучъ, и этотъ привѣтъ посланнаго

*) D-r Albert Gruhn, Staat und Schulee, Iena 1905.

Богомъ свѣта крѣпко хранитъ дитя". Изъ своего сердца создаетъ ребенокъ свой дѣтскій рай и превращаетъ дѣйствительный міръ въ прекрасную, полную смысла, сказку; въ ней создается то ощущеніе Бога, „какое было и у народовъ, когда они называли вѣтры Божьими послами, а огненные языки слугами Бога". И съ познаніемъ своихъ отца и матери, своихъ друзей и ближнихъ ребенокъ невольно „чувствуетъ могучее и естественное стремленіе въ самомъ себѣ, желаетъ отдаться изъ благодарности и любви чему-то высшему и чистѣйшему, что согласно Гете и называется благочестіемъ". „Такъ Богъ пробуждается къ жизни въ сердцѣ ребенка"... Но вотъ ребенокъ долженъ „учиться тому, что скажутъ ему объ этомъ Богѣ взрослые люди, и этотъ Богъ уже выглядитъ сразу совершенно иначе, чѣмъ тотъ, котораго онъ до этихъ поръ зналъ и видѣлъ; это ужъ болѣе не вѣрный покровитель его дѣтскихъ игръ, не радость и стремленіе его жизни или источникъ его творческаго, любящаго сердца, а какой-то строгій господинъ, который повсюду стоитъ сзади него съ розгой, и грозитъ и наказуетъ. Онъ не распредѣляетъ больше свои дары съ великодушной щедростью... но всегда сначала требуетъ чего-то отъ людей, когда думаетъ имъ что-либо дать... требуетъ возможно больше и нѣчто совсѣмъ опредѣленное, тогда какъ самъ обѣщаетъ нѣчто совсѣмъ неопредѣленное и откладываетъ исполненіе обѣщаній на очень растяжимое будущее"... „Такъ Богъ въ воображеніи ребенка становится „великимъ страхомъ его жизни", и дитя думаетъ только о томъ, какъ-бы по возможности дальше убѣжать отъ этого страха, спрятаться отъ него или даже его перехитрить." И эти впечатлѣнія дополняетъ самое обученіе религіи, состоящее только въ зазубриваніи библейскихъ исторій, говорящихъ ребенку чуждымъ ему языкомъ; а затѣмъ слѣдуютъ заповѣди и ихъ объясненія, символъ вѣры и опять объясненія, молитвы и опять объясненія, и все это зазубривается точка въ точку, буква въ букву; сюда присоединяются еще тексты и псалмы безъ конца, въ которыхъ опять объясняется то, что объяснено раньше, и чуждыя, невразумительныя понятія и слова въ родѣ „наслѣдственный грѣхъ", „жертва очищенія", „искупленіе" и „освященіе"—все это наполняетъ голову ребенка днями и годами и выражается, въ концѣ концовъ, школьными отмѣтками, замѣняющими собой истинную и естественную религію ребенка и снабжающими его казенной гарантіей благочестія и религіозности" *).

Словами глубоко вѣрующаго пастора очень рельефно выражается то настроеніе горечи и недовольства, та ревность объ истинной настоящей вѣрѣ, которая начинаетъ требовать устраненія религіи изъ школы вообще. Въ рядахъ противниковъ школьной

---

*) Kalthoff, в. н. сочиненіе, также Rein, Penzig, Naumann, Natorp.

замѣны религіи мертвой учебой мы встрѣчаемъ поэтому не только выдающихся педагоговъ или богослововъ въ родѣ фонъ-Сальвирка, Кюгельгена, Шмидта, проф. Баумгартена и другихъ, но и цѣлыя соединенія учителей, которые видятъ единственное спасеніе истинной религіозности въ удаленіи религіи изъ школы. Какъ говоритъ докторъ теологіи и бывшій пасторъ Науманъ въ своей брошюрѣ: „именно съ точки зрѣнія религіи должны мы кричать: оставьте насъ въ покоѣ съ вашей оффиціальной государственной вѣрой, мы желаемъ вѣры, но не казенныхъ религій... каждое государственное производство религіи имѣетъ въ себѣ нѣчто солдатское—мундиръ для душъ. Теперь дѣлаютъ намъ два мундира: одинъ по римскому, другой по виттенбергскому образцу. Одинъ изъ этихъ мундировъ должна носить каждая душа. Всѣ безконечныя различія религіозныхъ воззрѣній презираются и только признается нормальное. И это должно быть спасительно для религіи и при томъ религіи Христа!.. ...Организація силы, которая съ оружіемъ въ рукахъ должна защищать свое существованіе, должна нести и Евангеліе нашимъ дѣтямъ; спрашивается, однако, какое Евангеліе: евангеліе броненоснаго кулака или распятаго на крестѣ Бого-Человѣка"?—Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: „Если современное государство, въ качествѣ культурнаго государства, думаетъ поддержать въ народѣ религію, эту самую утонченную, самую человѣческую часть души, то оно не можетъ предпринять ничего болѣе настоятельнаго, какъ устранить религію изъ своихъ школьныхъ программъ и отказаться отъ желанія преподавать ее" *).

Реусъ.

Новыя книги.

М. Арцыбашевъ. Разсказы. Т. I. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905.

Имя г. Арцыбашева знакомо нашимъ читателямъ: одинъ изъ наиболѣе значительныхъ его разсказовъ былъ напечатанъ нѣсколько лѣтъ назадъ на страницахъ „Русскаго Богатства". Но этотъ разсказъ менѣе другихъ характеренъ для дарованія молодого писателя; онъ какъ то мало вяжется съ его писательской физіономіей, и только когда прочтешь всю книжку и перечитаешь „Купріана", то тогда, пожалуй, и онъ внесетъ свои черточки въ характеристику автора. Быть можетъ, читатели помнятъ

---

*) Naumann, Kalthoff.

трагическую исторію Купріана, смѣлаго деревенскаго конокрада, его отчаянныя похожденія, его связь съ „солдаткой“ Матреной, страшное возвращеніе ея мужа, страданія бездомнаго Купріана и его безсмысленную гибель отъ жестокой руки односельчанъ. Патріотическій публицистъ, удостоившій тогда журналъ критическимъ полу-доносомъ, отмѣтилъ, что въ „Русскомъ Богатствѣ“ печатаютъ разсказы, въ которыхъ привлекательнымъ оказывается только конокрадъ. Эта иронія жизни была хорошо выражена въ разсказѣ г. Арцыбашева, но выступала безъ навязчивости. Разсказъ казался яркой и любопытной жанровой картинкой, выхваченной авторомъ изъ жизни.

Послѣ знакомства со всѣмъ сборникомъ г. Арцыбашева это первоначальное впечатлѣніе представляется ошибочнымъ; оно во всякомъ случаѣ нуждается въ поправкахъ. Г. Арцыбашеву нѣтъ дѣла до жанровой стороны жизни; онъ не наблюдаетъ ея внѣшнихъ подробностей. Когда онѣ ему нужны, онъ беретъ ихъ изъ вторыхъ рукъ, или онъ сочиняетъ ихъ, хотя ему самому, быть можетъ, кажется, что онъ ихъ подмѣтилъ самъ въ дѣйствительности. Но на самомъ дѣлѣ онъ не видитъ реальныхъ деталей; его занимаетъ другое: онъ ставитъ себѣ задачи и рѣшаетъ ихъ; жанровая правда играетъ при этомъ подчиненную роль.

„Ужасъ“ называется послѣдній разсказъ г. Арцыбашева, и это названіе могли бы носить чуть не всѣ его разсказы. Дѣло не столько въ ихъ темахъ, сколько въ той атмосферѣ, въ которой они проходятъ; но и въ сухомъ остовѣ разсказовъ г. Арцыбашева есть всегда нѣчто ужасное, не только тяжелое, мрачное, но именно ужасное. Гимназистъ Паша Тумановъ, исключенный изъ гимназіи, пошелъ въ оружейный магазинъ, купилъ револьверъ и застрѣлилъ директора. Подпрапорщикъ Гололобовъ, дойдя до мысли, что „положеніе каждаго человѣка есть положеніе приговореннаго къ смертной казни“, предпочелъ „не дожидаться“ и покончилъ съ собой. Добрые и интеллигентные гости помѣщиковъ Виноградовыхъ просто живутъ въ мірѣ нескончаемыхъ убійствъ, совершаемыхъ ими и ради нихъ; правда, рѣчь въ разсказѣ „Кровь“ идетъ объ избіеніи животныхъ, но авторъ изображаетъ его такъ подробно именно съ тѣмъ, чтобы внушить подлинный ужасъ. Студентъ Рославлевъ хотѣлъ „спасти“ проститутку Козодоеву отъ ужасовъ ея жизни, но бѣдная дѣвушка влюбилась въ своего спасителя, и онъ—послѣ разговора съ отцомъ, авторомъ либеральныхъ и симпатичныхъ разсказовъ,—предпочелъ скрыться отъ бѣдной Саши, которой, конечно, остается окончательно погибнуть въ безднѣ распутства. А въ разсказѣ „Ужасъ“ пьяные докторъ, слѣдователь и становой изнасиловали учительницу и убили ее, чтобы скрыть слѣды преступленія, а когда народъ, чуя страшную неправду, сталъ волноваться и бушевать, его укротили залпами. „Къ вечеру разошлись тучи и выглянуло

солнце. На улицахъ было пусто, и только куры тихо бродили по дорогѣ, да возлѣ церкви, трусливо поджимая хвосты, бѣгали и нюхали землю собаки. Было тихо и страшно, и, казалось, надъ землей, между замершей и затаившейся жизнью и глубокимъ, свободнымъ, голубымъ небомъ, стояла какая-то невидимая, мертвая, давящая сила... Въ сараѣ, при волости, на помостѣ лежали рядами неподвижные мертвые люди и смотрѣли вверхъ остановившимися навсегда бѣлыми глазами, въ которыхъ тускло блестѣлъ вопрошающій и безысходный ужасъ".

Мы выписали всю главу, которой заканчивается „Ужасъ" и весь сборникъ г. Арцыбашева. Въ ней его общая идея. Люди представляются ему безконечно и безобразно жестокими, жестокими не индивидуально, а коллективно. „Ужасъ" жизни не въ томъ, что творятся ужасныя вещи, а въ томъ, что ихъ дѣлаютъ не дурные люди. Директоръ, который выгналъ Пашу Туманова, хорошій человѣкъ и Паша Тумановъ хорошій мальчикъ, который, убивъ, сейчасъ „понялъ, какое дурное, злое и несправедливое дѣло онъ сдѣлалъ и какъ онъ несчастенъ". И мужики, убивъ Купріана, стоятъ „смущенные и испуганные". Всѣ такъ: совершаютъ преступленія и каются, а если не каются, то потому, что невинны, наивны въ своихъ злодѣяніяхъ: убиваютъ барашка для завтрака, волка для ковра, дятла для чучела, дѣвушку для полового удовлетворенія.

Мы не станемъ защищать жизнь отъ г. Арцыбашева, хотя въ его изображеніи есть преувеличенія, иногда ненужныя. Въ жизни столько безсмысленно жестокаго, что никакія преувеличенія не превзойдутъ ея ужаса. Но намъ кажется, что эта основная идея слишкомъ сильно захватила молодого писателя: она мѣшаетъ ему искать иной жизни, мѣшаетъ наблюдать, мѣшаетъ идти впередъ. Преувеличеніе—законный художественный пріемъ, но оно безсильно тамъ, гдѣ преувеличиваетъ ужасы, въ этомъ не нуждающіеся. „Ужасъ" г. Арцыбашева многимъ напомнилъ дѣло Золотовой; говорили, что разсказъ подсказанъ этой страшной страницей нашей общественной жизни. Примемъ эту гипотезу и сличимъ разсказъ съ дѣйствительностью. Г. Арцыбашевъ сдѣлалъ многое, чтобы усугубить ея ужасъ. Онъ взялъ дѣвушку, просто окруженную ореоломъ нѣжной, наивной чистоты, онъ умѣло противопоставилъ мирную красоту ея тихой жизни страшному преступленію, совершенному надъ нею. Въ то время, какъ слѣдователя Пуссепса никто не обвинялъ въ изнасилованіи и убійствѣ, онъ заставилъ совершить все это слѣдователя съ докторомъ—и закончился разсказъ страшной сценой кровавой расправы съ протестующимъ народомъ. Но чего онъ достигъ этимъ? Нервы читателя треплются, онъ вспоминаетъ золотовскую легенду, содрогается при мысли о ней,—но новаго ничего не узнаетъ. Не узнаетъ, ибо ничего изъ тайнъ жизни не вырвалъ у нея авторъ:

онъ смотритъ на нее сквозь свои „тезисы"; это опасный пріемъ— желаемъ молодому писателю справиться съ нимъ.

В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Семья и школа. Т. II. Безвременье. Изд. Сытина. Москва, 1905.

Популярная нѣмецкая эпиграмма говоритъ, что книги, которыя не стоитъ перечитывать, не стоитъ читать и въ первый разъ. Произведенія г. Дорошевича — живое опроверженіе мысли нѣмецкаго поэта: ихъ стоило читать и не стоитъ перечитывать. Der Mohr hat seine Schuldigkeit getgan, der Mohr kann gehen. Талантъ г. Дорошевича — талантъ газетный, но газетная журналистика имѣетъ свой стиль и съ нимъ связанную свою судьбу. Она разсчитана на сегодняшній день—и должна умереть вмѣстѣ съ нимъ. Консервированная, она становится безвкусной, какъ всякіе консервы. Какъ въ кинематографѣ, быстро смѣняющійся рядъ снимковъ даетъ впечатлѣніе живого движенія, а каждый снимокъ въ отдѣльности неестественно безжизненъ, такъ статьи настоящаго газетнаго писателя отражаютъ и будятъ жизнь на своемъ мѣстѣ и въ свое время, но теряютъ свой ароматъ въ коллекціи.

Если бы понадобилось провѣрить эти, едва ли оригинальныя, но несомнѣнныя положенія на опытѣ, то трудно себѣ представить опытъ болѣе убѣдительный, чѣмъ собраніе сочиненій г. Дорошевича. Читатель приступаетъ къ ихъ чтенію съ предвкушеніемъ нѣкотораго удовольствія. Онъ помнитъ, какъ его забавляли, увлекали, трогали фельетоны газетнаго любимца; онъ помнитъ, какъ въ эпоху того самаго общественнаго безвременья, которому посвященъ весь второй томъ „Собранія сочиненій", онъ, раскрывъ газетный листъ, прежде всего искалъ въ немъ не свѣдѣній, не событій, а „Дорошевича"; онъ вспоминаетъ великолѣпныя крылатыя слова и остроты талантливаго фельетониста—и готовится обновить ихъ въ памяти.

Но ожиданія его обмануты. Бойкія страницы проходятъ одна за другой, короткія строчки напрасно мелькаютъ предъ читателемъ: поэмы увяли, намеки непонятны; даже остроты не смѣшны.

Все это совершенно естественно. Нефтяная вакханалія, франко-русскія объятія, декреты екатеринославскаго г. Родзянки, тупости бессарабскаго г. Пуришкевича, метеорологическіе кололацы г. Демчинскаго—кого это теперь способно заинтересовать? А разъ поблекла тема, никакія остроты не оживятъ ея. Конечно, не все такъ увяло въ книгахъ г. Дорошевича. Нелѣпости уродливой школьной системы продолжаются, на Волгѣ по прежнему крадутъ, въ участкѣ по прежнему дерутся, по прежнему напиваются до умопомраченія купцы на нижегородской ярмаркѣ

и московскіе интеллигенты въ Татьянинъ день: „безвременье“ болѣе устойчиво, чѣмъ это могло казаться. Но жизнь идетъ, она унесла насъ отъ тѣхъ конкретныхъ проявленій русскаго неустройства, которыя въ свое время владѣли вниманіемъ публики и ея писателя: и интересъ къ старымъ произведеніямъ не можетъ воскреснуть. Менѣе, чѣмъ кто-либо, станемъ мы обвинять г. Дорошевича въ этомъ чрезвычайномъ вниманіи къ интересу дня. Наоборотъ: онъ умѣетъ иногда сообщить общій характеръ факту, съ виду исключительному, онъ выдвигаетъ серьезныя стороны незамѣтнаго явленія. Но типичными эти незначительныя мелочи дѣлала общественная обстановка: вмѣстѣ съ нею ушло вниманіе читателя.

И не только общія условія газетной литературы — также индивидуальныя особенности дарованія г. Дорошевича легко объясняютъ эту разницу между его статьей въ газетѣ и тою же статьей въ книгѣ. Любимый и сильный пріемъ г. Дорошевича— шаржъ, преувеличеніе. Этотъ пріемъ хорошъ тогда, когда читатель склоненъ его принять, когда въ самомъ воздухѣ носится тенденція къ преувеличенному воспріятію явленія. Происходитъ, скажемъ, „манташіада“—развалъ нефтяной спекуляціи; газеты полны именемъ вчера неизвѣстнаго г. Манташева; о немъ говорятъ, имъ интересуются, въ ничѣмъ не занятой мысли обывателя онъ выростаетъ въ нѣчто, вниманія достойное. Въ этихъ условіяхъ понятна и смѣшна каррикатура г. Дорошевича: „Меня какъ-то въ банкѣ заставили слишкомъ долго дожидаться денегъ по переводу. Тогда я пошелъ на героическое средство:—Я знакомый одного знакомаго г. Манташева!—Мнѣ выдали, кажется, на шесть рублей больше, чѣмъ слѣдовало... А дверь, кажется, мнѣ отворялъ вмѣсто швейцара самъ директоръ и взялъ двугривенный на чай, чтобы сдѣлать изъ этого двугривеннаго женѣ брошку на память“. Теперь эта каррикатура вызываетъ—только удивленіе. Такихъ эпизодовъ много—и они не случайны: они срослись съ манерой г. Дорошевича. Шаржъ и вкусъ не всегда примиримы: надо это знать и покориться. Талантливому фельетонисту остается помнить, что его искусство — какъ искусство актера — сильно въ минуту творчества и умираетъ вмѣстѣ съ нею. Закрѣпить его въ книгѣ, значитъ посадить бабочку на булавку.

Сборникъ молодыхъ писателей. Петербургъ. 1905.

На долю рецензентовъ „Сборника молодыхъ писателей“ выпадаетъ возможность, которая случается рѣже, чѣмъ это было бы желательно,—возможность отмѣтить несомнѣнные признаки дарованія у одного изъ литературныхъ дебютантовъ, участвующихъ въ „Сборникѣ“,—г. Ануфріева... Мы говоримъ о серіи небольшихъ вещицъ, объединенныхъ въ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ:

„Изъ женской лирики", и въ частности,—объ одной изъ этихъ элегій: „Сейчасъ чужіе". Тема въ этой миніатюрѣ изъ той, конечно, области, гдѣ героями являются „онъ" и „она". Но эта тема разработана психологически интересно и по формѣ красиво... То, что было, было давно: остались одни воспоминанія о томъ, что прожито и что не вернется вновь. Всѣ мелочи, что неустанно губили отношенія, превращая близкихъ людей въ „сейчасъ чужихъ", растаяли въ памяти участниковъ минувшаго—или, вѣрнѣе, участницы—и осталось, въ минуту раздумья, только одно недоумѣлое чувство: какъ *могло* все это произойти? какъ могло исчезнуть то, что давало такое яркое чувство счастья? „...И не поймешь никакъ, почему же нѣтъ его, почему оно уже только въ прошломъ? Какъ могло большое, могучее оказаться такимъ хрупкимъ, непрочнымъ?.. Не поймешь ни за что, какъ могло случиться, что послѣ той душевной близости мы сумѣли стать такими чужими, далекими, равнодушными?.."—Какъ видитъ читатель, „Сейчасъ чужіе" не можетъ подкупить вниманіе читателя ни занимательностью внѣшней фабулы, ни исключительностью затронутаго вопроса. Разсказу г. Ануфріева можетъ придать литературный интересъ и художественную значительность только умѣнье разсказать—вѣрнѣе, умѣнье передать опредѣленное настроеніе читателю. И если такой интересъ къ разсказываемому литературный дебютантъ пробудить сумѣлъ; если, какъ это имѣетъ мѣсто относительно читателя „Сейчасъ чужихъ", онъ чувствуетъ на себѣ вліяніе искренняго элегическаго тона въ разсказѣ, — мы въ правѣ привѣтствовать г. Ануфріева... Хотя и съ существенными оговорками. Прежде всего, онъ неудовлетворительно распоряжается объективными подробностями въ разсказѣ, которыми онъ хочетъ создать у читателя чувство времени и пространства для разсказываемыхъ событій... При этомъ онъ слишкомъ часто выбираетъ такія детали, которыя психологически невозможно было подмѣтить или сознавать—ни тому, кто переживалъ когда-то разсказываемое, ни тому, кто теперь только вспоминаетъ объ этомъ. Естественно, что это не помогаетъ, а мѣшаетъ читателю подчиниться общему совершенно-вѣрно взятому тону разсказа... Взять хотя бы начало „Элегіи" г. Ануфріева: „Въ тѣ задумчивые, сѣрые дни, уже близкіе къ осени, когда у меня на душѣ бываетъ особенно грустно и какъ-то безотчетно тревожно, когда всякая бѣда кажется страшнѣй, чѣмъ она есть на дѣлѣ,—я, *небрежно одѣвшись*, ухожу торопливо на то кладбище, которое едва виднѣется изъ верхнихъ оконъ моего деревяннаго домика..." Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто переживалъ эту „элегію", уходилъ, дѣйствительно, „небрежно одѣвшись", но онъ, конечно, не замѣчалъ этой небрежности и, конечно, не вспомнилъ бы о ней... И это *общій* недостатокъ въ литературной техникѣ г. Ануфріева, который отражается и на „Сейчасъ чужихъ", въ которыхъ нужно

мышленно выбросить *цѣлый рядъ* дисгармоническихъ подробностей (въ родѣ воспоминаній, что въ одинъ изъ памятныхъ для разсказчицы дней была гроза, и при вспыхиваніи молній „на мгновеніе“ становились блѣдно голубымъ: профиль лица любимаго человѣка и *оборки* ея бѣлаго платья!), чтобы получить художественное удовлетвореніе и отъ остальныхъ лирическихъ вещицъ, и безъ того страдающихъ отъ нѣкоторой искусственности и надуманности въ поводѣ для элегическаго настроенія. Но особенно это отражается на повѣствовательномъ разсказѣ г. Ануфріева („Роза“), которому онъ, повидимому, придавалъ наибольшую цѣнность (его онъ поставилъ первымъ), и о которомъ, на нашъ взглядъ, приходится сказать, что для литературной репутаціи автора было бы выгоднѣе, если бы его совсѣмъ не было.

Послѣ миніатюръ г. Ануфіева слѣдуетъ отмѣтить разсказы г. Билинскаго. Г. Билинскій въ своихъ двухъ разсказахъ: „Рага“ и „Женщина“ является остроумнымъ и умнымъ разсказчикомъ, но главнаго—умѣнья говорить непосредственному чувству читателя—у него въ этихъ вещахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Объ остальныхъ девяти авторахъ, участвующихъ въ „Сборникѣ“, приходится сказать, что жюри, которое—если судить по предисловію къ сборнику—опредѣляло достойное для напечатанія въ сборникѣ, было чрезмѣрно снисходительнымъ, и потому двѣ трети сборника (больше 200 страницъ) или юмористическій анекдотъ, въ простотѣ души разсказанный, какъ дѣйствительное событіе („Вепринскіе турки“), или жалостное сочиненіе на заданную тему („Безъ матери“), или что то неудобочитаемое, какъ у г-жи Нелли, съ сюжетомъ о проституткѣ въ психологическомъ жанрѣ г. Андреева, обработанномъ въ литературномъ жанрѣ г. Дорошевича, рублеными фразами изъ 2—3 словъ: „Больна, заразилась“ (начало разсказа). И проч., и проч.

Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. Спб. 1905.

Современная русская сатира и карикатура влачатъ, поистинѣ, жалкое существованіе, пробавляясь въ большинствѣ изобличеніемъ разныхъ мелкихъ несовершенствъ жизни, насмѣшками надъ тещами, купцами-самодурами и — верхъ смѣлости — надъ городовыми. Множество всякихъ „Стрекозъ“ и „Будильниковъ“ не перестаютъ издаваться въ Москвѣ и Петербургѣ, но значеніе ихъ ничтожно, и публика относится къ нимъ съ глубокимъ равнодушіемъ. И какой, однако, поднимается шумъ, съ какимъ усердіемъ читатели начинаютъ передавать изъ рукъ въ руки какой-нибудь листокъ „Зрителя“, гдѣ — счастливой игрой случая—мелькнетъ что-либо дѣйствительно смѣлое, оригинальное, похожее на настоящую политическую каррикатуру... Потребность, очевидно, жива, спросъ великъ, но предложеніе—

связано по рукамъ и ногамъ... Общественная жизнь въ Россіи бьетъ за послѣдніе годы еле сдерживаемымъ ключемъ; сатира и каррикатура могли бы сыграть въ такой моментъ крупную роль, явиться могучимъ орудіемъ борьбы въ рукахъ партій, но для этого онѣ должны бы пользоваться широкой свободой въ выборѣ темъ и красокъ. Къ сожалѣнію, печальныя условія русской печати не даютъ и тѣни подобной свободы, и со смертью Щедрина, исключительный талантъ котораго умѣлъ съ ними бороться, наша политическая сатира, можно сказать, прекратила существованіе.

Многіе, вѣроятно, помнятъ о томъ пріятномъ удивленіи, какое вызвалъ остроумный фельетонъ въ стихахъ г. Оптимиста („Въ ожиданіи"), появившійся въ прошломъ году, въ концѣ знаменитой эпохи „довѣрія" или осенней „весны", на столбцахъ новой газеты, еще не успѣвшей попасть подъ ярмо предварительной цензуры. Читателя поразила нота смѣлыхъ намековъ,— эти звучныя и богатыя рифмы, едва ли не впервые примѣненныя къ вопросу, всего сильнѣе волнующему и занимающему общество. Журналисты, „нѣкоторые уже изрядно ощипанные цензурой, другіе въ періодѣ оперенія",—ждутъ съ поѣздомъ-прогрессомъ прибытія „прекрасной иностранки", „чье имя пятисложно" (она же—„жена Константина"). Оптимисты среди нихъ напѣваютъ forte:

Она пріѣдетъ! Она разсудитъ!
Она заснувшихъ отъ сна пробудитъ!

А пессимисты—piano:

Улита ѣдетъ... Когда-то будетъ!

Вдругъ появляется Кащей, „лицо символическое":

Сколь надежды ихъ несносны,
Сколь идеи вредоносны!
Мы и такъ побѣдоносны...

Поѣздъ-прогрессъ, въ концѣ концовъ, запоздалъ, и публика изъ вывѣшеннаго аншлага узнаетъ, что произошла обычная исторія:

Задержка на пути... Весеннихъ сновъ крушенье!

„Весна" окончилась, „начинается слякоть"...

Эта наиболѣе удавшаяся г. Оптимисту вещь дала названіе и всей книгѣ его фельетоновъ, но нужно, къ сожалѣнію, сознаться, что при всемъ остроуміи автора и умѣньи владѣть стихомъ и рифмой, лишь немногіе изъ нихъ достигаютъ той же высоты обобщенія и яркости. Отмѣтимъ, напр., фельетонъ „Въ ресторанѣ", гдѣ обѣдаютъ четырнадцать молчальниковъ.

. . . . . . Чтобъ избѣжать бѣды,
Благоразумные набрали въ ротъ воды,

и одинъ изъ нихъ, наконецъ, захлебнулся... благоразуміемъ. Хороша также „Исторія одного исчезновенія", имѣющая, очевидно, въ виду совершенно непредвидѣнное (кажется, даже и самимъ министромъ!) упраздненіе министерства земледѣлія. Городовой утѣшаетъ:

Напрасно, господинъ, приходите въ разстройство:
Нѣтъ *земледѣлія*, но есть *землеустройство!*

Большинство собранныхъ въ книгѣ фельетоновъ касается мелкихъ злободневныхъ темъ, изображаетъ фигуры и типы, не имѣющіе серьезнаго общественнаго значенія. Осмѣиваются декаденты, театралы, крымскія гостиницы, дамы, изъ-за нарядовъ забывающія дѣтей,—и все это порой очень остроумно. Хорошъ г. Меньшиковъ, недуренъ и г. Перцовъ, „одѣтый редакторомъ" и распѣвающій:

Иду по пути я новому
Лиловому...

Но чаще всего и злѣе всего достается почему-то г. Мережковскому.

Чорта я осѣдлалъ,
Чорта быстраго,
Занесусь—допишусь
Я до чортиковъ...

Въ газетахъ всѣ эти шаржи и шутки читались съ несомнѣннымъ удовольствіемъ, но собранные въ цѣлой книгѣ, — надо сказать правду,—они прискучиваютъ. Невольно думается, что въ пыли газетъ имъ и слѣдовало остаться погребенными, къ вящшей извѣстности талантливаго фельетониста...

Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа. Москва. 1905.

Для чего тоска и слезы,
Смерть и мракъ?
Пусть царятъ любовь и грезы.
Лучше такъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Халатовъ совершенно правъ: любовь и грезы гораздо „лучше", чѣмъ смерть, тоска и прочія непріятности. Тѣмъ не менѣе рецензенты почему-то лишены возможности дать критическій отзывъ объ оригинальномъ сборникѣ г. Халатова. Авторъ категорически запрещаетъ это:

Мои пѣсни для меня,
Я чужихъ похвалъ не жду,
Имъ одинъ лишь я судья,—
Я сужу!

Въ виду изложеннаго мы должны, конечно, ограничиться пе-

связано по рукамъ и ногамъ... Общественная жизнь въ Россіи бьетъ за послѣдніе годы еле сдерживаемымъ ключемъ; сатира и каррикатура могли бы сыграть въ такой моментъ крупную роль, явиться могучимъ орудіемъ борьбы въ рукахъ партій, но для этого онѣ должны бы пользоваться широкой свободой въ выборѣ темъ и красокъ. Къ сожалѣнію, печальныя условія русской печати не даютъ и тѣни подобной свободы, и со смертью Щедрина, исключительный талантъ котораго умѣлъ съ ними бороться, наша политическая сатира, можно сказать, прекратила существованіе.

Многіе, вѣроятно, помнятъ о томъ пріятномъ удивленіи, какое вызвалъ остроумный фельетонъ въ стихахъ г. Оптимиста („Въ ожиданіи"), появившійся въ прошломъ году, въ концѣ знаменитой эпохи „довѣрія" или осенней „весны", на столбцахъ новой газеты, еще не успѣвшей попасть подъ ярмо предварительной цензуры. Читателя поразила нота смѣлыхъ намековъ,—эти звучныя и богатыя рифмы, едва ли не впервые примѣненныя къ вопросу, всего сильнѣе волнующему и занимающему общество. Журналисты, „нѣкоторые уже изрядно ощипанные цензурой, другіе въ періодѣ опѳренія",—ждутъ съ поѣздомъ-прогрессомъ прибытія „прекрасной иностранки", „чье имя пятисложно" (она же—„жена Константина"). Оптимисты среди нихъ напѣваютъ forte:

Она пріѣдетъ! Она разсудитъ!
Она заснувшихъ отъ сна пробудитъ!

А пессимисты—piano:

Улита ѣдетъ... Когда-то будетъ!

Вдругъ появляется Кащей, „лицо символическое":

Сколь надежды ихъ несносны,
Сколь идеи вредоносны!
Мы и такъ побѣдоносны...

Поѣздъ-прогрессъ, въ концѣ концовъ, запоздалъ, и публика изъ вывѣшеннаго аншлага узнаетъ, что произошла обычная исторія:

Задержка на пути... Весеннихъ сновъ крушенье!

„Весна" окончилась, „начинается слякоть"...

Эта наиболѣе удавшаяся г. Оптимисту вещь дала названіе и всей книгѣ его фельетоновъ, но нужно, къ сожалѣнію, сознаться, что при всемъ остроуміи автора и умѣньи владѣть стихомъ и рифмой, лишь немногіе изъ нихъ достигаютъ той же высоты обобщенія и яркости. Отмѣтимъ, напр., фельетонъ „Въ ресторанѣ", гдѣ обѣдаютъ четырнадцать молчальниковъ.

. . . . . . Чтобъ избѣжать бѣды,
Благоразумные набрали въ ротъ воды,

и одинъ изъ нихъ, наконецъ, захлебнулся... благоразуміемъ. Хороша также „Исторія одного исчезновенія“, имѣющая, очевидно, въ виду совершенно непредвидѣнное (кажется, даже и самимъ министромъ!) упраздненіе министерства земледѣлія. Городовой утѣшаетъ:

Напрасно, господинъ, приходите въ разстройство:
Нѣтъ *земледѣлія*, но есть *землеустройство!*

Большинство собранныхъ въ книгѣ фельетоновъ касается мелкихъ злободневныхъ темъ, изображаетъ фигуры и типы, не имѣющіе серьезнаго общественнаго значенія. Осмѣиваются декаденты, театралы, крымскія гостиницы, дамы, изъ-за нарядовъ забывающія дѣтей,—и все это порой очень остроумно. Хорошъ г. Меньшиковъ, недуренъ и г. Перцовъ, „одѣтый редакторомъ“ и распѣвающій:

Иду по пути я новому
Лиловому...

Но чаще всего и злѣе всего достается почему-то г. Мережковскому.

Чорта я осѣдлалъ,
Чорта быстраго,
Занесусь—допишусь
Я до чортиковъ...

Въ газетахъ всѣ эти шаржи и шутки читались съ несомнѣннымъ удовольствіемъ, но собранные въ цѣлой книгѣ, — надо сказать правду,—они прискучиваютъ. Невольно думается, что въ пыли газетъ имъ и слѣдовало остаться погребенными, къ вящшей извѣстности талантливаго фельетониста...

Борисъ Халатовъ. Стихъ и душа. Москва. 1905.

Для чего тоска и слезы,
Смерть и мракъ?
Пусть царятъ любовь и грезы.
Лучше такъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Халатовъ совершенно правъ: любовь и грезы гораздо „лучше“, чѣмъ смерть, тоска и прочія непріятности. Тѣмъ не менѣе рецензенты почему-то лишены возможности дать критическій отзывъ объ оригинальномъ сборникѣ г. Халатова. Авторъ категорически запрещаетъ это:

Мои пѣсни для меня,
Я чужихъ похвалъ не жду,
Имъ одинъ лишь я судья,—
Я сужу!

Въ виду изложеннаго мы должны, конечно, ограничиться пе-

редачей наиболѣе характерныхъ стихотвореній г. Халатова, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку.

Прежде всего о г. Халатовѣ приходится отмѣтить, что онъ глубоко презираетъ и даже ненавидитъ людей, „холодныхъ и здравыхъ умомъ“:

О, вы, холодные и здравые умомъ!

— такъ начинается одно негодующее стихотвореніе г. Халатова:

Для васъ загадокъ нѣтъ, вамъ ясно все кругомъ...
. . . .
Любовь, исканья, грѣхъ, сомнѣнія и мечты,
Добро и зло—все подлежитъ учету,
Все лишь таблицъ извѣстная графа,
Гдѣ равенъ плюсъ уму, а минусъ—идіоту.

Для г. Халатова все это представляется совсѣмъ напротивъ. Если о немъ нельзя сказать, какъ о древнихъ прорицателяхъ, что ему все открываетъ вѣщій „сонъ въ нощи“, то только потому, что тайны мірозданія для него открыты совсѣмъ въ другое время: не тогда, когда онъ спитъ, а когда просыпается или, вѣрнѣе, начинаетъ просыпаться. Объ этомъ г. Халатовъ самъ повѣствуетъ въ стихотвореніи, которое начинается словами:

Межъ бдѣніемъ и сномъ въ мгновеніяхъ неземного,
Когда душѣ яснѣй всѣ тайны бытія...

Не смотря на очевидную пріемлемость откровеній, явленныхъ г. Халатову во время просонокъ, и о томъ, что „любовь и грезы“ много пріятнѣе, чѣмъ „тоска и слезы“, „смерть и мракъ“, и о томъ, что стыдно людямъ со „здравымъ умомъ“ считать знакъ минусъ „идіотомъ“ (въ самомъ дѣлѣ, за что?),—г. Халатовъ почему-то грустить и почему-то увѣренъ, что его „жуткихъ“ стихотвореній никто не пойметъ. Онъ заранѣе обращается—въ посвященіи—съ благодарностью къ своей собственной душѣ:

... пѣсни жуткія, что я слагалъ, рыдая,
Я приношу тебѣ, душа моя больная!
Лишь ты повѣришь имъ, оцѣнишь ихъ лишь ты...

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Въ данный моментъ, когда „мы“, съ одной стороны, начинаемъ раздумывать, какимъ эквивалентомъ можно замѣнить тѣлесныя наказанія, отмѣненныя по закону и въ войскахъ, ради поддержанія спасительной „желѣзной дисциплины“, а, съ другой стороны, мы должны ликвидировать „неожиданно“ несчастную войну съ какими-то японцами,—„Воспоминанія кавалергарда“ представляютъ существенный интересъ. Они интересны потому, что авторъ—солдатъ, крестьянинъ—разсказываетъ только о томъ, что

онъ самъ испыталъ, самъ видѣлъ, передумалъ и даже „провѣрилъ на практикѣ", насколько это было возможно для него по его послѣдующему унтеръ-офицерскому званію. Они интересны и потому, что авторъ далекъ отъ какого бы то ни было идейнаго радикализма,—онъ очень тепло говоритъ о своей личной удачливости въ отбываніи воинской повинности въ кавалергардскомъ полку и заканчиваетъ свои воспоминанія словами: „Да здравствуетъ кавалергардскій полкъ!" Читателю нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что г. Подшиваловъ искренно хочетъ процвѣтанія русской арміи, въ которой онъ даже видитъ „лучшую школу для народа"; у читателя не можетъ быть также никакого сомнѣнія, что авторъ „Воспоминаній кавалергарда" не учитываетъ въ свою пользу острый интересъ къ вопросамъ, связаннымъ съ только что законченной войной: его книга, почти не замѣченная въ печати, написана еще *до* возникновенія войны („дозволена цензурою" 15 декабря 1903 г.)... Тѣмъ важнѣе тотъ отрицательный выводъ, къ которому онъ приходитъ относительно пресловутой „желѣзной дисциплины", составляющей понынѣ базу для воспитанія изъ русскаго мужика и рабочаго—русскаго солдата... Можетъ ли она дать хорошаго солдата?—авторъ категорически отвѣчаетъ: нѣтъ... Его чрезвычайно огорчаетъ отношеніе къ солдатамъ, даже въ тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ которыя попалъ онъ самъ,—какъ къ „манекенамъ, не могущимъ ни разсуждать, ни мыслить самостоятельно" (стр. 124 и 100), и логическій выводъ изъ этого отношенія—„чрезмѣрная строгость, которая заставляетъ солдата („какъ иногда, грѣшнымъ дѣломъ, бываетъ") прягаться при встрѣчѣ со своимъ начальникомъ (стр. 75),—точно это приборъ, всегда заряженный какими-нибудь тяжелыми непріятностями, отъ котораго чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Къ мысли о необходимости соотвѣтствующихъ измѣненій въ укладѣ солдатской жизни, онъ пришелъ въ самомъ началѣ своей службы. Поводомъ послужило требованіе начальства представить письменно отзывъ о „Памяткѣ кавалергарда", розданной солдатамъ. Такъ какъ никакой программы для отвѣта указано не было, то авторъ составилъ его на свой рискъ и страхъ и центромъ отвѣта сдѣлалъ тѣ пункты „Памятки", которые защищали традиціонное пониманіе дисциплины... Въ этомъ отвѣтѣ, въ мелочахъ обдуманномъ „въ конюшнѣ за чисткой своей лошади", авторъ рѣшительно разошелся съ оцѣнкой дисциплины, какъ она есть. „Въ отзывѣ, разсказываетъ г. Подшиваловъ, я смѣло осуждалъ существующую черезчуръ строгую дисциплину, находя, что она убиваетъ всякую самостоятельность въ человѣкѣ, дѣлаетъ его безвольнымъ и безличнымъ и удерживаетъ его на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и, вообще, очень строгая дисциплина дѣлаетъ службу тягостной". Ему казалось, что все это могло имѣть смыслъ „въ дореформенное время, когда въ солдаты набирались боль-

шею частью люди изъ „разныхъ человѣческихъ отбросовъ, нравственно испорченныхъ и крайне грубыхъ". „Но теперь, при всеобщей воинской повинности, когда на службу обязаны идти люди всѣхъ званій и состояній, люди болѣе развитые и впечатлительные—она тяжела и груба". „Только довѣріемъ къ себѣ, резюмируетъ г. Подшиваловъ, которое достигается любовью и справедливостью, начальникъ можетъ руководить своими подчиненными, какъ хочетъ, но не чрезмѣрною строгостью, всецѣло опираясь на дисциплину" (стр. 65).

Отзывъ о „Памяткѣ" былъ представленъ по начальству; конечно, онъ не измѣнилъ начала всѣхъ началъ, но лично для автора имѣлъ благопріятныя послѣдствія, сдѣлавъ его интересной единицей въ сѣрой шинели. Въ концѣ концовъ онъ добивается желаннаго: получаетъ унтеръ-офицерское званіе и съ нимъ вмѣстѣ возможность провѣрить на практикѣ свои „теоретическія" предположенія о цѣлесообразности мягкаго отношенія къ солдатамъ, которыхъ онъ долженъ былъ обучать. Хотя полковой командиръ и предостерегалъ его, чтобы онъ не слишкомъ „философствовалъ", реформаторъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи взялся вести дѣло по-своему и былъ искренно счастливъ, что онъ оказался правъ. Въ проектъ печатной „бесѣды унтеръ-офицера съ учителями молодыхъ солдатъ", составленный г. Подшиваловымъ, онъ уже убѣжденно вноситъ слѣдующій пунктъ: „Чрезмѣрною строгостью нельзя сдѣлать хорошаго слугу Царю и Отечеству, а скорѣе этимъ можно пріобрѣсти вреднаго мстителя и личнаго врага или же ни на что не годнаго тупицу (стр. 120).

Для общей характеристики „Воспоминаній кавалергарда" прибавимъ, что авторъ—типичный „самородокъ" и самоучка (прошелъ только сельскую школу), въ стилѣ разсказа и въ своихъ мечтахъ и упованіяхъ—нерѣдко наивный и всегда ультра-благонамѣренный (подчеркиваемъ это), вплоть до вышеотмѣченной мечты, чтобы воинская повинность стала „лучшей школой для народа"... Единственное, въ чемъ онъ непримиримъ, это—въ отношеніи къ русской деревнѣ: онъ говоритъ о ней почти съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ Челкашъ у М. Горькаго. Г. Подшиваловъ говоритъ даже, что онъ ждалъ „солдатчины" „съ нетерпѣніемъ"; въ его глазахъ она должна была освободить его „отъ непосильнаго деревенскаго гнета", матеріальнаго и духовнаго, давившаго „съ ранняго дѣтства"... Въ чемъ видѣлъ авторъ переходъ къ лучшему путемъ „солдатчины", для читателя остается не совсѣмъ яснымъ, но въ деревню онъ, дѣйствительно, не вернулся и родную деревню понынѣ считаетъ несравнимо болѣе тягостною, чѣмъ казарму, въ которой отбылъ четыре года.

Н. М. Минскій. Религія будущаго (Философскіе разговоры). Спб., 1905.

Въ то время, какъ философія считается, по справедливости, одною изъ труднѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія, — „философствовать“ часто бываетъ очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, мало такихъ научныхъ областей, въ которыхъ человѣкъ, бойко владѣющій перомъ, чувствовалъ бы себя такъ свободно, какъ именно въ столь знаменитой своею трудностью области философскихъ вопросовъ. А если философствовать начинаетъ диллетантъ, обладающій извѣстнымъ художественнымъ дарованіемъ, умѣющій писать красиво и „не трудно“, тогда онъ можетъ смѣло разсчитывать и на успѣхъ. Правда, люди, дѣйствительно понимающіе философію, назовутъ, пожалуй, его книгу диллетантской болтовней, но вѣдь этихъ людей, дѣйствительно понимающихъ философію, такъ мало, и строгая философія считается такою скучною вещью, а любителей легкаго философствованія такъ много, и диллетантская болтовня можетъ быть такъ „занимательна“, что на мнѣніе небольшой кучки скучныхъ людей вовсе нѣтъ надобности и обращать вниманіе.

Новая книга г-на Минскаго именно и представляетъ собою ту диллетантскую болтовню, которая, принимая во вниманіе безспорный литературный талантъ автора, легко можетъ сойти за самую настоящую „и при томъ такую интересную и нетрудную“ философію.

Книга написана въ формѣ разговоровъ съ нѣкіимъ „Владиміромъ Ивановичемъ“, при чемъ свою неспособность къ строго послѣдовательному мышленію авторъ пытается маскировать слѣдующими словами: „Передавая наши бесѣды въ той случайности, въ какой онѣ возникали, я, быть можетъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ если бы держался строго логической системы, всегда нѣсколько отталкивающей (людей неспособныхъ къ отвлеченному мышленію, прибавимъ отъ себя), напоминающей скорѣе скелетъ истины, чѣмъ самую истину“ (стр. 2).

Пользуясь свободою „случайныхъ“ разговоровъ, авторъ скользитъ по поверхности самыхъ трудныхъ философскихъ проблемъ, быстро разрѣшая множество вопросовъ въ областяхъ теоріи познанія, этики, психологіи, соціологіи, философіи религіи и т. д. и т. д., бросая отрывочныя замѣчанія, которыя иногда въ качествѣ шутки могли бы вызвать веселую улыбку, но въ качествѣ научнаго соображенія способны вызвать лишь улыбку снисхожденія. Такъ, напримѣръ, отмѣчая тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ религіи древнихъ евреевъ не было ученія о безсмертіи души, авторъ говоритъ: „можетъ быть, Израиль боялся мысли о безсмертіи души, боялся, какъ бы Іегова, въ заботахъ о загробномъ мірѣ, не отвлекся отъ попеченій о судьбѣ избраннаго народа“ (стр. 265). Въ другомъ мѣстѣ, коснувшись знаменитаго

ученія Зенона Элейскаго о движеніи и „изложивши" *въ семи строкахъ* возраженія Аристотеля, Гоббса и Милля на ученіе Зенона, авторъ развязно заявляетъ: „какъ видите (?!), эти возраженія не нуждаются въ разборѣ" (стр. 73). Но, освободивши себя отъ трудной задачи вступать въ логическое состязаніе съ Аристотелемъ, Гоббсомъ и Миллемъ, г. Минскій не оставляетъ своего простодушнаго „Владиміра Ивановича" безъ руководства въ столь трудномъ вопросѣ; онъ поучаетъ его слѣдующимъ образомъ: „развѣ ихъ (Аристотеля, Гоббса и Милля) самодовольный тонъ („самодовольный", особенно по сравненію со скромностью г-на Минскаго) не возвращаетъ ваше воображеніе къ спору между Зенономъ и Діогеномъ? Подумайте, какой контрастъ! Съ одной стороны—прекрасный Зенонъ, ученикъ Парменида и учитель Перикла, тончайшій діалектикъ древности, гордый гражданинъ, купившій своею смертью свободу родного города, съ другой — безмолвно прохаживающійся циникъ, тотъ самый, который всенародно совершалъ свои физическія отправленія и на 90 году отъ рода съѣлъ сырую бычачью ногу, отъ чего и умеръ. Пока Зенонъ мыслилъ и страдалъ, циникъ съ улыбкой прохаживался передъ нимъ и стучалъ сандаліями. Зачѣмъ примирять противорѣчія и строить мосты надъ бездною, когда наглядная жизнь такъ проста, когда можно чужія сомнѣнія побѣждать своими ногами, а питаться — бычачьими?" (стр. 73). Зачѣмъ, прибавимъ мы отъ себя, спорить съ Аристотелемъ, Гоббсомъ и Миллемъ, когда вопросъ можно рѣшить такъ легко, такъ понятно для всякой институтки: простымъ указаніемъ на то, что Зенонъ—„такой милый", а Діогенъ—„такой противный"?!

Но въ чемъ-же, собственно, заключается религія г-на Минскаго, спроситъ читатель. Ожидать чего-либо особенно новаго отъ г-на Минскаго нельзя уже потому одному, что по его мнѣнію „вполнѣ новыя мысли высказываются только обитателями желтыхъ домовъ" (стр. 46), но новой путанницы на старую тему у нашего автора можно найти въ изобиліи. „Я исповѣдую Бога,—говоритъ г. Минскій на стр. 17,—въ котораго не вѣрю, не вѣрю потому, что довольствуюсь увѣренностью". Само собою разумѣется, что г. Минскій освобождаетъ себя отъ труда анализировать понятія „вѣры" и „увѣренности", а ограничивается голословнымъ увѣреніемъ, что въ вѣрѣ нуждались лишь „языческіе идолы", а въ его Богѣ нельзя „ни сомнѣваться, ни наружно удостовѣриться. Истинный Богъ есть наша собственная мысль, самая достовѣрная, наше собственное чувство, самое безкорыстное, наше собственное стремленіе, самое неутомимое" (стр. 19).

Къ познанію этого Бога ведетъ „великая" „двуединая" истина, истина о равноцѣнности двухъ идеаловъ нравственности: „удовлетворенія" и „отреченія", идеаловъ „рыцаря" и „монаха". „Оба эти идеала нравственности должны быть сведены къ высшему

единству, который не можетъ быть не что иное, какъ единая цѣль міра, какъ религіозная легенда о Единомъ" (стр. 135—6).

Писатели подобные г-ну Минскому, писатели, трактующіе о крайне отвлеченныхъ вопросахъ, не обладая при этомъ ни достаточными свѣдѣніями, ни, главное, способностью къ отвлеченному мышленію, бываютъ особенно опасны, когда оказываются при этомъ одаренными художественными способностями, когда они хорошо „чувствуютъ" дѣйствительность и могутъ будить у другихъ это „чувство" дѣйствительности. При такихъ обстоятельствахъ случается, обыкновенно, слѣдующее: писатель привлекаетъ вниманіе читателя на извѣстное явленіе, котораго ранѣе читатель не замѣчалъ, онъ очаровываетъ своего читателя художественнымъ описаніемъ конкретныхъ „фактовъ" и затѣмъ, пріобрѣтя, такимъ образомъ, извѣстную власть надъ мыслями этого читателя, внушаетъ ему фантастическія „теоріи", яко бы объясняющія эти „факты". А такъ какъ, при этомъ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ читатель и самъ гораздо лучше „чувствуетъ" дѣйствительность, чѣмъ „понимаетъ" причины этой дѣйствительности, то онъ слѣпо идетъ въ малопонятную для него область за человѣкомъ, такъ хорошо освѣтившимъ ему другую понятную для него область. Такъ „слѣпые ведутъ слѣпыхъ".

Подобное явленіе и имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ; лишь съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что г. Минскій, въ сущности, ничего новаго не указалъ, хотя, конечно, средній читатель будетъ думать, что именно г. Минскій открылъ эту „Америку", и это будетъ для него тѣмъ болѣе извинительно, что самъ г. Минскій *нигдѣ* не упоминаетъ о своихъ предшественникахъ и не дѣлаетъ никакой попытки трактовать исторію вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, столь энергически проводимое г-нъ Минскимъ ученіе о двухъ путяхъ добра имѣетъ огромное психологическое и культурно-историческое значеніе. На это уже давно и очень хорошо указалъ, напр., Лекки. Отмѣтимъ, хотя бы, слѣдующее мѣсто у этого столь извѣстнаго писателя: „Существуютъ два нравственныя чувства, которыя, повидимому, имѣютъ всеобщее распространеніе среди человѣческаго рода и которыя должны быть разсматриваемы, какъ центры, вокругъ которыхъ образовались всѣ религіозныя системы. Это—*чувство доблести*, заставляющее людей связывать идею заслуги съ извѣстными дѣяніями, которыя должны быть совершены, и—*чувство грѣха*, внушающее людямъ, что ихъ отношеніе къ божеству есть отношеніе умоляющихъ, а не отношеніе требующихъ по праву (not that of claimants but of suppliants). Хотя эти чувства до извѣстной степени антагонистичны, однако, вѣроятно, никогда не существовало такого религіознаго человѣка, у котораго оба эти чувства не сосуществовали бы (Rationalism in Europe, vol. 1, p. 354).

Что идеалъ „рыцаря" и идеалъ „монаха", по терминологіи

г-на Минскаго, или „чувство доблести“ и „чувство грѣха“, по терминологіи Лекки, суть два сопряженныхъ фокуса нравственной жизни человѣка, это совершенно вѣрно. И написать исторію, вскрыть основные мотивы борьбы этихъ двухъ сопряженныхъ идеаловъ есть великая задача, требующая одновременно глубокаго философскаго ума и тонкаго художественнаго чувства. Г. Минскій коснулся этого великаго вопроса, но при этомъ оказался совершенно безсильнымъ, не только какъ философъ, но даже и какъ художникъ. Если бы г. Минскій не оказался безсильнымъ передъ своею задачею и какъ художникъ, то онъ, конечно, не скакнулъ бы сейчасъ же въ свою „мэоническую“ псевдофилософію, а подобно тому, какъ это дѣлалъ Достоевскій (этотъ великій художникъ и очень плохой философъ) остановился бы на чисто художественной обработкѣ вопроса, совершенно забывши о „мышленіи по категоріямъ“. Но, очевидно, художественная разработка вопроса не сулила г-ну Минскому особеннаго успѣха, если онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ увлекъ своего простодушнаго „Владиміра Ивановича“ въ „категоріи“, куда „Владиміръ Ивановичъ“ довѣрчиво послѣдовалъ за нимъ, конечно, очарованный тѣмъ небольшимъ проблескомъ истины, который указалъ ему г. Минскій своимъ ученіемъ о двухъ путяхъ. Эта довѣрчивость „Владиміра Ивановича“ тѣмъ болѣе извинительна, что онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что ученіе г-на Минскаго не оригинально, какъ не подозрѣвалъ этого, вѣроятно, и самъ г. Минскій.

Чтобы закончить нашъ обзоръ книги г-на Минскаго, укажемъ, какъ мыслитъ нашъ авторъ „по категоріямъ“. Такъ какъ „идеальная метафизика“, по мнѣнію г-на Минскаго, должна быть такая, „которая, начинаясь теоріей познанія, завершалась бы легендой и молитвой“ (стр. 2), то, естественно, что книга г-на Минскаго и состоитъ изъ этихъ трехъ частей: теоріи познанія, легенды и молитвы. Нѣкоторое понятіе о теоріи познанія г-на Минскаго читатель могъ уже получить, хотя бы по той нашей цитатѣ, гдѣ авторъ говоритъ, что онъ не вѣритъ въ Бога потому, что довольствуется увѣренностью. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести цѣликомъ глубочайшее изысканіе г-на Минскаго въ области теоріи познанія, производимое имъ на стр. 59—64 при содѣйствіи такой простой вещи, какъ ариѳметическое сложеніе. Что это изысканіе крайне важно, объ этомъ сообщаетъ самъ авторъ: „Слушайте внимательно,—говоритъ онъ на стр. 60.— Я даю вамъ въ руки завѣтный ключъ отъ всякаго религіознаго и философскаго познанія“. Этотъ „завѣтный ключъ“ постигается размышленіемъ надъ удивительными свойствами ариѳметической суммы. „Не бойтесь чиселъ,—говоритъ авторъ,—и вы узнаете великую тайну, примиряющую со смертью“ (стр. 59). Это „примиреніе со смертью“ достигается весьма просто: вѣдь при сложеніи „числа, изъ которыхъ каждое имѣло свое индивидуальное един-

ство, вполнѣ различныя одно отъ другого, вдругъ слились, родили новое, на нихъ не похожее число, и въ этомъ актѣ рожденія сами умерли, исчезли... Но смерть слагаемыхъ не вѣчна, ибо суммарная сложность можетъ быть опять расчленена на свои составныя части, и тогда слагаемыя, стряхнувъ съ себя служебное иго, воскреснутъ къ индивидуальному существованію" (стр. 60—61). Если и это глубочайшее изслѣдованіе, математически доказывающее воскресеніе мертвыхъ, окажется все еще не достаточнымъ, чтобы убѣдить всѣхъ скептиковъ, то „мэоническая" философія г-на Минскаго имѣетъ въ запасѣ еще болѣе могучее орудіе, чѣмъ даже эта мистико-математическая теорія познанія, а именно: она можетъ мобилизовать свою „легенду". Да не подумаетъ читатель, что за неимѣніемъ научныхъ доказательствъ г. Минскій рѣшился прибѣгнуть къ побасенкамъ; нѣтъ, „тотъ глубоко ошибся бы, кто смѣшалъ бы легенду съ вымысломъ, или басней, или съ поэтическимъ миѳомъ. Легенда отличается отъ абсолютной истины не содержаніемъ, а лишь способомъ выраженія" (стр. 203). Переходя къ легендѣ, мы вступаемъ въ самый центръ ученія г-на Минскаго. Эта „мэоническая" легенда, отличающаяся отъ „абсолютной истины" лишь формою, а отнюдь не содержаніемъ, такова: „Въ началѣ былъ Всеединый и рядомъ съ нимъ не было никакого другого существа, ни матеріи, ни духа, ни формы, ни движенія, ибо онъ былъ всеединъ. Во всемъ равный себѣ, единый наполнялъ собою все (что онъ „наполнялъ", если, кромѣ него ничего не было, объ этомъ легенда г-на Минскаго не говоритъ), наслаждался своимъ блаженнымъ покоемъ и созерцалъ свое совершенство. Всемогущій, всевѣдущій, онъ самъ въ себѣ созерцалъ тоже и множественный міръ явленій, еще не существовавшій, не могшій существовать рядомъ съ единымъ. И сказалъ Всеединый въ своей мысли: вотъ я созерцаю формы и существа, не могущія возникнуть къ радости бытія, оттого что я, единый, существую".

„Такова первая часть легенды: вы видите, что она строится не изъ случайныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ необходимыхъ атрибутовъ святыни, которые найдены нами въ категоріяхъ" (стр. 204—5).

Мы не будемъ излагать другихъ частей „легенды" г-на Минскаго, найденной имъ „въ категоріяхъ", ибо и того, что сказано, вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, насколько религія г-на Минскаго дѣйствительно способна пролить „въ красножелтое зарево страданія свои небесные, сине-голубые лучи утѣшенія, которые, сливаясь со страданіями... (могутъ родить)... бѣлый лучъ восторга и надежды" (стр. 88).

Этотъ „бѣлый лучъ восторга и надежды", конечно, порождаетъ „молитву", и такимъ образомъ завершается циклъ всесовершенной метафизики, которая, какъ мы уже знаемъ, всегда должна заканчиваться молитвою.

Хотя и книга г-на Минскаго заканчивается предсмертною молитвою простодушнаго „Владиміра Ивановича“, и въ серединѣ книги молится самъ, къ счастью здравствующій, г. Минскій, мы не будемъ всетаки знакомить нашихъ читателей съ этою частью „совершенной метафизики“. Мы поступимъ такъ уже потому одному, что при чтеніи этихъ „молитвъ“ г-на Минскаго какъ-то невольно вспоминается фраза, нечаянно оброненная самимъ г-номъ Минскимъ: „Вмѣсто Бога какъ будто прославляешь себя самого“ (стр. 108).

А. Лоріа. Рабочее движеніе (Происхожденіе—формы—развитіе). Переводъ съ итальянскаго. Изд. С. Е. Коренева. Спб. 1905 г.

Авторъ придаетъ рабочему движенію въ жизни человѣчества огромное значеніе. „Рабочее движеніе, — говоритъ онъ, подводя итоги своему изслѣдованію,—является совершенно новымъ фактомъ въ исторіи человѣчества; оно вноситъ въ нее сознательную силу, до того времени неизвѣстную. Дѣйствительно, въ прежніе періоды жизни человѣчества соціальная эволюція была такимъ порядкомъ вещей, который не были въ состояніи измѣнить общественные классы, отъ него страдавшіе. Съ началомъ рабочаго движенія исторія перестаетъ быть исключительно произведеніемъ безсознательныхъ силъ и становится доступной вліянію людской воли и дѣйствій; такимъ образомъ, рабочее движеніе производитъ полный переворотъ въ характерѣ исторіи и обозначаетъ начало новой эры, новаго общественнаго строя“.

Этими словами опредѣляется важность темы, взятой нашимъ авторомъ. Очевидно, что не только тѣ, кто непосредственно заинтересованъ въ явленіяхъ данной категоріи, но и всякій человѣкъ, желающій сознательно относиться къ окружающей жизни, долженъ ознакомиться съ основными элементами рабочаго движенія, какъ соціальнаго фактора. Небольшая (около двухсотъ страницъ средней формы и средней печати), но компактная по изложенію, книга г. Лоріа можетъ сослужить при этомъ хорошую службу.

Послѣ коротенькой главы, посвященной исторіи возникновенія рабочихъ союзовъ, авторъ останавливается на тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуются организаціями этого рода (взаимное страхованіе, минимальная заработная плата, нормальный рабочій день, улучшеніе условій труда, ограниченіе въ употребленіи машинъ, ограниченіе числа подмастерьевъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, ограниченіе числа женщинъ-работницъ, числа безработныхъ, борьба противъ участія рабочихъ въ прибыляхъ и работы на дому). Слѣдующую главу онъ посвящаетъ методамъ, употребляемымъ рабочими союзами, при чемъ особенное вниманіе обращается на стачку и опредѣляются условія, при которыхъ это средство борьбы оказывается наиболѣе продуктивнымъ, подробно разбира-

ются результаты, которыхъ можно достигнуть при помощи стачечнаго движенія, и выясняется положеніе, которое государство съ точки зрѣнія современнаго права должно занять по отношенію къ стачечникамъ.

Затѣмъ идетъ глава, въ которой разбираются тѣ предѣлы, до которыхъ рабочее движеніе можетъ разсчитывать на успѣхъ при сохраненіи современныхъ способовъ капиталистическаго производства. Авторъ усиленно подчеркиваетъ, что работа и побѣда современнаго рабочаго движенія цѣликомъ пока что совершаются въ нѣдрахъ капиталистическаго строя, но всегда продолжаться дѣло такъ не можетъ, просто въ силу того, что за извѣстными предѣлами, — довольно-таки узкими для трудящихся массъ,— капиталистическій строй теряетъ способность идти на дальнѣйшія уступки. Тогда для рабочихъ массъ остается одинъ путь: взять въ свои руки государственный механизмъ и „достичь уничтоженія капитала при помощи соціалистическаго парламента".

Кромѣ указанныхъ главъ, въ книгѣ имѣется глава, посвященная исторіи рабочаго движенія въ Англіи, Германіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи, Италіи. Это одна изъ самыхъ цѣнныхъ главъ во всей книгѣ и можетъ имѣть самостоятельное значеніе для тѣхъ, кто пожелалъ бы въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ основными чертами рабочаго движенія въ главнѣйшихъ государствахъ міра. Интересны также тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ „общихъ замѣчаніяхъ" къ этой главѣ. По его мнѣнію, исторія намѣтила три главнѣйшихъ типа рабочаго движенія: 1) чуждый политикѣ и конституціонный (Англія), 2) политическій и революціонный (Германія), 3) политическій и конституціонный (Франція). Какой изъ этихъ трехъ типовъ установится въ той или другой странѣ, „опредѣляется въ существенныхъ чертахъ тѣмъ процессомъ, при помощи котораго образовался теперешній экономическій строй, и болѣе или менѣе значительнымъ участіемъ, которое въ этомъ принималъ рабочій классъ".

Наконецъ, имѣются двѣ главы о роли коопераціи въ рабочемъ движеніи.

Алексѣй Смирновъ. Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь" подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Книжка 41-ая. М. 1905.

Читателю, знакомому съ русской дѣйствительностью, не трудно, даже и не читая книжки г. Смирнова, отвѣтить на вопросъ: что могли бы сдѣлать у насъ сельско-хозяйственные союзы? Окружающіе факты съ наглядностью свидѣтельствуютъ, что для этихъ союзовъ у насъ имѣется очень широкое поле дѣятельности. Но не трудно видѣть также, что при современныхъ условіяхъ это

поле должно оставаться почти совсѣмъ не тронутымъ. Книжка г. Смирнова вполнѣ это подтверждаетъ.

Обидно и грустно становится читателю, когда послѣ описанія блестящаго состоянія сельско-хозяйственныхъ союзовъ на Западѣ и въ Америкѣ, авторъ переходитъ къ русскимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ... Какая это мизерная ложка меду въ громадной бочкѣ сельскохозяйственнаго оскудѣнія! Нужно ли разъяснять, чѣмъ обусловливается малое развитіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ Россіи? Глубокое невѣжество на ряду съ старательнѣйшими заботами всячески тормазить дѣло народнаго образованія и отсутствіе элементарнѣйшихъ правъ личности у наиболѣе многочисленнаго сословія, отданнаго „усмотрѣнію“ „близкой къ народу и твердой власти“ — вотъ двѣ основныя, „самобытныя“ причины малаго развитія сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ странѣ, гдѣ самое слово „союзъ“ пугаетъ теперь автократическіе круги не меньше, чѣмъ „металлъ“ и „жупелъ“ пугали замоскворѣцкую купчиху у Островскаго.

По отношенію къ книжкѣ г. Смирнова нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ вопросъ: какого читателя имѣлъ въ виду авторъ? Судя по тому, что она вошла въ серію изданій „Деревенское хозяйство и деревенская жизнь“, она, повидимому, предназначается для широкаго круга читателей. Но тогда непонятно, зачѣмъ авторъ допустилъ въ ней много непонятныхъ для простого читателя словъ, какъ, напр., піонеръ, тенденція, импульсъ и т. д. Если же книга предназначалась для болѣе ограниченнаго круга читателей, тогда бы въ ней можно было убавить нѣсколько ужъ черезчуръ извѣстныхъ положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы сдѣлать хоть небольшія литературныя указанія, что бы помочь заинтересованному болѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ изъ затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ. Отмѣтимъ въ заключеніе одну ошибку. Указавъ на блестящее положеніе сельскаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, авторъ, связывая это съ развитіемъ тамъ народнаго образованія, говоритъ, что „ни одна страна не расходуетъ на народное образованіе такъ много, какъ Америка. По самымъ скромнымъ подсчетамъ ежегодный расходъ на народное просвѣщеніе составляетъ тамъ болѣе 6 руб. на каждаго жителя“. Это невѣрно. Есть страна, гдѣ еще болѣе расходуется на народное образованіе. Это—Новая Зеландія, гдѣ ежегодный расходъ на нужды просвѣщенія равенъ 8 рублямъ на жителя.

По Азіатской и Европейской Турціи (Изъ книги Gugo Grothe: „Auf türkischer Erde“). Переводъ Ѳ. Романовой подъ редакціей С. Григорьева Москва, 1904 г.

О Турціи, съ которой нашей родинѣ такъ часто, къ несчастью,

приходится идти въ парѣ по цѣлому ряду печальныхъ событій, мы знаемъ мало. Впрочемъ, это и неудивительно, „такъ какъ, по увѣренію автора, статистика — совершенно неизвѣстная въ Турціи область науки". Впрочемъ, не одна статистика обречена здѣсь на эту участь. Всесильная турецкая бюрократія, какъ и всякая распущенная бюрократія, старается поплотнѣе закрываться отъ свѣта всякаго пытливаго изслѣдованія. Туристу такъ же трудно окунуться въ тайны турецкой жизни, какъ и статистику. Посмотрите, сколько хлопотъ, сколько ненужныхъ издержекъ и напрасно потеряннаго времени приходится затрачивать для того, чтобы даже подданному Германской имперіи, находящейся нынѣ въ необычайномъ фаворѣ у турецкаго султана, попасть въ такія „подозрительныя" съ точки зрѣнія турецкаго чиновника мѣстности, какъ Турецкая Арменія или Македонія. Прибавьте къ этому всепроникающую въ турецкой имперіи взятку... „Непривычный человѣкъ,- говоритъ нашъ авторъ,—не отнесетъ таможеннаго и паспортнаго осмотра на турецкой границѣ къ числу удовольствій путешествія. Этотъ осмотръ требуетъ терпѣнія и бакшиша, и еще терпѣнія, и еще бакшиша". И такъ на каждомъ шагу. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ изученіе страны не можетъ дѣлать большіе успѣхи.

Однако, настойчивому нѣмцу удалось пробраться въ такіе уголки владѣній турецкаго султана, куда турецкая бюрократія особенно неохотно пускаетъ докучныхъ европейскихъ туристовъ: онъ побывалъ въ Турецкой Арменіи, проѣхалъ черезъ Албанію и Македонію.

Въ описаніяхъ Г. Гроте несомнѣнно много цѣнн. Можно согласиться съ редакторомъ перевода, что авторъ этихъ описаній обладаетъ тонкой наблюдательностью, живостью изложенія, способностью давать яркія и картинныя описанія. Но, къ сожалѣнію, авторъ является въ своей работѣ,—по крайней мѣрѣ, въ переведенной ея части,—крайне одностороннимъ, пожалуй, даже поверхностнымъ. Изложеніе изобилуетъ часто крайними мелочами, но сколько-нибудь широкихъ обобщеній нигдѣ не встрѣчаешь... Умъ автора напоминаетъ намъ хорошій фотографическій аппаратъ, который отчетливо снимаетъ встрѣчные ландшафты и бытовыя сценки, но который, не смотря на опытную руку, руководящую имъ, дальше внѣшней обстановки не идетъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя страницы его писаній достойны серьезнаго вниманія со стороны читателя.

Посмотрите, напр., какой задушевностью дышатъ у него страницы, посвященныя несчастному армянскому народу, съ которымъ и русская исторія повторила свои кровавые эксперименты. „Когда,—говоритъ онъ,—передо мною встаютъ картины крестьянской деревни на армянскомъ плоскогорьѣ, я не могу освободиться отъ чувства какой-то неловкости, и горько мнѣ,

что надъ этими неприхотливыми и трудолюбивыми людьми, которые въ вѣчномъ страхѣ обрабатываютъ тощія поля своей родины и цѣлые вѣка стонутъ подъ гнетомъ насилія, неволи, нищеты,—что надъ ними еще недавно разразилась новая гроза...“ Но какой за то горькой ироніей для судьбы армянъ звучатъ преувеличенныя ожиданія осторожнаго нѣмца, которыми онъ оканчиваетъ описанія Эрзерума: „Эрзерумъ уже два раза былъ въ рукахъ русскихъ. Но если онъ въ третій разъ попадетъ въ ихъ руки, едва ли русскіе вздумаютъ его покинуть. Тогда здѣсь закипитъ новая жизнь. Торговля приметъ прежніе размѣры. Курды и лазы не будутъ процвѣтать въ качествѣ терпѣливо выносимыхъ, а порою любезно ласкаемыхъ разбойниковъ на большой дорогѣ. Армяне, подкрѣпленные своими кавказскими соплеменниками, вздохнутъ свободно и расправятъ крылья... Славянская народная волна польется на восточную окраину Малой Азіи. На привольѣ дѣвственныхъ полей выростутъ деревни за деревнями. Безплодная земля дастъ урожаи, какихъ не давала уже цѣлыя столѣтія. И средневѣковый обликъ Эрзерума скоро исчезнетъ...“ Какъ опасно дѣлать предсказанія въ исторіи!

Э. Лесгафтъ. Краткій курсъ географіи Россіи для средне-учебныхъ заведеній. 1905 г.

„Географія Россіи, — говоритъ авторъ,—является единственнымъ предметомъ въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, знакомящимъ съ современною жизнью нашей родины“. Этимъ вполнѣ опредѣляется то отвѣтственное положеніе, которое занимаетъ учебникъ географіи, особенно предназначенный для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ г. Лесгафта. Этимъ же опредѣляется и тотъ интересъ, съ которымъ должна слѣдить за географической учебной литературой и общая пресса.

Авторъ „Краткаго курса географіи Россіи“, рецензируемаго нами, уже успѣлъ выдвинуться въ области педагогической литературы своимъ „Краткимъ курсомъ физической географіи“, который быстро появился вторымъ изданіемъ и недаромъ считается практиками дѣла одной изъ лучшихъ работъ въ данной области. Это обстоятельство побуждаетъ насъ еще съ большимъ вниманіемъ отнестись къ новому курсу г. Э. Лесгафа.

Съ общимъ планомъ, какъ онъ развитъ въ предисловіи и какъ онъ выполненъ въ дѣйствительности, мы вполнѣ согласны. „Въ общей части курса,—говоритъ авторъ,—я старался выяснить причинную связь явленій мертвой и живой природы и, насколько это было возможно, обосновать различныя географическія дѣленія на генетическомъ принципѣ. Въ обзорѣ Россіи по областямъ, занимающемъ двѣ трети книжки, я особенно подробно останавливался на этнографіи и промышленной дѣятельности“...

Нельзя не признать подобное распредѣленіе матеріала вполнѣ разумнымъ, и мы спѣшимъ добавить, что большая часть этой программы выполнена вполнѣ успѣшно. Большая, а не вся.

Существенные недостатки, по нашему мнѣнію, чувствуются въ характеристикѣ промышленности. Такъ, для насъ представляется крупнѣйшимъ пробѣломъ отсутствіе въ курсѣ, поставившемъ своей задачей познакомить учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній съ промышленностью страны,— общаго очерка землевладѣнія, землепользованія и хозяйственныхъ системъ земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ, безъ этихъ основныхъ элементовъ, конечно, не можетъ быть дана удачная характеристика промышленности такой земледѣльческой страны, какъ наша родина. Правда, учебникъ и безъ того разросся на 258 страницъ средняго формата и средней печати. Но намъ кажется, что всѣ другіе отдѣлы могли бы смѣло потѣсниться для того, чтобы дать мѣсто этимъ важнымъ вопросамъ. Да все равно безъ нихъ дѣло не обошлось. Они только теперь раскинуты по всюду учебнику, безъ всякаго плана и системы. Ну, въ самомъ дѣлѣ, почему вдругъ на стр. 171-ой авторъ принимается разъяснять, что такое трехполье: „у крестьянъ повсемѣстно (въ центральной черноземной области) ведется трехпольное хозяйство. При этомъ способѣ полевого хозяйства вся предназначенная для посѣвовъ земля дѣлится на три участка, или поля“ и т. д... Какъ будто бы объ этомъ самомъ трехпольѣ не приходилось десятки разъ упоминать на предыдущихъ 170 страницахъ?.. Или почему объ общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи авторъ, насколько удалось намъ замѣтить, впервые вспомнилъ лишь на 163 стр... Или почему онъ пытается разъяснить, что такое хуторное землевладѣніе и не занимается съ такимъ же вниманіемъ общиной,—общиной, съ которой такъ серьезно придется и приходилось считаться и русскому законодательству, и русской литературѣ... Или почему онъ только мѣстами вспоминаетъ объ арендѣ?.. Во все это, повторяемъ, могъ бы внести порядокъ только общій очеркъ, посвященный всѣмъ этимъ вопросамъ. Нѣтъ также общаго учета производительныхъ силъ страны и отношенія ихъ къ обложенію,—а вѣдь это такіе элементы, безъ которыхъ опять-таки нельзя усвоить процессовъ промышленной жизни страны. Этотъ пробѣлъ мы считаемъ наиболѣе существеннымъ. Укажемъ еще нѣсколько менѣе важныхъ. Такъ, намъ представлялось бы крайне желательнымъ имѣть въ главѣ о населеніи, — составленной въ общемъ очень удачно и вдумчиво,—хотя бы нѣкоторыя указанія о составѣ населенія по образованію, по сословіямъ, по профессіямъ,—насколько къ этому даютъ возможность существующіе матеріалы. Слѣдовало указать, далѣе, размѣры средней крестьянской семьи и хотя бы вкратцѣ характеризовать тѣ процессы обмиранія, отпочкованія, разростанія и уменьшенія, ко-

торые въ ней происходятъ. Важно было бы также расширить примѣненіе сравнительнаго метода, которымъ авторъ пользуется иногда съ большимъ успѣхомъ (напр., полезно было бы дать параллельныя цифры по вопросу о плотности населенія, о смертности). Наконецъ, слишкомъ огульной вышла характеристика поселковъ по размѣрамъ, а между тѣмъ этотъ элементъ оказываетъ огромное вліяніе на культурную жизнь страны.

Не можемъ не указать еще двухъ—трехъ мелочей, которыя особенно рѣжутъ глаза. Съ досадой мы замѣтили, что авторъ, говоря объ евреяхъ Привислинскаго края, ни словомъ не обмолвился о чертѣ осѣдлости,—этой вопіющей несправедливости русской политической дѣйствительности. Напрасно онъ также увѣряетъ учениковъ, что польскій крестьянинъ „теперь, послѣ введенія законовъ 1864 г., можетъ *всецѣло* пользоваться плодами своего труда" (курс. нашъ).

Но, не смотря на всѣ эти недостатки, учебникъ г. Э. Лесгафта займетъ въ педагогической литературѣ почтенное мѣсто.

Справочная книга учительскихъ обществъ взаимопомощи. М. 1905.

Передъ нами прекрасно задуманная и тщательно исполненная работа, которая можетъ оказать рядъ цѣнныхъ услугъ не только учительскимъ обществамъ взаимопомощи и ихъ членамъ, но и каждому интересующемуся вопросами народнаго образованія.

На первый планъ здѣсь выдвинута „Хроника учительскихъ обществъ взаимопомощи". Изъ 92 организацій этого рода, существующихъ въ настоящее время, громадное большинство открыты въ послѣднее пятилѣтіе и являются такимъ образомъ прямыми дѣтищами того общественнаго оживленія и того прилива общественнаго интереса къ народной школѣ, которые оказались такими типичными предвѣстниками болѣе глубокаго освободительнаго движенія, проникнувшаго теперь до самыхъ низовъ русской жизни. Въ этой хроникѣ читатель можетъ получить не мало характерныхъ иллюстрацій того разлада, который закладывается современнымъ порядкомъ вещей между идеалами лучшей части русскаго общества и возможностью провести ихъ въ окружающую дѣйствительность. Составить эту хронику, имѣющую, какъ видимъ, не только узко-профессіональный, но и широкій общественный интересъ,—дѣло было нелегкое, такъ какъ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ обширному матеріалу, раскиданному по различнымъ провинціальнымъ органамъ, часто мало извѣстнымъ и мало распространеннымъ въ широкой публикѣ.

За хроникой слѣдуетъ рядъ законоположеній и циркуляровъ, которые регулируютъ наше дѣло народнаго образованія и которымъ, какъ извѣстно, „нѣсть числа". Здѣсь мы находимъ „нор-

мальный уставъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ", уставъ ихъ уѣздныхъ отдѣленій, различныя распоряженія, касающіяся учащихъ въ народныхъ школахъ (о порядкѣ опредѣленія преподавателей, увольненія и перемѣщенія ихъ, о приглашеніи народныхъ учителей къ участію въ засѣданіяхъ земскихъ собраній и т. д.), пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ, педагогическіе курсы и съѣзды, о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и т. д. Не забыты, повидимому, всѣ важнѣйшіе терніи, терзающіе дѣло народнаго образованія и доставляющіе столько душевныхъ мукъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы душу свою положить на это великое дѣло народной жизни.

Но на ряду съ этими актами бюрократическаго творчества и измышленія мы, къ удовольствію своему, нашли документы, вызванные къ жизни коллективной мыслью и работой и заслуживающіе широкой популяризаціи. Это—„примѣрный уставъ общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ, одобренный общимъ собраніемъ съѣзда представителей учительскихъ обществъ 6 янв. 1903 г." и „проектъ устава союза учительскихъ обществъ," выработанный на томъ же съѣздѣ.

Все это занимаетъ первую половину книги; во-второй же—помѣщено много цѣнныхъ практическихъ указаній, при помощи которыхъ учитель хоть сколько-нибудь можетъ скрасить свое незавидное существованіе. Здѣсь мы находимъ составленныя заботливой рукой свѣдѣнія о санаторіяхъ, курортахъ и климатическихъ станціяхъ, объ образовательныхъ экскурсіяхъ, о московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія; затѣмъ идетъ обширный списокъ „лучшихъ книгъ", распредѣленныхъ на отдѣлы, затѣмъ около 200 отзывовъ на новыя книги, взятыхъ изъ лучшихъ журналовъ, а другія болѣе мелкія, но часто важныя данныя для человѣка, заброшеннаго въ непролазную деревенскую глушь.

Такимъ образомъ, „Справочная Книга" заслуживаетъ вниманія со стороны самой широкой публики; кромѣ того, не можемъ не указать на то, что чистый доходъ отъ настоящаго изданія данной книги долженъ поступить въ пользу общества взаимопомощи учащихъ Тверской губерніи. Все это даетъ основаніе надѣяться, что эта книга, быть можетъ, въ ближайшее время выйдетъ и вторымъ изданіемъ, а потому мы находимъ полезнымъ указать два пробѣла, которые желательно было бы заполнить въ такой справочной работѣ.

Это, во-первыхъ, отсутствіе компактной и небольшой программы для домашняго чтенія по общественнымъ вопросамъ (разсчитанной, напр., на одну зиму). Въ такихъ программахъ потребность въ настоящее время—огромная, и служба ихъ ничѣмъ незамѣнимая. Но это должны быть очень краткія и интенсивныя програмки, которыя позволили бы читателю сознательно отнестись къ плат-

формамъ, съ которыми въ непродолжительномъ времени выступить наши партіи. Московская программа домашнихъ чтеній для этихъ цѣлей не годится: она слишкомъ академична и слишкомъ велика (разсчитана на четыре года)...

Во-вторыхъ, насъ удивило отсутствіе въ такомъ справочникѣ какихъ-либо свѣдѣній о подвижныхъ музеяхъ. Учрежденія этого рода настолько интенсифицируютъ работу школы, настолько связаны съ самодѣятельностью учительскаго персонала, настолько осмысливаютъ существованіе народнаго учителя и сливаютъ его интересы въ конкретной работѣ съ интересами другихъ группъ культурнаго русскаго общества, что вниманіе учительскаго персонала должно быть непремѣнно фиксировано на учрежденіяхъ этого рода. Да и быстрый ростъ подвижныхъ музеевъ, даже при современныхъ условіяхъ русской школы, доказываетъ жизнедѣятельность ихъ (См., напр., обширную статью на эту тему въ „Вѣстникѣ Таврическаго Земства" за 1905 годъ).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями **въ** редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

П. Лучинскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

В. Д. Лехно (Одинокій). Стихотвореніе Спб. 1905.

Н. М. Соколовъ. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія. ***Б. Попова.*** Казань. 1905.

В. П. Разуваевъ. Скромныя картинки. Сборникъ желѣзнодорожныхъ, охотничьихъ и другихъ разсказовъ и стихотвореній. Второе дополненное изданіе. Козловъ. 1905. Ц. 70 к.

В. М. Дорошевичъ. Собраніе сочиненій. Т. V. По Европѣ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина Ц. 1 р.

Въ Парижѣ. Новелла Кнута ***Гамсуна.*** Изд. и переводъ Мих. Могилянскаго. Кіевъ. 1905. Ц. 4 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Книга вторая. Тифлисъ. 1905. Ц. 50 к.

Л. Н. Толстой. Монографія ***Андреевича.*** Изданіе А. Е. Бѣляева. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ ред. ***В. В. Стасова.*** Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1905. Ц. 4 р.

А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Составилъ ***Н. Покровскій.*** Изд. 2-е. М. 1905. Ц. 75 к.

И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Составилъ ***Н. Покровскій.*** М. 1905. Ц. 75 к.

Профессоръ ***Г. Челпановъ.*** Введеніе въ философію. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія „Голосъ": Рѣчь Робеспьера, съ предисловіемъ С. Южакова; „Всеобщая подача голосовъ". — ***Л. Зайденманъ.*** „Правовое положеніе евреевъ въ Россіи". — ***Левъ Мовичъ.*** „Стачки рабочихъ въ Западной Европѣ". Спб. 1905. Ц. по 10 к. книга.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина. Современная библіотека: Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль (по

Шиллеру. Ц. 10 к.—***Ю. Делевскій.*** Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.—***В. Алексѣевъ.*** Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к. — ***Ч. Ветринскій.*** Гуманистъ 40-хъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к. — ***М. В. Довнаръ-Запольскій.*** Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к. — ***Его же.*** Историческій процессъ русскаго народа въ наукѣ. Ц. 10 к. — ***Его же.*** Реформа общеобразовательной школы при Екатеринѣ II. Ц. 15 к.— ***Его же.*** Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к. Спб. 1905.

Книгоиздательство Е. Д. Мягковой „Колоколъ“: В. Либкнехтъ. Рѣчь его 22 октября 1871 г. Ц. 15 к. — ***С. Боргеймъ.*** Чартистское движеніе въ Англіи. Ц. 20 к. — ***Н. И. Іорданскій.*** Земскій либерализмъ. Ц. 20 к. — ***К. Каутскій.*** Общественныя реформы. Ц. 20 к. — ***К. Каутскій.*** Эрфуртская программа. Ц. 20 к. М. 1905.

Германія въ 48-мъ году. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1905. Ц. 20 к.

К. Мигловъ. О положеніи народныхъ учителей. Книгоизд. „Сѣверное Эхо“. В. Устюгъ. 1905. Ц. 25 к.

В. Львовъ. Всеобщее избирательное право. Изд. А. Острогорской-Малкиной. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Изъ жизни идей ***О. Зѣлинскаго.*** Т. второй. Изд. II-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Мысли объ основахъ нравственности. Изд. III-е. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Максимъ Ковалевскій. Современные соціологи. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Князь ***В. Н. Максутовъ.*** Исторія древняго Востока. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 5 р.

М. М. Богословскій. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Изд. Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой. М. 1905. Ц. 10 к.

Исторія, какъ наука и предметъ преподаванія. ***Ильи Смоленскаго.*** Вып. I. Одесса. 1906. Ц. 1 р.

Н. Рожковъ. Историческіе и соціологическіе очерки. Часть 1-ая. Изд. И. К. Шамова. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. Изд. И. Балашова. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

К. М. Ѳедоровъ. Н. Г. Чернышевскій. II-е изд. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Хожденіе за три моря. Аѳ. Никитина. Сост. ***К. Гарина.*** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 10 к.

П. Попповъ. Борисъ Годуновъ. Изд. И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 15 к.

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Книгоиздательство „Бесѣда“. М. 1905. Ц. 2 р.

И. И. Петрункевичъ. Къ аграрному вопросу. Изд. редакціи „Вѣстника сельскаго хозяйства“. М. 1905. Ц. 25 к.

А. И. Бахъ. Экономич. очерки. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

К. Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

А. Н. Миклашевскій, проф. Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Б. Веселовскій. Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ. Вып. I-й. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Вл. Максимовъ. Очерки по исторіи общественныхъ работъ въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Сав. Каминскій. Кое-что о сокращеніи рабочаго времени. Кіевъ. 1905. Ц. 15 к.

П. Лафаргъ. Профессіональное рабочее движеніе въ Германіи. Изд. В. Сомовой. М. 1905. Ц. 25 к.

А. Кузоватовъ. Законъ экономическаго равновѣсія. Ковель. 1905. Ц. 30 к.

Изданія М. Малыхъ: В. Водовозовъ. Пропорціональные выборы или представительство меньшинства. Ц. 10 к.—Проф. ***М. М. Ковалевскій.*** Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи. Ц. 10 к.—***Эмиль Розеновъ.*** Томасъ Мюнцеръ. Ц. 10 к.— ***А. Калантай.*** Къ вопросу о классовой борьбѣ. Ц. 10 к. — ***Карлъ Марксъ.*** Кэри и Бастіа. Ц. 10 к — ***В. Найэръ.*** Колесоножка и быстрозвонка. Сказка. Ц. 10 к.—***К. Марксъ.*** Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Ц. 20 к.— ***К. Каутскій.*** Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну. Ц. 10 к.—***Л. Бурже и А. Метэнъ.*** Основы государственнаго устройства Франціи. Ц. 10 к.— ***В. Пемберъ Ривсъ.*** Политическія права женщинъ въ Австраліи. Спб. 1905.

Изданія Е. М. Алексѣевой: П. Лафаргъ. Благотворительность. Ц. 8 к.—***А. Бебель.*** Профессіональное движеніе и политическія партіи. Ц. 12 к.—***В. Браке.*** Долой соціалъ-демократовъ! Ц. 5 к. Одесса. 1905.

Избирательныя права женщинъ. *Д. С. Милля*. М. 1905. Ц. 10 к.

С. Г. Сватиковъ. Созывъ народныхъ представителей. Изд. „Донская Рѣчь“. Ростовъ на Дону. 1905. Ц. 10 к.— Государственная Дума. Изданіе неоффиціальное газеты „Кіевскіе Отклики“. Кіевъ. 1905. Ц. 12 к.

Тексты конституцій (Изданіе газеты „Кіевскіе Отклики“). I. *Прусская конституція*. Переводъ М. С. Іоффе подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905 Ц. 5 к. II. *Испанская конституція*. Переводъ Н. И. Лучицкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1905. Ц. 5 к.

И. Д. Новикъ. Современныя конституціи и Положеніе о Государствен. Думѣ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1906. Ц. 2 р.

В. Сѣрошевскій. Корея. Очерки. Второе изд Е. Глаголева. Спб. 1905. Ц. 1 р, 25 к.

Ив. Абрамовъ. Черниговскіе малороссы. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Г. И. Бобриновъ. Наброски изъ общественной жизни. Спб. 1905. Ц. 1 р.

П. А. Некрасовъ. Государство и Академія. М. 1905.

I. В. Михайловскій. Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Н. А. Вигдорчикъ. Замѣтки сибирскаго врача. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 40 к.

Основныя начала школьной гигіены. Д-ра *Д. Д. Бекарюкова*. Изд. журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1905. Ц. 2 р.

Н. Володкевичъ. Задачи педагогической дѣятельности. Кіевъ. 1905.

Міръ чудесъ. Географическая хрестоматія. Сост. *М. Круковскій*. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 1 р.

Царство минераловъ. Изд. А. Ф. Девріена Вып. 7-й. Спб. 1905. Ц 2 р. 75 к.

П. И. Межеричеръ. Учебникъ геометріи. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Учебникъ ботаники. Сост. *В. Капельнинъ и А. Флеровъ*. Часть II. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1905 Ц. 70 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Вып. II. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 50 к.

Ечинацъ. Подготовка къ жизни и свободная школа. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Л. Лиданова. Грунятка. М. 1905. Ц. 25 к.

Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. *Е. Н. Волчанетской*. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 20 к.

Е. Мавенинъ. Что необходимо крестьянину. Очеркъ. М. 1905 Ц. 15 к.

Іуда-Мытарь. Что такое приказчикъ? Томскъ. 1905. Ц. 40 к.

С. Воскресенскій. По мыслямъ лучшихъ людей: Самообразованіе и книги. Ц. 20 к.—Характеръ. Ц. 15 к.— Веселый нравъ и мужество. Ц. 10 к.— Бодрость духа и здоровье. Ц. 15 к.— Изученіе человѣка. Ц. 30 к.—О любви и высшей радости. Ц. 25 к.—Счастье семьи и воспитаніе дѣтей. Ц. 25 к.— Трудъ и богатство. Ц. 10 к.—Успѣхъ жизни и практическая мудрость. Ц. 25 к.—Въ чемъ счастье? Ц. 20 к.— Воззрѣнія на природу и человѣка. Ц. 50 к. Кіевъ. 1905.

Д-ръ *А. А. Гіероглифовъ*. О холерѣ. Изд. гр. В. Массальскаго. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Вороновъ. Общественныя условія здоровья. Воронежъ. 1905.

Крапивинъ, прив.-доц. Моск. унив. Энергія и ея превращеніе. М. 1905 Ц. 80 к.

Московско-литературный художеств. кружокъ. М. 1905.

Матеріалы для выработки программы текущей статистики. Вятка 1905.

В. Василевичъ. Московскій съѣздъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Ц. 50 к.

Т. А. Щавинскій. Полный систематическій учебникъ международнаго языка Эсперанто. Мелитополь. 1905 Ц 1 р. 25 к.

Политика.

Англо-японскій союзъ.- Перемѣна міроваго политическаго состоянія.—Портсмутскій мирный договоръ.—Отголоски войны.—Скандинавское соглашеніе. — Обостреніе венгерскаго кризиса.—Марокккскій вопросъ.—Текущія событія.

I.

Гвоздь политики отчетнаго мѣсяца, на время отодвинувшій другіе вопросы и всѣхъ ихъ освѣтившій по новому—это только что опубликованный текстъ англо-японскаго союзнаго трактата отъ 30 іюля 1905 года. Уже около половины августа стало извѣстно, что англо-японскій союзъ, заключенный въ Лондонѣ 30 января 1902 года, возобновленъ на десять лѣтъ. Сообщалось также объ его расширеніи въ томъ смыслѣ, что союзныя державы обязаны помогать другъ другу не только противъ двухъ державъ, какъ то было условлено въ договорѣ 1902 года, но и въ случаѣ войны съ одною державою. Сообщались и другіе слухи, указывавшіе на большую важность новаго союзнаго договора. Однако, появлялись и опроверженія этихъ сенсаціонныхъ слуховъ. Какъ ни были порою сообщенія, извѣстія и слухи сенсаціонны, дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія. Содержаніе трактата сенсаціоннѣе всякихъ слуховъ и обнаруживаетъ существенное перемѣщеніе руководящихъ центровъ всемірной исторіи. Обѣ державы, заключившія новый союзный договоръ, сдѣлали огромный шагъ въ сторону отъ прежнихъ базъ своей политики, приняли огромныя обязательства, взвалили себѣ на плечи огромную отвѣтственность, сдѣлали смѣлый вызовъ крупнѣйшимъ политическимъ силамъ историческаго міра.

Жестокій ударъ, понесенный Россіей на Дальнемъ Востокѣ, до глубины всколыхнулъ историческое море. Оно вышло изъ береговъ и затопило англо-японскою волною господства громадную территорію, всю ту Азію, которая сохранила туземныя правительства. Японія и Англія наложили свою тяжелую руку не только на Индію и Корею, но и на Китай, Сіамъ, Тибетъ, на „страны къ сѣверъ-западу отъ Индіи", на Персію... Быть можетъ, и больше.

Текстъ англо-японскаго договора былъ одновременно опубликованъ 13 (26) сентября въ Лондонѣ и Токіо. Онъ состоитъ изъ предисловія и 8 статей.

Въ предисловіи говорится, что предметомъ послѣдующихъ статей являются упроченіе и поддержаніе общаго мира въ восточной Азіи и въ Индіи; соблюденіе общихъ интересовъ всѣхъ державъ въ Китаѣ; обезпеченіе независимости и неприкосновен-

ности Китая и принципѣ одинаковыхъ правъ для торговли всѣхъ народовъ; поддержаніе территоріальныхъ правъ Великобританіи и Японіи въ восточной Азіи; защита ихъ спеціальныхъ интересовъ въ этихъ странахъ.

Статья первая: Оба правительства, когда спеціальные прав. и интересы ихъ окажутся въ опасности, должны сообщить объ этомъ другъ другу откровенно, безъ обиняковъ, и соединиться для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для ихъ огражденія.

Статья вторая: Если вслѣдствіе невызваннаго агрессивнымъ образомъ дѣйствій нападенія съ какой бы то ни было стороны,— со стороны ли одной державы или со стороны нѣсколькихъ державъ,—та или другая изъ договаривающихся сторонъ будетъ поставлена въ необходимость начать войну для огражденія своихъ правъ и интересовъ, то другая сторона должна немедленно явиться на помощь своему союзнику, вести сообща съ нимъ войну и съ взаимнаго же съ нимъ согласія заключить миръ.

Статья третья: Въ виду того, что Японія пользуется преобладающими политическими, военными и экономическими правами въ Кореѣ, Великобританія признаетъ за Японіею право принимать мѣры къ руководству, контролю и покровительству Кореѣ, какія только она признаетъ подходящими и нужными для огражденія своихъ интересовъ и содѣйствія имъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы мѣры эти не противорѣчили принципу одинаковыхъ льготъ для всякой торговли.

Статья четвертая: Японія признаетъ право Великобританіи принять въ прилегающихъ къ индійской границѣ областяхъ мѣры, которыя окажутся необходимыми для охраны индійскихъ владѣній.

Статья пятая: Договаривающіяся стороны условливаются, что ни одна изъ нихъ безъ опроса другой не вступитъ въ спеціальныя соглашенія съ какой-либо другой державою въ ущербъ цѣлямъ, упомянутымъ въ предисловіи.

Въ статьѣ шестой упоминается о русско-японской войнѣ и говорится, что Великобританія обязывается держаться строгаго нейтралитета и явиться на помощь Японіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя подвергнется нападенію со стороны другой державы.

Статья седьмая: Условія, на которыхъ будетъ оказана военная помощь, должны быть выработаны представителями военно-сухопутной и морской администраціи договаривающихся сторонъ, которыя свободно и откровенно будутъ отъ времени до времени совѣщаться между собою.

Статья восьмая: Настоящій договоръ заключается на 10 лѣтъ и можетъ быть отмѣненъ путемъ предупрежденія за годъ до истеченія этого срока.

Не надо быть проницательнымъ дипломатомъ, чтобы понять, что договоръ направленъ главнымъ образомъ противъ Россіи

Это видно также изъ того, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Лансдоунъ счелъ необходимымъ сопроводить извѣщеніе Россіи о заключенномъ съ Японіей договорѣ особымъ мотивированнымъ объясненіемъ, долженствующимъ ослабить впечатлѣніе этого явно враждебнаго Россіи акта. Онъ поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ сэру Гардингу передать текстъ новаго англо-японскаго союзнаго трактата и сдѣлать слѣдующее оффиціальное объясненіе (которое хотя и обнаруживаетъ, что въ настоящее время въ Лондонѣ войны не желаютъ, но не болѣе того).

„Договоръ былъ подписанъ 30 іюля. Благоволите замѣтить, что текстъ договора былъ бы сообщенъ немедленно, но въ виду того, что переговоры между Японіей и Россіей въ то время уже были начаты, опубликованіе подобнаго дипломатическаго документа было бы неудобнымъ и несвоевременнымъ. Я имѣю надежду, что договоръ явится такимъ международнымъ актомъ, противъ котораго ни одна держава, заинтересованная въ дѣлахъ Дальняго Востока, не сочтетъ возможнымъ дѣлать возраженія. Вамъ надлежитъ обратить вниманіе на вступительную статью договора, въ которой изложена политика, служившая основаніемъ при заключеніи договора между обѣими державами. Великобританское правительство полагаетъ, что можетъ разсчитывать на доброжелательство и поддержку всѣхъ державъ для обезпеченія мира на Дальнемъ Востокѣ, а также неприкосновенности и независимости Китайской имперіи, равно и принциповъ равноправности относительно торговли и промышленности всѣхъ націй въ этихъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, спеціальные интересы обѣихъ договаривающихся державъ такого свойства, что онѣ обязаны настаивать на полномъ ихъ соблюденіи, и объявленіе о томъ, что имъ должны быть предоставлены соотвѣтственныя права, не должно вызывать ни удивленія, ни безпокойства.

Третья статья, касающаяся корейскаго вопроса, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она признаетъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ преобладающее положеніе, которое Японія въ данный моментъ занимаетъ и отнынѣ должна занимать въ Кореѣ, равно и право Японіи принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія своихъ политическихъ, военныхъ и экономическихъ правъ въ данной странѣ, но при этомъ въ статьѣ спеціально предусмотрѣно, чтобы подобныя мѣропріятія не противорѣчили принципу торговой и промышленной равноправности всѣхъ остальныхъ націй. Въ этомъ пунктѣ существуетъ значительное разногласіе между новымъ договоромъ и договоромъ 1902 г. Однако, съ того времени выяснилось, что Корея, вслѣдствіе близости къ Японія и своей неспособности быть самостоятельной, должна была подпасть подъ контроль и покровительство Японія. Британское правительство отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что Россія въ мирномъ

договорѣ охотно согласилась на условія этого пункта, и считаетъ, что имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и другія державы раздѣляютъ тѣ же самые взгляды по вопросу объ отношеніяхъ, установившихся между Японіей и Кореей. Британское правительство увѣрено, что заключенный союзъ будетъ преслѣдовать вполнѣ мирныя цѣли въ защиту неоспоримыхъ правъ обѣихъ державъ и, поэтому, будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ. Британское правительство считаетъ себя равно въ правѣ предполагать, что заключеніе англо-японскаго договора оказало вліяніе на успѣшное заключеніе соглашенія, положившаго счастливый конецъ войнѣ, и надѣется искренно, что англо-японскій договоръ будетъ способствовать обезпеченію всеобщаго мира на много лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ". Тождественная инструкція была послана Лэндсдоуномъ англійскому послу въ Парижѣ.

Это дипломатично и даже любезно, но не измѣняетъ того факта, что вся огромной длины русская граница въ Азіи отъ Чернаго моря до Берингова не можетъ быть измѣнена въ пользу Россіи, но за то всегда можетъ быть измѣнена ей въ ущербъ. Неприкосновенность территоріи японской (съ Кореей), китайской, индійской, афганской, повидимому, персидской, признаны англо-японскимъ договоромъ, но эта неприкосновенность отнюдь не распространяется на сопредѣльную русскую территорію, которая ограждена лишь собственною военною силою Россіи.

Дипломаты остаются дипломатами. Журналисты пишутъ откровеннѣе. Такъ, „Times" пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Поглощеніе мелкихъ азіатскихъ державъ, еще недавно бывшихъ нашими сосѣдями на большое разстояніе вдоль индійской границы, систематическое подкапываніе подъ другія посредствомъ коварныхъ комбинацій, подкупа, угрозъ, интригъ; безостановочное сближеніе стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ съ пунктами, у которыхъ онѣ не могли служить другимъ цѣлямъ, кромѣ постоянной угрозы намъ; концентрація войскъ, приготовленіе у нашей границы всевозможныхъ средствъ къ нападенію; систематическое стремленіе закрыть для насъ богатѣйшіе рынки на Дальнемъ Востокѣ, какъ посредствомъ дѣйствительнаго присоединенія ихъ къ собственнымъ владѣніямъ, такъ и посредствомъ насильственнаго исторженія отъ мѣстныхъ правительствъ разныхъ привилегій, монополій, исключительныхъ концессій, — все это разбудило, наконецъ, нашихъ государственныхъ людей и побудило ихъ сдѣлать этотъ шагъ, который дѣйствительно радикально обезпечиваетъ Англію отъ угрожавшихъ ей опасностей".

Этотъ обвинительный актъ противъ прошлаго русской политики характеризуетъ и настоящее значеніе этого историческаго акта. Не мудрено, если изъ Токіо тамъ же сообщаютъ, что англо-японскій договоръ вызвалъ всеобщее удовольствіе; общество было удовлетворено возобновленіемъ союза въ болѣе распространенной

формѣ. Полное удовлетворенiе вызывало отсутствiе въ договорѣ указанiй на независимость и неприкосновенность Кореи, имѣвшихся въ прежнемъ договорѣ, и взаимныя обязательства о поддержкѣ и помощи во время войны. Распространенiе договора на Индiю было принято нѣкоторыми кругами не особенно благопрiятно, но по общему впечатлѣнiю договоръ обезпечиваетъ сохраненiе мира на Дальнемъ Востокѣ, по меньшей мѣрѣ, на 10 лѣтъ (Рейтеръ). Городъ, все время мрачно настроенный подъ впечатлѣнiемъ мирнаго договора, совершенно преобразился послѣ опубликованiя новаго англо-японскаго соглашенiя. Зданiя нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденiй были иллюминованы.

Это предвидѣнiе, что миръ обезпеченъ на Дальнемъ Востокѣ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ, очень умѣренно, потому что отъ политики одной Россiи онъ обезпеченъ теперь совершенно. Какъ бы ни возродилась военная мощь Россiи, какъ бы ни возсоздался флотъ русскiй, какихъ успѣховъ ни достигла бы русская культура, Россiя одна не можетъ побѣдить Англо-Японiю на морѣ, а слѣдовательно, и принудить ихъ къ существеннымъ уступкамъ. Еще парижскiй трактатъ положилъ предѣлъ наступательной политикѣ Россiи по отношенiю къ Турцiи въ Европѣ и въ Азiи. Тогда же особымъ договоромъ между Англiей и Францiей положенъ предѣлъ наступленiю Россiи въ Балтiйскомъ морѣ и въ Скандинавiи. Выросшее могущество Германiи прикрыло всю остальную европейскую границу Россiи. Теперь это историческое движенiе, направленное на прекращенiе дальнѣйшаго территорiальнаго расширенiя Россiи, завершилось лондонскимъ трактатомъ 30 iюля, и Россiя заключена въ тотъ Eisenring, о которомъ мечталъ еще кн. Бисмаркъ. Онъ думалъ создать это желѣзное кольцо въ пользу Германiи. Не совсѣмъ такъ оно вышло, какъ мечталъ желѣзный канцлеръ, но желѣзное кольцо выросло и сковало Россiю со всѣхъ сторонъ. Внѣшняя политика Россiи должна радикально измѣниться, потому что всѣ старые пути закрыты Не будетъ поэтому преувеличенiемъ сказать, что никогда съ XIII вѣка, съ татарскаго нашествiя, Россiя не несла подобнаго пораженiя. Я не желаю моему отечеству новыхъ завоеванiй. Я полагаю, что мы достаточно имѣемъ и что, умно распорядившись нашимъ достоянiемъ, мы можемъ обезпечить себѣ и благосостоянiе, и прогрессъ, и общее уваженiе. Однако, новыя условiя, созданныя русско-японскою войною и англо-японскимъ соглашенiемъ, настолько существенно нарушаютъ политическое равновѣсiе намъ въ ущербъ, что простое сохраненiе нашей земли можетъ потребовать и большихъ жертвъ, и большаго напряженiя, и новыхъ не всегда выгодныхъ международныхъ комбинацiй. Вотъ въ чемъ заключается опасная угроза, выглядывающая изъ восьми пунктовъ лондонскаго договора 30 iюля.

Особенно опасна своей неопредѣленностью статья четвертая. Что это за ближайшія страны къ сѣверо-западной границѣ Индіи? Конечно, Афганистанъ. Вѣроятно, Персія. А Бухара и Хива? Для характеристики англо-японскихъ отношеній знаменательна командировка японской военной миссіи на сѣверную границу Индіи для ознакомленія съ ея обороной. Миссія посѣтитъ Гератъ и Южную Персію. На ея отправленіи настаивалъ японскій военный министръ. Одновременно оттоманское правительство обѣщало доставить англичанамъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, касающіяся границы между Сѣверной Персіей и Арменіей. Командированный спеціально турецкимъ правительствомъ, чиновникъ уже прибылъ въ Лондонъ. Онъ привезъ подробный отчетъ по этому предмету въ двухъ экземплярахъ: одинъ—для лорда Лэнсдоуна, а другой — для виконта Гаяши. Что сей сонъ означаетъ? Японцы вырабатываютъ планъ кампаніи не только въ Индіи, но и въ Арменіи? Любопытенъ также слухъ, что по ратификаціи мирнаго договора микадо собирается посѣтить корейскіе берега, чтобы лично выбрать мѣста для новыхъ портовъ и факторій. Одновременно будетъ приступлено къ переукрѣпленію Портъ-Артура. Работы разсчитаны на два года и будутъ поручены японцамъ, при участіи англійскихъ инженеровъ. Покупка англійскимъ колоніальнымъ правительствомъ огромныхъ частныхъ доковъ въ Сингапурѣ дополняетъ эти еще отрывочныя сообщенія о новой обширной дѣятельности союзниковъ къ укрѣпленію своего господства на морѣ и на Востокѣ. Все это готовится къ миру.

Приготовленіе къ миру можно усмотрѣть также въ извѣстіи изъ Пекина, что Китай дѣятельно приводитъ въ исполненіе систему военной и морской реорганизаціи. Учрежденъ генеральный штабъ, каждый членъ котораго получилъ военное образованіе въ Японіи, въ продолженіе 5 лѣтъ. Китайская имперія будетъ раздѣлена на 20 военныхъ округовъ, обнимающихъ каждый по 13 провинцій. Туркестанъ и Манчжурія составятъ отдѣльные округа. Правительство разсчитываетъ довести къ концу 1910 года численность своей арміи до милліона хорошо обученнаго войска. Конечно, не противъ Японія и Англіи направлены эти мирныя заботы китайцевъ. Несомнѣнно, однако, противъ европейцевъ. Противъ европейцевъ же выступаютъ и американцы. Изъ Вашингтона сообщаютъ, что новая политика Соединенныхъ Штатовъ, направляемая Рузвельтомъ, будетъ преслѣдовать защиту центральной и южной Америки, препятствуя европейскимъ державамъ пріобрѣтеніе американской территоріи путемъ колонизаціи, купли или завоеванія. Южная Америка—сѣверо-американцамъ, Азія—англичанамъ и японцамъ... Въ странахъ, нуждающихся въ колоніальной территоріи и въ рынкахъ для промышленности, этотъ раздѣлъ міра между англо-саксами и японцами можетъ возбудить

тревогу, особенно въ Германіи. Россія не нуждается ни въ колоніальной территоріи, ни въ рынкахъ для промышленности. Ей эта опасность не угрожаетъ, и она могла бы остаться въ сторонѣ отъ вырисовывающагося конфликта, если только не выраститъ прямая угроза ея территоріи, о которой мы говорили выше. Да минуетъ насъ чаша эта! И безъ того достаточно испытаній.

Новое міровое положеніе, созданное пораженіемъ Россіи и новымъ договоромъ между Англіей и Японіей, не можетъ не вызвать и другихъ значительныхъ перемѣнъ. Поговариваютъ даже о франко-русско-германскомъ союзѣ... Это еще не вѣроятно, но логично. Коалиціи изъ Англіи, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ ничего другого нельзя противопоставить. Это правда, но не будетъ ли высшей и достойнѣйшей правдой найти исходъ не въ новыхъ вооруженіяхъ и противовѣсахъ, а въ общемъ соглашеніи?

II.

Общее соглашеніе, конечно, вполнѣ мыслимо. Англійская пресса даже подняла вопросъ объ англо-русскомъ соглашеніи, которое должно увѣнчать рядъ состоявшихся соглашеній, русско-японское (портсмутскій мирный трактатъ отъ 23 августа), англо-японское (лондонскій союзный трактатъ отъ 30 іюля), англо-французское, франко-итальянское, франко-испанское. „Standart“ (органъ торійскій) напоминаетъ, что русско-японская война прервала уже начавшіеся тогда англо-русскіе переговоры о разграниченіи сферъ вліянія въ Азіи. По мнѣнію газеты, теперь время возобновить эти переговоры. Это недурно, но теперь это недостаточно, и общее соглашеніе всѣхъ великихъ державъ, оформленное трактатомъ и обезпеченное взаимною гарантіею, является настоятельною потребностью для насъ и, хотя въ меньшей мѣрѣ, для остальныхъ европейскихъ державъ.

Что измѣнили въ сферѣ международнаго права портсмутскій и лондонскій трактаты 1905 года?

По соглашеніямъ 1894 и 1895 гг. между Россіей и Японіей Корея признавалась независимою и самостоятельною. То же признаніе независимости и самостоятельности Кореи повторено въ англо-японскомъ союзномъ договорѣ 1902 года. Теперь и портсмутскій, и лондонскій трактаты отмѣняютъ эти соглашенія и передаютъ Корею японцамъ. Россія согласилась, Англія признала и гарантировала, ни одна другая держава не опротестовала. Перемѣна совершилась вполнѣ, и концерту державъ здѣсь дѣлать нечего. Если же англо-русскіе переговоры 1903 года проектировали повторить признаніе независимости Кореи, то совершенно ясно, что возобновленные англо-русскіе переговоры этотъ пунктъ оставятъ въ сторонѣ. Здѣсь исторія уже сказала свое слово.

Исторія произнесла свой приговоръ и по манчжурскому вопросу. И здѣсь англо-русскіе переговоры 1905 и 1906 гг. не повторятъ проектированныхъ соглашеній переговорами 1903 г. Еще 30 іюля въ лондонскомъ договорѣ, японцы признали для Манчжуріи принципъ открытыхъ дверей и затѣмъ повторили его въ портсмутскомъ договорѣ 23 августа. Эта единственно существенная уступка японцевъ сдѣлана ими не нашимъ дипломатамъ, а британскимъ, какъ мы и ожидали въ нашей прошлой бесѣдѣ.

Между Россіей и Англіей въ 1896 году состоялось соглашеніе относительно сферы интересовъ въ Китаѣ. Англія отказалась отъ всякихъ концессій и предпріятій сѣвернѣе широты Пекина, Россія—въ долинѣ Ян-це-кіанга. Теперь и портсмутскимъ, и лондонскимъ трактатами признанъ вообще принципъ открытыхъ дверей. Какъ понимать теперь тогдашнее соглашеніе? Сохраняетъ ли оно силу? Для Манчжуріи не сохраняетъ, очевидно.

Это, однако, частность. Она подводитъ насъ къ основному вопросу, къ китайскому вопросу во всемъ его объемѣ.

За послѣднія два—три десятилѣтія, особенно за послѣднее, китайцы потерпѣли много обидъ отъ иноземцевъ и понесли отъ нихъ же много ущерба и убытка. Въ 1900 году они попробовали прогнать непрошенныхъ гостей, но не имѣли успѣха и должны были покориться. Обиды и убытки, однако, продолжались и продолжаются. Вражда къ иностранцамъ растетъ, и надежда прогнать безцеремонныхъ пришельцевъ очень оживилась, благодаря японскимъ успѣхамъ. Отсюда зарожденіе милитаризма въ Китаѣ, вообще странѣ миролюбивой и не аггрессивной. Недавно появилось въ газетахъ выше приведенное извѣстіе, что Китай раздѣленъ въ настоящее время на военные округа, во главѣ которыхъ поставлены китайскіе офицеры, получившіе военное образованіе въ Японіи, и китайцы надѣются, что уже въ 1910 г. они будутъ имѣть милліонъ европейски обученныхъ и европейски вооруженныхъ солдатъ. Кромѣ того, предполагается основать такіе же военные округа въ Манчжуріи и Восточномъ Туркестанѣ. Это уже подлинный милитаризмъ и, если онъ осуществится, послѣдствія будутъ неимовѣрныя. Главная задача въ настоящее время остановить эту зарождающуюся эволюцію.

Лондонскій трактатъ 30 іюля призналъ и гарантировалъ принципъ цѣлости и неприкосновенности китайской имперіи. Этотъ принципъ провозглашенъ и портсмутскимъ трактатомъ. Если бы это обязательство, принятое пока тремя державами, распространить на остальныя державы и оформить въ видѣ трактата между всѣми великими державами съ привлеченіемъ Китая къ трактату и съ общею гарантіей незыблемости его постановленій, то исчезла бы одна изъ важнѣйшихъ причинъ,

толкающихъ Китай на путь милитаризма. Китай не можетъ не помнить Кяо-чеу, Портъ-Артура, Вей-ха-Вея, Кулуна, Гуань-дуня и нѣкоторыхъ неосуществившихся притязаній. Общая гарантія цѣлости и неприкосновенности китайской территоріи предупредила бы возможность повторенія этого безцеремоннаго раздѣла китайской земли. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ китайцамъ тратить огромныя средства на организацію грозной обороны теперь совсѣмъ беззащитной страны? Китайцы слишкомъ разсчетливы, чтобы не понять того пути, на которомъ они могли бы себя обезпечить безъ милитаризма.

Гарантія цѣлости и неприкосновенности должна заключать и гарантію дѣйствительной независимости. Надо признать, что независимость Китая также нарушена иноземцами, какъ и территоріальная неприкосновенность, и второю важною причиною замышляемаго милитаризма является естественное желаніе китайцевъ оградить свою независимость. Въ этомъ отношеніи существуютъ два ряда фактовъ, задѣвающихъ и достоинство, и существенные интересы китайцевъ.

Роль миссіонеровъ и христіанъ—это первое, на что раздаются справедливыя жалобы со стороны китайцевъ. Уже давно ни для кого не тайна, что на Востокѣ христіанскія миссіи являются скорѣе органами политическаго вліянія, чѣмъ учрежденіями религіозными. Около 800 тысячъ китайцевъ-христіанъ—это цѣлая армія агентовъ разныхъ державъ. Эта армія находится вдобавокъ подъ особымъ покровительствомъ державъ, и малѣйшее посягательство на личность и достояніе христіанина вызываетъ цѣлый дипломатическій походъ, много непріятностей и необходимость вознагражденія потерпѣвшаго. Къ тому же эти привилегіи христіанъ заставляютъ принимать христіанство и такихъ лицъ, которыя это дѣлаютъ для того, чтобы избѣжать счетовъ съ правосудіемъ. Все это вмѣстѣ взятое, и роль христіанъ, какъ агентовъ нелюбимыхъ иноземцевъ, и ихъ безнаказанность, и ихъ привилегированное положеніе, создало по отношенію къ нимъ общую непріязнь. И надо признать, что все это является дѣйствительнымъ нарушеніемъ независимости, а слѣдовательно, и причиною, толкающею на путь милитаризма. Остановить эту эволюцію—въ интересахъ всѣхъ державъ, и если державы искренно отказываются отъ перспективы раздѣла Китая, то и охранять внутри его цѣлыя арміи агентовъ не представляется болѣе надобности.

Торговые трактаты Китая съ державами тоже возбуждаютъ справедливыя нареканія. Какъ безсрочные, они уже являются несовмѣстимыми съ дѣйствительной независимостью. Они заключаютъ постановленія, явно нарушающія независимость: обязательство имѣть англичанина во главѣ таможеннаго вѣдомства, разрѣшеніе иностраннаго судоходства по всѣмъ внутреннимъ воднымъ сообщеніямъ,

обязательство отмѣнить и не устанавливать внутреннія пошлины и т. д. Японія была опутана такимъ же рядомъ безсрочныхъ обязательствъ, но въ послѣднее десятилѣтіе державы, одна за другой, вошли съ Японіей въ соглашеніе о замѣнѣ этихъ соглашеній новыми, основанными на общепринятыхъ началахъ международнаго права и согласованныхъ съ принципомъ независимости. Чтобы этого достигнуть, Японія усвоила себѣ европейскій милитаризмъ. Чтобы удержать Китай отъ такого же усвоенія милитаризма, надо теперь же возвратить ему дѣйствительную независимость и даровать общую гарантію и этой независимости, и территоріальной неприкосновенности.

Несомнѣнно, это общій интересъ державъ, но больше всего это нашъ интересъ. Имѣть своимъ сосѣдомъ на десятокъ тысячъ верстъ милитаризованный Китай—это такъ серьезно, что отнынѣ кардинальною задачею нашей дипломатіи должно бы было быть разрѣшеніе именно этого вопроса. Кромѣ указанныхъ выше фактовъ, относящихся ко всѣмъ европейскимъ націямъ, у насъ оккупація Манчжуріи и всяческіе слѣды оной являются почвою для раздоровъ и вражды. Въ этомъ отношеніи удержаніе манчжурской желѣзной дороги и охранной стражи (около 25 тысячъ войска, цѣлый корпусъ по мирнымъ штатамъ) можетъ питать раздоръ. Поэтому, продажа манчжурской желѣзной дороги и сооруженіе амурской для связи уссурійской дороги съ забайкальскою тоже желательны.

Кромѣ этого пути обезпеченія Китаю независимости и территоріальной цѣлости, континентальная Европа въ цѣломъ и въ единеніи могла бы одобрить противоположный путь политическаго подчиненія Китая въ той или иной формѣ, но теперь обнаружилось, что это возможно лишь путемъ борьбы съ Англо-Японіей, а это и раззорительно, и при существующихъ политическихъ условіяхъ невозможно. Такимъ образомъ, самый справедливый путь является и самымъ выгоднымъ.

Китайскій вопросъ, это—общій вопросъ огромной важности, и его надо рѣшить по общему совѣту націй, а не по одностороннему соглашенію между Англіей и Россіей. Вопросы же о земляхъ западнѣе Китая и сѣверо-западнѣе Индіи могли бы въ самомъ дѣлѣ выясниться при доброжелательныхъ переговорахъ. Кажется, здѣсь только Персія можетъ возбудить нѣкоторыя несогласія. Попытки графа Витте протянуть руку въ Южную Персію, столь ревниво охраняемую англичанами, надо, повидимому, оставить; въ остальномъ, надо думать, можно поладить.

Подъ вліяніемъ аггрессивной политики графа Витте была сооружена манчжурская дорога по чужой территоріи, потомъ захвачена Квантунская область, построена вѣтвь дороги, воздвигнутъ портъ Дальній. За его замыслы мы дорого заплатили. По счастью, его же замыслы въ южной Персіи не принесли столь

же горькихъ плодовъ. Надѣемся, и не принесутъ, и не доставятъ этому поистинѣ роковому для Россіи человѣку снова прославиться „дипломатическою побѣдою"! Она заключается, эта „побѣда", въ разрушеніи зданія, имъ же задуманнаго въ недобрый для Россіи часъ, и въ жестокой расплатѣ за довѣріе къ его проектамъ... Мишура помпезной поѣздки графа Витте по Европѣ и Америкѣ не скроетъ отъ исторіи истинной роли этого „героя дня". Да сохранятъ насъ небеса отъ такихъ „дипломатическихъ побѣдителей"!

Въ русской исторіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій графу Витте принадлежитъ серьезная и отвѣтственная, нерѣдко руководящая роль. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые привели Россію къ настоящему бѣдственному положенію, внѣшнему и внутреннему, къ тягостному портсмутскому миру въ томъ числѣ. Непосредственый виновникъ пагубной аггрессивной политики на Дальнемъ Востокѣ, одинъ изъ главныхъ авторовъ современнаго состоянія Россіи, ея слабости извнѣ, ея раздоровъ и раззоренія внутри, ея униженія среди другихъ націй, новопожалованный нынѣ графъ, а тогда еще „Эсъювитте" (какъ рептиліи прессы его постоянно величали, всегда „С. Ю." Витте) подписалъ 23 августа 1905 года въ Портсмутѣ трактатъ, самый унизительный изъ когда-либо подписанныхъ представителями Россія (татарское иго учредилось безъ какого-либо трактата), и вдругъ самъ счелъ себя побѣдителемъ! Передаютъ, что онъ крикнулъ „ура!", радостно жалъ руки, устроилъ съ товарищами пиршество... И это вовсе не безуміе, а просто то удивительное самочувствіе сановной непогрѣшимости, которымъ проникнуты выдающіеся бюрократы послѣдняго четверть столѣтія. Самочувствіе графа Витте только болѣе яркое проявленіе того фазиса эволюціи, послѣ которой наступаетъ альтернатива: или замѣна этихъ непогрѣшимыхъ людьми отвѣтственными, или упадокъ.

III.

Война окончилась. Ея отголосками, однако, полна дѣйствительность. Ея бѣдственными перипетіями еще переполнена періодическая печать. Эти бѣдствія все ярче рисуютъ безъисходность положенія, если не обновится весь строй нашей управляющей машины. Изъ этихъ печальныхъ отголосковъ войны не могу не остановиться на довольно подробномъ описаніи цусимскаго боя, сдѣланномъ въ литературномъ прибавленіи „Руси" (13 сентября) участникомъ сраженія, повидимому, офицеромъ съ крейсера „Олегъ". Собственно хода битвы я вслѣдъ за нимъ здѣсь касаться не буду. Не послѣдую за авторомъ и въ обсужденіи *всѣхъ* причинъ безпримѣрнаго пораженія 14 мая. Остановлюсь

только на тѣхъ причинахъ, которыя могли бы быть предвидѣны и предупреждены здѣсь въ Россіи до отправленія эскадры.

Описывая бой около трехъ часовъ дня, въ моментъ выхода броненосца „Ослябя“ изъ строя, авторъ говоритъ: „Японскіе снаряды, не въ примѣръ нашимъ, рвутся не только отъ ударовъ о твердые предметы, но и о воду, при чемъ выпускаютъ черный дымъ, даютъ массу осколковъ и подымаютъ громадный столбъ воды. Это, собственно говоря, не снаряды въ полномъ смыслѣ, а прямо особаго сорта мины, которыя поэтому, какъ и мины, производятъ одинаковый эффектъ, что на дальнемъ, что на близкомъ разстояніяхъ. Для такихъ снарядовъ не требуется масса и скорость вылета, а только средство ихъ выкинуть, чтобы потомъ уже работала не живая сила удара, какъ у насъ, а только энергія того взрывчатаго вещества, которое въ нихъ помѣщено.

Это новое изобрѣтеніе даетъ японцамъ громадныя преимущества передъ старыми снарядами, потому что, во-первыхъ, позволяетъ имъ видѣть, куда падаетъ снарядъ, а слѣдовательно, корректировать стрѣльбу; во-вторыхъ, позволяетъ имъ стрѣлять на очень большія разстоянія, да еще вредить имъ не только отъ непосредственнаго попаданія, но даже при паденіяхъ въ воду, близь судна массою брызгъ, залѣпляющихъ глаза людей, а если поближе, то разрывами борта ниже воды и массой осколковъ, проникающихъ повсюду и пронизывающихъ людей. Очень обидно и горько (оканчиваетъ авторъ эти замѣчанія), что у насъ не могли додуматься до такой простой идеи“. Однако, эта простая идея принадлежитъ генералу Кондратенку, который стрѣлялъ изъ позиціонныхъ орудій минами Уайтхеда и производилъ огромныя опустошенія среди непріятеля. Японцы переняли, а свои даже не знали.

Японцы брали верхъ не однимъ этимъ. Авторъ даетъ двадцать одну причину японской побѣды. Изъ нихъ пункты 18, 19 и 21 указываютъ на тактическія ошибки. Остальные пункты приводимъ:

„1) У японцевъ были подводныя лодки, которыя дѣйствовали во время сраженія; у насъ же ихъ не было, хотя мы могли бы притащить ихъ съ собой, какъ притащили миноносцы.

2) У японцевъ было множество миноносцевъ, которые атаковывали наши суда ночью; у насъ же ихъ было всего 9 штукъ и то ими нельзя было воспользоваться, потому что мы были уже разстроены. Кромѣ того, у японцевъ были заведены мины, которыя можно спускать съ разстояній, не достигаемыхъ лучами прожекторовъ, т. е. съ кабельтовыхъ двадцати. У насъ же таковыхъ не было.

3) У японцевъ было порядочное преимущество въ количествѣ небронированныхъ судовъ, вооруженныхъ тяжелыми пушками; у

насъ же ихъ было значительно меньше и при томъ со слабыми вооруженіями.

4) У японцевъ боевая эскадра состояла изъ двухъ группъ однородныхъ, современныхъ судовъ; у насъ же она была разношерстная со старой и новой артиллеріей, со старой и новой бронею и разною скоростью и очень разною поворотливостью.

5) У японцевъ было, по крайней мѣрѣ, на 7 узловъ преимущества въ скорости хода, что давало имъ возможность занимать выгодныя положенія по линіи створа нашихъ судовъ, а намъ изъ-за этого постоянно уклоняться, вздваиваться, быть подъ вѣтромъ и подъ солнцемъ, которое всетаки иногда проглядывало черезъ бывшую тогда мглу. Мы, послѣ сдѣланнаго громаднаго перехода, имѣли много дефектовъ въ нашихъ механизмахъ; кромѣ того, вообще у насъ постоянно лопались разныя трубы, почему командующій эскадрой не могъ рѣшиться на ходъ болѣе 9 узловъ.

6) Японцы, не смотря на большую скорость, отлично соблюдали разстоянія, потому что у нихъ въ машинахъ поставлены соотвѣтствующіе приборы Ришара или Валесси; у насъ же ихъ не было, почему наши суда то очень растягивались, то набѣгали другъ на друга.

7) Японцы, будучи у себя дома, сбросили все лишнее съ своихъ судовъ, мы же, не заведя во-время базы на югѣ Кореи, принуждены были тащить на себѣ массу лишнихъ предметовъ и всякихъ запасовъ, почему сидѣли въ водѣ гораздо глубже нормальной линіи, а главное, это все давало лишнюю пищу для пожаровъ.

8) Насъ страшно стѣсняли транспорты; японцы же, конечно, ихъ не имѣли.

9) Японцы, не разсчитывая дѣйствовать флотомъ слишкомъ далеко отъ своихъ береговъ, всетаки заказали суда съ очень крупнымъ водоизмѣщеніемъ. Мы же, будучи совсѣмъ въ обратныхъ условіяхъ, объ этомъ не догадались и принуждены были всѣ жилыя помѣщенія обращать въ угольныя ямы, что несомнѣнно ухудшало боевыя свойства нашихъ судовъ.

10) Чтобы не разрабатывать машинъ и не тратить угля, мы совсѣмъ не упражнялись на большихъ ходахъ, а получили соперника, который, повидимому, въ этомъ нисколько не стѣснялся.

11) Нашъ уголь, будучи дурного качества, давалъ очень много дыму и мало хода, что облегчало стрѣльбу японцевъ. Ихъ же уголь былъ совершенно бездымный, и они ходили очень быстро.

12) До японскихъ судовъ было очень трудно брать разстояніе, потому что они были выкрашены въ какой-то особенный цвѣтъ, сливающій ихъ съ водой и воздухомъ; мы же, наоборотъ, выглядѣли очень рельефно съ нашими черными корпусами и желтыми трубами.

13) Наша центральная система управленія огнемъ съ передачей разстояній отъ одного-двухъ дальномѣровъ по циферблатамъ совершенно несостоятельна. Слѣдовало имѣть дальномѣры у каждой пушки.

14) У японцевъ приняты башни системы Викорса, почему онѣ втрое скорѣе заряжали орудія, чѣмъ мы.

15) Не имѣя достаточно снарядовъ, мы совсѣмъ мало упражнялись къ стрѣльбѣ, а на полномъ ходу никогда.

16) Оптическіе прицѣлы, только что нами поставленные, ожидаемой пользы не принесли, потому что насъ ставили въ тѣ условія, при которыхъ мы не привыкли съ ними обращаться.

17) Наши устарѣлые снаряды для тѣхъ большихъ разстояній, на которыхъ дерутся японцы (6—11 верстъ), оказались на столько же мало дѣйствительными, какъ если бы мы стрѣляли ими съ завязанными глазами. Не видя, куда снаряды ложатся, нельзя корректировать наводку пушекъ, нельзя надѣяться на мѣткія попаданія. Если бы еще у насъ было преимущество въ ходѣ, чтобы держать врага на близкомъ разстояніи, то дѣло было бы другое, а то у насъ этого тоже не хватало. Непонятно, какъ участники предшествовавшихъ боевъ съ японцами не выяснили эту гигантскую разницу между нами и ими? Вѣдь намъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало идти на нихъ, пока мы не завели тѣхъ же снарядовъ, что у японцевъ. Если эти снаряды не пробиваютъ брони и не топятъ суда, за то они своими безчисленными осколками разносятъ всѣ верхи, забираются во всѣ отверстія, выбиваютъ людей, а это все равно, послѣ того остается только завершить дѣло пораженія одними минами.

20) Команда на эскадру была назначена безъ всякаго разбора, при томъ слишкомъ много было дано запасныхъ, а этого не слѣдовало дѣлать. Ихъ надо было оставить въ Кронштадтѣ, Либавѣ и Севастополѣ".

Всѣ эти девятнадцать причинъ безъ исключенія могли быть предусмотрѣны и предупреждены. Въ совокупности онѣ дѣлали пораженіе неизбѣжнымъ. Хочу сдѣлать оговорку только о первой причинѣ. Японцы утверждаютъ, что 14 и 15 мая они подводныхъ лодокъ не употребляли. Я не вижу причинъ не довѣрять этому заявленію. То обстоятельство, что цѣлью являлись не стоящія, а движущіяся суда; присутствіе своихъ судовъ по близости; значительная зыбь; наконецъ, неопытность съ судами, едва лишь полученными, все это склоняетъ довѣрять заявленію японцевъ. Да и скрывать имъ не было никакой причины.

Авторъ цитированнаго описанія Цусимскаго сраженія основываетъ свое утвержденіе на двухъ фактахъ. Съ „Олега" дважды были замѣчены днемъ самодвижущіяся мины въ такое время, когда непріятельскія суда находились только на невозможномъ разстояніи для метанія минъ. Значитъ, заключаетъ авторъ, ихъ

выбросили подводныя лодки. Не говоря о томъ, во-первыхъ, что въ бою съ сорока большими судами и ста двадцатью минными, нельзя ручаться, что было точно извѣстно разстояніе всѣхъ ихъ, и, во-вторыхъ, не заподозрѣвая русскаго происхожденія этихъ двухъ минъ, укажу только на вышеприведенное свидѣтельство автора: на стрѣльбу японцевъ минами Уайтхеда изъ орудій. Авторъ не разъ такъ же упоминаетъ о значительной зыби 14 мая. Значитъ, мина могла прикоснуться къ водѣ всевозможными способами, въ томъ числѣ и такимъ, при которомъ взрывъ не долженъ послѣдовать. Затѣмъ уже самодвижущаяся мина и будетъ совершать свое автоматическое движеніе до взрыва или истощенія движущей силы. Ясно, что на фактѣ наблюденія двухъ самодвижущихся минъ въ районѣ движенія русской эскадры мнѣ нельзя основывать заключеніе объ употребленіи японцами подводныхъ лодокъ.

Другой фактъ, на который опирается авторъ статьи въ вопросѣ объ участіи въ бою подводныхъ лодокъ, заключается въ необъяснимо внезапной быстрой гибели „Осляби" и „Бородино", особенно перваго. Однако, подробное донесеніе спасшихся офицеровъ „Осляби" не оставляетъ сомнѣнія, что корабль этотъ погибъ не отъ мины.

Мнѣ кажется поэтому, что обвиненіе въ неснабженіи эскадры вице-адмирала Рожественскаго подводными лодками можно и не предъявлять морскому вѣдомству. За нимъ остается столько другихъ. На бумагѣ мы имѣли флотъ въ четыре раза болѣе сильнѣе, чѣмъ японцы, а на дѣлѣ? Цусима обнаружила... Въ цѣлой системѣ вѣдомствъ могутъ существовать извѣстныя различія, извѣстныя степени совершенства и несовершенства, но не можетъ быть кореннаго различія. Вотъ почему съ такою тревогою слѣдитъ вся русская нація за тягостнымъ процессомъ реформы этой злосчастной системы вѣдомствъ, и вотъ почему съ еще большею тревогою приходится слѣдить за уже обнаружившимся отклоненіемъ земско-муниципальной Россіи отъ Россіи народной.

III.

Мы оставили венгерскій кризисъ въ тотъ моментъ, когда по инниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ Кристоффи кабинетъ барона Фейервари рѣшилъ выступить съ демократическою программою всеобщаго избирательнаго права, этимъ маневромъ привлечь къ себѣ народныя массы и при ихъ помощи нанести пораженіе національной оппозиціи. Этотъ смѣлый планъ уже привлекъ сочувствіе будапештской рабочей демократіи, но не былъ принятъ короною, вслѣдствіе давленія со стороны австрійскихъ сферъ. Опасались, что введеніе всеобщей подачи голосовъ въ

только на тѣхъ причинахъ, которыя могли бы быть предвидѣны и предупреждены здѣсь въ Россіи до отправленія эскадры.

Описывая бой около трехъ часовъ дня, въ моментъ выхода броненосца „Ослябя" изъ строя, авторъ говоритъ: „Японскіе снаряды, не въ примѣръ нашимъ, рвутся не только отъ ударовъ о твердые предметы, но и о воду, при чемъ выпускаютъ черный дымъ, даютъ массу осколковъ и подымаютъ громадный столбъ воды. Это, собственно говоря, не снаряды въ полномъ смыслѣ, а прямо особаго сорта мины, которыя поэтому, какъ и мины, производятъ одинаковый эффектъ, что на дальнемъ, что на близкомъ разстояніяхъ. Для такихъ снарядовъ не требуется масса и скорость вылета, а только средство ихъ выкинуть, чтобы потомъ уже работала не живая сила удара, какъ у насъ, а только энергія того взрывчатаго вещества, которое въ нихъ помѣщено.

Это новое изобрѣтеніе даетъ японцамъ громадныя преимущества передъ старыми снарядами, потому что, во-первыхъ, позволяетъ имъ видѣть, куда падаетъ снарядъ, а слѣдовательно, корректировать стрѣльбу; во-вторыхъ, позволяетъ имъ стрѣлять на очень большія разстоянія, да еще вредить имъ не только отъ непосредственнаго попаданія, но даже при паденіяхъ въ воду, близъ судна массою брызгъ, залѣпляющихъ глаза людей, а если поближе, то разрывами борта ниже воды и массой осколковъ, проникающихъ повсюду и пронизывающихъ людей. Очень обидно и горько (оканчиваетъ авторъ эти замѣчанія), что у насъ не могли додуматься до такой простой идеи". Однако, эта простая идея принадлежитъ генералу Кондратенку, который стрѣлялъ изъ позиціонныхъ орудій минами Уайтхеда и производилъ огромныя опустошенія среди непріятеля. Японцы переняли, а свои даже не знали.

Японцы брали верхъ не однимъ этимъ. Авторъ даетъ двадцать одну причину японской побѣды. Изъ нихъ пункты 18, 19 и 21 указываютъ на тактическія ошибки. Остальные пункты приводимъ:

„1) У японцевъ были подводныя лодки, которыя дѣйствовали во время сраженія; у насъ же ихъ не было, хотя мы могли бы притащить ихъ съ собой, какъ притащили миноносцы.

2) У японцевъ было множество миноносцевъ, которые атаковывали наши суда ночью; у насъ же ихъ было всего 9 штукъ и то ими нельзя было воспользоваться, потому что мы были уже разстроены. Кромѣ того, у японцевъ были заведены мины, которыя можно спускать съ разстояній, не достигаемыхъ лучами прожекторовъ, т. е. съ кабельтовыхъ двадцати. У насъ же таковыхъ не было.

3) У японцевъ было порядочное преимущество въ количествѣ небронированныхъ судовъ, вооруженныхъ тяжелыми пушками; у

насъ же ихъ было значительно меньше и при томъ со слабыми вооруженіями.

4) У японцевъ боевая эскадра состояла изъ двухъ группъ однородныхъ, современныхъ судовъ; у насъ же она была разношерстная со старой и новой артиллеріей, со старой и новой бронею и разною скоростью и очень разною поворотливостью.

5) У японцевъ было, по крайней мѣрѣ, на 7 узловъ преимущества въ скорости хода, что давало имъ возможность занимать выгодныя положенія по линіи створа нашихъ судовъ, а намъ изъ-за этого постоянно уклоняться, вздваиваться, быть подъ вѣтромъ и подъ солнцемъ, которое всетаки иногда проглядывало черезъ бывшую тогда мглу. Мы, послѣ сдѣланнаго громаднаго перехода, имѣли много дефектовъ въ нашихъ механизмахъ; кромѣ того, вообще у насъ постоянно лопались разныя трубы, почему командующій эскадрой не могъ рѣшиться на ходъ болѣе 9 узловъ.

6) Японцы, не смотря на большую скорость, отлично соблюдали разстоянія, потому что у нихъ въ машинахъ поставлены соотвѣтствующіе приборы Ришара или Валесси; у насъ же ихъ не было, почему наши суда то очень растягивались, то набѣгали другъ на друга.

7) Японцы, будучи у себя дома, сбросили все лишнее съ своихъ судовъ, мы же, не заведя во-время базы на югѣ Кореи, принуждены были тащить на себѣ массу лишнихъ предметовъ и всякихъ запасовъ, почему сидѣли въ водѣ гораздо глубже нормальной линіи, а главное, это все давало лишнюю пищу для пожаровъ.

8) Насъ страшно стѣсняли транспорты; японцы же, конечно, ихъ не имѣли.

9) Японцы, не разсчитывая дѣйствовать флотомъ слишкомъ далеко отъ своихъ береговъ, всетаки заказали суда съ очень крупнымъ водоизмѣщеніемъ. Мы же, будучи совсѣмъ въ обратныхъ условіяхъ, объ этомъ не догадались и принуждены были всѣ жилыя помѣщенія обращать въ угольныя ямы, что несомнѣнно ухудшало боевыя свойства нашихъ судовъ.

10) Чтобы не разрабатывать машинъ и не тратить угля, мы совсѣмъ не упражнялись на большихъ ходахъ, а получили соперника, который, повидимому, въ этомъ нисколько не стѣснялся.

11) Нашъ уголь, будучи дурного качества, давалъ очень много дыму и мало хода, что облегчало стрѣльбу японцевъ. Ихъ же уголь былъ совершенно бездымный, и они ходили очень быстро.

12) До японскихъ судовъ было очень трудно брать разстояніе, потому что они были выкрашены въ какой-то особенный цвѣтъ, сливающій ихъ съ водой и воздухомъ; мы же, наоборотъ, выглядѣли очень рельефно съ нашими черными корпусами и желтыми трубами.

13) Наша центральная система управленія огнемъ съ передачей разстояній отъ одного-двухъ дальномѣровъ по циферблатамъ совершенно несостоятельна. Слѣдовало имѣть дальномѣры у каждой пушки.

14) У японцевъ приняты башни системы Викорса, почему онѣ втрое скорѣе заряжали орудія, чѣмъ мы.

15) Не имѣя достаточно снарядовъ, мы совсѣмъ мало упражнялись къ стрѣльбѣ, а на полномъ ходу никогда.

16) Оптическіе прицѣлы, только что нами поставленные, ожидаемой пользы не принесли, потому что насъ ставили въ тѣ условія, при которыхъ мы не привыкли съ ними обращаться.

17) Наши устарѣлые снаряды для тѣхъ большихъ разстояній, на которыхъ дерутся японцы (6—11 верстъ), оказались на столько же мало дѣйствительными, какъ если бы мы стрѣляли ими съ завязанными глазами. Не видя, куда снаряды ложатся, нельзя корректировать наводку пушекъ, нельзя надѣяться на мѣткія попаданія. Если бы еще у насъ было преимущество въ ходѣ, чтобы держать врага на близкомъ разстояніи, то дѣло было бы другое, а то у насъ этого тоже не хватало. Непонятно, какъ участники предшествовавшихъ боевъ съ японцами не выяснили эту гигантскую разницу между нами и ими? Вѣдь намъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало идти на нихъ, пока мы не завели тѣхъ же снарядовъ, что у японцевъ. Если эти снаряды не пробиваютъ брони и не топятъ суда, за то они своими безчисленными осколками разносятъ всѣ верхи, забираются во всѣ отверстія, выбиваютъ людей, а это все равно, послѣ того остается только завершить дѣло пораженія одними минами.

20) Команда на эскадру была назначена безъ всякаго разбора, при томъ слишкомъ много было дано запасныхъ, а этого не слѣдовало дѣлать. Ихъ надо было оставить въ Кронштадтѣ, Либавѣ и Севастополѣ".

Всѣ эти девятнадцать причинъ безъ исключенія могли быть предусмотрѣны и предупреждены. Въ совокупности онѣ дѣлали пораженіе неизбѣжнымъ. Хочу сдѣлать оговорку только о первой причинѣ. Японцы утверждаютъ, что 14 и 15 мая они подводныхъ лодокъ не употребляли. Я не вижу причинъ не довѣрять этому заявленію. То обстоятельство, что цѣлью являлись не стоящія, а движущіяся суда; присутствіе своихъ судовъ по близости; значительная зыбь; наконецъ, неопытность съ судами, едва лишь полученными, все это склоняетъ довѣрять заявленію японцевъ. Да и скрывать имъ не было никакой причины.

Авторъ цитированнаго описанія Цусимскаго сраженія основываетъ свое утвержденіе на двухъ фактахъ. Съ „Олега" дважды были замѣчены днемъ самодвижущіяся мины въ такое время, когда непріятельскія суда находились только на невозможномъ разстояніи для метанія минъ. Значитъ, заключаетъ авторъ, ихъ

выбросили подводныя лодки. Не говоря о томъ, во-первыхъ, что въ бою съ сорока большими судами и ста двадцатью минными, нельзя ручаться, что было точно извѣстно разстояніе всѣхъ ихъ, и, во-вторыхъ, не заподозрѣвая русскаго происхожденія этихъ двухъ минъ, укажу только на вышеприведенное свидѣтельство автора: на стрѣльбу японцевъ минами Уайтхеда изъ орудій. Авторъ не разъ такъ же упоминаетъ о значительной зыби 14 мая. Значитъ, мина могла прикоснуться къ водѣ всевозможными способами, въ томъ числѣ и такимъ, при которомъ взрывъ не долженъ послѣдовать. Затѣмъ уже самодвижущаяся мина и будетъ совершать свое автоматическое движеніе до взрыва или истощенія движущей силы. Ясно, что на фактѣ наблюденія двухъ самодвижущихся минъ въ районѣ движенія русской эскадры мнѣ нельзя основывать заключеніе объ употребленіи японцами подводныхъ лодокъ.

Другой фактъ, на который опирается авторъ статьи въ вопросѣ объ участіи въ бою подводныхъ лодокъ, заключается въ необъяснимо внезапной быстрой гибели „Ослябя“ и „Бородино“, особенно перваго. Однако, подробное донесеніе спасшихся офицеровъ „Ослябя“ не оставляетъ сомнѣнія, что корабль этотъ погибъ не отъ мины.

Мнѣ кажется поэтому, что обвиненіе въ неснабженіи эскадры вице-адмирала Рожественскаго подводными лодками можно и не предъявлять морскому вѣдомству. За нимъ остается столько другихъ. На бумагѣ мы имѣли флотъ въ четыре раза болѣе сильнѣе, чѣмъ японцы, а на дѣлѣ? Цусима обнаружила... Въ цѣлой системѣ вѣдомствъ могутъ существовать извѣстныя различія, извѣстныя степени совершенства и несовершенства, но не можетъ быть кореннаго различія. Вотъ почему съ такою тревогою слѣдитъ вся русская нація за тягостнымъ процессомъ реформы этой злосчастной системы вѣдомствъ, и вотъ почему съ еще большею тревогою приходится слѣдить за уже обнаружившимся отклоненіемъ земско-муниципальной Россіи отъ Россіи народной.

III.

Мы оставили венгерскій кризисъ въ тотъ моментъ, когда по иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ Кристоффи кабинетъ барона Фейервари рѣшилъ выступить съ демократическою программою всеобщаго избирательнаго права, этимъ маневромъ привлечь къ себѣ народныя массы и при ихъ помощи нанести пораженіе національной оппозиціи. Этотъ смѣлый планъ уже привлекъ сочувствіе будапештской рабочей демократіи, но не былъ принятъ короною, вслѣдствіе давленія со стороны австрійскихъ сферъ. Опасались, что введеніе всеобщей подачи голосовъ въ

Венгріи возбудитъ аналогичное движеніе и въ Австріи. Повидимому, однако, въ Вѣнѣ не столько опасались, сколько гнѣвались. Ни придворныя, ни бюрократическія сферы габсбургской столицы, не смотря на сорокъ лѣтъ конституціонной жизни, не могли примириться съ мыслью, что надо считаться съ народными стремленіями.

Отвергнувъ программу Фейервари и Кристоффи, императоръ попытался просто припугнуть оппозицію. Онъ вызвалъ къ себѣ вожаковъ оппозиціи. Они прибыли въ Вѣну, и 10 (23) сентября имъ дана аудіенція.

Францъ-Іосифъ принялъ Андраши, Апоньи, барона Банфи, Кошута и Зичи, при чемъ предлагалъ имъ, какъ представителямъ парламентскаго большинства, выступить съ предложеніями на основѣ пріемлемой правительственной программы, при составленіи которой были бы приняты во вниманіе условія, выставленныя верховной властью. Условія эти слѣдующія:

„Устраненіе военныхъ вопросовъ, разъ они касаются командованія и служебнаго языка, вопросовъ, въ которыхъ уступки совершенно невозможны; общность арміи и представительствъ за границею остается въ неприкосновенности, пересмотръ соглашенія 1867 года, насколько дѣло касается экономическихъ или прочихъ вопросовъ, интересующихъ Австрію, будетъ произведенъ не односторонне между верховной властью и венгерскимъ народомъ, а спеціально назначенными, по соглашенію между обоими государствами, одобренному верховной властью, коммиссіями и къ тому же при содѣйствіи правительствъ обѣихъ странъ; затѣмъ должны быть проведены предварительная роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, обычные рекрутскіе наборы, торговые договоры и избранныя делегаціи, а также депутаціи для рѣшенія вопроса о долевомъ участіи каждой страны въ общеимперскихъ расходахъ; затѣмъ должны быть покрыты расходы по тѣмъ военнымъ требованіямъ, для осуществленія которыхъ послѣднія делегаціи ассигновали извѣстныя суммы на 1904 и 1905 гг., и вотированъ предстоящій военный законопроектъ, въ основаніе котораго будетъ положенъ двухлѣтній срокъ пребыванія на военной службѣ. Верховная власть сохраняетъ за собою въ отеческой, но въ то же время и въ рѣшительной формѣ отвѣтственность, которая и дастъ себя почувствовать въ томъ случаѣ, если коалиція упорное отстаиваніе нынѣшней точки зрѣнія и стремленія къ недостижимому предпочтетъ стремленію къ разумному оздоровленію нынѣшнихъ условій, что повлечетъ за собою только увеличеніе несказаннаго горя и бѣдъ, тяготѣющихъ надъ венгерскимъ народомъ“.

Передавъ эти условія вожакамъ, императоръ заявилъ, что для переговоровъ съ ними назначаетъ графа Голуховскаго, и немедленно удалился, не выслушавъ прибывшихъ парламентскихъ

вождей. Пріемъ продолжался всего три минуты. Эта „немилость" не смутила мадъяровъ. Собравшись немедленно на совѣщаніе, четыре упомянутыхъ дѣятеля и прибывшіе съ ними ихъ единомышленники черезъ полторы минуты вынесли единогласную резолюцію, что съ графомъ Голуховскимъ, какъ не венгерцемъ, они не могутъ совѣщаться о венгерскихъ дѣлахъ. Тогда Францъ-Іосифъ назначилъ, вмѣсто графа Голуховскаго, венгерца графа Чираки, которому и было немедленно заявлено, что условія короны безусловно непріемлемы. Шумныя оваціи встрѣтили мадъярскихъ дѣятелей при ихъ возвращеніи въ Будапештъ. Затѣмъ комитетъ парламентскаго большинства, выслушавъ отчетъ возвратившихся изъ Вѣны, принялъ единогласно резолюцію, въ которой одобряетъ образъ дѣйствій государственныхъ дѣятелей, призванныхъ императоромъ Францемъ Іосифомъ, выражаетъ серьезное сожалѣніе по поводу того, что императоръ не выслушалъ названныхъ дѣятелей, и осуждаетъ лицъ, которыя посовѣтовали это ему.

Затѣмъ рѣшено созвать на 21 сентября собраніе всѣхъ коалиціонныхъ партій, чтобы выработать однородный образъ дѣйствій для всѣхъ желающихъ и оградить неприкосновенность венгерской конституціи.

Затѣмъ 15 (28) сентября Францъ-Іосифъ принялъ барона Фейервари. Аудіенція, данная предсѣдателю палаты магнатовъ въ Будапештѣ графу Альфонсу Чаки, послѣднее извѣстіе, находящееся передъ моими глазами.

Тревожнѣе всего то обстоятельство, что въ Вѣнѣ и придворныя, и правительственныя, и парламентскія сферы одобряютъ положеніе, занятое короною по отношенію къ Венгріи.

IV.

Соглашеніе между Норвегіей и Швеціей, наконецъ, состоялось. Весь культурный міръ узналъ объ этомъ съ удовлетвореніемъ, потому что оба скандинавскихъ народа пользуются среди націй искренней симпатіей и уваженіемъ. Соглашеніе состоялось въ слѣдующемъ:

Оба государства передаютъ свои спорныя дѣла на рѣшеніе третейскаго суда; оба государства обязуются представлять гаагскому третейскому суду тѣ свои спорныя дѣла, которыя не затрагиваютъ независимости, цѣлости и жизненныхъ интересовъ обоихъ государствъ. Въ случаѣ разногласія въ вопросѣ о томъ, затрагиваетъ-ли возбужденное дѣло жизненные интересы одного изъ государствъ, рѣшеніе спора подлежитъ гаагскому третейскому суду, за исключеніемъ, однако, дѣлъ, связанныхъ съ соглашеніемъ о прекращеніи уніи.

Соглашеніе остается въ силѣ въ теченіе десяти лѣтъ съ момента его подписанія и должно быть продлено на такой же срокъ, если ни та, ни другая стороны, по крайней мѣрѣ, за два года до истеченія десятилѣтняго срока, не заявитъ о своемъ нежеланіи придерживаться договора.

По поводу учрежденія нейтральной зоны и срытія укрѣпленій обѣ стороны согласились на южной границѣ между Швеціей и Норвегіей установить нейтральную зону шириною въ 15 километровъ, при чемъ въ нее включаются также острова и шхеры, но не части моря и бухты, которыя окажутся внутри самой зоны. Укрѣпленія, военныя гавани, а также запасы провіанта для сухопутной арміи или для флота должны быть удалены, новыя крѣпости не должны возводиться. Эти постановленія, однако, отмѣняются на тотъ случай, если оба государства принуждены будутъ совмѣстно дѣйствовать противъ общаго врага, а также когда одно изъ государствъ будетъ вовлечено въ войну съ третьей державой.

Дальнѣйшіе пункты соглашенія касаются права лапландцевъ пасти свои стада на территоріяхъ обоихъ государствъ, транзита товаровъ и судоходства по водянымъ путямъ сообщенія, связывающимъ обѣ страны.

Прекращеніе уніи, по соглашенію делегатовъ, состоится въ слѣдующемъ порядкѣ: риксдагу шведскому и стортингу норвежскому будетъ предложено принять приведенный текстъ соглашенія съ тѣмъ, чтобы это соглашеніе вступило въ силу послѣ того, какъ Швеція признаетъ Норвегію отдѣлившейся отъ уніи. Если текстъ будетъ принятъ и парламентами обоихъ государствъ при условіи, что соглашеніе будетъ надлежащимъ образомъ подписано, шведскій риксдагъ позаботится объ отмѣнѣ соглашенія объ уніи и о признаніи самостоятельности Норвегіи.

Въ стортингъ уже внесенъ соотвѣтствующій законопроектъ, а въ Стокгольмѣ будетъ созванъ для той же цѣли риксдагъ.

Улаживается, повидимому, и конфликтъ изъ-за Марокко. Продолжительные переговоры между Рувье, кн. Радолинымъ и Розеномъ (ѣдущихъ въ Фецъ смѣнить тамъ гр. Таттенбаха) увѣнчались соглашеніемъ, которое достигнуто по вопросамъ:

1) о программѣ конференціи, 2) объ организаціи полиціи, 3) о наблюденіи за вооруженной контрабандой и ея уничтоженіи, 4) объ учрежденіи государственнаго банка, 5) объ изысканіи новыхъ доходовъ и способовъ наиуспѣшнѣйшаго взысканія налоговъ, 6) объ установленіи основаній сохраненія экономической свободы страны и разрѣшенія пограничныхъ вопросовъ и 7) о томъ, что примѣненіе правилъ о вооруженной контрабандѣ касается исключительно Франціи и Марроко и не подлежатъ разсмотрѣнію на конференціи. Франція и Германія запросятъ Испанію, не имѣетъ ли она возраженій противъ выбора Альджези-

раса мѣстомъ созыва конференціи. Франко-германскій банковскій консорціумъ возьметъ на себя реализацію краткосрочнаго займа, который будетъ погашенъ будущимъ государственнымъ банкомъ. Конференція рѣшитъ вопросъ, кому будетъ предоставлена постройка мола въ Танжерѣ — французской ли компаніи, или же дому Бержо и Рейтеманнъ, за который просила германская миссія.

Самъ Марокко, однако, представляетъ еще очагъ разныхъ тревожныхъ неожиданностей, которыя устранить удастся не скоро.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

XXVII. Отрывки изъ лѣтописи...—XXVIII.—XXIX. Сомнительная автономія.

XXVII.

10 августа состоялось частное совѣщаніе петербургскихъ городскихъ гласныхъ по вопросу о томъ, какъ надлежитъ городскому общественному управленію отозваться на учрежденіе Государственной Думы. Въ этомъ совѣщаніи нѣкоторыми гласными были высказаны крайне характерныя мнѣнія. Такъ, гл. Оппенгеймъ, возражая г. Фальборку, находилъ, что

главное достоинство положенія именно въ томъ и заключается, что отъ представительства устраненъ рабочій классъ, а также малоимущіе или населеніе со среднимъ достаткомъ. Необходимо поэтому, по мнѣнію г. Оппенгейма, довести до свѣдѣнія Государя Императора чувства особой радости, овладѣвшей петербургскимъ общественнымъ управленіемъ при ознакомленіи съ положеніемъ, а также ознаменовать опубликованіе манифеста какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, напримѣръ, устройствомъ дешовыхъ квартиръ *).

Точка зрѣнія—можно сказать—вполнѣ опредѣленная и мысль до конца выдержанная: богатымъ—Таврическій, Гатчинскій или спеціально выстроенный для Думы дворецъ, а малоимущимъ людямъ—дешевыя квартиры. Каждому—по потребностямъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать г. Оппенгейму, это то, что онъ забылъ о крестьянахъ, которые тоже къ паркету не привычны. Не будемъ, однако, не въ мѣру придирчивы. Во всякомъ случаѣ и о крестьянахъ, если не г. Оппенгеймъ, то другіе подумали.

— А гдѣ же они будутъ жить? Мнѣ кажется,—заявилъ кн. Мещерскій,— что это вопросъ весьма важный и... слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы

*) „Сынъ Отечества“, 11 августа.

для крестьянскихъ выборныхъ въ Государственную Думу устроить удобное и дешевое общежитіе *)...

Оставалось только придумать подходящую обстановку, въ которой «гигіеническія скамейки» той или иной системы заняли бы, конечно, видное мѣсто. Со свойственнымъ ему знаніемъ этого дѣла кн. Мещерскій, вѣроятно, обдумалъ бы всѣ детали, но его проектъ, къ сожалѣнію, остался не законченнымъ. Кулакъ, розга, нагайка и другія подобныя орудія управленія въ послѣднее время, какъ извѣстно, экспропріированы изъ вѣдѣнія сіятельнаго публициста. Ими завладѣли Грингмутъ, Казецкій, Бергъ, Шараповъ... А это—люди азартные, и даже кн. Мещерскому за ними не угнаться. Взять хотя бы г. Шарапова.

Говорятъ,—писалъ онъ,—что для россійскаго парламента уже предназначается Таврическій дворецъ. Было бы полезно теперь же принять мѣры къ удобному размѣщенію въ немъ надлежащаго количества войска, особенно казаковъ съ ихъ всеобщей, равной, прямой и при томъ не тайной, а весьма явной... подачей спасительнаго патріотическаго голоса. Эти голоса, если Россіи суждено жить, будутъ, вѣроятно, „подаваться" вслѣдъ за первыми же голосованіями первой россійской палаты депутатовъ **)...

Передъ такою «безпредѣльною наглостью»—недаромъ ее кн. Мещерскій считаетъ однимъ изъ основныхъ свойствъ Шараповской души — задуманное имъ самимъ «общежитіе» представляется какимъ-то пустячкомъ. Впрочемъ, у г. Грингмута другіе планы и онъ предвидитъ другія перспективы. «Московскія Вѣдомости» полагаютъ, что «въ первый же день открытія Государственной Думы придется ее охранять войсками»,—охранять, конечно, отъ тѣхъ «малоимущихъ» людей, которые, быть можетъ, не удовлетворятся обѣщанными имъ «дешевыми квартирами» ***).

Таковы неизбѣжныя метаморфозы, какія должна была претерпѣть мысль г. Оппенгейма. Одобренный имъ проектъ подраздѣленія россійскихъ гражданъ можетъ быть реализованъ, очевидно, только при содѣйствіи вооруженной силы. Все затрудненіе лишь въ томъ, что гг. Шараповы и Грингмуты пока недоумѣваютъ, въ какую сторону ее придется направить.

Вернемся, однако, въ совѣщаніе петербургскихъ гласныхъ. Тамъ были высказаны и другія интересныя мысли, при чемъ рекордъ на этотъ разъ побилъ, несомнѣнно, профессоръ государственнаго права Дымша. Онъ считалъ необходимымъ

---

*) „Гражданинъ", 11 августа.

**) „Русское Дѣло". Цитирую по перепечаткѣ въ „Сынѣ Отечества" отъ 9 августа.

***) „Московскія Вѣдомости", 9 сентября. Въ числѣ другихъ однородныхъ проектовъ можно указать и проектъ профессора А. И. Введенскаго, который, какъ сообщаютъ газеты, „обратился къ министру народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Глазову съ предложеніемъ закрыть на время созыва Государственной Думы всѣ высшія учебныя заведенія".

привѣтствовать обнародованный актъ потому, что дарованыя реформы не стоили русскому народу ни одной жертвы, не въ примѣръ Западной Европѣ, гдѣ дарованіе представительнаго правленія обходилось народу въ тысячи жизней.

Газеты обнаружили склонность отнестись къ этому мнѣнію, какъ къ курьезу. Въ самомъ дѣлѣ, бываетъ вѣдь, что у человѣка «умъ за разумъ заходитъ». Къ тому же разсѣянность, хотя бы она доходила до полнаго непониманія того, что происходитъ вокругъ, издавна свойственна ученымъ людямъ. Но я думаю, что въ данномъ случаѣ дѣло не въ разсѣянности отдѣльнаго ученаго. Если бы за мыслью г. Дымши мы послѣдили такъ же, какъ и за мнѣніемъ г. Оппенгейма, то, несомнѣнно, въ тѣхъ или иныхъ видоизмѣненіяхъ нашли бы ее у многихъ и многихъ общественныхъ дѣятелей даннаго общественнаго слоя. Напримѣръ, рижскіе профессора въ своемъ воззваніи къ студентамъ пишутъ:

Всѣмъ намъ пришлось пережить время, событія котораго уже отошли въ область исторіи. Теперь мы собрались для общаго труда при измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ...

Развѣ это не та же мысль, что и у г. Дымши? Всѣ «событія» для гг. профессоровъ кончились, какъ только они получили возможность выбрать изъ своей среды директора. Съ этого момента началась новая исторія...

Другіе ту же мысль маскируютъ, конечно, замысловатѣе, и вообще превращенія, въ какихъ приходится встрѣчать ее, очень причудливы. Но и за всѣмъ тѣмъ не трудно разсмотрѣть тоже непониманіе и даже нежеланіе понять, что происходитъ въ странѣ. Отсюда и это удивительное самолюбованіе и эта изумительная вѣра въ свои силы, — точнѣе, въ свои ходы. Точно неискусные игроки играютъ въ шахматы: двинутъ ферзь, вродѣ какой-нибудь депутаціи,—и любуются, какъ будто всякій шахъ равносиленъ мату. Или, какъ теперь: засядутъ на конька предвыборной агитаціи,—и мечтаютъ выиграть на немъ партію, какъ будто можно объѣхать «чудище обло, огромно, стозѣвно и лаяй». Гг. шахматисты! оторвитесь на минутку и посмотрите на улицу... *).

XXVIII **).

. . . .

---

*) **Продолженіе этой главы не могло появиться по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.** *Ред.*

) **Эта глава не могла появиться по той же причинѣ. *Ред.*

XXIX.

Въ послѣднее время слово «автономія» сдѣлалось очень ходкимъ. Еще недавно въ «Петербургскомъ Листкѣ« появилось, напримѣръ, такое сообщеніе:

Въ вѣдомство учреждаемаго министерства полиціи войдетъ на автономныхъ началахъ отдѣльный корпусъ жандармовъ, который предполагается значительно пополнить *)...

Но эту автономію, хотя она представляетъ безспорный фактъ современной жизни, русская печать обсуждать, конечно, не можетъ. Я имѣю въ виду другую автономію, болѣе сомнительную, а именно академическую, разговорами о которой сейчасъ полны всѣ газеты. Откуда взялось въ данномъ случаѣ слово «автономія» понять довольно трудно.

Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіямъ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено право избирать ректора и декановъ, представляемыхъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на «обязанность и отвѣтственность» совѣтовъ возложены «заботы о поддержанія правильнаго хода учебной жизни». О какой-либо автономіи въ указѣ не упоминается ни слова. Поводъ къ разговорамъ о ней могло дать появившееся за два дня передъ тѣмъ правительственное сообщеніе о работахъ особой коммиссіи, признавшей необходимымъ «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія», и особаго совѣщанія, признавшаго необходимымъ «положить въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни». Но это «внутреннее» самоуправленіе (обратившееся въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ въ «возможную» самостоятельность «профессорскихъ коллегій») будетъ дано лишь по завершеніи работъ по составленію новаго университетскаго устава. Другими словами: это одна изъ Улитъ, которая еще ѣдетъ и притомъ которая выѣхала много позже другихъ. Пока же профессорскимъ коллегіямъ предоставлены лишь «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Возстановить «правильный ходъ» послѣдней другими средствами правительство оказалось не въ силахъ, и оно рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствію профессорскихъ коллегій. Таковъ несомнѣнно «истинный разумъ» новыхъ временныхъ правилъ, совершенно ясно видный и изъ ихъ текста, и изъ

*) „Петербургскій Листокъ", 6 сентября.

тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось и которыми было обусловлено ихъ появленіе.

Сами профессорскія коллегіи обнаружили, однако, склонность къ нѣсколько иному пониманію предоставленныхъ имъ полномочій. Такъ, совѣтъ петербургскаго университета въ своей резолюціи, принятой большинствомъ 28 голосовъ противъ 22, призналъ, что «временныя правила по управленію высшими учебными заведеніями содержатъ въ принципѣ полный отказъ отъ пагубныхъ началъ университетскаго устава 1884 года и что ими предоставляется совѣту широкая власть во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, какъ учебныхъ, такъ и административныхъ». Еще рѣшительнѣе высказался на этотъ счетъ новый ректоръ московскаго университета кн. С. Н. Трубецкой. «Университетъ — сказалъ, между прочимъ, онъ благодаря своихъ коллегъ за избраніе, — одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи... Совѣтъ нынѣ есть хозяинъ университета». Нельзя, конечно, допускать и мысли, что желанія кн. Трубецкого ограничивались возможностью,—которая дѣйствительно осуществилась,—сдѣлаться ректоромъ по выбору. Да и быть «хозяиномъ университета», какую роль онъ отводитъ совѣту, конечно, не значитъ еще послушно слѣдовать въ чемъ бы то то ни было извнѣ даннымъ предписаніямъ. Говоря, что «мы получили разомъ то, чего желали», новый ректоръ московскаго университета разумѣлъ, очевидно, автономію, понимаемую въ достаточно широкомъ смыслѣ этого слова.

Но такая интерпретація временныхъ правилъ... неизбѣжно окажется, какъ я думаю, чреватой всяческими недоразумѣніями и мучительными коллизіями. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же автономію отождествлять съ «обязанностью» нести заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни,—съ обязанностью, уравновѣшенной очень немногими правами, въ числѣ которыхъ начальство надъ инспекціей и судъ надъ студентами представляются едва ли не самыми важными. Понятіе автономіи, конечно, много шире и этихъ правъ, и этой обязанности. Напомню хотя бы нѣкоторые вопросы, съ которыми уже пришлось считаться «автономнымъ» университетамъ.

Автономный (если это слово не заключать въ кавычки) университетъ долженъ, напримѣръ, самъ опредѣлять контингентъ своихъ слушателей. Публика такъ и поняла автономію, въ наличности которой ее увѣрили. Въ совѣты нѣкоторыхъ университетовъ уже поступили петиціи о допущеніи женщинъ къ слушанію въ нихъ лекцій. Кто и какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ? Допустимъ, что вопросъ о женщинахъ «столь трудный и сложный», что его—какъ и вопросъ о женской политической равноправности на земскомъ съѣздѣ—можно отложить. Но вотъ другой вопросъ, уже неотложный и съ которымъ опять-таки должны уже считаться совѣты. Я имѣю въ виду вопросъ о евреяхъ, которымъ прежнею университетскою

администраціею было отказано въ пріемѣ въ виду нормы и которые теперь со дня на день ждутъ отъ новыхъ «хозяевъ» рѣшенія своей участи. Неужели и въ автономной академіи норма—хотя бы и «повышенная»—сохранится? Столь же неотложнымъ является вопросъ объ исключенныхъ. Они, конечно, будутъ приняты. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли исключеніе замѣнено на будущее время воспрещеніемъ жительства въ университетскихъ городахъ и много ли въ такомъ случаѣ выиграетъ наука? Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я выхожу уже за предѣлы академіи, между тѣмъ какъ много затрудненій предвидится и въ ея стѣнахъ.

Самое главное дѣло, конечно, учебное, а въ немъ первую роль играютъ ученыя силы. Автономная школа, конечно, сама должна выбирать ихъ. Но какъ же быть съ г. Голенкинымъ, повѣсть о которомъ недавно разсказалъ въ «Сынѣ Отечества» проф. Тимирязевъ *)? Вѣдь во временныхъ правилахъ сказано лишь о выборныхъ ректорахъ, деканахъ и секретаряхъ факультетовъ—последнихъ, впрочемъ, какъ потомъ оказалось, «по штату» не положено и выбирать ихъ не приказано,—но нѣтъ ни слова о профессурѣ. Стало быть, и впредь случаи назначенія помимо совѣта, «внѣ конкурса» останутся. Допустимъ, впрочемъ, что «бабушка», въ виду серьезности положенія нѣсколько отступитъ, но едва ли отступятъ другіе департаменты, умѣющіе ворожить. Мистеръ Стэдъ (есть такой благодѣтель!) освободилъ, — по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ увѣряетъ—П. Н. Милюкова. Но едва ли какой-нибудь совѣтъ —даже съ помощью мистера Стэда—возведетъ его на каѳедру. Впрочемъ, и болѣе сильные люди, чѣмъ мистеръ Стэдъ, могутъ оказаться безсильны. Совѣтъ С.-Петербургскаго политехникума, съ согласія министра финансовъ, въ вѣдѣніи коего онъ находится, пригласилъ въ качествѣ профессора М. М. Ковалевскаго, но послѣдній не былъ допущенъ къ должности петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Совѣтъ оставилъ каѳедру и часы, предназначенные для г. Ковалевскаго, незамѣщенными и намѣренъ жаловаться въ сенатъ въ случаѣ вторичнаго его неутвержденія. Но какъ и, главное, когда разсудитъ сенатъ, — конечно, не извѣстно. Я взялъ имена, не только особенно популярныя, но и наименѣе, быть можетъ, для департаментовъ непріятныя. Между тѣмъ, вѣдь изгоевъ русской высшей школы имѣются десятки... Но дѣло не только въ изгояхъ, а и въ новыхъ силахъ, въ которыхъ такъ нуждается наука. «Русскія Вѣдомости» привѣтствовали свободную науку въ свободномъ университетѣ. Но развѣ можетъ быть свободная наука въ несвободной странѣ?

Высшая школа должна работать не только за страхъ, не только «по штату», но и за совѣсть. Она должна «распространиться», чтобы широко и свободно сѣять высшую науку. Въ нѣкоторыхъ

*) „Сынъ Отечества", 15 сентября.

мѣстахъ уже возникъ вопросъ о публичныхъ лекціяхъ и т. д. Допустимъ, что департаменты терпимо отнесутся къ свободной наукѣ, которая будетъ читаться студентамъ. но могутъ ли они остаться спокойными, когда въ университетъ потянется публика?.. Вѣдь трудно себѣ даже представить, чтобы въ его стѣнахъ царило свободное слово, когда вокругъ будетъ прежняя «мерзость запустѣнія». Вѣдь это древніе только церемонились съ «убѣжищами»...

Сказаннаго, я думаю, достаточно для характеристики тѣхъ затрудненій, съ какими должна будеть считаться «автономная» школа. Указывая ихъ, я вовсе не желаю, однако, сказать, что объ автономіи нечего и думать. Напротивъ, къ ней необходимо стремиться... Нѣкоторые профессора, несомнѣнно, такъ и смотрятъ на дѣло, разсчитывая осуществить автономію «явочнымъ» порядкомъ. Но она не осуществлена еще, и уже поэтому торжествующій тонъ С. Н. Трубецкого мнѣ представляется преждевременнымъ. Конечно, намъ пріятно видѣть почтеннаго дѣятеля въ качествѣ выборнаго ректора московскаго университета, но вѣдь не это намъ нужно. Намъ нужна свободная академія и ея мы не получили. Получимъ ли— это вопросъ, который должно рѣшить ближайшее будущее.

По совѣсти сказать, у меня на этотъ счетъ существуютъ большія опасенія и не только потому, что «рожонъ» можетъ оказаться черезчуръ еще сильнымъ, но и потому, что я не особенно увѣренъ въ тѣхъ силахъ, которыя должны въ данномъ случаѣ «переть» противъ него. Чтобы отстоять науку, нужны вѣрные ей слуги, а не «услужающіе», какъ выразился г. Хирьяковъ въ «Сынѣ Отечества». Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается вѣдь въ личномъ составѣ профессорскихъ коллегіи, но мертвящій режимъ не даромъ такъ долго царилъ въ высшей школѣ. И я не знаю, кого въ ней теперь больше: «слугъ» или «услуживающихъ».

Крайне характернымъ въ данномъ случаѣ представляется тотъ фактъ, что на административныя должности въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній выбраны тѣ же самыя лица, которыя были достаточно усердными или, по крайней мѣрѣ, послушными проводниками «пагубныхъ началъ». Такъ, ректоромъ Томскаго университета избранъ профессоръ Курловъ, состоявшій въ этой должности до выборовъ. Въ ректоры Варшавскаго университета избранъ профессоръ Карскій, состоявшій до этого деканомъ. Директоромъ Томскаго технологическаго института избранъ бывшій директоръ Зубашевъ. Директоромъ и секретаремъ Харьковскаго ветеринарнаго института избраны лица, занимавшія тѣ же мѣста и раньше. «Профессоръ Гумилевскій,—прибавляетъ сообщающая объ этомъ газета,— директорствовалъ всего одинъ годъ, но за это время успѣлъ развернуть во всю ширину и глубину свою административную дѣятельность». Возможно, конечно, что, оставшись на прежнихъ мѣстахъ по выбору, всѣ эти лица (а списокъ ихъ можно было бы продолжить) окажутся послушными исполнителями совѣтскихъ предна-

9*

XXIX.

Въ послѣднее время слово «автономія» сдѣлалось очень ходкимъ. Еще недавно въ «Петербургскомъ Листкѣ« появилось, напримѣръ, такое сообщеніе:

Въ вѣдомство учреждаемаго министерства полиціи войдетъ на автономныхъ началахъ отдѣльный корпусъ жандармовъ, который предполагается значительно пополнить *)...

Но эту автономію, хотя она представляетъ безспорный фактъ современной жизни, русская печать обсуждать, конечно, не можетъ. Я имѣю въ виду другую автономію, болѣе сомнительную, а именно академическую, разговорами о которой сейчасъ полны всѣ газеты. Откуда взялось въ данномъ случаѣ слово «автономія» понять довольно трудно.

Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ коллегіямъ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено право избирать ректора и декановъ, представляемыхъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ на «обязанность и отвѣтственность» совѣтовъ возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». О какой-либо автономіи въ указѣ не упоминается ни слова. Поводъ къ разговорамъ о ней могло дать появившееся за два дня передъ тѣмъ правительственное сообщеніе о работахъ особой коммиссіи, признавшей необходимымъ «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія», и особаго совѣщанія, признавшаго необходимымъ «положить въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни». Но это «внутреннее» самоуправленіе (обратившееся въ дальнѣйшихъ инстанціяхъ въ «возможную» самостоятельность «профессорскихъ коллегій») будетъ дано лишь по завершеніи работъ по составленію новаго университетскаго устава. Другими словами: это одна изъ Улитъ, которая еще ѣдетъ и притомъ которая выѣхала много позже другихъ. Пока же профессорскимъ коллегіямъ предоставлены лишь «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Возстановить «правильный ходъ» послѣдней другими средствами правительство оказалось не въ силахъ, и оно рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствію профессорскихъ коллегій. Таковъ несомнѣнно «истинный разумъ» новыхъ временныхъ правилъ, совершенно ясно видный и изъ ихъ текста, и изъ

*) „Петербургскій Листокъ“, 6 сентября.

тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ состоялось и которыми было обусловлено ихъ появленіе.

Сами профессорскія коллегіи обнаружили, однако, склонность къ нѣсколько иному пониманію предоставленныхъ имъ полномочій. Такъ, совѣтъ петербургскаго университета въ своей резолюціи, принятой большинствомъ 28 голосовъ противъ 22, призналъ, что «временныя правила по управленію высшими учебными заведеніями содержатъ въ принципѣ полный отказъ отъ пагубныхъ началъ университетскаго устава 1884 года и что ими предоставляется совѣту широкая власть во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, какъ учебныхъ, такъ и административныхъ». Еще рѣшительнѣе высказался на этотъ счетъ новый ректоръ московскаго университета кн. С. Н. Трубецкой. «Университетъ – сказалъ, между прочимъ, онъ благодаря своихъ коллегъ за избраніе,—одержалъ великую нравственную побѣду. Мы получили разомъ то, чего желали; мы побѣдили силы реакціи... Совѣтъ нынѣ есть хозяинъ университета». Нельзя, конечно, допускать и мысли, что желанія кн. Трубецкого ограничивались возможностью,—которая дѣйствительно осуществилась,—сдѣлаться ректоромъ по выбору. Да и быть «хозяиномъ университета», какую роль онъ отводитъ совѣту, конечно, не значитъ еще послушно слѣдовать въ чемъ бы то то ни было извнѣ даннымъ предписаніямъ. Говоря, что «мы получили разомъ то, чего желали», новый ректоръ московскаго университета разумѣлъ, очевидно, автономію, понимаемую въ достаточно широкомъ смыслѣ этого слова.

Но такая интерпретація временныхъ правилъ... неизбѣжно окажется, какъ я думаю, чреватой всяческими недоразумѣніями и мучительными коллизіями. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же автономію отождествлять съ «обязанностью» нести заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни,—съ обязанностью, уравновѣшенной очень немногими правами, въ числѣ которыхъ начальство надъ инспекціей и судъ надъ студентами представляются едва ли не самыми важными. Понятіе автономіи, конечно, много шире и этихъ правъ, и этой обязанности. Напомню хотя бы нѣкоторые вопросы, съ которыми уже пришлось считаться «автономнымъ» университетамъ.

Автономный (если это слово не заключать въ кавычки) университетъ долженъ, напримѣръ, самъ опредѣлять контингентъ своихъ слушателей. Публика такъ и поняла автономію, въ наличности которой ее увѣрили. Въ совѣты нѣкоторыхъ университетовъ уже поступили петиціи о допущеніи женщинъ къ слушанію въ нихъ лекцій. Кто и какъ разрѣшитъ этотъ вопросъ? Допустимъ, что вопросъ о женщинахъ «столь трудный и сложный», что его—какъ и вопросъ о женской политической равноправности на земскомъ съѣздѣ—можно отложить. Но вотъ другой вопросъ, уже неотложный и съ которымъ опять-таки должны уже считаться совѣты. Я имѣю въ виду вопросъ о евреяхъ, которымъ прежнею университетскою

администраціею было отказано въ пріемѣ въ виду нормы и которые теперь со дня на день ждутъ отъ новыхъ «хозяевъ» рѣшенія своей участи. Неужели и въ автономной академіи норма—хотя бы и «повышенная»—сохранится? Столь же неотложнымъ является вопросъ объ исключенныхъ. Они, конечно, будутъ приняты. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ли исключеніе замѣнено на будущее время воспрещеніемъ жительства въ университетскихъ городахъ и много ли въ такомъ случаѣ выиграетъ наука? Впрочемъ, въ данномъ случаѣ я выхожу уже за предѣлы академіи, между тѣмъ какъ много затрудненій предвидится и въ ея стѣнахъ.

Самое главное дѣло, конечно, учебное, а въ немъ первую роль играютъ ученыя силы. Автономная школа, конечно, сама должна выбирать ихъ. Но какъ же быть съ г. Голенкинымъ, повѣсть о которомъ недавно разсказалъ въ «Сынѣ Отечества» проф. Тимирязевъ *)? Вѣдь во временныхъ правилахъ сказано лишь о выборныхъ ректорахъ, деканахъ и секретаряхъ факультетовъ—послѣднихъ, впрочемъ, какъ потомъ оказалось, «по штату» не положено и выбирать ихъ не приказано,—но нѣтъ ни слова о профессурѣ. Стало быть, и впредь случаи назначенія помимо совѣта, «внѣ конкурса» останутся. Допустимъ, впрочемъ, что «бабушка», въ виду серьезности положенія нѣсколько отступитъ, но едва ли отступятъ другіе департаменты, умѣющіе ворожить. Мистеръ Стэдъ (есть такой благодѣтель!) освободилъ,—по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ увѣряетъ—П. Н. Милюкова. Но едва ли какой-нибудь совѣтъ—даже съ помощью мистера Стэда—возведетъ его на каѳедру. Впрочемъ, и болѣе сильные люди, чѣмъ мистеръ Стэдъ, могутъ оказаться безсильны. Совѣтъ С.-Петербургскаго политехникума, съ согласія министра финансовъ, въ вѣдѣніи коего онъ находится, пригласилъ въ качествѣ профессора М. М. Ковалевскаго, но послѣдній не былъ допущенъ къ должности петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Совѣтъ оставилъ каѳедру и часы, предназначенные для г. Ковалевскаго, незамѣщенными и намѣренъ жаловаться въ сенатъ въ случаѣ вторичнаго его неутвержденія. Но какъ и, главное, когда разсудитъ сенатъ, — конечно, не извѣстно. Я взялъ имена, не только особенно популярныя, но и наименѣе, быть можетъ, для департаментовъ непріятныя. Между тѣмъ, вѣдь изгоевъ русской высшей школы имѣются десятки... Но дѣло не только въ изгояхъ, а и въ новыхъ силахъ, въ которыхъ такъ нуждается наука. «Русскія Вѣдомости» привѣтствовали свободную науку въ свободномъ университетѣ. Но развѣ можетъ быть свободная наука въ несвободной странѣ?

Высшая школа должна работать не только за страхъ, не только «по штату», но и за совѣсть. Она должна «распространиться», чтобы широко и свободно сѣять высшую науку. Въ нѣкоторыхъ

*) „Сынъ Отечества", 15 сентября.

мѣстахъ уже возникъ вопросъ о публичныхъ лекціяхъ и т. д. Допустимъ, что департаменты терпимо отнесутся къ свободной наукѣ, которая будетъ читаться студентамъ, но могутъ ли они остаться спокойными, когда въ университетъ потянется публика?.. Вѣдь трудно себѣ даже представить, чтобы въ его стѣнахъ царило свободное слово, когда вокругъ будетъ прежняя «мерзость запустѣнія». Вѣдь это древніе только церемонились съ «убѣжищами»...

Сказаннаго, я думаю, достаточно для характеристики тѣхъ затрудненій, съ какими должна будетъ считаться «автономная» школа. Указывая ихъ, я вовсе не желаю, однако, сказать, что объ автономіи нечего и думать. Напротивъ, къ ней необходимо стремиться... Нѣкоторые профессора, несомнѣнно, такъ и смотрятъ на дѣло, разсчитывая осуществить автономію «явочнымъ» порядкомъ. Но она не осуществлена еще, и уже потому торжествующій тонъ С. Н. Трубецкого мнѣ представляется преждевременнымъ. Конечно, намъ пріятно видѣть почтеннаго дѣятеля въ качествѣ выборнаго ректора московскаго университета, но вѣдь не это намъ нужно. Намъ нужна свободная академія и ея мы не получили. Получимъ ли— это вопросъ, который должно рѣшить ближайшее будущее.

По совѣсти сказать, у меня на этотъ счетъ существуютъ большія опасенія и не только потому, что «режимъ» можетъ оказаться черезчуръ еще сильнымъ, но и потому, что я не особенно увѣренъ въ тѣхъ силахъ, которыя должны въ данномъ случаѣ «переть» противъ него. Чтобы отстоять науку, нужны вѣрные ей слуги, а не «услужающіе», какъ выразился г. Хирьяковъ въ «Сынѣ Отечества». Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается вѣдь въ личномъ составѣ профессорскихъ коллегій, но мертвящій режимъ не даромъ такъ долго царилъ въ высшей школѣ. И я не знаю, кого въ ней теперь больше: «слугъ» или «услуживающихъ».

Крайне характернымъ въ данномъ случаѣ представляется тотъ фактъ, что на административныя должности въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній выбраны тѣ же самыя лица, которыя были достаточно усердными или, по крайней мѣрѣ, послушными проводниками «пагубныхъ началъ». Такъ, ректоромъ Томскаго университета избранъ профессоръ Курловъ, состоявшій въ этой должности до выборовъ. Въ ректоры Варшавскаго университета избранъ профессоръ Карскій, состоявшій до этого деканомъ. Директоромъ Томскаго технологическаго института избранъ бывшій директоръ Зубашевъ. Директоромъ и секретаремъ Харьковскаго ветеринарнаго института избраны лица, занимавшія тѣ же мѣста и раньше. «Профессоръ Гумилевскій,—прибавляетъ сообщающая объ этомъ газета,— директорствовалъ всего одинъ годъ, но за это время успѣлъ развернуть во всю ширину и глубину свою административную дѣятельность». Возможно, конечно, что, оставшись на прежнихъ мѣстахъ по выбору, всѣ эти лица (а списокъ ихъ можно было бы продолжить) окажутся послушными исполнителями совѣтскихъ предна-

чертаній. Но не значитъ ли это, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, уже приспособившимися служить любому хозяину, и въ конечномъ счетѣ, конечно, тому, кто окажется сильнѣе. Да и какія же это будутъ предначертанія, если для выполненія ихъ не нашлось никого, кромѣ «услужающихъ»?

Нужно ли, далѣе, говорить, какая автономія установится, напримѣръ, въ горномъ или въ Харьковскомъ технологическомъ институтѣ, гдѣ составъ профессоровъ при В. К. Плеве былъ раскассированъ и замѣненъ новымъ, можетъ быть, и не очень ученымъ, но за то вполнѣ покладливымъ и даже въ смыслѣ выполненія начальственной программы очень активнымъ? Конференція Петербургскаго историко-филологическаго института, чтобы избавиться отъ «временныхъ правилъ», которыхъ требовали студенты, выразила «довѣріе» своему нынѣшнему директору Латышеву, каковое довѣріе, по ея мнѣнію, равносильно избранію. Студентамъ же проф. Соколовъ объяснилъ, что «академической свободой они пользуются въ неограниченномъ размѣрѣ, ибо никто не мѣшаетъ студентамъ *учиться*, сколько имъ угодно». Проф. А. И. Введенскій,—тотъ самый, который предложилъ привѣтствовать открытіе Государственной Думы закрытіемъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга,—къ этому прибавилъ, что «прекращеніе занятій есть нарушеніе дисциплины, а потому—кара необходима». Допустимъ, что филологи, вопреки желаніямъ профессоровъ, добьются «автономіи». Но не сведется ли вся она въ такомъ случаѣ къ карамъ за прекращеніе занятій, къ чему прибѣгнули въ данномъ случаѣ студенты?

Но и тамъ, гдѣ выбраны новыя лица, за самостоятельность и независимость высшей школы далеко не вездѣ можно быть увѣреннымъ. На вновь открытыхъ высшихъ женскихъ техническихъ курсахъ, напримѣръ, директоромъ избранъ проф. Щукинъ, и это избраніе было довольно своеобразно отмѣчено его товарищами по профессіи.

Намъ сообщаютъ,—читаемъ мы въ „Сынѣ Отечества",—что на послѣднемъ засѣданіи постояннаго комитета инженеровъ, между прочимъ, было постановлено выразить сожалѣніе по поводу рѣшенія совѣта женскихъ политехническихъ курсовъ, выбравшаго директоромъ курсовъ Н. Д. Щукина. Профессоръ Щукинъ, какъ извѣстно, заявилъ себя тѣмъ, что немедленно, по возбужденіи дѣла о профессорѣ В. Л. Кирпичевѣ, поторопился прислать „отреченіе" отъ званія члена объединенія инженеровъ. Комитетъ считаетъ, что молодое женское высшее образованіе въ Россіи, въ настоящихъ тяжелыхъ условіяхъ переходнаго времени, требуетъ людей болѣе стойкихъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ, а не приспособляющихся къ настроенію минуты и „видамъ" *).

Кто будетъ избранъ директоромъ на Бестужевскихъ курсахъ, еще не извѣстно, такъ какъ «автономія» имъ пока только обѣщана. Но однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ считается А. И. Введенскій, получившій лишь двумя записками меньше проф. Фаусека.

*) „Сынъ Отечества", 13 сентября.

Одна возможность получить такого директора, который въ качествѣ вліятельнаго профессора зарекомендовалъ себя самымъ недвусмысленнымъ образомъ, уже взволновала курсистокъ.

Въ петербургскомъ университетѣ, какъ считаютъ, перевѣсъ взяла либеральная партія, и ректоромъ избранъ проф. Боргманъ. Но...

Профессоръ Ждановъ *), думавшій превратить университетъ въ фортъ Шаброль, получилъ 34 голоса! Это половина профессоровъ петербургскаго университета!

Половина профессорской коллегіи оказалась до такой степени не въ состояніи сознательно отнестись къ дѣлу, что чуть было въ самомъ началѣ не бросила той искры, отъ которой могъ сразу же начаться пожаръ **).

Характернѣе всего въ данномъ случаѣ, конечно, то обстоятельство, что часть профессоровъ вотировала и за г. Боргмана, и за г. Жданова. Такимъ образомъ, приходится признать что-нибудь одно изъ двухъ: или разница между ними не такъ ужъ значительна, или же многіе профессора этой разницы не видятъ. Если мы допустимъ послѣднее, то и въ такомъ случаѣ нельзя рѣшить, какъ будетъ хозяйничать совѣтъ во вкусѣ ли г. Жданова, или во вкусѣ г. Боргмана. Группа, которая будетъ давать перевѣсъ, въ рѣшительную минуту легко можетъ вернуться къ политикѣ перваго, и тогда мы, конечно, увидимъ двери въ залы петербургскаго университета опять забронированными.

Для того, чтобы осуществлять автономію явочнымъ порядкомъ, нужна, конечно, рѣшимость. Но ея, повидимому, у совѣтовъ и выбранныхъ ими лицъ - даже тамъ, гдѣ выбраны сторонники автономіи,—не особенно много. Такъ, напримѣръ, по вопросу о пріемѣ евреевъ ректора петербургскаго и московскаго университетовъ дали уклончивый отвѣтъ, поставивъ рѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ министерства, хотя и обѣщали съ своей стороны возбудить соотвѣтствующее ходатайство. По нѣкоторымъ другимъ вопросамъ «автономныя» школы также обнаружили склонность идти путемъ ходатайствъ, жалобъ и «мотивированныхъ заявленій». Допуская даже, что таковыя будутъ имѣть «полное значеніе», мы все-таки должны сказать, что это не автономія ***).

Между тѣмъ положеніе совѣтовъ очень щекотливое. Они легко могутъ очутиться «между молотомъ жизни и наковальней ея

*) Бывшій ректоръ.

**) „Русь", 15 сентября.

***) Эти строки были уже написаны, когда въ газетахъ появилось письмо акад. Маркова съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его выйти изъ состава совѣтской коммиссіи петербургскаго университета. „Дѣло въ томъ,—пишетъ онъ,—что новый г. ректоръ отказался подвергнуть голосованію мое, якобы незаконное, предложеніе: не ходатайствовать о пріемѣ, а прямо принять всѣхъ, имѣющихъ право на поступленіе въ университетъ, согласно уставу 1884 года. Усмотрѣвъ изъ этого дѣйствія г. ректора, что „новый курсъ" мало отличается отъ „стараго", я, конечно, счелъ излишнимъ принимать въ немъ участіе".

устоевъ» *), или, говоря менѣе образно, между студенчествомъ и департаментомъ. Правда, первую часть возложенной на нихъ обязанности—возстановить занятія—они, повидимому, выполнятъ съ успѣхомъ, но самообольщаться этимъ всетаки не слѣдуетъ, ибо трудно даже сказать, кто въ дѣйствительности на этотъ разъ открылъ или откроетъ учебныя заведенія. Совѣты, конечно, сдѣлали все возможное, вплоть до удаленія воздвигнутыхъ г. Ждановымъ укрѣпленій. Много старались и сторонніе радѣтели, которые, конечно, склонны будутъ приписывать себѣ заслугу. Въ числѣ этихъ радѣтелей оказались даже «изгои»: В. А. Гольцевъ, М. М. Ковалевскій, Н. И. Карѣевъ. Особенно поусердствовалъ первый. Онъ обратился съ воззваніемъ «къ студентамъ», въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

Дорогіе товарищи!.. Учиться! Какое это благородное и отвѣтственное назначеніе!.. Учиться, учиться! Что можетъ быть въ настоящее время настоятельнѣе? Учиться не подъ палкой, не въ полицейскомъ режимѣ, а подъ руководствомъ людей—ими при всѣхъ горькихъ условіяхъ не оскудѣли русскіе университеты—всею душою преданныхъ свободному изслѣдованію и гражданскому долгу.

Общественныя явленія много сложнѣе біологическихъ. Ни одинъ добросовѣстный студентъ-медикъ не возьмется лѣчить трудного больного. Почему же такъ легко относиться къ врачеванью общественныхъ недуговъ? Повѣрьте, что во мнѣ говоритъ не охладѣвшая кровь, что я по прежнему преклоняюсь передъ великодушіемъ и самоотверженіемъ молодости. Но во имя народа, которому не въ моготу раззоряющее его экономически и духовно невѣжество учитесь, учитесь! Верните съ историческими процентами то, что вы должны. Потерпите нѣкоторыя неудобства... Не сыграйте въ руку реакціи. Нѣкоторые органы „истинно-русскаго“ хамства уже учитываютъ въ свою пользу безпорядки въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, уже видятъ съ лакейскимъ злорадствомъ крушеніе профессорской автономіи. Помните, что общественному мнѣнію дорога эта автономія **)...

Повидимому, г. Гольцевъ полагаетъ, что, если безпорядки происходили въ прошломъ (не даромъ же онъ посылаетъ упрекъ за легкое отношеніе къ общественнымъ недугамъ), и тѣмъ паче, если они произойдутъ въ будущемъ, то не иначе, какъ потому, что студенты не желаютъ или не понимаютъ, что нужно учиться. Усвоивъ эту точку зрѣнія,—на которой, къ слову сказать, съ самаго начала стояли всѣ «истинно-русскіе» органы,—г. Гольцевъ такъ хорошо доказалъ необходимость учиться, что даже Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ одобрилъ: «Хотя и изгой, а по нашему пишетъ».

Этотъ человѣкъ говоритъ нынѣ то, взываетъ къ тому, къ чему взывали мы съ самаго начала студенческихъ забастовокъ... Путающіеся въ политику юноши могутъ служить только помѣхой для всякой дѣятельности. Это всегда говорили мы. Это говорятъ нынѣ кн. С. Н. Трубецкой и В. А. Гольцевъ.

---

*) „Сынъ Отечества“, 4 сентября.
**) „Русскія Вѣдомости“, 4 сентября.

Но въ сердцахъ молодежи воззваніе В. А. Гольцева, если судить по отвѣтнымъ изъ этой среды репликамъ, отклика совсѣмъ не встрѣтило. Да и трудно было бы на это разсчитывать. Большее непониманіе душевной драмы, которую изъ поколѣнія въ поколѣніе переживаетъ наша молодежь, трудно себѣ и представить...

Г. Гольцевъ угощаетъ только «маленькими неудобствами». Однако совѣты не гарантируютъ возможности—а въ ней вѣдь вся суть—учиться. Такъ, въ цитированной уже резолюціи совѣта петербургскаго университета мы, между прочимъ, читаемъ:

Какъ совѣты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и само правительство признаютъ зависимость студенческихъ волненій отъ общихъ политическихъ условій русской жизни. Пока жизнь русскаго общества не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ частности и въ интересахъ академической жизни по глубокому убѣжденію совѣта особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности. Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать какъ единолично, и такъ коллективно свои убѣжденія, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы, и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которыя донынѣ тормазили нормальный ходъ научной и учебной работы".

Въ самомъ дѣлѣ, нужно прямо смотрѣть въ глаза дѣйствительности... Если бы я могъ привести наиболѣе характерныя студенческія резолюціи, то для читателей совершенно ясно было бы, что именно «политика» и побуждаетъ молодежь, при очевидной почти невозможности спокойно учиться, собраться сейчасъ въ стѣны учебныхъ заведеній. «Новое Время», подсмѣиваясь надъ постановленіями большинства сходокъ, признавшихъ неизбѣжность политическихъ собраній въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, полагаетъ, что этого не въ состояніи были бы понять «ни Жоресъ, ни Бебель».

Это совсѣмъ новая политическая платформа. Политическія собранія въ самыхъ свободныхъ странахъ (Англія, Франція, Швейцарія) происходятъ въ парламентахъ, въ клубахъ, въ концертныхъ и театральныхъ залахъ, въ гостиницахъ, въ манежахъ, даже на площадяхъ и въ паркахъ, но только не въ зданіяхъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Если гг. студенты въ этихъ странахъ и участвуютъ (очень рѣдко!) въ собраніяхъ политическаго характера, то не въ качествѣ студентовъ, а просто въ качествѣ гражданъ. Почему же русскіе студенты хотятъ устроить изъ университетовъ помѣщенія для политическихъ собраній? Въ университетахъ учатся, а въ парламентахъ занимаются политикой. Гг. студенты особливо должны проникнуться этимъ сознаніемъ теперь, когда по окончаніи курса имъ предоставлена возможность къ широкой и свободной политической дѣятельности.

Тоже въ сущности пишутъ и «Русскія Вѣдомости»: «Тѣ изъ учащихся, которые чувствуютъ себя призванными и подготовлен-

ными къ политической дѣятельности, имѣютъ возможность осуществлять ее помимо университета *). «Имѣютъ возможность»... но гдѣ же? По отношенію къ Россіи это не рѣшилось сказать даже «Новое Время» и сочло за лучшее ограничиться посулами. Повторяю: нужно прямо глядѣть въ глаза дѣйствительности и заранѣе предвидѣть, что чѣмъ свободнѣе будетъ чувствоваться въ университетѣ, тѣмъ больше будутъ стягиваться къ нему люди.

И вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ отнесутся къ этому профессорскія коллегіи. Сумѣютъ ли онѣ проявить надлежащій тактъ и необходимую выдержку?..

Долженъ признаться, что и на этотъ счетъ у меня существуютъ большія опасенія. За совѣтъ московскаго университета, въ которомъ, повидимому, оказалось наибольшее количество сторонниковъ новаго курса, я опасаюсь не меньше даже, чѣмъ за другіе. Не первый уже разъ правительство обращается къ нему за содѣйствіемъ. Не далѣе, какъ въ 1901 году онъ сдѣлалъ попытку заткнуть «злосчастную отдушину», въ какую, по его мнѣнію, злонамѣренные люди обратили университетъ. Каждый—писали московскіе профессора въ своемъ воззваніи—старается пропустить черезъ него свое политическое или соціальное недовольство **). Можетъ быть, и теперь они возобновятъ свою попытку...

Если они сдѣлаютъ это,—а склонность въ этомъ направленіи уже проявлена—то, конечно, съ самыми добрыми намѣреніями. Московская «профессорская» газета уже ссылается на «чувство собственнаго коллективнаго самосохраненія, сознаніе необходимости сохранить университетъ и обезпечить въ немъ возможность правильныхъ занятій ***)». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ и г. Гольцевъ говоритъ: «общественному мнѣнію дорога эта автономія». Какъ же не сохранить то, что «мы разомъ получили»?

Автономія, конечно, дорога, но не та, которая сведется къ самосохраненію. Да и вообще о «самосохраненіи», какъ я думаю, оворить не время.

А. Пѣшехоновъ.

---

*) „Русскія Вѣдомости", 14 сентября.

**) Цитирую по памяти, но думаю, что многіе читатели хорошо помнятъ это знаменитое объявленіе, подъ которымъ стояли подписи почти всѣхъ профессоровъ московскаго университета. Послѣ ходили слухи, что профессора одобрили его, не вслушавшись, а нѣкоторые увѣряли, что ихъ именами зл употребили. Однако, никто изъ нихъ публично не заявилъ протеста. Гдѣ-же гарантія, что и теперь кто нибудь не „злоупотребитъ" ими?

Я могъ бы даже не дѣлать этой оговорки. Въ самомъ дѣлѣ, важно вѣдь то, что было сдѣлано на площади, а не то, что люди потомъ передавали на ухо

***) „Русскія Вѣдомости", 14 сентября.

Случайныя замѣтки.

Подъ золотымъ дождемъ. — Говорятъ, что „политика" имѣетъ своей подкладкой „экономику". Иногда это вѣрно въ самомъ грубомъ смыслѣ: когда правящая группа сидитъ „подъ золотымъ дождемъ", она цѣпко держится за свое мѣсто и вся ея „политика" диктуетъ стремленіемъ во что бы то ни стало его за собой сохранить. Мотивы для этой политики выставляются обыкновенно другіе, но несомнѣнная суть ея лежитъ именно въ „экономикѣ".

Не мудрено, что „хозяйственныя" дѣла и „хозяйственныя" соображенія явно выглядываютъ наружу и изъ-подъ внутренней, и изъ-подъ внѣшней политики...

Дать сколько-нибудь полную картину всей этой „хозяйственной" дѣятельности—вещь для печати совершенно недоступная. Густая, непроницаемая завѣса заслоняетъ ее отъ нескромныхъ взглядовъ. Но иногда всетаки въ томъ или иномъ уголкѣ этой завѣсы оказываются дырки и прорѣхи, дающія возможность хоть однимъ глазомъ за нее заглянуть. Попробуемъ это сдѣлать, пользуясь тѣми, довольно отрывочными, сообщеніями, которыя за самое послѣднее время появлялись въ газетахъ. Мы ограничиваемъ при этомъ наше любопытство исключительно тѣми фактами, которые группируются около только что окончившейся войны. И здѣсь, на этой „кровавой нивѣ", на аренѣ геройскихъ подвиговъ — хозяйственный факторъ, какъ оказывается, очень властно и явно выдвигался впередъ. Такъ, еще очень недавно мы говорили только о героическомъ портъ-артурскомъ „сидѣніи". А затѣмъ стали говорить и о портъ-артурскомъ „хозяйствѣ..."

При сдачѣ Артура японцамъ, оказалось 150.000 тоннъ (т. е. 9 милліоновъ пудовъ!) самаго лучшаго кардифа, нигдѣ не записаннаго и ни въ какихъ книгахъ не значущагося. Это—экономія; накопляется она такъ: выдаютъ изъ склада судну, скажемъ, 10.000 тоннъ угля, а отмѣчаютъ выданными 20.000. Въ результатѣ на складѣ образуется болѣе или менѣе значительный запасъ угля, якобы выданный и сожженный. Тогда заключаютъ сдѣлку съ поставщикомъ на доставку новаго запаса угля,—сдѣлку фиктивную, такъ какъ уголь въ дѣйствительности имѣется. Сумма, отпущенная на доставку, дѣлится между участниками сдѣлки. Эта практика давно извѣстная и въ совершенствѣ разработанная. Тутъ поражаетъ громадность „экономіи": полтораста тысячъ тоннъ! На первый взглядъ цифра невѣроятная,—но вспомните городъ Дальній, манчжурскую дорогу, нападенія хун-

хузовъ, сжигавшихъ спеціально отчеты, квитанціи, бухгалтерскія книги... Тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, даже маленькимъ людямъ большіе куши доставались...

Позднѣе выяснилось (г. М. Михайловъ въ „Разсвѣтѣ"), что въ этой крѣпости, сданной генераломъ Стесселемъ, вслѣдствіе истощенія запасовъ, оказалось 60.000 пуд. солонины, 370.000 пудовъ зерна и муки, 15.000 пуд. масла, 200 милліоновъ патроновъ, 77.000 паръ сапогъ, бѣлья на 100.000 человѣкъ, платья на два срока, склады консервовъ. Но все это уже выведено было въ расходъ, а потому по журналамъ не числилось, и выдать эти запасы солдатамъ, значило, рисковать угодить подъ судъ.

Въ связи съ портъ-артурскимъ хозяйствомъ, находится и торговля подложными документами на поставленные (фиктивно) правительству для Портъ-Артура запасы. Такія свидѣтельства, на суммы до милліона, продавались за 10—15 проц.

Сюда же примыкаетъ и дѣятельность г. Павлова, стяжавшаго себѣ неувядаемую славу тѣмъ, что, заглядѣвшись на корейскіе лѣса, онъ проглядѣлъ войну съ Японіей. Г. Павловъ пріобрѣлъ для Артура 12 негодныхъ пароходовъ, 63.000 паръ сапогъ по 13 долларовъ, вмѣсто 3—4, при чемъ и изъ нихъ попало въ Артуръ только 7.000 паръ (такъ что одна только эта операція дала не менѣе 1.500.000 руб. барыша); окорока по 85 и 70 центовъ пудъ, вмѣсто 46; для Мукдена 2.400 пудовъ динамита по 50 руб. пудъ безъ доставки (въ буквальномъ смыслѣ, т. е. динамитъ не былъ доставленъ), вмѣсто 25 руб. съ доставкой. Сообщеніе о коммерческихъ операціяхъ г. Павлова не было опровергнуто: напротивъ, на справку, наведенную „С.-Пет. Вѣдомостями" въ военномъ и морскомъ министерствахъ, было отвѣчено, что г. Павловъ „покупки производилъ по собственному усмотрѣнію и отчетовъ объ израсходованіи денегъ не представилъ".

Владивостокское хозяйство по типу не отличалось отъ портъ-артурскаго, судя по тѣмъ глухимъ извѣстіямъ, которыя время отъ времени проскальзываютъ въ газеты. Сообщалось о пропажѣ дока,—цѣлаго дока, который не оказался на лицо, когда понадобилось ввести въ него крейсеръ. Сообщалось о доставкѣ угля, предоставленной начальствомъ порта одному морскому офицеру по 28 к. за пудъ (дѣйствительная стоимость доставки 8—10 к. за пудъ). Сообщалось о „глубокой тайнѣ, окружающей дѣятельность продовольственной коммиссіи, получившей милліонъ на снабженіе города провіантомъ..." Вообще, эти глухія и отрывочныя извѣстія заставляютъ предполагать, что и Владивостокъ не былъ обойденъ хозяйственными талантами.

Въ началѣ войны раздавались похвалы нынѣшнему интендантству, будто бы отрекшемуся отъ всѣмъ извѣстныхъ традицій этого вѣдомства. При всемъ томъ, въ газетахъ проскальзы-

вали извѣстія о подрядахъ на „сибиреязвенные“ полушубки и „кислые“ сапоги, о голодныхъ и оборванныхъ солдатахъ и т. п. Съ теченіемъ времени похвалы становились все рѣже и стыдливѣе; а извѣстія, свидѣтельствовавшія о неумирающихъ интендантскихъ традиціяхъ, все чаще и откровеннѣе. Наконецъ, недавно появилась (въ „Словѣ“) общая характеристика снабженія арміи въ зиму 1904—1905 гг., по изслѣдованію одного изъ чиновниковъ государственнаго контроля: склады совершенно гнилой, покрытой плѣсенью, смѣшанной съ измельченными въ порошокъ, негодными сухарями муки, отъ которой цѣлыя части охватываетъ дизентерія; отсутствіе консервовъ, сапогъ и проч., которые по отчетамъ должны присутствовать; „повсюду процвѣтающее“ взяточничество.

Интересно извѣстіе („Уральской Жизни“) о солдатахъ, сопровождающихъ арбенные транспорты и отсылающихъ домой женамъ полотенца, простыни, одѣяла и суммы денегъ до 500 рублей. Если простымъ солдатамъ достаются такія суммы, то какихъ же размѣровъ достигаютъ генеральскія „экономіи“?.. Главное интендантское управленіе не опровергало этого сообщенія, но внесло въ него поправку, пояснивъ (въ „Новомъ Времени“), что арбенные транспорты обслуживаютъ не только интендантское, но и артиллерійское, инженерное и проч. вѣдомства. Да, при всѣхъ разногласіяхъ нашихъ вѣдомствъ, въ нихъ обнаруживается замѣчательное „единство дѣйствій“ въ указанномъ направленіи...

Изъ предметовъ снабженія арміи заслуживаютъ вниманія: папахи, набитыя паклей; „сибиреязвенные“ полушубки изъ сырой кожи, на которой мѣстами видны куски овечьяго мяса, а шерсть разлетается при прикосновеніи, „такъ что овчины эти, будучи изъ одной кожи безъ шерсти, скорѣе служатъ холодильниками, нежели шубами“ (сообщ. „Русскихъ Вѣдомостей“), при чемъ иногда заражаютъ своихъ носителей сибирской язвой (были случаи зараженія солдатъ); „кислые“ валенки изъ шерстяныхъ отбросовъ, глины и купороса, расползающіеся при первомъ же дождѣ „и даже отъ снѣга“; „интендантскіе“ сапоги, которые „почему то мало носятъ въ арміи и продаютъ ихъ за безцѣнокъ, и только одни бѣдняки, которымъ не на что справить „частные“ сапоги, донашиваютъ ихъ“ (сообщ. „Сына Отечества“); казанскіе сапоги изъ коровьей шерсти, извести и клея; кинешемскіе сапоги, которые „отъ удара о твердый предметъ ломаются, а отъ сырости расползаются и долѣе 2—3 недѣль служить не могутъ; расползающіяся рубахи („достаточно малѣйшаго прикосновенія—и вещи не существуетъ“) московскаго интендантства; мука и крупа „совершенно испорченныя“ и мука и крупа просто испорченныя кіевскихъ интендантскихъ складовъ (совершенно испорченная признана негодной для употребленія, просто испорченная—„годной для употребленія, какъ примѣсь“); „взрывающіе“ (отъ обилія

гнилостныхъ газовъ) консервы; консервы, вызывающіе массовое отправленіе; солонина Шидловскаго... Хорошія вещи, и въ хорошую цѣну казнѣ обходятся!

Иногда принимались мѣры къ устраненію особенно оригинальныхъ предметовъ (напр., сибиреязвенныхъ полушубковъ), но громадное большинство сообщеній о кислыхъ валенкахъ, глиняныхъ сапогахъ и т. п. не сопровождалось никакими послѣдствіями, и восклицаніе „Руси": „да остановите же эту безсовѣстную вакханалію!"—осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Не мало хозяйственныхъ операцій вершится подъ знакомъ Краснаго Креста. Но тутъ въ печать проникаютъ лишь свѣдѣнія о маленькихъ дѣлишкахъ, а большія окружены непроницаемымъ „мракомъ неизвѣстности". Такъ, почти съ самаго начала войны любопытство публики возбуждено было сообщеніями, касавшимися дѣятельности уполномоченныхъ Краснаго Креста г. Александровскаго и кн. Щербатова (знаменитаго ех-президента Московскаго с. х. общества),—но любопытство это осталось и, повидимому, останется безъ удовлетворенія... Затѣмъ, недавно проскользнуло въ газеты извѣстіе о чемоданѣ съ милліономъ рублей, кому то кѣмъ то пересылавшихся, обнаруженномъ въ Самарѣ. Но едва обнаружившись, интересный чемоданчикъ тотчасъ же снова былъ поглощенъ все тѣмъ же мракомъ неизвѣстности.

Остаются мелочи. Фабрика Гейстъ въ Казани пожертвовала 5000 ф. табаку и частнымъ образомъ узнала, что табакъ солдатамъ не розданъ, а продается въ лавкахъ Харбина безъ бандероли; житомирское отдѣленіе Краснаго Креста сбывало скупщику „тряпье", а въ рукахъ скупщика оказались новыя рубахи, полотенца, кальсоны и проч., которые онъ перепродалъ „не безъ значительнаго барыша"; въ оправдательныхъ документахъ вологодскаго отдѣленія Краснаго Креста оказались расходы „на ложу въ театръ", „на починку гитары", „на цвѣты" и т. п. — и это многимъ показалось неожиданнымъ, страннымъ; у владивостокскаго гражданина г. Эльвангера была найдена санитарами тухлая солонина, но выяснилось, что солонина принадлежитъ Красному Кресту и передана г. Эльвангеру для „пересолки", съ платой за эту операцію по рублю съ пуда; въ Кіевѣ г-жа Дахновичъ пожертвовала въ Красный Крестъ ящикъ съ разными вещами для раненыхъ и больныхъ, и такъ какъ чемоданъ долго не отправлялся по назначенію, вытребовала его обратно, съ цѣлью отправить самой, при чемъ съ прискорбіемъ убѣдилась, что многія вещи изъ ящика исчезли; въ Никольскѣ Уссурійскомъ прекратилась, за истощеніемъ запасовъ, продажа сахара, а затѣмъ, хотя вагоновъ съ сахаромъ не приходило, онъ внезапно снова появился въ продажѣ, но въ то же время „окончательно израсходовался въ нѣкоторыхъ общинахъ Краснаго

Креста". Исторія съ корникой, пожертвованной Красному Кресту греческими купцами и проданной петербургскимъ торговцамъ по весьма выгодной (для торговцевъ?) цѣнѣ, надѣлала въ свое время много шума; исторія злоупотребленій въ кіевскомъ Красномъ Крестѣ, въ которыхъ обвиняли г. Сухомлина и „полушубкоглотателя" Іеронеса *), будетъ, повидимому, разъяснена судомъ. Да и многое, вѣроятно, разъяснится, о чемъ теперь носятся лишь глухіе и смутные слухи.

А нравы? Врача Рѣзанова за разоблаченіе недостатковъ организаціи Краснаго Креста обвиняютъ въ растратѣ и „развращающемъ вліяніи на персоналъ"; не угодившихъ кому-то сестеръ милосердія обвиняютъ въ развратномъ поведеніи, такъ что имъ приходится для защиты отъ обвиненія прибѣгать къ врачебному освидѣтельствованію... Такіе нравы вполнѣ гармонируютъ съ извѣстіями о сундучкахъ съ милліонами и т. п. Но это только мимоходомъ.

Мы упоминули выше о ящикѣ съ бѣльемъ для солдатъ, изъ котораго содержимое исчезло уже на мѣстѣ отправки, еще до отсылки. Въ „Новомъ Времени" сообщалось какъ-то изъ Мукдена, что далеко не всѣ грузы достигаютъ арміи, а „тѣ, которые, достигаютъ, носятъ на себѣ признаки хозяйничанья чужихъ рукъ: корзины съ вещами оказываются пустыми или наполненными мусоромъ; вмѣсто ста ящиковъ оказывается двѣнадцать, и т. д." Тутъ, конечно, постороннему человѣку не возможно догадаться: кто именно и гдѣ—на мѣстѣ отправки? въ пути? на мѣстѣ назначенія?—руку приложилъ. Во всякомъ случаѣ, такого рода сообщенія, можно сказать, градомъ сыпались въ теченіе всей войны. Изъ 8 ящиковъ съ подарками,—доходитъ одинъ (письмо кап. Жандра въ „Руси"); изъ 2 посылокъ одна улетучивается цѣликомъ, изъ другой улетучивается 132 пары валенокъ („Нов. Вр."); конфекты съ надписями „отъ дѣтей NN", посланныя солдатамъ, попадаютъ въ станціонные буфеты и продаютя пассажирамъ; улетучивается рентгеновскій кабинетъ, и т. д. Одинъ жалуется на „улетучиваніе" вещей; другой сообщаетъ, что, „наученный горькимъ опытомъ, онъ, отправляя что-нибудь съѣдобное или винное, на ящикѣ пишетъ „скипидаръ" („Русск. Инв."); третій просто вопіетъ: „куда дѣвались мои праздничные подарки"... Какъ видимъ, желѣзнодорожное вѣдомство не отстаетъ отъ другихъ. Какая часть подарковъ, посылокъ, запасовъ, отправленныхъ въ теченіе полутора года на Дальній Востокъ, улетучилась такимъ образомъ во время пути, не возможно подсчитать, а должно быть не маленькая, потому что церемоній въ этомъ отношеніи не

*) Ген. Новицкій въ характеристикѣ г. Іеронеса сообщилъ, между прочимъ, что этотъ послѣдній въ бытность свою на службѣ „глоталъ солдатскіе полушубки".

замѣчается: даже слѣды замести не считаютъ нужнымъ,—посылки, подарки такъ съ надписями и продаются въ придорожныхъ лавочкахъ и буфетахъ.

Изъ операцій, связанныхъ съ пересылкой грузовъ, выдѣляется по своимъ размѣрамъ торговля вагонными свидѣтельствами. Въ виду перевозки войскъ и воинскихъ запасовъ пришлось стѣснить отправку частныхъ грузовъ и пропускать лишь предметы первой необходимости: для этого установлены свидѣтельства на право перевозки вагона груза, выдаваемыя соотвѣтственнымъ начальствомъ. Свидѣтельства эти сдѣлались предметомъ оживленнаго торга; всего ихъ выдано 70.000; котировались они отъ 600 до 2000 рублей,—такъ что выручено за нихъ не менѣе семидесяти милліоновъ. И тѣмъ не менѣе покупщики свидѣтельствъ не остались въ убыткѣ, такъ какъ продавали съ огромнымъ барышемъ перевозимые ими „предметы первой необходимости“: шампанское и другія вина, гастрономическіе товары и т. под. Благодаря операціи, давшей ея участникамъ десятки милліоновъ, населеніе Уссурійскаго края и другихъ областей Дальняго Востока, оказалось въ безвыходномъ положеніи. Любопытно то, что о торговлѣ вагонными свидѣтельствами писали еще годъ назадъ, въ началѣ войны, но только теперь въ газетахъ появилось извѣстіе о начавшемся „разслѣдованіи дѣла о крупныхъ злоупотребленіяхъ, допускавшихся съ вагонными свидѣтельствами“.

Такова атмосфера, окружающая „театръ военныхъ дѣйствій“, но и на самомъ театрѣ воздухъ не особенно чистый... Мы приведемъ только нѣсколько выдержекъ изъ газетныхъ сообщеній. Очевидецъ въ „Новостяхъ“ пишетъ:

„Хищенія и казнокрадство такъ привились здѣсь, что малѣйшее самоограниченіе въ этомъ отношеніи уже считается добродѣтелью. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ самъ про себя офицеръ, завѣдывавшій транспортами:

Вижу, прибылъ товарный поѣздъ. Спрашиваю: что привезли? Говорятъ—ячмень. Иду и узнаю, что цѣна 60 коп. за пудъ, а по росписанію можно платить 1 р. 80 коп. Конечно, не колеблясь, покупаю и отправляю по мѣсту назначенія.

— Ну, а какую цѣну показали вы начальству?—интересуется офицеръ-слушатель.

— Я подарилъ казнѣ 7,000 руб.—съ гордостью заявилъ счастливый поставщикъ.—Я показалъ 1 руб. 20 коп. за пудъ, тогда какъ могъ показать на 60 к. дороже.

— Сколько,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—терпятъ лишеній солдаты отъ всякаго рода хищничества! Я уѣзжалъ въ маѣ и еще видѣлъ солдатъ въ валенкахъ! Порой вы видите строевого солдата въ китайскомъ халатѣ, валенкахъ и какомъ-то картузѣ!“

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ находимъ свѣдѣнія о снабженіи арміи предметами первой необходимости:

„Между прочимъ, одно московское экономическое общество офицеровъ отправило, какъ это видно изъ его отчета, за 4 мѣсяца (съ 4-го января по 1-е мая 1905 г.) въ Манчжурію: кондитерскихъ товаровъ и печеній на 213,931 р. 55 к., вина и водокъ на 144,690 руб., туалетныхъ и косметическихъ товаровъ на 10,110 руб. 40 коп.“.

„Оренб. Вѣстникъ“ говоритъ о харбинскихъ нравахъ:

„Въ Харбинѣ всѣ ловятъ добычу, всѣ смотрятъ на ваши карманы, сколько оттуда можно выудить, всѣ торопливо набиваютъ свои. И въ этой лихорадкѣ наживы, среди баснословныхъ цѣнъ и волчьихъ аппетитовъ туманомъ виситъ самый откровенный, безстыдно смотрящій въ глаза развратъ. Женщины, женщины и женщины, сутенеры, веселые дома, которыхъ цѣлыя улицы... Вечеромъ Харбинъ въ угарѣ... Мчатся извозчики, которыхъ здѣсь берутъ на цѣлый день: иначе не достанешь; на извозчикахъ парочки, гремитъ музыка въ циркѣ Боровскаго, кривляются „бѣдныя овечки“ въ театрѣ коммерческаго собранія, освѣщены рестораны, въ которыхъ заранѣе заказаны отдѣльные кабинеты; освѣщены публичные дома. Угаръ вина и женщинъ разлитъ повсюду,— и дождемъ, безъ счета, сыплются деньги“.

Въ книгѣ Табурно „Правда о войнѣ“ читатель можетъ найти не мало подробностей о соперничествѣ изъ за роскошныхъ поѣздовъ, о дамахъ, распоряжающихся желѣзнодорожнымъ движеніемъ, о привилегіяхъ генеральскихъ коровъ, объ удобствахъ пребыванія въ тылу, о полчищахъ нестроевыхъ и проч., и проч.

Мы говорили о хозяйствѣ портъ-артурскомъ и владивостокскомъ, о павловскихъ финансовыхъ операціяхъ, о шанхайскихъ промыслахъ. Это все тамъ, на Востокѣ, а что дѣлается здѣсь, въ родныхъ палестинахъ? Кто снабдилъ эскадру Рожественскаго неразрывающимися бомбами (2/3 общаго количества), плохого качества броней ненадлежащей толщины, недѣйствующими машинами, плохимъ валлійскимъ углемъ по 138 шиллинговъ тонна (японцы покупали лучшій кардифъ по 13 шилл.), и какую „экономію“ оставило это снабженіе въ рукахъ снабжавшихъ? Разъяснится ли когда нибудь во всѣхъ подробностяхъ зафрахтовка иностранныхъ пароходовъ во Владивостокъ (о которой много писали въ „Руси“) на условіяхъ въ родѣ слѣдующаго: пароходъ, стоимостью въ 3000 ф. стерлинговъ, зафрахтованъ за 7500 ф. ст, изъ коихъ 6000 уплачено впередъ безъ возврата, а 1500 должны быть доплачены въ случаѣ благополучнаго прибытія во Владивостокъ. На случай же неблагополучнаго плаванія (захвата японцами) пароходъ получаетъ отъ морского вѣдомства страховой полисъ на 10.000 ф. стерлинговъ. Такимъ образомъ, если пароходъ ускользнетъ отъ японцевъ, владѣлецъ получитъ 1500 фунтовъ; если попадется японцамъ 7000 фунтовъ (10000 страховой преміи минусъ 3000 стоимости судна). Зафрахтованые на такихъ

условіяхъ пароходы замѣчательно регулярно попадались японцамъ.

Упомянемъ о пріобрѣтеніи на пожертвованный графомъ Строгановымъ для усиленія русскаго флота милліонъ парохода „Ланъ“ (переим. въ „Русь“), который оказался негоднымъ для плаванія и по свидѣтельству адмирала Бирилева представляетъ изъ себя „хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева“ („Слово“); о злоупотребленіяхъ въ спб. портѣ, гдѣ много лѣтъ изъ казеннаго матеріала портовыми рабочими строились частныя дачи, частныя суда, частные катера, на казенныя деньги пріобрѣталась обстановка для частныхъ квартиръ и т. п. Всего прилипло такимъ способомъ къ частнымъ рукамъ, говорятъ, не менѣе 3 милліоновъ рублей казенныхъ денегъ...

Теперь, слышно, въ морскомъ вѣдомствѣ предпринимаются реформы, и даже отчасти уже осуществляются: въ „Котлинѣ“ появились публикаціи флотскихъ экипажей о продажѣ легковыхъ лошадей, колясокъ, саней, сбруй, кучерской одежды... Это, поясняетъ „Русь“, предметы, пріобрѣтавшіеся командирами на „экономію“, сберегавшуюся отъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе нижнихъ чиновъ. „Урѣзывался хлѣбный паекъ, покупались худшаго качества мясо, капуста, крупа“... за то пріобрѣтались коляски и рысаки. Теперь вотъ проводятся въ этомъ направленіи „реформы“...

У Некрасова въ „Юбилярахъ и тріумфаторахъ“ сказано, между прочимъ:

У насъ былъ директоръ дороги,
Кондукторамъ красть не давалъ:
Въ вагоны, какъ тать, проникалъ,
У сонныхъ сосчитывалъ ноги...
Но дальше билетовъ и ногъ
Считать ничего онъ не могъ!..

Благодаря неудачамъ нашего флота, внѣшнимъ и внутреннимъ, злоупотребленія въ морскомъ вѣдомствѣ какъ-то разомъ полѣзли наружу. Вотъ насчетъ сухопутнаго проскользнули въ газеты слухи о заказахъ орудій, паровозовъ, вагоновъ и проч. съ какими-то чудовищныхъ размѣровъ „комиссіонными“, да такъ и заглохли...

Впрочемъ, и на сухомъ пути обнаруживается немало дѣлишекъ. Такъ, повидимому, на очереди находится цѣлая серія дѣлъ о „союзахъ освобожденія“ въ воинскихъ присутствіяхъ. Въ московскомъ воинскомъ присутствіи за освобожденіе молодого человѣка отъ призыва въ армію брали отъ 2000 до 3000 рублей, а всего собрали такимъ путемъ отъ 2 до 3 милліоновъ. Нравы московскаго присутствія, впрочемъ, не составляютъ исключенія: въ газетахъ уже сообщалось о злоупотребленіяхъ въ бирскомъ

(Уфимской губ.) воинскомъ присутствіи; о злоупотребленіяхъ того же рода въ Вытегрѣ...

Портъ-артурское хозяйство—милліоны; владивостокское хозяйство—милліоны; подряды г. Павлова—милліоны; торговля документами на поставку—милліоны; снабженіе эскадры Рожественскаго—десятки милліоновъ; въ интендантствѣ и около него—то же; въ Красномъ Крестѣ и около него—не берусь опредѣлить; операціи по доставкѣ запасовъ въ армію—десятки милліоновъ; петербургскій портъ—милліоны; воинскія присутствія—милліоны.. Это ли не золотой дождь?

Какъ будто „за компанію" въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ открываться хозяйственныя операціи въ разныхъ вѣдомствахъ, не связанныя съ войною. Продовольственныя операціи г. Касперова, закончившіяся за зеленымъ столомъ; подряды г. Казембека, суть которыхъ еще не разъяснена (но разъясняется) прокурорскимъ надзоромъ; злоупотребленія по эксплуатаціи казенныхъ нефтяныхъ земель (хищеніе на нѣсколько десятковъ милліоновъ!), случайно обнаруженныя ревизіей сенатора Кузьминскаго; возникающее дѣло о казнокрадствѣ и взяточничествѣ чиновъ казанскаго путейскаго округа; умноженіе растратъ въ казенныхъ вѣдомствахъ, констатируемое государственнымъ контролемъ (за одинъ годъ обнаружено: въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ 35 растратъ на 160,000 руб., въ почтовомъ 28 на 58,000, разныхъ хищеній 50 на 292,000); таинственныя дѣла въ акцизномъ вѣдомствѣ *), о которыхъ только что (и очень глухо) сообщено въ газетахъ...

Отъ добра добра не ищутъ. Земля наша бѣдная, народъ раззоренный; но въ этой бѣдной, раззоренной землѣ воздѣланъ вертоградъ, своего рода сады Гесперидъ, гдѣ стоитъ только протянуть руку, чтобы сорвать золотое яблоко.

М. Энгельгардтъ.

Охранители и разрушители основъ. Уже не первый мѣсяцъ на всемъ пространствѣ Россійской имперіи идетъ дѣятельный призывъ народа къ поголовному избіенію всѣхъ, кто „хочетъ—какъ выражается серпуховскій епископъ Никонъ—ограничить власть царя самодержавнаго", установить „свободу личности, народное представительство, гражданское равенство, контроль надъ администраціей" и „отдѣлить церковь отъ государства" **). Впрочемъ, примѣты людей, подлежащихъ избіенію, у разныхъ авторовъ изложены различно. Такъ, въ № 11 „Екате-

*) Нравы котораго г. „Акцизный" въ „С. О." характеризуетъ, какъ „картину изумительнаго произвола, казнокрадства и взяточничества".

**) Епископъ Никонъ. Голосъ изъ обители преподобнаго Сергія о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени. Благословеніе обители преподобнаго Сергія. Изданіе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, 1905 г. стр. 8 и 9.

ринбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" за нынѣшній годъ они называются „фантазерами", которые желаютъ завести „конституцію, парламентъ, федеративный строй" и „уничтожить самодержавіе". По словамъ саратовскаго „Братскаго Листка", эти люди „недовольны (нынѣшнимъ) государственнымъ строемъ, требуютъ конституціи, собора и полной свободы" *). Другой листокъ съ печатью въ видѣ круга, посреди котораго изображены крестъ и надпись: „тайна", говоритъ: „Патріоты, объединяйтесь! Крестьяне, мещане, составляйтесь въ десятки и сотни, вооружайтесь! Истребимъ всѣхъ нашихъ враговъ, не терпящихъ самодержавія. Да здравствуетъ самодержавіе!"

Не трудно, однако, видѣть, что въ авторскихъ сердцахъ почила одна и та же мысль. Да и выражена она въ сущности одними и тѣми же словами, лишь варьируемыми на разные лады. Въ брошюрахъ генерала Богдановича „наши враги" называются „безумными смутьянами" **). Въ саратовскихъ „Братскихъ Листкахъ", выходящихъ съ благословенія епископа Гермогена,—„моськами, дармоѣдами, тунеядцами и дрянью". Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Днѣ", „Родной Рѣчи" они именуются по преимуществу „крамольниками". Но вѣдь все это лишь ругательные эпитеты, которые свидѣтельствуютъ о раздражительности авторовъ, но нисколько не помогаютъ „объединеннымъ крестьянамъ и мещанамъ" разобраться, кого именно нужно убить. Поищемъ поэтому болѣе опредѣленныхъ указаній, какъ узнавать крамольниковъ. По словамъ уже цитированнаго саратовскаго „Братскаго Листка" подъ крамольниками разумѣются „земцы, доктора, адвокаты, студенты, курсистки, гимназисты, гимназистки, рабочіе, босяки и жиды". „Тамбовскія Губернскія Вѣдомости" присовокупляютъ сюда и всю вообще интеллигенцію, затѣмъ армянъ, поляковъ, „украинофиловъ", латышей и литовцевъ. „Родная Рѣчь" настаиваетъ, что въ число крамольниковъ, которые должны быть изъяты изъ обращенія, попали многіе крестьяне, дворяне и даже кое-какія лица изъ правящихъ сферъ. Наконецъ, впали въ крамолу защитники Портъ-Артура, подозрѣваются неблагополучными по крамолѣ наши военноплѣнные въ Японіи вмѣстѣ съ значительной частью дѣйствующей манчжурской арміи, относительно которой возникъ даже проектъ: домой ее не возвращать, а водворить въ мѣстахъ отдаленныхъ, подъ предлогомъ образованія военныхъ поселеній. Этотъ бѣглый и неполный перечень во многомъ напоминаетъ классификацію,

*) „Братскій Листокъ для религіозно-нравственнаго и патріотическаго чтенія. Выходитъ по четвергамъ и воскресеньямъ. „Печатается съ благословенія его преосвященства, епископа саратовскаго Гермогена". Цитирую по № 55, стр. 218.

**) „Голосъ русскаго сердца". Безплатное народное изданіе издателя „Каѳедры Исаакіевскаго собора" Е. В. Богдановича, стр. 5.

изобрѣтенную тѣмъ учителемъ церковно-приходской школы, который дѣлилъ „міръ животныхъ“ на „млекопитающихся“, китовъ, острозубыхъ, шестиногихъ, яйцекладущихъ и „ползучихъ, къ каковымъ относятся крокодилы и сороконожки“. Логикѣ съ такимъ перечнемъ дѣлать нечего. Но для практическихъ надобностей „объѣдиненныхъ мещанъ“ онъ годится. По крайней мѣрѣ, изъ него видно, что къ изъятію приговорены, если считать крамольничьихъ женъ и дѣтей, чуть 100 милліоновъ душъ.

Ни на одну минуту нельзя, конечно, допустить мысли, будто вся эта кровожадная затѣя могла возникнуть и проповѣдываться безкорыстно. Злость, направленная противъ чуть не сотни милліоновъ людей, это—вѣдь уже нѣчто прямо патологическое. Можно допустить такую манію въ единичныхъ случаяхъ, но такъ какъ призывы къ погрому перестали быть явленіемъ единичнымъ и исключительнымъ, то, очевидно, они попадаютъ на рынокъ на общемъ основаніи закона спроса и предложенія.

Погромная литература, независимо отъ средствъ, которыя нужны на бумагу, печать и плату наборщикамъ, неминуемо должна оплачиваться также и построчнымъ гонораромъ. Откуда берутся деньги на этотъ гонораръ и въ какой онъ формѣ выплачивается,—отъ этого существо дѣла не мѣняется. Будущему историку предстоитъ не легкая, но благодарная задача—выяснить, какими соображеніями подсказано то небывалое увеличеніе спроса на погромныхъ авторовъ, которое мы наблюдаемъ за послѣдніе 10 — 12 мѣсяцевъ. Мы этого здѣсь разбирать не станемъ. Замѣтимъ только, что, за исключеніемъ всего прочаго, здѣсь имѣется и изрядная доля поразительнаго легкомыслія.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть ужъ слишкомъ недалекимъ, чтобы предполагать: ежели я напишу: „мещанинъ, возьми колъ и убей доктора“, то „мещанинъ“, безъ всякихъ разговоровъ, возьметъ и убьетъ. Какъ бы ни были „объѣдиненные мещане“ тупоголовы, но разъ имъ предлагаются столь рѣшительныя дѣйствія, они невольно остановятся и подумаютъ: „за что же убить? и почему именно доктора?“ Не менѣе легкомысленна и самая затѣя распространять въ народѣ мѣрами полиціи такія изданія, какъ „Братскіе Листки“, „День“, „Пахарь“ и пр. Правда, мѣры полиціи примѣнялись въ этой области и раньше. Достаточно припомнить исторію „Дружескихъ Рѣчей“ и „Сельскаго Вѣстника“. Но только слѣпой не замѣтитъ разницы между этими прежними сѣренькими изданіями и нынѣшними ярко-бѣлыми. Прѣсный „Сельскій Вѣстникъ“ и кисло-сладенькія „Дружескія Рѣчи“ нагоняли лишь тоску и сонъ, подрывали интересъ къ печатному слову, въ чемъ и заключалось ихъ провиденціальное назначеніе. Острый, какъ самая крѣпкая настойка изъ стручковаго перца, „День“, конечно, не нагонитъ ни скуки, ни сна. Тутъ что ни номеръ, то цѣлый конспектъ по соціально-политическимъ вопросамъ. Въ немъ найдете,

что угодно,—и призывъ громить соціалистовъ, которые утверждаютъ, что вся земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ личнымъ трудомъ, и заочный приговоръ къ повѣшенію земцамъ-революціонерамъ за то, что они возстаютъ противъ самодержавія и добиваются какой то свободы, и приглашеніе истребить атеистовъ, которые нехорошо отзываются объ установленной духовенствомъ таксѣ на требы, и тщетныя доказательства, что Положеніе о Государственной Думѣ даетъ рабочимъ избирательныя права... Найдете, словомъ, все, что можетъ найти мѣсто хоть и въ продажномъ, но боевомъ, яркомъ политическомъ органѣ.

Я ни на одну минуту не забываю того колоссальнаго вреда, который приносятъ русскому обществу погромныя прокламаціи. Но не надо забывать также, что—какъ это ни кажется парадоксальнымъ—онѣ выполняютъ и нѣкоторую положительную задачу. Самая „брехня", преломляясь чрезъ народное сознаніе, выраженная малопонятнымъ деревнѣ газетнымъ языкамъ, даетъ порою результаты, которые совершенно не могутъ нравиться людямъ, выдавшимъ г-ну Бергу субсидію. Между прочимъ, г. Танъ въ „Сынѣ Отечества" недавно удостовѣрилъ, что крестьяне умѣютъ вычитывать весьма радикальныя положенія даже изъ „Московскихъ Вѣдомостей". И, такимъ образомъ, г. Грингмутъ, будучи для образованныхъ людей „оплотомъ реакціи", попадая въ деревню, становится сѣятелемъ радикализма и крамолы. Удивляться нечему: деревня ловитъ лишь намекъ на свои кровныя нужды, ей нужны лишь слова, чтобы выразить эту нужду въ логической формѣ, нуженъ поводъ для самостоятельной мыслительной работы. Комментаріи же, предлагаемые погромными авторами, либо отбрасываются, какъ лишній и мало интересный хламъ, либо вызываютъ сознательный протестъ.

„Почитай-ка „День" газетку:
Васъ она поймаетъ въ сѣтку"—

говоритъ одна новоиспеченная мужицкая сатира на полицію, доставленная намъ изъ Керченскаго уѣзда.

Повторяю, нуженъ былъ изрядный запасъ легкомыслія и невѣжества, чтобы, во-первыхъ, надѣяться, будто читатель дѣлаетъ изъ написаннаго именно тотъ выводъ, который угоденъ автору, а, во-вторыхъ, не знать, существованія логики противорѣчія.

Не меньше нужно было легкомыслія и невѣжества, чтобы не учесть заранѣе послѣдствій изустной пропаганды погрома и организаціи погромныхъ шаекъ. Спора нѣтъ, эта пропаганда и эти шайки неизбѣжный придатокъ къ погромной литературѣ, которая вѣдь къ тому и приглашаетъ: „объединяйтесь въ десятки и сотни". Но какъ было не понять, къ чему оно приведетъ?

Между прочимъ, въ Брянскѣ, Орловской губ., когда г. Ша-

раповъ фабриковалъ „взглядъ всей Россіи“ „противъ жидовъ и за войну“, одинъ изъ его агентовъ, нѣкій В—въ, сталъ ходить по домамъ и собирать подписи. Изъ первой же канцеляріи, куда г. В—въ пришелъ отобрать „мнѣніе народа“, онъ былъ съ позоромъ изгнанъ и еле спасся отъ побоевъ. Случилось это „не столько по голосу разсудка,—объясняетъ корреспондентъ—сколько изъ возмущеннаго чувства“: что вотъ, де, человѣкъ, безъ всякой нужды, единственно ради обѣщаннаго Шараповымъ вознагражденія изъ прибылей по предпріятію, занимается столь скверными дѣлами. Необходимо представить реальную обстановку дѣйствія. Писцы мирно сидѣли себѣ въ канцеляріи. Думали, конечно, о своихъ маленькихъ будничныхъ семейныхъ, служебныхъ и карточныхъ дѣлишкахъ. Богъ вѣсть, когда бы имъ вздумалось всерьезъ заняться вопросомъ о народномъ представительствѣ, изъ котораго, по мнѣнію г. Шарапова, должны быть исключены „жиды“. И вдругъ „агентъ“. А вслѣдъ за изгнаннымъ „агентомъ“ пожаловалъ самъ полиціймейстеръ (хотя г. В—въ ни на полицейской, ни на государственной службѣ не состоитъ). Начались „деликатные разспросы“, какъ произошло недоразумѣніе, заставляющее подозрѣвать превратный образъ мыслей. Затѣмъ къ Шараповскому агенту прикомандировывается для охраны городовой, въ сопровожденіи котораго г. В—въ продолжаетъ отбирать у „народа“ подписи. „Недоразумѣніе“ становится городской злобой дня. Создается сложный политическій конфликтъ. Дремавшія и усыпленныя страсти разгораются... Согласитесь, нельзя было нарочно выдумать болѣе глупый, болѣе искусственный поводъ для возбужденія напряженнаго интереса къ политическимъ вопросамъ.

Беру другой эпизодъ изъ хроники города Стародуба, Черниговской губ. Здѣсь погромная шайка, не находя „работы“, но чувствуя себя въ достаточной мѣрѣ безнаказанной, занялась (какъ это случилось и во многихъ другихъ городахъ) мелкимъ воровствомъ и поджогами (во время пожара легче украсть). Старозавѣтное, длиннoсюртучное мѣщанство таки вынуждено было взяться за колья, только не для избіенія крамольниковъ, а ради поочередной ночной охраны собственнаго имущества. Старозавѣтный мѣщанинъ—вѣрный хранитель традицій тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Въ качествѣ врожденнаго консерватора до мозга костей, онъ искони „политикой“ не занимался, и Богъ вѣсть, когда ему пришло бы въ голову посмотрѣть серьезно на происходящую вокругъ сумятицу. До сихъ поръ она была для него дѣломъ постороннимъ и господской блажью. И поистинѣ большая заслуга погромныхъ шаекъ, что онѣ сумѣли политическіе вопросы перевести на такой элементарный, такой общедоступный языкъ, что даже стародубское мѣщанство встрепенулось и, не справляясь ни съ какими законами, явно нелегальнымъ

путемъ основало „кружокъ самообороны“. Впрочемъ, погромщики вообще оказались мастерскими популяризаторами. Тѣ переводы политическихъ трактатовъ, какіе сдѣланы, напр., въ Курскѣ, Твери, Моршанскѣ, Нижнемъ, Балашовѣ, и тѣ ошибки, образецъ которыхъ далъ недавно Рыбинскъ, гдѣ погромщики избили трехъ акцизныхъ надзирателей, принявши ихъ въ темнотѣ за студентовъ, — заставятъ россійскаго обывателя долго помнить, что есть политика, и почему о ней не надо забывать.

Если дрожжи слабы, хозяйки льютъ въ тѣсто водку, чтобы оно скорѣй поднялось. Точно такое же дѣйствіе оказала на рыхлое и медленно вскисающее русское тѣсто погромная кампанія нынѣшняго года. Въ связи съ несчастною внѣшнею войною, она обострила до крайности процессъ политическаго броженія и помогла увлечь въ это броженіе такіе слои русскаго общества, которые самымя пылкими „красными агитаторами“ считались неприступной твердыней. Чтобы поколебать ихъ, потребовались „агитаторы бѣлые“. Какъ и почему „главный штабъ бѣлой агитаціи“ не предвидѣлъ этихъ очевидныхъ послѣдствій,—уму непостижимо! Тѣмъ болѣе непостижимо, что предупрежденій было достаточно. Такъ называемая крамольная печать немедленно подала голосъ, лишь только появились первые признаки погромной работы. Она старательно разъясняла и доказывала, что игра затѣяна не только опасная для общества, но и самоубійственная прежде всего для игрока. Подъ картиной, которая открывалась впереди, крамольники самымъ яснымъ образомъ сдѣлали для „штаба“ надпись: „помни, се левъ, а не собака“. Увы! „штабъ“ не повѣрилъ, ни льву, ни надписи. Ослѣпленіе—единственное въ своемъ родѣ, и оно невольно заставляетъ вспомнить покойнаго генералъ-маіора Кишкина, который, глядя на „Послѣдній день Помпеи“ Брюлова, рѣшилъ, что передъ нимъ изображеніе страшнаго суда, и даже благочестиво произнесъ:

„Всѣ тамъ будемъ“...

Легкомысліе и невѣжество нынѣшнихъ Кишкиныхъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Съ самаго начала не трудно было сообразить психологическое дѣйствіе погромныхъ листковъ и газетъ и на ту сторону, которая нападаетъ, и на ту, которая подвергается нападенію. Имущество, а тѣмъ паче жизнь принадлежатъ къ самымъ основнымъ и драгоцѣннымъ благамъ. Въ обществѣ, гдѣ во всеуслышаніе пронесся кличъ: „разгроми и убей“, неминуемо долженъ наступить моментъ паники, съ его характерными признаками, которые каждому приходилось наблюдать во время пожара, крушенія поѣзда, кровопролитной свалки etc. Это моментъ, когда самыя жеманныя женщины выскакиваютъ на улицу нагими, теряется соображеніе приличій, пола, возраста, состоянія, пространства, времени... Смятеніе гипнотизируетъ всѣхъ настолько, что наиразсчетливѣйшіе и

наихладнокровнѣйшіе люди теряютъ голову и дѣлаютъ шаги, за которые потомъ расплачиваются всю жизнь.

Между тѣмъ, погромныхъ авторовъ трудно причислить къ очень умнымъ и очень разсчетливымъ людямъ. Многимъ изъ нихъ просто надо учиться грамотѣ. Чины администраціи, на обязанности которыхъ лежитъ не растеряться при крикѣ: „убей", поддержать порядокъ и управлять, тоже не всегда могутъ быть признаны умниками. За послѣднее, напр., время въ одной только Полтавской губерніи обнаружено: 1) требованіе полиціймейстера Полтавы представить цензурные экземпляры пьесъ, которыя будутъ исполнять въ циркѣ Дурова ученая свинья и ученый козелъ; 2) запрещеніе губернатора кн. Урусова собрать на ярмарку племенныхъ телятъ; 3) борьба земскаго начальника Пирятинскаго уѣзда г. Иваненка съ бузиною, ибо изъ нея населеніе готовитъ предметы артиллерійскаго вооруженія, называемые пушками... И когда, съ одной стороны, моментъ паники, а съ другой—администраторы, способные воевать съ крамольной флорой и фауной... Неужели не ясно было, какіе умопомрачительные эффекты получатся изъ этого сочетанія?

Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, доказывая, что „затруднять доступъ къ образованію" для дѣтей не дворянскаго рода нужно не сразу, но постепенно, употребилъ, между прочимъ, такой доводъ:

„Доселѣ всѣ привыкли къ мысли, что у насъ образованіе народное есть великодушный даръ щедраго правительства". И такъ какъ мысль эта выгодна для правящихъ классовъ, то разрушать заблужденіе не слѣдуетъ.

Конечно, такая политика довольно мелкаго калибра, но во всякомъ случаѣ она послѣдовательна. Какъ политиканствующій чиновникъ, для котораго всѣ средства хороши, если они ведутъ къ его мелочнымъ и несовсѣмъ опрятнымъ цѣлямъ, гр. Уваровъ поступалъ логично. По крайней мѣрѣ, въ немъ видна практическая сообразительность. Теперь—увы!—мы не замѣчаемъ даже уваровской логики. „Доселѣ насъ пріучали къ мысли", что въ Россіи, какъ на Шипкѣ,—„все спокойно". Хоть въ ней и есть смутьяны, которые возстаютъ противъ начальства, охраняющаго благоденствіе, но они—явленіе рѣдкое, исключительное, ихъ ссылаютъ въ мѣста отдаленныя, и такимъ образомъ народу никто не мѣшаетъ жить въ покоѣ и довольствѣ. Конечно, русская интеллигенція давно уже отъ этой мысли отвыкла. Но интеллигенція наша, благодаря „постепенно принятымъ мѣрамъ къ сокращенію образованія",—жалкій и тонкій слой на поверхности народнаго моря. Средства общенія между нею и народомъ старательно пресѣчены. И еще недавно наблюдателю ничто не препятствовало слышать:

— Благодать у насъ! Вонъ про за-границу пишутъ, что тамъ все какая-то борьба, какія-то страсти, шумъ, скандалы. У насъ же, куда ни погляди,—спокой! тишина!..

Создавалась психологическая обстановка: „чего же намъ то волноваться, когда всѣ прочіе спокойны". Создавалась иллюзія: „значитъ за границей и впрямь хуже, если тамъ все волненія, а у насъ тихо". Конечно, обыватель нисколько не меньше чувствовалъ гнетъ и несправедливость, но когда онъ пытался уловить общую схему событій, передъ нимъ рисовалась картина: „тишь, гладь, божья благодать, и только гдѣ-то далеко-далеко, за гранью земли, словно для контраста, люди чего-то шумятъ и бѣснуются".

И вдругъ труды многихъ чиновничьихъ поколѣній сразу пошли на смарку. Перебивая другъ друга, не щадя красокъ и не стѣсняясь въ выраженіяхъ, „бѣлые агитаторы" составили счетъ и сами же понесли его въ глубь народа!

— Смотри: въ Россіи 100.000.000 крамольниковъ. Смотри: „повсемѣстная смута и безпорядокъ" *). Смотри: „передъ тобою" мрачная картина всеобщаго распутства и злодѣйствъ", „Море смердящаго зла и позора" **). Смотри: „существуетъ величайшая опасность"... ***).

И все это, по старой привычкѣ, пишется и говорится, чтобы доказать, сколь наши родные порядки хороши, а заграничные никуда не годятся!..

Доселѣ насъ пріучали къ мысли, что правительство внѣпартійно. Намъ совершенно серьезно говорили: парламентскій строй именно потому не годится, что основанъ на легальной организаціи и организованной борьбѣ политическихъ партій, причемъ само правительство представляетъ также партію. Слѣдовательно, — убѣждали насъ,—побѣда того или другого мнѣнія обусловлена не справедливостью, но силою: которая партія ухитрилась навербовать себѣ больше сторонниковъ, та и побѣждаетъ. Между тѣмъ у насъ, дескать, среди тяжущихся обывателей стоитъ чиновникъ, который ни къ какой партіи не сопричисленъ, которому никто не сватъ и не братъ, но всѣ одинаково милы и дороги, а потому онъ и судитъ справедливо, по совѣсти, памятуя, что за свои дѣла дастъ отчетъ на страшномъ судѣ христовомъ.

И вдругъ подъ этотъ фундаментъ полицейскаго зданія, какимъ является теорія внѣпартійной власти—съ необыкновенною энергіей начало подкапываться само же полицейское начальство. Оно не разрѣшало ни перепечатывать изъ „Правительственнаго

*) Выраженіе саратовскаго „Братскаго Листка".

**) Цитирую по погромной прокламаціи: „Одесскіе дни". Она дозволена московской цензурой, издана г. Шараповымъ и усиленно распространялась не безъ участія городовыхъ.

***) Изъ печатной прокламаціи Русскаго собранія, подъ заглавіемъ: „Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ?"

Вѣстника“, ни распространять извѣстныя рѣчи кн. Трубецкого, г. Ѳедорова и отвѣтъ на нихъ государя; тверской губернаторъ разослалъ даже по деревнямъ и селамъ чиновниковъ, чтобы отобрать всѣ изданія, гдѣ эти рѣчи были напечатаны; и въ то же время „каѳедра исаакіевскаго собора“ выпускала „для безплатной раздачи“ адресъ, напр., московскаго дворянства съ высочайшей на немъ помѣткой, а „раздача“ производилась тѣми же чинами полиціи, которые волокли въ кутузку всякаго, кто осмѣливался читать „преступную рѣчь Трубецкого съ государевымъ на нее согласіемъ“. Новгородскій губернаторъ нашелъ возможнымъ лично разъѣзжать по деревнямъ и отъ имени правительства говорить крестьянамъ: „не читайте „Сына Отечества“, „Руси“ „Нашей Жизни“, а читайте „День“.. А въ Костромѣ дѣло дошло до того, что губернаторъ сталъ поддерживать полицейскую государственность путемъ оффиціальнаго опроверженія теоріи „внѣпартійнаго“ правительства. Онъ предложилъ земству не распространять брошюръ, изданныхъ „Донскою Рѣчью“, ибо—пишетъ г. Князевъ—„хотя она и разрѣшена цензурою, но распространеніе ихъ противорѣчитъ намѣреніямъ правительства“. Въ другой оффиціальной бумагѣ онъ категорически высказываетъ порицаніе тому, что костромское учительское общество, присоединилось къ *противоправительственному движенію, направленному къ достиженію народомъ широкихъ политическихъ правъ и къ переустройству государственнаго управленія на началахъ правового порядка* („Сынъ Отеч.“, № 178).

Самъ старый воробей, кн. Мещерскій, быть можетъ, наиболѣе смышленный изъ всѣхъ нынѣшнихъ искоренителей крамолы, не сумѣлъ сохранить хладнокровіе въ суматохѣ, растерялся и во всеуслышаніе призналъ существованіе „правительственной партіи“.

Эффекты получаются невѣроятные. То, что дѣлается одной рукой, разрушается другой...

Въ концѣ концовъ, самая мысль призвать народъ къ искорененію крамольниковъ заключаетъ въ себѣ грубую логическую ошибку. А потому, какъ и слѣдовало ожидать, при столкновеніи съ жизнью она разложилась на свои противорѣчія.

Когда арендаторъ правительственныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Грингмутъ устраивалъ „монархическую партію“, другой болѣе тонкій и чуткій правительственный журналистъ кн. Мещерскій горячо возсталъ въ „Гражданинѣ“ противъ этой затѣи. Онъ убѣждалъ коллегу не дискредитировать и не подрывать существующую въ Россіи власть. И надо ли доказывать, что кн. Мещерскій былъ правъ. Вѣдь полицейское государство въ томъ и именно состоитъ, что долгъ народа—быть управляемымъ, повиноваться и не вмѣшиваться въ дѣйствія власти. И затѣя пригласить „объединенныхъ крестьянъ и мѣщанъ“ къ дѣятельному и боевому участію въ дѣлахъ правленія могла родиться лишь у

человѣка безсознательно „крамольнаго“ образа мыслей, но достаточно глупаго, чтобы не понимать своихъ собственныхъ шаговъ. Любопытнѣе всего, что г. Грингмутъ, не смотря на ясные, какъ Божій день, доводы „Гражданина“, безъ стѣсненія пѣлъ диѳирамбы нижегородскимъ и балашовскимъ громиламъ.

Неумѣлые спорщики часто попадаютъ въ общеизвѣстное конфузное положеніе. Стараясь поймать оппонента на мелочахъ, они забываютъ свою отправную точку зрѣнія, неосторожно хватаются за аргументы противника, теряютъ базу и сами приходятъ къ провозглашенію того, противъ чего спорили. Такой же конфузъ мы наблюдаемъ и въ данномъ случаѣ. Крамолоискоренители незамѣтно для самихъ себя превратились въ крамолораспространителей. И получилось зрѣлище высоко поучительное, пожалуй, даже безпримѣрное. Россійская машина никогда не отличалась стройностью хода. Давно уже она изрядно хлябала, пошатывалась и скрипѣла. Но всетаки шла размѣреннымъ ходомъ, въ одну сторону. Въ движеніяхъ отдѣльныхъ частей замѣтна была хоть грубая, но все же планомѣрность. Но вотъ двѣ—три шестерни задумали повернуться самостоятельно, по собственному разуму, и „началась катавасія“. Одно колесо вертится впередъ, другое назадъ, третье норовитъ въ сторону, четвертое подскакиваетъ кверху. Зубья трещатъ, привода коверкаются, рычаги разлетаются въ дребезги. Тщетно машинистъ даетъ „ходъ впередъ“. Соскочившія съ своей зарубки колеса только пуще разрушаютъ механизмы. И чтобъ окончить тѣмъ, чѣмъ кончаетъ каждая машина, пришедшая въ такое состояніе, ей нужна лишь одна историческая секунда, за которой начинается фундаментальный ремонтъ и обновленіе жизни.

Историческія секунды, какъ извѣстно, весьма отличаются отъ астрономическихъ. Календарная длительность ихъ еще не опредѣлена. И когда именно обновленіе жизни наступитъ,—предсказывать не беремся. Пока же передъ нашими глазами мятутся люди, которые всѣми силами пишутъ 2×2, и всѣ силы употребляютъ, чтобы не вышло 4. Для психіатра и художника люди эти представляютъ не менѣе любопытный матеріалъ, чѣмъ тотъ буйный паціентъ психіатрической лѣчебницы, который яростно дрался съ собственною тѣнью. Но, боюсь, что гражданину это зрѣлище не доставитъ удовольствія. Ибо какъ бы вы ни убѣждали генерала Кишкина опомниться, какъ бы вы ни доказывали ему, что передъ нимъ „Послѣдній день Помпеи“, онъ останется при своемъ убѣжденіи, что это—страшный судъ, и, махнувъ рукою, скажетъ:

— Всѣ тамъ будемъ...

И только, пожалуй, хитрый старикъ Суворинъ на закатѣ дней своихъ огорчится и изречетъ: „вотъ невѣжества достойные плоды“. Онъ будетъ правъ. За техническое невѣжество бюро-

кратія расплачивалась Портъ-Артуромъ и Цусимой, а за многолѣтнее изгнаніе „соціальныхъ наукъ“—повальнымъ политическимъ невѣжествомъ и смертоносной для нея „черносотенной“ пропагандой“. Тако да сбудется реченное пророкомъ:

„Никто изъ пошедшихъ кривой дорогой не возвращается и не вступаетъ на путь жизни“ (Притчи Солом., II, 19).

А. Петрищевъ.

Еще о взяткахъ. „Эпоха великихъ реформъ“ сопровождалась порывомъ къ искорененію взятокъ, подъ которыми стонала „до-севастопольская“ Россія, Россія произвола и беззаконія. Въ итогѣ взятки почти совсѣмъ исчезли въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земствѣ, но въ полиціи, въ духовныхъ консисторіяхъ, въ интендантствѣ и въ остальныхъ областяхъ нашей жизни положеніе осталось старое. И это вовсе не удивительно: взятка—неизбѣжный спутникъ беззаконія и произвола. Въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земствѣ водворялись гласность, общественный контроль и законность, и тамъ въ сильной степени исчезла рабья необходимость угодливо-стительныхъ приношеній. Въ другихъ областяхъ произволъ остался въ прежнемъ видѣ и здѣсь мздоимство и вымогательство не спустили своего флага.

За эпохою великихъ реформъ пришла „эпоха великой реакціи“, съ ущербомъ для законности, съ новымъ торжествомъ произвола и съ большимъ оживленіемъ взяточничества. Реакція ликовала, слагала пѣсни во славу „сильной власти“ и пировала, пока не грянули бѣдствіе и позоръ японской войны—„второго Севастополя“. Теперь очередь опять за эпохою реформъ. Такимъ образомъ, исторія наша развертывается по какому-то правильному, волнообразному закону: идутъ преступленія, за ними наказанія, за наказаніями покаяніе. А тамъ опять: мерзость реакціи, историческая кара и движеніе къ исправленію.

Эти смѣны ненастья и вёдра отражаются на усиленіи и ослабленіи взятокъ, какъ температура отражается на градусникѣ. Всѣ чувствовали, что за послѣдніе года веселый праздникъ справлялся на улицѣ щедринской „торжествующей свиньи“, что правда находилась въ загонѣ, и что взятки стали переходить въ денной грабежъ. Но на столбцахъ угнетенной печати дѣйствительность не отражалась. И это очень понятно: когда обыватель вынужденъ давать взятки, онъ въ то же время всегда лишенъ возможности и жаловаться. На всякую попытку произволъ энергично отвѣчаетъ словами Сквозника-Дмухановскаго.

— Что... жаловаться?!.. Что много взяли?.. Знаете-ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что... Теперь я васъ!...

Только съ середины японской войны робкіе голоса жалобщиковъ начинаютъ понемногу раздаваться. Я съ интересомъ слѣ-

дилъ за этимъ явленіемъ и собралъ коллекцію газетныхъ вырѣзокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ № 10549 „Нов. Вр.“ нижегородскій корреспондентъ разсказываетъ цѣлую исторію о „взяточничествѣ на Волгѣ“. Героями являются лица, которыя отчисляютъ „единъ кубикъ себѣ, единъ Кесарю“. Корреспондентъ говоритъ: „Утверждать, что на Волгѣ въ средѣ чиновъ министерства путей сообщенія не берутъ взятокъ, можетъ только человѣкъ, совершенно не знающій Волги... При бывшемъ начальникѣ казанскаго округа В. М. Лохтинѣ взяточничество на Волгѣ процвѣтало“. Лохтина смѣнилъ В. А. Макаровъ, но оказывается, что „нельзя вино новое вливать въ мѣха старые“. Далѣе освѣдомленный корреспондентъ набрасываетъ широкую картину волжскаго секрета полишинеля. Во-первыхъ. взятки берутся при арендѣ частныхъ пароходовъ для нуждъ казны. Здѣсь, кромѣ монетной мзды, наблюдается и натуральная повинность: „на этихъ пароходчикахъ лежала обязанность присутствовать и на петербургскихъ съѣздахъ гидротехниковъ въ качествѣ представителей волжской судоходной промышленности“. Фразы редактированы въ прошедшемъ времени, но нѣтъ категорическаго указанія, что „новое вино“ въ „старыхъ мѣхахъ“ не пріобрѣло свойствъ вина стараго. А можетъ быть и страшновато обличать время настоящее: вѣдь мудрено по такимъ дѣламъ вооружаться „документами“ противъ статьи о диффамаціи... Однако, какъ мы сейчасъ узнаемъ изъ компетентнаго свидѣтельства самого г-на Лохтина, осторожность корреспондента является излишней.

Вторая категорія взятокъ вымогается при составленіи актовъ: за ночные 25 р., за денные 15 р. Это—твердая такса, всѣмъ извѣстная отъ Тверя до Астрахани. „На Волгѣ,—говоритъ корреспондентъ,—путейскимъ начальствомъ составляется масса актовъ, совершенно не отвѣчающихъ дѣйствительности“. Страховки выдаются пароходчикамъ лишь въ томъ случаѣ, когда аваріи происходятъ отъ force majeur, и вотъ за мзду акты пестрятъ „неизвѣстными предметами“, попавшими въ пароходныя колеса, „внезапно подувшими шторменными вѣтрами“ и т. д.

Рѣчное законодательство, это—паутина, въ которой запутаны пароходчики. Одно видное путейское начальство сказало корреспонденту:

— Многіе судовладѣльцы съ глаза на глазъ говорятъ мнѣ: „даемъ взятки, безъ взятокъ невозможно“, но стоитъ только перевести рѣчь на оффиціальную почву, немедленно же слѣдуетъ отказъ: *боятся...*

На эту корреспонденцію откликнулся въ № 10552 „Нов. Вр.“ вполнѣ компетентный человѣкъ, бывшій начальникъ казанскаго округа В. М. Лохтинъ. Его признанія и утвержденія прямо поразительны.

„Что касается до взяточничества на Волгѣ или, говоря точнѣе, до взяточничества вообще, *такъ какъ оно въ нашемъ отечествѣ встрѣчается повсюду*, то въ этомъ отношеніи мое положеніе было совершенно таково-же, какъ и положеніе нынѣшняго начальника округа инженера Макарова. *Что было раньше, то есть и сейчасъ*, и настоящая исторія на Волгѣ только еще разъ доказываетъ, что дѣло здѣсь вовсе не въ старыхъ и новыхъ мѣхахъ, а въ глубокихъ корняхъ, безъ оздоровленія которыхъ однѣми перемѣнами въ личномъ составѣ все равно достигнуть ничего не удастся".

„Глубокіе корни", конечно, не что иное, какъ произволъ и безправное положеніе обывателей, которые „боятся" не давать взятокъ и жаловаться. Таковы „исконно русскія начала" по теченію матери нашихъ рѣкъ...

Переходимъ къ другимъ областямъ. Въ „Сынѣ Отечества" мы находимъ замѣтку: „Опять злоупотребленіе въ морскомъ вѣдомствѣ". „Опять" здѣсь явилось потому, что до этого не мало мѣста было удѣлено слухамъ о десяти-процентныхъ „благодарностяхъ" при заказахъ кораблей и разныхъ другихъ предметовъ. Въ цитируемой замѣткѣ нѣтъ ничего грандіознаго: дѣло самое обыкновенное. Въ столярной Галернаго острова изъ казеннаго матеріала приготовляется мебель для частныхъ лицъ. Это обнаружили неблагонамѣренные рабочіе, и благонамѣренное начальство уволило одного мастера, снабдивъ его, однако, аттестатомъ о безпорочной службѣ... Почему такъ? — газета не разъясняетъ. Можетъ быть, стало жалко столярнаго „стрѣлочника", искупившаго грѣхи галерно-островскіе?..

Изъ столярной мастерской, гдѣ за счетъ казны дѣлали частную мебель—не безъ „благодарности", конечно, по отношенію къ „дремонному оку" надзора,—перейдемъ по сосѣдству въ С.-Петербургскій портъ. Здѣсь, по свѣдѣнію „Руси," „ни для кого изъ чиновъ администраціи не секретъ, что въ распредѣленіи расцѣнокъ у насъ царитъ полный произволъ, взяточничество и лицепріятіе".

Всѣмъ извѣстно, что при г. Леляновѣ, ставленникѣ Плеве, петербургская городская управа обюрократилась до сильной степени, и привело это, наконецъ, къ скандальному провалу моста. Но, конечно, не только мосты были подточены бюрократическимъ духомъ. По словамъ „Руси", недавно обнаружилось, между прочимъ, что сукно, купленное на 2,000 р. для пожарныхъ, никуда не годно. „Сшитые изъ этого сукна мундиры немедленно расползаются по швамъ". Газета не дѣлаетъ прямыхъ указаній на взятки, и мы ограничимся лишь сентенціей, что подобныя „ошибки" всетаки не бываютъ при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Изъ „Новаго Времени": „Биржевые комитеты и торговыя фирмы

возбудили передъ министерствомъ путей сообщенія ходатайство о болѣе строгомъ надзорѣ за дѣйствіями станціонныхъ желѣзнодорожныхъ агентовъ". Однимъ товаро-отправителямъ даютъ вагоны, другимъ не даютъ. Происходитъ это отъ „неправильностей и даже *злоупотребленій*". Не трудно понять, о какихъ „злоупотребленіяхъ" здѣсь идетъ рѣчь: для „умныхъ" вагоны находятся. Во время японской войны не мало писалось, что при „расходѣ" рублей въ 400—600 на вагонъ, этотъ вагонъ летѣлъ прямолинейно на Дальній Востокъ съ товарами для тыла арміи, а „не смазанные" вагоны по мѣсяцамъ ждали своей очереди. Скотопромышленники разсказываютъ цѣлыя повѣсти о томъ, что надо дѣлать, чтобы вагоны со скотомъ прицѣплялись, а не отцѣплялись.

„Вся Рассеюшка бастуетъ, а казна виномъ торгуетъ", — говоритъ новомодная пѣсенка. Вотъ и заглянемъ въ эту торговлю виномъ. Недавно всѣ газеты обошло сенсаціонное извѣстіе: „Злоупотребленія въ акцизномъ вѣдомствѣ". Начались обличенія съ письма г-на Акцизнаго въ „Сынѣ Отеч.": ходятъ, де, слухи о „крупныхъ недоразумѣніяхъ". Приступъ осторожный и обыкновенный: сперва обнаруживаемыя взятки всегда называются „недоразумѣніемъ", „страннымъ обстоятельствомъ", „непонятнымъ фактомъ" и т. д. А потомъ дѣло раскрывается, если во время не очутится подъ крышкой. За робкими аккордами слѣдуютъ уже болѣе опредѣленные. „Предполагается судебное дѣло по обвиненію *ряда* лицъ акцизнаго надзора во взяточничествѣ". „Тяжело видѣть картину изумительнаго произвола, казнокрадства и взяточничества, царящихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ". „Со времени введенія винной монополіи дѣятельность многихъ и многихъ лицъ, какъ это и обнаружено уже контролемъ, сводилась и сводится къ возмутительному набиванію своихъ кармановъ тѣми способами, которые всегда найдутъ себѣ защитниковъ тамъ, гдѣ на мѣсто закона поставлены произволъ и безотвѣтственное усмотрѣніе".

Вѣдомство всполошилось. „Ореръ, ореръ"...—какъ выражалась пріятная гоголевская дама. Шило вылѣзло изъ мѣшка и осталось „успокоить" общественное мнѣніе только тѣмъ, что въ мѣшкѣ лишь одно — два шила, а не больше. И вотъ, что мы, между прочимъ, находимъ въ „Нов. Вр." отъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

„При разслѣдованіи нѣкоторыя заинтересованныя въ питейной торговлѣ лица показали, что дѣйствительно въ Петербургѣ оперируютъ нѣсколько лицъ въ качествѣ посредниковъ, дѣйствующія именемъ одного лица акцизнаго вѣдомства и предлагающія за извѣстное вознагражденіе свои услуги по исходатайствованію разнаго рода разрѣшеній, касающихся питейной торговли въ столицѣ. А также были косвенныя указанія на непосредственное

участіе въ означенномъ дѣлѣ *двухъ* должностныхъ лицъ мѣстнаго акцизнаго управленія".

Только „два" лица, да еще „косвенно", да и тѣ уже обнаружены... Общество должно „успокоиться" и съ довѣріемъ думать о бюрократической торговлѣ водочкой.

Всѣмъ извѣстны разсказы о консисторскихъ секретаряхъ, которые за одни свои квартиры платятъ вдвое больше получаемыхъ окладовъ. Иногда выручаетъ возможность ссылки на „богатую жену", но каково положеніе холостыхъ... На эту тему много было писано, и теперь мы остановимся лишь на смоленской корреспонденціи „Новаго Времени".

„Мѣстный органъ, — говоритъ корреспондентъ изъ Смоленска, — *лишенъ возможности* сообщать *правду* о произволѣ, который царствуетъ въ нашемъ епархіальномъ управленіи... Произвольнымъ распоряженіемъ смоленской духовной консисторіи устранены церковные старосты церквей Покровской и Свирской *за охрану церковныхъ доходовъ отъ посягательствъ*... Хищенія и растраты при постройкахъ семинаріи, епархіальнаго училища, въ свѣчномъ заводѣ и т. д. вполнѣ выяснены. Наши храмы не могутъ ремонтироваться отъ массы поборовъ, безконтрольно назначаемыхъ и расходуемыхъ". Два устраненныхъ церковныхъ старосты, явное дѣло, не умѣли „сноситься" съ консисторіей, какъ слѣдуетъ, и за это потерпѣли. Но изъ этого же видно, что всѣ остальные многочисленные старосты „умѣютъ сноситься", а потому и не изгоняются со своихъ мѣстъ.

Просматривая свои вырѣзки, я замѣчаю, что очень, сравнительно, малое ихъ число касается нашей полиціи. Газеты, по большей части, придерживаются въ этой области правила — aut bene, aut nihil, но это вовсе не значитъ, что наша полиція мертва. И такъ, удовольствуемся тѣмъ, что есть.

Послѣ полиціймейстера Шафрова, брантмейстера Осипова и тому подобныхъ героевъ трудно найти что-нибудь удивительное, и факты, мною собранные, вѣроятно, покажутся мелкими. Но надо помнить, что мелкіе факты, имѣющіе общій характеръ, еще болѣе типичны и значительны, чѣмъ исключительные, хотя и крупные.

„Извѣстно,—говоритъ „Новое Время",—что въ десятскіе и сотскіе уважающіе себя крестьяне не идутъ потому, что эти „сельскія власти" не только находятся на побѣгушкахъ у исправниковъ, становыхъ и урядниковъ, но выполняютъ у перечисленныхъ чиновъ роль домашней прислуги, на манеръ денщиковъ". Далѣе описывается, какъ нѣкоторые становые взимаютъ съ крестьянъ мзду, и за это ослабляютъ „натуральную повинность". Въ Гдовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне шести волостей платятъ становому по 3—4 коп. „лакейскаго сбора". Если не берутся освободительныя взятки, то вытребываются сотскіе и де-

сятскіе. По словамъ „Свѣта“, положеніе этихъ несчастныхъ при квартирѣ станового прямо ужасное: „ихъ всегда дежурятъ нѣсколько человѣкъ, пять и шесть... особаго помѣщенія имъ нѣтъ, и они должны ютиться подъ навѣсомъ на дворѣ... Зимой ихъ положеніе особенно тяжело“. Но понятно, чѣмъ больше становой мучаетъ сотскихъ и десятскихъ, тѣмъ скорѣе успѣетъ вымогательство „лакейскаго сбора“.

Въ „Казанскомъ Телеграфѣ“ эта кабала освѣщена очень подробно. „Становые *по всему сѣверо-востоку* Россіи упрочили правило—даромъ пользоваться десятскими, какъ домовой прислугой“. Ихъ заставляютъ чистить лошадей, конюшню и дворъ, пилить дрова, возить на себѣ воду для сада, кормить куръ и свиней, таскать на рѣку бѣлье, а часто и полоскать его. Становые не кормятъ своихъ „крѣпостныхъ“: они получаютъ отъ сельскихъ обществъ по 15 коп. въ день. Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всей Россіи отъ Финляндіи до Урала полиція либо сдираетъ „лакейскій сборъ“, либо эксплуатируетъ постоянно до шести мужиковъ, съ которыми обращается, какъ съ хлѣвнымъ скотомъ. И это рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но почему крестьяне не жалуются? Почему они платятъ эти взятки деньгами и натурой? А потому, что „доводить до свѣдѣнія“ общеизвѣстныя вещи глупо, и самовольное „уклоненіе“ называется „сопротивленіемъ властямъ“. Въ № 10,423 „Нов. Вр.“ напечатано, что въ уральскомъ Александровскомъ заводѣ при квартирѣ станового всегда дежурятъ трое десятскихъ, которые „чистятъ самовары, носятъ воду, водятся съ ребятами, ходятъ за коровой, убираютъ навозъ и снѣгъ“ и т. д. И все это даромъ. „Къ сожалѣнію,—говоритъ газета,—что описывается на Уралѣ, происходитъ и *въ Сибири*, и *на Волгѣ*, однимъ словомъ, *вездѣ въ Россіи*“. Сплошное взяточничество...

О городской полиціи г. Скальковскій разсказываетъ интересные факты въ томъ же „Новомъ Времени“. Вотъ что было, когда полицейскія мѣста раздавались гвардейцамъ. „Петербургскій приставъ 3-й части получалъ въ годъ до 15,000 руб., 2-й части—до 10,000 руб. Васильевская, Московская и Литейная были выгодны; наоборотъ, Выборгская доставляла не болѣе 3,000 руб. Квартальный Сѣнной получалъ 12,000 руб.“ Это было давно, а что теперь дѣлается, къ сожалѣнію, „Новое Время“ не пишетъ.

Перейдемъ къ интендантству. Въ началѣ войны наша „патріотическая“ печать объявила, что миръ будетъ прописанъ „макакамъ“ во взятомъ Токіо и что наша армія и наше интендантство теперь уже не тѣ, что были въ турецкую кампанію. Мало-по-малу исчезли мечты о Токіо, исчезли и иллюзіи объ интендантствѣ и арміи. Въ интендантствѣ все оказалось „по старому“, да и съ какой стати было интендантству мѣняться, когда не мѣнялся общій режимъ. Съ пораженіями на войнѣ начались об-

личенія въ печати, сперва очень, очень робкія, потомъ чуточку болѣе ясныя; однако, и до сихъ поръ, конечно, не высказана и сотая доля правды.

Починъ обличеніямъ сдѣлало „Русское Слово". Оно повѣдало, что въ Новомосковскѣ для солдатъ скупаются валенки самаго дряннаго сорта по 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. за пару, а въ казну ставятся по 5 р. 50 к. Эти валенки сдѣланы изъ „кислой шерсти" и обшиты кожей-„худрой", которая „не прочнѣе бумаги". Объ участіи интендантовъ въ этомъ обирательствѣ, о взяткахъ съ поставщиковъ газета не сказала ни слова, и тѣмъ оставила возможность думать, что по 4 руб. на каждой парѣ валенокъ наживаютъ только безсовѣстные поставщики. Но, конечно, всѣ догадливые читатели задались вопросами: а какъ же принимаетъ интендантство эту дрянь изъ „кислой шерсти", обшитую „худрой"? И развѣ можно платить 5 р. 50 к. за то, что стоитъ 1 р. 20 к.? Можно ли допустить такую дѣтскую наивность въ интендантахъ? Поговорили, поговорили о грабежѣ на валенкахъ и успокоились, не дождавшись никакого объявленія объ оффиціальномъ разслѣдованіи. Люди, прикарманившіе по 4 р. на парѣ и подѣлившіеся съ кѣмъ слѣдуетъ, само собой, не стали напоминать о себѣ въ газетахъ... И только съ Дальняго Востока приходили смутные, цензурованные слухи о „босой арміи" и объ обмороженныхъ ногахъ.

За валенками въ газетахъ промелькнули ковровскіе полушубки („Наша Жизнь" № 13). Шьются, де, они изъ „вонючей овчины" и такъ плохо, что расползаются. Много овчинъ сняты съ сибиреязвенной падали, и потому даже швецы часто заражаются. И опять о роли интендантовъ ни слова.

Дальнѣйшія обличенія носятъ уже болѣе ясный характеръ. Въ № 10,553 „Новаго Времени" мы находимъ описаніе бѣлья для арміи. „Качество бѣлья, поставленнаго интенданствомъ, плохо, такъ плохо, что нетолько преступно мучить такимъ бѣльемъ армію, но преступно даже занимать такой рванью вагоны сибирской дороги"... Бѣлье сшито изъ скврнѣйшаго миткаля. „Подобный полуфабрикатъ трудно даже достать въ магазинахъ, его лишь иногда держатъ для продажи на тряпки и для техническихъ цѣлей". „Ткань усѣяна, такъ называемой, „голочкой", т. е. черными, весьма твердыми осколками чашечекъ хлопчатника. Миткаль, изъ котораго сшито солдатское бѣлье, представляетъ своего рода *терку*. Такое бѣлье и безъ насѣкомыхъ ѣстъ тѣло. Въ результатѣ получаются всевозможныя кожныя заболѣванія. Но это на дѣлѣ, тамъ, въ Манчжуріи, а на бумагѣ все будетъ благополучно: заболѣвшихъ *отъ бѣлья* экземой и другими кожными болѣзнями припажутъ какъ нибудь къ графѣ „венерическихъ"... Швеямъ за работу платятъ по 7 коп., а за понталоны 5 коп. Это цѣна невозможная и въ шесть разъ ниже

нормальной. Конечно, поэтому и шьются казенныя вещи отвратительно. „Куда идетъ экономія, представляю читателемъ судить самимъ“.

Здѣсь обличеніе уже яснѣе, чѣмъ въ сообщеніяхъ о валенкахъ и полушубкахъ. Обвинены интенданты, но обвинены лишь въ снабженіи солдатъ невозможно скверньшъ бѣльемъ. Почему же такъ? Можетъ быть, интендантамъ отпущено слишкомъ мало денегъ? Это не выяснено, и только неопредѣленная фраза о „куда-то идущей экономіи“ позволяетъ догадываться о взяткахъ.

Не болѣе ясно пишетъ и „Русь“. „Въ Петербургѣ есть старикъ-кузнецъ. Теперь онъ дѣло прекратилъ—старъ. Весной его позвали на Сергіевскую въ одинъ богатый домъ. Генералъ предложилъ ему поставлять подковы по 1 р. 80 к. за кругъ. Старикъ отказался, говоря, что дѣло прекратилъ. Тогда ему сказали, что поставлять и не надо, а надо только расписываться каждую недѣлю въ полученіи денегъ за поставку, и за это онъ будетъ получать 200 р. за каждую расписку. Старикъ отказался, видя мошенничество, прибавивъ, что когда онъ поставлялъ по 80 коп. за кругъ, то и то нажилъ деньги“.

Изъ № 189 „Нашей Жизни“: „Московское интендатство рѣшило заготовить хозяйственнымъ способомъ рубахи для солдатъ, но затѣлъ сдало весь заказъ подрядчику, а тотъ всего за *одну треть* цѣны сдалъ поставку городскому работному дому“. Здѣсь 66% наживы, но опять нѣтъ указаній, что это: взятка или наивность грудного ребенка?

Въ № 10,607 „Новаго Времени“ разсказана исторія пріемки валенокъ казанскими интендантами. „Казанская губернская управа, получившая предложеніе поставки, дважды посылала интендантамъ образцы валенокъ. Въ первый разъ интенданты забраковали работу, одобривъ матеріалъ, а во-второй разъ забракавали матеріалъ, одобривъ работу. Въ третій разъ управа послала тѣ же валенки, но интенданты забраковали и то, и другое“. По поводу этой исторіи „Новое Время“ выводитъ такое заключеніе: „Интенданты далеко не всегда бываютъ такъ „строги“ при пріемкѣ, въ особенности, когда дѣло приходится имѣть не съ земствомъ, а съ „*отвѣтными*“ въ своемъ родѣ поставщиками“.

Намекъ на взяточничество здѣсь уже опредѣленный. Но только намекъ.

Кустари-сапожники села Красный Холмъ изготовили 8 паръ сапогъ и отдали ихъ интендантамъ, какъ образцы, чтобы сдѣлать большую поставку на армію. По свѣдѣніямъ „Слова“ (№ 217) послѣ долгихъ измоновъ интендантство, наконецъ, сапоги забраковало, потому что, во-первыхъ, ушки были пришиты не восемью, а 23-мя стежками и, во-вторыхъ, потому, что въ каблукахъ оказалось менѣе 13% влаги. „Кустари недоумѣвали,—

говоритъ газета,—какимъ масломъ нужно смазывать, чтобы сапоги прошли, какъ по маслу, въ армію. Очевидно, въ умѣ кустарей были неправильныя понятія о влажности, которой можно избѣгнуть „смазкой"... Въ итогѣ, кустари рѣшили, что слѣдуетъ работать на подрядчика, „который *все* знаетъ"...

На тему о рѣшающемъ значеніи „смазки" и „*всезнанія*" подрядчиковъ „Русь" разсказываетъ такой курьезъ. „Корчевской управѣ было предложено главнымъ интендантствомъ поставить значительную партію сапогъ для арміи. Съ предложеніемъ была прислана и образцовая пара. Управа послала въ московское окружное интендантство, гдѣ она желала сдавать подрядъ, для одобренія ту самую пару сапогъ, которую получила въ видѣ образца отъ главнаго интендантства, снявъ предварительно ярлыки. Случилось то, что и нужно было ожидать: московское окружное интенданство забраковало образецъ главнаго интендантства". Но безъ сапогъ интенданство не остается: вмѣсто земства явится „опытный" подрядчикъ, который „все знаетъ", и его сапоги окажутся хорошими.

Затхлая мука и гнилые сухари играли большую роль въ турецкую компанію. Изъ № 260 „Нашей Жизни" мы узнаемъ, что традиціи не забыты и теперь. Въ приказѣ по кіевскому военному округу отъ 2 августа этого года говорится: „До сихъ поръ бываютъ случаи пріема войсками изъ продовольственныхъ магазиновъ *затхлой* муки, изъ которой получается недоброкачественный хлѣбъ... Муку сомнительнаго качества допускать къ пріему только изъ кіевскаго особаго магазина и то въ пропорціи $^{1}/_{5}$ части на $^{4}/_{5}$ свѣжей". „Интересно было бы знать,—прибавляетъ газета,—фамиліи интендантовъ смотрителей продовольственныхъ магазиновъ, получающихъ, такъ называемыя, „*пріемлемыя*".

Безъ всякихъ обиняковъ, безъ упоминанія о „смазкахъ" и „пріемлемыхъ" говоритъ о взяточничествѣ генералъ Кондратенко въ письмѣ, которое обошло всѣ газеты. „Наши военные инженеры совершенно не помогаютъ войскамъ въ скорѣйшемъ созданіи блиндажей и вообще не идутъ на встрѣчу интересамъ войскъ, а занимаются *казнокрадствомъ*. Поэтому инженеры ведутъ только тѣ работы, на которыя можно нанимать китайцевъ, при чемъ китайцевъ по отчету нанято гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ наживаются. Тѣ же работы, въ которыхъ участвуютъ только войска, страшно тормазятся. *Такова дѣятельность и интендантства*: недостаетъ обуви, обмундированія, снаряженія. Часть людей ходитъ въ прорванныхъ, *принесенныхъ изъ дома*, валенкахъ, а интенданты изощряются, какъ бы совсѣмъ урѣзать часть ихъ обмундированія".

На этомъ замѣчательномъ письмѣ замѣчательнаго человѣка я и кончаю, какъ на финальномъ аккордѣ, свои цитаты о взят-

ахъ. Матеріалы мои отрывочны, случайны и мизерны, но все же они вполнѣ доказываютъ, что бѣдную Россію обираютъ и грабятъ повсюду.

Остроумно говоритъ о взяточничествѣ „Виленскій Вѣстникъ". „Покупка начальства—историческая черта русскаго, смиреннаго человѣка... Принято думать, что эту черту воспитали въ насъ татары. Ахъ, эти татары!... Это тоже, что теперь „жиды". Чуть что не хорошо у насъ, все на татаръ взваливаемъ".

Невольно заставляетъ улыбнуться „Le Matin". Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этой газеты разсказывается, что бакинскіе нефтепромышленники были до сихъ поръ вынуждены откупатся взятками не только отъ обыкновенно-русскихъ мздоимцевъ, но и отъ мѣстныхъ разбойниковъ. Къ этому газета прибавляетъ: „Les inconvenients de cette singulière assurance"—неудобства этой странной страховки. Дѣйствительно „неудобно", если кромѣ обыкновенныхъ взяточниковъ приходится давать „пріемлемыя" и вольнымъ разбойникамъ.

А еще „Новое Время" говоритъ, что „Le Matin" недоброжелательно относится къ Россіи... Чего ужъ мягче: даже то, что имѣетъ мѣсто въ Баку, снисходительная газета называетъ только „неудобствомъ"... Впрочемъ, нельзя сильно винить „Le Matin". Много вѣковъ съ высоты своихъ креселъ смотритъ нашъ оффиціальный міръ на нашу дѣйствительность и находитъ ее даже очень удобной.

С. Протопоповъ.

Морской штабъ «на мирномъ положеніи». Н. А. Демчинскій въ „Словѣ" рисуетъ жанровую картинку, которя отъ нашихъ тревожныхъ дней, послѣ Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена и Цусимы, переноситъ воображеніе къ добрымъ старымъ временамъ до-реформенной обломовщины. Вы, конечно, помните: „можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить живой души"... И далѣе: „это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ не побѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти"... Это изъ Гончаровскаго „Обломова" *).

Теперь послушайте, что разсказываетъ г. Демчинскій, уже прямо съ натуры. Извѣстно, что г. Демчинскій—человѣкъ предпріимчивый и безпокойный. Одно время онъ весь былъ поглощенъ предсказаніями погоды, которая, однако, рѣшительно не оправдала его ожиданій. Послѣ этого онъ обратилъ свое вниманіе на предметы, болѣе доступныя человѣческому воздѣйствію. Онъ составлялъ проекты реформъ, писалъ о войнѣ, порицалъ Куропаткина и, хотя, какъ русскій человѣкъ, не могъ обойтись безъ неумѣренныхъ (для равновѣсія) славословій по адресу другихъ

*) Полное собраніе сочиненій Гончарова, 1899 г., т. III, стр. 141.

генераловъ, но все же въ общемъ, повидимому, нѣсколько ожесточился, и его статьи послѣдняго времени писаны уже не нововременской пряно-патріотической водицей, а уксусомъ и желчью.

Въ такомъ настроеніи г. Демчинскій отправился въ одинъ прекрасный день въ главный морской штабъ, чтобы навести справки по одному дѣйствительно интересному предмету. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію главнаго морского штаба, семьи офицеровъ, участвовавшихъ въ цусимскомъ бою, лишены выдававшагося имъ прежде содержанія...

Эта „гуманная мѣра" практиковалась уже и ранѣе. Въ газетахъ много разъ отмѣчались случаи, когда жены офицеровъ узнавали о смерти мужей на по..хъ битвъ именно отъ полковыхъ казначеевъ, которые „за выбытіемъ изъ строя по случаю смерти", сразу прекращали осиротѣлой семьѣ содержаніе... Такимъ образомъ, жены и дѣти оставались сразу не только безъ мужей и отцовъ, но также и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Это приказное бездушіе вызывало въ свое время негодованіе всей печати, и въ газетахъ появилось „компетентное сообщеніе", что противъ него уже приняты соотвѣтствующія мѣры. Мы не знаемъ въ точности, какъ отразились эти мѣры на сухомъ пути, но относительно семей моряковъ вліяніе ихъ выразилось въ формахъ довольно неожиданныхъ: прежде шла рѣчь о лишеніи содержанія семей офицеровъ, завѣдомо убитыхъ; теперь, послѣ цусимскаго боя содержаніе прекращено и семьямъ живыхъ. Штабъ знаетъ достовѣрно, что погибло „много", но такъ какъ ему неизвѣстно, кто именно остался въ живыхъ, то „для большей вѣроятности" перестали выдавать всѣмъ. Кто окажется живъ, тому предоставляется доказывать законнымъ порядкомъ, что онъ не умеръ...

Гуманная экономія коснулась, между прочимъ, и родственницы г-на Демчинскаго, почему послѣдній отправился за справками въ канцелярію главнаго морского штаба. Здѣсь онъ, разумѣется, прежде всего обратился къ курьеру, съ которымъ и произошелъ у него нижеслѣдующій замѣчательный діалогъ, достойный занесенія на страницы исторіи:

— Кто начальникъ штаба?—спрашиваетъ г. Демчинскій.

— Рождественскій.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ... Въ Японіи.

Тутъ только, говоритъ г. Демчинскій, я сообразилъ, о какомъ Рождественскомъ идетъ рѣчь. До этого я никакъ не могъ совмѣстить эти двѣ должности.

— Ну, а теперь кто же начальникъ штаба?

— Адмиралъ Безобразовъ.

— Онъ тутъ?

— Никакъ нѣтъ, они въ отпуску.

— Да кто-же теперь-то начальникъ?—спросилъ г. Демчинскій, уже съ понятной досадой.

— Адмиралъ Виреніусъ.

— Онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Третій день съ дачи не пріѣзжали.

— Да что-ты: шутишь, что ли?

— Помощникъ ихній...

— Кто помощникъ?

— Адмиралъ... (фамилію г. Демчинскій не разслышалъ).

— Здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. И они не пріѣзжаютъ.

— Да кто же, чортъ возьми (грубо, но... понятно) пріѣзжаетъ?

— Второй помощникъ, адмиралъ Нидермиллеръ. Только... они тоже ушли...

— Ну, дай мнѣ адъютанта штаба!

— Старшій адъютантъ Зиллоти...

Припоминаемъ,—кажется г-нъ Зиллоти нѣсколько извѣстенъ литературѣ: въ похвальномъ рвеніи онъ выступалъ на защиту своего начальства противъ нападокъ капитана Кладо, при чемъ нѣсколько превысилъ мѣру усердія и подвергся даже взысканію... Весьма понятно, что... на вопросъ г-на Демчинскаго: „Ну вотъ, давай Зиллоти"!—послѣдовалъ опять тотъ же неизмѣнный отвѣтъ:

— Ихъ нѣтъ-съ... Можетъ быть, въ третьемъ часу... иногда заѣзжаютъ...

— Такъ съ кѣмъ же мнѣ говорить-то?—спрашиваетъ г. Демчинскій въ отчаяніи.

— Только вотъ дежурный чиновникъ.

Дѣйствительно, „въ пріемную вошелъ утомленный коллежскій регистраторъ и подошелъ къ очередной дамѣ. Но тутъ,—говоритъ г. Демчинскій,—я наступилъ ему на горло... и только послѣ этого энергичнаго воздѣйствія г-ну Демчинскому удалось узнать, что „*жалованіе семьямъ офицеровъ не платятъ потому, что нѣтъ донесенія о цусимскомъ боѣ отъ старшаго адмирала*, а потому канцелярія не знаетъ, кто живъ и кто погибъ" (!).

— Да вѣдь вы же сообщили списки въ газетахъ!

— Да, но это по японскимъ и французскимъ свѣдѣніямъ, которыя не могутъ служить оправдательнымъ документомъ передъ контролемъ"!.. *).

Превосходная система контроля и замѣчательное отношеніе къ „иностраннымъ источникамъ". Прекратить выдачу содержанія многимъ семьямъ на основаніи этихъ источниковъ — можно. Но возстановить хоть одной семьѣ,—нельзя... Удивительно, что при столь экономическомъ контролѣ нашъ побѣжденный флотъ стоилъ всетаки въ $1^1/_2$ раза дороже побѣдоноснаго японскаго...

---

*) „Слово". Заимствуемъ изъ „Спб. Вѣд" 21 авг. 1905, № 201.

Г. Демчинскій выражаетъ желаніе, чтобы г. морской министръ „хоть разъ попалъ въ главный штабъ просителемъ"... Истинно россійское упованіе на министровъ Гарунъ-аль Рашидовъ... А между тѣмъ,—что бы произошло, если бы г. военный министръ, хотя бы даже переодѣвшись капитаномъ Копѣйкинымъ, испыталъ на себѣ всѣ терніи „просительства" въ штабахъ? Очень можетъ быть, что мы прочитали бы еще одинъ приказъ, обличающій съ бюрократическихъ высотъ канцелярскіе порядки и вмѣстѣ рисующій мудрую бдительность высшаго начальства... И только. Бывало вѣдь это много разъ, и приказы писались многократно. Мнѣ вспоминается читанный гдѣ-то разсказъ о томъ, какъ еще Петръ Великій объѣхалъ однажды присутственныя мѣста, спустя два часа послѣ законнаго срока для начала занятій, и не засталъ „господъ присутствующихъ" на мѣстахъ. Петръ Великій! Не адмиралу Бирилеву чета! И приказы онъ писалъ, какъ извѣстно, очень выразительно. Напримѣръ: когда бригадиръ Трубецкой и его товарищъ Исаевъ промедлили два года съ исполненіемъ порученнаго имъ дѣла, то Петръ послалъ имъ указъ съ угрозою: и „ежели сихъ дѣлъ не учините въ 5 мѣсяцевъ или полгода, то ты, (Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ *работу каторжную* посланы" *). Кажется, довольно сильно, но тогда бывало и еще сильнѣе. Напримѣръ, въ 1711 году, вице-губернатору гор. Москвы Ершову обѣщано было отъ сената: „и черевы на кнутьяхъ выметать"... **) Однако канцелярскіе нравы плохо исправлялись канцелярскими же воздѣйствіями и угрозами, такъ что преемникамъ Петра приходилось, въ свою очередь, неустанно прибѣгать къ весьма своеобразнымъ мѣрамъ. Такъ, въ 1734 году Мельгуновъ рапортомъ доносилъ о медленности губернаторовъ и воеводъ,—„коимъ въ 1732 и 1733 годахъ послано по 12 указовъ, и сверхъ того подано на нихъ въ сенатъ 3 доношенія, и по опредѣленіямъ сенатскимъ послѣдовало 3 указа", и по тѣмъ указамъ „велѣно тѣхъ *губернаторовъ* и воеводъ за неприсылку рапортовъ держать *подъ карауломъ*, а секретарей и подъячихъ *въ оковахъ* (!). Но... и послѣ сего рапортовъ все же не прислано ***), и волокита тянулась та же, и никакіе грозные указы не могли побѣдить непобѣдимую канцелярскую бездѣятельность...

Съ тѣхъ поръ прошло два столѣтія... Никогда еще, кажется, не было ничего подобнаго тому, что пережила Россія на Дальнемъ Востокѣ. И что же? Все быстро вошло колею. Даже громъ цусимской канонады, возвѣстившей всему міру гибель цѣлаго флота и небывалое торжество противника надъ русскимъ флагомъ,—ничто не могло преодолѣть—„ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти" въ обломовскихъ канцеляріяхъ военной бюро-

*) Соловьевъ 1-е изданіе Исторіи, т. XVII, стр. 178.
**) Ib. XVI, 182.
***) Ib. XX. 186.

кратіи. Флотъ побѣжденъ, порядки морского штаба устояли! На безпримѣрныя пораженія главный морской штабъ реагировалъ немедленнымъ и огульнымъ прекращеніемъ содержанія семьямъ и живыхъ, и плѣнныхъ, и убитыхъ офицеровъ безъ разбору, — а самъ... перешелъ на мирное дачное положеніе...

И вотъ, въ военной канцелярской пустынѣ бродитъ безпокойный партикулярный человѣкъ Н. А. Демчинскій, заступаясь за права „ошибочно не погибшихъ“ офицеровъ, и въ раздраженіи восклицаетъ:

— Да, кто же, наконецъ, сюда, чортъ возьми, пріѣзжаетъ? Давайте мнѣ кого-нибудь... кого хотите, но давайте...

И на эти отчаянные вопли, точно блѣдное сновидѣніе изъ глубины сонваго царства, выходитъ... „утомленный коллежскій регистраторъ“, унылое олицетвореніе порядка, при которомъ, по безсмертному выраженію Щедрина,—„всѣмъ въ странѣ правитъ столоначальникъ“...

Понятно, что и онъ, бѣдняга, утомился до смерти...

Въ заключеніе, маленькое газетное сообщеніе изъ области той же военной экономіи: „Слово“ сообщаетъ, что генер.-лейт. Сахаровъ, при оставленіи поста военнаго министра, получилъ для переѣзда съ казенной квартиры на частную—15 тысячъ рублей! Новый военный министръ, ген.-лейтен. Редигеръ, для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же (съ Исаакіевской площади на Мойку, 67), получилъ 10.000 рублей. Назначенный на новую должность начальника генеральнаго штаба, генер.-лейт. Палицынъ получилъ для переѣзда съ одной казенной квартиры на другую, казенную же, 10 тысячъ рублей...

Это извѣстіе, первоначально оглашенное въ „Словѣ“, я заимствую уже въ перепечаткѣ изъ провинціальнаго „Южнаго Слова“ (отъ 27 авг. № 60)... Разумѣется, это только „газетныя извѣстія“, и навѣрное тотъ самый контроль, котораго такъ боится коллежскій регистраторъ морского штаба, имѣетъ по этому предмету самыя точныя свѣдѣнія, исходящія на сей разъ уже не изъ однихъ только японскихъ и французскихъ источниковъ...

О. Б. А.

Письмо въ редакцію «Русскаго Богатства».

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

Не откажите мнѣ, пожалуйста, въ помѣщеніи на страницахъ редактируемаго Вами журнала нижеслѣдующихъ строкъ, имѣющихъ цѣлью устранить недоразумѣніе, которое можетъ быть вызвано въ читателѣ „Русскаго Богатства“ помѣщенной въ послѣд-

немъ номерѣ журнала статьею В. А. Мякотина по поводу Государственной Думы.

Назвавъ „Право“ въ числѣ органовъ, „въ разной формѣ привѣтствовавшихъ новый законъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что онъ открываетъ собою новую эру въ русской жизни“, В. А. Мякотинъ подвергаетъ безпощадной и справедливой критикѣ законъ 6 августа, отмѣчаетъ его коренные недостатки и затѣмъ говоритъ:

„Послѣ всего сказаннаго можно вернуться къ вопросу о томъ, дѣйствительно-ли въ нашей жизни „перейденъ Рубиконъ“ и началась „новая эра“. Признаться, нѣсколько странно серьезно разбирать такой вопросъ въ виду всѣхъ совершающихся вокругъ насъ событій, и тѣмъ не менѣе разбирать его все-таки приходится, такъ какъ не малая часть нашей прессы, — по крайней мѣрѣ, столичной,—не только ставитъ его, но и даетъ ему утвердительное рѣшеніе“. („Р. Б.“, августъ, стр. 93).

Такое рѣшеніе дается „и нѣкоторыми серьезными публицистами, еще недавно занимавшими, *какъ казалось*, иную позицію“, и въ этомъ В. А. Мякотинъ усматриваетъ измѣну „лозунгу, еще такъ недавно бывшему общимъ“.

Какъ видите, обвиненіе, да еще квалифицированное ядовитымъ „казалось“,—нешуточное.

Между тѣмъ нужно замѣтить, что „всѣ совершающіяся вокругъ насъ событія“, мѣшающія В. А. Мякотину отнестись къ закону 6 августа, какъ къ исключительному историческому событію, отнюдь не были упущены нами изъ виду при оцѣнкѣ разсматриваемой реформы. Въ той части статьи моей, которая осталась нецитированной В. А. Мякотинымъ, сказано совершенно опредѣленно: „фактически, съ изданіемъ новаго закона, сегодняшній день еще ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго; всѣ окружающія условія—продукты прежняго режима—еще на лицо и при томъ особенно тяжело даютъ себя чувствовать“ („Право“, № 31, стр. 2518). Но въ этомъ мы усматриваемъ „печальное, но вполнѣ понятное исторически, противорѣчіе“, съ которымъ необходимо бороться, и которое — мы твердо вѣримъ — будетъ устранено жизнью. Но наличность такого противорѣчія не должна же служить наглазниками, мѣшающими видѣть передъ собою весь горизонтъ. Каково бы ни было противорѣчіе, народное представительство является въ нашемъ государственномъ организмѣ инороднымъ тѣломъ. Какъ было указано въ „Правѣ“ (№ 33, стр. 2674):

„Народные представители являются органами государства, получающими свои полномочія не отъ монарха, а изъ другого источника: непосредственно отъ народа. Не волю государя призваны они выражать и осуществлять, а волю пославшаго ихъ на-

рода. Въ государственномъ организмѣ народные представители по отношенію къ монарху являются чѣмъ-то самостоятельнымъ: хотятъ—они поддерживаютъ его волю, хотятъ — идутъ противъ нея; и это ихъ право".

Впрочемъ, и самъ В. А. Мякотинъ признаетъ, что „проектированная къ бюрократическому механизму пристройка" задумана „въ нѣсколько иномъ стилѣ". Если только отбросить слово „нѣсколько", которое не подходитъ сюда, такъ какъ принципъ новаго учрежденія совершенно противорѣчитъ дѣйствующему укладу, то окажется, что нѣтъ по существу разницы въ оцѣнкѣ реформы, несоотвѣтствіе коей и пожеланіямъ общества, и потребностямъ страны настойчиво нами отмѣчалось. Еще больше недоумѣнія вызываетъ указаніе на измѣну бывшему до сихъ поръ общимъ лозунгу,—ибо въ статьѣ нашей категорически было выражено, что народные представители должны сказать *то же самое*, что говорили до сихъ поръ „самозванцы", и что учрежденіе Думы никого не удовлетворяетъ и успокоить страну не можетъ. Такимъ образомъ врядъ-ли могло возникнуть основательное подозрѣніе, что произошла измѣну лозунгу, онъ остается въ своемъ первоначальномъ видѣ, и вопросъ сводится къ тому, является-ли цѣлесообразнымъ въ тѣхъ интересахъ, которые до сихъ поръ были общими, воспользоваться Государственной Думой. Если мы разрѣшаемъ этотъ вопросъ въ противоположномъ смыслѣ, то одинъ изъ насъ дѣлаетъ, очевидно, крупную политическую ошибку. Но именно потому, что ошибка эта можетъ имѣть роковое значеніе для ближайшихъ судебъ Россіи, надлежало бы всю силу разумѣнія сосредоточить на разрѣшеніи этого тактическаго вопроса, а не осложнять его посторонними соображеніями, способными лишь усилить сумятицу и тѣмъ самымъ затруднить правильное его разрѣшеніе. Или же, если В. А. Мякотинъ считаетъ, что разногласіе здѣсь не тактическое, а принципіальное, не смотря на совершенно одинаковое отношеніе къ сущности реформы и на предъявляемыя къ ней требованія, то нужно было именно это доказывать и выяснять.

Не считая себя въ правѣ пользоваться Вашей любезностью, чтобы защищать на страницахъ Вашего журнала отстаиваемый мною взглядъ, я позволю себѣ въ заключеніе разсѣять еще одно частное недоразумѣніе. В. А. Мякотинъ возражаетъ противъ моего мнѣнія, что бюрократія, опираясь на Думу, составленную изъ Нарышкиныхъ и Шараповыхъ, пріобрѣтетъ новую силу, и настаиваетъ на томъ, что такой исходъ всего лучше вскроетъ несостоятельность новаго учрежденія. Противъ этого я не спорилъ, и въ этомъ глубоко убѣжденъ. Я лишь утверждалъ, что такой исходъ грозитъ страшнымъ взрывомъ, послѣдствій котораго нельзя предвидѣть. И мнѣ кажется, что обязанность каждаго, кто цѣнитъ человѣческую личность, заключается въ томъ, чтобы при-

нять всѣ мѣры для предотвращенія новыхъ кровопролитій. И безъ того крови пролито столько, что не знаю, скоро-ли она окупится счастьемъ грядущимъ поколѣній.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

І. В. Гессенъ.

По поводу письма І. В. Гессена.

Своимъ письмомъ въ редакцію „Русскаго Богатства" І. В. Гессенъ желалъ „устранить недоразумѣніе", которое могла вызвать въ читателяхъ нашего журнала моя статья о Государственной Думѣ. Повидимому, намъ оставалось бы только поблагодарить І. В. Гессена за услугу, любезно оказываемую имъ нашимъ читателямъ, но, къ сожалѣнію, на счетъ цѣнности этой услуги можно быть разнаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ, я съ своей стороны и послѣ письма І. В. Гессена никакъ не могу разглядѣть, въ чемъ заключается то „недоразумѣніе", которое онъ желаетъ устранить.

Прежде всего авторъ письма какъ будто недоволенъ сдѣланнымъ въ моей статьѣ причисленіемъ „Права" къ тѣмъ органамъ печати, которые поторопились привѣтствовать законъ 6 августа рѣшительнымъ заявленіемъ, что онъ открываетъ собою новую эру въ русской жизни. Быть можетъ, я, дѣйствительно, не имѣлъ права на такое причисленіе и, сдѣлавъ его, тѣмъ самымъ ввелъ читателей „Русскаго Богатства" въ недоразумѣніе? Едва-ли такъ. Позволю себѣ напомнить, что въ № 31 „Права", вышедшемъ въ свѣтъ въ самый день изданія закона 6 августа, были помѣщены совершенно категорическія утвержденія, не оставлявшія мѣста никакимъ недоразумѣніямъ на счетъ мнѣнія газеты о смыслѣ и значеніи этого закона. „Теперь, послѣ 6 августа—писалъ въ своей статьѣ П. Н. Милюковъ—въ Россіи нѣтъ болѣе бюрократическаго строя". „Какъ бы ни оцѣнивать—говорилъ съ своей стороны І. В. Гессенъ—содержаніе лежащаго передъ нами акта, и съ точки зрѣнія функцій представительства, и съ точки зрѣнія организаціи выборовъ не соотвѣтствующаго опредѣленно и единодушно выраженнымъ пожеланіямъ общества, какъ бы ни опредѣлять тѣ вліянія, которыя онъ окажетъ на дальнѣйшій ходъ нашего государственнаго развитія,—во всякомъ случаѣ къ этому моменту пріурочится поворотный пунктъ, отъ котораго исторія поведетъ новую стадію развитія. Самодержавно-бюрократическій строй... признанъ, наконецъ, законодательной властью подлежащимъ упраздненію" („Право", № 31, стр. 2517 и 2518). Быть можетъ, теперь редакція „Права" думаетъ иначе? Этого я

не знаю, но во всякомъ случаѣ совершенно очевидно, что, причисливъ „Право“ къ органамъ, поторопившимся привѣтствовать законъ 6 августа заявленіями о началѣ новой эры, я ни на шагъ не отступилъ отъ истины. Если тутъ и было какое-нибудь „недоразумѣніе“, то повиненъ въ немъ никакъ не я.

Не совсѣмъ ясно выражая свое недовольство по указанному пункту, І. В. Гессенъ уже съ полной опредѣленностью высказываетъ такое недовольство въ другомъ пунктѣ, рѣшительно протестуя противъ даннаго мною опредѣленія значенія позиціи, занятой „Правомъ“ въ вопросѣ о Государственной Думѣ. По словамъ І. В. Гессена, я совершенно неосновательно предъявляю къ „Праву“ „нешуточное обвиненіе“—въ отступленіи отъ лозунга, еще такъ недавно бывшаго общимъ,—при томъ обвиненіе, квалифицированное „ядовитымъ“ указаніемъ, что „Право“ еще недавно занимало, „какъ казалось“, иную позицію. Быть можетъ, здѣсь-то и заключается моя главная вина, здѣсь-то я и создалъ „недоразумѣніе“ для читателей „Р. Богатства“? Попробуемъ же присмотрѣться къ этому „недоразумѣнію“.

Сперва два слова о моей „ядовитости“. Въ свое бѣглое замѣчаніе о позиціи „Права“ въ недавнемъ прошломъ, я, признаться, не вкладывалъ никакой особой ядовитости и, если І. В. Гессену непонятенъ смыслъ этого замѣчанія, я легко могу разъяснить его. Дѣло въ томъ, что „Право“, на мой взглядъ, и въ прошломъ подчасъ не проявляло достаточной стойкости и послѣдовательности въ проведеніи однажды избранныхъ воззрѣній. Правда, въ общемъ оно держалось вполнѣ опредѣленнаго направленія, но порою позволяло себѣ и весьма серьезныя отступленія въ сторону. Напомню одинъ примѣръ. Въ самый разгаръ весеннихъ упованій „эпохи довѣрія“, на страницахъ „Права“ появилась статья кн. Евг. Трубецкого, заключавшая въ себѣ своего рода призывъ къ борьбѣ съ „внутренними врагами“. Въ свое время этотъ странный призывъ былъ отмѣченъ „Р. Богатствомъ“, но редакція „Права“ обошла наши замѣчанія полнымъ молчаніемъ. Припомнивъ этотъ эпизодъ, І. В. Гессенъ, быть можетъ, согласится, что я имѣлъ нѣкоторыя основанія не переоцѣнивать опредѣленность позиціи „Права“ въ недавнемъ прошломъ.

Но что было, то прошло, а сейчасъ рѣчь идетъ все-таки о настоящемъ. И въ этомъ настоящемъ я, по словамъ І. В. Гессена, неправильно опредѣляю позицію „Права“ и, въ частности, самого І. В. Гессена. Говоря о наступленіи новой эры, онъ не упускалъ изъ виду того, что фактически сегодняшній день еще ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго. Онъ былъ только свободенъ отъ „наглазниковъ, мѣшающихъ видѣть передъ собой весь горизонтъ“, увидѣлъ благодаря этому провозглашеніе новаго принципа, упраздняющаго старый строй, и, слѣдовательно, могъ разсматривать всѣ совершающіяся вокругъ насъ событія, какъ

„печальное, но вполнѣ понятное исторически, противорѣчіе“, которое—онъ твердо вѣритъ—будетъ устранено жизнью. Съ другой стороны, я и самъ вѣдь признаю, что прибавляемая къ существующему бюрократическому механизму пристройка „проектирована въ нѣсколько иномъ стилѣ“, и, если только я соглашусь выбросить совершенно лишнее слово „нѣсколько“, то „окажется, что нѣтъ по существу разницы въ оцѣнкѣ реформы“.

Мнѣ думается, однако, что изгладить создавшееся между нами противорѣчіе не такъ ужъ легко. И не легко прежде всего потому, что свободою отъ „наглазниковъ“ на языкѣ I. В. Гессена называется, очевидно, способность не видѣть того, что существуетъ въ дѣйствительности, и видѣть то, чего въ ней нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, I. В. Гессенъ и его единомышленники не только ставятъ бумагу выше жизни, но и въ бумагѣ читаютъ прямо обратное тому, что въ ней написано. Законодательный актъ, провозглашающій незыблемость и неприкосновенность извѣстнаго строя, въ истолкованіи I. В. Гессена является актомъ, который признаетъ данный строй „подлежащимъ упраздненію“. По пути такихъ толкованій можно, конечно, уйти далеко. Можно даже, какъ это и дѣлаетъ почтенный авторъ внутреннихъ обозрѣній „Вѣстника Европы“, самое право власти на досрочный роспускъ Государственной Думы обратить въ доказательство признанія властью чрезвычайно важнаго значенія за Думою. Врядъ-ли только подобныя толкованія могутъ быть особенно убѣдительны для тѣхъ, кто привыкъ читать документы такъ, какъ они написаны, и вмѣстѣ съ тѣмъ не видитъ главнаго средства борьбы въ подмѣнѣ намѣреній законодателя своими собственными, подмѣнѣ, ни для кого не обязательной и потому ни для кого не страшной.

I. В. Гессенъ думаетъ на этотъ счетъ иначе и для большаго подкрѣпленія своего толкованія приводитъ цитату о роли народныхъ представителей изъ помѣщенной въ „Правѣ“ статьи г. Лазаревскаго. Цитата эта содержитъ въ себѣ правильную по существу мысль, но къ дѣлу едва-ли относится, такъ какъ тамъ, гдѣ I. В. Гессенъ видитъ народное представительство, я его не вижу и, думается, не вижу не въ силу недостатковъ моего зрѣнія или наличности у меня „наглазниковъ“. Самъ I. В. Гессенъ называетъ мою критику закона 6 августа „справедливой“. Но если моя критика справедлива, то, вѣроятно, справедливъ и заключительный ея выводъ. А этотъ выводъ, какъ припомнитъ читатель, сводится къ тому, что между создаваемой закономъ 6 августа Государственной Думой и представительными учрежденіями правовыхъ государствъ лежитъ „глубокая, — чтобы не сказать, непереходимая, — грань“, что члены Думы вовсе не могутъ считаться народными представителями и сама Дума, „не будучи органомъ народнаго представительства, не располагаетъ ни од-

нимъ изъ видовъ власти, неразрывно связанныхъ съ понятіемъ о такихъ органахъ", а „въ прямую противоположность послѣднимъ является лишь составленной путемъ выборовъ отъ нѣкоторыхъ группъ населенія законосовѣщательной коммиссіей при бюрократической коллегіи, исполняющей тѣ же задачи, но пользующейся бо́льшими правами". Впрочемъ, сейчасъ то же самое говоритъ уже и „Право" устами другого изъ своихъ редакторовъ. „Государственная Дума—читаемъ мы въ статьѣ В. М. Гессена—не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; она не можетъ считаться представительствомъ даже тѣхъ группъ, которыя призваны реформой къ осуществленію избирательнаго права" („Право", № 36, стр. 2944). Тутъ ужъ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ „недоразумѣніемъ", но повиненъ въ этомъ недоразумѣніи, очевидно, не я, а сама редакція „Права", то отожествляющая Думу съ народнымъ представительствомъ, то отрицающая возможность такого отожествленія. Во всякомъ случаѣ, я съ своей стороны могу только порадоваться, что въ этомъ вопросѣ „Право" приняло, въ концѣ концовъ, мою точку зрѣнія, и надѣюсь, что, если только оно устоитъ на ней (въ чемъ, впрочемъ, судя по письму І. В. Гессена, можно сомнѣваться), ему станетъ ясно и то, почему я отказываюсь видѣть въ законѣ 6 августа начало новой эры.

Къ сожалѣнію, наши разногласія на этомъ не заканчиваются. „Еще большее недоумѣніе", чѣмъ мой отказъ видѣть въ законѣ 6 августа начало новой эры, вызываетъ у І. В. Гессена мое указаніе на отступленіе „Права" отъ недавно еще бывшаго общимъ лозунга. По этому поводу І. В. Гессенъ говоритъ, что онъ не отступался отъ общаго лозунга, такъ какъ предлагалъ будущимъ членамъ Думы—или, по его терминологіи, „народнымъ представителямъ",—повторить тотъ же самый лозунгъ, и совѣтуетъ мнѣ либо „всю силу разумѣнія сосредоточить на разрѣшеніи тактическаго вопроса (о томъ, надо ли воспользоваться Думой), а не осложнять его посторонними соображеніями", либо, если разногласіе здѣсь не тактическое, а принципіальное, „именно это доказывать и выяснять".

Въ сущности І. В. Гессенъ, конечно, не хуже меня знаетъ, что тактическія разногласія нерѣдко влекутъ за собою и принципіальныя. Живой примѣръ этого у него передъ глазами въ лицѣ г. Кузьмина-Караваева и К. К. Арсеньева, которые, исходя изъ тактическихъ соображеній, пришли къ отрицанію не только необходимости, но и возможности прямыхъ выборовъ. Несомнѣнно, такъ же обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ: споръ, начатый съ тактики, легко можетъ окончиться принципіальнымъ расхожденіемъ. І. В. Гессенъ не прилагаетъ бывшій недавно общимъ лозунгъ къ Думѣ, а предлагаетъ ея членамъ повторить этотъ лозунгъ, — но гдѣ же гарантія, что они это сдѣлаютъ? Въ самомъ

дѣлѣ, мало провозгласить извѣстный лозунгъ, нужно еще создать для него соотвѣтствующее настроеніе и соотвѣтствующую обстановку. Если же этихъ условій не будетъ на лицо, если самый лозунгъ отъ главныхъ силъ, поддерживающихъ его, будетъ перенесенъ исключительно въ группу, не столько создавшую его, сколько примкнувшую къ нему, а, вдобавокъ, борьба за него будетъ поведена въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, то легко можно будетъ остаться съ этимъ лозунгомъ въ одиночествѣ и увидать себя передъ дорогой безполезныхъ компромиссовъ тогда, когда будетъ уже слишкомъ поздно, если не отказаться вступать на нее самому, то отвлечь отъ нея другихъ. Въ болѣе полномъ видѣ эти соображенія были уже указаны въ моей статьѣ, но вмѣсто отвѣта на нихъ въ письмѣ I. В. Гессена я нахожу лишь добрые совѣты на счетъ того, на чемъ мнѣ нужно „сосредоточить всю силу разумѣнія“ и что надо „доказывать и выяснять“. Я очень благодаренъ I. В. Гессену за эти совѣты, но, признаться, былъ бы еще болѣе благодаренъ, если бы въ дополненіе къ нимъ онъ нашелъ возможнымъ указать еще и способъ освобожденія „Русскаго Богатства“ отъ предварительной цензуры. Быть можетъ, тогда я еще менѣе удовлетворилъ бы I. В. Гессена, но, несомнѣнно, гораздо болѣе удовлетворилъ бы читателей „Русскаго Богатства“.

Нѣкоторый отвѣтъ I. В. Гессенъ даетъ мнѣ только по одному пункту, но за то отвѣтъ очень характерный. Раньше I. В. Гессенъ пугалъ насъ, что Дума, составленная изъ Шарановыхъ и Нарышкиныхъ, явится „силой, которой можно будетъ долго давить“. Теперь онъ уже согласенъ, что такой составъ Думы могъ бы всего лучше вскрыть всю несостоятельность избраннаго пути, но прибавляетъ, что такой исходъ „грозитъ страшнымъ взрывомъ“, а „обязанность каждаго, кто цѣнитъ человѣческую личность, заключается въ томъ, чтобы принять всѣ мѣры для предотвращенія новыхъ кровопролитій“. I. В. Гессенъ, конечно, не думаетъ, что я или та группа, къ которой я имѣю честь принадлежать, не цѣнитъ человѣческую личность. Но „мѣръ для предотвращенія кровопролитій“ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ. Я боюсь, что ихъ нѣтъ и въ распоряженіи I. В. Гессена и что онъ въ данномъ случаѣ лишь увлекается напрасными иллюзіями. Что же касается до меня, я не вижу большой пользы въ успокоительныхъ иллюзіяхъ и предпочитаю для себя и для другихъ правду дѣйствительной жизни, какъ бы сурова и грозна ни была эта правда.

Въ заключеніе еще одно небольшое замѣчаніе. I. В. Гессенъ неоднократно повторяетъ, будто я обвиняю его и „Право“ въ измѣнѣ прежней тактикѣ и прежнему лозунгу. На дѣлѣ я въ своей статьѣ никого ни въ чемъ не обвинялъ, а лишь опредѣлялъ позицію, занятую въ вопросѣ о Думѣ либеральными общественными

группами, и предостерегалъ на счетъ возможныхъ послѣдствій избранной ими тактики, являющейся, по моему убѣжденію, глубоко ошибочной. Равнымъ образомъ я нигдѣ въ моей статьѣ не употреблялъ слова: „измѣна", да и не сталъ бы употреблять его, говоря объ I. В. Гессенѣ и людяхъ его настроенія. Скорѣе ужъ я сказалъ бы объ нихъ словами поэта: „они не предали, они устали... Покинулъ ихъ духъ гнѣва и печали на полпути"... И въ этомъ-то, думается мнѣ, и заключается не какое-либо легко разсѣиваемое „недоразумѣніе", а реальное и трудно устранимое противорѣчіе между нами, создаваемое всѣмъ различіемъ защищаемыхъ нами интересовъ. На мой взглядъ, усталость — плохой совѣтникъ, а тактика, диктуемая стремленіемъ во что бы то ни стало избѣжать кризиса, роковымъ образомъ лишается ясности и послѣдовательности и въ то же время едва-ли можетъ быть особенно успѣшной.

Отвѣтомъ на письмо I. В. Гессена я еще не могу закончить свой отвѣтъ „Праву". На страницахъ послѣдняго моя статья также вызвала нѣкоторыя возраженія—со стороны В. М. Гессена. Правда, эти возраженія носятъ чрезвычайно поверхностный и порою нѣсколько странный характеръ. Авторъ ихъ, повидимому, прочиталъ мою статью и, однако же, онъ не разбираетъ по существу ни одного изъ указанныхъ мною соображеній, а ограничивается почти исключительно голословными утвержденіями, прибавляя къ нимъ лишь патетическія восклицанія, направленныя по неизвѣстному адресу, такъ какъ въ моей статьѣ напрасно было бы искать повода для такихъ восклицаній. Тѣмъ не менѣе въ интересахъ разъясненія раздѣляющаго насъ спорнаго вопроса не безполезно будетъ остановиться и на этихъ возраженіяхъ.

Самъ В. М. Гессенъ, какъ мнѣ уже пришлось выше упомянуть, признаетъ ту точку зрѣнія, съ которой Дума не является и не можетъ явиться народнымъ представительствомъ. „Общественное мнѣніе Россіи—говоритъ онъ—никогда не признаетъ и не можетъ признать своимъ уполномоченнымъ органомъ государственную думу, созданную закономъ 6 августа". По его словамъ, „вполнѣ понятно то чувство всеобщаго и глубокаго разочарованія, съ которымъ была встрѣчена реформа 6 августа", и подъ вліяніемъ этого-то чувства въ нѣкоторыхъ наиболѣе радикальныхъ кругахъ русскаго общества высказана была мысль о необходимости „бойкотировать думу", ставшая затѣмъ „лозунгомъ опредѣленной вліятельной общественной группы". „Какъ всякій лозунгъ,—оговаривается г. Гессенъ—она скрываетъ подъ видимой своей категоричностью неопредѣленность своего содержанія. Конечно, рѣчь идетъ не о бойкотѣ—еще несуществующей—Думы; рѣчь идетъ не о бойкотѣ вообще. Обществу или, точнѣе, его прогрессивнымъ эле-

ментамъ предлагается воздержаться отъ какого бы то ни было участія какъ въ самыхъ выборахъ, такъ и въ предвыборной агитаціи". Съ своей стороны г. Гессенъ „глубоко убѣжденъ въ томъ, что тактика „бойкота", въ указанномъ выше смыслѣ, является во всѣхъ отношеніяхъ и въ высокой степени вредной". „Необходимо—говоритъ онъ—бороться съ этой тактикой, не останавливаясь даже передъ опасностью раскола въ средѣ общественныхъ силъ, до настоящаго времени принадлежавшихъ къ одному лагерю" („Право", № 36, стр. 2944—2945).

Итакъ, г. Гессенъ желаетъ бороться, не останавливаясь даже передъ опасностью раскола. Посмотримъ же, какъ онъ ведетъ эту борьбу. Раньше, впрочемъ, надо еще сдѣлать одну немаловажную поправку. Позицію своихъ противниковъ г. Гессенъ опредѣляетъ далеко не точно, такъ какъ въ ихъ тактику входитъ лишь отрицаніе выборовъ, но вовсе не отрицаніе предвыборной агитаціи. Серьезное значеніе этой поправки настолько ясно само по себѣ, что останавливаться на немъ, конечно, нѣтъ надобности.

Свою борьбу г. Гессенъ начинаетъ съ доказательства невозможности бойкота Думы, того самаго бойкота, котораго, по словамъ самого же г. Гессена, никто и не предлагаетъ, такъ какъ въ этотъ по существу неудачный терминъ влагается другое содержаніе. Казалось бы, нѣтъ надобности бороться съ терминомъ, разъ извѣстно несоотвѣтствіе этого термина вложенному въ него содержанію, но г. Гессенъ желаетъ бороться и борется даже тамъ, гдѣ въ этомъ не имѣется нужды.

Одержавъ легкую побѣду надъ словомъ и установивъ никѣмъ не отрицаемую возможность факта выборовъ даже при устраненіи отъ нихъ прогрессивныхъ элементовъ, г. Гессенъ переходитъ къ еще болѣе эффектному пріему борьбы. Онъ приводитъ мои слова, что „нѣсколько странно призывать къ объединенію на почвѣ положительнаго отношенія къ выборамъ тѣ группы населенія, которыя лишены правъ на участіе въ нихъ", и задаетъ по этому поводу рядъ вопросовъ. „Но развѣ В. А. Мякотинъ—спрашиваетъ онъ—сомнѣвается въ томъ, что положительное или отрицательное отношеніе къ выборамъ тѣхъ именно элементовъ, которые предполагаютъ „бойкотировать" Думу, съ точки зрѣнія результатовъ выборовъ далеко не безразлично? Развѣ не повліяетъ на результатъ крестьянскихъ выборовъ самоустраненіе отъ предвыборной агитаціи такъ называемаго третьяго элемента? А если примѣру самоустраненія послѣдуетъ и прогрессивная часть крестьянства?!. Отрицать вліяніе самоустраненія на результаты выборовъ—поучительно заключаетъ свои недоумѣнные вопросы г. Гессенъ—значитъ отрицать значеніе агитаціи и пропаганды вообще и, въ частности, отрицать значеніе печати". Итакъ, я отрицаю значеніе агитаціи и пропаганды и, въ част-

ности, значеніе печати? Если бы г. Гессенъ немного спокойнѣе отнесся къ своей „борьбѣ“, онъ, вѣроятно, не наговорилъ бы такихъ ужасовъ, не столько страшныхъ, сколько смѣшныхъ. Сколько-нибудь внимательно прочитавъ цитируемое имъ мѣсто моей статьи, онъ безъ труда могъ убѣдиться, что я не только не сомнѣваюсь въ важности того или иного отношенія къ выборамъ со стороны группъ населенія, лишенныхъ права участія въ нихъ, но какъ разъ настаиваю на этой важности и, обращая на нее вниманіе противниковъ, самъ вижу въ ней вѣскій аргументъ въ пользу защищаемаго мною мнѣнія. Точно также г. Гессенъ совершенно напрасно убѣждаетъ меня не отрицать вліянія самоустраненія. Онъ въ этомъ случаѣ ломится въ открытую дверь, такъ какъ я не могу представить себѣ такого сторонника защищаемой мною тактики, который не ожидалъ бы отъ нея практическихъ результатовъ, и не могу самъ стать въ такое комическое положеніе. И, конечно, я менѣе всего способенъ отрицать значеніе пропаганды и агитаціи, въ частности—пропаганды и агитаціи путемъ печати. Могу даже сообщить г. Гессену, что именно въ данный моментъ я ожидаю отъ всѣхъ видовъ пропаганды самыхъ серьезныхъ услугъ, но, конечно, не тѣхъ, на какія разсчитываетъ г. Гессенъ.

Разъ убѣдивъ себя, что сторонники защищаемой мною тактики не предвидятъ никакихъ ея практическихъ послѣдствій, г. Гессенъ обрушиваетъ на насъ знакомый уже намъ аргументъ о думѣ Шараповыхъ и Нарышкиныхъ. Въ своей статьѣ я указывалъ на то, что такое учрежденіе явилось бы непригоднымъ не только въ качествѣ силы, но и въ качествѣ декораціи, и спрашивалъ, что же въ сущности оно могло бы сдѣлать новаго сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается теперь. Однако на этотъ естественный вопросъ г. Гессенъ не даетъ никакого отвѣта, а продолжаетъ только пугать насъ страшными словами. „Конечно, — говоритъ онъ — гг. Шараповы и Нарышкины плохая поддержка; но Шарапово-Нарышкинская сотня—сила мало почтенная, но весьма реальная. До тѣхъ поръ, пока освободительное движеніе направлено противъ бюрократіи, чужой и враждебной ему силы, оно побѣждаетъ. Побѣдитъ-ли оно—и скоро-ли, и легко-ли побѣдитъ — въ борьбѣ однихъ общественныхъ элементовъ съ другими?“ Повидимому, г. Гессенъ думаетъ, что въ настоящее время бюрократія враждебна *всему* обществу, не имѣя среди него никакихъ союзниковъ, и что гг. Шараповы и Нарышкины стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ борьбы. Мы этого не думаемъ, мы знаемъ, что они принимаютъ видное участіе въ борьбѣ, знаемъ, что ихъ организуютъ и сами они дѣятельно организуются въ настоящее время, и не особенно боимся такой организація въ будущемъ, если только она не совпадетъ съ общимъ ослабленіемъ общественнаго движенія. А такое ослабленіе представляется вполнѣ возможнымъ, разъ борьба съ

гг. Шараповыми и Нарышкиными будетъ добровольно принята на позиціи, дающей очень много удобствъ для нихъ и очень мало— для ихъ противниковъ. Но къ этому соображенію я еще вернусь внѣ связи съ возраженіями г. Гессена, а пока перейду къ послѣднему изъ этихъ возраженій.

Не потрудившись разобрать по существу мою аргументацію, г. Гессенъ предпочелъ упростить дѣло и зачѣмъ-то увѣрить себя и читателей, что всѣ мои возраженія противъ отстаиваемой имъ тактики вытекаютъ изъ „недовѣрія къ либерализму". Долженъ признаться, что я совершенно не понимаю такой постановки вопроса, не понимаю самой формулы „недовѣрія къ либерализму". Если рѣчь идетъ о либерализмѣ, какъ о политическомъ ученіи, то его можно принимать или отвергать, но нельзя довѣрять или не довѣрять ему. Если подъ „либерализмомъ" разумѣть либераловъ, то странно было бы не довѣрять всѣмъ либераламъ, взятымъ вмѣстѣ, странно хотя бы уже потому, что они не представляютъ изъ себя однообразной и компактной массы. Есть такіе либералы, которымъ я довѣряю, и есть такіе, которымъ я не довѣряю. Другое дѣло—тактика, избранная либеральной группой, и обѣщанія, дѣлаемыя за либераловъ. Первой я, дѣйствительно, не довѣряю, считая ее въ корнѣ ошибочной и неправильной. Не довѣряю я и обѣщаніямъ, даваемымъ отдѣльными лицами за счетъ либераловъ, такъ какъ нигдѣ пока не вижу яснаго и категорическаго подтвержденія этихъ обѣщаній. Но г. Гессену въ его увлеченіи „борьбой" не до такихъ различеній и онъ торопится изобличить меня въ „недовѣріи къ либерализму", истолковывая мои слова о вѣроятности въ извѣстныхъ условіяхъ такого исхода, при которомъ „освободительные элементы" разбредутся по лѣстницѣ компромиссовъ и „въ то время, какъ одни будутъ думать о разрушеніи іерихонскихъ стѣнъ, другіе займутся ихъ укрѣпленіемъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ", такимъ образомъ, какъ будто я говорилъ, что вся либеральная партія въ настоящее время только и думаетъ объ укрѣпленіи іерихонскихъ стѣнъ. При такомъ „вольномъ" истолкованіи словъ противника „борьба", конечно, становится легкой. „Допустимъ, — не безъ снисходительнаго торжества замѣчаетъ г. Гессенъ—что довѣрять либерализму нельзя. И все-таки позволительно спросить: къ кому обращается проповѣдь „самоустраненія" отъ выборовъ? Къ крайнимъ партіямъ,- къ партіямъ двухъ буквъ? Но вѣдь имъ-то зачѣмъ устраняться отъ выборовъ? Или, быть можетъ, къ либеральной партіи,— той самой, которая въ думѣ „займется укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ"? Увы, проповѣдь самоустраненія, обращенная къ *такой* партіи, не имѣетъ надежды на успѣхъ".

Спросить, конечно, позволительно, но вѣдь и отвѣтъ на вопросъ г. Гессена дать очень просто, до такой степени просто,

что самъ г. Гессенъ даетъ этотъ отвѣтъ на той же самой странице, на которой предлагаетъ свой вопросъ. Предлагая послѣдній, г. Гессенъ, повидимому, уже успѣлъ забыть свои собственныя слова о важности опредѣленнаго отношенія къ выборамъ со стороны не только тѣхъ группъ населенія, которыя будутъ принимать въ нихъ участіе, но и тѣхъ, которыя лишены права на такое участіе. Среди этихъ послѣднихъ группъ аудиторія для отвергаемой г. Гессеномъ проповѣди, надо думать, найдется, какъ найдется она, вѣроятно, и среди кресгьянства. Что же касается спеціально до либеральной партіи, то здѣсь отвѣтъ еще проще. *Я не говорилъ объ этой партіи того, что г. Гессену угодно было вложить мнѣ въ уста*, а потому съ его стороны врядъ-ли и позволительно было ставить вопросъ въ той формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Таковы пріемы, при помощи которыхъ г. Гессенъ ведетъ свою „борьбу“. Но, не довольствуясь ими, онъ прибѣгаетъ и къ еще болѣе странному пріему. „Или, быть можетъ,—спрашиваетъ г. Гессенъ непосредственно послѣ приведенныхъ выше словъ—не въ проповѣди дѣло? Или, быть можетъ, сторонники „бойкота“ серьезно надѣются на обструкцію, разсчитываютъ насильственно не пустить „либерала“ въ думу? Что же, недурное средство „нарадикалить либерализмъ!..“ („Право“, № 36, стр. 2947). Эти вопросы-предположенія, безъ всякой оговорки вставленные въ полемику со мною, въ глазахъ читателей „Права“ должны неизбѣжно представляться обращенными ко мнѣ. Но гдѣ же въ моей статьѣ такое мѣсто, которое давало бы г. Гессену право на подобныя предположенія и позволяло заключить, что я выступаю съ какими-то проектами насильственнаго „нарадикализанія либерализма“? Больше того. Самъ г. Гессенъ не бывалъ на тѣхъ писательскихъ собраніяхъ послѣднихъ мѣсяцевъ, на которыхъ представители разныхъ взглядовъ обмѣнивались мнѣніями по спорному вопросу, но онъ могъ, конечно, слышать о томъ, что говорилось на этихъ собраніяхъ, и могъ знать, что ни я, ни другіе мои товарищи по „Русскому Богатству“ не высказывали подобныхъ проектовъ. Навязывать же, хотя бы и въ цѣляхъ „борьбы“, своему противнику мнѣнія, имъ не высказываемыя, и притомъ навязывать, зная, что этотъ противникъ не имѣетъ возможности вполнѣ свободно выражать свои взгляды,—едва-ли годится...

Не потрудившись опровергнуть аргументацію своихъ противниковъ и замѣнивъ такое опроверженіе своеобразной „борьбой“ съ ними, г. Гессенъ, съ другой стороны, не нашелъ нужнымъ и сколько нибудь обстоятельно обосновать возможность и плодотворность предлагаемой имъ тактики, а ограничился лишь сформулированіемъ конечной ея цѣли въ томъ видѣ, какъ послѣдняя представляется ему самому. По его словамъ, „лишенная прав-

ственнаго авторитета, того авторитета, который присущъ неподдѣльному народному представительству, Государственная Дума не въ силахъ будетъ осуществить великой задачи, возложенной на нее историческимъ моментомъ. И, если, собравшись, она сознаетъ свое безсиліе и скажетъ о немъ открыто, она исполнитъ свой долгъ" („Право", № 33, стр. 2672). Противъ существа такой формулы возражать не приходится, но, казалось бы, выставляя ее, не зачѣмъ было откладывать ея осуществленіе на нѣсколько мѣсяцевъ, а вполнѣ возможно было провести его немедленно, не создавая разъединенія, не провозглашая необходимости „борьбы" съ тѣми, кто сейчасъ говоритъ то самое, что авторы формулы надѣются сказать въ будущемъ, и не устанавливая единенія съ тѣми, кто принимаетъ совершенно иныя формулы тактики. Въ самомъ дѣлѣ, не надо забывать, что формула, переданная г. Гессеномъ, въ либеральномъ лагерѣ вовсе не единственная. На ряду съ нею циркулируетъ и другая. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—читаемъ мы въ сентябрьскомъ „внутреннемъ обозрѣніи" „Вѣстника Европы"—что дѣлъ у Государственной Думы, особенно въ первое время, будетъ очень много: ей придется обсудить всѣ мѣры, требуемыя переходомъ къ новому порядку вещей, пополнить всѣ главные пробѣлы, устранить всѣ вопіющія аномаліи отсталаго, запущеннаго законодательства". Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ „внутренняго обозрѣнія" точнѣе поясняетъ, какого рода „пробѣлы" и „аномаліи" онъ имѣетъ въ виду. „Одновременно съ государственной росписью—говоритъ онъ—народному представительству придется возбудить и разрѣшить длинный рядъ вопросовъ, относящихся къ финансовой и податной системѣ. Нужно будетъ покончить съ пересмотромъ судебныхъ уставовъ, усложняемымъ явною несостоятельностью судебноадминистративныхъ учрежденій. Еще не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе—а уже поставленъ на очередь пересмотръ нѣсколькихъ его отдѣловъ. Заканчиваются работы по составленію гражданскаго уложенія, не выходившія до сихъ поръ изъ рукъ юристовъ-техниковъ и требующія всесторонней повѣрки съ точки зрѣнія житейскаго опыта и экономической политики. Каковъ бы ни былъ составъ Государственной Думы, справиться съ своей колоссальной задачей она можетъ только при горячемъ сочувствіи и энергичномъ содѣйствіи всѣхъ общественныхъ и народныхъ силъ" („Вѣстникъ Европы", сентябрь, „Внутреннее Обозрѣніе", 346—7, 360—1).

Такимъ образомъ съ программой, изложенной г. Гессеномъ, въ либеральныхъ кругахъ конкуррируетъ программа органической работы, къ которой также призывается „горячее сочувствіе" общества и народа. И, если возможно разсчитывать на побѣду первой программы въ Думѣ, то, казалось бы, еще болѣе основаній было разсчитывать на такую побѣду теперь. Моральное впе-

чатлѣніе предполагаемаго впослѣдствіи шага было бы въ настоящее время нисколько не слабѣе, если не сильнѣе, а перенесеніе этого шага въ Думу не увеличиваетъ, а уменьшаетъ шансы его вѣроятности въ виду особыхъ условій предстоящей избирательной кампаніи, ставящихъ вопросъ о побѣдѣ у избирательныхъ урнъ въ полную зависимость отъ такихъ обстоятельствъ, которыя нельзя ни учесть, ни предусмотрѣть. Еще недавно сами органы либеральной печати горячо доказывали невозможность выборовъ при существующихъ условіяхъ, но затѣмъ внезапно—и едва-ли правильно — перемѣнили тактику. „Никакіе политическіе выборы — писали „Р. Вѣдомости" 12 августа — немыслимы, пока не будутъ даны минимальныя гарантіи противъ административнаго произвола. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ представителей можетъ послать въ Думу населеніе, если наканунѣ выборовъ административной высылкѣ подвергается такой извѣстный консервативный дѣятель, какъ проф. Ярошенко. О какихъ выборахъ можетъ быть рѣчь, если еще и теперь земскіе начальники и прочіе опекуны народа считаютъ опаснымъ распространеніе въ крестьянской средѣ высочайшаго рескрипта А. Г. Булыгину или рѣчей на высочайшемъ пріемѣ земской депутаціи и конфискуютъ брошюры, изданныя съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ?" Прошло еще нѣсколько дней, всѣ указанныя „Рус. Вѣдомостями" условія остались въ силѣ и къ нимъ прибавилось только одно новое—въ видѣ участившихся случаевъ разгона полиціей собраній небольшихъ кружковъ на частныхъ квартирахъ, но почтенная газета уже 24 августа внезапно пришла къ другому рѣшенію, согласно которому, именно „въ виду указанныхъ фактовъ, уже не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что воздержаніе отъ выборовъ со стороны прогрессивныхъ элементовъ явилось бы величайшей услугой, какую русское общество могло бы оказать бюрократіи". „Всякое воздержаніе отъ выборовъ — патетически восклицали на этотъ разъ „Р. Вѣдомости"—при такихъ обстоятельствахъ является преступленіемъ. Ни одинъ голосъ со стороны прогрессивныхъ партій не долженъ пропасть. Пусть это станетъ паролемъ на предстоящихъ выборахъ".

Съ своей стороны я долженъ признаться, что я совсѣмъ не понимаю такой логики, въ силу которой тѣ самыя условія, какія дѣлаютъ извѣстное явленіе „немыслимымъ", вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ принимать участіе въ этомъ явленіи. Не особенно вѣрю я и въ успѣхъ такой странной логики въ жизни. Но либеральныя группы, повидимому, окончательно установили свою тактику въ этомъ пунктѣ и намъ остается, не пытаясь больше разубѣждать ихъ, дѣятельно проводить свою точку зрѣнія. Какъ бы то ни было, разъединеніе создано не нами, а жизнь не замедлитъ показать, насколько правильны были разсчеты тѣхъ,

кто вызвалъ это разъединеніе въ надеждѣ на „новую эру“. И, если намъ торжествующе указываютъ на наше одиночество, то мы можемъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія припомнить, что такое одиночество у насъ бывало уже не разъ въ эпохи упованій на „новыя эры“, но что оно очень скоро и прекращалось. Теперь разница только въ томъ, что передъ нами болѣе многочисленная и болѣе надежная аудиторія.

В. Мякотинъ.

Г. Н. Потанинъ.

21-го сентября текущаго года исполнилось семьдесятъ лѣтъ многотрудной жизни извѣстнаго сибирскаго ученаго и общественнаго дѣятеля, Григорія Николаевича Потанина. Мало кому изъ русскихъ дѣятелей удавалось дожить до такого возраста, еще меньше такихъ, которымъ удается сохранить способность и любовь къ труду вмѣстѣ съ любовью къ людямъ и душевную свѣжесть, до сихъ поръ привлекающихъ къ Потанину всѣхъ, въ комъ осталась хоть частица подобныхъ свойствъ. У Григорія Николаевича столько же друзей между пожилыми людьми, его сверстниками, сколько и среди младшихъ поколѣній, вплоть до юношей. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ жизни Потанина было не мало трудовъ и испытаній и злоключеній вплоть до старости. Родился онъ въ 1835 г. 21-го сентября въ Ямышевской станицѣ, на прежней пограничной линіи. Казакъ по происхожденію и воспитанникъ омскаго кадетскаго корпуса, изъ котораго выпущенъ былъ хорунжимъ въ 1852 году, онъ не усвоилъ себѣ ни казачьихъ замашекъ, ни предразсудковъ военнаго сословія. Автору этихъ строкъ пришлось встрѣтить въ 1896 году въ Зайсанскѣ одного товарища Г. Н. по оружію и по походу въ Заилійскій Край въ 1853 и 54 годахъ.—Это былъ старикъ изъ казаковъ, жившій на покоѣ, занимавшійся кое-какой торговлей. „Какъ не помнить Григорія Николаевича! Обходительный, спокойный, добрый, простой! Мало такихъ офицеровъ бываетъ. Хоть и всѣ мы и рядовые, и офицеры, и полковники казацкихъ кровей—однако, другой, какъ эполеты надѣлъ—его и рукой не достанешь, а этого, кажется, хоть въ генералы произведи—онъ все своей обходительности и простоты не потеряетъ“!—Такъ характеризовалъ Потанина его старый соратникъ. Слышалъ я еще отъ того же лица, что въ этомъ походѣ Потанинъ особенно интересовался молодымъ, смышленнымъ и расторопнымъ казакомъ Подкорытовымъ и все совѣтовалъ ему хорошенько учиться грамотѣ. Былъ-ли казакъ Подкорытовъ первымъ ученикомъ Григорія Николаевича,

я не знаю, не могъ также узнать, что сталось съ Подкорытовымъ, но этимъ опытомъ, удачнымъ или неудачнымъ, можетъ быть, и опредѣлилась будущая дѣятельность Потанина. Сходиться съ людьми, чтобы просвѣщать ихъ, звать ихъ къ свѣту—любимое занятіе Потанина. Въ дебряхъ Сойотіи встрѣтилъ я татарина приказчика, съ которымъ Г. Н. познакомился во время стоянки въ Кобдо, во время своей первой экспедиціи въ Монголію, и нашелъ у него книгу, подарокъ путешественника. Въ послѣдствіи я былъ свидѣтелемъ того, какъ Григорій Николаевичъ изъ простыхъ бурятъ формировалъ цѣнныхъ сотрудниковъ вост.-сиб. отдѣла Географическаго общества. Ему мы, между прочимъ, обязаны и тѣмъ, что труды бурята Хангалова, которые были извѣстны намъ только по извлеченіямъ изъ нихъ, сдѣланнымъ господиномъ Агапитовымъ, не пропали даромъ и напечатаны цѣликомъ.

Впрочемъ, въ замѣткѣ или, лучше сказать, въ напоминаніи о Потанинѣ, а не въ біографіи, нѣтъ возможности перечислить всѣхъ лицъ, которымъ указалъ дорогу Г. Н. Потанинъ. Мнѣ самому пришлось многимъ заимствоваться отъ него, пользоваться его указаніями при началѣ моихъ работъ по изученію монголо-бурятскихъ племенъ. Послѣ Семирѣченскаго похода, какъ предполагаетъ біографъ Потанина, П. П. Семеновъ, въ молодомъ казачьемъ офицерѣ и проснулась любовь къ изученію природы и людей и къ странствованіямъ. Въ 1855 году Потанинъ былъ уже на Алтаѣ въ качествѣ командира сотни; но съ Алтая ему пришлось вернуться въ Омскъ. Живая любознательность молодого человѣка, еще болѣе подогрѣтая видѣннымъ въ дальнихъ странахъ, не удовлетворялась ни интересами степного военнаго города, ни казацкой службой. Будущій замѣчательный географъ и фольклористъ, должно быть, былъ плохимъ казакомъ, и за упущенія по службѣ его сажали на гауптвахту; но это наказаніе превратилось въ развлеченіе. Въ арестномъ домѣ оказался старый архивъ, который и принялся разбирать Потанинъ, а результатомъ явились — замѣтки и статьи, писанныя на основаніи матеріаловъ, раскопанныхъ на гауптвахтѣ. Въ 1858 году, благодаря хлопотамъ П. П. Семенова, Потанину удалось исполнить завѣтную свою мечту—попасть въ университетъ. Будучи студентомъ, ему пришлось сдѣлать нѣсколько научныхъ экскурсій, но 1861 году университетъ и путь къ дальнѣйшему образованію былъ закрытъ. Впрочемъ, въ 1863 и 64 годахъ онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ К. В. Струве экскурсію въ Монгольскій Алтай и въ Тарбагатай — въ такія мѣста, о которыхъ имѣлись лишь смутныя свѣдѣнія. Во время этой экскурсіи молодой ученый сумѣлъ зарекомендовать себя рѣдкимъ наблюдателемъ и приложить пріобрѣтенныя знанія. Послѣдовавшее въ 1865 году назначеніе его секретаремъ статистическаго комитета было какъ нельзя болѣе удачно. Молодость, энергія, разносторонность науч-

ныхъ интересовъ Потанина и его работоспособность могли найти въ новомъ краѣ свое примѣненіе; но вышло иначе: въ 1866 году возникло дѣло о сибирскомъ сепаратизмѣ, и Потанинъ вмѣстѣ съ Ядринцевымъ и Шашковымъ былъ привлеченъ къ суду. Въ сущности, этому дѣлу было придано слишкомъ широкое и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ узкое значеніе. Двадцать-тридцать лѣтъ спустя приходилось разспрашивать объ этомъ дѣлѣ самихъ участниковъ, которымъ скрывать прошлое, давно забытое, было не зачѣмъ; говорилось объ этомъ съ посторонними людьми и... ничего узнать не удалось. Только архивы военнаго суда въ Омскѣ могутъ раскрыть намъ, какъ смотрѣли на это дѣло власти, что имъ подало поводъ придать этому дѣлу такой угрожающій характеръ? Въ существѣ дѣла никакого сепаратистскаго плана и не было, были только толки о томъ, что для Сибири нужны свободныя учрежденія. Это движеніе было просто отголоскомъ въ Сибири тѣхъ вопросовъ, которые занимали умы лучшихъ государственныхъ людей въ Россіи. Это были вопросы о земщинѣ. Если въ Россіи найдено было невозможнымъ оставить хозяйство и управленіе обширными областями въ рукахъ канцелярій, земскихъ судовъ и губернаторовъ, то въ Сибири подобная реформа была еще настоятельнѣе, и ненормальность канцелярскаго порядка тамъ чувствовалась гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. Въ русскихъ губерніяхъ чиновничество, особенно низшее, ближе стоявшее къ народу—было мѣстное. Оно, по крайней мѣрѣ, знало людей, среди которыхъ жило. Перекочевывали изъ губерніи въ губернію только высшія власти, да и то не всегда. Переводъ чиновника изъ одной губерніи въ другую не могъ сильно измѣнять его матеріальное положеніе. Въ Сибирь же заманивались чиновники разными льготами: прогонами, суточными и подъемными и правами сибирской службы. Ѣдущій туда рѣдко заинтересовывался краемъ. Онъ ѣхалъ дѣлать карьеру, пріобрѣсти состояніе и затѣмъ бросить эту каторжную страну. Карательная ссылка и каторга удручали и разоряли населеніе. Въ деревни и волости приписывали форменныхъ негодяевъ безъ всякаго спроса у общества. Видя все это вокругъ себя, молодежь не могла не скорбѣть о судьбѣ привольнаго края и его трудолюбиваго, стойкаго и предпріимчиваго населенія. Земли, которыя могли осчастливить вольнаго переселенца, населялись если не людьми, безусловно порочными, то во всякомъ случаѣ выбитыми изъ колеи, развращенными тюрьмой. Рядомъ съ администраціей, не любившей, не знавшей края, Россія давала новому краю только поселенцевъ. О томъ, какъ велись тамъ дѣла, какіе были порядки, много распространяться нѣтъ надобности. Черезъ 18 лѣтъ послѣ указа 1866 года, когда многое изъ предыдущей эпохи стало преданіемъ, императоръ Александръ III былъ пораженъ и огорченъ картиной сибирскихъ порядковъ и сожалѣлъ „о правительственномъ забвеніи столь обширнаго и богатаго края“.

Нельзя и сомнѣваться въ томъ, что, если-бъ Сибири даны были тѣ же учрежденія, что и Россіи, жизнь ея представила бы черезъ два десятилѣтія не ту картину, которая вызвала столь суровый и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливый приговоръ.

Образованное общество чувствовало настоятельную потребность въ реформахъ; оно мечтало о поднятіи края, о созданіи компетентной и близкой къ нуждамъ его администраціи, объ университетѣ (лекціи Ядринцева), о народныхъшколахъ, о самоуправленіи.

Молодые люди, конечно, не щадили въ своей критикѣ мѣстной администраціи; можетъ быть, они иногда хватали черезъ край, приписывая большую часть золъ тому, что администрація страны почти поголовно состояла изъ лицъ, чуждыхъ краю, пріѣзжихъ, тогда какъ въ Россіи, гдѣ администрація была своя, мѣстная, само правительство вводило цѣлый рядъ реформъ; но всѣ эти горячія рѣчи были ничто въ сравненіи съ обвиненіемъ всего правительства въ забвеніи цѣлаго края. Для насъ поэтому не совсѣмъ понятнымъ кажется то суровое отношеніе, которое проявила власть къ молодымъ сибирскимъ дѣятелямъ. Кажется, тутъ сыграли главную роль обстоятельства, совершенно чуждыя Сибири. Польское возстаніе породило вопросъ о сепаратизмѣ; съ Польши онъ воинствующей прессой былъ перенесенъ съ чисто преступнымъ легкомысліемъ на всѣ окраины. Сепаратизмъ усматривался всюду, въ немъ видѣли корень всѣхъ золъ, и стремленія сибирской молодежи, которыя многихъ задѣвали, многихъ обличали, были подведены подъ обухъ сепаратизма. Военный судъ первоначально приговорилъ главныхъ виновниковъ къ смерти и только потомъ кара была смягчена для однихъ до каторги (Потанинъ), для другихъ—до ссылки. Біографъ Потанина, П. П. Семеновъ, говоритъ, что Потанинъ несъ свою каторгу со свойственной ему спокойной выносливостью и кротостью. Отъ товарища Потанина по несчастью, покойнаго Ядринцева, мы знаемъ, что за этой мягкостью, спокойствіемъ и кротостью крылась невидимая, но громадная нравственная сила.—„Я попалъ подъ судъ юношей,—разсказывалъ мнѣ покойный Николай Михайловичъ—и когда намъ объявили первоначальный приговоръ, я совершенно упалъ духомъ, растерялся, невыразимая апатія схватила меня. Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ, человѣкъ съ большимъ характеромъ, былъ нервенъ, озлобленъ, настроеніе его было приподнятое, вызывающее. Потанинъ же то удивлялъ, то злилъ насъ. Сидитъ себѣ по цѣлымъ днямъ, да нѣмецкія книжки читаетъ".

Приговоръ и въ своей смягченной формѣ былъ достаточно суровъ; но имъ только и ограничились всѣ мѣропріятія противъ предполагаемаго зла.

Никто не подумалъ о томъ, нѣтъ ли въ планахъ молодыхъ людей кое чего, кромѣ преступныхъ намѣреній? Нѣтъ ли въ ихъ наивныхъ мечтахъ отголоска дѣйствительныхъ нуждъ края, не нашед-

———

шихъ еще своихъ выразителей? Дѣло ограничилось одной острaской.

Въ 1872 году кончилась каторга для Потанина, началась ссылка. Сколько бы она продлилась, неизвѣстно,—если бы не ходатайство Географическаго общества, которое въ 1874 году добилось возвращенія правъ Григорію Николаевичу. Попавъ послѣ десятилѣтняго бездѣйствія въ Петербургъ, Потанинъ сталъ сразу нужнымъ для науки человѣкомъ: въ одномъ изъ цѣннѣйшихъ трудовъ нашего географическаго общества—переводъ „Азіи“ Риттера съ дополненіями—томъ дополненій, посвященныхъ Алтайской и Саянской горнымъ системамъ, обработанъ П. П. Семеновымъ вмѣстѣ съ Потанинымъ.

Съ 1876 года начинается періодъ экспедицій Потанина въ Монголію и юго-западный Китай къ окраинамъ Тибета и продолжается съ небольшими перерывами до 1894 года включительно. Перечислять результаты работъ этихъ экспедицій нѣтъ надобности. Много было и другихъ экспедицій въ восточную Азію, большинство ихъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ работъ этого рода; но, не уменьшая ничьихъ заслугъ, мы всетаки скажемъ, что вообще Потанинъ еще ждетъ своей оцѣнки. Достаточно сказать, что теперь изученіе Монголіи безъ работъ Потанина абсолютно немыслимо. Къ нимъ обратится и натуралистъ, и историкъ, и этнографъ. Чтеніе его книгъ не представляетъ ничего занимательнаго для обычнаго любителя описаній путешествій. Это—дѣловые дневники, которые надобно изучать, дневники типа старыхъ путешественниковъ, въ родѣ Палласа и Гмелина, которые не теряютъ своей свѣжести съ годами. Краткость и подробность, умѣнье схватить и изложить многое въ короткихъ словахъ, потому что они много знаютъ и ничего не упускаютъ изъ вида, отсутствіе всякаго краснобайства и интересничанья—всѣ эти драгоцѣнныя черты старыхъ путешественниковъ мы видимъ и въ Потанинѣ.

Слѣдуетъ сказать еще два слова и объ общемъ характерѣ экспедицій Потанина. Онъ въ своихъ экспедиціяхъ думалъ не только о томъ, что онъ привезетъ съ собой домой, но и о томъ, что самъ онъ принесетъ въ дальнія края. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ настоящимъ апостоломъ цивилизаціи и гуманности. Добрая память, пріязнь и благодарность за добрые совѣты, за ласковое и гуманное обхожденіе—вотъ наслѣдство отъ путешествій Потанина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ.

Въ 1892 году Григорій Николаевичъ отправился въ свою послѣднюю экспедицію—въ западный Китай и въ Тибетъ. Прекрасно задуманная, хорошо снаряженная и обширная, экспедиція эта обѣщала громадные результаты; но здѣсь постигъ его роковой ударъ. Во время странствій своихъ онъ потерялъ свою жену, своего неизмѣннаго товарища дальнихъ путешествій, дѣятельнаго, заботливаго помощника и повѣреннаго его мыслей,

предположеній и плановъ. Никто такъ не понималъ, никто такъ не умѣлъ не только цѣнить, но и критиковать и поддерживать въ трудныя минуты и въ пути, и за письменнымъ столомъ, и среди практической дѣятельности, какъ эта замѣчательная женщина съ ея самороднымъ крупнымъ умомъ и крайне оригинальнымъ складомъ мысли. Тяжела была утрата, многое невозвратно погибло вмѣстѣ съ ней; но тотъ, кто читалъ ученыя книжки послѣ приговора военнаго суда, не потерялся, не погибъ, не заглохъ и послѣ этого, можетъ быть, еще болѣе страшнаго испытанія. Дальнихъ экспедицій не дѣлалъ больше Потанинъ; но и не забросилъ совсѣмъ своей дѣятельности. Уже изъ Петербурга сдѣлалъ онъ поѣздку на Хинганскій хребетъ, закончилъ свой большой трудъ по сравнительному изученію народныхъ литературъ *). Та же отзывчивость, тотъ же интересъ ко всему свѣжему и живому въ наукѣ и жизни составляютъ до сихъ поръ преобладающія черты его вкусовъ и характера.

Въ бытность свою правителемъ дѣлъ восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества, съ 1887 по 1889 годъ, Потанинъ положительно оживилъ это учрежденіе; но напрасно было бы думать, что Потанинъ наполнилъ Отдѣлъ самимъ собой, своими трудами. Его самого почти не видно въ этомъ періодѣ его кипучей дѣятельности. Онъ желалъ и умѣлъ давать работу другимъ, и только человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, могъ разглядѣть, что за всѣмъ этимъ стоитъ руководящая личность, вкладывающая неизмѣримо больше труда въ эти черновыя работы, чѣмъ сами авторы. Не одинъ географическій отдѣлъ, но и вся общественная жизнь Сибири живо интересовала Григорія Николаевича. Онъ никогда не былъ и не могъ сдѣлаться присяжнымъ спеціалистомъ по чистой наукѣ и не желалъ этого. Его сильно интересовала и захватывала жизнь,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранились прекрасны и живы.

Отъ того его такъ любила молодежь, такъ хорошо и просто чувствовала себя съ этимъ старикомъ, у котораго уже было за плечами полвѣка невзгодъ, жизненныхъ испытаній, пережитыхъ лишеній и опасностей и упорнаго, неустаннаго труда.

Ему теперь семьдесять лѣть и онъ трудится, какъ прежде, борется съ жизнью и за жизнь, съ ея невзгодами. Не настанетъ ли, наконецъ, въ его жизни пора давно заслуженнаго, если не отдыха, то спокойнаго существованія, какъ человѣка, который никому не сдѣлалъ зла, никому не мѣшалъ, а помогалъ всякому, кому могъ?

Д. Клеменцъ.

*) Этотъ трудъ теперь переводится на нѣмецкій языкъ.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. 28 сентября 1905 г. Спб., Типогр. Н. Н. Клобукова. Лиговка, № 34.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакции журнала „Русское Богатство".

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. К. Михайловскаго** . 5.026 р. 24 к.

На стипендію имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 935 р. 65 к.

На устройство народной школы **Н. К. Михайловскаго:** отъ присяжнаго повѣр. Б. . . . . 25 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 430 р. 30 к.

Въ капиталъ имени **Н. К. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ" 245 р. 48 к.

На библіотеку имени **Н. К. Михайловскаго**. . . . . 111 р. 50 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. К. Михайловскаго** . . . 13 р.

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. К. Михайловскаго**". . . . . . 6 р. 50 к.

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ. . . . 3.565 р. 76 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго:** отъ присяжнаго повѣр. Б. . . . . 25 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 50 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**. . . . . . 413 р. 35 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба", **Н. А. Некрасова:** отъ присяжнаго повѣр. Б. . . . . 25 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 35 р. 20 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **А. П. Чехова** . . . . . . 8 р. — к.

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ.: отъ Острожанъ черезъ Г. З. . . . . 4 р. 40 к.
А всего съ прежде поступившими 1.386 р. 40 к.

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко:** отъ присяжнаго повѣреннаго Б. . . . . 25 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 142 р. 50 к.

На учрежденіе высшей школы имени **гр. Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

На школу имени **А. П. Чехова:** отъ Острожанъ черезъ Г. З. . . 7 р. 85 к.
А всего съ прежде поступившими 30 р. 85 к.

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири: отъ А. К. Четвериковой, со ст. Яготинъ . . . . 5 р. — к.
А всего съ прежде поступившими 8 р. 50 к.

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева.** 2 р.

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа. 731 р. 60 к.

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: отъ Острожанъ черезъ Г. З.—2 р. 28 к.
А всего съ прежде поступившими 1.275 р. 53 к.

Въ пользу нуждающихся рабочихъ Путиловскаго завода: отъ А. А. Шуера, изъ Курсавки—2 р.; отъ С. О. Эйгель, изъ Вильны—1 р. 35 к.; отъ профессіон. союза ветер. врачей—150 р.; отъ Лихницкой, изъ г. Землянска—10 р.; отъ А. К. Четвериковой, со ст. Яготинъ—12 р.; отъ Я. И. Николина, изъ ур. Пассанауръ—5 р.; отъ Левенсона, черезъ газ. „Кавказскія минеральн. воды"—25 р.; отъ рабочихъ главныхъ харбинскихъ мастерскихъ—300 р.; отъ М. М. Окнова, изъ Твери—1 р.; отъ присяжн. повѣр. Б.—25 р.
Итого . . . . 536 р. 35 к.
А всего съ прежде поступившими 1.094 р. 70 к.

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ NN.—20 р.; отъ А. Жданко 1 р.; отъ М. М. Окнова, изъ Твери—2 р.
Итого . . . . 23 р. — к.

RUSSKOE BOGATSTVO
July-Sept.
1905

AP
50
.R94

U of Chicago
21710852

U of Chicago
21710852

U of Chicago
21710852

U of Chicago
21710852

